Русская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

ЯНВАРЬ

1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ЯНВАРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го декабря 1883 года.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"
ВЪ 1884 ГОДУ.

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, вспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**" помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в.*, *Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго*, *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому*, *Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу. Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы*, *Двѣ интермедіи 1619 г.*, *сооб. М. Т—въ*, *Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и*

малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, *Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный досель гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго*, Я. Г., *Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южно-русскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. І. и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Съ январской книжки начата печатаніемъ повѣсть И. Нечуя (Левицкаго); *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, равно пойдутъ и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О зміевыхъ* валахъ, В. Б. Антоновича, *Іоанникій Галятовскій*, Н. Ѳ. Сумцова, *Малороссійскія города XVII и XVIII ст.*, Д. И. Багалѣя, *Послѣдніе кіевскіе войты*, И, М. Каманина, *Дневникъ князя Б. И. Куракина*, сподвижника Петра І-го, *Мемуары гетманича Петра Апостола* и *Записки* б. кіев. губерн. предводителя дворянства *П. Д. Селецкаго*. Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Киселя*.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**“, *Кіевъ, Софійская площадь; д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ началѣ XVII вѣка южно-русскіе писатели въ своей ученой дѣятельности постоянно имѣли въ виду народныя потребности и нужды. Научная дѣятельность развивалась преимущественно въ Острогѣ и въ Вильнѣ подъ защитой братствъ. Въ большей части дошедшихъ до насъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ начала XVII ст. языкъ простой, ясный, сильный, довольно близкій къ народной рѣчи; въ нихъ много живости, бойкости, исторической документальности. Таковы: „Перестрога“, Посланія Іоанна Вишенскаго, „Ѳрипосъ“ М. Смотрицкаго и нѣкот. друг.

Около половины XVII ст. украинская наука поселяется въ мрачныхъ аудиторіяхъ кіево-могилянскаго коллегіума. Въ количественномъ отношеніи она сильно разростается; въ качественномъ отношнніи падаетъ, понижается. Въ южно-русской литературѣ, развившейся подъ вліяніемъ могилянскаго коллегіума, слишкомъ много пустословія, витіеватости, искусственности. Сочиненія главныхъ писателей этой эпохи: Барановича, Галятовскаго, Гизеля, Радивиловскаго, наглядно показываютъ, до какой степени оскудѣнія можетъ дойти научная мысль, протянутая черезъ узкія, тенденціозно сколоченныя школьныя рамки.

Трудно выдѣлить Галятовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южнорусскихъ писателей. Его „Души“ наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія“ валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой“ и „Фундаментами“, нужно сопоставить эти маленькія, дѣльно написанныя книжки съ объемистыми сочиненіями Барановича, Гизеля и Радивиловскаго, чтобы оцѣнить превосходство Галятовскаго надъ этими писателями;

по умственнымъ дарованіямъ и начитанности, Галятовскій болѣе всякаго другаго можетъ быть названъ представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII ст. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежатъ перу Галятовскаго. Въ Галятовскомъ южная Россія нашла талантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлаго и опытнаго бойца за южнорусскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII в. ея проявленіе,—православіе.

Личность Галятовскаго до послѣдняго времени оставалась въ тѣни: сочиненія его не были подробно обслѣдованы. Причина—крайняя скудость письменныхъ, документальныхъ свѣдѣній о Галятовскомъ. Въ силу этой скудости, изслѣдователь не можетъ ни освѣтить достаточнымъ количествомъ фактовъ личность этого писателя, ни объяснить его политическую дѣятельность въ связи съ современнымъ ему состояніемъ южной Россіи [1]).

О мѣстѣ и времени рожденія Галятовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего не извѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянской коллегіи. Здѣсь онъ увидѣлъ свѣтъ науки, точнѣе сказать, ея блѣдный отблескъ, пробившійся черезъ дремучія дебри схоластики. Къ Галятовскому болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, идетъ названіе питомца кіевской коллегіи, такъ какъ онъ всосалъ въ себя всѣ ея духовные соки, и хорошіе, и дурные.

Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи съ 20 годовъ XVII ст. Насадителями школьной науки и литературы тутъ явились кіево-печерскіе архимандриты: Плетенецкій, Копыстенскій и въ особенности Петръ Могила. Петръ Могила въ юго-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Галятовскомъ 1) Въ его сочиненіи «Stary kościoł. 1678; 2) Письмахъ Лазаря Барановича. Изд. 2. 1865 г.; 3) Памятникахъ кіевск. временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ, 1846 г. II. 223—226; 4) Актахъ южной и западной Россіи, т. IX, XI и XII; 5) ненапечатанныхъ письмахъ Галятовскаго къ царю, хранящихся въ библіотекѣ московскаго общества исторіи и древностей подъ № 98; 6) Исторіи русской іерархіи, Амвросія, въ 6 томѣ, и 7) Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета. М. Евгеній, Аскоченскій, Костомаровъ, Вишневскій новыхъ свѣдѣній о жизни Галятовскаго не представили.

западную русскую образованность внесъ западно-европейскія схоластическія начала, подѣйствовавшія на южно-русскую національную мысль, какъ „смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ". Греческія и протестантскія вліянія были устранены. Кіевскій коллегіумъ построенъ всецѣло по образцу іезуитскихъ коллегій. Нѣкоторые изслѣдователи, панегиристы Петра Могилы, полагаютъ, что „всѣ заимствованія Могилы изъ іезуитской педагогики ограничивались лишь формами, которымъ сообщался другой духъ и характеръ [1])". Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ области умственныхъ отношеній и интересовъ содержаніе и форма сливаются нераздѣльно и одно другое обусловливаетъ и опредѣляетъ. Съ заимствованіемъ внѣшнихъ формъ іезуитской педагогіи незамѣтно было воспринято въ русскую жизнь и схоластическое латинское содержаніе, выразившееся въ напыщенномъ „*казаньѣ*", вытѣснившемъ скромную „*гомилію*", въ стремленіи высшаго духовенства поработить міряиъ, въ усиленіи сервиліума, въ особомъ толкованіи ученія о времени пресуществленія св. Даровъ.

Кіево-могилянская коллегія выдѣлилась изъ ряда братскихъ школъ характеромъ своей педагогіи. Отличительными чертами педагогіи кіевской коллегіи служатъ съ дидактической стороны строгій схоластическій методъ преподаванія всѣхъ наукъ и преобладаніе латинскаго языка, а со стороны воспитательной строгая школьная дисциплина.

Въ коллегіи было восемь классовъ: 1) фара, или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) риторика, 7) философія и 8) богословіе.

Въ первое время существованія коллегіи, во время обученія въ ней Галятовскаго, фара была элементарнымъ, приготовительнымъ классомъ; учили въ ней только латинскому и славянскому чтенію и письму. Въ XVIII столѣтіи занятія въ фарѣ значительно усилились.

Въ инфимѣ ученики начинали говорить по латыни, переводили съ латинскаго языка на русскій и обратно, писали небольшія классныя упражненія, или экзерциціи. Наставникомъ Галятовскаго въ инфимѣ былъ Лазарь Барановичъ.

---

[1]) Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1870 г., VII. 473.

Въ грамматикѣ и синтаксимѣ ученики одолѣвали грамматику Альвара, трудились надъ оккупаціями, или домашними письменными упражненіями въ латинскомъ языкѣ, говорили исключительно по латыни.

Трудно сказать, что въ первыхъ четырехъ классахъ коллегіи преподавалось, кромѣ латинскаго языка: русскій и греческій языки, повидимому, были на заднемъ планѣ; съ ариѳметикой, священной исторіей и краткимъ катехизизомъ въ низшихъ классахъ коллегіи знакомили лишь слегка. Строго говоря, все обученіе вертѣлось на латинской грамматикѣ. „Одну и ту-же грамматику, что писалъ краковскій профессоръ математики Брожка (Броціусъ) въ сочиненіи „Gratis, или Разговоръ гражданина съ священникомъ, іезуиты разбили на множество частей—инфиму, грамматику, синтаксиму. А это простымъ и неразсудительнымъ родителямъ кажется превосходнымъ: думаютъ они, что сынъ ихъ, слушая науки въ 1, 2, 3 и 4 школѣ (т. е. классахъ), уже сдѣлался греческимъ или римскимъ императоромъ или полководцемъ, или получилъ премію, или схватилъ какой-нибудь образокъ; а развѣ этого мало?... При этомъ не замѣчаютъ, что во всѣхъ этихъ классахъ одна наука, одна только грамматика [1])".

Самый учебникъ латинскаго языка, составленный Альваромъ, отличался, по словамъ Брожки, крайней темнотою. Альваръ въ іезуитскихъ школахъ держался отъ XVI до XIX ст. Въ кіево-могилянской академіи и въ семинаріяхъ по этому отупляющему учебнику учились болѣе ста лѣтъ. Въ великорусскихъ семинаріяхъ въ XVIII в. грамматика Альвара пользовалась уваженіемъ и восхвалялась до небесъ. Наставники семинаріи изображали эту грамматику въ видѣ дерева и писали ему похвалу: „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сый премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви" и т. д. [2]).

Поэзія и риторика во время Галятовскаго преподавались въ одномъ классѣ и въ теченіи одного года. Въ XVII ст. предметы

---

[1]) Пекарскій, Кіев. наука, въ «Отечеств. Запискахъ» 1862. II, 563.

[2]) Знаменскій, Духовныя школы, 437.

эти раздѣлились на два класса и проходились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ піитикой понималось искусство плести вирши (ars pangendi versus); подъ риторикой—игра въ прозаическія словесныя формы, наборъ механическихъ рецептовъ, какъ составлять періоды, писать письма и ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни. Въ поэзіи и риторикѣ ученики уже заявляли свою ученость виршами и ораціями въ школѣ и внѣ школы. По словамъ Ѳеофана Прокоповича, грубый XVII в. благоговѣлъ передъ такими пустяками, какъ схоластическія вирши и ораціи [1]).

Миѳологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитой обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ наставникахъ и воспитанникахъ, что, кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ миѳологическихъ примѣненій даже такія сочиненія, которыя легко могли-бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній. Такъ, Сильвестръ Коссовъ на 10 страницѣ своего Патерика (1635) сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ [2]). Изъ кіевскихъ ученыхъ и писателей второй половины XVII в. Галятовскій обнаруживаетъ наибольшую наклонность къ миѳологіи. Въ „Ключѣ“ прообразами Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ.

Наставникомъ Галятовскаго въ риторикѣ былъ Л. Барановичъ, о чемъ говоритъ самъ Галятовскій въ началѣ „Стараго Костела“.

Ученики первыхъ 6-ти классовъ составляли младшее братство, *sodales minoris congregationis;* ученики двухъ высшихъ классовъ—старшее братство, *sodales majoris congregationis*. Первые назывались учениками, вторые студентами; существенное отличіе двухъ высшихъ классовъ состояло въ наукахъ. Здѣсь преподавались философія и богословіе, дававшіе воспитанникамъ острое оружіе, которымъ они отражали нападенія иновѣрныхъ враговъ. Коллегіальская философія была въ полномъ смыслѣ философія схоластическая,

---

[1]) Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1870, Авг. 468.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ, I. 135 и примѣч. стр. 332.

ancilla theologiae. Аристотель процвѣталъ въ коллегіи и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона, а Франція Декарта. Дошедшія до нашего времени руководства по философіи, относящіяся къ XVII в., составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, заключавшая теорію доказательствъ, или силлогистическихъ умозаключеній. Логика примѣняла законы мышленія къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Физика трактовала о матеріи и формѣ вещей, природѣ и свойствѣ видимыхъ предметовъ, времени и пространствѣ и о душѣ. Метафизика учила о безтѣлесныхъ существахъ. По замѣчанію историка кіевской коллегіи, „суровая строгость и головоломная сухость философской науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины, они уважали ее, даже поставляли себѣ за честь отличиться діалектическими тонкостями, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душей привязанныя къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты“ [1]).

Богословіе въ кіевской коллегіи читалось съ величайшей обширностью и отчетливостью. Полный курсъ богословія оканчивали въ 4 года. Въ виду религіозныхъ споровъ, волновавшихъ юго-западный край, преподаваніе богословской науки неизбѣжно приняло характеръ полемическій. И въ богословской наукѣ господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формами своей методики. Образцомъ богословствованія считался Ѳома Аквинскій.

Старинная кіево-могилянская академія не развивала мышленія. Вниманіе учащихся было обращено на формы, а не на сущность предметовъ. Все коллегіумское образованіе клонилось къ тому, чтобы приготовить искусныхъ льстецовъ и умѣлыхъ полемистовъ. Преподаваніе богословія не столько утверждало учениковъ въ истинахъ христіанства, сколько пріучало ихъ къ религіозному ханжеству и внѣшней обрядности, укрѣпляло ихъ въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ. Преподаваніе піитики и реторики развивало въ ученикахъ наклонность къ составленію панегириковъ, которые вредно-

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ, I. 139.

дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ,—первыхъ пріучали къ постыдному ласкательству, во вторыхъ развивали неумѣренное самомнѣніе и гордость.

Дурныя стороны кіево-могилянской педагогіи, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ, префектъ, профессоры, преподаватели, тайные и явные визитаторы, цензоры, инспекторы, авдиторы, школьный senatus и populus—чрезвычайно длинная вереница начальствующихъ и подчиненныхъ, весьма сложная организація началъ зависимости и повиновенія. Всѣ пріемы кіево-могилянской педагогіи какъ будто были расчитаны на то, чтобы вытравить въ учащихся чувство дружбы, товарищества и любви. Ученики, соперничая другъ съ другомъ, писали сочиненія de loco, de pane, de calceis, de candela, de indusio, и написавшій лучшее сочиненіе садился, съ вѣдома и при содѣйствіи начальства, впереди своего побѣжденнаго товарища, отнималъ у него булку или получалъ право завладѣть его свѣчей. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ кіево-могилянской академіи въ высшей степени было развито шпіонство. Учителя слѣдили за учениками, ученики другъ за другомъ, подглядывали, подслушивали, шептали въ уши начальства и выслуживались [1]).

Изъ сочиненій Галятовскаго видно, что онъ основательно усвоилъ коллегіумскую премудрость. Нужно допустить, что Галятовскій въ академіи слышалъ о многихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ. Для его живаго, любознательнаго ума на первое время достаточно бы однихъ именъ авторовъ, однихъ указаній на нихъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться этими указаніями для самообразованія.

---

[1]) О внутренней жизни коллегіумскихъ учениковъ, времени занятій, развлеченіяхъ, наградахъ и наказаніяхъ, играхъ, миркованьѣ см. въ статьѣ Липчевскаго въ «Трудахъ кіевской духовной академіи», 1870, августъ.

Южно-русскіе ученые XVII ст.: Бронскій, Смотрицкій, Копыстенскій, Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, постоянно дѣлаютъ указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисѣ“ насчитывается 60 пособій автора, во „Θриносѣ“ 145, въ „Палинодіи“ 142. Указанія ня пособія находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр. Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей; другіе, напримѣръ Смотрицкій и Галятовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галятовскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кіевскомъ ученомъ мірѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели.

Почти на каждой страницѣ сочиненій Галятовскаго находятся ссылки на священное писаніе. Подобно другимъ схоластическимъ писателямъ XVII вѣка, Галятовскій часто беретъ не цѣлый библейскій текстъ, заключающій въ себѣ полную мысль, а отрывочныя мѣста, нерѣдко даже отдѣльныя слова. Къ апокрифическимъ разсказамъ Галятовскій относится съ полнымъ довѣріемъ и охотно ими пользуется.

Галятовскому были извѣстны „De vita contemplativa“ Филона (I вѣка), сочиненія Іосифа Флавія († 93), Діонисія Ареопагита, Климента Александрійскаго и Иринея ліонскаго (II вѣка). Составляя сочиненіе о „Мессіи правдивомъ“, Галятовскій пользовался преимущественно сочиненіемъ христіанскаго писателя II в. Юстина: „Разговоръ съ Трифономъ“. Галятовскій дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ первой части „Разговора“, гдѣ говорится, почему христіане не исполняютъ Моисеева закона, и беретъ кое-что изъ второй и третей частей, трактующихъ о воплощеніи, крестной смерти Спасителя и о томъ, что вѣрующіе во Христа, по пророчествамъ, наслѣдуютъ обѣтованія Божіи.

Изъ духовныхъ писателей III—XI вѣковъ Галятовскому были извѣстны: Оригенъ († 254), сочиненіе священника Ипполита „De nativitate Christi“, которое въ старое время ученые, въ томъ числѣ Галятовскій, ошибочно приписывали Кипріану Коринѳскому, „De fine soeculi“ мученика Меѳодія († 303), книги Тертулліана про-

тивъ Маркіона, изданныя въ 208 г., іерусалимскіе патріархи IV в. Кириллъ и Іоаннъ, Клавдіанъ, Лактанцій, блаженный Іеронимъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Аѳанасій Александрійскій († 373). Аѳанасію Александрійскому Галятовскій, съ общаго голоса ученыхъ XVII вѣка, приписывалъ составленіе символа вѣры Quicunqne, составленнаго въ V вѣкѣ Вигиліемъ Мансійскимъ [1]). Галятовскому были извѣстны сочиненія кесарійскаго епископа Евсевія Памфила († 340) и епископа Гипанскаго Августина († 403). Въ „Мессіи" Галятовскій указываетъ на сочиненіе Августина „De cantico novo ad Catechumenos", какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ. Въ другомъ мѣстѣ „Мессіи" упоминается сочиненіе Августина о Рождествѣ, вѣроятно, „De genesi contra Manicheos, lib. 2" [2]). Галятовскій въ „Мессіи" кое-что заимствовалъ изъ сочиненія александрійскаго епископа Кирилла († 444) „о святой вѣрѣ христіанской", именно, изъ 6 книги (о крестномъ знаменіи) и изъ 8 и 9 (пророчества). Кромѣ того, Галятовскій пользовался сочиненіями церковнаго писателя V вѣка Юліана Померія (на него ссылки въ „Мессіи", „Ключѣ" и „Небѣ"), Созоменомъ († 450) и Ѳеодоритомъ († 457), продолжавшими церковную исторію Евсевія, сочиненіемъ Флавіана „Libellus fidei Theodosio imp. id petenti oblatus", сочиненіемъ Іоанна Кассіана († 448) (Collationes Patrum" [3]), „Adversus Eutychen et Nestorium de duabus naturis et una persona" Боэція († 526), „De duabus Christi naturis" папы Геласія († 596), „Poematum libri II praemissa ad Gregorium Turonensem epistola dedicatoria" Фортуната († 600) [4]), сочиненіями Григорія Двоеслова (конца VI вѣка), іерусалимскаго патріарха Софронія († 636) и Іоанна Златоустаго (рѣдкія ссылки). Почти во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчается „Лимонарь" Іоанна Мосха (VII вѣка). Въ „Мессіи", „Ключѣ" и „Небѣ" встрѣчается знаменитый авторъ „Historiae sive annalium Francorum" Григорій Турскій († 595). Галятовскій ссылается на его трактатъ „De gloria Martyrum, lib. 2". Въ „Мессіи" находится ссылка на первую часть

[1]) Филаретъ, Истор. уч. объ отцахъ церкви §§ 112—117; Арсенія, лѣтоп. церк. соб. 135—159.

[2]) Caue, Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria. I. 175—183.

[3]) Caue, I. 410.

[4]) Caue, I 530, 497. Филаретъ, § 191.

„Ad Monimum“ Фульгенція († 593), гдѣ говорится о предназначеніи людей, однихъ на вѣчную славу, другихъ на муку вѣчную. Галятовскій пользовался сочиненіями Іоанна Дамаскина († 777), Павла діакона († 767), „Исторіей“ Никифора († 818), обозрѣвающей событія со смерти Маврикія до Константина, сына Ирины, сочиненіями Люидпранда и Свиды (конца X вѣка). По Ѳеофилакту болгарскому (конца XI вѣка) Галятовскій объяснялъ классическія мѣста Евангелія, касающіяся святаго апостола Петра. Особеннымъ вниманіемъ Галятовскаго, какъ и многихъ другихъ южно-русскихъ писателей, Смотрицкаго, Барановича, пользовался писатель первой половины X вѣка Симеонъ Метафрастъ. Ему приписываютъ 539 житій, изъ которыхъ только 122 составлены имъ, а остальныя 417 лишь обработаны.

Галятовскому были извѣстны сочиненія многихъ западно-европейскихъ схоластическихъ писателей XII—XV в.: „Dialogus adversus Iudeos“ испанскаго писателя XII в. Петра Альфонса, сочиненія Петра Клюнійскаго, Граціана, Ансельма Кентерберійскаго (XII в.), Альберта Великаго († 1280 г.). Попадается изрѣдка въ сочиненіяхъ Галятовскаго doctor angelicus et divinus Ѳома Аквинскій (р. 1224 г., † 1274 г.) и doctor subtilis Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (конца XIII ст.)[1]. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ нѣсколько разъ упоминается „Зверцадло исторіи“ Викентія. Это Vincentius Bello vacensis Burgundus, болѣе извѣстный подъ именемъ Винкентія изъ Бове († 1264 г.), авторъ „Speculum quadruplex historicum“, гдѣ находится историческій обзоръ событій отъ сотворенія міра до 1254 г.[2]). Въ „Мессіи“, „Фундаментахъ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ Галятовскій пользуется сочиненіями Ѳомы Брукселенскаго или Кантипрата († 1263 г.), не смотря на то, что самъ-же въ „Фундаментахъ“ (стран. 66) указалъ на многія ошибочныя показанія Кантипрата о православіи. Однимъ изъ главныхъ источниковъ Галятовскаго при составленіи „Мессіи правдиваго“ были противоеврейскія сочиненія еврея выкреста Николая де Лиры или Лирануса († 1340 г.): „Disputatio contra perfidium Iudaeorum“ и „Tractatus contra Iudeum quendam“[3]).

---

[1]) Филаретъ, § 259, 267, 294; Caue, I. 595, 493, 502; II. 297.

[2]) Rousselot, Études de la philosophie dans le moyen âge II. 177; Caue, II. 299.

[3]) Caue, II. 309, 22—23.

Изъ писателей XIV—XV ст. Галятовскому были извѣстны: константинопольскій патріархъ Каллистъ, Энній Сильвій Пикколомини († 1464 г.) и венгерскій хроникеръ Бонфинъ († 1502 г.)[1]).

Особенно большую начитанность обнаружилъ Галятовскій въ европейской богословской и исторической литературѣ XVI и XVII ст. Ему были извѣстны „Хроника баварскихъ герцоговъ“ нѣмецкаго богослова, историка и естествовѣда Тритемія († 1516 г.), историческія сочиненія нѣмецкаго писателя Альберта Кранція († 1517 г. Кранцій упоминается и во „Ѳриносѣ“ Смотрицкаго), „De veritate fidei christianae“ испанскаго писателя Іоанна Людовика Вивеса († 1537 г.)[2]), сочиненіе Павла Іовія († 1552 г.) о посольствѣ въ Москву, составленное по разсказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова[3]), сочиненія чешскаго писателя Дубровія († 1553 г.), сочиненія знаменитаго въ XVI ст. нѣмецкаго историка, оффиціальнаго протестантскаго исторіографа Яна Слейдана[4]); сочиненіе французскаго ученаго XVI в. Жана Бодэна въ защиту вѣры въ существованіе демоновъ и вѣдьмъ[5]), превосходное сочиненіе Вейера, или Писцинаріуса „De praestigiis daemonum“ 1563 г., гдѣ опровергается вѣрованіе въ демоновъ и вѣдьмъ[6]), „Исторія мусульманъ“ нѣмецкаго гуманиста Леонклавіуса (Löwenklau, † 1593 г.), сочиненіе іезуита Турселина († 1609 г.) „Historiarum a condito mundo lib. X“, которое въ голландскихъ университетахъ было принято, какъ учебникъ по исторіи[7]), сочиненія Корнелія и Ляпиде, о которыхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ отзывался очень неблагосклонно[8]). Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчаются ссылки на сочиненіе Сигонія „о влосскомъ королевствѣ“. Въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ былъ

---

[1]) Rieger, Slownik naucny; Cave, II 176.

[2]) Caue, II 242, 237; Rieger, Slown. naucny.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Исторія. I. 181.

[4]) Rieger, Slown. naucny. Главное сочиненіе Слейдана о положеніи религіи и государства при Карлѣ V издавалось 80 разъ; сочиненіе о 4 главныхъ имперіяхъ издавалось 60 разъ.

[5]) Soldan, Geschichte d. Hexen processe. 261.

[6]) Объ этомъ соч. см. въ моей брошюрѣ «Очеркъ исторіи колдовства въ зап. Европѣ».

[7]) Rieger, Slown. naucny. IV.

[8]) Мацѣевичъ, «Труды кіев. дух. акад.» 1871 г. IV. 210.

переводчикъ аристотелевой риторики Сигоній. Современники приписывали ему сочиненіе „De Senatu romano“, написанное Яномъ Замойскимъ [1]). Вѣроятно, и Галятовскій по ошибкѣ сочиненіе Замойскаго приписалъ Сигонію. Въ „Ключѣ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ довольно часто встрѣчаются ссылки на италіанскаго писателя конца XVI ст. Яна Ботера, котораго сочиненіе въ польскомъ переводѣ Ленчицкаго 1609 г. носитъ названіе „Relatiae powszechne abo nowiny pospolite“. Тутъ говорится 1) о космографіи, 2) гидрографіи, 3) монархологіи, 4) религіозныхъ сектахъ и 5) американскихъ суевѣріяхъ [2]). Кромѣ Галятовскаго, Ботеромъ пользовался еще Захарія Копыстенскій при составленіи „Палинодіи“ [3]). Беллярминъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго; за то Бароній встрѣчается чуть не на каждомъ шагу. Послѣ книгъ св. Писанія, „Анналы“ Баронія у Галятовскаго занимаютъ первое мѣсто. Въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества Галятовскій называетъ Баронія достовѣрнѣйшимъ историкомъ. „Я, говоритъ Галятовскій въ началѣ „Мессіи“, зъ латинскаго Бароніуша зупелного писалемъ, а въ польскомъ Баронѣушѣ не зупелномъ не все тое знайдешь“. Кромѣ Галятовскаго, на Баронія часто ссылаются Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ [4]), Евсевій Пиминъ (Петръ Могила) въ „Лиѳосѣ“ [5]), Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, Стефанъ Яворскій въ проповѣдяхъ. Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится два рукописныхъ экземпляра Бароніевыхъ лѣтописей въ польскомъ сокращеніи Скарги. Русскій переводъ относится къ концу XVII в. [6]). Въ синодальной библіотекѣ подъ № 729 находится „Баронѣуша наука“, переводъ съ малорусскаго языка [7]). Въ 1719 г. „Анналы“ Баронія были переведены съ польскаго языка на русскій, съ пропускомъ противныхъ восточной церкви толкованій, и напечатаны въ московской синодальной типографіи въ 2 частяхъ церковнымъ

---

[1]) Wisznewski, Histor. literat. IV. 168, 143.

[2]) Maciejowski, Piśmen. polskie. III. 72; Wisznewski, Hist. literat. VII, 561.

[3]) Русск. Историч. Библіот. IV.

[4]) Тамъ-же, 327.

[5]) Λίθος, abo kamien. 1610 г. стр. 3 и 4.

[6]) Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея.

[7]) Савва, Указатель. 160.

шрифтомъ, подъ заглавіемъ „Дѣянія церковныя и гражданскія". „Анналы" Баронія вышли въ 12 томахъ въ Римѣ въ 1588—1607 годахъ и имѣли много изданій. Въ 1646 г. онѣ были продолжены Одораціемъ Райнольди. Продолженіе это было извѣстно Галятовскому.

Галятовскій обнаружилъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. Такъ, у него встрѣчаются ссылки на Длугоша († 1480 г.), Матвѣя Мѣховита († 1523 г.), Гваньини († 1614 г.), Кромера († 1589 г.), автора тридцатитомной, панегирической исторіи польскаго народа [1]), затѣмъ на „Всемірную исторію" Мартина Бѣльскаго († 1575 г.). Изъ польскихъ историковъ Стрыйковскій въ особенности часто встрѣчается у Галятовскаго. Ссылки на „Kronika polska" (1582 г.) Стрыйковскаго встрѣчаются во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго. При составленіи „Хроники" Стрыйковскій пользовался Длугошемъ, Мѣховитомъ, Кромеромъ, Бѣльскимъ, русскими и ливонскими лѣтописями и даже сербскими народными пѣснями [2]). Крупные польскіе проповѣдники конца XVI ст., Петръ Скарга и Яковъ Вуекъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Ianua linguarum" (1631 г.), переведеннаго на 12 европейскихъ и 4 восточныхъ языка, Комменій, переводчикъ Аристотеля Себастьянъ Петрицій († 1626 г.), біографъ М. Смотрицкаго и І. Кунцевича Суша († 1685 г.), польскій богословъ, профессоръ краковской академіи Адамъ Опатовичъ (XVII в.) [3]) были извѣстны Галятовскому. На Скаргу и Вуйка ссылаются нѣкоторые другіе южно-русскіе писатели, напр. Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи" [4]). Въ „Лебедѣ" и „Небѣ" упоминается нѣкогда весьма популярное въ Польшѣ и западной Россіи „Путешествіе въ св. землю" (1582 г.) Николая Радзивилла [5]). Въ „Мессіи" Галятовскій ссылается на сочиненіе „О жидахъ" Симона Сиренія. Сиренскій (Simon Sirenius Sacranus), докторъ философіи и медицины въ кра-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Руск. ист. I. 184; Wisznewski, Hist. liter. VII. 385 -404; IX, 11, 168, 274; Кондратовичъ, Ист. польск. литер. II. 164.

[2]) Wisznewski, VI. 469—492; Maciejowski, I. 556—573.

[3]) Wisznewski, VI 423, 489, 598; VII. 155, 165. IX. 53, 54, 180, 208, 241, 303; VII. 452; VIII. 348; VI. 302.

[4]) Русск. Истор. библ. IV. 327.

[5]) Maciejowski, Pism. polskie III. 497; Wisznewski, VII. 566.

ковскомъ университетѣ, оставилъ сочиненіе „Zielnik, to jest opisanie własne imion, kształtu y mocy zioł, wszelakich drzew, krzewin... Przytem o ziemiach y glinkach róznych, o zwierzętach czworonogich, ptastwie, rybach (напечатано въ 1613 г. послѣ смерти Сиренія, † 1611 г.). На 1536—1540 страницахъ „Зельника“ находится собраніе свѣдѣній о евреяхъ [1]). Въ ряду многихъ сочиненій о евреяхъ, которыми пользовался Галятовскій при составленій „Мессіи“, заслуживаетъ вниманія „Rozmowa theologa katholickiego z rabinem żydowskim“ (напечатано во Львовѣ 1645 г.) западно-русскаго писателя первой половины XVII ст. Марка Короны. Цѣль „Розмовы“ та-же, что и цѣль „Мессіи“, обращеніе еврея къ надлежащему пониманію христіанской религіи. Что Галятовскій пользовался не только католическими, но и еретическими сочиненіями, выходившими въ Польшѣ, видно изъ ссылки его въ „Алфавитѣ“ на сочиненіе знаменитаго соціціанскаго писателя Смальція, „De filio Dei“, подъ которымъ, нужно думать, Галятовскій разумѣлъ „De Christo vero et naturali Dei filio“ 1616 г. Смальцій жилъ въ Раковѣ и написалъ 29 сочиненій. Писалъ онъ по нѣмецки и по латыни. Въ Англіи при Кромвелѣ его катехизисъ былъ сожженъ рукой палача [2]). Галятовскій зналъ о еретичествѣ Смальція. Въ „Алфавитѣ“ въ числѣ еретиковъ находится и Смальцій.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчаются ссылки на римскихъ писателей, именно: на Овидія, Виргилія, Плинія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція, Валерія Флакка, Флора и Евтропія.

Изъ русскихъ сочиненій у Галятовскаго упоминаются: Патерикъ печерскій, словено-россійскій лексиконъ Памвы Берынды, Синопсисъ Ин. Гизеля и описанія разныхъ чудотворныхъ иконъ.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго можно насчитать до сорока совершенно неизвѣстныхъ писателей. Встрѣчаются ссылки на сочиненія какихъ-то раввиновъ Моисея, Самуила; встрѣчаются на поляхъ имена Корозеля, Карданія, Альтенстанга, Маіолуса, Іоанна Мѣрина (вѣроятно Іоаннъ Маро конца VI вѣка), Таксія, Лина, Тиріуса, Брадена и друг.

---

[1]) Grabowski, Starożytności. I. 403—413.

[2]) Maciejowskl, Ш. 815, 816.

[3]) Maciejowski, ibid. 508.

Можно вполнѣ повѣрить Галятовскому, замѣтившему въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ съ большимъ стараніемъ собиралъ книги по городамъ и монастырямъ. Лазарь Барановичъ, относительно добыванія книгъ, поставленъ былъ въ очень выгодное положеніе, какъ черниговскій архіепископъ и мѣстоблюститель кіевской митрополіи и, однако, онъ жаловался на недостатокъ книгъ [1]). Сравнительно съ Галятовскимъ, Барановичъ обнаружилъ весьма незначительное знакомство съ западной схоластической литературой. Масса прочитанныхъ книгъ свидѣтельствуетъ о любознательности Галятовскаго, о его научномъ усердіи. Такъ какъ большая часть сочиненій Галятовскаго вышла въ Черниговѣ и Новгородѣ-сѣверскомъ (въ типографіи Барановича), гдѣ не было богатыхъ книгохранилищъ, то нужно допустить, что Галятовскій и въ концѣ своей жизни, во время пребыванія въ Черниговщинѣ, сохранялъ тѣсныя научныя связи съ кіевской академіей и пользовался ея библіотекой. Несомнѣнно, онъ пользовался также библіотеками крупныхъ западно-русскихъ братствъ: виленскаго, луцкаго, слуцкаго, о чемъ самъ мимоходомъ упоминаетъ въ „Старомъ Костелѣ“. Въ этомъ сочиненіи Галятовскій заявляетъ, что свои доводы объ исхожденіи святаго Духа исключительно отъ Отца онъ извлекъ изъ разныхъ книгъ, отысканныхъ имъ въ библіотекахъ „Кіева, Чернигова, Львова, Луцка, Слуцка и другихъ городовъ“. Галятовскій замѣчаетъ, что приводимые имъ доводы списаны съ книгъ разными писцами и проситъ у читателя извиненія въ ошибкахъ въ обозначеніи тома или страницы пособія, ошибкахъ, происшедшихъ отъ переписчиковъ. Это заявленіе Галятовскаго интересно въ двухъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, гдѣ находились кладези книжной мудрости южно-русскихъ писателей, и затѣмъ уясняетъ, какъ пользовались южно-русскіе ученые этими кладезями мудрости. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о братскихъ книгохранилищахъ, и что этими книгохранилищами любознательные люди пользовались не только лично, но и черезъ переписчиковъ, которыми могли быть грамотные православные братчики.

Нельзя сказать, чтобы Галятовскій дѣльно и толково воспользовался прочитанными имъ книгами. Чтеніе было небрежное; кри-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, § 97.

тики у Галятовскаго не было. Писатели діаметрально противоположнаго направленія, напримѣръ Бодэнъ и Вейеръ, укладывались въ его головѣ спокойно, не споря другъ съ другомъ. Они не возбуждали въ Галятовскомъ какихъ либо спорныхъ религіозныхъ или общественныхъ вопросовъ. Кіевская коллегія пріучала учениковъ поклоняться авторитетамъ, безусловно вѣрить имъ; духъ критики и анализа всецѣло былъ подавленъ духовной субординаціей. Любознательные южно-русскіе ученые XVII вѣка постоянно учились усердно и вѣчно оставались учениками. Они говорили на профессорскихъ каѳедрахъ, издавали въ свѣтъ сочиненія, и все in verba magistri. Съ теченіемъ времени они накопляли знанія. Знанія наростали механическимъ путемъ, прилѣпляясь одно къ другому посредствомъ случайной, внѣшней связи. Галятовскій былъ самый начитанный человѣкъ своего времени, и, однако, область его свѣдѣній была незначительна, кругозоръ узокъ. Дѣло въ томъ, что Галятовскій читалъ книги съ предвзятой цѣлью, выбиралъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, напр. объ исхожденіи святаго Духа, или о главенствѣ римскаго папы. Мысль писателя вращалась въ рѣзко очерченной и ограниченной области религіозныхъ вопросовъ. Южно-русскіе писатели второй половины XVII столѣтія боялись и не желали выступать за предѣлы этихъ вопросовъ. Религіозные вопросы были потому въ особенности узки, что разсматривались отвлеченно, безъ отношенія къ живой народной массѣ. Схоластическому богослову не было никакого дѣла, какъ живое народное тѣло воспринимаетъ духовныя начала христіанскаго вѣроученія, какъ народъ относится къ этому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей духовной жизни. У южно-русскихъ ученыхъ, разсматривавшихъ религіозные вопросы an und für sich, и даже у Галятовскаго, при всей его начитанности, было мало узловъ знаній. Отсюда постоянныя повторенія, постоянныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же избитымъ предметамъ рѣчи.

Высшая школа имѣетъ важное значеніе въ жизни человѣка, получившаго въ ней образованіе, не только потому, что даетъ ему знанія, такъ сказать, закладываетъ фундаментъ прочныхъ свѣдѣній и опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь,—она вліяетъ на нравственный складъ человѣка черезъ свѣтлыя и просвѣщенныя личности

наставниковъ. Кромѣ того, между самими учениками возникаютъ товарищескія отношенія и связи, имѣющія большое значеніе въ исторіи ихъ духовнаго развитія, опредѣляющія ихъ общественныя симпатіи и антипатіи, придающія иногда на всю жизнь извѣстную окраску ихъ мнѣніямъ, сужденіямъ, внѣшнимъ формамъ отношенія къ людямъ.

Галятовскій въ кіевской академіи познакомился съ Барановичемъ, Гизелемъ и Пинацкимъ[1]). Отношенія Галятовскаго къ Симеону Полоцкому мало извѣстны, и трудно допустить, чтобы отношенія эти были близки. Симеону Полоцкому пришлось дѣйствовать совершенно въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ условія и обстановка, среди которыхъ работалъ Галятовскій. Но и въ Москвѣ, въ положеніи наставника царевичей Симеонъ Полоцкій сохранялъ связи съ друзьями своей молодости, преимущественно съ Барановичемъ. Другое дѣло Барановичъ и Гизель. Въ продолженіи всей жизни Галятовскаго, эти люди были его пріятелями, въ особенности Барановичъ. Безъ ошибки можно сказать, что Барановичъ создалъ всю служебную карьеру Галятовскаго, такъ сказать, вывелъ его въ люди. Покровительство Барановича частью проистекало изъ его добраго нрава, изъ желанія дать ходъ своему скромному и талантливому ученику, преимущественно изъ практическаго разсчета, изъ желанія имѣть подъ рукой способнаго и дѣятельнаго помощника, помощника мягкаго, покладистаго, усерднаго, услужливаго и скромнаго. Всѣми этими качествами Галятовскій вполнѣ обладалъ. Лазарь Барановичъ первоначально былъ наставникомъ Галятовскаго, впослѣдствіи его другомъ и покровителемъ. Окончивъ курсъ въ академіи, Галятовскій отправился на Волынь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волынь и переѣхалъ въ купятицкій монастырь, находящійся недалеко отъ Минска. Игуменомъ купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково, какъ любящій отецъ, принялъ Галятовскаго. Получивъ мѣсто ректора кіевской академіи, Барановичъ и Галятовскаго перевелъ въ Кіевъ преподавателемъ въ академію. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ черниговскимъ архіепи-

[1]) Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. II, 3, 509; Письма Лазаря Барановича, 51—83.

скопомъ. Онъ уѣхалъ въ свою епархію, предварительно выхлопотавъ Галятовскому мѣсто ректора академіи. Нѣкоторыя свѣтскія лица, ревнители просвѣщенія, въ особенности кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій, содѣйствовали Галятовскому въ полученіи ректорства. Занимая почетное мѣсто ректора академіи, Галятовскій вошелъ въ сношенія съ современными ему высшими духовными и свѣтскими лицами, съ кіевскимъ митрополитомъ, малорусскимъ гетманомъ, московскимъ царемъ. Для его дѣятельности и вліянія открылось довольно широкое поприще. Дѣятельность Галятовскаго прежде всего обратилась на устройство коллегіи, пострадавшей въ 1658 года отъ пожара. Галятовскій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о помощи. Въ шестидесятыхъ годахъ возникаетъ связь Галятовскаго съ московскимъ правительствомъ, утвердившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ поѣздку Галятовскаго въ Москву.

Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ съ 1654 г. потеряли временный, случайный характеръ. Кіевская митрополія весьма неохотно подчинилась Москвѣ. Московскимъ боярамъ стоило много труда уломать Сильвестра Коссова прислать къ присягѣ своихъ слугъ. Еще болѣе хлопотъ вышло у бояръ, по случаю возведенія крѣпости на горѣ около софійскаго собора, михайловскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви. Мѣстность эта принадлежала митрополиту, и Коссовъ въ гнѣвѣ заявилъ московскимъ воеводамъ: „Если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться“. Мало того, митрополитъ сказалъ: „Гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подъ его великаго государя высокою рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подъ чьею властью[1]).“ Не смотря на очевидную поддержку со стороны Богдана Хмельницкаго, Коссовъ долженъ былъ уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно устраненія и уничтоженія южно-русскихъ краевыхъ отличій, особенно церковныхъ. Слуги митрополита были приведены

---

[1]) Карповъ, Кіевскій митрополитъ и моск. правит. въ 1654. «Православное Обозрѣніе». 1871. Авг.—сент.

къ присягѣ. Церковныя земли были отобраны подъ крѣпость, съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія въ другомъ мѣстѣ. Представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха.

Въ 60-хъ годахъ кіевское духовенство еще сдѣлало одну попытку отстоять свои краевыя преимущества и привиллегіи. Брюховецкій предложилъ московскому правительству назначить въ Кіевъ митрополитомъ великороса. Извѣстіе объ этомъ предложеніи боярина-гетмана сильно взволновало малорусское духовенство. Въ 1666 году епископъ Мефодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кіевѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита. „Если будетъ на то великаго государя изволенье, смѣло говорилъ епископъ Мефодій, чтобъ отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы [1])“.

Въ оборонительномъ положеніи находилось не все малорусское духовенство, а лишь часть его. Нѣкоторые іерархи, напримѣръ, Лазарь Барановичъ, всегда склонялись на сторону Москвы. Малорусское духовенство изъ положенія оборонительнаго быстро перешло въ положеніе смиреннаго просителя, заискивающаго милостей и подачекъ. Къ этому положенію привело много обстоятельствъ, главнымъ образомъ сознаніе собственнаго безсилія передъ систематической московской политикой полнаго подчиненія Украйны и

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XI 210.

воспитанное кіевской академіей ласкательство и сервилизмъ. Наиболѣе дальновидные и сообразительные украинскіе іерархи поняли, съ какой стороны подулъ вѣтеръ, и не пытались плыть противъ общаго теченія, уносившаго Украйну подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Барановичъ, несомнѣнно обладавшій политическимъ умомъ и принимавшій близко къ сердцу интересы южно-русскаго народа, сдѣлалъ попытку выпросить у царя хотя что-нибудь изъ того, чего нельзя было отстоять ссылками на мѣстное обычное право. Попытка не была и не могла быть удачной, Барановичъ получалъ лишь щедрые дары. Дары эти имѣли характеръ временнаго награжденія, или жалованья. Галятовскій, какъ ученикъ и послѣдователь Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ только просилъ и просилъ, никогда и ни въ чемъ не прекословилъ, и его просьбы большей частью были принимаемы и удовлетворяемы.

Въ 1659 году декабря 31 дня дана была на имя игумена братскаго монастыря и ректора кіевскихъ школъ Іоанникія Галятовскаго царская жалованная грамота на монастырскія и академическія маетности [1]). Воспользовавшись пособіемъ со стороны московскаго правительства и со стороны кіевскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Галятовскій построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи ввѣренныхъ ему учрежденій, открылъ классы до риторики и самъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской.

Заботы и хлопоты по устройству братскаго монастыря и академіи не помѣшали Галятовскому выступить на литературное поприще.

Н. Ө. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Памятники, изданіе временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. 1846. II. 223—226.

КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ.

Весьма распространено мнѣніе, что запасъ произведеній народнаго малорусскаго творчества исчерпанъ собирателями и что сохранять и записывать болѣе нечего. Касательно историческихъ пѣсень и думъ въ этомъ сходятся почти всѣ. Нѣсколько личныхъ моихъ встрѣчъ поколебали во мнѣ эту увѣренность и въ поискахъ за послѣдними остатками старой исторической поэзіи я склоненъ терпѣть много неудачъ за небольшую удачу, въ возможность которой еще вѣрю. Поиски за историческими пѣснями дадутъ, быть можетъ, немного новыхъ открытій, за то многое уяснятъ, по свѣжимъ слѣдамъ, для *физіологіи* этого исчезающаго явленія, которое лѣтъ двадцать-тридцать назадъ представляло еще величественныя развалины. Процессъ совершившихся въ этихъ пѣсняхъ измѣненій, самые ихъ обломки помогутъ уяснить то, что исчезло. Предлагаемые очерки—листки изъ дневника такихъ поисковъ. Не сѣтуй, читатель, встрѣчая въ нихъ больше „описаній", чѣмъ остатковъ исторической и бытовой кобзарской пѣсни,—знай, что въ этомъ сожалѣніи ты предъупрежденъ прежде всего мной самимъ.

I. Ярмарка въ Пирятинѣ.

...Удаленный отъ желѣзныхъ дорогъ, степной пирятинскій уѣздъ—съ виду еще порядочная глушь и я думалъ, что тамъ-то именно задержались еще кобзари и лирники. Проѣзжая лѣтомъ черезъ Пирятинъ, я разспрашивалъ о нихъ на базарѣ. Торговки ошеломлены были вопросомъ и не сразу собрались отвѣчать. Но какой-то „дідусь", выбиравшій арбузъ изъ огромной горы и зеленыхъ и бѣлыхъ, вянувшихъ на пустынной площади, подъ лучами полуденнаго августовскаго солнца, вмѣшался въ нашу бесѣду и сказалъ.

— Та шляютця! У городі нема, а приходять зъ селъ. У субботу приходять, підъ праздникъ, або у праздникъ...

Въ сентябрѣ, восьмого числа, въ Пирятинѣ ярмарка, самая большая въ году, совпадающая съ храмомъ единственной городской церкви (Кладбищенская не въ счетъ). Когда-же и быть „людямъ Божіимъ“ въ своемъ „городѣ“, какъ не на этой ярмаркѣ? Я спѣшилъ въ Пирятинъ къ восьмому сентября и, на разсвѣтѣ этого дня, выѣзжалъ изъ ближайшей къ Пирятину, со стороны Прилукъ, станціи Махновки, торопясь на ярмарку.

Чаще и чаще между старыхъ вербъ почтовой дороги попадаются возы и пѣшеходы, стремящіеся „на ярмарокъ“. Скромный пирятинскій костюмъ „молодиць“, ихъ черныя запаски и плахты, корсетка темнаго черкасину, черный, высоко повязанный головной платокъ и каемка бѣлой рубахи, виднѣющаяся надъ обутыми въ черевики ногами, бросается въ глаза. Солнце выходитъ изъ-за лѣсу въ розовыхъ лучахъ. На всемъ ихъ ласкающій, веселый свѣтъ. Самая пыль, покрывающая лице, руки, пальто, дорожную сумку, съ покоющейся въ ней—увы!—совсѣмъ еще чистой тетрадкой, самая эта пыль, въ розовыхъ утреннихъ лучахъ, принимаетъ какой-то золотистый и дымчатый оттѣнокъ. Идутъ и ѣдутъ «ярмаркови»... Вотъ большой, солидный возъ, запряженный парою сильныхъ, медленныхъ воловъ. На возу сложено что-то, прикрытое рядномъ, что везется на продажу. Хозяинъ, въ бѣлой, припылившейея сорочкѣ, мужественный и сильный, какъ его волы, трогаетъ кнутомъ *цобъ* по круторогимъ, при встрѣчѣ съ нами. Дѣвочка дочь примостилась сзади воза, свѣсивши босыя ножки. А посрединѣ, выше всѣхъ, свободная теперь отъ непрестаннаго домашняго труда и заботы, сидитъ, не старая еще и миловидная, хозяйка, душа семьи, *господиня*... На ней праздничное платье и старинный, не часто вынимаемый, зеленый съ краснымъ, платокъ, накинутый на плечи... Вотъ двѣ высокія, стройныя *дівчіны*, должно быть подруги, и парубокъ возлѣ нихъ. Наша телѣга неосторожно налетаетъ на эту группу и зазѣвавшійся парубокъ шарахнулся въ сторону. Смѣхъ и „регітъ“ высокихъ дівчатъ, конфузъ парубка и *дражніння* на цѣлый день... Остановка у шлагбаума передъ длинной, вымощенной камнемъ, греблей. По ней, щадя свои бока и уши, въ сухую погоду не ѣздитъ никто, объѣзжая стороною. Она

выстроена на земскій счетъ, т. е. на счетъ уѣзда, но, тѣмъ не менѣе, за проѣздъ взимается плата и у шлагбаума ругается съ крестьянами неизбѣжный арендаторъ еврей. За греблею—поворотъ на горку. Подъ горой сидитъ старый нищій и низко кланяется, прося милостыню. Можетъ быть въ этой сѣдой головѣ таится не одно преданіе, не одна пѣсня, легенда? Но не буду терять времени на остановки... На ярмаркѣ *ихъ* будетъ много!... Взъѣзжаемъ на гору и круто беремъ влѣво. Изъ какой-то боковой, сельской дорожки выѣзжаетъ, разомъ съ нами, цѣлый поѣздъ, возовъ тридцать, ѣдущихъ на ярмарку. До города всего версты три. Тутъ вся дорога усѣяна уже возами. Пѣшеходы, по два, по три, по десятку идутъ стороною, подъ вербами. Пыль такая, что продохнуть нельзя. Показываются деревья, мельницы, еврейское кладбище, въ сплошной дымкѣ пыли множество возовъ, скота, лошадей. Вдали видны ятки, бѣлые домики, громадный острогъ,—самое большое и лучшее зданіе въ городѣ, маленькая кладбищенская церковь... Мы на выгонѣ, гдѣ ярмарка.

Ряды съ лукомъ изъ-за Прилукъ, кожевники изъ Ични, гончарныя издѣлія—горшки, глечики, покрышки, кухлики, поливянные миски, горы арбузовъ, хлѣбъ, ссыпанный въ кучи и тереза возлѣ кучъ, хлѣбъ въ мѣшкахъ на возахъ, продающійся на осеннія подати, крытый ятками „красный рядъ", рядъ желѣзный, споры за мостовое, шинки по окраинамъ ярмарки, *снидання* подъ возами и на возахъ, опрокинутыя оглобли, проѣзжанье лошадей, черныя лица цыганъ, „крамниці", оврагъ за ятками, гдѣ жарятъ на сковородахъ рыбу и кипятъ въ котлахъ раки... Побѣлѣвшіе клешни вкусныхъ страдальцевъ судорожно выпрямляются въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Рука равнодушнаго мучителя ихъ, вооруженная ложкой, поворачивается въ казанѣ, снимая пѣну съ кипящей воды; верхніе тонутъ въ кипяткѣ, а снизу выворачиваются готовые уже, ярко красные, горячіе и дымящіеся... Обхожу всю ярмарку вдоль и поперекъ. Разочарованье полное! Ни одного „Божьяго человѣка", ни одной свитки, съ заманчиво возвышающейся сбоку полою, изъ подъ которой выглядываетъ бандура или лира. Останавливаю подаяніемъ простыхъ нищихъ и разспрашиваю ихъ. (Бываетъ, что прежніе лирники оставляютъ инструментъ, переставшій нравиться въ народѣ, и просто просятъ милостыню).

— Я старымъ осліпъ, пісень не знаю, я невченый, отвѣчаетъ одинъ.

— Не знаю ніякихъ, говоритъ другой. Хиба *Ісуса* та *Варвары?*

Иду рядами. На встрѣчу попадается высокій слѣпецъ-нищій съ поводыремъ. Онъ громко проситъ милостыню, останавливается, становится на колѣни и кланяется въ землю народу. Кобзари такъ не дѣлаютъ! Жиды-торговцы ловятъ мой унылый взглядъ:

— Ишто покупаете, спросите! Что вы желаете? Что вамъ нужно?

Сказать имъ развѣ, что я желаю незаписанныхъ думъ, что мнѣ нужно кобзаря?..

Посреди ярмарки, возлѣ *сидухъ* и „прожорнаго ряда" (въ этихъ мѣстахъ, а также возлѣ ятокъ, въ самомъ бойкомъ пунктѣ, обыкновенно помѣщаются нищіе-слѣпцы) группа слѣпыхъ женщинъ-нищенокъ сидитъ кружкомъ, поджавши ноги и во все горло поетъ *Святу Пятницю.* Одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ маленькую деревянную мисочку, въ которую, время отъ времени, кто нибудь изъ стѣснившейся кругомъ толпы бросаетъ копѣйку или двѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ съ дѣтьми, двѣ—съ грудными. Вся эта компанія, во время остановокъ пѣнія, жадно ѣстъ подаваемые куски жареной рыбы, арбузовъ и проч., а хлѣбъ прячетъ въ торбы. Онѣ то перестаютъ пѣть, то принимаются снова, поютъ долго и дружно, при чемъ одна изъ женщинъ подхватываетъ при окончаніи каждаго куплета въ октаву вверхъ. Возлѣ нихъ сидитъ двое нищихъ. Одинъ худой и староватый, другой не старый брюнетъ, въ свиткѣ, брилѣ и новыхъ выбойчатыхъ штанахъ. Возлѣ него пучекъ возжей и веревокъ, его работа, которую онъ вынесъ продавать. Маленькій поводырь, которому не сидится молча, выкрикиваетъ звонкимъ голоскомъ:—„А ну віжокъ! Хто віжки купить, той до дому піде, а хто ні—тому до завтра стоять!"—Есть-ли лирники на ярмаркѣ? спрашиваю слѣпого.—Нѣту.—А нѣтъ-ли въ уѣздѣ, въ селахъ?—Лирники есть, въ Тамаровкѣ, Баша Ѳедоръ, въ Ганзеровщинѣ, а кобзарей, такихъ какъ прежде были, нѣтъ. Есть теперь только въ Лохвицѣ, да въ прилуцкомъ уѣздѣ Остапъ Лабза, бывшій галаганскій крестьянинъ. Были и здѣсь. Былъ въ Крячковкѣ (откуда онъ самъ), старикъ, такъ умеръ, года четыре назадъ. Въ Вечоркахъ, возлѣ Березовой Рудки, жилъ Антонъ. И тотъ умеръ.

О „вечірскомъ Антонѣ“ слышно было давно. Къ несчастью никому не привелось узнать его и записать огромный, говорятъ, его репертуаръ. По всему, что я слышалъ о немъ, это была личность замѣчательная. Натура страстная и буйная, онъ не въ силахъ былъ мириться съ своей жалкой долей. Жизнь его была рядомъ постоянныхъ скитаній и въ родномъ селѣ онъ бывалъ рѣдко. Онъ пилъ запоемъ и, по разсказу Вересая, „усе шо заробить, чи холста, чи сорочку хто дасть, и бандуру навить свою, и ту пропье. Якъ зрана устане—вже й напивсь! Пьяный співае, а самъ плаче и усі за имъ плачуть: „чи мене мати, каже, або може батько прокляли!“... Онъ умеръ всего года три назадъ, безвѣстный, подобно множеству старыхъ кобзарей, и его звонкая, тридцатиструнная бандура замолкла на вѣки...

Современныя ярмарки—не чета старосвѣтскимъ, воспѣтымъ Квиткою, на которыхъ мѣста для торговли выбирались посредствомъ катанья паляницъ, парубки гуляли всесокрушающею *лавой* и увы! были кобзари, собиравшіе вокругъ себя народную толпу. Но въ характерныхъ сценахъ нѣтъ недостатка и теперь. Предо мною какой-то бродячій „фигаро“ изъ отставныхъ, вооруженный бритвою, „голитъ“ усѣвшагося возлѣ воза стараго дѣда. Онъ намазываетъ мыломъ огромную сѣдую растительность и брѣетъ однимъ взмахомъ до самаго корня, оставляя кой-гдѣ порѣзы. Старый дѣдъ, съ нависшими бровями, морщится, но терпитъ. Сынъ его, человѣкъ лѣтъ тридцати, внимательно слѣдитъ за операціей. По другую сторону сидитъ невѣстка. Въ душѣ стараго кокета видимо происходитъ борьба: его и шокируетъ комичность его положенія и хочется явиться домой, *до старои*, причепурившись и поразить ее молодымъ видомъ.

— Та ну-бо, годі вже чепурить! говоритъ онъ нерѣшительно брадобрѣю, стригущему въ это время подъ гребень его огромныя, висящія брови. „Воно завтра все одно знову поросте, а то ажъ шкура болить!“

Брови слетѣли, но когда очередь дошла до полъаршинныхъ усовъ, старый дѣдъ уперся: „э, ні! Усивъ не треба різать, ні!“... И спасъ старое козацкое украшеніе...

Славенъ городъ Пирятинъ! Вмѣстѣ съ несомнѣнными принадлежностями города, каковы острогъ и полицейское правленіе, онъ

представляетъ всѣ удобства сельской жизни. Тамъ счетомъ дома, крытые желѣзомъ, и чистота нравовъ такъ велика, что оба пола, безъ всякаго стѣсненія, купаются вмѣстѣ... Я посѣтилъ храмовое служеніе единственной церкви, той самой, можетъ быть, ѣхавши мимо которой, герой думы, Олексій, поповичъ пирятинскій „шличка не здіймавъ"... Мнѣ показалось, что и нынѣшніе соотечественники „писаря військового, козака лейстрового" не набожнѣе его: церковь была почти пуста. Въ ней было едва-ли не больше священнодѣйствующихъ, поющихъ и вопіющихъ, чѣмъ молящихся. Со временъ Олексія Поповича церковь несомнѣнно обновлена, о чемъ я пожалѣлъ, такъ какъ здѣсь, какъ и вездѣ на нашемъ югѣ, остатки стараго иконостаса и живописи свидѣтельствуютъ о большемъ вкусѣ и изяществѣ и представляютъ большой художественный интересъ... Золотые лучи солнца наискось пронизывали храмъ, озаряя свѣтлой дымкой столбы и волны ладана. У входа въ церковь—кучка нищихъ и странниковъ. Вотъ одинъ, котораго я обогналъ на дорогѣ: съ котомкой за плечами, въ истоптанныхъ сапогахъ и какомъ-то арестанскомъ сѣрякѣ, съ волосами желтаго цвѣта и такимъ-же лицомъ, одна изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ скитаньяхъ по обширному лицу Россіи. Основатель новой секты или кандидатъ въ арестантскія роты, онъ сегодня на храму въ Пирятинѣ, черезъ недѣлю—на праздникѣ святого въ Воронежѣ, а еще черезъ мѣсяцъ, въ осеннюю стужу, у воротъ какого нибудь далекаго новгородскаго монастыря...

Солнце спустилось низко, ярмарка стала разъѣзжаться. Потянулись по селамъ пѣшеходы съ покупками, возы съ привязанными сзади, купленными телицами, бычками, съ припряженными, вымѣнянными лошадьми. Тамъ на возу видна кадушка, тамъ колеса, тамъ жлукто, а кое-гдѣ и скрыня для дочки-невѣсты. Заторопились трезвые и пьяные къ завтрашней оранкѣ, молотьбѣ, поденщинѣ, къ кладкѣ табаку, копанью картофеля, рубкѣ капусты и другимъ осеннимъ работамъ. Попадаются хлопцы въ новыхъ, смушевыхъ шапкахъ, дівчата, бережно несущія чоботы, ситецъ или цвѣты. Молодые думаютъ о досвиткахъ, которые скоро начнутся, а старые объ осеннихъ податяхъ, что надо завтра нести сборщикамъ. А тамъ, въ тѣхъ селахъ, куда вьются полевыя дорожки, „дѣтвора" высмотрѣла глаза, ожидая „ярмарковыхъ". Кому привезутъ медяникъ, кому

картузъ, одному глиняного коника, а другой ситцу на споднички. Они выкатили съ улицы на выгонъ и примостились на крылечкахъ вѣтряковъ. Хозяйки спѣшатъ домой, гдѣ полны руки вѣчной, непрестанной домашней работы и гдѣ ждутъ ихъ „маленькі"...

Потянулись съ ярмарки и бездомные *старці*, по два, по три въ рядъ, держась одинъ за другого, съ мальчуганами-поводырями, идущими впереди, зѣвая по сторонамъ и съ отдувшимися торбами. Нѣкоторые садятся подъ вербами на большой дорогѣ, гдѣ идетъ и ѣдетъ много народу и просятъ милостыню, громко причитая. Въ хуторкѣ, верстъ за пять отъ города, гдѣ столпилось возлѣ колодцевъ много возовъ и народу, я услышалъ заунывное скрипѣнье лиры. Молодой лирникъ Кондратъ Емченко изъ Харитоновки прилуцкаго уѣзда, пробренчалъ мнѣ, усѣвшись подъ плетнемъ, „Біду", эту полу-грустную, полу-саркастическую лирницкую пѣсню, смѣсь шутки и стона, балагурства и наблюденій жизни. Я записалъ ее, такъ какъ встрѣчалъ въ сборникахъ только отрывки:

А надъ моремъ глибокимъ
Стоявъ теренъ высокий,
А зъ підъ того терена
Выйшла біда молода...
Одъ Харкова до Кракова,
Всюди біда однакова!..

А хто біды не знае—
Нехай мене спитае.
А я у біды бувавъ,
Такъ я біду розвідавъ.
Моя хата зъ краю,
Я біду зазнаю!

Пішла біда невелика
Та здибила чоловіка.
—Де ты въ чорта уродилась,
Що за мною учепилась?
—Въ Дубовому родилась,
Въ Вербовому хрестилась,
Въ Бериславі зросла,
У Пирятинъ заміжъ пішла.

Въ Бердичеві на торзі
Іде біда на козі
Въ червоному картузі;
—Сідай, бідо, на козу
Я тебе къ чорту 'двезу (2)
Ще й дорогу покажу...

Пішла біда въ школу,
Та зробила шкоду.
—Не йди, бідо, по мискахъ,
А бьють біду по вискахъ!
Пішла біда до мисника,
И тамъ дано налисника,
Пішла біда до грубы
И тамъ дано у груди,
Пішла біда до печи
И тамъ дано у плечи,
Пішла біда до Дениса,
Одъ Дениса выйшла лыса,
Пішла біда до Гаврила,
Одъ Гаврила носа гріла,
Пішла біда до Уласа —
А у Власа діжка мняса.
Пішла біда до Демьяна,
Одъ Демьяна выйшла пьяна.
Пішла біда до шевця,
Та й украла реміпця,
Сіла собі на столці,
Мостить собі постолці—
Сама біда засміялась
Шо хороше обувалась...

—Не йди, бідо, лавками,
Бо бьють біду палками!
Пішла біда по лавкахъ,
Били біду по лапкахъ.
—Не йди, бідо, зъ старцями,
Не крадь торбы зъ сухарцями.
Стали старці змовлятися,
А де біду піймати
Зъ неи кожу зодрати...

А підъ нашимъ яримъ житомъ
Лежить біда зъ своимъ лихомъ.
То іхали за брусами,
Ледве взяли на сани.
Та повезли до Волохъ,
Проміняли за горохъ,
А Волохи каялись,
Шо гороху збавились:
—Біду къ чорту возьміть,
А горохъ намъ верніть!..

Не йди, бідо, за нами,
А бьють біду хвайдами!..
Де взявсь Мартинъ,
Хропъ бідою объ тинъ,
А Марина мимо йшла
И сорочку принесла.
А ще къ тому Марта
Горілочки кварту.
Де взявсь Омелько,
Якъ заплаче тоненько!
Де взявсь Гарасимъ,
По біді голосивъ,
Де взявсь Потапъ,
Начавъ бідушку латать...

Пішла біда въ Могилівъ,
Куповати волівъ,
Ходить біда изъ мислами
За волами, за яслами...
Пішла біда до Ніжена
И тамъ біда не здужала,
Пішла біда до Лохвиці
И тамъ дано прохвостиці.
Підъ церквою въ Тростянцю
Дано біді по яйцю,

(Снимая шапку и протягивая руку):
—Кому одно, а мені двое!

II. Варіанты думъ.

Репертуаръ лирниковъ большею частью ограничивается нѣсколькими духовными стихами и шуточными пѣснями. Но иногда они поютъ такъ называемые морализирующіе стихи и, если допроситься, полузабытые, слышанные отъ старыхъ „майстровъ", отрывки думъ. Не слѣдуетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Но какъ найти этихъ лирниковъ по селамъ и захолустьямъ, гдѣ даже самые селяне не всегда укажутъ ихъ вамъ? Богъ знаетъ его, этого слѣпого, что у него гдѣ-то, въ хижѣ, лежитъ заброшенный *струментъ*, играть на которомъ онъ иногда уже и оставилъ, такъ какъ къ этой музыкѣ и къ этимъ пѣснямъ исчезъ вкусъ въ народѣ. Не поможетъ тутъ и земская статистика, съ ея подворнымъ описаніемъ селъ, гдѣ описывающіе, конечно, менѣе всего думали объ исторической пѣснѣ.

Списки думъ, слѣдующіе дальше, попали въ мою книжку случайно. Проѣзжая село Вейзбаховку, прилуцкаго уѣзда, я узналъ, что тамъ есть лирники, и нашелъ одного изъ нихъ—Ефима Перепелицу. Онъ живетъ въ своей хатѣ и занимается хозяйствомъ на своемъ двухдесятинномъ надѣлѣ. Съ лирою ходитъ только осенью. Пахать поле помогаютъ ему люди и, не хуже взрослаго, работаетъ на полѣ его тринадцатилѣтній сынъ, онъ-же и поводатарь. Въ противуположность отцу, у этого хлопца необыкновенно лучистые и ясные глаза, съ прелестнымъ дѣтскимъ взглядомъ. У него домовитый видъ „отецького сына"—работника и судьба, конечно, сулитъ ему не испытывать горькой отцовской доли, а жить „якъ люде".

Дума „О сыновьяхъ и вдовѣ" принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ. Она записана въ уѣздахъ ахтырскомъ, зеньковскомъ, борзенскомъ, сосницкомъ, лохвицкомъ, прилуцкомъ и лубенскомъ. Кромѣ печатаемаго восьмого списка, у меня есть еще девятый, отъ лирника Вакуленка, изъ Прилукъ. „Иванъ Коновченко" когда-то былъ также любимою думой. Лирникъ, диктовавшій мнѣ его, разсказывалъ, что еще недавно, на ярмаркѣ въ Яблоновкѣ, какой-то старикъ заставилъ его пропѣть „Коновченка" два раза. Не удовольствовавшись этимъ, онъ повелъ его въ свою хату:—„Ще, каже, ты мени іі тамъ разъ проспіваешъ!" Эти поэмы держала столѣтія въ народной памяти не одна сила ослабѣвающихъ историче-

скихъ воспоминаній. Онѣ питали и художественную потребность. Не даромъ молодежь прислушивалась къ „Коновчёнку"—этому воплю жажды жизни и подвиговъ, этой скорбной пѣснѣ о сраженной въ цвѣтѣ юности молодой силѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ набросковъ, гдѣ отразился весь пылъ и трепетъ севастопольской трагедіи, великій современный поэтъ,—Левъ Толстой, замѣчательно близко подошелъ къ простодушному созданію малорусской народной музы. Его Володя Козельцевъ, опьяненный успѣхомъ, охваченный безумной отвагой и сраженный пулей на бастіонѣ въ первый-же день своихъ подвиговъ, есть тотъ-же Ивась, сынъ вдовы Коновчихи, о которомъ не устаютъ распѣвать кобзари на Украйнѣ, втеченіе двухсотъ лѣтъ. Такъ индивидуальное творчество высочайшихъ талантовъ сходится съ массовымъ творчествомъ великаго поэта—народа.

О вдовѣ и сыновьяхъ.

То не сосна шуміла,
То бідная вдова зъ своіми дітками говорила,
А милосердного Творця на помощь просила:
—А хоть буду хлібъ одробляти,
Да не буду дітей у наймы посылати!
Охъ якъ трудно да важко важкий камінь изняти—
А ще трудніше и важче вдовиці мали дітки годувати!

Да жила бідная вдова проживала,
А ніякого супороку та вона не мала,
И до великого зросту сынівъ воспитала,
Чужимъ людямъ на потурание у руки не подавала...

То не сива зозуля кувала,
То бідна вдова своімъ діткамъ щастя-долі, хортуны, прохала:
— «Охъ, милосердный Творче и всі святиі отці!
Поможіть мені малихъ дітокъ погодувати,
Изъ іхъ розума да й діждати!»

Уже бідна вдова сынівъ погодувала,
Уже бідна вдова сынівъ подожидала,
Уже бідна вдова сынамъ домы построіла
Уже бідна вдова отъ іхъ розуму діждала,
И сынивъ подружила.

Ой, якъ стали вони, удовиченки, роскішно проживати,
Стали неньку стареньку гіркими словами зневажати,
При старості літъ за хлібъ-сіль та докоряти:
—Ой иди-жъ ты, мати, на чужий двіръ та проживати,
А нехай мы будемъ сами знати,
Якъ се намъ господарство содержати!
Одинъ узявъ,—за білу руку веде,
А другий по-підъ боки веде,
Третій наздогоняе,
Та въ потилицю выпихае!

Вывели матіръ за нові ворота:
—Оце тобі, мати, шляхъ-дорога та широка!...
Пішла бідна вдова подовжъ улонькою,
Да зустрілася изъ сусідонькою:
— «Ахъ сусідо, сусідо, молода челядино,
Та чужая чужанино,
Прийми мене до смерти жити!
Буду я тобі ділечко робити,
Хату й сіни підмітати,
И добра твого доглядати».
Да взяла сусіда удовицю за білую ручицю,
Посадила сусіда удовицю у новую світлицю,
И за новую скамницю:
— «Иди-жъ ты, мати старая и чужая, въ мій домъ проживати,
Да не будешъ ты у мене ніякого супороку мати,
Не будешъ ты въ мене хаты й сіней підмітати,
А будешъ ты мені, молодій челядині, порядокъ давати».
Да жила жъ бідная вдова проживала ажъ тринадцять годовъ,
Ніякого супороку у сусіди не мала.
А въ тринадцятімъ годі ставъ грімъ погрімати,
Стала чорна хмара наступати,
Ставъ удовиныхъ синівъ громовымъ огнемъ Господь карати,
И въ полі и въ домі всю ходобу розбивати.
Стало ихъ подвіръя зеломъ и бурьяномъ заростати,
Стали ихъ люде превелико-марно зневажати,
Превелику злобу и сварку укидати,
Стали объ іхъ люде говорити:
—Ахъ вы, вдовиченки, десь вы въ себе хліба-соли вы не мали,
Шо вы свою матіръ, при сторости літъ, на чужий двіръ изослали».

А старшій братъ каже: «ходімо, братця, матери прохати,
Чи не перестане насъ Господь карати?
Охъ, девитця, браття, який я бувъ собі домъ коштовный избудувавъ,
Та скоро свою матусю на чужій двіръ изославъ,—
Да заразъ мене Господь громомъ-огнемъ искаравъ,
А у полі и въ домі всю худобу поубивавъ.
Ходимо, братця, матери прохати,
Чи не перестане насъ Господь карати».
Підстаршій братъ каже: радъ бы я, братця, матусю до себе забрати,
Да-къ боюся: жена вельми безбожная да й у мене.
И такъ сварка бувае що дня у мене».
Самый меньшій братъ до матусі прихождае,
Изтиха словами промовляе:
— «А ходимо, ненько старая, у нашъ домъ проживати,
Не будешъ ты супороку ніякого у насъ мати.
Будемъ мы твою старисть чтити й поважати,
Не будемо, ненько старая, за хлібъ-сіль тобі докоряти,
Будемъ своихъ діточокъ та страхати...» [1])
А покіль сыны матіръ та упросили,—
И въ полі и въ домі ничого не зоздріли.
А якъ стала бідна вдова на коліняхъ стояти,
А до Бога руки здіймати:
»О, Господи! Якъ мені тяжко було маленькихъ ихъ хлібомъ годувати!
«О, Господи! перестань моихъ сынивъ карати!...»
Якъ стала бідная вдова въ ихъ домі проживати,—
Ставъ имъ Господь видимо помогати,
А й въ полі и въ домі всю худобу приспоряти [2]).

---

[1]) Въ варіантѣ Вакуленка:
Що едина вдова на ти ихъ слезы не вважала,
Тільки вона единее у сердці поймила,
Що іхъ мали дітки пожаліла...

[2]) У Вакуленка здѣсь слѣдующая амплификація:
Меньшій братъ въ сильно велику дорогу одъїзжае,
Старшого брата словами ублаготворяе:
—Старшій братъ, матусі не прогнівляй,
—Рано и позно молитвы іі почитай,
Подружжя, братъ, мое й свое зупиняй!
Старшій братъ упьять же великее сердце-злость мівъ,
Везбратно матусі горко словами укоривъ,

А послухайте, браття, паны-молодці! —
Що хто отця и матку почитае,
И отцевськую молитву матусину не забувае, —
Да той изо дна моря выринае!
Аще хто отця и матки не почитае,
И отцевську молитву матусину забувае,
Да той на березі погибае,
А на віки віковъ!

Нравственно-поучительныя думы, обращаясь въ народѣ, нерѣдко принимали формы пѣсень. Слышанныя отъ кобзарей, въ пѣсни онѣ перекладывались по памяти, значительно видоизмѣняясь. То излагалось кратко содержаніе думы, то развивалась одна, запавшая въ память и особенно поразившая черта. Въ замѣткѣ о кобзарѣ Крюковскомъ [1]) я привелъ подобный перифразъ думы „О сестрѣ и братѣ". Вотъ отголосокъ „Вдовы и сыновей", записанный въ селѣ Тамаровкѣ, пирятинскаго уѣзда, отъ старухи:

У неділю рано пораненьку
Выгоняе сынъ свою неньку:
—Иди, мати, прічъ одъ мене,
Будуть гости у мене,
Будуть въ мене кумы — побратимы
И рідниі браття!...
Плаче мати, иде улоньками,
Плаче слізоньками...
Зустрічае дочка матіръ:
Куди, мати, идешъ мандрувати?
Иди, мати, жити до мене, —

За руку вінъ бравъ,
Зъ хаты вывождавъ!..
А приснився меньшому брату у сильно великій далекій дорозі предивний сонъ.
Вінъ ставъ плаче-рыдае,
Своему браттю словами промовляе:
—О, мабуть, браття-товарищи,
Мабуть моій матусі у дома немае,
Шось мені у дорозі фортуна не пособляе!..

[1]) См. «Кіевская Старина», 1882 г. декабрь.

У мене дві хаты,
Будешъ моихъ дітей колыхати,
Иде сынъ своій неньки прохати:
—Иди, мати, жить у мене,
Худо жити безъ тебе!
Бодай тобі, сынку, хата згоріла,
Жінка вмерла, дитина зосталась!...
Пішовъ сынъ матери прохати!
—Иди, мати, жити до мене
Худо мені жити безъ тебе:
Вмерла жінка, дитина зосталась,
Да-къ нікому колыхати...

Иванъ Коновченко.

Ой вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,
Мѣла у себе сына одного Ивана Коновченка,
И вона изъ малыхъ літъ ждала и дожидала,
До великого зросту воспитала,
И чужимъ людямъ на потуранне въ руки не подавала...
Ой Филонъ, корсунский полковникъ, ставъ підъ городъ підходити,
Ставъ намети напинати,
Ставъ въ охотне військо у козаки выкликати:
—Охъ, кому то браття придокучило въ отця своего и въ паніматки проживати,
Шинкарці за чарку горілки хату и сіни підмітати,
А прошу я братя на Черкень долину у козацкое войско пойти погуляти,
А козацькои славы и памяти достати!»
А скоро Иванъ Коновченко сее слово услыхае,
До въ своеи матусі старои благословлення просить, тай питае:
—Ахъ, прошу я, мати, на Черкень долину пойти погуляти,
Козацькои славы и памяти достати!
—Охъ не велю я тобі, сыну, дитя мое, на Черкень-долину ити гуляти,
Козацькои славы и памяти доставати,
А велю я тобі, сыну, дитя мое, у городі у Черкасі проживати.
Е въ тебе чотыри волы чабанні,
А ще пара коней воронні,
До ты будешъ у городі у Черкасі проживати,
И будешъ ты хліба пахати,

То будуть до тебе всі козаки заізжати,
Будуть у тебе хліба-соль заживати,
И будуть тебе на пидпитки звати,
А будуть тебе дворяниномъ почитати.
—Ахъ, не желаю я, моя мати, а хліба пахати,
Хоть я буду, моя мати, и хлібъ пахати,
Будуть до мене козаки заізжати и хлібъ и соль заживати,
А будуть мене, моя мати, гречкосіемъ прозывати.
—Охъ, якъ бы ты мені, мати, добре дбала,
До е въ тебе чотыри волы чабанні,
А ще пара коней воронні,
То ты-бъ до жида королевского одгонила,
И ты бъ имъ торгъ сочинила,
Пятьдесятъ червонцівъ доложила,
Да мені коня доброго купила,
Якъ моя козацькая молодецькая душа та любила.
—Ахъ сыну, дитя мое, Ивану Коновченку, ой вдовиченку,
Тридцять я літъ отцевськую худобу содержала,
Да все бъ то тобі на одного коня все позбувала!
—Ахъ, не желаю-жъ я, моя мати, а хліба пахати,
Своихъ німецькихъ закаблуковъ ламати,
И своихъ голубихъ жупановъ пиломъ напиляти.
А вже мені, моя мати, надокучило за плугомъ прохождати.
А за плугомъ прохождати, то болить спина,
А вже мені, моя мати, та борозна мені не мила!
—А скоро удова Коновчиха, по своему мужу Грициха, до Божого храму одъізжала,
А козацькую усю зброю въ комору позамыкала,
И тільки забула на стіні шаблю булатную пищальную и семипьядную.
Да Иванъ Коновченко въ світлоньку вступае,
То ничого вінъ не забачае,
А тілько забачае вінъ на стіні шаблю булатную и пищаль семипьядную.
На плеча закидае и всіхъ козаківъ догоняе,
А проти старого и проти малого шапочку скидае,
И всі козаки возворочали, шапочки скидали,
Его дорожкою поздоровляли.
Ахъ покиль удова Коновчиха, по своему мужу Грициха, изъ Божого храму приізжала,
Уже сына Ивана Коновченка вдовиченка, уже въ домі не застала.

До вона горко кляла и проклинала,
И слезы свои проливала:
—Ахъ сыну, Иване Коновченку-удовиченку,
Бодай тебе три недоли не побили: перва недоля не побила, щобъ тебе пулями не стреляли,
А другая недоля щобъ тебе не побила, щобъ тебе шаблями не зрубали,
А третяя ще недоля не побила,
Штобъ тебе материни слези ни въ якій потрібці не споткали.
Да вдова Коновчиха, по своему мужу да Грициха, мѣла въ себе вона чотыри волы чабании,
А ще й пара коней воронии;
До вона до жида королевського одгонила,
Торгъ имъ сочинила,
Пятдесять червінцівъ доложила,
Ему коня доброго купила,
А якъ его козацькая та молодецькая душа да й улюбила.
А рядовымъ козакомъ подавала,
И поклономъ его поздоровляла,
А рядовый козакъ его догоняе,
Одъ матусі старои поклономъ его поздоровляе,
Ажъ до ёго кінь добрый прибувае.
—Ахъ дивитеся, братья, я думавъ, що мені мати худо дбае,
Аже мені мати добре дбае,
Што мѣла вона въ себе чотыри волы чабании,
А ще пара коней воронии,
Да вона до жида королевського одгонила,
Торгъ имъ сочинила,
Пятдесятъ червонцівъ доложила,
Мені коня доброго купила,
А якъ же моя молодецькая козацькая душа да й улюбила.
Когда бъ мені Господь помігъ сей походъ исходити,
А й назадъ воротитця,
Да я буду при старості літъ свою матусю хлібомъ годувати.
А по смерти еи кости ховати.
Когдабъ мені Господь помігъ сей походъ исходити
И назадъ воротитця,
Да я буду при старости літъ еи хлібомъ кормити,
А по старости еи кости хоронити...
И до табору приїзжае,
Филонъ корсунскій зъ намета выглядае,

Красную китайку простилае,
Ивана Коновченка на красний китайці сажае,
Разными дорогими наідками
И сладкими напитками кормить и наповае.
—Ой Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Позволь ты мені на Черкень долину пойти погуляти,
А козацькои славы и памяти достати!
—Ай Иване, Иване Коновченку, ой вдовиченку,
Ще-жъ ты дитя молодое и малое,
Ще-жъ ты ни на полі, ни на морі не бувало,
Ще-жъ ты ниякого звычаю да не набралося!
—Ахъ Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Поймай же ты утя малое и тее старое,
Да й пусти ты на воду:
Чимъ лучче поплыве утя старое,
Чимъ тое малое?
—Ну, велю я тобі, Иване Коновченку, на Черкень долину ити гуляти,
Козацькои славы и памяти доставати...
До вінъ не много гулявъ, 4 часа и 4 минуты прогулявъ,
А не много вінъ війска потерявъ,
Шість тысячъ у смерть убивъ, а сімъ тысячъ смертельни раны завдавъ,
А восімъ тысячъ живыми у плінъ забравъ.
И Филонъ Корсунскій съ підъ намета выглядае,
Красную китайку простилае,
На красний китайці Ивана Коновченка вдовиченка сажае,
Дорогими наідками напитками кормить и напувае,
—Иванъ Коновченко вдовиченко сее заживае,
Иванъ Коновченко Филону, корсунскому полковнику, нарікае:
—Охъ Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Позволь ты мені водки оковитой зажити.
—Ахъ Иване, Иване Коновченку и вдовиченку,
Не велю я тобі, Иване Коновченку, водки оковитои заживать,
Бо водка оковита вона тебе изъ світа зрадить,
И окрашенного світа та вона тебе збавить,
А велю я тобі, Иване Коновченку, вдовиченку на Черкень долину ити гуляти,
Козацькои славы и памяти побольше доставати,
У хорошій одежді прохождати.
А Иванъ Коновченко вдовиченко слова не слухае,
Бере чайний стаканъ да наливае,
Да выпивае,

На свого коня доброго сідае.
А Филонъ, корсунскій полковникъ, не слыхае,—
Бере й другій наливае,
На свого коня доброго на гриву схиляе,
Бере й третій наливае,
Да все выпивае...
Уже своему коневи доброму на гриву головоньку склоняе,
А по табору проізджае,
Проти старого и проти малого шапки не скидае,
А Филонъ, корсунскій полковникъ: Ахъ, не велю я тобі водки оковитой зажити,
Бо вона, водка оковита, вона тебе изъ світа израдить,
И окрашенного світа избавить,
Бо Турки-Вермени проклятиі,
Вони пьяного чоловіка за чверть миль узрівають,
Вони одступлять и покиль вони тебе, пьяного чоловіка, заманять,
Да вони тебе посічуть и порубають,
А Иванъ Коновченко сего не слыхае,
По табору проізджае,
Проти старихъ казаківъ и проти малихъ шапки не скидае,
А Турки-Вермени проклятие
За чверть мили пьяного чоловіка наздріли,
А на другую ще чверть мили одступили,
Покиль Ивана Коновченка заманили
И Ивана Коновченка посікли, порубали,
А хоть вони его посікли и порубали,
А вони его коня доброго не піймали...
А немного жъ то вони войска потеряли,
Шістнадцять тысячъ у смерть убивъ, а тридцять тысячъ смертельны раны
завдавъ,
А пятнадцять тысячъ у плінъ забравъ [1]),
А его конь добрый по табору гуляе,
Попруги порвани и стремени крівави!...
А Филонъ изъ підъ намету выглядае,
Превеликую тоску-печаль то вінъ мае,
На всіхъ козаківъ гукае,
—Ахъ, вы хлопці козаки, пойдите, коня Ивана Коновченка поймайте,
Бо его конь добрый по таборі гуляе.

---

[1]) Раньше забравъ, а не въ живихъ оставивъ.

Попруги порванії и стремена крівавні...
А пойдите, браття, поймайте,
А его матусі старенькій поклонъ да подайте.
Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, усіхъ козаківъ на дорозі перестрічае
И всіхъ козакивъ перепитае:
—Ахъ, вы молодиі, козаки, а чи не бачили вы, чи не чули мого сына Ивана,
А мого сына Ивана Коновченка и вдовиченка?
Да всі козаки проізждають,
А правды не предъясняють,
Тілько бувъ то одинъ козакъ рядовый—прибувае и правду предъясняе,
—Ахъ, удово, удово, Коновчиха, по своему мужу Грициха,
Що вже твій сынъ оженився и на Черкень-долині одружився.
И взявъ собі жону пишную и гордую,
Що вона нікому словечка не мовить,
И ниякому лицарю головоньки не склонить.
—А слава жъ тобі, Господи, що мій сынъ оженився
И на Черкень-долині одружився,
Шо хоть вінъ жону взявъ собі пишную—гордую,
Що вона никому словечка не мовить,
И ниякому лицарю головки не склонить,
Да хоть буде при кому мені при старости літъ дожити,
А по смерти моій кости похоронити.
Ажъ Филонъ корсунскій полковникъ іде и хорошого (коня) веде,
Попруги порванії и стремени крівавні...
Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, на дорозі стрічае, гірко кляне, проклинае:
—Ахъ Филоне, Филоне, курсунскій полковнику,
Бодай ты въ походъ не сходивъ и назадъ не воротився,
Якъ ты мого сына Ивана Коновченка израдивъ,
Зъ окрашенного світа ты мені его збавивъ.
—Ахъ, не плачь, вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,
И не плачь и не проклинай,
Мені молодому щастя долі не теряй,
А не я-жъ то его зрадивъ,
Зрадила его водка оковитая,
Вона его зрадила, зъ окрашенного світа да избавила.
Да вдова Коновчиха сорокъ день и сорокъ ночей одежи не скидала
И слезы проливала.

Ивана Коновниченка вдовиченка поминала,
А віру турецьку віру, бесурманьску горко кляла и заклинала:
—Ахъ, ты віра турецька, віра бусурманьска,
Будь ты проклятая!
На срібло да на злато да богатая.
Вызволь, Господи, невольниківъ изъ неволи
На свою родину,
До отця да до пані матки!...

III. Кобзарь Братиця.

Его имя стало мнѣ извѣстнымъ по реферату, читанному въ покойномъ юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества. г. Иващенкомъ; авторъ сообщенія, напечаталъ со словъ Братицы три думы, одну псальму и одну сатирическую пѣсню. Отдѣломъ положено было тогда ознакомиться полнѣе съ репертуаромъ нѣжинскаго кобзаря. Но предположеніе это не осуществилось. Портретъ его, хотя очень несхожій, красуется на обложкѣ изданія г. Беца: „Историческіе дѣятели южно-русскаго края" и позаимствованъ, кажется, изъ „Нивы". Братиця знаетъ объ этомъ. Онъ расказывалъ мнѣ, какъ въ Нѣжинѣ „якійсь панъ патретъ зъ него знімавъ".

— Хваливея мені внісля, шо той патретъ надрюкувано.

— Шо-жъ вамъ за це?—питаю.

— Прислали, каже, шість корбованцівъ и „Ниву" на цілий годъ.

— Я думавъ, шо ему поля дано пахать на рікъ, ажъ після розсказавъ вінъ мені, такъ воно зовсімъ ка-зна що!

Съ этимъ наивнымъ приговоромъ спекулятивному петербургскому журнальцу я не могъ не согласиться.

О терешковскомъ кобзарѣ я слышалъ отъ нищихъ: „тамъ старый кобзарь Павло, такий, якъ Остапъ (Вересай), ученый!" Я догадывался, о комъ идетъ рѣчь и рѣшился его разъискать. Терешковка—маленькое глухое село макіевской волости, нѣжинскаго уѣзда, лежащее въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Павло Савичъ Братиця—старикъ небольшого роста, довольно полный, немного рябой, съ сѣдыми баками, наружности необыкновенно добродушной и почтенной. Онъ считаетъ себѣ шестидесятый годъ. „Въ 42 году на десяту пятницю, сонце мінилося, а мені тоди бувъ 18-й годъ.

Такъ по тому я замічаю!" Родомъ онъ изъ мѣстечка Мены, сосницкаго уѣзда, бывшій крѣпостной крестьянинъ гг. Танскихъ. Его перевели въ Терешковку тогда, какъ по какимъ то соображеніямъ помѣщика переводили людей изъ одного имѣнія въ другое. Учился онъ у кобзаря Бешка, въ Менѣ, а Бешко (умершій въ 1855 г.) учился у извѣстнаго Андрея Шута. Таковъ ученый формуляръ Братицы.

У него своя, плохая хатка, стоящая впрочемъ на панскомъ грунтѣ. Старуха жена его также слѣпа. Милостыню больше проситъ она. Самъ Павло рѣдко куда теперь ходитъ изъ дому: „Одно те шо старый, а друге-шо черезъ оці пашпорты не вільно... Якъ я его ніколи не бравъ!..." Жена Павла ревниво охраняетъ пѣсенное богатство мужа. Она, какъ говорили мнѣ, не допускаетъ никого учиться у него, перенимать пѣсни и псальмы. Если какой лирникъ прійдетъ къ нимъ, она спроваживаетъ его, говоря:

— Адже-жъ ты бувъ у науці, такъ чого-жъ тобі тутъ треба учитьця?

Чѣмъ и какъ живетъ онъ?—Поля у него нѣтъ никакого, другой собственности также. Болѣе или менѣе значительныя подаянія отъ пановъ рѣдки. Между тѣмъ двумъ старикамъ надо пить-ѣсть, одѣваться и содержать маленькаго поводатаря, нужнаго имъ обоимъ. Поддерживаютъ его свои селяне, да кое что зарабатываетъ онъ на витьѣ веревокъ. Онъ почтителенъ и кротокъ со всѣми и пользуется уваженіемъ въ селѣ, что не всегда бываетъ съ нищими. Въ семьѣ Вербилы, мѣстнаго Креза и кажется кулака, живущаго въ большой просторной хатѣ, на краю села, „зъ приходу", гдѣ я остановился, къ нему относятся уважительно и любятъ его. Вербило—бывшій прикащикъ, арендаторъ чьей-то земли, человѣкъ по мѣстнымъ понятіямъ очень богатый, имѣющій наймитовъ и наймичокъ... Но это черта почти общая: эти нищіе, убогіе люди, могикане исчезнувшаго, стараго строя жизни, какъ-то инстинктивно внушаютъ почтеніе къ себѣ въ народѣ, который какъ-бы чуетъ въ нихъ отблескъ чего-то высшаго. У самихъ кобзарей живетъ также это сознаніе и Братица не дѣлаетъ исключенія. Видя меня, записывающаго со словъ Павла цѣлый день, мои хозяева стали разспрашивать, для чего это мнѣ нужно?

— Для какой нибудь прахтыки? не то подозрительно, не то наивно допытывался длинный, рыжій Вербило.

— Та цімъ піснямъ більшъ двісті роківъ, отвѣчалъ за меня Павло. Та воно-жъ такъ колись люде на світі жили!..

Я совсѣмъ пораженъ былъ словами Братицы, что онъ знаетъ десять думъ и болѣе 50-ти псальмъ и пѣсень. (Въ сообщеніи г. Иващенко говорилось только о 29). Уже мнѣ мерещилась дума о Брюховецкомъ, которая была извѣстна черниговскимъ кобзарямъ, но нынѣ, кажется, окончательно затеряна. Объ одной эпохѣ Хмельницкаго Братица сказалъ пять думъ: „О молдавскомъ походѣ“ (Про городъ Сороку, какъ называлъ ее Павло), „О жидовскихъ откупахъ“, „О смерти Хмельницкаго и избранія Юрія гетманомъ“, „О Барабашѣ и Хмельницкомъ“ и „Про ляхівъ“ (О бѣлоцерковскомъ мирѣ). Хотя съ первыхъ строкъ всѣ онѣ показались мнѣ близкими къ печатнымъ текстамъ, но, не довѣряя своей памяти, и надѣясь встрѣтить что нибудь неизвѣстное, я записалъ ихъ всѣ. Велико было мое разочарованье, когда, провѣривши по сборникамъ, я убѣдился въ буквальномъ тожествѣ. Дѣло объяснилось очень просто. Братиця перенялъ отъ Бешка три думы („Озовськи браты“, „Барабашъ и Хмельницкій“ и „Козакъ Голота“). Таковъ былъ его репертуаръ при встрѣчѣ съ г. Иващенкомъ, записавшимъ отъ него эти думы. Впослѣдствіи, странствуя каждое лѣто въ Нѣжинъ, онъ попалъ въ передѣлку нѣкоему нѣжинскому обывателю, обладателю „Записокъ О Южной Руси“ и Сборника Метлинскаго. Этотъ послѣдній взялъ на себя роль кобзарскаго *майстра* и научилъ Павла еще четыремъ думамъ о временахъ Хмельницкаго по тексту Шута и кой чему изъ брошюрки о Вересаѣ. Съ тѣхъ поръ Братиця утверждаетъ, что онъ учился у Бешка *и у Шута* (жившаго въ Александровкѣ, въ 12 верстахъ отъ Мены). Можетъ быть это и такъ, но близость его текстовъ слишкомъ буквальна и могла быть сохранена только книжнымъ путемъ. На это обстоятельство указываетъ и то, что въ думѣ о смерти Хмельницкаго имя Выговскаго, по тексту Шута искаженное въ Луговскаго, исправлено на настоящее. Ученикъ не могъ быть болѣе свѣдущъ въ прошломъ, чѣмъ учитель.

Какъ-бы то ни было, но Братиця самъ создалъ себѣ эту легенду и, какъ случается иногда, кажется самъ въ нее увѣровалъ. Въ 52-мъ году, разсказываетъ онъ, въ Мену къ Бешку пріѣзжали

Кулишъ и Бѣлозерскій. Бешко зналъ пять думъ, учениковъ у него было до 30-ти. Записавши отъ Бешка, пріѣзжіе поѣхали къ Шуту. Послѣ того и молодые кобзари, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, стали учиться у Шута. За давностью онъ многое перезабылъ. Такъ теперь паны, „спасибі имъ!"—ему напомнили по книгамъ.

Думу о Коновченкѣ выучилъ онъ отъ Шута или отъ „Охроміевского Левка", онъ не помнитъ. И она, за исключеніемъ двухъ-трехъ стиховъ, оказалась сходной съ текстомъ Метлинскаго. „Соколи" изучены съ помощью нѣжинскаго обывателя. „Це Остапова, ціеі Шутъ не знавъ!" говорилъ Павло, не думая скрывать источника своихъ свѣдѣній. Остальныя думы его были записаны раньше. Оставалось дѣлать розыски въ другихъ частяхъ его репертуара.

Изъ того небольшаго цикла пѣсень, которое занимаетъ среднее мѣсто между историческими и „божественными", я записалъ отъ него одну пьесу: третій разсказъ о Почаевскомъ чудѣ [1]). Онъ относится къ тому-же событію—чудесному избавленію монастыря отъ турецкой осады (1675 г.) и отецъ Золізоръ или Залізо, здѣсь упоминаемый, тотъ-же святой Іовъ. Написанный куплетами, съ причудливымъ сочетаніемъ риѳмы, разсказъ несомнѣнно того-же происхожденія, какъ и всѣ почаевскіе псальмы, сочинявшіеся монахами-базиліанами и печатавшіеся въ почаевскомъ „Богогласникѣ". Но отъ воздѣйствія-ли народа или отъ свойства самаго воспѣваемаго событія, онъ принялъ нѣкоторые черты величія. Въ „Каликахъ Перехожихъ" Безсонова, разсказъ напечатанъ по списку В. И. Даля. Нашъ варіантъ очень близокъ къ этому тексту, но въ немъ рельефнѣе мѣстное обличіе, утраченное въ Далевскомъ спискѣ. Вотъ самая пьеса, выученная Павломъ отъ слѣпца изъ Синявки, не кобзаря, а просто нищаго:

Псальма Почаевской Богоматери.

Пасли пастирі
Овці на горі,
А увиділи образъ
Матіръ Божу на скалі.

[1]) Два первые см. въ «Малор. Лит. Сборникѣ» 59 г. и въ собраніи г. Лисенка.

На той скалі ступни знати,
Де стояла Божая Мати,
Тамъ воду беруть
И всімъ вірнимъ дають.

А пречистая Діво Марія
Де у Почаеві икона твоя?
Чудо твое надъ чудами
Издѣлалось надъ турками,—
Бо твоя сила
Ихъ побідила!

Зъ града зъ Збаража въ Почаівъ прийшли,
Много народа-христіянъ знайшли.
Начали оганятись,
Могли-бъ вони ихъ усіхъ достати,
Раду складають,
И всімъ сее змовляють.

А въ вівторокъ рано браму обняли,
Законнику изъ плічъ главу зняли.
Вінъ береть на руки,
Несеть свою главу,
Матери Божій даеть славу;
Предъ образъ впадае
И духъ свій воздае.

А въ манастырі плачуть-рыдають,
Руці подносять, крижемъ падають:
«Измилуйся, Діво-Мати,
Не дай-же намъ погибати
Въ безщастній долі,
У турківъ у неволі!»

За единъ бо день, у турецькой земли,
Ставъ въ Почаеві чернець у неволі,—
Матіръ Божу ублагають...
Уже хотіли ихъ розігнати
Зли бусурмляни—мухомедане,
А Матіръ Божа всімъ сее изъявила,—
Омохворомъ вірнихъ покрыла:
«Не бойтеся, христіяне,
Не возьмуть васъ бусурмляне

У свои руки
У тяжкиі муки!»
А Золізоръ передъ Маріею ставъ,
На повітрі всімъ видимою,
Просить: «пані Рахиля,
Не одпущай, бо то святыня,
Яко царицproperly
И владычиця!»

Турки съ татарами сміло ступають,
На гору стрілы якъ дощъ пускають,
И вгоняются всіхъ мечами,
И мають ще стрілы за плечами,
То ихъ-же стрілы
Та назадъ летіли!..

Крикнувъ на військо турецькій Баша:
«Усі мы погибнемъ, бо недоля наша;
Назадъ стрілы усе вертають,
И насъ самихъ забивають,
Мы того чуда вікъ не виділи!»

Шо зъ того чуда всі дивувались,
Шо того чуда вікъ не виділи:
«Знать у неба Божая сила,
Полки войска наступили,
Насъ проганяють
И убивають!»

А у христіянъ турокъ питае:
«Шо то за пані у горі сяе?
И зъ нею війско все зъ мечами
Поступае услідъ за нами,
Не йдуть землею
Та все облаками?»

А христіяне имъ такъ сказали:
«Шо то Мати Божа стоить изъ ангелами,
Іі образъ у монастырі
Славенъ, чуденъ Божой силі!»
Которі знають,
Усімъ сее зъявляють.

Страхомъ великимъ усі закричали,
Матіръ Божую Божкомъ назвали:

«На повітрі стоить Божко,
Прийшло зъ нею війско,
Та недоля наша,
Уже забитъ и Баша!»

Зли бесурмляне зъ міста рушали,
Зъ коней падали, корка лишали,
Изъ Почаіва утікали,
Невольниківъ оставляли:
Бо Маріина сила
Страшна имъ была!

Мати Божая, можная царице!
Всі-жъ мы упадемъ предъ тобою на лице,
Пребудь изъ нами у той часъ смерти,
Не дай-же намъ у гріхахъ померти,
Яко царице,
Всімъ заступнице!

Не привожу здѣсь собственно псальмъ, записанныхъ отъ Братицы. Произведенія этого рода не имѣютъ у насъ до сихъ поръ особаго сборника и я отлагаю свой запасъ именно для него. Только при значительномъ ихъ собраніи, въ родѣ собраній великорусскихъ стиховъ Варенцова и Безсонова, возможны какіе нибудь выводы о ихъ характерѣ, складѣ, внесенныхъ исторіей и народнымъ духомъ оригинальныхъ чертахъ, степени воздѣйствія и заимствованія у сосѣднихъ народовъ и т. под. Издатель монументальныхъ „Каликъ Перехожихъ" г. Безсоновъ не любитъ малорусскихъ псальмъ и кантовъ. Ему не нравится ихъ усиліе въ немногихъ словахъ сказать многое, ни тѣ жарты, которые вноситъ въ нихъ малорусскій юморъ, ни постоянныя ихъ вторженія въ жизнь, доходящія до внесенія кантовъ въ праздничныя представленія въ дѣйствіяхъ и лицахъ, ни тѣсная связь ихъ съ народными праздничными пѣснями, въ родѣ Щедривокъ и Колядокъ [1]). Для насъ-же въ этой близости ихъ къ жизни, въ возможности прослѣдить связь съ жизнью старой школы, ихъ родоначальницы, интересъ и привлекательность этого рода произведеній...

[1]) См. предисловіе къ 4-му вып. «Каликъ-Перехожихъ».

„Онофрій“, „Лазарь“, „Двѣнадцать пятницъ“, „Варвара“, „Сынъ блудящій“, „Смотрися къ намъ смерте“, *проказаны*. А про Кирика не знаете? спрашиваю я Павла.—Хрінъ ихъ усі перезнае! — Хиба „Правду“ заспівать? Та іі не всі люблять! прибавляетъ онъ съ умѣшкой, играя словами. Его „Правда“ своеобразна и представляетъ черниговскій варіантъ этой замѣчательной пѣсни:

Шо тепера въ світі правды не зіськати,
А тая неправда звыкла правдовати. (2)
Теперъ святу правду підъ нозі потоптали,
А тую неправду медомъ-виномъ наповали.
Да теперъ-же свята правда да сидить у темниці,
А тая неправда зъ панами у світлиці.
Стоить правда у порога да слізно рыдае,
А тая неправда зъ панами пье-гуляе. (2)
Стоить правда у порога да тайненько сміетця,
А тая неправда за гроши беретьця. (2)
Хочеть правда царства, а неправда богатства! (2)
Шо хочеть правда та судомъ стати,
Шобъ святымъ хлібомъ-сілью панамъ судъ розсуждати. (2)
А неправда та хочеть, шобъ и суду не знати,
Абы сріблом-злотомъ судьямъ очи засыпати.
Шо хочъ правда маленька—такъ вона важенька!..
Пішла правда нижче, а неправда повыще. (2)
Шо хочъ правда маленька, а неправда велика,—
Збавляе неправда усякого чоловіка. (2)
Ой, людей збавляе, а панівъ насыщае!..
Шо теперъ у въ правды та не міетця силы,—
Стережися отець-мати свого рідного сына!
Шо вже конець віка, а конець приближитьця,
Хоть рідного брата да теперъ стережися.
Остаються дітки, а безъ матери спрітки:
Немае имъ помочи а ни здесь, а ни відки. (2)
Шо горе баті и діточкамъ а безъ матери пробути:
Плачуть гірко рыдають, не можуть забути! (2)
Хто будеть на світі правду бережити,
Тому шлеть Богъ зъ неба довго въ світі прожити. (2)
А хто будеть на світі правду позкавати,
Тому шлеть Богъ що въ Бога день благодати.
Самъ Господь Богъ правда, да погубить неправду,
Сокрушить гордыню, вознесе святыню!..

Репертуаръ „простацькихъ пісень" у Павла великъ. Тутъ неизбѣжныя „Дворянка", „Міщанка", „Теща", „Хома и Ярема", „Чечітка". Кромѣ того онъ поетъ чумацкія и бурлацкія пѣсни, какъ „Побратався сокілъ", „Нема въ світі гіршъ никому", „Чайка", „Ишовъ чумакъ зъ Дону" и т. д. Практика у него прежде была большая. „Я такъ привыкъ до бандуры, що безъ неі я наче и не чоловікъ", говоритъ онъ. Эта двадцатиструнная бандура служитъ ему уже тридцать лѣтъ. Она сдѣлана въ Веркіевкѣ. Старосвѣтскіе столяры, умѣющіе дѣлать бандуры, попадаются до сихъ поръ. Такой столяръ есть напр. въ Макіевкѣ. Онъ сдѣлалъ недавно молодому кобзарю Прокопу Дубу (съ которымъ Братиця прежде ходилъ вмѣстѣ) новую бандуру. Дерево (вербина) Прокопа, за работу—рубль. Злополучный Дубъ недавно погорѣлъ и теперь „тиняется десь по світу".

— А Овсій зъ Шняківки?

— Нема вже, умеръ!

— А Войцехъ, у Мені?

— То живый... Господи, всіхъ знають, усіхъ посписували!

— Якоі-жъ мені вамъ ще проказать, говорилъ онъ грустно, коли вы всі знаете? Хиба оцю „пісенітницю?" Це вже справді я на селі выучивъ, чоловікъ, Володька' зъ Дівиці, співавъ.

Это шутливая пѣсенька, мотивъ которой встрѣчается въ сборникахъ Головацкаго и Метлинскаго („Вдова"). У Братицы она законченнѣе и лучше. Когда онъ „проказывалъ" ее, лицо его дышало удивительной добротой хорошаго дѣдушки...

А не знала удівонька, якъ у світі жить,
Да наняла ведмедика за плугомъ ходить,
А вовчика сіренького воливъ поганять,
А зайчика куценького передокъ водить,
А лисицю Горпиницю обідать варить.
Поступила ведмедику да горщокъ меду,
А вовчику сіренькому тому барана,
А зайчику куценькому тому качана,
А лисиці-Горпиниці курка печена...
Ведмедичокъ розсердився—плужокъ поламавъ,
А вовчикъ розсердився—волы розігнавъ,
А зайчикъ куценькиі тай догадався,
Въ зелену пшеничєньку тай заховався

А лисиця-Горпиниця собі догадалася,
Въ зелену дібрівоньку заховалася.
Несе вдова обідати — поспішаетця,
Сидить зайчикъ на могилі усміхаетця.
— Бідна-жъ моя головонька вдовиная,
Що лежить моя нивонька неораная!..

Въ черниговской губерніи кобзарей особенно много въ сѣверныхъ уѣздахъ и они пользуются между собратьями особеннымъ авторитетомъ. Такъ гласитъ сборникъ Метлинскаго, вышедшій въ 1854 году. Съ тѣхъ поръ утекло много воды и сошло съ лица земли не мало стародавнихъ рапсодовъ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ и теперь кобзари не рѣдки. Я встрѣтилъ одного на другой-же день по пріѣздѣ въ городъ и свелъ съ нимъ знакомство. Худой и высокій, въ постолахъ и яломкѣ, съ лицомъ блѣднымъ и скорбнымъ, съ своимъ крошечнымъ бѣлокурымъ поводыремъ, онъ могъ служить для художника интереснымъ типомъ кобзаря-древлянина. Для меня-же интересъ его былъ не великъ и всѣ пьесы его репертуара я могъ суфлировать ему самъ. Онъ самъ стѣснялся этимъ и, настроивъ бандуру, напѣвалъ „сільску пісеньку“:

На калину вітеръ віе —
Калина не спіе,
Парень дівку вірно любить,
Заняти не сміе...

На сѣверныхъ окраинахъ губерніи я не былъ, но кобзари, видѣнные мною въ окрестностяхъ Чернигова, принадлежатъ къ тому-же не интересному типу.

В. П. Горленко.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.[1]

5. МАРКОВИЧИ.

Марковичи выдвинулись въ ряды козацкой старшины вліяніемъ гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Родоначальникъ ихъ— Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ [2]). Здѣсь онъ женился на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка [3]) и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій", заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. Въ судебныхъ протоколахъ пирятинской ратуши за 1683 г. не разъ встрѣчается „панъ Маркъ Аврамовичъ обыватель прилуцкій, арандаръ первтинскій" [4]). „Арен-

---

[1]) См. «Кіевская Старина» на 1882 г., кн. 1, 3 и 8.

[2]) Архіепископъ Филаретъ ошибается (Опис. черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1669 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, которая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

[3]) Корнѣенко въ 1685 г. былъ прилуцкимъ войтомъ и затѣмъ сталъ писаться уже не Корнѣенкомъ, а Огроновичемъ; впослѣдствіи онъ переписалъ сыновей изъ мѣщанъ въ козаки и старшій изъ нихъ—Михайло Огроновичъ былъ при Скоропадскомъ прилуцкимъ полковымъ обозныиъ. Отъ него и пошли настоящіе дворяне Огроновичи.

[4]) Книга протоколовъ пирятинскаго ратушнаго суда, за 1683—1729 гг., рукопись библіотеки коллегіи Павла Галагана.

дарскій" промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала иногда и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ преимущественно тѣ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество большею частью за людей очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотою дочь Настасья выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; только одна дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка—Андрея Кондзеровскаго. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ. Но сыновья его оставались все таки въ „поспольствѣ". Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, въ ноябрѣ 1708 г., стала гетманшей. Зять—гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г. Сохранилось интересное письмо Скоропадскаго о смерти тестя, писанное къ старшему сыну послѣдняго—Андрею, которое и приводимъ здѣсь: „Мы желали долгой жизни милому пану нашему, и надѣялись, что приключившаяся ему болѣзнь не будетъ смертельною; но неизбѣжный всѣхъ живущихъ рокъ рѣшилъ, чтобы долгъ смерти былъ заплаченъ, и да будетъ въ томъ воля Божья! Считаемъ васъ счастливымъ, что хотя при концѣ жизни застали вы пана родича, а мы очень сожалѣемъ, особенно Настуся—вѣчную жалость будетъ имѣть на сердцѣ, что не могли получить послѣдняго изъ живихъ устъ отца благословенія. И теперь она не можетъ ѣхать, чтобы отдать послѣдній свой долгъ и присутствовать при похоронахъ; а потому на васъ, съ друми вашими братьями и сестрами, возлагаемъ обязанности совершенія похороннаго обряда, не задерживая онаго, если тѣло поставлено будетъ и въ склепѣ, такъ какъ покойникъ умеръ неизболѣлый и тѣло его будетъ повреждено при перевозѣ въ монастырь (Густынскій). А послѣ похоронъ можете остаться тамъ, сколько вамъ будетъ нужно. Мы же, за нашими занятіями, прибыть на похороны не можемъ; но о вѣчномъ упокоеніи, идѣже правед-

ныхъ дуси, милаго родича, позаботимся, чтобы и здѣсь по церквамъ, были установлены молитвы и жертва о душѣ его[1])“.

Кромѣ дочерей, Маркъ Аврамовичъ оставилъ кажется пять сыновей, изъ которыхъ только старшій — Андрей имѣлъ въ это время урядъ глуховскаго сотника; младшіе же пока не имѣли никакихъ урядовъ. Сыновья поспѣшили подѣлить отцовское наслѣдство, причемъ обдѣлили младшаго брата — Федора, который жилъ при отцѣ и на которомъ подслѣдній сосредоточивалъ особенныя свои заботы. Маркъ Аврамовичъ высваталъ Федору дочь переяславскаго полковника Томары, обѣщавъ свату—все свое имѣніе отдать младшему сыну, причемъ обѣщаніе свое свидѣтельствовалъ публично предъ прилуцкимъ полковникомъ Носомъ и протопопомъ Магеровскимъ. Такъ разсказываетъ объ этомъ Федоръ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продолжая затѣмъ, что когда умеръ отецъ, то братья и сестры не исполнили отцовскаго завѣта и все имѣніе раздѣлили поровну, а „деньги пани гетманова Скоропадская всѣ забрала на Кондзеровскую, оставивъ ему, Федору, „на господарство“ всего семь копъ. Особенно жалуется Федоръ на старшаго брата, Андрея, который пользуясь своимъ старшинствомъ и вѣроятно, поддержкою сестры-гетманши, забралъ все, что было получше, себѣ.

Андрей Марковичъ, старшій изъ сыновей Марка Аврамовича, пользовался при Скоропадскомъ большимъ значеніемъ, пользуясь которымъ нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ половинѣ XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи. Начальное свое благосостояніе Андрей Марковичъ думалъ устроить женитьбою на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго, который пользовался особенною пріязнью Мазепы, крестившаго, между прочимъ, у Маковскаго дѣтей. Но прежде, чѣмъ Марковичъ могъ воспользоваться вліяніемъ тестя, судьба поставила его въ такое положеніе, о которомъ онъ конечно и не мечталъ: булава измѣнившаго Мазепы досталась Скоропадскому, которымъ всецѣло заправляла его жена— родная сестра Марковича. Впрочемъ нужно отдать справедливость и личной ловкости Марковича: какъ только пронеслась въ Малороссіи вѣсть о томъ, что Мазепа передался Карлу, Марковичъ,

[1]) Украинскій журналъ 1824 г., № 21, 130—132.

жившій въ это время при тестѣ, въ Кролевцѣ, немедленно поспѣшилъ къ Меншикову, шедшему для взятія Батурина. За эту „вѣрность“ награда дана была немедленно: Марковичъ пожалованъ былъ сотникомъ въ Глуховъ, тогда-же назначенный быть новою резиденціею новаго гетмана. А затѣмъ Марковича царь послалъ въ Царьградъ съ своими письмами къ тамошнему русскому послу; не смотря на трудный проѣздъ въ Турцію, порученіе это Марковичъ исполнилъ исправно. Отличіе шурина дало возможность Скоропадскому наградить его первою маетностью; въ январѣ 1709 г. Марковичу дано было сосницкое село Шабалиновъ, которое черезъ годъ утверждено было и царскою грамотою: „наше царское величество пожаловали глуховскаго сотника Андрея Марковича, велѣли ему дать... грамоту на мельницы подъ г. Кролевцомъ, прозываемыя Дулины, да на село Шабалиновъ, для того, что служитъ онъ многіе годы во всякой вѣрности и, во время измѣны вора и измѣнника Мазепы, ни къ какимъ его воровскимъ умысламъ не приставалъ, а былъ всегда при нашихъ войскахъ противъ непріятелей нашихъ вѣрно и радѣтельно, и во время взятія Батурина на приступѣ былъ-же; за ту его службу пожалованъ глуховскимъ сотникомъ“ [1]. Но сотничій урядъ конечно не удовлетворялъ Марковича; гетманъ съ своей стороны готовъ былъ все сдѣлать для шурина, который былъ любимымъ братомъ его жены; но затрудненіе заключалось въ томъ, что Скоропадскій не пользовался властью своихъ предшественниковъ: полковничьи уряды перестали зависѣть отъ власти гетмана, такъ какъ Петръ Великій, послѣ измѣны Мазепы, сталъ замѣщать эти должности по своему личному усмотрѣнію. Приходилось, значитъ, самому гетману искать предстательства у приближенныхъ царя, которыхъ для этого Скоропадскій не упускалъ задобривать „маетностями“. Въ это время Скоропадскому уже удалось разъ выхлопотать полковничій урядъ для Черныша, который былъ женатъ на дочери его жены отъ перваго брака съ Голубомъ. Сталъ хлопотать гетманъ и за Марковича, чтобъ доставить ему лубенскій перначъ; хотя хлопоты эти были и не трудные, потому что дѣло шло о человѣкѣ, засвидѣтельствовавшемъ свою „вѣрность“ въ самое смутное время, но тѣмъ не менѣе хлопоты длились нѣсколько лѣтъ.

[1]) Арх. генер. канц., № 2523.

А между тѣмъ Марковичъ наживалъ себѣ богатства полученіемъ отъ гетмана болѣе, или менѣе цѣнныхъ маетностей. Пока добился онъ полковничества, Скоропадскій, кромѣ Шабалинова, далъ Марковичу: въ октябрѣ 1709 г.—греблю у с. Каменя, въ апрѣлѣ 1711 г.— с. Евдоконье въ стародубскомъ полку и въ іюнѣ 1713 г.—с. Токари и хуторъ на р. Артополоти. Наконецъ получено было и полковничество; въ универсалѣ Скоропадскаго 1714 г., читаемъ: „лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества по слабости здоровья и на мѣсто его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагеръ нашъ, при чемъ и полковая старшина, съ рядовымъ товариствомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагрѣ нашемъ; и мы, гетманъ, исполняя монаршее повелѣніе и снисходя при томъ на общее всѣмъ полчанъ тамошнихъ прошеніе, вручили ему п. Андрею Марковичу тотъ урядъ полковничества лубенскаго“ [1])... Въ этомъ универсалѣ интересно упоминаніе, что будто и лубенская старшина просила гетмана о назначеніи Марковича полковникомъ; но если и просила, то есть полное основаніе сомнѣваться въ искренности такой просьбы: не любили козаки, когда въ полковники къ нимъ попадалъ чужой человѣкъ, не имѣвшій своего тамъ хозяйства; знали они, что станетъ онъ наживать себѣ хозяйство на ихъ счетъ. Такъ оно сталось и съ Марковичемъ, который за тринадцатилѣтнее свое управленіе лубенскимъ полкомъ, нажилъ себѣ богатыя маетности; а маетности полковникъ наживалъ въ то время исключительно почти насиліемъ, которыя преслѣдовались въ исключительныхъ лишь случаяхъ; а Марковичъ этихъ преслѣдованій и совсѣмъ не боялся, имѣя защитницею свою сестру—гетманшу, которая, пользуясь безличіемъ мужа, заправляла Малороссіею, насколько оставлено было еще въ то время власти гетману. Впрочемъ лубенская старшина, потерпѣвъ четыре года, рѣшилась было въ 1718 г. заявить свой протестъ противъ насилій полковника, „но когда о томъ Марковичъ провѣдалъ и объявилъ гетману, заразъ помянутую старшину, вмѣнивши за бунтовщиковъ, съ походу отъ службы, завернено и предано за крѣпкій караулъ Өеодору Протасьеву, потомъ нещадно бито кіями, и уряды, такожъ и мает-

---

[1]) Дневн. записки Як. Марковича, I, 449.

ности у нихъ поотбирано съ крайнимъ прочаго имѣнія разореніемъ" [1]). И пришлось лубенцамъ терпѣть; не только пока живъ былъ Скоропадскій, но и послѣ его смерти не было надежды освободиться отъ Марковича; овдовѣвшая гетманша не потеряла значенія, пользуясь, какъ свойствомъ съ Толстыми [2]), такъ и пріязнью Вельяминова, тогдашняго правителя Малороссіи. Но съ паденіемъ Толстыхъ, рушилось значеніе гетманши, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ считалъ Толстыхъ въ числѣ своихъ враговъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1727 г. отставленъ былъ Толстой (зять Скоропадскаго) отъ уряда нѣжинскаго полковничества, а въ іюлѣ стали въ Глуховѣ уже поговаривать, что не сдобровать и Марковичу [3]). Дѣйствительно, пріѣхавшій въ Глуховъ, осенью 1727 г., Наумовъ, привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ Марковича состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до посылки въ Глуховъ сенатора Наумова, ѣхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшины къ избранію въ гетманы Апостола [4]). Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ въ то время Меншиковымъ, случайно вспомнившемъ о братѣ Скоропадской, которая за свойство съ Толстыми попала въ немилость временщика. При назначеніи Наумова министромъ Малороссіи, для него составлена была въ иностранной коллегіи инструкція, которую предварительно поднесли Меншикову на просмотръ; и—его свѣтлость, въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей, дополнить велѣлъ: „кромѣ жидовъ"; при томъ-же разсуждать изволилъ, что полковникъ лубенскій, шуринъ гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его—отставить" [5]).

Такъ случайно, рѣшена была отставка Марковича, о „тягостяхъ" котораго для полчанъ Меншиковъ, какъ видно, давно уже зналъ. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ

---

[1]) Русск. Арх. 1864 г., 494.

[2]) Сынъ Петра Андреевича Толстого, извѣстнаго сподвижника Петра Великаго, былъ женатъ на дочери Скоропадскаго, отъ втораго его брака съ Настасьей Марковной.

[3]) Зап. Марк. I, 231.

[4]) Архивъ пр. сената, Баранова, т. I, №№ 2352 и 2460.

[5]) Соловьевъ, XIX, 131.

хотѣлъ сдѣлать любезность будущему гетману Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была извѣстна и въ Москвѣ.

Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: „отлучить отъ полка полковника лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ". Къ этому указу Наумовъ присоединилъ и свой—„дабы всякъ на Марковича жалобы за обиды, имъ оказанныя, заносилъ, не посягая и не закрывая" [1]). Жалобщиковъ явилось множество; во главѣ ихъ стояла лубенская старшина, которая не могла не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для мести противъ полковника и подала Наумову пространное описаніе своихъ обидъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ образованъ лубенскій полкъ, говорилось въ этой жалобѣ, на чинъ полковничій выбирались вольными голосами, люди достойные изъ своихъ полчанъ и никогда отъ нихъ не было народу отягощенія; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадскаго произведенъ въ чинъ лубенскаго полковничества чужой человѣкъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ не слыханныя, но и за державы лядской (польской) и за жидовскаго тогдашняго арендаторства едва-ли творились таковыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него Марковича въ полку всему народу, который отъ того обницалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился!" Затѣмъ лубенская старшина переписала по пунктамъ всѣ тягости, которыя чинилъ Марковичъ своимъ полчанамъ. Наиболѣе характерные пункты были слѣдующіе:

Когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ устраивать себѣ хутора, мельницы и фольварки, то, не довольствуясь опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде чина того отъ Скоропадскаго полученными, маетностями, принуждалъ всего полку людей, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ, исполнять свои частныя работы, причемъ для него гатили плотины (гдѣ были водяныя мельницы), возили дерево на разныя постройки, пахали землю козачьими плугами, косили сѣно и жали хлѣбъ.

А грунты, на которыхъ Марковичъ устраивалъ мельницы, хутора и фольварки, все чужіе; нѣкоторые изъ нихъ хотя и были

---

[1]) Зап. Марк., I, 242.

куплены, но—или насильною куплею или подложными способами, а многіе и просто были отняты у хозяевъ.

Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно раздавалъ свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самихъ лучшихъ.

За малые и большіе проступки полчанъ Марковичъ обтяжалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занятъ былъ своими домашними дѣлами и разъѣздами по хуторамъ и маетностямъ.

А когда отлучался изъ полка въ походы, на свое мѣсто наказнымъ полковникомъ ставилъ сына своего Якова, а на мѣсто отлучившихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными своихъ слугъ. А тотъ сынъ и тѣ люди многія обиды чинили людямъ, отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.

Не довольствуясь маетностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими полученными прежде отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ универсалъ на Засулье, какъ на село, а не какъ на часть Ромна; а Засулье—не село, но роменскіе фольварки. А сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку селами: Мойсеевкой, Нарожьемъ и Кулажницами, безъ универсала гетманскаго и безъ грамоты монаршей.

Да и сынъ его Яковъ, кромѣ Сухоносовки, полученной отъ гетмана свойства ради, завладѣлъ и другимъ селомъ Перервинцами, которое село Андрей Марковичъ отдалъ сначала, по своей полковничьей власти, брату своему Ивану, а послѣ смерти его Перервинцами завладѣлъ Яковъ[1]).

Въ жалобѣ полковой старшины сообщались общія черты насилій Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Тулиголовскій попъ Петръ Вышинскій жаловался, что Марковичъ отнялъ у него хуторъ, мельницы и лѣса; стародубскій значковый товарищъ Улѣзко жаловался, что у него отнято было гетманомъ село Евдоканье, для того чтобъ отдать Марковичу; лубенскій обозный Па-

---

[1]) Русск. Арх. 864 г., 493—505.

велъ Мартосъ жаловался, что у него Марковичъ отнялъ много грунтовъ и вообще чинилъ ему многіе обиды и т. д. и т. д. [1]).

Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что новый гетманъ радъ былъ случаю выместить на немъ ту злобу, которую онъ издавна питалъ къ его сестрѣ-гетманшѣ, отнявшей лучшія маетности у зятя его Горленка, для Гамалѣевскаго монастыря [2]).—И сталъ кланяться Марковичъ Наумову, а сынъ его Яковъ и сестра Скоропадская стали захаживать около людей, близкихъ къ Апостолу. Былъ у нихъ въ это время человѣкъ, который могъ оказать помощь—Михайло Скоропадскій, зять Апостола и большой другъ на словахъ Якова Марковича; но и его заступничество приходилось пріобрѣтать тѣми же подарками, на которые Марковичи потратились не мало [3]).

Два мѣсяца, октябрь и ноябрь, хлопотали Марковичи, съ какой бы стороны подойти къ Наумову, и наконецъ, кажется, подошли. 18-го ноября въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что у министра (Наумова) состоялось опредѣленіе: „челобитныхъ на родителя изъ другихъ полковъ, кромѣ лубенскаго, *не принимать* въ канцеляріи министра и новоучрежденному суду (въ Глуховѣ) по онымъ не слѣдовать“. А 26-го ноября, записано, „были съ родителемъ рано у министра и простились съ нимъ. Онъ сказывалъ о секретарѣ сенатскомъ, что онъ свѣдомъ“... Фраза осталась недоговоренною, но ясно, что Наумовъ указалъ на какого то секретаря въ Москвѣ, у котораго можно было найти помощь. Марковичи рѣшили ѣхать въ Москву и тамъ хлопотать, а Наумовъ съ своей стороны обѣщалъ, видно, не мѣшать. Поѣхалъ сначала сынъ—Яковъ, человѣкъ, уже искусившійся въ искательствахъ по Москвѣ и знавшій, къ кому и какъ подойти. Поѣхалъ онъ изъ Глухова не прямо на Москву, а сначала заѣхалъ въ харьковское село Тростянецъ, гдѣ жила семья Тимофея Надаржинскаго, бывшаго духовникомъ Петра Великаго и новаго государя Петра II. Здѣсь надо было заручитсся письмомъ къ Надаржинскому, жившему въ Москвѣ. 1 января 1728 г. Яковъ Марковичъ пріѣхалъ въ Москву и остановился на

---

[1]) Арх. Генер. Канц. № 3938.

[2]) См. Русск. Арх. 1875, I, 255.

[3]) Зап. Марк., I, 249.

квартирѣ у Надаржинскаго. Прежде всѣхъ молодой Марковичъ поспѣшилъ *поклониться* Петру Васильевичу Курбатову, совѣтнику коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей малороссійскія дѣла [1]); это былъ общій ходатай всѣхъ малороссіянъ, пріѣзжавшихъ въ Москву хлопотать о царскихъ грамотахъ на тѣ маетности, которыя такъ легко добывались отъ гетмановъ, но которыя затѣмъ не легко было укрѣплять грамотами. 4-го января записано въ дневникѣ Марковича, что „былъ у Курбатова съ письмомъ отъ родителя и тетки (Скоропадской), а въ письмахъ вложено было тридцать червоныхъ...“ Послѣ Курбатова Марковичъ началъ, изо дня въ день, разносить письма и отъ родителя и отъ тетки; такъ—9-го января былъ у графа Головкина и письма отъ родителя и тетки отдалъ; 10-го былъ у Артемія Петровича Волынскаго; 11-го былъ снова у Курбатова и получилъ письмо гр. Головкина къ Наумову, „чтобъ надъ указъ трудностей родителю не чинить“. 13-го былъ у священника Ново-дѣвичьяго монастыря о. Василія, гдѣ встрѣтился съ карликомъ царицы, „съ которымъ братство завязали и въ знакъ любви подарилъ ему пять червонныхъ“. 15-го былъ у Ѳ. М. Апраксина и письма отъ тетки и родителя отдалъ. 16-го былъ у кн. Д. М. Голицына и письма отъ тѣхъ же отдалъ. 17-го былъ у Стефанова [2]) и письма отъ тетки и родителя отдалъ, приложивши сорокъ червонныхъ 18-го, отнесъ письма къ князю М. М. Голицыну; 6-го февраля—Остерману; 8-го—князю Александру Григорьевичу Долгорукову. 9-го пріѣхалъ въ Москву самъ Андрей Марковичъ, вмѣстѣ съ сестрою Скоропадскою. Вслѣдъ за ними, 19-го февраля, пріѣхалъ въ Москву и Апостолъ съ Наумовымъ. На другой день Марковичи ѣздили поклониться гетману; „а онъ и не посмотрѣлъ“. Визитъ къ Наумову былъ удачнѣе; онъ Марковичей „изрядно подчивалъ“. Въ маѣ мѣсяцѣ началось слѣдствіе по жалобамъ на Марковича, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вызвана была въ Москву и лубенская полковая старшина для уликъ бывшаго полковника. Допросъ Марковичу производилъ ас-

---

[1]) Арх. Сената, Баранова, II, № 2351.

[2]) Василій Петровичъ Степановъ, членъ иностранной коллегіи, тайный совѣтникъ и, какъ видно, дѣлецъ своего времени. Послѣ паденія Меншикова, ему поручено было разобрать его переписку. Опись Баранова II, № 1639. 2728 и др.

сессоръ коллегіи Ивановъ, къ которому Яковъ Марковичъ не разъ заѣзжалъ на домъ. Два мѣсяца тянулись допросы Марковича, при которыхъ присутствовала и лубенская старшина, поддерживавшая обвиненіе противъ бывшаго своего полковника. 8 іюня слѣдствіе кончилось и затѣмъ нужно было ждать суда. Но задобренная иностранная коллегія судомъ не спѣшила; Андрей Марковичъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ и къ концу года сталъ уже подавать министрамъ сочиняемыя сыномъ прошенія о *своихъ обидахъ и нуждахъ*.

Насталъ 1729 годъ. 3 января состоялось постановленіе Верховнаго Совѣта о назначеніи генеральной старшины, въ замѣнъ той, которую полковники намѣтили при избраніи Апостола [1]). Повидимому и Андрей Марковичъ хлопоталъ попасть въ число послѣдней, такъ какъ ему предложено было мѣсто подскарбія. Должность генеральнаго подскарбія (вѣдавшаго войсковые сборы) учреждена была Брюховецкимъ, который поставилъ подскарбіемъ Романа Ракушку, припявшагося было въ 1665 г. описывать войсковыя имущества для правильнаго взиманія съ нихъ доходовъ; но Брюховецкій исчезъ, Ракушка пошолъ въ попы, и должность подскарбія оказазалась лишнею, мѣшавшею и гетману, и полковникамъ распоряжаться общественною казною. Не знаемъ, кто вспомнилъ въ 1729 г. о подскарбіяхъ; быть можетъ Степанъ Лукичъ Вельяминовъ, бывшій президентъ малороссійской коллегіи, тщетно старавшійся установить какіе нибудь порядки въ сборѣ и расходованіи „войскового скарба". Въ іюлѣ 1727 г. Вельяминовъ былъ вызванъ въ Москву со всѣми приходорасходными книгами о малороссійскихъ доходахъ, которыя въ декабрѣ того же года переданы были на разсмотрѣніе иностранной коллегіи [2]). Видно было, что правительство обратило вниманіе на „войсковой скарбъ" и хотѣло продолжать начинанія Вельяминова.

Андрей Марковичъ отказывался отъ должности, которая обѣщала ему въ будущемъ не власть и значеніе, какъ другимъ генеральнымъ урядникамъ, а копотливую работу надъ цифрами и неудовольствіе со стороны гетмана и полковниковъ, которые за то и

---

[1]) Зап. Марк., I, 246.

[2]) Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2445 и 2757.

ненавидѣли Вельяминова, что онъ началъ было учитывать войсковой скарбъ. Но графъ Головкинъ рѣшилъ уже, что подскарбіемъ будетъ Марковичъ и спорить противъ этого рѣшенія нельзя было.

Новое назначеніе Марковича не осталось конечно безъ вліянія на благополучный исходъ дѣла его съ лубенскими полчанами. Въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что 8 марта (1729 г.) „слушано у графа (Головкина) дѣло родителя съ полчанами", а 27 марта дѣло наконецъ было рѣшено; рѣшеніе состояло изъ восьми пунктовъ, изъ которыхъ по шести пунктамъ найдено нужнымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впослѣдствіи, а по двумъ пунктамъ состоялось рѣшеніе категорическое: 1) Засулье отъ Марковича отобрать и 2) о тягостяхъ, полчанамъ чинившимся въ работахъ и поборахъ, буде оное было, то поелику по сказкамъ старшинскимъ происходило то прежде запретительнаго указа[1]), *того ради сіе оставляется*[2]). Такимъ образомъ за всѣ „тягости", которыя лубенскіе полчане терпѣли впродолженіи тринадцати лѣтъ, у Марковича отобрано было одно только Засульъ, посполитое населеніе котораго, входя въ составъ города, должно было отбывать городскія повинности и никакъ не могло попасть въ подданство частному человѣку; по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ XVII в.; позже старшина стала безнаказанно захватывать въ свое подданство и городское населеніе.

Добившись такого счастливаго рѣшенія, Марковичъ началъ пробовать, нельзя-ли ужъ отстоять и Засулье, тѣмъ болѣе, что траты на рѣшеніе сдѣланы были, повидимому, большія. 3-го мая Марковичъ узналъ о рѣшеніи 27 марта, а на другой день онъ съ сыномъ ѣздилъ къ Головкину „просить замѣны за село Засулье, и ничего не получили". 11-го мая о томъ-же подана просьба Остерману, а 15-го повторена просьба Головкину, на письмѣ. Въ концѣ мая Марковичи выѣхали наконецъ изъ Москвы. Полуторагодичныя хлопоты, благодаря умѣнью и средствамъ Марковичей, не пропали даромъ. Между тѣмъ, вѣсть о такомъ благополучномъ исходѣ для Марковичей ихъ дѣла, достигла уже до Малороссіи; несправедли-

[1]) Здѣсь разумѣется вѣроятно одинъ изъ указовъ, изданныхъ въ 1722—24 гг., предписывавшихъ старшинѣ не обижать народа.

[2]) Записки Марковича, I, 315.

вость рѣшенія, по которому за свои насилія Марковичъ былъ не прощенъ, а просто отъ суда освобожденъ, на основаніи канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ натерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Убѣдившись въ невозможности добиться правосудія, „Мартосъ согласился съ значковыми (козаками) лубенскаго полка какимъ-либо образомъ убить Марковича, не допуская его до Глухова [1])". Объ этомъ замыслѣ прослыхалъ главный экономъ Андрея Марковича—Кучарскій и послалъ въ Москву нарочнаго предупредить своего пана о грозящей бѣдѣ. Однакожъ угрозы Мартоса кончились ничѣмъ и Марковичи благополучно вернулись въ Глуховъ.

Доставшійся Марковичу урядъ генеральнаго подскарбія не получилъ того значенія, которое разумѣлъ Головкинъ, возобновляя эту должность. Вновь поставленный гетманъ Апостолъ былъ слишкомъ старъ, чтобы допустить въ „Войскѣ" такой небывалый порядокъ, какъ учетъ войсковыхъ доходовъ. Правившіе Малороссіей, послѣ Апостола, русскіе генералы тоже не находили удобнымъ для себя измѣнять старый порядокъ непосредственнаго завѣдыванія „войсковымъ скарбомъ". Поэтому должность генеральнаго подскарбія осталась безъ всякаго значенія: одинадцать лѣтъ занималъ эту должность Андрей Марковичъ, не имѣя повидимому никакого отношенія къ тому скарбу, хранителемъ котораго онъ предназначался. Пока живъ былъ Апостолъ, Марковичу нечего было и думать получить какое-либо значеніе въ войсковомъ управленіи, къ которому не могла его допустить старая вражда преемника Скоропадскаго ко всѣмъ родичамъ Настасьи Марковны. Но когда Апостола замѣнили „правители"—русскіе генералы, Марковичъ допущенъ былъ къ участію въ дѣлахъ генеральной канцеляріи; впрочемъ участіе это ограничивалось только тѣмъ, что на постановленіяхъ генеральной канцеляріи, Марковичъ „прикладывалъ", въ числѣ прочихъ, и свою руку.

Оставаясь членомъ генеральной канцеляріи, Марковичъ своею угодливостью успѣлъ сохранить съ „правителями" самыя лучшія отношенія, при помощи которыхъ онъ выхлопоталъ себѣ въ 1735 г. возвращеніе села Засулья, которое отобрано было у него въ

---

[1]) Марковичъ, I, 323.

1729 г., какъ неправильно отдѣленное Скоропадскимъ отъ г. Ромна. Несложныя обязанности Марковича на урядѣ генеральнаго подскарбія продолжались до 1740 г., когда за старостью онъ былъ уволенъ отъ службы, причемъ получилъ „въ отставку“ чинъ генеральнаго обознаго[1]). Послѣ отставки Марковичъ проживалъ большею частью въ купленной у Галецкаго слободѣ Погарщинѣ (теперь село гадяцкаго уѣзда). Здѣсь онъ написалъ свое духовное завѣщаніе „для пресѣченія обыкшихъ по кончинѣ людской между наслѣдниками за суетныя имѣнія бывати мятежей, распрь и несогласій“. Распредѣливъ имѣніе свое между наслѣдниками, Марковичъ увѣщевалъ послѣднихъ „подъ неблагословеніемъ“, чтобы они „въ своихъ партикулярныхъ ссорахъ въ суда градскіе не удавались, но самимъ обще между собою оныя ссоры успокоевали. Будежъ-бы сами собою не могли успокоевати, то къ тому-жъ просить пріятелей и другихъ добрыхъ людей для прекращенія; о семъ самимъ живымъ Богомъ увѣщеваю, подъ неблагословеніемъ егожъ Божіимъ, ибо тѣмъ самимъ всемилосерднаго Господа Бога прогнѣваемъ и сами въ крайнее разореніе приходимъ“. Изъ шести своихъ сыновей Андрей Марковичъ пережилъ троихъ—Андрея, Семена и Луку, послѣ которыхъ остались впрочемъ дѣти. По числу всѣхъ сыновей Марковичъ раздѣлилъ свои имѣнія на шесть частей: 1) старшему сыну Якову—с. Евдоконье и земли около Кролевца; 2) внуку Ивану, сыну Андрея—сосницкое село Шабалиновъ, хуторъ около села Курени (конотопскаго уѣзда) и мельницы на р. Убеди; 3) дѣтямъ Семена села Короваи и Кулажинцы, хутора—Ангелевскій, Хоружовщину, Шепеховскій, Сухооржицкій и Глубоярскій и разныя мельницы; 4) четвертому сыну Марку—село Засулье и хуторъ Коцупѣевскій; 5) младшему сыну Ивану—село Токари, слободу Погарщину и хутора Артополотскій и Поповщину. На шестую часть—дочери умершаго сына Луки даны были мелкіе земельные участки.

Распорядивъ свои имѣнія и доживъ до глубокой старости (родился онъ около 1674 г.), Андрей Марковичъ умеръ въ январѣ 1747 года.

---

[1]) Сколько мы знаемъ, это былъ первый примѣръ пожалованія чина «въ отставку», положившій и въ Малороссіи начало превращенія званія дѣйствительныхъ должностей въ почетныя званія.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марковича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—Яковъ, оставившій намъ свой многотомный дневникъ, изданный, подъ именемъ Записокъ, внукомъ его Ал. М. Марковичемъ [1]). Въ этомъ дневникѣ, обнимающемъ пятьдесятъ лѣтъ (1716—1767 г.), мы находимъ полную біографію его автора, который, по личному своему характеру, представляетъ собою довольно цѣльный типъ малороссійскаго „пана" половины XVIII в., когда малороссійская старшина, окончательно уже отдѣлившись отъ народа, искала сближенія съ русскимъ дворянствомъ, завидуя привилегіямъ послѣдняго. Мы не будемъ излагать здѣсь біографіи Якова Марковича, по общеизвѣстности его дневника, но представимъ разсказъ только о его молодыхъ годахъ, о томъ, какъ онъ вступалъ въ жизнь и какія употреблялъ старанія—занять въ ней опредѣленное положеніе. Объ этомъ времени изъ жизни Марковича печатный дневникъ его даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, а мы восполнимъ ихъ и представимъ не лишенную интереса страницу изъ исторіи малороссійскаго общества первой четверти XVIII в., когда Петровская реформа, коснувшись Малороссіи, произвела значительный переворотъ и въ ея бытѣ, встрѣтивъ лишь слабый отпоръ.

Яковъ Марковичъ учился въ кіевской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Ѳеофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды. Какъ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма Прокоповича, которое онъ писалъ къ бывшему своему ученику въ то время, когда послѣднему не было еще и двадцати лѣтъ. Вызванный Петромъ Великимъ въ 1716 г. въ Петербургъ, Ѳеофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ повидаться здѣсь съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время

---

[1]) М. 1859 г. 2 части. Подлинникъ этихъ «Записокъ», состоящій изъ 8-ми кажется фоліантовъ, хранится у правнука ихъ автора, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Въ печати Записки значительно сокращены и кромѣ того здѣсь подновленъ ихъ языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для изученія исторіи Малороссіи XVIII в. дневникъ Як. Марковича навсегда останется цѣннымъ памятникомъ и потому нельзя не пожелать изданія его въ полномъ видѣ; а до того желалось-бы, чтобы рукопись дневника отдана была, для большей ея сохранности, въ какое либо общественное книгохранилище.

твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о какихъ и помышлять не могутъ украшенныя митрами головы; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ" [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы по твоему прекрасному примѣру во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ; всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и конечно я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учители лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй [2]).

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать [3]); такихъ-же лѣтъ вышелъ изъ академіи и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Мар-

---

[1]) «Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь, 141—142.

[2]) Тамъ-же, 141—150. См. также «Интимную переписку Өеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ». «Кіевск. Стар., II, 498 и слѣд.

[3]) Өеофанъ Прокоповичъ кончилъ свое ученіе въ кіевской академіи—семнадцати лѣтъ.

ковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который-бы помогалъ ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, будучи второю женою, частью отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ племянникѣ Яковѣ Марковичѣ, котораго и взяла поэтому подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кіевское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить своего племянника, чтобы, ставъ семьяниномъ, онъ могъ начать устройство особаго своего „господарства". Выборъ жены взяла гетманша на себя и при этомъ прежде всего заботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, въ которомъ можно было-бы найти подходящую невѣсту. Въ это время первымъ богачемъ въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ и у него оставалась еще не выданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Марковичъ самъ по себѣ и особенно по своему происхожденію не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племянника и бракъ былъ заключенъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тесть впрочемъ надѣлилъ свою дочь только одними „фантами" и „клейнодами", а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время не успѣлъ еще нажиться, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ только въ годъ женитьбы сына. Просить маетности у гетмана Якоку Марковичу было еще рано, такъ какъ маетности давались только за „службы", а ихъ за молодымъ академистомъ быть не могло.

Спустя четыре года послѣ женитьбы племянника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатнаго войсковаго товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая", далъ ему глуховское село Сварковъ. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаямъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ Скоропадскій назначилъ неожиданно

для всѣхъ полчанъ старшаго сына его—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ [1]. Назначеніе это должно было конечно возбудить неудовольствіе полковой старшины, но послѣдняя уже по опыту знала, что никакіе протесты противъ близкихъ родичей гетманши ни къ чему не поведутъ и по неволѣ должна была подчиниться такому небывалому распоряженію гетмана. Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и вѣроятно за эту службу гетманъ нашелъ возможнымъ дать ему въ слѣдующемъ году еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъже году Скоропадскій и умеръ, а со смертью его тетка-гетманша теряла прежнее свое значеніе. Но судьба Марковичу видимо благопріятствовала: за смертью Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ Павелъ Полуботокъ, тесть Марковича. Въ февралѣ 1723 г. Андрей Марковичъ снова посланъ былъ въ походъ и правленіе лубенскаго полка снова поручено было Якову Марковичу. При этомъ „наказничество“ передалъ сыну самъ отецъ—полковникъ, находя такую передачу полка вполнѣ законною послѣ бывшаго уже примѣра. На этотъ разъ Яковъ Марковичъ получилъ исправленіе должности полковника въ самое тревожное время. Какъ разъ въ это время тесть его Полуботокъ велъ борьбу за старые порядки съ президентомъ малороссійской коллегіи Вельяминовымъ. Отстаивая свои старшинскія привиллегіи, Полуботокъ хотѣлъ опереться на полковую старшину, которую для этого не разъ приглашалъ присоединиться къ своимъ протестамъ. Но найболѣе вліятельные полковники того времени не хотѣли идти открыто противъ нововведеній, принесенныхъ Вельяминовымъ, и на приглашенія Полуботка отзывались туго. Будучи наказнымъ полковникомъ, Яковъ Марковичъ былъ въ числѣ тѣхъ, на поддержку которыхъ разсчитывалъ Полуботокъ; ему предстояло также выбрать одно изъ двухъ: или стать сторонникомъ тестя, или уклониться отъ всякихъ протестовъ. Не смотря на молодость, Яковъ Марковичъ уже хорошо понималъ, что своими протестами тесть вооружаетъ противъ себя правительство, борьба съ которымъ, по мнѣнію Марковича, прежде всего была невыгодна. Марковичъ видѣлъ, что въ борьбѣ тестя съ

---

[1]) Записки I, 451.

Вельяминовымъ выгоднѣе всего было стать на сторону послѣдняго, потому что президентъ коллегіи не могъ не оцѣнить поведенія той старшины, которая безропотно принимала установленіе новыхъ налоговъ съ своихъ маетностей. Рѣшивъ поэтому отстраниться отъ протестовъ Полуботка, Марковичъ постарался пріобрѣсти пріязнь Вельяминова и другихъ „коллегіатовъ". Поэтому, вступивъ въ управленіе полкомъ въ началѣ марта 1723 г., Марковичъ сталъ вести себя очень осторожно относительно тестя. Въ это время въ Малороссіи шли приготовленія ко второму ладожскому походу; Яковъ Марковичъ дѣятельно распоряжался по этимъ приготовленіямъ въ своемъ полку, разсылая приказы по сотнямъ о выходѣ козаковъ въ походъ въ половинѣ марта. Занятый этими распоряженіями, онъ получилъ изъ Глухова какія-то извѣстія, которыя по обыкновенію записалъ въ свой дневникъ; но извѣстія эти были какого-то щекотливаго характера, такъ какъ этотъ листъ, заключавшій въ себѣ дневникъ за послѣдніе семь дней марта, Марковичъ впослѣдствіи вырвалъ. Наступилъ апрѣль и Марковичъ, желая распорядить весеннія хозяйскія работы въ глуховскихъ своихъ маетностяхъ, поѣхалъ туда. На дорогѣ онъ получилъ „листъ" отъ тестя, въ которомъ предписывалось „о забароненю зборщикамъ заказныхъ зборовъ збирать". Распоряженіе это требуетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что Вельяминовъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1722 г. въ Малороссію, прежде всего хотѣлъ установить правильный сборъ тѣхъ налоговъ, которые существовали уже и прежде, но которые собирались безъ всякаго порядка. Для этого Вельяминовъ потребовалъ отъ Полуботка доставленія ему свѣдѣній о существовавшихъ въ Малороссіи налогахъ. Но когда Полуботокъ уклонился отъ доставленія подробныхъ свѣдѣній, тогда Вельяминовъ составилъ роспись налоговъ самъ, по свѣдѣніямъ добытымъ отъ разныхъ лицъ. По этой росписи назначено было взимать налоги съ маетностей старшины наравнѣ съ прочими владѣльцами. Полуботокъ на это распоряженіе пожаловался въ сенатъ и сенатъ осенью 1722 г. приказалъ коллегіи маетности старшинъ отъ налоговъ освободить. Но весною 1723 г. Вельяминовъ поѣхалъ въ Москву, доложилъ тамъ царю лично объ этомъ вопросѣ и царь приказалъ собирать налоги со всѣхъ маетностей, „не обходя никого". Это распоряженіе Вельяминовъ сообщилъ изъ Москвы въ коллегію для исполненія;

но Полуботка объ этомъ не увѣдомилъ. Когда Полуботокъ узналъ, что Вельяминовскіе сборщики снова стали собирать „заказанные сборы", то увидѣлъ въ этомъ произвольное распоряженіе коллегіи и предписалъ полковникамъ—не позволять сборщикамъ собирать тѣ сборы, которые по сенатскому указу были уже разъ отмѣнены. Вотъ это то распоряженіе тестя Марковичъ и получилъ по дорогѣ изъ Ромна въ Сварковъ. Представился трудный вопросъ—кого слушать: наказнаго гетмана или президента коллегіи? Марковичъ рѣшилъ, что послѣдній сильнѣе и затѣмъ затруднялся только предстоявшимъ свиданіемъ съ тестемъ, который конечно будетъ ему говорить о послѣднемъ своемъ распоряженіи, котораго Марковичъ рѣшился не исполнить. Не желая открыто противорѣчить Полуботку, Марковичъ рѣшилъ избѣгнуть свиданія съ тестемъ. Продолжая путь въ Глуховъ и выѣхавъ 3 апрѣля рано изъ Мутина (село это находилось уже въ глуховской сотнѣ), Марковичъ заѣхалъ въ свою уздицкую пасѣку (около с. Уздицы); побывалъ затѣмъ въ калюжновскомъ хуторѣ и тамъ немного побывши, „*ночью* поѣхалъ въ Глуховъ и пріѣхавши туда, все осмотрѣлъ въ дворѣ", а 4-го „поѣхалъ изъ Глухова *передъ свѣтомъ* въ Сварковъ" [1]). Только пообѣдавъ въ Сварковѣ, Марковичъ поѣхалъ въ тотъ-же день въ тулиголовское свое имѣніе, а 5-го выѣхалъ въ Роменъ. Значитъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ тестемъ, Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ ночью и осмотрѣвъ свой дворъ, ночью-же и уѣхалъ оттуда. Конечно пріѣздъ зятя не могъ остаться неизвѣстнымъ для Полуботка, но послѣдній уже зналъ своего зятя и должно быть не особенно удивился ночному его пріѣзду въ Глуховъ.

Возвратившись въ Роменъ 6-го апрѣля, Марковичъ черезъ шесть дней (12-го) отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ; „указы до сотниковъ съ копіями правительскаго листа посланы, чтобы сборщики отставленныхъ зборовъ взыскивать отнюдь не смѣли". Но потомъ оставляетъ въ дневникѣ только слова: „до сотниковъ копія правительскаго листа послана", а остальное все старательно зачеркивается, такъ что эту замѣтку въ первоначальномъ ея видѣ намъ лишь съ трудомъ удалось разобрать. Видимо, что вернувшись въ Роменъ,

---

[1]) Мы пользовались подлинникомъ дневника Як. Марковича, который въ печати значительно сокращенъ.

Марковичъ опять боролся съ собою—что дѣлать съ приказаніемъ тестя о запрещеніи собирать „отставленные" налоги. Съ одной стороны, это приказаніе вполнѣ совпадало съ личными интересами Марковича, какъ владѣльца маетностей, а съ другой стороны—страшно было коллегіи. Рѣшившись наконецъ написать сборщикамъ, чтобъ они отнюдь не собирали „отставленныхъ сборовъ", Марковичъ тогда-же испугался своей смѣлости и ограничился посылкою къ сотникамъ одной только копіи правительскаго распоряженія и такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, могъ себя оправдывать тѣмъ, что съ своей стороны онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а приказаніе наказнаго гетмана не могъ не исполнить. Недѣли черезъ три Марковичу опять понадобилось посмотрѣть на свои глуховскія имѣнія. Пріѣхавъ въ Тулиголовъ 29 апрѣля и осмотрѣвъ тамъ водяную свою мельницу, Марковичъ оттуда поѣхалъ въ Глуховъ. 30-го онъ „былъ у правителей", т. е. у тестя и у генеральныхъ—судьи, писаря, есаула и бунчуковаго. 1 мая „былъ у прокурора (коллегіи) Михаила Семеновича Хрущова и долго въ ночь сидѣлъ". На другой день Марковичъ рано заѣзжалъ къ тестю и выпивъ рюмку водки, поѣхалъ обѣдать домой, а вечеръ просидѣлъ у Кошелева (члена коллегіи). Слѣдующіе два дня Марковичъ употребилъ на посѣщеніе тетки гетманши, которая въ это время большею частью проживала въ построенномъ ею Гамалѣевскомъ монастырѣ. Вернувшись 6-го въ Глуховъ и написавъ здѣсь письма въ Роменъ, Марковичъ на другой день утромъ пересматривалъ свиней въ своемъ глуховскомъ дворѣ, а вечеръ просидѣлъ у членовъ коллегіи Щепотьева и Жданова. 8-го писалъ письма въ Роменъ, а на Николая, 9-го, былъ у члена коллегіи Ушакова, гдѣ и „пилъ", а потомъ у Хрущова, гдѣ тоже „пилъ". Затѣмъ цѣлую недѣлю Марковичъ провелъ, осматривая хозяйство въ своихъ глуховскихъ имѣніяхъ, а потомъ пріѣхалъ на день въ Глуховъ, чтобы проститься съ Скоропадскою, и 18-го мая выѣхалъ въ Роменъ. Изъ подробностей пребыванія Марковича на этотъ разъ въ Глуховѣ видно, что главною его цѣлью было познакомиться и, если можно, сблизиться съ членами коллегіи; въ послѣднихъ онъ видѣлъ людей, которыхъ пріязнь была полезнѣе пріязни тестевской; отъ тестя Марковичъ видимо сторонился, ни разу не посѣтивъ его вечеромъ для дружеской бесѣды. Послѣдняя велась только съ „коллегіатами".

Такое поведеніе Марковича какъ нельзя лучше рисуетъ намъ этого человѣка: едва достигнувъ двадцати семи лѣтъ, Марковичъ, какъ видно, былъ уже практическимъ мудрецомъ, безошибочно различавшимъ тѣ пути, которыми пріотрѣтаются земныя блага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда Марковича изъ Глухова, Полуботокъ получилъ царскій приказъ ѣхать въ Петербургъ, куда 13-го іюня и уѣхалъ. Передъ своимъ выѣздомъ Полуботокъ „споряжалъ“ ту челобитную отъ имени „всего народа“, за которую собственно и пострадалъ. Желая привлечь къ соучастію въ этой челобитной найбольшее число полковой старшины, Полуботокъ приглашалъ послѣднюю въ Глуховъ. У насъ подъ руками—офиціальный дневнихъ войсковой канцеляріи за 1723 г., изъ котораго видно, кому и когда посылались эти приглашенія. Не смотря на родственную близость Марковича, послѣдній приглашаемъ не былъ, такъ какъ Полуботокъ былъ увѣренъ, что дружба съ „коллегіатами“ не позволитъ его зятю присоединить свою подпись на челобитной къ остальнымъ. Тѣмъ не менѣе Марковичъ нашелъ нужнымъ уничтожить въ своихъ запискахъ тотъ листъ, гдѣ записаны были происшествія отъ 19 мая до 22 іюня. Какого рода были отмѣтки на этомъ листѣ, не знаемъ; но Марковичъ нашелъ, что эти свѣдѣнія могутъ его компрометировать и вырвалъ цѣлый листъ изъ „домашняго протокола,“ какъ онъ называлъ свой дневникъ. Конечно Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ прощаться съ тестемъ (нужно же было привезти жену проститься съ отцемъ) и при этомъ нужно полагать записалъ что нибудь относительно той челобитной, которую тесть повезъ въ Петербургъ. Пріѣздъ Марковича въ Глуховъ въ іюнѣ мѣсяцѣ обнаруживается изъ того, что въ концѣ іюня онъ посылалъ изъ Ромна „овощи“ Скоропадской и „бригадиру“, т. е. Вельяминову; съ послѣднимъ онъ прежде не былъ знакомъ настолько, чтобы „обсылать“ его фруктами; знакомство это произошло вѣроятно во время проводовъ Полуботка.

Вмѣстѣ съ вызовомъ Полуботка въ Петербургъ, сдѣлано было распоряженіе о приготовленіи 12 тыс. козаковъ въ походъ подъ командою князя Михаила Голицына. Цѣль похода опредѣленно не объяснялась; говорили только, что козаки пойдутъ оберегать южныя границы отъ нападенія татаръ; но о томъ, чтобы татары готовились напасть на Малороссію, никакихъ слуховъ не было и—старшина

смущалась походомъ. Наконецъ, въ концѣ іюля Голицынъ прислалъ въ Глуховъ приказъ, чтобы полки собирались у Буцкаго Брода (около Полтавы). Генеральный есаулъ Жураковскій, вѣдавшій въ это время генеральную канцелярію, поспѣшилъ передать приказъ по полкамъ, которые и начали выступать въ походъ въ половинѣ августа. Получивъ это распоряженіе, Марковичъ думалъ отдѣлаться отъ этого похода, такъ какъ не было точно сказано, чтобы въ походъ шли всѣ наличные полковники. Думая, что можно вмѣсто себя послать обознаго, Марковичъ написалъ объ этомъ Жураковскому, но послѣдній поспѣшилъ отвѣчать, чтобы наказный Лубенскій выходилъ въ походъ самъ, не увиливая („не ухиляючись") отъ службы, такъ какъ по приказу Голицына полки должны вести въ походъ сами полковники. Но Марковичъ разсчитывалъ, что „ухилиться" можно и снова писалъ Жураковскому, что вышлетъ вмѣсто себя обознаго Мартоса, потому что де самъ долженъ заняться своими хозяйскими дѣлами. Жураковскій отвѣчалъ, что въ походъ къ Буцкому Броду долженъ идти самъ Марковичъ, „отложивши всѣ свои жалобы и отрицанія, ибо когда въ дому быть, то ему, Марковичу, правленіе наказничества не непріятно есть, а когда въ походъ идти, то и тяжело кажется" [1]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить къ этому подробностей изъ записокъ—чѣмъ именно отговаривался Марковичъ отъ похода: въ его „протоколѣ" опять вырванъ листъ, заключающій въ себѣ отмѣтки за первыя три недѣли августа мѣсяца [2]); опять, значитъ, записаны были такіе факты, съ которыми Марковичъ не хотѣлъ знакомить постороннее лицо. Не хотѣлъ идти Марковичъ въ походъ вѣроятно отчасти потому, что дома было сидѣть покойнѣе, а отчасти должно быть побаивался и своей непопулярности въ полку. Полковая старшина его не любила, а Марковичъ еще увеличивалъ эту нелюбовь, позволяя себѣ

---

[1]) Журн. генер. канц. 1723 г., рукопись.

[2]) Не достаетъ листа отъ 27 іюля по 24 августа. Въ печатныхъ запискахъ относительно этого времени вкралась крупная ошибка вслѣдствіе того, что половина вырваннаго листа вложена была въ рукописи не на свое мѣсто. Вмѣсто напечатаннаго на стр. 24 «августъ», слѣдуетъ читать сентябрь, до 24-го числа (стр. 25), а съ послѣдняго начинается августъ мѣсяцъ, продолжающійся въ печатныхъ запискахъ до 27 стр. и оканчивающійся словами: «отставлять меня отъ команды».

подъ часъ мѣры очень крутыя относительно сотниковъ; такъ передъ выступленіемъ въ походъ Марковичъ „посадилъ на армату“ сенецкого сотника Криштопенка; это наказаніе считалось настолько суровымъ, что рѣдко примѣнялось къ старшинѣ и сотникъ считалъ себя сильно обиженнымъ, тѣмъ болѣе, что подвергнутъ былъ этому наказанію наказнымъ полковникомъ, который „наказничество“ получилъ не по личнымъ заслугамъ, а по протекціи.

Въ концѣ августа почти всѣ полки, кромѣ сѣверныхъ, были уже въ сборѣ и расположились лагеремъ около рѣчки Коломака; а 24 августа Голицынъ произвелъ козакамъ смотръ и вручилъ общую команду надъ полками—миргородскому полковнику Апостолу. Послѣ смотра, Криштоненко подалъ на Марковича Голицыну жалобу за посаженіе его на пушку; но князь, прочтя жалобу, приказалъ помириться. Тѣмъ не менѣе Марковичъ былъ неспокоенъ; прежде Голицына, Криштоненко уже жаловался на свое безчестіе старымъ полковникамъ и послѣдніе находили, что сотнику назначено было наказаніе ужъ слишкомъ строгое, да и отъ кого-же?—Отъ „новокрещеннаго еврея“, который „содержалъ“ полковое правленіе только по милости сильныхъ родичей. Въ особенности нападалъ на молодого наказного Апостолъ, старый врагъ Марковичей. Поэтому, когда Голицынъ, послѣ своего смотра, отъѣхалъ на свою стоянку, въ Ахтырку, Марковичъ поспѣшилъ за княземъ, чтобы окончательно уладить дѣло съ сенецкимъ сотникомъ. Догнавъ его въ Красномъ Кутѣ, гдѣ тотъ дневалъ, Марковичъ сейчасъ же побывалъ у Голицына, отличавшагося между сподвижниками Петра Великаго своею доступностью и мягкосердіемъ, и былъ приглашенъ имъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Голицынъ выѣхалъ въ Ахтырку въ сопровожденіи Марковича, который дорогою „о свой нуждѣ ему говорилъ“. Пообѣдавши еще разъ въ дорогѣ съ Марковичемъ, Голицынъ „милостиво его отпустилъ“.— Боялся Марковичъ недаромъ; его въ „Войскѣ“ сильно не долюбливали и громко называли „новокрещеннымъ евреемъ [1])“. А когда

[1]) На другой день послѣ отъѣзда Марковича къ Голицыну, въ лагерь пріѣхала изъ Глухова генеральная старшина—Жураковскій и Лизогубъ; Апостолъ устроилъ имъ обѣдъ, на который пригласилъ Галагана, Милорадовича и сердюцкаго полковника Бурлѣя. За обѣдомъ шла оживленная бесѣда о «небывалыхъ»

онъ уѣхалъ вслѣдъ за Голицынымъ, Апостолъ приказалъ лубенскому писарю Савицкому написать Голицыну подробную жалобу о насиліяхъ Марковича надъ полчанами и отправилъ его съ этой жалобой въ Ахтырку. Апостолу очень хотѣлось смѣстить Марковича съ „наказничества"; но наказный полковникъ былъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы не вывернуться изъ разставленныхъ ему Апостоломъ сѣтей. Вернувшись въ лагерь, Марковичъ узналъ, что жалоба составлена была отъ имени всего лубенскаго полка по настоянію миргородскаго полковника, который грозилъ при этомъ, что если лубенцы жалобы не напишутъ, „то онъ заженетъ ихъ въ такія тарапаты, что трудно будетъ имъ и выйти". Узнавъ объ этомъ, Марковичъ сейчасъ же донесъ Голицыну, при какой обстановкѣ написана была Савицкимъ жалоба и о томъ же увѣдомилъ двухъ Голицынскихъ адъютантовъ. Черезъ нѣсколько дней Савицкій вернулся отъ Голицына съ отвѣтомъ, что князь „не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять Марковича отъ команды". Тамъ же, на Коломакѣ составлены были Апостоломъ и предложены къ подписи извѣстныя челобитныя, за подачу которыхъ въ Петербургѣ царю Полуботокъ съ товарищами посаженъ былъ въ крѣпость. Приглашенъ былъ къ подписи и Марковичъ; практическій умъ послѣдняго и здѣсь выказалъ себя: въ челобитныхъ рѣчь шла объ избраніи гетмана и объ отмѣнѣ установленныхъ коллегіей налоговъ. Не смѣя отказаться отъ подписи одной изъ этихъ челобитныхъ, потому что для этого Марковичъ приглашенъ былъ въ палатку Апостола, наказный полковникъ подписался, но, подписавшись, замѣтилъ „*вмѣсто протеста*", что нѣкоторыя выраженія челобитной „кажутся досадны". А когда другая челобитная прислана была для подписи въ палатку Марковича, то онъ отъ подписи ея совсѣмъ отказался.

Въ концѣ сентября Голицынъ распустилъ козачьи полки, оставивъ у Буцкого Брода только небольшой отрядъ. Отпущенъ

налогахъ, установленныхъ коллегіей и вообще о «трудностяхъ людскихъ»; тутъ же говорено «*о какихъ-то жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію* и о спорахъ Якова Марковича, наказнаго лубенскаго, съ его полчанями, что нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ на арматы окованныхъ». Журн. Генер. Канцеляріи 1723 года.

былъ и Марковичъ, который, не смотря на то, что поданная на него жалоба оставлена была Голицынымъ безъ всякихъ послѣдствій, счелъ однакоже полезнымъ еще разъ побывать у „главнаго командира", чтобы быть уже вполнѣ обезпеченнымъ отъ всякихъ преслѣдованій и по возвращеніи домой. Пріѣхавъ въ Ахтырку 26 сентября, Марковичъ встрѣтилъ тамъ и другихъ полковниковъ. Всѣ они приглашены были въ тотъ же день къ Голицыну на обѣдъ, гдѣ и „подпили знатно". Послѣ обѣда всѣ были отпущены, кромѣ Марковича, которому сказано было остаться. Оставался Марковичъ до вечера, а потомъ пошолъ къ адъютанту Голицына—Бирюлеву. Въ этотъ же день Марковичъ отдалъ Голицыну „бандурку своего малого", какъ отмѣчено у него въ дневникѣ. На другой день у Голицына утромъ снова сошлись полковники—откланяться князю; но Марковичъ съ Милорадовичемъ оставлены были на обѣдъ.

Вернувшись въ Роменъ, Марковичъ сталъ собираться въ Глуховъ, гдѣ ему хотѣлось переговорить „о своей нуждѣ" еще и съ „коллегіатами". Объѣхавъ лубенскія свои имѣнія, Марковичъ въ въ концѣ октября быль уже въ Глуховѣ. Здѣсь онъ получилъ прежде всего извѣстіе, что въ Малороссію пріѣдетъ Румянцевъ для изслѣдованія, кто именно участвовалъ въ составленіи челобитной, поданной старшиною царю въ Петербургѣ 13 сентября. Предусмотрительный Полуботокъ, извѣщая объ томъ Жураковскаго, писалъ ему, чтобы старшина въ предупрежденіе жалобъ отъ народа поспѣшила удовлетворить „обидимыхъ", причемъ указывалъ на Марковича особо, чтобы онъ постарался поскорѣе удовлетворить обиженныхъ имъ полчанъ [1]). Здѣсь рѣчь шла не о тѣхъ обидахъ, которыя Марковичъ нанесъ своимъ сотникамъ сажаніемъ ихъ на пушки, а о пріобрѣтеніи имъ разныхъ хуторовъ у своихъ полчанъ посредствомъ насилій, произведенныхъ во время управленія имъ полкомъ. Что сдѣлалъ Марковичъ по совѣту тестя, мы не знаемъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы отмѣчать въ своемъ дневникѣ подобные факты [2]). Но понимая, что въ этомъ

---

[1]) См. указъ 8 февраля 1725 г. въ Полн. Собр. Законовъ.

[2]) Впрочемъ можетъ быть, что что-нибудь по этому предмету въ дневникѣ и проскользнуло, но затѣмъ оно было уничтожено; ноябрьскій дневникъ, заключавшій въ себѣ замѣтки съ 12 по 23 ноября, Марковичемъ уничтоженъ. Это былъ впро-

отношеніи главнымъ дѣломъ было заручиться благорасположеніемъ Вельяминова, Марковичъ сталъ усердно посѣщать коллегіатовъ. Въ день пріѣзда въ Глуховъ, 26 октября, онъ былъ у Кошелева; на другой день просидѣлъ у Вельяминова до полночи. Черезъ день, 29-го, гетманша праздновала свои именины, гдѣ былъ Вельяминовъ, Хрущовъ и Кошелевъ; тутъ Марковичъ съ гостями „подпилъ гораздо". Черезъ нѣсколько дней у Вельяминова была „вечеринка", на которой присутствовалъ и Марковичъ; потомъ сталъ онъ посѣщать Вельяминова и для карточной игры. Нѣтъ сомнѣнія, что сближенію съ коллегіатами Марковича очень много помогала Скоропадская, водившая близкое знакомство съ женами Вельяминова, Хрущова и Кошелева. Да и мужья послѣднихъ повидимому не отказывались попить и погулять у богатой вдовы-гетманши, которая понимала, что это были самые сильные люди въ Малороссіи и потому не жалѣла для нихъ угощеній. Однако-жъ, какъ ни дружилъ Марковичъ съ Вельяминовымъ и его товарищами, а пришлось и ему поступиться однимъ дѣломъ, какъ видно очень непріятнымъ для него. Дѣло въ томъ, что когда въ 1718 г. сгорѣла кіево-печерская лавра, то для возобновленія этой святыни Петръ Великій приказалъ собрать съ малороссійскихъ владѣльцевъ извѣстную сумму; сборъ денегъ порученъ былъ полковникамъ, которые собирали ихъ по частямъ, не отсылая денегъ въ Кіевъ, пока не пріѣхалъ въ Малороссію Вельяминовъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ сборѣ, распорядился черезъ Полуботка, чтобы собранныя деньги полковники отослали кіевскому войту. Большинство полковниковъ поспѣшило исполнить это распоряженіе; но отецъ Якова Марковича, собравъ на лавру въ своемъ полку 1000 рублей, жалѣлъ съ ними разстаться и медлилъ ихъ отсылкою. Когда потребовали этихъ денегъ отъ сына, то онъ отвѣчалъ [1]), что онѣ взяты отцемъ въ сулацкій походъ на полковые расходы. Такимъ объясненіемъ въ Глуховѣ, повидимому, удовлетворились до времени, пока не возвратится

чемъ послѣдній листъ, уничтоженный практическимъ мудрецомъ. Затѣмъ весь дневникъ цѣлъ. Мы думаемъ, что уничтоженіе Марковичемъ въ его дневникѣ шести полулистовъ было имъ сдѣлано въ виду пріѣзда Румянцева, такъ какъ Полуботокъ писалъ роднымъ изъ Петербурга объ уничтоженіи разныхъ бумагъ, предвидя возможность обыска. См. Соловьевъ, XVIII.

[1]) Журн. генер. канцеляріи 1723 г.

Андрей Марковичъ изъ похода. Но когда пришла вѣсть о пріѣздѣ въ Малороссію Румянцева, Яковъ Марковичъ почувствовалъ, что отвѣтъ, данный имъ въ коллегіи, Румянцева пожалуй и не удовлетворитъ; поэтому онъ изъ Глухова поспѣшилъ написать матери въ Роменъ, что собранные отцомъ на монастырь деньги лучше поскорѣе прислать въ Глуховъ. Совѣтъ былъ исполненъ и 23 ноября въ дневникѣ отмѣчено: „Василь Дяченко пріѣхалъ съ деньгами 1000 р., на церковь печерскую опредѣленными, которыхъ коллегія доправляетъ“. Деньги привезены были какъ разъ въ пору, потому что на другой день Румянцевъ пріѣхалъ въ Глуховъ. Въ тотъ-же день онъ приглашенъ былъ на обѣдъ Скоропадскою, гдѣ „гуляли довольно“. Тутъ-же увидѣлъ его въ первый разъ и Марковичъ и какъ племянникъ хозяйки, конечно, былъ представленъ царскому слѣдователю. На другой день, 25-го, Марковичъ поспѣшилъ побывать самъ у Румянцева, а 26-го Румянцевъ устроилъ у себя „банкетъ“, на которомъ Марковичъ не только что былъ, но и въ карты игралъ „пополамъ съ кн. Волконскимъ“. 27-го Марковичъ былъ у Румянцева „рано“; 28-го гулялъ вмѣстѣ съ нимъ на банкетѣ у Жураковскаго; 30-го такой-же банкетъ былъ у Вельяминова и Марковичъ— въ числѣ гостей; 1 декабря карточный вечеръ у Вельяминова; Марковичъ былъ, но только смотрѣлъ, какъ Румянцевъ игралъ. А черезъ два дня, 4-го декабря, Марковичъ самъ устроилъ „вечеринку“, на которой Румянцевъ съ Вельяминовымъ и прочими „долго просидѣли“. 6-го декабря Марковичъ посѣтилъ рано Вельяминова и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Румянцеву, гдѣ уже нашелъ возможность поговорить „о 1000 р. печерскихъ денегъ, доправленныхъ изъ дома родительскаго“; конечно, рѣчь шла о томъ, что деньги употреблены родителемъ на общественныя надобности и доправлять ихъ не слѣдовало-бы. Затѣмъ 13-го Румянцевъ уѣхалъ изъ Глухова—производить по Малороссіи слѣдствіе о челобитныхъ Полуботка. Марковичъ остался въ Глуховѣ, но въ это время что-то произошло такое, что онъ 15-го декабря пошелъ къ Вельяминову на квартиру и „просилъ о увольненіи его отъ правленія полкового“. Къ такому рѣшенію Марковичъ пришелъ вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь жалобъ на него, какъ на наказнаго лубенскаго отъ его полчанъ; однако-жъ Вельяминовъ, какъ видно, не придалъ особеннаго значенія просьбѣ Марковича и посовѣтовалъ ему скорѣе

ѣхать въ полкъ. На другой день Марковичъ выѣхалъ въ Роменъ. Пробывъ въ Глуховѣ въ этотъ разъ около двухъ мѣсяцевъ, Марковичъ воспользовался этимъ пребываніемъ какъ нельзя лучше; прежде всего онъ сблизился съ Вельяминовымъ, который, водя постоянную хлѣбъ-соль съ вдовою-гетманшею, конечно, не могъ отказать въ своемъ вниманіи и любимому ея племяннику. Но еще важнѣе было для Марковича знакомство съ Румянцевымъ, который пріѣхалъ въ Малороссію главнымъ образомъ, чтобы заручиться тѣми данными, на основаніи которыхъ правительство могло-бы утвердительно сказать, что въ челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ отъ имени „всего народа", послѣдній не принималъ и не могъ принимать никакого участія, такъ какъ постоянныя насилія старшины надъ народомъ давно уже разъединили ихъ интересы. Для этого Румянцеву нужны были жалобы народа на старшину, а Марковичъ хорошо зналъ, что лубенскіе полчане не упустятъ случая пожаловаться на насилія его отца, да и самъ онъ былъ не безъ грѣховъ. Поэтому заручиться если не пріязнью, то по крайней мѣрѣ знакомствомъ Румянцева для Марковича было чрезвычайно важно. Знакомства-же Марковичъ достигъ, и даже довольно близкаго, такъ такъ карточные вечера съ Румянцевымъ были доступны не для всѣхъ.

Пріѣхавъ въ Роменъ 17-го декабря, Марковичъ сталъ было исполнять залежавшіяся не исполненными порученія коллегіи и генеральной канцеляріи; но 27 декабря его о чемъ-то такомъ извѣстили, что, записавъ въ свой дневникъ это извѣстіе въ нѣсколькихъ строкахъ, онъ потомъ вырвалъ эти строки, а 28-го декабря „родителька его рано отъѣхала въ Глуховъ", а на другой день выѣхалъ и самъ онъ туда-же. Пріѣхавъ въ Глуховъ въ ночь противъ 31 декабря, Марковичъ 1 января отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „извѣстился, что Лукьянъ Свѣчка вчера поѣхалъ къ Семену Лизогубу въ Андреевку; а тутъ, въ Глуховѣ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ". Едва-ли ошибемся, если скажемъ, что причиною внезапнаго пріѣзда въ Глуховъ Марковича и его матери было полученное имъ извѣстіе, что одинъ изъ державцевъ лубенскаго полка Лукьянъ Свѣчка подалъ жалобу въ коллегію на Марковича—отца за какое-то насиліе послѣдняго при пріобрѣтеніи отъ Свѣчки с. Токарей. Жалоба Свѣчки, какъ видно, очень испугала Марковича;

но въ своемъ дневникѣ о такихъ дѣлахъ онъ не любилъ распространяться. Изъ дневника, кромѣ приведеннаго мѣста, видно, что 3-го января онъ купилъ у члена коллегіи Кошелева крестьянина за 50 р., а 7-го выѣхалъ обратно въ Роменъ. Спѣшить въ Роменъ нужно было и потому, что прошла вѣсть, что Румянцевъ изъ Переяслава ѣдетъ въ лубенскій полкъ. Моментъ былъ самый критическій, такъ какъ народъ, прослыхавъ о проѣздѣ царскаго чиновника, который дорогой выспрашиваетъ о злоупотребленіяхъ старшинъ, сталъ безбоязненно подавать ему во множествѣ письменныя жалобы. Узнавъ, что Румянцевъ ѣдетъ въ Миргородъ чрезъ сотенный городокъ лубенскаго полка Лохвицу, Марковичъ отправился на встрѣчу къ нему и встрѣтилъ его 9-го января, ночью, угостилъ заранѣе приготовленнымъ ужиномъ въ селѣ Ивахникахъ, гдѣ Румянцевъ и ночевалъ. А на другой день проводивъ Румянцева за Лохвицу, Марковичъ объѣхалъ нѣкоторыя отцовскія маетности и вернулся въ Роменъ. Черезъ нѣсколько дней получено было распоряженіе Румянцева, „чтобы старшина полковая вся была въ Роменъ собрана; такожъ и козаковъ со всякой сотни по 50 человѣкъ и дожидались-бы его въ Ромнѣ". Рѣшительная минута приближалась: Марковичъ былъ увѣренъ, что жалобы отъ полчанъ будутъ. Вспомнилъ въ эту минтуту Марковичъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, который по своей добротѣ можетъ помочь своимъ вліяніемъ, если пріѣздъ Румянцева не обойдется благополучно, и вотъ въ дневникѣ находимъ замѣтку, что 28 января „посланъ конюшій Алексѣецъ въ село Токори взять тамъ четверню воронопѣгихъ („вороностροкатыхъ") лошадей и отвести въ Ахтырку къ князю Голицыну" [1]. Черезъ три дня, 1-го февраля, Марковичъ поѣхалъ на встрѣчу Румянцеву и встрѣтивъ его верстъ за тридцать отъ Ромна, предложилъ пересѣсть въ свою карету, на что тотъ и согласился. При въѣздѣ въ Роменъ предупредительный наказный „поздравилъ" Румянцева семью пушечными выстрѣлами и затѣмъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. На другой день Румянцевъ, произведя опросъ собраннымъ полчанамъ о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ, обѣдалъ у Марковича и затѣмъ просидѣлъ у него за картами весь вечеръ; 3-го Румянцевъ устроилъ обѣдъ на своей квартирѣ, на который пригласилъ и старшину; поигравъ послѣ обѣда въ карты, Румян-

[1]) Рукопись дневника Якова Марковича.

цовъ на ужинъ отправился къ Марковичу. 4-го Румянцевъ „самъ обѣдалъ на своей квартирѣ“ [1]). Въ этотъ день, должно быть, онъ и принималъ тѣ жалобы, которыхъ боялся Марковичъ; а жалобы поданы были, потому что въ дневникѣ, 5 февраля, отмѣчено: „бригадиръ рано далъ указъ и челобитныя для изслѣдованія“ [2]). Хотя Марковичъ и не поясняетъ, кому данъ былъ указъ, но изъ архивныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что, не имѣя возможности разобраться въ массѣ жалобъ, поданныхъ ему при объѣздѣ Малороссіи, Румянцевъ разслѣдованіе этихъ жалобъ поручалъ въ каждомъ полку особому офицеру, въ помощь которому назначался одинъ изъ бунчуковыхъ или значковыхъ товарищей. Для разбора жалобъ, поданныхъ въ лубенскомъ полку, былъ назначенъ прапорщикъ Волжинъ. Ему-то и былъ данъ тотъ указъ, о которомъ говоритъ Марковичъ. Такимъ образомъ самъ Румянцевъ въ Ромнѣ ничего не сдѣлалъ по поданнымъ ему жалобамъ; но въ нѣкоторыхъ полкахъ, на основаніи этихъ жалобъ, Румянцевъ смѣнялъ полковую старшину и назначалъ новую по своему выбору; такъ были имъ смѣнены наказные полковники въ Переяславѣ и въ Полтавѣ, на мѣсто которыхъ онъ поставилъ другихъ. Въ Ромнѣ ничего этого не было, хотя жалобы и были; предупредительность лубенскаго наказнаго видимо имѣла свое вліяніе, такъ какъ къ Марковичу Румянцевъ былъ благосклоненъ. Передавъ поданныя жалобы Волжину, Румянцевъ отправился обѣдать къ Марковичу, а вечеромъ въ тотъ-же день и выѣхалъ изъ Ромна. Безъ проводъ, разумѣется, не обошлось: провожали за нѣсколько верстъ отъ города „и тамъ долго пивши, разлучились“. Румянцевъ поѣхалъ въ Глуховъ, „а я повернулся“, пишетъ Марковичъ въ дневникѣ, „и долго блудилъ по дорогѣ, пока попалъ въ Роменъ“ [3]). Значитъ, проводы были очень „шумны“.

Такъ благополучно сбылъ съ рукъ Марковичъ страшнаго царскаго слѣдователя и затѣмъ могъ уже вполнѣ успокоиться, тѣмъ болѣе, что и главный врагъ Марковича и въ тоже время популярный въ Малороссіи полковникъ—Апостолъ попалъ уже подъ арестъ за челобитныя Полуботка. Съ этого времени Яковъ Марковичъ занялъ опредѣленное мѣсто среди тогдашней старшины, которая увидѣла въ немъ такого мудреца, котораго лучше было не трогать. Былъ еще трудный моментъ въ жизни Якова Марковича, когда

[1]) Т. Ж. [2]) Т. Ж. [3]) Т. Ж.

неожиданно для всѣхъ гетманомъ сталъ Апостолъ. Но мы видѣли уже, что и здѣсь Марковичъ-отецъ, благодаря опять таки ловкости того же сына, выпутался изъ бѣды благополучно.

Дальнѣйшую жизнь Якова Марковича можно прослѣдить по его дневнику, изъ котораго можно увидѣть между прочимъ, что не смотря на всю житейскую мудрость его автора, послѣднему, при всѣхъ его стараніяхъ, не удалось выбиться изъ круга средней старшины. Было что-то такое въ этомъ человѣкѣ, что не давало ему возможности, не смотря на все его умѣнье сближаться съ сильными міра, достигнуть завѣтныхъ высшихъ старшинскихъ урядовъ, которыхъ Яковъ Марковичъ тщетно искалъ всю свою жизнь, пока не состарѣлся.

Заканчивая настоящій очеркъ, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о внукѣ Якова Марковича, и издателѣ его дневника— Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ, который во второй четверти настоящаго вѣка былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей „новой" Малороссіи [1]). Получивъ солидное образованіе, Александръ Михайловичъ Марковичъ въ тоже время обладалъ прекраснымъ свойствомъ души—твердыми убѣжденіями, которыми не поступался, можно сказать, никогда. Особенную твердость своихъ убѣжденій выказалъ Александръ Михайловичъ, будучи черниговскимъ губернскимъ предводителемъ. Будущій его біографъ разскажетъ поэтому поводу нѣсколько интересныхъ эпизодовъ, какъ умѣлъ Александръ Михайловичъ оберегать свое человѣческое достоинство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ тогдашней общественной жизни. Какъ помѣщикъ, онъ также выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ необычно гуманными отношеніями къ своимъ крестьянамъ. Мы лично видѣли этого замѣчательнаго человѣча уже въ глубокой его старости, но и ранѣе онъ оставался тѣмъ-же привлекавшимъ общія къ себѣ симпатіи человѣкомъ. Помнимъ мы, какъ въ это время (1862 г.) онъ, не хвалясь, указывалъ на значеніе крестьянской школы въ живомъ примѣрѣ—въ его Сварковской школѣ, которая издавна была имъ устроена въ этомъ селѣ и обученіе въ которой велось съ тою добросовѣстностью, которой можно позавидовать и теперь. Нельзя не пожелать появленія біографіи этого человѣка, замѣчательнаго по уму, добротѣ и кротости. Такая біографія моглабы быть поученіемъ и для нашего времени [1]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Родился 1790, † 1865 г.

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ Древней и Новой Россіи, 1879 г., № 1, стр. 53—55.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)[1].

Широко раскинулось по полночному берегу Роси село Ольшаница. Среди села, по долинѣ, разлился обширный прудъ. По обѣ стороны пруда на далекое разстояніе тянулись роскошные огороды и сады, а по берегамъ зеленѣли густыя вербы. Подлѣ самой плотины, вблизи мельницы, на небольшомъ пригоркѣ стояла дубовая, пятиглавая, крытая гонтомъ церковь. Мимо церкви шла дорога, а противъ церкви, чрезъ дорогу, расположенъ былъ домъ священника. За домомъ зеленѣлъ садъ: вишни и черешни разрослись до самаго берега пруда. Село раскинулось разноцвѣтнымъ ковромъ на широкой равнинѣ. Среди зеленѣющихъ садовъ и кой-гдѣ пожелтѣвшихъ огородовъ вырисовывались своей бѣлизной чисто вымазанныя хаты то съ потемнѣвшими отъ времени, то не тронутыми стихіей жолтыми крышами, а за огородами и садами разстилались обширныя левады и сѣнокосы, съ прихотливо разбросанными по нимъ групцами ольхъ, лозъ и вербъ. На полдень виднѣлся высокій, гористый берегъ Роси, покрытый лѣсами, а промежъ ихъ бѣлѣли хаты другихъ селъ, блестѣли бѣлоглавыя церкви. То тамъ, то здѣсь лѣса будто перебѣгали Рось и темной лавой заливали равнину, то вырѣзываясь по окраинамъ ея зубцами, то выступая полукругами и острыми клиньями далеко, далеко на полночь.

Дѣло было въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Была лѣтняя пора. Солнце высоко стояло въ небѣ и обливало Ольшаницу яркимъ, блестящимъ свѣтомъ. Зашли жнива, былъ будній день, а на дворѣ и за дворомъ священника толпилась большая масса народа. Въ Ольшаницѣ только что похоронили старика-свя-

---

[1]) Печатается въ переложеніи на обще-русскій языкъ, съ сохраненіемъ малорусскаго подлинника однихъ лишь діалоговъ.—Ред.

щенника, Петра Моисаковскаго. Вся *громада* собралась къ его дому на поминальный обѣдъ. Широкій дворъ священниковой усадьбы весь заставленъ былъ импровизированными столами, устроенными изъ длинныхъ досокъ, утвержденныхъ на деревянныхъ обрубкахъ. Вдоль этихъ столовъ сидѣли длинными рядами „парафіане" умершаго батюшки. На всемъ протяженіи двора, выглядывая изъ-за плетней, толпились массы подростковъ и дѣтей обоего пола. Въ огородѣ пылали три костра, а около нихъ сновали молодицы. Въ легкомъ дыму костровъ видны были десятки огромныхъ горшковъ съ различными, приготовленными для обѣда кушаньями. Скоро молодицы стали разливать въ огромныя миски кушанье и разставлять по столамъ, другія въ большихъ „ряднахъ" носили изъ дому и раскладывали по столамъ заранѣе разрѣзанный на куски хлѣбъ и „книши". У самаго порога сѣней длинными рядами расположились къ обѣду „старци" всѣхъ возрастовъ и половъ, Тутъ живо шла работа; одни ряды смѣнялись другими. На всѣхъ другихъ столахъ шла тоже смѣна: одни вставали, окончивъ обѣдъ, другіе занимали ихъ мѣста, послѣ мужчинъ располагались женщины и т. д. Тутъ обѣдало все село, обѣдали прохожіе, проѣзжіе, нищіе со всей околицы собрались...

Четыре сына покойнаго о. Петра,—два священника, одинъ діаконъ и одинъ дьячекъ—съ огромными фляжками въ рукахъ ходили промежъ столовъ и потчивали всѣхъ водкой. Съ особой привѣтливостію угощали они прихожанъ своего отца, зная, что громада въ слѣдъ за симъ приступитъ къ выборамъ на мѣсто покойника, а всѣмъ имъ одинаково хотѣлось поступить на мѣсто отца въ родное, многолюдное и богатое село.

За угломъ дома, въ тѣни высокихъ черешень, накрыты были столы для духовенства и почетнѣйшихъ прихожанъ. Невѣстка покойника распоряжалась здѣсь угощеніемъ.

Солнце свернуло за полдень. Священство и міряне встали изъ-за стола, за ними въ слѣдъ поднимались изъ-за столовъ на всемъ пространствѣ двора. Говоръ затихъ. Настала такая тишина, будто во всемъ дворѣ не было живой души. Слышно было щебетанье птичекъ въ саду. Старикъ священникъ, повернувшись къ церкви, громкимъ басомъ началъ „парастасъ". Его голосъ раздавался по всему подворью. Старый батюшка громче прежняго воз-

гласилъ „вѣчную память" покойнику-собрату и все собравшееся здѣсь духовенство запѣло: „вѣчная память", а въ это время староста, сѣдой, совсѣмъ бѣлый, съ длинными черными усами, трижды, крестообразно, выше головы своей поднималъ большой *куфель* разсиченнаго меду, придерживая лежавшій сверху хлѣбъ. Всѣ стоявшіе во дворѣ и за дворомъ начали креститься и кланяться по направленію къ церкви: сотни рукъ замахали, сотни головъ то наклонялись, то подымались, сотни устъ тихо шептали: „вѣчная память! вѣчная память!" Будто пронесся нежданно по двору вѣтеръ и шевельнулъ листь на деревѣ и чуть замѣтно затихалъ, пока совсѣмъ не затихъ...

Сыновья покойника со всѣмъ священствомъ пошли въ „покои". Снимали доски со столовъ и уносили подъ навѣсъ, оттаскивали въ сторону подставки. Масса мужчинъ разсыпалась по двору; женщины пустились со двора. Начинались выборы новаго священника.

Послышалось тихое гудѣнье громады, точно жужжанье пчелъ въ пасѣкѣ въ поздній вечеръ: по всему двору собирались люди въ кружки, тихо говорили. Чуть, чуть слышалось: „а хто буде у насъ священникомъ? кого станемъ выбирать?" Одни говорили, что всего лучше выбрать на *парафію* одного изъ старшихъ сыновей покойника, что были уже священниками въ сосѣднихъ селахъ, другіе подавали голосъ за третьяго сына—діакона; но еще тише ходилъ говоръ по кружкамъ, что старшіе сыновья не хорошо живутъ съ своими прихожанами, а діаконъ пьянствуетъ въ корчмѣ и дерется не только съ людьми, но даже съ жидами.

— Панове, громадо! спокойно, но твердо проговорилъ старикъ староста, вокругъ котораго толпились такіе-же старики: выберимъ самого меншого покойникового сына, Харитона. Вінъ вырісъ на нашихъ очахъ, мы ёго добре знаемъ. Вінъ чоловікъ не гордый; выпье зъ нами чарку горілки, але не пьянствуе; вінъ до людей привітный, гортань мае добру. Зъ ёго добрый буде священикъ. Напишимъ прошеніе до владыки, даймо ёму підводу, грошей на дорогу, та й нехай рушае. Чи такъ, панове-громадо?

— Такъ, такъ! ты, старосто, добре радишь! загоготали вокругъ старосты и это рѣшеніе стрѣлой пролетѣло по всему двору.

Староста вышелъ изъ круга, прошелъ вдоль и въпоперекъ по двору, спрашивая всѣхъ и каждаго, пристаютъ-ли на предло-

женнаго имъ кандидата. Предъ нимъ почтительно разступались, обнаженныя головы всюду колыхались и отъ края до края всюду слышалось одно: такъ, такъ! нехай Харитонъ буде у насъ священикомъ!

Староста прошелъ въ домъ и оповѣстилъ священство и самаго Харитона о послѣдовавшемъ избраніи. Старшіе сыновья покойника видимо были сконфужены. Харитонъ покорно склонилъ голову; о его желаніи занять отцевское мѣсто не могло быть и вопроса.

— Выйдить-же, пане дяче, до громады,—сказалъ староста, слегка кланяясь Харитону.

Харитонъ вышелъ на крыльце. За нимъ нѣсколько священниковъ, кромѣ однако братьевъ. Гоготавшая громада мгновенно затихла. Староста со ступенекъ громко вопрошалъ: чи згожуетесь, панове-громадо, на сёго пана Харитона—мати ёго собі за священика на нашій парафіи?

— Згода, згода! загудѣла громада; нехай вінъ буде у насъ священикомъ!—Харитонъ низко поклонился и поблагодарилъ громаду.

— Волимо Харитона! Харитинъ нехай буде за попа! доносилось со всѣхъ сторонъ.

Харитонъ снова поклонился и хотѣлъ что-то говорить; но и первыхъ словъ его нельзя было уже разслышать. Поднялся шумъ, какой заканчиваетъ всѣ такія собранія; громада гудѣла, точно вѣтеръ въ лѣсу. Задніе ряды заколыхались и хлынули со двора. Точно лава воды, ринувшаяся изъ прорванной плотины, понесли они предъ собой кучи дѣтей и всякой молодежи, нависшія у воротъ. Заколыхалась и вся масса людей во дворѣ и широкой волной полила изъ воротъ на улицу. Въ дворѣ становилось пусто и тихо. На крыльцѣ все еще стоялъ счастливый Харитонъ,—высокій, тонкій, стройный, бѣлолицый, съ густыми русыми кудрями, едва доходившими до плечей. Онъ пристально глядѣлъ на удалявшуюся отъ него волну черныхъ шапокъ и свитокъ, пока и послѣдній человѣкъ не вышелъ со двора. На его нѣжномъ лицѣ горѣлъ яркій румянецъ, когда, проводивъ всѣхъ до послѣдка, онъ возвращался въ свѣтлицу, окруженный видимо сочувствовавшими ему сосѣдями-священниками.

— Поздоровляемо васъ, Харитоне Петровичу! первые заговорили проворныя матушки; теперь-же шукайте десь хорошу пани-матку, та й на парафію сідайте.

Харитоновъ братъ-діаконъ сердито взглянувъ на матушекъ, проговорилъ:

— У батька ще й ноги не захололи, а вы вже й за весілля...

— А що-жъ, брате? Живый живе гада!—отозвался найстаршій братъ. Вже батька не вернешь зъ гробу, а отъ выйдуть сороковины, то й счасти Боже Харитонови и одружитись!

— Добре слово! Мудра річь! Або нема зъ кимъ?—затараторили матушки. Они совсѣмъ забыли о похоронахъ и начали перебирать всѣхъ извѣстныхъ въ околоткѣ невѣстъ. Одна изъ матушекъ въ числѣ невѣстъ назвала Онисю Прокоповичевну. При этомъ имени Харитонъ поднялъ вверхъ стыдливые глаза свои и снова опустилъ ихъ внизъ. Предъ нимъ будто молнія изъ тучъ блеснулъ образъ Ониси. Онъ вспомнилъ ее и—забылъ даже про смерть отца и только что окончившіеся похороны. Разъ онъ видѣлъ ее въ Богуславѣ на ярмаркѣ и съ тѣхъ поръ не могъ забыть объ ней.

Подъ вечеръ разъѣхались одинъ за другимъ всѣ сосѣди и знакомые покойнаго Моссаковскаго, пріѣзжавшіе отдать ему послѣдній долгъ; сыновья, безъ шуму и спору, подѣлились „батькивскимъ“ добромъ; старшіе братья, взявъ кое-что изъ вещей покойника на память и предоставивъ Харитону всю недвижимость и хозяйство, да пригласивъ одного безмѣстнаго старичка-священника „наблюдать парафію“, пока „высвятится“ Харитонъ, въ свою очередь поспѣшили „до господы“. Къ ночи домъ опустѣлъ. Остался одинъ Харитонъ съ своими мечтами о священствѣ и Онисѣ.

Медленно тянулись для него „сороковины“, а тѣмъ временемъ Онисю навѣщали женихи, а чаще другихъ Марко Павловичъ Балабуха, *философъ*, только что оставившій преобразованную предъ тѣмъ кіевскую академію, чтобы поступить въ село на приходъ.

Онися Степановна была единственная дочь стараго уже священника села Чаекъ. Чайки находились верстахъ въ 20-ти отъ Ольшаницы и расположены были на гористомъ правомъ берегу Роси. Отлогій по краямъ села и крутой въ самой серединѣ онаго берегъ то изрытъ былъ узкими ущельями, то загроможденъ скалистыми террассами; живописные уступы, роскошныя удолья красовались очаровательною зеленью; здѣсь и тамъ, отъ

берега до вершины горы, бѣлѣли чистенькія хатки, то прячась отъ солнца и бури подъ защиту скалъ, то утопая въ зелени садовъ. Съ обоихъ концовъ села, какъ двѣ зеленыя стѣны, стоялъ густой дубовый лѣсъ. На срединѣ горы, на одномъ изъ ея уступовъ красовалась стройно сложенная изъ дубовыхъ брусьевъ церковь, бѣлые верхи которой ярко блестѣли при свѣтѣ солнца и видны были на далекое пространство. У церкви ютился домикъ священника Прокоповича; отъ него по крутой горѣ до самаго берега шелъ роскошный старый садъ, а внизу по-надъ Росью зеленѣли густыя вербы. Передъ домомъ, по-за Росью, на десятки верстъ раскиданы были села по широкой равнинѣ, разрисованной, какъ картина, и испещренной то пожелтѣвшими нивами, то зелеными лугами и левадами, то синѣвшими на солнцѣ ставками, отражавшими въ себѣ верхи вербъ, церквей и горъ.

I.

Былъ день воскресный. Семья Прокоповичей окончила обѣдъ. Старый „панъ-отецъ“ отправился въ пасѣку и залегъ въ „*катрагѣ*“ спать. Въ комнатѣ сидѣли мать съ дочерью и грызли сѣмячки. Бесѣда у нихъ шла о молодыхъ паничахъ, наѣзжавшихъ къ Онисѣ Степановнѣ.

— А що, дочко, будемо діяти? Чи швидко підемо заміжъ, чи ще довго будемо перебендювати? спросила мать у дочери.

— Про мене, мамо, ідить замижъ хочъ и сёгодня, сказала дочь, усмѣхаясь.

— Цуръ дурнои-нависнои! Хиба я про себе говорю? замѣтила мать.

— А то-жъ про кого? сказала дочь.

— Та про кого-жъ, якъ не про тебе.

— Про мене?... Якъ про мене, то не знаю, сказала дочь, загнувъ въ знакъ недоумѣнія или неудовольствія нижнюю губу.

— А хто-жъ буде знати, якъ не ты? Це-жъ твое діло, а не мое. Мині съ твоими женихами не жити. Чи мало вже ихъ до насъ навідувалось?

— Та мене, хвалити Бога, нихто не объїхавъ рябымъ конемъ, сказала дочка, але, сказати щиру правду, моихъ женихівъ хочъ по сімъ за цыбулю продавай.

— Ну, не всіхъ продаси по сімъ за цыбулю. Одного академиста Балабуху не продати й за сімъ цыбуль.

— Я-бъ мамо, ёго й дурно оддала, абы вінъ тильки не іздивъ до насъ.

— Але й вередлива-жъ ты, нічого сказати. Балабуха чоловікъ вченый, займе добру парахвію, буде благочиннымъ, а може й протіереемъ.

— Про мене нехай буде й архіереемъ, коли-жъ у его таки губы, неначе вінъ зъ людей кривиться.

— Отъ и выгадала. Якіжъ у ёго губы? Такі, якъ и у всіхъ людей.

— Коли-жъ, мамо, якъ вінъ засміеться, то такъ зувсімъ, якъ отъ часомъ одна коняка до другои зубы шкирить. А що вже гордый та гоноровитый! правда, що вченый.

Не успѣла Онися окончить разговоръ, какъ за дворомъ послышался стукъ колесъ. Залаяли собаки и бросились за дворъ. Мать и дочь выбѣжали изъ „кімнаты“ въ „свѣтлицу“ и бросились къ окнамъ. Въ ворота въѣзжалъ старосвѣтскій богуславскій возокъ, котораго кузовъ обшитъ былъ широкимъ цѣльнымъ лубомъ и напоминалъ собою большую корзину, расширенную по краямъ и съ поднятымъ вверхъ передомъ. Изъ-за тощихъ двухъ клячъ въ плетеныхъ пеньковыхъ шлеяхъ выглядывала большая фигура академиста Балабухи. Онъ грузно сидѣлъ, какъ добрая копна сѣна, въ „легкодушномъ“ возку. На немъ была шинель синяго сукна съ такимъ длиннымъ воротникомъ, что, спускаясь позади возка, онъ закрывалъ до половины колеса. Возокъ остановился близъ „коморы“, стоявшей наискось отъ дома. Поднимаясь съ глубоко опустившагося сидѣнья, Балабуха взялся обѣими руками за края возка и такъ сильно ихъ нажалъ, выдвигая свою грузную фигуру, что возокъ затрещалъ и раздвинулся въ обѣ стороны.

— Ой, панычу, помалу, бо воза поломаете! сказалъ, съ испугомъ озираясь, погоничь; зновъ насъ будуть батюшка лаяти, якъ лаяли за того воза, що вы разтрощили торікъ.

— Роскажи своему батькови! сказалъ Балабуха и закинувъ ноги черезъ край трещавшаго возка, рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ и грузно опустился на землю. Послышался гулъ, точно упалъ съ высоты большущій мѣшокъ съ зерномъ.

— Отъ тобі на! сказала Онися, глядя изъ окна; за вовка промовка, а вовкъ у хату.

— Йди, дочко, причепурись! сказала мать: надінь товсте намисто, та квітки на голову.

— Намисто надіну и квитки надіну, а Балабусі таки дамъ гарбуза, сказала Онися, смѣясь и убѣгая въ „кімнату".

— Годі, моя дитино, гарбузувати! Треба колись покохати та й заміжъ ити, тихо проговорила мать въ слѣдъ убѣгавшей дочери.

Балабуха стоялъ около возка, а ему подъ ноги бросились, точно бѣшеныя, три презлющія собаки. Наймичка выбѣгла съ палкою и прогнала собакъ. Балабуха, медленно и озираясь, побрелъ къ дому.

Въ сѣняхъ онъ снялъ съ себя шинель и картузъ и бросилъ на стоявшій тутъ сундукъ, вынулъ изъ кармана красный бумажный платокъ, высморкался, откашлялся и тяжелою поступью вошелъ въ „свѣтлицу". Тамъ не было ни духа. Балабуха снова досталъ платокъ, вытеръ носъ, кашлянулъ трижды и сталъ потихоньку переступать съ ноги на ногу, поглядывая то на дверь въ „кімнату", то на свои широкіе на „подборахъ" и въ „рантъ" шитые сапоги.

„Свѣтлица" была просторна, но съ малыми окнами, по четыре стекла въ каждомъ. Вся передняя стѣна съ прилегающими углами до половины сплошь увѣшана была образами и представляли изъ себя подобіе иконостаса. По угламъ висѣли найбольшіе и найболѣе чтимые образа,—въ одномъ образъ печерской Богородицы, въ другомъ почаевской, а передъ образами висѣли небольшія лампадки, купленныя свѣжо у заѣзжаго торговца. Сверху и съ боковъ образа прикрыты были большими, разшитыми въ цвѣта и мелкимъ узоромъ полотенцами. Образа висѣли двумя рядами,— одни достигали самаго потолка, другіе доходили до стоявшаго у стѣны, по самой label срединѣ оной, прикрытаго чистой скатертью стола. Боковая наружная стѣна была занята портретами какихъ-то архіереевъ, а около нихъ и подъ ними въ простыхъ некрашеныхъ рамкахъ, за стекломъ и безъ стекла, ютились такъ называемые куншты,— бумажныя изображенія нѣсколькихъ сраженій изъ отечественной войны и войны за независимость грековъ. На внутренней дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей „свѣтлицу" отъ „кімнаты", развѣшенъ былъ огромныхъ размѣровъ „килимъ", т. е. коверъ, оригинальный рисунокъ котораго давалъ нѣсколько рядовъ большихъ цвѣтовъ, съ

сочетаніемъ самыхъ яркихъ красокъ, какое можно видѣть и теперь на пасхальныхъ „писанкахъ“. Подъ этой-же стѣной стояла такъ называемая „канапка“, родъ дощатаго некрашенаго и самой простой работы и конструкціи дивана. Канапка прикрыта была мѣстной работы ковромъ. Отъ нея шли вокругъ по стѣнамъ то узкія со спинками скамейки, то также простые и не крашеные стулья, самой разнородной формы, коллекція которыхъ составилась не вдругъ, а съ большою постепенностію, болѣе по случаю, а не по заказу. Въ заднемъ углу, близь норога, стоялъ окрашенный въ синюю краску и расписанный разными цвѣтами небольшой шкафъ въ два яруса, хранившій болѣе разныя подручныя яства и питія и мелкій хозяйственный скарбъ, чѣмъ какую либо посуду. На боковой двери изображено было принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, а на главной—козакъ Мамай съ фляшкой въ одной и рюмкой въ другой рукѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по „свѣтлицѣ“, Балабуха остановился предъ Мамаемъ, будто видѣлъ его въ первый разъ, и въ десятый разъ читалъ классическую подъ нимъ подпись:

> Козакъ, душа правдива,
> Сорочки не мае;
> Коли не пье, то в... бье,
> Таки не гуляе.

Балабуха какъ-бы призадумался. Какіе-то неясные образы вновь появились въ его головѣ при чтеніи давно знакомой подписи, но лице его не выражало никакого движенія мысли или чувства... Коротко обстриженная голова его точно отдыхала на роскошныхъ широкихъ плечахъ. Густыя, черныя брови будто повисли надъ темными, чистыми и необычайно спокойными глазами. Продолговатое лице его пріятно закруглялось книзу и оканчивалось мягкимъ широкимъ подбородкомъ. Балабуха былъ совсѣмъ не дуренъ собой, только толстый и длинный носъ, да широкія мясистыя губы портили немного общую гармонію лица... Въ серединѣ верхней губы видна была глубокая, нѣсколько продолговатая впадина, точно кто притянулъ ее тонкой ниткой и сдѣлалъ изъ одной большой губы двѣ малыхъ, нижняя-жъ, напротивъ, красовалась во всей своей полнотѣ и такъ выдалась къ верху, что кожа на ней вытянулась

и лоснилась, какъ-бы смазанная яичнымъ бѣлкомъ. Общее выраженіе у Балабухи получалось такое, будто въ самомъ дѣлѣ онъ кривлялся, или передразнивалъ кого нибудь. Костюмъ его былъ „зъ достатку", чистый и новый, но въ то-же время очень оригинальный и совсѣмъ не похожій на народный костюмъ академистовъ прежняго времени: длинный синяго сукна сюртукъ съ широкимъ воротникомъ, безъ разрѣза назади, и бѣлыми, немного выпуклыми металлическими пуговицами, бланжовый жилетъ и такіе-же пантолоны, сильно съуживавшіеся книзу и изламывавшіеся по формѣ скрывавшихся подъ ними большихъ „шкаповыхъ" голенищъ. Черный, толсто-намотанный вокругъ шеи, полушелковый платокъ и высокіе стоячіе воротнички довершали костюмъ Балабухи... Послѣдніе имѣли столь острые концы, что тогдашнія панночки говорили, что они „нибы хмары ріжуть", а иной батюшка взглянетъ было на нихъ, улыбнется, плюнетъ и добродушно замѣтитъ: „эге! то-бъ то леміши зъ ихъ добри були". Одинъ дьячекъ, въ компаніи съ Балабухой, глядя на его голову, покоившуюся въ воротничкахъ и толсто намотанномъ вокругъ шеи платкѣ, сказалъ на ухо сосѣду: „ось дивиця: въ ёго голова зувсімъ, якъ квочка въ обычайці; ище й дві дощечки зъ боку встромлени". Вообще новомодный костюмъ Балабухи, за оставленіемъ академіи мало ему принадлежавшій, вызывалъ не мало добродушныхъ остротъ и замѣчаній, также какъ и его гладко выбритое, но отдававшее синевой и какъ-бы вымазанное сажей лице, свидѣтельствовавшее о сильной растительности черныхъ какъ смоль волосъ, отъ которыхъ онъ оставлялъ лишь длинные висячіе усы. Одна панночка даже спрашивала у своей матери: „що то, мамо, у того академиста лице также сине, якъ бузъ?" а другая говорила: „вінъ зъ тихъ білихъ коміривъ выглядае, якъ гречана галушка зъ молока".

Балабухѣ было далеко за 20-ть лѣтъ. Наука ему опостыла и онъ оставилъ академію при самомъ ея преобразованіи, захвативъ изъ нея лишь новый студенческій костюмъ, много напоминавшій офиціантовъ польскихъ пановъ. Когда Балабуха, бросивъ академію неожиданно для своего отца и прибывъ изъ Кіева домой, сталъ выражать предъ отцемъ свои сѣтованія на новые порядки и трудность науки, отецъ ласково улыбнулся и сказалъ: „це вже, сынку, здаеться, запаскою тобі запахло... Такъ що-жъ? Кинь іі, ту акаде-

мію, та одружись, та й сідай на парафію". И сынъ точно внялъ совѣту отца и сталъ искать себѣ невѣсты и прихода. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ къ Прокоповичамъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ самолично объясниться предъ Онисею относительно истинной цѣли его частыхъ посѣщеній.

Тихо растворились боковыя двери; Авраамъ съ Исаакомъ скрылись во внутрь комнаты, а вмѣсто ихъ показалась на порогѣ *матушка*. Она была уже не молода. Костюмъ ея былъ такой, какой рѣдко встрѣтите теперь даже въ крестьянской средѣ глухаго украинскаго захолустья. На головѣ у ней стародавняя парчевая шапочка, давно переименованная въ „очипокъ", прикрытый теперь тонкою тканью домашней работы, на манеръ кисеи,—такъ называемою *намíткою*. Намітка искусно повязана была на головѣ, съ большимъ бантомъ позади и спускавшимися двумя длинными концами, на подобіе траурной вуали. Дальнѣйшій нарядъ матушки состоялъ изъ шелковаго лифа съ рукавами, или такъ называемой *юпки*, сшитой изъ темно коричневой матеріи съ мелкими серебряными листочками, и изъ темной плахты и такой-же запаски, т. е. двухъ кусковъ шерстяной матеріи, изъ которыхъ одинъ обхватывалъ нижнюю половину тѣла спереди, а другой сзади и оба укрѣплялись въ таліи шерстянымъ широкимъ поясомъ. Изъ подъ плахты и запаски виднѣлся на вершокъ прошитый заполочью подолъ рубахи, закрывавшій на половину черныя голенища жолтыхъ, сафьянныхъ сапогъ, на одной подошвѣ, съ невысокими каблуками и плоскими подковами. На шеѣ висѣлъ „червінець", величиною съ добрый пятакъ, а изъ подъ рукавовъ юпки выглядывали отороченныя также заполочью и оканчивавшіеся узкой сборкой рукава добротной, домашняго холста, рубахи.

Балабуха низко поклонился хозяйкѣ дома и поцѣловалъ ее въ руку, а она поцѣловалась съ нимъ троекратно въ губы.

— Выбачайте, паниматко! може вы одпочивали по обіді, а я васъ розбудивъ, проговорилъ Балабуха густымъ басомъ, но тихо и сдержанно, будто боясь кого нибудь разбудить.

— Ні, Марку Павловичу, сказала матушка: я не одпочивала, а мій старій пішовъ десь на спочивокъ до пасіки.

— А Онисія Степанивна дома? спросилъ Балабуха.

— Дома. Онисю! кликнула матушка свою дочь; выйди, серце, та вынеси намъ по чарці.—Чи горілочки, чи наливочки? спросила она академиста.

Академистъ, подумавъ какъ-бы, отвѣчалъ: та воно після дороги лучче-бъ теи *aquae vitae,* тобъ-то горілочки чарку.

— Вынеси, доню, намъ горілочки, та набери въ тарілку пирожківъ! опять сказала матушка черезъ порогъ.

Онися не замедлила выйти и вскорѣ показалась въ дверяхъ, высокая, тонкая, стройная, какъ тополь. Склонивъ немного на бокъ голову, чтобы не задѣть за перекладину, она вступила въ свѣтлицу, неся на подносѣ водку и пироги. Взглянувъ на нее, Балабуха чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія.

На Онисѣ была *плахта*, вытканная изъ шерсти по поламъ съ шелкомъ, небольшими квадратиками. Квадратики были затканы „жовтогорячимъ" шолкомъ съ бѣлыми, какъ серебро, тонкими ободками; внизу качались круглые, величиною въ волоскій орѣхъ кисточки, похожія на колокольчики. Красная, съ синими и зелеными цвѣтами, *запаска* свѣтилась, какъ горящіе уголья. Вышитый красными и синими цвѣтами подолъ сорочки опускался на красивые сафьянные полусапожки. Яркосиній шелковый *корсетъ* затканъ былъ золотыми цвѣтами. На головѣ сіялъ цѣлый вѣнокъ цвѣтовъ. Разноцвѣтныя ленты покрывали плечи ея до пояса, будто дождь цвѣтовъ лился съ головы по плечамъ. На шеѣ красовалось роскошное въ нѣсколько спурковъ намисто съ золотыми *дукачами*.

Лице Ониси не блистало красотой, но поражало особою своею привлекательностію. Оно имѣло оригинальное очертаніе, вверху шире, книзу уже, и оканчивалось нѣсколько острымъ подбородкомъ. Двѣ тонкія линіи черныхъ бровей были какъ-бы вырисованы на широкомъ и высокомъ ея челѣ, и своими острыми концами уходили подъ нависшіе надъ выпуклыми висками цвѣты. Изъ-подъ густыхъ, стыдливо поднимавшихся рѣсницъ свѣтились черные, какъ уголь, острые и блестящіе глаза. Тонкій, съ легкимъ возвышеніемъ носикъ какъ-бы свѣтился насквозь, а маленькія темнокрасныя губы выступали впередъ и слегка опускались внизъ; цвѣтъ лица былъ нѣсколько желтоватъ, но его освѣжалъ легкій, едва примѣтный, широкій румянецъ.

Онися вошла и будто принесла съ собою еще больше свѣта въ свѣтлицу, залитую горячимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Балабуха стоялъ и глядѣлъ. Онъ даже забылъ поклониться ей.

Онися по старосвѣтски поздоровалась съ гостемъ, кивнувъ на ходу головой, и поставила подносъ на столъ. Когда она наклонилась надъ столомъ, ленты закачались на ея плечахъ, точно отъ вѣтру, и открыли ея тонкій, ровный, какъ стрѣла, еще дѣтскій станъ. Балабуха опомнился, подбѣжалъ къ Онисѣ, поклонился и молча поцѣловалъ у нея руку. Онися улыбнулась, подмигнула матери и подумала: ей-же Богу, кривиться зъ мене!

— И коли-жъ оце моя Онися встигла убратись въ нову плахту, въ нову запаску, ще й почіпляти стрічокъ та квітокъ на голову? думала матушка, поглядывая искоса на свою дочку.

Онися сѣла на канапкѣ; Балабуха расположился на стулѣ подъ окномъ и робко посматривалъ на нее.

— Чого це я такъ злякався ціеи панны? думалъ Балабуха: я-жъ таки академистъ, философъ, а вона, и въ граматиці не була и не вміе навить просклоняти *mensa*; я-жъ знаю Горація та Овидія напамять одъ дошки до дошки.

Балабуха гордо поднялъ голову, откинулъ ее назадъ, закинулъ ногу на ногу, оперся локтемъ объ столъ и молча сидѣлъ въ такой позѣ. Онисѣ эта поза не понравилась; она была горда, разумна, энергична и не любила гордыхъ и характерныхъ людей. Она, сама любила верховодничать, а не покоряться.

Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе; слышалось только, какъ мухи бились объ окна, залитыя горячимъ свѣтомъ.

— Чого-жъ оце мы сидимо? заговорила наконецъ матушка. Ось выпиймо лишь по чарці, то й повеселішаемо та й розговоримось.

И она подошла къ столу, взяла фляшку въ правую руку, рюмку въ лѣвую и повернувшись лицемъ къ гостю, принялась наливать водку.

— И то розумне слово, отозвался Балабуха на такое приглашеніе. *In vino veritas*, казали древни мудреці,—добавилъ онъ съ нѣкоторою важностію, растягивая латинскую фразу.

— Будьмо-жъ здорови, какъ-бы въ отвѣтъ на это произнесла протяжно матушка, выпила съ полрюмки и наливъ вновь, поднесла Балабухѣ. Балабуха выпилъ чарку до дна, отломалъ половину пирога и цѣликомъ послалъ въ широкій свой ротъ.

— А ты, доню, не покуштуешъ оціеи поганои та гіркои? спросила мать у дочери.

— Спасибі, мамо! Я-жъ не пью, сказала Онися быстро и громко, какъ-бы опасаясь повторенія предложенія.

— Та хочъ за здоровья гостя помочи губы, сказала матушка, подавая дочери рюмку съ водкой.

И мать и дочь хорошо знали стародавній, неизмѣнный обычай прикушать къ гостю и только для виду переговаривались: Онися сдѣлала видъ, будто ей неловко отказаться прикушать за здоровье гостя, а за тѣмъ, нехотя какъ-бы, встала, взяла рюмку, обмакнула губы и поставила на тарелку, утираясь платочкомъ.

Послѣ рюмки разговоръ пошелъ живѣе. Матушка расказывала про свое хозяйство, про урожай, про пасѣку. Балабуха то тамъ, то здѣсь вставитъ словцо и все посматриваетъ на Онисю, а Онися то подниметъ, то опуститъ свои длинныя рѣсницы, то пристально глядитъ на какой-нибудь *кунштъ*, точно видитъ его въ первый разъ..

Матушка заговорила о смерти и похоронахъ ольшанскаго священника.

— А вы були на похороні? спросилъ Балабуха Онисю.

— Ні, я боюсь мерцівъ. Я-бъ три ночи не спала після похорона, сказала Онися и опять начала разсматривать то крашенныя притолки у дверей, то Авраама на дверяхъ, который поднялъ большіе испуганные глаза къ небу, будто видитъ тамъ въ свою очередь мертвеца.

— Який у васъ гарный садокъ, та ще надъ водою, сказалъ Балабуха, обращаясь прямо къ Онисѣ.

— Садокъ гарный, але цёго року не вродили *хруста*, сказала Онися, желая вставить непростое слово.

— Може *фрукты*, сказалъ Балабуха, до це слово латыньске, четвертои деклінаціи... и воно рода мужеського, тимъ то треба казати фрукты, а не фрукта.

— Ой поганый, та ще вчить мене, подумала Онися и покраснѣла; потривай же, я тобі підсуну хруста.

Матушка сообразила, что третье лице тамъ лишнее, гдѣ сходятся „хлопець“ и „дівчина“, встала и проговорила будто про себя: піду жъ я въ пасіку, та розбужу свого старого; а доки вінъ спатиме!

Матушка вышла. „Хлопець“ и „дівчина“ молчали. Въ свѣтлицѣ стало такъ тихо, что слышно было тяжелое дыханіе Балабухи, котораго широкая грудь то поднималась, то опускалась, изобличая его внутреннее волненіе.

— Звідкіль почати? що сказати? О музы! О боги! поможіть мині приступити до цееи червонои запаски, какъ-бы въ слухъ взмолился Балабуха, обращаясь къ древнимъ богинямъ и богамъ.

А они молчали, не помогали. У Балабухи выступилъ потъ на лбу. Онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, потомъ опять лѣвую на правую, а приготовленныя слова совсѣмъ ушли изъ его памяти.

— О, Афина-Паллада! о, божествена Діяна! О, Венера! бросился опять Балабуха за помощью на Олимпъ, глядя на Онисю. Богини класическаго міра, мимо воли его, сновали въ его головѣ одна за другой, пробѣгали рядками, гонялись одна за другой, будто въ „хрещика“ играли, и все красивыя, роскошныя, одна краше другой. А слова все таки ня шли на языкъ. Балабуха вытянулъ платокъ, опять оперся локтемъ объ столъ и переложилъ вновь ногу на ногу.

— Чи не покликати на помічъ Горація? а може Арыстотеля? думалъ Балабуха, перебирая въ умѣ своемъ латинскія вирши. Но онъ чувствовалъ, что и Горацій куда-то удралъ, а Аристотеля и конемъ не догонишь. Передъ нимъ вертѣлись лишь нимфы въ какомъ-то сказочномъ лѣсу, въ полумрачной пещерѣ, надъ тихой, прозрачной водой. На нихъ, какъ на Онисѣ, были красивыя плахты, а зеленая осока и цвѣты покрывали ихъ головы, падали по плечамъ.

— Вы, Онисія Степановно, якъ лісова Діана! вдругъ проговорилъ Балабуха и самъ покраснѣлъ и замолкъ.

Онися взглянула на него удивленными глазами и подумала: „чи вінъ сміеться зъ мене, чи говорить вже дуже по вченому“, но ничего въ отвѣтъ не сказала. Балабуха и самъ спохватился и смекнулъ, что выразился очень высокопарно и темно, и что не слѣдуетъ говорить такимъ академическимъ, какъ онъ думалъ, языкомъ.

— Вы, Онисія Степановно,... я все... вновь началъ Балабуха, рѣшившись упростить свою рѣчь; якъ побачивъ я васъ, то мині ставъ світъ немилый!

— Хиба я така страшна, що вже й світъ вамъ ставъ не милый! смѣло отрѣзала Онися.

— Вы жартуете. Де вже вы страшни! Чи може жъ бути така краса страшною? Краса страшна, то правда, але такъ, якъ були страшни для людей давні боги, якъ страшный Богъ,—началъ философствовать Балабуха: ваши чорни брови, якъ гострі стрілы Купидона; того вразять, той вже на віки вашъ.

— У кого-жъ то були таки стрілы? Вы мабуть говорите про своихъ учителівъ? отозвалась Онися.

— Sancta simplicitas! якъ ты часомъ гарна буваешь своею таки простотою? проговорилъ будто самъ къ себѣ Балабуха.

— Чи вінъ сміеться зъ мене, чи глузуе, що вінъ ученый, а я проста? подумала Онися и стала сердиться.

— Вы такъ говорите по пісьменному, що я ничого не розберу, сказала Онися.

— Чи вже жъ вы не розберете, що я васъ люблю? А коли вы мене любите, то я готовый хочъ и сёгодня до васъ старостивъ слати,—сказалъ Балабуха и самъ удивился, что сказалъ такъ просто и ясно.

— Такъ бы вы й давно казали, то я бъ знала, про що пъеться, сказала Онися и разсмѣялась, ни мало не сконфузившись,—она слышала такія рѣчи уже не въ первый разъ.

Балабуха и самъ усмѣхнулся. При этомъ ротъ его широко растянулся, а по обѣ стороны его образовались по двѣ линіи, какъ-бы по двѣ ижицы. Въ академіи студенты шутили надъ Балабухою и говорили, что когда онъ засмѣется, то у него по одну сторону рта появляются *супины*, а по другую *герундіи*.

Онисѣ показалось, что Балабуха гордо смотритъ на нее и смѣется надъ нею.

— Потривай-же ты, академисте! я тобі накладу въ візъ таки правдивіхъ гарбузивъ, подумала Онися, и у нея въ самомъ дѣлѣ явилась мысль продѣлать эту обычную шутку съ гордымъ академистомъ. Она сама даже разсмѣялась отъ этой неожиданной мысли.

— Чого вы сміетеся? Чи того, що щасливі? спросилъ Балабуха, въ свою очередь усмѣхаясь.

Скрипнули двери въ сѣняхъ. Въ хату вошла матушка. Увидѣла она, что молодые люди обое смѣются и подумала, что все у нихъ окончилось ладомъ.

— Оце я будила, будила свого старого, та й не добудилась, весело проговорила матушка. Коли ваша ласка, обратилась она къ гостю, выпъемо по чарці, та ходимо до пасіки въ садокъ. Може гуртомъ розбудимо старого.

Матушка налила „по чарці", выпила сама и поднесла Балабухѣ. Балабуха „стукнулъ" до дна и со внусомъ заѣлъ пирогомъ, какъ-бы послѣ очень тяжелой, но успѣшно оконченной работы.

— Може ще по другій? спросила матушка.

— Ні, спасибі вамъ, пани-матко, весело сказалъ Балабуха; est modus in rebus, якъ казавъ Горацій.

— Вы все по вченому говорите, а мы люде прости, просто й горілочку пъемо, сказала матушка.

Матушка взяла фляшку и тарелку съ пирогами и пригласила Балабуху въ садокъ. Онися выскочила въ „кімнату", затворила за собою двери, обернулась и передразнила Балабуху передъ дверями, вывернувъ изо всей силы нижнюю губу, какъ у него.

Большой садъ Прокоповичей былъ раскинутъ на всемъ пространствѣ ихъ обширной гористой усадьбы; лишь незначительная часть его занята была цвѣтникомъ, огородомъ и пасѣкой. Главная часть сада расположена была на верхней террассѣ близъ дома и тутъ-то во всей красѣ росли лучшія широковѣтвистыя яблони и груши, въ перемежку по мѣстамъ съ вишнями и сливами. Отсюда садъ спускался по крутой скалистой горѣ большими и малыми группами старыхъ и молодыхъ деревьевъ, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ и пересѣкаемыми то узкими ущельями, то громадными камнями, то легкими уступами и отдѣльно стоявшими гигантскими деревьями. Садъ заканчивался у самаго берега Роси густо поросшими рядами вербъ и при боковомъ солнечномъ освѣщеніи съ вершины терассы давалъ такую восхитительную картину, что Балабуха, взглянувъ съ горы на раскрывавшуюся предъ нимъ зелено-золотистую бездну, невольно выкликнулъ:

— Та й рай же у васъ, пани-матко! Це якъ бы Адамъ зъ того світа вставъ, то згадавъ бы свій рай, що такъ марно стративъ.

Пасѣка была на краю верхняго сада, въ маленькой впадинѣ,

въ зеленомъ „вишнякѣ“. Она обнесена была низкой огорожей, обставленной снопками. Изъ-за нея выглядывали верхи ульевъ, прикрытыхъ свѣтло-желтыми мисками—яндолами, какъ бы широкими шляпами. Въ сторонѣ отъ нихъ виднѣлась *катрага*,—низкій соломенный шалашъ надъ земляной ямой, въ которой складывались ульи пчелъ на зиму. Тутъ лѣтнею порою опочивалъ о. Степанъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ, или же выхмѣлялся на свободѣ.

Матушка отворила маленькія дверцы въ соломенной оградѣ. За ними на грядкахъ желтѣли крупныя головки повняковъ и гвоздиковъ, блестѣли чорнобрывци, разстилались по травѣ гирлянды настурцівъ. Одинъ подсолнечникъ раскинулъ роскошные листья надъ огорожею и свѣсилъ черезъ нее свою тяжелую голову.

Пчелы кружили роемъ надъ пасѣкою, летая вдоль и впоперекъ. Отъ пасѣки несло теплымъ смѣшаннымъ запахомъ воску и гвоздиковъ.

Балабуха вошелъ въ пасѣку. Вдругъ пчела съ разлету ударились въ его лице, какъ будто кто бросилъ ею въ него изо всей силы. Привычный къ такимъ сюрпризамъ, Балабуха не мигнулъ даже бровью и тѣмъ предохранилъ себя отъ дальнѣйшаго нападенія пчелъ. Отецъ Степанъ спалъ въ катрагѣ, притворивъ двери. Матушка открыла ихъ и вошла въ катрагу; за нею вошелъ Балабуха.

— А вставай, паноче! Богъ гостя принісъ, крикнула она.

Отецъ Степанъ отозвался сквозь сонъ, поднялся и сѣлъ на постели, глядя сонными очами на Балабуху.

— Що? га? де? спрашивалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ось-ось! сказала матушка, тыкая ему въ руки фляшку съ горѣлкою.

— Отче Степане! архіерей приіхавъ, сказалъ подшучивая Балабуха.

— Не вже! крикнулъ какъ ужаленный отецъ Степанъ и вскочилъ съ постели, вытаращивъ глаза на Балабуху. Съ просонковъ ему и въ самомъ дѣлѣ показалось, что передъ нимъ стоитъ архіерей.

Отецъ Степанъ протеръ глаза, присмотрѣлся ближе къ Балабухѣ и узналъ его.

— Та це академистъ приіхавъ до насъ! крикнулъ онъ хриплымъ отъ сна голосомъ и бросился обнимать и цѣловать Балабуху, что

было для него нѣсколько трудно, такъ какъ отецъ Степанъ былъ ростомъ значительно ниже Балабухи. Балабуха поднялъ его своими мощными руками и они трижды облобызались.

— Pax vobis, serenissime pater! воскликнулъ при этомъ Балабуха и добавилъ вольный перифразъ: миръ дому сёму и живущимъ въ ёму, оиуская отца Степана, какъ малое дитя.

— А чомъ ты, стара, мене оце не збудила? проговорилъ отецъ Степанъ, обращаясь къ женѣ.

— Хиба жъ не будила! Штовхала тебе та торсала, а ты тільки ногами дригавъ, та махавъ руками. Мій панотець, Марко Павловичу, мае поганый звичай: бъеться спросоння, хочъ такий зъ себе непоказный. Ось якъ ударивъ мене спросоння по руці, то я трохи не впала.

— Сідайте жъ, академисте, въ моій господі, сказалъ отецъ Степанъ, придвигая къ столу скамейку: сідайте та выпъемо по чарці: може я сонъ прожену.

При этомъ отецъ Степанъ зѣвнулъ во всю мочь, крестя въ тоже время ротъ.

— Ой затуляй рота, бо бжолы влетять: подумають що улікъ, сказала матушка.

— Отъ и улікъ! може подумають, що вічко, сказалъ батюшка.

— Эге! добре вічко. Якъ выйде рій, то ще, боронь Боже, весь влетить тобі въ ротъ: не треба буде й збірати, сказала матушка, весело смѣясь.

Отецъ Степанъ налилъ рюмку, сказалъ обычное: будьмо здорови! и выпилъ, а потомъ вновь налилъ и поднесъ Балабухѣ.

— Мы вже, поздоровъ Боже паніматку, выпили зъ ними по чарці; такъ и не знаю, чи пити, чи не пити, сказалъ Балабуха.

— Та пийте! тільки недобрі люде не пьють, сказалъ батюшка.

Балабуха выпилъ и закусилъ пирогомъ. За первой чаркой пошла другая, за ней третяя. Скорый, проворный, говорливый панъотецъ развязалъ языкъ, выпивая чарку за чаркой, а Балабуха все посматривалъ чрезъ пасѣку, не покажется ли Онися. Ониси однако не было.

— Отъ вы вчитесь тамъ въ академіи все по латынському, все пишете вірши, а чи вчять васъ тамъ співати на гласы: *на Господи воззвахъ, на Богъ Господь...* спросилъ отецъ Степанъ.

— А чомъ же? Вчять, сказалъ Балабуха съ нѣкоторою гордостію.

— А чи вміетежъ на третій гласъ? а заспівайте? неожиданно спросилъ батюшка.

— Та годі тобі, старый! Отъ выдумуе ни се, ни те. Де вже, щобъ въ академіи цёго не вчили, сказала матушка, примѣтивъ желаніе своего *старого* проэкзаменовать того, кого она въ мысляхъ своихъ считала своимъ зятемъ.

— Тсъ! остановилъ ее батюшка и затѣмъ, обращаясь къ Балабухѣ, продолжалъ: отъ и не вміете, хочъ и вчились въ академіи: а нуте на *Богъ Господь* гласъ восьмый.

Балабуха засмѣялся, однако затянулъ гласъ восьмый. Онъ зналъ, что старые батюшки любятъ экзаменовать по части пѣнія.

— Такъ, да не зовсімъ, сказалъ отецъ Степанъ, въ насъ на селахъ ось якъ співають! И онъ зарипѣлъ низкимъ басомъ: *Богъ Господь...* гласъ восьмый.

— А нуте заспівайте на четвертый гласъ, вновь сказалъ батюшка, наливая чарку.

Балабуха затянулъ на четвертый. Отецъ Степанъ подтягивалъ, чтобъ выказать и свой голосъ. Въ пасѣкѣ поднялся такой гулъ, что заглушилъ жужжанье пчелъ.

— Добру гортань маете! Отъ за це люблю! И горілку добре пъете! И за це люблю! сказалъ отецъ Степанъ, цѣлуя въ губы Балабуху.—Колибъ вы знали, Марку Павловичу, якъ я опорядивъ свою церкву! Яки я образы поставивъ въ церкви! Такихъ мабуть и въ Кіеві не знайдете. Отъ ходімъ, голубчику, я вамъ покажу!

Отецъ Степанъ поднялся проворно съ мѣста, схватилъ за руку Балабуху и увлекъ его изъ „катраги". Матушка пошла за ними въ слѣдъ. Въ пасѣкѣ кругомъ ихъ сновали пчелы; не мало ихъ набилось въ бороду батюшки, одна даже ужалила его въ щеку, но онъ не поморщился, а равнодушно бросилъ ее на землю, да все не выпускалъ руки студента, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ не улизнулъ. То и дѣло наклоняясь подъ густо нависшими вѣтвями, пробрались они къ церкви по протоптанной отцемъ Степаномъ узенькой тропинкѣ. Церковь была отворена; сторожъ подметалъ и прибиралъ въ ней послѣ воскресной службы.

Только переступивъ порогъ церкви, отецъ Степанъ выпустилъ руку Балабухи и перекрестился, какъ бы благодаря Бога за то,

что обезпечилъ за собою слушателя, или точнѣе зрителя его дѣлъ на пользу церкви.

Церковь была маленькая, сложенная изъ широкихъ дубовыхъ брусьевъ. Все въ ней было просто и бѣдно; небольшіе купола и узкія окна высоко отъ пола. Не смотря на ясный лѣтній день, въ ней было довольно темно, и только яркій пламень перевалившаго за полдень солнца, прорвавшись сквозь узкое окно, протянулся поперекъ церкви и упалъ на старинный иконостасъ, не гармонировавшій тонкой рѣзьбой и искусно писанными ликами святыхъ съ общимъ убожествомъ церкви. Всѣ стѣны увѣшаны были образами, какъ и свѣтлица отца Степана,—недавней впрочемъ и топорной работы; даже въ куполахъ, на голыхъ стѣнахъ виднѣлись изображенія евангелистовъ и другихъ святыхъ.

Отецъ Степанъ ходилъ отъ образа къ образу и показывалъ пальцемъ. Въ „бабинцѣ“ висѣлъ во всю стѣну образъ страшнаго суда; нижняя часть картины представляла горящее вѣчнымъ огнемъ *пекло*. Середину этой части картины занимала голова какого-то чудовища съ огромными зубами, смахивавшая однако на конскую голову, а межъ зубовъ, въ самой пасти, сидѣлъ на престолѣ сатана, съ рогами, весь черный, но съ бѣлыми зубами. На рукахъ у него сидѣлъ Іуда—столь малыхъ размѣровъ, какъ бы это было маленькое дитя. Голова чудовища будто хотѣла проглотить сатану, но подавилась и сатана застрялъ въ самомъ горлѣ, зацѣпился своимъ высокимъ трономъ и не могъ пойти дальше. У пасти чудовища пылало пламя и сюда рядами направлялись обнаженные грѣшники: ткачи съ клубками въ рукахъ, портные съ ножницами, сапожники съ копыльями, мельники съ перевѣшенными черезъ плечи жерновами, шли вѣдьмы и другія грѣшницы съ растрепанными волосами, писаря съ перьями и большими чернильницами въ рукахъ, за ними „осаулы“ и „сіпаки“ съ разинутыми ртами, панъ-экономъ въ наточанкѣ и куча жидовъ съ пейсами, а позади всѣхъ рогатые и хвостатые черти, погоняя грѣшниковъ нагайками.

Дивиться! только и могъ сказать отецъ Степанъ, вполнѣ увѣренный, что противъ достоинства картины и ея детальности не можетъ быть возраженій.

— Ой Господи! Господи! восклицала матушка, глядя на картину и тяжело вздыхая.

— А теперъ идіть сюди! сказалъ отецъ Степанъ, взявъ Балабуху за руку; я вамъ покажу такій образъ, що у васъ и въ Кіеві такого нема.

И онъ провелъ гостя въ правый притворъ. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ большихъ размѣровъ образъ Покрова Божіей Матери. Отецъ Степанъ сталъ предъ образомъ и сложилъ руки, предоставляя гостю оцѣнить по достоинству то, что, по его мнѣнію, составляло особую красу его церкви. По срединѣ образа нарисованъ былъ амвонъ; казалось, что то двѣ опрокинутыя сковороды, положенныя одна на другую. На амвонѣ стоялъ молоденькій діаконъ зъ распущеными волосами, точно маленькая панна въ широкомъ парчевомъ капотѣ. Величиной онъ былъ какъ разъ подъ руки прочимъ фигурамъ. На самой головѣ его облака, а въ облакахъ Богородица, вдвое больше его, съ пеленой въ рукахъ, ниспадавшей такими острыми концами, будто они вырѣзаны были изъ листоваго желѣза. По одну сторону діакона стоялъ Андрей юродивый, спустившій съ одного плеча красную свою хламиду. Голая грудь его была непомѣрно полна, а круглый животъ торчалъ какъ-то отдѣльно, точно онъ привязанъ или прибитъ былъ къ фигурѣ Андрея. Лице святого было очень сердито, рука его сжата была въ кулакъ, поднятый къ верху, а отдѣльно торчавшій палецъ походилъ больше на деревянный зубъ отъ бороны. По другую сторону святого стоялъ съ ярко рыжей бородой и краснымъ лицемъ греческій императоръ, въ зубчатой коронѣ, смахивавшей на опрокинутый вверхъ треножникъ. Онъ гордо смотрѣлъ на стоявшаго рядомъ съ нимъ патріарха, заложивши руки за спину, а патріархъ тоже будто знать его не хочетъ и держать въ рукахъ крестъ, который пригодился-бы бѣдному человѣку на могилу. За патріархомъ стоялъ рядъ монаховъ съ удивительно бѣлыми лицами и одинаково чорными бровями, а тамъ далѣе группы не то „дѣвчатъ“, не то „парубковъ“, съ такими уродливыми физіогноміями, которыя неизбѣжно должны были вызывать въ зрителѣ одинъ развѣ смѣхъ: у одного такое было раздутое и скривившееся лице, что будь это живой человѣкъ, можно было-бы подумать, что онъ набралъ въ ротъ „кислицъ“; у другого будто рожа разнесла одну щеку; у третьяго точно чирей подъ бородою, а глаза такой величины и формы, какъ и самый ротъ. Внизу на рамѣ большими славянскими буквами было написано: *сей образъ соорудили рабы божі Чайкивськи сестрыци. Року Божого 1817.*

Давъ гостю насмотрѣться на образъ, отецъ Степанъ сталъ вызывать его на отзывъ.

— Хто ёго зна... отвѣчалъ Балабуха. Діяконъ дуже малый, до того ще неначе дівчина, а святый Андрей чогось дуже лютый, неначе хоче бити того діда, неначе каже: „ой, стережись старый, бо якъ дамъ, то й зубы вызбираешь", а той неначе просиця: „и дядечку, голубчику, я-жъ ни въ чимъ не винный"...

— Отъ ка-зна що выдумуете! отрѣзалъ о. Степанъ; тимъ вченимъ скрізь недогода. И потомъ, поправляясь, сказалъ: выбачайте; коли той не подобався, то отъ подивиться на цей образъ!

Тутъ Илія уѣзжалъ на небо на страшно быстрыхъ коняхъ съ огненными гривами. Искры сыпались у нихъ изо ртовъ, а изъ ноздрей и ушей клубьями валилъ дымъ. Красная одежа падала на землю прямо на Елисея, а онъ лежалъ опрокинутый на спину, поднявъ вверхъ руки и ноги.

— Щось тутъ багато вже огню, неначе въ казкахъ росказують про якихсь-то коней, замѣтилъ Балабуха.

— Э, Марку Павловичу! я бо думавъ, що вы насъ хвалитимете, а вы ни се, ни те говорите, сказалъ отецъ Степанъ, съ досадою махнулъ рукою и направился изъ церкви. За нимъ пошли матушка и Балабуха.

— Хотівъ вамъ показати „неопалиму купину" въ олтарі, продолжалъ о. Степанъ на ходу, та вже не покажу; вы насъ обсьміете. Ходимъ лучше до дому, та выпьемо хиба по трудахъ по чарці.

Въ то время, какъ старый Прокоповичъ хвалился предъ академистомъ своими образами, надѣясь, быть можетъ, расположить его къ дому, Онися надумалась и въ самомъ дѣлѣ надѣлить Балабуху „гарбузомъ". Она позвала „погонича" въ кухню покушать, а между тѣмъ послала своихъ дѣвчатъ на огородъ вырвать и принести дра „гарбуза". Дѣвчата, всегда готовыя на такія штуки, мигомъ сбѣгали на огородъ и принесли два большущихъ „гарбуза" и еще нѣсколько маленькихъ.

Підить-же, дівчатка, сказала имъ Онися, та вкиньте оціому паничеви въ візъ оці гарбузы, та добре замостить въ сіно, въ задокъ, на самісіньке дно.

— Мы, Онисю, говорили дѣвчатка, вкинемо въ візъ одного гарбуза, то буде паничеви, а другого—для погонича привяжемо підъ возомъ, підъ передкомъ.

— Про мене, привязуйте, та тільки добре, щобъ до дому довезли, сказала Онися, смѣясь.

Дѣвчата достали бичевку, „оперезали“ кругомъ бѣднаго гарбуза и понесли къ возу. Возъ стоялъ въ огородѣ подъ навѣсомъ, за плетнемъ, и потому дѣвчата могли выполнить затѣю Ониси незамѣтно и самымъ тщательнымъ образомъ. Такъ они и сдѣлали, а возвращаясь съ хохотомъ къ дому, принесли еще пару маленькихъ, какъ яблочки, „гарбузовъ“. Онися положила ихъ въ широкіе карманы жениховой шинели, лежавшей въ сѣняхъ.

Устроивъ такую продѣлку, Онися поспѣшно накрыла въ свѣтлицѣ столъ и поставила полдникъ. Вскорѣ скрипнули въ сѣняхъ двери со стороны сада и въ сѣни вошли Прокоповичи съ гостемъ. Противъ нихъ въ свѣтлицѣ стояла Онися, раскраснѣвшаяся какъ маковка, съ весело блестѣвшими насмѣшливыми глазами.

— А я, мамо, говорила она, вже полудень зготувала.

— Добре зробила, моя доню! вже часъ полуднувати, сказала Прокоповичка.

— О, зъ васъ добра господиня буде, замѣтилъ съ нѣкоторою важностью Балабуха, посматривая на Онисю, какъ на свою будущую жену-хозяйку: мабуть, вы черезъ господарство не выйшли до насъ у пасіку.

— Коли я бджілъ боюсь, сказала Онися, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Васъ и бджолы не кусали-бъ: подумали-бъ, що то квітка, любезно закончилъ Балабуха.

Усѣлись полдничать; пошла опять круговая. Двѣ жареныя курицы, полумисокъ варениковъ съ сметаной и миска простокваши составили нѣкоторое подкрѣпленіе по трудахъ. Когда все было съѣдено, Онися вынесла на тарелкахъ рожковъ, орѣховъ и собственнаго приготовленія „маковниковъ“, а въ добавокъ ко всему и фляшку сливянки. Прокоповичи угощали гостя съ большимъ радушіемъ и просили навѣщать ихъ почаще. Пока выпивалась, рюмка за рюмкой, вкусная наливочка, матушка не безъ цѣли развела пространный разсказъ о своемъ господарствѣ, пересчитала воловъ, коровъ, овецъ, не забыла и свиней, и сколько „пней“ въ пасѣкѣ, проболтнулась, будто невзначай, и о сотнѣ карбонцевъ, спрятанныхъ въ „скрынѣ“. Балабуха слушалъ, расправляя то усы, то высокіе воротнички и искоса слѣдя глазами за легкимъ станомъ Ониси, которая бѣгала изъ комнаты въ свѣтлицу, и обратно.

Передъ вечеромъ Балабуха сталъ прощаться. Прокоповичи вышли за нимъ на крыльцо. Присѣли здѣсь и выпили, попрощались и еще разъ выпили, а за тѣмъ уже Балабуха окончательно распрощался, и полѣзъ въ возокъ, который вновь закачался и затрещалъ подъ его ногами. Лошадки тронули съ мѣста. Прокоповичи посылали съ крыльца всякія благожеланія, Балабуха оборачивался и кланялся, а выѣхавъ за дворъ, еще разъ снялъ картузъ и низко, низко поклонился по направленію къ Онисѣ. Онися закрыла губы рукавомъ и едва сдерживала смѣхъ, а дѣвчата, выглядывая изъ оковъ кухни, хохотали до того, что слезы у нихъ выступили на глаза.

На дворѣ было тихо. Дневной жаръ ослабѣлъ. Отъ садовъ, отъ вербъ легли тѣни; вѣяло прохладой. Балабуха ѣхалъ длинной улицей подъ прикрытіемъ тѣнистыхъ деревьевъ, стоявшихъ вдоль плетней. Прелесть наступавшаго вечера и только что кончившееся свиданіе съ Онисей настраивали его на тонъ мечтаній.

— Музо моя, богине моя! думалъ Балабуха, припоминая Онисю: яка-жъ ты гарна! Чи е де въ світі краща одъ тебе? Мабуть Юнона, и та не зрівнялась-бы съ тобою.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ нимъ лежитъ что-то твердое и безпокоитъ его.

— Але якъ-же ты погано вымостивъ! Я чогось усе зъізджаю на одинъ бікъ, сказалъ Балабуха, обращаясь къ погоничу и пересовываясь на другую сторону возка.

— Діана! щира Діана! высока, рівна, станъ тоненькій, ніжки маленьки, пальци кляссычни, тонки та довги... Ой, муляе-жъ, бий ёго сила Божа!

И Балабуха опять поднялся выше и началъ высиживать себѣ мѣсто, какъ насѣдка въ гнѣздѣ.

— А що, паничу! мині здаеться, що мы тутъ не оженимось, сказалъ понуро погоничъ.

— Чого-жъ такъ? Певно ты не оженися, але я оженюсь.

— Ба й вы не оженитесь! мрачно произнесъ погоничъ.

— Та чого-жъ такъ? спросилъ Балабуха, усмѣхнувшись.

— Бо мене, чортъ-зна якъ нагодували; и чарки горілки не дали. Я зовсімъ голодный.

— Ну, це ще не велика біда. За те мене нагодували й напоили, ажъ у голові шумить.

На концѣ села стояла корчма. Возокъ катился прямо къ ней.

— Паничу! купить оселедця та чарку горілки, бо, ей Богу, істи хочу, сказалъ погоничъ.

— Добре! спиняй кони! Я й самъ радъ выпити чарку, сказалъ Балабуха.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха крикнулъ стоявшей у корчмы жидовкѣ, чтобы вынесла водки и закуски.

Между тѣмъ бродившія тутъ свиньи собрались около воза и все лѣзли подъ колеса. Погоничъ стегалъ ихъ кнутомъ, а они все свое.

— Якого це дідька вони лізуть підъ візъ? крикнулъ Балабуха.

Ни онъ, ни погоничъ не догадывались, что влечетъ свиней къ возу. Выпили, закусили й поѣхали. А свиньи за возомъ.

— Що це за напасть! сказалъ Балабуха, оглядываясь назадъ.

— Чи то свині, чи собаки? спросилъ онъ у погонича, какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ.

— А вже-жъ свині; а що-жъ більше, якъ не свині, отвѣчалъ погоничъ и махнулъ кнутомъ по лошадямъ.

— Що воно такъ муляе въ нечистого? скоро опять заговорилъ Балабуха. Чи не вкравъ ты часомъ чого, та сховавъ підъ мене? А стань.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха поднялся, сталъ разгребать сѣно и увидѣлъ что-то кругле и большое.

— А бачъ, укравъ та не вмівъ сховати, сказалъ укорительно Балабуха.

— Хто? я! крикнулъ погоничъ и соскочилъ зъ козелка: та нехай мене хрестъ святый побъе, коли я що вкравъ.

Погоничъ взлѣзъ на возъ, засунулъ руки въ сѣно и вытянулъ „гарбузъ". И паничъ и погоничъ раскрыли отъ удивленія рты и только смотрѣли друдъ на друга.

— Отъ вамъ и гостинець! Казавъ-же я, що намъ більше не іздити до цеи панны, крикнулъ погоничъ и такъ хлопнулъ „гарбузомъ" объ землю, что изъ него вся внутренность вывалилась.

Свиньи бросились къ гарбузу; отъ корчмы послышался хохотъ.

— Сідай швидче та поганяй! крикнулъ Балабуха на погонича. Погоничъ повиновался, Балабуха усѣлся, какъ попало; но не проѣхали и сотни шаговъ, какъ онъ опять вскричалъ:

Ой, муляе-жъ, муляе, гаспидське, прокляте!

Остановились, порылись въ сѣнѣ и нашли еще нѣсколько малыхъ гостинцевъ...

Погоничъ выбралъ ихъ изъ сѣна и побросалъ па дорогу. У Балабухи будто замерла душа: онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и опять поблѣднѣлъ. Погоничъ сѣлъ и погналъ лошадей.

— Ой вы Евы, вы скусительки! Це не Діана, це Фурія, аспидъ, василискъ! Чомъ-же ты мині просто не сказала, що не підешъ за мене?

Гордый студентъ разъобидѣлся на смерть. Вся любовь его исчезла, весь пылъ простылъ, всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ.

— Отъ тобі на! поіли свині нашу коляду! проговорилъ самъ къ себѣ погоничъ: а я думаю, чого то наймички регочуться, ажъ на комінъ спинаються, та все на мене скоса поглядають. Та й прокляти-жъ тутъ въ Чайкахъ дівчата!

— Що прокляти, то правда! глухо отозвался Балабуха.

Уже солнце садилось, когда Балабуха подъѣзжалъ къ своему селу—Хилькамъ. Сельцо это будто кто нибудь вбросилъ въ глубокій оврагъ. Кругомъ его стояли горы и въѣхать въ него невозможно было иначе, какъ спускаясь съ недлинной, но очень крутой гор ы

Только что возъ сталъ спускаться, какъ привязанный подъ возомъ „гарбузъ" оборвался и покатился внизъ по горѣ, рядомъ съ возомъ, силясь какъ-бы опередить его.

— Паничу! зновъ гарбузъ гониться за нами! крикнулъ удивленный парубокъ, показывая на „гарбузъ" кнутовищемъ.

Балабуха глянулъ и не вѣрилъ-бы своимъ очамъ, если-бы на „гарбузъ" не показывалъ погоничъ. Лошади съ разбѣгу попали прямо въ ворота, что у въѣзда въ село, а „гарбузъ" за возомъ покатился также черезъ ворота.

— Паничу! загубили гарбуза! крикнулъ недогадливый „царинникъ" и бросился ловить „гарбузъ", чтобъ угодить паничу своего батюшки.

— О ехидна! о Мегера! о породіння сатаны! Це не Венера, це самъ сатана въ плахті! Побий тебе громовержець зъ Олимпа стрілами съ твоіми чорными бровами. Ой відьма! певна відьма! Умудрилась причепити підъ возомъ гарбуза!

Балабуха пріѣхалъ домой, какъ убитый. Мать вышла на крыльцо встрѣчать своего академиста. Балабуха остановился въ

крыльцѣ и началъ вытрушивать свою длинную шинель. Изъ кармановъ выпали два маленькіе „гарбуза".

— Що то сыну? Яблука повыпадали, чи що? спросила мать, наклонилась и подняла съ земли „гарбузця"; та це гарбузець... гм... гм...

Що це таке? Чи не дала тобі Онися гарбуза?

Сынъ только рукой махнулъ и пошолъ въ садъ. Мать тяжело вздохнула.

— Отъ тобі Онися! Отъ тобі пять корівъ! сто карбованцівъ! сказала она, ударивъ объ полы руками.

Сынъ долго ходилъ по дорожкамъ въ саду, пока совсѣмъ не настала ночь. Онъ перебралъ въ своей памяти всѣ подробности дня, все передумалъ, все перечувствовалъ вновь: и какъ встрѣтилъ Онисю, и какъ говорилъ съ нею, и какъ прощался; онъ и теперь какъ будто видѣлъ ея чорныя, тонкія и густыя брови съ острыми концами, видѣлъ ея прелестную улыбку и немного приподнятую верхнюю губку, изъ-подъ которой и теперь въ темнотѣ блестѣли предъ нимъ бѣлые верхніе зубки, крохотные, тоненькіе. Любовь зашевелилась въ его душѣ бурливо и шумливо, играла какъ крѣпкое пиво; но онъ вспомнилъ „гарбузы"... и его гордость заколыхалась со дна сердца, и, какъ бурливое море, выбросила вонъ хранившееся въ немъ сокровище.

„Гарбузъ" видѣли люди въ Чайкахъ, видѣлъ „царинникъ" въ Хилькахъ, видѣлъ погоничъ. Объ немъ станутъ говорить вездѣ въ околицѣ, его осмѣютъ...

— Потривай-же ты, червона запаско! Хиба вмру, щобъ тобі не віддавъ за свое! Я знайду таку красуню, що тобі й не снилось и не привиджувалось. Хиба-жъ я не философъ, не академистъ?

Мать звала сына ужинать, но онъ не пошелъ и уже, поздо, весь измученный, вошелъ въ комнату, и тяжело опустился на постель.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИШЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ.

Рукопись подъ этимъ заглавіемъ представляетъ собою черновой набросокъ историческаго, топографическаго и хозяйственнаго содержанія. Она состоитъ изъ небольшой тетради въ листъ и нѣсколькихъ не сшитыхъ листковъ, не достаточно связанныхъ между собою и по изложенію. „Примѣчанія на новороссійскій край" обязательно сообщены мнѣ внукомъ ихъ автора, живущимъ въ родовемъ имѣніи Пишчевичей, селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи.

Родъ Пишчевичей выселился въ Россію изъ Австро-Венгріи, въ прошломъ столѣтіи, въ лицѣ Семена Степановича Пишчевича, прадѣда теперешняго владѣльца, и отца автора „Примѣчаній". Послѣдній оставилъ по себѣ довольное число дневниковъ, замѣтокъ и т. п., былъ человѣкомъ любознательнымъ и начитаннымъ; выйдя въ отставку изъ военной службы въ началѣ нынѣшняго столѣтія или въ самомъ концѣ прошлаго, онъ остатокъ жизни провелъ въ своемъ отцовскомъ имѣніи, селѣ Скалевомъ; съ 1811-го по 1814 г. былъ предводителемъ александрійскаго дворянства; по дѣламъ этой должности и по своимъ частнымъ дѣламъ въ разное время ѣздилъ въ Херсонъ, Николаевъ, Елисаветградъ, Александрію и Кременчугъ, имѣлъ много родственниковъ и знакомыхъ [1]). Александръ Семеновичъ обладалъ наклонностями къ гуманитарнымъ познаніямъ: онъ занимался политикой, исторіей, воспитаніемъ, но, по видимому,

---

[1]) Между прочимъ, Пишчевичи находились въ родствѣ и съ Хорватами, а именно: мать Александра Семеновича Пишчевича, Екатерина Дмитріевна, была племянницей Ивана Самойловича Хорвата.—*В. Я.*

не особенно успѣшно велъ свое хозяйство и не много понималъ въ немъ, а потому и замѣчанія его о новороссійскомъ краѣ касательно этого предмета отличаются большимъ диллетантизмомъ и во многомъ расходятся съ дѣйствительностью. Бѣглый историческій очеркъ Новороссіи въ началѣ его „Примѣчаній" имѣетъ болѣе интереса, представляя собою, вѣроятно, передачу свѣдѣній, полученныхъ главнымъ образомъ отъ отца; здѣсь приводятся также нѣкоторыя преданія, слухи и т. п. мелочи, которыя могутъ имѣть этнографическій интересъ, хотя вообще разсказываются вкратцѣ. Сербское происхожденіе автора „Примѣчаній" наложило очень явственную печать на отзывы и мнѣнія его, касающіяся его соотечественниковъ и Запорожья, но сужденія его могутъ остаться за нимъ. „Примѣчанія" относятся къ 1806 году, какъ видно изъ одного мѣста ихъ.

В. Ястребовъ.

Изъ записокъ, какія читаемъ о воинскихъ подвигахъ Россіи, видимъ, какимъ трудностямъ подвергались войска, проходя дикую степь, отъ береговъ Днѣпра прилежащую къ Малороссіи, всякій разъ, когда вознамѣривалось правительство наказать хищность крымскихъ татаръ, нападающихъ на Малороссію. О семъ пространно пишетъ генералъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи. Кому не извѣстно, что сіи же татары нѣкогда симъ-же путемъ проходили до Москвы и тяготили русскихъ среди ихъ столицы данью, чиня при томъ неслыханныя наглости, поруганія Божіимъ храмамъ, обезчещивая семейства и безчестивъ ихъ дочерей и супругъ. Наименованія среди Москвы Арбата и Крымскаго Брода навсегда останутся памятниками сего ига.

Императрица Елисавета I, достойная дщерь Великаго Петра, найдя межу предположеніями, оставленными ея родителемъ и назначенными къ событію, что онъ, зная всю цѣну достоинствамъ сербскаго народа, положилъ оный вызывать въ Россію, воспользовалась тѣми притѣсненіями, каковыя сей народъ претерпѣвалъ во владѣніяхъ римской императрицы Маріи Терезіи, и будучи въ дружбѣ съ сего монархинею, испросила сербамъ позволеніе водвориться въ Россіи. Сіе переселеніе сдѣлалось подъ руководствомъ генералъ-маіоровъ Хорвата и Шевича. Притѣсненія, побудившія сербовъ оставить свое прежнее отечество, были

слѣдующія: „до капитанскаго чина сербинъ по службѣ могъ достигнуть, а далѣе никакъ, какія-бы онъ услуги ни оказалъ, не перемѣнивъ религіи греческой на католическую“. Что могло быть обиднѣе для сего мужественнаго народа, который есть и въ религіи своей непоколебимъ! Онъ тѣмъ охотнѣе шелъ въ Россію, что исповѣданіе вѣры въ оной одно съ сербами, и заглянувъ въ древность, находимъ, что сербы и русскіе суть двѣ вѣтви отъ одного славянскаго корня. Но сербы при самомъ входѣ въ Россію уже почувствовали обиду: Елисавета I, водворяя сербовъ въ Россіи, была окружающими ее настроена, что опасно много иностранцевъ въ одномъ мѣстѣ селить. Изъ сего родилось, что съ Хорватомъ вышедшіе поселены около Днѣпра и сія земля названа Новосербіею, а около Бахмута выведенные Шевичемъ составили селенія, и та часть наименована Славяносербіей. Зломыслящіе представили иностранцами сербовъ, которые искали покоя подъ сѣнію православной церкви! Могутъ-ли когда-либо сербы называться въ Россіи иностранцами [1]).

Какъ-бы то ни было, но Елисавета, поселивъ сербовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходить татарамъ въ Россію предлежало, показала тѣмъ, сколь много она надѣялась на сей воинственный народъ. Оправдали-ли сербы сіе ея довѣріе, время показало: они не токмо край имъ ввѣренный защищали отъ набѣговъ татаръ, поляковъ и запорожцевъ, но населивъ все пространство между Бугомъ и Днѣпромъ, доставили въ три послѣдующія войны (1769, 1787 и 18...) [2]) съ Портою всѣ выгоды для арміи, въ которыхъ сами и дѣти ихъ участвуя, оказали престолу примѣрную преданность.

Генералъ-маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ, занявъ подъ выводимый имъ народъ Новую Сербію, избралъ для себя главнымъ мѣстомъ пребыванія на р. Большой Выси небольшую слободку, такъ называемую *Трисягу*, заселенную малороссіянами, едва изъ 20 избъ состоящую, которую онъ назвалъ *Миргородомъ*. Впослѣдствіи *Миро-*

---

[1]) Поселеніе корпусовъ Хорвата и Шевича въ разныхъ мѣстахъ естественнѣе объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ Хорвату и нежеланіемъ находиться у него подъ командой. См. Арх. Гавріила, Очеркъ пов. новор. кр., стр. 35 и 36.—*В. Я.*

[2]) Недописка въ подлинникѣ. Вѣроятно, авторъ говоритъ о войнѣ, современной составленію настоящихъ «Примѣчаній».—*В. Я.*

градъ назвали *Миргородомъ* и, дабы отличить отъ Миргорода, въ Малороссіи лежащаго, то къ сербскому Миргороду прибавили „Ново", и потому вышелъ уже сей *Новомиргородъ.* Это мѣсто ему понравилось по своему хорошему положенію, а при томъ и есть у самой границы польской.

Тогда сдѣланъ былъ штатъ на два полка имъ выводимаго народа: *гусарскій хорватовъ и пандурскій пѣхотный;* каждый изъ этихъ полковъ состоялъ изъ 20 ротъ, а рота изъ 100 человѣкъ. Сіи два полка составлялись изъ сербовъ, грековъ, молдованъ, валаховъ, выводимыхъ Хорватомъ, или послѣ приходившихъ съ семействами, которыхъ семейства извѣстны были подъ именемъ *фамиліатовъ.* Два другіе полка гусарскіе, не принадлежащіе къ сему новому населенію, находились въ Малороссіи, подъ именами: *булгарскаго и македонскаго.* Въ сіи два полка отсылались всѣ тѣ выходцы изъ заграницы, которые являлись въ Россію безъ семействъ, какъ-то венгры, нѣмцы, поляки. Булгарскимъ полкомъ командовалъ премьеръ—маіоръ *Пишчевичъ*, отецъ сочинителя сихъ „Примѣчаній", а македонскимъ полковникъ *Костюринъ.*

Вся Новая Сербія иначе не дѣлилась, какъ на полки; уѣздовъ или округъ тогда не было. Новая Сербія имѣла укрѣпленныя мѣста: крѣпость св. Елисаветы [1]), шанцы: Глинскъ, Крыловъ, Крюковъ; впрочемъ шанцами назывались всѣ сіи вновь заводимыя селенія, хотя-бы они и безъ укрѣпленія были. Многія селенія названы были по именамъ селеній, оставленныхъ вышедшими сербами въ австрійскомъ владѣніи. Пандурскому полку принадлежали селенія: Бечи, Вараждинъ, Глоговацъ, Сомборъ, Вершацъ, Шолмошъ, Чонградъ, Глинскъ (штабъ—квартира пандурскаго полка), Крыловъ, Крюковъ, Павлышъ, Сланкамень [2]).

---

[1]) Крѣпость св. Елисаветы заложена генераломъ Глѣбовымъ, которая тогда охранялась гарнизономъ регулярнаго войска. Должно полагать, что оная была устроена сколько для защиты новой Сербіи отъ татарскаго набѣга, столько и для удержанія въ должномъ повиновеніи новыхъ переселенцевъ, ежели они умножатся въ семъ краю.—Авт.

[2]) Здѣсь перечислены всѣ шанцы пандурскаго полка. Шанцы Глинскъ, Сомборъ и Вершацъ отнесены Скальковскимъ и арх. Гавріиломъ не къ пандурскому, а къ гусарскому полку. См. Скальковскій, Хронологич. обозр. т. I, стр. 41—42; арх. Гавріилъ, Очеркъ повѣств. и проч., стр. 11.—*В. Я.*

Во всякомъ селеніи ротный начальникъ былъ и начальникомъ селенія и семействъ ему ввѣренной роты.

Не долго продолжалось начальствованіе генералъ маіора Хорвата въ Новой Сербіи. Онъ былъ обвиненъ передъ престоломъ и его не токмо смѣнили, но и сослали въ Вологду въ политическое заточеніе, изъ котораго выѣздъ ему былъ вовсе запрещенъ. Въ владѣніяхъ австрійскихъ не замедлилъ о семъ распространиться слухъ и потому сербы перестали выѣзжать, а притомъ Марія Терезія, видя, сколь охотно они переселяются въ Россію, оный возбранила.

Изслѣдовать дѣла генералъ-майора Хорвата были опредѣлены генералъ-поручикъ Мельгуновъ и генералъ-маіоръ Исаковъ, которые и открыли для сего слѣдственную коммисію въ крѣпости св. Елисаветы. Первое, что сія коммисія сдѣлала, было описать имѣніе Хорвата. Между прочимъ, въ вину причтено ему было и то, что онъ изъ Австріи и Венгріи выписалъ всю гусарскую и пандурскую аммуницію и тѣмъ изъ Россіи вышла знатная сумма денегъ въ чужое государство. Хорвату вооружить и снабдить составляемое имъ войско иначе нельзя было всѣмъ потребнымъ, ибо въ Россіи о пандурахъ никакого, а о гусарахъ весьма мало понятія тогда имѣли. Прочтя Хорвату сентенцію военнаго суда, отпущенъ онъ былъ на его квартиру, куда посланъ былъ послѣ полковникъ, долженствовавшій его заковать въ желѣзо. Сей полковникъ порученное ему дѣло производилъ съ нѣкоторою робостью. Хорватъ, замѣтя сіе, сказалъ ему: „дѣлай, что тебѣ велѣно, меня ничто не удивитъ отъ москалей“...

По удаленіи Хорвата изъ Новой Сербіи, генералъ-поручикъ Мельгуновъ поставленъ начальникомъ оной. Мельгуновъ сдѣлалъ новое положеніе сему краю, которое стало извѣстнымъ быть подъ названіемъ „мельгуновскаго штата“. По оному Новая Сербія названа новороссійскою губерніею и Кременчугъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а крѣпость св. Елисаветы—провинціальнымъ городомъ. Изъ полковъ гусарскаго Хорватова и пандурскаго устроены два гусарскіе полка, въ 16 эскадроновъ каждый, подъ названіемъ желтаго и чернаго, и часть селеніевъ отдѣлена для составленія елисаветградскаго пикинернаго полка. Въ это-же время и Славяносербія сопричислена къ азовской губерніи и

полкъ тамъ гусарскій названъ бахмутскимъ гусарскимъ. Во время начальствованія Мельгунова начали переходить изъ Малороссіи и Польши малороссіяне и селиться въ селеніяхъ, сербами заведенныхъ, и сіи уже состояли подъ управленіемъ земскаго начальства. Чтобы сіи переселенія умножить, начали давать чины по числу выводимыхъ изъ заграницы семействъ, которыя водворялись въ гусарскихъ селеніяхъ. Отъ ротныхъ земель начали отдѣлять части и раздавать подъ населенія штабъ и оберъ-офицерамъ. Бравшіе таковыя земли шесть лѣтъ избавлялись отъ платежа поземельныхъ денегъ, а по прошествіи оныхъ взималось со всякой десятины по $2^1/_2$ к., и кто-бы могъ подумать, что столь малая плата заставляла всякаго убѣгать отъ пріобрѣтенія себѣ земли. Населять позволялось тогда выведенными изъ-за границы людьми, но никто, или очень мало разбирали земли, опасаясь, что ежели не залитъ оной, то чтобы не заплатить пени.

Въ 1769 году, при началѣ войны россіянъ съ турками, молдаване, притѣсняемые турками, начали спасаться бѣгствомъ съ своими семействами въ новороссійскую губернію. Въ это время поручено было Василію Степановичу Звѣреву поселить ихъ отъ Буга до Елисаветграда и изъ оныхъ составить молдаванскій гусарскій полкъ, котораго онъ, Звѣревъ, и былъ полковникомъ [1]).

Въ 1775 году войска, возвращаясь изъ Турціи, часть оныхъ была отряжена подъ начальствомъ генералъ-поручика Текели къ жилищамъ запорожскихъ козаковъ, которыхъ разбойничье скопище было уничтожено и вся ихъ земля присоединена къ новороссійской и азовской губерніямъ. При семъ случаѣ вторичная послѣдовала въ семъ краѣ раздача земель къ заселенію и дана льгота къ неплатежу поземельныхъ денегъ на 10 лѣтъ. Въ сіе-же время начали строить городъ Херсонъ, а потому и сія запорожская степь стала больше извѣстна быть подъ именемъ херсонской степи. По уничтоженіи сихъ козаковъ,

---

[1]) Маіоръ Звѣревъ (Лупулъ) поселилъ молдаванъ въ новороссійскомъ краѣ значительно раньше начала турецкой войны. См. Скальковскаго Хронологич. обозр., т. I, стр. 26. Ср. также «Опыт. статистич. опис.», его-же, т. I, стр. 253—254. Изъ выведенныхъ Звѣревымъ и Штеричемъ молдаванъ образованъ новокозачій полкъ, первымъ начальникомъ коего былъ полк. Адабашъ. Въ указ. сочиненіе смотри опредѣленіе границъ его поселенія.—*В. Я.*

Текели испросилъ у императрицы прощеніе сосланному въ Вологду генералъ-майору Хорвату, которому возвращено имѣніе и позволено жить въ своихъ деревняхъ.

Торжествующая Екатерина II, окончивъ славно въ 1774 г. войну съ Портою оттоманскою, наградила нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ сербской націи, со славою служившихъ на ратномъ полѣ, знатными помѣстьями въ Бѣлоруссіи. Въ сіе время новороссійская губернія ввѣрена была князю Григорію Александровичу Потемкину. Сей рѣдкаго ума вельможа сначала очень полюбилъ сербскую націю, любилъ изъ среды ея видѣть около себя, даже сопричислилъ къ тѣлохранителямъ великой Екатерины гусарскій эскадронъ, который весь составленъ былъ изъ сербовъ.

Полки желтый, черный, бахмутскій и молдавскій, которые прежде состояли каждый изъ 16 эскадроновъ, Потемкинъ раздѣлилъ на 6-ти-эскадронные и умножилъ число полковъ гусарскихъ, которые наименованы по провинціямъ, сербскимъ народомъ населеннымъ. Родились имена полковъ: сербскаго, славянскаго, иллирическаго, далматскаго, булгарскаго и пр., а сверхъ сихъ: волошскій, молдавскій, македонскій. Все сіе подавало мыслить, что вельможа сей мечталъ возстановить сербское царство.

Но посреди сего увидѣлъ онъ ссорящихся начальниковъ между собой (ссоры, происшедшія отъ зависти,—порокъ, которому по несчастію сербы подвержены); одному въ Бѣлоруссіи дали больше душъ, другому меньше, третьему ничего. Ни одинъ не хотѣлъ обдумать и порадоваться тому, что начали давать и что всѣмъ вдругъ пожаловать не возможно. Изъ зависти началась ссора, а отъ сей до ненависти шагъ, а потомъ родились доносы одного на другого. Князю Потемкину, до котораго все сіе доходило, наконецъ наскучило и онъ отъ сей толико несогласной націи отсталъ. Ко всему этому надобно было случиться, что генералъ-маіоръ Сем. Гавр. Зоричъ взошелъ у императрицы на ту счастливую степень, какой только можетъ смертный въ семъ мірѣ достигнуть, и сей Зоричъ не хотѣлъ себя ставить въ ровнѣ ни съ кѣмъ, не хотѣлъ помыслить, что ежели монархиня его съ удовольствіемъ видитъ его при себѣ, то не меньше ей и таланты кн. Потемкина нужны по государ-

ственнымъ дѣламъ, которыхъ въ Зоричѣ не видѣлось. Зоричъ не токмо все хотѣлъ равнымъ быть Потемкину, но показывалъ своимъ обращеніемъ, что онъ выше его, гордости былъ непомѣрной съ кн. Потемкинымъ, а ласки чрезмѣрной со всѣми россіянами, что составляло совершенную противуположность тому обращенію, которое князь имѣлъ съ русскими: онъ былъ противъ ихъ гордости непомѣрной, былъ неприступенъ. Натурально судя, что изъ сихъ двухъ особъ Зоричъ имѣлъ сердца всѣхъ на своей сторонѣ, а князю это все не нравилось. Екатерина, положа на вѣсы ихъ обоихъ, увидѣла, что для великости ея дѣлъ князя ей при себѣ надобно удержать, а посему Зоричъ отъ двора удаленъ. Послѣ сего имя сербовъ въ Россіи пало, хотя впрочемъ Зоричъ и не былъ великъ протекторъ своей націи.

Въ 1784 г. новороссійскую и азовскую губерніи, соединивъ во едино, назвали екатеринославскимъ намѣстничествомъ. Въ сіе время и селенія, до того носившія сербскія наименованія, переименованы большею частію по рѣчкамъ или урочищамъ, на которыхъ они поселены, или именами тѣхъ козаковъ, которыхъ хутора на тѣхъ мѣстахъ находились до прихода въ сей край сербовъ [1]). Напр. *Бечи* названа *Усовкою,* потому что тутъ былъ хуторъ козака *Усика, Сомборъ—Диковкою,* ибо козакъ *Дикъ* имѣлъ прежде на томъ мѣстѣ хуторъ. До прихода сербовъ въ сей край около Днѣпра начали было изъ Малороссіи и Запорожья становиться хуторами козаки, изъ которыхъ хуторовъ вышли: *Глинскъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ.* Итакъ лучше захотѣли сохранить память простыхъ козаковъ, можетъ быть разбойниковъ [2]), нежели оставить наименованія въ память народу, заселившему дикій

---

[1]) Здѣсь предложу имена сихъ селеніевъ: Бечи (Усовка), Вараждинъ (Протопоповка), Глоговацъ (Косовка), Сомборъ (Диковка), Вершацъ (Нестеровка), Шолмошъ (Стецовка), Чонградъ (Андрусовка), Павлышъ остался при своемъ имени, Сланкаменъ уничтоженъ совсѣмъ и земля роздана помѣщикамъ, Глинскъ, Крыловъ и Крюковъ остались при своихъ именахъ. Глинскъ былъ штабъ-квартирой пандурскаго полку.

[2]) Что здѣсь предлагается, не есть наобумъ вырвавшееся заключеніе: тому служитъ доказательствомъ то, что Цвѣтинова балка, лежащая надъ столбовой дорогой между Крюковомъ и Александріей, носитъ имя запорожца, пропившаго свою одежду.—Авт.

край и тѣмъ сдѣлавшему важную отечеству услугу, не говоря уже о томъ, что сами служили со славою Россіи и дѣти ихъ служатъ съ рѣдкою приверженностью и мужествомъ [1]). Въ сіе-же время и полки гусарскіе въ русской арміи совершенно уничтожены, которыхъ мѣста заступили легкоконные подъ совсѣмъ другими именами. Отъ сего дворянство сербское, служившее всегда въ гусарскихъ полкахъ, разошлось по всей арміи. Впослѣдствіи дѣти сербскихъ господъ, живущихъ около Бахмута, имѣвшія случай служить при лицѣ государя Александра I, выпросили у него наименованіе ими заселяемаго мѣста славяносербскимъ уѣздомъ и устроеніе города Славяносербска. Дворянству Новой Сербіи остается переименовать Новомиргородъ Новосербскомъ, устроивъ въ ономъ уѣздъ, составить новосербскій гусарскій полкъ, въ который-бы кромѣ изъ сего уѣзда рекрутъ другихъ не давать, а дворяне сами войдутъ въ оный. Сверхъ сего всѣмъ селеніямъ возобновить бывшія сербскія имена, полки гусарскіе елисаветградскій и александрійскій также велѣть составлять изъ оныхъ уѣздовъ, изъ которыхъ они и прежде составлялись.

Когда Новая Сербія начала селиться, тогда здѣсь были большіе лѣса. Хорватъ строго воспрещалъ оные истреблять. Новые поселенцы не иначе могли строить, какъ плетеныя избы. Дальновидный Хорватъ часто говаривалъ: „лѣса должно беречь, они сгодятся для постройки кораблей“. Многіе сему смѣялись, и не мудрено: тогда плаваніе на Черномъ морѣ почиталось собственностью турокъ; никакая нація другая не смѣла лодочки въ сіе море показать. О Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ никто и помыслить не могъ. Но Хорватъ съ гусарскими усами и ментіей на опашку проникалъ тайны кабинетовъ. По удаленіи изъ Новой Сербіи Хорвата и когда начали сей край посѣщать полки, тогда примѣтнымъ образомъ начали истребляться сіи лѣса, ибо сверхъ

---

[1]) Авторъ нашъ, повидимому, совершенно упускаетъ изъ виду необыкновенную живучесть туземныхъ народныхъ названій урочищъ. Что касается услугъ сербскихъ колонистовъ, то онѣ непомѣрно раздуты, такъ какъ не одни-же сербы заселили Новороссію; полки ихъ, вопреки ожиданіямъ, были некомплектны, а оплачивались русскимъ правительствомъ весьма не дешево. См. Скальковскаго, Хрон. обозр., т. I, стр. 64.—*В. Я.*

того, что рубили оные для лагерей безо всякой пощады, но заводимыя въ лѣса команды полковъ, гдѣ проживая, строили обозы, выдѣлывая ложа ружейныя и другія полковыя потребности, а всего хуже было то, что нѣкоторыя команды дѣлали непозволительную продажу лѣса въ посторонніи руки.

Главные въ Новой Сербіи лѣса суть: такъ называемая Чута, Великій Лѣсъ и Че̊рный Лѣсъ. Въ сихъ лѣсахъ водились медвѣди, дикія свиньи, олени и козы [1]). Теперь сихъ уже не стало, но волки, лисицы и зайцы остались. Въ Чутѣ былъ стекляной заводъ, который послѣ уничтоженъ. Черный Лѣсъ былъ подаренъ князю Потемкину, которымъ онъ проданъ въ другія руки. Теперь Чута и Великій Лѣсъ подъ вѣденіемъ форшмейстера Лебедева, которому позволено продавать валежникъ и очищать лѣса. Справедливо то, что г. Лебедевъ слова „очищать лѣса" приводитъ во всей силѣ въ исполненіе и продаетъ безъ пощады не валежникъ, а столѣтніе дубы и другое всякое дерево. Соблюдая нѣкоторый порядокъ, онъ доставляетъ казнѣ ничего не значущій доходъ въ сравненіи съ тѣми великими тысячами, которыя себѣ откладываетъ. Лебедевъ происходитъ изъ поповичей и имѣя родню у двора, у какой-то фрейлины комнатною дѣвкою, сего предстательства довольно было, чтобы его въ пять лѣтъ вывесть въ коллежскіе ассесоры за исправный присмотръ казенныхъ лѣсовъ и соблюденіе государственнаго интереса.

Мое мнѣніе: при сихъ лѣсахъ завести суконныя фабрики, и лѣсъ, продаваемый для пользы г. Лебедева, могъ-бы употребленъ быть для фабрикъ. Шерсть для суконъ могла-бы почти у воротъ фабрикъ покупаема быть, заведя для того ярмарки при оныхъ. Все сіе гораздо-бы больше принесло казнѣ прибыли, нежели продажа лѣсу. Напротивъ того, теперь вывозятъ шерсть изъ здѣшняго края на фабрики въ Великороссію и первый разъ платятъ за провозъ оной тѣ фабрики, потомъ другой разъ платятъ, доставляя оную въ суднѣ для войскъ, въ семъ краѣ расположенныхъ; а учредя фабрики. по моему мнѣнію, около сихъ лѣсовъ, коммисаріаты могли-бы прямо изъ оныхъ получать на обмундированіе войскъ.

---

[1]) Въ Черномъ лѣсу и въ настоящее время довольно водится козъ, какъ намъ не разъ передавали; изрѣдка попадаются, говорятъ, даже олени.—*В. Я.*

Теперь, обращаясь къ описанію херсонской степи, на которой жили прежде запорожскіе козаки хуторами, имѣя конные заводы и малую часть рогатаго скота, не принесли никакой пользы государству, ибо главная цѣль была Россіи взять ихъ подъ свое покровительство, чтобы они защищали предѣлы имперіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Ожиданіе сіе не свершилось: запорожцы границы совсѣмъ не обороняля, а еще способствовали татарамъ проходить въ предѣлы Россіи, грабили Польшу и тѣмъ подавали поводъ къ частымъ непріятностямъ съ сосѣдственными державами. Сіи тунеядцы любили себя больше всего, грабежемъ обогащались и полагали совершеннымъ себѣ счастіемъ то, что могли въ пьянствѣ и разныхъ буйствахъ безпрестанно обращаться. Сіе скопище разбойниковъ, какъ выше сказано, было въ 1775 г. отдѣльнымъ корпусомъ войскъ уничтожено, главный ихъ городъ Сѣчь былъ обложенъ; взявъ Кошевого сего буйнаго общества и истребивъ разогнаніемъ онаго даже имя запорожскихъ козаковъ, земли, имъ принадлежавшія, розданы подъ заселеніе всѣмъ тѣмъ, кто пожелалъ оныя брать, и тѣмъ содѣялась пространная область полезною государству [1]). Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому при 200,000 десятинъ земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 десятинъ земли заселены 3,000 душами и наслѣдниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ асессоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ на откупу соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ Штиглицъ содѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто-бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ современемъ принадлежать жиду!..

Грунтъ земли на всей херсонской степи каменистъ, отчего хлѣбъ родитъ худо, а садовъ въ очень немногихъ мѣстахъ развести можно. Око нигдѣ не остановится здѣсь не токмо на какомъ либо лѣсу, но ни на одномъ деревцѣ. Огородовъ совсѣмъ нѣтъ и зелени никакой,

[1]) Данное сужденіе о значеніи Запорожья и раздачи земель, ему принадлежавшихъ, тѣмъ, «кто пожелалъ оныя брать», сужденіе, очевидно тенденціозное, интересно для характеристики отношеній сербовъ и запорожцевъ.—*В. Я.*

что, однакожъ, приписываю я не землѣ, а лѣности жителей, ибо земля во многихъ мѣстахъ мною найдена удобною для огородовъ. Кажется, что здѣсь могъ-бы быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводимъ виноградъ, ежели-бы къ тому приложено было стараніе. Нѣсколько помѣщиковъ сдѣлали было опытъ и довольно удачный; у генералъ-поручика барона Бефвица въ садахъ виноградныхъ дѣлали уже и вино, но двѣ жестокія зимы истребили всю лозу, и хозяева, потерявъ охоту, перестали заниматься онымъ. Въ такомъ случаѣ потребно было-бы поощреніе правительства и не пренебрегать такую отрасль прибытку [1]), который со временемъ замѣнилъ-бы привозимое изъ Молдавіи вино, на что выходитъ изъ государства знатная сумма денегъ, а можетъ быть, выискались-бы и такія мѣста, которыя-бы дали подобное шампанскому, токайскому и другимъ рѣдкимъ винамъ. Примѣръ тому мы видимъ на Дону, гдѣ есть довольно хорошаго вина, но почва цымлянской станицы даетъ вино, которое не уступаетъ бургонскому лучшему вину.

Дикій камень, вынимаемый изъ земли на херсонской степи, служитъ для разныхъ построекъ и потому здѣсь всѣ живутъ въ каменныхъ домахъ, въ которыхъ лѣтомъ прохладно, а зимою чрезмѣрно холодно, и тѣмъ болѣе оный чувствуемъ, что когда хлѣбу неурожай, то и соломы для человѣка нѣтъ, и вырѣзываютъ отъ скота навозъ, который здѣсь называютъ кирпичемъ; лѣтомъ оный высушиваютъ на солнцѣ; на семъ кирпичѣ даже кушанье варятъ. Ограды домовъ также каменныя. Но все сіе строеніе имѣетъ видъ снаружи развалины, бѣдность обѣщающей, когда оное не обмазано. Между симъ камнемъ есть такого рода, который къ строенію очень удобенъ: онъ мягокъ и рѣжется даже ножемъ, можетъ выглаженъ быть найлучшимъ образомъ для строенія, но лѣность народа не позволяетъ употребить трудъ для сей обдѣлки, онъ находитъ болѣе удобства его класть кучею и промежутки залѣпить глиною.

---

[1]) Указомъ 30 апр. 1764 г. предоставлялось право безпошлинной торговли на 10 лѣтъ всякому, кто заведетъ въ Новороссіи виноградный садъ. Въ Елисаветградѣ и Крюковѣ заведены были даже казенные виноградники. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, Шмидта, херс. губ., т. II, стр. 143. — *В. Я.*

Кажется, правительство очень заботится о населеніи херсонской степи и ежели сіе сбудется, то скотоводство тогда уменьшится. Теперь отсюда идетъ много скота за границу, слѣдовательно тѣмъ дѣлается доходъ государству, а тогда оный или уменьшится, или вовсе прекратится. По моему мнѣнію, сію степь оставить при томъ населеніи, въ какомъ она теперь (1806 г.) состоитъ, котораго хотя и не въ большомъ количествѣ, судя по пространству земли, но однако-же довольно деревень разбросано. Ежели полагаютъ, что казна терпитъ отъ малости людей подушный сборъ, то можно наложить подать на землю и владѣлецъ оной можетъ оную заплатить, ибо земля ему даетъ прибыль скотоводствомъ, а поселенцы не будутъ въ силахъ выплачивать, ибо имъ нельзя будетъ тогда столько скота держать, а хлѣбъ рѣдко когда удается. Лѣта здѣсь, можно сказать, видятъ только май мѣсяцъ, а потомъ начинаются нестерпимые жары, которые, безъ помощи сильныхъ дождей, выжигаютъ все. Вотъ причина, отъ чего степь сію населяющіе жители не могутъ засѣваемымъ ими хлѣбомъ прокормиться, а довольствуются покупнымъ, изъ чего видно, что большое число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ. Зимы бываютъ здѣсь рѣдко жестоки, а обыкновенно слабы, за исключеніемъ однако-же зимы съ 1804 на 1805 г., въ которую погибло скота, особливо овецъ, великое множество, и то не лютости зимы приписать должно, а только тремъ днямъ марта мѣсяца, въ которые случились вьюги сильныя съ снѣгомъ, и въ которые погибло столько овецъ, что многихъ хозяевъ въ конецъ разорило, и сію потерю вообще не тысячами, а милліонами ставить должно. По окончаніи зимы, скотъ откармливается легко въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, потомъ, въ жары, начинаетъ худѣть, а съ половины сентября до декабря пользуется умѣренною теплотою и освѣженною травою. Впрочемъ, скотъ рѣдкую зиму бываетъ на сухомъ корму, а обыкновенно довольствуется подножнымъ кормомъ. Изъ всего мною сказаннаго видно, что сія земля вовсе неудобна для жительства людей, а для разведенія скота способна; но чтобы его лучше сберечь, надобно неминуемо имѣть загоны. Степь сія имѣетъ много волковъ, лисицъ и зайцевъ, а птицы всякаго рода въ великомъ множествѣ; нѣкоторыя изъ этихъ птицъ при началѣ зимы улетаютъ въ теплѣйшія мѣста и весною опять возвращаются. Въ преж-

нія времена водились здѣсь цѣлые табуны дикихъ лошадей, но теперь осталось ихъ мало. Степь херсонская вмѣщаетъ на себѣ многочисленныя стада (сіи стада называются здѣсь *отарами*) волошскихъ, большею частію, бѣлыхъ овецъ. Чудной сими овцами и почти не понятный ведутъ хозяева счетъ. Ежели отара тысячи двѣ или три, то является къ оной болгаръ [1]) въ пастухи, или *чабаны,* не соглашаясь никакъ служить за деньги, а вводитъ въ отару часть и своихъ овецъ, напримѣръ, въ тысячную отару ставитъ своихъ 500 овецъ, и тогда онъ съ хозяиномъ состоитъ въ половинѣ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ у чабана столько-же овецъ, сколько и у хозяина. Во все это время чабанъ держитъ на общемъ иждивеніи еще нѣсколько болгаръ для присмотру за овцами, держитъ пару или двѣ воловъ, которые везутъ для нихъ съѣстные припасы, держитъ 10 [2])...

Рѣки, сію степь протекающія, выключая Днѣпра и Буга, суть двѣ главнѣйшія: Ингулъ и Ингулецъ. Впрочемъ, всѣ другія рѣчки суть то текущи при сильныхъ дождяхъ и весною отъ талаго снѣга, то ничего (не) значущіе ручейки, на которыхъ заняты пруды и на оныхъ построены мельницы. Всѣ сіи рѣчки изобилуютъ разною мелкою рыбою.

По всей херсонской степи видны во множествѣ разсѣянные курганы, могилами здѣсь называемые; они суть насыпи, по обыкновенію древнихъ, надъ убитыми во время сраженія воинами. Ежели сіи курганы имѣютъ отъ того свое начало, то сильныя побоища долженствовали быть въ сихъ мѣстахъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ кургановъ поставлены каменныя статуи, изображающія мущинъ или женщинъ, грубой обработки. Не извѣстна причина, для чего сіи изображенія были выставлены: былъ ли это монументъ убитому, лежащему въ курганѣ, или народы, обитавшіе сію степь, покланялись сему истукану. Сіи курганы служили запорожцамъ маяками для польскихъ предѣловъ, ибо тогда не было на сей дикой степи дорогъ, а они добирались отъ кургана до кургана до желаемаго мѣста. Кажется, что всякій полякъ,

---

[1]) Сіи болгары заходятъ сюда изъ-за Дуная не для какого другого промыслу, какъ быть чабанами.—Авт.

[2]) Окончаніе фразы затеряно.—*В. Я.*

проѣзжая таковой курганъ, долженъ содрогнуться, видя предъ собой путеводителя, который нѣкогда доводилъ разбойниковъ до его отчизны, гдѣ сими неистовыми людьми предавалось все грабежу, насилію и мечу.

На степи херсонской во время сильныхъ снѣжныхъ зимъ бываетъ опасно при вьюгахъ проѣзжать оную и, потерявъ дорогу, неминуемая гибель должна послѣдовать. Кажется, сему можно бы помочь; по обѣ стороны прорѣзать рвы, которые бы были путеводителемъ до Херсона, Николаева и Одессы отъ стороны Крюкова. Обсадить сіи рвы деревьями можно-бы, и это бы было, кромѣ украшенія, и польза, но сіи деревья не уцѣлѣютъ, ибо мы видимъ, что проѣзжіе чумаки, для свaренія своихъ кашъ, рубятъ и версты, и за сіе остаются не наказанными. По моему мнѣнію, сію дорогу обсадить кустами бузины,— дерево, для топлива не способное, но цѣль, для которой посажена, была бы выполнена, и на таковомъ пространствѣ разведя, сколько бы цвѣту можно было бы собрать для аптекъ!

Ѣдучи по сей степи, видимъ во время сильныхъ вѣтровъ, осенью отрываемый бурьянъ, такъ называемымый *перекати поле*, который съ чрезмѣрною скоростью перекачиваясь по необозримой равнинѣ, уподобляется вдали какому (sic) бѣгущему звѣрю, а иногда, поднимаясь вѣтромъ вверхъ, представляетъ большую летящую птицу. Сей травы суть два рода: одинъ называется *катранъ*, который весною простолюдины ѣдятъ въ великомъ числѣ и почитается кровочистительнымъ, а другой, *курай*, составляетъ, когда созрѣетъ, круглый кустъ колючей травы, которую верблюды ѣдятъ преимущественно всѣмъ травамъ. Оба же рода сей травы извѣстны здѣсь подъ именемъ *перекати-поле*. Сія трава нерѣдко сама себя приготовляетъ для топлива, заносима будучи въ какую ни есть глубокую лощину или водомоину, откуда уже вѣтромъ не будучи поднята, накопляется большою кучею; тогда живущіе по близости такого мѣста набираютъ *оную* для топлива въ домахъ.

Здѣсь кончается тетрадь; ниже слѣдующее воспроизводится по отдѣльнымъ листамъ, уцѣлѣвшимъ повидимому, не вполнѣ.

Здравый разсудокъ не дозволяетъ отыскивать въ архивѣ запорожскаго скопища какихъ либо записокъ о началѣ ихъ скопища, но нѣкоторые разсказы, отъ стариковъ мною слышанные и перешедшіе къ

нимъ по преданію старѣйшихъ изъ нихъ, здѣсь предложу. Натурально судя, нельзя за всѣ сіи бредни ручаться.

Начальное ихъ скопище произошло отъ небольшаго числа людей, приплывшихъ отъ Азова на плавкахъ (лодки они называли плавками) и основали свое жилище на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ теперешняго Херсона, назвавъ оное Алешками (Алешки теперь уѣздный городъ таврической губ), по имени Алексѣя, ими надъ собою поставленнаго начальника. Сіи Алешскіе жители, впослѣдствіи времени, раздѣлились на два именованія, хотя и составляли одно общество: живущіе въ Олешкахъ назывались *плавниками* и упражнялись въ рыбной ловлѣ, а живущіе по днѣпровскимъ плавнямъ и островамъ, лѣсомъ покрытымъ, именовались *пластунама*. Сіи пластуны занимались стрѣльбою звѣрей, тогда въ плавняхъ въ великомъ множествѣ бывшихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Херсонъ, владычествовала какая то дѣвица, по имени *Харсія*, надъ какимъ-то народомъ и имѣвшая войну съ какимъ-то царемъ, который ее покоривъ, истребилъ и полонилъ ея народъ, послѣ чего владѣнія Харсіи исчезли. Всего этого мы не находимъ ни въ какой исторіи и потому надобно считать за басню, ими выдуманную, или быль, разсказами изуродованную. Впослѣдствіи турки, или крымскіе татары, начавъ притѣснять олешскихъ жителей, то они оставили сіе мѣсто и перешли на правый берегъ Днѣпра, основавъ свое жилище ниже пороговъ и потому назвали себя *порожанами*, а впослѣдствіи *запорожцами*, главное же свое мѣсто наименовали *Сѣчью*. Здѣсь ихъ скопище начало умножаться изъ разныхъ мѣстъ приходящими, въ томъ числѣ найболѣе такими, которые содѣяли какое либо преступленіе.

Сѣчь раздѣлилась на четыре части, *пиріями* названныя. Каждая *пирія* состояла изъ 10 куреней, а каждый курень вмѣщалъ въ себѣ тысячу человѣкъ [1]). Курень былъ пространное строеніе. Весь городъ обнесенъ былъ валомъ; у *брамы*, или воротъ стража впущала только извѣстныхъ людей. Во всякомъ куренѣ оставалось до 200 че-

---

[1]) Число козаковъ, жившихъ въ куренѣ, разумѣется, сильно преувеличено. Что касается общаго числа куреней, то Скальковскій насчитываетъ ихъ 38. См. Ист, Н. Сѣчи. Ч. I. стр. 74.—*В. Я.*

ловѣкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *сиромахъ*, не имѣвшихъ ни какой собственности; они получали жалованье и провіантъ и должны были быть готовы, по первому востребованію, на службу, и потому сіи сиромахи назывались (?) регулярными воинами. Прочіе жили хуторами, зимовниками называемыми, гдѣ плодили скотъ и лошадей, и имѣли, смотря по достатку, другихъ бродягъ человѣкъ по нѣскольку для присмотру за скотомъ. Сихъ прислужниковъ не рѣдко хозяинъ зимовника вооружалъ, сажалъ на кони и отправлялъ грабить Польшу, дѣлясь добычею съ ними. О таковыхъ побочныхъ походахъ Кошевой и войско часто ничего не знали. Во время уже сего распорядка живущіе на островахъ всѣ остались при прежнемъ своемъ наименованіи *пластуновъ* и сверхъ звѣриной ловли завели многочисленныя стада свиней, которыя откармливались и до того одичали, что когда пріѣзжали купцы оныхъ покупать, то иначе не могли ихъ взять, какъ застрѣливъ. Нѣсколько изъ сихъ пластуновъ завели большіе заводы кошекъ, вмѣщаемыхъ въ выстроенныхъ сараяхъ и не токмо доставляли хозяину прибыль отъ продаваемыхъ ихъ кожъ, но еще и тѣмъ, что на нѣкоторой окрестности не смѣли появляться ни хори, ни ..... (*пропускъ въ подлинникѣ*); онѣ все это давили и приносили для корму своимъ дѣтямъ. Хозяинъ, снимая сіи кожи, продавалъ, а мясо бросалъ кошкамъ.

Запорожцы не забывали ограбленнымъ серебромъ, золотомъ и другими камнями украшать церковь въ Сѣчи и таковое окровавленное приношеніе полагали богоугоднымъ. Сія церковь соединяла въ себѣ неоцѣненныя богатства. Одныхъ евангеліевъ, серебромъ украшенныхъ, считалось 30, въ томъ числѣ до 10 непомѣрной величины, изъ которыхъ, во время крестнаго хода, каждое едва поднимаемо было 4 человѣками; паникадилъ было 12 огромныхъ, серебряной оправы. Въ срединѣ города выстроены были дома кошевого, судьи и войскового писаря. Сверхъ сего, войсковая скарбница, въ которой хранилась войсковая казна и пушкарня, гдѣ были пушки. Всякая *пирія* имѣла свою скарбницу, гдѣ содержалась особая казна, принадлежавшая той пиріи.

Всѣ вообще запорожцы не имѣли женъ ни въ Сѣчи, ни въ зимовникахъ. Нѣкоторые, однакожъ, женились въ сосѣднихъ городахъ или деревняхъ и оставляли тамъ своихъ женъ. Были таковы, что женились въ раз-

ныхъ мѣстахъ по два и по три раза. Но сіе казалось прекращеннымъ по слѣдующему случаю. Одинъ козакъ, заѣхавъ въ мѣстечко Кропивное [1]), женился на племянницѣ своего кошевого, Григорія Калныша, и оставивъ жену у ея матери, уѣхалъ въ Запорожье, обѣщавъ скоро возвратиться. Мать долго ожидала, но не видя возвращенія, взяла дочь и отправилась къ своему брату въ Сѣчь. Сей случай заставилъ кошевого сдѣлать постановленіе, что всѣ тѣ козаки, которые пожелаютъ жениться, должны оставить свои хутора и поселиться деревнями, на рубежѣ полковъ Новой Сербіи. Таковыхъ деревень составилось пять, подъ названіями: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая и Желтая. Сіе постановленіе имѣло свое начало за 8 лѣтъ до истребленія Сѣчи, т. е. начали было умомъ жить, но поздно. Правда, что сіи заселенія умножалися такими людьми, которые изъ пикинерныхъ поселеній пожелаютъ, тогда запорожцы приходили вооруженною командою и брали ихъ съ семействами, называя своими родственниками и препровождая во вновь заводимыя свои деревни. Средство умножить такимъ образомъ число жителей было только извѣстно однимъ буянамъ-запорожцамъ.

На сей степи было довольно сайгаковъ или дикихъ овецъ. Старики помнятъ ихъ стада, покрывавшія сію степь. Разсказываютъ, что когда приходило время имъ ягниться, тогда стада приходили къ хутору и вблизи онаго останавливались до тѣхъ поръ, пока всѣ не токмо оягнятся, но и ихъ ягненки придутъ въ силу. Повидимому, они сближались къ людямъ для того, чтобы обезопасить себя отъ хищнаго звѣря, но въ мнимыхъ своихъ защитникахъ обрѣтали то, чего убѣгали: запорожцы оставляли ихъ въ покоѣ только до того времени, пока ихъ дѣти придутъ въ силу, и тогда начинали убивать старыхъ и малыхъ и тѣмъ отгоняли отъ себя такую скотину, которая, можетъ быть, современемъ содѣялась-бы домашнею. По замѣчанію старыхъ запорожцевъ, сайгаки удалились, невѣдомо куда, за годъ до истребленія Сѣчи и во весь сей годъ, подходя табунами къ зимовникамъ, производили нѣкій странный крикъ. Такъ заставляютъ запорожцы оплакивать паденіе ихъ войска даже и звѣрей.

---

[1]) М. Крапивное въ « » верстахъ отъ гор. Переяславля.—Авт.

Начало весны здѣсь прекрасно; вся равнина покрыта хорошей, изобильной травой, между которой разбросаны разнородные цвѣты; но сія пріятность едва до исхода іюня мѣсяца продолжается; тогда начинаются жары и теплые вѣтры, пожигающіе всю зелень. Трава изсыхаетъ, стада скота, съ весны на жирныхъ пастбищахъ утучненныя, начинаютъ худѣть и ежели осень отъ дождей и возвращеніе теплой погоды не поправитъ кормъ, то скотъ, входя въ зиму худымъ, нерѣдко производитъ падежъ. Таковый климатъ мы находимъ, по описаніямъ, въ дикой Аравіи, за то она и осталась необитаемою; но Россія, привыкшая превозмогать самое невозможное, приказала заселить сію степь. Народъ живетъ и бѣдствуетъ: новое доказательство, что сіи степи надобно-бы оставить для скотоводства, а не заставлять на оныхъ мучиться людей.

Всѣ жилища, и тѣ самыя, которыя уже по 20 лѣтъ заселены, кажутся по своей скудности какъ будто вчера на то мѣсто перенесенными. Многіе скажутъ: какъ-же заселили часть сей степи отъ Кременчуга до Елисаветграда? Да, заселили, но тамъ есть отчасти черноземъ, а большею частію песокъ, на которомъ кое-какъ хлѣбъ родится, а въ дождливое время и довольно хорошъ, а на Херсонской степи земли нѣтъ и на два вершка, а по (подъ) ней камень или известь, на которой, извѣстно, нельзя ни хлѣбу, ни садамъ быть [1]).

Сія-же степь опредѣлена судьбою была видѣть первыя заселенія жидовъ. Разсѣянные по всему міру, херсонская степь ихъ пріемлетъ въ видѣ хлѣбопашцевъ. Подъ ихъ деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пашутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не

---

[1]) Въ дѣйствительности глубина чернозема въ херсонской степи измѣняется отъ 4 вершковъ до $1^1/_2$ аршина. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами ген. шт. А. Шмидтъ, херсонск. губ., I, стр. 112. Не будемъ оспаривать мнѣнія автора о малоплодородности степи, считая вопросъ о томъ исчерпаннымъ вполнѣ.—*В. Я.*

вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжести, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними кляузами займутъ всю честную бесѣду разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову не придетъ выпрячь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопашцами не будутъ никогда.

Этимъ исчерпывается все содержаніе „Примѣчаній на новороссійскій край" А. С. Пишчевича. Изъ дневниковъ его за разные годы начала нашего столѣтія приводимъ ниже замѣтки, касающіяся состоянія новороссійскаго края и колонизаціи его.

„Дневная Записка на 1806 годъ". 27-е іюня. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ черногорскій сердарь Никшичь-Требашиничъ съ своею женою, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Онъ человѣкъ лѣтъ уже 60-ти, но здоровый, а женился на молодой россіянкѣ, бойкой и умной, и живутъ очень хорошо. Сердарь есть важный чинъ въ Черной горѣ, здѣсь едо переводятъ на полковничій, но что до того; а скажемъ, зачѣмъ зашелъ г. Никшичъ въ Россію. Извѣстно, что турки притѣсняютъ черногорцевъ въ ихъ землѣ, которымъ сіе притѣсненіе не дешево стоитъ, но не меньше непріятно въ такомъ сосѣдствѣ жить, вѣчно быть, такъ сказать, на караулѣ и въ готовности или убить, или самому быть убиту. Вотъ что побудило господина Никшича оставить свою отчизну, которому многіе его родные послѣдовали, числомъ до 100 душъ, и они вышли въ послѣдній годъ царствованія великой Екатерины; 12,000 десятинъ земли имъ отведено подъ поселеніе недалеко отъ Одессы [1]). Черногорцы съ древнихъ временъ были всегда приверженными Россіи и въ прошломъ году они всѣ при-

---

[1]) Разсказанное переселеніе черногорцевъ и герцеговинцевъ состоялось въ 1804 году; колонія ихъ названа славяносербскою. См. Опытъ статист. опис. новор.

сягнули въ вѣрности оной (?). Г. Никшичъ жилъ покойно на отведенной имъ землѣ, которую колонію умножить располагали многіе черногорскіе жители, но опредѣленіе въ начальники въ здѣшній край, и съ немалою довѣренностію, дюка-де-Ришелье все испровергло. Онъ не любилъ черногорцевъ, началъ ихъ притѣснять и изъ 12,000 десятинъ земли оставилъ имъ только 500, потомъ хотѣлъ ихъ обратить въ колонистовъ, тогда когда они суть всѣ дворяне. Сіи, натурально судя, писали въ свою отчизну о всѣхъ неудовольствіяхъ, какія съ ними повстрѣчались въ Россіи, и тѣмъ прекратился выходъ дальнѣйшій черногорцевъ. Изслѣдуемъ, какую отъ сего выгоду получаетъ дюкъ-де-Ришелье? Онъ, служа тайно Бонапартію на гибель Россіи, остуживаетъ ревность черногорскаго народа и всѣхъ единоплеменныхъ славянъ, живущихъ въ европейской Турціи, къ престолу русскому и тѣмъ помогаетъ вошедшимъ уже въ Далмацію французамъ къ одержанію поверхости надъ политикою русскою въ тамошнемъ краю.

25 октября. Теперь Кременчугъ наполняется жидами, которые, въ силу указа, должны оставлять шинкарство, и вздорожали всѣ съѣстные припасы до чрезмѣрности въ городѣ, и пока выдумаютъ, чѣмъ жить, принялись торговать деньгами; вся мѣдь и мелкія ассигнаціи въ ихъ рукахъ, и берутъ промѣнъ, какой хотятъ: теперь по 7 коп. съ рубля имъ платятъ. Ежели покупать въ лавкѣ, и купецъ, продавши рублей на десять, видитъ сторублевую или пятидесяти-рублевую ассигнацію, говоритъ, что нечѣмъ сдать, за неимѣніемъ сдачи, теряетъ свою прибыль, и товаръ лежитъ.

„Записки Ал. Пишчевича на 1813 г., состоящія въ разныхъ письмахъ“. 13 мая. Кривой Рогъ. Въ Кривомъ Рогѣ вынимается аспидный камень плитами, изъ котораго выдѣлываются доски. Здѣсь-же въ землѣ выкапываютъ глину разныхъ цвѣтовъ. Можетъ быть современемъ будутъ дѣлать здѣсь фарфоръ, о которомъ таковая-же молва пронесется, какъ о саксонскомъ и др. Ровно прошло 30

кр, I, ст. 225. Сравни хронологич. обозр. ист. новор. кр. того-же автора, II, 164—165. Въ послѣднемъ сочиненіи число отведенной черногорцамъ земли показано то-же, что и у нашего автора, въ первомъ-же—всего 3800 десятинъ. Вѣроятно, цифра Пишчевича точнѣе.—*В. Я.*

лѣтъ, какъ я на семъ мѣстѣ былъ, тогда пустомъ и едва изъ нѣсколькихъ двориковъ состоявшемъ.

3 іюня. Обѣдать я остановился въ новопоселяющейся деревнѣ *Усвятъ*, при рѣчкѣ Громоклеѣ. Сія деревня составлена изъ трехъ націй: великороссіянъ, приведенныхъ изъ курской губ., малороссіянъ изъ полтавской и черниговской губ. и молдаванъ, изъ разныхъ мѣстъ сошедшихся. На ночлегъ пріѣхалъ я въ такъ называемую *Дворянскую* деревню, начало свое возъимѣвшую отъ того, что нѣсколько простыхъ, недостаточныхъ валаховъ, отправясь въ Валахію, у тамошняго дивана купили себѣ дворянское достоинство и, явясь опять въ Россію, начали жить, пользуясь новымъ своимъ титломъ, совершенно вольными людьми, не платя податей, не отбывая рекрутской повинности, и словомъ, ничего по земству, живучи на правѣ дворянъ. Такимъ образомъ вся Молдавія и Валахія перешли-бы сюда, содѣлавшись дворянами, ибо диванамъ сихъ княжествъ что до того, что простые мужики, заплативъ имъ щедро, становятся на ряду съ русскимъ дворянствомъ, лишь-бы они не были наравнѣ съ гордыми ихъ боярами. Такимъ образомъ 18 семей сихъ покупныхъ дворянъ, соединясь въ одно общество, купили эту землю, на которой я ночую, у помѣщика Сѣднева, въ числѣ 6,000 десятинъ, заплатя по тогдашнему дешевому времени по 95 коп. за десятину [1]). Земля сія удобна для хлѣбопашества, имѣетъ много сѣнокоса, дикаго камня для строенія, воду хорошую и довольно рыбы въ рѣчкѣ. Обстроивъ себѣ домы, завели довольно скота и мнили быть маленькими удѣльными князечками; люди были довольны своимъ состояніемъ, но чортъ стоялъ на бивакѣ и улыбался ихъ мнимому счастію. Началось тѣмъ, что правительство русское хватилось умножающемусь валахскому дворянству въ Россіи и потому потребовало вѣрныхъ документовъ на сіе титло, и всѣхъ тѣхъ, которые таковыхъ не

---

[1]) Не знаемъ, къ какому времени относится эта купля-продажа; судя по стариннымъ купчимъ, которыя приходилось намъ видѣть, въ сѣверной части херсонской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія можно было купить 1500 дес. (не заселенныхъ) за 500 р., хотя, случалось, платили и по 3 р. за десятину; такая цѣна держалась и въ первые годы нашего столѣтія, но уже въ 20-хъ годахъ десятина стоила 10 р.—*В. Я.*

представять, велѣно обратить въ крестьянство. Натурально судя, они никакихъ доводовъ къ тому не имѣли и потому поступили въ тотъ классъ, изъ котораго выбраться стоило имъ и труда, и денегъ. За тѣмъ одинъ молдаванинъ продалъ свой участокъ въ 500 десятинъ по 1 рублю подполковнику Воропанову, который послѣ отнялъ у нихъ лучшіе покосы и выгоднѣйшія поля для посѣвовъ, отнялъ шинокъ и запрещалъ даже брать вино въ другомъ мѣстѣ.

4-го іюня. Кормить лошадей остановился я на станціи *Вшивой*, въ 20 верстахъ отъ Елисаветграда. Таковое неопрятное названіе получила она потому, что говорятъ, въ водѣ здѣшняго мѣста заводятся иногда насѣкомыя, похожія на вшей. Однакожъ, между сими животными заводитъ деревеньку секретарь Зеленый, служащій въ магистратѣ [1]).

„Записки Александра Пишчевича на 1815 годъ, состоящія въ разныхъ письмахъ“.

...При семъ нельзя умолчать о томъ, что мы не совсѣмъ безопасны среди своихъ домовъ: въ трехъ верстахъ отъ меня, въ лѣсахъ Золотаревскихъ, скопище разбойниковъ, отъ апрѣля мѣсяца скрываясь, служитъ ужасомъ сосѣдямъ своимъ. Сія шайка составилась изъ бѣглыхъ солдатъ, отданныхъ въ рекруты прошедшаго года, бывшихъ уже судимыми за разбой, но милостивымъ манифестомъ отъ наказанія прощенныхъ, а отданныхъ въ строй почтенныхъ воиновъ... Золотаревская шайка умножилась подговоренными ею-же другими рекрутами, и не безъ того, чтобы нить сего общества не простиралась и по селеніямъ, а особливо Золотаревкѣ. Лѣса, служащіе убѣжищемъ симъ людямъ, легко могутъ быть окружены и содержимы въ нѣкотораго рода блокадѣ, пока вся внутренность лѣса разыщется. Прошедшій разъ, когда начинщики сей шайки были пойманы, то открылась жилищемъ имъ пространная яма, дощанымъ засовомъ задвинутая, на который накоплено было не мало древеснаго листа. Съ весны первый набѣгъ они сдѣлали на домъ помѣщика Зенфирова, а на сихъ дняхъ ограбили помѣщиковъ Требинскаго и бывшаго у него въ гостяхъ Марковича, а

---

[1]) Старожилы, не безъ очевидной натяжки, производятъ это названіе отъ *вошивая* или *обшивая*: здѣсь *обшивали* военно-поселянъ.—*В. Я.*

потомъ тоже учинили въ домѣ г. Мефтедовскаго. Часть вещей, ограбленныхъ у сихъ господъ, найдены въ шалашѣ золотаревскаго баштана. Смертоубійствъ хотя еще и нѣтъ, но дѣло уже отъ того отстоитъ на одинъ шагъ. Удивительно, что полки насъ окружаютъ [1]), а не участвуютъ въ поимкѣ сихъ негодяевъ, а еще удивительнѣе дѣятельность земской полиціи.

---

[1]) Полки: саратовскій пѣхотный расположенъ въ александрійскомъ, а пензенскій пѣхотный въ елисаветградскомъ уѣздахъ.—Авт.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ.

Предлагаемая Записка заимствована изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ древняго малороссійскаго рода Сулимъ, обязательно сообщенныхъ намъ Т. В. Кибальчичемъ. Авторъ этой Записки Акимъ Семеновичъ Сулима былъ послѣднимъ генеральнымъ судьею Малороссіи и умеръ въ 1818 году, когда перестала существовать и должность, которую онъ занималъ, съ введеніемъ обще-имперскихъ учрежденій по проэкту Сперанскаго.

Содержаніе и назначеніе Записки объясняются въ слѣдующемъ заголовкѣ оной: „По второму Департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярскіе суммы“. Время-же представленія Записки значится въ слѣдующей помѣтѣ въ концѣ перваго листа: „2-го августа 1798 года послано при письмѣ къ его высокопревосходительству, господину генералу отъ инфантеріи, малороссійскому военному генералъ-губернатору, управляющему гражданскою частію малороссійской и кіевской губерній, Александру Андреевичу Беклешову“.

Имѣя, по видимому, очень ограниченное содержаніе, Записка Сулимы знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями особаго малороссійскаго суда въ послѣдніе годы его существованія; кромѣ того она проливаетъ свѣтъ на положеніе этого суда во времена весьма отдаленныя и открываетъ нѣкоторыя совершенно новыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія.

Во время правленія Малороссіею гетмановъ, для канцелярскихъ служителей войсковой генеральной канцеляріи и генеральнаго суда,

построенъ былъ особой домъ, подъ названіемъ: Курѣнь войсковый, гдѣ жили болѣе ста человѣкъ.

На содержаніе-жъ ихъ даны были отъ гетмановъ и высочайшими грамотами утверждены деревни, въ которые избираемые изъ ихъ самихъ посылались управители и всѣ съѣстные припасы доставляли въ курѣнь въ натурѣ; а предъ праздниками Рождества Христова и Воскресенія и наличные собираемые изъ деревень деньги, по росписанію генеральнаго писаря, или по препорученію его старшаго канцеляриста, раздаваемы были по трудамъ и спобности каждому.

Которые-жъ войсковые канцеляристы могли имѣть содержаніе сами отъ себя, тѣ жили на нанимаемыхъ ими квартирахъ и на всемъ своемъ иждивеніи. А за то и за ревностную службу, какъ тѣ, такъ и живущіе въ куренѣ награждаемы были отъ гетмановъ чинами войсковыхъ товарищей, сотниковъ къ мѣсту, также къ мѣсту чинами полковыхъ старшинъ: хорунжого, асаула и писаря, а изъ знатнѣйшихъ фамилій—въ бунчуковые товарищи и полковые судьи.

Когда правленіе гетмановъ престало и на мѣсто войсковой генеральной канцеляріи учреждена малороссійская коллегія; то главнокомандующій въ Малой Россіи и президентъ той коллегіи, покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи всѣ собираемые тогда въ Малой Россіи въ скарбъ войсковый доходы, дѣлалъ отъ себя для тогдашнихъ въ Глуховѣ присудственныхъ мѣстъ, и во первыхъ для малороссійской коллегіи и суда генеральнаго, о секретаряхъ и канцелярскихъ чинахъ и служителяхъ штаты въ 766-мъ и 769-мъ годахъ, кои по разсмотрѣнію своему дополнялъ, и на конецъ 776-го года предложеніемъ коллегіи предписалъ производить годовое жалованіе противъ положеннаго въ высочайше конфирмованныхъ 763-го года штатахъ состоящимъ въ Москвѣ коллегіямъ и канцеляріямъ.

И въ слѣдствіе того по предписаніямъ коллегіи малороссійская скарбовая канцелярія отпускала жалованье.

ВЪ МАЛОРОССІЙСКУЮ КОЛЛЕГІЮ.

1 экзекутору	465 р.
3 секретарямъ каждому по	375 »
2 секретарямъ.	250 »
1 протоколисту	225 »
1 регистратору	200 »

1 актуаріусу	200 р.
1 архиваріусу	200 »
2 адвокатамъ каждому по	120 »

Сихъ послѣднихъ должность состояла въ томъ, чтобы приносимыя отъ просителей апелляціи и частныя прозьбы прежде подачи просматривать и о исправности оныхъ подписью на нихъ свидѣтельствовать.

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

10-ти первой статьи по	120 р.
11-ти второй	80 »
23-мъ третьей по	60 »
1-му вахмистру	60 »
2-мъ истопникамъ по	18 »
1-му переплетчику	25 »

ВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЪ.

1-му экзекутору	250 р.
2-мъ секретарямъ каждому по	250 »
1-му протоколисту	225 »
1-му регистратору	200 »
1-му актуаріусу	200 »
1-му архиваріусу	200 »
1-му нотаріусу	150 »
2-мъ адвокатамъ каждому по	120 »

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

4-мъ первой статьи по	120 р.
8-ми второй по	80 »
10-ти третье по	60 »
2-мъ истопникамъ по	18 »

Каковы деньги въ то время, по дешевизнѣ всего, почитались за достаточные.

Какъ въ коллегіи, такъ и въ генеральномъ судѣ канцеляристы, за отдѣленіемъ въ помощъ протоколисту и регистратору человѣкъ по 15-ти, раздѣлены были по повытьямъ, которыхъ состояло отъ десяти до двенадцати, и въ каждомъ, кромѣ повытчика, было канцеляристовъ отъ 15-ти до 20-ти, а въ иныхъ и болѣе, въ которомъ числѣ человѣкъ сто было совершенно обучившихся и въ письмоводствѣ искусныхъ, имѣвъ съ нихъ многіе пособія къ тому отъ наукъ пріобрѣтенныхъ въ малороссійскихъ училищахъ.

Сіи сверхъ штата множайшіе служители на собственномъ иждивеніи, въ уповаліи награжденія или одними чинами, или таковыми жъ къ мѣстамъ, по выше выраженному, и получали оные отъ коллегіи съ патентами на чины, по предложеніямъ главнокомандующаго.

На канцелярскіе жъ расходы, какъ-то: дрова, свѣчи, бумагу, сургучъ и протчіе положительнаго количества денегъ не было; но всегда при надобности требовано изъ скарбовой канцеляріи, которая требуемое количество денегъ и отпускала для покупки тѣхъ надобностей, съ записками въ книгѣ.

А для храненія въ коллегіи и генеральномъ судѣ дѣлъ и денегъ опредѣлялся достаточный караулъ изъ роты фузелерной, въ вѣдомствѣ коллегіи состоявшей.

При устроеніи губерній по высочайшимъ учрежденіямъ Малая Россія раздѣлена была на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую; а нѣкоторая часть Малой Россіи причислена и къ бывшей екатеринославской губерніи.

Когда же, въ силу всевысочайшаго его императорскаго величества 796-го года, ноября 30-го, указа Малая Россія возстановлена въ прежніе свои границы, и для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ возобновленъ малороссійскій генеральный судъ, съ раздѣленіемъ на два департамента, который прежде былъ средней инстанціи и состоялъ подъ аппелляціею малороссійской коллегіи, а нынѣ по оному высочайшему указу состоитъ подъ аппелляціею правительствующаго сената и есть дѣйствительно по части судныхъ дѣлъ на мѣсто той коллегіи; то при открытіи онаго вступили въ оба департаменты по родамъ всѣ дѣла нерѣшенные и не оконченные изъ бывшихъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, верхнихъ земскихъ судовъ, губернскихъ магистратовъ и верхнихъ расправъ губерній: кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской и части екатеринославской, всего изъ шестнадцати присудственныхъ мѣстъ, да сверхъ того въ первый департаментъ вступили дѣла изъ совѣстныхъ судовъ. Всего же вступило въ 1-й департаментъ уголовныхъ триста и слѣдственныхъ о преступленіи должностей 12-ть. А во 2-й департаментъ двѣ тысячи двѣсти сорокъ девять дѣлъ.

Въ сіе время, когда въ прежнихъ шестнадцати присутственныхъ мѣстахъ отписывали дѣла 16-ть секретарей, 16-ть протоколистовъ, 16-ть регистраторовъ, и въ каждомъ мѣстѣ не менѣе десяти—однихъ по штату состоявшихъ канцеляристовъ сто шестьдесятъ, осталось толикое число не оконченныхъ дѣлъ, и при таковомъ еще облегченіи, что дѣла цѣною ниже двадцати пяти рублей изъ нижнихъ мѣстъ въ верхніе на аппелляцію не восходили.

А теперь въ оба департаменты генеральнаго суда вступили всѣ оные не оконченные въ палатахъ и верхнихъ мѣстахъ, и вновь вступаютъ дѣла во всякой уже, по праву книги: *Статутъ*, ценѣ по апелляціямъ на девяносто четыре присутственные мѣста, какъ то: 20-ть подкоморскихъ судовъ, 20-ть повѣтовыхъ судовъ, 26-ть городовыхъ магистратовъ и 28-мъ ратушъ: сверхъ того въ первый департаментъ вступаютъ изъ всѣхъ оныхъ судебныхъ мѣстъ всѣ уголовныя дѣла, заключающія въ себѣ преступленія, подвергающія подсудимыхъ къ лишенію жизни, лишенію чести и торговой казни, хотя-бы подсудимые мнѣніями нижнихъ присутственныхъ мѣстъ и были оправданы; къ тому-жъ вступаютъ дѣла о преступникахъ, не имѣющихъ совершенныхъ лѣтъ, принадлежавшіе прежде разбору совѣстныхъ судовъ; да въ оба департамента входятъ не только на тѣ 94 мѣста, но еще по жалобамъ и на 20-ть городничихъ, и на 20-ть нижнихъ земскихъ судовъ, и того на сто тридцать четыре присутствія. И уже съ открытія втораго департамента однихъ апелляціонныхъ, и по тѣмъ жалобамъ, противу коихъ требуетъ генеральный судъ объясненій отъ вышесказанныхъ подвѣдомыхъ ему мѣстъ, вступило двѣсти тридцать пять, не полагая въ то число тѣхъ жалобъ, кои при самой подачѣ разрѣшаются, и получаемыхъ къ выполненію и резолюціи отъ равныхъ мѣстъ сообщеній, а отъ подчиненныхъ рапортовъ, каковыхъ бумагъ во второй департаментъ донынѣ вошло три тысячи четыреста двадцать пять, и ежедневно не малымъ числомъ входятъ; а въ 1-й департаментъ таковыхъ-же бумагъ вошло 1686: уменьшенія-жъ сихъ въ оба департаменты входящихъ дѣлъ и бумагъ ожидать не можно, по тому наипаче, что въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ кромѣ дворянъ, разночинцевъ и священниковъ, болѣе милліона жителей въ одномъ подушномъ окладѣ состоитъ, разграниченія земель не было, а владѣнія по большой части въ каждомъ селеніи совмѣстные и чрезъполосные нѣсколькихъ помѣщиковъ и многихъ козаковъ, также священно и церковнослужителей, имѣющихъ наслѣдственныя и покупныя земли.

Къ тому-жъ въ нынѣшнемъ генеральномъ судѣ производятся такія дѣла, которыхъ въ прежде бывшемъ не было, именно: въ 1-мъ департаментѣ слѣдственныя о преступленіи должностей, кои по обширнымъ матеріямъ и по не малому иногда въ одномъ дѣлѣ числу подсудимыхъ, требуютъ особаго секретаря и особой экспедиціи съ канцелярскими служителями; а во 2-мъ департаментѣ по запискамъ изъ главнаго начальства государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, и по частнымъ просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ дворянамъ на закладываемыя ими въ банкъ имѣнія, часть сихъ дѣлъ отяготительна для канцелярій потому, что о благонадежности закладываемаго имѣнія надлежитъ соби-

рать отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ справки, и выправляться съ алфавитными бывшихъ гражданскихъ палатъ запретительными книгами; а по выдачѣ свидѣтельствъ не только въ своей губерніи, но и по всей имперіи, гдѣ письмо крѣпостей производится, писать о запрещеніи, при случаѣ-жъ разрѣшенія и объ ономъ, на что множество исходитъ бумаги и сургуча. А не меньше и на то, что сей судъ по получаемымъ всегда изъ всѣхъ губерній сообщеніямъ объ учиненіи запрещеній и разрѣшеній на имѣнія дворянъ, купцовъ и другаго званія людей, при займѣ ими денегъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія и казенныхъ палатахъ изъ выработанной преступниками суммы, или по подрядамъ и откупамъ, или-же по долговымъ къ нимъ частныхъ людей претензіямъ, о таковыхъ запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ пишетъ отъ себя здѣшней губерніи во всѣ повѣтовые суды, городовые магистраты и ратуши.

По симъ обстоятельствамъ малороссійскій генеральный судъ по обоимъ департаментамъ, изъ дознаннаго опыта, находитъ необходимымъ, для успѣшнаго производства вшедшихъ въ оной старыхъ, и особо вновь входящихъ во множествѣ дѣлъ, особливо въ 1-й департаментъ уголовныхъ, по коимъ подсудимые со всей губерніи присылаемые въ Черниговѣ содержатся, во многомъ числѣ, въ одномъ острогѣ, и о скорѣйшемъ коихъ окончаніи послѣдовало строжайшее предписаніе, имѣть примѣрно прежде бывшимъ малороссійской коллегіи и генеральному суду:

ВО 2-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

1-го экзекутора.
2-хъ секретарей.
2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.
2-хъ протоколистовъ.
2-хъ регистраторовъ.
1-го актуаріуса.
1-го архиваріуса.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.
12-ть второй.
26-ть третьей.
1-го вахмистра.
2-хъ сторожей.
1-го переплетчика.

На канцелярскіе расходы 1,200 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ.

А въ 1-мъ департаментѣ.

2-хъ секретарей.

2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.

2-хъ протоколистовъ.

2-хъ регистраторовъ, съ коихъ одинъ сверхъ регистраторской отправлялъ-бы и экзекуторскую должность.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.

10-ть второй.

8-мь третьей.

1-го вахмистра.

2-хъ сторожей.

1-го переплетчика.

Да на канцелярскіе расходы въ годъ 600 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ, съ коихъ многіе производятся и по секрету.

При каковомъ штатѣ можно раздѣлить въ каждомъ департаментѣ канцелярію на 12-ть повытей, дабы были 10-ть въ уголовныхъ, а въ гражданскомъ департаментѣ для просителевыхъ дѣлъ, и въ каждомъ отправлялись дѣла двухъ повѣтовъ: два-жъ повытья учредить въ 1-мъ департаментѣ, одно для слѣдственныхъ дѣлъ о преступленіи должностей, а другое для поточныхъ дѣлъ; во 2-мъ-же департаментѣ одно для частныхъ интересныхъ дѣлъ, а другое для отписки при выдачѣ свидѣтельствъ въ вспомогательный банкъ, и чрезъ то избѣжать затрудненія и обыкновеннаго при множествѣ дѣлъ въ канцеляріи замѣшательства.

А высочайшимъ именнымъ 797-го года, декабря 18-го, изданнымъ указомъ изъ губернскихъ штатовъ обращены на содержаніе дворянства совѣтники и ассесоры палатъ, суды и расправы уѣздные и нижніе земскіе суды, съ канцелярскими ихъ суммами, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами и повивальными бабками, архитекторы и механики, и въ Малой Россіи, именно: генеральные судьи и совѣтники, и опредѣлена въ Малой Россіи ко взносу сумма 80,000 тысячъ рублей; но какъ въ генеральномъ судѣ на мѣстѣ ассесоровъ присудствуютъ депутаты, въ каждомъ департаментѣ по пяти, которые особое отъ дворянъ здѣшней губерніи получаютъ жалованье, въ годъ всякій съ нихъ по пяти сотъ рублей, а вмѣсто уѣздныхъ повѣтовые суды имѣютъ содержаніе отъ доходовъ, въ правѣ книги: *Статутъ* имъ позволенныхъ.

По Малороссійской-же губерніи всего въ расходѣ . 95,700 р.
въ которую сумму не полагая опредѣленнаго въ семъ-же указѣ для городничихъ съ канцеляріями ихъ отъ городовъ содержанія въ . . . . 7,700 »
Да исключая содержаніе отъ короны губернскаго правленія съ прокуроромъ въ . . . . 9,970 »
Казенной палаты въ. . . . . 10,770 »
И 20 повѣтовые казначейства въ . . . . 18,760 »
Всего на сіи расходы . . . . 39,500 »
На предписанные въ высочайшемъ указѣ для здѣшняго края изъ дворянской суммы расходы употребляется только . . . . 40,500 »
Слѣдовательно изъ . . . . 80,000 »
суммы остается безъ употребленія на тѣ расходы . . . 39,500 »

То изъ сихъ денегъ можно отдѣлить нѣкоторую часть на содержаніе вышеписаннаго штата малороссійскаго генеральнаго суда и тѣмъ удобнѣе, что покупаемою для расходовъ бумагою, при употребленіи оной на просителевы дѣла по исхожденію ихъ, взыскивая за каждый листъ по цѣнѣ гербовой по 30-ти копѣекъ, отпускаемая на расходы сумма можетъ выручиться съ превосходствомъ.

Сверхъ вышеписаннаго нужнаго штата генеральный судъ полагаетъ принимать къ дѣламъ благородныхъ людей, дабы они пріучались на пользу службы какъ судопроизводству дѣлъ, такъ и знанію законовъ въ семъ краѣ употребляемыхъ, а за то, что они будутъ служить на собственномъ своемъ иждивеніи, и по усмотрѣніи способности и прилежности ихъ, награждать, по прежнему обыкновенію, слѣдующими по линіи чинами преимущественно предъ тѣми, кои продолжаютъ служеніе съ полученіемъ жалованья.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Извѣстно, что малороссійская старшина довольно безцеремонно относилась къ праву собственности: захватывала недвижимыя имущества другъ у друга, грабила вдовъ и сиротъ, въ особенности-же доставалось меньшей братіи „черни". Старшина разными мѣрами вынуждала у находившихся въ зависимости отъ нея простыхъ козаковъ запродажныя росписки не только на пахотныя земли и угодья, но даже на грунты. Понятно, что лишенный пристанища козакъ дѣлался нищимъ и попадалъ въ кабалу къ своему эксплуататору. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого печальнаго въ исторіи экономическаго быта Малороссіи явленія можетъ быть и помѣщаемый ниже ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ подначальнымъ ему сотникамъ.

Не смотря на неоднократные императорскіе указы, а затѣмъ гетманскіе универсалы и полковничьи ордеры, запрещавшіе старшинѣ скупать грунты у простыхъ козаковъ, она продолжала обдѣлывать свои темныя дѣлишки, такъ что прилуцкій полковникъ, что-бы пресѣчь злоупотребленія, угрожаетъ, какъ читаемъ въ ордерѣ, за каждое „упущеніе и послабленіе истязаніемъ (тѣлеснымъ наказаніемъ) и жесточайшимъ штрафомъ".

Другіе два документа рисуютъ намъ простой и скорый порядокъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII вѣка.

Два селенія подаютъ просьбу въ гетманскую канцелярію объ опредѣленіи границы между ихъ землями; гетманъ посылаетъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Чуйкевича и поручаетъ ему разобрать споръ. Чуйкевичъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ и по опросѣ

понятыхъ „старинныхъ“ мѣстныхъ обывателей, ставитъ рѣшеніе (децизію) по праву даннаго ему гетманомъ полномочія, гетманъ же подтверждаетъ только своимъ универсаломъ постановленіе Чуйкевича.

Н. С—ко.

---

1. Ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана о нескуплѣ козачьихъ грунтовъ малороссійской старшиной.

Ордеръ съ полковой прилуцкой канцеляріи панамъ сотникамъ полку прилуцкаго: полковому Степану Лукомскому, монастирискому Ивану Романовичу, ичанскому Андрею Стороженку, иваницкому Федору Свѣрскому, карабутовскому Самойлу Левандовскому, красно-колядинскому Петру Максимовичу, сребранскому Николаю Троцинѣ, варвинскому Димитрію Конѣскому да журавскому Федору Тарасѣвичу:

Сего декабря 23 въ указѣ ея императорскаго величества изъ войсковой генеральной канцеляріи написано: прошедшихъ де разнихъ годовъ неоднократно де отъ войсковой генералной канцеляріи во всѣ полки малороссійские, въ томъ числѣ и въ полкъ прилуцкий, о нескуплѣ козаковъ предлагаемо било, а особливо въ минувшомъ 1739 году, по состоявшому имянному, блаженыя и вѣчно-достойныя памяти, ея императорскаго величества, государинѣ Анни Іоанновны, самодержицы всероссийской, за собственною ея императорскаго величества рукою, указу накрѣпко запрещено, чтобъ отнюдь никто ни подъ какимъ видомъ не точию козаковъ, но и козачихъ кгрунтовъ завладѣвати и за собою закрѣпляти, впредъ до высочайшого ея императорскаго величества соизволения и указу на то не дерзалъ, да кромѣ де того, и сего 1741 году, по силѣ полученного изъ правительствующаго сената о прощенни винъ полковника нѣжинского и полковой старшини, и кои 736 и 734 года кгрунта у козаковъ покупили, и о возвращенни безденежно, и о не скуплѣ впредъ во всей Малой Россіи, въ противность указамъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ.

Указами изъ войсковой генералной канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые изъ сотниковъ, въ отмѣнность оныхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ, паки дерзали искупивъ козаковъ у подданство себѣ привращати, въ чомъ на нихъ въ войсковую генералную канцелярію и жалобы произойшли, почему отъ генералной войсковой канцеляріи изслѣдовати велѣно, и по изслѣдованіи де безъ достойного штрафа винному никакъ оставлено не будетъ; но дабы иногда

таковихъ весма предосудителнихъ, въ отмѣнность ея императорскаго величества указовъ, поступковъ и въ другихъ местахъ паче чаянія происходить не могло, того ради велѣно тѣмъ ея императорскаго величества указомъ, дабы такъ полковая старшина, яко и сотники, по силѣ оныхъ запретителныхъ о томъ высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, всеконечное и безъ сысканія и малѣйшия отмѣны чинити исполнение, и того требовати подъ опасениемъ за какое-либо въ томъ упущение или послабление истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того той состоявшійся подтвердительный о томъ указъ вездѣ по всѣмъ полку прилуцкого сотнямъ опубликовати, и о полученіи и исполненіи прислати въ оную войсковую генеральную канцелярію репортъ, а особливо въ слушаніи и исполненіи оного такъ полковой старшинѣ, яко и сотникамъ подписатся, и тѣ подписки прислать въ генеральную войсковую канцелярію немедленно.

Того ради сего числа, по содержанію оного ея императорскаго величества указа, опредѣлено въ прилуцкой канцеляріи послати во всѣ полку прилуцкого сотнѣ къ сотникамъ настоящимъ и наказнымъ, такожъ и сотеннымъ старшинамъ сей ордеръ, найкрѣпчайше напомянуть, дабы они по силѣ запретителныхъ о томъ ордеровъ, всеконешне, безъ всякія и малѣйшія отмѣны, чинили исполненіе и того, яко настоящіе сотенные командири, сами они перестерегали, подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ упущеніе и послабленіе самимъ имъ истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того сей состоявшій подтвердительный о томъ ордеръ вездѣ по всѣмъ сотенъ своихъ селамъ и деревнямъ публиковати, о полученіи и о исполненіи, вмѣсто репорта и отрепортованія о томъ въ генералную войсковую канцелярію, на семъ ордерѣ подписатся, а особливо о слушаніи и исполненіи оного, такъ настоящимъ, яко и наказнымъ сотникамъ и сотеннимъ старшинамъ на сообщеной при семъ ордерѣ подписки подписатись должно, и оный ордеръ, начавъ отъ полковой сотнѣ, во всѣ по ряду, списавъ съ оного точние копѣи съ нарочнимъ, промѣчая на ономъ, какого числа и часа полученъ ордеръ, въ другую сотню съ кимъ отправленъ будетъ, съ росписками отсылати, а отъ Журавки должно оный тожъ съ нарочнимъ сюда прислать. Данъ въ Прилуцѣ, декабра 24 дня, 1741 года.

На ордерѣ тако:

Григорій Galagанъ.

Полковий писарь Иванъ Александровичъ, канцеляристъ Григорій Леонтиевъ.

По указу ея императорскаго величества, мы нижеподписавшіеся полку прилуцкого полковникъ, полковая старшина, сотники и сотенная

старшина сею нашею подписею въ войсковую генеральную канцелярію обовязуемся, что ежели-бы имѣли мы сами козаковъ и ихъ кгрунта скупляти, кои указами ея императорскаго величества въ продажи и въ покупки воспящени, то должни подлежати неотмѣнно таковому штрафу, какой по указамъ ея императорскаго величества за такови скуплѣ положенъ. 1741 году декабра 29 дня.

(На копіи подписались полковникъ и вся полковая старшина).

Списано съ копіи. Н. С—ко.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о разграниченіи земель между жителями селъ Мартиновки и Рожновки.

Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ

Іоанъ Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского нѣжинскому, старшинѣ его полковой, а особливо сотниковѣ ивангородскому и всѣмъ войсковимъ и посполитимъ того полку обивателямъ и кому колвекъ, теперь и въ потомніе часи, вѣдати надлежатиметь, симъ нашимъ ознаймуемо универсаломъ: поневажъ заводъ мартиновскихъ жителей зъ рожнувскими о поля спорніи чрезъ немалій часъ трымае и не моглъ прійти до мирного окончанія, того ради мы нарочито посылали отъ боку нашего пана Александра Чуйкевича, знатного товариша войскового туда съ крайною волею нашею, для всеконечного размежованія тихъ поль, которіи увазѣ своей давнюю границу, высланними одъ покойного Василя Забѣли мижи ими мартиновцями и его тогда подданими рожнувцями составленную и копцями въ розиску виражениими, у своихъ мѣстахъ лежачими, раздѣленную, узнавши быти за твердую и правдивую, обнови и въ первобитномъ составленіи оную быти подтверди, якое розграниченіе поля и на паперѣ, для лучшои въ потомніи часы крѣпости, велѣлисмо вписати, за симъ мы гетманъ тое его пана Чуйкевича пилное разсмотрѣніе и розмежованіе грунтовъ между мартиновцями и рожнувцями, давнихъ копцовъ предреченнихъ поновою теперъ означенное, яко разсудили бити слушное и обомъ сторонамъ безобидное, такъ оное симъ нашимъ унѣверсаломъ стверждаемъ, которою повагою пилно варуемъ и приказуемъ, даби тое розграниченіе, знаками въ розиску виражениими, оциркліоване и моцненне, зъ обоихъ сторонъ цѣло и твердо въ потомніе вѣки было содержано и нихто зъ старшини и чернѣ

оного нарушати не дерзалъ, а особливе, яко мартиновцѣ въ рожнувское поле вступати, такъ и рожнувцѣ въ мартиновскіе грунта впиратися чрезъ Забѣлинскіе копци, теперь поновленіе, кажнею мѣрою, подъ зарукою талярей двохъ сотъ и невступнимъ войсковимъ срогимъ караннемъ и винами правними, не важились, упоминаемъ. Данъ въ Глуховѣ въ канцеляріи нашей войсковой. Августа 5, року 1714.

М, П. Звишменованній гетманъ рукою власною.

---

2. Децизія или рѣшеніе гетманскаго уполномоченнаго по сему дѣлу Андрея Чуйкевича, подтвержденное универсаломъ Скоропадскаго.

Децизія.

Поневажъ одъ ясневельможного, его милости, пана гетмана сей розискъ узнанъ есть за слушній и подлугъ оного зуполное есть злеценіе учинить всеконечную границю межи полями мартиновскими и рожнувскими, яко листъ приватній егожъ панскій совершенно въ томъ мене информуетъ, теди властию одъ ясневелможного рейментара и добродѣя моего мнѣ данною розграничаю мартиновскіе и рожнувскіе поля копцами небожчика пана Забѣли Василя вышеменованными, а теперь ново поновленними, а копцямъ пана Івана Кераевскаго, товариша войскового, за дорогою къ ичанскимъ полямъ, на мартиновскихъ кгрунтахъ покопаннимъ нѣтъ мѣстце, потому, же рожнувцѣ своимъ противнимъ переораннемъ нивочтожили, ихъ озеро, противъ хойхи будучое, мартиновцямъ по прежнему приворочается, и же одъ первѣйшого въ Мартиновки поселенія надлежить и прислушаеть оное мартиновцямъ, безъ которого и прожити имъ невозможно, яко самого мѣстца положеніе виявляе, а що рожнувцѣ, впершись, на той сторонѣ, гдѣ озеро, поорали поле мартиновске, то до того орання однюдь вже не мають наймнѣйше интересоватися рожнувцѣ, понеже тое поле мартиновскимъ рукамъ досталось, подлугъ граничнихъ копцовъ, одъ копца Забѣлиного узъ дорогу парафѣевску покопанихъ до бугра противъ хойхи и по знаки граничніе и межовіе ичанскіе аж до Утки и озера за срѣбранскимъ шляхомъ. Звлаща же и Бусенко и Андрей Почотирко, старинни жители рожнувскіе повѣдали, ижъ за дорогою парафѣевскою противъ хойхи и за озеромъ межи кгрунтами мартиновскими и ичанскими нѣколи не мали себѣ кожной они рожнувцѣ части наименшои сѣнокосноп, черезъ тую теди границу ирклѣевскимъ жителемъ одъ молодого небожчика Забѣли составленную, а теперь новими копцями одновленную и правними поступками укрѣплен-

ную, абы такъ мартиновци не вступали въ рожнувске поле и сѣнокоси, яко и рожнувцѣ абы наимнѣйше не впирались до мартиновскихъ кгрунтовъ, а не черезъ концы забѣлински, а не черезъ дорогу парафѣевскую до бугра, противъ хойхи, къ ичанскимъ полямъ границею оцирклiованнымъ до Утки и озера, пилно егожъ панскои велможности варую и неотступними правними винами и срогимъ войсковимъ караннемъ стверждаю. У Мартиновцѣ, iюля 19, 1714 року.

Александръ Чуйкевичъ, висланецъ рейментарскiй.

Библіографія.

Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1884 г.

Приступая къ описанію мѣстечка радомысльскаго уѣзда Чернобыля, древняго Стрежева, авторъ счелъ нужнымъ рекомендоваться: «Военный человѣкъ въ отставкѣ, если владѣетъ смысломъ, не обезсиленъ немощами и не обремененъ частными своими или чужими дѣлами, не можетъ долго сидѣть, сложа руки и ничего не дѣлая, кромѣ удовлетворенія животныхъ потребностей. Онъ привыкъ къ походамъ и обозрѣніямъ, притомъ съ своей обычной точки зрѣнія: защиты и нападенія, разумѣется воображаемыхъ, но возможныхъ». Такимъ заявленіемъ начинаетъ свою книжку г. Л. П., очевидно свободнѣе владѣющій оружіемъ, чѣмъ перомъ. То оружіе, съ которымъ онъ выступаетъ на этотъ разъ противъ твердынь, «воображаемыхъ, но возможныхъ», не похоже на утонченную толедскую шпагу, какою маневрировалъ когда-то литераторъ Де-ла-Серда. Это тяжеловѣсная берданка, по правдѣ сказать, совершенно напрасно захваченная авторомъ въ свою экскурсію. Въ его маленькой книжкѣ ужасно много полемическаго задора. Дымъ отъ выстрѣловъ застилаетъ Чернобыль и мѣшаетъ ясно видѣть его очертанія... Между тѣмъ точныя и обстоятельныя описанія отдѣльныхъ поселеній и мѣстностей нигдѣ не могутъ быть такъ желательны и умѣстны, какъ въ юго-западномъ краѣ, живущемъ по старому, безъ земскихъ учрежденій и гласнаго обсужденія дѣлъ, гдѣ всѣ свѣдѣнія объ общественной и экономической жизни не выходятъ еще изъ стѣнъ канцелярій. Но къ такимъ описаніямъ менѣе всего примѣнительна воинствующая манера. Авторъ дѣлается мало убѣдительнымъ, когда, напримѣръ, въ вопросѣ о еврейскомъ вліяніи въ краѣ ставитъ въ вину евреямъ даже празднованіе субботняго дня (стр. 29), или въ сравнительномъ благосостояніи еврейскаго населенія Чернобыля подозрѣваетъ участіе Aliance Israelite. Строгость къ евреямъ вообще у

него большая. Единственнаго любезнаго отзыва удостоиваются у него сыны Израиля за форму своихъ могильныхъ памятниковъ, «удобныхъ для постройки брустверовъ», между тѣмъ какъ «круглыя» (?) надгробныя сооруженія христіанъ, по его отзыву, не годятся для этой цѣли. Предвзятыя точки зрѣнія вносятъ путаницу во многихъ мѣстахъ описанія мѣстечка и его жизни. Такъ, разсказывая о чернобыльскихъ раскольникахъ, г. Л. П. заявляетъ, что они зажиточнѣе и развитѣе по уму, чѣмъ мѣстное православное населеніе и объясняетъ это обстоятельство «нѣкоторыми удобствами опеки и контроля офиціальности, а съ ней лишнихъ издержекъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ». И рядомъ, тутъ-же, дѣлаетъ изумительный выводъ, что *«поэтому* раскольники большею частію грамотны, не имѣя офиціальныхъ училищъ и обходясь безъ инспекторовъ, окружныхъ и сельскихъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи ѐвреямъ, которые также почти всѣ грамотны, не имѣя офиціальныхъ училищъ и строгаго инспекторства надъ ними».

Тамъ, гдѣ замѣчанія автора подкрѣплены фактами, съ нимъ нельзя не согласиться. Таковы его выводы объ общихъ сторонахъ нашего духовенства, объ его сословной обособленности, о взглядѣ на церковь, какъ на источникъ дохода, и происходящей, вслѣдствіе этихъ причинъ, офиціальности отношеній между духовенствомъ и мірянами, не существующей у раскольниковъ и иновѣрцевъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Л. П. объ одномъ учрежденіи, тѣсно примыкающемъ къ церкви, но существующемъ помимо мѣстнаго духовенства: «при ильинской церкви существуетъ православное братство, самое давнее въ губерніи, учрежденное еще въ то давнее время, когда въ нашемъ краѣ духовенство болѣло съ народомъ общими болѣзнями и сохранившееся чудесно до нашихъ временъ, благодаря именно тому, что учреждено не по теперешнему типу братствъ или приходскихъ попечительствъ, обреченныхъ, подъ предсѣдательствомъ и завѣдываніемъ приходскихъ священниковъ, на служеніе духовному сословію, а по давнему обычаю обречено на служеніе самому православному чернобыльскому обществу, подъ предсѣдательствомъ и распоряженіемъ избраннаго обществомъ цихмистера, которымъ въ настоящее время состоитъ крестьянинъ Стефанъ Зозуля, завѣдующій имуществомъ братства и капиталомъ въ 2000 рублей. Имущество и капиталъ братства не смѣшиваются съ церковными суммами, коими распоряжаются консисторія и благочинные. Главное дѣло этого оригинальнаго братства—погребеніе мертвыхъ, даровое для бѣдныхъ и съ пожертвованіями для богатыхъ». Полнаго сочувствія заслуживаетъ также выражаемое г. Л. П. желаніе скорѣйшаго законодательнаго урегулированія положенія владѣльческихъ мѣстечекъ, подобныхъ Чернобылю,

или уничтоженія, напримѣръ, такой аномаліи, какъ устраненіе старообрядцевъ отъ выборовъ въ мѣстечкѣ, лишающее ихъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Объ этихъ старообрядцахъ (безпоповцахъ и поповцахъ) авторъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія. Онъ опустилъ только исторію ихъ поселенія въ Чернобылѣ, о чемъ нѣкоторыя данныя могъ найдти въ «Архивѣ юго-западной Россіи» (ч. V, т. I). Подобно основателямъ «Вѣтки», они бѣжали отъ притѣсненій въ своемъ отечествѣ и поселились во владѣніяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, на правахъ «вольныхъ плебеевъ». Сохранился и договоръ ихъ съ графомъ Яномъ Ходкевичемъ, на основаніи котораго они поселились въ Чернобылѣ, нѣсколько раньше 1772 года.

Помимо указанныхъ слабостей, книжка г. Л. П. представляетъ довольно обстоятельный сводъ по исторіи, топографіи и экономической и общественной жизни Чернобыля. Она много выиграла-бы отъ устраненія «элемента борьбы», красной нитью проходящаго черезъ всю книжку и доходящаго до единоборства... съ правильною русскою рѣчью. Ревнителю русскихъ интересовъ въ краѣ, какимъ безспорно оказывается г. Л. П., нельзя говорить: «онъ былъ женатъ съ Софіею Кмитовой», «препятствовавшихъ его волокитству онъ трактовалъ пулею», или «теоретическая забота четырехъ въ дѣйствительности сводится на ничто», и т. под. Если, по приведенному уже заявленію г. Л. П., онъ «не можетъ сидѣть, сложа руки», и литературной дѣятельности его суждено продолжаться, то нельзя не пожелать, чтобъ на устраненіе причинъ, вліяющихъ на достоинство его этимологическихъ и синтаксическихъ «построеній», была употреблена хотя нѣкоторая часть тягостнаго для него досуга.

В. Г—ко.

Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева. Харьковъ. 1883 г.

Оживленіе малорусской литературной производительности въ началѣ шестидесятыхъ годовъ выдвинуло группу поэтовъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась въ «Основѣ». Въ памяти многихъ остались имена Кузьменка, Руданскаго, Глѣбова, Кулика, талантовъ не яркихъ, но искреннихъ и слишкомъ рано покинувшихъ литературную сцену. Избравшій спеціальный родъ, Глѣбовъ оставилъ басни, успѣхъ которыхъ не исчерпанъ до сихъ поръ, Кузьменко—стихи и талантливую повѣсть, остальные—по двѣ-три пьесы, которыя не забудутся. Съ прекращеніемъ журнала, а потомъ и вообще появленія малорусскихъ книгъ, эти голоса замолкли.

Нѣсколько раньше названныхъ писателей выступилъ авторъ названной книги. Его имя можно встрѣтить еще въ «Молодикѣ» Бецкаго, а подъ малорусскими стихами стоитъ оно въ «Хатѣ», вызвавъ въ то время живыя надежды. Судьба удалила потомъ надолго г. Щоголева отъ литературнаго поприща и не дала развиться полнѣе его дарованію. Но и по вышедшему сборнику его пьесъ, малому зерну, которое онъ сберегъ для народной нивы, какъ-бы святыню сердца, его безспорно слѣдуетъ поставить во главѣ той группы поэтовъ, о которой говорилось сейчасъ.

Читатель, прежде всего, пріятно обрадованъ, встрѣчая поэта, сознательно стоящаго на художественной почвѣ. Вопросъ о тенденціозной и художественной поэзіи въ украинской письменности не можетъ быть, впрочемъ, вопросомъ. Разрѣшеніе его дано массою созданныхъ самимъ народомъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ чувствомъ красоты, т. е. идеала. Высокія идеи присущи высокимъ сердцамъ, какими не могутъ не быть поэтическіе таланты. Но силу поэзіи даютъ не идеи, а ихъ выраженіе, жизненность образовъ. Въ яркости образовъ, въ силѣ чувства и въ томъ особенномъ своемъ освѣщеніи, какое сообщаетъ предметамъ и мыслямъ духовный складъ поэта — все вліяніе и дѣйствіе поэтическаго дара. Насъ миновала, и да минуетъ впредь, борьба съ искусствомъ въ области самаго искусства, равно какъ и опытъ переложенія въ стихи передовыхъ статей. На этомъ полѣ копья ломаются до сихъ поръ, хотя сила здраваго смысла беретъ свое и назвать Пушкина празднымъ забавникомъ рѣшится теперь только безпредѣльно самоувѣренное невѣжество.

Г. Щоголевъ хорошо обдумалъ свои поэтическіе рессурсы и хорошо овладѣлъ ими. У него есть качество важное для писателя и не часто встрѣчающееся: правильное сознаніе своихъ силъ. Нѣтъ пьесъ рефлектирующихъ, нѣтъ тенденціозной поэзіи и нѣтъ также, скажемъ вскользь, достающихся дешево переводовъ русскихъ поэтовъ. Истинная сфера его творчества — небольшая картинка, типъ, проявленіе какого либо чувства, все согрѣтое сильнымъ лиризмомъ; краски его всегда народны, и муза не покидаетъ степи, лѣса, хаты и поля.

Таковы его описательныя вещи. Но встрѣчаются у него стихи и иного порядка. Господствующій тонъ тѣхъ немногихъ пьесъ, гдѣ онъ открываетъ свой собственный душевный міръ — глубокая скорбь. Нетронутая, чистая природа, простой, старый, вольный строй жизни, любовь къ ближнему, сочувствіе страданью и бѣдности — таковы поэтическіе завѣты, съ какими онъ вышелъ въ міръ. Жизнь изломала и разбила сны юности, разъувѣрила въ чистыхъ надеждахъ, отняла все дорогое,

оставивъ на днѣ души горькій осадокъ. Свѣтъ подернулся въ глазахъ его дымкой лжи и грязи и міровоззрѣніе поэта доходитъ до пессимизма.

Этихъ, проникнутыхъ скорбью пьесъ, не много въ книгѣ («Струни», «Степъ», «Вітрові», «Покій», «Січа», «Годинникъ», «Пляцъ», «Тестаментъ»). Какъ тѣ люди, которые умѣютъ хоронить свою скорбь и не открываютъ первому встрѣчному свои душевныя раны, поэтъ предпочитаетъ разсказывать о чемъ нибудь другомъ и рисуетъ оттѣненныя лиризмомъ, живыя картинки жизни. И по выдержанности и по формѣ это лучшія вещи въ сборникѣ. Самыя свѣтлыя между ними относятся, конечно, къ раннему времени, къ молодой порѣ. Такія пьесы, какъ «Безрідні», «У полі», «Шинокъ», «Розцвіла червона квітка надъ водою», «Хвороба», «Колядка», «Весна» и еще двѣ-три, по своей граціи и задушевности, могутъ быть названы безукоризненными. Мѣткостью стиха и своей изящной сдержанностью онѣ должны-бы, безъ сомнѣнія, нравиться въ народной средѣ, если-бы книги чаще и легче проникали въ хату. Доказательство, впрочемъ, на лицо: пьеса «У полі» невѣдомыми путями проникла въ народъ и поется кое-гдѣ, какъ пѣсня, утративъ, по обыкновенію, при такомъ переходѣ, самую память объ авторѣ.

Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ стихотвореній рисуются типы труда и трудящагося люда («Ткачъ», «Косарі», «Будинокъ», «Могильщики»). Эти пьесы заставляютъ вспомнить невольно Пьера Dupont. Извѣстная аналогія пріемовъ производитъ сходство въ формѣ и, читая пьесы этого рода въ книгѣ г. Щоголева, не разъ вспоминаешь знаменитое начало пѣсни «Les ouvriers»:

> Vous, dont la lampe le matin,
> Au clairon du coque se ralume!..

Въ этихъ пьесахъ и въ балладахъ («Поминки», «Рыбалка», «Лоскотарки») авторъ чрезвычайно умѣстно и счастливо вводитъ живописныя старинныя выраженія, народныя названія растеній и принадлежностей ремеслъ,—слова столь образныя, что подъ ихъ звукомъ какъ-бы чуется самый предметъ. Баллады г. Щоголева очень картинны и ничѣмъ не уступятъ лучшимъ произведеніямъ этого рода у Алексѣя Толстого или Полонскаго.

Авторъ «Ворскла» чистѣйшій лирикъ. Его дарованію совершенно чужды ноты сарказма или дидактическій тонъ. Пьесы съ этимъ оттѣнкомъ («По закону», «До бурсаківъ», «Швець», «Якось намъ солі не стало на страву») совершенно ничтожны и лишни и нарушаютъ своей дисгармоніей цѣльное впечатлѣніе книги. Таковъ-же «Покинутый хутіръ»,

съ его странною скорбью о разоренномъ дворянскомъ гнѣздѣ, менѣе всего умѣстною послѣ этихъ строкъ вступительной пьесы «Струни»:

Не тобі я, добродію,
Сытый та щасливый,
Друковатиму мій гомінъ
Щирый и мисливый.

Щобъ тобі его утямить,
Щобъ зъ нимъ одружитись,
Треба знову безъ сорочки
На світъ народитись...

Въ пьесѣ, которую можно-бы назвать «Видѣнье въ зеркалѣ», поэтъ очень образно рисуетъ судьбу народа въ родной слободской Украйнѣ. Только манерность нѣкоторыхъ куплетовъ нарушаетъ впечатлѣніе, также какъ въ стихотвореніи «Келихъ», гдѣ употребленіе техническихъ словъ доведено до излишества и ими совсѣмъ задавленъ поэтическій замыселъ вещицы. Подобныя отступленія у г. Щоголева, впрочемъ, не часты, и его надо причислить къ поэтамъ—строгимъ къ себѣ, совершенно справедливо взвѣшивающимъ не только каждое слово, какъ надо дѣлать въ прозѣ, но и каждый звукъ.

Въ этихъ семи десяткахъ стихотвореній видѣнъ прирожденный поэтъ. Если онъ не настолько силенъ, чтобъ заставить подражать себѣ, то самъ безспорно не подражаетъ никому, и въ украинской поэзіи его имя не будетъ забыто.

В. Г—ко.

Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. В. П. Жуковскаго. Кіевъ. 1884 г.

Два слова объ этой книжонкѣ мы скажемъ не съ цѣлью ея разбора. Будучи продуктомъ рыночной литературы, она таковому не подлежитъ. Мы хотимъ выразить только изумленіе, какъ съ такимъ умственнымъ багажемъ можно являться, хотя-бы и на рынкѣ. Никогда не встрѣчалось намъ ничего болѣе тупого и плоскаго. Прародители всѣхъ этихъ русскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и иныхъ сценъ: гг. Горбуновы, Вейнберги, Лейкины, въ сравненіи съ г. Жуковскимъ, кажутся гигантами. А онъ увѣряетъ насъ, что рисуетъ бытъ классической страны юмора, гдѣ насмѣшливая нотка проникаетъ рѣчь всякаго, отъ малаго ребенка до дряхлаго старика... Каждый изъ этихъ разсказовъ и сценъ производитъ

впечатлѣніе, какое вызываетъ въ обществѣ сказанная кѣмъ нибудь тупая пошлость, которой смѣется одинъ разсказчикъ, при гробовомъ и сострадательномъ молчаніи слушателей.

Г. Жуковскій не читалъ, конечно, ни Гоголя, ни Квитки. Но чтобы знать, что такое малорусскій юморъ, ему стоило прислушаться только къ народнымъ разсказамъ или заглянуть въ печатные ихъ сборники. У него отпали-бы тогда какъ охота издавать свою книжку, такъ и желаніе взимать за свое остроуміе по 25 копѣекъ.

Онъ не знаетъ, конечно, что многія произведенія нашихъ писателей суть ничто иное, какъ записанные изъ устъ народа разсказы и что еслибъ дать себѣ трудъ записывать остроумную болтовню деревенскихъ балагуровъ, то составилась-бы библіотека, подъ которой, какъ соръ, затерялись-бы книжки, подобныя издѣлію г. Жуковскаго и его присныхъ.

На зарѣ малорусской письменности первые писатели, люди съ талантомъ, погрѣшили, присвоивъ нашему сельскому люду тупыя и дураковатыя черты. Это могло находить объясненіе въ эпохѣ, когда одинъ выходъ на сцену мужика казался уже дерзостью. Питомцы той традиціи, гг. Ващенки-Захарченки и tutti frutti, держались старыхъ преданій, но лишились уже старыхъ свойствъ: ума и веселости. Карающая Немезида расправилась по своему съ упорствующими до сихъ поръ псевдонародными гаерами и наградила ихъ глупостью, обезоруживающей негодованіе.

Г—ко.

Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.

Намъ доставлена книга, заглавіе которой мы привели. Авторъ оной, или только издатель, какъ догадываются нѣкоторые, видимо желаетъ самой широкой для нея публикаціи или-же разносторонняго разбора ея и обсужденія. Объ ней однако такъ много говорилось въ нашей печати, въ изданіяхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, что говорить вновь послѣ того, что всѣми было прочитано, значило-бы досаждать читателю и такъ сказать мозолить ему глаза тѣмъ, отъ чего, быть можетъ, онъ давно уже отвернулся. «Помочи, галстухи, перчатки, духи, помада, одеколонъ»..., слышите вы на каждомъ шагу, проходя мимо еврейскихъ лавочекъ и испытавъ уже, что это за товаръ, переходите на другую сторону, чтобы не слышать болѣе самыхъ зазываній. Подобное впечатлѣніе можетъ производить и широкая публикація, полученная названною нами книгою. Притомъ намъ вовсе чужда всякая публицистика и та внутренняя политика, которая широко разводится здѣсь на

девяти десяткахъ страницъ веленевой бумаги; мы имѣемъ дѣло лишь съ исторіею, притомъ мѣстною, а въ этой области еврейскому вопросу посвящено въ книгѣ всего три страницы. Намъ, слѣдовательно, говорить тутъ почти не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ оставить безъ вниманія и этого микроскопическаго явленія въ области нашей исторіи, хотя-бы для того, чтобы отмѣтить фактъ, камъ мало придается ей значенія въ рѣшеніи такого даже вопроса, который вписанъ въ нее слезами и кровію, и какъ подгоняются къ рѣшенію предвзятой задачи ея общія указанія.

Г. Демидовъ Санъ-Донато, или стоящій за его спиною иной авторъ хочетъ построить проэктъ равноправности евреевъ въ Россіи на двухъ страничкахъ изъ исторіи той обширной области, которой собственно и принадлежитъ вся исторія еврейства Россіи. И здѣсь впрочемъ онъ не сказалъ ничего инаго, кромѣ избитой и затасканной мысли, которую онъ проводитъ чрезъ всю исторію еврейства, что только-де религіозный фанатизмъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось жить евреямъ, въ соединеніи съ невѣжествомъ народныхъ массъ, былъ причиною и вѣковыхъ страданій евреевъ и тяжелыхъ, хотя совсѣмъ несправедливыхъ противъ нихъ обвиненій. И въ Польшѣ, и въ Литвѣ бѣдные еврейчики, по мнѣнію автора, послѣ тѣхъ страданій, отъ которыхъ они бѣжали сюда изъ Европы, старались честно трудиться въ отведенной имъ якобы единственной сферѣ торговыхъ занятій; но тутъ, послѣ люблинской уніи, произошелъ переворотъ во внутреннемъ строѣ польскаго королевства, который будто-бы измѣнилъ ихъ соціальное положеніе и внутреннюю организацію ихъ общинъ и испортилъ дальнѣйшую ихъ репутацію: усилившаяся на счетъ королевской власти шляхта гнала-де ихъ отъ себя, а мѣщанство стѣсняло ихъ въ торговлѣ, такъ что они несчастные по неволѣ стали въ положеніе ростовщиковъ и факторовъ, начали арендовать у праздной шляхты всякія статьи доходовъ и доведены были до такой крайности, что брали въ аренду самыя даже церкви... Понятно, что это вызывало месть и расправу народа какъ съ панами, такъ и съ жидами, но виноваты тутъ собственно паны, а имъ евреямъ отъ чего-же и не тѣснить тѣхъ, которыхъ всѣ тѣснили...

Въ томъ-же смыслѣ авторъ книги даетъ объясненіе происхожденію нынѣшней обособленности нашихъ евреевъ и кагальнаго ихъ устройства. Въ періодъ ослабленія въ Польшѣ и Литвѣ государственной власти, въ періодъ усиленія шляхетскаго произвола и необезпеченности личности, соединялись де люди въ разные общественные союзы, подъ названіемъ цеховъ, гильдій и братствъ, въ которые однако не принимались евреи, сама де шляхта организовалась въ крѣпкую, общественную и политическую группу; ну, и бѣдные, покинутые всѣми, еврейчики

соединились также въ свою отдѣльную ассоціацію, а когда литовскіе евреи соединились съ польскими, сталъ большой кагалъ, который существуетъ и доселѣ. Виноваты опять Польша, шляхта, цехи, братства, мѣщане и рядовые шляхтичи, но только не евреи; эти послѣдніе, тѣснимые всѣми, всегда уединялись въ сферу свободныхъ занятій, которыми пренебрегали другіе, въ томъ числѣ и въ ростовщичество, шинкарство и арендованіе церквей.

Одну только свѣтлую пору находитъ авторъ въ судьбѣ нынѣшнихъ русскихъ евреевъ, именно пребываніе ихъ подъ властію литовскихъ князей: тутъ евреи были вполнѣ свободны, равноправны, не обособлялись отъ остальнаго населенія, носили одинаковую съ нимъ одежу и мѣстныя даже фамиліи, какъ Шпакъ, Бородавка и пр. Авторъ только не упоминаетъ о томъ, что и отсюда за что-то выгнали евреевъ и подвергли конфискаціи ихъ имущество, а также—что они ухитрились снова втереться въ милость къ князю, ихъ изгнавшему и потомъ опять принявшему.

За что здѣсь, какъ и вездѣ, евреевъ гнали и преслѣдовали, авторъ не говоритъ, предполагая, конечно, всюду одну и туже причину—религіозный фанатизмъ и невѣжество окружавшей евреевъ среды. Только съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма и разсѣяніемъ невѣжества въ государствахъ Западной Европы наступила, по мнѣнію автора, для евреевъ эпоха мира и благоденствія, другими словами: только тамъ они забрали верхъ, гдѣ возобладалъ религіозный индифферентизмъ и космополитизмъ.

Все переданное нами изъ quasi-историческаго очерка автора разбираемой книги не есть, конечно, никакая исторія и не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Голый и краткій перечень законодательныхъ мѣръ противъ евреевъ, общія фразы объ ихъ страданіяхъ, подтасовка и искаженіе общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ не способны дать вѣрныхъ выводовъ и послужить правильному разрѣшенію еврейскаго вопроса. Для этого, кромѣ многаго другаго, прежде и болѣе всего нужна обстоятельная и правдивая исторія внутренней жизни самихъ евреевъ, ихъ отношеній къ другимъ частямъ населенія, ихъ занятій и способовъ жизни, ихъ идеаловъ общественныхъ и принциповъ нравственныхъ, ихъ вѣроученія и нравоученія. Все это обходится не только защитниками, но и обвинителями еврейства: у первыхъ нѣтъ для этого достаточно честности и мужества, у вторыхъ просто знанія. Внутренняя исторія еврейства, а также вѣроученіе и нравоученіе евреевъ составляютъ, можно сказать, кромѣшнюю тьму, а безъ ихъ разъясненія не возможно правильное сужденіе о томъ, что мы называемъ еврейскимъ во-

просомъ. Въ нашихъ рукахъ находилось обширное изслѣдованіе современнаго вѣроученія и нравоученія еврейскаго, принадлежащее лицу, которое посвятило этому труду 20 лѣтъ своей жизни. Авторъ этого неизданнаго сочиненія оставляетъ совершенно въ сторонѣ *Талмудъ*, какъ сборникъ самыхъ противорѣчивыхъ сентенцій и наставленій, изъ котораго съ полнымъ удобствомъ извлекаютъ обыкновенно доказательства *pro* и *contra* еврейства, но беретъ тѣ равносильныя нашимъ каноническимъ книгамъ изданія, которыя признаются въ нашемъ и заграничномъ еврействѣ священнѣйшими и важнѣйшими руководствами въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни, и по строгомъ и всестороннемъ ихъ разборѣ приходитъ къ заключенію, что это никакая вѣра и никакая нравственность, а лишь длинный рядъ правилъ и наставленій на всевозможные случаи практической жизни—относительно того, какъ обходить въ нихъ не только обрядовый, но и нравственный законъ и самаго Господа Бога. Нельзя, напримѣръ, давать деньги въ ростъ, но можно дать ихъ *единовѣрцу*, чтобы онъ купилъ и перепродалъ что-нибудь, и вообще на предметъ торговли, подъ видомъ помощи, а барыши или проценты придутъ подъ видомъ благодарности, и—нарушенія закона не послѣдуетъ. Нельзя обманывать, но для защиты и блага своего народа это не будетъ грѣхъ. Тяжкій грѣхъ еврею перейти въ христіанство, но если онъ будетъ полезенъ своимъ, онъ не исключается изъ ихъ общества. Нельзя *возгнетать* огонь въ субботу, а слѣдовательно и ставить самоваръ, но можно, говоря громко: «Ахъ какъ-бы хотѣлось мнѣ напиться чаю»! въ полголоса прибавить, но такъ, чтобъ слышалъ тотъ, къ кому это должно относиться: «Иванъ, поставь самоваръ»... И эти книги во всеобщемъ употребленіи, по нимъ располагаетъ свою жизнь вся масса нашего еврейства, которая творитъ жизнь и... погромы. Вотъ что надо раскрыть и изучить, а не творенія великихъ философовъ, поэтовъ и разныхъ артистовъ изъ евреевъ. Нельзя не пожелать, чтобы было издано въ свѣтъ изслѣдованіе, о которомъ мы упомянули и котораго лишь обрывки остались теперь въ нашей памяти. Во всякомъ случаѣ оно послужило-бы первымъ шагомъ на томъ пути къ изученію еврейскаго вопроса, на который мы выше указали и который признаемъ единственно надежнымъ. Но авторъ онаго не имѣетъ средствъ для изданія. Не приметъ-ли на себя этого изданія г. Демидовъ-Санъ-Донато? Адресъ автора мы готовы указать.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЕВРЕЙСКІЙ ПЛѢНЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ 1770—1772 ГГ.

Въ недавно добытыхъ мною обрывкахъ архива „послѣдней“ Сѣчи Запорожской, я среди тысячи бумагъ, вполнѣ истлѣвшихъ и по неволѣ преданныхъ мною огню, отыскалъ еще много довольно любопытныхъ документовъ, особенно: *о гайдамакахъ, о войнѣ 1769—1774 годовъ, о сношеніяхъ Запорожья съ крымскими и ногайскими татарами, о торговлѣ съ Очаковомъ* и Польшею и проч. Между ними нашелъ я довольно любопытную переписку о „Еврейскомъ плѣнѣ въ Запорожьи“, которою желаю подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

Во время достославной Румянцевской компаніи противу турокъ и татаръ (1769—1774 г.), посланъ былъ, по волѣ главнокомандующаго, одинъ отрядъ запорожскихъ козаковъ на лодкахъ, подъ командою храбраго войсковаго старшины *Данилы Третьяка*, къ устьямъ Днѣпра и Буга, для поисковъ противъ непріятеля, особенно близъ Очакова и Кинбурна. Эта „Низовая команда“ или „Пѣхота“, во время вылазки и преслѣдованія татаръ по берегу, захватила въ ногайскихъ степяхъ, въ октябрѣ 1770 года, часть табора крымскаго хана Крымъ-Гирея и въ немъ плѣнныхъ волоховъ и евреевъ, всего 673 души. Вѣроятно это былъ „ясыръ“, добытый татарами за Днѣстромъ, или въ польскихъ предѣлахъ, который они вели въ Крымъ, на продажу туркамъ. Въ числѣ плѣнныхъ было болѣе 100 евревъ съ женами и дѣтьми.

Походный Кошъ, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ: „кодакскому полковнику *Блакитному* „пригнанныхъ“ на Запорожье

кущовскимъ атаманомъ *Максимомъ Ротомъ* плѣнныхъ принять и размѣстить въ селеніи Паланки и ждать дальнѣйшихъ приказовъ. Но тутъ явился весьма щекотливый вопросъ: кто и чѣмъ будетъ кормить плѣнныхъ? ибо еще прежде сего было приведено въ Запорожье 1,300 волоховъ, освобожденныхъ тоже изъ татарскаго плѣну, во время поисковъ близъ Очакова. На счетъ христіанъ дѣло обошлось просто: имъ дозволено было оставаться въ запорожскихъ предѣлахъ, или-же удалиться за Днѣпръ, въ малороссійскія селенія [1]). Вслѣдъ за симъ отъ кошеваго съ походнаго Коша приказано: „такъ какъ повелѣно было, чтобы волоховъ распустить, а жидовъ отъ громады годовать, а иначе они всѣ съ голоду сгинуть, то полковнику кодакскому этому жидовскому народу харчевые припасы отъ посполъства отпустить съ запискою, сколько, какого числа, якихъ харчей или на то денегъ дано будетъ?“ Изъ документовъ видно, что для прокормленія жидовъ выдано проса 61 четверть, цѣною на 152 руб., и 58 четвертей муки.

Но евреи 25 октября просили кошевое начальство: что такъ какъ они, подобно волохамъ, не могутъ оставаться на жительство въ запорожскихъ предѣлахъ, а нуждаясь въ продовольствіи, отягощаютъ кодакскую громаду, то чтобы ихъ часть отпустили въ Польшу для добычи денегъ на „выкупъ“ ихъ изъ плѣна. Кошъ далъ приказъ войсковому старшинѣ Треть ку, какъ собственнику ясыра: „учинить въ командѣ своей о вышеписанномъ *консиліумъ* (совѣщаніе) и какъ у васъ о семъ положено будетъ, прислать къ намъ рапортъ.“ Третьякъ не медля отвѣчаетъ, что по опредѣленію всей *пѣхоты* (т. е. лодочной команды) рѣшено: отпустить 6-ть жидовъ въ Польшу для собранія денегъ на выкупъ и для ихъ конвоя назначенъ товарищъ кущевскаго куреня *Романъ Пашковскій*. Ордеръ походнаго Коша такъ любопытенъ, что мы списываемъ его буквально:

Г. полковнику кодацкому, Стефану Блакитному [2]).

„При опредѣленныхъ изъ Коша войска низоваго козакахъ, имѣете вы отбитыхъ пѣхотною запорожскою командою, при разбытіи

---

[1]) Мы полагаемъ, что эти волохи и молдоване были осадчими, т. е. основателями селенія «ВолосскіеХутора», въ 20 верстахъ отъ Екатеринослава.

[2]) Блакитный (błękitny, съ польскаго) голубой.

ханскаго обоза и ето ясыра, подъ Кинбургомъ жидовъ, если они находятся всѣ въ Новомъ Кодакѣ, собравъ, выбрать изъ нихъ шесть человѣкъ такихъ, которыхъ-бы здѣсь оставались жены и дѣти, либо родственники, а паче отцы, отпустить ихъ, съ посылаючимся при семъ свидѣтельствомъ, польской области въ разныя мѣста, къ ихъ родственникамъ, за конвоемъ сихъ козаковъ, для собранія договоренныхъ ими за содержаніе себѣ въ харчахъ и одѣяніи, также и на выкупъ 8,000 руб. денежной суммы, на пять мѣсяцевъ, съ тѣмъ имъ объявленіемъ, что если они тѣхъ денегъ въ показанный срокъ не выстарчатъ (не доставятъ), то оставшіеся въ Кодакѣ жиды и все ихъ родство имѣютъ окрещены быть и по неволѣ, или самой смерти преданы будутъ, безъ всякаго пощадѣнія, непремѣнно".

„13 ноября 1770 г."

Но не смотря на упомянутый „консиліумъ" запорожской пѣхоты и мудрый ордеръ походнаго Коша, случилось препятствіе (*цирконстанціе*, какъ сказано въ бумагѣ) [1]), какого наше „товарство" вовсе не ожидало. Евреи лишь только достигли польскаго рубежа, то нашли тамъ покровителей поляковъ, которые посовѣтовали имъ прежде уплаты денегъ обратиться „съ слезнымъ письмомъ" въ главную квартиру арміи, бывшую въ Яссахъ. И главнокомандующій, графъ Румянцевъ, послалъ въ Кошъ слѣдующій ордеръ:

„Жители польскаго мѣстечка Янова, жиды, здѣсь объявили, что взяты они командою войска запорожскаго во время разбитія ханскаго обозу, при городѣ Кинбурнѣ, и отпущены отъ васъ съ срокомъ въ Польшу для збору денегъ на выкупъ себя и другихъ жидовъ изъ плѣну, и что, не находя себя въ состояніи собрать назначенную вами сумму, возвратиться опасаются. Я потому рекомендую вамъ прислать ко мнѣ безъ замедленія рапортъ: сей зборъ денегъ на выкупъ по собственному-ли вашему благопризнанію опредѣленъ, или въ сходствіе даннаго какова-либо о томъ отъ вышняго начальства повелѣнія?"

Графъ Румянцевъ.

„*Яссы*, февраля 26 дня 1771 года.

---

[1]) Забавно читать въ козачьихъ письмахъ латинскія слова: *консиліумъ* (*consilium*, совѣтъ) и цирконстанція (*circumstantio*, случай); вѣроятно, писарями были учившіеся въ академіи или поляки, сдѣлавшіеся запорожцами.

На это Кошъ отвѣчалъ, что запорожская пѣхота съ боя взяла часть обоза крымскаго хана и въ ней бывшихъ плѣнныхъ волоховъ и жидовъ, и о своемъ подвигѣ донесла главному своему командиру графу Панину. Евреи, зная наши обычаи (воспрещеніе оставаться въ Запорожьи), пожелали свободы и сами предложили выкупъ. Войско согласилось и послало избранныхъ ими депутатовъ въ Польшу съ конвоемъ. 30-го апрѣля они уже были въ мѣстечкѣ Смѣлой (кіевской губ.), гдѣ евреи уже имѣли и деньги. Кошъ проситъ, слѣдственно, изъ уваженія къ службѣ пѣхоты и въ поощреніе новыхъ поисковъ надъ непріятелемъ, утвердить эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что запорожскія селенія содержали и кормили евреевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Но Румянцевъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ, и еще разъ писалъ кошевому начальству:

„Получа вашъ рапортъ подъ № 728 на мой посланной къ вамъ ордеръ, и не видѣвъ въ немъ того, чтобы давало вамъ право освобождать плѣнныхъ за выкупъ, какъ сіе вы чините съ жидами, за коими я къ вамъ писалъ, схотѣлъ я вамъ тутъ изъяснить ту причину, по которой я вхожу въ сіе дѣло. По военному общему праву, плѣнникъ взятый оружіемъ принадлежитъ своею особою всегда государю; слѣдственно и свобода его не зависитъ отъ партикулярной воли воина, а найпаче въ продолженіи еще войны. Но естьли ваше войско исключительный имѣетъ для себя законъ, или древній обычай, позволяющіе вамъ поступать инако; я о томъ не вѣдая, нахожу однакожъ за прилично припомянуть вамъ, чтобы вы сіе чинили, доложась настоящему своему командиру; а въ прочемъ, въ отдачѣ по условію денегъ выпущенными жидами, я воспященія не прикажу чинить.

Графъ Румянцевъ.

9-го маія 1771 года.

Изъ главной квартиры. Городъ Яссы.

Вскорѣ является и отъ самыхъ евреевъ изъ форпоста Семлика [1]) всенижайшее донесеніе:

---

[1]) Въ Ново-Сербіи, т. е. въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсон. губ., на р. Выси, близъ Ново-Архангельска.

Его ясне-вельможности пану Кошевому.

„По нынѣшнимъ печальнымъ военнымъ обстоятельствамъ павшіе въ полонъ сродственники наши, жиды, содержатся въ селеніяхъ принадлежащихъ войску команды вашей ясневельможности и по причинѣ не въ состоянія заплатить потребное число выкупныхъ денегъ, и по нынѣ не выпущены, о которыхъ всенижайшея прошенія приносимъ вашей ясневельможности. Мы по нашей бѣдности и нищетѣ, съ собранными 600 рублями, для заплату за тѣхъ нашихъ сродственниковъ, сюда къ семлицыну форпосту прибыли, но намъ пропуску чинить не могутъ здѣшніе командиры [1]), того ради мы нижайшіе рабы вашей ясневельможности, всенижайше падши къногамъ вашимъ, слезно молимъ: чтобы на нашу крайнюю нищету взирая, по своему вездѣ славившемуся великодушію, тѣхъ нашихъ родственниковъ приказали на нашъ коштъ съ повѣреннымъ отаманомъ сюда къ семлицыну форпосту доставить, для полученія отъ насъ вышепоказанныхъ 600 руб. денегъ, да привезеннаго для высокой вашей персоны 40 аршинъ кармазиннаго тонкаго сукна; для чего и посылаемъ при семъ нарочнаго отъ себя человѣка, съ прошеніемъ нашимъ и съ приложеніемъ письма его высокаго сіятельства, графа-фельдмаршала П. А. Румянцева о тѣхъ нашихъ однородныхъ.

Вашей ясневельможности нижайшіе рабы (подписи по еврейски).

Ноября 10. 1771 г.

Присланное евреями письмо графа Румянцева было слѣдующее:

Государь мой, Петръ Івановичъ.

Обыватели польскаго мѣстечька Янова и другихъ, жиды, принесли вторичное прошеніе о освобожденіи взятыхъ войскомъ запорожскимъ ихъ однородцовъ, удерженныхъ по сіе время въ селеніяхъ войску принадлежащихъ, по той токмо причинѣ, что назначеннаго выкупа восми тысячь рублей не могли собрать по крайней нищетѣ своей. Надѣяся на извѣстное мнѣ ваше благоразсужденіе, прошу васъ, государь мой, приказать ихъ освободить, ибо, положимъ, хотя-бы и было обыкновеніе брать съ плѣнныхъ за выкупъ деньги; но въ уваженіи крайняго несостоянія ихъ выплатить требуемое

---

[1]) Ново-сербское военное начальство.

количество денегъ, надлежитъ показать человѣколюбіе надъ сими бѣдными людми, кои, сидя въ неволѣ, лишены всѣхъ къ тому способовъ: а единородцы ихъ, пребывая въ Полше, отъ войны и болѣзней обнищавшіеся, о исправленіи своемъ стараяся, конечно пособить имъ не могутъ.

Пребываю въ прочемъ съ моимъ истиннымъ вамъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ покорнымъ слугою

Графъ Румянцевъ.

Октября 1771 года.

Получивъ хотя любезное, но и точное приказаніе, Кошъ собралъ сходку для рѣшенія этого дѣла и вотъ что было опредѣлено:

„1771 года декабря 7, атаманы куренные и козаки да старшины войсковые, будучи на сходкѣ, приговорили: чтобы взявши 600 вуб. денегъ, жидовъ отпустить, ибо и графъ Румянцевъ неоднократно пишетъ въ Кошъ“.

Такъ окончилось это любопытное дѣло: 14 января 1772 года, Кошъ удостоилъ и жидовъ слѣдующимъ своимъ отвѣтомъ:

Жидамъ Самуилу Марковичу, Марку Лазаревичу и Мошку Осиповичу.

„При донесеніи вашемъ посланные 600 руб. деньги [1]) и сукно чрезъ нашихъ нарочныхъ козаковъ: *Ивана Щоку* и *Данила Заволоку* получены тутъ исправно, а родственники ваши жиды, находившіеся въ здѣшнихъ мѣстахъ, при семъ къ вамъ отправляются. А для охраненія ихъ въ пути и препровожденія до семлицкаго форпосту здѣшнихъ войсковыхъ три человѣка опредѣлено“.

А вотъ и финалъ: кодацкій полковникъ Гаврило Поповичъ 20 января 1772 года донесъ Кошу, что на десяти повозкахъ, нанятыхъ евреями по 8 злотыхъ за всякую, доставлено въ Семликъ, т. е. на польскій рубежъ 77 евреевъ, съ дѣтьми и женами.

Въ заключеніе приводимъ благодарственное письмо евреевъ, писанное 15 февраля 1772 года изъ Умани:

„За освобожденіе нашего рода жидовъ, до границъ семлицкаго форпоста, безъ приключенія и ни отъ кого никакой обиды, благополучно препровожденныхъ, и за такое вашей ясневельможности

---

[1]) «Серебренною монетою», прибавлено, а въ Сѣчь даже царское жалованье выдавалось мѣдными деньгами.

милосердіе и не оставленіе рода нашего приносимъ всепокорнѣйшую и нелицемѣрную нашу со всякою учтивостію и старшинамъ и всему войску запорожскому благодарность. Да и впредъ ясневельможность вашу всенижайше упрашиваемъ, если, по волѣ всемилосерднаго Бога, еще подъ случай нашъ родъ въ запорожское низовое войско попадется, не оставлять... Тѣ-же евреи, подъ покровительствомъ ново-сербскаго маіора Павла Эрдели, достигли Умани, гдѣ мы достали, и въ презентъ вашему ясневельможности посылаемъ 8 головъ сахару, и просимъ оный принять и себѣ въ здоровье употреблять".

А. Скальковскій.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ есть мѣстечко Рахмановъ; само по себѣ это мѣстечко маленькое, безъ всякой торговли, но интересное тѣмъ, что въ немъ почти нѣтъ жидовъ. Населяющіе это мѣстечко крестьяне представляютъ значительныя особенности, сравнительно съ крестьянами ближнихъ селеній; это народъ рослый, видный, свѣжій, трезвый, трудящійся и зажиточный; по типу они скорѣе подходятъ къ украинцамъ, чѣмъ къ волынякамъ. Между ними нѣтъ ни одного католика, тогда какъ окружающія это мѣстечко селенія, нѣкоторыя на половину, состоятъ изъ католиковъ. Это объясняется тѣмъ, что еще во времена польскаго владычества, даже при русскомъ правленіи, въ этихъ мѣстахъ была очень сильна католическая пропаганда. Въ семи верстахъ отъ Рахманова есть селеніе Сурожъ, огромное имѣніе, принадлежавшее іезуитамъ, гдѣ находились іезуитскія миссіонерскія школы. И теперь еще указываютъ въ сурожскихъ лѣсахъ мѣста, гдѣ іезуиты добывали желѣзную руду, указываютъ провалившіеся погреба, которые крестьяне засыпали, боясь ихъ раскапывать изъ суевѣрнаго страха передъ іезуитскими проклятіями, страха, сохранившагося и до настоящаго времени. Въ 9 верстахъ отъ Рахманова Шумскъ, бывшій когда-то удѣльный городъ русскихъ князей. Въ этомъ мѣстечкѣ были католическій францишканскій монастырь и тринитарскія школы. Удивительно, какъ уцѣлѣлъ Рахмановъ, что между его обитателями нѣтъ ни одного католика.

Въ этомъ мѣстечкѣ проживалъ столѣтній дѣдъ Иванъ *Добротворъ*, которымъ очень гордились Рахмановцы. Я былъ знакомъ съ Добротворомъ, когда лѣтомъ пріѣзжалъ въ свое имѣніе, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рахманова. Добротворъ любилъ поговорить о старинѣ, особенно за чаркой водочки. Интересны его расказы о временахъ польскаго владычества, о занятіи Волыни русскими войсками, о Суворовѣ, о переходѣ изъ уніи въ православіе и особенно о ненавистной панщинѣ и ея уничтоженіи.

„За Польщи біда була; паны грабували панівъ, а мужиківъ грабували жолніри, та ще якісь „драбы“ були; таки були обідрани, та здорови. Наровить прійти до хаты, коли мужиківъ немае дома, а сами жинки въ хаті, щобъ де що чи вкрасти, чи одняти. И виршу таку драбы собі зложили; якъ увійде въ хату, той каже:

Помогай Бігъ, тітко!
Несе драба дідько.
Дай мині солонины
Моій жінці на хрестины!
Не дай мині козы,
Бо въ торбу не влізе.
Не дай мині теля,
Бо на тебе буде веле.
Дай мині того франта,
Що висе у банта.

Себъ то ему сала, що мужики вішають на горіщи до бантины.

Якъ забирали насъ підъ Россію, то війска було дуже багато, такъ якъ каши: та всі були у красній одежи, такъ якъ раки. Бачивъ я и Суворова; було якъ іде, то грають маршъ“. И Добротворъ проигралъ на губахъ маршъ, которымъ войска встрѣчали и провожали Суворова.

„А якъ одібрала насъ Россія одъ Польщи, то стали насъ навертати на благочестіе (на православіе); въ духъ усі пристали на благочестіе; паны дуже на тее гнівались, а мужики на те не потурали; пріихали якісь зъ Россіи, чи попы, чи ченці, чи може архимандриты и стали по церквамъ учити службу правити; якъ хто не второпа, то бере зъ рукъ братерьску свічку, та такъ по голові и латае.

Татаръ я вже не памятаю; а казали стари люде, що колись нападеніе було одъ татарівъ; тоді усімъ заказували, щобъ куповали со́бі рушниці: „продай, каже телицю, купи рушницю". Казали, шо козаки колись воювали зъ поляками; були козаки, „амбурьци" назывались (очевидно, ямбургскій пикинерный полкъ), то ти багато поляковъ побили; а ще бувъ козакъ „Жертва", той также багато поляківъ побивъ и одибравъ відъ турка Бендеры и Очакивъ.

Якъ задумали поляки рухавку робити, то сбирались у святого Яна [1]) нибы юбилеушъ справляти, а вони збирались рухавку робити: іздили до Ярмолинець, коней купували и наряжали до рухавки своихъ козачкивъ, лакеівъ, фурманівъ, пастушкивъ. Панъ Менижнскій [2]) въ Корсунахъ (лѣсное урочище) сподівався повстанцівъ и державъ тамъ сіно, овесъ, хлібъ, мясо, горілку, сало; вінъ приказувавъ и мужикамъ давать полякамъ хлібъ, якъ будуть ити черезъ Брыково; ляхи ночували въ Корсунахъ. Отъ за тее и взяли Менжиньского и, кажуть, до Танбова его спровадили. Богъ Милосердный наславъ на поляківъ путь нечестивый и сами одъ себе погибли.

За Польщи тяжкои панщины не було, а якъ настала Россія, то дуже тяжка панщина стала. Якъ повелось руськое начальство, то заразъ паны дали намъ мычки прясти; довго думали мы, що зъ тими мычками робити, а далі взяли, та й попалили ихъ, отъ паны и призвали руське начальство, а сі якъ стали намъ дрібного бобу сыпати (по просту пороть); то вже нема чого казати, треба панівъ слухати; то одъ того часу уже тяжка панщина повелась. Бувъ панъ Стебницкій, той прикуе було чоловіка до колоды, та такъ чоловікъ и повиненъ зъ тею колодою ходити; у Стебницкого такій ящикъ бувъ выдовбаный зъ дуба; якъ не прийде хто на панщину, каже: заслабъ, то Стебницкій накладе въ той ящикъ снігу, положе туды слабого чоловіка, засуне ящикъ крышкою и лежить въ ящику чоловікъ, поки снігъ ростане. Були таки роги зроблени, надівавъ

---

[1]) Каплица между Рахмановымъ и Шумскимъ, къ которой поляки совершали въ прежнее время торжественные крестные ходы.

[2]) Менжинскій—помѣщикъ с. Брыкова, бывшій мировой посредникъ; за участіе въ мятежѣ 1863 г. имѣніе его конфисковано, а самъ онъ сосланъ. Брыково купила отъ казны графиня Блудова.

на людей роги; а було якъ забье якого чоловіка, то такъ въ корчахъ его и закопають. Такій ще бувъ и Прушиньскій. Було такъ бье людей, що тіло одстае одъ костей. Всі молили Бога, щобъ Богъ давъ намъ волю; бо въ „Отче-наши" говорится: *да буде воля Твоя*, то мы и сподівалися воли. Потішивъ Царь міръ христіянскій, давъ намъ волю. Нехай Богъ за тее дае Царю корону въ небі.

Ой, спаси Бігъ нашому Царёви,
Що выручивъ мужиківъ
Зъ польскои неволи.
Ой, спаси-Бігъ щей нашій Цариці,
Що не ходять на паньщину
Наши молодиці.
Ой, спаси-Бігъ тай нашій Царівні,
Що стали мужики
Зъ панами на-рівні.

Отъ таку мы пісню зложили и заспівали, якъ давъ намъ Царь волю!"

Эта пѣсня есть чисто произведеніе народнаго творчества. Особенно хорошо поетъ эту пѣсню „Ямпильскій дідъ" [1]). Лѣтомъ въ прошломъ году Добротворовъ умеръ, имѣя отъ роду 105 лѣтъ. До ста и болѣе лѣтъ онъ рубилъ еще дрова, а затѣмъ, не будучи въ силахъ рубить дрова, гонялъ на водопой скотъ до самой смерти.

Теперь уже не покажутся повстанцы ни въ Брыковѣ, ни въ Корсунахъ. Изъ корсунскихъ дубовъ графиня Блудова выстроила въ Брыковѣ церковь и школу. Интересна эта школа: въ ней учится все молодое поколѣніе Брыкова, отъ 5 лѣтъ до женитьбы или до выхода въ замужество. Нѣтъ въ этой школѣ ни опредѣленныхъ каникулъ, ни экзаменовъ, ни отчетовъ. Приходи, кто хочетъ и учись: утромъ, вечеромъ, лѣтомъ, зимою, когда угодно. Учителемъ приходскій священникъ, не женатый, который живетъ въ самой школѣ. Въ церкви поетъ Божественную службу все народонаселеніе Брыкова. Много сдѣлала для русскаго дѣла на Волыни графиня Блудова; много проявила она энергіи въ борьбѣ за русское дѣло и съ поляками и консерваторами. Стара становится графиня Антонина Димитріевна, а на смѣну ей нѣтъ и не видно человѣка.

И. О.

---

[1]) Мѣстечко Ямполь, кременецкаго уѣзда.

ЖИВОЙ УПЫРЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УМЕРШИМИ УПЫРЯМИ [1]).

Курьезное такое произшествіе случилось въ 1831 году, въ селѣ Подосахъ, кіевской губерніи, бердичевскаго уѣзда. Впервые тогда появилась холера и своими многочисленными жертвами надолго оставила въ памяти народа этотъ годъ, извѣстный у него и доселѣ подъ названіемъ „великаго помірка". Тогда по селамъ умирало ежедневно по нѣсколько десятковъ душъ въ каждомъ.

Завернула эта „пошість" и въ с. Подосы. Съ начала іюня стали умирать селяне по одному, по два въ день; но чѣмъ дальше, тѣмъ смертность становилась больше. 24 іюня умерло восемь душъ, лежало больныхъ до двадцати.

Селяне не знали, что дѣлать, какъ отвратить отъ себя такое зло. Пробовали различныя средства: святили воду въ криницахъ на четырехъ концахъ селенія, заставляли нѣсколькихъ женщинъ, въ одеждѣ Евы, подъ вечеръ, оббѣжать вокругъ всего села; но ни то, ни другое средство нисколько не помогло. Наконецъ, кто-то посовѣтовалъ имъ обратиться къ Максиму Мазуренку, крестьянину сосѣдняго селенія Степанокъ, который, какъ ходилъ слухъ, можетъ излечивать всякую болѣзнь. 28 іюня два крестьянина изъ с. Подосовъ пріѣхали къ Мазуренку съ просьбой отправиться къ нимъ для истребленія открывшейся у нихъ болѣзни. Мазуренко согласился и на другій день былъ въ Подосахъ. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ онъ объявилъ крестьянамъ, что вся эта болѣзнь происходитъ отъ умершихъ недавно мѣстнаго пономаря и его жены, похороненныхъ въ одной могилѣ и гробу.

— Это они, говорилъ Мазуренко, встаютъ ночью, вылазятъ изъ своихъ гробовъ и ходятъ по селу, по хатамъ: гдѣ въ хату зайдутъ и дохнутъ на человѣка, тотчасъ онъ и заболѣетъ, а у кого еще и кровь высосутъ, тотъ не поднимется уже во вѣки вѣчные.

Тутъ его заявленіе подтвердила крестьянка Явдоха Карпенкова. Она стала разсказывать, какъ однажды позднимъ вечеромъ встрѣтилъ ее на улицѣ умершій пономарь и, ударивъ палкой, велѣлъ вести его къ своему сыну, мѣстному дьячку. „Я, говоритъ,

---

[1]) Дѣло изъ махновскаго уѣзд. суда о кр. Максимѣ Мазуренкѣ за откопаніе мертвыхъ тѣлъ и отрубленіе имъ головъ. 1831 г. Хран. въ К. Ц. Архивѣ.

подвела его къ дяковой хатѣ, отворила дверь и впустила его въ сѣни, а сама стала подъ хатою и слушаю, что-то будетъ; какъ вдругъ загрохотали горшки и миски въ хатѣ, а на другой день, помню, жаловался дьячекъ, что кто-то ночью потолкъ у него въ хатѣ всѣ миски и горшки: даже, говоритъ, шлеи и возжи нашелъ я близъ церкви, а помню хорошо, что съ вечера положилъ ихъ подъ хатою на завалинѣ".

Хотя Явдоха считалась полуумной, но въ настоящую минуту почти все село потеряло голову, и всѣ вполнѣ повѣрили заявленіямъ Карпенковой.

— Такъ что-жъ, Максимъ, нельзя-ли какъ бѣдѣ помочь?

— Отъ чего нельзя?—можно. Нужно только сейчасъ-же идти къ могилѣ пономаря и его жены, откопать ихъ и отрубить имъ головы; а то вотъ у васъ сегодня умерло девять душъ, а на завтра умретъ еще больше, если только этого не сдѣлать.

Нужно было добиться согласія дьячка, сына покойниковъ, которыхъ предложенная мѣра касалась. И вотъ громада направляется къ дьячку съ просьбой отрыть могилу отца и матери его.

— Что хотите, дѣлайте съ ними, только-бы они не ходили больше по селу, отвѣтилъ дьячекъ Ѳедоръ Левицкій.

Тогда громада, предводительствуемая Мазуренкомъ, двинулась къ кладбищу.

Разрыли могилу, открыли гробъ; Мазуренко съ топоромъ въ рукахъ вскочилъ туда и принялся рубить головы пономарю и его женѣ; ударилъ разъ, другой,—изъ перерубленной шеи показалась кровь.

— Вотъ видите, сколько проклятые выпили людской крови! замѣтилъ Мазуренко.

— И въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ замѣчаніе Мазуренка присутствовавшій при вскрытіи могилъ мѣстный сотскій Денисъ Дмитренко и прибавилъ: „а вѣдь все это кровь христіанская".

— Дайте-же мнѣ осиновый колъ, я ихъ приткну тутъ до самой земли; тогда ужъ не поднимутся больше.

Подали два колка, Мазуренко пригвоздилъ ими пономаря и его жену. Затѣмъ потребовалъ хворосту и тутъ-же въ гробу сжегъ ихъ головы.

— Теперь засыпайте землею, обратился къ присутствовавшимъ; уже больше не встанутъ.

Въ благодарность за такое лѣченіе подосская громада рѣшила выдать Мазуренку изъ общественной казны рубль серебромъ, да полъ-корца ржи и, сверхъ того, послать трехъ человѣкъ для уборки Мазуренковаго хлѣба.

Между тѣмъ вскорѣ дошло извѣстіе о врачеваніи Мазуренка до мѣстнаго начальства; послѣднее привлекло его къ уголовной отвѣтственности. На судѣ Мазуренко заявилъ, что онъ уже въ теченіе пяти лѣтъ пособляетъ людямъ въ различныхъ болѣзняхъ, что дѣлаетъ это въ силу врожденной способности: „я, говоритъ, родился упыремъ, и пока жить буду, буду помогать людямъ въ ихъ болѣстяхъ".

Для излѣченія самаго Мазуренка отъ „упырства" начальство предало его церковному покаянію на полтора года.

К. Кошовикъ.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКОЙ „ПОКОРМЕЖНОЙ."

Въ „Исторіи Руссовъ" Конисскаго, въ разсказѣ о производившейся въ 1765—1769 гг. въ Малороссіи, по распоряженію тогдашняго ея правителя, графа П. А. Румянцева, генеральной описи приводится эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, въ какія натянутыя отношенія поставила эта опись производившихъ ее великороссійскихъ военныхъ чиновъ и отвѣтственную предъ ними малороссійскую старшину. Когда, по требованію первыхъ, послѣдніе представляли имъ всѣ свои документы на владѣемыя ими земли, въ томъ числѣ и гетманскіе универсалы, тѣ, подъ вліяніемъ взаимнаго раздраженія и не имѣя никакого уже представленія о значеніи постепенно умаляемой, а наконецъ и совсѣмъ упраздненной гетманской власти, въ насмѣшку называли гетманскіе универсалы *покормежными*.

Чтобы понять всю язвительность этой насмѣшки, надо имѣть понятіе о „покормежной", самый терминъ которой, по отдаленности времени, кажется для насъ темнымъ. Это былъ отпускной видъ, или свидѣтельство, который давался отъ помѣщика крестьянину, отправлявшемуся куда либо на заработки, и гарантировалъ до нѣ-

которой степени помѣщиковъ отъ побѣговъ ихъ крестьянъ. Не явившійся вовсе изъ такого отпуска, или просрочившій оный, кромѣ отвѣтственности предъ помѣщикомъ, привлекался къ уголовной отвѣтственности предъ судомъ, и такой-же отвѣтственности подлежали и всѣ тѣ, которые держали его у себя.

Мы не имѣемъ въ эту пору подъ рукою необходимыхъ справокъ о первоначальномъ происхожденіи и формѣ „покормежныхъ". Въ то время, когда они употреблены были въ видѣ остроты надъ гетманскими универсалами и ихъ обладателями, народъ малорусскій еще не былъ ознакомленъ съ этимъ аттрибутомъ крѣпостнаго права, какъ и съ самымъ крѣпостнымъ правомъ; но съ 1783 г. благодѣтельныя дѣйствія сего послѣдняго распространены были и на гетманщину, а за нимъ неизбѣжно должны были прійти и „покормежныя", въ той формѣ, въ какой царили уже во всей остальной Россіи.

Находящійся въ нашихъ рукахъ образчикъ „покормежной" принадлежитъ болѣе позднему времени, но и отъ него уже вѣетъ такою затхлостію и гнилью, отъ которыхъ заставляютъ отвернуться порядки и понятія нашего времени. Вотъ этотъ образчикъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ, какъ точная иллюстрація къ той остротѣ, которая стала характернымъ достояніемъ исторіи.

По указу его величества, государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, и по публикованному въ народѣ плакату, отпущенъ нижеподписанный въ работу отъ подписаннаго числа впредь на одинъ годъ для прокормленія по покормежной, которая явлена и оставлена въ лохвицкомъ повѣтовомъ казначействѣ и въ книгу записана подъ нумеромъ 626-мъ, и съ симъ отпускомъ вольно его до срочнаго означеннаго въ семъ пропуску числа въ наймахъ и въ работахъ держать, а по срокѣ явиться въ домѣ своемъ, и болѣе нигдѣ не жить и никому не держать, подъ такимъ подтвержденіемъ, какъ въ плакатѣ изображено. Сія покормежная, за подписью и за печатью казначея, дана, въ благополучномъ городѣ Лохвицѣ, крестьянину госпожи надворной совѣтницы Катерины Г........., малороссійской полтавской губерніи, лохвицкаго повѣта, жителю села Пѣсокъ, Науму Петрову сыну Бѣлику, которой примѣтъ таковыхъ:

росту 2-хъ аршинъ, 5-ти вершковъ, волосовъ русыхъ, глазовъ сѣрокарыхъ, лѣтъ отъ роду 22-хъ, въ публичномъ наказаніи не былъ; тысяча восемъ сотъ пятого года, маія двадцять второго числа. Казначей, коллежскій ассесоръ Кошаревскій, бухгалтеръ Мясницкій, губернскій регистраторъ Степанъ Салимовскій.

(М. П.) Указніе пошлины взяты.

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНѢ.

Инымъ именемъ не можемъ окрестить того безвѣстнаго женскаго пансіона въ г. Нѣжинѣ, начала нынѣшняго столѣтія, афиша объ учрежденіи котораго случайно попала намъ въ руки и которое, быть можетъ, имѣло свою жизнь и свою исторію, сохранившуюся, вѣроятно, въ памяти нѣжинскихъ старожиловъ.

Называемъ этотъ пансіонъ такимъ громкимъ именемъ по одной особенности его общей программы, именно: *Мифтологіи*, помѣщенной между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ.

Учредительницею сего высшаго разсадника наукъ для благородныхъ дѣвицъ, преемствовавшихъ въ чередованіи мѣстныхъ поколѣній пани гетмановой Апостоловой, была какая-то захожая, вѣроятно, французская дѣвица Елисавета Руссетъ. Собственнымъ-ли умомъ она дошла до необходимости включенія въ програму воспитанія *Мифтологіи*, или такова была потребность благородныхъ нѣжинскихъ малороссіянокъ, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ нѣжинская афиша—документъ рѣдкій и по своимъ частностямъ далеко не безъинтересный въ темной исторіи нашего женскаго просвѣщенія. Дата его не обозначена, но, судя по почерку и бумагѣ, онъ долженъ быть не позже 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Даемъ ему мѣсто и въ тѣхъ видахъ, не послужитъ-ли онъ поводомъ для кого либо изъ нѣжинцевъ собрать воспоминанія объ училищѣ дѣвицы Елисаветы Руссетъ и о томъ, какъ она просвѣщала нѣжинскій нѣжный полъ по части *Мифтологіи*.

Учреждается пансіонъ въ городѣ Нѣжинѣ для благородныхъ дѣвицъ, въ домѣ дѣвицы Руссетъ.

Въ ономъ пансіонѣ преподаваться будутъ слѣдующіе предметы:

1. Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики, исторія, географія и арифметика.

2. Французскій языкъ по правиламъ грамматики.

3. Мифтологія.

4. Нѣмецкій языкъ по правиламъ граматики.

5. Музыка, танцы и рисованіе.

6. Чистописаніе.

7. Рукодѣліе.

Цѣна въ годъ 800 руб. и уплачивается половина денегъ впредь за 6 мѣсяцей.

Содержательница пансіона принимаетъ на себя всю услугу, нужную для воспитанницъ; всякая дѣвица при вступленіи въ пансіонъ приноситъ съ собою, кромѣ постели—одну скатерть, шесть салфетокъ, одну ложку столовую, чайную чашку, пару столовыхъ ножей, одинъ стаканъ; выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ, не женатыхъ господъ, и во время классическаго преподаванія никто такъ-же не принимается.

Елисавета Руссетъ.

ПОСЛѢДНІЯ ДОМОГАТЕЛЬСТВА МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

Когда въ первые годы второй половины XVII ст. теченіемъ событій поставленъ былъ вопросъ о соединеніи Малороссіи съ московскимъ государствомъ, рѣшеніе его занимало цѣликомъ какъ одну, такъ и другую страну: на Москвѣ созывался *земскій соборъ*, въ гетманщинѣ *генеральная рада*, напрягались думныя головы, писались многолистныя посланія, скакали гонцы, составлялся и пересоставлялся многостатейный договоръ, въ которомъ со всею щепетильностію процѣжены были одной и другой стороной тѣ права и вольности, которыхъ добился малороссійскій народъ отъ польскихъ королей и которыя онъ желалъ удержать, переходя подъ московскую державу. Желаніе удержать эти права и вольности толкнуло Дорошенка въ подданство турецкое, а Мазепу въ объятія Карла. И дѣйствительно внутренній строй польской и московской державъ были такъ не одинаковы и даже діаметрально противуположны, что было изъ-за чего стоять обѣимъ договаривавшимся теперь сто-

ронамъ. Рабовладѣльческая, но сильная единствомъ власти Москва не могла пойти по широкому, но скользкому пути либеральныхъ учрежденій Польши, съ которыми приходилъ подъ ея державу малороссійскій народъ, и новое объединеніе раздѣленныхъ вѣками двухъ половинъ Россіи должно было идти не путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—общей политическо-общественной работы, а путемъ постепеннаго урѣзыванія широкихъ „вольностей" подчинявшейся стороны и приведенія ея къ общему строю жизни стороны, ее принимавшей, пока не начнется новая, совмѣстная работа органически сплоченнаго цѣлаго.

Когда черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, представительство малороссійское оглянулось на свое прошлое, оказалось, что отъ многаго, что составляло достояніе предковъ и особыми *пактами* утверждено было на вѣчныя времена, не осталось и слѣда, отъ другаго оставались лишь жалкіе обломки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣдній гетманъ и малороссійская старшина, далеко отодвинувшіеся уже отъ народа, затѣяли попытку возстановить по новому плану разрушенное зданіе, нашлось еще для ихъ о семъ челобитной до 20-ти крупныхъ, хотя и не выдерживающихъ критики пунктовъ [1]). Извѣстно, какая судьба постигла челобитчиковъ и ихъ страну, по волѣ такъ сказать неумолимаго рока.

Прошло еще около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вотъ что осталось отъ прежнихъ широкихъ домогательствъ Разумовскаго и его собратіи.

1831 года, августа 3-го числа.

Положеніе общества дворянскаго повѣта стародубскаго. О нашихъ нуждахъ чрезъ депутатовъ всеподданнѣйше просить Государя императора при принесеніи благодарности за возстановленіе грамоты дворянству жалованной.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Чтобъ судъ и расправа была по праву Статуту, съ оставленіемъ учрежденныхъ по оному праву возныхъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. на 1883 г., іюнь, стр. 317—336.

Чтобъ теченіе правленія возстановлено было сообразно учрежденіямъ для управленія губерніи всероссійскія имперіи. Потому 1-е что оныя учрежденія есть новѣйшій созрѣлый плодъ совершеннаго познанія вообще и подробно, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, частей внутренняго государственнаго правленія, требовавшаго поправленія, 2-е что общую отъ оныхъ учрежденій пользу каждый малороссіянинъ позналъ и ощутилъ по пятнадцатилѣтнему ихъ въ Малой Россіи теченію и 3-е что статьи оныхъ учрежденій, о выборѣ къ должностямъ на всякіе три года чиновъ, поступивъ въ число первыхъ выгодъ дворянскаго общества, по грамотѣ на преимущества жалованной, внушаютъ, что общество дворянское, которое не управляется по учрежденіямъ, умалено въ своихъ правахъ, выгодахъ, отличностяхъ, преимуществахъ и даже нравоученіяхъ, противъ тѣхъ дворянскихъ обществъ, которыя по учрежденію управляются.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобъ съ повѣта стародубовскаго, во время рекрутскихъ наборовъ, даточные люди принимаемы были въ рекруты ниже указной мѣры однимъ вершкомъ, потому что въ здѣшнемъ округѣ родъ людей нерослыхъ, такъ что современемъ вовсе невозможно будетъ изъ здѣшнихъ природныхъ жителей найти рекрутъ въ указную нынѣшнюю мѣру. Во всемъ-же прочемъ, что принадлежитъ до порядка при наборѣ рекрутъ, было-бы поступаемо по словамъ и силѣ единаго генеральнаго учрежденія, состоявшагося 1766 года, сентября 29 числа.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Малая Россія съ того времени, какъ состоитъ подъ всероссійскою державою, пользуется правомъ винокуренія и продажею выкуриваемаго вина, и при своемъ древнемъ на то правѣ, платитъ, сверхъ повсегодно зъ душъ, хлѣбную въ казну деньгами подать: но постепенно принуждена ощущать въ винномъ куреніи и въ продажѣ вина стѣсненіе: 1-е отъ новаго учрежденія по городамъ и казеннымъ деревнямъ питейныхъ откуповъ, коихъ до 1784 года въ Малой Россіи не было, 2-е отъ новаго предпріятія откупщиковъ великороссійскихъ смежныхъ губерній, чтобъ свободно вино курить и продавать, удалить съ мало-

россійскихъ цѣлыхъ уѣздовъ, прикосновенныхъ къ границамъ великороссійскихъ губерній, тѣхъ самыхъ уѣздовъ лѣсами изобильныхъ, коихъ весь почти хозяйскій доходъ, въ одной только статьѣ сей состоитъ, о чемъ по указу правительствующаго сената въ семъ 1801 году дворянскіе винные заводы описаны и многіе помѣщики подписками обязаны. Для того просить государя императора свободу виннаго куренія и продажу вина на земляхъ малороссійскихъ, кому оная по правамъ и привилегіямъ принадлежитъ, оставить въ полной ея мѣрѣ, безъ всякаго впредь подобнаго нарушенія и стѣсненія, сообразно высочайшему указу 1783 года маія 3 числа, пункта 13.

Обсуждалось и писалось это въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го. Возстановленіе имъ дворянской грамоты, данной Екатериной и отмѣненной Павломъ, окрылило надежды переродившагося къ этому времени малороссійскаго шляхетства, и вотъ его *pia disideria*, судьба которыхъ намъ неизвѣстна. Если отбросить отъ нихъ статью 1-ю, касающуюся общаго гражданскаго управленія, и статью 2-ю относительно роста поставляемыхъ стародубовскими помѣщиками рекрутъ, то всѣ автономныя домогательства новыхъ представителей малороссійскаго народа сведены теперь къ одному невинному желанію свободно курить хлѣбное вино.

Раньше сего, четверть вѣка назадъ, другіе представители того-же народа, заканчивая свою политическую и общественную роль, не въ цѣломъ, правда, составѣ своемъ, но въ отдѣльныхъ личностяхъ, додумались до аналогичнаго идеала:

Спати, лежати,
Горілочку кружати.

Одни, слѣд., желали быть поставщиками, другіе потребителями одного и того-же продукта...

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ КІЕВ. ГРАЖД. ГУБЕРНАТОРУ ПАНКРАТЬЕВУ.

Случайно досталась мнѣ коллекція писемъ, въ числѣ 135-ти, отъ разныхъ частныхъ лицъ къ кіевскому гражданскому губернатору Петру Прокопьевичу Панкратьеву. Всѣ они принадлежатъ

одному 1809 году. Трудно въ этой обширной перепискѣ уловить что либо, имѣющее историческій интересъ; большая часть ихъ содержитъ въ себѣ разнаго рода ходатайства, просьбы о содѣйствіи и помощи, выраженіе благодарности за оказанныя услуги, сообщеніе новостей и проч. Во всемъ этомъ хламѣ, обреченномъ на забвеніе и тлѣніе, показались мнѣ заслуживающими вниманія лишь нѣкоторыя письма кіевскихъ пановъ, характеризирующія тѣже неискреннія отношенія ихъ къ представителю правительственной власти, въ какихъ находилась шляхта во всѣхъ новоприсоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ. Это не была, конечно, „волынская революція", такъ ярко очерченная въ письмахъ о ней неизвѣстнаго современника; но и здѣсь мы видимъ туже навязчивость и тоже унизительное заискиваніе, а въ одномъ изъ писемъ и явно проглянула готовность показать камень, который друзья и пріятели всегда держали за пазухой. Приведу нѣсколько характерныхъ и просто даже забавныхъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

Помѣщикъ Ивановскій, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ высказывая свою благодарность Панкратьеву за какую-то услугу, пишетъ, что ничѣмъ инымъ не можетъ отблагодарить его, какъ только „продуктомъ власной экономіи своей", а потому и посылаетъ при письмѣ „цугъ" (четверку) сѣрыхъ лошадей, которыя проситъ принять, не лишая его и впредь своихъ „ласкъ". Панкратьевъ не поддался искушенію и подарка не принялъ, отписавъ, что у него самого на конюшнѣ довольно лошадей и что онъ не имѣетъ въ нихъ никакой надобности.

Помѣщикъ Игнатій Голневскій изъ с. Димера пишетъ, 5 генваря 1809 г.: „убитаго людьми моими въ димеревскихъ лѣсахъ дикаго кабана посылаю вашему превосходительству въ знакъ моего должнаго почтенія, яко начальнику, подъ управленіемъ коего я имѣю счастіе находиться", и тутъ-же прибавляетъ: „много виноватъ я предъ его высокопревосходительствомъ Димитріемъ Прокопьевичемъ Трощинскимъ, что за оказанные имъ мнѣ милости не имѣю чемъ изъявить моей ему благодарности; ежели-бъ я былъ такъ счастливъ, чтобы мнѣ найти другаго кабана дикаго, то-бы съ удовольствіемъ послалъ и ему; но зная, что ваше превосходительство находитесь съ Дмитріемъ Прокопьевичемъ въ тѣсной дружбѣ, то я и надѣюсь, что принятіемъ сего малаго подарка одобрить изво-

лите къ обоимъ вамъ навсегда высокопочитаніе того, который пребываетъ вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою“.

Антонъ Езерскій, вѣроятно управляющій, изъ с. Шибенне пишетъ тому-же Панкратьеву: „при отъѣздѣ въ Малороссію г-на моего Андрея Яковлевича Искры, имѣя повелѣніе лучшаго звѣря съ охоты его препровождать къ вашему высокопревосходительству, для того при семъ заполіовавши „дзика“, къ вашему высокопревосходительству препровождаю и съ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію остаюсь“ и проч.

Каэтанъ Проскоровъ изъ Коринна въ такой формѣ преподноситъ подобный-же подарокъ: „позвольте ваше превосходительство отъ полеванія моего къ столу вашему принять сарну и кабана и при вкушаніи онаго воспомянуть о томъ, который съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣетъ называться вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою“.

Въ иномъ родѣ письма выдающихся польскихъ магнатовъ: холодно-вѣжливое письмо гр. Браницкаго, имѣющее дѣловой и официальный характеръ, и изысканно-пріязненное по формѣ, но ѣдкое по содержанію письмо губернскаго маршала гр. Адама Ржевусскаго. Эти два письма передаю въ полномъ ихъ видѣ.

1.

Милостивой государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Я имѣлъ честь получить въ Заславѣ письмо отъ вашего превосходительства, но до сыхъ поръ не имѣлъ удовольствія къ вамъ писать за болѣзнею, съ которою я довольно долго боролся—равно же при письмѣ вашемъ получилъ одинъ экземпляръ докладовъ высочайше конфирмованныхъ относительно заведенія суконныхъ фабрикъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, и которые экземпляры господинъ внутренныхъ дѣлъ министръ доставилъ вашему превосходительству, съ тѣмъ, чтобы вы разослали помѣщикамъ здѣшней губерніи. Я служу на сіе вамъ, милостивый государь мой, отвѣтомъ моимъ. Нѣсколько уже лѣтъ тому, какъ я предприняль было здѣлать испытаніе о заведеніи въ нѣкоторыхъ изъ моихъ владѣній суконныхъ фабрикъ; но по разнымъ обстоятельствамъ заведеніе сіе не имѣло желаемаго успѣха, ибо вмѣсто ожидаемой отъ того пользы

понесъ я нарочитой убытокъ; за всѣмъ тѣмъ, видѣвъ нынѣ высочайшее на таковое установленіе соизволеніе, я не оставлю, при первомъ удобномъ мнѣ случаѣ, здѣлать новое тому испытаніе, и какъ тутъ не имѣю я другой цѣли, окромѣ исполненія высочайшей воли, то и не нужно мнѣ какое либо отъ короны пособіе, почитая долгомъ моимъ и душевнымъ удовольствіемъ показать во всякое время вѣрноподданическую готовность къ исполненію его императорскому величеству угоднаго. Имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностію навсегда,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорной слуга

Graff Branicki.

Декабря 8-го дня 1808 года.
Бѣлая церковь.

II

Милостивый государь мой
Петръ Прокофьевичъ!

Условился я съ вами, почтеннѣйшимъ моимъ другомъ, во всякихъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, до должности вашей и моей относящихся, не вступая ни въ какіе формальные переписки, дружескимъ образомъ предварить, и потому вчерашняго числа имѣлъ я честь вручить вашему превосходительству поданные ко мнѣ прошеніи отъ помѣщиковъ графовъ Борженскихъ на помѣщиковъ Раковскихъ и Любовицкаго на Ивановскаго.

При пріемѣ таковыхъ прошеній хотя весьма мнѣ прискорбно было видѣть, что отчасти они противу васъ, милостивого государя моего, поданы были, хотя мнѣ весьма извѣстно, что на начальниковъ губерніи не мнѣ, яко губернскому маршалу, а высшему правительству жаловаться должно, однако-жъ видя съ одной стороны, что сіи помѣщики дворяне поѣздкою, которую предприняли въ столицу, нѣсколько разстроиться могутъ, а съ другой, что В. П. можетъ при самой даже невинности получить себѣ неудовольствіе, то изыскавъ послѣдніе средства къ примиренію васъ съ тѣми-же лицами безъ всякаго для васъ предосужденія, препоручилъ я дворянскому секреторю о сихъ самыхъ средствахъ представить вамъ, моему другу, и потому безъ церемоніи усерднѣйше прошу васъ благосклонно выслушать его и рѣшительно со взаимною откровен-

ностію ему объявить о дальнѣйшихъ по симъ двумъ дѣламъ намѣреніяхъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и искренною привержимостію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, графъ Адамъ Ржевускій.

22 марта 1809 года, г. Кіевъ.

ПѢСЕННЫЙ ОТГОЛОСОКЪ ДАВНО МИНУВШЕЙ УНІИ [1]).

Журилася попадя та своею бідою:
Бідна-жъ моя головонько, що піпъ зъ бородою!
Охъ мині тяжко, охъ мині нудно,
Що піпъ зъ бородою—жити-жъ мині трудно!
Охъ, піду я до церковці Богу ся молити;
Якъ погляну на бороду, мушу ажъ умліти.
Охъ мині тяжко...
Охъ, піду я на хрестины—просять мене сісти,
Якъ погляну на бороду, тай не можу істи.
Охъ мині тяжко...
Хоць ты уберися въ дорогіи шаты,
Таки тебе не люблю—бо ты бородатый
Охъ мині тяжко...
Охъ, піду я къ протопопі, тай стану просити,
Щобъ позволивъ протопопа бороду голити.
Охъ мині тяжко...
„Охъ не можно, добродзійко, того учинити:
Якъ дознаетця владыка, буде мене бити!"
Охъ мині тяжко...
„Чи не можно, протопопе, того учинити:
Щобъ зо мною безъ бороды, въ люди-жъ причепити".
Охъ мині тяжко...

[1]) Помѣщаемая пѣсня относится къ концу прошлаго столѣтія,—ко времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и возвращенія волынскихъ уніатовъ къ православію. Народная память отмѣтила это послѣднее событіе, окрасивъ своимъ обычнымъ юморомъ и это пристрастіе женщины къ внѣшности и измѣняемость ея вкусовъ. Борода—вотъ все, что затрудняло для іерейскихъ женъ переходъ изъ уніи въ православіе.—Ред.

„Ой, не можно, добродзійко, того не ведетця:
Якъ вінъ схоче усы втерти, вона обірветця“.
Охъ мині тяжко...
Ой піду я та просити самого владыки,
Щобъ позволивъ добродзіямъ бороду голити.
Охъ мині тяжко...
Ось приходить добродзійка та въ ёго палаты,
Ажъ тамъ сидить попівъ зъ сорокъ, та всі бородати.
Охъ мині тяжко...
...Якъ зачали попадю кропиломъ кропити,
Приклякнула, присягнула, що „буду любити“.
Охъ мині тяжко...
...„Теперь мині любо, теперь мині мило,
Попове кропило любити навчило!
Вже-жъ и не тяжко, вже-жъ и не нудно,
Хоць піпъ зъ бородою, жити зъ нимъ не трудно“.

Записано въ селѣ Ивкахъ, на границѣ волынской и подольской губерній.
1883 г. 24 іюня.

Сообщ. **М. Крашановскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(пятый годъ).

"Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна на двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполнѣ обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ матерьяломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій. (Въ 1883 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщено болѣ 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ «Историческому Вѣстнику» редакція пріобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40 гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера «Савонарола».

Для первыхъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ѳ. И. Булгакова, В. П. Буренина, А. Я. Бутковской, И. Д. Бѣлова, Н. А. Бѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. Г. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Е. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, И. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Примѣчаніе. Эти драгоцѣнные документы предназначены для Спб. Императорской публичной библіотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ").

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ **М. А. Филипповъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1884 году подъ новой редакціей, при новыхъ сотрудникахъ и въ увеличенномъ размѣрѣ.

Новая редакція поставила себѣ задачею сдѣлать изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" большой политическій органъ, руководимый яснымъ сознаніемъ государственныхъ и народныхъ интересовъ Россіи. Она разсчитываетъ, что газета будетъ отвѣчать настоящей минутѣ поворота отъ фразы къ дѣлу и удовлетворить настроенію общества, ожидающаго спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Газетѣ будетъ придана полнота, какъ въ обозрѣніяхъ и извѣстіяхъ политическаго и экономическаго интереса, такъ и въ хроникѣ общественной и городской жизни, въ литературныхъ фельетонахъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ искусству и наукѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" будутъ принимать участіе: *В. В. Крестовскій,* графъ *А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Б. М. Маркевичъ, Е. Л. Марковъ,* графъ *Е. А. Саліасъ, К. К. Случевскій* и др.

Условія подписки (съ казенными объявленіями):

	Безъ доставки.	Съ пересылкою и доставкою.	За границею.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	24 руб.
» полгода . . .	8 » — »	9 » — »	13 »
» 4 мѣсяца . . .	5 » 50 »	6 » — »	10 »
» 3 » . . .	3 » 75 »	4 » 50 »	7 »
» 2 » . . .	2 » 50 »	3 » — »	5 »
» 1 » . . .	1 » 50 »	1 » 50 »	3 »

Подписка принимается въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Троицкій переулокъ, домъ № 10.

Иногородные адресуются: Въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", въ Петербургъ.

Редакторъ издатель *В. Авсѣенко.*

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «**Кіевлянина**», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «**Кіевлянина**»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м.—**9** р. **40** к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р., на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м.—**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.**: на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ",

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакція, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1	мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2	»	2 » 60 »	3 » — »
» 3	»	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4	»	5 » — »	6 » — »
» 5	»	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6	»	7 » — »	8 » — »

		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 7	мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8	»	9 » 60 »	11 » — »
» 9	»	10 » — »	11 » 50 »
» 10	»	11 » — »	13 » — »
» 11	»	11 » 50 »	13 » 50 »
» 12	»	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ **«Нов. Тел.»** будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ",

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: **въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.**

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпиской преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ"

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничеетво въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорѣлина* «**Колоколъ императрицы Анны**». Для журнала «**Мірской Толкъ**» редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты,* подъ названіемъ «**Къ сумасшедшему дому**» и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова.*

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «**Библіотекѣ Мірскаго Толка**» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины ($1\frac{1}{2}$ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ дргія руки.

Въ теченіи года 50 нумеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семью красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	**7** р.	**4** р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	**8** „	— „ — „
„ съ доставкою	**8** „	**4** „ **50** „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	**9** „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	**9** „	**5** „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	**10** „	**7** „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки кромѣ вышеуказанныхъ—не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда-бы ни подписались, получаютъ всѣ нумера журнала, начиная съ перваго, равно какъ безплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

наго хозяйства и т. п. VIII. Художественно бытовые очерки и разсказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь выходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ разсказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ „Журнала романовъ и повѣстей" входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя въ теченіе года составляютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обѣихъ изданій вмѣстѣ, то-есть „Недѣли" съ приложеніемъ „Журнала романовъ и повѣстей", **8** рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ издатель **П. А. Гайдебуровъ.**

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

1884 Г. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, Н. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Завитсѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, П. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА"

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многознаменательный для галицко-русскаго населенія эпиграфъ:

Се русска рада, послѣдна воля:
Держѣмся купы, а буде доля.

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. вкрались слѣдующія опечатки, которыя спѣшимъ исправить:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 613. *Обра*зовались	*органи*зовались.
Комчакъ	Колпакъ.
— 611 и 612 юго-восточной границѣ	сѣверо-восточной.

БИБЛОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга: «*Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы въ городѣ Вильнѣ.* Историческое изслѣдованіе. Съ восемью рисунками и разными свѣденіями, касающимися г. Вильны. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ, законоучитель виленскаго учительскаго института и гимназіи. г. Вильна. 1883 года».

Содержаніе книги: Виленская икона Богородицы Островоротная, ея наружный видъ и обстановка въ часовнѣ; поступленіе иконы въ г. Вильну и судьба ея здѣсь до перехода вь вѣдѣніе уніатовъ; нахожденіе ея у уніатовъ и переходѣ къ латинянамъ, судьба иконы въ вѣдѣніи латинянъ, съ Островоротною часовнею, до настоящаго времени.

Рисунки: 1) Икона Благовѣщенія Богородицы, Корсунская, Островоротная, именуемая Отробрамскою, находящаяся на Острыхъ воротахъ г. Вильны. 2) Островоротная башня въ г. Вильнѣ, съ южной стороны, отъ желѣзной дороги. 3) Икона Богородицы Одигитріи, находящаяся въ главномъ храмѣ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. 4) Островоротная часовня Богородицы въ г. Вильнѣ, съ прилелающими къ ней зданіями. 5) Внутренній видъ Виленскаго мужскаго Свято-Троицкаго монастыря со стороны зданія Литовской Духовной Семинаріи, находящейся въ семъ монастырѣ. 6) Православный мужской Свято-Духовъ монастырь, въ которомъ почіютъ мощи святыхъ мучениковъ Литовскихъ, чудотворцевъ Виленскихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, находящійся вблизи Острыхъ воротъ г. Вильны. 7) Свято-Николаевская приходская церковь въ г. Вильнѣ съ часовнею при ней во имя архистратига Михаила. 8) Памятникъ полковнику Казанскаго полка Дѣеву, убитому при Острыхъ воротахъ г. Вильны 31-го Іюля 1794 г., при усмиреніи возстанія Поляковъ,—вблизи большой дороги къ г. Ошмянамъ, на могилѣ покойнаго.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

Складъ изданія: у автора-издателя, въ зданіи Учительскаго Института, на Большой улицѣ, въ г. Вильнѣ.

Тамъ же можно получить книги того-же автора: «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы въ г. Ченстоховѣ». Цѣна 10 коп. съ перес. и: «Почему въ православіи крестятъ именно погруженіемъ въ воду»—10 коп. съ перес. Изображенія св. Кирилла и Меѳодія и ченстоховскаго православнаго храма ихъ—5 коп. съ перес.

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почтальоновъ, большею частію отъ *не точнаго* и *не полнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ФЕВРАЛЬ

1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ФЕВРАЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го января 1883 года.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

Изд. 1883 и 1884 гг.

Въ книжкахъ **„Кіевской Старины"** за 1882 годъ помѣщены, между прочими, слѣдующіи статьи: *Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.*, проф. Вл. Б. Антоновича, *Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст.*, его-же, *Уманскій сотникъ Иванъ Гонта*, его-же, *Малорусскій „Вертепъ"*, *Гр. П. Галагана*, *Поѣздка въ Бѣлую Церковь*, Н. И. Костомарова, *Матеріалы для исторіи Коліивщины* и *По поводу пѣсни XI в.*, его-же, *Южно-русскіе архіереи XVI—XVII в.*, О. Левицкаго. *Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси*, его-же, *Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польщи въ періодъ ея раздѣловъ*, Е. М. Крыжановскаго, *Архіерейскія печали*, К. Березы, *Люди старой Малороссіи*, (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе и Свѣчки), М. А. Лазаревскаго, *Филиппъ Орликъ и Запорожцы*, А. А. Скальковскаго, *Ссыльные малороссіяне въ арханг. губ.* (1708—1802 г.), П. С. Ефименка, *Князья Ружинскіе*, И. П. Новицкаго, *Т. Г. Шевченко*, Н. М. Бѣлозерскаго, *Т. Г. Шевченко*, пр. П. Л—ва, *Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова и его рѣчь къ дворянству юго-зап. края*, *Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею*, съ изслѣд. проф. Н. И. Петрова, *Украинская деревня* (историко-бытовые очерки) N, *Главнѣйтіе моменты землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ*, А. Я. Шиманова, *Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ*, П. И. Житецкаго, *Матеріалы для исторіи кіев. академіи*, съ предисловіемъ Л. С. Мацѣевича, *Дневникъ Освѣцима* (о войнахъ Хмельницкаго), съ предисловіемъ В. Б. Антоновича, *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г.*, съ объяснит. статьею, *Альбомъ М. А. Максимовича*, С. И. Пономарева и проч.

Къ вышедшимъ книжкамъ даны слѣд. приложенія: *Картина гетманскаго достоинства съ изображеніемъ Хмельницкаго* (фотограф. снимокъ съ оригинала XVII в.), *Кіевская академія и ея сту-*

денты (фототипный снимокъ съ гравюры конца XVII ст.), *Портретъ митр. кіев. Петра Могилы, Портретъ сотника Саввы Туптала, Ноты къ вертепной драмѣ, Рисунокъ вертепнаго ящика* и *Портретъ сотника И. Гонты.*

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в., Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго, Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому, Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу, Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, Двѣ интермедіи 1619 года, Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный досель гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго, Я. Г., Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. I., *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи 1768 г., съ объяснительною статьею*, и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. могутъ быть пріобрѣтены по 8 р. 50 к. на мѣстѣ и по 10 р. съ пересылкою.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(Продолженіе) [1]).

Іоаннъ Вишенскій въ посланіи своемъ къ князю Константину Константиновичу Острожскому и ко всѣмъ православнымъ совѣтуетъ духовенству, по окончаніи литургіи, то, что читалось во время литургіи изъ Апостола и Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, объяснять народу простымъ, русскимъ языкомъ. Трудно сказать, насколько обычны были въ Малороссіи въ началѣ XVII ст. подобнаго рода толкованія смысла и значенія отдѣльныхъ мѣстъ евангелія. Врядъ-ли эти толкованія были часты и повсемѣстны. Высшее духовенство жило слишкомъ роскошно и эгоистично, слишкомъ аристократично, чтобы заботиться о нравственномъ преуспѣяніи простаго народа. Низшее духовенство было слишкомъ невѣжественно, чтобы пускаться въ толкованія и объясненія евангелія. Князь Константинъ Острожскій въ посланіи къ Ипатію Потѣю 1593 г. жаловался на „грубьянство" пресвитеровъ. „А не отъ чего иншого размножилось межи людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, писалъ онъ, яко наболшей отъ того, ижъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божого, устали казанья... Для цвиченья духовнымъ пилно потреба, же быхмо имѣли ученые пресвитеры, казнодѣи добрые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубьянство въ нашихъ духовныхъ умножилось" [2]).

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., янв. кн., стр. 1—21.

[2]) Акты Запад. Россіи. IV. 65.

Въ началѣ XVII ст. въ Малороссіи начало быстро развиваться проповѣдничество, въ силу необходимости ученой и литературной борьбы съ латино-уніатами. Южно-русская проповѣдь развивалась подъ прямымъ вліяніемъ западно-европейской и польской латинской проповѣди, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ „Экзетезисѣ“ (1629 г.) Мелетія Смотрицкаго. „Цѣлуй Бессія, говоритъ онъ, обращаясь къ православному проповѣднику, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей,—вы православные! У васъ все хвастовство, а не дѣло; въ цѣлой русской землѣ, такой обширной, не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи... Школы—это житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и селенія мудрыми людьми, знающими дьяками, ловкими духовниками, учеными проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ будто безъ души; а этого добра по всей вашей странѣ Господь Богъ не соизволяетъ... Говорите: о, проклятая, проклятая унія! А давно-ли говорили: о, проклятая проповѣдь! о, проклятое искусное пѣніе! Однако потомъ, когда все это переняли, то считаете добромъ“...

Въ XVII ст. польская проповѣдническая литература была обширна. Мацѣевскій насчитываетъ 122 проповѣдника, изъ которыхъ только двое было талантливыхъ и оригинальныхъ по языку и содержанію проповѣдей, Скарга и Бирковскій. Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст. были: многословіе, пустословіе, заимствованія изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравненія и сближенія, напримѣръ сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ, вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки [1]).

---

[1]) Maciejowski, Pism. polkie, II. 550, 554—556.

Внѣшняя форма проповѣди, ея составъ, типъ проповѣдника въ Малороссіи выработались въ десятыхъ годахъ XVII ст. На проповѣдяхъ Леонтія Карповича († 1620) и Захаріи Копыстенскаго († 1627) уже лежитъ печать польскихъ схоластическихъ проповѣдей. Галятовскій въ половинѣ XVII ст. окончательно установилъ и укрѣпилъ схоластическую проповѣдь въ Малороссіи своимъ „Ключемъ Разумѣнія“. Приложенная къ „Ключу“ „Наука албо способъ зложеня казаня“ представляетъ первый въ Россіи учебникъ гомилетики, по которому въ теченіи многихъ десятилѣтій духовныя лица учились искусству слагать проповѣди.

„Ключъ разумѣнія“ имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ“ сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквахъ [1]). Въ „Ключѣ“ 1659 и 1660 г. (кіевск. изд.) находятся: а) предмова до священниковъ, законныхъ и свѣтскихъ (монашествующихъ и бѣлыхъ), б) „казаня“ на разные праздничные дни, в) „казаня приданыи“—14 поученій, г) „наука албо способъ сложеня казаня“ и д) „чуда пречистыя Богородицы нѣкоторыи зъ разныхъ авторовъ зобраныи“. Во львовскомъ изданіи 1665 г. въ началѣ книги прибавлена посвятительная предмова львовскому епископу Арсенію Желиборскому.

Почти всѣ сочиненія Галятовскаго посвящены сильнымъ міра: „Мессія“ царю Алексѣю Михайловичу, „Боги поганскіе“ царевнѣ Софьѣ, „Лебедь“ и „Алфавитъ“ гетману Самойловичу, „Софія“ кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому, „Старый костелъ“ архіепископу Лазарю Барановичу, „Ключъ“ епископу Желиборскому. Обыкновеніе посвящать книги знатнымъ лицамъ и расхваливать ихъ гербы было весьма распространено въ Польшѣ; оно удовлетворяло господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать старожитностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербоваго панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Они цѣлыя полтораста лѣтъ „наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ѳиміама“. Стихотворное

---

[1]) Филаретъ, Историко-стат. опис. харьк. епархіи. II, 312; III, 248; IV, 231.

прославленіе гербовъ въ Польшѣ было частичнымъ проявленіемъ всеобщаго виршеплетства. Въ Польшѣ въ XVII ст. всѣ, отъ короля до мѣщанина, писали стихи [1]). Крупная литовско-русская аристократія получила клейноды въ XV ст.; мелкое дворянство въ 1569 г., по люблинской уніи [2]). Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ. Они усердно хвалили пановъ, но только пановъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кіевскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи. Панегирическое виршеплетство доставляло православнымъ писателямъ извѣстныя практическія выгоды: покровительство со стороны сильныхъ пановъ, денежныя награды, маетности.

Петръ Могила старательно поддерживалъ гербовый панегиризмъ. Такъ, въ Евангеліи, изданномъ въ 1636 г. и посвященномъ Ѳедору Проскурѣ-Сущанскому, Петръ Могила увѣрялъ, что гербъ данъ Сущанскому при князѣ Святославѣ Ярославичѣ въ 1059 г. Прозваніе Проскура Петръ Могила объяснялъ тѣмъ, что нѣкогда Сущанскій съѣлъ просфору, которую ему велѣла отнести въ дворецъ изъ церкви греческая царевна Анна, вышедшая замужъ за Владиміра I. Въ „Мовѣ духовной“ Петра Могилы находится изображеніе герба Радзивилловъ и стихи въ честь этого герба [3]). Самъ себя Петръ Могила производилъ отъ Муція Сцеволы. Воспитанники коллегіи усердно прославляли сложный гербъ Могилъ, напр., въ „Мнемозинѣ“ 1633 г. Со времени Петра Могилы въ южно-русской литературѣ твердо установилось прославленіе панскихъ гербовъ, даже въ чисто церковныхъ книгахъ. Такъ въ Апостолѣ 1654 г. и въ „Тріоди постной“ 1664 г. находятся вирши на гербъ Желиборскихъ [4]). Типичнымъ виршеплетомъ-панегиристомъ во второй половинѣ XVII в. былъ Лазарь Барановичъ. Всѣ свои сочиненія онъ посвятилъ московскимъ царямъ и царевичамъ, съ обширнымъ вос-

---

[1]) Kubala, Szkice historyczne. Lwow. 1880. II. 310.

[2]) Голубевъ, Опис. и истолк. двор. гербовъ. (Тр. кіев. д. ак. 1872 г.).

[3]) Пекарскій, Кіевск. ученые (Отеч. Зап. 1862. II. 580, 592).

[4]) Радосскій, Къ истор. слав.-рус. библіографіи. (Христ. Чтеніе 1881 г., іюль — августъ).

хваленіемъ царскаго герба. Въ 1671 г. онъ издалъ курьезную „Лютню Аполлинову“, объемистую книжку (въ 542 стран.), состоящую исключительно изъ виршей. Тутъ есть вирши во славу Іисуса Христа, Богоматери, ангеловъ, святыхъ, отцовъ церкви, добродѣтелей, солнца, мѣсяца, звѣздъ, молитвы, вирши о звѣряхъ, плодахъ древесныхъ, порокахъ, болѣзняхъ, славѣ, наукѣ, трудѣ и т. д. Всѣ эти вирши—сплошное пустословіе, что видно уже изъ однихъ заглавій, напримѣръ:

Nad wszystkie wodki
Jezus jest słodki (стр. 55).

—

Bespieczna ta noga,
Gdy biega do Boga (стр. 113).

—

Dobra ta noga
Co szuka Boga (стр. 118).

—

Idy noga do Boga (стр. 135)[1]).

Галятовскій относительно гербоваго панегиризма шелъ въ рядъ съ современными ему писателями. Нужно отмѣтить ту особенность Галятовскаго, что онъ почти совсѣмъ не писалъ виршей.

„Наука о сложеніи казаній“ изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. „Науку“ Галятовскаго можно изложить въ короткихъ словахъ, по причинѣ ея достаточной извѣстности. Тема для казанья берется изъ святаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части 1), экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаймуетъ людямъ пропозицію свою, постановлене умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити“, 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казнодѣя объясняетъ то, что въ экзордіумѣ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюзія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ нарраціи тема

[1]) «Lutnia Apollinowa». Мы пользовались экземпл., находящимся въ библ. харьк. духов. семинаріи.

раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостыни, постѣ, или о какомъ-нибудь порокѣ, напр. пьянствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святого, котораго празднуютъ, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику „обѣщати якую новую речь показати, которои они не видѣли и не чували", или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святаго, напримѣръ имени св. Владиміра, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрались мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ. Относительно фактическаго содержанія Галятовскій не стѣсняетъ проповѣдника. Содержаніе, по его словамъ, можетъ быть взято изъ св. писанія, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, изъ сочиненій по исторіи и по естествовѣдѣнію, наконецъ, изъ „розмаитыхъ казнодѣевъ теперешняго вѣку".

Въ добавленіе къ „Наукѣ о сложеніи казаній" Галятовскій присоединилъ наставленіе, какъ сочинять погребальныя рѣчи: взять тему изъ святого писанія, въ экзордіумѣ сказать о неизвѣстности смерти, о краткости жизни человѣческой, въ нарраціи изложить о добродѣтеляхъ покойнаго, при благопріятномъ случаѣ указать на его родовитость и старожитность, объяснить его гербъ, объяснить иносказательно значеніе его имени или фамиліи (напр. Браницкій—боронилъ отчизну, Любомирскій—любилъ миръ и т. д.), принять во вниманіе лѣта, въ которыя скончался, мѣсто, гдѣ погребается, и, наконецъ, въ конклюзіи пригласить родственниковъ умершаго молитвами и милостыней содѣйствовать успокоенію его души.

„Конецъ чинячи тоеи моеи працы, говоритъ Галятовскій въ концѣ своей „Науки о сложеніи казаній", даю тебѣ такую раду: читай книги и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? которого часу? Если книги будешь читати и часто казаня повѣдати, до того если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты зъ нихъ

чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребѣ и на иншихъ оказіяхъ казане учинишь".

Галятовскій въ „Наукѣ" отмѣтилъ двѣ такія стороны проповѣдничества, которыя имѣли мѣсто ранѣе, а ко времени появленія въ свѣтъ „Ключа разумѣнія" считались уже устарѣвшими. „Можетъ часомъ, говоритъ Галятовскій, казане быти и безъ ѳемы". „Если схочешь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можешь повѣдати казане любо въ недѣлю, любо въ свято, толкуючи евангеліе, которое читано было на службѣ Божіей",—и въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: „але того стилю казнодѣи теперешняго часу мало заживаютъ".

„Наука зложеня казаня" сопровождается 46 проповѣдями: 32 основными и 14 дополнительными. Проповѣди составляютъ практическое выраженіе правилъ, изложенныхъ въ „Наукѣ", и служатъ нагляднымъ ихъ разъясненіемъ.

Натянутость и искусственность въ проповѣдяхъ Галятовскаго начинаются съ приступа, или экзордіума. На первыхъ-же порахъ Галятовскій старается поразить своихъ слушателей какой-нибудь неожиданностью. Поставленное въ началѣ казанья изреченіе изъ св. писанія подвергается самымъ произвольнымъ объясненіямъ. Слѣдуя примѣру схоластическихъ католическихъ проповѣдниковъ, Галятовскій постоянно отыскиваетъ въ св. писаніи что-нибудь замысловатое. „Всѣ эти болтуны, которыхъ зовутъ казнодѣями, говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, равно какъ и толкователи крайне обезображиваютъ св. писаніе для того только, чтобы вывести изъ него самыя нелѣпыя аллегоріи, даже изъ такихъ текстовъ, которые они въ другомъ случаѣ сами-же учатъ понимать просто и буквально. Во всякомъ текстѣ они усиливаются найти 3 или 4 смысла" [1]). И Галятовскій сильно злоупотреблялъ „смыслами" св. писанія. Въ первомъ казаньѣ на Воскресеніе Господне Галятовскій говоритъ, что въ св. писаніи есть четвероякій смыслъ: литеральный, моральный, аллегоричный и анагогичный, и ссылается при этомъ на Корнелія а Ляпиде и Беллярмина. „Литеральный сенсъ, по словамъ нашего проповѣдника, належитъ до исторіи самой; моральный належитъ до обычаевъ добрыхъ, которые повинна душа наша захо-

---

[1]) Мацѣевичъ, «Труды к. дух. ак.» 1871. IV. 214.

вати, и до злыхъ, которые душа повинна избѣгать; аллегоричный належитъ до церкви воюючей, которая находится на землѣ, а анагогичный—до церкви торжественной, находящейся на небѣ". Признавая въ св. писаніи столько разнообразныхъ смысловъ, Галятовскій не затрудняется толковать отдѣльныя библейскія фразы и слова, какъ ему заблагоразсудится, подставляя лишь то тотъ, то другой смыслъ. Напримѣръ, слово Іерусалимъ въ литеральномъ смыслѣ означаетъ извѣстный городъ, въ моральномъ—благочестивую душу, въ аллегорическомъ—воюющую церковь на землѣ и въ анагогическомъ церковь побѣдоносную на небѣ. Нѣтъ надобности объяснять, насколько эти смыслы были удобны для схоластическихъ казнодѣевъ и полемистовъ. Посредствомъ того или другаго смысла легко можно было устранить всякое возраженіе и доказать все, что угодно, даже то, о чемъ св. писаніе вовсе не говоритъ.

Любопытной чертой Галятовскаго, какъ проповѣдника, служитъ свободное проникновеніе въ планы и намѣренія Божіи. Галятовскій съ увѣренностью говоритъ, почему Богъ въ томъ или другомъ случаѣ поступилъ такъ, а не иначе, и самая проповѣдь подчасъ представляется какъ-бы адвокатской рѣчью въ защиту дѣла Господня.

Въ проповѣдяхъ Галятовскаго бросаются въ глаза схоластическія цифровыя дѣленія: во первыхъ, во вторыхъ и т. д. Эти дѣленія придаютъ казанью опредѣленную, правда, весьма искусственную цѣльность и единство. Въ казаньяхъ Галятовскаго встрѣчается еще весьма странное дѣленіе понятій. Напримѣръ, въ первомъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы: „троякая есть честь: лятрія—Богу, дулія—святымъ и гипердулія—Христу, какъ человѣку. Богу надлежитъ лятрія и гипердулія; пресвятой Дѣвѣ—гипердулія"; во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы: „троякая награда святымъ уготована: авра, аврола и пальма"; во второмъ казаньѣ на день св. Николая говорится, что мудрость бываетъ сотворенная и несотворенная; несотворенная мудрость раздѣляется на естественную и персональную". Всѣ эти дѣленія отзываются безжизненной, сухой школой. Эти пустяки вошли въ старинную кіевскую науку и литературу, какъ нѣчто важное, занимали мысль лучшихъ людей эпохи, такихъ людей, которые при свѣтлыхъ и чистыхъ условіяхъ школьнаго образованія, могли-бы внести здоровые элементы въ науку и въ жизнь.

Подобно польскимъ проповѣдникамъ XVII в., Галятовскій охотно приводитъ примѣры изъ греческой и римской исторіи. Ипатій Потѣй, писавшій проповѣди на полъ-вѣка ранѣе Галятовскаго, также имѣлъ наклонность вставлять въ проповѣди имена Октавіана Августа, Марка Аврелія и проч. [1]).

Проповѣди Галятовскаго принадлежатъ къ разряду догматическихъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о св. Тройцѣ, воплощеніи Христа и проч. т. п. Въ казаньѣ на Богоявленіе, въ которомъ объясняется матерія, форма и польза каждаго таинства, между прочимъ, говорится, что пресуществленіе св. даровъ происходитъ въ то время, когда священникъ произноситъ слова: *пріймите, ядите* и проч. Какъ извѣстно, это ученіе, сходное съ католическимъ, раздѣляли и другіе западно-русскіе ученые, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Иннокентій Гизель. Замѣчательно, что Галятовскій въ „Мессіи", въ изъясненіи 48 пророчества говоритъ, что св. дары пресуществляются при словахъ священника: *сотвори убо хлѣбъ сей* и проч., и въ этомъ случаѣ онъ высказываетъ то мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, которое господствовало въ то время па Москвѣ. Извѣстно, что въ Москвѣ былъ споръ о времени пресуществленія св. даровъ между Полоцкимъ и Славинецкимъ, позднѣе между ихъ учениками, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, авторомъ „Манны", и инокомъ Евфиміемъ, которому приписываютъ „Остенъ",—споръ, перешедшій въ общество. По этому поводу толковали „въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ и гдѣ любо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ любо мѣстѣ, временно или безвременно, у мужей и женъ" [2]). Какъ извѣстно, православное толкованіе Славинецкаго, поддержанное патріархомъ Іоакимомъ, взяло верхъ. Галятовскій сначала слѣдовалъ мнѣнію своего наставника Барановича, потомъ, сблизившись съ московскимъ правительствомъ, принялъ господствовавшее въ Москвѣ мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ.

Нравственно назидательный элементъ въ проповѣдяхъ Галятовскаго весьма незначителенъ. Мѣстами разбросаны нравственныя наставленія общаго свойства, не представляющія интереса для

---

[1]) Трипольскій, «Труды кіев. дух. акад.» 1877 г. XII. 616.

[2]) Остенъ, стр. 115.

изслѣдователя религіозно-нравственнаго состоянія южно-русскаго общества XVII в. Любопытны попадающіяся въ двухъ-трехъ мѣстахъ наставленія о выкупѣ плѣнныхъ изъ турецкой неволи, о заведеніи шпиталей и обличенія солдатъ въ томъ, что они „людемъ кривду чинятъ, шарпаютъ чужи добра и маетности пустошатъ", наставленія и обличенія, отзывающіяся бытовой жизнью.

По разбросаннымъ въ „Ключѣ" замѣткамъ о небесныхъ свѣтилахъ, громѣ, землетрясеніи, звѣряхъ, растеніяхъ, камняхъ, свойствахъ человѣческой природы можно судить о реальныхъ знаніяхъ кіевскихъ ученыхъ вообще, Галятовскаго въ частности.

Во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы находятся замѣчанія объ одиннадцати небесахъ, именно: 1) небо, на которомъ находится мѣсяцъ, даетъ человѣку ростъ; 2) небо, на которомъ находится Меркурій, доставляетъ людямъ краснорѣчіе; 3) небо Венеры дѣлаетъ людей милосердными; 4) небо солнца даетъ разумъ и чувства; 5) небо Марса—храбрость; 6) небо Юпитера—силу; 7) неба Сатурна—подвижность; на 8) небѣ, тверди, находятся звѣзды; 9) прозрачное хрустальное небо; 10) „перше рушаючееся, повертается и другія небеса обращаетъ", и 11) небо эмпирейское, гдѣ находится тронъ Божій.

Во второмъ казаньѣ на Успеніе пресвятой Богородицы насчитано 12 звѣздъ: Фосфорусъ (Денница), Гесперусъ (Вечерняя звѣзда), Арктосъ (Небесный Возъ), Оріонъ (Коса), Офіухусъ (Ужа держачій), Нодусъ целестіусъ, Комета (предсказываетъ паденіе царства), Спѣка (колосъ, даетъ урожай), Лира, Амалтея, Кассіонея и Андромеда.

Во второмъ казаньѣ на св. ап. Петра и Павла затмѣніе солнца и луны объясняется по Корнелію а Ляпиде научнымъ образомъ. „Гды мѣсяцъ сближится до солнца, говоритъ Галятовскій, и подъ него подойдетъ, такъ-же станетъ межи солнцемъ и землею, на той часъ солнце тмится, бо мѣсяцъ, подышовши подъ солнце, не допущаетъ променямъ солнечнымъ землю освѣтити, и для того на земли темности знайдуются... Мѣсяцъ тмится, гды земля станетъ межи мѣсяцемъ и солнцемъ, бо отъ землѣ тѣнь походитъ и мѣсяцъ затемняетъ, а променѣ солнечныи для землѣ не могутъ пріити до мѣсяца и его освѣтити". Это объясненіе повторено въ „Мессіи", въ изъясненіи 38 пророчества.

Въ казаньѣ на Воскресеніе Господне встрѣчаемъ весьма любопытныя народныя примѣты о мѣсяцѣ. „Мѣсяцъ гды есть блѣдный, значитъ, же будетъ дождь, гды есть червоный, значитъ же будетъ вѣтеръ, гды есть бѣлый, значитъ же будетъ погода“.

Въ проповѣди на Сошествіе св. Духа находится объясненіе происхожденія грозы. „Въ оболоку родятся блискавицы, громы и перуны, бо гды сухую и теплую ексгаляцію, пару, вѣльготный и зимній вколо оболокъ оточитъ, на той часъ ексгаляція, пара сухая, шукаючи мѣстца, которымъ бы могла выйти изъ оболока собѣ противнаго, стирается з оболокомъ и справуетъ громы; потымъ ся тая ексгаляція, пара сухая, запаляетъ и справуетъ блискавицы; на остатокъ тая-жъ ексгаляція, пара сухая, гды запалившися на землю з оболока выпадаетъ, на той часъ перенумъ стается“ [1]). Въ той-же проповѣди происхожденіе облаковъ объясняется такимъ образомъ: „пара вѣльготная, котрая выходитъ зъ воды, подносится на повѣтре, и тамъ въ оболокъ вѣльготный и воднистый обертается, о чемъ Псалмиста мовитъ: „темна вода во облацехъ воздушныхъ“; потомъ тый оболокъ въ дождь обертается и на землю спадаетъ“.

Въ казаньѣ на св. Николая говорится о происхожденіи вѣтра: „якъ ся вѣтры родятъ и отколь походятъ, розмаитые люде розмаите разумѣютъ; едны мовятъ, же вѣтры походятъ зъ земли, гды една часть повѣтря въ яскини подземныи заходитъ, а другая часть повѣтря зъ яскинь подземныхъ выходитъ, на той часъ тыи двѣ части повѣтря рушаются и зъ собою стираются и съ того порушенія стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сближеніе земли съ лѣнивыми людьми). Другіи повѣдаютъ, же вѣтры походятъ зъ моря, гды отнога морская полудневая зъ отногою морскою полуношною зыйдутся на всходѣ, на той часъ рушаются и зъ собою стираются, и съ того порушеня морского стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сравненіе моря съ сердитыми людьми). Иншіи повѣдаютъ, же вѣтры походятъ зъ оболока, гды оболоки рушаются и ходятъ на повѣтру, на той часъ порушаютъ повѣтре и с того порушеня стается вѣтеръ (далѣе сравненіе гордыхъ людей съ облаками). Астроліогове повѣдаютъ, же вѣтры отъ планетъ походятъ, отъ Сатурна, отъ Іовиша, отъ Меркуріуша, отъ Марса и отъ иншихъ, бо тыи планеты розмаитымъ

[1]) Объясненіе взято изъ Плинія.

своимъ порушеніемъ и розмаитыми оборотами розмаитыи вѣтры справуютъ (далѣе люди непостоянные въ вѣрѣ и благочестіи сравниваются съ планетами). Ѳеоліогове засъ повѣдаютъ, же вѣтеръ ангели справуютъ, бо видѣлъ св. Іоаннъ Богословъ въ обявеню чотирохъ ангеловъ, стоячихъ на чтырехъ углехъ земли и держащихъ четыри вѣтры земныи, жебы вѣтеръ не дыхалъ ни на землю, ни на море, ни на дерева („ангелами называются пустынники и дѣвственники, патріархове и епископове" и проч.). Галятовскій не отдаетъ предпочтенія какому нибудь одному мнѣнію; ко всѣмъ мнѣніямъ онъ относится одинаково равнодушно и пользуется ими, какъ вообще всѣми своими реальными познаніями, какъ матеріаломъ для казанья, своего рода циркумстанціей, или подходящей къ слову околичностью.

Въ казаньѣ на Сошествіе св. Духа Галятовскій причиной землетрясенія считаетъ вѣтеръ. „Вѣтеръ маетъ такую моцъ, же трясетъ землею, бо гды зайдетъ вѣтеръ въ яскини и печеры земныи, а потымъ хочетъ выйти, и не знайдетъ мѣстца, которымъ-бы моглъ изъ яскинь подземныхъ выйти на верхъ, на той часъ вѣтеръ ходитъ зъ великимъ импетомъ по печерахъ земныхъ, шукаючи мѣстца, которымъ-бы моглъ изъ земли на верхъ выйти и отъ того вѣтренего импету и порушеня земля рушается и трясется".

Во второмъ казаньѣ на Покровъ пресвятой Богородицы изложены свѣдѣнія о разныхъ птицахъ, свѣдѣнія, очевидно, почерпнутыя изъ средневѣковыхъ физіологовъ. Говорится о грифѣ, спереди похожемъ на орла, а сзади на льва, о лебедѣ, который жалобно поетъ передъ своей смертью, о журавлѣ, который, оберегая журавлиную стаю, стоитъ на одной ногѣ, а другой держитъ камень (если задремаетъ, выпуститъ камень и пробудится), о ботянѣ, который кормитъ своихъ престарѣлыхъ родителей, о фениксѣ, воскресающемъ изъ мертвыхъ, о ласточкѣ, которая нашла траву хелидонію и ею открываетъ слѣпые глаза у своихъ дѣтей, о моноцодіатѣ, которая не имѣетъ ногъ, никогда не садится на землю, а живетъ на вѣтвяхъ дерева, прикрѣпившись къ нимъ двумя жилками, выходящими изъ спиннаго хребта, объ алціонѣ, который вьетъ гнѣздо на морѣ и, плавая въ свитомъ гнѣздѣ, выводитъ птенцовъ, о весьма чистоплотной египетской птицѣ порфиріонѣ, которая не ѣстъ и умираетъ, если въ томъ домѣ, гдѣ она поселилась, совершилось чужеложство

и, наконецъ, о харадріѣ, который знаетъ, умретъ-ли больной человѣкъ или останется живымъ, и въ первомъ случаѣ печально поетъ. Подобнаго рода фантастическія животныя встрѣчаются и у другихъ духовныхъ писателей XVII в., польскихъ и русскихъ, напримѣръ въ словахъ Епифанія Славинецкаго [1]) и у польскаго проповѣдника Бирковскаго.

Въ казаньѣ на св. Николая изложены свойства и особенности нѣкоторыхъ цвѣтовъ. „Лилѣя межи всѣми квѣтами есть паномъ и першее мѣстце маетъ"... „Рута ужовъ звитяжаетъ, боятся еи ужи и утѣкаютъ отъ неи"... „Геліотропіонъ значитъ послушенство, завше схиляется до солнца и ему конфирмуется; гды солнце на всходѣ и оно на всходѣ; гды солнце на заходѣ, и оно на заходѣ, гды солнце на полудню, и оно на полудню". Подобнаго рода разсказы о растеніяхъ встрѣчаются изрѣдка у Епифанія Славинецкаго. Такъ, въ словѣ на текстъ: „аще кто хощетъ по Мнѣ ити" упоминается о деревѣ „лотосѣ", которое растетъ въ Ливіи; всякій, вкусившій отъ него, забываетъ о своемъ отечествѣ [2]). Разсказы о чудесныхъ дерерьяхъ и травахъ встрѣчаются также у польскихъ проповѣдниковъ XVII в., напримѣръ, Сарбѣвскаго.

Во второмъ казаньѣ на Преображеніе Господне Галятовскій говоритъ, что „солнце маетъ такую моцъ, же справуетъ въ землѣ золото, срѣбро, цѣнь, мѣдь, желѣзо, олово и иншіи крушци, бо тепло солнечное проходитъ презъ пары земныи и во внутренностяхъ земныхъ крушци справуетъ".

Во второмъ казаньѣ на Срѣтеніе Господне объяснены чудесныя свойства разныхъ камней: карбунсулъ свѣтитъ въ темнотѣ, шафиръ улучшаетъ зрѣніе, хризолитъ отгоняетъ меланхолію, берилъ дѣлаетъ человѣка храбрымъ, агатъ предохраняетъ отъ укушенія змѣи, аметистъ избавляетъ отъ пьянства, магнитъ притягиваетъ желѣзо, можетъ извлекать пулю изъ раны. Подобнаго рода разсказы встрѣчаются у польскаго проповѣдника Старовольскаго.

Свѣдѣнія Галятовскаго о составѣ человѣческаго тѣла, высказанныя во второмъ казаньѣ на „Преображеніе Господне", и о силахъ души, высказанныя во второмъ казаньѣ на Сошествіе св.

---

[1]) Пѣвницкій, «Труды кіев. дух. акад.» 1861 г. III. 151—152.

[2]) Тамъ-же, III. 151.

Духа, крайне смутны и неопредѣленны. Тѣло человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ: „воздуха, воды, земли и огня, которые борятся между собой и приводятъ человѣка къ смерти. Душа имѣетъ три силы: роснучую [1]), чаючую и разумѣючую".

Чтобы дать надлежащую оцѣнку реальныхъ знаній Галятовскаго, нужно принять къ свѣдѣнію, что знали по части естествовѣдѣнія современные ему корифеи науки и литературы: Ставровецкій, Славинецкій, Полоцкій, Барановичъ, Стефанъ Яворскій. Порывшись въ ихъ сочиненіяхъ, принявъ къ свѣдѣнію оброненныя ими мимоходомъ замѣчанія о міроустройствѣ, не трудно придти къ тому заключенію, что реальныя знанія Галятовскаго были по тому времени довольно обширны. Онъ зналъ гораздо болѣе научныхъ теорій о причинахъ явленій и силъ природы, чѣмъ современные ему ученые, хотя, нужно признаться, пользовался своими реальными знаніями такъ-же неблагоразумно, какъ и другіе схоластическіе писатели XVII в.

Транквилліонъ Ставровецкій въ „Зерцалѣ Богословія" (1618 г.) раздѣлялъ міръ на невидимый и видимый. Невидимый—ангелы и демоны. Видимый міръ состоитъ изъ 4 стихій: воздуха, воды, земли и огня. Небесная твердь—сухая, не промокаемая, легкая матерія, въ которую вставлены солнце, луна и звѣзды. Надъ твердью разлита вода, оберегающая ее отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Земля кругла. Земли и моря имѣютъ своихъ ангеловъ хранителей. Гроза происходитъ отъ того, что паръ съ моря поднимается въ верхніе слои горячаго воздуха [2]).

Лазарь Барановичъ въ „Лютнѣ" посвятилъ нѣсколько безсодержательныхъ виршей солнцу, лунѣ и звѣздамъ. О солнцѣ говорится, что это отецъ дня, побудитель къ труду, источникъ плодородія; „Wilgotny miesiąc suchą ziemię chłodzi"; „gwiazdy jak swiecy gorają na niebie [3])"...

Извѣстно, что Симеонъ Полоцкій дѣлалъ астрономическія наблюденія и записывалъ ихъ въ свою записную книжку [4]). Любо-

---

[1]) Т. е. растительную.

[2]) Костомаровъ, Рус. ист. въ жизнеоп. II. 70.

[3]) Lutnia, 277.

[4]) Опис. рукоп. синод. библ. II. 191—102.

пытно послушать, что говоритъ онъ о міроустройствѣ. Въ „Вѣнцѣ вѣры“ Симеонъ Полицкій заявляетъ, что есть три неба: 1) эмпирейское, неподвижное, самое высшее, 2) кристальное, движущееся съ неизреченною скоростью и 3) твердь съ двумя поясами, поясомъ неподвижныхъ звѣздъ и поясомъ планетъ. Планетный поясъ раздѣляется на семь круговъ, по числу планетъ (Кронъ, Дей, Аръ и др.). Отъ земли до тверди 80 темъ (т. е. 800,000) миль, а отъ верха земли до эмпирейскаго неба такъ далеко, что если-бы ѣхать туда со скоростью 80 миль въ часъ, потребовалось-бы 50,000 лѣтъ. Звѣзды „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дальныхъ вещей родительны“... Планеты ниже звѣздъ. Онѣ движутся иногда по одному пути со звѣздами, иногда по пути противоположному. Самая малая звѣзда въ 80 разъ менѣе земли, а слѣдующая за ней по величинѣ звѣзда въ 170 разъ болѣе земли; солнце въ 166 разъ болѣе земли; луна въ 30 разъ менѣе земли. Ежечасно солнце проходитъ 717 миль, изъ которыхъ каждая требуетъ двухъ-часовой ходьбы человѣка. Земля кругла, черна, холодна, тяжела. Она центръ всего міра. Внутри земли находится адъ. Землятрясенія происходятъ отъ движенія демоновъ въ аду.

Силы и явленія природы объяснялись теологическимъ путемъ. „Седмь тысячъ уже лѣтъ и 228 исчисляемъ отъ сотворенія міра, говоритъ Стефанъ Яворскій, 32 года спустя послѣ смерти Галятовскаго, въ одной своей проповѣди, и черезъ все тое время вои небесные, солнце, луна, звѣзды, въ непрестанной пребываютъ службѣ, въ неустанной стражбѣ, въ незанятномъ теченіи, въ неудержимомъ движеніи, служатъ, работаютъ не себѣ на пользу, но человѣкомъ, вселенную просвѣщаютъ, согрѣваютъ, землю плодоносною творятъ и въ самыхъ внутренностяхъ земныхъ злато, сребро, каменіе многоцѣнное и руды различныя дѣйствіемъ своимъ и инфлюенціями содѣлываютъ. Одному только нѣкоему астроному Копернику приснилося, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противо свящ. Писанію [1]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что одинъ изъ ученѣйшихъ людей XVII в., человѣкъ высокаго нравственнаго характера, Епифа-

---

[1]) Покарскій, Наука и литература при Петрѣ В. II 454.

ній Славинецкій склонялся на сторону Коперника, хотя, по своей осторожности, и не высказалъ этого достаточно ясно. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. Епифаній Славинецкій, монахъ Исаія и Арсеній Сатановскій перевели космографію, въ которой объяснены системы Птоломея и Коперника. „Нынѣ изящнѣйшіе всѣ математики, говорится здѣсь, Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумѣній есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семъ не хощемъ уставлять; но въ вещахъ небесныхъ искустнымъ оставляемъ любопрѣтися“ [1]).

Свѣдѣнія западно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка по физіологіи и психологіи были также весьма ошибочны и скудны. Въ „Жезлѣ Правленія“ (1666 г.) Симеонъ Полоцкій со словъ „естественныхъ тайнъ имѣющихъ искуство“ говоритъ о зачатіи младенца. „Зачинается дитя изъ сѣмени, огустѣваетъ и воображается черезъ сорокъ дней мальчикъ, черезъ 80 дней дѣвочка, а потомъ уже Богомъ одушевляется [2]).

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній физіологическаго свойства. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ вопросъ какихъ-то философовъ, почему у человѣка голова болитъ, а у животныхъ не болитъ, и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „звѣріе долу преклонну имутъ главу, того ради пары, отъ желудка происходящіе, не входятъ до ихъ главы, ниже ей могутъ вредити, а у человѣка голова не къ землѣ преклонена, по горѣ вознесена; того ради пары внутренніе вредные, отъ желудка происходящіе, восходятъ до головы въ гору, и оную повреждаютъ“. Въ другомъ мѣстѣ черный цвѣтъ волосъ объясняется тѣмъ, что въ человѣкѣ много теплоты, огня; „обычно бо есть огню окуряти и очернѣвати“. У старыхъ людей бѣлютъ волосы, потому что со старостью теплота уменьшается: „кто имѣетъ бѣлые (?) власы, у того много мокроты; у кого волоса русые, въ томъ много желчи [3]).“

Языкъ Галятовскаго въ „Ключѣ“ простой и ясный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе Галятовскаго напоминаетъ по силѣ и простотѣ Іоанна Вишенскаго. Макаризмовъ нѣтъ. Часто попада-

---

[1]) Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. II. 337.

[2]) Жезлъ Правленія, листъ 27.

[3]) Проповѣди Ст. Яворскаго, II. 84.

ются народныя малорусскія слова и фразы. Можно допустить, что нѣкоторыя проповѣди, простѣйшія по содержанію, были понятны простому народу. Если-бы и въ содержаніи „Ключа“ было столько народности, сколько въ его языкѣ, то это было-бы капитальное произведеніе.

„Ключъ разумѣнія“ возникъ въ бурное время южно-русской исторіи. Войны Хмельницкаго съ поляками только-что окончились; только что совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Еще свѣжа была могила славнаго малорусскаго гетмана. Политическія и религіозныя страсти были еще сильно возбуждены. Народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героическою жизнью. И ничто не затронуло, не взволновало души кіевскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и много знаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой, — нимало не отразились въ „Ключѣ“. Въ то время, какъ рѣшалась участь украинскаго народа, когда относительно самаго его національнаго существованія поставленъ былъ роковой вопросъ: „быть или не быть“, Галятовскій поглощенъ былъ вопросами о томъ, будутъ-ли умершіе принимать пищу въ будущей жизни, сколько дней пробылъ въ раю Адамъ и т. п. На Галятовскомъ вполнѣ раскрылось денаціонализирующее значеніе кіево-могилянской академіи.

Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамово отродье. „Маетъ пречистая Дѣва мѣсце на земли межи всѣми людьми, говоритъ онъ въ проповѣди на Благовѣщеніе, бо троякій есть станъ людскій: одинъ. посполитый, другой панскій, третій духовный. Презначали тын три станы сыны Ноеви, Симъ, Хамъ и Афетъ. Симъ презначалъ станъ духовный, Афетъ презначалъ станъ панскій, Хамъ презначалъ станъ посполитый, бо Хамъ служилъ двумъ братамъ своимъ, Симови и Афетови. Такъ люде посполитыи служатъ панамъ и духовенству. Маетъ теды пречистая Дѣва мѣсце межи людьми посполитыми, бо люде посполитыи даютъ панамъ своимъ дани, слухаючи апостола Павла, который мовитъ: *Воздадите убо всѣмъ дол-*

жная; ему-же убо урокъ урокъ, и ему-же дань дань, и ему-же страхъ страхъ, и ему-же честь честь.

„Ключъ разумѣнія“ при жизни Галятовскаго былъ подвергнутъ злой критикѣ. Критическій разборъ „Ключа“ затерялся, такъ что неизвѣстно, когда и кѣмъ онъ былъ сдѣланъ; но что такой разборъ былъ, видно изъ словъ самаго Галятовскаго въ концѣ „Алфавита“. „Песъ одинъ, говоритъ онъ, называемый зоиломъ (рѣчь идетъ о неизвѣстномъ критикѣ), по невѣжеству и зависти, зубами своими грызъ „Ключъ“ мой, но не угрызъ и поламалъ себѣ зубы, потому что мой „Ключъ“ похваленъ всѣми учеными людьми, охотно принятъ церковью и нашелъ многихъ читателей“.

Галятовскій не ограничился, да и не могъ ограничиться скромною дѣятельностію проповѣдника и профессора. Какъ высокопоставленное въ духовной іерархіи лицо, какъ руководитель высшаго въ южной Россіи православнаго училища, Галятовскій на первыхъ-же порахъ своей ученой и литературной дѣятельности вмѣшался въ религіозно-церковную полемику православныхъ съ латино-уніатами. Къ борьбѣ съ латино-уніатами Галятовскаго вызывало крайне угнетенное положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой въ второй половинѣ XVII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. польское правительство не выступало прямо и рѣшительно противъ южно-русской православной церкви. Оно тѣснило православныхъ преимущественно административными мѣрами. Съ шестидесятыхъ годовъ XVII ст. оно стало тѣснить ихъ законодательнымъ путемъ, воспользовавшись тѣмъ, что южно-русское дворянство къ этому времени перешло въ латинство. На варшавскомъ сеймѣ 1658 г. іезуитъ Корватъ требовалъ, чтобы король и сеймъ истребили всѣхъ иновѣрцовъ въ Польшѣ, какъ враговъ Бога. Маршалъ посольской палаты Любовицкій по этому поводу замѣтилъ, что врагами Бога могутъ быть названы только аріане (т. е. социніане). Въ 1667 г. было постановлено, чтобы православное духовенство отбывало постойную повинность, что было для него крайне тягостно, по причинѣ своеволія и буйства польскихъ войскъ; православные были исключены изъ числа лицъ, имѣвшихъ право занимать староства. Въ 1676 г. православнымъ, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, было воспрещено выѣзжать за границу [1]).

[1]) Антоновичъ, Очеркъ сост. прав. церкви въ ю. з. Россія. 14.

Малорусскіе лѣтописцы мемуаристы XVII в. горько жалуются на притѣсненія православныхъ латино-уніатами. Народъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ до сихъ поръ еще вспоминаетъ о польскомъ и еврейскомъ гнетѣ.

Православіе нигдѣ не находило защиты и поддержки. Католическое польское правительство было на сторонѣ притѣснителей. Южно-русское дворянство измѣнило вѣрѣ и языку народа и перешло въ разрядъ его угнетателей. Церковныя братства были придавлены административными и законодательными мѣрами. Попытки, направленныя къ противодѣйствію уніи, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій. Объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной іерархіи, которая руководила-бы ими и сводила частныя усилія къ общей программѣ дѣйствій. Православные іерархи одновременно должны были обнаружить рѣдкія качества: образованность, энергію и непоколебимую стойкость въ убѣжденіяхъ. Во второй половинѣ XVII в. въ юго-западной Россіи не оказалось ни Іова Борецкаго, ни Петра Могилы. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изо Львова московскій резидентъ Тяпкинъ въ 1675 г, что ихъ владыки здѣсь только мантіей благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри-же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ [*])“. Дѣйствительно, высшее православное духовенство правобережной Украйны: Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Винницкій, Варлаамъ Шептыцкій, Сильвестръ Тваровскій, тайно приняли унію и въ тайнѣ-же, выдавая себя православными, проводили унію въ города и села.

Въ то время, какъ высшее православное духовенство правобережной Украйны удачно разыграло роль Іуды предателя, въ Кіевѣ и Черниговѣ возникъ кружокъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, поставившій своей задачей энергическую борьбу съ латино-уніатами. Главными дѣятелями этого кружка были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Иннокентій Гизель.

Галятовскій враждебно столкнулся съ католицизмомъ лѣтъ за десять прежде, чѣмъ кружокъ Барановича обнаружилъ свою дѣ-

---

[*]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 227.

ятельность. Въ 1663 г. Янъ Казиміръ съ многочисленнымъ польскимъ войскомъ двинулся въ восточную Малороссію. Цѣлую недѣлю онъ пробылъ въ Бѣлой Церкви. Коронный канцлеръ епископъ Пражмовскій 8 ноября пригласилъ къ обѣду нѣсколько высшихъ православныхъ іерарховъ, Гедеона (Юрія) Хмельницкаго, Адама Желиборскаго, Антонія Винницкаго и Іоанникія Галятовскаго Потомъ пришелъ королевскій проповѣдникъ іезуитъ Адріанъ Пекарскій и сѣлъ за столомъ прямо противъ Галятовскаго. Вся комната была наполнена полковниками, ротмистрами, капитанами, ксендзами. Между Галятовскимъ и Пекарскимъ за столомъ произошелъ любопытный диспутъ о главенствѣ папы. Въ 1676 г. Галятовскій напечаталъ свой разговоръ съ Пекарскимъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Besiada białocerkiewska“ [1]). „Бесѣда“ вскорѣ была переведена на русскій языкъ [2]).

Споръ завелъ впервые Пражмовскій, затѣмъ вмѣшался и весь споръ велъ Пекарскій. Пражмовскій изрѣдка вставлялъ свое замѣчаніе. Пражмовскій и Пекарскій проводили то положеніе, что папамъ искони принадлежало главенство въ церкви, что они предсѣдательствовали на соборахъ и судили константинопольскихъ патріарховъ, и что верховная власть въ церкви перешла къ нимъ отъ ап. Петра, будто-бы первенствовавшаго среди апостоловъ. Галятовскій привелъ слова св. Кипріана, что „были тоже и другіе апостолы, какъ и Петръ, отличенные равною съ нимъ честью, и властью, и достоинствомъ“. На замѣчаніе Пекарскаго, что православные, не признавая папу главой церкви, должны имѣть главою мірянина, Галятовскій возразилъ, что Христосъ глава церкви, а не кто иной. „Розмова“ оканчивается указаніемъ Галятовскаго на неудачный исходъ флорентинскаго собора 1439 г.

Вѣроятно Галятовскій предвидѣлъ споръ и заблаговременно справился съ книгами. Его возраженія Пекарскому мѣтки и сильны. Возраженія эти обнаруживаютъ въ Галятовскомъ знаніе св. Писанія, умѣлое пользованіе отцами церкви и діалектическую ловкость. Если споръ шелъ вполнѣ такъ, какъ говорится о томъ въ „Бесѣдѣ“,—

---

[1]) Самуилъ Величко вставилъ «Розмову» Галятовскаго въ свою лѣтопись (II. 42—76).

[2]) Востоковъ, Опис. Румянц. Музея. № 376, листы 21—27.

а не вѣрить Галятовскому въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія, то Пекарскій оказался побѣжденнымъ. Галятовскій нанесъ весьма сильные діалектическіе удары своему противнику. Такъ, онъ говоритъ, обращаясь къ Пекарскому: „да, честный отецъ, напрасны наши несогласія, напрасны споры, когда мы признаемъ главою одного Христа, и каждый изъ насъ говоритъ: „я Христовъ“, а ваша милость признаете главой церкви папу, и каждый изъ вашихъ милостей говоритъ: „я папинъ“. И вотъ ап. Павелъ спрашиваетъ вашу милость: развѣ папа за васъ распятъ? развѣ вы во имя папы крестились?“

Нѣтъ сомнѣнія, Галятовскому часто приходилось вести бесѣды съ иновѣрцами, подобныя бѣлоцерковской. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галятовскій говоритъ, что онъ спорилъ съ учеными еврейскими раввинами о религіозныхъ вопросахъ. Вѣкъ семнадцатый былъ въ Малороссіи по преимуществу вѣкомъ религіозныхъ споровъ, и относительно его можно вполнѣ повторить слова Рихцицкаго о вѣкѣ XVI: „kto tylko chce tknąć jako kolwek częsci dziejów XVI wieku, musi mieć na względzie religią: ona była w ten czas głowném pytaniem, głowną trudnością; kto ją pominie, musi zostać albo jednostronnym, albo navet często niezrozumiałym“ [1]). (Кто хочетъ коснуться какой либо части событій XVI в., долженъ принять во вниманіе религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ; кто обойдетъ ее, тотъ останется по необходимости или одностороннимъ, или непонятнымъ).

Были особыя причины, почему бѣлоцерковская бесѣда удостоилась печати. Галятовскій, вѣроятно, не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ онъ въ многочисленномъ собраніи духовныхъ лицъ и военачальниковъ въ словесной борьбѣ одолѣлъ королевскаго проповѣдника, ловкаго іезуита, а вмѣстѣ съ нимъ и канцлера. Для православнаго ученаго было очень лестно повѣдать читающему южнорусскому міру о своей побѣдѣ. Можно думать, что осторожный Галятовскій въ первое время послѣ бѣлоцерковской бесѣды опасался говорить о ней печатно, боялся ее опубликовать, чтобы не подвергнуться непріятностямъ, особенно въ тяжелое и смутное время шестидесятыхъ годовъ, когда польскія войска проникали въ лѣво-

---

[1]) Rychcicky, Piotr Skarga. II. 15.

бережную Малороссію. Поселившись окончательно въ далекомъ отъ польскихъ границъ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, быть можетъ, не безъ побужденія со стороны Лазаря Барановича, Галятовскій издалъ свою „Бесѣду“. Появленіе этой дѣльно составленной противо-латинской статьи должно было упрочить славу Галятовскаго, какъ крупнаго ученаго и подкрѣпить партію Лазаря Барановича въ борьбѣ ея съ латино-уніатами. Въ особенности важно то обстоятельство, что грамотные православные, съ выходомъ въ свѣтъ „Бесѣды“ Галятовскаго, нашли въ этомъ сочиненіи весьма подходящее пособіе для борьбы съ латино-уніатами въ такомъ существенномъ пунктѣ ихъ ученія, какъ главенство папы. Капитальныя возраженія противъ папства въ „Бесѣдѣ“ изложены настолько коротко, просто и ясно вообще, дѣльно и общедоступно, что всякій грамотный православный, интересовавшійся религіозными спорами, могъ ею воспользоваться и руководствоваться при своихъ столкновеніяхъ съ уніатами и католиками.

На „Бесѣду“ Галятовскаго католиками было сдѣлано возраженіе, озаглавленное „Рефутаціей“. О существованіи „Рефутаціи“ можно заключить по заглавію одной весьма рѣдкой книжки конца XVII в., именно: *Rycerz prawosławney katholickey cerkwi wschodniey rycerzowi kosciola rzymskiego na jego Refutacyą napisaną przeciw Rozmowie Bialocerkiewskiey.* Авторъ книги и годъ изданія неизвѣстны. Мацѣевскій авторомъ книги считаетъ Галятовскаго [1]). Ни Вишневскій, ни Филаретъ не упоминаютъ этой книги при перечисленіи сочиненій Галятовскаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Maciejowski. Pism. polskie. III. 180.

СТОРОЖЕНКИ.

(Фамильная лѣтопись).

Первыя отрывочныя извѣстія объ этомъ родѣ относятся къ XVII вѣку.

Въ 1610 г. Андрей Стороженко былъ, какъ онъ подписывался, „старшимъ полковникомъ войскъ запорожскихъ". Начальствуя надъ отрядомъ козаковъ, онъ извѣщалъ изъ подъ Почаева по пути къ г. Брянску [1]) извѣстнаго литовскаго канцлера князя Льва Сапѣгу о движеніи своего отряда и просилъ отъ себя и отъ подвѣдомственнаго ему „стана рыцарскаго", чтобы канцлеръ сообщилъ ему о размѣрѣ слѣдуемаго имъ жалованья и о срокахъ его назначенія.

Андрей Стороженко прибавлялъ въ подписяхъ къ имени и фамиліи—„древній дворянинъ Малыя Руси".

Извѣстно, что осенью 1609 г. король польскій Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ; въ тоже время приходили вѣсти въ Москву и въ Тушино, что отряды запорожцевъ, „служа королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію [2])".

Письма Андрея Стороженка къ Сапѣгѣ въ оригиналахъ сохраняются въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани [3]).

Въ 1647, 1648 и 1649 гг. Михайло Стороженко былъ Тульчинскимъ [4]) сотникомъ въ браславскомъ полку.

---

[1]) Брянскъ—уѣздный городъ нынѣшней орловской губерніи.

[2]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. Гу. XII. стр. 103. изд. Эйнерлинга,

[3]) Въ бумагахъ моего дѣда я нашелъ копіи съ этихъ писемъ, скрѣпленныя подписью библіотекаря Іосифа Лукасѣвича, съ приложеніемъ печати герба гр. Рачинскихъ.

[4]) Тульчинъ—мѣстечко подольской губерніи.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Богданомъ Хмельницкимъ подъ Зборовымъ, въ августѣ 1649 года, былъ заключенъ между гетманомъ и королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ договоръ, по которому между прочимъ было опредѣлено количество реестровыхъ козаковъ: гетману полагалось имѣть 40,000 козаковъ. Имена этихъ избранныхъ были внесены въ такъ называемые „Реестра войска запорожскаго“, которые были изданы съ подлинника профессоромъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году.

Въ этихъ „Реестрахъ“ мы и находимъ въ браславскомъ полку сотника Тульчинскаго Михайла Стороженка.

Въ числѣ просто реестровыхъ козаковъ въ томъ-же браславскомъ полку, въ сотнѣ яланцской, стоитъ имя Яцька Стороженка; но, какъ говоритъ О. М. Бодянскій въ предисловіи къ „Реестрамъ“, званіе простыхъ козаковъ „въ ту пору давало послѣднимъ права, одинаковыя съ шляхтою“.

Послѣ Андрусовскаго договора Россіи съ Польшей (1667 г.), въ концѣ 60-хъ годовъ Иванъ Стороженко переселился на лѣвый берегъ р. Днѣпра. Сначала онъ служитъ сотникомъ ичанскимъ въ прилуцкомъ полку, а въ 1686 году является полковникомъ прилуцкимъ.

Еще будучи сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ селомъ Ржавцемъ[1]). Отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершеныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични[2]) и села Ржавца и на грунты въ городѣ Прилукѣ. По универсалу, данному въ Батуринѣ 22 іюня 1690 г., гетманъ Мазепа, „респектуючи на его г. полковника прилуцкаго значные у войску запорозкомъ и зычливые услуги, которіе онъ здавна ронивъ и впередъ охочо ронити на службѣ монаршой мае“, далъ въ награду ему село Ржавецъ и „млынъ подъ мѣстечкомъ Іваницею, на греблѣ мѣской стоячий, о едного кола мучного, а другого ступного“.

Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи 15 февраля 1693 г.

Сохранился портретъ его: въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой бородой. На столѣ сто-

---

[1]) Ржавецъ—нынѣ село прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

[2]) Ичня—нынѣ мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губ.

ятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ, съ золоченными украшеніями. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта, съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава [1].

Таковъ былъ девятый, по счету покойнаго М. А. Максимовича, полковникъ прилуцкій [2]).

Имя жены его Марія. Кто она была по отцу, неизвѣстно.

Оставшись вдовою, Марія проситъ у Мазепы подтвержденія на владѣніе селомъ Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, имуществами. Мазепа даетъ въ Батуринѣ универсалъ 8-го февраля 1697 года, которымъ онъ подтверждаетъ право вдовы на владѣніе состояніемъ покойнаго мужа, „респектуючи на старынние услуги небожчика пана Ивана Стороженка, бывшого полковника прилуцкаго“.

У Ивана былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца, „маючимъ способность до службы войсковои“.

Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ ичанскимъ: 10-го іюля 1703 г. жители ичанскіе Илюшъ Сѣрко и Дацко Германовичъ обмѣнялись сѣножатями и закрѣпили документально эту мѣну „на врядѣ ичанскомъ, передъ нами, какъ говорится въ документѣ, Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, атаманомъ городовымъ Костентиномъ Даниловичемъ, войтомъ тамошнимъ Кириломъ Яковичемъ, бурмистрами Иваномъ Кобенякомъ и Грицкомъ Чепѣгою“.

Въ 1706 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, въ середу на четвертой недѣлѣ великаго поста, „на врядѣ ичанскомъ, передъ Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, Михаиломъ Рабушкою атаманомъ городовымъ, Остапомъ Богаченкомъ войтомъ, Петромъ Семенчукомъ и Грицкомъ Прокоповичемъ Солтаникомъ бурмистрами“ разбиралось слѣдующее интересное дѣло: ичанскій житель Павло Коломийченко купилъ у ржавскаго жителя Остапа Молотка коня за восемнадцать злотыхъ, но за неимѣніемъ денегъ не доплатилъ 10 злотыхъ; Молотокъ по-

[7]) Кіевск. Стар. 1882. Т. 3. стр. 578.

[8]) Собр. соч. Максимовича. Т. 1. стр. 325.

требовалъ обезпеченія и Коломійченко отдалъ ему въ залогъ „поле рабочое на двѣ недѣли, да лѣсокъ“, но потомъ отнялъ. Молотокъ жалуется за это на Коломійченка ичанской радѣ и проситъ или отдачи денегъ, или-же отнятой земли и лѣска. Рада присуждаетъ Молотку землю и лѣсокъ Коломійченка.

Какъ видимъ, стоимость почти шести десятинъ земли равнялась тогда почти половинѣ стоимости одного коня.

Андрей Ивановичъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодья у козаковъ ичанской сотни, отчасти получая награды за службу, преимущественно отъ своего ближайшаго начальника—полковника прилуцкаго.

Хотя во всѣхъ купчихъ стоитъ выраженіе, что такой-то продаетъ „доброволне и безъ жадного примусу и насильствія, але зъ доброи воли своеи“, но весьма вѣроятно, что званіе сотника и соединяемая съ нимъ властъ играли не послѣднюю роль при этихъ покупкахъ.

Когда на радѣ обсуждался вопросъ о покупкѣ сотникомъ какого-нибудь козацкаго имущества, предсѣдателемъ, вмѣсто сотника, бывалъ атаманъ городовой.

Путемъ купли Андрей Ивановичъ пріобрѣлъ 24-го іюня 1073 г. отъ козаковъ ржавскихъ Константина и Лукьяна Полуяненокъ ставокъ у села Ржавца за 20 злотыхъ; въ воскресенье третьей недѣли великаго поста 1706 г. отъ Тимоша Павленка, козака ржавскаго, лѣсъ „за двадцять талярей злотои монеты доброи литовскои“; 21-го мая 1710 г. отъ козачки Ульяны Костихи подъ мѣстечкомъ Ичней „за певную цину, за двисти злотыхъ сполна монеты доброи личбы литовскои“.

Въ награду Андрей Ивановичъ получилъ различныя льготы и одинъ *ланъ* земли.

Листомъ отъ 21-го апрѣля 1706 г. полковникъ прилуцкій Дмитрій Горленко объявляетъ ко всеобщему свѣдѣнію, что онъ освобождаетъ сотника ичанскаго Андрея Стороженка отъ взноса въ полковую казну части дохода съ мельницы о двухъ колесахъ, находящейся на р. Ичейцѣ на лучковской греблѣ, пріобрѣтенной еще прежде сотникомъ. Подать съ мельницъ, какъ читаемъ въ этомъ же листѣ, называлась „поколесовщыною“. Андрей Ивановичъ былъ

такъ награжденъ за „многолѣтнее уже въ походахъ и оказіяхъ войсковыхъ нелѣнивое служеніе и раненіе“.

Таковое-же объявленіе дѣлаетъ полковникъ прилуцкій Иванъ Носъ листомъ отъ 24-го февраля 1709 г. относительно двухъ мельницъ на р. Иченцѣ при селѣ Лучковкѣ.

Гетманъ Иванъ Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Нѣжинѣ 5-го февраля 1709 г., подтверждаетъ права ичанскаго сотника Андрея Стороженка, по его просьбѣ, на владѣніе селами Ржавцемъ и Томашовкой, въ сотнѣ ичанской, и Ступаковкой, въ сотнѣ иваницкой, а также мельницами на р. Смоши подъ м. Иваницей и подъ с. Ступаковкой.

„Универсалнымъ листомъ“ по ичанской и монастыринской сотнямъ полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ объявляетъ, что онъ увольнилъ „отъ всякихъ посполитыхъ тягостей подсусѣдковъ, жиючихъ на кгрунтахъ его (Стороженка) въ городѣ (Прилукѣ), а также на иченскихъ кгрунтахъ, и овсимъ позволилъ вшелякое чинити ему, Стороженковѣ, послушенство“. Листъ этотъ данъ въ Прилукѣ 19-го февраля 1715 г.

Листомъ отъ 2-го іюля 1715 г., писаннымъ подъ с. Гуровкою [1]), тотъ-же полковникъ Игнатій Кгалакганъ даетъ сотнику ичанскому *ланъ* земли, смежный съ ржавскими землями послѣдняго, изъ „здавна полковническихъ лановъ... зо всякими з того лану приходячими пожитками“.

Андрей Ивановичъ умеръ въ концѣ 1715 г. Онъ былъ женатъ на Матронѣ Гнилозубъ.

Другой сынъ полковника прилуцкаго Ивана былъ Григорій, сотникъ иваницкій. Объ немъ мы только и знаемъ по тяжбѣ его со вдовою брата Андрея, Матроною.

Григорій Ивановичъ хотѣлъ высыпать греблю на ставку у с. Ржавца, принадлежавшемъ Матронѣ, между двумя ея греблями. Матрона обратилась съ жалобою къ гетману Ивану Скоропадскому. Гетманъ выслалъ „для розыску и осмотренія одъ боку своего пана Семена Карпѣку и пана Александра Чуйкевича товариша войсковаго“. Слѣдствіе обнаружило неправоту Григорія Ивановича, а потому слѣдователи, по данному имъ отъ гетмана полномочію, своей

---

[1]) Нынѣ с. Згуровка, прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

„децизіей“ строго на-строго запретили обижать вдову; гетманъ-же, по обычному тогда порядку дѣлопроизводства, своимъ универсаломъ къ прилуцкимъ полковнику и старшинѣ подтвердилъ рѣшеніе слѣдователей-судей. Универсалъ былъ данъ въ Глуховѣ 25-го января 1716 г.

Кромѣ этого дѣла, вдова Андреева „предложила скаргу на пана Ігната Кгалакгана полковника прилуцкого“ гетману за то, что Кгалакганъ утаилъ два гетманскіе универсала, подтверждавшіе ея право на владѣніе сс. Ржавцемъ, Томашовкою, Ступаковкою, Лучковкою и другими землями и угодьями, а также за то, что онъ „чрезъ килько лѣтъ безъ дання причины зъ двохъ млыновъ Петра и Грицка Зоценковъ въ Ступаковцѣ будучихъ части войсковые на себе отбиравъ и по сей часъ оные отбирати насильно не перестае“.

Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Глуховѣ 18-го января 1719 г., „грозно“ приказываетъ Галагану, „возвративши все одъ мала до велика“, впредь „не важитись затѣвати кривдъ, перешкоды и озлобленія надъ винами правными и жесточайшимъ за преслушаніе императорского указу и противность власти наказаніемъ“.

Гнилозубъ—отецъ Матроны былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., мать ея вышла замужъ за извѣстнаго охочекомоннаго полковника Пашковскаго.

Въ 1693 г. Семенъ Палій и полки переяславскій и охочекомонный Пашковскаго бились трое сутокъ между Днѣпромъ и Бугомъ, при Кодимѣ, съ татарами ногайскими и бѣлгородскими, шедшими на Кіевъ, и прогнали ихъ. Въ 1694 г. Палій, Пашковскій и др. ходили подъ Очаковъ и одержали блестящую побѣду надъ татарами [1]).

Послѣ нарвскаго пораженія изъ Украйны былъ посланъ Мазепою къ Ригѣ трехътысячный отрядъ подъ начальствомъ полтавскаго полковника Искры, а потомъ пятнадцатитысячный съ наказнымъ гетманомъ, стольникомъ и нѣжинскимъ полковникомъ, Обидовскимъ въ челѣ. Въ числѣ этихъ 15000 человѣкъ были два охочекомонные полка—Пашковскаго и Ѳедора Степановича, болѣе 1000 человѣкъ [2]).

---

[1]) Маркевичъ, Ист. Малор. Т. II. 337—38, 358.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Малор. Т. 3, стр. 43, 51.

1-го января 1702 г. въ Лифляндіи, въ битвѣ у селенія Эррестфера, окончившейся побѣдой фельдмаршала Шереметева и наказнаго гетмана Даніила Апостола надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, полковникъ Пашковскій былъ убитъ.

У Андрея Ивановича Стороженка было два сына—Григорій и Иванъ.

Григорій съ молодыхъ лѣтъ отправлялъ войсковую службу. Въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ.

Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи съ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ походныхъ войсковыхъ малороссійскихъ". Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту", неизвѣстно какого содержанія. Затѣмъ онъ состоялъ въ разныхъ коммисіяхъ при генеральной канцеляріи.

1-го октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчучнымъ. 9-го октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22-го ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми подарками.

21-го января 1728 г. Яковъ Марковичъ [1]) видѣлъ возвращавшихся изъ Петербурга малороссійскихъ посланниковъ въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола.

Возвратившись въ Украйну, Григорій исполнялъ должность генеральнаго бунчучнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и принималъ „челобитческія прошенія" на высочайшее имя.

---

[1]) Дневныя Записки Марковича. Т. I, 246, 247, 268, 305, 306, 318.

3-го января 1729 г. Тайный Верховный Совѣтъ перемѣнилъ всю генеральную старшину: генеральнымъ бунчучнымъ былъ назначенъ Иванъ Борозна.

Въ февралѣ 1728 г. гетманъ Даніилъ Апостолъ присутствовалъ на коронаціи Петра II въ Москвѣ. Онъ предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи.

Въ январѣ 1729 г. были посланы къ императору четыре лица, въ томъ числѣ и Григорій Андреевичъ, для принесенія благодарности за утвержденіе гетманскаго проекта. 19-го марта посланники поѣхали изъ Петербурга въ Глуховъ съ „премоцнѣйшею грамотою“ императора къ гетману.

По просьбѣ Григорія Андреевича и козаковъ ичанской сотни, гетманъ выслалъ бунчуковаго товарища Кирилла Троцкаго и войскового канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями козаковъ ичанскихъ и жителей села Рожновки (борзенскаго уѣзда). Универсаломъ отъ 2-го сентября 1729 года гетманъ подтвердилъ сдѣланное разграниченіе.

По смерти Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Іоановны, отъ 31-го января 1734 года было устроено правленіе изъ шести членовъ—предсѣдателемъ его былъ назначенъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховскій.

По опредѣленію Шаховскаго, Григорію Андреевичу поручено было заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ“ коммисарамъ, а также разными слѣдствіями.

9-го іюня 1732 года Андрей Миклашевскій, Семенъ Лизогубъ, Яковъ Марковичъ, Григорій Стороженко, Андрей Полуботокъ, Николай Ханенко были опредѣлены въ кандидаты на бунчучнаго генеральнаго.

Въ 1734 году Григорій Андреевичъ въ числѣ другихъ былъ назначенъ по имянному высочайшему указу въ учрежденную въ Москвѣ коммисію перевода и свода „книгъ правныхъ“ (законовъ) и въ первыхъ числахъ января 1735 года отправился въ Москву для присутствованія въ коммисіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Затѣмъ онъ былъ посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательствованія въ различныхъ коммисіяхъ при полкахъ. Ему поручено было также размежеваніе земель между „ландмилицкими“

орельскими[1]) полками и городскими, надъ чѣмъ онъ прозанимался два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ къ занятіямъ въ прежней коммисіи перевода и свода „книгъ правныхъ". Изъ Глухова онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ 1737—1741 гг. Григорій былъ назначенъ кандидатомъ сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія, продолжая состоять въ коммисіи о переводѣ и сводѣ „книгъ правныхъ".

Въ 1737 году кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-аншефъ Леонтьевъ съ присутствующими членами войсковой генеральной канцеляріи, „имѣя власть всякіе принадлежащіе до уряду гетманского дѣла управлять", далъ Григорію Андреевичу званіе бунчуковаго товарища.

Григорій Андреевичъ продолжалъ владѣть селами Ржавцемъ, Томашовкой, Ступаковкой, Лучковкой и другими, въ которыхъ по ревизіи 1730 года показано 264 двора. Кромѣ того онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 года реестръ 39 купчихъ на грунты въ мѣстечкѣ Ичнѣ.

По полному списку жителей села Ржавца отъ 1723 года видно, что сотникамъ ичанскому Григорію и иваницкому Ивану Стороженкамъ принадлежало 215 грунтовъ, на которыхъ жили посполитые люди; кромѣ того въ селѣ Ржавцѣ было 24 грунта козаковъ ржавскихъ куреня сотника ичанскаго.

Сохранился портретъ Григорія Андреевича, сдѣланный въ его молодые годы: изображенъ молодой красивый мужчина съ черными волосами, съ длинными усами, бритый, румяный, плотно сложенный. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ, на плечи накинутъ покрытый синимъ бархатомъ, подбитый, очевидно, куньимъ мѣхомъ, плащъ; возлѣ на креслѣ лежитъ высокая мѣховая, повидимому, бобровая шапка съ султаномъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки-Евдокіи, урожденной Лизогубъ.

---

[1]) Орель—рѣка между нынѣшними полтавской и екатеринославской губерніями.

Иванъ Андреевичъ, сотникъ иваницкій, былъ женатъ два раза: постригши первую жену свою, по причинѣ болѣзни ея, въ монахини, онъ женился на другой, но недѣли черезъ двѣ самъ умеръ и постриженная тоже[1]. Это было, вѣроятно, въ концѣ 1725 года.

У Григорія Андреевича было четыре сына: Андрей, Петръ, Степанъ и Данило.

Андрей началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. 23-го сентября 1741 года, по просьбѣ отца, а также сотенной ичанской старшины, Андрей Григорьевичъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ. Назначеніе это состоялось на основаніи высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 1734 года, которымъ повелѣвалось „войсковыхъ канцеляристовъ достойныхъ за службу въ полковую старшину и сотники опредѣлять". На званіе сотника Андрею былъ выданъ изъ генеральной войсковой канцеляріи универсалъ за подписью полковника Алексѣя Извольскаго, генеральнаго подскарбія Михаила Скоропадскаго, полковника Челищева и генеральнаго асаула Петра Валькевича—онъ былъ данъ въ Глуховѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ назначенія, а именно 31-го декабря 1749 года.

Очевидно, утвержденіе въ должности не имѣло особеннаго значенія, потому что еще 24-го декабря 1741 года, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ опредѣленія Андрея Григорьевича въ званіе ичанскаго сотника, полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ обращается съ ордеромъ ко всѣмъ сотникамъ полка прилуцкаго, и между прочими и къ Андрею Стороженку, сотнику ичанскому, напоминающимъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ и денежныхъ штрафахъ за куплю грунтовъ у подначальныхъ козаковъ.

Петръ Григорьевичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ и умеръ, кажется, въ молодыхъ годахъ безъ потомства. Степанъ Григорьевичъ былъ сотникомъ повстинскимъ[2]) въ лубенскомъ полку. Данило Григорьевичъ — бунчуковымъ товарищемъ.

---

[1]) Записки Марковича. Т. I. 157.

[2]) Мы узнаемъ, что была въ лубенскомъ полку сотня повстинская, неизвѣстная Марковичу. Повстинъ—нынѣ большое козацкое село пирятинскаго уѣзда, на р. Удаѣ, верстахъ въ девяти отъ г. Пирятина, внизъ по теченію Удая.

Въ маѣ 1745 года братья подѣлились оставшимся послѣ отца состояніемъ: дѣлежу подлежали различныя недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя по универсаламъ, ордерамъ и купчимъ. Всѣхъ документовъ было 140.

У Ивана Андреевича, сотника Иваницкаго, былъ сынъ Михайло.

Въ 1739 г. онъ подалъ просьбу генералъ-аншефу Александру Румянцеву объ опредѣленіи его „подъ главный знакъ бунчукъ“. Изъ уваженія къ заслугамъ предковъ, а также и въ немъ самомъ „усматривая къ службѣ охоту и годность“, Румянцевъ и состоявшіе при немъ члены войсковой генеральной канцеляріи, генеральный подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный судья Михайло Забѣла, а также полковникъ Иванъ Сенявинъ дали ему званіе бунчуковаго товарища. Указъ объ этомъ данъ въ мѣстечкѣ Домонтовѣ (золотоношскаго уѣзда), 14-го февраля 1739 г.

Михайло Ивановичъ получилъ отъ отца часть недвижимой собственности въ с. Ржавцѣ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе.

20-го ноября 1740 г. ржавскіе жители Ѳедоръ Пищоленко и Катерина Ивановна, жена Степана Штанченка, продали „панови и державцеви свому, его мосци, панови Михайлови Стороженкови, знатному товаришеви бунчуковому“ ставокъ подъ с. Ржавцемъ за 7 рублей.

15-го декабря 1740 г. онъ купилъ у бывшаго старосты ржавскаго Николая Климовича земли, въ трехъ рукахъ, на 100 рабочихъ дней, по 50 коп. за день, а также сѣнокосъ и усадьбу въ селѣ Ржавцѣ за 16 р.

4-го января 1741 г. ржавская козачка Ганка Хоменчиха продала „ланъ“, купленный ея мужемъ за десять талярей, по 50 к. за рабочій день.

7-го февраля 1741 г. ржавскій житель Иванъ Ивашенко продалъ свой „гай“ за 4 р.

Можно предположить съ полной вѣроятностью, что Михайло Ивановичъ сдѣлалъ еще не одну столь-же выгодную покупку.

Я упоминаю объ этихъ сдѣлкахъ, потому что онѣ представляютъ большой интересъ для изученія быта и для исторіи землевладѣнія въ XVIII вѣкѣ въ Украйнѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ постепеннаго увеличенія стоимости земли и перехода ея

отъ козацкихъ общинъ и мелкихъ землевладѣльцевъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, позднѣйшаго дворянства.

Михайло Ивановичъ былъ женатъ на Аннѣ Борознѣ.

У Михайла Ивановича былъ сынъ тоже Михайло.

Михайло Михайловичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. Универсаломъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, даннымъ въ Батуринѣ 12-го сентября 1763 г., онъ былъ опредѣленъ въ званіе войсковаго товарища. Потомъ онъ былъ коммисаромъ въ повѣтѣ прилуцкомъ.

23-го декабря 1765 г. онъ получилъ изъ малороссійской коллегіи патентъ на званіе бунчуковаго товарища за подписями: графа Румянцева, бригадира князя Платона Мещерскаго, генеральнаго писаря Василія Туманскаго, полковника Осипа Хвостова, генеральнаго асаула Ивана Жоравки, генеральнаго хорунжаго Даніила Апостола и коллежскаго совѣтника Дмитрія Натальина.

Предписаніемъ черниговскому намѣстничеству отъ 23-го января 1782 г. графъ Румянцевъ-Задунайскій назначилъ его въ судьи совѣстнаго суда намѣстничества и опредѣлилъ во всѣ новоучрежденныя присутственныя мѣста. Въ званіи совѣстнаго судьи Михайло Михайловичъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а 28-го февраля 1784 г.—надворнаго совѣтника.

Михайло Михайловичъ продолжалъ округлять свое состояніе.

25-го января 1758 г. вдова Михайла Ивановича—Анна и сынъ ея Михайло купили у козака сотни иваницкой с. Ступаковки ставокъ и греблю съ мельницей и валюшными ступами за 45 р. Для закрѣпленія на купчей подписались: іерей Θеодоръ Кушакевичъ съ приложеніемъ своей печати (изображеніе трехмачтоваго корабля съ распущенными парусами), атаманъ сотенный ичанскій Михайло Мартосъ (печать—изображеніе дракона) и атаманъ ржавскій, Яковъ Озерскій.

2-го мая 1759 г. Михайло купилъ у жителя с. Лучковки „гаіокъ“. На купчей опять таки подписался „пресвитеръ Даміянъ Летнѣцкій“ и житель лучковскій Іванъ Свирскій (печать—изображеніе двухъ тюльпановъ).

Весьма интересное дѣло велъ Михайло Михайловичъ съ владѣльцемъ с. Рожновки (борзенскаго уѣзда) Петромъ Разумовскимъ, полковникомъ нѣжинскимъ, о захватѣ рожновцами земель, принадлежавшихъ посполитымъ людямъ Михайла Михайловича.

У него былъ въ с. Ржавцѣ кирпичный заводъ, конскій заводъ (2 жеребца и 20 кобылъ), заводскаго рогатаго скота около 100 штукъ.

Женатъ Михайло былъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка—Ѳеодосіи.

За женой онъ взялъ большое приданное:

Въ городницкомъ уѣздѣ ему принадлежала деревня Новая Рудня—„положеніе имѣетъ на весьма песковатомъ бугристомъ мѣстѣ, при р. Вертечѣ, на коей плотина съ руднею, на одно ковадло, въ борѣ; въ сей деревнѣ посполитыхъ означеннаго Стороженка—14. Къ сей деревнѣ землѣ пахотной и сѣнокосу вовсе нѣтъ; жители ходятъ на заработки хлѣба, въ разніе степніе мѣста и притомъ нанимаются на работы къ руднямъ и другимъ заводамъ, отчего нужное пропитаніе себѣ имѣютъ“ [1]).

Шафонскій [2]), составившій описаніе черниговскаго намѣстничества нѣсколькими годами позже Пащенка и положившій „въ основаніе своего труда“, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, „работу Пащенка“ (предисловіе къ описанію Пащенка, стр. III), дѣлаетъ слѣдующія добавленія къ описанію д. Новой Рудни: „желѣзный заводъ (рудня) на р. Вертечѣ, построенъ въ 1706 г. черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ. Руду для онаго около той-же рѣчки въ болотахъ, а уголье изъ его-же лѣса, возлѣ онаго завода стоящаго, достаютъ.

„На семъ заводѣ только весною пудовъ пятьдесятъ желѣза выковываются, которое въ степныхъ мѣстахъ по торгамъ и ярмаркамъ продается“ [3]).

Въ хуторѣ Криничное ему принадлежалъ винокуренный заводъ на 12 двойныхъ котловъ.

„Хуторъ Старой Млинокъ при плотинѣ, состоящей на р. Ворзнѣ, съ 2 мельницами, о трехъ колахъ, въ лѣсѣ“.

Въ с. Неданчичахъ принадлежало ему нѣсколько грунтовъ, съ жившими на нихъ семью посполитыми людьми [4]).

---

[1]) Описаніе черниговскаго намѣстничества (1781 г.) Дмитрія Пащенка. Въ Запискахъ черниг. губернск. статистич. комитета. Книга вторая. Выпуски 1, 2, 3, 4. 1868 г.

[2]) Черниг. намѣстнич. топографич. описаніе, изд. М. Судіенка. Кіевъ. 1851 г.

[3]) Изд. Судіенка, стр. 330.

[4]) Пащенко. Зап. черниг. губернск. стат. ком. Вып. 1 и 2. Стр. 47, 54, 56.

Въ хуторѣ Уклоновѣ принадлежала ему плотина на р. Ворзнѣ, съ мельницею на два „кола“, разстояніемъ отъ хутора Уклонова въ 2 верстахъ, при коей посполитская его Стороженка хата—1.

„Село Довжикъ, разстояніемъ отъ г. Чернигова въ 25 верстахъ, отъ мѣстечка Любеча въ 29 верстахъ, на столбовой дорогѣ отъ Чернигова въ мѣстечко Любечъ. Положеніе имѣетъ отъ г. Чернигова на западной сторонѣ, на ровномъ, довольно возвышенномъ мѣстѣ; между жильями сего села протекаетъ р. Свишка и тутъ-же въ нее впадаетъ протокъ Бревенецъ; на соединившихся сихъ рѣкахъ двѣ плотины показаннаго Стороженка, съ 4 амбарами о 6 колахъ. Въ семъ селѣ: .... домъ пріѣзжій Стороженка о 3 покояхъ. Обывателей: ... посполитыхъ Стороженка—81. Къ сему селу земли пахатной достаточно, сѣно укашиваютъ на тѣхъ-же пахатныхъ поляхъ при берегахъ, а лѣсу посредственно; обыватели занимаются хлѣбопашествомъ“.

„Деревня Внучки въ 4 верстахъ отъ с. Довжика. Положеніе имѣетъ на высокомъ ровномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ р. Свишки, на которой плотина Стороженка съ 3 амбарами о 3 мучныхъ и валюшномъ колахъ, при пахатномъ полѣ и небольшой части лѣса; въ сей деревнѣ посполитыхъ Стороженка—90“.

„Деревня Табаіовка въ одной верстѣ отъ д. Внучекъ. Положеніе имѣетъ на ровномъ высокомъ мѣстѣ, при пахатныхъ поляхъ. Въ ней посполитыхъ Стороженка—18“ [1]).

У Михайла Михайловича былъ сынъ Николай, бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Со смертью Николая Михайловича прекратилась линія фамиліи Стороженковъ отъ Ивана Андреевича, сотника иваницкаго. Николай Михайловичъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ, сестрѣ извѣстнаго графа Михаила Андреевича Милорадовича.

У старшаго сына Григорія Андреевича—Андрея, было два сына Григорій и Александръ.

Они начали службу въ званіи войсковыхъ канцеляристовъ—Александръ при генеральномъ судѣ, а Григорій при войсковой генеральной канцеляріи, а потомъ при малороссійской коллегіи. 20-го декабря 1765 г. они получили изъ коллегіи патенты на званіе войсковаго товарища, за подписью графа Румянцева.

---

[1]) Пащенко. Зап. черниг. губернск. стат. ком. Выпуски 3 и 4. Стр. 57—59.

7-го мая 1770 г. Григорій получилъ званіе сотника иваницкаго.

Григорій участвовалъ въ турецкой войнѣ съ 1768 г. по 1774 г., въ которомъ былъ заключенъ миръ при Кучукъ-Кайнарджи.

Для усмиренія Пугачевскаго бунта изъ Украйны былъ отправленъ въ казанскую и оренбургскую губерніи тысячный отрядъ козаковъ подъ начальствомъ нѣжинскаго полковника Александра Якубовича. Въ составъ этого отряда попалъ и иваницкій сотникъ съ козаками своей сотни.

30-го іюля 1774 г. Якубовичъ далъ ему въ лагерѣ при р. Камѣ, „въ Башкирьи", аттестатъ, удостовѣряющій его личную храбрость и распорядительность. Григорій Андреевичъ, съ 13-го февраля по 30-е іюля, участвовалъ во всѣхъ походахъ и въ сраженіяхъ при д. Сатанихѣ 8-го и 11-го іюня, при д. Сабаевой 12-го іюня, за р. Уршаномъ 21-го и 22-го іюня, при с. Часниковкѣ 27-го іюня.

Въ подтвержденіе этого аттестата князь Петръ Голицынъ, командовавшій корпусомъ, въ составъ котораго вошелъ и украинскій отрядъ, выдалъ въ Казани отъ себя удостовѣреніе отъ 7-го августа 1774 г., что „сотникъ иваницкій оказывалъ всегда отличную храбрость и распорядительность, не щадя ни мало живота своего и велъ себя такъ, какъ доброму и честному человѣку свойственно".

За „усердную и добропорядочную службу съ 1760 года" малороссійская коллегія выдала ему 31-го августа 1781 г. въ Глуховѣ патентъ на званіе бунчуковаго товарища.

Графъ Румянцевъ-Задунайскій въ доношеніи правительствующему сенату отъ 24-го мая 1779 г. ходатайствуетъ о награжденіи Григорія Андреевича имѣніемъ.

У Степана Григорьевича было два сына—Михайло и Иванъ. Михайло въ 1765 г. былъ премьеръ-маіоромъ. У него былъ сынъ Александръ, не имѣвшій сыновей.

Иванъ Степановичъ умеръ въ молодыхъ годахъ холостякомъ.

У бунчучнаго товарища Данила Григорьевича было два сына—Петръ и Павелъ.

Павелъ родился въ 1775 г., получилъ воспитаніе въ сухопутно-кадетскомъ корпусѣ и началъ службу поручикомъ.

Петръ родился въ 1779 г., тринадцати лѣтъ онъ состоялъ регистраторомъ въ канцеляріи графа Румянцева.

Въ 1786 г. имъ принадлежала часть села Ржавца и слободы Лисогоръ, въ мѣстечкѣ Иваницѣ нѣсколько грунтовъ.

Хотя сыновья Петра Даниловича—люди XIX вѣка, но такъ какъ на нихъ кончается эта линія фамиліи Стороженковъ, то я позволю себѣ упомянуть объ нихъ.

У Петра было два сына—Николай и Алексѣй.

Николай былъ женатъ, но не имѣлъ сыновей. Алексѣй былъ холостъ.

Алексѣй Петровичъ былъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ, оставившимъ не одинъ прелестный разсказъ изъ малорусскаго народнаго быта.

Прилагаю родословный списокъ Стороженковъ.

1. Андрей Стороженко, „старшій полковникъ войскъ запорожскихъ" около 1610 года.
2. Михайло, сотникъ тульчинскій браславскаго полка около 1647—49 годовъ.
3. Яцко, козакъ реестровый 1649 года.
4. Иванъ, сотникъ ичанскій съ конца 60-хъ годовъ XVII в., полковникъ прилуцкій 1686—1693 гг. Жена—Марія. . 1.
5. Андрей, сотникъ ичанскій, 1715 года. Жена—Матрона Гнилозубъ . . . . 2.
6. Григорій, сотникъ иваницкій около 1716 года . . . . 2.
7. Григорій, 1715 года сотникъ ичанскій, 1727 года—генеральный бунчучный, 1732 года—кандидатъ на генеральнаго бунчучнаго, 1734 года—членъ коммисіи о переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ, 1737—41 годовъ кандидатъ на генеральнаго судью и генеральнаго подскарбія, бунчуковый товарищъ. Жена—вдова бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокія, урожденная Лизогубъ . . . . 3.
8. Иванъ, сотникъ иваницкій. Былъ женатъ два раза. . . 3.
9. Андрей, войсковый канцеляристъ 1741 года — сотникъ ичанскій . . . . 4.
10. Петръ, войсковый канцеляристъ 1741 г. . . . . 4.
11. Данило, бунчуковый товарищъ около 1770 года . . . 4.
12. Степанъ, сотникъ повстинскій. . . . . 4.

13. Михайло, бунчуковый товарищъ 1739 года. Жена—Анна Борозна . . . . 4.
14. Григорій, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищъ, сотникъ иваницкій 1770 годъ, бунчуковый товарищъ 1781 года . . . . 5.
15. Александръ, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищъ 1765 года . . . . 5.
16. Михайло, премьеръ-маіоръ 1765 года . . . . 5.
17. Иванъ . . . . 5.
18. Павелъ родился въ 1775 году, началъ службу поручикомъ 5.
19. Петръ, родился въ 1779 году, началъ службу 13-ти лѣтъ регистраторомъ, поручикъ . . . . 5.
20. Михайло, войсковый товарищъ 1763 года, коммисаръ 1765 года, бунчуковый товарищъ 1765 года, совѣстный судья 1782 года, надворный совѣтникъ 1784 года. . . 5.
21. Алексѣй, брестскій предводитель дворянства . . . . . 6.
22. Николай . . . . 6.
23. Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства . . . . . . 6.
24. Александръ . . . . 6.
25. Александра. Мужъ генералъ-маіоръ О'коннoръ . . . . 6.

Выдающимся въ родѣ Стороженковъ лицемъ какъ по своимъ дарованіямъ, такъ по литературной и служебной дѣятельности является не давно скончавшійся Алексѣй Петровичъ Стороженко. Несмотря на самыя разнообразныя вліянія образованія и жизни, онъ сохранилъ свою національную физіогномію до конца своихъ дней. Его недюжинный талантъ не получилъ еще надлежащей оцѣнки, а его беллетристическія произведенія далеко не всѣ извѣстны въ печати, его многолѣтняя служебная дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, въ центрѣ высшаго управленія остается совершенно почти неизвѣстною. Умеръ онъ вдали отъ родныхъ и къ нимъ не перешелъ его обширный портфель. Значительная часть его бумагъ, какъ мы слышали, находится у кого-то въ Брестѣ; множество писемъ находится въ разныхъ другихъ мѣстахъ и рукахъ. При тщательныхъ поискахъ, по свѣжей еще памяти, открылись-бы, можетъ

быть, рукописи покойнаго, существованія которыхъ мы не предполагаемъ.

Не безплодно было-бы для рода и потомства сохранить память объ этой личности даровитой и замѣчательной по своей служебной дѣятельности.

Принимаемъ на себя этотъ не легкій трудъ, но чувствуемъ сразу всю скудость имѣющагося у насъ матеріала. Позволяемъ себѣ надѣяться, что намъ не откажутъ въ содѣйствіи и довѣріи многочисленные почитатели таланта и памяти Алексѣя Петровича и покорнѣйше просимъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ перепискѣ съ нимъ, или которымъ случайно достались его письма и другія рукописи, подѣлиться таковыми временно съ нами. По снятіи съ нихъ копій, они немедленно будутъ возвращены, тщательно сохраненными. Весьма желательны были-бы также личныя воспоми- о покойномъ и за сообщеніе оныхъ мы были-бы особенно благодарны.

Какъ письма, такъ и воспоминанія просимъ адресовать на имя редакціи „Кіевской старины", для передачи намъ.

Н. В. С—ко.

Кіевъ, 8-го января 1884 г.

ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Кубанская область получила настоящій свой видъ только въ 1860 году, когда изъ двухъ, самостоятельно существовавшихъ до того. козачьихъ войскъ—черноморскаго и части кавказскаго линейнаго было образовано одно подъ именемъ кубанскаго. Поэтому, и исторія самоуправленія кубанскихъ козаковъ также распадается на двѣ независимыя исторіи: иначе самоуправленіе складывалось у черноморцевъ и иначе у линейцевъ. Такъ, отдѣльно одно отъ другаго, мы и отмѣтимъ историческое прошлое самоуправленіе у обоихъ названныхъ войскъ.

Относительно самоуправленія черноморскихъ козаковъ сложился тотъ неосновательный взглядъ, что будтобы черноморское войско, не смотря на свою генетическую связь съ Запорожьемъ, явилось тѣмъ не менѣе чѣмъ то новымъ, непохожимъ на это послѣднее по своему общественному строю. Такъ, семья и панское сословіе, не имѣвшія мѣста въ Запорожьи, получили полное право гражданства въ Черноморіи, чѣмъ будто-бы нарушились самыя основы сѣчеваго козачьяго самоуправленія. Историческіе факты дѣйствительно таковы: и семья и панское сословіе наложили рѣзкій отпечатокъ на жизнь козачества. И тѣмъ не менѣе, не смотря на это, Черноморія дала, въ предѣлахъ возможнаго, рѣдкій примѣръ согласованія старинныхъ излюбленныхъ формъ народной жизни съ новѣйшими ея требованіями, тѣмъ не менѣе черноморцы, съ ловкостью истыхъ политиковъ, перенесли съ собою на новое мѣстожительство порядки стараго Запорожья и привили ихъ здѣсь, на сколько позволили то обстоятельства.

Не въ добрую пору народилось черноморское войско. Центральное правительство косо въ это время посматривало на каза-

ковъ и ихъ самоуправленіе. Пугачевщина была еще у всѣхъ на памяти, съ запорожскою Сѣчью едва только были сведены счеты. И Екатерина II, и Потемкинъ одинаково стремились положить конецъ козачьимъ тенденціямъ въ средѣ малороссовъ. Братъ славянинъ Текелій, разрушая Сѣчь, постарался съ усердіемъ вандала стереть съ лица земли даже невинные историческіе памятники запорожцевъ. Только война съ турками и настоятельная нужда въ испытанныхъ козачьихъ войскахъ вызвали на свѣтъ снова организацію козачества изъ разрозненныхъ и разсѣянныхъ сѣчевиковъ. Давая, поэтому, новую жизнь козачеству, правительство всячески старалось съузить его права и подавить его былую, традиціонную автономію.

Начало существованія черноморскаго войска можно считать съ 1787 года. Въ это время часть разсѣянныхъ запорожцевъ, благодаря хлопотамъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго, были кое-какъ собраны въ одно „войско“ и главное начальствованіе надъ козаками, согласно съ ихъ желаніемъ, было поручено Сидору Бѣлому. Бѣлый носилъ званіе войсковаго атамана и пытался было устроить Сѣчь у днѣпровскаго лимана съ Кинбурнской стороны. Войску была даже возвращена часть регалій запорожской Сѣчи—знамена, булава кошеваго и перначи, и дана собственная уже его войсковая печать [1]). Тѣмъ не менѣе на всемъ этомъ лежали черты какой-то вынужденной дѣланности. Сѣчь въ сущности представляла собою временный военный станъ, всецѣло находившійся въ распоряженіи русскихъ генераловъ, какъ часть дѣйствовавшей въ то время русской арміи. У войска не было надлежащей точки опоры для самостоятельнаго существованія—не было своей собственной земли, хотя въ 1788 г. и было уже сдѣлано обѣщаніе пожаловать землю „для поселенія въ керченскомъ кутѣ или на Тамани“ [2]).

Позже, въ 1790 году, черноморскому войску была отведена подъ поселеніе земля между рр. Днѣстромъ и Бугомъ. Войско здѣсь основало около 25 крупныхъ поселеній и не мало хуторовъ. Здѣсь поселились уже, кромѣ бездомной сиромы, и семейные ко-

---

[1]) Короленко, «Черномоцы», стр. 6.

[2]) Тамъ же, прил. III, стр. 3.

заки. Войско вмѣстѣ съ тѣмъ сохранило нѣкоторые остатки сѣчеваго устройства. Оно имѣло свой кошъ въ селеніи Слободзеѣ, своихъ кошеваго атамана, судью, писаря и есаула. Были учреждены также три полковыя паланки: березанская, поднѣстрянская и кинбурнская. Однако не смотря на все это, козаки все таки не чувствовали твердой почвы подъ собою, „не видѣли, по свидѣтельству Котляревскаго, точнаго тому положенія". Отъ старинной сѣчевой іерархіи остались одни лишь осколки, немногіе выборные старшины могли быть таковыми только съ согласія и утвержденія правительства, а, главное, казачество хорошо видѣло и понимало, что ему не ужиться рядомъ съ помѣщиками и что самая принадлежность ему указанныхъ земель была сомнительна.

И дѣйствительно, уже въ 1791 г. черноморцы получили повелѣніе переселиться изъ-за Буга на Таманскій или Фанагорійскій полуостровъ. Черноморцамъ такимъ образомъ не только предстояло бросить нѣсколько насиженныя уже мѣста, но въ перспективѣ виднѣлось нѣчто еще болѣе худшее: Таманскій полуостровъ представлялъ такой клочекъ земли, на которомъ было-бы тѣсно войску даже при тогдашнемъ его составѣ; но черноморцы, сплоченные уже въ одну козачью общину, нашлись въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ и вышли изъ нихъ побѣдителями. Имъ помогла тутъ привычка къ самоуправленію и желаніе добиться, во чтобы то ни стало, самостоятельной жизни.

Въ сущности, конечно, самое возникновеніе козачества обязано инициативѣ и заботамъ исключительно самихъ-же козаковъ; они, въ лицѣ своихъ старшихъ, подали объ этомъ адресъ Екатеринѣ II, они ходатайствовали раньше о томъ-же предъ всесильнымъ Потемкинымъ. Позже, въ 1789 г., когда козачество ощутило надобность въ собственной своей землѣ и когда какъ по этому вопросу, такъ и относительно приравненія козачьей службы къ донской въ военномъ отношеніи, между пѣшими и конными козаками произошли несогласія, бывшій тогда войсковымъ атаманомъ Чепѣга просилъ войскового судью Антона Головатаго „приложить стараніе привесть и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе, а также и о донской службѣ" [1]). Вслѣдствіе этого Головатый собралъ на островѣ

[1]) Тамъ-же, стр. 56.

Березани козачью раду изъ пѣхотныхъ козаковъ, которые и выразили свое согласіе относительно ходатайства о землѣ въ особомъ приговорѣ. Такимъ образомъ случай этотъ показываетъ, что общинная самодѣятельность была видною характерною чертою въ жизни черноморскаго козачества: община, а не отдѣльныя ея лица или даже представители, являлась окончательнымъ судьею и вершителемъ дѣлъ по важнѣйшимъ вопросамъ этой жизни.

Особенно-же ярко отмѣченная черта выразилась при переселеніи черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань. Получивъ приказаніе о переселеніи, козаки на общей войсковой радѣ порѣшили послать прежде всего опытныхъ людей для осмотра Тамани и прилегавшихъ къ ней земель. Такимъ лицемъ былъ избранъ войсковый есаулъ Мокій Гуликъ съ командою козаковъ: затѣмъ, по приговору войсковой рады, судья Антонъ Головатый съ нѣсколькими войсковыми товарищами были избраны въ депутаты къ императрицѣ для исходатайствованія правъ „на вѣчно спокойное потомственное владѣніе" тою землею, которую намѣтило для себя козачество. Депутаціи было вручено прошеніе на имя императрицы отъ имени всего войска и особая инструкція относительно тѣхъ пунктовъ, о которыхъ депутація должна была хлопотать. Не смѣя даже заикнуться о правахъ бывшей запорожской Сѣчи, войско принуждено было пустить въ ходъ хитрость. Такъ, оно скромно просило объ отдачѣ ему во владѣніе земель „на Тамани съ окрестностями оной", а окрестности эти, по занимаемому ими пространству, въ 30 разъ превышали самый таманскій полуостровъ. Такъ оно не заикнулось и словомъ объ организаціи самоуправленія, а впослѣдствіи выработало свой собственный законодательный актъ, служившій въ сущности снимкомъ съ организаціи самоуправленія въ запорожской Сѣчи.

Результатомъ хлопотъ депутаціи въ Петербургѣ были двѣ жалованныя грамоты отъ 30 іюня и отъ 1 іюля 1792 года[1]). Въ этихъ грамотахъ были выражены тѣ начала, которыя легли потомъ въ основу общиннаго самоуправленія черноморскихъ козаковъ. Надо отдать полную справедливость той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала въ этомъ отношеніи козачья депутація и въ

---

[1]) П. С. Зак., т. XXIII, стр. 342 и 346.

особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и бандуру, и чудачество козака-малоросса, этотъ замѣчательно умный человѣкъ на столько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти козачьихъ выраженіяхъ.

На основаніи первой изъ этихъ грамотъ, войско представляло собою коллективное юридическое лице; земля была отдана ему также въ коллективную собственность; войску положено было опредѣленное жалованье, дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковыхъ земляхъ, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребленіе другихъ регалій бывшей Запорожской Сѣчи; въ административномъ отношеніи войско подчинено было таврическому губернатору, но имѣло свое собственное начальство, такъ называемое „войсковое правительство“, состоявшее изъ войсковаго атамана, судьи и писаря; хотя затѣмъ въ грамотѣ и выражено было, „чтобы земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными учрежденіями о управленіи губерній“, но войсковому правительству предоставлена была „расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ“, и только „важныхъ преступниковъ“ повелѣвалось отсылать къ таврическому губернатору „для осужденія по законамъ“; наконецъ, на черноморское войско возложены были „бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ“.

Вторая грамота, отъ 1 іюля, обнимала собственно вопросъ о переселеніи козаковъ изъ-за Буга на Кубань и о пожалованіи старшинамъ патентовъ на офицерскіе чины.

Такимъ образомъ, въ грамотахъ не было прямыхъ указаній на то, въ какой формѣ должно было выразиться самоуправленіе войска. На дѣлѣ-же войско придерживалось уже въ этомъ отношеніи порядковъ Запорожской Сѣчи. Оно воспользовалось, поэтому, какъ неопредѣленностью оффиціальныхъ документовъ, такъ и прецедентомъ сложившейся уже практики, и выработало въ формѣ писанныхъ правилъ 1794 года, извѣстныхъ подъ именемъ „Порядка общественной пользы“ [1]), свою особую организацію козачьяго само-

[1]) Ив. Попка. «Черноморскіе козаки», стр. 277—288.

управленія. „Вспоминая первобытное войска подъ названіемъ запорожцевъ состояніе“, войсковое правительство постановило въ этомъ замѣчательномъ документѣ слѣдущія важнѣйшія правила:

Въ войскѣ должно было существовать „войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ“, и состоявшее изъ кошеваго атамана, войсковаго судьи и войсковаго писаря.

„Ради войсковой резиденціи“ основанъ городъ Екатеринодаръ.

Въ Екатеринодарѣ, „ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ козаковъ“, устроено было 40 куреней, изъ которыхъ 38 носили тѣ-же названія, что и въ Запорожской Сѣчи; а все войско положено было „поселить куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ“.

Въ каждомъ куренѣ ежегодно, 29 іюня, положено было избирать куреннаго атамана.

Куренные атаманы обязаны были безотлучно находиться при куреняхъ, дѣлать наряды по службѣ, примирять тяжущихся и „разбирать голословно маловажныя ссоры и драки“, а „за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству“.

Старшины, безъ должности, должны были повиноваться въ куреняхъ „атаману и товариществу“, а этимъ послѣднимъ въ свою очередь предписывалось уважать старшинъ.

„Для завѣдыванія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгоденственному спокойствію благоустройнаго порядка“, войсковая территорія была раздѣлена на пять округовъ.

Для управленія округами въ каждомъ изъ нихъ полагалось „окружное правленіе“, состоявшее изъ полковника, писаря, асаула и хорунжаго и имѣвшее свою окружную печать съ гербомъ.

Окружныя правленія и лица, составлявшія ихъ, обязаны были „чинить непремѣнное и немедленное исполненіе“ письменныхъ распоряженій войсковаго правительства. На правленіе, кромѣ того, возложено было имѣть попеченіе объ экономическихъ нуждахъ населенія, „а также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать“, заботиться объ исправномъ и своевременномъ вооруженіи козаковъ, о дорогахъ и мостахъ, о благоустройствѣ и чистотѣ въ куренныхъ селеніяхъ, о пожарной части, о преслѣ-

дованіи воровъ и грабителей и о мѣрахъ противъ повальныхъ болѣзней на людяхъ и на скотѣ.

Въ частности козакамъ какъ чиновнымъ, такъ и рядовымъ, дозволено было заводить на войсковой землѣ и угодьяхъ дворы, хутора, мельницы, лѣса, сады, виноградники и рыбные заводы, а „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ“, позволялось, кромѣ того, селить при хуторахъ родственниковъ и „вольноотпущенныхъ людей“.

Собственно для окружныхъ правленій была выработана также особая инструкція, въ которой подробно были изложены права и обязанности окружной администраціи, какъ земской полиціи и исполнительнаго органа.

Таковы въ существенныхъ чертахъ были порядки того самоуправленія, которымъ должны были начать свою новую жизнь на Черноморіи наслѣдники Запорожья. Сравнивая эти порядки съ тѣмъ, чѣмъ пользовалось въ этомъ отношеніи Запорожье, нельзя конечно не замѣтить, что права козачества были значительно съужены. Для Запорожской Сѣчи почти не существовало никакихъ законовъ, изданныхъ центральнымъ правительствомъ; она сама составляла свои законы, на основаніи обычая, и даже карала своихъ преступныхъ сыновъ смертною казнію. Управленіе-же черноморскимъ войскомъ предписывалось въ жалованной грамотѣ сообразовать съ узаконеніями по управленію губерніями. Въ Запорожьѣ широко практиковалось выборное начало. Въ Черноморіи оно было оставлено только для мелкихъ единицъ—куреней. Въ Запорожьи старшина была выборною. На Черноморіи, разъ козакъ занялъ въ войсковой іерархіи чиновное мѣсто, за нимъ закрѣплялось званіе пана правительственными дипломами навсегда.

Съ другой стороны, за козачествомъ были оставлены, во первыхъ, право войсковой земельной собственности и, во вторыхъ, куренное самоуправленіе, т. е. такого рода устои, на которыхъ крѣпко могла еще стоять общинная жизнь козачества. Козаки вообще старались удержать даже внѣшнія черты сѣчеваго устройства. Такъ, были оставлены курени въ Екатеринодарѣ; подъ именемъ округовъ были учреждены тѣ-же запорожскія паланки, въ которыхъ, какъ и въ Запорожьи, администрацію составляли полковникъ, писарь, асаулъ

и хорунжій; администрація эта ежегодно выбиралась войсковымъ правительствомъ, т. е. если не самимъ товариствомъ, то все таки его представителями, составлявшими коллегіальное учрежденіе; въ сферѣ обыденныхъ отношеній предписывалось даже почитать, какъ и въ Запорожья, старшинъ непроходившихъ общественной службы и проч. Но суть конечно заключалась въ перенесеніи самоуправленія въ курень.

Такимъ образомъ, въ Черноморіи въ первый разъ ясно обозначилась та диференцировка автономныхъ функцій козачества, благодаря которой одна часть этихъ функцій перешла къ центральному правительству, а другая осталась за войскомъ въ формѣ спеціальныхъ его правъ. Высшая администрація козачества, представляя собою одну лишь внѣшнюю форму сѣчевой администраціи, безъ внутренняго правоваго содержанія, была собственно органомъ правительственнымъ, такъ какъ и назначалась, и смѣнялась, и руководилась, и была отвѣтственною исключительно предъ центральнымъ правительствомъ. Самоуправленіе затѣмъ замкнулось въ тѣсныя рамки куренной, сельской общины.

Не само конечно козачество додумалось до подобной реорганизаціи вѣковой своей жизни, но привели его къ ней историческій ходъ событій, обстоятельства внѣшнія, которыя должны были съузить широкое приволье козачьей жизни. Подъ вліяніемъ ихъ, козачество работало несомнѣнно въ духѣ своихъ вѣковыхъ идеаловъ и съумѣло разбить безсемейную Запорожскую Сѣчь на сорокъ мелкихъ черноморскихъ сѣчей, въ основу которыхъ, по словамъ грамоты, должно было лечь „распространеніе семейственнаго житія"; но если при этомъ оно измѣнило и ограничило свою внутреннюю организацію, то это зависѣло не отъ превращенія безсемейнаго козачества въ семейное, а условливалось обстоятельствами чисто внѣшними—требованіями и интересами центральнаго правительства.

Но и упомянутое сѣчевое устройство черноморскаго козачества существовало безъ измѣненій только до 1801 года, когда войску была дана новая грамота императоромъ Павломъ, значительно измѣнившая прежнее козачье устройство и изгнавшая изъ употребленія даже нѣкоторыя названія лицъ и учрежденій, заимствованныхъ черноморцами изъ Запорожской Сѣчи. Напрасно раньше, въ 1797 году, кошевой атаманъ Т. Т. Котляревскій хлопоталъ о томъ,

чтобы дозволено было войсковое правительство „именовать по прежнему Кошемъ войска вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ“ и заботился о пожалованіи войску „бунчука и трости войсковой, поелику сіи привиллегіи были въ войскѣ запорожскомъ жалованными“. Атаманъ видимо желалъ удержать хотя-бы одни внѣшнія черты стараго сѣчеваго устройства, чтобы покрайней мѣрѣ они напоминали молодому козачеству о былой автономіи его дѣдовъ и отцовъ. Но центральное правительство въ свою очередь неизмѣнно шло по разъ намѣченному пути. Въ силу упомянутой грамоты, вмѣсто „войсковаго правительства“, была учреждена „войсковая канцелярія“, въ которой должны были присутствовать отъ войска атаманъ и два члена, а отъ правительства „особа“ по назначенію отъ него; при канцеляріи-же долженъ былъ состоять правительственный прокуроръ. Въ дѣловомъ отношеніи, согласно съ образцами тогдашняго бюрократизма, канцелярія была раздѣлена на шесть „экспедицій“—криминальную, гражданскую, казенную, межевую, полицейскую и сыскную. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, указомъ императора Павла отъ 13 ноября, войско было раздѣлено въ военномъ отношеніи на 20 полковъ.

Въ царствованіе Александра I, указомъ отъ 25 февраля 1802 г., вновь положено было учредить „войсковое правительство съ такимъ-же числомъ присутствующихъ, какъ и въ донскомъ войскѣ“, а въ войсковой канцеляріи донскаго войска, въ силу того-же указа, повелѣно было присутствовать войсковому атаману, двумъ непремѣннымъ членамъ и четыремъ ассесорамъ, при чемъ учрежденные при Павлѣ экспедиціи, за исключеніемъ полицейской, положено было совсѣмъ уничтожить. По воинскимъ дѣламъ Черноморію приказано было подчинить инспектору крымской инспекціи, а по части гражданской—таврическому губернскому начальству и „особенно управляющему губерніею“. Затѣмъ участіе въ войсковомъ правительствѣ „особаго генерала“ также рѣшено было отмѣнить, оставивъ лишь прокурора [1]). Такимъ образомъ, благодаря этому узаконенію, былъ сдѣланъ какъ-бы шагъ назадъ къ прежнему козачьему устройству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе войска на 20 полковъ въ военномъ отношеніи осталось въ своей силѣ.

---

[1]) Пол. собр. зак., т. XXVII, стр. 54.

По словамъ г. Попки, старые казаки рѣзко отличали то устройство казачества, какое послѣднимъ было получено въ силу узаконеній Павла и Александра I, отъ прежняго, выраженнаго письменно въ „Порядкѣ общественной пользы“, обозначая его въ своихъ воспоминаніяхъ лаконически: „до полковъ“. И на самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи замѣчалась видимая разница, хотя разница эта началась раньше дѣленія войска на полки. Такъ, первые три кошевые атамана—Бѣлый, Чепѣга и Головатый, были еще избраны козачествомъ по старинному обычаю на войскокой радѣ и только утверждены правительствомъ; четвертый затѣмъ Котляревскій былъ уже прямо назначенъ правительствомъ, безъ всякаго выбора, и съ этихъ поръ войсковые атаманы назначались правительствомъ изъ среды козаковъ до 1855 года, когда назначеніе войсковыхъ атамановъ начало производиться изъ однихъ лицъ не козачьяго происхожденія. Грамотою императора Павла были совсѣмъ уничтожены зданія войсковаго судьи и войсковаго писаря. Дѣленіе на полки, ослабивъ отчасти у козаковъ право собственныхъ военныхъ распорядковъ, наложило на войско узы внѣшней стороннеи регламентаціи. Назначеніе въ войсковую канцелярію довѣренныхъ отъ центральнаго правительства лицъ, помимо выраженнаго самимъ фактомъ войску недовѣрія, связывало козачью администрацію въ области самостоятельныхъ ея дѣйствій и начинаній. Однимъ словомъ, послѣдними правительственными распоряженіями окончательно были стерты слѣды собственно войсковаго козачьяго самоуправленія. Отъ запорожской Сѣчи осталось одно куренное, общинное въ тѣсномъ смыслѣ, самоуправленіе.

И такъ, начало теперешняго общиннаго самоуправленія черноморцевъ надо искать въ томъ отдаленномъ времени, когда на Черноморіи существовала куренная община, позаимствованная въ свою очередь изъ запорожской Сѣчи.

На сколько можно судить объ этомъ отдаленномъ времени, куренное са́моуправленіе цѣликомъ держалось на народныхъ обычаяхъ и традиціяхъ. Писанныхъ законовъ не существовало для этой мелкой козачьей общины. Куренный атаманъ былъ лицемъ выборнымъ и ежегодно смѣняемымъ, по желанію избравшей его общины, разъ онъ былъ ей не угоденъ. Куренное общество или кругъ было традиціонною козачьею громадою, вершившею свои общественныя

дѣла на общихъ радахъ. Тутъ, на этихъ радахъ, товариство и атаманъ обсуждали свои нужды, распредѣляли выполненіе общинныхъ повинностей, устанавливали извѣстнаго рода хозяйственные порядки и чинили судъ и расправу въ тѣхъ границахъ, какія позволялись имъ войсковою администраціею, но какія, впрочемъ, были не ясно опредѣлены, а потому, и еще болѣе по старой привычкѣ, часто преступались козачествомъ.

Впрочемъ, собственно въ исполнительныхъ органахъ куреннаго управленія въ разное время были вводимы нѣкоторыя измѣненія. Обычнымъ представителемъ общины былъ въ этомъ отношеніи атаманъ, при которомъ состоялъ писарь. Но затѣмъ въ одно время, кромѣ куренныхъ атамановъ, были такъ называемые сельскіе атаманы, въ другое время, именно во время водворенія переселенцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, назначились „смотрителя" во вновь устраивавшіяся селенія. Въ концѣ концевъ куренное правленіе составляли куренной атаманъ и два куренные судьи, съ неизбѣжнымъ писаремъ, на которомъ лежало веденіе канцелярской части. Всѣ эти лица были выборными и первыя три лица, кромѣ исполнительной роли, несли обязанности ближайшей судебной инстанціи, роль которой, впрочемъ, какъ-то терялась въ куренномъ козачьемъ „кругѣ" или „радѣ", представлявшемъ собою высшую инстанцію козачьяго куреннаго самоуправленія.

Въ такомъ видѣ куренное самоуправленіе существовало до 1842 года, когда то, что держалось въ куренныхъ общинахъ на обычаѣ и традиціяхъ, въ первый разъ было формулировано и занесено въ правительственныя законоположенія. Въ этомъ году вышло первое казачье Положеніе.

Положеніемъ 1842 года[1]) управленіе черноморскимъ козачьимъ войскомъ было подраздѣлено на военные и гражданское. Для военнаго управленія были учреждены войсковое и окружныя дежурства. Въ гражданскомъ-же отношеніи органы управленія распадались на войсковыя, окружныя и станичныя.

Къ войсковымъ учрежденіямъ относились: 1) войсковое правленіе, 2) войсковая врачебная управа, 3) войсковая прокуратура, 4) торговый словесный судъ и 5) полиція города Екатеринодара.

---

[1]) П. С. Зак., т. XVII.

Существенный органъ въ козачьемъ управленіи представляло собственно войсковое правленіе, которое состояло изъ четырехъ экспедицій: исполнительной, хозяйственной, поземельной и гражданской.

Окружное гражданское управленіе въ свою очередь распадалось: 1) на окружной судъ, 2) окружное сыскное начальство, 3) словесный мировой судъ и 4) окружную прокуратуру въ лицѣ окружнаго стряпчаго. Существенное значеніе въ дѣлѣ козачьяго управленія имѣли собственно окружные суды и въ особенности засыскныя начальства. Въ составъ первыхъ входили судья и два засѣдателя—одинъ отъ чиновниковъ и одинъ отъ козаковъ. Такъ какъ въ засѣдатели выбирались обыкновенно лица станичными сходами, то въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, въ положеніи 1842 г. было допущено нѣчто въ родѣ участія куренной или станичной общины въ войсковомъ управленіи. Но это было именно только нѣчто. Въ силу самаго положенія, попавшія въ засѣдатели отъ козаковъ лица могли участвовать въ рѣшеніяхъ тѣхъ только дѣлъ, которыя касались станицы или козаковъ. Засѣдатели, слѣдовательно, являлись въ такихъ случаяхъ лишь защитниками интересовъ рядоваго козачества; но такая защита могла быть игрушкою въ рукахъ всесильнаго пана, который засѣдалъ во всѣхъ козачьихъ учрежденіяхъ и ворочалъ всѣмъ, конечно, не въ обиду и не въ убытокъ себѣ.

Наконецъ, станичныя учрежденія составляли собственно органы козачьяго самоуправленія. Это были станичный сборъ и станичное правленіе, въ которыхъ выражалась юридически автономная дѣятельность станицы или вѣрнѣе станичнаго общества.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя статьи Положенія 1842 года о черноморскомъ войскѣ были приравнены къ однохарактернымъ статьямъ Положенія отъ 26 мая 1635 года о донскомъ войскѣ, и такъ какъ послѣднее было издано раньше перваго, то въ извѣстныхъ случаяхъ черноморскіе козаки должны были руководиться имъ. Такъ, въ области собственно станичнаго управленія черноморское войско должно было придерживаться главы XVI „Наказа гражданскому управленію войска донскаго“ и „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія“, а также главы Положенія о порядкѣ станичныхъ выборовъ. Это конечно не означало, что станичное самоуправленіе черноморцевъ было перемѣнено на иной ладъ.

Нѣтъ, на указанныхъ пунктахъ у черноморцевъ и донцевъ было много общаго, къ которому они пришли путемъ самостоятельной жизни и развитіи.

Согласно обоимъ казачьимъ Положеніямъ и черноморскому и донскому, каждая станица въ лицѣ полноправныхъ общинниковъ представляла собою отдѣльное станичное общество, на которомъ лежали хозяйственные распорядки, касавшіеся всей станицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ станичному обществу была оставлена часть правъ стариннаго казачьяго круга или рады. Такъ, общество на полномъ сборѣ могло судить и наказывать своихъ членовъ „за маловажные проступки“, „за бродяжество“ и прочее. Въ частности автономныя функціи станичной общины были раздѣлены между двумя органами—станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ.

Какъ гласитъ параграфъ 115 упомянутыхъ „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія“, станичный сборъ долженъ былъ руководиться „въ сужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ“ тѣмъ общимъ основаніемъ, „чтобы общественная собственность со стороны всякаго незаконнаго притязанія оставалась совершенно неприкосновенною, чтобы польза общая всегда предпочитаема была частной; чтобы всѣ обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто изъ нихъ не присвоялъ не принадлежащаго ему; чтобы не былъ упущенъ изъ виду ни одинъ источникъ, могущій приносить станицѣ доходъ, а по расходамъ была соблюдена строгая хозяйственность и отчетность; чтобы мѣры взыскательности служили къ неослабному сохраненію и утвержденію древнихъ обычаевъ, доброй нравственности по общежитію и въ семействахъ, благочестія, чинопочитанія и уваженія къ старшимъ, и всегдашней готовности къ исполненію обязанностей службы; чтобы тѣлесное наказаніе опредѣлялось по однимъ яснымъ и никакому сомнѣнію не подверженнымъ доводамъ; чтобы престарѣлые, дряхлые и больные, неимѣющіе покрова, обрѣтали пристанище и успокоеніе, а сироты обезпечивались въ своемъ достояніи; чтобы искоренялось пристанодержательство подозрительныхъ людей, бродяжество нищихъ и прочее“. Самые-же подлежавшіе обсужденію станичнаго сбора предметы подраздѣлялись на двѣ категоріи: по однимъ изъ нихъ, каковы „распоряженія по земельному довольствію, назначеніе опекуновъ, опредѣленіе мѣры тѣлеснаго наказанія“ и т. п., постановленія мо-

гли производиться не менѣе, какъ $^2/_3$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ; по другимъ, какими были разборъ ссоръ и дракъ, дѣла о буйствѣ и непослушаніи въ нетрезвомъ видѣ и проч., постановленія могли производиться и неполнымъ сборомъ.

Собственно станичное правленіе представляло собою „мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую на пространствѣ юрта каждой станицы.“ Въ составъ станичнаго правленія входили станичный атаманъ и двое судей, которые выбирались обществомъ на полномъ сборѣ и утверждались въ своей должности войсковымъ атаманомъ на три года. Кромѣ того, при каждомъ станичномъ правленіи полагалось по два писаря, но, по своему положенію, они не принадлежали къ составу станичной администраціи, хотя въ дѣйствительности и играли именно такую роль. Какъ исполнительному органу, станичному правленію должно было подчиняться „все народонаселеніе станицы“.

Съ другой стороны, станичному правленію была присвоена въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная функція. Ему было предоставлено право „неукоснительно производить словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже двадцати рублей, потраву чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіе сада и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія“. Но въ такихъ случаяхъ, разобравъ извѣстное дѣло и записавъ кратко сущность его въ журналѣ, станичное правленіе передавало его на судъ станичнаго общества. Въ свою очередь станичное „общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашалось съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагало свое рѣшеніе.“ Такимъ образомъ, функціи станичнаго суда распредѣлялись между станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ, причемъ послѣднее играло роль предварительной слѣдственной власти, а первый имѣлъ значеніе высшей судебной инстанціи.

Къ тому времени, когда было издано Положеніе 1842 года о черноморскомъ войскѣ, войско это уже оконательно сложилось въ сословномъ отношеніи. То, что было только въ зародышѣ при заселеніи края, въ это время стало вполнѣ законченнымъ фактомъ.

Прежняя старшина превратилась въ пановъ, въ дворянское сословіе. Рядомъ съ этимъ сословіемъ вышло изъ той-же среды рядоваго козачества и козачье духовенство. Занявъ опредѣленное мѣсто въ войскѣ, оба сословія стали, разумѣется, въ извѣстныя отношенія къ сѣрой массѣ. Принадлежность ихъ къ войску давала имъ права рядоваго козачества, а чиновное положеніе предоставляло преимущества привиллегированныхъ людей. Въ положеніе 1842 года въ первый разъ занесено одно изъ такихъ преимуществъ для дворянства. Помимо обычныхъ козачьихъ правъ на землю въ количествѣ 30 дес., дворянскому сословію было предоставлено въ пожизненное пользованіе по 1500 дес. на генерала, по 400 дес. на штабъ-офицера и по 200 дес. на оберъ-офицера. Это, понятно, должно было еще рѣзче выдѣлить офицеровъ и чиновниковъ изъ массы рядоваго козачества.

Исторія черноморскаго войска богата вообще фактами самаго безцеремоннаго отношенія пановъ къ куренному самоуправленію. Съ особенною яркостью выразилось это въ захватѣ панами лучшихъ земельныхъ угодій и въ исключительномъ пользованіи ими. Какъ примѣръ такихъ отношеній, можно привести здѣсь слѣдующій фактъ. Въ 1823 г. общество и атаманъ „вновь устроеннаго селенія на Албашахъ", впослѣдствіи новодеревянковскаго куреня, послали козака Павла Вариводу къ полковому хорунжему Пичкѣ для уговора на счетъ того, чтобы Пичка не толочилъ своимъ скотомъ „кута", оставленнаго обществомъ подъ общій для него и Пички сѣнокосъ, на что раньше изъявилъ согласіе самъ Пичка. „Но, какъ говорится въ жалобѣ атамана въ комитетъ по переселенію, онъ, г. Пичка, не взирая на просьбу общества, посланнаго козака Вариводу первѣе разругалъ разнообразно, потомъ билъ его плетью до удовольствія своего и отобралъ плеть; еще имѣлъ противозаконныя похвалки смерти предать" [1]). И подобными фактами, повторяемъ, полна исторія козачьяго самоуправленія.

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства, рядовое козачество всячески старалось отстоять свою общинную самостоятельность. Старинные козачьи обычаи были еще сильны; козачество не могло еще забыть своей прежней автономіи, и община

---

[1]) Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

часто переступала тѣ границы, которыя были положены ей въ этомъ отношеніи писаннымъ закономъ. Такъ, въ той-же новодеревянковской станицѣ общество постановило въ 1847 г. удалить изъ своей среды заштатнаго священника изъ козаковъ. Постановленный на этотъ счетъ приговоръ на столько любопытенъ самъ по себѣ, что не лишне будетъ привести его здѣсь въ существенныхъ чертахъ. Заштатный священникъ Иванъ Ивановъ, гласитъ приговоръ, „дѣлалъ намъ разныя притѣсненія, оскорбленія и обиды; рѣдкій изъ насъ не испыталъ отъ него неистерпимыхъ ругательствъ и побоевъ, особенно въ пьяномъ видѣ, въ коемъ онъ довольно часто упражняется". Жалобы на священника „были неисчислимы, но удовлетвореній (по нимъ) никто не получалъ". Правда, было сдѣлано распоряженіе о высылкѣ священника Иванова въ монастырь, но оно не приведено въ исполненіе. Къ тому-же, со времени смерти жены священника, за хозяйку у него живетъ „станицы новомлинской женщина Варвара Губарева развратнаго поведенія, вздорнаго и строптиваго характера и рѣшительно испорченной нравственности. Будучи близкою къ нему, какъ домоправительница, она подстрекаетъ и вооружаетъ Иванова противъ многихъ изъ насъ". А посему общество поручаетъ станичному правленію „ходатайствовать о скорѣйшемъ удаленіи изъ станицы, ради нашего спокойствія, вздорнаго и буйнаго священника Иванова, а его развратную и безнравственную домоправительницу Варвару Губареву заразъ удалить изъ среды насъ, куда будетъ благоугодно начальству" [1]). И затѣмъ подъ приговоромъ стоитъ 119 подписей.

Такимъ образомъ, куренная или станичная община была въ сущности общиною всесословною. Въ составъ ея входили вмѣстѣ съ рядовыми козаками и козачьи офицеры или чиновники, а мѣстами даже духовенство. Лица изъ дворянскаго сословія, не рѣдко выбирались станичными атаманами, хотя, по весьма понятной причинѣ, станичники и предпочитали имъ своего брата-козака. На сходахъ, въ дѣлахъ всей общины одинаково участвовали и козаки, и офицеры, и духовныя лица козачьяго происхожденія. И если объ участіи офицеровъ въ прежнемъ самоуправленіи станицъ козаки сохранили темныя воспоминанія, то лица духовныя играли иногда

---

[1]) Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

въ этомъ самоуправленіи довольно почтенную роль. Козакъ-священникъ всегда былъ уважаемымъ лицемъ въ станицѣ. За немногими исключеніями, масса сохранила объ этихъ священникахъ добрыя воспоминанія, выдѣляя ихъ изъ рядовъ остальнаго, пришлаго духовенства. Это было свое, „козаче", по выраженію черноморцевъ, духовенство, ставшее таковымъ большею частію по „собственному призванію", по желанію общинъ и по ходатайствамъ ихъ предъ епархіальнымъ начальствомъ путемъ представленія такъ называемыхъ „одобрительныхъ приговоровъ". Неудивительно, что такого рода духовныя лица имѣли авторитетный голосъ по многимъ вопросамъ на станичныхъ сходахъ, которые эти лица обыкновенно обязательно посѣщали.

Инымъ путемъ и въ иныхъ формахъ шло развитіе внутреннихъ распорядковъ въ козачьихъ общинахъ Старой и Новой Линій. Съ самаго возникновенія этихъ общинъ и до 1870 года, въ жизни ихъ играло чрезвычайно важную роль военное начало. Тутъ не было такой органической связи съ прошлымъ козачества, какая чувствовалась на каждомъ шагу въ черноморскомъ войскѣ. Управленіе здѣсь отличалось своего рода простотою, но это была простота военной дисциплины. Общинная жизнь долго тлѣла подъ покровомъ военнаго приказа и всецѣло подчинялась ему. Поэтому, и исторія здѣшняго самоуправленія не отличается ни характерными эпизодами самостоятельнаго развитія, ни сложностью послѣдняго.

Ядро козачьихъ общинъ на Линіи составили донскіе выходцы. Они попали сюда въ 1794 году, какъ ослушники начальству, и слѣдовательно, по отношенію къ организаціи самоуправленія оказались еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ черноморцы. Правда, линейцы могли перенести съ собою на Кубань изъ стараго мѣстожительства вполнѣ выработанные и сложившіеся уже порядки самоуправленія донскихъ козаковъ. Но, во первыхъ, на Кубани были условія не тѣ, что на Дону, а во вторыхъ, переселенцы были водворены на Линіи, какъ мятежники. Размѣщенные въ шести станицахъ, основанныхъ на мѣстѣ бывшихъ до того военныхъ укрѣпленій, они составили кубанскій полкъ и, какъ пограничный полкъ, получили строго военную организацію. Во главѣ всѣхъ станицъ стоялъ полковой командиръ, отъ котораго зависѣла козачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вмѣстѣ съ командиромъ

станицами. Собственно-же станичное самоуправленіе связано было съ мелочами обыденной жизни и держалось на обычаѣ, при посредствѣ станичныхъ круговъ или сходовъ.

Чрезъ десять лѣтъ, въ 1803 и 1804 годахъ, на Кубани было основано еще пять станицъ. Это уже были не донцы, а переселенцы изъ Слободской Украйны, входившіе раньше въ составъ екатеринославскаго войска. Получивъ такую-же военную организацію, какая дана была ихъ предшественникамъ донцамъ, эти новые поселенцы образовали особый, кавказскій полкъ. Согласно указу военной коллегіи отъ 11 іюля 1803 г., въ военномъ отношеніи полкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ полковаго командира, 5 асауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, одного квартирместра, одного полковаго писаря и 500 козаковъ. Но такъ какъ въ наличности не оказалось полнаго количества козачьей старшины; то инспектору кавказской инспекціи генералу Кноррингу было предписано, „чтобы онъ отрядилъ въ станицы надежнѣйшаго штабъ-офицера и приказалъ-бы въ присутствіи его учинить выборъ: во первыхъ въ войсковые старшины двухъ или трехъ кандидатовъ, достойныхъ и заслуженныхъ чиновниковъ, а потомъ въ асаулы, сотники и хорунжіе“ [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ козачеству было предоставлено одно изъ тѣхъ правъ, которое составляло существенную черту стариннаго козачьяго самоуправленія. Это, впрочемъ, была лишь временная мѣра. Козаки, получивъ полковую организацію, въ отношеніи самоуправленія были поставлены въ общія съ донскими выходцами условія.

Полковое устройство на долго потомъ осталось у линейцевъ господствующею формою управленія. За нимъ какъ-то стушевывалось самоуправленіе станицъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія всецѣло были подчинены станичнымъ начальникамъ (атаманамъ), которые назначались военною администраціею изъ чиновныхъ козаковъ, а не выбирались станичными обществами, какъ это велось на Черноморіи. Въ 1832 г. изъ упомянутыхъ линейныхъ полковъ и изъ козаковъ, жившихъ въ области р. Терека, образовано одно кавказское линейное козачье войско, получившее, какъ и другія войска, своего атамана. Преобразованіе это не имѣло, собственно говоря

---

[1]) I. Дебу, «О кавказской линіи», изд. 1829 г., стр. 74.

никакого вліянія на самоуправленіе линейныхъ козаковъ. Ихъ станичныя общины остались въ этомъ отношеніи тѣми-же малозначущими единицами, какими были и прежде. Но въ высшемъ козачьемъ управленіи произошла значительная перемѣна: разрозненные до того козачьи полки получили объединеніе подъ властію одного общаго начальника. Точно также и дальнѣйшее расширеніе войска не имѣло никакого вліянія на самый характеръ самоуправленія линейцевъ. Дѣло сводилось только къ увеличенію козачьихъ полковъ, организованныхъ по разъ принятому шаблону. Такъ, одновременно съ образованіемъ кавказскаго линейнаго войска, въ козачество былъ зачисленъ цѣлый рядъ крестьянскихъ, смежныхъ съ козачьими землями, поселеній. Такимъ-же путемъ, въ формѣ полковъ, занята была впослѣдствіи Новая или Лабинская Линія.

Нужно вообще замѣтить, что по отношенію къ организаціи линейнаго козачества центральнымъ правительствомъ на первыхъ порахъ не было издано ни жалованныхъ грамотъ, ни соотвѣтствующихъ имъ, общихъ регламентирующихъ законовъ. Исторія самоуправленія линейныхъ козаковъ въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ исторіи самоуправленія черноморцевъ. Линейный козакъ всегда жилъ болѣе военною дисциплинированною жизнію, чѣмъ черноморецъ. Приказы начальства замѣняли ему законъ центральнаго правительства, и это, разумѣется, находилось въ ближайшей связи съ тою ролью, которая лежала на линейцѣ, какъ пограничномъ воинѣ. Однако, не смотря на то, что военный режимъ сдерживалъ козака въ границахъ возложенныхъ на него обязанностей и что у домашняго очага козакъ находилъ свои обычные порядки, свой судъ и расправу, необходимость въ общемъ, объединяющемъ все козачье управленіе, законѣ должна была чувствоваться по мѣрѣ расширенія войска, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе. Такой законъ дѣйствительно и былъ выработанъ впослѣдствіи въ формѣ „Положенія о кавказскомъ козачьемъ линейномъ войскѣ“ отъ 16 февраля 1845 года [1]).

Въ силу Положенія 1845 года, войско было раздѣлено на 17 полковыхъ округовъ, а управленіе его разграничено на военное и гражданское. Вообще-же мѣстное управленіе составляли: 1) вой-

---

[1]) Пол. собр. зак., т. XX.

сковой наказный атаманъ, 2) войсковое дежурство, 3) войсковое правленіе, 4) бригадныя управленія, 5) временныя военно-судныя коммисіи, 6) полковыя и станичныя управленія и 7) торговый словесный судъ. Въ хозяйственномъ отношеніи для войска имѣло большое значеніе войсковое правленіе; по отношенію-же собственно къ гражданскому управленію существенную роль играли, съ одной стороны, бригадныя и полковыя управленія, а съ другой станичныя управленія. Всѣ эти учрежденія были связаны между собою въ порядкѣ восходящихъ инстанцій: низшую инстанцію составляли станичныя управленія, а высшую—бригадныя. Бригадныя управленія состояли изъ командира и его канцеляріи, которою заправлялъ бригадный адъютантъ. Въ составъ-же полковыхъ управленій входили предсѣдатель, которымъ былъ полковой командиръ, и 4 или 3 засѣдателя, назначавшіеся исключительно изъ отставныхъ чиновниковъ. Наконецъ, станичныя управленія представляли собою собственно уже органы козачьяго самоуправленія.

Такимъ образомъ, старинный козачій строй линейцевъ, державшійся на дѣленіи войска на полки, остался неизмѣннымъ и по положенію 1845 года. Были лишь расширены рамки высшаго козачьяго управленія, при чемъ военное начало, какъ регулирующій факторъ, по прежнему легло въ основу всѣхъ козачьихъ распорядковъ. Это ярко отразилось на самой станичной общинѣ.

Станичное самоуправленіе линейцевъ значительно отличается отъ такого-же самоуправленія у донскихъ и черноморскихъ козаковъ. Существенное отличіе линейныхъ общинъ въ этомъ отношеніи составляла организація станичныхъ управленій. Въ составъ этихъ учрежденій входили станичный начальникъ и двое судей, но выборными лицами были лишь послѣдніе. Въ силу параграфа 289 положенія, станичные начальники назначались войсковою администраціею и, притомъ, исключительно изъ войсковыхъ офицеровъ или чиновниковъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ владикавказскій полкъ, да и то не въ пользу козачьяго самоуправленія. Во владикавказскомъ полку, за отсутствіемъ козачьихъ офицеровъ, дозволялось даже назначать станичными начальниками офицеровъ регулярныхъ войскъ. Наконецъ, самое опредѣленіе станичныхъ начальниковъ производилось войсковымъ наказнымъ атаманомъ по представленію бригадныхъ командировъ.

Такое положеніе станичнаго начальника, какъ независимаго ни въ какомъ отношеніи отъ общины лица, обусловливалось чисто военными обстоятельствами. Вѣдая гражданское управленіе станицы, станичный начальникъ былъ по преимуществу военнымъ командиромъ. Такъ, на немъ лежали обязанности принимать въ чрезвычайныхъ случаяхъ „всѣ мѣры къ предупрежденію и отраженію внезапныхъ нападеній на станицу горцевъ"; „онъ заботился, дабы ровъ и валъ около станицы всегда были содержимы въ должной исправности"; онъ долженъ былъ слѣдить за караулами станицы; станичный начальникъ „наблюдалъ, чтобы жители станицы, тамъ, гдѣ это по мѣстности необходимо, выходя на полевыя работы или сѣнокосы, всегда имѣли при себѣ оружіе, на случай внезапнаго нападенія хищниковъ"; на станичномъ-же начальникѣ лежали заботы по обученію строевой службѣ малолѣтковъ. Такимъ образомъ, одинъ уже этотъ перечень обязанностей станичнаго начальника указываетъ на ту роль, какую играло это лице въ станичномъ самоуправленіи: послѣднее всецѣло было подчинено станичному начальнику.

Та же печать военной субъординаціи лежала на отношеніяхъ общины даже къ своимъ выборнымъ лицамъ. Судьи выбирались обыкновенно общинами на три года, но, по занимаемому ими положенію, они отличались отъ станичныхъ судей черноморскаго войска. Въ послѣднемъ судьею былъ рядовой казакъ и самое его положеніе, по мимо лежавшихъ на немъ обязанностей, не давало ему никакихъ исключительныхъ правъ на мѣсто въ войсковой чиновной іерархіи. На Линіи-же судья, если онъ даже не былъ офицеромъ, пользовался правами послѣдняго по положенію 1845 года. Какъ относились сами козаки къ судьямъ, это отчасти можно видѣть изъ слѣдующаго случая. 2 мая, какъ повѣствуется въ общественномъ приговорѣ станицы вознесенской за 1841 годъ, двое судей и два казака приходили мимо дома казака Золотова; на завалинкѣ у дома сидѣла въ это время жена Золотова и казачка Азарова. Послѣдняя сказала одному изъ судей: „отчего ты не скинешь шапки?" на что судья отвѣтилъ: „у меня сзади глазъ не имѣется" и просилъ ее болѣе не смѣяться, за что другой судья, также вступаясь, сказалъ Азаровой, что она смѣяться надъ судьею не должна, ибо она женщина и женщина безъ поведенія". Результатомъ была драка, въ которой принялъ участіе и мужъ Азаровой. И вотъ, раз-

сматривая это дѣло, сходъ присудилъ за оскорбленіе судей „козачку Азарову, въ примѣръ другимъ, наказать при сборѣ общества и женщинъ чрезъ десятскихъ розками“, а мужа Азаровой посадить въ карцеръ на три дня на хлѣбъ и воду [1]). Такъ до безобразія усердно относилась сама община къ охранѣ чести своихъ не сдержанныхъ на языкѣ, но пользовавшихся правами хорунжихъ, судей!

Вообще періодъ заправленія станицами со стороны станичныхъ начальниковъ по назначенію памятенъ для линейца, какъ періодъ его безправія и своеволія чиновнаго люда. Жалъ общину и козака въ это время не одинъ станичный начальникъ, а вся вообще чиновная старшина. Козаки и теперь еще живо вспоминаютъ, какъ развозили они во время праздниковъ, куръ, гусей, утокъ, индѣекъ, свиней и другую живность и съѣстные припасы по разнымъ управленіямъ, какъ за всякую малость приходилось имъ платиться кровными копѣйками разнымъ чиновнымъ воротиламъ, какъ тяжелы были натуральныя повинности, которыя они несли въ интересахъ упроченія хозяйствъ чиновной олигархіи! Конечно, и тогда, какъ теперь, было не безъ добрыхъ и честныхъ людей. Но, при узкихъ рамкахъ станичнаго самоуправленія, съ одной стороны, и при давленіи чиновнаго козака, съ другой, станичное населеніе терпѣло больше обидъ и несправедливостей, чѣмъ въ настоящее время. Вотъ почему съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1870 года о козачьихъ войскахъ, давшаго больше простора станичному самоуправленію, не одна община вспомнила и поставила на видъ грѣхи своимъ прежнимъ начальникамъ. Въ нашихъ рукахъ находится довольно характерный въ этомъ отношеніи документъ въ формѣ общественнаго приговора, которымъ общество положило исключить бывшаго своего бригаднаго командира „изъ общества и посемейныхъ списковъ, какъ зачисленнаго безъ согласія общества“. Общество постановило вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать у исключеннаго имъ генерала участокъ земли въ 400 десятинъ, обративъ его въ общій юртъ, а за исполненныя, въ періодъ командованія имъ бригадою, работы станичными жителями взыскать чрезъ судъ „примѣрно по крайней мѣрѣ по тысячѣ рублей, а всего за 12 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ 12,900 рублей сер.“ Конечно, съ оффиціальной точки зрѣнія, общество не имѣло права ни исключать изъ своихъ чле-

---

[1]) Изъ архива вознесенскаго станичнаго правленія.

новъ генерала, ни отбирать у него высочайше пожалованный участокъ земли; но дѣло тутъ очевидно не въ допущенной обществомъ ошибкѣ, а въ самомъ фактѣ отношенія послѣдняго къ такой когда-то важной особѣ, какъ командиръ. Видно, не легко давались бригадные порядки козаку, разъ онъ рѣшился выразить такой маловѣроятный въ лѣтописяхъ военнаго люда протестъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что на отмѣченную роль чиновнаго козачества въ станичныхъ общинахъ въ сильнѣйшей степени вліяло то обстоятельство, что общины эти носили всесословный характеръ. Какъ и черноморцы, линейные офицеры вышли главнымъ образомъ изъ среды рядоваго козачества. Какъ и на Черноморіи, въ старолинейныхъ общинахъ офицеръ имѣлъ права рядоваго козака плюсъ преимущества привиллегированнаго члена общины. Неудивительно, поэтому, что въ дѣлахъ общины онъ могъ творить, что хотѣлъ, слѣдуя правилу: большому кораблю—большое и плаваніе. Это было для него тѣмъ удобнѣе, что самъ онъ является въ такихъ случаяхъ и судьею, и подсудимымъ. Бригадный, полковой, члены военно-судныхъ коммисій, разные засѣдатели, адъютанты, станичные начальники и пр., и пр.—все это были свои люди, люди чиновные, облеченные властью и склонные, какъ всѣ люди, не забывать себя и своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, самоуправленіе не было мертвою буквою для станичныхъ общинъ. Да иначе и не могло быть, пока земля была общественною, пока живы были козачьи круги, обычаи и традиціи...

Соединеніе въ 1860 г. черноморскаго войска съ нѣсколькими бригадами бывшаго кавказскаго линейнаго не имѣло никакого вліянія на измѣненія въ станичномъ самоуправленіи составныхъ частей. Каждая часть вошла въ составъ, какъ самостоятельное цѣлое, и для черноморскаго войска оставлено было въ прежней силѣ положеніе 1842 года, а бывшіе линейцы должны были руководиться положеніемъ 1845 года. Измѣненія коснулись лишь положенія и правъ наказнаго атамана. Прежде наказный атаманъ зависѣлъ отъ командующаго войсками, который въ свою очередь находился въ подчиненіи у главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. При образованіи кубанской и терской областей положено было званіе наказнаго атамана соединить съ обязанностями начальника области и командующаго войсками. Значитъ, положеніе

наказнаго атамана сдѣлалось болѣе почетнымъ и значительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было „изъ статей, составлявшихъ доходъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, тѣ, которыя находились въ исключительномъ районѣ одного какого-либо полка или бригады (какъ напримѣръ: желтенникъ, нефть, рыболовство при устьяхъ Терека и т. п.) отчислить безъ раздѣленія въ то войско, куда поступаетъ часть, которой эта статья присвоена или въ районѣ которой находится“ [1]). А войсковой капиталъ терскаго войска положено было раздѣлить между обѣими, кубанскою и терскою, частями, что и было произведено, на основаніи распоряженія отъ 16 сентября 1861 года, по расчету 99,708 десятинъ отошедшихъ въ кубанское войско и 54,341 десятины въ терское [2]).

Точно также и при заселеніи Закубанья въ станичномъ самоуправленіи кубанскихъ козаковъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Вновь населенныя станицы были разбиты на полки и бригады, а въ дѣлахъ управленія опредѣлено было руководиться положеніемъ 1845 года о бывшемъ кавказскомъ линейномъ войскѣ.

Такъ шли дѣла до 1870 годъ, когда было издано „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ“. Строго разграничивъ функціи станичныхъ обществъ и станичныхъ правленій, положеніе это совершенно выдѣлило станичный судъ, придавъ ему характеръ крестьянскаго волостнаго суда, и положило въ основу станичныхъ учрежденій выборное начало. Такимъ обрзомъ, красная нить козачьяго общиннаго самоуправленія не порвалась въ теченіе восьмидесятилѣтняго существованія козачьихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ кубанской области, но привела въ концѣ концовъ къ практикѣ нынѣшняго станичнаго самоупраленія.

Ф. Щербина.

---

[1]) П. С. Зак., т. XXV, стр. 11.

[2]) П. С. Зак., т. XVI. стр. 11.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго[1].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

I. Дѣтство.

Родился я въ полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда, въ селеніи Малютенцахъ. Первые годы дѣтства моего протекли въ Петербугѣ. Отецъ мой служилъ въ гвардіи, полковникомъ конной артиллеріи; предъ нимъ разстилалось блестящее служебное поприще. Мать моя, дочь малороссійскаго помѣщика, извѣстная въ краѣ своими добродѣтелями, была осуществленіемъ идеи женскаго совершенства въ нравственномъ отношеніи.

Родъ нашъ происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Иллиріи, родоначальникомъ которой, по Длугошу, извѣстному историку, былъ Зоардъ, полководецъ Аттилы. Гербъ нашъ Корчакъ, дополненный

---

[1]) Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, покойный Петръ Димитріевичъ Селецкій скончался въ г. Кіевѣ въ 1879 г. въ званіе гофмейстера и въ должности кіевскаго губернскаго предводителя дворянства. Этихъ степеней онъ достигъ продолжительною своею службою, скромною, но честною и безпритязательною. 30-ть лѣтъ провелъ онъ на службѣ въ Кіевѣ сперва въ должности чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, потомъ вицегубернатора и вмѣстѣ члена совѣта кіевскаго института и наконецъ предводителя дворянства по назначенію отъ правительства. Если къ этому прибавить 4-ре года университетскаго образованія, проведенные имъ также въ Кіевѣ, то окажется, что всею своею сознательною жизнію онъ принадлежитъ Кіеву и можетъ быть названъ по этому кіевляниномъ, позднѣйшей, конечно формаціи.

въ верхней половинѣ щита, въ голубомъ полѣ, крестомъ надъ полумѣсяцемъ и звѣздами, внесенъ въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи (часть III, отдѣленіе 1-е, страница 106). Предки мои, переселясь въ Россію въ тысячу пятисотыхъ годахъ, служили всегда вѣрою и правдою своему новому отечеству.

Пращуръ мой былъ бунчуковымъ товарищемъ, два сына его: Лаврентій и Иванъ Яковлевичи Селецкіе были женаты: первый на Лизогубовой, второй на Апостолъ. Прадѣдъ мой Лаврентій Яковлевичъ служилъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ, братъ его Иванъ екатеринославскимъ губернаторомъ и впослѣдствіи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1798 г. См. „Русская Старина", октябрь 1875 г. Статья: Князь Потемкинъ-Таврическій, стр. 261, 263). Во время пребыванія въ Кіевѣ императрицы Екатерины II въ 1787 году, 21 апрѣля Лаврентій Яковлевичъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и получилъ большой бриліантовый перстень (Дневникъ предводителя дворянства Полетики, Андрея, 1787 г). Сверхъ этого, ея величество въ ознаменованіе своего особеннаго благоволенія къ почтъ-директору Малороссіи благоволила подарить Лаврентію Яковлевичу дорожный золо-

---

По своему происхожденію, Петръ Димитріевичъ принадлежалъ къ старинному южно-русскому роду и представляетъ собою послѣднюю его отрасль, переродившуюся на почвѣ общерусской и даже общеевропейской.

Записки П. Д. Селецкаго, представляя полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ ближайщую къ намъ по времени жизнь кіевскаго, преимущественно высшаго общества и мѣстной администраціи, и въ этомъ отношеніи представляютъ для насъ современниковъ весьма интересныя и любопытныя данныя, а для будущаго историка края цѣнный и, быть можетъ, во многомъ ничѣмъ инымъ не замѣнимый матеріалъ. Записки дышатъ искренностію и правдивостію, которыя отличали автора и во всей его жизни. Авторъ не рисуется, но просто передаетъ то, что подпадало его умственному наблюденію въ его-ли собственной жизни, или въ жизни другихъ, при чемъ не обходитъ ни своихъ, ни чужихъ слабостей, увлеченій и погрѣшностей, но говоритъ о нихъ съ тою скромностію и сдержанностію, которыя составляли отличительныя его черты. Записки начаты въ то время, когда авторъ достигъ полнаго своего развитія, когда угомонились страсти, установились взгляды, убѣжденія и отношенія, когда прожитое прежде было много разъ передумано и осмыслено, когда на смѣну прежней разбросанности и нѣкотораго разгула пришла сосредоточенность и могли сложиться то спокойствіе и безпристрастіе, которыя проходятъ по всѣмъ

ченный чайный сервизъ. Погребецъ съ этимъ сервизомъ постоянно переходилъ къ старшему въ родѣ, въ потомствѣ Лаврентія Яковлевича. У Ивана Яковлевича было двѣ дочери: старшая за Синельниковымъ, младшая за Алексѣевымъ: мужскаго поколѣнія онъ не оставилъ. У Лаврентія Яковлевича было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Петръ, мой дѣдъ, служилъ генеральнымъ судьею въ Черниговѣ и женился на В. Я. Лукашевичъ; второй сынъ, Василій, былъ женатъ на княжнѣ Е. М. Долгоруковой, сестрѣ князя Ивана Михайловича, писателя. Вотъ статья, посвященная памяти Василія Лаврентьевича въ „Капищѣ моего сердца“ Долгорукаго:

„Февраля 20. Селецкой. † 1831. Василій Лаврентьевичъ, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ отличную честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но, не имѣя возможности на ней жениться, потому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину Малороссію и тамъ прожилъ лѣтъ двадцать, не давая о себѣ никакой вѣсти. Съ тою же скоропостижностью, съ какою оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ

разсказамъ и сужденіямъ автора. Описываемое имъ время, лица и происшествія, которыхъ онъ касается, какъ личность и жизнь его самаго—все это такъ не далеко отъ насъ, такъ свѣжо въ памяти у многихъ, что передаваемыя имъ свѣдѣнія и сужденія могутъ быть провѣрены и дополнены многими изъ читателей, безъ особыхъ объясненій. Извѣстная доброта Петра Димитріевича, его искренняя набожность и особая мягкость души—послѣдствіе его исключительнаго воспитанія кладутъ особый отпечатокъ на его Записки.

Мы печатаемъ Записки въ полномъ ихъ видѣ, не выпуская даже описанія заграничнаго путешествія Петра Димитріевича, безъ котораго многое осталось-бы непонятнымъ въ его жизни и личности и которое само собою представляетъ много любопытныхъ подробностей о знакомствѣ автора Записокъ съ такими знаменитостями музыкальнаго міра, какъ Листъ, Мендельсонъ, Мейерберъ и др. При этомъ мы и не пробуемъ касаться ни біографіи, ни характеристики самаго автора, полагая, что его Записки послужатъ первымъ и едва-ли не лучшимъ для того матеріаломъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность за сообщеніе Записокъ Григорію Евгеніевичу Бразолю, къ которому они перешли по ближайшему родству его съ П. Д. Селецкимъ.—Ред.

Чернигова къ сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея; сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ, раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкій примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ какъ мать моя скончалась, и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ рядной, выдѣлить ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ оной въ пользу дочерей моихъ и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступилъ столь нѣжно и благодѣтельно! Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, а потому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ: ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: „свой своему по неволѣ другъ", а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число родила сестра сына: онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!"

Третій сынъ Лаврентія Яковлевича, Яковъ, былъ женатъ на Шагаровой. Три дочери Лаврентія Яковлевича были замужемъ: первая за Милорадовичемъ, вторая за Кандыбой, третья за Иваненко. У Петра Лаврентьевича было три сына: Дмитрій, мой отецъ, женатый на Марьѣ Даниловнѣ Вукаловичевой, Андрей и Михаилъ—умерли холостыми.

У Василія Лаврентьевича былъ сынъ Михаилъ, у него три сына отъ двухъ браковъ: Михаилъ, Викторъ и Николай. У Якова Лаврентьевича было двѣ дочери: старшая за П. С. Джунковскимъ, младшая за Н. В. Синельниковымъ.

Состояніе наше было хорошее: за моими родителями числилось болѣе тысячи душъ. Я имѣлъ четырехъ сестеръ, но на мнѣ сосредоточивалась вся нѣжность материнской любви и отеческихъ заботъ. Меня держали однако довольно строго. Я безотчетно боялся отца и безпредѣльно любилъ мать. Была у меня еще бабушка, со стороны матери, добрѣйшая и почтенная старушка, проводившая все свое время въ мо-

литвѣ и постѣ. Она меня любила и баловала болѣе всѣхъ; къ ней я былъ очень привязанъ и чтилъ какъ святую. Дѣдовъ моихъ не помню; изъ разсказовъ матушки знаю, что Петръ Лаврентьевичъ пользовался большимъ почетомъ въ черниговской губерніи, былъ очень уменъ и образованъ, а дѣдушка Даніилъ Андреевичъ обладалъ рѣдкими качествами души, необыкновенною прямотою характера и замѣчательнымъ остроуміемъ. Мать моя всегда съ благоговѣніемъ отзывалась о своемъ отцѣ, называла его лучшимъ изъ людей, и никогда не могла вспомнить о немъ безъ слезъ.

Нрава я былъ добраго, но любилъ порѣзвиться и пошалѣть; ростомъ необыкновенно великъ, очень худъ и слабаго сложенія. Характеръ былъ у меня веселый; я былъ впрочемъ склоненъ къ мечтательности и нерѣдко задумчивость замѣняла шумную дѣтскую рѣзвость. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, меня перевезли въ деревню; тамъ я прожилъ до одинадцати лѣтъ. Нравственнымъ и религіознымъ моимъ воспитаніемъ занималась матушка, она-же учила меня музыкѣ. Гувернеромъ былъ французъ, науки преподавалъ русскій учитель.

Отецъ мой заставлялъ меня ѣздить верхомъ. На воспитаніе мое вообще было обращено большое вниманіе, издержекъ не жалѣли, надзоръ за мною былъ бдительный. Но когда отецъ и матушка уѣзжали и я оставался съ бабушкой и наставниками, своеволіе брало верхъ надъ подчиненностью.

Изъ деревенской жизни мнѣ памятны два обстоятельства. Однажды, зимой, у незнакомой дамы, ѣхавшей въ Казань, сломался экипажъ у дома нашего, находящагося на большой почтовой дорогѣ, и пока его чинили, она пробыла у насъ цѣлый день. Путешественница, довольно молодая еще женщина, очень понравилась мнѣ, ласкала меня, много говорила объ отдаленныхъ странахъ, гдѣ живала, и съ которыми я былъ знакомъ только изъ географическихъ картъ, и предложила мнѣ, конечно шутя, уѣхать съ ней тайкомъ въ Казань; любовь къ путешествіямъ такъ сильно развита была во мнѣ, что, не смотря на безпредѣльную привязанность мою къ матери и бабушкѣ, я тотъ часъ согласился слѣдовать за незнакомкой. Въ сумерки, когда пришли доложить, что экипажъ путешественницы готовъ, я ушелъ въ свою комнату,

надѣлъ теплое платье, взялъ часть своихъ пожитковъ и отправился къ воротамъ ожидать похитительницу: подъѣхалъ ея возокъ, я въ него вошелъ съ поспѣшностью; но вмѣсто путешественницы въ возкѣ сидѣла моя мать...

Воспитанный женщиною и окруженный почти однѣми женщинами, я съ дѣтства особенно полюбилъ прекрасную половину человѣчества: изъ мужчинъ я зналъ коротко только гувернера и учителя, они давали мнѣ весьма посредственное понятіе о нашемъ полѣ, и поэтому я всегда чувствовалъ большое влеченіе къ женщинамъ вообще, а лѣтъ съ девяти къ одной въ особенности. То была прелестная генеральша Г...... Сѣсть поближе къ ней, поцѣловать ея ручку, услужить ей чѣмъ нибудь, было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Но недолго оставался я вѣренъ своей первой привязанности: на одинадцатомъ году мнѣ понравилась г-жа Г...... Давно не видѣвши ее, въ одно прекрасное утро я ускакалъ къ ней въ деревню, верхомъ, за десять верстъ. Меня приняли очень ласково, но когда узнали, что я пріѣхалъ одинъ и безъ позволенія, то, не смотря на слезы и моленія, отправили обратно въ экипажѣ, въ сопровожденіи двухъ служителей. Со стыдомъ и оскорбленнымъ чувствомъ самолюбія возвратился я домой и пересталъ думать о г-жѣ Г..... До одинадцати лѣтъ я велъ себя довольно хорошо; очень любилъ моего наставника, умнаго, добраго и тихаго Антона Никитича, одного изъ лучшихъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи и питалъ особое нерасположеніе къ гувернеру французу за его строгость и частыя жалобы на мое любимое занятіе гулять въ саду въ сырую погоду и подставлять голову во время дождя подъ водосточныя трубы. Строгость вообще дѣйствовала на меня довольно дурно: я становился еще непослушнѣе и упрямѣе, когда хотѣли поступать со мною круто; но всегда смирялся предъ кроткими словами моей матери. Занимался я прилежно, и въ одинадцать лѣтъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, и пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ мнѣ русскій учитель.

Ближайшимъ сосѣдомъ нашимъ и моимъ крестнымъ отцемъ былъ дальній родственникъ нашъ, графъ Александръ Петровичъ Завадовскій. Онъ меня очень любилъ, и я часто бывалъ у него въ Тепловкѣ; въ

праздники иногда меня отпускали къ нему на цѣлый день. Завадовскій былъ отличный стрѣлокъ; я имѣлъ страсть къ стрѣльбѣ, и какъ сынъ артиллериста, получалъ часто въ подарокъ пушки и пистолеты, но игрушками этими не довольствовался, и присутствуя при упражненіяхъ Завадовскаго въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ въ вдѣланные въ стѣну ножи, просилъ его выучить меня стрѣлять хорошо изъ его пистолетовъ. Графъ подарилъ мнѣ пару превосходныхъ небольшихъ кухенрейтеровъ и заставлялъ стрѣлять изъ нихъ. Я вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ и кончилъ тѣмъ, что на разстояніи двадцати шаговъ попадалъ въ цѣль и рѣзалъ пули объ остріе ножей. Завадовскій былъ въ восторгѣ и сталъ меня ласкать болѣе прежняго. Въ Тепловкѣ бывали ярмарки. Нерѣдко Завадовскій сажалъ меня въ свой шарабанъ, которымъ самъ правилъ, и мы отправлялись на ярмарку, около церкви. Въ шарабанѣ всегда лежало нѣсколько мѣшковъ съ серебряной монетой, и графъ доставлялъ мнѣ удовольствіе, заставляя бросать народу деньги: широкой рукой исполнялъ я это порученіе, и мы обыкновенно возвращались домой съ пустыми мѣшками. Зачастую Александръ Петровичъ приказывалъ своему груму покупать множество разныхъ *женскихъ* украшеній у ярмарочныхъ продавцевъ и заставлялъ меня дарить серьги, ожерелья, платочки и т. п. сельскимъ красавицамъ. Привычки щедрости крестнаго отца доставили мнѣ однажды случай проявить свою собственную: бабушка мнѣ ни въ чемъ не отказывала и предупреждала мои желанія; у ней въ комодѣ всегда былъ запасъ звонкой монеты,—выдвинетъ, бывало, ящикъ съ деньгами и позволяетъ мнѣ наполнить ими мои карманы. Въ одно прекрасное утро такимъ образомъ я взялъ у нее довольно много разной монеты и роздалъ все прислугѣ къ предстоявшей ярмаркѣ. Выдала меня ключница, и я получилъ порядочный нагоняй отъ матушки и отца за излишнюю щедрость, съ угрозой наказанія за рецедиву и отобранія денегъ, которыми надѣляла бабушка.

Ѣздилъ я съ графомъ Завадовскимъ и верхомъ, но верховая ѣзда мнѣ не давалась: никогда не могъ порядочно сидѣть на лошади, въ особенности на англійскомъ сѣдлѣ. Доставалось мнѣ часто отъ отца за неумѣніе держать себя хорошо на лошади. Александръ Петровичъ совѣтовалъ моему отцу заставлять меня дѣлать гимнастическія упражненія

и учиться фехтованію. При этомъ, помню, какъ онъ разсказывалъ исторію своей дуэли въ Италіи съ однимъ маркизомъ на шпагахъ, въ подтвержденіе необходимости умѣть владѣть этимъ *оружіемъ*. Графъ плохо владѣлъ шпагой, но не могъ отказаться отъ дуэли на шпагахъ, будучи слишкомъ хорошо извѣстнымъ стрѣлкомъ изъ пистолета. Маркизъ, отличный боецъ, поскользнулся и падая наткнулся на шпагу Завадовскаго. Исходъ дуэли былъ несчастный: маркизъ умеръ, какъ умеръ и Шереметевъ, вслѣдствіе дуэли на пистолетахъ съ Александромъ Петровичемъ. „Правду сказала Lenormand, присовокупилъ послѣ разсказа Завадовскій, она мнѣ предсказала долгую жизнь и смерть въ моей постели“. Кстати о Шереметевѣ: не разъ говорилъ о немъ при мнѣ Завадовскій съ глубокимъ сожалѣніемъ. Дуэль состоялась изъ-за танцовщицы Истоминой. Секундантами были: Грибоѣдовъ со стороны графа и Якубовичъ со стороны Василія Александровича Шереметева: Шереметевъ стрѣлялъ первый, пуля скользнула по воротнику сюртука Завадовскаго. Завадовскій не имѣлъ намѣренія убить Шереметева и по просьбѣ Грибоѣдова готовился сдѣлать умышленный промахъ; но выведенный изъ терпѣнія Шереметевымъ, сказавшимъ, что если Завадовскій выстрѣлитъ на воздухъ, то рано или поздно онъ убьетъ Завадовскаго, Александръ Петровичъ потребовалъ Шереметева къ барьеру и ранилъ его въ животъ. Шереметевъ вскорѣ умеръ отъ этой раны. Завадовскій за дуэль былъ высланъ за границу, а Якубовичъ переведенъ въ армію и посланъ на Кавказъ, гдѣ встрѣтилъ Грибоѣдова, дрался съ нимъ на пистолетахъ и ранилъ Грибоѣдова въ кисть лѣвой руки.

Злая судьба, говаривалъ Завадовскій, сдѣлала меня два раза убійцей; печальная необходимость заставляла драться, но въ дѣлѣ чести уклоняться отъ дуэли нельзя, поэтому нужно пріучиться хорошо владѣть всякимъ оружіемъ, и въ правомъ дѣлѣ, какъ ни грустно, лучше сдѣлаться невольнымъ убійцей, чѣмъ быть убитымъ.

Не смотря на свои слабости и чисто англійскія причуды, графъ Александръ Петровичъ въ существѣ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

Грибоѣдовъ списалъ съ него своего князя Григорія.

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

(Горе отъ ума).

И дѣйствительно это была личность типичная въ высшей степени. Высокій, худощавый, съ выразительнымъ, нѣсколько рябоватымъ лицемъ, очень длинными руками и тонкими ногами, съ рѣчью сквозь зубы, не всегда удобопонятною, въ эксцентрическихъ туалетахъ англійскаго покроя и съ манерами истаго британца, Александръ Петровичъ въ былое время былъ очень оригиналенъ и слылъ чудакомъ, но безспорно былъ уменъ и отлично образованъ.

Я привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, вполнѣ подчинился его вліянію и сталъ усваивать его манеры. Подражаніе было на столько удачно, что приводило въ негодованіе моего отца. Вслѣдствіе моего отвѣта на замѣчаніе отца по этому предмету, что держу себя какъ Александръ Петровичъ, мнѣ было сказано, что запретятъ ѣздить въ Тепловку, если не исправлюсь.

Не смотря на это, я до того началъ проникаться англоманіей, что однажды на вопросъ моего дорогого Александра Петровича, чѣмъ хочешь быть? я отвѣтилъ: хочу быть лордомъ. Въ награду получилъ шотландскую шапочку съ бантомъ и лентами;—къ большому огорченію моему не только мнѣ запрещено было ее носить, но въ теченіи цѣлой недѣли меня ни разу не пустили къ Завадовскому.

Вскорѣ любезность моего крестнаго отца вознаградила меня за это лишеніе. Онъ пріѣхалъ къ намъ и упросилъ отца моего отпустить меня въ Драбовъ, къ брату Завадовскаго, графу Василію Петровичу. Посѣщеніе Драбова доставило мнѣ большое удовольствіе. Хотя Драбовъ не могъ сравниться съ Тепловкой ни по мѣстоположенію, ни по постройкамъ и садамъ, я былъ въ восторгѣ отъ молодой супруги хозяина, красавицы графини Елены Михайловны, рожденной Влодекъ. Не стану описывать ея наружность: нѣтъ возможности передать неуловимую прелесть ея лица, гибкость стана, грацію и симпатичность, которыми была проникнута вся ея особа; довольно сказать, что она была въ свое время извѣстною красавицей и ея гравированные портреты служили лучшимъ украшеніемъ кипсековъ. Идея красоты, чувство прекраснаго сильно развивались во мнѣ, и графиня на меня произвела глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе не осталось не замѣченнымъ: меня ласкали, баловали въ Драбовѣ, и я уѣхалъ оттуда съ слезами на глазахъ, вполнѣ оча-

рованный Еленой Михайловной. Мужъ ея, графъ Василій Петровичъ былъ очень красивъ, привѣтливъ, но нравился мнѣ менѣе своего брата.

По возвращеніи домой, я сдѣлался задумчивымъ, постоянно мечталъ о графинѣ Завадовской, часто говорилъ о ней съ моей матушкой.

Дальнѣйшее пребываніе мое въ деревнѣ, не могло принести мнѣ никакой пользы и поэтому родители мои предположили отдать меня въ пансіонъ, въ одинъ изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ.

II. Пансіонъ.

Въ Харьковѣ мать моя, осмотрѣвъ всѣ учебныя заведенія, рѣшилась помѣстить меня въ пансіонъ Р. Я былъ принятъ въ пансіонѣ воспитанниками, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ; надо мной сначала смѣялись, подвергали разнымъ испытаніямъ; но когда убѣдились, что я мало обращалъ вниманія на насмѣшки товарищей и что стоялъ выше многихъ по образованію, то меня оставили въ покоѣ. Иногда впрочемъ доставалось мнѣ за мою привязанность къ матери, о которой я никогда не могъ вспоминать равнодушно; но и тутъ оскорбляемое чувство говорило во мнѣ такъ сильно и краснорѣчиво, что вскорѣ отъучилъ я товарищей моихъ насмѣхаться надо мною и заставилъ ихъ уважать и въ другихъ чувство сыновней привязанности.

Содержателемъ нашего пансіона былъ почтенный шестидесяти лѣтній старикъ, итальянецъ по фамиліи, нѣмецъ по религіи, французъ по службѣ и воспитанію. Звали его Карломъ Ивановичемъ. Онъ служилъ въ Наполеоновской арміи капитаномъ инженеровъ. Всѣхъ воспитанниковъ своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: добрыхъ и злыхъ. Первые назывались бѣлыми душами, вторые черными. Сверхъ этого существовало еще различіе въ пансіонерахъ по количеству платы за нихъ вносимой; тѣ, за которыхъ платили больше, пользовались особенными матеріальными выгодами и не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Я попалъ прямо въ число бѣлыхъ душъ, а какъ за меня вносили больше обыкновенной платы, то въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался любимымъ воспитанникомъ Карла Ивановича. Онъ до того полюбилъ меня, что поручилъ своей супругѣ Каролинѣ Ивановнѣ мое музыкальное

образованіе. Четыре раза въ недѣлю, являлся я къ ней брать уроки музыки на фортепьяно; она была очень довольна моимъ прилежаніемъ и способностями, и въ ознаменованіе своего благоволенія заставляла меня разъигрывать въ четыре руки разныя пьесы съ единственною ея дочерью Аделаидою Карловною, прехорошенькой дѣвочкой лѣтъ пятнадцати.

У насъ было три класса, и чрезъ полгода послѣ моего поступленія въ пансіонъ, меня перевели во второй, за отличные успѣхи. Все шло какъ нельзя лучше. Карлъ Ивановичъ въ письмахъ къ моей матери не могъ довольно нахвалиться мною, и я достигъ самой большой милости: мнѣ дозволялось лѣтомъ во всякое время ходить въ садъ Карла Ивановича и кушать тамъ фрукты. Этимъ преимуществомъ пользовались очень не многіе, но строжайше было запрещено уносить фрукты изъ сада для себя или для другихъ.

Первое паденіе мое совершилось, какъ и паденіе перваго человѣка, посредствомъ запрещеннаго плода. Любимцы Карла Ивановича, накушавшись вдоволь фруктовъ, возвращаясь изъ сада, около воротъ всегда были осматриваемы надзирателемъ или содержателемъ пансіона. Между товарищами былъ у меня одинъ пріятель, бѣдный по состоянію, не знатный происхожденіемъ и хотя бѣлый душею, но не пользовавшійся дозволеніемъ ходить въ садъ Карла Ивановича. Часто просилъ онъ меня принести ему грушу или яблоко и не рѣдко удавалось мнѣ исполнить его просьбу, положивъ фрукты подъ мышки; но въ одинъ вечеръ хитрость моя была открыта, мнѣ запретили ходить въ садъ, и Карлъ Ивановичъ пересталъ ласкать меня. Нашелъ я впрочемъ вознагражденіе въ Каролинѣ Ивановнѣ: послѣ каждаго урока она приказывала Аделаидѣ Карловнѣ подчивать меня разными лакомствами. Тронутый этимъ вниманіемъ, я болѣе и болѣе привязывался къ хорошенькой Адели, цѣловалъ ея ручки и необыкновенно скоро разъучивалъ пьесы, которыя мы играли вмѣстѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что и Аделя находила удовольствіе въ моемъ обществѣ и что я ей нравился. Мы стали видѣться чаще, свиданья продолжались долѣе: мы любили другъ друга. Недолго впрочемъ наслаждались этимъ счастьемъ: однажды Карлъ Ивановичъ вошелъ неожиданно въ комнату, гдѣ я бралъ уроки музыки, и увидѣлъ, что вмѣсто игры на фортепьяно, я упражнялся

съ Аделаидой Карловной въ сладкихъ поцѣлуяхъ. Негодованію Карла Ивановича не было конца: онъ меня тотчасъ разжаловалъ въ черныя души и посадилъ въ карцеръ на три дня. Что сдѣлалось съ бѣдненькой Аделью, мнѣ было неизвѣстно и неизвѣстность эта увеличивала горечь моего положенія.

Когда я вышелъ изъ карцера, мнѣ наступилъ четырнадцатый годъ. Въ пансіонѣ все измѣнилось для меня: изъ любимцевъ я попалъ въ опальные, надзиратели и учителя стали обращаться со мною строго и не всегда вѣжливо; впрочемъ я нашелъ еще нѣкоторое утѣшеніе въ дружбѣ моихъ товарищей: въ немилости они стали любить меня болѣе, чѣмъ въ счастливыя времена. Я былъ однако увѣренъ, что невзгода скоро пройдетъ, что со временемъ меня опять возведутъ въ достоинство любимца, и поэтому никогда не участвовалъ въ шалостяхъ товарищей и продолжалъ учебныя занятія съ большимъ прилежаніемъ. Наступило время экзаменовъ: меня перевели въ третій классъ, съ награжденіемъ похвальнымъ листомъ, и отпустили на каникулы въ деревню. Мать моя была совершенно счастлива моими успѣхами въ наукахъ. Отецъ мой былъ произведенъ въ генералы, назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи и квартировалъ недалеко отъ насъ. Мы видѣлись часто, онъ сталъ ласкать меня болѣе прежняго, чувство страха во мнѣ исчезло, и я привязался къ нему съ увлеченіемъ свойственнымъ юности.

Я росъ очень быстро, и въ слѣдствіе этого у меня развилась необыкновенная въ мои лѣта болѣзнь: сильная грудная боль и кровохарканіе. Родители мои были въ отчаяніи; но попеченія ихъ и искусство медика Шеффера, жившаго въ Прилукахъ, не далеко отъ нашей деревни, совершенно излечили меня.

Я выѣзжалъ къ сосѣдямъ и очень любилъ деревенскіе балы; на одномъ изъ нихъ, данномъ теткою моего отца г-жею В., я встрѣтилъ дѣвицу В., недавно вышедшую изъ института; она была прекрасна и такъ понравилась мнѣ, что въ самомъ разгарѣ бала я отправился въ садъ, чтобы сорвать пунцовую гвоздику и принести ей въ замѣнъ той, которую я вытащилъ изъ ея букета и спряталъ на память. На дворѣ было сыро и холодно. За мной послали, чтобы меня воротить, я убѣжалъ дальше и воротился чрезъ полчаса съ гвоздикой. Результатомъ

моей любезности была сильная горячка, продержавшая меня дней двадцать въ постели. Когда я выздоровѣлъ, мать моя прочла мнѣ длинное наставленіе о пылкости моего характера, объ огорченіяхъ ей нанесенныхъ моею болѣзнію, и я обѣщалъ быть впредь благоразумнѣе. Драгоцѣнная гвоздика была однако засушена и доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ. И кто изъ васъ, читатель, не былъ счастливъ сладкимъ раздумьемъ, восторженной мечтой надъ цвѣткомъ пріобрѣтеннымъ отъ любимой особы?

Возвратясь въ пансіонъ, я сталъ заниматься науками по прежнему съ усердіемъ, но Карлъ Ивановичъ не любилъ меня и началъ дѣлать мнѣ разныя непріятности: не пускалъ иногда со двора, не смотря на добросовѣстныя мои занятія и хорошее поведеніе; ставилъ дурныя отмѣтки изъ фортификаціи, которую намъ преподавалъ въ старшемъ классѣ, и продолжалъ звать меня черной душой. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, пансіонеровъ отпускали въ городъ въ день ихъ рожденія и имянинъ. Чтобы вознаградить тѣ праздники, когда меня оставляли въ пансіонѣ безъ всякой причины, я нѣсколько разъ въ годъ праздновалъ свое рожденіе и имянины; это мнѣ удавалось потому, что память Карла Ивановича притупилась отъ старости, и онъ не помнилъ нашихъ именъ. Зрѣніе содержателя пансіона тоже значительно ослабѣло, и этотъ недугъ послужилъ мнѣ однажды какъ нельзя лучше. Сердце мое было тогда занято сестрою одного изъ моихъ товарищей; я былъ знакомъ съ ея родителями, и они довольно часто приглашали меня къ себѣ и возили въ театръ. Въ театрѣ давали по большей части драмы и трагедіи; любимой пьесой всѣхъ пансіонеровъ была: „Жизнь игрока“. Меня пригласили на одно изъ представленій этой пьесы, но Карлъ Ивановичъ не пустилъ. Внѣ себя отъ негодованія, я рѣшился его обмануть довольно оригинально. Въ частномъ женскомъ пансіонѣ оканчивала свои науки моя дальняя родственница, дѣвица С.; я вытребовалъ отъ нея полный женскій туалетъ, который мнѣ пришелся въ пору, упросилъ брата нравившейся мнѣ дѣвицы пріѣхать за мной въ каретѣ и назвать меня своей сестрой. Подъ именемъ этой дѣвицы, явился я къ Карлу Ивановичу съ просьбою отпустить въ театръ нѣсколькихъ пансіонеровъ, и меня въ томъ числѣ. Въ кабинетѣ Карла Ивановича

царствовалъ полумракъ: въ очкахъ и зеленомъ зонтикѣ, почтенный старикъ не узналъ меня, поцѣловалъ мою руку,—тогда подходили еще къ ручкѣ,—и снисходя къ убѣдительной просьбѣ хорошенькой дѣвицы, за которую меня принялъ, онъ отпустилъ насъ. Въ дамскомъ нарядѣ нельзя было явиться къ родителямъ моего товарища, я перемѣнилъ туалетъ и провелъ вечеръ очень весело. Шалость моя впрочемъ вскорѣ была открыта. Болѣе всего Карлъ Ивановичъ негодовалъ на то, что я осмѣлился дать ему поцѣловать мою руку. Меня посадили въ карцеръ на хлѣбъ, на воду; вышедши изъ карцера по истеченіи недѣли, я сдѣлался страшилищемъ Карла Ивановича и любимцемъ моихъ товарищей. Мнѣ наступилъ тогда пятнадцатый годъ.

Еслибы со мною обращались ласково, то я-бы опять возвратился къ добру, но разнаго рода притѣсненіямъ не было конца: необыкновенная строгость и что еще хуже—несправедливость возмутили меня: я сдѣлался зачинщикомъ всѣхъ шалостей и диктаторомъ товарищей. Весь классъ сталъ учить уроки только тѣхъ преподавателей, которые нравились мнѣ, поэтому фортификація и латинскій языкъ шли очень дурно. Вмѣсто крѣпостей, чертили башенки и рисовали домики съ огородами, а на вопросы учителя латинскаго языка не рѣдко весь классъ отвѣчалъ блеяніемъ, потому что у учителя были курчавые волосы и онъ очень походилъ на барана.

Всѣ шалости въ пансіонахъ, всѣ непріятности, дѣлаемыя учениками надзирателямъ и учителямъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы распространяться о нихъ, да всего и не вспомнишь. Запалъ мнѣ впрочемъ въ память побѣгъ, сдѣланный подъ моей командой изъ пансіона. Верстахъ въ семи отъ города была дача, принадлежавшая богатому помѣщику; на дачѣ этой давали балъ, на который насъ не пустили. Не долго думая, въ сумерки мы ускакали верхомъ на лошадяхъ знакомыхъ намъ уланскихъ офицеровъ изъ Чугуева, въ числѣ которыхъ былъ Жакъ д. Б., нашъ сосѣдъ по деревнѣ и большой мой пріятель, и потанцовавши вдоволь, воротились въ пансіонъ на разсвѣтѣ.

Карлъ Ивановичъ часто жаловался на меня матери моей, въ перепискѣ съ нею, но никогда не объяснялъ ей всѣхъ подробностей моихъ шалостей, боясь лишиться пансіонера, за котораго платили исправно.

Сближалось время окончанія годичнаго курса; оставаться болѣе въ пансіонѣ было безполезно: я отчетливо зналъ все, что тамъ преподавали въ послѣднемъ классѣ, исключая фортификаціи и латинскаго языка, и поэтому просилъ моихъ родителей не оставлять меня долѣе у Карла Ивановича. Наступили экзамены, я ихъ выдержалъ очень хорошо, игралъ на актѣ концертъ Гуммеля съ оркестромъ, и безъ всякаго сожалѣнія разстался съ Карломъ Ивановичемъ и его пансіономъ.

III. Высшее училище.

Отецъ мой вышелъ въ отставку въ 1835 году и поселился въ деревнѣ; онъ рѣшился везти меня въ Петербургъ и отдать въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Мать моя сопровождала насъ; мы поѣхали на Москву и въ Москвѣ прожили нѣсколько недѣль. Я съ большимъ вниманіемъ осматривалъ достопримѣчательности древней столицы, и Москва понравилась мнѣ, какъ нельзя болѣе. Мы квартировали у родственника моего отца, А. А. Ригельмана, весьма умнаго и пріятнаго старика, женатаго на П. Г. Галаганъ. Единственный ихъ сынъ, Н. А. Ригельманъ, только что поступилъ тогда въ московскій университетъ по словесному факультету; при немъ находился еще гувернеръ. Я очень подружился съ молодымъ Ригельманомъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали позднею осенью; городъ этотъ съ перваго разу произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета. Прошло двѣ недѣли: я ни разу не видѣлъ солнца; густой туманъ, проникавшій меня своею сыростью, въ особенности былъ мнѣ ненавистенъ.

По долгомъ размышленіи, куда меня помѣстить для окончанія воспитанія, предположено было, что я поступлю во вновь открывавшееся высшее гражданское училище. Зданіе этого училища еще не было совершенно готово, и по совѣту директора меня отдали къ одному изъ его родственниковъ, инженерному капитану, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ людей къ поступленію въ разныя учебныя заведенія, для того чтобы приготовить меня къ экзамену. Инженерный капитанъ взялъ за это значительную плату и занимался мною очень мало. Эк-

заменъ впрочемъ я выдержалъ въ третій классъ открывшагося училища очень удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ; но изъ латинскаго языка получилъ такую дурную отмѣтку, что вмѣсто третьяго класса меня помѣстили во второй. Послѣ пріемнаго экзамена родители мои уѣхали: я остался у инженернаго капитана и прожилъ у него четыре мѣсяца до поступленія въ училище.

Людей занимающихся приготовленіемъ юношества въ учебныя заведенія очень много въ Петербургѣ, и занятіе это приноситъ большія выгоды. Впрочемъ очень не многіе изъ приготовителей исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, а по большей части довольствуются полученіемъ значительной платы за пансіонеровъ и занимаются ими очень мало. Такъ было и со мною: капитанъ, послѣ экзамена въ училищѣ, не обращалъ на меня ни какого вниманія, за мной не было надзора, я пересталъ учиться, каждый вечеръ ѣздилъ въ театръ, велъ жизнь довольно разсѣянную и пріучился къ совершенному своеволію.

Наступило время поступленія въ училище. Первые дни прошли довольно сносно: новость моего положенія занимала меня, но, всмотрѣвшись ближе въ подробности предстоявшей жизни, меня взяло раздумье. Вставать въ 6 часовъ утра, умываться въ общемъ мѣдномъ умывальникѣ, строиться въ ряды, чтобы итти къ молитвѣ, сидѣть въ классѣ на урокѣ, какъ въ клѣткѣ, не имѣя возможности дать свободы своимъ движеніямъ, писать и болѣе думать о томъ, чтобы не закапать скамейку чернилами, нежели о томъ, что пишешь, отправляться по командѣ на обѣдъ и выходить изъ за стола совершенно голоднымъ, не смѣть заниматься чѣмъ-бы то ни было въ рекреаціонной залѣ, когда приказано отдыхать и веселиться, итти стройными рядами въ спальню, раздѣваться и складывать по формѣ свое платье на табуретѣ, не имѣть возможности укрыться чѣмъ-нибудь теплымъ, кромѣ легкаго одѣяла, въ огромной комнатѣ со стѣнами подъ мраморъ и съ одинадцатью градусами тепла въ зимнее время, засыпать непремѣнно чрезъ четверть часа и спать не иначе, какъ на правомъ боку,—всему этому, какъ оно ни было для меня дико и непріятно, я подчинился съ стоической твердостью. Но не выходить изъ училища въ будни, а только по праздникамъ, и то не иначе, какъ если за вами пришлютъ кого-нибудь съ

такъ называемымъ родственнымъ билетомъ, на которомъ означены фамилія воспитанника и адресъ родственника или знакомаго, берущаго воспитанника къ себѣ на домъ, ходить и ѣздить въ городѣ непремѣнно въ сопровожденіи лакея, бывать въ театрѣ только въ ложахъ и то всегда съ родными, никогда не заходить въ кондитерскія и не ѣздить на извощикахъ,—на это я никакъ не могъ согласиться, привыкнувъ во время пребыванія моего у инженернаго капитана не стѣсняться подобными мелочами. Товарищи меня полюбили за мой веселый, беззаботный характеръ, начальникамъ я не совсѣмъ нравился потому, что не всегда исполнялъ обязанности, возложенныя на воспитанниковъ.

За двѣ недѣли до поступленія моего въ училище, я познакомился у моихъ родственниковъ съ одной молодой еще дамой, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе своею красотой и крѣпко заинтересовала своимъ положеніемъ. Ей было двадцать восемь лѣтъ, а супругу ея насчитывали за шестьдесятъ. Она была совершенная красавица, а мужъ уродливый старикъ. Она была жива и игрива по молодости и по природѣ, ее звали Лаурой, родомъ она была итальянка, а Иванъ Васильевичъ Б., за котораго она вышла замужъ, былъ флегматикъ самой непріятной наружности и, казалось, не имѣлъ большаго расположенія къ своей супругѣ. Полюбить эту очаровательную женщину со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ юноши было для меня дѣломъ одного мгновенія. Я вскорѣ совершенно предался этой страсти и выдумывалъ разные предлоги, чтобы чаще видѣть госпожу Б. Сначала я только пользовался позволеніемъ выходить изъ училища по праздникамъ; но родные мои иногда не присылали за мною, и, чтобы не проводить въ училищѣ тѣхъ счастливыхъ дней, въ которые я могъ видѣться съ Лаурой, я нанялъ особаго служителя, и его единственною обязанностью было являться съ родственнымъ билетомъ въ училище по праздникамъ и воскресеньямъ и объявлять воспитателямъ (такъ назывались у насъ надзиратели и гувернеры), что присланъ за мною отъ г. К., дальняго моего родственника, на имя котораго былъ написанъ училищный билетъ.

Привязанность моя къ Лаурѣ такъ быстро развилась, что жизнь въ училищѣ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлалась для меня

невыносимой. Цѣлые дни проводилъ я въ мечтахъ о прелестной итальянкѣ, всю недѣлю жилъ надеждой видѣть ее въ воскресенье. Науками я занимался очень мало, или совсѣмъ не занимался, но этого не замѣчали мои наставники, потому что въ классѣ, въ который я поступилъ, читали предметы давно мнѣ знакомые. Въ музыкѣ я дѣлалъ замѣтные успѣхи; они обратили на меня вниманіе высокаго покровителя нашего училища. Кромѣ фортепьяно, я игралъ на віолончели, и игра на этомъ инструментѣ служила мнѣ большимъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ моемъ положеніи. Попечитель нашего училища очень любилъ музыку и заставилъ меня и Сѣрова учиться на віолончели; учителемъ нашимъ былъ Кнехтъ. Изъ всѣхъ инструментовъ звуки віолончели болѣе другихъ походятъ на человѣческій голосъ и болѣе другихъ способны выражать чувства наши. Въ звукахъ этого инструмента такъ много пѣвучести, въ меланхолическомъ пѣніи его такъ много безотрадной тоски, что віолончель сильно дѣйствуетъ на душу, въ особенности, когда она настроена грустью...

Прошло четыре мѣсяца со дня поступленія моего въ училище, и знакомство мое съ Лаурой съ каждымъ праздникомъ дѣлалось короче, привязанность моя къ ней становилась сильнѣе. Меня принимали очень ласково: старикъ мужъ смотрѣлъ на меня, какъ на доброе дитя, развлекавшее иногда своими разсказами и любезностями его жену, а Лаура такъ привыкла ко мнѣ, что считала совершенно своимъ. Она очень любила музыку, пѣла превосходно и часто заставляла меня акомпанировать на фортепьяно или на віолончели. Привязанности моей она, казалось, не замѣчала, или лучше сказать не замѣчала въ ней увлеченія, съ которымъ я любилъ. Изъ веселаго и рѣзваго отрока я сдѣлался задумчивымъ, мечтательнымъ юношей, товарищи меня не узнавали; съ потерей веселости я потерялъ ихъ расположеніе, въ шалостяхъ ихъ никогда не участвовалъ, никому не повѣрялъ своей тайны, но изъискивалъ средства почаще выходить изъ училища.

Не такъ то легко было укрыться отъ бдительныхъ глазъ безчисленныхъ училищныхъ аргусовъ. Весьма многимъ изъ предписанныхъ правилъ я не могъ подчиняться и очень часто попадался въ отпуску нашимъ надзирателямъ на извощикѣ, или пѣшкомъ безъ лакея, или въ

театрѣ въ креслахъ, или въ кондитерской за чашкой кофе. Эти преступленія строго у насъ наказывались. На первыхъ порахъ я упрашивалъ надзирателей не доносить обо мнѣ директору, потомъ отдѣлывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подарками, но, наконецъ, былъ подверженъ отвѣтственности, и нѣсколько праздниковъ сряду просидѣлъ въ училищѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, я рѣшился не носить въ отпуску училищнаго мундира, заказалъ себѣ партикулярное платье и черный парикъ, измѣнявшій нѣсколько цвѣтъ моихъ волосъ, купилъ очки и досталъ помады тѣлеснаго цвѣта, которою закрашивалъ большое родимое пятно, находящееся у меня надъ лѣвымъ глазомъ. Переодѣтый такимъ образомъ, я безпрепятственно могъ ходить и ѣздить по городу и безнаказанно проводить дни отпуска, гдѣ и какъ хотѣлъ. Для того же, чтобы почаще отлучаться изъ училища, я придумалъ новое средство. Въ больницѣ были особыя комнаты для опасно больныхъ и для тѣхъ, у которыхъ была какая нибудь прилипчивая болѣзнь; иногда впрочемъ и обыкновеннымъ больнымъ отводили эти комнаты. Надзиратель больницы получалъ отъ меня постоянное вознагражденіе за разныя снисхожденія и часто отводилъ мнѣ особую комнату, изъ которой былъ выходъ по лѣстницѣ на дворъ. Директоръ имѣлъ привычку посѣщать больницу ежедневно нѣсколько разъ и вечеромъ приходилъ обыкновенно въ восемь часовъ; послѣ вечерняго посѣщенія директора, надзиратель по большей части или уходилъ со двора, или ложился спать, въ полной увѣренности, что больные спятъ. Я подкупилъ одного изъ фельдшеровъ и въ дни его дежурства, чрезъ день, послѣ восьми часовъ вечера отправлялся къ Лаурѣ или въ театръ и возвращался часамъ къ двѣнадцати.

Устроивъ такимъ образомъ свободные выходы изъ училища, чтобы пользоваться ими нѣсколько разъ въ недѣлю, я долженъ былъ часто сказываться больнымъ, и докторъ нашъ С. запретилъ, наконецъ, принимать меня въ больницу. Тогда я притворился больнымъ бѣлою горячкою, дозволилъ терзать себя всѣми средствами, употребляемыми къ излеченію этой болѣзни: глоталъ приписываемыя микстуры, съ стоическою твердостію выдержалъ два раза кровопускательныя банки и совершенно успѣлъ обмануть нашего доктора и другаго эскулапа, призваннаго для

консультаціи. Бѣлая горячка продолжалась полтора мѣсяца, и въ этотъ періодъ страсть моя развилась до крайнихъ предѣловъ; я видѣлъ Лауру почти каждый вечеръ и любилъ ее съ новымъ увлеченіемъ. Скрывать долѣе чувствъ моихъ я не могъ и высказалъ ихъ Лаурѣ. Она хотѣла обратить мое признаніе въ шутку, но я былъ такъ краснорѣчивъ, такъ настойчивъ, слова мои были такъ чистосердечны, привязанность моя такъ неподдѣльна, что нельзя было не выслушать меня серьезно. Въ отвѣтѣ Лауры, основанномъ не на чувствѣ оскорбленнаго достоинства, а на твердомъ сознаніи непоколебимости своего долга и всѣхъ его обязанностей, если и не было высказано полнаго сочувствія ко мнѣ, то я могъ однакоже замѣтить нѣкоторое участіе къ моему положенію, нѣсколько состраданія. Этотъ проблескъ какого-то чувства, не враждебнаго мнѣ, желаніе Лауры вразумить меня и объяснить привязанность мою дѣтскимъ увлеченіемъ, ея совѣты оставаться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ и не говорить ей болѣе о любви моей — самолюбіе мое перетолковало иначе: въ словахъ ея, казалось мнѣ, выразилось сожалѣніе не только ко мнѣ, но и сожалѣніе, хотя не ясно высказанное о положеніи ея самой; въ глазахъ-же ея, въ черныхъ, томныхъ и очаровательныхъ, я прочелъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, и остался совершенно доволенъ моимъ объясненіемъ. Пламенное воображеніе мое рисовало въ будущности картины счастія, и инстинктъ говорилъ мнѣ, что грезы мои осуществятся. Изъ тихаго, робкаго чувства привязанность моя перешла въ такое сильное, восторженное увлеченіе, въ такую пылкую необузданную страсть, что въ порывахъ любви моей я часто спрашивалъ себя: дѣйствительно-ли притворяюсь больнымъ и не помѣшался-ли въ самомъ дѣлѣ?

Скоро прошло время пребыванія моего въ больницѣ; мой добрый геній, фельдшеръ, покровительствовавшій мнѣ, заболѣлъ и на мѣсто его назначили другаго, который о предложеніи моемъ выпускать меня по вечерамъ доложилъ директору; къ счастію это предложеніе приняли за новое доказательство болѣзненнаго моего состоянія; но выходить изъ больницы я уже не могъ и по необходимости долженъ былъ выздоровѣть въ непродолжительномъ времени. Какъ и прежде, я сталъ видѣться съ Лаурою только по праздникамъ и воскресеньямъ и продолжалъ ходить въ городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Однажды, въ вечеру, Лауры не было дома, и я отправился въ большой театръ. Давали любимую мою оперу: „Роберта Дьявола" Мейербера. Великолѣпная постановка этой оперы, занимательное либретто, однимъ словомъ все въ этомъ образцовомъ произведеніи вкуса, геніальности, музыкальной учености и счастливаго вдохновенія, производило на меня невыразимо пріятное впечатлѣніе. Я сидѣлъ въ креслахъ; кончился первый актъ, я окинулъ взоромъ всѣхъ моихъ сосѣдей и не замѣтилъ между ними ни одного знакомаго лица: подлѣ меня было пустое мѣсто. Въ началѣ втораго акта, это мѣсто занялъ г. Т., надзиратель нашего училища, одинъ изъ самыхъ лютыхъ враговъ моихъ, нѣмецъ родомъ, маленькій ростомъ, близорукій и очень непріятной наружности. Онъ начинаетъ всматриваться въ меня и, кажется, узнаетъ. Тогда между нами завязывается слѣдующій разговоръ:

— Послушайте, какъ вы смѣете ходить одни въ театръ и въ партикулярномъ платьѣ?

— Милостивый государь, не мѣшайте мнѣ слушать прекрасную музыку Мейербера.

— Я васъ серьезно спрашиваю, какъ вы смѣете быть здѣсь, и не въ мундирѣ.

— Вы со мной-ли говорите?

— Съ кѣмъ-же, какъ не съ вами?

— Въ такомъ случаѣ я васъ не понимаю.

— Вы меня не понимаете, такъ поймете сейчасъ: не угодно-ли вамъ сію минуту ѣхать со мною?

— Извините, не могу удовлетворить вашему желанію: я очень люблю музыку „Роберта" и не намѣренъ уѣхать изъ театра до окончанія пьесы.

— Такъ вы еще не слушаете меня? Будетъ-же вамъ.

— Вы, милостивый государь, или не въ своемъ умѣ, или ошибаетесь и принимаете меня за другаго.

— Нѣтъ, С., я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы принять за другаго.

— Я дѣйствительно С., но не понимаю, какое право даетъ вамъ эта фамилія говорить мнѣ грубости.

— Вы еще насмѣхаетесь надо мной, такъ погодите-же, завтра въ училищѣ я съ вами раздѣлаюсь.

— А! Вы быть можетъ изъ училища N?

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— И вѣроятно служите тамъ инспекторомъ или воспитателемъ?

— Вы, кажется, въ этомъ не совершенно увѣрены?

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло. Вы приняли меня за моего брата, который воспитывается въ училищѣ N.; ошибиться впрочемъ не трудно, мы очень похожи другъ на друга, но я нѣсколько старше брата, у него волосы свѣтлѣе моихъ, и у меня нѣтъ родимаго пятна надъ глазомъ, по которому брата моего тотчасъ можно узнать.

— Извините, я дѣйствительно принялъ васъ за вашего брата, но онъ такой повѣса ..... еще разъ прошу меня извинить.

Зная нѣсколько слабыя струны нашего Т., я въ разговорѣ такъ къ нему поддѣлался, что онъ былъ отъ меня въ восторгѣ; въ особенности понравилось ему мое сужденіе о музыкѣ вообще и о нѣмецкой въ особенности.

Передъ пятымъ актомъ я его просилъ передать моему брату нѣсколько денегъ, увѣривъ его, что не могу прійти скоро въ училище, по случаю предстоящей поѣздки на нѣсколько дней изъ Петербурга, и въ концѣ представленія уѣхалъ изъ театра.

Мы разстались большими пріятелями. На другой день Т., не отдавая мнѣ денегъ, полученныхъ имъ наканунѣ, а сказавъ, что сохранитъ ихъ для моихъ надобностей (имѣть деньги воспитанникамъ запрещалось), разсыпался въ похвалахъ моему брату, говорилъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, очень солидный, имѣетъ много свѣдѣній, долженъ быть отличнымъ музыкантомъ, и совѣтовалъ мнѣ брать съ него во всемъ примѣръ.

Чрезъ нѣсколько дней я разсказалъ объ этомъ происшествіи одному изъ моихъ товарищей, взявъ съ него честное слово, что сохранитъ его въ тайнѣ. Вскорѣ въ училищѣ не было другаго разговора, какъ о похожденіи моемъ съ Т.

Надзоръ за мной сдѣлался строже, узнали, что приходилъ съ родственнымъ билетомъ нарочно нанятый для этого лакей, что у род-

ныхъ моихъ бываю очень рѣдко и что хожу въ городѣ въ партикулярномъ платьѣ. Это такія преступленія, за которыя не могло быть помилованія. Меня засадили на двѣ недѣли въ карцеръ и въ теченіи мѣсяца запретили выходить изъ училища.

Первые дни моего заключенія были для меня невыносимы. Постоянный мракъ, царствовавшій въ темницѣ, невозможность ни встать, ни ходить,—такъ былъ малъ нашъ карцеръ, лишеніе всѣхъ средствъ къ занятіямъ доводили меня до отчаянія, а мысль, что въ теченіи шести недѣль не буду видѣть Лауры, терзала меня болѣе всего. Казалось, не могло быть положенія болѣе затруднительнаго, и я узналъ тогда на опытѣ, какъ невыносимо одиночное темничное заключеніе.

Но и въ эти горькія минуты мой добрый геній не оставилъ меня. На этотъ разъ онъ явился въ видѣ карцернаго сторожа, который, послѣ трехдневнаго бдительнаго надзора, сжалился надо мною и за незначительную плату согласился давать мнѣ свободу по вечерамъ, послѣ девяти часовъ. Вскорѣ я свыкся съ моимъ положеніемъ, и когда меня выпустили изъ карцера, я очень жалѣлъ, что время заключенія продолжалось не долго. Изъ карцера я могъ уходить и видѣть Лауру, а изъ училища не было возможности исчезнуть незамѣченнымъ. По этому я употребилъ карцеръ, какъ средство для свиданій съ Лаурою, и началъ дѣлать множество разныхъ шалостей, въ училищахъ обыкновенно называемыхъ школьничествомъ, какъ напримѣръ: капалъ изъ пера чернило на лысую голову учителя нѣмецкаго языка, сдергивалъ парикъ съ профессора физики, подражалъ лаю собакъ, когда преподаватель англійскаго языка заставлялъ меня спрягать глаголы, и тому подобное. За всѣ эти продѣлки меня сажали въ карцеръ; но наказаніе это такъ часто повторялось и, казалось, было такъ недѣйствительно, что чѣмъ чаще меня сажали въ карцеръ, тѣмъ больше я шалилъ, и карцеръ былъ занятъ мною почти постоянно. Тогда директоръ, начинавшій, вѣроятно, подозрѣвать что-нибудь, приказалъ сажать меня вмѣсто карцера въ отдѣльную комнату при больницѣ, изъ которой не было уже никакой возможности уйти, ибо ключь хранился у самаго лютаго врага моего Т., такъ удачно обманутаго мной въ театрѣ. Къ заключенію прибавили еще другое наказаніе—голодъ, и какъ я ни былъ терпѣливъ, но не могъ перенесть всѣхъ истязаній, которымъ меня подвергли.

Независимо отъ обязанности наказывать, у директора развилось ко мнѣ враждебное чувство, которое обратилось въ злое, недостойное мщеніе; онъ хотѣлъ выместить на мнѣ всѣ насмѣшки наши надъ нимъ и его семействомъ, составлявшимъ порядочное собраніе уродовъ, и всѣ непріятности, которыя воспитанники дѣлали надзирателямъ и учителямъ, въ полной увѣренноста, что я былъ главной пружиной всѣхъ безпорядковъ и шалостей.

Дальнѣйшее пребываніе въ училищѣ сдѣлалось для меня невозможнымъ. Я писалъ моему отцу и умолялъ его взять меня изъ училища. Краснорѣчивое письмо мое, продиктованное невыносимымъ страданіемъ отъ стѣсненія личности, было прочтено директоромъ, и когда онъ убѣдился, что я рѣшительно не хочу оставаться въ училищѣ, то воспользовался отсутствіемъ изъ Петербурга нашего попечителя и, сдѣлавшись главнымъ начальникомъ въ училищѣ, довелъ меня до крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Наконецъ, въ классѣ при всѣхъ ученикахъ насказалъ мнѣ столько грубостей и употребилъ такія выраженія, которыхъ врожденная мнѣ гордость не могла снести. Я ему отвѣчалъ тѣмъ-же, въ слѣдствіе чего и былъ исключенъ изъ училища.

Однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни былъ день моего исключенія: я оставилъ училище, какъ оставляетъ узникъ свою темницу. Я жалѣлъ только о томъ, что нашего попечителя не было тогда въ Петербургѣ, и я не могъ объяснить ему моего поведенія. Мнѣ не хотѣлось оставить въ памяти высокаго покровителя нашего дурнаго воспоминанія обо мнѣ. Онъ всегда былъ такъ ласковъ ко мнѣ, принималъ такое участіе въ моемъ положеніи, что каждый разъ, когда директоръ докладывалъ о моихъ шалостяхъ, онъ призывалъ меня къ себѣ и съ истинно родительскою любовью увѣщевалъ меня и просилъ исправиться; не смотря на неизмѣримое разстояніе между нами, я иногда готовъ былъ высказать ему все и признаться въ моей любви; онъ былъ еще молодъ, онъ, быть можетъ, понялъ-бы меня, и тогда жизнь моя получила-бы совсѣмъ другое направленіе. Но смѣлости мнѣ не доставало, врожденная застѣнчивость и ложный стыдъ заграждали мнѣ уста.

Сколько разъ добрый, незабвенный покровитель, во время пребыванія моего въ училищѣ, писалъ я тебѣ, и въ письмахъ моихъ громко

говорило чувство неподдѣльнаго раскаянія въ проступкахъ молодости, искренней преданности тебѣ и разумнаго пониманія началъ добра! Ты любилъ ихъ, эти признанія отроческой откровенности, эти очерки минутныхъ заблужденій, въ противоположность которымъ перо мое рисовало картины нравственнаго совершенства. Ты сочувствовалъ душѣ моей, увлеченной пылкой привязанностью, ты угадалъ, что не скверенъ по природѣ я. Да воздастъ тебѣ Господь за твои отеческія попеченія, и да наградитъ тебя въ дѣтяхъ твоихъ!

По исключеніи изъ училища, меня взялъ къ себѣ господинъ К., женатый на моей родственницѣ. Онъ былъ еще молодъ, велъ жизнь очень разсѣянную и не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но счелъ однакоже нужнымъ снабдить меня гувернеромъ англичаниномъ. Я не любилъ К. и не могъ быть съ нимъ откровененъ; гувернеръ-же пришелся мнѣ по сердцу, и мы жили съ нимъ дружно; онъ никогда не мѣшался въ мои дѣла, провожалъ меня со двора и потомъ давалъ полную свободу; домой мы возвращались всегда вмѣстѣ въ условленное время, и всѣ были убѣждены, что мы въ теченіи дня не разлучались.

Во время послѣдняго моего заточенія въ училищѣ, мужъ Лауры скончался, оставивъ ей довольно значительное состояніе. Я не видѣлъ ея въ первые дни ея вдовства, но мы встрѣтились вскорѣ, свободные оба: она отъ узъ супружескихъ, я отъ ига училищнаго; и сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что она дала мнѣ возможность располагать собою и видѣть Лауру каждый день. Изъ всѣхъ ея родныхъ у ней осталась одна тетка, поселившаяся у Лауры послѣ смерти ея мужа. Тетка эта сдѣлалась истиннымъ моимъ другомъ. День со дня посѣщенія мои становились продолжительнѣе. Я ей не говорилъ о моихъ чувствахъ, но взоры наши краснорѣчиво высказывали то, о чемъ языкъ изъ приличія молчалъ еще.

Я дѣлалъ тысячи плановъ одинъ несбыточнѣе другаго, строилъ такіе великолѣпные замки, какіе можетъ создать пятнадцатилѣтнее восторженное воображеніе. Но въ этихъ очертаніяхъ счастливой будущности мысль моя часто останавливалась на моихъ родителяхъ, я думалъ объ огорченіи, сдѣланномъ имъ исключеніемъ изъ училища, о неудовольствіи на меня отца моего. Онъ не писалъ мнѣ ни слова, и я чувство-

валъ, что гнѣвъ его долженъ быть великъ и справедливъ. Безотчетный страхъ, который я питалъ къ нему въ дни дѣтства, пробуждался вновь и испуганное воображеніе не рѣдко доводило меня до отчаянія. Не долго впрочемъ продолжалось горькое раздумье: чувство сожалѣнія о нанесенныхъ родителямъ непріятностяхъ и идея неопредѣленнаго страха подавлялись безпредѣльною привязанностью къ Лаурѣ. Не могло быть продолжительной борьбы между чувствами сыновней любви и послушанія и страстью моей къ Лаурѣ. Лаура всегда бывала побѣдительницею. Наконецъ я рѣшился, если отецъ поступитъ со мной круто, оставить его навсегда, удалиться изъ Петербурга и уѣхать съ Лаурой за границу.

Прошло шесть недѣль траура Лауры, я говорилъ ей о моихъ чувствахъ и сообщилъ мое намѣреніе; въ словахъ моихъ было столько страстнаго увлеченія, во мнѣ такъ краснорѣчиво говорила привязанность моя, что невольно и Лаура высказала болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Она впрочемъ значительно укротила пылъ моего восторга, объявивъ, что никогда не приметъ моихъ предложеній, если они не будутъ согласны съ волею моихъ родителей.

Какъ ни пріятно было мнѣ слышать выраженіе сочувствія Лауры, но рѣшимость ея не слѣдовать влеченію сердца, а во всемъ согласоваться съ волею отца моего, уничтожила все очарованіе. Сомнѣніе въ искренности Лауры мучило меня: подчиниться волѣ моего отца, по моему убѣжденію, значило разстаться съ Лаурой навсегда. И такъ не радость вынесъ я изъ этого объясненія, а безотрадную тоску, неопредѣленное сомнѣніе, неувѣренность въ возможности осуществленія моихъ мечтаній. Это состояніе между страхомъ и надеждой продолжалось до пріѣзда моего отца.

Первое свиданіе съ нимъ рѣшило вопросъ о моей будущности. Онъ обошелся со мною очень кротко, не смотря на то, что былъ крайне огорченъ изгнаніемъ изъ училища: въ немъ сильно страдало чувство оскорбленнаго самолюбія, ему грустно было отказаться отъ любимой идеи видѣть во мнѣ достойнаго наслѣдника своего имени, не хотѣлось ему сознаться и въ обманутой надеждѣ на совершенство нравственнаго моего воспитанія. Директоръ описалъ меня самыми черными

красками, что впрочемъ послужило мнѣ въ большую пользу. Удостовѣрясь изъ разговоровъ со мною, что я вовсе не имѣю дурныхъ правилъ, и что причиной большей части моихъ шалостей было стѣсненіе личности, отецъ мой вскорѣ совершенно успокоился на счетъ моего нравственнаго направленія. Не смѣлъ впрочемъ я ему признаться въ моей привязанности къ Лаурѣ; зная его серьезный харахтеръ, какъ было сказать ему, что я люблю и что меня любятъ? Я страшился не за себя, а за Лауру,—мнѣ дорого было ея доброе имя.

Я любилъ науки, и мысль о свободной учебной дѣятельности всегда привѣтливо улыбалась мнѣ; я увѣрилъ моего отца, хотѣвшаго было сначала отдать меня въ военную службу, что я готовъ учиться и горю нетерпѣніемъ почерпнуть нужныя для образованнаго человѣка свѣдѣнія, но съ условіемъ не ограничивать моей свободы ненавистными училищными формами, которыя введены у насъ нѣмецкими преподавателями и надзирателями и которымъ славянская моя природа не могла никакъ подчиниться. Дѣйствительно, жаждалъ я обогатить себя полезными познаніями, но желалъ пріобрѣсть ихъ по собственному побужденію и по внутреннему сознанію ихъ необходимости, безъ всякаго принужденія и стѣсненія. Поэтому рѣшено было, что я окончу мои науки въ университетѣ.

Увлеченный желаніемъ учиться, я изъявилъ согласіе на поступленіе въ университетъ, въ полной увѣренности, что меня оставятъ въ Петербургѣ; но каково было мое положеніе, когда отецъ объявилъ твердую волю, чтобы я поступилъ въ одинъ изъ губернскихъ университетовъ. Мысль, что, оставляя Петербургъ, я разстанусь съ Лаурой, быть можетъ, навсегда,—мучила, терзала меня; цѣлый день провелъ я въ тревожномъ состояніи и рѣшился не уѣзжать изъ Петербурга. Въ вечеру получилъ письмо отъ моей матери, въ которомъ она убѣдительно просила меня пріѣхать къ ней. Чувство безпредѣльной привязанности къ матери, предстоявшая возможность повѣрить ей тайну моего сердца заставили перемѣнить мое намѣреніе, и поѣздка въ деревню для свиданья съ матерью представлялась мнѣ лучшимъ средствомъ къ осуществленію моихъ желаній со временемъ. Недовѣрчивость однако поселяла во мнѣ новыя сомнѣнія въ искренности Лауры; я рѣшился въ тотъ-же

вечеръ объясниться съ ней окончательно. Я ей сказалъ, что уѣзжаю на дняхъ на югъ, что не говорилъ отцу ни слова о моей привязанности, зная его правила и характеръ и будучи убѣжденъ, что онъ приметъ это за глупое увлеченіе, сказалъ еще, что и привязанности ея я не совсѣмъ довѣряю, что не вѣрится мнѣ, чтобъ она искренно меня любила, а если дѣйствительно любитъ, то послѣдуетъ за мною туда, куда влечетъ меня судьба.

Нѣтъ словъ описать мой восторгъ, когда я услышалъ изъ устъ Лауры обѣщаніе найти меня, гдѣ-бы я ни былъ: то было упоеніе, доходившее до изступленія въ избыткѣ счастія; ощущенія подобнаго рода въ жизни человѣка очень рѣдки; они слишкомъ сильно потрясаютъ духовную его сторону и не могутъ повторяться часто. Мы положили съѣхаться не позже двухъ мѣсяцовъ въ Кіевѣ, гдѣ я предположилъ поступить во вновь открытый университетъ.

И такъ отъѣздъ мой изъ Петербурга сдѣлался для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ моей жизни. Я оставлялъ этотъ городъ съ надеждой на счастливую аркадскую будущность съ Лаурой. Не знаю впрочемъ, отчего не вѣрилось мнѣ, что я искренно любимъ ею: демонъ сомнѣнія часто тревожилъ меня, мысль, что Лаура меня любитъ, представлялась мнѣ такимъ несбыточнымъ бредомъ, такою мечтою недосягаемаго счастія, что я не смѣлъ предаваться ей вполнѣ. Эта недовѣрчивость имѣла единственнымъ основаніемъ избытокъ счастія и нисколько не была сродна моему характеру. Напротивъ я былъ слишкомъ довѣрчивъ, я вѣрилъ еще въ возможную непогрѣшимость человѣческой природы; добродѣтель, справедливость, истина не были для меня словами пустыми; обѣщать и не дѣлать, занять и не заплатить въ срокъ, быть въ состояніи помочь и не оказать помощи—я считалъ невозможнымъ. Благодаря правиламъ строгой нравственности, поселенной во мнѣ матерью и природнымъ началамъ добра, начертаннымъ Создателемъ въ сердцѣ моемъ, я былъ нравственно цѣломудренъ, я былъ наивно добродѣтеленъ и не только не дозволялъ себѣ думать о возможности отступленій и уклоненій отъ идеи правды, но не допускалъ ихъ и въ другихъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ деревню, свиданіе мое съ матерью и ба-

бушкой было очень трогательно; онѣ не видѣли меня около двухъ лѣтъ, и не зная еще, достоинъ-ли я ихъ ласкъ, приняли меня съ любовью.

Я не разувѣрялъ отца моего въ предполагаемой имъ причинѣ моихъ шалостей въ училищѣ, но предъ матерью не могъ скрыть истины и разсказалъ ей все, не изъ тщеславія, что успѣлъ пріобрѣсть взаимность очаровательной женщины, не изъ одной необходимости высказать ей всю полноту моихъ чувствъ и вызвать въ ней сочувствіе къ моему положенію, а изъ желанія представить также достаточное извиненіе моимъ поступкамъ и предстать предъ нравственнымъ совершенствомъ моей матери не совсѣмъ недостойнымъ имени ея сыномъ. Откровенность моя послужила еще къ большему сближенію между нами. Страсть мою къ Лаурѣ мать моя считала пылкимъ увлеченіемъ юности и не осуждала меня за это; но говорила, что не слѣдуетъ давать большую свободу своимъ чувствамъ, что нужно умѣрять по возможности пылъ моего сердца, и изъявила желаніе, чтобы я поступилъ въ кіевскій университетъ для окончанія наукъ.

Какъ рѣзко начертались въ памяти моей слова твои, незабвенная виновница дней моихъ, несравненная мать, моя совершеннѣйшая изъ женщинъ! Помню я и буду всегда помнить то, что ты сказала, благословляя меня на новое поприще: больше разсудка и меньше сердца другъ мой, и ты будешь счастливъ.

IV. Университетъ.

У Днѣпра, на высокихъ горахъ живописно раскинутъ древній Кіевъ. Когда подъѣзжаешь къ этому городу, глазамъ представляется великолѣпное зрѣлище: предъ вами широкая, величественная рѣка, за нею прямо, на большой возвышенности печерская лавра, съ несмѣтнымъ множествомъ золотыхъ куполовъ, посреди которыхъ горделиво возвышается высокая башня колокольни; вся мѣстность, принадлежащая лаврѣ, обнесена каменной оградой и украшена роскошными садами, гдѣ между столѣтними деревами виднѣются крытые переходы изъ ближнихъ въ дальнія пещеры. Направо по горамъ ряды величественныхъ итальянскихъ тополей; изъ-за нихъ выглядываютъ городскія зданія и бесѣдки

царскаго сада, далѣе на горизонтѣ красуется единственная въ своемъ родѣ по архитектурной красотѣ своей церковь Андрея Первозваннаго; здѣсь картина оканчивается Подоломъ, новымъ городомъ, симметрически расположеннымъ на берегу рѣки; пристань усѣяна барками и разными судами. Налѣво крутые берега Днѣпра, изрытые оврагами, одѣтые дико ростущими кустарниками; вдали на утесѣ Выдубицкій монастырь,—мирная, убогая обитель и кладбище.

Чудно хорошъ святой градъ, когда подъѣзжаешь къ нему изъ-за Днѣпра, и трудно описать впечатлѣніе, которое производитъ видъ его на русскаго путешественника, впервые посѣщающаго эту древнюю колыбель вѣры православной. Чувства благоговѣнія къ святынѣ, уваженія къ старинѣ, тѣснятся въ груди и приводятъ въ совершенный восторгъ.

Я пріѣхалъ въ Кіевъ съ отцомъ моимъ, и по указанію попечителя кіевскаго округа, меня помѣстили къ директору 1-й гимназіи для приготовленія къ пріемному экзамену въ университетъ.

Директоръ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный и зналъ, какъ нужно обходиться съ шестнадцатилѣтнимъ юношей: онъ предоставилъ мнѣ полную свободу располагать временемъ и развилъ во мнѣ охоту къ занятіямъ серьезнымъ: я учился съ успѣхомъ и въ четыре мѣсяца совершенно приготовился къ поступленію въ университетъ. Въ Петербургѣ я многое позабылъ изъ того, что зналъ еще въ пансіонѣ; оставивъ высшее училище и проживъ безъ занятій нѣсколько мѣсяцевъ, я удержалъ въ памяти очень немногое изъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ училищѣ, и четырехмѣсячное приготовленіе къ университету едва-ли было бы достаточно, еслибы я не употребилъ всѐвозможнаго старанія къ побѣжденію учебныхъ трудностей и пріобрѣтенію необходимыхъ познаній. Болѣе всего я занялся латинскимъ языкомъ; на первомъ курсѣ предстояло слушать „Римское Право", и на пріемномъ экзаменѣ обращали особенное вниманіе на латынь.

Меня очень полюбили и ласкали въ домѣ нашихъ родныхъ П. Я. и Н. Гр. Лукашевичей. Они жили въ городѣ зимой, а лѣто проводили на прелестной дачѣ „Кинь-грусть", купленной у Бѣгичева. Названіе „Кинь-грусти" было дано императрицей Екатериной II въ 1787

году. Съ 1838 года дядя и тетушка Лукашевичи стали жить круглый годъ въ „Кинь-грусти“, гдѣ выстроили помѣстительный домъ и поселили нѣсколько семействъ крестьянъ. Не смотря на болѣзненное состояніе Платона Яковлевича, страдавшаго подагрой, и преклонныя лѣта Надежды Григорьевны, у нихъ было весело. Превосходно отдѣланный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ, радушіе и любезность стариковъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей.

Лаура писала мнѣ часто, но не могла въ скорости пріѣхать въ Кіевъ: ее удерживали въ Петербургѣ разныя дѣла. Воспоминаніе о ней и надежда на скорое свиданіе поддерживали во мнѣ ученую дѣятельность.

Въ августѣ 1837 года я выдержалъ очень удовлетворительно экзаменъ и поступилъ въ число студентовъ университета св. Владиміра, по юридическому факультету.

Отецъ мой былъ доволенъ мною и навѣстилъ меня. Мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Когда онъ уѣзжалъ, я сопутствовалъ ему до моста; это было вечеромъ, когда полный румяный мѣсяцъ величественно всходилъ на кіевскомъ горизонтѣ изъ за Днѣпра; мгновенно налетѣло облако и образовало на мѣдномъ дискѣ луны синій крестъ. Невольно перекрестился я и сказалъ отцу: „взгляните на крестообразное явленіе на лунѣ, это хорошее предзнаменованіе для меня“.

— Дай Богъ, отвѣчалъ отецъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ поступленія моего въ университетъ, пріѣхала въ Кіевъ Лаура; она окончила съ успѣхомъ свои дѣла и была совершенно свободна. Нѣтъ возможности описать мое счастіе и дать о немъ надлежащее понятіе Я любилъ, какъ любятъ въ лѣта первой молодости, когда безсознательное чувство взаимнаго влеченія не встрѣчаетъ въ изліяніи своемъ никакихъ препятствій и мелочныхъ разсчетовъ и не стѣсняется общественными условіями. Мы принадлежали другъ другу безусловно и существовали только для себя, не имѣя почти знакомыхъ. Большую часть времени я проводилъ въ университетѣ, а остальное посвящалъ Лаурѣ; жизнь наша текла тихо, спокойно: никто не зналъ о пребываніи Лауры въ Кіевѣ. Съ товарищами-студентами я мало былъ знакомъ и встрѣчался съ ними только на лекціяхъ,

всѣ думали, что я предался вполнѣ наукамъ, и никогда не спрашивали, что я дѣлаю и отчего нигдѣ не бываю. Въ первые мѣсяцы поступленія моего въ университетъ, многіе профессора относились ко мнѣ съ недовѣрчивостью; въ особенности не благоволилъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ, читавшій исторію Русской Литературы; его научное изложеніе въ теченіе полугода „Слова о Полку Игоря“ и малорусскихъ пѣсень выводило насъ изъ терпѣнія. Но Неволинъ и Мацкевичъ были ко мнѣ расположены. Я не пропускалъ ни одной лекціи, записывая ихъ аккуратно, и готовился постоянно на репетиціи, каждое воскресеніе и въ дни большихъ праздниковъ бывалъ въ университетской церкви въ первой гимназіи, читывалъ Апостола, пѣвалъ на клиросѣ и съ точностью исполнялъ всѣ обязанности, возложенныя на студентовъ, чѣмъ и заслужилъ полное довѣріе профессоровъ и университетскаго начальства.

Такъ прошелъ первый годъ. Наступили экзамены; я ихъ выдержалъ очень хорошо и перешелъ во второй курсъ съ отличіемъ, не смотря на очень дурную отмѣтку изъ французскаго языка, поставленную мнѣ Максимовичемъ. Изъ своего предмета онъ не могъ не поставить мнѣ полныхъ балловъ, потому что на экзаменѣ присутствовали многіе профессора, и я превосходно зналъ исторію Русской Словесности, но на экзаменѣ изъ французскаго языка, на который лекторъ не явился по болѣзни, Максимовичъ, совсѣмъ почти незнавшій французскаго языка, экзаменовалъ въ качествѣ декана словеснаго факультета, и озлобившись моими дѣльными возраженіями и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, поставилъ мнѣ единицу. Брадке, со вниманіемъ слѣдившій за успѣхами студентовъ въ наукахъ, не мало былъ удивленъ такой отмѣткой, но я былъ къ ней совершенно равнодушенъ, получивъ изъ всѣхъ предметовъ юридическаго курса и главныхъ вспомогательныхъ полные шары (4) и право на переходъ съ отличіемъ, условленный въ общемъ выводѣ тремя съ половиной.

Есть люди, которые отъ нечего дѣлать чрезвычайно любятъ заниматься чужими дѣлами и, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи своей любознательности, употребляютъ всѣ средства, чтобы узнать что нибудь о своихъ знакомыхъ. Между моими товарищами былъ студентъ К., очень любившій выѣзжать, развозить городскія новости и украшать

ихъ разными вымыслами. Для него я былъ загадкой, надъ которой онъ усердно трудился. Узнавъ, что я дѣлю время между университетомъ и Лаурою, онъ распустилъ очень невыгодные слухи обо мнѣ и о Лаурѣ въ особенности. Слухи эти дошли до меня: я защищалъ Лауру со всѣмъ пыломъ молодости, не знающей границъ негодованію за оскорбленіе любимой женщины, и предъ многими студентами обличалъ К. во лжи, наговорилъ ему множество непріятностей и вызвалъ на дуэль. Но К. на вызовъ не явился и въ день назназначенный для дуэли уѣхалъ на каникулы въ деревню. Я былъ въ отчаяніи: чувство неудовлетвореннаго мщенія кипѣло во мнѣ; презрѣніе къ безчестному поступку К. не могло заглушить жажды мести, желанія омыть кровью оскорбленіе нанесенное Лаурѣ.

Исторія моя съ К. сдѣлалась гласною; къ счастію, Лаура ничего о ней не знала.

Во время каникулъ я съѣздилъ на недѣлю домой. Бабушка была уже очень слаба, иногда забывалась, но по прежнему очень любила и ласкала меня и щедро надѣляла деньгами; бывало, откроетъ ящикъ бюро, гдѣ хранились деньги, и говоритъ: бери, мой милый, сколько хочешь. Изъ врожденной деликатности, случалось, не возьмешь много, — непремѣнно добавитъ нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, или положитъ въ карманъ пачку ассигнацій, и скажетъ: „мнѣ не надо, а тебѣ пригодятся“. 15-го августа 1838 года бабушка тихо скончалась. Горестна была для меня потеря этой добродѣтельной, праведной женщины, и я очень сожалѣлъ, что не былъ въ деревнѣ во время ея кончины.

Съ пріѣзда въ Кіевъ, Лаура чувствовала себя не хорошо: частая боль въ груди, постоянный кашель и едва замѣтная, но продолжительная лихорадка изнуряли ее; наступавшая осень еще болѣе разстроила ея здоровье. Медики рѣшили единогласно, что Лаурѣ необходимо провести зиму въ тепломъ климатѣ, и какъ ни тяжело было намъ разстаться, но дѣлать было нечего: Лаура выписала изъ Петербурга свою тетку и съ нею отправилась въ Италію.

Съ отъѣздомъ Лауры, К. сталъ мнѣ еще ненавистнѣе: я обвинялъ его въ безразсудной болтовнѣ, въ недостаткѣ чувства чести и съ нетер-

пѣніемъ ждалъ его возвращенія, въ надеждѣ излить на него всю горечь моего положенія. Съ наслажденіемъ думалъ я о той минутѣ, когда пуля прострѣлитъ врага, или шпага вонзится въ грудь его, и изыскивалъ средства, чтобы отмстить ему; эта жажда мести не была уже минутной вспышкой раздраженнаго чувства, слѣдствіемъ внезапнаго гнѣва, а обдуманнымъ желаніемъ зла, необузданнымъ стремленіемъ наказать К.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей, которыми оканчивается дворцовая часть Кіева, стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старыя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ уныніе. Вся мѣстность, окаймленная итальянскими тополями, поросла дикими, сорными травами, сквозь нихъ съ трудомъ можно было пробраться къ маленькому мысу, оканчивавшему собою плоскую возвышенность. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на старый Кіевъ, съ его древними церквами, и на широкій величественный Днѣпръ, терявшійся у Вышгорода въ лазурной дали небосклона.

Рѣдко ходили сюда любоваться прекрасными видами... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе—заколдованный домъ, обитаемый выходцами съ того свѣта.

Послѣ отъѣзда Лауры, въ свободное отъ занятій время, часто посѣщалъ я окретности Кіева, замѣчательныя по своему мѣстоположенію. Прогулки пѣшкомъ, склонность къ мечтательности и уединенію, созерцаніе чудной природы утоляли иногда печаль разлуки. Но бывали минуты, когда безотрадная тоска грызла меня, и я тогда чувствовалъ необходимость уйти подальше отъ людей; однажды въ самомъ грустномъ расположеніи я отправился къ описанной мѣстности.

Миновались жаркіе дни знойнаго лѣта, вѣяло осенней прохладой, широкая улица, ведущая къ спуску на Крещатикъ, была усыпана пожелтѣвшими листьями, сильный сѣверный вѣтеръ сметалъ съ земли кучи пыли и вертѣлъ ихъ въ воздухѣ громадными столбами; выгорѣвшія отъ жгучаго солнца земляныя насыпи представляли видъ печальный,

остовы деревьевъ, кое-гдѣ сохранившіе остатки зелени, грустно рисовались на сѣромъ небосклонѣ, покрытомъ облаками; накрапывалъ мелкій дождь, подъ ногами шелестѣлъ опавшій листъ; вечерѣло.

Вой вѣтра и зловѣщій крикъ филина были мнѣ по сердцу, и я быстрыми шагами приближался къ развалинамъ. Вдругъ явилось предо мной существо, служившее лучшимъ дополненіемъ дикой обстановкѣ, среди которой я находился: то былъ дряхлый, худой старикъ, едва таскавшій ноги. Онъ представлялъ собою ходячую развалину, олицетворялъ глубокую осень человѣческой жизни и находился въ большой гармоніи съ разрушавшимся отъ ветхости зданіемъ и умиравшей по времени года природой. Лице его, покрытое морщинами, было правильно и красиво; изъ подъ черныхъ съ просѣдью бровей сверкали большіе сѣрые глаза, полные жизни и выраженія; орлиный носъ гордо высился надъ маленькимъ ртомъ, лице оканчивалось острымъ подбородкомъ.

Старикъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, въ его взглядѣ было такъ много магнетическаго притяженія, что я невольно приблизился къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоры. Въ словахъ его было столько ума, столько убѣдительнаго краснорѣчія, что я вполнѣ увлекся его бесѣдой и безпрекословно подчинился его обаятельному вліянію. Съ первыхъ словъ онъ угадалъ состояніе моего духа и между нами мгновенно установились самыя пріязненныя отношенія; я чувствовалъ какое-то неодолимое тяготѣніе его воли надо мной и находился въ состояніи субъекта подверженнаго сильному дѣйствію магнетизма. Съ откровенностью, свойственною молодости, вкратцѣ разсказалъ я ему исторію моей привязанности къ Лаурѣ и причину временной нашей разлуки. Когда разсказъ коснулся ссоры съ К., жажда мести такъ сильно заговорила во мнѣ, что старикъ остановилъ меня.

„Помни, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, слова молитвы Божественнаго нашего Учителя: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Не забывай одного изъ главныхъ основаній ученія Христова: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали“; тебя обидѣли—прости и не желай зла врагу твоему. Но если, увлеченный злобой и желаніемъ мести, забывъ, что ты христіанинъ, станешь слѣдовать закону Моисея: око за око, зубъ, то примѣни

этотъ законъ къ себѣ и знай, что не только одни дѣйствія приводятъ въ исполненіе нашу волю: часто слово, иногда мысль, стремленіе духа, осуществляютъ злыя намѣренія наши. Тѣмъ не менѣе они не остаются безнаказанными и ветхозавѣтный законъ тяготѣетъ всею тяжестью своею надъ удовлетвореннымъ мстителемъ. Положимъ, желаніе твое исполнится и врагъ твой будетъ наказанъ, но согласишься-ли ты въ свою очередь перенесть заслуженное жаждой мести наказаніе и по закону возмездія подвергнуться неизбѣжному его дѣйствію? Я былъ молодъ, какъ ты, я увлекался и давалъ свободу моимъ чувствамъ, я ненавидѣлъ и мстилъ, и правосудіе неба карало меня: каждый разъ за удовлетвореннымъ чувствомъ зла, казавшимся мнѣ вполнѣ справедливымъ, слѣдовало наказаніе; око за око, зубъ за зубъ: умиралъ-ли мой противникъ, я терялъ кого-нибудь изъ наиболѣе близкихъ моему сердцу; постигало-ли несчастіе врага моего, въ непродолжительномъ времени судьба подвергала меня горькому испытанію. Претерпѣвъ всѣ возможныя превратности въ жизни, потерявъ все, что было мнѣ дорого на землѣ, незлобенъ я сталъ, но поздно... преждевременное несчастіе убѣлило главу мою, предо мной отверзста могила.

Какъ фантастическое явленіе, исчезъ старикъ; ночная тьма черной пеленой покрыла небосклонъ, бушевалъ сильнѣе вѣтеръ, тоскливѣе и громче раздавался крикъ филина въ ушахъ моихъ. Не помню, какъ добрался я домой. Слова старика врѣзались въ мою память, и я долго не могъ ихъ забыть. Страннымъ и непонятнымъ казалось мнѣ многое изъ его рѣчей, не могъ я въ особенности объяснить себѣ возможности сдѣлать зло кому-бы то ни было однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ духа, когда часто и дѣйствія наши бываютъ неуспѣшны. Невольно сдѣлалъ я посылку къ себѣ: поспѣшный отъѣздъ К., не принятая дуэль, неудовлетворенное чувство справедливаго негодованія, болѣзнь Лауры, разлука съ нею, все вмѣстѣ взятое въ высшей степени тревожило и волновало меня; отходя ко сну, я остановился на мысли, которую воображеніе облекло въ непреодолимое, непреклонное желаніе мести. Какъ было-бы хорошо, думалъ я, еслибы одной силою моего желанія, однимъ дѣйствіемъ мысли могъ-бы я отомстить К.

Не прошло двухъ недѣль послѣ свиданія моего съ старикомъ,

какъ получено было извѣстіе, что К. утонулъ, переѣзжая въ лодкѣ небольшую рѣку.

На другой день послѣ полученія извѣстія о смерти К., мнѣ принесли письмо изъ-за границы. Адресъ былъ написанъ рукою тетки. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о смерти Лауры; она скончалась въ Тріестѣ отъ чахотки. Страшно отозвались въ душѣ моей слова старика: око за око, зубъ за зубъ.

Смерть Лауры сразила меня: нѣсколько дней бродилъ я безъ мысли, безъ сознанія, по окрестностямъ Кіева; приходилъ нѣсколько разъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтилъ старика, но не находилъ его тамъ; наконецъ, подъ бременемъ тяжкаго горя, истощились мои духовныя и физическія силы, я слегъ и оправился не раньше шести недѣль отъ сильной нервной горячки. Мать моя была со мною во все время болѣзни и уѣхала въ деревню, когда опасность миновала и не было сомнѣнія въ скоромъ выздоровленіи.

Теплое чувство вѣры, развитое во мнѣ съ дѣтства доброй моей матерью, привело меня къ молитвѣ, я молился и молитва облегчила мои страданія.

Университетскія лекціи молодыхъ, недавно возвратившихся изъ Германіи профессоровъ развивали во мнѣ любовь къ наукамъ, я посвятилъ себя серьезнымъ занятіямъ, и ученость сдѣлалась для меня цѣлью моего существованія. Я трудился добросовѣстно, время шло быстро, положеніе мое становилось сноснымъ.

Независимо отъ курса юридическихъ наукъ, я изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, пригласилъ поселиться у меня лектора итальянскаго языка г. Бертони, весьма умнаго и образованнаго человѣка, чтобы выучиться по италіански и въ подлинникѣ читать Данте, Беккерію, Филонжіери.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа Е. Ф фонъ-Брадке, пользовавшійся особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, былъ ко мнѣ хорошо расположенъ и приглашалъ на вечера, по воскресеньямъ. У него собирались старшія воспитанницы частныхъ женскихъ пансіоновъ, студенты и профессора. Танцовали, и проводили время очень пріятно. Молодость вела себя въ высшей степени прилично: увле-

ченія и симпатіи, ствойственныя юношамъ, ограничивались лишнимъ вальсомъ, мазуркою. Я былъ сдержанъ, молчаливъ, и не разъ Е. Ф. Брадке спрашивалъ меня, почему не принимаю участія въ общей веселости. Уклончивые отвѣты не помогали, нужно было веселиться и показаться веселымъ по мѣрѣ возможности. Въ домѣ Брадке жила дѣвица Елена А....., весьма не дурная собою, умная, любезная, живая. Она обратила свое вниманіе на меня, и благодаря ей, я сталъ другимъ человѣкомъ. Елена А. обладала необыкновеннымъ талантомъ разсмѣшить, развеселить, оживить, и я незамѣтно вполнѣ подчинился ея вліянію: сталъ разговорчивѣе, развязнѣе и веселѣе; между нами установилась самая искренная дружба.

Въ числѣ чиновниковъ генералъ-губернатора находился въ Кіевѣ Н. Э. П. Онъ былъ женатъ на сосѣдкѣ нашей по полтавскому имѣнію В—ой; жена его была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Высокая, стройная блондинка, съ роскошными плечами и великолѣпными свѣтлокаштановыми волосами; довольно неправильныя черты лица, голубые безъ выраженія глаза, нѣсколько большой ротъ, украшенный жемчужными зубами, казалось, не представляли всѣхъ условій безупречной красоты, но общее впечатлѣніе было поразительно. Мужъ ея былъ очень малъ ростомъ, некрасивъ, но уменъ. Жили они бѣдно и помѣщались въ крошечной квартиркѣ, въ старомъ деревянномъ домикѣ, на спускѣ къ Крещатику по Александровской улицѣ. Я былъ у нихъ однажды съ визитомъ, тѣмъ знакомство и кончилось. Отецъ мой поручилъ мнѣ передать П. разные документы для взысканія должныхъ ему денегъ однимъ лицемъ, проживавшимъ постоянно въ Кіевѣ. П. взялся за дѣло и обѣщалъ въ непродолжительномъ времени доставить мнѣ деньги. Прошло мѣсяца три, я поѣхалъ къ П. и вмѣсто денегъ получилъ для доставленія отцу росписку должника, въ которой признавался долгъ и обязанность уплатить, когда средства позволятъ, съ условіемъ, что отецъ мой не можетъ преслѣдовать личность должника и обезпечивать уплату личнымъ его задержаніемъ, а имѣетъ право взыскивать съ его имущества, если таковое гдѣ либо откроется. Какъ я ни былъ неопытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, но этотъ способъ взысканія крайне меня удивилъ; я просилъ П. возвратить отданные ему документы, въ числѣ которыхъ было и заемное письмо; но получилъ отвѣтъ, что документы за

истеченіемъ давности уничтожены и замѣнены роспиской. Само собой разумѣется, что по ней никогда ничего нельзя было получить.

Во второмъ курсѣ особенно интересны были лекціи: государственнаго благоустройства профессора Богородскаго и психологіи Новицкаго; лекціи гражданскихъ законовъ Орнатскаго мало насъ интересовали по сухости изложенія. Требованіе профессора выучивать на память всѣ статьи свода законовъ въ особенности было намъ непріятно, да въ сущности и мало приносило пользы.

Весною 1839 года надъ университетомъ разразилась сильная гроза. Еще въ 1837 году, осенью, во время посѣщенія Кіева государемъ, три студента изъ поляковъ наклеили на зданіи университета пасквиль въ стихахъ. По непріязненнымъ отношеніямъ генералъ-губернатора къ попечителю учебнаго округа, человѣку умному, образованному и энергичному, дѣлу этому придали особенную важность, и государь, посѣтивъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ были собраны всѣ студенты университета, высказалъ такъ много негодованія и былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что поразилъ всѣхъ своимъ гнѣвомъ.

Въ сборной залѣ на лѣво отъ входа стояли студенты, на право профессоры. Государь, войдя въ залъ, не поздоровался ни съ кѣмъ, сталъ по срединѣ и обращаясь къ студентамъ, отрывистымъ голосомъ сказалъ: „вы учитесь хорошо, но это недостаточно: одна наука не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, мнѣ нужны вѣрные сыны престола, мнѣ нужна безпредѣльная преданность, безсознательная покорность и безпрекословное повиновеніе; знайте, что я строго буду слѣдить за вами и горе тому, кто нравственнымъ или политическимъ своимъ направленіемъ не будетъ соотвѣтствовать моимъ предначертаніямъ, горе тому, повторяю, кто дерзнетъ увлечься, подобно товарищамъ вашимъ, я его упрячу туда, куда воронъ костей не заноситъ“.

За тѣмъ его величество, переведя духъ, изволилъ спросить, сколько студентовъ на лице, и пошелъ осматривать насъ, глядя каждому въ глаза. На бѣду, въ первомъ ряду взглядъ его остановился на одномъ косоглазомъ студентѣ, и тутъ произошла слѣдующая сцена.

— *Государь.* Смотри мнѣ прямо въ глаза.

Студентъ молча смотритъ.

— *Государь.* Ты не смотришь на меня, ты не можешь смотрѣть мнѣ въ глаза?

Студентъ молчитъ.

— *Государь.* Какъ твоя фамилія?

— *Студентъ.* Хоньскій.

— *Государь.* Откуда?

— *Студентъ.* Изъ Миньска.

— *Государь.* Видно, что не русскій, полякъ, совѣсть нечиста, не можешь смотрѣть прямо въ глаза русскому царю.

Приведенныя мною выше слова его величества были ничто въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ негодованія и раздражительности, которыя излились изъ устъ государя, разсерженнаго косоглазіемъ Хонскаго. Въ другое время, быть можетъ, попечитель и осмѣлился-бы доложить его величеству, что студентъ косъ и не можетъ смотрѣть прямо, но въ то время государь былъ такъ раздраженъ, что всѣ окружавшіе его тряслись отъ страху, какъ осиновый листъ, и ни у кого не достало смѣлости объяснить государю причину, по которой Хонскій, не смотря на все желаніе, не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза.

Кончивъ свою рѣчь студентамъ, по истинѣ рѣчь Юпитера громовержца, государь обратился къ профессорамъ и погрозивъ имъ пальцемъ, сказалъ: „а вы у меня смотрите, наука наукой; но если не будете обращать вниманія на развитіе нравственныхъ началъ въ студентахъ и политическаго направленія, согласнаго съ моими мыслями, я раздѣлаюсь съ вами по своему“. Профессоры низко поклонились, государь вышелъ. Студенты виновные въ распространеніи между товарищами и выставкѣ на зданіи, гдѣ помѣщался университетъ, возмутительныхъ стихотвореній: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій, всѣ католики и уроженцы западныхъ губерній, были исключены изъ университета и строго наказаны: первые два по выдержаніи въ крѣпости посланы солдатами на Кавказъ. По высочайшему повелѣнію въ Кіевъ былъ присланъ министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ лекціи, онъ остался совершенно доволенъ ученою дѣятельностью университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ были введены разныя дисциплинарныя правила, стѣснявшія студентовъ.

Для осужденныхъ за пасквиль студентовъ, студентъ Гордонъ, жившій въ институтѣ, собиралъ по подпискѣ деньги между товарищами и собравъ

значительную сумму, послалъ въ декабрѣ 1837 года съ сторожемъ тысячу рублей при запискѣ къ содержавшимся въ крѣпости товарищамъ. Плацъ-маіоръ Гайворонскій перехватилъ записку и донесъ объ этомъ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ пригласилъ къ себѣ попечителя и рѣшено было арестовать Гордона. За Гордономъ послали помощника инспектора студентовъ Шишкина, съ приказаніемъ немедленно привести Гордона къ генералъ-губератору. Когда помощникъ инспектора объявилъ Гордону, что его требуетъ генералъ-губернаторъ, Гордонъ догадался, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ Шишкину, что тотъ часъ за нимъ послѣдуетъ; а между тѣмъ, захвативъ остававшіяся у него отъ подписки деньги, ушелъ по черной лѣстницѣ и исчезъ навсегда. Шишкинъ ждетъ Гордона, не дождется. Наконецъ убѣдившись, что Гордонъ его провелъ, Шишкинъ побѣжалъ къ генералъ-губернатору и за Гордономъ разослали во всѣ концы города полицейскихъ и университетскихъ служителей. Поздо вечеромъ того дня одинъ изъ педелей настигъ на Лютеранской улицѣ Гордона, но Гордонъ выстрѣлилъ въ педеля изъ пистолета и успѣлъ уйти; педель не былъ раненъ, но потерялъ слѣдъ, и спустя только пять мѣсяцевъ пслѣ этого происшествія, изъ письма распечатаннаго почтовой цензурой, узнали, что Гордонъ благополучно прибылъ въ Парижъ, и предъ отъѣздомъ за границу, подъ чужимъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ, скрывался около двухъ мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Кіева, былъ болѣнъ и лѣчился на хуторѣ Дерпера у извѣстныхъ медиковъ.

Побѣгъ Гордона возбудилъ подозрѣніе въ участіи нѣсколькихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ; стали слѣдить за молодыми людьми, но до весны 1838 года ничего не открыли. Въ то время назначенъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ; при немъ разыгралась печальная драма заговора Конарскаго, охватившаго собою всѣ западныя губерніи. Гордонъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Конарскаго.

Польскій эмигрантъ Конарскій прибылъ въ Россію изъ Парижа и учредилъ тайное общество съ цѣлью возстановить польскую національность; пропаганда его распространилась быстро въ литовскихъ губерніяхъ и оттуда перешла въ Кіевъ. Болѣе двадцати студентовъ уни-

верситета св. Владиміра принимали дѣятельное участіе въ заговорѣ. Дѣло кончилось закрытіемъ университета 17 марта 1839 года, ссылкой въ каторжную работу трехъ главныхъ дѣятелей пропаганды въ Кіевѣ и казнію Конарскаго въ Вильнѣ.

Весьма непріятно было наше положеніе во время предшествовавшее закрытію университета: лекціи продолжались, но часто были прерываемы появленіемъ жандармовъ для арестованія студентовъ. Въ городѣ было тихо и спокойно, но усиленные патрули и смутное ожиданіе исхода дѣла о заговорѣ наводили на всѣхъ страшное уныніе.

13 марта всѣмъ студентамъ приказано было на другой день собраться въ пять часовъ утра въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ для представленія новому попечителю князю С. И. Давыдову, назначенному на мѣсто Е. Ф. фонъ-Брадке.

Я проѣзжалъ въ вечеру по улицѣ идущей вдоль большой крѣпостной эксіланады и замѣтилъ, что на эспланадѣ устраивали какіе-то подмостки, рабочіе были окружены солдатами; я остановился и хотѣлъ спросить, для чего работаютъ такъ поздно, но караульный офицеръ громко закричалъ мнѣ, чтобъ я не подходилъ. Въ пять часовъ утра мы собрались въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и здѣсь узнали, что въ шесть часовъ три главныхъ заговорщика: Боровскій, бывшій содержатель частнаго мужскаго пансіона въ Кіевѣ, и помѣщики: Депре и Михальскій, послѣдній дряхлый старикъ, должны быть повѣшены на крѣпостной эспланадѣ.

Въ залѣ, гдѣ собралось болѣе двухсотъ студентовъ, было тихо, какъ въ могилѣ, всѣ стояли какъ приговоренные на смерть, никто не зналъ кого повѣсятъ, и каждый изъ насъ могъ думать, что поведутъ на казнь кого нибудь изъ товарищей,—съ такой тайной производился судъ надъ ними.

Наконецъ ударилъ роковой часъ и намъ сообщили, что государь императоръ соизволилъ даровать жизнь преступникамъ, замѣнивъ смертную казнь ссылкой въ каторжную работу. На эспланадѣ въ то время совершенъ былъ обрядъ политической казни: приговоренныхъ въ тележкахъ привезли къ висѣлицѣ, взвели на подмостки, прочли приговоръ, сломали надъ головами шпаги, покрыли бѣлыми саванами, объявили о

помилованіи и повезли обратно въ крѣпость. Въ восемь часовъ явился попечитель и прочелъ высочайшее повелѣніе о закрытіи университета. Въ смутномъ молчаніи разошлись мы; 17 марта прекратились лекціи.

Изъ арестованныхъ студентовъ оказались виновными 21; по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе приговора военнаго суда, они исключены изъ университета; изъ нихъ 5 отданы въ солдаты въ кавказскій корпусъ безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства (Сосновскій, Зродловскій, Петрашкевичъ, Виннгизкій и Милевскій), 5 также отданы въ солдаты до отличной выслуги, безъ лишенія дворянства (Шимановскій, Черный (русскій), Любовицкій, Осѣцимскій и Юрковскій), 8 назначены въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся, съ тѣмъ, чтобы по производствѣ въ офицеры прослужили въ военной службѣ не менѣе десяти лѣтъ (Августиновичъ, Стржельницкій, Бочковскій, Завадскій, Корсакъ, Немира, Порчинскій и Высѣкерскій), 3 переведены въ казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса были обращены на службу въ продолженіи десяти лѣтъ въ великороссійскія губерніи (Стройновскій, Цилли и Бржозовскій).

Всѣмъ студентамъ университета, не подвергавшимся слѣдствію, предоставлено было поступить въ другіе университеты безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени безпорочно проведеннаго въ кіевскомъ университетѣ; тѣмъ изъ числа студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, кои не пожелаютъ, или по какимъ либо обстоятельствамъ не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу, съ чинами 14-го и 12-го классовъ.

До 1839 года рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по воспитанію, факультетамъ и положенію въ обществѣ. Рознь въ политическихъ убѣжденіяхъ никогда не высказывалась, да политикой мы и не занимались. Православіе всегда стояло въ Кіевѣ выше католицизма, въ особенности при такихъ представителяхъ и дѣятеляхъ его, какими были преосвященные: Евгеній, Филаретъ и Иннокентій и профессоръ богословія И. М. Скворцовъ. Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности пол-

тавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостію поляка.

Кіевское общество состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ графомъ Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями. Изъ русскихъ извѣстны были своимъ гостепріимствомъ дома: князя Кудашева, Голубцова, А. В. Васильчикова, П. Я. Лукашевича и Ф. Г. Иваненко; изъ польскихъ-графовъ Тышкевича и Ильинскаго, Проскуры, Шимановскаго и другихъ. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики юго-западнаго края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ великаго поста. Въ общественныхъ отношеніяаъ не было различія между русскими и поляками, многія русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими, о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною графомъ Левашовымъ изъ Парижа, спектакли любителей шли также по большей части по французски. На контракты обыкновенно пріѣзжали знаменитые артисты: Липинскій, Ромборгъ, Леопольдъ Мейеръ, Паста Месъ-Мази; концерты давались въ контрактовой залѣ и привлекали многочисленную, блестящую публику. Тамъ-же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ: большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генералъ-губернатора.

Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и въ экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ въ исходѣ сезона появлялись богатые туалеты, драгоцѣнные камни; красавицъ было много, достаточно упомянуть о дѣвицахъ: Муравьевой, Астромовой, Гинцъ и Швейковской, о дамахъ: Писаревой, графиняхъ Ильинской, Ржевуской и Понятовской.

Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ нихъ

было много хорошихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ. Меня всюду приглашали, но я былъ рѣдкимъ гостемъ на большихъ балахъ.

Съ закрытіемъ университета я долженъ былъ оставить Кіевъ и отправиться кончать курсъ въ другой городъ. Мать моя желала, чтобы я поступилъ въ харьковскій университетъ, ближайшій къ мѣсту ея пребыванія, и я поѣхалъ въ Харьковъ, чтобы познакомиться съ тамошними учеными.

Ученая дѣятельность Харькова не понравилась мнѣ; составъ юридическаго факультета былъ тамъ далеко не такъ хорошъ, какъ въ Кіевѣ; я рѣшился послѣ каникулъ ѣхать въ Дерптъ. Въ Харьковѣ мнѣ было пріятно увидѣться съ Карломъ Ивановичемъ Р..., онъ по прежнему продолжалъ содержать свой пансіонъ, не смотря на преклонныя лѣта, дочь его Аделанда Карловна вышла замужъ за профессора, я былъ у нея и мы отъ души смѣялись, вспоминая наши музыкальныя упражненія.

Лѣто я провелъ въ деревнѣ, занимаясь серіознымъ-чтеніемъ, повтореніемъ пройденныхъ лекцій и музыкой, а въ концѣ іюля, когда располагалъ уже ѣхать въ Дерптъ, получилъ изъ Кіева извѣстіе, что университетъ св. Владиміра вновь открывается для студентовъ православнаго исповѣданія. Намъ разрѣшено было держать экзаменъ въ слѣдующій курсъ. Я поспѣшилъ воротиться въ Кіевъ и перешелъ въ третій курсъ съ отличіемъ.

Бывшимъ до закрытія университета студентамъ католикамъ дозволено было кончить науки въ другихъ университетахъ, а профессоры изъ поляковъ были переведены въ Москву и Харьковъ. Нашъ юридическій факультетъ лишился двухъ полезныхъ дѣятелей: Мицкевича, брата извѣстнаго поэта, преподававшаго римское право на латинскомъ языкѣ и Даниловича, профессора уголовныхъ законовъ; но университетъ очистился отъ ненавистнаго намъ, со времени заговора Конарскаго, польскаго элемента.

1839-й и 40-й годы были посвящены усиленнымъ университетскимъ занятіямъ; на третьемъ курсѣ юридическаго факультета осталось къ началу учебнаго года всего тринадцать студентовъ; четвертаго курса не было вовсе по недостатку слушателей, и ученая дѣятельность моло-

дыхъ префессоровъ была сосредоточена на насъ. Независимо отъ лекцій мы часто собирались у извѣстнаго ученому міру Неволина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ учрежденій, бывшаго тогда ректоромъ, и у Богородскаго, профессора уголовныхъ законовъ. Совѣты ихъ, выборъ чтенія, ученые разговоры и диспуты о предметахъ нашего факультета развивали насъ и заставляли работать серіозно и внѣ университета; диссертаціи по разнымъ отраслямъ юридическихъ наукъ, которыя мы писали по собственному побужденію и читали у этихъ профессоровъ, пріучали насъ къ самостоятельному труду и служили полезной подготовкой къ дальнѣйшей ученой дѣятельности.

Шелъ тогда вопросъ объ уничтоженіи въ Малороссіи дѣйствія Литовскаго Статута. Отецъ мой былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поручилъ мнѣ составить записку о несвоевременности устарѣвшаго законодательства Статута и о замѣнѣ его, по инициативѣ дворянства, Сводомъ законовъ. Довольно пространная записка была мною написана и послана отцу, препроводившему ее генералъ-губернатору. Въ запискѣ, доказывая необходимость отмѣны Статута, я находилъ полезнымъ сохранить статьи, относящіяся къ наслѣдству по закону, и порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ, обезпечивавшій правильнѣе кредиторовъ, изъ коихъ первый по времени имѣлъ право на полное взысканіе капитала, процентовъ и рекамбій, за тѣмъ наступала очередь второго, третьяго и т. д., тогда какъ Сводъ Законовъ отдаетъ преимущество формѣ обязательствъ и при равноправности ихъ, уплата распредѣляется поровну между всѣми заимодавцами, безъ различія времени совершенія актовъ. Записку эту, по отсылкѣ оной, въ копіи читалъ я на вечернемъ собраніи студентовъ у Неволина и Богородскаго, жившихъ тогда вмѣстѣ во 2-й гимназіи, и оня была одобрена; но профессоръ Орнатскій, узнавъ изъ разговоровъ сущность записки, вознегодовалъ на меня за то, что я осмѣлился послать мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ, не спросясь его и не посовѣтовавшись съ нимъ, и давать преимущество нѣкоторымъ статьямъ Статута предъ Сводомъ Законовъ. Я ему объяснилъ, что наслѣдство по Статуту имѣетъ историческое значеніе, выработанное жизнію народа, и вошло въ нравы и обычаи жителей Малороссіи, а порядокъ взысканій справедливо ограждаетъ право первыхъ заи-

модавцевъ и не допускаетъ должниковъ до возможности обременять ихъ собственность фиктивными долгами, хотя и облеченными въ законную форму.

Занятія наши вообще шли превосходно; но молодому университету не счастивилось въ другихъ отношеніяхъ. Съ 1839 года были введены новыя дисциплинарныя правила; правила эти, несвоевременыя и въ существѣ совершенно безполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и на улучшеніе ихъ наружнаго вида: стригли, брили, одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность.

Поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ университетскаго начальства по части студенческой наружности послужило послѣднее въ бытность мою въ университетѣ посѣщеніе государя. Въ томъ-же зданіи казенно-коштныхъ студентовъ насъ выстроили стройными рядами, строго осмотрѣли нашу одежду и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ нами, мы ему прокричали очень удовлетворительно: „здравія желаемъ, ваше императорское величество!" Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ нашею наружностію и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, чтобы ближе видѣть государя, въ полной увѣренности, что смотръ оконченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, сталъ насъ осматривать вновь и съ негодованіемъ остановился на кривоногомъ студентѣ.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ.

— Откуда?

— Изъ Чернигова, еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ и обратившись къ сопровождавшему его наслѣднику престола, прибавилъ: какіе не отесанные, не умѣютъ отвѣчать.

Выступленіе П. въ первую шеренгу имѣло важныя послѣдствія: для осмотра университета былъ вновь присланъ министръ народнаго просвѣщенія, который прожилъ въ Кіевѣ болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи и репетиціи и

остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. Къ Уварову водили студента П., какъ замѣчательную личность, обратившую на себя особенное вниманіе государя. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, въ вѣдѣніе попечителя отпустили 5 тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ для студентовъ танцовальные вечера, назначили въ университетъ учителей: танцованія, фехтованія и верховой ѣзды.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ университетской жизни со мной не произошло ничего особеннаго. Пріѣзжалъ однажды въ Кіевъ мой отецъ и представилъ меня Д. Г. Бибикову, съ которымъ былъ знакомъ еще съ компаніи 1812 г. Подъ Бородинымъ Дмитрію Гавриловичу оторвало ядромъ лѣвую руку, отецъ мой былъ контуженъ. Бибиковъ обласкалъ меня и распрашивалъ объ университетскихъ занятіяхъ, говорилъ о дисциплинѣ и спросилъ: не было-ли бы для васъ пріятнѣе, если-бы вамъ дали военную форму? Я отвѣтилъ, что если-бы насъ заставили носить военную форму, мы-бы подчинились безпрекословно такому распоряженію, но не думаю, чтобы это было особенно для насъ пріятно. Бибиковъ нахмурился, тѣмъ представленіе и кончилось. Но онъ постоянно былъ ко мнѣ внимателенъ и благосклоненъ, представилъ своей супругѣ и приглашалъ на балы. Къ нему я всегда ѣздилъ. Студенты впрочемъ почти не посѣщали общества, посвятивъ себя исключительно серіознымъ занятіямъ. Въ свободное время я часто отправлялся въ „Кинь-Грусть", помогалъ тетушкѣ Лукашевичъ въ устройствѣ сада, читалъ дядѣ газеты, въ знойные дни удалялся въ тѣнистыя рощи окрестныхъ хуторовъ, по вечерамъ слушалъ музыку доморощеннаго, но весьма недурнаго оркестра. На каникулы и Рождественскіе праздники я ѣздилъ въ деревню и проводилъ тамъ время очень пріятно. Тогда живали въ деревняхъ очень весело, съѣзжались часто и танцовали по нѣскольку дней съ ряду. На одномъ изъ деревенскихъ баловъ я встрѣтилъ дѣвицу И., дальную мою родственницу; она мнѣ очень понравилась, я ей тоже, и нѣсколько мазурокъ скрѣпили еще болѣе нашу взаимную привязанность. Легко увлекающійся пылкостью моихъ чувствъ, я готовъ былъ просить ея руки, но мать моя уговорила меня не жениться на кузинѣ. Впрочемъ и предложеніе мое врядъ-ли было-бы принято отцомъ кузины, такъ какъ я былъ еще очень молодъ

и не окончилъ курса, и еще болѣе потому, что для кузины готовилась другая партія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ ее отдали замужъ за пожилаго и нисколько не нравившагося ей помѣщика. Чрезъ нѣсколько лѣтъ несчастнаго замужества бѣдная кузина скончалась отъ грудной болѣзни, оставивъ двухъ дочерей.

Независимо отъ занятій юридическими науками, я много читалъ и занимался иностранной литературой. Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто игривали между собой, съ участіемъ нѣкоторыхъ дамъ, драмы Гюго, трагедіи Шекспира и другія произведенія замѣчательныхъ писателей. Я жилъ тогда въ домѣ принадлежащемъ никольскому монастырю, квартира моя состояла изъ огромной залы и трехъ небольшихъ комнатъ. Меня избрали директоромъ домашняго театра и я часто исполнялъ трагическія роли. Наши представленія сопровождались иногда веселыми пирушками, совершенно приличными, въ присутствіи дамъ. Бывали впрочемъ иногда и маленькія оргіи, на которыхъ появлялись: Тисбе, Катарина Брогадини, Маріонъ де-Лормъ и другія героини Гюго. У меня была Эсмеральда, чистой крови и рѣдкой красоты. Эта цыганка до того привязалась было ко мнѣ, что покинула свой таборъ.

Между нами, какъ истыми буршами, въ большомъ ходу было фехтованье. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣненный въ двѣнадцатомъ году французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Вмѣсто шпагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенческой формѣ, мы завели длинныя шпаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я превосходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ.

Весною 1841 года я кончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ съ большимъ успѣхомъ послѣдній экзаменъ изо всѣхъ предметовъ юридическаго факультета и получилъ право на степень кандидата.

Экзаменъ мы сдавали за всѣ четыре года изъ юридическихъ наукъ и Богословія. На первомъ курсѣ намъ читалъ Неволинъ Энциклопедію законовѣденія по своимъ запискамъ. Ко времени нашего окончательнаго

испытанія была имъ напечатана его Энциклопедія въ двухъ объемистыхъ томахъ, несравненно пространнѣе записокъ. Неволинъ объявилъ, что хочетъ, чтобы мы отвѣчали не по запискамъ, а по книгамъ имъ изданнымъ, и мы охотно подчинились требованію любимаго профессора; но трудъ былъ не малый, пришлось вновь переучивать энциклопедію на память; къ счастію мнѣ достался вопросъ о философіи права Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, въ которомъ развитіе и пониманіе брало верхъ надъ памятью, и моимъ отвѣтомъ Неволинъ остался совершенно доволенъ. По Римскому праву не обошлось безъ затрудненій: мы слушали Мицкевича, послѣ него читалъ этотъ предметъ студентамъ другихъ курсовъ Ѳедотовъ-Чеховскій и требовалъ, чтобы мы отвѣчали по его запискамъ. Было предоставлено экзаменоваться по запискамъ того или другого. Я стоялъ за Мицкевича, получилъ вопросъ: „О правѣ владѣнія независимомъ отъ права собственности" и не смотря на желаніе Ѳедотова сбить меня, вышелъ изъ ученой борьбы побѣдителемъ, что было впрочемъ и не трудно, и заслуга моя не велика.

Ученыя занятія были мнѣ по сердцу и я располагалъ посвятить себя совершенно наукѣ.

Усиленная дѣятельность во время экзаменовъ требовала впрочемъ отдохновенія; послѣ прощальнаго пира, даннаго мною товарищамъ, я отправился немедленно въ деревню. Отецъ и мать были въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что независимо отъ права на ученую степень, ректоръ университета и лучшій профессоръ юридическаго факультета, К. А. Неволинъ написалъ отцу моему самый лестный отзывъ обо мнѣ и совѣтовалъ ему содѣйствовать моему намѣренію посвятить себя дальнѣйшимъ занятіямъ науками и избрать для службы ученое поприще. Иначе смотрѣлъ на будущую мою карьеру отецъ мой. Ему хотѣлось предоставить мнѣ болѣе широкое поприще, по его понятіямъ о жизни и заслугахъ болѣе соотвѣтствующее моему положенію въ свѣтѣ. Профессоръ, монахъ и женщина, говорилъ онъ, имѣютъ почти одно и тоже значеніе въ обществѣ, значеніе, по его убѣжденію, весьма незавидное. Впрочемъ мнѣ разрѣшено было ѣхать за границу съ ученой цѣлью. До поѣздки за границу, я отправился на лѣтніе мѣсяцы въ Одессу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ, АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ.

Помѣщаемыя здѣсь четыре письма митр. Евгенія Болховитинова къ архим. Мелетію Леонтовичу служатъ продолженіемъ переписки этихъ лицъ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1883 г. Существенный интересъ этихъ писемъ въ томъ, что они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе нѣкоторыхъ изъ подвѣдомственныхъ кіевской академіи семинарій, отчасти и самой академіи, нѣсколько уясняютъ причину того огульнаго увольненія профессоровъ въ академіи и семинаріяхъ, о которомъ, кромѣ писемъ Иннокентія Борисова къ его товарищу и другу Александру Бѣлюгову, сохранилось и живое преданіе. Послѣднее объясняетъ этотъ темный фактъ вольнодумствомъ, усмотрѣннымъ бубто-бы въ воспитанникахъ первыхъ курсовъ кіевской академіи, а письма м. Евгенія ставятъ его въ связь съ распущенностію не только профессорскаго, но и начальственнаго состава семинарій. Не отрицая присутствія въ этомъ печальномъ явленіи ни того, ни другого элемента, не можемъ не замѣтить, что на нашъ взглядъ оно было послѣдствіемъ не установившагося еще новаго порядка управленія духовными учебными заведеніями, созданнаго уставомъ коммисіи духовныхъ училищъ. Отличительною чертою этого устава, помимо широкой системы образованія, было между прочимъ то, что въ противоположность прежнему, долго господствовавшему въ духовныхъ училищахъ порядку, элементъ монашескій не былъ преобладающимъ, но поста-

вленъ въ равновѣсіе съ элементомъ свѣтскимъ, равно абсолютная дотолѣ власть епархіальнаго архіерея въ дѣлѣ управленія епархіальными училищами приведена была въ нѣкоторое равновѣсіе съ новосозданною духовно-учебною администраціею. Отсюда борьба двухъ различныхъ по многому элементовъ, закончившаяся снова полнымъ преобладаніемъ монашества и подчиненіемъ ему бѣльцовъ, а борьба не обходится безъ урона для обѣихъ сторонъ, а главное для стороны побѣждаемой. На эту борьбу указываютъ отчасти приводимыя письма. Митр. Евгеній, самъ членъ коммисіи духовныхъ училищъ и главный дѣятель въ составленіи ея устава, стоитъ по видимому за власть архіерея и огражденіе оной отъ „доносовъ" ревизоровъ.

Кромѣ этого главнаго интереса помѣщаемыхъ писемъ, въ нихъ рабросаны нѣкоторыя мелкія данныя, не лишенныя значенія для исторіи кіевской академіи, какъ напр. порядокъ разсмотрѣнія студенческихъ диссертацій, замѣчаніе объ упадкѣ въ академіи знанія латинскаго языка, не желаніе инспектора академіи Смарагда ѣхать на ревизію, очевидно изъ опасенія прійти въ столкновеніе съ архіереемъ и проч.

1.

Получено 2 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Доклады ваши, при письмѣ отъ 6 сентября присланные, при семъ вамъ возвращаю, а на письмо отвѣтствую слѣдующее:

На ревизію въ орловскую семинарію вамъ самимъ ѣхать-бы не прилично, а можно-бы отправить отца Смарагда[1]), которому и отказываться не слѣдовало. А какимъ образомъ предписано епархіальному архіерею донести о ревизіи, того я не припомню. Но очевидно, что донесенія ревизоровъ прямо коммисіи, безъ свѣдѣнія архіереевъ, у коихъ

---

[1]) Смарагдъ Крыжановскій, тогда инспекторъ академіи, впослѣдствіи архіепископъ орловскій и потомъ рязанскій. Скончался въ 1863 г.

они ревизуютъ семинаріи, оказываются иногда фальшивыя и пристрастныя. Архіерею-же безъ свѣдѣнія и обличить ихъ не по чему. Отъ сего происходило, что и архіереевъ винили иногда по доносу одного ревизора. Вотъ, думаю, причина и предписанію сдѣланному вамъ. Остерегитесь и вы сего. Есть-ли правду напишете, то и архіерей спорить не будетъ, а вашъ репортъ подлинникомъ доложенъ будетъ представить коммисіи. Сей способъ надежнѣе тайныхъ доносовъ ревизорскихъ.

Странно, что въ теплой вашей церкви стѣны оказались щебневыя, а не кирпичныя, и кладка глиняная, а не известковая [1]. Но таково всегда почти школярное хозяйство. Подрядятъ, наймутъ и не смотрятъ. Это и вамъ наука и, думаю, такъ строить вы не будете.

За отца Владиміра я говорилъ въ коммисіи, но выведенная о немъ справка все испортила. Предложите ему, не согласится-ли онъ гдѣ нибудь въ епархіи кіевской быть настоятелемъ въ заштатномъ монастырѣ.

Будемъ ждать вашихъ упражненій [2] на разсмотрѣніе. Но пришлите мнѣ по совѣсти рекомендацію, кого вы назначаете на ваканціи профессорами въ семинаріи, ибо ихъ задачи прежде всѣхъ будутъ разсмотрѣны для удостоенія академическихъ степеней. Означьте мнѣ и то, куда кого вы по своему разсмотрѣнію назначаете. Предваряю васъ, что кишиневскій владыка [3] проситъ прислать ему учителями его-же семинаріи молдаванъ, а просящіеся оттуда профессоры не уволены, но безмѣстно отрѣшены будутъ за бурлацкое поведеніе, описанное владыкою. Ходятъ въ классы въ халатахъ, съ трубкою табаку и съ собаками, пренебрегаютъ начальническія увѣщанія и проч. Больно слышать о такомъ просвѣщеніи. Теперь многіе и ректоры и инспекторы за то-же отрѣшаются и ссылаются въ монастыри на покаяніе и переучиваніе.

---

[1]) Смотр. «Кіев. Стар.» 1883 г., іюнь, письмо 2, стр. 313.

[2]) Т. е. магистерскихъ и кандидатскихъ диссертацій оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, по которымъ имъ присуждались ученыя степени магистра и кандидата. Такія диссертаціи разсматривались тогда въ синодѣ или членами онаго, или-же по предложенію его ученѣйшими епархіальными архіереями.

[3]) Димитрій Сулима.

Благодарю за присланный мнѣ списокъ каталога книгъ, подаренныхъ [1]) кіевской семинаріи; мнѣ нужно было имѣть его для памяти.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вашъ Евгеній, митр. кіевскій.

19 сентября 1825 года.

Есть-ли не предписано вамъ отъ коммисіи донести ей о вашей ревизіи орловской семинаріи, а только архіерею, то и доносить вамъ прямо не слѣдуетъ. Самъ архіерей ваше донесеніе пришлетъ.

2.

Получено 14 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Вчера съ почтой получилъ я отъ васъ каталогъ книгъ, кои въ представленіи называете покойнаго преосвященнаго Амвросія Келембета [2]). Но не имѣя на сіе доказательствъ, кромѣ слуховъ, вы подвергаете сіи книги отнятію наслѣдниками. Итакъ пришлите мнѣ другое представленіе, назвавши книги сіи просто оказавшимися сверхъ описи. Тогда могу я утвердить и причисленіе къ библіотекѣ.

Вчера-же читаны были въ коммисіи и диссертаціи ваши. Сильно осмѣхали и бранили латынь вашихъ учениковъ. Стыдно было и мнѣ и вамъ. Я извинялъ васъ только тѣмъ, что семинаріи не учили присланныхъ къ вамъ. Теперь розданы диссертаціи порознь на разсмотрѣніе. Трудно такихъ дѣлать кандидатами и магистрами по вашей только рекомендаціи. Но я нетерпѣливо жду вашего списка, кого куда по мнѣнію вашему назначить въ училища. Ихъ диссертаціи прежде и разсматриваемы будутъ. Прочіе отпустятся по домамъ впредь до разсмотрѣнія, какъ и въ невской (академіи) сдѣлано.

---

[1]) Самимъ-же митр. Евгеніемъ.

[2]) Архіепископа тобольскаго, б. учителя и префекта кіевской академіи.

Дивятся и здѣсь, что вы сами поѣхали въ Орелъ. Худо повинуются вамъ подчиненные.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій Евгеній, митрополитъ кіевскій.

3 октября 1825 года.

Академикъ Френъ разбиралъ снимки съ вашей коптской рукописи, и вотъ вамъ они съ приложеніемъ его собственноручной записки. Тутъ увидите, что это церковнослужебная книга, сперва молитва утренняя съ ектеніями и псаломными стихами, потомъ молитвы пятдесятничныя и проч. Но Френъ проситъ, чтобы вы самую книгу сюда прислали. Тогда онъ обстоятельнѣе вамъ опишетъ. А для академіи это нужно, чтобы знать, чѣмъ владѣетъ.

3.

Получено 29 октября.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Письмо ваше отъ 4 октября и копію о неустройствахъ орловской семинаріи получилъ я. Благодарю за строгое и безпристрастное обозрѣніе. Будетъ благодарна и коммисія. Другіе ревизоры присылаютъ по большей части мѣлочные и пустошныя замѣчанія, вѣроятно прикрывая свою братію. Безъ сомнѣнія такія-же неустройства и по другимъ семинаріямъ отъ своевольства ректоровъ. А Орловскій не устыдился дерзко говорить архіерею слова 1 Іоаннова посланія гл. 2, ст. 20 и 27-й. Но ему-бы надлежало отвѣчать стихомъ 19 [1]).

Диссертаціи ваши еще разсматриваются. По разсмотрѣнію будетъ и распоряженіе.

---

[1]) Между архіереемъ и ректоромъ происходилъ, вѣроятно, крупный разговоръ по поводу какихъ-либо доносовъ. Послѣдній отвѣчалъ: *И вы помазаніе имате отъ святаго, и вѣсте вся... и не требуете, да кто учитъ вы..* Слова, которыми слѣдовало-бы отвѣчать, по мнѣнію Евгенія, дерзкому ректору—слѣд.: *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*, и проч.

О членахъ вашей конференціи послѣ увѣдомлю. А владыка псковскій имяннымъ указомъ, безъ представленія синода, 30 сентября переведенъ въ Тобольскъ и на мѣсто его, въ Псковъ, астраханскій[1]) съ своею степенью переведенъ тѣмъ-же указомъ.

Вы мнѣ припомнили о Бунге[2]); я еще въ маѣ получилъ представленіе о немъ отъ семинарскаго правленія, но оно замѣшалось въ моихъ бумагахъ; теперь отыскавъ, возвращаю. Бунге и въ академіи врачь. Почему нужно, чтобы и академія его рекомендовала и отъ себя представила.

Посылаю вамъ программу Горнаго Корпуса. Экзаменъ былъ очень занимательный, а кабинетъ еще занимательнѣе.

Доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

17 октября, 1825 г.

Еще прилагаю собственноручный реестръ переводчицы, бывшей здѣсь въ Петербургѣ и уже уѣхавшей. Она раздаетъ по монастырямъ и семинаріямъ тупе свой переводъ, и въ томъ числѣ поручила мнѣ кучу для вашихъ подвѣдомыхъ училищъ и епархій. Примите на себя трудъ разослать оныя чрезъ академическое правленіе кіевскимъ монастырямъ, женскимъ, дальнимъ поручите доставить Раевской. Но вездѣ потребуйте росписки и мнѣ пришлите, а о полученіи въ семинаріяхъ хотя сами меня увѣдомите оффиціально.

Книги посланы отъ меня на имя Лавры. Получите ихъ отъ типографа. За провозъ до Москвы переводчица сама заплатила, а отъ Москвы до Кіева Лавра. Слѣдовательно уплатите вы сіи деньги Лаврѣ, а съ семинарій за увязку взыскивайте, какъ хотите.

На этомъ письмѣ сдѣлана архим. Мелетіемъ слѣдующая приписка: „Написать ко владыкѣ, чтобы для минской епархіи одного монастыря прислалъ 1 экземпляръ 4-хъ бесѣдъ Массиліона о монашествѣ“ [3]).

---

[1]) Псковскій—Евгеній, астраханскій—Меѳодій Писнячевскій.

[2]) Отецъ нынѣшняго министра финансовъ. Рѣчь идетъ, конечно, о наградѣ.

[3]) Это книга, о которой выше рѣчь, а переводчица—генеральша Раевская.

4.

Полочено 24 ноября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Два письма ваши отъ 21 и [1]) октября я получилъ. При первомъ коптскую рукопись, которую и отдалъ Френу. Пусть подробнѣе скажетъ намъ о ней.

Хорошо, что отецъ Владиміръ соглашается быть настоятелемъ богуславскаго монастыря, а вы сдѣлайте его и смотрителемъ богуславскаго училища. Но подождите, пока отецъ Варлаамъ произведетъ тамъ слѣдствіе о настоятелѣ. Между тѣмъ и помолчите.

По послѣднему вашему письму о новооткрывшихся ваканціяхъ будетъ сдѣлано также распоряженіе; и кажется скоро.

Рѣчи преосвященнаго Орловскаго [2]) читалъ я въ синодѣ. Сказали всѣ посовѣтовать ему не печатать. Почему поручаю вамъ исполнить это, а подлинникъ при семъ возвращаю.

Обозрѣніе ваше орловской семинаріи читано, и ужасно, а мнѣ вы не полную еще копію прислали съ донесенія комисскаго. Вѣрно тоже и по другимъ многимъ семинаріямъ, а прочіе ревизоры прикрывали свою братію; вообще вся отчетная часть въ расходахъ въ ужасномъ положеніи отъ своевольства ректоровъ и ихъ избранниковъ экономовъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжетельнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

Ноября 12, 1825 г.

P. S. Вчера бывши у преосвященнаго митрополита Серафима, видѣлъ я присланную изъ Москвы безъимянно и неизвѣстно отъ кого выписку изъ проповѣдей и диссертацій недавно изданныхъ здѣшнею академіею. Выписчикъ показываетъ мѣста не хорошо и даже не право-

---

1) Число въ подлинникѣ не проставлено.

2) Гавріила, впослѣдствіи херсонскаго, затѣмъ рязанскаго, скончавшагося въ Твери.

славно, вопреки ученія церкви и святыхъ отцевъ выраженныя. Это заставляетъ и меня остеречь васъ и посовѣтовать, дабы прежде изданія вашихъ академическихъ сочиненій [1]), прислали вы ихъ ко мнѣ для пересмотрѣнія. Нареканіе на цѣлыя академіи наши есть нареканіе на всю нашу православную церковь.

Сообщ. свящ. **I. Левандовскій.**

---

[1]) Разумѣются магистерскія и кандидатскія диссертаціи оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, которыя печатались тогда отдѣльными сборниками. Въ то памятное время религіозныхъ колебаній въ высшихъ слояхъ нашего общества и ярой защиты православія со стороны такихъ ревнителей онаго, какъ князь Голицынъ, архим. Фотій, Шишковъ и Аракчеевъ, были въ большомъ ходу обличенія въ неправославіи и тайные доносы о немъ. На одинъ изъ такихъ доносовъ указываетъ здѣсь митр. Евгеній. Неправославія искали не только въ печатныхъ книгахъ и переводахъ, не только въ профессорскихъ лекціяхъ, но и студенческихъ сочиненіяхъ. Такое направленіе держалось еще долгое время; отъ него-то и хочетъ охранить своихъ студентовъ митр. Евгеній.

Поправка. Въ письмѣ преосвященнаго митрополита кіевскаго Евгенія къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи, отъ 1-го іюля 1825 года, напечатанномъ въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» 1883 года, въ P. S. допущена ошибка: вмѣсто «для *рек*торства своего и вы должны приготовить какой нибудь *Specimen*» должно читать: «для *док*торства своего».

Библіографія.

1) *Старозаимочныя земли. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ къ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изданіе Николая Чижевскаго, присяжнаго повѣреннаго харьковской судебной палаты. Харьковъ. 1883 г. III. 123.*

2) *Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому-же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа. Харьковъ. 1883 г. I. 89).*

Г-ну Чижевскому пришла въ голову хорошая мысль познакомить общество съ процессами о старозаимочныхъ земляхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (81 и 82 г.) крестьянами предъявлено къ казнѣ (въ лицѣ мѣстной казенной палаты) исковъ по старозаимочнымъ дѣламъ на 767,041 дес. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Чижевскій, уже одно большое количество означенныхъ исковъ, громадная цѣнность спорнаго по нимъ предмета, а также и большое число лицъ, заинтересованныхъ въ опредѣленіи ихъ правъ на земли, придаютъ особую важность тѣмъ искамъ». По мнѣнію г. Чижевскаго эти иски найболѣе интересны съ юридической стороны «по разрѣшенію возникшихъ по нимъ вопросовъ, какъ матеріальнаго нашего права, такъ и процесса». Съ исторической точки зрѣнія они впрочемъ также имѣютъ нѣкоторое значеніе: «имѣя предметомъ своимъ опредѣленіе древнихъ правъ владѣнія землею въ мѣстности Слободской Украйны, поставляютъ къ разрѣшенію нѣкоторые вопросы и изъ исторіи того края».

Мы полагаемъ, что историческій элементъ въ этихъ дѣлахъ долженъ играть (и играетъ) болѣе важную роль, чѣмъ приписываетъ ему

г. Чижевскій. Въ этомъ мы убѣдимся при дальнѣйшемъ разборѣ книги г. Чижевскаго.

Въ отчетѣ о процессахъ, приводимыхъ г. Чижевскимъ, мы видимъ посильное рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ практическимъ рѣшеніемъ старозаимочныхъ дѣлъ. Обратимся съ этою цѣлью къ болѣе подробному разсмотрѣнію книги г. Чижевскаго. Она, кромѣ маленькаго введенія, состоитъ изъ двухъ частей: отчета о 5 судебныхъ рѣшеніяхъ Харьковскаго окружнаго суда и 12 особо важныхъ документовъ, на которыхъ основаны рѣшенія окружнаго суда. При каждомъ отчетѣ излагается сущность исковаго прошенія, возраженіе на него отвѣтчика и наконецъ мотивированныя рѣшенія суда.

Сущность всѣхъ исковыхъ прошеній такова. Въ первой половинѣ XVII в. заднѣпровскіе козаки или черкасы (по выраженію великороссійскихъ актовъ) подъ вліяніемъ всяческихъ притѣсненій на родинѣ стали переселяться въ нынѣшнюю харьковскую губернію и заняли громадныя пространства дикихъ, никому не принадлежавшихъ земель, по теченію рѣкъ Псла, Ворскла, Мерла, Харькова, Лопани, Донца и др.; это было *дикое поле*, не принадлежавшее ни московскому правительству, ни татарскимъ ханамъ. Новопоселившіеся здѣсь черкасы образовали изъ себя военныя общества, получившія опредѣленную организацію. Такъ образовались слободскіе полки по образцу малороссійскихъ; Слободская Украйна сдѣлалась оплотомъ границъ московскаго государства противъ крымскихъ и татарскихъ ордъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слобожане сдѣлались и обладателями территоріи, ими занятой и защищаемой; «по своимъ черкаскимъ обыклостямъ» они стали *занимать* себѣ усадебныя и пахатныя земли, лѣса, сѣнокосы и рыбныя ловли. Этими землями слобожане владѣли *не на помѣстномъ, а на вотчинномъ правѣ*; это не было временное пожалованіе, а самостоятельная *заимка*, признаваемая законодательствомъ и подтвержденная цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ. Такимъ образомъ земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи нужно признать *старозаимочными*, лично собственными, а *не казенно-оброчными*, слѣдовательно обложеніе ихъ оброчной повинностью со стороны казенной палаты является незаконнымъ актомъ, результатомъ недоразумѣнія, которое теперь должно быть исправлено: неправильно взимавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оброкъ долженъ быть возращенъ крестьянамъ, а земли признаны ихъ полною собственностью.

Сущность возраженій отвѣтчика (казенной палаты) заключается въ слѣдующемъ. Для признанія права полной собственности нужно, по мнѣнію представителя казны, доказать во всякомъ данномъ случаѣ во 1-хъ,

что спорная земля—старозаимочная и во 2-хъ, что она не дана только во временное пользованіе отъ казны. Такое требованіе основывается на ясно выраженномъ законѣ о старозаимочныхъ земляхъ. Между тѣмъ представленые истцами документы (жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ), какъ носящіе *общій* характеръ, не доказываютъ старозаимочнаго происхожденія *именно данныхъ* земель. Отсутствіе спеціальнаго депутата казны при генеральномъ межеваніи этихъ земель ничего не говоритъ противъ не принадлежности ихъ казнѣ, потому что такое присутствіе было установлено только впослѣдствіи (указомъ 25 іюня 1797 г.), до того-же времени его замѣняли повѣренные отъ крестьянъ. Купчія крѣпости, на которыя ссылаются истцы, не могутъ служить доказательствомъ ихъ полнаго права собственности на земли и свидѣтельствуютъ только о незаконномъ распоряженіи казенною землею со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Судъ сталъ на точку зрѣнія отвѣтчика. Въ противовѣсъ мнѣнію истцовъ о свободномъ занятіи пустыхъ, никому не принадлежавшихъ земель, онъ выставилъ свою *гипотезу* о заселеніи Слободской Украйны малороссійскими выходцами изъ-за Днѣпра подъ руководствомъ московскихъ воеводъ. По мнѣнію окружнаго суда, уже въ началѣ XVII в., при самыхъ первыхъ переселеніяхъ, московское правительство считало земли Слободской Украйны своими собственными «искони вѣка». Часть ихъ была отдана великорусскимъ служилымъ людямъ, а другая отведена подъ поселенія слободскимъ полкамъ: острогожскій полкъ былъ учрежденъ по государеву указу и при участіи русскаго воеводы; сумской полкъ занялъ по государеву указу мѣстность, которая имѣла русское населеніе еще въ XI в.; ахтырскій полкъ занялъ территорію, которая перешла къ Россіи отъ Польши; харьковскій полкъ принадлежалъ прежде къ чугуевскому уѣзду, составлявшему исконную принадлежность московскаго государства; наконецъ изюмскій полкъ образовался изъ харьковскаго. Но если признать подобныя соображенія справедливыми, продолжаетъ далѣе окружной судъ, то, кромѣ свободной заимки земель въ полную собственность, было еще и пожалованіе въ *помѣстье*, что и встрѣчается во многихъ случаяхъ. Такимъ образомъ не достаточно доказать, что извѣстная земля заселена изстари, а нужно доказать, что она принадлежитъ истцамъ на правѣ собственности, а не пожалована только во временное пользованіе. На основаніи такихъ соображеній судъ не призналъ убѣдительными представленныхъ истцами доказательствъ и во всѣхъ 5-ти искахъ имъ отказалъ.

Сравнивая доводы сторонъ, мы наталкиваемся прежде всего на тотъ странный фактъ, что и истцы, и отвѣтчики опираются на одинъ

и тотъ-же законъ, а между тѣмъ приходятъ къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ. Очевидно, текстъ закона подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. И дѣйствительно, оказывается, что судъ ссылается на 2-е прим. къ 783 ст. X т., ч. 1-я (по продолженію 1868 г), гдѣ говорится: «всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія». Основываясь на этомъ примѣчаніи, окружной судъ старозаимочныя земли раздѣляетъ на двѣ категоріи: однѣ, принадлежащія на правѣ полной собственности, и другія, данныя лишь въ пользованіе отъ казны.

Но такой выводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ прямымъ категорическимъ заявленіемъ II го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, которой было поручено сообразить права на старозаимочныя земли съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету состоявшимися. По свѣдѣніямъ, собраннымъ II отдѣленіемъ, оказалось, «что *войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались слободскіе полки, заселивъ пограничную Украйну, по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной собственноси, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, могли продавать ихъ своимъ и постороннимъ, закладывать, завѣщать, и такія права ихъ въ теченіе 150 лѣтъ были признаваемы правительствомъ*». Съ такимъ заключеніемъ II-го отдѣленія государственный совѣтъ согласился вполнѣ. Одно изъ двухъ: или примѣчаніе, на которое ссылается окружной судъ, не имѣетъ того смысла, который ему придаютъ, или-же нужно отвергнуть мнѣніе II отдѣленія, какъ несостоятельное.

И дѣйствительно: и представитель казны, и судъ, не смотря на свое видимое желаніе оставаться на почвѣ положительнаго узаконенія, на самомъ дѣлѣ аргументируютъ противъ него. Еще въ ахтырскомъ дѣлѣ представитель казны доказывалъ, что многія земли были пожалованы войсковымъ обывателямъ для отбытія службы и за службу; на это сенатъ замѣтилъ, что указы, на которые ссылается представитель казны, были въ виду государственнаго совѣта при изданіи въ 1859, 1864 и 1865 г. закона о старозаимочныхъ земляхъ, но онъ все таки призналъ, что войсковые обыватели занимали земли въ Слободской Украйнѣ на правѣ полной частной собственности и потому дѣлать изъ нихъ теперь противоположнаго вывода нельзя.

Съ своей стороны и судъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, что заселеніе Слободской Украйны совершалось подъ руководствомъ московскаго правительства, съ надѣленіемъ отъ него-же земли новопоселившимся черкасамъ.

Развитію этой мысли посвящена Записка харьковской казенной палаты, поданная въ харьковскую судебную палату. Мы коснемся содержанія этой записки при разборѣ книги гг. Гурова и Бродскаго; теперь-же только ограничимся выводомъ, высказаннымъ нами въ началѣ рецензіи: очевидно, дѣло идетъ теперь о пересмотрѣ закона. И истцы, и отвѣтчикъ, и судъ, не зная, какими данными руководилось II-е отдѣленіе при своемъ заключеніи о старозаимочныхъ земляхъ, и не имѣя возможности опереться на прямой, не поддающійся разнымъ толкованіямъ законъ, принуждены были сами собирать матеріалы о старозаимочномъ землевладѣніи и на нихъ основывать свои заключенія.

Между тѣмъ данныя эти, разбросанныя въ нѣсколькихъ старыхъ сочиненіяхъ (архіеп. Филарета, Головинскаго, Гербеля, Квитки, Срезневскаго), при внимательномъ изученіи оказались далеко не удовлетворительными: вопросамъ землевладѣнія въ нихъ отведено очень мало мѣста. Правда и истцы, и отвѣтчикъ, сознавъ всю скудость имѣющагося въ распоряженіи науки матеріала, обратились къ архивамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и московскимъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ такому направленію дѣла, потому что существующій матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ, въ то время, какъ напримѣръ, московскій архивъ юстиціи или мѣстные архивы упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ заключаютъ въ себѣ документальные источники, могущіе положить конецъ нашимъ недоразумѣніямъ по многимъ капитальнымъ спорнымъ вопросамъ (переписныя, межевыя книги и т. д.). Но не можемъ не пожелать, чтобы дѣло это велось болѣе систематично. Теперь, какъ извѣстно, старозаимочные процессы пріостановлены и, вѣроятно, будутъ рѣшены законодательнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы было собрано побольше *документальныхъ* данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы дать категорическіе отвѣты на главнѣйшіе вопросы старозаимочнаго землевладѣнія.

Отчеты о судебныхъ процессахъ, помѣщенные въ книгѣ г. Чижевскаго, не даютъ намъ представленія о сущности старозаимочнаго землевладѣнія; надежда г. Чижевскаго познакомить общество *съ дѣлами* о старозаимочныхъ земляхъ также не оправдалась. И нужно сознаться, что виноватъ въ этомъ самъ г. Чижевскій. Умышленно или неумышленно (предоставляемъ рѣшить читателю) онъ выбралъ только отрицательныя рѣшенія, *не обмолвившись ни однимъ словомъ о существованіи положительныхъ*. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы книга г. Чижевскаго не

имѣла никакого значенія для даннаго вопроса; наоборотъ, мы очень благодарны автору за то, что онъ первый далъ намъ извлеченія изъ судебныхъ рѣшеній, и только сожалѣемъ, что онъ не установился на объективной точкѣ зрѣнія въ этомъ дѣлѣ; вѣдь субъективность проявляется не только въ сочувствіи къ извѣстному взгляду, но и въ подборѣ матеріаловъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сдѣлать и еще одинъ укоръ г. Чижевскому. Къ его книжкѣ приложено нѣсколько документовъ (12); нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны изъ Полнаго Собранія Законовъ или изъ сочиненій Квитки, Головинскаго и архіеп. Филарета (№ 3, 4, 7, 10, 12); другіе являются въ печати впервые (всѣхъ ихъ 7); они были представлены истцами въ харьковскій окружной судъ. Но чѣмъ руководствовался г. Чижевскій, выбравши изъ всѣхъ представленныхъ въ судъ грамотъ только семь, имъ напечатанныхъ, остается неизвѣстнымъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ большой интересъ, напримѣръ, Память ноября мѣсяца $\frac{7194}{1686}$ г., за приписью дьяка Судейкина, харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцамъ (№ 6-й), и грамота 1-го сентября 1705 г. сумскому полковнику Кондратьеву (№ 11-й), Но какое отношеніе, напримѣръ, имѣетъ къ старозаимочнымъ землямъ грамота $\frac{7192}{1684}$ г., мая 5-го дня, харьковскому полковнику Григорію Донцу, трактующая исключительно о дозволеніи старшинѣ харьковскаго полка взять въ свое распоряженіе таможню, или грамота 2-го января $\frac{7203}{1695}$ г. стольнику воеводѣ Семену Зурову, освобождающая козаковъ харьковскаго полка отъ оброковъ за мельницы? Два первые документа о надѣленіи Яменскихъ черкасъ землею на правѣ помѣстномъ по своему содержанію стоятъ особнякомъ и отчасти даже находятся въ противорѣчіи съ остальными. Обыкновенному читателю вообще трудно разобраться въ приведенныхъ грамотахъ. Самъ г. Чижевскій изъ содержанія изданныхъ имъ грамотъ не дѣлаетъ никакихъ заключеній и даже самыхъ необходимыхъ объясненій. Такимъ образомъ остается открытымъ вопросъ, оправдываютъ-ли приведенныя грамоты отрицательныя рѣшенія окружнаго суда. Мы съ своей стороны на этотъ вопросъ склонны отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ представленныя грамоты подтверждаютъ черкасамъ вѣчное и безоброчное пользованіе ихъ землями; ими-же предоставляется право свободной заимки земель «по ихъ черкаской обыклости». Въ грамотѣ 1705 года, данной сумскому полковнику Кондратьеву читаемъ: «...велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, *на дикихъ степяхъ*, на татарскихъ займахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды, подъ наши

государевы жилые города и для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены городы, на путивльскихъ дикихъ земляхъ, Сумы, Суджа, Мирополье, Красно поле, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды села и деревни... велѣно имъ, вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить по черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *велѣно-же заимки занимать*, пасѣки и всякіе грунты заводить, и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно противъ старо-черкаской обыклости...

Память $\frac{7194}{1686}$ г. харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцу еще раньше подтвердила такія привиллегіи слободскихъ козаковъ. «Вамъ, черкаскимъ полковникамъ, говорится тамъ, и полковъ вашихъ урядникамъ и козакамъ, мѣщанамъ, въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ и кто гдѣ живетъ, *землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкамъ, велѣно владѣть по прежнему по вашимъ черкасскимъ обыклостямъ*.

Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ двѣ первыя грамоты (собственно одна, потому что 1-я представляетъ просьбу о надѣленіи, а 2-я отвѣтъ на нее). Въ нихъ говорится о *помѣстной* землѣ, которой были надѣлены жители сл. Ямной въ вольновскомъ уѣздѣ. Мы не будемъ доказывать, что помѣстныя земли въ это время слились съ вотчинными, а замѣтимъ только, что отдѣльные случаи надѣленія черкасъ помѣстною землею могли дѣйствительно встрѣчаться, особенно въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ великороссійскимъ населеніемъ и съ господствомъ такъ называемой четвертной системы.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ книги г. Чижевскаго и перейдемъ теперь къ другому сочиненію, касающемуся того же вопроса.

Объемистая брошюра гг. Гурова и Бродскаго (присяжныхъ повѣренныхъ округа харьковской судебной палаты) не представляетъ «ни строго научнаго изслѣдованія по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи харьковской губерніи, ни даже обстоятельной систематической компиляціи по этому вопросу». Цѣль ихъ работы – «изложить съ возможною обстоятельностью сущность наиболѣе важныхъ и спорныхъ положеній и вопросовъ, какіе до сего времени возбуждены были тяжущимися сторонами во время производства въ судебныхъ учрежденіяхъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ». Такимъ образомъ брошюра гг. Гурова и Бродскаго носитъ преимущественно судебный характеръ, представляя собою отвѣты на оффиціальную записку харь-

ковской казенной палаты, поданную въ видѣ апелляціонной жалобы въ судебную палату. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ авторами, что по существу затронутыхъ вопросовъ она имѣетъ значеніе для всѣхъ интересующихся судьбою Слободской Украйны вообще и крестьянскимъ землевладѣніемъ въ частности.

Мы выше замѣтили, что уже въ первой инстанціи (т. е. окружномъ судѣ) истцамъ приходилось доказывать справедливость существующаго положительнаго закона и защищать его противъ аргументовъ представителя казны.

Брошюра гг. Гурова и Бродскаго посвящена опроверженію записки казенной палаты, въ которой доказывается, 1) что территорія Слободской Украйны, имѣвшая уже въ XI в. русское населеніе, съ половины XVI ст. принадлежала московскому государству, 2) что переселеніе малороссіянъ изъ-за Днѣпра происходило подъ руководствомъ царскихъ воеводъ, которые и отводили земли переселенцамъ, 3) что казна всегда признавала земли, отведенныя черкасамъ, своею собственностью и обложила ихъ оброкомъ на совершенно законномъ основаніи. Уже изъ этого голаго перечня главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ и отвѣтѣ на нее гг. Гурова и Бродскаго, ясно видно, что исторіи здѣсь отведено столько-же мѣста, сколько и гражданскому праву.

Мы не будемъ излагать доводовъ гг. Гурова и Бродскаго противъ положеній записки казенной палаты, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко, а укажемъ только болѣе подробно, какіе вопросы представляютъ предметъ спора между ними.

Авторъ записки утверждаетъ, что съ половины XVI в. территорія Слободской Украйны находилась подъ властью московскаго государства, имѣвшаго здѣсь свои крѣпости и города; въ подтвержденіе своего мнѣнія представитель казны ссылается на нѣкоторые акты и извѣстія, помѣщенныя въ книгѣ архіеп. Филарета. Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что тѣ сторожи, о которыхъ говорятъ источники, не могутъ быть признаны жилыми селеніями; что-же касается городовъ, то они, какъ видно изъ тѣхъ-же источниковъ, на которые ссылается авторъ записки, были построены пришлыми черкасами.

Относительно переселеній малороссіянъ въ Слободскую Украйну, авторъ записки замѣчаетъ, что они, собственно говоря, не имѣли и не могли имѣть мѣста до 1650 года.

Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что подобное мнѣніе стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, напримѣръ съ извѣстіемъ «Экстракта о слободскихъ полкахъ», приведеннымъ у Срезневскаго. Незачѣмъ только, какъ намъ кажется, отстаивать мнѣнія Маркевича о по-

селеніи слобожанъ на булавинскихъ земляхъ и о зависимости ихъ до временъ Самойловича отъ гетмана; дѣйствительно источникъ этого мнѣнія (неизвѣстный намъ авторъ Исторіи Руссовъ), вообще довольно мутный, не подтверждается другими болѣе достовѣрными данными. Мы думаемъ, что невозможно серьезно говорить и точно фиксировать годъ добровольнаго присоединенія слободскихъ полковъ къ Великой Россіи, потому что заселеніе края происходило медленно и свое полковое устройство онъ получилъ послѣ 1654 г.; положеніе Малороссіи было иное: въ качествѣ отдѣльной провинціи польскаго государства, добившейся политической самостоятельности, она *могла* добровольно возсоединиться и подойти подъ высокую руку великаго князя московскаго. Между тѣмъ заднѣпрскіе выходцы, добровольно и по вызовамъ правительства, приходили отдѣльными, болѣе или менѣе значительными партіями, селились за пограничною чертою московскаго государства въ дикихъ татарскихъ мѣстахъ и поступали въ подданство къ московскимъ великимъ князьямъ и государямъ.

Авторъ записки казенной палаты утверждаетъ, что новоявившимся черкасамъ отводились земли московскимъ правительствомъ. «Порядокъ этотъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ существующаго еще и донынѣ порядка заселенія государственныхъ пустопорожнихъ земель». До образованія слободскихъ полковъ черкасы были подъ вѣдомствомъ русскихъ воеводъ; впослѣдствіи они получили собственное управленіе, свою полковую и сотенную старшину. *Не смотря однако на передачу черкасъ въ вѣдѣніе полковниковъ, московское правительство никогда не предоставляло послѣднимъ права раздавать земли кому либо въ собственность;* самый отводъ земель производился по царскимъ указамъ или по распоряженіямъ изъ бѣлгородскаго приказа. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ записки ссылается на Филарета и Полное Собраніе Законовъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій, разобравъ доказательства автора записки, находятъ, что никакого надѣленія землею со стороны московскаго правительства не было; тамъ, гдѣ авторъ записки видитъ надѣленіе землею, было обыкновенное размежеваніе. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что одинъ голый фактъ отвода земли еще ровно ничего не значитъ. Если даже, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что «въ 1659 г. на отведенной Сумамъ землѣ, по царскому указу, основано сел. Нижняя Сыроватка», то это вовсе не доказываетъ, чтобы земли сел. Сыроватки можно было признать теперь казенною собственностью. Въ самомъ дѣлѣ: авторъ записки, нужно думать, не дочиталъ до конца документа, на который ссылается, потому что земля отдавалась «новопоселеннымъ по ту

сторону р. Псла и р. Сыроватки по вышеписаннымъ урочищамъ *во вѣчное владѣніе*»[1]).

Вообще намъ кажется, что нельзя доказывать принадлежности земель казнѣ на основаніи такихъ общихъ и неопредѣленныхъ примѣровъ, какіе приводятся авторомъ записки. Позволимъ себѣ привести примѣръ изъ исторіи лѣвобережной Украйны. Тамъ земля признавалась собственностью всего войска запорожскаго въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. козачества и посполитства. Но очень часто за *подтвержденіемъ* своихъ земельныхъ правъ отдѣльныя лица обращались уже не къ мѣстному гетманскому уряду, а къ центральной власти; между тѣмъ эта центральная власть была *собственникомъ* только незначительной части земель (такъ называемыхъ государевыхъ или коронныхъ маетностей). Тоже самое мы видимъ и въ Слободской Украйнѣ. И здѣсь очень часто отдѣльныя лица и коллективныя юридическія единицы обращались за подтвержденіемъ, укрѣпленіемъ своихъ правъ на землю; очень часто давались такія подтвердительныя грамоты даже на земли *купленныя;* очевидно, въ нихъ не было самостоятельнаго акта пожалованія; такія-же грамоты выдавались и на земли *занятыя*. Чаще-же всего, нужно думать, укрѣпленіе земельныхъ правъ шло со стороны мѣстнаго полковничьяго уряда. Напрасно гг. Гуровъ и Бродскій ничего не сказали автору записки по поводу его замѣчанія, что слободскіе полковники не имѣли права раздавать земель. Въ Историко-статистическомъ Описаніи харьковской епархіи помѣщенъ универсалъ сумскаго полковника Кондратьева, предоставляющій жителямъ Ворожбы Ѳеодору Чернявскому право на владѣніе *занятымъ имъ по черкасской обыклости гайкомъ*[2]).

А вотъ другой документъ общаго содержанія, совершенно уничтожающій мнѣніе автора записки. Харьковскій полковникъ Григорій Іерофеевичъ Донецъ въ универсалѣ о надѣлѣ землею куряжскаго монастыря пишетъ: «...по указу великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи, *намъ дана власть раздавать всякіе вольные грунты и пасѣчныя угодья всякимъ людямъ для жительства*»[3]). Спрашивается, что можно отвѣтить противъ такого категорическаго свидѣтельства?

Въ другихъ документахъ мы имѣемъ указанія на существованіе *полковой земли*. Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ записки, что «укрѣпленіе за кѣмъ либо правъ на земли въ сло-

---

[1]) Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. III, стр. 368.

[2]) Ibidem., отд. III, стр. 426.

[3]) Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. I, стр. 75.

бодской губерніи *совершалось только царскими вотчинными грамотами*, даваемыми въ видѣ исключенія заслуженнымъ лицамъ, какъ особая милость». Гг. Гуровъ и Бродскій заявляютъ, что приведенное мнѣніе черезъ чуръ уже парадоксально; можно-ли допустить, чтобы въ XVII и XVIII вв. право собственности на земли можно было получить только путемъ жалованныхъ грамотъ, какъ *«особую милость» «за заслуги»*? Отдѣльные-же факты помѣстнаго владѣнія не могутъ доказывать господствующаго его значенія. Не менѣе страненъ взглядъ автора записки и на значеніе жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ. Изъ всѣхъ существующихъ грамотъ должны быть приняты во вниманіе по его мнѣнію только четыре, потому что онѣ только упоминаются въ жалованной грамотѣ Елисаветы Петровны. Эти-же четыре грамоты не заключаютъ въ себѣ указаній на право свободной заимки, а только освобождаютъ слобожанъ отъ нѣкоторыхъ оброковъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій путемъ внимательнаго разбора содержанія всѣхъ извѣстныхъ намъ жалованныхъ грамотъ приводятъ къ заключенію, что онѣ *подтверждали самостоятельное занятіе земли по праву заимки.*

Дальнѣйшими указами и узаконеніями правительства это правило не было нарушено и существовало вплоть до генеральнаго межеванія (1765 года).

Въ 1837 года оно было утверждено министерствомъ государственныхъ имуществъ, подъ опеку котораго попали всѣ сельскіе обыватели податнаго состоянія; бывшіе козаки слободскихъ полковъ, переименованные раньше въ войсковыхъ обывателей, теперь попали въ категорію государственныхъ крестьянъ и находились подъ опекой министерства государственныхъ имуществъ до семидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, т. е. до выдачи владѣнныхъ записей. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ правительство рѣшило переложить оброчную подать съ душъ на землю. При кадастрѣ многія старозаимочныя земли совершенно неправильно были внесены въ оцѣнку. Одною изъ главныхъ причинъ этой ошибки, по мнѣнію гг. Гурова и Бродскаго, было малое знакомство высшихъ административныхъ учрежденій съ исторіей здѣшняго края и оригинальнымъ характеромъ его землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, кадастровая инструкція предписывала опредѣлять доходъ не съ отдѣльныхъ участковъ земли, состоящихъ во владѣніи крестьянъ, а со всей земли, числящейся а обществомъ. «Въ виду этого чины коммиссіи, учрежденной въ харьковской губерніи для уравненія крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, получивъ въ руководство инструкцію, въ которой предусматривалось исклю-

чительно только общинное крестьянское землевладѣніе и встрѣчая въ дѣйствительности на каждомъ шагу личное участковое землевладѣніе, на первыхъ-же порахъ оказались въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ справиться съ возложенною на нихъ задачею. Далѣе не смотря на то, что харьковская губернія была одною изъ первыхъ, въ которыхъ министерство государственныхъ имуществъ рѣшило примѣнить для опыта такъ называемую кадастрацію земель и что въ руководство харьковской кадастровой коммиссіи издана была особая инструкція, мы не найдемъ однако-же въ этой инструкціи никакихъ спеціальныхъ правилъ, которыя имѣли-бы въ виду исключительно старозаимочное крестьянское землевладѣніе, хотя въ тоже время встрѣчаемъ тамъ рядъ постановленій относительно земель однодворческихъ, четвертныхъ, захватныхъ и проч.». Между тѣмъ ошибочное внесеніе въ оцѣнку многихъ старозаимочныхъ земель нарушило земельныя права цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ и обществъ. 2-е отдѣленіе собственнаго Его Императорскаго Величества канцеляріи ясно понимало, что старозаимочное владѣніе основано въ большинствѣ случаевъ не на крѣпостныхъ документахъ, а на правѣ первоначальнаго завладѣнія по закону; потому-то оно и признало необходимымъ доказывать во всякомъ данномъ случаѣ только то, что земля относится къ 26 разряду старозаимочныхъ, т. е. принадлежитъ владѣльцамъ со времени заселенія Слободской Украйны.

Таково вкратцѣ содержаніе интересной брошюры гг. Гурова и Бродскаго. Мы слышали, что скоро (въ началѣ февраля) появится сборникъ тѣхъ-же авторовъ, который будетъ заключать отчеты о старозаимочныхъ процессахъ и *значительное количество документовъ*. Мы только можемъ пожелать успѣха энергической дѣятельности гг. Гурова и Бродскаго въ отстаиваніи праваго дѣла.

Въ заключеніе мы приводимъ себѣ на память любопытную аналогію. 63 года тому назадъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину пришлось отстаивать права на землю малороссійскихъ козаковъ. Князь Репнинъ написалъ записку въ отвѣтъ тогдашнему министру финансовъ Гурьеву, который доказывалъ, что земли малороссійскихъ козаковъ (черниговской и полтавской губерніи) должны быть обложены оброчною податью, потому что онѣ искони принадлежали казнѣ и были отдаваемы только козакамъ для службы и за службу. Записка эта напечатана и наводитъ на любопытныя сближенія съ нынѣшними записками истцовъ и отвѣтчика по старозаимочнымъ дѣламъ.

Дм. Багалѣй

Харьковъ.

Харьковскій календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена секретаря комитета П. С. Ефименка. Цѣна 1 рубль. Харьковъ. 1883 г. VIII+455+161+41.

Предъ нами объемистая книжка въ 42 печатныхъ листа, стоящая всего 1 рубль. Дешевизна, очевидно, объясняется тѣмъ, что издателемъ является статистическій комитетъ, который изъ своего изданія не извлекаетъ никакой выгоды. Очевидно, харьковскій губернскій статистическій комитетъ не спитъ мертвымъ непробуднымъ сномъ, подобно другимъ губернскимъ комитетамъ, а старается служить по мѣрѣ своихъ силъ общественнымъ потребностямъ. Не странно-ли, напримѣръ, что мать городовъ русскихъ—Кіевъ не имѣетъ мѣснаго кіевскаго хорошаго календаря и принужденъ удовлетворяться календарями, издатели коихъ смотрятъ на свое дѣло исключительно, какъ на коммерческое предпріятіе.

Харьковскій Календарь носитъ мѣстный характеръ и въ этомъ его главное достоирство. Въ немъ собрана масса свѣдѣній, необходимыхъ для жителя города Харькова и харьковской губерніи. Первые два отдѣла посвящены общимъ справочнымъ извѣстіямъ; третій—исключительно мѣстнымъ. Здѣсь мы найдемъ раздѣленіе харьковской губерніи въ судебномъ, церковно-административномъ, полицейскомъ отношеніяхъ, статистическія данныя о движеніи населенія, о скотоводствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, типографіяхъ и литографіяхъ; важное мѣсто занимаютъ отчеты кредитныхъ учрежденій харьковской губерніи, ученыхъ, а также благотворительныхъ обществъ о своей дѣятельности.

Въ 4-мъ отдѣлѣ находятся научно-справочныя свѣдѣнія. Здѣсь помѣщено 6 статей: 1) Первый харьковскій календарь, 2) Древности харьковской губерніи, 3) Монастыри харьковской губерніи, 4) Замѣчательнѣйшія изъ населенныхъ мѣстъ харьковской губерніи, 6) Біографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи.

Затѣмъ слѣдуетъ адресъ-календарь.

Уже этотъ голый перечень рубрикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Харьковскій Календарь составленъ весьма умѣло и добросовѣстно, а главное приспособленъ къ нуждамъ мѣстнаго обывателя. Въ немъ найдутъ для себя интересныя свѣдѣнія всѣ слои мѣстнаго общества. Многія статистическія данныя имѣютъ кромѣ того и научное значеніе, рисуя матеріальную и умственную сторону харьковской жизни; таковы, напримѣръ, данныя о типографіяхъ г. Харькова, съ обозначеніемъ количества напечатанныхъ въ нихъ книгъ и брошюръ, и книжныхъ лавкахъ. Еще болѣе интересны отчеты ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Весь

четвертый отдѣлъ, не представляя изъ себя самостоятельныхъ научныхъ статей, имѣетъ большой интересъ для харьковской публики, трактуя въ составленныхъ сжато, но интересно статьяхъ о мѣстныхъ древностяхъ.

Никто не станетъ, кажется, сомнѣваться въ важности распространенія въ обществѣ историческихъ свѣденій, а путь календарный въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ главныхъ. Поэтому помѣщеніе въ разсматриваемомъ нами Календарѣ мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, притомъ въ столь значительномъ объемѣ и разнообразіи, не можетъ не вызвать особаго сочувствія и благодарности потрудившимся въ семъ дѣлѣ. Біографіи мѣстныхъ дѣятелей временъ близкихъ и отдаленныхъ имѣютъ здѣсь особое значеніе, обновляя и укрѣпляя въ памяти современнаго общества свѣтлые образы тѣхъ, кому оно обязано многимъ въ настоящемъ. Глубокое сочувствіе вызываютъ такіе дѣятели, какъ *Василій Зазарьевичъ Каразинъ*, по праву единственный основатель университета, вымолившій его буквально на колѣняхъ у харьковскаго общества, или высоко-идеальный типъ *Григорія Савича Сковороды*, народнаго учителя и поэта. При біографіяхъ нѣкоторыхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы приложенъ перечень ихъ главнѣйшихъ трудовъ и произведеній.

Въ статьѣ о «замѣчательнѣйшихъ населенныхъ мѣстностяхъ харьковской губерніи» разсказывается вкратцѣ исторія главныхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ, слободъ. Такай-же характеръ носитъ и глава о монастыряхъ губерніи: излагается исторія каждаго изъ нихъ, а ихъ современное состоявіе рисуется на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ настоятелями монастырей.

На статьѣ «о древностяхъ» мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько дольше. Описаніе и перечисленіе городищъ харьковской губерніи находятся въ сравнительно мало уже доступномъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, преосв. Филарета, и въ малоизвѣстной, но интересной брошюркѣ г. Морозова. Описаніемъ этихъ памятниковъ старины занимался и г. Пассекъ. Такъ какъ все это труды въ настоящее время рѣдкіе, то нельзя не поблагодарить издателей за эту статью, заключающую въ себѣ перечисленіе городищъ съ описаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ Хорошево и Одринское.

Было время, когда въ наукѣ русской держалось мнѣніе ученаго Ходаковскаго, что городища представляютъ собою мѣсто, гдѣ въ языческій періодъ жизни русскихъ славянъ совершались ихъ богослужебные обряды, что всѣ они имѣютъ одинаковое устройство, при чемъ входъ въ нихъ всегда устроенъ съ востока. Послѣ того было сдѣлано нѣсколько описаній весьма большаго количества городищъ, упомянутыхъ Пассекомъ,

а также Срезневскимъ, преосвященнымъ Филаретомъ, Самоквасовымъ, Морозовымъ. Эти работы показали, что какъ по своей обширности, такъ и по устройству, городища отличаются другъ отъ друга; что входы у нихъ бываютъ съ разныхъ сторонъ, смотря по мѣстности, при томъ всегда со стороны безопасной отъ врага. Благодаря нѣкоторымъ, иногда совершенно случайнымъ свѣдѣніямъ нашихъ древнихъ лѣтописей, оказалось, что городища представляютъ собою остатки укрѣпленій городовъ, существовавшихъ въ древній періодъ русской исторіи. Такъ отъ существовавшаго въ до-монгольскую эпоху города Выря сохранилось до сихъ поръ городище вирское, отъ города Донца—донское. Если городища суть остатки городовъ, то вопросъ сводится только къ тому, какъ древне само городище. Относительно городищъ харьковской губерніи можно сказать, что они относятся къ періоду до-монгольскому. Это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ документальныя свидѣтельства XVI и XVII вв., указывающія, что эти городища существовали до заселенія Слободской Украйны, а стало быть города, остатками которыхъ они являются, существовали въ періодъ до-татарскій, такъ какъ со времени нашествія татаръ эти области были пустыней. По числу и мѣсту городищъ можно приблизительно гадать о населенности страны въ до-монгольской періодъ и гдѣ проходила граница между осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ и его врагами — кочевниками тюрками. Жаль только, что положеніе нѣкоторыхъ городищъ не опредѣлено съ точностію, а указаны только уѣзды, въ которыхъ они находятся.

Продолжая календарнымъ путемъ популяризировать въ мѣстной читающей публикѣ мѣстную-же исторію, редакція Харьковскаго Календаря сдѣлала-бы несомнѣнно полезное дѣло, если-бы въ послѣдующихъ его изданіяхъ дала цѣльную, хотя-бы и краткую исторію того края. Трудно, конечно, соединить краткость, популярность, полноту и интересъ изложенія; но тутъ можно вполнѣ положиться на силы редакціи, въ лицѣ уважаемаго П. С. Ефименка, и на близкую связь ея съ историко-филологическимъ обществомъ. Желая возможно большаго распространенія дѣльно составленному и весьма полезному изданію харьковскаго статистическаго комитета въ формѣ календаря, заимствуемъ изъ него обращеніе ист.-филол. общества къ содѣйствію публики; оно съ интересомъ прочтется всякимъ любителемъ исторіи и можетъ служить хорошимъ указателемъ для другихъ подобныхъ учрежденій и предпріятій.

Отъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ.

Цѣль харьковскаго историко-филологическаго общества состоитъ въ развитіи и распространеніи историческихъ и филологическихъ знаній и въ сохраненіи словесныхъ памятниковъ старины.

Лица интересующіяся русскою исторіей вообще, исторіей южной Россіи въ частности могутъ оказать полезное содѣйствіе харьковскому историко-филологическому обществу сообщеніемъ свѣдѣній о старинѣ и доставленіемъ старинныхъ вещей.

Желательны: 1) Приведеніе въ извѣстность числа, величины и формы городищъ и кургановъ и сообщеніе связанныхъ съ ними народныхъ преданій и разсказовъ. Если городища и курганы раскапывались, то нужно знать: когда, кѣмъ, какимъ способомъ, что было найдено и гдѣ найденное въ курганѣ нынѣ хранится. 2-хъ) Доставленіе древнихъ вещей всякаго рода, глиняныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, какъ-то: предметовъ вооруженія, украшенія; одежды, утвари, монетъ; доставленіе иконъ стараго письма, преимущественно съ чертами мѣстнаго южно-русскаго искусства; указаніе и описаніе старинныхъ портретовъ, хранящихся въ монастыряхъ, церквахъ или въ фамильныхъ собраніяхъ частныхъ лицъ, доставленіе списковъ съ разныхъ древнихъ надписей (на сволокѣ, камнѣ, книгѣ и пр.). При этомъ желательны письменныя объясненія: гдѣ, когда и кѣмъ вещь была найдена. Если нельзя получить вещи, то желательно получить съ нея точныя рисунки или фотографическіе снимки. 3) Сообщеніе свѣдѣній о малорусскомъ языкѣ, словарей мѣстныхъ говоровъ, сказокъ, повѣрій, заклинаній, пѣсень и обрядовъ всякаго рода, родинныхъ, свадебныхъ, похоронныхъ, зажнивныхъ и др., разсказовъ о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, вѣдьмахъ, чертяхъ, чародѣйствѣ и т. п. 4) Сообщеніе преданій и разсказовъ о церквахъ, монастыряхъ, иконахъ; о происхожденіи селъ и городовъ, о старинномъ землевладѣніи, въ частности заимкѣ; о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, старинныхъ войнахъ, о татарахъ, козакахъ, гайдамакахъ, о шляхахъ, о чумачествѣ. 5) Доставленіе свѣдѣній объ остаткахъ церковныхъ братствъ, о старинныхъ школахъ и способахъ обученія, о школьной жизни, о формахъ общественнаго призрѣнія (шпиталяхъ), о бандуристахъ (гдѣ живетъ, у кого учился, какія пѣсни знаетъ и пр.). 6) Сообщеніе о хранилищахъ рукописей и доставленіе оригиналовъ или копій съ рукописей, а именно: грамотъ, въ томъ числѣ грамотъ на данныя отдѣльнымъ лицамъ земли, юридическихъ документовъ, межевыхъ записей, фамильныхъ лѣтописей (напримѣръ лѣтопись Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ), историческихъ записокъ (напримѣръ «Экстракта о слободскихъ полкахъ»), писемъ, дневниковъ, сельскохозяйственныхъ документовъ, старинныхъ учебниковъ, проповѣдей, ненапечатанныхъ повѣстей, драмъ и лирическихъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, сборниковъ литературнаго или историческаго содержанія, литературныхъ альбомовъ, панегириковъ, обличительныхъ статей, старинныхъ пасквилей, лечебни-

ковъ, каталоговъ старинныхъ рукописныхъ собраній и библіотекъ и проч. и 7) доставленіе старинныхъ книгъ.

Согласно съ 3 § устава, археологическіе и этнографическіе предметы, преобрѣтенные обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при харьковскомъ университетѣ; рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи общества и составляютъ его библіотеку, которая помѣщается въ зданіи университета.

Общество имѣетъ въ виду, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, согласно съ 2 § устава, издавать ученыя излѣдованія, памятники, мелкія замѣтки, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія. Въ эти изданія войдутъ рефераты членовъ общества въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи и отчеты о сдѣланныхъ въ архивъ и въ библіотеку общества вкладахъ и пожертвованіяхъ.

По § 19 устава, въ случаѣ закрытія общества, все имущество поступаетъ въ вѣдѣніе университета.

Письменныя сообщенія и приношенія присылать по слѣдующему адресу: *Въ Харьковъ, въ университетъ, въ историко филологическое общество.*

Предсѣдатель профессоръ *А. Потебня.* Секретарь доцентъ *Н. Ѳ. Сумцовъ.*

Б. Г.

Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.

Извѣстно всякому, кто живалъ въ Вильнѣ, или проѣзжалъ чрезъ нее, либо читалъ объ ней, что тамъ находится древняя, особо чтимая икона Божіей Матери, называемая *остробрамскою.* Икона эта находится въ рукахъ католиковъ и считается мѣстною польско-католическою святынею. На самомъ дѣлѣ это древняя православная икона, перешедшая, вслѣдствіе историческихъ перемѣнъ въ краѣ, сперва отъ православныхъ къ уніатамъ, а потомъ отъ этихъ послѣднихъ къ католикамъ. Судьба этой иконы сходна отчасти съ судьбою такой-же древней православной иконы въ г. Ченстоховѣ (петроковской губерніи), остающейся въ рукахъ католиковъ, и не менѣе древней иконы Богородицы въ г. Холмѣ (люблинской губерніи), возвращенной православію въ весьма недавнее время. Виленская икона Божіей Матери принесена туда изъ Корсуня, или Херсонеса Таврическаго великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ Гедиминовичемъ, во время одного изъ успѣшныхъ его походовъ на крымскихъ

татаръ, во 2-й половинѣ XIV ст., а въ какомъ именно году, неизвѣстно. Первоначально она находилась въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, куда отдана была женою Ольгерда. Троицкій православный монастырь находился въ центрѣ русскаго населенія Вильны, а оно группировалось на южной оконечности города, выступавшей къ югу острымъ угломъ, отъ чего самая мѣстность эта называлась *острымъ*, а по населенію *рускимъ концемъ*. Тутъ былъ главный въѣздъ въ городъ; догадливые монахи троицкіе устроили здѣсь часовню и помѣстили въ ней данную имъ икону. Когда при великомъ князѣ Александрѣ обносили Вильну каменною стѣной, съ башнями и воротами, для защиты города отъ татаръ, одни изъ 5-ти въѣздныхъ воротъ устроены были на «остромъ концѣ» и названы «острыми вратами»; на нихъ устроена была часовня и въ ней помѣщена икона. Книжное славянское слово: *врата* замѣнилось мѣстнымъ: *брама* и самая икона стала называться *остробрамскою*, подъ какимъ именемъ извѣстна и доселѣ. Болѣе двухъ столѣтій корсунская икона Благовѣщенія Богородицы, перенесенная въ Вильну, была предметомъ особаго чествованія православнаго населенія Вильны и можетъ считаться вполнѣ русскою народною святынею. Но съ измѣненіемъ общей судьбы православія и русской народности въ б. литовскомъ государствѣ и постепеннымъ возобладаніемъ въ немъ польско-католическаго элемента, измѣнилась и судьба этой святыни: въ началѣ XVII ст., когда всѣ виленскія православныя церкви, которыхъ было свыше 20-ти, переданы были королевскимъ декретомъ уніатамъ, въ числѣ другихъ ими взята и церковь св. Николая, въ которую незадолго предъ симъ православные жители Вильны, за отобраніемъ у нихъ троицкаго монастыря, перенесли корсунскую икону. Захватъ этой святыни открытою силою произвелъ большое волненіе въ жителяхъ Вильны, оставшихся вѣрными православію, тѣмъ не менѣе икона осталась за уніатами и снова перенесена въ часовню на Острыхъ воротахъ. Это было въ 1609 г., а спустя 60-тъ съ небольшимъ лѣтъ, когда обветшавшая уніатская часовня, декретомъ особой коммисіи была закрыта, икона фактически стала достояніемъ монаховъ кармелитовъ, которые сперва поставили ее въ сосѣднемъ костелѣ св. Терезіи, а потомъ устроили длк нея на тѣхъ-же воротахъ новую часовню. Въ 1744 г. часовня деревянная была замѣнена каменною, существующею и понынѣ: часовня и икона получили полную католическую обстановку. Новые владѣльцы иконы съумѣли, какъ нельзя лучше, воспользоваться ея народнымъ историческимъ значеніемъ: съ помощію дорогихъ украшеній, роскошной обстановки, нарочитыхъ моленій и пышныхъ процессій они перенесли въ среду католическую то благовѣніе, которымъ окружена была икона въ мірѣ православномъ, а

посредствомъ этого долго увлекали въ католичество массы православныхъ и уніатовъ и, наконецъ, съ присоединеніемъ края къ Россіи создали изъ древней русской святыни орудіе преступныхъ манифестацій противъ русскаго владычества, какъ это было въ 1794, 1830 и 1863 гг. Древняя принадлежность иконы православію не разъ была изслѣдуема и доказываема, злоупотребленіе народнымъ къ ней благоговѣніемъ для цѣлей политическихъ было слишкомъ очевидно; не смотря на то, она не могла быть возвращена православію ни въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 1832 г., ни по почину всесильнаго Муравьева, въ періодъ послѣдняго польскаго возстанія.

Такова вкратцѣ исторія виленской остробрамской иконы Божіей Матери и таково содержаніе книги о ней о. Н. Соколова.

Описанная имъ икона имѣла уже свою обширную литературу на русскомъ и польскомъ языкахъ, усложняющуюся тѣмъ, что исторія этой святыни неразрывно связана съ исторіею г. Вильны и всего края, и писавшіе о городѣ и краѣ писали и объ иконѣ, и на оборотъ излагавшіе собственно судьбу иконы касались исторіи города и цѣлаго края. О. Соколовъ, какъ видно изъ его книги, имѣлъ подъ руками массу печатнаго матеріала, общаго и спеціальнаго, но, къ сожалѣнію, разобраться въ немъ не съумѣлъ. По видимому, онъ чувствовалъ это самъ и потому раздѣлилъ добытыя имъ свѣдѣнія на двѣ далеко не равныя части и изъ одной меньшей составилъ собственно исторію иконы, изложенную на 101 стр., а другую, гораздо большую на 405 стр. приложилъ къ ней въ видѣ 367 примѣчаній. Но, прочитавъ всю книгу, нельзя не видѣть, что съ одной стороны въ самую исторію внесено не мало такого, что могло-бы быть или вовсе опущено, или отнесено къ примѣчаніямъ, съ другой — въ самыхъ примѣчаніяхъ есть масса совершенно лишняго и посторонняго и есть такія данныя, которыя не лишни были-бы въ самой исторіи. Произошло это, какъ намъ кажется, не въ силу только неумѣнья автора отличить главное и существенное отъ посторонняго и не важнаго, но и потому, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ цѣль настоящаго своего труда. Послѣ того, какъ о виленской остробрамской иконѣ написано такъ много, задачею новаго изслѣдователя могло быть или добыть, если возможно, новыя какія либо данныя для исторіи этой иконы, подвергнувъ критикѣ прежнія данныя, или-же, воспользовавшись готовымъ матеріаломъ, составить сжатое, для всякаго понятное и доступное изложеніе судебъ древней виленской русской святыни. Новыхъ свѣдѣній объ иконѣ автору не удалось добыть, архивнымъ матеріаломъ онъ не пользовался, критики источниковъ у него также нѣтъ; оставалось, значитъ, послѣднее, и въ немъ чувствуется на мѣстѣ большая

потребность, на что указываетъ и самъ авторъ. Но именно этого онъ и не сдѣлалъ: книга вышла объемистая, но живой, полной, легко читаемой исторіи иконы въ ней нѣтъ, а цѣна 1 р. не можетъ быть названа общедоступною и не отвѣчаетъ интересу, доставляемому чтеніемъ книги.

Интересу книги, кромѣ неумѣлаго распредѣленія матеріала, мѣшаютъ два обстоятельства: во 1-хъ полемическій тонъ книги и въ 2-хъ особая манера изложенія и языкъ автора. Авторъ, пиша историческое изслѣдованіе не можетъ сохранить спокойнаго тона; онъ смотритъ на событія давно-прошедшія, какъ-бы они происходили предъ его глазами, раздражается тѣмъ, что они шли несогласно съ его чувствованіями и желаніями и свое раздраженіе выражаетъ массою такихъ эпитетовъ, которые, не помогаютъ изложенію и тѣмъ непріятнѣе действуютъ на читателя, что являются въ формѣ словъ мало кѣмъ употребляемыхъ, какъ на примѣръ «злокозненный, зловредный, злоухищреный» и т. п. Особенности языка автора составляютъ длинные, трудно-читаемые періоды, а также масса всевозможныхъ, часто совершенно лишнихъ эпитетовъ, однозвучныхъ, въ большей части также не нужныхъ приставокъ и такихъ фразъ и оборотовъ, построеніе которыхъ трудно чѣмъ-либо оправдать. Упоминая объ учрежденіи въ 1857 г. прихода при костелѣ бывшаго монастыря св. Терезіи, онъ прибавляетъ: „такимъ образомъ *при*островоротный костелъ сталъ въ свою очередь самъ *прі*уроченнымъ къ св. Богородичной Островоротной иконѣ, соединеннымъ и даже связаннымъ съ нимъ необходимо". Объявленныя въ 1609 г. уніатскими виленскія прав. церкви должны были, по выраженію автора, «*сласнуть* въ уніи и отъ уніи"; «средняя лампада въ часовнѣ всегда имѣетъ горѣніе», т. е. горитъ, «открытіе завѣсъ при св. иконѣ *происходить* не иначе, какъ лицомъ, имѣющимъ право надѣвать извѣстное костельное облаченіе»..., «въ часовнѣ бываетъ 8—10 обѣденъ въ день—читанныхъ и поемыхъ, играемыхъ, смотря по усердію усердствующихъ, различными ксендзами», «чествованіе иконы Одигитріи, Путеводительницы, въ священнѣйшемъ мѣстѣ величественнѣйшаго каѳедральнаго, митрополичьяго, пречистенскаго собора больше и больше, такъ сказать, *вбиралось* въ этотъ замѣчательно представительный по своему времени храмъ Пречистыя», и т. п. и т. д.

Вообще книга автора читается съ большимъ трудомъ и не оставляетъ цѣльнаго представленія о судьбахъ виленской острбрамской иконы. Задавшись, по видимому, цѣлію написать исторію иконы, авторъ излишне распространился о современномъ ея положеніи и обстановкѣ, мѣшаетъ исторію съ описаніями и собственными чувствованіями, вдается въ излишнія подробности, касается посторонныхъ матерій, особливо въ примѣчаніяхъ, но всего болѣе онъ портитъ успѣху книги страстнымъ изложеніемъ и крайне необработаннымъ и тяжелымъ языкомъ. Видно, авторъ поторопился изданіемъ своего новаго труда, не осилилъ бывшаго въ его рукахъ обширнаго матеріала и слишкомъ мало потрудился надъ внѣшнею отдѣлкою своей монографіи.

К. Ц.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ НА ВОЛЫНИ ДНЕЙ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины" на 1883 г., въ отдѣлѣ „Извѣстія и Замѣтки" была статья г. Тарнавскаго: „По поводу 50-ти лѣтняго юбилея почаевской лавры", статья любопытная по многимъ историческимъ и описательнымъ даннымъ, касающимся почаевскаго монастыря. Прочитавши ее, вспомнилъ я, какъ назадъ тому почти 40 лѣтъ пробылъ я три дня въ этомъ монастырѣ, и теперь, собравши мои воспоминанія, рѣшаюсь подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины".

Это было въ 1845 году. Я служилъ тогда старшимъ учителемъ исторіи въ ровенской гимназіи. Собственно желаніе познакомиться съ юго-западною окраиною нашего отечества, столь богатою историческими памятниками и преданіями, было побудительною для меня причиною искать возможности переселиться на Волынь и пожить тамъ нѣкоторое время. При всѣхъ удобныхъ случаяхъ, когда я былъ свободенъ отъ служебныхъ обязанностей, я совершалъ по окрестностямъ разныя поѣздки. На страстной недѣлѣ въ 1845 году отправился я, вмѣстѣ съ тогдашнимъ моимъ товарищемъ по службѣ г. Малавскимъ, въ Кременецъ и Почаевъ, съ намѣреніемъ посѣтить также Вишневецъ и знаменитое въ малорусской исторіи Берестечко. Пріѣхавши въ великую пятницу въ Кременецъ, мы всходили на гору Бону, очень высокую и крутую, осмотрѣли тамъ развалины замка, приписываемаго королевѣ Бонѣ, а на другой день, отстоявъ велико-субботнюю утреню въ соборѣ, устроенномъ изъ бывшаго францисканскаго монастыря (отъ котораго грудами валялись по двору разбитые католическіе изображенія ангеловъ, Бого-

матери и разныхъ святыхъ), мы уѣхали въ Почаевъ. Дорога шла по чрезвычайно живописной мѣстности: по бокамъ виднѣлись холмы, покрытые рощами, съ самыми разнообразными и затѣйливыми очертаніями; то были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ предѣлы Россіи. День былъ ясный, весенній. Все дышало свѣжестію молодой жизни; развивались вербы и березы; на рѣкахъ и прудахъ воды, недавно освободившіяся отъ льда, начинали зеленѣть молодымъ камышомъ и пестрѣть водяными цвѣтами. Было такъ хорошо, что мы всю почти дорогу не ѣхали, а шли пѣшкомъ, и потому, не смотря на недалекое разстояніе отъ Кременца до Почаева, прибыли туда при солнечномъ закатѣ и остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ. Тотчасъ-же мы отправились въ монастырь къ архимандриту, къ которому было у меня рекомендательное письмо. Отецъ архимандритъ оказался добродушный и веселый старикъ; нѣкогда, какъ онъ самъ о себѣ сообщалъ, онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ. Съ первыхъ-же минутъ нашей бесѣды онъ разговорился о мѣстной старинѣ, о постройкѣ почаевскаго храма, воздвигнутаго въ его настоящемъ видѣ старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою.

По разсказу о. архимандрита, этотъ панъ Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, виднѣвшагося издали. Вдругъ кучеръ, по неосторожности, опрокинулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взялъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него. Убить человѣка для буйнаго пана въ припадкѣ гнѣва ничего не значило, и это практиковалось имъ не одинъ разъ. Кучеръ въ ужасѣ обратился къ виднѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у почаевской Божіей Матери: „Najświętsza Matko Poczajowska, ratuj mię!“ Панъ спустилъ курокъ—сдѣлалась осѣчка; панъ снова взвелъ курокъ и спустилъ—въ другой разъ осѣчка. Это поразило буйнаго пана: онъ бросилъ ружье и сталъ у кучера допрашивать, какая это почаевская Божія Матерь, которую кучеръ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія и потому до тѣхъ поръ и не слыхалъ о чудотворной иконѣ Богоматери въ почаевскомъ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все, что зналъ и на сколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть: началъ онъ скорбѣть о мно-

жествѣ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній—явилась наклонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ почаевскій монастырь, и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; до невыносимости гнусною показалась ему протекшая жизнь. При этомъ о. архимандритъ вспомнилъ о разныхъ выходкахъ безобразія этого пана, которыя иногда соединялись и съ чувствомъ правды. Такъ, однажды, онъ встрѣтилъ мужика, плакавшаго надъ бочкой разлитаго дегтя. На вопросъ: что это значитъ? мужикъ сказалъ, что ѣхалъ доминиканскій монахъ, и за то, что мужикъ не успѣлъ свернуть съ дороги, онъ наѣхалъ на него и дышломъ пробилъ дно бочки съ дегтемъ. Панъ Потоцкій пустился догонять доминикана, воротилъ его къ мужику и заставилъ монаха, въ его бѣлой одеждѣ, пролѣзть сквозь разбитую бочку. Доминиканъ представлялъ, что онъ ѣхалъ напутствовать больнаго св. дарами, но панъ сказалъ, что деготь есть также даръ Божій и не можетъ причинить поруганіе Христу; напротивъ, оскорблять своего ближняго есть посягательство на поруганіе Христа. Когда монахъ все еще упрямился, панъ пригрозилъ ему канчуками и монахъ долженъ былъ исполнить приказаніе пана. Наказавши такимъ образомъ монаха, панъ вознаградилъ мужика за утраченный деготь. Въ другой разъ онъ узналъ, что у одного изъ его сосѣдей, у котораго имѣніе было на арендѣ у жидовъ, жиды обращались нахально съ панскими подданными. Между прочимъ жидъ приказывалъ мужикамъ доставлять ему дрова, и мужикъ привозившій дрова долженъ былъ по вязанкѣ сносить ихъ въ высокій сѣновалъ. Панъ Потоцкій переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ на возъ съ дровами и отправился къ жиду, который подумалъ, что это мужикъ изъ его села привозитъ ему дрова. Панъ терпѣливо снесъ нахальное обращеніе съ нимъ жида и послушно понесъ вязанку за вязанкой по узкой лѣстницѣ, куда указывалъ ему путь жиденокъ, наблюдавшій за нимъ сзади. Между тѣмъ панъ, отъѣзжая изъ дому, приказалъ ѣхать вслѣдъ за собою каретѣ въ сопровожденіи гайдуковъ, а въ карету приказалъ сѣсть мужику, отъ котораго узналъ о нахальномъ обращеніи жида съ крестьянами, и когда, всходя на сѣновалъ, панъ увидалъ, что карета приближается, то спустившись съ лѣстницы, ударилъ жиденка полѣномъ по головѣ и положилъ его на мѣстѣ. Сбѣжались жиды, подняли гвалтъ,

а тутъ подъѣхала панская карета, и слуги обратились съ знаками почтенія къ своему господину. Тогда только узнали жиды, что за мужикъ привозилъ имъ дрова и что за панъ сидѣлъ въ каретѣ. Панъ Потоцкій приказалъ собрать всѣхъ бывшихъ въ томъ имѣніи жидовъ и жидовокъ и отъ мала до велика перестрѣлялъ ихъ всѣхъ, не пощадивши и младенцевъ. Владѣлецъ имѣнія, гдѣ происходило это событіе, подалъ судебный искъ. Тогда панъ Потоцкій поѣхалъ по околицѣ, наловилъ десятка два или три жидовъ, собралъ ихъ у себя и приказалъ наложить на возы, придавивши „рублемъ" (гнетомъ), какъ дѣлаютъ при возкѣ сноповъ и привезъ къ пану сосѣду, который въ ту пору случился у себя въ имѣніи. „Вотъ", сказалъ ему Потоцкій: „вы подали на меня искъ, что я пострѣлялъ у васъ нѣсколькихъ жидовъ; я вамъ плачу за нихъ— даю нѣсколько десятковъ". Но многіе изъ этихъ несчастныхъ задохлись, сваленные тѣсно подъ гнетомъ. Архимандритъ вспомнилъ также о „Бондаривнѣ", о которой сохранилось преданіе на Волыни и осталось такъ живо, что у многихъ зажиточныхъ хозяевъ можно видѣть рисунокъ малорусской дѣвушки, выдаваемый за портретъ „Бондаривны".

Послѣ приключенія съ кучеромъ и затѣмъ посѣщенія почаевскаго монастыря, панъ принялъ намѣреніе, ради покаянія, окончить дни свои гдѣ нибудь въ монастырѣ, но хотѣлъ извѣдать, въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій Промыслъ. Онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаяніемъ; но когда онъ явился въ почаевскій уніатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накормили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ видѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и привезъ большую сумму на построеніе каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ чорныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки. Такъ, напримѣръ, подметая корридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ либо лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погре-

бенъ въ построенной имъ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромные сафьянные сапоги. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святыми мощами.

Во время разсказа архимандрита, вошелъ послушникъ и попросилъ благословенія звонить къ „Дѣяніямъ". Мы стали прощаться съ архимандритомъ. Онъ пригласилъ насъ прибыть въ полночь къ богослуженію, а послѣ литургіи—разговляться вмѣстѣ съ братіею въ трапезѣ. Въ назначенное время мы отправились въ церковь, внутри великолѣпно освѣщенную, и прослушали пасхальное богослуженіе. Напѣвъ въ почаевскомъ монастырѣ, хотя веселый, какъ вездѣ, показался мнѣ нѣсколько отличнымъ отъ того, какой я привыкъ слышать въ церквяхъ: онъ напоминалъ мнѣ слышанные въ дѣтствѣ мотивы экосеса. Церковь почаевская—одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ въ Россіи, и сохранила на себѣ сильные слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, сдѣланнымъ уже по присоединеніи къ православію, виднѣлся по другую сторону престола у капитальной стѣны высокій католическій иконостасъ. Во многихъ мѣстахъ въ трапезѣ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и уніатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ, и самые престолы примыкали прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя изображенія; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя уже не бывшій въ употребленіи. Въ храмѣ было множество сельскаго люда обоего пола въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ; все это были, какъ я узналъ, крестьяне изъ Галиціи, постоянно приходящіе сюда на праздники.

Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ разставлены были пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хороваго пѣнія „Христосъ Воскресе", всѣ принялись разговляться и затѣмъ, тутъ-же, начался обѣдъ, не смотря на то, что солнце только что восходило. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема. Я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ тогда 18 человѣкъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда отецъ архимандритъ

пригласилъ насъ въ свою келію—и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ кушаньевъ и множество бутылокъ съ наливками и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ въ праздники трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они „утѣшаются“ по келіямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ, терпится и дозволяется, и черное духовенство позволяетъ себѣ наравнѣ съ бѣлымъ разрѣшать на мясо.

Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ, пользуясь гостепріимствомъ и радушіемъ отца архимандрита и всей братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его келіи и должны были отдать честь его повару. Монахи, которыхъ большая часть изъ уроженцевъ чисто-русскихъ губерній, зазывали насъ по одиночкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ ихъ любезности. Я осмотрѣлъ монастырскую библіотеку; она оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе. Замѣчу, что перебирая книги, я нашелъ одну старопечатную глаголитскаго письма въ малую четверку; за неимѣніемъ при себѣ азбуки и не зная ее наизусть, я не могъ разобрать, что это за книга: только на оберткѣ ея было написано по польски скорописью: „heretycka książka“.

Въ главной почаевской церкви показываютъ „стопку“ Божіей Матери. Изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе находящейся въ стѣнѣ ниши, постоянно затворенное и открываемое только по желанію. По свѣдѣнію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день около чайной ложечки, иногда и меньше, а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много, и много желающихъ имѣть эту воду, то „мы“, замѣчалъ архимандритъ, „впускаемъ полъ-ложечки этой чудотворной воды въ цѣлую кадь съ обыкновенною простою водою“. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря въ XIII вѣкѣ, пастухи увидали на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божію Матерь. Изображеніе исчезло, а слѣдъ ноги остался на камнѣ, и изъ него начала сочиться

вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ и появленіе воды въ „стопкѣ" признается чудомъ. Въ длинномъ корридорѣ, ведущемъ отъ главной церкви въ нижнюю теплую, нарисована на стѣнѣ исторія чудеснаго избавленія Почаева отъ турецкаго нападенія. Событіе это относятъ къ тому времени, какъ турки, помогая гетману Дорошенку, сдѣлали нашествіе на южные предѣлы Рѣчи Посполитой въ 1672 году. Монастырь въ то время былъ еще православный; игуменомъ тамъ былъ Іовъ Залізо. Турецкій паша пришелъ съ войскомъ подъ Почаевъ; множество сосѣдней шляхты убѣжало тогда въ почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ дать отпоръ непріятелю. Но осажденные стали терпѣть недостатокъ съѣстнаго и въ отчаяніи рѣшились сдѣлать вылазку, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ обѣдню, которая должна была быть уже послѣднею какъ для него, такъ и для его паствы. Въ ту самую минуту, когда онъ провозгласилъ: „изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи", на крестѣ монастырскаго храма появилось изображеніе Божіей Матери. Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего паши, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой паническій страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневцемъ. Такъ разсказывалъ архимандритъ, передавая сохранившееся преданіе. Въ такомъ-же видѣ передается это событіе въ народной пѣснѣ, которую поютъ лирники во всей южной Руси. Но изслѣдованіе г. Тарнавскаго („Кіев. Стар." 1883 г. дек. стр. 685) указываетъ намъ, что это анахронизмъ. Іовъ скончался 28 октября 1651 года, ста лѣтъ отъ роду, и въ 1658 году митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ нетлѣнныя мощи его для всенароднаго почитанія. Въ почаевскомъ монастырѣ намъ показывали яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслію.

Изъ монастырской террасы открывается живописнѣйшій видъ на Подкамень съ католическимъ монастыремъ и на разсѣянныя тамъ и сямъ села съ развалинами замковъ въ предѣлахъ Галиціи.

Посѣтивши почаевскій монастырь, мы отправились въ Вишневецъ и, наскоро осмотрѣвши тамъ у г. Мнишка богатую картинную галлерею, со множествомъ портретовъ историческихъ дѣятелей, оттуда направили путь къ Берестечку. Мы посвятили три дня на осмотръ злосчастнаго поля, гдѣ нѣкогда потерпѣла пораженіе козацкая сила. Праздничное время уже кончалось—мы возвратились въ Ровно къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Н. Костомаровъ.

КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКИХЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НРАВОВЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ 1759 г. козакъ Севастьянъ Бородуха прислалъ въ полковую черниговскую канцелярію на имя черниговскаго полковника Божича доношеніе, въ которомъ говорилъ, что родной его племянникъ, Ѳедоръ Бородуха, уклоняясь отъ козачьей службы, хочетъ принять священническій чинъ. Севастьянъ Бородуха сообщаетъ начальству о слѣдующихъ „винахъ" своего племенника.

1) „Онъ, Ѳедоръ Бородуха, женился на поповнѣ Меланьѣ, которой исполнилось только одинадцать лѣтъ (родилась 31 декабря 1748 г., вышла замужъ 31 января 1759 г.).

2) „Она малолѣтняя жена, хотя до замужества своего лѣтъ совершенныхъ не имѣющая, еднакъ явилася свѣтовой публицѣ совершенною подозрительницею, когда въ обыкновенномъ первопублѣчномъ ложѣ своемъ малженскимъ, на актѣ своемъ весельномъ, не явилась по дѣвотству своему порядочною дѣвкою". Да и мать ея, „удовая попадья, не вѣдомо съ кимъ, съ зятемъ своимъ, але съ кимъ другимъ, блудно и беззаконно женска полу, Елену по имени, родила дитя".

3) „Онъ-же, Ѳедоръ Бородуха, зъ мало уживанныхъ имъ наукъ, да и то только русскаго діалекту по печатнымъ книгамъ чтенія, скорописное-же по русску почти читать и писать не умѣетъ, народъ учить о вѣрѣ и житіи вовсе неспособенъ и не годится".

4) „Еще онъ и пьяница таковъ невоздержаный, что, многократно спивъ умъ, потолику изумляется, что люди принуждены связывать его".

5) „Многихъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и мать свою родную, многократно безвинно ихъ бивалъ и кровавилъ“, за что много расъ судился.

и 6) Отстраняется отъ службы, не смотря на то, что не имѣетъ на то права“.

Севастьянъ Бородуха находитъ поведеніе своего племянника противнымъ правиламъ святыхъ отецъ и проситъ полковую канцелярію увѣдомить епископа о поведеніи Өедора Бородухи и послать его въ походъ, чтобы онъ послужилъ, какъ служили его предки Бородухи.

Первая просьба Севастьяна Бородухи была исполнена полковой канцеляріею. Въ духовную канцелярію черниговскаго архіепископа было послано увѣдомленіе, что Өедоръ Бородуха оженился непорядочно, отъ козачей службы уклоняется и въ силу всего этого въ священники не годится.

(Извлечено изъ дѣлъ архива малороссійской коллегіи, находящагося при харьковскомъ университетѣ). Н. С.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ НАЧАЛА НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Сопоставляемъ ниже два документальныхъ свидѣтельства о домашнемъ воспитаніи, оба относящіяся по времени къ первой четверти нашего столѣтія, а по мѣсту—къ новороссійскому краю. Первое мѣсто принадлежитъ Александру Семеновичу Пишчевичу, краткія свѣдѣнія о коемъ сообщены въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“, и представляютъ выдержку изъ его „Дневной Записки“ на 1806 годъ. Приводимыя изъ нея строки рисуютъ основанія той модной европейской муштры, которая составляла всю суть тогдашней педагогіи; авторъ „Записки“ рѣзко осуждаетъ и такую систему воспитанія, и то заграничное пустозвонство, которое являлось послѣдствіемъ ея; онъ не щадитъ красокъ,—благо, въ нихъ не было недостатка, и по своимъ понятіямъ напоминаетъ Стародума,—быть можетъ, и не случайно. Второй документъ есть произведеніе пера неизвѣстнаго по имени иностранца-педагога; это—довольно своеобразное обязательство, заключающее программу занятій съ молодыми людьми. При чтеніи его не знаешь,

чему отдать предпочтеніе: убогому невѣжеству, или хвастливости захожаго просвѣтителя. Невольно приходитъ на память екатерининская старина, въ то время уже забывавшаяся въ столицахъ, воскресаютъ типы, осмѣянные Фонвизиномъ, но не вымершіе, какъ видно, и въ нашемъ столѣтіи въ сельской глуши юга Россіи. „Обязательство“ найдено нами въ семейныхъ бумагахъ Николая Ивановича Хорвата, жительствующаго въ селѣ Шамовкѣ александровскаго уѣзда; въ немъ идетъ дѣло о воспитаніи отца и дяди его; отецъ его, Иванъ Антоновичъ, родился въ 1805 году и былъ младшимъ братомъ; слѣдовательно, предлагаемый нами читателямъ документъ относится къ двадцатымъ годамъ. Разница во времени между отзывомъ Пишчевича и произведеніемъ иностраннаго педагога, не значительная впрочемъ, не мѣшаетъ ихъ взаимному сродству: одно знакомитъ насъ съ условіями воспитанія, другое съ результатами его.

Сначала приводимъ отзывъ Пишчевича.

Сказавъ о балѣ, данномъ въ зданіи херсонскаго благороднаго собранія, и о только-что входившемъ тогда въ моду вальсѣ, который показался Пишчевичу танцемъ безнравственнымъ, онъ продолжаетъ:

„Послѣ сего обозримъ, въ чемъ состоитъ вообще основаніе воспитанія нашей молодежи, разумѣется, воспитанія моднаго. Выучи сына танцовать, играть на фортепьянѣ или гитарѣ, и ежели можно, чтобы онъ могъ пѣть, то это будетъ прекрасно; говорить по французски, разумѣется — только говорить, а что̀ говорить, до того дѣла нѣтъ; по русски писать русскому неминуемо надобно, но чтобы умѣлъ паче всего сочинять въ стихахъ пасквили на женщинъ, иногда касаться правительства; впрочемъ, дозволяется о законѣ Божіемъ стихами и прозою говорить самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и требуется въ добавокъ не имѣть никакой вѣры и насмѣхаться надъ святостью, руководствующею человѣками, приписывая созданіе Божіе все случаю слѣпому: послѣ сего не уважать ни старости, ни достоинствъ и ставить себя выше всего; рисованіе идетъ также въ модное воспитаніе, но чтобъ оно не далѣе простиралось, какъ снимать силуэты, и ежели достанетъ понятія, то не худо выучиться составлять узоры для пялецъ; симъ средствомъ молодой человѣкъ получаетъ право входить въ спальню и

другія внутреннія комнаты дома, гдѣ занимаются комнатныя дѣвки вышиваньемъ, и симъ средствомъ заключать связи для достиженія сердецъ или сихъ швей, или самой госпожи, или ея дочерей; ко всему этому въ заключеніе, если молодой человѣкъ опрятно и ловко одѣвается въ одежду, для сего же вѣка изобрѣтенную, также самую неблагопристойную, ибо всѣ части мужского тѣла не только стянуты, но выставлены наружу со всѣхъ сторонъ, и, дабы не краснѣть такимъ безстыдствомъ, то модная ческа выдумала средство закрывать глаза и все лицо кудрями головныхъ волосъ. Вотъ впрямь изображеніе молодого человѣка, хорошо воспитаннаго, котораго называютъ женщины милымъ, вертопрахи—ловкимъ, а люди съ разсудкомъ—ученымъ дуракомъ, отечеству ни на что не надобнымъ... Замѣтимъ, что и женщины нонишняго воспитанія приготовляются совсѣмъ противуположно тому, къ чему онѣ сотворены. Должность матери, должность хозяйки совсѣмъ удалены отъ воспитанія ихъ. Болтанье на французскомъ языкѣ, играніе на какомъ либо инструментѣ и пляска—суть главныя черты, которыя входятъ въ модное воспитаніе; добавьте къ этому всю школу кокетства и полунагое одѣяніе и вы будетете имѣть совершенную идею о женщинахъ 19-го вѣка, вѣка просвѣщеннаго, которому-бы удивились наши предки, ежели-бы напримѣръ скромныя россіянки 17 вѣка, жившія въ своихъ теремахъ, могли встать и обозрѣть поприлѣжнѣе своихъ согражданокъ".

А вотъ обязательство иностранца—педагога.

„Обязываюсь учить слѣдующему:

По нѣмецки, по французски, по итальянски, священной исторіи, всемірной исторіи, географіи, математикѣ и политикѣ, философіи съ ея частями, натуральной исторіи и математическимъ частямъ (?), къ способности молодыхъ людей. Не льстясь легкою методою, ни основаніемъ первыхъ правилъ и нравоученія, способныхъ для обрабатыванія разума и образованія сердца молодыхъ людей, чтобъ имъ внушить добродѣтели, полезныя для общества, я буду заниматься ихъ воспитаніемъ слѣдующимъ образомъ. Глубокое раздробленіе грамматики (?), синтаксисъ, единомысленное правленіе словъ, чтобъ достигнуть хорошо понимать и переводить; порядокъ въ чтеніи, по слогу и словамъ, которые имъ будутъ трудны для понятія,

и даже тѣ, которые имъ совершенно неизвѣстны въ теченіяхъ нашихъ лучшихъ сочинителей, какъ древнихъ, и нынѣшнихъ, давая имѣ чувствовать силу, пылкость и тонкость мыслей и выраженій, такъ-же, какъ и значеніе словъ, и знать степени, до которыхъ наши знаменитые древніе и нонишніе писатели возвысились; точное диктованіе наукъ съ изтолькованіемъ задачей, и опытъ упражненія, способнаго къ возвышенію ихъ души и облегченію памяти. Въ протчемъ все, что будетъ въ моей власти, чтобъ образовать имъ добрыя нравы и благосконность, чтобы содѣлать ихъ почтенными".

„Обязательство" умалчиваетъ о цѣляхъ и методахъ преподаванія политики, философіи „съ ея частями", натуральной исторіи и „математическихъ частей". А жаль.

В. Ястребовъ.

РОКОВОЕ ЧТЕНІЕ ПСАЛТИРИ[1]).

(Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ „спудеевъ").

Была зима 1764 года.

Кіевъ жилъ своею старою жизнію, совсѣмъ не похожею на нынѣшнюю. Подолъ продолжалъ оставаться центромъ городской жизни. Академія, какъ и теперь, служила лучшимъ его украшеніемъ. Въ ней толпились массы учащихся различныхъ возрастовъ, званій и состояній. Ученіе производилось тамъ, гдѣ и теперь зданіе академіи; общежитіе братскихъ питомцевъ или бурса помѣщалась на берегу Днѣпра, гдѣ теперь кіево-подольское духовное училище. Академія жила одною жизнію съ народомъ, отражая въ себѣ его свѣтлыя и темныя стороны; связь ея съ обществомъ была ближайшая, непосредственная; подольскіе жители смотрѣли на нее, какъ на школу, устроенную ихъ заботами и на ихъ собственныя средства. Студенты доставляли кіевлянамъ много удовольствія своими праздничными кантами, виршами и вертепными представленіями, публичными диспутами, драмами и трагедіями; они-же служили имъ въ частной жизни—подготовкою дѣтей къ школѣ, перепискою нужныхъ бумагъ, составленіемъ просьбъ, чтеніемъ въ часы досуга, чтеніемъ псалтири надъ покойниками.

---

1) Составлено по не полному подлинному дѣлу кіево-губ. канцеляріи.

Въ то время, о которомъ говоримъ, рядомъ съ „студенческою бурсою“ были расположены лавки Гамалѣи, близъ нихъ съ одной стороны дворъ подольскаго успенскаго священника Сафоновича, съ другой дворъ магистратскаго подданнаго Никиты Воловина. На этомъ послѣднемъ было двѣ избы: въ одной помѣщался смаъ хозяинъ съ своей семьей, въ другой жилъ магистратскій служитель Сидоръ Климовъ. И самъ Климовъ былъ не старъ, а жена совсѣмъ молодая, красивая, но гулящая.

21 декабря умерло у Климовыхъ дитя; пригласили они студента Кондратія Подгорскаго читать псалтирь. Подгорскій учился въ „піитикѣ“, былъ парень подъ усомъ, видный, статный. На немъ была черкеска-юпка, а по зимнему времени, поверхъ этой обыкновенній одежи, „эпанча“, иначе „либерія“. Пришелъ онъ съ собственнымъ инструментомъ, т. е. псалтирью, и открылъ чтеніе надъ умершимъ младенцемъ.

Изба, въ которой жили Климовы, была совсѣмъ простая, а обстановка ея самая убогая: вдоль стѣнъ длинныя лавки, на „покутьѣ“ столъ, противъ оконъ у стѣны“ такъ называемый „полъ“, или дощатыя нары, замѣнявшія кровать, а рядомъ съ нимъ большая печь съ мѣстомъ для сушки зерна и лежанья, въ свою очередь замѣнявшая кровать. Въ переднемъ углу предъ большимъ столомъ стоялъ малый, прихваченный у сосѣда столъ; на немъ, на убогой подушкѣ, покоилось умершее дитя, впереди большой подсвѣчникъ, крашенный, деревянный, съ ставникомъ изъ желтаго воску, а съ боку ничѣмъ не прикрытый аналой.

У бѣдныхъ простыхъ людей тогда, какъ и теперь, никакая оказія въ домѣ,—радостная и скорбная, не обходилась безъ выпивки. Выпили хозяева и чтеца попотчивали: по тогдашнимъ обычаямъ требовалось, чтобы для чтеца была водка на готовѣ и чтобы онъ отъ времени до времени былъ ею освѣжаемъ и подкрѣпляемъ.

Днемъ и вечеромъ въ избѣ Климовыхъ толпился народъ, къ ночи изба опустѣла. Долѣе другихъ пробыли двѣ набожныя старухи; но и они, соскучившись монотоннымъ, унылымъ чтеніемъ, сунувъ, по тогдашнему обычаю, въ руку чтеца по мѣдному пятаку, побрели домой. Климовы улеглись спать: мужъ на печи, жена на „полу“. Не спалъ лишь чтецъ-студентъ; но, докачивая *Славу* и цѣлую *Каѳизму* и читая по памяти: *аллилуя, аллилуя*..., онъ тщетно

водилъ глазами по сторонамъ,—некому было приподнести освѣжающаго напитка... Не разъ въ этихъ интермедіяхъ взоръ его падалъ на хозяйку, раскидавшуюся на „полу", но онъ гналъ отъ себя не чистые помыслы, скорѣе прежняго кончалъ *Аллилуя* и *Со святыми упокой* и снова углублялся въ лежавшую предъ нимъ книгу. Читалъ онъ твердо и протяжно: *сердце мое и плоть моя возрадовастася*... вдругъ „полъ" заскрипѣлъ, хозяйка повернулась... У „поэты" въ глазахъ потемнѣло, онъ машинально потянулся поправить свѣчку, но свѣчка упала и потухла. Искалъ-ли Подгорскій свою *либерію*, чтобы домой уйти, какъ послѣ объяснялъ, или прилегъ на „лавѣ", или „полу", никто того примѣтить не могъ: въ избѣ царили мракъ и тишина.

Вдругъ соскакиваетъ съ печи Климовъ, схватываетъ „поэту" за волосы и съ одного размаха валитъ его на землю; за тѣмъ притащивъ его къ печи, досталъ полѣно, началъ бить имъ нещадно, стащилъ съ него, какъ увѣрялъ послѣ Подгорскій, одежу и сапоги, топталъ его ногами, билъ колѣньми въ грудь. Подгорскому удалось какъ-то вывернуться и онъ спрятался подъ „полъ", но Климовъ роздобылъ огня (если вѣрить Подгорскому, въ избѣ хозяина, причемъ его Подгорскаго удержалъ оказавшійся у Климова какой-то неизвѣстный человѣкъ), зажегъ свѣчку, добылъ изъ-подъ печи толкачъ, „что макъ и протчее толкутъ", и сталъ колотить студента толкачемъ. Тотъ бросился изъ избы, босой, въ одной рубахѣ, Климовъ догналъ его на дворѣ и снова сталъ бить; но тутъ вышелъ хозяинъ Воловинъ, оборонилъ студента и велѣлъ своему работнику вывести его со двора, а Климова увелъ въ избу.

Подгорскій едва добрался до бурсы и свалился безъ чувствъ. Когда потомъ, по распоряженію сотенной канцеляріи, урядникомъ Антономъ Чоколомъ произведенъ былъ осмотръ Подгорскаго, на немъ оказались „боевые знаки" такіе: „шея опухла и на оной синій знакъ на два пальца, ухо лѣвое синее и кожа на усахъ подрана, глазами видѣть не можетъ, ибо оные весьма опухли и синіе, правое ухо, также и лице все подрано, лѣвая рука опухла, на которой знаковъ синихъ пять, и правая рука по томужъ опухла и синихъ знаковъ два, плечи опухли и на нихъ имѣется синихъ знаковъ шесть, груди, бока по томужъ опухли, лѣвое колѣно опухло-жъ,

на коемъ знаковъ малыхъ синихъ четыре, рубашка и портки въ крови и самъ онъ студентъ Подгорскій вельми болѣнъ".

Зашумѣла „бурса", узнавъ о такомъ неслыханномъ „смертномъ боѣ". Весь день шушукались „поэты, философы, богословы", ходили во дворъ Воловина, развѣдывали, соображали. Козацкая кровь кипѣла и требовала мести, столь-же жестокой. Раздавались голоса благоразумія, осторожности; но надъ всѣмъ преобладала мысль затягнуть виновнаго во дворъ бурсы и тутъ отколотить. Въ теченіи дня ни къ чему не пришли.

Вечеромъ къ студенту Козачинскому, въ его академическій „чуланъ" пришли студенты Романовичъ и Ясногорскій, зашелъ также и сеніоръ Кленчинскій. Играли въ карты, а за картами первые три, обращаясь къ своему старостѣ, говорили:

— Какъ таки мы то дѣло, что студента поэту прибилъ подольскій житель, оставимъ!

Сеніоръ отвѣчалъ:

— Я того не бороню; пущай идутъ, кто охотится, по оного человѣка, а когда что сдѣлается, тогда тѣ и отвѣтствовать будутъ.

Романовичъ и Ясногорскій, получивъ согласіе сеніора, пошли „выкрикать на затягъ"; охотниковъ явилось не мало. Человѣкъ двадцать юнаковъ перерядились, какъ могли, вывернули свои бараньи шапки, подвязались платками и отправились за Климовымъ. Давно настала ночь: ворота у Воловина были на запорѣ, а на стукъ студентовъ имъ не отворили. Студенты-охотники перелѣзли черезъ заборъ, ворвались къ Климову и требовали прежде всего заграбленныхъ вещей Подгорскаго; псалтирь Климовъ успѣлъ уже пропить, „либерію" отыскали на печи. Оттрепавъ по щекамъ жену Климова, самого Климова потащили въ бурсу и здѣсь, на дворѣ, нещадно сѣкли его сперва розгами, потомъ плетьми. Главными дѣятелями въ экзекуціи были: Козачинскій, Романовичъ, Ясногорскій, Пушкаревичъ и Комаревскій; участвовали также, или-же были только свидѣтелями: Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій, Бороховскій, Краснопольскій, Бугаевскій, Пасксвичъ, Грезетовскій, и Юхновскій. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ. Выбѣжалъ сеніоръ Кленчинскій и пытался прекратить дикую расправу, но Романовичъ оттолкнулъ его, дернувъ за рукавъ, а Козачинскій крикнулъ: „пойди себѣ до дябла". Окончивъ экзекуцію, Романовичъ и Козачинскій

вывели Климова со двора, но лишь пустили его изъ рукъ, какъ онъ тутъ-же упалъ. Его втащили во дворъ, чтобы продержать гдѣ-либо въ теплѣ до утра; но сеніоръ Кленчинскій рѣшительно возсталъ противъ этого и Климова снова выпроводили на улицу и пустивъ на волю Божію, заперли ворота, а Козачинскій, взлѣзши на заборъ, наблюдалъ, что станется съ жертвою ихъ экзекуціи. Климовъ постучалъ было во дворъ священника Сафоновича, но тамъ не отперли воротъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ своей квартирѣ, но упалъ и лежалъ, издавая лишь крики и стоны. Не скоро услыхалъ магистратскій сторожъ при гамалѣйницкихъ лавкахъ, но когда подошелъ къ Климову, то одинъ не могъ поднять его. Былъ уже второй часъ ночи: стоялъ морозъ и дулъ вѣтеръ. Климовъ кое-какъ разсказалъ о случившемся съ нимъ, Гребенка окликнулъ караульныхъ солдатъ и съ помощью ихъ отнесъ Климова въ магистратъ; но лишь только принесли его туда, онъ тамъ-же и Богу душу отдалъ.

На утро магистратскіе чины свидѣтельствовали трупъ Климова, въ присутствіи истребованнаго отъ академіи депутата. Оказалось, что не тодько вся спина его, начиная отъ шеи и до самыхъ ногъ, но животъ и грудь изсѣчены были такъ, что „тѣла цѣлаго ничего не видно". Донесли кіево-губернской канцеляріи и въ тотъ-же день отъ нея предложено было архимандриту братскому Самуилу (впослѣдствіи митрополиту) произвести по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ отъ Магистрата.

Не смотря на наступавшіе праздники, слѣдствіе начато было немедленно. Всѣ вышепоименованные студенты были привлечены къ слѣдствію то въ качествѣ обвиняемыхъ, то въ качествѣ свидѣтелей, и всѣ почти арестованы, нѣкоторые отданы были на поруки. Первоначальные допросы не уяснили дѣла и особливо завязки онаго. Главный свидѣтель, обвиняемый и вмѣстѣ потерпѣвшій—Климовъ лежалъ уже въ землѣ; его гулящая жена, служившая основою столь ужаснаго раздора, отговаривалась, что „была пьяная и крѣпко спала, а потому и не знаетъ, подлинно-ли оной студентъ съ нею лежалъ, а слышала только отъ мужа своего". „Поэта" Подгорскій далъ объясненіе, которому можно было вѣрить лишь относительно причиненныхъ ему побоевъ. Всѣ прочіе студенты, не отвергая факта избіенія Климова и предварительнаго о томъ уговора, старались каждый никого въ особенности не выдавать, а себя всѣми силами

закрывать и оправдывать. До дальнѣйшихъ допросовъ и перепросовъ, до очныхъ ставокъ, до суда гражданскаго для многихъ дѣло не дошло и не могло дойти, и вотъ почему.

Еще рано утромъ 23 декабря, какъ только дошла до студентовъ о послѣдовавшей въ ту-же ночь въ магистратѣ смерти Климова, сеніоръ Кленчинскій такія рѣчи своимъ поднадзорнымъ говорилъ: „теперь, кто чуется въ семъ дѣлѣ, уходите", и самъ, одинъ изъ первыхъ, послѣ перваго допроса, бѣжалъ. Раньше всякихъ допросовъ бѣжали Романовичъ и Ясногорскій, бѣжали Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій и Бороховскій, разбѣжались всѣ, кто чувствовалъ за собою вину въ причиненіи смертныхъ побоевъ Климову. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ скрывались въ самомъ Кіевѣ, который съ тогдашними его пустырями и лѣсами, горами и ярами представлялъ удобное мѣсто для укрывательства. Въ числѣ такихъ были Бороховскій и Козачинскій; первому удалось выбраться изъ Кіева, а послѣдній 4 генваря 1763 г. былъ пойманъ ночью на Подолѣ, куда приходилъ развѣдать о положеніи дѣла. Ему связали руки назадъ и посадили въ почтовой избѣ при магистратѣ. Пришлось Козачинскому отвѣчать за всѣхъ.

Болѣе двухъ лѣтъ тянулось это дѣло; въ теченіе этого времени, когда не розысканы были бѣжавшіе, иные привлечены къ дѣлу. Менѣе виновные отдѣлались плетьми, а относительно Козачинскаго кіево-губернскою канцеляріею было опредѣлено: „наказавъ его плетьми-же, послать въ сибирскую губернію для опредѣленія, въ какую тамъ службу годенъ явится".

Для тогдашняго студента, способнаго вынести даже такіе „боевые знаки", какими надѣлилъ Подгорскаго Климовъ, наказаніе плетьми было сущимъ пустякомъ, но ссылка въ Сибирь совершенно измѣняла ходъ жизни. Козачинскому было тогда 26 лѣтъ; онъ „дошелъ уже наукою до философіи", когда стряслась надъ нимъ такая нежданная бѣда. Къ его счастью, у него нашелся не столько сильный ходатай, сколько „теплый предстатель" предъ властями, двоюродный братъ, іеромонахъ кіево-печерской лавры Гимнасій. Онъ-то подалъ кіевскому генералъ-губернатору просьбу объ освобожденіи осужденнаго отъ ссылки въ Сибирь и объ „отосланіи его для до-

ученія науки въ академію по прежнему“. Генералъ-губернаторъ запросилъ ректора академіи, дѣйствительно-ли Козачинскій „имѣетъ склонность къ обученію высшихъ наукъ“; ректоръ далъ благопріятный отвѣтъ, но прибавилъ, что принять Козачинскаго обратно въ академію „безъ главной команды“ сдѣлать не можетъ. „Главною командою“ была тогда кіевская консисторія, а она, предрасположенная, конечно, заранѣе въ пользу Козачинскаго путемъ разныхъ ходатайствъ, 30 мая опредѣлила: „буде по мнѣнію архим. Самуила принять Козачинскаго въ академію можно и въ томъ академическимъ установленіямъ никакой противности не усмотрится, то и принять“. Кіево-губернская канцелярія въ свою очередь разсуждала, что хотя Козачинскій принималъ дѣятельное участіе въ истязаніи Климова, но не имѣлъ при томъ намѣренія убить его до смерти, а только хотѣлъ отмстить за своего товарища,—что всѣ виновные въ этомъ дѣлѣ разбѣжались, что Климовъ былъ въ то время очень пьянъ и смерть его могла послѣдовать не только отъ побоевъ, но также отъ пьянства и сильнаго мороза, на которомъ онъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ, наконецъ, что Козачинскій молодъ, „имѣетъ склонность къ философической и другихъ высшихъ наукъ и по совершеніи оныхъ можетъ принять духовенство“, а потому постановила отъ ссылки въ Сибирь и изъ-подъ караула его освободить, для опредѣленія по прежнему въ академію.

15 іюня 1765 г. Козачинскій освобожденъ изъ заключенія. Тѣмъ и кончилось это характерное для того времени и нравовъ „спудеевъ“ дѣло. Дальнѣйшая участь Козачинскаго неизвѣстна. Его соучастники, какъ мы знаемъ, бѣжали. Куда?—Бродяжничество, скитальчество, стоическая борьба съ жизнію, самыя отчаянныя попытки пристроиться гдѣ нибудь, какъ нибудь, вообще жизнь полная приключеній была обыкновеннымъ удѣломъ тѣхъ, кто разъ выбиваемъ былъ изъ ея колеи какимъ либо несчастнымъ случаемъ. Запорожье и монастырь, пользовавшіеся самымъ широкимъ правомъ убѣжища, были найболѣе частыми пріютами для такихъ буйныхъ, но несчастныхъ головъ, и они принимали ихъ съ любовію, не касаясь того, что случилось въ прежней ихъ жизни.

Кс. Цыбульскій.

ПАВЕЛЪ ПЛАТОНОВИЧЪ ЧУБИНСКІЙ

(род. 15 янв. 1839 г., ум. 14 янв. 1884 г.).

14 января сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжкой и очень продолжительной болѣзни *Павелъ Платоновичъ Чубинскій*. Имя покойнаго было извѣстно всей интелигентной Россіи, но найбольшею извѣстностію онъ пользовался въ юго-западномъ краѣ. Извѣстность эту онъ пріобрѣлъ своими трудами на разныхъ поприщахъ дѣятельности, но въ особенности трудами по части этнографіи и статистики.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій уроженецъ Малороссіи. Онъ родился въ мѣстечкѣ Баришполѣ переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, 15 января 1839 года. Родители его принадлежали къ небогатымъ дворянамъ.

Воспитаніе онъ получилъ во 2-й кіевской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ въ 1861 г. и по экзамену удостоенъ степени кандидата.

Время окончанія имъ университетскаго курса было временемъ самаго сильнаго движенія среди различныхъ общественныхъ сферъ. Въ это время послѣдовало освобожденіе крестьянъ. Идеи народолюбія и народоизученія были въ своемъ зенитѣ. Пылкая и горячая натура, Павелъ Платоновичъ всецѣло отдался служенію господствовавшимъ въ то время идеямъ. Тогда-то положено было начало будущихъ полезныхъ и важныхъ его трудовъ. Но въ это-же время, въ ранней еще молодости, постигъ его и первый ударъ судьбы.

По окончаніи университетскаго курса, Павелъ Платоновичъ около года провелъ въ Малороссіи, проживая то Баряшполѣ, то въ Кіевѣ. Въ концѣ 1862 г. онъ долженъ былъ оставить родину и переселиться въ Архангельскъ. Здѣсь онъ скоро поступаетъ на государственную службу, съ начала 1863 г. по 11 марта 1869 года, въ теченіи шести лѣтъ, проходитъ самыя разнообразныя должности, какъ-то: слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора Губернскихъ Вѣдомостей и начальника газетнаго стола, младшаго и потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія. Всѣ эти должности онъ занималъ поперемѣнно, то оставляя ихъ, то опять

занимая, за исключеніемъ должности секретаря архангельскаго статистическаго комитета, которую онъ несъ съ 12 октября 1863 г. по день своего увольненія отъ службы, 11-го марта 1869 г., и перехода на другое поприще дѣятельности.

Его труды по этой должности положили основаніе его извѣстности, выдвинули его на болѣе широкое поприще изученія отечественной этнографіи и статистики и обратили на него особенное вниманіе ученыхъ обществъ. Въ этотъ періодъ своей жизни Чубинскій избранъ былъ: членомъ-корреспондентомъ императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ императорскаго вольно-экономическаго общества, членомъ сотрудникомъ императорскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Къ этому-же времени относится награжденіе его первою серебряною медалью, которая присуждена ему была императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, *въ изъявленіе особой признательности за полезные его труды, сообщенные обществу.*

Оставаясь еще на службѣ въ администраціи архангельской губерніи, онъ получилъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ двухъ императорскихъ обществъ, русскаго географическаго и вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Сѣверо-Двинскомъ бассейнѣ, и съ 10 апрѣля по 10 октярбя 1867 года объѣхалъ семь губерній: архангельскую, вологодскую, олонецкую, новгородскую, костромскую, вятскую и пермскую. Добытые имъ матеріалы онъ обработалъ и представилъ географическому и вольно-экономическому обществамъ, отъ имени и на средства которыхъ они были отпечатаны наряду съ работами изслѣдователей другихъ бассейновъ. Около этого-же времени онъ участвовалъ въ работахъ коммисіи для изслѣдованій печорскаго края, учрежденной съ высочайшаго соизволенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ начальникомъ архангельской губерніи.

Успѣшное выполненіе покойнымъ порученнаго ему изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности Сѣверо-Двинскаго бассейна еще болѣе установило за нимъ репутацію опытнаго, дѣльнаго и исполнительнаго изслѣдователя по части статистики и этно-

графіи. Императорское русское географическое общество, которое еще со времени возстанія 1863 г. задумало предпринять изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, остановило свое вниманіе на покойномъ, какъ на одномъ изъ лицъ, которымъ можетъ быть поручено это дѣло. Заручившись предложеніемъ общества, Павелъ Платоновичъ 11 марта 1869 г. вышелъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе на свободное проживательство какъ въ столицахъ, такъ и въ юго-западномъ краѣ. 27 марта того-же года онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго географическаго общества, которое 16 мая возложило на него, *съ высочайшаго соизволенія*, экспедицію въ юго-западный край для этнографическо-статистическихъ изслѣдованій. Покойный скоро доказалъ своими трудами, какъ удаченъ былъ этотъ выборъ.

Между тѣмъ и прежніе его труды нашли новую оцѣнку: въ апрѣлѣ 1869 г. его высочество, великій князь Алексій Александровичъ изволилъ пожаловать ему брилліантовый перстень въ знакъ признательности за сообщенныя имъ разнородныя свѣдѣнія о сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, а въ генварѣ 1870 г. совѣтомъ императорскаго географическаго общества онъ награжденъ былъ во второй разъ серебряною медалью за изданное имъ сочиненіе: *„очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи“*. Это юношескій его трудъ, написанный имъ для полученія степени кандидата, въ 1870 г. вновь пересмотрѣный и дополненный.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій совершилъ возложенную на него экспедицію въ юго-западный край, можно сказать, съ блестящимъ успѣхомъ и въ короткое сравнительно время. По плану географическаго общества экспедиція должна была обнять три губерніи: кіевскую, волынскую и подольскую. Нашъ изслѣдователь простеръ свои изысканія, кромѣ того, и на части губерній: минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малороссійскимъ народомъ. 1869 и 1870 годы онъ провелъ въ путешествіи и поѣздкахъ, совершивъ ихъ въ три пріема. По нѣкоторымъ отраслямъ изслѣдованія онъ воспользовался прежде составленными программами, какъ напримѣръ обще-этнографическою программою географическаго общества, по другимъ составилъ самъ, или чрезъ другихъ, и обнародовалъ ихъ или въ Губернскихъ Вѣ-

домостяхъ, или отдѣльнымъ изданіемъ, разославъ послѣднія въ количествѣ 500 экземпляровъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Обладая замѣчательнымъ даромъ возбуждать другихъ къ работѣ, онъ привлекъ къ выполненію порученнаго имъ предпріятія многихъ лицъ, которыя оказали ему свое содѣйствіе собраніемъ матеріаловъ и присылкою уже готовыхъ и частію ихъ обработкою. Подъ непосредственнымъ его руководствомъ работали пятеро молодыхъ людей, которые выполняли работы по его плану и задачѣ. Плоды его трудовъ и энергіи скоро обнаружились. „Результаты трудовъ г. Чубинскаго, сказано въ запискѣ коммисіи по снаряженію этнографическо-статической экспедиціи въ юго-западный край, начали поступать въ географическое общество съ половины 1870 г.“, то есть спустя съ небольшимъ годъ послѣ снаряженія экспедиціи. Въ 1872 г. уже появились въ печати четыре части трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, собранные и составленные нашимъ изслѣдователемъ. Остальныя пять частей были напечатаны въ 1877 и 1878 гг. Эти труды изданы на счетъ русскаго географическаго общества, нѣкоторые подъ редакціею Н. И. Костомарова, другіе—П. А. Гильдебрандта.

Русское географическое общество оцѣнило заслуги покойнаго: въ 1873 г. оно присудило ему золотую медаль *за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію*, а въ 1877 г. приняло на себя ходатайство о зачисленіи ему въ государственную службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и работамъ съ нею сопряженнымъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края“, и ходатайство общества увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

За свои труды по этнографіи и статистикѣ Чубинскій, кромѣ того, получилъ въ 1875 г. золотую медаль 2-го класса, по опредѣленію совѣта международнаго конгресса въ Парижѣ, а въ 1879 г.

уваровскую премію, по опредѣленію академіи наукъ,—собственно за трудъ экспедиціи въ юго-западномъ краѣ.

Столь лестно оцѣниваемые труды Чубинскаго въ матеріальномъ отношеніи не давали ему того,что требовалось для жизни, и онъ долженъ былъ дѣлить время между трудами по экспедиціи и частными занятіями, принявъ мѣсто члена управленія въ одномъ частномъ предпріятіи; но въ это-же время онъ принималъ участіе и въ общественной дѣятельности на пользу науки. Къ этой послѣдней относятся его труды по должности секретаря кіевскаго отдѣленія императорскаго техническаго общества, секретаря и вице-предсѣдателя южно-русскаго отдѣла географическаго общества и одного изъ главныхъ дѣятелей по совершенію однодневной переписи г. Кіева въ 1873 г. Въ этотъ-же періодъ онъ издалъ свои труды относящіеся къ свеклосахарной промышленности подъ заглавіемъ: *Свекло-сахарные заводы россійской имперіи съ офиціальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—1872 г. Кіевъ. 1873 г.* Второй выпускъ изданъ былъ за 1873, 1874 и 1875 г. Въ 1876 г. имъ первымъ составлена и издана была карта свекло-сахарной промышленности. Эти работы покойнаго Чубинскаго послужили образцомъ для позднѣйшихъ трудовъ другихъ, работающихъ на этомъ поприщѣ.

Къ 1876 г. личныя его дѣла пришли въ нѣкоторое колебательное положеніе, и это не могло не имѣть тяжелаго вліянія на его здоровье. Онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь въ началѣ 1877 г. поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія. Окруженный людьми, къ нему дружественными, пользуясь покровительствомъ своего главнаго начальника, адмирала Посьета, о которомъ онъ не могъ говорить безъ слезъ благодарности, Чубинскій скоро занялъ видное мѣсто въ числѣ дѣлопроизводителей департамента общихъ дѣлъ сего министерства. Ему поручено было дѣло основанія, расширенія и организаціи желѣзнодорожныхъ училищъ. Въ это время онъ также занятъ былъ вопросомъ объ учрежденіи пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Но дѣятельность его въ этой службѣ была послѣднею въ его жизни. Не смотря на то, что служба его пошла отлично, что его достойно оцѣнили, удары судьбы, предъ тѣмъ его постигшіе, глубоко потрясли его организмъ. Кажется, что болѣзнь его дала ему первое предостереженіе еще предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ: но тамъ поразилъ

его ударъ, который заставилъ его выйдти въ отставку. Вступивъ въ службу въ апрѣлѣ 1877 г., онъ вышелъ въ отставку въ томъ-же мѣсяцѣ 1879 г.

Возвратившись на родину, онъ сначала жилъ въ своемъ хуторѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Въ 1880 г. съ нимъ случился новый припадокъ болѣзни, который уложилъ его на одръ болѣзни; въ такомъ положеніи Чубинскій прожилъ четыре года, пока благодѣтельная въ этомъ случаѣ смерть не прекратила его страданій.

Смотря на умственный и нравственный обликъ покойнаго, обозрѣвая его дѣятельность на разныхъ поприщахъ и въ разныхъ положеніяхъ, нельзя не признать того, что покойный одаренъ былъ отличными дарованіями, замѣчательною энергіею и неусыпнымъ трудолюбіемъ.

Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова и по временамъ обнаруживалъ признаки истиннаго краснорѣчія. Онъ не лишенъ былъ поэтическаго дара, или по крайней мѣрѣ настроенія. Поэзію свою онъ напечаталъ въ 1869 г. подъ заглавіемъ: „*Сопілка*“ Павлуся. Одно изъ неизданныхъ имъ стихотвореній такъ характерно и оригинально, что галицкіе русины почли оное за произведеніе Шевченка и помѣстили въ полномъ собраніи сочиненій малорусскаго поэта. Знатокъ народной жизни, покойный едва-ли не первый въ новѣйшее время обратилъ вниманіе на обычное право, написавъ еще въ 1862 г. сочиненіе по обычному праву Малороссіи. Достоинство и важность его трудовъ по статистикѣ и этнографіи всѣми признана: его изслѣдованія и собранные имъ матеріалы по этимъ отраслямъ вѣдѣнія останутся цѣннымъ и неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго будетъ черпать наука будущихъ поколѣній. Покойный одаренъ былъ замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ для выполненія научныхъ работъ, изслѣдованій и полезныхъ предпріятій. Воодушевить другихъ на трудъ, сгруппировать вокругъ себя работниковъ, заставить каждаго выполнить свою часть работы—это было его призваніе и это онъ доказалъ, между прочимъ, блестящимъ выполненіемъ экспедиціи въ юго-западный край.

П. Пл. Чубинскій отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотливый—онъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не безъ малороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда по наружности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ.

Не это-ли доставило ему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это былъ умъ практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ не имѣлъ большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и это доказалъ выполненіемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ ему отпущенныхъ, тратилъ и свои. Еслибы не правительственная пенсія, которою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ его трудовъ, болѣзнь постигла-бы его въ тяжкомъ экономическомъ положеніи и семья его осталась-бы вполнѣ необезпеченною. Покойникъ претерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были общественнаго, а не личнаго свойства. Лучшею его характеристикою и такъ сказать оправданіемъ его памяти могутъ служить слѣдующія строки одного изъ его писемъ: „7 лѣтъ я трудился на сѣверѣ для русской науки и правительства. Не стану перечислять моихъ трудовъ, но они показали, насколько я интересовался населеніемъ великорусскаго и финскаго племенъ. Помимо этнографіи, я коснулся всѣхъ отраслей экономическаго быта народа и мои замѣтки по этимъ вопросамъ послужили предметомъ многихъ представленій гг. губернаторовъ; мнѣ даже до этихъ поръ случается встрѣчать въ газетахъ правительственныя распоряженія, вызванныя давними представленіями, которыя возникли по моей иниціативѣ. Я работалъ на сѣверѣ безъ устали и доказалъ мою любовь русскому народу".

Какъ ни тяжка преждевременная смерть талантливаго человѣка, но она несетъ съ собою нѣчто умиротворяющее, нѣчто просвѣтительное и для вражды и для дружбы, мгновенно отодвигая образъ умершаго на такое разстояніе, на которомъ онъ является очищеннымъ отъ всякихъ примѣсей ежедневной суеты и людскихъ слабостей и становится болѣе дорогимъ дружескому сердцу.

А. Ѳ. Кистяковскій.

„ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ" ЧУБИНСКАГО ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ ПОДОБНЫМИ.

Къ свѣжей памяти недавно скончавшагося нашего этнографа и статистика прибавимъ нѣсколько словъ о сравнительномъ значеніи названнаго нами капитальнѣйшаго его труда.

„Труды этнографическо-статистической экспедиціи" Чубинскаго, по богатству данныхъ, могутъ быть поставлены въ параллель только съ двумя памятниками европейской этнографической литературы: „Lud polski" Кольберга и „Bibliotheca della tradizioni popolari" Питрэ. Касательно мѣстной, южно-русской этнографіи труду Чубинскаго придаетъ особенную цѣнность то обстоятельство, что, кромѣ сборника пѣсень, во всѣхъ остальныхъ томахъ изданія собиратель явился, можно сказать, новаторомъ.

Матеріалы, касающіеся народныхъ представленій и вѣрованій, относящихся къ міру внѣшнему, къ человѣку и къ міру духовному, до появленія перваго тома „Трудовъ" составляли достояніе захудалыхъ провинціальныхъ изданій, появляясь въ нихъ изрѣдка, безъ системы и совершенно случайно. „Народный Дневникъ" (2-й томъ „Трудовъ"), сводъ народныхъ вѣрованій, пріуроченныхъ къ годовому религіозному и рабочему народному обиходу—оставилъ за собой далеко отдѣльныя и не полныя изслѣдованія и замѣчанія М. Максимовича и Маркевича. Томъ III—„Сказки" содержитъ въ себѣ 296 номеровъ, великорусскій сборникъ Афанасьева заключаетъ—251 № и варіанты, сборникъ Рудченка—137. До появленія сборника Чубинскаго всѣхъ народныхъ малорусскихъ сказокъ съ варіантами было напечатано до 170. Въ его изданіи однихъ сказокъ съ миѳическимъ характеромъ 146. Всѣ сказки его сборника появились въ первый разъ. Въ томѣ IV отдѣлу *свадьбы* посвящено 500 страницъ. Кромѣ общаго описанія, сведеннаго изъ массы наблюденій, помѣщено еще описаніе тринадцати частныхъ обрядовъ, представляющихъ отличія. Сюда вошло 1943 свадебныхъ пѣсни и пѣсенныхъ отрывковъ. Бытовыхъ пѣсенъ, составляющихъ пятый томъ, напечатано 1884 на 1209 страницахъ. Такого числа нѣтъ ни въ одномъ изъ малорусскихъ сборниковъ, хотя всѣ они, кромѣ бытовыхъ пѣсенъ, содержатъ въ себѣ пѣсни обрядныя и нерѣдко историческія. Собраніе матеріаловъ по народнымъ юридическимъ обычаямъ (т. VI) до сихъ поръ является единственнымъ, что въ значительной степени можно сказать и о собраніи этнографическо-статистическихъ данныхъ о малороссахъ юго-западнаго края: (т. VII) ихъ численности, жилищѣ, утвари, орудіяхъ, одеждѣ, пищѣ и бытовой обстановкѣ вообще и о матеріалахъ для изученія нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ южной Руси и экономическихъ данныхъ о положеніи малорусскаго крестьянства.

„Передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны-бы опуститься стыдливо", говоритъ академикъ Н. Веселовскій въ своей рецензіи сборниковъ Чубинскаго, найдя въ „трудѣ потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала лишь отдѣльныя недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія".

В. Г.

НЕ УЗНАННАЯ РУКОПИСЬ.

(по поводу статьи: „Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г.", помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" 1883 года).

Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" за минувшій годъ помѣщена въ переложеніи на современный языкъ записка о Кочубеѣ и Искрѣ, составленная современникомъ ихъ, священникомъ села Диканьки въ 1708 году.

Переложившій эту записку на современный языкъ и сообщившій ее редакціи „Русской Старины" священникъ села Жуковъ, Василій Курдиновскій заявляетъ, что разсказъ современника о Василіѣ Кочубеѣ переданъ ему княземъ Сергѣемъ Викторовичемъ Кочубеемъ изъ его архива и относится къ 1748 году, а имъ переложенъ на современную рѣчь.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ни князь Кочубей, ни священникъ Курдиновскій, не занимаясь исторіей Малой Россіи, не имѣли точныхъ свѣдѣній объ означенной рукописи и найдя ее, видѣли, быть можетъ, въ ней открытіе, почему и поспѣшили передать ее для напечатанія въ „Русской Старинѣ"; но то удивительно, что прежняя судьба рукописи проскользнула мимо вниманія почтенной редакціи „Русской Старины", имѣющей въ числѣ своихъ сотрудниковъ извѣстнаго историка Малой Россіи Костомарова. Какъ оказывается, упомянутая выше записка, въ подлинникѣ и переложеніи, въ полномъ и не полномъ видѣ, подвергается тисненію уже пятый разъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году издана послѣдняя монографія Н. И. Костомарова о Мазепѣ, сперва печатавшаяся въ „Русской Мысли"; и тамъ эта записка почти цѣликомъ помѣщена, съ тою лишь разницею, что переложеніе сдѣлано

правильно. Но гораздо раньше сего разсказъ о Кочубеѣ, какъ онъ названъ въ „Русской Старинѣ“, или записка диканьскаго священника, впервые была напечатана въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 года, № 35; туда сообщена она мною, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и озаглавлена: „Отрывокъ старинной рукописи о Кочубеѣ и Искрѣ“.

Въ 1858 г. въ № 19 „Черниговскихъ Вѣдомостей“ я помѣстилъ объ этой рукописи статью, въ которой заявилъ, что это та рукопись диканьскаго священника, на которую ссылается въ своей Исторіи Бантышъ-Каменскій, и что она у меня, въ числѣ бумагъ моей бабушки, Александры Павловны Милорадовичъ, рожденной Кочубей, которая была правнучка Василія Леонтіевича Кочубея [1]). Послѣ этого записка диканьскаго священника была напечатана въ 1859 г. въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ“ при московскомъ университетѣ и въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: „Источники для исторіи Малой Россіи, собранные Бантышъ-Каменскимъ и изданные О. М. Бодянскимъ“.

Разница текста записки, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“, отъ помѣщеннаго въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, кромѣ переложенія, состоитъ еще въ томъ, что священникъ Курдиновскій не помѣстилъ въ концѣ разсказа тропаря, сочиненнаго диканьскимъ священникомъ въ честь мучениковъ и страстотерпцевъ Кочубея и Искры.

Что записка современника Кочубея лишній разъ напечатана, въ томъ грѣха, конечно, никакого; но о томъ, когда и гдѣ она раньше была напечатана, слѣдовало сказать.

Кіевъ. 13 января 1884 г. **Графъ Милорадовичъ.**

НАСЕЛЕНІЕ КІЕВА ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Въ Полномъ Собраніи законовъ россійской имперіи [2]) находимъ любопытныя данныя относительно населенія Кіева въ прошломъ

---

[1]) Вас. Леонт. Кочубей † 1708 г., сынъ его Василій, полк. полт., внукъ его Павелъ Вас., стат. сов. † 1780 г., правнучка Алекс. Павл. Милорадовичъ † 1838 г., внукъ ея графъ Григорій Милорадовичъ.

[2]) №№ 18,336 и 19,214.

столѣтіи, которыя небезъинтересно припомнить теперь, въ виду послѣдовавшихъ значительныхъ перемѣнъ въ соотношеніяхъ и числѣ общественныхъ и національныхъ группъ населенія въ Кіевѣ.

Въ 1798 года 22 января высочайшей резолюціей на докладѣ сената повелѣно: сборъ съ купцовъ г. Кіева складочныхъ денегъ, а съ мѣщанъ рекрутъ не чинить съ того числа, каковое оно было въ 1762 году, когда жалованною государемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ грамотою они отъ службы уволены. Въ привиллегіи этой значилось: „въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать"; привиллегія эта подтверждена потомъ въ 1700, 1730, 1743 и 1764 годахъ, т. е. въ каждое царствованіе отъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Тоже подтверждено и указомъ императора Павла Петровича, послѣдовавшимъ въ 16 день сентября 1797 года, коимъ возобновлены и утверждены прежнія права и преимущества общества гражданъ кіевскихъ. Но для выполненія высочайшаго повелѣнія 22 января 1798 г., потребовалось сенату знать, сколько было въ XVII вѣкѣ, именно въ 1652 г., купцовъ и мѣщанъ г. Кіева.

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ кіевскій губернаторъ Милашевичъ донесъ: сколько въ 1652 году было въ Кіевѣ мѣщанъ, не отыскалось никакихъ переписей ни въ городовомъ магистратѣ, ни въ старомъ архивѣ, оставшемся отъ бывшей въ Кіевѣ губернской канцеляріи, такъ какъ всѣ бывшія дѣла въ 1718 году погорѣли во время бывшаго пожара. Затѣмъ въ 1727 году показано 1914 дворовъ, въ 1731—1726 дворовъ. Нынѣ же, въ 1798 году, состоитъ дворовъ въ г. Кіевѣ и на предмѣстьяхъ Плоскомъ, Куреневкѣ, Пріоркѣ и Сырцѣ—купеческихъ 210, мѣщанскихъ 2,315. Счисленія по душамъ прежде не было, а началось оно съ 1763 г., въ которомъ показано въ Кіевѣ съ предмѣстьями 6,485 дворовъ, по ревизіи 1784 г.—6,034 души, въ томъ числѣ купцовъ 334 и мѣщанъ 4,566 душъ.

Въ 1685 году въ Кіево-подолѣ было 2,625 дворовъ, какъ оказалось въ книгѣ прихода за сей 1685 годъ, найденной въ архивѣ кіевскаго магистрата между старыми дѣлами. А по вѣдомостямъ, вытребованнымъ изъ магистрата, оказывается по 1-й вѣдомости, что въ ревизію 1782 года поступило изъ старыхъ мѣщанъ 167. Послѣ сей ревизіи изъ иностранныхъ и польскихъ выходцевъ 37, изъ

великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ мѣщанъ 51; изъ казенныхъ крестьянъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю 26. 2-й вѣдомости, что изъ старыхъ мѣщанъ по ревизіи 1782 года состояло 6,034, отъ коихъ, за исключеніемъ выбылыхъ въ купцы и разными случаями, до ревизіи 1795 года осталось въ мѣщанствѣ съ родившимися послѣ 1-й ревизіи 3,593. Пропущенныхъ въ первую 1782 года ревизію 22. Изъ польскихъ выходцевъ, изъ мѣщанства и другихъ городовъ, изъ казенныхъ крестьянъ и отпущенныхъ на волю людей и козаковъ 875. Да послѣ сей ревизіи въ сіе мѣсто поступило изъ мѣщанъ другихъ городовъ 20, изъ казенныхъ крестьянъ и польскихъ выходцевъ—56, итого 4,566, а всего купцовъ и мѣщанъ нынѣ состоитъ 4,900, въ томъ числѣ мѣщанъ христіанскаго закона 4,490, еврейского 94, да купцовъ христіанскаго закона 281.

П. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„Русскій Сатирическій Листокъ".

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ раскрашенными рисунками и каррикатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. *Сатирическая хроника человѣческой жизни и ея явленій.* II. *Сатирическая литература.* III. *Московскій листокъ.* IV. *Петербургскій листокъ.* V. *Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ.* VI. *Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще.* VII. *Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы.* VIII. *Корреспонденціи и сообщенія.* IX. *Смѣсь.* X. *Сатирическіе и юмористическіе рисунки и каррикатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ.* XI. *Объявленія.*

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ" будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ" подъ названіемъ „**Русскій Донъ-Кихотъ**", состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ", составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ" выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка": *на годъ* съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, *на полгода* 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: *на годъ* 7 рублей, *на полгода* 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близь Плющихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Полушинъ.**

„ВѢКЪ"

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ" будетъ издаваться въ будущемъ 1884 мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «**Кіевлянина**», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «**Кіевлянина**»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м.—**9** р. **40** к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р,, на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м.—**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.:** на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**. за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ **«Нов. Тел.»** будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Ѳеодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА"

(ГОДЪ IX)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Пріазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текущія явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абраміанъ.*

статистическими цифрами. **Изданіэ это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе.**. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый** и **второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одинадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата) и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія,*—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія*

на книгу Псалмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ *«Толкованія на книгу пророка Исаіи»,* такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»* — **семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»* — **пять руб.**, *за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»* — **пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.— за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11 Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы. а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: *съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ* **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ;** съ пересылкою ea траницу **восемъ рублей**. Аересоваться: **въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.*

„ИСКУССТВО“

ЖУНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимаіь участіе: П. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ. „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, Н. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. П. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала *«Revue politique et litteraire»*, *заключая въ каждомъ нумерѣ отъ 24 до 32 стра-*

ницъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпиской преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Програма журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ специальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

без пересылки и доставки:		с пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ	1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника", по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ"

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

МАРТЪ

1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1884 г.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАРТЪ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го февраля 1884 года.

ЗМІЕВЫ ВАЛЫ

въ предѣлахъ Кіевской земли.

Во многихъ мѣстностяхъ южно-русскаго края виднѣются весьма древнія земляныя сооруженія—это земляные валы, которые пролегаютъ по полямъ и лѣсамъ на протяженіи десятковъ и сотень верстъ, охватываютъ цѣлые округи и уѣзды, по временамъ сопровождаютъ русла рѣкъ, иногда перерѣзываютъ ихъ теченіе или пролегаютъ по водораздѣльнымъ линіямъ; они, то постепенно понижаясь, какъ-бы сглаживаются и перестаютъ быть замѣтными, то, послѣ перерыва въ нѣсколько верстъ, опять постепенно возвышаются и тянутся въ таинственную, понынѣ не изслѣдованную даль. Насыпи эти извѣстны у народа подъ именемъ „зміевыхъ валовъ", на основаніи многочисленныхъ легендарныхъ преданій, сущность которыхъ будетъ изложена ниже. Люди книжные еще съ XVII вѣка, на основаніи весьма поверхностной и шаткой гипотезы, называли ихъ до весьма еще недавняго времени „Траяновыми валами". Вопросъ о происхожденіи этихъ громадныхъ сооруженій не можетъ быть въ настоящее время точно рѣшенъ какъ по отсутствію необходимыхъ географическихъ и археологическихъ данныхъ, такъ и по недостатку прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о времени ихъ возникновенія.

Самое существенное неудобство при изслѣдованіи древнихъ валовъ южно-русскаго края заключается въ томъ, что они не нанесены на карты, даже самыя подробныя, и описанія ихъ встрѣчаются лишь въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ; свѣдѣнія эти притомъ не всегда совпадаютъ

другъ съ другомъ и почти всѣ не отличаются точностью и обстоятельностью. Такимъ образомъ общаго контура направленія всѣхъ валовъ невозможно пока возстановить и потому невозможно основывать общихъ выводовъ на географическомъ ихъ расположеніи.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія о валахъ находящихся въ кіевской губерніи [1]), то можемъ начертить на картѣ только нѣсколько цѣльныхъ линій, которыя пролегаютъ къ югу и частью къ западу отъ Кіева и находятся въ нѣкоторой связи съ рѣчною системою страны. Самая длинная изъ извѣстныхъ линій вала сопровождаетъ Рось: она начинается на лѣвомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ ея устья и, то удаляясь, то приближаясь къ ея руслу, тянется мимо Корсуня и Богуслава до Бѣлой-Церкви [2]); здѣсь она поворачиваетъ къ западу, пересѣкаетъ притокъ Роси—Каменку, переходитъ на другой ея притокъ—Раставицу и затѣмъ, поворачивая къ сѣверу, проходитъ черезъ село Попельню и огибая съ запада истоки рѣкъ: Унавы, Ирпеня и Здвижи, достигаетъ южнѣе Радомысля береговъ Тетерева, въ окрестности котораго даетъ нѣсколько боковыхъ отроговъ и соединяется съ другими линіями валовъ. Другой валъ начинается вблизи мѣстечка Триполья и тянется къ западу, окаймляя болѣе или менѣе близко сѣверный берегъ рѣки Красной, изъ верховьевъ которой переходитъ на Раставицу. Третяя линія начинается вблизи предъидущей у Триполья, идетъ почти параллельно теченію рѣки Стугны, по правому ея берегу, затѣмъ пересѣкаетъ рѣку Унаву и тянется дальше къ западу, но западныя оконечности какъ этого вала, такъ и предъидущаго не изслѣдованы; правдоподобно они соединяются съ тою частью перваго вала, которая пролегаетъ по направленію съ юга на сѣверъ. Четвертая

---

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: Фундуклей, Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи; Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza; Lippoman, Zastanowienie się nad mogiłami etc., Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, Археологическій матеріалъ, собранный по донесеніямъ волостей кіевскимъ статистическимъ губернскимъ комитетомъ (рукопись). Наконецъ данныя о валахъ пополнены до нѣкоторой степени личнымъ нашимъ наблюденіемъ.

[2]) Валъ этотъ даетъ нѣсколько отроговъ, которые переходятъ на правый берегъ Роси, какъ напримѣръ у сс. Синицы и Острова, но намъ не удалось найти свѣдѣній о дальнѣйшемъ направленіи этихъ отроговъ.

линія вала начинается на лѣвомъ, сѣверномъ берегу Стугны, проходитъ черезъ Васильковъ, пересѣкаетъ р. Ирпень вблизи Черногородки, отдѣляя соединительную вѣтвь къ юго-востоку къ предъидущей линіи, затѣмъ, направляясь къ западу, достигаетъ мѣстечка Бышева; отсюда валъ, дѣлая крутыя извилины въ разныхъ направленіяхъ, пролегаетъ дальше къ сѣверо-западу, пересѣкаетъ теченіе Здвижи и между этою рѣкою и Тетеревомъ соединяется съ линіею первою и притомъ даетъ отроги въ разныя стороны, направленіе которыхъ и дальнѣйшее протяженіе намъ неизвѣстны; одинъ изъ этихъ отроговъ пересѣкаетъ русло Тетерева и теряется въ лѣсахъ въ окрестности села Верлоока, другой отходитъ по правую сторону Тетерева, параллельно его теченію, и часть его извѣстна нѣсколько ниже пе теченію этой рѣки, между селами: Песковкою и Тальскою Рудою. Пятой линіи намъ извѣстны только незначительные отрѣзки: къ сѣверу отъ Кіева между селами Вышгородомъ, Петровцами и Валками, къ западу въ лѣсу села Боярки и къ юго-западу у села Рославичи. Если гипотетически соединить эти отрѣзки между собою, то окажется полная половина круга, описанная около Кіева радіусомъ въ 18—20 верстъ. Наконецъ небольшое кольце вала замѣчается у села Ходосовки—оно охватываетъ небольшую площадь нагорной мѣстности и обоими концами упирается въ луговую долину Днѣпра.

Перечисленными линіями конечно не исчерпывается все количество земляныхъ сооруженій на площади кіевской губерніи; множество отрывочныхъ указаній свидѣтельствуютъ о томъ, что другія линіи валовъ, вѣроятно гораздо болѣе длинныя, существуютъ къ югу, западу и сѣверу отъ вышеисчисленныхъ. Такъ у Фундуклея намѣчены валы къ югу отъ Роси, на правомъ берегу Тасьмина и въ рѣчной системѣ Синюхи и ея притоковъ; послѣдніе тянутся на довольно значительномъ пространствѣ и южный отрогъ ихъ переходитъ въ степи балтскаго уѣзда подольской губерніи. Нѣсколько западнѣе, въ окрестности мѣстечка Дашева извѣстны два вала, переходящіе также въ Подоліе. На сѣверѣ намѣчены отрѣзки валовъ между рр. Устью и Припятью, а также длинный, по видимому, валъ, который переходитъ изъ радомышльскаго уѣзда въ волынскую губернію, въ окрестности села Выдыбора, и т. д.

Въ связи съ валами кіевщины находятся валы южной части переяславскаго уѣзда, описанные Максимовичемъ [1]). Валы эти пролегаютъ въ видѣ двухъ параллельныхъ дугообразныхъ линій, которыя упираются въ Днѣпръ, другими-же концами соединяются между собою у села Строковы.

Всѣ исчисленные валы сохранились не вездѣ въ равной мѣрѣ: въ мѣстностяхъ открытыхъ и степныхъ поверхность ихъ давно уже вспахивается и потому валы все болѣе и болѣе сглаживаются; вообще въ этихъ мѣстностяхъ вышина ихъ незначительна, иногда они едва замѣтны и даже по мѣстамъ какъ-бы прерываются. Напротивъ того въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ, контуры валовъ сохранились довольно полно, высота вала достигаетъ здѣсь 3—4 сажень, ширина-же его у основанія равняется обыкновенно 7—8 саженямъ. Вездѣ, гдѣ контуры вала уцѣлѣли въ значительной степени, наблюдается одна характеристическая черта: валъ всегда сопровождается съ одной стороны рвомъ, и ровъ этотъ всегда находится на одной и той-же сторонѣ насыпи, именно, каково-бы ни было направленіе вала, ровъ находится со стороны противуположной Кіеву; въ валахъ переяславскихъ ровъ у обѣихъ параллелей находится съ южной стороны, т. е. со стороны, противуположной Переяславлю.

Упомянемъ гипотезы, высказанныя понынѣ относительно назначенія и времени происхожденія кіевскихъ валовъ. Въ первомъ отношеніи всѣ мнѣнія согласны: никто не сомнѣвается въ томъ, что валы были насыпаны съ стратегическою цѣлью для защиты страны. Довольно взглянуть на географическое расположеніе валовъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія: валы тянутся главнымъ образомъ по южной границѣ старой полянской территоріи: по Роси, Красной и Стугнѣ, охраняя эту страну отъ степи, на которой съ незапамятныхъ временъ до половины XIII ст. кочевали хищныя орды степняковъ, составлявшія постоянную грозу для осѣдлаго населенія кіевской территоріи; нѣкоторыя вѣтви вала, продолжаясь далѣе на сѣверъ, дополняютъ систему охраны той

---

[1]) См. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. CXXV—CXXVI; замѣтки и чертежи, собранные для этого описанія, покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ мнѣ.—В. А.

территоріи, въ которой лежитъ Кіевъ, исконный центръ русской или полянской земли; такое-же значеніе имѣютъ по отношенію къ Переяславлю валы, находящіеся на лѣвомъ берегу Днѣпра. Указанное выше расположеніе рвовъ подтверждаетъ наглядно тоже мнѣніе.

Относительно времени возникновенія валовъ мнѣнія далеко не такъ однородны, какъ относительно ихъ назначенія. Мы уже указали, что книжные люди съ XVII в. стали давать имъ названіе Траяновыхъ валовъ, на основаніи предположенія, будто валы эти сооружены императоромъ Траяномъ, послѣ завоеванія имъ Дакіи. Конечно, мнѣніе это слишкомъ поверхностно для того, чтобы подлежало серьезной критикѣ; намъ кажется лишь достойнымъ удивленія то обстоятельство, что до недавняго времени серьезные писатели не могли вполнѣ отрѣшиться отъ этой гипотезы. Такъ и Фундуклей и Грабовскій, при описаніи валовъ въ кіевской губерніи, приняли странную номенклатуру для опредѣленія ихъ: одни изъ этихъ валовъ они называютъ народнымъ названіемъ: „Зміевыми“ другіе книжнымъ названіемъ „Траяновыми“, при чемъ стараются привести доказательства въ подтвержденіе старой гипотезы о сооруженіи ихъ амператоромъ Ульпіемъ Траяномъ.

Описывая одинъ изъ валовъ, пролегающихъ по васильковскому уѣзду, оба названныя писателя утверждаютъ, будто въ народѣ сохранились какія-то преданія о Траянѣ, царѣ Ермаланскомъ (sic), но текста самыхъ преданій они не приводятъ и мы полагаемъ, что почтенные писатели введены были въ заблужденіе смутнымъ и неточнымъ слухомъ, слишкомъ поспѣшно занесеннымъ ими въ серьезный трудъ. По крайней мѣрѣ въ многочисленныхъ этнографическихъ изданіяхъ, вышедшихъ и раньше и позже названныхъ сочиненій, мы не встрѣтили нигдѣ намека ни на Траяна, ни на царя Ермаланскаго. Еще болѣе шатко другое доказательство, приведенное двумя названными авторами въ подкрѣпленіе Траяновой гипотезы. Они указываютъ, что въ мѣстечкѣ Кошеватой, лежащемъ впрочемъ въ сторонѣ отъ вала, найдена была монета съ именемъ Траяна; но по сообщенному ими-же описанію найденой монеты явствуетъ, что она чеканена не при императорѣ Ульпіѣ Траянѣ (98—117 г.), а при Деціѣ Траянѣ (249—251) и что она принадлежитъ къ числу колоніяльныхъ монетъ города Виминація въ Мезіи. Такимъ обризомъ

очевидно монета не имѣетъ ничего общаго не только съ валомъ и кіевскою мѣстностью, но и съ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ [1]).

Въ одно почти время съ Грабовскимъ и Фундуклеемъ неизвѣстный писатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ Кіянина Дмитрія, посвятилъ цѣлое отдѣльное сочиненіе гипотезѣ о Трояновыхъ валахъ [2]) и пришелъ въ немъ къ весьма оригинальнымъ выводамъ: нисколько не сомнѣваясь, что имя Трояновыхъ валовъ осталось въ народной памяти съ незапамятныхъ, доисторическихъ временъ, авторъ силится путемъ филологическихъ, иногда весьма странныхъ сближеній, подкрѣпленныхъ цѣлымъ рядомъ нежданныхъ, диковинныхъ гипотезъ, доказать, что Троянъ, соорудившій валы, существовалъ дѣйствительно, но что лице это не тождественно съ римскимъ императоромъ II столѣтія, что Троянъ былъ князь славянскій, княжившій въ землѣ полянъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова, что Кіевъ тогда носилъ правдоподобно имя Трои, что слово „Кій" было нарицательнымъ наименованіемъ или титуломъ князя и т. д. Словомъ авторъ забрелъ въ непроходимыя дебри, въ какія увлекаются всегда писатели, старающіеся пояснить историческій фактъ не историческими свидѣтельствами, а исключительно филологическими сближеніями, подкрѣпленными произвольными фантастическими гипотезами.

Липпоманъ, писавшій гораздо раньше Фундуклея и Грабовскаго, болѣе здраво отнесся къ гипотезѣ о Траяновыхъ валахъ: передавая описаніе извѣстныхъ ему линій, онъ говоритъ: „нѣкоторые ученые, вѣроятно имѣя ошибочныя свѣдѣнія о мѣстоположеніи этихъ валовъ, приписывали ихъ сооруженіе Траяну... но познакомившись съ ихъ расположеніемъ, нельзя не убѣдиться, что они не были сооружены Траяномъ и не могли находится на границѣ римской провинціи Дакіи" [3]). Въ замѣнъ этой гипотезы Липпоманъ представляетъ свою, весьма впрочемъ неопредѣленную; по его мнѣнію зміевы валы относятся къ весьма глубокой древности и сооружены были сарматами, которыхъ Липпоманъ считаетъ предками

---

[1]) Фундуклей, Обозрѣніе могилъ и т. д., стр. 30. Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza, стр. 72.

[2]) Выводъ о томъ, что въ древней Россіи Порусско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не римскимъ, а русскимъ Трояномъ. Кіевъ. 1845.

[3]) Lippoman, op. cit., стр. 23—24.

славянъ“ [1]).—Наконецъ Максимовичъ, съ свойственною ему трезвостію взгляда, основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ и на свидѣтельствѣ Брунона Мерзебурскаго, высказываетъ предположеніе, что переяславскіе валы были насыпаны въ концѣ X столѣтія [2]).

Отклонивъ названіе Траяновыхъ валовъ, какъ совершенно произвольное и лишенное научныхъ основаній, обратимся къ народному названію *Зміевыхъ валовъ*. Народъ называетъ ихъ этимъ именемъ не по имени предполагаемаго Липпоманомъ, будто-бы нѣкогда существовавшаго вождя змія, ни потому, что валы тянутся извилисто, подобно змѣѣ, какъ предполагалъ Максимовичъ, и еще менѣе по причинѣ высказанной Кіяниномъ Дмитріемъ, будто „они были столь огромны и страшны, что народъ, уподобляя ихъ змію, назвалъ его именемъ“ [3]), а потому, что въ народной памяти уцѣлѣло въ видѣ фантастической легенды преданіе о возникновеніи вала, главнымъ-же дѣйствующимъ лицемъ легенды является миѳическое существо *змій* (по малорусски змій означаетъ не змѣю, а дракона), по имени котораго и названы валы.

Сказочная легенда о возникновеніи зміевыхъ валовъ была записана изъ устъ народа и издана во многихъ этнографическихъ сборникахъ [4]); она представляетъ множество варіантовъ, но существенныя черты разсказа сводятся къ слѣдующему: въ весьма давнее время, вблизи Кіева, у Днѣпра залегъ огромный и страшный Змій: онъ причинялъ жителямъ многія бѣдствія и, между прочимъ, потребовалъ у кіевлянъ дани дѣтьми; всѣ семейства безъ различія сословій должны были доставлять поочередно змію дѣвицъ и мальчиковъ на съѣденіе; очередь пришла на княжескую дочь; змію она полюбилась и онъ оставилъ ее жить у себя; княжна, пользуясь

---

[1]) Lippoman, стр. 24 и 139.

[2]) Труды перваго археологическаго съѣзда, т. I, стр. CXXVI.

[3]) Lippoman, стр. 26. Максимовичъ l. c., стр. CXXV. Выводъ о томъ et c., стр. 7.

[4]) Намъ извѣстны варіанты помѣщенные, въ слѣдующихъ сборникахъ: 1) *Кулишъ*, Записки о южной Руси, т. II, стр. 27—30; Nowosielski, Lud ukrainski, т. 1, стр. 254—284; Малорусскія народныя преданія и разсказы, изд. юго-западнаго отдѣла имп. русск. географич. общ., стр. 248—249; Фундуклей, Описаніе могилъ, валовъ и городищъ, стр. 30—31; Lippoman, Zastanowienie się etc., стр. 23; Atheneum, журналъ, выходившій въ Вильнѣ, за 1842 г., Чубинскій, Малорусскія сказки, стр. 128 и 252.

расположеніемъ чудовища, выпытала у него, кто въ состояніи его побѣдить и сообщила эту тайну отцу, переславъ ему извѣстіе въ письмѣ, привязанномъ къ шеѣ голубя. Оказалось, что въ Кіевѣ жилъ богатырь *„Кирило Кожемяка“*, отличавшійся громадною силою: онъ въ раздраженіи разрывалъ по 12 сыромятныхъ воловьихъ шкуръ, сложенныхъ вмѣстѣ; этому-то богатырю и суждено было побѣдить Змія. Князь съ трудомъ упросилъ его предпринять подвигъ, который и увѣнчался полною побѣдою Кожемяки. О пріемахъ борьбы почти каждый варіантъ разсказываетъ иначе, но изъ 12 извѣстныхъ мнѣ варіантовъ—четыре передаютъ, что богатырь побѣдилъ Змія, благодаря заступничеству святыхъ „Кузьмы—Даміяна“ (въ пятомъ варіантѣ Бориса и Глѣба), которые сковали огромный плугъ и доставили возможность богатырю впречь въ этотъ плугъ Змія и принудить его пахать; борозда выкинутая плугомъ и составляетъ Зміевъ валъ. Въ одномъ изъ варіантовъ прибавлена подробность, что Змій, утомленный работою, остановился на берегу рѣки, выпилъ ее почти всю и вслѣдствіе этого околѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ, оставшаяся-же въ долинѣ рѣчки ничтожная струя воды съ того времени получила названіе рѣки Стугны, отъ стоновъ (по малорусски стогнати), которые испускалъ Змій; по причинѣ-же смерти Змія на берегу этой рѣки прекращается линія вала [1]).

Конечно, самъ по себѣ приведенный народный разсказъ принялъ слишкомъ сказочную, фантастическую окраску, чтобы можно было извлечь изъ него прямыя указанія на время возникновенія валовъ; мы привели его только потому, что нѣкоторыя черты этого разсказа совпадаютъ съ лѣтописною легендою объ основаніи Переяславля и о единоборствѣ русскаго богатыря съ силачемъ Печенѣжиномъ [2]). Богатырь лѣтописной легенды, подобно Кирилу—кожевникъ (усмошвецъ, кожемяка), подобно ему онъ заявляетъ свою силу, разрывая сыромятныя кожи; оба богатыря одерживаютъ побѣду въ единоборствѣ съ страшнымъ врагомъ, котораго кромѣ ихъ никто не въ состояніи побѣдить и который причиняетъ страшныя бѣдствія русской землѣ. Если на основаніи этого сходства въ нѣкоторыхъ подробностяхъ можно предположить, что лѣтописная

---

[1]) Nowosielski, т. I, стр. 269.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IX, стр. 65—66.

легенда есть не что иное, какъ варіантъ той-же современной намъ народной сказки, только записанный за нѣсколько столѣтій раньше и потому не потерявшій еще многихъ чертъ реальной обстановки, замѣненныхъ впослѣдствіи чертами миѳическими, то прямымъ логическимъ послѣдствіемъ этого предположенія будетъ выводъ, что сказочный Змій современныхъ народныхъ преданій есть ничто иное, какъ аллегорія, подъ которою скрывается совершенно теперь забытый, но нѣкогда вполнѣ реальный и грозный образъ печенѣговъ, занявшихъ было оба берега Днѣпра и неоднократно бравшихъ кровавую дань со славянскаго населенія кіевской земли.

Обратимся отъ народныхъ сказаній къ болѣе точнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Если историческія сказанія о кіевскихъ собственно валахъ очень скудны, то за то мы находимъ весьма многочисленныя свидѣтельства о возникновеніи земляныхъ укрѣпленій, пролегавшихъ на большихъ разстояніяхъ и охватывавшихъ обширныя области въ западной Европѣ [1]). Римляне первые ввели земляные валы, какъ средство защиты своихъ границъ отъ германцевъ; уже въ I столѣтіи послѣ Рождества Христова сооружена была длинная линія вала, ограждавшая римскія владѣнія вдоль сѣверной ихъ границы отъ Кельна, по правому берегу Рейна, затѣмъ по Майну и до впаденія Альтмюля въ Дунай; линія эта тянулась на протяженіи 500 верстъ и впослѣдствіи была продолжена гораздо дальше къ востоку—до устья Дуная. Германцы заимствовали быстро у римлянъ эту фортификаціонную систему. Сначала западныя германскія племена стали окружать валами территоріи отдѣльныхъ общинъ и даже цѣлыхъ племенъ, затѣмъ, мало по малу, обычай этотъ распространился и въ восточной и сѣверной Германіи. Уже Германикъ, по свидѣтельству Тацита, наткнулся на валъ, окружавшій территорію херусковъ отъ сосѣдняго племени ангриваріевъ, третій валъ окружалъ предѣлы страны бруктеріевъ и т. д.

Во время Карла Великаго эта римская фортификаціонная система была во всеобщемъ употребленіи какъ у франковъ, такъ и у тѣхъ германскихъ и сопредѣльныхъ съ германцами народовъ,

---

[1]) Данныя о валахъ въ западной Европѣ мы заимствуемъ изъ спеціальнаго военно-историческаго сочиненія генерала Пеукера—von Peucker. Das Deutsche Kriegswesen der Urzeiten. Berlin. 1860 г. См. т. II, стр. 349—415.

съ которыми приходилось сталкиваться франкскому завоевателю. Такъ въ анналахъ Эйнгарта есть свѣдѣнія о сооруженіи въ 812 г. по повелѣнію Карла Великаго пространной линіи валовъ, которая назначалась для охраненія сѣверныхъ границъ Саксоніи отъ нападеній датчанъ и славянъ вильковъ. По правую сторону Эльбы линія эта простиралась отъ крѣпости Гогбуки на Эльбѣ до устья рѣки Свентины въ Балтійское море. Укрѣпленія эти, такъ называемые „limites Saxoniae", въ свое время видѣлъ и описалъ подробно Адамъ Бременскій. Въ одно почти время съ возведеніемъ этой линіи современникъ Карла Великаго, датскій конунгъ Готфридъ оградилъ въ 808 г. южные предѣлы своихъ владѣній по сѣверному берегу Эйдера длиннымъ валомъ, который тянулся отъ Балтійскаго моря до Нѣмецкаго. На юго-востокѣ арміи Карла Великаго встрѣтили также страну защищенную земляными валами: монахъ Сенгалленскій, разсказывая походъ сына Карла Великаго Пипина на аваровъ (796 г.), сообщаетъ подробное описаніе девяти концентрическихъ линій валовъ, которыми опоясана была страна аваровъ и которыя представляли главное препятствіе для завоеванія этой страны франками. Въ X в. германскіе императоры продолжали еще возводить на границахъ своихъ владѣній земляные валы; такъ около 970 года при Оттонѣ I насыпанъ былъ длинный валъ вдоль сѣверной границы Гольштиніи для защиты этой страны отъ датчанъ.

При постоянныхъ столкновеніяхъ полабскихъ славянъ съ германцами, установившаяся у послѣднихъ фортификаціонная система была заимствована и примѣнена славянами для защиты своей земли. Славянскія нѣкогда земли, лежавшія на площади нынѣшней Саксоніи, Брандебурга и Силезіи, представляютъ цѣлую сложную систему земляныхъ валовъ и рвовъ, которые тянутся на протяженіи сотень верстъ и охватываютъ обширные округи. Такія насыпи окружаютъ древнюю Миснію и верхнюю Лужицу, и вообще наполняютъ въ разныхъ направленіяхъ всю область отъ Саалы на западѣ до Одера и Варты на востокѣ [1]).

---

[1]) Весьма подробныя свѣдѣнія о валахъ и рвахъ полабскихъ и лужицкихъ собраны въ сочиненіи Шустера: Oscar Schuster—Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems. Dresden. 1869.

Отъ полабскихъ славянъ фортификаціонная система правдоподобно заимствована была поляками. Длинные валы окружаютъ разные округи Силезіи, составляя какъ-бы продолженіе лужицкихъ укрѣпленій; затѣмъ такіе-же круги валовъ охватываютъ всю озерную систему Гопла въ Великой Польшѣ, простираясь между рр. Вартою и Нотецью [1]).

Такимъ образомъ изъ этого краткаго обзора мы видимъ, что укрѣпленіе границъ линіями и кругами длинныхъ земляныхъ валовъ введено было римлянами, отъ нихъ заимствовано германцами и затѣмъ западными славянами; у германцевъ такія фортификаціонныя работы возводились еще въ IX и X столѣтіяхъ, слѣдовательно въ это время отвѣчали еще стратегическимъ условіямъ защиты страны отъ иноземнаго вторженія.

Если обратимся къ историческимъ свидѣтельствамъ о кіевскихъ валахъ, то найдемъ лишь немногочисленныя о нихъ свидѣтельства. Лѣтописи упоминаютъ пять разъ (1093, 1095, 1149, 1151 и 1169) о валахъ въ кіевскомъ и переяславскомъ княженіяхъ и упоминанія эти свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что валы уже существовали, но не служили уже повидимому для стратегическихъ цѣлей; лѣтописецъ пользуется лишь существованіемъ вала для того, чтобы точнѣе обозначить топографическое положеніе мѣстностей, по которымъ проходили княжескія дружины или гдѣ происходили боевыя стычки. Такъ подъ 1093 годомъ, описывая неудачный походъ князей: Святополка, Владиміра Мономаха и Ростислава противъ половцевъ, осаждавшихъ Торческъ, лѣтописецъ говоритъ, что князья переправились черезъ Стугну у Триполья, прошли валъ и здѣсь встрѣтили половцевъ. „Нашимъ-же ставшимъ межи валома и поставиша стяги своя и изидоста стрѣльцы по валу“ [2]). Очевидно лѣтописное указаніе относится къ тѣмъ двумъ валамъ, которые начинаются около Триполья весьма близко другъ отъ друга на устьѣ Стугны и потомъ расходятся: одинъ параллельно теченію Стугны, другой вдоль теченія Красной.

Подъ 1095 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи разсказъ о неудачной попыткѣ половецкихъ хановъ, Итляра и Китяна, заключить

---

[1]) Schuster, op. cit., стр. 103—109. Kraszewski. Sztuka u Sławian, стр. 93—94.

[2]) Ипатская лѣтоп., стр. 153. Лаврентьевская лѣт., стр. 212.

мирный договоръ съ Мономахомъ. Оба хана подошли къ стольному граду Владиміра—Переяславлю; Итляръ со свитою вошелъ въ городъ, Китянъ-же съ ордою „ста межи валома", взявъ въ заложники сына Мономаха—Святослава. Но на совѣтѣ Владиміра рѣшено было, чтобы вмѣсто заключенія договора избить хановъ и пришедшую съ ними орду и потому ночью кіевлянинъ Славата отправился съ частью переяславской дружины и съ торками „межи валы", успѣлъ сначала „выкрасть" Святослава, а потомъ избилъ Китяна и его рать [1]). Въ этомъ отрывкѣ лѣтопись конечно говоритъ о двухъ валахъ, окаймляющихъ съ юга Переяславль. Къ тѣмъ-же валамъ относится и слѣдующее упоминаніе лѣтописи, записанное подъ 1149 годомъ: во время распри Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Юрій осадилъ Переяславль, но, узнавъ о приближеніи Изяслава, отступилъ отъ города и „*ста межи валома*"; за нимъ послѣдовалъ Изяславъ и здѣсь, у Янчина сельца, произошла рѣшительная битва, кончившаяся полною побѣдою Юрія [2]).

Подъ 1151 годомъ лѣтопись два раза упоминаетъ о валѣ, и оба раза, по видимому, слѣдуетъ указанныхъ лѣтописью частей вала искать на той линіи, которая пролегаетъ южнѣе Стугны и не доходя истоковъ этой рѣки, переходитъ на Унаву. Въ названномъ году Юрій Долгорукій, добиваясь кіевскаго стола, осадилъ Бѣлгородъ, но когда горожане отказались сдать ему крѣпость, то онъ отступилъ вверхъ по Ирпеню къ Черневу (Черногородкѣ?) и оттуда „иде за валъ и ста у Бзяницѣ" на Перепетовомъ полѣ, наджидая прихода своего союзника, князя Владиміра Галицкаго. Узнавъ объ этомъ движеніи, Изяславъ выступилъ изъ Кіева и пройдя Звенигородъ и Васильковъ, гдѣ переправился черезъ Стугну, „пришедше къ валови, и не проходяче къ валу, ту и сташа полки своими"; въ теченіи трехъ дней между обоими ратями происходили незначительныя стычки, имѣвшія повидимому цѣлью заманить Юрія въ битву такъ, чтобы рать Изяслава могла вступить въ бой подъ прикрытіемъ вала; но когда разсчетъ этотъ не удался, то Изяславъ, вмѣстѣ съ своими союзниками, „въ четвертый день преже солнца пройдоша валъ на чистое поле и пойдоша битися, гдѣ-же

---

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 219—230.

[2]) Та же, стр. 305—306.

стояше Юрій". Затѣмъ послѣдовала битва на верховьяхъ рѣки Рутка, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Юрія и его союзниковъ [1]).

Наконецъ о валахъ лѣтопись упоминаетъ послѣдній разъ подъ 1169 годомъ по поводу междоусобія, вспыхнувшаго между Мстиславомъ Изяславичемъ и его дядею Владиміромъ и другими родственниками. Мстиславъ выступилъ изъ Кіева къ Вышгороду, гдѣ затворился Владиміръ, и „пришедъ, ста по горѣ отъ бору, а пѣшци постави по валови". Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о томъ отрѣзкѣ вала, который понынѣ проходитъ сѣвернѣе Вышгорода, между этимъ селомъ и Петровцами—отъ стороны бору [2]).

Немногими приведенными мѣстами исчерпывается все то, что лѣтопись сообщаетъ намъ о кіевскихъ валахъ. По отрывкамъ этимъ мы можемъ констатировать существованіе зміевыхъ валовъ съ конца XI столѣтія, но не находимъ никакого указанія на время ихъ возникновенія; за то указаніе это мы встрѣчаемъ въ одномъ иностранномъ памятникѣ начала XI столѣтія, именно дошедшемъ отъ 1008 года до насъ письмѣ, писанномъ Бруненомъ, архіепископомъ мерзебурскимъ къ императору германскому, Генриху II. Одинъ отрывокъ этого письма имѣетъ связь съ занимающимъ насъ предметомъ. Направляясь въ качествѣ миссіонера въ страну печенѣговъ, Брунонъ гостилъ нѣкоторое время въ столицѣ русскаго князя. „Князь руссовъ, пишетъ онъ, обладающій большимъ государствомъ и значительными богатствами, удержалъ меня въ продолженіи цѣлаго мѣсяца противъ моей воли; онъ усиленно упрашивалъ меня, чтобы я не ходилъ къ столь неистовому народу, утверждая, будто я добровольно ищу собственной гибели, будто я ничего не успѣю относительно спасенія душъ (язычниковъ) и обрѣту лишь позорную смерть. Но, когда оказалось, что онъ не былъ въ состояніи убѣдить меня и когда при томъ нѣкоторое видѣніе, касавшееся меня грѣшнаго, навело на него ужасъ, онъ въ продолженіи двухъ дней проводилъ меня съ отрядомъ войска до границъ своего государства, которыя онъ, для безопасности отъ враговъ кочевниковъ, *окружилъ со всѣхъ*

---

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 300—301.

[2]) Тамже, стр. 365—366.

сторонъ весьма длинною и крѣпкою оградою[1]). Здѣсь онъ соскочилъ съ коня и мы вышли изъ воротъ: я съ своими спутниками шелъ впереди, онъ съ своими вельможами слѣдовалъ за нами. За воротами онъ сталъ на одномъ курганѣ, я на другомъ и, держа въ рукахъ крестъ, я пропѣлъ возвышенный тропарь: „Если любишь меня Петръ, паси мои овцы"! Когда спутники мои пропѣли кондакъ, князь прислалъ ко мнѣ одного изъ вельможъ своихъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: „я привелъ тебя къ предѣлу, гдѣ кончается моя земля и гдѣ начинается область враговъ. Именемъ Господа взываю къ тебѣ, не губи къ моему безславію своей юной жизни. Я увѣренъ, что завтра передъ вечеромъ ты безплодно и безцѣльно подвергнешься позорной смерти". Въ отвѣтъ я передалъ: „да откроетъ тебѣ Господь царство небесное, подобно тому, какъ ты намъ открылъ путь въ землю язычниковъ"[2]).

Изъ приведеннаго свидѣтельства Брунона видно, что одинъ изъ валовъ, окружавшихъ Кіевъ, былъ возведенъ княземъ, управлявшимъ страною въ 1008 году, т. е. Владиміромъ святымъ. Сооруженіе этого вала вѣроятно произошло одновременно съ усиленною постройкою Владиміромъ городовъ на Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ и Стугнѣ, о которой разсказываетъ кіевская лѣтопись подъ 988 годомъ и которую Владиміръ предпринялъ потому, что „бѣ рать отъ печенѣгъ и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ"[3]). Тотъ валъ, сквозь который проходилъ Брунонъ и который, по его словамъ, окружалъ кольцемъ (undique) владѣнія русскаго князя, находился въ двухъ дняхъ пѣшаго пути отъ столицы: на основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что у Брунона рѣчь идетъ о той линіи Зміеваго вала, которая, начинаясь у Триполья (50 верстъ отъ Кіева), проходитъ черезъ Мытницу (42 версты отъ Кіева) и Бышевъ (50 верстъ отъ Кіева) къ Здвижу и Тетереву; миссіонеръ, шедшій въ печенѣжскую степь, долженъ былъ пройти черезъ южную вѣтвь этого вала, между Трипольемъ и Васильковымъ.

---

[1]) Ad regni sui terminum ultimum, quem, propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit.

[2]) Bielowski—Monumenta Poloniae historica, т. I, стр. 224—225.

[3]) Лаврент. лѣтоп., стр. 119.

О другихъ линіяхъ Зміеваго вала мы не имѣемъ указаній, подобныхъ Брунонову, но полагаемъ, что по теченію Роси они могли возникнуть тогда, когда Ярославъ раздвинулъ къ югу предѣлы своего государства до Роси и рѣшился укрѣпить границу по этой рѣкѣ, подобно тому, какъ отецъ укрѣпилъ ее по Стугнѣ. Подъ 1031—1032 годами лѣтопись передаетъ намъ, что „Ярославъ поча ставити городы на Роси и многи Ляхи (военноплѣнныхъ) приведе й посади на Роси“ [1]). Вѣроятно лѣтопись при этомъ умолчала о насыпкѣ поросьскаго вала, подобно тому, какъ умолчала о сооруженіи вала постугнянскаго, во время постройки городовъ по этой рѣкѣ въ 988 году.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія, какія намъ удалось собрать о Зміевыхъ валахъ, то полагаемъ можемъ прійти на ихъ основаніи къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Географическое расположеніе валовъ и положеніе сопровождающихъ ихъ рвовъ указываетъ на то, что валы возведены были для защиты отъ кочевниковъ той территоріи, въ центрѣ которой лежалъ Кіевъ.

2) Такъ какъ опасность отъ кочевниковъ угрожала по преимуществу со стороны южныхъ степей, то и валы сосредоточены главнымъ образомъ на южной границѣ древней кіевской области, опираясь на рѣку Рось и ея притоки—Красную и Стугну, и представляя съ южной стороны до 5 параллелей, расположенныхъ одна за другою.

3) Система огражденія областей длинными земляными валами не составляла особенности кіевской Руси; она была заимствована съ запада; римляне сообщили ее германцамъ, отъ которыхъ она перешла къ славянамъ. На западѣ земляные валы возводились еще до конца X столѣтія.

4) Мы имѣемъ свидѣтельство Брунона, дополняющее русскую лѣтопись о томъ, что Владиміръ св. возводилъ на границахъ своего государства валы для защиты отъ печенѣговъ также въ концѣ X столѣтія.

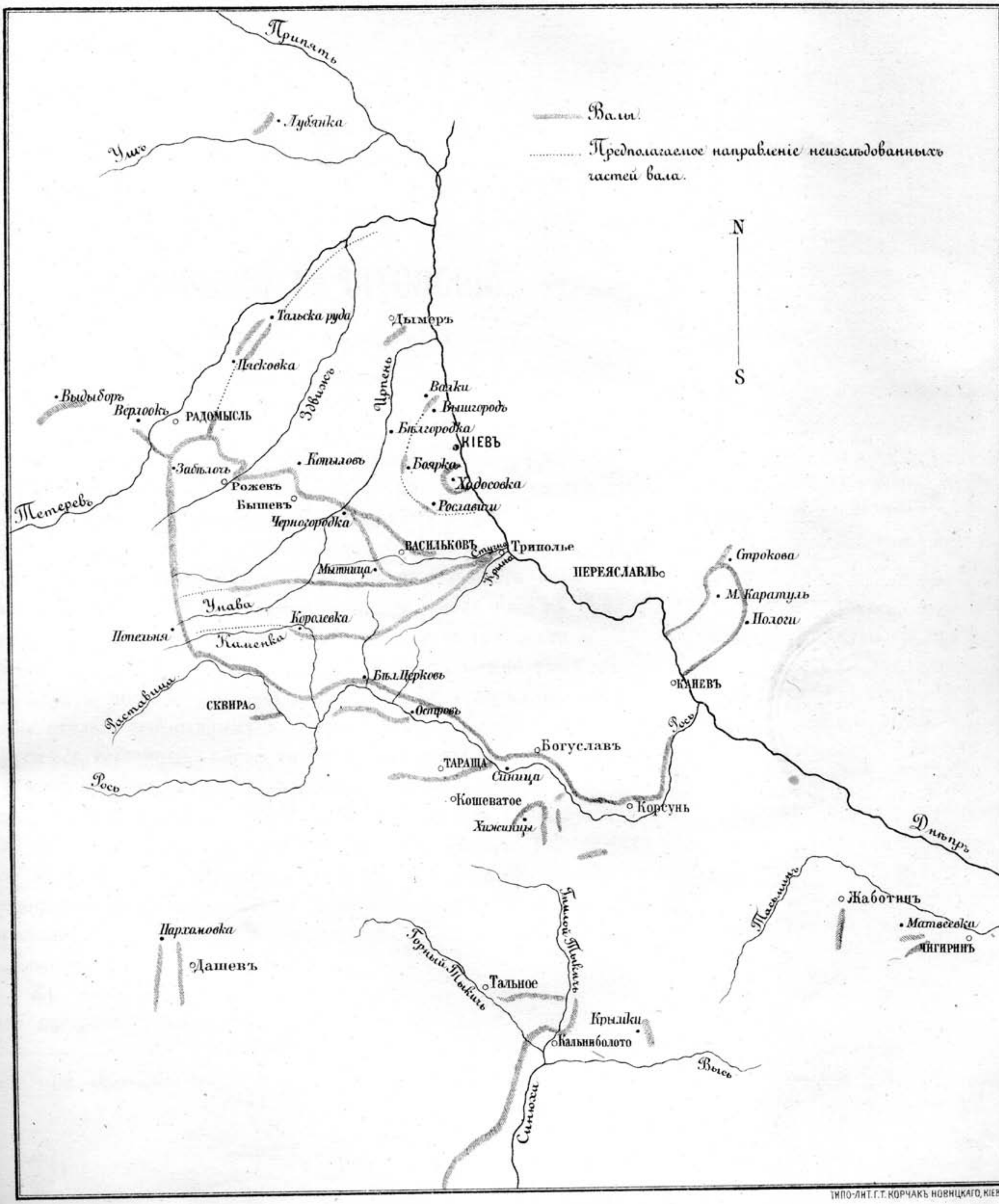
---

[1]) Таже стр. 146.

5) Изъ сличенія народныхъ легендъ съ лѣтописною можно вывести заключеніе, что „Змій", отъ имени котораго названы валы, есть не что иное, какъ миѳическій символъ, подъ которымъ скрывается забытое уже представленіе о печенѣгахъ.

6) Съ исходомъ XI столѣтія, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, валы потеряли свое фортификаціонное назначеніе.

В. Антоновичъ.

ТИПО-ЛИТ. Г. Т. КОРЧАКЪ НОВИЦКАГО, КІЕВЪ

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(продолженіе) [1]).

Церковно-общественная жизнь польской и южно-русской интеллигенціи второй половины семнадцатаго вѣка многими своими сторонами напоминаетъ религіозное настроеніе и церковно-литературные порядки и вкусы западно-европейскаго общества въ глухое средневѣковье. Изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, появившихся въ Польшѣ и въ Литвѣ въ XVI и XVII ст., выросли давно уже на Западѣ заглохшія сорныя травы суевѣрій, религіозной нетерпимости и ханжества. Безъ опасенія впасть въ погрѣшность можно утверждать, что іезуиты послали польскій и южно-русскій разумъ въ школу, чтобы сдѣлать его слѣпымъ и одностороннимъ. Въ Польшѣ, Литвѣ и Руси искусственнымъ образомъ были укрѣплены устарѣлыя формы и обветшалое содержаніе западно-европейской жизни, что въ особенности обнаружилось въ наукѣ и литературѣ. На первый взглядъ кажется, что въ лицѣ Галятовскаго воскресъ Цезарій Гейстербахскій или Яковъ де Ворагине. Эту странную иллюзію вызываетъ необыкновенное сходство „Неба Новаго“ и „Софіи мудрости“ Галятовскаго съ такими произведеніями, какъ „Dialogus miraculurum“ и „Legenda aurea“.

Къ числу весьма характерныхъ чертъ религіозно-нравственнаго настроенія польскаго и южно-русскаго общества второй по-

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., фер. кн., стр. 183—204.

ловины семнадцатаго вѣка принадлежитъ весьма своеобразное, вполнѣ средневѣковое по духу и внѣшней формѣ, прославленіе пресвятой Дѣвы, весьма отличное отъ того смиреннаго и безъискусственнаго почитанія, которое воздавали Ей въ московскомъ государствѣ. Польскій проповѣдникъ второй половины XVII в., іезуитъ Ѳома Млодзяновскій называетъ пресвятую Богородицу польской королевой, причемъ увѣряетъ, что она сама такъ назвала себя. По мнѣнію Млодзяновскаго, Польшу отъ окончательной гибели во время турецкаго нашествія въ 1676 г. спасло то важное обстоятельство, что, кромѣ особеннаго благоволенія Господа, Польша находится еще подъ покровительствомъ пресвятой Дѣвы [1]). Южно-русскіе проповѣдники усердно плели изъ своихъ напыщенныхъ „казаній вѣнокъ" для Богородицы или устраивали для нея „садъ". Они объясняли, изъ какихъ нитокъ сшито было платье Богоматери, изъ какихъ камней была составлена ея корона, какъ украшенъ ея дворецъ. При крайней матеріализаціи высоко-чтимаго образа пресвятой Дѣвы, въ южной Россіи развилась наклонность къ собиранію разсказовъ о ея чудесахъ.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ Галятовскій выбиралъ изъ разныхъ книгъ сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы. Въ концѣ „Ключа" приведено сто чудесъ пресвятой Дѣвы, какъ пособіе для амплификаціи проповѣдей. Въ 1665 году Галятовскій издалъ во Львовѣ цѣлую книжку о чудесахъ Богоматери, подъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами сотворенное, т. е. преблагословенная Дѣва Марія Богородица съ чудами своими, составленное трудолюбіемъ іеромонаха Іоанникія Галятовскаго, ректора и игумена братства кіевскаго". „Небо" имѣло три изданія: львовское 1665 года на польскомъ и малорусскомъ языкѣ [2]), черниговское 1677 года на малорусскомъ языкѣ и могилевское 1699 года на малорусскомъ языкѣ. „Небо" было въ 1677 года переведено на русскій языкъ дьякономъ звенигородскаго Саввы Сторожевскаго монастыря Ѳеофаномъ [3]). Новѣй-

---

[1]) Мацѣевичъ. «Труды К. Дух. акад.» 1870. Іюль. 263.

[2]) Wisznewski, Hist. liter., VIII. 393. Одинъ экземпляръ «Неба» находится въ библіотекѣ харьк. дух. семинаріи.

[3]) Бычковъ, библіологич. словарь Строева. 1882. стр. 132.

шій русскій переводъ сдѣланъ въ Москвѣ въ 1851 году А. Плоховымъ [1]).

На первой страницѣ заглавнаго листа изображена пресвятая Богородица, окруженная ангелами и въ одеждѣ, усѣянной звѣздами. На второй страницѣ того-жъ листа въ изданіи 1665 г. находится гербъ Могилъ и посвященіе книги двоюродной сестрѣ Петра Могилы, Аннѣ Потоцкой, а въ изданіи 1677 и 1699 г. изображено крещеніе Спасителя. На третьей страницѣ находится обращеніе къ „ласкавому чительнику", въ которомъ объясняется цѣль изданія книги: „Тыи чуда пресвятой Богородицы могутъ священники въ церкви читать, на утрени, для науки людямъ и на похвалу пресвятой Богородицы. На праздники Богородичные могутъ читать и законники въ церкви, того-жъ часу, могутъ читать и въ трапезѣ, подчасъ обѣда албо вечери; зъ тыхъ чудовъ могутъ и казнодѣи помочь мѣти до казаня на праздники Богородичные и на иншіи свята и недѣли, и на погребы, и на оказіи розныи, беручи ихъ и аппликуючи до своеи мовы, що знайдуется въ моихъ казаняхъ многихъ; тыми чудами могутъ всѣ христіяне православные вѣру свою спирати и всѣмъ людямъ невѣрнымъ, геретикомъ, жидомъ и поганомъ отпоръ давати, и сами ся въ добрыхъ учинкахъ будовати и дѣдичами царствія небеснаго зостати". На листахъ 1—4 находятся пророчества Сивиллъ о 12 чудесахъ Богородицы.

Всѣхъ чудесъ въ „Небѣ" 445; распредѣлены они по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ пресвятой Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ имени пресвятой Дѣвы, отъ ея перстня, надъ монахами, больными, умершими, жидами, язычниками и проч. Въ распредѣленіи чудесъ замѣтна искусственность и хаотичность.

Галятовскій черпалъ сказанія о чудесахъ Богородицы изъ разнообразныхъ источниковъ, изъ житій святыхъ, описаній чудотворныхъ иконъ, историческихъ сочиненій. Онъ пользовался почти исключительно латинскими источниками. „Prawda, писалъ Рутка въ 1696 г., ze pisali teraz schizmaticy kazania, jak przeciw żydow jako i mahometanow, ale cokolwiek tam jest dobrego, pięknego i

[1]) Пекарскій, наука и литер. при Петрѣ В. II. 19.

mądrego, to się z authorow łacinskich pobrało. Co się widzieć daje z authora „Nowego Nieba“. Bo w tym Niebie naprzod znaydziesz i spiac Dormi secure Anzelma, Suriusza, Karthagena, Marchauciusza, Boziusza, Bellowaceńskiego Vincenciusza i inszych. A schysmatykom Pan Bog nie dał tego, według nauki Ducha Swiętego: „do dusze złej woli nie wnidzie Duch mądrości“ [1]).

Нѣтъ надобности доказывать, что „Небо“ Галятовскаго никогда не имѣло того образовательнаго и воспитательнаго значенія, какое ему приписывалъ благочестивый авторъ. Довольно важно другое значеніе этого литературнаго памятника, которое Галятовскій ни мало не предвидѣлъ,—значеніе историко-литературное. Нѣкоторые религіозные разсказы и легенды, циркулирующіе въ настоящее время въ народѣ, проникли въ Малороссію черезъ „Небо“ Галятовскаго. Чтобы не отклоняться въ сторону отъ нити изслѣдованія, можно ограничиться однимъ примѣромъ. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи существовалъ разсказъ о томъ, какъ одинъ живописецъ изобразилъ на холстѣ Богоматерь и чорта. Чортъ былъ представленъ безобразнымъ, и Богоматерь попирала его ногами. Демонъ, какъ и слѣдовало ожидать, обидѣлся. Онъ выдернулъ изъ-подъ живописца скамью, чтобы живописецъ разбился; но Богоматерь поддержала его на воздухѣ и такимъ образомъ посрамила чорта [2]). Подобнаго рода разсказъ нынѣ циркулируетъ въ украинскомъ простонародьѣ. Сходство между средневѣковыми нѣмецкими и современными малорусскими разсказами о чортѣ и живописцѣ до такой степени велико, что малорусскіе разсказы необходимо признать простымъ пересказомъ сказаній нѣмецкихъ. У Галятовскаго разсказъ о живописцѣ и чортѣ встрѣчается въ „Небѣ“, въ XXI отдѣлѣ, и мы склонны думать, что именно Галятовскій, пользовавшійся при составленіи „Неба“ средневѣковыми сочиненіями, пересадилъ этотъ разсказъ на малорусскую почву, гдѣ онъ и принялся. Изслѣдователямъ исторіи малорусскихъ народныхъ преданій, разсказовъ и легендъ придется обратиться къ изученію вышедшихъ во второй половинѣ XVII ст. сборниковъ чудесъ, и, быть можетъ, изученіе

---

[1]) Treoph. Butka, Herby abo znaki kosciola prawdziwego. 1696. стр. 208. (Одинъ экз. «Гербовъ» находится въ библ. харьк. дух. семин.).

[2]) Roskoff. Geschichte des Teufels. II. 203.

этихъ сухихъ и безцвѣтныхъ памятниковъ украинской старины бросить свѣтъ на исторію украинскихъ народныхъ легендъ, опредѣлитъ, какія изъ этихъ легендъ возникли въ самой Украйнѣ, а какія забрели съ чужбины и акклиматизировались въ Малороссіи.

Въ „Небѣ" встрѣчаются чудеса, любопытныя для изслѣдователя исторіи демонологіи. Такъ, Богородица привязала чорта къ столбу, и монахи его избили (XXIV, 15); демоны производятъ свѣтъ отъ тѣлъ еретиковъ, чтобы люди поклонялись имъ, какъ мощамъ (XX, 6); демоны, живущіе въ идолахъ, совѣтуютъ посвятить языческій храмъ Богородицѣ (XXI. 3—4) и друг.

Излагая чудеса отъ иконъ пр. Богородицы, Галятовскій говоритъ преимущественно объ иконѣ купятицкой и иконѣ печерской. Впослѣдствіи Галятовскій описалъ чудеса елецкой иконы Богоматери. Эти три иконы были особенно почитаемы Галятовскимъ, какъ устроительницы и руководительницы его въ разные періоды жизни,—икона купятицкая въ молодости, икона печерская въ зрѣломъ возрастѣ, икона елецкая въ старости.

Краевой южно-русскій элементъ въ „Небѣ" незначителенъ. Въ XXII—XXVIII отдѣлахъ находится довольно много чудесъ Богородицы въ предѣлахъ Малороссіи; но чудеса эти большею частью заимствованы изъ книгъ и по содержанію однообразны,—говорится большею частью о монахахъ, видѣвшихъ во снѣ или на яву Богородицу (XXIV 21—27; XXVI 22; XXVIII 7, 15, 18, 22). Въ одномъ мѣстѣ (XXVIII 17) встрѣчается довольно любопытное историческое преданіе, записанное изъ устъ народа. „Въ Малороссіи, въ галицкомъ повѣтѣ, говоритъ Галятовскій, есть городъ Заваловъ, получившій названіе отъ древнихъ валовъ. Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, что Бунякъ (яко они мовятъ), але рачей Батый, татарскій царь, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ св. Николая, который велѣлъ ему сразиться съ татарами и на мѣстѣ побѣды надъ ними построить церковь во имя пр. Богородицы. Романъ побѣдилъ татаръ и построилъ на мѣстѣ побѣды монастырь, подъ названіемъ „Погоня", съ церковью Успенія пр. Богородицы".

1665—1669 годы самые темные въ жизни Галятовскаго, темные въ томъ смыслѣ, что о нихъ почти ничего неизвѣстно. Въ

1665 г. академія была разорена и ректорство Галятовскаго фактически прекратилось. Въ 1667 г. Галятовскій, по порученію Лазаря Барановича, ѣздилъ въ Литву. Въ этомъ году между московскимъ правительствомъ и нѣкоторыми знатными польскими панами шли переговоры о возведеніи на польскій престолъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Сторонникъ Москвы, Лазарь Барановичъ былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ избраніи въ польскіе короли московскаго царевича. Можно думать, что Галятовскій ѣздилъ въ Литву въ интересахъ царевича. Такое предположеніе находитъ опору въ одномъ письмѣ Барановича, гдѣ одновременно говорится о желаемомъ избраніи царевича въ польскіе короли и о возвращеніи Галятовскаго изъ Литвы. „Вся Литва и сильнѣйшая партія въ Польшѣ, писалъ Барановичъ Симеону Полоцкому въ 1668 г., желаютъ, чтобы у нихъ былъ королемъ его милость царевичъ. Честный отецъ Галятовскій прибылъ изъ Литвы въ Черниговъ, точно какъ отъ дождя подъ водосточный жолобъ; онъ, какъ очевидецъ, умѣетъ разсказать объ ужасахъ войны; развѣ, говоритъ онъ, на страшномъ судѣ страшнѣе будетъ. Тамъ (?), по тоему старанію, Демко, сѣверскій гетманъ (рѣчь идетъ о Многогрѣшномъ), заключилъ союзъ съ княземъ Ромодановскимъ, перемиріе“... Быть можетъ, и въ заключеніи этого перемирія участвовалъ Галятовскій. Впрочемъ участіе Галятовскаго въ этомъ дѣлѣ могло быть лишь незначительно, такъ какъ Демьянъ Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ Ромодановскимъ въ концѣ 1668 г. въ Черниговѣ, гдѣ пребывалъ самъ Барановичъ и въ посредничествѣ Галятовскаго не могло быть надобности.

Политическія дѣла, безпокоившія Галятовскаго въ смутное въ исторіи Малороссіи время гетманствъ Брюховецкаго и Многогрѣшнаго, не помѣшали ему однако подготовить для печати крупное изслѣдованіе о правдивомъ, истинномъ Мессіи. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галятовскій говоритъ, что сочиненіе это издается на трехъ языкахъ: латинскомъ, польскомъ и русскомъ. О существованіи латинскаго „Мессіи“ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ. На польскомъ языкѣ „Мессія“ изданъ въ 1668 г., на русскомъ въ 1669 г. [1]). Содержаніе польскаго „Messiasza“ и рус-

[1]) Въ библіотекѣ харьк. духовн. семин. находится 1 экз. «Мессіи» и 1 экз. «Messiasza».

скаго „Мессіи", за исключеніемъ начальной виньетки и предисловія, тождественно. На первой страницѣ заглавнаго листа польскаго „Мессіяша" изображенъ московскій гербъ (двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ серединѣ); въ русскомъ „Мессіи" изображенъ прор. Іезекіиль, держащій въ правой и лѣвой рукахъ по жезлу, которые на верху страницы оканчиваются изображеніями ап. Петра и ап. Матѳея; между ними изъ-за разодранной занавѣсы выступаетъ Іисусъ Христосъ. Польскій „Мессіашъ" посвященъ московскому царю, который будто бы ненавидѣлъ жидовъ; русскій „Мессія" посвященъ самому Іисусу Христу, причемъ, странно сказать, прилагается гербъ Господа: крестъ въ кругѣ. Въ посвященіи книги Іисусу Христу говорится: „Созданіе рукъ Его, сей книги создатель, сію книгу Ему самому, какъ своему и сей книги начальнику создателю, офѣруетъ и дедикуетъ. Прійми, Мессія правдивый, сію книгу, потому что въ сей книгѣ я написалъ противъ непріятелей Твоихъ жидовъ, которые Тебя преслѣдовали и ученіе Твое хулили, а Ты меня за то избавь отъ всѣхъ непріятелей моихъ, видимыхъ и невидимыхъ, которые меня преслѣдуютъ и хулятъ по-жидовски, или хотятъ хулить Твои божественныя слова, исходящія изъ устъ моихъ на хвалу Твою. Да постыдятся тѣ, которые меня гонятъ; да устрашатся они; наведи на нихъ день озлобленія и сугубымъ сотрясеніемъ сотряси ихъ"... Въ дальнѣйшихъ строкахъ посвященія обнаруживается такое же наивное отношеніе автора книги къ Іисусу Христу: „Я написалъ въ этой книгѣ имя Твое, а Ты за то напиши мое имя въ книгѣ живота. Малое прошеніе мое вношу въ уши Твои, надѣясь больше получить отъ Тебя за трудъ мой, чѣмъ я прошу"... Далѣе слѣдуютъ строки автобіографическаго характера: „Помяни, Господи, Іоанникія, и всѣ труды, и трудности, и исходы, и небезпеченства, и болѣзни, и всѣ утрапенія мои, которыя сію книгу я на хвалу Твою пишучи поднялъ; виждь смиреніе мое и трудъ мой и отпусти мнѣ всѣ грѣхи. Не имѣя своей обители, слоняюсь по свѣту, въ чужихъ обителяхъ сію книгу написалъ, что сопряжено съ затрудненіемъ".

Въ 1803 г. въ Москвѣ вышелъ переводъ „Мессіи правдиваго" на современный русскій языкъ. Переводчикъ, Космодемьянскій, не обозначилъ имени Галятовскаго, а только замѣтилъ на заглавномъ листѣ: „переводъ съ иностраннаго". Переводъ посвященъ Левашову:

Измѣненія значительны: вступленіе Галятовскаго сокращено, отброшены ссылки на источники, выброшено обвиненіе евреевъ въ разныхъ преступленіяхъ и сокращено число „знаковъ", т. е. прообразовъ Мессіи (19 вмѣсто 24) [1]).

Послѣ „Предмовы" находится 1) благословеніе и похваленіе кіев. митр. Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго 1669 г., 2) благословеніе и похваленіе черниг. архіеп. Лазаря Барановича, 3) похваленіе игумена минскаго монастыря, Іосифа Ходоновича, 18 окт. 1667 г. и 4) стихотворная похвала ректора и игумена кіево-братск. монастыря Варлаама Ясинскаго. Интересна хронологическая дата при похваленіи Ходоновича, свидѣтельствующая во первыхъ о томъ, что Галятовскій давалъ свое сочиненіе въ рукописи для прочтенія выдающимся православнымъ духовнымъ лицамъ, во вторыхъ, что „Мессія правдивый" былъ составленъ не позже половины 1667 года. Благословенія и похваленія были одною изъ отличительныхъ чертъ литературныхъ нравовъ XVII в. Апробаціи были обычны и въ Польшѣ. Съ одной стороны онѣ имѣли характеръ цензурнаго одобренія, съ другой стороны служили своего рода рецензіей со стороны лица авторитетнаго, предварительно расположеннаго къ одобрительному отзыву о сочиненіи.

Для Малороссіи искони два обстоятельства составляли несчастье. Во первыхъ ея бѣдственное топографическое положеніе: Малороссія—„горохъ при дорозі". Много разъ расхищали ея достояніе добрые и недобрые сосѣди. Разные народы толкались по ней, въ ущербъ ея національной самостоятельности, ея культурному благосостоянію. Во вторыхъ въ этнографическомъ составѣ малорусскаго населенія издавна весьма значительный процентъ составляютъ евреи, племя всегда внутренно презиравшее пріютившій его народъ, всегда дѣйствовавшее въ ущербъ туземному населенію. Евреи проживали въ южной Россіи со времени глубокой древности. По временамъ они настолько усиливались и такъ эксплуатировали мѣстное, коренное, собственно украинское населеніе, что вызывали возстанія и погромы. Въ 1113 г., по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ былъ погромъ евреевъ. Въ началѣ XVI в. малороссы изби-

---

[1]) Одинъ экземпляръ этого перевода находится въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

вали евреевъ. При Богданѣ Хмельницкомъ произошло безпощадное избіеніе евреевъ въ предѣлахъ Малороссіи, и народъ сложилъ веселую пѣсеньку:

Та не буде лучче,
Та не буде краще,
Якъ у насъ на Украині;
Нема жида, нема ляха,
Нема и упіи.

Отсутствіе евреевъ было непродолжительно. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія они снова стали появляться въ казацкой странѣ, привлекаемые откупами съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами доходовъ.

Во второй половинѣ XVII в. среди южно-русскихъ евреевъ обнаружилось сильное волненіе, вызвавшее сочиненіе Галятовскаго „Мессія правдивый“. „Въ 1666 г., говорится въ предисловіи къ „Мессіи“, во всей Малороссіи, въ в. княжествѣ литовскомъ, въ Польшѣ и въ пограничныхъ странахъ жидовское невѣріе высоко подняло свои рога. На Востокѣ, въ Смирнѣ появился лже-мессія Сабефа. Онъ увлекъ жидовъ ложными чудесами и обѣщалъ имъ возвратить Іерусалимъ и Палестину и освободить ихъ отъ подчиненія христіанскимъ народамъ. Жиды надѣялись, что Сабефа возьметъ ихъ на облако и перенесетъ въ Іерусалимъ. Они постили по нѣсколько дней въ недѣлю, въ зимнее время купались въ проруби, произнося новосоставленную молитву, отчего иные простудились и умерли. Днемъ и ночью жиды ходили въ синагогу и молились о скорѣйшемъ пришествіи Мессіи. Жиды стали смѣяться надъ христіанами и грозить имъ, говоря: мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы и всѣ вообще сильные христіане будутъ у жидовъ пастухами, жнецами, работниками, будутъ рубить дрова и топить печи, и все дѣлать, что прикажутъ жиды, должны будутъ принять жидовскую вѣру и поклониться мессіи Сабефѣ и его пророку Наѳану Леви“. Жиды смѣялись и надъ Іисусомъ Христомъ. Нѣкоторые малодушные христіане начали сомнѣваться, дѣйствительно ли Іисусъ Христосъ настоящій Мессія, начали даже склоняться мыслью къ жидовскому лже-мессіи. Движеніе, вызванное среди украинскихъ евреевъ появленіемъ на Востокѣ Сабефы, было настолько значительно, что на него обратили

вниманіе и малорусскіе лѣтописцы. „Того жъ року (1666), говорить Самуилъ Величко, въ панствѣ турецкомъ, нѣякійсь Сабета, начальникъ жидовскій, провозгласилъ былъ себя лживаго мессіяша, котораго турчинъ вскорѣ велѣлъ поймати и повѣсити на шебеницѣ“ [1]. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст., до выхода въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“, въ южной Россіи было уже составлено неизвѣстнымъ лицомъ сочиненіе противъ Сабеѳы, подъ заглавіемъ: „Дивный початокъ и странный конецъ“. Галятовскій пользовался этимъ сочиненіемъ при составленіи своего „Мессіи правдиваго“. [2]).

При составленіи сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ Галятовскій пользовался письменными и устными источниками. Главные письменные источники: муч. Юстинъ, Іоаннъ Златоустъ, Юліанъ Померій, Павелъ Буржскій, Маркъ Корина, Іоаннъ Людовикъ, Ѳома Брюссельскій и Цезарь Бароній. „Для уясненія жидовскихъ мнѣній о Мессіи, говоритъ Галятовскій, я ѣздилъ по разнымъ городамъ и селамъ, нарочито разговаривалъ съ учеными жидами о Мессіи, доказывалъ имъ истинность Іисуса Христа, какъ Мессіи, и отмѣчалъ ихъ нелѣпые отвѣты... Мнѣ пріятенъ мой трудъ, хотя для составленія его я ѣздилъ по неудобнымъ и небезопаснымъ дорогамъ въ Малороссіи и в. кн. литовскомъ, претерпѣвалъ ущербъ здоровья, подвергался возможности быть убитымъ, и все это я терпѣлъ, во-первыхъ, по примѣру Іисуса Христа, который много потрудился для міра, и во-вторыхъ, въ надеждѣ получить небесное царство“.

---

[1]) С. Величко, Лѣтопись. II, 37.

[2]) Подробности о Сабатеѣ Цви см. въ соч. «Iost'a, Geschichte des Iudenthunes und seiner Sekten». Плохое сокращеніе этого сочиненія сдѣлано было на русск. языкѣ, и вышло въ Москвѣ въ 1864 г. О С. Цви была еще статья въ «Восходѣ» 1882 г.—Сабатей Цви родился въ Смирнѣ въ 1641 г. Семи лѣтъ онъ сталъ уже разсказывать, что ему снятся чудесные сны; звѣри ему кланяются, ангелы наставляютъ его врачебной наукѣ. Онъ ознакомился съ Талмудомъ и Кабалой и назвалъ себя мессіей. Раввины возстали противъ него и изгнали изъ Смирны. Цви отправился въ Салоники, потомъ въ Іерусалимъ, наконецъ въ египетскую Александрію, проповѣдь его имѣла громадный успѣхъ. Въ 1664 г. у него было до 75.000 послѣдователей, въ Константинополѣ, Палестинѣ, Аравіи, Египтѣ, Литвѣ, Польшѣ. Турецкое правительство обратило вниманіе на Цви. Онъ былъ вызванъ къ султану. Угрозой смертной казни его принудили принять исламъ. Лже-мессія сошелъ со сцены; но его послѣдователи, въ особенности лже-пророкъ Наоанъ, еще долго волновались. Движеніе окончательно улеглось въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

„Мессія правдивый“ раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части. Въ первой, бо́льшей части Галятовскій выдвигаетъ тяжелую аргументацію изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, исполнившихся на Христѣ; во второй части говорится о ветхозавѣтныхъ „знакахъ“ и сивиллиныхъ пророчествахъ, подтверждающихъ божественность Спасителя. Всѣхъ пророчествъ въ „Мессіи правдивомъ“—50, прообразовъ, знаковъ 24. Объ однихъ пророчествахъ говорится на многихъ страницахъ, о другихъ въ пяти или шести строкахъ.

Схема сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ была давно уже готова у Галятовскаго. Въ „Ключѣ разумѣнія“ казанье на Преображеніе Господне состоитъ въ краткомъ изложеніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ. Въ „Мессіи правдивомъ“ эти пророчества изложены подробно, и въ объясненіе пророчествъ вставлены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о воплощеніи Слова и другихъ догматахъ христіанскихъ. Эти трактаты совершенно механически вставлены въ рядъ объясненій пророчествъ и не имѣютъ съ послѣдними внутренней связи; каждый трактатъ легко могъ-бы пойти за отдѣльное сочиненіе.

Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, преимущественно во второй его части, въ объясненіи 18 „знака“, говорится о „злостяхъ жидовскихъ“. Такъ, въ объясненіи 31 и 4 пророчествъ говорится о томъ, что евреи однажды распяли христіанина въ великую пятницу, убиваютъ христіанскихъ дѣтей и выцѣживаютъ изъ нихъ кровь для лѣченія больныхъ или для цѣлей волшебства. Въ изъясненіи 18 „знака“ евреи обвиняются въ шпіонствѣ во время войны, въ отбираніи у христіанъ плутовскими средствами въ мирное время имущества, въ отравленіи колодцевъ, въ примѣшиваніи въ лѣкарства яда, во взиманіи большихъ процентовъ, въ отниманіи у христіанъ церквей, въ ненависти къ выкрестамъ, въ склоненіи русскихъ служанокъ въ іудейскую вѣру, въ выдаиваніи у женщинъ христіанокъ молока на чары.

Отношеніе Галятовскаго къ евреямъ, разумѣется, враждебно. Но ненависть Галятовскаго къ евреямъ не заходила такъ далеко, какъ ненависть польскихъ писателей іезуитовъ. „Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Персіи, говоритъ Ѳома Млодзяновскій, польскій познанскій проповѣдникъ, прежній еще король Абасъ созвалъ въ одно время всѣхъ жидовъ и спросилъ

ихъ: скоро-ли прійдетъ Мессія? Жиды отвѣчали въ одинъ голосъ: да, мы ожидаемъ Мессію! Король сказалъ имъ на это: сказки! напрасно только вы себя обманываете.. Или дѣлайтесь магометанами, или прочь изъ моего царства. Жиды начали просить срока на 70 лѣтъ; если, сказали они, не прійдетъ Мессія въ продолженіи 70 лѣтъ, тогда мы уже исполнимъ приказаніе вашей королевской милости. Жиды дали въ этомъ росписку. Въ бытность мою въ Персіи нашелъ упомянутую росписку эт-мадулетъ, т. е. канцлеръ персидскій, и напомнилъ о ней королю. Король поручилъ ему это дѣло. Тотъ созываетъ жидовъ и спрашиваетъ ихъ: а, что? пришелъ Мессія? Услышавъ отъ жидовъ, что Мессія не пришелъ, онъ показалъ имъ упомянутую росписку и отъ имени короля приказалъ или принять магометанство, или удалиться изъ государства". На размышленіе евреямъ данъ былъ одинъ годъ; потомъ срокъ этотъ былъ немного продолженъ. „Если обратитесь въ магометанство, сказалъ эт-мадулетъ евреямъ, то каждому мужчинѣ король даетъ сто абасы, или злотыхъ, и халатъ, а каждой женщинѣ 50 абасы". Но жиды по старому не хотѣли ни на что рѣшиться. Тогда, при наступленіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда особенно свирѣпствуютъ холодные вѣтры и приморозки, приказано было имъ подъ страхомъ смерти выйти изъ города; приказано подъ страхомъ смерти никому не принимать ихъ и подъ страхомъ смерти не давать имъ ни хлѣба, ни огня. И что же? Когда начали умирать дѣти, женщины и старики, всѣ жиды должны были пристать къ магометанской вѣрѣ. Чья же ревность къ вѣрѣ большая, турецкая или христіанская? Страшно будетъ на страшномъ судѣ христіанамъ отъ того, что язычники и магометане болѣе дѣлаютъ для своего невѣрія, чѣмъ мы для нашей вѣры" [1]). Тяжелое впечатлѣніе производитъ нарисованная Млодзяновскимъ картина жестокаго гоненія за вѣру, тяжелое тѣмъ болѣе, что польскій проповѣдникъ желаетъ этого гоненія, приглашаетъ къ нему христіанъ. Какъ ни искалѣченъ былъ Галятовскій узкой схоластической школой, въ его душѣ не было мѣста для такого человѣконенавистничества, какое оказалось въ полякѣ іезуитѣ. Южно-русскій ученый отвергалъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство. „Въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, гово-

---

[1]) Мацѣевичъ, «Труды к. д. ак.» 1870. Іюль. 179—181.

ритъ онъ въ объясненіи 24 пророчества, принужденіе не должно имѣть мѣста. Должна быть употреблена кротость и снисхожденіе; должно быть употреблено непрестанное чтеніе слова Божія и тщательное изъясненіе онаго". Странно читать эти свѣтлыя выраженія у писателя XVII в., у кіевскаго ученаго схоластика. Проблеснувшая въ этихъ выраженіяхъ вѣро-терпимость и гуманность свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ уровнѣ Галятовскаго, съумѣвшаго подъ тяжелымъ бременемъ злостной и сухой схоластики сохранить въ глубинѣ души живое чувство любви къ человѣку.

Догматическое ученіе въ „Мессіи" раскрывается не всегда убѣдительно, но почти всегда ясно, иногда образно, съ приведеніемъ подобій изъ міра физическаго. Положительная сторона христіанства излагается въ отвѣтахъ христіанина на вопросы еврея, въ которыхъ выражено отрицательное отношеніе къ христіанству. Въ изложеніи отрицательныхъ возраженій и замѣчаній еврея обнаруживается ученая добросовѣстность Галятовскаго. Христіанинъ апологетъ не скрываетъ вѣскихъ возраженій еврея и опровергаетъ ихъ по силѣ разумѣнія. Галятовскій довольно подробно останавливается на мнѣніяхъ противниковъ христіанскихъ истинъ и рядомъ своихъ опроверженій возстановляетъ въ общественномъ сознаніи религіозную истину.

Краевой національный элементъ въ „Мессіи правдивомъ" такъ-же ничтоженъ, какъ и въ предыдущихъ сочиненіяхъ Галятовскаго, „Ключѣ" и „Небѣ". Какъ писатель схоластикъ, далекій отъ народныхъ интересовъ, Галятовскій останавливается исключительно на такихъ проявленіяхъ еврейской „злости", которыя обнаружились въ Германіи, Франціи, Италіи. Такъ, говоря о томъ, что евреи берутъ слишкомъ большіе проценты, Галятовскій приводитъ примѣръ изъ римской исторіи временъ Тита Флавія; при указаніи на ненависть евреевъ къ выкрестамъ приводится примѣръ изъ западно-европейскаго прошлаго. Какъ проявлялась „жидовская злость" въ Малороссіи, на глазахъ самаго автора, въ „Мессіи правдивомъ" не говорится.

Полемическій тонъ Галятовскаго довольно мягкій. Вообще, южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. не такъ суровы и рѣзки въ своихъ выраженіяхъ, какъ южно-русскіе писатели первой половины XVII в. Изъ полемическихъ сочиненій конца XVI ст. узнаемъ, что Кириллъ Терлецкій вывезъ изъ Рима скабрезныя кар-

тинки, или что Стефанъ Зизаній не зналъ, кто его отецъ [1]). Въ особенности суровыми полемистами и обличителями являются Іоаннъ Вишенскій, въ интересахъ тѣхъ, „що з однои мисочки борщикъ хлебчуть и сами собі господа и слуги суть", поражавшій уніатскихъ епископовъ тяжеловѣсными обвиненіями въ развратѣ, роскоши, и жестокости, и Евсевій Пиминъ (Петръ Могила), постоянно напоминающій въ „Лиѳосѣ" своему противнику Кассьяну Саковичу, что у него нѣтъ одного уха, что другое его ухо будто бы свиньи съѣли, что онъ толстобрюхій, дурень и т. д. Западно-русскіе писатели, перешедшіе въ Москву, также были невоздержны на языкъ. Такъ, современникъ Галятовскаго, Симеонъ Полоцкій, въ „Жезлѣ правленія", написанномъ противъ Никиты Пустосвята, цѣлью своего сочиненія ставитъ: „обезглавить сего Голіафа, то же уды его и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати" (листъ 18). И достается же этому несчастному Голіафу! Никита Пустосвятъ оказывается скотоумнымъ, окаяннымъ, свиньей. [2]). Рѣзкость выраженій подрывала значеніе разумнаго слова, производила ожесточеніе и возбуждала наклонность къ кулачной расправѣ. Во второй половинѣ XVII ст. Лазарь Барановичъ созналъ дурныя стороны полемическаго задора и литературной брани. Онъ самъ воздерживался отъ этихъ недостатковъ и старался воздержать другихъ южнорусскихъ писателей. „Если въ чемъ не соблюдено вѣжливости, писалъ Барановичъ И. Гизелю въ 1670 г., посылая ему свой отвѣтъ на книгу іезуита Боймы противъ православія, то, чтобы онъ (т. е. Бойма) не считалъ насъ невѣждами, я не прочь что либо и обрѣзать". Въ письмѣ къ Ѳеодосію Сафоновичу 1670 года Барановичъ говоритъ, что въ своемъ отвѣтѣ Боймѣ онъ „клеймилъ его, но безъ посмѣянія, острилъ, но безъ колкости". Въ письмѣ къ И. Гизелю 1671 г. Барановичъ говоритъ, что „нужно дѣло свое вести спокойно, какъ должно, или даже съ уваженіемъ". Въ письмѣ къ И. Гизелю отъ 18 дек. 1672 г. Барановичъ говоритъ: „писать задористо я не совѣтую, и самъ такъ не пишу, а развѣ гдѣ-либо слегка уколю остро того; но и тутъ, по обыкновенію моему, тотъ-же часъ ограничиваю, высказавши впрочемъ свое" [3]). Галятовскій слѣдо-

[1]) Кояловичъ, Литов. церк. унія. II. 34.

[2]) Л. Майковъ, „Древ. и нов. Россія" 1875.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 103, 107, 156 и 180.

валъ этому благоразумному совѣту своего стараго наставника, друга и покровителя. Въ „Мессіи правдивомъ“ онъ только изрѣдка позволяетъ себѣ „уколоть остро“ противника, назвавъ его глупымъ (напр., въ объясненіи 12 пророч.). Въ „Бѣлоцерковской Бесѣдѣ“ Галятовскій обнаруживаетъ самую тонкую вѣжливость, очевидно потому, что бесѣда происходила въ многочисленномъ собраніи знатныхъ лицъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“ общественное положеніе Галятовскаго измѣнилось къ лучшему. Галятовскій получилъ мѣсто игумена черниговскаго елецкаго монастыря. Назначая Галятовскаго игуменомъ елецкаго монастыря, Барановичъ, можно думать, руководствовался не только дружескимъ къ нему расположеніемъ, какъ къ своему талантливому ученику и единомышленнику, но и желаніемъ приблизить къ себѣ въ лицѣ Галятовскаго человѣка ученаго и искуснаго въ религіозно-полемическихъ бояхъ. Барановичъ именно въ это время, въ концѣ 60 и въ началѣ 70 годовъ нуждался въ совѣтѣ и содѣйствіи ученыхъ людей. „Какъ-то на дняхъ, писалъ онъ И. Гизелю въ 1671 г., отыскалъ я въ московскихъ правилахъ (кормчей) помѣстнаго собора сардикійскаго правило 344. Тамъ на листѣ 109 судъ предоставляется римскому папѣ. Прикажите, ваша пречестность, прочитать его себѣ. Когда престолъ константинопольскій сравненъ въ правахъ съ престоломъ римскимъ, то и судъ долженъ быть равный; мнѣ хотѣлось-бы соображаться въ моей „Мѣрѣ“ (рѣчь идетъ о сочиненіи „Nawa miara starey wiary“) съ вами и отъ васъ, не краснѣя, поучаться. Лучше-же намъ поправить свои труды тихонько между собою, нежели возьмутъ ихъ на зубы, а потому должно ихъ хорошо выточить, такъ чтобы было чѣмъ заняться, когда начнутъ грызть; нужно такую имъ приготовить костку, чтобы имъ въ горлѣ стала“ [1]). Галятовскій болѣе, чѣмъ что-либо другой, болѣе, чѣмъ И. Гизель, могъ помочь Барановичу въ составленіи „Новой Мѣры“, по своей начитанности и литературно-полемической опытности. Въ семидесятыхъ годахъ Галятовскій дѣлается правой рукой Барановича почти во всѣхъ его дѣлахъ, въ особенности въ дѣлахъ хозяйственныхъ епархіальныхъ.

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 156.

Относительно возведенія Галятовскаго въ санъ архимандрита Барановичъ встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, точнѣе сказать, задержку, со стороны м. Нелюбовича—Тукальскаго, не долюбливавшаго Галятовскаго, какъ ученика и сторонника Барановича, и со стороны гетмана Многогрѣшнаго, не имѣвшаго ни времени, ни охоты заниматься собственно церковными дѣлами Малороссіи. Въ письмѣ 14 апрѣля 1679 г. Барановичъ писалъ Галятовскому: „слово мое посвятить васъ въ санъ архимандрита я потвержду дѣломъ, если Богъ поможетъ моей немощи". „Безъ затрудненій, говорится въ другомъ письмѣ Барановича къ Галятовскому 1669 г., полагаемыхъ его милостью (митр. Нелюбовичемъ Тукальскимъ), и моя хотя слабая голова сдержала-бы для васъ слово. Напоминалъ я въ Глуховѣ пану гетману о томъ, что хочу возвысить васъ въ санъ; но онъ какъ-то глухо это принялъ; даже и другимъ отцамъ игуменамъ не хотѣлъ подтвердить царскихъ грамотъ, откладывая до окончательнаго мира" [1]). Благословенная грамота Галятовскому отъ Барановича на елецкую архимандрію дана была 9 августа 1669 г. Въ грамотѣ говорится, что „на высокій тотъ архимандрическій степень" Барановичъ возводитъ „змежы прочихъ годнаго быти, значне заслуженого, въ наукахъ письма святаго добре выцвичоного и въ житіи иноческомъ искуснаго, поважного мужа, пречестного господина отца Іоанникія Галятовскаго,... абы южъ па той прееминенціи певнымъ строителемъ, правителемъ и господаремъ помененного старожитного монастыря архимандріи черниговской зостаючи около строенія его оздобы, порядку и належитого хвалы Божой отправованья вседушное имѣлъ попеченіе, яко-бы за его диспонованьемъ, промысломъ и печаловитостью мѣсце тое святое пустыни, яко красенъ кринъ, во чести Господу Богу и въ похвалу имени пречистой госпожи Богородицы проквѣтнуло"... Благословенная грамота Барановича Галятовскому вполнѣ напечатана въ „Исторіи россійской іерархіи" Амвросія [2]).

Елецкій успенскій мужескій 1-го класса монастырь находится подъ Черниговомъ на Болдинскихъ горахъ. Строителемъ монастыря считаютъ князя Святослава, сына Ярослава мудраго. Сѣдая древность придала монастырю величіе. Галятовскій дорожилъ историче-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, 28—83, 89.

[2]) Амвросій, Ист. рос. іерарх. VI, 504—511.

скими сказаніями и преданіями о монастырѣ. Онъ принялъ къ свѣдѣнію письменныя, документальныя свидѣтельства о монастырѣ, заключающіяся въ Патерикѣ и елецкомъ Синодикѣ. Кромѣ того, Галятовскій распрашивалъ стариковъ о прошломъ монастыря и обращался письменно съ вопросами къ потомкамъ Святослава Ярославича, князьямъ Одоевскимъ и Воротынскимъ". Въ селѣ Сомовѣ, что между Сѣвскомъ и Карачевымъ, пишетъ Галятовскій въ „Скарбницѣ", жили два брата, священникъ Симеонъ и священникъ Ѳеофанъ, старый до того, что ему было болѣе ста лѣтъ; въ Тупичевѣ Авдей Дорофеевичъ имѣетъ до 150 лѣтъ; въ Черниговѣ Максимъ Костомака 110 лѣтъ; эти старцы разсказывали намъ въ 1676 г... Сила Денисовичъ Вохня, черниговскій житель, которому было 200 лѣтъ (?), отъ старости слѣпой и глухой, разсказывалъ намъ"... Далѣе слѣдуютъ сообщенія стариковъ, что монастырь нѣкогда былъ окруженъ палями, куполы покрыты дубовыми досками и проч. На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ и народныхъ преданій о монастырѣ, Галятовскій составилъ въ 1676 г. „Скарбницу потребную и пожитечную всему свѣту" [1]). Здѣсь перечисляются архимандриты елецкаго монастыря и 32 чуда отъ елецкой иконы Богоматери. Книга посвящена гетману Самойловичу. Къ „Скарбницѣ" приложена „Бѣлоцерковская бесѣда".

Галятовскій заботился о благоустройствѣ ввѣренной его попеченіямъ обители. Въ первые четыре года своего игуменства онъ очищалъ щебень снаружи и внутри елецкой церкви, исправилъ фрамуги подъ хоромъ и столбы между окнами въ большомъ куполѣ, построилъ каменную трапезу и каменную церковь. Въ началѣ семнадцатаго вѣка, когда елецкій монастырь находился во власти уніатовъ, по словамъ Галятовскаго „неразумныи звѣрята и птахи въ немъ гнѣзда себѣ чинили". Галятовскій реставрировалъ монастырь при дѣятельномъ содѣйствіи малорусской старшины и московскаго царя. Четырьмя универсалами 1669, 1670 и 1671 годовъ Многогрѣшный утвердилъ за монастыремъ разныя маетности. Самайловичъ также благотворилъ елецкому монастырю. Въ 1672 г. онъ выдалъ монастырю утвердительную грамоту на маетности. Въ особенности усерднымъ жертвователемъ явился черниговскій полковникъ, впо-

[1]) Одинъ экз. «Скарбницы» находится въ библіотекѣ Хлудова.

слѣдствіи генеральный обозный Дунинъ—Борковскій, давшій деньги на постройку каменной трапезы [1]).

Задолго еще до Галятовскаго, разные попрошайки греческаго происхожденія проложили дорожку въ Москву. Со времени присоединенія восточной Малороссіи къ московскому государству по этой дорожкѣ охотно пошли южно-русскія духовныя лица. Ранѣе Галятовскаго въ Москѣ побывали Лазарь Барановичъ, епископъ мстиславскій Меѳодій, нѣжинскій протопопъ Адамовичъ. Барановичъ направилъ Галятовскаго въ Москву: „ты жалуешься, писалъ онъ Галятовскому въ 1670 г., что тебѣ неоткуда взять гроша и даже шеляга [2]). Но, находясь подъ державою государя, надобно иначе выражаться и стараться о копѣйкахъ, а не о шелягахъ" [3]). Галятовскій ѣздилъ въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Барановича. Изъ сохранившейся въ елецкомъ монастырѣ записки видно, что Галятовскій „великую ласку, 50 рублей, 13 струговъ для огороженія монастыря, 7 фелоней съ епитрахилями, 5 стихаровъ съ орорами зъ разного блавату изъ сереброглаву и златоглаву, три дискоса, звѣзду, копію, келихъ, ложку одъ серебра съ позолотою, кадильницу сребную и сребный крестъ злоцистый, евангеліе, окрытое аксамитомъ рытымъ и сребромъ злотистымъ пріоздобленное, съ иншими книгами церковными, отъ царскаго величества одержалъ" [4]). Въ Москвѣ Галятовскій сказалъ царю привѣтственное слово и въ дворцовой церкви произнесъ проповѣдь. Все это было сказано въ концѣ 1670 года, а не въ 1671 годъ, какъ значится у архіеп. Филарета [5]). Къ первому числу января 1671 года Галятовскій былъ уже на родинѣ. Въ письмѣ къ думному дворянину Артамону Матвѣеву отъ 1 января 1671 г. Галятовскій сообщаетъ о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Черниговъ и проситъ ходатайствовать о выдачѣ ему изъ царской казны ста рублей на печатаніе „Мессіи" на польскомъ и латинскомъ языкахъ" [6]). Въ письмѣ Галятовскаго рѣчь идетъ о второмъ польскомъ изданіи „Мессіаша", которое на-

---

1) Истор.-стат. Опис. черниг. епархіи. III. 16.

2) Шелягъ—польская мѣдная монета въ полъ-копѣйки.

3) Письма Лазаря Барановича, стр. 100—101.

4) Амвросій, Ист. рос. іерархіи. 1815. VI. 495.

5) Филаретъ, Обзоръ дух. литер. I, 286.

6) Акты южн. и зап. Россіи, IX, 333—335.

чало печататься, судя по письму Галятовскаго, въ 1671 г. передъ великимъ постомъ, а вышло въ свѣтъ въ 1672 г. [1]). Сношенія Галятовскаго съ Москвой и царскія милости Галятовскому не прекращались. Въ 1672 г. Галятовскій просилъ царя о дарованіи монастырю жалованной грамоты на маетности. 18 іюня 1672 г. князь Ромодановскій, по случаю рожденія Петра Алексѣевича, роздалъ малорусскимъ военачальникамъ и духовнымъ лицамъ подарки: Самойловичу соболей на 170 рублей, обозному на 70 руб., судьямъ и полковникамъ на 60 руб. каждому, Барановичу на 50 руб., нѣжинскому протопопу Адамовичу на 28 р. Галятовскій получилъ маловато, всего 2 пары соболей на 12 руб. Галятовскій напоминалъ о себѣ просьбами. Такъ, не получивъ еще [2]) отвѣта на челобитную 1671 г., Галятовскій 4 іюля 1672 г. посвящаетъ царю второе изданіе „Мессіи" на польскомъ языкѣ и въ письмѣ къ царю напоминаетъ ему о его обѣщаніи построить въ елецкомъ монастырѣ каменную церковь и, пока суть да дѣло, проситъ у царя пособіе на „поправленіе и побѣлѣніе вапномъ церкви пресвятой Богородицы елецкой, на покрытіе купола, на звонъ и паникадилъ" [3]). Вскорѣ послѣ этого письма 1 августа 1672 г. Галятовскій получилъ отъ царя утвердительную грамоту на монастырскія маетности [4]). Галятовскій писалъ патріарху Іоакиму, чтобы онъ напомнилъ царю Ѳедору Алексѣевичу о нуждахъ елецкаго монастыря [5]).

Поддерживая дѣятельныя сношенія съ Москвой въ интересахъ монастыря елецкаго, Галятовскій и на мѣстѣ своего постояннаго жительства въ черниговщинѣ велъ жизнь дѣятельную, участвовалъ въ встрѣчѣ и въ богослуженіи александрійскаго патріарха Паисія, пробывшаго нѣкоторое время въ Черниговѣ, на обратномъ пути изъ Москвы въ Египетъ, въ августѣ 1669 года [6]), въ 1672 г. присутствовалъ въ Козачьей Дубравѣ при избраніи Ивана Самойловича въ гетманы [7]), въ 1676 г. обсуждалъ спорное дѣло

---

[1]) Wisznewski. Hist. liter. VIII. 395.

[2]) Акты ю. и з. Россіи. IX, 951.

[3]) Акты ю. и з. Россіи. XI, № 3.

[4]) Амвросій. Ист. рос. іерархіи. VI. 497.

[5]) Рукопись въ моск. общ. ист., № 98.

[6]) Акты ю. и з. Россіи IX, № 12, стр. 54.

[7]) Акты ю. и з. Россіи. IX, 957; XI, 2.

Барановича съ Симеономъ Адамовичемъ о церковныхъ маетностяхъ, причемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами подписался подъ приговоромъ войсковаго суда 1677 г. о низложеніи Адамовича съ протопопіи и о заключеніи его въ монастырь за клевету и неосновательный доносъ на Самойловича [1]):

Галятовскій въ политическихъ дѣлахъ обнаруживалъ честность и осторожность. Когда братъ Демьяна Многогрѣшнаго Василій, спасаясь отъ московскихъ ратныхъ людей, искалъ въ 1672 г. убѣжища въ елецкомъ монастырѣ и спрашивалъ у Галятовскаго совѣта, что ему дѣлать: ѣхать къ воеводѣ или бѣжать далѣе, Галятовскій отвѣтилъ: „Какъ де себѣ хочешь, побѣги далѣ, а здѣсь де тебѣ дѣлать нечего". Василій Многогрѣшный изъ елецкаго монастыря бѣжалъ за Десну и нѣкоторое время скрывался въ никольскомъ и максаковскомъ монастыряхъ, пока не былъ вѣроломно выданъ въ руки воеводы кіево-братскимъ ректоромъ, у котораго просилъ убѣжища [2]).

Н. Сумцовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

[1]) Письма Лазаря Барановича, 209; Акты ю. и з. Россіи, XII, 669, 672, 860—862.

[2]) Акты, ю. и з. Россіи, IX, № 147., стр. 790.

КНЯГИНЯ.

РАЗСКАЗЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА
1853 года.

(Посвящается Б. Ф. Засѣцкому).

Разсказъ этотъ принадлежитъ къ числу неизданныхъ набросковъ и этюдовъ поэта. Онъ написанъ въ бытность Шевченка въ новороссійскомъ укрѣпленіи и переданъ былъ имъ въ Петербургъ доброму другу и заступницѣ его, графинѣ Ан. Ив. Толстой, для помѣщенія въ одномъ изъ журналовъ. При томъ спискѣ разсказа, съ котораго онъ печатается нынѣ, находится короткое письмо автора, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Дармограя, къ издателю „Отечественныхъ Записокъ" А. А. Краевскому такого содержанія: „Посылаю вамъ мой разсказъ „Княгиня" и прошу, если не будетъ противорѣчить духу вашего журнала, напечатать его. Если же окажется онъ неудобопечатнымъ, то прошу переслать рукопись въ Оренбургъ, на имя Бронислава Францовича Залескаго, въ батальонъ № 2". Этому же другу поэта, переписка съ которымъ была помѣщена прошлый годъ на страницахъ „Кіевской Старины", и посвящено самое произведеніе. Въ перепискѣ съ Н. И. Осиповымъ („Основа" 1861 г.) Тарасъ Григорьевичъ вспоминаетъ объ этомъ разсказѣ, не появившемся въ печати. Произведеніе это имѣетъ большое сходство съ неоконченной поэмой „Княжна", помѣщенной въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ „Кобзаря". Разница состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ жертвою безпутнаго и развратнаго князя, кромѣ загубленной имъ жены, является и несчастная дочь его. Молодая княжна, безвинная и кроткая страдалица, заступница угнетеннаго крѣпостного люда, вносившая въ хаты помощь и утѣшеніе—героиня той поэмы.

По выполненію прозаическіе опыты Шевченка нельзя, конечно, и сравнивать съ его поэзіей. Въ этомъ отношеніи во всей силѣ остается мнѣніе, высказанное о нихъ С. Т. Аксаковымъ и П. А. Кулишомъ. Но отрицать ихъ историческое зна-

ченіе невозможно. Въ 1853 году, въ самую тяжелую пору своихъ жизненныхъ испытаній, поэтъ изъ далекой киргизской пустыни силится подать голосъ противъ угнетателей тѣхъ, о комъ онъ всю жизнь свою болѣлъ душею. Пусть несвойственная ему прозаическая рѣчь не имѣетъ огненной силы его стиха, но голосъ его звучитъ все той-же скорбной страстью.

Псевдонимъ, прозаическая форма и общелитературный языкъ приданы были этой работѣ, въ виду возможнаго помѣщенія ея въ журналѣ. Своеобразность стиха всегда выдала-бы автора, да и въ журналахъ того времени не печатались малорусскіе стихи. Къ тому-же тогда во всей силѣ оставалось тяготѣвшее надъ поэтомъ запрещеніе рисовать и писать что-бы то ни было, кромѣ писемъ. Во всѣхъ біографіяхъ поэта встрѣчаемъ тотъ фактъ, что генералу Обручеву, взявшему Шевченка въ ученую экспедицію по Аральскому морю въ качествѣ рисовальщика, былъ сдѣланъ изъ Петербурга строгій выговоръ, а начальникъ экспедиціи Бутаковъ за тоже самое былъ подвергнутъ тайному наблюденію III-го отдѣленія, продолжавшемуся нѣсколько лѣтъ (Чалый, „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка", стр. 74 и др.). Обнаруженная попытка литературной работы могла-бы повести еще къ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ. Опасаясь ихъ, поэтъ, какъ мы видѣли выше, маскируетъ и друга своего, которому посвящаетъ свой разсказъ, назвавъ его въ посвященіи не *Залескимъ*, а *Засѣцкимъ*.

Печатаемый теперь, спустя двадцать три года отъ смерти Шевченка, его разсказъ нельзя, конечно, разсматривать, какъ законченное художественное произведеніе. Простой этотъ разсказъ принадлежитъ къ несродной Шевченку области творчества и оцѣнка его можетъ касаться только идеи и направленія, а въ этомъ отношеніи Шевченко всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ разсказѣ, при всей простотѣ его замысла и построенія, широкая кисть художника даетъ чувствовать себя во многихъ частностяхъ, особенно-же въ картинѣ голода. Заимствованная не разъ въ печать интродукція разсказа, въ которой поэтъ рисуетъ свое дѣтство, кромѣ поэтической картины родного его села, даетъ нѣсколько мѣткихъ чертъ для совершенно безъизвѣстнаго, но весьма интереснаго быта старинныхъ малорусскихъ дьячковъ—по *призванію* и *избранію*, послѣднихъ представителей которыхъ захватила память поэта. Не лишено также историческаго значенія свидѣтельство очевидца-поэта о тогдашнемъ народномъ образованіи, составлявшемъ потребность даже такого бѣдняка — „приблуды", какимъ былъ сирота Шевченко.

Сохраняемъ не только всѣ особенности литературной рѣчи поэта, но и его малорусское правописаніе, очевидно приспособленное для читателей столичнаго журнала. Въ разсказѣ, кромѣ малорусскихъ терминовъ, встрѣчаются свѣдѣнія, ставшія уже достояніемъ исторіи: тѣ и другія мы сочли нужнымъ объяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Село! о сколько милыхъ, очаровательныхъ видѣній пробуждается въ моемъ старомъ сердцѣ, при этомъ задушевномъ словѣ. Село! и вотъ стоитъ передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чорнымъ *дымаремъ*, а около хаты на причилку яблоня, съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ,—любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки; у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба; а за клунею по косогору пойдетъ уже садъ. Да какой садъ! видалъ я много на своемъ вѣку таки порядочныхъ садовъ, какъ напримѣръ уманскій и петергофскій, но это что за сады; гроша не стоютъ въ сравненіи съ нашимъ великолѣпнымъ садомъ: густой, темный, тихій, словомъ: другого такого саду нѣтъ на всемъ свѣтѣ. А за садомъ *ливада*, за ливадою долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а въ этомъ ручейкѣ подъ нависшими лопухами купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ, а выкупавшись перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первою грушею, или яблонею и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противуположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ самъ у себя: „а что-же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что подерживаютъ небо; а что если-бы пойти, да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? Пойду да посмотрю, вѣдь это недалеко“. Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ чрезъ долину и ливаду прямо на гору, и вотъ выходитъ онъ за село, прошелъ *царину*, прошелъ съ полверсты поле, на полѣ стоитъ высокая, черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобы съ нея посмотрѣть, далеко-ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ на могилѣ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая, тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ—и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Мальчуганъ задумался. Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, а завтра вмѣстѣ съ Катрею. Она *до череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ

желѣзнымъ столбамъ, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что подпираютъ небо. И онъ, скатившись кубаремъ съ могилы, всталъ на ноги и пошелъ не оглядываясь въ чужое село. Къ его счастію встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили:

— А куда ты мандруешь, *парубче?*

— До дому.

— А дежъ твоя дома, *неборачe*?

— Въ Кереливци!

— Такъ чего-жъ ты йдешъ у Моринци?

— Я не въ Моринци, а въ Кереливку йду.

— А колы въ Кереливку, такъ сѣдай на мою *мажу*, товарищу, мы тебе довеземъ до дому.

Посадили его на скрыньку, что бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батигъ въ руки; онъ погоняетъ себѣ воловъ, какъ ни въ чемъ не бывало; подъѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело:

— Онъ де, онъ де наша хата!

— А колы ты вже бачишъ свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди зъ Богомъ!

И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Нехай иде соби съ Богомъ!

— Нехай иде соби съ Богомъ! проговорили чумаки, и мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село.

На дворѣ уже смеркало, когда я (потому что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ никто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю чрезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпоришѣ*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: „прійшовъ, прійшовъ!“ и подбѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: „сидай вечерять, *приблудо!*“ Пове-

черявши, сестра повела меня спать и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять приблудою.

Я долго не могъ заснуть; произшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ, говорить-ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить. Никита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ, и тамъ конечно видѣлъ эти столбы,—какъ-же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ вовсе не видалъ; Катерину можно-бъ одурить... нѣтъ, я и ей не скажу ничего, и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ.

Чрезъ два-три года я уже вижу себя въ школѣ у слѣпаго Совгиря (такъ назывался нашъ нестихарный [1]) дьячекъ), складывающаго *тму-мну*. Проскладавши, бывало, до *тля-мля*, выйду изъ школы на улицу, посмотрю въ яръ, а тамъ мои счастливые сверстники играютъ себѣ на соломѣ около клуни и не знаютъ, что есть на свѣтѣ и дьякъ, и школа. Смотрю, бывало, на нихъ и думаю: отъ чего-же я такой безталанный, зачѣмъ меня сердечнаго мучатъ надъ этимъ проклятымъ букваремъ, и махнувши рукой, *дамъ драла* черезъ *цвинтарь* [2]) въ яръ къ счастливцамъ на свѣтлую, теплую солому, и только что начну барахтаться на соломѣ, какъ идутъ два *псалтирника* [3]), берутъ меня раба Божьяго за руки и обращаютъ вспять, сирѣчь ведутъ въ школу, а въ школѣ, сами здоровы знаете, что дѣлается надъ нашимъ братомъ школяромъ, за отлучки.

Совгиръ-слипый (слѣпымъ его звали за то, что онъ былъ только косой, а не слѣпой) былъ въ нашемъ селѣ дьячкомъ не то, чтобы стихарнымъ, настоящимъ дьячкомъ, а такъ себѣ приблудою. Предшественникъ его, Никифоръ Хмара, тоже былъ у насъ не стихарнымъ дьячкомъ; только разъ у тытаря *на меду* [4]) захворалъ ночью, а къ утру и померъ, Богъ его знаетъ, отъ чего. А Совгиръ-слипый случился тутъ-же у тытаря на меду-же, да не долго думаючи,

---

1) Точнѣе: не назначенный епархіальною властію, а избранный и поставленный на мѣсто прихожанами съ согласія лишь священника, какъ всегда было до того времени.

2) Махну чрезъ погостъ.

3) Обучающіеся чтенію по псалтири.

4) Въ храмовые и другіе большіе праздники, по вѣковому обычаю, варили по приходамъ во всей южной Россіи медъ и въ самый праздникъ распивали при церкви, а вечеромъ и на другой день у старосты угощались оставшимся медомъ.

въ слѣдующее-же воскресеніе сталъ на клиросѣ, пропѣлъ обѣдню, прочиталъ *Апостола*, да такъ прочиталъ, что громада и самъ отецъ Кассіянъ только что переглянулися и болше ничего. Послѣ обѣдни громадою былъ провозглашенъ слѣпый Совгиръ дьякомъ, и съ честію подобающею его сану введенъ былъ въ школу, яко въ свою *дидивщину*[1]). Великій человѣкъ громада! Поселился онъ въ своей школѣ и школяры, въ томъ числѣ и азъ невеликій пошелъ къ нему за наукою. А собою онъ былъ росту высокого, широкоплечій и смотрѣлъ-бы настоящимъ запорожцемъ, еслибы не былъ косой; даже свою не заплетенную косу носилъ онъ какъ-то въ родѣ чуприны.

Нрава онъ былъ болѣе суроваго, нежели кроткаго, а въ отношеніи житейскихъ потребностей и вообще комфорта онъ былъ настоящій спартанецъ. Но мнѣ болѣе всего въ немъ не нравилось то, что когда, бывало, въ субботу послѣ вечерни начнетъ насъ всѣхъ по обыкновенію кормить *березовою кашею*[2]),—это все еще ничего, пускай-бы себѣ кормилъ, намъ эта каша была въ обыкновеніи;—а то вотъ гдѣ, можно сказать, истинное испытаніе: бьетъ бывало, а самому лежать велитъ да не кричать и не *борзяся* явственно самому читать четвертую заповѣдь. Настоящій спартанецъ! Ну скажите, люди добрые, рождался-ли когда на свѣтъ такой богатырь, чтобы улежалъ спокойно подъ розгами и читалъ-бы еще, *не борзяся*, четвертую заповѣдь? Нѣтъ, я думаю, такого человѣка еще земля не носила. Бывало, когда дойдетъ до меня очередь, то я уже не прошу о помилованіи, а прошу только, чтобы онъ умилосердился надо мною, велѣлъ меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко. Иной разъ бывало и умилосердится и велитъ придержать, да ужъ такъ выпоретъ, что лучшебъ и не просить о милосердіи.

Миръ праху твоему, слѣпый Совгирю! Ты горемыка и самъ не зналъ, что дѣлалъ: тебя такъ били и ты такъ билъ и не подо-

---

[1]) Таковъ и былъ повсюду порядокъ избранія и опредѣленія къ мѣсту дьячка, и онъ не считался въ духовномъ званіи и не зависѣлъ отъ епархіальной власти.

[2]) Сѣчь березовою розгою. Общій обычай старыхъ школъ — сѣчь по окончаніи недѣльнаго ученія всѣхъ поголовно, для внушенія страха Божія и усердія къ ученію.

зрѣвалъ грѣха въ своемъ простосердечіи! Миръ праху твоему, жалкій скиталецъ, ты былъ совершенно правъ!

И вотъ я къ несказанной моей радости кончилъ „*Малъ бѣхъ*“ [1]), т. е. кончилъ псалтирь, поставилъ, по обыкновенію, кашу братіи съ грошами, совершилъ сей священный обрядъ неукосненно по всѣмъ преданіямъ старины, и на другой-же день принялся мѣломъ выводить премудрыя каракули на крашенной доскѣ, сирѣчь я уже былъ не псалтырникъ какой-нибудь, а скорописецъ.

Въ эту-то почти счастливую для меня эпоху случилось преобразованіе школы: прислали къ намъ изъ самаго Кіева стихарнаго дьячка. Совгиръ-слѣпый сначала было поартачился, но принужденъ былъ уступить предъ могуществомъ закона и, собравши всю свою *мизерію* [2]) въ одну торбу, закинулъ ее за плечи, взялъ *патерицю* [3]) въ руки, а тетрадь изъ синей бумаги, съ сковородинскими [4]) псальмами или виршами, въ другую и пошелъ искать себѣ иной школы. А братія моя по наукѣ аки овцы отъ волка разсыпашася, такъ они отъ новаго стихарнаго дьячка, зане пьяница бѣ, наче всѣхъ пьяницъ на свѣтѣ. Тяжко противу рожна прати; и я, терпѣливѣйшій изъ братіи, наконецъ взялъ свое орудіе—таблицу, перо, каламаръ [5]) съ мѣломъ, и пошелъ во свояси съ миромъ, дивяся бывшему.

Съ этого времени начинается длинный рядъ самыхъ грустныхъ, самыхъ безотрадныхъ моихъ воспоминаній. Вскорѣ умираетъ мать, отецъ женится на молодой вдовѣ и беретъ съ нею троихъ дѣтей вмѣсто приданнаго. Кто видѣлъ хоть издали мачиху и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значитъ, видѣлъ адъ въ самомъ его отвратительнымъ торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами дѣтьми и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцемъ и мачихой; мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузалъ ее щедушнаго Степанка. Того-же года отецъ осенью поѣхалъ за чѣмъ-то въ Кіевъ, занемогъ въ дорогѣ и возвратясь домой, вскорѣ умеръ.

---

[1]) Этими словами начинается послѣдній въ Псалтири псаломъ.

[2]) Скудное имущество.

[3]) Палка, отъ *pater* отецъ.

[4]) Извѣстнаго Сковороды, философа украинскаго.

[5]) Чернильницу, въ которую вмѣсто чернилъ вливался растворъ мѣлу для писанья перомъ на доскѣ.

Послѣ смерти отца, одинъ изъ многихъ моихъ дядей, чтобъ вывести сироту въ люди, какъ онъ говорилъ, предложилъ мнѣ за ястіе и питіе пасти лѣтомъ стадо свинное, а зимою помогать его наймиту по хозяйству; но я избралъ другую часть.

Взявши свою таблицу, каламаръ и псалтырь, отправился я къ пьяному стихарному дьячку въ школу и поселился у него въ видѣ школяра и работника. Тутъ начинается моя практичная жизнь. Пребываніе мое въ школѣ было довольно не комфортабельно. Хорошо еще, если случались покойники въ селѣ (прости меня, Господи!), то мы еще кое-какъ перебивались; а не то, просто голодали по нѣсколько дней сряду. Вечеромъ иногда бывало я возьму торбу, а учитель возьметъ въ десную посохъ дебелый, а въ шуйцу сосудъ скудельной (мы и жидкостями не пренебрегали, какъ-то грушевымъ квасомъ и проч.) и пойдемъ подъ окнами воспѣвать „*Богомъ избранную*". Иной разъ принесемъ таки кое что въ школу, а иной разъ и такъ на-сухо придемъ, только что неголодные.

Я зналъ почти весь псалтирь наизустъ и читалъ его, какъ говорили слушатели мои, выразно, т. е. громко. Въ слѣдствіе такого моего досужества не былъ въ селѣ похороненъ ни одинъ покойникъ, надъ которымъ-бы я не прочиталъ псалтиря. За прочтеніе его я получалъ *кнышъ* и *копу* [1]) деньгами, которыя отдавалъ учителю, какъ его доходъ, и онъ уже, отъ щедротъ своихъ, удѣлялъ мнѣ пятакъ на бублики, и это былъ одинъ-единственный источникъ моего существованія. При такихъ, можно сказать, умѣренныхъ доходахъ, я не могъ жить открыто и одѣвался не щегольски, какъ прилично званію школяра. Ходилъ я постоянно въ сѣренькой, дырявой свиткѣ, и въ вѣчной грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было, ни лѣтомъ, ни зимою. Однажды далъ мнѣ какой-то мужикъ за прочтеніе псалтиря на *пришвы ремeню* [2]), да и тотъ отъ меня учитель отобралъ, какъ свою собственность.

И много-много могъ-бы я разсказать презанимательныхъ и назидательныхъ вещей на эту тему, да разсказывать какъ-то грустно.

Такъ пролетѣли четыре жалкихъ года надъ моею дѣтскою головою.

---

[1]) Кнышъ—особой формы пшеничный хлѣбъ, праздничный и заупокойный, *копа*—50 коп.

[2]) Простой кожи на головки къ сапогамъ.

Потомъ воспоминанія мои принимаютъ еще печальнѣйшіе образы. Далеко, далеко отъ моей бѣдной, моей милой родины,

Безъ любви, безъ радости
Юность пролетѣла!

Не пролетѣла, правда, а проползла въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ униженіи, и все это длилось ровно двадцать лѣтъ...

Въ продолженіи моего странствованія внѣ моей милой родины, я воображалъ ее такою, какою видѣлъ въ дѣтствѣ, прекрасною, грандіозною, а о нравахъ ея молчаливыхъ обитателей я составилъ уже свое понятіе, гармонируя ихъ, разумѣется, съ пейзажемъ; да мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это могло быть иначе, а выходитъ, что иначе.

Послѣ двадцатилѣтнихъ испытаній, я не много окрылился и, разумѣется, полетѣлъ прямо въ родимое гнѣздо. Вскорѣ передо мною засверкали давно знакомые мнѣ бѣленькія хатки,—онѣ какъ будто улыбались изъ темной зелени.

Можетъ-ли быть мѣсто въ этихъ милыхъ пріютахъ нищетѣ и ея гнуснымъ спутникамъ? Нѣтъ, а иначе человѣкъ былъ-бы не человѣкъ, а простое животное... Съ этимъ сладкимъ убѣжденіемъ я проѣхалъ почти всю черниговскую губернію, нигдѣ не останавливаясь. Изъ города Козельца мнѣ нужно было взять въ сторону отъ почтовой дороги, и взглянуть поближе на мой эдемъ, и даже выслушать сію печальную и правдивую повѣсть.

Городъ Козелецъ ничѣмъ не отличается своей физіономіею отъ прочихъ своихъ собратій, повѣтовыхъ малороссійскихъ городовъ. Въ исторіи нашей онъ тоже не играетъ особенной роли, какъ напримѣръ заднѣпрянскіе его товарищи, развѣ только что въ 1663 году недалеко отсюда собрана была знаменитая *Чорная Рада*, вслѣдствіе которой Брюховецкій отрубилъ голову своему сопернику, Якиму Сомку. Словомъ: городокъ ничѣмъ не примѣчательный, но проѣзжающій, если только онъ не спитъ во время перемѣны лошадей, или не закусываетъ у пана Тихоновича, непремѣнно полюбуется величественнымъ храмомъ граціозной архитектуры Растрелевской, воздвигнутымъ Натальею Розумихою, родоначальницею дома графовъ Разумовскихъ.

Въ шести верстахъ отъ г. Козельца, въ селѣ Лемешахъ, въ бѣдной хаткѣ, на *сволокѣ* или балкѣ, читаемъ: *сей домъ соорудила раба Божія Наталія Розумиха 1710 року Божого;* а въ г. Козельцѣ въ величественномъ домѣ читаемъ на мраморной доскѣ: *сей храмъ соорудила Графиня Наталія Разумовская въ 1742 году.* Странные два памятника одной и той-же строительницы!

Въ Козельцѣ я нанялъ пару не мудрыхъ лошадокъ, вмѣстѣ съ рыжимъ жидкомъ, и поѣхалъ себѣ проселкомъ, куда мнѣ нужно, это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Съ утра былъ день только сѣренькій, а къ вечеру сталъ и мокренькій, время шло къ ночи, нужно было гдѣ нибудь приготовить себѣ ночлегъ, а по дорогѣ не только корчмы, и мизернаго шинка не видно.

Не доѣзжая Трубежа, или по мѣстному Трубайла, намъ показалося на косогорѣ село; подъѣзжаемъ ближе, и дѣйствительно село, только погорѣлое, и ничего живаго на чорной улицѣ не видно, а за греблею, по ту сторону Трубежа, мы увидѣли между вербами и едва начинающими желтѣть садами бѣлыя хаты. Проѣхали мы по плотинѣ мимо двухъ шумящихъ мельницъ и очутились въ большомъ козачьемъ селѣ. Чистыя большія хаты и неразрушенные тыны свидѣтельствовали о благосостояніи обитателей; но первая къ царинѣ хата своею миловидностію мнѣ особенно приглянулась, такъ что я рѣшился просить въ ней пріюта на ночь. Дождичекъ моросилъ таки порядочно, а хозяинъ привѣтно улыбающейся хаты, какъ ни въ чемъ не бывало—стоитъ себѣ, облокотяся на тынъ, въ новомъ нагольномъ тулупѣ, куритъ коротенькую трубку и улыбаясь смотритъ, какъ его любимцы круторогіе половые волы наслаждаются въ огородѣ капустою. Увидѣвши въ окно такое святотатство, изъ хаты выбѣжала хозяйка и сквозь слезы закричала:

— Чего-же ты стоишъ, *недолюде* старый, и смотришъ, какъ добро *нивичитъ* скотина, чому ты не заженешъ въ загороду?

— Я ее тридцать лѣтъ загонялъ, пускай теперь другіе загоняютъ,—отвѣтилъ хозяинъ совершенно равнодушно и продолжалъ курить трубку.

— А Боже мій съ тобою, снова закричала хозяйка. Да ты хоть-бы кожухъ снялъ, видишь дождь идетъ?

— Такъ чтожъ, пускай себѣ идетъ съ Богомъ!

— Какъ чтожъ? кожухъ изнивечишь!

— Такъ чтожъ, пускай себѣ изнивечу, у меня другой есть.

— Хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое провадить,—сказала хозяйка и побѣжала выгонять изъ огорода скотину. Хозяинъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и самодовольно улыбнулся.

Мнѣ очень понравилась его совершенно хохлацкая выходка, и я, высунувшись изъ брички, привѣтствовалъ хозяина съ добрымъ вечеромъ, на что онъ отвѣчалъ:

— Добри-вечеръ и вамъ, люди добри! а чи далеко Богъ провадитъ?—прибавилъ онъ, надѣвая шапку.

— Та не далеко, а все таки сегодня не доидемо,—сказалъ я, вылѣзая изъ брички, и прибавилъ съ разстановкой: а чи не можно-бъ у васъ, дядюшко, пидночевать?

— Чому не можно, можно, Боже благослови! хата у насъ чимала, а мы добрымъ людямъ ради,—и говоря это, онъ отворилъ ворота, и бричка всунулась въ дворъ.

— Просимо покорно до *господы*,—сказалъ мнѣ хозяинъ, когда я вошелъ на дворъ, и замѣтно было, что онъ старался выговорить слова на русскій ладъ. Я вошелъ въ хату, въ ней было почти темно, но все таки можно было видѣть, что хата была просторная и чистая.

— Просимо, покорно, садовитесь,—говорилъ хозяинъ, показывая на лаву,—а я тимъ часомъ скажу своей старой, шобъ що нибудь намъ засвѣтила,—прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Черезъ минуту вошла въ хату старушка со свѣчей и поставивъ ее на столъ, тихо отошла къ двери и сложа руки на груди, молча остановилась. Она была въ чистомъ чепцѣ и въ нѣмецкомъ платьѣ, что меня не мало удивило. Какимъ родомъ, подумалъ я, очутилось подобное явленіе въ мужицкой хатѣ.

Вскорѣ за старушкой вошелъ и хозяинъ въ хату, неся на рукахъ плачущее дитя, которое, увидя старушку, зажало губки и улыбаясь протянуло къ ней свои крошечныя ручонки.

— Возьми его, Микитовна, до себе, говорилъ хозяинъ, передавая дитя старушкѣ. Бачъ, воно мужика боится; сказано княжа, прибавилъ онъ, гладя его по головѣ своей костлявой и широкой рукою.

У меня въ карманѣ были леденцы; нужно замѣтить, что я этотъ продуктъ постоянно имѣлъ въ карманѣ во время моихъ поѣздокъ по Малороссіи, ибо ничѣмъ нельзя такъ скоро задобрить моего угрюмаго земляка, какъ приласкать его дитя, и я часто не

безъ пользы употреблялъ эту тактику. Я подалъ леденецъ дитяти, оно сначала посмотрѣло на меня своими необыкновенно большими глазами, потомъ молча взяло леденецъ и улыбаясь, воткнуло въ свои розовыя губки.

Тутъ я могъ поближе взглянуть на дитя и на старушку. Старушка показалась мнѣ живой картиной Жераръ-Доу, а дитя было настоящій херувимъ. Меня поразила эта чистая тонкая красота дитяти; мои глаза остановились на этомъ прекрасномъ созданіи. Старушка отнесла дитя въ сторону и перекрестила, вѣроятно отъ дурнаго глазу, а хозяинъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А что, не правда-ли, что панская дитина?

— Прекрасное дитя,—отвѣчалъ я, и подалъ дитяти еще одинъ леденецъ.

Хозяинъ замѣтно былъ доволенъ моими гостинцами и подходя къ старушкѣ, сказалъ: скажи моей старой, чи не найде вона тамъ чего-нибудь намъ подвечиркувать, та може коли не *лыха* буде, то й тее... по чарочци... догадуетесь, Микитовна?

— Мы, добродію, люди прости, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, у насъ нема ничого такого сладкого, ни того чаю, ниже того сахару, а такъ просто, по простому.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ, съ ребенкомъ на рукахъ подходя ко мнѣ, сказалъ:

— Отеперъ подывитесь на ёго, добродію, правда что хороше; сказано княжà.

— Да какъ-же очутилось у васъ княжеское дитя? разскажите мнѣ, ради Бога! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нехай вамъ, добродію, Микитовна роскаже, бо тутъ, не вамъ кажучи, була настоящая комедія; вы бачили отамъ, за Трубайломъ, погориле село?

— Видѣлъ, отвѣтилъ я.

— Такъ добре, що видѣли. Отъ то самое село було колысь оцего дитяти матери, та и выгорѣло; а вона еого маты... Та я не роскажу вамъ, якъ воно тамъ выгорѣло, мене тойди дома не було, то я и не бачивъ; нехай Микитовна сама роскаже; вона бачила, то вона й знае, якъ воно диялось.

Между тѣмъ старушка вошла въ хату и чистой бѣлой скатертью поверхъ *килима*[1]) накрыла столъ, достала съ *полыци*[2]) восьмиугольный расписанный штофъ съ водкою и рюмку, и поставила на столъ; потомъ принесла на деревянной тарѣлкѣ, тоже разрисованной, кусками нарѣзаннаго *чабака* и *паляницю*[3]), и все это было сдѣлано ею тихо, чинно, такъ что глядя на нее, можно было навѣрное сказать, что она выросла и состарѣлась не въ мужицкой хатѣ. Потомъ взяла на руки ребенка и отошла въ сторону, а хозяинъ сказалъ ей:

— Микитовна, когда положишъ спать дитину, то зайди до насъ, намъ треба буде роспытать у тебе де що. Та скажите тамъ моей старій, нехай намъ вечерю готуе, та не галушки, або *кулишъ*, бачите, що у насъ чужи люде.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ въ слѣдъ ей прибавилъ:

— Зайдить же до насъ, Микитовна, якъ *упораетесь.*

— Хорошо, зайду, отвѣчала она изъ сѣней.

Выпивши по одной, а потомъ и по другой, хозяинъ мой сталъ слово-охотнѣе; онъ разговорился до того, что, самъ не замѣчая, разсказалъ мнѣ всю свою біографію; разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ онъ, будучи парубкомъ еще, былъ въ погоньцяхъ подъ французомъ и воротился съ нимечины голый-голымъ, съ однимъ батогомъ въ рукахъ, и какъ потомъ пошелъ въ наймы до пана, и какъ послѣ трудомъ и разумомъ богатѣлъ и сдѣлался изъ бездомнаго сироты-наймита первымъ хозяиномъ въ селѣ. Словомъ чрезъ часъ времени я не допытываясь узналъ всю его самую сокровенную історію. Но что мнѣ особенно въ немъ понравилось,—что онъ разсказывая свою обыкновенную історію, касался какъ-бы мимоходомъ своихъ богатырскихъ подвиговъ, не подозрѣвая въ нихъ ничего необыкновеннаго.

А между тѣмъ старушка принесла намъ вечерю и сама повечеряла съ нами. Помолившись Богу, послѣ вечери хозяинъ обратился къ старушкѣ, сказалъ:

---

[1]) У людей зажиточныхъ столъ накрывался *коврикомъ* домашней работы.

[2]) Деревянная полка въ заднемъ углу, для храненія посуды.

[3]) Чабакъ—сушеная, вяленая рыба, любимая у хозяевъ съ достаткомъ закуска съ паляницею, т. е. бѣлымъ хлѣбомъ.

— Теперь, Микитовна, роскажить намъ про свою княгиню, якъ воно тамъ у васъ діялось; а съ самаго начала, прибавилъ онъ,— наточите намъ съ кухоль сливянки, воно, знаете, веселише буде слухать.

Черезъ минутъ пять старушка возвратилась въ хату съ порядочнымъ стеклянымъ *глечикомъ* въ рукахъ; поставивши глечикъ на столъ, сама она сѣла на скамейку, и помолчавъ немного, проговорила вздохнувши:

— Про ее безталанье, Степановичу, про сю тяжку горькую долю, я готова каждый день, каждую годину разсказывать всему свѣту, чтобъ весь свѣтъ зналъ про сіи горькіе кровавые слезы и казнился ими.—И старушка тихо заплакала.

Мы выпили по рюмкѣ сливянки, а старушка, утерши слезы, начала такъ:

— Не умѣю сказать, сколько минуло тому лѣтъ, только это случилося давно, еще до француза, я была тогда еще такою *стригою*, когда покойный Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, пришелъ изъ подъ-француза. Они служили въ какихъ-то козакахъ, а въ какихъ именно, не умѣю вамъ сказать, знаю только, что въ козакахъ и больше ничего. Батюшку своего Федора Павловича, царство ему небесное, они не застали въ живыхъ. Осмотрѣвшися дома около хозяйства, поправили, что нужно было поправить, а что не нужно, то и такъ оставили, тогда-же они выстроили и два *витряка*, вотъ что на горѣ стоятъ. Они только и уцѣлѣли отъ всего добра. Построивши витряки, да и задумали свататься, высватали они ажъ за Остромъ у какого-то Солонины Катерину Лукьяновну. Вотъ весною засватались, а послѣ першой Пречистой и повѣнчалися; и полгоду не былъ женихомъ голубчикъ мой; послѣ ихъ сватьбы меня и взяли во дворъ, въ покои. Долго я плакала и скучала за своими домашними, а послѣ и привыкла, когда побольше подросла. На другой или третій годъ,—кажется на третій, далъ имъ Богъ дитя, назвали его Катериною, а меня приставили къ нему нянькою; съ той поры и по сіе лютое время я не разлучалася съ моею безталанницею ни на одинъ часъ, у меня на глазахъ выросла и замужъ вышла, и...

— Та годи вамъ плакать, Микитовна, сказалъ хозяинъ съ участіемъ; на все то воля Божія, слезами только Бога гнивите.

Старушка, помолчавъ немного, продолжала:

— А какой хозяинъ! какой панъ добрый! Душа какая праведная была! И все пошло прахомъ. Бывало, покойный Катериничъ пріѣдетъ къ намъ изъ Кіева, да только подивуется, а ужъ можно сказать, что Катериничъ даромъ никого не похвалитъ, да правду сказать, было чему и подивоваться. Село всего на-вся сорокъ хатъ, а посмотрѣли-бъ, чего въ этомъ селѣ не было! И *ставы*, и *млины* и *паськи*, и *винниця*, и *броварь*, и скотины разной, а въ *коморахъ* и *господи* развѣ птичого молока не доставало, а то все было. А въ селѣ такъ любо по улицѣ пройдти, хаты чистыя, бѣлыя, казалось, что въ нашемъ хуторѣ вѣчная великодная суббота, люди ходять соби по улицѣ, или сидятъ подъ хатами обутые, одѣтые, дѣти бѣгаютъ по улицѣ въ бѣленькихъ сорочечкахъ, точно ангелята Божіи. О, охъ! и гдѣ это все дѣвалося? Правда, и Катерина Лукьяновна была хозяйка, но все таки не то, что самъ. Бывало, каждое Божіе воскресенье, или праздникъ какой запросятъ покойнаго Купріяна на *Отче нашъ* [1]) да и выставлятъ двѣнадцать графиновъ, и все съ разными настойками, а отецъ Купріянъ, царство ему небесное, по *Отче нашъ* выпьетъ бывало съ каждаго графина по рюмкѣ, да какъ дойдетъ уже до послѣдниго, то и скажетъ: вотъ это хорошая водка, ее и будемъ пить; а водки, правду, сказать, всѣ были одинаково хорошія, да онъ покойникъ былъ ужъ такой чудной, любилъ иногда, царство ему небесное, и пошутить.

— Чудный, чудный таки былъ покойникъ, говорилъ хозяинъ, наливая въ рюмку сливянки, а чтобы сказать пьянаго, такъ я его никогда не видѣлъ: Богъ его знаетъ, или это ужъ натуру такую добрую Богъ дастъ человѣку, или человѣкъ уже самъ приспособится, не знаю;—а что, Микитовна, еслибъ и вы съ нами выпили чарочку сливянки, воно може-бъ и полегшало!

Старушка отказалась отъ сливянки, и немного помолчавъ, продолжала свой разсказъ:

— Катеринѣ Демьяновнѣ пошелъ уже другій годочокъ, какъ вона въ первый разъ на ноги стала, я привела ея за ручку въ гостинную, гдѣ они поутру пили чай. Господи! что тутъ было радости,

[1]) Т. е. на закуску, благословляя которую, священникъ читалъ молитву Господню; отсюда выраженіе: зайти, или просить на *Отче нашъ*.

такъ и разсказать не можно. Катерина Лукьяновна взяла ее на руки и поцѣловавши, тутъ-же сказала, что ни за кого на свѣтѣ не выдастъ ее замужъ, какъ за князя, или какого генерала... Охъ! такъ-же оно и случилося на наше безголовье. А какіе люди сватались: нѣтъ таки, дай ей князя, или генерала... вотъ тебѣ и князь!

— Да таки нѣчего сказать, хорошій, перебилъ хозяинъ, далъ онъ ей бѣдной знать себя.

— Стало оно выростать, стали его учить сначала грамотѣ, а потомъ—и Господи! чему они его не учили! Бывало, жаль посмотрѣть на бѣдное дитя! и шить, и вышивать, и прясть, и нитки сучить, а разъ самъ такъ послалъ ее бѣдную и коровъ даже доить. Бывало, сама иногда вскинется на него: что ты, говоритъ, дѣлаешъ съ бѣднымъ ребенкомъ? развѣ мы его за мужика готовимъ? А можетъ, и за мужикомъ придется жить; будущее кто знаетъ?— бывало, скажетъ самъ, да и замолчитъ. А она ему: ты бы лучше для нее фортопьяны купилъ въ Кіевѣ. Купили и фортопьяны на контрактахъ. Привезли съ фортопьянами и учителя, не умѣю сказать, полякъ-ли онъ былъ, или нѣмецъ, не знаю; только онъ говорить совсѣмъ не умѣлъ по нашему, бывало скажетъ слово, такъ слушаешъ, да только хохочешъ. Вотъ онъ ее въ годъ или два выучилъ играть на тѣхъ фортопьянахъ, да какъ бывало заиграетъ моя лебедонька, такъ только сидишъ, слушаешъ, слушаешъ да и заплачешъ, а она возметъ да и перемѣнитъ пѣсню, да какъ ударитъ *горлицю* или *метелици*, согрѣшила я грѣшная, не вытерплю бывало, да какъ возьмуся въ боки, да й пойду, да какъ пойду!— Только подъ ноги ложится, а она играетъ, бывало, да хохочетъ. Однажды насъ и застала сама, да какъ крикнетъ на насъ: ты, говоритъ, что это дѣлаешъ? развѣ этому тебя учили играть, только инструментъ портишъ своими мужицкими пѣснями. А ты, цындря, не знаешъ, гдѣ коровъ доятъ, то будешь знать. Я, разумѣется, испугалась и стала себѣ въ уголъ, да и стою, какъ будто меня и въ комнатѣ нѣтъ.

— А вы таки, Микитовна, були, колись, нигде правды *сховать*, таки добре *дзиньдзюристы* [1]), сказалъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки.

---

[1]) Дзиндзюристый—вертлявый, на всѣ штуки.

— Прости мене, Господи! сказано молодость, а въ молодости чего не случается. А бывало, когда моя пташечка Катруся совсѣмъ выросла, то какъ только лягутъ спать папы послѣ вечери, а мы и выйдемъ тихенько въ садъ, гуляемъ, гуляемъ, до самого свѣта гуляемъ, а мѣсяцъ такъ тебѣ и свѣтитъ, какъ будто днемъ; а она еще бывало возметъ, да запоетъ: *Не ходи Грицю, та на вечерницю*— тихо, тихо, та сладко, такъ-бы вотъ, кажется, и слушала-бъ ее, слушала-бъ до самаго свѣту.

— Помню, хорошо помню, сказалъ хозяинъ, разъ иду я въ ночи коло вашего саду, только слушаю, что то поетъ, тилько не *Грицця*, а другую какую-то пѣсню, я остановился и такъ простоялъ, какъ прикованный до тыну, до самаго бѣлаго дня; нечего сказать, прекрасно було слушать, какъ вона бувало заспивае.

— А по утру, спала-ли, нѣтъ-ли, вспорхнется, что твоя пташка, и снова веселится и никто, опричъ меня, не знаетъ, что ночью дiялось. Ахъ, вотъ что я было чуть совсѣмъ не позабыла: есть тутъ, голубчики мои, не далеко отъ нашего села на Трубайлѣ хуторъ маiора Ячнаго. Вы его, Степановичъ, знаете самаго маiора? Онъ и теперъ еще здраствуетъ, благодаренiе Богу, а что за хозяинъ, такъ и покойному нашему Демьяну Федоровичу не уступитъ. Правда, у него только всего на все десять хатъ на хуторѣ, такъ за то и хаты, за то и люде, что хата, то семья душъ десять. Извѣстное дѣло въ добри, та въ роскоши живутъ, а у самаго маiора ставочокъ, млиночокъ, садочокъ, а домикъ что твоя писанка,—чистенькiй, бѣленькiй, только смотри да любуйся! А что-же, еслибъ у него еще и хозяйка была-бы жива, а то онъ самъ за всѣмъ хозяйничаетъ: правда, былъ у него сынокъ, но то что? еще можно сказать дитина, да и то не на глазахъ росло, а было гдѣ то въ школахъ, не знаю, въ Кiевѣ или Нѣжинѣ.

— А были они съ нашимъ покойнымъ великiе прiятели. Бывало, или нашъ у него, или онъ у нашего, куска хлѣба не съѣдятъ врозь, все вмѣстѣ. На праздники прiѣзжалъ къ нему гостить и сынъ изъ школы, и только слава, что прiѣзжалъ къ отцу, а у насъ бывало и днюетъ и ночуетъ; изъ моею Катрусею, бывало, и въ полѣ, и въ саду, и въ покояхъ, одно безъ другаго никуда; я, бывало, гляжу на нихъ, та и думаю: вотъ выростаетъ парочка такъ, что на диво. Они просто одно для другаго на свѣтъ Божiй роди-

лися. Тукъ думалъ и маіоръ, такъ думалъ и нашъ Демьянъ Федоровичъ, а про дѣтей и говорить нечего; да всѣ такъ думали, да не такъ думала Катерина Лукьяновна. Она спала и видѣла своего зятя или князя или генерала, а о другихъ и думать не хотѣла! Бывало, когда ему бѣдному приходило время отправляться въ школу, то Катруся моя уже за недѣлю начинаетъ плакать, а когда онъ уѣдетъ уже совсѣмъ, то она просто въ постель ляжетъ, и долго послѣ того не ѣстъ, ни пьетъ ничего, Богъ ее знаетъ, чемъ она и жива была.

— Такъ-то они мои голубоньки росли, да и выросли вмѣстѣ, да и полюбилися, сердечные, на свое безголовье. Господи! я уже въ *домовину* смотрю, а когда вспомню про нихъ, моихъ пташечекъ, то какъ будто снова молодѣю. Бывало уже передъ тѣмъ, какъ имъ надо разставаться, сойдутся себѣ въ саду, станутъ гдѣ нибудь подъ липою, или подъ берестомъ, обнимутся, поцѣлуются и долго, долго смотрятъ другъ другу въ очи, а слезы у обоихъ изъ очей такъ жемчугомъ и катятся; знать они чувствовали, что не дадутъ имъ жить одному для другаго.

— Вотъ онъ уже кончилъ свою школу, покойный губернаторъ Катериничъ взялъ его къ себѣ въ Кіевъ, опредѣлилъ его въ какую-то палату. Не умѣю вамъ сказать, для чего онъ его опредѣлилъ въ палату; вотъ онъ пробылъ годъ въ той палатѣ, а на другой годъ пріѣзжаетъ къ намъ въ гости, да и давай сватать мою Катрусю. Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, таки сразу согласились и говорятъ, что лучше мужа нашей Кати не найти и за морями, и правду говорили. Такъ что-жъ сама,—не Катруся сама, Боже борони! а сама Катерина Лукьяновна—уперлась и руками и ногами. Какъ! закричитъ бывало, чтобъ я свою единственную дочь отдала за какого нибудь хуторянина, за *гречкосія*! нѣтъ, я лучше въ гробъ ее положу, чѣмъ увижу ее, мою милую Катеньку, на хуторѣ Ячнаго! Что она тамъ будетъ дѣлать, индиковъ кормить, гусей загонять? нѣтъ, не для того я ее на свѣтъ породила, не для хутора Ячнаго я ее воспитывала... крикнетъ, бывало, и запрется въ своемъ покою на цѣлый день; а онъ самъ около нея и такъ и сякъ, нѣтъ, хоть и не подходи, знай свое *провадитъ*. Князя или генерала, да и только! Покойный Демьянъ Федоровичъ хотѣлъ было уже безъ ея согласія перевѣнчать, да знать Богъ не судилъ ему это доброе

дѣло сдѣлать. О Рождествѣ онъ заболѣлъ, вернувшися изъ Козельца, а на средокрестной и Богу душу отдалъ.

— Господи! и теперь страшно вспомнить! Какъ онъ уже на вѣчной постели просилъ ее, чтобы не отдавала Кати ни за князя, ни за генерала, а чтобы отдала ее за молодаго Ячнаго, или за кого другаго, только за свою ровню. Нѣтъ таки, поставила на своемъ.

На тотъ грѣхъ, какъ разъ въ чистый четвергъ, вступила *драгунія* въ Козелецъ, да и заквартировала по хуторахъ и по селахъ на все лѣто. Да драгунія-жъ эта была! чтобы она къ намъ никогда не возвращалась. Да таки дала себя знать эта проклятая драгунія! не одна чорнобривка умылася слезами, провожавши эту Иродову драгунію; въ одномъ нашемъ селѣ осталось четыре *покрытки*, а что же въ Оглавѣ да въ Гоголевѣ? тамъ я думаю и не пересчитаешъ!

— Горе намъ! горе намъ съ тѣми драгунами, промолвилъ хозяинъ, наливая чарку сливянки.

— Да и теперъ страшно вспомнить, продолжала старушка; разъ сидимо мы къ вечеру всѣ трое въ гостинной, я, кажется, карпетку вязала, Катерина Лукьяновна сидѣла такъ, а Катруся книжку читала, та такую жалобную—чуть-чуть я не заплакала, про какого-то запорожца Киршу, или про Юрія, не помню хорошенько, только очень жалобно. Вотъ, уже дочиталася она, моя рыбонька, какъ того Юрія запорожца заковали въ кайданы и посадили въ темницу, только глядь, смотримъ—входитъ въ комнату драгунъ, высоченный, усатый, а морда ниначе те *решето*, гладка та червона, здавалась червонише одъ воротника, що пришитый до его мундира. Я, говоритъ, такой-то и такой князь Мордатый; мы сами видимъ, что ты мордатый, думаю себѣ. Я, говоритъ, покупаю овесъ и сѣно, нѣтъ ли у васъ овса и сѣна продажняго? Есть, говоритъ Катерина Лукьяновна,—прошу садиться. Вотъ онъ себѣ и сѣлъ, а мы съ Катрусею ушли въ другую комнату дочитывать книжку; только что начала читать, а въ комнату входитъ Катерина Лукьяновна и говоритъ: вотъ тебѣ, Катенька, и твой суженый. Мы какъ сидѣли, такъ и обмерли; какъ уже у нихъ было въ тотъ несчастный вечеръ и какъ онъ сватался, мы ничего не знали, только съ того самаго вечера—князь къ намъ началъ ѣздить каждый Божій день и рано и вечеромъ. А молодаго Ячнаго, когда пріѣдетъ онъ, бывало, изъ

Кіева, и на дворъ не пускали; ходитъ бывало по-за садомъ, да плачетъ, а мы глядя на него, и сами въ слезы. Что жъ? не помогли и слезы, а ни, ни; Катерина Лукьяновна таки поставила на своемъ; какъ разъ черезъ годъ послѣ смерти Демьяна Федоровича, на великодныхъ святкахъ, просватала за князя мою безталанну Катрусю.

— И можно таки сказать, что безталанница: отъ всего добра, отъ всей роскоши только и осталось, что два витряка, да и сама еще, Богъ знаетъ, останется ли въ живыхъ,—говорилъ хозяинъ какъ-бы самъ про себя, наливая рюмку сливянки.

— А вотъ какъ было, Степановичу! На Фоминой недѣли ихъ и повѣнчали; плакала, плакала она, моя безталанница, да что! знать, такъ Господу угодно было, не умолила она Его милосердаго; знать, Господь Богъ любя наказуетъ. На другой день послѣ свадьбы переѣхалъ онъ къ намъ изъ Козельца, и деньщикъ его Яшка, такой скверный, оборванный, тоже съ нимъ переѣхалъ, и только и добра было съ ними, что преогромная бѣлая кудрявая собака, юфтовый зеленый кисетъ и длинная трубка. Съ того же дня и началося новое господарство.

На этомъ словѣ старушка остановилась, и помолчавъ немного, перекрестяся сказала:

— Господи! прости меня непрощенную грѣшницу! за что я осуждаю человѣка, ничего мнѣ злаго не здѣлавшаго... А какъ подумаю, такъ онъ и мнѣ таки не мало надѣлалъ зла. Онъ, прости ему Владыко милосердый;—тутъ она снова перекрестилась,—онъ душегубецъ, загубилъ мое одно единственное сокровище, мою одну единственную любовь! Я никого никогда на свѣтѣ такъ не любила, какъ полюбила ее, мою горькую, мою бездольную Катрусю. Одна моя единая радость, одно мое единое было сладкое счастіе видѣть ее счастливою за мужемъ. И что-же? Слезы, слезы, слезы и посрамленіе, а все мать! всему причиною одна родная мать; захотѣлось ей, видишъ-ли, свою единственную дочь увидѣть княгинею; ну вотъ тебѣ и княгиня! любуйся теперъ на свою княгиню! любуйся теперь на прекрасное свое село, на свой садъ зеленый, на свой домъ высокій! любуйся, Катерина Лукьяновна! любуйся на свои хорошія дѣла, ты, ты одна все это натворила.

— Та цуръ ій, Микитовна, не згадуй ее, нехай ій лихо сниця; рассказуйте, що тамъ дальше буде?

— Охъ! я не знаю, какъ мнѣ и разсказывать, потому что тутъ пойдетъ все такое страшное, скверное, что и подумать грѣшно, а не то что разсказывать.

— Розсказуй уже, Микитовна, до краю, а то—такъ не треба було и зачинать, говорилъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки и поднося ее разскащицѣ.

— Спасибо, спасибо Степановичу, я вже моими слезами пьяна.

— А не хочете, то якъ хочете, такъ мы съ добродіемъ выпьемо; а вы тимъ часомъ роскажите, якъ воно зачалося у васъ то нове господарство,—говорилъ хозяинъ, подчуя меня сливянкой.

— А началось вотъ какъ, проговорила старушка, и помолчавши, почти закричала.

— Ну, скажите вы мнѣ, люди добрые, чего сей грѣшницѣ не доставало? пани на всю губу, всякого добра и видимо и не видимо, купалася въ роскоши, такъ-же нѣтъ, мало, дайте мнѣ зятя князя, а то умру, якъ не дадите; добула, выторгувала, купила себѣ князя, продавши свою единственную дочъ. О, матери, матери! вы забываете свои страданія при рожденіи дитяти, когда такъ не дорого продаете это дитя, которое вамъ такъ дорого обошлося!

Старушка замолчала, а хозяинъ сказалъ:

Все воно такъ, Микитовна, а мы все таки не знаемъ, какъ у васъ началося новое господарство?

И она спокойно продолжала:

— А началося воно такъ, Степановичу, что князь въ комнатахъ завелъ псарню; вотъ какъ началося новое господарство! Всякій Божій день пиры да банкеты, бывало, свѣту Божьяго не видишъ отъ табачнаго дыму, а о прочемъ и говорить ничого. А еще бывало, какъ зазоветъ къ себѣ на охоту всю свою драгунію изъ Козельца, то Господи и упаси! Заѣдутъ пьяные, грязные, скверные такіе, что не дай Богъ и во снѣ такихъ увидать. Да еще всякій возьметъ себѣ по деньщику такому-же скверному, какъ и самъ, и не день, и не два, и не три, а цѣлую недѣлю гостятъ. А что они за эту недѣлю надѣлаютъ въ домѣ, такъ я и разсказать стыжуся. Свининецъ, настоящій свининецъ! Такъ что бывало вымываемъ, да выкуриваемъ послѣ ихъ цѣлый мѣсяцъ. Отутъ то я только узнала, что значитъ драгунія. А Катерина Лукьяновна смотритъ на нихъ, да только себѣ улыбается, и больше ничего.

— Не прошло и мѣсяца, какъ онъ все уже къ себѣ забралъ въ руки. Ключи отъ комоды и леху были у его поганого Яшки; такъ что ежели чего захочется Катеринѣ Лукьяновнѣ, то нужно было просить Яшку. О тутъ-то она въ первый разъ заплакала, тутъ-то она увидѣла своего князя такимъ, какъ его надо было видѣть матери до свадьбы. Но она, гордая, и виду не показывала, что все видитъ. А когда бывало придется ей до *скруту*, не въ моготу, то она хоть черезъ великую силу, а все-таки улыбается, и поворотитъ все *въ жарты*. А Катруся, моя бѣдная Катруся, сидитъ бывало въ своей комнатѣ и день и ночь, да такъ рѣкою и разливается. А онъ, и это не одинъ разъ, пріѣдетъ въ полночъ изъ Козельца пьяный, да привезетъ съ собой жида съ цимбалами, всѣхъ подыметъ на ноги,—танцуйте, кричитъ, хохлацкія души, танцуйте! а не то всѣхъ васъ передушу! Мы, бывало, съ Катрусею убѣжимъ себѣ въ садъ лѣтомъ, а зимою не разъ мы ночевали въ мужицкой хатѣ.

— Мнѣ только вотъ что кажется чуднымъ, перебилъ ее хозяинъ, какъ вы не догадались его пьяного задушить, да сказали-бъ, что умеръ съ перепою, или просто сгорѣлъ.

— Э, такъ, думаете, и сказать легко; а грѣхъ, а страшный судъ, Степановичу! нѣтъ, пускай себѣ умираетъ своею смертію, Богъ ему и судъ и кара, а не мы грѣшные.

— Та воно то такъ, Микитовна, а бываетъ и вотъ еще какъ: одному разбойнику на исповѣди въ Кіевѣ чернецъ задалъ такую *покуту* ~~чи эпитемію~~: возьми, говоритъ, непрощенный грѣшниче, два камени, свяжи ихъ до купы сырецевымъ ремнемъ, перекинь черезъ плечи, и когда ремень перервется, тогда твои грѣхи будутъ прощены. Ото идетъ онъ съ тыми каменями черезъ кладовище и видитъ, что на свѣжей могилѣ блудный сынъ мать свою проклинаетъ. Господи! говоритъ разбойникъ, не одного я добраго человѣка послалъ на тотъ свѣтъ, дай пошлю и этого злодѣя ругателя, и только что убилъ его, ремень какъ ножомъ перерѣзало. Вотъ что! прибавилъ онъ значительно.—Такъ что-же у васъ тамъ дальше происходило, Микитовна? сказалъ онъ, подвигая къ себѣ кухоль съ сливянкою.

— О, происходили, Степановичу, спивы, та плясы, та полуночные банкеты, и добанкетовалися до того, что къ концу зимы нечего было на столъ поставить. Драгунія, знаете, наѣдетъ голодная, такъ

тутъ хоть *макитру* пустую поставь на столъ, то и ту съѣдятъ. Все, что не поставь, бывало, какъ метлою метутъ. А когда не успѣемъ, бывало, собрать со стола во время посуды, то и посуда полетитъ подъ столъ; скааано: пьяные люди! А самъ князь сидитъ себѣ за столомъ, та знай въ ладоши бьетъ, та кричитъ: ура!! Сначала я не понимала этого слова и думала, что онъ сердится и ругаетъ своихъ гостей, а вышло, что онъ радъ былъ, когда они пустошили его добро. Вотъ такъ то они всю зиму просодомили, та прогоморрили, а весною смотримъ, наше поле не зеленѣетъ; ни трава, ни жито, ни пшеница не зеленѣютъ. Прошли и зеленые святки, а поле черное, какъ будто на немъ ничего и не сѣяно. Уже и молебствовали, и воду въ криницахъ святили, нѣтъ, ни что не взошло. Посѣяли яровое, и зерно въ землѣ погибло. Народъ заплакалъ, скотина заревѣла съ голоду, и наконецъ собаки завыли и разбѣжались, и Господь знаетъ, откуда это волки взялися, и днемъ, и ночью такъ бывало и ходятъ по селу. Это было горе, всесвѣтное горе! Но намъ было горе двойное! Одно то, что люди въ селѣ пухли отъ голоду, издыхали, якъ ти собаки, безъ святыхъ исповѣди и причастія (отецъ Купріянъ самъ занедужалъ); а другое наше горе было то, что нашъ князь, ничего этого не видя, назоветъ къ себѣ гостей, свою драгунію изъ Козельца и съ людьми, и съ лошадьми, и съ собаками, да и кормитъ ихъ и поитъ цѣлый мѣсяцъ; а до того ему и дѣла нѣтъ, что у мужиковъ ни одной крыши не осталось на хатѣ, все скотина съѣла; въ лѣсу даже не осталось ни одного дерева живаго; всѣ деревья—и дубъ и ясень, и кленъ, и осика, ужъ на что верба горькая—и та была оскоблена и съѣдена людьми. О, Господи, что-то Господь дѣлаетъ съ человѣкомъ! Посмотришь бывало, совсѣмъ не человѣкъ ходитъ, а что-то страшное, звѣрь какой-то голодный, что и взглянуть на него нельзя безъ ужасу. А дѣти-то бѣдные, дѣти! просто пухли съ голоду; лазятъ бывало по улицѣ, какъ щенята и только и знаютъ одно слово: *папы, папы!*

Вы, можетъ быть, думаете, что у насъ хлѣба не было? мыши его ѣли въ скирдахъ и въ коморахъ; лѣтъ пять можно-бъ прокормить не только наше село, а весь Козелецъ. Такъ что-жъ ты будешь дѣлать? не даетъ людямъ: лучше, говоритъ, продамъ, когда вздорожаетъ, а люди нехай дохнутъ, отъ нихъ прибыли мало. Кат-

руся моя бѣдная заикнется было сказать слово про людей... Молчать, закричитъ онъ на нее, какъ на свою бѣлую собаку; развѣ я не знаю, что дѣлаю? Она бѣдная и замолчитъ; выйдетъ въ другую комнату да и въ слезы, а я на нее глядя, и себѣ туда-же. Что будемъ съ нимъ дѣлать, сказано звѣрь, а не человѣкъ; и Богъ святый знаетъ, какъ она еще бѣдное дитя выносила!

— Она была тогда уже на износѣ, этимъ самимъ дитямъ, что вы сегодня видѣли, говорила она, обращаясь ко мнѣ, и когда бывало онъ заснетъ пьяный, то она, дрожа, на цыпочкахъ пройдетъ мимо его въ свою комнату, упадетъ на колѣни предъ образомъ скорбной Божіей Матери помолиться, и такъ горько заплачетъ, такъ горько, такъ тяжко, что я и не видѣла никогда, чтобъ люди такъ плакали. Мнѣ даже страшно дѣлалось. А когда онъ поѣдетъ на охоту съ своею драгуніею, тогда мы возьмемъ себѣ по мѣшку хлѣба печеного, я еще бывало говорю ей, не берите, не поднимайте через силу, вы сами видите, какіе вы; я одна понесу; ничего, говоритъ, Микитовна (она меня тоже Микитовной звала), ты только показуй, у кого есть маленькія дѣти и старые, немощные люди. Вотъ мы и пойдемъ по хатамъ. Господи! чего я тамъ не насмотрѣлась... Голодная мать вырываетъ изъ рукъ хлѣбъ у своего умирающаго дитяти! и волчиха, я думаю, этого не дѣлаетъ,—что значитъ голодъ!!

— Разъ зашли мы въ одну хату. О! я этой хаты, пока живу на свѣтѣ, не забуду! отворили мы двери, на насъ такъ и пахнуло пусткою. Входимъ и видимъ: по рединѣ хаты на полу лежатъ двое худыхъ, прехудыхъ дѣтей, только однѣ колѣни толстыя. Одно уже совсѣмъ кончалось, а другое еще губками шевелитъ, а около нихъ сидитъ мать простоволосая, худая, блѣдная, въ разорванной рубахѣ и безъ *запаски*; а глаза у нее, Господи! такіе страшные, и она ими не смотритъ ни на дѣтей, ни на кого, а такъ Богъ знаетъ на что смотритъ. Когда мы остановились на порогѣ, она какъ будто взглянула на насъ и закричала: не треба, не треба хлѣба. Я вынула изъ мѣшка кусокъ хлѣба и подала ей. Она молча обѣими руками схватила его, задрожала и поднесла къ губамъ умершаго дитяти и потомъ захохотала. Мы вышли изъ хаты.

— Да вы таки, Микитовна, видѣли на своемъ вѣку багато де чого!—говорилъ хозяинъ, съ участіемъ глядя на старушку.

— И не говорите, Степановичу! не приведи Господи никому того видѣть, что я видѣла.

— Господь его милосердный знаетъ, продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ, какъ это воно все мудро, да хитро устроено на свѣтѣ! Я про себя скажу, меня эти проклятые, голодные года просто на ноги поставили. У меня своего хлѣба таки было довольно, та у людей еще прикупилъ, какъ будто зналъ, что будутъ неурожаи. Вотъ какъ насталъ голодный годъ, ко мнѣ всѣ и сунулись за хлѣбомъ; я хотя и вчетверо продавалъ дешевле, нежели паны жидамъ продавали, а все таки выручилъ порядочную копѣйку. Чумаки мои одну зиму зимобали съ худобою на Дону, а другую перезимовали за Днѣстромъ, а тамъ голоду не було; волы, слава Богу, и чумаки вернулися живы и здоровы, еще и соли и рыбы мнѣ привезли, а хлѣбъ святый дома проданный. Вотъ у меня и гроши, и скотина, слава Богу, жива; такъ дѣлается на свѣтѣ, такъ дивно, прибавилъ онъ, обращаясь къ разскащицѣ.

— Такой ужъ вамъ таланъ, Степановичу! сказала она, вздыхая; за то вамъ Господь и посылаетъ, что вы въ нуждѣ людей не оставляете. Вотъ хоть-бы и я теперь, если-бы не вы, куда-бы я приклонилася съ этою бѣдною сиротою; хоть съ горы, та въ воду...

— Господь съ вами, Микитовна! мы свои люди! съ кѣмъ-же намъ дѣлиться, какъ не съ вами? а тымъ часомъ росказуйте дальше Микитовна, а то може нашему гостю и заснуть треба,—говорилъ онъ, на меня поглядывая.

— Кое-какъ прошло лѣто, продолжала старушка, осени мы и не видѣли, разомъ наступила зима, да лютая такая, да жестокая; и холодъ и голодъ разомъ посѣтили насъ. Лѣсъ ободраныый весь высохъ, а князь, нашъ хозяинъ, запретилъ его на дрова рубить.— Кто, говоритъ, хоть вѣточку срубитъ, того, говоритъ, въ гробъ вгоню. Лѣсъ славный, сухой, лѣтомъ примусь, говоритъ, палаты себѣ строить. Я люблю просторъ, мнѣ нуженъ дворецъ, а не лачуга хохлацкая, въ которой я теперь гнѣздюся, какъ собака въ канурѣ. И люди бѣдные и мерзли и мерли, а что съ нимъ будешь дѣлать? сказано панъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

— На первой недѣли Филиповки разрѣшилась она отъ бремени и не хотѣла взять мамку, а сама кормила свое дитя. Вскорѣ послѣ крестинъ поѣхалъ онъ въ Козелецъ къ товарищамъ и прогостилъ

у нихъ цѣлую недѣлю. Отдохнули мы безъ него немного, слава Богу; только ночью, мы уже спать легли, пріѣзжаетъ онъ, ломится въ двери, да кричитъ; я вскочила, отворила дверь, достала огня, только смотрю, какая-то женщина съ нимъ въ картузѣ и въ офицерской шинели; какъ крикнетъ онъ на меня: что ты, говоритъ, глаза вытаращила, пошла вонъ дура! я и ушла въ свою комнату.

На другой день, за чаемъ, онъ сказалъ Катрусѣ:

— Знаешъ, душенька, какой сюрпризъ мнѣ сдѣлала сестрица? не написавши мнѣ ни слова, что хочетъ съ тобою лично познакомится, взяла да и пріѣхала, какъ говорится, не думавши. Такая, право, вѣтренница! И вообрази себѣ, на перекладныхъ вѣдь пріѣхала,—настоящая гусаръ-баба, просто одолжила. Вчера, вообрази себѣ, подхожу я къ почтовой станціи, смотрю, тройка у воротъ стоитъ совсѣмъ готовая. Я остановился, дай, думаю, посмотрю, кто такой поѣдетъ, только смотрю, выходитъ дама. Я, знаешъ, этакъ тово... ты прости меня, душеночекъ, проклятая привычка! Смотрю... и представь себѣ мой восторгъ! это была моя сестра... тутъ мы, разумѣется, бросились въ объятія другъ другу!

— А я и не знала, что у тебя есть сестра, проговорила Катруся.

— Какъ-же, есть, и не одна, а двѣ. Одна замужемъ, за графомъ Горбатовымъ, та постоянно живетъ въ столицѣ при дворѣ; она-бы тоже ко мнѣ прикатила, но, знаешъ, нельзя, она слишкомъ замѣтная при дворѣ. Я тебѣ, душенька, свою сестрицу сейчасъ представлю.

Какъ полотно поблѣднѣла моя бѣдная Катруся; она вѣрно догадалась, какая это будетъ сестрица... Черезъ минуту онъ ввелъ подъ руку женщину, не знаю молодую, не знаю старую, за бѣлилами та румянами нельзя было узнать; рекомендую тебѣ, душенька, княжна Жюли Мордатова.

И она вертляво поклонилась, проговорила что-то, не знаю по русски, не знаю по польски, я ничего не разобрала, да Катруся, думаю, тоже, потому, что она ей и головою не кивнула, а только поблѣднѣла пуще прежняго.

— Ты извини ее, мой другъ, она у меня еще институтка, по русски почти слова не выговоритъ, а въ высшемъ кругу въ русскомъ языкѣ никакой нѣтъ надобности. Да я про себя скажу, я до двадцати лѣтъ не умѣлъ по русски двухъ словъ сказать, у насъ

въ Грузіи все равно, что и въ столицѣ: никто по русски не говоритъ, все по французски, такая мода, мой другъ; мы и нашего крошку въ столицу въ институтъ пошлемъ; не правда-ли?

— Катруся не могла долѣе вытерпѣть, она молча встала и ушла въ дѣтскую, и я ушла за нею; а Катерина Лукьяновна осталась съ своими князьями. Я была-бы счастлива, Степановичу, если-бы забыла то, что у насъ творилося въ домѣ. Но Богъ меня, не знаю за что, памятью наказалъ.

Послѣ этой проклятой сестры, я ни на одну минуту не оставляля Катруси, да и она, моя безталанница, съ той поры ни шагу не выступала изъ своей комнаты. Господи! Святая Катерина великомученица, страдала-ли ты такъ, какъ она, моя бѣдная Катруся страдала? Бывало день плачетъ, ночъ плачетъ, я уже не знала, что съ нею и дѣлать; вотъ она плакала, плакала, да и начала уже въ умѣ мѣшаться, я хотѣла было ребенка отнять отъ груди, нѣтъ, не даетъ; умру, говоритъ, съ нимъ вмѣстѣ, пускай меня въ одну *труну* положатъ съ нимъ, пускай, что хотятъ, дѣлаютъ, а его никому не отдамъ; что-же мнѣ было съ ней дѣлать? Я такъ и оставила дитя; смотрю только, бывало, да плачу. Катерина Лукьяновна тоже бывало зайдетъ въ нашу комнату, посмотритъ на свою княгиню и хоть была гордая, не выдержитъ, заплачетъ и выйдетъ изъ комнаты.

А тутъ-же рядомъ въ другихъ комнатахъ пѣсни, та музыка, точно въ корчмѣ на перекрестномъ шляху, а жидовка Хайка, что князь назвалъ своею сестрицею, такъ и носится съ драгунами, и поетъ, и пляшетъ, и всякіе фигуры выдѣлываетъ, отвратительная— даже трубку курила.

— Катруся моя бѣдная сначала показывала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ; а послѣ уже ей сердечной и не въ моготу стало, да что станемъ дѣлать съ такимъ уродомъ. У нашей сестры, сказано, однѣ слезы, ничего больше не осталось; а слезы что? вода. Охъ! Не одну рѣку пролила она этой горькой воды, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, зайдетъ къ ней иногда, да еще спрашиваетъ: какъ ты себя чувствуешь? Какъ будто ослѣпъ, прости ты меня, Господи, не видитъ, что ее бѣдную едва ноги носятъ. Не послать-ли другъ мой въ Козелецъ за полковымъ штабъ-докторомъ? —Не нужно, скажетъ она да и замолчитъ.—Ну, какъ знаешь, это

твое дѣло, а не мое, я въ твои дѣла, другъ мой, никогда не мѣшаюсь, скажетъ бывало и уйдетъ, хлопнувши дверью.

— Только мы и свѣтъ Божій видѣли, когда онъ бывало уѣдетъ куда нибудь недѣли на двѣ, на три къ своимъ товарищамъ драгунамъ; тогда мы безъ него вымоемъ, выскоблимъ полы и вывѣтримъ хоть немного покои, а то просто конюшня конюшнею. Разъ онъ ночью тоже пріѣхалъ и привезъ съ собою другую сестру, уже не жидовку, а полячку, или цыганку, кто ее знаетъ; помню только, что была чорная, и хотѣлъ тоже рекомендовать Катрусѣ; только она его и въ комнату не впустила.

Зима уже близилась къ концу; какъ разъ на середокрестной мужики наши, собравшися громадою, пришли къ нему просить зерноваго хлѣба для посѣву, что ежели, говорятъ, Богъ уродитъ, то они ему его добро возвратятъ седмерицею; куда тебѣ, и выговорить слова не далъ, прогналъ ихъ бѣдныхъ, да еще и собаками притравилъ. Хотѣла было вступиться за нихъ сама Катерина Лукьяновна, да какъ онъ гаркнетъ на нее: молчать, говоритъ, не ваше дѣло, я самъ знаю, что я дѣлаю, я въ ваши чепцы, да кофты не мѣшаюсь, такъ прошу не вмѣшиваться и въ мои распоряженія. Сказавши это, кликнулъ своего Яшку и велѣлъ закладывать тройку, чтобы ѣхать къ своимъ драгунамъ.

— Когда онъ уѣхалъ, Катерина Лукьяновна пошла въ клуню, чтобъ выбрать полускирдокъ жита и пшеницы, да и велѣть молотить мужикамъ для сѣменъ; она думала, что онъ по своему обыкновенію долго проѣздитъ; посмотрѣла около клуни, и половины скирдъ хлѣба не досчитала. А куда-же все это дѣлося? спрашиваетъ она у *токового*. А токовой отвѣчаетъ, что самъ князь, по частямъ, все жидамъ продавалъ, да половину уже и продалъ, и солому, и полову, все продалъ жидамъ, а жидъ, разумѣется, солому драгунамъ, а полову нашимъ-же мужикамъ, а они, бѣдные, и половѣ были рады. Катерина Лукьяновна выбрала одну скирду жита, а другую пшеницы, и велѣла мужикамъ молотить; только поскорѣе, говоритъ, молотите, а то пріѣдетъ князь, такъ онъ не дастъ вамъ ничего;— такъ и сталось. На другой день, только что начали молотить, глядь, въѣзжаетъ самъ на дворъ. Что вы дѣлаете, мошенники? крикнулъ на нихъ, какъ вы посмѣли? кто вамъ приказалъ? я васъ! Да какъ выхватилъ нагайку у кучера, или у Яшки, да какъ при-

нялся молотниковъ молотить такъ, что ни одного на току не осталось, всѣ разбѣжались. Досталось же и Катеринѣ Лукьяновнѣ за эту молотьбу; она бѣдная три дня съ постели не вставала. Послѣ этого онъ уже все дома бенкетовалъ, никуда не ѣздилъ *ажъ* до зеленыхъ святъ. А на самой зеленой недѣли и выѣхалъ онъ куда то съ своимъ Яшкою. Катерина Лукьяновна опять послала за мужиками и велѣла имъ намолотить хоть сколько нибудь яроваго хлѣба для посѣва, потому что, благодаря Бога, дожди перепадали и земля таки порядочно позеленѣла. Только что принялися они молотить просо и гречиху, какъ въ тотъ-же день возвращается онъ самъ, а за нимъ видимо-невидимо драгунія, какъ орда тая за Мамаемъ валитъ. Кто на мужицкомъ возу, а кто такъ просто безъ сѣдла верхомъ, а деньщики-тѣ бѣдные пѣшкомъ и босикомъ, только съ трубкою да кисетомъ въ рукахъ плелися за своими драгунами. Какъ только что на порогъ онъ вступилъ, кликнулъ своего Яшку и приказалъ ему, чтобы къ тремъ часамъ былъ готовъ обѣдъ на 50 персонъ, къ тремъ часамъ непремѣнно, а ужинъ въ вечеру на 100 персонъ, тоже чтобъ былъ готовъ непремѣнно. Для обѣда и для ужина столъ накрой въ саду; полно, говоритъ, въ этой конюшнѣ валяться, теперь можно и на подножный выйти;—а червонцами такъ и гремитъ въ карманахъ. Да слушай, говоритъ, скажи прикащику, чтобъ завтра всѣхъ мужиковъ выгналъ хлѣбъ молотить. Нужно весь перемолотить, сколько его ни есть. Вотъ тутъ мы догадались, откуда у него червонцы взялись. Неужели онъ весь хлѣбъ продалъ? говоритъ Катерина Лукьяновна; что-же люди бѣдные посѣютъ?

— А драгунія тымъ часомъ, со всею своею *мизерією,* не заходя въ покои, отправилася прямо въ садъ, а потомъ на травѣ лежала и сквернословила, та трубки курила, пока онъ не велѣлъ имъ вынести водку; всѣ стулья и столы тоже въ садъ вынесли; велѣлъ было изъ спальни все забрать, да мы замкнулись и не пустили его къ себѣ. Онъ выругался по своему, по московскому, и оставилъ насъ въ покоѣ, пока приготовляли обѣдъ; драгунія гуляла по саду и пила водку, разставленную чуть-ли не подъ каждымъ деревомъ въ большихъ графинахъ, а другіе гости тоже пили водку и въ карты играли; нашъ князь съ ними тоже пилъ и игралъ въ карты, и всѣ червонцы, что получилъ отъ жида, какъ задатокъ за хлѣбъ, про-

игралъ, потому что бросилъ на землю карты и вышелъ изъ-за стола, а товарищи его захохотали. Все это я въ окно видѣла.

Смеркалось уже, когда Яшка съ другими деньщиками начали накрывать на столъ; поставили столы, а на столы положили длинныя доски, простыя дубовыя доски и покрыли ихъ холстомъ, потому что у насъ хоть и была длинная скатерть, но Катерина Лукьяновна не дала ее, чтобъ не испортили пьяные гости, а скатерть была дорогая; поставили на столъ въ трехъ мѣстахъ свѣчи, а чтобъ свѣтлѣе было, поставили по концамъ длиннаго стола смоляные бочки и зажгли ихъ, и только что вся драгунія сѣла за столъ, откуда не возмись полковые трубачи, да какъ грянутъ, такъ только земля задрожала! Не успѣли они и одного маршу проиграть, смотрю, клуня наша загорѣлась; смоляные бочки такъ и сыплютъ искры на скирды и на клуню, а гости смотрятъ и чрезвычайно пьяные, знай, хохочутъ да кричатъ ура!

— Катруся! говорю, сердце мое, посмотрите, говорю, клуня наша горитъ, что̀ мы будемъ дѣлать? Смотрю, а она—не живая; я къ Катеринѣ Лукьяновнѣ, и та безъ чувствъ лежитъ, я на нее брызнула холодною водой, она очнулась. Спасайте, говорю, Катрусю съ младенцемъ, а то сгоритъ. Скирды уже всѣ загорѣлися, скоро дойдетъ и до дома. На силу-то, на силу, мы ее въ чувство привели, взяли ее подъ руки и вывели изъ дому. Я хотѣла было дитя взять у нея, но она его изъ рукъ не выпускала и только что шептала: не дамъ, никому не отдамъ, сама его похороню. Мы испугалися, она какъ-то страшно все это шептала. Мы повели ее черезъ греблю, прямо къ вамъ, Степановичу, въ хату, дай вамъ Богъ доброе здоровье,—сказала она, обращаясь къ хозяину, и уже изъ вашей хаты я видѣла это проклятое пожарище.—И Господь его знаетъ, откуда тотъ вѣтеръ взялся; снопы такъ прямо и летѣли на *будинокъ* изъ скирдъ, а потомъ вѣтеръ какъ будто перемѣнился, когда загорѣлись *будинки* и поворотилъ прямо на хаты. Черезъ минуту все село запылало. Пропали мы, говорю я моей Катруси; а она, бѣдная моя, лежитъ, только головою мнѣ киваетъ и языка во рту не поворотитъ. Катрусю! Катрусю! кричу я,—не слышитъ; я стою не жива, не мертва. Катрусю! еще проговорила я; она вдругъ вскочила, посмотрѣла вокругъ себя, да какъ броситъ своего бѣднаго ребенка на полъ и какъ закричитъ не своимъ голосомъ, да и ну на себѣ во-

лосы рвать. Я вижу, что она не въ своемъ умѣ, взяла дитя и вынесла въ другую хату, а ее, бѣдную, мы со Степановичемъ коекакъ уласкали, да завернули ее въ рядно, да и стали лить ей холодную воду на голову; она пришла въ себя да и говоритъ: не буду, не буду! а что̀ и чего не буду, она и сама не знала, что говорила. Потомъ она захохотала, потомъ начала пѣть, а потомъ запѣла, да такъ жалобно, такъ страшно запѣла, что мы выбѣжали изъ хаты... такъ она промучилась до самого разсвѣта. Передъ зорницею, она немного успокоилась, а я тѣмъ временемъ сѣла у окна и смотрѣла, какъ наше бѣдное село догораетъ; надъ нимъ кое гдѣ только дымъ дымился, ничего не осталось! И домъ, и кухня, и село—все пропало, остались одни дымари да печи отъ господскаго дому, а отъ мужичьихъ хатъ и того не осталось, потому что у нихъ не каменные. Остался только садъ, почернѣвшій отъ дыму, стоитъ себѣ въ сторонѣ, да такой черный и страшный, что я и смотрѣть на него боялася. Заплакала я грѣшная, глядя на это пожарище: что будемъ дѣлать! На все Его святая воля! Разбудила я Катерину Лукьяновну и говорю ей: что̀ же мы теперь будемъ дѣлать? гдѣ мы пріютимся? куда мы дѣнемся съ нашею бѣдною Катрусею?— А что? говоритъ она.—А то, говорю я, что она не въ своемъ умѣ, что она помѣшалася.—А ребенокъ?—говоритъ она. Ребенка, говорю я, я отъ нея отнесла, а то она его чуть не задушила.

Вскочила она и простоволосая выбѣжала на дворъ и кричитъ, чтобы бричку скорѣе заложили. Только видитъ, что дворъ чужой, она и замолчала, посмотрѣла на ту сторону гребли, ахнула, затрепетала и какъ не живая упала ко мнѣ на руки. Когда пришла въ себя, то сказала, гдѣ-же княгиня? (она всегда ее такъ называла) покажи мнѣ ее. Мы пошли въ комору, гдѣ была заперта Катруся. Когда мы вошли къ ней, то она сидѣла на полу въ рубашкѣ и съ растрепанной косою, и вся, какъ огонь, горѣла, не смотря на то, что въ коморѣ было довольно таки холодно; въ рукахъ держала она свое искомканое платье и прижала его къ груди своей. Когда мы вошли, она взглянула на насъ и шопотомъ сказала: спитъ, спитъ, не будите! Мы вышли изъ коморы; страшно было смотрѣть на нее бѣдную; а Катерина Лукьяновна, какъ ни въ чемъ не бывало, и не вздохнула даже, а никто другой, какъ она сама всему причиной; не осуди ее, Господи, на твоемъ праведномъ судѣ!!.

— Помолчавши, она обратилась ко мнѣ и сказала: Марино! нужно достать гдѣ нибудь бричку и лошадей, да отвезти ее въ Черниговъ, или въ Кіевъ. До Кіева, кажется, ближе, но гдѣ мы лошадей и и бричку достанемъ? хоть-бы телѣгу какую нибудь.—А лошадей, говорю я, намъ и Степановичъ дастъ; только брички у него нѣтъ, а простая мужицкая повозка есть. Попроси, говоритъ она, хоть простой повозки.

Я выпросила у Степановича, спасибѣ ему, и коней и повозки, положили мы въ повозку сѣна да покрыли рядномъ и положили ее бѣдную въ повозку; около нее сѣла сама Катерина Лукьяновна, да и повезли ее въ Кіевъ, въ кириловскій монастырь. Вотъ тебѣ, Катерина Лукьяновна, и княгиня. Теперь любуйся ею!

Старушка замолчала и тихо заплакала! А хозяинъ прибавилъ:

— Да таки нечего сказать, хорошая княгиня!

— А что-же сталося съ княземъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ!—отвѣчала старушка: предъ Пéтромъ, драгунія выступила въ походъ изъ Козельца, то можетъ быть и онъ выступилъ съ нею, только мы его съ той ужасной ночи уже не видали.

— И князь хорошій, нечего сказать,—прибавилъ хозяинъ, хоть-бы дитя провѣдалъ, проклятый.

— Господь съ нимъ, пускай лучше не провѣдываетъ,—сказала старушка и выходя изъ хаты, пожелала намъ покойной ночи.

На другой день по утру, пока мой жидокъ подмазывалъ бричку и запрягалъ свои тощія лошади, я сидѣлъ подъ хатою на завалинѣ и смотрѣлъ на противуположный берегъ Трубежа, на грустные остатки погорѣвшаго села, невольно восклицая: вотъ тебѣ и село! вотъ тебѣ и идиллія, вотъ тебѣ и патріархальные нравы! И тому подобныя восклицанія срывались у меня съ языка, пока бричка не высунулась на улицу. Поблагодаривъ хозяина за его безкорыстное гостепріимство, я отправился своей дорогой.

Чрезъ нѣсколько дней я былъ уже въ Кіевѣ и поклонившись святымъ угодникамъ печерскимъ, въ тотъ-же день посѣтилъ кириловскій монастырь, и увы! лучше было-бъ не посѣщать его. Я слишкомъ убѣдился въ горькой истинѣ печальнаго этаго разсказа, такъ не отрадно привѣтствовавшаго меня на моей милой родинѣ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

(1591—1596 г.).

Козацкія возстанія одинаково польскіе, какъ и русскіе историки считаютъ одною изъ главныхъ причинъ ослабленія и гибели обширнаго и могущественнаго нѣкогда королевства польскаго. Чтобы понять эту неоспоримую истину во всей ея полнотѣ и исторической дѣйствительности, необходимо взять во вниманіе значеніе козачества въ исторіи южно-русскаго народа и положеніе этого послѣдняго въ общемъ строѣ государственной жизни Польши. Козачество высшей стороной своей жизни неопровержимо доказываетъ, что оно было выразителемъ государственно-общественныхъ идеаловъ южно-русскаго народа, а эти идеалы шли въ разрѣзъ съ исторически-слагавшимся государственнымъ строемъ Польши. Правда, тамъ и здѣсь въ основѣ высшихъ стремленій лежали самая широкая свобода и равноправность, но по понятіямъ козачества она должна была доходить до самыхъ низшихъ слоевъ и членовъ общины, въ государственномъ-же строѣ Польши свобода была удѣломъ весьма не многихъ, именно одного шляхетскаго сословія, и расширялась то путемъ ограниченія королевской власти, доведенной до совершеннаго безсилія, то путемъ порабощенія народныхъ массъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и безъотвѣтныхъ предъ своими властителями. Но если и въ коренной Польшѣ такой строй вызывалъ частыя возбужденія народныхъ массъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ быть сносимъ народомъ южно-русскимъ, историческія традиціи котораго были совсѣмъ иныя. Козачество было хранителемъ этихъ традицій, обере-

тало права народа и вело со всякими притѣснителями его упорную борьбу, доколѣ собственная его жизнь не была подмыта иными историческими теченіями. Напрасно ставятъ козацкія возстанія въ исключительную связь съ началомъ уніи и преслѣдованій за вѣру; послѣднія были только однимъ изъ мотивовъ борьбы, усиливали ее, давали ей особый колоритъ, но начало борьбы раньше и основы ея глубже. Выдвинувшись на южную оконечность родной страны для защиты отъ набѣговъ татарскихъ, отраженіемъ ихъ Запорожье не ограничивало своей дѣятельности, но въ видахъ борьбы съ тѣми-же врагами предпринимало заграничные походы, вступая въ иностранную службу; когда-же правительство, давшее ему организацію и желавшее по своему регулировать его дѣятельность, подъ давленіемъ внѣшнимъ, закрывало для него границу, ограничивало его свободу, стѣсняло его дикую силу, оно обращало ее внутрь страны, живо откликалось на всѣ движенія народной жизни, вело борьбу противъ преобладающаго класса *пановъ*, не различая между ними поляковъ и русскихъ, разоряло ихъ замки и имѣнія и уничтожало всѣ слѣды, особливо письменные документы ихъ владѣнія надъ тѣмъ, что считало оно всенароднымъ достояніемъ. Отъ того-то такъ популярно было козачество на всѣмъ пространствѣ южно-русскаго поселенія и увлекало за собою всюду массы народныя.

Такимъ характеромъ въ общихъ чертахъ запечатлѣны и первыя козацкія движенія. Есть особый интересъ въ послѣдовательной группировкѣ и безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, обозначившихъ ихъ историческій ходъ, ибо по масштабу первыхъ козацкихъ движеній организовались всѣ дальнѣйшія, расширяясь постепенно во внѣшнемъ ходѣ своихъ дѣйствій, укрѣпляясь въ основныхъ своихъ принципахъ и пріобрѣтая наконецъ характеръ общенародныхъ движеній. Козачеству, какъ и всему южно-русскому народу, не суждено было достигнуть своихъ политическо общественныхъ идеаловъ и только однажды, въ минуты полнаго торжества Хмельницкаго, онъ былъ не далеко отъ нихъ; но когда осуществленіе этихъ идеаловъ оказалось невозможнымъ, ихъ смѣнило стремленіе къ объединенію съ остальною Русью, съ ближайшею цѣлію спасенія вѣры и народности, и не безъ надежды сохранить и развить тѣ гарантированныя вновь „вольности“, изъ-за которыхъ велась дотолѣ столь ожесточенная кровавая борьба. Достойно вниманія, что даже чисто

народныя возстанія, которыя длились въ теченіи всего XVIII в. въ отданной во власть Польши и лишенной козачества право-бережной Украйнѣ, сохранили общія черты первыхъ козацкихъ движеній и въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ ясно обозначилось стремленіе народныхъ массъ къ объединенію со всею Россіею.

О первыхъ козацкихъ движеніяхъ въ нашей литературѣ существуютъ труды частію совсѣмъ устарѣвшіе, каковы напримѣръ Бантыша-Каменскаго и Маркевича, частію недавняго сравнительно времени, которыя трактуютъ объ нихъ болѣе или менѣе подробно, но не даютъ все таки полной ихъ картины, каковы: „Изслѣдованія о козачествѣ по актамъ отъ 1500—1648 г.“, Антоновича (Руковод. статья къ 1-му т. 3-й части, „Архива Юго-Западной Россіи“), 3-й т. Монографій (изданіе Кожанчикова) Костомарова и „Исторіи возсоединенія Руси“ Кулиша. Послѣднее сочиненіе имѣетъ скорѣе полемическій, чѣмъ научный характеръ. Авторъ безпрестанно дѣлаетъ отступленія и оговорки, иногда очень длинныя и страстныя; очень часто забѣгаетъ впередъ, если это нужно для его полемическихъ цѣлей, и затѣмъ возвращается къ прерванному разсказу. Вслѣдствіе этого въ его книгѣ, при самомъ внимательномъ чтеніи, очень трудно выдѣлить то, что относится къ безпристрастрому изложенію фактовъ въ ихъ естественной послѣдовательности. Статья профессора Антоновича имѣла спеціальную цѣль: въ краткомъ, связномъ разсказѣ представить публикѣ содержаніе того тома сыраго матеріала, при которомъ она помѣщена. Эта цѣль обусловливала и характеръ составленія статьи: другіе источники брались лишь для того, что-бы кратко иллюстрировать эпоху и пополнять недостающія звенья въ разсказѣ тамъ, гдѣ предлагаемые акты не представляли изъ себя достаточной связи въ событіяхъ. Понятно поэтому, что упомянутая статья не полна, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Найбольшею полнотою отличается сочиненіе Н. И. Костомарова, но со времени появленія его въ свѣтъ, изданы нѣкоторые новые матеріалы, между которыми особо важное значеніе имѣетъ сборникъ писемъ Жолкевскаго.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся послѣдовательно изложить ходъ первыхъ козацкихъ движеній, взявъ за основаніе разсказа только такъ называемые источники первой руки, т. е. такіе письменные памятники и извѣстія, которые современны излагаемымъ

событіямъ [1]), обходя источники болѣе поздняго времени, дабы не расширять излишне предположеннаго нами очерка и лишними подробностями не мѣшать цѣльности общей картины.

I.

Война Косинскаго.

Миръ Польши съ турками и татарами лѣтомъ 1591 г.—Мѣры правительства противъ козаковъ.—Замыслы козаковъ на Молдавію.—Первое козацкое возстаніе.—Косинскій.—Первое козацкое движеніе въ 1591 г. 1592-й годъ: взятіе козаками Кіева и Бѣлой Церкви; опустошеніе имѣній князя Острожскаго въ Подоліи; обращеніе Острожскаго къ окрестной шляхтѣ. 1593 годъ: постановленія шляхты разныхъ повѣтовъ о вооруженіи противъ Косинскаго.—Сборъ войскъ и сраженіе подъ Пяткой. Договоръ.—Смерть Косинскаго.—Заключеніе.

Лѣтомъ 1591 года Рѣчь Посполитая заключила вѣчный миръ съ турками и татарами и перемиріе на 11 лѣтъ съ Москвою. Отмѣчая этотъ фактъ, два современныхъ польскихъ историка (Бѣльскій и Гейденштейнъ), какъ-бы сговорившись, замѣчаютъ тутъ-же съ сожалѣніемъ, что государство, обезпечивъ себя извнѣ, не пріобрѣло однако внутренняго спокойствія [2]). Дѣйствительно, продолжались религіозныя несогласія католиковъ съ диссидентами; паны

---

[1]) Такими источниками служили для насъ слѣдующія изданія:

1. Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть III. Акты о козакахъ (1500—1648 г.). Томъ 1-й.

2. Listy Stanisława Żółkiewskiego. 1584—1620 r. W Krakowie. 1868 r.

3. Письма кн. Острожскаго. Приложенія ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руси" Кулиша.

4. Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Т. I. Москва. 1877 года. Изд. Кулишомъ.

5. Ioachima Bielskiego. Dalszy ciąg kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598 r. Warszawa 1851 r.

6. Rajnolda Hejdensztejna. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Petersburg. 1857. T. 2.

7. Tagebuch des Erich Lassota. Русскій переводъ Ф. Бруна. С.-Петербургъ. 1873 г.

---

[2]) Bielski. Dalszy ciąg kroniki polskiej.., стр. 151; Hejdensztejn (въ переводѣ на польскій), Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. T. 2, стр. 299.

упражнялись въ кулачномъ правѣ; жолнѣры, собранные передъ тѣмъ въ виду опасной войны съ Турціей, производили страшныя безчинства и не хотѣли расходиться, пока не получатъ жалованья. А собрать деньги было очень трудно: шляхта и такъ роптала на Замойскаго за напрасные расходы па несостоящуюся войну. Ко всему этому въ украинныхъ воеводствахъ—кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ—присоединялись еще козацкія своеволія. Подъ конецъ 1591 года они начали проявляться чаще и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и положили начало той цѣпи козацкихъ насилій надъ имѣніями пановъ, особенно князя Острожскаго, которая тянулась въ продолженіе всего 1592 года и завершилась въ началѣ 1593 года настоящей междоусобной войной, издавна извѣстной въ исторіи подъ именемъ перваго козацкаго возстанія.

Миръ съ татарами и турками былъ заключенъ подъ непремѣннымъ условіемъ усмиренія низовыхъ козаковъ и удержанія ихъ отъ дальнѣйшихъ набѣговъ на турецкія владѣнія. Условіе это было не ново для польскаго правительства, но теперь неисполненіе его грозило дѣйствительною опасностью, такъ какъ терпѣніе турокъ по видимому истощилось. Польскому послу пришлось перенести много разныхъ непріятностей въ Константинополѣ, прежде чѣмъ султанъ согласился, и то по ходатайству англійскаго посла, взять сто сороковъ соболей за убытки, причиненные козаками его владѣніямъ [1]). Сила турокъ наводила тогда страхъ на всю Европу.

Мѣры къ усмиренію козаковъ начались еще въ 1590 году изданіемъ универсала, въ которомъ Сигизмудъ III предписывалъ построить на Днѣпрѣ, въ урочищѣ Кременчукѣ, укрѣпленіе и въ немъ помѣстить 1000 человѣкъ, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы люди своевольные не нападали на сосѣднія государства и не подвергали-бы изъ-за этого опасности Рѣчь Посполитую. Въ случаѣ нападенія непріятелей, гарнизонъ долженъ былъ первымъ стать противъ нихъ. Старшимъ надъ гарнизономъ назначался снятынскій староста Николай Язловецкій, которому и поручалось, по данному королемъ приповѣдному листу, набрать 1000 годныхъ къ бою пахолковъ и построить замокъ. Продовольствіе доставлять обязывались

[1]) Гейденштейнъ. Т. 2, стр. 294.

жители сосѣднихъ коронныхъ имѣній [1]). Въ томъ-же году сеймъ сдѣлалъ суровое постановленіе противъ козаковъ. Число ихъ ограничивается 6000, они находятся въ зависимости отъ короннаго гетмана, который назначаетъ имъ сотниковъ и прочую старшину— изъ шляхты. Реестръ можетъ пополняться только съ вѣдома короннаго гетмана, у котораго онъ и хранится. Старосты и владѣльцы въ своихъ имѣніяхъ обязаны учредить урядниковъ, которые-бы смотрѣли за тѣмъ, чтобы изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ никто не убѣгалъ на низъ, въ Сѣчь, и за границу; если-же кто убѣжитъ и возвратится съ добычей, того казнили-бы смертью;—чтобъ козаки не продавали пороха, селитры, оружія, безъ позволенія старшаго, а добычи ни въ какомъ случаѣ. Непослушные и нерадивые урядники подвергаются наказанію наравнѣ съ своевольниками; наказанію-же подвергаются и владѣльцы, дѣлающіе набѣги на сосѣднія земли, противъ воли гетманской. Сеймъ учредилъ двухъ дозорцевъ, обязанныхъ, каждый въ своемъ участкѣ, смотрѣть, не начинается-ли гдѣ какое своевольство, и о низовыхъ козакахъ доносить гетману, а о живущихъ въ панскихъ имѣніяхъ—панамъ, которые въ этомъ случаѣ обязаны карать смертью бунтовщиковъ, какъ изъ своихъ подданныхъ, такъ и изъ состоящей у нихъ на службѣ безземельной шляхты.

Но мѣры эти по обыкновенію не имѣли успѣха. Приказаніе построить укрѣпленіе на Днѣпрѣ даже и не приводилось въ исполненіе [2]), а постановленіе сейма, если и исполнялось съ формальной стороны, то все таки не имѣло никакого значенія. Въ слѣдующемъже 1591 году козаки нашли какого-то самозванца, называвшаго себя сыномъ бывшаго молдавскаго господаря Ивоніи, и хотѣли было вести его въ Молдавію на господарство. Правительство узнало объ этомъ. Король, не имѣя въ распоряженіи никакихъ другихъ средствъ для усмиренія козаковъ, поручилъ Язловецкому какъ нибудь уладить дѣло. Язловецкій вступилъ съ козаками въ переговоры и склонилъ ихъ выдать королю самозванца. Король сослалъ его въ Мальборкъ въ заточеніе, а козаковъ, привезшихъ его, *щедро наградилъ* [3]). Случай этотъ показываетъ, что само правительство не вѣ-

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи. Т. I, ч. 3-я, стр. 29.

[2]) Гейденшт., т. 2, стр. 300; Бѣльскій, стр. 152.

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 297—8; Бѣльскій, стр. 145—6.

рило въ дѣйствительность своихъ предписаній и въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгало къ мѣрамъ, какія только были подъ рукою, не заботясь о послѣдовательности въ дѣйствіяхъ.

Какіе именно козаки замышляли походъ въ Молдавію, источники не говорятъ. Нельзя допустить, чтобы это были *реестровые*, потому что тѣ находились въ это время подъ бдительнымъ надзоромъ своей шляхетской старшины и короннаго гетмана. Такъ называемые *нереестровые* не составляли какой-нибудь отдѣльной группы людей, могущихъ при случаѣ составить войско: послѣ реформы Баторія оставшіеся за штатомъ козаки или ушли на низъ, или растворились въ украинномъ населеніи; слѣдовательно объ нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Остается *запорожская вольница*. Хота запорожцы и находились *de jure* въ распоряженіи старшаго надъ реестровыми козаками [1]), но подчинялись его приказаніямъ только тогда, когда это было имъ выгодно. Такой выгоды для нихъ не было послѣ мира 1591 г.: по желанію старшаго они должны были-бы теперь сидѣть спокойно за порогами, но сидѣть безъ дѣла запорожцы не привыкли, притомъ надо было чѣмъ-либо содержаться. Разные промыслы плохо замѣняли „лыцарьскій добутокъ", а потому естественно, что козаки вынуждены были что-нибудь изобрѣсти. Задуманный ими походъ въ Молдавію окончился только „щедрой наградой", но и эта награда выдана была лишь тѣмъ, которые доставили королю самозванца. Запорожцы хорошо знали, кому они обязаны были крайностію своего положенія; противъ тѣхъ они и направили теперь свою силу. Они рѣшились на этотъ разъ промышлять въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и по какой-то неизвѣстной намъ причинѣ направились на владѣнія князя Острожскаго.

Въ характерѣ этого перваго козацкаго движенія замѣчается нѣкоторая неясность въ постановкѣ дѣла, вслѣдствіе которой частныя и сословныя отношенія заслоняютъ до нѣкотой степени существенныя причины движенія. Естественно, что характеръ народ-

---

[1]) Оффиціальнымъ старшимъ въ это время и былъ именно Николай Язловецкій. Такъ можно думать потому, что въ 1590 г. ему поручено построить замокъ на Днѣпрѣ и принять начальство надъ гарнизономъ, а въ началѣ 1592 года (10 марта) онъ издаетъ увѣщательный универсалъ къ козакамъ и подписывается въ немъ старшимъ войска запорожскаго (Listy Żółkiewskiego, стр. 22).

ной реакціи не могъ сразу выразиться въ схемѣ совершенно ясной и категорически опредѣленной, особенно при той степени развитія умственнаго и гражданскаго, которая была присуща въ то время южно-русской народной массѣ.

Посмотримъ прежде всего на составъ „возставшихъ". Главными дѣйствующими лицами въ экскурсіи на панскія маетности были, какъ только что сказано, низовые козаки, т. е. бѣглые нереестровые и крестьяне. Они на столько подавляли всѣ остальные элементы въ войскѣ Косинскаго и вообще во всѣхъ „своевольныхъ купахъ", что всѣ современные акты и писатели единогласно приписываютъ имъ всю бѣду, ихъ исключительно считаютъ виновниками и дѣйствующими лицами во всѣхъ грабежахъ, разбояхъ и насиліяхъ [1]). Изъ всѣхъ документовъ только королевскіе универсалы называютъ козаковъ просто „людьми своовольными"; но это очень понятно: для правительства, кромѣ реестровыхъ, не было другихъ козаковъ; всякій другой, считавшій себя самъ и считавшійся въ обыкновенныхъ разговорахъ козакомъ, въ королевскомъ универсалѣ былъ человѣкъ „своовольный". Но и универсалы иногда проговариваются и называютъ бунтовщиковъ прямо „козаками низовыми" [2]). Правда, кромѣ низовцевъ, въ „возстаніи" участвовали и другіе элементы, но, какъ это видно изъ источниковъ, въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Были тутъ шляхтичи- „выволанъцы" [3]) и вообще бездомная шляхта, жившая при панскихъ дворахъ въ качествѣ „рукодайныхъ" слугъ; она то и называется въ актахъ „здрайцами, збегами, слугами [4]). Участвовали и осѣдлые мѣстные хлопы, но опять таки въ весьма ничтожномъ числѣ [5]). Вотъ составъ „купъ". Въ такомъ составѣ онѣ

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть 3-я тома 1-го, стр.: 32, 34, 36, 39, 49, 58; Listu Żółkiewskiego, стр. 22 и 23; Бѣльскій, стр.: 151, 178, 188—190; Гейденштейнъ стр. 317.

[2]) Архивъ... стр. 45.

[3]) Ibid. стр. 58.

[4]) Ibid. стр. 55.

[5]) Изъ актовъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ", только въ одномъ (№ XX) есть прямыя упоминанія о „подданныхъ" въ шайкахъ; но и тутъ ихъ очень небольшой процентъ, напр.: „упросилъ" (шляхтичъ—„выволанецъ" Михайло Гулевичъ) у пана Косиньского, гетмана козацкого, который позволилъ, и далъ ему на помочъ Дашка сотъника зъ его сотънею, къ тому было охвотъниковъ зъ нимъ не

передвигались по намѣченнымъ заранѣе мѣстамъ, и этотъ путь легко прослѣдить. Если-же во время „возстанія" встрѣчались разбои одновременно въ разныхъ мѣстахъ, то это были все тѣ-же *заѣзды*, явленіе обычное для тогдашней Украйны. Собственно говоря, даже это трудно утверждать, такъ какъ во всѣхъ современныхъ памятникахъ, кромѣ голыхъ фразъ и притомъ пустыхъ, какъ увидимъ ниже, о распространенности „своволенства", нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о мѣстахъ, гдѣ оно проявлялось. Напротивъ, такой близко стоявшій къ дѣлу современникъ, какъ Станиславъ Жолкевскій [1]), смотритъ на возстаніе только какъ на распрю козаковъ съ княземъ Острожскимъ, воеводою кіевскимъ, т. е. съ ближайшимъ къ козакамъ представителемъ административной власти, и слѣдовательно не придаетъ движенію характера противугосударственнаго въ широкомъ смыслѣ.

Дѣйствительно, въ сравненіи съ послѣдующими возстаніями—движеніе Косинскаго захватываетъ и гораздо меньшую долю участниковъ и менѣе ясно и рельефно выдвигаетъ основные принципы борьбы, которыя по временамъ совершенно маскируются второстепенными обстоятельствами.

Всего народу во всѣхъ отрядахъ, когда они сошлись въ началѣ 1593 года, было около пяти тысячъ,—крайне ничтожная цифра въ сравненіи съ общимъ числомъ русскаго поспольства въ трехъ украинныхъ воеводствахъ.

Признаки болѣе ясные народнаго движенія можно признать развѣ въ томъ, что Косинскій сносился съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, желая отдать ему въ подданство часть Украины и что козаки, грабя жителей, заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но послѣднее обстоятельство, передаваемое актами [2]) въ такомъ видѣ,

---

мало слугъ и подданныхъ пана Миколаевыхъ, человековъ зъ двадцать"... Самое отсутствіе упоминаній о хлопахъ въ актахъ, при постоянномъ фигурированіи низовыхъ козаковъ и гораздо менѣе частомъ—бездомной шляхты, должно считаться доказательствомъ ихъ крайне незначительнаго числа въ войскѣ.

[1]) „Mowiłem z panem Pissarzem Lwowskim, zebiy beł sam z siebie zrozumiał I. M. Pana Woiyewodę kiyowskiego, ieslibij chciał tę sprawę kłothnią z kozaki przez iaką zgodę zkonczijcz". Listy Żółkiewskiego, стр. 22.

[2]) Арх. стр. 39, 42, 45.

что козаки по дорогѣ или убивали и мучили жителей, или заставляли присягать на свое имя, можетъ быть сочтено, какъ обыкновенный пріемъ людей, у которыхъ виситъ кара надъ головою: или уничтожить свидѣтелей своего преступленія, или сдѣлать ихъ безвредными, обязавъ молчаніемъ. Что-же касается сношеній Косинскаго съ царемъ, то это обстоятельство, въ связи съ разными другими, которыя будутъ видны изъ самаго хода войны, можетъ быть, указываетъ только на вліятельность самой личности Косинскаго. Косинскій, судя по всему, не былъ личностью, которыя стихійно выдвигаются изъ массъ, когда онѣ живутъ массовою жизнью, и которыя опять тонутъ въ массахъ безслѣдно, какъ только тѣ выйдутъ изъ періода броженія. Напротивъ, на сколько это видно изъ памятниковъ, онъ даетъ тонъ движенію, имъ оно держится, направляется. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ договорѣ Острожскаго и прочихъ пановъ съ козаками первые ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Косинскій былъ смѣненъ, но не осмѣливаются требовать просто выдачи его, какъ простого „lotra", (latro—грабитель, разбойникъ), что бывало въ послѣдующихъ козацкихъ возстаніяхъ. Если у Косинскаго былъ какой нибудь опредѣленный планъ, при выполненіи котораго война съ Острожскимъ должна была служить только прелюдіей, то все таки можно съ увѣренностью утверждать, что планъ этотъ былъ чуждъ сознанію той массы, съ которой Косинскій дѣйствовалъ.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣтки, перейдемъ теперь къ фактамъ и прежде всего—къ біографическимъ даннымъ о Косинскомъ, которыя очень скудны.

Криштофъ (Христофоръ) Косинскій былъ по происхожденію шляхтичъ православной вѣры, родомъ изъ Подляхіи [1]). По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что онъ былъ старый, заслуженный запорожецъ и притомъ человѣкъ выдающійся по своимъ личнымъ качествамъ [2]). Еще до борьбы со шляхтою онъ былъ на За-

---

[1]) Гейденштейнъ (стр. 317) и Бѣльскій (стр. 188) указываютъ только его родину—Подляхію, а о вѣроисповѣданіи и шляхетствѣ не говорятъ ничего. Костомаровъ (Моногр. т. III, стр. 249) говоритъ, что онъ шляхтичъ и притомъ русской вѣры.

[2]) Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (краков. изд. 1868 г.) на стр. 34 въ примѣчаніи находится отрывокъ письма Богдана Микошинскаго къ Касперу Подвы-

порожьѣ гетманомъ и держался настолько самостоятельно относительно польскаго правительства, что отъ своего имени сносился съ Москвою [1]) и получалъ отъ царя сукна и деньги. Современники даже обвиняютъ его въ томъ, что онъ поддалъ царю московскому все пограничье, болѣе чѣмъ на сто миль разстоянія, такъ что царь московскій въ листѣ къ нему писался уже царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ [2]). По всей вѣроятности онъ начальствовалъ и въ предполагавшемся походѣ въ Молдавію, такъ какъ ни чьего другаго имени въ источникахъ не упоминается, а Косинскій при описаніи первыхъ-же нападеній на шляхетскія имѣнія именуется уже человѣкомъ, „который на сей часъ гетманомъ козацкимъ се учинилъ".

Какъ началась война, неизвѣстно. Первый извѣстный намъ фактъ вооруженнаго нападенія со стороны козаковъ относится къ концу 1591 года, когда козаки ограбили въ Бѣлой-Церкви имущество князя Курцевича-Булыги. Фактъ этотъ совершенъ въ такой обстановкѣ. Козаки съ Косинскимъ шли куда-то изъ Бѣлой-Церкви и при выходѣ вдругъ напали на домъ князя Курцевича, подстаросты бѣлоцерковскаго, и, ворвавшись въ комору, захватили „шкатулу съ клейнотами, съ пенязми" и проч. Въ этой шкатулкѣ были „мамърамы", т. е. бланки князя Януша Острожскаго (онъ былъ старостой бѣлоцерковскимъ), данные подстаростѣ для разныхъ юридическихъ надобностей, привиллегіи на староство бѣлоцерковское, полученныя князьями Острожскими, и другіе документы. Все это было сдѣлано „снать зъ направы чиее", какъ доносилъ князь Янушъ Острожскій [3]).

соцкому и Юрію Владыкѣ *отъ 22 мая 1586 г.*, въ которомъ говорится: Pane Kasper a Pane Iuri. Oznaymuiu wam jaz, sze si ponowilo po odjechaniu waszom se zde: u nas prybiegla storoża *ot Krisztofa z Nizu ot Tawani* i ot gorodkow, daiuczi znac, iż Car s Perekopu byl pryszol zo wsieiu siloiu... (письмо очевидно въ подлинникѣ писано русскими буквами). Принявъ во вниманіе прямое указаніе здѣсь имени Косинскаго еще въ 1586 году, можно предположить, что Косинскій является „гетьманомъ" въ войнѣ не съ налету, что онъ только для правительства Рѣчи Посполитой „на сесь часъ гетманомъ се учинилъ", на самомъ-же дѣлѣ былъ старый, заслуженный запорожецъ. Вѣдь популярность въ Сѣчи, какъ извѣстно, пріобрѣталась не легко.

[1]) Бантышъ-Каменскій. Ист. М. Р. т. I, стр. 20 примѣчаній.

[2]) Łisty Żolk., стр. 27.

[3]) Арх. стр. 32.

Отъ 1591 года извѣстенъ только этотъ одинъ фактъ. Но вѣроятно козацкія „своеволія“ уже дали себя знать, такъ какъ въ концѣ того-же года наряжена была королемъ коммиссія, съ Язловецкимъ во главѣ, для развѣдыванія о происхожденіи безпорядковъ и для кары по закону виновныхъ [1]). Эта мѣра, самая легкая для короля изъ всѣхъ, какія только были для него возможны, была вмѣстѣ съ тѣмъ и самой недѣйствительной. Безпорядки все увеличивались, если вѣрить королевскому универсалу отъ 16 января 1592 г. Вслѣдствіе дошедшихъ до короля слуховъ, говорится въ универсалѣ, о неслыханныхъ грабежахъ, убійствахъ и всякаго рода кривдахъ, совершаемыхъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ нѣкоторыми людьми своевольными, не обращающими вниманія ни на верховную власть, ни на право общественное, учреждены особые коммиссары для искорененія зла. Теперь предписывается старостамъ и державцамъ королевскихъ имѣній, а также всякимъ урядникамъ и посполиству селъ и городовъ воеводства волынскаго, чтобы они помогали коммисарамъ въ разслѣдованіи о людяхъ своевольныхъ: давали-бы нужныя справки, ловили самыхъ своевольниковъ и ставили предъ судъ коммиссіи; а если-бы ихъ не оказалось въ мѣстахъ жительства, то чтобы давали коммисарамъ списки ихъ, дѣлая все это подъ страхомъ могущей пасть на нихъ отвѣтственности за всѣ убытки [2]). Глава коммиссіи, снятынскій староста Николай изъ Бучача Язловецкій, онъ-же и старшій козацкій отъ правительства, съ своей стороны писалъ воззванія къ запорожцамъ, чтобы они оставили измѣнника Косинскаго. Воззванія его не оказывали никакого вліянія на запорожцевъ, какъ видно изъ одного подобнаго воззванія, писаннаго изъ Хвастова отъ 10 марта 1592 г. [3]). Въ немъ Язловецкій приглашаетъ запорожцевъ въ послѣдній разъ

---

[1]) Арх. стр. 34; Бѣльскій стр. 152.

[2]) Архивъ стр. 33. Не на этомъ-ли универсалѣ основывается мнѣніе, что возстаніе распространилось разомъ по тремъ воеводствамъ южно-русскимъ: кіевскому, брацлавскому и волынскому? Если на этомъ, то основаніе очень шатко: своеволія распространены по тремъ воеводствамъ, а универсалъ обращенъ только къ жителямъ волынскаго; очевидно, распространеніе своевольствъ по тремъ воеводствамъ просто—фраза. Кромѣ этого универсала, о такомъ распространеніи не говорится ни у Бѣльскаго, ни у Гейденштейна, ни въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго, ни въ другихъ актахъ, помѣщенныхъ въ Архивѣ.

[3]) Listy Żółkiewskiego, стр. 21.

выдать „Łothra" Косинскаго, грозя въ противномъ случаѣ оружіемъ взыскать на крови ихъ за причиненныя бѣдствія. И это воззваніе осталось въ тунѣ. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Язловецкій не исполнилъ своей угрозы. Далѣе въ войнѣ съ Косинскимъ онъ вовсе не участвуетъ.

Между тѣмъ, Косинскій въ 1592 г. взялъ Кіевъ и Бѣлую-Церковь, забралъ изъ тамошнихъ замковъ порохъ и все огнестрѣльное оружіе. За Кіевомъ и Бѣлою-Церковью покорились ему и другіе городки [1]). Козаки не обращали вниманія на то, частный-ли замокъ, или королевскій, всѣ одинаково разоряли, если они лежали имъ по дорогѣ; жителей убивали и мучили, или заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но главная гроза собиралась не около Кіева и Бѣлой-Церкви, а на Волыни и Подоліи, въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской. Можно думать, что козаки устроили экскурсію въ сторону Кіева и Бѣлой-Церкви именно для того, чтобы запастись оружіемъ и порохомъ для операцій въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Что центръ тяжести для козаковъ и Косинскаго лежалъ тамъ, объ этомъ сохранились положительныя указанія. Бѣльскій говоритъ, что въ срединѣ 1592 г. козаки много зла творили въ Подоліи, въ особенности въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Они даже штурмомъ брали нѣкоторые его города и причиняли большіе убытки.

Князь, имѣя помощь отъ нѣкоторыхъ окрестныхъ старостъ, вышелъ противъ нихъ съ войскомъ, но козаки войско его поразили и перебили [2]).

Къ концу года Косинскій навелъ такой страхъ на князя, что тотъ, дѣятельно готовясь къ оборонѣ самъ, кромѣ того изъ всѣхъ

---

[1]) Костомаровъ. Монограф. т. III, стр. 250.

[2]) Бѣльскій, стр. 178. Кромѣ того въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (стр. 22) помѣщено одно письмо Косинскаго *изъ Никова* (въ брацлавскихъ имѣніяхъ князя) съ неполною датой: помѣчено просто мѣсяцемъ августомъ. Этого письма нельзя отнести къ 1593 г., потому что весной этого года Косинскій былъ уже убитъ; нельзя и къ 1591 г., основываясь на выраженіи, находящемся въ немъ: «Podobno w zime nas przíwodzą (подразум. z temi pieniędzmi) tak, jako *ten rok jeszcze na Iana* S. mieli nam dacz, a teras iusz ku iesieni przislo». Это вышелъ-бы 1590 г., когда о козацкихъ своеволіяхъ еще не упоминается.

силъ старался внушить королю и сейму, что опасность грозитъ всей Рѣчи Посполитой. Съ этой цѣлью онъ во-первыхъ истребовалъ отъ вальнаго коронпаго сейма свидѣтельство, что не по его винѣ, не смотря на нѣсколько предостереженій съ его стороны, Рѣчь Посполитая не предприняла починки полуразрушенныхъ крѣпостей въ Бѣлой-Церкви и Кіевѣ и что поэтому, въ случаѣ опасности, могущей произойти отъ козаковъ, онъ, Острожскій, не долженъ отвѣчать за причиненные убытки и бѣдствія [1]). Во вторыхъ у себя на Волыни Острожскій началъ всѣми мѣрами стараться привлечь къ участію въ оборонѣ всю окрестную шляхту. Шляхта тѣмъ охотнѣе поддалась вліянію Острожскаго, что козаки не миловали и ея мелкихъ владѣній, попадавшихся подъ руку. Съѣхавшіеся въ г. Луцкъ, на роки земскіе и гродскіе, обыватели земли волынской, въ январѣ 1593 г. постановили закрыть на нѣкоторое время засѣданія судовъ, прекратить между собою всякія тяжбы, не вчинать исковъ и стать съ оружіемъ противъ козаковъ. Изъ Луцка было отправлено приглашеніе и въ г. Владиміръ, къ шляхтѣ тамошняго повѣта, что-бы она сдѣлала тоже. Владимірская шляхта вѣроятно не съ большою охотою приняла-бы участіе въ войнѣ, потому что владимірскій повѣтъ былъ дальше отъ мѣста дѣйствія, чѣмъ луцкій, но, получивъ королевскій универсалъ, поручавшій князю Острожскому собирать посполитое рушенье, она присоединилась къ рѣшенію луцкой шляхты, не желая въ защитѣ „отчизны своее быти последнейшими“ [2]). Такое рѣшеніе, однако, было постановлено владимірскою шляхтою только 29 января, тогда какъ приглашеніе къ нимъ отъ шляхты луцкой было отправлено еще 11 января.

По королевскому универсалу князь Острожскій сталъ собирать войско. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ г. Константиновъ; туда сходились отряды изъ Подоліи, гдѣ собиралъ ихъ сынъ князя Януша, внукъ князя Константина; самъ князь Янушъ также былъ занятъ сборомъ войска около Тарнополя, а князь Константинъ у

---

[1]) Архивъ стр. 38.

[2]) Архивъ, стр. 37—52. Что въ рѣшеніяхъ шляхты значительную роль играло вліяніе князя Острожскаго, какъ маршалка земли волынской, это видно изъ актовъ, гдѣ прямо говорится: «За ознайменемъ ясновельможнаго пана etc» ... «Маючи ведомость певную отъ ясновельможнаго etc» ... и проч. Притомъ это «ознаймене» было и до королевскаго листа о посполитомъ рушеньи.

себя, около Константинова. Судя по большому числу мѣстъ, гдѣ собиралось войско, оно должно было быть очень значительнымъ. Къ февралю войско было готово. Начальство надъ нимъ принялъ князь Янушъ, такъ какъ самъ Константинъ Константиновичъ былъ уже тогда глубокій старикъ.

Косинскій съ войскомъ, числомъ около 5 тысячъ человѣкъ, стоялъ въ Острополѣ [1]). Начались стычки, удачныя для Косинскаго. Но онъ, тѣмъ не менѣе, не чувствуя себя безопаснымъ въ Острополѣ, выступилъ оттуда и направился къ Пяткѣ, которую считалъ болѣе надежной позиціей. Въ Пяткѣ его осадили войска князя Януша. Козаки, предпочитая свой любимый способъ обороны въ окопанномъ таборѣ сидѣнью въ замкѣ, вышли въ поле и окопались на выгодной позиціи. 2 февраля состоялась битва. Люди князя Острожскаго, послѣ нѣсколькихъ пораженій, испытанныхъ раньше, теперь „не особенно охотно атаковали козаковъ и даже стали обращаться въ бѣгство"; но князь Янушъ сдѣлалъ къ войску увѣщаніе, самъ бросился впереди съ тяжело вооруженной конницей, за нимъ копійщики. Тогда и остальное войско, ободренное вѣроятно болѣе конницей и копійщиками, чѣмъ увѣщаніемъ князя, сдѣлало напоръ на козаковъ. Козаки не устояли и пустились бѣжать въ городъ; ихъ преслѣдовали и убивали до самыхъ воротъ. Всѣхъ козаковъ будто-бы погибло въ этомъ сраженіи до 3 тысячъ, взято у нихъ 26 пушекъ и почти всѣ хоругви, какія только были [2]). Косинскій съ остаткомъ войска затворился въ замкѣ, но долго не усидѣлъ. Видя, что непріятель вознамѣрился добывать его тамъ и не надѣясь отси-

---

[1]) *Въ Острополѣ*—по Бѣльскому (стр. 188), по Гейденштейну—*въ Тарнополѣ*; но это явная обмолвка. Острополь, нынѣ мѣстечко Новградъ-Волынскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Пятки (нынѣ тоже мѣстечко, житомірскаго уѣзда), тогда какъ Тарнополь (городъ въ нынѣшней австрійской Галиціи)—отъ Пятки въ нѣсколькихъ стахъ верстъ. Да притомъ изъ Тарнополя въ Пятку Косинскому пришлось-бы идти черезъ Константиновъ, или вблизи его, потому что этотъ городъ лежитъ какъ разъ по дорогѣ.

[2]) Вообще о дѣлѣ подъ Пяткою и о заключеніи договора—см. у Бѣльскаго стр. 188—190; Гейденштейна, томъ 2, стр. 317—318; Listy Żółkiewskiego, стр. 25—26.

дѣться, онъ повелъ переговоры, которые окончились договоромъ, заключеннымъ 10 февраля [1]).

Вотъ этотъ договоръ.

„Я, Криштофъ Косинскій, на это время гетманъ, и мы сотники, атаманы и все рыцарство войско запорожскаго, сознаемся въ этомъ листѣ нашемъ, что, не смотря на великія благодѣянія и ласку ясновельможнаго пана Константина князя Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской, старосты владимірскаго, которыя его милость всегда оказывалъ всему войску и каждому изъ насъ особо, мы, забывъ о всемъ томъ, не мало огорченій и убытковъ причинили его милости самому и дѣткамъ его, а также слугамъ и подданнымъ его, и тѣмъ ласку ихъ милости къ себѣ нарушили; ихъ-же милости, будучи подъ Пяткомъ, какъ паны христіанскіе, не жаждая пролитія крови нашей, за униженными и усердными просьбами нашими, по ходатайству многихъ знатныхъ людей, эти всѣ наши проступки простили; потому мы, все рыцарство вышеименованнаго войска, обѣщаемъ и присягою подтверждаемъ выполнить всѣ слѣдующія кондиціи, поданыя намъ отъ ихъ милостей князей и въ этомъ листѣ нашемъ поименованныя: съ этого времени пана Косинскаго за гетмана не имѣть, а на его мѣсто выбрать въ

---

[1]) Надо замѣтить, что у Бѣльскаго заключеніе договора относится къ 15 марта (у Костомарова по чему-то 10 марта), между тѣмъ какъ подъ напечатанною въ „Архивѣ“ копіею стоитъ 10 февраля; наконецъ тотъ-же самый договоръ, напечатанъ (латинскимъ шрифтомъ и съ нѣкоторыми полонизмами въ грамматическ. формахъ) въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго съ датой отъ 1 февраля. Что касается Бѣльскаго, то предъ нимъ предпочтительнѣе, разумѣется, оффиціальный документъ, изъ двухъ-же копій та, что въ „Архивѣ“, имѣетъ болѣе вѣрную дату потому, что 2 февраля („w dzień Panny Maryey Gromnicnej“, какъ сказано у Бѣльскаго) было только сраженіе подъ Пяткой. Если бы Бѣльскій и ошибался, что трудно допустить, потому что праздникъ Срѣтенія легко могли запомнить всѣ участвующіе и передать другимъ,—то рѣшеніе шляхты владимірской присоединиться къ ополченію, состоявшееся только 29 января, было-бы ужъ слишкомъ близко къ развязкѣ войны. Противъ Бѣльскаго и того источника, изъ котораго взялъ Костомаровъ, прямо говорить письмо войта Цешинскаго отъ 18 февраля (Listy Ż. стр. 25) въ которомъ говорится о заключеніи договора, какъ о прошедшемъ. Костомаровъ не пользовался сборникомъ писемъ Жолкевскаго, потому что 3-ій томъ его „Монографій“ (въ изданіи Кожанчикова) вышелъ въ 1867 г., а Listy Żolkiewskiego въ Краковѣ въ 1868 г.

продолженіи четырехъ недѣль другаго, и потомъ находиться въ послушаніи его милости короля, не производя никакихъ ссоръ съ сосѣдями земель его королевской милости; жить за порогами на указанныхъ мѣстахъ; жительствъ и квартиръ не имѣть и никакихъ убытковъ и кривдъ не чинить какъ въ державахъ и маетностяхъ ихъ милостей князей, такъ и ихъ пріятелей, его милости князя Александра Вишневецкаго, старосты черкасскаго, и иныхъ, находящихся въ это время при ихъ милости, а также въ державахъ и маетностяхъ ихъ слугъ, бѣглыхъ и измѣнниковъ князей ихъ милостей и ихъ слугъ, къ намъ перебѣжавшихъ, выдавать и у себя ихъ не передерживать; оружіе взятое гдѣ-бы то ни было въ замкахъ и городахъ и въ державахъ ихъ милостей, кромѣ трипольскихъ, вернуть; возвратить также и хоругви, лошадей, рогатый скотъ и движимое имущество; челядь обоего пола, при насъ находящуюся, отправить; вѣчно жить у князей ихъ милостей въ прежней любви никогда не приставать ни къ одному человѣку противъ ихъ милостей, а напротивъ служить имъ. Всѣ эти поименованныя кондиціи, ихъ милостями поданныя, мы, все войско, присягаемъ вѣчно, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, хранить и по нимъ поступать на вѣчныя времена. А присяга эта наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: я, Криштофъ Косинскій, мы, сотники, атаманы, все рыцарство войска запорожскаго, одинъ за другаго и каждый за себя присягаемъ Господу Богу, въ Троицѣ Единому, который сотворилъ небо и землю, въ томъ, что мы всѣ вмѣстѣ и каждый изъ насъ отдѣльно, имѣемъ и повинны всѣ эти кондиціи, на этомъ листѣ намъ поданныя ихъ милостью князьями Острожскими, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, содержать и по нимъ поступать, относительно князей Острожскихъ и ихъ пріятелей, вѣчно; такъ намъ и Господи Боже помоги! Если-же мы неправильно присягнули, то покарай насъ, Господи Боже, на душахъ и на тѣлахъ нашихъ, въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ! А для лучшей вѣрности и утвержденія нашего вѣчнаго, этотъ листъ я, Косинскій, рукою власною своею подписалъ и печать свою прикладываю; мы всѣ также приказали приложить къ этому листу войсковую печать и которые изъ насъ умѣли писать, къ нему руки свои подписали; просили сдѣлать тоже и ихъ милостей вельможныхъ пановъ, бывшихъ при этомъ: его ми-

лость пана Якуба Претвича изъ Гавронъ, каштеляна галицкаго, трембовельскаго старосту; его милость пана Александра князя Вишневецкаго, черкасскаго, каневскаго, корсунскаго, любецкаго, лоевскаго старосту, его милость пана Яна Кгулскаго, войскаго трембовельскаго, его милость пана Вацлава Боговитина, хорунжаго земли волынской, его милость пана Василія Гулевича, войскаго владимірскаго, что ихъ милости по просьбѣ нашей сдѣлать изволили и, приложивъ печати свои къ этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Дѣялось подъ Пяткомъ 1593 г. мѣсяца февраля 10 дня. Криштофъ Косинскій своею рукою, Иванъ Кречкевичъ, писарь войсковый именемъ всего войска рукою"... (Далѣе подписи перечисленныхъ выше пановъ).

Но этимъ дѣло не кончилось. Косинскій согласился на такія условія только потому, что былъ въ крайности. Какъ только онъ съ остатками войска получилъ свободу, онъ и не думалъ о соблюденіи присяги. Въ ту-же весну онъ задумалъ отомстить панамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ подъ Пяткою. На Вишневецкаго онъ былъ сердитъ болѣе всего (вѣроятно за то, что этотъ магнатъ, какъ богатѣйшій изъ помощниковъ Острожскаго, доставилъ послѣднему болѣе другихъ войска) и потому съ 2 тысячами людей двинулся къ Черкасамъ, гдѣ въ замкѣ жилъ Вишневецкій. Оставивъ войско, шедшее водою и сухопутьемъ, позади, Косинскій съ нѣсколькими стами человѣкъ (отъ 350 до 400) вошелъ въ городъ и началъ пьянствовать въ корчмѣ. На него пьянаго напали слуги Вишневецкаго и убили. Съ нимъ погибли и его спутники. Остальное войско ушло за пороги [1]).

„Такимъ образомъ погибъ безславно этотъ Косинскій, такая участь обыкновенно постигаетъ всѣхъ ему подобныхъ", говоритъ Бѣльскій. По смерти Косинскаго козаки еще до осени наводили страхъ на шляхту пограничныхъ воеводствъ, старались даже утвердиться въ Кіевѣ, но чѣмъ кончилась попытка, неизвѣстно [2]). Во-

[1]) Бѣльскій, стр. 190; Гейденшт. т. 2. стр. 318; иначе передаетъ это Вишневецкій въ письмѣ къ Замойскому (Listy Żołk. стр. 26): онъ говоритъ, что козаки въ числѣ 2000 осадили городъ, что онъ Вишневецкій долженъ былъ сразиться съ ними и что въ сраженіи погибъ и Косинскій. Но, быть можетъ, говоря такъ, онъ хотѣлъ скрыть не рыцарское убійство Косинскаго и выставить свою храбрость и заслугу предъ отечествомъ. Когда именно погибъ Косинскій, неизвѣстно. Письмо писано Вишневецкимъ 23 мая 1593 г.

[2]) Архивъ, стр. 63; Listy Żółkiewskiego, стр. 28.

обще никакого крупнаго дѣла не произошло. Вниманіе запорожцевъ обратилось опять къ запретному плоду, въ турецкія владѣнія.

Отвѣчая теперь на вопросъ, что такое была война Косинскаго? надо сказать, что она въ значительной степени напоминаетъ, по пріемамъ и оттѣнку личнаго столкновенія съ княземъ Острожскимъ, „заѣзды“, какими обыкновенно донимали другъ друга въ тогдашней Польшѣ люди, имѣвшіе средства собрать ополченіе въ большихъ или малыхъ размѣрахъ. Такъ на нее смотрѣли и современники [1]), любившіе вообще всякія ссоры владѣльцевъ, сопровождавшіяся по обычаю вооруженной расправой, называть войнами. Но внѣшней своей стороною и положеніемъ, занятымъ въ исторіи, она отличается отъ обыкновенныхъ „заѣздовъ“. Разница по внѣшности въ томъ, что одна изъ участвующихъ сторонъ не та, что обыкновенно,—соперникъ Острожскаго не такой-же магнатъ, а козаки. Для правительства они давно уже стали „людьми своевольными“ и потому очень понятно, что вся тогдашня юридическая обстановка была сейчасъ-же направлена противъ нихъ: явились королевскіе универсалы, постановленія шляхты и пр.; всё это могло дѣлаться какъ изъ желанія обуздать козаковъ, такъ и изъ угожденія Константину Константиновичу Острожскому, поддобриться къ которому не только для шляхты, но и для самого короля было не безразлично. Отсюда шумъ бумажный. Шумъ-же дѣйствительный въ трехъ воеводствахъ произошелъ, конечно, отъ значительности противниковъ. Съ одной стороны магнатъ, обладавшій несмѣтными богатствами и вліяніемъ, съ другой—коллективная сила, къ которой единицы приставали изъ трехъ воеводствъ. Но до возстанія массъ еще было очень далеко: потребовалось полувѣковая ссора козаковъ съ правительствомъ, въ которой послѣднее терпѣло нѣсколько разъ пораженія; потребовались насилія надъ народною совѣстью, надъ національными инстинктами; потребовалось усиленіе до невѣроятной степени гнета экономическаго, чтобы вспыхнуло наконецъ настоящее народное возстаніе при Богданѣ Хмельницкомъ. Нельзя сказать, что-бы положеніе южно-русскаго народа не было тяжело еще во времена Косинскаго, но оно не было еще на

---

[1]) Кромѣ Жолкевскаго (см. здѣсь-же стр. 431), въ «Дневникѣ» Эриха Лясоты (стр. 50 по русск. переводу) сами козаки возстаніе Косинскаго называютъ войною съ кіевскимъ воеводой.

столько ужасно, чтобъ вызвать со стороны его сопротивленіе *отчаянное*, не справляющееся съ удачами или неудачами. Уже и при Косинскомъ хлопы поднимались, но они прятались за козаковъ и оставляли ихъ при малѣйшихъ признакахъ неудачи. Движеніе Косинскаго, благодаря своему непосредственному сосѣдству по времени съ слѣдующими козацкими возстаніями, закончившимися эпохой Хмельницкаго, получило въ исторіи значеніе прецедента для этой эпохи, отчасти заимствовало отъ нея свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ представлялось долгое время историкамъ; на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ строго опредѣленнаго характера народнаго возстанія. Скорѣе можно видѣть въ немъ не ясно сознанный, инстинктивный такъ сказать протестъ противъ того польско-шляхетскаго общественнаго строя, которымъ Польша послѣ люблинской уніи надѣлила и русскія области и который скоро усвоили себѣ и водворяли въ своихъ имѣніяхъ и всѣ русскіе князья и дворяне, не исключая и князей Острожскихъ. Въ короткій промежутокъ отъ этой уніи Руси съ Польшею послѣдняя успѣла слишкомъ много сдѣлать для того, чтобы народъ русскій почувствовалъ на себѣ ярмо полькое. Чувствовалось это ярмо и на Запорожьѣ, какъ мы выше видѣли. Народное недовольство обозначалось частыми побѣгами „подданныхъ" за пороги; борьба религіозная была уже въ сильномъ разгарѣ, церковная унія была подготовлена въ такой степени, что оставалось лишь придать ей извѣстную форму. Кто знаетъ, что заставило Косинскаго входить въ тѣ сношенія съ московскимъ царемъ, о которыхъ упомянуто выше? Мотивы распри его и предводимой имъ партіи съ княземъ Острожскимъ еще менѣе извѣстны. Мы далеки отъ мнѣнія прежнихъ нашихъ историковъ, окружавшихъ Косинскаго ореоломъ мученичества за вѣру и народность русскую; но должны признать въ немъ вождя и дѣятеля народнаго, хотя завѣтныя его стремленія остались для насъ не ясными.

Ф. Николайчикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

V. Одесса и адъюктъ-профессорство.

Знаете-ли вы Одессу,—эту маленькую, хорошенькую Одессу, которая такъ удобно и живописно расположена на берегу Чернаго моря; этотъ богатый порто-франко съ его безчисленными магазинами, блистающими лучшими произведеніями запада и востока, съ его красивыми зданіями, съ его прелестными окрестностями? Много прекраснаго найдете вы въ этомъ городѣ, одномъ изъ лучшихъ въ Россіи. Своею красотою васъ Одесса особенно поразитъ, когда вы узнаете, что лѣтъ пятьдесятъ едва прошло съ того времени, какъ она начала свое существованіе. Прошло едва полвѣка, и вотъ она уже выросла, возмужала и украсилась, какъ-бы по мановенію жезла въ рукѣ волшебника. Взгляните на здѣшній бульваръ, устроенный на голой скалѣ у моря, украшенный великолѣпными домами, громадной лѣстницей изъ бѣлаго камня, ведущей къ морю, памятникомъ герцогу Ришелье, положившему основаніе Одессѣ, и длинною нитью бѣлыхъ пахучихъ акацій—онъ необыкновенно хорошъ; ничего и нигдѣ не увидите подобнаго въ этомъ родѣ. Посмотрите, какъ очарователенъ видъ съ него на безконечное

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., февр. кн., стр. 246—296.

море, вдалекѣ сливающееся съ синевою неба, и ближе—на гавань усѣянную множествомъ кораблей, испещренныхъ флагами всѣхъ націй. Съ какимъ наслажденіемъ сидишь здѣсь вечеромъ, въ тихую погоду, и любуешься этою картиной; особенно хороша она, когда освѣщаютъ ее послѣдніе лучи заходящаго солнца, или въ бурное время, когда море бушуетъ, когда волны разбиваются о крутую скалу бульвара и потомъ опять набѣгаютъ съ новою силою, какъ-бы желая увлечь ее за собой, но гордая, величавая она стоитъ незыблемо, презирая усилія могучаго соперника. Какъ красива театральная площадь близъ бульвара и зданія ее окружающія: театръ, гдѣ обыкновенно даютъ итальянскія оперы, на лѣво отъ театра длинное зданіе Palais Royales; здѣсь помѣщаются прекрасныя лавки, лучшія рестораціи и кондитерскія, изъ которыхъ такъ хорошъ Café Каруты. Противъ театра прекрасный домъ англійскаго клуба, направо огромный Hôtel Richelieu, противъ этого отеля находится Casino, клубъ для негоціантовъ; этими двумя зданіями начинается лучшая въ Одессѣ улица Ришельевская, она богата магазинами содержащими въ себѣ самыя модныя произведенія французской и англійской промышленности, параллельно ей идетъ отъ биржи, зданія очень красиваго, Итальянская улица; ихъ пересѣкаютъ Дерибасовская и Греческая, гдѣ найдете въ изобиліи всевозможныя произведенія Италіи, Турціи и Греціи. И посмотрите, какъ всѣ эти улицы чисты, хорошо вымощены и освѣщены. Есть у насъ города, конечно, и красивѣе и богаче Одессы, но независимо отъ интереса, какой представляетъ она своею наружностью, она нравится еще и въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи дѣятельности: во всякое время года найдете вы Одессу одушевленною, вездѣ много жизни и движенія, и когда ни пріѣзжайте сюда, лѣтомъ-ли, зимою, всегда проведете время весело и пріятно: зимою небольшое, но отборное общество жителей одесскихъ, а лѣтомъ, когда всѣ разъѣзжаются на дачи или въ Крымъ, Одесса наполняется пріѣзжими. Много бываетъ иностранцевъ, много пріѣзжаетъ сюда помѣщиковъ изъ новороссійскаго края, западныхъ губерній и Малороссіи. Иные ѣдутъ пользоваться морскимъ купаньемъ, другіе минеральными искуственными водами, а нѣкоторые просто для того только, чтобъ запастись иностранными товарами, которые здѣсь такъ хороши

и дешевы; любители музыки ѣдутъ сюда съ цѣлью услышать итальянскую оперу, представленія которой не прерываются цѣлый годъ; труппа составлена изъ очень хорошихъ артистовъ, иногда встрѣчаются здѣсь и первокласные европейскіе таланты. Говоря вообще, въ Одессѣ очень много самыхъ разнообразныхъ удовольствій, и всякій, кто тамъ побываетъ, очарованный, съ наслажденіемъ вспоминаетъ объ этомъ хорошенькомъ уголкѣ Европы, гдѣ вы встрѣтите образчики почти всѣхъ народовъ.

Этотъ городъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ привычки къ тихой, довольно скучной жизни въ Кіевѣ, къ пустыннымъ неоживленнымъ его улицамъ, къ условіямъ строгой подчиненности и формальности, которыя проявлялись въ описываемую мной эпоху не только въ самой наружности города, носившаго отпечатокъ казеннаго характера, но и въ общественныхъ отношеніяхъ большой части его жителей,—Одесса шумной дѣятельностью ея разнороднаго населенія, затѣйливой архитектурой зданій, великолѣпнымъ видомъ на море, отсутствіемъ военной и полицейской дисциплины и свободой образа жизни не могла не имѣть на меня обаятельнаго вліянія. Множество богатыхъ магазиновъ съ самыми разнообразными предметами иностранной производительности, по цѣнамъ крайне умѣреннымъ, огромныя гостинницы съ роскошнымъ помѣщеніемъ и всѣми удобствами, превосходный столъ, доступный людямъ съ самыми ограниченными средствами, купанье въ морѣ—были для меня такою пріятною новостью, что я въ теченіи двухъ недѣль велъ беззаботную, уличную жинь провинціальнаго зѣваки.

Однажды сошелся я за обѣдомъ у знаменитаго въ то время ресторатора Оттона, воспѣтаго Пушкинымъ, съ нѣсколькими профессорами ришельевскаго лицея; къ намъ присоединился К. А. Неволинъ, проводившій каникулы въ Одессѣ. Разговоръ шелъ о наукѣ, о лицеѣ, о вакантныхъ кафедрахъ. Оказалось, что кафедра русскаго законовѣдѣнія не была занята въ лицеѣ въ теченіи полугода. Неволинъ предложилъ меня лицейскимъ профессорамъ, присовокупивъ, что лучшаго выбора сдѣлать не можетъ. Меня стали просить принять кафедру законовѣдѣнія, но на этотъ разъ разговоры наши кончились ничѣмъ: я не рѣшался принять лестное для меня предложеніе.

Отецъ мой служилъ еще въ компанію 1812-го и послѣдующихъ годовъ и участвовалъ почти во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ славной эпохи; онъ былъ хорошо знакомъ съ графомъ М. С. Воронцовымъ, тогдашнимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ.

Чрезъ день послѣ встрѣчи съ профессорами я отправился къ генералъ-губернатору. Графъ принялъ меня очень ласково и представилъ пріѣхавшему къ нему во время моего посѣщенія попечителю одесскаго учебнаго округа Княжевичу. Я счелъ долгомъ на другой день побывать у Княжевича. Княжевичъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, сказалъ, что получилъ обо мнѣ самыя лучшія свѣдѣнія отъ бывшаго моего профессора Неволина, и зная желаніе мое посвятить себя ученому поприщу, просилъ принять вакантную кафедру русскаго законовѣдѣнія въ ришельевскомъ лицеѣ. Я выпросилъ у него нѣсколько дней на размышленіе и возвратился къ нему вскорѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Мнѣ едва наступилъ двадцать первый годъ. Задавая себѣ вопросъ: принять или не принять предложеніе попечителя, я сознавалъ, что лекціи въ лицеѣ возьмутъ у меня много времени, дадутъ возможность болѣе усвоить и уяснить пріобрѣтенныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекутъ отъ новыхъ занятій и затруднятъ, при скудности ученыхъ пособій въ Одессѣ, приготовленіе къ экзамену на степень магистра. Впрочемъ возможность сдѣлаться профессоромъ въ двадцать лѣтъ и сѣсть на кафедру прямо изъ студетческой скамьи взяла перевѣсъ надъ другими соображеніями, я согласился принять кафедру и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы написать кандидатскую дисертацію.

Для дисертаціи я избралъ область уголовнаго права и написалъ историческое рассужденіе о политической смерти. Диссертація моя была единогласно одобрена профессорами и вскорѣ я былъ утвержденъ въ ученой степени кандидата.

Въ августѣ я получилъ приглашеніе ѣхать немедленно въ Одессу для чтенія лекцій. Мнѣ предстояла еще поѣздка въ деревню, чтобы успокоить отца на счетъ поступленія моего, по значенію въ обществѣ, въ число монаховъ и женщинъ. Добрая мать моя помогла мнѣ въ этомъ и

очень обрадовалась первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ гражданской дѣятельности, но сожалѣла, что пребываніе въ Одессѣ удалитъ меня отъ нея и лишитъ возможности видѣть меня часто; я ее успокоивалъ тѣмъ, что пребываніе въ Одессѣ не продлится долго и что не позже года я пріѣду въ деревню.

Въ первыхъ числахъ сентября прибылъ я въ Одессу. Недѣли двѣ употребилъ на знакомство съ лицейскими профессорами, лицами принадлежавшими къ учебному вѣдомству, частью одесскаго общества, и на устройство квартиры, нанятой мною въ домѣ З***, на бульварѣ. Затѣмъ занялся приготовленіемъ къ чтенію лекцій. Въ юридическомъ факультетѣ ришельевскаго лицея полагалось всего три профессора; по кафедрѣ мнѣ доставшейся я долженъ былъ читать студентамъ 1-го курса основные законы имперіи и государственныя учрежденія, во 2-мъ курсѣ гражданскіе и межевые, въ 3-мъ уголовное право; въ недѣлю я имѣлъ девять полутора часовыхъ лекцій. Любимымъ моимъ предметомъ было уголовное право и я обратилъ особенное вниманіе на составленіе лекцій по этой части моей профессуры, тѣмъ болѣе, что уголовное право приходилось читать студентамъ третьяго курса, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, а по возрасту по большей части гораздо старше меня. До прибытія моего въ Одессу, имъ временно читалъ уголовное право одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей по службѣ и успѣлъ познакомить ихъ вкратцѣ съ теоріями уголовнаго права. Для вступительной моей лекціи, служившей продолженіемъ преподаванія, я тщательно обработалъ критическій взглядъ на теоріи уголовнаго права. На лекцію пожаловали всѣ ученые, находившіеся въ Одессѣ, и много посторонних лицъ. Лекція вышла блестящая и въ высшей степени занимательная по своему содержанію: несостоятельность философскихъ системъ въ примѣненіи къ практикѣ была мною доказана съ неотразимою логическою послѣдовательностью.

Довольно застѣнчивый по природѣ, не вполнѣ увѣренный въ своихъ профессорскихъ способностяхъ, я долженъ былъ сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы въ присутствіи мало знакомой, взыскательной публики прочесть тономъ истаго профессора длинную лекцію.

Взойдя на каѳедру, я чувствовалъ себя неловко, лекцію началъ

дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но послѣ вступительныхъ словъ ободрился и продолжалъ съ увѣренностью, не лишенною достоинства.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Похваламъ и поздравленіямъ не было конца; вступительная моя лекція особенно понравилась извѣстному въ ученомъ мірѣ профессору Нордману, но наблюдательный взоръ мой не могъ не замѣтить смущенія и выраженія подавленной злобы на лицѣ одного изъ двухъ профессоровъ юридическаго факультета, читавшаго временно мой предметъ въ третьемъ курсѣ. Пожилой магистръ Х-го университета, не слѣдившій за развитіемъ науки и преподававшій по старымъ руководствамъ, съ рутинной неподвижностью, часть юридическихъ лекцій въ теченій 12 лѣтъ, не могъ простить мнѣ новаго взгляда на науку, сдѣлавшую огромные успѣхи въ послѣднее время, и смѣлости, съ которою я дерзнулъ опровергнуть старыя убѣжденія криминалистовъ, бывшихъ для него неприкосновеннымъ авторитетомъ. Общее сочувствіе къ молодому преподавателю, посвятившему себя наукѣ только для науки и не нуждавшемуся въ мѣстѣ для своего существованія, еще болѣе раздражило стараго рутиниста.

Первое время пребыванія моего въ Одессѣ было исключительно посвящено лекціямъ, я составилъ программы, по которымъ въ теченіи учебнаго года долженъ былъ пройти всѣ предметы моего преподаванія. Свободнаго времени имѣлъ очень мало и не располагалъ знакомиться съ обществомъ, чтобы не имѣть развлеченій, которыя могли бы вредить подготовкѣ лекцій и отвлечь меня отъ занятій къ предположенному чрезъ годъ въ Кіевѣ магистерскому экзамену.

Къ октябрю возвратился изъ Крыма графъ Воронцовъ съ семействомъ; въ числѣ моихъ слушателей 3-го курса былъ и сынъ его Семенъ Михаиловичъ. Однажды онъ мнѣ передалъ приглашеніе графа на обѣдъ. Я не могъ отказаться; былъ представленъ графинѣ Воронцовой, ея дочери и нѣкоторымъ дамамъ высшаго общества. На другой день долженъ былъ сдѣлать имъ визиты, былъ принятъ весьма благосклонно и получилъ приглашеніе продолжать знакомство. Въ короткое время я познакомился почти со всѣмъ одесскимъ обществомъ—блестящимъ, довольно многочисленнымъ и гостепріимнымъ. Я говорилъ хорошо по французски, по нѣмецки и по итальянски, былъ порядочнымъ танцоромъ, весьма от-

четливо игралъ на фортепьяно и віолончели, имѣлъ замѣчательный талантъ къ музыкальнымъ импровизаціямъ и пѣлъ не дурно. Баритонъ былъ у меня не большой, но священный огонь молодости, а подъ часъ и страсти, придавалъ моему голосу много выраженія.

Въ Одессѣ была очень хорошая итальянская опера, музыку вообще любили и занимались ею, но отдавали преимущество итальянской. Я предпочиталъ нѣмецкую, исполнялъ на фортепьяно по большей части пьесы Мендельсона, Бетховена и Моцарта, игралъ на віолончели произведенія Ромберга, Куммера, Доцауера и Серве и пѣлъ почти исключиительно Шуберта и русскіе романсы. Музыка моя производила большой эффектъ, какъ новость.

Противъ желанія, я вскорѣ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ; въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я сталъ твердой ногой на новой для меня почвѣ, слылъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей лицея, считался безукоризненнымъ джентльменомъ въ обществѣ.

Признаюсь откровенно: блестящее мое положеніе вскружило мнѣ голову; не ожиданный успѣхъ поставилъ меня на высоту, о которой я не мечталъ, но какъ ни было опасно это положеніе для молодаго человѣка, начинавшаго жить, оно имѣло ту хорошую сторону, что неувѣренность въ себѣ и врожденная застѣнчивость исчезли у меня мало по малу. Дни проводилъ я въ добросовѣстныхъ ученыхъ занятіяхъ, увеличившихся порученіемъ преподаванія римскаго права, по случаю отъѣзда профессора этого предмета, а вечера, до поздней ночи, въ увлекательномъ обществѣ красивыхъ и любезныхъ одесскихъ дамъ. Нравы были не суровы, отношенія дружески свободныя; я сталъ жить широко и безъ разчета тратилъ мою молодость.

Въ числѣ лицъ, постояно проводившихъ зиму въ Одессѣ, былъ Г. Б., очень образованный, необыкновенно толстый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, некрасивой наружности. Онъ былъ женатъ на молдованкѣ княжескаго рода, имѣлъ огромное состояніе; ближайшій сосѣдъ по занимаемой мною квартирѣ, большой любитель музыки и отличный музыкантъ, онъ заискивалъ моего знакомства, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ его великолѣпнаго дома. Часто разыгривали мы квартеты, еще чаще приходилось мнѣ импровизировать на заданныя темы. Су-

пруга его была красивая женщина не первой молодости: лѣтъ тридцати, средняго роста, худощава, съ большими черными выразительными глазами, нерѣдко удостоивавшими меня пламеннымъ, жгучимъ взглядомъ.

Безъ особеннаго увлеченія сошелся я съ этой женщиной. По богатству и происхожденію она играла не послѣднюю роль въ обществѣ, по изящному вкусу и хорошему образованію имѣла въ немъ большее вліяніе; она привязалась ко мнѣ съ пылкостью своей южной натуры, съ страстью, на которую способны однѣ женщины зрѣлыхъ лѣтъ. Отношенія мои къ ней льстили моему самолюбію, но вскорѣ я убѣдился, что во мнѣ, кромѣ влеченія очень обыкновеннаго въ молодомъ человѣкѣ къ красивой женщинѣ, не было другаго чувства.

Госпожа Б. отличалась необыкновенною ревностью и связь съ этой женщиной начинала тяготить меня. По врожденной деликатности я не имѣлъ силы воли прервать съ нею мои сношенія мгновенно; положеніе мое становилось впрочемъ невыносимымъ: она совершенно овладѣла мною, распоряжалась какъ своею собственностью и со дня на день становилась неотвязчивѣе и несноснѣе.

Наконецъ терпѣніе мое истощилось, я прервалъ мои сношенія съ г-жею Б. и съ большою твердостью перенесъ взрывъ негодованія, потоки упрековъ и слезъ. Мужъ, и какъ всѣ мужья, ничего не подозрѣвалъ и былъ не мало удивленъ, что не встрѣчалъ меня въ теченіи нѣсколькихъ дней въ своемъ домѣ. Я сказался больнымъ и недѣли чрезъ двѣ появился снова у Б., какъ ни въ чемъ не бывало.

Зима прошла быстро въ занятіяхъ и ежедневныхъ развлеченіяхъ. Между прочимъ, я часто посѣщалъ мастерскую Лангле, портнаго на меня шившаго: у него была прехорошенькая жена, типъ провансальской француженки, я за нею ухаживалъ, а съ мужемъ упражнялся въ фехтованьи на рапирахъ. Не смотря на то, что Лангле былъ лѣвша, онъ владѣлъ превосходно шпагой и выучилъ меня многимъ пріемамъ, которые не были еще мнѣ извѣстны. Я былъ очень любезенъ съ великосвѣтскими дамами вообще, но, проученный г-жею Б., не входилъ въ близкія къ нимъ отношенія, не смотря на возможность пристроить себя. Въ блестящемъ одесскомъ обществѣ было много красавицъ не жестокосердыхъ и обычай перешедшій изъ Италіи имѣть cavaliere servante,

такъ усвоился въ Одессѣ, что сталъ характеристическою чертою тамошнихъ нравовъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣчательныхъ личностей этого сезона. Въ ноябрѣ 1841 года, на одесскомъ театрѣ давали новую оперу „Эдинбургская темница“. Хорошенькая зала этого театра, отдѣланная просто, но со вкусомъ, въ этотъ вечеръ была полна, такъ полна, какъ обыкновенно бываетъ она во время представленія новыхъ оперъ или дебюта лучшихъ артистовъ. Ложи перваго яруса зимою всегда абонированы одесскою знатью, въ ложахъ другихъ ярусовъ помѣщаются пріѣзжіе, семейства негоціантовъ и лицъ не принадлежащихъ къ высшему кругу; кресла заняты многочисленной и блестящею молодежью; партеръ набитъ мелкими чиновниками и приказчиками, которыхъ здѣсь такъ много. Зала была похожа на прекрасный цвѣтникъ, усѣянный роскошными цвѣтами; кое гдѣ, правда, проявлялись растенія нѣсколько и обыкновенныя, но они почти не были замѣтны въ блестящей массѣ цѣлаго. И въ самомъ дѣлѣ никогда Одесса не была богата такимъ множествомъ прекрасныхъ лицъ, какъ въ зиму 1841 года; чтобы убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ложи перваго яруса. Взгляните на одну изъ нихъ первую на лѣвой сторонѣ отъ сцены,— вы увидите тамъ молодую женщину очаровательной наружности—это княгиня К. Какъ чудно хороша она, какъ интересно ея блѣдно-матовое миніатюрное лицо, окаймленное черными какъ смоль волосами! Видали-ль вы что нибудь лучше, восхитительнѣе княгини? За нею князь К., олицетворенное ничтожество; нужно разъ увидѣть князя, чтобъ составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе навсегда: никогда не видѣлъ я лица, которое-бы такъ отчетливо изображало глупость, какъ лице князя; посмотрѣвъ на него, вы скажете: этотъ человѣкъ глупъ и не ошибетесь, никогда наружность не была такимъ вѣрнымъ отблескомъ внутренняго, интелентульнаго. Далѣе ложа К. По красотѣ безспорно первое мѣсто занимала г-жа К. Блондинка средняго роста не выразимо пріятнаго лица съ голубыми глазами. Мужъ ревности необычайной. Никогда не отходилъ онъ отъ жены, постоянно сопровождалъ всюду, въ танцахъ всегда становился за ея стуломъ и утромъ во время посѣщеній никогда не уходилъ изъ гостинной. Часто

молодые люди подшучивали надъ нимъ. Сговаривались отправиться съ визитомъ къ К. Одинъ изъ молодыхъ людей, когда въ гостинной хозяевъ не бывало никого, подъ предлогомъ поговорить о дѣлѣ уводилъ мужа въ кабинетъ и задерживалъ его тамъ, какъ можно долѣе. Въ это время одинъ за другимъ являлись къ г-жѣ К. посѣтители и мужъ подвергался невыносимой нравственной пыткѣ. Потомъ ложа князя Г. Взглянувъ на княгиню, вамъ невольно представится Эсмеральда изъ Notre Dame de Paris. Княгиня не была молода, воздушна и эфирна, какъ цыганка, созданная Гюго, но имѣла прелестное смуглое лице, черные волосы, огненные, жгучіе глаза, сверкающіе молніями. Особенный, нѣсколько даже странный туалетъ княгини, дѣлалъ это сравненіе еще болѣе вѣрнымъ. Было въ ея одѣяніи много необыкновеннаго, но всего болѣе поражалъ головной уборъ, блиставшій множествомъ золотыхъ булавокъ и другихъ металлическихъ украшеній. Хороша, очаровательна была княгиня и взоры многихъ были обращены къ ней. Въ эту минуту на лицѣ князя можно было прочесть особенное удовольствіе; онъ гордился вниманіемъ оказываемымъ его супругѣ и всегда довольный всѣмъ и всѣми, а собою въ особенности, казалось, онъ выросъ въ этотъ вечеръ. Подлѣ ложи князя Г., ложа Ч. Здѣсь нельзя не замѣтить молодой дѣвушки, сидящей облокотившись на перила ложи: ее нельзя назвать красавицей, но неправильное лице ея, подернутое тихою грустью, невыразимо интересно. Съ правой стороны ложа г-жи Щ. Величественная осанка, правильныя черты лица, типъ библейской красоты производили на зрителя обаятельное впечатлѣніе; г-жа Щ. была идоломъ, которому поклонялись всѣ.

Далѣе г-жа С., роскошная блондинка, принадлежащая къ одной изъ извѣстныхъ фамилій Малороссіи. Потомъ г. П., гречанка античныхъ формъ, замѣчательной пластической красоты. За нею Г. С. миловидная молоденькая дама, съ волосами пепельнаго цвѣта и большими черными глазами. Наконецъ дѣвица К. стройная какъ пальма; роскошные каштановые волосы окаймляли обворожительно интересное лице, которому особенное выраженіе придавали небольшіе огненные каріе глаза.

Роскошь меблировки и мужскихъ туалетовъ могла сравниться съ роскошью главныхъ столицъ Европы. Чисто русское гостепріимство и

хлѣбосольство соединялось съ непринужденностью свойственною иностранцамъ.

Въ концѣ сезона у графа Воронцова было два костюмированныхъ бала, въ которыхъ я принималъ участіе. Балы эти были великолѣпны: на первомъ появился кадриль изъ 16 паръ въ костюмахъ Калабрійскихъ разбойниковъ, другой изъ 12-ти въ албанскихъ; отдѣльныя группы изъ Notre Dame de Paris: Эсмеральда, Клодъ Фроло Казимодо и Фебюсъ, изъ Робертъ-дьявола: Бертранъ Робертъ и Алиса, изъ Ернани: Донна Соль, Карлъ V, Эрнани и Рюи Гомецъ. На второмъ кадрили Шотландцевъ, Венеціанцевъ, пародія на сцену изъ Эсмеральды, изъ Фауста группа: Мефистофеля, Фауста и Гретхенъ, изъ Донъ-Жуана: Командоръ, Дона Анна, Лепорелло и Донъ-Жуанъ.

Въ постъ занимались много классической музыкой; самыя замѣчательные вечера были у г. Б. два раза въ недѣлю; по вторникамъ исполняли квартеты и соло на разныхъ инструментахъ, по субботамъ симфоніи и церковную музыку.

Наступилъ май. Явилось желаніе устроить большой пикникъ на хуторѣ Рено. Вся блестящая молодежь Одессы приняла въ немъ участіе: по подпискѣ составилась довольно крупная сумма и весенній загородный праздникъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ зимній сезонъ удовольствій. Я былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей этого праздника.

Внизу большой лѣстницы, ведущей отъ бульвара къ морю, была устроена палатка, въ которой приглашенные собрались къ 12 часамъ утра; послѣ легкаго завтрака сѣли въ шлюпки, украшенныя разноцвѣтными флагами и управляемыя гребцами въ костюмахъ венеціанскихъ гондольеровъ; впереди флотиліи шелъ баркасъ съ музыкой и хоромъ итальянскихъ пѣвцовъ. Часть общества, не желавшая ѣхать моремъ, отправилась въ экипажахъ сухимъ путемъ. На хуторѣ, на высокой возвышенности, украшенной мачтами съ флагами, была устроена батарея, съ которой произведены залпы при прибытіи флотиліи къ берегу.

До обѣда время было посвящено гулянью на хуторѣ, приведенномъ въ порядокъ къ празднику; въ пятомъ часу на галлереѣ, окружа-

ющей обширный домъ, былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, приготовленный Оттономъ; послѣ обѣда опять гулянье, въ 8 часовъ начались танцы въ большой залѣ, убранной со вкусомъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и освѣщенной à giorno, въ десять былъ сожженъ фейерверкъ. Танцы продолжались до 5 часовъ утра; не танцующіе провели большую часть вечера въ саду, иллюминованномъ разноцвѣтными фонариками и отъ времени до времени освѣщаемомъ бенгальскими огнями. Праздникъ кончился ужиномъ съ безчисленнымъ множествомъ тостовъ.

Въ концѣ зимы я сошелся съ замѣчательными личностями: съ лордомъ Альвенслеемъ, старымъ подагрикомъ и холостякомъ, который очень меня полюбилъ,—онъ былъ человѣкъ весьма образованный и умный и пэръ соединенныхъ королевствъ Великобританіи; съ г. И. весьма умнымъ, краснорѣчивымъ господиномъ, прожившимъ довольно большое состояніе и съ г. С., дѣльнымъ и очень пріятнымъ человѣкомъ. И. и С. только и думали, какъ-бы провести время пріятнѣе, почти каждый день мы собирались вмѣстѣ по вечерамъ; за частую дѣлали весною экскурсіи въ окрестности города въ экипажахъ, нерѣдко и моремъ на яхтѣ, принадлежавшей г. К. Послѣдній былъ эпикуреецъ и самодуръ: онъ проѣлъ и пропилъ значительное состояніе, курилъ опіумъ и забавлялся тѣмъ, что отравлялъ своихъ друзей разными возбуди тельными средствами. Я избѣгалъ знакомства съ этимъ господи номъ; случай насъ свелъ, но отношенія наши были всегда болѣе чѣмъ холодны.

Къ послѣднему времени моего пребыванія въ Одессѣ относится знакомство мое съ молодой женщиной, своего рода знаменитостью, извѣстной подъ именемъ графини С. Все, что ни было въ Одессѣ изъ молодежи и лицъ солидныхъ лѣтъ, все было знакомо съ графиней. Она каждый вечеръ бывала дома и у ней всегда можно было встрѣтить многочисленное общество женщинъ, носившихъ въ то время названіе лоретокъ. Графиня Теофила С. была замѣчательна своею наружностью и характеромъ.

Представьте себѣ женщину 22-хъ лѣтъ, роста выше средняго, съ таліей шестнадцатилѣтней пансіонерки, съ руками и ногами необыкновенно маленькими, съ бюстомъ Венеры Медичійской, съ густыми чер-

ными какъ смоль волосами, падавшими толстыми косами до земли, съ огромными темнокарыми глазами, свѣтившимися умомъ и страстнымъ выраженіемъ; дугообразныя черныя брови, маленькій ротикъ съ тонкими коралловыми губками, украшенный двойнымъ рядомъ жемчужинъ; прибавьте къ этому врожденную непринужденную грацію и вы будете имѣть приблизительное понятіе о красотѣ Теофилы; единственнымъ ея недостаткомъ было небольшое, едва замѣтное бѣльмо на лѣвомъ глазѣ.

Характеръ Теофила имѣла веселый, беззаботный и отличалась необыкновенною въ ея положеніи добросовѣстностью и честностью, сердца была добраго, но своенравна, вспыльчива и очень разборчива. Не всякій могъ пользоваться ея расположеніемъ, бывали люди и знатные и богатые, которые ухаживали за нею безъ успѣха.

Родомъ фанаріотка, она была привезена въ Одессу ребенкомъ. Графъ С. купилъ ее у матери, далъ порядочное образованіе и сдѣлалъ своей любовницей. Умирая онъ оставилъ Теофилѣ порядочный домъ и небольшой капиталъ.

Графъ С. скончался до прибытія моего въ Одессу. Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ Кіевѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ во время контрактовъ; у него было большое имѣніе въ кіевской губерніи, переданное сестрѣ графа въ замужествѣ за графомъ А. А, Б. Графъ С. оставилъ по себѣ память Донъ-Жуана, рыцаря безъ страха и упрека и большаго барина. Съ рѣдкой красотой онъ соединялъ умъ, любезность, веселость и многіе таланты: былъ одаренъ необыкновенной физической силой, отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, фехтовалъ, былъ замѣчательнымъ музыкантомъ и ловкимъ танцоромъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Теофилой, было не въ ея пользу. Я питалъ особенное отвращеніе къ женщинамъ слишкомъ легкихъ нравовъ; свобода въ обращеніи, обстановка, среди которой я познакомился съ этой куртизанкой высшаго полета, оттолкнула меня отъ нея. Послѣ перваго посѣщенія, сдѣланнаго изъ любопытства, я не бывалъ больше у Теофилы.

Изъ квартиры моей на бульварѣ, въ которой житья мнѣ не было отъ сварливой и несносной хозяйки дома, я перешелъ въ Новороссій-

скую гостинницу Маттео, отличнаго повара, по преданію, бывшаго пирата.

Однажды вечеромъ, возвратясь изъ загородной прогулки, я собирался лечь спать,—отворяются двери моей гостинной и къ не малому моему удивленію я вижу предъ собой Теофилу.

Я принялъ ее вѣжливо, но очень сухо. Представьте себѣ мое удивленіе, когда она объявила, что пріѣхала развлечь меня отъ скуки, которая, по отзывамъ моихъ пріятелей, съ нѣкотораго времени меня одолѣла, что она отослала свой экипажъ и увѣрена, что я не заставлю ее возвращаться домой въ поздній часъ ночи.

Какъ не озадачила меня такая безцеремонность, дѣлать было нечего: нужно было подчиниться оригинальному капризу своенравной женщины, тѣмъ болѣе, что она была очаровательно хороша.

Теофила совершенно плѣнила меня своимъ умомъ, неподдѣльною веселостью, безкорыстною привязанностью и формами, достойными рѣзца Праксителя.

Наступило время экзаменовъ въ лицеѣ. Студенты меня любили, занимались хорошо моими предметами и выдержали экзаменъ превосходно.

Вслѣдствіе наговоровъ моего товарища по профессурѣ, что я въ моихъ лекціяхъ провожу идеи слишкомъ новыя и чрезъ-чуръ либеральныя попечитель присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ изъ предметовъ мной пройденныхъ и не зналъ, какъ выразить мнѣ свою благодарность за успѣхи студентовъ; онъ въ особенности остался доволенъ уголовнымъ правомъ и обширными свѣдѣніями, сообщенными мною студентамъ о философіи права законодательствъ европейскихъ государствъ и американскихъ штатовъ.

Несмотря на столь удовлетворительный исходъ моей ученой дѣятельности, я заявилъ намѣреніе прекратить на будущій учебный годъ мои лекціи въ лицеѣ, убѣдясь въ невозможности, при большихъ занятіяхъ и разсѣянной жизни, приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ магистерскому экзамену.

Попечитель уговаривалъ меня не оставлять службы въ лицеѣ и предлагалъ воспользоваться каникулами и отпускомъ въ первые осенніе

мѣсяцы, чтобы ѣхать держать экзаменъ въ Кіевѣ. Я не далъ ему положительнаго обѣщанія исполнить его желаніе и въ іюнѣ отправился въ деревню.

Теофила такъ привязалась ко мнѣ, что изъявила желаніе проводить меня до Вознесенска.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда, пріѣхали изъ Кавказа въ Одессу и поселились въ новороссійской гостинницѣ князь О., богатый молодой грузинъ, генералъ нашей службы, и поручикъ Ф., извѣстный повѣса, изгнанный изъ Петербурга, гдѣ воспитывался съ очень высоко поставленными личностями, и посланный на Кавказъ изъ гвардіи въ армію прапорщикомъ за какія-то шалости.

Эти господа познакомились со мною и очень меня полюбили, заставляли со дня на день откладывать мой отъѣздъ, дали нѣсколько прощальныхъ обѣдовъ и наконецъ до того надоѣли, что я не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Князь О. долженъ былъ остаться въ Одессѣ, а Ф. вызвался сопутствовать мнѣ до Вознесенска. Въ Вознесенскѣ та-же исторія; у Ф. нашлось много знакомыхъ и товарищей по службѣ между квартировавшими тамъ кавалеристами, задержали меня цѣлую недѣлю и устроили великолѣпные проводы.

Въ Вознесенскѣ простился я и съ Теофилой. Мнѣ жаль было съ нею разстаться: я ее любилъ за искренную ко мнѣ привязанность и рѣдкое безкорыстіе. Никогда въ Одессѣ не соглашалась она принять отъ меня цѣннаго подарка; разставаясь, я счелъ долгомъ предложить ей довольно крупную сумму. Теофила не приняла денегъ, вспылила, разсердилась, а потомъ расплакалась какъ дитя, укоряя меня въ неделикатности и неумѣньи отличить искренную привязанность отъ продажной податливости. Мнѣ стало совѣстно, не могъ я простить себѣ неумышленнаго оскорбленія любящей женщины, и долго, долго не могъ забыть ее.

Въ Кіевѣ нашелъ нѣсколькихъ товарищей по университету, провелъ съ ними весело три дня, посѣтилъ Кинь-грусть, гдѣ былъ принятъ очень радушно и прибылъ въ деревню гораздо позже назначеннаго срока.

Тамъ меня ожидали радости семейной жизни и любящее сердце матери.

Къ родителямъ моимъ доходили обо мнѣ преувеличенные слухи,—о разсѣянной жизни въ Одессѣ, увлеченіяхъ и неразсчетливости. Средствъ, которыя мнѣ давали, было дѣйствительно недостаточно: я задолжалъ, немедленно уплотили мои долги и согласились съ моимъ желаніемъ не возвращаться въ Одессу, а ѣхать за границу, отдохнувъ въ теченіи лѣта въ деревнѣ. Отдыхъ мнѣ былъ необходимъ: я усталъ и физически и нравственно. Объ Одессѣ я впрочемъ не жалѣлъ; зимній сезонъ, проведенный въ ней, пронесся какъ ураганъ, впечатлительная натура моя не вынесла изъ него ничего, кромѣ удовлетвореннаго самолюбія и сердечной пустоты; иногда только взгрустнется бывало, когда вспомнишь Теофилу съ ея заплаканными при прощаньи глазами.

Тихая деревенская жизнь, ароматическій степной воздухъ, превосходный садъ, откровенныя дружескія бесѣды съ умной и доброй моей матерью имѣли благотворное на меня вліяніе: я отдохнулъ, но не спѣшилъ отъѣздомъ за границу. Въ августѣ только собрался въ дальній путь и напутствуемый благословеніями, добрыми пожеланіями и совѣтами отправился въ Петербургъ, чтобы получить командировку съ ученой цѣлью за границу, на моемъ иждивеніи, или-же отставку.

По дорогѣ я заѣхалъ къ двоюродной сестрѣ моего отца г-жѣ С., замѣчательной своимъ умомъ, но не получившей почти никакого образованія; она представляла типъ помѣщицы давно прошедшихъ временъ. Отличная хозяйка въ обширномъ смыслѣ этого слова, необыкновенно строгая съ прислугой и крестьянами, въ высшей степени разсчетливая, она вела превосходно свои дѣла и нажила громадное состояніе; овдовѣвъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, посвятила себя заботамъ о единственной дочери, которая воспитывалась въ одно время со мною въ Х., и вышла замужъ за К. Новобрачные поселились въ Петербургѣ, у нихъ гостилъ я послѣ выхода изъ училища. Тетушка С. просила меня остановиться въ Петербургѣ въ квартирѣ ея дочери.

Въ Москвѣ я остался нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Въ гостинницѣ Шевалдышева встрѣтился съ молодымъ Альвенслеемъ, который мнѣ очень

обрадовался и взялъ съ меня слово посѣтить его въ Англіи, въ замкѣ около Лондона. Москва мнѣ понравилась, въ ней прожилъ я очень пріятно недѣлю, нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ и родныхъ. Былъ очень радушно принятъ княземъ Д., женатымъ на дальней моей родственницѣ, замѣчательной своей красотой. Я съ ними вскорѣ породнился ближе: старшая сестра моя вышла замужъ за В., брата княгини. Въ петровскомъ паркѣ Д. имѣли великолѣпную дачу и жили открыто, у нихъ я познакомился съ московскою знатью.

Въ Петербургѣ, въ обширной и превосходно убранной квартирѣ кузины, на Гороховой, въ домѣ Таля, я расположился весьма удобно. Кузина была за границей, а мужъ ея уѣхалъ въ Сибирь, получивъ назначеніе на одно изъ важныхъ въ краѣ мѣстъ. Многочисленная прислуга и отличный поваръ оставались дома.

Я вскорѣ отыскалъ своихъ товарищей по училищу и проводилъ съ ними время въ дружеской бесѣдѣ. Они только-что кончили курсъ и поступили па службу. Вѣсть о моихъ успѣхахъ въ университетѣ и преподаваніи въ лицеѣ дошла до нихъ гораздо прежде моего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ во всемъ дурномъ, такъ и въ хорошемъ не бываетъ безъ преувеличенія. По исключеніи изъ училища меня считали погибшимъ, послѣ занятія каѳедры на меня смотрѣли какъ на ученаго профессора, какъ на авторитетъ въ наукѣ и обращались со мной съ подобающимъ уваженіемъ. Неудивительно со стороны товарищей: изъ разговоровъ со мной они убѣдились, что университетское образованіе вообще стояло несравненно выше училищнаго. Самый способъ занятій въ университетѣ давалъ возможность относиться къ наукѣ серьезнѣе, чѣмъ въ училищѣ, которое въ первое время его существованія было школою въ тѣсномъ смыслѣ: задавали уроки, спрашивали и, при удовлетворительныхъ отвѣтахъ, ставили удовлетворительныя отмѣтки. На экзаменахъ придерживались текста руководствъ, по большей части устарѣвшихъ. Память играла большую роль; на осмысленное усвоеніе предмета, на умственное развитіе учащихся не обращали должнаго вниманія. О преподаваніи и говорить нечего. Общее всестороннее образованіе брало много времени въ ущербъ спеціальнымъ предметамъ, которые проходили довольно поверхностно. И преподаватели были не тѣ, что въ универси-

тетѣ, а если и приглашались университетскіе профессора, то они въ училищѣ совершенно иначе читали свои лекціи. Между тѣмъ служебныя преимущества училища были выше университетскихъ. Кромѣ товарищей были еще лица, которыя превозносили мою ученость; одинъ господинъ, довольно высоко поставленный въ ученомъ мірѣ, простеръ свою любезность до того, что хвалилъ мою диссертацію и увѣрялъ, что читалъ ее съ большимъ вниманіемъ, тогда какъ она никогда не была напечатана.

Я поѣхалъ къ Е. Ф. фонъ-Брадке онъ принялъ меня весьма ласково и передалъ мнѣ разговоръ съ директоромъ училища П. обо мнѣ. По увольненіи отъ должности попечителя, Егоръ Федоровичъ отправился въ Петербургъ и при свиданьи съ П. сказалъ ему, что однимъ изъ лучшихъ студентовъ кіевскаго университета былъ бывшій воспитанникъ училища; директоръ спросилъ фамилію, и когда Брадке назвалъ меня, П. не хотѣлъ вѣрить и объявилъ, что я большой повѣса и плохой ученикъ, исключенный за шалости, а хорошій студентъ вѣроятно мой однофамилецъ. Когда Брадке описалъ мою наружность, сомнѣнія въ тождественности быть не могло; но П. увѣрялъ, что я достаточно хитеръ, чтобы скрывать свои пороки, что никогда не кончу курса и не сдѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Поѣзжай, сдѣлай одолженіе къ П., присовокупилъ Брадке и убѣди, что онъ непростительно ошибался на твой счетъ.

Къ П. я не поѣхалъ, степень кандидата и каѳедра въ лицеѣ смыли съ меня пятно изгнанія изъ училища, но не могъ я забыть несправедливости и преслѣдованій директора.

Отецъ мой далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ сослуживцамъ по гвардіи, нѣкоторые занимали важныя должности, изъ нихъ съ особенною привѣтливостью я былъ принятъ графомъ Кушелевымъ, директоромъ артиллерійскаго департамента, на прелестной дачѣ по Петерговской дорогѣ, и генералъ-адъютантомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, недавно возвратившимся изъ Берлина, куда сопровождалъ прусскаго короля при обратномъ его путешествіи изъ Петербурга.

Министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, жившій въ то время на дачѣ, принялъ меня сначала очень благосклон-

но. Я сообщилъ ему мое предположеніе ѣхать за границу, чтобы въ германскихъ университетахъ заняться наукой, и просилъ командировки на три года безъ всякаго пособія отъ казны. Министръ сказалъ, что можетъ разрѣшить командировку съ ученою цѣлью безъ содержанія, но съ сохраненіемъ правъ службы, только на три семестра и съ тѣмъ, чтобы я подчинился всѣмъ условіямъ, установленнымъ для командировокъ отъ правительства. Я не согласился и выразилъ желаніе быть уволеннымъ немедленно отъ службы.

Рѣшительный тонъ мой не понравился Уварову, и онъ довольно сухо сказалъ мнѣ: вы профессоръ законовѣдѣнія, а не знаете, что съ просьбою объ отставкѣ нужно обратиться по начальству.

Сколько мнѣ помнится, возразилъ я, увольненіе зависитъ отъ лица, которое опредѣляетъ къ должности. Такъ какъ я имѣлъ честь быть утвержденнымъ въ должности адъюнкта вашимъ превосходительствомъ, по представленію одесскаго попечителя, то и увольненіе отъ этой должности зависитъ, полагаю, отъ васъ; позвольте просить принять мое прошеніе объ отставкѣ и, по полученіи свѣдѣній изъ Одессы о неимѣніи препятствій, сдѣлать распоряженіе о моемъ увольненіи.

Извольте обратиться въ департаментъ, холодно и съ сдержаннымъ неудовольствіемъ проговорилъ сквозь зубы Уваровъ, взялъ прошеніе и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

На другой день я отправился въ департаментъ, при мнѣ написали запросъ попечителю и обѣщали выдать отставку немедленно по полученіи отвѣта.

Въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Воронцовъ, я былъ у него нѣсколько разъ и никогда не забуду его ласковаго со мною обращенія и добрыхъ ко мнѣ отношеній. Узнавъ, что я выхожу въ отставку и ѣду за границу, онъ предложилъ мнѣ дать рекомендательныя письма и пригласилъ, если когда нибудь вздумаю оставить учебное вѣдомство, продолжать службу у него.

Я поблагодарилъ графа и отвѣтилъ, что воспользуюсь его благосклоннымъ вниманіемъ и безъ всякаго сомнѣнія не стану искать другой службы, какъ у него, если обстоятельства заставятъ измѣнить ученому поприщу.

Не смѣю совѣтовать, но полагаю, что вамъ нуженъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, и поэтому не говорю вамъ: прощайте, а досвиданья,—сказалъ въ заключеніе графъ Михаилъ Семеновичъ, съ обычною ему любезностью, пожимая мнѣ дружески руку.

На другой день онъ прислалъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ во Францію и Англію. Князь Лобановъ далъ мнѣ также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нашимъ посланникамъ въ Германіи

На прощанье я созвалъ своихъ училищныхъ товарищей въ великолѣпную квартиру кузины и далъ имъ блестящій вечеръ.

Въ ожиданіи отставки я часто ѣздилъ на острова за городъ и посѣтилъ замѣчательныя окрестности Петербурга.

Однажды предъ вечеромъ, по возвращеніи изъ Гатчины, сидѣлъ я дома съ однимъ изъ училищныхъ товарищей; были сумерки, свѣчей еще не подавали и въ комнатѣ царствовалъ полумракъ. Отворяется дверь моего кабинета, ведущая въ корридоръ, входитъ дама подъ вуалемъ, очень прилично одѣтая и останавливается въ нерѣшимости, идти ли впередъ или возратиться.

Я всталъ и вѣжливо спросилъ, что ей угодно. Дама не удостоила меня отвѣтомъ и исчезла, какъ привидѣніе. Мы продолжали разговоръ, чрезъ полчаса пришелъ лакей доложить, что кузина моя возвратилась изъ-за границы и проситъ пожаловать къ ней.

Кузина очень мнѣ обрадовась и объявила, что остается въ Петербургѣ сутки и ѣдетъ въ Сибирь къ мужу. Узнавъ за границею о его назначеніи, она хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и прошла по черной лѣстницѣ въ кабинетъ, въ полной увѣренности, что застанетъ тамъ своего мужа и обрадуетъ внезапнымъ появленіемъ.

Не мало удивилъ меня неожиданный пріѣздъ кузины и рѣшимость ея ѣхать догонять мужа, съ которымъ, какъ говорили, она разсталась навсегда.

Г К., единственная наслѣдница огромнаго состоянія, воспитывалась сначала дома, а потомъ въ харьковскомъ пансіонѣ. На воспитаніе ея ничего не жалѣли, она училась хорошо и получила по-

рядочное свѣтское образованіе, но излишняя угодливость воспитательницъ и невниманіе ихъ къ нравственному развитію молодой дѣвицы, при всей добротѣ ея сердца, сдѣлали ее женщиной своенравной, характера невозможнаго. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за человѣка безъ души, который женился изъ разсчета. По уму и образованію онъ могъ-бы имѣть благодѣтельное на нее вліяніе, еслибы хотѣлъ и съумѣлъ заняться ею серьезно, но вмѣсто добрыхъ дружескихъ совѣтовъ началъ трунить, насмѣхаться надъ нею, оскорблялъ и раздражалъ безъ нужды, и въ короткое время до того развилъ въ ней дурные инстинкты, что кузина дѣйствительно сдѣлалась въ семейномъ быту женщиной сварливой, капризной и невыносимой, а въ обществѣ довольно странной и смѣшной.

Находясь еще въ училищѣ, бывалъ я у нихъ иногда въ праздники, по выходѣ изъ училища прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и вынесъ о нихъ грустное воспоминаніе.

Поссорятся бывало изъ за пустяковъ и часто ссора принимаетъ громадные размѣры; отъ словъ переходятъ къ дѣйствіямъ: письменныя принадлежности, украшенія каминовъ, горшки съ цвѣтами—все это летитъ, разбивается и наноситъ иногда чувствительный вредъ ссорящимся; да и зрителямъ бывало небезопасно; не забуду никогда, какъ однажды бронзовый подсвѣчникъ рикошетомъ попалъ мнѣ въ плечо и больно ушибъ.

Поѣдутъ въ театръ, дорогой повздорятъ, и чтобы лишить жену удовольствія, К. разорветъ бывало ея наколку или испортитъ прическу. Но не всегда его поступки съ женой оставались ненаказанными. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подъѣзжая къ знакомымъ, у которыхъ былъ балъ, кузина уничтожила прическу своего супруга, и К. долженъ былъ отказаться отъ бала, такъ какъ въ то время мужчины носили прически, требовавшія услугъ парикмахера. Въ другой разъ мщеніе кузины этимъ не ограничилось: она исцарапала лице мужа, и бѣдный К. двѣ недѣли не могъ выходить изъ дому.

К—вы нѣсколько разъ разъѣзжались, мирились; въ послѣдній разъ, казалось, разошлись навсегда. Но привязанность-ли къ мужу, или странный, ничѣмъ необъяснимый капризъ женщины заставилъ ку-

зину возвратится изъ Франціи въ Петербургъ и догонять мужа на пути въ Сибирь. Она дѣйствительно уѣхала на другой день.

Чрезъ недѣлю получивъ давно ожидаемую отставку и безсрочный паспортъ за границу, я отправился моремъ въ Любекъ съ послѣднимъ отходившимъ въ октябрѣ изъ Кронштадта пароходомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо арх. новг. Феофана Прокоповича къ арх. кіевск. Рафаилу Заборовскому [1]).

8 марта 1734 г.

(О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіевск. академіи).

Кіевская академія, неразрывно связанная прежде съ братскимъ монастыремъ, носившимъ по этому названіе училищнаго, до конца почти прошлаго столѣтія, именно до введенія въ 1786 г. штатовъ для малорусскихъ монастырей, не имѣла опредѣленной какой-либо суммы на свое содержаніе и содержалась вмѣстѣ съ монастыремъ отъ собственнаго хозяйства, извлекая натуральные и денежные доходы изъ данныхъ имъ въ разныя времена гетманскими универсалами и царскими грамотами селъ и угодій. Бюджетъ ея былъ растяжимъ и зависѣлъ вполнѣ отъ болѣе или менѣе искуснаго и аккуратнаго веденія хозяйства. При умѣломъ и честномъ управленіи имѣніями являлся избытокъ въ содержаніи и доходахъ, при небреженіи и злоупотребленіяхъ неизбѣжны были скудость и лишенія.

При оскудѣніи доходовъ, кіевскіе владыки, со времени подчиненія Кіева московской державѣ, обращались за пособіемъ къ государямъ. Обратился на этотъ разъ и новопоставленный архіепископъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій, а для большаго успѣха прибѣгъ, какъ видно, къ ходатайству все еще сильнаго при дворѣ Феофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго.

Какъ б. воспитанникъ и ректоръ кіевской академіи, Прокоповичъ хорошо зналъ цѣну ея имѣніямъ и вмѣсто испрошенія пособія, рекомендуетъ кіевскому владыкѣ и патрону академіи заняться улучшеніемъ академическаго хозяйства.

Письмо обнимаетъ значительный промежутокъ времени въ исторіи кіевской академіи и даетъ много любопытныхъ свѣдѣній о ея такъ сказать домашней жизни;

---

[1]) Изъ бумагъ архива статсъ-секретаря В. С. Попова. Копія на 2-хъ большихъ листахъ. Слич. въ Русск. Арх. 1865 г., № 4, стр. 439—444, Труды кіев. д. акад., т. 3, стр. 274 и соч. проф. Чистовича: „Феофанъ Прокоповичъ“.

оно обнаруживаетъ въ Прокоповичѣ отличнаго хозяина, указываетъ на нѣкоторыя давно исчезнувшія отрасли сельскаго хозяйства, дышетъ силою, одушевленіемъ, весьма понятными въ лицѣ, которому такъ дороги были судьбы родной академіи.

Преосвященнѣйшій архіепископъ кіевскій и галицкій и малыя Россіи,

Мой любезнѣйшій во Христѣ отче брате и сослужителю!

Какъ многими преосвященство ваше одолжилъ мене къ благодарствію благодѣяніи, такъ не малый ощущаю я на себѣ долгъ и къ частому ко святынѣ вашей, о взаимномъ усердіи моемъ, писанію: но понеже и немощи нерѣдкіе, и execute немалочисленные суеты до того мене не допускаютъ, паче всего-же извѣстное преосвященства вашего мудролюбіе, по которому не во внѣшнихъ видахъ, но въ дѣйствительной силѣ сущую братскую любовь полагая, церемоніяльныхъ переписокъ не требуешъ; того ради не письмомъ, но сердечною искренностію благодаря какъ за прежніе, такъ и за новые, найпаче въ недавномъ времяни посланному въ Кіевъ доместику нашему, и чрезъ него мнѣ самому показанные вашей любви знаменія, молю законоположника любви Господа, да вашу къ смиренію моему любовь своею вседаровитою милостію преизобильно наградитъ: при семъ не могу и отъ писменнаго отвѣта удержаться, гдѣ къ тому понуждаетъ мене нѣкое немаловажное, отъ вашей-же святыни вѣдомо мнѣ учиненное дѣло.

Писалъ ко мнѣ преосвященство ваше чрезъ господина Величковскаго, что училищный у васъ монастырь братскій пришелъ въ крайнюю скудость, и такождѣ, что и къ повседневному препитанію не имѣютъ довольства учители и прочіи братія, и не могло-бы уже мѣсто оное въ состояніи пребыть, есть-ли-бы особливымъ святыни вашей призрѣніемъ снабдѣваемо не было. Удивился я и почти ужаснулся таковою вѣдомостію; а воспомянувъ и разсудивъ вину той немощи, и дивиться престалъ. Помню я, что тамо дѣлалося, во время младыхъ лѣтъ моихъ, при Головчичѣ, и Гугуревичѣ, и другихъ ректорахъ: всѣ маетности братскія были въ полномъ содержаніи, еще бо тогда и оные были во владѣніи, которыя послѣ новымъ рубежемъ польскимъ стали оторваны. Были-же времена весьма пріятныя: не было войны, небыло никакихъ армейскихъ походовъ, не слыхали мы тогда, что недородъ, что

голодъ; а въ братскомъ монастырѣ таковая была во всемъ нищета, что и воспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, есть-ли-бы тогда самъ не видѣлъ: житницы и погреба пусты, никакой изъ дня на день провизіи, никаковаго припасу не бывало, на всякъ день нищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали, а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія. А какая таковой бѣдности могла быть причина?—Одно только незнаніе економіи; и не одно того незнаніе, но къ тому противные и разорительные поступки: начальныхъ нерадѣніе, лѣность, дреманіе, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ денноношныхъ заботъ, а подначальныхъ, найпаче посельскихъ старцевъ, иныхъ непросыпляемое піянство, а другихъ прилѣжные кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія, съ великимъ безстрашіемъ, когда и смотру и истязанія ни откуду не опасались и не ожидали. Долго такъ монастырь тотъ, при великомъ богатствѣ, былъ жажденъ, и гладенъ, и хладенъ. И чюдо, воистину, какъ устоялъ! Не скоро потомъ поставленъ економъ—покойный іеромонахъ Родовичъ, человѣкъ трезвый, догадливый и по всему званія того достойный. И тотъ часъ все лучше пошло; явились съѣстные и питейные и къ другимъ нуждамъ потребные припасы, а прежніе мизерные изъ базару покупки воспоминали мы со смѣхомъ въ притчу. Не долго потомъ економа онаго, видя его бодрость и искуство, переведено на економство къ дому архіерейскому въ монастырь софійскій, гдѣ такожъ дотоль не для чего было ходить въ погреба и анбары и въ протчія клѣти: а училищная обитель въ прежнее оскудѣніе возвратилась, и я и другіе, которые недвижимыхъ монастыря того имѣнія не вѣдали, помышляли, что вотчины его на пѣскахъ только, да на мхахъ и болотахъ стоятъ и тлѣютъ. Одно то иной нѣкой догадъ намъ подавало, что при економствѣ Родовича воздухъ былъ здоровѣйшій. А съ тысяща седьмъ сотъ одиннатцатаго года получивъ я чинъ ректорскій, и потомъ тщательнаго намѣстника, блаженныя памяти Епифанія, бывшаго послѣ бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣжжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотъ часъ явилось, что братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту стыдъ и смѣхъ великій.

Что-же воспослѣдовало? Хотя и превеликія армеи стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи, то есть посельскіе монахи были; однакожъ всего у насъ преизобильное было довольство; и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ, и для принятія немалыхъ, и немалолюдныхъ, да еще и частыхъ гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребъ дѣлать и житницу (полатою зовутъ) великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ. Да не знаю, какъ то его затекшіи очи не видѣли. Надѣюся, что еще въ живыхъ нѣкіи обрѣтаются, которыи по совѣсти сказать могутъ, что въ съѣстныхъ найпаче и питейныхъ припасахъ не просто чернечіе, но господскіе были достатки: да и денежные прибыли начали показоваться изъ гуты, то есть стеклянныхъ заводовъ, въ мѣсто прежнихъ двенадцати, стало приходить по сту рублей въ годъ, кромѣ стекла, и на домовыя потребы, и на подарки довольнаго: не меншіи того доходы и изъ шинковъ, гдѣ въ продажѣ вино горячее своего хлѣба и куренія, ибо какъ куреніе, такъ и продажа безъ пошлины. Новая да знатная корысть была устроена и изъ вина волоскаго, такъ что одна бута (то есть большая бочка) даровая приходила. Но всего лучше можеши, преосвященство ваше, получить извѣстіе, есть-ли изволишь приказать, дабы вамъ вѣрно показано, сколько гдѣ нажинается пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса? Коликое мельничныхъ каменій число имѣется? Гдѣ и сколь многіе озера и другіе къ рыбнымъ ловлямъ мѣста угодныя? Сколько при мѣстечкѣ Стайкахъ медовой десятины и очковыхъ денегъ? и сверхъ того имѣется-ль особливая пасѣка монастырская? гдѣ и по коликому числу вѣдеръ сивухи продается? что приноситъ стеклянная гута? а есть ли ей нѣтъ, то для чего? коликое множество на разныхъ мѣстахъ всякаго скота въ заводахъ, и изъ того плодовъ молочныхъ, и волны и прочая? дѣлаются-ли изъ пенки женскою работою холсты росхожіе? не пусты-ль солодовни, которыѐ при насъ были всегда не праздные? Сюда надлежатъ и огородные и садовые слѣтья, и лѣсные на дрова и строеніе непокупные плоты. И вся вышеупомянутая имѣлъ монастырь не скудно, и со временемъ могъ все то имѣть съ великимъ еще прибавленіемъ, когда о немъ стараніе было:

какъ-бы мало чего, и то иностраннаго покупать оставалось нужда. А понеже въ толь печалную скудость пришла обитель оная, какъ ваше преосвященство пишешъ, то мощно знать, что либо все то крайне студенымъ нерадѣніемъ упущено, либо воровскими посельскихъ руками перенимается, либо отъ части сіе, а отъ части оное дѣется. Что жъ Танталу дѣлать, коли онъ, посредѣ пищи и питія стоящій, или не хощетъ, или не можетъ пить и ѣсть?

Между тѣмъ донесено мнѣ, отъ вѣры достойныхъ человѣкъ, яко бы Карпиловка съ уѣздомъ отдается нѣкоему чернцу за сто рублей на откупъ: и есть-ли то правда, то чегожъ надѣяться? Развѣ скораго и крайняго разоренія и упраздненія школъ? Да и необычная таковая економія достойна великаго истязанія и наказанія: о чемъ естьли ясно извѣстимся, молчать намъ, яко о публичномъ воровствѣ, запретитъ совѣсть.

Что же бы здѣ вмѣсто врачевства употребить надлежало?

Не ино что, только сіе осталось: извѣстно намъ, что преосвященство ваше совершенно економическое искуство и къ произведенію того въ дѣло теплую охоту имѣешъ; извѣстно и то, что святынѣ вашей къ пользѣ церковной непрестанная належитъ ревность, и потому къ содержанію честныхъ ученій всегда горитъ желаніе: тѣми многомощными добродѣтельми возбужденъ, не трудно усмотрѣть можешъ, каковое нужно къ исцѣленію изнемогающаго училищнаго онаго мѣста лѣкарство. Надобно быть економу бодрому, искусному и вѣрному. Надобно всячески возбуждать дремлющихъ и трезвить піянствующихъ и хищниковъ, яко злѣйшихъ злодѣевъ, обуздовать, а необуздываемыхъ лишать чина и на казнь предавать мірскому суду: былъ-бы прилѣжный во всемъ смотръ и чувствуемый неминуемаго наказанія страхъ, былъ-бы аккуратный инвентаръ, такожъ приходовъ и расходовъ указныя книги, чего тамъ, надѣюсь, такъ много, какъ много въ которскихъ, или косачевскихъ лѣсахъ цинамонной корицы. И естьли такъ, по моему сему мнѣнію и предложенію, исполнится, то въ скоромъ времени фортуна мѣста того мрачное и худое лице премѣнитъ на жирное и веселое, и возобновится причта, что найдено тамъ нѣкое знатное сокровище, и не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да еще и неосновательныхъ подаяній нищетскимъ образомъ просить. Естьли-же не такъ, но по обыкновенному

гнусному и нерадивому обхожденію дѣло пойдетъ, или паче, какъ болотная вода, тлѣть и смердѣть станетъ, то хотя-бы всю Украйну имъ отдать, не будетъ ничего и таковые паны голодомъ помрутъ.

Сія отъ сожалительнаго къ мѣсту оному усердія пишу къ преосвященству вашему, надѣяся, что святыня ваша не меньшее о томъ сожалѣніе имѣешъ и по данной себѣ власти все къ лучшему привести потщишися.

Прочее непременной братской любви и молитвамъ святымъ вручая себе, пребываю

Преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель, смиренный Θеофанъ, архіепископъ новгородскій.

Санктпетербургъ.
Марта 8 дня 1736 года.

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В.[1]

Помѣщаемая запись сдѣлана въ 1744 г. бунчуковымъ товарищемъ Михаиломъ Есимонтовскимъ, а исчисленное въ ней приданое давалось за нареченною его невѣстою Мариною Скоруповною, дочерью бунчуковаго-жъ товарища Григорія Скорупы. Есимонтовскіе и Скорупы принадлежали къ числу извѣстныхъ богатыхъ фамилій въ Малороссіи, а званіе бунчуковыхъ товарищей указываетъ на принадлежность ихъ къ почетной полковой старшинѣ. Скорупы, а чрезъ нихъ и Есимонтовскіе, состояли даже въ родствѣ съ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою не просто людей средняго достатка, но и лицъ можно сказать высшаго тогдашняго круга. По законамъ и обычаямъ того времени браку или вѣнчанью предшествовала „шлюбная интерцыза", или гражданская сдѣлка, которая записывалась въ гродскія книги вмѣстѣ съ приданымъ. Получивъ и записавъ приданое, женихъ обязывался взять форменную о томъ выпись и вручить ее тестю, при чемъ самъ обязывался внести въ общую супружескую жизнь одну треть того, что приносила съ собою его будущая жена. Само собою разумѣется, что порядокъ этотъ соблюдался въ классѣ имущихъ, гдѣ было что давать, считать, оцѣнивать и записывать. Въ этомъ кругѣ имъ опредѣлялись имущественныя права и отношенія супруговъ, предъотвращались предбрачныя и послѣбрачныя недоразумѣнія и разногласія. По предбрачнымъ записямъ можно заключать о состоятельности, отчасти и вкусахъ не только брачущихся, но и вообще лицъ ихъ круга. Любопытно взглянуть на этотъ домашній скарбъ нашихъ предковъ, на эту выставку отчасти ихъ достатка и комфорта. Нѣсколько такихъ записей могутъ дать намъ понятіе о гардеробѣ и костюмѣ малорусскихъ дамъ лучшаго тона и круга въ XVIII столѣтіи и показать, насколько было въ немъ самобытнаго, національнаго, насколько заимствованнаго, подражательнаго и насколько отодвинулась въ этомъ отношеніи отъ народа тогдашняя малорусская аристократія. Таково значеніе предлагаемаго документа. Помѣщаемъ оный съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника.

---

[1]) Изъ бумагъ обязательно сообщенныхъ редакціи Т. В. Кибальчичемъ, составляющихъ часть сулиминскаго архива. Подлинникъ на 2-хъ листахъ съ сургучною печатью стародубскаго магистрата, отъ времени совершенно истершеюся.

Вишись з книгъ мѣскихъ стародубскихъ права магдебурского.

Року тисяча сѣмъ сотъ четиредесятъ четвертого, мѣсяца мая осмого дня.

Ея императорскаго величества въ магистратѣ стародубовскомъ бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій, ставши персоналне, презентовалъ и ку записаню до книгъ мѣскихъ стародубовскиихъ подалъ реестръ, данній имъ Есимонтовскимъ тестю своему, бунчуковому товаришу, Григорию Скорупнѣ о внесенѣ в посагъ з дому оного бунчукового тотовариша Скорупны в домъ его Михайла Есимонтовского за женою его Есимонтовского Мариною Скорупповною и просилъ видать з оного реестра экстрактъ реченному тестю его, бунчуковому товаришу, Григорию Скорупнѣ, которій реестръ такъ въ себѣ мѣетъ.

Реестръ, данній отъ мене, за рукою моею и печатю и упрошенихъ отъ мене свидителей, тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скорупнѣ, прежде шлюба изъ имѣючоюся быть мнѣ в супружествѣ женою, панною Мариною Григориевною Скорупповною, сколко я взялъ въ посагъ вѣна, по силѣ правъ малороссійскихъ, совѣто пишучи, денегъ готовыхъ, золота, серебра, перелъ, камѣня дорогого и рухомихъ разнихъ вещей, одежди и убіоровъ, плятя бѣлого, коней, коляски и протчего, порознь всякую вещь еднимъ шацункомъ безъ совѣтости кладучи, нижей сего явствуєтъ.

Перелъ великихъ шнурковъ восѣмъ, вѣсу золотниковъ сѣмнадцать и три четвертѣ . . . . 236 р. — к.

Перелъ болшихъ шнурковъ чотири, да отъ тѣхъ мало меншихъ шнурковъ чотири-жъ . . . . 645 р.

Перелъ дробнихъ шнурковъ тринадцать, вѣсу в нихъ золотниковъ одинадцать з четвертью. . . . . 60 р.

Штучка золотая з камѣнями . . . . 20 р.

Крестъ рубиновий съ пятма рубинами и съ однимъ висящимъ шмарагдомъ, у золотой оправѣ, цена . . . 15 р.

Крестъ алмазній . . . . 120 р.

Сережки алмазние . . . . 30 р.

Сережки золотие з привѣсками перловими. . . . 6 р.

Перстень шафировій з шестма дияментами . . . 120 р.

Перстень рубиновій з алмазами	40 р.
Перстень з двома рубинами и однимъ диямментомъ .	15 р.
Ланцужокъ золотій дощатий в двадцать червонихъ з четвертью	110 р.
Кубковъ визолоченихъ дванадцать, без визолотки меншихъ дванадцать же	185 р. 60 к.
Чарокъ двадцать	24 р. 60 к.
Ложокъ серебраныхъ дванадцать у полтора фунта и десять золотниковъ	59 р.
Штопка визолоченая у полтора фунта	55 р.
Подносъ, сто девять золотниковъ	42 р.
Готовихъ денегъ	400 р.
Итого . .	2226 р. 2 к.

Шапка куничная з вершкомъ аксамитнимъ жовтимъ	7 р.
Другая жъ аксамитная красная куничная . . .	6 р. 88 к.
Шапка легкая аксамитная	3 р.
Кунтушъ златоглавній зеленій з футромъ шлямовимъ, рисъ сѣмъ, з корунками золотими з срѣбромъ . .	115 р.
Кунтушъ срѣброглавній, локоть по пяти рублей, подъ футромъ куничьимъ, з сѣткою золотою	135 р.
Кунтушъ бѣлій златоглавній з футромъ чорнимъ сѣбирковимъ, зъ корункою золотою.	60 р.
Кунтушъ легкій штофовій бѣлій, масолбасомъ подбитій, з корункою	24 р. 50 к.
Кунтушъ штофовій блакитній изъ бѣлими квѣтами, зъ сѣткою золотою	24 р.
Кунтушъ штофовій разноцвѣтній, масолбасомъ подшитій, з корункою золотою и лиштвами златоглавними .	27 р.
Кунтушъ штофовій рожовій, локоть по сорокъ алтинъ, съ пудзаментомъ серебренимъ и зъ лиштвами аксамитними	32 р. 70 к.
Кунтушъ штофовій разноцвѣтній бѣлій, локоть по два рублѣ, подъ чорними сѣбирками, з гасомъ золотимъ .	71 р. 30 к

Кунтушъ камловацовій чирвоній подъ шлямами на бокахъ и кругомъ пудзаментъ . . . . 45 р.

Кунтушъ едамашковій зеленій съ пудзаментомъ и обшитій чирвонимъ масолбасомъ . . . . 25 р.

Кунтушъ сукна злоткового съ пудзаментомъ срѣбнимъ . . . . 16 р.

Кунтушъ сукна чирвоного, подшитъ лисами, з срѣбнимъ пудзаментомъ . . . . 38 р.

Шнуровка златоглавная чирвоная з сѣткою золотою. 6 р.

Шнуровка блакѣтная аксамитная з золотимъ пудзаментомъ . . . . 3 р. 60 к.

Шнуровка атласовая квѣтчастая з сѣткою срѣбною великою . . . . 3 р.

Шнуровка чирвоная аксамитная з сѣткою золотою 2 р. 50 к.

Сподница бѣлокосовая съ корункою срѣбно-золотою 16 р.

Сподница атласовая з сѣткою серебранкою . . . 26 р.

Сподница гранѣтурова жовтая з сѣткою срѣбною . 14 р.

Сподница блакѣтная полутабинковая з сѣткою золотою 10 р.

Сподница гранѣтуровая . . . . 8 р. 40 к.

Запаска чирвоная златоглавная . . . . 13 р.

Запаска красная златоглавная, локоть по пять рублей 20 р.

Запаска штофовая разноцвѣтная зеленая . . . . 7 р. 60 к.

Запаска чирвоная штофовая зъ жовтимъ . . . 4 р. 25 к.

Запаска штофовая бѣлая квѣтчатая разноцвѣтная . 7 р.

Запаска штофная чирвоная . . . . 5 р. 50 к.

Запаска штофная бѣлая . . . . 4 р. 50 к.

Постѣль: наволокъ полутабинковыхъ, з корункою серебренною и золотомъ, пять съ плостирадломъ . . . 45 р.

Запона табиновая зеленая . . . . 20 р.

Запона дуклѣ венецкой . . . . 13 р.

Ковдра атласовая блакѣтная зъ чирвоними атласовими лиштвами . . . . 17 р.

Ковдра дуклевая чирвоная зъ лиштвами полутабинковими зеленими . . . . 20 р.

Постелѣ три швабскіе, одна зъ корунками широкими, а другая безъ корунокъ, зъ цвѣтами, третая шитая золотомъ и зъ шовкомъ красним	30 р.
Постелей кужилнихъ сѣтковихъ чотири	16 р.
Постѣль фарботная	4 р.
Кошуль алендерскихъ з рукавами кисевими пятнадцать	45 р.
Кошуль швабскихъ и рубковихъ дванадцать. . .	18 р.
Кошуль ивановскихъ зъ рубковими рукавами . .	20 р.
Кошуль мужескихъ алендерскихъ паръ дванадцать .	14 р.
Обрусовъ швабскихъ чотири, серветъ три штучки, да куже лнихъ серветъ три штучки, да пять тузніовъ московского полотна	28 р.
Скатертей пятнадцать	15 р.
Ручниковъ одинадцать	5 р.
Да штучокъ три кужилнихъ на ручники . . .	12 р.
Серветъ болшихъ, что пютъ чай	1 р.
Скринь двѣ, шкатулка одна	11 р.
Лаханя мѣдная жовтая	1 р. 40 к.
Шоръ четверня	30 р.
Карета	50 р.
Лошадей четверня	60 р.
Палубовъ два	10 р.
Итого	1247 р. 13 к.
А всей вишеписанной суммы. . . .	3473 р. 15 к.

И хотя въ силу правъ малороссійскихъ падлежало-бъ мнѣ сего-жъ часу, безъ упущенія времени, з имѣния моего противо вишепоказанного вношеня записать третюю часть, точию оставшись, по смерти отца моего, въ владѣніи моемъ, я еще не осмотрився въ такъ скоромъ времени, что именно записать въ третюю часть зъ оного моего владѣнія, чтобъ стояло того вношеня 3,473 р. 15 к. Ктому-жъ зъ братомъ моимъ роднимъ, бунчуковимъ товаришомъ, Степаномъ Есимонтовскимъ, по оставшейся после отца нашого, бунчукового товариша, Алексѣя Есимонтовского духовной роздѣлу еще не имѣлъ. А когдажъ-жъ учиненъ бу-

детъ з нами надлежащій въ имѣніи по оной духовной роздѣлъ и всякъ частиею своею владѣти учнетъ, то имѣю зъ того зпадаючого на мене владѣнія записать, въ силѣ правъ, въ вѣно третюю часть помянутой паннѣ Маринѣ Григориевнѣ Скорупповнѣ, имѣючой мнѣ быть въ супружествѣ женою, въ вѣчное и безпоротное ея владѣніе. О чомъ оній реестръ, за рукою и печатю моею и упрошенныхъ отъ мене свидителей, помянутому тестю моему, бунчуковому товаришу, пану Григорию Скоруппѣ данъ 1744 г. мая 6 дня.

Въ подлинномъ реестру, съ притисненіемъ на ономъ трехъ печатей червленного сургуча, подписъ рукъ тими словы:

Къ сему реестру, данному тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скоруппѣ и что все по оному принялъ, бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій печать и руку приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенію бунчукового товариша, Михайла Есимонтовского. Василь Жураховскій во свидѣтелство руку и печать приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенію бунчукового товариша Михайла Есимонтовского, обозній полковий стародубовскій Григорий Юркевичь во свидѣтельство руку и печать приложилъ.

Которій подленьній реестръ Мы урядъ выслухавши, казалисьмо до книгъ мѣскихъ стародубовскихъ приняти и записати, и есть записанъ, зъ которихъ и сей экстрактъ выписавши, зъ подписомъ рукъ насъ уряду и съ приложеніемъ обыклой магистратской стародубовской печати сторонѣ того потребуючой, бунчуковому товарищу, Григорію Скоруппѣ есть виданъ.—Писанъ въ Магистратѣ стародубовскомъ року, мѣсяця и дня вижей спецѣфикованихъ.

Ея императорского величества Магистрату стародубовского: Войтъ Антонъ Коменокъ, бурмистръ Андрей Демяновичь, райца Іванъ Кункевичь, писарь Савва Терлецкій.

Библіографія.

Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава. 1883. (347×XXIX стр. цѣна 3 р.).

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою магистерскую диссертацію доцента варшавскаго университета Н. Н. Любовича, защищенную имъ въ кіевскомъ университетѣ 11 декабря прошлаго 1883 года. Объемъ и отчасти характеръ своей работы авторъ обозначаетъ въ первыхъ строкахъ предисловія. „Своеобразнымъ, оригинальнымъ характеромъ отличается реформаціонное движеніе въ Польшѣ. И причины, вызвавшія его тамъ, и задачи его, и самый ходъ развитія и распространенія совершенно иныя, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы. Даже чѣмъ-то загадочнымъ и исполненнымъ, повидимому, противорѣчій можетъ показаться реформація въ Польшѣ! Хотя-бы взять тотъ фактъ, какъ быстро развилась она тамъ и какъ быстро затѣмъ пала. Разъяснить эти кажущіяся противорѣчія въ исторіи польской реформаціи, прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе ея и показать неизбѣжность ея полной неудачи—составляетъ задачу моего труда. Въ настоящемъ томѣ я довожу изложеніе судебъ польской реформаціи до петроковскаго сейма 1562—3 года, т. е. до эпохи, когда она достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ составитъ содержаніе слѣдующаго тома, который долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Касаясь только исторіи распространенія кальвинскаго и антитринитарскаго ученій въ Польшѣ, область моего изслѣдованія должна ограничиться лишь предѣлами Малой Польши, такъ какъ въ Великой Польшѣ нашло пріютъ ученіе лютеранское и братьевъ чешскихъ. Но общіе выводы относительно реформаціоннаго движенія въ Малой Польшѣ вполнѣ примѣнимы и къ Великой".

Передъ нами очевидно находится строго-ученая работа, отъ которой мы вправѣ ожидать и новыхъ матеріаловъ, и новыхъ общихъ выводовъ. Относительно обилія новыхъ матеріаловъ трудъ г. Любовича не оставляетъ желать ничего большаго. Авторъ пересмотрѣлъ и извлекъ относящіеся къ его темѣ рукописные матеріалы въ библіотекахъ и архивахъ въ Вильнѣ, Краковѣ, Львовѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Познани, Бреславлѣ и т. д.

Общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, выражены имъ въ слѣдующихъ тезисахъ, предъявленныхъ имъ при публичной защитѣ диссертаціи.

1) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ борьбы шляхты съ духовенствомъ, начавшейся съ конца XIV вѣка.

2) Причины, вызвавшія реформацію въ Польшѣ, были политико-экономическаго характера

3) Принятое всѣми историками мнѣніе о существованіи связи между гусситскимъ движеніемъ въ Польшѣ и реформаціоннымъ не можетъ быть научно установлено и должно быть отвергнуто.

4) Хотя протестантскія идеи и начинаютъ проникать въ Польшу въ царствованіе Сигизмунда I, но начало реформаціоннаго движенія въ ней, вопреки общепринятому мнѣнію, можетъ быть константировано только въ концѣ сороковыхъ годовъ (т. е- XVI в.).

5) До половины пятидесятыхъ годовъ реформаціонная партія въ Малой Польшѣ не примыкаетъ еще окончательно ни къ одной протестантской церкви.

6) Кальвинизмъ вытѣсняетъ изъ Польши всѣ другія протестантскія ученія только послѣ пріѣзда туда Ласкаго.

7) Толчокъ польской религіозной мысли въ крайнемъ раціоналистическомъ направленіи данъ впервые Францискомъ Станкаромъ.

8) Ученіе антитринитаріевъ въ разсматриваемую эпоху не было еще систематизировано и оно распадается на нѣсколько вѣтвей.

6) Изъ реформаціонной партіи должна быть строго выдѣляема умѣренная партія, требовавшая только нѣкоторыхъ реформъ въ католической церкви и насчитывавшая своихъ членовъ, главнымъ образомъ въ средѣ магнатовъ и епископовъ.

10) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ охватываетъ лишь высшіе слои общества и потому, по справедливости, можетъ быть названо шляхетскимъ.

11) Сила реформаціоннаго движенія въ Польшѣ только кажущаяся, а въ дѣйствительности это движеніе крайне поверхностно и не пускаетъ глубокихъ корней въ обществѣ

12) Борьба реформаціонной партіи съ католическимъ духовенствомъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ сеймахъ, гдѣ шляхта надѣется добиться разрѣшенія религіознаго вопроса.

13) Фанатизмъ въ протестантскомъ движеніи Польши отсутствуетъ, и во взаимныхъ отношеніяхъ протестантовъ и католиковъ нетерпимости и вражды нѣтъ.

14) Въ моментъ наивысшаго развитія своихъ силъ реформаціонное движеніе не въ состояніи сокрушить католической церкви и только временно парализуетъ ея дѣятельность.

15) Причины быстраго упадка польской реформаціи коренятся въ ней самой: кальвинская церковь не имѣетъ прочной организаціи, духовенство ея лишено всякой самостоятельности, число реформированныхъ церквей относительно невелико, а сверхъ того въ этой церкви появляются секты.

Большая часть этихъ тезисовъ имѣютъ такъ сказать описательный характеръ и только суммируютъ тѣ факты, которые изложены въ сочиненіи. Они носятся по поверхности историческихъ явленій, а въ глубь ихъ не проникаютъ. Болѣе глубокимъ и принципіальнымъ характеромъ по видимому проникнуты тезисы, касающіеся причинъ возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ, именно два первые и послѣдній. Они и были главнымъ предметомъ бесѣдъ на диспутѣ.

На этомъ вопросѣ и мы позволяемъ себѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что рѣшаемся выступить съ особымъ противъ автора мнѣніемъ. Религіозная реформація XVI в. есть явленіе обще-европейское, отразившееся такъ или иначе во всѣхъ странахъ католической Европы,—и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Чехіи, и въ Голландіи, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Швеціи, и въ Даніи, и въ Италіи, и въ Польшѣ. Но вездѣ это явленіе отразилось по своему, различно, сообразно съ народнымъ характеромъ, историческими условіями и политическими обстоятельствами. Благодарною для историка задачею было-бы прослѣдить развитіе и приложеніе одного и того-же религіознаго принципа въ разнообразной средѣ и при разнообразныхъ условіяхъ. Если когда-либо, то именно при такой работѣ можно ожидать плодотворныхъ результатовъ для уразумѣнія общихъ и основныхъ законовъ исторіи. И мы не можемъ достаточно выразить сожалѣніе о томъ, что Н. Н. Любовичъ, повидимому хорошо знакомый съ общеевропейскою исторіею реформаціи (какъ видно отчасти изъ его прежнихъ работъ: *Маркизъ де-Сентъ-Аль-*

гондъ, и *Общественная роль религіозныхъ движеній*) не воспользовался въ своей диссертаціи сравнительнымъ методомъ.

Мы конечно не возьмемъ на себя выполнить въ нѣсколькихъ строкахъ ту задачу, отъ которой уклонился авторъ въ своей диссертаціи: сдѣлаемъ однако въ короткѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ по *загадочному,* какъ выражается г. Любовичъ, вопросу относительно быстраго возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ.

Три фактора, какъ показываетъ исторія западной Европы, производили реформаціонное движеніе: 1) появленіе великихъ религіозныхъ мыслителей, міро-созерцаніе которыхъ шло въ разрѣзъ съ окаменѣлыми преданіями католицизма, каковы: Виклефъ, Гусъ, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ; 2) дѣятельность государей, которые настойчиво и рѣшительно говорили послѣднее *прости* Риму и полагали основаніе новыхъ отношеній церкви къ государству, сообразно духу реформы, каковы: шведскій король Густавъ Ваза, англійскій король Генрихъ VIII, германскіе государи—покровители Лютера, въ родѣ Фридриха мудраго, курфирста саксонскаго, Іоанна, сына его и др., и наконецъ 3) психическія особенности народовъ, у которыхъ умъ и воля преобладали надъ чувствомъ и фантазіею, которые жаждали болѣе трезваго и искренняго отношенія къ религіи, чѣмъ то, какое давалось католицизмомъ. Какъ богословствующіе умы, указанные государи не имѣли значенія,—въ этомъ отношеніи Лютеръ, съ свойственною ему рѣзкостію, выразился относительно Генриха VIII, короля англійскаго, что *если Господь Богъ захочетъ сотворить дурака, то дѣлаетъ короля богословомъ,*—но, какъ представители исполнительной власти, они могли взять такія мѣропріятія (особенно относительно воспитанія молодаго поколѣнія), которыя дѣлали возвратъ къ католицизму невозможнымъ.

Польша приняла и по своей близости къ западной Европѣ не могла не принять участія въ реформаціонномъ движеніи, но ни того, ни другаго, ни третьяго фактора для успѣховъ реформаціи не было въ Польшѣ. Польша не дала ни одного самостоятельнаго и смѣлаго богослова, который могъ-бы богословской системѣ Рима противопоставить свое цѣльное и систематическое богословское міросозерцаніе. Мелкіе противники целибатства, въ родѣ напримѣръ Оржеховскаго, въ этотъ счетъ не идутъ. Польша не дала, и по своему политическому устройству и не могла дать ни одного государя, который могъ-бы смѣло и рѣшительно разорвать связь съ Римомъ, подобно Генриху англійскому или Густаву шведскому. Наконецъ поляки по своему народному, увлекающемуся и неустойчивому, характеру неспособны были удовлетвориться холоднымъ и сухимъ религіознымъ раціонализмомъ и выдержать само-

дѣльную церковную дисциплину. Для поляковъ нужна была опека Рима, пополнявшаго своею дисциплиною тотъ недостатокъ послѣдовательности, какимъ страдалъ народный характеръ. Поэтому когда повѣтріе протестантизма коснулось и Польши, то въ протестанты уходили не лучшіе люди націи, а большею частію антиномисты худшаго сорта, въ родѣ напримѣръ Станилава Стадницкаго, co go zwano diabłem, wielki burda, a kutemu ewangelik.

На чемъ-же было держаться протестантизму въ Польшѣ, когда онъ былъ явленіемъ наноснымъ, не имѣвшимъ внутри страны ни одной прочной основы?

Конечно сравнительно-историческій методъ, проведенный въ диссертаціи, далъ-бы болѣе цѣнные выводы, чѣмъ тѣ, какіе мы могли обозначить въ бѣглой замѣткѣ, но къ сожалѣнію г. Любовичъ имъ не воспользовался.

Опуская изъ виду главную и единственную причину польской реформаціи, состоявшую въ реформаціонномъ повѣтріи, охватившемъ всю западную Европу и не могшемъ миновать и Польшу, не обративъ должнаго вниманія на эту, такъ сказать, *духовную эпидемію*, законы и условія которой заслуживали-бы болѣе тщательнаго изученія, не воспользовавшись сравнительно-историческимъ методомъ, г. Любовичъ изучаетъ польскую реформацію, явленіе чужеродное, не выходя, такъ сказать, изъ предѣловъ Польши, и начиная *ab ovo*, разбираетъ околичности, побочныя обстоятельства, въ которыхъ думаетъ найти разгадку загадочнаго явленія. «Религіозное чувство, разсуждаетъ г. Любовичъ, играетъ дѣйствительно важную роль въ религіозныхъ движеніяхъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что обыкновенно съ религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ идетъ неразлучно цѣлый рядъ попытокъ реформировать и политическія, и общественныя, и экономическія отношенія, и притомъ стремленія къ такимъ реформамъ не навѣяны религіозными идеалами реформаціоннаго движенія, а появляются еще задолго до него... Поэтому смыслъ реформаціоннаго движенія какого-либо народа можетъ стать понятнымъ лишь тогда, когда будетъ обращено вниманіе на предшествующія этому движенію измѣненія въ общественно-экономическомъ быту даннаго народа» (стр. 1—2). Постановка дѣла какъ будто новая и въ духѣ современной исторіографіи, мечтающей найти въ экономическихъ отношеніяхъ ключь къ разгадкѣ возможно-большаго числа историческихъ явленій. Но не все то хорошо, что́ ново, или лучше сказать: все хорошо на своемъ мѣстѣ и всякій методъ требуетъ нормальнаго приложенія.

Книга г. Любовича служитъ доказательствомъ того, что при избранной имъ постановкѣ дѣла можно говорить много и долго, и даже весьма обстоятельно, и все-таки не договориться до разгадки загадочнаго явле-

нія. Можно составить подробнѣйшее описаніе горючихъ матеріаловъ, находящихся въ домѣ, но отсюда отнюдь не будетъ слѣдовать то́, что въ домѣ долженъ произойти пожаръ, а еще менѣе то́, что пожаръ скоро долженъ угаснуть.

Важнѣйшею и неотъемлемою заслугою г. Любовича остается извлеченіе цѣнныхъ матеріаловъ изъ различныхъ архивовъ; книга его даетъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, методъ-же его изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удачнымъ. Мы рѣшаемся съ полною откровенностію высказать это, потому что сохраняемъ полное уваженіе къ трудолюбію и дарованіямъ молодаго ученаго, отъ котораго русская наука получила уже цѣнный вкладъ и можетъ ожидать еще бо́льшаго въ будущемъ.

Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Kraków. I. 1882 r. II. 1883 r. (Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ, съ политипажами по рисункамъ Т. Рыбковскаго. Краковъ. I. 1882. II. 1883.).

Такое заглавіе носитъ интересный трудъ замѣчательнаго польскаго этнографа-собирателя Оскара Кольберга, посвященный небольшой галицкой провинціи, населенной отраслью малорусскаго племени. Трудъ Кольберга нельзя назвать этнографическимъ сборникомъ; это дѣйствительно этнографическая картина (obraz) *Покутья*, какъ это удачно сказано въ заглавіи. Составленъ онъ по программѣ знаменитаго его-же изданія: «Lud», посвященнаго этнографіи польскаго народа. Въ 1856 г. Оскаръ Кольбергъ издалъ первый томъ своихъ богатыхъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Pieśni Ludu Polskiego». Въ этотъ томъ вошло нѣсколько десятковъ пѣсенъ съ множествомъ варіантовъ и музыкой. Такъ какъ варіанты происходили изъ разныхъ этнографическихъ мѣстностей, то для дальнѣйшаго изданія понадобилось имѣть немедленно сколько нибудь полный матеріалъ со всѣхъ важнѣйшихъ этнологическихъ пунктовъ, что разумѣется было немыслимо, а безъ этого каждая сводная пѣсня явилась-бы не полной и не удовлетворяла-бы задачѣ. Кромѣ непреодолимой почти трудности изданія такого систематическаго своднаго сборника, онъ сразу бросался въ глаза своею непрактичностью для научныхъ этнографическихъ работъ. Такъ какъ всѣ большія народности обыкновенно представляютъ серьозныя разновидности по разнымъ мѣстностямъ, то для изученія этихъ разновидностей нѣтъ почти возможности пользоваться такими сборниками. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ

сборникъ П. Чубинскаго. Для того, напримѣръ, чтобы прослѣдить особенности, положимъ, лексическаго матеріала Подлясья, изслѣдователю приходится рыться во многихъ объемистыхъ томахъ, смотрѣть подпись подъ каждой пѣсенкой или разсказцемъ и въ концѣ концовъ убѣдиться, что въ этомъ огромномъ сборникѣ изъ Подлясья матеріаловъ очень мало и положительно недостаточно для какой-бы то ни было научной работы. По этой причинѣ г. Кольбергъ сразу, послѣ изданія своего перваго тома, измѣнилъ программу и началъ издавать свой «Lud» по мѣстностямъ. До сихъ поръ онъ издалъ уже 16 серій; послѣдняя, изданная въ прошломъ году, носитъ заглавіе: „Lubelskie. Część I."

Сущность системы г. Кольберга слѣдующая:

Издавая матеріалы, собранные только лично, онъ отправляется въ данную мѣстность, имѣющую опредѣленную этнографическую физіономію, посѣщаетъ ее въ разное время года, наблюдаетъ, изучаетъ и записываетъ. Такая работа продолжается нѣсколько лѣтъ одновременно въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ что собиратель переѣзжаетъ по временамъ года изъ одной мѣстности въ другую. Затѣмъ когда мѣстность достаточно изучена и собранъ матеріалъ довольно полный, собиратель издаетъ цѣлый этнографическій обзоръ данной мѣстности, описывая мѣстоположеніе, народъ, его языкъ, обычаи, жилища, и излагая его преданія, пословицы, обряды, вѣрованія, игры, пѣсни, музыку и танцы. Относясь съ любовью и замѣчательнымъ знаніемъ къ своему дѣлу, г. Кольбергъ представляетъ читателю матеріалъ вполнѣ научный. Каждое слово передано фонетически вѣрно, каждая пѣсенка записана съ нотами и безъ искаженій, неизбѣжныхъ у собирателей-диллетантовъ, и каждая замѣтка, каждый матеріалъ имѣетъ точную метрику; такъ что въ каждой серіи вы встрѣтите иногда болѣе десятка варіантовъ одной какой нибудь пѣсни и даже описанія обряда или игры. Кромѣ всего этого матеріалы позднѣйшихъ серій всегда сличены съ предъидущими, такъ что вы по замѣткамъ можете прослѣдить варіанты во всемъ изданіи.

Г. Кольбергъ никогда почти не вдается въ критическое объясненіе матеріала, не дѣлаетъ ни выводовъ, ни объясненій, но всегда даетъ такой полный и разнообразный матеріалъ и излагаетъ его и группируетъ съ такимъ удивительнымъ знаніемъ дѣла, что этотъ сухой, грубый этнографическій матеріалъ представляется читателю одной цѣльной картиной.

Такое-же впечатлѣніе производитъ и «Pokucie», въ которомъ явствуютъ всѣ достоинства системы г. Кольберга и его опытность, достигнутыя почти тридцатилѣтнимъ трудомъ на почвѣ этнографіи.

Районъ, обхватываемый сборникомъ г. Кольберга, не совпадаетъ вполнѣ съ мѣстностью, носящей названіе Покутья. Этотъ терминъ и не

этнографическiй и не административный, а унаслѣдованъ отъ времени весьма отдаленнаго, когда онъ имѣлъ нѣкоторое географическое значенiе. Это былъ уголъ (kąt—кутъ), образуемый на южной границѣ б. Рѣчи Посполитой карпатскими горами и Днѣстромъ, безъ точныхъ опредѣленныхъ границъ для сторонъ этого угла. Покутье имѣетъ главнымъ образомъ двѣ этнографическiя разновидности: въ горахъ живутъ гуцулы, а сѣвернѣе—подгоряне. Иногда къ Покутью причисляютъ и бойковъ, живущихъ немного сѣверозападнѣе. Трудъ г. Кольберга посвященъ центру Покутья, именно подгорянамъ, живущимъ въ коломыйскомъ и станиславовскомъ округахъ,—нижнему Покутью (Dolne Pokucie).

Приступая къ изслѣдованiю мало извѣстной народности, авторъ знакомится какъ съ ней, такъ и съ мѣстностью Покутья, предварительно по работамъ Бѣлевскаго, Киркора, Видмана, Залѣскаго, Паули, Петрушевича, Головацкаго и др., изучая исторiю, археологiю и этнографическiе матерiалы. Кольбергъ дѣлалъ экскурсiи въ Покутье въ 1870, 1876, 1877 и 1880 г.г. Въ этомъ послѣднемъ году онъ почерпнулъ много свѣдѣнiй и матерiаловъ на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, продолжавшейся отъ 15 до 30 сентября н. с.

Первый томъ своего очерка г. Кольбергъ начинаетъ бѣглымъ описанiемъ мѣстности, обращая вниманiе какъ на топографiю страны, такъ и на историческiя событiя. Далѣе въ довольно пространномъ очеркѣ даетъ онъ читателю представленiе о самомъ населенiи Покутья, описывая его одежду, пищу, жилище, занятiя (хозяйство, возы, сани, трудъ, промыселъ, рыболовство) и даетъ замѣтки относительно особенностей языка. Весь этотъ очеркъ написанъ весьма живо, талантливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ просто и весьма содержательно. На каждомъ шагу масса этнографическихъ характерныхъ подробностей, подмѣченныхъ опытнымъ наблюдателемъ. За одно только мы можемъ винить г. Кольберга, это именно за его замѣтку о языкѣ. Она во-первыхъ слишкомъ бѣгла и кратка (всего 4 неполныхъ странички), а во-вторыхъ не всегда вѣрна. Ошибки въ оцѣнкѣ формъ произошли видимо отъ не совсѣмъ полнаго знакомства автора съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей. Къ такимъ ошибкамъ надо отнести слѣдующiя:

1) Авторъ считаетъ отступленiемъ отъ „общаго языка“ (mowa ogólna) такiя формы, какъ «дубевый» вмѣсто «дубовый» и т. п. примѣры, между которыми ставитъ и «*вышневый*», предполагая въ „общемъ» языкѣ вѣроятно: вышновый.

2) Напрасно также г. Кольбергъ считаетъ покутскою особенностью то обстоятельство, что гласная *о* въ односложныхъ словахъ обыкновенно

переходитъ въ *і*, возвращаясь опять къ *о*, когда слово пріобрѣтаетъ, болѣе слоговъ это явленіе въ малорусскомъ языкѣ повсемѣстно.

3) Авторъ замѣчаетъ, что его „остановили нѣкоторыя выраженія не слышанныя имъ въ другихъ мѣстахъ"; къ такимъ онъ совершенно ошибочно относитъ общепринятыя въ малорусской рѣчи выраженія: „того року, сего року"—въ прошломъ настоящемъ году, «сыпъ воду» вмѣсто „лый воду" и нѣкоторыя другія.

Не смотря на эти погрѣшности, другія его замѣтки довольно цѣнны, хотя онѣ, какъ сдѣланныя бѣгло, и не важны при той фонетической вѣрности, съ какой переданъ текстъ собраннаго имъ матеріала.

Затѣмъ весь первый томъ посвященъ народнымъ обычаямъ, играмъ и обрядамъ. Начиная отъ „Пилиповки", онъ по порядку народнаго календаря описываетъ обычаи и обряды цѣлаго года, причемъ передаетъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ собранный имъ пѣсенный матеріалъ съ музыкою. Описаніе каждаго обычая, игры или обряда изложено тоже по разнымъ мѣстностямъ въ нѣсколькихъ варіантахъ. Среди богатаго этого отдѣла должны обратить на себя вниманіе этнографа *Субитка*, *Комашня*, (пирушка на Св. Андрея), *Маланка* въ девяти разныхъ варіантахъ, *Рахманьській великдень*, и друг. Замѣчательно то, что по заявленію Кольберга, обрядъ Купайла на Покутьи совершенно почти исчезъ уже. Онъ это приписываетъ вліянію духовенства и мѣстной полиціи, преслѣдующей обрядъ, вслѣдствіе опасности его отъ костровъ и факеловъ.

Самый цѣнный однако матеріалъ представляютъ обрядовыя пѣсни. Онѣ цѣнны какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Изъ этого матеріала оказывается, что на Покутьѣ обряды сохранили несравненно болѣе древняго элемента, чѣмъ напримѣръ въ нашихъ мѣстностяхъ. Изъ 26 колядъ большинство до-христіанскаго происхожденія; изъ такихъ мы можемъ указать шесть колядъ историческаго содержанія и восемь съ обломками миѳологическихъ представленій и языческаго культа. Изъ историческихъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два совершенно отличные варіанта (№ 10 и 19) извѣстной у малороссовъ и поляковъ пѣсни объ осадѣ города (Царьграда, Львова, Кракова и т. п.); оба варіанта представляютъ совершенно новыя особенности. Далѣе есть коляда о борьбѣ съ татарами (№ 8), о вольной дружинѣ, нанимающейся въ услуги доброму пану (№ 12), и оригинальный разсказъ (№ 14) о долгихъ походахъ войска въ безпрестанной борьбѣ съ разными народами; воины наконецъ постарѣли въ лагерѣ и прійдя въ московщину, отказались повиноваться своему вождю и заявили требованіе возврата на родину.—Коляды миѳологическаго содержанія (№№ 9, 11, 13, 15, 20, 22, 24, 25), составляя

варіанты колядъ, записанныхъ въ сборникѣ Головацкаго, мало даютъ новыхъ данныхъ для изслѣдователя. *Щедривокъ* у Кольберга только девять, но и въ этомъ небольшомъ числѣ нашлось два разнородныхъ варіанта (№ 40, 42) старой нравственной пѣсни (извѣстной повсемѣстно у малороссовъ и поляковъ) о томъ, какъ Богъ не простилъ той душѣ, которая отцу-матери «налаяла,—не налаяла, а тильки подумала."—Къ числу чисто народныхъ христіанскихъ щедирвокъ, въ сложеніи которыхъ совершенно не участвовала школа (а ихъ очень немного), надо отнести очень распространенную щедирвку (№ 43, 44), записанную у Чубинскаго неправильно въ числѣ колядокъ (№ 62 въ 5 варіантахъ) и разсказывающую, какъ Богородица въ церкви изъ числа разныхъ предлагаемыхъ новорожденному Спасителю именъ (Св. Петра, Св. Миколая и др.) выбрала „Суса Христа", имя это полюбила и до престолу приступила.—Всѣ колядки и щедривки отличаются замѣчательно длинными причитаніями поздравленій и пожеланій всякихъ благъ слушающему *газдѣ*, *газдынѣ* и ихъ семейству.

Весьма много новаго и интереснаго представляютъ весняныя игры съ пѣснями. Кромѣ записанныхъ игръ у Чубинскаго: *Воробей* (2 вар.), *Огирочки* (5 вар.), *Воротарь*, *Жельманъ* (3 вар.), *Перепилочка* (3 вар.), *Мужъ и Жинка* (3 вар.) и *Кострубъ*, есть еще и слѣдующія женскія игры: *Вербовая дощечка* въ шести вар., *Жукъ* въ шести вар., *Ворота* въ двухъ вар., *Дѣдъ и Баба*, *Рынокъ*, *Дивороюювати*, *Журило*, *Крутый ридъ*, *Горщыкъ*, *Сосненька*, *Грушка*, *Сваты*, *Былце*, *Билоданьчикъ* и 18 разныхъ игръ парубковъ.

Что касается формы собранныхъ Кольбергомъ пѣсенъ, то я долженъ замѣтить слѣдующее. Въ малорусскихъ сборникахъ, напримѣръ у Чубинскаго, классификація пѣсенъ очень часто невѣрна; коляды и щедривки въ особенности перемѣшаны, вслѣдствіе чего въ пѣсняхъ, гдѣ содержаніе не даетъ указанія на праздники, соотвѣтствующіе этимъ родамъ пѣсни, весьма легко попасть въ ошибку и принять щедривку за коляду и наоборотъ. Я принялъ за ключъ къ классификаціи щедривокъ и колядокъ ихъ куплетныя формы, но не былъ въ немъ увѣренъ. По просмотрѣ сборника Кольберга, всякое сомнѣніе исчезаетъ. Оказывается, что всѣ его коляды безъ исключенія имѣютъ форму $^2(5+5)$, а щедривки $^2(4+4)$. Всѣ мелодіи какъ колядокъ, такъ и щедривокъ вполнѣ типичны и замѣчательно различаются между собою.

Окончивъ годичные обычаи и обряды, г. Кольбергъ описываетъ обычаи и обряды случайные: родины, крестины, похороны и свадьбу. При описаніи похоронъ въ нѣсколькихъ варіантахъ онъ даетъ 7 пѣсенъ—*похоронныхъ плачей*. Но главную роль въ этомъ отдѣлѣ играетъ

свадьба. Она описана имъ въ девяти разныхъ мѣстахъ съ массою пѣсенъ. Свадебныя мелодіи представляютъ серіозный интересъ; онѣ значительно отличаются отъ мелодій нашей мѣстности и отъ записанныхъ г. Лысенко (Сбор. Чубинскаго IV) въ Борисполѣ.

Говоря вообще о значеніи перваго тома «Покутья», какъ цѣннаго вклада въ науку, я не малую долю этой цѣнности долженъ отнести на счетъ его музыкальной части. До сихъ поръ мы имѣемъ очень много работъ по бытовой и исторической малорусской музыкѣ (Едличко, Коцпинскій, Лысенко), но обрядная музыка оставалась въ забытьѣ; въ настоящее-же время мы имѣемъ у Кольберга болѣе 300 самыхъ разнообразныхъ обрядныхъ пѣсенъ съ музыкой, записанныхъ этнографомъ спеціалистомъ.

Ц. Нейманъ.

Cet czy licho? (Powieść historyczna z końca XVII wieku) przez J. Kraszewskiego. Warszawa. 1884. T. 1. 2. (Четъ, или не четъ? Историческая повѣсть конца XVII в. I. Крашевскаго. Варшава. 1884 г. Т. 1 и 2).

Въ текущемъ году вышелъ въ свѣтъ новый романъ маститаго польскаго писателя Крашевскаго, заглавіе котораго выписано выше. Онъ былъ написанъ, какъ обозначено въ концѣ втораго тома, въ Дрезденѣ въ 1882 г., вѣроятно, къ двухсотлѣтнему юбилею Собѣсскаго, праздновавшемуся въ прошломъ году.

Нѣтъ надобности говорить о многочисленныхъ достоинствахъ этого новаго произведенія Крашевскаго: легкости стиля, прелести описаній, живомъ воспроизведеніи былого; такія достоинства присущи всегда произведеніямъ этого знаменитаго беллетриста и извѣстны каждому. Названная повѣсть относится ко времени похода Яна Собѣсскаго для освобожденія Вѣны отъ осады турокъ и вообще къ эпохѣ войнъ этого короля 1674—1696 г. Сюжетъ повѣсти—дуэль двухъ шляхтичей королевской свиты изъ-за фрейлины королевы, разстроенная предложеніемъ этой послѣдней, чтобы соперники тянули жребій, съ тѣмъ, что кто вытянетъ *нечетъ* (отсюда и названіе повѣсти), тотъ долженъ искать смерти въ походѣ противъ турокъ. Читателей нашихъ эта повѣсть можетъ интересовать живымъ описаніемъ неудавшагося жванецкаго похода, предпринятаго королемъ Яномъ Собѣсскимъ для освобожденія Каменца-Подольскаго отъ власти турокъ, и изложеніемъ причинъ этой неудачи. Каменецъ уступленъ былъ туркамъ по журавенскому договору (17 окт. 1676 г.). Упоен-

ный своими побѣдами подъ стѣнами Вѣны, при Парканахъ и Острыгамѣ, Собѣсскій на возвратномъ пути рѣшился отнять у турокъ уступленныя имъ прежде Рѣчью Посполитою крѣпости. Вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ своего намѣренія, онъ пригласилъ жену со всѣмъ ея дворомъ и иностранныхъ пословъ сопутствовать его войскамъ.

24-го августа 1684 г. взгорья, окружающія Язловецъ, небольшое старое укрѣпленіе въ нынѣшней Галиціи, были покрыты польскими войсками. На одномъ изъ холмовъ, напротивъ укрѣпленія, до котораго не достигали непріятельскіе снаряды, были разставлены большія красныя палатки, съ золочеными шариками на верхушкахъ, для короля, королевы и двора. Около палатокъ кипѣла жизнь, бѣгали слуги, въ большей палаткѣ разставлялись обѣденные столы.

Во время самаго обѣда началось бомбардированіе укрѣпленія. Вскорѣ горстка турокъ, находившаяся въ укрѣпленіи, просила о пощадѣ и самъ король выѣхахъ принять сдававшихся, чтобы привести ихъ къ ногамъ королевы. Четыре дня дворъ пробылъ подъ Язловцемъ, между тѣмъ войска потянулись къ Каменцу и Жванцу. Собѣсскій расчитывалъ взять Каменецъ голодомъ; но исполненію его стратегическаго плана мѣшало отсутствіе согласія между нимъ и гетманами. Слава Собѣсскаго возбуждала зависть—требовали, чтобы всѣ его соображенія были предварительно предлагаемы на усмотрѣніе военнаго совѣта, дѣлали затрудненія при ихъ исполненіи, добивались независимости въ дѣйствіяхъ. Хотя эти противодѣйствія причиняли большую непріятность Собѣсскому, но онъ молчалъ и держалъ себя вѣжливо по отношенію къ своимъ тайнымъ врагамъ, чтобы ихъ не раздражать. Король подъ Жванцемъ простоялъ безуспѣшно нѣсколько недѣль, не будучи въ состояніи построить мостъ черезъ Днѣстръ; гетманъ польный и кастелянъ краковскій стояли между тѣмъ подъ Каменцомъ, ожидая короля. Изъ-подъ Жванца король, опечаленный неудачей, отправился назадъ и, завернувши въ Каменцу, со слезами на глазахъ посмотрѣлъ на крѣпость, которою онъ не могъ овладѣть изъ-за зависти гетмановъ. Татары начали было преслѣдовать отступавшее войско, король настаивалъ напасть на нихъ; блестящая побѣда ускользала изъ рукъ славнаго побѣдителя хотинскаго и освободителя Вѣны; съ горечью взывалъ онъ къ гетманамъ Яблоновскому и Потоцкому: „берите на себя главное начальство; не для себя хочу я побѣды, но для Польши. Идите, припишите себѣ побѣду, но не дайте ускользнуть татарамъ“. Гетманы ссылались на то, что безъ военнаго совѣта они не рѣшаются нападать на непріятеля; татары возвратились между тѣмъ назадъ. Когда Собѣсскому донесли объ этомъ, онъ бросилъ о земь свой бунчукъ и воскликнулъ: „для чего онъ стоитъ? Развѣ я началь-

никъ? Ни въ одинъ походъ не пойду уже болѣе, во мнѣ не нуждаются. Пусть другіе добываютъ славы, я пресыщенъ ею до горечи".

Тѣмъ кончился походъ подъ Жванецъ, гдѣ когда-то Хмельницкій разбилъ на голову польскія войска. Теперь съ королемъ во главѣ, они потянули ко Львову: гетманы лишили короля новой славы и сами не прославились, а русскія области остались во власти турокъ.

S.

Споминки при житю и дьяльность Володимира Барвьньского. Львовъ. 1884 г.

Эта небольшая книжка о безвременно умершемъ галицкомъ патріотѣ издана львовскимъ товариществомъ „Просвѣта" къ недавно исполнившейся годовщинѣ смерти Вл. Барвинского. Обстоятельно составленная на основаніи признаній покойнаго, его статей и писемъ къ близкимъ людямъ, эта характеристика рисуетъ симпатичную личность Барвинскаго во всей ея идеальной чистотѣ. Его высокая любовь къ родинѣ, политическій умъ и тактъ, засвидѣтельствованные кратковременной его жизнью, выступаютъ ярко въ этой интимной, душевной его исторіи и показываютъ всю великость утраты, понесенной галицкой Русью въ его лицѣ.

Барвинскій принадлежалъ къ числу выдающихся публицистовъ и дѣятелей народныхъ въ Галиціи, и въ общественной жизни этой страны за послѣднее время не было, кажется, ни одного свѣтлаго явленія, ни одного шага, которые не связаны были-бы съ именемъ Барвинскаго. Его починъ, его высокій патріотизмъ всюду вносятъ свѣтъ народнаго самосознанія. Періодическая печать, честно служащая народу, много обязана его почину и примѣру. Издательскія и ученыя общества, и между ними прежде всѣхъ многополезная „Просвѣта", —его созданіе. Организаторъ перваго народнаго вѣча, горячій защитникъ народныхъ правъ — онъ собиралъ къ одной работѣ народныя силы. Задачею этой работы онъ ставилъ самостоятельное развитіе своего народа на началахъ широкаго европейскаго просвѣщенія.

„Единеніе всѣхъ силъ русинской интеллигенціи и сближеніе ихъ съ народомъ Барвинскій, по словамъ его біографа, считалъ конечнымъ условіемъ успѣха дѣла возрожденія галицкаго народа. Онъ съумѣлъ стать выше ежедневныхъ домашнихъ споровъ братьевъ между собою, сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ всего, что можетъ дѣлить русиновъ въ ихъ работѣ для добра народа. Онъ былъ великимъ противни-

комъ всякаго пустомельства и всякой крикливой демонстратійности. Какъ неумолимо возставалъ онъ противъ всѣхъ посягательствъ на народныя права Руси, на честь и достояніе народное, такъ равно съ горячимъ жаромъ указывалъ русинамъ на ихъ грѣхи.

„Наша собственная исторія и исторія другихъ народовъ, говорилъ онъ, научила насъ, что „высокая политика" безъ опоры въ реальной, живой силѣ — не ведетъ народа къ счастью, къ цѣли его задушевныхъ стремленій. Политическія перемѣны приносятъ выгоды только народамъ, имѣющимъ эту силу. Такая сила, по его мнѣнію, въ массахъ простонародья, въ тѣхъ селянахъ и мелкихъ мѣщанахъ, что, не взирая на столѣтія невзгодъ, сберегли свою русскую народность, а въ настоящее время, при условіяхъ просвѣщенія и самопознанія, должны стать тѣмъ народнымъ устоемъ, той скалой, о которую разобьется всякій вражескій валъ"...

Слабый тѣломъ, болѣзненный, Барвинскій былъ неутомимымъ работникомъ. Принужденный добывать хлѣбъ адвокатурой, онъ посвящалъ все остающееся время научной и литературной работѣ. Имъ написана масса популярныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изданныхъ „Просвѣтой". Со времени первыхъ литературныхъ опытовъ въ „Зорѣ" и до послѣдняго дня жизни, онъ не покидалъ пера публициста. Лучшій галицкій журналъ „Правда" пять лѣтъ выходилъ подъ его редакціей. Имъ-же основана и поставлена на ноги самая серьезная и честная русинская газета „Дѣло". „Я адвокатъ, юристъ, литераторъ, пишетъ онъ брату своему въ 1876 г. Десять рукъ и десять головъ не были-бы для меня лишними. Обростаю бумагой, дѣлаюсь чернильной пьявкой, вотъ ужъ другой мѣсяцъ, какъ я ни разу не прогуливался. А дѣлаю развѣ только десятую часть того, что хотѣлъ-бы сдѣлать". Какъ публицистъ, онъ отличался жаромъ, силою убѣжденія и честностью, предъ которой преклонились даже его враги. Публицистикѣ отдалъ онъ наиболѣе времени и силъ, хотя личныя склонности влекли его, быть можетъ, къ болѣе спокойной, чисто научной и литературной работѣ. Въ немъ жилъ поэтъ съ отзывчивымъ и чуткимъ сердцемъ. Нѣсколько приводимыхъ въ біографіи его стихотвореній задушевны и милы. Повѣсти его отличаются несомнѣннымъ дарованьемъ. Лучшая изъ нихъ — „Скошенный цвѣтокъ". Названіе это оказалось пророческимъ для автора, умершаго въ тридцать три года, въ лучшую пору своей дѣятельности.

Всегда недовѣрчивый къ медицинѣ, Барвинскій только въ виду полнаго упадка здоровья, рѣшился отправиться въ Карльсбадъ и въ одномъ изъ писемъ какъ-бы оправдывается за эту заботу о себѣ: «Мнѣ не жаль себя самого, не пѣлъ я, поднимаясь вверхъ, не буду пѣть, спускаясь

внизъ. Не баловала судьба меня съ юности, не будетъ баловать и теперь. Къ тому-жь, вы знаете, я никогда не дорожилъ ни своей личностью, ни своей жизнью. Но хотѣлось-бы мнѣ простымъ воиномъ удержаться на посту въ эти тяжкіе часы нашей народной жизни и по мѣрѣ силъ и средствъ отдать свой трудъ народному дѣлу". Судьба судила иначе: поправившись въ Карльсбадѣ, по возвращеніи въ Львовъ, Барвинскій схватилъ смертельную простуду и 22 января 1883 года его не стало.

Открытая уже подписка на памятникъ Барвинскому засвидѣтельствуетъ скоро общественное признаніе его плодотворной дѣятельности и его политическихъ заслугъ; но память о его самоотверженіи, безкорыстіи и великой любви къ родинѣ свято чтится и теперь лучшею частію галицко-русскаго общества, какъ показываетъ разсмотрѣнная нами брошюра.

Достоинъ уваженія народъ, который такъ чествуетъ своихъ скромныхъ, но горячихъ и самоотверженныхъ дѣятелей, достойно почтенія то «Общество», которое напоминаетъ народу объ одномъ изъ такихъ дѣятелей.

В. Г—ко.

Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г.

Въ этой брошюрѣ директоръ одесской публичной библіотеки, В. А. Яковлевъ сообщаетъ интересныя данныя о завѣдуемомъ имъ книгохранилищѣ, а также о другихъ общественныхъ библіотекахъ Новороссійскаго края.

Одесская библіотека самая большая изъ провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ и въ Новороссіи занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Въ ней числится теперь 40 тысячъ томовъ. Первое основаніе ея заложено изъ суммъ, собранныхъ изданіемъ „Одесскаго Вѣстника" въ 20-хъ годахъ. Къ основному фонду присоединились частныя пожертвованія. Справившая недавно свое пятидесятилѣтіе, библіотека съ 1829 г. прерывала свою дѣятельность только во время севастопольской осады, когда книги ея были скрыты въ подвалахъ.

Какъ всѣ библіотеки, получавшія частныя пожертвованія, и одесская не можетъ похвалиться полнотой и стройностью отдѣловъ. На путь строгаго ученаго книгохранилища она направляется все болѣе и болѣе теперь. Главное богатство библіотеки заключается нынѣ въ русскихъ журналахъ, какъ общаго, такъ и спеціальнаго содержанія. Изъ научныхъ отдѣловъ полнѣе другихъ отдѣлы правовѣдѣнія, экономическихъ наукъ, географіи и исторіи. Число читателей, постепенно возрастая, въ 1867

году дошло до 15 тысячъ. Вслѣдствіе запрещенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщать библіотеку, въ слѣдующемъ году оно упало на половину. Нынѣ цифра читателей превосходитъ 31 тысячу. Впрочемъ число требованій относится преимущественно къ словесности и журналамъ и во главѣ ихъ къ петербургскому „Дѣлу". Спеціально мѣстный отдѣлъ Novorossica еще не окончательно сформированъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой отдѣлъ, посвященный краю, для умственныхъ потребностей котораго существуетъ библіотека, могъ-бы имѣть особенное значеніе.

Библіотека, существующая въ Николаевѣ, такъ называемая морская офицерская, старѣйшая въ краѣ. Она существуетъ съ 1821 г. Перевезенная въ началѣ осады Севастополя въ Николаевъ, она тамъ окончательно устроила свое существованіе. Въ 1879 г. въ ней числилось до 30 тысячъ томовъ. Изъ остальныхъ одинадцати общественныхъ библіотекъ Новороссіи почти всѣ основаны на пожертвованія частныхъ лицъ. Больше другихъ кишиневская, въ 1879 году заключавшая до 10 тысячъ томовъ. Керченская библіотека поддерживается взносами солепромышленниковъ, жертвующихъ на библіотеку 15 коп. съ каждой тысячи пудовъ соли, отправляемой чрезъ Керченскій проливъ. Существуютъ еще общественныя библіотеки въ Екатеринославѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Тираснолѣ (съ безплатанымъ пользованіемъ книгъ), Павлоградѣ, Бобринцѣ, Хотинѣ, Симферополѣ и Херсонѣ.

Частныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, по офиціальнымъ даннымъ, къ началу 1880 г. въ Новороссійскомъ краѣ было 43 (въ херсонской губерніи—17, въ екатеринославской—11, въ таврической—8, въ Бессарабской—7). Одна изъ этихъ библіотекъ находится въ селѣ Гуляйполѣ александровскаго уѣзда. Но есть и города, какъ напримѣръ Аккерманъ, не имѣющіе никакой библіотеки, ни общественной, ни частной. Въ этой статистикѣ не приняты, конечно, въ счетъ библіотеки, принадлежащія разнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ.

Изъ тринадцати общественныхъ библіотекъ, приходящихся на четыре огромныхъ губерніи, только три довольно значительны. Цифра весьма скромная, показывающая, какъ намъ далеко до сознанія, что „общественныя книги нужны также для общаго блага, какъ общественные фонари". Такъ выражаются грубые янки, у которыхъ общественныя библіотеки существуютъ въ каждомъ городкѣ. Въ Англіи библіотечный налогъ поставилъ удовлетвореніе умственныхъ потребностей на равнѣ съ удовлетвореніемъ потребностей религіозно-нравственныхъ, физическихъ и санитарныхъ. Скоро-ли додумаются до чего-нибудь подобнаго наши городскія управленія? Правда и то, что многія изъ нихъ на этотъ упрекъ могутъ отвѣчать почти такъ, какъ отвѣчаетъ у Виктора Гюго блузникъ, сжегшій парижскую библіотеку: „je ne sais pas lire!"...

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКО-УКРАИНСКАГО ЧУМАЧЕСТВА.

Въ старинное время, въ XVIII и въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ Слободской Украинѣ было весьма развито чумачество. Въ существенныхъ своихъ чертахъ слободско-украинское чумачество не отличалось отъ чумачества другихъ малорусскихъ мѣстностей, напримѣръ, отъ чумачества полтавскаго. Путь слободско-украинскихъ чумаковъ былъ такъ-же далекъ и труденъ, также безлюденъ и таинственъ, какъ и путь чумаковъ полтавскихъ или черниговскихъ. И слободско-украинскіе чумаки держали путь въ далекую, полусказочную Черноморію и въ Донщину, забирали на Дону рыбу, въ Крыму соль и развозили ихъ по украинскимъ градамъ и весямъ. Сельскіе старики нынѣ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда они большую часть года странствовали по украинскимъ полямъ и по донскимъ степямъ, съ своими рослыми круторогими волами, на своихъ вмѣстительныхъ возахъ—паровицахъ. Для чумаковавшихъ вспомнить о быломъ чумачествѣ значитъ вспомнить о жизни, правда, трудовой, но за то широкой и вольной. Не чумаковавшіе крестьяне съ словомъ чумачество соединяютъ нынѣ представленіе о прошедшемъ безвозвратно золотомъ вѣкѣ рыбной торговли, когда рыба на ярмаркахъ и базарахъ продавалась дешево, и рыба то была сочная, вкусная.

Въ ахтырскомъ уѣздѣ харьковской губерніи чумачество процвѣтало преимущественно въ Боромлѣ и въ Котельвѣ. Въ Боромлѣ,

по наведеннымъ мною справкамъ, въ настоящее время живетъ довольно много стариковъ, занимавшихся нѣкогда чумацкимъ промысломъ: Лозовой, Гудымъ, Новгородскій, Трипольскій, Сичкарь, Пятакъ, Скачко и друг. Одни, какъ Ѳедоръ Лозовой, перестали чумаковать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; другіе, какъ Петръ Сичкарь, дотянули до времени построенія южно-русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 60 годахъ. Одни чумаковали въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, причемъ ежегодно ходили въ дорогу. Другіе чумаковали незначительное число лѣтъ и чумаковали, когда случится, иногда пропускали годъ, рѣдко два года. Почти всегда чумаки шли въ путь на волахъ, но были случаи въ новѣйшее время, съ обѣднѣніемъ крестьянства, что ходили на югъ Россіи и съ одними конными подводами. Изъ Боромлянскихъ крестьянъ въ 30 и 40-хъ годахъ наиболѣе богатыми по числу ходившихъ въ степи воловъ были Лозовой и Гудымъ. Боромлянскіе чумаки покупали воловъ въ полтавской губерніи, причемъ платили за пару обыкновенно 220 руб. ассиг. Возы изготовлялись на мѣстѣ, за исключеніемъ колесъ, которыя были покупаемы въ имѣніи Шереметева Пушкарнѣ, приблизительно въ 40 верстахъ отъ Боромли, по 8—10 руб. ассиг. за двѣ пары колесъ. Въ большую дорогу клали на возъ около 50 пудовъ; соли клали до 60 и 65 пудовъ. Изъ съѣстныхъ припасовъ чумаки брали съ собою въ дорогу въ Крымъ или на Донъ на оба конца по мѣркѣ пшена, по 2½ пуда сухарей, по 1½ пуда печенаго хлѣба, по 20 фунтовъ гречневой и пшеничной муки на галушки и по десяти фунтовъ сала на одного человѣка. Лѣкарствъ не брали. Брали съ собой въ дорогу лишь синій камень для лѣченія скота. Въ путь-дорогу отправлялось нѣсколько хозяевъ, по предварительному взаимному уговору. Общее число паровицъ доходило иногда до 40. Рано утромъ чумаки собирались за цариной, молились и трогались затѣмъ въ путь. Съ хозяевами шли наймиты, по одному человѣку на четыре пары воловъ. Въ наймиты къ чумакамъ шли парубки изъ семействъ зажиточныхъ, хорошихъ. Срокъ найма начинался Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и кончался зимнимъ Николаемъ, и за все это время наймитъ получалъ отъ хозяина рублей 8 или 10 серебр. Чумацкая валка не выбирала ни атамана, ни кашевара. Слушались того, кто уже хаживалъ въ дорогу и зналъ чумацкіе тракты и чумацкіе звычаи и обычаи. Пищу

варили и воловъ въ ночное время стерегли по-очередно. Время выхода опредѣлялось тѣмъ, куда направлялась валка; въ Москву выходили изъ Боромли на Ѳоминой недѣли; на Донъ выступали за недѣлю передъ Вознесеніемъ. Боромльскіе чумаки хаживали въ Москву, Нижній-Новгородъ, Перекопъ, Севастополь, Маріуполь, Бердянскъ, Таганрогъ и Ростовъ на Дону. Шли большею частью полями да степями, гдѣ попросторнѣй и попривольнѣй. Чумацкій трактъ на Одессу шелъ черезъ Екатеринославъ и Вознесенскъ; въ Крымъ—чрезъ Коломакъ, Карловку, Кочерижки, Карабиновку, Михайловку, Тимошовку, Сырогозы и Перекопъ; на Донъ—черезъ Коломакъ, Берестянку, Корніевку, Гришино, Родивку и степью до Ростова. Въ Одессу возили разный товаръ, преимущественно „крейду, крупу, олію", а привозили въ Украйну орѣхи, деревянное масло и другіе продукты южныхъ странъ, которые находили сбытъ па украинскихъ ярмаркахъ. Въ Крымъ возили исключительно овесъ. Сичкарь весьма хвалитъ крымскихъ татаръ за честность. Съ выселеніемъ татаръ въ Турцію, новые поселенцы русскіе иногда воровали у чумаковъ воловъ, преимущественно во время крымской войны. Въ Крыму чумаки брали соль на Красномъ озерѣ и сбывали ее исключительно въ Боромлѣ. Здѣсь спросъ на соль оказывался выше предложенія. Въ Донщину изъ Боромли везли разныя деревянныя издѣлія, по малорусскому выраженію „деревню", т. е. оси, колеса, вила и т. п. Съ Дону привозили исключительно рыбу, которую продавали въ разныхъ мѣстахъ харьковщины и черниговщины. На югъ боромлянскіе чумаки ходили гораздо охотнѣе, чѣмъ на сѣверъ, по сравнительной близости разстоянія и дешевизнѣ проѣзда по малонаселеннымъ степямъ. На сѣверѣ Москва, на сѣверо-востокѣ Нижній-Новгородъ были крайними пунктами, куда заходилъ боромлянскій чумакъ. Въ Москву возили преимущественно грушевыя деревья для тамошнихъ мануфактурныхъ фабрикъ; въ Нижній Новгородъ на макарьевскую ярмарку возили сахаръ и грушину. Въ Одессу изъ Боромли шли шесть недѣль, въ Одессѣ проживали недѣлю и обратно домой шли также 6 недѣль. Въ Крымъ шли четыре недѣли, отъ 2 до 10 дней проживали въ Крыму и затѣмъ 4 недѣли находились на обратномъ пути. Хожденіе на Донъ занимало столько-же времени, что и ходка въ Крымъ. Въ теченіи лѣта и осени чумаки дѣлали двѣ ходки на югъ, т. е. 4 конца. Дорож-

ніе расходы чумаки были незначительны. Платили нѣсколько копѣекъ за переѣздъ черезъ мостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мосты находились въ рукахъ евреевъ, которые обязывали чумаковъ покупать за право проѣзда по квартѣ водки на каждый десятокъ возовъ. За одновременный попасъ обыкновенно платили 2 копѣйки съ пары воловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе, напримѣръ, подъ Карловкой во владѣніи графини Разумовской, впослѣдствіи принадлежавшемъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, платили по 10 коп., подъ Одессой по 25 коп. Были для чумаковъ благодатныя мѣстности, напримѣръ, обширныя владѣнія Иловайскихъ на донскомъ чумацкомъ трактѣ, гдѣ чумаки шли очень долго и ничего не платили за пастьбу скота. За водопой платили лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и платили самую малость. Дорогою въ Крымъ или въ Донщину боромлянскій чумакъ въ сороковыхъ годахъ издерживалъ всего одинъ рубль на разные расходы: мостовое, пропасъ, пропой, деготь и т. п. По дорогѣ въ Одессу и въ Москву расходы увеличивались. Чистая прибыль отъ чумацкаго промысла была довольно значительна. Такъ, за вяленую рыбу на Дону платили за тысячу (на возъ клали 5 тысячъ) рублей 14 ассигнаціями, за сырую (клали на возъ $2^1/_2$ тысячи) 22 рубля ассигнаціями; первую продавали въ Малороссіи по 30 или 40 рублей, вторую по 40—50 рублей (около 14 рублей серебромъ). За соль на мѣстѣ ея добыванія платили 94 копѣйки ассигнаціями (28 серебромъ) за пудъ, а продавали около 1 рубля серебромъ. Доставка грушины въ Москву давала чумаку по меньшей мѣрѣ 40 рублей заработка, а въ случаѣ обратной доставки московскаго купеческаго товара, напримѣръ въ Ромны на ярмарку, заработокъ чумака превышалъ сотню рублей.

Валка оберегала личность и имущество чумака; чумаки были соединены узами товарищества. Однажды какой-то панъ просилъ въ Москвѣ Сичкаря продать ему возъ и пару воловъ, и Сичкарь согласился; но товарищи чумаки не позволили ему продать воловъ. Въ другой разъ на ночлегѣ было украдено два вола у Перекрестова, имѣвшаго въ валкѣ 12 паровицъ при наймитахъ. Члены валки, по возвращеніи въ Боромлю, сложились по два рубля съ воза и уплатили Перекрестову деньги за пропавшихъ воловъ.

Странствованіе по степямъ развивало въ чумакахъ поэтическое творчество и содѣйствовало возникновенію фантастическихъ разсказовъ. Люди впечатлительные, расположенные къ вѣрѣ въ чудесное, чуяли въ новороссійскихъ пустыняхъ присутствіе высшихъ, таинственныхъ существъ. Старикъ чумакъ нынѣ охотно разсказываетъ современной маловѣрной молодежи, какія чудные звуки слышались ему въ новороссійскихъ степяхъ и какіе странные образы являлись иногда передъ его очами. Такъ одинъ добродушный старикъ совершенно серьезно, съ примѣсью увлекательной таинственности, разсказывалъ намъ, какъ однажды, когда онъ шелъ въ Крымъ, въ вечернее время изъ степнаго озерка вынырнули два древнихъ водяныхъ дѣда и, не выдержавъ людскаго взгляда, снова погрузились въ прохладную озерную глубь.

Боромлянскіе чумаки люди зажиточные и разсудительные. Какъ люди бывалые, многое видѣвшіе и многое испытавшіе, они пользуются среди односельцевъ уваженіемъ. И дѣйствительно, чумаки „багато бачили, багато знають". Торговыя занятія сталкивали ихъ съ людьми разныхъ сословій, состояній и національностей и приводили ихъ въ разные города. Чумачество познакомило ихъ съ старинными запорожскими шляхами, съ безкрайными новороссійскими степями. Суровая, полная тревоги и труда жизнь чумака придала очертаніямъ его лица силу и мужественность, закалила его характеръ относительно настойчивости, внесла въ его міросозерцаніе элементы независимости и практичности, не исключающія природной малороссу мягкости и поэтичности. И въ смыслѣ нравственномъ, и въ смыслѣ общественномъ вымирающій украинскій торговецъ—чумакъ, сколько можно судить по боромлянскимъ могиканамъ чумачества, не имѣетъ ничего общаго съ нарождающимся новымъ торговцемъ деруновскаго и разуваевскаго типа. Имя чумака сходитъ со сцены дѣйствительной жизни и переходитъ въ исторію и преданіе чистымъ, безъ укора, безъ темныхъ пятенъ. Чумакъ не отдѣляется въ духовно-нравственномъ отношеніи отъ своихъ односельцевъ, жилъ съ ними одною жизнью, помогалъ имъ въ нуждѣ изъ своего честно и трудолюбиво накопленнаго достатка, напримѣръ, выручалъ односельца и земляка изъ бѣды въ тяжелую годину неурожайнаго года, въ случаѣ истребительнаго пожара, въ случаѣ несвоевременной уплаты податей.

И въ Бромлѣ, и повсемѣстно въ Малороссіи, чумачество изчезло, по объясненію самихъ крестьянъ, въ слѣдствіе увеличенія акциза на соль и въ особенности въ слѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ. Въ Боромлѣ въ настоящее время преемниками чумаковъ являются „хурщики", т. е. извощики, которые имѣютъ дѣло исключительно съ ближайшими къ Боромлѣ сахарными заводами и съ отстоящей въ пяти верстахъ отъ Боромли желѣзнодорожней станціей, куда возятъ муку, каменный уголь и проч. т. п.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КІЕВѢ.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1883 годъ помѣщена замѣтка „Двѣ Ревизіи" (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ), въ которой авторъ говоритъ о двухъ лицахъ, занимавшихъ въ то время видное положеніе въ управленіи кіевскимъ учебнымъ округомъ и которыхъ онъ представилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Лица эти, которыхъ авторъ называетъ только ревизорами, а имена и фамиліи ихъ обозначилъ начальными буквами, были: инспекторъ казенныхъ училищъ, Матвѣй Матвѣевичъ Могилянскій и попечитель кіевскаго учебнаго округа, генералъ-маіоръ Траскинъ. Оба они покойники и не могутъ отвѣтить за себя,—тѣмъ болѣе мы, говоря объ нихъ, должны соблюдать справедливость и безпристрастіе.

Не имѣю намѣренія вступать съ авторомъ „Двухъ ревизій" въ полемику по поводу его рѣзкаго отзыва о названныхъ лицахъ, составленнаго, какъ кажется, болѣе по слухамъ и тому мимолетному впечатлѣнію, какое они произвели на него во время ревизіи немировской гимназіи,—впечатлѣнія бываютъ различны и зависятъ отъ многоразличныхъ причинъ,—но хочу передать мои воспоминанія о тѣхъ-же лицахъ, а мимоходомъ и вообще о кіевскихъ гимназія того времени, порядкахъ и условіяхъ тогдашняго воспитанія, которыя были далеко не одинаковы и зависѣли отъ личныхъ качествъ воспитателей.

Начну съ Могилянскаго, которому авторъ замѣтки ставитъ, по видимому, въ вину даже его заграничное образованіе.

Извѣстно, что еще ранѣе 40-хъ годовъ все, что было лучшаго въ Россіи, стремилось за границу для своего образованія. Извѣстно также и то, что достичь этого въ ту эпоху было не такъ-то легко. Родители Матвѣя Матвѣевича были люди образованные и состоятельные; они жили въ Кіевѣ, пользовались общимъ уваженіемъ тогдашняго кіевскаго общества, имѣли собственный домъ въ Липкахъ, противъ нынѣшняго дома гражданскаго губернатора. Благодаря ихъ свѣтлому взгляду и особенной протекціи, Матвѣй Матвѣевичъ получилъ образованіе въ заграничномъ университетѣ; но какъ заграничный дипломъ не давалъ ему правъ по образованію въ предѣлахъ Россіи, то впослѣдствіи онъ сдалъ экзаменъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Въ 1843 г. Матвѣй Матвѣевичъ не былъ еще инспекторомъ казенныхъ училищъ, какъ говоритъ авторъ „Двухъ ревизій", но и не „слонялся по типографіямъ", какъ увѣряетъ онъ-же, а былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона кіевской 1-й гимназіи. Такъ какъ мнѣ приходилось видѣть его тогда ежедневно (я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ 1-й гимназіи), то могу сказать положительно, что „румянъ и бѣлилъ, шнуровки и черненья волосъ" Матвѣй Матвѣевичъ не употреблялъ,—это не ускользнуло-бы отъ нашего школьнаго любопытства и вниманія. Жилъ онъ, правда, и въ то время шикарно, имѣлъ прекрасныхъ лошадей, экипажъ и обладая всѣми условіями изящнаго и образованнаго человѣка, вращался въ аристократическомъ кругу, но даже намъ, школьникамъ, было хорошо извѣстно, что средства его не исходили ни изъ какихъ незаконныхъ источниковъ.

Затѣмъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ должность инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, а въ 1848 году исправлялъ должность инспектора студентовъ кіевскаго университета. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ директоромъ нѣжинскаго лицея графа Безбородько, а въ началѣ 60-хъ годовъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, вмѣсто Н. И. Пирогова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ мѣсто члена совѣта министра народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи скончался.

Въ Кіевѣ, въ 40-хъ годахъ, было 2 гимназіи: въ 1-й было 6-ть классовъ, во 2-й—7. Въ послѣдней преподавался греческій языкъ.

Въ 1-й гимназіи было 3 благородныхъ пансіона и „конвиктъ и училище землемѣровъ“. Въ 3-мъ пансіонѣ было самое незначительное число воспитанниковъ, изъ лучшихъ польскихъ фамилій,—платили по 2,000 руб. ассигнаціями въ годъ. 1-й и 2-й пансіонъ, хотя и помѣщались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но по внутреннему характеру, условіямъ и по цѣнѣ, платимой воспитанниками (1,000 руб. ассигн. ежегодно), они ничѣмъ не отличались одинъ отъ другаго. 1-й и 2-й пансіоны и „конвиктъ“, кромѣ надзора извѣстнаго числа комнатныхъ надзирателей, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго инспектора; но всѣ они подчинялись директору 1-й гимназіи, имѣвшему общее наблюденіе за всѣми этими воспитательными заведеніями гимназіи.

Матвѣй Матвѣевичъ въ то время былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона, и объ немъ у меня, какъ и у моихъ товарищей по воспитанію, сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

Въ какомъ контрастѣ находились между собою 1-я и 2-я гимназія въ порядкахъ надзора и воспитанія, можно видѣть изъ того, что во все мое пребываніе въ 1-мъ пансіонѣ я не помню ни одного случая наказанія воспитанниковъ розгами. Совсѣмъ иное было во 2-й гимназіи, гдѣ мѣсто инспектора Зимовскаго (въ послѣдствіи директора немировской гимназіи) занялъ Іеропесъ, кромѣ греческаго языка не имѣвшій никакого понятія о самомъ элементарномъ образованіи. Онъ занимался сѣченіемъ воспитанниковъ въ теченіи всѣхъ часовъ пребыванія въ гимназіи, а по выходѣ ихъ оттуда, отправлялся въ общія ихъ квартиры и придираясь къ каждому вздору, производилъ тамъ новыя экзекуціи. Когда-бы вы ни проходили мимо этихъ воспитательныхъ заведеній, васъ всегда поражалъ раздирающій душу крикъ наказываемыхъ мальчиковъ.

Разъ какъ-то заболѣлъ учитель геометріи: на урокъ 4-го класса для порядка явился Іеропесъ. Онъ вызвалъ самаго плохаго ученика и приказалъ ему отвѣчать урокъ. Гимназистъ оказался не промахъ. Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ начертилъ на доскѣ нѣчто въ родѣ кошки, обозначилъ оконечности литерами и пошелъ писать развязно, бойко формулу за формулой; стеръ губкой исписанную разъ доску, исписалъ ее вновь и заключилъ словами: „что и слѣдовало доказать“. Іеропесъ удивленно смотрѣлъ сквозь очки на бойкаго математика, назвалъ его „молодѣчъ“ (онъ плохо говорилъ по русски)

и поставилъ ему въ журналѣ 5. Въ тотъ урокъ всѣ оказались превосходными математиками. Говорили, что послѣ выздоровленія учителя бойкій математикъ былъ обличенъ въ обманѣ и получилъ инквизиторскую порку отъ разсвирѣпѣвшаго Іеропеса.

Я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ, въ которомъ было около 120 учениковъ; во 2-мъ пансіонѣ воспитанниковъ было нѣсколько менѣе. Въ 1-мъ пансіонѣ было 6 комнатныхъ надзирателей и 7-й старшій. Каждый изъ 6-ти надзирателей дежурилъ сутки въ недѣлю; въ воскресные дни была особая очередь. Всѣ надзиратели обладали хорошимъ знаніемъ новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ воспитанники обязательно должны были говорить, подъ условіемъ „chèz vous la marque“. Вечеромъ они сходились для занятій по изученію языковъ и предметовъ.

Нѣкоторые изъ „комнатныхъ надзирателей“ 2-хъ благородныхъ пансіоновъ 1-й гимназіи въ послѣдствіи заняли видныя государственныя должности. Такъ Падренъ-де-Карне былъ помощникомъ попечителя одесскаго учебнаго округа, графъ Келлеръ начальникомъ минской губерніи, а Стеблинъ-Каменскій начальникомъ виленской губерніи.

Падренъ-де-Карне былъ человѣкъ вспыльчивый; однажды во время обѣда, не помню по какой причинѣ, онъ крикнулъ воспитаннику 6-го класса Н. В. Гербелю (въ послѣдствіи переводчику Шекспира): „sortez du table!“ Мы всѣ притаили дыханіе и соображая, что ученикъ выпускнаго класса не исполнитъ подобнаго приказанія „комнатнаго надзирателя“, ожидали бури... Но Гербель, высокаго роста, покойно вышелъ изъ за стола и сталъ у стѣны, въ виду всего пансіона и первоклассныхъ мальчугановъ... Черезъ минуту Падренъ уже извинялся и цаловалъ Гербеля... Но идеаломъ нашимъ и всеобщимъ любимцемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ былъ Е. П. Стеблинъ-Каменскій.

Наши пансіоны находились въ роскошныхъ помѣщеніяхъ. 1-й пансіонъ былъ въ Липкахъ, въ домѣ графа Иллинскаго. Паркетные полы натирались ежедневно. Въ верхнемъ этажѣ были комнаты для занятій, столовыхъ и пріемныхъ, въ нижнемъ спальни. Кровати и постельное бѣлье, безукоризненной чистоты, стояли днемъ подъ чехлами. Отыскать въ нихъ *клопа* было немыслимо. Въ пансіонѣ было 5 роялей. Обѣдъ, очень изящный, состоялъ изъ 3 и 4

блюдъ, ужинъ изъ 2-хъ. Къ утреннему и вечернему чаю подавались молоко и бѣлый хлѣбъ. Нашъ пансіонъ отстоялъ отъ гимназіи въ 200-хъ саженяхъ, 2-й былъ еще ближе. Въ гимназіи мы занимались отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни. По возвращеніи изъ гимназіи двери нашихъ пансіоновъ затворялись на ключъ и мы никуда не выходили. Въ праздничные дни, если родные присылали за нами лакеевъ, насъ отпускали; но отлучиться самому изъ пансіона, или безъ лакея, было немыслимо: привиллегіей этой пользовались только 6 старшихъ воспитанниковъ, носившихъ на плечахъ погоны и наблюдавшихъ за порядкомъ въ 6 отдѣленіяхъ, по числу комнатъ для занятій и классовъ: они въ праздничные дни могли выходить изъ пансіона сами, но предупредивъ надзирателя. Въ праздничные дни и обстановка принимала болѣе праздничную наружность; даже швейцаръ на парадномъ входѣ облекался въ треугольную шляпу и красную перевязь, постукивая золоченой булавой.

По порядку воспоминаній перейду теперь къ другому ревизору 40-хъ годовъ, такъ не благовидно представленному авторомъ „Двухъ ревизій“, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа генералъ-маіору Траскину. До поступленія на эту должность, онъ состоялъ начальникомъ штаба на Кавказѣ при князѣ М. С. Воронцовѣ.

Помню, въ одинъ лѣтній день 1846 года, мы выстроены были въ ряды въ рекреаціонной залѣ нашего 1-го пансіона. Стѣны оной сверху до низу были унизаны изящными рисунками пансіонеровъ, изъ коихъ два: Велизарій и Мадонна, по величинѣ и работѣ, занимали видное мѣсто. Мы ожидали перваго визита новаго попечителя Траскина, назначеннаго вмѣсто бывшаго попечителя князя Давыдова. Въ общей залѣ собранъ былъ и весь персоналъ учителей 1-й гимназіи, въ числѣ которыхъ былъ и Н. И. Костомаровъ, поступившій сюда на должность учителя исторіи до открытія университетской кафедры. Русскую исторію тогда проходили по учебнику Устрялова, а всеобщую по учебнику Смарагдова. Требовалось, конечно, твердое знаніе учебника и самъ знаменитый потомъ историкъ уступалъ, кажется, этому требованію, дѣлая въ учебникахъ только сокращенія карандашемъ. Въ послѣдствіи, слушая въ университетѣ его увлекательныя лекціи по русской исторіи, какъ-то не вѣрилось, что это былъ тотъ самый Костомаровъ.

Вскорѣ въ дверяхъ показалась тучная фигура Траскина, средняго роста, опиравшагося на трость, въ мундирѣ генеральнаго штаба. Не смотря на комичную его тучность и зычный голосъ, его наружность, въ золотыхъ очкахъ, была очень симпатична. Какъ дежурный старшій, я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Выслушавъ его, Траскинъ полюбопытствовалъ узнать, которой губерніи я уроженецъ и проч.

При представленіи ему учителей помощникомъ попечителя Юзефовичемъ, указавшимъ на Костомарова, какъ „магистра", Траскинъ оказалъ послѣднему особенную любезность. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ воспитанникамъ, Траскинъ обошелъ всѣ комнаты пансіона и спальни и обратилъ особенное вниманіе на библіотеку пансіона, которою завѣдывалъ Падренъ, сдѣлавъ, по поводу ея, нѣсколько замѣчаній, не обнаружившихъ въ немъ ничего того, что приписалъ ему авторъ „Двухъ ревизій", равно не отдалъ такой чести пробному обѣду 1-го пансіона, какую, по словамъ того-же автора, оказалъ *тремъ* обѣдамъ въ немировской гимназіи.

Я былъ тогда въ 6-мъ, т. е. выпускномъ классѣ. Вскорѣ послѣ этого Траскинъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію, въ 6-й классъ, на выпускной экзаменъ, на который обыкновенно приглашался, въ качествѣ ассистента, профессоръ университета соотвѣтствующаго предмета. Былъ экзаменъ физики и Траскинъ, по словамъ автора „Двухъ ревизій", не умѣвшій отличить физики отъ логики, удивилъ не только насъ, но и ассистента Фомберга (профессора химіи) основательнымъ знаніемъ этого предмета, предлагая каждому изъ экзаменовавшихся вопросы, сообразно его отвѣту, и, въ случаѣ затрудненія въ отвѣтѣ, разъясняя его самъ. Физика вѣдь не такой предметъ, чтобы можно было, для удивленія кого-либо, подготовиться къ нему наканунѣ.

Траскинъ, помню, посѣщалъ и лекціи въ университетѣ; но исключительное вниманіе онъ оказывалъ наукамъ математическимъ. Къ студентамъ онъ былъ снисходителенъ и помогалъ имъ иногда изъ собственныхъ средствъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Деканомъ юридическаго факультета и профессоромъ уголовнаго права былъ въ то время С. О. Богородскій; прекасный знатокъ своего предмета, онъ отличался особою строгостію въ оцѣнкѣ познаній студентовъ и не рѣдко на экзаменахъ сбивалъ ихъ въ отвѣтахъ. Должно замѣтить, что кромѣ должности профессорской Богородскій

занималъ одно время должность цензора и директора 2-й гимназіи, пользуясь и квартирой въ гимназіи, которая помѣщалась тогда въ домѣ, гдѣ теперь магазинъ Огюста, на углу Крещатика и Лютеранской. Были-ль у него съ Траскинымъ какія-либо столкновенія и счеты,—не знаю; но въ нашъ выпускъ, который, вслѣдствіе строгости декана, оказался ограниченнымъ по числу удостоенныхъ степенями, между деканомъ и попечителемъ произошелъ весьма крупный разладъ. Богородскій имѣлъ почему-то особо веселый видъ, когда явился къ Траскину съ докладомъ о процентѣ студентовъ юридическаго факультета, удостоенныхъ степеней. Траскинъ выслушалъ его докладъ сердито, а потомъ сказалъ: „Не могу понять, г. профессоръ, что васъ такъ радуетъ. Я нисколько не отношу этого прискорбнаго явленія къ нерадѣнію студентовъ, но скорѣе къ нерадѣнію тѣхъ профессоровъ, которые не умѣютъ изложить студентамъ толково своего предмета и не желаютъ внушить имъ симпатіи ни къ себѣ, ни къ тому предмету, который они читаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ такъ заняты другими обязанностями, что не имѣютъ на это даже и свободнаго времени: я постараюсь ихъ облегчить. До свиданія, г. профессоръ“!

Траскинъ въ то время занималъ лучшій на Крещатикѣ домъ, уцѣлѣвшій въ томъ видѣ и до нынѣ: угольный домъ противъ нынѣшней Европейской гостинницы и фонтана.

Черезъ нѣсколько времени С. О. Богородскій былъ дѣйствительно *облегченъ*, оставшись только въ должности профессора уголовнаго права.

Одинъ изъ студентовъ написалъ нелѣпый романъ, издавъ его на послѣдніе свои гроши, и *посвятилъ* его Траскину. Послѣдній поморщился, но купилъ тотъ-часъ у автора 100 экземпляровъ (кажется по 1 р.). Вмѣстѣ съ этимъ онъ посовѣтовалъ автору не тратить драгоцѣннаго времени на сочиненія романовъ; первымъ условіемъ, говорилъ онъ, хорошаго писателя, помимо таланта, должно быть и солидное образованіе, по окончаніи-же его талантъ можетъ высказаться сильнѣе со стороны умственной и нравственной. Прочитавъ затѣмъ самый романъ, Траскинъ смутился и за автора, и за свое имя, красовавшееся съ полнымъ титуломъ его, въ формѣ посвященія, на первой страницѣ изданія. Онъ послалъ скупить всѣ находившіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры этого сочиненія, и взялъ съ автора слово не печатать 2-го изданія.

Одинъ студентъ, находившійся въ крайней нуждѣ, не имѣлъ средствъ уплатить денегъ, требуемыхъ съ него за право ученія. Онъ отправился къ Траскину и изложилъ ему свое горе. Траскинъ немедленно заплатилъ за него изъ своей шкатулки, приказалъ принять его въ число недостаточныхъ студентовъ (съ платою за столъ и за квартиру по 5 руб. въ мѣсяцъ) и просилъ его передать другимъ его товарищамъ, находившимся въ такой-же нуждѣ, свою готовность заплатить и за нихъ.

Послѣ арестовъ: Костомарова, Шевченка и другихъ, по извѣстной исторіи составленія славянскаго „общества св. Кирилла и Меѳодія“, бывшій тогда генералъ-губернаторъ Бибиковъ приказалъ въ одинъ праздничный день собрать всѣхъ студентовъ въ залѣ университета.

Въ назначенный часъ мы явились въ мундирахъ. Пріѣхалъ и Траскинъ. Указавъ въ своей рѣчи на современное „броженіе умовъ“, Бибиковъ закончилъ ее слѣдующими словами, нашедшими тогда мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ: „если я пять милліоновъ народа умѣлъ поставить на свою ногу, то и васъ поставлю: или я лопну, или вы всѣ перелопаетесь!“ Траскинъ весь побагровѣлъ, очевидно, не отъ сочувствія къ энергичной рѣчи Бибикова.

По поводу этой рѣчи и вообще по поводу различія взглядовъ на системы образованія юношества, между Траскинымъ и Бибиковымъ происходили, говорятъ, крупные переговоры, пока наконецъ, вмѣсто Траскина, не былъ назначенъ попечителемъ кіевскаго округа самъ Д. Г. Бибиковъ въ 1848 году.

Н. Я. Бар—вскій.

Г. Одесса.
28 Января 1884 года.

СТО СЕМЬ ЛѢТЪ ЮЖНО-РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1777 году въ Петербургѣ вышло сочиненіе, въ 25 страницъ, съ такимъ полнымъ заглавіемъ: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ населенныхъ малороссіянами упояребляемыхъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ походныхъ полковъ, состоя-

щихъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ". Эта маленькая книжка—первое сочиненіе касающееся этнографіи Малороссіи, какъ и вообще одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ объ этой странѣ. Въ „Указателѣ источниковъ для изученія малороссійскаго края" г. Лазаревскаго она стоитъ подъ № 13-мъ. Нечего говорить о ея чрезвычайной рѣдкости. Нашъ экземпляръ пріобрѣтенъ изъ б. библіотеки Трощинскаго. Одинъ видъ этой книжки, желтообрѣзанной и одѣтой въ кожу, можетъ привести въ огорченіе истиннаго библіомана.

Въ книгѣ Калиновскаго съ перваго-же разу бросается въ глаза интересная особенность: она не носитъ никакой цензурной помѣтки. Объясняется это просто. 1777 годъ и нѣсколько послѣдующихъ были годами своеобразнаго екатерининскаго либерализма. Исторія дала ему не высокую цѣну, но въ то время надзоръ за типографіями и книжными лавками почти не существовалъ. Издатели миновали всякую цензуру и ограничивались лишь обозначеніемъ типографіи и года изданія.

„Армейскихъ пѣхотныхъ полковъ прапорщикъ", не мудрствуя лукаво, описываетъ малорусскій свадебный обрядъ, къ сожалѣнію совершенно оставляя въ сторонѣ безчисленныя свадебныя пѣсни. А въ какой полнотѣ долженъ былъ онъ слышать ихъ на этихъ старосвѣтскихъ „весильяхъ", гдѣ женихъ является одѣтымъ „въ два смурые кафтаны и въ поясѣ пестромъ шерстяномъ, въ красной суконной шапкѣ, обложенной черною овчиной", а голову молодой, на другой день свадьбы, покрывала старинная „кибалка". При всей сжатости описанія, оно содержитъ въ себѣ однако нѣсколько подробностей, свидѣтельствующихъ объ исчезнувшихъ чертахъ народнаго свадебнаго обряда.

Особенной сложностью отличался въ старыхъ свадьбахъ такъ называемый выкупъ невѣсты,—обычай намекающій на продажу невѣстъ въ отдаленную языческую эпоху. Братъ молодой, по пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ, скакалъ на его конѣ изъ двора, а женихъ и поѣздъ его должны были его догонять, чтобъ добиться отъ него права приблизиться къ молодой. Вернувшись въ хату, шуринъ говорилъ длинную рѣчь и требовалъ новый выкупъ. Покрыванье невѣсты въ понедѣльникъ непремѣнно освящалось церковью, для чего установлена была даже особенная молитва на „покровеніе главы".

Значеніе этого обычая, существующаго и теперь—вступленіе жены подъ власть мужа. Сказать кстати, нельзя не признать крайне натянутымъ мифическое толкованіе, даваемое ему ученымъ авторомъ „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу". Зажиганіе костра на пути слѣдованія молодыхъ въ домъ мужа въ старину, какъ видно, существовало повсемѣстно. Нынѣ обычай этотъ, какъ свидѣтельствуютъ многія записи (Чубинск. ч. IV, стр. 428), или совершенно исчезаетъ или замѣняется тѣмъ или инымъ способомъ.

Какъ историческій матеріалъ, интересна приложенная въ концѣ книги Калиновскаго „Смѣта, во что обходится свадьба простолюдину". Вотъ цифры этой смѣты. А) *Съ невѣстиной стороны.* На подарки свекру или женихову отцу 20 коп., свекрови, или матери жениховой сапоги красные козловые, цѣна 50 коп., золовкѣ сапоги—50 коп., дѣверю, брату его-жъ—1 коп., другимъ свойственникамъ и свойственницамъ, смотря по числу ихъ, серпанковъ и калачей, примѣрно около 2 коп., боярамъ, платковъ, по 10 коп. платокъ, всего на 60 коп., подружкамъ и дѣвицамъ орѣховъ и крендел‍ей на 20 коп., свахѣ, свѣтилкамъ и старостамъ разнаго званія дары, всего на 80 коп., сѣна лошадямъ гостиннымъ на 30 коп. *столовыхъ припасовъ:* разнаго хлѣба на 3 рубля, вина простаго 2 кадки или 9 вѣдеръ, цѣна 6 рублей, мяса разнаго и сала свинаго на 2 рубля 20 коп., соли четверть пуда 10 коп., рыбы свѣжей и вяленой, также и масла конопляннаго на 90 коп., перцу на 10 коп. Итого 17 рублей 41 коп. Б) *Съ жениховой стороны.* За вѣнчанье попу, дьячкамъ и пономарю 1 рубль 50 коп., тестю или невѣстину отцу 20 коп., тещѣ серпанокъ, цѣна 50 коп., шурину и свояченицѣ по парѣ калачей—4 коп., свойственникамъ и свойственницамъ серпанковъ и калачей примѣрно около 2 коп., подружкамъ, дѣвицамъ бывшимъ на свадьбѣ, орѣховъ и кренделей на 20 коп., боярамъ на квѣтки покупаются свѣтилкою красныя ленты—5 коп. Расходы на столовые припасы такіе-же. Итого 16 рублей 79 коп., съ обѣихъ сторонъ—33 рубля 20 коп.

Въ эту смѣту не внесенъ сборъ, какой брался иногда со свадьбъ помѣщиками. Роковой для Малороссіи 1783 годъ въ ту пору, какъ Калиновскій писалъ свою книжку, еще не наступилъ. Но существовалъ уже тотъ поборъ, который этнографъ Терещенко сравниваетъ съ древнимъ „куничнымъ"—поборъ за вѣнчанье.

В. Г--ко.

ПОПЫТКА ОКОЛДОВАТЬ ВОЛОСТНОЙ СУДЪ.

Вѣра въ колдовство до сихъ поръ всецѣло царитъ въ народѣ. По своимъ воззрѣніямъ въ этой области народъ нынѣ какъ будто живетъ не въ девятнадцатомъ столѣтіи, а въ какомъ нибудь шестнадцатомъ, семнадцатомъ. Правда въ большинствѣ случаевъ онъ потерялъ уже нить между колдовскимъ дѣяніемъ и вѣрованіемъ его породившимъ, т. е. онъ часто не можетъ объяснить вамъ, *почему* имъ совершается тотъ или иной чародѣйный обрядъ, но за то народъ хорошо знаетъ, *для чего* совершается каждое такое дѣйствіе. Вѣря въ колдовство и вообще въ чудодѣйственную силу колдуновъ, вѣдьмъ, знахарки и тому подобныхъ необыкновенныхъ людей, народъ прибѣгаетъ къ разнаго рода дѣйствіямъ, парализующимъ чудодѣйственную силу этихъ людей, дабы предохранить себя отъ ихъ пагубнаго вліянія.

Интересно, что по представленію народа одно и то-же средство можетъ служить для совершенно противуположныхъ цѣлей. Возьмемъ напримѣръ чудодѣйственную силу мака. На югѣ, по крайней мѣрѣ въ правобережной Украйнѣ, крестьяне отличаютъ особый родъ мака—*макъ-видюкъ*. Это обыкновенный макъ „самосій", который самъ появляется на огородахъ. Макъ этотъ собираютъ и святятъ въ церкви на Пасху. Если какой домъ посѣщаетъ мертвецъ или вѣдьма, то макомъ-видюкомъ обсыпаютъ въ домѣ; иногда макомъ обсыпаютъ покойника въ гробу и кладутъ узелокъ съ макомъ въ его головахъ, или просто посыпаютъ при похоронахъ путь макомъ. При этихъ посыпаніяхъ приговариваютъ: *тоди будешъ ходить, якъ сей макъ перелічишъ*. Такимъ образомъ въ основаніи обыкновенія посыпать макомъ домъ, гробъ или путь лежитъ вѣрованіе, что мертвецъ не прежде можетъ начать или повторить свои посѣщенія, какъ подобравши всѣ разбросанныя зерна. Справедливость этого заключенія подтверждается другаго рода обыкновеніемъ, существующимъ въ Малороссіи. Снаряжая на тотъ свѣтъ повивальную бабку, кладутъ ей во гробъ палку, и кромѣ того къ поясу привязываютъ узелъ съ маковыми зернами. На томъ свѣтѣ умершіе дѣти, которыхъ она принимала, нападаютъ на нее за то, что она помогала появиться имъ на свѣтъ въ нашей юдоли плача, съ цѣлью разорвать ее. Она отбивается палкой, но если не успѣ-

етъ этого сдѣлать, то бросаетъ имъ макъ. Дѣти кидаются на макъ, подбираютъ его, а бабка тѣмъ временемъ уходитъ въ безопасныя мѣста. Изъ сказаннаго видно, что макъ въ народныхъ вѣрованіяхъ играетъ роль предмета, отвлекающаго колдуновъ, вѣдьмъ, мертвецовъ и проч. отъ людей, въ случаѣ нападенія первыхъ. Но въ то-же время маку приписывается совершенно противуположное свойство: посыпаніе макомъ считается средствомъ привлечь къ себѣ любовь или расположеніе другаго человѣка, уже обыкновеннаго; напримѣръ дѣвушка, умѣющая влюбить въ себя парня, старается обсыпать его макомъ, освященнымъ на Пасху. То-же дѣлается и въ другихъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже. Почему такое свойство приписывается маку, мы уже объяснить не можемъ, если только не предполагать здѣсь замѣну мака какимъ либо другимъ веществомъ.

Мы сказали выше, что народъ глубоко вѣритъ въ чудодѣйственную силу колдовскихъ дѣяній и продолжаетъ совержать ихъ до сихъ поръ. Этому вѣрятъ не только простые крестьяне, но и ихъ выборные власти, сельскіе судьи, писаря и т. д. Приводимъ вкратцѣ содержаніе одного рѣшенія волостнаго суда, указывающаго на то, что суды раздѣляютъ воззрѣнія крестьянъ на колдовство. Въ настоящемъ случаѣ именно обнаруживается вѣрованіе въ возможность посредствомъ колдовства макомъ привлечь на свою сторону судей.

Въ истекшемъ 1883 году, юнаковскій волостной судъ (сумского уѣзда, харьковской губ.)) разсматривалъ дѣло по обвиненію одною изъ крестьянокъ трехъ крестьянскихъ женщинъ въ нанесеніи ей обиды дѣйствіемъ. Судъ призналъ обоюдную драку и потому приговорилъ какъ женщину, обвинявшую остальныхъ трехъ, такъ и обвиняемыхъ къ штрафу въ пользу мірскаго капитала, по 3 рубля съ каждой, за нарушеніе общественной тишины. При этомъ судъ, усмотрѣвъ, что одна изъ обвиняемыхъ женщинъ во время разсмотрѣнія означеннаго выше дѣла обсыпала макомъ около судей, и признавая, что эта женщина занималась колдовствомъ, приговорилъ взыскать съ нея въ пользу мірскаго капитала еще 3 рубля.

П. Еф.

ПОСЛѢДСТВІЕ КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНІЯ.

У многихъ народовъ нарушеніе клятвы считалось и считается великимъ преступленіемъ, за которое Богъ наказываетъ не только въ будущей жизни, но и здѣсь, на землѣ. Въ русскомъ народѣ повсемѣстно существуетъ до сихъ поръ подобное-же вѣрованіе. При томъ одинаковое значеніе приписывается какъ оффиціальной присягѣ, произнесенной передъ крестомъ и евангеліемъ, такъ и клятвѣ, сопровождаемой лишь снятіемъ со стѣны и цѣлованіемъ иконы.

Надобно пояснить, что въ прежнее время у насъ, въ Малороссіи, такъ-же какъ и въ московскомъ государствѣ, присяга истца или отвѣтчика въ разнаго рода исковыхъ дѣлахъ была весьма распространеннымъ видомъ доказательства, въ народѣ-же и до настоящаго времени остается во всей силѣ указанное значеніе присяги. Волостные суды, по крайней мѣрѣ на крайнемъ сѣверѣ, въ случаяхъ, когда нѣтъ прямыхъ доказательствъ, предлагаютъ истцу въ подтвержденіе справедливости своего иска или-же отвѣтчику присягнуть передъ судомъ, т. е. снять съ тябла икону и поцѣловать ее. При этомъ народъ твердо вѣритъ, что кто не по правдѣ сниметъ икону, тотъ умретъ въ скоромъ времени. Припоминаю одинъ разговоръ мой съ крестьяниномъ села Матигоръ, холмогорскаго уѣзда архангельской губерніи. Когда я выразилъ своему собесѣднику сомнѣніе въ томъ, что принявшаго ложную клятву непремѣнно постигаетъ смерть, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ скорой смерти послѣ совершенія ложной присяги; между прочимъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ крестьянинъ села Матигоръ, получивши свои часы отъ знакомаго, вновь потребовалъ ихъ себѣ и въ доказательство справедливости иска поцѣловалъ икону передъ волостнымъ судомъ и какъ онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того умеръ.

Мы не знаемъ, существуетъ-ли на югѣ то-же обыкновеніе доказывать справедливость иска или невинность отвѣтчика цѣлованіемъ иконы передъ волостнымъ судомъ; но что такой обычай существовалъ въ прежнихъ судахъ, видно изъ приводимаго ниже акта. Намъ извѣстно также существованіе у крестьянъ въ Малороссіи твердой вѣры въ то, что ложная присяга влечетъ за собой смерть клятвопреступника, или по крайней мѣрѣ какое-либо большое несчастье, пораженіе болѣзнью, отнятіемъ чрезъ параличъ

какой-либо части тѣла и т. п., точно также какъ вѣрили въ старину.

Приводимъ въ поясненіе сказаннаго донесеніе компанейскаго Павлова полка полкового асаула Михайла Самапаса, поданное гетману Разумовскому въ 1756 году [1]).

„Прошедшего 1746 году съ обознимъ первого компанѣйскаго полку Василемъ Мелесемъ, которой уже умре, имѣлъ я дѣло въ переясловской полковой канцеляріи во удержаніи имъ порціонныхъ и раціонныхъ моихъ денегъ двадцати девяти рублевъ и утайкою взятой имъ у меня латинской книжки, и за учиненною имъ въ незнаніи всего того предъ иконою Богоматери клятвою, я тои имъ оставилъ и забратое въ него по тому иску возвратилъ вдвое и правній штрафъ понесъ. По окончаніи-жъ того онъ на десятой неделѣ въ домѣ своемъ отъ злоприключившейся болѣзни умре. А въ прошломъ 1752 году писарь полковій компанейскій, первого-жъ полку, Павелъ Леонтіевичъ объявилъ мнѣ словесно, при стороннихъ людехъ, что при смерти онъ Мелесъ будучи, за два дни призвалъ его Леонтіевича и отдалъ ему книжку, сказуя, дабы онъ мнѣ отдалъ и я его простилъ. О чемъ я будучи сумнителенъ, что онъ въ книжкѣ взятой у мене заперся и клялся, какъ выше упоминается, той-же часъ протестовался и въ генералную войсковую канцелярію поданнимъ доношеніемъ просилъ о томъ изслѣдованія, но и по нынѣ не послѣдовало. А понеже я по тому дѣлу понесъ немалія убытки и штрафъ, а по предписанному изявленію книжки винность его Мелеса и напрасное запрещеніе и клятва явствуютъ, того ради нижайше прошу вашу ясне-велможность о семъ дѣлѣ переясловской полковой канцеляріи, яко тамъ оное и производилось, дабы излѣдовать и мене въ понесенихъ убыткахъ, напрасномъ безчестіи и штрафѣ его Мелеса зъ жены и наслѣдниковъ удоволствовано было безволокитно, високоповелителній ордеръ пожаловать. Михайло Самапасъ“.

П. Еф.

---

[1]) Изъ дѣлъ малороссійской коллегіи, хранящихся при харьковскомъ университетѣ.

ВЕРТЕПЪ ВЪ КУПЯНСКОМЪ УѢЗДѢ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Зимою 1880 года въ купянскомъ уѣздѣ появился вертепъ. До этого года его тамъ не видали, даже 60-ти лѣтніе старцы его не помнятъ, а слышали о томъ, что онъ былъ, только отъ своихъ отцовъ. Въ другихъ мѣстахъ харьковской губерніи вертепы существовали еще недавно. Въ селѣ Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, вертепъ дѣйствовалъ лѣтъ шесть тому назадъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ близъ Харькова—всего только четыре года. Между тѣмъ профессоръ Н. И. Петровъ въ своей статьѣ „Старинный южно-русскій театръ“ (Кіевская Старина, книга 12 за 1882 г.) говоритъ, что въ настоящее время на югѣ Россіи по мѣстамъ представляютъ только отрывочныя и незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова, и въ примѣръ указываетъ на с. Исакову, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи. Статья профессора Петрова вызвала и меня написать свои воспоминанія о вертепѣ въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть не отрывочныя сцены, но цѣлое вертепное представленіе въ обѣихъ его частяхъ—духовной и свѣтской. Воспоминанія мои будутъ по необходимости кратки, такъ какъ прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ вертепъ и не могу привести тутъ ни одного отрывка вертепной драмы, опасаясь быть не точнымъ, видѣлъ-же я по слѣд. случаю.

30 января 1880 года я отправился на имянины къ помѣщику И. П. Сарандинаки, который жилъ въ 12-ти верстахъ отъ города Купянска, въ хуторѣ Благодатномъ, старовѣровской волости. Послѣ обѣда родственникъ хозяина В. С. Розаліонъ-Сомальскій пригласилъ хозяевъ и гостей въ залу, гдѣ онъ устроилъ имянинику сюрпризъ. Всѣ отправились. Въ дверяхъ залы мы увидѣли бѣлый шкапчикъ; онъ былъ небольшой и сколоченъ изъ досокъ. Высота его была аршина 2. Устройство шкапчика очень простое. Онъ состоялъ изъ двухъ частей; нижняя часть представляла изъ себя подставку, а верхняя—шкапчикъ, но безъ дверей, раздѣленный паралельно на двѣ части. Вышина каждой половины верхней части не болѣе $1/2$ аршина; полъ въ верхней части шкапчика обитъ бѣлой, а въ нижней черной мерлушкой. Такая разница въ обивкѣ обѣихъ частей имѣла свое значеніе. Верхняя

часть предназначалась для представленія духовной части вертепа, а нижняя для свѣтской части. Впрочемъ въ нижней части представлялись и тѣ сцены изъ духовной части, въ которыхъ участвовалъ Иродъ, и это исключеніе сдѣлано потому, что народъ не любилъ Ирода. Чтобы освѣщать вертепъ, когда представленіе дается вечеромъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, поставлены маленькія свѣчи съ передней стороны сцены. Въ каждомъ отдѣленіи по двѣ двери, изъ которыхъ одна служитъ для входа фигуръ, а другая для выхода. Двери находятся въ задней сторонѣ сцены. Въ верхней части къ задней стѣнѣ прислонены двѣ фигуры: одна изъ нихъ представляетъ праведнаго Іосифа, а другая св. Дѣву Марію. У Іосифа сѣдая борода. Передъ этими фигурами поставлены ясли, въ которыхъ, предполагается, лежитъ младенецъ Іисусъ (въ дѣйствительности фигуры младенца нѣтъ). Первая сцена происходитъ въ первомъ отдѣленіи. На сценѣ появляются два ангела. Фигуры сдѣланы очень искусно изъ дерева и двигаются на проволокахъ довольно свободно. Одинъ изъ ангеловъ подходитъ къ одному краю и зажигаетъ у свѣчки свой свѣтильникъ, другой-же ангелъ зажигаетъ свой свѣтильникъ на другой сторонѣ; затѣмъ они подходятъ къ св. Дѣвѣ Маріи и пр. Іосифу и объявляютъ св. Дѣвѣ, что у нея родится сынъ. Послѣ этого ангелы удаляются. Сзади вертепа сидитъ хозяинъ его; онъ выпускаетъ фигуры и говоритъ за нихъ. Нѣкоторыя сцены онъ говоритъ речитативомъ, а нѣкоторыя поетъ. Рядомъ съ хозяиномъ сидитъ его помощникъ, который сопровождаетъ его пѣніе игрою на бандурѣ. За ангелами появляются на сценѣ пастухи для того, чтобы поклониться Спасителю. Происходитъ извѣстная библейская сцена. Послѣ появленія пастуховъ дѣйствіе переносится въ нижній этажъ: на сцену въѣзжаетъ на тройкѣ лошадей Иродъ и садится на возвышеніе (табуретку, которая означаетъ тронъ). На головѣ у Ирода шапка съ металлическимъ значкомъ, которая замѣняетъ царю вѣнецъ; около Ирода становятся два оруженосца съ палками, изображающими копья. Какъ только онъ усѣлся, къ нему являются волхвы, которые затѣмъ отправляются въ верхнюю половину, чтобы поклониться Спасителю. Послѣ волхвовъ къ Ироду является бабка Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; разговоръ ея съ Иродомъ единственная сцена, которая принадлежитъ народному воображенію: она проситъ Ирода пощадить

ея дѣтей въ Виѳлеемѣ, которые и малы, и неразумны, и ни въ чемъ неповинны. Иродъ приказываетъ своимъ оруженосцамъ прогнать Рахиль и убить ребенка, что они и исполняютъ. Въ наказаніе за эту жестокость Ироду является вѣстникъ, который объявляетъ ему, что онъ умретъ и тѣло его будетъ отдано дьяволу. За вѣстникомъ появляется смерть, въ видѣ стрекозы, съ косою и отрѣзываетъ Ироду голову, а появившійся вслѣдъ за ней дьяволъ уноситъ съ собою тѣло Ирода. Этой сценой заканчивается духовная часть представленія. Всѣ объясненія сценъ совершенно подходятъ къ библейскому разсказу о тѣхъ-же событіяхъ, за исключеніемъ сцены съ Рахилью.

Свѣтская часть вертепной драмы состоитъ изъ комическихъ разсказовъ. Предметомъ этихъ разсказовъ служатъ бытовыя сцены съ неизбѣжнымъ ухаживаніемъ за женщинами. Изъ однихъ дверей выходятъ мущины, изъ другихъ женщины, а уходятъ они вмѣстѣ. Первымъ появляется запорожецъ: онъ высокаго роста, съ чубомъ на головѣ и, къ удивленію, съ большими баками, а въ рукахъ у него булава; изъ другой двери выходитъ здоровая женщина. За сценой играютъ на бандурѣ, и запорожецъ танцуетъ съ своей возлюбленной, затѣмъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ и уходитъ вмѣстѣ съ ней. Его мѣсто заступаютъ парень въ красной рубахѣ и русская баба, которые сначала любезничаютъ, затѣмъ пляшутъ козачка и уходятъ. Появляется старикъ, который шамкаетъ губами и топчется на одномъ мѣстѣ, и довольно молодая женщина. Старикъ ухаживаетъ за ней, они танцуютъ и затѣмъ старикъ поцѣловавъ свою даму, уходитъ съ ней. Выступаютъ еврей съ еврейкой: еврей старается прельстить свою Хайку деньгами, та наконецъ склоняется, они цѣлуются, танцуютъ и затѣмъ удаляются. Ихъ смѣняетъ цыганъ съ шелудивою лошадью, которую хочетъ продать. Затѣмъ мужикъ Антонъ танцитъ козу, а она его, съ обычнымъ монологомъ. Въ заключеніе на сценѣ появляются всѣ лица, выступавшія въ свѣтской части, какъ кажется для того только, чтобы ихъ всѣхъ прогналъ запорожецъ. Свѣтская часть вертепной драмы кончается появленіемъ нищаго Савушки, который проситъ на вертепъ. Конечно, всѣ гости положили ему въ шапку, сколько кто хотѣлъ, или могъ.

Сцены свѣтской части отличаются большимъ юморомъ; въ нихъ много проявилось наблюдательности народа.

30 января 1880 г. вертепъ давалъ первое представленіе. Считаемъ не лишнимъ разсказать тутъ и его исторію, которую мы слышали отъ почтеннаго В. С. Розаліонъ-Сошальскаго, и отъ самого хозяина вертепа и другихъ лицъ. Дѣдъ В. С. Розаліонъ-Сошальскаго жилъ лѣтъ 70 тому назадъ въ богодуховскомъ уѣздѣ и часто ѣздилъ въ Кіевъ. Съ собою онъ бралъ кого нибудь изъ своихъ дворовыхъ людей, и вотъ одинъ изъ нихъ, увидѣвъ тамъ вертепъ, такъ имъ заинтересовался, что выучилъ всѣ сцены и пѣсни. Изъ богодуховскаго уѣзда онъ, по приказанію барина, переселился въ хуторъ Благодатный, купянскаго уѣзда, гдѣ также было имѣніе его барина. Здѣсь онъ научилъ одного изъ своихъ внуковъ всей вертепной драмѣ. Внукъ захотѣлъ устроить вертепъ, но не могъ, такъ какъ не умѣлъ сдѣлать фигуръ. Совершенно случайно онъ высказалъ свою завѣтную мысль В. С. Розаліону-Сошальскому, который сдѣлалъ ему фигуры, и 30 января вертепъ началъ свое дѣйствіе. Иванъ (такъ имя хозяина), по прозванію Сапожникъ, вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ, ѣздятъ съ вертепомъ по ярмаркамъ и помѣщичьимъ домамъ только зимою, до великаго поста. Ихъ заработокъ въ годъ рублей 150. На ярмаркахъ представляется только свѣтская часть вертепной драмы, такъ какъ духовную часть запрещено представлять мѣстнымъ начальствомъ. Вертепъ существуетъ и до сихъ поръ.

Ал. Селивановъ.

ВЫМИРАЮЩІЕ ТИПЫ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Въ старой Украинѣ, въ странѣ полянъ, гдѣ сновали торки, берендѣи, черные клобуки etc. и что теперь кіевская губернія, верстахъ въ 20-ти отъ г. Липовца, въ дали отъ большихъ дорогъ лежитъ село *Чаговъ*. Въ былые годы оно жило какою-то изолированною отъ всего окружающаго жизнію. Можно было сказать: никогда не заходилъ туда *коробейникъ*, ни жидъ, скупающій куръ и воскобойны, не забѣгалъ становой, „воронъ кости архіерейской не заносилъ“. На далекое разстояніе отъ этого села ни ярмонки, ни фабрики, ни завода. Далеко оно было отъ всего, что дышало просвѣщеніемъ, цивилизаціею, давало потребность или удобство жизни, но вмѣстѣ и отъ того, что несетъ съ собою порчу и растлѣніе. И теперь еще мостки его, выгаченные навозомъ, весною и осенью,

ставятъ почти непреодолимую преграду тѣмъ, кто-бы вздумалъ посѣтить Чаговъ въ это время. За то господствовала въ немъ тогда удивительная простота и нравовъ чистота, подобныхъ которымъ теперь не найти нигдѣ. Простота, честность, усердіе къ церкви, миролюбіе и сострадательность къ ближнимъ составляли отличительныя черты чаговцевъ. Всѣ они занимались хлѣбопашествомъ, не исключая и тѣхъ, которые обладали какою нибудь спеціальностію. Спеціальность полагала особый отпечатокъ на этихъ добрыхъ и богобоязливыхъ людей и создавала особые сельскіе типы, дорогіе, незабвенные, но которыхъ теперь не встрѣтишь уже почти нигдѣ. Были напримѣръ чумаки, важные, степенные, меланхолическіе, какъ ихъ круторогіе, половые волы. Были не менѣе сосредоточенные *музыки*, услаждавшіе слухъ своихъ односельцевъ въ дни воскресные и праздничные, въ громадскомъ *клубѣ*—корчмѣ, или-же на свадьбахъ, а въ остальное время предававшіеся прозаическимъ занятіямъ сельскаго хозяйства. Были типы другихъ профессій для сельскаго обиходу: шевця, кравця, коваля и проч. Но изъ всѣхъ типовъ прежней украинской жизни въ моей памяти дорогими чертами напечатлѣлся типъ людей, для которыхъ трудно прибрать точное, опредѣленное названіе,—типъ людей, можно сказать, общественныхъ и отчасти какъ-бы церковныхъ. Каждое село въ старину имѣло одного—двухъ, даже нѣсколько такихъ людей. Они обыкновенно близки были къ церкви и священнику, служили имъ, чѣмъ могли, во всякое время, *приметались*, какъ царь Давидъ, *во дворѣ Господни*,—одинаково служили и обществу, появлялись на всѣхъ его собраніяхъ, въ качествѣ распорядителей и устроителей, служили всѣмъ и каждому изъ его членовъ въ дни радости, нужды и печали. Всѣмъ и всѣми они были довольны, всѣ прибѣгали къ ихъ услугамъ, всѣ принимали ихъ съ любовію и благодарностію.

Памятенъ мнѣ въ селѣ Чаговѣ такой типъ церковно-общественныхъ людей, въ лицѣ старика *Тимка Липки* и его жены Варки. Лѣтъ болѣе 25-ти тому назадъ въ глубокой старости умерли они обое въ одинъ день и въ одной ямѣ погребены. Я зналъ Тимка Липку, когда ему было лѣтъ подъ 60. Въ селѣ уже хозяйствовали его сыновья и зятья, самъ-же онъ, отдавъ дѣтямъ поле, имѣлъ только хатку и огородъ. Съ полемъ родные его приняли на себя и всѣ обязанности въ отношеніи помѣщика и общества. Тяжелы были эти

обязанности въ прежнее время. „Имѣешь поле, тяни таланъ и бѣду",— говорилось тогда. Цѣлый вѣкъ бѣдный крестьянинъ долженъ былъ жить въ напряженномъ состояніи, въ вѣчномъ страхѣ, плачѣ и уныніи. Каждое Божіе утро только и слышна была строгая расправа въ дворѣ мѣстнаго эконома. Тимко Липка, вручивши хозяйство дѣтямъ своимъ, жилъ отъ мелкихъ услугъ ближнимъ. По большей части онъ занимался въ пасѣкѣ церковной, или у священника. Всегда живой, всегда говорливый, онъ нравился всѣмъ. Особенныхъ пріемовъ въ веденіи пасѣки Липка не имѣлъ. Тоже курище изъ вербовой порохни, тоже обхожденіе съ бѣдною пчелою, которую и убивали и давили.—Бывало Липка хвалится: „О, пчолы мене знають! то дитки мои!". Мы вѣрили ему, хотя часто при сборѣ роя видѣли, сколько онъ этихъ дитокъ своихъ закуритъ, задавитъ, а съ другой стороны, когда начнетъ обмахиваться, то эти-же дитки искусаютъ его жестоко... Ничего, дадутъ Липкѣ чарку водки, и все забыто. Никогда Липка не сердился на дитокъ своихъ.

Въ селѣ Чаговѣ съ незапамятныхъ временъ существовало *братство церковное*. Безъ формы на бумагѣ, съ которою тогда рѣдко встрѣчались, оно существовало и жило. Братчики часто сходились въ домѣ священника, или въ братерской хатѣ близъ церкви, разсуждая о церковныхъ дѣлахъ, по силѣ своей дѣлали пожертвованія на церковь, помогали бѣднымъ, смиряли упорныхъ, ослушныхъ власти родительской и церковной. Всѣ грѣхи противъ доброй нравственности, не подлежавшіе суду панскому и казенному, судились братскимъ судомъ. Для этого существовала прибитая къ колокольнѣ *куна*, родъ желѣзнаго пута, которымъ припутывали за руки осужденныхъ братскимъ судомъ для посрамленія предъ громадою. Липка, какъ пожилой и честнѣйшій человѣкъ, по большей части участвовалъ въ этихъ братскихъ сужденіяхъ.

Братерская хата имѣла еще и другое назначеніе: въ ней совершались громадскіе, или братерскіе *обѣды*, въ дни великихъ праздниковъ, храмовые, поминальные и т. п. Обычай древній и общій въ цѣломъ краѣ. Угощалось все село, угощали нищихъ и прохожихъ. Самые шумные обѣды бывали на *проводы* и на храмовые праздники. Въ Чаговѣ церковь построена во имя Святителя Христова Николая. Храмовой день два раза правднуютъ: весною 9 мая и въ началѣ зимы—6 декабря. Жители чаговскіе говорятъ: *у насъ*

два праздника: єден голодный, а другій—холодный. Одинъ, а то и оба чаговскіе храмовые праздники сопровождались, кромѣ обѣда, *сыченіємъ меду.* Какъ въ приготовленіи обѣда на праздники, такъ и въ вареніи меду Липка принималъ самое дѣятельное участіе. Во главѣ другихъ *„прихильныхъ до церкви святои“* мущинъ и женщинъ, собиралъ онъ по „куткамъ“ села зерно, муку, печеный хлѣбъ, яйца, отчасти и деньги, но въ особенности выручалъ громаду, когда надо было добыть гдѣ либо на сторонѣ хорошей водки, обойти или ублаготворить мѣстнаго жида-орандаря, который претендовалъ и за водку, не у него взятую, и за медъ, производилъ обыски въ самый обѣдъ и накладывалъ иногда большую пеню за нарушеніе откупа.

Живя въ своей хаткѣ и будучи такъ сказать бобылемъ, Тимко Липка готовъ былъ къ услугамъ каждаго, кто-бы ни потребовалъ ихъ отъ него. Особенно охотно онъ принималъ на себя услуги священнику по отсылкѣ дѣтей въ училище и доставкѣ ихъ домой на каникулы. У покойнаго чаговскаго священика *Григорія Кисилевича* было 5 сыновъ. Ихъ начинали возить въ школу съ 8-лѣтняго возраста. При непастьѣ, при морозѣ слѣдовало и приберечь этихъ птенцовъ. Липка тутъ былъ драгоцѣннымъ, не замѣнимымъ возницей и дядькой. Съ какою заботою, съ какою нѣжностію онъ обращался къ дѣтямъ: „а що вы, панычи, померзли? сидить тихо, ворушить пальцями, закрывайтесь!“ и тутъ же самъ окоченѣлыми руками связываетъ намъ рукава, закрываетъ, какъ умѣетъ лице, глаза. Конечно, въ Липкѣ было дорого не искусство его управлять лошадьми: тутъ онъ не придерживался никакихъ правилъ, пускалъ больше на волю Божью, не разбиралъ, какая горячая и какая лѣнивая лошадь, а такъ усядется, какъ попало, подниметъ кнутъ, завертитъ имъ въ воздухѣ и прикрикнетъ по мѣстному: „віо віо! Геття, геття! Ну голубятка“! И голубяткка понесутъ иной разъ, не разбирая ни рвовъ, ни бугровъ. Приходилось иногда и наѣхать на кого-нибудь; тутъ доставалось Липкѣ, особенно въ Кіевѣ отъ полицейскихъ. Но онъ съ гордостію припоминалъ такіе казусы: „що вы, дурни, знаете? говорилъ Липка молодымъ поселянамъ; отъ якъ бы васъ такъ викваривъ москаль по заушкахъ, якъ мене колись“, и разскажетъ, гдѣ и какъ это случилось съ нимъ въ Кіевѣ. Но за то въ Липкѣ цѣнили его неподдѣльную честность, внимательный и

неусыпный досмотръ всего, что поручаемо было ему: лошадей, харчи, одежды, денегъ и дѣтей. Лѣтомъ мы не заѣзжали на постоялые дворы,—и не привычка, и разсчетъ,—а останавливались для корма лошадей и для ночлега на поляхъ, платя за выпасъ нѣсколько грошей, а то и ничего. Иногда ночуютъ нѣсколько повозокъ вмѣстѣ: образуется та́боръ, разводимъ огонь и варимъ галушки или кашу. Тутъ вяжутся безконечные разсказы, и лѣтняя теплая ночь быстро пролетаетъ. Липка и здѣсь, какъ на братерскихъ обѣдахъ: и огонь разведетъ, и воды добудетъ, и треноги съ казанкомъ установитъ, и на ко́ней посматриваетъ. Въ досмотрѣ лошадей на вольномъ корму было большое затрудненіе. Хорошо усмотрѣть за ними въ звѣздную, или лунную ночь, но случалось, застигнутъ насъ ненастье и холодъ: тогда, скорчившись, лежимъ подъ возами и часто однимъ дыханіемъ согрѣваемъ окоченѣвшіе члены. Тутъ нерѣдко и досмотрщики лошадей попадаютъ въ бѣду. Разсвѣтаетъ. Слышится крикъ: „ой, лихо! коней нема!“ Начинаются поиски; уѣзжаютъ всѣ. Остаются тѣ, у кого лошадей не стало. Не скоро найдутъ ихъ гдѣ либо въ сосѣднемъ селѣ, куда они взяты съ покосовъ или съ пашни. Тутъ начинаются поклоны, просьбы и за нѣсколько гривенъ выручаются наконецъ лошади. А то и хуже бывало, лошадей подцѣпитъ притаившійся гдѣ-либо въ оврагѣ воръ. Тутъ плачъ и бѣганье ничего не помогаютъ, и изыскиваются другія средства достаться къ мѣсту назначенія. Съ Тимкомъ и Липкою никогда такихъ казусовъ не случалось. Онъ не спускалъ лошадей съ глазъ своихъ; не спитъ бывало цѣлую ночь и развѣ ошибкою лошадь въ темнотѣ зайдетъ на какой-либо засѣвъ. Но и тутъ Липка то шуткою, то просьбою всегда выручитъ лошадей. Противъ его смиренной, добродушной просьбы нельзя было устоять. Изнурившись ночью отъ безсонницы, онъ бывало спитъ, сидя на повозкѣ, и сквозь сонъ и лошадей погоняетъ, и на вопросы наши отвѣчаетъ, а то предложитъ кому-либо изъ насъ взять „на часокъ“ возжи, что мы исполняли съ особымъ удовольствіемъ.

И такъ Липка возилъ дѣтей батюшки десятки лѣтъ въ школы и изъ школъ. И этого онъ не считалъ для себя тягостію, не домогался и платы за свои труды. „Що дасте, що милость.“ и ему даютъ нѣсколько злотыхъ и какую-нибудь мѣрку пашни. Эта случайная его профессія, эта функція, которую онъ отправлялъ разъ

шесть въ годъ, составляла его гордость: онъ чувствовалъ, что служитъ тѣмъ не просто *панъ-отцю*, но всей громадѣ. „Ось побачите, говорилъ онъ не разъ съ сомодовольствомъ предъ громадою, коли не вывожу вамъ попа." И когда одинъ изъ сыновей покойнаго Григорія Кисилевича, чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти отца, былъ посвященъ во священника села Чагова и Липка привевъ его въ родное село, тогда радости стараго возницы не было предѣловъ. Это былъ самый торжественный праздникъ его. И вообще въ этомъ, не наемномъ, но добровольномъ слугѣ было какое-то родственное отношеніе къ намъ. Мнѣ живо помнится и, кажется, я никогда не забуду того времени, когда Липка въ 1836 году пріѣхалъ въ Кіевъ съ харчами къ своимъ *поповичамъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ имъ печальное извѣстіе о смерти ихъ отца, а своего возлюбленнаго пастыря, *Григорія Кисилевича*. Вошелъ онъ въ комнату; мы его окружили, засыпали вопросами. Вмѣсто отвѣта—слезы брызнули изъ глазъ Липки. И долго онѣ лились, и долго онъ не могъ произнести ни слова... Все понято, слезы дѣтскія смѣшались съ слезами старика... Гдѣ теперь такіе слуги?

Такою-же привѣтливостію, такою-же добротою дышала и жена Липки, Варвара, или по просту *Варка*. Она сдѣлалась необходимою въ цѣломъ селѣ. Никто не могъ приготовить лучшаго обѣда, никто не ходилъ чище возлѣ *стравы*, никто не пекъ лучше курицы, какъ Варка. А потому гдѣ *хрестины*, весилля, или похороны,—непремѣнно уже Варка присутствовала тамъ въ качествѣ распорядительницы и собесѣдницы. Никогда ея услуга не была такъ полезна, какъ во время чьей-нибудь болѣзни. Она была утѣшительницею, лекаркою и сидѣлкой. Цѣлыя ночи она просиживала вмѣстѣ съ домашними у одра больнаго, и когда родные отъ скорби терялись, она принимала послѣдній вздохъ умирающаго. Въ послѣднее время ее приглашали въ качествѣ повивальной бабки, она и отъ этого не отказывалась, и сфера ея услугъ для ближнихъ расширилась. Она вездѣ была какъ своя—родная. Всегда ровная, безъ отягощенія, безъ капризовъ, она всѣмъ нравилась, всѣ ей довѣрялись. И такъ въ случаяхъ самыхъ торжественныхъ Тимко и Варка всегда у всѣхъ гостили, всегда и услуживали: одно съ другимъ соединялось. И такъ они проводили послѣдніе дни, дождавшись многочисленнаго потомства. Еще за жизни своей Липки теряли счетъ внуковъ и прав-

нуковъ. Цѣлый кутокъ въ Чаговѣ, по ихъ роду, названъ *Липковкою,* и въ этомъ куткѣ еще и теперь болѣе или менѣе держатся давнихъ обычаевъ своихъ дѣдовъ. Въ праздникъ святаго Богоявленія, послѣ освященія воды на рѣкѣ, священникъ бывало прежде всѣхъ ходитъ съ св. водою въ Липковкѣ. Какъ старшіе представители своихъ родныхъ, дѣдъ Тимко и баба Варка въ первой хатѣ встрѣчали священника съ зажженнымъ трисвѣщникомъ. Послѣ окропленія св. водою дома и его обитателей, приглашали всѣхъ садиться и предлагали закуску, по большей части приготовленія Варки. Сходились ближайшіе сосѣди, ставилась на столъ водка и медъ—*Липецъ,* такъ славный въ мѣстечкѣ Линцахъ. Шло угощеніе, лилась бесѣда—тихая, какъ утренняя заря. Липка пускался въ воспоминанія: ни горечи, ни осужденія, ни ропота на судьбу въ его словахъ, но одна всеобъемлющая любовь. Не возможно передать его радости, упоенія сердечнаго и того глубокаго благоговѣнія, съ какимъ онъ прикладывался ко кресту, цѣловалъ руку отца духовнаго. Его настроеніемъ проникалась вся компанія, и если чарка изрѣдка переходила изъ рукъ въ руки, то только для большей сообщительности въ разговорѣ. Праздникъ и бесѣда вблизи пастыря для бѣдныхъ, удрученныхъ были истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ былъ ихъ отдыхъ, утѣха, ободреніе.

Многое перемѣнилось въ Чаговѣ, какъ и вездѣ съ 19-го февраля 1861 года. Проникъ и сюда лучъ свободы и освѣтилъ бѣдную крестьянскую хижину; но по мѣрѣ того, какъ проростаютъ на свободѣ и просторѣ добрыя старыя сѣмена, проглядываютъ кой-гдѣ и плевелы, въ видѣ *личной* только заботы, *личнаго* разсчета, нѣкотораго равнодушія къ тому, что не *мое,* нѣкотораго охлажденія къ дѣлу Божію, дѣлу ближняго, общественному. Умеръ между тѣмъ и старый батюшка *Григорій Кисилевичъ,* котораго чаговцы величали, какъ своего благодѣтеля; умеръ дѣдъ Липка, умерла и жена его Варка, эти послѣдніе, можетъ-быть, по крайней мѣрѣ очень рѣдкіе представители начерченнаго мною типа церковно-общественныхъ людей; умерли и три бывшіе *школяри,* которыхъ дѣдъ Липка возилъ въ школы и „вывозилъ на попы"... Что-то принесетъ намъ новая жизнь? Какіе новые, свѣтлые типы представитъ она намъ въ замѣнъ отходящихъ, на которыхъ память останавливается съ невольнымъ уваженіемъ и любовію? Къ счастію, преданіе еще крѣпко въ Чаговѣ и жители его и

при новыхъ вѣяніяхъ не отстаютъ отъ него, и хотя проѣздъ въ Чаговъ и теперь иногда труденъ, за то его населеніе хранитъ и досел̂ѣ многое изъ того, чѣмъ такъ богата была наша отживающая старина.

Протоіерей **Лука Кисилевичъ.**

М. Дашевъ.

КОНТРАКТЪ НА ПОСТРОЙКУ ЦЕРКВИ КОНЦА XVII В.

Этотъ рѣдкій и единственный извѣстный намъ документъ такого рода обязательно сообщенъ намъ А. М. Лазаревскимъ изъ его богатаго собранія древнихъ рукописей. Кромѣ имѣющихъ мѣстный интересъ свѣдѣній о церквахъ въ Глуховѣ и Стародубѣ, въ немъ привлекутъ вниманіе каждаго любителя старины и способъ постройки, и цѣна оной, и наглядное опредѣленіе ея размѣровъ и другихъ частностей. Никакого плана, ни фасада, ни разрѣзовъ продольныхъ или поперечныхъ, никакого вообще чертежа и рисунка и чего-либо напоминающаго наши такъ прославившіяся смѣты. Строится между тѣмъ церковь каменная, воздвигается она въ Глуховѣ, въ одномъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи, въ резиденціи потомъ гетманской. Постройка сдается огуломъ не мѣстному, а захожему мастеру Ефимову, который строилъ тогда-же церковь въ Стародубѣ. И условіе одно общее: какъ тамъ строилъ, такъ и здѣсь строй: только тутъ вотъ шире, или уже, тамъ длиннѣе или выше. А Ефимовъ строилъ по какому-то ему извѣстному образцу, который онъ заимствовалъ, конечно, оттуда, откуда самъ пришелъ. Что это за архитектура, никто, конечно, и представленія имѣть не можетъ, если не видѣлъ самыхъ церквей въ Глуховѣ и Стародубѣ.

Наша южно-русская архитектура вообще дѣло темное и совсѣмъ не початое. Не только какихъ-нибудь выводовъ, принятыхъ положеній въ этой области не существуетъ, но даже снятыхъ образцовъ, памятниковъ, научнаго матеріала мы почти не имѣемъ, если не разумѣть церквей древняго, княжескаго періода. Но кому случалось проѣзжать по Россіи, особливо лѣтъ 40—50 назадъ, и присматриваться хотя мелькомъ къ тому, что попадалось на пути, того вниманія не могли не обратить на себя слѣдующія два явленія: во 1-хъ обиліе каменныхъ церквей на сѣверѣ и малочисленность ихъ на югѣ Россіи, и во 2-хъ нѣкоторое однообразіе стиля послѣднихъ и отсутствіе въ нихъ чего-либо оригинальнаго, а съ другой стороны большое разнообразіе и подъ-часъ зна-

чительное изящество въ постройкѣ деревянныхъ церквей въ Малороссіи.

По малому числу данныхъ относительно нашей архитектуры XVII и XVIII ст., по неразработанности ихъ, иногда просто по отсутствію готовыхъ образцевъ, трудно съ точностію объяснить указанные факты, но намъ кажется, что разъясненія ихъ надо искать въ болѣе раннемъ періодѣ нашей исторіи. Еще при Ярославѣ приходили въ Кіевъ хоромы строить плотники новгородскіе, а церкви строили мастера греческіе. Строительному искусству мы, южане, и послѣ не скоро научились: къ каменнымъ постройкамъ такъ и доселѣ не навыкли, а когда освоились съ деревянными, то привнесли въ нихъ свой вкусъ и стиль, которые, по раздробленности южныхъ частей Россіи въ то время и разнообразнымъ на нихъ вліяніямъ, проявились въ своемъ развитіи и примѣненіи большимъ разнообразіемъ. Какъ-бы ни было, но помѣщаемый нами документъ, въ связи съ приведенными обстоятельствами, указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что памятниковъ нашей южно-русской церковной архитектуры мы должны искать скорѣе въ уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ, нежели каменныхъ церквахъ XVII—XVIII в., а по рѣдкости и недолговѣчности первыхъ—спѣшить сохраненіемъ ихъ рисунковъ для исторіи.

„Року 1692 мѣсяца октоврия 24 дня. Контрактъ зъ каменщикомъ п. Матвѣемъ Ѳоимовичомъ учиненный на мурованне церкви святого архистратига Михайла въ Глуховѣ. Образъ и подобіе, якъ маетъ муроватись церковъ святого архистратига Михаила въ Глуховѣ: широта и долгота тоей церкви, такъ самое середини или капули, якожъ тежъ въ олтарѣ и предѣлехъ обоихъ боковъ, таковая маетъ быти и таковымъ подобиемъ, якъ церковъ святителя Христова Николая, новомуруючаяся въ Стародубовѣ, майстерствомъ сего-жъ майстра здѣлана, окромъ паперти лѣтѣйной; паперть лѣтѣйная напередѣ маетъ быти у глуховское церкви ширшая аршиномъ и должшая аршиномъ однимъ и вишшая сажнемъ надъ паперть стародубское церкви, и маетъ лѣтѣйной папертѣ баня ровна быти зъ олтарнею банею, а не такъ, якъ у Стародубовѣ; высота церкви святого архистратига Христова Михаила въ Глуховѣ маетъ быти самая капуля сажнемъ у гору вышшая одъ церкви стародубовской, и маютъ быти въ церкви глуховской въ стѣнахъ самой середини надъ окна стародубовской церкви другие окна круглие, олтаръ также вышшый квадруючийся до середины или до копули; предѣли

висотою двома аршинами вышше отъ предѣлъ стародубовской церкви, склепъ повиненъ быти въ глуховской церкви также въ лѣтѣйной паперти, яко и въ стародубовской. Контрактъ на Глуховскую церковъ таковый: Матвѣй Еѳимовичъ мастеръ стародубовской церкви, маючій муровати у Глуховѣ церковъ, повиненъ онъ своимъ кирпичемъ, своею вапною, своимъ желѣзомъ, своимъ каменемъ, своимъ пѣскомъ и водою, всѣмъ тымъ своимъ коштомъ маетъ выставити глуховскую церковъ и зъ челядю своею и всю тую мастерию своима подводами повиненъ до церкви возити. Докладаемъ, же вапну и цеглу своимъ коштомъ и своими дровами палити маетъ. За тотъ увесь коштъ изо всѣмъ маемъ, якъ виставитъ церковъ глуховскую ведлугъ описаня сего, дати ему Матвѣю Евѳимовичу готовыхъ денегъ шесть сотъ рублей копѣйками, а пятъ сотъ рублей чехами, всей суммы одинадцять сотъ рублей. Харчи ликгоменное дати ему тридцять осмачокъ муки житное, пять осмачокъ крупъ розныхъ, пять пудъ сала, шесть пудъ соли. Деревню до тоей церкви на риштоване и до ѳундаментовъ, если-би треба, того всего обецуютъ достатчити его мил. п. Михайло Миклашевскій, полковникъ стародубовский, такъ тежъ и на сарай деревни вивезти, а Матѳей Евѳимовичь самъ будовати сарай зъ деревни готовое повиненъ, если-бы ихъ треба. До которого нашого контракту, умовленого ми урядъ: Василий Ѳедоровичъ, сотникъ глуховский, Кондратъ Грудяка, атаманъ городовий, зо всѣмъ урядомъ, для стверженя лѣпшого печать свою приложили.

(Изъ вѣчистой книги 1692 г. старод. маг.).

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ХОРУЖАГО

НИКОЛАЯ ХАНЕНКА

1727—1753 Г.

Приложенiе къ журналу «Кiевская Старина.»

1884.

КIЕВЪ.

Типографiя Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, с. домъ.

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

(1727—1753 г.).

Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича, представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять свои самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О существованіи дневника Н. Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать, но интересъ нашъ къ историческимъ памятникамъ настолько не великъ, что объ изданіи его заботился одинъ только приснопамятный для малороссійской исторіографіи О. М. Бодянскій. Однакожъ и Бодянскому удалось напечатать лишь часть этого дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое [1]). Затѣмъ думалъ, говорятъ, о напечатаніи дневника Ханенка издатель „Русскаго Архива", но и эти думы не сбылись. Наконецъ изданію этого памятника суждено осуществиться на страницахъ «Кіевской Старины», чѣмъ исполняется давнишнее желаніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Авторъ „Дневника"—генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Мы не будемъ говорить о происхожденіи Ханенковъ послѣ тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя собраны Бодянскимъ и помѣщены въ его

---

[1]) «Діаріушъ или журналъ случающихся при дворѣ п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, начавшійся 1722 году и окончанный въ томъ-же году, въ мѣсяцѣ іюлѣ».— Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1858 г., кн. 1.

предисловіи къ „Діаріуму“; изъ этихъ свѣдѣній, основанныхъ преимущественно на семейныхъ преданіяхъ, видимъ, что отецъ Николая Ханенка—Данило Лаврентьевичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго правобережнаго гетмана Михайла Ханенка. Послѣдній, отказавшись отъ гетманства въ 1674 г., сначала жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перешолъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселился здѣсь, какъ кажется, въ Лубенскомъ полку въ г. Лохвицѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яковомъ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ конечно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и братья его—Сергѣй и Лаврентій. Старшій сынъ послѣдняго—Данило былъ женатъ, по семейному преданію, на дочери Ивана Ломиковскаго, бывшаго генеральнымъ писаремъ у Михайла Ханенка, когда тотъ былъ поставленъ отъ поляковъ гетманомъ. Затѣмъ когда Ханенки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, съ ними перешолъ вмѣстѣ и Ломиковскій; здѣсь онъ поступилъ сначала въ „дворяне“ къ гетману Самойловичу, а при преемникѣ его вступилъ въ кругъ генеральной старшины и пользовался особымъ довѣріемъ Мазепы, особенно когда съ 1700 г. сталъ генеральнымъ обознымъ. Свойство Данила Ханенка съ такимъ человѣкомъ должно было выдвинуть его изъ ряда „значковыхъ товарищей“, въ число которыхъ необходимо входилъ Данило Ханенко уже за одно свое родство съ какимъ ни на есть, но все гетманомъ—Михайломъ Ханенкомъ. Отъ этого брака и родился въ 1691 г. авторъ дневника [3]). По семейному преданію, отецъ Николая Ханенка убитъ былъ при взятіи Кизикерменя (1697 г.), а мать его умерла по тому же

---

[2]) Акты юго-западной Россіи, XII, 409. Въ библіотекѣ церковно археологическаго музея при кіевской духовной академіи, въ числѣ документовъ кириловскаго монастыря, имѣется дарственная запись 1676 г., по которой Михайло Ханенко, живя въ Лохвицѣ, подарилъ кириловскому монастырю «кгрунтъ свой въ Киевѣ при монастиру брацкомъ лежачій, купленый у п. Криштофа Искрицкаго». Запись подписана Михайломъ Ханенкомъ совмѣстно съ сыномъ его Яковомъ такъ: «сію карту, при печати моей, рукою моею я и сынъ мой подписуемъ». Означенный актъ, дающій единственное до сихъ поръ свѣдѣніе о жизни Михайла Ханенка на лѣвомъ берегу Днѣпра, указанъ въ Описаніи рукоп. музея, Н. Петрова, стр. 185. Съ этого акта и взято факсимиле Михайла Ханенка, приложенное къ изданію Вл. А. Беца: Историческіе Дѣятели юго-западной Россіи.

[3]) На одной изъ иконъ, находящихся въ церкви с. Городища, стародубскаго уѣзда, имѣется такая надпись: Nicolaus Chanenco signifer generalis parvae

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго [4]). Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ [5]). Но кіевская академія должно быть не вполнѣ удовлетворила пытливый умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи [6]). Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кіевскіе академисты. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошолъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепою и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Яссахъ [7]). Изъ дѣтей Ломиковскаго выпутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

---

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. ianuarii an. 1760. Iuliana de domo Korecka, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1715, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

[4]) Такъ говоритъ Бодянскій на основаніи семейнаго преданія, въ предисловіи къ Діаріушу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говоритъ (№ 33, стр. 338), что «неизвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественнѣе всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабкѣ, вдовѣ Лаврентія Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ универсала Мазепы этого года: «просила насъ п. Анна Лищанка, Ханенчиха зъ сыномъ своимъ п. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотникомъ козелецкимъ, о ствержене въ владѣніе ей селца Соловьевки, недалеко Хвастова будучого, по небожчику Лищѣ, дядку ей рожоном, ей належного». Упоминаемый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ“ (Діаріушъ, VI).

[5]) Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «кондисципуломъ» (II 364).

[6]) Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кіевской, такъ изъ львовской академій. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

[7]) См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодикѣ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодянскій ошибается (Діаріушъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петромъ В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женатъ былъ на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой пріязни гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рядахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію [8]). Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ", выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ", т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцеляріею. Должность старшаго канцеляриста или „реента" пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодянскимъ „Діаріуша", который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни" Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко съумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, пытаясь отстоять „давнины". Насколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ" о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находившемуся въ это время въ терковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшился наградить даже маетностями. Хотя малороссійская коллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

---

[8]) Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; но у Полуботка было два-три человѣка такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маетностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Послѣднему маетности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „мнѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за наслѣдственныя наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маетности, отшедшія въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа" [9]). Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маетностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маетностей не имѣлъ. Расторонностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ, вмѣстѣ съ Савичемъ и Чернышомъ, вызовѣ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа" и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предварить пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настойчивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ наскоро снарядилъ депутацію „отъ всего народа", состоявшую всего изъ пяти человѣкъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая [10]). Въ числѣ депутатовъ находился

---

[9]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

[10]) Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности котораго въ умѣніи подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными [11]), задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцева для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о пріѣздѣ Румянцева, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію" — что́ дѣлать въ виду прибытія Румянцева. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковскій; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій". Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. [12]) арестованные малороссіяне были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ". [13]) Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Бодянскій говоритъ (Діаріушъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки". Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили оттуда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

[11]) Т. Ж., 198—199.

[12]) Полное Собр. Зак., VII, № 4651.

[13]) Марк. I. 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Погара: когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причемъ онѣ были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отпуская Ханенка изъ Петербурга, за нимъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „доношеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ", Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфена Пекалицкаго, а за „прибытіемъ моимъ" изъ С.-Петербурга въ 1726 года, *за указомъ* до коллегіи малороссійской *сенацкимъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислушать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другія обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ", при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за полученіемъ онаго денно и нощно зъ Стародуба къ Москвѣ спѣшили, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жъ и Корецкому 40 рублей [14]).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обознаго, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчучнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

[14]) Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ" его [15]), такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маетности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе женитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего вѣроятнѣе, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая высшая старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами". Были „дворяне" гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣею, сыномъ и братомъ генеральныхъ урядниковъ [16]). Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Несвижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маетностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою женитьбою Ханенко породнился со всѣми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Шираи, Скорупы, Галецкіе, Максимовичи - были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ женитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маетности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними пріобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

---

[15]) «Сказка о службахъ» Николая Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

[16]) См. Русскій Архивъ 1872 г., I, 439.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кіевская академія повидимому его уже не удовлетворяла и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ большее останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи", которое написалъ онъ сыну Василію предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ", писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ моглъ еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, найпаче-же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логистики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезіи, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и протчаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, напримѣръ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искуству благопристойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ.

обучатися будешь, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время“ [17]).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе“ написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессіональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры [18]). Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повидимому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Килѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинитъ ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся“. Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣня въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой именно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной“ канцеляріи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеляріи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Апо-

---

[17]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1852 г., № 34.

[18]) Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 18˙2 г.

столомъ и Василіемъ Гудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Команъ, Лѣсконоги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣевскъ, Сопычи, Муравьи и Подище [19]).

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получили первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маетностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другаго писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго [20]). Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было разсмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи [21]). Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоего пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегонѣ, Дешковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василія Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣевскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣсконогахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Команѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

---

[19]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупли» пріобрѣлъ село Лотаки съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Конончуковку. Лотаки съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

[20]) Діаріушъ, XIII.

[21]) Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертью ея хозяина, дочерьми послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовкѣ и Подищахъ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ погарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ [22]). Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника" писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка [23]), которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Водянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ (Діаріушъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ, онъ значинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно догадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между спеціалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

---

[22]) Портреты обоихъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки зажиточнаго дома, писаные масляными красками, висѣли въ пріемныхъ комнатахъ.

[23]) Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ постороннею рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.

источникомъ[24]). Незначительная его часть была напечатана архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1865 г. (1732 и 1733 годы), причемъ ученый издатель снабдилъ напечатанный отрывокъ подробными примѣчаніями, въ которыхъ привелъ выдержки и изъ другихъ частей дневника.

Въ настоящее время печатается дневникъ Ханенка вполнѣ, насколько онъ сохранился, по подлинной рукописи, принадлежащей цѣнителю и знатоку мѣстной старины Ал. Ив. Ханенку, правнуку автора дневника. Нами удержано правописаніе подлинника, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя мы признали нужнымъ сдѣлать для удобства при чтеніи, такъ напримѣръ нами прибавлена вездѣ въ предлогахъ буква ъ, находящаяся въ подлинникѣ, притомъ не вездѣ, въ видѣ надстрочнаго знака.

Въ приложеніи къ дневнику мы печатаемъ, для большаго знакомства съ личностью его автора, духовное завѣщаніе Н. Ханенка и нѣсколько его писемъ. Самый-же дневникъ снабженъ нами примѣчаніями, которыя восполняютъ отрывочный его характеръ.

Ал. Лазаревскій.

27 декабря 1883 г.
Кіевъ.

---

[24]) Болѣе другихъ пользовался дневникомъ Ханенка авторъ «Семейства Разумовскихъ».

1727 годъ.

Февраль.

3. Віехалъ зъ Глухова до Санктпітербурха.

5. Прибылъ въ Стародубъ.

14. Віехалъ зъ Почепа.

22. Прибылъ въ Москву.

26. Віехалъ зъ Москвы.

Мартъ.

6. Прибылъ въ Санктпітербурхъ.

8. Стали на квартерѣ въ домѣ стольника Глѣбова, на Васильевекомъ острову, въ пятой лѣніи. Сего-жъ числа подалъ доношеніе изъ малороссійской коллегіи и изъ генеральной канцеляріи въ сенатъ.

15. Подана челобитная въ сенатъ о чину и того-жъ числа резолюція учинена.

20. По той резолюціи о чину подписанъ въ сенатѣ протоколъ.

29. Далъ за печатку отъ рѣзби 4 р.

Апрѣль.

18. Указъ сенатскій отправилъ до Глухова въ малороссійскую коллегію о чину.

24. Генералъ-адютантъ, генералъ полицііймейстеръ и сенаторъ Антонъ Мануиловичъ графъ Девіеръ арестованъ.

26. Указъ присланъ зъ верховного тайного совѣта въ сенатъ о висилки за рубежъ всѣхъ жидовъ.

Май.

6. Въ 9 часу пополудни государиня імператрица Екатерина Алексіевна преставилась въ Санктпитербурхѣ, въ зимнемъ дворцѣ.

7. Скоро свѣтъ, публиковано манифесты о вступленіи на престолъ императора Петра II. и начали чинить присяги, а въ 8 часу пополуночи дано на salve новому імператору зъ 105 пушекъ; потомъ стрѣляно помѣнутно жалобно.

12. Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералиссімусомъ.

14. Публикація по всѣмъ Пітербурхѣ чрезъ лѣтаврщиковъ и трубачей о имѣючомъ быть погребеніи ея імператорскаго величества 16 числа.

16. Погребеніе ея величества отправлено въ крѣпости въ церквѣ Петра и Павла зъ всякими достойными жалобнаго видѣнія церемоніями. Сего-жъ числа его імператорское величество Петръ II изволилъ переехать жить на Васильевской островъ въ домъ свѣтлѣйшого князя.

18. Отправленъ сержантъ сенатскій Андріанъ Мироновичъ Ігнатіевъ въ Глуховъ зъ грамотою и указомъ о имѣючомъ быть гетманѣ и о протчемъ.

Іюнь.

29. Імператорское величество изволилъ быть въ литургіи и на молебствіи ради своего тезоименитства въ церквѣ Ісакія Долмацкого, а по обѣдѣ спущенъ корабль и дано ему імя Петръ I и II, то есть первый и вторый.

Іюль.

29. Тайный совѣтникъ и міністръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ отъехалъ зъ С. П. Бурха до Глухова для избранія гетмана, а при немъ поехали и канцеляристъ Іванъ Романовичъ и сотникъ Іваницкій Павелъ Міницкій.

30. Зъ сего числа противъ 31-го въ ночи погорѣли інбари и нѣкоторые судна купеческіе на Виборской сторонѣ, где бывалъ складъ изъ кораблей купеческимъ товарамъ.

Августъ.

1. Михайло Івановичъ Новоторжцовъ віехалъ за міністромъ Наумовымъ къ Глухову. Мнѣ зубъ болячій виривалъ штапъ-лікаръ Петръ Івановичъ.

5. Государственного канцлера графа Гаврила Івановича Головѣина сожительница, графиня Домна Андріевна преставилась.

19. Отехалъ въ Пітеръ-гофъ на дамъ-шкотѣ суднѣ.

20. Оттоль прибылъ до Аранибома въ вечеру.

22. Освѣщеніе церкви было въ Аранибомѣ, а потомъ свѣтлѣйшій князь съ своею фамиліею и съ многими господами, въ томъ числѣ былъ и Феофанъ, архіерей новогородскій, при пушечной стрѣлбѣ гуляли.

23. Ездилъ іа зъ Араннбома въ Кроништатъ и паки туда возвратился.

24. Зъ Аранибома прибылъ на ночь въ фаворитъ.

26. Прибылъ въ Санктъ-пітербурхъ.

Септеврій.

5. Свѣтлѣйшій князь пріехалъ зъ Аранибома совсѣмъ въ Пітербурхъ.

6. Верховнаго тайного совѣту дѣла и все, что было государево въ дворцѣ свѣтлѣйшого князя, вивезено въ лѣтній государевъ дворецъ.

7. Отданъ именный приказъ государевъ въ полки гвардіи, чтобъ никого, кромѣ маіоровъ Іосунова и Солтикова, не слушано. Сего-жъ числа ввечеру и імператоръ прибылъ въ лѣтній дворецъ.

8. Публикованы указы печатные, чтобъ князя Меншикова указовъ и партикулярныхъ писемъ нигде не слушано и самому князю Меншикову въ домѣ его сказанъ арестъ.

8. Сняты кавалеріи россійскіи зъ Меншикова и емужъ велено віездить прочъ изъ Санктъ-Пітербурха.

10. Сняты съ егожъ и другихъ государствъ кавалеріи и ихъ варвари, да й віехалъ со всею фамиліею.

11. Прибыли въ С. П. Бурхъ посланци малороссійскіе Семенъ

Лизогубъ и сотникъ сребрянскій Троцина и сотникъ Семенъ Галецкій [25]).

14. Оные посланци имѣли авдіенцію у государя въ дворцѣ лѣтнемъ. Лизогубъ говорилъ рѣчъ, а потомъ и у стола государевого кушали.

28. Оные жъ посланци отправлены и дано имъ жалованне и чрезъ нихъ грамота до старшины и народа, а указъ до міністра Наумова изъ іностранной коллегіи отправлены.

Октоврій.

1. Стали квартерою на пітербурскомъ острову въ домѣ священника петропавловскаго Мины Григорієвича. Сего-жъ числа въ Глуховѣ выбранъ съ изрядною церемонією гетманомъ полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ.

---

[25]) *Семенъ Ефимовичъ Лизогубъ*—зять гетмана Скоропадскаго; въ 1708 г. пошелъ за Мазепою и возвратился уже только послѣ полтавскаго сраженія (см. показаніе Лизогуба, «Мазепа» Костомарова, стр. 418). Не былъ сосланъ, какъ другіе, только за свойство съ гетманомъ. Умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., оставивъ дѣтямъ огромныя земельныя владѣнія. Записки Марковича, I, 345 и 318.

Антонъ Трофимовичъ Троцина (р. 1662 † 1749) былъ сынъ козака м. Переволочной, взятый мальчикомъ въ пѣвчіе царевны Софіи Алексѣевны, въ Москву, откуда онъ выхлопоталъ отцу своему Трофиму (по малороссійски *Троцю*) сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ и позволеніе заселить разоренное татарами с. Охоньки. Потерявъ голосъ и возвратившись въ Малороссію, бывшій пѣвчій, усвоившій себѣ по имени отца, фамилію Троцины, самъ сталъ срѣбрянскимъ сотникомъ въ 1707 г., когда отецъ его поставленъ былъ прилуцкимъ полковымъ судьею, и оставался сотникомъ болѣе тридцати лѣтъ, до 1734 г., когда передалъ сотничій свой урядъ сыну Николаю. Какъ человѣкъ бывалый, Антонъ Троцинъ часто бывалъ совѣтчикомъ у гетмана Скоропадскаго, посылавшаго его иногда и въ Москву добывать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія.

Семенъ Яковлевичъ Галецкій—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, если онъ не былъ сыномъ мазепинскаго «дворянина» Галецы (Величко, III, 444). Въ первый разъ встрѣчается въ 1704 г., когда получилъ отъ Мазепы нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ с. Михайловкѣ (при р. Бойнѣ). Въ 1709 г.—стародубскій полк. есаулъ, а потомъ—сотникъ погарскій, новгородъ-сѣверскій и наконецъ стародубскій (1712—1734). Будучи стародубскимъ сотникомъ, интриговалъ противъ тогдашняго стародубскаго полковника Александра Дурова и поѣхавъ по этому поводу въ 1734 г. въ Петербургъ, добился смѣщенія Дурова и кромѣ того полу-

4. Отъехали посланцы малороссійскіе изъ Санктъ-пітербурха.

12. Ради рожденія государевого было торжество, по молебствію палено зъ пушекъ болше ста и полки бѣглымъ огнемъ, и на двохъ суднахъ убранныхъ съ пушекъ-же, а въ вечеру былъ фейверкъ и иллюминація, въ лѣтнемъ огородѣ.

Ноеврій.

20. Прибыли посланники отъ новоизбраннаго гетмана Апостола.

21. Оныжъ были у разныхъ господъ министровъ и сенаторовъ.

30. Віехалъ іа зъ Санктъ-питербурха зъ Александромъ Левицкимъ и ночю поѣхалъ зъ Ямской.

1730 годъ.

24 мая въ Москвѣ. Ея императорскому величеству одклонился ясневелможный и того-жъ числа ради отклону кушалъ въ дворцѣ. Сего-жъ числа ея і. величество изволили публичяо віехать изъ Москвы до Измайлова, куда едучій при каретѣ, въ ассистенціи зъ кавалергардами, енералъ Іванъ Іліичъ Мамоновъ умеръ нечаянно. Купчину московскому Дементію Прохоровичу въ доплатку за футро 2 р., розышлось 14 к.

Числа 25. За 21½ золотника сѣтки сребной дано 5 р. 16 к. За 34 золотника сѣтки нестрой—7 р. 31 к. За два фунта кофе—46 к. За вецоване бритовъ 32 к. За жестянку до голенья [26]) 12 к.

Числа 26. Въ доплатку за 4 аршина таѳи Льву Петровичу дано 60 коп. (Того-жъ) числа за Тріодь цвѣтную и два букваря 1 р. 20 к. Енералъ-лейтенантъ Урбановичъ былъ у мене въ квартерѣ.

чилъ урядъ генеральнаго бунчужнаго. Убитъ въ 1738 г., въ крымскомъ походѣ, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ Грабянкою, бывшимъ тогда гадяцкимъ полковникомъ. По предстательству Ласси, урядъ Грабянки отданъ былъ сыну Семена Галецкаго—Петру.

[26]) Бритья.

27. За работу мундіру для дитины 2 р. 50 к. Дѣвкамъ—40. Хлопцямъ отездного 15 к. Капралу и людямъ господина Курбатова 30 к. Каченовскому на персону 60 к. За вино красное и бѣлое 75 к. За ленти кумѣ Наталіи Лаврентіевнѣ, да сестрѣ ее Аннѣ 57 к. За ленти жолтую и зеленую 1 р. 26 к. Сего-жъ числа віехали зъ Москви и ночовали о 25 верстъ.

28. На обѣдній попасъ прибыли въ деревню Черничку о 44 версты. На сѣно и оброкъ пошло 25 коп. На ночъ прибыли въ деревню Пратву о 39 верстъ.

29. Прибыли на обѣдъ до деревни Гусева о 37 верстъ; одтоль въ Калугу и перевезшись ночовали. За починку коляски въ Калузѣ 30 коп.

30. Прибыли къ Доброму монастырю и перевезшись чрезъ Оку, обѣдали. Дано за рибу 21 к. Ночовали за Кипетю, перевезшись.

31. Прибыли на обѣдъ до Беліова. Тутъ-же куплены ножи столовіи и два кухенныхъ, за которые дано 1 р. 40 к. За оковку коляски 15 к. За рибу 27½ к. На ночъ прибыли до Болхова, и одтоль отехалъ панъ Петръ, полковникъ лубенскій, на почтѣ зъ поддячимъ Уріиломъ, которій данъ былъ зъ Москвы для конвоя. За три четверти меду 21 коп.

Іюнь.

1. Прибыли на обѣдъ до села Глотова. Одтоль віехавши, ночовали въ степу, одехавши 17 верстъ.

2. Обѣдали надъ нѣкоторою переправою, а ночовали подъ малою деревнею.

3. Прибыли на обѣдъ до Почти Любошской и одтоль отехалъ панъ Холодовичъ на почтѣ. По обѣдѣ прибыли за Сѣвскъ на ночъ о 3 версты.

4. По полдни прибыли въ Глуховъ.

5, 6 и 7. Прожилъ въ Глуховѣ.

8. Віехавъ зъ Глухова, прибылъ на ночъ въ Новгородокъ.

9. Одтоль віехавши, пріехалъ на ночъ въ Левенку [27]).

12. Взято у Іанченка поставъ сукна блакитного, за которое дано ему 5 червоныхъ да 25 к.

---

[27]) Село стародубскаго уѣзда.

18. У Павлика отобрано 5 р. за коня проданнаго сивострокатого, да 5 р., отобранныхъ у шинкаря Зайцутского. Мужикъ перегонскій [28]) утонулъ, рибу ловлячи.

19. Копцѣ, одправленному въ Глуховъ, дано на дорогу 20 к.

20. За похоронъ утопувшаго чоловѣка дано 20 к. Студентамъ інтермедіантамъ 1 р.

21. Розышлось 24 к.

23. За цѣвку золота 1 р. 10 к. За раліоновъ мишурный 18 к., за полтора фунта баволны 24 к. За два баранки 90 к. За 150 аршинъ шнурка 1 р. 20 к. За три фунта мініи 36 к. За два аршина крашенины 8 к. Огданы пану Іану Миклашевскому [29]) р.

24. Розышлось на розницу 33 к.

Журналъ или щоденная записка іакого месяца і числа до іакой персони и чрезъ кого іменно писано и о протчемъ, начатый року 1730-го.

Мѣсяца августа 9. Писано до пана полковника лубенскаго, привитствуючи о прибытіи его въ домъ зъ Москвы [30]). Того-жъ числа писано и до писаря полкового лубенского, пана Стефана Савицкого, зъ инстанціею за свойственнымъ панскимъ о невзятіи его, яко жилца и осѣлого, въ великани и тые писма посланы чрезъ Дмитра Тимченка и Гаврила Исиченка. До пана Іана Гамалѣи въ Юдиновъ [31]),

[28]) Село Перегонъ стародубскаго уѣзда, принадлежавшее Н. Ханенку.

[29]) Иванъ Михайловичъ Миклашевскій, младшій сынъ стародубскаго полковника, отъ второй его жены Анны Швейковской. Умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1740 г.

[30]) Петръ Даниловичъ Апостолъ, второй сынъ гетмана, оставленъ былъ въ Москвѣ въ качествѣ заложника, когда отецъ его отпущенъ былъ въ Малороссію послѣ Полуботковскаго дѣла. Воспитывался подъ надзоромъ Меншикова (Опис. обит. въ Рос. госуд. народовъ. Спб. 1799 г., IV, 314). Въ 1728 г. Петромъ II лично назначенъ лубенскимъ полковникомъ (Зап. Марк. I, 277, 296), но и затѣмъ оставался въ Москвѣ до 1730 г., когда отпущенъ былъ въ Малороссію и сталъ дѣйствительнымъ полковникомъ. Петръ Апостолъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него остались, какъ слышно, записки писанныя на французскомъ языкѣ, хранившіяся у г. Алексѣева въ Екатеринославѣ.

[31]) Иванъ Андреевичъ Гамалѣя — единокровный братъ жены Н. Ханенка. Былъ женатъ первымъ бракомъ на падчерицѣ путивльскаго помѣщика Семена Неплюева, Марфѣ Анненковой, за которою получилъ богатое приданое въ томъ-же уѣздѣ, а вторымъ бракомъ — на вдовѣ графа Гаврила Рагузинскаго. Въ 1743 г.

о присылкѣ тарадайки и о прибытіи его для посѣщенія въ Перегонъ, чрезъ чаусовскаго шинкаря Осипа. Того-жъ числа писано до пана сотника красноколядинскаго Марка Ангеліовскаго [32]), дабы въ свойственныхъ панскихъ пропалый конь вороній въ Талалаевцѣ [33]), если сыщется, былъ имъ отданъ, который листъ чрезъ ихъ-же и посланъ.

16. Зъ Глухова писанъ листъ чрезъ Данила Кроцкевича, служителя п. Малѣшевской, до пана Стефана Миклашевского [34]), въ дѣлѣ панѣ Малѣшевской зъ Якубовичемъ [35]). Листъ до пана Івана Гамалѣи [36]), 17 числа писаный, посланъ въ Семіоновку для отсылки оттоль въ Пѣски, который такъ ся имѣетъ: „мосцѣ пане Гамалѣя, мой велце ласкавый добродзію. Писалъ іа въ прошедшемъ 1729 году два раза до в. м., м. пана, упоминаючися, ижбысь в. м., м. панъ должніе мнѣ отъ васъ деньги 26 рублей изволилъ отдати; но по тихъ писмахъ моихъ не только отдачи денегъ, но і отвѣту отъ в. м., м. пана не получилемъ. Прето теперь чрезъ нарочного, нарочно пишучи до вм., м. пана, прошу, изволте, безъ болшой своей и моей турбаціи, въ упомянутомъ своемъ мнѣ долгу уістітись неотложно. Гдижъ в. м., м. панъ можешъ помнѣти, что и заставу мнѣ изволилесь давать—кубокъ срѣбный и рондзикъ, а іа не взялъ, дуфаючи слову вашему, что імѣлисте вскорѣ тотъ мой долгъ отдати. зъ потверженемъ теди прошу в. м., м. пана сему посланному должніе 26 рублей денегъ вручити для привозки онихъ ко мнѣ. а іа-жъ

назначенъ членомъ генер. суда. а при отставкѣ получилъ чинъ генер. судьи. Ему принадлежали три села въ стародубск. уѣздѣ—Юдиновъ, Борщовъ и Чеховка и с. Семяновка, конотопск. уѣзда. Портретъ его хранится въ семьѣ недавно умершаго Г. Н. Гамалѣи, въ обоянск. уѣздѣ курской губерніи.

[32]) Поставленъ сотникомъ въ 1717 г. на мѣсто Леонтія Лашинскаго, по «инстанціи разныхъ высокихъ особъ», какъ сказано въ универсалѣ Скоропадскаго, а ходатайства (инстанціи) особъ явились потому, что Ангеліовскій «у двору государинѣ царевнѣ Натальи Алексѣевнѣ знайдовался», вѣроятно пѣвчимъ.

[33]) Село роменскаго уѣзда.

[34]) Степанъ Михайловичъ Миклашевскій—второй сынъ стародубскаго полковника; умеръ около 1750 г.

[35]) Яковъ Демьяновичъ Якубовичъ—генер. есаулъ.

[36]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, получившій по раздѣлу съ братьями село Великіе Пески, лохвицк. уѣзда. которое затѣмъ было продано имъ Ефиму Дарагану.

тогожъ посланного буду здѣсь дожидатись въ Глуховѣ. При семъ зостаю на завше вм., м. пану всего добра зичливий сватъ и найнижнѣйший слуга Николай Ханенко, судіа полковий стародубскій. Зъ Глухова августа 17 числа, 1730-го году". А прошлого 1729 году, іюля 22, къ нему о томже посилано, да марта 6 тогожъ году.

17. Посланы листы, еденъ до пана Петра Валкевича[37]), въ Конотопъ, привитствуючи его тамошнимъ пребиваніемъ; другій до старости семіоновского Гузевича о видачи Василю Мглиевскому лошаковъ панскихъ.

19. Послани листи зъ Глухова два чрезъ Евтуха Данченка, писаніе еденъ до пана полковника стародубского Наказного, а другій до пана отца панского.

20. Посланъ листъ чрезъ Скоробогатого, жителя погарского, до Мартина Лирского, чтобы онъ подрядилъ тесель баню и комору строити. Тогожъ числа писанъ листъ до пана Стефана Миклашевскаго о коровахъ, чрезъ Василя Мглиевского.

20. Посланъ листъ до пана Константия Леонтовича о одобрани въ пана Іул(і)ана Дриганта, при которомъ шабля и матарасъ сукномъ зеленимъ покритій, чрезъ значкового козака полку переяславского Безбородка для отданія вручено ему.

21. Писано въ Москву до пана Василя Максимовича[38]) и до кватермейстера Гофмана о антечцѣ и протчемъ.

22. Писано въ Москву-жъ до господина Николая Павловича Кристича и до пана Василія Максимовича, да до канцеляриста

---

[37]) Петръ Васильевичъ Валькевичъ—при Апостолѣ «реентъ» генер. канцеляріи, а съ 1741 г. генер. есаулъ; умеръ въ 1758 г. Былъ извѣстнымъ дѣльцомъ своего времени. Современникъ о Валькевичѣ говоритъ: «Валкевичъ хотя былъ и дикаго права, такъ что ни съ кѣмъ не водилъ знакомства и обращенія, кромѣ тѣхъ, которые въ теченіе многаго времени могли доказать ему свою искренность и привычку къ его свойствамъ, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ. Государь императоръ Петръ Великій, познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищи, предлагалъ ему остаться при его императорской особѣ». Опис. обит. въ россійск. госуд. народ., IV, 324.

[38]) Кажется, рѣчь идетъ объ одномъ изъ трехъ сыновей генер. есаула Дмитрія Максимовича, который за измѣну съ Мазепою сосланъ былъ въ Архангельскъ, а сыновья его—Федоръ, Иванъ и Василій поселены въ Москвѣ. Василій Максимовичъ въ 1742 г. былъ сотникомъ вольнскимъ, черниг. полка.

Кгалюховскаго чрезъ почту. Тогожъ числа за колпакъ 25 копѣекъ, за хустку, що въ Роиску, 20 коп.

23. Послани зъ Глухова корови двѣ да два маленькихъ волики въ Перегонъ чрезъ козаковъ сотни новгородской Евтуха Михеенка, жителя горбовского, да Тита Невмоцеева, жителя пироговского, чрезъ которихъ и листъ до атамана тамошнего новгородского посланъ, чтобы онъ тихъ козаковъ переменивъ, а другимъ тіи корови для отводу въ Перегонъ вручивъ, въ которомъ листѣ писано и до Лпиского писмомъ о пріемѣ тихъ коровъ. Тогожъ числа господинъ Новоторжцовъ почтою побѣгъ въ Москву и оніе писма чрезъ него послани. Отъ пана Стефана Миклашевского двѣ корови зъ телятами приведены въ Глуховъ.

24. Писани два листи, одинъ до полковника лубенского, пана Петра Апостола, о позиченнихъ паномъ Петромъ Корецкимъ денгахъ. Другій до полковника гадяцкого, пана Григорія Грабянки, привитствуючи его рангомъ [39]). Тогожъ числа, писанъ листъ до сотника воронежского, пана Ивана Холодовіча, требуючи у него отвѣтствія противъ данного ему меморіалу, которій для отсилки врученъ атаману Локотковскому.

24. Далъ за коня вороного 8 рублей Михайлу Цигану, заплатилъ-же 3 р., а 5 на мнѣ осталось.

25. Отклонился пану и отезжаючи подарилъ коня гнѣденкого пану Іакимовичу.

27. Прибылъ въ Перегонъ.

28. За 4 габелки постолки 1 р., за подошви 16 копѣекъ, на разніе покупки въ Погарѣ копѣекъ 20, шевцю Мойсею дано 60 копѣекъ на шкуру.

29. Писанъ листъ до хоружого полковного стародубовского, пана Іакимовіча, въ дѣлѣ Ганона Садовничого, которій посланъ чрезъ негожъ Ганона. Тогожъ числа столяру даны 25 копѣекъ на дерево; золотару на мосендзъ 15 копѣекъ.

31. Послани листи, единъ до хоружого полкового стародубовского пана Іакимовича, другій до пана Скоропадского [40]) въ Глу-

[39]) Указомъ 30 мая 1730 г. Грабянка, авторъ извѣстной хроники о междоусобной брани, назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ на мѣсто Гаврила Милорадовича, смѣщеннаго за насилія и взятки.

[40]) Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, племянникъ гетмана Скоропадскаго и зять Апостола, генеральный подскарбій съ 1741 г. Умеръ въ 1758 г.

ховъ, въ дѣлѣ Ігната Данченка, которіе отосланы въ Глуховъ чрезъ Григорія Данченка, а въ Стародубъ чрезъ Павлика. Тогожъ числа писанъ листъ до Александра Левицкого, сторони въ іармарку кроленецкомъ покупокъ, которій для отдачи порученъ Григорію Данченку. Тогожъ числа за два соми дано 60 копѣекъ.

Септеврій.

1. Продалъ пенку, берковецъ по 3 р., взялъ у пана Круковского 21 руб. съ пол.

2. За 5 фунтовъ ганишу дано 3 к., батоги желѣза 28 коп., золотарю коп. 12.

3. Кровь пущалъ.

4. Цилюрнику за кровопущеніе 20 копѣекъ. Тогожъ числа зъ малярем Іодиновскимъ учиненъ договоръ на шпалери 4 р. и пол. и полчвертки жита, маляру, імя Григорій Боюровъ, которому дано въ задатокъ 1 р. и 10 квартъ цеховыхъ горилки. Велѣлъ дѣлать лиинику погарскому Ивану Стрикицкому постромковъ 6 паръ, обротей 36 и попругъ 12 до попонъ, а 4 волосяныхъ до кулбакъ. Тогожъ числа 4 дано за крашенину 6 коп. Привезено отъ пана Косача 2 бочки соли, за которіе надлежитъ 5 рублей и 2 гривни.

5. Купилъ панъ въ бабы, жителки перегонской, подданной своей, хату старую за копу и деньги ей за оную отдалъ. Тогожъ числа писани два листи, единъ до сотника погарского Семена Соболевского, другій до атамана и войта, тамошнихъ-же погарскихъ, просячи дабы людей вислали на панскую новозачатую греблю, которіе посланы чрезъ Мартина Лиського.

6. Писанъ листъ до отца ігумена стеченского чрезъ пана Леонтія Галецкого[41]), зъ посилкою 10 червоныхъ, одисканихъ отъ пана Славуцкого. Мойсею шевцю погарскому зъ челядникомъ за работу чоботъ, черевиковъ, туфлювъ и протч. 1 р. 70 к.

7. Писанъ листъ до атамана городового новгородского, чтобы онъ ванни на панскіе денги купилъ осмачку и прислалъ въ Перегонъ, которій посланъ чрезъ стойчика зъ Стародуба.

---

[41]) Сотникъ бакланскій, братъ Семена Г. (см. примѣч. 25), получилъ этотъ урядъ «за вѣрность» при измѣнѣ Мазепы; но когда за насилія его сотнянамъ Скоропадскій выслалъ своихъ чиновниковъ разслѣдовать жалобы бакланцевъ, то Галецкій отказался отъ уряда и принятъ былъ «подъ бунчукъ».

8. Писанъ листъ до старосты перегонского Липского о направленю печей и коменка и о протчемъ дворовомъ господарствѣ чрезъ подводніка Грицка Шлогурова. Віехали зъ Левенки и прибыли на ночъ до Нижніого [42]).

9. Обѣдали въ Курозновѣ у пановъ Рубцовъ. По полудни прибыли до Ропска; тутъ на степжки и проч. розышлось 25 к.

10. Віехали зъ Ропска, ночовали въ Куршановичахъ, у Василя Борозни [43]).

11. Обѣдали у пана Николая Борозни [44]) въ Клюсахъ, ночовали въ Бутовцѣ, и тутъ ось зломилась.

12. Прибыли въ Городню, где урядники съ хлѣбомъ насъ витали; оттуль прибыли на обѣдъ до Листвина, тутъ и ночовали.

13. По обѣдѣ позно уже віехали зъ Листвина и ночовали въ футорѣ пана Бурковского Хлѣбовцѣ.

14. Прибыли рано въ Бобровицю, вечеромъ былъ у полковника и прочіихъ чернѣговцовъ.

15. Коло полдня віехали зъ Чернѣгова и прибыли на ночъ въ Красное [45]).

16. На обѣдъ прибыли въ Церковища, на ночъ въ Іржавцъ [46]); стелмаху и на вижки 5 коп. даны.

17. Прибыли въ Козелецъ. На лямъцѣ 10 к. Алексію за Стефана 20 к., ту и ночовали.

18. Были у полковника [47]) и обѣдали. На розную подробицю розышлось 17 к.

19. За ведро дегтю 14 к. Виехали зъ Козелця, обѣдали въ Омеляновѣ, ночовали въ Димерцѣ [48]).

20. Прибыли въ Бровари; тутъ за рибу 14 копѣекъ, за овесъ 30 копѣекъ. Прибыли на Днѣпръ, где и ночовать мусѣли за попорченіемъ мосту.

---

[42]) С. Нижнее, стародубск. уѣзда, принадлежало Андрею Мих. Миклашевскому.

[43]) Сынъ генер. судьи Ивана Владиміровича Борозды, умеръ въ 1747 г. бунчуковымъ товарищемъ.

[44]) Братъ того-же генер. судьи, умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1757 г.

[45]) Черниговскаго уѣзда.

[46]) Села Церковище и Ржавецъ — козелецкаго уѣзда.

[47]) Антонъ Танскій, зять Семена Палія.

[48]) Села остерскаго уѣзда.

21. На рибу, рижки и проч. 5 копѣекъ. Тутъ и сей день весь дніовали и ночовали, понеже въ сей день мостъ дѣлали. На сѣно 10 копѣекъ.

22. Рано переехали мостъ и прибыли въ монастырь никольскій на квартеру. На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к., на кремѣня 2 к.

23. Были на пещерахъ, а обѣдали у отца архимандрита печерского. Розошлось 1 р. 35 к.

24. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ. Обѣдали и весь день пробавились у отца Негребецкого.

Былъ на праздникѣ въ Китаи. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ.

26. Былъ въ видубицкомъ монастырѣ и отправовалась панахида по покойномъ Миклашевскомъ и другихъ сродникахъ [49]. Дано монахамъ 4 рубли, да еще роздалось 30 копѣекъ. Тамъ обѣдали и весь день пробавили.

27. На мясо 15 копѣекъ. Обѣдалъ у отца ректора и пробавилъ весь день у учителей. Послѣ былъ у пана Войнича бурмистра и ночовали у пана Θедора Тихоновича Козелского, бурмистра-жъ.

28. Были у святой Софіи; тамъ розошлось 50 копѣекъ. Прислана зъ магистрату обсылка хлѣбомъ и протчимъ. Розишлось 16 копѣекъ. Дано на покупку разную рубль и 98 копѣекъ. Зъ монастыря Братского обсилка хлѣбомъ и протчимъ учинена. Зъ монастыря видубицкого прислано сѣна.

29. Были въ монастырѣ михайловскомъ для поклоненія мощамъ св. Варвары и тутъ у отца намѣстника Дезидерія обѣдали. Розишлось на нѣкоторіе покупки и проч. 31 к., на мясо 12 к. Обослала хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панъ Роgуцкій хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ.

29. Отцу Ивану на дорогу 20 копѣекъ. Студентамъ 1 рубль 6 копѣекъ; студенту Білѣцкому 60 копѣекъ, за направу фузіи 20 копѣекъ.

---

[49]) Стародубскій полковникъ Михаилъ Миклашевскій († 1706 г.) въ выдубицкомъ монастырѣ построилъ каменную церковь во имя св. Георгия Побѣдоносца и каменую трапезу съ церковью св. Преображенія Господня. Въ залѣ настоятельскаго дома выдубицкаго монастыря хранится большой старинный портретъ Михаила Миклашевскаго. Соч. Максимовича, II, 251—253.

30. Дѣвцѣ Іакимовиччиной 10 копѣекъ. Зъ Майстрату обослано рибою и хлѣбомъ.

Октоврій.

1. Пренесеніе мощей святого Михайла, первого митрополита кіевского, зъ пещери преподобнаго Антонія въ великую церковь.— Обослано мясомъ зъ Майстрату: обѣдали у отца Негребецкого. Подалъ мнѣ указ гетманскій панъ Козма Іакимовичъ.

2. Обѣдали у мене намѣстнікъ и економъ никольскіе и отехалъ я на Подолъ для исполненія указа гетманского.

3. Обявлялъ на Майстратѣ универсалъ іасне велможного, данный Кузмѣ Іакимовичу на бурмистровство, обѣдалъ у пана Родуцкого. Рутинскому на чоботи 30 копѣекъ.

4. Обѣдалъ у пана Козми Іакимовича.

5. Былъ знову на ратуши. Панъ Василь Іакимовичъ принеслъ цукру голову и хлѣбъ; обѣдалъ у пана Козми Іакимовича. За сосудци для Василка 7 коп.

6. По бытіи на ратушу, обѣдалъ у пана Родуцкаго, который мнѣ подарилъ дриакви, табаку и рукавици, а панъ Іакимовичъ пару лихтаровъ зъ подщипникомъ и щипцами, до сѣдла уборъ и потебенки и двѣ солянки крышталіовыя.—У него-жъ занялемъ 5 рублей. Чрезъ всю бутность, сколко былъ на Подолѣ, щоденно обсилано зъ майстрату всякою харчою. Женѣ пару ножиковъ и стонжки[80]) жена его дарила. При отклонѣ отецъ архимандритъ далъ мнѣ и женѣ, такожъ отецъ Негребецкій по книжцѣ. Двѣ псалтирки куплены за 1 рубль 20 копѣекъ. Отецъ економъ книжку и свѣчку подарилъ же.

7. Обѣдали у отца Васяна, намѣстніка печерского, который такожъ далъ по книжцѣ обомъ намъ. Сего же числа были у енерала и пожегнавшись съ всѣми, отехали зъ Киева. Провожалъ насъ аптекаръ Гелтеръ и Козма Іакимовичъ ажъ за мостъ и прибылисмо на ночъ позно до Броваровъ; тутъ пошло на овесъ 36 копѣекъ.

8. Поехали зъ Броваровъ и прибыли на обѣдъ въ Димерку; тутъ на овесъ пошло и на проч. 18 копѣекъ. Одтоль прибыли на ночъ въ Омеляново.

---

[80]) Ленты.

9. На обѣдъ прибыли въ Козелецъ; тутъ на желѣзо 26 коп., да еще на желѣзо жъ 14 копѣекъ. За чотири дойници овса 68 копѣекъ дано.

10. Въ Козелцѣ весь день пробавили въ домѣ пана дядка [51]). Розишлось на розницу копѣекъ 20. Розишлось на роздачу разнымъ въ Козелцѣ 1 рубль 6 коп.

11. Рано обослано одъ полковника хлѣбомъ и мясомъ и протч. Розишлось на розницу 1 рубль 60 копѣекъ. Ковалямъ 25 коп., па діоготь, хлѣбъ и протч. 20 копѣекъ. Надъ вечери виехали зъ Козельца и прибыли на ночь до Деньова [52]).

12. На обѣдъ прибыли до Ржавця [53]), где отъ пана сотника козелецкого братъ его Петро принесъ барана. На ночь прибыли до Церковищъ [54]); тутъ за овесъ дано 16 копѣекъ, ковалю 2 коп.

13. Обѣдали въ Середищѣ [55]); тутъ атаманъ принесъ трое курей и протч., оттоль писанъ листъ до сотника козелецкого пана Алексѣя—сторони верблюда и посланъ чрезъ козака Герасима, которому даны 10 копѣекъ. Прибыли на ночь до Краснаго [56]); тутъ за двѣ мѣрочки овса 12 копѣекъ далемъ.

14. Обѣдали въ Колчевцѣ; за рибу и хлѣбъ 4 копѣйки. Перевозникамъ 6 копѣекъ [57]). Прибыли на ночь въ Чернѣговъ и стали кватерою въ домѣ пана писаря [58]), гдѣ обослано насъ отъ пана судіи чернѣговскаго полкового [59]) овсомъ и сѣномъ, а отъ пана Булавки хлѣбомъ, рибою и сѣномъ.

15. Зъ дому ее милости панской, панеи Борковской [60]) дано

---

[51]) Федоръ Лаврентьевичъ Ханенко, сотникъ козелецкій уже въ 1705 году, потомъ полковой есаулъ; съ 1722 по 1737 г. полковой обозный. О немъ см. Описаніе черниговской епархіи, V, 193.

[52]) Село козелецкаго уѣзда.

[53]) Тоже.

[54]) Тоже.

[55]) Тоже.

[56]) Село черниговскаго уѣзда.

[57]) При селѣ Кольчевкѣ, подъ Черниговомъ, находился тогда переводъ чрезъ р. Десну.

[58]) Ивана Янушкевича.

[59]) Василія Каневскаго.

[60]) Жена Андрея Борковскаго.

трое саней новыхъ; обѣдалъ у пана судіи черниговского, а вечеромъ былъ у полковника.

16. Полгора четверика овса 37 копѣекъ, шлей четверо съ постронками 20 копѣекъ, вожокъ четверо 4 копѣйки. Писаны листы до отца Негребецкого и до Козмы Іакимовича, стороны кунтуша, забутого въ Киевѣ, и посланы тиѐ писма зъ Чернѣгова на почту. За чоботи Костѣ 30 копѣекъ, вина полинкового 3 кварти 24 копѣйки. Обѣдали у полковника и ажъ до ночи пробавили; переехали на Бобровицю и тутъ ночовали.

17. Студентамъ приходившимъ кумалбо данъ червоный; розишлось на розницу 12 копѣекъ. Дана псалтирка маленькая пана Борковского синамъ Михайлу и Василію [61]). Обѣдали у панеи Борковской, куда для опровожения насъ приездили панъ судія зъ панею своею и панъ Іванъ Булавка. Прибыли въ Седневъ [62]) 4 часа по полудни, а въ Листвень [63]) въ 7-мъ часу, где вежаючимъ въ село, палъ конь молодій гнѣдій, издохъ.

Засталемъ тутъ н. п. Красовского и Лисаневіча.

18. Пробавили весь день гулянемъ.

19. Даровалъ мнѣ панъ Борковскій [64]) пару кобилъ, рижую и сивую, да сивого-жъ лошака и табакерку, а женѣ штофикъ жолтій и зеркало. Розишлось 1 рубль 17 копѣекъ. По обѣдѣ отъехали и прибыли на ночъ въ Городню.

20. Зъ Городнѣ прибыли въ Жабчичи [65]) и тутъ обѣдали; одтоль прибыли на ночъ въ Клюсы.

21. Зъ Клюсовъ приехали на обѣдъ до Куршановичъ; одтоль на ночъ до Соловіовки; едучи чрезъ Хоромное, покиненъ хорий конь, таранъ, а дѣвчина потеряла коралеве монисто.

22. Прибыли въ Ропскъ на обѣдъ; тутъ у Ропску умовилемъ шабелника дѣлать для себе шаблю, а для пана судіи чернѣговского крижъ желѣзний подчерпь, которому шабелнику, а именно Алексію Грановскому, даны 30 копѣекъ взадатокъ; зоставлена фляжка

---

[61]) Михаилъ и Василій Андреевичи Борковскіе, оба бунчуковые товарищи въ 1751 г.

[62]) Мѣстечко черниговскаго уѣзда, принадлежало тогда Лизогубамъ.

[63]) Село городницкаго уѣзда.

[64]) Андрей Васильевичъ, сынъ генеральнаго обознаго.

[65]) Село городницкаго уѣзда.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА"

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ 1½—2 листовъ. **Подписная цѣна:** для иногородныхъ за годъ—**7** р., полгода—**4** р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они ни исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія выдвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обозрѣніяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обозрѣній, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, разсказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страницы „Сибирской Газеты" широко открыты.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

ГОДЪ ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1884-мъ ГОДУ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА XXI.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА"

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны.** Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоящ. при IV отд. Собств. Его Величества Канцеляріи Учебнымъ Комитетомъ—для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній **Императрицы Маріи.** Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе,

представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе „Семейныхъ Вечеровъ“ состоитъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой-же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для *Семейнаго чтенія*, какъ и въ 1883 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій,* а къ отдѣлу *для дѣтей — исунки техническихъ искусствъ* и *различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* „Семейныхъ Вечеровъ“ будетъ разослана, въ видѣ *преміи, олеографія „БУРЯ НА МОРѢ“*.

Въ приложеніи къ отд. для Семейнаго чтенія печатается рядъ лекцій, читанныхъ Государю Императору Александру Николаевичу въ 1830—1834 г. докторомъ Богословія Протоіереемъ *Г. П. Павскимъ*, подъ заглавіемъ *„БИБЛЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ“*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ доставк.	съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. 50 к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 р.	5 р. 50 к.
„ семейнаго чтенія и юношества (12 кн.) . . .	5 р.	5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію. уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ служащихъ въ казен. учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* (исключая іюня и іюля) въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, *книжками въ объемѣ 4—6 листовъ въ каждой.*

Подписная плата въ годъ 3 руб. 50 коп. съ пересылкой и доставкой, за границу 5 руб.

Подписка принимается *въ конторѣ редакціи,—Въ Москвѣ Денежный пер., у Мал. Каменнаго моста д. № 7.*

Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылается: подробности программы, *перечень статей, помѣщенныхъ въ журналѣ за 1883 г.*, а также—списокъ изданій редакціи, условія выписки книгъ и пріемъ изданій.

Принимаются на изданіе книжки для народнаго чтенія.

„Ветеринарный Вѣстникъ"

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

под *отвѣтственной редакціей* экс.-ордин. профессора Харьковскаго Ветеринарнаго Института, **П. А. Гордѣева.**

и

подъ *редакціей* ординарнаго профессора Директора Ветеринарнаго Института **М. Е. Земмера.**

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и физіологія нормальная и патологическая.

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной физіологіи, общей и частной патологіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по *зоотехникѣ, гигіенѣ, діэтетикѣ, сельскому хозяйству*, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринаріи и судебно-ветеринарной позиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библіографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и смѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНІЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ" въ 1884 году будетъ выходить *шестью* книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ въ каждой (что составитъ отъ 30 до 48 листовъ), *безсрочными выпусками*, смотря по накопленію научнаго матеріала, съ *приложеніемъ* въ концѣ года какого-нибудь спеціальнаго руководства въ формѣ кафедральныхъ лекцій, переводныхъ или оригиналь-

ныхъ сочиненій. По мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ редакція, въ свою очередь, увеличитъ какъ число книгъ, такъ и объемъ приложеній.

Начавшіяся издаваться съ 1882 года *„Руководство къ Частной Патологіи и Терапіи домашнихъ животныхъ“* и *Зоофармакологіи“* будутъ продолжаться и въ 1884 году. Независимо отъ этихъ двухъ руководствъ выходитъ еще и *„Анатомія домашнихъ животныхъ“*. Всѣ три руководства будутъ помѣщаться въ видѣ приложеній къ каждому выпуску.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложенія **6 руб.**, съ приложеніемъ **7 руб.**, съ пересылкой **8 руб.**

Примѣчаніе. По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка въ платежѣ на текущій годъ и *уступка* по *два рубля* за оставшіеся годовые экземпляры 1882 и 1883 гг.

Адресъ. Въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ, профессору *Петру Андреевичу Гордѣеву.* По этому же адресу принимаются статьи и работы, причемъ послѣднія должны быть четко написаны.

Редакторъ-Издатель, *П. Гордѣевъ.*

Вышелъ и Разсылается подписчикамъ

1 № (январь) 1884 г.

„Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.“

Содержаніе: I. **Дѣйствія Славянскаго Общества.** II. **Славянское Обозрѣніе:** Исновѣдники и партія, **О. Ѳ. Миллера.** Дѣятельность юго-славянской академіи въ Загребѣ, **П. А. Кулаковскаго.** Изъ путевыхъ замѣтокъ по Хорватіи, **И. П Сафоновича.** Изъ Праги, корреспонденція. Славистика въ С.-Петербургской Духовной Академіи. Пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ галичанъ. III. **Славянскія библіографическія:** Новый ученый трудъ В. И. Ламанскаго. Н. Любовичъ: Исторія реформаціи въ Польшѣ (замѣтка **В. Л. Кракау**). Вступительная лекція К. Я. Грота въ варшавскомъ университетѣ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли проф. І. І. Первольфа. Праздникъ „Славы“ у сербовъ **П. А. Кулаковскаго.**

Подписка на „Извѣстія“ принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества на площ. Александринскаго театра, № 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ **ДВА РУБЛЯ** съ доставкой и пересылкой.

ОПЕЧАТКИ.

Въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 114, строка 4 снизу:	
«Перечислены *всѣ* шанцы» . .	«Перечислены *не всѣ шанцы*».
Стр. 118, строка 2 сверху:	
«*все* хотѣлъ»	«*не* хотѣлъ».
Стр. 122, строка 6 сверху:	
«*Бефвица*»	«Беервица».
Стр. 127, строка 14 снизу:	
«*другими*» . . . . . , . .	«дорогими».

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учреждение, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Өедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

АПРѢЛЪ

1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

АПРѢЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

(1591—1596 г.).

(*Окончаніе*) [1].

II.

Лобода и Наливайко.

Причины козацкихъ грабежей внутри государства.—Біографическія свѣдѣнія о Наливайкѣ и Лободѣ.—Переходъ татаръ черезъ польскія владѣнія въ 1594 г.—Сношенія императора Рудольфа съ козаками: Хлоницкій и Ляссота.—Предпріятіе Язловецкаго.—Походъ козаковъ въ Молдавію.—Наливайко въ Брацлавѣ, затѣмъ въ Барѣ съ Лободою. 1595 годъ.—Неудавшаяся коалиція противъ турокъ и движеніе Замойскаго съ войскомъ къ границѣ.—Отдѣленіе Наливайка отъ Лободы и походъ его въ Венгрію.—Экскурсія его въ Бѣлую Русь.—Лобода съ Замойскимъ.

Козачество чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространялось по Украйнѣ. Изслѣдовать, какія условія тутъ дѣйствовали, пе входитъ въ нашу задачу. Отмѣчая просто это явленіе, нельзя не привести здѣсь словъ Н. И. Костомарова, въ точности подтверждаемыхъ бунтами Лободы и Наливайка. Онъ говоритъ: „лишеніе козаковъ возможности вырываться внѣ государства обратило ихъ удаль внутрь этого самаго государства. Козачество расширялось внѣ и было занято внѣшней войною, но коль скоро дорога къ внѣшней войнѣ была пресѣчена, то это вольное общество, естественно ища свободы своей дѣятельности, стало расширяться внутри, стремилось захватить для себя возможно болѣе поля въ королевствѣ и сломить про-

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 423—442.

тивоположныя себѣ начала шляхетскаго строя" [1]). Къ этому надо прибавить только, что не одна удаль и желаніе сломить эти начала обращали козаковъ внутрь государства, а иногда и нужда въ хлѣбѣ насущномъ [2]).

Какъ только выходили запасы, пріобрѣтенные набѣгами на сосѣднія земли, и если нельзя было сдѣлать ихъ тѣмъ-же путемъ, то козаки естественно кормились на счетъ государства, а собирали кормъ обычнымъ для того времени способомъ—грабежами и насиліями, въ чемъ нисколько не отличались отъ правительственныхъ жолнѣровъ.

Такимъ путемъ поступали козаки впродолженіе двухъ лѣтъ, въ 1594—1595 году, пока въ 1596 г. ихъ своеволія не навлекли на себя коронныхъ войскъ, какъ на враговъ государства. Къ этому присоединилась и нѣсколько усложнила дѣло подготовка къ офиціальному объявленію уніи, состоявшемуся осенью 1596 г. на соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ. Въ 1596 г. правительство наказало козаковъ лишь за то, что они осмѣлились практиковать обычные пріемы прiисканія продовольствія, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Лица, принимавшія въ этомъ болѣе другихъ видное участіе, были Лобода и Наливайко, а выступили они на сцену гораздо раньше этого времени: первый въ концѣ 1593 г. Обратимся прежде всего къ біографическимъ о нихъ свѣдѣніямъ; въ скудномъ числѣ можно найти оныя о Наливайкѣ.

Семеринъ-Наливайко былъ сынъ вѣроятно мелкаго шляхтича, у котораго былъ грунтъ въ Гусятинѣ, въ Брацлавщинѣ. Грунтъ этотъ отнялъ у отца Наливайка панъ Калиновскій, причемъ такъ избилъ владѣльца, что тотъ умеръ отъ побоевъ. По смерти мужа, вдова Наливайкова, мать Семерина, жила съ дѣтьми у сына своего Даміана, бывшаго священникомъ въ г. Острогѣ [3]). Самъ Семеринъ былъ на службѣ князя Острожскаго (должно быть такъ называемымъ рукодайнымъ слугою) и сражался въ его войскахъ противъ козаковъ Косинскаго [4]). Но въ это время онъ является уже чело-

---

[1]) Историч. монограф., т. III, стр. 249.

[2]) Это лучше всего видно изъ письма Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г.—Listy Żółk., стр. 65.

[3]) Костомаровъ. Моногр. т. III, стр. 258 и Кулишъ „Исторія возсоед. Руси" т. 2, стр. 92.

[4]) Путешествіе Эриха Ляссоты (русск. пер. Бруна), стр. 50.

вѣкомъ бывалымъ: онъ, по собственнымъ словамъ, съ юныхъ лѣтъ воевалъ по многимъ землямъ, подъ предводительствомъ козацкихъ гетмановъ [1]). Срокъ службы у Острожскаго кончился для Наливайка въ 1594 г., потому-что еще въ апрѣлѣ этого года онъ въ письмѣ къ коронному гетману называетъ Острожскаго своимъ паномъ и собираетъ войско съ его дозволенія [2]). Но 1-го іюля того-же года уже сносится съ запорожцами, какъ человѣкъ вольный, и выставляетъ имъ на видъ, что раньше не могъ служить имъ, потому что былъ на службѣ у Острожскаго [3]). Съ того времени и начинается извѣстность его въ исторіи. О Лободѣ извѣстно только, что онъ гетманствовалъ на Запарожьѣ еще до 1594 г. [4]).

Въ 1593 и 1594 г. турки вели войну съ цесаремъ Рудольфомъ II. Въ концѣ февраля мѣсяца 1594 г. отъ императора явился въ Польшу посолъ съ просьбой не пропускать татаръ въ Венгрію черезъ владѣнія Рѣчи Посполитой. Явился чаушъ и отъ султана—съ обратной просьбой. Сеймъ, пользуясь отсутствіемъ короля, который тогда уѣхалъ въ Швецію, на счетъ союза далъ обѣимъ сторонамъ уклончивый отвѣтъ; но о переходѣ татаръ черезъ польскія владѣнія отвѣтилъ прямо отрицательно [5]). Не смотря на это, въ апрѣлѣ разнесся слухъ, что татары двинулись на Украйну. Наливайко, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, сейчасъ-же, съ позволенія Острожскаго, у котораго состоялъ тогда на службѣ, собралъ около себя охотниковъ и отправилъ письмо къ Замойскому, прося его назначить мѣсто, гдѣ встрѣтить татаръ, и откуда брать съѣстные припасы; онъ просилъ Замойскаго, чтобы тотъ своими разпоряженіями санкціонировалъ ополченіе охотвиковъ, такъ какъ у нихъ много враговъ, желающихъ выставить ихъ за шайку грабителей [6]). Неизвѣстно, отвѣчалъ-ли что-нибудь на это Замойскій, только Наливайко все таки погнался за татарами, ворвавшимися черезъ Покутье, и преслѣдуя ихъ до Теребовля, хотя и не помѣшалъ ихъ опустошеніямъ, но успѣлъ отбить все таки отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Татары на

---

[1]) Такъ сказано у Кулиша въ 2 т., стр. 58.

[2]) Listy Żółk., стр. 64.

[3]) Ляссота, стр. 50.

[4]) Ibidem, стр. 37.

[5]) Бѣльскій, стр. 212—213; Гейденшт. т. 2, стр. 321—322.

[6]) Listy Żółk, стр. 64.

несли страшный вредъ странѣ. Они взяли Снятынъ, Жуковъ, Товмачъ, Чешибисы[1]), Тысьменицу; часть населенія увели съ собою, часть поубивали; села, попадавшіяся на пути, обратили въ пепелъ. Замойскій и самъ было двинулся съ войскомъ, даже настигъ татаръ у Самбора, но татары обманули его и прошли въ Венгрію на помощь туркамъ[2]).

Рудольфъ II, не надѣясь получить никакой существенной помощи противъ турокъ отъ польскаго правительства, еще въ началѣ 1594 г. завелъ непосредственныя сношенія съ козаками, съ цѣлью побудить ихъ къ набѣгамъ на турецкія владѣнія. Сношенія эти велись черезъ шляхтича Хлопицкаго довольно успѣшно,—отчасти потому, что козаки и безъ того постоянно промышляли въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ. Благодаря внушеніямъ императорскаго агента, запорожцы весною 1594 г.[3]) на 50 чайкахъ отправились, въ числѣ 1300 съ гетманомъ Богданомъ Минкошинскимъ къ морю, съ цѣлью помѣшать переправѣ татаръ черезъ Днѣпръ у Очакова, при слѣдованіи въ Венгрію; этотъ послѣдній походъ, впрочемъ, кончился для нихъ безуспѣшно, благодаря присутствію около переправы турецкихъ галеръ.

Возвратившись лѣтомъ изъ этого похода на Запорожье, козаки застали тамъ новаго посланца отъ императора, силезца Эриха Ляссоту[4]), привезшаго имъ подарки отъ цесаря и пріѣхавшаго для заключенія условій относительно новыхъ походовъ.

---

[1]) Нынѣшній Езуполь, при впаденіи Быстрицы въ Днѣстръ.

[2]) Бѣльскій, стр. 215—224; Ляссота, стр. 50.

[3]) Современные польскіе хроникеры упоминаютъ еще о болѣе раннемъ походѣ козаковъ, именно о способѣ на Юргевъ (Джурджево), который они относятъ къ концу 1593 году. Въ прошломъ году во Львовѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ „Справоздане дирекціи цесарско-королевской гимназіи академичной во Львовѣ на рокъ школьный 1881—2 г.", гдѣ помѣщена превосходная статья г. Заклинскаго „Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками и ихъ участь въ войнѣ угорско-турецкой въ р. 1594 и 1595 г.". Въ этой статьѣ г. Заклинскій съ большой основательностью доказалъ, что упомянутаго выше похода козаковъ на Джурджево не было, да и сношенія Рудольфа II съ козаками могли начаться не раньше начала 1594 г. („Справоздане" и проч., стр. 7, 34—35.

[4]) О посольствѣ Ляссоты см. дневникъ его, а о Хлопицкомъ, кромѣ Дневника Ляссоты—Бѣльскій, стр. 210; Гейденшт. т. 2, стр. 323; Listy Żółkiewskiego, стр. 45—49, 59—60.

Переговоры на этотъ разъ пошли однако не совсѣмъ успѣшно. Козаки отказывались невозможностью воевать за столь незначительное вознагражденіе, какое предлагалъ имъ посолъ, указывая между прочимъ на неимѣніе лошадей для похода и на большія затраты, необходимыя для ихъ пріобрѣтенія. Тутъ явились на Запорожье 1-го іюля послы отъ Наливайка съ предложеніемъ доставить запорожцамъ 1500—1600 лошадей изъ числа отбитыхъ имъ при погонѣ за татарами, шедшими въ Венгрію,—съ условіемъ, чтобы честное рыцарство простило Наливайку участіе его въ войнѣ противъ нихъ, въ войскѣ князя Острожскаго, и приняло его въ свою среду. Для полнаго оправданія Наливайко предлагалъ лично явиться въ Сѣчь и доказать свою правоту, предоставляя запорожцамъ въ противномъ случаѣ отрубить ему голову его собственною саблею. Неизвѣстно, какъ именно состоялось примиреніе, но что оно состоялось, показываютъ послѣдующіе совмѣстные походы Наливайка съ его вольницею и запорожцами. Переговоры съ императоромъ затянулись: запорожцы отправили съ Эрихомъ Ляссотою своихъ уполномоченныхъ въ Австрію для испрошенія большаго вознагражденія, а сами между тѣмъ не остались безъ дѣла.

Татаръ надо было ожидать обратно изъ Венгріи и принять мѣры къ предупрежденію могущихъ повториться опять опустошеній. Коронный гетманъ Замойскій, собравъ войско, расположился на границѣ съ Венгріей, чтобы встрѣтить татаръ при возвращеніи. Между тѣмъ снятынскій староста Николай Язловецкій задумалъ на собственныя средства составить отрядъ и напасть на оставленный безъ защиты Крымъ. Хотя правительство Рѣчи Посполитой обыкновенно строго запрещало частнымъ лицамъ нападать на татарскіе улусы и тѣмъ навлекать месть на государство, однако на этотъ разъ набѣгъ предпринимался съ вѣдома Замойскаго, который былъ озлобленъ на татаръ за причиненный ими вредъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на предпріятіе Язловецкаго, сомнѣваясь только, чтобы для этого хватило частныхъ средствъ. Но Язловецкій, собственно говоря, хотѣлъ выслужиться на чужой счетъ: всю надежду онъ полагалъ на козаковъ, которыхъ пригласилъ на помощь къ нѣсколькимъ сотнямъ нанятаго имъ войска. Козаки, въ ожиданіи результата переговоровъ съ императоромъ, такъ сказать между дѣломъ, приняли предложеніе Язловецкаго и отправились съ нимъ въ походъ. Ихъ было

два отряда: запорожцы шли подъ предводительствомъ Лободы, а Наливайко съ своею вольницею. Но во время похода они, раздумавъ, оставили Язловецкаго и расположились въ Брацлавщинѣ. Язловецкій, „желая выслужиться чѣмъ-либо", какъ говоритъ Бѣльскій, направился къ Бѣлгороду. Но за козаками стали уходить и его собственные люди: каждый день уходило, говоритъ Бѣльскій, душъ по сту, такъ что Язловецкій остался наконецъ ни при чемъ и долженъ былъ со стыдомъ возвратиться. Эта неудача такъ подѣйствовала на него, что онъ умеръ отъ горя [1]).

Куда направились запорожцы съ Лободой, оставивъ Язловецкаго—неизвѣстно; вѣроятно ушли за пороги. Наливайко-же съ своимъ войскомъ пошелъ къ Брацлаву. Мѣщане, измѣнивъ старостѣ Юрію Струсю, впустили козаковъ въ городъ и замокъ. Тамъ, говоритъ Бѣльскій, козаки жили, какъ дома, приказывая окрестной шляхтѣ доставлять имъ квартиры и продовольствіе. Кто изъ шляхты не исполнялъ ихъ требованія, они нападали на его домъ и разоряли. Между прочимъ тутъ они разграбили имѣніе пана Калиновскаго, отнявшаго грунтъ у отца Наливайка. Король слалъ къ нимъ листы съ приказаніемъ разойтись и не чинитъ людямъ убытковъ, но они не обращали на то вниманія. Напротивъ, къ Наливайку приставало все больше и больше народу [2]).

Наконецъ Наливайко самъ освободилъ шляхту отъ страха: съ цѣлью оказать услугу императору, онъ направился на Килію. По дорогѣ напалъ на Тегинь (Бендеры) и занялъ ее. Козаки вырѣзали здѣсь большую часть турецкаго и татарскаго населенія, затѣмъ городъ сожгли. Кромѣ того козацкіе загоны разбѣжались по окрестностямъ, сожгли много селъ (до 500, по словамъ самого Наливайка, сказаннымъ, очевидно, не безъ хвастовства) и взяли въ полонъ до 4 тысячъ татаръ и турокъ обоего пола. Въ то время, какъ козаки съ добычей уже возвращались домой, Ааронъ, господарь молдавскій, съ семью тысячами волошскаго и турецкаго войска, погнался за ними и преслѣдовалъ ихъ до самаго Днѣстра, гдѣ они должны были переправ-

---

[1]) Бѣльскій, стр. 224—225; Гейденшт. т. 2, стр. 326, 327; что съ Язловецкимъ были и Лобода и Наливайко, а не одинъ который нибудь изъ нихъ, объ этомъ у Костомарова (Моногр. т. 3, стр. 257).

[2]) Бѣльскій, стр. 225; Архивъ юго-западной Россіи стр. 67.

ляться. Во время переправы онъ отнялъ у козаковъ всю добычу. при этомъ козаковъ погибло нѣсколько сотъ или даже до 1500. Наливайко удалился отъ Днѣстра съ угрозами отомстить господарю [1]).

Дѣйствительно, спустя очень немного времени, Наливайко исполнилъ свою угрозу. Соединившись съ Лободою, онъ двинулся въ Молдавію. Въ этомъ походѣ козаковъ было до 12 тысячъ. Было у нихъ 40 хоругвей и на двухъ изъ нихъ орлы цесарскіе; предводительствовалъ Лобода, а Наливайко былъ помощникомъ. Козаки перешли Днѣстръ подъ Сорокой и сожгли Цецору. Ааронъ, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, бѣжалъ въ Волощину, а козаки тогда перешли Прутъ и явились въ господарскую столицу Яссы. Тутъ они награбили много разнаго добра, затѣмъ сожгли самый городъ и множество окрестныхъ селъ и съ громадной добычей къ осени вернулись въ границы королевства [2]).

Это было въ октябрѣ 1594 года. Наливайко опять отправился къ Брацлаву. Лобода тоже должно быть расположился гдѣ нибудь неподалеку, потому что въ ноябрѣ того-же года они стояли вмѣстѣ въ г. Барѣ. Въ Брацлавѣ назначены были въ то время судебные „роки". Съѣхавшаяся шляхта, предупрежденная городовымъ писаремъ Байбузою, получившимъ отъ Наливайка угрожающее письмо, отложила суды и разъѣхалась по домамъ. Городской урядъ принялъ Наливайка и онъ поселился въ Брацлавѣ, требуя по прежнему *стаціи* отъ окрестныхъ дворянъ, т. е. содержанія для себя.

Между тѣмъ шляхта, опомнившись отъ страха, возъимѣла намѣреніе продолжать суды. Пошли ободряющіе слухи, что козаковъ немного въ Брацлавѣ, что ихъ подъ Тегинью погибло до 1500 человѣкъ, а теперь многіе разошлись по домамъ и что стало быть Наливайко напрасно только пугаетъ ихъ. Расхрабрившаяся шляхта собралась опять ѣхать толпою въ Брацлавъ и съ дороги послала въ городъ пана Цурковскаго для объявленія козакамъ, что шляхта не желаетъ быть сочтена пособниками разбойниковъ и поэтому не только не будетъ больше давать *стаціи*, но напротивъ сама ѣдетъ громадою въ городъ для расправы съ козаками; войту-же и и мѣща-

---

[1]) Заклинскій, Зноцення цѣсаря..., стр. 23.

[2]) Бѣльскій, стр. 225; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 327.

намъ грозила наказаніемъ за потворство бунтовщикамъ. Козаки задержали Цурковскаго въ городѣ и когда шляхта, подъѣхавъ къ окрестностямъ Брацлава, остановилась въ ожиданіи посла, вдругъ ночью Наливайко съ козаками, въ сообществѣ со всѣмъ городскимъ урядомъ и мѣщанами, напалъ на шляхетскую стоянку, побилъ и поранилъ шляхтичей и ихъ слугъ, забралъ деньги, документы, все имущество шляхетское и благополучно вернулся въ городъ. Шляхта записала 17 октября протестъ въ урядѣ гродскомъ луцкомъ и обратилась съ жалобою къ королю [1]). Король прислалъ отъ 1-го ноября универсалъ къ шляхтѣ, въ которомъ, упоминая о прежнихъ своеволіяхъ брацлавскихъ мѣщанъ, за которыя они не разъ приговаривались къ наказанію еще покойнымъ Стефаномъ Баторіемъ, поручалъ шляхтѣ произвести слѣдствіе объ ихъ недавнихъ разбояхъ въ сообществѣ съ Наливайкомъ, и нашедши виновныхъ, покарать ихъ по закону, въ особенности „thego Nalewaika“ [2])

Универсалъ этотъ не имѣлъ никакого дѣйствія, потому что уполномочивалъ шляхту сдѣлать то, что она и безъ того сдѣлала-бы, если-бы только имѣла средства; средствъ-же этихъ, въ видѣ напримѣръ вооруженной силы, универсалъ не давалъ.

Въ серединѣ ноября Наливайко двинулся далѣе внутрь страны, къ г. Бару, гдѣ былъ и Лобода съ Хлопицкимъ. Всѣ козацкіе отряды расположились вокругъ города, такъ что ни одинъ человѣкъ не могъ проникнуть ни туда, ни обратно, безъ вѣдома козацкихъ предводителей. Въ замкѣ шли у козаковъ совѣщанія, а кругомъ города, по селамъ, производились по обыкновенію грабежи и разбои. На окрестное населеніе, знакомое съ козацкими и жолнѣрскими постоями, напала паника: жители разбѣгались, паны отправляли свои семейства въ болѣе безопасныя мѣста, а сами собирали слугъ вокругъ себя, чтобы только избавиться отъ смерти. „Прошу вашу милость научить меня, что дѣлать; простой совѣтъ не окажетъ намъ помощи, потому, что мы не имѣемъ силъ для отраженія опасности“, писалъ къ коронному гетману Яковъ Претвичъ, староста Теребовельскій, одинъ изъ близкихъ къ Бару владѣльцевъ [3]). Князь Острож-

---

[1]) Архивъ, стр. 66—68.

[2]) Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 20—21.

[3]) Listy Żółkewskiego, стр. 59—60.

скій, слыша о приближеніи къ его владѣніямъ козаковъ, выслалъ па развѣдки въ Меджибожъ слугу, который-бы слѣдилъ за ихъ движеніями. Хотя князь былъ въ личной перепискѣ съ Лободой, которую снисходительно поддерживалъ изъ боязни повторенія дѣла Косинскаго, и хотя Лобода, заискивая у Острожскаго, гарантировалъ безопасность его владѣній, тѣмъ не менѣе, когда разнесся слухъ о выступленіи козаковъ изъ Бара, Острожскій, въ письмѣ къ затю, князю Радзивилу, выражаетъ желапіе, что-бы козаки уходили подальше отъ него: „пусть направляются куда угодно, лишь-бы Господь насъ отъ нихъ сохранилъ“ [1]).

Вѣ Барѣ козаки стояли до конца 1594 года и распускали слухи, что будто-бы опять намѣрены двинуться въ Волощину [2]); на самомъ-же дѣлѣ, въ началѣ слѣдующаго года они направились частію къ Винницѣ, частію къ Брацлаву,—„поближе къ Днѣпру“, какъ думалъ Острожскій.

Во время этого движенія Лобода взялъ у нѣкоей шляхтянки Оборской близкую родственницу ея и насильно заставилъ ее обвѣнчаться съ нимъ.

Козаковъ въ это время было до 12 тысячъ. Король въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы на козацкія своеволія отправилъ за ними 2 тысячи войска. Острожскій выражалъ сомнѣніе въ письмѣ къ зятю, чтобы эта горсть могла что нибудь сдѣлать козакамъ, которымъ не въ состояніи были противостоять даже господари молдавскій н волошскій [3]). Что дѣлали эти 2 тысячи, неизвѣстно. Вѣроятно, согласно предположенію Острожскаго, они не осмѣлились вступить съ козаками въ дѣло.

---

[1]) Письма князя Острожскаго—въ приложеніи ко 2 т. „Исторіи возсоед. Руси“ Кулиша, стр. 431.

[2]) Костомаровъ (Моногр. т. 3, стр. 259), разсказывая объ этомъ, говоритъ. что о козакахъ одни говорили, будто-бы они идутъ къ Волохамъ, другіе—что *къ Черкесамъ;* надо *къ Черкасамъ*, а не *къ Черкесамъ* (въ письмѣ князя Острожскаго, откуда взялъ Костомаровъ это извѣстіе, говорится: *ku Czerkasom*, если только тутъ не поставилъ *a* по догадкамъ самъ издатель писемъ, г. Кулишъ). Далѣе у Костомарова приводится небывалый, кажется, фактъ, что козаки въ это время пограбили Волощину. Изъ писемъ Острожскаго ясно видно, что козаки только пускали слухъ, что идутъ въ Волощину, на самомъ-же дѣлѣ не пошли, а изъ Бара одни направились къ Брацлаву, другіе къ Винницѣ.

[3]) Кулишъ, т. 2, стр. 431 и 443.

Коронный гетманъ съ войскомъ, какъ было выше сказано, стоялъ лѣтомъ 1594 года, во время попытки Язловецкаго, на границѣ съ Венгріей, ожидая татаръ, которые должны были возвращаться домой черезъ польскія владѣнія. Простоявъ тамъ съ собравшимися около него панами до конца 1594 года, Замойскій получилъ извѣстіе, что татары прошли изъ Венгріи прямо черезъ Волощину, миновавъ польскія земли; поэтому въ январѣ 1595 года онъ уѣхалъ на сеймъ, а собравшіеся съ войскомъ паны разошлись [1]). На сеймъ въ началѣ 1595 года явились послы отъ цесаря, отъ папы, изъ Семиградіи и обоихъ румынскихъ княжествъ съ предложеніемъ союза противъ турокъ. Замойскій, зная по опыту, какъ трудно вести войну съ турками небольшими силами, противодѣйствовалъ заключенію союза, если къ нему не будутъ привлечены король испанскій и всѣ германскія государства. Шляхта, боясь новыхъ налоговъ, поддержала Замойскаго, и союзъ не состоялся, тѣмъ болѣе, что цесарь не могъ склонить къ нему испанскаго короля, занятаго въ это время войной съ Франціей [2]). Союзъ не состоялся, но княжества румынскія, вмѣстѣ съ Семиградіей, отпали отъ турокъ и, слѣдовательно, должна была начаться война, во время которой могли пострадать отъ татаръ пограничья Рѣчи Посполитой. Поэтому Замойскій съ войскомъ долженъ былъ двинуться на границу съ Молдавіей, къ Днѣстру. Онъ оповѣстилъ козаковъ, что теперь настало время заслужить прощеніе короля за прежнія преступленія и приглашалъ ихъ на помощь къ своему войску. Козаки сначала не хотѣли и требовали платы за участіе въ походѣ, но потомъ согласились; согласилась однако только часть ихъ, бывшая подъ предводительствомъ Лободы.

Изъ предыдущаго разсказа видно, что Лобода начальствовалъ надъ запорожцами, а Наливайко надъ вольницей, состоявшей изъ разнаго народу. Это подтверждаютъ и современные авторы. Гейденштейнъ напримѣръ прямо говоритъ (т. 2, стр. 363): „Лобода начальствовалъ надъ старыми, чистой расы, низовцами; Наливайко

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 328. У Костомарова почему-то сказано, что Замойскій вернулся въ концѣ декабря 1594 года. Гейденштейнъ, какъ секретарь Замойскаго, долженъ былъ знать о возвращеніи своего принципала, кажется, въ точности.

[2]) Бѣльскій, стр. 227—228; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 329—340.

имѣлъ подъ собой самихъ преступниковъ и бѣглыхъ, людей жестокихъ, но отважныхъ". Хотя Наливайко и помирился съ запорожцами и дѣлалъ вмѣстѣ съ ними набѣги, но или запорожцы не хотѣли, составляя нѣкоторымъ образомъ извѣстное войско, смѣшиваться со сбродомъ Наливайка, или поссорились сами предводители, потому что Наливайко, какъ видно, былъ честолюбивъ, а ему не давали первой роли [1]),—только въ февралѣ 1595 г. козацкое войско раздѣлилось: низовцы, подъ предводительствомъ Лободы, слѣдуя призыву Замойскаго, двинулись 21 февраля изъ Брацлава на помощь коронному войску, а Наливайко со своими козаками расположился въ Острополѣ, по сосѣдству съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Князя въ это время не было на Волыни; онъ былъ въ своемъ полѣсскомъ имѣніи Туровѣ и оттуда въ письмѣ къ Радзивилу выражалъ опасенія на счетъ безопасности своихъ маетностей въ виду присутствія козаковъ: „панъ Лобода, писалъ Острожскій, желая пріязни со мной, велъ себя спокойно относительно меня и моихъ подданныхъ, а этотъ „łotr" Наливайко, отставши отъ другихъ, въ числѣ 1000 человѣкъ гоститъ теперь въ маетности моей Острополѣ... Другаго Косинскаго насылаетъ на меня Господь Богъ!..." [2]).

Опасенія Острожскаго однако не оправдались: „погостивъ" въ Острополѣ, Наливайко съ своими козаками отправился черезъ Семиградію въ Венгрію на службу къ Эрцгерцогу Максимилліану. Но здѣсь онъ былъ не долго и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ огромной добычей, вернулся черезъ Самборъ на родину [3]). Объ этой своей заграничной службѣ самъ Наливайко писалъ къ королю слѣдующее: „не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкши, мы, по письму нъ намъ христіанскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ своей рыцарской, прослужили не мало времени; но узнавъ, что семиградскій воевода заводилъ козни противъ гетмана, не захотѣли мы оставаться болѣе въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки". Иностранные-же хроникеры передаютъ, что козаки просто оказались нестер-

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

[2]) Приложеніе ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руси" Кулиша, стр. 345.

[3]) Гейденшт. т. 2, стр. 463.

пимыми грабителями и потому нѣмцы постарались скорѣе препроводить ихъ въ Польшу [1]).

Вернувшись изъ Венгріи, Наливайко явился опять на Волыни и первый-же городъ, лежавшій на дорогѣ—Луцкъ, подвергъ опустошенію. Козаки явились туда во время ярмарки и такъ разграбили, что король, по просьбѣ пострадавшихъ, особымъ листомъ приказалъ луцкому „поборцѣ" Николаю Семашку не взыскивать съ нихъ чоповаго, впредь до дальнѣйшей королевской инструкціи [2]).

Изъ Луцка Наливайко направился въ Бѣлоруссію; онъ напалъ на городъ Слуцкъ, бывшій во владѣніи Іеронима Хоткевича, каштеляна виленскаго. Городъ съ замкомъ былъ взятъ и поступилъ въ распоряженіе козаковъ; но тутъ Наливайко услыхалъ, что на него готовитъ войско гетманъ литовскій и потому не остался въ Слуцкѣ, а взявъ изъ замка 12 самыхъ лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ и 700 рушницъ, да съ жителей окупу 5000 копъ литовскихъ, поспѣшилъ убраться оттуда и пошелъ далѣе въ Бѣлоруссію, къ Могилеву [3]).

Здѣсь замокъ былъ довольно надежный, такъ что жители заперлись и начали было защищаться. Козаки осадили городъ и 30 ноября взяли штурмомъ. Обозленные сопротивленіемъ, они творили страшныя жестокости. „Мѣсто славное Могилевъ, говоритъ лѣтописецъ, мѣсто побожное, домы, крамы, острогъ выжгли; всехъ яко 500, а крамовъ зъ великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили; скарбовъ тежъ незличоныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ" [4]). Такъ неистовствовали козаки впродолженіе двухъ недѣль. Наконецъ къ Могилеву подошло литовское войско, подъ начальствомъ Криштофа Радзивила, воеводы виленскаго, гетмана литовскаго. Съ нимъ было войско литовскихъ пановъ, всего числомъ до

---

[1]) Кулишъ, т. 2, стр. 81.

[2]) Чоповое—питейный сборъ. О нападеніи на Луцкъ см. Бѣльск., стр. 253; Гейденшт. т. 2, стр. 363; Арх. юго-зап. Русп, стр. 69.

[3]) Бѣльскій, стр. 253—254.

[4]) Кулишъ. Матер. для истор. возсоед. Руси т. I, стр. 64—65. Здѣсь напечатана рукопись, хранящаяся въ московской синодальной библіотекѣ подъ № 790, съ печатнымъ заглавіемъ на корешкѣ: „Лѣтописецъ вкратцѣ" и названная г. Кулишомъ *Боркулабовской хроникой*, по мѣсту составленія—г. Боркулабову.

14 тысячъ, да татаръ 4 тысячи. Козаки заперлись въ разоренномъ Могилевѣ, но не могли долго усидѣть. Мѣщане, чтобы избавиться отъ нихъ какимъ-бы то ни было образомъ, зажгли замокъ и козаки принуждены были защищаться инымъ способомъ. Они вышли на сосѣднюю гору, Илинскую, и укрѣпились. Тутъ ихъ окружила литва съ татарами, расположившись на полѣ Буйницкомъ, имѣніи князя Богдана Соломерецкаго, кричевскаго и олучицкаго старосты. Сраженіе продолжалось цѣлый день, но литовское войско не могло причинить вреда козакамъ, потому что у нихъ было много пушекъ, гаковницъ, полгаковъ и иного оружія; кромѣ того позиція ихъ была очень выгодна для защиты. Потомъ козаки, спустившись съ горы, начали уходить такъ стройно, что войско литовское и тутъ не могло имъ повредить.

Козаковъ, уходившихъ таборомъ, литовцы преслѣдовали до Рогачева, затѣмъ вернулись въ Могилевъ и разграбили до тла все, что только могло остаться отъ пожара и козаковъ. Далѣе „литва и татары рушилися до Менска, до Новгорода и до Вильны, набравшися тутешнего краю лупу“ [1]). Изъ Рогачева Наливайко въ концѣ января 1596 г. возвратился на Волынь [2]).

Между тѣмъ Лобода съ запорожцами отправился было на помощь къ коронному гетману. Объ этомъ его походѣ никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Послѣднее напечатанное письмо Лободы къ Острожскому относится къ 23 февраля 1595 года и писано имъ по выступленіи изъ Брацлава, съ дороги [3]). Послѣ этого до 11 января слѣдующаго года, когда Лобода находился въ Овручѣ и оттуда писалъ къ Замойскому [4]), нѣтъ никакихъ документовъ. Что касается цитуемыхъ нами авторовъ, то они говорятъ объ этомъ очень неопредѣленно. Вотъ что можно извлечь изъ нихъ.

Пока Замойскій дошелъ до молдавской границы, дѣла этого княжества сложились такъ, что потребовалось вмѣшательство поляковъ. У господаря Аарона была наемная венгерская дружина, начальникомъ которой былъ нѣкій Розванъ. Онъ измѣннически

---

[1]) Кулишъ. Матер. т. 1, стр. 65, изъ Боркулаб. хроники.

[2]) Гейденшт. т. 2, стр. 363.

[3]) Прилож. къ 2 т. „Ист. возсоед. Руси“ Кулиша, стр. 435.

[4]) Listy Żółk., стр. 65.

схватилъ господаря и съ семействомъ отправился къ семиградскому князю Сигизмунду Баторію, а самъ на правахъ его намѣстника сталъ управлять Молдавіей. Но тамошніе бояре были недовольны имъ и обратились къ Замойскому съ просьбой поставить имъ господаря отъ имени короля польскаго и защитить ихъ отъ турокъ. Исполняя просьбу, гетманъ вошелъ въ Молдавію, поставилъ на господарство Іеремію Могилу и расположился затѣмъ у Цецоры, близъ Днѣстра, въ ожиданіи татаръ. У Замойскаго было всего до семи тысячъ войска, потому-то онъ и обратился къ козакамъ. Лобода потянулъ къ нему, какъ выше сказано, но предпринялъ этотъ походъ единственно съ цѣлью пограбить. Дѣйствительно, козаки подошли къ Тегини и разсыпались опустошать окрестности. Тогда гетманъ, видя, что отъ нихъ больше вреда, чѣмъ пользы, объявилъ, что если они не уйдутъ и не будутъ сидѣть спокойно, то онъ будетъ поступать съ ними, какъ съ непріятелемъ. Послѣ этого Лобода вернулся въ украинныя воеводства, гдѣ и застаемъ его въ началѣ 1596 г. Замойскій-же, благодаря счастливому случаю, отвратилъ отъ Молдавіи грозу со стороны турокъ и заключилъ съ ними выгодный для Польши миръ, по которому Могила былъ признанъ господаремъ, въ вассальной зависимости отъ Польши. Затѣмъ Замойскій уѣхалъ зимою въ Польшу, оставивъ одну часть войска Могилѣ, другую-же двинулъ подъ начальствомъ польнаго гетмана Жолкевскаго на Украину, гдѣ въ началѣ 1596 года уже завязалась „трагедія“ съ козаками[1]).

III.

Подготовка уніи и отношеніе къ ней дѣйствій Наливайка на Волыни.—Братья Наливайка въ маетностяхъ епископа Кирилла Терлецкаго и пана Семашка.—Войско Лободы въ кіевскомъ воеводствѣ и прикрывавшіеся именемъ этого войска.—Савула.—Предписаніе короля Жолкевскому и универсалъ къ шляхтѣ противъ козаковъ.—Движеніе Наливайка изъ Волыни къ Брацлаву.—Брацлавщина.—Преслѣдованіе Жолкевскимъ Наливайка до „дикихъ полей“.—Сношенія Наливайка съ Жолкевскимъ и Лободою, и Лободы съ Жолкевскимъ.—Возвращеніе Савулы въ Кіевъ изъ Бѣлой Руси и соединеніе съ Лободою.—Сасько и Рожинскій.—Соединеніе всѣхъ козацкихъ отрядовъ у Бѣлой Церкви.—Сраженіе при Бѣлой Церкви и въ урочищѣ Острый Камень.—Переходъ козаковъ на лѣвую сторону Днѣпра.—Несчастье съ полкомъ Кремпскаго въ Каневѣ.

Возвратившись изъ Бѣлой Руси на Волынь, Наливайко расположился опять въ имѣніяхъ кн. Острожскаго. Но на этотъ разъ

---

[1]) Бѣльскій, стр. 235—251, 253; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 344—359.

князь не протестуетъ противъ присутствія такого „гостя", потому что оно даже было ему на руку.

Какъ извѣстно, 1595-й и половина 1596 года были временемъ подготовки къ офиціальному объявленію уніи, состоявшемуся на соборѣ въ Брестѣ осенью 1596 года. Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потій уѣхали въ Римъ въ 1595 году и въ началѣ слѣдующаго еще не возвратились. Князь Константинъ Константиновичъ сталъ на сторону угрожаемаго православія. Какіе мотивы побуждали его явиться ярымъ противникомъ уніи, здѣсь не мѣсто обсуждать. Для насъ остается только фактъ, что князь Острожскій пользовался всѣми средствами, какія только были у него подъ руками, чтобы уничтожить, или по крайней мѣрѣ затормозить предпріятіе сторонниковъ уніи. Зная непріязнь князя къ дѣятелямъ уніи, Наливайко и его вольница не замедлили воспользоваться ею въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Сейчасъ-же шайки своевольныхъ людей обратились на имѣнія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу уніи, и подвергли ихъ полному опустошенію, пользуясь не только безнаказанностью, но даже покровительствомъ урядниковъ владѣній Острожскаго. Нельзя обвинять князя Острожскаго въ прямомъ подстрекательствѣ козаковъ къ грабежамъ, да это было-бы и излишне. Наливайко былъ слишкомъ тонкій человѣкъ и съ слишкомъ большимъ чутьемъ къ безнаказанной поживѣ для того, чтобы нуждаться въ подстрекательствѣ, когда обстоятельства указываютъ дорогу. Но что князь зналъ о насиліяхъ и не давалъ управы по жалобамъ потерпѣвшихъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, потворствовалъ расправѣ козаковъ, объ этомъ прямо говорятъ акты [1]). Нельзя въ этомъ случаѣ смотрѣть на письмо Острожскаго къ зятю [2]), въ которомъ онъ отрицаетъ свое участіе въ подстрекательствѣ Наливайка, какъ на документъ, оправдывающій князя съ внутренней, а не съ формальной стороны. Письмо это не было откровеннымъ сознаніемъ близкому человѣку въ интимной перепискѣ. Оно было разсчитано на многочисленную вліятельную публику, съ которой зять будетъ говорить о тестѣ. Интересно кромѣ того участіе въ наѣздахъ козацкихъ брата Наливайка, острожскаго священника Дамьяна. Ни до, ни послѣ этихъ именно

---

[1]) Арх. юго-зап. Руси, ч. III, т. 1, стр. 76, 99, 135, 137.

[2]) Прилож. ко 2 т. Кулиша, стр. 438.

наѣздовъ, онъ не состоялъ въ вольницѣ брата; слѣдовательно участвовалъ въ ея поискахъ не въ силу присущей тогда всякому ненависти къ панамъ-притѣснителямъ; очевидно, имъ руководили религіозныя побужденія, а вмѣстѣ и желаніе подслужиться князю, или разсчетъ на его покровительство. Такъ или иначе, только Острожскій не называлъ уже Наливайка вторымъ Косинскимъ. Наливайко выѣзжалъ на грабежи изъ княжескихъ имѣній [1]) и возвращался туда-же; а княжескіе урядники не преслѣдовали его судомъ по жалобамъ потерпѣвшихъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Наливайко, съ братомъ Дамьяномъ, сдѣлалъ набѣгъ на владѣнія Яроша Терлецкаго, брата уѣхавшаго въ Римъ епископа Кирилла. Къ нимъ пристали люди, лично не расположенные къ Терлецкимъ: сосѣдъ по имѣнію Павелъ Кмита, слуга епископа Флоріянъ Гедройтъ и другіе; они показывали дорогу въ села, принадлежавшія Терлецкому. Сначала ограбили имѣнье Дубую, потомъ Отовчичи. Дворы „зобрали, злупили и сплондровали; врядника, слуги, челядь побили, поранили; злото, сребро, права, привиля, листы важные, мамрамы на долги и иншие на маетности и справы пилные, кони ездъные и вшелякое забране, отъ мала до велика, побрали и полупили и съ тымъ укрываючися по некоторыхъ домехъ шляхетскихъ, уѣхали до мѣста княжати его милости, пана воеводы киевского, Степаня“ [2]).

Затѣмъ досталось и маетностямъ самого епископа. „Часу отеханя до Рыму, черезъ неприятелей внутрънихъ и сваволенство козацкое людей злыхъ, маетность его милости въ краю Пинскомъ вся забрана, злуплена и розпрошона“. Въ самомъ Пинскѣ, у нѣкоего мѣщанина Григорія Крупы хранились „мамрамы“ епископскія, ризница его и всѣ „коштовные обряды и апараты епископьи“, отданные этому мѣщанину на храненіе въ отсутствіе епископа. Наливайко, вѣроятно по указанію людей, прежде близкихъ къ Терлецкому, напалъ на домъ Крупы и забралъ всѣ имущества, принадле-

---

[1]) Почему-то Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 265—266) наѣзды Наливайка съ братомъ и съ Гедройтомъ на имѣнія братьевъ Терлецкихъ относитъ къ возвращенію Наливайка изъ Бѣлоруссіи: ограбили де-скать по дорогѣ. Акты (Арх., стр. 78) прямо говорятъ, что выѣзжали они изъ имѣній кн. Острожскаго.

[2]) Архивъ юго-зап. Руси, стр. 77.

жавшія епископу [1]). Впослѣдствіи, когда слуги Терлецкаго, шляхтичи Олизаровскій и Гротъ, явились въ Острогъ и на основаніи королевскаго листа требовали у тамошняго княжескаго старосты Ждана Боровицкаго выдачи епископскаго слуги Гедройта, то Боровицкій, по словамъ Олизаровскаго, ихъ „до двора своего, яко-бы якихъ лотровъ привелъ и разобравши зъ оденя, постронками бити хотѣлъ“, потомъ „до турмъ местскихъ розно посажалъ, и въ ней за сторожью день и ночъ голодомъ морячи, у везеню держалъ“ и затѣмъ, какъ преступниковъ, отослалъ въ гродскій судъ, въ Кременецъ [2]).

Кромѣ Терлецкихъ, наѣзды направлялись на владѣнія другаго дѣятеля уніи въ томъ краѣ, пана Александра Семашка, старосты луцкаго, каштеляна брацлавскаго. Въ этихъ наѣздахъ попу Наливайку помогали уже другія лица, тоже вѣроятно личные враги Семашка. Тутъ фигурируетъ даже *князь* Петръ Вороницкій, собравшій сотню и грабившій съ нею самостоятельно. 17 февраля попъ Дамьянъ Наливайко, князь Петръ Вороницкій и шляхтичъ Гулевичъ напали съ отрядомъ вооруженныхъ людей сначала на мѣстечко Тучинъ, потомъ на село Коростятинъ, маетности Семашка, и произвели страшное опустошеніе: ограбили имущества, какъ господскія, такъ и крестьянскія, насиловали женщинъ, крестьянамъ отрѣзывали уши и мучили другими способами. Приведемъ здѣсь нѣсколько небольшихъ выдержекъ изъ реестра убытковъ, причиненныхъ въ Тучинѣ и Коростятинѣ, исчисляющаго просто, безъ всякихъ иллюстрацій, „шкоды“, причиненныя „людьми свовольными“; онѣ дадутъ понятіе о безобразіяхъ, творившихся въ этихъ мѣстахъ шайками Наливайка. Исчисляя имущества, забранныя у крестьянъ, реестръ говоритъ напримѣръ: „у Рубина взяли ермякъ синий, люнский, взяли сокѣру и гусевъ семъ, и вепра, и лезиво ременное, и пенязей сто грошей литовскихъ, бчолы двое выдрано, и самого збили, и косы две, и шлякъ узялы, и три разы его мучили, стрелами руки кололи“; „у Гуменника клячу взяли, и ухо урезали, и копенякъ узято“; „Деревяци клячу взели, шапокъ две, ложникъ новий, сермягу, невесткамъ двомъ кгвалтъ учинили. Савостьянови

---

[1]) Архивъ, стр. 133.

[2]) Ibidem, стр. 137.

коня взяли и кожухъ, и жонѣ его кгвалтъ учинено. Боскови жонѣ его кгвалтъ учинено"; „у Парфена седло зъ войлокомъ, кошуль две, и сынови его уха урѣзано, и збито и змордовано самого, и на дорозе его покинули..." и проч. Въ господскихъ дворахъ брали больше и лошадей хорошихъ породъ, „меды и иные напое", но конечно не пропускали и прочихъ вещей. Все награбленное имущество Вороницкій и Гулевичъ увозили въ свои маетности, а попъ Наливайко въ Острогъ, гдѣ пользовался защитой мѣстнаго уряда [1]). Такъ когда въ Острогъ явился возный съ шляхтой-понятыми, чтобы отобрать лошадей, взятыхъ Дамьяномъ въ Коростятинѣ, то этотъ послѣдній съ угрозами прогналъ его. „Кгды есми хотелъ, говоритъ возный, тые вси кони личковати, тогды тотъ попъ Острозскій, братъ Наливайковъ, самъ мне около губы началъ кивати и до кия порвался". Возный обратился къ содѣйствію старосты Боровицкаго, но онъ, вмѣсто помощи, отвѣчалъ возному: „ражу вамъ, уеждчайте оттоль прочъ, бо всѣ погинете!" и мы, говоритъ возный, „мусели ночю прочъ уеждчати" [2]).

Приведенные случаи грабежей и насилій, можно думать, были не единственными. Къ Наливайку приставало множество слугъ, хлоповъ, и вся эта вольница должна-же была гдѣ нибудь помѣщаться и кормиться. Они мелкими шайками, вь родѣ сотни князя Вороницкаго, разсыпались по селамъ и мѣстечкамъ и вездѣ чинили насилія, подобныя только что описаннымъ.

Въ то-же самое время, въ январѣ и февралѣ 1596 года, войско поступало такимъ-же образомъ въ кіевскомъ воеводствѣ. Собственно козаки, бывшіе въ войскѣ, вели себя теперь нисколько не хуже и не своевольнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было въ другое время. Они собирали только *стацію*, съ тѣми-же обычными пріемами, какіе употреблялись въ этихъ случаяхъ всегда и ими, и жолнѣрами. Характерно очень письмо Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г., въ которомъ онъ выражаетъ свой взглядъ на это дѣло. „Ваша милость пишешь къ намъ и приказываешь, писалъ Лобода, не входить въ границы великаго княжества литовскаго, къ Мозыру, и товарищей не пускать; не требуешь отъ насъ

---

[1]) Архивъ, стр. 86—98.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 99.

услугъ великому княжеству литовскому и всей Рѣчи Посполитой, указывая на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу, за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святаго. Но мы, если пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна:... въ это зимнее непогодное время, когда насъ никуда не требуешь на услугу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться; поэтому покорно и униженно просимъ, благоволи *не заборонять намъ хлѣба-соли*" [1])... Эту хлѣбъ-соль козаки добывали обычнымъ способомъ, дѣлая наѣзды на сосѣднія села и забирая насильно все, что только попадалось подъ руку годнаго. Но къ войску очень много пристало сброду, для котораго грабежъ былъ ремесломъ, и много крестьянъ, ушедшихъ отъ панскаго гнета и потому готовыхъ мстить своимъ угнетателямъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ именемъ и силою войска Лободы прикрывались авантюристы изъ шляхты, составлявшіе отряды съ цѣлью грабежа, или тѣ изъ дворянъ, которые хотѣли воспользоваться случаемъ для мести своимъ личнымъ врагамъ. Акты приводятъ примѣры такихъ людей, злоупотреблявшихъ именемъ Лободы и козаковъ. Такъ напримѣръ шляхтичъ Андрей Ганскій подговаривалъ другаго шляхтича, Остафія Слуцкаго, чтобы онъ назвался сотникомъ войска гетмана Лободы. Самъ Ганскій назвался атаманомъ. Они собрали толпу и шли къ войску Лободы просить у него на подмогу людей, чтобъ вмѣстѣ съ ними сдѣлать наѣздъ на одного шляхтича кіевской земли, которому хотѣли отомстить „за ниякось побране почту своего". Но по дорогѣ напали на село Коростятинъ, маетность Семашка. Здѣсь имъ однако не посчастливилось: сотникъ Остафій Слуцкій былъ убитъ, а Ганскій съ товарищами попалъ въ плѣнъ и былъ впослѣдствіи казненъ по приговору луцкаго гродскаго суда [2]). Другой примѣръ: подданные замка Межиричъ и окрестныхъ селъ, гдѣ старостою былъ Янъ Скотницкій, собрались подъ начальствомъ мѣщанина Гуменицкаго и называя себя сотнею гетмана Лободы, напали на замокъ Хунковъ, все того-же Семашка, и на его-же села и „чинили кгвалты

---

[1]) Listy Żółk., стр. 65.

[2]) Архивъ, стр. 106—129.

белымъ головамъ (т. е. женщинамъ), бои, морды (истязанія) людямъ невиннымъ", угнали множество лошадей и рогатаго скота. Когда-же возный явился въ замокъ Межиричи и, увидѣвъ тамъ весь награбленный скотъ, хотѣлъ „личковать" его, то былъ избитъ и выгнанъ урядникомъ и евреемъ-арендаторомъ [1]).

Въ то время, какъ это происходило на Волыни и въ Подоліи, часть козаковъ, подъ начальствомъ Савулы, сдѣлала экскурсію въ Литву и Бѣлую Русь, по примѣру Наливайка [2]). Объ этой экскурсіи нѣтъ подробностей, но по всей вѣроятности тамъ повторялось то-же, что и на Волыни. Козаки ушли туда должно быть потому, что тамъ „хлѣбъ-соль" была непочата.

Сумма безпорядковъ, творившихся Наливайкомъ, Лободою и Савулою, вызвала наконецъ серьезное опасеніе со стороны правительства. Король предписалъ польному гетману Станиславу Жолкевскому двинуться съ войскомъ изъ Молдавіи на усмиреніе украинныхъ воеводствъ. Въ то-же время онъ издалъ универсалъ къ шляхтѣ этихъ воеводствъ, приглашая ее соединиться съ войскомъ гетмана и совокупными силами идти на козаковъ. „Тотъ-же запалъ, писалъ король, уже праве до упреймости и верностей вашихъ доходитъ, которому кгды-бы ся не забежало, тожъ-бы ся, чого не зычимо, маетностямъ, деткамъ, жонамъ и самымъ-же упреймостямъ и верностямъ вашимъ одъ тыхъ своволныхъ людей деяло, што ся по тые часы вашой брати другой, звлаща при Украйне, стало" [3]). Листъ королевскій Жолкевскій получилъ въ февратѣ 1596 года. Не медля ни минуты, онъ двинулся къ Кременцу. У гетмана было очень немного войска, да и то истомленное молдавскимъ походомъ и давно не получавшее жалованья. Жолнѣры съ неохотой повиновались распоряженіямъ своихъ начальниковъ. Съ такими силами Жолкевскій не отваживался предпринимать что-нибудь рѣшительное и, разославъ письма къ воеводамъ волынскому и кіевскому и другимъ лицамъ, ждалъ вспомогательныхъ отрядовъ и осаждалъ Замойскаго письмами о жалованьи жолнѣрамъ [4]).

---

[1]) Архивъ, стр. 101.

[2]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

[3]) Архивъ, стр. 84.

[4]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363—364; Listy Żołkiewskiego, стр. 67—68.

Услышавъ о приготовленіяхъ польнаго гетмана, Наливайко двинулся изъ Волыни въ брацлавское воеводство, но не очень спѣшилъ, говоритъ Гейденштейнъ, потому что зналъ, что хоругви сходятся къ гетману медленно, а безъ нихъ Жолкевскій не осмѣлится напасть на него. Онъ разсчитывалъ остановиться въ Лабунѣ [1]) и подождать здѣсь, пока соберутся всѣ купы, которыя разбрелись на поживу по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ, а затѣмъ идти къ Брацлаву, гдѣ населеніе было къ нему очень расположено.

Здѣсь не лишне замѣтить, что въ Брацлавщинѣ козачество находило столь-же благопріятную почву для своего развитія, какъ и въ Поднѣпровьѣ. Это обусловливалось географическимъ положеніемъ Брацлавщины: она, какъ пограничье, такъ-же часто имѣла дѣло съ татарами, какъ и другія, сосѣднія съ ними области. Населеніе Брацлавщины, не имѣя возможности окозачиться по разнымъ причинамъ, тѣмъ не менѣе всегда тяготѣло къ козакамъ. Достаточно припомнить пребываніе Наливайка въ Брацлавѣ въ 1594 году, когда въ насиліяхъ надъ шляхтою ему помогали не только мѣщане, но и самъ муниципалитетъ, чтобы видѣть, что козаки, или всякая вольница, называвшая себя такъ и поступавшая покозацки, были дорогими гостями въ Брацлавѣ.

Сюда-то и стремился Наливайко по старой памяти. Но разсчеты его не удались. Жолкевскій, зная всю трудность расправы съ Наливайкомъ, если-бы онъ засѣлъ въ Брацлавѣ, рѣшилъ во чтобы то ни стало отрѣзать его отъ этого мѣста. Посему онъ, не ожидая подкрѣпленій, съ наличнымъ войскомъ двинулся къ Лабуню.

Это было въ концѣ февраля. Жолкевскій подошелъ къ Лабуню такъ неожиданно, что Наливайко и не подозрѣвалъ близости поляковъ. Вольница его не была въ сборѣ. Здѣсь, доносилъ потомъ Жолкевскій Замойскому, навѣрное-бы досталось козакамъ, если-бы ихъ не предупредилъ нѣкій Плоскій, бывшій сначала съ своею ротою въ польскомъ войскѣ, но потомъ перешедшій къ козакамъ, когда его рота, въ числѣ другихъ была отпущена за недостаткомъ жалованья [2]). Благодаря Плоскому, Наливайко ушелъ изъ Лабуня и направился къ Острополю. Войско его шло въ разбродъ, по разнымъ

---

[1]) Лабунъ—нынѣ мѣстечко заславскаго уѣзда, волынской губерніи.

[2]) Listy Żółk., стр. 71.

деревнямъ. Жолкевскій двинулся за нимъ. Въ селѣ Мацеіовицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, передовой отрядъ польскаго войска 2 марта наткнулся на двѣ сотни козаковъ, подъ начальствомъ сотниковъ Марка Дурнаго и Татаринца, числомъ до 500 человѣкъ. Не смотря на то, что козаки сильно подпили, выпивъ цѣлую бочку горилки у арендатора, они все таки стали бодро защищаться, такъ что поляки, не будучи въ состояніи съ ними справиться, „подкурили" ихъ: зажгли село и козаки погибли въ пожарѣ и сраженіи [1]).

Другой отрядъ встрѣтилъ козаковъ въ селѣ Чернавѣ; тутъ они стояли „на чатахъ" и однако-же не замѣтили приближенія поляковъ; было ихъ три хоругви. Началось сраженіе. Поляки не могли причинить вреда козакамъ, заставили ихъ только отступить къ Острополю. Въ Острополѣ Наливайко не остановился, а прошелъ далѣе и направился къ Пикову. Жолкевскій, переночевавъ въ селѣ Райкахъ, подъ самымъ Острополемъ, и не давъ отдохнуть жолнѣрамъ, пустился преслѣдовать козаковъ. Жолнѣры, не смотря на изнуреніе, очень усердно опустошали проходимыя села, забирали все, что оставалось отъ козаковъ, такъ что послѣ прохода ихъ ни въ одномъ селѣ нельзя было найти ни одной лошади [2]). Козаки шли къ Пикову день и ночь. Отдохнувъ въ Пиковѣ, они двинулись далѣе, прямо къ Брацлаву. Теперь уже они собрались и шли вмѣстѣ „sprawą wielką", въ таборѣ имѣли до 20 пушекъ и много гаковницъ: къ каждой пушкѣ Наливайко приказалъ приковать пушкаря; пороху и ядеръ тоже у нихъ было достаточно. Жолкевскій съ войскомъ пришелъ въ Пиковъ всего нѣсколькими часами послѣ ухода оттуда козаковъ. Здѣсь онъ узналъ, что Наливайко двинулся къ Брацлаву и что изъ Пикова еще онъ отправилъ туда посланца съ письмомъ.

Надо было Жолкевскому или опередить козаковъ и занять Брацлавъ, или заставить ихъ какъ нибудь свернуть съ дороги. Гетманъ, оставивъ ненужные возы и фургоны, затруднявшіе движеніе, бросился за козаками и нагналъ ихъ надъ р. Ольшанкой. По однимъ извѣстіямъ здѣсь произошло сраженіе, по другимъ—

---

[1]) Бѣльскій, сор. 262, Гейденштейнъ, т. 2, стр. 364; Письма князя Острожскаго—Кулишъ, т. 2, стр. 437.

[2]) Письмо Острожскаго. Кулишъ, т. 2, стр. 438.

нѣтъ, потому что ночь помѣшала [1]). Послѣ этого самъ Наливайко раздумалъ идти къ Брацлаву. Не получая оттуда отвѣта на свое письмо [2]), онъ опасался измѣны и потому повернулъ въ такъ называемыя дикія поля, которыя тогда начинались за р. Собомъ. Дошедши до Синихъ Водъ, онъ остановился, такъ какъ Жолкевскій здѣсь не могъ его преслѣдовать, — онъ не имѣлъ съ собою фургоновъ и запасовъ, а въ степи ихъ раздобыть было нельзя,— не было селъ, которыя можно было-бы грабить; кромѣ того въ польскомъ войскѣ захромало отъ быстрыхъ переходовъ множество лошадей [3]).

Стоя у Синихъ Водъ, Наливайко завелъ сношенія съ одной стороны съ Жолкевскимъ, съ другой—съ Лободою. До сихъ поръ войско Лободы не смѣшивалось съ вольницей Наливайка, съ того времени, какъ этотъ послѣдній отдѣлился отъ Лободы въ началѣ 1595 года и ушелъ въ Венгрію. Между предводителями того и другаго войска была, очевидно, непріязнь. Въ январѣ 1596 года Лобода въ письмѣ къ Жолкевскому заявляетъ, что съ Наливайкомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. „Что касается того человѣка своевольнаго, Наливайка, который, забывши почти страхъ Божій и пренебрегая всѣмъ на свѣтѣ, собравши по своему замыслу людей своевольныхъ, чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ“ [4]). Но теперь общая опасность заставила забыть непріязнь. Лобода, хотя и сносился въ январѣ 1595 года съ Жолкевскимъ и Замойскимъ, но дальнѣйшими обстоятельствами былъ поставленъ во враждебное отношеніе къ правительству. Безчинства и насилія, которыя творило его войско и всѣ, прикрывавшіеся его именемъ, возбуждали въ населеніи такія-же жалобы, какъ и вольница Наливайка. Кромѣ того можно предположить, что Лобода былъ раздраженъ Замойскимъ, который, по свидѣтельству современниковъ, вообще не терпѣлъ козаковъ и постояннно твердилъ о необходимости ихъ усмиренія, если не полнаго уничтоженія. Массы угнетенныхъ хлоповъ усиливали его войско

---

[1]) Бѣльскій, стр. 262; Гейденштейнъ, т. 2. стр. 365.

[2]) Жители Брацлава отлично понимали, что войска Жолкевскаго нельзя сравнивать съ шляхтою, съѣхавшеюся на рочки.

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 365.

[4]) Listy Żółk., стр. 65.

и онъ не могъ не видѣть, что если соединится съ Наливайкомъ и Савулой, который ожидался изъ Бѣлой Руси, то составится сила, съ которой въ пору было-бы помѣряться и большому, хорошо устроенному войску, не только хоругвямъ Жолкевскаго. Потому-то козаки и грозились, какъ говоритъ Гейденштейнъ, на короля и на городъ Краковъ.

Эти угрозы однако не были глухимъ подземнымъ гуломъ, предвѣстникомъ землетрясенія. Козаки не смотря на множество уроковъ, преподанныхъ имъ польскимъ правительствомъ, не научились еще не отдѣлять интересовъ угнетеннаго посполъства отъ своихъ собственныхъ и, какъ кажется, готовы были при случаѣ, пожертвовать хлопами для своихъ собственныхъ цѣлей. На такую мысль наводятъ нѣкоторыя строки въ письмѣ Наливайка къ королю Сигизмунду [1]), дающія отчасти понять, какъ относился къ хлопамъ даже этотъ самозванный „гетманъ запорожскій", у котораго въ шайкѣ хлопы составляли главную силу. „Наливайко предлагалъ королю, говоритъ Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 264—265), отвести козакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ, на шляху татарскомъ и турецкомъ, между Тегинею и Очаковымъ, на пространствѣ 20 миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; пусть козаки тамъ построятъ городъ и замокъ и живутъ себѣ; затѣмъ уже *никому не должно, кромѣ реестровыхъ и запорожцевъ, называться козаками, а хлопамъ слѣдуетъ обрѣзывать за своеволіе уши и носы*". Еще менѣе, кажется, обращалъ вниманіе на хлопскіе интересы Лобода, офиціальный „старшій" надъ войскомъ запорожскимъ. Упомянутыя выше угрозы козаковъ надо принимать въ томъ смыслѣ, что удалое рыцарство само можетъ навести переполохъ не только на какого-нибудь Семашка, въ его замкѣ Хупковѣ, но даже и на самаго короля въ Краковѣ. Полнаго единства между козаками и народомъ еще не видно, но почти уже была готова почва для настоящаго народнаго возстанія. Жолкевскій писалъ Замойскому: „вся Украйна окозачилась, измѣнниковъ и шпіоновъ полно!" (Listy, стр. 80); но того, что видѣлъ Жолкевскій, не видѣла сама Украйна.

Изъ сѣверныхъ окраинъ кіевскаго воеводства Лобода передвинулся на югъ, къ Бѣлой Церкви; отсюда онъ и заводитъ сноше-

---

[1]) Къ сожалѣнію у насъ не было подъ руками самаго письма.

нія съ Наливайкомъ. Наливайко вѣроятно первый обратился къ Лободѣ, находясь въ стѣсненномъ положеніи. До Жолкевскаго доходили слухи, что въ войскѣ Наливайка были большія смуты; на него нарекали, что онъ плохою распорядительностью довелъ ихъ до того, что множество людей погибло даромъ, остальные-же лишились пропитанія и лошадей. Нѣсколько разъ даже жизнь Наливайка была въ опасности.

Прежде чѣмъ сноситься съ Лободой, Наливайко обратился къ брацлавскому старостѣ Струсю, прося у него ходатайства предъ гетманомъ, обѣщая распустить свое войско, если не будутъ взыскивать съ него за прежнее. Жолкевскій отвѣчалъ, что онъ обѣщаетъ ходатайствовать передъ королемъ о прощеніи Наливайка, если только онъ распуститъ свою шайку и выдастъ армату и хоругвь, пожалованную эрцгерцогомъ Максимилліаномъ. Плохо вѣрилъ Наливайко обѣщаніямъ гетмана, а потому предпочелъ обратиться лучше къ запорожцамъ съ Лободою. „Правдоподобнѣе, что такой съ такимъ легче сойдется, чѣмъ отдастся на ласку его королевской милости“, писалъ Жолкевскій [1]). Для отвращенія Лободы отъ соединенія съ Наливайкомъ, онъ отправилъ къ первому посланца съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ, если козаки уйдутъ къ себѣ на Запорожье и будутъ сидѣть спокойно; въ письмѣ говорилось очень рѣзко о Наливайкѣ и его дружинѣ и давалось понять козакамъ, что гетманъ не смѣшиваетъ ихъ со сбродомъ Наливайка. Но посольство не имѣло успѣха. Если самъ Лобода и былъ склоненъ покориться, то этого не допустила чернь. „Чернь, пишетъ Жолкевскій, хотѣла убить посланца, говоря, что онъ пріѣхалъ шпіонить. Лобода тоже, дѣлая видъ при черни, сердился на него и говорилъ: развѣ гетманъ не могъ къ намъ шляхтича какого нибудь прислать, а не тебя? какъ-бы говоря этимъ, прибавляетъ Жолкевскій, что я посылаю łotra къ łotr'амъ; а тотъ козачекъ, что я посылалъ къ нимъ, дѣйствительно не взраченъ. Потомъ однако отпустилъ посланца и далъ ему червонный злотый, но отвѣта никакого на мой листъ не прислалъ“ [2]).

Результатомъ сношеній Лободы съ Наливайкомъ было то, что послѣдній подвинулся отъ Синихъ Водъ поближе къ войску Лободы,

---

[1]) Listy, стр. 71.

[2]) Listy, стр. 72.

къ г. Корсуню. Ни пушекъ, ни пороху и ядеръ не было уже у Наливайка; онъ потопилъ ихъ въ водѣ, а порохъ закопалъ въ землю, когда уходилъ отъ Жолкевскаго. У Лободы тоже не было артиллеріи, потому что всю запорожскую армату забралъ съ собою Савула въ Бѣлую Русь. Теперь приходили къ Лободѣ вѣсти, что Савула находится въ Быховѣ и скоро будетъ въ Кіевѣ. Для соединенія съ нимъ двинулся въ Кіевъ и Лобода со своимъ отрядомъ. Это было въ половинѣ марта [1]). Савула дѣйствительно возвратился въ Кіевъ и выбранъ былъ гетманомъ [2]) надъ соединенными отрядами.

Жолкевскій въ это время стоялъ сначала въ Винницѣ, потомъ передвинулся въ Пиковъ, гдѣ вѣроятно было болѣе удобствъ. Чтобы развѣдать о положеніи непріятеля и держать его въ постоянномъ страхѣ близостью короннаго войска, Жолкевскій отрядилъ съ 500 конницы князя Рожинскаго въ Паволочь, приказалъ ему вести себя какъ можно осмотрительнѣе, въ виду умѣнья козаковъ строить засады непріятелю. Рожинскій, человѣкъ горячій, не могъ удержаться отъ рискованныхъ предпріятій. Онъ жестоко поступалъ съ попадавшимися ему въ руки козаками и самъ искалъ случая подраться.

Узнавъ о движеніи Рожинскаго, Савула выслалъ изъ Кіева полковника Саська съ 3 тысячнымъ отрядомъ, чтобы онъ опусто-

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 365—366; Listy, стр. 72.

[2]) Относительно слова *гетманъ*, прилагаемаго въ описываемое время къ козацкимъ предводителямъ, надо замѣтить, что съ нимъ не соединялось представленіе о какой нибудь опредѣленной должности; гетманомъ въ обыденной рѣчи называли всякаго предводителя самостоятельнаго войска, какой-бы величины оно ни было, лишь-бы составляло отдѣльное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ, „гетманомъ войска запорожскаго" (въ то время уже вошло въ обыкновеніе называть всякихъ козаковъ войскомъ запорожскимъ) называетъ себя и Наливайко (Listy Żolkiewckiego, стр. 64) и Савула (ibid стр. 75) и Косинскій (Архивъ стр. 56). Авторъ Боркулабовской хроники тоже говоритъ: „надъ тымъ людомъ былъ *гетманомъ* на имя Николай Буйвидъ" (а войско было приведено къ Могилеву княземъ Радзивиломъ). Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово самъ Жолкевскій; онъ говоритъ: „kozaczy zaraz na mieysczе Sauline (послѣ сраженія у Бѣлой Церкви) obrali sobie *Hethmanem* Nalewayka" (Listy, стр. 80). Въ этомъ смыслѣ слово *гетманъ* встрѣчается и у авторовъ. Бѣльскій говоритъ: „шли козаки къ Волохамъ (1594 г.); надъ ними гетманомъ былъ Лобода, а Наливайко „porucznikiem". Оффиціальное имя начальника надъ реестровыми было *старшій*. Но этимъ именемъ „старшіе" подписываются только въ сношеніяхъ съ польскимъ начальствомъ, напримѣръ Лобода въ письмѣ къ Замойскому (Listy Żolklewskiego, стр. 66).

шалъ имѣнія Рожинскаго, лежавшія въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, и, въ случаѣ возможности, напалъ-бы и на самого Рожинскаго. Сасько остановился въ Хвастовѣ и послалъ оттуда нѣсколько человѣкъ на развѣдки. Они наткнулись на людей Рожинскаго и всѣ погибли. Рожинскій затѣмъ кинулся въ Хвастовъ, чтобы захватить тамъ Саська, но не засталъ его уже въ Хвастовѣ. Онъ ушелъ въ Кіевъ просить подкрѣпленія [1]). Не желая возвращаться ни съ чѣмъ опять въ Паволочь, Рожинскій двинулся въ Бѣлую Церковь и расположился тамъ, потому что изъ Бѣлой Церкви удобнѣе было ему обоpонять отъ козаковъ свои маетности.

Жолкевскій, услышавъ объ этомъ движеніи Рожинскаго, испугался, чтобы козаки не обратились на него всѣми силами. Онъ поспѣшно двинулся изъ Пикова, не давъ поправиться захромавшимъ лошадямъ и не ожидая шедшихъ къ нему на помощь новыхъ хоругвей. Опасенія Жолкевскаго сбылись. Изъ Кіева двинулись къ Бѣлой Церкви всѣ козаки; кромѣ того они уговорились тѣмъ временемъ окончательно и съ Наливайкомъ и призвали его къ себѣ изъ Корсуня, гдѣ онъ собиралъ свѣжее войско.

Для отвлеченія вниманія Жолкевскаго и Рожинскаго отъ приближающейся бѣды, Савула изъ Кіева черезъ ксендза отправилъ 27 марта письма къ тому и другому, жалуясь, что ни за что—ни про что обратился на нихъ, людей рыцарскихъ, гнѣвъ ихъ милостей;

---

[1]) Начиная съ движенія отряда Рожинскаго, до конца войны мы будемъ больше всего заимствовать изъ Гейденштейна, потому что его показанія почти въ точности подтверждаются письмами Жолкевскаго, что объясняется легко положеніемъ Гейденштейна, какъ секретаря Замойскаго, которому Жолкевскій доноситъ подробно о всемъ происходящемъ. Очень жаль, что письма Жолкевскаго за 1596 г. прерываются въ половинѣ апрѣля... Не надо однако забывать, что это свидѣтелкство только одной стороны и что мы поэтому лишены возможности слѣдовать правилу: audiatur et altera pars! Нѣкоторыя показанія Гейденштейна отличаются явной пристрастностью. О движеніи Рожинскаго и о битвѣ въ Бѣлой Церкви и около нея—см. Бѣльскій стр. 263—264; Гейденштейнъ т. 2, стр. 366—370; Listy Żolkiewskiego стр. 75—81.

Костомаровъ почему-то *Саська* называетъ *Шашкой*. Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго есть одно письмо, писанное самимъ Саськомъ; въ немъ онъ подписалъ свою фамилію *Sasko*. Жолкевскій пишетъ *Saszko* и *Szasko*, но у него постоянно звукъ *s* смѣшивается съ *sz*, потому что въ произношеніи этотъ звукъ былъ нечистый.

что они теперь, какъ и всегда, готовы служить за порогами его милости королю и промышлять надъ врагами святаго креста. Въ письмѣ къ Рожинскому Савула просилъ у него заступничества передъ Жолкевскимъ. Но ксензъ-посланецъ разсказалъ объ истинныхъ планахъ козаковъ и письма такимъ образомъ не имѣли успѣха.

Козаки подошли къ Бѣлой Церкви 2 апрѣля и расположились таборомъ вокругъ замка. Было ихъ около 8 тысячъ. Рожинскій, замѣчаетъ Гейденштейнъ, лучше всего сдѣлалъ-бы, если-бы заперся въ замокъ и ждалъ прибытія Жолкевскаго. Замокъ стоялъ на высокой горѣ и былъ очень укрѣпленъ, потому что подвергался частымъ нападеніямъ татаръ, такъ какъ Бѣлая Церковь была первымъ городомъ на *Черномъ шляху* [1]), любимомъ пути татаръ. Но Рожинскій предпочелъ сразиться. Съ нимъ были роты Михаила Станиславскаго и другихъ, да кромѣ того венгерецъ Лепшеній съ королевской пѣхотой.

Когда настала ночь, Рожинскій рѣшилъ сдѣлать вылазку. Въ то самое время, какъ все польское войско, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ венгровъ, вышло изъ замка, Наливайко, отряженный козаками съ отрядомъ, ворвался въ замокъ съ другой стороны и изрубилъ и ограбилъ всѣхъ бывшихъ тамъ. Только венгры защитили жилище своего начальника. Но козаки, оставшіеся въ таборѣ, тоже не ожидали нападенія. Ночь была очень темная. Услышавъ выстрѣлы въ своемъ таборѣ, козаки переполошились и стали уходить. Поляки изрубили не успѣвшихъ присоединиться къ уходящимъ и бросились преслѣдовать послѣднихъ. Но козаки опомнились отъ страха и, обернувшись, ударили на поляковъ; тѣ бросились назадъ въ замокъ черезъ опустѣвшій козацкій лагерь, но тутъ наткнулись на Наливайка, успѣвшаго возвратиться изъ замка. Отрядъ

Наконецъ надо замѣтить, что у Гейденштейна (въ польскомъ переводѣ, во 2 т. стр. 366 и 368) два раза вмѣсто *Бѣлой Церкви* стоитъ *Брацлавъ*,— явная обмолвка, или опечатка, какъ это хорошо видно изъ предыдущаго и послѣдующаго.

[1]) „Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами Южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ ю.-з. Русь татаре, избиравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ“. (Антоновичъ. Кіевъ, его судьба... Кіев. Ст. 1882 г. кн. 1, стр. 26).

Рожинскаго такимъ образомъ очутился между козаками Савулы съ одной стороны и Наливайка съ другой. Легко себѣ представить, что тутъ очень не посчастливилось Рожинскому, хотя авторы и умалчиваютъ объ этомъ. „Наши, видя, что дѣло плохо (widząc, że źle), говоритъ Бѣльскій, убѣжали въ замокъ". Изъ 500 человѣкъ пѣхоты, по показанію Гейденштейна, пало болѣе 100 человѣкъ и было много раненыхъ; но по всей вѣроятности цифра убитыхъ и раненыхъ была гораздо значительнѣе.

Жолкевскій былъ уже близко отъ Бѣлой Церкви; эту ночь онъ проводилъ въ Тришкахъ, за 4 мили отъ города. Услышавъ гулъ пушекъ, онъ двинулся съ войскомъ. Передняя стража захватила нѣсколькихъ козаковъ, искавшихъ живности. Узнавъ отъ нихъ, что произошло, Жолкевскій пошелъ еще поспѣшнѣе. Въ полумили отъ Бѣлой Церкви встрѣтилъ онъ посланца отъ Рожинскаго, который просилѣ о помощи. Мѣстность около Бѣлой Церкви холмистая. Козаки, стоявшіе подъ городомъ, замѣтили съ холмовъ приближеніе польскаго войска и стали уходить по дорогѣ къ Триполью.

Пришедши въ Бѣлую Церковь, Жолкевскій колебался, преслѣдовать-ли ему козаковъ, или дать отдохнуть войску и подождать подкрѣпленій. Король, по письму его, отправилъ приказаніе Потоцкому, стоявшему съ частью войска въ Молдавіи, выйти оттуда и присоединиться къ Жолкевскому; его-то и поджидалъ гетманъ. Но жолнѣры рвались въ битву. Условія для нея были благопріятны: козаки отошли не далеко, стали въ разстояніи всего одной мили; мѣстность была тамъ ровная; маленькія болотца позамерзали, потому что, не смотря на весеннее время, ударили морозы и выпалъ такой снѣгъ, какого во всю зиму не было; снѣгъ даже нѣсколько раньше затруднилъ движеніе Жолкевскому. Надо было воспользоваться настроеніемъ жолнѣровъ и козаковъ, не пришедшихъ еще въ себя отъ страха. Въ виду этого Жолкевскій двинулся за козаками и вечеромъ догналъ ихъ у озера Острый Камень.

Козаки отаборились. Спереди поставили повозки, а внутри пѣхоту; только предводители были на лошадяхъ; со всѣхъ сторонъ табора расположили свои 24 пушки. Гетманъ, построившись такъ, чтобы козацкія пушки могли ему меньше всего вредить, быстро началъ битву. Жолнѣры охотно бросились на козаковъ и очень храбро сражались, „но разорвать табора, хотя это повидимому и

легко было, Господь не судилъ“ [1]). Залегши подъ возами, козаки очень часто стрѣляли и наносили большой вредъ нападавшимъ. Тѣмъ не менѣе сраженіе окончилось очень печально для козаковъ: ихъ погибло до 2000; Сасько былъ убитъ, Савула и Наливайко ранены. Однако, если „Господь Богъ не судилъ разорвать табора козаковъ“, то очень вѣроятно, что и у пытавшихся разорвать потери были немалыя. Поэтому, по прочтеніи показанія Гейденштейна, что у поляковъ палъ только ротмистръ Янъ Вернекъ и 34 человѣка (въ письмѣ Жолкевскаго даже 32), у читателя невольно является улыбка [2])...

Послѣ этого сраженія козаки сбросили съ гетманства Савулу и выбрали Лободу [3]). Ночью Лобода ушелъ къ Триполью и, переправившись здѣсь черезъ Днѣпръ, ушелъ къ Переяславу, гдѣ козаки и расположились.

Жолкевскій опять вернулся въ Бѣлую Церковь, чтобы перевязать раненыхъ и подождать подкрѣпленій, о которыхъ просилъ короля черезъ старосту галицкаго. Стоя въ Бѣлой Церкви, онъ получилъ извѣстіе, что по правую сторону Днѣпра, въ Каневѣ, что-то задержало еще козаковъ и что тамъ стоитъ ихъ полкъ подъ начальствомъ Кремпскаго. Онъ сейчасъ-же отправилъ туда отрядъ съ приказаніемъ очистить вообще правую сторону Днѣпра отъ козаковъ. Польскій отрядъ, состоявшій изъ людей князей Рожинскаго и Вишневецкаго и ротъ Темрюка и Блинструба, подъ главнымъ начальствомъ Ходкевича, напалъ на козаковъ въ расплохъ. Они кинулись переправляться, но многіе частью были изрублены, частью утонули въ Днѣпрѣ. Это было въ страстную субботу, въ серединѣ апрѣля. Въ Каневѣ и Терехтемировѣ польскій отрядъ забралъ всю соль изъ магазиновъ, что причинило не мало досады козакамъ. Къ Жолкевскому между тѣмъ подходили въ Бѣлую Церковь вспомогательные отряды. Кромѣ людей Ходкевича, тутъ соединились съ нимъ роты Бекеша и другихъ.

---

[1]) Listy Żółkiewskiego, стр. 80.

[2]) Въ данномъ случаѣ польскіе хроникеры докладываютъ публикѣ объ успѣхахъ поляковъ пословицей: „ахъ, какъ дядя хохла бьеть! ажъ изъ дяди кровь идетъ!“

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 370. Жолкевскій въ своемъ письмѣ говоритъ (Listy, стр. 80), что вмѣсто Савулы выбрали Наливайка; но это, очевидно, по наслышкѣ, сейчасъ-же послѣ сраженія. Изъ дальнѣйшаго видно, что начальствовалъ Лобода.

IV.

Приготовленія къ переправѣ польскаго войска.—Переговоры.—Уловка Жолкевскаго.—Движеніе козаковъ къ Переяславу.—Личность Жолкевскаго.—Неудобное положеніе козацкихъ предводителей.—Переправа черезъ Сулу.—Козацкій таборъ у Лубенъ.—Мелкія стычки и положеніе осажденныхъ и осаждающихъ.—Приготовленіе поляковъ къ штурму.—Согласіе козаковъ на сдачу и ихъ погибель. Касперъ Подвысоцкій.—Казнь Наливайка.

Жолкевскій твердо рѣшилъ добывать козаковъ, куда-бы они ни пошли. Теперь ему предстояло переправиться черезъ Днѣпръ, и тѣмъ скорѣе, что онъ опасался, какъ-бы козаки по лѣвой сторонѣ Днѣпра не бросились на Бѣлоруссію, гдѣ гоняться за ними было-бы очень затруднительно. Но переправа представляла громадныя трудности. Козаки сожгли или увели съ собой всѣ суда, годныя къ переправѣ. Гетманъ послалъ собирать лодки съ рр. Припяти и Тетерева и наложилъ повинность на кіевлянъ: они должны были приспособлять къ переправѣ пригоняемыя съ верху разнокалиберныя суда и строить новыя лодки.

Какъ только козаки узнали о приготовленіяхъ къ переправѣ въ Кіевѣ, они тотчасъ поспѣшно двинулись туда, чтобы уничтожить приготовленныя лодки и наказать кіевлянъ за службу полякамъ; грозили обратить городъ въ пепелъ и развалины. Но Жолкевскому дали знать объ этомъ. Онъ тоже поспѣшилъ къ Кіеву и самъ лично ѣхалъ впереди войска, чтобы распорядиться работами. По дорогѣ къ Кіеву войско его продолжало пополняться; такъ въ Васильковѣ соединился съ нимъ возвратившійся изъ Молдавіи Потоцкій. Козаки хотѣли обмануть Жолкевскаго; чтобъ раньше подойти къ Кіеву, они завели съ нимъ переговоры. Но Жолкевскій черезъ шпіоновъ зналъ всѣ намѣренія козаковъ и потому попытка ихъ не удалась. Поляки подошли къ Кіеву только двумя часами раньше козаковъ и городъ былъ спасенъ.

Жолкевскій расположилъ свое войско подъ монастыремъ, въ полумилѣ отъ Кіева (выходитъ—подъ Лаврою), а городъ окружилъ пикетами. Тутъ-же противъ него на лѣвой сторонѣ расположились козаки, подъ начальствомъ Лободы. Къ нимъ плыли съ низу запорожцы на 100 чайкахъ.

Еще изъ Бѣлой Церкви Жолкевскій отправлялъ въ Сѣчь посольство съ цѣлью удержать запорожцевъ въ вѣрности правитель-

ству и разными обѣщаніями отклонить ихъ отъ соединенія съ бунтовщиками. Часть запорожскаго товариства была съ Лободой, но около 500 человѣкъ оставалось въ Кошѣ. Здѣсь польскому посольству не посчастливилось: запорожцы заковали пословъ въ кандалы, а сами подъ начальствомъ Каспера Подвысоцкаго отправились въ Кіевъ на соединеніе съ козаками. Вѣтеръ къ ихъ несчастью былъ съ верху; надо было идти сплошь на веслахъ. Люди изморились; тутъ Жолкевскій, узнавъ объ ихъ приближеніи, велѣлъ установить на берегу пушки и всѣми мѣрами стараться не дать чайкамъ приблизиться.

Какъ только раздался звукъ котловъ и трубъ, которыми запорожцы давали знать о своемъ прибытіи, въ нихъ начали палить изъ пушекъ. Пальба при сильномъ противномъ вѣтрѣ не допустила запорожцевъ подойти къ козацкому лагерю и флотъ удалился. Самъ Подвысоцкій даже чуть не лишился жизни, такъ какъ въ его чайкѣ было пробито двѣ дыры.

То-же самое, что поляки продѣлали съ козацкой флотиліей, могли продѣлать и козаки съ Жолкевскимъ, когда онъ попытался-бы переправиться. Надо было поэтому придумать Жолкевскому какой нибудь способъ безопасной переправы. Онъ прежде всего завелъ сношенія съ козаками и заключилъ перемиріе. Козаки тоже не прочь были переговорить, даже искренно, надѣясь, что гетманъ согласится уладить дѣло миромъ. Они пустили по Днѣпру колоду съ воткнутымъ въ нее листомъ, въ которомъ просили о помилованіи. На другой день въ польскій лагерь пріѣхалъ отъ козаковъ сотникъ Кузловскій, тоже прося о милосердіи и желая узнать, на какихъ услоіяхъ гетманъ согласенъ помириться съ козаками. Гетманъ отъ себя отправилъ къ козакамъ посланца съ отвѣтомъ, что они должны выдать Наливайка и другихъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, отдать артиллерію и хоругви иностранныхъ государей.

На слѣдующій день отъ козаковъ пріѣхали уполномоченными два асаула, которые повторили просьбу о милосердіи, но на требованія о выдачѣ дали отрицательный отвѣтъ. Переговоры очевидно не клеились. Жолкевскій и началъ ихъ только съ тѣмъ, чтобы за это время тѣмъ или другимъ способомъ приготовиться къ переправѣ. Онъ измыслилъ пріемъ, вполнѣ удавшійся. Зная, что въ Переяславѣ козаки оставили семейства и все имущество, онъ распустилъ

слухъ, что отправилъ Потоцкаго съ частью войска къ Триполью, или къ какому-либо другому пункту ниже, съ цѣлью переправиться и напасть на Переяславъ. Для приданія большей вѣроятности слуху, онъ приказалъ Потоцкому дѣйствительно отойти отъ Кіева и, снарядивъ 24 воза съ лодками и другими предметами, необходимыми при переправѣ, отправилъ ихъ вслѣдъ за отрядомъ Потоцкаго. Это было сдѣлано тогда, когда асаулы еще не возвращались въ козацкій лагерь.

Въ это-же время изъ польскаго лагеря перебѣжали къ козакамъ два пахолка, вѣроятно нарочно посланные туда Жолкевскимъ. Они донесли козакамъ, что изъ Литвы приближается на помощь къ гетману войско и что Потоцкій уже двинулся къ Переяславу. Извѣстіе произвело сенсацію. Жолкевскій-же, чтобъ замаскировать подсылку, потребовалъ выдачи перебѣжчиковъ, грозя въ противномъ случаѣ задержать асауловъ. Козаки на глазахъ поляковъ отрубили головы бѣднымъ пахолкамъ, а Жолкевскому послали сказать, что не хорошо съ его стороны наружно вступать въ переговоры, а въ тылу тѣмъ временемъ строить засаду. Жолкевскій, чтобъ поддержать въ нихъ эту мысль, отвѣтилъ, что переговоры были начаты для того, чтобы каждая изъ сторонъ какъ можно лучше повела свое дѣло и что онъ не обѣщалъ имъ бездѣйствовать. Тутъ козаки тотчасъ начали сгонять съ пастбищъ лошадей, сѣдлать и приготовляться въ дорогу, и отступили, не медля ни минуты.

Но Лобода и Наливайко, въ количествѣ полутораста коней, остались еще для послѣдней попытки переговоровъ. Лобода одинъ сѣлъ въ лодку и подъѣхалъ къ кіевскому берегу. Для переговоровъ съ нимъ явился староста брацлавскій Юрій Струсь, лично съ нимъ знакомый. Переговоры однако ничѣмъ не кончились и Лобода съ Наливайкомъ уѣхали. Жолкевскій, убѣдившись, что нигдѣ нѣтъ засады, приступилъ къ переправѣ. Черезъ два дня все войско польское было уже на лѣвой сторонѣ [1]).

Козаки такъ спѣшили въ Переяславъ, что стали тамъ за одинъ день. По дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ они разставили чаты, слѣдить за движеніемъ польскаго войска. Когда стоявшіе на ча-

---

[1]) О переправѣ см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 371—374; Бѣльскій, стр. 264—266.

тахъ дали знать, что Жолкевскій двигается къ Переяславу, между козаками поднялось большое смятеніе; не знали, оставаться-ли въ Переяславѣ, или двигаться дальше въ степь. Движеніе было очень затруднительно, потому что въ Переяславѣ нельзя было оставить женъ и имуществъ; надо было брать ихъ съ собой. Но съ другой стороны и запереться въ Переяславѣ было очень неудобно: во первыхъ городъ былъ раскинутъ на большомъ пространствѣ,—валъ имѣлъ до мили въ окружности; во вторыхъ, съ козаками было до 10 тысячъ лошадей, прокормить которыхъ въ городѣ продолжительное время не было никакой возможности. Собирались безпрестанно на рады, шумѣли, раздѣлились на партіи. Между козаками всегда было довольно людей, предпочитавшихъ сдаться на какихъ угодно унизительныхъ условіяхъ, лишь-бы сохранить свои пожитки и самимъ остаться цѣлыми. Жолкевскій не переставалъ манить такихъ людей разными обѣщаніями и тѣмъ увеличивалъ раздоры. Между тѣмъ надо было спѣшить, потому что чаты доносили о движеніи гетмана къ Переяславу. Наконецъ рѣшено было пуститься въ степь, въ Лубнахъ перейти черезъ Сулу, уничтожить за собой переправу и отсидѣться въ степи такимъ-же образомъ, какъ Наливайко на Синихъ Водахъ. Жолкевскому было-бы очень опасно ихъ тамъ преслѣдовать. Козаки съ женщинами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ двинулись въ Лубны.

Но Жолкевскій и здѣсь ихъ перехитрилъ, и на этотъ разъ удача Жолкевскаго имѣла для козаковъ роковыя послѣдствія. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о личности самаго Жолкевскаго. Судя по его письмамъ и по установившемуся мнѣнію о немъ у поляковъ, это былъ человѣкъ выдающійся. Уступая нѣсколько знаменитому своему современнику Яну Замойскому въ обширности и всесторонности знаній, Жолкевскій тѣмъ не менѣе обладалъ значительнымъ для того времени образованіемъ, отличался природною смѣтливостью, открытымъ, твердымъ характеромъ и считался еще при жизни отличнымъ полководцемъ; онъ 46 лѣтъ провелъ въ лагерѣ или въ полѣ, и начальствовалъ въ 6 кампаніяхъ, совершенныхъ имъ съ успѣхомъ, за исключеніемъ послѣдней, въ которой онъ погибъ подъ Цецорой 7 октября 1620 года.

Козакамъ пришлось имѣть дѣло съ противникомъ, превосходившимъ ихъ вождей знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того на сто-

ронѣ Жолкевскаго было то удобство, что онъ могъ спокойно, независимо ни отъ кого, обсуждать свои дѣла или самъ, или еще лучше въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ небольшаго числа лицъ. Другое дѣло у козаковъ. Ихъ предводители были связаны по рукамъ и ногамъ всеобщимъ настроеніемъ. Обсуждать дѣла на многочисленныхъ сходкахъ хорошо только въ спокойное время, когда некуда спѣшить и когда всѣ участвующіе хладнокровно относятся къ дѣлу. Но въ минуты критическія толпа подхватываетъ большею частію какое-нибудь мѣткое мнѣніе, не отличающееся иногда основательностью, но удобное на первый взглядъ. Настроеніе толпы въ такихъ случаяхъ мѣняется очень рѣзко и часто, по мѣрѣ того, какъ того или другаго члена осѣняетъ какая-нибудь блестящая, хотя и нелѣпая мысль. Запорожцы отлично понимали это, когда облекали своего кошеваго на войнѣ неограниченною властью, въ то время, какъ у себя въ Сѣчи на радѣ его могли предать суду и даже казнить. Въ описываемую войну неустройство возбуждалось соперничествомъ Лободы и Наливайка, изъ которыхъ у каждаго были приверженцы, старавшіеся склонять массы въ сторону своихъ начальниковъ. Частыя перемѣны предводителей у козаковъ въ войнѣ 1596 года показываютъ, что первые были въ полной зависимости отъ шаткаго настроенія толпы.

Жолкевскій съ войскомъ былъ еще въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, когда козаки уже пришли туда. Лубны расположены на правомъ берегу (со стороны Переяслава) р. Сулы, на которой въ то время былъ очень длинный мостъ, по причинѣ примыкающихъ къ рѣкѣ болотъ. За Сулою начинались степи. Козаки расположились въ Лубенскомъ замкѣ, ожидая извѣстій отъ разставленныхъ вездѣ по дорогѣ чатъ и намѣреваясь, въ случаѣ близости гетмана, переправиться на другую сторону, разрушивъ за собою мостъ и перерѣзавъ такимъ образомъ путь польскому войску, потому что переправа другимъ способомъ была невозможна на далекомъ разстояніи по рѣкѣ.

Жолкевскому было извѣстно положеніе козаковъ и дѣло шло о томъ, какъ-бы помѣшать имъ переправиться, или отстоять мостъ. Онъ отправилъ къ козакамъ давняго ихъ знакомаго, галицкаго каштеляна Претвича, для переговоровъ, а самъ спѣшилъ къ Лубнамъ. На дорогѣ присоединился къ нему князь Богданъ Огинскій,

приведшій съ собой литовское войско. Между тѣмъ гетманъ узналъ, что за 5 миль отъ Лубенъ внизъ есть на Сулѣ еще другая переправа, въ Горошинѣ, гдѣ обыкновенно переправляются татары, идя на Украйну, и гдѣ нѣкогда перешолъ съ войскомъ великій князь Витовтъ, потерпѣвъ пораженіе надъ Ворсклой отъ Эдигея. Жолкевскій отрядилъ брацлавскаго старосту Юрія Струся съ княземъ Рожинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, приказавъ имъ перейти Сулу въ Горошинѣ и зайти въ тылъ козакамъ; при чемъ, если козаки не замѣтятъ,—подойти къ нимъ съ другой стороны моста и не дать переправиться, если-же до тѣхъ поръ перейдутъ уже Сулу, то стараться сохранить мостъ и задержать ихъ на томъ берегу. Другой отрядъ въ 500 коней, подъ начальствомъ Бѣлецкаго, Жолкевскій двинулъ впереди себя прямо къ Лубнамъ, чтобъ въ случаѣ надобности съ этой стороны рѣки оказать помощь Струсю; самъ-же гетманъ, со всѣмъ остальнымъ войскомъ, не могъ-бы подойти такъ скоро.

Струсь съ большими предосторожностями двинулся въ путь: даже люди его отряда не знали, куда ихъ ведутъ. Пройдя милю дорогою на Лубны, Струсь повернулъ направо и шелъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ козаки вовсе не предполагали встрѣтить поляковъ, а потому не разставили чатъ. Подошедши къ Сулѣ въ Горошинѣ, поляки пустили лошадей вплавь, а сами переправились на связкахъ тростника.

Козаки, узнавъ о движеніи Бѣлецкаго съ отрядомъ, прервали переговоры съ галицкимъ каштеляномъ и переправились за Сулу. Они уже подожгли мостъ, какъ одновременно съ двухъ сторонъ подошли къ нимъ Бѣлецкій и Струсь. Люди Бѣлецкаго бросились вслѣдъ за козаками на мостъ и впродолженіе часа потушили огонь и починили попорченныя части. Между тѣмъ подошелъ къ Лубнамъ и Жолкевскій. Зная о его приближеніи, но не зная о томъ, что въ тылу тоже стоятъ поляки, козаки еще не теряли надежды уйти отъ гетмана въ степь. Замѣтивъ за собою пыль, они думали, что это тянутъ татары. Но тутъ раздался пушечный выстрѣлъ, бывшій условнымъ знакомъ между Жолкевскимъ и Струсемъ, что этотъ послѣдній стоитъ уже на мѣстѣ. Козаки переполошились, не зная, что дѣлать. Опять пошли ссоры. Наконецъ видя, что такъ или иначе, а уходить поздно, такъ какъ ихъ обошли съ двухъ сторонъ, стали окапываться.

Козацкій лагерь находился въ полумили отъ города и былъ устроенъ такимъ образомъ. Сначала они окружили себя четырьмя рядами повозокъ, скованныхъ между собою, потомъ за повозками выкопали окопъ и насыпали валъ, выше повозокъ. Сдѣлавъ нѣсколько воротъ, насыпали въ таборѣ противъ каждыхъ изъ нихъ горки, на которыхъ поставили пушки. Горки эти дѣлались, очевидно, съ цѣлью заполнить для непріятельскихъ выстрѣловъ отверстія въ стѣнѣ, занимаемыя воротами. Внутри табора подѣлали срубы, наполненные землею, по высотѣ выше вала; на нихъ тоже помѣстили пушки, такъ что можно было стрѣлять черезъ валъ. Въ такомъ видѣ козацкій лагерь представлялъ изъ себя укрѣпленіе, почти неодолимое для поляковъ, что они хорошо понимали, послѣ сраженія у Остраго Камня.

Поляки расположились вокругъ козацкаго лагеря слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны отрядъ Юрія Струся, съ князьями: Рожинскимъ и Вишневецкимъ; здѣсь-же были роты: Ходкевича, Язловецкаго, Фредра, Собѣсскаго, Чарнковскаго, Бекеша, Горностая и остатки роты убитаго Вернека. Съ другой стороны самъ гетманъ съ ротами: Щенснаго Гербурта, Ковачевскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота съ Лепшеніемъ. При гетманѣ были и отряды Потоцкаго и Огинскаго, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ нѣсколькихъ ротъ. Съ третьей стороны стояла постоянная стража, а съ четвертой находились прилегавшія къ Сулѣ болота. Всего войска у Жолкевскаго было, по показанію Бѣльскаго, до 3 съ половиною тысячъ; но не надо забывать, что считались только „товарищи", т. е. шляхта, составлявшая конницу, такъ что и счетъ велся по числу лошадей. Кромѣ того каждый панъ приводилъ съ своею ротою еще толпу слугъ, которая была гораздо многочисленнѣе самой роты и составляла пѣхоту. Козаковъ было до 8 тысячъ, по показанію Гейденштейна,—цифра, конечно, приблизительная, потому что посчитать вѣдь полякамъ нельзя было.

Это было въ серединѣ мая 1596 года. Лѣто было жаркое. Положеніе осажденныхъ было очень печально. Они были отрѣзаны отъ воды и пастбищъ и ни откуда не могли разсчитывать на помощь. Къ полякамъ-же еще подъ Лубны прибыла рота князя Заславскаго, воеводы подляшскаго, въ числѣ 300 коней. Воду еще козаки съ трудомъ добывали, но корму для лошадей рѣшительно не было;

каждый разъ, когда козаки хотѣли выгнать лошадей, имъ приходилось силой пробиваться сквозь непріятелей. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, козаки безпрестанно заводили „гарцы“ и при этомъ обнаруживали неистощимый запасъ изобрѣтательности. Часто заманивали поляковъ къ самому табору и здѣсь поражали. Въ „гарцахъ“ погибли со стороны поляковъ Дениско, староста житомірскій,Ташицкій, Пеніовскій, Милковскій и другіе паны. Но не смотря на всю изобрѣтательность козаковъ, они даже урывками не могли кормить лошадей, которыя падали отъ голода въ громадномъ количествѣ. Открылись частые побѣги изъ козацкаго стана, начались распри. Жолкевскій искусно ихъ поддерживалъ. Онъ завелъ сношенія съ Лободой, что навлекло на послѣдняго подозрѣніе въ измѣнѣ. Отчаявшаяся толпа наконецъ въ досадѣ убила Лободу и выбрала начальникомъ Кремпскаго.

Поляки тоже были въ очень неудобномъ положеніи: запасовъ было мало, пили мутную, теплую воду. Кони были почти постоянно подъ сѣдломъ и покрылись ссадинами. Войско, не сходя почти съ лошадей, было страшно истомлено. „Имѣли наши съ ними довольно работы и днемъ и ночью“, говоритъ Бѣльскій. Козаки безпрестанно тревожили вылазками. Такъ 28 мая они, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бросились на Струся; къ нему поспѣшили на помощь другія роты и отбили козаковъ съ большимъ урономъ для нихъ, но и изъ поляковъ многіе „dali tam gardło“. Штурмомъ нельзя было взять козацкаго стана, потому что у Жолкевскаго не было большихъ пушекъ, а маленькія полевыя причиняли имъ мало вреда. Видя это, гетманъ послалъ въ Кіевъ за большими пушками, а въ ожиданіи ихъ приказалъ днемъ и ночью всѣми силами сторожить козаковъ, чтобы они не пробились какъ нибудь силою. Наливайко, дѣломъ котораго была и смерть Лободы, видя, что его все таки обошли, нѣсколько разъ бросался со своимъ полкомъ изъ лагеря, но каждый разъ поляки отбивали его.

4 іюня привезли пушки изъ Кіева. Жолкевскій сталъ готовить войско къ штурму. Было мало пѣхоты, а потому полковники потребовали у своего рыцарства, чтобы оно спѣшилось и шло на штурмъ. Рыцарство, истомленное постояннымъ бдѣніемъ, съ удовольствіемъ согласилось, желая такъ или иначе покончить дѣло. Уже все было готово къ штурму, какъ вдругъ поляки услыхали въ

лагерѣ козаковъ большой шумъ. Оказалось, что козаки рѣшили выдать Наливайка и прочихъ зачинщиковъ. Наливайко сталъ отбиваться, когда его хотѣли взять, почему и поднялась въ козацкомъ лагерѣ драка. Поляки хотѣли воспользоваться случаемъ и ударить въ это время на козаковъ; они сѣли на коней и тѣсно подступили къ табору, но тутъ козаки объявили, что выдадутъ зачинщиковъ. Дѣйствительно 8 іюня они привели Наливайка, схваченнаго уже во рву, когда тотъ собирался пробиться сквозь польскую цѣпь и убѣжать,—и на другой день обѣщали привести Савулу, Шостака и другихъ. Козаки кромѣ того соглашались исполнить всѣ раньше предложенныя имъ требованія, т. е. отдать армату, иностранныя хоругви, лишь-бы ихъ самихъ выпустили на свободу. Когдаже гетманъ сказалъ, что всякій панъ, находящійся въ войскѣ, имѣетъ право взять своего подданнаго, узнавъ его между козаками, они объявили, что лучше готовы защищаться до послѣдней капли крови. Тутъ поляки, воспользовавшись, тѣмъ, что козаки вышли для переговоровъ изъ табора, бросились на нихъ. Это было сдѣлано такъ внезапно, что козаки, по словамъ Бѣльскаго, „не успѣли ни сомкнуться въ строй, ни взяться за оружіе“. Они бросились, куда попало. Поляки рубили козаковъ на разстояніи мили, такъ что лежалъ трупъ на трупѣ. Только около полутора тысячъ ихъ съ самимъ Кремпскимъ успѣли спастись.

Въ козацкомъ лагерѣ поляки нашли два цесарскихъ знамени, подаренныхъ козакамъ императоромъ Рудольфомъ, одно эрцгерцога Максиміліана, серебрянные котлы, тоже присланные цесаремъ, 21 хорошую пушку и нѣсколько испорченныхъ и много всякаго другаго оружія. Казна войсковая была плоха; болѣе всего въ ней было турецкихъ вещей, оцѣненныхъ при раздѣлѣ въ 4 тысячи злотыхъ.

Въ то время, какъ козаки были въ осадѣ подъ Лубнами, Касперъ Подвысоцкій съ своей флотиліей стоялъ у устьевъ Сулы. Сначала онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ подойти на помощь осажденнымъ, но польскія чаты, разставленныя по рѣкѣ, мѣшали этому. Тогда онъ началъ жечь и опустошать окрестные города и села, вѣроятно маетности пановъ, находившихся въ войскѣ подъ Лубнами. Услышавъ о бѣдствіи, постигшемъ козаковъ, онъ ушелъ на низъ.

Очень вѣроятно, что съ нимъ уѣхали въ чайкахъ и запорожцы, спасшіеся съ Кремпскимъ [1]).

Жолкевскій, послѣ разгрома козаковъ, уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда во Львовъ, гдѣ вручилъ Замойскому взятыя у козаковъ хоругви, армату и нѣкоторыхъ плѣнниковъ; затѣмъ возвратился домой. Войско его расположилось въ украинскихъ городахъ и селахъ. Наливайка скованнаго, съ шестью другими вожаками, шляхтичъ Поребскій привезъ въ Варшаву. Здѣсь всѣ, кромѣ Наливайка, были тотчасъ казнены, а Наливайка „сохраняли" до сейма, когда ему отрубили голову, тѣло разрубили на 4 части и развѣсили по разнымъ мѣстамъ.

Въ позднѣйшее время, вѣроятно въ періодъ наибольшаго ожесточенія и ненависти между двумя національностями, сложилось преданіе, что Наливайко былъ сожженъ поляками въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

Говоря о казни Наливайка, Бѣльскій замѣчаетъ: „Это былъ красивый мущина, личность къ тому-же не заурядная,—если-бы онъ на добро употреблялъ то, что ему далъ Богъ; кромѣ того онъ былъ отличнымъ пушкаремъ" [2]).

Оканчивая этимъ описаніе козацкаго движенія 1596 года, сдѣлаемъ въ качествѣ заключенія одно замѣчаніе. Бунтъ Лободы и Наливайка, родившись на почвѣ общественной анархіи и не возвышаясь по своему существу надъ простымъ проявленіемъ ея, тѣмъ не менѣе обратилъ на себя вниманіе всего тогдашняго русскаго населенія Украйны. Онъ прокладывалъ дорогу оппозиціи и послужилъ, не смотря на всѣ свои неудачи, нагляднымъ образцемъ, по которому складывались послѣдующія оппозиціонныя движенія, какъ козацкія, такъ и крестьянскія. Не будь исходъ его такимъ печальнымъ для козаковъ, Хмельнищина явилась-бы въ исторіи нѣсколькими десятилѣтіями раньше.

Ѳ. Николайчикъ.

---

[1]) Гейденштейнъ, у котораго разсказъ объ осадѣ подъ Лубнами оканчивается совсѣмъ иначе,—именно, что козаки будто-бы по заключеніи условій были отпущены съ Кремпскимъ,—говоритъ, что Каспера извѣстили о заключеніи мира, и онъ сейчасъ-же принесъ повинную. Но въ List'ахъ Жолкевскаго напечатано письмо Претвича къ Нечковскому отъ *10 іюля*, гдѣ говорится: „Kasper niech się nyc nie boy, ya go na szię biorę y ślubuyę". Это письмо даетъ основаніе думать, что никакого опредѣленнаго термина заключенія мира не было, а просто козаки на время затихли, ожидая, пока уляжется дѣло, а поляки тоже не хотѣли разжигать его.

[2]) Отъ переправы черезъ Днѣпръ до конца—см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 373—377; Бѣльскій, стр. 275—281.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ОКОНЧАНІЕ)[1].

Во второй половинѣ XVII столѣтія главными врагами малоруссовъ были поляки и турки. Противъ этихъ угнетателей Украйны направлены главныя сочиненія Галятовскаго съ 1669 года. Воспользовавшись безопаснымъ положеніемъ елецкаго монастыря, до котораго не только туркамъ, но и полякамъ по дальности растоянія трудно было добраться, Галятовскій злобнымъ латинскимъ и уніатскимъ писателямъ нанесъ нѣсколько ловкихъ полемическихъ ударовъ. Онъ удостоился съ ихъ стороны почти такой-же лютой ненависти, какую лѣтъ на восемьдесятъ ранѣе вызвалъ славный защитникъ православія, авторъ „Апокрисиса" Христофоръ Бронскій.

Въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы, въ которомъ онъ старался доказать, что православная вѣра не есть древняя вѣра[2]). Католики такъ высоко цѣнили это сочиненіе, что дали Боймѣ наименованіе „Benedictus". „Спорный вопросъ, поднятый Боймой", писалъ Барановичъ И. Гизелю, „не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ немного такихъ, которые умѣли бы разсуждать правильно". Въ другомъ письмѣ къ И. Гизелю Барановичъ находитъ, что „Бойму

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 371—390.

[1]) Подлинное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dyzuniej trwają, starey wiary nie mają".

слѣдуетъ хорошо прошколить, чтобы онъ зналъ, что и въ непросвѣщенной Россіи есть свой разумъ". Въ письмѣ къ Ѳеодосію Софоновичу 1670 г. Барановичъ признаетъ, что „Старая вѣра" Боймы многихъ засушила въ Литвѣ [1]). Архимандритъ московскаго Симонова, потомъ новгородскаго Юрьева монастыря Гавріилъ Домецкій въ письмѣ своемъ къ новгородскому митрополиту Іову 1706 г. пишетъ, что на защиту православія отъ латино-уніатовъ „отъ малороссійскія церкве православныя были избраны извѣстные богословы, архіеп. черниг. Лазарь, да архимандритъ І. Галятовскій, которые и учинили имъ чиномъ философскимъ и богословскимъ отвѣтъ подобающій" [2]). Ту роль, которую Домецкій приписываетъ малорусской церкви вообще, въ дѣйствительности разыгралъ одинъ Барановичъ. Онъ не только лично выступилъ противъ Боймы, но выдвинулъ противъ него Галятовскаго и Гизеля и хотѣлъ еще побудить къ полемикѣ съ Боймой Софоновича. Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой Мѣры", Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стоившій трудъ" и „приложить своего огня; если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то вынуть изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой...... Спасайте, спасайте! вопіетъ церковь къ сынамъ своимъ, — возражайте на „Старую Вѣру!" [3]).

„Nowa miara starey wiary" Барановича вышла въ 1676 г. въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Въ началѣ книжки находится изреченіе изъ Св. Писанія, предисловія къ Богородицѣ и читателю и обращеніе къ Боймѣ. „Новая Мѣра" распадается на двѣ части; въ первой части говорится о власти римскихъ папъ, во второй объ исхожденіи св. Духа отъ Отца. Вся книжка въ 354 стран. пересыпана макаронизмами и пустыми виршами [4]).

Галятовскій принялся за составленіе возраженія Боймѣ почти одновременно съ Барановичемъ. „Моя *Мѣра* такъ плодовита", пи-

---

[1]) Письма Лаз. Барановича 104, 110, 107 и 103.

[2]) Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1846. І. 37 и 69. Примѣч., цит. въ примѣч. къ Письмамъ Лаз. Барановича, 155 стр.

[3]) Письма Лаз. Барановича, 104.

[4]) Одинъ экз. „Новой Мѣры" Барановича находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

салъ Барановичъ Гизелю 13 авг. 1671 г., „что уже третьяго цыпленка вывела.... Я сколько желаю того, чтобы всѣ прочитали отвѣтъ вашъ Боймѣ, сколько и мое (сочиненіе), какъ Лазарево, хотя и гнило, но для меня мило. Къ намъ, слава Богу, летитъ со своими перушками архимандритъ мой черниговскій. Если свѣтъ ничего не увидитъ, то не избѣгнемъ посмѣянія. Изъ этой миги выйдутъ три фиги; пускай они достанутся противникамъ; другаго чего нибудь они не стоятъ, какъ только, сложивши имъ пальцы съ перьями [1]), накормить ихъ такою фигою.... Вы нашъ Аристотель; почему же на ихъ вызовъ и намъ не отозваться; и они не снимаютъ звѣздъ съ неба; нужно только напередъ посогласоваться между собою" [2]).

„Фига" Галятовскаго произрастала цѣлыхъ семь лѣтъ. Лишь въ 1678 г. вышелъ его отвѣтъ Боймѣ подъ заглавіемъ: „Stary kościoł zachodni novemu kosciołowi rzymskiemu pochodzenie Ducha S. od Ojca samego, nie od Syna pokazuje (Древняя Западная церковь показываетъ новой римской церкви исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца, а не отъ Сына) [3]). Сочиненіе Галятовскаго направлено не только противъ Боймы, но и противъ вышедшаго послѣ „Старой вѣры" Боймы „Трибунала" Николая Циховича. Прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, Галятовскій сдѣлалъ попытку выпросить у московскаго царя денежное вспоможеніе. „Азъ хощу отвѣтъ дати о православной вѣрѣ нашей латинамъ,"—писалъ Галятовскій царю Ѳедору Алексѣевичу,—„клевещущимъ и злословящимъ насъ и глаголющимъ, же мы правовѣрные зле вѣримъ отъ Отца самого исходити Духа свята, не отъ Сына.... Тую книгу объ исхожденіи Духа Свята отъ Отца самого, не отъ Сына, освѣщающе я латинамъ, русскимъ языкомъ написалемъ и приписалемъ всея Россіи самодержцу, вашему пресв. царскому величеству..... Желаю отъ вашего царскаго величества, яко Ѳедора, Дара Божія, даровъ на друкованіе моей книги, которую хочу въ Новгородѣ-

[1]) Что касается выраженій: „летитъ съ своими перушками", „пальцы съ перьями", то въ объясненіе ихъ нужно допустить, что Галятовскій въ своемъ возраженіи католикамъ хотѣлъ опереться на сравненія перьевъ орла и коршуна, но потомъ отдумалъ, и немного позднѣе построилъ на этомъ сравненіи свои возраженія магометанамъ.

[2]) Письма Лаз. Барановича, 154—156.

[3]) Одинъ экз. „Стараго костела" находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

Сѣверскомъ друковати". Далѣе Галятовскій проситъ прислать ему бумаги и 60 руб. денегъ или 40 соболей, чтобы продавши соболи, онъ могъ уплатить за наборъ и печатаніе книги [1]). Просьба Галятовскаго не была исполнена, что видно изъ того, что Галятовскій издалъ книгу на польскомъ языкѣ и посвятилъ ее Барановичу, нигдѣ не упоминая о Дарѣ Божіемъ, царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ.

Посвященіе книги Барановичу любопытно съ двухъ сторонъ, во первыхъ, какъ краткая біографія Барановича, составленная лицомъ современнымъ и близкимъ Барановичу, во вторыхъ, какъ краткая автобіографія Галятовскаго. Въ „посвященіи" говорится о благочестіи Барановича, о томъ, что онъ развилъ свой умъ въ разныхъ академіяхъ, въ Вильнѣ, Кіевѣ и Калишѣ, что съ учительской каѳедры онъ затѣмъ обучалъ въ кіевской коллегіи молодежь и съ церковной каѳедры въ разныхъ церквахъ говорилъ проповѣди, что онъ составилъ и издалъ много сочиненій, которыя при этомъ и перечисляются въ такомъ порядкѣ: „Мечъ", „Трубы", „Лютня", „Мѣра", „Житія святыхъ", „Księgi rodzaju" (?) и „Księgi śmierci" (?), что онъ оказываетъ матеріальную помощь убогимъ, коллегамъ, невольникамъ, сиротамъ, наконецъ даетъ средства на возстановленіе обветшавшихъ церквей и монастырей и на постройку новыхъ, которые при этомъ и перечисляются: новгородъ-сѣверская церковь Преображенія Господня, черниговская церковь св. муч. Бориса и и Глѣба, Троицкій монастырь на Болдинскихъ горахъ. „За эти добрыя дѣла, прибавляетъ Галятовскій, Богъ оказалъ Барановичу многія милости, давши ему игуменство кирилицкое, купятицкое и дятеловецкое, ректорство въ кіевскомъ коллегіумѣ, наконецъ черниговское архіерейство, причемъ Барановичъ, съ согласія царя Алексѣя Михайловича и восточныхъ патріарховъ, получилъ почетное наименованіе архіепископа".—Въ виду крайней скудости біографическихъ свѣдѣній о Барановичѣ, нѣкогда игравшемъ въ южной Россіи весьма видную роль политическаго и литературнаго дѣятеля, человѣкѣ несомнѣнно умномъ, дѣятельномъ и предпріимчивомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Галятовскій, представляютъ большую цѣнность въ научномъ отношеніи. Не менѣе важны сообщенія Галятовскаго о его собственной жизни, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя

[1]) Рукопись въ библ. моск. общ. ист. и древн. № 98.

оказалъ ему Барановичъ. „Когда я, говоритъ Галятовскій, началъ мое ученіе въ кіевской коллегіи, ваша милость, панъ былъ моимъ первымъ учителемъ въ классахъ инфимы и грамматики, а потомъ и въ классѣ реторики, и великую милость оказывалъ мнѣ не только когда я былъ свѣтскимъ, но и когда сталъ монахомъ. Когда я въ опасное военное время пріѣхалъ изъ Волыни въ купятицкій монастырь, ваша милость панъ, будучи тамъ игуменомъ, принялъ меня милостиво и истинно какъ отецъ; перейдя потомъ на ректорство въ Кіевѣ, ты и тамъ давалъ мнѣ ходъ; переселясь также въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда я прибылъ изъ Литвы, ты и тамъ меня обласкалъ, какъ любящій пастырь заблудшую овцу, поддержалъ мое избраніе на черниговскую архимандрію, посвятилъ меня въ этотъ санъ въ церкви Преображенія Господня, доставилъ мнѣ принадлежащія этой архимандріи имѣнія Горбовъ и Авдѣевку съ документами на нихъ, и наконецъ писалъ и посылалъ на Москву ходатайственныя обо мнѣ письма блаженной памяти царю Алексѣю Михайловичу и своими письмами привлекъ на меня великую милость его пресвѣтлаго царскаго величества“. Галятовскій посвящаетъ Барановичу въ знакъ своей благодарности сочиненіе „Stary Kosciol“, или, употребляя иносказательное выраженіе автора, подноситъ ему голубя, огонь, вѣтеръ и облако (образы св. Духа),—голубя, чтобы св. Духъ даровалъ Барановичу спокойствіе,—огонь, чтобы св. Духъ спалилъ всѣхъ его враговъ, вѣтеръ, чтобы св. Духъ вошелъ въ пещеры сердца Барановича, облако, чтобы св. Духъ сокрылъ Барановича отъ враговъ.

Богословскій трактатъ Галятовскаго объ исхожденіи св. Духа отъ Отца раздѣляется на двѣ части: въ первой части (90 стр.) доказывается, что древняя западная церковь держалась древней вѣры, а во второй (105 стр.), что новая римская церковь выдумываетъ новую вѣру. Въ первой части въ пользу православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа исключительно отъ Отца приводятся доказательства изъ св. Писанія, восточныхъ и западныхъ писателей и доводы на основаніи разума. Во второй части опровергаются римскія доказательства „Filioque“, приводимыя изъ св. Писанія и учителей церкви. „Старый Костелъ“ Галятовскаго по силѣ доводовъ, по систематичности въ изложеніи доказательствъ, по простотѣ и ясности языка стоитъ несравненно выше „Новой Мѣры“

Барановича. Католики признали въ Галятовскомъ сильнаго противника. Съ латинской стороны послѣдовало три возраженія на „Старый Костелъ“: 1) неизвѣстнаго автора: „Квестійки, или краткіе вопросы по поводу сочиненія Галятовскаго: „Старый Костелъ“, 2) Вопросы къ разговору объ исхожденіи св. Духа, также неизвѣстнаго автора и 3) Голіаѳъ своимъ мечемъ пораженный, уніата Рутки [1]). Послѣдняя книга наполнена богословскими разсужденіями о св. Духѣ. Тонъ полемики рѣзкій. Рутка обращается къ Галятовскому съ словами: „О вѣтреная голова!“ и въ другомъ мѣстѣ: „извиваешься какъ змѣя, а на истину попасть не можешь“. Лазаря Барановича. Рутка называетъ козломъ барановичемъ. Языкъ Рутки простой и сильный. Противъ Боймы выступилъ Иннокентій Гизель съ сочиненіемъ „О истинной вѣрѣ“, которое архіеп. Филаретъ называетъ „слабымъ“ [2]). Дѣйствительно, кіевскій „Аристотель“ оказался неудачнымъ полемистомъ. Галятовскій не замаралъ себя личной перебранкой съ Боймой, но нашелъ вполнѣ соотвѣтствующій ученому человѣку способъ отомстить противникамъ православія за ихъ клевету и брань. Въ 1683 г. онъ издалъ противъ католиковъ „Фундаменты, на которыхъ латинники утверждаютъ единство Руси съ Римомъ“ [3]). Въ южно-русской схоластической литературѣ второй половины XVII ст. „Фундаменты“ Галятовскаго составляютъ самое лучшее, наиболѣе выдающееся произведеніе. Въ этой небольшой книжкѣ (всего 100 страницъ) довольно удачно опровергаются поль-

---

[1]) Точныя и полныя заглавія этихъ книгъ слѣдующія:

1) „Na Stary Kosciół zachodni“ I. Galatowskiego, wydany r. 1678, Qvestyjki albo krótkie pytania zadane y rozwiązane. R. 1679. 8+48 str.

2) Quæstiunculæ super Dialogum primum de Processione Spiritus s. a Solo Patre formatæ et resolutæ a quodam Latino—romano. R. 1682. Typ. monast. Olivensis. 8+72 str. (Wisznewski Hist. liter. polsk. VIII. 396).

3) Goliat swojim mieczem porażony, to jest I. Galatowski arch. Jelecki przeciw pochodzenia Ducha S.... y kosciołowi rzymskiemu piszący p. X. Theophila Rutkę s. J. Theologa refutowany i swiatu chrzesciańskiemu na widok podany. W Lublinie. 1689. 4+171. (Одинъ экз. *Голіаѳа* находится въ библ. харьк. д. ак.).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, I. 285.

[3]) Fundamenta, na których łacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują, według rzymskiey teraznieyszey wiary nowey, prawdziwemi odpowiedziami cerkwi wschodniey wywrócone y zniesione“. Одинъ экземпляръ „Фундаментовъ“ находится въ библ. харьк. духов. семинаріи.

ско-іезуитскія хитросплетенія и выдумки о бывшей будто-бы въ старое время „едности“ малороссіянъ съ римскою церковью. Шагъ за шагомъ, страница за страницей, въ сильныхъ, простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ Галятовскій подкапываетъ и разрушаетъ мнимо-историческія основанія уніи и, никого не браня, не дѣлая никому личныхъ оскорбленій, разскрываетъ предъ своими противниками всю гнусность ихъ гоненія на православныхъ и безчеловѣчность ихъ относительно простого народа.

„Фундаменты“ распадаются на двѣ части. Первая часть начинается картинкой, изображающей сошествіе св. Духа на апостоловъ и Богородицу. За картинкой слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ говорится, что вышедшее въ 1678 г. во Львовѣ сочиненіе о соглашеніи восточной и западной церквей дурно было принято православными потому, что въ основу соглашенія положено признаніе главенства папы и „Filioque“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе и опроверженіе 30 фундаментовъ „едности“ Руси съ Римомъ. Фундаменты состоятъ въ томъ, что во время крещенія Руси (насчитывается 5 крещеній) греки находились будтобы въ единеніи съ римской церковью, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ по единовѣрію, что князь галицкій Даніилъ принялъ титулъ короля отъ папы, что преподобные Антоній и Ѳеодосій, московскіе митрополиты Петръ и Алексѣй, кіевскіе митрополиты Михаилъ, Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Солтанъ, позднѣе Михаилъ Рогоза, приняли унію и проч. Галятовскій говоритъ, что во время крещенія Руси греки не признавали главенства папы, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ изъ политическихъ видовъ, а не по единовѣрію, что Даніилъ строго хранилъ православіе, что Антоній, Ѳеодосій, Петръ и Алексѣй никогда не были уніатами, что принявшихъ унію митрополитовъ: Исидора и Михаила Рагозу, русскіе не признавали владыками, считали ихъ измѣнниками и проч.

Вторая часть, заключающая въ себѣ объясненіе штурмовъ, которыми западная церковь насилуетъ восточную къ принятію уніи, начинается съ картинки, изображающей божественнаго Страдальца на колѣняхъ пресвятой Дѣвы Маріи, сидящей у подножія креста. Эта картинка немного ранѣе была приложена къ „Новой Мѣрѣ“ Барановича. Во второй части четыре главы, или штурма. *Первый штурмъ* со стороны духовныхъ лицъ римской церкви, на-

примѣръ, со стороны Ѳомы Брюсельскаго, обвиняющаго православныхъ въ потворствѣ и одобреніи воровства, разврата, въ отрицаніи милостыни и молитвы за умершихъ и т. п. Указавъ на неосновательность этихъ обвиненій, Галятовскій говоритъ о притѣсненіи православныхъ католическимъ духовенствомъ. Такъ, іезуиты не допускаютъ православныхъ въ философскій и богословскій классы своихъ коллегій, осмѣиваютъ православное богослуженіе и духовенство, переманиваютъ въ свою кіевскую коллегію студентовъ кіево-могилянской коллегіи. Студентъ, провинившійся въ буйствѣ, уходилъ во избѣжаніе наказанія въ іезуитскій коллегіумъ и здѣсь принималъ католичество. Католики смѣются надъ кіево-печерскими мощами и объясняютъ нетлѣніе тѣлъ особенными свойствами кіево-печерской почвы или тѣмъ, что монахи намазываютъ тѣла пахучими маслами. *Второй штурмъ* на православныхъ производятъ уніаты. Галятовскій вспоминаетъ фанатика Кунцевича и, пользуясь сообщеніями изъ разныхъ городовъ, говоритъ о современныхъ гоненіяхъ со стороны уніатовъ. Такъ, пинскій уніатскій епископъ Бѣлозоръ освобождаетъ находящихся въ его владѣніяхъ православныхъ крестьянъ отъ податей, при условіи, что они подъ Свѣтлое Воскресеніе будутъ ходить въ уніатскую церковь. Жоховскій перешедшимъ въ унію разрѣшаетъ употреблять въ посту мясо. Въ концѣ втораго штурма Галятовскій говоритъ о мученической кончинѣ брестскаго православнаго игумена Аѳанасія Филиповича. Разсказъ Галятовскаго немного разнится отъ превосходнаго по простотѣ и задушевности описанія кончины Филиповича, описанія, составленнаго неизвѣстными брестскими братчиками [1]. У Галятовскаго ошибочно показано, что Филиповичъ въ тюрьмѣ просидѣлъ недѣлю. По достовѣрному свидѣтельству братчиковъ, тюремное заключеніе Филиповича длилось два мѣсяца (съ 1 іюля по 4 сент. 1648). Братчики не подверждаютъ показанія Галятовскаго, что конь тащилъ Филиповича и что надъ его могилой горѣли свѣчи. *Третій штурмъ* производится хамелеонами, т. е. лицами, перешедшими изъ православія въ латинство, напримѣръ, Касьяномъ Саковичемъ. Галятовскій опровергаетъ мнѣніе Саковича, высказанное въ „Епанортозисѣ“ или „Перспективѣ“, что православные склонны съ соглашенію съ

---

[1]) Русск. истор. библ., IV. Описаніе это помѣщено здѣсь при „Діаріушѣ“ Филиповича.

кальвинистами. *Четвертый штурмъ* противъ православія производятъ паны католики. Галятовскій указываетъ на королевскіе универсалы, преграждавшіе православнымъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и замѣчаетъ при этомъ, что Климентій Тризна не получилъ мѣста мстиславскаго епископа, которое получилъ уніатъ Жоховскій, не смотря на то, что за Тризну ходатайствовали и просили православные. Паны отняли маетности у волынскаго зименскаго монастыря, бучацкій монастырь отдали доминиканамъ, православную церковь въ Константиновѣ обратили въ кладовую съѣстныхъ припасовъ, въ Минскѣ отдали православную церковь татарамъ, которые обратили церковь въ мечеть; виленскую церковь св. Параскевы католики обратили въ корчму. Въ Брестѣ паны католики запрещаютъ православнымъ священникамъ ходить къ больнымъ съ св. Дарами, рвутъ на священникахъ ризы, выливаютъ на землю св. Дары. Паны католическаго вѣроисповѣданія обращаютъ своихъ слугъ православнаго вѣроисповѣданія въ католицизмъ и запрещаютъ своимъ крестьянамъ ходить въ Кіевъ на богомолье, православныхъ священниковъ заставляютъ отбывать въ полѣ панщину или посылаютъ ихъ съ подводами въ далекія мѣста. Паны принуждаютъ православныхъ священниковъ участвовать въ католическихъ процессіяхъ и за отказъ или ослушаніе штрафуютъ ихъ или изгоняютъ изъ прихода. Мало того: паны католики своихъ собакъ отдаютъ православнымъ священникамъ на прокормленіе, угрожая священнику отнятіемъ послѣдняго его имущества, если онъ будетъ дурно кормить собакъ. Однажды православные священники просили пана католика быть милосердымъ къ православнымъ и обѣщали молиться за него Богу. „Не нужно!“ отвѣтилъ панъ; „вашихъ схизматицкихъ молитвъ Богъ не слушаетъ Вообще „Фундаменты“ Галятовскаго восполняютъ многочисленныя свидѣтельства актовъ, гродскихъ книгъ, мемуаровъ и народныхъ пѣсенъ о притѣсненіи православныхъ латино-уніатами и указываютъ въ то же время, какъ къ этимъ притѣсненіямъ относился Галятовскій.

На послѣдней страницѣ „Фундаментовъ“ находится небольшое замѣчаніе о Зоилѣ, который осмѣивалъ Гомера и за то былъ повѣшенъ Птоломеемъ. Предвидя возраженія со стороны латинскихъ зоиловъ, Галятовскій утѣшаетъ себя тѣмъ, что и у апостола Павла были враги, зоилы. Заключительное замѣчаніе о Зоилѣ было до-

вольно обычно въ южно-русской литературѣ XVII в.; оно, напримѣръ, встрѣчается въ „Евхаристиріонѣ" 1632 г. Сколько извѣстно, латино-уніаты не возражали противъ „Фундаментовъ". Они навѣрно настрочили-бы цѣлый рядъ возраженій противъ Галятовскаго, еслибы онъ остановился на избитой и истоптанной почвѣ схоластическаго богословія; но Галятовскій зашелъ въ область современной ему бытовой жизни и выдвинулъ такіе вопіющіе факты латиноуніатской жестокости и несправедливости по отношенію къ православнымъ, что трудно было его подкопать и одолѣть. Невозможно было опровергнуть такіе факты, которые были у всѣхъ на глазахъ или въ памяти. Пришлось молчать, и латино-уніаты на этотъ разъ смолчали. Можетъ быть этимъ молчаніемъ прійдется объяснить малую извѣстность и малую распространенность „Фундаментовъ". Повидимому, эту книжку потому мало читали, что ее мало ругали.

Въ теченіи многихъ вѣковъ магометанскій міръ посредствомъ крымскихъ татаръ опустошалъ Малороссію. Во второй половинѣ XVII в. на Украйну обрушился турецкій султанъ, воспользовавшійся слабостью польскаго государства. Въ августѣ 1672 г. турки овладѣли сильнѣйшей польской крѣпостью, Каменцомъ [1]). По Будчановскому миру 1672 г. поляки отдали туркамъ Подолію и обязались платить ежегодно дань въ 22,000 червонныхъ. Только военныя дарованія Яна Собѣсскаго дали Польшѣ возможность не выполнить унизительныя условія мирнаго договора и возвратить Подолію. Въ августѣ 1674 г. турки занимали Чигиринъ, и въ самомъ Кіевѣ со страхомъ ожидали турецкаго намѣстника. Еще въ іюлѣ 1674 г. печерскій архимандритъ И. Гизель просилъ у царя пушекъ, пороху и ядеръ для обороны монастыря изъ печерской крѣпости. Въ 1675 г. крымскій ханъ сдѣлалъ попытку уничтожить Запорожье. 15,000 янычаръ были введены въ Сѣчь ночью на праздникъ Рождества Христова, когда товариство „завше звыкло гуляти и подпивати" [2]). Запорожцы раззбили янычаръ, и ханъ бѣжалъ. Въ 1675 году турки разорили часть Галиціи и Волыни [3]). Въ 1678 г. московскія войска въ защиту отъ татаръ „верхній городъ Кіевъ, идѣ-

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II. 211.

[2]) С. Величко, Лѣтоп. II. 357—364.

[3]) Ibid. II. 371.

же церковь св. Софіи и катедра митрополитовъ кіевскихъ, глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша, а войска козацкія за поводомъ гетманскимъ городъ Кіевъ печерскій рвами и крѣпкими валами обваровали и уфундовали" [1]). Зимой 1681 г. татаре подходили подъ Кіевъ и брали людей въ плѣнъ. Въ 1685 г. кіевляне исправляли городскіе валы для защиты отъ татаръ [2]). Въ 1687 г. „татары барзо великія шкоды коло Кіева починили, коло самого города, замкомъ (близъ Златыхъ Воротъ), людей побрали, постынали и усе лѣто не давали отпочитку, же зъ города за Лыбедь трудно было выйти, не дбаючи на тое, що наши войска на Крымъ пошли" [3]). Слободская Украйна въ XVII и XVIII ст. очень часто была опустошаема татарскими отрядами, и битвы съ татарами происходили подъ самимъ Харьковомъ [4]). Татарскія и турецкія нашествія сопровождались жестокимъ избіеніемъ малороссіянъ и издѣвательствомъ надъ православными святынями. Побѣдители брали украинскихъ дѣвушекъ въ плѣнъ, обращали церкви въ мечети, иконами мостили улицы [5]). Въ эту тяжолую для Малороссіи эпоху турецкихъ и татарскихъ нашествій и набѣговъ сложились невольницкія думы, составляющія одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ отдѣловъ малорусской народной поэзіи. Въ пѣсняхъ и думахъ о борьбѣ съ татарами и турками вылилась многострадальная душа народа. Здѣсь народъ выплакалъ свое вѣковое горе; здѣсь онъ выразилъ чувство ненависти къ своимъ исконнымъ врагамъ магометанамъ; здѣсь прославлены народные герои, безстрашно пускавшіеся на утлыхъ чайкахъ въ Черное море и громившіе турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Въ пѣсняхъ и думахъ народъ съ замѣчательной точностью передалъ исторію своихъ страданій: какъ татары жгли села, топтали конями дѣтей, какъ мучили плѣнныхъ, какъ „турки білу челядь забирали", какъ скрывались отъ татаръ въ водѣ, но боясь,

---

[1]) Ibid. II. 478.

[2]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. II. 173, 178.

[3]) Лѣтопись Самовидца. Въ 1687 г. былъ первый походъ кн. В. В. Голицына на Крымъ.

[4]) Филаретъ, Истор.-стат. Опис. Харьк. епархіи. I. 108, 109, 114, 117, 119—122; II 58—63, 198—206 и во мног. друг. мѣстахъ.

[5]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи. II. 209.

чтобы тутъ не выдала чайка, пробирались въ лѣса съ маленькими дѣтьми [1]).

Общественныя бѣдствія, проистекавшія отъ татарскихъ набѣговъ, усиливали въ народѣ вѣру въ чудеса, порождали сказанія о необыкновенныхъ явленіяхъ въ природѣ, предвѣщавшихъ турецкое нашествіе. Такъ, въ 1675 г., во время нашествія турокъ на Галицію и Волынь, „въ монастырѣ елецкомъ черниговскомъ, за архимандритства о. І. Галятовскаго, чрезъ двохъ чеснихъ іеромонаховъ и иныхъ того монастыря законниковъ и людей свѣтскихъ мѣсяца августа, на отдане праздника Успенія пресвятой Дѣвы Богородицы, о полночи, близко того монастыря елецкаго на ясномъ небѣ два столпи зъ оболоку бѣлаго учиненіе, еденъ отъ сторони полуденной, а другій полунощной, видѣны бяху, которые зъ собою сшедшись вдарилися [2]), презъ которыи столпи Дѣва пресвятая Богородица тимъ законникамъ елецкимъ тое ознаймила, же войско христіанское съ магометанскимъ войскомъ турецкимъ въ Малой тогобочной Россіи того власне часу, якъ столпи были видѣнни, потикало и войну чинило“ [3]).

Выдающіяся южно-русскія духовныя лица второй половины XVII в. Галятовскій и Гизель, особенно Барановичъ, раздѣляли народную ненависть къ туркамъ и татарамъ и дѣйствовали противъ нихъ всѣми возможными для духовныхъ лицъ средствами: взывали къ московскому царю о помощи, отклоняли малороссіянъ отъ мысли покориться султану, поддерживали мужество козаковъ, издавали сочиненія противъ магометанской вѣры.

Во время турецкаго нашествія на правобережную Украйну въ 1677 г. Барановичъ, исполнявшій обязанности кіевскаго митрополита за смертью Діонисія Балабана, созвалъ въ Кіевъ на соборъ настоятелей главныхъ южно-русскихъ православныхъ монастырей: монастыря печерскаго—И. Гизеля, монастыря елецкаго—Іоанникія Галятовскаго, монастыря новгородъ-сѣверскаго—Михаила Лежайскаго

---

[1]) Въ водѣ прятались иногда съ головой, имѣя во рту пустую въ серединѣ камышину, черезъ которую дышали.

[2]) Нужно думать, что рѣчь идетъ о сѣверномъ сіяніи, которое изрѣдка бываетъ видно въ Малороссіи.

[3]) С. Величко Лѣтопись. II. 372.

и др.[1]). По соборному опредѣленію, Барановичемъ во всѣ мѣста Малороссіи были разосланы двѣ граматы, сходныя по содержанію: одна грамата отъ 4 мая 1677 г., другая въ 1678 г. Предпославъ духовенству и мірянамъ свое пастырское благословеніе и замѣтивъ, что нашествіе турокъ „грѣховъ ради нашихъ стается", Барановичъ предписываетъ духовнымъ лицамъ служить молебны о побѣдѣ надъ басурманами, а мірянамъ предписываетъ соблюдать постъ, воздерживаться отъ пѣнія, игръ и музыки[2]).

Въ 1679 г. изъ новгородъ-сѣверской типографіи Барановича вышло небольшое сочиненіе (въ 66 стр.) Галятовскаго подъ заглавіемъ „Лебедь" съ 5-ю перьями, или Христосъ съ 5-ю бож. дарами[3]).

Первое лебединое перо показываетъ причины продолжительнаго существованія магометанской вѣры. Богъ терпитъ магометанъ, потому что не наполнилась мѣра ихъ грѣховъ, терпитъ для испытанія христіанъ въ твердости вѣры, въ наказаніе христіанскихъ государей за ихъ раздоры и въ виду возможности обращенія магометанъ въ христіанство. Какъ-бы то ни было, магометанство должно погибнуть. По словамъ Баронія, Турція будетъ покорена французами; по словамъ Ѳомы Брюсельскаго—русскими.

Второе лебединое перо показываетъ причины, почему многіе народы приняли магометанство: повелѣніе Магомета распространять исламъ посредствомъ меча, разрѣшеніе разврата (многоженство), простота и общедоступность магометанскаго вѣроученія, обращеніе въ магометанство христіанскихъ дѣтей (янычары), пере-

---

[1]) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. I. 43.

[2]) Акты Западной Россіи. V. 141—144.

[3]) Полное его заглавіе слѣдующее: «Łabędz z piorami swemi, z darami boskiemi Christus prawowiernemu narodowi chrześćiańskiemu łabędziowym piorem swej mądrości boskiey wypisuje przyczyny, dla ktorych długo trwa na swiecie secta mahometańska i dla ktorych wiele narodow przyęli zakon Mahometow i dla ktorych na wojnie mahometani szczęscie mają, chrzescian zwycięzają i miasta i panstwa chrzescianskie posiadają. Ten ze Łabędz Chrystus łabędziowym piorem swej nauki boskiey wypisuje fortele wojenne, ktorymi na wojnie Machometanow swoich przeciw chrześćian Mahomet pobudza, i fortele wojenne, ktoremi chrzescianie Machometanow i każdego nieprzijciela swego na wojnie zwyciężyc mogą, albo się od nieprzyjciela obronic». Одинъ экземпляръ „Лебедя" находится въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

ходъ бѣглыхъ преступниковъ изъ христіанъ въ магометанство. Кромѣ того Галятовскій говоритъ, что въ аду, по Божьему произволенію, будетъ болѣе людей, чѣмъ въ раю, и вотъ для наполненія ада нужны магометане. Въ концѣ втораго „пера" Голятовскій прибавляетъ еще два возможныхъ случая уничтоженія магометанъ: магометане погибнутъ въ междоусобной войнѣ или будутъ обращены въ столбы.

Третье лебединое перо показываетъ причины, почему магометане на войнѣ побѣждаютъ христіанъ: грѣхи христіанъ, ссоры ихъ царей, небрежность на войнѣ. Въ концѣ главы о третьемъ лебединомъ перѣ находится весьма замѣчательное мнѣніе Галятовскаго о возможности союза православныхъ народовъ, которые могли бы освободиться отъ турецкаго ига, дѣйствуя единодушно. „Такъ и теперь, говоритъ Галятовскій, греки, болгаре, сербы, боснійцы, молдаване, валахи и иные христіанскіе народы, которые служатъ туркамъ, когда Богъ захочетъ, могутъ согласиться и уговориться между собою, выбиться изъ турецкой неволи и турокъ сдѣлать своими рабами, возвратить гробъ Христовъ и святыя мѣста."

Если принять во вниманіе это любопытное замѣчаніе Галятовскаго и тѣ мысли о необходимости союза поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, которыя высказаны Барановичемъ въ „Лютнѣ", то можно съ увѣренностью утвердить, что среди малорусскаго духовенства второй половины XVII в., вполнѣ созрѣла идея политическаго единенія народовъ православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно славянскаго корня. Не исключались изъ этого союза даже поляки, непримиримые враги малороссовъ. Въ своей „Лютнѣ", въ одной изъ виршъ Барановичь говоритъ, что московскій и польскій орлы, соединившись, могли-бы повергнуть къ ногамъ своимъ магометанскую луну; другую виршу онъ посвятилъ на опроверженіе ходячаго мнѣнія (во времена Барановича), что „poki swiat swiatem nie będzie rusin polakowi bratem." Такія тенденціи Барановича и Галятовскаго представляютъ довольно сознательное выраженіе внутренней связи малорусскаго народа съ южными и западными славянами въ XV—XVII столѣтіяхъ. Разгромомъ прибрежныхъ турецкихъ городовъ козаки мстили не только за несчастія своей родины, но и за угнетеніе всего южнаго славянства. Югославяне надѣялись, что Богданъ Хмельницкій освободитъ ихъ отъ

турокъ, и Хмельницкій дѣйствительно приготовлялся „промышлять надъ турецкимъ царемъ.“ Есть основаніе думать, что Хмельницкій замышлялъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Украйнѣ, съумѣлъ даже склонить на свою сторону турецкаго султана; но тутъ подвернулись для Хмельницкаго крайне неблагопріятныя политическія обстоятельства, напоръ поляковъ, грабежи татаръ, опасность потерять въ московскомъ царѣ послѣднюю опору на случай крайности, и повернули мысли его въ другую сторону. Проблеснувшая мысль о союзѣ порабощенныхъ славянскихъ народовъ, о взаимной ихъ другъ другу помощи для общаго дѣла славянской свободы, которая могла-бы организоваться въ такую или иную политическую комбинацію, оставлена въ самомъ началѣ, хотя самая идея славянства была тогда живѣе, связь славянъ между собою и въ частности съ Малороссіею тѣснѣе и ближе и даже въ Румыніи славянскій элементъ былъ весьма значителенъ. Гораздо ранѣе Хмельницкаго еще въ XV в. малорусскіе козаки, подъ предводительствомъ князей Острожскихъ и Сигизмунда Корибута, ходили въ Чехію помогать чехамъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами [1]).

Четвертое лебединое перо описываетъ военныя уловки или фортели, которыми Магометъ поднимаетъ въ Коранѣ мусульманъ противъ христіанъ: замѣчаніе о распространеніи ислама мечемъ, замѣчаніе о томъ, что магометанину принадлежитъ земля, гдѣ ступила нога его коня, обѣщаніе райскаго блаженства борцамъ за вѣру и др.

Пятое лебединое перо изображаетъ военныя мѣры, посредствомъ которыхъ христіане могутъ побѣдить магометанъ. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, западно-европейскихъ и польскихъ историковъ Галятовскій выбралъ около 40 случаевъ, когда побѣда была одержана вслѣдствіе хитрости, и онъ рекомендуетъ эти военныя хитрости христіанамъ. Тутъ встрѣчается разсказъ о деревянномъ конѣ, ввезенномъ въ Трою, о томъ, какъ турки завлекли въ ровъ Владислава III, какъ древляне убили великаго князя Игоря, какъ Владиміръ св. взялъ Херсонесъ, и друг.

Въ концѣ книги Галятовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ наклонности магометанъ къ колдовству, при чемъ одинъ примѣръ

---

[1]) Первольфъ. Славянск. взаимность, 151, 277.

заимствованъ изъ польскаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Т. Тасса, Галятовскій серьёзно вѣрилъ, что Исменъ былъ колдунъ и что татаре насылаютъ на христіанъ болѣзни, колдуя на сердцахъ убитыхъ людей. Магометъ у Галятовскаго не болѣе, какъ бѣсноватый, магометане—слуги дьявола и магометанское ученіе — дѣло дьявола.

Въ концѣ XVII ст. „Лебедь“ былъ переведенъ на русскій языкъ [1]). Противъ „Лебедя“ издано было злое сатирическое стихотвореніе „List do Galatowskiego [2]).

Вскорѣ послѣ выхода „Лебедя“ вышло другое сочиненіе Галятовскаго противъ магометанъ: „Alkoran Mahometa od (koheleta) Chrystusa zniszczony i w niwec obrocony“. Мѣсто изданія—Черниговъ. Время изданія у разныхъ библіографовъ и историковъ показано различно: у Вишневскаго въ 1683 г., у Костомарова въ 1687 г., у архіеп. Филарета въ 1688 г. По словамъ Н. И. Костомарова, въ „Алкоранѣ“ говорится о жизни и ученіи Магомета и повторяется преданіе о томъ, что турки будутъ побѣждены христіанами. „Алкоранъ“ раздѣленъ на 12 частей и изложенъ въ формѣ диспута между алкораномъ и когелетомъ. Сочиненіе посвящено царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ [3]). Переводчикъ посольскаго приказа Годзеловскій перевелъ его на русскій языкъ [4]).

Наряду съ Барановичемъ и Галятовскимъ, какъ дѣятельный членъ литературнаго и политическаго кружка Барановича, И. Гизель также писалъ противъ турокъ. Въ 1667 г. И. Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманъ и покориться православному московскому царю [5]).

Въ XVI ст., въ золотое время польской свободы, въ Польшѣ и Литвѣ возникли разные расколы и ереси, проникшіе и въ южную Русь; въ особенности глубокіе корни пустило аріанство. Аріанство, отвергавшее божественность Христа, какъ извѣстно, возникло въ IV ст. и было осуждено на Никейскомъ соборѣ 325 г. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ концахъ христіанскаго

---

[1]) Филаретъ, Обзоръ дух. литер., I. 288 (у Толстаго, II. 26).

[2]) Wisznewski, Hist. liter. polsk. VIII. 394.

[3]) Костомаровъ, Русск. Исторія въ жизнеоп. II. 370.

[4]) Филаретъ, Обзоръ, I. 288.

[5]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 15.

міра. Въ XVI ст. представителемъ аріанства на Западѣ былъ Серветъ, сожженный Кальвиномъ. Въ 1551 году послѣдователи Сервета, Лелій и Faустъ Социны перенесли аріанство въ Польшу, гдѣ оно, по имени Социновъ, стало называться социніанствомъ. Въ короткое время возникло множество социніанскихъ толковъ. Фаустъ Социнъ примирилъ аріанскія партіи, утвердивъ между ними единство въ главныхъ вѣрованіяхъ. По изъясненію Фауста Социна, откровеніе есть главный источникъ и основаніе вѣры; но въ объясненіи словъ св. Писанія человѣческому разуму долженъ быть предоставленъ полный просторъ. Богъ Отецъ всесовершенъ, безначаленъ, несотворенъ, а самъ все сотворилъ. Іисусъ Христосъ, по ученію Социна, былъ смертный человѣкъ, но, зачатый во чревѣ св. Дѣвы безъ мужа наитіемъ св. Духа, онъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ сыномъ Божіимъ, присвоеннымъ или усыновленнымъ. Черезъ крестныя свои страданія и воскресеніе Іисусъ Христосъ сдѣлался Богомъ и потому Его нужно прославлять и призывать въ молитвахъ. Но Христосъ не есть Слово, черезъ которое все сотворено. Онъ всесовершеннѣйшій пророкъ, богодухновенный человѣкъ, человѣко-Богъ, но не Бого-человѣкъ. Своей крестной смертью Христосъ не искупилъ людей отъ грѣха и не ввелъ ихъ въ наслѣдіе вѣчной жизни, но лишь показалъ, какъ они могутъ умилостивить Бога. Св. Духъ есть даръ Божій, подаваемый вѣрующимъ и всей полнотой своей почивавшій во Христѣ. Социніане признавали только два таинства, причащеніе и крещеніе, не придавая однако имъ таинственнаго значенія. Нравственное ученіе социніанъ было строго. Въ церковныхъ учрежденіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ социніане не отличались отъ протестантовъ. Время отъ объединенія социніанскихъ партій въ 1585 г. до открытія гоненія на нихъ со стороны польскаго правительства и народа въ 1638 г. было самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи польскаго социніанства. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи: въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Венгровѣ, Пинчовѣ, Кіевѣ. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ. Въ 1638 г., по случаю выхода въ свѣтъ одной богохульной книжки, въ Раковѣ была закрыта социніанская церковь, школа и типографія, и самый городъ вскорѣ былъ разрушенъ католиками. Въ 1644 г.

были закрыты социніанскія церкви и школы на Волыни. По сеймовымъ постановленіямъ 1658, 1659, 1661 и 1662 годовъ социніанскія общины были уничтожены, при чемъ одни социніане вынуждены были принять католицизмъ, другіе были изгнаны, третьи казнены [1]).

Можно думать, что религіозное броженіе умовъ въ Литвѣ и южной Россіи, вызванное социніанствомъ, не смотря на драконовскія относительно социніанъ постановленія сейма 1662 г., не совсѣмъ улеглось. Въ образованномъ южно-русскомъ обществѣ, вѣроятно, встрѣчалось еще не мало людей съ социніанскими убѣжденіями и вѣрованіями, скрываемыми подъ личиной польско-католическаго благочестія. Іезуиты съ свойственной имъ ловкостью воспользовались религіозно-общественнымъ настроеніемъ, вызваннымъ социніанствомъ. Они обвиняли православныхъ въ наклонности къ кальвинизму и социніанству. Сдѣлавъ имя аріанъ ненавистнымъ въ Рѣчи Посполитой, они охотно стали примѣнять это имя къ православнымъ, направляя такимъ образомъ противъ нихъ фанатическое польсколатинское духовенство и шляхетство. Кипріанъ Жоховскій печатно называлъ Барановича и Галятовскаго аріанами [2]).

Издавая сочиненія противъ аріанъ, призывая на ихъ голову всѣ кары небесныя и земныя, Галятовскій тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о лживости взводимыхъ іезуитами на православныхъ обвиненій въ наклонности къ аріанству. Южно-русскій ученый не замѣтилъ однако того, что, обѣляя себя и своихъ единовѣрцевъ передъ глазами католиковъ рѣзкимъ осужденіемъ еретиковъ, онъ по духу слишкомъ приблизился къ своимъ гонителямъ іезуитамъ, слишкомъ проникся ихъ злобой, нетерпимостью, ихъ ненавистью къ человѣку.

Вообще противъ еретиковъ направлено сочиненіе Галятовскаго Алфавитъ („Alphabetum rozmaitym heretikom niewiernym dla ich nauczenia y nawrocenia do wiary katholickiey).“ Напечатано въ Черниговѣ, въ типографіи Барановича, 23 іюня 1681 г., съ обозначеніемъ имени автора.

---

[1]) Левицкій, О южнор. social., въ „Кіевской Старинѣ,“ 1882 г.; Соколовъ, Отношеніе протестантовъ къ Россіи, стр. 259—262.

[2]) Fundamenta, Галятовскаго, стр. 83.

Противъ аріанъ Галятовскій издалъ въ Черниговѣ въ 1686 г. „Софія мудрость“ [1]).

„Алфавитъ“ посвященъ гетману Ивану Самойловичу въ знакъ благодарности за благодѣянія, оказанныя имъ автору книги и елецкому монастырю. За посвященіемъ слѣдуетъ краткая „Предмова до чительника,“ въ которой еретики сравниваются съ дымомъ, саранчой и прочимъ, упоминаемымъ въ 9 главѣ Апокалипсиса. За предмовой слѣдуетъ стихотвореніе въ 10 строкъ, обращенное къ еретику,—одна изъ рѣдкихъ виршей Галятовскаго.

Tę xięge przy kłopotach, z kosztom, z pracą, chory
Napisałem, abym wszedł w niebieskie żyć dwory,
Żadając niewiernych do wiary nawrocenia [2])... и проч.

Въ самомъ „Алфавитѣ“ перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ имена еретиковъ; въ двухъ-трехъ строкахъ говорится объ ихъ заблужденіяхъ, и затѣмъ слѣдуетъ возраженіе Галятовскаго, иногда въ нѣсколько страницъ. Пространныя возраженія изложены въ формѣ діалоговъ между православнымъ и еретикомъ. Сравнительно большая обширность нѣкоторыхъ возраженій и опроверженій Галятовскаго происходитъ отъ того, что въ нихъ вставлены богословскіе трактаты о св. Тройцѣ, о божествѣ Христа (13—24), о пребываніи душъ на небѣ (43—57), о страшномъ судѣ (60—75), объ иконопочитаніи (97—102), о формѣ и значеніи таинствъ, о св. мощахъ и проч. Трактаты эти представляютъ повтореніе того, что говорилось уже въ „Ключѣ“ и „Мессіи“.

Галятовскій въ изложеніи еретическихъ мнѣній и въ опроверженіи ихъ обнаруживаетъ крайнее неумѣнье отличать важное отъ пустаго и большое смѣшеніе понятій. О Херинтѣ, Эолѣ, Флоринѣ говорится болѣе, чѣмъ о Лютерѣ и Кальвинѣ. Въ число ере-

---

[1]) „Sophia mądrość zbudowała sobie dom y wgruntowała siedm słupów y mieszkając w tym domu, rozmaite na świecie czyni cuda przeciw Arianow heretykow y już wczyniła y przez w. w. Bogu o. J. Galatowskiego, arch. czern. — jeleckiego, swiatu objawiła“. Въ фундамент. библіотекѣ харьковской духовной семинаріи находится „Alphabetum“ и „Sophia mądrość“, по одному экземпляру.

[2]) „Въ хлопотахъ, съ большими издержками и трудомъ, больной, написалъ я эту книгу, чтобы войти въ небесное жилище, желая, чтобы невѣрующіе обратились къ вѣрѣ“ и пр.

тиковъ попали китайцы, японцы, мексиканцы, Зороастръ, Ксерксъ, греческіе философы, Маккіавели. Китайцы попали въ еретики за ношеніе косы, японцы за ученіе о богѣ Амидѣ, будто бы пострадавшемъ за человѣчество, мексиканцы за поклоненіе идолу, сдѣланному изъ муки, меда и разныхъ кореньевъ. Зороастру приписано изобрѣтеніе чародѣйства. Демократъ оказался въ числѣ еретиковъ на томъ основаніи, что училъ о происхожденіи міра изъ атомовъ, Діагоръ за ученіе о случайномъ происхожденіи міра и о господствѣ въ мірѣ случая, Зенонъ за ученіе, что душа человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ, воздуха, воды, огня и земли, Герилль за то, что высшимъ благомъ человѣка считалъ мудрость, Платонъ за ученіе о существованіи душъ солнца, луны и звѣздъ, Ксенофонтъ за ученіе о вѣчности міра. Послѣдователи Маккіавели признаны еретиками за то, что ставятъ государство выше церкви. Галятовскій опровергаетъ древнихъ философовъ доводами изъ св. Писанія; наприм., Герилла халкедонскаго опровергаетъ словами ап. Павла, что земная мудрость—глупость передъ Богомъ. Магомету въ „Алфавитѣ" отведено полъ-страницы; впрочемъ, сообщеніе о Магометѣ довольно вѣрно исторически и содержательно. Лютеру въ „Алфавитѣ" посвящено еще менѣе мѣста, чѣмъ Магомету, причемъ обнаруживаются крайне скудныя свѣдѣнія Галятовскаго о протестантствѣ. Южнорусскій ученый могъ только замѣтить, что Лютеръ добрыя дѣла считалъ грѣхомъ и за это ночью былъ удавленъ чортомъ, который скрутилъ Лютеру шею. Повидимому, и наставникъ Галятовскаго Барановичъ весьма мало зналъ о протестантствѣ и лишь глумился надъ Лютеромъ. Въ „Лютнѣ" находится вирша „Lutrowi—łotrowi", въ которой Лютеръ названъ волкомъ, а жена его, бывшая монахиня, волчицей. По словамъ Галятовскаго, Кальвинъ называлъ себя краеугольнымъ камнемъ, о которомъ говорится въ евангеліи. „За это богохульство", грубо и злобно замѣчаетъ Галятовскій на основаніи какого нибудь человѣконенавистнаго іезуитскаго свидѣтельства, „Кальвина съѣли вши, которыя выходили изъ его тѣла и сыпались; отъ этой вшивой болѣзни происходилъ въ его тѣлѣ столь сильный смрадъ, что люди убѣгали отъ него и самъ онъ задохся отъ собственнаго смраду". На Гуса Галятовскій смотритъ съ точки зрѣнія средневѣковыхъ католиковъ, осудившихъ великаго чеха на сожженіе. Галятовскій признаетъ за

духовными лицами право проклинать мірянъ. Говоря о томъ, что самаритяне впадали въ идолопоклонство, Галятовскій замѣчаетъ, что и русскіе не отрѣшились вполнѣ отъ языческихъ вѣрованій въ Ладо, Купала, Леля-Полеля, Чура. „Наши христіане, говоритъ Галятовскій, „и теперь во время свадьбы или какого нибудь увеселенія упоминаютъ о Ладо; въ честь Купала надѣваютъ вѣнки на свою голову, опоясываются цвѣтами и травами, прыгаютъ чрезъ огонь и танцуютъ вокругъ него, взявшись за руки и распѣвая купальскія пѣсни; вспоминаютъ въ пѣсняхъ Леля-Полеля [1]); подъ праздникъ Рождества Христова вспоминаютъ Чура и распѣваютъ по дворамъ развратныя пѣсни“. Подъ развратными пѣснями, очевидно, подразумѣваются колядки. Объ обычаѣ колядованія находится упоминаніе въ „Лиѳосѣ“ 1644 года. Любопытно не столько перечисленіе нѣкоторыхъ остатковъ языческихъ вѣрованій въ Малороссіи въ XVII в., сколько заключительное замѣчаніе Галятовскаго. „Духовныя лица, замѣчаетъ Галятовскій, искореняютъ эти суевѣрія своими наставленіями, но ихъ не слушаютъ; потому свѣтскимъ лицамъ слѣдуетъ силой изгнать эти суевѣрія“. Южнорусскій ученый, очевидно, желалъ приложенія къ малорусской народной жизни принудительныхъ и регламентирующихъ законодательныхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ правиламъ, которыя практиковались въ XVI—XVII ст. въ московскомъ государствѣ.

Заключительное обращеніе къ читателю состоитъ въ объясненіи того, что изъ Алфавита видно, т. е. что еретики хуже жидовъ и язычниковъ, по демонскому внушенію производятъ ложныя чудеса, хитры, развратны, вообще достойны смертной казни.

„Софія мудрость“ посвящена кіевскому митрополиту Гедеону Святополку Четвертинскому (хиротонисанъ изъ луцк. еп. въ кіев. митр. 8 нояб. 1685 г., † 6 апр. 1690 г.). Въ предисловіи говорится о родѣ кн. Четвертинскихъ и приложено изображеніе Купятицкой иконы Богоматери. Въ книгѣ 25 листиковъ (50 стран.), на которыхъ изложены чудеса, свидѣтельствующія о преступности аріанъ. Всѣхъ чудесъ 51. Чудеса заимствованы преимущественно изъ Баронія. Отличительная особенность чудесъ въ „Софіи“—жестокость. И въ

[1]) Свидѣтельство это заимствовано изъ Кромера, который о Лелѣ и Палелѣ упомин. въ соч. „De origine et reb. gest. Polan.“ III. 30.—Прм. авт.

„Небѣ“ грѣшники терпятъ наказаніе отъ Богоматери; но иногда получаютъ нрощеніе. Въ „Софіи“, этомъ жалкомъ исчадіи кіево-могилянской науки, Богъ является исключительно грознымъ и карающимъ. Для еретиковъ нѣтъ другаго наказанія, какъ искалѣченіе и смерть; напр. во 2 чудѣ аріанинъ убитъ громомъ, въ 4—облитъ въ банѣ кипяткомъ, въ 5—убитъ конемъ, въ 6—у аріанск. еписк. Зосимы вылѣзъ языкъ, въ 23—самъ Арій распухъ и умеръ скоропостижно мучительной смертью. Въ заключительномъ обращеніи къ „ядовитому Скорпіону зоилу“ Галятовскій говоритъ, что русскій народъ живетъ подъ небеснымъ зодіакомъ Скорпіона. „Неласковый и гнѣвный Скорпіонъ своимъ небеснымъ вліяніемъ побуждаетъ народъ русскій къ войнамъ“.

Въ 1686 г. Галятовскій издалъ въ Черниговѣ на русскомъ языкѣ сочиненіе „Боги поганскіе“. Эта небольшая книжка (12+34) нынѣ представляетъ большую библіографическую рѣдкость. Въ библіотекѣ Хлудова (въ Москвѣ) находится одинъ экземпляръ. Сочиненіе посвящено царицѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Содержаніе сочиненія видно изъ заглавія. „Боги поганскіе въ болванахъ мѣшкаючіе духове злыи, тутъ же посполу ихъ розмаитыи злости написани, жебы христіане правовѣрные могли отъ себя злыхъ духовъ отогнати и подоптати и поплевати и силу ихъ зламати и надъ ними тріумфовати“. Здѣсь говорится, что демоны, скрывающіеся въ статуяхъ языческихъ боговъ, обманываютъ христіанъ ложными чудесами; иногда демоны являются въ тѣлесномъ видѣ, сдѣлавъ себѣ тѣло изъ воздуха или облака. Демоны болѣе всего боятся Богородицы, костей святыхъ и молитвы.

Послѣднее сочиненіе Галятовскаго, изданное имъ за годъ до кончины, носитъ названіе: „Души людей умерлыхъ зъ тѣла выходячіи отходятъ на три мѣсця, иншіи до неба, иншіи до пекла, иншіи на мытарства“ [1]). Книжка небольшая, написана на русскомъ языкѣ, издана въ Черниговѣ въ 1687 г. Это такое-же сухое и безсодержательное порожденіе кіево-могилянской науки, какъ и два предъидущія сочиненія Галятовскаго. Въ „Душахъ“ много схоластическихъ пустяковъ; напр. въ концѣ предмовы въ формѣ прописныхъ буквъ показаны „оружія страстей Христовыхъ“: П—столбъ,

[1]) Одинъ экз. „Душъ“ находится въ библ. харьковск. духов. семинаріи.

у котораго бичевали Христа, Х—клещи, которыми извлекали гвозди изъ его рукъ и ногъ и т. д.; къ каждой фигурѣ приложено риѳмованное двустишіе. Въ „Душахъ" перечисляются 11 небесъ, говорится о 9 ангельскихъ чинахъ, о томъ, съ кѣмъ святые ведутъ на небѣ дружбу, о раздѣленіи ада на отхлань и геенну, о разныхъ мукахъ грѣшниковъ, о мытарствахъ души и о борьбѣ святыхъ съ чертями за душу умершаго. „На повѣтрѣ, замѣчаетъ Галятовскій, полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точатъ, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ", — замѣчаніе, характерное для историка демонологіи, особенно при опредѣленіи темныхъ средневѣковыхъ вѣрованій и понятій, занесенныхъ въ южную Русь схоластической школой.

Іоанникій Галятовскій, „поживъ богоугодно, преставися въ старости въ 1688 году мѣсяца януарія 2 дня, положенъ есть въ храмѣ Успенія пр. Богородицы, подъ формою своею. Сія чтеши глаголи: сотвори ему, Господи, вѣчную память". Слова эти находятся въ елецкомъ помянникѣ[1]). Кончина Галятовскаго не была замѣчена современниками. Объ ней не упоминаетъ Барановичъ въ своихъ письмахъ. Не упоминаетъ о смерти Галятовскаго и св. Димитрій Ростовскій, старательно отмѣчавшій въ своемъ Діаріушѣ время кончины южнорусскихъ духовныхъ лицъ, даже простыхъ монаховъ, чѣмъ либо отличавшихся, отмѣтившій, между прочимъ, время кончины одного благочестиваго постриженника Галятовскаго[2]).

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи находится старинный портретъ Галятовскаго. Портретъ обгнилъ вокругъ, но лицо хорошо сохранилось, хотя нѣсколько закопчено.

Бросая послѣдній взглядъ на Галятовскаго, какъ человѣка и писателя, мы должны признать въ немъ человѣка благочестиваго, умнаго и образованнаго. Нельзя однако не замѣтить, что богатыя дарованія Галятовскаго были въ значительной степени искалѣчены школой. Кіево-могилянская схоластика внесла въ его ученую и литературную дѣятельность нѣчто такое, что помѣшало ему вполнѣ стать на народную точку зрѣнія и работать въ интересахъ народа.

---

[1]) Истор.-стат. Опис. черниг. епарх. III, 18.

[2]) Димитрій Ростовскій. Сочиненія, I. 10.

Южнорусскія народныя нужды и стремленія подсказывали ему темы для сочиненій и наводили его на мысль писа́ть противъ католиковъ, магометанъ и евреевъ; но лишь только Галятовскій брался за́ перо, какъ вмѣсто живаго сочетанія современныхъ ему фактовъ въ огромномъ большинствѣ его сочиненій выступаетъ искусственное сопоставленіе книжныхъ свѣдѣній, безъ соотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью. Если позволительно объ ученикѣ судить по учителю, о Галятовскомъ по Барановичу (а между ними, несомнѣнно, существовала самая тѣсная духовная связь), то можно допустить, что Галятовскій въ своей частной жизни, въ общественной и политической дѣятельности стоялъ къ родной землѣ гораздо ближе, чѣмъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Вообще по сочиненіямъ южнорусскихъ писателей второй половины XVII в., преимущественно по сочиненіямъ Барановича и Галятовскаго, легко убѣдиться, что наука въ это время въ южной Россіи, при внѣшнемъ обманчивомъ богатствѣ, выражавшемся главнымъ образомъ толстотой книгъ и обиліемъ ссылокъ на пособія, была въ дѣйствительности явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни. Исторія южнорусской науки и литературы второй половины XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

12 декабря 1883 года.

ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи запорожской Сѣчи, распространено то общее убѣжденіе, что Сѣчь постоянно и по мѣрѣ надобности переносилась съ одного мѣста на другое и что, стало быть, существовало Сѣчей нѣсколько, а не одна. И это совершенно вѣрно. Является лишь вопросъ: каковъ былъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей и что было причиною перенесенія ихъ съ одного мѣста на другое?

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ между другими историками и лѣтописцами раньше всѣхъ даетъ отвѣтъ князь Мышецкій, авторъ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“ [1]). Такъ какъ отвѣтъ Мышецкаго, не смотря на всю его неполноту, отличается все таки большою подробностію, то мы и воспользуемся его показаніями, присовокупивъ къ этому и собственныя соображенія [2]). Въ главѣ „о прежнемъ житіи казаковъ запорожскихъ, гдѣ оные свои главныя жилища, а по ихъ званію, сѣчи имѣли“, авторъ говоритъ, что запорожцы сидѣли сѣчами въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ мѣстечкѣ Седневѣ, отстоявшемъ въ 30 верстахъ отъ г. Чернигова; 2) въ г. Каневѣ, который стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, ниже г. Кіева и считается однимъ изъ уѣздныхъ городовъ этого послѣдняго 3) въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, которое находилось въ полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра; 4) на островѣ Хортицѣ [3])

---

[1]) „Исторія о казакахъ запорожскихъ“ издана въ Одессѣ, въ 1852 году.

[2]) Къ указанію Мышецкаго мы добавляемъ и собственныя свѣдѣнія, добытыя лично во время поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ.

[3]) Иначе островъ св. Григорія, Варяжскій, Хиртица, Хитрицкій, Хордецкой островъ.

который лежитъ противъ пристани г. Александровска екатеринославской губерніи, ниже послѣдняго днѣпровскаго порога Вильнаго или Гадючьяго, на восемь верстъ [1]); 5) на островѣ Томаковкѣ или Токомаковкѣ [2]), который принадлежитъ теперь жителямъ села Красно-Григорьевки или Чернышовки, екатеринославскаго уѣзда и именуется островомъ Городищемъ; 6) на Микитиномъ рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой, но находившемся на 150 сажень ниже пристани теперешняго мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, противъ южнаго конца острова Орлова; 7) на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ ея, тамъ гдѣ теперь деревня Капуливка или Капыловка, екатеринославскаго уѣзда; 8) на устьѣ рѣчки Каменки, гдѣ теперь деревня Консуловка или Разоровка, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, херсонскаго уѣзда; 9) въ урочищѣ Олешкахъ, по теперешнему въ г. Алешкахъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, прямо на востокъ отъ г. Херсона; 10) наконецъ на рѣчкѣ Подпольной въ дугообразной лукѣ или извивѣ ея, на правомъ берегу, въ урочищѣ, называвшемся у козаковъ Краснымъ-Кутомъ, или Базавлуцкимъ полуостровомъ [3]), гдѣ теперь село Покровское екатеринославскаго уѣзда.

Таковъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей, представленный княземъ Мышецкимъ. Но тутъ является прежде всего вопросъ: можно ли три первыя, до-хортицкія Сѣчи, Сѣчь Седневскую, Каневскую и Переволочанскую считать запорожскими Сѣчами, въ собственномъ смыслѣ этого слова? Кажется, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. За это говоритъ прежде всего этимологія слова: *запорожецъ*. Запорожцами, запорожскими козаками въ собственномъ смыслѣ назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ-нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища, за *порогами* Днѣпра, начинавшимися, ровнымъ счетомъ, на восемь

---

[1]) Мышецкій ошибочно показываетъ 15 верстъ вмѣсто восьми.

[2]) По татарски Томаковка звучитъ „тумакъ“ что значитъ „шапка“; островъ по своей округлости дѣйствительно очень похожъ на шапку. Другія названія острова Днѣпровскій и Буцка. См. Памятн. кіевской комм. для разбора древ. актовъ, I, отдѣлъ III, стр. 18. Кіевъ, 1845 г.

[3]) Подпиленская Сѣчь отстояла отъ Базавлука прямо на востокъ, на разстояніи 12 верстъ.

верстъ ниже деревни Половицы, теперешняго губернскаго г. Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и должны называться запорожскими козаками; тѣже изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ г. Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ, или семейныхъ козаковъ. Но такъ какъ и Седневъ, и Каневъ, и Переволочна находились выше днѣпровскихъ пороговъ, то и считать ихъ *запорожскими Сѣчами* едва ли возможно. Если же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и несомнѣнно, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто зарожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истинные сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя бы то и не Сѣчами, могло относиться лишь къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они не обособлялись еще отъ малорусскихъ козаковъ и, живя въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но затѣмъ, кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седневъ, Каневъ и Переволочну Запорожскими Сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ—сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая Сѣчь, съ которой мы и ведемъ счетъ всѣмъ запорожскимъ Сѣчамъ.

Но, кромѣ указанной неточности, у Мышецкаго замѣчается еще отсутствіе хронологическихъ датъ на счетъ времени возникновенія и паденія каждой изъ названныхъ запорожскихъ Сѣчей; также точно Мышецкій не даетъ намека и на то, что нѣкоторыя изъ названныхъ Сѣчей, какъ напримѣръ Хортицкая, Чортомлыцкая и Каменская, возникали и прекращались не одинъ, а два раза. Впрочемъ, выставляя это на видъ, мы далеки отъ того, чтобы обвинять автора „Исторіи о казакахъ запорожскихъ", писавшаго болѣе, чѣмъ

сто лѣтъ тому назадъ (между 1736 и 1740 гг.). Только въ наше время, и то все-таки далеко не вполнѣ, мы можемъ удовлетворить себя отвѣтомъ на заданный вопросъ. Такъ, что касается Хортицкой Сѣчи, то изъ лѣтописныхъ сказаній извѣстно, что начало ея положено въ 1557 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, человѣкомъ православной вѣры, родомъ изъ волынскихъ князей Гедиминовичей. „Тогожъ мѣсяца (сентября 1557 года) приѣхалъ ко царю и великому князю Івану Васильевичу (Грозному) всеа Русіі, отъ Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича, бити челомъ Михайло Есковичь, чтобъ его (т. е. князя) государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы от(ъ)ѣхалъ, и на Днепрѣ на Корцицкомъ острову городъ поставилъ, противъ Конскихъ водъ (рѣка), у крымскихъ кочевищъ" [1]). Вотъ время перваго возникновенія Хортицкой Сѣчи. Но уже два года спустя Сѣчь Хортицкая окончила это первое свое существованіе, вслѣдствіе того, что самъ предводитель запорожскихъ козаковъ, князь Д. И. Вишневецкій, подавленный нападеніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, удалился сперва „за Черкасы и Каневъ", а потомъ въ отдаленный г. Бѣлевъ съ его волостями и селами; козаки-же, предоставленные собственной судьбѣ, искали себѣ другаго мѣста для своего поселенія. Впрочемъ, павшая такъ безвременно Хортицкая Сѣчь снова возобновлялась, но это было уже въ началѣ XVII столѣтія при кошевомъ атаманѣ запорожскихъ и гетманѣ малорусскихъ козаковъ, Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ. „Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [2]), тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ" [3]). „Хортица одинъ изъ большихъ Днѣпровскихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки. Въ началѣ XVII с. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *засѣкою*, отъ чего, мо-

---

[1]) По Максимовичу. См. Собр. сочин., т. I, стр. 284, Кіевъ, 1876 г.

[2]) Здѣсь явная ошибка: дѣло было въ 1618 году; ибо самъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г. См. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣят. юго-зап. Руси. 1883 г., стр. 1—5.

[3]) Мышецкій. Истор. о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

жетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Сѣчи*, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ въ другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія"[1]). „Островъ сей (Хортица) извѣстенъ былъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе Руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ къ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставили ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули"[2]).

За Хортицкой Сѣчью слѣдовала Томаковская; возникновеніе ея можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Сѣчь, или-же ко времени немного позже этого. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ „Исторіи Малой Россіи", когда говоритъ о князѣ Д. И. Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку[3]); второе предположеніе является само-собой, когда исключить первое: если Томаковская Сѣчь основана не одновременно съ Хортицкой и не раньше ея, то, стало быть, позже. Но когда-же именно? На этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно мы не можемъ. Правда, г. Костомаровъ[4]) говоритъ, что Томаковская Сѣчь возникла въ 1568 году; но на чемъ онъ основываетъ свое утвержденіе? На такомъ актѣ, который рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Сѣчи. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву: „Подъданымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъехавши, *на низу на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ* перемешкивають: Маемъ того ведомость, ижъ вы на местцахъ помененныхъ, у входахъ розныхъ свовольне живучи, подданнымъ цара Турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопского, на улусы и кочовища ихъ находечи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ

---

[1]) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 259.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 150.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Ист.-Мал. Рос., Москва. 1842 г., I., 113; тоже повторяетъ Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи". Москва, 1842 г., I, 46.

[4]) Южная Русь и казачество. Отеч. Зап., т., CLXXXVIII, отд. I, стр. 39.

нашихъ отъ неприятеля въ небезпечество приводите" [1]). Вотъ тотъ актъ, который, по словамъ г. Костомарова, указываетъ будто-бы годъ основанія томаковской Сѣчи. Но какое-же здѣсь указаніе на Томаковскую Сѣчь? Въ актѣ говорится только о томъ, что запорожскіе козаки „перемешкиваютъ" на Днѣпрѣ, на низу и на поляхъ; но Днѣпръ великъ, а низъ и поле еще больше того; на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковки острова, есть еще и множество другихъ островов.

Такимъ образомъ актъ, приведенный г. Костомаровымъ, ничего не говоритъ намъ о Томаковской Сѣчи, и годъ основанія ея для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Костомаровъ о Тамаковкѣ даетъ другаго рода свѣдѣнія; такъ, онъ говоритъ, что на этомъ островѣ произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго, гетмана малороссійскихъ козаковъ, съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ короннаго гетмана Польши, Потоцкаго; посолъ убѣждалъ гетмана не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться изъ Сѣчи на родину: „увѣряю васъ честнымъ словомъ, говорилъ Хмелецкій Хмельницкому, что и волосъ на спадетъ съ вашей головы" [2]). Впрочемъ, что касается самыхъ козаковъ, бывшихъ на островѣ Томаковкѣ, то они приняли Хмельницкаго далеко не такъ дружелюбно, какъ можно было-бы предполагать. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. „Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украйнѣ атаманомъ Ѳеодоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько сотъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Ѳеодора Линчая подняли мятежъ и требовали его (Барабаша) сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша, Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Ѳедоръ Линчай со своими сторонниками, которые получили прозваніе „линчаивцівъ", принужденъ

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1863. Т. 1, III, стр. 4, Актъ помѣченъ 1568 годомъ, 20 числомъ ноября.

[2]) Богданъ Хмельницкій. Спб., 1870 г., т. I, стр. 84.

былъ спасаться бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ (Томаковкѣ). Теперь когда линчаевцы увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго, ихъ прежняго противника, то, хотя по долгу козацкаго гостепріимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ... Это недовѣріе заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка (Томаковки) на Никитинъ Рогъ" [1]).

Заговоривъ о Томаковской Сѣчи, мы не можемъ при этомъ не указать на тѣ неточности, которыя допущены при описаніи ея въ недавно вышедшемъ сочиненіи „О Богданѣ Хмельницкомъ" г. Буцинскаго [1]). Описывая островъ Томаковку, авторъ говоритъ, вопервыхъ, что островъ этотъ находится выше Микитина Рога на 25 верстъ;— это невѣрно: не на 25, а на 18 верстъ. Далѣе, авторъ говоритъ, что Томаковка—самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности;—и это невѣрно. Самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности есть островъ Хортицкій: онъ имѣетъ $24\frac{1}{2}$ версты въ окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинамъ и 325 сажнямъ; тогда какъ Томаковка въ окружности имѣетъ шесть верстъ, а площадь ея равняется 295 десятинамъ земли. Кромѣ того и самые берега острова Томаковки менѣе возвышены, нежели берега острова Хортицы: Томаковка доступна со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ высота ея восходитъ до 7 саженъ; тогда какъ Хортица недоступна съ трехъ сторонъ, особенно-же съ западной, гдѣ высота ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 30 саженъ и болѣе. Далѣе авторъ говоритъ, что Томаковка расположена въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ онъ нѣсколькими (?) притоками соединяется съ рѣкою Базавлукомъ;—и это неправда: рѣка Базавлукъ находится болѣе, чѣмъ на 50 верстъ ниже Томаковки; она впадаетъ въ Днѣпръ у Краснаго-Кута, выселка села Грушевки херсонскаго уѣзда, и служитъ здѣсь раздѣльною чертою между екатеринославскимъ и херсонскимъ уѣздомъ. О Базавлукѣ при Томаковской Сѣчи не можетъ быть и рѣчи; у Томаковки сливаются другія рѣчки: съ юга ее охватываетъ рѣчка Рѣчище [2]), съ востока—Ревунъ и Ревунча; съ сѣвера—Ревугъ, а съ

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г., стр. 38.

[2]) Рѣчище есть притокъ Бугая, а Бугай есть притокъ Днѣпра съ правой стороны.

запада—Гнилая, а всѣ онѣ впадаютъ въ лиманъ, начинающійся ниже села Красно-Григорьевки или Чернышевки и деревни Нечаевой, екатеринославскаго уѣзда, имѣющій семь верстъ длины и впадающій въ Днѣпръ съ правой стороны. Кромѣ того, къ острову Томаковкѣ, прямо съ сѣвера бѣжитъ рѣчка Томаковка, которая, соединясь съ рѣчкою Ревуномъ, даетъ свое названіе и самому острову. Далѣе, авторъ говоритъ, что возлѣ Томаковки острова есть нѣсколько маленькихъ островковъ;—и это невѣрно: кромѣ самой Томаковки здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ островковъ; есть лишь сплошная, отъ острова до Днѣпра, плавня, имѣющая ширины до 7 верстъ и покрытая непролазной лозой, высокимъ камышомъ, толстыми вербами, осокорами и шелковицами. Заключая свое описаніе острова Томаковки, авторъ сочиненія „О Богданѣ Хмельницкомъ", наконецъ, замѣчаетъ: „О *величинѣ* этого острова можно составить себѣ понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апрѣля 1648 года: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ,—отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки". Здѣсь авторъ „Богдана Хмельницкаго" совсѣмъ не понялъ замѣчанія поляка: приведенныя слова говорятъ не о величинѣ острова, а о томъ, что островъ отъ праваго берега Днѣпра („на которомъ мы стоимъ"), стоитъ на двѣ мили, а отъ лѣваго („отъ Крыму") такъ далеко, что едва можно достать его изъ доброй пушки. Вотъ что хотѣлъ сказать полякъ [1]). И точно: островъ Томаковка стоитъ не среди самаго Днѣпра, а въ его низменности, удаленной отъ праваго берега рѣки на семь верстъ (но не на двѣ мили) вправо.

Еще меньшею опредѣленностію отличаются наши свѣдѣнія о Микитинской Сѣчи, находившейся съ правой стороны рѣки Днѣпра на такъ называемомъ Микитинѣ Рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой; по неимѣнію документовъ, мы не можемъ сказать даже приблизительно о томъ, когда основана эта Сѣчь; въ этомъ отношеніи намъ ничего не даетъ и самое названіе Сѣчи, такъ какъ оно заимствовано отъ имени какого-то Микиты, вышедшаго изъ ста-

[1]) Слова эти взяты изъ письма пана Потоцкаго къ королю Владиславу IV, напечатаннаго въ Пам. кіевск. комм., т. I, отд. III, стр. 18.

рой Малороссіи, поселившагося на днѣпровскомъ рогѣ и давшаго свое имя сперва рогу, а потомъ уже и самой Сѣчи, возникшей здѣсь. „Нѣкто Микита, предпріимчивый малороссъ, плѣняясь разсказами своихъ собратьевъ, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрями, отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся въ обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ бусурманъ, съ которыми издревле Украйна вела войны,—этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и получилъ названіе его именемъ „Микитинъ рогъ" [1]). Вотъ то, что мы знаемъ относительно названія Сѣчи. Кромѣ того намъ извѣстно, что на Микитинской Сѣчи нашелъ пристанище гонимый поляками Зиновій Богданъ Хмельницкій; здѣсь, изъ устъ запорожскихъ козаковъ, Хмельницкій услышалъ первый откликъ на защиту всей Украйны; здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны „добрыхъ лыцарей" сражаться за униженіе предковской вѣры и за оскверненіе православныхъ храмовъ; здѣсь-же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ еще не сознавая, полагалъ начало осуществившемуся въ послѣдствіи слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

О времени уничтоженія Микитинской Сѣчи мы можемъ сказать лишь то, что оно должно совпадать со временемъ основанія слѣдующей за ней Сѣчи Чортомлыцкой, т. е. съ 1652 годомъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1669 году, въ Андрусовскомъ договорѣ русскихъ съ поляками, Микитинъ рогъ оффиціально именуется уже не Сѣчью, а Микитинымъ перевозомъ, чрезъ который дозволено было малороссійскимъ козакамъ переходить въ Крымъ за солью [2]).

За Микитинскою Сѣчью слѣдовала Сѣчь Чортомлыцкая. Какъ и Хортицкая, Чортомлыцкая Сѣчь возникала не одинъ, а два раза, при чемъ моментъ перваго возникновенія ея предшествовалъ моменту возникновенія Сѣчи Микитинской, а моментъ втораго возникновенія ея слѣдовалъ за моментомъ паденія этой-же Сѣчи. Въ первомъ убѣждаютъ насъ слова Эриха Ляссоты, посланника германскаго

[1]) Карелинъ. Зап. одес. общ. ист. и древ., т. VI. стр. 523.

[2]) Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древ., т. VI, стр. 525.

императора Рудольфа II; изъ „Путевыхъ записокъ" Ляссоты мы узнаемъ, что Чортомлыцкая Сѣчь существовала уже въ 1594 году. Эрихъ Ляссота отправленъ былъ Рудольфомъ II-мъ къ запорожскимъ козакамъ съ тою цѣлію, чтобы привлечь ихъ къ задуманной императоромъ войнѣ противъ турокъ. Переправившись черезъ всѣ днѣпровскіе пороги, оставивъ за собою нѣсколько островов на Днѣпрѣ, Эрихъ Ляссота прибылъ наконецъ „до острова Базавлука [1]), при рукавѣ Днѣпра у Чортомлыка или, какъ они (запорожскіе козаки) выражаются, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ [2]). Здѣсь находилась тогда Сѣчь козаковъ (*1594* года, іюня 9-го), которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій" [3]). Но этимъ наши свѣдѣнія о Чортомлыцкой Сѣчи и времени ея перваго возникновенія и паденія и оканчиваются; за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній мы не можемъ ровно ничего сказать о томъ, когда оканчивается историческая роль Чортомлыцкой Сѣчи на первый разъ. Прошло много времени; уже померкла звѣзда Микитинской Сѣчи, и только тогда вторично взошла на историческомъ горизонтѣ Сѣчь Чортомлыцкая. Это было уже въ 1652 году; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: „Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлика и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ 6 саженъ; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу строены пали и бойницы, а съ другой стороны, отъ устья Чортомлика и отъ рѣки Скарбной до валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землею. А въ томъ городѣ башня съ поля,

---

[1]) Трудно съ точностію сказать, гдѣ находился названный Лассотою островъ Базавлукъ; въ настоящее время на Днѣпрѣ, противъ бывшей Сѣчи, есть два острова: Холодный и Андрушкинъ; но первый, имѣющій въ окружности три версты, какъ говорятъ старожилы, очень недавняго происхожденія. Другой островъ, Андрушкинъ, получившій свое названіе отъ какого-то Андрюшки, долгое время владѣвшаго имъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; но онъ едва замѣтенъ для путешественника, потому что очень низкій и выходитъ только однимъ юго-восточнымъ угломъ на Днѣпръ, такъ какъ находится между двумя рукавами Днѣпра, Павлюкомъ и Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ; въ окружности имѣетъ до 8 верстъ.

[2]) Чортомлыцкое Днѣприще существуетъ и до сихъ поръ; оно идетъ отъ Днѣпра къ мѣсту бывшей Сѣчи на разстояніи около 1½ версты.

[3]) Путевыя записки. Одесса, 1852 г., стр. 30.

мѣрою кругомъ 20 саженъ, да въ той башнѣ построены бойницы, а передъ тою башнею за рвомъ сдѣланъ земляной городокъ, кругомъ его мѣрою 100 саженъ, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомликъ и на Скарбную восемь фортокъ (пролазовъ), и надъ тѣми фортками бойницы; а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти, съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣчи съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлика сто жъ саженъ; да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомликъ, и впали тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, которая течетъ позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строили этотъ городъ Сѣчю кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ. [1]) То де тому городу Сѣчѣ и укрѣпленіе, что стоитъ въ устьяхъ надъ рѣкою Скарбною и Прогною и Чортомликомъ; а кругомъ его ровъ" [2]).

Отъ Чортомлыцкой Сѣчи въ настоящее время остался очень небольшой островокъ, имѣющій всего лишь 2 десятины и 2250 кв. саженъ, песчаной формаціи, съ сѣверной стороны возвышенный (до трехъ саженъ высоты), съ южной отлогій, покрытый травой и деревьями. Съ разныхъ сторонъ островокъ охватывается разными рѣками: съ сѣвера рѣкою Чортомлыкомъ, съ востока рѣчкой Гнилой (старинный Прогной) и Скарбной, съ юга большой рѣкой, притокомъ Днѣпра, Павлюкомъ и небольшимъ протокомъ Бейкусомъ, съ запада—тѣмъ-же Павлюкомъ и рѣчкой Подпольной. Таковъ видъ Чортомлыцкой Сѣчи въ настоящее время, но не таковъ онъ былъ во времена господства на немъ козачества. „Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Січі (послѣдней по времени) отъ Ѳтоминича та отъ Білицького (кошевые атаманы), що того острова (Чортомлыцкаго) не було, а запорожци зробили рівъ и пропустили воду зъ Чортомлика, щобъ не датьця въ руки москалевіямъ (русскимъ солдатамъ). Бувъ тоді наказній отаманъ Богушъ Якимъ, гарный козакъ, на місто кошового Кости Гордіенка, що зъ Мазепою змінивъ руському цареви (Петру); вінъ *откопавсь* отъ берега, зробивъ на шпилі кріпость, поставивъ гармати и велівъ перенести туди

---

[1]) Актъ помѣченъ 1672 годомъ, вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сѣчи.

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XI, стр. 12, № 5.

увесь козацкій скарбъ" [1]). Такимъ образомъ, Сѣчь Чортомлыцкая представляла изъ себя въ старину не островъ, какъ можно было-бы заключить отъ настоящаго, а большой мысъ или по малорусски *рігъ*, находившійся на рѣкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ его; мысъ этотъ отдѣленъ былъ отъ материка рвомъ, ровъ наполненъ былъ водой и такимъ образомъ съ теченіемъ времени получился островъ. Дѣло происходило въ 1709 году, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ и въ союзѣ съ гетманомъ Иваномъ Мазепою, измѣнили русскому царю Петру первому и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Тогда Петръ, для наказанія запорожцевъ, отправилъ противъ нихъ большой отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, которые, не смотря на сильное сопротивленіе со стороны запорожскихъ козаковъ и ихъ наказнаго атамана Якима Богуша, разорили до основанія всю Сѣчь, а самыхъ козаковъ заставили бѣжать за предѣлы Россіи, къ туркамъ. „Когда Россіяне шведское войско подъ городомъ Полтавою на главу поразили (въ 1709 году) и въ полонъ людей побрали, то помянутый малороссійскій гетманъ Мазепа, запорожскій кошевой Костя Гордіянковъ, съ малою дружиною, съ королемъ швецкимъ, бѣжали въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А Россіяне по той викторіи, послали войска, чтобы разорить запорожскую Сѣчь, за ихъ измѣну, гдѣ пришедъ, Россіяне атаковали запорожскихъ козаковъ, и хотя тѣ козаки имѣли отъ Россіянъ жестокое обороненіе, но не могли своей Сѣчи удержать; многихъ ихъ Россіяне порубили и многихъ въ полонъ взяли, за ихъ къ себѣ измѣну вѣшали на плотахъ, пущали внизъ рѣки Днѣпра, и имѣющуюся у нихъ артилерію болѣе 100 пушекъ, взявъ въ Россію, а запорожскую ихъ Сѣчь до основанія разорили. А оставшіеся изъ нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣгствомъ животъ свой спасали, бѣжавъ отдались въ подданство крымскому хану, отъ котораго тамъ получили себѣ бунчукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ *Каменкѣ*, гдѣ паки Россіяне, съ войски пошедъ, изогнали ихъ изъ онаго мѣста Каменки, то

---

[1]) Разсказъ жителя Никополя, Михаила Решетняки, имѣвшаго около 30 лѣтъ при уничтоженіи послѣдняго коша запорожскаго въ 1775 году. Зап. од. общ. ист. и древ., т. IX, стр. 441.

они ушедъ поселились при урочищѣ *Олешкахъ*, при рѣкѣ Днѣпрѣ, на крымской сторонѣ... А какъ запорожскіе козаки, подъ командою хана крымскаго, ходили въ Черкесы (т. е. на черкесовъ) въ нѣсколькихъ тысячахъ [1]), то запорожскіе козаки-жъ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись во многой силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и онуя всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ онуя всю выжгли; и за то они то чинили, что запорожцы подданными ихъ у себя имѣли, и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевый, съ запорожскими козаками, изъ Черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища Олешекъ въ старую Сѣчу *Каменку*, о которой выше сего во многихъ пунктахъ упомянуто" [2]). Итакъ, послѣ Чортомлыцкой Сѣчи запорожцы сидѣли въ Сѣчахъ: Каменской, Алешковской и снова Каменской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ князь Мышецкій. Изъ того же Мышецкаго (стран. 23—27) можно заключить, что запорожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ предѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны [3]). Съ этимъ свидѣтельствомъ автора „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" вполнѣ совпадаетъ и свидѣтельство автора „Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ",—протоіерея Григорія Кремянскаго, бывшаго свидѣтеля послѣдней запорожской Сѣчи на р. Подпольной. „По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на рѣкѣ Чортомлыкѣ, гдѣ теперь деревня Капуливка),—писалъ Кремянскій въ 1836 году, октября 17 дня,—запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы

---

[1]) „Во множественномъ числѣ". Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос. Москва, 1847, III, стр. 139.

[2]) Мышецкій. Ист. о коз. запорож. Одесса. 1852, 18—20. Тоже у Ригельмана: Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. Москва. 1847 г., III, 96.

[3]) Ригельманъ по этому вопросу кривитъ душой: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сѣчь въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 году, а въ другомъ онъ держится указанія Мышецкаго. Лѣтоп. повѣств., ч. III, стр. 96 и 139.

Анны Ивановны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (теперь г. Бериславъ, херсонской губерніи) *въ Омиловомъ* и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-Кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроя Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II-ю" [1]). Названное здѣсь урочище Омилово есть не что иное, какъ теперешнее село Мѣловое, херсонскаго уѣзда, расположенное на балкѣ Мѣловой, на сѣверъ отъ балки и рѣчки Каменки, на разстояніи всего лишь четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, повторяю, свидѣтельство князя Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствомъ и протоіерея Кремянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній вмѣсто Каменки называетъ Омилово, теперь степныя мѣста, въ ту пору, быть можетъ, едва различаемыя одно отъ другаго. Показанія достойны того, чтобы имъ скорѣе вѣрить, нежели Ригельману, Скальковскому [2]) и г. Морковину [3]). „Сочинитель Запорожской исторіи г. Скальковскій,—говоритъ Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что въ Каменкѣ Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ [4]); большое количество надгробныхъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 г. многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности; наконецъ, многія изустныя преданія, и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ запорожцевъ и вынудила переселиться на крымскую сторону, въ Олешки, но не-

---

[1]) Зап. одесс. общ. истор. и древн., т. VI, стр. 645.

[2]) Истор. новой Сѣчи. Одесса, 1846 г., II, 40—54.

[3]) Очеркъ истор. запорож. козач., Спб., 1878 г., стр. 68.

[4]) Н. П. Вертильякъ писалъ въ 1852 году, но тоже можно сказать и теперь. Кладбище запорожское и до сихъ поръ уцѣлѣло въ Каменкѣ; есть нѣсколько и намогильныхъ крестовъ, между коими кресты кошеваго атамана Константина Гордіенка и Василія Іероѳеева сохранились хорошо. Мѣсто самой Сѣчи сохранилось также превосходно, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: можно пересчитать и число ямокъ отъ бывшихъ куреней, можно видѣть и площадь между куреней, и т. под.

счастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служилъ достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли"[1]).

Съ 1734 года запорожцы снова на родныхъ пепелищахъ. Выведенные изъ-подъ власти турокъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ[2]) въ предѣлы Россіи, они осѣлись Сѣчью въ урочищѣ Красномъ-Кутѣ, надъ рѣкою Подпольной, въ томъ мѣстѣ ея праваго берега, гдѣ она извивается въ видѣ лука или залива, и между рр. Базавлукомъ, съ западной стороны, и Чортомлыкомъ съ восточной. Сѣчь эта получила названіе Новой[3]) и существовала до 1775 года, роковаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ: съ этого момента запорожскіе козаки потеряли свою политическую самостоятельность въ Россіи и должны были бѣжать вторично въ предѣлы турецкой имперіи, на устья р. Дуная, къ „прибѣжищу свѣта" (титулъ султана), въ „высокій порогъ, блистательныя врата" (титулъ Турціи).

Послѣ всего этого естественно спросить: что же было причиною перенесенія запорожскихъ Сѣчей съ одного мѣста на другое? Понятно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить многими причинами. Но не вдаваясь въ различныя предположенія, мы отвѣтимъ на него однимъ изъ актовъ 1761 года (за № 1836), найденнымъ нами при разборкѣ архива Малороссійской Коллегіи, помѣщающагося при харьковскомъ университетѣ. Вотъ этотъ актъ.

---

[1]) Мышецкій. Истор. о коз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 22, примѣчаніе 35.

[2]) У Ригельмана Милашевичъ называется Иванцемъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос., т. III, стр. 141.

[3]) Обращаемъ вниманіе на неточность выраженія въ учебникѣ Русской Исторіи г. Иловайскаго (Москва, 1883 г., стр. 166): „На одномъ изъ острововъ (Днѣпра), говоритъ онъ, обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или Сѣчь, особенно на островѣ Хортица"... Нужно: сказать особенно на р. Чортомлыкѣ или р. Подпольной, а не на островѣ Хортицѣ, такъ какъ только Старая и Новая Сѣчи были мѣстами, откуда „разливалась слава по всій Украіни", Сѣчь же хортицкая предъ этими двумя блѣднѣетъ.

„Ясне вельможному.... Графу Кириллѣ Григорьевичу Его сиятельству Разумовскому

нижайшее доношеніе.

О перенесеніи сѣчи запорожской з нинѣшняго мѣста [1]) въ асигнованное мѣсто Никитино [2]), яко тутъ безъ води нужда и немалое по размноженію и поселенію утѣсненіе есть, и мертвими гробами ввесь городъ почти обнятъ, и проходовъ нетъ и проездовъ водянихъ свободнихъ часто не биваеть, хотя къ вашей ясне вельможности доношеніемъ отъ насъ, с прописанними въ немъ таковими резони, взнесенно и на то отъ вашея ясне вельможности, что представленно в правительствующій сенатъ, височий ордеръ в Кошѣ полученъ и тому асигнованному мѣсту планъ, по опредѣленію правительствующого сената, чрезъ нарочно отъ вашей ясне вельможности присланного сочиненъ и доставленъ въ правительствующий сенатъ; однакъ потому и донынѣ никакой височайшей резолюции не послѣдовало, войско жъ запорожское низовое, какъ в томъ къ вашей ясне вельможности доношеніи прописано, вишеозначенно поноситъ и терпитъ немалую нужду и разнообразние, по худому и нездоровому сему мѣсту, можетъ нести припадки и наглие смерти; того ради вашей ясневельможности, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ низовимъ, нижайше просимъ о перенесении з нинѣшняго въ асигнованное мѣсто Никитино Сѣчи запорожской, зъ пожалованнемъ просимимъ, по докладу височайше дозволение и повелѣние чрезъ сего нарочно отъ Коша запорожского отправленного войскового писаря [3]) отчески исходатайствовать и резолюціею насъ снабдить и пожаловать и не оставить.

Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ.
Войсковой судья Петръ Калнишевскій.
Атамани куреней и все товариство.

1761 году июля 7 дня.

Просьба о перенесеніи Сѣчи подана запорожцами еще въ 1758 году, въ апрѣлѣ 27 числа, на имя императрицы Елизаветы Петровны, какъ это видно изъ слѣдующей „Выписки въ докладъ“,

---

[1]) На р. Подпольной, гдѣ теперь с. Покровское екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Гдѣ теперь мѣстечко Никополь, екатеринославскаго уѣзда, выше Покровскаго на 25 верстъ.

[3]) Изъ послѣдующихъ словъ дѣла видно, что это былъ Иванъ Чугуевецъ.

приложенной при выписанномъ „нижайшемъ доношеніи". „Прошлого 1758 году априля 27 д. войска низового запорожского Атаманъ Кошевій Григорій Федоровъ со всѣмъ низовимъ войскомъ прислали къ вашей ясневельможности доношеніе съ представленіемъ о тѣснотѣ и крайней нужности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская положеніе свое имѣетъ, какъ то по недостатку тамо въ нынѣшніе времена противъ прежнихъ води, за умаленіемъ оной въ речки состоящей приономъ мѣстѣ, и за неимѣніемъ притомъ нимало источниковъ криничнихъ, зачемъ де принуждено войско довольствоваться водою, въ ямахъ биваемою, неподвижною, зацвѣлою и ізъмешаною съ нужнимъ всемъ, отъчего приключаются болѣзненніе заразі и смерти безъвременніе. А и кромѣ де того по нынѣшнему приумноженію противъ прежняго оного Запорожского войска, тамо въ Сѣчи такъ тѣсно, что между куренями проходъ, а въ басарахъ проездъ съ трудностію имѣть можно и въ случае пожара оборони подать не свободно; и по тѣмъ и протчимъ нужностямъ, именно въ томъ доношеніи прописаннымъ, Запорожской Сѣчи быть на томъ мѣстѣ, на коемъ она нынѣ состоитъ, неудобно, и что де къ переселенію той Запорожской Сѣчи отътоль избрано другое, удобное и не тѣсное, пристойное мѣсто въ россійской границѣ, немного више над Днепромъ, при Никитинскомъ, гдѣ и застава отъ нынѣшней Сѣчи небольше, какъ въ двадцать верстъ въверхъ Днепра и въ равномъ почти пограничномъ состояніи, гдѣ положеніемъ какъ городу Сѣчи со всѣмъ посадомъ, такъ и крѣпости вмѣстится довольно обширно и весма хорошо при водѣ можно будетъ; и съ прошеніемъ къ ея императорскому величеству представленія о всевисочайшемъ дозволеніи въ переносѣ туда Коша запорожского и учрежденіи Сѣчи расположеніемъ и состроеніемъ тамо пространнѣйшей противъ нынѣшней церквы каменной, тако жъ въ пожалованіи на постройку оной денежной казны и желѣза зъ днѣпровскихъ постовъ самарскихъ, съ котораго его Атамана и Кошевого доношенія отъ вашей ясневельможности къ ея императорскому величеству въ правительствующій сенатъ на высочайшее благоразсмотрѣніе вѣрная копія при листѣ представлена тогдажъ. Іюня 18 тогожъ году прислана къ вашей ясневельможности высочайшая ея имп. величества изъ правит. сената грамота, которою велѣно: оное запорожского войска доношеніе разсмотря, прислать въ правит. сенатъ вашей ясневельможности свое

мнѣніе, подлинноль то ізбранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно, а найпаче въ разсужденіи пограничности удобно-ль, и представленніе от того войска резони справедливи-ль: И съ оной высочайшей ея имп. величества грамоти і изъ доношенія Кошевого атамана отъ вашей ясневельможности, при ордерѣ въ генеральную войсковую канцелярію справочніе копіи прислани, съ повелѣніемъ послать къ тому мѣсту нарочныхъ полковника миргородского Остроградского (?), сина его Павла Остроградского, да ізъ старшинъ полку полтавского надежного человѣка и велѣть имъ здѣлать планъ положенія мѣсту и притомъ вѣрно освидѣтельствовать, подлѣнно-ль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно....... [1]). Для чего тотъ учиненный онимъ запорожскимъ мѣстамъ планъ 759 году марта къ вашей ясневельможности въ генеральной войсковой канцеляріи при доношеніи представленъ, съ таковимъ генеральной канцеляріи мнѣніемъ, что оному запорожскому войску переселиться для лучшей ихъ вигоди въ требуемомъ ими мѣстѣ при Никитиномъ способно, ибо нынѣшное посселеніе Сѣчи запорожской отъ граници турецкой состоить отдаленнѣйше отъ оного новоизбираемого ими къ поселенію Сѣчи запорожской при Никитиномъ мѣста... А на то въ присланной къ вашей ясневельможности прошлого 760 году генваря в височайшей ея имп. величества грамотѣ изображено, что въ правит. сенатъ при листѣ вашей ясневельможности представленъ планъ тѣмъ обоимъ мѣстамъ Коша запорожского, на которомъ оной нынѣ имѣется и на которое ево перенесть войско запорожское про̂сить(ъ) о позволеніи, но притомъ де объявлено толко генеральной войсковой канцеляріи мнѣніе, что оному запорожскому войску переселится для лутшей их вигоди на требуемое мѣсто при Никитиномъ способно, а вашей ясневельможности свое мнѣніе... прислать... И по мнѣнію вашей ясневельможности, поселеніе свое по причинѣ неудобности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская имѣетъ, въ недостатке воды, за умаленіемъ оной въ рѣчке, имѣючейся въ томъ мѣстѣ, прозываемой Подполной, и что притомъ никакихъ криничнихъ источниковъ нѣтъ, и по протчимъ предъ симъ зъ доношенія отъ Сѣчи запорожской къ вашей ясневельможности присланныхъ донесеній резонамъ, для лутшей войску запорожскому вигоди

---

[1]) Дѣлаю пропускъ, потому что идетъ повтореніе одного и того же.

и отъ малороссійскихъ мѣстъ ближе переселится въ требуемомъ ими мѣстѣ при урочище Никитиномъ признается за способное. Итако какъ по прежнимъ представленіямъ, такъ и по оному вашей ясневельможности мнѣнію высочайшего ея имп. величест. разсмотренія и указу прошено. И на то съ правительствующаго сената и по нынѣ никакой резолюціи въ полученіи нѣтъ".

Резолюція на это доношеніе получена лишь въ 1764 году, 29 мая, уже отъ имени императрицы Екатерины II-й. Вотъ она буква въ букву [1]). „Секретная". „Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская... графу Кирилле Григорьевичу Разумовскому. Въ нашъ сенатъ генералъ фелдцеихмейстеръ и кавалеръ Вилбоа при репорте представилъ прожектированной посыланнымъ отъ него по указу изъ нашего сената въ Сечь запорожскую, для осмотру назначаемого мѣста при никитинскомъ перевозѣ и перенесенія сѣчеваго поселенія, инженеръ-полковникомъ Менцелиусомъ, крѣпости и цитадели съ должнымъ въ оныхъ быть строеніемъ и церквами, планъ, профили и сметы, съ объясненіемъ всехъ къ тому потребностей, с которыми онъ генералъ фелдцейхмейстеръ, кроме некоторыхъ небольшихъ въ плане и профиляхъ отменъ, въ разсужденіи предвидящей оттого полезности согласенъ, донеся притомъ, что и вы, нашъ малороссійскій гетманъ и кавалеръ, разсматривая обще с нимъ помянутой планъ, во всемъ согласились же, о чемъ от васъ особо въ нашъ сенатъ и листъ полученъ. И по всему тому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: какъ о вознамеренномъ, при перенесеніи Сечи запорожской на другое при никитинскомъ перевозе место, крепостномъ строеніи на подносимой намъ от коллегіи иностранныхъ делъ доклад по поводу учиненныхъ отъ Порты отоманской резиденту Обрескову отзывовъ и в разсужденіи, что, по нынѣшнему положенію политическихъ делъ в Полше, Порту весма менажировать надобно, воспослѣдовала высочайшая наша конфирмація, чтобъ то крѣпостное строеніе отложено было до удобного времяни, о чемъ изъ сената вамъ нашему гетману и кавалеру, такъ же и генералу фелцеихмейстеру Вилбоа знать дано: при действительномъ же теперь перенесеніи Сечи на новое мѣсто отоманская Порта, надобно думать, въ новое безпокой-

---

[1]) Этотъ второй актъ доставленъ намъ П. С. Ефименкомъ.

ство придетъ и конечно не удовольствуется уверениемъ, что тамо крепости строено не будетъ: а при томъ когда нынѣ на то перенесеніе самымъ деломъ дозволить, то войско запорожское на долгое время въ томъ одномъ упражнено будетъ вместо того, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ высочайшей нашъ интересъ иногда потребуетъ употребить ихъ къ нужнымъ предприятиямъ въ другомъ месте, къ тому-жъ какъ изъ писма кошеваго атамана к инженеръ-полковнику Мерцелиусу усмотрено, они немалого казенного вспоможенія на то требуютъ; того ради повелеваемъ вамъ нашему гетману и самое той Сечи запорожской на новое место перенесеніе до будущаго удобнаго времяни и пока настоящия польския дѣла въ лутшее состояніе придутъ, отложить, о чемъ изъ нашего сената и колегіи иностранныхъ дѣлъ, равномѣрно-жъ и генералу фелдцеихмейстеру Вилбоа указами знать дано: в Санктъ-петербурге, мая 28 дня 764 года, по ея императорскаго величества указу".

Сенаторъ Иванъ Неплюевъ
Сенаторъ и кавалеръ Шаховскій
Оберъ-секретарь іванъ Ермолаевъ
Секретарь Иванъ Артемьевъ.

Д. И. Эварницкій.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

VI. Поѣздка за границу.

Кратковременный переѣздъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ моремъ на небольшомъ пароходѣ былъ очень непріятенъ, морская болѣзнь мгновенно свалила меня съ ногъ. Въ Кронштадтѣ мы переѣхали на большой пароходъ „Владиміръ“, простояли часовъ пять въ гавани, и я нѣсколько было оправился отъ морской болѣзни.

Переѣздъ изъ Кронштадта до Любека совершался обыкновенно въ трое сутокъ, но по позднему времени года и бурному состоянію моря, мы употребили семь сутокъ на это путешествіе, самое непріятное въ моей жизни.

Отчалили; не успѣлъ я расположиться въ общей каютѣ 1-го класса, вмѣщавшей въ себѣ довольно много путешественниковъ и путешественницъ, какъ морская болѣзнь возобновилась и заставила меня искать убѣжища въ койкѣ. Мнѣ совѣтовали выпить рюмку рому, по-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., март. кн., стр. 443—464.

больше ѣсть: ничто не помогало, я изнемогъ, не могъ равнодушно смотрѣть на съѣстное, и все время путешествія находился почти въ безчувственномъ состояніи. Пробовалъ выходить на палубу: грустный видъ сѣраго свинцоваго неба, порывистый холодный вѣтеръ, мокрый снѣгъ, смѣнявшійся проливнымъ дождемъ, невыносимая качка и постоянное сотрясеніе парохода отъ дѣйствія машины, заставляли меня вскорѣ возвращаться въ койку, гдѣ по крайней мѣрѣ было тепло. Прибавимъ къ этому безсонницу, двѣ сильныя бури во время нашего плаванія, какъ-бы сквозь сонъ слышавшіеся крики дѣтей, стоны и вопли матерей, отрывистую команду капитана, постоянную бѣготню матросовъ, весьма серьезную опасность крушенія, и картина тогдашняго моего положенія будетъ полна; она часто возобновляется въ моей памяти. Сколько разъ раскаявался я, что рѣшился ѣхать моремъ, сколько разъ въ ожиданіи неминуемой, казалось, гибели, предавалъ духъ мой Богу, и не рѣдко, сознавая всю неотвратимость угрожавшей опасности, становился равнодушнымъ ко всѣмъ случайностямъ; въ эти тяжкія минуты смутно представлялся мнѣ образъ матери моей, и изъ глубины души вызывалъ сожалѣніе, но иногда озарялъ и проблескомъ надежды.

На пятый день намъ объявили, что колеса повреждены и мы не можемъ идти скоро; къ счастью бури не возобновлялись и мы кое-какъ доѣхали на восьмой день до Травемюнде, небольшаго селенія на берегу недалеко отъ Любека.

Деревушка эта показалась мнѣ издали чѣмъ-то особенно привлекательнымъ: изумрудная зелень ея пастбищъ ласкала взоръ, своеобразная архитектура домиковъ и сельской колокольни нравились новизной, материкъ, къ которому стремились мы съ такимъ нетерпѣніемъ, казался мнѣ обѣтованною землею.

Причалили; и на твердой почвѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ: всѣ симптомы морской болѣзни исчезли, я поздоровѣлъ и какъ-бы обновился. Первымъ движеніемъ моего сердца было принести благодареніе Провидѣнію за счастливый исходъ путешествія.

Въ Любекѣ, куда мы отправились въ дилижансѣ черезъ часъ послѣ прибытія въ Травемюнде, я пробылъ три дня. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города и отдохнувъ отъ непріятнаго переѣзда

моремъ, я направился въ Гамбургъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ пожара, опустошившаго большую часть города.

Не смотря на бѣдствіе, постигшее Гамбургъ въ недавнее время, тамъ веселились, жизнь кипѣла, торговля шла своимъ чередомъ и кромѣ обгорѣвшихъ развалинъ да временныхъ деревянныхъ балагановъ, устроенныхъ на улицахъ и площадяхъ, ничто не напоминало о страшномъ пожарѣ 1842 года. Необыкновенная для русскаго путешественника дешевизна, доступность развлеченій и удовольствій, полная свобода дѣйствій произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе; я остался въ Гамбургѣ десять дней и провелъ ихъ очень весело.

Въ вечеру, наканунѣ отъѣзда въ Берлинъ, отправился я въ почтамтъ, чтобы взять билетъ на мѣсто въ почтовой каратѣ. Подходитъ ко мнѣ въ почтамтѣ какой-то господинъ, весьма пріятной наружности, прилично одѣтый, и спрашиваетъ: „вы ѣдете завтра утромъ въ Берлинъ?" На утвердительный мой отвѣтъ, говоритъ: и я также. „Простите нескромный вопросъ: я иностранецъ, французъ, Алларъ, никого здѣсь не знаю, беру мѣсто до Берлина, но до отъѣзда, назначеннаго въ 9 часовъ,—въ 7 часовъ утра долженъ драться на дуэли съ однимъ англичаниномъ; ваша наружность внушаетъ мнѣ довѣріе и я покорнѣйше-бы васъ просилъ быть моимъ секундантомъ".

Это предложеніе показалось мнѣ очень оригинальнымъ, симпатичная наружность незнакомца говорила въ его пользу. Не долго думая, я назвалъ себя, спросилъ о причинѣ дуэли, и узнавъ, что дѣло чести, изъ за женщины, согласился.

Взяли билеты и отправились въ гостинницу, гдѣ я квартировалъ; тамъ мы провели весь вечеръ и Алларъ разсказалъ мнѣ но нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, а также подробности дѣла о дуэли.

Аллару, на видъ, можно было дать лѣтъ сорокъ; ему было не болѣе тридцати трехъ; ростъ средній, сложеніе крѣпкое, мускулистое, худощавъ, тонкія черты лица, особенно красиваго въ профиль, темнорусые волосы и такая-же борода, подстриженная и тщательно разчесанная, небольшіе каріе глаза, выразительные, живые,—вотъ наружность моего новаго знакомаго. Онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго

Наполеоновскаго генерала Аллара, поселившагося въ 1815 году въ Лагорѣ и командовавшаго тамъ войсками. Генералъ умеръ бездѣтнымъ въ 1838 году, оставивъ значительное состояніе племяннику, воспитывавшемуся у него и отданному съ ранняго дѣтства родителями въ полное распоряженіе дяди. Племянникъ былъ очень образованъ, говорилъ превосходно, зналъ хорошо англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и нѣкоторые восточные языки, много путешествовалъ въ южной Азіи, Африкѣ и Америкѣ и послѣ смерти дяди переѣхалъ въ Европу. Объѣздивъ всѣ страны Европы, онъ послѣднее время поселился въ Англіи, познакомился въ окрестностяхъ Лондона съ однимъ значительнымъ фабрикантомъ, увезъ его жену въ Гамбургъ, и здѣсь, настигнутый мужемъ, долженъ былъ драться съ нимъ въ день нашего отъѣзда.

Алларъ былъ очень симпатиченъ, краткую исторію свою и знакомства съ англичанкой онъ мнѣ разсказалъ просто, безъ прикрасъ и увлеченій, свойственныхъ французамъ, и я нисколько не раскаявался въ данномъ ему согласіи быть его секундантомъ.

Мы разстались довольно поздно, условившись на другой день въ шесть часовъ утра сойтись въ отелѣ, гдѣ квартировалъ Алларъ, и оттуда отправиться за городъ на мѣсто, назначенное для дуэли.

Въ шесть часовъ я былъ уже у Аллара. Вещи его были уложены, онъ передалъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ друзей во Франціи и просилъ переслать его въ случаѣ несчастнаго для него исхода дуэли. Я предложилъ ему мои услуги, если будетъ раненъ; онъ съ благодарностію принялъ мое предложеніе.

Отправились въ крытомъ экипажѣ, и Алларъ дорогой сказалъ, что, по требованію оскорбленнаго мужа, онъ будетъ съ нимъ драться на шпагахъ до первой серьезной раны, и что англичанинъ привезетъ съ собой доктора.

Мы пріѣхали первые, но минутъ чрезъ десять явился англичанинъ съ секундантомъ и докторомъ.

Наружность оскорбленнаго мужа была въ высшей степени некрасива: высокій, полный, краснолицый и рыжій; звали его мистеръ Нормемби. Послѣ обычнаго другъ другу представленія, секундантъ англи-

чанина, весьма порядочный человѣкъ, принесъ двѣ шпаги и предложилъ выборъ Аллару.

Бойцы, снявъ верхнее платье, стали въ позицію. Англичанинъ наступалъ съ большой энергіей; съ перваго пріема можно было видѣть, что онъ мастерски владѣетъ шпагой, но раздраженіе, свойственное оскорбленному супругу, лишало его должной сдержанности; Алларъ защищался недурно и парировалъ удачно; сохранивъ все свое хладнокровіе и утомивъ англичанина, онъ перешелъ въ наступленіе и вскорѣ вонзилъ свою шпагу въ грудь противника. Мы всѣ бросились къ несчастному мужу и докторъ, осмотрѣвъ рану, объявилъ, что хотя она и не смертельна, но очень опасна. Англичанинъ лишился чувствъ, его бережно положили въ карету и повезли въ нанятый имъ домъ, недалеко отъ Гамбурга.

Я отправился къ нему съ Алларомъ. Тамъ мы нашли супругу мистера Нормемби. Она поразила меня своею красотою. Это былъ типъ блондинки чисто англійской крови. Узнавъ, что мужъ дерется съ Алларомъ, мистрисъ издали слѣдила за ходомъ дуэли и увидавъ, что мужа увезли раненаго, поспѣшила къ нему. Объявила Аллару, что между ними все кончено, и она остается ухаживать за мужемъ и постарается заслужить его прощеніе.

Все это произошло такъ быстро, что мы успѣли прибыть въ почтамтъ во время, сдать багажъ и занять свои мѣста. На третій день мы были уже въ Берлинѣ.

Дорогой я больше познакомился съ Алларомъ. Онъ мнѣ былъ очень благодаренъ за оказанную ему услугу; оба мы были нрава веселаго, скоро подружились и рѣшили поселиться въ Берлинѣ въ одной квартирѣ. Алларъ располагалъ пробыть тамъ зиму, а я до мая—университетскій семестръ. Онъ мнѣ говорилъ, что не очень сожалѣетъ о мистрисъ Нормемби, привязанность ея начинала его тяготить; что-же касается дуэли, то это была не первая и вѣроятно не послѣдняя въ его жизни; владѣлъ онъ шпагой хорошо и стрѣлялъ изъ пистолета еще лучше.

VII. Берлинъ.

Немедленно по пріѣздѣ пріискали очень удобную квартиру въ меблированныхъ комнатахъ госпожи Гриппентрокъ, на Фридрихштрассе, недалеко отъ Унтеръ-денъ-Линденъ. У насъ были во второмъ этажѣ общая гостинная, весьма прилично меблированная, и двѣ спальни. На другой день я записался слушателемъ въ университетѣ, взялъ на прокатъ рояль и условился съ извѣстнымъ Морксомъ на счетъ уроковъ гармоніи, а съ Таубертомъ переговорилъ объ урокахъ на фортепьяно.

Вскорѣ я убѣдился, что въ Берлинскомъ университетѣ по юридическому факультету я пріобрѣту немного новыхъ познаній. Знаменитыхъ профессоровъ Ганса и Савиньи не было въ университетѣ; первый скончался, а вторый съ назначеніемъ министромъ юстиціи не читалъ лекцій. Новые-же профессора, мало извѣстные, не могли по всей справедливости сравниться съ Неволинымъ и Богородскимъ. Но преслѣдуя предположенную цѣль, я постоянно посѣщалъ университетъ, бывалъ на лекціяхъ Неандера, знаменитаго теолога, Мишелэ, читавшаго исторію философіи, послѣдователя Гегеля и противника Шеллинга; изложеніе превосходное, но я не вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Мишелэ; несмотря на то, что лекціи Неволина и Богородскаго были также проникнуты гегелизмомъ, я склонялся скорѣе на сторону Шеллинга, примирителя философіи съ религіей; записался также на лекціи въ высшей степени занимательныя Риттера, извѣстнаго профессора географіи.

Морксъ тоже былъ мнѣ не по сердцу: его сухое изложеніе теоріи музыки, лишенное всякаго поэтическаго характера и артистическаго увлеченія, его холодная математичность цифръ и безпощадная послѣдовательность въ гармоніи часто выводила меня изъ терпѣнія. Еще студентомъ, и позже въ Одессѣ, я поверхностно занимался генералъ-басомъ, въ импровизаціяхъ модулировалъ довольно удачно, написалъ и напечаталъ нѣсколько піесъ для фортепьяно, что давало мнѣ право считать себя на столько свѣдущимъ, чтобы не начинать съ гармонической азбуки; не такъ смотрѣлъ Морксъ: началъ съ интерналловъ, остановился на терціяхъ и квинтахъ и на пятой только урокъ перешелъ къ аккордамъ. На нихъ продержалъ меня два мѣсяца, и не позволилъ идти далѣе, пока я не постигъ всей премудрости квартъ-

сексты, уменьшенной септимы и увеличенной ноны, не изучилъ отчетливо аккордной цифровки и не сталъ читать по ней, какъ по нотамъ. Модуляція не заняла много времени: въ ней я былъ довольно опытенъ, но долженъ былъ подчиниться неуклонной систематичности Моркса, которая впрочемъ открыла мнѣ новый міръ сочетанія звуковъ и познакомила съ болѣе правильными способами перехода изъ тона въ тонъ.

Окончивъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ музыкальную грамматику (генералъ-басъ) и написавъ нѣсколько небольшихъ пьесъ для фортепьяно на бумагѣ, безъ помощи инструмента, я представилъ ихъ на судъ моего взыскательнаго профессора. Онъ остался доволенъ правильностью композиціи вообще, нашелъ двѣ ошибки въ нисходящихъ квинтахъ и замѣтилъ, что даю слишкомъ много значенія мелодіи и не разработываю ее, какъ слѣдуетъ.

Нужно было обратиться опять къ пособію науки и заняться контрапунктомъ.

Первые уроки доводили меня до отчаянія; мнѣ казалось, что никогда не преодолѣю трудностей контрапункта и не буду имѣть терпѣнія завершить мое музыкальное образованіе. И дѣйствительно съ Морксомъ далѣе фуги не пошелъ.

Таубертомъ я былъ очень доволенъ и подъ его руководствомъ значительно улучшилъ технику фортепьянной игры.

Обжившись нѣсколько въ Берлинѣ, я представился нашему посланнику Мейендорфу и вручилъ ему рекомендательное письмо князя Лобанова-Ростовскаго. Былъ принятъ очень любезно. Баронъ спросилъ меня о цѣли моего пребыванія въ Берлинѣ, и не желаю-ли я познакомиться съ тамошнимъ обществомъ. На отвѣтъ, что я пріѣхалъ слушать лекціи въ университетѣ и желалъ-бы познакомиться съ Берлинскимъ обществомъ, онъ сказалъ, что званіе студента не даетъ на это права, но что онъ готовъ представить меня въ нѣкоторые дома какъ русскаго путешественника. Вскорѣ я былъ представленъ супругѣ барона, урожденной О'геръ, приглашенъ на обѣдъ къ посланнику, на которомъ познакомился съ членами нашего посольства и нѣкоторыми особами высшаго круга въ Берлинѣ.

По случаю траура при прусскомъ дворѣ въ началѣ сезона не танцовали, давали рауты. Баронъ Мейендорфъ повезъ меня на раутъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Бюлову и потомъ пригласилъ на раутъ же въ нашемъ посольствѣ 18-го декабря.

Разсчитанная сдержанность, отталкивающая холодность и натянутость Берлинскаго общества крайне мнѣ не понравились; я ограничилъ свои выѣзды одними необходимыми визитами вѣжливости, и очень радъ былъ, что избавилъ себя отъ невыносимой скуки, царствовавшей въ высшихъ сферахъ.

Мой новый другъ Алларъ посвящалъ большую часть своего времени ухаживанью за прекраснымъ поломъ въ скромной средѣ бюргеровъ, модистокъ и гувернантокъ разныхъ націй, посѣщенію театровъ, зимнихъ садовъ, публичныхъ баловъ, чтенію и взаимному обученію; онъ изучалъ со мною русскій языкъ, я занимался съ нимъ литературными упражненіями на французскомъ, которыя принесли мнѣ большую пользу, благодаря глубокимъ познаніямъ, необыкновенной правильности и легкости стиля Аллара.

Ловеласа, подобнаго Аллару, я не встрѣчалъ еще: въ короткое время онъ одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, и нисколько не дорожилъ ими, гоняясь безпрестанно за новизною, вслѣдствіе пресыщенія, не привязывался серьезно ни къ одной женщинѣ, бросалъ ихъ также скоро, какъ и привлекалъ.

По вечерамъ Алларъ никогда не сидѣлъ дома, я же по большей части занимался музыкой и добросовѣстно трудился надъ изученіемъ гармоніи, но это продолжалось недолго: мало по малу Алларъ вовлекалъ меня въ свои похожденія, сталъ приглашать къ намъ знакомыхъ ему женщинъ къ великому негодованію хозяйки г-жи Гриппентрокъ, и вскорѣ превратилъ нашу квартиру въ салонъ не слишкомъ разборчивыхъ дамъ. Неприхотливое угощеніе, моя музыка, болтовня Аллара, общая любезность и веселость привлекали многихъ посѣтительницъ.

Иногда Алларъ подъ конецъ вечера съ феской на головѣ танцовалъ съ одной изъ дамъ легонькій канканъ къ особенному удовольствію присутствовавшихъ. Къ намъ собирались раза два въ недѣлю, серіями

по національностямъ. Бывали нѣмки, которыя высоко цѣнили французскую любезность Аллара и мое русское гостепріимство, серія довольно скучная, хотя и очень красивая; потомъ слѣдовали швейцарки,—цѣлая плеяда гувернантокъ средней руки, довольно впрочемъ образованныхъ и недурныхъ собою; наконецъ француженки, по большей части изъ модныхъ магазиновъ, не очень красивыя, но въ высшей степени милыя и веселыя.

Изъ мужчинъ у насъ никто не бывалъ по вечерамъ, но я сошелся съ студентомъ юридическаго факультета Кранахомъ, который имѣлъ великолѣпный голосъ и пѣлъ теноромъ превосходно; въ свободное отъ занятій время, онъ часто приходилъ ко мнѣ передъ обѣдомъ. Другой пріятель мой изъ нѣмцевъ былъ Вальтеръ, недавно окончившій курсъ медицинскихъ наукъ и начинавшій заниматься практикой, которая впрочемъ не давалась ему въ Берлинѣ, и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Дрезденъ.

Скромная жизнь моя въ Берлинѣ текла мирно и спокойно. Изъ полученныхъ денегъ на путешествіе въ теченіе перваго полугодія я много издержалъ въ Петербургѣ и на переѣзды, такъ что въ Берлинѣ у меня до марта оставалось немного средствъ; въ долги я не хотѣлъ входить, обѣщалъ не просить изъ дому болѣе положеннаго, и обходился ста талерами въ мѣсяцъ. Имѣя болѣе чѣмъ полный гардеробъ, большой запасъ гаванскихъ сигаръ, купленныхъ въ Гамбургѣ, и уплативъ за полугодіе впередъ за лекціи въ университетѣ, вотъ какъ я распорядился моими средствами: квартира 8 талеровъ, кофе 5 талеровъ, обѣдъ 5 талеровъ, прачка 4 талера, за чистку платья и уборку комнатъ штубемедхенъ 3 талера: итого 25 талеровъ въ мѣсяцъ необходимыхъ расходовъ. Сумма въ пять талеровъ на обѣдъ покажется очень малою, но въ Берлинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ все было очень дешево, и существовали рестораны для студентовъ и офицеровъ, гдѣ, платя за тридцать обѣденныхъ карточекъ пять талеровъ, т. е. по пяти зильбергрошей за каждую, потребитель имѣлъ право спросить ва $6^1/_2$ грошей кушанья по картѣ; обыкновенно на эти деньги съѣдали три блюда, весьма недурно приготовленныхъ, хлѣба сколько угодно, выпивали кружку пива и оставалось еще кое что въ пользу кельнера.

Изъ остальныхъ 75 талеровъ я платилъ Морксу 15 за три урока въ недѣлю у него на квартирѣ, 10 Тауберту, а 50 оставалось на развлеченія и удовольствія; разъ въ недѣлю мы позволяли себѣ обѣдать или ужинать у Трюшо, французскаго ресторана подъ липками, ходить въ театръ и посѣщать публичныя собранія.

Алларъ также не тратилъ много: онъ сталъ довольно разсчетливъ; истративъ въ два—три года большую часть капитала, доставшагося отъ дяди, и предполагая ѣхать въ Россію, гдѣ, какъ я ему сказалъ, жизнь и путешествія обходятся дорого, собиралъ средства и экономничалъ.

Зиму 1842—43 года Мейербееръ проводилъ въ Берлинѣ; съ нимъ я познакомился и довольно часто бывалъ у него; онъ интересовался моими музыкальными занятіями и нерѣдко удостоивалъ просмотромъ мои композиціи. На счетъ мелодіи, онъ былъ мнѣнія совершенно противуположнаго Морксу; что-же касается обработки и развитія музыкальныхъ идей, то въ нихъ онъ находилъ недостатки, свойственные начинающему. Смѣлая и своебразная модуляція Мейербеера, пѣвучесть и оригинальность его мелодій, высокій драматизмъ его музыки, сила и богатство инструментовки ставили его выше всѣхъ современныхъ композиторовъ. Я благоговѣлъ предъ его геніальностью и поклонялся ей. Достаточно развитый въ музыкальномъ дѣлѣ, чтобы умѣть цѣнить его, я съ увлеченіемъ фанатика говорилъ Мейербееру о его произведеніяхъ и пользовался большимъ расположеніемъ знаменитаго маестро. Два раза при мнѣ Мейербееръ дирижировалъ „Роберта“ въ Берлинѣ и опера эта, которую я такъ любилъ и часто слышалъ въ Петербургѣ, подъ волшебнымъ жезломъ композитора имѣла для меня особенную прелесть и поражала новыми достоинствами.

Я часто бывалъ на концертахъ, посѣщалъ квартетные вечера и не пропускалъ ни одного симфоническаго собранія. Въ декабрѣ, въ гарнизонкирхѣ давали ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“. Это геніальное произведеніе было мнѣ знакомо по отрывкамъ и въ переложеніи на фортепіано; я хотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться, болѣе въ него вслушаться, и досталъ билетъ на генеральную репетицію, запасшись заблаговременно мѣстомъ въ ложѣ на вечеръ исполненія ора-

торіи. Для репетиціи, церковь не была освѣщена, исключая мѣста занимаемаго хоромъ, пѣвцами и оркестромъ. Когда раздались величественные звуки ораторіи, я весь превратился въ слухъ и съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, прослушалъ первый номеръ, безукоризненно исполненный. На второмъ хоры сбились и его нужно было повторить.

Въ то время, когда дирижеръ объяснялъ хористамъ, въ чемъ состояла ошибка, я услыхалъ говоръ въ ложѣ налѣво отъ моей. Въ полумракѣ я могъ различить двѣ женскія фигуры, и позади ихъ пожилаго господина. Дама, сидѣвшая съ правой стороны, взглянула на меня; взглядъ ея былъ блескомъ молніи. Вглядѣться въ черты ея лица я не могъ, она быстро повернулась къ своей собесѣдницѣ, мелькнулъ правильный овалъ брюнетки, не ясно обозначился стройный ея станъ, на темномъ фонѣ ложи обрисовался темный туалетъ. Загремѣлъ второй номеръ ораторіи и отвлекъ мое вниманіе отъ незнакомки.

Въ непродолжительныхъ антрактахъ я напрягалъ свое зрѣніе, чтобы разсмотрѣть сосѣдку, изощрялъ свой слухъ, чтобы услыхать ея голосъ и узнать, на какомъ языкѣ она объясняется. Тщетно. Почти ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Бываютъ мгновенія, когда вещь, самая обыкновенная въ существѣ и не представляющая ничего особеннаго, тревожитъ или ласкаетъ неопредѣленной надеждой, когда внутреннее чувство инстинктивно говоритъ въ васъ, возбуждаетъ любопытство и напрягаетъ вниманіе. Такъ было со мною: не одно простое любопытство руководило мною, необъяснимое влеченіе заставляло всматриваться и вслушиваться въ сосѣднюю ложу.

Смолкли звуки ораторіи; я поспѣшилъ къ выходу, но въ толпѣ, въ едва освѣщенномъ корридорѣ, потерялъ изъ виду моихъ незнакомокъ.

Цѣлую ночь, проведенную почти безъ сна, звучали въ музыкальной памяти моей величественные аккорды ораторіи, представлялась воображенію стройная черная дама, мелькалъ ея жгучій взглядъ.

На другой день я мечталъ цѣлое утро и разъигрывалъ на фортепьяно „Сотвореніе міра“. Вечера ждалъ я съ нетерпѣніемъ: не столько влекла меня въ гарнизонную церковь ораторія, какъ желаніе встрѣтить незнакомку.

По счастливой случайности или предопредѣленію, на исполненіе ораторіи мнѣ досталась та-же ложа, въ которой я помѣщался на репетиціи. Въ ней было четыре мѣста, изъ коихъ три были заняты мною, Алларомъ и Кранахомъ, а четвертое неизвѣстнымъ господиномъ.

Когда мы вошли, ложа налѣво не была еще занята. Церковь была такъ наполнена, что не было ни одного пустаго мѣста и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что и сосѣдняя ложа не останется безъ посѣтителей. И дѣйствительно незадолго до начала исполненія ораторіи, въ нее вошли три дамы и пожилой мужчина. Въ одной изъ дамъ, я тотчасъ узналъ мою вчерашнюю незнакомку, и долго не могъ отвести отъ нея глазъ моихъ.

Ростомъ она была выше средняго, стройна и граціозна; въ поступи и манерахъ проглядывала врожденная непринужденность, нелишенная достоинства; правильный овалъ ея лица, прямой носъ, маленькій ротъ съ коралловыми губками, большіе выразительные томные, бархатистые черные глаза въ формѣ миндалины, осѣненные длинными рѣсницами, и черные съ синимъ отблескомъ вороньего крыла роскошные волосы, матовая бѣлизна лица,—вотъ наружность незнакомки; на видъ ей было лѣтъ семнадцать.

Долго не могъ я отвести глазъ моихъ отъ чуднаго видѣнія. Непонятное чувство овладѣло мною, непреодолимая сила влекла меня, необузданное стремленіе воли сказалось во мнѣ твердою рѣшимостью во что бы ни стало сдѣлаться обладателемъ прелестной незнакомки, и какая то смутная надежда, какое-то убѣжденіе нашептывали мнѣ: она будетъ твоею.

Незнакомка замѣтила мой пристальный испытующій взглядъ и отвѣтила мимолетнымъ, какъ мнѣ показалось, сочувственнымъ взглядомъ.

Подлѣ нея помѣстилась молодая дама, очень похожая на интересовавшую меня незнакомку, но постарше; за ними красивая женщина лѣтъ сорока, и пожилой мужчина съ типической еврейской физіономіей.

Разсѣянно слушалъ я ораторію Гайдена, и часто, насколько позволяло приличіе, оборачивался къ сосѣдней ложѣ. При выходѣ я слѣдилъ за незнакомкой; она сѣла съ лицами, бывшими съ нею въ ложѣ, въ четырехмѣстную карету, дверцы затворилъ не ливрейный, но прилично

одѣтый лакей, и экипажъ быстро покатился. Нанять дрожки, обѣщать кучеру хорошее вознагражденіе, если не отстанетъ отъ кареты, было дѣломъ одной минуты. Ѣхали мы долго, наконецъ карета остановилась предъ небольшимъ, но очень красивымъ домомъ въ Моабитѣ, отдаленной части Берлина, которая тогда начинала отстроиваться. По звону лакея отворились ворота и экипажъ съ незнакомкой исчезъ во дворѣ, обнесенномъ высокимъ каменнымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали небольшія деревья обширнаго сада, покрытыя инеемъ.

Въ позднее время невозможно было узнать, кому принадлежитъ домъ и кто въ немъ живетъ; замѣтивъ хорошо мѣстность, я приказалъ кучеру ѣхать въ Вильгельмштрассе.

Аллара не было дома, я сѣлъ за фортепьяно и импровизировалъ часа два на темы изъ „Сотворенія міра“. Возбужденное чувство одушевило меня и вылилось во всей полнотѣ въ такія мелодичныя сочетанія звуковъ, въ такіе удачные аккорды, что я очень сожалѣлъ о невозможности воспроизвести ихъ на бумагѣ тогда-же.

Утро слѣдующаго дня я посвятилъ розыскамъ о моей незнакомкѣ и узналъ, что она дѣвица, дочь удалившагося отъ дѣлъ банкира еврея К.; похожая на нее дама—ея сестра, замужемъ за евреемъ негоціантомъ, живущимъ постоянно въ Малагѣ и пріѣхавшимъ погостить у тестя; четвертая особа сидѣвшая въ ложѣ—тетка этихъ дамъ, родная сестра покойной ихъ матери. Банкиръ К., былъ очень старъ, очень богатъ, почти никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ; лѣтомъ проводилъ все время въ новомъ саду, устроенномъ при принадлежавшемъ ему домѣ, зимою въ огромной теплицѣ, въ которую былъ ходъ изъ его кабинета; имѣлъ страсть къ садоводству и очень любилъ музыку. Кромѣ двухъ дочерей у него былъ сынъ, занимавшійся торговыми дѣлами въ Алжирѣ. Дамы имѣли обыкновеніе ѣздить въ хорошую погоду въ Тиргартенъ, часто бывали въ оперѣ и посѣщали концерты; знакомыхъ у нихъ было очень мало.

Получивъ эти свѣдѣнія, я началъ каждый день ходить въ Тиргартенъ, и былъ такъ счастливъ, что вскорѣ встрѣтилъ тамъ дѣвицу К. съ сестрой. Мы обмѣнялись выразительными взглядами. Потомъ я видѣлъ ее въ оперѣ, и не сводилъ своего бинокля съ ея ложи. Меня замѣтили.

Изъ концертистовъ наиболѣе привлекалъ публику мало еще тогда извѣстный скрипачъ Базини. Трудности для него не существовали; но вмѣстѣ съ необыкновенною ловкостью, силою и звучнымъ тономъ, скрипка его пѣла превосходно. Эта пѣвучесть одной изъ лучшихъ Амати, въ сочиненіяхъ концертанта по большей части на темы изъ италіянскихъ оперъ, и составила славу Базини. Особенно полюбили берлинцы его Е. мольный концертъ, la ronde des lutius изъ бравурныхъ пьесъ, его фантазіи изъ Пуританъ, Сомнамбулы, Пирата и другихъ. Я познакомился съ Базини и вскорѣ мы подружились. Славная, артистическая его натура была мнѣ по сердцу и мы съ нимъ видѣлись каждый день.

На третьемъ концертѣ Базини, на мою долю выпалъ счастливый жребій сидѣть рядомъ съ дѣвицей К.; она вблизи еще болѣе поразила меня своей красотой; но природная застѣнчивость, увеличенная чувствомъ необъяснимой привязанности, восторженнаго поклоненія прелестной наружности незнакомой особы, долго не дозволяла мнѣ вступить съ нею въ разговоръ. Наконецъ я рѣшился и началъ похвалой игрѣ Базини. Мнѣ отвѣчали очень любезно, въ разговоръ вмѣшалась сестра К., я ободрился, говорилъ съ увлеченіемъ о музыкѣ и къ концу концерта вполнѣ познакомился съ моими милыми собесѣдницами. Ихъ вѣрный взглядъ на игру и сочиненія Базини, свѣдѣнія, высказанныя о музыкѣ вообще, показывали, что онѣ очень развиты въ этомъ отношеніи; меткія замѣчанія, находчивость въ отвѣтахъ, приличный тонъ, превосходный нѣмецкій языкъ, на которомъ онѣ говорили, правильное произношеніе техническихъ музыкальныхъ терминовъ по италіянски вскорѣ убѣдили меня, что имѣю дѣло съ женщинами вполнѣ образованными.

Съ ними не было кавалера; я предложилъ мои услуги, чтобы проводить до экипажа; предложеніе мое принято и, когда карета ихъ исчезла съ моихъ глазъ, долго стоялъ я въ раздумьи у подъѣзда.

— О чемъ задумался Signor Pietro? спросилъ меня подошедшій Базини. Я ему отвѣтилъ, что подъ впечатлѣніемъ его волшебнаго смычка и черныхъ глазъ сосѣдки я былъ на небесахъ.

— Спуститесь на землю, mio caro, и пойдемъ ужинать къ Трюшо. Отправились; къ намъ присоединилось нѣсколько артистовъ и мы провели время очень пріятно. Базини находился въ хорошемъ расположеніи,

пилъ много и подъ конецъ былъ навеселѣ. Я его просилъ написать мнѣ на память что нибудь въ мой музыкальный альбомъ, и онъ написалъ довольно нечетко первые такты его E мольнаго концерта, къ подписи прибавилъ besofen, voir le dictionnaire Allemand-francais. На другой день Базини уѣзжалъ въ Лейпцигъ, и мы съ нимъ простились. За ужиномъ я узналъ, что на дняхъ ждутъ въ Берлинѣ Франца Листа.

Алларъ продолжалъ свои донжуановскія занятія и былъ въ то время въ связи съ одной нѣмкой изъ Вѣны, весьма видной и красивой женщиной, въ которую влюбился лордъ Вестморландъ, англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ. Алларъ порядочно его дурачилъ, писалъ отвѣты на адресованныя къ его любезной посланникомъ письма, назначалъ свиданія, и посылалъ на нихъ другихъ женщинъ, къ немалому удивленію Вестморланда; заставлялъ его присылать билеты на ложи въ театръ и садилъ въ нихъ безобразныхъ старухъ. Однимъ словомъ потѣшался надъ бѣднымъ англичаниномъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Кончилось впрочемъ тѣмъ, что Аллару нѣмка надоѣла и перешла къ Вестморланду: охлажденіе Аллара и гинеи играли въ этомъ значительную роль.

Съ Вестморландомъ я познакомился у Мейербеера. Посланникъ очень любилъ музыку, сочинялъ кое-что, но остался навсегда плохимъ и бездарнымъ композиторомъ.

Я постепенно отставалъ отъ алларовскихъ похожденій и вскорѣ перестаъ принимать въ нихъ всякое участіе. Въ пріемные вечера Аллара я уходилъ изъ дому.

Серіозное чувство начинало овладѣвать мною: я любилъ, каждый день отправлялся въ Тиргартенъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ дѣвицу К., и на третій день послѣ прощальнаго концерта Базини надежда моя осуществилась.

Въ морозное январское утро знакомыя мнѣ сестры гуляли въ Тиргартенѣ, я подошелъ къ нимъ, и прогулка наша продолжалась часа полтора. Время прошло незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ; я просилъ позволенія пріѣхать къ нимъ, но замужняя сестра отвѣтила, что не смотря на все удовольствіе, которое доставилъ-бы имъ мой визитъ, онѣ не могутъ принять меня, потому что мужъ ея уѣхалъ въ Испанію, а

отецъ никого не принимаетъ и не любитъ, чтобы ѣздили къ нему въ домъ. Никого почти не видитъ изъ старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ по старости избѣгаетъ вовсе.

Мнѣ сочувственно пожали руку, выразительно на меня взглянули, какъ-бы извиняясь въ отказѣ, и уѣхали сказавъ ласково: au revoir.

Долго бродилъ я по широкимъ аллеямъ Тиргартена. Сначала уклончивый отвѣтъ безпокоилъ меня, тревожное сомнѣніе запало мнѣ въ душу, но ласковый тонъ при прощаніи, выразительный, симпатическій взглядъ, и любезное: au revoir вскорѣ изгладили непріятное впечатлѣніе; мысленно занялся я изысканіемъ возможности осуществить слова: „до свиданья", которыя успокоительно звучали въ памяти моей.

Мокрый снѣгъ началъ падать большими хлопьями; я поспѣшилъ домой и засталъ тамъ Кранаха. Кранахъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ Листа и просилъ меня представить его знаменитому виртуозу, когда познакомлюсь съ нимъ.

Сестры К. были очень дружны между собою, превосходно говорили по французски, по испански и по италіянски, держали себя безупречно, и въ нихъ рѣшительно не было ничего, что обличало-бы ихъ происхожденіе, къ которому привыкли болѣе или менѣе относиться, если не враждебно, то недовѣрчиво.

Совершенное презрѣніе къ евреямъ, вошедшее въ нравы большинства жителей южнаго края Россіи, предубѣжденія и предразсудки ставили это племя у насъ въ весьма невыгодное положеніе; къ нему никто, никогда не питалъ довѣрія и долго евреи считались народомъ отверженнымъ. Проживая иногда въ деревнѣ и сознавая пользу приносимую ими въ сбытѣ хозяйственныхъ произведеній и торговыхъ оборотахъ, я привыкъ смотрѣть на евреевъ довольно снисходительно. Въ Одессѣ, городѣ по преимуществу коммерческомъ, богатство играло значительную роль; большой капиталъ давалъ право на извѣстный почетъ и евреи въ массѣ другихъ разноплеменныхъ жителей занимали положеніе весьма сносное. На нихъ смотрѣли даже благосклонно, какъ на полезныхъ дѣятелей въ торговомъ мірѣ; нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ евреевъ съ семействами были приняты и въ высшемъ обществѣ. Но замкнутость ихъ религіознаго, нравственнаго и политическаго быта, обособленность, въ которую

они поставлены нашимъ законодательствомъ и укоренившимися обычаями, сохраняли за ними исключительное положеніе общества въ обществѣ, государства въ государствѣ.

За границей, въ Германіи, евреи пользовались въ полномъ объемѣ всѣми гражданскими правами, особенность ихъ заключалась единственно въ религіи; въ общественномъ-же положеніи, равно какъ и во внѣшнемъ видѣ, между евреемъ и нѣмцемъ не было никакой разницы.

Пріятнѣе было-бы, быть можетъ, думалось мнѣ, если-бы особа, которою увлекся, принадлежала къ другой народности, легче можно-бы было избѣжать затрудненій и достигнуть своей цѣли, обыкновеннымъ путемъ; но еврейское происхожденіе дѣвицы К. нисколько впрочемъ меня не смущало. Напротивъ: таинственная обстановка, романтическое направленіе тогдашняго времени, непреодолимыя препятствія, предстоявшія въ дальнѣйшемъ знакомствѣ, необыкновенная красота первобытнаго еврейскаго типа, вѣрованіе въ предопредѣленіе, въ неизбѣжность судьбы, еще болѣе увлекали и возбуждали меня.

Дѣвица К. носила имя Ноэмини, Ноэми; сестру звали Ліей. Эти библейскія имена были замѣняемы болѣе употребительными въ разговорѣ Наимы и Леи.

Леи я сказалъ, что звучное ея имя нисколько къ ней не идетъ, представляя рѣзкую противоположность между нею и первою некрасивою женою Іакова, а Наимѣ, что симпатичная личность ея библейской соименницы, вдовы Евимелеха, отражается въ ея характерѣ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Наима не осталась-бы долго вдовою, поставленною въ необходимость посылать сноху, подобно Руѳи, подбирать колосья на чужихъ поляхъ, и, хотя по мѣсту жительства Ноэми и можетъ считать себя моавитянкой, врядъ-ли ей придется возвратиться въ Виѳлеемъ и называть себя Марою (горькою). Шутка моя была принята благосклонно съ замѣчаніемъ, что я изучилъ библію.

Лея была уже пять лѣтъ замужемъ, но не имѣла дѣтей; мужа она очень любила, проживала постоянно съ нимъ въ Малагѣ, пріѣзжала впрочемъ каждый годъ погостить у отца мѣсяца два—три, и когда дѣла мужа позволяли, путешествовала много.

Четырнадцати лѣтъ, Наима, по смерти матери, была взята сестрою изъ родительскаго дома, сопровождала ее въ ея путешествіяхъ; получила превосходное воспитаніе и въ зиму 1842 года возвратилась въ Берлинъ.

Обѣ сестры были большими любительницами музыки: Лея играла на фортепьяно и на арфѣ, Наима на фортепьяно и на цитрѣ. Пѣли также обѣ: у Леи былъ контръ-альтъ, у Наимы mezzo soprano.

Хотя разговоры наши по большей части были кратковременны и ограничивались областью музыки, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія эти успѣла мнѣ сообщить Лея. Она была очень разговорчива и любезна, Наима говорила меньше, конфузилась, краснѣла, потупляла взоры, замѣтно было что она застѣнчива, но когда удавалось уловить ея робкій взглядъ, онъ приводилъ меня въ восхищеніе; такого задушевнаго, сочувственнаго взгляда, такого магнетическаго притяженія въ глазахъ я не встрѣчалъ никогда.

Я имъ мало говорилъ о себѣ, но скоро мы познакомились на столько, что знали главныя условія нашего общественнаго положенія, занятія, вкусы и привычки. Каждый почти день встрѣчались въ Тиргартенѣ, сговаривались, когда быть въ концертѣ или театрѣ, освоились. Нельзя было не замѣтить моей привязанности къ Наимѣ; я былъ почти увѣренъ, что и она раздѣляетъ мои чувства.

Но какъ проникнуть въ заколдованный домъ? Склонить старика на знакомство со мною не представлялось возможности; посѣщать домъ, не будучи знакомымъ съ отцемъ, было неприлично, да вѣроятно, послѣ перваго визита, дошедшаго до свѣдѣнія старика, двери его дома навсегда-бы затворились для меня. Положеніе было затруднительное. Чувство начинало говорить во мнѣ смѣлѣе и сильнѣе; я не могъ ограничиваться свиданіями въ Тиргартенѣ, въ концертахъ и театрахъ.

Судьба свела меня съ Листомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ имѣлъ роковое вліяніе на два главныхъ момента моей жизни.

Узнавъ отъ Кранаха о пріѣздѣ знаменитаго пьяниста, я вскорѣ отправился къ нему, засталъ дома въ гостинницѣ Мейнгардта и былъ принятъ. Листъ всегда обходился очень любезно съ молодыми людьми,

занимающимися музыкой. Когда я объяснилъ ему, что я дилетантъ и прошу позволенія приходить иногда къ нему, чтобы пользоваться его совѣтами, онъ отвѣтилъ, что уроковъ никому не даетъ, но очень радъ со мною познакомиться и, когда время позволитъ, быть мнѣ полезнымъ.

Чрезъ день назначенъ былъ его первый концертъ. Я, конечно, запасся заблаговременно мѣстомъ и былъ пораженъ необыкновеннымъ механизмомъ игры Листа. Сила, звучность, отчетливость, бѣглость дѣлали фортепьяно подъ его руками совершенно другимъ инструментомъ. Пѣвучесть и рельефность мелодіи, выдѣлявшіяся постоянно въ его сочиненіяхъ изъ самыхъ затѣйливыхъ и ученыхъ комбинацій гармоніи, испещренной необыкновенными техническими трудностями, привели меня въ совершенный восторгъ. Восторгъ публики превзошелъ всякое ожиданіе; вызовамъ и оваціямъ не было конца.

Ноэми и Лея не были въ первомъ концертѣ; я имъ досталъ билетъ на второй, и онѣ не знали, какъ благодарить меня за наслажденіе, доставленное имъ игрою Листа.

Первые дни пребыванія Листа въ Берлинѣ я мало съ нимъ видѣлся, но послѣ втораго концерта онъ пригласилъ меня обѣдать. Мы сошлись, и я каждый день бывалъ у него по утрамъ. Вечера Листа были всѣ разобраны; его безпрестанно приглашали, и энтузіазмъ, который онъ производилъ въ Берлинѣ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Первому пріѣзду его въ Берлинъ въ 1841 году предшествовала громкая извѣстность виртуоза и фантастическая, легендарная молва о его личности, похожденіяхъ и успѣхахъ.

Достаточно сказать, что Листъ въ одинъ сезонъ (1841 года) далъ въ Берлинѣ двадцать два концерта, на которыхъ никогда не было ни одного незанятаго мѣста, не смотря на высокую ихъ цѣну, что берлинскія дамы, обыкновенно сдержанныя и холодныя до нельзя, приходили въ такой восторгъ, что послѣ концерта цѣлой толпой осаждали Листа, стараясь одна передъ другой обратить на себя его вниманіе, разрывали на клочки его платки и перчатки и уносили обрывки, какъ святыню. Серенады и факель-цуги повторялись безпрестанно. Подобнаго увлеченія не бывало еше въ Берлинѣ.

Листъ родился 22 октября 1811 года и былъ венгерецъ, изъ

Рединга близь Эденбурга, но всю свою молодость провелъ въ Парижѣ, гдѣ занимался музыкой и науками. Въ Парижѣ поселилась и мать Листа и вела его денежныя дѣла.

Независимо отъ геніальнаго таланта, Листъ былъ человѣкомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Прекрасная наружность его обращала на себя вниманіе: лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, худой, мускулистый; живые каріе глаза, свѣтящіеся умомъ и священнымъ пламенемъ искусства, длинный носъ, небольшой ротъ съ тонкими губами и саркастической улыбкой, высокій лобъ, густые каштановые волосы, зачесанные вверхъ и ниспадавшіе почти до плечъ, безукоризненный туалетъ, множество маленькихъ орденовъ на цѣпочкѣ въ петлицѣ чернаго фрака—вотъ наружность моего новаго пріятеля. Обширный умъ, стоящій выше обыкновеннаго уровня, отличное образованіе, ученость, начитанность, легкость краснорѣчиво объясняться и писать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, сила характера, твердость убѣжденій, послѣдовательная логичность въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ—вотъ интеллектуальныя качества Листа. При этомъ богатый, щедрый до расточительности, откровенный и прямодушный, но разборчивый въ выборѣ своихъ друзей, онъ съ прошлаго года сдѣлался идоломъ берлинцевъ. Да и не могло быть иначе. Все существо Листа было проникнуто какимъ-то невыразимымъ очарованіемъ. Геній его таланта воплощался, олицетворялся во всей его особѣ. Игра его служила откровеніемъ какого-то невѣдомаго, непередаваемаго словами міра и мистическая прелесть этого откровенія дѣйствовала съ неотразимымъ обаяніемъ на душу человѣка, доступнаго возвышеннымъ впечатлѣніямъ. Изъ множества молодыхъ людей, окружавшихъ въ то время Листа, онъ особенно благоволилъ ко мнѣ. И говорить нечего, что я привязался къ нему искренно и полюбилъ всей душой. Началось съ откровеннаго объясненія на счетъ моей игры на фортепьяно. Листъ заставилъ меня сыграть нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій, потомъ патетическую сонату Бетховена, и въ заключеніе его фантазію изъ „Гугенотовъ".

Техника у васъ не дурна, сказалъ онъ, игра довольно чиста, и въ особенности пріятна, но по складу вашихъ маленькихъ и слишкомъ бѣлыхъ рукъ, по недостатку силы мускуловъ и бѣглости въ пальцахъ

вы никогда не сдѣлаетесь пьянистомъ виртуозомъ; въ вашей игрѣ слишкомъ много женственности и сентиментальности; если хотите, она не лишена поэзіи и пріятно ласкаетъ слухъ; но въ ней нѣтъ увлеченія, энергіи, драматизма. Ваши сочиненія весьма не дурны, довольно оригинальны и правильно написаны, но извините, если я вамъ откровенно скажу, что музыка ваша походитъ на нѣжное воркованіе голубковъ, производитъ на слушателя дѣйствіе успокоительное въ родѣ лавровишневыхъ капель, и лишена способности возбуждать, волновать, потрясать и вызывать страстные порывы, сильныя ощущенія.

— Не будьте въ претензіи, если отъ музыки перейду къ вашему характеру, продолжалъ Листъ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ музыкѣ всегда проглядываютъ нѣкоторыя черты характера. Я полагаю, что вы спокойны, сдержанны, хладнокровны, что у васъ темпераментъ скорѣе меланхолическій, чѣмъ холерическій. Впрочемъ вы такъ еще молоды, что вашъ характеръ не вполнѣ сформировался; вы вѣроятно такъ мало еще жили и чувствовали, что душевныя ваши силы не имѣли времени и случая окрѣпнуть. Не такъ-ли?

— Не совсѣмъ такъ; я началъ жить и чувствовать довольно рано, испыталъ разныя невзгоды и огорченія, не всегда былъ счастливъ.

— Но все это скользнуло и не оставило глубокихъ слѣдовъ. Я вѣрю въ возможность увлеченій въ ранніе годы, въ нѣкотораго рода разочарованье, которое въ большомъ ходу въ настоящее время у молодыхъ людей, въ маленькія неудачи и противудѣйствія. Имъ вы обязаны оттѣнкомъ грусти, который слышится въ вашихъ мелодіяхъ. Я впрочемъ твердо убѣжденъ, что судьба вамъ улыбалась и вы были ея баловнемъ, судя по вашему положенію, цвѣтущему здоровью и въ особенности по жизненной силѣ, которая едва сдерживается мягкостью характера. Разскажите мнѣ главныя черты вашей жизни и тогда мы убѣдимся, кто правъ.

Я не заставилъ долго ждать; бѣгло очертилъ мое прошедшее и долженъ былъ сознаться, что замѣчаніе Листа въ концѣ концовъ было совершенно вѣрно.

Поживете, сказалъ онъ, познакомитесь ближе съ треволненіями, окрѣпнетъ вашъ характеръ, и въ музыкѣ вашей вмѣстѣ съ розовой водой появится бурный потокъ страсти; драмматизмъ необходимъ какъ въ

жизни человѣка, такъ и въ его литературныхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ.

За мою откровенность Листъ заплатилъ мнѣ тѣмъ-же и посвятилъ въ тайны многочисленныхъ своихъ интригъ въ Берлинѣ.

Очень скоро мы подружились; когда Листъ не имѣлъ приглашеній на обѣды, почти всегда обѣдали вмѣстѣ и сдѣлались неразлучны; не сопровождалъ я только Листа въ скучное Берлинское общество.

О привязанности моей къ Наимѣ я сообщилъ Листу, и онъ просилъ меня при случаѣ представить его сестрамъ К.

Листъ велъ жизнь невоздержную: его связи съ берлинскими дамами были безчисленны; любилъ хорошій столъ и въ особенности много пилъ. Зачастую даже въ дни своихъ концертовъ онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, но по утрамъ, часа три, четыре всегда серьозно занимался дѣломъ. Пьянистъ, какихъ не бывало, Листъ получилъ вдругъ убѣжденіе, что онъ призванъ быть знаменитымъ композиторомъ и началъ писать; испишетъ бывало нѣсколько большихъ листовъ нотной бумаги, попробуетъ на фортепьяно свое произведеніе, поморщится, изорветъ въ клочки и броситъ въ каминъ. Его транскрипціи и фантазіи на извѣстные мотивы были превосходны, хотя и мало доступны большинству пьянистовъ по чрезмѣрной ихъ трудности; но оригинальнаго Листъ не могъ написать ничего; сколько ни бился, не могъ сочинить ни одной сносной мелодіи. Въ этомъ отношеніи онъ отличался совершенною бездарностью въ то время, сознавалъ это, сердился и говорилъ, что терпѣніемъ и трудомъ достигнетъ своей цѣли.

Въ исполненіи Листъ былъ неподражаемъ; всѣ восхищались его концертами, но по моему убѣжденію, онъ въ публикѣ никогда не игрывалъ такъ хорошо, какъ дома, въ особенности когда былъ расположенъ. Въ концертахъ онъ игралъ для эффекта, для публики; дома — для себя и очень немногочисленныхъ слушателей, удостоенныхъ его дружбы. Особенно хорошо было исполненіе имъ музыки Бетховена; Бетховенскія увертюры, сонаты и симфоніи игралъ Листъ въ совершенствѣ. Онъ читалъ оркестровыя партитуры, какъ книгу, и à prima vista передавалъ на фортепьяно самыя многосложныя сочиненія для оркестра.

Однажды въ вечеру сидѣли мы вдвоемъ въ нумерѣ Листа; Листъ былъ въ ударѣ, игралъ много, игралъ превосходно, между прочимъ исполнилъ В-дурную сонату Бетховена ор. 106; уставъ отъ продолжительной игры, закурилъ сигару и съ стаканомъ абсента съ водою покойно расположился въ креслахъ у камина. Завязался оживленный разговоръ, который былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ камердинера Листа, принесшаго ему письмо. Листъ, пробѣжавъ письмо, передалъ мнѣ, прибавивъ съ неудовольствіемъ: опять приглашеніе, и приглашеніе играть, отъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, еще съ вознагражденіемъ по моему усмотрѣнію; какъ это вамъ нравится? Скажите посланному, обратился Листъ къ камердинеру, что я ни у кого не играю, если угодно меня слышать, пусть ѣдутъ въ концертъ.

Погодите, погодите любезный другъ, возразилъ я, прикажите посланному подождать, я тотчасъ вамъ объясню почему и для чего.

Листъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе и когда камердинеръ вышелъ, я ему объяснилъ, что письмо было отъ старика К., отца Наимы, и что если Листъ питаетъ ко мнѣ хоть нѣсколько дружбы, то не откажетъ принять на завтра приглашеніе бывшаго банкира, возьметъ меня съ собою и дастъ возможность познакомиться въ домѣ Наимы.

Охотно для васъ сдѣлаю это, мой другъ, отвѣтилъ Листъ, располагайте мною; вы знаете, я всегда къ вашимъ услугамъ, а въ настоящемъ случаѣ мой долгъ повиноваться вамъ. Сію минуту напишу отвѣтъ.

Хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ г. К., написалъ Листъ, но услыхавъ, что онъ по нездоровью никуда не выѣзжаетъ, я съ благодарностью принимаю любезное приглашеніе на завтрашній вечеръ въ 8 часовъ, съ условіемъ, что возьму смѣлость привезти съ собою неразлучнаго моего друга С., молодаго русскаго путешественника, отличнаго музыканта. Что касается вознагражденія, то нахожу болѣе чѣмъ достаточнымъ — удовольствіе провести вечеръ въ кругу милыхъ и любезныхъ дамъ семейства К.

Благодарю, отъ всей души благодарю за чисто дружеское одолженіе, сказалъ я Листу, принимая отъ него письмо, которое поспѣшилъ передать посланному Б.

Едва успѣлъ я передать Листу подробности моего знакомства съ Наимой и переговорить о моей привязанности къ ней, о счастливой случайности, представлявшей возможность проложить путь въ неприступный домъ К., какъ явился вновь камердинеръ Листа, и съ таинственнымъ видомъ началъ ему говорить что-то шопотомъ.

Скажите, отвѣтилъ ему громко Листъ, что я не могу принять.

Не стѣсняю-ли васъ? сказалъ я Листу. Сдѣлайте одолженіе, будьто откровенны, я тотчасъ уйду.

— Не уходите. Какая-то незнакомая женщина желаетъ меня видѣть, но я не расположенъ принять ее; вѣроятно какая нибудь попрошайка или авантюристка.

Камердинеръ возвратился и доложилъ, что женщина не хочетъ уходить и желаетъ непремѣнно видѣть Листа.

Молода-ли она и хороша-ли собою, по крайней мѣрѣ? спросилъ Листъ.

Не могу сказать, отвѣтилъ камердинеръ, дама подъ вуалемъ.

— Рѣшительно не принимаю.

Камердинеръ появляется вновь и говоритъ, что дама подъ вуалемъ объявила, что не уйдетъ, не увидѣвшись наединѣ съ Листомъ. Скажи твоему господину, добавила она, что когда Листъ меня увидитъ, не будетъ раскаеваться въ снисхожденіи меня принять.

— Право скучно, не хотятъ меня оставить въ покоѣ; какъ вы думаете?

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ принять назойливую незнакомку, а мнѣ пора домой; до завтра, въ половинѣ осьмого я зайду къ вамъ.

— Дѣлать нечего; если вы меня оставляете, долженъ подчиниться капризу этой дамы.

Я взялъ шляпу, пожалъ Листу руку, пожелалъ ему успѣха и вышелъ.

Проходя черезъ переднюю, увидѣлъ даму средняго роста, закутанную въ большую мантилью съ густымъ вуалемъ на головѣ.

Остальную часть вечера я провелъ дома, въ раздумьи о предстоявшемъ наслажденіи увидѣть Наиму въ домѣ ея отца. Мнѣ что-то нашептывало, что наступаетъ въ жизни моей важная, рѣшительная ми-

нута, и сколько разсудокъ ни представлялъ препятствій, затрудненій и сомнѣній, вѣрованье въ счастливую будущность ласкало меня; непреодолимая, безсознательная сила воли влекла меня къ Наимѣ. Наима не произнесла ни одного слова, которое могло-бы поощрить, обнадежить меня; привѣтливая вѣжливость,—вотъ все, что замѣчалось въ ея обращеніи со мною. Но краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе всякихъ словъ былъ ея взглядъ; и внутреннее чувство неясной, смутной, но тѣмъ не менѣе твердой надежды такъ сильно заговорило во мнѣ, что я былъ почти убѣжденъ въ успѣхѣ.

Я заснулъ подъ впечатлѣніемъ грезъ, навѣянныхъ Наимой. И снится мнѣ храмъ старинной архитектуры, освѣщенный множествомъ свѣчей желтаго воска въ золоченныхъ люстрахъ; раздается въ храмѣ громкое, величественное пѣніе, сопровождаемое звуками органа, духовыхъ и металлическихъ струнныхъ инструментовъ; посреди храма у большаго стола, покрытаго бѣлою атласною скатертью съ золотою бахрамою, стоялъ я, а направо подлѣ меня женщина въ бѣлой шерстяной одеждѣ съ густымъ покрываломъ на головѣ, ниспадавшимъ до колѣнъ; предъ нами жрецъ весь въ бѣломъ, въ плоской, съ двухъ сторонъ оканчивавшейся остроконечными закругленіями внутрь митрѣ; за поясомъ, на которомъ вышиты клиньями золотыя буквы, небольшой серпообразный ножъ; жрецъ, не смотря на длинные совершенно бѣлые волосы и такую-же окладистую бороду, былъ необыкновенно похожъ лицемъ на Листа. Смолкло пѣніе; жрецъ соединилъ мою руку съ рукой стоявшей около меня женщины и началъ что-то говорить на непонятномъ мнѣ языкѣ. Рѣчь его продолжалась недолго, въ храмѣ появились другіе жрецы безъ митръ съ длинными покрывалами, точь въ точь друиды въ „Нормѣ“ и начали трубить въ длинныя рогообразныя трубы. Трубный звукъ составлялъ такіе негармоническіе аккорды, отзывался такими сильными диссонансами, что я невольно вздрогнулъ. Изъ подъ земли выросъ предо мною уродливый старикъ въ одеждѣ, употребляемой евреями при совершеніи молитвъ, съ длиннымъ ножемъ въ рукѣ, которымъ онъ замахнулся на меня. Грянулъ нестройный хоръ съ аккомпаниментомъ бряцавшихъ треугольниковъ и кимваловъ; дикая музыка эта оглушила меня. Мгновенно исчезли жрецы, исчезла женщина,

по храму вихремъ пронесся холодный, леденившій вѣтеръ, погасли свѣчи, въ глазахъ потемнѣло, безъ чувствъ упалъ я на мраморный полъ. Очнувшись, я чувствовалъ, какъ могильный холодъ проникалъ въ члены мои; оглядѣвшись, я увидѣлъ, что нахожусь на кладбищѣ, и колѣнопреклоненный на мраморной плитѣ у могилы усѣянной цвѣтами и молюсь, вознося взоры на чудное изваяніе Мадонны, поставленное въ нишѣ и освѣщенное тускло горѣвшей лампадой. Ликъ Мадонны напоминалъ черты моей матери. Послышалось тихое, гармоническое, стройное пѣніе и съ послѣдними звуками, возносившимися къ небесамъ, я проснулся.

Бываютъ сны болѣе страшные, болѣе знаменательные, но не остаются долго въ памяти; сна же, видѣннаго мною наканунѣ вступленія въ домъ Наимы, я не могъ забыть: онъ такъ врѣзался въ мою память, что я помнилъ малѣйшія подробности; хоральное пѣніе и трубные звуки такъ часто повторялись въ моихъ ушахъ, что я безъ труда передалъ бумагѣ величественные аккорды хора, слышаннаго въ началѣ сна, но никакъ не могъ воспроизвесть ни на бумагѣ, ни на фортепьяно звуковъ трубъ и послѣдовавшаго за ними дикаго, потрясавшаго хора. Сколько ни трудился, какъ ни призывалъ на помощь самые крайніе диссонансы нонъ и ундецимъ, ничто не помогало. Мелодію же тихаго и нѣжнаго пѣнія у могилы я безъ всякаго усилія сыгралъ на фортепьяно и написалъ.

Все утро провелъ я въ музыкальныхъ занятіяхъ и мечтахъ.

Предъ обѣдомъ влетѣлъ въ комнату Алларъ, блѣдный, разстроенный.

Что съ вами? спросилъ я.

— Что? несчастье, и одно изъ самыхъ большихъ. Вообразите, я встрѣтилъ подъ Липами мистрисъ Нормемби, англичанку, изъ-за кокоторой имѣлъ дуэль въ Гамбургѣ. Ея мужъ выздоровѣлъ, она его опять бросила и пріѣхала въ Берлинъ, чтобы розыскать меня. Двѣ недѣли прошли въ тщетныхъ поискахъ, и къ величайшей досадѣ, мы столкнулись сегодня. Слезамъ и упрекамъ, что не писалъ ей, не было конца; все еще любитъ меня, а я сталъ къ ней совершенно равнодушенъ. Прійдется опрометью бѣжать изъ Берлина.

— Успокойтесь, несчастіе еще не такъ велико, какъ думаете; притомъ англичанка право очень хороша и гораздо лучше всѣхъ вашихъ Берлинскихъ пріятельницъ.

— Правда, правда, да вѣдь надоѣла и такая страстная, что возобновивъ мои къ ней отношенія, невозможно будетъ отъ нея отдѣлаться.

— Признаюсь, я не мало удивляюсь, какъ вы не умѣете цѣнить искреннюю ея привязанность. Вторично оставить мужа, отказаться отъ извѣстнаго, недурнаго положенія для того, чтобы быть съ вами, это пожертвованія, которыя должны-бы возбудить въ васъ, если не прежнее увлеченіе, то глубокое сочувствіе и благодарность.

— Давно не слыхалъ я такой морали, впрочемъ вы правы; неприлично оставить ее на произволъ судьбы.

— Не только неприлично, но было-бы жестоко, скажу больше, не совсѣмъ благородно.

— Позвольте обнять васъ за откровенность; вы затронули слабую струну, и то, чего я не сдѣлалъ-бы изъ сентиментальнаго сожалѣнія, я сдѣлаю по долгу чести.

Мы отправились къ мистрисъ Нормемби, которая была въ восторгѣ отъ любезности Аллара; въ этотъ день втроемъ обѣдали у Трюшо.

Въ половинѣ восьмаго я былъ у Листа и засталъ его въ отличномъ расположеніи. Разговоръ начался объясненіемъ вчерашняго таинственнаго визита.

Когда вы ушли, говорилъ Листъ, я попросилъ незнакомку войти ко мнѣ и тутъ произошла сцена, которую трудно было предвидѣть; много приключеній бывало со мною въ разныхъ странахъ Европы, но подобнаго еще не случалось. Вообразите мое изумленіе, когда незнакомка, не подымая вуали, сказала мнѣ: ваша музыка произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, ваша наружность такъ мнѣ понравилась, что я пріѣхала просить васъ провести ночь со мною. Полагаю, не откажете. Приподняла вуаль, и я былъ пораженъ, я остолбенѣлъ отъ удовольствія: предо мною стояла красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.

Я Лола Монтесъ, танцовщица изъ Испаніи, надѣюсь, вы согласны, добавила она.

Безъ всякаго сомнѣнія, я согласился. Прелестная женщина, еще очень молодая, весьма не глупая, но кажется своенравная. Одно мнѣ въ ней не нравится: это чрезмѣрная увѣренность въ себѣ, или скорѣе въ могущество своей красоты, оттуда излишняя развязность, даже наглость. Я что-то слышалъ о ней въ Парижѣ, но не помню хорошо, кажется она тамъ дебютировала въ балетѣ и не совсѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ это пріятное знакомство и я намѣренъ его поддержать.

Мы отправились въ Моабитъ. Дорогой я много говорилъ Листу о Наимѣ, и онъ къ удовольствію своему замѣтилъ, что я выходилъ изъ свойственной мнѣ сдержанности и сосредоточенности.

Домъ К. довольно помѣстительный, былъ содержанъ превосходно и отдѣланъ не роскошно, но съ большимъ вкусомъ. Насъ ожидали съ нетерпѣніемъ, дамы встрѣтили въ залѣ, я представилъ Листа, Листъ отрекомендовалъ меня хозяину, сидѣвшему въ гостинной съ теткой Наимы. Вглядѣвшись въ лице К., я былъ непріятно пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ съ снившимся старикомъ, который замахнулся на меня ножемъ. К. былъ очень старъ, едва двигался, страдая ревматизмомъ въ ногахъ, его типическое чисто еврейское некрасиваго склада лице, покрытое морщинами, было очень непривлекательно; бѣлые волосы съ желтоватымъ отливомъ, красноватые потухшіе глаза, изъ подъ черныхъ, нависшихъ бровей тупо глядѣвшіе во всѣ стороны, огромный носъ—вотъ особенности его наружности, имѣвшей въ себѣ что-то отталкивающее. Гнусливый голосъ, непривѣтливыя манеры, сухость и какая-то разсчетливость въ обращеніи произвели на меня еще болѣе непріятное впечатлѣніе.

Тетка Наимы была пожилая, красивая, милая, разговорчивая женщина и съ перваго раза обворожила меня своею любезностью. Какъ она, такъ и сестра ея, мать Наимы, были уроженками Кадикса, гдѣ отецъ ихъ имѣлъ банкирскую контору и нажилъ большое состояніе, доставшееся по его смерти двумъ дочерямъ. Сыновей онъ не имѣлъ. Старшая вышла за мужъ за К., младшая осталась дѣвицей.

Съ трудомъ передвигая ноги, старикъ повелъ насъ въ свой ка-

бинетъ, не представлявшій ничего особеннаго, а оттуда въ оранжерею. Это былъ большой зимній садъ, наполненный самыми роскошными экзотическими растеніями, сгруппированными и разставленными со вкусомъ.— Я не былъ тогда любителемъ и знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, но долженъ былъ отдать полную справедливость искусству, съ какимъ былъ устроенъ зимній садъ К.

Поговоривъ, мы занялись музыкой.

Листъ пригласилъ меня сыграть что нибудь для начала, чтобы испробовать фортепьяно. Инструментъ оказался превосходнымъ брудвудомъ изъ Лондона; я исполнилъ на немъ одну изъ небольшихъ пьесъ, сочиненную мною подъ вдохновеніемъ мечтаній о Наимѣ. Пьеса эта, носившая названіе: rêverie, просмотрѣнная и исправленная Листомъ, очень понравилась. Дамы наговорили мнѣ много любезностей, К. также сочувственно отнесся къ моему таланту. Потомъ игралъ Листъ; онъ игралъ много и игралъ превосходно. Слушатели были въ восхищеніи; старикъ такъ оживился и съ такимъ увлеченіемъ сталъ говорить объ игрѣ Листа и о музыкѣ вообще, что даже непріятное выраженіе его физіономіи исчезло совершенно, и онъ казался симпатичнымъ. Листъ обратился къ Наимѣ съ просьбой спѣть и она звучнымъ, чистымъ, необыкновенно пріятнымъ голосомъ исполнила „Путешественника“ Шуберта. Ей аккомпанировала Лея. Лея въ свою очередь съ аккомпаниментомъ Наимы пропѣла арію изъ Донъ-Жуана. Въ заключеніе онѣ исполнили извѣстный дуэтъ изъ Нормы, и исполнили его такъ хорошо, что привели насъ въ восторгъ; имъ аккомпанировала ихъ тетка.

Музыкальный вечеръ у К. кончился ужиномъ, сервированнымъ въ зимнемъ саду. Старикъ предложилъ тостъ за здоровье Листа, и обратился къ нему съ просьбой дать нѣсколько уроковъ Наимѣ. Листъ очень вѣжливо отклонилъ это предложеніе и сказалъ, что не можетъ рекомендовать лучшаго учителя музыки для его дочери, какъ я,—что онъ очень уважаетъ мои познанія, даетъ часто совѣты и вполнѣ ручается за успѣхъ, но предоставитъ себѣ удовольствіе заѣхать когда нибудь, чтобы провѣрить успѣхи моей ученицы. Все это было сказано такъ любезно и убѣдительно, что предложеніе Листа не могло не быть принято, и я

получилъ приглашеніе пожаловать завтра, чтобы условиться объ урокахъ. Наима не сказала ни слова, но взглядъ полный благодарности служилъ отвѣтомъ геніальной находчивости Листа.

Надѣюсь вы мною довольны, другъ мой,—говорилъ мнѣ Листъ, возвращаясь изъ Моабита; я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы быть вамъ пріятнымъ.

— Больше чѣмъ ожидалъ; вы такъ хорошо устроили мои дѣла, что не знаю, какъ васъ благодарить.

— Впрочемъ и я провелъ вечеръ очень пріятно: дамы очень милы, любезны, образованы и замѣчательно красивы; въ особенности ваша Наима какая великолѣпная представительница библейской красоты! я питаю глубокое уваженіе къ вашему вкусу.

— Да, она хороша, и, если не ошибаюсь, ея душевныя качества вполнѣ соотвѣтствуютъ замѣчательной ея наружности. Я былъ-бы вполнѣ счастливъ, если-бы могъ заслужить ея благосклонность.

— Повѣрьте, она не совсѣмъ къ вамъ равнодушна, судя по тѣмъ взглядамъ, которые мнѣ удалось подмѣтить; начало положено, остальное нужно предоставить времени. Вы теперь имѣете возможность часто ее видѣть, и исполняя осторожно роль Альмавивы, пріобрѣтете сердце новой Разины.

— Ваша выдумка не дурна, но я встрѣчаю маленькое затрудненіе. Завтра мнѣ предстоитъ условиться со старикомъ объ урокахъ: не могу-же я принять платы за мои уроки,—не смотря на то, что буду исполнять вполнѣ добросовѣстно мое дѣло.

— Напротивъ, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ Бартоло, вамъ слѣдуетъ согласиться на всѣ условія, которыя онъ вамъ предложитъ; если-же онъ спроситъ о вашихъ условіяхъ, то не обинуясь назначьте приличное вознагражденіе за ваши труды. Это будетъ и справедливо: вы по всей вѣроятности принесете большую пользу музыкальному развитію вашей ученицы,—и благоразумно: отказомъ въ вознагражденіи не поставите въ затрудненіе старика и не возбудите въ немъ никакого сомнѣнія на счетъ вашихъ отношеній къ его дочери.

— Вы правы, нельзя поступить иначе.

Мы разстались молча, пожавъ крѣпко руку другъ другу.

Утромъ на другой день я отправился къ К., былъ принятъ старикомъ благосклонно; онъ показался мнѣ днемъ еще невзрачнѣе и безобразнѣе, чѣмъ въ вечеру. Условіе было сдѣлано: я обязался давать Наимѣ три урока въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ полтора часа каждый, и въ вознагражденіе мнѣ предложено было по талеру за урокъ. Я просилъ Наиму сыграть что-нибудь, и она исполнила капризъ Мендельсона такъ хорошо, такъ отчетливо, что только для приданія себѣ большей важности въ присутствіи старика, я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Музыкальныя занятія наши шли весьма успѣшно; изрѣдка старикъ приходилъ послушать Наиму, иногда тетка ея присутствовала при началѣ урока, но чаще мы оставались одни, и никто намъ не мѣшалъ. Довольно скучные сеансы фортепьянной игры мы разнообразили пѣніемъ; я аккомпанировалъ Наимѣ на фортепьяно и на віолончели, нерѣдко Лея присоединялась къ намъ и полуторачасовые уроки вскорѣ превратились въ музыкальныя утра. Потомъ отправлялись гулять. Вечера также стали проводить по большей части вмѣстѣ въ театрахъ или на концертахъ. Натуры Наимы и Леи были чисто артистическія; онѣ пѣли и играли превосходно, имѣли тонкій, вѣрный слухъ и большія способности къ музыкѣ. Въ короткое время я такъ къ нимъ привязался, такъ полюбилъ Наиму, что сталъ ей посвящать все свое время.

Университетскія занятія мои отъ этого сильно пострадали: совсѣмъ почти пересталъ я посѣщать лекціи. Музыкальное образованіе мое также не двигалось: съ Марксомъ и Таубертомъ я разошелся, и на столько занимался музыкой дома, на сколько это могло быть пріятно и полезно Наимѣ. Но я пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ ботаникѣ, выучилъ названія растеній тепличныхъ и комнатной культуры, чтобы имѣть возможность говорить о нихъ съ К. и снискать его расположеніе.

Все шло какъ нельзя лучше; я сдѣлался въ домѣ К. домашнимъ человѣкомъ, и получилъ даже приглашеніе приходить иногда по вечерамъ, которые впрочемъ недолго продолжались: старикъ ложился въ

10-ть часовъ, и передъ отходомъ его ко сну всѣ должны были расходиться.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе любилъ Наиму; съ ея стороны пользовался всегда большимъ сочувствіемъ. Вскорѣ сочувствіе обратилось въ сильную, глубокую привязанность, и мы полюбили другъ друга, какъ любятъ въ молодые годы: мнѣ наступилъ двадцать второй, ей было восемнадцать. Мы такъ увлеклись своимъ чувствомъ, что никогда не думали о препятствіяхъ, а къ несчастію препятствія были велики, непреодолимы.

Во всѣхъ отношеніяхъ Наима была-бы для меня хорошею партіей: въ глубокой взаимной привязанности мы вполнѣ убѣдились, сочувствіе, которымъ я пользовался въ семействѣ Наимы, не подлежало сомнѣнію, образованіе, полученное Наимой, ея прелестная наружность, высокія душевныя качества не оставляли желать ничего лучшаго, въ матеріальномъ отношеніи она была также совершенно обезпечена; независимо отъ части, причитавшейся ей отъ отца, у нея былъ значительный капиталъ, оставленный матерью; у бездѣтной тетки было сверхъ того хорошее состояніе. Мое положеніе было также вполнѣ удовлетворительно. Казалось, всѣ условія были въ высшей степени благопріятны для осуществленія нашихъ желаній принадлежать другъ другу. Но Наима была еврейка; въ этомъ заключался весь вопросъ.

Нашими законами бракъ православнаго съ нехристіанкою абсолютно воспрещался. Убѣдить Наиму перемѣнить религію не было возможности. Однажды я заговорилъ объ этомъ. Наима отвѣтила, что она готова принести въ жертву своей ко мнѣ привязанности все, и узы, связывающія ее съ семействомъ, и положеніе, и состояніе, но никогда не измѣнитъ Моисееву закону. „Я родилась еврейкой, еврейкой и умру“,—прибавила она съ твердостью, которой я не ожидалъ, потому что никогда не замѣчалъ въ ней и тѣни религіозной нетерпимости и свойственнаго евреямъ фанатизма.

Какъ ни было грустно убѣжденіе въ невозможности поколебать рѣшимость Наимы, я не могъ не отдать полной справедливости возвышенности ея чувствъ. Сомнѣніямъ въ ея глубокой привязанности ко

мнѣ не было мѣста; не разъ повторялось чистосердечное признаніе; ничѣмъ неудержимая радость при моихъ посѣщеніяхъ, избытокъ счастья, одушевлявшій ее въ нашихъ интимныхъ объясненіяхъ, служили вѣрнымъ залогомъ искренности Наимы. И не смотря на горячую ко мнѣ любовь, на полную увѣренность, что я сдѣлаю ее счастливою, Наима не соглашалась на послѣдній, необходимый шагъ, не изъ религіознаго фанатизма, а по сознанію долга, по инстинктивному чувству достоинства.

Любя Наиму отъ всей глубины моего сердца, я питалъ къ ней и высокое уваженіе; весьма обыкновенное въ мои лѣта увлеченіе рѣдкой ея красотой перешло въ чувство болѣе возвышенное; я вполнѣ умѣлъ оцѣнить ея душевныя качества и привязался къ ней всѣми силами моей души. Чувство чести громко заговорило во мнѣ.

Получивъ убѣжденіе, что ничто не въ силахъ измѣнить рѣшенія Наимы на счетъ религіознаго вопроса, и сознавая неодолимость этого препятствія къ женитьбѣ, я рѣшился уѣхать изъ Берлина. Какъ ни тяжело, какъ ни грустно было принять такое рѣшеніе, я не могъ поступить иначе въ виду невозможности, оставаясь въ одномъ городѣ съ Наимой, отказаться отъ счастья ее видѣть и прервать мои къ ней отношенія. Я чувствовалъ, что не имѣлъ для этого достаточной силы воли.

Листъ уѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ, не задолго до принятія мною этого рѣшенія. Онъ разстался съ Лоллой Монтесъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Началось съ того, что она выпросила у него довольно значительную сумму денегъ для уплаты своихъ долговъ; потомъ потребовала еще столько-же, Листъ заплатилъ; наконецъ требованія стали увеличиваться въ такомъ размѣрѣ и такъ часто, что Листъ поставленъ былъ въ необходимость отказывать, не смотря на всю неразсчетливость въ денежныхъ своихъ дѣлахъ. Лолла разсердилась; тѣмъ дѣло и кончилось.

Алларъ также оставилъ Берлинъ раньше предположеннаго срока.

Мистрисъ Нормемби такъ ему надоѣла своими нѣжностями, что бѣдный французъ, отличавшійся необыкновеннымъ непостоянствомъ, долженъ былъ бѣжать въ Россію. Я ему далъ нѣсколско рекомендательныхъ писемъ, въ Петербургъ, Москву, Полтаву, Кіевъ и Одессу къ

моимъ знакомымъ и роднымъ, заставилъ изучить географію имперіи и успѣлъ выучить его по русски нѣсколькимъ фразамъ, необходимымъ въ путешествіи. Жаль мнѣ было разставаться съ Алларомъ; вѣтренный и легонькій французикъ часто развлекалъ и смѣшилъ меня, а иногда бывалъ и очень полезенъ любезною готовностью служить, чѣмъ могъ.

Къ этому времени относится мое знакомство въ Берлинѣ съ Степаномъ Степановичемъ Джунковскимъ. Братъ его Петръ Степановичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, носившей нашу фамилію, и Степанъ Степановичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, счелъ долгомъ со мною познакомиться. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ въ петербургскомъ университетѣ и пріѣхалъ въ Берлинъ слушать лекціи.

Религіозныя православныя его убѣжденія были такъ сильны, что въ Берлинѣ онъ соблюдалъ всѣ посты, постился по средамъ и пятницамъ, посѣщалъ постоянно православную церковь и велъ жизнь чисто монашескую.

Весьма неглупый, съ очень добрымъ сердцемъ, онъ слылъ большимъ чудакомъ, вслѣдствіе религіознаго настроенія чуждался общества товарищей и ненавидѣлъ женщинъ. Тогда только что появилось въ продажѣ извѣстное сочиненіе Штрауса: „Жизнь Іисуса". Джунковскій закупилъ всѣ экземпляры бывшіе въ двухъ книжныхъ магазинахъ подъ Липками, сжегъ ихъ и требовалъ отъ книгопродавцевъ, чтобы не выставляли этой книги въ своихъ окнахъ. Проходя мимо, нѣсколько дней спустя, онъ опять видитъ на выставкѣ ненавистнаго ему Штрауса, входитъ въ магазинъ, говоритъ множество непріятностей приказчикамъ и выбрасываетъ на улицу новые экземпляры „Жизни Іисуса". Большой скандалъ, потомъ процессъ, наконецъ Джунковскій, уплативъ значительный штрафъ, долженъ былъ уѣхать въ Геттингенъ изъ негостепріимнаго ему Берлина.

И скучно и грустно мнѣ было въ Берлинѣ въ послѣдніе дни моего тамъ пребыванія. Я остался безъ друзей и безъ всякой надежды на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, но не падалъ духомъ: мысль, что приношу себя въ жертву Наимѣ, ободряла меня; я такъ искренно

и глубоко любилъ, что самоотверженіе въ этомъ случаѣ считалъ непреложнымъ долгомъ совѣсти и не придавалъ ему значенія героизма.

Я не считалъ возможнымъ объявить о моемъ рѣшеніи Наимѣ изъ боязни огорчить ее и вызвать, быть можетъ, какой-нибудь необдуманный, неосторожный поступокъ, тѣмъ болѣе, что мы тщательно скрывали отъ отца Наимы наши отношенія и онъ видѣлъ во мнѣ только усерднаго учителя музыки и любезнаго собесѣдника.

Написавъ къ Наимѣ письмо, я предположилъ отдать его Кранаху для доставленія на другой день послѣ моего отъѣзда. Въ письмѣ я выразилъ чувства руководившія мною, борьбу долга чести съ страстнымъ увлеченіемъ и твердою рѣшимостью проститься съ завѣтной мечтой счастья навсегда.

Наканунѣ моего отъѣзда я провелъ вечеръ у К.; много говорили, пѣли и играли, я старался казаться веселымъ и, возбужденный идеей самопожертвованія, я находился подъ вліяніемъ какого-то неестественнаго одушевленія. Въ концѣ вечера я просилъ Наиму спѣть мнѣ еще что-нибудь. Она пропѣла „Adieu“ и исполнила мою любимую мелодію Шуберта съ такимъ чувствомъ, такъ меня растрогала, что я расплакался, какъ дитя, не помню, какъ простился, и уѣхалъ домой.

На другой день, передавъ письмо къ Наимѣ Кранаху, я сидѣлъ уже въ вагонѣ по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ.

Изъ переписки Максимовича съ Шевченкомъ уцѣлѣло только *девять* писемъ, относящихся къ 1857—1860 гг. *Шесть* изъ нихъ уже были напечатаны въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Шевченка" (Кіевъ 1882), съ нѣкоторыми пропусками и грубыми опечатками [1]). Помѣщаемъ остальныя три письма съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ. Письма Максимовича, во всей полнотѣ своей, важны особенно для уясненія отношеній его къ Шевченку, по поводу которыхъ наброшена въ печати тѣнь на свѣтлое нравственное достоинство Максимовича. Біографъ Шевченка, г. Чалый опирается на „частныя бесѣды съ Максимовичемъ"... Но мало-ли чего не говорится въ „интимныхъ" бесѣдахъ? Неужели всякое лыко въ строку? И вѣрно ли переданы самыя бесѣды, ихъ основанія? Намъ при этомъ вспоминаются слова Шевченка: „Чому не писать, колы руки сверблять, а друковать не годилось". Между Максимовичемъ и Шевченкомъ дѣйствительно было подъ конецъ нѣкоторое охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ; можно пожалѣть объ этомъ, но не бросать осужденія полною горстью. Максимовичъ человѣкъ скромный, мягкій, уступчивый, былъ такимъ въ своихъ отношеніяхъ даже къ литературнымъ противникамъ, напр. къ г. Кулишу, и даже въ заочныхъ сужденіяхъ о немъ, а въ Шевченкѣ онъ всегда признавалъ и талантъ по-

---

[1]) На стр. 137—138 книги г. Чалаго напечатано »догледивъ« вмѣсто *догадливъ*; напечатано »милость«, нужно—*мысочку*; »нахаивъ«—вм. *накоивъ*; никчемнои вм. *несмачнои*; »новая« вм. *твоя*. Есть и пропуски, которые характерны для Максимовича, какъ человѣка, напримѣръ: »Поглянь-же незлымъ своимъ окомъ на тую добру людину и посмѣйся той кумедіи... Така поворотка на добру стать стоить того, щобъ пересердіе змѣниты на милосердіе«... и пр.

эта, и способность художника, и яркое дарованіе пѣвца: онъ возставалъ только противъ слѣпаго поклоненія ему, какъ поэту и какъ человѣку; но и подобныя замѣчанія Максимовичъ позволялъ себѣ только въ дружеской бесѣдѣ, смягчая ихъ добродушною шуткою. А если случалось касаться дѣйствительно темныхъ сторонъ въ жизни Шевченка, Максимовичъ говорилъ о нихъ съ глубокою грустью, сѣтуя и о своемъ другѣ и о слабости человѣческой природы вообще. Въ печати-же, сколько намъ помнится, Максимовичъ сказалъ про Шевченка одно лишь, что онъ свободнѣе относился къ исторіи, чѣмъ напр. Пушкинъ въ своей „Полтавѣ“.

Но обратимся къ письмамъ Максимовича.

Письмо I.

1857 г. 20 дек. Москва.

Привѣтъ и поклôнъ тобѣ, нашъ любый, нашъ славный Тарасе, одъ щирого сердця и повности душевной! Радѣвъ и туживъ я, чуючи про тебе, читаючи твои вирши красномовныи и крѣпкодумныи, и на останку—и твои листы до Щепкина, сего дивно-милого чоловѣка, що и надзаходы вѣку свѣтить и грѣе душею своею, якъ вранцѣ свѣтить и грѣе яснее сонце. Полетивъ-бы и я отце изъ нимъ до Нижнего—да ба! Нужда не пуска зъ Москвы... живи небоже, роби небоже, то й Богъ поможе!—якъ кажуть на нашôй Украинѣ. Такъ хочъ словцемъ сказаться, коли не въ воли повидаться!

Прійми отъ-си книжици моей праци! Бачъ, и я на старости ставъ виршовникъ, и зъ письменного книжного Игоря зробивъ спѣваку--Украинця. На половину здается таки гарненькій; дещо вже й самъ полагодивъ; а що тобѣ не сподобается, будь ласковъ, напиши менѣ, коли буде досужно! Да ще отъ яка прозьба до тебе, нашъ вѣщій Бояне! Мы тутъ дуже бажаемъ твоихъ пѣсень и виршей, не тôлько про себе, да щобъ и въ свѣтъ ихъ пустить черезъ *Молву* да *Руську Бесѣду:* такъ чи не можно одолжить ими и мене, и выдавцевъ помяненыхъ журналовъ, и всѣхъ земляковъ... якъ-то рады будуть, побачивши ихъ друковаными! Знаю те по сличной *Наймичцѣ*! Бувай же здоровенькій и ясненькій, любый земляче! милый соловейку!... Помагай Богъ тобѣ, щобъ таки справдѣ побачила тебе Украина на своемъ роскошномъ лонѣ... бо вже вона все жде-не дождетебе изъ дальнои чужины, и якъ въ тôй пѣснѣ спѣваеться:

„Лети лети соколу,
Я жду тебя зъ тоскою,

Личко зъ пылу умыю
И обôйму за шію!"

Обнимаю жъ и я тебе, коханый земляче, мыслями моими и сердцемъ.

М. Максимовичъ

Кланяеться тобѣ и моя жôнка Маруся!

Поклонися отъ мене Вл. Ив. Далеви, коли вбачишься зъ нимъ. То ще добра людина на свѣтѣ!

Письмо это было послано Максимовичемъ чрезъ М. С. Щепкина (1788—1863), который ѣздилъ тогда въ Нижній Новгородъ, какъ для спектаклей на тамошнемъ театрѣ, такъ и для свиданія съ Шевченкомъ. Къ письму была приложена „Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе" (Кіевъ 1857 г.); впослѣдствіи Максимовичъ исправилъ свой переводъ и напечаталъ его въ Украинцѣ 1859 года. Просьбу Максимовича „прислать пѣсень и виршей" Шевченко исполнилъ въ Москвѣ, оставивъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя и были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ. Вл. Ив. Даль (1801—1872 гг.) служилъ тогда въ Нижнемъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ.

Письмо II.

Шевченкови одъ Максимовича привѣтъ и поклонъ!

Якъ ся себе маешъ, любый земляче, и якъ здравствуе твое розумне чоло и видюще око?... Сегодня на врядъ чи побачимось; коли выѣду къ вечору, то все таки не трапиться тебе одвѣдати. Тымъ часомъ посылаю тобѣ *Жабомышодраковку*, тыи гекзаметры Думитрашкови, що я казавъ тобѣ; да ще й мои *псалмы*... будь ласковъ, подивись на си псалмы пильненько, и що въ ихъ не доладу, одмѣть менѣ все до послѣдняго словця: зъ твоеи порады може и зможеться менѣ ихъ справити такъ, щобъ и въ люде зъ ними не соромъ було показаться коли небуть.

Бувай-же здоровъ и свѣтлоясенъ!

Твой *М. Максимовичъ.*

15 марта, 1858 г. М.

Это письмо Максимовича относится къ пребыванію Шевченка въ Москвѣ, гдѣ оба писателя встрѣчались другъ съ другомъ почти ежедневно. „Жабомышодраквка"—переложеніе войны мышей съ лягушнами на малороссійскіе гекзаметры, чуть-ли не первые и весьма удачные. „Псалмы", переложенные Максимовичемъ на украинское нарѣчіе, тогда еще приготовлялись къ печати и вышли черезъ годъ (1859 г.),

не встрѣтивъ, къ сожалѣнію, того успѣха, котораго они вполнѣ заслуживаютъ. Черезъ 10 дней послѣ этого письма Максимовичъ устроилъ у себя почетный обѣдъ Шевченку (во вторникъ на святой), пригласилъ нѣкоторыхъ писателей и привѣтствовалъ поэта теплымъ стихотвореніемъ на малороссійскомъ языкѣ [1]).

Приводимъ любопытный *постскриптумъ* письма восьмаго и цѣликомъ все девятое письмо,—послѣднее если не вообще, то въ ряду уцѣлѣвшихъ и въ нашихъ рукахъ находящихся писемъ Максимовича къ Шевченку.

Постскриптумъ VIII письма.

Нашъ любый и благонадежный панъ Костомаровъ заѣвся зо мною за *Яська*, и выводитъ противъ мене цѣлу громаду за его, запрохавши до неи и вашу мосць; выбачайтежъ, що скажу вамъ: панове громада, чудна ваша рада! Якъ же вы *Яська* Яковомъ чи-то Йосипомъ назвали, а про *Ясона* и не згадали? (У васъ у Петербурзѣ бувъ и профессоръ *Ясонъ Василевичъ Петровъ*, звѣстный своею ботаникою и анекдотомъ, что, читаючи по книзѣ лекцію сперва о тростникѣ, перевернувши два листка вмѣсто одного, продолжавъ: зъ ёго строются корабли... отъ, каже, яка натура у жаркихъ климатахъ, що й тростникъ якъ дерево выростае! А далѣ дивиться, что написано про дубови жолуди, перевернувъ назадъ одинъ листъ—да й поправився: „сказанное о тростникѣ надо разумѣть о дубѣ!" Таки-то були колись профессори).

Прошу передать мой поклонъ Марку Вовчку и его подружію, а также панамъ Соколову и Трутовскому.

Письмо IX.

1860 г. 14 дек. Мих. Гора.

Вы зовсѣмъ забули на насъ, коханый земляче, Тарасъ Григорьвичъ! Вы не откликнулись даже и на мой мартовскій листикъ, которымъ извѣщалъ я васъ о рожденіи у меня сына Олексы. Что за немилость такая? А мы съ Марусею моею не мало тужимъ объ тимъ всякій разъ, какъ вспоминаемъ васъ, а это случается нерѣдко. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ мною въ послѣднее время отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, я съ грустію и досадою вижу, что завелась какая-то мара, которая перехватываетъ, и чуть-ли не въ нашей Золотоношѣ, если не

---

[1]) См. въ „Основѣ" 1861 г., № 6; въ книгѣ г. Чалаго оно перепечатано съ пропускомъ двухъ стиховъ (стр. 126); равно и другое съ пропускомъ (стр. 199).

въ Петербургѣ и Борзнѣ, наши письма—и мои къ нимъ, и ихъ ко мнѣ, особенно послѣднія, почему и подозрѣваю больше на Золотоношу... Грустное утѣшеніе себѣ сочиняю, что и ваше молчаніе къ намъ подходитъ подъ эту категорію. Озовитесь пожалуста къ намъ, и дайте о себѣ намъ знать: какъ вы поживаете и сподѣваться-ли намъ на Украйну въ слѣдующее лѣто?...

Наше житье-бытье такое-же, какъ видѣли, кромѣ радостной прибавки въ хлопяткѣ нашемъ, которымъ Господь взвеселилъ Михайлову Гору. Вы полюбовались-бы этимъ прекраснымъ младенцемъ. Въ немъ весь міръ мой теперь. Съ того дня, какъ мы разстались въ Мошнахъ, я совершенный отшельникъ и домосѣдъ, такъ что и Золотоноши даже не вижу, цуръ ей! Ничего не писалъ—даже до сего мѣсяца; ничего почти и не читалъ нового, не выписывая ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, кромѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", изрѣдка и не вполнѣ присылаемыхъ отъ сосѣда моего, вамъ извѣстнаго брата жены моей. Вотъ какъ живу я, малограмотно! Радъ душевно, что Бѣлозерскій успѣлъ устроить *Основу*: исполать ему! и помогай ему Богъ!

Нынѣшній годъ унесъ съ сего свѣта многихъ для меня дорогихъ людей. Къ числу отшедшихъ принадлежитъ и нашъ Золотоношскій Лукашъ, котораго называли вы придурковатымъ, бо й справдѣ такій бувъ и передъ смертью, что завѣщалъ библіотеку свою, въ томъ числѣ и Маркевичевъ архивъ,—въ раздѣлъ между наслѣдницами, четырмя дочками малолѣтными! Не стало и Маркевича: хорошо-бы извѣстить о немъ въ Основѣ, да при томъ случаѣ припечатать ваше посланіе къ нему, не вошедшее въ „Кобзаря":

Бандуристе, сизый орле...

Не забудьте и не оставьте безъ исполненія моей просьбы: собрать для меня всѣ ваши гравюры новыя; вы намъ дали только двѣ, а мнѣ хочется имѣть всѣ ихъ.

За тѣмъ бывайте здоровеньки и вдохновенны! Кланяемось вамъ всѣ трое

М. Максимовичъ, Марья Максимовичева. Алексѣй.

С. Пономаревъ.

Библіографія.

Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884 г. (XXXII+ 271 стр.). Ц. 2 р. 50 к.

Это новый трудъ плодовитаго писатели, около полувѣка съ честію подвизающагося на поприщѣ исторіи, литературы, лингвистики, этнографіи и публицистики. Большая часть его учено-литературной дѣятельности принадлежитъ времени пребыванія его въ Галиціи, но и по переходѣ къ намъ онъ не перестаетъ обогащать русскую науку все новыми солидными трудами. Настоящій трудъ по замыслу, спеціальности и сложности выполненія не уступаетъ многимъ другимъ.

Цѣль онаго—привести въ извѣстность и, по возможности, ввести въ употребленіе всѣ сохранившіяся доселѣ славянскія названія географическихъ мѣстностей въ земляхъ западныхъ и южныхъ славянъ, которыя безпощадно въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ извращались иноземными ихъ обладателями, замѣняясь въ иностранныхъ книгахъ и картахъ названіями иноязычными, и въ такомъ видѣ переходя и къ намъ.

Немногимъ извѣстенъ весь вредъ, проистекающій отъ такихъ перемѣнъ въ славянской географической номенклатурѣ. Глядя на карту, испещренную нѣмецкими, венгерскими или турецкими названіями, мы и не подозрѣваемъ, что имѣемъ дѣло съ славянскими мѣстностями. Насъ поражаетъ ограниченность славянской территоріи; на самомъ дѣлѣ она гораздо шире. Авторъ »Словаря« приводитъ примѣры иноязычныхъ названій географическихъ, которыя не имѣютъ въ дѣйствительности соотвѣтствующихъ имъ мѣстностей, и на оборотъ мѣстности съ славянскими названіями, которыхъ нѣтъ на картахъ.

Въ обширномъ, живо и интересно написанномъ предисловіи многоученый изслѣдователь славянщины выясняетъ всю необходимость воз-

становленія и сохраненія славянскихъ географическихъ названій и пользу этого дѣла въ самыхъ различныхъ примѣненіяхъ.

Историкамъ и археологамъ, говоритъ онъ, крайне затруднительно открывать славянскія историческія мѣстности подъ новыми иноземными названіями,—и приводитъ такіе примѣры. »Въ XII и XIII вв., сочинители Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописей знали, гдѣ города *Глогова, Опава, Глубичичи, Особлага, Козлій, Бордуевъ, Пожга, Изволень*, гдѣ рѣка *Солона*, гдѣ *Чешскій Лѣсъ*, а теперь ученые никакъ не могутъ открыть ихъ на нѣмецкихъ и мадьярскихъ картахъ подъ исковерканными названіями: Glogau, Troppau, Leobschutz, Hotzenplatz, Kosel, Bartfeld или Bartfalva, Pressburg или Pozsony, Altzohl или Zolyom, Sajo, Böhmerwald, не зная, что народъ до сихъ поръ употребляетъ первобытныя названія. Даже издатели Ипатской лѣтописи впали въ невольную ошибку при указаніи города *Середы*, укрывшагося отъ нихъ подъ нѣмецкимъ названіемъ Neumarkt.

Возстановленіе славянской географической номенклатуры, по мнѣнію почтеннаго автора, имѣло-бы немаловажное значеніе для лингвистики, помогая объясненію законовъ фонетики и словопроизводства и нагляднымъ образомъ выясняя взаимныя отношенія племенъ въ самой глубокой древности.

Самое достоинство географической науки, по его словамъ, требуетъ, чтобы были возстановлены чистыя, первоначальныя формы славянскихъ географическихъ именъ. Наши карты, въ большинствѣ составляемыя по нѣмецкимъ оригиналамъ, повторяютъ исковерканныя уже нѣмцами названія, но очень часто наши картографы и сами искажаютъ ихъ вслѣдствіе незнакомства напримѣръ съ мадьярскимъ или румынскимъ языками, имѣющими свои особенности въ орѳографіи и произношеніи, и незнанія, какими правилами произношенія руководствоваться въ томъ или другомъ названіи и и къ какому изъ нихъ, смотря по мѣстности, примѣнить нѣмецкое, къ какому мадъярское, чешское, хорватское, польское, или итальянское произношеніе... Географическіе учебники наши не менѣе картъ страдаютъ невѣжествомъ относительно славянщины, ибо составляются опять таки по иностраннымъ образцамъ: *Львовъ* въ нихъ неизвѣстенъ, а есть *Лембергъ*, *Бескиды* называются *Бескиденами, Лужицкія* горы—*Ляузицерскими* горами и проч. Наиболѣе употребительные въ настоящее время время учебники географіи—это Смирнова и Семенова: учебникъ перваго ходитъ теперь въ 22-мъ, втораго въ 9-мъ изданіи, но ни въ томъ, ни въ другомъ вы нигдѣ не найдете не только какого-нибудь Оломуца, Дубровника, Нового Сада, но даже Львова и Загреба. „Изъ школы за-

ученныя ошибки входятъ въ общественную жизнь и въ сочиненія даже самыхъ почтенныхъ авторовъ. Въ русскихъ газетахъ и книгахъ не рѣдкость встрѣтить поразительное невѣдѣніе по части географіи, отъ чего выходятъ иногда уморительные пассажи. *Современныя Извѣстія* 1872 году № 133 напечатали слѣдующую телеграмму: »Въ *Цольскиверѣ*... явились аграрныя безпокойства« и проч. Мѣстности подъ названіемъ *Цолькиверъ* въ Галиціи вовсе нѣтъ, а есть городъ Жолковь, польскій Żółkiew, который Нѣмцы по своему зовутъ Zolkiew; русскій переводчикъ, не зная этого, скопировалъ нѣмецкое: Im Zolkiewer (Gebiethe)—въ *Цолькиверѣ*, и вышелъ абсурдъ". Переводчикъ книги *о Черногоріи* называетъ крѣпость *Спужъ*—Спуцомъ, *Зету*—Цетой, вм. *Жаблякъ* (Žabljak) пишетъ Цабльжахъ (!!)...".

Мы опускаемъ болѣе мелкія подробности аргументаціи автора, полагая, что и приведеннаго вполнѣ достаточно для убѣжденія публики въ важности и полезности его труда.

Позволимъ себѣ однако замѣтить, что этотъ кропотливый и весьма цѣнный трудъ г. Головацкаго не имѣетъ всей желательной полноты, не смотря на то, что авторъ пользовался источниками на нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ и нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе обработанъ имъ отдѣлъ географическихъ названій въ Галиціи и вообще въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи,—здѣсь списаны не только города, мѣстечки, но и села; въ южной-же славянщинѣ приведены въ извѣстность славянскія названія только важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ. Не надо впрочемъ забывать, что авторъ работалъ надъ предметомъ, если не совершенно не початымъ, то во всякомъ случаѣ очень мало обслѣдованнымъ.

Данныя, приводимыя авторомъ въ словарѣ, слѣдующія: при названіяхъ населенныхъ мѣстъ — число жителей, мѣстоположеніе и иногда ссылка на историческіе источники, гдѣ находится упоминаніе о данномъ мѣстѣ; при названіяхъ горъ и рѣкъ—высота первыхъ и истоки и устья вторыхъ. Собранный матеріалъ расположенъ въ книгѣ такимъ образомъ: крупнымъ шрифтомъ напечатаны названія славянскія, въ русскомъ произношеніи; рядомъ съ ними тѣ-же славянскія названія, но по мѣстному или сосѣднему славянскому выговору; затѣмъ тутъ-же термины, искаженные или окончательно замѣненные иностранцами; между названіями, напечатанными крупнымъ шрифтомъ, вставлены въ алфавитномъ порядкѣ мелкимъ шрифтомъ иностранные синонимы, съ ссылками на однозначущія русскія названія. Наконецъ къ книгѣ приложена карта, въ масштабѣ 1:2,000,000, напечатанная въ нѣсколько тоновъ, довольно отчетливо. На картѣ, при разныхъ географи-

ческихъ единицахъ, напечатаны только славянскія названія въ русской транскрипціи. Если принять во вниманіе, что иностранные синонимы, поставленные тутъ-же, только излишне испещрили-бы карту и что каждое иностранное названіе въ „Словарѣ" непремѣнно сопровождаетъ русское, напечатанное на картѣ, то надо согласиться, что способъ, принятый авторомъ, найболѣе удобенъ.

Словарь достоуважаемаго Я. Ѳ. Головацкаго—дѣло многолѣтняго, кропотливаго труда и многосторонней эрудиціи автора. Предисловіе помѣчено 1877 г., самый Словарь, какъ намъ передавали, былъ отпечатанъ еще въ 1880 г., но появленіе его замедлилось вслѣдствіе затрудненій при изготовленіи карты. Желая самаго широкаго распространенія этому въ высокой степени цѣнному и полезному изданію, не можемъ не пожелать, чтобы основная его идея была примѣнена и къ нашей мѣстной географіи. Кто имѣлъ дѣло съ географіей и исторіей юго-западной Россіи, тотъ не знаетъ, чѣму болѣе удивляться: невѣжеству-ли лицъ, заносившихъ мѣстныя географическія имена на карты, или отсутствію патріотизма и полнѣйшему пренебреженію къ мѣстной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, откройте ходячую карту напримѣръ подольской губерніи: русскій народъ, живущій тамъ, не знаетъ этихъ Юзефполей, Юліамполей и проч.! Кого-же мы обманываемъ? Кстати сказать, у насъ и для производства прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ законы не писаны.

Ѳ. Ни—къ.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына, дѣйств. члена К. О. С. Ком. Т. I, съ картою Кубанской Области. Екатеринодаръ. 1883 г.

Оффиціальной статистикѣ не безъ основанія дѣлается упрекъ въ томъ, что рутина и формальность весьма часто замѣняютъ для нея самое существо дѣла. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ способа собиранія статистическихъ матеріаловъ, при посредствѣ низшихъ полицейскихъ инстанцій, а затѣмъ отъ недостатка обработки этихъ матеріаловъ и критической ихъ провѣрки. Притомъ наши статистическіе комитеты въ своихъ работахъ рѣдко выступаютъ изъ узкихъ рамокъ, начерченныхъ Положеніемъ о нихъ 1834 г., дополненнымъ отчасти въ 1860 г., и имѣя дѣло съ современнымъ состояніемъ населенія данной мѣстности, для уясненія онаго не обращаются къ изученію его этнографическихъ и историческихъ особенностей. Отъ этихъ

недостатковъ свободенъ, кажется, названный нами трудъ. Кубанскій областной статистическій комитетъ существуетъ весьма недавно; онъ основанъ лишь въ 1879 г. и теперь выпускаетъ первый томъ своихъ трудовъ. Тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему чести, что онъ сразу понялъ свою задачу и старался избѣжать общей многимъ другимъ его собратамъ рутины и пустаго формализма. Имѣя дѣло съ краемъ вовсе не изслѣдованнымъ, онъ, поставилъ своею ближайшею задачею постепенную подготовку матеріаловъ для всесторонняго его изученія въ будущемъ, начиная съ отдѣльныхъ мѣстностей. Не располагая ни ознакомленными съ дѣломъ статистики сотрудниками, ни подготовленными для того матеріалами, не имѣя даже списковъ населенныхъ мѣстъ, Комитетъ не отступилъ предъ первыми трудностями предстоящей ему работы и на первый уже разъ далъ какъ описанія отдѣльныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей, такъ и гораздо болѣе цѣнные матеріалы для ознакомленія съ Кубанскою Областью въ различныхъ отношеніяхъ.

Въ составъ „Кубанскаго Сборника“, весьма объемистаго (свыше тысячи страницъ), вошло 11 статей: одна изъ нихъ, могущая сама по себѣ составить отдѣльную книгу, спеціально научная (это статья проф. Линдемана: „Вредныя насѣкомыя Куб. Обл.“), восемь статистическаго и статистико-этнографическаго содержанія и двѣ характера историческаго. Статья проф. Линдемана, трактуя о вредныхъ насѣкомыхъ Кубанской Области, какъ на одну изъ причинъ ихъ распространенія указываетъ на традиціонную земледѣльческую культуру малорусскаго ея населенія. Въ этомъ отношеніи она, вмѣстѣ съ другими статистико-этнограф. статьями, рисуетъ намъ знакомую по мѣстнымъ наблюденіямъ картину, показывающую, какъ цѣпко держится малороссъ своихъ звычаевъ и тамъ на далекой окраинѣ среди множества разноплеменныхъ вліяній и другихъ факторовъ бытовой жизни. Говорить объ этой статьѣ намъ не приходится; разборъ и оцѣнка оной дѣло спеціалистовъ; болѣе близкое отношеніе къ задачамъ нашего изданія имѣютъ другія статьи: статистико-этнографическія и особенно историческія. Объ нихъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Въ объемистыхъ и старательно составленныхъ статьяхъ: г. Ейскъ, Ейскій уѣздъ, Николаевская, Новоминская, Воронежская и Троицкая станицы, заключается немало цѣннаго статистическаго, этнографическаго и отчасти историческаго матеріала, распредѣленнаго по широкой программѣ Комитета; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особливо первой, третьей, пятой и шестой, разработка статистическаго матеріала не вполнѣ удовлетворительна и, говоря словами редакціи Сборника, „новость дѣла и неподготовленность авторовъ къ самостоятельнымъ статистическимъ ра-

ботамъ" обнаруживается сама собою. Мы, однако, не считаемъ себя въ правѣ дѣлать за это какой-либо упрекъ авторамъ, а тѣмъ болѣе редакціи Сборника, и обращаемъ лишь вниманіе на слѣдующее: изъ указанныхъ статей, между прочимъ, видно, что нѣкоторые вопросы програмы выполнялись какъ-бы потому, чтобы не вышли пробѣлы (напр. стр. 264); въ иныхъ мѣстахъ (стр. 572) замѣтна условная сдержанность, благодаря которой мы привыкли проходить мимо многихъ явленій, заслуживающихъ серьезнаго вниманія [1]); наконецъ, въ основаніе нѣкоторыхъ статей (напр. „Ейскій уѣздъ") уже теперь положены свѣдѣнія и данныя, добытыя не надежнымъ офиціальнымъ путемъ. Мы понимаемъ трудность инаго собиранія такихъ свѣдѣній; но было-бы вознагражденіе за трудъ, а работники найдутся. Нужны, конечно, денежныя средства, а ихъ должно дать областное начальство, если не желаетъ, чтобы работа статистическая стала фантастическою. Необходимо заручиться сотрудничествомъ лицъ, близко стоящихъ къ изучаемымъ мѣстностямъ, каковы священники и сельскіе учители. Къ послѣднимъ Комитетъ обращался съ приглашеніемъ, и если, по замѣчанію редакціи Сборника, на это приглашеніе отозвались весьма безнемногіе, то, конечно, всего болѣе потому, что предстоялъ трудъ безплатный. Вполнѣ сочувствуемъ редакціи въ ея сожалѣніи объ этомъ.

[1]) Авторъ описанія Николаевской ст., говоря о „кадушникахъ" (шалопутахъ), замѣчаетъ, что послѣдніе, для вовлеченія въ свою секту, употребляютъ деньги, которыя, по заявленію шалопутовъ, будто-бы получаютъ свыше. На это редакція Сборника ставитъ въ выноскѣ такое nota bene: „фактъ, конечно, говорящій самъ за себя не въ пользу своей достовѣрности". Такимъ образомъ и авторъ и редакція оставляютъ фактъ въ невѣрномъ освѣщеніи. А дѣло вотъ въ чемъ: у шалопутовъ существуетъ въ широкихъ размѣрахъ взаимопомощь деньгами и трудомъ. Это одна изъ первостепенныхъ причинъ, почему секта быстро распространяется; всякому хочется лучше жить въ достаткѣ, нежели нужду терпѣть. Поэтому прозелиты шалопутизма оказываются прежде всего среди бѣдноты. Вступая въ секту, новый членъ тотчасъ-же получаетъ денежное пособіе. Со стороны этотъ фактъ объясняютъ подкупомъ, вовлеченіемъ въ секту при помощи денежныхъ подачекъ,—тогда какъ подобныя пособія обязательны у шалопутовъ въ силу самого строя общины, основанной на нравственной солидарности и имущественной или хозяйственной взаимопомощи. Шалопуты, какъ и всѣ сектанты отличаются скрытностію и крайне неохотно даютъ какіе либо отвѣты на вопросы любопытствующихъ объ ихъ сектѣ; отсюда и такой, ничего не говорящій отвѣтъ, что деньги они получаютъ свыше. Авторъ не воспользовался готовыми свѣдѣніями объ этой сектѣ, а ихъ не мало: въ „Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" 1873 г., въ видѣ матеріаловъ, въ газетѣ „Кавказъ" 1876 г. въ нашей статьѣ, „Кавказскіе шалопуты", въ „Отечеств. Зап". 1882 г., №№ 9 и 10, въ обстоятельной статьѣ г. Абрамова и въ „Недѣлѣ" № 2, въ статьѣ г. Щербины.

По личному опыту намъ извѣстно, что къ оффиціальнымъ собирателямъ статистическихъ свѣдѣній народъ нашъ относится крайне недовѣрчиво, видя въ нихъ чиновниковъ—развѣдчиковъ съ задними мыслями, въ родѣ возвышенія налоговъ; поэтому такимъ собирателямъ обыкновенно трудно бываетъ добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ знакомое лицо, какъ сельскій учитель, не встрѣтитъ подобнаго отношенія, притомъ-же ему болѣе или менѣе извѣстно уже хозяйственное положеніе, если не всѣхъ, то большинства односельчанъ. Вотъ почему мы считаемъ статистическое описаніе Новоминской станицы г. Кириллова (учителя, стр. 817) заслуживающимъ довѣрія и вниманія. Составленное на основаніи данныхъ, собранныхъ при подворной переписи (стр. 630) самимъ авторомъ, оно въ сжатомъ видѣ даетъ хорошіе матеріалы и такого характера матеріаловъ дай Богъ побольше Комитету. Впрочемъ, мы не считаемъ удобнымъ знакомить съ ними, такъ какъ не знаемъ, можетъ-ли быть ст. Новоминская признана типомъ кубанскихъ станицъ и какимъ именно: среднимъ, нисшимъ или высшимъ по экономическому положенію.

Въ числѣ восьми статей значится ст. (на 92 страницахъ) д—ра Ланда: «Движеніе населенія въ г. Темрюкѣ». Сама по себѣ она хотя и хороша, но по нашему мнѣнію слѣдовало-бы повременить съ пріемомъ подобныхъ статей и оставить мѣсто работамъ, наиболѣе необходимымъ въ данное время. Комитетъ прежде всего долженъ заняться изученіемъ мелкихъ населенныхъ единицъ, такъ какъ тамъ, по свидѣтельству самой-же редакціи Сборника, совершается что-то такое, окончательныя формы чего теперь трудно даже предъугадать. Подъ наплывомъ новыхъ факторовъ, обусловливающихъ экономическія отношенія, жизнь указанныхъ единицъ находится въ переходномъ состояніи;—въ сферу ея врываются такіе элементы, которые могутъ надѣлать не мало вреда впослѣдствіи. Чтобы помочь тутъ населенію, нужно знать его положеніе, нужно теперь-же, немедленно заняться изученіемъ его быта: вѣдь не для того-же учрежденъ Комитетъ, чтобы отъ времени до времени печатать свои труды. Надо полагать, что работы его должны имѣть значеніе въ глазахъ людей, власть имущихъ.

Комитетъ уже теперь далъ одну статью („Исторія земельной собственности у кубанскихъ козаковъ") высоко-поучительнаго характера, которую положительно нельзя оставить безъ вниманія. Принадлежитъ она перу г. Щербины, лучшаго знатока Кубанской Области, основательно изучившаго и прошлыя судьбы ея и современное положеніе.

Борьба обычныхъ понятій народа въ области общинно-земельнаго устройства съ эксплуататорскими поползновеніями отдѣльныхъ лицъ, желающихъ насадить, въ виду личныхъ своихъ интересовъ, форму част-

наго землевладѣнія и всѣми правдами и неправдами захватить общинныя земли, а затѣмъ оформить это закономъ—вотъ чего касается названная статья. Серьезные изслѣдователи, какъ напр. кн. Васильчиковъ («Землевл. и Землед.», т. I, стр. XI, изд. 1881 г.), настаиваютъ на необходимости немедленно приступить къ урегулированію поземельныхъ отношеній, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ другіе народы, которые принялись писать и разсуждать о соціально-аграрныхъ устройствахъ, когда уже всѣ земли были разобраны, всѣ общественныя отношенія установлены; указываютъ также на необходимость такой земельной организаціи, которая предотвращала-бы чрезмѣрное развитіе крупнаго землевладѣнія, а мы, наоборотъ, насаждаемъ крупное частное землевладѣніе въ экономической жизни козачества (стр. 118 сборника), т. е. такую форму, которая вовсе не находитъ оправданія въ обычаѣ козака и притомъ идетъ въ разрѣзъ съ основными, законными правами на владѣнье его областною землею.

Статья г. Щербины представляетъ и другой интересъ.

Такъ какъ козачество Запорожской Сѣчи перешло въ кубанскую область, то, такъ сказать, послѣднія страницы исторіи внутренняго быта и земельнаго устройства ея, изслѣдованіе причинъ и путей, которыми шло видоизмѣненіе старыхъ формъ жизни, нужно искать въ исторіи теперешнихъ черноморскихъ козаковъ.

Авторъ говоритъ, что тѣ формы земельныхъ отношеній, которыя выработаны были въ Запорожьи, оказались непригодными въ Черноморьи. «Запорожскій Кошъ, какъ однородная, нераздѣльная община, состоявшая изъ 38 куреней или подъобщинъ, сразу-же распался на свои составныя части при поселеніи черноморцевъ на новомъ мѣстожительствѣ. Для занятія этими частями общей войсковой территоріи были заранѣе намѣчены разные пункты, а жребій указалъ потомъ, гдѣ и какому куреню или подъобщинѣ слѣдовало селиться. Такимъ образомъ, благодаря такому возникновенію отдѣльныхъ поселеній, рано или поздно, но непремѣнно должно было произойдти извѣстное обособленіе этихъ поселеній въ земельномъ отношеніи. Такъ оно въ дѣйствительности и было» (стр. 119). Но рядомъ съ этимъ, вслѣдствіе измѣнившихся внутреннихъ распорядковъ, привитыхъ извнѣ, и внутри этихъ поселеній также постепенно зарождались, росли и видоизмѣнялись новыя экономическія теченія. Властные козачьи старшины, уже не общиною избиравшіеся, какъ прежде, а назначавшіеся начальствомъ, и вообще весь козачій чиновный людъ захватывали въ исключительное владѣнье лучшія общинныя земли и угодья и вмѣстѣ съ тѣмъ, обособляясь отъ рядоваго козачества, стремились выдѣлиться въ особый, своего рода помѣстный классъ. Съ нимъ и поднесь козачество ведетъ земельную борьбу, полагая даже, что при-

надлежащія этому классу земли, права на которыя установлены закономъ, по существу есть ничто иное, какъ пай козачій и часть земель общинныхъ (стр. 122). Идетъ такая-же борьба у козака съ козакомъ хуторяниномъ, который пытается давность владѣнія обширными хуторскими угодьями превратить въ право (стр. 379 и далѣе).

Не можемъ не остановиться также на ст. г. Бентковскаго, помѣщенной въ Сборникѣ на первомъ планѣ: «Заселеніе западныхъ предгорій главнаго кавказскаго хребта» (матеріалы для исторіи колонизаціи западнаго Кавказа).

При колонизаціи Кавказа всегда имѣлись въ виду военно-стратегическія соображенія,—поэтому заботы объ экономическомъ положеніи колонистовъ (военнаго или гражданскаго вѣдомства) отступали на задній планъ, а то и вовсе не входили въ расчетъ. Мѣста для заселенія, по необходимости, выбирались только такія, которыя нужно было сдѣлать опорными пунктами военныхъ дѣйствій, не разбирая: годны-ли они подъ поселенія или нѣтъ, есть-ли тамъ какія-либо земледѣльческія угодья и т. п. Мало этого: поселенные въ одной мѣстности колонисты не могли разсчитывать, что останутся здѣсь навсегда; нерѣдко ихъ передвигали съ одного мѣста на другое. При подобныхъ передвиженіяхъ колонисты несли громадные убытки, хозяйства ихъ разстраивались и приходили въ упадокъ. Но военныя требованія были строги, хотя нельзя сказать, чтобы колонисты всегда безропотно подчинялись этимъ требованіямъ. Примѣръ этого и представленъ въ матеріалахъ г. Бентковскаго въ проэктѣ князя Барятинскаго 1860 г.—заселить горное и подгорное пространство западнаго Кавказа вооруженнымъ козачьимъ поселеніемъ по обѣимъ сторонамъ хребта (стр. 4), выселивъ горцевъ западной части на богатыя равнины, лежащія на лѣвомъ берегу Кубани.

Въ заключеніе остается еще упомянуть о картѣ кубанской области, приложенной къ сборнику. Составлена она самимъ редакторомъ Сборника г. Фелицынымъ; труда на нее потрачено, вѣроятно, не мало; но зато выполненіе превосходно и новая карта вышла гораздо полнѣе старыхъ.

А. А. Потебня. Объясненія малорусских и сродных народных пѣсенъ. Варшава 1883. (отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“).—8-ио стр. 268+VIII.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору содержанія книги г. Потебни, прошу позволенія у читателя сдѣлать маленькую замѣтку о той отличительной особенности его изложенія, которая способна поразить чита-

теля непривычнаго, если-бы онъ захотѣлъ ознакомиться ближе съ замѣчательнымъ трудомъ г. Потебни. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ, подобно другимъ его трудамъ, неудобочитаемъ; да, просто неудобочитаемъ, и не въ переносномъ какомъ-либо, а въ прямомъ смыслѣ этого слова. Замѣчательный польскій историкъ Лелевель очень плохо владѣлъ перомъ; стиль его былъ до того тяжелый, построеніе предложеній, нанизанныхъ при помощи разныхъ союзовъ въ громадные періоды, было до того странно, что читатель тщетно искалъ въ нихъ общей связи и частенько не доискивался либо подлежащаго, либо сказуемаго, и надъ каждой фразой приходилось ему задумываться и догадываться, что авторъ хотѣлъ сказать. Но онъ былъ словоохотливъ, и хотя именно эта словоохотливость и была главною причиною запутанности его рѣчи, но она-же и помогала читателю уразумѣть мысль автора. Г. Потебня представляетъ въ способѣ изложенія своихъ мыслей совершенно противуположную крайность. Онъ до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній,—что тоже затрудняетъ чтеніе,—но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою.

Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія г. Потебни много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды непривлекательными, недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно, съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. Зависитъ-ли это отъ склада его ума, тонкости анализа, глубины соображеній и выводовъ, или вмѣстѣ отъ невниманія къ читателю и пренебреженія къ требованіямъ правильно построенной и ясной рѣчи,—положеніе дѣла отъ того не измѣняется. А жаль, потому что всѣ работы г. Потебни отличаются большою содержательностію, мѣткостію сопоставленій, оригинальностію выводовъ. Я не знаю другаго автора, который-бы въ такой степени соединялъ въ себѣ и замѣчательную эрудицію и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть весьма богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ.

Но перейдемъ къ содержанію книжки г. Потебни.

Состоитъ она изъ четырехъ статей. Первыя двѣ небольшія: 1) Малорусскія пѣсенныя выраженія мыслей: «что къ чему идетъ», «что

къ чему пристало» и 2) «Лелю-полелю, диди-ладо», вызваны ошибочными взглядами Н. Θ. Сумцова въ его сочиненіи «о свадебныхъ обрядахъ». Остальныя двѣ: 3) Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и 4) Веснянки размѣра (5+4) составляютъ, преимущественно первая, самостоятельныя цѣнныя и главныя въ этой книгѣ изслѣдованія.

Первая статья написана въ разъясненіе символическаго выраженія пѣсни: «Сосновое відеречко, дубовое денечко», въ сопоставленіи съ словами: «ходимъ, повінчаймось, мое сердечко». Приведенныя слова навели г. Сумцова на мысль, что здѣсь проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ.—Г. Потебня, указавъ на ошибку г. Сумцова, выясняетъ, что «сосновое відеречко, дубовое денечко» есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню *ровнѣ*, и затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ-же образовъ (нить свивается съ чѣмъ нибудь, паутина повилась по «тыну», виноградъ вьется по дереву). Затѣмъ авторъ довольно удачно выясняетъ разные символы взаимности любви; такъ: невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, и при этомъ пить означаетъ любить. Въ этомъ-же смыслѣ онъ выясняетъ символическія выраженія: kola i rozwora, сопилка и денце, скрипка и струны. Всѣ выясненія автора основаны на массѣ весьма удачныхъ сближеній пѣсеннаго матеріала разныхъ славянскихъ и даже не славянскихъ народовъ.— Такимъ образомъ мы видимъ, что авторъ по поводу ошибочнаго толкованія Сумцовымъ одного пѣсеннаго образа, выясняетъ намъ цѣлый рядъ похожихъ на него образовъ, выражающихъ любовь къ подходящему парню или дѣвицѣ, словомъ къ *ровнѣ* и озаглавилъ вслѣдствіе этого свой этюдъ: Пѣсенныя выраженія мысли: „что къ чему идетъ“.

Въ слѣдующей, полной эрудиціи, статьѣ, опровергается мнѣніе г. Сумцова, который въ пѣсенныхъ словахъ: „Lelum-Polelum“ усматриваетъ указаніе на существованіе этихъ божествъ въ славянской миѳологіи. Массой подобраннаго и выясняемаго матеріала, относящагося къ этому вопросу, г. Потебня убѣждаетъ читателя, что «Лель и Лада», въ смыслѣ именъ божествъ, остаются не болѣе, какъ пустой, очень шаткой и ни на чемъ не основанной догадкой. Выраженія-же „Лелю-полелю и диди ладо“, давшія поводъ къ фантастическимъ выводамъ въ области миѳологіи, являясь въ настоящее время въ видѣ припѣва, были когда-то обыкновенными словами, утратившими нынѣ прежнее свое значеніе.

Изслѣдованія г. Потебни о «веснянкахъ» вносятъ очень много новаго въ науку.—Я не буду останавливаться на подробностяхъ, такъ какъ это было-бы пересказомъ содержанія статей, а обращу вниманіе читателя на основную мысль автора и методъ изслѣдованія.—Авторъ, исходя изъ прежде высказанной имъ мысли, «что распредѣленіемъ пѣсенъ по раз-

мѣрамъ опредѣлились-бы самые широкіе потоки пѣсеннаго преданія» (стр. 45), старается выяснить тѣ древніе образы, быть можетъ миѳы, которые выразились въ пѣсняхъ размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4) и находитъ, что размѣры эти пріурочены только къ миѳическимъ образамъ культа весенняго и лѣтняго (Весняныя игры, веснянки, петровочныя и купальскія). Что въ извѣстныхъ разрядахъ пѣсенъ, даже при выраженіи извѣстныхъ образовъ и представленій, замѣчается присутствіе извѣстныхъ опредѣленныхъ пѣсенныхъ размѣровъ, это отчасти вѣрно, но я не думаю, чтобы размѣръ самъ по себѣ могъ быть принятъ за основаніе для распредѣленія пѣсенъ и служилъ пригоднымъ признакомъ для сведенія матеріала съ цѣлью раскрыть всѣ подробности и значеніе древнихъ миѳическихъ образовъ.—Дѣло въ томъ, что размѣръ самъ по себѣ не составляетъ существенной черты пѣсенныхъ формъ; онъ есть не болѣе, какъ результатъ построенія словъ въ извѣстной мелодіи и находится въ полнѣйшей отъ нея зависимости. Авторъ самъ признаетъ, что многія пѣсни въ разныхъ варіантахъ одного и многихъ племенъ представляютъ такъ называемое *стяженіе* и *растяженіе* размѣра, такъ что пѣсни съ размѣромъ, положимъ, (5+4) могутъ въ другихъ варіантахъ являться съ размѣромъ (4+4), или (5+5) и даже (5+6) и т. п. (стр. 244, 245); тѣмъ болѣе странно, что только на основаніи сходства содержанія пѣсенъ онъ признаетъ одинъ размѣръ ихъ генетически развившимся изъ другаго (ibidem). Это легко быть можетъ, но можетъ быть и то, что содержаніе совершенно тождественное могло быть парафразировано подъ вліяніемъ совершенно другаго мотива и для другой пѣсни въ размѣръ совершенно самостоятельный, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ.

Я думаю, что далеко болѣе существенной чертой пѣсенной формы, признакомъ далеко болѣе вѣрнымъ, можетъ служить напѣвъ. Вѣдь прототипъ пѣсни, положимъ солнечнаго культа, заключавшій въ себѣ въ оное время опредѣленный миѳъ, разложившійся нынѣ въ осколки символическихъ и миѳическихъ образовъ народной поэзіи, не слагался по извѣстному размѣру, а выливался въ опредѣленной мелодіи, послѣдствіемъ которой уже и явился размѣръ. Но такой-же самый размѣръ могъ вполнѣ случайно явиться результатомъ совершенно другаго по характеру и жанру напѣва. Обрядныхъ мотивовъ очень немного и они весьма оригинальны, причемъ они замѣчательно сильно пріурочены къ извѣстнымъ обрядамъ; во всякомъ случаѣ далеко сильнѣе пріурочены они, чѣмъ размѣры, такъ что на мотивъ веснянки никогда не будутъ пѣть щедрівки, хотя-бы эти пѣсни и сложились по одному размѣру (4+4).

Говоря о купальныхъ пѣсняхъ размѣра (5+4), г. Потебня замѣ-

чаетъ: «До чего этотъ размѣръ принадлежитъ весеннимъ и лѣтнимъ пѣснямъ, видно и изъ того, до какой степени онъ необыченъ въ пѣсняхъ другаго содержанія, непріуроченныхъ къ веснѣ и лѣту» (стр. 234). Онъ находитъ въ V т. Сборника Чубинскаго только около десятка пѣсенъ этого размѣра, «притомъ исключительно такихъ, которыя суть веснянки, петривочныя и проч., или ведутъ отъ нихъ свое начало» (ibidem). Все это случайно почти вѣрно; я говорю «случайно» потому, что древній купальскій напѣвъ, создавшій этотъ размѣръ, весьма оригиналенъ и среди другихъ мотивовъ, болѣе новыхъ, мало нашлось такихъ, которые требовали отъ стиха такого-же склада; но они есть однако не только среди новыхъ, но даже и среди обрядныхъ древнихъ. Укажу на пѣсню «Маланка» изъ древняго обряда, не имѣющаго ничего общаго съ весеннимъ и лѣтнимъ культомъ.

Наша Маланка не лпнива,
На ополонци ложки мыла и т. д.

Напѣвъ этой пѣсни, со многими варіантами мелодіи, въ существѣ одинъ и тотъ-же повсемѣстно (См. Kolb. Pokucie I.), хотя ничего общаго не имѣетъ съ характеромъ мелодій купальныхъ пѣсенъ размѣра (5+4); онъ даже другаго музыкальнаго лада.

Вопросъ *стяженія* и *растяженія* размѣра (сокращенія и распространенія частей стиха), по моему, тоже не можетъ быть опредѣленъ, какъ я выше замѣтилъ, по сходству содержанія пѣсни, но онъ могъ-бы быть опредѣленъ стяженіемъ и растяженіемъ самого мотива. Для изслѣдованія этого вопроса до сихъ поръ нѣтъ достаточнаго количества музыкальнаго матеріала. Мнѣ удалось между прочимъ сдѣлать слѣдующее наблюденіе въ извѣстной купальской пѣснѣ:

Три мисяци ясни,
Три зироньки красни!
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

третій стихъ составляетъ припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго куплета, и имѣетъ оригинальный напѣвъ. Но тотъ-же самый напѣвъ распространяется на припѣвъ двустишный, при чемъ первый стихъ оканчивается въ доминантѣ, второй въ тоникѣ. Это мы находимъ въ припѣвѣ слѣдующей купальской пѣсни:

Поставлю сторожу,
Тай посію рожу!
(Припѣвъ) { Стороною дощи йдуть, стороною
Надъ моею рожою повною.

Далѣе тотъ-же самый мотивъ, въ новомъ варіантѣ, составляетъ *часть* напѣва третьей купальской пѣсни:

Ой, на городи катранъ, катранъ,
Стоить Захарко, якъ панъ, якъ панъ.
Ой, на городи петрушечка,
Стоить Оксана, якъ душечка.
Катранъ петрушку покрывае,
Захаръ Оксану обіймае.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что одна и таже мелодія, вслѣдствіе стяженія и распространенія, а также и сочетанія съ другою, вылилась въ пѣсняхъ въ трехъ разныхъ размѣрахъ: (4+4+4), [1](4+3+4) и [2](5+4).

Итакъ одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнороднымъ пѣснямъ и напѣвамъ, а одинъ и тотъ-же напѣвъ можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію. Этого, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно для убѣжденія, что надежды г. Потебни на размѣръ, какъ мѣрило при классификаціи пѣсенъ, легко могутъ не оправдаться.

Съ мыслію, что размѣръ пѣсенъ пріуроченъ къ опредѣленному содержанію, я мирюсь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о пѣсняхъ обрядныхъ, такъ какъ во всей этой группѣ своеобразные древніе мотивы создали весьма характерные размѣры, мало повторяющіеся въ другихъ родахъ пѣсенъ съ новою мелодіею.—Въ виду именно этого обстоятельства положеніе, высказанное г. Потебнею въ обоихъ его очеркахъ, а въ особенности въ послѣднемъ, повидимому оправдывается. Но если примѣнить это положеніе къ пѣснямъ бытовымъ и распредѣлить ихъ по размѣрамъ, то увидимъ, что оно совсѣмъ не вѣрно, такъ какъ новая музыка, при всемъ своемъ разнообразіи, дала куплетные размѣры общіе для самыхъ разнохарактерныхъ типовъ.

Вся цѣнность работы г. Потебни заключается главнымъ образомъ въ самомъ разъясненіи символики веснянокъ, которое какъ-то странно идетъ параллельно съ выше разсмотрѣннымъ положеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно самостоятельно, такъ что вопросъ о размѣрѣ повидимому совсѣмъ не связанъ съ главнымъ содержаніемъ работы, а вводится на каждомъ шагу эпизодично. Разъясненія основаны на весьма тонкихъ и удачныхъ сближеніяхъ разныхъ символическихъ выраженій въ громадномъ количествѣ собраннаго матеріала. Авторъ весьма удачно въ частностяхъ освѣщаетъ символическіе запѣвы и выраженія, смыслъ которыхъ, на первый взглядъ, совершенно не вяжется съ содержаніемъ пѣсни; въ дѣйствительности-же оказывается, что символика обрядовыхъ пѣсенъ до сихъ поръ остается вѣрною, такою-же, какою она была издревле, и пѣснь удержала ее понынѣ, не разложивъ и не исказивъ.

Авторъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы съ помощію самого

тщательнаго собранія всѣхъ обломковъ, напоминающихъ о культѣ, посредствомъ сближеній и предположеній возстановить представленіе о культѣ весны и лѣта, давшемъ начало этимъ обряднымъ пѣснямъ. Средства для этого у автора значительныя, какъ въ обиліи матеріала, такъ и въ замѣчательной его способности къ комбинаціямъ.

Но какъ ни поразительны его сближенія, какъ ни полны составляемые имъ изъ мелкихъ осколковъ образы, похожіе на мозаики изъ разноцвѣтныхъ камней, собранныхъ съ разныхъ розсыпей славянскихъ преданій, какъ ни убѣдительно все это, но, скрѣпя сердце, приходится сказать словами самого-же автора, высказанными имъ по поводу догадокъ о богинѣ Ладо: *„все бы это ничего, еслибы только добраться, что дѣйствительно былъ“ такой культъ солнца* (стр. 38).

Еще одно замѣчаніе по поводу матеріаловъ, разсматриваемыхъ авторомъ. Какъ я выше замѣтилъ, богатство его просто поражаетъ. Кажется нѣтъ такихъ славянскихъ сборниковъ, которыми-бы авторъ не пользовался, и то весьма щедро; кромѣ того на каждомъ шагу вы встрѣтите скандинавскія, латышскія, итальянскія, индійскія и т. п. цитаты. Сближеніе этихъ матеріаловъ хотя и подходящее, но не всегда убѣдительно; подъчасъ волей неволей закрадывается сомнѣніе: такъ ли это? Не случайное ли это подобіе однихъ только выраженій и есть ли дѣйствительно между сближаемыми матеріалами связь внутренняя?

Къ такимъ сближеніямъ, ровно ничего не доказывающимъ, можно отнести напр. латышскій заговоръ отъ таракановъ и великороссійскій по рукописи XVII в. отъ болѣзни (умолвити червь въ человѣцѣ) (стр. 28). Въ нихъ авторъ видитъ соотвѣтствіе съ отсыланіемъ болѣзней за море на свободу, съ оставшимся будто обломкомъ миѳическаго представленія о закатѣ солнца, отправляющагося на свадьбу. Рядъ сближеній, употребленный авторомъ для выясненія этого соотвѣтствія, положительно не убѣждаетъ меня въ томъ, чтобы эти заговоры имѣли внутреннюю генетическую связь съ солнечнымъ миѳомъ.

Можетъ быть я и ошибаюсь, можетъ быть я не съумѣлъ уловить связывающую эти цитаты нить,—но въ такомъ случаѣ вина не моя, если у меня не достаточно остроумія для отгадыванія загадокъ, которыхъ исполненъ трудъ г. Потебни.

Во всякомъ случаѣ книга эта составляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку уже по одному богатому сопоставленію матеріаловъ, выясняющихъ связь символическихъ образовъ съ содержаніемъ пѣсни, во многихъ пѣсняхъ неуловимую и непонятную для обыкновеннаго взгляда.

Ц. Нейманъ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX стольтія.—Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г.

Почтенный трудъ профессора Петрова заслуживаетъ особеннаго вниманія уже какъ первое самостоятельное изслѣдованіе, посвященное судьбамъ малорусской литературы. Полнота и обстоятельность его,—плодъ нѣсколькихъ лѣтъ работы,—дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій провинціальной печати послѣдняго времени. Въ отдѣльномъ изданіи устранены тѣ натянутыя сближенія, которыя промелькнули въ работѣ, когда она печаталась по частямъ въ журналѣ. Спокойное, объективное изученіе украинской словесности, само собою разумѣется, не допускало никакой тенденціозности и какъ истина, такъ и историческая точка зрѣнія, принятая авторомъ, отъ отсутствія этого элемента, безъ сомнѣнія, только выиграли.

Эту точку зрѣнія г. Петровъ справедливо считалъ необходимой. „Историческое изученіе украинской литературы, говоритъ онъ, показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало-бы ту почву, на которой она прозябаетъ и опредѣлило-бы, насколько устойчива и питательна эта почва, и потому имѣетъ-ли свою будущность украинская литература или не имѣетъ ея“. Руководясь этимъ, онъ предпринялъ обзоръ дѣятельности украинскихъ писателей XIX вѣка, не исключая и второстепенныхъ и незначительныхъ, чтобъ анализомъ этой дѣятельности уяснить сущность украинскаго литературнаго движенія, его пріемовъ, задачъ и теченій.

Въ какой же мѣрѣ примѣненъ составителемъ историческій методъ къ его труду? Изслѣдованы-ли всѣ факторы, вліявшіе на образованіе и развитіе письменной украинской литературы, прослѣжена-ли ея двойственная роль:—помощницы литературы обще-русской и создательницы самостоятельнаго литературно-національнаго типа?

Едва-ли возможно изученіе творчества какого либо народа безъ уясненія его національно-духовныхъ особенностей, какъ онѣ выразились въ его исторіи, во всемъ его нравственномъ типѣ и болѣе всего въ народной поэзіи. Такого изученія не было, нѣтъ его и въ книгѣ г. Петрова. Поэтому малорусская литература является у него чѣмъ-то оторваннымъ отъ почвы, дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ писателей. При такомъ взглядѣ упускаются изъ виду тѣ внутреннія силы, которыя ее порождаютъ, та, не проявляющаяся внѣшнимъ образомъ, жизнь народности, которая есть и существуетъ, пока эта народность не утратила особенностей своего духа, и показателемъ которой служитъ литература. На цѣлой литературѣ не могутъ отражаться, какъ на безформенной массѣ, только посторонния

вліянія. Такая литература не заслуживала-бы ни малѣйшаго вниманія наблюдателя и ея творческая производительность не имѣла-бы никакой жизненной силы. То, къ чему фатально клонится человѣчество, отражается, конечно и на ней, такъ какъ ей не чуждо ничто человѣческое. Но у нея свои звуки, объявляющіеся своимъ организмомъ, своей духовной природой. На малорусской литературѣ не могло не отразиться вліяніе общерусской. Общая политическая жизнь обѣихъ народностей, совмѣстное созданіе общерусской словесности, въ которую привнесены многія южно-русскія черты, все это дѣлало такія вліянія необходимыми и неизбѣжными. Но эти вліянія были взаимны и анализъ ихъ требуетъ особенной тщательности. Прошла-ли безслѣдно для русской литературы дѣятельность украинцевъ Хераскова, Богдановича, Капниста, Гнѣдича, Нарѣжнаго—цѣлой плеяды писателей до Гоголя включительно, повернувшаго силою великаго и глубоко національнаго генія всю литературу на иной путь? Какія стороны внесены одною народностью, какія другою? Какія превозобладали, оставили слѣдъ, создали новое направленіе? Можно-ли назвать „вліяніемъ" черты, вынесенныя съ юга и вернувшіеся опять въ его литературу? Все это важно рѣшить не въ смыслѣ вопроса о какомъ нибудь первенствѣ или розни, но въ смыслѣ культурно-историческомъ. Какимъ „вліяніемъ" объяснить тѣ или иныя особенности народной лирики, эпоса, глубокій политическій смыслъ историческихъ пѣсенъ, своеобразность народныхъ разсказовъ, представленій? Наконецъ что за двигатели, что за мотивы заставляли писателей большого таланта идти въ своей дѣятельности своимъ самостоятельно-народнымъ путемъ?

Безъ анализа этихъ національныхъ чертъ, безъ изслѣдованія того, какъ, при всѣхъ вліяніяхъ и воздѣйствіяхъ, выражался въ развитіи литературы этотъ процессъ самовыраженія и самоуясненія какой-то своеобразной духовной особи, въ чемъ онъ выразился и къ чему привелъ, не уяснится ни вопросъ »о свойствѣ почвы украинской литературы«, ни вопросъ о ея жизненности".

Объяснивши всѣ стадіи развитія украинской литературы параллельнымъ вліяніемъ общерусской, г. Петровъ раздѣлилъ весь ея ходъ въ XIX вѣкѣ на шесть періодовъ, къ которымъ и пріурочиваетъ тѣхъ или иныхъ писателей. Это общая точка зрѣнія постоянно опровергается самыми монографіями дѣятельности писателей, составленными съ большою тщательностью и добросовѣстностью. Бѣглый обзоръ содержанія книги покажетъ намъ произвольность каждаго изъ такихъ дѣленій.

Первый періодъ называется: „псевдоклассическая литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдо-классицизму" и открывается Котлярев-

скимъ. Гдѣ въ украинской литературѣ эти псевдо-классическія произведенія? Украинская муза, съ первыхъ словъ, сказанныхъ на родномъ языкѣ устами полтавскаго поэта, начала со сдергиванья псевдоклассической ветоши въ изображеніи жизни, осмѣяла фальшь этого рода литературнаго творчества, господствовавшаго въ литературѣ сосѣдней, напомнила о живой жизни, о дѣйствительности, которая должна служить матеріаломъ для искуства. По признанію г. Петрова, это сдѣлано было Котляревскимъ гораздо болѣе жизненно и умѣло, чѣмъ одновременно появившимися съ нимъ въ великорусской литературѣ Котельницкимъ и Осиповымъ. Въ своихъ драматическихъ попыткахъ Котляревскій не свободенъ отъ вліянія сентиментализма и резонерства, но въ нихъ обѣихъ, въ особенности въ „Наталкѣ", есть типы вполнѣ реальные, живые (Выборный, Терпелиха, Микола), что и сообщаетъ такую жизненность его пьесамъ, не устарѣвающимъ до сихъ поръ. Громадность задачи попомѣшала Котляревскому, обладавшему большимъ талантомъ, ставши творцомъ письменной украинской литературы, сдѣлаться въ ней и насадителемъ реализма, присущаго народному украинскому творчеству.

Вслѣдъ за Котляревскимъ въ этой группѣ поставленъ Белецкій-Носенко и ему отведено почти столько же мѣста, какъ первому. Вѣроятно неизданные источники, которыми пользовался составитель „Очерковъ", невольно подкупили его къ такому, далеко превосходящему заслуги писателя развитію этой монографіи. Въ общей картинѣ литературнаго украинскаго развитія Белецкій-Носенко необходимо долженъ стушеваться совсѣмъ. Это типъ литератора-обывателя. О »знаніи« его говорить едва ли стоитъ и дѣятельностью его нельзя характеризовать литературный періодъ, прежде всего потому, что это писатель, не издававшійся при жизни, слѣдовательно не имѣвшій публики и не читавшійся никѣмъ изъ своего поколѣнія. Онъ литературный диллетантъ. Его опыты въ стихахъ—подражанія, поддѣлки, этнографическіе и историческіе труды не выдерживаютъ даже снисходительной научной критики, разсужденія на общественныя тэмы обличаютъ неустойчивость мысли, а иногда и нѣчто худшее. Часть сочиненій его потеряна, а »Горпинида«, блѣдное подражаніе »Энеидѣ«, и »Гостинецъ землякамъ« отводятъ ему въ литературной исторіи совсѣмъ дальнее мѣсто. Гулакъ-Артемовскій отнесенъ сюда-же за два-три стихотворенія, пріемъ или первая форма которыхъ взята изъ Горація. Анализомъ этихъ стиховъ самъ г. Петровъ убѣждается, что Артемовскій былъ не пародистъ, а сатирикъ. Онъ ищетъ слѣды сближенія поэзіи Артемовскаго съ произведеніями польскаго поэта Красицкаго и, основываясь на единственномъ переводѣ изъ Гете пьесы Der Ficher, заставляетъ Гулака примыкать къ романтикамъ. Ко-

роче, разсмотрѣвъ произведенія Гулака, авторъ самъ видитъ невозможность причислить этого образованнаго, расширившаго сферу украинскаго литературнаго творчества, писателя къ какому-бы то ни было опредѣленному циклу, но не сознается въ этомъ и присоединяетъ его къ псевдоклассикамъ, въ угоду принятой раньше системѣ. Точно также »подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ« и Думитрашковъ, по одному переводу изъ Гете, напечатанному въ первый разъ въ книгѣ г. Петрова. Его передѣлка гомеровской »Войны мышей съ лягушками« толкуется иносказательно, въ видѣ изображенія прошедшей судьбы Малороссіи. Не думаемъ, чтобъ такое толкованіе прибавило цѣны этой попыткѣ малорусскаго гекзаметра, которая, скажемъ кстати, по преданію, нравилась Шевченку. Въ концѣ отдѣла совсѣмъ бѣлыми нитками пришиты Гоголь-отецъ и Кухаренко. Особенно странно въ періодѣ »псевдоклассицизма и реакціи ему« встрѣтить послѣдняго. »Чорноморскій Побитъ«—вещь совсѣмъ реалистическая, болѣе того, почти »натуралистическая“ въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Она имѣетъ цѣну по вѣрной рисовкѣ чертъ промежуточной, колонизаціонной эпохи въ Черноморіи и по сохраненію для исторіи, въ рельефныхъ обликахъ, живыхъ людей того времени. Остальныя работы Кухаренка—чистѣйшая этнографія. И по характеру, и по времени появленія все это нимало не относится къ тому періоду, къ какому присоединено составителемъ »Очерковъ«.

Вторымъ періодомъ является сентиментальная литература, а родоначальникомъ и главнымъ представителемъ ея—Квитка. Нужды нѣтъ, что значительная часть его произведеній принадлежитъ къ юмористическому роду, плохо уживающемуся съ представленіемъ о сентиментализмѣ во вкусѣ повѣстей Карамзина и первыхъ произведеній Жуковскаго, къ которымъ пріурочиваются свойства квитковскаго дарованія. »Украинская литература въ своемъ развитіи шла бокъ о бокъ съ сосѣдними литературами польскою и русскою и отражала въ себѣ всѣ ихъ направленія, въ томъ числѣ и сентиментальное«,—вотъ тезисъ, поставленный во главѣ отдѣла, и въ угоду ему разсматривается и дѣятельность харьковскаго беллетриста. Сентиментальныя нотки »Щирой любви«, »Добре роби, добре и буде«—подчеркиваются, а перлъ квитковскаго творчества »Маруся« подвергается перекрестному огню разнообразныхъ критическихъ отзывовъ. Эта поэма любви, гдѣ въ правдѣ изображенія характеровъ Квитка поднялся до эпическаго ве-

личія, одна выкупаетъ сентиментальныя слабости нѣкоторыхъ квитковскихъ вещей и глубоко справедливы слова Костомарова, что тотъ, кто не чувствуетъ правды этого произведенія, не знаетъ народной жизни. »Сердешна Оксана« сходна по сюжету съ »Катериной« Шевченка, а потому почти свободна отъ упрековъ въ сентиментальности; иначе къ этому періоду пришлось-бы присоединить и Шевченка. Но сближенія и параллели заманчивы, а потому »Салдацький Патретъ« ставится въ родственныя отношенія къ дѣятельности Артемовскаго-Гулака. Разсказъ основанъ будто-бы »на латинскихъ источникахъ«. Догадки объ этихъ источникахъ мало вѣрны. Эта вещица написана въ отвѣтъ сѣвернымъ критикамъ, учившимъ Квитку вѣрности въ изображеніи украинской жизни. Исходной чертой завязки взятъ школьный разсказъ объ Апеллесѣ и сапожникѣ. Вотъ все классическое вліяніе. По свойству-же живаго таланта Квитки, вмѣсто сухой дидактики, получилась яркая картинка, полная юмору и красокъ. Фантастическія произведенія Квитки взяты изъ народныхъ преданій, а потому совсѣмъ напрасно ставятся ему въ счетъ, съ упрекомъ въ подражательности тѣмъ же сентиментальнымъ образцамъ. Къ школѣ Квитки причислены братья Писаревскіе, С. Александровъ, Макаровскій и Тополя. Первые три, приставленныя къ имени Квитка, несомнѣнной единицы, не измѣняютъ чрезъ то своего значенія нулей. Симпатичная поэма Макаровскаго »Наталя« — вещь очень правдивая, а »Чари«-Тополи — слишкомъ отрывочное и безформенное произведеніе, съ трудомъ укладывающееся въ какія бы то ни было рамки.

Собраніе именъ А. и С. Метлинскихъ, Корсуна, Л. Боровиковскаго, Забѣлы, Думитрашка-Раича, Петренка и Афанасьева - Чужбинскаго — создаетъ »романтико-художественную« украинскую литературу. Всѣ помянутые писатели, кромѣ Амвросія Метлинскаго, — силы слабыя, подражательныя, гнувшіяся во всевозможныя направленія, и изъ шеренги, въ которую они поставлены г. Петровымъ, они выдвигаются постоянно то въ ту, то въ другую сторону. Кореницкій, Петренко и въ особенности Думитрашко-Раичъ, съ его »Бандурой«, едва ли заслуживали особыхъ этюдовъ, а для характеристики Забѣлы составитель не воспользовался мастерскимъ, хотя, можетъ быть, одностороннимъ портретомъ этого писателя, набросаннымъ Кулишомъ, въ вступленіи къ »Хуторной Поэзіи«. Отмѣтимъ тутъ нѣсколько маленькихъ погрѣшностей. Подтвержденіемъ подражанія Корсуна Пушкину и Лермонтову, приводится стихотвореніе его:

»Видчого«. Пьеса эта оказывается переводомъ стиховъ Марлинскаго: *Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы...* Сходное по темѣ съ одной изъ пьесъ Боровиковскаго извѣстное стихотвореніе Некрасова: „Внимая ужасамъ войны“ озаглавлено вмѣсто перваго вторымъ стихомъ, къ тому же искаженнымъ. Афанасьевъ — Чужбинскій, по г. Петрову, родившійся въ лебединскомъ уѣздѣ *полтавской губерніи*, конечно не Гомеръ и мѣсто его рожденія не возбудитъ спора, но полтавская губернія и такъ велика и можетъ обойдтись безъ разширенія на счетъ харьковской.

Въ тотъ періодъ, который названъ г. Петровымъ смутнымъ именемъ »украинскаго національнизма«, совмѣщены такія имена, какъ Максимовичъ, Бодянскій, Гоголь, Гребенка, Стороженко и... Петръ Раевскій. Первые два—дѣятели чистой науки, принесшіе огромную пользу украинскому самосознанію кабинетными, учеными трудами и чрезъ то дѣйствительно ставшіе живыми народными людьми. Дѣятельность Гоголя по отношенію къ южной Руси была лишена такой научной основы и потому его геній позволилъ ему только уловить общій поэтическій тонъ Украйны. И Гребенка и въ особенности Стороженко, съ его цвѣтистою фантазіей и неяснымъ міросозерцаніемъ, могли-бы съ такимъ-же удобствомъ быть причислены къ романтикамъ, какъ къ національнамъ, а Петръ Раевскій, болѣе чѣмъ посредственный разсказчикъ и дешевый балагуръ, могъ-бы смѣло быть опущенъ не только въ этомъ періодѣ, но вообще въ литературной украинской исторіи, въ которую его имени попасть не суждено. Глава, озаглавленная »Украинское славянофильство«, посвящена дѣятельности Костомарова, Кулиша и Шевченка. Въ краткой общей характеристикѣ этого періода не достаточно ясно опредѣлена генетическая связь, которую предполагаетъ авторъ между украинскимъ славянофильствомъ и славянофильствомъ московскимъ. Такой связи ему, безъ сомнѣнія, и невозможно было бы установить. Какъ южное, такъ и сѣверное направленіе возникли параллельно, въ періодъ возникновенія общей идеи славянскаго возрожденія, обозначившейся въ австрійскихъ земляхъ реальными фактами. И отразились и развились эти идеи на югѣ и сѣверѣ—своеобразно. По признанію самого г. Петрова, южно-русское славянофильство никогда не замыкалось въ исключительность московскаго и никогда не вдавалось въ его крайности. Первые проблески его,—благородные идеалы кіевскаго кружка конца 40-хъ годовъ,—были шире идеаловъ московскихъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи оно шло своими пу-

тями. Отстаивая свою самостоятельность, индивидуальность духа, творчество, языкъ своего народа, украинскіе писатели стояли всегда на почвѣ широкаго просвѣщенія и никогда не думали изъ своихъ народныхъ особенностей, изъ своихъ историческихъ »завѣтовъ« создавать китайскія стѣны, въ которыхъ задыхались-бы жизнь и духъ родного племени. Европейская цивилизація не представлялась имъ чѣмъ-то ненавистнымъ, какъ для московскихъ славянофиловъ, которые объявили западъ гнилымъ и изобрѣли какое-то русское возрѣніе на науку и искусство. Все, что выработано другими обществами и народностями, должно было, по ихъ мнѣнію, изучаться дружески; но блага для своего народа они ждали отъ своеобразнаго развитія его собственныхъ силъ и отъ увеличенія средствъ къ жизни на его собственной почвѣ. Литературная дѣятельность трехъ названныхъ великихъ представителей украинскаго славянофильства выходила далеко за предѣлы панславизма и обняла такія стороны жизни, такіе вопросы исторіи и соціологіи, въ примѣненіи къ Украйнѣ, которые какъ дали работу слѣдующему литературному поколѣнію, такъ и ждутъ еще разрѣшенія. Историческое значеніе этой группы писателей, въ особенности Шевченка, не выступаетъ въ книгѣ Петрова въ надлежащемъ значеніи. За этими оговорками слѣдуетъ признать обширныя о нихъ монографіи составленными со всей возможной обстоятельностью и съ полнымъ знаніемъ источниковъ. Къ мелкимъ промахамъ надо причислить сближеніе поэмы Шевченка »Наймичка« съ однимъ слабѣйшимъ изъ стихотвореній Пушкина. Въ прозаическомъ этюдѣ этой піесы, который намъ довелось прочесть, означенная бытовая драма обставлена житейскими подробностями, списанными съ натуры, да и самая фабула поэмы такъ несложна, содержаніе ея настолько общечеловѣческое, что въ заимствованіи у Пушкина, котораго, безъ сомнѣнія, Шевченко зналъ и цѣнилъ чрезвычайно высоко, не было никакой надобности. Ошибочнопоявленіе этой-же поэмыю тнесено къ 1840 г. (стр. 308). Не иначе, какъ ошибкой, и еще болѣе, можно назвать также включеніе въ этотъ отдѣлъ А. Навроцкаго, подобно Белецкому-Носенку, извѣстнаго скорѣе автору »Очерковъ«, чѣмъ публикѣ. Эти писатели, произведенія которыхъ остались въ портфеляхъ и не вошли въ общее литературное теченіе не что иное, какъ растенія, выросшія гдѣ то въ воздухѣ, и келейная дѣятельность ихъ, ихъ взгляды, симпатіи и антипатіи не доказываютъ и не объясняютъ ровно ничего.

Послѣдній періодъ охарактеризованъ у г. Петрова слишкомъ общимъ названіемъ „новѣйшей украинской литературы". Ея теченія намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ. Кромѣ того здѣсь сведены писатели двухъ литературныхъ поколѣній—шестидесятыхъ годовъ, какъ Марко Вовчокъ, Глѣбовъ и Руданскій, закончившіе свою литературную дѣятельность, и современные—Левицкій, Мирный и Кропивницкій, появившіеся въ эпоху иныхъ требованій, иныхъ общественныхъ теченій и задачъ. Дѣятельность ихъ, подверженная всякимъ случайностямъ, правда, не опредѣлилась еще съ достаточной полнотой и менѣе доступна для изученія, чѣмъ закончившаяся литературная карьера писателей прежнихъ лѣтъ. Внѣшнія условія этой дѣятельности менѣе благопріятны, чѣмъ въ 60-хъ годахъ, когда существовалъ южно-русскій журналъ или въ 40-хъ, когда малорусская литературная производительность проявлялась безпрепятственно. Нельзя поэтому ставить въ вину составителю „Очерковъ" отрывочность характеристики писателей этого періода [1]).

Мы видѣли изъ предъидущаго, что искуственныя рамки, принятыя г. Петровымъ для изложенія историческаго хода развитія украинской литературы, вносятъ противорѣчія въ оцѣнку явленій, изслѣдованныхъ имъ

---

[1]) Нѣсколько мелкихъ поправокъ къ этому періоду мы вносимъ, только принимая въ соображеніе педантическую точность составителя »Очерковъ«. Кромѣ указаннаго уже пропуска Номиса, нельзя не отмѣтить отсутствія замѣтки о дѣятельности Мордовцева. Издатель сборника, первый переводчикъ повѣстей Гоголя, авторъ разсказовъ и брошюръ, онъ заслуживалъ особой характеристики, никакъ не меньше, чѣмъ Кореницкій или Думитрашко-Раичъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Чубинскомъ. Въ то время, какъ ничтожная пьеса Шерепери «Купало на Ивана» подвергнута обстоятельному разбору, а выдающееся произведеніе новаго малорусскаго театра, замѣчательная по реализму драма Стеценка »Доля« осталась въ тѣни. Не обращено вниманія на пьесы Цися. Не упомянуты, въ числѣ драматическихъ писателей Дмитренко и Велесовскій, авторы популярныхъ водевилей. Пропущенъ послѣдній литературный трудъ Марка Вовчка, относящійся къ южной Россіи, повѣсть »Маруся«, переведенная и на французскій языкъ. Псевдонимъ Митрофана Александровича—Митро Олельковичъ—приписанъ его брату, а одинъ изъ многочисленныхъ псевдонимовъ Кулиша—Забоцень сочтенъ особымъ писателемъ. Кропивницкій показанъ уроженцемъ екатеринославской губерніи, вмѣсто херсонской, а Свидницкій писателемъ исключительно русскимъ, хотя малорусскіе этнографическіе очерки его, напр. »Великдень у подолянъ«, принадлежатъ къ числу самыхъ замѣтныхъ работъ, какія появились въ »Основѣ«.

съ добросовѣстной полнотой. Эту сбивчивость представленій могло-бы устранить разсмотрѣніе украинской литературной исторіи, какъ проявленія, роста и видоизмѣненій культурно-національнаго типа въ историческомъ его развитіи. Въ настоящемъ видѣ книга г. Петрова не болѣе, какъ очень полный и точный сводъ литературныхъ фактовъ и въ этомъ смыслѣ она принесетъ существенную пользу и долго не утратитъ своего значенія.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГРЕКИ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ.

(*Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи*) [1]).

1754—1777 гг.

На территоріи нынѣшняго Елисаветграда греки начали селиться одновременно съ появленіемъ крѣпости св. Елисаветы; слухи о льготахъ, даруемыхъ переселенцамъ въ Новой Сербіи, молва о построеніи крѣпости и послужили приманкою для подвижныхъ и промышленныхъ потомковъ Улиса. Въ царствованіе Екатерины, особенно ласкавшей грековъ, греческая колонизація усилилась и въ Елисаветградѣ; въ это время они сооружаютъ здѣсь свою церковь, получаютъ автономію какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Впрочемъ численность колоніи никогда не была

[1]) Въ такъ называемой греческой церкви гор. Елисаветграда хранится связка документовъ, помѣченныхъ разными годами второй половины прошлаго столѣтія (ранній 1754 года); почти всѣ они писаны порусски, за исключеніемъ немногихъ на ново-греческомъ языкѣ; послѣдніе не представляютъ интереса (какое-то витіеватое, безсодержательное письмо, счетъ бакалейныхъ товаровъ и т. п.); русская половина коллекціи важнѣе, рисуя намъ бытъ греческой колоніи въ старомъ Елисаветградѣ. Правда, немного слѣда оставили по себѣ здѣсь греки и скорѣе исчезли, чѣмъ пришли, но для характеристики иностранной колонизаціи нашъ матеріалъ не лишенъ, думаемъ, интереса и мы рѣшаемся познакомить съ нимъ любителей старины. Дѣла греческой общины уцѣлѣли не всѣ, чѣмъ объясняется неполнота и нашего очерка.—В. Я.

велика: въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы грековъ считалось немного болѣе 50 душъ, съ женами и дѣтьми, а въ концѣ столѣтія, кажется, не болѣе 100 чел. [1]). Но большая часть ихъ имѣла свои дома и лавки, нѣкоторые—по двѣ лавки. Значительнѣйшее число грековъ переселилось изъ Македоніи, другіе явились изъ Константинополя и съ острововъ, двое вышли изъ Сѣчи запорожской, были выходцы изъ Австро-Венгріи, Бессарабіи, изъ Нѣжина и наконецъ одинъ прибылъ изъ Венеціи.

Получивъ мѣста для построекъ, обзаведясь и устроившись на новомъ мѣстѣ, почти всѣ переселенцы греки занялись торговлей и весьма немногіе ремесломъ. Изъ разныхъ отраслей коммерческой дѣятельности предпочтеніе осталось за бакалейной; слѣдующее по числу представителей мѣсто принадлежитъ торговлѣ „горячимъ виномъ", т. е. водкой и волошскимъ (бессарабскимъ) виномъ; послѣднія мѣста заняты табакомъ и хлѣбомъ. Промышленныя операціи елисаветградскихъ грековъ не ограничивались райономъ Новой Сербіи: изъ паспортовъ ихъ видно, что по торговымъ дѣламъ они отлучались въ Малороссію, Сѣчь, Польшу и Великороссію, но всего чаще навѣдывались въ Турцію. Замѣтно, что греки-колонисты не желали оставлять національныхъ своихъ особенностей и не всегда прочно сидѣли на почвѣ, хотя она была, или, по меньшей мѣрѣ, могла быть для нихъ благодатною во многихъ отношеніяхъ: значительное число паспортовъ выдано на годичный срокъ, многіе на 6 и на 4 мѣс.

Тѣмъ не менѣе на первыхъ-же порахъ проявляется у новопоселившихся грековъ стремленіе зажить своимъ міркомъ, какъ дома. Въ 1760 году, подъ предводительствомъ венеціанскаго выходца Ефима Темелея, они выступаютъ съ ходатайствомъ о сооруженіи своей особой церкви и просятъ разрѣшенія совершать богослуженіе на греческомъ языкѣ; въ просьбѣ о содѣйствіи по этому дѣлу, поданной коменданту крѣпости св. Елисаветы Толстому, указавъ на свою ревность къ русскому престолу и греко-россійской церкви и сославшись на существованіе греческихъ церквей въ Москвѣ, Кіевѣ и Нѣжинѣ, они утверждаютъ, что переселеніе грековъ въ Елисаветградъ усилится, если у нихъ будетъ здѣсь своя церковь; при

---

[1]) Въ этотъ счетъ однако не входятъ работники.

этомъ заранѣе указываютъ и кандидата на священническое мѣсто— отставного нѣжинскаго іеромонаха Игнатія Папазовлу. Въ прошеніи къ преосвященному Гервасію, епископу переяславскому, въ епархію котораго входила также и Новая Сербія, греки просятъ кромѣ того разрѣшить открытіе при церкви „страннопріимнаго дома“ для „убогихъ и безъязычныхъ“ изъ ихъ братіи [1]). Ходатайство грековъ уважено, и въ началѣ 1761 года они приступили къ заготовленію матеріала для постройки храма и къ подысканію мастеровъ для работъ живописныхъ и рѣзныхъ. Мастера выписаны изъ Нѣжина, конечно греки-же [2]).

Въ 1765 г., когда постройка приходила уже къ концу, преосвященный Гервасій разрѣшилъ іеромонаху Папазовлу совершать въ новомъ храмѣ часы, панихиды и т. п. службы, не требующія освященнаго престола, а 25 сентября 1766 года далъ благословеніе освятить средній престолъ во имя Владимірской Божіей Марии; придѣлы не были еще окончены и въ это время [3]). Іеромонахъ Папазовлу, прослуживъ годъ въ неосвященной еще церкви, оставилъ мѣсто по болѣзни,—вѣроятно отъ старости, и грекамъ пришлось искать новаго священника, а найти хорошаго священнослужителя—грека было не легко. Здѣсь заслуживаетъ упоминанія одинъ документъ, помѣченный 9 числомъ января 1766 г. и заключающій условіе вышедшаго изъ Константинополя іеродіакона Ѳеоны съ Ефимомъ Темелеемъ и греческимъ братствомъ при крѣпости св. Елисаветы: оно рисуетъ намъ церковно-общественные порядки и отношенія общества. Ѳеона обязывается, получивъ посвященіе и заручившись утвержденіемъ епархіальнаго начальства, священствовать въ греческой церкви 6 лѣтъ, получаетъ на содержаніе $1^1/_2$ части церковныхъ доходовъ, а 2 части отдаетъ ктитору „для всякихъ потребностей“; на содержаніе остальныхъ членовъ клира шла, вѣроятно, половинная доля.

---

[1]) Устройство его, кажется, не состоялось.

[2]) Почтенный изслѣдователь мѣстной старины, покойный архіепископъ Гавріилъ ошибся, отнеся начало греческой церкви въ Елисаветградѣ къ 1757 году. См. его ст. »Хрон.-истор. описаніе церквей губерніи херсонской.« въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. II, 1848 г., стр. 146.

[3]) Въ бумагахъ греческой церкви сохранилось условіе съ жителемъ слободы Злынки, Алексѣемъ Гурьевымъ, обязавшимся нарубить въ казенномъ Черномъ лѣсу и доставить 600 деревьевъ за 27 р.

По неизвѣстной причинѣ Ѳеона не получилъ прихода и послѣдній достался въ 1767 г. вышедшему „изъ за границы" Видалиду. Однако, проживъ всего нѣсколько мѣсяцевъ при елисаветинской крѣпости, Видалидъ этотъ стосковался по родинѣ и тайно бѣжалъ, при помощи подкупленнаго имъ отставного солдата, за что тотъ былъ наказанъ плетьми.

Тогда греки заключили временное условіе съ бѣжавшимъ „отъ уніатскаго гоненія" изъ польскаго мѣстечка Медвѣдовки священникомъ Аѳанасіемъ Борисовымъ, до пріисканія священника—грека[1]). Условіе заключено на 3 года, по 40 р. въ годъ, выплачиваемыхъ по третямъ; священникъ обязывался брать за обряды, „по силѣ указа Его Преосвященства", безъ вымогательства; обязывался доставлять на собственный счетъ просфоры для обыкновенныхъ литургій, на сорокоусты же самъ заказчикъ расходуется на просфоры, вино, свѣчи и ладонъ. Таково условіе, заключенное греками съ Борисовымъ. Но епископъ Гервасій не утвердилъ его на приходѣ и на основаніи указовъ синода велѣлъ препроводить, какъ бѣглаго, на прежній приходъ, а грекамъ предложилъ поискать себѣ другого пастыря. Тѣмъ не менѣе, короткое время Борисовъ служилъ въ греческой церкви; служили также и священники русскихъ церквей при елисаветинской крѣпости, и грекамъ все не удавалось найти себѣ настоящаго священника.

Къ этому времени, когда духовное стадо елисаветградскихъ грековъ оставалось безъ пастыря, относится одинъ эпизодъ, представляющій особенный интересъ. Въ началѣ 1769 года елисаветградская провинція подверглась нападенію крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ хана Керимъ-Гирея. Въ числѣ многихъ поселеній, сожженыхъ непріятелями, такая участь постигла и многолюдное село Аджамку[2]), съ церковью. Населеніе Аджамки разбре-

---

[1]) Въ архивѣ греческой церкви сохранилось еще одно свидѣтельство о православномъ священникѣ, бѣжавшемъ отъ преслѣдованій изъ польскихъ владѣній (просьба о мѣстѣ свящ. Іоанна Дитанскаго). Оно напечатано въ »Херсонск. Епарх. Вѣд.« 1883 г. № 15.

[2]) Теперь село александровскаго уѣзда, на рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Ингулъ. Баронъ Тоттъ полагаетъ въ ней 800—900 домовъ. См. переводъ его мемуаровъ объ этомъ нашествіи въ »Кіевской Старинѣ« т. VII, 1883 г.

лось, куда кто могъ: священникъ-же, Василій Логовикъ съ семействомъ поселился въ недальней отъ Аджамки крѣпости св. Елисаветы. Лишившись прихода и средствъ къ существованію съ семьей, онъ обратился къ старостѣ греческой церкви Темелею съ предложеніемъ исправлять должность священника и съ просьбою пріютить себя до мая мѣсяца въ церковномъ домѣ. Темелей и греки приняли Логовика и отвели ему временную квартиру въ церковной хатѣ, служившей помѣщеніемъ дьячку, пономарю и сторожамъ. Пришелъ май мѣсяцъ, а Логовикъ не оставлялъ церковной квартиры и не искалъ другаго мѣста; съ своей стороны и греки не успѣли еще найти иного священника: такъ, по взаимному соглашенію, вѣроятно болѣе или менѣе молчаливому, священствованіе бывшаго аджамскаго батюшки затянулось. Но одно не нравилось ему у грековъ: это то, что всѣми матеріальными дѣлами церкви распоряжаются у нихъ ктиторы, а священникъ не только не имѣетъ доступа къ нимъ, но и служитъ наемникомъ. И вотъ, протянувъ свое замѣстительство до осени, онъ рѣшается произвести общественно-церковный переворотъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ подаетъ Логовикъ прошеніе епископу Гервасію объ утвержденіи его, Логовика, въ должности священника греческой церкви и о дозволеніи остаться жить въ церковномъ домѣ. Предшествовало-ли подачѣ прошенія какое либо условіе Логовика съ греками, и если было заключено условіе, то какое именно,—не знаемъ; вѣроятнѣе, что такого условія не было: иначе зачѣмъ-бы было просить у преосвященнаго разрѣшенія жить въ церковномъ домѣ? Какъ-бы то ни было, епископъ Гервасій изъявилъ согласіе на оба пункта просьбы Логовика. Заручившись архипастырскимъ утвержденіемъ въ должности и водвореніемъ въ церковномъ домѣ, Логовикъ черезъ мѣсяцъ подаетъ въ переяславскую консисторію „доношеніе" слѣдующаго содержанія: бывшій у грековъ священникомъ и потомъ сбѣжавшій Видалидъ „нанятой всегда находился и ни къ какому тоя церквы церковному добру дела не имелъ, но они сами отъ себя вино, ладанъ, свѣчи и просфиры отпускали, почему и свечи церковные, а не поповскіе въ продажу отпускаются, такожъ и ключъ церковный у себя содержатъ". Логовикъ признаетъ такіе порядки неудобными и противными русскимъ церковнымъ преданіямъ; онъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „1-е, просфиры они (греки) отпуска-

ютъ развѣ въ праздничные и воскресные дни, а въ рядовые хотя бы и желалъ священникъ литургисать, но просфоръ и другихъ потребностей не отпускаютъ; 2-е, чрезъ содержаніе ключовъ церковныхъ у себе (у ктитора) часто бываютъ священнику въ преподаяніи требъ препятствія и остановки; 3-е, по таковымъ отъ нихъ слѣдуемымъ происходствамъ и по малому тамо (въ Елисаветградѣ) ихъ числу дячка при той церкве содержать не съ чего, а онъ де..... отъ ныхъ грековъ найму не требуетъ (sic) и просфиры съ виномъ отпускать з своего кошту, такожъ и дячка на собственномъ препитаніи содержать одолжается". Вслѣдствіе изложеннаго, Логовикъ проситъ: „не поволеноль будетъ отъ духовной консисторіи въ оной греческой церкви свечи ему правителю[1]) въ продажу производить, какъ де оные греки и уговорились было з священникомъ Аѳанасіемъ (Борисовымъ[2]), и ключи церковныя содержать у себя....".

Должно полагать, Логовику хорошо извѣстны были ходы въ въ переяславской консисторіи, не даромъ онъ занималъ должность правителя; иначе трудно объяснить, при наличныхъ условіяхъ, опредѣленіе консисторіи, положенное вслѣдствіе его „доношенія". Резолюція была такова: „въ согласіе учиненнаго на просителевомъ доношеніи..... Его Преосвященства опредѣленія о бытіи при греческой прописанной церкве и о поступаніи такъ, какъ надлежитъ приходскому священнику по здѣшнимъ порядкамъ за силу правилъ святыхъ отецъ, въ коихъ изображено: души поручены въ наблюденіе, кольми паче церковное добро поручиты надлежитъ". Объ этомъ рѣшеніи сообщено елисаветградскому духовному правленію, т. е. тому-же Логовику, и предложено „вѣдать и чинить по сему".

Греческое общество протестовало. Оно ссылалось на нѣжинскую и кіевскую греческія церкви, гдѣ церковное добро находилось въ вѣдѣніи ктиторовъ; указывало на то, что и въ Елисаветградѣ доселѣ преосвященнымъ разрѣшалось тоже, по примѣру тѣхъ церквей; наконецъ утверждало, что никогда никакихъ неудобствъ отъ этого не выходило: просфоры и вино выдавались безпрепятственно, по требованію священника, ключи—также; ктиторъ жи-

---

[1]) Логовикъ занималъ должность правителя елисаветградскаго духовнаго правленія еще съ того времени, когда служилъ въ Аджамкѣ. Документъ за его подписью, съ датой 1764 г., см. въ »Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.«, т. VI, стр. 602.

[2]) Мы видѣли, что объ этомъ договора заключено не было.

ветъ въ церковной оградѣ... На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается это дѣло и мы не знаемъ: кто побѣдилъ въ борьбѣ? Правдоподобно,—Логовикъ.

Выше мы видѣли, что половина церковныхъ доходовъ, по условію съ іеродіакономъ Ѳеоною, долженствовала поступать къ церковному старостѣ „на всякія потребности". Но Ѳеонѣ не удалось занять прихода, и условіе, заключенное съ нимъ, не получило дѣйствія. Однако, изъ доброхотныхъ-ли даяній, или изъ другихъ источниковъ, не знаемъ, — при греческой церкви составился капиталъ; неизвѣстно также, великъ-ли былъ онъ, но несомнѣнно то, что онъ пускался въ оборотъ. Сохранилось „доношеніе" купца Михаила Николаева, помѣченное 1766 годомъ (слѣдовательно годомъ освященія средняго престола церкви), съ просьбою выдать ему изъ церковной суммы на годъ 300 р., такъ какъ ему, Николаеву, „небезъизвѣстно", что „желающимъ" выдаются деньги изъ церковной суммы на проценты; на оборотѣ „доношенія" набросано вчернѣ „одобреніе" купеческаго правленія (о купеческомъ правленіи будетъ сказано ниже). Кромѣ этого, есть еще два указанія на такіе займы, одинъ 230 р., другой—200 р., причемъ въ послѣднемъ случаѣ деньги выданы изъ „казны" какого-то капитана Кочаргана, находящейся при церковной суммѣ (вкладъ?); за просрочку 21 дня должникъ уплатилъ 70 к.

Итакъ, елисаветградскіе греки имѣютъ свою церковь, завѣдуютъ черезъ ктиторовъ матеріальными ея дѣлами, увеличиваютъ церковную казну отдачей на проценты, имѣютъ выбраннаго и договореннаго священника, совершающаго богослуженіе на греческомъ языкѣ. Но еще ранѣе освященія церкви они дѣлаютъ другой, еще болѣе важный шагъ къ устройству своей самостоятельности. Въ началѣ 1764 г. знакомый намъ венеціанецъ Ефимъ Темелей „съ товарищи" подали новороссійскому военному губернатору Мельгунову слѣдующаго содержанія „всенижайшее доношеніе". „Намъ нижайшимъ—писали греки—по бытности въ Нѣжинѣ извѣстно, что на основаніи Всевысочайшихъ жалованныхъ грамотъ, находящіеся въ Нѣжинѣ греки купеческое братство имѣютъ и между собою по купечеству судъ и расправу чинятъ, то и мы нижайшіе (продолжаютъ просители—греки), смѣлость возымѣли чрезъ сіе Вашего Высокопревосходительства, яко главнаго здѣсь командира и ко всѣмъ

ищущимъ милостиваго патрона рабски просить, дабы поданную отъ насъ нижайшихъ на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитную представить, куда Ваше Высокопревосходительство заблагоразсудить изволите, чтобы мы нижайшіе Вашею неизреченною милостію въ семъ прошеніи оставлены не были, и за то подвергаемъ себя вѣчно имя Вашего Высокопревосходительства прославлять, а чтобы намъ нижайшимъ подъ магистрацкой старшиною въ командѣ не быть, понеже отъ оной старшины всегдашнее гоненіе и безчестіе претерпѣваемъ, и въ томъ, яко иностранныхъ людей, защитить и повелительнымъ Вашего Высокопревосходительства ордеромъ снабдить, чтобы до пріѣзда Вашего Высокопревосходительства моглибъ по купеческому промыслу судъ и расправу межъ собой имѣть и для лучшаго порядку быть при томъ находящемуся здѣсь переводчику Константину Юрьеву, понеже и напередъ сего былъ въ таковыхъ распорядкахъ переводчикъ".

Ходатайство грековъ уважено и на этотъ разъ. Съ слѣдующаго 1765 года они выбираютъ изъ своей среды двухъ старшинъ, которые служатъ исполнительнымъ органомъ самоуправленія общины. Для характеристики выборовъ любопытенъ рапортъ командиру крѣпостнаго магистрата, поданный въ 1769 г. бывшими старшинами Юріемъ Фундуклеемъ [1]) и Павломъ Дмитріевымъ о сдачѣ ими должности вновь выбраннымъ Савѣ Петрову и Николаю Иванову; изъ рапорта видно, что сдавались не только письменныя дѣла по описи, но и сами греки—купцы и цеховые, по списку; любопытно также, что новымъ старшинамъ переданы ружья и патроны съ пулями. Видно, должность старшины не отличалась спокойствіемъ, а сами греки не могли считаться вполнѣ осѣдлыми.

Кромѣ старшинъ, часто упоминается въ дѣлахъ „купеческое правленіе", но по всему судя, такое названіе присвоено было никому иному, какъ тѣмъ же старшинамъ, и въ документахъ замѣтнаго различія между ними не полагается.

Разсмотримъ же кругъ дѣятельности купеческаго правленія, насколько позволяютъ это матеріалы.

Во первыхъ, оно даетъ одобреніе на пріемъ въ свою общину новыхъ пришельцевъ; предварительно посылается человѣка 2—4

---

[1]) Выходецъ изъ мѣстечка Патина (?) на Бѣломъ морѣ (Архипелагѣ).

изъ купцовъ для осмотра товара будущаго братчика и повѣрки объявленнаго имъ капитала; послы, освидѣтельствовавъ его имущество, подаютъ правленію рапортъ, въ коемъ указывается, какой товаръ и въ какой суммѣ капиталъ имѣется у новоприбывшаго; затѣмъ уже купеческое правленіе подаетъ „одобреніе" командиру крѣпостного магистрата для распоряженія.

Далѣе, купеческое правленіе выдаетъ членамъ общины увольнительныя свидѣтельства на отъѣздъ изъ крѣпости въ разныя мѣста, но дѣлаетъ это не иначе, какъ за поручительствомъ остающихся нѣсколькихъ грековъ (иногда одного), которые даютъ правленію подписку въ томъ, что отлучающійся вернется къ сроку.

Старшины собираютъ съ грековъ—купцовъ и цеховыхъ окладныя деньги, взыскиваютъ недоимки и собранное доставляютъ командиру крѣпостного магистрата.

Наконецъ, правленіе чинитъ грекамъ судъ. Немногочисленные слѣды этого суда, сохранившіеся въ дѣлахъ, интересны для характеристики нравовъ елисаветградскихъ грековъ.

1765 г. сентября 15 дня купецъ Яковъ Петровъ даетъ купеческому правленію подписку: въ пьяномъ видѣ, находясь „въ азартѣ", какъ онъ выражается, онъ „назвалъ" купца Леонтьева и жену его „безчестными словами", которыя признаетъ теперь напраслиной, и обѣщается никогда впередъ не порочить его, уплачиваетъ 5 р. пени „на братскіе расходы", а въ случаѣ повторенія проступка обязуется уплатить въ правленіе 50 р. и получить 100 ударовъ плети.

Другое дѣло. Жилъ при крѣпости одинъ грекъ Павелъ Дмитріевъ; его выбрали однажды старшиною, какъ мы видѣли выше, но онъ отличался нравомъ чрезвычайно горячимъ и, какъ говорится, вреднымъ. Вотъ, для примѣра, образчикъ его поведенія. Беретъ онъ въ долгъ у купца Фундуклея бессарабскаго вина и принимается торговать имъ во дворѣ, нанятомъ тѣмъ-же Фундуклеемъ; по окончаніи срока уплачиваетъ, вмѣсто полной суммы долга, часть ея; и всего-то оставалось доплатить 8 р. 50 к., но Павелъ Дмитріевъ не только отказался отъ уплаты, но въ собственномъ-же дворѣ Фундуклея въ рѣзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ коснулся интимныхъ дѣлъ своего благодѣтеля и потомъ вызывалъ даже его на поединокъ, показывая изъ подъ плаща саблю. Обиженный жа-

ловался командиру крѣпостного магистрата и просилъ удовлетворенія [1]).

А вотъ другая жалоба на того-же Дмитріева, поданная въ правленіе какой-то молдованкой вдовой Марьей Григорьевой. Суть дѣла слѣдующая. Прослышавъ отъ кого-то, что Григорьева—знахарка, Дмитріевъ призвалъ ее къ себѣ на домъ и спросилъ, „не знаетъ-ли какихъ волхованій, чтобы греческимъ старшинамъ Ефиму Темелею и Константину Бургазлію, да купцу Юрію Фундуклею такимъ образомъ учинить, чтобы они несмысленны и совсѣмъ въ разумѣ помѣшательны были"; такое желаніе онъ объяснилъ разсчетомъ получить наслѣдство умершаго тогда купца Яна Мураита, на дорогѣ къ чему стояли названныя лица; въ вознагражденіе за трудъ онъ предложилъ Григорьевой купить сподницу и кафтанъ. Но она отвѣчала, что не можетъ исполнить просьбы и что волхованій не знаетъ. Оставивъ домъ его, Григорьева въ тотъ-же день явилась къ Фундуклею, на котораго передъ тѣмъ злоумышлялъ Павелъ Дмитріевъ, и разсказала о разговорѣ. Узнавъ объ этомъ, Дмитріевъ начинаетъ преслѣдовать бабу: гдѣ ни увидитъ, бранитъ разными „непотребными и укорительными словами" и наконецъ прибилъ „кулачьемъ и сапогами до угодности", по документальному выраженію,—при чемъ показывалъ изъ подъ плаща шпагу и стращалъ, что голову ей отрубитъ. Однако услыхавъ, что оскорбленная сторона подала жалобу на него, Дмитріевъ бѣжалъ. Спустя четыре мѣсяца, явился онъ снова въ крѣпости, пришелъ въ домъ своего противника, старшины Темелея, бранилъ его разными „скверными словами" и при томъ, „произнося похвалки, искалъ случая его, Темелея, умертвить, на что и ножа просилъ у грека Павла Кушнера"; Темелей крикнулъ о помощи и приказалъ взять Дмитріева подъ стражу; тотъ схватилъ старшину за волосы и „дралъ довольно", такъ что едва розняли. Заковали буяна, но онъ снова бѣжалъ, „и съ цѣпью". Тогда Темелею не оставалось ничего больше, какъ обратиться за помощью и удовлетвореніемъ къ крѣпостному начальству, что онъ и сдѣлалъ; разузнавъ, что преступникъ скрывается въ Новомиргородѣ, онъ просилъ водворить его на мѣсто по-

---

[1]) Фундуклей занималъ должность старшины и поэтому дѣло не было направлено въ правленіе, а въ крѣпостной магистратъ.

стоянной осѣдлости, указывая на то между прочимъ, что Дмитріевъ долженъ многимъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла и финалъ его не извѣстенъ намъ.

Изложеннымъ выше исчерпываются свѣдѣнія о купеческомъ правленіи. Оканчивая наше повѣствованіе, передадимъ еще для полноты содержаніе одной росписки о покупкѣ съ торговъ дома съ дворомъ извѣстнымъ намъ Темелеемъ: она знакомитъ насъ съ матеріальной обстановкой и цѣнностью жизни въ крѣпости св. Елисаветы середины прошлаго столѣтія (1757 г.). Темелею достались: „изба рубленая съ печью, сѣни съ чуланомъ, оставленни (обставленные) тыномъ, ледникъ съ погребицею рубленые, погребъ выходний, въ срединѣ оставленна половина досками; близь онаго погреба чуланъ, оставленний досками; другой погребъ выходной, противъ ево комора, оставленна досками, дворъ и все строеніе (?)". Цѣна всему этому 20 рублей.

Свѣдѣнія о купеческомъ греческомъ правленіи въ Елисаветградѣ заключаются 1777 годомъ. Въ настоящее время въ приходѣ елисаветградской греческой церкви грековъ уже нѣтъ, и едва сохранилась память о нихъ: говорятъ, они переселились въ Маріуполь; въ ревизской сказкѣ 1811 г. показаны только двѣ семьи, уцѣлѣвшія отъ греческой колоніи прошлаго вѣка: Фундуклеи и Петровы[1]). Въ настоящее время единственнымъ напоминаніемъ о грекахъ въ Елисаветградѣ служитъ т. н. греческая церковь, находящаяся на правомъ берегу Ингула, на базарной площади, на подолѣ остатковъ крѣпости. Но это не та церковь, которая выстроена греками въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Старая церковь была деревянная, двуглавая, выкрашенная снаружи, выбѣленная внутри. По описи 1793 г. иконостасы въ ней были гладкіе, посеребренные, съ рѣзными, вызолоченными на двухъ, посеребренными на одномъ, рамами для иконъ; тогда въ церкви довольно было, серебряныхъ сосудовъ и лампадъ, парчевыхъ, бархатныхъ и иныхъ ризъ, серебряная рака для плащаницы и т. п.

Въ 1784 г. въ приходѣ считалось 208 дворовъ и 1040 душъ

---

[1]) Изъ этой семьи Петровыхъ происходитъ знаменитый впослѣдствіи пѣвецъ-артистъ Ос. Аѳ. Петровъ (род. 1805 г.).

прихожанъ; въ 1793 г. 144 двора и 815 прихожанъ,—меньше, можетъ быть, вслѣдствіе бывшей въ этотъ промежутокъ чумы.

Нынѣшняя каменная Греческая церковь выстроена близь того мѣста, гдѣ стояла старая, обветшавшая; новая сооружена на доброхотныя пожертвованія прихожанъ и освящена въ 1812 г. Немного позже пристроена каменная-же колокольна.

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ,
10 марта 1884 года.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ И НЕИЗВѢСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ СВѢДѢНІЙ О МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ПОЛТАВЩИНЫ.

Богатѣйшимъ, неисчерпаемымъ такъ сказать источникомъ свѣдѣній для исторіи Полтавщины XVIII ст. могла-бы служить такъ называемая Румянцевская Опись Малороссіи. Къ сожалѣнію, доселѣ не розыскана та именно половина оной, которая относится къ мѣстностямъ нынѣшней полтавской губерніи. Гдѣ-то было заявлено, что профессоръ Лучицкій нашелъ въ Полтавѣ недостающія части и между прочимъ ту часть оной, въ которой описана перво-пирятинская сотня Лубенскаго полка; но до сихъ поръ объ этомъ открытіи мы не имѣемъ ничего, кромѣ одного голаго извѣстія, и мы лишены возможности составить себѣ представленіе о прошломъ этого уголка лѣвобережной Украины.

Недостатокъ данныхъ Румянцевской Описи въ одномъ отношеніи и въ нѣкоторой степени могутъ замѣнить намъ, кромѣ архивовъ частныхъ, церковные архивы. Въ нихъ можемъ найти исповѣдныя росписи, приходо-расходныя книги, брачные обыски, клировыя вѣдомости, описи церковнаго имущества, копіи съ Высочайшихъ манифестовъ, консисторскихъ указовъ, бумаги изъ канцелярій полковыхъ и сотенныхъ; въ нѣкоторыхъ церковныхъ архивахъ попадаются замѣтки священно-служителей, нѣчто въ родѣ мѣстныхъ лѣтописей. Намъ извѣстно по крайней мѣрѣ, что такого рода матеріалы находятся въ церковныхъ архивахъ тѣхъ селъ, которыя входили въ составъ перво-пирятинской сотни [1]); но изъ этихъ ар-

---

[1]) По вычисленію Н. А. Маркевича всѣхъ селъ и деревень въ этой сотнѣ было 29, хуторовъ 72. Ист. Малор. Т. 5 стр. 118.

хивовъ пока разобраны только бумаги, хранившіяся при Іоанно-Богословской церкви въ с. Великой Кручѣ (Пирятинскаго уѣзда), и на основаніи ихъ составлена статья А. Стороженка, помѣщенная въ № 9 Полтавскихъ Епарх. Вѣд. за 1883 г., подъ заглавіемъ: „Село Великая Круча и его церковь". Намъ пришлось случайно въ томъ-же архивѣ наткнуться на двѣ публикаціи второй половины XVIII ст. о разысканіи и поимкѣ бѣглыхъ преступниковъ. Такими публикаціями переполнены архивы наши, особливо же за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія и далѣе, когда надвигавшееся и потомъ налегшее на сельское населеніе крѣпостное право побуждало оное брести, куда попало, ища вольныхъ мѣстъ и вольной жизни. Въ изобиліи находимъ такія публикаціи и въ церковныхъ архивахъ.

Въ прежнее время, при слабости административной власти и отсутствіи въ ней правильной организаціи, церковь во многихъ отношеніяхъ служила ея цѣлямъ и между прочимъ цѣлямъ правосудія. Въ случаѣ побѣга колодниковъ, гродскіе суды и полковыя канцеляріи посылали приказы о поимкѣ скрывшихся сотникамъ, какъ низшимъ представителямъ уряда, совмѣщавшимъ въ своемъ лицѣ всю нынѣшнюю уѣздную администрацію. Въ сотенныхъ канцеляріяхъ писались „публѣкаціи" въ сельскія церкви съ обозначеніемъ примѣтъ преступниковъ и приказаніемъ прибить эти „публѣкаціи" къ церковнымъ стѣнамъ „къ общему всехъ навсегда знанію", а атаманамъ, приказчикамъ, войтамъ снять съ нихъ копіи, стараться о возможно-скорѣйшей поимкѣ бѣжавшихъ и доносить въ канцелярію о принятыхъ для этого мѣрахъ и ихъ результатахъ.

При всей мелочности и однообразіи такого рода бумагъ, въ въ нихъ разбросаны подъ часъ такія мелкія черты, которыя въ общей группировкѣ могутъ представлять немаловажный интересъ для мѣстной бытовой исторіи. Обѣ упомянутыя нами публикаціи выпущены изъ перво-пирятинской сотенной канцеляріи, первая 16 мая 1767 г., вторая 18 ноября 1768 года. Первою розыскивались „злодѣи, причинившіеся къ напоенію нѣякимсь вредительнымъ зѣлямъ жителей с. Костобобра Василя Килимонова и Ефима Лицерова, посполитыхъ, бунчукового товарища Павла Максимовскаго, жители с. Демьянокъ Халимонъ и Грицко Билоножки", давалась предосторожность населенію отъ таковыхъ зелій и за поимку виновныхъ обѣщалась награда въ 20 р.; второю преслѣдовался бѣ-

жавшій изъ подъ караула колодникъ Петро Курѣлный съ такими примѣтами: „росту среднего, волосовъ темнорусихъ, голится по чуприну, глазовъ карихъ, носа довгого, лица сухощавого, вусы толко що начали висипатися, лѣтъ отъ роду двадцати двохъ, одежи на немъ: свита сѣра стара, шита по донску, юпка с китайки гранатовои стара, чересъ полотняной старой, шапка круглая, околиця черна смушева, з вершкомъ, сукна вишневого стара...“.

Мимоходомъ указываемъ на самыя ничтожныя въ ряду архивныхъ бумагъ; найдутся, конечно, гораздо важнѣе и интереснѣе, а сводя все, можно, хотя по мелкимъ частямъ, достигнуть въ послѣдствіи цѣльнаго воспроизведенія минувшаго быта нашей Украины.

Не можемъ не указать при этомъ на нѣкоторыя готовыя, добытыя и разработанныя свѣдѣнія и матеріалы, которые могутъ быть весьма пригодны для занимающихся исторіею Полтавщины, но нашли себѣ мѣсто въ изданіи, принадлежащемъ къ числу наименѣе извѣстныхъ даже записнымъ исторіографамъ, именно въ Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ.

Сколько намъ извѣстно, въ предѣлахъ нынѣшней полтавской епархіи болѣе или менѣе разработаны архивы слѣдующихъ церквей. Перечислимъ по уѣздамъ, съ полными заглавіями статей, тѣ приходы и церкви, о которыхъ на страницахъ названнаго изданія даны иногда очень обстоятельныя свѣдѣнія на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Полтавскій уѣздъ.—Историко-статистическія церковныя свѣдѣнія о с. Чутово, Полт. Епарх. Вѣд. 1871. №№ 23, 24 (св. Григ. Коломенскаго).—Срѣтенская приходская церковь въ г. Полтавѣ, П. Е. В. 1875. №№ 10, 11.—Приходъ села Локощины, П. Е. В. 1876. № 10.—Церковь св. Василія Великаго въ селѣ Камянкѣ, П. Е. В. 1877. № 4; и статья, составленная на основаніи бумагъ, взятыхъ изъ архивовъ разныхъ церквей: Начало духовно-учебнаго дѣла въ Полтавѣ. П. Е. В. 1876. № 16 (Павловскаго).

Константиноградскій уѣздъ.—Церковь святыхъ Захаріи и Елисаветы въ д. Шляховой, П. Е, В. 1876. № 6 (Павловскаго).—Приходъ села Циглеровки, П. Е. В. 1877. № 6 (Павловскаго) и очеркъ изъ Константиноградской старины: „Кичѣніе“ при богослуженіи.

Кременчугскій уѣздъ.—М. Глобино и его церкви, П. Е. В. 1871. №№ 4, 5 и 6 (Зеньковскаго).—Бывшій Пивогорскій мона-

стырь и нынѣшняя кладбищенская Николаевская церковь въ г. Градижскѣ, П. Е. В. 1877. № 1 (Матченка).

Зѣньковскій уѣздъ. — С. Малыя Будищи, П. Е. В. 1873. № 24.—Свято-Троицкая церковь въ мѣстечкѣ Великихъ Будищахъ, П. Е. В. 1881. № 9.

Хорольскій уѣздъ—Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ, П. Е. В. 1881. № 8.

Лохвицкій уѣздъ.—С. Козловка, П. Е. В. 1880. № 11.

Прилуцкій уѣздъ.—С. Сорочинцы, П. Е. В. 1874. № 23, 24. (Яковлева).

Переяславскій уѣздъ—Похвала Барышевкѣ, П. Е. В. 1881. № 23. Городъ Переяславъ—Переяславская Варваринская церковь, П. Е. В. 1874. № 18.—Описаніе Петро-Павловской церкви, П. Е. В. 1875. №№ 15, 16 (Крамаренка).—Къ свѣдѣніямъ о Покровской церкви, П. Е. В. 1879. № 11.—Успенская церковь, П. Е. В. 1879. № 19.—Судьба царскаго дара въ Успенскую церковь, П. Е. В. 1880. № 24.—Село Студеники, П. Е. В. 1874. № 23.

Кобелякскій уѣздъ.—Мѣстечко Голтва, П. Е. В. 1871. №№ 16, 17. (Яснопольскаго).

Миргородскій уѣздъ.—Мѣстечко Погачка, П. Е. В. 1871. №№ 8 и 9 (Соколовскаго).

Пирятинскій уѣздъ. — Село Великая Круча и его церковь, П. Е. В. 1883. № 9 (Стороженка).

Весьма важно для исторіи культуры лѣвобережной Украйны изученіе съ большими подробностями переяславской старины и въ частности прошлаго переяславской бурсы; пока посвящено этому не такъ много статей. Сдѣлаемъ перечень извѣстныхъ намъ:

а) Архіереи.—Арсеній Берло, Б. М. православный епископъ переяславскій и бориспольскій, П. Е. В. 1880. № 5.

б) Бытъ духовенства.—Остатки братствъ въ приходахъ переяславскаго уѣзда, П. Е. В. 1876. № 15 (Павловскаго).—Изъ хроники переяславскаго дьяконства, П. Е. В. 1880. № 12.—Конское тягло со священства, П. Е. В. 1880. № 21.—Пребываніе преосвящ. Іереміи въ Переяславѣ, П. Е. В. 1881. № 5.

в) Семинарскій бытъ.—Кое-что изъ переяславскаго семинарскаго быта послѣдней четверти прошлаго вѣка, П. Е. В. 1876. № 11 (по воспоминаніямъ И. Ѳ. Тимковскаго сост. Демидовскій).—

Нѣчто изъ переяславскаго семинарскаго быта первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1777. № 3 (Крамаренка).—Изъ воспоминаній объ учителяхъ, бывшихъ въ полтав.-переясл. семинаріи въ первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1880. № 9. (Крамаренка).

Мы считали не безполезнымъ сдѣлать перечень извѣстныхъ намъ статей, составленныхъ по матеріаламъ, хранящимся въ церковныхъ сельскихъ архивахъ, помѣщенныхъ въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ въ виду отсутствія указателя къ этому изданію. Думаемъ, что предварительное ознакомленіе съ указанными статьями значительно облегчитъ будущимъ изслѣдователямъ полтавской церковной старины ихъ трудъ.

Н. С.

КІЕВСКІЯ ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ XVIII И XIX СТ.

1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго.

Въ библіотекѣ графа Уварова есть подлинная рукопись путешествія Василія Григоровича Барскаго; къ ней приложено много рисунковъ не упомянутыхъ Рубаномъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны портреты и разные этюды, которые по работѣ сдѣлали-бы честь и не Барскому, видимо рисовавшему ихъ въ свободные минуты своего долгаго странничества. Въ концѣ рукописи нѣсколько замѣтокъ о братѣ нашего паломника Иванѣ Барскомъ, кіевскомъ строителѣ прошлаго столѣтія, а также другія приписки, календарнаго такъ сказать характера. Приводимъ ихъ по давней случайной выпискѣ. Сначала идетъ или черновая эпитафія, или списокъ съ нея.

„Зде положено тѣло кіевского мѣщанина, райци, Івана Григоровича Барского, брата родного монаха Василія Григоровича Барского, странствовавшаго по различнимъ землямъ и святимъ мѣстамъ и описавшаго въ книгу все видѣнное. Сей-же братъ его, трудившейся въ разнихъ строеніяхъ, воду привелъ въ различные мѣста въ городѣ семъ (Кіевѣ) отъ различныхъ источниковъ съ подъ горъ, а потомъ строилъ каменния церкви, колоколнѣ и покои. Первую церковъ здѣлавъ у Кириловскомъ монастырѣ, зъ звоницею и брамою и погребами, церковъ

покровскую и набрежно-никольскую; у Козельцѣ церковъ штукатурнею украшалъ и тинковалъ, и колоколню вновъ построилъ, у золотоношскомъ красногорскомъ монастырѣ церковъ, колоколню у петропавловскомъ монастырѣ, у соборноуспенскомъ соборѣ съ церквою. Еще магазинъ городской и гостинной домъ, жилие покои греческому монастирю и Юрию Дранчеву, реперовавъ церкви воскресенскую и успенскую, у Межигорскомъ монастырѣ келіи. А сего 1785 г. и зде погребенъ мая числа. Которому да будетъ вѣчное упокоеніе.

Послѣ этого по годамъ заносятся разнаго рода замѣтки, начинающіяся свѣдѣніями о городской службѣ строителя Барскаго.

1749 г. былъ Иванъ Барскій урядникомъ до полгода, а отъ полгода до окончентя на инстигаторскомъ званіи за бурмистерства Герасима Холявки и раецтва Михаила Воронковича и п. Василія Жука. Тогожъ року хлѣбъ билъ дорогъ; до полтора рубля била дойниця, за сушею.

1750. Хлибъ дешевый, по 20 к. дойниця жита и овса по 13 к.

1751. Вода превелика была у Днѣпрѣ и у рѣкахъ средѣ лѣта; прибивало до іюля 12 числа; того-жъ года хлѣбъ дешевъ билъ: жита дойниця по 18 к., овса по 13 к., пшоно по 50 к. Того-жъ года представился панъ войтъ Павелъ Войничъ октября числа.

1753. Хлѣбъ по 25 к. жито, а по 20 гречка, а овесъ по 15 к.

1754. Весма било сухое лѣто и вода въ рѣкахъ весма била малая. Тогожъ года жито по 55 к. и 60; овесъ по 32 к. и више.

1755. Вначалѣ нового года тарифъ и пошлина великороссійская переведена на новороссійскіе границы.

1756. Приехалъ у Киевъ войтомъ Іванъ Стефановичъ Сичевскій, февр. 3 ч. Въ тотъ-же годъ зима била мало снѣжна и легка. Жито продавалося по 32 к., а овесъ по 26 к., пшениця по 50 к. и мало више, киевскои мѣри.

1757. Зима била весьма люта морозами. Пашня: жито по 28 к., овесъ по 15 и 16 к., пшениця 55 к.

1758. Зима била также люта. Пашня била до новини дорога: жито 1 р. 20 к. четверть; пшениця 1 р. 60 к. четверть; овесъ по 50 к. четверть, пшоно до двохъ рублей. Лѣто было мокрое и холод-

ное; на хлѣбъ и овощи урожай. Въ началѣ тогожъ года отдано тарифъ на откупъ.

За тѣмъ замѣтки домашнія о дняхъ рожденія дѣтей и пр.

---

2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Миславскаго.

1808 года, 21 ноября, по полудни въ 8 часовъ, сдѣлался на Подолѣ пожаръ, который превратилъ въ пепелъ всѣ лавки деревяныя торговыя; вмѣстѣ съ ними сгорѣла и церковь Успенская съ колокольней, только иконостасъ остался цѣлъ, безъ повреждения.

1811 года, 9 іюля случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ пепелъ болѣе двухъ тысячъ домовъ каменныхъ и магистратъ, церквей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей 3—братскій, петропавловскій и флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20.

1811 г. въ августѣ началась ревизская перепись.

1812 г. 30 января было открытіе гимназіи публичное. Съ церемоніальними цеховыми и регистровыми пушечными выстрѣлами препровождали грамоту отъ дворца въ Лавру и по окончаніи молебствія въ кловскій дворецъ.

1816 года 7-го сентября, въ 7 часовъ по полудни, прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й безъ всякихъ встрѣчъ, заѣхалъ въ Лавру, гдѣ привѣтствованъ былъ рѣчью митрополита Серапіона; оттуда поѣхалъ въ назначенный для его пребыванія домъ *Оболонскаго*. Въ пятницу, 8 сентября слушалъ литургію въ софійскомъ соборѣ, гдѣ по осмотрѣ ризницы былъ въ покояхъ митрополита; въ субботу былъ въ пещерахъ и осматривалъ арсеналъ и прочія казенныя мѣста, и въ вечеру былъ во дворцѣ у корпуснаго генерала Раевскаго на балу, причемъ садъ былъ илюминованъ и въ саду играла музыка. Въ недѣлю былъ смотръ двумъ полкамъ за Золотыми воротами, и послѣ оного императоръ слушалъ литургію въ соборѣ; послѣ того былъ въ Андреевской церкви и въ Михайловскомъ монастырѣ, и. ввечеру посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ въ домѣ дворянской коммисіи. Въ понедѣльникъ

государь посѣтилъ кіевскую духовную академію, а во вторникъ, въ 9 часовъ выѣхалъ изъ Кіева на Бѣлую Церковь. Во всѣ дни пребыванія государя была великолѣпная иллюминація, въ особенности были иллюминованы лаврская колокольня, михайловская и другія.

1817 г. въ іюнѣ государь императоръ Александръ I-й прислалъ въ михайловскій монастырь драгоцѣнный образъ Архистратига Михаила, осыпанный бриліантами, и несенъ этотъ образъ изъ софійскаго собора въ михайловскій монастырь митрополитомъ Серапіономъ со всѣмъ духовнымъ соборомъ.

1817 года, 6 сентября, въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й, заѣхалъ въ Лавру, и оттуда во дворецъ, гдѣ 7 числа былъ обѣденный столъ. 8 числа слушалъ литургію въ софіевскомъ соборѣ, и послѣ обѣденнаго стола въ 3 часа выѣхалъ въ Бѣлую Церковь, откуда на обратномъ пути, по пріѣздѣ въ Кіевъ 11-го числа, въ 12 часу былъ обѣденный столъ во дворцѣ, а во 2 часу выѣхалъ изъ Кіева въ Кременчугъ.

1824 года, 16 февраля сгорѣли на Печерскомъ деревянныя лавки всѣ въ гостиномъ дворѣ.

1824 г. 14 сентября скончался митрополитъ Серапіонъ.

1825 г. 19 ноября преставился государь императоръ Александръ I-й въ Таганрогѣ.

— 6 декабря приведены въ Кіевѣ всѣ сословія къ присягѣ на вѣрноподданство императору Константину Павловичу.

— 25 декабря, въ день Рождества Христова дали присягу вѣрноподданническую императору Николаю Павловичу всѣ военные и гражданскіе чины Кіева. При чемъ читаны были всѣ акты отреченія Константина Павловича отъ престола.

1826 г. 23 февраля преставился войтъ Михайло Григоренко. Сильныя наводненія отъ разлитія р. Днѣпра были въ 1820 [1]), 1826 и 1845 годахъ.

1829 года, 23 іюня въ воскресенье, въ 8 ч. прибылъ въ Кіевъ императоръ Николай Павловичъ, а на другой день великій князь Михаилъ Павловичъ.

---

[1]) Подобнаго наводненія не помнили за 32 года предъ тѣмъ.

— 25 іюня, въ день рожденія императора, получено извѣстіе о взятіи крѣпости Силистріи; по сему случаю въ 2 часа по полудни было въ софійскомъ соборѣ молебствіе съ пушечною пальбою, и изъ числа взятыхъ трофеевъ Государь, въ память сего извѣстія, пожаловалъ городу Кіеву 3 знамени и ключь отъ крѣпости Силистріи, которыя 6 августа, въ день Преображенія, церемоніально были возимы по всему городу городскою реестровою гвардіею, взявши оныя изъ крѣпости, и доставлены въ соборъ, гдѣ послѣ молебствія, совершеннаго предъ началомъ литургіи съ пушечною и ружейною пальбою отъ войскъ разставленныхъ по валамъ, оставлены въ соборѣ.

1830 г. 31 мая послѣдовалъ пріѣздъ въ Кіевъ государя императора Николая Павловича изъ Варшавы чрезъ Козелецъ; прибылъ въ 5 часу по полудни; 1-го іюня слушалъ обѣдню въ софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактовомъ домѣ; на другой день 2 іюня государь выѣхалъ. Въ этотъ пріѣздъ государь повелѣлъ гражданамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные статскіе гражданскіе, присвоенные дворянскимъ чиновникамъ.

1833 года 14 іюня кіевскій лавникъ Миславскій съ Иваномъ Ивановичемъ Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ отъ имени кіевскаго общества ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о недозволеніи евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 22 іюня, выѣхали 4-го, а прибыли 14 августа съ пріятнымъ окончаніемъ въ пользу общества.

1834 г. 15 іюля открытъ университетъ св. Владиміра.

1837 г. 10 апрѣля, въ вербную субботу, происходило погребеніе фельдмаршала Сакена.

1853 г. 28 сентября посвященіе, а 28 октября открытіе цѣпнаго моста въ Кіевѣ черезъ Днѣпръ.

— Въ тоже время поставленъ памятникъ св. Владиміру на уступѣ Михайловой горы.

1857 г. 21 декабря скончался въ лаврѣ митрополитъ кіевскій Филаретъ, погребенъ 29 декабря.

1858 г. 10 іюня произошелъ пожаръ въ Липкахъ, во время котораго сгорѣло зданіе бывшей кіевской гимназіи и до 10 сосѣднихъ съ нею домовъ.

1861 г. 10 марта происходило въ Кіевѣ обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

— 15 іюля совершенъ торжественный ходъ на крещатицкій источникъ и послѣ онаго происходила закладка владимірскаго собора.

МОГИЛА ГЕТМАНЦЕВЪ ВЪ Г. ЛЕБЕДИНѢ.

Въ исторіи Руссовъ, приписываемой архіепископу Георгію Конисскому, передается, что въ концѣ 1708 г. во время пребыванія Петра I въ мѣстечкѣ Лебединѣ въ Слободской Украйнѣ, Меншиковъ творилъ судъ и расправу надъ тѣми изъ малороссіянъ, которые заподозрѣны были въ усердіи къ Мазепѣ, потому что они не явились въ общее собраніе для выбора новаго гетмана. Сознанія заподозрѣнныхъ добивались пытками, при помощи батожья, кнутовъ и раскаленнаго желѣза; кто не выдерживалъ положеннаго числа пытокъ, того казнили, смотря по винѣ, повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, колесованіемъ, четвертованіемъ или-же сажаніемъ на колъ. Погибло такимъ образомъ до 900 человѣкъ. „Число сіе можетъ быть увеличено (преувеличено), но судя по кладбищу, отлученному отъ христіанскаго и извѣстному подъ именемъ *Гетманцовъ*, должно заключать, что зарыто ихъ здѣсь очень не мало“ (Истор. Рус. стр. 212).

По поводу приведеннаго извѣстія, Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ: „Мазепинцы“, помѣщенной въ 1-й книжкѣ „Русской Мысли“ за настоящій годъ, говоритъ, что это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Сомнительно-же оно потому, что встрѣчается въ одномъ только источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ (разумѣется исторія Руссовъ), и не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками.

Что судъ съ пытками и казнями дѣйствительно совершился въ Лебединѣ надъ лицами, сочувствовавшими Мазепѣ, подтверждается самой статьей Н. И. Костомарова, составленной, между прочимъ, на основаніи отрывковъ изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ

и сохранившихся въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи и въ дѣлахъ архива иностранныхъ дѣлъ. „Къ большому сожалѣнію, говоритъ Н. И., мы не имѣемъ всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; можетъ быть они гдѣ нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливца, которому суждено будетъ открыть этотъ кладъ". Изъ статьи многоуважаемаго историка видно, что онъ нисколько не отвергаетъ производства суда и расправы въ Лебединѣ надъ сторонниками Мазепы, а лишь ограничиваетъ размѣръ казней. Умаляя число жертвъ суда, Н. И. отрицаетъ существованіе особаго кладбища, гдѣ погребены казненные. „Если-бы тутъ была какая-нибудь правда, продолжаетъ онъ, и если-бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно-бы удержалось въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что начитали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи исторіи Руссовъ. Если старики 30-хъ годовъ XIX столѣтія, проведшіе юность свою въ концѣ XVIII, не слыхали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа".

Мы не знаемъ, почему старики лебединскіе ничего не сообщили Н. И. о казни гетманцевъ, хотя она несомнѣнно и производилась, по крайней мѣрѣ, надъ нѣкоторыми лицами,—и о мѣстѣ погребенія казненныхъ. Но въ другомъ источникѣ находимъ свѣдѣнія о существованіи подобнаго преданія. Преосвященный Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи сообщаетъ „*по мѣстнымъ свѣдѣніямъ*", что дѣйствительно въ Лебединѣ существуетъ особая могила гетманцевъ; она, по его словамъ, находится въ саду одного изъ прихожанъ Вознесенской церкви въ 300 саженяхъ отъ бывшаго городскаго вала; возвышенная насыпь простирается болѣе, чѣмъ на 10 саженей въ длину и ширину; мѣстами на этой насыпи оказываются провалины и по временамъ, во время построекъ, выкапывались человѣческія кости. Общимъ кладбищемъ эта могила не могла быть потому, что она по прежнему стоитъ вдали отъ храма. А какъ извѣстно, въ прежнее время умершихъ естественною смертью хоронили въ церковныхъ оградахъ. Отдѣль-

ное-же кладбище въ Лебединѣ заведено лишь съ 1771 года (Отдѣл. III, стр. 463).

Зная, что преосвященный Филаретъ при составленіи своего замѣчательнаго труда пользовался главнымъ образомъ свѣдѣніями, добытыми на мѣстѣ, т. е. доставленными мѣстнымъ духовенствомъ, нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности сообщаемаго имъ. Да мы и сами слышали здѣсь, въ Харьковѣ, о существованіи упомянутой могилы. Теперешніе мѣстные жители передаютъ, что въ указанной могилѣ погребены люди, казненные за поддѣлку фальшивой монеты. Для того, кто знаетъ, какъ народъ забываетъ прошлое своего края, нисколько не удивительна замѣна гетманцевъ, память о которыхъ вообще стушевалась въ здѣшнемъ населеніи, фальшивыми монетчиками.

Итакъ, надобно полагать, что исторія Руссовъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ передаваемому событію, не въ той мѣрѣ невѣрна, въ какой предполагаетъ Н. И. Костомаровъ.

П. Ефименко.

ДВА СООБЩЕНІЯ ПО ЧАСТИ НАРОДНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ.

1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.

Слово *криница*, или по подольскому говору „кирныця", означающее обыкновенно обрамленный источникъ ключевой воды, не глубокій колодезь, въ вѣрованіяхъ малорусскаго племени, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, имѣетъ особое значеніе—божества, или особаго рода духовъ, сходныхъ съ русалками, но и отличающихся отъ нихъ.

Авторъ „Исторіи Сѣверской Земли до половины XIV вѣка", въ главѣ III „Внутренній бытъ Сѣверской Земли" (стр. 89—90), въ подтвержденіе вѣрованія Сѣверянъ въ подземную жизнь умершихъ, приводитъ повѣрье, сохранившееся въ черниговской губерніи—центрѣ Сѣверянской области, о „существованіи *Криницъ*". „Въ Новгородъ-Сѣверскѣ, говоритъ онъ, и теперь еще есть *родникъ* [1]), носящій названіе *Заручайской криницы*, на срубѣ

---

[1]) Слово родникъ тождественно съ употребляющимися и доселѣ въ Черниговщинѣ словами: *рудникъ, руда, рудка,* означающими вообще потокъ, почему

котораго по народному повѣрью сидятъ *криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами"... и т. д.

Въ виду недостаточныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ распространеніи *вѣрованій* и легендъ, немудрено смѣшать *русалокъ* съ *криницами*. Но достаточно знать главнѣйшіе признаки этихъ двухъ родовъ *духовъ*, чтобы съумѣть отличить *русалку* отъ *криницы*. О *русалкахъ* мы имѣемъ болѣе свѣдѣній и прямо имѣемъ возможность причислить ихъ къ разряду *нимфъ*, какъ нѣмецкія *Ундины*. Волоса они имѣютъ *зеленоватые*, живутъ въ *водѣ*—рѣкѣ, прудѣ, даже болотѣ, однимъ словомъ вездѣ, откуда возможно проникнуть въ подземное царство, гдѣ онѣ имѣютъ великолѣпные чертоги и куда заманиваютъ людей. Для соблазна этихъ послѣднихъ онѣ выходятъ, въ извѣстные дни года, въ лѣсъ и прячутся между вѣтвями на деревьяхъ. Происхожденіе ихъ едва-ли не исключительно изъ *утопленницъ*.

Совсѣмъ иное мы должны видѣть въ *криницахъ:* жилища ихъ исключительно только въ самыхъ водяныхъ *ключахъ*, будь они въ колодцахъ или въ рѣкѣ. Гдѣ нѣтъ ключей, тамъ нѣтъ и *криницъ*, хотя могутъ быть *русалки*. Происхожденіе криницъ мнѣ не случилось до сихъ поръ узнать, хотя я слыхала одну легенду, объ одной криницѣ, но врядъ-ли ее можно приспособить къ криницамъ вообще. Вотъ эта легенда: „Гуляли дѣвчата по берегу болота и подъ берегомъ увидѣли блестящей бѣлизны цвѣтокъ[1]), которымъ залюбовались. Одна изъ нихъ залюбовавшись сорвала цвѣтокъ и въ тотъ-же мигъ обратилась *въ криницу* и потекла *рудою* (потокомъ). Съ той поры ежегодно въ тотъ-же день и часъ въ той криницѣ разцвѣтаетъ тотъ-же бѣлоснѣжный цвѣтокъ и рѣдко кто его видитъ, потому что онъ цвѣтетъ одно мгновеніе и сорвать не дается. А если-бы кто тотъ цвѣтокъ сорвалъ, то и криница-ключъ закрылась-бы въ тотъ мигъ".

небольшія рѣчки и до сихъ поръ носятъ безъимянное названіе *рудъ и рудокъ*. Г. Багалѣй, описывая лѣтописный *Носовъ на Рудѣ* (Истор. Сѣв., Земли, стр. 150), не хочетъ признать его въ *Носовкѣ* нѣжинскаго уѣзда, потому что рѣчка при ней называется Носовкой, а ищетъ такого мѣста гдѣ-нибудь на Рудѣ или Руднѣ, но нигдѣ другого *Носова* не находитъ. Другая *Носовка* возлѣ *Рудни* на старинныхъ картахъ показана близъ р. Сновки, городнянскаго уѣзда, невдалекѣ отъ Бѣлоуса и др. мѣстъ, упоминавшихся въ лѣтописяхъ сраженій.

[1]) Кринъ сельный.

Назначеніе *криницы* совсѣмъ иное, чѣмъ назначеніе русалокъ. *Криница*—это славянская, *сѣверянская* богиня плодородія, обилія. Криничная вода считается благотворной во всевозможныхъ критическихъ случаяхъ. Слѣдующій *наговоръ* даетъ понятіе о той роли, какую играетъ *Криница* въ числѣ *сѣверянскихъ божествъ.*

„Добрывечоръ *Криници*,
Красная дѣвице!
Вода—дочко Ульяно,
Земле—мати Тетяно,
Камне—брате Петро [1]),
Поздоровляю васъ изъ понедилкомъ
Пріймайте хлибъ-силь,
Давайте намъ водици на добро,
Давайте (скотини, птици и т. п.) плидъ, спиръ".

Въ этомъ наговорѣ криница олицетворяется въ образѣ *красной дѣвицей*, дочь ея—вода, мать—земля, братъ—камень.

Я не берусь дѣлать изъ этого наговора какіе либо выводы; укажу только, въ какихъ случаяхъ прибѣгаютъ въ народѣ къ *криницѣ*, какъ *богинѣ плодородія.* Если желаютъ, чтобы корова давала больше молока (спиръ), то хозяйка, отрѣзавъ кусокъ хлѣба, несетъ его *вечерней зарей* къ криницѣ, чтобы никто не видѣлъ, кланяется *криницѣ* и опустивъ въ ея ключъ „окраецъ", произноситъ вышенаписанный *наговоръ*, и оставивъ хлѣбъ на ночь въ водѣ, возвращается домой. На утро на зарѣ хозяйка снова идетъ къ *криницѣ*, стараясь, чтобы никто ее не увидалъ, кланяется ей, повторяетъ свой наговоръ, вынимаетъ опущенный съ вечера въ воду хлѣбъ и вмѣстѣ съ зачерпнутою *криничной водою* несетъ домой. На порогѣ хаты кладетъ вверхъ дномъ ведро, на ведро вѣко (крышку) изъ хлѣбной дѣжи, а на вѣко хлѣбъ бывшій въ *криницѣ* и припускаетъ скотину съѣсть его, а затѣмъ выпить и воду, зачерпнутую хозяйкою изъ криницы. Народъ вѣритъ, что послѣ этого скотина получитъ приплодъ и будетъ давать больше молока. Здѣсь прямо указывается на зависимость плодородія, обилія отъ *криницы*, какъ божества.

Сообщ. **П. Литвинова.**

---

[1]) Ульяна съ греческаго значитъ волнистая, Тетяна—повелительница, а Петръ—камень.

2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ.

Кто-бы могъ подумать, что народная фантазія не только дѣлитъ неодушевленные предметы по родамъ или поламъ, но сообразно ихъ полу усвояетъ имъ тѣ или иныя свойства? — Такое повѣрье случилось мнѣ встрѣтить въ той-же Черниговщинѣ, центрѣ Сѣверской области, въ примѣненіи къ деревянной посудѣ, употребляемой для заквашиванія тѣста, а также капусты, буряковъ и пр. Народъ здѣсь строго отличаетъ „дѣжку" отъ „дѣжуна" не только по грамматическому ихъ роду и устройству, но и по нѣкоторымъ особымъ ихъ свойствамъ. Бураки, капусты, огурцы требуютъ, чтобы ихъ заготовляли въ прокъ непремѣнно въ „дѣжкѣ"; если-же положить ихъ въ дѣжунѣ", то они этимъ оскорбляются и отъ того неудаются. Въ „дѣжкѣ" и хлѣбъ удается хорошій, а въ „дѣжунѣ" никогда. Разсказывала баба изъ с. Переходова (нѣжинскаго уѣзда): „поихавъ чоловикъ у ярмарокъ и купивъ дѣжку, я й поклала въ іи капусты. Неудалась моя капуста! Я й на другій годъ—поклала—неудалась! Роздивились, ажъ то „дѣжунъ".

Этотъ-же самый „дѣжунъ" былъ проданъ за такую „не хозяйливость" въ руки одной барышни и сдѣлался „дѣжкою" въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ повѣрье, приписывающее особыя свойства „дѣжкѣ" и „дѣжуну", заставляетъ не только продавать „дѣжуна", за меньшую конечно цѣну, но и передѣлывать его на „дѣжку", вставляя или выбрасывая одну клепку.

„Дѣжка" имѣетъ четное число клепокъ, „дѣжунъ" не четное. На этомъ основана народная примѣта и связанное съ нею повѣрье.

Доселѣ ни въ одномъ этнографическомъ сборникѣ мнѣ не случалось встрѣчать такого повѣрья. Любопытно знать, существуетъ-ли оно въ другихъ мѣстностяхъ.

Сообщ. **М. Г—овъ.**

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КАРМЕЛЮКѢ.

Секретарь Кармелюка—поповичъ. Въ м. Деражнѣ жилъ старикъ—священникъ; одинъ изъ его сыновей учился въ духовной школѣ, въ м. Шаргородѣ; въ одни изъ каникулъ онъ увидѣлъ у отца старый шелковый платъ и забралъ съ собой въ Шаргородъ. Великовозрастный школяръ не могъ придумать лучшаго ему наз-

наченія, какъ сшить жилетъ. Одинъ изъ учителей присмотрѣлся случайно къ оригинальному жилету и нашелъ, что онъ сшитъ изъ стараго уніатскаго антиминса. Школяра немедленно исключили съ надлежащей аттестаціей и отправили къ отцу. Такое несчастье глубоко поразило старика-отца и онъ выгналъ изъ дому постылаго сына. Дѣло было весной; школяръ шатался по окрестностямъ и только тайкомъ отъ отца кормила иногда заходившее злосчастное чадушко его мать-попадья. Пришла Пасха и не примирила отца съ сыномъ. Послѣдній брелъ однажды лѣсомъ, голодный и утомленный, и набрелъ на группу людей, спокойно подкрѣплявшихся „свяченымъ". Послѣ обмѣна привѣтствій пригласили и его покушать. За нежданной трапезой школяръ на распросы незнакомцевъ откровенно разсказалъ имъ свою исторію. „Знаешь что?" предложилъ ему человѣкъ, съ которымъ почтительно обращались прочіе: „Оставайся при мнѣ, письменнаго человѣка мнѣ нужно. Ты уже, должно быть, слышалъ достаточно обо мнѣ: я Кармелюкъ!" Безвыходное положеніе школяра, а можетъ быть и молва о странныхъ подвигахъ Кармелюка, палочно примирявшаго богача съ бѣднымъ, расположили скитальца принять неожиданное предложеніе. Прошло довольно времени. Безпріютный школяръ освоился съ товариществомъ Кармелюка. И, когда однажды потребовалась Кармелюку бричка, чтобы въѣхать въ городъ (?) офицеромъ, для освобожденія товарищей, попавшихъ въ острогъ, новый секретарь посовѣтовалъ отправиться къ его отцу и взять бричку съ лошадьми. Явились ночью, разбудили хозяевъ и объяснили, что требуется. Заплакали отецъ и мать, увидѣвъ сына въ такой компаніи; компанія между тѣмъ распорядилась ужиномъ,—натаскала изъ коморы колбасъ, сала, огурцевъ и принялась уплетать. День былъ постный. Набожный священникъ, увидѣвъ сына съ колбасой въ рукѣ, горько упрекнулъ его, напоминая ему о постѣ.—„То жъ нічого, батюшка, замѣтилъ Кармелюкъ: онъ закусываетъ колбасу огурцомъ"! Поѣхалъ въ городъ переряженный Кармелюкъ, разставилъ переряженный караулъ на мѣсто споенныхъ инвалидовъ и освободилъ своихъ сподвижниковъ. Отцу секретаря тотчасъ же была возвращена бричка съ лошадьми.

Добродушная шутка. Въ каменецкомъ уѣздѣ въ селѣ Мукшѣ священствовалъ старикъ—іерей Стопнѣвичъ. Ѣхалъ онъ съ мельницы. Въ лѣсу останавливаетъ его неизвѣстный человѣкъ.

— Что везешь, отче?—Муку.—Гм! муку. Славные у тебя конята. А знаешь, кто я?—смѣется незнакомецъ. Старикъ выражаетъ полнѣйшее изумленіе. — Я—Кармелюкъ. Безпомощный пастырь затрясся и молитъ о пощадѣ;—заливается, хохочетъ Кармелюкъ. „Старъ ты, отче, да неразуменъ, на кой чортъ мнѣ твои клячи? На, да молись обо мнѣ грѣшномъ", сказалъ Кармелюкъ, и далъ ему нѣсколько червонцевъ.

Самозащита. У Кармелюка гдѣ-то около села Бершади летичевскаго уѣзда была фаворитка. Тамъ Кармелюкъ любилъ отдыхать отъ своихъ странствованій. Разъ въ лѣтній жаркій день плотный Кармелюкъ, чтобы лучше всхрапнуть, раздѣлся до нага и забрался на сѣновалъ. Одинъ изъ сосѣднихъ пановъ шляхтичей напалъ на его слѣдъ и отрядилъ эконома съ дворней схватить его. Не съумѣли подойти тихо, разбудили Кармелюка; во время спохватился онъ, мигомъ вырвалъ бревно изъ стѣнки сарая и, голый, металъ имъ направо и налѣво удары, пока назойливые гости не разбѣжались.

Въ бѣгахъ. Публиковали розыскъ Кармелюка, а онъ пустился бѣжать въ Бессарабію, хотя и не очень, видно, боялся поимки: не сбросилъ своего обычнаго синяго кафтана и синихъ широкихъ шароваръ. На самомъ рубежѣ Бессарабіи, въ какомъ-то тамъ селѣ, зашелъ онъ въ хату къ мужику воды напиться, а тамъ крестины: сидитъ батюшка, и кумовья, и много гостей. Ну, извѣстное дѣло: на крестинахъ, какъ и на свадьбѣ, всякому рады. Усадили Кармелюка, пошла вновь попойка и бесѣда, а притомъ распросы. Кармелюкъ назвался не то прикащикомъ, не то экономомъ какого-то богатаго пана, рѣшившимся оставить службу и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, для чего подъискиваетъ подходящій уголокъ. Судилъ онъ о хозяйственныхъ дѣлахъ съ видомъ рѣдкаго знатока и несомнѣнно умнаго и бывалаго человѣка, проговаривался какъ-бы невзначай, что располагаетъ завести пасѣку, виноградникъ, а если Богъ поможетъ, то и *шпанку.* Его смѣлыя, толковыя рѣчи о хозяйствѣ удивили простыхъ и забитыхъ селянъ. Особенно былъ удивленъ батюшка и пригласилъ къ себѣ Кармелюка. Ему хотѣлось заранѣе расположить къ себѣ будущаго своего прихожанина, а если возможно, то принять участіе въ его необычныхъ хозяйственно-промышленныхъ предпріятіяхъ. Кармелюкъ радъ былъ, что

нашелъ безопасный уголь и пріятнаго собесѣдника. Дѣло было осенью, дни свободные, толковали долго и рѣшили кое-что изъ хозяйства вести по-поламъ. Въ одно утро батюшка пошелъ въ приходъ; сотскій на улицѣ вручилъ ему бумагу—публикацію о Кармелюкѣ. Прочиталъ батюшка и идетъ домой отвѣтить: не слыхали молъ и не видали. Приходитъ, перечитываетъ примѣты и Кармелюкъ тутъ въ горенкѣ; прочиталъ, подумалъ, да и ахнулъ. Ахнулъ и Кармелюкъ, передразнивая его: »Спасибо, батюшка, за хлѣбъ-за соль, за тихій отдыхъ; примите на память«, сказалъ онъ, подавая ему горсть червонцевъ.

Е. Маковскій.

ХУДОЖНИКЪ В. Л. БОРОВИКОВСКІЙ.

1758 (?)—1825 г.

О жизни Боровиковскаго въ печати можно найдти лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія. Правда, что книги по исторіи искуства въ Россіи можно сосчитать по пальцамъ. Но нѣкоторые художники прежняго времени удостоились монографій (Брюловъ, Ивановъ). О другихъ говоритъ литература мемуаровъ. Боровиковскому посвящены три замѣтки въ справочныхъ книгахъ и одна неоконченная статья [1]) Немудрено, что большая часть изъ тѣхъ, кто останавливается въ музеяхъ и церквяхъ передъ удивительными холстами Боровиковскаго, ничего не знаетъ о немъ самомъ.

Владиміръ Лукичъ Боровиковскій—самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи. Явясь, подобно пѣвчему Лосенку, глуховскому уроженцу, на зарѣ развитія этой школы, онъ долженъ считаться однимъ изъ ея создателей. Работы его высоко цѣнятся и теперь. Но достойная слава ждетъ его въ будущемъ, когда, съ поднятіемъ просвѣщенія и развитіемъ художественнаго вкуса, найдутъ справедливую оцѣнку таланты, работавшіе въ дальнюю пору. Тогда картины стараго украинскаго

---

[1]) »Каталогъ произведеній русской живописи« Сомова, »Живопись и живописцы«—Андреева, »Школа рисованія« 1861 г., № 4 и »Художественный Сборникъ, изданный московскимъ обществомъ любителей художествъ« подъ редакціей гр. Уварова. М. 1866. Выпускъ I. (Больше не выходило). Здѣсь неоконченная статья о Боровиковскомъ П. Н. Петрова.

мастера будутъ оспариваться музеями другъ у друга и цѣниться на вѣсъ золота.

Небогатый дворянинъ [1]), прослуживъ въ войскѣ до чина поручика, онъ почувствовалъ утомленіе и поселился въ родномъ Миргородѣ. Онъ рисовалъ самоучкой и, какъ видно, пользовался уже нѣкоторой репутаціей, такъ какъ, во время столь извѣстнаго путешествія Екатерины II въ Тавриду (1787 года), кіевскій губернскій предводитель дворянства Капнистъ заказалъ ему написать нѣсколько картинъ для одного изъ домовъ, гдѣ должна была остановиться царица. Требовались аллегоріи во вкусѣ того времени, съ примѣсью лести. Заказъ былъ исполненъ и въ аллегоріяхъ оказалось достаточно ѳиміаму. Екатерина объясняла тутъ свой наказъ семи греческимъ мудрецамъ. Петръ I вспахивалъ землю, на которой Екатерина сѣяла сѣмена и всходы посѣвовъ виднѣлись ужь вдали... Картины понравились и судьба художника была рѣшена. Онъ мѣняетъ скромный Миргородъ на сѣверную столицу, отправляясь учиться живописи на казенный счетъ. Кто былъ его первымъ учителемъ? По однимъ свѣдѣніямъ — „Лампій старшій". Но г. Петровъ, въ своей замѣткѣ, не принимаесъ этого— прежде всего потому, что оба Лампи, отецъ и сынъ пріѣхали въ Петербургъ только въ 1791 г., а въ 1789 г. Лампи—отецъ только вызванъ былъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ изъ Вѣны въ Варшаву. Первымъ учителемъ Боровиковскаго Петровъ считаетъ поэтому Левицкаго, написавшаго еще въ 1782 г. очаровательный портретъ государыни, послужившій поводомъ оды Державина „Видѣніе Мирзы". Достовѣрно то, что даровитый лѣвша (Боровиковскій рисовалъ лѣвою рукою) учился у обоихъ художниковъ и усвоилъ себѣ вполнѣ техническую ловкость и утонченную изысканность своихъ учителей, этихъ истинныхъ дѣтей XVIII вѣка.

---

[2]) По справкѣ въ генеалогіи дворянскихъ родовъ полтавской губерніи, хранящейся у полтавскаго предводителя дворянства, оказалось, что потомственное дворянство получено Боровиковскими только въ 1845 г. Ранѣе 1845 г. не записанъ ни одинъ Боровиковскій. Впрочемъ въ бумагахъ упоминается, что Левъ Ивановичъ (писатель) былъ уже ранѣе дворяниномъ, личнымъ, хорольскаго уѣзда. Владиміръ Лукичъ былъ братомъ отца писателя—Ивана Лукича. Онъ умеръ бездѣтнымъ.

Оставаясь оригинальнымъ, онъ взялъ у Левицкаго легкость и силу и строгость и обдуманность рисунка у Лампи.

Неподражаемый портретистъ онъ въ тоже время—вдохновенный религіозный живописецъ. Его картины на библейскіе сюжеты дышатъ глубокой и наивной вѣрой, переходящэй, къ концу его его жизни, въ мистическій восторгъ. Въ обоихъ родахъ, религіозномъ и портретномъ, благодаря замѣчательному трудолюбію, онъ произвелъ много. Небольшая часть его работъ сдѣлалась пока достояніемъ музеевъ. Остальное, напр. портреты, хранится въ частныхъ домахъ, какъ фамильная драгоцѣнность или украшаетъ стѣны храмовъ. Изъ религіозныхъ вещей картонъ „Богъ Саваоѳъ, созерцающій Списителя въ страдальческой его кончинѣ", находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Передъ Богомъ-отцомъ, на облакахъ, лежитъ безжизненное тѣло Христа, на которое онъ смотритъ съ глубокой скорбью. Въ заброшенномъ Густынскомъ монастырѣ мнѣ случилось видѣть, наивную по живописи, подобную же фреску въ куполѣ храма. Можетъ быть художникъ вспомнилъ что нибудь подобное, видѣнное на родинѣ? Изъ работъ, находящихся въ церквяхъ Петербурга, „Благовѣщеніе"—два медальона на царскихъ вратахъ Казанскаго собора—справедливо считается однимъ изъ лучшихъ вдохновеній миргородскаго мастера. Отличительныя черты этой композиціи—красота и грація. Послѣднее качество у русскихъ художниковъ особенно рѣдко.

Непорочная Дѣва, сложивъ руки на груди, склонилась надъ книгой, внимая словамъ небесной воли. Снѣжно-бѣлая ткань окутала ея плечи. Вѣнецъ изъ блѣдныхъ звѣздъ мерцаетъ надъ головой. Фигура Архангела—вся движеніе и свѣтъ. За плечомъ его дрожитъ крыло. Легкій, какъ видѣнье, предсталъ онъ предъ нею и, повѣдавъ благую вѣсть, утонетъ опять въ волнахъ свѣта. Все дышетъ здѣсь инымъ, чудеснымъ міромъ и о землѣ говоритъ только покрытый цвѣтами, гибкій стебель лиліи въ рукѣ Гавріила.

Горельефъ изъ литаго серебра, съ головками ангеловъ по сторонамъ, окаймляетъ эти дивную живопись. Когда царскіе врата открываются и косой лучъ свѣта падаетъ на ихъ колеблющіеся стѣнки, въ синеватой дымкѣ ладана, и Дѣва и Ангелъ кажутся по истинѣ небеснымъ видѣніемъ.

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ выставленъ только одинъ холстъ Боровиковскаго, это—портретъ Мурзы-Кули-Хана, брата персидскаго шаха, пріѣзжавшаго посломъ ко двору Екатерины. Портретъ писанъ по заказу царицы. Онъ виситъ въ той залѣ, гдѣ скучныя полотна Угрюмова, противъ „Париса" Кановы.

Принцъ писанъ во весь ростъ, въ высокой шапкѣ, обвитой пестрою шалью, въ темнозеленомъ халатѣ и парчевой шубѣ на собольемъ мѣху. Матово-блѣдное лицо красиваго типа носитъ характеръ восточной нѣги. Узкая, чорная, холенная борода спускается до пояса. Правая рука лежитъ на кушакѣ, а лѣвая на рукояткѣ сабли. Это восточный властитель и воинъ.

Въ золотисто-голубоватой дымкѣ задняго плана художникъ, помѣстилъ купы кустовъ, палатки военнаго лагеря и дальше, совсѣмъ вдали, дворецъ у подножія горъ. Желанье-ли принца или капризъ художника,—эта обворожительная ложь вскрываетъ предъ нами тайникъ изящнаго воображенія артиста и своими едва уловимыми контурами дорисовываетъ характерный обликъ изображеннаго лица, гдѣ въ гармоническомъ сочетаніи слились двѣ коренныя черты: мужество и изнѣженность.

Нѣжная плотность шелка, мягкіе отливы бархата, игра и блескъ самоцвѣтныхъ камней, иглистый пухъ соболя—все это покорно кисти мастера и является какъ бы естественнымъ дополненіемъ у того, кто съ такимъ высокимъ искусствомъ умѣетъ изображать *человѣка*. А великихъ портретистовъ и характеризуетъ именно *это* умѣнье. Такіе портреты, какъ портретъ Екатерины II въ царско-сельскомъ паркѣ, въ пожиломъ возрастѣ и съ собачкой на рукахъ, или Павла I, во весь ростъ, въ далматикѣ и коронѣ, болѣе чѣмъ хорошая живопись. Это запечатлѣнный художникомъ живой образъ, который говоритъ больше, чѣмъ иной кропотливый историческій трудъ.

Счастливый случай соединилъ однажды значительное число портретныхъ работъ Боровиковскаго: болѣе двадцати. Это было на исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVII вѣковъ, въ Петербургѣ. Оцѣнить его, какъ портретиста, можно было только тамъ, предъ этой галлереей типовъ минувшаго, гдѣ каждое лицо выходило вновь изъ прошлаго мрака, во всей своей индивидуальности, схваченной художникомъ.

Эти сановники былыхъ временъ, красавицы, блиставшія нѣкогда, чопорные аристократы и церковные іерархи, проходили вереницей передъ воображеніемъ, оживая вновь подъ кистью несравненнаго мастера. Уста, шептавшія слова любви и уста, произносившія проклятія крѣпостного вѣка, очи, за которыя жертвовали жизнію, и грозныя очи, предъ которыми трепетали подвластные люди,—все было здѣсь живое. Какъ портретистъ, Боровиковскій имѣетъ немного равныхъ. Рисуетъ-ли онъ задумчиваго старца („Зима" въ Румянцевскомъ музеѣ) или пышнаго „Экзарха Грузіи (въ собраньи Третьякова), молодую красавицу или умудреннаго опытомъ мужа,—вездѣ, подъ внѣшнимъ обликомъ, силою таланта, раскрываетъ онъ обликъ нравственный, духовный, внутреннюю жизнь человѣка и даетъ не только внѣшне-схожій портретъ, но художественно-постигнутый, глубокій образъ.

О петербургской жизни Боровиковскаго извѣстно не много. Старый Лампи, умирая, оставилъ ему свою мастерскую, на Мильонной улицѣ, гдѣ художникъ и работалъ впослѣдствіи. Оставлять ему свою „практику" Лампи не было надобности, такъ какъ въ то время Боровиковскій и безъ того имѣлъ массу заказовъ. Повидимому однако онъ не былъ богатъ. Неискательный, преданный одному своему искусству, заключившись въ стѣнахъ мастерской, онъ ничего не просилъ у своихъ современниковъ и рѣдко показывался даже въ публику.

Мистическое увлеченіе, охватившее общество во вторую половину царствованія Александра I, нашло въ настроеніи Боровиковскаго вполнѣ подготовленную почву. Съ мечтательной натурой, съ умомъ старавшимся проникнуть въ таинственныя области неизвѣстнаго, онъ примкнулъ къ духовному союзу Татариновой и сталъ однимъ изъ ревностныхъ его членовъ. Сохранились листки изъ его записной книжки, относящейся къ этому времени [1]). Въ нихъ, на ряду съ откликами страстныхъ религіозныхъ порывовъ, проглядываетъ и тяжелое и скорбное чувство неудовлетворенности. Этотъ „союзъ", состоявшій изъ людей родовитыхъ, повидимому смотрѣлъ свысока на скромнаго и искренняго художника, хотя и эксплуатировалъ его талантъ для своихъ цѣлей. Общество Татариновой существо-

[1]) Напечатаны въ изданіи Бартенева »Девятнадцатый вѣкъ«. М. 1871 г.

вало до 1837 г. Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ 1825 г. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ аллегорій („Зима" въ румянцевскомъ музеѣ) онъ, кажется, изобразилъ самого себя. Среди безжизненнаго пейзажа старый крестьяникъ въ зипунѣ грѣетъ руки надъ горящими угольями. Взглядъ этого одинокаго, стараго человѣка полонъ глубокой тоски.

Чрезвычайно желательно было-бы опубликованіе біографическаго матеріала, касающагося славнаго миргородскаго уроженца. Мы слышали, что собираніемъ такого матеріала занятъ одинъ изъ потомковъ художника по линіи его брата. Интересно было-бы видѣть добытые имъ данныя въ печати; что касается списка произведеній Боровиковскаго, то быть можетъ онъ не будетъ лишнимъ для поклонниковъ художника, такъ какъ произведенія эти разбросаны по разнымъ мѣстамъ и свѣдѣнія о нихъ не всѣмъ доступны. Отъ тѣхъ-же цѣнителей зависитъ сдѣлать прилагаемый ниже списокъ обстоятельнѣе и полнѣе.

В. Горленко.

Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго.

Въ Эрмитажѣ.

Портретъ персидскаго принца Мурзы-Кули-Хана.

Въ Академіи Художествъ.

1. Портретъ Торсуковой (поясной).
2. Повтореніе портрета персидскаго принца, въ маленькомъ видѣ.

Въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

1. Портретъ президента академіи художествъ А. Ѳ. Лабзина (маленькаго размѣра).
2. Святое Семейство (копія съ эрмитажной картины Корреджіо).
3. Зима (аллегорія).
4. Портретъ Амвросія, митрополита новгородскаго и петербургскаго. Въ митрѣ, епископскомъ облаченіи и съ посохомъ (Даръ Третьякова).
5. Богъ Саваоѳъ (маленькій картонъ).
6. Портретъ Михаила Десницкаго, впослѣдствіи митрополита петербургскаго, въ бытность его епископомъ старорусскимъ.

Въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

1. Благовѣщеніе (два медальона на Царскихъ вратахъ).
2. Евангелисты (id).
3. Образъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, въ иконостасѣ лѣваго придѣла (вышина 2½ аршина, ширина 1 арш. 5¼ вершка. Покрытъ серебрянной ризой, видны одни лица).

4 и 5. Тамъ-же: два образа равноапостольныхъ Константина и Елены (изображены въ далматикахъ, въ ростъ. Св. Константинъ держитъ осьмиконечный

крестъ. Надъ нимъ, на небѣ, знаменіе креста, слившееся изъ звѣздъ. Св Елена съ обрѣтеннымъ на Голгофѣ крестомъ. Вышина 2½ арш., ширина 1 арш. 3 вершка).

Въ церкви Троицы, на смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, гдѣ погребенъ Боровиковскій.

Иконостасъ верхней церкви.

Въ церкви села Романовки, мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

Иконостасъ (свѣдѣніе о немъ въ письмѣ Чижова къ Максимовичу, „Кіевская Старина, 1883 г., апр., стр. 851).

Въ галлереѣ Третьякова (Москва, Замоскворѣчье, Большая Ордынка, Лаврушенскій переулокъ).

1. Портретъ экзарха Грузіи (изъ петербургскаго собранія Н. Д. Быкова). Въ полномъ облаченіи, съ посохомъ и регаліями, въ клобукѣ. На клобукѣ алмазный крестъ жемчужные ангелы на оплечіяхъ. Подписано: писалъ В. Боровиковскій, 1811 г.
2. Портретъ стараго сановника, въ лиловомъ бархатномъ кафтанѣ, красной лентѣ и звѣздѣ.
3. Поясной портретъ молодой дѣвушки, въ кисейномъ бѣломъ платьи, съ пейзажемъ сада позади.
4. Портретъ пожилаго человѣка въ военномъ сюртукѣ.
5. Повтореніе маленькаго портрета персидскаго принца безъ пейзажа.
6. Портретъ дамы среднихъ лѣтъ, восточнаго типа, въ желтой шали (Каталога третьяковской галлереи не существуетъ, а потому имена оригиналовъ неизвѣстны).

Портреты, бывшіе на »Исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ« въ Петербургѣ въ 1870 году (Номера означены по каталогу выставки, изд. подъ редакцій П. Н. Петрова).

1. Екатерина II въ царскосельскомъ саду, № 351 (принадлежитъ П. И. Кузнецову).
2. Графъ Самойловъ (съ оригинала Лампи, приписывается Боровиковскому) № 454 (прин. А. Яблочкину).
3. Лачинова (овальный, маленькаго размѣра) № 606 (Охочинскаго).
4. Великая княгиня Анна Ѳедоровна, № 623 (музея Эрмитажа, № 1280. Взятъ изъ Гатчинскаго дворца).
5. Вел. кн. Екатерина Павловна, № 637 (И. Л. Кузьмина).
6. Вел. кн. Елена Павловна (поясной портретъ 1796 г. Музея Эрмитажа № 1272. Взятъ изъ Гатчинскаго дворца).
7. Павелъ I въ натуральный ростъ, № 640 (Департамента удѣловъ).
8. Великій князь Александръ Павловичъ (ниже пояса. 1796 г. № 644. Муз. Эрмит. № 1273 изъ Гатчинскаго дворца).
9. Державинъ, № 653.
10. Графъ Васильевъ, № 654.
11. Дмитр. Прокоф Трощинскій, № 738 (Шлихтинга. Была копія подъ № 678).
12. Графиня Мусина-Пушкина (маленьк. портр.) № 687 (князя А. И. Шаховскаго).
13. Графъ Андрей Ильичъ Безбородко, № 697 (граф. Е. Д. Кушелевой).
14. Ардал. Алекс. Торсуковъ (Портр. по колѣни) № 700 (кн. Волконскаго).
15. Граф. Анна Иван. Безбородко, № 720 (гр. Е. Д. Кушелевой).

16. Дарья Алекс. Валуева, № 703 (графа П. А. Валуева).
17. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (поясной) № 723. С. А. Гедеонова).
18. Екатер. Алекс. Архарова (поясной портр. въ чепцѣ) № 750 (А. А. Васильчикова).
19. Ольга Кузьм. Филиппова (поясное изображ. 1790 г.) № 759 (А. Н. Филиппова)
20. Павелъ Степ. Филипповъ (старшій архитекторъ при сооруженіи казанскаго собора. Поясной портр. 1790 г.) id.
21. Княжна Ал. Ник. Волконская (дочь фельдмаршала Репнина, держитъ медальонъ съ изображеніемъ своего отца) № 762.
22. Княгиня Наст. Ив. Куракина (поясной портр. 1790 г.) № 754 (кн. А. Б. Куракина).
23. Вѣра Ив. Арсеньева, № 763 (В. И. Ламанскаго).

Въ »Указатель собранія картинъ и рѣдкихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ въ Петербургѣ (Спб. 1861 г.) указаны *слѣдующія работы Боровиковскаго:*

1. Портретъ митрополита Михаила. Принадлежитъ Прянишникову. Безъ сомнѣнія это портретъ Мих. Десницкаго, находящійся въ румянцевскомъ музеѣ. Большая часть галлереи Прянишникова перешла туда.
2. Портретъ гр. Кутайсова (принадл. И. М. Смирнову).

3—5. Три семейныхъ портрета (принадлежатъ Ѳ. О. Львову); одинъ изъ нихъ (портретъ молодой, улыбающейся женщины, въ красномъ платьи) весною 1883 г. продавался въ Петербургѣ въ художественномъ магазинѣ Семенова (Гороховая д. 56).

Извѣстны еще у частныхъ лицъ.

1. Портретъ А. Лопухина (гдѣ-то на югѣ).
2. Портретъ Д. П. Трощинскаго, поясной въ креслѣ, съ видомъ въ окно на с. Кагарлыкъ кіевской губерніи, купленъ былъ въ м. Кагарлыкѣ, на аукціонѣ, покойнымъ кіевскимъ коллекціонеромъ И. П. Новымъ. Нынѣ находится въ Одессѣ у г. Далькевичъ.
3. Нерукотворенный образъ, писанный по заказу Трощинскаго въ 1823 г. Купленъ, при распродажѣ галлереи послѣдняго, И. П. Новымъ.
4. Святое Семейство. Картина эта найдена извѣстнымъ писателемъ Н. С. Лѣсковымъ въ Малороссіи, заброшенною въ какомъ-то помѣщичьемъ домѣ. О своей находкѣ г. Лѣсковъ тогда сообщалъ въ газетахъ.

Гравюры съ Боровиковскаго мнѣ извѣстны двѣ: »Екатерина II въ царскосельскомъ саду« Уткина и »Поясной портретъ Трощинскаго« работы Ухтомскаго.

Портретъ самого художника хранится въ Румянцевскомъ музеѣ, въ такъ называемомъ Дашковскомъ собраніи.

ГРЕЧЕСКІЯ МУЗЫ ВЪ МАЛОРУССКОМЪ ИЗОБРАЖЕНІИ.

(Рисунокъ и объясненіе къ нему).

Въ богатомъ собраніи рѣдкихъ книгъ и рукописей Н. М. Бѣлозерскаго нашлась давно сообщенная намъ рукописная книга первой половины XVIII ст., изъ которой и заимствовано прилагаемое къ настоящей книжкѣ изображеніе девяти греческихъ музъ въ малорусскомъ такъ сказать перекладѣ.

Чтобы яснѣе представить всѣ особенности этого рисунка и его внутренній смыслъ, изложимъ прежде его историческое происхожденіе.

Въ 1700 г., въ Черниговѣ, архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ учреждено было училище подъ названіемъ „Колегіумъ", иначе „Олимпъ", тоже, что впослѣдствіи „Школа славянско-латинскаго языка", а нынѣ черниговская духовная семинарія. Коллегіумъ устроенъ былъ по образцу кіевской академіи, подобно ей открытъ былъ для лицъ всякаго званія, а содержался преимущественно на средства разныхъ ревнителей просвѣщенія. Въ числѣ ихъ былъ родственникъ основателя „Олимпа", Тимофей Максимовичъ, съ 1727—1749 г. занимавшій почетный постъ архимандрита богатаго и древняго черниговскаго елецкаго монастыря [1]). До поступленія на это мѣсто, онъ три года пребывалъ на „Олимпѣ", просвѣщая юношество реторикою, піитикою и прочими науками; но и перейдя съ Олимпа на „Болдины горы", не оставлялъ помогать его питомцамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ содержалъ на свой счетъ. Эти-то, по тогдашнему названію, кліенты его, а можетъ быть и прочіе питомцы „Олимпа", движимые чувствами признательности къ своему патрону и меценату, 1730 г., въ день его именинъ вздумали поднести ему, по обычаю того времени, *панегирикъ*. Панегирикъ этотъ представляетъ собою рукописную книгу изъ 20-ти листовъ писчей бумаги, мелко исписанной отъ начала до конца похвальными рѣчами имениннику отъ преданныхъ емъ „спудеевъ". Всѣхъ рѣчей четыре: двѣ на латинскомъ языкѣ,—одна въ прозѣ, другая въ стихахъ, и двѣ на польскомъ, обѣ въ стихахъ. Каждая рѣчь имѣетъ

[1]) Историко-стат. Опис. черн. еп. архіеп. Филарета, т. III, стр. 24.

длинное, во всю страницу, вычурнаго письма и еще болѣе вычурнаго слога заглавіе или посвященіе. Сущность всѣхъ заглавій можетъ быть передана въ переводѣ слѣдующими главными словами перваго изъ нихъ: „сокровищница неисчислимыхъ добродѣтелей.... архимандрита.... Тимоѳея Максимовича... открытая предъ нимъ... инфимистомъ Андреемъ Максимовичемъ". Авторы другихъ рѣчей своихъ фамилій не выставили. Годъ поднесенія панегирика обозначенъ съ свойственною старинѣ замысловатостію: въ двухъ латинскихъ стихахъ, заканчивающихъ первое посвященіе, тѣ буквы, которыми можно обозначить число 1730, поставлены въ видѣ заглавныхъ и притомъ курсивомъ; только съ приведеніемъ ихъ въ порядокъ по величинѣ означаемыхъ ими чиселъ и сложеніемъ сихъ послѣднихъ получился годъ посвященія. Рисунокъ, въ которомъ составители панегирика полагали, конечно, все достоинство имениннаго подарка, помѣщенъ между рѣчами польскими и снабженъ особыми польскими-же стихами въ полторы страницы, смутно поясняющими искуственную композицію рисунка. Самый рисунокъ занимаетъ полъстраницы; онъ начерченъ съ помощью пера—чернилами и тушью и представляетъ собою Олимпъ съ его божествами, далеко не въ полномъ сборѣ, а только тѣми, которыя имѣли отношеніе къ наукамъ и искуствамъ. У подошвы горы расположены музы—всѣ девять. Одна изъ нихъ, занимающая середину, играетъ на *цымбалахъ* и по роду инструмента находится въ положеніи сидячемъ; стоящія справа двѣ держатъ въ рукахъ военныя казачія трубы и какъ-бы оспариваютъ что-то другъ у друга; стоящія съ лѣвой стороны играютъ—первыя на сопилкѣ, замѣняющей флейту, вторая на скрипкѣ, третья на кобзѣ, четвертая на басѣ и только двѣ при двухъ послѣднихъ, вѣроятно предназначенныя восхвалять одну и ту-же добродѣтель мецената, не имѣютъ особыхъ инструментовъ. По приводимому здѣсь въ подстрочномъ примѣчаніи переводу сопровождающихъ рисунокъ польскихъ стиховъ [1]), досужій и любопытный читатель можетъ опредѣлить не только роли музъ съ ихъ названіями, но и мѣсто каждой, т. е. на какомъ инстру-

---

[1]) »Кого такъ славано воспѣваете, музы? Кому до самаго неба гремите: *виватъ?* Тому-ли, что въ блестящей коронѣ вѣнчаетъ главу свою кипарисомъ? Или тому, что на Парнассѣ, въ прекрасномъ Геликонѣ играетъ на цитрѣ? Тому-ли, который нѣкогда съ дочерьми Орфея распивалъ кастальскіе ликеры? Знаю

ментѣ какая муза играетъ и какую добродѣтель патрона восхваляетъ. Кромѣ малорусскихъ инструментовъ, данныхъ въ руки греческимъ богинямъ, и одѣты онѣ несомнѣнно по малорусски, хотя по несовершенству рисунка и поблеклости чернилъ трудно съ точностію опредѣлить родъ и названія одежи, какая дана музамъ. Въ рисункѣ допущены нѣкоторыя отступленія отъ національныхъ костюмовъ того времени, но нѣкоторымъ мелкимъ чертамъ фигуръ и едва примѣтнымъ тѣнямъ волосъ на головахъ нельзя не признать и фигуры и костюмы женскими: верхняя одежда—кунтуши, а широкія на нихъ полосы спереди означаютъ передники, какіе видимъ на рисункахъ женскихъ нарядовъ, приложенныхъ къ Лѣтописи Ригельмана. На двухъ классическихъ холмахъ Олимпа помѣщены два высшія божества: справа, на Парнасѣ, Аѳина, богиня мудрости, слѣва на Геликонѣ Аполлонъ, покровитель просвѣщенія. Одѣяніе Аѳины фантастическое—сорочка, приподнятая выше колѣнъ, и какое-то покрывало, перекинутое чрезъ плечи; богиня играетъ на лютнѣ или лирѣ. Аполлонъ представленъ просто хлопцемъ въ сорочкѣ, съ сильно подкатанными штанами и шапкой, какую видимъ на изображеніи козака на картѣ у Боплана; играетъ онъ на бандурѣ, какъ прямо сказано въ текстѣ одной изъ приложенныхъ рѣчей. Надъ Олимпомъ въ облакахъ самъ Юпитеръ съ приподнятой лѣвой, опущенной правой рукой и распростертымъ свиткомъ отъ головы, а на свиткѣ обращенныя къ играющимъ слѣд. слова: *Ludite virtutem carae et pulchrae soboles*, т. е. восхваляйте добродѣтель (разумѣется Максимовича), дорогое и прекрасное товарищество. Надъ головами музъ справа надпись: *Ludimus mirando virtutem* (восхваляемъ въ изумленіи добродѣтель), а слѣва: *Hic probitatis honos* (здѣсь, т. е. въ славѣ, награда добродѣтели).

Такова композиція рисунка и составъ всего панегирика. Прибавимъ къ этому, что края листовъ украшены тщательно сдѣлан-

---

хорошо, что это тебѣ, честный архимандритъ, приносятъ онѣ дань хвалы—прекрасно играя на лютнѣ Калліопа, воспѣвая твою доброту Тельксіопа, Кліо между тѣмъ славу, — она давно научилась восхвалять истинно добродѣтельныхъ,—Эрато всегда и каждому охотно указываетъ истинную любовь къ ближнему, Мельпомена и Талія щедроты, Полигимнія съ Терпсихирою цноты (добродѣтели), а прекрасная Уранія, восхваляя тебя, пронизываетъ голосомъ своимъ самый Олимпъ«.

ными перомъ виньетками, а мѣста между рѣчей—цвѣтами; на обложкѣ книги изъ плотной (альбомной) бумаги краснаго цвѣта вытиснуты на лицевой сторонѣ священныя изображенія, въ числѣ 8-ми, а на задней какія-то аллегорическія картины въ числѣ 12-ти. Тѣ и другія очень тонкой работы; но, къ сожалѣнію, рельефъ обложки значительно сгладился отъ времени, а потому невозможно разгадать содержанія и значенія изображеній, кромѣ явственно видимой картины Благовѣщенія.

Панегирики, подобные настоящему, въ печатномъ видѣ встрѣчаются еще въ XVI ст.; ими въ особенности богатъ былъ вѣкъ XVII; въ XVIII вѣкѣ мода на нихъ постепенно исчезаетъ и они замѣняются отдѣльными одами и похвальными рѣчами, изустно произносимыми. Панегирики, посвящавшіеся знатнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе великимъ историческимъ дѣятелямъ, напр. Петру Могилѣ, на смерть Сагайдачнаго и пр., имѣютъ значеніе историческихъ памятниковъ: въ нихъ разбросаны біографическія, генеалогическія и вообще историческія свѣдѣнія, встрѣчаются гербы и другія изображенія, да и сами они служатъ отголоскомъ понятій, обычаевъ и вкуса даннаго времени. Но что, спроситъ читатель, можетъ представить и какое историческое значеніе имѣть панегирикъ лицу, ничѣмъ себя не заявившему въ исторіи, какъ въ настоящемъ случаѣ?—Въ сферѣ жизни прежней, какъ и современной, нѣтъ столь малаго лица и факта, которые не служили-бы отображеніемъ даннаго времени. Такъ и въ этомъ случаѣ. Любопытно это изображеніе Олимпа, съ его обитателями, на малорусскій ладъ, это низведеніе божествъ въ среду будничной жизни, въ которомъ черниговскіе спудеи опередили оригинальнаго перелицовщика Энеиды—Котляревскаго,—даже самая мысль ихъ поставить древнихъ боговъ въ положеніе служащихъ ихъ цѣли — прославленію своего патрона и мецената. А путь къ этой мысли для составителей панегирика былъ самый простой и естественный: ихъ коллегіумъ носилъ названіе Олимпа,—какъ представить этотъ Олимпъ, если не въ видѣ древняго? Но съ другой стороны какъ представить его миѳическихъ обитателей, если не въ современныхъ близкихъ образахъ? И вотъ передъ нами богини въ сорочкахъ и жупанахъ „рѣжутъ" на кобзахъ и цымбалахъ, трубятъ въ козачія трубы, и самъ

Аполлонъ, *закачавши холоши*, отдираетъ на бандурѣ. Музы и музыки—одно созвучіе давало поводъ къ такому сопоставленію и перелицовкѣ греческаго на свое родное. И это былъ единственный моментъ, когда составители панегирика сходили съ высоты одуряющей схоластики на свою родную почву, оживали и отдыхали на ней. Все остальное въ панегирикѣ,—длиннѣйшія рѣчи въ прозѣ и стихахъ, на латинскомъ и польскомъ языкахъ, не что иное, какъ непроходимая дебрь и невообразимая гиль, которыя показываютъ, какъ далеко отъ жизни стояло тогдашнее образованіе и какъ мало общаго имѣло оно съ нею. Пройдя лишь такъ сказать по верхамъ эти 20 листовъ убійственной латыни и польщизны, не вынесешь изъ нихъ ни одной живой мысли, никакого представленія о чествуемомъ лицѣ, его качествахъ и дѣлахъ, ни о самихъ панегиристахъ, ни о заведеніи, къ которому пріурочено торжество и ни малѣйшаго указанія на тогдашнюю жизнь и ея обстановку. Рѣчи панегиристовъ держатся на отвлеченной мысли о добродѣтеляхъ и славѣ ихъ патрона, которымъ удивляются якобы всѣ боги, но каковы эти добродѣтели и въ чемъ они проявлялись, объ этомъ ни слова. Мысль и воображеніе поздравителей ни на минуту не выступаютъ изъ заколдованнаго классическаго міра, оттуда черпаютъ свои вдохновенія, самыя представленія, образы, сравненія, постоянно переходя отъ Юпитера къ Посидону, изъ Колхиды на Циприду, отъ Тезея и Менелая къ Ксерксу, Александру Македонскому и т. д Для насъ—людей иного склада мысли не понятно даже, какъ люди, не потерявъ здраваго разсудка, могли отдаваться такой безплодной и бездушной работѣ. И если нѣтъ въ ней ни одного родного, жизненнаго образа, то нѣтъ и ни одного родного слова или звука. Насъ не удивляетъ господство латыни на черниговскомъ „Олимпѣ",—она царила тогда во всѣхъ школахъ Европы; но насъ поражаетъ господство здѣсь польской рѣчи. Малороссія, потоками крови смывшая слѣды польскаго панованья, находясь около ста лѣтъ подъ русскимъ владычествомъ, не могла сбросить съ себя ярма польской культуры. И это по ту сторону Днѣпра, въ центрѣ Сѣверской земли, въ стѣнахъ новооткрытаго вдали отъ Польши учебнаго заведенія! Шло третье, нарождалось четвертое поколѣніе, а духъ жизни удерживался прежній. Свидѣтелемъ живучести этого

духа тамъ, гдѣ, казалось, онъ давно долженъ былъ испариться, памятникомъ вообще нашего тогдашняго образованія, нашей замершей среди политическихъ невзгодъ жизни и служитъ очерченный нами панегирикъ съ его оригинальнымъ рисункомъ, приближающимъ парящія въ отдаленномъ полумракѣ существа и низводящимъ въ служебную роль то, что царило въ древнемъ классическомъ мірѣ.

LUDIMUS MIRANDO VIRTUTEM
HIC PROBITATIS HONOS

пуздерковая круглая, чтобъ такихъ еще три придѣлано. Послано колесо до пана Василя Борозни въ Куршановичи, при писмѣ чрезъ войта хороминского, которому и о оставленномъ конѣ приказъ отданъ. Врученъ листъ Марку для пересылки въ Глуховъ, до брата Андрея Ханенка [66]).

23. Данъ молитвенникъ пану Мануилу Зѣневичу, дозорци ропскому. Розышлось копѣекъ 8. По обѣдѣ зъ Ропска виехали и едучи чрезъ Плавню, видѣли тамъ камень нашъ оставленный. Почовали сами въ Курозновѣ, а возки въ Нижніомъ.

24. Прибылисмо рано въ Нижнее, гдѣ снѣдали; и писаны два листи, еденъ до атамана городового погарского о висилцѣ въ Стародубъ Мойсея шевця зъ 10 белками или зъ двома черными козьлами; другій до старосты перегонского о присилцѣ въ дворъ стародубовскій овса осмачокъ двохъ, чоботы сафяновыя, которіе шилъ Мойсей швецъ, юоовую одну шкуру, которая меншая, індиковъ 2 старихъ, гусей 2, курей 6, утокъ 4, каплуновъ тогорочныхъ 6, оцту, варива, которое вкисло, а именно сѣченой капусти и бураковъ по дежцѣ.—Прибылъ въ Стародубъ передъ вечеромъ.

25. Обѣдали у пана Андрея Миклашевского купно зъ капитаномъ Яковомъ Гавриловичемъ Лебедевымъ, зъ Глухова присланнымъ зъ грамотою милостивою о одставцѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

26. Таяжъ грамота церемоніално публикована и благодарственный былъ молебенъ съ пушечною стрелбою, а потомъ гуляли у пана наказного (полковника) до ночи. Сего жъ числа, въ время обѣда, поданъ указъ отъ ясневелможного, чтобъ присилать старшину полковую и сотниковъ въ Глуховъ для вислушанія грамоты, присланной чрезъ новоопредѣленного въ стародубскій полкъ г. Александра Івановича Дурова. Да сего жъ числа прибыла и панѣя Турковская зъ Мглина въ Стародубъ.

27. Обѣдали и гуляли весь день у пана Федора Ширая [67]) ради приезду панѣи Турковской [68]). Качановскому на чоботы дано 20 копѣекъ.

---

[66]) Андрей Федоровичъ Ханенко.

[67]) Федоръ Степановичъ Ширай, внукъ извѣстнаго войта стародубскаго Спиридона Ширая, основавшаго своею пеньковою торговлею богатство Шираевъ.

[68]) Жена Михаила Турковскаго, впослѣдствіи генеральнаго писаря.

28. Обѣдали и весь день гуляли у пана наказного.

29. Пошло на желѣзо 20 копѣекъ, ковалю 15 копѣекъ. Примовала паню Турковскую съ прочими у себе пани Скорупина [69]).

30. Писанъ листъ зъ инстанціею за парохіанами николскими о состроеніи имъ каплицы, до отца писаря катедры черніговской. Публикованы указы о невзиманю впредь полушокъ и малыхъ копіекъ съ 1728 году дѣланныхъ. Данъ 1 рубль полушками панее—1 рубль полушками пропалъ. Алексію на рукавици 15 коп.

31. Вручены 67 копѣекъ полушками Павлику для росходу. Виехали зъ Стародуба къ Глухову и на дорозѣ встрѣтились зъ паномъ Маркомъ Андріевичомъ Марковичомъ, подскарбія енералнаго сиромъ, которій того дня виездилъ до Стародуба для отправленія веселья зъ дочерью панеи Березовской Мароою. Мы прибыли на ночъ до Кистра; тутъ за направу колеса ковалеви даны 4 копѣйки и ночовали у отца Климентія Боярского, бывшого погарского протопопа, священника свято-троецкого кистерского.

Декабрь.

7. Въ Погарѣ Алексію данъ 1 рубль, да ему-жъ на рукавици 15 коп. и за его-жъ заплачено 20 коп.; за его жъ переняѣвся заплатилъ Өедору, Козми Іакимовича слузѣ, 5 рублей; и заплачено 1731 августа 4 дня, въ Глуховѣ, 6 рублей 35 коп. У Александра Левицкого 4 червоніи куфа горѣлки. На провозъ оной за подводу 3 рубля, на пошлину 1 рубль. Два червоныхъ на позолоту шаблѣ; на желѣзо 2 рубли. Мнѣ онъ же для жены дѣлалъ шапку зъ пудломъ.

Журналъ 1731 году.

Генварь.

1. Виехалъ рано зъ Перегону, обѣдалъ въ Чаусахъ, ночовалъ въ Мехедовцѣ; одселя въ вечеру писаны писма..... о посилцѣ тушъ свиныхъ къ Николаю Павловичу и до Липского о разныхъ господарскихъ дѣлахъ; розишлось 2 коп.

---

[69]) Жена стародубскаго полковаго писаря Григорія Скоруны—Настасья Степановна, рожденная Ширай.

2. Прибылъ на обѣдъ въ Шатрищи; одтоль приехалъ позно въ Глуховъ и тутъ сталъ квартерою въ дворѣ его милости пана Андрія Миклашевского.

3. За сѣно 28 коп., за овесъ 16 коп., барабанщикамъ 10 коп. Ясневелможному клапялся зъ хлѣбомъ; по обѣдѣ былъ у доктора Бока и у Александра Левицкого. Цылюрниковѣ 5 коп.

Май.

19. Подана суппликa ясневелможному на пана Івана Гамалѣю, що въ Пѣскахъ, о 26 руб., да на Алексія Михайловича, нѣжинского полку, о 20-ти рубляхъ.

Іюнь.

18. Панъ Константинъ Романовскій, въ Яремичѣ мешкаючій, обѣщалъ пять осмачокъ жита стародубской мѣры визичити, и далъ.

23. Посланы 5 руб. денегъ Козмѣ Іакимовичу въ Глуховъ, чрезъ сотника новгородского пана Христичевского.

Взялъ коня бѣлого, торгомъ, до пробы, въ 8 рублей, у войта новгородского Доморки.

25. Мойсею Шевцю, коміссару погарскому, данъ конь гнѣдій въ семи копахъ.

28. Взялъ у пана господара двору рейментарского присланнаго Дениса Морозенка пару кониковъ гнѣденкихъ ad interim въ 14 руб. и о томъ до пана господара писалемъ. Алексію дано 1 р., да за шапку его-жъ доплачено 15 коп. Цѣвцѣ.

Іюля.

9. Взято въ позику жита 5 осмачокъ у урядниковъ майстратовихъ стародубскихъ и одослано въ Перегонъ $4\frac{1}{2}$ и въ Стародубѣ на росходъ змолото $\frac{1}{2}$ осмачки.

15. Д. Pilatovich [70]) promiscit брусовъ дубовыхъ 60.

23. За полотна 21 локоть взятого будто—по 2 осмачки. Тарасу Довлѣтову, пасичку жителя стародубского, дано ad interim 10 к.

---

70) Леонъ Пилатовичъ, выходецъ «изъ заграницы», женился на дочери Спиридона Ширая, получилъ отъ Мазепы въ 1708 г. универсалъ на увольненіе его «отъ войсковыхъ походовъ и всякихъ посполитыхъ повинностей и подачекъ». Обозрѣніе Румянцевской Описи, 518.

25. Подрядилъ маляра погарского Оникія змаліовать коляску для дитины, да въ болшой избѣ подмаліовать подъ шпалерами, также коло оконъ и дверей и въ противной маліованой издебцѣ попоправлять, где попортилось, и за тее все давать ему 1 рубль денегъ да чвертку жита.

27. Зоставленъ Стефану въ Перегонѣ 1 рубль, для росходу панеи.

При писмѣ до сотника шептаковского послано 14 фляшокъ и 5½ шрубки, да золотий грошей, чтобъ приправлено въ машевской гутѣ шрубки.

29. Прибылъ въ Глуховъ и кланялся ясневелможному, где засталъ въ домѣ рейментарскомъ чрезвичайного посланника, до солтана турецкого отправленного, князя Івана Андріевича Щербатова, Семѣнѣстерскихъ дѣлъ канцеляріи правителя, полковника Романа Семеновича Тургенева.

30. Пополдни привезъ подъ карауломъ зъ Москви Василія Танского, полковника переясловского, капитанъ лейбъ гвардіи преображенского полку, Петръ Петровичъ Воейковъ, которому и слѣдовать о обидахъ полку переясловского, обще зъ господиномъ полковникомъ Тургеневымъ, поручено и зъ секретаремъ сенатскимъ Іваномъ Івановичемъ Топѣлскимъ [71]).

31. Тотже капитанъ зъ полковникомъ господиномъ Тургеневымъ былъ у ясневелможного и подалъ о Танскомъ грамоту.

Августа.

2. Одправленъ Качановскій въ домъ и чрезъ негожъ послана стаднина и писма до домашнихъ писаны.

3. Одправлены писма въ Москву и наши челобитніе по почтѣ чрезъ козака глуховского Ющенка.

Пану господару двору рейментарского заплачены 14 р. въ Глуховѣ за пару коней гнѣденкихъ.

4. Алексію данъ рубль, Федору слузѣ Козми Іакимовича за егожъ Алексія заплатилъ пять рублей въ Глуховѣ.

---

[71]) Василій Михайловичъ Танскій, слѣдствіе надъ которымъ кончилось тѣмъ, что въ 1735 г. онъ былъ «наказанъ публично и сосланъ въ сибирскіе города». Въ 1742 г. Танскій былъ прощенъ и получилъ переяславское полковничество обратно. Марк. I, 436 и II, 179 и 184.

7. Василю Вишнѣцкому старостѣ семіоновскому даны 2 руб.

8. Писалъ въ Москву къ Дмитрію Даниловичу Гурчину, обрѣтающемуся при домѣ ея высочества, государыни цесаревны и в. кн. Екатерины Іоанновны о тожъ съ комплементомъ, и до Петра Василіевича Курбатова въ дѣлѣ моемъ о Перегонѣ, а вручилъ оніе писма пану Петру Искрицкому.[72])

Віехалъ я зъ Глухова.

12. Прибылъ въ Луку.

13. Въ монастырь Мгарскій, въ которомъ confess. communicavi

14. Тутъ намѣстникъ отецъ Іоакимъ Литвишко приймовалъ мене зъ економомъ. Datum est aureum meum in monasterio.

Того-жъ 14 числа предъ вечеромъ прибылъ въ Лубнѣ, где послѣ прибылъ и его милость панъ полковникъ лубенскій[73]) и обослалъ мене на квартерѣ хлѣбомъ и проч.

15. Купалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ. Вечералъ у пана Кулябки[74]).

16. Панъ Федоръ Василенко прислалъ коня сивого по давней своей обѣтницѣ.

17. Подано прошеніе пану полковнику лубенскому о млинѣ лучанскомъ и съ крѣпостей копіи.

18 Одехалъ въ Сорочинцѣ.

20. Захоровалъ. Сотникъ Хорольскій Стефанъ Родзянка прислалъ корову съ телямъ.

22. Віехалъ одтоль и прибылъ въ Миргородъ, где въ домѣ пана Якова Николаевича Дуніна пролежалъ 23 и 24 число и заледво по полднѣ собрался ехать въ Лубнѣ, куда и прибылъ коло заходу слонца, боленъ.

25. Принималъ лекарство проносное.

26. Принималъ лекарство крѣпительное. Сегожъ числа вручилъ его милости пану Стефану Савіцкому, писарю полковому лубенскому, 24 р. денегъ для отсилки къ господину Славую Требинскому, а 20 р. денегже томужъ пану Савіцкому доправить на пану Івану

---

[72]) Племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ и зять Григорія Демьяновича Скорупы.

[73]) Петръ Апостолъ.

[74]) Зять гетмана Апостола, женатый на его дочери Аннѣ.

Гамаліи, до которого и листъ рейментарский о томъ одосланъ, поручилемъ, а доправя тіе 26 руб., к томужъ господину Славую одослать, жебы уплачены сполна 50 р. просилемъ, о чемъ подъ симъ числомъ писмо зъ цедулою до пана Славуя написано въ Лубнахъ и отдано для пересылки къ нему...

27. Его милость панъ полковникъ лубенскій прислалъ коня жкарого подарунку чрезъ свого конюшого, которому данъ 1 р. отъ узного, а манталѣру золотий 1.

28. Віехалъ зъ Лубенъ.

29. Прибылъ въ Луку.

31. Купилъ у пана Александра Саковича 4 коней гнѣдыхъ за 60 р. и далъ ему рублей 20, а рублей сорокъ надлежить одослати до ярмарку борзенского. Онъ же панъ Саковичъ прислалъ и гатласъ алый.

Мѣсяцъ Септеврій.

1. Сторговалъ футоръ на Артополотѣ у Івана, Ігната и Василя и Зѣнця Сподинейковъ козаковъ, жителей брисявскихъ, за 60 руб. и далъ онымъ задатку два червоныхъ золотихъ, а былъ торгъ при Якову Манку, при діаку Данилу, при Александру Крячковому внуку и при другихъ.

2. Прибылъ въ Роменъ и обѣдалъ у панеи Марковичевой, а ночовалъ въ Смѣломъ.

3. На обѣдъ прибылъ въ Семіоновку [75]), где доставлены два коне, гнѣдий и вороний, да вручено писмо Роману Мостовенку, до сотника новомлинского писанное о облигѣ Алексія Михайловского на останніе 20 р. отъ него должніе и оному Роману приказалъ зъ тимъ писмомъ ехать въ Новые Млины и требовать у сотника резолюціи.

4. Прибылъ въ 2 часѣ по полуднѣ въ Мутинъ, на ночь въ Кролевецъ.

5. Въ 12-мъ пополуденномъ часу превеликій въ Кролевцѣ учинился пожаръ, отъ которого многіе доми въ мѣстѣ и по-за мѣстомъ, также товары купеческіе, конѣ, возы и прочее, да и нѣсколко человѣкъ и одна жонка згорѣли. Ночовалъ у пана Стефана Бутовича.

---

[75]) С. конотопскаго уѣзда, принадлежавшее Гамалѣямъ.

6. Рано віехавши зъ Кролевца, прибылъ въ Глуховъ въ 3-мъ часу пополудни.

8. Грамота прислана къ ясневелможному о вступленіи въ походъ.

9. Iterum febricitabam. 10. Idem pastus.

11. Рано передъ службами имѣлъ входъ свой церемоніалный его преосвященство, отецъ Рафаилъ архіепископъ кіевскій въ Глуховъ. Сегожъ числа коло вечерень віехалъ зъ Глухова.

12. Прибылъ хорій въ Новгородокъ.

13. Въ Перегонъ ночью.

14. Получилъ листъ одъ полковника зъ полѣценемъ команди полковой, на который учинилемъ отвѣтъ. Сего числа взяти у Ноздри, шинкаря чаусовского, девять рублей.

15, 16, 17, 18 и 19 прожилъ въ Перегонѣ, да 19 одтоль віехавши, прибылъ на ночь въ Левенку.

20. По обѣдѣ зъ Левенки прибылъ въ Стародубъ. Сегожъ числа на ночъ перешолъ въ дворъ, купленый у Самусенка на черніговской улицѣ за 280 р.

21. За покупленую въ тотъ дворъ разную посуду дано 1 р.

22. Позичена будка блакитная пану Григорію Скорупѣ, для отвезенія дѣтей его Ивана и Павла за границю, въ Полщу, для наукъ [76]).

23. Отправлены въ Глуховъ три писмѣ, одно до пана Скоропадского, другое до пана подскарбія енер. Марковича, третье до Пантелимона Юркевича зъ посилкою рубля для отдачи оного лѣкарю Вѣттиху, чрезъ козака Мих. Гриневича, жителя стародубского. Тогожъ числа посланы писма до его благородія, г. полковника стародубского, Александра Ивановича Дурова въ походъ, въ разнихъ дѣлахъ, о чемъ въ канцеляріи полковой имѣются черные отпуски, чрезъ козака Александра Луцика, жителя лищицкого.

24. Оние писма отправлены къ полковнику. Сего числа едучимъ зъ двора панеи тещи ночью былъ случай жестокій, что носили конѣ и на силу отъ бѣды чрезъ мілосердіе Божіе спаслися.

25. За два кожухи 2 р., за сафянъ 1 р. 10 к., шевцю ad rationem 20 к.

---

[76]) См. примѣч. 69.

26. Алексію за черевики 15 к. Данъ Алексію кожухъ въ 1 р., за овчину емужъ 25, за рукавици 20, за 3 бруся, доски и протч. 54 к. далъ Янченокъ.

27. За семнадцать тертицъ 63 к., еще за нѣкоторую дворовую посуду 23 к.

30. Посланъ чайникъ мѣдный въ 5 фунтовъ, которій дѣланъ Карпомъ Котляромъ, въ Глуховъ до доктора Бока, чрезъ капрала Дмитрія Минина, сина Чиркова, осмой роти капитана Неплюева полку гварнѣзонного глуховского. Сегожъ числа прислано отъ городничого лищицкого Патермуфія стекло, шибы, глеки и проч. и двѣ гуски. Рано посѣщалъ мене графъ Гаврило Владиславичъ. [77]). За бочку соли Федору Янченку 3 р. 25 к., за шовкъ 10 к.

Октоврій.

1. Подрядили видрать драпѣ копъ 50, копу полуторпой по гривнѣ, двосаженной по 15 к.; а подрядившихся человѣкъ зъ Лищичъ — одинъ Василь, прозиваемый Рощина, другій Федоръ Пищедченокъ, которимъ дано житной муки полусмакъ, безмѣнъ сала, безмѣнъ соли, крупъ ячныхъ два безмѣна, риби вялой чотири лящи, и что они видеруть, должны о томъ давать знать, жебы тое спекивать за погоды.

2. Пришло извѣстіе, что полковникъ имѣеть быть 5 числа сего октября въ Стародубъ.

3. Отецъ городничій лищицкій прислалъ шибъ прозрачистыхъ шестдесять. Получено извѣстіе, что полковникъ зъ полкомъ почують коло Мишковки [78]).

4. Прибылъ господинъ полковникъ зъ полкомъ и зъ 4-мя сотнями въ Стародубъ зъ походу, въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, на которого пріездъ зъ 5-ти пушокъ и козаки тихъ сотень бѣглымъ огнемъ палили.

---

[77]) Рагузинскій — племянникъ извѣстнаго серба Саввы Владиславича Рагузинскаго, вызваннаго Петромъ В. въ 1703 г., какъ человѣка хорошо знакомаго съ торговлею, съ цѣлію воспользоваться его знаніями для развитія внѣшней русской торговли. Савва Рагузинскій получилъ въ 1710 г., въ Малороссіи, богатыя имѣнія, которыя умирая оставилъ племяннику Гаврилу. Послѣдній былъ женатъ на дочери генер. бунчучн. Ивана Бороздны Аннѣ, и умирая оставилъ 1066 крест. дворовъ.

[78]) Село стародубскаго уѣзда.

5. Ісакъ Цузиръ оженилъся на Сависѣ, да у Тищенка на веселѣ, которій женилъ сина на дочерѣ Соболевского, сотника погарского былисмо. За бервеня до двора 36 к.

7. Прибылъ панъ обозный въ Стародубъ. Сынъ пана Григорія Скорупи Петръ, лѣтъ 15 отъ роду, умеръ. Прибыли служители отъ пана Саковича за денгами. Господинъ полковникъ хлѣбомъ и солю обослалъ на новоселя.

8. За драпь, лотоки и проч. 50 коп.

9. Прислалъ мнѣ господинъ полковникъ зъ коней злодѣйскихъ клячону ріжую и конiонка вороного. Сего числа взяти у Радіона Янченка 40 р. денегъ въ отдачу пану Саковичу за конѣ, которіе деньги, также дзигарокъ и атласъ, сегожъ числа отправлены чрезъ людей пана Саковича, нарочно за тимъ присланнихъ.

10. Посланъ Іванъ Кошка въ Перегонъ и чрезъ него посланы помянутіе конѣ.

11. Извѣстили подрядчики на драпь, что видрали 20 копъ, а 30 копъ еще имѣютъ драть, копу по 15 к., которымъ дано въ задатокъ 1 р. 50 к. да хлѣба чвертку, соли безмѣнъ, сала безмѣнъ, два безмѣна крупъ.

12. Присланы зъ Перегону 15 р., взятіе у Ноздри, шинкаря чаусовского.

14. Расплатился за всѣ преждніе покупки зъ Федоромъ Янченкомъ, которому даны 5 р. 98 к. Маляру умовленному маліовать издебку зъ комнаткою, Сопроненку, перве дано 65 к., а сего числа 40 к., и того 1 р. 5 к., а еще ему доводится отъ издебки 1 р., кромѣ великой хати. На желѣзо и проч. 25 к. Зоставлены у Івана Кошки на расходъ дворовый 2 р.

15. Шклярамъ даны за роботу 8-ми оконъ золот. 4.

16. Степану Римару за роботу коло старой кулбаки, и до новой за послиска и что направовалъ де що золот. 1, а шаговъ 5. Семену слюсару въ отроботокъ напередъ дано золот. 1. Золотарю Антону Ярцевскому при росплатцѣ за 12 гузіковъ срѣбныхъ додано решти золот. 1.

17. Теслямъ перегонскимъ, Палашу зъ товарищемъ, даны на дорогу 10 к. Сегожъ числа віехалъ зъ Стародуба до Глухова и ночовалъ въ Мишковцѣ, откуду послано писмо и яблоки чрезъ Косовича.

18. Обѣдалъ въ Бучкахъ [79]), а на ночь прибылъ въ Новгородокъ.

19. Обѣдалъ въ Новгородку; прибылъ на ночъ въ Собичъ и почовалъ у Вѣлчика; на перевозѣ даны 3 к.

20. Передъ обѣдомъ въ Глуховъ прибылъ, а обѣдалъ у ясневелможного. Челяди даны на харчъ 3 к.

21. За колпакъ спалный 55 к. Посланы писма чрезъ козака новгородского до полковника, до пана тестя, до жени и до Иванця и до хоружого Данченка. На харчъ людямъ 5 к.

22. За канчукъ 8 к., за двое носковъ 8 к., за возъ дровъ 7 к., за овесъ 10 к., на харчъ 6 к., Алексѣю на рукавицѣ 20 к., венграмъ 50 к. Dux aegrotare caepit de noctu.

23. На харчъ людямъ 4 к. Купали у пана обозного енерального [80]), ради тезоименитства его. На свѣчки 1 к.

24. Одправлены писма вчора писанные до полковника, до пана тестя, до пана Стефана Миклашевского и до сотника новгородского зъ урядомъ, о козаку серединобудлянскомъ Федору Соколину.

24. Посланы писма въ Москву sub data 22 praesentis, писанные до Петра Васіліевича Курбатова, до Василія Маркелловича Леонтева, до Урила, до п. п. Холодовича и Данченка, такожъ до полковници нашей стародубовской, на почтѣ чрезъ куріера отъ капитана преображенского полку Петра Петровича Воейкова одправленного. Сегожъ числа пришла вѣдомость въ Глуховъ о преставленіи государини царевни Параскевіи Івановни, сего октоврія 9 дня. Розышлось на харчъ 20 к. Подъ симъ числомъ писано писмо до полковника о той печалной вѣсти.

25. Подала панѣ Ломиковская [81]) челобитную на пана тестя въ судъ енеральный. На харчъ, дрова и овесъ пошло 24; за шкурку жовтую на митюкъ 30; за стюжечокъ шесть локоть 22.

Маленкая дочь Анастасія панѣ Скоропадской [82]) умерла на осцу и похована въ церквѣ святого Николая.

---

[79]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[80]) Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ, генер. бунчужный 1717—29, генер. обозный 1729—49. Въ 1749 г. онъ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ въ Невской Лаврѣ. См. о немъ Кіевск. Стар. 1882, I, 115—119.

[81]) Должно быть дочь Апостола Татьяна, бывшая замужемъ за старшимъ сыномъ генер. обозн. Ломиковскаго, Иваномъ.

[82]) Жены Мих. Вас. Скоропадскаго. См. примѣч. 40.

26. За двѣ желѣзные жаровнѣ данъ 1 р. 10 к., на харчъ пошло и проч. 28 к.

27. Писаны писма въ Москву до госпожи Толстой [83]), до пана Холодовича, до пана Борковского и до пана Данченка, чрезъ пана Андрея Горленка. Сегожъ числа подписана грамота въ коллегію іностранную, подъ датою нинешнего мѣсяца 29 числа, о удостоеніи, а удостоеніе вчора закрѣплено [84]). Розишлось на розницю 18. Взяты у доктора лекарства для себе и для хлопця, а ему надобно будетъ зъ Стародуба прислать оробковъ [85]).

28. Рано віехалъ зъ Глухова и прибылъ на обѣдъ въ Локотки, одтоль писалъ до пана Юркевича и до пана Стефана Косача. На мясо и на перевозъ дано 8 к. На ночъ прибылъ въ Новгородокъ.

29. Въ Новгородку за 4 ляци даны 30 к., на діоготь 5 к. Обѣдалъ въ Смячи у сотника шептаковского, прибылъ на ночъ въ Андрійковичи [86]).

30. Прибылъ въ Стародубъ о 12-й годинѣ полуденной.

31. Въ домѣ пана Андрея Миклашевского было веселя, одправованное дочерѣ его паннѣ Еленѣ, за полковниченка кіевского пана Михаила Танского видаванной [87]).

Ноеврій.

1. Тоежъ веселе продолжалося.

2. Гуляли всѣ на веселіи званіи персоны, зъ перезвою ходячи, и въ домѣ пана Миклашевского.

3. Розехались зъ веселя пріежжіе гостѣ и молодіе до Козелца отехали. Сего числа бывшимъ на квартерѣ моей музікамъ кіевскимъ даны 20 к., трубачамъ кіевскимъ же 40 к., капеллѣ пана Корсака червоній золотій [88]).

---

[83]) Ульяна Ивановна, дочь гетмана Скоропадскаго.

[84]) Разумѣется „удостоеніе" маетностями, селами Чубаровымъ и Куровымъ.

[85]) Рябчиковъ.

[86]) Село стародубскаго уѣзда.

[87]) Михаилъ Антоновичъ Танскій, послѣ смерти своего отца былъ поставленъ на его мѣсто—кіевскимъ полковникомъ.

[88]) Говорится о Максимѣ Михайловичѣ Корсакѣ, одномъ изъ первыхъ стародубскихъ богачей. Отецъ его, смоленскій шляхтичъ Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, женившись на дочери гетманича Семіона Самойловича, успѣлъ при Петрѣ В. полу-

4 и 5. Розишлось на розницю 40 к. Малярамъ ad interim 10 к.

6. За футерцс [89]) бѣлее дано 80 к., за кожухъ бѣлій для немого 1 р., за мамсу Стефану 1 р. 10 к. Малярамъ за образъ 50 к. На розницю пошло 7 к.

7. Писаны писма: одно до сотника новгородского о присылцѣ швачки Макрины, другое до Івана Степанова, старости Серединой Буды [90]), о покупкѣ сто четвертей жита. Пивовару за зварене пива и за хмѣль даны 30 к. На розницю розышлось 11 к. Бондару 9 к.

8. Получена вѣдомость въ Стародубѣ о преставленіи въ Глуховѣ, зъ 1-го противъ 2-го числа сего ноеврія, ея м. панеи Михайловой Скоропадской Параскевіи Апостоловни гетмановны [91]). Заказано Могилевцю шевцю сдѣлать для панеи туфлѣ и для Василя молодика чоботи нѣмецкіе, которому шевцю дано ad interim 40 к.

9. Господинъ полковникъ принималъ насъ полчанъ у себе кушанемъ за воспоминаніе рочинъ [92]) его полковничества. Панъ Іскрицкій [93]) прибылъ въ Стародубъ. Розышлось 4 к.

10. Заплачено Мочоповнѣ за давній долгъ 2 р. 85 к., а осталось еще на насъ 2 р. Дано за овчину для Василя 22 к. За поясъ

чить царскую грамоту на всѣ тестевскія имѣнія, въ ущербъ другому сонаслѣднику Григорію Гамалѣю (см. Русск. Арх. 1875 г., 445). Имѣнія Макс. Корсака перешли сначала къ двумъ его сыновьямъ Василію и Михаилу, которые стали уже писаться Римскими-Корсаковыми, а по смерти ихъ за бездѣтствомъ,—къ ихъ сестрамъ Дарьѣ и Евдокіи, которыя имѣнія эти, какъ обремененныя долгами, продали въ 1793 г., родственнику своему генералу Ивану Ник. Римскому-Корсакову, за 200,000 р. Затѣмъ корсаковскія имѣнія перешли къ Ладоміpскимъ.

[89]) Бѣличій мѣхъ.

[90]) Мѣст. новгородсѣверскаго уѣзда.

[91]) Дочь гетмана Апостола, бывшая замужемъ первымъ бракомъ за Мих. Вас. Дуниньмъ-Борковскимъ. Ея портретъ хранится у П. И. Скоропадскаго.

[92]) Годовщины. Полковникомъ былъ въ это время Александръ Ивановичъ Дуровъ. См. примѣч. 25.

[93]) Петръ Григорьевичъ Искрицкій родной племянникъ гетманши Ульяны Васильевны Апостолъ. Отецъ Петра Искрицкаго, будучи сотникомъ Сумскаго полка, убитъ въ походѣ противъ Булавина. По смерти отца, Петръ Искрицкій переѣхалъ къ теткѣ, которая въ 1731 г. женила его на дочери стародубскаго богача Григорія Скорупы—Еленѣ, а затѣмъ съ помощью мужа, надѣлила и имѣніями въ настоящемъ Суражскомъ уѣздѣ. Въ 1732 г. Апостолъ отдалъ ему свои земли въ с. Дроковѣ (Ст.) и слободу Далисичи, около которыхъ самъ Искрицкій поселилъ нѣсколько новыхъ слободъ: Нов. Дроковъ, Слище, Рось, Искрицу и друг. Умирая въ 1771 г., онъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ около 2,500 крест. об. пола.

Івану 60 к. Розышлось на розницю 9 к. Писано къ атаману новгородскому о присылцѣ Макрины и отсылцѣ листа до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича, до которого писалемъ о долгу на Михайловскомъ Алексію имѣючомся. Подъ симъ же числомъ писалъ до его м. пана Скоропадского consolaterias. До варистой печи желѣза 16 к.

11. Чиневъ порахунокъ зъ мѣщаниномъ старод. Шагою о заборѣ разныхъ у него крамныхъ вещей, за которіе довелось ему 3 р. 97 к. Заплочено теды сего числа 1 р. 97 к., а остались виноваты 2 р. За Савку Кожомяку переняться заплатить рѣзникъ стародубовскій Михайло Федоровъ 3 р. 10 к., а брать у него имѣемъ лоемъ и мясомъ отъ сего числа; бондару за набите кухви на медъ 8 к. Розышлось на розницю 8 к. Посланы писма до пана Скоропадского и пана Юркевича зъ посилкою листа Лисаневичового до сотника лохвицкого.

12. Еще дано въ заплату 1 р. тимъ лишицкимъ людямъ, которіи дранъ драли, а доводится имъ решти 2 р. Снѣцару [94]) за рямки 10 к., за зроблене свѣчъ восковихъ 29-ти дано 12 к. За двѣ тертици 7 к. Розышлось на розницю 11 к. За сѣчку 7 к.

13. Дано кравцамъ 10 к. Господинъ полковникъ прислалъ два зайци своего полову, а панъ Іванъ Миклашевскій одного зайця жъ. Малярамъ еще дано 50 к., на мясо 7 к., за замочокъ 4 к.

14. Шевцю, що нѣмецкіе чоботи шивъ и пошилъ Василю, дано еще 18 к., за мясо и проч. 9 к.

15. Томужъ шевцю дано 13 к., маляру 50 к.

16. Алексію кухару дано 20 к., снѣцару за дви стойки 12 к. У Савки Кожемяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ.

17. Взялъ чернецъ до направы стѣнный дзегарь [95]), которому даны денгами 50 к., въ задатокъ; емужъ знову на свѣчки 10 к.

18 На розницю розышлось 15 к.

19. Даны въ дѣло ножи и вѣделки Кліованого сину и оному на желѣзо дано 6 к., на уголье 3 к., на сталь 10 к., золотарю 4 к., за тертицѣ 20 к.

22. Алексію даны на заплату шевцю за чоботы 20 к. Кравцю,

---

[94]) Столяръ.

[95]) Часы.

що ковдры [96]) перешивалъ, 12 к., на нитки 4 к., за выбойку до ковдеръ 88 к., за крашенину до ковдеръ же 24 к. За перебите баволны [97]) 3 к. Полковникъ позавчора обослалъ рыбою.

23. Далъ Алексію 1 р. 50 к., а прежде забралъ онъ же на слѣдуючій службы его рокъ 50 к., и того стало 2 р. сполна, а рокъ начался отъ 8. Чубѣ даны 5 к. за чинбу лисицъ. На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к. Сего числа въ 3-мъ часу пополудни даровалъ мнѣ Богъ сина, которому дано имя Петръ по числу сего мѣсяца 25-му. Священнику за молитву 30 к., паламару 3 к.

24. За зроблене пѣрниковъ [98]) 90 к. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба [99]).

25. Получилъ листъ отъ енерала де-Вейзбаха.

26. Vacant.

27. За сѣмъ щукъ рибы 55 к.

28. Одправлено крещеніе сину нашему Петру, которому воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ стародуб. Александръ Івановичъ Дуровъ и ея м. панѣя Андріева Миклашевская [100]).

29. Трактованы были повчора гостѣ, для которыхъ вчора и сегодня пошло вина: у пана Івана Данченка взятого 11 гарцевъ за 6 р. 60 к.

30. Карпу кухару [101]) за трудъ его данъ сафянъ.

Декаврій.

1. Писано писмо до его сіятелства, господина генерала кавалера, графа фонъ Вейзбаха о наруспой пробѣ.

2. Отправлено оное писмо въ Полтаву чрезъ козака сотнѣ полковой.

---

[96]) Одѣяла.

[97]) Шерсть.

[98]) Одинъ изъ видовъ сладкихъ закусокъ.

[99]) При рожденіи ребенка въ семействѣ родители его, извѣщая объ этомъ своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ посылали и хлѣбъ, называвшійся «родиннымъ».

[100]) Андрей Миклашевскій, старшій сынъ стародубскаго полковника, первымъ бракомъ былъ женатъ на княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Четвертинской, а вторымъ—на вдовѣ Андрея Жураковскаго. Здѣсь говорится, кажется, о Четвертинской.

[101]) Повару.

3. Свѣцару дано задатку на шафу 20 к., чернецу перехожому 20 к., на розницю пошло 8 к. Писано писмо до полковника чернѣговского за паномъ Булавкою; да писанъ же отвѣтъ до пана сотника варвинского сторони коней, къ нему посилатись имѣючихъ.

4 Сего числа умовили мамку до Петруся на рокъ, а давать ей грошми пять копъ, запаску штаметовую, три чвертки житной муки, а чвертка крупъ. Сего жъ числа пріездили ко мнѣ въ домъ панъ Дублянскій [102]) и Романовичъ, принеся вину свою въ томъ всемъ, чимъ мене поносилъ предлюдне.

5. Пришолъ указъ отъ ясневелможного о приготовленюся въ походъ. За інбиру фунтъ дано 12 к., на розницю розышлось 8 к.

6. Розышлось на розницю 16 к. Зъ Стародуба віехалъ и ночовалъ въ Борщевѣ.

7. Прибылъ въ Погаръ и сталъ квартерою у Круковского.

8. На покупку кореній пошло 2 р. 27 к., за полотно 95 к., дѣвцѣ 90 к., за стіонжки два локтѣ зъ чверткою 1 р. 10 к., за сковороду и бублики 28 к. Взято у Пуховича въ Погарѣ 14 локоть гарнѣтури попелястой, по 6-ти гривенъ 5 к. за локоть, и того чинить 9 р. 10 к. на долгъ, за фляшу вина 50 к. Заплаченъ сей долгъ и еще лишку всего 13 р., 1734 г. іюня 28.

9. Былъ въ Перегонѣ у мене панъ тесть и отехалъ тогожъ дня ввечерѣ.

10. Днібовалъ тамъ же въ Перегонѣ.

11. Прибылъ въ Стародубъ.

12. Былъ у мене въ домѣ на кушаню панъ Леонтій Галецкій зъ женою. Сегожъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двохъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришу и Тимошку Соколовыхъ, пойманныхъ въ описной слободѣ Зибкой [103]) 8 числа сего мѣсяца.

13 Отданъ камень хоружому пану Данченку млиновый.

14. По прибытіи въ Стародубъ по се число розышлось на розницю 72 к. Взято сукна на колиску для Петруся $3^{1}/_{4}$ локти за 1 р. 17 к., крашенины 3 аршины зъ четвертю за 16 к.

---

[102]) Павелъ Дублянскій, сначала стародубскій полковой писарь, а потомъ съ 1714 г. сотникъ новомѣстскій.

[103]) Настоящій уѣздный г. Новозыбковъ. Слобода Зыбкая, изъ которой возникъ теперешній Новозыбковъ, поселена въ 1701 г. по позволенію Миклашевскаго, около с. Людкова, на земляхъ с. Тростани.

15. Прислалъ мнѣ въ подарокъ меделяпную суку молодую панъ Ігнатъ Данченко, приведенную зъ Москви. Помирилась наша панѣ матка и другіе претенсори зъ п. п. Миклашевскими въ претенсіи о рубановскомъ добрѣ [104]) и въ проч. Писанъ листъ до отца намѣстника Чолнского въ отвѣтъ противъ его писма, такожъ до пана Леонтія Галецкого, что перенялъ ся я за него платить Дробязцѣ 17 осмачокъ жита старод. мѣри, да и до пана Кондзеровского [105]) писалемъ отвѣтъ, что денги ему должніе на Пузиру доправлены.

16. Взялъ у мене въ долгъ швець 50 к., а емужъ даны за роботу 15 к., еще томужъ шевцю дано 5 к. въ долгъ.

17. Въ сей день тезоименитства ясневельможного правили за его здорове молебствіе. Розишлось на разную до двора покупку 40 к.

18. За сѣчку сими часы заплатилъ 21 к.

19. Взялъ у пана тестя 1 р. мелкими денгами.

20. Положилъ у Федора Янченка 2 червонныхъ, а взялъ 4 р. дробною монетою. Куплено до двора то дерево, то другое де що, за 47 к. Заплатилъ останніе два рубли тимъ лищицкимъ мужикамъ, которіе подрядились драпь випускати, а осталось на насъ чвертка хлѣба, а на нихъ коло десятка копъ дранѣ. Привезено зъ степу возовъ 14 сѣна. Гармашу дано 6 к. Взято у Пузиря 10 попопокъ, по золотому, да 40 фунтовъ желѣза, пара фунтовъ по 3 к.

21. Взялъ Янченко 74½ фунта и полчвертки сахару канарского, фунтъ по золотому, до порахунку [106]).

22. За пошите рисіого кунтуша Чубѣ 30 к., на нитки, крохмаль, гвоздя и проч. 9 к. За сито густее 26 к. Кравцямъ 18 к.

23. За вичинку медведя и пошите медвежого одѣяла 21 к. За кецу для Васенка 30 к. За направу чугунного казана 30 к.; на розницю въ расходъ дворовій 12 к. Сего числа получилъ писма зъ Кіева отъ Козмы Іакимовича, отъ Рогуцкого зъ солянками, зъ Козелца

---

[104]) Рѣчь идетъ о глуховскихъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ глух. сотника Данила Рубана, на дочери котораго отецъ Настасьи Корецкой женатъ былъ первымъ бракомъ.

[105]) Андрей Кондзеровскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ его «господаремъ», т. е. домоправителемъ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ гетманши Скоропадской.

[106]) Разсчетъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» [1]).

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

В.

П.

Т.

У.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА VIII. 1883 г.

Январь, 1884 г.

Февраль, 1884 г.

Мартъ, 1884 г.

Апрѣль, 1884 г.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

МАЙ

1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАЙ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1884 года.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

I.

Необходимыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.—Разсказъ о томъ, какъ и почему ѣздилъ онъ въ Подоліе.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, едва научившись читать и понимать прочитанное, я почувствовалъ страстное влеченіе къ путешествіямъ. Въ гимназіи зачитывался Робинзономъ, приключеніями героевъ Майнъ-Рида и Жюля-Верна, и хотя и не сбѣжалъ изъ гимназіи вслѣдствіе пристрастія къ этимъ авторамъ, и не былъ задержанъ въ ближайшей волости или становой квартирѣ, но тѣмъ не менѣе въ продолженіе долгихъ вечеровъ мечталъ о краснокожихъ, о пустынныхъ островахъ, охотѣ на бизоновъ и каймановъ и, засыпая на разсвѣтѣ, давалъ себѣ клятвенное обѣщаніе: когда буду *большимъ*, немедленно отправиться по меньшей мѣрѣ въ Америку, а то, если судьбѣ угодно будетъ въ то время подослать къ землѣ какую нибудь шальную комету, то конечно воспользоваться этимъ рѣдкимъ перевозочнымъ средствомъ для того, чтобы поближе познакомиться съ солнечной системой.

Но мечты мои такъ и оставались мечтами. Дѣлался я большимъ медленно и мало по малу скептицизмъ закрадывался въ душу: мечтать о кометѣ какъ-то сдѣлалось совѣстно, относительно краснокожихъ сталъ немного я подумывать о неудобствахъ скальпировки; что-же касается пустыннаго острова, то онъ мнѣ почему-то сталъ казаться скучнымъ. Наконецъ рѣшилъ я однажды, что въ моемъ возрастѣ (мнѣ было около 15 лѣтъ) стыдно заниматься сказками и принялся за чтеніе *„серьезныхъ„* сочиненій: читалъ Араго, началъ, правда по выдержкамъ, знакомиться съ Ливингстономъ, прочиталъ Гумбольдта и др.

Мысли мои приняли новый оборотъ.—Нѣтъ, думалъ я, когда я буду *„зрѣлымъ“* и *„умнымъ“*, т. е. когда досконально выучу всѣ необходимыя для моего дѣла науки, я долженъ сдѣлать нѣсколько важныхъ географическихъ открытій. Что именно я стану открывать, я конечно не зналъ, но полагалъ, что непремѣнно открою нѣчто очень важное. Съ бѣшенствомъ бросился я дозубривать тонкости латинской грамматики, счастливо достигъ *„зрѣлости“* и вступилъ въ храмъ науки, гдѣ годъ за годомъ метался изъ аудиторіи въ аудиторію, посѣщалъ лекціи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ, слушалъ много мудрыхъ рѣченій, но какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что слышанное мною мало подвигаетъ меня на пути открытій. И вновь одна мечта за другой стали улетать; я постепенно сдѣлался скромнѣе, сдержаннѣе въ своихъ желаніяхъ, готовъ былъ уже отказаться отъ открытія не только новой Америки, но даже новыхъ истоковъ Нила, благо открытія эти перехватили у меня злые люди, но совсѣмъ отказаться отъ надежды обезсмертить свое имя, подобно Ливингстону, Гумбольдту и другимъ великимъ путешественникамъ, у меня не хватало силы.—„Хоть-бы плюгавую какую нибудь рѣченку оставили на мою долю“, думалъ я съ досадой, подводя итоги будущему путешествію, и, махнувъ рукой, побѣжалъ держать экзаменъ.

Экзамены къ счастью выдержалъ и дипломъ получилъ,—казалось-бы пора и въ путь, но тутъ явились два серьезныя препятствія. Во первыхъ, хотя я былъ уже давно зрѣлъ и только что признанъ умнымъ, какъ это значилось на двухъ лежавшихъ передо мною пергаментныхъ листахъ, я все таки сознавалъ, что знаю не то, что подобаетъ знать Ливингстону и Гумбольдту, и сильно сконфузился, а затѣмъ послалъ нѣсколько нелегкихъ пожеланій, разумѣется мысленно, жрецамъ науки, которые сообщили мнѣ всѣ свѣдѣнія, кромѣ тѣхъ, какія были необходимы. Во вторыхъ-же, для того, чтобы начать путешествіе, не доставало мнѣ презрѣннаго металла, или по меньшей мѣрѣ кредитныхъ его знаковъ, которые, хотя нѣсколько уступаютъ въ цѣнѣ презрѣнному металлу, но, собранные въ значительномъ количествѣ, могутъ до нѣкоторой степени замѣнить его.

Сообразивъ послѣднее обстоятельство, я рѣшился отложить путешествіе до болѣе благопріятнаго времени и отправился служить

въ банкъ. Но сдѣлаться богатымъ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ стать большимъ, зрѣлымъ и умнымъ: должность кассира въ банкѣ была занята и мнѣ не приходилось мечтать о ней—и слава Богу, подальше отъ соблазна; во всякомъ случаѣ я только издали видѣлъ текущіе рѣкой кредитные знаки, на мою-же долю сочился до того ничтожный ручеекъ, что не оставалось никакой надежды на возможность собрать кушъ, необходимый для кругосвѣтнаго плаванія. По мѣрѣ того, какъ я терялъ надежду, сталъ я относиться къ самой мысли о путешествіи сначала какъ-то сентиментально-меланхолически, какъ къ несбыточнымъ грезамъ, увлеченію молодости; потомъ меланхолію замѣнило озлобленіе. — Вѣдь въ далекіе края, думалось мнѣ, ѣдутъ невѣжды,—чего они тамъ не видѣли, да съ чѣмъ возвращаются оттуда? Соберутъ справочныя цѣны по ресторанамъ, побываютъ раза два въ театрѣ, потолкаются по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, да посмотрятъ парижскихъ гризетокъ,—вотъ и все тутъ. Право ѣздить не зачѣмъ! Гораздо покойнѣе жить на Козьемъ болотѣ, да регулярно каждый день ходить въ банкъ, слѣдить за текущими счетами и отъ времени до времени смотрѣть серьезную русскую драму въ городскомъ театрѣ, пользуясь царящимъ тамъ просторомъ, тишиной и отсутствіемъ презрѣнной толпы.

Такъ разсуждалъ я въ гордыни сердца и справедливо былъ за нее наказанъ судьбою.

Случилось нѣчто неожиданное: въ нашемъ банкѣ оказалась крупная растрата, при чемъ кассиръ исчезъ съ лица земли, а остальные служащіе были заподозрѣны въ пособничествѣ, укрывательствѣ, сообществѣ и пр. и пр. Поднялась возня, попреки, начались посѣщенія судебнаго слѣдователя; словомъ скандалъ. Въ результатѣ оказалось, что вышелъ вполнѣ чистымъ изъ дѣла я одинъ, не потому, чтобы особенно превосходилъ всѣхъ остальныхъ чистотою побужденій, а просто потому, что должность моя была такого рода, что виновнымъ я и не могъ быть, даже при крайнемъ моемъ желаніи. Какъ бы то ни было,—я былъ чистъ.

Директоръ нашъ былъ человѣкъ строгій, но справедливый. Покаравши всѣхъ виновныхъ, онъ рѣшился вознаградить въ моемъ лицѣ добродѣтель и, призвавъ меня въ кабинетъ, сказалъ мнѣ рѣчь примѣрно слѣдующаго содержанія. „Сердце мое умиляется при видѣ оказанной вами, молодой человѣкъ, добродѣтели. Среди окружа-

ющей насъ атмосферы хищенія вы сохранили невинность сердца, чистоту рукъ и кармана; такое феноменальное въ наше время явленіе не должно остаться безъ награды. Я могъ-бы наградить васъ назначеніемъ на высшее мѣсто, но не хочу этого дѣлать, дабы впредь не подвергать васъ искушенію и не лишать лучшаго въ мірѣ блага — чистоты совѣсти (въ тотъ же день мѣсто кассира занялъ его племянникъ), но пусть пакетъ этотъ послужитъ вамъ доказательствомъ, что добродѣтель никогда не остается незамѣченною и невознагражденною". При этомъ онъ вручилъ мнѣ запечатанное письмо, заключилъ торжественно въ свои объятья и затѣмъ вѣжливымъ жестомъ указалъ на дверь.

Въ пакетѣ я нашелъ: 1) записку, въ которой директоръ совѣтовалъ мнѣ небольшое путешествіе для отдыха и поправленія здоровья: 2) отпускъ на два мѣсяца и 3) чекъ на 500 рублей.

Подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной благодати куда дѣвался мой скептицизмъ. Бѣгомъ пустился я въ свою квартиру, что на Козьемъ болотѣ, по дорогѣ забѣжалъ въ книжную лавку и купилъ всѣ имѣвшіеся въ ней „Бедекеры": рѣшено, я по волѣ начальства въ теченіи двухъ мѣсяцевъ буду путешествовать. Цѣлый день перелистывалъ я „Бедекеры", но никакъ не могъ рѣшить, куда поѣду. Чѣмъ болѣе я вчитывался въ перечни вокзаловъ, гостинницъ, ресторановъ, театровъ, картинныхъ галлерей, красотъ природы и т. д., тѣмъ сильнѣе овладѣвала мною хандра: чужіе края представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ галантерейнаго магазина, гдѣ лежитъ подъ этикетами много хорошенькихъ вещицъ, но всѣ эти вещицы до того обыденны и общеизвѣстны, что не только не представляютъ никакой прелести новизны, но уже давнымъ давно подлежатъ pris fix'у.

Къ вечеру мною овладѣло полное уныніе. „О, Господи, думалъ я, неужели мечта всей моей жизни—мыльный пузырь? Неужели ѣхать некуда и незачѣмъ? Неужели всѣ великія путешествія и открытія не болѣе, какъ созданіе праздной фантазіи? Неужели?"... Но тутъ дверь моей комнаты отворилась и вошелъ мой старый товарищъ, Маринчукъ, подолянинъ, исходившій пѣшкомъ свой родной край, извѣстный оригиналъ и скептикъ, больше всего на свѣтѣ гордившійся своимъ подольскимъ происхожденіемъ. Я отъ всей души обрадовался ему, зная, что Маринчукъ всегда умѣлъ

найти выходъ, правда нѣсколько странный и неожиданный, но всегда почти удачный, изъ всякаго затруднительнаго положенія.

— Зашелъ тебя поздравить, сказалъ Маринчукъ, закуривая папироску; слыхалъ, братъ, осуществилась завѣтная мечта: ты отправляешься вояжировать.

— Да, отвѣтилъ я, нѣсколько смутившись, хочу ѣхать, но вотъ бѣда,—помоги совѣтомъ,—не знаю куда и зачѣмъ ѣхать. Все это— и я съ пренебреженіемъ указалъ на столъ, гдѣ лежала вся Европа въ лицѣ 12 „Бедекеровъ"—скучно, шаблонно, всѣмъ и каждому извѣстно; все это изображено въ безчисленныхъ олеографіяхъ, аквареляхъ, лито и фотографіяхъ на стѣнахъ чуть-ли не всѣхъ гостинницъ и пивныхъ, въ альбомахъ гимназистовъ и пансіонерокъ. Куда и зачѣмъ я поѣду смотрѣть все это? — Я трагически встряхнулъ головой и, почувствовавши себя почти Гамлетомъ, откинулся на спинку креселъ.

— А ты, братъ, все по части открытій, замѣтилъ Маринчукъ, что-жъ, можно попробовать, авось и на твою долю достанется что нибудь невѣдомое.

— Да вѣдь время и деньги, находящіяся въ моемъ распоряженіи, не дозволятъ мнѣ оставить Европу; а въ Европѣ нѣтъ абсолютно не то страны—деревушки не обслѣдованной на всѣ лады, не занесенной въ статистическія таблицы, не истоптанной ногами туристовъ, не отмѣченной „Бедекеромъ". Развѣ отправиться въ Исландію, что-ли?

— Зачѣмъ въ Исландію, можно и поближе. Выбери страну, куда во 1-хъ не ѣздятъ туристы, для которой во 2-хъ не составленъ еще „Бедекеръ" и въ 3-хъ, что всего важнѣе, которую самъ ты всего меньше знаешь. Въ такомъ случаѣ найдешь и свѣжесть впечатлѣній и открытія сдѣлаешь, конечно не абсолютныя, а относительныя, найдешь факты и свѣдѣнія, новыя для тебя и для многихъ другихъ, подобно тебѣ не обращавшихъ вниманія на избранную тобою страну...

— Такой страны нѣтъ въ Европѣ,—отвѣтилъ я съ большимъ апломбомъ; вѣдь я столько читалъ о разныхъ странахъ и знаю Европу, какъ свои пять пальцевъ я только что повѣрилъ свои свѣдѣнія: Швейцарію и Италію, Парижъ и Лондонъ, Дрезденъ и Мюнхенъ и проч., и проч. я знаю какъ свой карманъ, — неужели

прикажешь лишній разъ провѣрить безъ нужды Бедекера? сказалъ я съ злобной улыбкой.

Пріятель съ минуту помолчалъ, напѣвая одну извѣстную малорусскую арію; это онъ дѣлалъ всегда, когда собирался предложить неожиданный выходъ изъ затруднительнаго по видимому обстоятельства, поэтому я ждалъ съ большимъ интересомъ, боясь прервать его раздумье. Вотъ онъ медленно подымается со стула и произноситъ отрывисто: „Поѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ Подоліе!“ и затѣмъ спокойно садится на свое мѣсто.

— Что!! вскричалъ я въ недоумѣніи, ты, братъ не шути! Это дѣло для меня весьма серьезно, развѣ въ Подоліе ѣздятъ туристы?

— Туристы не ѣздятъ—это разъ, „Бедекеръ“ для Подолія еще не составленъ—это два. Что-же касается твоихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ—посмотримъ; а ну братъ, выложи чистосердечно весь запасъ географическихъ познаній.

Я нѣсколько обидѣлся: мнѣ показалось, что Маринчукъ улыбался.

— Кто-же изъ насъ не знаетъ Подолія: Подольская губернія лежитъ по Днѣстру, главный городъ Каменецъ-Подольскій; вдоль губерніи пролегаетъ желѣзная дорога; на площади ея находится много сахарныхъ заводовъ, которыхъ траты учитываются въ банкѣ...

На этомъ я оборвалъ.

— Только? спросилъ спокойно пріятель и снова улыбнулся.

— Да это и все, горячился я, вѣдь больше о Подоліи и сказать нечего.—Тутъ въ головѣ невольно промелькнула мысль, что объ Эстремадурѣ или Новой Мексикѣ я могъ-бы сообщить гораздо больше подробностей, и я какъ-то конфузливо замолчалъ.

Собесѣдникъ мой продолжалъ улыбаться и какъ будто подсказалъ мнѣ: да ты, братъ, считался когда-то въ нашемъ кружкѣ историкомъ; не окажутся-ли историческія твои свѣдѣнія о Подоліи богаче географическихъ? Начни-ка съ этого конца, авось запасъ окажется богаче.

Въ этомъ, конечно, я и самъ не сомнѣвался и началъ въ нѣсколько поучительномъ тонѣ: на территоріи нынѣшняго Подолія первоначально поселились Уличи и Тиверцы, затѣмъ въ удѣльное время... (я запнулся,—чортъ знаетъ, что это такое—не могу ничего подъискать изъ удѣльнаго времени) ну, да впрочемъ это не важно, а вотъ впослѣдствіи... (вотъ бѣда: оказалось, что и впослѣдствіи я

ничего не знаю, а еще на выпускномъ экзаменѣ получилъ 5 по отечественной исторіи; оставалось только спасаться общими мѣстами), ну да, впослѣдствіи,—кончилъ я скороговоркою,—пространдавъ долго подъ польскимъ владычествомъ, Подоліе наконецъ возсоединилось съ Россіею въ царствованіе Екатерины II. Я замолчалъ и принялся ходить по комнатѣ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Браво! вскричалъ Маринчукъ, послѣднее препятствіе устранено, значитъ мы ѣдемъ въ Подоліе.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, братъ, что ты обрѣлъ наконецъ страну, о которой ровно ничего не знаешь, значитъ открытія будутъ на каждомъ шагу. Такъ по рукамъ!

— Однако, милостивый государь, позвольте вамъ замѣтить, началъ я съ достоинствомъ: хотя я очень уважаю наши старыя товарищескія отношенія, но всему есть предѣлъ. Вы позволили себѣ...

Мой другъ покатился отъ смѣху.

— Такъ ты, братъ, сердишься, тѣмъ лучше: значитъ, я сказалъ истинную правду. Ну, успокойся, собирай пожитки, жду тебя завтра на вокзалѣ къ вечернему поѣзду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и удалился, отвѣсивъ церемонный поклонъ.

На другой день въ 7 часовъ вечера мы сидѣли въ вагонѣ Брестско-Кіевской желѣзной дороги и весело болтали. Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ прямаго сообщенія въ Проскуровъ, дорожный мѣшокъ набитъ былъ трудами двухъ подольскихъ статистическихъ комитетовъ и всевозможными брошюрами и сочиненіями, касавшимися Подолія.

Въ Проскуровѣ обрывается вѣтвь желѣзной дороги и отсюда уже въ разныя стороны расходятся почтовыя дороги.

Такъ какъ мой другъ обѣщалъ мнѣ много открытій географическихъ, топографическихъ, этнографическихъ и всякихъ другихъ, а предпринимать открытія принято, начиная отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то мы и направились прежде всего въ столицу Подолія, всѣмъ извѣстный Каменецъ, откуда сдѣлали нѣсколько экскурсій въ разныя стороны, съ цѣлью нѣсколько ознакомиться съ краемъ, который оказался для меня совсѣмъ невѣдомымъ, какъ вѣроятно и для большинства изъ моихъ читателей, съ которыми я поэтому и рѣшаюсь подѣлиться своими впечатлѣніями. Не буду опи-

сывать дорогу до Каменца и первыя наши поѣздки,—впечатлѣнія отъ нихъ остались слишкомъ поверхностныя и отрывочныя, какія только можно получить, не выходя изъ экипажа;—сколько-нибудь обстоятельное знакомство съ краемъ началось только со времени поѣздки въ Смотричъ. Отсюда я и начну свой разсказъ.

II.

Рѣка Смотричъ.—Толтры.—Мѣстечко Смотричъ; его исторія.—Дорога въ Карачковцы; берега рѣки.—Истребленіе лѣсовъ.—Сокилъ-гора.—Пещеры.—„Кірницн". Карачковцы.—Легенда о возникновеніи села.—Остатки старины.—Наружность и характеръ жителей.—Изолированность подольскихъ поселеній.—Преданіе о Каменцѣ.—Еврейская лавочка.—Промыслы жителей.

Общимъ своимъ характеромъ Смотричъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ горныхъ рѣкъ Подолья. Вода въ немъ сѣроватаго цвѣта, также какъ и въ Днѣстрѣ; такую окраску придаютъ этимъ рѣкамъ известковыя и сланцевыя горныя породы, среди которыхъ онѣ прорыли свои русла. Въ обыкновенное лѣтнее время Смотричъ, по крайней мѣрѣ въ среднемъ своемъ теченіи, неширокъ и довольно мелокъ, такъ что во многихъ мѣстахъ можно переходить въ бродъ. Но во время весеннихъ разливовъ, или послѣ сильныхъ дождей, уровень воды сразу подымается до весьма значительныхъ размѣровъ, иногда на нѣсколько аршинъ, благодаря тому, что маленькія горныя рѣчки и ручейки, впадающіе въ Смотричъ, весьма быстро приносятъ огромныя массы воды. Тогда рѣка принимаетъ довольно грозный видъ и катитъ свои густыя, переполненныя глиной и известью, волны съ ужасающей быстротой и шумомъ, который разносится на значительное разстояніе, усиливаясь и повторяясь эхомъ сосѣднихъ горъ. Дождевая вода также быстро спадаетъ, какъ и прибываетъ, оставляя послѣ себя толстый слой илу.—Таковъ характеръ всѣхъ рѣкъ въ гористой части Подолья, принадлежащихъ къ системѣ Днѣстра; къ этому можно еще прибавить, что всѣ онѣ отличаются чрезвычайно быстрымъ теченіемъ.

Смотричъ беретъ начало въ юго-восточной части проскуровскаго уѣзда среди болотъ, расположенныхъ между двумя горными грядами. Въ своемъ верхнемъ теченіи онъ протекаетъ по мягкому черноземному пласту, затѣмъ русло его постепенно углубляется и,

начиная отъ мѣстечка Смотрича, рѣка обнажаетъ каменныя породы.

Благодаря своему быстрому теченію, Смотричъ прорылъ въ высокихъ известковыхъ скалахъ, въ нижнемъ своемъ теченіи, глубокую и узкую долину, на днѣ которой и пролегаетъ его русло. Прорываясь сквозь скалы, рѣка чрезвычайно извилиста, берега представляютъ множество мысовъ и глубокихъ заливовъ, такъ что зачастую береговая линія тянется на цѣлые десятки верстъ, между тѣмъ какъ перешеекъ, раздѣляющій два изгиба рѣки, иногда менѣе версты въ ширину, но за то всегда представляетъ довольно значительную возвышенность. За исключеніемъ Каменца мы нигдѣ не видѣли моста на Смотричѣ, не видѣли также и паромовъ, представляющихъ обычный способъ переправы на Днѣстрѣ. Изъ средствъ водяного сообщенія, или вѣрнѣе—переправы черезъ рѣку, намъ встрѣтились два: 1) небольшія плоскодонныя лодки весьма оригинальной и первобытной формы, сдѣланныя изъ досокъ, съ острымъ носомъ и тупой, ровной кормой; 2) тамъ, гдѣ существуютъ водяныя мельницы, рѣчка наискось перегораживается отъ одного берега до другого плотиной изъ хвороста и легкаго мѣстнаго камня, по которой ходятъ и ѣздятъ. Каждую весну плотину размываетъ водой, послѣ чего ее подчиняютъ ровно настолько, чтобы ее снова прорвало въ слѣдующемъ году.

Для жителя степной Украйны долина Смотрича представляетъ картину, исполненную необычайной красоты: вдоль обоихъ береговъ рѣки сплошной стѣной тянутся горы, то покрытыя лѣсомъ, то усѣянныя грандіозными отвѣсными скалами, а внизу шумитъ и пѣнится по камнямъ рѣка, переливаясь то серебромъ, то сталью. Острыя вершины горъ и отдѣльно стоящія конусообразныя возвышенности называются въ народѣ *„толтры“* (нельзя не видѣть въ этомъ названіи аналогіи съ карпатскими *Татрами*). Иныя *„толтры“* покрыты лѣсомъ, другія, на которыхъ лѣсъ уже вырубленъ, поросли тощимъ дерномъ и усѣяны обнаженными скалами третичнаго известняка, различной величины и самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формъ; зачастую скалы идутъ рядами вокругъ горы, иногда они расположены группами, представляющими поразительное сходство то съ мегалитическими постройками, то съ развалинами замковъ и т. п.

При впаденіи рѣчки Яромирки въ Смотричъ, въ чрезвычайно живописномъ уголкѣ, образуемомъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ, расположено мѣстечко Смотричъ.

Поселеніе это весьма древнее и было нѣкогда однимъ изъ трехъ важнѣйшихъ центровъ Подолья. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія этого поселенія, бывшаго въ древности городомъ; правдоподобно, онъ принадлежалъ къ галицкому понизью и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ общую судьбу галицко-подольскихъ городовъ послѣ татарскаго нашествія. Послѣ изгнанія татаръ Ольгердомъ, этотъ великій князь поручилъ управленіе Подолья своимъ племянникамъ, князьямъ Коріятовичамъ. Новымъ владѣльцамъ приглянулось мѣстоположеніе стараго Смотрича—скала, окруженная почти со всѣхъ сторонъ водою и опоясанная вѣнцомъ другихъ скалъ; они основали здѣсь столицу своего княжества и укрѣпили ее сильнымъ замкомъ.

Въ настоящее время отъ старины уцѣлѣли только земляные валы, составлявшіе часть укрѣпленій, и костелъ, принадлежавшій нѣкогда доминиканскому монастырю, основанному при Коріятовичахъ на мѣстѣ бывшаго прежде православнаго монастыря св. Богородицы. Князь Александръ Коріятовичъ выдалъ доминиканамъ въ 1375 году сохранившуюся понынѣ въ подлинникѣ подтвердительную грамоту на поземельныя владѣнія.

Въ началѣ XV вѣка вся подольская земля перешла въ пожизненное владѣніе Витовта, извѣстнаго защитника русскихъ интересовъ въ Подольи, куда уже въ то время стремится колонизація польской шляхты. Въ 1430 году, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, поляки, поселившіеся въ Подольи по инниціативѣ пана Бучацкаго, который стоялъ во главѣ движенія, овладѣли Смотричемъ и другими замками, и вмѣстѣ съ большею частью Подолья обратили ихъ подъ свою юрисдикцію, отторгнувши изъ состава литовско-русскаго княжества.

Съ этого времени начинается ополяченье края, выразившееся прежде всего раздачей земель польскому дворянству. Что касается городовъ, то имъ, по принятому тогда обыкновенію, гарантировалось правительствомъ самоуправленіе привилегіями на магдебурское право. Въ числѣ другихъ городовъ и Смотричъ получилъ въ 1448 г. такую привилегію отъ Казиміра Ягайловича.—Въ 1518 г. Сигиз-

мундъ I разрѣшилъ горожанамъ, въ видахъ большей ихъ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, въ то время часто опустошавшихъ подольскую землю, возстановить приходившій въ разрушеніе замокъ, при чемъ гарнизонъ должно было составлять само населеніе города. Для скорѣйшаго возстановленія замка Смотричъ освобождался на два года отъ уплаты всѣхъ налоговъ.

Политическія событія неизбѣжно должны были отразиться извѣстнымъ образомъ на населеніи края. Такъ напримѣръ въ промежуткѣ съ 1570 по 1665 г., населеніе Смотрича уменьшилось на 50 душъ, т. е. почти на половину и было обложено различными повинностями по отношенію къ своему старостѣ: налогами, рабочими днями и т. д. Въ тоже время мы видимъ изъ люстрацій, что главную часть населенія въ Смотричѣ составляютъ евреи, 163 души, занимавшіеся торговлей, винокуреніемъ и другими промыслами. Съ такимъ характеромъ еврейскаго мѣстечка, гдѣ вся торговля и промышленность сосредоточилась въ рукахъ евреевъ, Смотричъ остался и понынѣ.

Положеніе города, очевидно, представляло значительныя выгоды для поселенія, потому что уже въ концѣ XVIII вѣка (1791) Смотричъ заключалъ 287 домовъ. Посреди города красовалось каменное зданіе ратуши съ часами; на горѣ, среди валовъ стараго замка, находился доминиканскій монастырь, основанный въ 1586 г., и двѣ церкви; черезъ обѣ рѣчки былъ построенъ большой деревянный мостъ. Населеніе состояло изъ слѣдующихъ составныхъ частей: евреевъ 169, католиковъ 108 и православныхъ 87; эти послѣдніе, кромѣ обыкновенныхъ городскихъ налоговъ, были обложены всевозможными повинностями и данями натурою въ пользу старосты. Вообще мѣстечко приносило дохода 35,000 злотыхъ въ годъ.

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что они могутъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики положенія каждаго мѣстечка юго-западнаго края, представляющаго извѣстныя выгоды для населенія. Смотричъ и до настоящаго времени служитъ торговымъ центромъ на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности для тѣхъ-же самыхъ селъ, которыя составляли смотрическое староство въ прошломъ столѣтіи.

Дорога изъ мѣстечка внизъ по теченію р. Смотрича въ ближайшее село Нарачковцы пролегаетъ по берегу рѣки, такъ что путе-

шественникъ все время можетъ любоваться красотами обоихъ береговъ. Какъ мы уже говорили выше, рѣка проложила себѣ русло въ очень глубокой долинѣ съ крутыми скалистыми берегами, лѣвый берегъ покрытъ чрезвычайно густымъ лѣсомъ, который тянется вдоль по горѣ и далеко за гору. Только изрѣдка, среди сплошной темной массы зелени, виднѣются на склонѣ горы дикія грандіозныя скалы известковыхъ породъ, очень эффектно выдѣляющіяся своими свѣтлыми контурами на однообразномъ темнозеленомъ фонѣ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ съ 1831 года принадлежитъ казнѣ и благодаря этому обстоятельству не истребленъ и тщательно охраняется лѣсничими вѣдомства государственныхъ имуществъ. Противуположный берегъ еще до недавняго времени былъ также покрытъ лѣсомъ, но отъ него теперь уцѣлѣли одни жалкіе остатки. Крестьяне, получивши надѣлъ на правомъ берегу, принуждены были расчистить и выкорчевать лѣсъ, при чемъ болѣе крутые склоны обращены подъ пастбища и сады, а болѣе пологіе подъ пахатныя поля. Результаты истребленія лѣсовъ уже сказываются самымъ печальнымъ образомъ: каждую весну вода вырываетъ новые глубокіе овраги по склону горы, гдѣ земля уже не сдерживается корнями деревьевъ. Слѣдствіемъ этого являются постоянные весьма значительные обвалы верхней почвы, а затѣмъ и лежащихъ подъ нею третичныхъ пластовъ, и обнажаются каменныя породы, которыя залегаютъ подъ ними; такимъ образомъ овраги все болѣе и болѣе врѣзываются въ полевые участки и постепенно поглощаютъ ихъ.—Конечно, ряды громадныхъ, дикихъ скалъ самой причудливой формы удивительно граціозно разнообразятъ пейзажъ, сообщая ему новыя красоты, но избытокъ такого украшенія береговъ угрожаетъ жителямъ серьезными затрудненіями въ будущемъ, когда весь культурный слой земли будетъ снесенъ въ долину, а на мѣстѣ пахатныхъ полей останутся только сплошныя массы камня или твердыхъ третичныхъ пластовъ. Еще лѣтъ семь назадъ жители совершенно свободно ходили по всему склону долины, поросшему дерномъ и лѣсомъ; въ настоящее-же время, вслѣдствіе ежегодныхъ обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ едва можно пробираться узенькой тропинкой, цѣпляясь за скалы, изрѣдка поросшія тощими кустами терна и *дерена* (кизиль), а еще черезъ нѣсколько лѣтъ многія мѣста сдѣлаются и совсѣмъ неприступными, такъ какъ мѣстныя каменныя породы, большею частью различныя

породы известняковъ и сланцевъ, вывѣтриваясь чрезвычайно быстро, колются по вертикальному направленію.

Въ четырехъ верстахъ ниже м. Смотрича, на правомъ берегу рѣки возвышается очень крутая гора, поросшая лѣсомъ, называемая въ народѣ *Сокилъ-гора*[1]). Можетъ быть это названіе она получила вслѣдствіе своей высоты и крутизны, куда только соколъ можетъ залетѣть, или можетъ быть нѣкогда на этой горѣ и дѣйствительно гнѣздились соколы, дорого цѣнившіеся еще въ XV и XVI ст. въ качествѣ охотничьихъ птицъ, какъ это видно по литовскому статуту.

Прямо взбираться на *Сокилъ-гору* очень трудно, а для насъ, степныхъ жителей, почти невозможно; для этого необходимы такая ловкость и привычка ходить по скаламъ, какими отличаются мѣстные жители. Намъ пришлось подняться на гору по болѣе отлогому склону въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ *Сокилъ-горы* и уже оттуда подойти къ краю возвышенности. Въ половинѣ высоты горы въ отвѣсной скалѣ виднѣются два входа въ пещеру, обращенные на югъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ доступъ къ нимъ былъ возможенъ, но съ того времени скала у подножія входа обрушилась и теперь представляетъ совершенно отвѣсную стѣну. Смотря снизу, нельзя опредѣлить, принадлежатъ-ли оба отверстія двумъ пещерамъ, или это два выхода одной и той-же камеры.

Мѣстность здѣсь удивительно живописна. Гора, расположенная на другомъ берегу противъ *Сокилъ-горы*, отличается огромнымъ количествомъ источниковъ, *„кирницъ“* по мѣстному названію, впадающихъ въ Смотричъ. Проходя по лѣсу, вы со всѣхъ сторонъ слышите тихое журчаніе, которое, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, производитъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго и волшебнаго. Въ такой обстановкѣ особенно становится понятно поклоненіе рощамъ и источникамъ въ языческія времена.

Въ горахъ Подолья, состоящихъ изъ разныхъ породъ плитняка, вездѣ замѣчается особенное обиліе источниковъ, иногда большихъ, проложившихъ себѣ широкое русло, иногда до того малыхъ, что вода по каплѣ сочится по камнямъ, такъ что ее даже нельзя собрать въ

---

[1]) Названіе довольно распространенное въ этой части Подолья. Въ каменецкомъ уѣздѣ намъ во многихъ мѣстахъ указывали *соколью* гору и всегда это была самая крутая и высокая среди окружающихъ горъ.

стаканъ. Есть два пласта въ этихъ горахъ, дающіе начало источникамъ: одинъ, болѣе богатый водою, лежитъ ближе къ подножію горъ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ уровнемъ рѣкъ; другой встрѣчается только въ болѣе высокихъ горахъ и находится почти у самой вершины. Вода въ *„криницяхъ"* отличается большой легкостью и такъ чиста и пріятна на вкусъ, что жители совсѣмъ не употребляютъ рѣчной воды. Случается, что мѣстные сибариты вѣсятъ воду изъ разныхъ *„криницъ"* и ту, которая окажется самой легкой, употребляютъ предпочтительно передъ другими. Этотъ обычай сохранился отъ временъ крѣпостнаго права, когда помѣщикамъ за нѣсколько верстъ приносили воду для самовара.

Въ разстояніи около полуторы версты ниже *Сокилъ-горы*, на лѣвомъ берегу рѣки, на широкомъ полуостровѣ съ очень узкимъ перешейкомъ, образуемымъ извилинами Смотрича, расположено село Карачковцы, утопающее въ садахъ, подобно всѣмъ подольскимъ селамъ. Положеніе села, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго рѣкой, весьма выгодно для поселенія и потому очень рано привлекло оно вниманіе древнихъ жителей Подолья. У мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе, что въ старину на мѣстѣ Карачковецъ былъ столичный городъ, въ которомъ жилъ князь; впослѣдствіи городомъ овладѣлъ *Солодій Буньякъ* и разрушилъ его [1]). Несомнѣннымъ доказательствомъ большой древности поселенія служитъ: 1) городище, расположенное во всю ширину перешейка и защищавшее городъ съ единственной доступной стороны. Городище, отрѣзанное отъ прилегающей горы глубокимъ искусственнымъ рвомъ, состоитъ изъ высокаго землянаго вала, расположеннаго въ видѣ четырехъугольника съ поперечнымъ валомъ по серединѣ, отъчего получается три ряда укрѣпленій, одинъ надъ другимъ; 2) огромное количество кургановъ, расположенныхъ группами во всѣ стороны около села по

[1]) Можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что въ преданіи вспоминается половецкій ханъ Бонякъ, называемый въ лѣтописи *шолудивымъ*, который около половины XII вѣка сильно разорялъ предѣлы южной Руси. Легенды о Бонякѣ сохранились повсемѣстно въ Подольи, при чемъ онъ является то козакомъ, то татариномъ, который разрушаетъ города, а по другимъ варіантамъ укрѣпляетъ ихъ; ему приписываютъ сооруженіе сохранившихся во многихъ мѣстахъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій. Всѣ остальные памятники древности: курганы, пещеры и другіе, народъ относитъ ко времени польско-турецкихъ войнъ.

обоимъ берегамъ рѣки. На пространствѣ трехъ верстъ мы встрѣтили семь могильниковъ, въ которыхъ насчитываютъ до 400 кургановъ.

Но есть основаніе думать, что нынѣшніе Карачковцы были населеннымъ пунктомъ еще во времена самой глубокой древности, такъ какъ здѣсь находятъ въ значительномъ количествѣ орудія каменнаго вѣка, какъ отбивныя, такъ и полированныя. Намъ самимъ удалось найти нѣсколько довольно интересныхъ экземпляровъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Карачковцы вмѣстѣ съ селомъ Цыковой образовали староство, которое описывается въ люстраціяхъ, какъ очень бѣдное и незначительное, не имѣвшее ни ярмарокъ, ни торгу, мало населенное и приносившее дохода отъ 6000 до 7400 злотыхъ.

Мы не знаемъ, какой доходъ могли-бы приносить Карачковцы въ настоящее время, но теперешнее населеніе повидимому очень зажиточно. Каждый хозяинъ имѣетъ по крайней мѣрѣ пару лошадей, не говоря о коровахъ и овцахъ; лошади употребляются и для полевыхъ работъ, за то волы встрѣчаются въ очень маломъ количествѣ и не идутъ въ работу, такъ какъ они часто *„разбиваются“* на крутыхъ горныхъ дорогахъ; ѣздятъ не иначе, какъ парой,—вообще во всемъ Подольи намъ ни разу не пришлось встрѣтить воза, запряженнаго въ одну лошадь, какъ то бываетъ на побережьи Днѣпра. Количество хлѣба здѣсь тоже въ значительной мѣрѣ превосходитъ въ этомъ отношеніи хозяйство нашихъ крестьянъ.

Богатство и разнообразіе природы, прекрасный горный воздухъ и другія благопріятныя условія жизни отразились какъ на характерѣ жителей, такъ и на самой ихъ наружности. Мы нигдѣ не встрѣчали такого красиваго, добраго и развитаго народа, какъ по берегамъ Смотрича, особенно въ Карачковцахъ. Здѣсь всѣ жители, не исключая и женщинъ, отличаются высокимъ ростомъ и стройностью стана, свойственной всѣмъ горцамъ, красотой и необыкновенной моложавостью. На кого ни посмотришь—всѣ какъ на подборъ саженные молодцы, очень худощавые, но широкоплечіе и здоровые и чрезвычайно красивые. Намъ встрѣтились нѣсколько стариковъ лѣтъ шестидесяти и больше, и между ними ни одного сгорбленнаго; всѣ они держатся прямо, какъ молодые, и показываются гораздо моложе своихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ нашему проводнику было 65 лѣтъ, но на видъ ему можно было дать не болѣе 45,—держался онъ совер-

шенно прямо и ходилъ по горамъ [1]) не хуже молодаго, такъ что мы не могли за нимъ поспѣть. Говорятъ, что многіе доживаютъ здѣсь до ста лѣтъ и больше.

Богато одаренный физически, здѣшній народъ еще выше стоитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не приходилось намъ встрѣчать такого джентельменскаго отношенія къ людямъ, какъ въ здѣшнихъ крестьянахъ: къ кому ни обратитесь, въ каждомъ васъ поражаетъ необыкновенное благодушіе и довѣрчивость по отношенію даже къ пріѣзжимъ, чужимъ людямъ, соединенное съ природнымъ юморомъ, большой вѣжливостью и полной готовностью, чѣмъ можно, помочь и услужить пріѣзжимъ, но все это соединяется съ полнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, безъ малѣйшаго униженія или стѣсненія. Видно, что даже продолжительное панское господство не могло искалѣчить нравственно этотъ богато одаренный народъ. Поговоривши съ любымъ изъ крестьянъ, можно только пожалѣть, что для нихъ почти никогда не открывался путь къ образованію.

Тутъ я позволю себѣ остановиться на одной особенности, которая рѣзко бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю,— это, при единствѣ общаго типа подолянъ, огромное количество этническихъ разновидностей, находящееся въ зависимости отъ мѣстности. Кажется, причина тому лежитъ въ географическихъ условіяхъ края. Всѣ поселенія—города и села—располагаются главнымъ образомъ по теченію рѣкъ, въ глубокихъ долинахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой довольно высокими и крутыми горами, сильно затрудняющими сообщеніе между жителями разныхъ долинъ. Почти всѣ дороги проложены по берегамъ рѣкъ и всѣ сношенія ограничиваются узкимъ райономъ рѣчной долины. Поэтому жители извѣстнаго села прекрасно знаютъ всѣ села и мѣстечки, расположенныя въ ихъ долинѣ по теченію своей рѣчки отъ ея верховьевъ до устья, но въ тоже время имѣютъ весьма смутное представленіе о поселеніяхъ сосѣднихъ долинъ: 10—15 верстъ въ сторону отъ рѣки называется уже „десь дуже далеко“. Этой изолированностью, кажется, и слѣдуетъ

[1]) Общепринятыя у насъ выраженія *лазить по горамъ*, *взбираться на горы* совершенно неприменимы къ подольскихъ жителямъ, которые ходятъ по самымъ крутымъ обрывамъ, куда нашему брату и посмотрѣть страшно, также легко и свободно, какъ по равнинѣ.

объяснить такое разнообразіе типовъ, при которомъ опытный этнографъ съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, изъ какой долины происходитъ тотъ или другой крестьянинъ. Она-же объясняетъ намъ и отличительныя черты исторіи Подолья въ удѣльный періодъ— единственную пору, когда развитіе каждаго изъ русскихъ поселянъ укладывалось въ такія рамки, какія болѣе всего отвѣчали естественному характеру племени.

Затруднительность сообщенія между отдѣльными долинами послужила причиною тому, что здѣсь удивительно долго сохраняются историческія преданія во всей ихъ чистотѣ, между тѣмъ какъ у насъ, въ степной Украинѣ, гдѣ впечатлѣнія быстро смѣняются, не оставляя прочныхъ традицій, если извѣстное преданіе и сохранится въ народной памяти какихъ нибудь сто лѣтъ, то уже переходитъ къ потомкамъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что историку подчасъ невозможно бываетъ опредѣлить, какой фактъ послужилъ основой преданію. Для примѣра укажу на легенду объ основаніи Каменца, которую намъ удалось слышать изъ народныхъ устъ въ Карачковцахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно Каменецъ, какъ поселеніе, возникъ очень рано, но значеніе одного изъ укрѣпленныхъ центровъ древняго галицкаго княжества онъ получаетъ въ началѣ XIII в. при Даніилѣ Романовичѣ, который, какъ извѣстно, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ и укрѣпилъ наиболѣе важные изъ существовавшихъ уже въ его время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Каменецъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ легенда.

„Жили соби два браты, вдовины сыны, панычи. Ниде имъ не можна було ся ужити,—де ся не оселять—скризь ихъ женуть. Одного ранку поихали вони на полювання, не взявши й хлиба зъ дому. Издили цилый день, дуже ся вморили и выголодали, и ничого не зловили; вже надъ вечиръ загнали лиса мижъ камъяни скали у густый лисъ, шчо кругомъ его ричка тече. Тутъ вони й заночували. Другого дня вранци розглядили вдовиченки мисце, тай надумали, шчо гараздъ булобъ тутъ збудовати городъ; а дали поихали до матери, тай ій кажуть, просять поради. А мати имъ одказуе, шчо буде вашъ городъ голодный, бо не взяли-сте хлиба, якъ я вамъ вчора казала. Отже вони не послухали, [illegible]ій городъ и тамъ ся оселили зъ матирью; а материно слово ся спр[illegible]ило—бувъ той городъ голодный, черезъ те й до сёго часу все такъ дорого у тому Каменци“.

Нельзя не узнать въ этомъ разсказѣ двухъ братьевъ Романовичей, устроителей галицко-волынскаго княженія, судьба которыхъ изображается въ преданіи совершенно вѣрно исторически, а между тѣмъ дѣло происходитъ почти за 6½ столѣтій. Кажется, мы не сдѣлаемъ ошибки, относя это преданіе къ личности Данiила и Василька Романовичей, извѣстныхъ колонизаторовъ волынско-галицкой земли, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ лѣтописяхъ сохранился совершенно аналогичный разсказъ о постройкѣ этими князьями города Рая, сдѣлавшагося любимой лѣтней резиденціей и мѣстомъ охоты волынско-галицкихъ князей. Подробности однѣ и тѣ-же, только названія городовъ различны.

Населеніе всѣхъ подольскихъ селъ состоитъ изъ мѣстнаго священника, нѣсколькихъ сотъ крестьянъ православнаго и иногда католическаго вѣроисповѣданія и нѣсколькихъ семействъ евреевъ. Число послѣднихъ прямо пропорціонально богатству жителей и доходности ихъ занятій. Въ Карачковцахъ живетъ три еврейскія семьи. Одна, повидимому болѣе зажиточная, держитъ въ арендѣ водяную мельницу, на которой работаютъ крестьяне. Эта семья представляетъ собою мѣстную аристократію. Другая держитъ шинокъ, единственный въ селѣ. Это представители средняго сословія. Третья семья представляетъ собою еврейскій пролетаріатъ въ селѣ. Каждому, входящему въ маленькую комнатку, гдѣ живетъ цѣлая семья и гдѣ буквально повернуться нельзя, бросается въ глаза удивительная чистота и порядокъ: вещей много, но все на своемъ мѣстѣ; въ углу полочка съ книгами, по стѣнамъ священныя картины символическаго содержанія и заграничные портреты знаменитыхъ раввиновъ. По всему видно, что здѣсь живутъ люди интелигентные, видавшіе лучшіе дни. Еврей и его жена занимаются мелочной торговлей и оригинальное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя эта лавка, помѣщающаяся въ двухъ-трехъ коробкахъ и содержащая все, что можетъ понадобиться не только крестьянамъ, но и сосѣднимъ лѣсничимъ, случайному путешественнику и вообще представителямъ болѣе привилегированнаго сословія. На печи картонка съ чистымъ товаромъ: иголками, нитками, лентами, намистомъ и т. п.; въ другой картонкѣ—табакъ разныхъ сортовъ, есть даже довольно хорошій, бумага и другія принадлежности; въ третьей—нѣсколько бумажныхъ платковъ и кусковъ самаго дешеваго ситцу. Но настоящимъ музе-

емъ является ящикъ, стоящій подъ кроватью: чего только тутъ нѣтъ! Бутылка съ керосиномъ, *вѣтрови сѣрнички*, мыло, повсемѣстно входящее въ употребленіе, нѣсколько чашекъ, блюдецъ и стакановъ, гвозди и много другихъ предметовъ—всего не припомнишь. Однимъ словомъ эта микроскопическая лавочка представляетъ нѣчто въ родѣ торговаго микрокосма.

Хозяинъ съ грустью разсказываетъ о томъ, какъ еще недавно онъ жилъ въ городѣ и занимался хлѣбными подрядами, но прогорѣлъ, потерялъ все имущество и теперь принужденъ начинать съизнова, кое какъ перебиваясь въ маломъ селѣ, гдѣ приходится продавать на грошъ спичекъ, на два гроша мыла и т. д. Этимъ путемъ онъ надѣется со временемъ на столько поправить свои обстоятельства, чтобы перейти въ большее село, а затѣмъ перенести свою дѣятельность въ мѣстечко и наконецъ можетъ быть снова возвратиться въ городъ. Остается только пожелать успѣха его энергіи и стойкости.

Впрочемъ и крестьяне въ Карачковцахъ занимаются промысломъ, матеріялъ для котораго доставляютъ имъ скальные обрывы окружающихъ горъ. Блуждая по *Сокилъ-горѣ*, мы наткнулись на каменоломню, изъ которой крестьяне извлекаютъ плиты бѣлаго известняка и, обтесывая ихъ съ крайнею осторожностью, изсѣкаютъ кресты, достигающіе иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Кресты эти покупаются въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ или „*фигуръ*“, которыми благочестивые жители западной Подоліи украсили всѣ дороги своей области [1]).

Впрочемъ, я уже слишкомъ долго остановился на милыхъ моему сердцу Карачковцахъ; пора извиниться передъ читателемъ и пригласить его, вооружась терпѣніемъ, продолжать прогулку.

---

[1]) Такое-же производство мы встрѣчали еще во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Каменцѣ, гдѣ изъ мѣстнаго известняка приготовляются надгробные памятники, отличающіеся большимъ изяществомъ и красотой отдѣлки. Этотъ третичный известнякъ въ отдѣлкѣ очень красивый бѣлый камень съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ, но въ короткое время совершенно темнѣетъ; сверхъ того онъ чрезвычайно быстро вывѣтривается, такъ что изображенія и надписи на памятникахъ въ короткое время подвергаются порчѣ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершенно сглаживаются. Камень этотъ, идущій и на постройки, имѣетъ еще одно примѣненіе: во многихъ мѣстахъ, гдѣ обнажены известковыя породы, евреи закупаютъ

III.

Мѣстечко Черче; его исторія.—Нѣгинъ.—Пещеры.—Легенда.—Растительность.—Дорога въ Каменецъ.—Приворотгя.—Земляныя насыпи.—Паневцы, замокъ; его исторія.—Академія и типографія.—Гробница Потоцкаго.—Турецкія и казацкія войны.—Устье; видъ села, Траяновъ валъ.—Колонизація и исторія Устья.

Спускаясь дальше по Смотричу, встрѣчаемъ верстахъ въ шести ниже Карачковецъ мѣстечко Черче, а въ очень близкомъ отъ него разстояніи къ югу—село Залучье и Нѣгинъ.

Мѣстечко расположено въ очень живописномъ уголкѣ, окруженномъ высокими скалами. Въ старину Черче принадлежало къ имѣніямъ каменецкихъ епископовъ. Около половины XVI ст. было до чиста разорено татарами и въ 1578 г. снова возникло по иниціативѣ епископа Мартына Бѣлобрежскаго, выхлопотавшаго у короля Стефана Баторія привилегію на магдебурское право и двѣ ярмарки въ году, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ. Въ концѣ XVIII вѣка мѣстечко поступило въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, а въ 1795 г. подарено гетманшѣ Александрѣ Браницкой. Памятникомъ старины остался въ Черчѣ каменный костелъ, въ архивѣ котораго, какъ говорятъ, хранятся важныя рукописи.

Къ югу отъ Черча по лѣвому берегу рѣки начинается цѣлый рядъ пещеръ, которыя тянутся до Залучья и Нѣгина. Существуетъ въ народѣ преданіе, будто это одна пещера, весьма обширная, идущая подъ землей отъ Черча до Нѣгина и имѣющая нѣсколько выходовъ. Не знаю, насколько это вѣрно. Намъ удалось осмотрѣть только нѣгинскія пещеры, расположенныя въ слоѣ силурійскаго известняка, достигающемъ около восьми сажень въ толщину; ихъ три числомъ, всѣ онѣ совершенно самостоятельны и вовсе не соединяются между собою.

Двѣ изъ нихъ скорѣе можно назвать гротами и только третья

у помѣщиковъ на извѣстный срокъ цѣлыя горы, ломаютъ камень и пережигаютъ на известь. Такимъ образомъ уже исчезло значительное количество скалъ. Такъ напримѣръ въ м. Кривчикѣ сломана цѣлая гора, въ которой находились двѣ очень обширныя пещеры съ озеромъ и купальней въ одной изъ нихъ; теперь и слѣда отъ нихъ не осталось. Сохранилась только третья пещера въ противуположной горѣ, служившая повидимому жилищемъ для человѣка въ доисторическую пору, но она недоступна для изслѣдованія, такъ какъ входъ наглухо забитъ камнемъ.

представляется настоящей пещерой съ двумя выходами и множествомъ развѣтвленій. Въ настоящее время, вслѣдствіе частныхъ обваловъ съ одной стороны и наростанія сталактитовъ съ другой, внутренность пещеры представляется въ видѣ нѣсколькихъ развѣтвляющихся корридоровъ, очень узкихъ и до того низкихъ, что во многихъ мѣстахъ приходится пробираться ползкомъ, расчищая себѣ путь между свалившимися сверху камнями. Мѣстами попадаются камеры по нѣсколько аршинъ въ діаметрѣ, въ которыхъ свободно можно ходить; отъ нихъ идутъ радіусами новые корридоры и вообще пещера представляетъ столько рамификацій, что нѣтъ никакой возможности оріентироваться. Мы запаслись компасами, и то непремѣнно заблудились-бы, если-бы по примѣру Тезея не взяли шнурка въ видѣ предосторожности.

Дно пещеры покрыто довольно толстымъ слоемъ наносной земли, переполненной огромнымъ количествомъ звѣриныхъ и человѣческихъ костей. Послѣднія носятъ отпечатокъ различныхъ эпохъ; намъ попалось нѣсколько костей, которыя по своимъ анатомическимъ особенностямъ должны быть отнесены къ самой глубокой древности; другія ничѣмъ не разнятся отъ современнаго скелета. Очевидно здѣсь покоятся остатки цѣлаго ряда поколѣній, населявшихъ берега Смотрича. Подтвержденіемъ тому служатъ находки какъ въ самой пещерѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ: здѣсь попадаются съ одной стороны каменныя орудія неолитическаго періода и съ другой польскія монеты XVI и XVII вв.; одну изъ нихъ—полторакъ Сигизмунда III, 1623 г., намъ удалось найти на днѣ одной изъ извилинъ пещеры. По преданію нѣгинская пещера служила для окрестныхъ жителей мѣстомъ убѣжища во время татарскихъ набѣговъ. Разсказываютъ, что однажды въ селѣ праздновалась свадьба, какъ вдругъ налетѣли татары. Всѣ жители Нѣгина укрылись въ пещеру, словно сквозь землю провалились; татары не смотря на всѣ старанія, не могли ихъ найти и принялись грабить хаты. Черезъ нѣсколько времени молодая „*княгиня*“ въ барвинковомъ вѣнкѣ вышла изъ пещеры и тотчасъ была убита татарами. Такимъ образомъ убѣжище было открыто; хищники, не будучи въ состояніи проникнуть въ пещеру, завалили входъ деревомъ и зажгли, вслѣдствіе чего всѣ находившіеся тамъ погибли отъ дыму.

Этимъ объясняютъ присутствіе такой массы человѣческихъ костей на всемъ протяженіи подземныхъ корридоровъ.

Въ настоящее время, вѣроятно въ силу такой легенды, гротъ при началѣ пещеры обращенъ въ часовню, стѣны его нѣсколько подтесаны и входъ запирается дверью; селяне снесли сюда нѣсколько старыхъ иконъ и ежегодно, въ день св. Онуфрія, здѣсь служится молебенъ, при чемъ стекаются на богомолье жители окрестныхъ селъ. Въ остальное время года пещера посѣщается только пастухами, укрывающимися тутъ отъ непогоды, да туристами, которые довольно часто пріѣзжаютъ изъ Каменца.

Разсказываютъ, что барвинокъ, украшавшій голову молодой, растетъ понынѣ вѣнкомъ вблизи пещеры. Мѣстный польскій поэтъ, Гославскій, воспользовался этой легендой для весьма художественной поэмы, въ которой указываетъ даже мѣсто, гдѣ была похоронена *„молода княгиня“* и гдѣ на могилѣ росъ еще въ его время знаменитый барвинокъ. Этого барвинку ищутъ на память о нѣгинской пещерѣ всѣ туристы, знакомые съ поэмой, однако намъ не посчастливилось, не смотря на указанія родственника покойнаго поэта, найти ни малѣйшихъ слѣдовъ барвинка; вѣроятно онъ уже истребленъ прежними посѣтителями. Вмѣсто него въ указанномъ мѣстѣ намъ встрѣтилось нѣсколько кустовъ плюща, который въ большемъ количествѣ растетъ по всему лѣсу, покрывающему нѣгинскую гору.

Разъ упомянувши о плющѣ, я позволю себѣ на минуту остановиться на подольской флорѣ. Я не ботаникъ и потому могу говорить только о такихъ особенностяхъ, которыя сами бросаются въ глаза при поверхностномъ наблюденіи.—Всѣ притоки Днѣстра текутъ самыми прихотливыми извилинами, вслѣдствіе того склоны ихъ долинъ обращены поочередно ко всѣмъ четыремъ сторонамъ горизонта. Каждый склонъ имѣетъ свою преобладающую растительность: въ то время какъ на сѣверномъ и восточномъ преобладаетъ чорный лѣсъ, чрезвычайно распространенный въ Подоліи и *„чагарникъ“*, растущій повсюду въ нашихъ мѣстахъ, южный и западный склоны покрыты растительностью, которая своимъ характеромъ нѣсколько напоминаетъ крымскую флору. Здѣсь встрѣчаются цѣлые лѣса изъ настоящаго крымскаго кизилу (въ Подоліи *„деренъ“*), который очень хорошо дозрѣваетъ, также какъ и различные

сорта винограду; лѣсной папоротникъ достигаетъ вышины, необыкновенной въ нашихъ мѣстахъ; сверхъ того мнѣ попались два сорта скальнаго папоротника, которыхъ не приходилось встрѣчать въ поднѣпровской Украинѣ. Также, какъ и въ Крыму, въ большомъ количествѣ растетъ въ лѣсахъ плющъ, разводимый у насъ, какъ комнатное растеніе, требующее большаго ухода. Наконецъ здѣсь растутъ въ дикомъ видѣ нѣкоторые виды травъ и цвѣтовъ, встрѣчающіеся у насъ, какъ садовыя растенія.—Конечно, спеціалистъ замѣтилъ-бы несравненно больше особенностей, но вѣдь я не спеціалистъ въ области ботаники, также какъ большинство моихъ читателей.

Изъ памятниковъ старины въ Нѣгинѣ можно указать маленькую деревянную церковь, построенную въ прошломъ столѣтіи, какъ это значится въ надписи, вырѣзанной на церковныхъ дверяхъ. По преданію она выстроена семействомъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ Ляховецкихъ; впослѣдствіи этотъ дворянскій родъ сильно размножился, обѣднѣлъ и въ настоящее время представители его приписаны въ крестьянство. Но и теперь члены его отличаются особеннымъ благочестіемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ два каменные креста съ распятіемъ, окрашеннымъ въ яркозеленый цвѣтъ, поставленные ими на перекресткахъ въ селѣ.

Отъ Нѣгина до Каменца, опускаясь вдоль береговъ Смотрича, путешественникъ не встрѣтитъ уже ничего замѣчательнаго; поэтому лучше взять земскую почту и ближайшимъ путемъ отправляться въ Каменецъ. Дорога все время проходитъ среди чрезвычайно живописной мѣстности по равнинѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ рядами остроконечныхъ горъ съ скальными вершинами, большею частью покрытыхъ лѣсомъ; иногда попадаются *толтры*, едва поросшія травою и усѣянныя обнаженными скалами. Вообще красивый видъ съ дороги на Привороття; самого села не видно, такъ какъ оно расположено въ глубокой долинѣ между двумя высокими *толтрами*, поросшими густымъ лѣсомъ. Обѣ горы сходятся основаніями. У подножья одной изъ нихъ въ разстояніи 2—3 верстъ отъ дороги, очень живописно обрисовывается силуэтъ небольшого замка съ зубчатой стѣной, башенками, бойницами; однимъ словомъ со всѣми атрибутами средневѣковой постройки. Обращаетесь за свѣдѣніями къ ямщику и узнаете, что это зданіе, построенное въ не-

давнее время мѣстнымъ помѣщикомъ, предназначалось для корчмы, которая въ немъ и помѣщалась нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь-же корчма не дѣйствуетъ по недостатку практики. Странная идея строить корчму въ видѣ замка, но издали выходитъ очень красиво, а Привороття и безъ того считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ уѣздѣ.—Впрочемъ я не берусь описывать красоты подольской природы, для этого нужно обладать тургеневскимъ талантомъ, который, разумѣется не у каждаго бываетъ. Пусть читатель самъ, если захочетъ, представитъ себѣ рядъ прекраснѣйшихъ картинъ, какія только можетъ создать его воображеніе, и онъ не далеко будетъ отъ истины: не даромъ вѣдь называютъ этотъ край Подольской Швейцаріей.—Для интересующихся исторіей и археологіей родного края можно отмѣтить еще одну подробность.

Въ районѣ Каменца, верстъ на 15—20 въ окружности, разсѣяны на поляхъ въ огромномъ количествѣ: земляныя батареи, городища и курганы, единичные и группами. По внѣшнему виду первыя принадлежатъ къ позднѣйшему времени; городища большею частью относятся ко времени польско-турецкихъ войнъ; что касается могилъ, то онѣ ждутъ еще своего изслѣдователя. Мѣстные археологи,—ихъ есть нѣсколько въ Каменцѣ,—могли-бы оказать большую услугу наукѣ, взявшись за изслѣдованіе кургановъ; до сихъ поръ они занимаются большею частью собираніемъ коллекцій изъ случайныхъ находокъ и время отъ времени отсылаютъ свои коллекціи въ краковскую академію.

Не берусь описывать самый Каменецъ; это потребовало-бы слишкомъ много времени и мѣста. Объ исторіи этого города, его памятникахъ и достопримѣчательностяхъ, о его физіономіи и населеніи такъ много написано, что читающая публика, вѣроятно, имѣетъ уже ясное о немъ представленіе. Мои слова будутъ только безполезнымъ и слабымъ повтореніемъ.

Подвигаясь на югъ отъ Каменца, по теченію Смотрича, мы встрѣчаемъ еще два интересные пункта: Паневцы и Устье.

Село Паневцы—верстахъ въ семи отъ Каменца, на полдорогѣ изъ этого послѣдняго въ с. Устье; оно расположено въ глубокой долинѣ на правомъ берегу Смотрича, на полуостровѣ, образованномъ глубокой извилиной рѣки. На противуположномъ берегу находится самый возвышенный пунктъ всего лѣваго берега Смотрича. Полуостровъ, на

которомъ помѣщается село, представляетъ тоже довольно значительную возвышенность съ обросшей лѣсомъ вершиной, постепенно опускающуюся къ рѣкѣ. Почти у самой вершины, на обрывистой скалѣ, висящей надъ берегомъ, очень рельефно обрисовываются развалины громаднаго стариннаго замка. Вблизи развалинъ два огромныя каменныя зданія, построенныя въ одно время съ замкомъ, вполнѣ уцѣлѣвшія снаружи. Нѣсколько ниже расположена красивая помѣщичья усадьба, выстроенная въ новомъ вкусѣ; на средней террасѣ, на самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ,—приходская церковь, а еще ниже, у самаго берега, ряды крестьянскихъ хатъ. Все это окружено обширными фруктовыми садами, украшающими и разнообразящими пейзажъ густой массой зелени. Благодаря своему необыкновенно живописному мѣстоположенію и близости къ городу, Паневцы являются самымъ любимымъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ каменецкихъ жителей.

Поселеніе это относится къ XVI в. Оно основано Николаемъ Потоцкимъ, генераломъ подольскимъ, получившимъ это мѣсто, по мнѣнію польскихъ историковъ, въ силу конституціи 1589 г. Получивъ пустое мѣсто въ малозаселенномъ краѣ, почти у самыхъ границъ Молдавіи, подверженное всѣмъ случайностямъ частыхъ татарскихъ набѣговъ, Потоцкій, по обычаямъ колонизаціоннымъ того времени, долженъ былъ зазывать поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ, обѣщаніемъ извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ. Такимъ образомъ возникло село Верхніе Паневцы, получивши названіе отъ небольшаго поселенія Нижнихъ Паневецъ, существовавшаго въ недалекомъ разстояніи еще съ начала XVI вѣка. Сынъ и наслѣдникъ Николая, Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, построилъ здѣсь въ 1590 г. крѣпкій замокъ, обнесенный земляными валами, на высокомъ обрывѣ надъ Смотричемъ. Въ скоромъ времени вокругъ замка образовалось довольно значительное мѣстечко съ предмѣстьями.

Будучи послѣдователемъ реформатскаго ученія, охватившаго съ XVI в. лучшіе умы между дворянствомъ югозападнаго края въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ социніанства и кальвинизма, Янъ Потоцкій одновременно съ замкомъ построилъ въ Паневцахъ кальвинскую часовню и основалъ академію, въ которой преподавателями были извѣстнѣйшіе въ свое время ученые—еретики, какъ ихъ называли современники: между ними особеннымъ значеніемъ пользовался на-

стоятель общины, Янъ Зыгровичъ. Тутъ-же была основана типографія, въ которой этотъ ученый печаталъ свои труды полемическаго характера, направленные противъ католицизма.—Къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность не имѣла успѣха среди мѣстнаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ православнаго крестьянства и католической шляхты; первые, будучи крѣпостными, не нуждались въ схоластическомъ образованіи, а послѣдніе, хотя и пользовавшіеся всѣми правами свободнаго сословія, слишкомъ фанатически держались за свой католицизмъ и предпочитали лучше оставить своихъ дѣтей совсѣмъ безъ образованія, чѣмъ отдать ихъ въ еретическую школу. Главный контингентъ воспитанниковъ академіи доставляли семейства мелкой шляхты и нѣмецкихъ пушкарей, находившихся въ прямой зависимости отъ Потоцкаго, какъ воеводы и помѣщика. Сверхъ того комплектъ пополнялся желающими изъ Великопольши и даже изъ заграницы. По обычаю того времени академія состояла изъ двухъ отдѣленій—высшаго и низшаго, распадавшихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ, съ программою, общею всѣмъ современнымъ академіямъ.

Не долго просуществовали всѣ эти учрежденія. Янъ Потоцкій, принимавшій участіе въ московскомъ походѣ Сигизмунда III, погибъ при осадѣ Смоленска въ 1611 г.; тѣло его было перевезено въ Паневцы, похоронено въ склепу построенной имъ часовни и затѣмъ забыто потомствомъ. Лѣтъ 30 назадъ гробница Потоцкаго найдена была случайно садовникомъ, искавшимъ въ развалинахъ замка удобнаго зимняго помѣщенія для фруктовъ; найденныя въ гробѣ вещи взяты мѣстнымъ владѣльцемъ, кости покойнаго основателя Паневицъ, защищавшаго мѣстечко какъ отъ татарскихъ набѣговъ, такъ и отъ поселенія въ немъ іезуитовъ, зарыты подъ поломъ склепа, а самый склепъ обращенъ въ зимній складъ для яблокъ.

Со смертью Яна Потоцкаго погибло все его дѣло. За отсутствіемъ прямыхъ потомковъ, Паневцы получилъ по боковой линіи племянникъ покойнаго, Станиславъ Реверга Потоцкій, бывшій также кальвинистомъ, но впослѣдствіи вернувшійся къ ученію католической церкви. Новый владѣлецъ началъ съ того, что упразднилъ всѣ протестанскія учрежденія своего предшественника: часовня была закрыта, также какъ и академія, ученики и преподаватели разошлись по свѣту, а типографія перенесена ея начальникомъ въ

другое мѣсто. Здапія академіи и типографіи, по распоряженію наслѣдника, обращены въ сараи, конюшни, загоны для скота и т. п. и, благодаря необыкновенной прочности постройки, до настоящаго времени исполняютъ это назначеніе.—Со времени новаго владѣльца начинается военная слава Паневецъ. Два раза мѣстечко подвергается осадѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ и оба раза успѣшно отражаетъ нападеніе. Первый разъ это случилось въ 1621 году, когда султанъ Османъ, послѣ безъуспѣшнаго хотинскаго похода, задумалъ овладѣть хоть однимъ изъ подольскихъ замковъ, поставить въ немъ турецкій гарнизонъ и положить этимъ начало своему господству въ краѣ. Потерпѣвши неудачу подъ Каменцемъ, Османъ обратилъ вниманіе на Паневцы; осадилъ мѣстечко, но, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, принужденъ былъ оставить Подолію. Въ другой разъ Паневцы успѣшно выдержали осаду 50,000 турецкой арміи въ 1633 г., когда турки, нарушивши перемиріе, вторглись въ Подолію, но были отражены гетманомъ Конецпольскимъ.

Но во время турецкой войны 1651—52 г., въ которой Богданъ Хмельницкій помогалъ туркамъ, козацкій гетманъ, потерпѣвши вмѣстѣ съ ханомъ неудачу подъ Каменцемъ, направился къ Жванцу и по пути соединенное козацко-татарское войско овладѣло Паневцами и разрушило до основанія мѣстечко, но всѣ сооруженія Яна Потоцкаго уцѣлѣли почти безъ поврежденій. Польскіе источники, не упускающіе случая очернить въ глазахъ современниковъ и потомковъ дѣятельность козаковъ и ихъ предводителя, сообщая о взятіи Паневцевъ, разсказываютъ, будто Хмельницкій вошелъ въ соглашеніе съ начальникомъ гарнизона, Трилятковскимъ, обѣщая ему, въ награду за сдачу крѣпости, званіе полковника войска запорожскаго, но послѣ сдачи замка приказалъ будто-бы казнить коменданта за измѣну и вырѣзать весь гарнизонъ поголовно, а замокъ съ мѣстечкомъ отдалъ козакамъ на разграбленіе[1]).—Послѣ того мѣстечко пришло въ полный упадокъ, почти всѣ его жители разбѣжались и въ началѣ XVIII ст. въ немъ едва насчитывается нѣсколько семействъ. Когда улеглись козацкія волненія, оно снова возвратилось въ родъ Потоцкихъ, которому суждено было

[1]) Wójcicki l. c. II. 165.

колонизовать Паневцы, и начало снова заселяться по стародавнимъ обычаямъ. На этотъ разъ колонизація идетъ менѣе успѣшно: Паневцы остаются въ видѣ трехъ селъ, расположенныхъ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ рѣки, и никогда уже не достигаютъ значенія мѣстечка. На правой сторонѣ Смотрича, на полуостровѣ, гдѣ было первоначальное поселеніе, находятся такъ называемые *Старые* или *Мурованые* Паневцы; рядомъ съ ними къ югу—*Нижніе Паневцы* и на лѣвомъ берегу *Вышніе* или *Драчновка*.

Не смотря однако на относительную слабость колонизаціи, по визитѣ 1740 г., въ селѣ съ предмѣстьями числятся двѣ уніатскія церкви и католическая часовня. Всѣ онѣ передѣланы изъ существовавшихъ здѣсь гораздо раньше православныхъ церквей. По мнѣнію мѣстныхъ ученыхъ, занимающихся разработкой исторіи Подоліи, въ старыхъ Паневцахъ существовала церковь съ первыхъ годовъ XVII ст. и съ теченіемъ времени нѣсколько разъ возобновлялась и перестраивалась.

Со времени послѣдней колонизаціи село, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, нѣсколько разъ перемѣнило владѣльца; въ 1765 г. оно перешло въ родъ Старжинскихъ, во владѣніи котораго пребываетъ и понынѣ.

Подъ часъ барской конфедераціи паневецкій замокъ на короткое время былъ въ рукахъ конфедератовъ. Теперь онъ лежитъ въ развалинахъ и, не смотря на это, все таки поражаетъ зрителя своею громадностью и необыкновенной прочностью и массивностью постройки; толщина стѣнъ не менѣе $4^1/_2$ аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ и того больше; онъ былъ построенъ съ нѣсколькими башнями, обширными подземными ходами и обведенъ землянымъ валомъ. Зданіе бывшей типографіи въ одинъ этажъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него—огромное двухъ-этажное зданіе академіи съ примыкающей къ нему часовней, поставленной на четырехъ-угольномъ фундаментѣ съ восьмиугольнымъ куполомъ. Обѣ эти постройки снаружи сохранились безъ малѣйшаго поврежденія, что объясняется прочностью кладки и толщиною стѣнъ, достигающею отъ 2 до 3 аршинъ.

О послѣднихъ владѣльцахъ Паневецъ можно еще замѣтить, что одинъ изъ нихъ пользовался въ свое время извѣстностью, какъ поэтъ и esprit fort, другой оставилъ по себѣ память въ потомствѣ

тѣмъ, что путемъ постыднаго обмана отобралъ у мѣстнаго священника его усадьбу вмѣстѣ съ частью церковной земли.

Подвигаясь дальше на югъ по дорогѣ, ведущей въ Бессарабію, верстахъ въ 5—6 отъ Паневецъ встрѣчаемъ село Устье на лѣвомъ берегу Смотрича, при впаденіи этой рѣки въ Днѣстръ. Село расположено на продолговатомъ полуостровѣ, постепенно понижающемся и съуживающемся къ концу,—на одномъ изъ многочисленныхъ полуострововъ, постоянно встрѣчающихся по теченію Смотрича, который въ нижнемъ своемъ теченіи становится особенно извилистымъ.

Грустный видъ представляетъ этотъ уголокъ съ его дикими скалами, едва покрытыми тощей растительностью и представляющими обнаженіе известковыхъ и песчанистыхъ пластовъ силурійской формаціи. Скалы постепенно спускаются къ водѣ, переходятъ въ песчаный берегъ и здѣсь-то, въ самомъ углу между двумя рѣками, пріютилось небольшое, бѣдное село, представляющее такой-же грустный, жалкій видъ, какъ и самый полуостровъ, на которомъ оно расположено. На скалѣ надъ селомъ возвышается маленькая деревянная церковь, постоянно недостроенная или подчинающаяся; невдалекѣ отъ нея помѣщичій домъ въ швейцарскомъ стилѣ, придающій еще болѣе унылый видъ картинѣ своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ бѣдными крестьянскими жилищами.

Таковъ видъ Устья съ подольской стороны. Со стороны Днѣстра картина нѣсколько разнообразится длинной узкой полосой земли—фруктовымъ садомъ; на берегу робко пріютились нѣсколько хатъ и корчма у самаго перевоза, состоящаго изъ двухъ паромовъ. За то стоитъ подняться на вершину горы, на большую дорогу и отсюда, при поворотѣ дороги изъ Устья въ с. Свикловцы, лежащее на противоположномъ берегу Смотрича, открывается прекрасный видъ на окрестности.

Съ одной стороны—села: Козя и Свикловцы, расположенныя на двухъ полуостровахъ и раздѣленныя глубокимъ заливомъ, въ который врѣзывается длинный узкій мысъ, принадлежащій къ лѣвому берегу. Красивая, быстрая рѣка съ ея глубокими извилинами, съ высокими скалистыми берегами, въ свою очередь окруженными вѣнцемъ высокихъ горъ, представляетъ чрезвычайно живописную картину, которая дополняется широкой серебристой полосой Днѣ-

стра на горизонтѣ. Говорятъ, что въ старину горы здѣсь были покрыты дремучими лѣсами, въ которыхъ водились разные звѣри; при повсемѣстномъ истребленіи лѣсовъ, отъ нихъ уцѣлѣли одни жалкіе остатки.

Съ другой стороны открывается не менѣе живописный видъ на бессарабскій берегъ. На поляхъ, принадлежащихъ Устью, на лѣвомъ берегу Днѣстра, по вершинѣ возвышенности, параллельной теченію Смотрича, тянется длинный земляной валъ, достигающій отъ семи до девяти саженъ въ ширину и около сажени въ высоту, который спускается къ Днѣстру, переходитъ на другой берегъ и снова продолжается на бессарабской сторонѣ. Это часть такъ называемаго мѣстными книжниками *Траянова вала*, который тянется на нѣсколько сотъ верстъ; мѣстами валъ сильно распаханъ, иногда даже совсѣмъ исчезаетъ, но вскорѣ начинается снова, достигая въ иныхъ мѣстахъ весьма значительныхъ размѣровъ.

На поляхъ на правой сторонѣ Смотрича, въ двухъ верстахъ отъ Устья находится небольшое круглое городище и нѣсколько кургановъ; одинъ изъ нихъ носитъ названіе *Остановой могилы*. По преданію здѣсь похоронены христіане, погибшіе во время турецкихъ и татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть это и вѣрно для даннаго случая, но вообще нужно замѣтить, что народныя преданія относятъ всевозможные памятники старины, разсѣянные по всему Подолью, ко времени польскаго владычества и турецкихъ войнъ. Это заблужденіе раздѣляется въ большинствѣ случаевъ интелигенціей, даже относительно такихъ археологическихъ памятниковъ, которые несомнѣнно принадлежатъ болѣе глубокой древности.

Документальныя свѣдѣнія объ Устьи, какъ заселенномъ пунктѣ, начинаются довольно рано—съ начала XV ст. Грамотою 1405 года король Владиславъ Ягайло отдалъ этотъ уголокъ во владѣніе шляхтичу Петру Качорску съ обязательствомъ доставлять трехъ вооруженныхъ воиновъ въ подольскую пограничную стражу. Источники умалчиваютъ о томъ, было-ли Устье уже заселено, или его колонизація началась съ этого времени. Переходя изъ рукъ въ руки и перемѣнивши нѣсколько владѣльцевъ, село въ 1599 г. перешло въ родъ Могилъ, бывшихъ господарей Волошскихъ, вынужденныхъ политическими обстоятельствами оставить свою родную землю.

Въ продолженіе всего XVII ст. судьба Устья была весьма печальна, благодаря его положенію на самой границѣ съ турецкими владѣніями, надъ однимъ изъ семи днѣстровскихъ бродовъ, существующихъ и понынѣ. Почти противъ Устья пролегалъ по правому берегу Днѣстра одинъ изъ такъ называемыхъ *„турецькихъ шляхивъ"*, т. е. путей, по которымъ производили свои набѣги на Подолію и Галичину отряды турокъ и орды бѣлгородскихъ татаръ. Прежде другихъ, конечно, приходилось терпѣть отъ такихъ набѣговъ жителямъ пограничныхъ селъ, лишенныхъ защиты, такъ какъ Рѣчь Посполитая не имѣла достаточно силъ, чтобы охранять свои предѣлы, и войско ея или храбро сидѣло по домамъ, или не менѣе храбро слѣдовало за непріятелемъ на почтительномъ разстояніи. Случалось впрочемъ, что, пропустивъ татаръ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, отряды войска или-же вольныя дружины изъ мѣстной шляхты устраивали засады на тѣхъ дорогахъ, по которымъ должны были возвращаться хищники, обремененные плѣнниками и добычей. Польская засада нападала на нихъ въ расплохъ и захватывала въ свою пользу награбленную татарами добычу;—это называли защитой края. Польскіе историки называютъ такія стычки, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія цѣлью грабежъ готовой добычи подъ благовиднымъ предлогомъ, геройскими подвигами, возвращавшими краю хоть часть того добра, какое непріятель такъ часто уносилъ изъ беззащитныхъ предѣловъ Подоліи. Съ своей стороны и правительство не оставляло безъ награды героевъ имѣніями или доходными должностями.

Около 1630 г., такой защитникъ появился и въ Устьи въ лицѣ простаго шляхтича, Стефана Хмѣлецкаго, который неоднократно нападалъ съ отрядомъ милиціи на возвращавшихся татаръ и отбивалъ у нихъ добычу. Однажды ему удалось захватить нѣсколькихъ знатныхъ плѣнниковъ, въ числѣ ихъ сына и племянника знаменитаго буджацкаго мурзы Кантемира; первый былъ выставленъ на показъ въ Устьи и затѣмъ обезглавленъ. За такіе рыцарскіе подвиги Хмѣлецкій получилъ во владѣніе мѣстечко Красное и сверхъ того награжденъ званіемъ воеводы и сенатора.

Не задолго до взятія Каменца турками Устье, лишенное всякой защиты, пришло въ полный упадокъ и почти совсѣмъ опустѣло: большинство жителей разбѣжалось, остались только немногіе дер-

жавшіе перевозъ, да тѣ, которые согласились потурчиться. Тогда Устье было обращено турками въ перевозочный пунктъ, черезъ который они переправляли подкрѣпленія и припасы въ Каменецъ. Не будучи въ состояніи возратить себѣ столицу Подоліи, поляки расположились нѣсколькими отрядами вдоль границы, между Окопами св. Тройцы и Устьемъ и отсюда вели съ турками мелкую партизанскую войну, при чемъ главною цѣлью является опять таки захватъ добычи. Найболѣе удачное столкновеніе случилось около 1694 г., когда поляки, подъ предводительствомъ двухъ гетмановъ, напали на турецкій отрядъ съ подкрѣпленіемъ и обозомъ, во время его переправы черезъ Днѣстръ подъ Устьемъ, обратили его въ бѣгство и преслѣдовали нѣкоторое время. Съ наступленіемъ ночи они прекратили погоню, чѣмъ и дали возможность туркамъ уйти. На другое утро, когда непріятеля и слѣдъ простылъ, поляки снова бросились за нимъ въ погоню, но верстахъ въ шести отъ Устья наткнулись на брошенный турками обозъ и, овладѣвъ имъ, прекратили преслѣдованіе.

Польскіе историки на всѣ лады прославляютъ этотъ походъ, въ которомъ ихъ соотечественникамъ удалось захватить милліонную добычу и въ которомъ они, сами испугавшись случайнаго перевѣса надъ непріятелемъ, во время остановились на ночлегъ. При этомъ они, сверхъ обыкновенія, умалчиваютъ о количествѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ турокъ; вѣроятно ихъ не было.

Съ прекращеніемъ турецкихъ войнъ въ XVIII ст. наступило болѣе спокойное время для пограничныхъ селъ и они начали мало по-малу оправляться. Мало по-малу заселяется и Устье и снова начинаетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому.

К. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Понадвинулась [1]).

... Витеръ віе—повивае,
По полю гуляе,
На могили кобзарь сидить
Та на кобзи грае...
Кругомъ ёго степъ, якъ море
Широке, синее;
За могилою могила,
А тамъ тилько мріе [2]).

... Иду шляхомъ; сонце сяе,
Витеръ съ травами говоре,
Передъ мною и за мною
Степъ колышетця, якъ море.
А затихне витеръ буйный,—
Степъ, мовъ каминь, не двигнетця
И, якъ килимомъ багатымъ,
Ввесь квитками уберетця.
Онъ нагнулась тирса била,
Звиробой скрутивъ стебельци,
Червоніе материнка,
Якъ зирки горять козельци;
Крикнувъ перепелъ въ ярочку,
Стрепетъ приснувъ надъ тернами,
По кущахъ мижъ дерезою
Ходють дрохвы табунами.
Тихо всюди; тилько де-де
Витерочовъ пронесетця
Та на землю изъ-нидъ неба
Писня жайворонка льетця [3]).

«Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до Сѣвернаго-Донца, по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, её посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы; бо-

---

[1]) Кольцовъ. Собраніе стихотвореній. Издан. Солдатенкова. М. 1868. стр. 24.

[2]) Шевченко. Кобзарь. Спб. 1883 г., стр. 5.

[3]) Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ. 1883 г., стр. 53.

гатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣняетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ея благорастворенный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее «колыбелью послѣ потопа« [1]). »То, что писано современниками объ этой землѣ (Малороссіи), текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохой, давало урожай басновловный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностію. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украйнѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, попавшись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца и Ржончинскій зналъ одного пасѣчника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасѣкъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собираетъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній« [2]). »И бысть намъ сіе путное шествіе печально и уны-

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842 г., стр. 4.

[2]) Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси. Вѣстникъ Европы, 1874 г., III, II.

ливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди... А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякого много; сады, что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много въ ней родится« [1]).

Такова была природа Малороссіи. Но что касается собственно Запорожья, то здѣсь природа носила двойственный характеръ: по мѣстамъ она представляла такое же изобиліе, какимъ отличалась вообще вся Малороссія, а по мѣстамъ граничила съ крайнимъ недостаткомъ, свойственнымъ собственно Запорожью. То и другое требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. »Славное войско запорожское низовое« занимало одну изъ тѣхъ окраинъ южно-русскихъ степей, гдѣ уже искони вѣковъ носились »киммерійскіе мраки«, волновались »скиѳскія тѣни«, сгущались »половецкіе туманы«, осаживалась »татарская мгла« и гдѣ съ незапамятныхъ временъ происходили ожесточенныя, кровопролитныя боевыя схватки между различными наѣздниками, полу-дикарями, полу-варварами, полу-кочевыми, полу-осѣдлыми. Тутъ были уже за XII вѣковъ до Р. Х. киммеріяне-тавры; за VIII вѣковъ—іоняне-греки; за VII вв.—каллипиды, кочующіе и царскіе скиѳы, земледѣльцы, пахари и алазоны (въ теперешнихъ уѣздахъ: александровскомъ, ново-московскомъ и отчасти павлоградскомъ, екатеринославской губерніи); за сто лѣтъ до Р. Х.—геты или даки; во II вѣкѣ по Р. Х.—сарматы: роксолане, северы, алане (въ тѣхъ-же уѣздахъ); къ концу того-же вѣка—готы (собственно остъ-готы); въ IV вѣкѣ—гунны или гуннивары (по китайски гіонъ-гю); въ половинѣ V вѣка—венеты или анты (славянскія племена); въ концѣ того-же вѣка—угры и болгары; въ VI в. авары или обры; въ IX вѣкѣ—русскіе словяне (главнымъ образомъ поляне); въ концѣ этого-же вѣка—казары или хазары; въ X вѣкѣ—печенѣги (у нѣмцевъ—пеценаты, у грековъ—пацинакиты, у венгерцевъ—бессы, бессены) и между ними торки или узы, берендеи или черные клобуки (кара-колпаки); въ XI вѣкѣ—половцы или куманы (иначе саркаты) и, наконецъ, въ XIII вѣкѣ—татары. Весь районъ запорожскихъ казаковъ по теперешнему опредѣляется двумя губерніями: екатеринославскою и херсонскою, за исключеніемъ въ этой по-

[1]) Путешествіе въ святую землю свящ. Іоанна Лукьянова. Москва. 1862. 16.

слѣдней уѣздовъ ананьевскаго и тираспольскаго и градоначальства
одесскаго. Взятое въ такихъ предѣлахъ, Запорожье называлось у
московитовъ Заднѣпровскою Украйной, а у поляковъ—Низомъ или
Дикимъ полемъ. Характеръ мѣстности—по преимуществу *степной*.
Много оригинальности, своеобразія въ южно-русскихъ степяхъ те-
перь, но еще больше оригинальности и своеобразія было въ нихъ
въ отдаленныя отъ насъ времена. И въ самомъ дѣлѣ. Что такое
представляли изъ себя эти степи въ давнемъ прошломъ? Онѣ пред-
ставляли собой безпредѣльную раскинувшуюся зеленую скатерть,
безбрежную шелковистую пелену съ живописными скалами, много-
водными рѣками, плодоносными островами и вѣчно зеленѣющими
балками или долинами. И сколько здѣсь разнообразія?! Вотъ раз-
стилается логъ, тянется оврагъ [1]); тамъ, по берегамъ рѣкъ, скалы
выступаютъ изъ за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей или
живописно изливается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высятся
небольшіе пригорки, холмятся курганы или могилы (tumuli), »зву-
чащіе игрой труда и жизни человѣка«; а тамъ, у текучихъ водъ,
чернѣютъ дремучіе, дѣвственные густолиственные лѣса. Все это
чрезвычайно живописно и величественно, на всемъ этомъ отдыхаетъ
взоръ и освѣжается мысль; здѣсь, въ этой необозримой, безкрайной,
неподвижной пустотѣ можно расплыться, забыть о самомъ себѣ и
любоваться лишь одпѣми красотами природы. »Широко ты, степь,
пораскинулась«!... Но при всемъ томъ здѣсь, среди этого моря сте-
пей, въ былыя времена лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды
проявленія человѣческой жизни; только изрѣдка, да и то по окраи-
намъ, изъ за густой »тирсы« и желтаго »бурунчука« показывался
здѣсь одиночный скиталецъ—чабанъ и снова невидимо, какъ мимо-
летный призракъ, скрывался въ ней; изрѣдка-же изъ за высокаго
»буркуна« и бѣлаго, какъ морская пѣна, пушистаго ковыля пока-
зывалась »чумацкая шапка та довгий батигъ«... Да, это была сво-
его рода terra incognita—невѣдомая земля, это было своего рода
bonum nullius—ничье благо, это былъ особаго вида, скажемъ вмѣ-
стѣ съ другими, травяной лѣсъ. Дорогъ здѣсь не было, кромѣ трехъ

---

[1]) Оврагъ—это длинная долина съ крутыми берегами, въ которой снѣго-
выя и дождевыя воды держатся не на поверхности, а уходятъ подъ почву, а
ключевая вода совсѣмъ не просасывается. Никифоровъ. Очерки александр. уѣзда,
херсонской губерніи. 1876 г., ч. I, стр. 2.

новыхъ и двухъ старыхъ, отвѣчныхъ шляховъ. То были: Батуринскій, Изюмскій и Калміусскій шляхи, и Черный (иначе Шпаковъ) съ Муравскимъ шляхомъ[1]). Степи эти отдѣляли тогда собой весь міръ славянскихъ людей отъ міра мусульманскихъ; для татаръ онѣ были естественною и вполнѣ надежною охраною ихъ кочевьевъ, а для русскихъ представляли собой безграничный океанъ зелени, скрывавшій въ себѣ все то, что можетъ приводить въ ужасъ и содроганіе и проникнуть куда мало кто отваживался. Русскому человѣку здѣсь всегда представлялась опасность; здѣсь онъ каждую минуту былъ на сторожѣ, ибо въ каждой балкѣ, подъ каждымъ яворомъ или черноклёномъ, подобно черной гадинѣ, могъ скрываться тайный врагъ, жадно пожиравшій его своими зоркими очами и всегда готовый вонзить въ сердце его, если не калену стрѣлу, то пулю быструю.

Таковы были тѣ степи, которыя достались въ удѣлъ запорожскимъ казакамъ. Границы ихъ, хотя и не ясно, начали обозначаться уже со времени польскихъ королей Казиміра IV (1447—1492) и Сигизмунда перваго (1505—1548). »Въ оныя времена (въ 1471 году, во время Казиміра IV) казаки жили на островахъ, Днѣпромъ окруженныхъ, и были настоящіе морскіе наѣздники... А въ самомъ началѣ XVI ст. (при королѣ Сигизмундѣ первомъ) Дашкевичъ (запорожскій атаманъ) вооружился съ казаками противъ татаръ и нападающихъ на границы украинскія жестоко поражалъ и съ добычами изъ Польши и Россіи бѣгающихъ ловилъ, и въ учрежден-

---

[1]) Русовъ. Русскіе тракты, карта. Кіевъ. 1876 г., стр. 121. Шляхъ Черный шелъ изъ правобережной Украйны въ Крымъ, по водораздѣламъ между бассейнами Буга и Днѣпра: начинаясь на Волыни, онъ доходилъ до г. Умани, кіевской губерніи, отсюда шелъ до Балты къ Ольвіополю и до Никитинской переправы на Днѣпрѣ. Онъ назывался Чернымъ по причинѣ опасностей, случавшихся съ ѣздившими по немъ, и Шпаковымъ, по имени чумацкаго атамана Шпака, умѣвшаго благополучно водить по немъ разныя валки. Муравскій шляхъ шелъ по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейновъ: начинаясь отъ верховьевъ р. Ворсклы, онъ тянулся по. рр. Орели, Самарѣ и Конкѣ, т. е. шелъ изъ глубины Малороссіи въ восточныя степи Запорожья и отсюда въ крымскія владѣнія. Онъ могъ получить свое названіе или отъ имени травы муравы, или-же отъ имени города Моравска (онъ-же Монастыревскъ), извѣстнаго уже въ XII ст., къ которому онъ шелъ чрезъ р. Сѣверный Донецъ. Карамзинъ. Истор. государ. Россійск. Спб. 1818 г., т. II, стр. 290.

ныя мѣста ихъ отсылалъ; за что, въ 1505 году, въ награжденіе той службы козачей, испросилъ отъ короля польскаго, Жигимунда перваго, земли въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, для пространнѣйшаго поселенія сихъ воиновъ... При дачѣ имъ земли, одарилъ ихъ вольностями и разными преимуществами, и на то привилегіею своею подтвердилъ« [1]). Въ 1516 году тотъ-же польскій король, Сигизмундъ первый, но только при другомъ казацкомъ гетманѣ, Предславѣ Лянцкоронскомъ, »за услугу казацкую далъ въ прибавокъ имъ (казакамъ) къ прежней, по Днѣпру-жъ на обои стороны и ниже до пороговъ землю, на которую тѣ казаки, кои тамъ промышлять хотѣли, переходили и на то даннымъ отъ короля универсаломъ подтверждено, и наименованы они обоихъ сторонъ рѣки Днѣпра всѣ вообще запорожскими казаками« [2]). Считая себя народомъ вольнымъ, наклоннымъ болѣе къ казакованью, нежели къ хлопской работѣ, избѣгая столкновеній съ поляками, запорожцы все далѣе уходили въ пустыя и нежилыя мѣста и въ степи [3]). Но такъ было до 1562 года: въ 1562 году польская республика, нуждаясь въ запорожцахъ для охраненія своихъ границъ, постаралась привлечь многихъ изъ нихъ изъ-за Днѣпра, съ понизовыхъ мѣстъ, торжественнымъ образомъ приняла ихъ подъ свое покровительство, обязалась выдавать имъ опредѣленное жалованье и отдала для ихъ жительства все пространство земель между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ къ татарскимъ границамъ, »кои были безъ нихъ опустошены татарскими нападеніями, дабы они тамъ поселились городомъ, въ которомъ-бы имъ собираться всѣмъ обще« [4]). Привилегія 1562 года подтверждена привилегіей и 1569-го, когда на польскомъ престолѣ былъ король Сигизмундъ-Августъ, сынъ Сигизмунда перваго.

Впрочемъ во всѣхъ этихъ королевскихъ привилегіяхъ мы не имѣемъ еще опредѣленныхъ указаній на счетъ границъ запорож-

---

[1]) Ригельманъ. Лѣт. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847, стр. 12, 14 и 15. Симоновскій. Краткое описаніе о казац. малор. нар. Москва, 1847 года, стр. 3 и 4.

[2]) Ibid., стр. 16 и 17.

[3]) Ibid., стр. 19; Миллеръ. Кратк. выш. о малор. нар. и о наз. Москва, 1846. 50.

[4]) Ibid., стр. 21 и 22.

скихъ поселеній;—опредѣленность границъ мы находимъ лишь въ 1576 году [1]), въ царствованіе короля Стефана Баторія. »Надаетъ его королевская мосць, говоритъ грамота 20 августа, казакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкуисте городъ Терехтеміровъ [2]) съ монастыремъ и перевозомъ, опручъ складоваго стариннаго ихъ запорожскаго города Чигирна и до пороговъ [3]) и отъ того города Терехтеміровa *на нызъ* по-надъ Днѣпромъ рѣкою, до самаго Чигрина и запорожскихъ степовъ къ землямъ чигринскимъ подойшлыхъ, всѣ со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а *вшиpъ* отъ Днѣпра на степь, якъ тыхъ мѣстечекъ, селъ и футоровъ земли здавна находили и теперъ такъ ся тое въ ихъ завѣданіи маетъ заховаты. Городокъ старинный же запорожскій Самарь съ перевозомъ и землями *въ гору* Днѣпра по рѣчку Орель, а *внызъ* до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, на десять миль [4]); а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бывало, по очаковскіе улусы и въ гору рѣки Богу (Бугу) по рѣчку Синюху. Отъ самарскихъ-же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкаго Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожскіе свои зимовники мѣвали, и жебы тое все непорушно въ вѣки при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць грамотою своею козакамъ запорожскимъ утвердилъ и укрѣпилъ« [5]).

Такъ опредѣлились границы запорожскихъ владѣній при королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Этотъ большой удѣлъ, по теперешнему вся Новороссія, кромѣ ногайской и крымской ея частей, въ общемъ удерживался и въ послѣдующее время запорожцами. »Разсуждая, коль полезны имъ сіи козаки..., польскіе короли наградили ихъ преимуществами и позволили имъ распространяться вверхъ по

---

[1]) По князю Мышецкому въ 1580. Ист. о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 4.

[2]) Теперь это мѣстечко Тахтамировка, кіевской губерніи, черкасскаго уѣзда.

[3]) Слова: »и до пороговъ« добавлены изъ Ригельмана. Лѣт. пов., ч. I, стр. 25.

[4]) Слова: »на десять миль« — добавлены изъ Ригельмана, Лѣт. повѣств. ч. I, стр. 25.

[5]) Скальковскій. Ист. нов. Сѣчи, Одесса, 1846 г., ч. I, стр. 30.

Днѣпру отъ Сѣчи даже до Трехтемирова. Съ того времени гетманы запорожскіе съ большею частію народа возлюбили жительствовать въ городахъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ, въ Черкасахъ, въ Трехтемировѣ, въ Чигиринѣ и приходящею отовсюду вольницею обоего пола населяли по обѣимъ сторанамъ Днѣпра пустыя мѣста городами и деревнями« [1]). Самъ Богданъ Хмельницкій, по просьбѣ кошеваго атамана Демьяна Барабаша, относительно границъ запорожскихъ казаковъ, дѣлаетъ лишь то, что универсаломъ, даннымъ въ 1655 году, 15 генваря въ Бѣлой-церкви, утверждаетъ грамоту короля Стефана Баторія.

Граница запорожскихъ владѣній измѣнилась лишь съ 1705 года, когда постановлена была, у рѣки Буга, »межевая запись«, заключенная между Россіей и Турціей и учиненная русскимъ посланцемъ Емельяномъ Украинцевымъ и турецкимъ пашею Кочъ-Мегметомъ. Тогда владѣнія запорожскихъ казаковъ опредѣлялись такъ: »Початокъ границы отъ польскихъ концевъ внизъ р. Бугомъ до р. Ташлыка (Чернаго), которая по турецки называется Великій-Конаръ, отъ Великаго-Конара, идучи полемъ поперекъ рѣки Мертвовъ (Мертвыя-воды), а перешедъ Мертвовъ, полемъ чрезъ Еланецъ, который по турецки называется Ингулою [2]), гдѣ впадаетъ въ Великій-Ингулъ; потомъ перешедъ Великій Ингулъ, полемъ до р. Исуни (Висуни), а Исунь поперекъ перешедши, до р. Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ чрезъ бродъ Бекеневскій, который отъ Кизикерменныхъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того брода прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ. А отъ Кизикирменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончится граница« [3]).

Съ 1709 по 1733 годъ запорожцы живутъ на земляхъ турецкихъ, сперва по балкѣ и рѣчкѣ Каменкѣ, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ тридцати верстахъ выше г. Кизикирменя (Берислава херсонской губерніи), а потомъ въ Алешкахъ (Алешки таврической губерніи), за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой сто-

---

[1]) Миллеръ. Разсужденіе о запорожцахъ. Москва, 1846 г., 39 и 40; см. также стр. 50.

[2]) »Рѣчка Еланецъ или Гнилой-Еланецъ впадаетъ въ Бугъ близъ с. Троицкаго, херсонскаго уѣзда, слѣдственно не можетъ принимать ее въ себя Ингулъ«.

[3]) Скальковскій. Опытъ статистич. опис., Одесса, 1850 г., I, стр. 27.

роны Днѣпра. Это было время, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, разсчитавъ, что имъ выгоднѣе примкнуть къ шведскому королю Карлу XII, нежели къ русскому царю Петру I, должны были поплатиться за это лишеніемъ своихъ угодьевъ въ предѣлахъ Россіи и перейти на жительство въ турецко-татарскія земли. Но въ 1734 году запорожцы получили прощеніе и снова водворились на прежнихъ своихъ „вольностяхъ". Тогда, особенно послѣ побѣдъ Миниха и Лассія (1736—1739), они считали своею палестиною весь теперешній новороссійскій край, кромѣ ногайскихъ и крымскихъ его частей, оканчивая свои владѣнія далеко на сѣверѣ: селомъ Старыми-Кайдаками, съ праваго берега Днѣпра, противъ перваго кайдацкаго порога, селомъ Новыми-Кайдаками, по той же сторонѣ, но на 60 верстъ выше, и степью по-р. Самарѣ, въ 25 верстахъ отъ ея устья [1]). Тогда, съ 1740 года, „инструментомъ, заключеннымъ при Великомъ Ингулѣ" русскимъ уполномоченнымъ Неплюевымъ и турецкимъ мустафою-беемъ-Селихтаромъ Кятибы, послѣ бѣлградскаго трактата, земли запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, съ западной стороны: „отъ окончанія польской границы (отъ впаденія р. Синюхи въ Бугъ), внизъ Бугомъ до Ташлыка или Великаго Конара, а отсюда ведена граница полемъ и разстояніемъ отъ онаго (Ташлыка) въ десяти верстахъ перешедъ рѣчку Гарбузинку, тою же линіею до р. Мертвыя воды, а оттуда до старой мечети у р. Громоклеи, даже до р. Великаго Ингула, оставляя весь лѣсъ по берегу тоя рѣки державѣ оттоманской; далѣе до Бекеневскаго (бѣлаго) броду (39 верстъ), до р. Исини и оттуда до Малаго Ингульца, въ десяти миляхъ отъ Кизикирмени и наконецъ до устья р. Каменки въ Днѣпрѣ" [2]); съ восточной же стороны: „начавъ отъ устья рѣчки Конскія воды въ Днѣпръ, вверхъ по ея теченію, по рѣчкѣ Мокрой-Маковкѣ и по степи прямою линіею до вершинъ рѣки Берды и по теченію сей послѣдней до устья въ Азовское море" [3]).

---

[1]) Миллеръ. О малор. вар. и о запорожц. Москва, 1846, стр. 23; см. также: Разсужд. о запорожц., стр. 41.

[2]) Скальковскій. Опытъ стат. опис. Одесса, 1850, ч. I, стр. 27. »Бекеневскій бродъ былъ на Ингульцѣ, а не на Висуни«. Тамъ-же.

[3]) Ibid., стр. 31.

Такъ было до 1742 года; когда граница запорожскихъ козаковъ съ юго-восточной стороны была нѣсколько нарушена новымъ „инструментомъ разграниченія земель между Россіей и Портою“: тогда земли „отъ вершины рѣки Конскихъ-водъ до западной вершины рѣки Большой-Берды и между помянутыми рѣками, къ полуночденной сторонѣ, остались къ оттоманскому имперію, съ полуночной же стороны—вся земля всероссійскому имперію; рѣка же Конскія-воды, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, вмѣсто знаковъ граничныхъ утверждена, отъ впаденія Конскихъ-водъ внизъ рѣки Днѣпра отъ обѣихъ имперій оставлена“ [1]).

Впрочемъ „запорожцы, мало или вовсе не зная о всѣхъ такихъ дипломатическихъ распоряженіяхъ, считали новороссійскія степи своею собственностію и на основаніи жалованныхъ имъ грамматъ, и какъ первые обитатели края (iure primi occupantis). Къ тому же такъ какъ границы актовъ 1705 и 1740 гг. были обозначены только на бумагѣ, а не въ натурѣ, то они, зная край лучше, нежели современные дипломаты и даже межевые коммисары, считали границу свою, и слѣдственно русскую, гораздо дальше къ западу, нежели ее опредѣляли въ трактатахъ; именно доводили ее до самаго Буга отъ впаденія въ него Синюхи или Синей-воды до днѣпровскаго лимана. Этотъ рубежъ былъ и выгоднѣе и точнѣе первыхъ, ибо шелъ по живому и всѣмъ, даже древнимъ географамъ, извѣстному урочищу“ [2]).

Съ этого времени границы запорожскихъ владѣній опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ „генеральной ландъ-карты“ инженеръ-подполковника де-Боксета и полковника Капписта, составленной въ 1740-хъ годахъ. *На сѣверъ*, запорожскія земли шли по-надъ лѣвымъ берегомъ р. Орели и правымъ—рѣки Сѣвернаго Донца, со стороны гетманщины и слободскихъ полковъ; здѣсь граница начиналась отъ устья р. Тясьмина, праваго притока Днѣпра, крайняго пункта польскихъ владѣній и оканчивались у верховьевъ р. Бахмута, праваго притока р. Сѣвернаго Донца. *На востокъ*, отъ верховьевъ р. Бахмута—по р. Калміусу до самаго Азовскаго моря, гдѣ теперь расположенъ г. Бердянскъ и стоитъ полу-развалившаяся петровская крѣпость, со стороны земли войска

---

[1]) Зап. одес. общ. ист. и древн., т. II, стр. 834 и 835.

[2]) Скальковскій. Опытъ стат. опис., Одесса, 1850, ч. I, стр. 32.

донскаго. *На югъ*, отъ устья р. Калміуса по р. Бердѣ и р. Конкѣ (конскія-воды), отъ верховья и до перваго впаденія ея въ Днѣпръ, нѣсколько ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ, со стороны кочевьевъ джедисалской и джамбуйлуцкой ордъ. *На западъ* отъ устья р. Буга, или отъ поста Перевизскаго, вверхъ по рѣкѣ до самаго устья рѣки Синюхи, лѣваго притока Буга, со стороны земель джидисанскихъ и буджацкихъ ордъ и польскихъ воеводствъ.

Но съ 1751 и 1753 годовъ границы запорожскихъ земель съуживаются вслѣдствіе появленія на нихъ новыхъ людей, переселенцевъ-сербовъ съ Иваномъ Хорватъ-отъ-Куртичъ и переселенцевъ-задунайскихъ славянъ съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ-де-Прерадовичемъ во главѣ. Первые осѣлись въ сѣверо-западныхъ запорожскихъ степяхъ и образовали такъ называемую новую Сербію съ крѣпостью св. Елисаветы (теперь Елисаветградъ), названною въ честь импер. Елисаветы Петровны, позволившей имъ выселиться въ Россію; а вторые поселились на сѣверо-восточныхъ степяхъ запорожскихъ, отъ вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, и далѣе на востокъ и образовали такъ называемую Славяно-сербію съ крѣпостью Бахмутомъ (теперь уѣздный городъ Бахмутъ), названный по имени рѣчки Бахмута. Тогда отъ земель запорожскихъ козаковъ, съ сѣверо-запада, отошелъ большой уголъ", начавъ отъ устья рѣки Кагарлыка (херсонской губ., бобринецкаго у.) прямою линіею до верховья р. Тура, а отъ верховья Тура по устье р. Каменки, а отъ устья р. Каменки на верховье р. Березовки, а отъ верховья Березовки на вершину Омельники (александрійскаго у.), и по той внизъ даже до устья ея, гдѣ оная въ Днѣпръ впадаетъ, уступя отъ польскихъ границъ на двадцать верстъ" [1]). Самая же граница сѣверо-западная опредѣлена была ново-слободскимъ козачьимъ поселеніемъ, прошедшимъ чертою отъ устья р. Чернаго Ташлыка, вдоль рѣки Сугаклеи-Каменоватой (праваго притока р. Ингула), черезъ р. Ингулъ, рѣчку Аджамку (лѣвый притокъ р. Ингула) и между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки. Такъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, „снимокъ" запорожскихъ земель, представленный въ 1758 году геодезистомъ Семеномъ Леонтьевымъ [2]). Съ сѣверо-востока же отъ

---

[1]) Скальковскій Ист. нов. Сѣчи. Одесса, 1846, ч. II, стр. 168.

[2]) См. планъ, приложенный къ Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I.

запорожскихъ земель отошелъ сперва кусокъ земли, заключенный между р. сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками: Бахмутомъ и Луганью, а потомъ мало-по-малу запорожцы лишились и всего пространства земли почти до самой вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, у которой уже начинались запорожскіе хутора.

Теперь границы запорожскихъ земель установились на долго и въ 1766 году опредѣлялись, по словамъ очевидца, слѣдующимъ образомъ: „земли (запорожскихъ козаковъ), которыя большею частію состоятъ изъ пустой и дикой степи и которыя въ окружности простираются около тысячи семи сотъ верстъ... распространяются отъ Сѣчи *по правой* сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизикермену до рѣки Камянки, гдѣ турецкая къ Очакову граница начинается около ста верстъ. Отъ устья сей рѣки Камянки идутъ по рѣкѣ Бугу чрезъ рѣки Ингулецъ, Исунъ (Висунь), Ингулъ, Громоклею, Еланецъ, Солону, Мертвыя-воды, Гарбузенку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной съ турецкою областью границѣ, болѣе ста шестидесяти верстъ. Съ другой стороны Сѣчи, вверхъ по Днѣпру, до устья рѣки Самоткани, по оной и чрезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣки Буга, разстояніемъ болѣе пяти сотъ пятидесяти верстъ. *Съ лѣвой стороны* рѣки Днѣпра отъ устья рѣки Конскихъ-водъ вверхъ по Днѣпру, мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, вверхъ по оной на Волчьи-воды, до вершинъ ихъ, а оттуда чрезъ степь на вершины Калміуса, и по сей рѣкѣ до крымской границы, учрежденной прямою линіею отъ Калміуса до рѣки Берды, вверхъ по оной къ рѣкѣ Конскихъ-водъ, и по-надъ сею до устья оной въ Днѣпръ ниже Каменнаго-затона, который противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскими козаками перевозъ чрезъ Днѣпръ, на крымской дорогѣ держится; въ сей окружности болѣе восьмисотъ пятидесяти верстъ“ [1]).

Въ 1775 году, послѣ Кучукъ-кайнарджинскаго мира Россіи съ Турціей, запорожскія владѣнія увеличились небольшой частицей земли, заключенной между границею 1740 года и рѣкою Бугомъ (около нынѣшняго Ольвіополя). Тогда войско запорожское „разселило людей по всѣмъ впадающимъ въ Днѣпръ и въ Бугъ рѣкамъ,

---

[1]) Чернявскій. Опис. зап. Сѣчи. Приб. къ Ист. зап. каз. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 80.

почавъ съ самой Тясмины, Синюхи, Ингула, Буга, при Гардѣ, Карабельнѣ, Мертвыхъ-водахъ, Еланчикѣ, Ингульцѣ, Громоклеѣ, Каменкѣ, Подпольной, Бузулукѣ, Саксаганѣ, Чортомлыкѣ и при многихъ иныхъ рѣчкахъ и урочищахъ, и по самому Днѣпру и по рѣкамъ, впадающимъ въ оную: Орелѣ, Самарѣ [1]), Московкѣ, Конскимъ-водамъ, Волчьей и прочимъ рѣчкамъ... Наконецъ простерли себя до Міуса рѣки, а потомъ по рѣкамъ же Калміусу, Кальчику, Бердѣ и по берегу той части Азовскаго моря, и прочимъ тамошнимъ рѣчкамъ" [2]). Тогда же, или около того времени, по словамъ самаго запорожца Никиты Коржа, запорожцы раскинули свои владѣнія: „на полдень отъ Буга по Случъ, а внизъ по Днѣпру до великаго лимана, гдѣ теперь Херсонъ и Николаевъ; на полночь по Днѣпру до р. Орели, что впадаетъ въ Днѣпръ около мѣстечка Китай-города (за Орелью уже начиналась гетманщина); на сходъ солнца, отъ рѣки Конки до земли донскихъ козаковъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ" [3]). Съ этимъ и окончили запорожцы свое историческое существованіе въ предѣлахъ Россіи.

Удѣлъ запорожскихъ козаковъ, подъ разными названіями, извѣстенъ былъ уже историкамъ и писателямъ древняго міра: Геродоту, Мелѣ, Плинію, поэту Скимну, безъименному автору Евксинскаго Понта, Прокопію, Валерію Флакку [4]), Птоломею и другимъ. Геродотъ говоритъ собственно о такъ называемой Скиѳіи,—странѣ, лежавшей въ нижней и средней частяхъ бассейна Дуная, Днѣстра, Буга и Днѣпра. Отличительныя черты Скиѳіи—многоводность, плодородіе и въ нижней части, „по переходѣ черезъ Днѣпръ со стороны Буга", лѣсистость. „Когда пройдешь Борисѳенъ (Днѣпръ), отъ

---

[1]) По Орели и Самарѣ, со стороны слободско-украинскихъ поселеній, запорожцы считали ту границу, которая проходила по Касогову валу. См. Шмакова: Предсм. позем. борьба Запорожья. »Кіевская Старина«, 1883 г., декабрь, 612.

[2]) Ригельманъ. Лѣт. повѣств. о Мал. Рос., Москва, 1847; прибавленіе, стр. 69 и 70.

[3]) Никита Коржъ, по Стороженку, стр. 131.

[4]) Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius rediere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.

моря, во-первыхъ Гилея. Она находится близъ Бѣга Ахиллова (Тендерская коса) и вся наполнена разнаго рода деревьями" [1]).

Но что-же это такое Гилея, о которой говоритъ Геродотъ? Слово Гилея—чисто греческое; оно означаетъ лѣсистую сторону (по гречески ὕλη—лѣсъ); на языкѣ теперешнихъ по-днѣпровскихъ жителей слово „Гилея" скрывается въ словѣ „плавни". Но изъ всѣхъ днѣпровскихъ плавень Гилеѣ соотвѣтствуютъ собственно тѣ, которыя находятся въ мѣстности около теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Алешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова „лѣсъ", или-же отъ слова „ольхи, елоха", что въ старинномъ топографическомъ языкѣ означало болото, водяное, поёмное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣсьемъ [2]). „Нынѣ лѣвый, низменный берегъ Днѣпра, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березою. Безъ сомнѣнія, эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, нынѣ еще тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, поелику онѣ требуютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются

---

[1]) Геродота Галикарнасскаго бытосказ. книга четвер., надпис. Мельпомена, стр. 18.

[2]) Забѣлинъ. Ист. рус. жизни, Москва, 1876 г., стр. 16.

окрестности Алешекъ [1]). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилеи, нужно прибавить еще то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не однихъ только нагайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса, тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, нежели теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ „лѣсѣ братьевъ". Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ Бургундскій рыцарь Гилльбергъ-де-Ланнуа, въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманіе современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его, равно какъ и при рѣкахъ, въ него изливающихся, и въ томъ числѣ при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ, съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась" [2]).

„Есть поводъ думать, замѣчаетъ на этотъ счетъ г. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая по-

[1]) Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется Ἀβική,—страна елей: »abies« съ латинскаго на русскій значитъ »ель«.

[2]) Брунъ. О позди. назв. древней Гилеи.—Зап. одес. об. ист. и др., IV, 236—239.

лоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII в. латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, что густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ [1]).

Но какъ-бы далеко ни распространялась Гилея, каковы-бы ни были породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно одно лишь сказать, что то былъ очень большой лѣсъ. О величинѣ его можно судить уже по тѣмъ окаменѣлымъ остаткамъ, которые находятся теперь въ Днѣпровской долинѣ: остатки показываютъ, что настоящіе Днѣпровскіе лѣса суть только ничтожная пародія того исполина-лѣса, который нѣкогда своею могучею головою осѣнялъ широкій Днѣпръ.

Но одной Гилеей запорожскіе лѣса не исчерпывались: въ разныхъ мѣстахъ запорожскаго края росли и разныя породы лѣсовъ, теперь уже и много повыведенныя и много поизмельчавшія. Нельзя, конечно, сказать того, чтобы тамъ росли сплошные лѣса, но нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ и утверждать, чтобы ихъ было очень мало или почти не было: много было истребителей запорожскаго лѣснаго царства въ видѣ степнаго пожара, скота, плуга и топора. Дикіе кочевники выжигали запорожскіе лѣса, частію изъ опасенія какой-либо засады со стороны враговъ, частію-же изъ желанія добыть для своего скота подножный кормъ; въ послѣднемъ случаѣ они выжигали собственно сухую степную траву, препятствовавшую расти свѣжей, а отъ травы загорался и самый лѣсъ. Польскія войска и русскія рати истребляли запорожскіе лѣса, когда предпринимали продолжительные военные походы на козацкій югъ. Первые поселенцы, которые появились въ степи послѣ паденія Сѣчи, много уничтожили запорожскаго лѣса на хозяйственныя постройки. Строители Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы и другихъ городовъ и крѣпостей

---

[1]) Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876 г. стр. 6 и 7.

также произвели достаточное опустошеніе между козацкими лѣсами; сами помѣщики, получившіе на югѣ дарственныя земли, много поизвели запорожскихъ лѣсовъ, и вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, и вслѣдствіе послѣдовательной передачи своихъ имѣній наслѣдникамъ: переходя изъ рукъ въ руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, многіе изъ запорожскихъ лѣсовъ раздробились на самые мелкіе участки, до десяти и даже до пяти десятинъ, составляя при этомъ принадлежность нѣсколькихъ лицъ". Мѣстами степными часто называются и такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными... Безъ сомнѣнія здѣсь не было сплошныхъ и большихъ лѣсовъ, но настоящее присутствіе ихъ доказываетъ, что они были въ достаточномъ для края объемѣ, а названія рѣкъ, рѣчекъ и другихъ урочищъ, заимствованныя отъ разныхъ породъ лѣсныхъ, указываютъ, гдѣ лѣса были. Сверхъ того, присутствію ихъ ничто не могло и не можетъ мѣшать: ибо почва для нихъ удобна, кромѣ, можетъ быть, ближайшихъ мѣстъ къ поморью; а волнистая поверхность края, съ глубокими и частыми балками, гораздо, кажется для нихъ удобнѣе плоскихъ пространствъ самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей кіевской, волынской и многихъ среднихъ губерній" [1]). „Слѣды бывшихъ въ степи лѣсовъ есть во множествѣ и въ окаменѣлыхъ кускахъ дерева и въ корняхъ, которые и теперь начинаютъ расти, какъ скоро заборъ защититъ ихъ отъ порчи скота" [2]).

Общее положеніе, высказанное о запорожскихъ лѣсахъ, подтверждается частными свидѣтельствами многихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ. Французскій инженеръ Бопланъ указываетъ на существованіе многихъ лѣсовъ въ запорожскихъ предѣлахъ: по берегамъ р. Самоткани, которая называется у него Замоканомъ, на островахъ Конскомъ и Хортицкомъ, по р. Бугу, но особенно по р. Самарѣ, притокѣ Днѣпра съ лѣвой стороны. „Окрестности Самары замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ... въ строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться съ ней въ этомъ. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на

[1]) Струковъ. О новор. лѣс., Ж. М. Г. И. 1853 г., февр., стр. 170, 167 и 169.

[2]) Княжевичъ. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I, стр. 488.

Койдакѣ [1]). Тоже подтверждаютъ и русскіе путешественники, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ: „вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ, такъ посламъ, яко и ратемъ царскаго величества, дубовыя и прочія деревья и вся угодья до того помянутаго стану (на р. Самарѣ) кончились. А отъ того стану даже до Крыма, по рѣкамъ и по рѣчкамъ и по угодіямъ, многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбъ множество есть, и по нуждѣ, безъ большихъ простоевъ, великимъ ратемъ дровами проняться можно. На тѣхъ Овечьихъ-водахъ (притокъ Днѣпра, ниже Конки) и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ и на степяхъ дубравы (суть) великія, и лѣса, и терники, и тальники, и камыши, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюды множество, и пашни можно завести великіе“ [2]). Но еще подробнѣе о лѣсахъ запорожскихъ говоритъ писатель XVIII ст., Василій Чернявскій. По словамъ Чернявскаго, лѣса осѣняли какъ правый берегъ Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ, такъ одинаково и лѣвый; справа они начинались отъ устья Каменки къ Бугу и тянулись по рр. Ингульцу, Ингулу, Громоклеѣ и „по другимъ въ оные впадающимъ рѣчкамъ и боеракамъ есть небольшія лѣсныя угодья“. Слѣва лѣса шли „знатные“, состоящіе изъ сосны и дуба, по р. Самарѣ, на Хортицкомъ островѣ, въ Великомъ лугу и по разнымъ степнымъ рѣчкамъ, каковы: Волчьи-воды, Калміусъ и другія, впадающія „въ сіи и въ Днѣпръ; прямою-же линіею, отъ устья р. Самары внизъ по берегу Днѣпра до Каменки и Кизикерменя“ (теперешняго города Берислава херсонской губерніи) [3]). Какъ и Бопланъ, Чернявскій утверждаетъ, что

---

[1]) Опис. Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16, 18, 25, 30. Гильонъ ле-Вассеръ-де-Бопланъ, родомъ французъ, въ званіи старшаго капитана артиллеріи и польскаго королевскаго инженера, служилъ въ Украйнѣ семнадцать лѣтъ, отъ 1620 по 1637 г. Онъ хорошо познакомился съ бытомъ казаковъ, не разъ проѣзжалъ по запорожскимъ степямъ до нынѣшняго г. Александровска, екатеринославской губерніи, и составилъ послѣ себя безсмертное сочиненіе: »Description d'Ukraine—Описаніе Украйны«.

[2]) Василій Тяпкинъ и Никита Зотовъ отправлены были русскимъ правительствомъ, въ 1680 году, въ Крымъ для заключенія съ турками Бахчисарайскаго договора и по возвращеніи въ Москву представили »Статейный списокъ посольства«, во многихъ отношеніяхъ весьма характерное сочиненіе.

[3]) Василій Чернявскій занималъ должность секретаря московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи; въ 1760 году онъ посланъ былъ къ запорожцамъ для раз-

изъ всѣхъ запорожскихъ лѣсовъ особенно большіе были лѣса по р. Самарѣ: „изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по р. Самарѣ,.. запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепелъ обратилъ, главные курени, козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на огрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ". Но уже тотъ-же Чернявскій говоритъ и о страшномъ опустошеніи запорожскихъ лѣсовъ хищными татарами: „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (отъ устья р. Конскихъ-водъ и выше) лѣса крайне разорены, не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ, и вывозомъ въ аулы не малаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, провозили" [1]).

Самое расположеніе лѣсной растительности запорожскаго края показываетъ, что она держалась главнымъ образомъ и по преимуществу въ мѣстахъ низменныхъ, наиболѣе влажныхъ, и только здѣсь достигала большихъ размѣровъ. Таковы были, напримѣръ, лѣса, росшіе по рѣкамъ Самарѣ и Конскимъ-водамъ: ихъ густота и обширность такъ были велики, что тамъ расхаживали только одни хищные звѣри да дикія птицы, а человѣкъ, даже вооруженный, едва за нѣсколько верстъ могъ свободно объѣзжать ихъ. Поражающею густотою отличались и многіе изъ тѣхъ запорожскихъ лѣсовъ, которые росли по такъ называемымъ балкамъ, т. е. широкимъ долинамъ, окаймленнымъ сверху покатыми возвышенностями и на днѣ увлаженнымъ ключевыми и атмосферными водами. И здѣсь лѣсъ разростался нерѣдко до того, что человѣку не было никакой возможности пробраться чрезъ него: одни звѣри да птицы господствовали въ немъ.

бора взаимныхъ жалобъ между козаками и татарами, по поводу пограничныхъ владѣній; возвратясь въ Москву, онъ представилъ »Описаніе Запорожской Сѣчи въ четырехъ раздѣленіяхъ«. Приложеніе къ »Исторіи запорожскихъ козаковъ«. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 83—85.

[1]) Истор. о каз. запорож., Одесса, 1852 г. стр. 85.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ существуютъ и въ наше время въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской и херсонской губерній. Въ екатеринославской губерніи извѣстны лѣса днѣпровскіе, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ около р. Днѣпра, начиная отъ верхняго и до нижняго предѣла его; то лѣса, по преимуществу, мягкой породы: осокоръ, ива, лоза, шелковица и другія; есть также лѣса по р. Самарѣ, особенно возлѣ самарскаго монастыря и уѣзднаго города Ново-Московска; далѣе, по р. Волчьей, особенно около села Дибривки, александровскаго уѣзда; по р. Ганчулу, главнымъ образомъ у деревни Богодара, имѣнія землевладѣльца Ѳ. И. Михеева; по р. Кушуму, притоку Днѣпра съ лѣвой стороны, у селъ Балабина-Петровскаго, Кушугумовки, Малой Катериновки, Царицына Кута и Васильковки; далѣе, по р. Чортомлыку, правому притоку Днѣпра, въ разныхъ мѣстахъ, но особенно у дер. Капуливки, екатеринославскаго уѣзда; по рѣчкѣ Подпольной, правому притоку Днѣпра, около села Покровскаго того-же уѣзда; по р. Конкѣ, тамъ, гдѣ она въ первый разъ впадаетъ въ Днѣпръ; по разнымъ островамъ Днѣпра, на Монастырскомъ островѣ, противъ г. Екатеринослава; на Становомъ, ниже Монастырскаго, противъ предмѣстья г. Екатеринослава, Мандрыковки; на Кайдацкомъ островѣ, у перваго днѣпровскаго порога; по оврагамъ лѣваго берега Днѣпра, отъ впаденія въ него р. Самары и внизъ до порога Ненасытецкаго, особенно противъ камня „Богатыря“, гдѣ, по преданію, въ 972 году былъ убитъ печенѣгами русскій князь Святославъ; въ урочищѣ Сагайдакѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже колоніи Кичкасъ; на островѣ Хортицѣ, у г. Александровска; на островѣ Томаковкѣ, у села Чернышевки или Красногригорьевки, екатеринославскаго уѣзда и проч.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ видны теперь и въ херсонской губерніи. Такъ, въ херсонскомъ уѣздѣ, близъ впаденія рѣчки Громоклеи въ рѣку Ингулъ, у деревни Полковничьей или Воеводской, есть лѣсъ, состоящій изъ четырехъ сотъ десятинъ, извѣстный уже съ 1740 года, когда заключенъ былъ »пограничный инструментъ« между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннони, подъ названіемъ Соколиной дубравы. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ, небольшіе лѣса около устья р. Базавлука, у села Грушевки; по р. Каменкѣ, у деревни Консуловки или Разоровки,

имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова; наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ долины Днѣпра, его островов, и между городами Крыловомъ, Елисаветградомъ, Ново-Миргородомъ, Ново-Архангельскомъ и Александріей; здѣсь, въ восточной половинѣ александрійскаго уѣзда, между многими мелкими лѣсами, находится *Большой* лѣсъ, отличающійся особеннымъ ростомъ и густотой своихъ деревьевъ; кромѣ Большаго лѣса—лѣса *Чута* и *Черный*, въ сѣверо-западной половинѣ александрійскаго уѣзда, изъ коихъ послѣдній занимаетъ тысячу пятьсотъ десятинъ земли.

Есть полное основаніе думать, что всѣ эти лѣсныя рощи, теперь разбросанныя, въ старину представляли изъ себя одно сплошное пространство, въ которомъ лѣса Чута и Черный занимали лишь ничтожную долю. Тоже можно сказать и о лѣсахъ, растущихъ по верховьямъ рѣкъ Ингула и Ингульца; по преданію народа и по указанію карты Боплана, здѣсь въ прошлое время также были сплошные большіе лѣса, превращенные теперь въ мелкія кустарныя рощи. Кромѣ всѣхъ названныхъ лѣсовъ, по разнымъ балкамъ херсонской губерніи встрѣчаются еще небольшіе лѣса, называемые здѣсь татарскими словами »байраками и чагарныками«[1]); а по теченію рѣкъ Тясьмина, Выси, Синюхи и Днѣстра значительныя пространства покрыты рощами, въ коихъ преобладаетъ дубъ.

Таковы лѣса запорожскіе. Относительно самой флоры лѣсной нужно сказать, что въ запорожскихъ владѣніяхъ росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтреная и непостоянная погода обусловливали и извѣстные виды древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, дикая груша (ручня, malus silvester), берестъ (илимъ, ulmus campester), черноклень, глодъ (боярышникъ), кизиль (cornulus mascula), кожевенное дерево (rhus coriaria), желтинникъ (rhus cotinus), крушина (rhamnus frangula), бружмель (evonimus europaeus), жостеръ (rhamnus catharticus), толокнянка (arbutus unedo, arbutus

[1]) »Байракъ или буэракъ—небольшой лѣсъ, тоже что гай, но только съ болѣе толстыми и тяжелыми деревьями; а чагарникъ—лѣсъ, выросшій на мѣстѣ срубленнаго. Въ Крыму чагарами татары зовутъ лѣсныя огороженныя плетнемъ дачи.

uva ursi, или autostaphylos, raisin d'ours), таволга (sipiraca crenata), бузина (sambucus nigra), вязовникъ (sambucus ebulus), пищальникъ sambucus racemosa), гордовое дерево (viburnum lantana), верба (salix triandra, salix aurita, salix caprea), лоза (salix purpurea), шиповникъ, ива, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, acer pseudoplatanus), шелковица, терновникъ, осокорь, яблонь, дули, барбарисъ, вишни, калина и др.

Но если страна запорожскихъ казаковъ, говоря вообще, не могла назваться богатою въ отношеніи лѣса, то за то въ отношеніи воды она была несравненно счастливѣе. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и только въ одномъ—съ сѣвера на югъ—разграниченную балками, страна запорожскихъ казаковъ въ томъ-же направленіи, по почти чрезъ самую средину свою, пропускала одну изъ бо̀льшихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ его, несущихъ въ него свои воды, начиная отъ самыхъ значительныхъ, Самары и Буга, и кончая самыми мелкими, въ родѣ Каменки и Мамай-Сурки, коихъ число

Зъ устя Дніпра та й до вершины—
Симъ сотъ ричокъ ще й чотыри.

Съ него и начнемъ мы очеркъ водной системы Запорожья.

Д. Эварницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИѲАХЪ.[1])

Вниманіе къ скиѳамъ, нѣкогда и долгое время занимавшимъ нашъ югъ, въ послѣдніе годы замѣтно усилилось. Явленіе это вполнѣ согласуется съ оживленіемъ научнаго интереса къ старинѣ вообще, съ тѣмъ оживленіемъ, которое изъ сферъ научныхъ распространяется и на значительную часть образованнаго общества, что доказывается между прочимъ усиленнымъ спросомъ со стороны этого послѣдняго на такіе труды, которые посвящаются изслѣдованію различныхъ сторонъ матеріальной и духовной культуры первобытныхъ народовъ или отдаленныхъ предковъ народовъ историческихъ.

Благодаря новому, болѣе широкому методу изслѣдованія, подобные труды получаютъ въ наши дни сверхъ историческаго и интересъ современности; они нерѣдко проливаютъ яркій и часто неожиданный свѣтъ не только на прошлое того или другаго народа, но и на его настоящее. Дѣло въ томъ, что образованное общество, усвоившее себѣ и продолжающее усвоивать плоды науки и гражданственности, то есть весьма незначительное меньшинство населенія любой европейской страны, живетъ въ такой средѣ, которая во многомъ остается вѣрною чертамъ быта и воззрѣніямъ, давно *пережитымъ* образованнымъ меньшинствомъ. Если такимъ образомъ многія черты глубокой старины являются въ образованной средѣ лишь въ видѣ спорадическихъ остатковъ, такъ называемыхъ переживаній (survivals), то въ огромномъ большинствѣ населенія они представляютъ все еще живую современность, а потому интересъ къ нимъ

[1]) Читано въ годичномъ собраніи »Истор. общества пр. Нестора лѣтописца«.

научный и общественный есть въ сущности интересъ къ современному положенію народныхъ массъ, къ разностороннему уясненію не только прошлой ихъ жизни, но и современной.

Вотъ почему мы рѣшились предложить нѣкоторыя свои соображенія объ одномъ изъ древнѣйшихъ и давно исчезнувшихъ племенъ южной Россіи вниманію не ученыхъ спеціалистовъ только, но и образованной публики.

Въ виду сказаннаго насъ не могутъ не интересовать всѣ, даже мелкія на видъ подробности существованія, если, быть можетъ, не предковъ нашихъ по крови, по происхожденію, то во всякомъ случаѣ нашихъ предшественниковъ на занимаемой нами территоріи. Въ этого рода изслѣдованіяхъ никакая подробность не можетъ быть признана не заслуживающею серьезнаго вниманія, потому главнымъ образомъ, что въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ того, какое мѣсто займетъ та или иная черта въ общей картинѣ прошлаго быта, которую, можетъ быть, когда либо удастся возстановить съ достаточною полнотою. Съ другой стороны нерѣдко случается, что какая-либо повидимому незначительная подробность находится въ органической связи съ чертами быта дѣйствительно существенными и характеристическими. Поэтому изслѣдователя старины интересують въ болѣе или менѣе одинаковой степени и топографія и этнологія населенія, его физическое строеніе, данныя языка, матеріальной культуры, общественнаго устройства, памятники и извѣстія о его религіозныхъ и иныхъ воззрѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, въ занимающемъ насъ вопросѣ достигаемые результаты могутъ имѣть лишь цѣну значительной вѣроятности или отвѣчаютъ на слишкомъ частные вопросы. Виною такого положенія дѣла слѣдуетъ признать прежде всего общія свойства свидѣтельствъ древнихъ писателей, не исключая и Геродота. Вообще они мало интересовались варварскими народами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе; не заботились о знакомствѣ съ варварскими языками, о точной передачѣ ихъ именъ и иныхъ словъ; интересъ ихъ къ нравамъ, обычаямъ, культамъ варварскихъ народовъ имѣетъ вообще слишкомъ мало общаго съ тѣмъ систематическимъ, строгимъ отношеніемъ къ предмету, которое отличаетъ новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ—ученыхъ. Поэтому сообщаемыя древними свѣдѣнія носятъ на себѣ обыкновенно характеръ отрывочныхъ,

случайныхъ замѣтокъ, обращенныхъ почти исключительно на явленія поразительныя, совершенно чуждыя собственнымъ воззрѣніямъ и быту древнихъ повѣствователей.

Едва-ли не наименѣе надежными свидѣтельствами въ трудахъ древнихъ писателей являются передаваемыя ими имена варварскихъ народовъ, какъ собственныя, такъ и нарицательныя. Если греческіе писатели позднѣйшаго періода нерѣдко искажаютъ до неузнаваемости названія тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили продолжительное время, свои наблюденія надъ которыми они могли легко провѣрять многократными показаніями очевидцевъ, то, разумѣется, тѣмъ менѣе можно полагаться на ихъ лингвистическія данныя о народахъ далекихъ, совершенно имъ неизвѣстныхъ, каковыми были и скиѳы для Геродота, Ѳукидида, Страбона и другихъ. Вотъ почему уцѣлѣвшія немногія свидѣтельства языка о скиѳахъ, находимыя нами преимущественно у Геродота, подаютъ поводъ въ наше время къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и къ такого же свойства основаннымъ на нихъ заключеніямъ. Брунъ сожалѣетъ о томъ, что берлинскій академикъ Мюлленгофъ [1]), главный авторитетъ въ рѣшеніи вопроса о національности скиѳовъ въ смыслѣ иранства ихъ, не подвергаетъ критической оцѣнкѣ этимологіи тѣхъ-же самыхъ именъ, приводящихъ другихъ изслѣдователей къ заключенію о монгольствѣ или вообще о туранствѣ скиѳовъ. Г. Кипертъ, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ученыхъ въ области исторической географіи, не придаетъ выводамъ Мюлленгофа рѣшающаго значенія. Признавая вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ за нѣкоторыми скиѳскими именами безспорно арійскій характеръ, онъ находитъ возможнымъ заимствованіе этихъ именъ скиѳскими племенами отъ арійскихъ, именно иранскихъ народовъ, съ которыми онѣ долгое время жили на иранскомъ плоскогорьѣ [2]). »Что скиѳскія имена«, замѣчаетъ онъ, »тождественныя съ ѳракійскими и персидскими, просто заимствованы изъ этихъ языковъ и потому не имѣютъ никакой доказательной силы въ вопросѣ о національности скиѳовъ, это доказывается вполнѣ совершеннымъ

---

[1]) *Ueber Herkuft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. Monatsber. der Berl. Akad.* 1866.

[2]) *Lehrbuch der alten Geographie.* Leipz. 1878 г., стр. 344 сл.

отсутствіемъ діалектическихъ особенностей: съ такимъ самымъ правомъ можно было-бы приписывать семитическое происхожденіе нынѣшнимъ османамъ и другимъ тюркскимъ племенамъ на основаніи почти исключительнаго употребленія у нихъ арабскихъ личныхъ именъ« [1]). Гораздо большее значеніе въ рѣшеніи подобнаго вопроса имѣютъ свидѣтельства древнихъ писателей о бытѣ народа и особенно о его физическомъ строеніи. Но и эти данныя толкуются и въ значительной степени не могутъ не толковаться различно. Рѣшающую силу данныя такого рода получаютъ лишь тогда, когда онѣ имѣются въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ и касаются различныхъ сторонъ быта. Преимущество ихъ передъ данными лингвистическими обусловливается болѣе всего тѣмъ, что здѣсь невозможно такое искаженіе и такая неточность въ описаніи, какія отличаютъ передачу варварскихъ именъ древними писателями. Возможность заимствованій впрочемъ слѣдуетъ допускать и здѣсь: вспомнимъ только о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли семитическіе культы на древне-греческіе.

Вообще по вопросу о расѣ геродотовыхъ скиѳовъ ученые раздѣляются на двѣ главныя категоріи; одни считаютъ ихъ арійцами, другіе уралъ-алтайцами, или туранцами. Первые въ свою очередь раздѣляются на славянистовъ и германистовъ; въ рядахъ послѣднихъ одни считаютъ ихъ монголами, другіе турками, третьи финно-венграми. Арійское происхожденіе скиѳовъ защищаютъ или принимаютъ Гриммъ, Клапротъ, Цейссъ, Раулинсонъ, Мюлленгофъ, Бергманъ, Линднеръ, изъ русскихъ ученыхъ: Брунъ, Иловайскій, Забѣлинъ, Вс. Миллеръ, Боннель; въ числѣ представителей урало-алтайства скиѳовъ находятся имена Нибура, Гаммеръ-Пургшталя, Гансена, Карла Неймана, Киперта, отчасти Васильевскаго и другихъ. Отъ времени до времени появляется въ литературѣ мнѣніе, что и у Геродота терминъ »скиѳы« имѣетъ не столько этнографическое, сколько географическое значеніе, что понятіе геродотовыхъ скиѳовъ— коллективное, и что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей, различныхъ по происхожденію и по степени культуры. Наиболѣе рѣшительно мнѣніе это высказывается Фридр.

---

[1]) *Ibid.*, стр. 315.

Мюллеромъ [1]), Овелакомъ (Hovelaque) [2]) и въ послѣднее время г. Вамбери [3]). Рѣшительнымъ противникомъ его является К. Нейманъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Еллины въ странѣ скиѳовъ» (1855. Стр. 101). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что греческій историкъ ясно и категорически отличаетъ скиѳовъ, какъ особый народъ, отъ сосѣднихъ не-скиѳскихъ народовъ, указывая при этомъ и на нѣкоторыя точки соприкосновенія между ними. Но, кажется, главнымъ мотивомъ у нѣмецкаго ученаго для отрицательнаго отношенія къ этому мнѣнію служитъ то обстоятельство, что, принимая такое мнѣніе, слѣдовало бы считать вопросъ о національности геродотовыхъ скиѳовъ неразрѣшимой загадкой [4]). Съ своей стороны мы, говоря вообще, раздѣляемъ основное воззрѣніе Фр. Мюллера и Вамбери на смѣшанный составъ скиѳскаго населенія южной Россіи и убѣждены, что только этимъ путемъ можно согласить разнорѣчивыя показанія древнихъ писателей о скиѳахъ и примирить между собою два лагеря новѣйшихъ изслѣдователей геродотовскихъ скиѳовъ. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ Вамбери въ томъ, что онъ изъ числа скиѳовъ—не аріевъ исключаетъ прежде всего царскихъ скиѳовъ наравнѣ съ скиѳами—земледѣльцами. Царскіе скиѳы, какъ мы увидимъ ниже, кочевники по преимуществу; отъ остальныхъ скиѳскихъ племенъ они отличаются большею грубостью нравовъ, болѣе первобытнымъ бытомъ [5]). Авторъ не упоминаетъ вовсе о томъ,

---

[1]) *Allgemeine Ethnographie.* Wien. 1873 г., стр. 35 сл.

[2]) *Лингвистика.* Переводъ со втор. изд. Спб. 1881 г., стр. 142.

[3]) *Der Ursprung der Magyaren.* Leipz. 1882 г., I.

[4]) »Wenn diese Behauptung richig wäre, so würden die ernsten Forschungen bedeutender Historiker ein so trauriges Bild fruchtlosen Bemühens darstellen, dass ein zweiter Polygnot auf einem neuen Gemälde der Unterwelt für ein thörichtes, unerspriessliches Unterfangen kein bezeichnenderes Symbol finden könnte als einen Gelehrten, den über die Abstammung der Skythen schreibt«. Opus. cit., стр. 101.

[5]) O. c., стр. 11. Положеніе свое авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: »jener Theil des herodotschen Skythiens, der sich vom Mäeotischen See in nordöstlicher Richtung gegen die Wolga erstreckte, von Völkern Ural—altaischer Rasse, sehr warscheintlich von Türken bewohnt war, wobei jedoch die Möglichkeit nicht ausgeschlossen ist, dass sich einzelne Fractionen dieser Rasse oder des letzterwähnten Volks schon inmitten der sogenannten pontischen Skythen befunden haben«. Стр. 12. Въ нѣсколько иномъ видѣ таже мысль высказана немного дальше. Стр. 19 сл.

что къ сѣверо-востоку отъ Меотиды, приблизительно въ нынѣшней оренбургской губерніи, обитала часть царскихъ скиѳовъ, по Геродоту будто бы отдѣлившаяся отъ своихъ соплеменниковъ въ причерноморскихъ земляхъ. По остроумному замѣчанію К. Неймана [1]), въ восточныхъ царскихъ скиѳахъ слѣдуетъ видѣть остатокъ скиѳскаго приволжскаго населенія, занимавшаго этотъ край вмѣстѣ съ исседонами, до занятія понтскаго побережья. Наконецъ Вамбери на непонятномъ для насъ основаніи помѣщаетъ царскихъ скиѳовъ, несогласно съ Геродотомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, на Герросѣ и Меотидѣ, тогда какъ по ясному смыслу греческаго текста царскіе скиѳы жили по ту сторону Герроса, т. е. къ востоку отъ днѣпровскихъ пороговъ до р. Дона и Азовскаго моря; на югъ жилища ихъ простирались до Таврики, до того рва, который отдѣляетъ восточную оконечность крымскаго полуострова къ керченскому проливу. Нельзя также безусловно принять мнѣніе венгерскаго ученаго, будто исторія не знаетъ никакого иранскаго народа въ кочевомъ состояніи.

Самъ Геродотъ раздѣляетъ скиѳовъ на нѣсколько племенъ, причемъ первое мѣсто по многочисленности и могуществу отводитъ царскимъ или царственнымъ скиѳамъ. Имъ подвластны скиѳы-земледѣльцы и скиѳы-пахари, а также »номады«. Занимающіяся земледѣліемъ скиѳскія племена обитаютъ по Гипанису и Гипакирису, а »кочевники« къ сѣверо-западу отъ Азовскаго моря. Сами себя скиѳы называли сколотами, по имени царя, замѣчаетъ Геродотъ; у персовъ они назывались саками.

Что Геродотъ зналъ »царскихъ« скиѳовъ, βασιλήιοι, а не барсилсевъ, какъ-то кажется Вивьену Сенъ-Мартену, Хвольсону и Н. Веселовскому, не подлежитъ сомнѣнію [2]); что не онъ далъ одному изъ скиѳскихъ племенъ такое наименованіе, но что онъ принялъ его готовымъ отъ своихъ свидѣтелей, прежде всего конечно отъ черноморскихъ грековъ, и въ этомъ нельзя сомнѣваться. Подтвержденіе тому и другому содержится въ самомъ трудѣ греческаго

---

[1]) *O. c.* стр. 128.

[2]) Срвн. нашу статью въ »Университетскихъ Извѣстіяхъ«, 1883 г. май: »Опыты этнологіи съ помощью этимологіи«.

историка. Такъ, въ одномъ мѣстѣ царскихъ скиѳовъ онъ называетъ »храбрѣйшими, многочисленнѣйшими и почитающими остальныхъ скиѳовъ своими рабами« [1]). Ихъ однихъ онъ называетъ свободными (IV, 110). Въ другой главѣ (59) той-же книги Геродотъ объ этихъ самыхъ скиѳахъ замѣчаетъ: »*такъ называемые* царскіе скиѳы« [2]); слѣдовательно названіе это было употребительно и до Геродота. Страбонъ, относящійся, какъ извѣстно, весьма скептически къ Геродоту, считающій показанія его менѣе достовѣрными, нежели гомеровскія, упоминаетъ однако о тѣхъ-же самыхъ скиѳахъ съ прибавленіемъ »такъ называемые«[3]). Съ полною увѣренностью можно отнести къ геродотовымъ царскимъ скиѳамъ слѣдующее замѣчаніе позднѣйшаго географа, только распространяющаго характеристику ихъ у Геродота: »кочевники скорѣе воины, нежели разбойники, и воюютъ они изъ-за податей; ибо, предоставивши владѣніе землею тѣмъ, которые желаютъ обработывать ее, они довольствуются взиманіемъ за нее установленной подати, умѣренной, идущей не на роскошь, но на удовлетвореніе повседневныхъ насущныхъ потребностей; если тѣ податей не уплачиваютъ, кочевники идутъ на нихъ войною«.

Послѣ сказаннаго едва-ли можетъ быть рѣчь о томъ, будто Геродотъ въ начертаніи имени царскихъ скиѳовъ (Σ. βασιλήιοι) допустилъ описку, которая впослѣдствіи и получила право гражданства въ древней литературѣ; описка состояла будто-бы въ томъ, что вмѣсто »барсилеи« историкъ написалъ »басилеи,« опустивши букву ρ. »Замѣтимъ по адресу не одного только Иловайскаго«, говоритъ Н. Веселовскій, »а и многихъ другихъ, что никакихъ царскихъ скиѳовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики, или издатели—что все равно) выпустилъ одну букву ρ послѣ α (Βασιλικοί вм. Βαρσιλικοί), т. е. скиѳы барзилійцы. А народъ барзилійцы извѣстенъ намъ и

---

[1]) Σκύθαι οἱ ἄριστοί τε καὶ πλεῖστοι καὶ τοὺς ἄλλους νομίζοντες Σκύθας δούλους σφετέρους εἶναι. IV, 20.

[2]) οἱ δὲ καλόεμενοι βασιλήιοι Σκύθαι.

[3]) οἱ δὲ καλεομενοι Βασίλειοι. VII, 4 7. p. 312.

[4]) VII, 4, 6. p. 311.

по другимъ источникамъ, какъ извѣстно и названіе страны Барзиліи, или Берзиліи« [1]).

Правда, нѣкоторое основаніе для такой поправки геродотова текста содержится въ извѣстіи историка, что отъ общей массы царскихъ скиѳовъ отдѣлился отрядъ, занявшій мѣстности приблизительно въ западной части оренбургской губерніи, на нынѣшнихъ земляхъ башкировъ и киргизовъ. По замѣчанію Хвольсона, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ жили барзулы Ибнъ-Даста, или барзилеи Моисея Хоренскаго [2]). Но основаніе это кажется намъ слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы отвергнуть единогласную традицію древнихъ текстовъ, оправдываемую кромѣ того самымъ положеніемъ одного изъ скиѳскихъ народцевъ относительно остальныхъ. Шаткость этого основанія слѣдуетъ особенно изъ того, что географическія свѣдѣнія Геродота объ этой части Сарматіи были весьма скудны и сбивчивы.

Какъ назывался этотъ скиѳскій народецъ самими скиѳами, мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, это и было то сильнѣйшее скиѳское племя, по имени котораго названы были остальные скиѳы, т. е. народцы, подчиненные царскимъ скиѳамъ. Въ названіи »царскіе«, βασιλήιοι, К. Нейманъ усматриваетъ искаженное варварское имя собственное, въ чемъ убѣждаетъ его колебаніе рукописей въ начертаніи этого имени и употребленіе его у Страбона въ качествѣ собственнаго имени [3]). Но незначительное разночтеніе рукописей наблюдается нами въ сущности лишь въ одномъ мѣстѣ текста, а эпитетъ »базилеи« встрѣчается у Геродота нѣсколько разъ.

Если въ повѣствованіи о скиѳахъ Геродотъ оставляетъ далеко за собою не только предшественниковъ, но и послѣдующихъ историковъ и географовъ, то въ его разсказахъ объ отдѣльныхъ племенахъ скиѳскихъ все-же остается не мало пробѣловъ, много не яснаго и спутаннаго. Названіе скиѳовъ встрѣчается впервые у Гезіода, имѣвшаго разумѣется лишь самыя смутныя представленія о нашемъ югѣ и его обитателяхъ. Ближайшіе предшественники отца исторіи, Гекатей изъ Милета и Гелланикъ изъ Митилены,

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1882 г., сент.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1868 г., 12, стр. 702—703.

[3]) O. c., стр. 179.

употребляютъ названіе скиѳовъ въ слишкомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря: меланхлены, исседоны, меоты относились ими къ скиѳамъ. У Страбона терминъ этотъ также имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели у галикарнасскаго историка V вѣка до Р. Х. Сравнительно со всѣми этими писателями Геродотъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ различеніи народностей нашего юга задолго до начала нашей эры.

Исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи взаимныхъ этническихъ отношеній между скиѳскими племенами, которыя неясно различаются у Геродота, должно служить то положеніе, что въ описаніи скиѳскихъ нравовъ, образа жизни, религіозныхъ представленій греческій историкъ имѣетъ въ виду прежде всего царскихъ скиѳовъ. Обусловлено это тѣмъ, что царскіе скиѳы были настоящими господами остальныхъ, и что весь бытъ ихъ представлялъ наиболѣе рѣзкія и любопытныя особенности сравнительно съ соотечественниками греческаго историка.

Войну съ Даріемъ ведутъ собственно царскіе скиѳы, раздѣленные ради военныхъ цѣлей на три отряда. »Это была одна часть царскихъ скиѳовъ«, замѣчаетъ историкъ, »направившаяся тою дорогой, о которой я сказалъ; двѣ другія части царскихъ, большая подъ предводительствомъ Иданѳирса, (меньшая) третья подъ предводительствомъ Таксакиса« и проч. [1]). Тѣ-же царскіе скиѳы называются (VI, 84) общимъ именемъ номадовъ: »скиѳы номады послѣ того, какъ Дарій вторгся въ ихъ страну, рѣшились ему отмстить«. О нихъ-же, какъ о номадахъ, говоритъ Артабанъ Ксерксу передъ походомъ царя въ Елладу [2]). Иданѳирсъ, одинъ изъ вождей царскихъ скиѳовъ, называетъ свой народъ не имѣющимъ ни городовъ, ни обработанной земли [3]).

Очевидно къ господствующимъ скиѳамъ относится замѣчаніе историка, что они »не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, что дома свои носятъ съ собою, сражаются на лошадяхъ, живутъ не хлѣбопашествомъ, но скотоводствомъ, жилища свои перевозятъ на

---

[1]) IV, 120.
[2]) VII, 10 (1).
[3]) IV, 127.

повозкахъ и потому непобѣдимы и недоступны» [1]). Въ самомъ началѣ IV книги историкъ говоритъ, что скиѳы не пахари, но кочевники. Страбонъ въ приведенномъ выше мѣстѣ приписываетъ черты кочевой жизни именно царскимъ скиѳамъ; у географа они изображаются народомъ бѣднымъ, нуждающимся въ дани на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей и потому отдающимъ свои земли какъ-бы въ аренду сосѣднимъ племенамъ, занимающимся земледѣліемъ. На крайнюю бѣдность указываетъ и Геродотъ [2]). Скиѳовъ-кочевниковъ Геродотъ ясно отличаетъ отъ скиѳовъ земледѣльцевъ. Упомянувши объ этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ, что скиѳы-кочевники «ничего не сѣютъ и не пашутъ» [3]).

Едва-ли позволительно сомнѣваться, что всѣ эти черты не могутъ быть распространяемы на скиѳовъ-земледѣльцевъ и пахарей. Откуда-бы ни происходило названіе этихъ скиѳскихъ народцевъ, было-ли оно искаженіемъ туземныхъ скиѳскихъ именъ, или нарицательнымъ греческимъ именемъ по роду занятій ихъ, во всякомъ случаѣ ему не могъ не соотвѣтствовать земледѣльческій образъ жизни, слѣдовательно по крайней мѣрѣ полукочевой, если не вполнѣ осѣдлый. Да и самъ историкъ замѣчаетъ объ одномъ изъ этихъ племенъ, что оно сѣетъ хлѣбъ не только для собственнаго употребленія, но и на продажу [4]). Въ этомъ отношеніи онъ сближаетъ ихъ съ каллипидами, называющимися у него еллинами-скиѳами, и съ алазонами; первые представляли смѣшанное греко-скиѳское населеніе. Историкъ категорически отличаетъ царскихъ скиѳовъ отъ остальныхъ поклоненіемъ морскому божеству, названному Геродотомъ Посейдономъ, и почитавшемуся у царскихъ вмѣстѣ съ прочими божествами другихъ скиѳовъ [5]).

Прежде всего царскимъ скиѳамъ приписываетъ отецъ исторіи чувство національной исключительности. Дѣйствительно, жертвами этой исключительности являются Анахарсисъ и Скилесъ, оба изъ среды царскихъ скиѳовъ. Анахарсисъ былъ дядя Иданѳирса со

---

[1]) IV, 46. Сравни II, 167. IV, 97. 121. 123.

[2]) IV, 83.

[3]) IV, 19.

[4]) IV, 17: Σ. ἀροτῆρες, οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπείρουσι, ἀλλ᾽ ἐπὶ πρήσι.

[5]) IV, 59.

стороны отца (πάτρως), того самаго Иданѳирса, который командовалъ однимъ изъ отрядовъ въ войнѣ съ даріевыми полчищами: »Иданѳирсъ былъ сынъ Савлія, а Савлій былъ убійцею Анахарсиса«. Аріапейѳъ, отецъ Скилеса, былъ также царемъ скиѳовъ [1]). Что скиѳскіе народцы не всѣ относились съ такою нетерпимостью къ чужеземцамъ, особенно къ эллинамъ, что нѣкоторые изъ нихъ легко сближались съ сосѣдними греками, не возбуждая тѣмъ преслѣдованія противъ себя со стороны скиѳскихъ царей, свидѣтельствуетъ самый фактъ существованія эллино-скиѳовъ, или каллипидовъ.

Мы полагаемъ, что почитаніе Арея, сверхъ животныхъ, человѣческими жертвами и выдѣленіе его такимъ образомъ изъ пантеона скиѳскихъ божествъ болѣе всего приличествовало народу военному съ наиболѣе грубыми нравами. Въ честь Арея закалались плѣнники, одинъ отъ каждой сотни. »Людей рѣжутъ надъ сосудомъ«, разсказываетъ Геродотъ, »совершивши предварительно возліяніе виномъ на головы жертвъ; потомъ, отнесши кровь убитыхъ на кучу хворосту, выливаютъ ее на мечъ. Это относятъ они на верхъ, а внизу у святилища совершаютъ слѣдующее: всѣмъ умерщвленнымъ людямъ отрѣзываютъ правыя плечи и бросаютъ ихъ въ воздухъ; покончивъ съ приношеніемъ остальныхъ животныхъ, удаляются« [2]). Такой культъ Арею вполнѣ согласовался съ обычаемъ скиѳскихъ воиновъ выпивать кровь перваго убитаго врага; божество получало въ жертву ту самую пищу, которая высоко цѣнилась самими почитателями [3]). Аналогичное чествованіе бога войны тѣломъ военноплѣнныхъ Палласъ находитъ у монгольскихъ народовъ, при чемъ мѣстомъ жертвоприношенія служитъ вершина холма, а копье, на которое натыкается трупъ убитаго врага, представляетъ собою, подобно мечу скиѳовъ, божество войны [4]). Кочевой образъ жизни царскихъ скиѳовъ, положеніе ихъ, какъ господствующей части населенія, поддерживаемое войною и набѣгами, отвѣчаетъ варварскому почитанію меча съ человѣческими жертвами. Мы видѣли, что Страбонъ, предпочитая названіе царскихъ скиѳовъ воинами, полемизируетъ съ тѣми

[1]) IV, 78.

[2]) IV, 62.

[3]) IV, 64.

[4]) Sammlung histor. Nachrichten über die mongol. Völkerschaften. II, 326 сл.

свидѣтелями, которые считали ихъ просто разбойниками. Сомнительно, чтобы подобный культъ согласовался съ земледѣльческимъ бытомъ остальныхъ скиѳовъ, подвластныхъ войнолюбивымъ хищнымъ »царямъ«.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что строгое различіе въ культахъ между разными скиѳскими народцами не имѣло мѣста во время Геродота. По всей вѣроятности, долговременное господство царскихъ скиѳовъ въ причерноморскихъ земляхъ наложило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ печать единства на тамошнее скиѳское населеніе вообще; при этомъ нѣкоторые нравы и обычаи господъ могли перейти и къ ихъ подчиненнымъ, нѣкоторыя черты грубости менѣе культурной, но сильнѣйшей части населенія могли распространиться на болѣе культурную, но слабѣйшую часть жителей. Совершеннымъ безлѣсьемъ Скиѳіи греческій историкъ объясняетъ одну изъ подробностей скиѳскихъ жертвоприношеній, состоявшую въ томъ, что жертвенное животное варилось на горящихъ костяхъ, а не на древесныхъ прутьяхъ; подробность, не согласовавшаяся съ свойствами лѣсныхъ частей Скиѳіи, занятыхъ скиѳами не царскими. Далѣе, предпочтительнымъ жертвеннымъ животнымъ у скиѳовъ была, по словамъ того-же историка, лошадь. Годъ спустя послѣ смерти скиѳы чествовали умершаго царя закланіемъ въ память его пятидесяти пригоднѣйшихъ слугъ и такого-же числа лошадей. Удавленныхъ юношей они усаживали особеннымъ способомъ на убитыхъ лошадей, устраивая такимъ образомъ почившему жертвоприношеніе всадниками [1]), т. е. такое, которое могло быть особенно желательно и пріятно скиѳу-номаду. Нейманъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи »Еллины въ землѣ скиѳовъ« [2]) упоминаетъ объ аналогичномъ обычаѣ у монголовъ, а Бастіанъ въ своемъ трудѣ »Человѣкъ въ исторіи« [3]). Почти тождественный обычай сообщается Леббокомъ относительно патагонцевъ, на что обращаетъ вниманіе г. Воеводскій въ изслѣдованіи: »Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа« [4]).

---

[1]) IV, 72.

[2]) Стр. 232 сл.

[3]) Der Mensch in d. Geschichte. 1860. II., стр. 335.

[4]) Одесса 1877 г., стр. 35 сл.

Съ давняго времени и по настоящее геродотовы скиѳы отождествляются съ тѣмъ дикимъ кочевымъ народомъ, который въ пророчествѣ Iезекiиля и Iеремiи носитъ названiе Гогъ (Gôg), и опустошительные набѣги котораго представлялись израильскимъ пророкамъ величайшимъ бѣдствiемъ. Объ этомъ-же вторженiи скиѳовъ въ переднюю Азiю разсказываетъ Геродотъ [1]), причемъ описанное имъ событiе и со стороны хронологiи, и со стороны направленiя скиѳскаго похода совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое изображено у израильскихъ пророковъ и относится приблизительно къ половинѣ VII вѣка до Р. X. Операцiоннымъ базисомъ скиѳовъ въ этомъ походѣ служила Арменiя, та именно часть ея, которая отъ нихъ получила названiе Сакасены. Объ этомъ-же говоритъ и Страбонъ въ слѣдующихъ словахъ: »саки совершали набѣги, подобные вторженiю киммерiйцевъ и треровъ, одни болѣе отдаленные, другiе менѣе далекiе. Они заняли Бактрiану, а другой разъ завоевали лучшую часть Арменiи, которой и оставили имя Сакасены. Оттуда они проникли въ Каппадокiю, главнымъ образомъ въ ту часть, которая касается Евксинскаго Понта и называется теперь Понтикой« [2]). Въ 38 и 39 главахъ Iезекiиля читатель находитъ мрачную картину опустошенiй въ Палестинѣ, предвѣщаемыхъ своему народу пророкомъ и причиняемыхъ ордами Гогъ. Варвары спускаются съ сѣвера и изъ сосѣднихъ странъ, увлекая за собою всѣ народы, жившiе между Кавказомъ и Месопотамiей. Варварскiя полчища состоятъ главнымъ образомъ изъ всадниковъ, искусно владѣющихъ лукомъ. На появленiи варваровъ съ сѣвера неоднократно настаиваетъ и Iеремiя. »Вотъ съ сѣвера наступаетъ народъ«, восклицаетъ пророкъ, »движется великiй народъ съ окраинъ земли. Они несутъ лукъ и копье; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ напоминаетъ ревъ моря; они ѣдутъ на лошадяхъ, вооруженныхъ также, какъ и воины. Противъ тебя, дочь Сiона! При вѣсти о наступленiи ихъ руки наши слабѣютъ, тревога овладѣваетъ нами, какъ женщиною, которая раждаетъ. Не выходите въ поля, не показывайтесь на дорогахъ, вездѣ мечъ непрiятеля, всюду царитъ ужасъ. Дочь моего народа! Накройся вретищемъ и повергнись въ прахъ, облекись въ трауръ,

---

[1]) I, 103—106.

[2]) XI, 8, 4. p. 551.

какъ по единственномъ сынѣ, изливай горькія жалобы! Ибо разоритель наступитъ на насъ внезапно« [1]).

»Когда Геродотъ«, замѣчаетъ Фр. Ленорманъ, »и другіе древніе писатели разсказываютъ о жестокости скиѳовъ, ихъ алчности и грабительствѣ, то они употребляютъ почти тѣ-же самыя выраженія, въ какихъ Іезекіиль описываетъ воинство Гогъ« [2]). Подобно этому послѣднему народу скиѳы сражались только на лошадяхъ, вовсе не имѣли въ своихъ рядахъ пѣхоты, были на столько совершенными стрѣлками изъ лука, что ихъ называли изобрѣтателями этого вооруженія и конными лучниками (ἱπποτοξόται).

Едва-ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что подобныя черты варварства и дикости не могутъ быть безъ крайней натяжки пріурочены къ скиѳамъ-земледѣльцамъ,—онѣ вполнѣ согласуются лишь съ нравами и образомъ жизни царскихъ скиѳовъ-воиновъ, которые и въ геродотовой Скиѳіи жили войною и грабежемъ. Геродотомъ записаны такія проявленія власти скиѳскихъ царей, которыя по грубости не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными намъ чертами владыкъ арійскихъ народовъ. Священнѣйшая клятва у скиѳовъ совершается во имя пенатовъ царя ихъ. »Когда царь заболѣваетъ«, разсказываетъ Геродотъ [3]), »онъ призываетъ къ себѣ трехъ славнѣйшихъ гадателей; они обязаны назвать лицо, ложно поклявшееся пенатами (Tabiti) царя и тѣмъ причинившее ему болѣзнь; обвиняемаго тотчасъ схватываютъ, приводятъ къ царю и допрашиваютъ. Если обвиняемый упорно запирается, то царь призываетъ шесть другихъ гадателей, и если эти послѣдніе показываютъ одинаково съ прежними, то виновнаго обезглавливаютъ на мѣстѣ, а состояніе его раздѣляютъ между тремя первыми гадателями. Если-же шесть призванныхъ гадателей оправдываютъ подсудимаго, то вызываютъ все новыхъ и новыхъ гадателей. Если большинство гадателей высказывается за оправданіе, три первые

---

[1]) Переводъ Ленормана: *Les origines de l'histoire d'apres la Bible. Paris. 1882.* II. стр. 449 и слѣд. Здѣсь-же читатель найдетъ подробный разборъ извѣстій о разорительномъ вторженіи скиѳовъ въ Палестину.

[2]) *Ibid.*, стр. 439.

[3]) *Ibid.* IV, 68. 69.

гадателя должны поплатиться смертью. Ихъ привязываютъ къ повозкамъ, запряженнымъ быками и наполненнымъ хворостомъ, и зажегши хворостъ, отдаютъ гадателей на жертву пламени и изступленію быковъ«. Многіе быки сгораютъ вмѣстѣ съ гадателями; другіе убѣгаютъ съ обжогами, когда сгоритъ дышло. Такимъ-же образомъ цари сожигаютъ гадателей и за другія вины, уличая ихъ въ ложномъ гаданіи. Царь казнитъ не только виновныхъ, онъ умерщвляетъ и дѣтей ихъ, истребляя все мужское поколѣніе«. Такою-же грубостью, которой не находимъ у арійскихъ народовъ, хотя извѣстія о нѣкоторыхъ изъ нихъ восходятъ за нѣсколько вѣковъ до Геродота, отличались похороны скиѳскихъ царей, сопровождавшіеся между прочимъ избіеніемъ слугъ. Если къ этому прибавить нѣкоторыя другія черты быта скиѳовъ, прежде всего, разумѣется, царскихъ, общія имъ съ нынѣшними монголами, напр. употребленіе въ пищу конскаго мяса, сыру и кумысу (ὀξύγαλα), окуриваніе въ паровыхъ баняхъ конопляным сѣменемъ и т. п., то мы получимъ такую совокупность бытовыхъ особенностей нѣкоторыхъ частей скиѳскихъ обитателей южной Россіи, что сравнительно съ ними данныя языка, объясняемыя въ смыслѣ Мюлленгофа, получаютъ лишь весьма относительное значеніе. Съ другой стороны, по изслѣдованіямъ Фр. Ленормана, страна Mâgôg, откуда вышли орды Gôg, оставалась свободною отъ вліянія арійства не только въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, но и гораздо позже. Онъ категорически отвергаетъ всякія попытки объяснить имена Gôg и Mâgôg изъ арійскихъ языковъ и этимологію этихъ именъ, предлагаемую Тухомъ и Кнобелемъ и принимаемую Боннелемъ, по которой послѣднее изъ этихъ словъ складывается изъ двухъ разноязычныхъ элементовъ, называетъ просто чудовищною.

Краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ нашихъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на чертахъ быта скиѳовъ царскихъ и вообще кочевыхъ, служатъ категорическія извѣстія добросовѣстнѣйшаго греческаго изслѣдователя, почти современника галикарнасскаго историка. Мы говоримъ о Гиппократѣ (460—377 до Р. Х.). Знаменитый греческій врачъ пораженъ былъ необыкновеннымъ внѣшнимъ видомъ скиѳовъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ другихъ извѣстныхъ ему народовъ и скрывавшимъ для него индивидуальныя черты различныхъ представителей этого народа: »они похожи только на

самихъ себя«, замѣчаетъ онъ, »и нисколько на другихъ«. Цвѣтъ кожи скиѳовъ, по словамъ того-же ученаго, желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мущинъ женщинамъ [1]).

Въ виду всего сказаннаго выше мы считаемъ невозможнымъ не признать въ средѣ геродотовыхъ скиѳовъ туранскихъ [2]) или точнѣе урало-алтайскихъ племенъ. То обстоятельство, что Геродотъ ничего не говоритъ о физическомъ строеніи скиѳовъ, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что онъ или не наблюдалъ лично собственныхъ скиѳовъ, или не обратилъ вниманія на такія черты, которыя не могли укрыться отъ болѣе испытаннаго въ этомъ отношеніи глаза Гиппократа.

Что населеніе геродотовой Скиѳіи не было однородно, видно уже изъ раздѣленія его на скиѳовъ-землевладѣльцевъ и кочевниковъ. Оно становится еще яснѣе въ виду такихъ отзывовъ о скиѳахъ у древнихъ писателей, которые менѣе всего соотвѣтствуютъ военному хищническому строю и образу жизни скиѳовъ царскихъ. Гомеръ называетъ »доителей кобылицъ« (ἱππομόλγοι) справедливѣйшими людьми [3]). Въ отрывкѣ, сохраненномъ намъ Страбономъ [4]), Эсхилъ называетъ скиѳовъ народомъ благонравнымъ. Тотъ-же трагикъ въ своемъ »Промеѳеѣ« изображаетъ скиѳовъ мирнымъ настушескимъ народомъ [5]). Страбонъ сохранилъ изъ »Исторіи Ефора« нѣкоторые отрывки, относящіеся къ скиѳамъ и сарматамъ. »Савроматы и скиѳы«, замѣчаетъ историкъ, »далеко не одинаковы по образу жизни; иные до такой степени свирѣпы, что ѣдятъ человѣческое мясо, напротивъ другіе воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ. Многіе писатели разсказываютъ объ ихъ дикости, писатели, которымъ лично приходилось наблюдать страшное, удивительное и поразительное; но, прибавляетъ онъ, слѣ-

---

[1]) *De aëri, aquis et locis*. 91. 94. τὰ εἴδεα ὁμοῖα αὐτὰ ἑωυτέοισί εἰσι. 97. 98—10 2.

[2]) Терминъ »туранство« вслѣдствіе своей неопредѣленности долженъ наконецъ уступить мѣсто другимъ болѣе точнымъ.

[3]) *Ibid.*, XIII, 5.

[4]) VII, 3 6.

[5]) Стр. 709 сл.

дуетъ показать и примѣры противнаго. Между кочевниками скиѳами есть народы, которые питаются только кумысомъ и отличаются при этомъ замѣчательною честностью и справедливостью«[1]). Впрочемъ у самого Геродота имѣются свидѣтельства подобнаго рода. Такъ, онъ отличаетъ скиѳовъ отъ невѣжественнѣйшихъ народовъ Понта и говоритъ о мудрости ихъ[2]). Въ разсказѣ о даріевомъ походѣ онъ называетъ скиѳовъ народомъ мирнымъ.

Всѣ подобныя черты, несогласныя съ общимъ характеромъ царскихъ скиѳовъ, понятны, если мы перенесемъ ихъ на земледѣльческіе скиѳскіе народцы, слившіеся съ первыми въ одно политическое цѣлое. Скиѳы-земледѣльцы отличались отъ царскихъ не только по степени культуры и образу жизни, но и по національности. Въ противномъ случаѣ трудно допустить, чтобы одинъ только Гиппократъ сохранилъ намъ извѣстія о физическомъ строеніи скиѳовъ—разумѣются царскіе,—о строеніи, выдѣлявшемъ ихъ, по словамъ греческаго врача, въ народъ совершенно особый.

Мы не знаемъ ни одного серьезнаго аргумента противъ принимаемаго нами раздѣленія скиѳскихъ обитателей южной Россіи въ V в. до Р. Х. Напротивъ, наше мнѣніе согласуется съ общимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу и съ топографіей скиѳскихъ народцевъ, извѣстной намъ по Геродоту. Скиѳы царскіе, какъ пришедшіе сюда послѣ земледѣльческихъ, заняли земли къ востоку и сѣверу лежащія отъ ихъ предшественниковъ на скиѳской территоріи. Урало-алтайскія орды покорили древнее арійское населеніе, понизили его культуру, утвердили деспотическій политическій строй, стараясь къ тому-же оградить себя отъ всякихъ иноземныхъ вліяній. Эти послѣднія усилія не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: арійская часть Скиѳіи уступала вліянію греческой культуры, она выдѣлила изъ себя каллипидовъ, смѣшавшихся съ греческими колонистами и образовавшихъ еллино-скиѳовъ.

Неразрѣшимымъ остается вопросъ о томъ количественномъ отношеніи, въ какомъ соединены были въ геродотовой Скиѳіи племена арійскія и не-арійскія. Правда, у Геродота есть одно замѣчаніе, изъ котораго позволительно заключить, что господствующіе

---

[1]) VII, 3, 9. p.

[2]) IV, 4 6.

скиѳы не составляли по крайней мѣрѣ значительнаго большинства въ общемъ скиѳскомъ населеніи. »Численности скиѳовъ«, замѣчаетъ историкъ, »я не могъ узнать; но слышалъ объ этомъ различныя мнѣнія, потому что ихъ и очень много, и мало, *какъ скиѳовъ*«[1]). Само собою разумѣется, названіе скиѳовъ употреблено здѣсь въ смыслѣ геродотовыхъ скиѳовъ, а не въ общемъ смыслѣ всѣхъ варварскихъ народовъ, живших къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Чернаго моря. Слѣдовательно самъ историкъ готовъ понимать подъ своими скиѳами то одну часть ихъ, конечно, скорѣе всего царскихъ скиѳовъ, то всѣ народцы, названные имъ общимъ именемъ. Производствомъ провѣрки населенія, сдѣланной Аріантою, царь имѣлъ въ виду привести въ извѣстность всѣхъ плательщиковъ податей въ его владѣніяхъ; таковыми были прежде всего подчиненныя царскимъ скиѳскія племена; они-то и увеличивали до значительной цыфры количество скиѳовъ. Самый памятникъ общенародной переписи Геродотъ видѣлъ не въ странѣ царскихъ скиѳовъ, что по ту сторону Герроса, но въ Ексампаѣ, въ землѣ скиѳовъ-пахарей, по сю сторону Гипаниса (Буга). Весьма вѣроятно впрочемъ, что ближайшими по расѣ къ царскимъ были такъ названные у Геродота скиѳы-номады, названіе, несомнѣнно представляющее передѣлку на греческій ладъ какого-либо туземнаго народнаго имени. Во всякомъ случаѣ названію этому долженъ былъ отвѣчать вполнѣ кочевой образъ жизни этого народца, являющагося у греческаго историка какъ-бы номадами по преимуществу.

Слѣдовательно, если Геродотъ превосходилъ своихъ предшественниковъ и нѣкоторыхъ изъ преемниковъ въ географической и этнографической точности описанія Скиѳіи, то все-таки свѣдѣнія его объ этой странѣ и ея населеніи были не на столько достаточны, чтобы дать намъ вѣрное представленіе о составѣ того населенія, которое по имени господствующей расы получило общее наименованіе скиѳовъ.

Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть доводы почтеннаго московскаго профессора, Всев. Ѳед. Миллера въ пользу иранства скиѳовъ[2]). »Изъ всѣхъ догадокъ«, говоритъ онъ, »предложенныхъ о

[1]) IV, 60.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1882 г., авг. Стр. 191—207.

національности сарматовъ и скиѳовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ) видятъ въ этихъ народахъ иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не индо-европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока. Мы думаемъ, что эту гипотезу слѣдуетъ ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скиѳъ* и *иранецъ* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скиѳовъ скрывались племена индо-европейскія, и въ числѣ ихъ въ восточныхъ частяхъ Скиѳіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы«.

Вс. Ѳ. Миллеръ, извѣстный между прочимъ изслѣдованіями объ осетинахъ, подкрѣпляетъ предположеніе свое ссылкою на нѣкоторые обычаи осетинскаго народца, принадлежащаго къ иранцамъ, сходные съ обычаями геродотовскихъ скиѳовъ. Такъ, въ народныхъ осетинскихъ сказаніяхъ сохранились слѣды скальпированія, напоминающіе тотъ же обычай у скиѳовъ. Но между двумя народами замѣчается въ этомъ отношеніи и не маловажная разница, опускаемая почтеннымъ ученымъ: въ сказаніи объ осетинскомъ героѣ Созрыко шубы сшиваются изъ кожъ ближайшихъ родственниковъ: отцовъ, братьевъ, мужей, тогда какъ у скиѳовъ жертвами скальпированія были только враги. Подобный обычай не чуждъ и урало-алтайскимъ народамъ, а также дикарямъ сѣверной и южной Америки [1]).

Далѣе почтенный ученый обращаетъ вниманіе на способы гаданія осетиновъ, аналогичные скиѳскимъ, записаннымъ у Геродота [2]), именно, посредствомъ палочекъ и липовыхъ лентъ, приготовленныхъ изъ лубка и наматываемыхъ на пальцы. Но второй способъ извѣстенъ также калмыкамъ, а первый гораздо ближе къ способу гаданія шамановъ, записанному Гмелинымъ въ его путешествіи по Сибири [3]). »Послѣ непродолжительнаго тихаго бормотанія«, замѣ-

---

[1]) K. Neumann, *O. c.*, стр. 304. Л. Воеводскій, *O. c.*, стр. 26 сл.

[2]) IV, 67.

[3]) Gmelin, *Reise durch Sibirien*. I, 290. Neumann, *O. c.*, стр 265.

чаетъ путешественникъ, »колдунъ бралъ пучокъ мелкихъ палочекъ, какъ бы сѣрныхъ лучинокъ. Въ такомъ пучкѣ содержится 49 палочекъ, подобно тому, какъ гадатели черемисскіе, чувашскіе и вотякскіе имѣютъ (для этой цѣли) 49 бобовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ выбиралъ изъ пучка пять палочекъ и клалъ ихъ особо. Съ остальными онъ игралъ, бросая ихъ то туда, то сюда, а затѣмъ вытягивалъ то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдунъ произносилъ гаданіе«. У Геродота гадатели, которыхъ у скиѳовъ было много, кладутъ на землю большіе пучки палочекъ, развязываютъ ихъ, раскладываютъ по одной палочкѣ порознь и произносятъ прорицанія; потомъ опять собираютъ ихъ по одной и складываютъ въ пучки.

Въ похоронныхъ обрядахъ осетиновъ участвуютъ не одни родственники покойнаго, но весь аулъ его или даже вся окрестность, какъ у скиѳовъ. Погребеніе сопровождается обильнымъ угощеніемъ; поминки по умершемъ повторяются въ теченіи перваго года послѣ смерти до двѣнадцати разъ; при погребеніи обязательно для ближайшихъ родственниковъ выраженіе сильнѣйшей скорби и горя, а въ прежнее время, о чемъ свидѣтельствуютъ надгробные памятники, съ покойникомъ погребали коня и различные нужные для него предметы.

Всѣ эти черты, разумѣется, близко напоминаютъ скиѳскіе похороны [1]). Но дѣло въ томъ, что аналогіи болѣе многочисленныя и болѣе полныя содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ [2]).

Вс. Ѳ. Миллеръ упоминаетъ еще о богатырской чашѣ, слѣды употребленія которой сохранились въ осетинскихъ сказаніяхъ. Это— чаша, подобная той, въ которой правитель каждой скиѳской области (νομάρχος) ежегодно замѣшивалъ вино; причемъ изъ чаши имѣли право пить только тѣ скиѳы, которые убивали непріятелей; никого не убившіе не допускались къ чашѣ и сидѣли въ отдаленіи [3]).

Впрочемъ вообще мы полагаемъ, что придавать большое значеніе сближенію геродотовыхъ скиѳовъ съ нынѣшними осетинами нельзя; нельзя и пользоваться этимъ сближеніемъ для подкрѣпле-

---

[1]) IV, 71—73.

[2]) I. C. F. Baehr. *Herodotos*. Примѣчанія къ главамъ, сюда относящимся.

[3]) IV, 66.

нія гипотезы объ иранствѣ скиѳовъ. Во-первыхъ, далеко недостаточно извѣстны прошлыя судьбы этого небольшаго горнаго народа, его отношенія въ прошломъ къ другимъ народамъ, отличнымъ отъ него по расѣ и языку. Во-вторыхъ, на настоящей своей территоріи, въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, осетины стиснуты многими народцами никакъ уже не-арійскаго, но скорѣе всего урало-алтайскаго типа, каковы: чеченцы, грузины, кабардинцы и др. Самъ г. Миллеръ замѣчаетъ, что »многія имена нартовъ—богатырей общи у кабардинцевъ, балкарцевъ и осетинъ: всѣ три народа знаютъ нартовъ Хамица, Сосруко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатáну«. Между тѣмъ главнѣйшія черты быта осетиновъ, сближаемыя авторомъ съ скиѳскими обычаями, заимствуются имъ изъ сказаній о богатыряхъ Сосруко и Батразѣ. Авторъ самъ предостерегаетъ изслѣдователей дѣлать обобщенія относительно прошлой исторіи осетинъ на основаніи ихъ эпоса, детальная разработка котораго до сихъ поръ еще не начиналась даже; онъ самъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы нартовъ; онъ даже дѣлаетъ догадку, что кабардинскій эпосъ сильно повліялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій на сказанія балкарцевъ; но ни кабардинцы, ни балкарцы не принадлежатъ къ иранцамъ, ни вообще къ арійской семьѣ народовъ.

Въ виду этого трудно, если не совсѣмъ невозможно отрицать многообразныя вліянія урало-алтайскихъ народцевъ на иранскихъ осетиновъ; тѣмъ менѣе возможно полагаться на нѣкоторыя отдѣльныя черты сходства между геродотовыми скиѳами и нынѣшними осетинами въ доказательство иранства первыхъ.

Положеніе и бытъ осетиновъ въ виду занимающаго насъ вопроса представляется поучительнымъ въ другомъ смыслѣ: судьба этого иранскаго народца показываетъ намъ, какъ племя высшее по расѣ и по способности къ культурѣ можетъ при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ уступить вліяніямъ племенъ низшей расы, въ особенности, если эти послѣднія подобно царскимъ скиѳамъ Геродота оказываются въ положеніи господъ. Присутствіе арійскихъ иранцевъ въ геродотовой Скиѳіи, занимавшихся земледѣліемъ, отличавшихся миролюбивымъ характеромъ и охотно сближавшихся съ греческими поселенцами, весьма вѣроятно; но едва-ли можетъ под-

лежать сомнѣнію, что господствующею частью населенія Скиѳіи были орды урало-алтайскаго типа, нѣкоторыя физическія черты котораго засвидѣтельствованы для насъ писателемъ, не уступающимъ по добросовѣстности и достовѣрности отцу исторіи, именно Гиппократомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что Геродотъ съ своими пріемами изслѣдованія, съ своимъ знаніемъ варварскихъ языковъ не исключилъ бы осетиновъ изъ общей группы кавказскихъ народцевъ, какъ онъ соединилъ однимъ именемъ скиѳовъ-аріевъ и скиѳовъ—урало-алтайцевъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) отецъ исторіи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее *географическое* названіе скиѳовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничилъ географическое понятіе скиѳскихъ народовъ; но политическое единство скиѳовъ и недостаточность пріемовъ наблюденія помѣшали ему различить въ составѣ скиѳскаго населенія племена различныя по расѣ, арійскія и урало-алтайскія; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислять каллипидовъ, алазоновъ, скиѳовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукочевомъ-полуосѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общіе арійскіе предки индо-европейскихъ народовъ еще до разселенія ихъ на отдѣльныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скиѳы-кочевники, прежде всего царскіе скиѳы, пришедшіе сюда послѣ арійскихъ народцевъ и раньше тѣхъ не скиѳскихъ племенъ, которыя въ описаніи Геродота ограничиваютъ скиѳское населеніе юга Россіи съ запада, сѣвера, востока, и отчасти съ юга (арійскіе народцы не чуждались еллинской культуры и содѣйствовали распространенію ея дальше къ сѣверу отъ греческихъ колоній, между тѣмъ скиѳы-урало-алтайцы отличались крайнею нетерпимостью ко всему чужеземному) и 4) терминъ »царскихъ« скиѳовъ долженъ быть удержанъ въ греческомъ текстѣ, такъ какъ къ замѣнѣ »базилеевъ« »барзилеями« у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній.

Ѳ. Мищенко.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

VIII.

Въ Лейпцигъ я пріѣхалъ утромъ; городъ былъ очень оживленъ и многолюденъ; я въ немъ пробылъ нѣсколько дней, познакомился съ нѣкоторыми студентами, съ Феликсомъ Мендельсономъ Бертольди, у котораго провелъ два вечера и былъ очарованъ его любезностью и игрою на фортепьяно. Блестящи были импровизаціи и фантазіи Листа, но и Мендельсоновы немногимъ уступали имъ. Въ игрѣ Мендельсона было болѣе мягкости, нѣжности; она не потрясала, но глубоко проникала въ душу, и необыкновенно удачное сочетаніе оригинальной гармонизаціи съ пѣвучей мелодіей ласкало слухъ и приводило слушателя въ самое пріятное настроеніе. Отлично образованный, умный и въ высшей степени симпатичный, Мендельсонъ пріобрѣлъ во мнѣ искренняго поклонника своему геніальному таланту. Онъ просматривалъ мои музыкальныя со-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., апр. кн., стр. 609—633.

чиненія, нашелъ ихъ очень удовлетворительными для любителя, далъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ, и рекомендовалъ мнѣ въ Дрезденѣ Рейсигера для инструментовки и Дотцауера для уроковъ контрапункта. Жена Мендельсона, милая и привѣтливая дама, весьма не дурная собою, произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Дрезденъ.

Изъ Лейпцига я переѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ. Городъ этотъ мнѣ очень понравился: незатѣйливыя, но красивыя зданія, узкія, но чисто содержимыя улицы, спокойствіе и миръ, въ немъ царствовавшіе, патріархальный образъ жизни, простота и дешевизна были мнѣ по сердцу. Я нанялъ маленькую, уютную квартиру въ двѣ комнаты въ Marien-strasse, въ домѣ, гдѣ жилъ извѣстный скрипачъ Липинскій, познакомился съ нимъ, а у него съ Рейсигеромъ и Дотцуаеромъ, и началъ съ ними прерванные въ Берлинѣ музыкальные уроки. Какъ тотъ, такъ и другой излагали свои предметы точно, ясно и занимательно, и въ короткое время я инструментировалъ довольно порядочно мои сочиненія, написанныя для фортепьяно, постигъ всю премудрость фуги и перешелъ къ канону. У Липинскаго каждую недѣлю, по средамъ, собирались музыкальныя знаменитости Дрездена, исполняли квартеты. Первую скрипку игралъ всегда почти хозяинъ, вторую Шубертъ, на віолончели попремѣнно игрывали Дотцауеръ и Куммеръ. Высокое наслажденіе доставляли мнѣ эти квартетные вечера, я не пропускалъ ни одного, и постоянно вращался въ артистическомъ тѣсномъ кругу. Расположеніе духа было печальное, но спокойное; безмятежное существованіе и музыкальныя развлеченія помирили меня съ моимъ положеніемъ. Каждое воскресенье я отправлялся въ католическую церковь слушать превосходное исполненіе церковной музыки. Дирижировалъ всегда Рейсигеръ. Раза два, три въ недѣлю бывалъ въ нѣмецкой оперѣ въ новомъ отлично отдѣланномъ театрѣ.

Дрезденскій королевскій оркестръ считался лучшимъ въ Европѣ въ то время, и дѣйствительно состоялъ изъ первокласныхъ артистовъ. Достаточно сказать, что первымъ капельмейстеромъ былъ Рейсигеръ, вто-

рымъ Р. Вагнеръ, первыми скрипками: Липинскій и Шубертъ, віолончелями: Дотцауеръ и Куммеръ, валторной: Леви, кларнетомъ: Бекманъ, флейтой: Фюрстенау. Хоры были превосходны; первыя роли исполнялись: г-жею Шредеръ-Девріенъ, дѣвицей Тучекъ, гг: Ботигеромъ и Тихачекъ. Постановка была весьма удовлетворительная. Въ особенности хорошо шли: Фрейшюцъ Вебера, жившаго въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ и дирижировавшаго оперой, Гугеноты Мейербеера и Ріэнци Вагнера. Самое зданіе театра, вновь построенное и отдѣланное, не очень велико, но чрезвычайно красиво.

Съ Вагнеромъ я познакомился у Рейсигера. Личность замѣчательная, и въ высшей степени талантливая. Онъ самъ написалъ либретто къ своей оперѣ и инструментировалъ ее оригинально. Многимъ не нравилась шумная трескотня духовыхъ инструментовъ въ оркестровкѣ и излишняя речитативность въ композиціи; но тогда уже въ немъ проглядывала геніальность. Вагнеръ былъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ во всемъ, что не касалось политики; но если заходила рѣчь о политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, онъ становился довольно непріятенъ своими рѣзкими выраженіями и слишкомъ либеральнымъ, радикальнымъ образомъ мыслей. Въ этихъ вопросахъ я велъ съ нимъ ожесточенную борьбу. По рожденію, воспитанію и національности я былъ консерваторомъ и не могъ равнодушно слушать крайнихъ убѣжденій Вагнера, совершенно противоположныхъ моимъ. Впрочемъ мы оставались добрыми друзьями.

Кромѣ увѣдомленія Кранаха, что письмо мое передано, другихъ извѣстій изъ Берлина не имѣлъ.

Послѣ мирнаго шестинедѣльнаго пребыванія въ Дрезденѣ, судьба свела меня съ однимъ соотечественникомъ, близкимъ сосѣдомъ по полтавской деревнѣ, отставнымъ гвардіи поручикомъ З., раненымъ на Кавказѣ въ грудь пулею на вылетъ. З. лѣчился въ Германіи болѣе года и пріѣхалъ на зиму въ Дрезденъ. Хотя я мало былъ съ нимъ знакомъ на родинѣ, но за границей русскіе легко сближаются другъ съ другомъ, и мы вскорѣ сдѣлались пріятелями. З. предложилъ мнѣ нанять общую квартиру просторнѣе моей, отыскалъ очень удобное помѣщеніе помѣсячно въ гостинницѣ »Zum goldenen Hirsch«,

и мы тамъ поселились. Имѣли четыре комнаты; переднюю, довольно большую гостиную, и двѣ спальни, обзавелись лакеемъ и получали столъ отъ содержателя гостинницы, весьма не дурной, и за умѣренную условленную плату; пріобрѣли много знакомыхъ; если не отправлялись въ театръ, по вечерамъ бывали дома и принимали посѣтителей; изъ нихъ я въ особенности полюбилъ стараго моего знакомаго Вальтера, лѣчившаго З., и Ганса Ганфестенгеля, талантливаго живописца. Докторъ Вальтеръ начиналъ имѣть уже небольшую практику у русскихъ путешественниковъ, а Ганфестенгель занимался тогда литографированіемъ замѣчательнѣйшихъ картинъ дрезденской галлереи. Онъ нѣсколько разъ сопровождалъ меня въ галлерею и останавливалъ вниманіе на знаменитыхъ произведеніяхъ живописи. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля; каждое посѣщеніе галлереи не обходилось безъ того, чтобы я не посвятилъ нѣсколько времени этому геніальному произведенію; потомъ — св. ночь Корреджіо и Cristo della moneta Тиціана; часто любовался я также великолѣпными пейзажами Рюиздаля.

Вскорѣ наши вечерніе пріемы обратились въ пирушки; ужины съ шампанскимъ, по русскому обычаю, заканчивали вечера, продолжавшіеся иногда далеко за полночь, вопреки принятымъ въ Дрезденѣ обычаямъ. Тамъ обѣдывали въ часъ; въ десятомъ всякое движеніе по улицамъ прекращалось и въ десять всѣ уже покоились. Насъ начали считать богатыми иностранцами съ большими причудами. Собранія эти впрочемъ развлекали меня и разнообразили пустоту дрезденской жизни и домашняго быта. З. очень скоро надоѣлъ мнѣ своими претензіями на умъ и образованность: въ существѣ это былъ не глупый, но довольно пошлый господинъ, не умѣвшій правильно писать по русски и понимавшій французскій языкъ по своему; получивъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ гордился своею ученостью, но считалъ нужнымъ дополнить образованіе путешествіями и чтеніемъ; читалъ постоянно французскіе романы и въ нихъ почерпалъ звучныя фразы, которыми старался украсить свою рѣчь; никогда не забуду, какъ онъ потѣшилъ меня однажды. Окончивъ чтеніе »Людовика XIV« Александра Дюма, З. увѣрялъ меня, что Людовикъ XIV обладалъ необыкновен-

нымъ аппетитомъ, потому что у него было два желудка, какъ ни старался я ему объяснить, что выраженіе: double capacité вовсе не означаетъ двухъ желудковъ, а двойную способность одного желудка, З. не хотѣлъ мнѣ вѣрить, началъ спорить и остался при своемъ убѣжденіи.

Подобное товарищество по квартирѣ не разъ заставляло меня пожалѣть объ Алларѣ и мысленно переноситься въ Берлинъ.

Образъ Наимы часто представлялся моему воображенію, нерѣдко помышлялъ я о возвращеніи въ Берлинъ, но долгъ чести останавливалъ меня. Ни разу ей не писалъ, и въ прощальномъ письмѣ не говорилъ о предположенномъ мѣстопребываніи, да и самъ не зналъ, куда поѣду и сколько гдѣ проживу.

Я началъ писать симфонію для оркестра, первое мое произведеніе въ этомъ родѣ; и говорить нечего, что оно принадлежитъ вполнѣ Наимѣ. Первая часть: Allegro agitato въ F-мольномъ тонѣ заключаетъ въ себѣ оригинальный мотивъ, которому я старался придать еврейскій характеръ; вторая: Andante con moto, As dur, чисто въ рускомъ стилѣ и напоминаетъ одну изъ велукорусскихъ пѣсень; третья Scherzo Allegro, минорная, но игривая мелодія, потомъ Trio въ мажорномъ тонѣ; четвертая: Finale Allegro не богатая музыкальными идеями, но тщательно разработанная и испещренная контрапунктомъ. Окончивъ симфонію, я показалъ ее Рейсигеру; онъ исправилъ два-три мѣста въ инструментовкѣ, одобрилъ разработку мелодіи и строгое исполненіе симфоническихъ правилъ и сказалъ, что симфонія моя можетъ быть исполнена королевскимъ оркестромъ. Каждый имѣлъ право требовать исполненія музыкальныхъ своихъ и другихъ сочиненій отъ королевскаго оркестра въ свободное отъ его обязательныхъ занятій время, съ платою по 25 талеровъ за два часа въ кассу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, служившихъ въ оркестрѣ. Эта плата въ концѣ года составляла довольно порядочную сумму. Содержаніе-же оркестра вообще не обходилось дорого. Достаточно сказать, что такая знаменитость, какъ Липинскій, получалъ всего двѣ тысячи талеровъ въ годъ, Фюрстенау полторы тысячи, Дотцауэръ и Куммеръ по шестисотъ; чрезъ 25 лѣтъ службы жалованье обращалось въ пенсію.

Исполненіе моей симфоніи было назначено въ 11 часовъ утра, въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста. Первый разъ ее сыграли безъ репетиціи: дирижировалъ Рейсигеръ, музыканты наговорили мнѣ множество любезностей, во второй разъ Рейсигеръ заставилъ меня дирижировать. Какъ ни былъ я слабъ въ этомъ родѣ музыкальныхъ упражненій, съ артистами королевскаго оркестра дирижированье собственнаго сочиненія не представляло большихъ трудностей и исполненіе вышло удачнѣе перваго, въ особенности второй части симфоніи, гдѣ русская мелодія подъ мановеніемъ моей капельмейстерской палочки очертилась рельефнѣе и произвела большой эффектъ. Но съ комплиментами выразилось и недовѣріе къ моему творчеству. Первый гобоистъ подошелъ къ Дотцауэру и до меня долетѣли слова: не могу допустить, чтобы вся симфонія была написана молодымъ русскимъ,—она такъ гармонизована, что требуетъ глубокихъ познаній въ контрапунктѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы принимали большое участіе въ этой композиціи. Дотцауэръ увѣрялъ скептика, что не перемѣнилъ въ моей симфоніи ни одной ноты, но что Рейсигеръ дѣйствительно исправилъ мѣстами оркестровку.

Ганфстенгель познакомилъ меня съ польскимъ семействомъ отставного полковника наполеоновскихъ войскъ Z. Вполнѣ онѣмеченное семейство состояло изъ отца, матери и двухъ дочерей. Старшая, очень красивая блондинка, была въ разводѣ съ мужемъ, меньшая, очень не красивая, но умная и привѣтливая, была дѣвицей.

Ганфстенгель бывалъ у нихъ часто, но ничего не говорилъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ старшей дочери Z. Однажды, въ вечеру, за чашкой чая, я разсказывалъ имъ, какъ мы съ Ганфстенгелемъ пріятно провели вечеръ у Шарлотты Гагенъ, извѣстной актрисы. Замѣчаю, что старшая дочь Z. то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, наконецъ падаетъ въ обморокъ. Когда ее привели въ чувство, мы ушли, Ганисъ сталъ укорять меня въ неумѣстной шуткѣ, полагая, что давно долженъ былъ догадаться о его интригѣ съ красивой блондинкой. Я его увѣрялъ въ противномъ, пожурилъ за излишнюю скромность и мы разстались совершенными друзьями.

На вербной недѣлѣ я получилъ деньги изъ дому; переводъ тогда дѣлался чрезъ домъ Штиглица въ Петербургѣ, и кредитива прислана

на мое имя для полученія денегъ въ Дрезденѣ у банкира К. Сходство фамиліи этого банкира съ фамиліей отца Наимы меня поразило. Отправляюсь въ контору и узнаю, что дрезденскій банкиръ двоюродный братъ берлинскому К. Я изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться, и въ дрезденскомъ представителѣ богатаго банкирскаго дома нашелъ двойника отца Наимы, только помоложе. Тотъ-же не красивый еврейскій типъ, та-же непривѣтливость. Я съ нимъ переговорилъ о курсѣ, о будущихъ переводахъ денегъ и откланялся. Курсъ стоялъ тогда для насъ очень выгодный, за сто рублей плотили сто десять талеровъ. О знакомствѣ съ семействомъ Наимы я умолчалъ; въ банкирѣ было что-то отталкивающее и не располагающее къ дальнѣйшему знакомству.

Въ вербное воскресенье въ зданіи стараго театра назначено было исполненіе ораторіи Мендельсона: Paulus и 3-й симфоніи Бетховена. Дожидали пріѣзда Мендельсона; онъ долженъ былъ дирижировать. Я запасся билетами какъ на генеральную репетицію, такъ и на исполненіе ораторіи. З. не пожелалъ слушать серьёзной, но очень скучной, по его понятіямъ, музыки.

Мое мѣсто было въ ложѣ бель-этажа на оба вечера; къ генеральной репетиціи пріѣхалъ Мендельсонъ, но я его не видѣлъ и не слышалъ его замѣчательнаго Паулуса; подлѣ моей ложи, съ лѣвой стороны, точь въ точь какъ въ Гарнизонъ-кирхѣ въ Берлинѣ, сидѣла Наима, а за нею Лея и незнакомый мнѣ господинъ. Появленіе ихъ въ сосѣдней ложѣ, показалось мнѣ сначала призрачнымъ видѣніемъ, но я вскорѣ убѣдился въ счастливой дѣйствительности. Наима заговорила со мной. Голосъ ея дрожалъ, она была взволнована, глаза свѣтились такимъ выраженіемъ сочувствія и любви, что я не помнилъ себя отъ радости; въ антрактахъ мы говорили довольно громко, и она представила мнѣ своего родственника, сына дрезденскаго банкира; во время репетиціи мы перешептывались. Что мы говорили другъ другу, вспомнить не могу: я находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи духа, но не забуду никогда заключительныхъ словъ Наимы: знай, что я твоя, на вѣкъ твоя, чтобы ни случилось.

Мы сговорились видѣться на слѣдующій день въ картинной галереѣ, гдѣ провели цѣлое утро, удаляясь въ комнаты менѣе посѣщае-

мыя публикой. Здѣсь Наима собщила мнѣ, что пріѣхала съ Леей погостить накороткѣ у банкира К. и затѣмъ располагала ѣхать съ сестрой въ Малагу, что жизнь въ Берлинѣ стала ей невыносимой съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ и отецъ узналъ о ея привязанности ко мнѣ, а скрывать эту привязанность, послѣ неожиданнаго моего отъѣзда, она была не въ силахъ, часто плакала, постоянно грустила. Рѣшились послать ее въ Малагу въ надеждѣ, что время и путешествіе разсѣятъ ее. Разговоръ не могъ быть послѣдовательнымъ; намъ мѣшали.

Въ вечеру мы опять были вмѣстѣ на исполненіи ораторіи Мендельсона, и условились сойтись на другое утро въ »Hôtel de saxe«, гдѣ я долженъ былъ приготовить комнату съ особеннымъ входомъ. Принять меня у своего родственника, банкира К. Наима не могла, а переговорить съ ней безъ свидѣтелей было необходимо.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, я былъ уже на ногахъ, отправился къ содержателю „Hôtel de saxe“, съ которымъ былъ знакомъ, посѣщая иногда знакомыхъ въ его гостинницѣ, и условился съ нимъ на счетъ отдѣльнаго помѣщенія на короткое время для родственницы моей.

Съ 10 часовъ утра я ждалъ Наиму на площади не далеко отъ Саксонской гостинницы. Волненіе, нетерпѣніе, смутное ожиданіе длили время, оно казалось мнѣ безконечнымъ; около 11-ти часовъ я замѣтилъ даму, всю въ черномъ, съ опущеннымъ вуалемъ, приближающуюся медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ гостинницѣ; я подошелъ, то была Наима; я ей подалъ руку, и мы отправились въ приготовленный номеръ.

Она подняла вуаль, сняла шляпку и я остолбенѣлъ отъ удивленія и восторга. Никогда еще Наима не представлялась мнѣ такою красивою, такою величественною. Матовая блѣдность ея лица была оживлена яркимъ румянцемъ, огненный взглядъ, въ которомъ выражалась непреклонная сила воли, придавалъ какую-то особенную, чарующую прелесть ея чуднымъ глазамъ. Невольно я опустился на колѣна и палъ къ ея стопамъ. Въ безмолвіи, въ упоеніи наслаждался я дивною ея красотой, впивался взглядомъ въ ея правильныя, тонкія черты. Она наклонилась, напечатлѣла на челѣ моемъ жгучій поцѣлуй и приподняла меня. Я бросился къ ней, обнялъ и продолжительный поцѣлуй въ уста

скрѣпилъ наши чувства навсегда. Вѣчно памятный день! Съ нимъ взошла новая заря моей жизни, предстала будущность, полная счастія и любви.

Два часа просидѣли мы въ Саксонской гостинницѣ и переговорили обо всемъ. Не обошлось безъ борьбы въ великодушіи. Наима рѣшилась оставить сестру и слѣдовать всюду за мною, прервать всѣ связи съ семействомъ и отдать мнѣ все, что было дорого ея сердцу, съ однимъ условіемъ, чтобы между нами никогда не былъ возбуждаемъ религіозный вопросъ,—какъ ни старался я убѣдить ее, что съ соблюденіемъ послѣдняго условія, я не считалъ-бы себя вправѣ воспользоваться ея рѣшимостью и не могъ-бы взамѣнъ громадныхъ жертвъ, ею приносимыхъ, дать ей моего имени.

Насъ благословитъ Богъ, отвѣтила Наима; одинъ Богъ на небесахъ, и предъ Нимъ я буду твоею женою, а ты моимъ мужемъ; даю Ему обѣтъ вѣчно любить тебя и принадлежать тебѣ; въ твоей любви не сомнѣваюсь.

Кто-бы устоялъ противъ этого искренняго, высокаго проявленія чувства? Я впрочемъ не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью и далъ также обѣтъ осуществить завѣтную мою мечту не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Время, обстоятельства, думалъ я, поколеблютъ непреклонность Наимы въ религіозномъ отношеніи, и дадутъ мнѣ возможность назвать ее по праву моей супругой.

Меня затруднялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о Леи. Я очень любилъ и уважалъ сестру Наимы, она всегда была благосклонно ко мнѣ расположена, и мнѣ казалось неделикатнымъ, недостойнымъ да и не возможнымъ скрыть отъ нея наше рѣшеніе.

— Не безпокойся, сказала Наима, я переговорила съ Леей. Она сначала употребила все свое краснорѣчіе и всю свою привязанность, чтобы отговорить меня отъ свиданія съ тобою здѣсь, и удержать отъ принятаго рѣшенія; но когда увидѣла, что я непреклонна, объявила, что препятствовать мнѣ не будетъ, пожелавъ счастья, въ которомъ впрочемъ убѣждена, зная твой благородный характеръ; обѣщала даже скрыть до поры до времени мое отсутствіе изъ ея дома отъ отца и тетушки.

Послѣ этого всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и на другой день сговорились мы собраться въ Саксонской гостинницѣ утромъ, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру уѣхать изъ Дрездена въ Италію.

Весь день провелъ я въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, наскоро уложилъ необходимыя въ путешествіи вещи, остальныя сложилъ въ сундукъ и отправилъ на храненіе содержателю Саксонской гостинницы. Ночь провелъ безъ сна: избытокъ счастья, близкое осуществленіе несбыточныхъ надеждъ волновали меня. Къ этому прибавилось безпокойство, какъ объяснить матери моей мои отношенія къ Наимѣ, какъ склонить ее на согласіе благословить со временемъ бракъ нашъ и принять въ домъ мою жену. Затрудненія эти устранялись любящимъ сердцемъ: мнѣ казалось, какой то тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что когда увидятъ мою Наиму, когда узнають ее—препятствія исчезнутъ сами собою.

Во вторникъ утромъ я простился съ З., сказавъ ему, что уѣзжаю съ однимъ знакомымъ французомъ въ Парижъ; мы разстались довольно холодно: его самолюбіе не могло извинить моихъ правильныхъ толкованій смысла французской рѣчи и указаній на его ошибки въ русской орфографіи. Разсчитавшись съ содержателемъ »Золотаго Оленя« и слугой, я убѣдился, что у меня оставалась еще довольно значительная сумма для путешествія вдвоемъ.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ съ Наимой въ Саксонской гостинницѣ, мы занимались составленіемъ нашего маршрута. Пришла Лея. Ея появленіе привело меня въ смущеніе. Но вскорѣ ласковый тонъ этой превосходной женщины успокоилъ меня.

Я пришла не для того, сказала она, чтобы нарушать ваше спокойствіе и препятствовать вашему счастію, въ этомъ отношеніи я покаряюсь волѣ Провидѣнія, хотя и сдѣлала все, что зависѣло отъ меня, чтобы удержать Наиму; но привязанность ея къ вамъ сильнѣе всѣхъ родственныхъ чувствъ. Будьте счастливы надолго и на столько, сколько можетъ этого желать любящее сердце сестры! Pierre, вы позволяете назвать васъ моимъ братомъ?

Я осыпалъ руки Леи горячими поцѣлуями, увѣрялъ ее въ искренней, постоянной къ ней привязанности, которая въ настоящее время еще болѣе скрѣпляется драгоцѣнными залогами любви и дружбы и отвѣтилъ, что считаю себя счастливымъ возможностью назвать ее моею сестрою. Потомъ Лея объявила намъ, что велѣла перенесть въ нашъ

номеръ всѣ свои вещи вмѣстѣ съ вещами Наимы, чтобы не безпокоить вечернимъ отъѣздомъ своихъ дрезденскихъ редственниковъ, и взяла мѣсто до Праги въ дилижансѣ, отходящемъ въ 9 часовъ вечера, а оттуда располагаетъ ѣхать на Линцъ и Клагенфуртъ до Тріеста, а изъ Тріеста на пароходѣ въ Марсель, изъ Марселя моремъ въ Малагу.

Мы ей сообщили наши предположенія. Въ десятомъ часу вечера располагали уѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, оттуда въ дилижансѣ чрезъ Альтенбургъ, Байрейтъ, Нюренбергъ и Регенбургъ до Мюнхена, а изъ Мюнхена чрезъ Инспрукъ и Верону въ Венецію.

Лея и Наима пошли проститься съ своими дрезденскими родственниками; онѣ возвратились въ три часа, къ заказанному мною и сервированному въ номерѣ обѣду. Въ началѣ обѣдъ былъ очень оживленъ, къ концу намъ всѣмъ взгрустнулось.

Послѣ обѣда Лея взяла меня въ сторону и спросила, имѣю ли достаточныя средства для путешествія. На утвердительный мой отвѣтъ, она сказала, что уѣзжая изъ Берлина надолго, просила отца выдать Наимѣ капиталъ, который слѣдовалъ ей отъ матери, въ виду возможности устроить будущность Наимы въ Испаніи, и передала мнѣ, съ паспортомъ сестры, вексель на Ротшильдовъ въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ.

Возьмите это, прибавила она, на всякій случай. Въ векселѣ заключается четвертая часть имущества Наимы, тетушка назначаетъ ей столько-же, а по распоряженію отца ей достанется еще сто тысячъ. Довѣріе Леи тронуло меня до глубины души. Я спряталъ паспортъ и передалъ Наимѣ вексель.

Въ восемъ часовъ мы простились съ Леею; разставанье было трогательное: всѣ плакали,

Не прощаюсь съ вами, повторяла Лея, а говорю: до свиданія! Пріѣзжайте ко мнѣ на мою виллу въ Гренадѣ, осенью.

Въ десять часовъ мы мчались скорымъ поѣздомъ, въ отдѣльномъ купе, по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

II.

Харитонъ Моссаковскій не выждалъ и »сорочинъ по батькови« Справивъ *девятины*, онъ пріодѣлся, подбрился, надѣлъ новые, правда простые сапоги, подстригъ не много курчавые свои волосы, запрегъ плохенкую лошаденку и поѣхалъ въ Чайки къ Онисѣ Прокоповичевнѣ...

На той-же недѣлѣ былъ въ Богуславѣ ярмарокъ. На ярмаркѣ были отецъ и мать Прокоповичи. Здѣсь встрѣтили они сосѣдей и сосѣди, какъ по писанному, разсказали имъ всю »гарбузовую« исторію, какую продѣлала дочь ихъ съ академистомъ Балабухою.

Прокоповичи пріѣхавъ домой, накинулись на Онисю »мокрымъ рядномъ«.

— Гарбузуй, гарбузуй, дочко! вычитывала мать. Догарбузуешься скоро, що зовсимъ одкинутця одъ тебе женыхи.

— Не бійтесь, мамо, не одкинутця! Мене ще нихто рябымъ конемъ не объихавъ. А хотьбы й объйхавъ, то я того не боюсь. А вашого Балабухи таки не люблю: бо винъ гопоровитый, дивиться на мене згорда, та верзе щось таке, що я й не розберу:

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., янв. кн., стр. 83—110.—На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1876 г. о малорусскомъ правописаніи, въ малорусскомъ текстѣ этой повѣсти и другихъ статей, вм. буквы *і*, употреблявшейся нами при переходѣ въ этотъ мягкій звукъ *ѣ*, равно *о*, *е* и *у*, мы будемъ ставить всегда *и*, отличая эту букву надстрочнымъ знакомъ *й* лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для устраненія сбивчивости произношенія и смѣшенія понятій, напр. *йду* (ѣду), а не иду, *ймъ* (ѣмъ), а не *имъ* и проч.—Ред.

кви-кви-кви! кувикае по якомусь, нечистый ёго зна, по якому! Незнаешъ, чи винъ тебе хвалить, чи зъ тебе сміется!

Только что кончила Онися, какъ на дворѣ залаяли собаки. Въ сѣняхъ кто-то спрашивалъ у наймички: чи батюшка й матушка дома? А панна дома?

Въ свѣтлицѣ скрипнули двери: то входилъ Харитонъ Моссаковскій.

Харитонъ принарядился, причесался. На немъ былъ длинный, до верху застегнутый сюртукъ темносиняго сукна, съ роговыми пуговицами; этимъ исчерпывался весь его костюмъ, и только широкій воротъ чисто вымитой рубахи, привольно покрывавшій сюртучный воротникъ, да ярко красная шелковая застежка пріятно оттѣняли симпатичное лице Харитона. Тогдашній дьячекъ нашъ еще не успѣлъ выродиться въ ту типичную церковную фигуру, въ длиннополомъ кафтанѣ и съ косичкой назади, какая давно уже красовалась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и казалъ изъ себя мѣщанина средней руки или шляхтича низшаго разряда. Ровно подстриженные русые волосы Харитона густыми кудрями вились вокругъ его шеи. Высокій, стройный, съ легкимъ станомъ, зъ бѣлымъ матовымъ лицемъ, съ свѣтлосиними глазами, Моссаковскій представлялъ изъ себя изящную, неопредѣленнаго типа, фигуру блондина, и только загорѣлыя, широкія руки его, огрубѣвшія въ тяжелой работѣ, выдавали его невысокое соціальное положеніе. Не большіе усы, ровныя, темныя брови очень шли къ его свѣтлосинимъ очамъ и довершали общую пріятность его лица.

Не смотря на свое скромное положеніе дьячка, Моссаковскій не пошелъ предварительно въ кухню, но прямо вошелъ въ свѣтлицу: въ тѣ поры не было еще такой разни между священниками и дьячками, какая установилась впослѣдствіи, и дьячки не выстаивали еще по цѣлымъ часамъ въ кухнѣ или на крыльцѣ, въ ожиданіи, пока доложатъ батюшкѣ объ ихъ приходѣ.

Старикъ Прокоповичъ поспѣшилъ къ гостю изъ »кимнаты« гдѣ шла семейная бесѣда. Мать и дочь стояли за дверями и прислушиваясь къ начинавшемуся въ свѣтлицѣ разговору, въ свою очередь перекидываясь словами.

— Це прыйхавъ дякъ зъ Карапишивъ, Мосаковскій, сынъ покойного священника вильшаницького, — чуть слышно проговорила

къ своей дочери мать и, настроенная раньше на тонъ укора, прибавила: ïздили до тебе академисты, а теперъ почали вже дяки.

— Дяки дурнисинько будуть ïздити. И вже я дячихою та не буду,—еще тише отозвалась Онися.

Но любопытство взяло свое. Между дверью и верхней притолкой была значительная щель, во всю ширину двери. Онися приставила стулъ, стала на немъ и принялась глядѣть въ щелку на гостя. Мать кивала ей пальцемъ, грозила кулакомъ, что-то грозно шептала, дергала Онисю за одежу, а Онися стояла и внимательно разсматривала Харитона. Наглядѣвшись вдоволь, она тихонько, какъ кошка, сполза со стула.

— А що-жъ? якій? Чи молодый, чи старый? не удержалась Прокоповичка, чтобъ не спросить у дочери.

— Молодый, білявый, высокій, тонкій и говорить дуже несмиливо та тихо,—шептала Онися матери надъ ухомъ: але черта-зъ-два! За дяка не пиду. Въ насъ високи пороги для дякивъ.

Вскорѣ Прокоповичь выглянулъ изъ свѣтлицы и шепнулъ женѣ подать водки и закуски, а Онисѣ сказалъ, чтобы она сама вынесла все это въ свѣтлицу.

— А вже-жъ! Чого я до ёго выйду? Не бачила зроду дякивъ. Нехай ïде де инде! сказала Онися.

— Та его вильшаницька громада обибрала на свою парахвію за сьвященика. Оце думають ïхати въ Кыивъ до владыки зъ прошеніемъ. Ты лишъ, дочко, не дуже кирпу задирай, та мерщій выходь до гостя.

— Хиба такъ! якъ буде священикомъ, та ще й въ Вильшаныци, то може й выйду, сказала Онися.

— Прибирайся, дочко, та йди! Въ Вильшаници церковного поля, левадъ, синокосивъ конемъ не объихати за цилый день. Парахвія велика!

— Потривай-же лишень, мамо, роздивлюсь на жениха. Не вамъ йти за ёго замижъ, а мени,—сказала Онися.

Немного погодя, Онися вышла разомъ съ матерью. Моссаковскій низко поклонился и покраснѣлъ, какъ макъ. Онъ давно уже не видѣлъ Ониси и теперь она показалась ему въ десять разъ милѣе, чѣмъ даже въ ту пору, когда она въ первый разъ поразила его своею красотою.

Всѣ усѣлись. Моссаковскій, положивъ руки на колѣни, сидѣлъ неподвижно, точно татарскій божокъ, опустивъ глаза внизъ. Онъ не рѣшался взглянуть даже на Онисю. Онися окинула его быстрымъ взглядомъ и онъ съ перваго-же глаза показался ей гораздо красивѣе Балабухи.

— Чи винъ смирный, чи тилько вдае зъ себе тихого, думала Онися, пристально глядя на его лице, брови, усы, губы.

Для завязки разговора, хозяинъ выпилъ рюмку »до гостя«, приподнесъ и ему. Гость выпилъ полъ-рюмки, робко поставилъ на столъ и не закусывая, снова усѣлся на стулъ, опустивъ глаза внизъ и положивъ обѣ руки на колѣни; при этомъ онъ протянулъ пальцы во всю ихъ длину, что означало уже нѣкоторую степень развязности и то, что гость входилъ такъ сказать нѣсколько въ себя и какъ-бы набирался духу. Прокоповичъ завелъ рѣчь о покойномъ отцѣ гостя, припомнилъ, гдѣ вмѣстѣ они встрѣчались, о чемъ говорчли и еще кое-что въ томъ-же родѣ,—гость едва поднималъ свои тихія очи, едва вставлялъ слово въ рѣчь хозяина.

Разговоръ прервался, настала тишина. Прокоповичка сожалѣла о Балабухѣ и видимо отбывала, какъ панщину, молчаливое сидѣнье на канапкѣ.

— Чи вы пакъ були коли въ нашій церкви?—неожиданно прервалъ томительное молчаніе Прокоповичъ. Чи бачили наши нови образы?

— Дай, старый, покій зъ образами! прервала его матушка. Не встигли выпити по чарци...

— А, то-бъ то по другій? Добре, що нагадала. То мы й по другій.

И онъ проворно потянулся къ фляшкѣ, выпилъ вновь до дна и поднесъ гостю, но тотъ едва губы обмокнулъ. Прокоповичъ не упрашивалъ; онъ радъ былъ чѣмъ нибудь расшевелить молчаливаго гостя, а еще болѣе тому, что есть предъ кѣмъ похвалиться своими заботами о церкви, и поспѣшилъ увлечь Харитона въ церковь. Тутъ онъ показалъ ему всѣ новые образа, даже Неопалимую купину въ алтарѣ: послѣдняя картина представляла огромный кустъ дикой розы, или терновника; кустъ весь объятъ былъ пламенемъ, а около него стоялъ Мойсей на одной ногѣ, обутой въ сапогъ, другую-же, босую, онъ протянулъ къ купинѣ и точно пригрѣвалъ ее около огня; въ рукахъ у него торчалъ большой мужичій сапогъ съ длин-

нымъ голенищемъ, а поверхъ купины виднѣлись Рось и церковь м. Богуслава.

— Ой дивни-жъ ваши образы! Господи, яка краса!—непритворно отзывался Харитонъ и набожно крестился передъ каждымъ новымъ образомъ.—Якъ стану на парахвіи, то покличу того самого маляра, щобъ и мени намалювавъ и купину, и пекло, и того пророка, що на коняхъ огнястихъ.

— Колибъ вы знали, яки тамъ апостолы въ бани! якій тамъ Андрей Первозванный! я вамъ скажу, такого и въ Лаври нема. Шкода, що дуже высоко. Якъ-бы драбина, то можна-бъ полизты, та близько придивитись,—хвалился старый Прокоповичъ, оглядываясь по сторонамъ и ища глазами, нѣтъ-ли гдѣ драбины.

Харитонъ немного встревожился: у него кружилась голова, когда ему приходилось подниматься на какую нибудь высоту, напр. на стогъ сѣна, или скирду хлѣба, а тутъ отказаться было-бы неловко, такъ какъ въ силу жениховскаго своего положенія онъ долженъ былъ казать изъ себя молодца; ему нужно было притомъ подлаживаться подъ вкусъ отца невѣсты, чтобы заслужить его расположеніе.

— Гляньте, якій огонь въ пекли. Ну, таки горить, горить, неначе чорты дровъ пидкидають! продолжалъ Прокоповичъ.

— Ой Господи! якъ горить, горить! зовсимъ горить, вторилъ Моссаковскій и перекрестился предъ изображеніемъ ада.

— А якихъ чортивъ повыдумувавъ капосный маляръ! Вы, пане дяче, тильки придивиться: отой, що пре въ пекло нагайкою блудницъ въ червоныхъ намистахъ, вгадайте, на кого похожый?

— Не вгадаю. Неначе на богуславського станового,—не рѣшительно промолвилъ Моссаковскій и—покраснѣлъ.

— Та це-жъ винъ самый! Це й нисъ его, неначе бульбашка, и очи вытришкувати, тильки маляръ поставивъ ёму на голови роги, та причепивъ ззаду куцого хвоста.

— А отой, що лупить киемъ шинкаривъ, не вгадаете, на кого похожый? сказалъ Прокоповичь.

— Цёго вже не вгадаю, отвѣчалъ Моссаковскій, хотя и догадывался, на кого мѣтилъ Прокоповичь.

— Не вже не вгадаете? Це-жъ нашъ письмоводитель духовного правленія. Якось я проговорився передъ маляромъ: намалюй, кажу ты отого хаптурника въ пекли, на самому дни, пидъ Іудою, щобъ

винъ знавъ, яка ему буде на тимъ свити честь. Коли дивлюсь, а винъ его й перерядывъ на чорта, та ще й кія ему въ руку давъ. Гляньте, якъ працюе, бидораха.

— Дивно, дивно,—повторялъ, какъ заученное, Моссаковскій.

Прокоповичъ былъ вполнѣ доволенъ, что нашелъ добраго цѣнителя художествъ, въ которыхъ посторонняя кисть воплотила не только занимавшія его, но такъ сказать личныя его идеи; но, выйдя изъ церкви, онъ вспомнилъ, что не все еще показалъ своему гостю и, взявъ за руку Моссаковскаго и отведя его отъ церкви подъ ограду, ткнулъ пальцемъ на церковные купола.

— А придивиться лишень, заговорилъ онъ, до нашихъ банъ? Що тамъ намалёвано! Ото-жъ маете тамъ дванадцять пророкивъ малихъ и чотыри велыкихъ. Тильки шкода, що нема драбины! Отъ якъ бы вы вылизли хочъ за опасаня та придивились, якъ винъ намалювавъ тихъ пророкивъ! Дивно, дивно!

Прокоповичъ оглянулся вокругъ, ища лѣстницы. У Моссаковского задрожали ноги. Тяжелая лѣстница лежала въ травѣ тутъ же въ оградѣ. А что если старикъ вздумаетъ приставить лѣстницу и заставитъ лѣзть »до опасаня«, а пожалуй и за опасаня!—промелькнула мысль въ головѣ Моссаковскаго.

Прокоповичь дѣйствительно бросился къ лѣстницѣ и сталъ поднимать ее, но онъ былъ старъ, и малъ, и слабъ, и какъ ни силился, долженъ былъ бросить лѣстницу въ траву.

Моссаковскій не только не рѣшился помочь ему, но старался отклонить его отъ безпокоившаго его самого намѣренія.

— Не пиднимайте, говорилъ онъ, бо пидвередитесь. Та сказать правду, я трохи боюсь лазити высоко, совсѣмъ уже откровенно признался Моссаковскій.

— Оце! Такій-же зъ васъ парубокъ. Моя Онися лазила выще опасаня; а якъ була малою, то зъ хлопцями, було, по латахъ лазыть въ клуни горобцивъ выдирать, якъ та кишка, було, лизе, ажъ спидничина на ій гойдаеться,—неожиданно для гостя закончилъ говорливый старикъ и повелъ Моссаковскаго »до покою«. Тамъ ихъ ждали уже давно. Мать не спускала очей зъ Ониси: она боялась, чтобъ та опять и новому жениху не положила въ возъ »гарбуза«.

— А що, дочко, якъ тоби показався цей дякъ? спросила мать.

— Винъ кращій одъ Балабухи, и такій тихій, спокійный. Я люблю тихихъ та добрихъ людей, сказала Онися.

— И вже й ты! Балабуха чоловикъ здоровый, сильный, ще й до того вченый. А це якійсь простакъ, сказано: дякъ.

— Я тихъ вченыхъ не дуже люблю, бо я й сама проста. Балабуха ще присилувавъ-бы мене говорити полатынськи, а я й по московськи не вмію.

Онися наклонилась къ окну и взглянула по направленію къ саду, а тамъ по тропинкѣ рядомъ съ отцомъ шелъ Моссаковскій. Высокій, тонкій, стройный, онъ показался ей сквозь стекло еще краше и милѣе.

— Дивиться, мамо, чимъ-же винъ поганый? Очи сыни, якъ небо, брови тонки.....

— Уже й брови! знайшла красу. Та винъ зовсимъ безъ бривъ, сказала мать: отъ у твого батька, такъ правда, що брови,—прибавила она, глядя издали на взбитыя и крючковатыя брови стараго своего мужа.

— Тикайте, мамо, бо насъ видно знадвору, сказала Онися, отступая отъ окна, но не переводя съ него глазъ.

— Тикай бо дочко, бо винъ близько вже,—вглядить, сказала мать, отклоняя плечи, но не лице.

Прокоповичь вошелъ зъ гостемъ въ свѣтлицу. Снова стали наливать и выпивать по чаркѣ. Моссаковскій сидѣлъ неподвижно, положивъ руки на колѣни и едва осмѣливался приподнять рѣсницы и вскинуть глазами на Онисю. Та въ свою очередь почувствовала, что ее оставила природная ея смѣлость. Она сидѣла молча и сама опустила глаза къ низу. Другихъ жениховъ она сама затрогивала въ разговорѣ, говорила съ ними смѣло, игриво шутила, даже подшучивала надъ ними; теперь она чувствовала, что не можетъ слова произнесть.

— Що це зо мною? думала Онися: чи вже-жъ оце я злякалась оцёго дяка?

Старый Прокоповичь, выпивъ чарокъ съ десять, началъ затягивать »на гласы«. Моссаковскій сидѣлъ молча, не смѣя рта раскрыть, голосомъ повести. Онъ посидѣлъ, помолчалъ и предъ вечеромъ попрощался и домой поѣхалъ.

— Чи прыйде, чи не прыйде вдруге? проговорила сама къ себѣ Прокоповичка.

Онися развела руки, поставила указательные пальцы другъ противъ друга; зажмуривши глаза, повертѣла пальцами въ воздухѣ и разведя ихъ далеко, стала быстро сводить, загадавъ притомъ: чи прыйде, чи не прыйде? Пальцы сошлись ногтями. Прыйде! крикнула она и подскочила.

— Побачимо, сказала мать: ïздили до тебе академисты, а теперъ почали ïздити дяки.

Пошли дни за днями. Онися чувствовала, что она ждетъ Моссаковскаго, что онъ не выходитъ у нея изъ ума. Прошло дней шесть; настала суббота. Онися принялась сама подмазывать да прибирать въ »покояхъ«, вытерла жолтымъ пескомъ полъ, помыла окна, повытирала образа, повѣшала на образа самые лучшіе шитыя полотенца; на окнахъ поставила стклянки съ цвѣтами. Настала воскресный день. Онися встала чуть свѣтъ, нарядилась въ новую плахту, старательно причесалась, надѣла на голову всѣ ленты и цвѣты и пошла въ церковь. Ей почему то, казалось, что Моссаковскій пріѣдетъ въ церковь, что она тамъ его увидитъ...

Обѣдня отошла, а Мосаковскій не пріѣхалъ: Онися пасмурная пошла домой.

Сѣли обѣдать; она ѣла какъ-бы не ѣла, а послѣ обѣда ушла въ садъ. Гуляя по горѣ, Онися все посматривала на синій лѣсъ, на поля за лѣсомъ, густо покрытыя копнами, на дорогу изъ села Карапишей, что черной змѣйкой извивалась среди полей...

— Чого це я ёго жду? Не вже я люблю ёго? думала Онися, ходя по саду. Ея руки, помимо ея воли, протягивались къ цвѣтамъ, и она срывала найлучшіе изъ нихъ и закладывала за ленты на головѣ, за складки косъ. Долго ходила она по саду, пока солнце не ударило косымъ пламенемъ по горѣ и не пронизало на сквозь садокъ, раскинутый по крутымъ бокамъ горы. Онися прислушивалась, не застучитъ-ли возъ за Росью, около парома, либо въ дворѣ. А на дворѣ было тихо, тихо и душно. Онися вернулась въ »покои«, сѣла на канапѣ и смутно склонила голову.

— Оце, нема съ кимъ по чарци выпить,—сказалъ старикъ отецъ: колибъ прыйхавъ хочъ карапишанській дякъ.

Онися вспыхнула. Блѣдныя щеки ея покрылись румянцемъ. Не успѣлъ отецъ произнести эти слова, какъ на дворѣ послышался легкій стукъ богуславскаго возка, залаяли собаки.

— Отже Богъ гостей несе! сказалъ Прокоповичъ, выглянувъ въ окно.

Онися встревожилась. У нея задрожали ноги и она не имѣла силъ, чтобы вскочить, какъ прежде, подлетѣть къ окну и посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

— Онисю! ставай колупати пичъ! [1]) прийхавъ Мосаковскій та ще й зъ братомъ, певне зъ сватомъ, отозвался отецъ.

Онися испугалась и поблѣднѣла, какъ мѣлъ. Она вся затряслась, застыла и стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Но когда раздался скрипъ дверей, на нее напалъ такой страхъ, что она кинулась бѣгомъ въ спальню, а оттуда въ садъ.

— Боже мій! чого це я такъ злякалась? Я не боялась академиста, а злякалась цёго молодого хлопця,—думала Онися, пробуя возвратить свою природную смѣлость. Но смѣлость не приходила къ ней.

Онися стояла надъ горою, вперила свой взоръ, свои испуганныя, горящія глаза въ зеленѣвшую подъ нею бездну, въ зеленое марево, разлитое надъ старыми деревьями сада, глядѣла и ничего не видѣла. Зеленый свѣтъ дрожалъ въ ея очахъ, переливался, какъ вода въ Роси, сновалъ, какъ густая зеленая мошка роями. Онися стояла, ничего не сознавая. Солнце кинуло горячій свѣтъ подъ яблоню, близь нея стоявшую. Свѣтъ упалъ на щеку Ониси, облилъ ея лице яркимъ пламенемъ, а она ничего не чувствовала и все глядѣла въ зеленую бездну, будто въ рѣку глубокую.

— Онисю! Онисю! де це ты счезла? крикнула мать, выходя изъ за яблони. Чого це ты стоишъ, якъ стовпъ? Ходи лишень до гостей. Вони не до мене, а до тебе прыйхали.

Онися точно проснулася. Она тихо пошла въ хату за матерью, какъ малое дитя.

— Оце гарно! Глузувала зъ академыстивъ, а одъ цёго жениха втикаешъ у садокъ. Великій страхъ! Не бачила зроду женыхивъ. Онъ уже ихъ перекипулась цила метка. Йди та кажи имъ, що хочешъ.

---

[1]) Ковыряютъ лучинкой печь крестьянскія дѣвушки-невѣсты, чтобы этимъ занятіемъ прикрыть неловкость своего положенія при собственномъ сговорѣ.

Онися вошла въ свѣтлицу, сложивъ руки, какъ праведница. У нея въ рукахъ былъ шитый платочекъ. Она подвела глаза, примѣтила священника и поцѣловала его въ руку, но не успѣла повернуться, какъ Моссаковскій наклонился и поцѣловалъ ее въ руку. Она ощутила прикосновеніе къ ея рукѣ полныхъ, мягкихъ, горячихъ губъ и покраснѣла, какъ маковка.

Онися отошла и сѣла на стулѣ. Она едва приподняла глаза на Моссаковскаго и разглядѣла его тихія, свѣтлосинія очи, матовобѣлое лице, на которомъ вспыхнулъ чрезвычайно нѣжный румянецъ. Свѣтлыя кудри блестѣли, насквозь пронизываемыя золотистымъ лучемъ солнца, проходившимъ чрезъ окно, у котораго сидѣлъ Моссаковскій. Онъ не сводилъ глазъ съ Ониси. Она ощущала на своемъ лицѣ его ласкающій взоръ, не знала, что дѣлать и начала щипать цвѣточки, вышитые на платкѣ. Красныя и синія нитки сыпались съ платка на ея красную запаску.

— Не скуби, дочко, хустки, бо грихъ! Сёгодня недиля,—сказала мать, слегка тронувъ дочь пальцами по рукѣ.

Онися съ трудомъ прервала это нервное невольное дерганье, но чрезъ минуту снова посыпались съ неповиннаго платочка красныя и синія нитки.

Хозяинъ разговаривалъ о семъ—о томъ съ пріѣзжимъ священникомъ. Матушка надулась и сидѣла молча: ей не хотѣлось отдавать дочку за дьячка. Но вотъ сватъ, братъ жениха, повелъ рѣчь о приближающихся »сороковинахъ« по ихъ отцѣ и закинулъ о томъ, что вотъ-де громада ольшаницкая, послѣ похоронъ старика, избрала »на парафію« Харитона. Лице матушки при этихъ словахъ прояснилось; она навострила уши, замѣтно повеселѣла, весело заговорила, стала привѣтливѣе и послала Онисю принести наилучшей наливки. Гости примѣтили, что хозяйка стала добрѣе и сами какъ-то разшевелились. Харитонъ весело поднялъ глаза и ввернулъ нѣсколько словъ въ общій разговоръ, но лично Онисѣ онъ не осмѣлился промолвить и слова и только любовно глядѣлъ то на ея брови, маленькія алыя губки, то на красную запаску.

— Якъ Богъ поможе, сказалъ сватъ, то мы оце вырядимо Харитона до Кыива. Громада вже налагодилась посылати до владыки прошение, щобъ Харитонъ зоставсь священникомъ на батькивськiй парафiи. Якъ тильки владыка поблагословить, то мы заразъ, спра-

вивши по батькови сорочины, оженимо нашого Харитона, та й уберемо ёго въ рясу.

— Отъ и добре! Слава Богу! отозвался Прокоповичъ: будемо близькими сусидами.

— Та намъ хотилось-бы бути не тильки вашими блызькими сусидами, а навить ще блызчими людьми: мы хочемо поридныгись зъ вами, сказалъ сватъ: у васъ дочка на выданни, а въ насъ, бачите, женихъ.

Блѣдное лице Ониси вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Она покраснѣла и опустила глаза внизъ. Руки замерли на платочкѣ, красныя и голубыя нитки перестали летѣть на запаску. Харитонъ и самъ покраснѣлъ, какъ барышня, и не зналъ, куда дѣвать руки.

— Якъ же вы думаете, отець Степанъ? спросилъ сватъ.

— Я зъ дорогою душею, але треба спитати и матери, и дочки, сказалъ Прокоповичь, посматривая на мать и дочь. Що ты, паниматко, скажешъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Я.... якъ дочка скаже, то такъ и я, едва отозвалась Прокоповичка съ неохотою: ей очень, очень жаль было Балабухи, но она была увѣрена, что тотъ больше не пріѣдетъ.

Доходило до Ониси. Она едва удержалась на стулѣ. Ей хотѣлось схватиться съ мѣста и уйти въ садъ.

— Якъ же ты скажешъ, дочко? заботливо спросилъ у дочери отецъ.

— Я згожуюсь, съ усиліемъ проговорила Онися, не поднимая глазъ.

— Коли такъ, закончилъ отецъ, то по людському звычаю, заминяемо святый хлибъ, а потимъ трохи межъ собою помиркуемо.

Онися по нѣсколькимъ оброненнымъ Харитономъ въ два посѣщенія словамъ не могла, конечно, составить объ немъ вѣрнаго понятія, но своимъ женскимъ чувствомъ отгадывала, что онъ подойдетъ къ ея энергичному и сильному темпераменту и что она будетъ настоящею хозяйкою въ своемъ домѣ. Помимо того Харитонъ очень понравился ей своимъ деликатнымъ лицемъ и свѣтлосиними очами.

Пока сыновья Моссаковскаго справляли »сорочины« по своемъ покойномъ отцѣ, пока состоялось формальное обрученіе Харитона

съ Онисею, пока ольшаницкая громада собралась отправить церковнаго старосту въ Кіевъ съ прошеніемъ къ владыкѣ отъ лица всего прихода, прошло не мало времени. А тѣмъ временемъ Балабуха не сидѣлъ, сложа руки.

— Треба женитись! доки ёго байдыки бити! разсуждалъ Балабуха, ходя у себя по саду. Не схотила Онися, знайду кращу, десять такихъ знайду, а въ осени таки оженюсь. Треба шукати та пытати дивчины.

Нечаянно какъ-то Балабуха взглянулъ на прилегавшій къ саду огородъ и увидѣлъ на немъ широкіе листья »гарбуза«. Одинъ видъ этой огородной овощи вызвалъ въ немъ такую злость, что онъ трижды проклялъ Онисю и не могъ больше не только ѣсть »гарбуза«, но даже глядѣть на него.

— Тату! дайте коней. Поиду ще въ Хохитву. Тамъ панны не прости, вбираются въ сукни по паньськи. Цуръ имъ тимъ плахтамъ та запаскамъ! Попробую ще на сукняхъ...

— Про мене, спробуй ще и суконь, отвѣтилъ отецъ. Тильки ти хохитвятьски сукни, може не для тебе, академисте, шыти. Панны тіи, кажуть, горди, кепкують поповичами, бо сами зъ панивъ, мають крепакивъ, мають багато поля. Але, якъ каже ляхъ, купить не купить, а спробувать можна.—Ци вже, принаймни, не причеплять гарбуза пидъ возомъ, прибавилъ, смѣясь, отецъ Степанъ.

— Не причеплять, то такъ ласкою та штуками якимись выпроводять съ хаты, отозвалась мать. Одначе въ Терлецького чотыри панны на выданни: може котру й отдадуть. Тильки, сыну, якъ будешь туды збираться, то попереду сядь та добре наижься, бо тамъ прыймають по шляхецьки: пундыками та лестными словами.

Не вдругъ собрался академистъ »на розглядины« къ священнику-помѣщику Терлецкому, а когда собрался, въ точности исполнилъ совѣтъ матери, и даже »погоничъ«, когда узналъ, куда собрался ѣхать паничь, захватилъ съ собой въ торбу хлѣба и сала. Такъ съ запасомъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ ранняго обѣда, отправился Балабуха въ Хохотву »на разглядины«.

Хохотва—это небольшое сельце въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка Богуслава. Раскинуто оно по правому берегу Роси, между рядами невысокихъ холмовъ. Отсюда дивный видъ на за-рѣчье. Надъ водою отвѣспая, высокая каменная стѣна, вдоль и поперекъ

изрѣзанная разсѣлинами и щелями, изъ которыхъ выглядывали пучки травы и желтыхъ цвѣтовъ; кой-гдѣ, точно канделябры, развѣшанные по стѣнѣ, свѣшивались небольшіе кусты терновника, дикой розы, плюща, красной смородины. Ихъ нѣжная зелень смягчала угрюмый сѣрый фонъ сплошной скалы. Внизу, у подножія стѣны, зеленѣли лозы и тростникъ. Середь Роси, точно распластанное чудище, лежалъ небольшой островокъ изъ огромныхъ камней, въ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга. Выше, за каменною стѣною, вдоль теченія Роси, тянулся рядъ невысокихъ горъ, которыя шли одна за другою, будто дуги, поставленныя рядомъ. На горахъ зеленѣлъ густой старый лѣсъ. А тамъ далѣе, внизъ по-надъ Росью, привольно разстилались покрытыя зеленью и цвѣтами »луки«. По обѣимъ сторонамъ островка шумѣла вода, спадая по террасамъ и уносясь вдаль по каменистому руслу; чернѣла, извилисто перекинутая по камнямъ, набросанная изъ хворосту плотина, а подъ самою крутою скалою чуть замѣтно пріютилась мельница. По холмамъ, по пригоркамъ и въ узкихъ ущельяхъ разбросалась Хохотва. Домъ священника Терлецкаго выходилъ на улицу, а обширный садъ разстилался по-за домомъ чуть-ли не до самой Роси. Отъ дома вправо тянулся необычно длинный дворъ, по обѣ стороны котораго стояли два ряда хатъ. Въ этихъ хатахъ жили когда-то »подданные« священника Терлецкого, точнѣе его жены, которая была шляхетского роду и принесла въ приданое своему мужу именно эту небольшую часть села Хохотвы съ поселенными на ней людьми. Остальная часть села досталась ея брату, который продалъ ее одному богатому графу, а самъ умеръ. Терлецкій пригородилъ небольшой уголъ села къ своему двору, не далъ людямъ земли, отобралъ даже у нихъ огороды и хозяевъ обратилъ въ дворовыхъ работниковъ. Крестьяне не выдержали такого положенія: большинство ушли въ степи, нѣкоторые умерли, дѣвушки, съ выходомъ замужъ, перешли въ село и кончилось тѣмъ, что въ людныхъ нѣкогда хатахъ осталось лишь нѣсколько калѣкъ, которымъ не было уже никакого разсчета уходить со двора.

Балабуха въѣхалъ во дворъ. Передъ нимъ изъ-за повѣтей и хатъ выступалъ большой домъ съ высокими окнами, съ широкимъ крыльцемъ. Передъ окнами разбитъ былъ хорошій палисадникъ: клумбы засажены были не какими нибудь настурцями, помяками,

любисткомъ, но левкоями, резедой, фіялками и пр. Домъ былъ хорошій и хорошо устроенный. Повѣтки, клуня, загороды и хлѣва содержались въ порядкѣ и цѣлости; огорожа новая, во дворѣ чисто, а предъ домомъ даже подметено. Нѣкоторыя крестьянскія хаты, собственно тѣ, что поближе къ дому, кое-какъ сохранились, но тѣ, что стояли въ далекомъ углу неимовѣрно длиннаго двора, сильно подались: нѣкоторыя наклонились на бокъ, другія совсѣмъ разваливались, и сквозь прогнившую соломенную крышу свѣтились стропилы и латы, точно кости на разлагающейся и заброшенной падали.

Возокъ вкатился осторожно на дворъ. Погоничъ остановилъ лошадей чуть не у воротъ. Балабуха потихоньку всталъ съ воза и несмѣлыми шагами направился къ крыльцу. Онъ долго отряхивался и оправлялся, смахнулъ пыль съ сапогъ полою собственной шинели, вытеръ платкомъ запыленное лице, шею, пригладилъ широкою ладонью волосы на головѣ, расправилъ усы и вошелъ въ сѣни, похожія на комнату, съ двумя длинными узкими окнами по обѣ стороны дверей. Изъ сѣней вели въ комнаты трое дверей. Балабуха немного постоялъ, подумалъ, еще разъ пригладилъ волосы, поправилъ усы и наугадъ отворилъ дверь налѣво. Тамъ была кухня. Онъ замѣтилъ только, какъ, при видѣ его, цѣлая куча разнаго возраста »панночекъ« махнула чрезъ двери въ комнату такъ быстро, какъ бѣгутъ мыши при видѣ кота.

Балабуха нерѣшительно притворилъ двери, постоялъ еще въ сѣняхъ, подумалъ и тихонько отворилъ дверь направо. Тамъ была просторная свѣтлица. Балабуха вошелъ въ свѣтлицу, но въ ней было пусто и тихо; раздавался лишь дребезжащій какъ-то стукъ маятника висѣвшихъ на стѣнѣ большихъ часовъ, да гдѣ-то вдали за стѣнами слышался глухой шумъ, точно тамъ сильный огонь горѣлъ въ печи или въ котлѣ клокотала вода. Балабуха окинулъ глазомъ стѣны свѣтлицы: она скорѣе походила на панскую гостиную, чѣмъ на единственную въ домахъ тогдашнихъ священниковъ чистую комнату, передняя стѣна которой представляла изъ себя цѣльный иконостасъ. Здѣсь иконъ совсѣмъ почти было не видно и лишь въ переднемъ углу висѣлъ большой образъ ченстоховской Богородицы съ польскою подписью, да посрединѣ стѣны, въ простой рамкѣ, за стекломъ, литографированное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, съ надписью: *Ecce Homo!* Вмѣсто разшитаго »ру-

шника‹ на большомъ образѣ была устроена занавѣска изъ бѣлой кисеи, но ни васильковъ, ни другихъ цвѣтовъ за образами тутъ уже не было. Остальное пространство стѣнъ ничѣмъ почти не было занято; только у порога Балабуха замѣтилъ *кунштъ* какого-то крылатагокупидона, красными лентами привязаннаго къ дереву, да у печки—Геркулеса, поражавшаго дракона. Въ простѣнкѣ между иконъ, надъ небольшимъ раздвижнымъ столомъ, висѣло узкое и длинное зеркало, въ которомъ стекло было меньше верхней части, шпалерами выклеенной, деревянной рамы и напоминало собою малого хлопца въ высокой батьковской шапкѣ. Вдоль стѣнъ чинно стояли стулья съ овальными вогнутыми спинками и не особой мягкости подушками, покрытыми пестрымъ ситцемъ, а у правой стѣны между ними гордо выступала массивная, съ огромной спиной, канапа; спинки стульевъ и канапы были форнированы корнемъ осокора. На окнахъ стояли горшки мушкатки и герани.

Балабуха посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ на шеѣ толсто повязанный шелковый платокъ, съѣхавшій немного на бокъ, еще разъ пригладилъ волосы и усѣлся на стулѣ, разставивъ ноги, точно ѣхалъ верхомъ.

Тихонько отворились двери изъ сосѣдней комнаты. Балабуха поднялся со стула и хотѣлъ уже рекомендоваться, склонивъ на бокъ голову; но изъ дверей вышла простая дѣвка, низкаго росту и съ двумя горбами—сзади и спереди; лице у нея было длинное, желтое, выраженіе черныхъ глазъ пугливое и скорбное! Она держала въ рукахъ полотенце и прямо со входа направилась къ Балабухѣ. Балабуха взглянулъ на свою одежу, на сапоги, потомъ на полъ, не оставилъ-ли онъ пыльныхъ слѣдовъ; — ему пришло на мысль, не хочетъ-ли дѣвка полотенцемъ обтирать его самого, или его сапоги, или вытереть послѣ него слѣды пыли на полу. Дѣвка между тѣмъ, подойдя къ Балабухѣ, поклонилась ему чуть не въ ноги, держа полотенце въ рукахъ, точь въ точь какъ кланяется »молода«, когда ходитъ по селу и проситъ всякаго на свадьбу.

— Чи на весилля просишь, дивчино? спросилъ ее Балабуха.

Дивчина усмѣхнулась, поцѣловала Балабуху въ руку, отошла къ столу и начала стирать пыль со стола да стульевъ.

— Чи дома батюшка та матушка, чи може куды поихалы? спросилъ Балабуха.

— Дома, чуть слышно отвѣчала дивчина, возя полотенцемъ по столу.

— Може одпочиваютъ? опять спросилъ Балабуха.

— Ни, еще тише произнесла дивчина, посматривая на пріотворенную дверь.

Дивчина вышла. Въ свѣтлицѣ опять водворилась тишина, только маятникъ докучливо дребезжалъ и стучалъ, да гдѣ-то за тремя стѣнами слышался глухой сдержанный шумъ, точно шумъ воды на порогахъ Роси.

Снова тѣже двери отворились и въ нихъ появилась высокая, тонкая фигура отца Терлецкаго. Терлецкій былъ высокій, худощавый брюнетъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ короткими, какъ-бы подсѣченными волосами на головѣ и также короткою, круглою бородою, на которой блестѣли уже серебристыя линіи. Только чорные блестящіе глаза придавали жизнь и энергію его лицу и всей его фигурѣ.

— Добрыдень вамъ! Зъ святою недилею будьте здорови, сказалъ Балабуха, кланяясь хозяину.

— Спасыби! будьте й вы здорови, какъ-то сухо произнесъ Терлецкій. Чи здалека прибули до насъ?

— Я зъ Хиліокъ, философъ [1]), Марко Балабуха, отця Павла, коли чули, сынъ, скинчивъ философію.

— Дуже радый. Спасыби вамъ, що насъ одвидали. Я вашого панотця знаю. Чомъ же сами панотець зъ паниматкою не прибули до насъ? спросилъ Терлецкій: але чого-жъ це мы стоимо? Сидайте, будьте ласкави.

Балабуха какъ-то робко присѣлъ на стулъ: скорчился, сморщился, поднялъ плечи вверхъ, а шею и голову какъ-бы упряталъ въ широкое гнѣздо своего толстаго галстуха и высокихъ остроконечныхъ воротничковъ. Ему въ первый разъ пришлось быть въ такомъ домѣ, гдѣ ото всего вѣяло нѣкоторымъ панствомъ, шляхетствомъ и гдѣ не было ничего напоминающаго его родную хату »безъ помоста« и такую-же хату и катрагу въ Чайкахъ. Непри-

---

[1]) Названія: философъ, богословъ, т. е. студентъ философскаго, богословскаго курса, оставались тогда за студентами академіи и не вдругъ перешли на учениковъ семинаріи, о которыхъ и заочно говорили, напримѣръ: философъ зъ Медвина, точно: Аристотель изъ Стагиры.

вычная обстановка видимо его стѣсняла, и онъ, не обладавшій вообще быстротою и свободою рѣчи, теперь рѣшительно не зналъ, съ чего начать и какъ повести рѣчь.

— Чи вы скинчили академію, чи тильки прыйхали на вакацію? спросилъ его отецъ Терлецкій.

— Ни, я тильки философію скинчивъ, але бильше не поиду въ Кыивъ, сказалъ Балабуха.

— Та й добре зробите. Я самъ дійшовъ до риторики та й подякувавъ ченцямъ, а про те маю парахвію и живу теперъ, якъ у Бога за дверьми, сказалъ хозяинъ.

— Такъ и я оце думаю зробити, сказалъ Балабуха.

Терлецкій едва примѣтно улыбнулся и погладилъ бороду: ему не трудно было догадаться, на что намекалъ послѣдними словами Балабуха и зачѣмъ пожаловалъ теперь къ нему въ домъ.

— Що-жъ тамъ у васъ теперъ въ академіи? Чи пишете вирши? Чи граете комедіи? спросилъ онъ Балабуху.

— А якъ-же! тотъ отвѣчалъ, и вирши пишемо, и комедіи граемо, ще й якъ.

— О, за наши часы мы такъ грали, що теперъ наврядъ чи зъуміете такъ грати. И мени таки доводилось не разъ грати. Тильки разъ сталася зо мною на сцени така причта: сказали мени грати »Суету« въ интермедіи. Обголивъ я вусы й бороду, намазавъ щоки румъянами, причепили мени довги косы, накинули на плечи червону хламиду. Я доставъ у однои знакомои мищанки червони чоботы. Взувся въ ти чоботы, на шыю почепивъ червоне намисто, роспустивъ косы по плечахъ, надивъ на голову жидивську ярмулку, взявъ въ одну руку капшукъ зъ грипіми, въ другу пляшку зъ горилкою, та й выхожу на сцену. Выхожу та й кажу: я Суета! Сказавъ, та якъ глянувъ на людей... вси на мене очи повытрищали, а професоръ ельоквенціи, лютый прелютый, дивиться на мене, та неначе каже: потрывай, ось я тоби всыплю зъ пивсотни, якъ тильки въ чимъ помилишься! Глянувъ я ёму въ очи, та й забувъ, що дали говорити! Ей Богу забувъ, а знавъ, якъ *Отче нашъ*. Я Суета! Я Суета! сказавъ я тричи, а дали хочъ зарижъ! не пригадаю! Давай зъ Еклезіаста: суета суетствій, всяческая суета! Та вже, спасыби, Злоба стояла за декораціями та пидказала мени, що тамъ дальше говорити. Отъ я й почавъ:

О суета! колико ты прекрасна!
О суета! толико ты ужасна!
Днесь піяна скачетъ воля......
Утро ставши тщетна доля.....
Сиренъ льстивыхъ океанъ,
Сладкимъ гласомъ обуянъ!
Едва лѣто запало,
А козля цапомъ стало,
Цапъ бородатый.

Сказавъ я це, а дали й знову забувся! Плутаю я та плутаю! Переплутавъ уси вирши, перемишавъ сиренъ съ козами та цапами, та вже не знаю, що дали й говорити. А професоръ мени показуе зъ-за людей кулака. Я й охоловъ... Тутъ де взялась Злоба: якъ выскочила передъ мене та якъ крикне: Я Злоба! ховай свого лоба! Та на мене мечемъ! Я драла та за ширмы; ажъ уже тутъ профессоръ добре намявъ мени чуба.

Ничто такъ не возбуждаетъ человѣка, какъ школьныя воспоминанія. Куда дѣвалась застѣнчивость Балабухи. Онъ съ живостію заговорилъ:

— Гравъ и я оцю саму Злобу, та ще й якъ гравъ! Було, якъ накину на плечи червечу мантію, та обкручу голову гидрою, та визьму въ одну руку мечъ, а въ другу пучокъ гадюкъ, та якъ выйду, та якъ крикну: я Злоба! ховай свого лоба!

Говоря это, Балабуха роспалялся съ каждымъ словомъ, подъ конецъ-же вскочилъ со стула, поднялъ руки къ верху и такъ рявкнулъ послѣднія слова, что горбатая Килина, проходившая въ это время къ столу съ тарелкой въ правой, графиномъ и рюмкой въ лѣвой рукѣ, съ перепугу затряслась: тарелка съ булкой вывалилась, полетѣла на полъ и разбилась.

— Цуръ дурнои! съ недовольствомъ произнесъ Терлецкій, принимая отъ Килины уцѣлѣвшій росписной графинъ съ рюмкой.

— Якась переляканна дивчина! сказалъ Балабуха, опускаясь на стулъ. Килина молча позабирала куски разбившейся посуды и съ плачемъ вышла изъ свѣтлицы.

— Колись и я писавъ вирши, знавъ на память Горація, а теперъ все чисто повылитало зъ головы, приговаривалъ Терлецкій, наливая рюмку.

А въ сосѣдней комнатѣ начинался опросъ Килины.

— Що то ты несешъ въ хвартуси? крикнула на нее матушка: чи розбила тарилку, чи що? що тамъ за крикъ?

— Ой, простить, матушко! отвѣтила Килина, цѣлуя матушку въ руку: нашъ батюшка зъ тимъ панычемъ чогось полаялись, та якъ почали кричати та соватись одинъ до другого зъ кулаками! А я злякалась та й упустила.

— Ты сёгодня совсимъ здурила! перебила ее матушка и велѣла ей скорѣе пріискать другую тарелку, нарѣзать вновь булки и нести скорѣе на столъ.

Въ другое время такой казусъ не обошелся-бы такъ дешево Килинѣ; но теперь матушкѣ было не до того, она торопилась принарядить дочь къ выходу въ свѣтлицу, точно опасаясь, чтобы женихъ не уѣхалъ. Въ комнатѣ происходила невообразимая суета и возня. Гардеробный шкафъ, комодъ и большой сундукъ стояли открытые. Мать и дочери бѣгали по комнатѣ, кидались сюда и туда, звенѣли ключами, вынимали разные наряды, мылись, причесывались. Олеся, старшая дочь, стояла среди комнаты въ юпкѣ и корсетѣ, который никакъ не сходился на ея полной таліи. Мать съ меньшою дочерью стягивали корсетъ, напрягались, потѣли, а корсетъ все таки не сходился.

— Килино! ходи сюда! придави лишь ты руками, та дужче! кричала матушка.

Килина схватила Олесю за талію, но столько-же помогла, сколько въ извѣстной сказкѣ жучка. Шнурки въ рукахъ матушки трещали, а корсетъ все таки не сходился.

— Покличте бабу Хиврю! крикнула матушка, бо ця Килина ни до чого не варта.

Прибѣжала Хивря, схватилась обѣими руками за шнурки, а баба она была крѣпкая. Полная талія панны съузилась подъ ея руками и корсетъ былъ затянутъ. Мать накинула на Олесю бѣлое платье, помогла ей застегнуться, расправила складки, поправила волосы на головѣ. Принарядивъ дочь, мать принялась за собственный костюмъ, надѣла новое платье, набросила на плечи персидскій бѣлый, съ красными и желтыми разводами и фигурами, платокъ, еще разъ оглядѣла вокругъ дочь, точно солдата на смотру, и повела ее въ свѣт-

лицу. Младшія дочери устремились въ слѣдъ за ними, заглядывая въ свѣтлицу сквозь отворенную дверь.

Терлецкая входила медленно, важно, точно выплывала. Балабуха, увидѣлъ въ дверяхъ невысокую, но довольно полную даму, съ пухлымъ шляхетскимъ лицемъ, съ гладко причесанными, блестящими чорными начосами, надвигавшимися ко лбу, съ бѣлымъ въ оборкахъ чепцемъ на головѣ, отъ котораго двѣ широкія синія ленты опускались концами на плечи. Онъ всталъ, еще глубже опустилъ короткую шею въ воротнички, робко подошелъ къ Терлецкой и поцѣловалъ ея пухлую бѣлую руку. За матерью слѣдовала дочь, такая-же черноволосая, какъ и мать, съ бѣлымъ, нѣсколько короткимъ лицемъ, съ темными карими очами. Дойдя до средины свѣтлицы, она какъ будто присѣла передъ Балабухою и ковырнула по полу правою ногою. Балабуха впервые во очію видѣлъ реверансъ и былъ имъ нѣсколько смущенъ; поцѣловалъ Олесю въ руку, отступилъ немного назадъ и не зналъ, куда дѣвать свои большія руки. Матушка усѣлась на канапѣ и пригласила гостя сѣсть. Балабуха робко опустился на стулъ. Какъ разъ противъ него сидѣла Олеся, которой щоки зардѣлись, какъ піонъ. Балабуха слегка вскидывалъ глазами то на мать, то на дочь. Широкая синяя лента въ чепцѣ матери, бѣлое платье дочери, пунцовый кушакъ, плотно обхватывавшій ея станъ, и красный бантъ въ черной косѣ, все это такъ разило взоръ студента, что онъ сидѣлъ, какъ на шпилькахъ. Предъ его глазами явились снова пасѣка и ульи, темная катрага въ пасѣкѣ, орѣшникъ, чернобыль и крапива вокругъ пасѣки, и онъ готовъ былъ теперь уйти туда и тамъ укрыться отъ этихъ лентъ и платьевъ.

— Чи здорови вашъ панотець та паниматка? спросила Терлецкая Балабуху.

— Дякую вамъ! Хвалити Господа, здорови, тихо отозвался Балабуха.

— Таки не добри: насъ николи не одвидають. Я знаю вашого батюшку и вашу матушку, говорила Трелецкая громко, скоро и съ нѣкоторымъ тономъ.

Терлецкая спросила Балабуху про его отца и мать такъ себѣ въ видѣ любезности, а если-бы они вздумали пріѣхать къ ней, она отнюдь не была-бы имъ рада.

— И я бачила вашого батюшку, смѣло заговорила Олеся, обращаясь къ Балабухѣ: такій добрій, такій прывитный.

Балабуха перевелъ глаза съ матери на Олесю и теперь только замѣтилъ, что она была хорошенькая, хотя и малого росту, и не такія тонкія и острыя были у нея брови, какъ у Ониси Прокоповичевны. Только круглые, небольшіе, черные блестящіе глаза полюбились ему сразу.

Олеся не сидѣла на одномъ мѣстѣ, и это входило въ ея манеры и тонъ: она схватилась со стула и выбѣжала въ сосѣднюю комнату, чтобы посмотрѣться въ зеркало и поправить на головѣ красный бантъ, потомъ вернулась, опять сѣла и опять схватилась, подбѣжала къ вазонамъ, заглянула въ нихъ, опять выбѣжала, принесла графинъ съ водою, полила цвѣты, снова выбѣжала и опять, погодя, прибѣжала и сѣла. Длинные концы кушака и банта летали, какъ-бы ихъ качалъ вѣтеръ. Олеся ловила ихъ рукою и проворно то откидывала въ сторону, то притягивала къ себѣ, то просто вытягивала. Въ слѣдъ за дочерью вышла мать, поправила что-то на шеѣ, опять вернулась и опять вышла. Они сновали сюда и туда, будто »въ хрещика« играли. Чрезъ растворяемую часто дверь Балабуха замѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ большущую кровать, напомнившую ему паромъ на Роси, а надъ кроватью—висѣвшій на стѣнѣ большой коверъ съ столь страннымъ узоромъ, что казалось, будто тамъ въ три ряда стояли на заднихъ ногахъ зеленыя лягушки съ красными брюшками, сцѣпившись передними лапами. Въ той-же комнатѣ Балабуха примѣтилъ другую панну, такого-же росту, какъ Олеся, но гораздо красивѣе ея, въ простомъ ситцевомъ платьѣ. То была вторая дочь Терлецкихъ, которую они и одѣвали плохо и прятали отъ жениховскихъ очей, чтобы она не отвлекала вниманія жениховъ отъ Олеси и не помѣшала скорому выходу ея въ замужество.

Въ послѣдній возвратъ Терлецкой въ свѣтлицу, за ней вошла горбатая Килина, неся на тарелкѣ два-три ломтя булки, тонко нарѣзанныхъ, да съ ложку масла на блюдечкѣ. Терлецкій взялъ прежде налитую рюмочку съ наперстокъ, поздоровался съ гостемъ, выпилъ самъ, попотчивалъ гостя и заткнулъ пробкой графинъ, какъ-бы давая тѣмъ знать, что не намѣренъ уже больше ни самъ пить, ни потчивать гостя. Балабуха глотнулъ, даже не почувствовалъ, что выпилъ, и

взялъ тоненькій ломоть булки, чтобы закусить. Ломоть свѣтился насквозь.

— А мы тутъ, паниматко, разговорились зъ Маркомъ Павловичемъ про академію, та такъ налякали Килину своими згадками, що вона впустила тарилку та й розбила, сказалъ Терлецкій, обращаясь къ женѣ.

— То бачите, отозвался Балабуха, мы колись грали въ академіи комедіи, та почали пригадувати зъ отцемъ Петромъ.

— Вы грали комедіи? спросила Олеся. Ото якъ бы мени довелося хочъ разъ на вику побачити! Сидишъ тутъ у Хохитви и людей не бачишъ.

— Де вже ты хотила въ Хохитви побачити комедіи, сказалъ Терлецкій: це чудо показуе тильки наша кыйвська бурса.

— Папа кажуть, що й вони грали, смѣло, обращаясь къ Балабухѣ, проговорила Олеся, та ще й убирались за панну.

Матушка Терлецкая слегка усмѣхнулась, взглянувъ на бороду и усы своего мужа.

— Колись убирався за панну, а теперъ вже не вберусь, замѣтилъ мужъ.

— Може й вы убирались за панну? сказала Олеся, обратясь къ Балабухѣ.

— Ни, я разъ убирався за .... *Славу*, какъ-то нехотя сказалъ Балабуха, а другій разъ за прекрасного Іосифа.

— Ото якъ бы я хотила побачити того прекрасного Іосифа, сказала Олеся, искоса поглядывая на Балабуху: мабуть воно выйшло дуже гарно.

Балабуха, продолжая такъ перекидываться словами то съ паннsocket, то съ матушкою, то съ самимъ панотцемъ, мало по малу освоился и пересталъ прятать шею въ воротнички. Непринужденное обращеніе Олеси, привѣтливость Терлецкой отбили въ немъ охоту уходить въ пасѣку и чернобыль.

Лице Балабухи не плѣнило Олеси, но его ростъ, крупная фигура, титло академика располагали ее въ пользу гостя, тѣмъ болѣе, что до той поры въ домъ Терлецкихъ заглядывали такіе невзрачные и неотесанные поповичи, что она не только смотрѣть на нихъ не хотѣла, но и совсѣмъ не выходила къ нимъ. Мать въ свою очередь благосклонно отнеслась къ Балабухѣ, чувствуя, что пора уже выдавать Олесю замужъ.

Разговоръ однако не вязался; перекидывались отрывочными словами, обмѣнивались взглядами, наконецъ и совсѣмъ замолчали. Вдругъ Килина приотворила дверь и что-то шепнула матушкѣ. Олеся схватилась со стула и устремилась къ двери такъ быстро, что чуть не свалила съ ногъ Килину. Балабуха смотрѣлъ ей вслѣдъ; онъ любовался тѣмъ, какъ быстро, проворно и легко бѣжала Олеся и какъ развѣвались около нея красныя ленты.

За Олесей вышла мать. Въ комнатахъ слышалась бѣготня, какая-то возня. Зазвенѣли, забренчали ложечки, стаканы и блюдечки, застучали ящики комодовъ и столовъ. Растворились потомъ двери и горбатая Килина внесла въ свѣтлицу высокій и тонкій самоваръ и поставила на столѣ, какъ нѣкое диво. То былъ первый самоваръ въ околицѣ, и объ немъ, какъ о дивѣ, говорили всѣ, кому видѣть приходилось.

Килина вышла; вошла Олеся съ ложечками и чайникомъ въ рукахъ, за нею мать, за матерью опять Килина. Онѣ входили и выходили суетливо, выбѣгали и снова возвращались: выносили стаканы и другія придатки къ самовару. Самоваръ сперва шипѣлъ, потомъ шумѣлъ, пыхтѣлъ, брызнулъ брызги отъ себя и наконецъ такъ заклокоталъ, что заглушилъ собой дребезжащій стукъ маятника у часовъ. И мать, и дочь, и Килина суетились около самовара, будто около утопшаго, или по меньшей мѣрѣ больного. Самъ Терлецкій не безъ самодовольства посматривалъ на эту хитрую машину, которой не было ни у кого, а Балабуха диву дался, впервые видя самоваръ.

Началось священнодѣйственное наливанье чаю въ стаканы, и бренчанье ложечекъ и блюдечекъ, какъ бы курантъ игралъ. Сама Терлецкая подала Балабухѣ стаканъ чаю. Килина снова принесла на тарелкѣ три тоненькихъ ломтика булки. Балабуха неохотно принялся за чай, но когда выпилъ, съѣвъ притомъ прозрачный ломоть булки, тутъ только почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Ѣсть хотѣлось, по привычкѣ и выпить давно уже тянуло, но хозяинъ и не думалъ даже предложить »по другій«. Онъ только замѣтилъ, какъ-бы поддразнивая Балабуху и не обращаясь ни къ кому:

— Не люблю я сёго зилля. Отъ такъ тильки звычай якійсь. Хто до ёго привыкшій, може воно ёму й пользуе, а старому животови нема, якъ добра чарка горилки.

Коли-бъ же добра чарка, а не така, якъ наперстокъ, подумавъ Балабуха, посматривая на крохотную рюмочку, стоявшую праздно на столѣ.

Терлецкая сердито взглянула на мужа, и онъ замолкъ и болѣе не развивалъ уже этой темы, на которую много могъ-бы сказать хранившій молчаніе Балабуха.

Выпили чай. Килина съ торжествомъ вынесла самоваръ, на который накинулись младшія дочери, какъ мухи.

— Озьми лишень, дочко, гитару та заграй, або й заспивай намъ якои, сказавъ Терлецкій, доставая гитару съ косого угольнаго столика и подавая Олесѣ.

— Я вже давно грала и мабуть все чисто позабувала, кокетливо промолвила Олеся.

Она взяла гитару, подтянула струны и неувѣренно начала брать аккорды.

— Вы не граете на гусляхъ? спросилъ Терлецкій у Балабухи.

— Ни, не граю, отвѣтилъ Балабуха.

— Шкода. Я колись гравъ та позабувавъ. Отъ мій сусидъ, въ Богуслави, якъ утне, то ажъ помистъ дрижить. Э, що то за гарный струментъ! сказалъ Терлецкій.

Олеся сыграла нѣсколько козачковъ, одного »съ переборомъ«. Ей хотѣлось спѣть, но она сама не рѣшалась начать и ждала, пока кто попроситъ.

— Засьпивайте, коли ваша ласка, несмѣло попросилъ ее Балабуха.

— Засьпивай, дочко, про Хлою, або про Нарциза, або лучче про студента.

Олеся усмѣхнулась, и, взявъ аккордъ на гитарѣ, запѣла тоненькимъ голоскомъ сперва Хлою, потомъ Нарциза, а наконецъ и студента:

Охъ, велѣла меня мать
За купца да отдать!
А купецъ какъ идетъ,
Сундукъ денегъ несетъ.
Сундукъ денегъ не прійму,
За купца я не пойду.
Ой велѣла меня мать
За студента отдать!

А студентъ какъ идетъ,
Кучу книжекъ несетъ.
Кучу книжекъ я прійму,
За студента пойду.

Це до шмыґи, подумалъ про себя Балабуха и затѣмъ громко сказалъ:

— Щиро дякую вамъ. Це дуже добре, якъ хто вміе грати, та ще до того й спивати. Отъ зо мною одинъ такій вчився: все було грае та спивае, спивае та грае. Инши пенса (урокъ) було вчать, други оккупацію роблять, а винъ поклавъ передъ себе гитару, та все затынае:

По дорози жукъ-жукъ,
По дорози чорный.
Подивися, дивчино,
Якій я моторный.

Тильки винъ такихъ деликатнихъ, якъ оце вы спиваете, не вмивъ.

Олеся весело улыбнулась и кивнула Балабухѣ головой въ знакъ благодарности за такой лестный отзывъ.

Терлецкій воодушевился, всталъ со стула, началъ припоминать и декламировать давнія вирши, пробовалъ даже импровизировать, но выходило какъ-то нескладно. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, улыбнулся и подойдя къ Балабухѣ, сказалъ:

— Оце вы нагадали мени, що и въ насъ бувъ одинъ, що того *Жука* було разъ по разъ грае та выспивуе. Отъ разъ, тильки що винъ скинчивъ оце *моторный* и почавъ пальцами перебирати, а одинъ колеґа нибы далій:

Такій ты моторный,
Якъ собака чорный...

Всѣ расхохотались. Наступило оживленіе. Олеся продолжала играть и пѣть.

— Спивай, дочко, пока молоденька, говорилъ ей отецъ, бо якъ мине твоя весна, то перестанешъ спивати.—И онъ самъ затянулъ:

Наслаждайся дней твоихъ,
Все бо вмалѣ состарѣетъ...

Но потомъ съ какою-то горечью махнулъ рукой и закончилъ:

— Отъ бачите, и я колись спивавъ и вирши складавъ, а якъ ставъ старымъ, то вже й писня въ голову не йде.

Балабуха ничего не отвѣтилъ: мысль его была занята не тѣмъ. Слушая не безъ удовольствія игру и пѣніе чернявой Олеси, онъ еще раньше почувствовалъ, что въ его желудкѣ начинается музыка иная. На дворѣ вечерѣло, а перекусить доселѣ не давали. Графинъ съ водкой стоялъ будто припечатанный. Балабуха посматривалъ на двери, не вынесуть-ли чего оттуда закусить, но двери не отворялись, а сирены въ широкой его утробѣ пѣли такъ громко, что ему становилось даже неловко.

Солнце зашло, смерклось на дворѣ. Терлецкая встала и вышла изъ свѣтлицы, за нею выбѣжала Олеся. Въ смежныхъ комнатахъ началась вновь бѣготня: забренчали ключи, застучали двери, зазвенѣли ложки и тарелки. Въ приотворенныя двери Балабуха видѣлъ, какъ мелькали на стѣнѣ тѣни головъ. Терлецкій ходилъ по свѣтлицѣ и фантазировалъ, а Балабуха сидѣлъ, опустивши голову и придерживая рукою опустѣвшій и ноющій животъ свой.

Спустя часъ широко распахнулись двери въ свѣтлицу. Баба съ Килиной внесли длинный столъ и накрыли скатертью. Килина за тѣмъ притащила кучу тарелокъ и начала разставлять по столу; баба отдѣльно вынесла ножи и вилки и раскладывала ихъ съ неменьшею, какъ и Килина, торжественностію и вдумчивостію. Въ концѣ этой комически-важной суеты вышла Терлецкая и попросила гостя къ столу. Усѣлись всѣ четверо и долгонько ждали. Опять двери отворились.

Накопецъ-то... подумалъ Балабуха, увидѣвъ бабу съ длиннымъ блюдомъ.

Но на большомъ блюдѣ оказалось всего лишь двое маленькихъ, какъ воробьи, цыплятъ. Балабуха даже вздрогнулъ.

— Прошу покорно! обратилась къ нему Терлецкая.

— Потрывай, паниматко! мы, по старому звычаю, выпьемо ціеи *aquae vitae*, котрои давни римляне певно не пили, сказалъ Терлецкій, наливая наперсточекъ.

Балабуха выпилъ и только жалобно поморщился. Сообразивъ ничтожный запасъ лежавшаго на блюдѣ кушанья съ числомъ сидѣвшихъ за столомъ и не желая ни конфузить хозяевъ, ни безнадежно раздражать свой аппетитъ, онъ отрѣзалъ ножку у цыпленка

и положилъ на тарелку. Олеся и мать отрѣзали по крылышку и давали видъ, будто ужинаютъ. Балабуха и самъ давалъ такой же видъ: обгрызъ ножку и вилку и ножъ положилъ на тарелку. А въ его голодномъ воображеніи рисовалась, предъ его глазами носилась »макитра« варениковъ въ сметанѣ.

— Правду казала мати! подумалъ Балабуха: якъ бы умысне не пообидавъ, то-бъ не доихавъ живый до дому.

Посидѣли еще за столомъ, поговорили и встали. Пришла баба и унесла блюдо, на которомъ остался нетронутымъ одинъ цыпленокъ.

Послѣ столь сытнаго ужина, терзаемый голодомъ, Балабуха сталъ прощаться. Терлецкіе просили его не забывать ихъ и пріѣзжать къ нимъ почаще.

Было уже около полуночи, когда Балабуха тронулся со двора. Только что выѣхали за село, Балабуха спросилъ погонича:

— Чи не зосталось въ тебе хлиба въ торбини?

— Та тамъ зостався окраець.—Ну, та й скупи-жъ ци люди! сказалъ погоничъ, развязывая торбу съ хлѣбомъ: мабуть вони тимъ и багати, що скупи. Покликали мене полуднувати, чарки горилки не дали, а матушка винесла хлибъ, одкраяла панську скибочку, та й зновъ взяла въ покои. Та горбата Килина мабуть живе Божимъ духомъ. А на попадю наймички й наймиты кажуть: *пани*, бо якъ котра назве матушкою, то вона, Господи, якъ сердиться.

Въ полночь Балабуха пріѣхалъ въ Хильки и разбудилъ мать.

— Мамо, давайте хочъ шматокъ сала та хлиба: ѝсты такъ хочу, ажъ шкура трищить.

— А я тоби казала! Ци гарбуза не причеплять, але витають гостей вже дуже по паньски. Сидай, сынку, за стилъ.

Мать высунула изъ печи »макитру« варениковъ. Балабуха принялся за нихъ съ жадностью и не оставилъ въ »макитрѣ« ни одного.

— Якъ-же тоби показалась дочка? спрашивала мать.

— Дочка гарна, и грае добре, и сьпивае добре, вбрана по панськи, сказалъ Балабуха и почувствовалъ, что Олеся заслонила въ его воображеніи тонкія брови Онисі.

— Та въ ѝхъ и грошей сила. Не знаю тильки, чи дасть старый. А що вже багати, то багати, сказала мать.

Наѣвшись до отвалу, Балабуха завалился въ постель и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Между тѣмъ въ Хохотвѣ, по выѣздѣ Балабухи, въ домѣ Терлецкихъ послѣ церемоннаго начался домашній ужинъ. На тотъ-же столъ Килина вскорѣ поставила большую вазу галушокъ съ саломъ. Ѣли съ неменьшимъ аппетитомъ, какъ и Балабуха; даже Олеся, удовольствовавшаяся при гостѣ однимъ крылышкомъ маленькаго цыпленка, теперь опорожнила полную тарелку галушекъ, и съ разу ей стало такъ тѣсно въ корсетѣ, что она поспѣшила кликнуть Килину, чтобы поскорѣе распустить шнуровку.

— А що, Олесю, якъ тоби показався Балабуха? спросилъ ее отецъ.

— Такъ соби..... ничого, отвѣчала Олеся, сдѣлавъ видъ равнодушный.

— Отъ и ничого! отозвалась мать: панычъ здоровый, огрядный, вченый, чисто вбраный.

— И латынь знае добре: такъ и сыпле латынськими приказками, добавилъ отецъ: ни, дочко! цёго жениха шкода выпускати зъ рукъ. Ты будь зъ нимъ привитниша, якъ прибуде до насъ вдруге, та поговори зъ нимъ любенько.

— Коли-жъ випъ самъ не дуже охочій до розмовы. Сидить, та дивится, та очи пидводить, та чогось неначе стогне.

— То й добре, коли мовчить. Менше буде допикати тоби языкомъ, сказала мать, взглянувъ на своего »панотця«.

— Правда въ ёго очи й брови гарни, але губы... зовсимъ якись чудни. Чогось неначе кривиться, якъ середа на пятницю, сказала Олеся.

— Тоби, Олесю, мабуть треба жениха зъ Кыива, або зъ Варшавы... сказалъ съ недовольствомъ отецъ: дежъ тоби кращихъ набрати.

— Олеся хотѣла сказать, гдѣ она набрала-бы лучшихъ жениховъ, но промолчала: она видѣла въ »экономіи« и на панскомъ дворѣ гораздо интереснѣе паничей изъ сосѣдней польской шляхты; но богатые не сватали, а за бѣдныхъ отецъ не хотѣлъ отдать.

Олеся легонько вздохнула и отправилась спать.

Скоро всѣ уснули въ домѣ Терлецкихъ, только въ пекарнѣ долго еще свѣтилось. Тамъ Килина зъ бабой, да съ другой, также

»подданной« Терлецкаго, долго мыли да вытирали посуду, да бранили гостя. Килина и баба кончали работу уже черезъ сонъ. Ихъ блѣдныя лица совсѣмъ осунулись, сонъ клонилъ ихъ головы внизъ. Перевалило уже за полночь, а онѣ все еще стирали да прибирали, а на другой день ихъ ждала таже нескончаемая, съ колотушками и бранью, подъ строгимъ присмотромъ, работа и голодная жизнь, отъ которой бѣжали люди со двора Терлецкихъ, куда кто могъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ[1].

Високо Правительствующому Сенату

Доношение.

При воздаянии раболѣпного моего вашимъ свѣтлостемъ и сиятельствомъ, черезъ нарочно посланихъ моихъ, до-земного поклоненія, всепокорнѣе хотячи я въ напрасно нанесенномъ одъ господина полковника Вѣтвера свѣтлѣйшому римского и росийского государствъ ижерскому князю, генералу фелтъ маршару и кавалеру, его милости, господину Александру Даниловичу Меншикову пороцѣ и оскарженни козаковъ команди моей, на роботѣ каналной, по указу его императорскаго величества, нашого всемилостивѣйшого государя, обрѣтаючихся, что будто они козаки лениво работають (яко о томъ зъ копѣи его княжой свѣтлости листу до господина брегадира Леонтиева, а одъ его милости ко мнѣ присланного извѣстилемся), праведное мое предъ високое вашихъ свѣтлостей и сиятельствъ лице принести оправдание, сие въ отвѣтъ до-

---

[1]) Помѣщаемый документъ заимствуется изъ ветхаго рукописнаго сборника разнаго рода записей, между которыми большинство составляютъ рѣшенія полтавскаго полковаго суда. Это не подлинникъ, но современная копія, судя по почерку всего сборника.

Командиръ посланнаго на ладожскій каналъ полка пишетъ съ мѣста работъ и описываетъ ихъ процедуру въ томъ участкѣ, какой отведенъ на долю козаковъ. Мы слышимъ голосъ очевидца, и это даетъ цѣну памятнику, въ своемъ родѣ пока единственному. Полковникъ Червякъ пишетъ подъ очевиднымъ страхомъ гнѣва царскаго любимца, извѣстнаго Меншикова, предъ которымъ обнесли въ лѣни и нерадѣніи его и весь полкъ. Онъ старается оправдаться предъ сенатомъ и пишетъ въ самомъ униженномъ тонѣ. Насколько вѣрно самооправданіе, судить не

ношу: что любо за прибутиемъ нашимъ отъ Ладоги, въ первыхъ числехъ іюня, къ Кобонѣ зъ командою моею, не можна было заразъ, для наводнения великого въ каналу, въ земляную въступити роботу, однакъ козаки черезъ увесь тотъ часъ, безъ жадного огурства и лѣности еже-дня едни ручаи, зъ болотъ въ каналъ текучіи, гатили и плотини на многихъ мѣсцахъ черезъ увесь каналъ займали, а прежніе направляли, возячи песокъ для засипання отъ мѣлу, други тежъ въ каналу, где вода надтягнена била, рови копали, а третие указанное число фашинъ, сваевъ, дощокъ и колля зъ неменшою трудностию за килка верствъ на своихъ плечахъ носили; когда зась, по вилитю зъ канала води, земляная настала работа и козаки, виривши болѣе аршина въ глибъ, а въ ширъ сажень триаршинний въ каналу посредѣ ровъ, для спущення подъ машини води, и оной належите виношеннемъ землѣ вичистивши, хотѣли по опредѣлению и розмѣру за дѣло самое каналное взятись, лечъ господинъ полковникъ Вѣтверъ для проби велѣлъ числа 9 іюня ундеръ-офѣцеру своему въ горѣ едну плотину розрити, а потомъ видя, что каналъ увесь по прежнему наполненъ водою, приказалъ знову козакамъ одъ полдня черезъ всю нощь оную плотину, понеже вода всю било поломила, вновь гатити изъ тихъ мѣстъ. Покамѣсть одъ числа 9 до числа 18 зънову зъ каналу вода витягнена, у роботѣ каналъной остановка чинилася, однакъ и тогда не бездѣлны козаки били, лечъ по прежнему лѣсние припаси готовили, гатки по вся дни поправляли и гатили, а иние зъ полковъ въ тое время килкократне по телѣжки и колеса за 10 верстъ до подрадчика ходили и на себѣ носили, одколь другие и нѣ щимъ, что не вистарчено било, мусѣли ворочатися, а любо по пятнадцать коней государевихъ для привозки помянутихъ телѣжокъ въ полки и давани, однакъ-же тие конѣ били весма вимордование и витягнение, которие и порожние вози въ

почему; предъ нами только процедура работъ, гибельная для работающихъ. Но въ ней, наравнѣ съ казаками, фигурируютъ драгуны, армейскіе солдаты и простые землекопы, согнанные съ разныхъ концовъ Петрова царства. Зная много о дѣяніяхъ Великаго Петра, мы сравнительно немногое еще знаемъ о тѣхъ жертвахъ отъ народа, какими созидались его слава и могущество Россіи. Приводимый документъ можетъ имѣть значительную цѣну въ изслѣдованіяхъ этого послѣдняго рода.—Ред.

сілу потягли, того ради назадъ зъ полковъ отдано. И скоро начала вода въ каналу уменшатись, ровъ посредѣ оного, одъ пѣску замѣлений, знову рили, землю виносили и очищали. А особливе що разъ по машини ровчаки два для скорѣшого проходу водного копали. И въ числехъ 18 и 19 іюня по витягненю води, вступівши козаки другимъ разомъ въ земляную работу, со всякимъ радѣніемъ и пилнимъ прилежаниемъ, хотячи въ скорѣ опредѣленнии свои дѣлницѣ ку прислузѣ своей-же совершить, чтобъ заранѣе, не входячи въ осѣнь, могли били ку домамъ одпущени, безъ жадной лѣности не только за себе, но и за болние, такожъ и за умершие, понеже ихъ дѣлниця остается, при досмотрѣ офицеровъ работали; въ двохъ зась полкахъ, чернѣговскомъ и стародубскомъ, мусѣли козаки на мѣсце болнихъ и умершихъ, что не змогли сами за слабостию въ здоровю и своихъ дѣлниць виробить, бурлаковъ наймати, которие нинѣ работаютъ. А въ числе 23 юня, за прибутиемъ его милости, господина генерала маіора Писарева къ каналу до Кобонѣ, когда по осмотру нашой работи изволивъ повелѣть болшъ въ каналу не копать, толко въ горѣ мало винять и зровнять, такожъ и береги отдѣлать, для узнаня въ каналу мѣри приказалъ во всю каналную роботу зъ гори води упустить, то одъ того числа, для наводнения великого, ктомужъ еще и дожчѣ частие спадали, знову остановка въ дѣлѣ канала до числа 9 и 12, а въ инномъ полку и до 20 іюля показалась и черезъ все тое время, нѣмъ вода не уменшилась, по осмотрѣ обоемъ, и ундеръ-офицера, такожъ и старшини нашой полковой, по прежнему козаки на роботѣ фашинной и сваевъ найдовались, а иние, за предложениемъ моимъ листовнимъ господину бригадиру Леонтиеву, машинъ двѣ, для скорѣшого води въ дѣлницяхъ команди моей витягненя, зъ драгунской роботи взявши, зъ немалою трудностію, по килка сотъ человѣкъ зъ полковъ на себѣ не въ близкости переносили, а ктому и въ перенесеню на каждой полкъ по килка капровъ, черезъ немалое разстояние мѣсца, бѣди дознали, особливе тогдажъ поузъ каналъ по обоимъ сторонамъ полверстви всѣми полками, для воспященния въ реку Кобонъ води зъ озеръ въ каналъ прорннутись мѣючой, якая уже знатне стала била проходити, рови копали въ ширъ болшъ сажня, а въ глибъ полтора слоя.

Итакъ зъ сего моего неложного отвѣту благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство високимъ и премудримъ разсмотрениемъ зважити и уважити, якая козаковъ моихъ подкоманднихъ въ роботѣ інтересу монаршого (котурий по нашой вѣрности и рабской къ своему всемилостивѣйшому государю, его імператорскому величеству должности всегда готови исполнять) показуется лѣностю и нерадѣниемъ, одъ кого барзѣй въ дѣлѣ каналномъ происходило и происходить препятие и лишняя остановка. Сего ради, надъ предъ сенаторскими вашихъ свѣтлостей и сіятелствъ, стопами, всенайпокорнѣе прошу жадного о роботѣ козацкой не имѣти мнѣнія и подзору, въ которомъ, безъ вини благословной, напрасно одъ господина полковника Вѣтвера оскаржени зостали, и для лучшого достовѣрия благоволѣте ваша свѣтлость и сіятелство, по своей милости, аще сие угодно будетъ, росказать помянутую нашу работу, что вндѣлано, освѣдительствовать, и если-би не препятиемъ наполненная въ каналѣ била вода, певне давнѣ-би земляное козаковъ дѣло пришло до совершенства, якожъ и такъ при помощи Божой робота команди моей въ каналу зъ драгунскою и салдацкою, любъ они передомъ гараздъ зачали дѣлать, соравнилась, а отъ бурлацкой, хочай такожъ они черезъ килка мѣсяцей работаютъ, получаючи знатное государево награждение, послѣдние взятии до каналного дѣла козаки стали первѣйшіе, понеже определенние свои дѣлници землѣ викопали, сваями береги забили и фашинами въ мѣру указаную соравнили, тилко уже надлежитъ въ горѣ по три фашини, когда виготовлени будутъ, положити, и тая надѣя въ Бозѣ, что зачатая козаковъ робота конечне желаемой своего окончания воспрііметъ скутокъ. Обаче сіе токмо мене усумнѣваетъ и смущаетъ, же въ командѣ моей, такъ при Кобонѣ обрѣтаючойся, яко и при Ладозѣ у каналной работи будучой, многое число козаковъ болнихъ и умершихъ найдуется, и що разъ въ болѣзни тяжкой, якая бардзѣй горачка да опухъ ногъ вкоренилась, примножаются и умираютъ, якихъ вѣденіе явствуетъ, однакъ на таковую беднихъ козаковъ нужду приставние офѣцери не взирая, безъ жадного бачення, зъ повелѣния господина брегадира Леонтиева, не милостиво бючи ихъ у роботи палками, хочай оную не толко днемъ и ноччу, лечъ и во дни недѣлние і празничние одправуютъ, безъ одпочивку приганяютъ. Опасаяся теди я, чтобъ по прошлорочному козаковъ

зде не загубити, якихъ развѣ третья часть ку дому и въ прошлемъ году повернулась, предваряю въ сенатъ покорнѣйшимъ симъ моимъ писаниемъ и рабско прошу, благоволѣте ваша свѣтлость и сіятельство, іле по указу его імператорского величества високою своею особою россійское правление содержите, не допустить команди моеи въ конецъ при сей каналной роботѣ, не била-бъ надъ чужое мѣсто, якъ господинъ полковникъ Вѣтверъ хощетъ, зъ согласиемъ господина брегадира Леонтиева, который къ дѣлнимъ козакамъ велми есть недоброхотъ и немилостивъ, учинить, — для зачинания другой работи переведена, якой отнюдъ нѣкимъ (Богу самому свѣдущу, бо всѣ козаки въ сілѣ своей весма ослабѣли и ели живи обрѣтаются) дѣлать, лечь-би, не уводячи въ глубокую осѣнь роскиса и плюскоти, одпущены зостали во свояси принамнѣй въ первихъ числехъ септеврия, такъ для лучшого и безбѣдного запроваженя болнихъ, зъ которими иле многимъ числомъ я теперь не вѣдаю, що чинити и куда ихъ обернути, и до лѣкарей зъ лѣкарствами для помощи хочай килка разъ о присилку онихъ и упоминалемся, не дано, яко и для вигоднѣшого такъ далечайшого пути здоровимъ, якие всѣ опѣшали ходу. А понеже прошлого року, по милости его імператорского величества, для проходу одпущенихъ зъ каналу козаковъ високо повелителнимъ его величества указомъ опредѣленно било видавать правиянтъ и для коней фуражъ, того ради да не лишени будуть и нинѣ тоеижъ монаршой милости работаючие козаки, благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство повелѣть високопочтеннѣйшимъ своимъ указомъ видать о получении въ пути козакомъ, когда одпущени будутъ изъ каналу, провиянту и для коней, якихъ неболшое число можетъ бити, принамнѣй самого сѣна, ибо они козаки тутъ при каналѣ не тилко позбули остатний грошевий запасъ, и иние при своей болезни для пропитания и одежду, якую имѣли, попродали, албо вѣмъ до сего часу, по указу его імператорского величества, за видѣлку кубическими сажнями въ каналу землѣ и за виношение зъ немалою бѣдою и трудностию за пять и шесть верствъ фашинъ и сваевъ, надлежащихъ денегъ имъ не видано, а любо изволивъ его княжеское сіятелство, господинъ Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтъ маршалъ и многихъ ординовъ кавалеръ на листъ мой въ отвѣтномъ своемъ почтеннѣйшимъ писании предлагать, что велено видать денги, однакъ при той дачи нѣ-

ютъ вичитать данние оним ъ въ прошломъ 1721 году, за которие не заробили. А понеже его імператорское величество нашъ всемилостивѣйший государь, по своей високомонаршой милости, благоизволивъ для всемирной радости получнаного зъ шведскою короною вѣчного мира, не тилко провиянтомъ, но грошми и лѣкарствами, якие давани били прошлого лѣта при каналѣ козакамъ ихъ безвозвратно и чого за приключившоюся слабостию противъ порции драгунской работи не додѣлали, того на ихъ козакахъ въ семъ году не взискувать; сего ради, при обятии стопъ сенаторскихъ вашихъ свѣтлостей и сіятельствъ, всенижайше прошу, подлугъ того его імператорского величества милостивѣйшого указу, повелѣть такъ за роботу каналную козакамъ надлежащіе всѣ денги, не вичитая въ той суммѣ нѣчого, видать, яко и въ вижей виражениомъ команди моей нужномъ требовании милостивое свое явити благосклонение и дѣйствителнѣ рѣшителную учинить резолюцию.

Вашимъ свѣтлостемъ и сиятелствамъ нижайший рабъ
полковникъ полтавский Іванъ Чернякъ.

Одъ селг. Кобони при каналѣ.
Августа 2, року 1722 г.

Библіографія.

Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Составленъ подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884. (382 стр. Цѣна 1 рубль).

Съ похвальнымъ постоянствомъ изъ году въ годъ кіевское славянское благотворительное общество выпускаетъ по книжкѣ *Славянскаго Ежегодника,* и даетъ этимъ добрый, но пока еще безплодный, примѣръ другимъ кіевскимъ обществамъ,--собственно ученымъ, а не благотворительнымъ, отъ которыхъ слѣдовательно естественнѣе было-бы ожидать постоянной литературной производительности. Составъ послѣдняго выпуска *Славянскаго Ежегодника* довольно разнообразенъ. Есть тутъ и изящная словесность — *Горные разсказы* чешскаго писателя Алоиза Краска (*Залишъ*, *Дивоусъ* и *Дворскій*), разсказы очень милые и граціозные, особенно первый и третій. Къ отдѣлу-же изящной словесности можно отнести и *воспоминаніе о событіяхъ 1876 г.* болгарскаго писателя И. Вазова въ русскомъ переводѣ и его-же стихотвореніе *Россія* въ болгарскомъ подлинникѣ. Есть статьи болѣе серьезныя и тяжеловѣсныя, которыя можно причислить къ отдѣлу научному. Сюда относятся: »разборъ стихотвореній чешскаго поэта *Яр. Верхлицкаго* (псевдонимъ Эмиля Богуша Фреды), навѣянныхъ вліяніемъ философіи Шопенгауера; 2) *Фр. Кухачъ и его Сборникъ южно-славянскихъ пѣсень* (обѣ статьи принадпринадлежать Л. Степовичу). 3. *Нынѣшнее положеніе Словаковъ.* Свѣтозара Гурбана-Вьянского (въ переводѣ Т. Д. Флоринскаго) и 4. *Покушеніе Австріи ввести въ Далмаціи унію.* Статья Я. Головацкаго. Есть наконецъ и научная хроника, въ составъ которой входятъ два некролога: В. В. Макушева († 2 марта 1883 г.) и Ю· Даничича († 4 ноября 1882 г.) и

два юбилея: Франца Миклошича (8 ноября 1883 г.) и В. И. Ламанскаго (9 мая 1883 г.). Научная хроника во всемъ составѣ своемъ принадлежитъ перу редактора *Ежегодника* Т. Д. Флоринскаго. *Ежегодникъ* заканчивается *Славянскою библіографіею* за 1879—81 годы, составленною А. О. Поспишилемъ.

Выслушаемъ сначала отъ *Славянскаго Ежегодника* одинъ упрекъ, обращенный по адресу русскаго общества. Авторъ статьи о *сборникѣ южнославянскихъ пѣсенъ Фр. Кухача* въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: »Трудно представить себѣ бóльшую степень равнодушія, чѣмъ ту, какую проявляетъ наше общество по отношенію къ явленіямъ славянской жизни, особенно, если это явленія не политическія, а бытовыя, относящіяся всецѣло къ скромной сферѣ мирнаго общественнаго развитія... Изданіе (*южно-славянскихъ пѣсенъ*) предполагалось въ двухъ транскрипціяхъ текста: кирилловской и латинской, именно въ виду желанія автора доставить удобства при пользованія изданіемъ тѣмъ славянамъ, которые употребляютъ кирилловское письмо. Русское общество могло-бы очень поддержать такую полезную мысль и посодѣйствовать распространенію цѣннаго изданія, но оно не знало о немъ (по своей-же впрочемъ винѣ!), и изданіе въ кирилловской транскрипціи лопнуло и прекратилось на пятомъ-же выпускѣ! Вотъ и предпринимайте послѣ этого что-нибудь подобное, въ разсчетѣ на поддержку русскаго общества!« (стр. 235). Далѣе (стр. 239—240) авторъ статьи припоминаетъ, что »въ началѣ семидесятыхъ годовъ и кіевская публика по концертнымъ исполненіямъ студентовъ—любителей изъ хора г. Лысенка была знакома съ славянскими пѣснями. Таковы напр. пѣсни *чешскія*: 1) Вльтаво! 2) Тѣшме се благой надѣи, же се врати злате часы! (гуситская пѣсня, прекрасная по напѣву и содержанію), *сербская*: 1) Сви лайкаше одоше лако (всѣ корабельщики ушли легко) 2) Я подьо снуђенъ край дола (я пошелъ опечаленный около долины) и *хорватская*: Напрей застава славе, на бой юнашка кри! (Впередъ знамя славы, въ бой молодецкая кровь!) Всѣ эти пѣсни были весьма любимы публикой, нынѣ-же почему-то мало исполняются. Не можемъ не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ путь публичнаго концертнаго исполненія—самый вѣрный для взаимнаго ознакомленія славянъ съ своими драгоцѣнными произведеніями музыкально-народнаго творчества. Лучшее средство для популяризаціи у насъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ—это, повторяю, публичное ихъ исполненіе въ концертахъ хорошо организованными хорами, каковъ былъ напр. еще въ недавнее время въ Кіевѣ хоръ г. Лысенка. Нынѣ при отсутствіи такого рода исполненія славянскихъ пѣсенъ, онѣ опять перестали быть знакомы нашей публикѣ, и такимъ образомъ придется теперь, пожалуй,

начинать съизнова въ дѣлѣ ознакомленія ея съ родственной славянской музыкой».

Но, выслушавъ упрекъ отъ *Славянскаго Ежегодника*, отвчитаемъ и ему такимъ же. Воспользуемся для этого словами покойнаго В. В. Макушева, приведенными въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ этой же книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*. «Ни одно изъ славянскихъ племенъ (говоритъ В. В. Макушевъ) не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и нынѣ. Поляковъ же мы знали и знаемъ меньше, чѣмъ другихъ славянъ и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ непростительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и поляки не знали или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и русскихъ въ настоящемъ видѣ... Но поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку [1]); нужно же и намъ постараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ въ его прошедшемъ и настоящемъ». (Стр. 301—302).

Въ приведенныхъ словахъ рѣчь идетъ не о политическомъ сближеніи между русскими и поляками, которое немыслимо при діаметральной противуположности стремленій русскаго и польско-шляхетскаго обществъ, но о сближеніи на нейтральной почвѣ науки, искусства и литературы, которое не можетъ быть чуждо и задачамъ кіевскаго Славянскаго Общества. Между тѣмъ настоящій выпускъ его *Ежегодника*, давая русскому обществу нѣчто для знакомства съ чехами, болгарами и словаками, ничего не даетъ для знакомства съ польскою литературою. Польская литература принадлежитъ къ числу богатыхъ нерѣдко выдающимися научными и беллетристическими произведеніями; но для насъ она представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что по части южно-русской исторіи, этнографіи и пр. даетъ едва ли не болѣе, чѣмъ даемъ мы сами [2]).

---

[1]) Разумѣются, конечно, переводы на польскій языкъ нѣкоторыхъ сочиненій русскихъ писателей. Изъ недавно вышедшихъ въ польской библіографіи, приложенной въ концѣ см. *Ежегодника*, поименованы слѣдующіе: *Turgeniew*, Iwan. Pamietniki mysliwca, przeł. Henryk Heng. tom I. B. 1880. *Puszkin*. Cyganie, przekład Mir. Dobrzanskiego. Варшава. 1881. 31 стр. и *Gogol*, Mikolaj. Martwe dusze. Познань. 1879. 363 стр.

[2]) Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ хотя такія бѣглыя указанія. Въ послѣдніе два-три года польская литература о Хмѣльницкомъ дала два выдающіяся историко-беллетристическія произведенія, какъ »Z burzliwej chwili« Ежа и »Ogniem i mieczem« Сенькевича (переводъ перваго въ »Русской Мысли«, втораго въ »Живописномъ Обозрѣніи«), у насъ-же явилась только слабо-научная и претенціозная книжица Буцинскаго, да возобновленная 4-мъ тиномъ монографія

Правда, что это условливается близостію нашей прежней и польской исторіи, отчасти же и особымъ взглядомъ польскаго общества на наши южныя и западныя области, которыя она не перестаетъ и теперь считать своими, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пользоваться ея произведеніями по этой части, когда нашихъ собственныхъ такъ еще не много. Будемъ надѣяться, что наше Славянское Общество въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего Ежегодника пополнитъ этотъ пробѣлъ, равно дастъ намъ что либо изъ области вполнѣ родственной намъ литературы нашихъ галицкихъ братій, которыхъ, по своему уставу, Общество преимущественно имѣетъ въ виду.

Т. Ф.

Kolberg Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Kraków 1883. (Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографичекій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1883 г.).

Въ февральской книжкѣ »Кіевской Старины« за текущій годъ мы уже дали читателямъ краткій отчетъ о первомъ томѣ замѣчательной работы О. Кольберга »Pokucie«. Въ настоящее время мы можемъ сдѣлать небольшое сообщеніе о второмъ томѣ этого сборника.

Въ этой книжкѣ помѣщено 512 пѣсенъ, изъ которыхъ большинство съ мелодіями подъ общимъ заглавіемъ »пѣсни и думы«. Чтобы чи-

---

Костомарова. По части нашей этнографіи у поляковъ явился капитальный трудъ Кольберга »Покутье«, мы-же ничего подобнаго противупоставить ему за это время не можемъ. Укажемъ также на недавнія и свѣжо вышедшія въ польской литературѣ историческія сочиненія, имѣющія ближайшее къ намъ отношеніе и нашъ мѣстный интересъ. Таковы. 1) *Historya* Bazylianów w połockiej cerkwi w r. 1705, dnia 30 junia starego. Poznań (W. Simon) 1883, 2) *Bykowshi Piotr Jaksa.* Słoboda, powieść z dziejów zeszłowiecznej Ukrainy. Warszawa. 1883 r. (1884), 3) *Gorzkowski M.* Wskazówki do nowego obraza Jana Matejki, Wernyhora, z pobieżnym opisem o kozakach w ogóle. Kraków. 1884. 4) *Łuneewski T.* Cmentarzysko starożytne w Łuskach i Grodzisku, w gub. Siedleckiej, w pow. Sokołowskim. Warszawa. 1883 r. z rycina w tekscie. 5) *Notatka* o Akademii i szkołach jezuitów w Połocku. Poznań. 1884. 80 fenig. 6) *Popowski Boles.* Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny (Odbitki ze Zbiora Wiad. do atr. kraj., tom. VIII 3) Kraków 1884. 7) *Zuber Rud.* Studya geologiczne we wschodnich Karpatach, część II. Lwów. 1883. 8) *Podbereski* Andrzey. Materyały do demonologii ludu ukrainskiego. Краковъ. 82 стр. 9) *DeLaveaux,* Ludwik. Michal Glinski, szkic historyczny. Львовъ. 45 стр. и проч.

татель не былъ введенъ въ заблужденіе этимъ заголовкомъ, я долженъ предупредить его, что терминологія О. Кольберга, принятая имъ въ польскихъ этнографическихъ работахъ и всецѣло перенесенная въ его »Pokucie«, существенно рознится отъ терминологіи усвоенной южно русской этнографіей. Названіе *дума* у Кольберга не означаетъ того, что мы привыкли называть думою, т. е. эпическихъ козацкихъ рапсодовъ, исполняемыхъ бандуристами. Польская дума имѣетъ довольно неопредѣленное значеніе; она присвояется каждой почти пѣснѣ народной съ серьезнымъ содержаніемъ и напѣвомъ, если только эта пѣсня не обряднаго цикла. Бываютъ слѣдовательно у Кольберга думы самаго разнообразнаго содержанія: историческія, баллады, любовныя, семейныя, бытовыя и т. п.; дѣйствительныхъ-же думъ кобзарскихъ у него, разумѣется, нѣтъ вовсе. Классификація пѣсеннаго матеріала тоже не совпадаетъ съ установившеюся классификаціей южно-русской этнографіи, хотя и основана не на формѣ, а на содержаніи пѣсенъ. Такъ напр. въ отдѣлѣ IV *Dumy i pieśni załotne* читатель найдетъ баллады (№№ 110, 113, 120) и разбойничьи (№ 111, 112) пѣсни. Вообще говоря, классификація Кольберга, довольно неустойчивая, не вполнѣ опредѣленная и сбивчивая составляетъ главный, хотя и единственный недостатокъ II-го тома »Pokucie«. Вслѣдствіе этого недостатка матеріалъ, распредѣленный на 15 отдѣловъ, подчасъ до того перепутанъ, что подбирая однородныя пѣсни, приходится рыться почти по всѣмъ отдѣламъ.

Такая участь постигла напр. пѣсни историко-бытоваго характера, которыя попали во многіе отдѣлы, миновавъ отдѣлъ I *Dumy historyczne*. Среди двадцати пѣсенъ этого отдѣла, я нашелъ только двѣ пѣсни историческія; это: два прекрасныхъ варіанта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ и три варіанта пѣсни о Бондаривнѣ и Потоцкомъ (панъ Каневскій); остальныя пѣсни ничего историческаго въ себѣ не заключаютъ, и приходится ихъ отнести къ балладамъ и къ разбойницкимъ. Въ поясненіи къ пѣснѣ о Савѣ Чаломъ (стр. 289), гдѣ авторъ приводитъ и варіантъ Срезневскаго, онъ дѣлаетъ старую ошибку нашихъ историковъ, пріурочивая личность Савы Чалого къ временамъ Наливайка, ошибку давно выясненную актами о гайдамакахъ, изданными въ 1876 г. Временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Бытовыхъ козацкихъ пѣсенъ записано Кольбергомъ болѣе двухъ десятковъ. Сохранились онѣ отчасти въ чистомъ видѣ (№№ 109, 353, 398, 410, 412—417), частью-же пріурочены къ новому солдатскому типу (№№ 40, 402, 408, 418—420, 424, 425.), но пріуроченіе это почти всегда ограничилось замѣною слова *козаки* на »жовнирыки, гранатыри, уланы« и т. п.

Даже въ извѣстной невольницкой пѣснѣ о выкупѣ любимою дѣвушкою (№ 418, 420) фигурируютъ жолнеры.

Дѣйствительныхъ солдатскихъ пѣсенъ, созданныхъ новой солдатской жизнью, весьма мало и тѣ по содержанію мало чѣмъ отличаются отъ пѣсенъ рекрутскихъ, которыхъ довольно много (№№ 373—391, 394, 396, 397, 399,—401, 404, 411, 422, 423). Всѣ онѣ носятъ тотъ-же характеръ, какимъ отличаются и наши рекрутскія пѣсни; разлука, съ семьей, милой, съ родиной, жалоба на тягость ненавистной службы,—и ни одной черты патріотическаго сознанія долга. Какъ у насъ, такъ и на Подгорьѣ нѣтъ ни одной веселой пѣсни рекрутской или солдатской. Я здѣсь, разумѣется, не говорю о нашихъ лагерныхъ, такъ сказать офиціальныхъ, пѣсняхъ. Среди рекрутскихъ пѣсенъ есть нѣсколько варіантовъ, общихъ нашимъ подольскимъ и волынскимъ, но большинство изъ нихъ выросло на мѣстной галицкой почвѣ и носитъ своеобразный мѣстный характеръ, обусловливаемый австрійскими порядками рекрутскаго набора и подгорскими отношеніями.

Тотъ-же мѣстный характеръ носятъ и пѣсни о панщинѣ (№ 451, 455), и »про волю« (№ 457—460). Въ одной пѣснѣ о панщинѣ (№ 455), какъ единственное спасеніе, указываются горы и опрышки (бандиты). Четыре оригинальныя пѣсни о волѣ проникнуты благодарностью *цисару* (имератору) за освобожденіе крестьянъ и ѣдкимъ сарказмомъ, направленнымъ противъ пановъ-ляховъ, гоняющихся за ушедшею панщиною.

Между пѣснями бытовыми, кромѣ нѣсколькихъ бурлацкихъ и чумацкихъ, залетѣвшихъ на Подгорье въ довольно искаженныхъ и неполныхъ варіантахъ, попадаются и пѣсни совершенно мѣстнаго типа: это пѣсни о *чабанѣ*—пастушескія (№ 477, 478) и разбойницкія.

Эти послѣднія не носятъ полнаго характера настоящихъ пѣсенъ опрышковъ Чорной горы. Онѣ не рисуютъ намъ горскихъ бандитовъ, ихъ жизни и обычаевъ; онѣ подходятъ по своему содержанію къ особому роду балладъ, разсказывающихъ о разныхъ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ. Словомъ, это эпическіе разсказы о похожденіяхъ разбойниковъ не въ смыслѣ воспѣванія подвиговъ удалыхъ отважныхъ опрышковъ, а въ смыслѣ разсказа о постигшемъ кого нибудь несчастьи. И потому и по содержанію онѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ балладъ, къ которымъ, надо замѣтить, Подгоріе питаетъ особое влеченіе. Въ I и II отдѣлахъ читатель найдетъ болѣе пятидесяти самыхъ разнообразныхъ балладъ. Начиная отъ балладъ общеевропейскаго выясненнаго цикла, какъ напримѣръ о кровосмѣшеніи, и кончая пѣсней о какомъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событіи, можемъ на Покутьи

найти почти всѣ баллады, извѣстныя во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами.

Къ болѣе полнымъ и интереснымъ варіантамъ общеизвѣстныхъ балладъ, надо отнести слѣдующія: *объ отравленіи сестрой брата*, служившаго помѣхой въ выходѣ ея замужъ (№ 52, 54), семь самыхъ разнообразныхъ варіантовъ *объ убійствѣ и ограбленіи подговоренной* къ побѣгу дѣвушки (№ 21—26, 110.), составляющіе одну изъ переходныхъ ступеней отъ извѣстныхъ прежде южно-русскихъ къ польскимъ варіантамъ этой бретонской легенды, о *превращеніи* нелюбимой *невѣстки въ тополю* или яворъ (№ 45, 46); о *Петруни*, приглянувшемся барынѣ (№ 56, 57), которой *pendant* является баллада о Настѣ, приглянувшейся барину (№ 58, 59) и др.

Между этими пѣснями есть одна баллада нравственнаго содержанія о сынѣ, который прогналъ изъ дому старую мать, но наказанный за это ея молитвами, приходитъ просить ее вернуться опять къ нему. Пѣсня эта по содержанію почти тождественна съ Вересаевскою думою о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Является интересный вопросъ о генетической связи пѣсни и думы: родила-ли пѣснь думу, или дума перенята народомъ въ формѣ пѣсни?.

Кромѣ балладъ общеизвѣстныхъ, составляющихъ такъ называемую *бродячую* народную литературу, есть много балладъ чисто мѣстнаго характера, какъ напримѣръ: убійство урлопниками (побилетными солдатами) мѣстнаго войта за оскорбленіе (№ 15). Способность къ эпическому творчеству на Подгоріи очень живуча; сказывается она при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе или менѣе выдающійся фактъ обыкновенно рождаетъ пѣснь. Въ 1873 г. въ Испасѣ умеръ молодой юноша Иванъ Юрченко отъ чахотки; женщины подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ любовницею и одна изъ газдынь Анна Чартецкая складываетъ про него пѣсню, (№ 14, 511) которая немедленно перенимается и затѣмъ становится достояніемъ народа.

Лирницкихъ псалмовъ (Pieśni nabożne i diadowskie) есть 19, посвященныхъ общему ихъ репертуару пѣсенъ религіозныхъ и нравственныхъ. Въ нихъ явно проглядываетъ двѣ культуры: уніятская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чисто польскимъ наслоеніемъ. Изъ лучшихъ и менѣе извѣстныхъ пѣсенъ надо отмѣтить два варіанта о св. Олексіѣ (№ 501, 502).

Среди разныхъ шуточныхъ пѣсенъ, иногда весьма характерныхъ по юмору и сарказму, какъ напримѣръ пѣснь о грибахъ (№ 488) или о сословныхъ пѣсняхъ (№ 487), я къ удивленію моему встрѣтилъ два варіанта извѣстной пѣсни о Грицкѣ Мудромъ изъ Коломыи, насшемъ

свиней по латыни (№ 462, 463) съ мелодіей. Варіанты довольно полны, но мелодія, хотя и напоминаетъ слышанную мною неоднократно въ Кіевѣ, значительно искажена. Г. Кольбергъ подъ этой пѣсней замѣчаетъ, что она поется дьячками и другими грамотными людьми.

Пѣсни любовныя и семейныя, перемѣшанныя въ девяти отдѣлахъ, въ общемъ, за немногими исключеніями, составляютъ болѣе или менѣе сходные варіанты подольскихъ пѣсенъ и особаго вниманія по своему содержанію не заслуживаютъ. Но нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсенъ—это замѣчательной ихъ поэтичности вообще. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсенъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе 2-го тома замѣчательнаго труда Кольберга. О достоинствахъ вообще его этнографическихъ работъ мы имѣли случай прежде высказаться; въ смыслѣ матеріала этотъ новый томъ даетъ не мало новаго и еще болѣе—для сравнительныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи.

Ц Нейманъ.

Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объясненіями, разборомъ и картой. Одесса 1884 г. (8-о, 82 стр.).

Кто изъ цѣнителей южно-русскаго народнаго творчества не знаетъ замѣчательно художественной думы объ Азовскихъ братьяхъ, одной изъ лучшихъ среди немногихъ *невольницкихъ* думъ, проникнутой, какъ и всѣ онѣ, глубокимъ искреннимъ лиризмомъ? Думу эту г. Андріевскій избралъ предметомъ публичной своей лекціи въ г. Екатеринославѣ, которую потомъ издалъ отдѣльной брошюрой. Выбора автора нельзя не назвать весьма удачнымъ, а намѣреніе его популяризировать одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ старо-козацкаго эпоса достойно благодарности, какъ первая попытка пробудить въ образованномъ обществѣ интересъ къ ознакомленію съ богатѣйшимъ и высшимъ содержаніемъ нашей народной музы.

Принимаясь за объясненіе думы о трехъ братьяхъ, авторъ, какъ видно, старался собрать возможно полно всѣ осколки повѣствованія, разсыпанные по многимъ извѣстнымъ ея варіантамъ, составить сводную ясную картину, изображаемую думою, указать на ея эпическія и поэти-

ческія достоинства, освѣтить и выяснить бытовую и историческую сторону этой повѣсти давнихъ временъ.

Автору извѣстны девять варіантовъ этой думы, именно: шесть, помѣщенныхъ въ I томѣ Истор. Пѣсенъ, изд. юго-зап. отдѣломъ геогр. общества, два, приведенные неполно Н. Костомаровымъ въ журналѣ «Русская Мысль» 1880 г. № 2, и одинъ, напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г. № 12. Кромѣ того авторъ знаетъ одинъ неизданный варіантъ, записанный г. Манджурою. Матеріалъ довольно богатый для изслѣдованія; но мы можемъ указать еще одинъ варіантъ той же думы, упущенный изъ виду г. Андріевскимъ, именно варіантъ кобзарей Братицы и Дуба, въ изданіи того же отдѣла геогр. общ. за 1874 г. (II, стр. 119), варіантъ довольно цѣнный по нѣкоторымъ особенностямъ, хотя и далеко не полный.

Сравнивая вышеназванные варіанты, авторъ находитъ въ нихъ три различныя редакціи: полную, среднюю и краткую. Существенная разница между ними, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что они неодинаково представляютъ послѣднюю судьбу двухъ старшихъ братьевъ: четыре варіанта передаютъ, что послѣ благополучнаго ихъ возвращенія домой были обнаружены обманъ и жестокосердіе старшаго брата, равно сострадательность и правдивость средняго, при чемъ первый понесъ заслуженное наказаніе, а второй вознагражденъ; по четыремъ другимъ оба брата не достигли родительскаго дома и за то, что бросили младшаго брата въ степи, поплатились сами смертью отъ настигшихъ ихъ татаръ; два-же варіанта, упоминая лишь кратко о возвращеніи старшихъ братьевъ домой, влагаютъ въ ихъ уста проклятіе турецкой неволѣ и молитву къ Богу объ избавленіи христіанъ отъ такой напасти. Авторъ не считаетъ существенною частью думы заключительнаго финала всѣхъ варіантовъ, желая тѣмъ объяснить произшедшую въ передачѣ одной и той-же думы разницу; по его мнѣнію этотъ финалъ созданъ впослѣдствіи пѣвцами думы, каждымъ самостоятельно, въ силу необходимости дать заинтересованнымъ слушателямъ какой нибудь эпилогъ, выясняющій судьбу старшихъ братьевъ послѣ смерти младшаго.

Мы не можемъ согласиться ни съ допущеннымъ авторомъ дѣленіемъ варіантовъ думы о трехъ братьяхъ на три редакціи, ни тѣмъ болѣе съ его мнѣніемъ о происхожденія и значенія ихъ финала.

По нашему мнѣнію, въ варіантахъ думы можно признать только двѣ первыя редакціи; что же касается 3-го извода (Крячковскаго и Вересая), то въ немъ никакъ нельзя видѣть особой редакціи, такъ какъ заключительная часть этого извода дословно заимствована изъ двухъ другихъ думъ, именно: «Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ» и

»Плачъ невольника о выкупѣ«. Произошло это вслѣдствіе забвенія пѣвцами дѣйствительнаго эпилога, а не въ силу необходимости создать такой эпилогъ. Что это такъ, показываетъ не соотвѣтствіе эпилога думѣ о трехъ братьяхъ въ 3-мъ изводѣ и полное его согласіе съ двумя другими названными думами. Проклятіе земли турецкой и вѣры бусурманской естественно въ устахъ невольниковъ, прикованныхъ на вѣки къ веслу турецкаго судна, но совершенно непримѣнимо къ счастливо возвратившимся на родину братьямъ. Тоже должно сказать и о молитвѣ къ Богу: она также умѣстна въ »Плачѣ невольниковъ«, какъ умѣстенъ въ думѣ о трехъ братьяхъ финалъ, что память объ нихъ не умретъ, не поляжетъ, а будетъ воспѣваться въ назиданіе до конца вѣка. Такой финалъ въ этой послѣдней думѣ заключаетъ въ себѣ всю мораль думы, не говоря уже о томъ, что безъ нея дума не имѣла-бы законченности эпическаго разсказа. Дидактическое значеніе думнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію; оно проглядываетъ ясно во всѣхъ думахъ въ той или другой формѣ, причемъ назиданіе посвящается не только сферѣ семейныхъ отношеній, но также и общественныхъ. Между тѣмъ признавая заключительную часть думы за несущественный, позднѣйшій досказъ въ угоду заинтересованной публики, авторъ разбираемой брошюры лишаетъ думу существенной и важной ея черты — назидательности.

Приступая къ изложенію содержанія думы, авторъ предпосылаетъ ему весьма цѣнныя объясненія, особенно относительно обстоятельствъ мѣста и времени дѣйствія разсказа и бытовыхъ подробностей думы. Онъ рисуетъ намъ географическую карту пространства между Азовскимъ моремъ и р. Самарою и выясняетъ топографію мѣстности, относящейся къ думѣ, по памятникамъ историческимъ и преданіямъ, съ цѣлію опредѣлить путь, по которому возвращались братья изъ неволи.

Въ XV—XVI вв. было два пути по этой мѣстности; одинъ водный по р. Самарѣ, ея притоку Волчьи воды и Міусу (нынѣ Кальміусу) на Маріополь (Маріуполь), а другой сухопутный къ р. Омельнику, съ начала потому-же пути, а затѣмъ по верховьямъ рр. Крымки (нынѣ Кринки) и теперешняго Міуса возлѣ Савуръ-горы, къ гирламъ р. Дона. Встрѣтивъ въ думѣ названія р. Крымки, байрака-мелюса (а въ одномъ варіантѣ—Міусъ), и постоянную Савуръ-могилу, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что братья бѣжали именно по этому второму пути. Установивъ этотъ предполагаемый путь, авторъ сообразно съ нимъ распредѣляетъ порядокъ спутанныхъ иногда въ разныхъ варіантахъ частей думы. Намъ кажется однако, что онъ слишкомъ много придаетъ цѣны географическимъ названіямъ думы и совершенно напрасно старается насильно

свести ихъ съ названіями нынѣшнихъ картъ. Стремленіе это повело автора къ слѣдующему противорѣчію. По думѣ, во всѣхъ почти ея варіантахъ, Савуръ-могила опредѣляется въ мѣстности Муравской дороги и р. Самары; но въ ней ни слова нѣтъ о томъ, чтобы эта могила лежала на ихъ пути еще возлѣ рр. Кринки и теперешняго Міуса, т. е. тамъ гдѣ, ее опредѣлилъ по географическимъ картамъ г. Андреевскій. Если-бы младшему брату приходилось, побывавъ на Муравскомъ шляху, умирать на географической Савуръ-горѣ, то онъ долженъ былъ-бы для этой цѣли возвращаться назадъ, по опредѣленію автора, цѣлыхъ 156 верстъ. Это явное несоотвѣтствіе думной Савуръ-могилы съ географической заставляетъ автора объяснять соотвѣтственное мѣсто думы вліяніемъ пѣсни о Морозенкѣ, который тоже умираетъ на Савуръ-могилѣ, а въ пересказѣ думы онъ заставляетъ братьевъ дѣлать привалъ на географической могилѣ, а младшаго брата умирать на гладкой дорогѣ, вопреки почти единогласному разсказу во всѣхъ варіантахъ. Единственный варіантъ Срезневскаго, не упоминающій Савуръ-могилы, какъ мѣста смерти младшаго брата, представляетъ въ разсказѣ объ этомъ событіи явные пропуски и неполноту и не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать смерть этого брата не на могилѣ, да и другого мѣста—чистого поля, битого шляха и т. п. онъ также не опредѣляетъ. Гораздо проще отрѣшиться вовсе отъ желанія пріурочить разсказъ думы къ географической Савуръ-горѣ, а думную Савуръ-могилу искать на Муравскомъ шляху. Если здѣсь географическія карты не указываютъ такой могилы, то это еще не даетъ права категорически отрицать ея существованіе; наконецъ названіе прежнее Савуръ-могилы, относившееся быть можетъ къ какому нибудь кургану около Самары, могло забыться и утратиться. Подобное предположеніе весьма правдоподобно. Географическая теперешняя Савуръ-могила стоитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ арены прежней козацкой жизни, чтобы могла оставить въ народной поэзіи столь распространенное и излюбленное о себѣ воспоминаніе.—Самъ авторъ признаетъ, что съ теченіемъ времени географическія названія переносятся съ одного мѣста на другое, какъ это случилось съ р. Міусомъ; почему-же не могло случиться подобнаго и съ Савуръ-могилой? Если самъ авторъ признаетъ, что и въ настоящее время многимъ могиламъ присвоается названіе Савуръ-могилы, какъ напр. въ каневскомъ уѣздѣ, то почему-же онъ за настоящую Савуръ-могилу признаетъ именно ту, которая попала на географическую карту? Есть даже нѣкоторыя основанія полагать, что въ мѣстѣ, опредѣляемомъ, думою была могила того-же названія. Это во первыхъ видно изъ приводимыхъ самимъ авторомъ словъ Вересая, который назначаетъ ей мѣсто не тамъ, гдѣ она значится на картѣ, а дале-

ко западнѣе, »по дорогѣ въ Маріуполь«, которая никакимъ образомъ по верховьямъ теперешняго Міуса проходить не могла, а оставляла ихъ далеко на востокъ.—Кромѣ того въ I т. Ист. Пѣсенъ говорится, что »Савуръ-могила, часто упоминаемая въ пѣсняхъ, была гдѣ-то около рѣки Самары«, на основаніи, какъ передавалъ мнѣ одинъ изъ издателей этихъ пѣсенъ, преданія, записаннаго г. Манджурою, о томъ, что эта могила находилась именно у верховьевъ р. Самары, т. е. въ той мѣстности, по которой проходилъ Муравскій шляхъ.

Въ объясненіяхъ текста думы г. Андріевскій старается быть какъ можно болѣе точнымъ и обстоятельнымъ, но допускаетъ нѣкоторыя невѣрныя толкованія и преувеличенія. Отмѣтимъ ихъ, избѣгая утомительныхъ подробностей. Авторъ утверждаетъ, что побѣгъ трехъ братьевъ изъ неволи долженъ былъ совершиться раннею весною, и подтвержденіе этого видитъ между прочимъ въ томъ мѣстѣ думы, гдѣ говорится о появленіи *сивой зозули*; но какъ предвѣстницей весны считается обыкновенно не кукушка, а ласточка, то именно эту птицу онъ разумѣетъ подъ словомъ *зозуля* (стр. 74) и приводитъ для этого слѣдующія основанія. Во первыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчается слово *зегзица*, а г. Погосскій слышалъ въ дѣтствѣ это слово, какъ названіе ласточки, въ »Причитаніяхъ-же сѣвернаго края« (Барсова) въ томъ-же будто-бы смыслѣ встрѣчается слово *загозочка*. Слова эти авторъ признаетъ однозвучными и однокоренными съ зозулей (зоз-уля=зегз-уля?). Но если-бы и такъ, то г. Потебня цѣлымъ рядомъ сближеній (Слово о Полку Игоревѣ, стр. 135—139) доказалъ, что зегзица ничто иное, какъ кукушка, которая такъ-же *куетъ*, какъ и наша зозуля, и что ея кукованіе служитъ въ *Словѣ* такимъ-же образомъ плача Ярославны, какъ кукованье нашей сивой зозули образомъ плача сестры и матери. Прибавимъ къ этому, что чешское *žežhule* и польское *zieziula* и *zuzela*[1]) означаютъ ничто иное, какъ кукушку. Во вторыхъ считать *зозулю* ласточкою, по мнѣнію автора, заставляетъ придача этому слову эпитета *сизая*, это постоянный эпитетъ не кукушки, а ласточки. Но если этотъ эпитетъ въ примѣненіи къ зозулѣ встрѣчается въ однихъ варіантахъ думы, то въ другихъ (Кожбабы, Вересая, Крячковскаго и Крюковскаго) постоянно читаемъ *сивая* или *сѣрая*, а это можетъ относиться только къ кукушкѣ, имѣющей всю спинку и головку пепельнаго цвѣта, а не къ ласточкѣ съ бѣлымъ брюшкомъ и коричневымъ горломъ. Въ третьихъ, по мнѣнію автора, въ думѣ подъ именемъ зозули потому

[1]) Zbiór. Wiad do Antr. krajow. Kraków I. стр. 102: Ej, zieziula, zieziula! Ile lat do mego wesela? или Kukuweczko, zuzela! Ile lat do mego wesela?

надо разумѣть ласточку, что имя ласточки употребляется народомъ, какъ ласкательный эпитетъ нѣжной матери или сестры; но въ думѣ зозуля является образомъ плачущей, скорбящей матери, въ этомъ смыслѣ у великороссовъ, и у малороссовъ, у поляковъ и у чеховъ въ пѣсняхъ семейныхъ употребляется имя кукушки, которая непремѣнно жалобно *куетъ*, что несовмѣстно съ представленіемъ о ласточкѣ.

Еще менѣе можно согласиться съ авторомъ, дающимъ нерѣдко весьма любопытные и цѣнные комментаріи исторически-бытового характера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, увлеченный стремленіемъ извлечь изъ текста думы, какъ можно болѣе, содержанія, допускаетъ, кромѣ безсрочной каторги въ плѣну у турокъ и татаръ, еще и срочную. Основаніе для этого онъ находитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы каторга названа *довичною:* если была де-скать каторга *довичная*, безсрочная, то была и срочная. Но кромѣ заключенія *a contrario* едва-ли тутъ можетъ быть какое либо другое основаніе. Ничего не доказываетъ здѣсь ссылка автора на Герберштейна; послѣдній описывалъ неволю только по разсказамъ въ Московіи и не видѣлъ ее лично. Служба на галерахъ могла быть только безсрочная, какъ и самая неволя. Случайный лишь выкупъ и смерть избавляли невольника отъ галернаго весла. Это ясно проглядываетъ какъ изъ богатыхъ цитатъ, приведенныхъ подъ невольницкими думами (въ Историч. Пѣсняхъ Мал. Народа), такъ и изъ самаго текста думъ. Плачъ плѣнниковъ на турецкой каторгѣ рисуетъ намъ окончательное отчаяніе невольниковъ, которые просятъ, какъ спасенія, гибели корабля, на которомъ работникъ другого исхода и конца мукъ не видитъ. Ни одного упоминанія нѣтъ въ думахъ о срокѣ службы на каторгѣ; напротивъ въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ козаки сорокъ лѣтъ уже прикованы (разумѣется, гипербола) и единственная ихъ надежда—удачный побѣгъ. Думы вообще и въ частности дума о трехъ братьяхъ говорятъ только о каторгѣ *довичной*, или безсрочной.

Пересказъ содержанія думы сдѣланъ авторомъ въ прозѣ на русскомъ языкѣ весьма удачно. Онъ съумѣлъ до мельчайшихъ подробностей собрать почти все, что давалъ разрозненный по извѣстнымъ ему варіантамъ матеріалъ и сгруппировать въ одну общую картину. Но несмотря на всѣ достоинства пересказа, онъ страдаетъ также нѣкоторыми промахами, которыхъ не можемъ не отмѣтить.

Прежде всего, авторъ не всегда вѣрно переводитъ малорусскія выраженія. На стр. 27 слова: »тило мое звиру, птыци на *поталу* не дайте« онъ переводитъ такъ: »не оставляйте меня *въ пищу* звѣрю и птицѣ (стр. 27).

Но слово *потала* вообще и въ данномъ случаѣ означаетъ *поруганіе*, какъ видно изъ словъ варіанта Братицн и Дуба, неизвѣстнаго автору:

Стали (орлы) на ёго чорни кудри наступати,
Стали ёго козацькую тварь *зневажати* (оскорблять).

Столь-же невѣрно авторъ перевелъ слѣдующій картинный образъ: »Тильки поле *леліе*, на нёму трава зелена зеленіе« — словами: »впереди его только степь *чернѣетъ и колеблется словно море;* на ней трава зеленая зеленѣетъ«. Степь чернѣетъ, когда на ней нѣтъ травы,— колеблется, волнуется, когда трава высокая, побѣгъ-же братьевъ, какъ и авторъ говоритъ, былъ раннею весною. Какимъ-же образомъ степь могла въ то время и колебаться, словно море, высокою травою и чернѣть, какъ выжженная долгимъ лѣтнимъ зноемъ? Если, во избѣжаніе этой несообразности, слово *леліе* перевести, согласно съ г. Потебнею (Слово о полку Игоревѣ стр. 96), словомъ *блеститъ*, въ какомъ значеніи оно дѣйствительно употребляется, то получится совершенно ясный и подходящій образъ: только поле (ровное, гладкое, безъ байраковъ) блеститъ и на немъ трава зеленѣетъ.

Въ фразѣ: *кони вакувати*(стр. 76), авторъ для объясненія послѣдняго слова обращается къ татарскому слову *вака*—накладываніе кулей, такъ что: *кони вакувать*, по его мнѣнію, значитъ: отягощать коней кладью. Но слово *вакувать* имѣетъ корень латинскій и представляетъ два значенія: недоставать и тратиться безъ употребленія, безъ пользы, напр.: »не було чимъ поля засіяти, то воно й теперъ вакуеться«, и въ томъ-же смыслѣ это слово употреблено и въ думѣ.

Наконецъ слова думы: »отцеву и матчину молитву споминае« авторъ передаетъ по русски такъ: »отца и матерь вспоминаетъ, молится за нихъ и отдаетъ Богу душу« (стр. 35). На этомъ переводѣ онъ строитъ даже характеристику младшаго брата въ такихъ словахъ: »Его глубокая дѣтская нѣжность и заботливость, его всегдашняя память объ отцѣ и матери выражается въ томъ, что послѣднею его мыслію и молитвою была именно мысль и молитва не о себѣ, но объ отцѣ и матери« (стр. 45). Между тѣмъ, сопоставивъ это мѣсто думы съ такимъ-же мѣстомъ объ Олексіѣ Поповичѣ, на которую авторъ ссылается, нельзя не видѣть, что умирающій юноша молился именно о себѣ, вспомнивъ материнскую и отцовскую молитву, т. е. молитву, которой его въ дѣтствѣ учили родители; это и просто и естественно.

Неправильные переводы и невѣрное толкованіе выраженій думы часто служатъ причиною и неправильныхъ выводовъ автора, что особенно ярко выступаетъ въ сдѣланной имъ характеристикѣ трехъ братьевъ. Переведя слова старшаго брата: *чи-жъ подобенство*, мій брате, и проч.

словами: *«развѣ мнѣ это прилично»* (стр. 39), авторъ поэтому видитъ въ немъ галантность, щепетильность и утонченную деликатность по отношенію къ своей собственной особѣ; онъ дескать знаетъ, что ему прилично и что неприлично. Но словъ: *чижъ подобенство* иначе нельзя перевести, какъ словами: *развѣ это похоже на что нибудь, развѣ это возможно*, а при такомъ переводѣ едва-ли можно видѣть въ словахъ старшаго брата что либо другое, кромѣ весьма обыденнаго грубаго эгоизма.

Не вѣрна и не отвѣчаетъ думѣ и вообще характеристика, даваемая авторомъ старшему брату, въ которомъ онъ старается представить какого то чернаго генія. Старшему брату, какъ болѣе практичному, удалось набрать болѣе турецкаго добра. Для спасенія его во время погони, онъ забываетъ даже родственное чувство въ отношеніи къ младшему брату и отказывается взять его на коня. Лишь добѣжавъ до р. Самары и видя себя уже спасеннымъ, онъ чувствуетъ укоры совѣсти, сожалѣетъ о братѣ; но сознавая, что уже поздно, что братъ до этого времени умеръ гдѣ-либо съ голоду, онъ приказываетъ среднему брату молчать предъ родителями объ участи младшаго, погибшаго, когда возвратятся домой, а про себя радуется тому, что убыло однимъ наслѣдникомъ. Такъ рисуетъ старшаго брата дума; авторъ же видитъ въ немъ далеко болѣе порочнаго человѣка. Онъ находитъ въ немъ еще въ Азовѣ *затаенныя мысли*, (стр. 37) избавившись отъ младшаго брата, завладѣть его наслѣдствомъ, называетъ его лицемѣромъ, хитрецомъ (стр. 39) и вообразивъ его такимъ, затрудняется объяснить его раскаяніе у р. Самары и, видя въ этомъ мѣстѣ (стр. 53) искаженіе думы, упрекаетъ за то пѣвцовъ. Между тѣмъ съ большею справедливостію можно упрекнуть автора за то, что онъ, разбирая думу, не передаетъ ея мыслей и образовъ, а видитъ въ думѣ собственную фантазію и досадуетъ на то, что она не сложена по его замышленію.

Къ догадкамъ, иногда мелочнымъ и празднымъ, авторъ весьма склоненъ. Онъ напримѣръ *догадывается* (стр. 42), безъ всякихъ, по собственному признанію, данныхъ, что старшіе братья задумали бѣжать безъ младшаго и что послѣдній какъ нибудь случайно узналъ объ этомъ; равно онъ изъ словъ думы: *орлы на кудри чорные наступали*—заключилъ, что младшій братъ выбрался изъ Азова даже безъ шапки, и т. под.

Какъ ни симпатична мысль автора популяризаціи нашихъ думъ, этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ малорусскаго эпическаго творчества, но мы его попытку въ этомъ направленіи должны признать не вполнѣ удачною. Авторъ много затратилъ труда для историческихъ и топографическихъ комментаріевъ, въ ущербъ литературной разработкѣ памятника.

Нарисованная и прекрасно выясненная карта весьма интересна, это правда; но она излишня для объясненія думы. Достаточно было выяснить въ короткихъ словахъ значеніе слова *мелюсъ*, указать характеръ мѣстности между г. Азовомъ и рѣкой Самарой, указать, что путь братьевъ долженъ былъ пересѣчь Муравскій шляхъ уже недалеко отъ р. Самары,— и только. Главное же вниманіе автору слѣдовало обратить на содержаніе думы, которое онъ передалъ хотя и подробно, но подчасъ совершенно невѣрно, увлекшись собственнымъ воображеніемъ или невѣрно понявъ малорусскій текстъ. Затѣмъ, разборъ содержанія онъ ограничилъ почти исключительно характеристикой братьевъ, въ которой, тоже отступивъ отъ текста думы, рисовалъ на ея тему собственные образы. Значеніе же этой думы среди цѣлаго ихъ цикла вообще и невольницкаго въ частности, ея эпическое богатство, ея оригинальныя черты поэтическія, ставящія это думу на ряду съ первокласными рапсодіями народнаго творчества—все это осталось не выясненнымъ, даже не намѣченнымъ. Авторъ не позаботился познакомить читателя съ оригинальной думной формой, которой нѣтъ ни у одного славянскаго народа; не отмѣтилъ даже характерныхъ пріемовъ эпическаго сравненія, почти тождественныхъ съ пріемами Слова о Полку Игоревѣ; не опредѣлилъ художественной силы и богатства языка думы, словомъ онъ не далъ никакого выясненія самородности и цѣнности памятника.

Въ параграфѣ »правоучительная тенденція думы« онъ разсказываетъ много, но не выясняетъ ея морали, ея высокаго представленія о нравственныхъ семейныхъ началахъ, которыя составляютъ отличительную черту всего южно-русскаго народнаго творчества и быта. Думы наши преимущественно передъ прочими памятниками народнаго творчества заслуживаютъ болѣе всесторонней оцѣнки и болѣе серіознаго къ себѣ и къ своему тексту вниманія, чѣмъ оказалъ авторъ.

Каковы бы впрочемъ ни были недостатки статьи г. Андріевскаго, мы все таки должны сказать ему искреннее спасибо за многіе его интересные комментаріи, а главное—за счастливую мысль и почин въ новомъ, не практиковавшемся у насъ дѣлѣ.

Ц. Нейманъ.

Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.

Основа 1861 г. Іюль. *Минулося* (стихотвореніе). Августъ. *Погуковщина* (мѣстный мірской сборъ). Октябрь. *Изъ Борисполя* (значеніе могорича въ договорѣ, хозяйственныя товарищества, наемъ работниковъ).

Черниговскій Листокъ 1861. № 8. Нѣсколько словъ объ обычаѣ и о значеніи сказокъ, пословицъ и пѣсенъ для криминалиста.

Основа 1862 г. Мартъ. Украинскій спектакль въ Черниговѣ. Апрѣль. Два слова о сельскомъ училищѣ вообще и объ училищѣ для сельскихъ учителей. Апрѣль. Исторія бориспольской школы. Іюнь. Изъ Борисполя. Іюнь. Замѣтка по поводу лѣсохозяйства и лѣсокрадства. Іюль. Ярмарокъ въ Борисполѣ.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости 1862 г. Програма для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи.

Наличное народонаселеніе г. Архангельска по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ Комитетомъ въ назначенный день 22 декабря 1863 года. Арханг. 1864.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости. 1864 г: № 10. Програма для собранія статистическихъ свѣдѣній. № 21—24. Програма этнографіи. № 25. Програма обычнаго права. № 38. Колонизація мурманскаго россійскаго берега.

Памятная книжка архангельской губерніи на 1864. годъ. Арханг. 1865 г. Статистическія таблицы и вѣдомости за 1863 годъ, съ предисловіемъ Чубинскаго.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г. № 10. Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1838 по 1865 годъ.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1866 г., т. IV, вып. 1-й. Солевареніе въ архангельской губерніи (перепечатано въ Арханг. Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 15—17).

Труды Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1865 г. кн. 2 я. Арханг. 1866 г. Здѣсь помѣщены: статистическо-этнографическій очеркъ Корелы. Статистика рожденій, браковъ и смертности по г. Архангельску за 10 лѣтъ. Статистика рожденій, браковъ и смертности въ уѣздныхъ городахъ и посадахъ арханг. губерніи. Обозрѣніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ арханг. губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1867 г., т. I, вып. 4-й. Виды хлѣбовъ, производимыхъ въ архангельской губерніи, съ показаніемъ количества каждаго.

Кромѣ того Чубинскимъ, какъ видно изъ его отчета о дѣятельности Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1866 годъ, были доставлены въ Вольное экономическое общество слѣдующія статьи и записки: 1) о хлѣбопашествѣ и продовольствіи жителей архангельской губерніи, 2) О мурманскихъ рыбныхъ промыслахъ, 3) О торговлѣ поморовъ съ Норвегіею, 4) О колонизаціи сѣверо-западной части мурман-

скаго берега, 5) О соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ, 6) О морскомъ судостроеніи, 7) О вывозной торговлѣ архангельскаго порта, 8) О Кореліи архангельской губерніи, 9) О лопаряхъ, 10) О Новой Землѣ и о боѣ морскихъ звѣрей, 11) О запечорскомъ краѣ, 12) Проэктъ компаніи подъ названіемъ: Лукоморскій Лойдъ и Печорско-обская компанія. Были ли эти статьи напечатаны Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, мнѣ неизвѣстно, но извѣстно, что по поводу нихъ III Отдѣленіе этого общества въ зиму 1867/8 года имѣло цѣлый рядъ засѣданій, которыя были посвящены вопросамъ о нуждахъ Сѣвера.

Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію печорскаго края. Арханг. 1867 г.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 28. Печальныя вѣсти о состояніи сплава товаровъ по р. Югу. № 31. По поводу журналовъ засѣданія III отдѣленія Императорскаго вольнаго экономическаго общества 20 и 28 марта. № 33. Обдѣлка щетины въ г. Устюгѣ. № 35. Сѣверо-Двинское пароходное общество и его дѣятельность. № 40. Учебноремесленное училище въ Емецкомъ селеніи. № 52. Одинъ изъ невѣдомыхъ распространителей грамотности въ народѣ. № 68 и 71. Сѣверо-Екатериненскій путь.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., № 14—15. О Вятско-Двинской дорогѣ, № 18. О состояніи архангельской публичной библіотеки, № 28—29. Нѣсколько словъ о положеніи народнаго образованія, № 32. Проэктъ устава и записка о необходимости общества сельскаго хозяйства въ архангельской губерніи, № 73. О взаимномъ страхованіи судовъ и грузовъ, № 74. Смолокуреніе въ архангельской губерніи, № 81—82. По поводу неурожая въ архангельской губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества 1868 г., т. II., вып. 2. Письмо Чубинскаго объ изслѣдованіи хлѣбной торговли по сѣверно-двинскому бассейну.

Отчеты о дѣятельности архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы (за послѣдніе два года одинъ отчетъ). Отчеты печатались въ Архангельскѣ въ слѣдующемъ за отчетнымъ году.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1869 г., т. V, отд. 1-й. Сообщенія Чубинскаго: а) о сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи, составленномъ П. Ефименкомъ и изданномъ архангельскимъ статистическимъ комитетомъ и б) о хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ сѣверной Двины.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, 1869 г., т. II. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи.

Юридическій Вѣстникъ 1869 г. № 4. Разборъ книги. П. Ефименка: Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи.

Труды экспедиціи, снаряженной Вольнымъ экономическимъ и русскимъ обществомъ для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи, т. I, вып. 2-й С.-Пб. 1869 г. Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ въ сѣверномъ районѣ.

Того-же изданія т. I, вып. 6-й. С.-Пб. 1870 г. О состояніи хлѣбной торговли и производительности въ сѣверномъ районѣ.

Сопилка (сборникъ стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ). Павлуся. Кіевъ. 1871 г.

Записки Кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества 1871 г., т. 1-й. Нѣсколько словъ о статистической литературѣ, касающейся свеклосахарной промышленности.

Кіевлянинъ 1872 г., № 73 и 76. Политехническая выставка въ Москвѣ (корреспонденція), № 85. Малорусское племя.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества 1872 г., т. VIII, № 3. Краткое извлеченіе изъ доклада, прочитаннаго д. членомъ общества П. П. Чубинскимъ 15 января 1872 г. въ отдѣленіи этнографіи (объ этнографическомъ изслѣдованіи юго-западной Россіи).

Календарь юго-западнаго края на 1873 годъ. Составленъ Чубинскимъ и Борисовымъ. Кіевъ, 1872 г.

Программа для собиранія этнографическихъ и статистическихъ данныхъ, составленная д. членами юго-западнаго отдѣла русскаго геогр. общества Чубинскимъ и Русовымъ. Кіевъ, 1873 г.

Свеклосахарные заводы россійской имперіи съ оффиціальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—72 года. Изданіе кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества. К. 1873 г.

Тоже за 1873, 74 и 75 годы, изд. въ Кіевѣ въ 1876 г.

Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества т. I-й. К. 1874 г. Рѣчь Чубинскаго по поводу открытія юго-западнаго отдѣла. Село Сокиринцы и сокиринское ссудосберегательное товарищество. Нѣсколько народныхъ историческтхъ преданій.

Тамъ-же т. II. К. 1875 г. Инвентарь крестьянскаго хозяйства. Обзоръ данныхъ о населеніи г. Кіева по однодневной переписи произведенной 2 марта 1874 г. Разъясненія къ таблицамъ о жителяхъ г. Кіева по переписи 2 марта 1874 г.

Отчетъ о дѣятельности юго-западнаго отдѣла Имп. русск. геогр. общества за 1873 г. К. 1874 г.

То-же за 1874 г. К. 1875 г.

(Извлеченія изъ этихъ отчетовъ помѣщены въ извѣстіяхъ Имп. русск. географическаго общества).

Карта свеклосахарной промышленности въ Россіи 1876 г.

Состояніе училищъ, подвѣдомственныхъ министерству путей сообщенія. С.-Пб. 1878 г.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ. т. I, вып. 1. С.-Пб. 1872 г. Вѣрованія и суевѣрія малорусскаго народа, вып. 2-й. 1877 г. Загадки и пословицы. Колдовство (изслѣдованіе и акты о колдовствѣ В. Б. Антоновича) т. II. 1878 г. Сказки миѳическія и бытовыя, т. III. 1872 г. Народный дневникъ, т. IV. 1877 г. Пѣсни обрядовыя т. V. 1873 г. Пѣсни любовныя, семейныя и шуточныя, т. VI. 1872 г. Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ (сборникъ рѣшеній волостныхъ судовъ со статьями А. Ѳ. Кистяковскаго о волостныхъ судахъ и Чубинскаго—краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 1-й, 1872 г. Евреи, поляки и прочія племена не малорусскаго происхожденія, проживающія въ юго-западномъ краѣ. (Здѣсь-же помѣщены статьи Полинковскаго: этнографическій очеркъ евреевъ и очеркъ ихъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 2-й. 1877 г. Малоруссы юго-западнаго края (этнографическій очеркъ, статистика, языкъ и нарѣчія, экономическое положеніе крестьянъ-собственниковъ).

П. Ефименко.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

НѢЖИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

»Метеоръ Литтературы. Январь, 1826«. Подъ такимъ заглавіемъ доставлена А. А. Савичемъ[1]) въ редакцію »Кіевской Старины« рукописная тетрадка, въ зеленой обложкѣ, изъ сѣроватой бумаги, въ 42 перенумерованныя страницы, въ малую осьмушку (по 16-ти строкъ на каждой страницѣ); заглавіе это написано на обложкѣ, обведенной бордюромъ въ родѣ колѣнчатой лѣстницы, съ каемками по сторонамъ; на внутреннемъ заглавномъ листкѣ читаемъ: *»Метеоръ литтературы. Часть 1«*. Затѣмъ эпиграфъ—первые восемь стиховъ изъ басни Крылова »Орелъ и Пчела« и наконецъ: *»Нѣжинъ. 1826«*.

Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ рукописныхъ журнальцевъ, которые издавались въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, во время пребыванія въ ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукою и несомнѣнно рукою Гоголя, какъ видно изъ сличенія письма тетрадки съ другими его автографами. Такъ какъ біографъ его П. А. Кулишъ упоминаетъ, что Гоголь издавалъ въ гимназіи журналъ »Звѣзда«, то мы сейчасъ-же подумали: не тотъ-ли это самый журналъ лежитъ теперь передъ нами? Въ названіи его біографу

---

[1]) Приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Александру Андреевичу за сообщеніе столь рѣдкаго автографа, несомнѣнно удостовѣряющаго существованіе Гоголевскаго журнала, о которомъ мы имѣли лишь голое извѣстіе. — Ред.

легко можно было обмолвиться: »Метеоръ«, »Звѣзда« нѣсколько близки другъ къ другу и могли смѣшаться въ памяти. Гоголь издавалъ свой журналъ въ теченіи полугода или болѣе,—и такъ, это одна изъ книжекъ его. На первой страницѣ текста читаемъ опять: »*Метеоръ литтературы 1826 январь. № 1*«. А если это дѣйствительно первая книжка его существованія, то въ *первой* книжкѣ участіе Гоголя должно быть непремѣнно. И мы внимательно прочитали всѣ статейки »Метеора«. Вотъ содержаніе его, написанное на нижнемъ листѣ зеленой обложкѣ. Приводимъ его съ нашими поясненіями:

Оглавленіе.

Между 4-й и 5-й пьесой пропущено въ оглавленіи стихотвореніе »Романсъ«, стр. 36.—Имени автора не указано нигдѣ, ни подъ одной статьей. По содержанію своему, почти всѣ эти статейки сентиментальнаго, мечтательнаго, псевдоисторическаго и романтическаго характера, и мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить, что изъ нихъ можетъ принадлежать Гоголю. Впрочемъ, если бы и все содержаніе книжки несомнѣнно принадлежало ему, оно ничего не представляетъ для его славы. Проза никоимъ образомъ не можетъ быть приписана Гоголю: Гоголь въ гимназіи писалъ трагедіи, баллады, акростихи, эпиграммы; съ нѣмецкаго онъ переводить не могъ, нѣмецкаго языка онъ не терпѣлъ, не вѣрилъ даже, чтобы Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ; другая новѣстушка—

реторическая вещь въ духѣ Марлинскаго. Въ стихотвореніяхъ риѳмы очень часто бѣдны, размѣръ кое гдѣ не выдержанъ, нерѣдко встрѣчаются усѣченныя окончанія прилагательныхъ именъ. Мѣстнаго характера во всѣхъ статьяхъ—ни тѣни. Гоголевскій талантъ не выдается нигдѣ. А между тѣмъ Гоголь былъ тогда уже 17-ти лѣтнимъ юношей, любилъ бродить по предмѣстьямъ Нѣжина и всматриваться въ игры и бытъ народа. Не имѣя возможности рѣшить положительно, что-же въ »Метеорѣ« принадлежитъ Гоголю, мы думаемъ, что Гоголь несомнѣнно былъ его редакторомъ и велъ свое дѣло съ любовью; самъ переписалъ всѣ статьи его, сдѣлалъ на немъ красивенькій бордюръ, названіе журнала писалъ всякій разъ различнымъ манеромъ, бока каждой страницы обвелъ карандашомъ, приложилъ указаніе описокъ въ стихахъ, и проч. Почеркъ его здѣсь болѣе твердый, устойчивый, старательный, даже болѣе грамотный, чѣмъ онъ извѣстенъ намъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ Гоголя и особенно въ его письмахъ. Статьи »Метеора« безъ сомнѣнія принадлежать и ему и товарищамъ его. Названіе журнальца, составъ и самый форматъ его представляютъ собою очевидное подражаніе »Полярной Звѣздѣ«, альманаху 1823—1825 годовъ, и хотя содержаніе всѣхъ статеекъ »Метеора« весьма жиденькое, все-таки оно указываетъ на внимательность нѣжинскихъ гимназистовъ къ литературнымъ явленіямъ своего времени и дѣятельность ихъ въ духѣ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзина, Жуковскаго, Марлинскаго, Дельвига и Пушкина. Біографъ Гоголя говоритъ, что Гоголь былъ въ гимназіи комикомъ на сценѣ и въ жизни, а въ литературѣ считалъ комическій элементъ низкимъ; послѣднему нельзя повѣрить. Комическая струя, которою отличался Гоголь и въ гимназіи, такъ была сродна ему и дорога, что никакъ не могла ему казаться »*низкой*« въ литературѣ. Она пробивается и въ эпиграммахъ »Метеора«. Послѣднюю изъ нихъ мы приведемъ здѣсь для любопытства читателей, особенно нѣжинскихъ товарищей Гоголя, изъ коихъ нѣкоторые еще здравствуютъ (Рѣдкинъ П. Г., Данилевскій А. С. и другіе): не вспомнятъ-ли они, точно-ли это Гоголевская эпиграмма и кого она очерчиваетъ. По нашему мнѣнію, это лучшее изъ всего, что есть въ »Метеорѣ«:

Эпиграмма.

»Нашъ Вралькинъ въ мірѣ семъ рѣдчайшій человѣкъ!
Подобнаго ему не сыщешь въ цѣлой вѣкъ.
Какъ станетъ говорить—заслушаться всѣмъ нада,
Какъ станетъ—такъ и рай вдругъ сдѣлаетъ изъ ада.
Былъ въ Римѣ, въ Лондонѣ... да гдѣ онъ не бывалъ—
Весь міръ на языкѣ искусно облеталъ«.

Мы печатаемъ эту замѣтку въ той надеждѣ, что авось она вызоветъ кого нибудь изъ старыхъ нѣжинцевъ—однокашниковъ Гоголя—доставить въ редакцію »Кіевской Старины« другія книжки »Метеора«, въ которыхъ прямое участіе Гоголя скажется, быть можетъ, ярче, очевиднѣе. А настоящую книжку »Метеора«, имѣющую несомнѣнный интересъ для библіотеки Нѣжинскаго Института, позволяемъ себѣ рекомендовать вниманію Институтской Конференціи [1]).

С. Пономаревъ.

ДОБАВКИ И ПОПРАВКИ ПОСТОЯННАГО ЧИТАТЕЛЯ »КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ«.

1) Въ »Кіевской Старинѣ« 1882 г., №№ 2 и 7, помѣщенъ замѣчательный литературный памятникъ второй половины XVIII в., въ стихахъ, именно »Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей«, напечатанный по пяти спискамъ; надпись на одномъ спискѣ указываетъ имя сочинителя и время сочиненія »Разговора«; надпись эта, однако не вполнѣ сохранилась, и редакція журнала по догадкѣ и то отчасти дополнила ее (№ 7, стр. 137).—Въ имѣющемся у меня рукописномъ реестрѣ источниковъ для описанія Малороссіи, составленномъ Я. М. Марковичемъ въ 1798 г., поименованъ и »Разговоръ« съ слѣдующимъ заглавіемъ, можетъ быть, бывшимъ въ подлинной рукописи: »Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею. Сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной канцеляріи *переводчикъ* Семенъ Дивовичъ, 1762 года *сентября 21*,

---

[1]) Теперешній владѣлецъ »Метеора« приложилъ къ нему помѣту: »Изъ библіотеки Полторацкаго« (кажется, родственника извѣстнаго библіографа и воспитанника нѣжинскаго).

въ Глуховѣ«.—Далѣе замѣтка Марковича: »Писанъ стихами, въ листъ, съ полъ-дести«.

Н. И. Петровъ, въ предисловіи къ »Разговору«, напечатанному въ № 2-мъ »Кіев. Стар.« 1882 г., говоритъ, что въ XVIII стол. въ южно-русской школьной литературѣ нерѣдко встрѣчаются произведенія въ формѣ »разговора« или діалога, и, сверхъ »Разговора« Дивовича, указываетъ на шесть подобныхъ сочиненій. Можно прибавить и седьмое—мистерію преосвященнаго Георгія Конисскаго »Воскресеніе Мертвыхъ«, сочиненную имъ въ бытность его учителемъ кіев. духов. акад., такъ какъ и эта мистерія имѣетъ форму школьнаго діалога. Полагаю, что встрѣчавшееся въ южно-русской литературѣ прошлаго столѣтія обыкновеніе излагать публицистическія сочиненія въ формѣ »разговоровъ« перешло къ нашимъ южно-русскимъ писателямъ изъ Польши; у польскихъ писателей XVI—XVII в. такая форма была принята для памфлетовъ и вообще публицистическихъ сочиненій. Не заходя далеко, можно указать на »Rozmowy umarłych polaków, w których różne ile sekretnieysze za ich żywota dzieje i cirkumstancye są zebrane«; въ этихъ »Rozmowach« заключаются бесѣды тѣней короля Яна Собѣскаго съ княземъ Іереміею Вишневецкимъ о военныхъ событіяхъ въ Украинѣ временъ Б. Хмельницкаго и до конца XVII в., и Выжги съ кардиналомъ Радзѣевскимъ о событіяхъ въ Польшѣ.—Очень желательно собрать возможно болѣе списковъ »Разговора Великороссіи съ Малороссіею« и возстановить текстъ этого очень интереснаго публицистическаго сочиненія, а равно собрать и издать въ свѣтъ и другіе подобные памятники, обращавшіеся въ кругу малорусской интеллигенціи XVIII в. и нашедшіе себѣ пріютъ и спасеніе въ рукописныхъ сборникахъ, составленіемъ которыхъ любили заниматься въ Южной Руси наши интеллигентные и чуткіе къ общественнымъ дѣламъ предки во второй половинѣ XVII в. и особенно въ XVIII столѣтіи и даже до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. У меня былъ прекрасный сборникъ »Пчела«, составленный въ 1679—80 г. священникомъ Виноградскимъ въ с. Крупичполѣ; въ немъ между прочимъ заключались замѣчательныя проповѣди, въ родѣ посланій Іоанна Вишенскаго. Иногда попадаются у любителей старины интересные сборники стихотвореній о современныхъ событіяхъ и лицахъ, и заключающіе въ себѣ »были«, »басни«, »имны«, »оды«,

»вѣрши«, »пѣсни«, элегіи‹, ›сатиры‹ и проч. Для образца сообщаю одно изъ такихъ стихотвореній, находящееся въ сборникѣ начала текущаго столѣтія.

Стихи къ господину сочинителю оды на смерть графа Румянцева Задунайскаго. 1796 года декабря 8 дня.

О, Муза! ›*переявша славу*‹
У древнихъ славныхъ Печенигъ!
Ты сладку льешъ въ сердца отраву,
Изъемля медъ изъ древнихъ книгъ.
Боговъ, богинь и музъ древнѣйшихъ
Себѣ зовешь ты помогать,
Поэтовъ имя, честь славнѣйшихъ,
Конечно, будешь помрачать.
Ахъ, естьлибъ ты не пѣлъ героевъ,
Но славу-бъ пѣлъ однихъ ословъ
И былъ правитель *кобзы* строевъ,
Изобрѣтатель грубыхъ словъ.
Ты-бъ лучше пѣлъ въ *шинкѣ* мѣщанамъ
Козацки подвиги и трудъ,
Любовь вознеслъ-бы въ нихъ къ стаканамъ,
То *шагъ* за то тебѣ дадутъ;
А болѣе еще прибавятъ,
Когда опишешь предковъ ихъ,
Какъ было въ полѣ кашу варятъ
Передъ толпой враговъ своихъ;
Набѣговъ оныхъ не боятся,
И, кашей *флинты* зарядивъ,
На нихъ привыкли устремляться,
Галушками имъ лбы разбивъ....
Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
Съ достойной славою себѣ,
И ѣдка древность не изгложетъ
Достойныхъ почестей тебѣ.

---

2) Въ ›Кіевской Старинѣ« сего года, № 3 (стр. 523—4), подъ заглавіемъ: ›Контрактъ на постройку церкви конца XVII в.‹, по-

мѣщенъ »договоръ 1692 г. о постройкѣ каменной церкви въ Глуховѣ«, сообщенный А. М. Лазаревскимъ.—Въ моемъ небольшомъ собраніи рукописей нашлась полная копія урядовой записи объ этомъ дѣлѣ, списанная мною такъ-же изъ *подлинной* »Книги справъ вечистихъ—купчихъ, дѣлчихъ и иныхъ тымъ подобныхъ, на рокъ 1692«, Стародубскаго магистрата. Привожу изъ нея тѣ мѣста, которыхъ недостаетъ напечатанному »контракту«.

»Зезнане Еуфима Матвѣева каменнозодчого маистра церковного. Року 1692, мѣсяця ноевра 5.

... Ставши очивисте Еуфимий Матвѣевичъ (sic), каменнозодчий маистеръ церковний, москвичкинъ, явне, ясне и доброволне признал до книгъ мѣсцкихъ стародубовскихъ; ижъ за учиненемъ контракту зъ ктиторами и братсвомъ жителми глуховскими, на церковъ каменную Архистратигу Господня Михаила, взялъ 50 рублей грошей задатку и далъ на себе онимъ ктиторомъ и братсву запись. Которое теди зезнане его принявши, велѣлисмо записати, и есть записано.

Року Божого 1692, мѣсяця ноеврия 6 дня.

За вѣдомомъ и злеценемъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорозскаго полковника стародубовского, его милости пана Михайла Миклашевского, на майстратѣ... передъ нами... ставши очевисте учтивый Матвѣй Еѳимовичъ (sic), каменщикъ московский, презентовалъ даный собѣ контрактъ зъ мѣста Глухова на построение церкви Архистратига Господня Михайла мурованой; который контрактъ, за прочитанемъ, такъ въ себѣ мается«.—Слѣдуетъ контрактъ въ такомъ текстѣ, какъ и сообщенный г. Лазаревскимъ, съ неважными противъ напечатаннаго разностями, заключающимися въ прибавленіи или недостачѣ нѣкоторыхъ предлоговъ и союзовъ, да въ замѣнѣ буквъ *и* и *і* одна другою; впрочемъ есть одна разность существенная: въ спискѣ г. Лазаревскаго (стр. 524, строка 8—9 сверху) значится »мастерию«, а въ моемъ—»материю«, какъ и слѣдуетъ быть: »матерыя«—матеріалъ, о которомъ идетъ рѣчь, а »материя«—это инструменты у »майстровъ«, о которыхъ въ контрактѣ нѣтъ и рѣчи. Затѣмъ въ моемъ спискѣ слѣдующее добавленіе: »А подпись при печати мѣской глуховской тими биль словы: Семенъ Ѳедоровичъ писарь глуховский.—Который теды контрактъ, за прочитанемъ, велѣлисмо записати въ книги мѣскиѣ«.

Такимъ образомъ, сообщаемая мною выписка изъ подлинной актовой книги дополняетъ новыми свѣдѣніями и отчасти исправляетъ списокъ, сообщенный г. Лазаревскимъ.

3) Въ томъ-же № »Кіевской Старины« (стр. 472—6) помѣщена »Рядная запись первой половины XVIII в.«; это »випись зъ книгъ гродскихъ стародубовскихъ права магдебургского, року 1744, мѣсяца мая 8 д.«, заключающая въ себѣ »реестръ« бунчуковаго товарища М. Есимонтовскаго, »сколко онъ взялъ въ посагъ вѣна«, представленный на урядъ. Въ этомъ реестрѣ исчислены разныя женскія одежды, уборы и бѣлье. Подобныхъ перечисленій костюмовъ и уборовъ и всякой движимости за вторую половину XVII и за XVIII-й вѣкъ сохранилось довольно много—въ »тестаментахъ« или »духовницяхъ«, представляющихъ большую важность въ археологическомъ отношеніи, а также въ вѣновыхъ записяхъ, наконецъ, въ »описяхъ« конфискованныхъ въ казну имуществъ, напримѣръ, такихъ лицъ, какъ гетманъ Самуйловичъ и полковники Рословецъ, Палій и Полуботокъ.

Но, какъ ни интересны всѣ эти »реестры« и »описи«,—они все таки даютъ намъ почти только одни названія предметовъ, безъ всякихъ объясненій ихъ вида и другихъ подробностей, необходимыхъ для болѣе или менѣе полнаго представленія о перечисляемыхъ предметахъ. Въ моемъ собраніи находится выписка изъ дѣлъ стародубскаго магистрата, заключающая опись вещей, принадлежавшихъ какому-то войсковому канцеляристу и его женѣ, составленную 29 октября 1745 г.; въ ней достаточно подробно описывается каждая вещь, а потому эта опись представляетъ цѣнный матеріалъ для описанія костюмовъ, уборовъ и оружія первой половины XVIII столѣтія. Вотъ текстъ ея.

1) »Кунтушъ женскій, злотоглавній, зеленій, по бѣлокосѣ, зъ золотими и сребними небольшими клѣточкамы, на сѣбѣркахъ, зъ соболними карвашами, комеромъ, кой подшитъ зеленимъ кредитуромъ, а на обоихъ полахъ отъ комера до подполковъ зъ соболѣми жъ огонками и на усахъ золотимъ широкимъ одноличнимъ пузиментомъ, а около зъ золотимъ-же узкимъ старосвѣцкимъ пузиментомъ двоеличнимъ«.

2) »Шабля могилевской работи подъ оправою сребною и на паскахъ шелковихъ рудявихъ, золотомъ перетиканихъ, зъ штучками

сребними-жъ, а крижемъ полскимъ желѣзнимъ, отъ которого къ верхнему сребному жъ кантурку средній-же цепочокъ; желѣзко жъ шпанское и на ономъ близъ крижа вирисовани на одной сторонѣ святій апостолъ Петръ, а на другой святій апостолъ Павелъ, зъ надписомъ латинскимъ«.

3) Тацъ сребная фанцѣберовая на трохъ ножкахъ и около зрисованними брижамы«.

4) Ложокъ сребнихъ осмъ, въ которихъ при концѣ на держачкахъ ангелики, а при самой ложки кверху фѣгури на кшталтъ человѣковъ«.

5) Вершечокъ на шапку женскую суто сребромъ ленткоткою шитій и на каждой кватерцѣ по золотой квѣтцѣ«.

6) Звіонgка черная крецовая, на концахъ лиштвою золотомъ и срѣбромъ шитая, изъ квѣтками сребними жъ и золотими и карункою пестро золотою широкою«.

7) Хустокъ шелковихъ великой руки двападцять, а іменно блакитнихъ, по концахъ зъ квѣтками разноцвѣтными, шесть, да малой руки зеленихъ пять«.

8) »Тарѣлокъ цѣнованнихъ новихъ 15 и приставочка една«.

9) »Зъ бѣлого плата: ручникъ новій, заполочю на московскомъ полотнѣ орлами по концахъ шитій, еденъ«.

Н. Бѣлозерскій.

ПРИСЯГА ДУХОВЕНСТВА.

Въ настоящее время духовенство, бѣлое и черное, какъ извѣстно, не приводится къ присягѣ въ качествѣ свидѣтелей, а свидѣтельствуется по священству, безъ присяги. Въ прежнее-же время, не далѣе прошлаго столѣтія, въ Малороссіи и Великороссіи существовали въ этомъ отношеніи различные порядки, объусловливавшіеся мѣстными законами. Дѣйствовавшее въ московскомъ государствѣ уложеніе царя Алексѣя Михайловича предписывало: »архимандритовъ, игуменовъ и старцовъ во свидѣтельство принимать по иноческому обѣщанію, а протопоповъ, поповъ и дьяконовъ по священству, а крестному цѣлованію не быть« (Гл. 10 ст: 161 и гл. 13 ст. 4). Петръ Великій однако нарушилъ это правило; онъ внесъ въ воинскій уставъ совершенно противуположную статью, заимст-

вовавъ ее изъ западныхъ законодательствъ: »всѣмъ свидѣтелямъ надлежитъ, хотя-бы оные вышняго достоинства и знатнѣйшія были, присягать, понеже свидѣтелю, которой присяги не учинитъ, вѣрить не можно, хотя-бы оной и архіепископъ былъ (гл. 3. п. 7-й). Такимъ образомъ въ Великороссіи, со времени изданія воинскаго устава, въ судахъ дѣйствовали два противуположныя начала относительно силы свидѣтельскихъ показаній духовенства; при томъ сфера дѣйствія военнаго закона не была строго опредѣлена, такъ какъ именной указъ 1716 года апрѣля 10 о воинскомъ уставѣ заявлялъ, »что хотя оной основаніемъ воинскихъ людей, однакожъ касается и до всѣхъ правителей земскихъ«. Впрочемъ сенатъ указомъ 1753 года ограничилъ это толкованіе, разъяснивъ, что по процессамъ велѣно свидѣтелей спрашивать подъ присягою, но оное слѣдуетъ до военныхъ судовъ, а не въ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ противуположность указанной двойственности, въ Малороссіи всегда и по всякимъ дѣламъ требовалось свидѣтельство подъ присягой, какъ отъ свѣтскихъ людей, такъ и отъ духовенства. Литовскимъ Статутомъ узаконено: »свидѣтельству быть подъ присягою«, въ книгѣ »Порядка правъ магдебургскихъ« сказано: »свидѣтельство отнюдь несильно, если свидѣтели сперва не присягнутъ«. Это правило требовать отъ духовенства присяги исполнялось безъ всякаго нарушенія до половины прошлаго столѣтія. Въ половинѣ прошлаго вѣка противъ существовавшаго порядка въ Малороссіи возсталъ кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и сталъ запрещать присягу духовенства. Вѣроятно свѣтскія власти, дѣйствовавшія въ Малороссіи, представили объ упомянутомъ распоряженіи митрополита сенату, такъ что сенатъ счелъ нужнымъ доложить объ этомъ императрицѣ. Вслѣдствіе этого вышелъ указъ 1767 года декабря 11, въ которомъ мы находимъ, между протчимъ, слѣдующее разсужденіе: »можетъ-ли какой ни есть церковной или свѣтской начальникъ перемѣнить въ какой провинціи издавна принятой и утвержденной обрядъ? на что всякой разумной человѣкъ отвѣтствовать будетъ, что не можетъ; слѣдовательно установленіе магдебургскихъ правъ, коимъ по нынѣ въ Малороссіи слѣдовали, должно въ семъ случаѣ остаться въ своей силѣ«. Объ этомъ-же казусѣ и различіяхъ рѣшено было сообщить въ коммисію сочиненія новаго уложенія. Такъ какъ коммисія новаго уложенія не составила, а

распоряженіе кіевскаго митрополита было отмѣнено; то слѣдовательно въ Малороссіи по прежнему дѣйствовало прежнее обыкновеніе приводить къ присягѣ лицъ духовнаго званія. Вѣроятно, правило о присягѣ священниковъ и монаховъ существовало въ Малороссіи если не до отмѣны магдебургскаго права (1831 г.) и Литовскаго Статута (1842 г.), то, по крайней мѣрѣ, до 1783 года, когда временно были распространены на Малороссію учрежденія о губерніяхъ.

П. Ефименко.

МАЛОРУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича).

Въ собраніи разнородныхъ рукописей Т. В. Кибальчича я нашелъ весьма цѣнный памятникъ прошлаго вѣка, которому можно дать названіе »*Малорусскаго пѣсенника*«. Это довольно полная, хотя отчасти и дефектная рукопись въ 1/8 долю листа, состоящая изъ нотъ и текстовъ пѣсенъ.

По внѣшнему виду, рукопись эта была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета, хотя и держится на пшахъ корешка. Страницы перенумерованы славянскими знаками до 130-го листка, но кромѣ того есть еще семь листковъ не нумерованныхъ, такъ что рукопись видимо заключала въ себѣ 137 листковъ или 274 страницы. Въ срединѣ недостаетъ пяти листковъ, именно: 115, 116, 117, 120 и 121, т. е. 10 страницъ, слѣдовательно въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ 264 страницы, вполнѣ хорошо сохранившіяся.—Бумага отъ начала до конца одинакова—плотная, синяя (за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ бѣлой) съ водными изображеніями герба, но безъ означенія года фабрикаціи.

До 101-й страницы текстъ писанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, а съ оборота ея такъ называемымъ полууставомъ. Почеркъ однообразный, старательный, четкій; помарокъ весьма немного; кое-гдѣ, особенно въ концѣ, сдѣланы подстрочныя приписки и поправки. Никакихъ рисунковъ, ни виньетокъ и орнамента нѣтъ вовсе.

Въ припискахъ я не могъ найти никакихъ указаній ни на первоначальнаго владѣльца рукописи, ни на ея составителя, ибо, кромѣ пѣсенъ и нотъ, никакого посторонняго текста нѣтъ.

Во всей этой рукописи имѣется 87 пѣсенъ, изъ которыхъ двѣ (№ 75 и 77) дефектны. Первая изъ нихъ безъ нотъ и начала пѣсни, а второй недостаетъ начала нотъ и начала перваго куплета. Всѣ остальныя пѣсни полны и каждая съ нотами, подъ которыми вписанъ первый куплетъ.

Матеріалъ пѣсенный распредѣленъ довольно систематично. Въ началѣ идутъ пѣсни религіозныя, числомъ 61, а затѣмъ свѣтскія, *свитови*, какъ онѣ озаглавлены въ сборникѣ.

Обращаясь къ содержанію рукописи, мы должны за ней признать весьма важное значеніе. Сколько намъ извѣстно, послѣ Почаевскаго Богогласника, это единственный памятникъ прошлаго вѣка, сохранившій намъ мотивы пѣсенъ того времени. Въ музыкальномъ отношеніи рукопись г. Кибальчича имѣетъ то преимущество передъ Богогласникомъ, что ноты въ ней писаны далеко правильнѣе и яснѣе, несмотря даже на то, что онѣ рукописныя, а въ Богогласникѣ печатныя; въ рукописи мелодія всегда раздѣлена на такты, чего нѣтъ въ Богогласникѣ. Музыкальное значеніе этого памятника пріобрѣтаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе того, что въ немъ впервые находимъ мотивы свѣтскихъ пѣсенъ.

До сихъ поръ, кажется, еще никто не опредѣлилъ характера мелодій Богогласника и вопросъ этотъ остается темнымъ. Въ рукописи же г. Кибальчича, которую разсматривалъ Н. В. Лисенко, оказались въ религіозныхъ пѣсняхъ мотивы чисто мѣстнаго малорусскаго характера, подобіе которыхъ можно найти въ мелодіяхъ лирницкихъ. Нѣкоторые мотивы, кромѣ народнаго тембра, дышатъ глубокимъ чувствомъ и высокимъ художествомъ.

Сравнивая религіозныя пѣсни рукописи съ Богогласникомъ, я нашелъ, что почти всѣ онѣ находятся въ этомъ изданіи Почаевской Лавры въ болѣе или менѣе отличныхъ варіантахъ. Расположеніе этихъ пѣсенъ тоже очень сходно съ расположеніемъ въ Богогласникѣ. Въ началѣ идутъ пѣсни о Рождествѣ Христовомъ, о страстяхъ Господнихъ, о Воскресеніи; далѣе пѣсни о Богородицѣ, о разныхъ святыхъ и въ концѣ пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. Въ пѣсняхъ о чудотворныхъ иконахъ встрѣчаются географическія названія: Тывровъ (винницкій у.), Радовцы (литинск. у.), Баръ, Подкомель (Галиція), Тарнополь (тоже) и т. п., словомъ мѣстности главнымъ образомъ Волыни и Подоліи.

По языку пѣсни религіозныя въ рукописи значительно отличаются отъ варіантовъ Богогласника; въ рукописи видно значительное искаженіе полу-церковно-славянскаго первообраза въ пользу народной рѣчи, хотя не замѣтно такого уродства, какое видимъ въ лирницкихъ варіантахъ. Въ числѣ религіозныхъ пѣсенъ есть двѣ на польскомъ языкѣ, а именно: на Рождество Христово »Prsybieżeli do Betljem Pastyrze« и въ честь чудотворнаго образа Богородицы Подкаменецкой.

Въ числѣ 26 свѣтскихъ пѣсенъ рукописи есть только 14 собственно малорусскихъ, частью искуственныхъ, частью народныхъ. Эти послѣднія, какъ-то: »Летивъ чорный жукъ«, »Посіявъ чоловикъ ячминь«, »Сидить медвидь на колодци«, »Ой ўхавъ козакъ зо Вкраины«, всѣ сатирическаго содержанія. Изъ пѣсенъ искусственныхъ обращаютъ на себя вниманіе сатирическая пѣснь съ припѣвомъ »али-алилуй, Господи помилуй«, изображающая весьма живыми красками пиръ святыхъ и духовенства [1]); далѣе есть варіантъ, довольно полный, извѣстнаго »Грицька мудрого родомъ зъ Коломыйи« [2]) и одна пѣснь историческаго содержанія, относящаяся, кажется, къ событіямъ временъ конфедераціи Барской. Пѣснь эта къ сожалѣнію безъ начала перваго куплета; я привожу ее цѣликомъ, удерживая для образца правописаніе памятника.

. . . .
. . . .
Же почали були бунты починаты,
Передъ москалями мусѣли втѣкаты.
    Якъ въ комару вѣвцѣ, такъ ихъ запудили,
    А въ Станѣславовѣ кругомъ оступили:
    Москалѣ изъ жарту почали стреляты,
    А ляхи одъ страху стали умираты.
Гды прийшли ввѣвторокъ о пятой годинѣ,
Подъ Станѣславовомъ стали на долинѣ

---

[1]) Пѣсня эта въ нѣсколькихъ варіантахъ занесена въ III т. Сборника П. Чубинскаго, въ рубрику колядокъ—вслѣдствіе того, что въ этихъ варіантахъ, какъ поводъ для пира, указывается на Рожденіе Христово.

[2]) Въ двухъ варіантахъ помѣщена эта пѣсня во II т. »Pokucia« О. Кольберга, съ замѣчаніемъ, что пѣсню эту поютъ причетники и деревенскіе грамотѣи.

Вдарили зъ гарматы, ажъ баня упала,
Зъ первого косцола въ той часъ твога (тревога) стала.
Вже виходятъ ляхи, аби не пустыты
Москаля, отъ града-бы могли отъбиты,
Но не доказали, бо негодни того—
Москаля отъбиты, хотяй йхъ и много.
Дали собѣ битву на середу рано,
А другимъ москалямъ въ той часъ знаты дано,
Абы йшли скоро всю нощъ на ратунокъ,
Бо на ляховъ упавъ великій фрасунокъ.
У середу рано сталися сходиты
Всѣ ляхи до купи, що будемъ робиты?
Единъ мовитъ: біймо, десять: утѣкаймо,
А сто каже: всѣ до духа москалямъ подъдаймо.
Москалѣ волаютъ, абы виходили
Всѣ ляхи изъ града, котріє тамъ были.
Панъ староста *Блоньскій* сердца добувае,
Староста *Снятинскій* отъ страху въмлѣвае.
Почали стрѣляты, на плящъ выходиты,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекты,—
Мусѣлися быты у весь день доволѣ.
Любилисте ляхи добре людей грабоваты,
Любѣтежъ вневолѣ у насъ зоставаты;
Любилисте йсты гуси, кури много,
Днесь сидѣтъ вневолѣ, не йжте нѣколи.
Такъ москалѣ ляховъ люблятъ частоваты,
Абы памятали, якъ то грабоваты:
За тое йимъ даютъ мало исты й питы,
Абы памятали, якъ бунты чиниты.

Кромѣ малорусскихъ пѣсенъ, есть въ сборникѣ одна великорусская—безвкусная и сентиментальная, озаглавленная: »*Пѣснь сочтова Російска пастушкамъ*«.

Конецъ сборника составляютъ десять пѣсенъ польскихъ, содержанія любовнаго и бытоваго, довольно безграмотно записанныхъ, и слѣдующая характерная смѣшанная пѣснь-разговоръ крестьянъ—поляка и малороса о житьѣ-бытьѣ:

Oy rusinie, rusinie, co słychać w twey krainie,
Pociesz, pociesz strapionego, a przynieś co wesołego
Sercu moiemu.

Имя минѣ Стахъ, скажу о людяхъ:
Въ насъ люде веселенко скачутъ, горѣлочкою рачатъ,
Горѣлка уприкрится, до меду подай, дай та надай.

Ach mnie, mnie czy wierzysz panie, ze ledwie na grosz stanie,
Bo chociay co zapracuie, albo tyz co utarguie,
To zabierze dwur.

А мы продаемъ, а грошѣ маемъ,
И пановѣ отъдаемо, а калиты ладнуемо,
Есть для пана, и для попа, и для домовихъ тысяча
золотихъ.

Ach panicu, panicu, zacny slachcicu, a ruski Krulewiczu,
Aby łaska twa sprawiła, y mnie tyz w czym domiesciła,
Do łaski twey.

Дармо, небоже, биты не може,
Якъ то правда, що я живу,
Такъ ты покинь всю надѣю.
Въбравесься въ мазурство, якъ у шевскій квасъ,
Засяжъ отъ насъ.—

Оставляя спеціалистамъ изученіе этой рукописи, какъ памятника пѣсеннаго и музыкальнаго творчества, я счелъ необходимымъ огласить мою находку, какъ смѣю думать, весьма цѣнную. Я не берусь теперь судить о значеніи и происхожденіи этого сборника—для этого необходимо серъёзное изслѣдованіе. Несомнѣннымъ для меня однако является слѣдующее: сборникъ этотъ видимо составленъ за разъ, хотя и писанъ двумя шрифтами; вывожу я это какъ изъ однообразія его внѣшняго вида, такъ и изъ правильной группировки пѣсенъ. Далѣе несомнѣнно, что сборникъ принадлежалъ какому нибудь уніяту Волыни или Подоліи, — это видно какъ изъ содержанія пѣсенъ, проникнутыхъ уніятскимъ духомъ Богогласника, такъ и изъ характера малорусской рѣчи, носящей всѣ особенности подольскаго говора.—Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что рукопись эта по времени своего происхожденія не ранѣе конца XVIII вѣка. такъ какъ въ ней есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ этого времени.

Владѣлецъ рукописи, г. Кибальчичъ, какъ передавалъ онъ мнѣ, пріобрѣлъ ее случайно въ г. Пирятинѣ; но какимъ образомъ она туда попала—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ желательно было-бы издать этотъ памятникъ въ возможно скоромъ времени; изданіе это труднѣе всякого другого, такъ какъ транскрипція этого текста и въ особенности нотъ требуетъ участія опытныхъ спеціалистовъ, иначе изданіе можетъ потерять всякое научное значеніе.

И. Нейманъ.

ДѢДУШКИНЪ ВЕКСЕЛЬ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, въ нашемъ селѣ [1]) грамотныхъ почти не было; было четыре-пять человѣкъ, которые когда-то въ дьячковской школѣ учились и въ то время уже были взрослыми мущинами, но они могли только читать по славянски и пѣть на клиросѣ, прочесть-же солдатское письмо или-же поминальную книжку, въ которой рукою дьячка записаны дѣды и прадѣды кого-либо изъ хозяевъ, они уже не могли и свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ оправдывали обыкновенно отговоркою: *це не при насъ писано...* А спросъ на грамоту и тогда уже былъ значительный. Недостатокъ оной чувствовался въ особенности въ поминальную субботу, когда по давнему въ нашемъ селѣ обычаю достаточные хозяева приглашають въ свои домы какого-либо грамотѣя для чтенія псалтыри, при чемъ послѣ каждой каѳизмы или *славы* перечитывается и поминальная книжечка и хозяева такимъ образомъ поминають умершихъ своихъ родныхъ. Читавшимъ псалтирь приходилось тутъ-же дописывать *грамотку*, или-же вновь ее писать. Для этого они брали съ собою перо, чернило и лоскутокъ бумаги и печатными буквами, со словъ хозяина, записывали имена умершихъ его сродниковъ. Запись по этому производилась по способу фонетическому и была вполнѣ понятна слушателямъ. »Помяны, Господы, произносилъ чтецъ, рабовъ Божихъ: Окъсеня, Насьцю, Ладыма, Присъку, Юръка, Песьцю, Савъку, Хыму и въсихъ ихъ сродъныкивъ.... и слушатели

---

[1]) Соловьевка, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи.

набожно крестились и клали поклоны, а чтецъ получалъ потомъ за каждую записанную и прочитанную душу по шагу (грошу), да за чтеніе псалтири пивзолотого« ($7^{1/2}$ к.), да еще хлѣбъ и платокъ; его притомъ за обѣдомъ усаживали на первомъ мѣстѣ и ему первому подносили водку и кушанье. Но, повторяю, и такихъ грамотѣевъ было тогда мало.

Мнѣ пришлось учиться позже, но лучше и больше, а потому и выучился я больше. Раньше этого мнѣ очень хотѣлось попасть въ положеніе такихъ грамотѣевъ. И мое желаніе потомъ сбылось: мнѣ не было еще десяти лѣтъ отъ роду, а я уже могъ прочесть не только псалтирь, но даже и самую мудреную поминальную книжку, поэтому меня вездѣ и приглашали для чтенія псалтири во время поминальныхъ обѣдовъ. Въ особенности полюбилъ меня старичокъ *Степанъ Отаманчукъ*: у него я былъ, такъ сказать, *присяжнымъ чтецомъ*, и кромѣ меня никого онъ болѣе не звалъ для чтенія псалтири. А псалтирь въ его домѣ читалась каждогодно въ субботу первой недѣли поста, при чемъ каждый разъ, какъ начиналось чтеніе, предъ старинной иконой св. ап. Іакова зажигалась большая восковая свѣча, которую нарочно для этого каждый годъ изготовляла жена Степана Палажка. Читая уже не разъ, я замѣчалъ, что на этой иконѣ красуется большой крестъ, написанный мѣломъ, но ни разу нерѣшился спросить хозяевъ, для чего написанъ на иконѣ крестъ. Исторія этого креста объяснилась для меня случайно, и вотъ какъ это случилось.

Наступилъ великій постъ 18** г. По обыкновенію, Степанъ, въ субботу первой недѣли поста, пригласилъ меня для чтенія псалтири. Когда я пришелъ, онъ благоговѣйно возжегъ свѣчу, прилѣпивъ ее къ извѣстному уже образу. Я открылъ чтеніе; Степанъ и Палажка набожно крестились, клали поклоны, мало что разумѣя изъ читаемаго. Вскорѣ Степанъ отправился въ церковь, а Палажка принялась готовить поминальный обѣдъ. Долго безъучастно я читалъ псалтирь. Отъ разгорѣвшейся печи пошла духота; въ горлѣ у меня пересохло, голова кружилась и я вышелъ освѣжиться. Занятая стряпней Палажка не замѣтила, какъ свѣча, прилѣпленная къ иконѣ, наклонилась къ самой иконѣ и прожгла *то мѣсто, гдѣ былъ написанъ мѣломъ крестъ.* Вернувшись въ хату и увидѣвъ, что

икона горитъ, я поспѣшилъ сказать объ этомъ хозяйкѣ, а она, поправила свѣчку, набожно перекрестилась и проговорила вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!...

— Чью? спросилъ я.

— Та того-жъ, *Петра*.

— Какого *Петра?* родственникъ вашъ, что ли?

— Ба ни, чужый. Чумакъ бувъ тутъ, Петро звався.

— Чужой, чумакъ? По чему-же вы стали молиться объ немъ, когда увидѣли, что горитъ икона?...

— Бо то сгоривъ вексель нашого дида.

Меня это удивило и совершенно озадачило. Какъ это такъ?— подумалъ я: сгорѣлъ вексель ея дѣда, а она молится за душу какого то чумака Петра? Да и какъ тутъ вексель могъ сгорѣть? Онъ могъ быть спрятанъ за иконой; но горѣла вѣдь икона и не насквозь прогорѣла. При чемъ же тутъ вексель?... Да и какая связь между векселемъ ея дѣдушки и душою чумака Петра? Для чего такъ долго сохранялся этотъ вексель и если онъ принадлежалъ чумаку Петру, то почему-же не хранился въ домѣ его или его наслѣдниковъ?...

— Не понимаю ничего, сказалъ я, сообразивъ все.

А въ эту минуту Степанъ, возвратясь изъ церкви, входилъ въ хату въ сопровожденіи цѣлаго десятка нищихъ.

— Такъ отъ це вамъ Степанъ роскаже, сказала Палажка, якъ воно було.

— Що таке? спросилъ Степанъ.

— Онъ бачишъ?! отвѣтила Палажка, указывая на прогорѣвшую икону.

Взглянувъ на прижженую икону, на которой уже не видно было креста, написаннаго мѣломъ, Степанъ въ свою очередь набожно перекрестился и проговорилъ вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!

— Чумака Петра? спросилъ я.

— Эгежъ; а вы хиба вже знаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю. Просилъ я Палажку разсказвть, а она сказала, что вы разскажете.

— Добре, роскажу, а тымъ часомъ сядемо за трапезу Господню, сказалъ Степанъ, приглашая меня на покуть.

Прочитавъ *Отче нашъ* и усѣвшись на покути, я съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣщаннаго разсказа, и Степанъ, послѣ первой чарки, принялся разсказывать, не стѣсняясь присутствующими. Передаю этотъ разсказъ по русски, сохраняя всѣ прочія его особенности.

— Дѣдъ мой, Яковъ Отаманчукъ, былъ изъ первыхъ богачей въ Соловьевкѣ. Было у него много худобы и еще больше грошей; при этомъ нужно вамъ знать, что въ то время бумажекъ не было, а все было золото, серебро да мѣдь, а потому деньги у дѣда хранились въ дѣжкахъ: одна малая дѣжка была насыпана до самаго верха серебромъ, такъ что когда дѣдъ было ее раскроетъ, то карбованцы забѣлѣютъ все равно, какъ сыръ; другая-же дѣжка побольше, та была насыпана до самаго верха мѣдью. Къ этой послѣдней дѣдъ ходиля частенько, такъ какъ у него весьма часто просили денегъ взаймы и онъ никому не отказывалъ.

— Тоби скильки треба? спроситъ бывало дѣдъ у того, кто придетъ просить у него денегъ взаймы.

— Та кившыкивъ изо два позычьте.

— Добре, позычу,—отвѣчаетъ дѣдъ, тильки гляди, такъ якъ намиряю изъ верхомъ, такъ шобъ зъверхомъ и оддавъ.

— Та за певне такъ, признавалъ тотъ. И дѣдъ набиралъ изъ дѣжки два ковшика вверхъ мѣдныхъ пятаковъ, всыпалъ ихъ въ торбочку просителя, и тотъ своею рукою на дѣдовой иконѣ писалъ мѣломъ крестъ. Это и былъ вексель дѣда, чтобъ, значитъ, долгъ не пропалъ.

— То есть вексель просителя такого-то, Ивана тамъ, или Романа, а не дѣдушкинъ, пояснилъ я Степану.

— Нѣтъ, не такъ, отвѣчалъ Степанъ: когда Иванъ или Романъ далъ дѣду вексель, то, значитъ, онъ уже *дидовъ,* а не Ивана или Романа.

— Ну, пусть будетъ по вашему, сказалъ я.

— Такъ вотъ такой вексель, продолжалъ Степанъ, у дѣда и сохранялся до тѣхъ поръ, пока Иванъ тамъ или Романъ, а если умретъ, такъ его потомки не принесутъ и не всыплютъ въ дѣдову дѣжку два ковшика вверхъ занятыхъ у дѣда пятаковъ. Тогда кто долгъ принесъ, тотъ и стиралъ своею рукою съ иконы дѣдовъ вексель, самъ-же дѣдъ не могъ этого сдѣлать, считалъ за грѣхъ.

— Ну, а проценты какіе бралъ дѣдушка? спросилъ я у Степана.

— Тогда процентовъ не было никакихъ, а если тотъ, кто возьметъ у дѣда деньги, захочетъ сдѣлать ему за это выгоду, такъ за его душу поставитъ въ церкви свѣчку, вотъ и весь процентъ, объяснилъ Степанъ и затѣмъ продолжалъ:

— Теперь нужно вамъ знать, что, кромѣ моего дѣда, въ Соловьевкѣ были еще богачи—чумаки: *Петро Андріецъ и Зинько Ляпасъ,* но за тѣми водился грѣхъ—любили выпивать. Бывало, какъ начнутъ пить, смотришь, жидъ и беретъ вола за долгъ. Это, видите-ли, хитрили старики: если у нихъ старые, негодные къ работѣ волы, которыхъ никто не хочетъ купить, такъ они нарочно пьютъ у жида водку въ долгъ, а потомъ не хотятъ плотить долга нарочно, чтобы жидъ взялъ вола; ну, жидъ и беретъ, все равно пригодится на говядину.

Такъ вотъ какъ-то разъ подъ осень пили эти чумаки, да и поспорили тутъ-же въ шинкѣ, кто изъ нихъ богаче? Петро говорилъ:

— Та въ мене срибла мабуть буде кившыкивъ изъ двадцять...

А Ляпасъ говоритъ:

— Двадцять?!.. Та въ мене самого золота закопано пидъ покутемъ добрый горщикъ, а пидъ ступою закопано карбованцивъ повный глечикъ. Самыхъ копійокъ у мене повный глечикъ стоить у комори на полыци, а на росходъ маю срибла въ дижци мабуть кившикивъ зъ пятдесятъ...

— Ну, коли такъ, сказалъ Петро, то давай помиряемо; якъ у тебе буде въ дижци срибла пятдесятъ кившыкивъ, то маешъ право забрать уси мои возы зъ сильлю и зъ волами, якъ прийдуть зъ Крыму; ты-жъ знаешъ, шо тамъ ихъ у мене буде дванадцять возивъ. А якъ же у тебе въ дижци буде менше, якъ пятдесятъ кившикивъ, то я заберу твои дванадцять возивъ зъ сильлю и зъ волами.

— Добре, пристаю, отвѣчалъ Ляпасъ; ударили по рукамъ и запили могоричъ.

Когда потомъ перемѣряли серебро, хранившееся въ дѣжкѣ Ляпаса, то его оказалось пятдесятъ два ковшика и одна жменя (пригоршня). Пріуныль тогда Петро. Когда онъ спорилъ съ Ляпасомъ въ шинкѣ, тогда онъ думалъ, что Ляпасъ только хвастается своимъ богатствомъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ бѣднѣе его, Петра;

но теперь видѣлъ самъ, что Ляпасъ богаче его. Пожалъ онъ плечами и сказалъ Ляпасу.

— Ну, нема що, договоръ паче денегъ; якъ сказано, то такъ, якъ звязано: волы й возы зъ силью вже не мои, а твои...

Ляпасъ, извѣстно, былъ радъ и такъ угостилъ Петра, что тотъ и заночевалъ у него. Цѣлую ночь пьяный Петро распѣвалъ:

Ой яжъ чумакъ нещасливый,
Зъ журбы хожу ледви живый...

На утро проснувшись, Петро не пошелъ уже отъ Ляпаса домой, а поплелся къ моему дѣду.

— Здоровъ будь, Якове!

— Здоровъ Петре; а що скажешъ?

— Та позычъ, будь ласкавъ, кившыкивъ зо два срибла...

Дѣдъ, ничего про то не зная, очень удивился, что Петро пришелъ просить денегъ.

— Ну, а твое-жъ добро де? мыши зъзили, чи що?... спросилъ дѣдъ шутя, думая, что и Петро шутитъ.

— Гиршъ, якъ мыши; все то дурный розумъ робить; але що маю робить: слово свято...

— Ну?... удивлялся дѣдъ.

И Петро разсказалъ ему, какъ побился объ закладъ съ Ляпасомъ и какъ отдалъ ему все свое добро. Дѣдъ очень сожалѣлъ о Петрѣ, хотя самъ сознавалъ, что слова вернуть нельзя.

— Ну, такъ тоби треба два кившыки срибла? спросилъ онъ Петра.

— Та позычьте хочъ изъ три, отвѣчалъ Петро.

И дѣдъ всыпалъ ему въ полу его свитки три ковшика серебра, а онъ своею таки рукою написалъ вотъ на этой иконѣ крестъ, что теперь выгорѣлъ. Вотъ это и былъ вексель моего дѣда, добавилъ Степанъ, обращаясь ко мнѣ.

— Значить, по этому векселю доселѣ не были уплочены деньги ни Петромъ, ни его потомствомъ? замѣтилъ я Степану.

- Да, не были, а теперь уже заплочены. Теперь чумакъ Петро зъ дѣдомъ и съ нами уже разсчитался; видите, нѣтъ уже векселя, онъ самъ его уничтожилъ.

При этихъ словахъ Степана я невольно засмѣялся и сказалъ:

— Какъ же это такъ? я своими глазами видѣлъ, что вексель,

какъ вы называете, сгорѣлъ случайно отъ свѣчки, а вы говорите, что его Петро самъ уничтожилъ?

— А вы думаете нѣтъ? такъ таки и було: Петро самъ его уничтожилъ, утверждалъ Степанъ.

— Однакоже я этого совсѣмъ не понимаю, равно не могу понять, почему вы молитесь за должника вашего дѣда, сказалъ я Степану.

— Все это я вамъ послѣ объясню, а теперь слушайте дальше, что случилось съ Петромъ да съ Ляпасомъ, послѣ того, какъ побились они объ закладъ, отвѣтилъ мнѣ Степанъ и сталъ продолжать разсказъ:

— Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Петро взялъ у дѣда моего три ковшика серебра, по селу пронеслось *»чумаки йдуть!«* Сами знаете: великое это слово для того, кто посылаетъ, или самъ ходитъ въ дорогу. Помню, было это въ воскресенье. Ляпасъ и Петро сидѣли въ корчмѣ и пили въ долгъ. Ляпасъ пилъ и радовался, что у него, вмѣсто двѣнадцати, будетъ двадцать четыре воза съ солью, и вмѣсто двѣнадцати паръ воловъ, будетъ двадцать четыре пары; а Петро, извѣстно, съ горя пилъ. Сидитъ онъ и носъ повѣсилъ. Вдругъ въ корчму вбѣгаетъ дядько Харитонъ Заболотній да какъ крикнетъ:

— Ставьте могоричъ, чумаки йдуть!...

Петро, какъ заслышалъ тѣ слова, побѣлѣлъ какъ крейда, да и бухъ съ лавки да на землю...

Всѣ, кто былъ въ корчмѣ, бросились къ Петру, а онъ и зубы стиснулъ...

— Воды, воды! закричалъ Заболотній.

Принесли воды, влили въ ротъ Петру, но тотъ »уже й захоловъ«... Донесли становому, наѣхало слѣдствіе, стали распрашивать: что, да какъ, и когда узнали, что Петро »померъ зъ жалю«—отъ того, что ему приходилось отдавать Ляпасу своихъ двѣнадцать возовъ съ солью и волами, то взялись за Ляпаса.

— Сгніешь въ тюрьмѣ, душу христіянскую загубилъ, кричалъ становой и ногами на Ляпаса топалъ.

Испугался Ляпасъ, да бухъ становому въ ноги:

— Змилуйтеся, ваша благородія, есть у мене пятдесятъ два ковшыки срибла, забирайте все, тильки змилуйтесь...

И становой смиловался: Петра похоронили, а Ляпаса отпустили домой, только лишился онъ своихъ пятидесяти двухъ ковшиковъ серебра; но объ этомъ Ляпасъ не жалѣлъ, онъ говорилъ:

— Хочь голъ, да правъ зоставсь... И ще-жъ таки, хвалити Господа милосердного, есть у мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцивъ, та пидъ покутемъ горшокъ червонцивъ...

Слова Ляпаса, какъ видно, слыхалъ сатана; черезъ недѣлю становой опять потребовалъ къ себѣ Ляпаса.

— Бѣда,—говоритъ,—старикъ! изъ Петербурга пришла бумага, чтобъ откопать трупъ Петра да сдѣлать новое слѣдствіе...

Опять повалился Ляпасъ становому въ ноги.

— Змилуйтесь, ваша благородія...

— Ну, а есть у тебя еще сколько нибудь золота или серебра? такъ я поправлю дѣло, совсѣмъ потушу, сказалъ становой.

— Щожъ? треба правду казати, отвѣчалъ Ляпасъ; есть ище въ мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцивъ да пидъ покутемъ горшокъ червонцивъ.

— А больше?... допрашивалъ еще становой.

— Ище въ комори на полыци стоитъ глечикъ копійокъ...

— Такъ вотъ что старикъ, совѣтовалъ становой, копѣйки пусть останутся тебѣ на поминки Петра, а золото и серебро давай сюда, такъ я обдѣлаю дѣло такъ, что даже не будутъ откапывать трупъ Петра...

И дѣйствительно такъ было; но только у Ляпаса не осталось больше денегъ: досталъ онъ и глечикъ зъ-пидъ ступы и горщикъ зъ-пидъ покутя и все отдалъ становому, самъ же затужилъ, сталъ пить безъ просыпу, жиды за долгъ забрали воловъ, онъ обѣднѣлъ до крайности и отъ горя скоро умеръ.

Вотъ такъ то вексель дѣда и оставался невыплоченнымъ. Въ годъ послѣ смерти Петра заболѣлъ и мой дѣдъ, и болѣлъ онъ до великаго поста. Въ пятницу ночью на первой недѣлѣ поста приснилось мнѣ, что къ дѣду пришелъ покойный чумакъ Петро, а дѣдъ и говоритъ ему:

— А що, може прынисъ довжокъ?...

— Въ субботу оддамъ, отвѣчалъ Петро.

— Да развѣ одна въ году суббота? ты скажи, въ какую именно субботу отдашь?... спрашивалъ дѣдъ.

— Отдамъ я свой долгъ въ субботу на первой недѣлѣ поста, пусть только каждый годъ въ эту субботу ставятъ свѣчу передъ иконой св. Якова—твоего патрона, на которой я написалъ тебѣ вексель; да пусть въ этотъ день совершаютъ по мнѣ поминки, пусть читаютъ за мою душу псалтирь и ставятъ поминальный обѣдъ. А долгъ я отдамъ съ процентомъ за все время и самъ уничтожу вексель.

— Да вѣдь ты мертвый, говоритъ ему дѣдъ; какъ же ты отдашь долгъ и уничтожишь вексель?

— Черезъ нѣсколько лѣтъ я укажу твоимъ внукамъ, гдѣ закопаны деньги моего дѣда. Когда они возьмутъ эти деньги, то долгъ будетъ уплоченъ съ процентомъ. Вексель же я уничтожу огнемъ... И такъ, долгъ я отдамъ, а теперь пойдемъ ко мнѣ въ гости.., сказалъ въ заключеніе, чумакъ Петро. При этихъ словахъ я проснулся и кинулся къ больному дѣду, но тотъ уже и Богу душу отдалъ...

Похоронили мы дѣда и стали каждый годъ вотъ въ эту субботу поминать Петра. Это уже двадцатый годъ, какъ мы дѣлаемъ по немъ поминки. И вотъ въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ приснилось мнѣ, будто дѣдъ нашъ живъ и лежитъ на полу. Вдругъ въ хату входитъ чумакъ—Петро.

— Здоровъ, Якове...

— Здоровъ Петре... А що?..

— Та пора заплатить довжокъ... Тамъ на Андрійціовимъ кладовиську, пидъ велыкимъ каминнымъ хрестомъ, на сходъ сонця, закопано... нехай выкопають въ субботу до сходъ сонця...

Проснулся я, да и говорю своей Палажкѣ:

— А що стара, не боишься ты въ ночи ити на могилки?..

— Боюсь, каже стара.

— Да не сама, а зо мною вдвохъ...

— Хочъ и вдвохъ, то боюсь... бо то ничь...

— Да не въ ночи, а чуть свитъ, до сходъ сонця, якъ пересьпивають пивни...

— Да чого жъ мы пидемъ?.. спросила меня Палажка.

Я разсказалъ свой сонъ, и Палажка съ нетерпѣніемъ стала ожидать *субботы*, только ее тревожили слова Петра: «вексель я уничтожу огнемъ»...

— Чи не буде, борони Боже, *пожежи?* [1]) говорила она при этомъ.

— Що Богъ дасть, то й буде, успокоивалъ я Палажку, а между тѣмъ самъ страшился пожара.

Когда настала пятница, то мы съ Палажкой цѣлый день молились Богу и держали постъ, чтобы Богъ сохранилъ насъ отъ пожара. Вечеромъ мы приготовили заступы и мѣшки, и на разсвѣтѣ субботы отправились на Андрійцове кладовисько. Большой каменный крестъ былъ давно извѣстенъ намъ, а потому найти его въ темнотѣ ночи намъ не стоило труда. Подойдя ко кресту, мы положили по три поклона и три раза проговорили: за преставльшихъ души: *Отче нашъ, Богородице Диво, Помилуй мя Боже* и *Вирую,* помянули раба божого Петра и стали копать у большаго каменнаго креста, на восточной сторонѣ. Не успѣли мы копнуть нѣсколько разовъ, какъ подъ заступами что-то зазвенѣло. Мы немного прорыли и нашли большой казанъ, полнехонькій серебрянныхъ рублей. Тогда мы перекрестились, пересыпали деньги въ мѣшки, зарыли пустой котелъ на прежнее мѣсто и помолившись за душу Петра, пошли поспѣшно домой, забравъ конечно мѣшки съ серебромъ и заступа. Придя домой, мы все боялись огня; но вотъ слава Богу, какъ вы сами видѣли, вексель уже уничтоженъ огнемъ. И кто-жъ то все могъ сдѣлать? —то его, того чумака Петра душа зъ высшого неба и »гроши« намъ показала и »хрестъ той спалила«, сказалъ въ заключеніе Степанъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ очевидцу уничтоженія дѣдушкинаго векселя...

— Да, это дѣйствительно непонятный, чудесный случай, сказалъ я и попросилъ Степана показать мнѣ тѣ рубли, которые достались ему по дѣдушкиному векселю.

— Извольте, сказалъ Степанъ: если хотите, такъ я вамъ покажу и тотъ ковшикъ, которымъ дѣдъ мой мѣрялъ деньги, когда давалъ ихъ людямъ въ долгъ.

— Пожалуста покажите, это интересно; да вотъ кстати скажите, сполна ли вы по векселю получили долгъ...

— А конечно съ процентомъ, отвѣчалъ Степанъ: какъ сказалъ Петро, такъ и сбылось: перемѣряли мы съ Палажкой тѣ рубли и

[1]) Пожежа—пожаръ.

вышло четыре ковшика съ половиною; значитъ, процента наросло полтора ковшика...

Гости встали, помолились Богу, поблагодарили хозяевъ и стали расходиться. Когда всѣ уже разошлись, Степанъ съ Палажкою принесли изъ коморы *диженку*, въ которой хранились рубли, а также дѣдовъ ковшикъ.

Находка Степана оказалась стариною—это были рубли царя Петра Алексѣевича, чекана 1721 года. Одинъ изъ этихъ рублей Степанъ тутъ-же далъ мнѣ за чтеніе псалтири, и этотъ рубль хранится у меня и теперь, какъ память моего дѣтства. Ковшикъ я тоже выпросилъ у Степана себѣ на память, но во время пожара, которымъ истреблена хата моихъ родителей, ковшикъ этотъ сгорѣлъ. Что-же касается иконы св. Іакова, на которой былъ написанъ и на моихъ глазахъ выгорѣлъ дѣдушкинъ вексель, то Степанъ пояснилъ, что онъ пустилъ ее на проточную воду...

Крестьянинъ **Иванъ Савченко**.

РЕБЯЧЕСКАЯ ЗАБАВА ВЪ СЕРЪЕЗНУЮ МИНУТУ.

Самый крупный въ недавней исторіи югозападнаго края фактъ остается въ забвеніи. Мы не имѣемъ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, какъ оно разыгралось въ предѣлахъ этого края, не имѣемъ даже отрывочныхъ о немъ свѣдѣній, если не считать недавно печатавшихся въ »Русской Старинѣ« воспоминаній ген. Крепке, чрезвычайно интересныхъ, но во многомъ неточныхъ и далеко неполныхъ. Въ архивахъ лежатъ нерушимо богатѣйшіе матеріалы для этой поучительной исторіи, въ обществѣ находится сотни, тысячи свидѣтелей тѣхъ печальныхъ дней и событій, въ народѣ циркулируетъ масса интереснѣйшихъ разсказовъ, какъ онъ самъ то здѣсь, то тамъ расправлялся съ возмутившимися панами и отдавалъ ихъ въ руки начальства. И не находится доселѣ человѣка досужаго и съ талантомъ, который занялся-бы собраніемъ всего письменнаго и устнаго матеріала объ этомъ событіи и повѣдалъ-бы намъ правдивую исторію тѣхъ дней. Будемъ воспроизводить ее хотя по мелочамъ, приводить въ извѣстность хотя то, что у кого въ памяти осталось.

Кто живалъ въ ту пору въ Кіевѣ, Житомірѣ или Каменцѣ, тому памятно, какъ не рѣдко необозначившіяся еще въ своихъ цѣляхъ и пріемахъ іереміады польской справы находили сочувствіе въ средѣ русскихъ, какъ многіе осуждали тогда политику правительства, порицали дѣйствія администраціи, взывали къ толеранціи, справедливости. То, что мы хотимъ сказать теперь, рисуетъ легкомысліе, пустоту, а не серъезный взглядъ, но и оно характерно для того времени.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія, въ видахъ удобнѣйшаго надзора за проѣзжими, были заведены на большихъ почтовыхъ дорогахъ шнуровыя книги для записыванія имени, фамиліи и мѣста отправленія проѣзжающаго. Мѣра эта по многимъ причинамъ не приносила желаемой пользы, давая иногда поводъ къ школьничеству, ребячеству, какъ покажетъ случай, о которомъ хочу разсказать.

Пришлось мнѣ въ 1863 году проѣзжать по волынской губерніи. Дѣло было въ ноябрѣ. Почтовые кони еле тащили ноги, утопая въ глинистой вязкой грязи. Смеркалось... Мы съ ямщикомъ рѣшили остановиться въ ближайшей деревнѣ: устали кони, да и мы не прочь были отдохнуть... Подъѣхали къ корчмѣ. Входимъ. Я обращаюсь къ »вартовнику« и прошу дать шнуровую книгу »росписаться«.

Тотъ только усмѣхнулся.

— Становый казавъ: якъ мають не знати що писати, нехай липше зовсимъ ничого не пишуть.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на это »не знати що«. Читаю.

— Гарибальди ѣдетъ изъ Кременца въ пространство.

— Кавуръ и Викторъ-Элимануилъ направляются на востокъ.

— Расплюевъ ѣдетъ къ папѣ въ гости. И. т. д., и. т. д., все въ этомъ родѣ.

Я тоже хотѣлъ »росписаться«, но сторожъ не позволилъ. Довольно, значитъ, и этого!

Черезъ $^1/_2$ часа я поѣхалъ дальше.

Теперь я забылъ уже и названіе деревушки, въ которой это происходило, но самый фактъ остался у меня въ памяти, и одно воспоминаніе объ немъ вызываетъ во мнѣ не то грусть, не то веселую улыбку.

В. О.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Года четыре назадъ тому пришлось мнѣ проводить каникулы въ с. Потокахъ подольской губерніи, винницкаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ ст. Жмеринки. Когда я пожилъ тамъ недѣли двѣ и того больше, мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ подростки крестьяне и даже взрослые въ ссорѣ обзываютъ своихъ противниковъ »гонтиками«. Меня это названіе заинтересовало, по тождеству своему съ именемъ извѣстнаго сотника уманскаго Гонты. На распросы мои объ этомъ мѣстный священникъ пояснилъ, что въ этомъ селѣ живетъ крестьянинъ Микола Коломіецъ, старикъ лѣтъ 80-ти, котораго считаютъ потомкомъ того самаго Гонты. Я постарался свести знакомство съ старикомъ. Когда въ распросахъ я навелъ рѣчь на такое его родство, старикъ долго отмалчивался и отнѣкивался и только впослѣдствіи призналъ приписываемое ему другими родство, пояснивъ, что не хотѣлъ сказать мнѣ объ этомъ, боясь, чтобы я не сообщилъ начальству.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній старикъ Коломіецъ, когда мы стояли съ нимъ на его дворѣ, указалъ мнѣ въ юго-западномъ углу деревни усадьбу на взгорьѣ, при чемъ не то съ горестью, не то похвальбой сказалъ: »ото наше батькивське добро, тамъ и жилъ Ксенофонтъ« (такъ онъ называлъ Гонту). По словамъ Коломійца, Потоки съ окружными селами принадлежали въ то время Потоцкимъ, и хотя у нихъ было много имѣній въ разныхъ другихъ мѣстахъ, но не рѣдко графъ съ женой жили здѣсь, а Гонта былъ атаманомъ козаковъ Потоцкаго. Къ сожалѣнію, старикъ не могъ назвать по именамъ ни графа, ни его жены, а также сообщить объ нихъ какія либо свѣдѣнія. Графъ, говорилъ онъ, часто и надолго отлучался, а графиня держала Гонту при себѣ и жила съ нимъ какъ съ мужемъ. Противъ двора графскаго стоялъ домикъ, тамъ-то и жили дѣти Потоцкой отъ Гонты; одинъ изъ сыновей звался Адамомъ; силенъ онъ былъ, какъ и батько его, но глупъ, не въ отца пошелъ. На мѣстѣ этого дома и теперь усадьба Адамчуковъ.— Графъ, разсказывалъ еще старикъ, боялся Гонты. Правда и графиня не всегда ладила съ нимъ. Разсердился разъ Гонта, хватилъ кулакомъ любимую лошадь графини,—на повалъ убилъ, а самъ ушелъ. Собрали людей ловить Гонту. Окружили его подъ корчмой,

а онъ стоитъ съ лавой въ рукахъ и говоритъ: »берить«. Взять не взяли, упросили вернуться во дворъ.

Какъ поднялись гайдамаки на ляховъ и пошли на Умань, страшно стало за дѣтей Потоцкому,—они въ Умани тогда учились. Позвалъ Потоцкій Гонту и говоритъ: »пять селъ даю тебѣ, Гонто, достань дѣтей«. Гонта обѣщалъ. А на Литинскомъ яру Желѣзнякъ таборомъ стоялъ и къ Гонтѣ гонца прислалъ, чтобъ былъ съ нимъ за одно. То мѣсто Литинскимъ яромъ уже потомъ прозвано, по имени пана; находятъ и теперь тамъ оружіе въ землѣ; Литинскій яръ лежитъ между Потокомъ и м. Ворошиловкой, въ сторонѣ отъ дороги. Вотъ пришелъ туда Гонта съ своими козаками. »Биться, или брататься намъ?—спросилъ онъ Желѣзняка. Желѣзнякъ отозвалъ его въ сторону и показалъ царицыну грамоту съ золотой печатью. Посмотрѣлъ Гонта, да и повернулъ съ своими козаками, разомъ съ гайдамаками, на Умань. Тамъ уже, какъ расправлялись съ гайдамаками, то и Гонту въ тюрьму посадили до конца жизни, хоть и ссылался онъ на царицыну грамоту.

Свои темные разсказы Коломіецъ закончилъ такъ: если, случалось, что нибудь не хорошее сдѣлаю, то батько всегда было говоритъ мнѣ: »вотъ и выйдешь такимъ гайдамакою, какъ Ксенофонтъ«.

Трудно разобраться въ этомъ темномъ преданіи и съ достаточною вѣроятностію пріурочить его къ опредѣленному историческому лицу и времени. То, что есть существеннаго и наиболѣе опредѣленнаго въ немъ, не согласуется въ примѣненіи къ уманскому сотнику и народному возстанію 1768 г., извѣстному подъ именемъ Гайдамачины или Коліивщины, съ точными историческими о нихъ свѣдѣніями. Атаманъ надворныхъ козаковъ Салезія Потоцкаго, Гонта, носилъ имя Ивана, а не Ксенофонта, родился не въ Подоліи, а близъ Умани, въ с. Росошкахъ, которое потомъ получилъ въ даръ отъ своего патрона. Въ подольскихъ и червоно-русскихъ владѣніяхъ Потоцкаго Гонта, конечно, бывалъ съ своими козаками при дворѣ Потоцкаго, но самъ Потоцкій имѣлъ свою резиденцію въ Кристополѣ, въ нынѣшней Галиціи, а не въ Потокахъ. Далѣе еще большая несообразность. Соединеніе Гонты съ Желѣзнякомъ подъ Уманью, близъ с. Соколовки, удостовѣрено несомнѣнными свидѣтельствами современниковъ очевидцевъ, а между тѣмъ преданіе устами Коломійца отводитъ для этого мѣсто въ Литинскомъ яру, между с. Потоками и

м. Ворошиловкою. Самый фактъ связи жены Потоцкаго съ Гонтою могъ-бы многое объяснить намъ въ положеніи Гонты, который, не смотря на свое простое происхожденіе, занималъ высокое положеніе среди окружавшей Потоцкаго родовитой шляхты, внушалъ ей уваженіе и страхъ и пользовался непоколебимымъ довѣріемъ своего патрона, щедро награждаемый и ласкаемый отъ него. Но чѣмъ и какъ можетъ быть удостовѣренъ этотъ фактъ относительно уманскаго Гонты? Подобные факты не только возможны, но и на самомъ дѣлѣ въ то время случались; но для пріуроченія указаннаго факта къ сотнику Гонтѣ мы не имѣемъ ничего, кромѣ преданія, спутаннаго въ другихъ частяхъ. Не самъ Микола Коломіецъ, а его отецъ могъ быть современникомъ Гонты; но дѣйствительно ли онъ былъ его родственникомъ, это остается вопросомъ. Почему же держится и на чемъ основано преданіе о родствѣ Миколы Коломійца съ Гонтою? Почему въ народѣ бранятся тамъ именемъ Гонты? Почему не сохранилось здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, преданіе о страшной казни Гонты, совершенной, какъ извѣстно въ Подоліи? Не былъ-ли въ Потокахъ, во время Коліивщины, другой предводитель гайдамакъ также съ фамиліею Гонты?

Желательно, чтобы кто нибудь на мѣстѣ вновь провѣрилъ записанное нами преданіе и по возможности разрѣшилъ поставленные вопросы. Въ основѣ народныхъ преданій лежатъ всегда реальные факты, но здѣсь они совершенно спутаны относительно мѣста и времени, а можетъ быть и самихъ лицъ.

Е. Маковскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

(Одна пѣсня и два разсказа).

Минувшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ черниговщинѣ и полтавщинѣ и слышать много пѣсень и разсказовъ, которыхъ всю прелесть чувствуешь тогда, когда выливаются они живымъ голосомъ, живою рѣчью въ жизненной обстановкѣ, какъ непоредственная принадлежность и прояленіе жизни.

Въ с. Жеведи (остерскаго уѣзда, черниговской губерніи) записаны мною 2 разсказа, а въ селѣ Прохоровкѣ (полтавской гу-

берніи, золотоношскаго уѣзда) пѣсня. Дѣлюсь ими съ читателями »Кіевской Старины«.

Пѣсня высоко художественна какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подобной по содержанію пѣсни я еще до сихъ поръ въ печати не встрѣчалъ, несмотря на то, что имѣлъ подъ руками и перечиталъ большую часть нашихъ сборниковъ народныхъ пѣсень.

Въ этой пѣснѣ изображается судьба несчастной молодой женщины—Насти. Въ семьѣ мужа ее встрѣтила »лыхая свекруха«, которая постоянно грызетъ ее. Разъ, послѣ особенно-навязчиваго, злостнаго приставанья свекрухи, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, отправилась Настя »зъ малою дитиною« въ поле жито жать. Горькое, щемящее чувство незаслуженной обиды, сознаніе невозможности поправить свою безповоротно-испорченную жизнь, чувство физическаго и нравственнаго утомленія, все это вмѣстѣ подавляетъ въ ней материнскія чувства и она, вспомнивъ про ожидающія ее дома семейныя обязанности, вечеромъ уходитъ домой, забывъ въ полѣ ребенка.

Погруженная въ свои безутѣшныя мысли, безсознательно, чисто механически отправляетъ она эти обязанности—и такъ и не вспомнила сама о томъ, что оставила дитя въ полѣ. Напоминаетъ ей объ этомъ мужъ, и она въ смертельномъ страхѣ, съ потрясеннымъ чувствомъ материнской любви бѣжитъ въ поле, въ полѣ видитъ орла, и спрашиваетъ его объ участи дитяти.

Въ прекрасномъ поэтическомъ образѣ передастъ пѣсня роковой отвѣтъ орла, которымъ замѣняется личное удостовѣреніе Насти. Настя въ отчаяніи устремляется домой и подъ тяжестію неодолимаго горя кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Вся эта картина страданій и гибели отъ злой »свекрухи« нарисована прекрасною художественною кистью, проникнута глубокимъ, сильнымъ чувствомъ. Типъ Насти начерченъ съ необыкновенною силою немногими яркими, смѣлыми штрихами. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ.

Что до записанныхъ мною 2-хъ разсказовъ, то первый изъ нихъ, по основному своему сюжету, не новъ, но онъ интересенъ по формѣ, въ которую вылился избитый сюжетъ, по примѣненію къ типическимъ лицамъ народной поэзіи, по народному чувству, скво-

зящему вездѣ въ этомъ разсказѣ, по своей анти-жидовской подкладкѣ. Въ такомъ видѣ я его встрѣчаю въ первый разъ.

Почти тоже можно сказать и о второмъ разсказѣ. Въ немъ особенно интересенъ взглядъ народа на солдата-вора и его къ нему отношеніе. Народу, видимо, симпатиченъ этотъ преступный солдатъ за проблескъ въ немъ человѣчности, за сочувствіе его невинно страдающему человѣку, за ловкость, за то, что онъ перехитрилъ *жида*,—за все это народъ какъ-бы прощаетъ ему его проступокъ и смотритъ на темную сторону его дѣянія сквозь пальцы.

Пѣсня про Настю.

Уродилась Настя
Безъ доли, безъ щастя.
Да случилась Насти
Свекруха лыхая.
Посылае Настю
У поле жито жати:
—›Иди, иди, Насте.
Да й не озирайся.
Ой жни, Насте, жито
Да й не розгинайся‹.
Розигнулась Настя,
Уже й сонце низенько.
Да й погибла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову свитлицю,
Да ухопила Настя
Дубову дойницю,
Подоила Настя
Сивіи коровы:
Ой питае милый:
›Де Насте, дитина?‹
—›Ой, Боже мій милый,
Забула на ныви!‹
Да й побигла Настя
Изъ дому на поле,
Да й зустрила Настя

Сизокрыла орла.
—»Ой ты, сизый орле,
Не бачивъ дитины?«
—»Ой у поли, въ поли
Стоить три тополи:
Ще перва тополя
Ямочку копае,
А другая тополя
Дитину ховае,
А третя тополя
Книжечку читае«.
Да й побигла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову комору,
Да ухопила Настя
Да свой [1]) полотенця [2]).
Не попала Настя
Ножемъ по полотенцю,
Да й попала Настя
По щирому серцю.

(С. Жеведь, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Разсказы.

I.

Нанявъ жидъ чоловика ѝхати у городъ. И везе винъ ёго зъ села на гору—оттакъ, якъ у насъ отто гора. А жидъ—ніякъ на гору не встане; лигъ, вывернувся та й спить. А бидный чоловикъ бичувався, бичувався! Не вытягне ніякъ коняка нещасна, а жидъ лежить, вывернувся, не поворушиться, дума: якъ панявсь, то й вези. А винъ у жида просить: »встань, будь-ласка, бо коняка не вытягне. Я тоби верну гроши, тильки встань«. Той таки не слухае. Ажъ пить на лоби выступивъ,—все лежить. Коняка не везе ніякъ, а чоловикъ сидить та й плаче. Другій тутъ ишовъ зъ горы: такійже соби чоловикъ. Дивитьця, що бидный чоловикъ мучить коняку, жидъ не встае,—якъ узявъ винъ дрючокъ та до того кучира: »а,

---

[1]) Свой—сувой, большой свертокъ.

[2]) Уменьш. отъ слова полотно.

сякій-такій! ты колись мого жида бивъ, якъ я ïхавъ: ось я и твого буду бить, аже-жъ ты мого бивъ«. Той жидъ якъ схопитьця, якъ удравъ ёго винъ тою ломакою по плечахъ,—якъ побижить! Тоди коняка й вытягла, бо жидъ вставъ. А цей чоловикъ тоди: »спасыби тоби, брате, що ты мого жида прогнавъ, а то й доси-бъ ще пропадавъ на тимъ мисци. Спасиби тоби!«

II.

Жидъ на ярмарку минявъ гроши на столи. А салдатъ смотрить. що вони у ёго лежать, тай думае, якъ бы ихъ соби узять. Жидъ заворотився, задивився, а салдатъ за ти гроши, що були на столику, та за ошлагъ.

Чоловикъ прóстый приходить: »розминяй мени, аврею, пьять рублив грошей«. Жидъ кинувся: »Герште! де мои гроши?« Та на того чоловика: »ты взявъ! Цуесъ ты, верни мои гроши, мужицьке гóлове, швиняче рыло! Ты взявъ мои гроши«. Жидъ бере того чоловика за лобъ и увесь ярмарокъ жидивъ збигся на цюю кумедію дивитьця. Бьють ёго, вяжуть ёго, нехтують ёго. Той чоловикъ божитьця, кленетьця: »не бравъ я твоихъ грошей, далеби не бравъ!« Жиды, знаете, не вдаряютьця на прозьбу цюю, кричать: »ты взявъ, сто цортивъ въ твою голову!« А салдатъ той стоить, бачить биду того чоловика, бачить: бьють ёго, нехтують. Ёму, звисно, зробилось жалко. Винъ пидходить и каже: »за што, каже, ты этого бѣдного мужика бьешь?«—»Какъ зе ёго не бить, коли воно оттутъ, при моихъ оцахъ, на столику десять ци сто карбованцивъ узяло«.—И врешь ты, пархъ проклятой! Вѣдь ты напрасно мужика бьешь. Вѣдь твоихъ денегъ онъ не бралъ, а я ихъ взялъ«. »Герста! какъ вы узяли мои гроси?«—»Какъ я взялъ твои деньги? Вотъ какъ: пришелъ я къ твоему столику, смотрю, на столикѣ лежатъ. Гляжу, ты не смотришь. Я вотъ такъ шинелью подобралъ, отошелъ отъ столика, да все дальше, дальше«... Да якъ влупить зъ грошима по ярмарку! Жиды гвалтъ: »ловить! ловить!« А винъ по переду бижить и самъ кричить: »лови, лови!« Такъ и пропали жидови гроши.

А мужика салдатъ вызволивъ, щобъ ёго дарма не били.

(С. Прохоровка, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи).

Сообщ. **Д. Т.**

отъ пана дядка и отца брата [107]). Священнику за молитву зъ паламаремъ 12 к.

24. За 18 аршинъ крашенины 54 к. Теслѣ Палашу 5 к. Сего числа взялъ еще у Ноздри чаусовского 5 р. винковыхъ денегъ; сего числа рощотъ и расплатка здѣлана зъ Федоромъ Янченкомъ.

25. Чрезъ слѣдуючіе святочные дни розишлось на всякіе домовые и другіе росходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Топалѣ у графа [108]) и купилъ для енерала де-Вейзбаха 4 концы, а для себе 1—полотна парусного за 30 р., а денги еще не плачены.

Былъ въ Нижніомъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Приписка на особомъ листикѣ:

Кляча рижая приводу съ Погару воровъ—именемъ одинъ Яковъ Гриценко, житель полку миргородского, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Левко Карповъ сынъ Харэоненко, житель сотнѣ топальской, села Могилевца, да въ перегонского жителя Зенка Триносенка тогожъ приводу имѣется кляча рижая, а приводъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о вороневкомъ конику, якого онъ приводу, исправится не почему.

1731 году Сентев. 9. Зде выраженныя клячи рижіи и коникъ вороный приняты въ дворѣ нашомъ въ Стародубѣ.

1732 годъ. Мѣсяцъ Генварь.

1. По обѣднѣ поздоровляли полковника новымъ годомъ.

2. Обявленъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.

3. Избирали кандидатовъ на асаулство полковое и на хоружество значковое. Сегожъ числа одправленъ Антонъ Донъ въ Полтаву зъ писмами до его сіятелства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вейзбаха и зъ 4-мя концами парусного полотна, которому и подорожняя енералская дана на подводы. Дня сегожъ въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ прапорщикъ зъ печатными указами его императорскаго величества о наслѣдствіи и зъ формами

---

[107]) Подъ именемъ отца-брата разумѣется родной братъ по отцу автора Дневника—Иванъ Даниловичъ, бывшій священникомъ. См. Опис. Черниг. Епархіи, V, 192.

[108]) Рагузинскаго.

присягъ, такожъ и зъ унѣверсаломъ рейментарскимъ о виконанію той присяги [113]).

4. По службѣ Божой въ церквѣ соборной присягу чинили полковникъ, старшина полковая и прочіе чины духовные и мирскіе.

5. Розмилось на розницю 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. По службахъ была процессія на рѣку и по одправленномъ водосвятіи, палено зъ 7 пушекъ, также и три сотнѣ: полковая, новомѣстская и топалская бѣглымъ огнемъ, которіи сегожъ числа присягали въ соборной церквѣ. Въ вечерѣ посѣщала полковница зъ дочерми пана тестя и паню тещу въ домѣ ихъ.

7. Заплатилъ за медъ въ домъ братскій петропавловскій 70 к. Прислала полковниковна Параскевія Александровна 16 золотниковъ срѣбра и полтину денегъ на зробление табакерки. Сговорилъ сгѣцаря для робленя шафы за 2 р.

8. Томужъ сгѣцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господа графи Гаврило и Мойсей Владиславичи [114]) и Іванъ Івановичъ кушали у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣщали.

9. За водку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Черницямъ заграничнимъ дано 20 к.

10. Віехалъ зъ Стародуба въ Глуховъ, забѣраючи дорогу, и прибылъ на ночь въ Борщевъ [115]). Бабѣ, которая приходила одъ пана Максимовича зъ родиннымъ хлѣбомъ о родившойся дочерѣ его Татіанѣ (якая родилась зъ 7 противъ 8 числа), даны 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Пріехалъ туда рано и обѣдалъ бывшій управитель почеповскій Гаврило Никифоровичъ Лукинъ, также п. н. Галецкій сотникъ полковый и менной Леонтій. У шинкаря чаусовского Ноздри взяты 2 р. По обѣдѣ віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночь въ Витемле, где подданые пана сотника полкового дарили насъ рыбою и вюнами. Писаны зъ Перегону писма до пана тестя и до жены, да до пана сотника варвинского зъ отправленемъ кобилицъ и лошатъ, всехъ 20 штукъ, а зъ тымъ велено одправить Грицка зъ козакомъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да овса четвертку для лошатъ.

---

[113]) О принесеніи присяги.

[114]) Рагузинскіе.

[115]) С. Борщевъ стародубск. уѣзда, принадлежалъ Галалѣямъ, роднымъ братьямъ, по отцу, жены автора Дневника.

Зъ Витемля писалъ къ Стефану и къ Івану Кошцѣ. Ночью въ Витемлѣ получено писмо одъ полковника, на которое

13. Писанъ отвѣтъ, такожъ и до хоружого Данченка зъ Мехедовки подъ датою зъ Шатрищъ. Зъ Мехедовки по обѣдѣ прибылъ въ Шатрища на ночъ.

14. Зъ Шатрищъ пріехалъ въ Глуховъ по полдни въ 3-мъ часу, и сегодня нигде не были. Розышлось на розницю 17 к.

15. Рано кланялись ясневелможному и обѣдали у столу гетманского. Положены въ карбоцу 60 к. Дано срѣбра 16 золотн. Петру Василіеву чеканщику для зробленя табакерки для полковниковой.

16. Обѣдали у отца Мойсея, капеляна войскового [112]), которому родилась дочь Татіана, якой воспріемниками были панъ Андрей Марковичъ, подскарбій енеральный, и ясневелможная панѣ гетманова. Рано кланялся полковнику господину Тургеневу и асауловѣ енер. пану Мануйловичу, въ вечерѣ—панамъ хоружому и бунчужному енералнымъ. Я зъ рана кланялся полковнику и глуховскому коммендаиту Семену Тимофеевичу Кишкину да подполковнику Никифору Івановичу Лвову, зъ хлѣбомъ и зъ звериною.

17. Пѣвчимъ гетманскимъ дано 50 к. Жолдакамъ 20 к. [113]). Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдалъ я у полковника и комендаита господина Кишкина.

18. Одкланявшись ясневелможному, панича отехали зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалемъ до полковника, до пана тестя и до жены. Розышлось на розницю 26 к.

19. Писано писмо до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича о долгу на Алексію Михайловскомъ, которого и облѣгъ своеручный вручилемъ пану Федору Чуйкевичу [114]) и писмо до тогожъ

---

[112]) О. Мойсей Богаевскій былъ войсковымъ капеланомъ около 20-ти лѣтъ (1720—749); отъ него пошли теперешніе дворяне Богаевскіе. См. Зап. Черн. Стат. Ком., кн. 2-я, 70—72.

[113]) Жолдаками называлась особая гетманская стража. Для поселенія сей й этой стражи былъ отведенъ значительный земельный участокъ, на которомъ и возникло теперешнее с. Жолдаки, конотопскаго уѣзда.

[114]) Федоръ Чуйкевичъ, бунчук. тов., сынъ Александра Чуйкевича, бывшаго полтавск. полковымъ писаремъ при Самойловичѣ. Женившись на дочери кролевецкаго протопопа Демьяна Маковскаго, Федоръ Чуйкевичъ получилъ въ приданое слободу Грузскую подъ Кролевцомъ, которую впослѣдствіи передалъ также въ видѣ приданаго, бунч. тов. Андрею Войцеховичу, женившемуся на его дочери Аннѣ.

сотника пана хоружого енералного Горленка, писанное въ томже дѣлѣ. Взято у Мандзенка глуховского крепи чорной 3¹/₄ локтя, да пузименту 5 золотниковъ, за що доводится ему 2 р. 30 к., да давныхъ 10 р. Дано на росходъ 30 к. Сей день праздновали въ Глуховѣ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйкевича, чтобъ, если доправить деньги въ Новыхъ Млинахъ, заплатилъ з оныхъ Мандзенку 12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потребы, до кунтуша взятіе, и себе-жъ репту отобралъ, а остатокъ ко мнѣ прислалъ; на школы кіевскіе далъ двойный черьоній. Прибылъ Игнатъ Данченко въ Глуховъ. Заплатилъ за давніе стіонжки 10 к.

21. Дано на росходъ 30 к. Писано писмо въ Москву до пана Андрея Горленка, просячи о корреспонденціи и извѣстіе стороны данного ему моего меморіалу. Писано писмо до пана Өедора Ширая [115]) о одобраню клевѣкорда у пана Івана Кулябки, и до пана Кулябки о видачи оного клевѣкорда. Да писалъ панъ Іекрицкій и карту мнѣ объ ономъ вручилъ. За ³/₄ бѣлокосу дано 41¹/₂ к.

22. Пріехалъ полковникъ въ Глуховъ. Розышлось на розницю копѣекъ 9.

23. Онъ-же полковникъ былъ у ясневелможного и обѣдалъ зъ полчанами. Далъ на росходъ 30 к., цилюрнику 4 к.

24, 25, 26, 27. Розышлось на сѣно, овесъ и проч. 2 р.

28. Праздновано рожденіе ея імператорскаго величества зъ пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ панъ Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій и Янушкевичъ, писарь черніговскій и Давидовичъ, товарищъ значковый, одпущенные зъ Москви. Чрезъ пана Холодовича прислана грамота о пожалованю пана Івана Борозны судею енералнымъ, а пана Турковского—писаремъ енер. полнымъ, да о пожалованномъ ему Холодовичу селѣ Пироговцѣ [116]).

---

[115]) Федоръ Ширай былъ женатъ на дочери Петра Кулябки, а слѣдоват. на внучкѣ гетм. Апостола (Петръ Кулябка женатъ былъ на Аннѣ Данил. Апостолъ). Иванъ Кулябка, у котораго нужно было взять «клевѣкорды», былъ братъ жены Федора Ширая. Впослѣдствіи онъ былъ полковникомъ лубенскимъ. См. примѣч. 67.

[116]) С. Пироговка глуховскаго уѣзда, недалеко отъ м. Воронежа, гдѣ Холодовичъ былъ сотникомъ.

Попу вѣкарію николскому отцу Тимофію данъ 1 р.

29. Розыйшлось на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходителство, господинъ генералъ и ордина Александра Невского кавалеръ, Семенъ Григоріевичъ Нарышкинъ прибылъ въ Глуховъ по полднѣ, которого визитовалъ и ясневелможный на его квартерѣ. Розыйшлось на сѣно 21 к.

31. Писалъ писмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генералъ Нарышкинъ былъ у ясневелможного въ домѣ и вручилъ его ясневелможности грамоту о опредѣленіи мастности старшинѣ енералной и прочимъ. На сѣно, овесъ и проч. розыйшлось 40 к. Одклонился ясневелможному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розыйшлось на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., віехалъ я зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Шатрищи.

2. Прибылъ на службу [127]) въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдавши, прибылъ въ Чауси и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибылъ ночью въ Стародубъ. За рибу въ Каменѣ 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ея і. величества и молебствовали зъ пушечною стрѣлбою, послѣ и при обѣдѣ у полковницы гуляли зъ стрѣлбою-жъ, а надъ вечеръ были у мене въ домѣ полковница и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ послѣ вчерашнего гуляня.

5. Былъ у полковницы и прощался за позавчорашнную при гульнѣ досаду. Одправлена баба въ Погаръ, которой дано сукна на кунтушъ темнозеленого за 2 р. 63 к.

6. Розыйшлось на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарцы 20 к., за возъ лучины 17 к., на прочее 8 к. Прибылъ въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за мелъ 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ посилкою кадриліи, до пана Юркевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловского, виданномъ зъ новомлинского уряду.

---

[127]) На обѣдню.

10. Дано лищицкимъ людямъ, которіи на драни подрядилися, вмѣсто полчвертки муки 20 к., а полчвертки еще имъ надлежитъ.

11. Снѣцару, который дѣлаетъ шафу, дано 30 к.; на розницю розышлось 14 к. Гришки Соколова умершого тѣло повѣшено за ребро на ⌒.

12. За мясо заплачено и на проч. розышлось 22 к., дано Василю 20 к.

13. Графиня[116]) зъ полковниковою де-Фронбісовою обѣдали у полковника и гуляли, а послѣ у насъ вечеряли и ночовали. Розышлось на медъ, мясо и проч. 36 к.

14 к. Послалъ чрезъ Бардовского до графа 30 р., да 5 кусковъ полотна парусного. Писала панѣ матка и я до пана Івана Гамаліи въ Москву чрезъ денщика графского, который посланъ доганять графа Мойсея Івановича. Пошло на розницю 7 к. Пытаны Соколовъ зъ товарищи жестоко.

15. Посланъ сторожъ въ Андрѣйковичи по сѣно для свезеня оного въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медъ заплачено 19 к.

16. Дано Брезкуну за мясо, передъ симъ набранное, 20 к. Писалъ писмо къ діакону Протерію въ Лищичи, чтобъ позволено выпустить брусовъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для которыхъ выпуску и людей велено одиравить зъ Пятовска и другихъ деревень свободныхъ войсковыхъ. Розышлось на розницю 20 к.

17. Василю дано 10 к., за медъ заплачено 15 к.

18. Снѣцару отданы остальныя денги 70 к., да за дошки 15 к. Сей день пробивали у графа въ Топалѣ, одколь коло вечеренъ уже прибыли въ Стародубъ.

19. На рибу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многіе гостѣ, которіе послѣ поехали до пана Івана Миклашевского.

21. За бочку соли цурки, да за пудъ бѣлой соли-жъ 4 р. дано.

22. За лѣйци (возжи) ременные пароконные 50 к. Посланы писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ термѣнами указовъ о калкуляціи денегъ.

23. Василю слузѣ дано 15 к., за ситце грибовъ 15 к., на розницю 10 к., за осмачку овса Гриневичу 30 к.

---

[116]) Анна Рагузинская, дочь бунч. товар. Ивана Бороздны. Второй мужъ ея—Ив. Андр. Гамалѣя.

24. Покроено Алексію и Василю двѣ епанчи нѣмецкихъ зъ парусного полотна 18 аршинъ, дано на нитки 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницю 3 к. Договорилъся зъ маляремъ обмаліовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Івану, що з Вори (хуторъ), 25 к., хлопцю Степану 10 к. Зѣнцю хлопцю покроено вчера камзолъ и епанчу; пошло на тое парусного полотна 8½ аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розышлось на розницю 72 к.

27. Заплатилъ Манджеку и Левченку глуховскимъ 14 р. 30 к., за медъ и проч. 12 к., за сѣчку 9 к.

28. Лищицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Маляру умовленному шафу маліовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефанового отца до сестеръ 2 р., да Дмитру коня воронострожатого.

29. За козла жовтого 40 к., на рибу 64 к., на медъ 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ зъ женою и полковница де-Фронбісова зъ дочерю обѣдали у насъ. Взяли у грека 2 фляши легоневского, 2 простого полинкового. Далъ кунтушъ свой откроенный Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитные 30 к., за полпята локтя камлюту 1 р. 30 к., у Пуховича взялъ локоть ленти за 50 к., которую подарилъ дочерѣ пана Николая Борозны, которого жена у насъ обѣдала.

2. Покроены дитинѣ суконки, до которихъ на шовкъ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ новомѣстской сотнѣ въ Полтаву, чрезъ которого писалъ до генерала де-Везбаха, до ксенза капелана его, езуита, и до пана Тимоновича. За розные багателѣ (мелочь) кухенные 4 р. 2 к.

3. Греку Зефіру заплатилъ за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляшокъ легоневского и за чотири червоного полинкового 4 р. 20 к. Фарбелницѣ [119]), которой дано лудань фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертицъ сосновыхъ 4 к., за хрѣнъ 5 к., за два каменѣ [120]) и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотна простого 26 локоть 36 к.

---

[119]) Красильщицѣ.

[120]) Камень — 50 фунтовъ.

4. Подрядился гончарскій атаманъ Авраамъ Жуковъ пѣчь дѣлать и поставить въ хатѣ столовой, а въ сѣняхъ коменъ, пѣчъ-же покоцованную, а коменъ зъ сеней мурованый и за то все ему дать ровно 4 р., а сего числа онъ-же взялъ уже въ задатокъ 2 р. битые. Маляру, который отдѣлалъ шафу совсѣмъ уже, дано доплатки 80 к., Кадушку кравцю на шовкъ 4 к., за щуки и окунѣ рибу 22 к.

5. За разный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., розыйшлось на розницю 37 к.

6. Розыйшлось на розницю 65 к.

7. Одправлено писмо до его м. пана Скоропадского о небезпечной ради распутицы дороги, требуя повторного указу, и послано въ Новгородокъ; розыйшлось на розницю 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музики зъ хоромнымъ строеніемъ, въ тилу моего двора будучій, за 40 р. и въ задатокъ далъ 1 р., стелмаху 3 к., шевцю на задатокъ чоботъ нѣмецкихъ чорныхъ 20 к., інтроліогатору (переплетчику) 10 к., на нитки кравцямъ 6 к., на розницю 14 к.

9. Расплатка учинена зъ Янченкомъ и другими за сукно, рисѣ, шнурокъ, тасу, тако-жъ Леонисѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медъ 8 к., на нитки 5 к., за сопиру 8 к., фарбиллницѣ 20 к., шевцю 18 к., слесарамъ 4 к., ковалямъ на крупи 10 к., за шнурокъ и нитки Іванцю до кунтуша 16 к., кравцю Карноуху 38 к. Заплатилъ за Пузира пану Скорупнѣ 20 р.

10. Шевцю за направу чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцямъ за роботу 70 к., на нитки, гаплики и шнурокъ 7 к., Макринѣ на серванокъ 20 к., мамцѣ Петрусевой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одправилъ Івана Конку, давши ему кунтушъ гранатовый и коня ему-жъ уступилъ подарованного матцѣ.

11. Віехалъ зъ Стародуба, и при отездѣ вручены на росходъ 5 р. денегъ. Занялъ у Конончука 5 осмачокъ жита стародуб. мѣри и облѣдъ ему далъ.

12. Прислала мнѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, копелюкъ, aureum и дѣтямъ стіонжечки. Василю дана полтина на росплатку его за гонне (лѣченіе). Заплачено за медъ и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к.

13. Віехалъ съ Перегону, обѣдалъ въ Гремячомъ, ночовалъ въ Пушкарахъ [121]). Розишлось 8 к.

14. Прибылъ на обѣдъ до Смячи и тутъ у пана сотника шептаковского обѣдалъ. Оттоль ехалъ на Шептаки и прибылъ на ночъ самъ въ Новгородокъ, а возки ночовали у млина пролевецкого.

15. Отдалъ войту новгородскому коня бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день пробавилъ.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Віехалъ зъ Новгородка, на ночъ позно прибыли въ Локотки.

17. Попасовали въ Собичевѣ, на ночъ прибыли въ Глуховъ. Сего числа ясневелможная віехала зъ Глухова до Сорочинецъ [122]).

18. Весь день пробивалъ въ дворѣ гетманскомъ. Получилъ писма вечеромъ отъ сотника погарского о затѣйкахъ старости седоколеского.

19. Былъ у его м. пана писаря и обозного енералныхъ. Цирулику за голеня 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медъ 4 к., за оглоблѣ 2 к.

21. Розишлось на розницю 75 к.

22. Віехалъ зъ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, ночовалъ въ Слоутѣ [123]).

23. Прибылъ въ Новгородокъ ночю. Розишлось позавчора 30 к.

24. Въ Новгородку за овесъ 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушалъ службы Божои въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдалъ тамъ-же; позно віехавъ, прибылъ на ночъ въ Смячъ. Вчора послано удостоеніе для подпису до асаула енер. пана Лисенка, чрезъ значкового козака новгородского Лукяна Василіева.

26. Прибылъ въ Перегонъ и ночовалъ.

27. Прибылъ ночю въ Стародубъ.

28. За нообмаліоване колѣсъ до карети и поправку карети 60 к.

29. Розишлось на розницю 8 коп.

---

[121]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[122]) Село миргородскаго уѣзда, гдѣ была Апостоловская усадьба.

[123]) Село въ 12-тя верстахъ отъ Глухова.

30. Прислалъ Колчевскій 4 щуки рыбы. Писалъ писмо до пана Андрея Миклашевского въ дѣлѣ пана Скоропадского о млинѣ и проч., что въ продажу. Послано писмо и до пана Борковского.

31. Данъ конь гнѣдій кулябковскій Качановскому. Взято у Герасима Солодовника ¾ колодной мѣры на вино солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до бровара 2 возы дровъ., на крашенину докупить нѣмому на юпку 8 к., на шнурокъ до дѣвчиненого жупанка, да на гаплики до молодецкихъ 4 к. Розышлось на росницю 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Априлъ.

1. На крашенину и нитки до панеи кунтуша штофового 12 к. Розышлось на розницю 5 к. Кравцямъ дано 12 к. Дано Івану ворскому кафанъ крашеновый зеленый и свиту бѣлую; нѣмому кафанъ крашеновый-же. Дѣвчинѣ Улянѣ кунтушикъ суконный. Шевцю даны дѣлатись чоботи жовтіе и емужъ на потребы дано 14 к.

2. Прислано универсалъ и листъ зъ Глухова о Белявицѣ. Розышлось на росницю 14 к. Писаны писма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадского зъ посилкою описѣ и росписки, ревнянцямъ отъ карповцовъ[114]) данной, и термѣнъ двохъ, да листи графа Сави Владиславича, другое до пана Юркевича, и о пересилцѣ оныхъ писемъ писано до сотника новгородского чрезъ козака тоей-же сотнѣ погребского Іосифа Колмиченка. Получены указы о высилкѣ 30 тысячъ роботниковъ на лѣнійную работу, въ томъ числѣ зъ полку стародубовского козаковъ 9 сотъ зъ лишкомъ, мужиковъ 2038, такожъ о постереганю, чтобъ люде не розиходилисъ.

3. За рогожи и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадского. Шевцю дано за работу 15 к. Розышлось 4 к.

5. Заплатилъ Лавріну за 10 фунтовъ гвоздю 30 к. Свѣчарцѣ на полтора фунта воску и на ярь 25 к. Домонтовичу за зроблене штофного кунтуша панеи 25 к.

6. За пуговицѣ Алексію и Василю 20 к. За офарбоване крашенины 20 к., за полотно подъ хлопячіе жупанки 20½ к., огороднику 15 к. Розышлось 19 к.

---

[114]) Д. Ревна и с. Карповичи—новозыбковскаго уѣзда.

7. За три прищепки 30 к., слѣсару 20 к. Максиму шапочнику за зроблене шапки 20 к.

8. Сповѣдалься и причащалься: розшилось на розницю 95 к.

9. Въ Новгородку панъ Данило Кутневскій т. б. (день Пасхи) по всенощной умре[125]). Сего числа и вчора панѣ теща жестоко была болна.

10, 11, 12. Розшилось на разные експенеси 3½ р.

14. Маслосвятіе отправилось надъ панею тещею, и сего числа віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ. Далъ панъ Федоръ Ширай 15 р. на покупку шпалеръ[126]) въ С. П. Бурхѣ до избы, которой стѣны двѣ шириною по 13 аршинъ, другіе двѣ по 11½ аршина, а висотою всѣ по 6 аршинъ.

14. Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р., и осталось на немъ 13 р. и камень ганпиу. Взялъ отъ шинкаря чаусовского Нозари 6 р., зъ томъ числѣ чрезъ руки Стефановского 3 р., одъ самого 3 р. и изъ тихъ велѣлемъ панѣи отдать 2 р. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночь въ Каменскую Слободку[127]).

15. Прибылъ передъ обѣдомъ въ Новгородокъ и тутъ обѣдалъ. сотникови новгородскому отдалемъ должные 5 р. На ночь прибылъ въ Богдановку. Розшилось 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамалѣевцѣ[128]), обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибылъ завременно въ Глуховъ и былъ у ясневелможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ талярь битій, гобоистамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношеніемъ изъ министерской канцеляріи.

20. Отобралъ прогонныхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Дала на покупку двохъ куницъ панѣ Ломиковская 3 р., а до архимандрита Донского при письмѣ хустку.

---

[125]) Бунчуковый товарищъ, бывшій сотникъ новгородсѣверскій, зять генеральнаго писаря Семена Савича, по женитьбѣ на его сестрѣ.

[126]) Обои.

[127]) Теперь с. Каченка, новгородсѣверскаго уѣзда.

[128]) Гамалѣевскій женскій монастырь около с. Локотковъ, глуховскаго уѣзда, построенъ гетманшею Скоропадскою.

21. Позобіралъ писма у господъ разныхъ, да и експедицію совсѣмъ отобравши, одклонялся ясневелможному и прочіимъ.

22. Віехалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу пополуночи, прибылъ на почту (станцію) товстодубовскую въ 10-мъ часу, одтоль въ Сѣвскъ по полднѣ въ 4-мъ часу; за двѣ осѣ 6 к., на розницю 4 к., тому що поддѣлювалъ оси 5 к.; зъ Сѣвска віехалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 верстъ за мостомъ зломалось колесо подъ возкомъ и за колесо въ деревнѣ дано 9 к., въ Сѣвску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Рано прибылъ на почту Любощевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Одтоль на почту до Чаенки прибылъ въ 11-мъ часу, въ Чаенцѣ воду дано 10 к., зъ Чаенки прибылъ въ Сомовъ въ 3-мъ часу по полуднѣ, тамъ на перевозѣ дано 4 к., Прибылъ въ Карачевъ въ полдевятого часа, тутъ на діоготь и проч. 6 к.

24. Зъ Карачева прибылъ въ Глотовъ въ 11 часу, одтоль віехалъ вполтретя часа по полудни, прибылъ въ Болховъ въ полдесята часа пополудни; тутъ на медъ 8 к., подячому и виборному 3 к.

25. Зъ Болхова віехалъ въ полтретя часа по полуночи, прибылъ въ Беліовъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тымъ що поддѣловали двѣ осѣ 5 к., на розницю розышлось 10 к., ямщикамъ 1 к. Зъ Беліова віехалъ въ 1½ часа по полдни и претерпѣвши несносніе досады отъ дожча, бездорожя, темноти ночной, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибылъ на силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маіора артилеріи Матвія Матвіевича Витверта, прибылъ на попасъ подъ лѣсъ калужскій, за 21 версту одъ Калуги, и обѣдалъ надъ рѣчкою Желовъ, протокомъ идучою. За рибу на Окѣ подлѣ деревнѣ Машковихъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибылъ ночю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калузѣ на розницю розышлось 13 к.

27. По полуночи въ второмъ часу віехалъ зъ Калуги и прибылъ на почту до Добрыхъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розышлось на розницю 14 к.; одтоль поехалъ въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменивши лошадѣ, прибылъ на почту до Черничного и тутъ ночовалъ.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віехалъ зъ тоей почты и на дорозѣ встрѣтившись зъ куріеромъ кіевскимъ Павломъ Соколовскимъ, который одправленъ зъ С. П. Бурха въ Цариградъ сего

апріля 22 д.; перемѣнилъ лошадѣ и прибылъ на почту въ Пахру въ 10-мъ часу и тутъ обѣдалъ. Розышлось на розницю 8 к., за колесо 10 к. Прибылъ въ Москву въ 7-мъ часу пополудни и сталъ квартерою на Мясницкой, въ домѣ переводчика Іностранной Коллегіи Льва Петровича Грузинца.

29. Целюрику за голене 10 к., на прочее розишлось харчевое 40 к. Ужиналъ и ночовалъ у пана швагра Івана Гамаліи.

30. Обѣдалъ въ домѣ и зъ гостми. Розышлось на розницю коп. 10. Дана хустка єдвабная [129]) У(рілу) подячему.

М а й.

1. На двѣ осѣ до коляски 30 к. Алексію данъ 1 р., Николаю Евдокименковому козаку на его нужди данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пари куницъ для панеє Ломиковской за $5^1/_2$ руб., которые вручены для отвозки пану Ігнату Данченку.

2. Даны пану Ігнату Данченку 10 талѣрокъ, двѣ таци [130]) маліе зломаніе, полумисокъ одинъ старій, цѣновапые [131]), для обмѣна въ рядахъ на 12 талѣрокъ и одну тацу цѣновануюжъ, и въ доплатку, що надлежатиметь, даны 2 р. За сапоги заплочено 75 к. У его жъ оставлены при меморіалѣ 2 казанки мѣдные. Данъ 1 р. іноземцѣ Николая Мануйловича Мотонія [132]) женѣ, Елисаветѣ Василіевнѣ, alias Вилимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за запинанки [133]) по парѣ имъ здѣлать, да дочере-жъ ся маленкой Катеринѣ дано въ гостинецъ 20 к. На харчъ и иную розницю дано 30 к. Еще дано козаку Николаю Евдокименкову на ножъ и проч. 10 к. Вручены писма пану Ігнату Данченку, писанные до ясневелможного, до пана Скоропадского зъ отвѣтами одъ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, зъ подписомъ на пакетѣ до п. Юркевича. Тому, що выходилъ зъ ямской пашпортъ, дано 20 к. Вiехалъ зъ Москви

---

[129]) Шелковая.

[130]) Блюдо.

[131]) Оловяные.

[132]) Грекъ Мотоній былъ родоначальникомъ дворянъ Мотонисовъ. Одинъ изъ сыновей его, по женитьбѣ на Жураковской, получилъ богатыя имѣнія около Нѣжина (с. Липовъ Рогъ и друг.).

[133]) Кошулка—рубашка, запинанка—родъ фартучка.

въ 6-мъ часу по полдни и прибылъ на почтовой станъ въ село Чорное за полночь, одтоль віехалъ—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибылъ на другой станъ до Пешокъ въ 10-мъ часу. Зъ Пешокъ прибылъ въ Клинъ въ 2-мъ часу по полдни, и тутъ призивалъ мене къ себѣ и потчовалъ воевода здешный Глѣбъ Прокофіевичъ Радищевъ, до котораго я привезъ и писмо отъ брата его Афанасія Прокофіевича Радищева. Зъ Клину віехалъ въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмъ верстъ одъ Клину, въ ямщицкой слободѣ, зломалисъ подъ коляскою дронги и подушка, и покамисть подѣлали починку, пробавилъ до 7 часу. Заплатилъ плотникамъ и кузнецовѣ 10 к., а въ 7-мъ часу віехавши, прибылъ до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночи. Одтоль в 3-мъ часу пополуночи віехавши прибылъ—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а одтоль въ Тферъ въ половинадцата часа. Одтоль віехалъ въ 2-мъ часу и переехалъ чрезъ Мѣдное, зъ перемѣною коней, прибылъ позно въ Торжокъ.

5. Зъ Торжка рано поехавши, перемѣнилъ почту въ Видропуску и прибылъ въ Волочокъ по полудни, а одтоль до Хотѣлова. Въ Волочку на діоготь, хлѣбъ, медъ и на проч. на другихъ почтахъ розишлось 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибылъ до села Едрова, где за мазницю з діоггемъ дано 15 к., одтоль до Зимніого и до Зажолобичъ, а одтуду цѣлую ночъ ехавши, прибылъ—

7. Рано до Крестца; тутъ встрѣтилисъ два геодезисти, изъ адмиралитейства на Воронежъ посланные: Федоръ Алексіевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Поповъ, которіе объявили, что панъ Андрей Полуботокъ въ С. П. Бурхѣ стоитъ квартерою въ Пушкарской Морской, на адмиралитейской сторонѣ, подлѣ Шаевенского рынку. Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. Зъ Крестца прибылъ до Заяцова и переменилисъ за деревнею Брюсинымъ Станкомъ, до 5 верстъ сухимъ путемъ уехавши, прибылъ передъ свѣтомъ въ Бронницы.

8. Рано зъ Бронницъ судномъ пустившисъ, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розишлось на хлѣбъ, медъ и укcусъ и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и противная была погода, віехалъ въ 1-мъ часу по полудни и съ нуж-

дою днемъ ехали водою, и ночью, когда утишилась противная погода, то поспѣшне ехали.

9. Рано прибылъ до Сосниnской Пристани въ 5-мъ часу по полуночи: оттоль взявши почту, поехалъ перспективою и прибылъ до почты въ деревнѣ Грядкахъ, зъ Грядокъ до Любанъ и до Тіосни, одкуду ночю поехавши,

10. Пріехалъ рано до Іжоры, и тутъ за рыбу дано 5 к., на прочее дорогою розышлось 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полдни и заехалъ на квартеру пана Андрея Полуботка [134]) въ Морской Пушкарской и тутъ ночовалъ. Сегожъ числа ея и. величество изволила въ адмиралтействѣ заложить корабль въ сто пушокъ и палено въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи зъ 51 пушекъ.

11. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова [135]) и вручилъ партикулярніе къ нему писма. По обѣдѣ представилъ онъ же писма надлежащіе въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ и партикулярніе графу Головину и поотбѣралъ оные отъ мене. Сего же числа былъ я и у панича на Петербурскомъ Островѣ, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ дежурной князя Алексія Івановича Шаховского, на дежурствѣ тогда бывшого, которому и писма вручилъ и до позна у него-жъ пробавилъ.

12. Представлялъ мене Петръ Василіевичъ графу Остерману, которому и писмо вручилъ: потомъ былъ въ коллегіи іностранной. Сего-жъ числа видѣлся зъ сыномъ полковника нашего старод. Іваномъ Александровичомъ Дуровымъ, которому и писма отца, и сукно, и матерію и ленту, зъ Стародуба присланые, вручилъ.

13. Рано перевезлься на Петербурскій Островъ въ квартеру Павла Апостола [136]). За перевезеніе бусарю, извощикамъ и перевощикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камеръ-лакей Іванъ

---

[134]) Сынъ Павла Полуботка, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

[135]) Совѣтникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. Архивъ Сената, Барабаша, II, № 2351.

[136]) Павелъ Апостолъ—внукъ гетмана и сынъ старшаго сына последняго—Ивана, отъ брака его съ Еленою Михайловною Корсакъ (см. примѣч. 88). Онъ воспитывался въ Спб. на казенный счетъ и былъ потомъ прапорщикомъ гвардіи

Федоровичъ Котляревскій принималъ насъ въ своей квартерѣ. Танфеси въ домѣ обѣдали и весь день въ домѣжъ пробавили.

15. Былъ у коллегіи и послѣ у канцеляристовъ въ домѣ Новоторжцова и Леонтіева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцямъ Петра Василіевича Курбатова, которіе мене судномъ егожъ отвезли на квартеру, дано 20 к. Розышлось отъ прибытія въ С. П. Бурхъ по сее число на разный расходъ $1^{1}/_{2}$ р.

16. Былъ въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручилъ въ моемъ дѣлѣ партикулярное къ нему отъ гетмана писмо, и листъ гетманскій же принялъ онъ же надлежащій въ коллегію іностранную, о улостосьіи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розышлось на перевозъ 13 к.

17. Рано былисмо въ домѣ ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, по одправленіи обѣднѣ, вручилъ ея-жъ высочеству писмо отъ гетмана, на которое изволила обѣщать дать отвѣтъ. Данъ 1 р. на покупку дротовъ и прочого, до направы коляски надобного, да Алексію на перевозъ 3 к.

18. Рано были з паничемъ[³³]), у его сіятельства графа Гаврила Івановича Головкина. Обѣдалы у насъ Новоторжцовъ и Леонтіевъ. Розышлось на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были послы китайскіе въ домѣ графа Головкина, отдаючи визиту его сіателству.

19. Ея і. величество и всѣ господа трактованы были въ домѣ молодшого графа Бѣрона, которій княжну Меншикову понялъ, и домъ его подлѣ зимнего государевого дворца, что былъ прежде корабелного майстера Шклясва. Былъ у отца Платона Маліновского архимандрита іпацкого и въ егожъ домѣ кушалъ. Розышлось 4 к. Отдалъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Миниху.

20. Были у князя Дмитрія Михайловича Голицина и у преосвященного новгородского зъ паничемъ и писма поотдавали и меморіалъ своихъ нуждъ преосвященному подалемъ, который

семеновскаго полка; умеръ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первымъ бракомъ за полковникомъ Кондратіемъ Витяговскимъ, а вторымъ— за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Матвѣемъ Кравковымъ. Въ концѣ XVIII в. она вела большой процессъ съ Римскими-Корсаковыми за имѣніе, слѣдовавшее ея бабкѣ, Еленѣ Корсакъ.

[³³]) Подъ именемъ »панича« вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостолъ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Іюнь

1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮНЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 25-го мая 1884 года.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Продолженіе) [1]).

Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы рѣка. Борисѳенъ, Данаприсъ, Узу [2]), Екси, Елексе, Елице, Ерексе, Ересе, Лересе, Луосенъ, Змѣя-дѣвица, Змѣй-Горыничъ, Рѣка-Словута—вотъ болѣе или менѣе употребительныя названія этой знаменитой и прославленной рѣки.

Названіе »Борисѳенъ« мы встрѣчаемъ первѣе всего у греческаго историка Геродота: »четвертая рѣка, Борисѳенъ, по нашему мнѣнію, найбольшая и найобильнѣйшая не только изъ рѣкъ скиѳскихъ, но и изъ всѣхъ другихъ, выключая египетскій Нилъ, съ которымъ нельзя сравнивать никакой другой. Изъ прочихъ-же Борисѳенъ, конечно, есть найобильнѣйшій... Судоходенъ онъ до мѣста называемаго Герросъ, на четырнадцать дней плаванія, и знаемо, что течетъ съ сѣвера; выше-же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю скиѳовъ-земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія... Борисѳенъ приближается къ морю, и съ нимъ соединяется Гипанисъ, изливаясь въ ту-же самую заводь« [3]).

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

[2]) Отсюда-же названія областей Іозы, Іозагъ. У греческаго императора Константина Багрянороднаго вся область, орошаемая Днѣпромъ, называется Ателкъ-Узу.

[3]) Геродота Галикарнасскаго бытосказаній кн. 4., стр. 53.

Названіе *Boristhenes* имѣетъ эллинскую физіономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива: *boreo stenos*.

Какъ и когда названіе »Борисѳенъ« замѣнилось названіемъ »Данаприсъ«—сказать нельзя; можно лишь думать, что это послѣднее слово образовалось изъ санскритскаго *duni* (русское *дън*) и окончанія *прис*, взятаго изъ Борис-ѳенъ (прис = порис = борисъ). Duni означаетъ вообще рѣку или текучія воды и служитъ корнемъ, кромѣ слова »Днѣпръ«, еще для словъ »Донъ, Днѣстръ, Дунай«; по крайней мѣрѣ въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ самая широта распространенія этого корня, такъ и слѣдующее выраженіе одной изъ малорусскихъ пѣсенъ:

Якъ пûду я, якъ пûду я по-надъ *дунаями*,
А тамъ стоить вода, вода стоянами [1]).

Также трудно опредѣлить, какіе изъ народовъ и когда именно дали Днѣпру названіе »Узу или Озу« (»Большая рѣка«); быть можетъ это имя сообщено ему тѣми узами или торками (еще иначе берендѣями), которые съ 914 г. по Р. Х. жили въ низовьяхъ Днѣпра по сосѣдству съ печенѣгами. Съ этимъ-же названіемъ Днѣпръ извѣстенъ и донынѣ турецко-татарскимъ народамъ.

Названія Днѣпра—Екси, Елексе, Елице, Ерексе, Ерсее, Лересе, Луосенъ—сообщены ему венеціанцами и генуэзцами, имѣвшими съ XIII по XV вѣкъ въ низовьяхъ его свои колоніи; съ такими-же названіями извѣстенъ былъ Днѣпръ и итальянскимъ путешественникамъ разныхъ временъ, начиная съ XIV столѣтія и кончая XVI-мъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстные были: Піетро Висконти (1318), Іосафато Барбаро († 1434), Амброжіо Кантарини (1473), Граціозо Бенинказа (1480) и Синьорино Батисто (1505).

Наконецъ, что касается названій Днѣпра: »Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горыничъ и Рѣка-Славута«, то очевидно, что эти имена чисто славянскаго происхожденія и относясь собственно къ неопредѣленнымъ случайнымъ названіямъ, составляютъ въ поэтической рѣчи то, что называется украшающимъ эпитетомъ. Такъ Днѣпръ именовался въ сказкахъ и былинахъ, такъ величали его малороссійскіе и донскіе козаки.

---

[1]) Изъ пѣсенъ, записанныхъ мной въ с. Солнцевкѣ, харьковскаго уѣзда.

Какъ извѣстно, Днѣпръ беретъ свое начало у подошвы валдайской возвышенности; въ Черное море онъ впадаетъ такъ называемымъ лиманомъ. Все теченіе Днѣпра, слѣдуя по извилинамъ, опредѣляютъ въ тысячу восемсотъ пятьдесятъ верстъ; изъ нихъ почти шестьсотъ верстъ приходилось на долю Запорожья, при чемъ въ предѣлахъ запорожскихъ Днѣпръ имѣлъ и найбольшую ширину, до 860 саженъ, въ порожистой его части [1]), и найбольшую глубину, до 98 футовъ, ниже пороговъ, и найменьшую узкость, до 75 саженъ, противъ теперешней колоніи Кичкасъ и наконецъ найбольшую быстроту теченія, отъ 100—150 саженъ, на порогахъ. Своимъ теченіемъ Днѣпръ орошаетъ девять губерній: смоленскую, могилевскую, минскую, черниговскую, кіевскую, полтавскую, екатеринославскую, херсонскую и таврическую. Общее направленіе теченія Днѣпра—съ сѣвера на югъ, но въ предѣлахъ Запорожья онъ течетъ сначала съ сѣвера на юго-востокъ, отъ г. Кременчуга до г. Екатеринослава или до лѣваго притока своего Самары; отсюда поворачиваетъ прямо на югъ и такъ течетъ до г. Александровска, екатеринославской губерніи, или до лѣваго притока Мокрой Московки; далѣе постепенно поворачиваетъ на западъ, до притока Базавлука съ правой стороны; здѣсь Днѣпръ течетъ свободно, потомъ нѣсколько тише и при средней величинѣ имѣетъ достаточную для судовъ глубину; отъ впаденія Базавлука до г. Берислава, херсонской губерніи, идетъ на юго-западъ и наконецъ отъ г. Берислава почти прямою линіей на западъ, до самаго Чернаго моря, съ которымъ соединяется при посредствѣ такъ называемаго лимана [2]), начинающагося на 15 верстъ ниже г. Херсона и имѣющаго 60 верстъ длины и отъ двухъ до десяти ширины. Особенность составляютъ Днѣпра на сѣверѣ запорожскихъ владѣній *пороги*, а на югѣ *плавни*. Днѣпровскіе пороги извѣстны были уже древнему писателю греческому императору Константину Багрянородному (905—959), затѣмъ послу нѣмецкаго императора Рудольфа II, Эриху Ляссотѣ, французскому инженеру де-Боплану и другимъ. Поро-

---

[1]) Если не брать во вниманіе ширину между Кинбурномъ и Очаковымъ, которую опредѣляютъ десятью верстами.

[2]) Царевна Анна Комненъ Днѣпровскій лиманъ именуетъ Оло-лимва. Лиманъ, Ильмень, отъ греческаго λίμνη—озеро, прудъ.

гами называются гряды гранитныхъ камней, брошенныхъ поперекъ русла рѣки въ нѣсколько рядовъ, или *лавъ*, одинъ ниже другаго, на подобіе уступовъ или террасъ; причемъ одни изъ нихъ лежатъ подъ водою, другіе расположены въ уровень, третьи высятся надъ ней; по величинѣ пороги похожи на громадные домы, а по своей скученности напоминаютъ естественныя плотины, запружающія рѣку. Вода имѣетъ здѣсь самое сильное, стремительное движеніе, что происходитъ отъ постояннаго восхожденія ея на пороги и нисхожденія; отъ этого-же за каждымъ порогомъ образуется особенно глубокое и широкое мѣсто, называемое у мѣстныхъ жителей *плесомъ*. Въ весеннее время всѣ пороги покрываются водой, исключая одного Ненасытецкаго, который при всякомъ полноводіи остается выше воды. Отъ пороговъ отличаютъ еще *заборы*; это тѣже дикіе гранитные камни, но только занимающіе часть русла рѣки и, по преимуществу, отъ праваго берега ея; заборы очевидно, въ противоположность порогу, оставляютъ свободный проходъ по рѣкѣ. Днѣпръ уже въ началѣ своего теченія, отъ смоленской губерніи до границы кіевской съ полтавскою, несвободенъ отъ различныхъ камней и заборъ; еще менѣе онъ свободенъ отъ границы кіевской съ полтавской и до екатеринославской губерніи; на этомъ пространствѣ Днѣпръ имѣетъ семь заборъ, большую скалу, вдающуюся въ рѣку двумя камнями, пять пороговъ, два острова съ каменистыми заборами, девять большихъ камней среди рѣки и нѣсколько мелей. Но настоящая порожистая часть Днѣпра находится тотчасъ за Екатеринославомъ. »Днѣпръ въ своихъ низовьяхъ долженъ пролагать путь чрезъ гранитную поверхность, идущую отъ Карпатскихъ горъ и исчезающую въ своемъ направленіи къ востоку, гдѣ камень не является болѣе массою, а образуетъ слои, кои, совершенно отвѣсно или полу-отвѣсно простираясь на югъ, теряются въ низкихъ мѣстахъ. Здѣсь находятся такъ называемые Днѣпровскіе пороги. Этихъ пороговъ нельзя назвать собственно водопадами, потому что здѣсь вода не низвергается съ высокихъ крутизнъ, а стремится только чрезъ камни, преграждающіе ея путь. Эти пороги составляютъ твердые слои изъ гранитной поверхности; подобно комнатнымъ порогамъ они выходятъ изъ разнообразно-наклоненнаго русла рѣки и въ видѣ многихъ скалъ и утесовъ торчатъ то въ небольшой глубинѣ, то выдаются на поверхности воды, то подни-

маются высоко надъ оною, образуя болѣе или менѣе правильные ряды скалъ, между коими рѣка должна пробиваться. Одни изъ такихъ мѣстъ занимаютъ (по теченію рѣки) нѣсколько только шаговъ, а другіе версту и болѣе. Такіе-же ряды скалъ лежатъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперекъ всей рѣки; вотъ эти и называются по преимуществу порогами; другіе-же занимаютъ только часть русла, оставляя мѣсто для прохода, и въ этомъ случаѣ называются заборами. Пороги искони были важнымъ препятствіемъ для судоходства по Днѣпру. Суда, да и то небольшія, могли ходить внизъ по Днѣпру, а по нуждѣ и вверхъ, только въ весеннее время; но лѣтомъ и осенью, когда фарватеръ имѣлъ по большей мѣрѣ два фута, проводить чрезъ пороги, даже и порожнія, суда не было никакой возможности. По этой причинѣ, товары, идущіе въ Херсонъ или Кинбурнъ, выгружались у Старой Самары и перевозились 70 верстъ сухимъ путемъ до стоящей при устьѣ р. Московки крѣпости Александровской, гдѣ опять нагружались на суда и шли до устья Днѣпра, не встрѣчая нигдѣ препятствій« [1]).

»Хотя Днѣпръ зачастую любитъ мѣнять свое русло, засыпая пескомъ старое и прорывая себѣ новое, однако онъ это дѣлаетъ на мѣстахъ привольныхъ; а на порогахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ не измѣнился отъ сотворенія міра, или вѣрнѣе сказать, отъ потопа, въ чемъ убѣждаетъ насъ и нынѣшнее теченіе его въ крутыхъ берегахъ, въ иномъ мѣстѣ одѣтыхъ гранитомъ, а въ другомъ состоящихъ изъ цѣльныхъ скалъ этого камня... Императрица Екатерина II обратила вниманіе на важность водянаго сообщенія Днѣпромъ, и тогда-же послѣдовали попытки къ улучшенію пути чрезъ пороги. Инженеру де-Волану поручено было устроить каналы, что и было исполнено Фалѣевымъ на порогахъ: Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытецѣ. На первомъ и послѣднемъ порогахъ и теперь еще видны слѣды этихъ сооруженій, и на первомъ можно даже проплыть въ небольшомъ суднѣ чрезъ Фалѣевскій каналъ, довольно хорошій, но очень узкій. Но фалѣевскіе каналы не принесли никакой пользы. Въ 1826 году снова былъ поднятъ этотъ вопросъ, и въ 1833 разрѣшено улучшеніе пути черезъ

---

[1]) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древней Россійской исторія, стр. 265—276.

пороги. Въ настоящее время сооружены всѣ каналы, стоющіе казнѣ, кажется, два милліона« [1]).

Въ 1782 году русскому путешественнику Василію Зуеву удалось присутствовать при сооруженіи Фалѣевскихъ каналовъ, и вотъ какъ онъ описываетъ это дѣло: »Истребленіе таковаго по рѣкѣ неудобства (отъ пороговъ) въ разсужденіи плаванія было въ мысляхъ и у блаженныя памяти Петра Великаго; но сей государь, будучи занятъ другими дѣлами и видя, что по тогдашнему времени еще нельзя Россіи надѣяться той пользы, какой-бы отъ толикаго труда ожидать надлежало, начатое чищеніе оставилъ. Нынѣ г. Фалѣевъ, видя важность таковаго прочищенія, взялъ на себя исправить оное своимъ иждивеніемъ и, справедливо, успѣлъ довольно, а можетъ быть и совершенно-бъ окончилъ, еслибъ твердое на то намѣреніе положено было. Онъ по всѣмъ опаснымъ порогамъ срываетъ верхи торчащихъ подъ водою каменьевъ, просверливая оныя и заряжая порохомъ посредствомъ нарочно здѣланныхъ изъ жести длинныхъ трубокъ. Труднѣйшая работа есть бурить камни подъ водою, и по тому не безъ ужасу смотрѣть должно, какъ салдаты и работники, по два человѣка на плотикѣ, зацѣпясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шуму держатся, сидятъ какъ чайки и долбятъ въ оной. Продолбивши на извѣстную глубину, становятъ жестяную съ порохомъ трубку, къ коей приложа фитиль отплываютъ. По прошествіи нѣкотораго времени разрываетъ камень подъ водою и оные обломки работники послѣ подбирая должны вывозить на берегъ... Всѣ принадлежащія къ сей работѣ орудія заказываетъ онъ дѣлать въ Тулѣ, откуда выписываетъ и мастеровыхъ людей. Работниковъ, по разнымъ порогамъ разпредѣленныхъ, всѣхъ числомъ бываетъ отъ полутораста до трехъ сотъ человѣкъ, смотря по времени и нуждѣ. Мнѣ сказывали, что всѣ издержки по порогамъ на жалованье, за работу, инструменты и прочія надобности становятся г. Фалѣеву въ рабочій мѣсяцъ до десяти тысячъ рублей; но работа производится токмо въ извѣстные мѣсяцы, когда самая малая вода бываетъ« [2]).

---

[1]) Афанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію. Спб., ч. I, стр. 77 и 82.

[2]) Путешеств. записки. Спб., 1787 г., стр. 256—258.

По точному измѣренію все порожистое пространство Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ занимало шестьдесятъ пять верстъ и двѣстѣ семьдесятъ шесть съ половиной саженъ; первый порогъ начинается на 50 географическихъ миль ниже Кіева, на семь верстъ ниже теперешняго г. Екатеринослава, противъ селенія Старыхъ-Кайдакъ, на правомъ берегу Днѣпра и нѣсколько ниже устья притока Днѣпра, Самары, на лѣвомъ берегу, а послѣдній кончается на восемь верстъ выше Александровска, екатеринославской губерніи, противъ хутора Маріенталя, на правомъ берегу. Число всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ у различныхъ писателей показывается различно: у греческаго императора Константина Багрянороднаго насчитывается семь[1]), у Лерберга двѣнадцать, у Эриха Ляссоты, Боплана, въ древней россійской идрографіи, по сказкѣ запорожскихъ черкасъ и въ книгѣ Большаго Чертежа—тринадцать (между порогами Лишнимъ и Вільнымъ вставленъ Таволжанный), въ атласѣ Днѣпра 1784 г. одиннадцать[2]), въ гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ девять; въ настоящее-же время всѣхъ пороговъ считаютъ девять и столько-же заборъ. Порядокъ ихъ слѣдующій. Порогъ *Кайдацкій* по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Старо-Койдацкій у Лерберга и въ атласѣ Днѣпра; Кадакъ въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ессупи, по славянски, у Константина Багрянороднаго. Онъ находится противъ села Старыхъ-Кайдакъ (екатеринославскаго уѣзда) съ правой стороны и противъ деревни Чаплей съ лѣвой. Кайдацкій порогъ падаетъ четырьмя лавами или уступами: Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мишиной, съ правой стороны на протяженіи 240 саженъ, а съ лѣвой на протяженіи 255, имѣя слѣва-же искусственный каналъ. Средняя глубина Днѣпра передъ Кайдацкимъ порогомъ восемь саженъ, а ниже, въ плесѣ 12, 5 саженъ; паденіе воды 0,91 саженъ. Кайдацкій порогъ считается самымъ большимъ послѣ Ненасытецкаго. *Сурскій* порогъ у всѣхъ писателей, кромѣ Константина Багрянороднаго, у котораго онъ совсѣмъ пропущенъ, и атласа Днѣпра, гдѣ онъ считается за-

---

[1]) De administrando imperio, cap. IX. О Россахъ, которые изъ Россіи приходятъ на челнахъ въ Константинополь; изд. Бон., 74—77.

[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876, стр. 132.

борой, находится между южнымъ концомъ острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, на семь верстъ ниже Кайдацкаго; падаетъ двумя лавами: Чугунной и Бондаревой; справа на протяженіи 48 саженъ, а слѣва на протяженіи 34, имѣя слѣва же каналъ; паденіе воды на порогѣ 0,24. *Лоханскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Лоханной въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ульворси по русски, Островуни—прагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенъ противъ острова Лоханскаго, въ полуверстѣ отъ Сурскаго порога, немного выше села Волошскаго, съ правой стороны; падаетъ тремя лавами: Куликовскою, Плоскою и Черепашиной; длина съ праваго берега 127 саженъ, съ лѣваго 78, съ лѣваго-же берега каналъ; паденіе воды 0,77 сажени. *Звонецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра и по атласу; Звонецъ или Звонецкій у Лерберга (поставленъ пятымъ по счету); Звонецъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа (въ обѣихъ поставленъ вторымъ по счету, тотчасъ послѣ Кайдацкаго); Геландри по русски, Шумъ порога по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенъ между устьемъ Звонецкой балки и селомъ того-же имени, съ правой стороны, на пять верстъ ниже Лоханскаго; падаетъ четырьмя лавами: Плоской, Черной, Глухой, Кобылиной; длина справа 87 саженъ, слѣва 102; у лѣваго же берега каналъ; паденіе воды 0,72 саж. *Ненасытецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Ненасытецъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Айфаръ по русски, Неаситъ по славянски, у Константина Багрянороднаго [1]); расположенъ между селомъ Николаевкой (Синельниково тожъ), съ правой стороны, и деревней Васильевкой, съ лѣвой, на шесть верстъ ниже Звонецкаго села; состоитъ изъ двѣнадцати лавъ съ особымъ названіемъ каждая: Рваная, Служба, Остренькая, Одинцовская, Рогожная, Буравленная, Булгарская или Богатырская, Долгополая, Казенцова, Мокрыя Клади и Рогатая. Длина порога съ правой стороны равняется 1150 саженъ, а съ лѣ-

[1]) Τον τέταρτον φραγμόν τὸν μέγαν τὸν ἐπιλεγόμενον Ρωσίστι μέν, 'Αειφάρ· Σκλαβινιστι δε, Νεασήτ. De admin. imperio, 7477.

вой 499 с., съ лѣвой-же стороны каналъ; найбольшая глубина, за мысомъ Монастырькомъ, двадцать саженъ; паденіе воды 2,78 саженъ. Порогъ Ненасытецкій самый грозный и самый знаменитый изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ. »Здѣсь скалы и каменистыя мели, дикимъ образомъ перемѣшанныя между собою, занимаютъ почти цѣлую версту, и въ прежнія времена даже изобильнѣйшая водою весна не уменьшала опасности, которою онѣ и стремленіе волнъ угрожали судамъ« [1]). »Не доѣзжая за версту или болѣе до Ненасытецкаго порога, выходитъ съ правой стороны каменной мысъ, отъ котораго такаяжъ каменистая коса продолжается въ Днепръ почти до половины, а при концѣ оныя имѣются два острова, покрытые деревами и соединенные между собою также переборомъ. Сколько воды перебирается по сей косѣ и между островами, больше того Днепръ устремляется за дальнѣйшій островъ къ лѣвому берегу, а какъ пониже онаго выходитъ также гребень камней отъ лѣваго берегу и простирается чрезъ всю рѣку, то стремленіе воды и направляется отъ лѣвой стороны къ правой почти поперегъ рѣки; а какъ правой берегъ состоитъ весь изъ камню, то остановившись у онаго, принуждена съ великимъ стремленіемъ и шумомъ перебираться по торчащимъ изъ подъ воды каменьямъ и съ оныхъ сверхъ того еще ударяться въ выдавшійся въ рѣку нарочито далеко, ниже настоящаго порога, каменной мысъ, извѣстной здѣсь подъ именемъ Монастырки. Такимъ образомъ опасность на семъ порогѣ состоитъ въ большую воду (ибо въ малую и совсѣмъ проѣхать неможно) сколько въ торчащихъ подъ водою большихъ и при томъ острыхъ каменьяхъ, здѣсь потому шипами и называемыхъ, нашедшее на ихъ судно раздирающихъ, столько и въ стремленіи воды, которая обыкновенно наноситъ на упомянутый пагубный мысъ Монастырку« [2]). Уже за нѣсколько верстъ даетъ знать о себѣ Ненасытецъ страшнымъ шумомъ, водяной пылью и бѣлой пѣной, расходящимися отъ него въ разныя стороны; здѣсь вода, какъ-бы заключенная въ тиски между громадными скалами, идущими дугообразно отъ одного берега къ другому, стремится вырваться изъ нихъ,

---

[1]) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древней россійской исторіи, 268—276.

[2]) Зуевъ. Путешеств. зап. Спб. 1787 г. 254—255.

отчего сильно волнуется, ударяется въ разныя стороны и образуетъ водовороты или пучины, одна изъ коихъ носитъ страшное названіе *пекла.* По всему этому быстрота теченія здѣсь такъ велика, что суда все разстояніе Ненасытецкаго порога, отъ начала и до конца, что составляетъ до двухъ верстъ длины, пробѣгаютъ всего лишь въ полторы минуты или даже и того меньше. Свое названіе Νεασήτ порогъ получилъ отъ птицы неасита или неясыта (родъ пеликана), которая въ старину во множествѣ водилась на немъ [1]); теперъ Ненасытецъ въ просторѣчіи называется »Дѣдомъ« и, какъ прежде, считается опаснѣйшимъ изъ пороговъ. »Страшный шумъ, зачастую слышный еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ, вправо, показываются огромные всплёски волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Сверху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытецъ представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ каменья. Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду. У Ненасытеца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибрежью и ждущіе ученыхъ изслѣдованій. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса Монастырки, который перерѣзанъ Фалѣевскимъ каналомъ, существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъ-этажная мельница, можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія: одно, что сюда сходила императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы ѣли здѣсь кашу, сидя надъ самымъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли, какъ

---

[1]) Διότι φωλεύουσιν οἱ πειλεκάνοι εἰς τα λιθάρια τοῦ φραγμοῦ.

у ногъ ихъ било плоты о каменья«[1]). *Волнигскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра; Волницкій по атласу Днѣпра; Волный или Волнинскій у Лерберга; Волнѣгъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Варуфоросъ по русски, Вулнипрагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на тринадцать верстъ ниже Ненасытецкаго, противъ села Волнѣги, съ правой стороны, и на три съ половиной версты ниже острова Дубоваго; падаетъ четырьмя лавами: Близнюками, Плоской, Грозной и Помыйницой; протяженіе у лѣваго берега 235 саженъ, у праваго 270; паденіе воды 1,14 саж. Послѣ Ненасытецкаго это самый опасный порогъ; на языкѣ мѣстныхъ жителей носитъ названіе »Внука«. *Будиловскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Дубильскій въ атласѣ Днѣпра; Будильскій или Будинскій у Лерберга; Будило въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Леанти по русски, Веручи (»кипѣніе воды«) по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Волнигскаго, нѣсколько выше острова Перуна, противъ хутора Надеждовки съ лѣвой стороны; падаетъ двумя лавами: Тырицой и Созоновой; протяженіе съ праваго берега 187 саж., съ лѣваго 102 сажня; паденіе воды 0,49 с. *Лишній* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Личной по атласу Днѣпра; Личный у Лерберга; Лычна въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Струвулъ по русски, Напрези по славянски (»что означаетъ маленькій порогъ«), у Константина Багрянороднаго; расположенъ на четырнадцать верстъ ниже Будиловскаго, противъ острова Кухарева, нѣсколько ниже села Игнатовки, съ правой стороны, и села Андреевскаго, съ лѣвой; падаетъ двумя лавами: Плоской и Швайчиной; длина съ праваго берега 220 саж., съ лѣваго 87; паденіе 0,21 с. *Вильный* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Вольной въ атласѣ Днѣпра, въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Вольный у Лерберга; у Константина Багрянороднаго пропущенъ; у мѣстныхъ жителей Гадючій; находится въ пяти съ половиной верстахъ ниже

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію. Спб. 1863, I, 100, 103 и 104.

Лишняго, противъ скалы Волчьяго Горла и хутора Маріенталя и выше островов Прусова, Лантуховскаго и Гавина съ правой стороны; падаетъ шестью лавами: Сѣренькой, Похилой, Радовой, Переймой, Волчьимъ Горломъ и Шинкаревой; длина съ праваго берега 464 саж., съ лѣваго 380; паденіе воды 1, 35 саж. Вотъ число и порядокъ Днѣпровскихъ пороговъ. Что касается днѣпровскихъ заборъ, то древніе изслѣдователи говорятъ лишь о четырехъ, тогда какъ новѣйшіе насчитываютъ ихъ до десяти, по крайней мѣрѣ изъ болѣе значительныхъ [1]. *Каменская* забора, у древнихъ писателей неизвѣстная, находится выше Кайдацкаго порога, ниже села Старыхъ Кайдакъ, съ правой стороны. *Волошинова* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Волошина въ атласѣ Днѣпра; у Лерберга Волшиная или Яцкая; у Боплана порогъ; въ древней россійской идрографіи Звонецъ; находится на двѣ съ половиной версты ниже Кайдацкаго порога, противъ с. Любимовки; мѣстное названіе Волошиновой заборы—Синельникова. *Стрельчья* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Стрѣльчатая въ атласѣ Днѣпра; Стрѣльчій порогъ (по счету пятый) въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Стрѣльчій порогъ у Лерберга (по счету четвертый; вторая забора у него Кривая, которую онъ помѣщаетъ въ 330 сажняхъ ниже Сурскаго порога); находится ниже Волошиной заборы у лѣваго берега рѣки, въ двухъ верстахъ отъ Лоханскаго порога. *Тягинская* забора у новыхъ изслѣдователей; Технинскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Технинскій или Княгининъ порогъ у Лерберга; Княгинскій порогъ въ атласѣ Днѣпра; Княгининъ порогъ въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится въ пяти верстахъ ниже Звонецкаго порога, отъ праваго берега Днѣпра. *Бѣляева* забора у новыхъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится ниже Ненасытецкаго порога, отъ праваго берега рѣки. *Воронова* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и въ атласѣ Днѣпра; порогъ Воронова забора въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится ниже с. Войсковой, съ пра-

---

[1]) Гуровъ считаетъ семь, но приводитъ больше. Къ геологіи екатеринославской и харьковской губерній. Харьковъ 1882 г. стр. 11.

ваго берега Днѣпра, между порогами Ненасытецкимъ и Волнигскимъ. *Таволжанская* гряда, въ древней россійской идрографіи Таволжанскій порогъ, въ атласѣ Днѣпра Таволжонскій порогъ-же, въ остальныхъ пропущенная; лежитъ ниже Волнигскаго порога, противъ деревни Языковой. *Кривая* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и у Лерберга; безъ имени въ атласѣ Днѣпра; находится противъ д. Свистуновой, ниже острова Песковатаго. *Скубова* или Коростева забора у новѣйшихъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится противъ острова Дубоваго, съ праваго берега рѣки. *Крячиная* забора у южнаго конца острова Дубоваго и *Просулина*, ниже Крячиной.

Такова особенность верхней или сѣверной части Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ. Что касается средней и нижней или южной части его, то здѣсь особенность его состоитъ въ такъ называемыхъ *плавняхъ*. Плавни—это низменныя долины по обоимъ берегамъ Днѣпра, покрытыя сочной травой, высокимъ камышомъ и разнаго рода, по преимуществу мягкой породы, деревьями: осокоремъ, вербой, шелковицей, ивой и рѣдко дубомъ; въ весеннее время и въ особенно дождливую осень плавни сплошь затопляются водой, лѣтомъ же онѣ почти сухія, исключая самыхъ низменныхъ мѣстъ, наполненныхъ водой и представляющихъ изъ себя рѣчки, озера и болота. Плавни образуются изъ песка, наносимаго теченіемъ самой рѣки, ила, земли и корней болотныхъ растеній; онѣ придаютъ рѣкѣ живописный и величественный видъ и напоминаютъ собою столь-же живописные и величественные цвѣтники по многочисленнымъ рѣчкамъ и озерамъ около Мексики. Изъ двухъ береговъ Днѣпра лѣвый имѣетъ больше плавенъ, нежели правый; это происходитъ отъ различныхъ положеній того и другаго берега: правый берегъ высокій, и потому поемныхъ мѣстъ здѣсь немного, только около Ново-Воронцовки и села Голой-Грушевки, екатеринославскаго уѣзда, онъ въ зелени: здѣсь вышли низменности; лѣвый берегъ отлогъ и потому плавни находятся здѣсь уже начиная отъ колоніи Шенвизъ, возлѣ г. Александровска екатеринославской губерніи, и идутъ съ небольшимъ перерывомъ до впаденія Днѣпра въ Лиманъ. Число плавенъ на Днѣпрѣ ежегодно увеличивается, и это единственно оттого, что Днѣпръ своимъ теченіемъ постоянно рѣжетъ правый берегъ свой и обрушивающуюся землю выноситъ или на средину,

образуя тамъ разной величины песчаные острова, или-же, и всего чаще, на противоположный, лѣвый берегъ свой; отъ этого-то и получаются днѣпровскіе плавни. »Освободясь отъ гранитныхъ береговъ и миновавъ Александровскъ, Днѣпръ принимаетъ совершенно другой видъ: долина его расширяется на большое пространство, и самая рѣка течетъ между такъ называемыхъ плавней, придающихъ ей много живописности, а владѣльцамъ приносящихъ значительныя выгоды. Плавни эти были извѣстны и въ глубокой древности подъ именемъ Гилеи, что можно найти у Геродота. Плавни изобилуютъ лѣсомъ, преимущественно вербовымъ и осокоровымъ, но на нихъ произрастаетъ и лоза, въ большомъ количествѣ,—матеріалъ столь необходимый въ крестьянскомъ быту для огорожи. Плавни во время засухи доставляютъ сѣно и подножный кормъ для скота и овецъ, многочисленныя стада которыхъ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей новороссійскаго хозяйства. Какая-бы ни была засуха, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ неощутительна; здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности, и на этихъ пышныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами, и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди, даже и въ то время, когда въ степи ихъ не бываетъ совершенно«[1]). Самая обширная изъ днѣпровскихъ плавенъ—это такъ называемый Великій-лугъ, мѣсто воспѣтое и прославленное запорожцами: »Сѝчь—мати, и Великій-лугъ—батько« было на устахъ у каждаго запорожца, не вѣдавшаго въ своеи средѣ »ни неньки ридне́ньков, ни сестры жалибне́ньков, ни дружины вирне́ньков«. Знаменитый Великій-лугъ начинался, по теперешнему, непосредственно отъ колоніи Шенвизъ, возлѣ г. Александровска, екатеринославской губерніи, и тянулся внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра черезъ деревню Николаевку, село Балабино-Петровское, сл. Кушугумовку, Малую-Катериновку, Царицынъ-Кутъ и Васильевку, станцію нынѣшней Лозово-Севастопольской желѣзной дороги; длина всей этой плавни опредѣлялась сорока верстами, ширина—отъ шести до двадцати: Великій-лугъ образуется притокомъ Днѣпра,

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію, ч. I, стр. 154.

Конкой, впадающей въ него впервые выше мѣстечка Никополя, потомъ выходящей изъ Днѣпра и затѣмъ снова сливающейся съ нимъ,—такъ до семи разъ.

Кромѣ плавенъ, пороговъ и заборъ Днѣпръ въ запорожскихъ предѣлахъ отличался еще *корчами* и *островами*. Корчи, или по мѣстному *хóлуи*, суть не что иное, какъ подводные пни, загромождающіе дно Днѣпра и то совершенно скрывающіеся въ водѣ, то на нѣсколько футовъ возвышающіеся надъ ней. Онѣ наносятся въ рѣку весеннимъ разливомъ воды изъ днѣпровскихъ-же плавенъ: все дѣло въ томъ, что въ плавняхъ иногда по десяткамъ и сотнямъ лѣтъ, вслѣдствіе непроходимыхъ болотъ, остаются несрубленными вербы или осокори; такъ они выростаютъ, старѣются и потомъ падаютъ на землю, затѣмъ захватываются весеннимъ разливомъ и выносятся въ Днѣпръ; въ Днѣпрѣ-же они ложатся или цѣлымъ деревомъ, или только вѣтвями, или-же одними пнями, во всякомъ видѣ называясь корчами или хóлуями. Холуи начинаются уже тотчасъ ниже Никополя, мѣстечка екатеринославскаго уѣзда, и попадаются до г. Берислава, херсонской губерніи, отсюда до Херсона встрѣчаются рѣже, а между Херсономъ и Лиманомъ уже совсѣмъ исчезаютъ. Что касается острововъ въ запорожскихъ предѣлахъ, то Эрихъ Ляссота, въ XVI столѣтіи, насчитываетъ ихъ до восемнадцати [1]), Бопланъ, въ XVII столѣтіи, опредѣляетъ число ихъ девятнадцатью [2]), атласъ Днѣпра, въ XVIII столѣтіи, показываетъ девяносто девять [3]), роспись 1697 года считаетъ ихъ тридцать семь [4]), а г. Бухтѣевъ, въ наше время, находитъ ихъ девяносто четыре [5]); въ дѣйствительности-же число острововъ въ запорожскихъ владѣніяхъ восходитъ далеко больше ста. Вотъ перечень болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. *Романовъ* островъ, извѣстный подъ этимъ именемъ уже Боплану, находится ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава; имѣетъ въ длину три съ половиной версты, а въ ширину полтораста шаговъ; въ весеннее время сплошь

---

[1]) Путевыя записки Эр. Ляссоты. Одесса. 1873 г., стр. 27—30; 52—53.

[2]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., 17—30.

[3]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ. 1876 г., стр. 131—134.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. III, стр. 572—576.

[5]) Тамъ-же, стр. 389—494.

затопляется водой. *Монастырскій*, иначе Потемкинъ, Прозоровскій, Бураковскій островъ, лежитъ у Екатеринослава, противъ сада Потемкина; длина острова—одна съ осьмой, ширина—четверть версты, островъ крутой скалистый, возвышающійся съ южной стороны отъ 25 до 30 футовъ отъ уровня водъ и замѣчательный тѣмъ, что уже въ IX ст. его избрали мѣстомъ жительства греческіе монахи—аскеты, выходцы изъ Константинополя; красивое мѣстоположеніе и богатая природа острова понравились монахамъ и они избрали его мѣстомъ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Въ 957 г. островъ Монастырскій посѣтила великая княгиня кіевская Ольга; плывя въ Царьградъ, она долго проживала на этомъ островѣ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся жестокой бури и устраивая свою дружину-стражу для предотвращенія нападенія со стороны хищныхъ печенѣговъ. Въ 988 г. на островѣ Монастырскомъ останавливался великій князь кіевскій Владиміръ, когда съ многочисленною дружиною своею плылъ по Днѣпру изъ Кіева въ Херсонъ или Корсунь, объявивъ войну грекамъ [1]). *Воронцовскій*, или въ старину Чортовъ островъ, непосредственно за Монастырскимъ; въ длину имѣетъ полъ-версты, въ ширину—одну осьмую; въ давнее время онъ составлялъ одно цѣлое съ Монастырскимъ островомъ. *Становой* островъ, противъ предмѣстья г. Екатеринослава Мандрыковки, имѣетъ длины три съ половиной версты, ширины одну съ осьмой версты. *Сурскій* островъ, противъ порога Сурскаго и выше села Волошскаго, имѣетъ длины двѣ съ половиной версты, ширины полъ-версты. *Козловъ* и *Ткачевъ* острова, нѣсколько выше Ненасытецкаго порога; къ лѣвому берегу Днѣпра, расположены о бокъ одинъ возлѣ другаго; первый имѣетъ длины одну съ четвертью версты при одной пятой ширины, а второй три четверти длины при одной шестой ширины. *Перунъ* островъ и *Ревунъ*, оба ниже Будиловскаго порога, замѣчательны, особенно первый, возвышенностью и крутизной своихъ береговъ. *Дубовый-большой* островъ лежитъ противъ д. Свистуновой съ лѣвой стороны и с. Петровскаго съ правой, выше Волнигскаго порога; длина четыре версты, ширина его полъ-версты. *Таволжанскій* островъ, ниже порога Будиловскаго, противъ сл. Авгу-

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ православной церкви въ предѣлахъ екатеринославской епархіи, Екатеринославъ. 1876 г., 17—19.

стиновки съ правой стороны и колоній Черевко, Тарапа и Реуна съ лѣвой; длина острова—три версты, ширина—три четверти. *Бобровый* и *Аврамовъ* острова, ниже Таволжанскаго, небольшіе, но чрезвычайно живописные по своему мѣстоположенію. *Кухаревъ* островъ или Кашеварница, лежитъ ниже Лишняго порога, противъ с. Андреевки, съ лѣвой стороны; длина—двѣ версты, ширина—одна съ пятой. *Гавинъ* островъ, ниже Кухарева; длина—полторы версты, ширина—одна пятая версты. *Лантуховскій* островъ, ниже Кухарева острова и выше Вильнаго порога; длина—двѣ съ четвертью версты, ширина—одна треть версты. *Дубовый-малый* островъ, лежитъ выше деревни Маркусовой съ лѣвой стороны; длина—одна пятая версты, ширина—одна седьмая. *Вербовый* островъ лежитъ ниже пороговъ; длина—одна верста, ширина—три пятыхъ версты. *Федоришинъ* островъ, противъ колоніи Кичкасъ, небольшой, песчаный. *Дубовый* островъ, противъ сѣвернаго угла острова Хортицы, скалистый и возвышенный; длина — полверсты, ширина—одна треть версты. *Хортицкій* островъ, противъ Вознесенска и г. Александровска, ниже колоніи Кичкасъ; самый большой и величественный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ; въ длину имѣетъ десять съ половиной верстъ, въ ширину отъ полуторы до трехъ, въ окружности двадцать четыре съ половиной версты. Вся площадь острова заключаетъ въ себѣ 2547 десятинъ и 325 саженъ. Первыми свѣдѣніями о Хортицкомъ островѣ мы обязаны греческому императору, Константину Багрянородному, у котораго онъ называется островомъ св. Григорія. »Прошедъ это мѣсто (Крарійскую переправу или теперешній Кичкасъ), они (русскіе) пристаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія [1]). На этомъ островѣ приносятъ они свою жертву, потому что тамъ стоитъ отмѣнной величины дубъ. А приносятъ они въ жертву живыхъ пернатыхъ; также ставятъ кругомъ стрѣлы, а иные (кладутъ) куски хлѣба и мяса, или что у кого есть и какъ то у нихъ водится. Также мечутъ жребій о пернатыхъ, убивать-ли ихъ и ѣсть или оставлять въ живыхъ«. Въ русскихъ лѣтописяхъ Хортица именуется Варяжскимъ островомъ [2]); въ книгѣ Большаго Чертежа—

[1]) μετὰ δὲ τὸ διελθεῖν τοιουτον τόπον, τὴν νῆσον τὴν ἐπιλεγμένην ο ἅγιος Γριγόριος καταλαμβάνουσιν. De admin. imper., cap. XI, 74—77.

[2]) Лѣтоп. по Ипатск. списку. Спб. 1871 г., стр. 495.

Хиртицей [1]), въ атласѣ Днѣпра 1784 года Хитрицкимъ островомъ [2]), а въ лѣтописи Ригельмана—Хордецкимъ (I, 20). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Хортицкій островъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени сѣчь Хортицкая, основаніе которой намѣчено было уже въ 1556 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, но прочно утверждено въ 1618 году гетманомъ Петромъ Конашевичемъ—Сагайдачнымъ, который приказалъ своимъ казакамъ обвести островъ землянымъ окопомъ и деревяннымъ частоколомъ или *засѣкою*, отъ чего уже тогда это укрѣпленіе получило свое названіе *Сѣчи*. Хортицкую Сѣчь запорожскіе козаки два раза устраивали и два раза оставляли. Въ настоящее время на островѣ Хортицѣ отъ пребыванія козаковъ сохранились большія укрѣпленія и четыре кладбища, въ сѣверной части острова. Теперь островъ принадлежитъ нѣмцамъ-менонитамъ, выходцамъ изъ Данцига, поселившимся здѣсь ровно черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Сѣчи (1775—1789). *Канцерскій* островъ или, по Эриху Ляссотѣ, Малая Хортица; лежитъ въ старомъ руслѣ Днѣпра, охватывающемъ Большую Хортицу съ западной стороны, нѣсколько ниже такъ называемой Царской пристани; островъ заключаетъ въ себѣ двѣнадцать десятинъ и тысячу двѣсти квадратныхъ саженъ земли. На немъ, какъ и на Большой Хортицѣ, отъ козаковъ остались слѣды укрѣпленій еще отъ 1556 года. *Розстёбинъ* островъ въ новомъ руслѣ Днѣпра, противъ с. Вознесенки; островъ низменный, песчаный; длина—полверсты, ширина—треть версты [3]). *Неналивачъ* островъ выше села Бѣленькаго; имѣетъ въ длину три версты, а въ ширину три пятыхъ. *Великій* островъ, длины, по Боплану, около двухъ миль, а ширины—полторы версты; находится противъ села Верхней-Тарасовки съ правой стороны, и противъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки съ лѣвой. Въ весеннее время затопляется весь, кромѣ одной средины. *Гнѣйный*, *Круглый* и *Варавинъ* острова; всѣ, три противъ села Голой-Грушевки, изъ нихъ первый и третій имѣютъ по двѣ версты длины, при одной верстѣ ширины, а второй одну съ двумя

---

[1]) Книга, глагол. Больш. Чертежъ. Москва. 1846 г., стр. 100.

[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876 г., стр. 132.

[3]) Возлѣ Розстебина острова былъ еще островъ Дубовый, но онъ года три тому назадъ смытъ водой; на островѣ былъ большой дубовый лѣсъ, мельница, даже шинокъ, но все это не удержало островъ отъ размытія водой.

третями версты длины при двухъ третяхъ ширины. *Красный* островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки; имѣетъ длины двѣ версты, ширины—двѣ пятыхъ. *Томаковскій*, Буцкій, Днѣпровскій, или по теперешнему Городище островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки, лежитъ въ днѣпровской низменности, на сѣверъ отъ русла самой рѣки; имѣетъ длины въ окружности шесть верстъ, въ поперечникѣ двѣ версты, а всей площади двѣсти девяносто пять десятинъ земли. Замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ была вторая по счету запорожская сѣчь, Томаковская, основанная или въ 1556 году, одновременно съ Хортицкой, или около 1568 года; отъ пребыванія здѣсь козаковъ сохранились и до сихъ поръ окопы, могилы и небольшое кладбище на южной и сѣверной окраинахъ острова. *Орловъ* островъ, лежитъ противъ мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, бывшаго у запорожцевъ Микитина; длина до полуторы версты, ширина до полуверсты. На полтораста саженъ ниже острова Орлова, отъ праваго берега Днѣпра, выдавался въ старину большой мысъ, называвшійся у запорожцевъ Микитинъ Рогъ; на этомъ то Микитиномъ Рогѣ была третья по счету запорожская сѣчь, Микитинская, о которой теперь осталось едва слабое воспоминаніе, такъ какъ мысъ уже лѣтъ сорокъ тому назадъ смытъ водой и самое кладбище запорожское и небольшая каплица, бывшія на немъ, вмѣстѣ съ гробами пошли въ Днѣпръ. Микитинская сѣчь памятна пребываніемъ на ней въ одно время знаменитаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Здѣсь Хмельницкій нашелъ себѣ покровительство у запорожцевъ, когда бѣжалъ изъ старой Малороссіи отъ преслѣдованія польской власти; здѣсь онъ былъ покрытъ, по козацкому обычаю, шапками, то есть выбранъ гетманомъ всей Украйны; отсюда-же онъ началъ и свой славный походъ противъ поляковъ. *Холодный* или, по Боплану, Большой островъ; лежитъ противъ д. Капуливки и устья рѣки Чортомлыка, къ правому берегу Днѣпра; имѣетъ длины полторы версты, ширины—одну пятую; на немъ отъ козаковъ остались небольшія развалины отъ бывшихъ укрѣпленій. На сѣверъ отъ Холоднаго острова, гдѣ теперь деревня Капуливка при устьѣ рѣки Чортомлыка, на Рогѣ, была у запорожцевъ четвертая по счету сѣчь, »Чортомлыцкая«, называвшаяся иначе Старою сѣчью; она основана въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Лутаёмъ. Изъ рога или мыса,

на которомъ была сѣчь, образовался теперь небольшой островокъ, имѣющій въ возвышенной части 1050 квадратныхъ саженъ, а въ низменной двѣ десятины и 1200 квадратныхъ саженъ. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ осталось нѣсколько могилъ, изъ коихъ самая большая могила, съ памятникомъ, насыпана надъ прахомъ славнаго кошеваго атамана Ивана Дмитріевича Сѣрка, умершаго, какъ гласитъ самая надпись на памятникѣ, въ 1680 году, 4-го мая. *Андрушкинъ* островъ, ниже Холоднаго, между нижнимъ теченіемъ рѣки Павлюка и Чортомлыцкаго Днѣприща, притоковъ Днѣпра съ правой стороны; въ окружности имѣетъ до восьми верстъ. *Царевъ* островъ противъ села Малой-Лепетихи; длина три съ третью версты, ширина полверсты. *Носоковскій* островъ, длина до двухъ миль, и *Космакскій* или, у Боплана, Каиръ-Козмакъ островъ; длина до полу-мили, ниже Царева острова. *Каменскій* или, по теперешнему, Санжеревскій островъ, на одну версту ниже балки Каменки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, между деревнями Консуловкой или Разоровкой и Блажковкой, херсонскаго уѣзда; длина двѣ трети версты, ширина полверсты. Выше Каменскаго острова, при устьѣ балки Каменки и заливѣ Днѣпра, Казацкомъ Рѣчищѣ, была у запорожцевъ пятая по счету сѣчь, Каменская, основанная съ 1709 года, при наказномъ кошевомъ атаманѣ Якимѣ Богушѣ и просуществовавшая здѣсь съ перерывами, около двухъ лѣтъ. Въ настоящее время мѣсто Каменской сѣчи принадлежитъ землевладѣльцу М. Ѳ. Огаркову. Отъ пребыванія здѣсь козаковъ остались превосходно сохранившіяся ямы отъ куреней и нѣсколько могилъ, въ томъ числѣ могила надъ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, умершимъ въ 1733 году 4-го мая, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на большомъ каменномъ намогильномъ крестѣ. Здѣсь-же осталась могила кошеваго атамана Василія Іероѳеева, умершаго въ 1731 году, 23 мая, что также видно изъ надписи, высѣченной на каменномъ крестѣ. *Таванъ* островъ, по турецки Усу-свавъ; лежитъ нѣсколько ниже мѣстечка Каховки и прямо противъ теперешняго г. Берислава, херсонской губерніи, прежняго Кизикерменя, взятаго русскими въ 1695 году; длина, по Боплану, двѣ мили, ширина—одна треть мили. У турокъ на самомъ островѣ Таванѣ былъ городъ Таванъ, а въ устьѣ его городъ Осланъ: «и отъ того Кизикерменя до Тавань-городка, чрезъ Днѣпръ, бы-

вали цѣпи желѣзныя перетянуты, дабы никто изъ непріятелей ночью пройти не могъ; такожъ и отъ Ослана, чрезъ Конскую рѣчку, до Крымской стороны, а посреди оныхъ рѣкъ, оставливаны были ворота; и пушки изъ оныхъ городковъ были наведены на оныя ворота; и когда кто наѣдетъ, то турки все могутъ разбить«[1]). *Бурганскій* (Боргунскій, Бургунскій) островъ, противъ рѣчки того-же имени; имѣетъ длины около трехъ верстъ и ширины около полуторы версты. *Тягинскій* островъ, противъ теперешняго села Тягинки, херсонскаго уѣзда, имѣетъ длины полторы версты, ширины одну треть. *Сомовъ* островъ, противъ устья рѣки Ингульца; длина двѣ съ половиной версты, ширина полъ версты. *Карантинный* островъ, между рѣкою Днѣпромъ и его притокомъ Кошевою; находится противъ г. Херсона, получилъ свое названіе отъ бывшаго на немъ когда-то карантина; длина шесть верстъ, ширина двѣ съ половиной. Противъ этого острова, съ лѣвой стороны, на материкѣ была у запорожцевъ шестая по счету сѣчь, Алешковская, тамъ, гдѣ теперь г. Алешки, таврической губерніи, »на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ«, существовавшая съ 1709 по 1734 годъ съ небольшимъ перерывомъ, когда она перемѣщалась снова на балку Каменку. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ въ настоящее время ничего не осталось, кромѣ небольшаго звѣздообразнаго укрѣпленія, находящагося прямо на востокъ отъ города, противъ рѣчки Лазни. *Потемкинъ* островъ, пять верстъ ниже Херсона; длина четыре версты, ширина двѣ съ половиной.

На всемъ пространствѣ запорожскихъ владѣній Днѣпръ имѣлъ десять переправъ[2]). *Романовская* переправа, противъ острова Романова, немного ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава. »Здѣсь Днѣпръ течетъ свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засадъ, расположенныхъ выше острова«[3]). *Кайдацкая* переправа, противъ селенія Новыхъ-Кайдакъ, выше г. Екатерино-

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., 11—13.

[2]) Эр. Ляссота насчитываетъ ихъ три (стр. 29, 30, 51); Бопланъ семь, изъ коихъ одна въ татарскихъ предѣлахъ (стр. 17, 22, 29), атласъ Днѣпра одну, Мышецкій (стр. 21) четыре.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, стр. 17.

слава; переправа очень удобная; до 1780 года черезъ нее шли обозы, отправлявшіеся на Донъ за рыбой. *Будилово-Таволжанская* переправа, между Будиловымъ порогомъ и Таволжанской грядой или островомъ. »Въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ не развѣтвляется и не очень широкъ. Тамъ мы видѣли (слова Эр. Ляссоты) большое число маленькихъ татарскихъ лодокъ изъ плетенаго хвороста, обтянутыхъ кожею«. *Кичкасовская* переправа, противъ теперешней колоніи Кичкасъ (Эйнлаге). »Въ сихъ мѣстахъ (отъ острова Кашеварницы или Кухарева до Кичкаса) берега рѣки очень высоки; Днѣпръ течетъ свободно, не пересѣкаясь островами, узкая постель его еще болѣе съуживается къ югу. Здѣсь, по моему мнѣнію, ширина Днѣпра есть самая меньшая: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ (саженъ), берега его удобоприступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ« [1]). »Въ четырехъ верстахъ оттуда (отъ о. Вербова) берега рѣки (Днѣпра) довольно скоро сходятся между собою на разстояніи 300 саженей. Въ этой ширинѣ Днѣпръ течетъ $1^1/_2$ версты на юго-востокъ, а потомъ, стѣсняясь еще болѣе, поворачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здѣсь самый большой и лучшій переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ (саженъ), берега его не круты и земля открыта« [2]). *Кичкасовская* переправа извѣстна была уже Константину Багрянородному, который называетъ ее Крарійскимъ перевозомъ. »Они (русскіе) доходятъ до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ перевозятся херсониты изъ Руссіи и печенѣги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ шириной съ гипподроміонъ (т. е. 608 русскихъ футовъ, $^1/_3$ или $^1/_6$ версты), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что только что доступна глазомѣру и удару стрѣлы« [3]). *Микитинская*

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 24.

[2]) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древней россійской исторіи, 277 и 278. На Кичкасѣ и теперь существуетъ переправа на двухъ паромахъ и нѣсколькихъ дубахъ.

[3]) De administrando imperio, стр. 286.

переправа, противъ теперешняго м. Никополя; знаменитая у запорожцевъ и извѣстная татарамъ и полякамъ. Переправа получила свое названіе отъ имени казака Микиты, вышедшаго изъ старой Малороссіи и поселившагося здѣсь на Днѣпровскомъ мысѣ и впервые занявшагося перевозомъ проѣзжихъ людей черезъ Днѣпръ. Имя его впослѣдствіи передалось какъ мысу, такъ и самой переправѣ. *Каменно-Затонская* переправа, нѣсколько ниже Микитинской, противъ прежней крѣпости Каменнаго-Затона, построенной въ 1696 году, теперешняго села Каменки или Малой-Знаменки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. »Мы прошли мимо Каменнаго-Затона, или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого Затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ«[1]. *Каменская* переправа, ниже села Горностаевки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда и противъ д. Консуловки или Разоровки, расположенной на Каменской балкѣ. Здѣсь переправа съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, по теченію рѣки, очень удобна; но съ лѣваго на правый, противъ теченія, довольно затруднительна и потому обозы, идущіе сверху внизъ, переправлялись у балки Каменки, а идущіе снизу вверхъ— въ Кизикирменѣ. *Носоковская* переправа, противъ о. Носоковскаго и Космакскаго (Каиръ-Козмака), неудобная, потому что здѣсь Днѣпръ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому-же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ островковъ и заросъ высокимъ камышомъ. *Таванская* или Кизикирменская переправа, противъ о. Тавана и прежняго г. Кизикирменя, теперешняго Берислава, самая лучшая переправа; здѣсь нужно было переходить сперва р. Конку, притокъ Днѣпра, а потомъ ужъ переплывать самый Днѣпръ. *Бурганская* переправа, противъ о. Бурганскаго и притока Днѣпра съ тѣмъ-же именемъ, мало удобная, потому что здѣсь нужно было переходить р. Конку и два раза р. Днѣпръ. Чрезъ всѣ эти переправы »хаживали изъ Малороссіи купцы и простые народы для продажи и покупки всякихъ товаровъ, такожъ и за солью въ Крымъ; такожде и Татары хаживали

[1]) Г. Русовъ видитъ въ Каменно-Затонской переправѣ Никитинскую (Русск. тракты, 123), но стоитъ только обратиться къ Ляссотѣ (стр. 51), чтобы убѣдиться, что Каменно-Затонская и Никитинская переправа не одно и тоже.

въ Малороссію для означенной добычи«[1]). Къ этимъ переправамъ на Днѣпрѣ можно прибавить еще двѣ на р. Бугѣ: переправа къ Мертвымъ-водамъ, »гдѣ купцы изъ Польши, Малороссіи и прочихъ мѣстъ хаживали въ Очаковъ и изъ Очакова«, и переправа у запорожскаго города Гарда, стоявшаго на лѣвой сторонѣ Буга, къ которому велъ знаменитый гардовый шляхъ, простиравшійся до 300 верстъ и отличавшійся замѣчательною прямизною.

Способъ переправы у казаковъ практиковался такой-же, какой практикуется и теперь: употреблялись лодки, плоты, паромы и проч., а у татаръ—мало извѣстный нашему времени«. Татары переплываютъ слѣдующимъ образомъ: на лодку, довольно плоскую, кладутъ поперекъ жердь, привязываютъ къ ней лошадей рядомъ, по ровному числу съ обѣихъ сторонъ для равновѣсія; потомъ накладываютъ на лодку багажъ и отчаливаютъ отъ берега. Лошади слѣдуютъ за лодкою и плывутъ медленно; хотя онѣ выбиваются изъ силъ, но короткая привязь къ жерди поддерживаетъ ихъ, и татаринъ безъ труда причаливаетъ къ противоположному берегу, разумѣется, въ ясную и тихую погоду... Для переправы черезъ Днѣпръ татарское войско выбираетъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пука, длиною въ три фута, а толщиною отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ и привязывается къ лошадиному хвосту; кладетъ на такой плотъ сѣдло, а на немъ одежду, стрѣлы, саблю, и нагой, съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одною рукою узду и гриву, безпрерывно понуждаетъ коня плетью и, не выпуская ни гривы, ни узды, разсѣкаетъ волны свободною рукою поперемѣнно, то правою, то лѣвою. Приближаясь къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ и выноситъ оный на берегъ«[2]).

Таковъ былъ Днѣпръ самъ по себѣ въ запорожскихъ предѣлахъ. Изслѣдуемъ его притоки въ тѣхъ-же предѣлахъ.

Д. Эварницкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Мышецкій. Исторія о каз. зап. Одесса, 1852 г., стр. 21.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832 г., стр. 30, 58—59.

СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО
въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки.

Квитка-Основьяненко выступилъ на литературное поприще въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ сложившимися и окрѣпшими убѣжденіями. Какъ человѣкъ крайне скромный, постоянно скептически относившійся къ своему литературному дарованію, Квитка, прежде чѣмъ стать въ ряды писателей, внимательно всматривался въ окружавшую его общественную среду, изучалъ ее, опредѣлялъ существенныя стороны современной ему дѣйствительности, и правдиво, вѣрно, съ любовью къ человѣку, съ уваженіемъ къ печатному слову и съ крѣпкой вѣрой въ его благотворное значеніе въ общественной жизни, излагалъ на родномъ ему малорусскомъ языкѣ въ художественныхъ повѣстяхъ свои наблюденія надъ житьемъ-бытьемъ малорусскаго народа, дворянъ, мѣщанъ, въ особенности крестьянъ, какъ наиболѣе типичныхъ выразителей малорусской народности. Отъ его зоркаго глаза не ускользали тонкія житейскія отношенія. Онъ подмѣчалъ помыслы землевладѣльцевъ дворянъ, улавливалъ свѣтлыя и добрыя проявленія душевнаго настроенія закрѣпощеннаго крестьянина, усмáтривалъ тонкія черты горести обездоленнаго судьбою сельскаго горемыки, пытливымъ взоромъ проникалъ въ взволнованное первою любовью сердце дѣвушки. Вообще, Квитка хорошо зналъ всѣ слои стариннаго харьковскаго населенія, времени Александра Перваго. Квитку считаютъ знатокомъ жизни малорусскаго крестьянина, при чемъ вполнѣ основательно выводъ этотъ основываютъ на его задушевныхъ малорусскихъ повѣстяхъ. Но Квитка основательно изучилъ и бытъ дворянъ, что видно изъ его русскихъ

сочиненій, составляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостнаго права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школъ, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей большею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики благотворители, напримѣръ Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти *Добрый панъ,* представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычные въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавшіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ »Преданіяхъ о Гаркушѣ« выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Іудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ »Похожденіяхъ Столбикова« помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію, »мужикъ-хамово колѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова«. Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ

блескѣ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находитъ для нихъ другаго названія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Ненасытинъ въ »Дворянскихъ выборахъ« расправляетъ свои мускулы на крестьянскихъ физіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросятъ, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошокъ, цыплятъ, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ »Похожденіяхъ Столбикова« опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранную гостиную, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другаго имени, какъ щенокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьетъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносятъ взятку, но непремѣнно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находитъ въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамату считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы растраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юпка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ »ваше имѣніе«, до-

казывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ »Панѣ Халявскомъ« онъ постоянно сопоставляетъ прежнихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слова »теперешній« слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ, если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Паничи Халявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ нынѣшняго вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали,—обыкновенно борщъ съ откормленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи »подвечерковали«, т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигіенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суевѣріями и предразсудками. Въ »Героѣ очаковскихъ временъ« Романа въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурнаго глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашептыванія и заговоры. Онѣ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали »уроки«.

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Ѳеодосію. Когда Петрусѣ Халявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, при чемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни, Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ съѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабусю для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподалъ имъ правила, какъ они должны были держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою — ? — знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить мудрое право-

судіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголъ именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный,—учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ — ! — »удивительный«, не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халявкихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: »ну что-жъ«? »Сейчасъ« отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: »вписать ихъ въ синтаксисъ«. Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссиме, поднявъ голову, сказалъ: »они могутъ быть въ піитикѣ«. Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневкою, терновкою и сливянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: »впрочемъ вписать ихъ въ риторику«.

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы—воспитатели русскаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ »Похожденіяхъ Столбикова«, m-me Torchon въ »Украинскихъ дипломатахъ« и m-lle Ламбо въ »Харьковской Ганнусѣ«. Филу обманываетъ родителей внѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усвоиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариѳметикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ безполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетушкѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи,

носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца прошлаго столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ впослѣдствіи одному полковнику: »въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...«, полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: »молчать! если ты еще занесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушу«....

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго образованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ прошлаго столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть текущаго столѣтія, воспитаніе и образованіе состояли въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себѣ въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ »доброе старое время« дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халявская впервые надѣла корсетъ и юпку по истеченіи 14 лѣтъ. Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ, съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Степановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены няньками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. »Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома«; заявляетъ Трушко Халявскій; »если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать«. Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку—домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не

мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченный кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, »весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ«. Пазинька Шпакъ служитъ представительницей старинныхъ барышень, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романъ; она умѣетъ надряпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенья. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая »мужняя« жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. M-me Torchon выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисьѣ Ивановнѣ Халявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ »Панна Сотниковна«, »Божія дѣти« и »Украинскіе дипломаты« просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлалъ попытку представить въ литературѣ »развивателя«, въ повѣсти »Ложныя понятія«. Сынъ казака Омельянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ дворянство. Онъ имя Омельянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ

не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурнаго мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣтельной натуры; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки, т. е. полвѣка назадъ, далеко стояло отъ простаго народа, по языку, нравамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана подалѣе. Въ »Харьковской Гапусѣ« добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожкахъ. »Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожкахъ?«. Въ трогательной драмѣ »Щира любовь« офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ Галечкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она »нерíвня«. »Не однакови зирочки на небесахъ«, поэтически объясняетъ она причину отказа, »не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблуновымъ цвитомъ; не прийме березонька липового листочка; не позбере соловейко иншои пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усёму свій законъ, а чоловикови ще найбильшъ того«.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ МАРТИНОВСКАГО.

Съ личностью преосв. Анатолія постоянные читатели »Кіевской Старины« знакомы. Въ майской книжкѣ 1882 г., помѣщены были его замѣтки о положеніи нашей церкви, подъ заглавіемъ: »Архіерейскія печали«, которое удачно придалъ имъ г. Береза, сообщившій редакціи эти замѣтки. Въ іюльской книжкѣ 1883 г. докторъ Пирожковъ посвятилъ памяти преосв. Анатолія нѣсколько самыхъ искреннихъ и теплыхъ воспоминаній. Но то и другое составляетъ лишь самую микроскопическую долю того, что осталось отъ почившаго архипастыря и что объ немъ можно и должно сказать. Преосв. Анатолій Мартиновскій, по своимъ воззрѣніямъ на церковно-религіозную и общественную жизнь, по своей проповѣднической и литературной дѣятельности, по своему наконецъ строгому образу жизни заслуживаетъ полнаго и внимательнаго изученія. Пока, разумѣется, можетъ идти рѣчь только о матеріалахъ для полной его біографіи.

Для внѣшней, такъ сказать, ея стороны, какъ хронологическій указатель главнѣйшихъ фактовъ въ жизни и службѣ преосв. Анатолія, сообщаемъ точныя біографическія данныя, которыя заимствуемъ изъ сообщеннаго намъ Л. С. Мацѣевичемъ послужнаго списка почившаго архипастыря, провѣреннаго имъ самимъ при жизни, именно въ послѣдній годъ его службы.

Августинъ Мартиновскій,—впослѣдствіи архіепископъ, съ именемъ Анатолія,—родился въ Подоліи, приблизительно въ 1797 г. Отецъ его Василій Мартиновскій былъ священникомъ въ м. Мясковкѣ, что нынѣ ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи. Итакъ ему съ малыхъ лѣтъ пришлось быть свидѣтелемъ съ одной стороны новозаводимыхъ въ присоединенной Подоліи порядковъ церковныхъ, а съ другой—страшнаго гнета польскаго, съ особенною силою развившагося подъ скипетромъ россійскимъ, главнымъ образомъ въ царствованіе Александра Благословеннаго. Въ то время въ Каменцѣ-Подольскомъ существовала уже духовная семинарія, въ которой онъ и получилъ первоначальное свое образованіе. Предметы, которые онъ

изучалъ здѣсь, въ формулярѣ перечисляются въ томъ порядкѣ и подъ тѣми наименованіями, которыя установились въ духовныхъ семинаріяхъ впослѣдствіи, и только по мелочной замѣткѣ подъ 1812 г. узнаемъ, что тамъ преподавалось тогда »рисовальное искусство« и что учителемъ онаго былъ назначенъ въ этомъ году Августинъ Мартиновскій, состоя еще слушателемъ богословскихъ наукъ. Съ 1813 по 1817 г. ему, окончившему уже полный семинарскій курсъ, поручались для преподаванія въ разныхъ классахъ и другіе предметы: ариѳметика, грамматика и польскій языкъ, но »рисовальное искусство« оставалось за нимъ во все это время, изъ чего должно заключить, что онъ былъ знатокомъ этого предмета, быть можетъ единственнымъ и незамѣнимымъ. Гдѣ и какъ онъ самъ выучился ему и какъ обучалъ другихъ,—остается неизвѣстнымъ. Въ концѣ 1817 г. Августинъ Мартиновскій поступилъ во священники въ м. Грановъ, гайсинскаго уѣзда; около двухъ лѣтъ спустя овдовѣлъ и поступилъ въ каменецъ-подольскій монастырь съ намѣреніемъ постричься въ монахи. Состоя два года на искусѣ, въ сентябрѣ 1821 г. онъ получилъ мѣсто учителя въ старшемъ классѣ каменецкаго духовнаго училища, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года переведенъ въ семинарію на польскій языкъ и вслѣдъ за симъ постриженъ въ монахи, съ именемъ Анатолія, при церкви архіерейскаго дома. Хотя спустя двѣ недѣли іеромонаху Анатолію предоставлена должность намѣстника каменецкаго монастыря, съ сохраненіемъ наставнической должности, а спустя четыре мѣсяца пожалована первая духовная награда—набедренникъ, но его тянуло къ высшему образованію, и въ октябрѣ слѣдующаго 1823 года онъ оставилъ Каменецъ и поступилъ въ старшій, богословскій курсъ кіевской духовной академіи. Съ окончаніемъ въ ней курса, со степенью магистра, Анатолій въ декабрѣ 1825 г. оставленъ былъ баккалавромъ при академіи, при чемъ поручены ему для преподаванія два совершенно разнородные предмета: польскій языкъ и библіологія, или наука о священномъ писаніи. Спустя четыре года его назначаютъ ректоромъ курской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, а въ 1832 году переводятъ на такую-же должность въ Новгородъ; тамъ и здѣсь онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ епархіальныхъ, по званію члена консисторіи, благочиннаго монастырей и цензора проповѣдей. Въ 1840 г. архимандритъ Анатолій возводится въ санъ архіерейскій, съ названіемъ епископа екатеринбургскаго, въ должности викарія пермской епархіи, въ 1841 г. переводится на такую-же должность въ волынскую епархію, въ ближайшее сосѣдство къ родинѣ, а въ 1844 году назначается для самостоятельнаго управленія могилевскою епархіею. Здѣсь-то онъ, въ теченіи 15-ти съ лишнимъ лѣтъ, постепенно раскрываетъ свою глубоко-христіанскую и патріотическую дѣятельность, далеко выступающую за предѣлы заботъ о ввѣренной ему епархіи, обнаруживаетъ высокіе и свѣтлые идеалы, которымъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, проявляетъ тонкое пониманіе нуждъ и дѣлъ православія, горячее желаніе служить церкви и обществу, побороть или ослабить вѣками вкоренившееся въ нихъ зло, пишетъ массу смѣлыхъ и подъ часъ

крайне рѣзкихъ проэктовъ, замѣтокъ и писемъ по разнымъ вопросамъ церкви, науки и жизни, встрѣчаетъ по большей части то равнодушіе къ своимъ заявленіямъ, то волокиту и медленность, то прямое противодѣйствіе, терпитъ неудачи и полныя разочарованія, съ глубокимъ огорченіемъ, въ половинѣ 1860 года оставляетъ епархію и службу и удаляется на *покой* въ бессарабскій гербовецкій монастырь, унося съ собою почетныя званія и награды, безполезныя, возбуждавшія одно грустное воспоминаніе. Живя здѣсь въ добровольномъ уединеніи, архіепископъ Анатолій скоро почувствовалъ всѣ невыгоды онаго, раскаевается въ безповоротномъ рѣшеніи своей судьбы, такъ сказать, сгоряча, сожалѣетъ, что оставилъ постъ, съ высоты котораго его голосъ все еще могъ слышаться и возбуждать къ дѣятельности другихъ, старается возвратить хотя отчасти свое прежнее положеніе, проситъ, безуспѣшно, мѣста цензора въ Петербургѣ, не ослабѣваетъ въ энергіи, пишетъ замѣтки, наброски про себя, по временамъ шлетъ полныя огня и ума письма и замѣтки къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, имѣющія лишь изрѣдка ходъ, и удрученный болѣзнями и старостію, умираетъ наконецъ въ 1872 году въ томъ-же гербовецкомъ монастырѣ, имѣя около 80 лѣтъ отъ рожденія.

Для характеристики внутренней жизни пр. Анатолія предлагаемъ здѣсь рядъ его замѣтокъ и записокъ по разнымъ вопросамъ. Всѣ они, за исключеніемъ наиболѣе пространнаго трактата о еврейскомъ вопросѣ, не представляютъ собою чего-нибудь цѣльнаго, полно обдуманнаго и законченнаго. Это больше наброски и даже обрывки, принадлежащіе разнымъ временамъ и матеріямъ, соединенные нами подъ одною общею нумераціею, и тѣмъ не менѣе они кажутся намъ не однимъ историко-біографическимъ матеріаломъ,—въ нихъ слышится и живой публицистическій голосъ, въ особенности по вопросамъ польскому и еврейскому, получившимъ въ настоящую пору гораздо большее развитіе и занимающимъ теперь и правительственныя сферы, и общество, и печать. Первая замѣтка относится очевидно къ первой четверти нынѣшняго столѣтія и касается тогдашнихъ злоупотребленій въ епархіальномъ управленіи на его родинѣ; вторая, нѣсколько однородная, въ формѣ неполнаго письма его къ преосв. Антонію Амфитеатрову, писана въ позднѣйшіе годы, изъ гербовецкаго уединенія; остальныя три имѣютъ опредѣленную дату и писаны не задолго до удаленія арх. Анатолія на покой. Дѣятельность латино-польской пропаганды и бездѣятельность и зависимость нашей іерархіи составляли особенно наболѣвшее мѣсто въ душѣ апостольски-ревностнаго іерарха и онъ касается этихъ предметовъ во многихъ своихъ запискахъ и письмахъ, съ большею даже подробностію, силою и рѣзкостію, чѣмъ здѣсь. Соображенія по еврейскому вопросу мы встрѣчаемъ впервые и зато они являются здѣсь въ наиболѣе полномъ и законченномъ видѣ. Много въ нихъ любопытнаго и интереснаго и для нашего времени, но во многомъ проглядываетъ и неполное знаніе вопроса и наивная вѣра въ возможность превращенія прозелитовъ изъ евреевъ въ честныхъ и полезныхъ людей, съ помощію административныхъ и полицейскихъ мѣръ. Эта вѣра и вообще

мысль о миссіонерствѣ въ средѣ евреевъ отнюдь не вяжутся съ строго практическимъ и проницательнымъ взглядомъ арх. Анатолія, который онъ обнаруживаетъ по многимъ другимъ вопросамъ, и объясняются господствовавшею въ 50 годахъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ мыслію о такомъ миссіонерствѣ, явившеюся, какъ кажется, случайно, подъ вліяніемъ ловко пущенныхъ широкихъ затѣй на этотъ счетъ упоминаемаго преосв. Анатоліемъ прозелита Темкина. Это былъ умный, широко образованный и рѣчистый раввинъ. Обстоятельства обращенія его намъ неизвѣстны. Долгое время онъ ютился при петербургской духовной академіи и морочилъ тамошнія духовныя сферы несбыточными мечтами объ обращеніи едва-ли не всѣхъ русскихъ евреевъ въ христіанство, съ помощію сочиняемыхъ имъ брошюрокъ, пока не былъ переданъ на попеченіе кіевскаго митрополита Филарета и въ пріютъ кіевской академіи и пока и здѣсь, какъ и тамъ, не обнаружились его пьянство, похотливость и тщета придумываемыхъ имъ грандіозныхъ проэктовъ. Мы знали лично Темкина, какъ и другаго, не менѣе смѣлаго прожектёра К. Говорскаго, котораго преосв. Анатолій считаетъ жертвою латинопольской пропаганды. Въ судьбѣ обоихъ, даже въ нравственныхъ ихъ чертахъ, было нѣчто общее. Тотъ и другой прозелиты,—Темкинъ изъ евреевъ, Говорскій изъ уніатовъ, но женатый на еврейкѣ; тотъ мечталъ объ обращеніи евреевъ, мыслью послѣдняго было едва-ли не обращеніе поляковъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края. Оба для достиженія проповѣдуемыхъ ими идей писали брошюры, послѣдній даже журналъ издавалъ; въ средствахъ одинаково были неразборчивы. Оба смущали прежде сѣверъ, потомъ юго-западъ Россіи и оба переселялись потомъ на сѣверо-западъ; здѣсь, подъ покровительствомъ Муравьева, послѣдній устроился было даже совсѣмъ не дурно. Въ концѣ концевъ оба ничего не достигли: Темкинъ спился, Говорскій кончилъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Жертвою польской пропаганды онъ самъ себя выставлялъ всегда и вездѣ и этимъ ловко маскировалъ свои личные разсчеты. Едва-ли однако польская интрига, по крайней мѣрѣ она одна, навлекла на Говорскаго преслѣдованіе его ближайшаго начальства, какъ замѣчаетъ въ своей запискѣ о латино-польской пропагандѣ арх. Анатолій; виною въ этомъ случаѣ были доносы Говорскаго въ Петербургъ на это самое начальство, и если оно потомъ очернило его, то онъ далеко не остался предъ нимъ въ долгу. Удаленіе архіепископа Василія Лужинскаго отъ дѣлъ епархіи стояло въ связи съ доносами Говорскаго.

Эти предварительныя свѣдѣнія мы сочли не лишними какъ для ознакомленія читателей съ личностію автора предлагаемыхъ замѣтокъ и записокъ, такъ и для нѣкоторыхъ поясненій и поправокъ къ нимъ; въ остальномъ предоставляемъ оцѣнку самимъ читателямъ.

I.

Мои мысли и наблюденія нравовъ человѣческихъ (но не для всѣхъ).

Свѣтъ наполненъ неправдами и насиліями... При Божіей помощи я всѣми силами буду стараться быть добрымъ и истинно полезнымъ для людей, чтобы единицею уменьшилось число злыхъ.

Небомъ благословенный тотъ домъ, въ которомъ не былъ лѣкарь и счастливъ человѣкъ, который не испыталъ судебныхъ распрь: говоритъ польская пословица. Примѣры злодѣйства и ненасытимое корыстолюбіе даже въ власти духовной, ненаказанность сильныхъ за самыя величайшія преступленія—не одного изъ невинно гонимыхъ понудили прибѣгнуть къ законамъ, но законы молчали или по общей всего превратности довершали его гибель; оставалось взывать къ небу,—но громы спали: человѣческій голосъ не имѣетъ силы кондуктора притягивать ихъ на землю.

Многіе съ дарованіями и чрезвычайными способностями, отъ рабства, нуждою на нихъ налагаемаго, и отъ нищеты, ихъ снѣдающей, безъ поощренія, упали духомъ,—быстрый умъ ихъ, сокрушенный смутными мыслями, гибнетъ какъ дерево безъ вѣтвей, какъ безъ свѣта пламенникъ...

Итакъ надобно вооружиться стоическимъ терпѣніемъ; самому стараться быть добрымъ, а все окружающее добро и зло считать за одно, то есть быть ко всему равнодушнымъ: воображая, какъ-бы свѣтъ былъ театромъ, люди—актерами, ихъ страсти, злодѣянія и поступки вѣчно представляющимися сценами, непремѣнно нужными къ составленію драмы, отъ начала міра до сихъ поръ продолжаемой; ни о чемъ, раздражающемъ чувствительность нашего сердца, не думать, и ни мало не разсуждать о степени зла, насъ окружающаго... Часто одна мысль болѣе насъ безпокоитъ, нежели деспотизмъ можетъ причинить вреда; мысли наши тиранницы, онѣ раждаютъ душевныя болѣзни, которыя опаснѣе тѣлесныхъ. Свѣтъ, говорятъ, достигъ высочайшей степени своей испорченности: всякій говоритъ о добродѣтели и нравахъ человѣческихъ съ краснорѣчіемъ Сенеки; всѣ учились морали, или по крайней мѣрѣ читали въ семъ родѣ книги. Чтожъ? для того чтобы въ самомъ дѣлѣ быть добрыми? Совсѣмъ нѣтъ: съ того времени, какъ люди все священное стали называть баснями или романами,—это послужило къ тому, чтобы

умѣть какъ можно лучше представить добродѣтельнаго, играть роль справедливаго, и заманивать такимъ образомъ въ свои сѣти неопытныя, довѣрчивыя и невинныя еще сердца.

Религія въ чрезвычайномъ разслабленіи и въ таковыхъ теперь несчастныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, которые тысячекратно превосходятъ претерпѣнные ею въ ея возрожденіи, когда она нечестивыми всюду гонима была, но яко кринъ сельный, между терніемъ при источникѣ прозябающій, оропаема мученическою кровію, въ новомъ блескѣ съ торжествомъ всегда возносила главу свою; тогдашнія ея страданія подобны были мудрымъ врача операціямъ, которыя, причиняя нестерпимую по видимому боль, даруютъ впослѣдствіи здоровье и цвѣтущее мужество,—это были раны, которыя ѣдкіе пластры исцѣляли; теперешнія суть судорожныя мученія умирающаго. Муракъ, не простирающій далѣе своихъ понятій надъ счисленіе своихъ пальцевъ, утверждаетъ важно, что религія нужна только для политическихъ видовъ. Каждый, добившись, по мнѣнію его, въ полубоги, за величайшую мудрость считаетъ преслѣдовать духовныхъ; всѣ вообще пустились новомоднымъ образомъ философствовать. Духовные,—не тѣ, которые на деревняхъ и которыхъ рокъ со дня на день сравниваетъ съ поселянами, а начальство ихъ,—не находятъ болѣе удовольствія быть нищими духомъ, вмѣсто защиты подвластнымъ преслѣдуютъ ихъ до гроба; все на откупу, каждый степень начальства ихъ, даже духовныя овечки,—все продажное.

Защиты нигдѣ,—указы, законы, положенія премудры. Христосъ—глава церкви, состоящей изъ тѣхъ единицами считаемыхъ немногихъ, которые рѣшились, одиноки будучи, претерпѣвать все и быть несчастнѣйшими въ свѣтѣ; не пазову ихъ,—ихъ называютъ дураками, суевѣрами и наконецъ, ежели ихъ существованіе чрезвычайно колетъ въ глаза, чтобы скорѣе ихъ сбыться, бунтовщиками. Сердце царя[1],—какого не имѣли ни Титы, ни Авреліи. Но законы—на бумагѣ; Христосъ будетъ страшнымъ судьею въ послѣдній день; царь, говорятъ простолюдины, далеко; итакъ все это, ежели ничего не значитъ, по крайней мѣрѣ вовсе недѣйствительно;

[1]) Разумѣется императоръ Александръ Павловичъ.—К. Береза.

для доказательства возмемъ одинъ духовный санъ. Почему такая-то и такая протопопія не имѣетъ протоіерея? Можетъ быть нѣтъ достойнаго? Совсѣмъ нѣтъ; нѣтъ такого, который бы далъ за нее 200 червонцевъ или триста. Почему такой-то приходъ празденъ? Вамъ скажутъ: тамъ сироты или это славный приходъ, нѣту достойнаго человѣка; это въ истинномъ смыслѣ значитъ, что за такой-то приходъ надобно дать, какъ положено въ тарифѣ или какъ можно выторговать: 50 или 80 или 100 червонцевъ, или уже на него данъ задатокъ въ такой-то и въ такой протопопіи или во всѣхъ. Даже въ консисторіи нѣтъ положенныхъ законами присутствующихъ и членовъ; а хотя и есть, но это только движущіяся машины. Почему это? Чтобы другіе къ своему защищенію не знали законовъ; чтобы, начиная отъ перваго, всѣ протоіереи сосали послѣднюю кровь несчастныхъ безъ свидѣтелей, или за деньги, въ глазахъ цѣлаго свѣта, низвергали въ пропасть гибели нищихъ и сиротъ—безъ малѣйшаго наказанія.

II.

Министерство государственныхъ имуществъ и государственные крестьяне.

Правительство, учреждая особое министерство государственныхъ имуществъ, имѣло въ виду высокую благодѣтельную цѣль; но лица, посредствомъ коихъ совершается управленіе государственными крестьянами могилевской губерніи, далеко не соотвѣтствуютъ благимъ намѣреніямъ попечительнаго правительства.

Экономическое имущество упраздненныхъ фольварковъ: строенія, хлѣбъ, мѣдь, желѣзо и другіе матеріалы едвали принесли какую либо пользу казнѣ; большею частію оно осталось въ рукахъ старшинъ. По этому дѣлу были наряжаемы отъ палаты изслѣдованія; но люди допускались къ показаніямъ только тогда, когда были научены старшинами, что и какъ показывать чиновникамъ.

Люстрація земель производилась люстраторами, землемѣрами, окружными начальниками, ихъ помощниками и старшинами не только не безкорыстно, но очень недобросовѣстно, потому что многіе крестьяне лишились лучшихъ своихъ угодій, доставшихся людямъ зажиточнымъ и богатымъ; по этой причинѣ всѣ почти луч-

нія церковныя угодія подъ разными предлогами отторгнуты отъ церквей и замѣнены другими менѣе удобными, но надѣлъ и сихъ угодій по сію пору не приведенъ къ окончанію.

Всѣ запасныя земли пахатныя и сѣнокосныя не только не раздѣляются, какъ слѣдуетъ, на крестьянъ, но сдѣлались единственно достояніемъ старшинъ, кои по своему выбору пашутъ и косятъ ихъ казенными-же крестьянами въ свою пользу. Не можетъ статься, чтобы ближайшее начальство, окружные и ихъ помощники всего этого не знали и не видѣли.

Деньги на общественныя повинности старшинами взыскиваются по произволу несравненно болѣе; но вписывается крестьянамъ въ книжки только то количество, сколько слѣдуетъ. На приходскія повинности взимается съ дома по 1 р. 50 к., что составитъ по количеству приходскихъ домовъ отъ 200 до 600 рублей серебромъ, тогда какъ расходы по этому предмету не превышаютъ въ каждомъ приходѣ 130 рублей серебромъ, а тамъ, гдѣ устроены помѣщенія, приходская повинность обходится вдвое менѣе. Гдѣ-же нѣтъ помѣщеній для церковнаго причта и нанимаются оныя у жителей, сельскія управленія денегъ за нихъ хозяевамъ не уплачиваютъ, оттого никто не желаетъ держать у себя причетниковъ на квартирѣ.

На развитіе между крестьянами земледѣлія не обращается должнаго вниманія. Крестьяне безъ крайней нужды увольняются въ отдаленныя губерніи, а болѣе въ Москву; для заработковъ ходятъ туда цѣлыми семействами,—оставляя свои дома и поля, послѣднія—въ пользу зажиточныхъ крестьянъ, отчего нѣкоторая часть крестьянъ несоразмѣрно богатѣетъ, а большая бѣднѣетъ. Что ожидаетъ сихъ скитальцевъ подъ старость, когда у нихъ не достанетъ силъ ходить на заработки и не будетъ средствъ къ пропитанію? Паспорты на отлучку крестьянамъ стоятъ очень дорого. Нужно заплатить старшинѣ и сельскому писарю, такъ что паспортъ обходится отъ 10-ти до 20-ти рублей серебромъ, а между тѣмъ выработанныя деньги, хотя и присылаются старшинамъ на повинности, въ записяхъ не показываются; въ книгахъ видна одна только недоимка, которая разлагается на тѣхъ крестьянъ, кои на лицо состоятъ, и съ нихъ взыскивается строгими мѣрами.

Старшины наказываютъ крестьянъ жестоко подъ видомъ приговоровъ; тѣлесныя наказанія невыносимы, отчего крестьяне тре-

пецутъ предъ старшинами и при малѣйшемъ ихъ требованіи, оставляя всѣ свои занятія, бѣгутъ къ нимъ на работу. Горецкій старшина Автономъ Андреевъ далъ розгами до 300 ударовъ крестьянину деревни Задорожья, брату старосты того-же управленія, за напоминаніе, что онъ—старшина удержалъ у себя 10 рублей, присужденныхъ ему на выставкѣ, что взялъ у него безплатно новую избу и не платитъ одолженныхъ 25 рублей серебромъ.

Рекрутская повинность также не отрадна для бѣдныхъ крестьянъ. Сперва забираются и состоящіе и несостоящіе на очереди дѣти зажиточныхъ крестьянъ, кои, не бывъ допущены къ жеребью, откупаются родителями у помощниковъ и старшинъ дорогою цѣною, хотя въ слѣдующій наборъ тоже поспѣваютъ къ этой повинности. Взыскиваемыя съ крестьянъ на отдачу рекрутъ деньги издерживаются по произволу помощниковъ и старшинъ, безъ отдачи потомъ обществу отчота въ расходахъ.

Окружные начальники и ихъ помощники, а также и старшины обращаются съ приходскими священниками дерзко, надменно, дѣлаютъ имъ всякаго рода притѣсненія, что видя крестьяне не оказываютъ должнаго уваженія и почтенія своимъ духовнымъ отцамъ, отчего отношенія и связи между тѣми и другими видимо слабѣютъ,—и такимъ образомъ процессъ нравственнаго и религіознаго образованія крестьянъ совершается медленно.

III.

Латинопольская пропаганда.

Въ могилевской и прилежащихъ ей областяхъ пропаганда латинизма скрытно, но настойчиво дѣйствуетъ ко вреду православія. Признаками такихъ ся дѣйствій должно почесть: всемѣрное устраненіе ксендзовъ и вообще послѣдователей латинизма отъ общенія съ православными, особенно со священниками, что въ прежніе годы не такъ было примѣтно; общіе отказы ксендзовъ въ выдачѣ свидѣтельствъ желающимъ жениться на православныхъ о лѣтахъ ихъ для представленія православнымъ священникамъ; отказы помѣщиковъ въ удовлетвореніи прошеніямъ священниковъ по самымъ вопіющимъ нуждамъ и презрительное съ ними обращеніе; часто со-

вершаемыя ксендзами, стекающимися во множествѣ съ помѣщиками поочередно въ разные костелы, такъ называемыя сорокачасовыя богослуженія (czterydzieste godzinne), на которыхъ ксендзы произносятъ многія, какія имъ угодно, проповѣди; наконецъ вновь появляющіяся совращенія православныхъ. Противодѣйствіе такимъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, особенно обращеніе на путь истины совращенныхъ посредствомъ обыкновенныхъ сношеній съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ и предписаній мѣстнымъ священникамъ вразумлять заблудшихъ, требованіемъ ихъ въ консисторію и т. п. не только безполезно, но даже составляетъ торжество латинства: потому что въ губернскихъ правленіяхъ, въ уголовныхъ палатахъ и въ судахъ почти всѣ присутствующіе, члены и писцы латинскаго вѣроисповѣданія. Совратившіяся жертвы латинскаго фанатизма не только избѣгаютъ сближенія, но даже встрѣчи съ православными священниками, а увѣщанія совратившихся, чинимыя въ консисторіяхъ, вообще безплодны: потому что для доведенія совратившихся къ перемѣнѣ превратнаго образа мыслей требуется время, а въ консисторіи не болѣе какъ въ теченіи двоихъ или троихъ сутокъ по одному или двумъ часамъ можно дѣлать увѣщанія заблудшимъ, тогда какъ они въ теченіи такого времени вынуждены питаться и гдѣ-либо имѣть квартиру на свой счотъ, и посему считаютъ такое обращеніе съ ними гоненіемъ за вѣру.

Соображая дѣйствія латинской пропаганды съ мѣстными обстоятельствами, полагаю, что противодѣйствіемъ ей могло-бы служить помѣщеніе въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ хранящихся въ губернскихъ архивахъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи въ старыя времена въ здѣшнихъ областяхъ православія латинскимъ фанатизмомъ и уніятами, документовъ подобныхъ тѣмъ, какіе въ истекшемъ году были печатаемы въ прибавленіяхъ къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Такіе историческіе памятники, будучи драгоцѣнными открытіями для церковной и отечественной исторіи, могли-бы охлаждать жаръ фанатизма помѣщиковъ здѣшняго края, убѣждая ихъ, что ихъ предки были православными и гонимыми за исповѣданіе православной вѣры, что посему они, какъ потомки православныхъ предковъ, не имѣютъ разумныхъ побужденій отвращаться отъ православія. Прибавленія къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ въ

этомъ отношеніи столь драгоцѣнны, что заслуживали-бы даже распространенія во всѣхъ западныхъ губерніяхъ. Ибо если теперь и въ Россіи и внѣ предѣловъ ея печатаются лживые памфлеты и брошюры, составляются пасквили съ цѣлію очернить духовенство русской церкви: то изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, сколько православная церковь претерпѣла въ западныхъ губерніяхъ гоненій отъ людей давно сошедшихъ съ позорища міра,—не оскорбляя современныхъ, доказывало-бы хотя косвенно, что и пасквили на счетъ отечественной церкви, издаваемые въ настоящее время, проистекаютъ отъ фанатизма людей, увлеченныхъ гнусными страстями, жаждущихъ гибели отечества и православной церкви. Но, къ прискорбію, редактора Витебскихъ Вѣдомостей всѣми мѣрами преслѣдуютъ теперь ксендзы, фанатики помѣщики и даже собственное его начальство, которое, по дошедшимъ до меня слухамъ,—не смотря на то, что само въ истекшемъ году рекомендовало Говорскаго[1]), какъ чиновника вполнѣ заслуживающаго награду, которую и получилъ онъ въ началѣ текущаго года,—чтобы не допустить Говорскаго къ должности архиваріуса центральнаго архива витебской и могилевской епархій, сочинило новый формулярный списокъ, въ которомъ очернило поведеніе Говорскаго самымъ язвительнымъ образомъ. Поэтому для всякаго теперь въ Витебскѣ очевидно, что враги отечественной церкви всѣми мѣрами гонятъ Говорскаго, всеусильно стараясь, чтобы, онъ ни въ какомъ вѣдомствѣ не получилъ мѣста, а особенно, чтобы онъ не могъ быть хранителемъ архива, заключающаго въ себѣ неисчерпаемый источникъ для исторіи Бѣлоруссіи, и нельзя не опасаться за цѣлость того архива, такъ какъ распаленные фанатизмомъ изувѣры готовы повредить, уничтожить самые важные документы, лишь-бы не осталось слѣдовъ ихъ происхожденія отъ предковъ православнаго вѣроисповѣданія.

Принимая, сверхъ того, во вниманіе, что жители Бѣлоруссіи, крестьяне и однодворцы, совратившіеся въ древнія времена въ латинство, на вопросъ: русскіе-ли они? обыкновенно отвѣчаютъ, буд-

---

[1]) *К. Говорскій* извѣстенъ, какъ редакторъ-издатель журнала, подъ названіемъ »Вѣстника юго-западной и западной Россіи« издававшагося въ Кіевѣ въ шестидесятыхъ годахъ и продолжавшагося въ Вильнѣ, съ выброскою въ названіи слова: *юго-западной.*—К. Береза.

то они поляки, что современная польская литература въ историческихъ статьяхъ, въ журналахъ, газетахъ и національныхъ повѣсткахъ, съ напряженнымъ усиліемъ, то прямо, то косвенно, старается доказывать, провозглашать, внушать, будто западныя русскія губерніи искони составляли Польшу до Смоленска, что помѣщики и образованнѣйшіе жители сихъ губерній съ фанатическимъ увлеченіемъ стали заниматься польскою литературою, что безъ всякой нужды исходатайствовали они преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ, что въ генварѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Могилевѣ во время дворянскихъ выборовъ ходила по рукамъ здѣшнихъ дворянъ прокламація извѣстнаго князя Чарторыйскаго, проживающаго за границей, убѣждающая помѣщиковъ дать крестьянамъ своимъ полную свободу, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ поляки—прикащики и ксендзы пользуются всякимъ случаемъ внушать крестьянамъ, будто они принадлежатъ Польшѣ, будто во время польскаго владычества поселяне блаженствовали: нельзя не видѣть, что поляки здѣшнихъ областей не оставляютъ завѣтной своей мечты о возстановленіи Польши и желанія при случаѣ вліяніемъ на народъ произвесть гибельные перевороты. Въ противоположность такимъ затѣямъ крайне необходимо въ поселянскихъ училищахъ западныхъ русскихъ губерній преподаваніе вмѣстѣ съ сокращенною церковною исторіею хотя самой краткой исторіи русскаго государства. Чѣмъ скорѣе введено было-бы изученіе такой исторіи въ тѣхъ училищахъ, тѣмъ лучше. Поэтому нѣтъ никакой надобности вновь заказывать кому-либо сочиненіе такой исторіи; какова-бы она ни была, лишь-бы краткая, хотя-бы такая, какая еще въ началѣ текущаго столѣтія изучалась въ кіевской гимназіи, сочиненная учителемъ той гимназіи Берлинскимъ. Вопіющая потребность состоитъ въ томъ, чтобы глубоко насадить въ умѣ и сердцѣ поселянъ западныхъ губерній, что они русскіе, что ихъ народность родственна великороссійской; что если они въ прежнія времена были угнетаемы, то единственно отъ порабощенія сословіемъ людей, чуждыхъ православной церкви.

Мая 27 дня, 1859 г.

IV.

Еврейскій вопросъ.

Въ западныхъ областяхъ Россіи есть милліоны потомковъ древняго еврейскаго народа, упорно не признающаго исполненія данныхъ его родоначальникамъ обѣтованій Божіихъ о спасеніи чрезъ Іисуса Христа человѣческаго рода. Въ религіозномъ отношеніи умственное омраченіе евреевъ самыми нелѣпыми баснями талмудовъ и чудовищными вымыслами разныхъ писателей, порабощеніе безчисленнымъ, мнимообрядовымъ предписаніямъ раввинизма, коими каждый еврей обремененъ будто тяжкими оковами до того, что не только употребленіе чувственныхъ орудій, но даже всѣ движенія его оледотворены, скованы,—не могутъ не возбуждать въ душѣ размышляющаго ревностнаго желанія привесть ослѣпленный этотъ народъ ко свѣту вѣчной истины. Тѣмъ вожделѣннѣе для христіанина обращеніе евреевъ къ Богу отцевъ ихъ, что евреи, напитанные изъ дѣтства изувѣрскими внушеніями талмудистовъ и посему дыша скрытною непримиримою противъ христіанства ненавистію, всѣми мѣрами стараются постоянно дѣйствовать къ подрыву благосостоянія христіанъ всѣхъ сословій, особенно земледѣльческаго и мѣщанскаго состояній. Къ достиженію сей цѣли изъ дѣтства направлена и со всею напряженностію устремлена дѣятельность каждаго, по видимому празднаго еврея, а раввинскимъ ученіемъ не только разрѣшаются, но даже освящаются всѣ роды обмановъ, плутовства, клятвопреступленія, даже воровства и убійства, съ единственнымъ условіемъ, чтобы сіи беззаконія совершались во мракѣ глубочайшей скрытности, а слѣды вопіющихъ преступленій изглаживаемы были всѣми средствами.

Благодареніе Богу, съ нѣкотораго времени примѣтно въ еврейскихъ обществахъ броженіе мнѣній, по видимому благопріятныхъ для христіанства; кажется даже, что, по предсказанію пророка, духъ умиленія повѣялъ на сердца ихъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время несравненно въ большемъ количествѣ, нежели въ прежнія времена, начали евреи изъявлять желаніе просвѣтиться св. крещеніемъ. Но къ прискорбію, для озаренія ихъ свѣтомъ христіанскаго ученія, для убѣжденія въ истинахъ вѣры, къ обновленію духа и сердца ихъ евангельскими правилами для жизни, нѣтъ никакихъ пособій, приспособленныхъ къ понятію евреевъ, если принять въ

соображеніе, что они говорятъ искаженнымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ примѣсью словъ областныхъ, русскихъ, литовскихъ, польскихъ, тогда какъ для сообщенія понятія о высокихъ таинствахъ христіанскаго ученія на всѣхъ языкахъ употребляются слововыраженія обдуманныя, освященныя для сей цѣли церковною властію. Отъ этого происходитъ, что въ собесѣдованіяхъ съ евреями о предметахъ вѣроученія христіанскаго всякое доказательство теряетъ свою силу, а принявшіе изъ евреевъ св. крещеніе остаются съ предзанятыми изъ дѣтства мнѣніями, не имѣютъ твердой нравственной опоры для христіанской дѣятельности, совращаются на путь порока, становятся предметомъ презрѣнія и подвергаютъ христіанское вѣроученіе порицанію прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Изъ сего видно, сколь необходимо изданіе катихизическихъ книжечекъ, въ которыхъ было-бы изложено на общеупотребительномъ у евреевъ языкѣ ученіе объ истинахъ христіанской вѣры и дѣятельности, направленное къ опроверженію ихъ предубѣжденій, приблизительно къ понятію евреевъ. Книжечки такого содержанія не только были-бы полезны къ убѣжденію въ истинѣ христіанскаго вѣроученія евреевъ, изъявляющихъ желаніе возродиться св. крещеніемъ; но много содѣйствовали-бы приведенію къ свѣту истины и тѣхъ евреевъ, которые теперь объ этомъ не думаютъ.

При составленіи книжечекъ такого рода требуется имѣть въ виду, что по религіознымъ понятіямъ евреи раздѣляются, какъ сами сознаются, преимущественно на двѣ секты: *мишнагимъ* и *хассидимъ;* что предубѣжденія противъ христіанства обѣихъ сихъ сектъ главнымъ образомъ основываются на басняхъ и превратныхъ толкованіяхъ св. писанія, внушаемыхъ изъ дѣтства евреямъ талмудическими и каббалистическими книгами. Евреи секты *мишнагимъ* слѣдуютъ преимущественно ученію *Мишны* и двоихъ *Талмудовъ*, а увлеченные въ злую секту *хассидимъ* погружены сверхъ того въ тонкости *Каббалы*. Есть еще между евреями родъ новой секты, проявившейся въ недавнія времена. Ее составляютъ образованнѣйшіе изъ секты *мишнагимъ*, которые, по торговымъ связямъ съ Германіею, ознакомившись немного съ идеями германской философіи, имѣвъ случай читать творенія своего Мендельсона и другихъ подобныхъ писателей, пріобрѣли чистыя понятія естественнаго богопознанія и усумнились въ чистотѣ талмудическаго ученія; но впали въ другую

крайность: научились посредствомъ филологическихъ попытокъ германскихъ филологовъ навязывать священному тексту смыслъ произвольный, ссылаться на различныя чтенія однихъ и тѣхъ-же мѣстъ св. писанія и затмѣвать свѣтъ истины діалектическими тонкостями. Это деисты и даже натуралисты, только по наружности, ради связей съ другими евреями, придерживающіеся талмудическихъ обрядовъ. Обращеніе такого рода евреевъ къ истинной вѣрѣ чрезвычайно трудно, почти безнадежно. Посему надобно ихъ оставить до времени. Но на массы евреевъ изъ секты *мишнагимъ* при пособіяхъ, коихъ необходимость усматривается изъ размышленія о довѣріи ихъ къ древнимъ своимъ писателямъ, можно-бы, при содѣйствіи благодати Божіей, дѣйствовать съ успѣхомъ. Итакъ:

1. Имѣя въ виду, что всѣ классическія мѣста Ветхаго Завѣта, прилагаемыя по ученію христіанскихъ богослововъ къ Іисусу Христу, самими талмудистами и древними раввинами относятся къ Мессіи, необходима книжечка, составленная на удобопонятномъ для евреевъ языкѣ, съ изложеніемъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ, коими пришествіе Его издревле было обѣщано, время пришествія Его предсказано, даже предъуказаны были признаки, по которымъ слѣдуетъ признать за Мессію Іисуса Христа. Въ такой книжечкѣ требуется, чтобы за каждымъ такого содержанія текстомъ священнаго писанія слѣдовало согласное съ христіанскимъ ученіемъ изложеніе текста какимъ-нибудь раввинскимъ писателемъ о Мессіи, а въ заключеніе книжечки историческія доказательства, что всѣ такія пророчества исполнились на Іисусѣ Христѣ. Пособій къ составленію такой книжечки много у разныхъ христіанскихъ писателей. Такого рода указанія напримѣръ въ книгѣ: *Compendium dogmatum christiano-catholicorum systematicum; auctor T. W. Goldwitzen*. И изъ крещеныхъ евреевъ многимъ извѣстны многія подобныя толкованія извѣстныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта. Посему собрать требуемыя толкованія и составить предполагаемую книжечку было-бы весьма удобно.

2. Евреи всю надежду свою на оправданіе предъ правосудіемъ Божіимъ полагаютъ въ исполненіи обрядовъ, частію предписанныхъ Моисеемъ, а большею частію возложенныхъ на нихъ легковѣріе раввинскими писателями. Въ противоположность такому заблужденію требуется изданіе книжечки, въ которой были-бы изложены доказательства: а) что самъ Моисей (Втор. 27, 14—26) и другіе

священные писатели Ветхаго Завѣта (Псал. 23 и т. п.) выше всего ставили и почти исключительно внушали древнимъ израильтянамъ исполненіе нравственнаго закона; b) что пророки ничѣмъ считали обрядовый законъ безъ исполненія нравственнаго закона (Исаіи 1, 11; Псал. 49, 8—15); c) что устами пророковъ Богъ обѣщалъ даровать израильтянамъ Новый Завѣтъ, противоположный завѣту Моисееву (Іерем. 31, 31—34); d) что учрежденія обрядоваго Моисеева закона, какъ даннаго на время, заключаютъ въ себѣ предписанія гигіены и гражданскіе законы, приспособленные къ климату и мѣстности Палестины, неумѣстные въ другихъ климатахъ и странахъ свѣта (Левит. 11, 6. 7. Левит. 22, 1); e) что Моисей строжайше запретилъ дѣлать малѣйшія прибавленія къ своему закону (Втор. 4, 2; 12, 32) и что слѣдовательно раввинскія предписанія составляютъ бремя лишнее, безполезное, противное волѣ Божіей.

Замѣчательно, что послѣднее доказательство весьма сильно дѣйствуетъ на убѣжденіе евреевъ. Они сознаются, что извѣстнаго рода птицъ и животныхъ, по закону Моисееву, можно было-бы имъ употреблять въ пищу, хотя-бы животныя были хромыя или имѣли какой-либо другой порокъ на тѣлѣ; что такихъ животныхъ запрещается только приносить въ жертву Господу; что предписанія талмудовъ, требующія, чтобы ни одинъ еврей не дерзалъ самъ собою закалать въ пищу ни птицъ, ни животныхъ, а приглашалъ для сего людей особеннаго класса, жрецовъ-мясниковъ, которые за свое искусство берутъ непомѣрную плату,—чрезвычайно отяготительны, особенно для бѣдныхъ.

Въ семъ отношеніи брошюры извѣстнаго прозелита *Темкина* удивительно приспособлены къ духу еврейскаго народа; но къ сожалѣнію предосудительный образъ жизни Темкина отвращаетъ евреевъ отъ чтенія его сочиненій. Переведенный имъ сокращенный катихизисъ съ молитвами принесъ-бы чрезвычайную пользу; но при напечатаніи его вкрались важныя ошибки, по которымъ запрещено самое изданіе. Вообще евреи говорятъ, что сочиненія *Темкина* могли-бы многихъ изъ нихъ поколебать въ вѣрѣ отеческой, т. е. обратить къ христіанской, если-бы въ заглавіи тѣхъ сочиненій не было выставлено имя и прозваніе *Темкина*, или-бы вмѣсто сего былъ поставленъ псевдонимъ.

3. Въ частности по отношенію къ евреямъ секты *хассидимъ*, погруженнымъ въ тонкости каббалы, полезно было-бы изданіе книжечки, содержащей въ себѣ: а) каббалистическіе выводы, благопріятствующіе христіанскому ученію, неизвѣстно кѣмъ, христіанами или евреями, придуманные. Таково напримѣръ изъясненіе текста: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*,—изъясненіе, по которому въ самомъ словѣ *бара—сотворилъ* усматриваютъ начальныя еврейскія буквы трехъ лицъ Святой Троицы; б) собраніе еврейскихъ афоризмовъ подобнаго-же содержанія. Такой напримѣръ афоризмъ въ еврейскомъ лексиконѣ *Буксторфія*: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый—три во единомъ и единъ въ трехъ. в) Пишущему сіе доводилось слышать отъ евреевъ, будто каббала заключаетъ въ себѣ истины Ветхаго Завѣта, изложенныя *a posteriori* подъ формою числительною, и будто въ заключеніи каббалы есть столь трудныя для разрѣшенія теоремы, что силящійся разрѣшить ихъ или съ ума спятитъ, или сдѣлается христіаниномъ, такъ какъ искомое по тѣмъ теоремамъ x будетъ неизбѣжное заключеніе, что безъ удовлетворенія вѣчному правосудію Божію мучительною смертію Богочеловѣка весь родъ человѣческій подверженъ вѣчному осужденію.

Если дѣйствительно въ каббалѣ есть такія теоремы: то весьма полезно было-бы изданіе ихъ совмѣстно съ ихъ рѣшеніемъ.

Дѣйствуя на убѣжденіе евреевъ просвѣщеніемъ ума и сердца ихъ, съ бóльшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать къ освобожденію ихъ отъ порабощенія безчисленнымъ нелѣпымъ предразсудкамъ, къ сближенію съ христіанами и обращенію ихъ въ полезныхъ гражданъ и *внѣшними средствами*.

1. Благодареніе Богу, къ достиженію столь благотворной цѣли правительствомъ начало положено. Постановленіе, заставляющее ихъ перемѣнить свой костюмъ мужескій и женскій, если-бы только приведено было въ исполненіе повсемственно, произвело-бы и производитъ уже и въ образѣ ихъ мыслей большую перемѣну, потому что прежнюю ихъ одежду можно назвать оковами суевѣрія, такъ какъ весь костюмъ евреевъ, отъ башмака до ермолки, предписанъ будто имъ раввинами.

2. Несравненно большее имѣло-бы на евреевъ нравственное вліяніе строжайшее запрещеніе всякихъ ярмарокъ и торговъ по воскресеньямъ и въ праздничные дни христіанскіе: потому что евре-

евъ, особенно религіозныхъ, преимущественно и почти исключительно соблазняетъ мысль, будто у христіанъ нѣтъ временъ, посвященныхъ Богу, а если и есть, то будто христіане ничѣмъ считаютъ столь священную обязанность и что слѣдовательно христіане нечестивые, безбожники.

3. Для склоненія евреевъ къ обращенію въ христіанство въ рукахъ правительства есть еще косвенное, но весьма сильное средство. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: въ западныхъ русскихъ губерніяхъ на еврейскихъ обществахъ накопились чрезвычайныя недоимки казенныхъ податей и другихъ разныхъ сборовъ, а на нѣкоторыхъ числятся и частные долги. Присутственныя мѣста загромождены безконечною, тягостнѣйшею перепискою о взысканіи тѣхъ недоимокъ и долговъ, между тѣмъ какъ евреи постоянно отказываются отъ платежа ихъ, выставляя свою бѣдность и разорительное состояніе, въ ожиданіи Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, коими обыкновенно прощаются народу значительныя недоимочныя суммы.

Дѣйствительно, не смотря на то, что въ здѣшнихъ губерніяхъ всѣ торговые обороты, а потому и капиталы, состоятъ въ рукахъ еврейскихъ, бѣдность многихъ евреевъ ужасна до невѣроятности. Сія-то бѣдность, а частію общее слабосиліе ихъ тѣлосложенія и непривычка къ трудамъ заставляетъ бѣднѣйшихъ евреевъ провождать жизнь праздную, бродячую, снискивать пропитаніе для себя и своихъ семействъ мелочною продажею по шинкамъ водки, жить плутовствомъ и обманомъ простолюдиновъ, побуждая сихъ послѣднихъ ко всякаго рода преступленіямъ, отъ коихъ хотя бѣдные евреи извлекаютъ нѣкоторую корысть, умѣя при судебномъ преслѣдованіи уклониться отъ обвиненія, при всемъ томъ, оставаясь въ бѣдности, такіе евреи рѣшительно не въ состояніи платить податей и становятся несносною тягостію для своихъ общинъ, а для гражданъ другихъ вѣроисповѣданій страшною нравственною язвою.

Къ прекращенію сего зла и облегченію присутственныхъ мѣстъ отъ безплодной тягостной переписки полезно было-бы, приведя въ точную извѣстность, сколько на какой общинѣ евреевъ числится казенной недоимки и другихъ сборовъ, также частныхъ правильныхъ долговъ, велѣть тѣмъ общинамъ немедленно, въ опредѣленный срокъ, или уплатить недоимки и долги деньгами, или, считая рекрута по указной цѣнѣ, поставить соотвѣтственное причитающе-

муся на нихъ количеству недоимокъ и долговъ число рекрутовъ, предоставивъ въ семъ случаѣ старшинамъ общинъ руководствоваться не очередью, а сдавать по собственному усмотрѣнію въ рекруты такихъ евреевъ, которыхъ общины признаютъ тягостными для себя по ихъ крайней несостоятельности, лишь-бы по правиламъ рекрутскаго пріема оказывались годными нести военную службу.

Кромѣ уплаты казенныхъ недоимокъ и облегченія присутственныхъ мѣстъ отъ безуспѣшной по нимъ переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленія пагубнаго вліянія евреевъ на нравственность другихъ вѣроисповѣданій, такая мѣра безъ всякаго сомнѣнія принесла-бы и ту пользу, что многіе, совершенно праздные, и отъ того бѣдные евреи, бывъ стѣснены необходимостью уплатить недоимки или неизбѣжностью поступить въ военную службу, для избѣжанія сего принимали-бы св. крещеніе, а остальные вынуждены были-бы уплачивать государственныя подати въ положенные закономъ сроки.

При исполненіи этой мѣры полезно было-бы въ началѣ, для возбужденія въ евреяхъ охоты къ принятію св. крещенія, всякаго еврея, взятаго для сдачи въ рекруты, прежде введенія въ рекрутское присутствіе спрашивать, не желаетъ-ли онъ принять христіанское благочестіе, и изъявившихъ тотчасъ препровождать къ духовному начальству для изученія истинамъ христіанскаго вѣроученія и молитвамъ Господнимъ; а на мѣсто такого еврея, не считая его рекрутомъ, требовать другого.

Но истинная ревность объ озареніи евреевъ свѣтомъ истинной вѣры побуждаетъ предварительно обмыслить будущее пристанище крещаемыхъ, способы къ ихъ пропитанію и къ утвержденію ихъ въ трудолюбіи, соотвѣтственномъ христіанской дѣятельности.

Къ прискорбію, до сего времени принявшіе св. крещеніе евреи, съ весьма рѣдкими исключеніями, ни мало не стараются исполнять обѣты, данные ими при святомъ крещеніи, и большею частію провождаютъ жизнь растлѣнную, порочную. Но нельзя винить ихъ въ этомъ отношеніи, потому что такъ много преткновеній, совращающихъ ихъ на путь порока, что едва-ли-бы кто на ихъ мѣстѣ устоялъ противъ искушеній, которыя почти на всякомъ шагу встрѣчаютъ евреевъ послѣ св. крещенія. Обращаясь въ христіанство, евреи оставляютъ свои общины, свое племя, своихъ родныхъ; переходятъ къ общество совершенно имъ чуждое, въ которомъ, не надѣясь

найти родныхъ, не находятъ ни друзей, ни покровителей, потому что въ христіанахъ охладѣла любовь до того, что для воспріятія отъ св. купели еврея или еврейки чрезвычайно трудно упросить кого-либо принять на себя хотя одно названіе ихъ воспріемниковъ. Послѣ крещенія еврей естественно не безъ грусти видитъ, сознаетъ себя совершенно одинокимъ въ мірѣ и можетъ сравнить себя съ вѣтвію, отторгнутою отъ родного дерева, но едва привитою къ другому, безъ надзора, безъ попечительной руки, старающейся, чтобы прививокъ питался сокомъ дерева, къ которому привитъ. Безъ привычки къ трудамъ, едва умѣя чѣмъ-нибудь заниматься, побуждаемый голодомъ и другими нуждами, онъ обращается къ христіанамъ съ просьбою дать ему пріютъ ради насущнаго хлѣба, въ скорости теряетъ мѣсто новаго своего пристанища и проводитъ жизнь скитальческую, безпріютную. Этого только и ожидаютъ ревнующіе по своей вѣрѣ прежніе его единовѣрцы и, разставивъ сѣти своихъ козней, доводятъ новокрещеннаго до неизбѣжной пагубы: то подбросивъ ему краденныя вещи, то прямо увлекши его въ беззаконіе, предаютъ его въ руки правосудія, или, обладая адскою тайною произвесть въ комъ-бы-то ни было неисцѣльный запой [1]), обращаютъ крестившагося еврея въ отъявленнаго пьяницу, предаютъ его всеобщему позору, указывая на его пороки и пьянство христіанамъ, а преимущественно своимъ дѣтямъ, какъ на слѣдствіе принятія имъ христіанства. Стократъ бѣдственнѣе еще участь принявшихъ христіанство евреекъ. Немощныя по своему полу, слабосильныя по своей породѣ, не обученныя никакому рукодѣлію, кромѣ вязанія чулковъ, а по кухнѣ—стряпанью лапши, гугеля и щуки, горячія по своему темпераменту, онѣ въ самое непродолжительное время послѣ св. крещенія, почти всѣ безъ изъятія предаются, какъ единственному способу къ пропитанію, самому гнусному, безстыдному разврату [2]). Такимъ образомъ большая часть крестившихся евреевъ

---

1) Тайна или секретъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ старыхъ бочкахъ, въ которыхъ долго хранилось хлѣбное вино, заводятся на исподѣ неприміѣтныя для невооруженнаго микроскопомъ взгляда инфузоріи. Если дать кому-либо выпить водки съ тѣми инфузоріями: то онѣ, постоянно требуя водки, какъ своей стихіи, будутъ производить во внутренности поглотившаго ихъ неутолимую жажду хлѣбнаго вина.

2) Пока еврейки пребываютъ въ еврействѣ, дотолѣ онѣ безопасны отъ разврата: впрочемъ отъ сего спасаетъ ихъ теперь не заповѣдь Божія, а вошедшее

становятся, по выраженію Спасителя, сынами геенны вдвое хуже, чѣмъ были до крещенія.

Достойно вниманія и замѣчаніе самихъ евреевъ на счетъ принимающихъ изъ числа ихъ св. крещеніе. »Вы«, говорятъ христіанамъ евреи, »крестите ихъ; но скажите: многихъ-ли изъ крещаемыхъ вами хороните? Покажите хотя одну могилу крещеннаго еврея!« Отвѣчать на подобный вопросъ искренно было-бы трудно. Есть извѣстные примѣры совращенія въ іудейство крестившихся евреевъ; могутъ быть многіе такіе примѣры неизвѣстными. Это предположеніе становится весьма вѣроятнымъ при соображеніи, что многіе изъ евреевъ, принявшихъ христіанство, получивъ опредѣленное закономъ на первоначальное обзаведеніе количество денегъ, уходятъ съ мѣста прежняго своего жительства и неизвѣстно гдѣ скрываются. Даже носятся объ нихъ слухи, и кажется достовѣрные, что многіе изъ крестившихся, выдавая себя въ другихъ городахъ снова за евреевъ, просятъ въ другой и третій разъ крещенія единственно для полученія денежной награды.

Такія соображенія убѣждаютъ въ необходимости обдумать средства не только къ живому убѣжденію принимающихъ св. крещеніе евреевъ въ истинѣ христіанскаго вѣроученія, къ направленію ихъ дѣятельности сообразно съ правилами евангельскими, къ содѣланію ихъ полезными членами общества, но и къ обезпеченію ихъ содержанія и избранію постояннаго рода жизни. Въ послѣднемъ отношеніи требуемыя средства, по мѣрѣ способовъ, могутъ быть многоразличны. Ближайшими представляются слѣдующія:

1. Всѣхъ евреевъ, принявшихъ христіанство, выдавъ имъ изъ опредѣленныхъ постановленіемъ высшаго начальства 10 рублей серебромъ на первоначальное обзаведеніе, немедленно отправлять во внутреннія губерніи Россіи. По малому еще количеству крещаемыхъ, они бы могли безъ отягощенія для правительства по одиночкѣ отправляться въ Россію съ почталіонами, препровождающими легкія почты. Если-же бы число крещаемыхъ увеличилось: то можно-бы

въ обычаи ихъ бдительное въ этомъ отношеніи наблюденіе однихъ за другими, которое весьма удобно при настоящемъ ихъ образѣ жизни, по которому въ такомъ домикѣ, въ каковомъ даже бѣлорусскій крестьянинъ съ трудомъ помѣщается съ своимъ семействомъ, еврейскихъ семействъ живетъ по нѣскольку.

ихъ отправлять подъ какимъ-либо попечительнымъ надзоромъ, подобно тому, какъ отправляются арестанты по этапамъ.

2. По прибытія во внутренность Россіи немедленно требовать отъ новопросвѣщеныхъ евреевъ избранія рода жизни, и по объявленіи ими мѣстной полиціи объ избраніи рода жизни и пристанища, выдавать имъ остальные двадцать рублей на обзаведеніе.

3. Постановить правиломъ, чтобы избравшему такимъ образомъ родъ жизни и пристанище, принявшему христіанство еврею не выдавать годичныхъ плакатныхъ билетовъ, а выдавать на самое ограниченное время билеты или дозволеніе перейти въ другое опредѣленное мѣсто для избранія рода жизни и пристанища подъ условіемъ, прописаннымъ въ самомъ билетѣ, по прибытіи на опредѣленное мѣсто немедленно предъявить билетъ и избираемое имъ пристанище мѣстной полиціи.

4. Земскимъ и градскимъ полиціямъ повсемѣстно весть особенный имянной списокъ или вѣдомость всѣмъ принявшимъ христіанство евреямъ съ означеніемъ въ ней происхожденія, времени крещенія, переходовъ съ мѣста на мѣсто, поселенія ихъ въ подвѣдомомъ полиціи мѣстѣ, также избраннаго ими рода жизни, пристанища и примѣтъ каждаго. Съ сею-же цѣлію вмѣнить хозяевамъ временнаго ихъ пристанища въ непремѣнную обязанность немедленно послѣ выхода отъ нихъ или бѣгства крещенныхъ евреевъ, давать знать о томъ мѣстной полиціи, которой, учинивъ о томъ отмѣтку въ вышеозначенныхъ вѣдомостяхъ, въ тоже время принять мѣры къ отысканію бѣглеца.

5. Вмѣнить въ повсемѣстную обязанность полиціямъ составить имянныя вѣдомости всѣмъ принявшимъ доселѣ христіанство евреямъ и, повѣривъ оныя съ документами, а въ случаѣ надобности посредствомъ сношеній съ консисторіями тѣхъ губерній, въ коихъ тѣ евреи приняли христіанство, неослабно наблюдать въ отношеніи къ нимъ выше-предполагаемыя правила; а выписки изъ означенныхъ вѣдомостей сообщить мѣстнымъ приходскимъ священникамъ для неослабнаго наблюденія послѣдними за неуклоннымъ исповѣданіемъ христіанскаго вѣроученія принявшими оное евреями.

6. Изъ соображенія, что какъ вообще евреи, такъ и обращающіеся изъ нихъ въ христіанство, по физическому сложенію слабосильны, непривычны къ тягостнымъ трудамъ, рѣшительно неспо-

собны къ земледѣлію, и посему всѣ усилія къ обращенію какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ земледѣльцевъ всегда останутся тщетными, при избраніи рода жизни принявшими крещеніе евреями безполезно настаивать, чтобы они избирали земледѣльческое состояніе. Но они одарены необыкновенною смышленостію, понятливостію, переимчивостію, легко изучаются всякаго рода рукодѣліямъ; а привыкнувъ изъ дѣтства довольствоваться самою умѣренною пищею[1]), позволяя себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую роскошь только по субботамъ, до того воздержны въ пищѣ, что содержаніе еврея стоитъ вдвое менѣе, нежели христіанина; изъ сего слѣдуетъ, что какъ вообще евреи, такъ и принявшіе христіанство съ пользою моглибы поступать на фабрики, на заводы, въ мастерскія различныхъ ремесленниковъ. Но имѣя въ виду природную евреевъ раздражительность, горячность и вообще въ высшей степени чувствительность, а отсюда памятозлобіе и мстительность, въ обращеніи съ крестившимися евреями требуется особенная осторожность, снисхожденіе къ проступкамъ, кроткое вразумленіе, сопровождаемое справедливостію и терпѣніемъ, ясное изложеніе или указаніе способа къ произведенію предмета, предлагаемаго имъ для изученія. Тѣлесныя же наказанія дѣлаютъ ихъ мстительными, памятозлобивыми и доводятъ до окончательной нравственной испорченности. Вообще еслибы въ западныхъ губерніяхъ Россіи побудить или какими-либо средствами заставить евреевъ завесть различныя фабрики, особенно, по обилію въ тѣхъ губерніяхъ пеньки и льна, фабрики полотняныя, устроить ихъ по образцу лучшихъ иностранныхъ фабрикъ, учредить на нихъ стройный порядокъ по нравственной и мануфактурной части: то гораздо вѣрнѣе можно было-бы обратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ, нежели усиліями сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ. А между евреями есть такіе капиталисты, которые въ состояніи завесть фабрики; по торговымъ связямъ съ единовѣрцами

[1]) Каждый еврей признаетъ себя дотолѣ не заслуживающимъ подкрѣпить себя пищею, доколѣ чего-либо не заработаетъ, т. е., пока кого-либо изъ христіанъ не обманетъ. Затѣмъ онъ качается на молитвѣ часъ и два, наконецъ принимается за пищу, которая ежедневно, кромѣ субботы, состоитъ осенью и зимой изъ луку съ небольшимъ ломтемъ хлѣба и какой-либо похлебки; весною-же и лѣтомъ, кромѣ луку, еврей лакомится еще рѣдькой.

другихъ странъ, они легко могли-бы открыть техническіе секреты, коими обладаютъ процвѣтающія иностранныя фабрики.

7. Опыты доказываютъ, что многіе изъ крестившихся евреевъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и внутри Россіи заводятъ питейные домы и занимаются продажею водки. Это только по имени христіане, принявшіе христіанство съ тѣмъ, чтобы подъ его прикрытіемъ заниматься плутовствомъ прежняго рода жизни. Съ умноженіемъ въ Россіи такихъ продавцевъ водки русскихъ крестьянъ постигнетъ также страшная нищета, слабосиліе, безсмысліе, какъ и бѣлорусскихъ: потому что крещенные, занимающіеся продажею водки, евреи изученнымъ ими искусствомъ заманивать въ шинки разовьютъ въ русскихъ крестьянахъ неисцѣльное пристрастіе къ пьянству. Въ предотвращеніе столь пагубныхъ послѣдствій необходимо всемѣрно не допускать вновь принимающихъ крещеніе евреевъ заниматься продажею водки.

Къ принятію такими евреями христіанства побуждаетъ единственно то, что послѣ крещенія они безпрепятственно могутъ заниматься продажею водки: такъ какъ этотъ родъ жизни обратился въ страсть, овладѣлъ сердцемъ и душею евреевъ. Изъ сего очевидно, что для перерожденія этого народа, для обращенія евреевъ въ полезныхъ гражданъ требуются законы, воспрещающіе имъ заниматься продажею водки, строгіе, не допускающіе въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія ни для кого, ни для какихъ самыхъ корыстныхъ видовъ, даже государственныхъ: потому что евреи малѣйшему въ семъ отношеніи послабленію законовъ тотчасъ даютъ такой оборотъ, что дозволяютъ себѣ торговать водкою во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ. Такъ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ дозволено евреямъ—откупщикамъ продавать водку и внѣ городовъ, по мѣстечкамъ и селамъ, съ тѣмъ, чтобы продажею водки занимались христіане. Что-же? Въ каждой корчмѣ живетъ для виду какой-нибудь шляхтичъ, будто занимающійся продажею водки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ продаетъ водку еврей, постоянно живущій въ той-же корчмѣ. Если проѣзжій спроситъ его: что ты здѣсь дѣлаешь? еврей отвѣчаетъ: такъ, заѣхалъ на минуту для разсчета съ шляхтичемъ, продающимъ здѣсь водку.

Вотъ что!

V.

Письмо къ архіепископу Смоленскому Антонію.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Благомилостивѣйшій Архипастырь!

Да воздастъ вамъ прошедшій небеса Пастыреначальникъ своими щедротами за любовь вашу, побужденіемъ коей ваше святительство начертали писаніе ко мнѣ 16 числа истекшаго ноября! По истинѣ, это писаніе усладило душу мою!

Дождавшись указа, окончательно отрѣшившаго меня отъ могилевской епархіи, я спѣшилъ скорѣе выѣхать изъ Могилева: потому что настала самая дурная погода. При всемъ томъ не могу выразить, сколько я перенесъ горя въ подольской губерніи, путешествуя по черноземной разкисшей дорогѣ.

Но это въ сторону! Обращаюсь къ содержанію почтеннѣйшаго вашего писанія. Я съ болѣзнію сердца предчувствовалъ, услышавъ предъ выѣздомъ моимъ изъ Могилева, что въ Смоленскъ опредѣленъ кураторомъ, или приходскимъ патеромъ, ксендзъ графъ Лубянскій, кажется, по прозванію, іезуитскій ученикъ, дышущій всею ненавистію противъ нашей церкви, видный собою, красивый, ловкій мущина. Его и ксендза графа Потоцкаго привозилъ съ собою въ Могилевъ латинскій митрополитъ Зѣлинскій. Слѣдствіемъ нѣсколько—дневнаго ихъ пребыванія въ Могилевѣ было то, что три православнаго вѣроисповѣданія помѣщичьяго сословія дѣвицы, племянницы гр. Т. открыто совратились. Я писалъ къ нему объ этомъ и всуе! Другихъ-же мѣръ не предпринималъ противу этого, потому что, по всѣмъ мѣстнымъ соображеніямъ, другія мѣры доставили-бы только большее торжество врагамъ нашей церкви. Теперь съ крайнимъ прискорбіемъ вижу, что мое предчувствіе по случаю опредѣленія въ Смоленскъ кураторомъ графа-іезуита оправдалось. Но все это только цвѣточки еще, надобно ожидать сверхъ того самыхъ горькихъ плодовъ, принявъ во вниманіе, что теперь повсемѣстно, гдѣ только есть латинисты, образовались тайныя общества пропаганды, дѣйствующей по сатанински обдуманному плану, съ упорнѣйшею настойчивостію! Эта пропаганда образовалась первоначально во Франціи ультрамонтанистами и развилась по всему міру. Кромѣ безчисленныхъ книгъ, она издала

для совращенія женщинъ и дѣвицъ книгу, заключающую въ себѣ мнимыя видѣнія какой-то ясновидящей, которая будто-бы отъ напряженнаго размышленія о страданіяхъ Іисуса Христа получила отпечатки язвъ Его на лѣвомъ боку, на головѣ, на ногахъ и рукахъ. Это въ родѣ видѣній или набожнаго бреда латинскихъ святыхъ Бригитты, Екатерины Сеннейской и проч. А книга написана самымъ обольстительнымъ слогомъ, обильно украшена всѣми цвѣтами поэзіи и фантазіи. Объ этомъ я провѣдалъ также предъ самымъ выѣздомъ изъ Могилева!

Такія дѣйствія пропаганды ультрамонтанистовъ въ Россіи, кажется, неотразимы: потому что одни изъ святителей нашей церкви и не думаютъ отражать нападенія, другіе связаны по рукамъ и ногамъ. Возьмите 1 часть XI тома свода законовъ Россійской имперіи, въ которой 1857 года напечатанъ уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, и ваше высокопреосвященство убѣдитесь, что духовенство латинской церкви поставлено выше всѣхъ, что дѣйствія духовныхъ патеровъ протестантскихъ, реформатскихъ, даже татарскихъ муллъ стократъ свободнѣе, нежели ваши. Они всѣ дѣйствуютъ въ пользу своего вѣроисповѣданія съ полною свободою, какъ имъ угодно, по своему усмотрѣнію, никому не докладываясь. Ваше высокопреосвященство вынуждены напередъ обо всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ представлять св. синоду; гдѣ часто и не дадутъ хода вашему представленію, а если доложатъ объ немъ присутствію, то будутъ разсуждать безъ конца о вашихъ предположеніяхъ; покуситесь сдѣлать что-либо, выходящее изъ заведенной рутины, а узнаютъ объ этомъ въ Петербургѣ, такъ станутъ требовать столько объясненій, что вмѣстѣ съ ними опротивѣетъ вамъ Ваша ревность. Да каково самое опредѣленіе святителей нашей церкви на епархіи? Напишутъ указы Его Императорскаго Величества объ опредѣленіи такого-то архіерея на такую-то епархію и возношеніи имени на ектеніяхъ до указа о новомъ архіереѣ. Все указы да указы. Вашему напримѣръ преосвященству подала прошеніе какая-нибудь пономарша о томъ, что такой-то дьячекъ прибилъ ее. Вы сдаете прошеніе въ консисторію, консисторія пишетъ объ этомъ указъ Его Императорскаго Величества; какой-нибудь благочинный, представляя отчетъ о свѣчномъ доходѣ, ошибся въ счету одной копѣйкой, консисторія требуетъ отъ него объясненія

указомъ Его Императорскаго Величества. Не профанируется-ли этимъ Высочайшее имя? Ахъ, больно слушать, какъ надъ такою формою насмѣхаются иновѣрцы, да и вообще либеральные свѣтскіе люди. Въ старину и въ нашей церкви...... [1]). Не очевидно-ли изъ всего этого, что дѣйствовать къ обращенію въ нѣдра церкви совратившихся тоже, что гоняться за вѣтромъ! Въ частности обыкновенныя наши средства къ вразумленію раскольниковъ безуспѣшны преимущественно потому, что епархіальныя начальства дѣйствуютъ на раскольниковъ посредствомъ земской полиціи. Это надо бросить и дѣйствовать, какъ дѣйствовали апостолы: потому что раскольниковъ явно покровительствуютъ и утверждаютъ въ расколѣ и чиновники земской полиціи и директоры внутренняго министерства.

Но я восхищаюсь ревностною дѣятельностію вашего преосвященства; да укрѣпитъ Господь ваши силы и да сподобитъ васъ дѣйствовать во славу Своего имени еще хоть шестьдесятъ лѣтъ! Дѣйствовалъ и я когда-то; могу сказать съ Цицерономъ: sedebamus in puppi et clavem tenebamus! Да только то горе, что руки вяжутъ. И мнѣ пришло было на мысль, что учрежденіе въ церквахъ, окруженныхъ раскольниками, молебствій объ обращеніи ихъ въ нѣдра церкви послужило-бы къ утвержденію православныхъ въ отеческой вѣрѣ и вразумленію самихъ раскольниковъ. Мысль эта возникла въ моей головѣ по случаю чтенія одной книжечки, заключавшей въ себѣ совѣты и наставленія миссіонерамъ латинской пропаганды. Въ числѣ наставленій положено миссіонерамъ правиломъ ежедневно совершать миссу съ интенціею, чтобы Господь подалъ благодать къ вразумленію невѣрныхъ, не начинать бесѣды съ ними безъ предварительной внутренней о томъ молитвы. Вслѣдствіе сего я написалъ къ б. ректору петербургской академіи пр. Макарію (впослѣдствіи митрополитъ м.), что полезно было-бы написать ектеніи и вообще составить молебствіе, похоже на то, какое было употребляемо во время холеры, для возглашенія моленій объ обращеніи въ нѣдра церкви раскольниковъ. Пр. Макарій доложилъ объ этомъ пр. митрополиту петер. блаженной памяти Григорію и оба вполнѣ одобрили мое предположеніе. Вслѣдъ за тѣмъ я съ жаромъ принялся за дѣло, написалъ ектеніи, подобралъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, так-

[1]) Въ этомъ мѣстѣ перерывъ въ письмѣ: часть письма потеряна.—К. Береза.

же прокимны и причастенъ, и все это представилъ св. синоду. Что же? Рукопись мою схватилъ, говорятъ, святѣйшій Сербиновичъ [1]) и проглотилъ. Семь лѣтъ назадъ минскій преосвященный Михаилъ представилъ св. синоду, что полезно было-бы издать краткія молитвы ко святымъ мѣстно-чтимымъ, по древнему обычаю, въ западныхъ губерніяхъ. Св. синодъ поручилъ мнѣ написать такія молитвы, я написалъ ихъ и представилъ. Но рукопись моя снова, кажется, уничтожена святѣйшимъ Сербиновичемъ! А сколько я представилъ проектовъ о преобразованіи семинарій, объ обращеніи въ нѣдра церкви раскольниковъ, о просвѣщеніи евангельскимъ ученіемъ евреевъ, кромѣ проектовъ и предположеній по епархіальному управленію! И все напрасно: потому что въ св. синодѣ преобладаетъ сила міра сего. Но не болѣе ревнуютъ о благѣ св. церкви и наша братія архіереи. Нѣкоторые помѣщики православнаго вѣроисповѣданія со слезами жаловались предо мною, что такъ какъ у нихъ бываетъ прислуга латинскаго вѣроисповѣданія, то когда бываетъ приглашаемъ ксендзъ для совершенія какого-либо таинства или напутствія умирающаго, онъ сопровождаетъ свои дѣйствія такими наставленіями, что всѣхъ присутствующихъ приводитъ въ умиленіе. А приглашенный для той-же цѣли нашъ священникъ прійдетъ, поспѣшно прочитаетъ подъ носъ невразумительно какія-то молитвы и уйдетъ. Стараясь посему вывѣдать, какъ дѣйствуютъ ксендзы при совершеніи таинъ особенно въ домахъ, я узналъ, что въ ихъ требникахъ, именуемыхъ *agenda*, есть наставленія, которыя непремѣнно долженъ произносить ксендзъ при совершеніи таинствъ, что кромѣ того есть у нихъ множество въ рукописи рѣченокъ на всѣ случаи, что тѣ наставленія и рѣченки ксендзы твердо заучиваютъ и щеголяютъ ими при случаѣ. Обратившись къ нашимъ требникамъ, я увидѣлъ, что только въ большихъ требникахъ есть наставленія по отношенію къ нѣкоторымъ таинствамъ, а въ малыхъ ихъ нѣтъ. Вотъ я и написалъ рѣченки и наставленія пріемлющимъ и присутствующимъ при совершеніи таинствъ, совершаемыхъ священникомъ; представилъ рукопись съ тѣми рѣченками въ петербургскую духов-

---

[1]) Воспитанникъ іезуитовъ, Сербиновичъ былъ всемогущимъ директоромъ канцеляріи оберъ прокурора святѣйшаго синода графа Протасова, тоже воспитанника іезуитовъ.—К. Береза.

ную цензуру; цензура представила оную св. синоду; синодъ поручилъ разсмотрѣть и дать объ ней мнѣніе б. п. пр. Елпидифору (епископъ каменецъ-под.); Елпидифоръ оплевалъ рукопись мою своею критикою, которую въ копіи прислалъ мнѣ св. синодъ съ моею рукописью. Прочитавъ критику и убѣдившись, что она неосновательна и недобросовѣстна, я препроводилъ реченную рукопись съ означенною критикою къ бывшему ректору петербургской академіи преосвященному Нектарію съ просьбою, чтобы онъ или самъ составилъ или кому-либо поручилъ составить требуемыя рѣчении, обѣщая выписать по изданіи тысячи; преосвященный Нектарій представилъ упомянутую рукопись съ критикой блаженной памяти митрополиту Григорію; Григорій взялся самъ разсмотрѣть рукопись, но вскорѣ отошелъ въ вѣчность; тѣмъ дѣло и кончилось. Въ 1858 году издатель моихъ издѣлій священникъ Василь Гречулевичъ [1]) настойчиво просилъ меня согласиться на вторичное изданіе »Записокъ о Римской Церкви«. Съ этою цѣлію я внимательно прочиталъ рѣченныя записки, исправилъ множество вкравшихся въ нихъ ошибокъ, подкрѣпилъ сужденія и событія, прописанныя въ тѣхъ запискахъ, множествомъ новыхъ примѣчаній и свидѣтельствъ самыхъ авторитетныхъ писателей римской церкви и съ записками объ этой церкви, первоначально изданными, препроводилъ Гречулевичу; онъ представилъ ихъ св. синоду; синодъ поручилъ дать свое мнѣніе объ нихъ преосвященнѣйшему Димитрію; Димитрій другой годъ уже критикуетъ ихъ, постоянно утверждая, что надо выбросить изъ записокъ нѣкоторыя главы, особенно главу объ избраніи папъ...... [2]).

Сообщ. **К. Береза.**

---

[1]) Нынѣ пр. Виталій, епископъ могилевскій.

[2]) На этомъ письмо обрывается: оно не было окончено и, вѣроятно, не было послано по адресу.—К. Береза.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

IX. Путешествіе по Германіи.

Въ Лейпцигъ пріѣхали мы въ самый разгаръ Остра-мессе, но нашли удобное помѣщеніе и пробыли тамъ два дня. Въ почтовой каретѣ отправились въ Альтенбургъ, гдѣ провели одинъ день. Этотъ маленькій городъ понравился мнѣ своими первобытными нравами; старинные костюмы тамошнихъ женщинъ обратили на себя въ особенности наше вниманіе; въ Байрейтѣ мы оставались только для обѣда и прибыли въ Нюренбергъ. Отдохнули тамъ два дня. Нюренбергъ заинтересовалъ насъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ; неправильныя узкія улицы, высокіе дома, остроконечныя крыши, поросшіе кустарниками и травою рвы—все это поражало своею оригинальностью; я срисовалъ карандашемъ съ натуры часть одной улицы съ аркой, перекинутой между домами.

Когда то вольный, богатый и многолюдный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, Нюренбергъ славился въ свое время произведеніями изъ папье-маше и дѣтскими игрушками. Народонаселеніе уменьшилось на

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., майск. кн., стр. 77—87.

половину. Марктплацъ съ великолѣпнѣйшимъ фонтаномъ, нѣсколько старинныхъ замѣчательныхъ своей архитектурой и живописью на стеклѣ церквей, Rathhaus, и небольшая картинная галлерея, въ которой находится св. Екатерина съ младенцемъ Іисусомъ Рубенса,—вотъ и всѣ достопримѣчательности Нюренберга.

Въ Регенсбургѣ мы пробыли одинъ день. Въ былыя времена также вольный и богатый городъ съ ратгаузомъ, въ которомъ съ 1633 по 1806 годъ собирался германскій сеймъ, и великолѣпнымъ готическимъ соборомъ во имя св. Петра, Регенсбургъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе; ѣздили осматривать Валгаллу, выстроенную баварскимъ королемъ Людвигомъ I по плану имъ составленному и заключавшую въ себѣ бюсты знаменитыхъ мужей и женщинъ Германіи, любовались величественнымъ видомъ на Регенсбургъ, Дунай и Альпы, и выѣхали въ Мюнхенъ.

Столица Баваріи намъ очень понравилась и мы пробыли въ ней недѣлю, да менѣе и нельзя было, что-бы познакомиться вполнѣ съ художественными достопримѣчательностями Мюнхена. Нѣсколько разъ посѣтили Пинакотеку и Глиптотеку, осмотрѣли новыя церкви, зданіе университета и почты и королевскій дворецъ, часто гуляли въ англійскомъ саду и ѣздили въ окрестности, довольно красивыя; я срисовалъ двѣ изъ нихъ.

Однажды мы остановились предъ зданіемъ почты, вновь построеннымъ въ греческомъ древнемъ стилѣ противъ дворца. Подходитъ къ намъ какой то некрасивый, пожилой, сухощавый господинъ въ изношенномъ пальто и помятой шляпѣ и, внимательно посмотрѣвъ на Наиму, обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Какъ вамъ нравится зданіе почты?—Я ему отвѣтилъ, что нахожу зданіе очень оригинальнымъ, но не будучи знатокомъ въ дѣлѣ архитектуры, а только любителемъ всего изящнаго, не берусь судить о достоинствахъ или недостаткахъ этой постройки.

— Что вы любитель изящнаго, я въ этомъ не сомнѣваюсь, платя дань удивленія красотѣ вашей дамы, но желалъ бы знать ваше мнѣніе на счетъ почты.

— Признаюсь откровенно: оно мнѣ не нравится.

Пожилой господинъ бросилъ на меня взглядъ негодованія, сказалъ отрывисто: »видно, что вы дѣйствительно ничего не понимаете въ архитектурѣ»,—и отошелъ отъ насъ быстрыми шагами. Я повернулся, чтобы посмотрѣть на этого чудака; вижу, что всѣ ему кланяются, а часовые отдаютъ честь у входа въ дворецъ; спрашиваю одного изъ прохожихъ, кто этотъ господинъ и узнаю, что то былъ король Людвигъ. Какъ извѣстно, король украсилъ Мюнхенъ превосходными зданіями, достроилъ дворецъ, выстроилъ четыре церкви, университетъ, театръ, синагогу, двѣ Пинакотеки и Глиптотеку, наполнилъ ихъ замѣчательнѣйшими произведеніями живописи и ваянія, былъ истиннымъ меценатомъ въ дѣлѣ искусствъ, большимъ поклонникомъ красоты и классикомъ въ архитектурѣ. По его плану и чертежамъ выстроено архитекторомъ Кленце зданіе почты въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ 12 колоннами и 6-ю фресками Гильтенспергера на красномъ фонѣ. Король часто ходилъ любоваться своимъ произведеніемъ и имѣлъ привычку спрашивать путешественниковъ о впечатлѣніи, которое производила на нихъ архитектура почты. Мнѣ очень досадно было, что безъ умысла огорчилъ художника въ лицѣ короля.

Людвигу Мюнхенъ обязанъ своими сокровищами архитектуры, живописи и скульптуры. Въ дворцѣ, въ новой резиденціи особенно замѣчательны залы Нибелунговъ и тронная съ 20 коринѳскими колоннами и 12 золочеными статуями баварскихъ электоровъ и королей, и комната съ портретами красавицъ. Въ Пинакотекѣ (тогда новая, только что начинала строиться), кромѣ извѣстныхъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ старыхъ школъ италіянскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ, находится множество новѣйшихъ произведеній живописи. Достаточно указать на имена: Каульбаха, Корнеліуса, Кауфмана, Циммермана, Овербека, Кирхнера, Гесса, Ротмана, Беккера, Клотца и другихъ. Въ Глиптотекѣ, кромѣ древнихъ статуй и бюстовъ, слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Шадова, Эбергарда, Рауха, Тика, Буша, Даннеккера.

Чѣмъ болѣе узнавалъ я Нанну, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней; вездѣ и постоянно мы были неразлучны. Чудный характеръ, доброе сердце, замѣчательный умъ, всегда веселое расположеніе духа,

простота въ обращеніи и образѣ жизни, снисходительность, кротость и глубокая любовь ко мнѣ дѣлали меня вполнѣ счастливымъ.

Въ то время въ Мюнхенѣ было множество красивыхъ женщинъ, двухъ типовъ совершенно противуположныхъ. Баварки, чистой крови, отличались небольшимъ ростомъ, необыкновенною бѣлизною, свѣтлыми пепельнаго цвѣта или слегка рыжеватыми волосами, голубыми и сѣрыми глазами и довольно яркимъ румянцемъ; тирольки были высоки, стройны, черноволосы, по большей части блѣднолицы. И во множествѣ самыхъ красивыхъ женщинъ, конечно, нельзя было не замѣтить величественной красоты моей очаровательной подруги.

Въ многолюдномъ городѣ, какъ Мюнхенъ, красота Наимы заставляла впрочемъ насъ искать уединенія и рѣдко показываться въ публикѣ. Когда мы были въ театрѣ, Наима обратила на себя общее вниманіе, бинокли постоянно обращались къ нашей ложѣ, а при выходѣ насъ сопровождала цѣлая толпа. Какъ ни льстило моему самолюбію поклоненіе красотѣ Наимы, признаюсь, оно иногда мнѣ было не совсѣмъ пріятно.

X. Италія.

Изъ Мюнхена на Инспрукъ отправились мы въ Верону. Дорогой любовались чудными видами Тироля, отъ которыхъ нерѣдко приходили въ совершенный восторгъ. Пріѣхали въ Верону раннимъ весеннимъ утромъ и остановились на обширной площади, украшенной двумя мраморными фонтанами и превосходно вымощенной большими плитами. Покуда переносили наши вещи въ гостинницу, мы вышли погулять; рынокъ только что открылся, многолюдная оживленная толпа покупателей и продавцевъ наполнила площадь. Меня поразилъ необыкновенно большой размѣръ овощей, которыя очищались и мылись у фонтановъ торговками и крестьянками. По нимъ можно было уже судить о производительности италіянской почвы.

Осмотрѣвъ знаменитый циркъ и другія достопримѣчательности Вероны, мы проѣхали на другой день чрезъ Падую, остановились въ ней на два часа, чтобы пообѣдать и взглянуть на cafe Педрокки, а на третій день были въ Венеціи.

Въ Венецію пріѣхали утромъ; подъѣзжая, мы увидѣли издали большую гондолу, всю покрытую черньмъ сукномъ. На вопросъ мой: не похороны-ли это? мнѣ отвѣтили, что въ Венеціи всѣ гондолы обиваются всегда черньмъ сукномъ, по распоряженію правительства республики, сдѣланнаго давно для ограниченія роскоши, вкравшейся въ нравы венеціанцевъ, тратившихъ большія суммы на украшеніе своихъ гондолъ золотой рѣзьбой, богатыми матеріями и парчей. Тутъ-же мнѣ сообщили, что въ прежнее время насчитывали въ Венеціи до 30,000 гондолъ а теперь нѣтъ и тысячи. Въ день нашего пріѣзда назначенъ былъ большой національный праздникъ, называемый регатою. Этотъ праздникъ, состоявшій въ гонкѣ гондолъ, былъ любимымъ развлеченіемъ венеціанцевъ; но въ теченіи многихъ лѣтъ австрійское правительство не дозволяло устроивать регату, и разрѣшило въ первый разъ только въ 1843 году. Стеченіе народа было громадное, наѣхало столько итальянцевъ, желавшихъ принять въ немъ участіе, прибыло такъ много путешественниковъ и иностранцевъ, что всѣ гостиницы были переполнены. Мы долго блуждали по Венеціи, покуда нашли помѣщеніе. Задолго до пріѣзда Наимы въ Дрезденъ, я заговорилъ однажды съ Липинскимъ о путешествіяхъ и о желаніи моемъ поѣхать со временемъ въ Италію; онъ далъ мнѣ нѣсколько адресовъ, въ числѣ ихъ былъ адресъ синьоры Грассо, содержательницы меблированныхъ комнатъ въ Венеціи, на каналѣ Вознесенія, недалеко отъ площади св. Марка. Не найдя ни одного свободнаго номера въ гостинницахъ, я вспомнилъ объ адресахъ Липинскаго, и у синьоры Грассо мы нашли порядочную квартиру. Намъ отвели двѣ очень прилично меблированныя комнаты, и когда я спросилъ о цѣнѣ, синьора отвѣтила: по два цванцигера за комнату въ день регаты, а если останетесь нѣсколько дней, заплатите по цванцигеру. На наши деньги цванцигеръ равнялся тогда 20 копѣйкамъ серебромъ. Дешевизна во всемъ была необыкновенная въ Италіи, въ особенности въ Венеціи.

Наима устала отъ дороги и чувствовала себя не совсѣмъ хорошо; я хотѣлъ остаться съ нею цѣлое утро, но она упросила меня пойдти посмотрѣть регату и располагала уснуть тѣмъ временемъ.

Я направился къ большому каналу и получилъ мѣсто у палаццо Гримани. Весь каналъ былъ усѣянъ безчисленнымъ множествомъ гон-

долъ, гондольеры въ національныхъ костюмахъ; по срединѣ у мѣста, съ котораго долженъ былъ начаться бѣгъ, стоялъ знаменитый буцепторъ, служившій во время республики для національныхъ празднествъ и для обрученія вновь избираемаго дожа съ моремъ. Онъ былъ разсвѣченъ флагами. Всѣ дворцы по большому каналу, начиная отъ Ріальто, были украшены флагами, кусками матерій и коврами, висѣвшими изъ оконъ и балконовъ, наполненныхъ зрителями. Нѣсколько оркестровъ музыки помѣщалось въ отдѣльныхъ большихъ лодкахъ.

Регата продолжалась долго, восторженнымъ кликамъ и энтузіазму не было конца. Первая награда заключалась въ серебряномъ золоченомъ кубкѣ съ крылатымъ львомъ св. Марка на крышкѣ; вторая состояла изъ 300 гульденовъ, третья изъ 150 гульденовъ, а четвертая изъ чернаго поросенка въ красномъ ошейникѣ. Послѣ раздачи наградъ, я собирался уже отправиться домой, какъ услыхалъ подлѣ себя русскую рѣчь. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ соотечественниками. То были: Ѳ. В. Чижовъ, профессоръ математики с.-петербургскаго университета, жившій нѣсколько лѣтъ въ домѣ г-жи Галаганъ въ качествѣ наставника ея сына, княгиня Трубецкая, помѣщица орловской губерніи съ племянникомъ Барщевскимъ, и баронесса Мантейфель. Съ Чижовымъ мы сошлись тотчасъ; онъ мнѣ очень понравился своимъ умомъ, привѣтливостью и простотою въ обхожденіи; живалъ въ Малороссіи, и у насъ нашлись общіе знакомые.

Княгиня Трубецкая пожилая дама, нервная, но довольно симпатичная; племянникъ ея блѣдный, худой Митрофанушка, путешествовавшій года три за границей и не выучившійся ни одному иностранному языку.

Баронесса Мантейфель, весьма милая и любезная дама, страдала потерей голоса, провела всю зиму въ Венеціи и стала съ весны говорить довольно громко.

Наниу я засталъ еще спящею. Сонъ возстановилъ ея силы и мы отправились обѣдать къ русскому повару, содержавшему тогда ресторанъ въ Венеціи. Мимоходомъ посѣтили площадь св. Марка и были въ восторгѣ отъ этой великолѣпной залы безъ потолка; стѣнами служила церковь св. Марка и зданія прокуративъ; въ верхнихъ этажахъ про-

куративъ помѣщались правительственныя учрежденія, а нижніе съ аркадами всѣ заняты были магазинами. Вечеръ провели мы на площади св. Марка, которая при освѣщеніи показалась намъ еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Безчисленное множество гулявшихъ, нѣсколько оркестровъ превосходной музыки, оживленное движеніе массъ, неумолкаемый говоръ напоминали старое счастливое время венеціанской республики, изрѣдка только взоръ былъ непріятно поражаемъ появленіемъ бѣлаго австрійскаго мундира и вслѣдъ за нимъ до слуха долетало энергическое: Tedesco maledetto. Женщины почти всѣ были въ черномъ, у большинства на головахъ черное кружевное покрывало. Позднимъ вечеромъ возвратились мы домой.

На другой день хозяйка предложила намъ еще комнату и мы помѣстились очень удобно. Венеція намъ такъ понравилась, что мы пробыли въ ней три недѣли, осмотрѣли въ подробности всѣ достопримѣчательности, какъ художественныя, такъ и историческія; бывали въ фениче, гдѣ шли весьма недурно итальянскія оперы; ежедневно разъѣзжали въ гондолахъ при пѣніи гондольерами стансовъ Петрарки; вечера по большей части проводили или въ театрѣ или на площади св. Марка.

Въ каждомъ большомъ городѣ болѣе или менѣе видишь постройки новыхъ домовъ; въ Венеціи, напротивъ, старые, необитаемые быстро разрушаются; по количеству тогдашняго народонаселенія домовъ было слишкомъ много, и печальный видъ развалинъ представлялся часто въ отдаленныхъ частяхъ Венеціи. Старинныя знаменитыя фамиліи обѣднѣли и великолѣпные ихъ дворцы опустѣли. Мраморныя и бронзовыя украшенія проданы и вывезены, преимущественно англичанами. Одними картинами венеціанцы дорожили и не смотря на соблазнительныя предложенія, рѣдко продавали ихъ. Лучшіе palazzo были заняты или почтамтомъ или полиціей и другими учрежденіями, а нѣкоторые обращены въ казармы. Ни въ одномъ изъ нихъ не осталось древняго богатаго убранства, но наружность, по большей части мраморная разныхъ цвѣтовъ, поражала своею грандіозностью и оригинальностью неправильной, но изящной архитектуры. Дворцы большаго канала: Фоскари. Пизани, Гримани, Мочениго, Вальморана, Пезаро, Вендраминъ, Кон-

реръ, Мавфриръ и Каза-Доро представляли собою поразительное сочетаніе богатства, вкуса и искусства.

Дворецъ дожей, выходящій главнымъ фасадомъ на Піацетту, верхъ зодческаго своеобразнаго таланта. Нигдѣ нѣтъ симметріи, вездѣ неправильности, а между тѣмъ общій видъ удовлетворяетъ вполнѣ чувству изящнаго. Церковь св. Марка и другія заключаютъ въ себѣ сокровища живописи и ваянія. Прибавьте къ этому историческія воспоминанія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, полное величія, таинственности и романтизма прошедшее республики; загляните въ залу совѣта десяти, въ пьомбы и подземелья, пройдитесь по ponte del sospiri, взойдите на лѣстницу гигантовъ съ львиной пастью, куда бросали доносы, и воображенію вашему живо представятся: Дондоло Зено, Марино-фальеро Фоскари, Мочениго и та поэтическая Венеція, о которой вы такъ много слышали, читали и мечтали. Было-ли это особеннымъ настроеніемъ души въ самые счастливые дни моей молодости, или дѣйствительно Венеція заключала въ себѣ чарующую прелесть прошлаго, былаго, дѣло въ томъ, что ни одинъ городъ никогда не производилъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ прекрасная царица Адріатики.

Въ пятницы, по вечерамъ, когда Наима оставалась дома одна, я посѣщалъ моихъ соотечественниковъ и бывалъ чаще другихъ у Ѳ. В. Чижова; онъ готовился писать исторію искусствъ, начавъ съ живописи; изучалъ картины Тиціана и Поля Веронезе и ходилъ ежедневно въ библіотеку дворца дожей читать сочиненія, касавшіяся живописи, дѣлалъ изъ нихъ выписки и приготовилъ уже довольно матеріала для своего труда. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ предъ отъѣздомъ изъ Венеціи я отправился къ княгинѣ Трубецкой, жившей на большомъ каналѣ подлѣ caza d'óro, нашелъ тамъ баронессу Мантейфель, Чижова, Эппингера, русскаго художника, и пѣвицу Фреццолини, начинавшую въ фениче свою блестящую артистическую карьеру. Послѣ довольно продолжительнаго и оживленнаго разговора о національностяхъ, въ которомъ я отождествлялъ велико и мало-русскую, вопреки мнѣнію Чижова, мы занялись музыкой. Фреццолини пѣла аріи изъ »Лучіи« и »Пуританъ«, я ей аккомпанировалъ, потомъ попросили меня импровизировать.

Чудная весенная ночь, синее венеціанское небо, полная луна, освѣщавшая своимъ блѣднымъ сіяніемъ великолѣпные мраморные дворцы, отражавшіеся въ тихомъ невозмутимомъ каналѣ, изрѣдка плавно скользившія по гладкой поверхности водъ гондолы, освѣщенныя краснымъ пламенемъ факеловъ, разлука, хотя и очень кратковременная, но вынужденная съ Наимой, невозможность познакомить съ нею моихъ соотечественниковъ и ввести въ ихъ кругъ подъ моимъ именемъ, и поэтично и грустно настроили меня; я сѣлъ за фортепьяно и въ звукахъ вылилось состояніе моего духа. Никогда не любилъ я такъ страстно, давно не игралъ я съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ: образъ Наимы одушевлялъ меня, глубокая взаимная привязанность неразрывно связывала насъ; но на этомъ счастливомъ, безмятежномъ горизонтѣ появлялись въ мысляхъ моихъ темныя тучи: врожденная совѣстливость постоянно тревожила меня и нерѣдко вызывала глубокое сожалѣніе о томъ, что я позволилъ себѣ воспользоваться увлеченіемъ Наимы и поставленъ въ необходимость скрывать отъ знакомыхъ наши отношенія, чистыя предъ небеснымъ Сердцевѣдцемъ, но преступныя предъ условіями общественной жизни. Поэтому въ импровизаціи моей къ нѣжному изліянію любви примѣшивалось и волновавшее, потрясавшее чувство неопредѣленной тревоги; вмѣстѣ съ мелодіями, дышавшими прелестью весенней итальянской ночи, звучали рѣзкіе диссонансы душевной невзгоды. Никогда не забуду этого вечера; онъ мнѣ памятенъ по музыкальному вдохновенію. Когда я кончилъ, Фреццолини подошла ко мнѣ и пожимая руки сказала, что не ожидала найти въ скромномъ любителѣ замѣчательнаго артиста; всѣ были въ восторгѣ отъ моей игры, я тоже остался совершенно доволенъ моей импровизаціей. Далеко за полночь мы разстались.

Высоко взошло солнце, когда я проснулся послѣ описаннаго вечера. Вхожу къ Наимѣ и застаю ее въ утреннемъ неглиже. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, и говорила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Я старался ее успокоить и отправился за докторомъ. Лучшій въ то время въ Венеціи докторъ Z. изъ Падуи, разспросивъ Наиму, объявилъ, что ничего особеннаго нѣтъ въ состояніи ея здоровья и что маленькіе припадки слабости происходятъ отъ весьма обыкновенной у молодыхъ дамъ причины.

Печалиться или радоваться? — въ этомъ состоялъ вопросъ. Сначала мнѣ взгрустнулось; но вскорѣ радостное чувство овладѣло мною, мысль, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ узы наши скрѣпятся еще болѣе залогомъ нашей любви, успокоивала меня; надежда, что сдѣлавшись матерью, Наима станетъ уступчивѣе въ религіозномъ отношеніи и дастъ возможность повести ее къ алтарю, лелѣяла, услаждала меня.

Съ большимъ сожалѣніемъ разстались мы съ Венеціей; чрезъ Падую отправились въ Болонью, гдѣ пробыли день, оттуда во Флоренцію; тамъ прожили недѣлю, чтобы внимательно осмотрѣть произведенія искусствъ древней столицы Тосканы.

Флоренція съ перваго взгляда не представляетъ ничего особеннаго, но вглядитесь внимательно въ этотъ средневѣковой италіанскій городъ, и онъ васъ заинтересуетъ въ высшей степени. Осмотрите соборъ S-ta Maria del Fiore съ громадной башней колокольни, церковь св. Іоанна Крестителя съ бронзовыми вратами, о которыхъ Микель Анжело сказалъ, что онѣ достойны служить вратами рая, церковь св. креста, св. Маріи (Novella), названной Микелемъ Анжело невѣстой, старый дворецъ на площади Синьоріи, дворцы Рикарди, преторіи, Uffizi, Питти съ безчисленными галереями, заключающими въ себѣ картины и статуи знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ и временъ, въ томъ числѣ Венеру Медичійскую, и въ памяти вашей воскреснутъ гвельфы и гибелины, Висконти, Медичи, Каппони, Строцци, а чувство изящнаго вполнѣ будетъ удовлетворено созерцаніемъ лучшихъ произведеній архитектуры, живописи и скульптуры. По нимъ вы прослѣдите исторію развитія искусствъ; въ особенности съ благовѣніемъ остановите вниманіе ваше на геніальныхъ образцахъ живописи безсмертныхъ италіянскихъ художниковъ, начиная съ Чимабуэ и Жіото и кончая Рафаэлемъ, Леонардо да Винчи, Поль Веронезомъ, Тиціаномъ, Корреджіо.

Часто гуляли мы въ Кашине (Cascine), превосходномъ паркѣ Флоренціи, въ саду Боболи, посѣтили нѣсколько окрестныхъ виллъ, утопающихъ въ роскошной растительности; множество цвѣтовъ, до которыхъ Наима была большая охотница, ацалеи, рододендры и камеліи въ грунту, на открытомъ воздухѣ, доставляли намъ новыя и самыя пріятныя ощущенія.

Въ Флоренціи было нѣсколько русскихъ, но я избѣгалъ знакомства съ ними, чтобы не поставить себя въ затруднительное положеніе на счетъ Наимы. Познакомился съ извѣстнымъ въ Италіи С., акварельнымъ портретистомъ; онъ нарисовалъ портретъ Наимы, отличавшійся необыкновеннымъ сходствомъ и превосходной отдѣлкой, и мой—менѣе удачный. На замѣчаніе мое въ этомъ отношеніи, артистъ отвѣтилъ, что и въ дѣлѣ снятія портрета необходимо вдохновеніе и что портретъ синьоры вышелъ такъ хорошъ, благодаря чувству изящнаго, возбужденному въ немъ ея наружностью, которая служитъ вѣрнымъ выраженіемъ идеи прекраснаго.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Ливорно, и на другой день на пароходѣ въ Чивита-Веккію. Какъ ни непріятно было мнѣ воспоминаніе о путешествіи моремъ изъ Петербурга въ Любекъ, однакожъ я рѣшился на непродолжительное плаваніе по морю въ благопріятное время года. И дѣйствительно, плаваніе наше по Средиземному морю было вполнѣ благополучно.

Изъ Чивита-Веккіа поѣхали въ Римъ съ ветурино. Этотъ способъ путешествія весьма пріятенъ; дѣлается съ ветуриномъ письменное условіе, въ которомъ опредѣляется время доставки по назначенію, плата за комнаты для ночлега, за завтракъ и обѣдъ и за мѣсто въ экипажѣ. Въ обезпеченіе исправнаго исполненія условія ветурино даетъ задатокъ и по большей части везетъ и продовольствуетъ весьма не дурно. Совершая свои поѣздки постоянно по одному направленію, ветурино состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми трактирщиками, и доставляя имъ вѣрный заработокъ, получаетъ отъ нихъ за умѣренную цѣну для путешественниковъ и для себя удобное помѣщеніе и хорошій столъ. Иностранцамъ, не довѣрявшимъ этому способу путешествія и платившимъ ветурино только за мѣста въ экипажѣ, приходилось часто довольствоваться неудобными ночлегами и платить очень дорого за худшее продовольствіе. Ветурино обыкновенно останавливается днемъ часа на три, чтобы покормить лошадей и позавтракать, и на ночь съ 7 часовъ для обѣда и ночлега. Нѣчто въ родѣ нашего путешествія на долгихъ.

Мы наняли для себя трехмѣстную коляску и прибыли въ Римъ къ ночи, послѣ кратковременнаго, пріятнаго путешествія.

Переночевавъ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, раннимъ утромъ мы пошли осматривать вѣчный городъ; но вскорѣ убѣдились, что Риму нужно посвятить по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, чтобы познакомиться вполнѣ съ его достопримѣчательностями. Какъ Венеція нравится красотой своихъ зданій, напоминающихъ собой богатства торговой республики, какъ Флоренція интересуетъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ, въ размѣрахъ относительно довольно скромныхъ главнаго города Тосканы, такъ Римъ поражаетъ громадностью, величіемъ, строгостью стиля и правильностью архитектуры, достойными столицы языческаго и христіанскаго міра. Все носитъ на себѣ печать владычества силы, богатства, искусства и ума.—Изъ міра языческаго достаточно указать на Пантеонъ и Колизей, въ которомъ помѣщается 100,000 зрителей; Пантеонъ и Колизей служатъ представителями временъ императоровъ; изъ міра христіанскаго—на церковь св. Петра и на Ватиканъ, памятники владычества и могущества папъ.—Нигдѣ искусство не проявило себя въ такой высокой степени совершенства, какъ въ Римѣ. Здѣсь сила художессвеннаго творчества достигла своего апогея. Съ каждымъ зданіемъ, съ каждою церковью связаны имена знаменитѣйшихъ художниковъ и всѣ почти безъ исключенія принесли Риму лучшую, совершеннѣйшую дань своей геніальности. Браманте, Рафаэль, Микель Анжело, Лагоріо, Фонтана, Мадерно были строителями; превосходные образцы древней скульптуры во множествѣ встрѣчаются въ галереяхъ Ватикана, въ числѣ ихъ Аполлонъ Бельведерскій; лучшія произведенія рѣзца Барнини, Росси, Кановы и Торвальдсена составляютъ принадлежность базилики св. Петра, украшенной великолѣпной мозаикой по рисункамъ знаменитыхъ художниковъ. Не говоря уже о ложахъ Рафаэля, его фрескахъ въ разныхъ церквахъ и дворцахъ, въ галлереѣ Ватикана, заключающей въ себѣ немного картинъ, но замѣчательныхъ по ихъ достоинству, вы видите Рафаэля: Благовѣщеніе, поклоненіе Волхвовъ, Введеніе во храмъ, Вѣру, Надежду и Милосердіе, Преображеніе на Ѳаворѣ, Мадонну de Foligno, Вѣнчаніе св. Дѣвы; Перуживо: св. Бенедикта, св. Флавію, Воскресеніе, св. Ночь, св. Дѣву

и святыхъ, Мурилло: поклоненіе Волхвовъ, Блуднаго сына, обрученіе св. Екатерины; Доминикино: св. Іеронима, Тиціана: св. Дѣву со святыми, Н. Пуссена: мученичество св. Эразма.

Въ палаццахъ Доріа, Колонны, въ виллѣ Фарнезини, Спады, въ Санта Марія делла Паче и другихъ—сколько сокровищъ живописи и ваянія!

Однимъ словомъ, Римъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ высокихъ художественныхъ произведеній.

Бывали на Корсо, посѣтили студію нашего талантливаго художника Иванова, писавшаго тогда свою картину: проповѣдь св. Іоанна Крестителя въ пустынѣ; слушали обѣдню въ Сикстинской капеллѣ. Богослуженіе великолѣпное, но обстановка и идолопоклонничество папѣ показались мнѣ не соотвѣтствующими святости совершаемаго таинства и христіанскому смиренію. Церковная музыка превосходна, оркестръ безукоризненный, голоса замѣчательные по своей звучности, пѣвучести и чистотѣ; но, признаюсь, стройное величественное пѣніе нашей православной церкви, по моему убѣжденію, стоитъ несравненно выше лучшей католической музыки; оно проникаетъ глубже въ душу и вызываетъ въ ней болѣе религіознаго чувства. Видѣли большую церемонію съ папой, въ день Corpus Domini. Несмѣтная толпа сопровождала ее; церемонія имѣла характеръ театральнаго представленія.

Въ Дрезденѣ оставилъ я мою віолончель; инструментъ былъ посредственный, и по объему своему могъ затруднять насъ въ путешествіи. Въ Римѣ, по случаю, за довольно сходную цѣну, я пріобрѣлъ великолѣпнаго Гварнерія. Останавливаясь въ нѣкоторыхъ городахъ на короткое время, не всегда можно было имѣть фортепьяно. Невозможность аккомпанировать Наимѣ и слышать ея пѣніе была для меня чувствительнымъ лишеніемъ въ жизни, полной счастья и самыхъ пріятныхъ развлеченій. Вновь пріобрѣтенная віолончель пополнила этотъ недостатокъ.

Кто-то сказалъ, что жить—это путешествовать; и дѣйствительно путешествіе въ классической странѣ искусствъ, съ ея чуднымъ мѣстоположеніемъ, превосходнѣйшимъ воздухомъ, синимъ небомъ и богатою южною растительностью было въ высшей степени пріятно. По вечерамъ,

усталые отъ осмотра достопримѣчательностей Рима, мы занимались музыкой. Гварнерій мой вторилъ звучному серебристому голосу Наимы. Наима мнѣ аккомпанировала на фортепьяно, когда пѣніе ее утомляло; часто разыгрывали мы съ нею разныя пьесы въ четыре руки, и въ томъ числѣ мою симфонію, въ которой Наимѣ особенно нравились: Andante и Scherzo.

Однажды мы отправились въ часть города, издавна населенную евреями Наима щедрою рукою раздавала пособіе бѣднымъ; у одного дома, со двора. доносились до насъ звуки женскаго голоса, обратившіе наше вниманіе; мы вошли въ дворъ и увидѣли въ немъ старуху полулежавшую въ небольшой телѣжкѣ; старуха пѣла; унылый мотивъ ея пѣнія поразилъ меня своею оригинальностью, то была чисто еврейская мелодія темпа: allegro. Наима съ участіемъ распросила о ея болѣзни, старуха была разбита параличемъ; Наима надѣлила ее деньгами, а я попросилъ повторить мелодію. Возвратившись домой, я тотчасъ записалъ еврейскій мотивъ, подобралъ аккомпаниментъ, и въ тотъ-же вечеръ Наима исполнила его.

Изъ Рима мы поѣхали въ почтовой каретѣ въ Неаполь. Здѣсь испытывали впечатлѣнія другаго рода, но не менѣе пріятныя. Обращая менѣе вниманія на замѣчательныя богатства музея, осматривали въ высшей степени интересныя древности, отдавали должную дань восторга чудной природѣ и необыкновенно красивому мѣстоположенію Неаполя. Не даромъ сложилась италіянская поговорка: Veder Napoli, e poi morir. Мы остановились подлѣ Villa reale и въ первый разъ, что вышли на балконъ, были поражены великолѣпной картиной, представившейся нашимъ взорамъ. Представьте себѣ въ далекѣ дымящійся Везувій, отдѣленный отъ города лазурнымъ неаполитанскимъ заливомъ, усѣяннымъ множествомъ кораблей, лодокъ и пароходовъ у берега, на которомъ дугообразными уступами амфитеатра возвышается Неаполь и утопаетъ съ своими бѣлыми зданіями въ зелени садовъ самой роскошной растительности; и строенія и сады отражаются въ зеркальной поверхности водъ, принимающихъ синій цвѣтъ южнаго итальянскаго неба; прибавьте къ этому яркое освѣщеніе неаполитанскаго солнца, и не удивитесь, если я вамъ скажу, что болѣе двухъ часовъ любовались мы

этой восхитительной картиной. Никогда нигдѣ я не видывалъ ничего подобнаго.

Побывали мы въ Казертѣ, Позилипо, Пуццоли, Байѣ, Сорренто, въ монастырѣ св. Мартина, откуда открывается превосходный видъ на Неаполь; всходили на Везувій, посѣтили Геркуланумъ и Помпею. Часто гуляли по многолюдной толедской улицѣ и на набережныхъ Неаполя, и очарованные этимъ городомъ и его окрестностями отправились на пароходѣ въ Геную.

Съ моря Генуя представляетъ видъ величественный, поражаетъ красотою и громадностью своихъ зданій, построенныхъ амфитеатромъ. Университетъ, палаццо Андрео Доріа, королевскій дворецъ, палаццо Бриньола и другіе замѣчательны своей архитектурой, великолѣпными лѣстницами и входами. Но всмотрѣвшись ближе въ Геную, вы разочаруетесь; переходъ отъ возвышеннаго, идеально-прекраснаго къ грязной дѣйствительности слишкомъ рѣзокъ: узкія, темныя, зловонныя улицы, нечистота, превосходящая всякое вѣроятіе, и зараженный гнилью воздухъ произведутъ самое непріятное впечатлѣніе. Издали, снаружи, Генуя дѣйствительно заслуживаетъ названія: superbo, даннаго ей итальянцами; вблизи, въ подробностяхъ, какъ городъ, она ниже всякой посредственности. Это великолѣпная декорація, на которую нужно смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Генуѣ, мы отправились чрезъ Александрію въ Миланъ.

Въ Миланѣ больше всего обратилъ на себя вниманіе наше соборъ — чудо современнаго зодчества. Весь изъ бѣлаго мрамора, чисто готической архитектуры, съ безчисленнымъ множествомъ башень и шпилей, украшенныхъ тончайшею кружевной рѣзьбой изъ мрамора, и съ пятью тысячами статуй, разставленныхъ снаружи у стѣнъ, на столбахъ, въ нишахъ и по крышѣ. Внутренность собора строгая и величественная; остроконечные своды поддерживаются гигантскими столбами въ четыре ряда вдоль всего зданія; но соборъ внутри не былъ еще вполнѣ оконченъ, казался совершенно пустымъ и не соотвѣтствовалъ внѣшности. Площадь, окружающая соборъ, не велика и до того стѣснена домами, что нѣтъ возможности осмотрѣть соборъ со всѣхъ сто-

ронъ. Для такого зданія необходимо болѣе простора, но не думаю, чтобы австрійское правительство, или городское управленіе рѣшилось затратить большія суммы на увеличеніе площади посредствомъ ломки домовъ.

Каждый день на Корсо съ 6 до 8 часовъ вечера бывало гулянье; многочисленная пестрая толпа, музыка, множество экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ, нарядныхъ дамъ и кавалеровъ оживляли это любимое гулянье миланцевъ. Мы нѣсколько разъ туда ѣздили и издали любовались подвижной панорамой. Посѣтили два раза la Scala, самый большой театръ въ Европѣ; составъ оперы былъ посредственный.

Изъ Милана мы наняли ветурино до Женевы, чтобы вдоволь насмотрѣться на прекрасные виды сѣверной Италіи и южной Швейцаріи. Поѣздка должна была совершиться въ девять дней. Останавливались въ Сесто Календе и Аронѣ, мѣстностяхъ замѣчательныхъ превосходными видами. На Лаго Маджіоре мы пробыли почти цѣлый день и успѣли въ подробности осмотрѣть Борромейскіе острова. Подъѣзжая къ Isola bella, издали къ намъ долеталъ упоительный запахъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ; весь островъ — великолѣпная вилла, принадлежащая фамиліи Борромеевъ. Превосходный палаццо съ большой террасой, отличный садъ съ разными растеніями и колоссальная бронзовая статуя святого Борромея — вотъ достопримѣчательности Изола белла. Онъ намъ такъ понравился, что мы пробыли на немъ очень долго. Посѣтили Изола Мадре и Пескіера и очарованные нашею прогулкой по озеру возвратились въ гостинницу. Далѣе Домо д'Оссола, небольшая деревушка, произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ.

Здѣсь нужно было проститься съ дорогой намъ Италіей; мнѣ крѣпко взгрустнулось. Въ продолженіи всего путешествія по Италіи мы встрѣчали вездѣ не только готовность къ услугамъ и рѣдкую добросовѣстность, но сердечное участіе, радушіе и дружеское расположеніе. Не говоря о лицахъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, съ которыми приходилось встрѣчаться, не могу пройти молчаніемъ содержателей и содержательницъ меблированныхъ комнатъ, трактирщиковъ, прислуги, ветурино. Нигдѣ не было пререканій, излишнихъ требованій, неудовольствія. Въ Венеціи синьора Грассо ухаживала за На-

мной, какъ сестра, и когда я ей предложилъ денежное вознагражденіе, она обидѣлась и отвѣтила: »расположеніе и дружескія услуги не продаются«; едва, едва упросила ее Наима принять отъ нее подарокъ на память. Во Флоренціи, въ гостиницѣ мнѣ понадобилось однажды отдать слугѣ сюртукъ, чтобы пришили случайно оторванную пуговицу; въ карманѣ сюртука я забылъ бумажникъ съ 200 лирами. Чрезъ полчаса лакей принесъ сюртукъ и отдалъ бумажникъ съ деньгами, присовокупивъ, что не слѣдуетъ оставлять деньги въ карманахъ отдаваемаго платья. Въ Неаполѣ я долго искалъ между моими вещами золотую съ жемчугомъ булавку и не найдя, считалъ потерянною; представьте мое удивленіе, когда прачка, принесшая бѣлье, вручила мнѣ булавку, объявивъ, что нашла воткнутою въ рубаху, и посовѣтовала быть внимательнѣе къ вещамъ извѣстной цѣнности.

Сколько счастливыхъ дней провели мы въ Италіи! Глубокая взаимная привязанность несомнѣнно дѣлаетъ насъ счастливыми; возбужденная чудной природой юга, высокими произведеніями искусствъ она переноситъ въ тотъ міръ блаженства, который рѣдко бываетъ доступенъ человѣку. Никогда не изгладится изъ памяти моей время, проведенное въ Италіи, всегда съ искренней признательностью буду вспоминать благодатную страну и поминать добромъ ея честныхъ, добродушныхъ и симпатичныхъ обитателей.

XI. Швейцарія.

Подъемъ на Семплонъ былъ продолжительный и утомительный. Къ парѣ, везшей насъ изъ Милана, пристегнули третью лошадь, и мы шагомъ взбирались на гору по дорогѣ, устроенной Наполеономъ во время войнъ съ Италіей. Стало очень холодно, мы нѣсколько разъ вставали изъ экипажа, чтобы согрѣться, слѣдуя за нимъ пѣшкомъ. Нависшія скалы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, дикая тощая растительность на склонахъ утесовъ, сѣрое покрытое густыми облаками небо вызвали въ насъ ощущенія не совсѣмъ пріятныя. Наконецъ мы прибыли въ hospice на вершинѣ Семплова; положеніе этого страннопріимнаго монастыря прекрасное; видъ дикій, угрюмый, но величественный на проходъ про-

тивъ Бернскихъ Альпъ и на Шенгорнъ. Здавіе монастыря огромное въ четыре этажа, основанное Наполеономъ 1 и оконченное С. Бернардскими монахами августинскаго ордена. Семплонскій монастырь принимаетъ ежегодно отъ 10-ти до 12,000 путешественниковъ. Покуда лошади отдыхали и кормились, мы согрѣлись въ теплой комнатѣ у большого камина, и услужливые монахи угостили насъ горячимъ супомъ, говядиной, отличнымъ виномъ и превосходнымъ хлѣбомъ, въ родѣ нашего ржанаго; уѣзжая мы положили въ монастырскую кружку плату за угощеніе; бѣдные получаютъ общій столъ даромъ.

Съ вершинъ Семплона стали спускаться довольно медленно и благополучно пріѣхали въ Мартиньи. Здѣсь природа оживилась; свѣтлая зелень долины, быстрые потоки съ горъ, яркое солнце и теплая температура воздуха позволили намъ вздохнуть свободнѣе. Гостепріимная и любезная хозяйка отвела намъ лучшее помѣщеніе своей гостиницы и угостила весьма недурно.

Отдохнувъ въ Мартиньи, мы отправились въ Шамуни. Эта чудная долина у подножья Монблана произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе; но взбираться на Монбланъ мы не заблагоразсудили и продолжали путешествіе до Женевы.

Въ Женевѣ случилось со мной происшествіе, не совсѣмъ пріятное. Разсчитавъ время моего прибытія въ этотъ городъ, я просилъ отца моего выслать деньги для дальнѣйшаго путешествія въ Женеву. Пріѣхавши, отправляюсь на почту: ни письма ни денегъ. Между тѣмъ нужно было заплатить ветурино; кромѣ задатка, имъ мнѣ даннаго, у меня не было денегъ. Пришлось просить ветурино подождать до завтра. На другой день тотъ-же отвѣтъ на почтѣ. Цѣнныхъ вещей со мной не было, къ капиталу Наимы я не хотѣлъ обращаться. Въ вечеру ветурино приходитъ за разсчетомъ, объявивъ, что нашелъ путешественниковъ для обратной поѣздки въ Миланъ и ждать далѣе не можетъ. Нечего дѣлать, какъ ни совѣстно, нужно было объяснить Наимѣ мое затруднительное положеніе. »Какъ тебѣ не стыдно, сказала она, не предупредить меня объ этомъ раньше, я твоя, и все мое-твое«.—»Я не хотѣлъ, отвѣтилъ я, трогать твоего капитала«.—»Въ этомъ и надобности нѣтъ, возразила Наима. Лея при прощаньи подарила мнѣ на пу-

тешествіе и пополненіе моего гардероба десять тысячъ талеровъ изъ своихъ средствъ. Вотъ открытое письмо на извѣстныхъ банкировъ; возьми его, получи деньги, разсчитайся съ ветурино и оставь у себя остальныя«.—На глазахъ Наимы навернулись слезы; я пожалѣлъ, что огорчилъ ее излишнею деликатностью и не зналъ, какъ оправдаться. Ветурино конечно не остался въ накладѣ за отсрочку. На третій день нашего пребыванія въ Женевѣ, я получилъ ожидаемыя деньги и хотѣлъ возвратить взятыя у Наимы, но при первомъ объ этомъ словѣ Наима зажала мнѣ ротъ своей прелестной ручкой и объявила, что никогда не вступитъ въ денежные разсчеты со мною и что касса наша должна быть общею. Это было сказано такъ убѣдительно, что всякое возраженіе становилось невозможнымъ.

Видъ съ прибережной части города на женевское озеро очёнь хорошъ, но Женева вообще представляетъ мало интереса; довольно скучный и непривлекательный городъ. Ѣздили въ Ферней смотрѣть домъ Вольтера; ничего особенно замѣчательнаго. Въ одной изъ комнатъ стоитъ на пьедесталѣ урна, заключающая въ себѣ сердце фернейскаго философа, съ надписью: Son coeur est ici, son esprit est partout. Прошло много лѣтъ со времени этой надписи, и она сдѣлалась совершеннымъ анахронизмомъ: Вольтеровскій духъ улетучился, и слава Богу, подумалъ я.

На пароходѣ, по озеру, отправились мы въ Лозанну, осмотрѣвъ на пути Шильонскій замокъ; изъ Лозанны въ дилижансѣ въ Бернъ чрезъ Фрибургъ. Висячій мостъ у этого города приводилъ путешественниковъ въ восторгъ и казался чудомъ мостовой архитектуры. Гербъ Берна—медвѣдь, и онъ воспроизведенъ вездѣ: на бассонахъ экипажей, на столбахъ, на вывѣскахъ. Въ городѣ устроена большая яма, обложенная гранитомъ, въ которой помѣщается пара медвѣдей съ медвѣжатами; особый сторожъ ухаживаетъ за ними. Какъ сторожъ, такъ и медвѣди получаютъ содержаніе изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго для этой цѣли какою-то старой дѣвой. У подошвы горы, на которой раскинутъ Бернъ, протекаетъ Ааръ, на островѣ этой рѣки устроены ванны; видъ великолѣпный.

Изъ Берна мы поѣхали осмотрѣть самыя замѣчательныя мѣстности Швейцаріи: Интерлакенъ, озеро четырехъ кантоновъ, Риги и Шафгаузенскій водопадъ. Дикая, но величественная природа, голые каменистые утесы, снѣжныя вершины горъ съ ихъ ледниками, лѣса хвойныхъ деревьевъ, сохраняемыхъ въ первобытномъ состояніи для предохраненія жилищъ отъ обваловъ, безчисленное множество водопадовъ, зеленѣющія долины, оригинальные костюмы женщинъ, мѣняющіеся въ каждомъ кантонѣ, стада рогатого скота, рожокъ пастуха, извѣстный ranz des vaches, домики съ деревянною рѣзьбою и камнями на крышѣ, построенные на скалахъ надъ обрывами и глубокими оврагами, превосходно обдѣланныя поля, виноградники, необыкновенный эффектъ восходящаго и заходящаго солнца, облака, несущіяся у вашихъ ногъ,—все это въ высшей степени оригинально, привлекательно, грандіозно и поразительно хорошо.

На Базель мы проѣхали въ Страсбургъ.

XII. Франція.

Въ Страсбургѣ отдохнули два дня послѣ довольно утомительнаго путешествія по Швейцаріи. Осмотрѣли соборъ съ знаменитой колокольней; я спускался въ склепъ, гдѣ показываютъ необыкновенно хорошо сохранившееся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій тѣло графа Саарбрюка; всходилъ на башню, чтобы полюбоваться видомъ на Страсбургъ. Послѣ Швейцаріи, гдѣ народонаселеніе некрасиво и не совсѣмъ любезно, въ Страсбургѣ мы поражены были учтивостью и миловидностью его жителей; особенно красивыми показались намъ молодыя дѣвушки, средняго класса, стройныя, довольно высокія съ выразительными глазами и темными роскошными волосами, обвивавшими подобно змѣямъ ихъ милыя головки длинными толстыми косами.

Изъ Страсбурга въ почтовомъ купе по превосходному шоссе отправились мы чрезъ Нанси въ Парижъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Парижемъ, не соотвѣтствовало той идеѣ, которую я составилъ объ этомъ городѣ. Наима бывала тамъ прежде и увѣряла, что Парижъ мнѣ понравится и полю-

бится. Мы остановилось въ мѣстности мало отдаленной отъ Лувра, въ старинной улицѣ Coquillière, въ отелѣ того-же имени. Отель этотъ имѣлъ то удобство, что не выходилъ на улицу, а находился во дворѣ; зданіе отеля старинное въ стилѣ временъ Генриха IV; наше помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ, съ коврами, бронзою и большими зеркалами; за это помѣщеніе мы платили 12 франковъ въ сутки. Table d'hôte, весьма удовлетворительный, съ виномъ обходился въ три франка съ персоны. Тотчасъ-же я пріискалъ фортепьяно и заплатилъ съ настройкою и переноскою на прокатъ 12 франковъ въ мѣсяцъ. Упоминаю объ этомъ, чтобы дать понятіе о дешевизнѣ, существовавшей въ то время въ Парижѣ.

Въ Парижѣ мы пробыли шесть недѣль и провели время въ высшей степени пріятно. Утромъ осмотръ достопримѣчательностей, послѣ обѣда спектакль или прогулка за городъ. Обѣдывали часто въ Palais Royal у Вери и Вефури или Frères Provançaux, посѣщали большую и комическую оперы, Одеонъ, Français, Palais-Royal, Водевиль и другіе театры. Тогда M-lle Rachel, трагическая актриса, производила фуроръ и дѣйствительно обладала необыкновеннымъ талантомъ; высокая, до нельзя худая, смуглая, съ характеристическими чертами лица и непомѣрно длинными руками, она не могла нравиться своей наружностью; но когда священный огонь страсти и геній искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства, до натуральнаго проявленія чувства, одушевляли ее въ разгарѣ трагедіи, тогда Рашель становилась типично красивою и вызывала въ зрителяхъ неописанный восторгъ. Часто заставляли ее, по окончаніи представленія, декламировать извѣстную Marseillaise съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ. И тутъ она производила потрясающее впечатлѣніе и такъ наэлектризовывала публику, что случись какой нибудь поводъ къ возстанію, вся толпа зрителей отправилась-бы немедленно на баррикады въ hôtel de Ville или бросилась-бы на министерства.

Не было во Франціи правительства болѣе либеральнаго и разумнаго, какъ правительство Луи-Филиппа. Этотъ буржуа--король зналъ хорошо французовъ и въ особенности парижанъ, и поэтому все, что могло быть имъ пріятнымъ, было дозволено. На шумныя проявленія въ

театрахъ, на сходки на улицахъ, на ораторства въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ смотрѣли снисходительно, и парижане были довольны, считая себя вполнѣ свободными и счастливыми. И въ самомъ дѣлѣ благосостояніе Франціи достигло своего апогея во всѣхъ отношеніяхъ въ этотъ періодъ времени: никогда производительность и торговля этой богатой страны не давала такихъ блистательныхъ результатовъ, никогда промышленность большихъ городовъ не достигала такого развитія. Плодоносная почва Франціи производитъ лучшіе сорта хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, самыя тонкія вина и водки, превосходные фрукты. Лучшаго качества дичь и рыба составляютъ принадлежность лѣсовъ и водъ Франціи, щедро надѣленной всѣми благами земными. Но и въ интеллектуальномъ отношеніи Франція превосходила другія европейскія государства. На поприщѣ наукъ и литературы подвизались тогда такія личности, какъ: Кузенъ, Вильменъ, Тіерри, Барантъ, Ройе—Колларъ, Амперъ, Кювье, Лапласъ, Шатобріанъ, Тьеръ, Гизо, Мишле, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Бальзакъ, Альфонсъ Карръ, Фридерикъ Сулье, Александръ Дюма, Беранже, Жюль Жаненъ, Жирарденъ.

Музыка также процвѣтала: оперы Мейербеера, Галеви Обера были писаны для парижской сцены и исполнялись превосходно. Парижская консерваторія была лучшею въ Европѣ, а оркестръ ея подъ управленіемъ Габенека не имѣлъ нигдѣ себѣ подобнаго. Исполненіе Бетховенскихъ симфоній было безукоризненно.

Въ какихъ-бы кружкахъ вы ни вращались, вездѣ находили людей образованныхъ; говорили о политикѣ, наукахъ, литературѣ, искусствахъ, и изъ самаго обыденнаго разговора вы выносили идеи и понятія. Безспорно можно сказать, тогдашній Парижъ былъ центромъ умственной дѣятельности. Меня много занимали историческіе памятники Парижа и я осмотрѣлъ ихъ въ подробности; на осмотръ Лувра съ галлереями посвятилъ нѣсколько дней. Загородные дворцы также привлекли наше вниманіе и мы побывали въ Версали, Тріанонѣ, Сенклу Мальмезонѣ и Фонтенебло. Чтобы познакомиться съ мѣстными нравами, обѣдалъ однажды у Франконо за 15 су (три блюда съ виномъ), посѣтилъ: Mabile, Chaumière, Chateau des fleurs.

Наима пріобрѣла нѣсколько предметовъ для своего туалета, я пополнилъ свой гардеробъ у знаменитаго портного Human'a; все было превосходнаго качества и по цѣнамъ болѣе, чѣмъ умѣреннымъ. Сдѣлали также значительный запасъ книгъ; въ числѣ ихъ только что вышедшее сочиненіе Кюстина: La Russie et les Russes. Въ Парижѣ не имѣли времени читать и отложили книги для дальнѣйшаго путешествія. Наима была права. Парижъ меня очаровалъ и я увезъ о немъ самое пріятное воспоминаніе. Сколько позднихъ интимныхъ радостныхъ вечеровъ провели мы въ нашемъ отелѣ подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи дня. Знакомыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ не было, встрѣчались за table de hôte, у ресторановъ, на гуляньяхъ съ нѣкоторыми личностями, раскланивались, разговаривали и только. Да и надобности не было въ болѣе близкихъ знакомствахъ: мы были такъ счастливы, мы такъ любили другъ друга.

Изъ Парижа отправились въ Calais, Дувръ и Лондонъ; переѣздъ былъ довольно скорый и благополучный.

XIII. Лондонъ, Голландія, Бельгія.

Лондонъ поразилъ насъ своею громадностью и необыкновенною дѣятельностію. Въ Парижѣ мы встрѣчали на бульварахъ толпы уличныхъ зѣвакъ; въ Лондонѣ всюду гораздо больше движенія, но движеніе другаго рода. Прогуливающихся немного, все дѣловые люди, бѣгущіе къ своимъ занятіямъ. Время — деньги у англичанъ, и они не тратятъ его даромъ. Парижъ смотритъ кокетливѣе, чопорнѣе Лондона; въ Лондонѣ всѣ почти зданія почернѣли отъ тумановъ и дыма. Но нигдѣ не видѣлъ я такой роскошной растительности, какъ здѣсь, густые яркіе газоны, великолѣпныя деревья; парки и скверы — верхъ совершенства.

Нигдѣ не встрѣчалъ я впрочемъ такого поразительнаго контраста между величайшею роскошью и необыкновенною бѣдностью. Нигдѣ не наталкивался на такія возмутительныя проявленія нищеты и растлѣнія нравовъ, какъ въ Лондонѣ.

Въ Лондонъ мы пріѣхали въ разгаръ лѣтняго сезона, когда городъ бываетъ оживленъ болѣе обыкновеннаго. Часто посѣщали итальянскую оперу; составъ ея былъ лучшій изъ всѣхъ, которые мнѣ когда нибудь случалось слышать. Лаблашъ, Рубини, Тамбурини, Маріо Гризи, Персіани—вотъ имена, которыя появлялись на афишахъ того времени. Мы слышали Норму, Пуританъ, Вильгельма Теля и Лучію. Артистическое исполненіе не оставляло ничего болѣе желать и приводило всѣхъ въ восторгъ.

Обозрѣвъ въ теченіи десяти дней все, что заслуживало особаго вниманія, мы на пароходѣ отправились въ Роттердамъ.

Плаваніе было удачное, и мы вскорѣ очутились въ оригинальной Голландіи.

Осушенныя озера, безконечныя плотины, изъ нихъ нѣкоторыя поражающія своею вышиной и протяженіемъ; множество вѣтряныхъ мельницъ, плоскость почвы, однообразіе видовъ, безвкусіе построекъ, грубость и безобразіе жителей,—вотъ впечатлѣнія, произведенныя на насъ Голландіей при первомъ съ нею знакомствѣ. Но познакомившись ближе съ этой страной, нельзя было не отдать полной справедливости предпріимчивости, настойчивости и терпѣнію голландцевъ. Выйти побѣдителями изъ борьбы за существованіе съ грозной стихіей, удержать ее въ должныхъ границахъ, обратить въ плодоносную почву болота и озера, освободиться отъ ига испанцевъ и сдѣлаться независимой богатою морской державой,—вотъ результатъ стойкости и непреклонной воли голландцевъ.

Изъ Роттердама мы поѣхали въ Гаагу, изъ Гааги очень тихо по единственной тогда въ Голландіи желѣзной дорогѣ въ Гарлемъ. Гигантское предпріятіе осушенія гарлемскаго озера уже было начато въ то время. Изъ Гарлема въ Амстердамъ и Утрехтъ. Гаага новый городъ и не представляетъ собою ничего особеннаго. Роттердамъ и Амстердамъ обратили наше вниманіе своими старинными постройками, каналами и муравьиною торговою дѣятельностью. Утрехтъ старинный, чисто средневѣковый городъ.

Страсть къ чистотѣ вездѣ въ Голландіи доходитъ до смѣшнаго. Мало того, что каждый день чистятъ и моютъ дворы и тротуары, не

рѣдко обмываютъ и обтираютъ швабрами дома снаружи. Чепчики и передники у женщинъ безукоризненной бѣлизны и всегда накрахмаленные, но покрываютъ такія формы и прелести, на которыя конечно не засмотришься. Подобнаго безобразія я нигдѣ не встрѣчалъ.

Изъ Голландіи поѣхали въ Бельгію, посѣтили Антверпенъ, Брюсель и Люттихъ; здѣсь типъ жителей совсѣмъ другой, и хотя бельгійцы и не очень красивы, но и не такъ уродливы, какъ голландцы. Въ Люттихѣ, въ отелѣ, за конторкой мы видѣли дѣвушку замѣчательно хорошенькую. Брюсель чисто французскій городъ, очень красивъ, представляетъ много удобствъ для путешественниковъ; изъ Люттиха мы проѣхали въ Кельнъ, провели тамъ сутки, осмотрѣли знаменитый соборъ и на пароходѣ сдѣлали очень пріятное путешествіе по Рейну мимо Бонна и Кобленца до Майнца. Изъ Майнца поѣхали во Франкфуртъ на Майнѣ. Большой и богатый Франкфуртъ былъ тогда еще свободнымъ городомъ. Изъ Франкфурта мы направились чрезъ Бибрахъ въ Висбаденъ. Въ Бибрахѣ останавливались, чтобы осмотрѣть великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго и превосходныя оранжереи. Въ Висбаденѣ пробыли дней десять и познакомились съ жизнію на водахъ.

XIV. Висбаденъ, переѣздъ чрезъ Францію.

Висбаденскій сезонъ 1843 г. былъ блестящій; множество иностранцевъ, въ особенности англичанъ, французовъ и русскихъ. Публичная игра въ рулетку и trente et quarante, весьма недурной французскій спектакль, балы въ курзалѣ, поѣздки за городъ, превосходныя гостинницы, отличный и обильный столъ за table d'hôte дѣлали пребываніе въ Висбаденѣ очень пріятнымъ.

Часто и подробно писалъ я моей дорогой матери, описывая мои путешествія и впечатлѣнія, производимыя на меня различными странами и художественными произведеніями, часто получалъ отъ нея умныя, проникнутыя искренней любовью письма, но не могъ рѣшиться извѣстить ее о настоящихъ моихъ отношеніяхъ къ Наимѣ. Писалъ впрочемъ изъ Дрездена еще, что мнѣ очень нравится дѣвица, соединяющая въ себѣ всѣ условія для того, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и что я поль-

зуюсь ея внимательностью; о національности и религіи Наимы я умолчалъ. Изъ Парижа написалъ, что счастливая случайность соединила насъ въ путешествіи. Мать моя отвѣтила, что изъ писемъ моихъ усматриваетъ необыкновенную восторженность и заключаетъ, что я все вижу въ розовомъ цвѣтѣ, благодаря сильному сердечному увлеченію, и совѣтуетъ сдерживать пылъ моей привязанности. Въ письмѣ изъ Брюсселя я откровенно сознался въ увлечнеіи и въ полной взаимности. Описывая наружность Наимы, ея качества, я коснулся слегка ея состоянія и общественнаго положенія, сказавъ, что Наима принадлежитъ къ семейству почтенныхъ негоціантовъ и представляттъ для меня хорошую партію во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Висбаденѣ получилъ отвѣтъ, дышавшій материнскою нѣжностью и любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшій и требованіе не дѣлать предложенія любимой мной особѣ и не жениться безъ разрѣшенія моихъ родителей, такъ какъ о женитьбѣ мнѣ рано еще думать, и во всякомъ случаѣ разрѣшеніе можетъ быть дано не раньше, какъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія. Я поспѣшилъ успокоить мать мою обѣщаніемъ не дѣлать послѣдняго шага безъ ея согласія и благословенія...

Въ Висбаденѣ я испытывалъ иногда свое счастіе въ игрѣ: въ рулетку всегда проигрывалъ и пересталъ играть. Но rouge et noir была мнѣ благопріятнѣе: я постоянно выигрывалъ и въ концѣ концовъ увезъ изъ Висбадена выигранныхъ пятнадцать тысячъ франковъ. Между прочимъ я обязанъ случаю довольно крупнымъ выигрышемъ.

Въ числѣ лицъ игравшихъ я увидѣлъ даму, необыкновенно похожую на кузину К. Предполагая, что кузина въ Сибири, не вѣрилъ, что это она; но дама встаетъ, подходитъ ко мнѣ и беретъ меня въ сторону, чтобы поговорить. Моя ставка въ нѣсколько луидоровъ стояла на noir, я объ ней совершенно забылъ и пока разговаривалъ съ кузиной, сдѣлано было нѣсколько игоръ, мои луидоры оставались все на noir, которая прошла нѣсколько разъ; возвратившись къ своему мѣсту, я нашелъ кучу золота и пять свертковъ съ червонцами. Разговоръ съ кузиной принесъ мнѣ восемь тысячъ франковъ.

Оказалось, что кузина ѣздила въ Тобольскъ, не застала тамъ своего мужа и отправилась по его слѣдамъ въ Томскъ. Здѣсь они съѣхались,

провели одинъ день вмѣстѣ, какъ голубки, на другой разсорились и разъѣхались навсегда. Мужъ продолжалъ свою поѣздку въ Сибири, кузина направилась въ обратный путь и проведя нѣсколько дней въ Москвѣ и потомъ у себя въ деревнѣ, поѣхала за границу.

Игра въ Висбаденѣ начинается обыкновенно въ 11 часовъ утра. Къ тому времени чиновникъ приноситъ карты, запечатанныя герцогскою печатью. Крупье ихъ распечатывали, тасовали при многочисленной публикѣ и давали снимать одному изъ желавшихъ участвовать въ игрѣ. Послѣ утренней прогулки, я обыкновенно провожалъ Нанну въ гостинницу не далеко отъ курзала, или въ читальню, и отправлялся играть часъ, другой. Крупье часто просили меня снимать стасованныя карты, увѣряя, что у меня легкая рука; я имъ всегда высказывалъ желаніе, чтобы легкая рука была не въ ихъ пользу, и игра начиналась. Faites vos jeux, messieurs, говорилъ главный крупье, повторяя эту фразу нѣсколько разъ, потомъ раздавалось громогласное: le jeu est fait, rien ne va plus, и за тѣмъ клались карты сначала для rouge, а потомъ для noir; разница между 30-ю и 40 составляла выигрышъ той или другой стороны. Нужно было видѣть, какъ ловко крупье загребали особеннаго устройства деревянными лопаточками проигранныя деньги и какъ отчетливо уплачивали двойную сумму выигравшей ставки.

Страсти къ игрѣ я никогда не имѣлъ, но въ Висбаденѣ она развлекала меня и быть можетъ увлекла-бы легкостью выигрыша, если-бы я не принадлежалъ вполнѣ чувству, соединявшему меня съ Нанной.

Въ теченіе двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Висбаденѣ, мы успѣли отдохнуть отъ безпрерывныхъ путешествій и подышать чистымъ воздухомъ въ паркахъ и садахъ Висбадена и окружающихъ его красивыхъ по своему мѣстоположенію мѣстностяхъ. Лѣто было знойное и прогулки въ рощи и лѣса доставляли намъ большое удовольствіе.

Изъ Висбадена мы поѣхали на Страсбургъ, Безансонъ, Шалонъ на Саонѣ, въ Ліонъ и оттуда чрезъ Авиньонъ въ Марсель.

Ліонъ оживленный, многолюдный городъ; въ немъ мы пробыли всего два дня, и онъ не произвелъ на насъ никакого особеннаго впечатлѣнія.

Марсель очень понравился и постройками и кипучей торговой дѣятельностью. Генеральныя консульства всѣхъ государствъ, представители всѣхъ націй, громадные магазины съ произведеніями всѣхъ странъ указывали на значеніе этого города въ всемірной торговлѣ. Видъ на взморье, на гавань, усѣянную безчисленнымъ множествомъ судовъ, природа юга, зной, умѣряемый морскою влагой, южный провансальскій типъ жителей съ живыми черными глазами и черными какъ смоль волосами, не всегда красивыхъ, но въ высшей степени типичныхъ и подвижныхъ, были замѣчательными особенностями Марселя.

Пароходы два раза въ недѣлю отходили въ Малагу; случаи къ поѣздкѣ на парусныхъ судахъ представлялись ежедневно. Мы предпочли путешествіе на пароходѣ, и въ ожиданіи отхода парохода пробыли въ Марсели пять дней.

Собираясь ѣхать къ Леѣ въ Испанію, я сталъ еще въ Италіи изучать испанскій языкъ подъ руководствомъ Наины, владѣвшей этимъ языкомъ превосходно, такъ какъ большую часть своей ранней молодости она провела у Леи между Малагой и Гренадой и нерѣдко сопутствовала сестрѣ въ ея путешествіяхъ по Испаніи. Въ теченіи нашей поѣздки отъ Италіи до Марселя я успѣлъ на столько усвоить себѣ испанскій языкъ, что читалъ свободно, понималъ хорошо прочтенное, выучилъ обыденныя фразы и могъ вести непродолжительный разговоръ. Знаніе латинскаго и италіанскаго языковъ помогло мнѣ въ этомъ, по сродству ихъ съ испанскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

III.

Въ то время, какъ Балабуха ѣздилъ »на розглядины« къ Олесѣ, да увивался около ней, по околотку прошелъ слухъ, что Онися Прокоповичевна обручена съ Харитономъ Моссаковскимъ. Мать Балабухи была на ярмаркѣ въ Богуславѣ и привезла эту вѣсть въ Хильки.

— Чи ты знаешь, сыну, за кого подавала рушники Ониська Прокоповичивна? спросила она своего академиста, пріѣхавъ съ ярмарка домой.

— А за кого, мамо? спросилъ сынъ.

— За Харитона Мосаковскаго, карапишаньского дяка, сказала мать.

— За Харитона Мосаковского! за того рудого дяка, за ту чехоню? крикнулъ сынъ.

— Не за дяка-бо! Винъ сёгодня дякъ, а може завтра буде попомъ на батькивськи парафіи, бо ёго вилшаницька громада выбрала соби священникомъ, сказала мать, желая ослабить негодованіе и досаду сына.

— Одкаснулась одъ мене, студента, академиста для того рудого дурня, що винъ навить въ граматыци не бувъ, не тильки що въ философіи? кричалъ Балабуха, поднявъ руки вверхъ и какъ-бы грозя кому-то своими здоровенными кулачищами.

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 88—116.

— Потрывай, сину! успокоивала его мать. Не кричи и не сердься;—ничого тымъ не поможешь, а коли хочъ, пойдь у Кыивъ, та выпроси соби въ митрополита Вилшаницю: парафія велика, поля багато, синокосы... и окомъ не скинути,—геть по-надъ Росью, ще й левада така здорова,—скильки то тамъ картопли та капусты зибрать можно! Ей Богу, сыну, не гай часу, йдь до Кыива! Нехай тоди Ониська потанцюе зъ своею чехонею цыганьскои халяндры. Нехай старый Прокоповичъ дае Харитонови свои Чайки, що ихъ можна въ мишокъ забрать.

— Добре, мамо, радите! Пойду справди до Кыива, до самого владыки. Та же въ ёго академистамъ парафіи на выбирь: яку хочъ, выбирай! самодовольно произнесъ Балабуха и злобно захохотавъ, прибавилъ: О будуть тоби, Ониськo, гарбузы! Дамъ я тоби гарбуза, що будешъ носиться зъ нимъ до смерти.

Не долго думая, Балабуха на другой день отправился въ Кіевъ, явился митрополиту и подалъ прошеніе о предоставленіи ему ольшаницкаго прихода. Владыка не видѣлъ препятствій къ удовлетворенію его просьбы; одобреніе или выборъ прихожанъ отъ академистовъ не требовалось, не требовался и экзаменъ. Послѣ короткихъ справокъ о мѣстѣ и личности просителя и легкой кой-гдѣ смазки со стороны Балабухи, Ольшаница предоставлена ему резолюціею митрополита. Съ торжествующимъ видомъ выходилъ Балабуха отъ владыки, а на встрѣчу ему робко поднимались по лѣстницѣ ольшаницкій староста и двое стариковъ—прихожанъ съ Моссаковскимъ впереди. Увидѣвъ Балабуху, Моссаковскій, встрѣчавшійся съ нимъ прежде, привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ; но Балабуха даже не взглянулъ на него. Тотъ не понялъ или не замѣтилъ этого и въ простотѣ души своей, съ особою привѣтливостію и почтительностію, промолвилъ:

— Чи парафіи шукаете, Марку Павловичу? Боже поможи вамъ на все добре!

— Нехай уже вамъ Богъ помагае, а мени вже помигъ: я зайнявъ вашу Вильшаницю, гордо произнесъ Балабуха и не останавливаясь, прошелъ мимо изумленныхъ представителей ольшаницкой громады, медленно направляясь въ консисторію для выправки указа о своемъ назначеніи. Если-бы надъ головою Моссаковскаго и его спутниковъ раздался въ эту минуту ударъ грома, онъ не поразилъ-бы ихъ бо-

лѣе, чѣмъ слова Балабухи; они стояли и смотрѣли вслѣдъ Балабухѣ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Чи цей паничъ правду каже, чи жартуе, промолвилъ староста.

— Мабуть бреше на свою обыхидку, какъ-бы въ отвѣтъ ему сказалъ одинъ изъ стариковъ: а хто-жъ ёго выбиравъ въ Вилшаницю за священника?

Представители громады не допускали мысли о назначеніи священника безъ выбора громады.

— Та вже чи подався, чи не подався винъ на Вилшаницю, а мы таки ходимъ до владыки. Почуемо, що то намъ владыка скаже,—проговорилъ Моссаковскій.

И всѣ четверо стали подыматься вверхъ. Въ просительской, куда наконецъ они вошли, шелъ пріемъ и стоялъ владыка въ лиловой шелковой рясѣ, въ черной бархатной скуфейкѣ съ вышитымъ напереди крестомъ, не старый, но довольно дряхлый, съ красноватымъ лицемъ, съ жидкой, раздвоенной бородой, на половину сѣдой. Самолично отбиралъ онъ просьбы, выслушивалъ просителей, объявлялъ имъ свои рѣшенія. Дошла очередь до ольшаницкихъ: они поклонились до ногъ и затѣмъ Моссаковскій подалъ отъ себя прошеніе, а староста другое отъ имени громады. Владыка пробѣжалъ то и другое, что-то припомнилъ и дроботливо произнесъ:

— Опоздали, старики! Вашъ приходъ я отдалъ уже другому. Сейчасъ положилъ резолюцію.

Старики замигали глазами, одинъ вздохнулъ, двое другихъ переступили съ ноги на ногу и недоумѣло переглянулись между собою.

— А ты учился въ школахъ? спросилъ владыка, взглянувъ на Моссаковскаго.

— Ба ни, ваше високее преосвященство: я вчився дома въ батька, та въ карапишаньского дяка.

— Гм..., произнесъ владыка.—Чему-же ты учился, что знаешь?

— Вывчивъ граматку, часловець, псалтырь, твердо и увѣренно отвѣчалъ Моссаковскій; вмію читати апостола, евангелію, знаю добре уставъ, вмію спивати на гласы, на »Богъ-Господь«, »на подобенъ«.

— А катихизисъ изучилъ?

— Трошки не довчивъ.

— Ну, и трошку доучи; а коли тебя выбрала громада, то я дамъ тебѣ приходъ, но только поменьше; большіе приходы я отдаю академистамъ. Ну, Богъ васъ благословитъ! Идите съ Богомъ,—закончилъ митрополитъ и направился во внутренніе покои.

Несмѣлые, неповоротливые депутаты только разинули рты, чтобы изложить свою аргументацію, повторить свою просьбу; но владыка уже скрылся за дверью сосѣдней залы. Сконфуженные неудачей, съ поникшими главами, съ опущенными глазами, тяжело вздыхая, переступали они владычній порогъ, а Моссаковскій стоялъ, какъ оглушенный громомъ.

— Чи пиде теперъ за мене Онися? невольно мелькнуло въ его головѣ. Чи пиде вона за дяка? Боже мій! сокрушался онъ, втерявъ я парафію, втерявъ и Онисю.

Глаза его блуждали; лице покрылось мертвенною блѣдностью, руки и ноги окоченѣли. Староста съ участіемъ взялъ его за руку и вывелъ на дворъ.

— А що будемо робити? спросилъ староста, обращаясь къ своимъ спутникамъ, когда всѣ они очутились на дворѣ.

— А те буде, що мы не пустимо того Балабухи на парафію, отъ що! сказали старики.

У Моссаковскаго немного на сердцѣ отлегло, точно пахнулъ на него свѣжій вѣтерокъ. Въ немъ проблеснула надежда возвратить себѣ отнятую парафію, не утратить и Ониси.

Воротившись въ Ольшаницу, депутаты объявили громадѣ волю владыки.

— Не буде такъ, якъ владыка каже! Не пустимо Балабухи на нашу парафію. Нехай буде въ насъ священникомъ Харитинъ, тай годи,—шумѣла громада, собравшись около церкви: пошлемо зновъ, вдруге, прошення до владыки, а якъ не дозволить, пошлемо втрете, а таки нехай буде такъ, якъ громада хоче. Десь выдрався якійсь Балабуха, не явивъ очей въ Ольшаницю, не поговоривъ зъ громадою, а преться до насъ на парафію. Не пустимо Балабухи!

Пока ольшаницкая громада шумѣла да собиралася съ духомъ послать вновь своихъ выборныхъ ко владыкѣ, счастливый Балабуха, возвратясь въ Хильки, дѣлился своею радостію съ родителями и рѣшительно приступалъ къ женитьбѣ.

— А що, сыну, зипхнувъ Ониську зъ парафіи? первая, по пріѣздѣ Балабухи, заговорила мать.

— Зипхнувъ мамо! Такъ и покотилась, ажъ курява пиднялась, отвѣчалъ Марко.

— Отъ теперъ нехай знае, якъ класти въ визъ, та въ кишени студентамъ гарбузы, сказала мать. А ты, сынку, не гай часу, та збирайся до Терлецькихъ, та ще й свативъ бери. Терлецьки скупи, дарма що багати. Треба выбрати въ сваты доброго крутія, щобъ выкрутить сотню—другу карбованцивъ.

— Кого-жъ бы то попросити въ сваты? спросилъ Марко.

— Бери, сынку, дядька отця Мелхиседека, ще й титку попроси. Титка цикава на языкъ, та й дядько добрый торохтій: вони таки щось выторохтять! Та нехай добре припруть Терлецького.

Спустя нѣсколько дней Балабуха студентъ, его дядько »торохтій« и тетка »цокотуха« въѣзжали на дворъ Терлецкихъ.

Терлецкіе, увидѣвъ, что Балабуха пріѣхалъ не одинъ, а съ дядей и теткой, сразу догадались, что онъ явился теперь съ рѣшительнымъ намѣреніемъ свататься на ихъ дочери. Въ домѣ началась необычайная бѣготня. Бѣгала Терлецкая мать, бѣгала Олеся, бѣгалъ самъ Терлецкій, бѣгала Килина, даже бабы въ кухнѣ прониклись общею тревогою и вертѣлись совсѣмъ ужъ безъ нужды и дѣла. Послѣ первыхъ привѣтствій Балабуха поспѣшилъ объявить, что онъ занялъ ольшаницкій приходъ. Терлецкій поздравлялъ его, цѣловался съ нимъ по три раза въ три оборота, цѣловался съ сватомъ Мелхиседскомъ и даже съ его резонабельною женою. Олеся затянулась въ шнуровку такъ, что чуть дышала, нацѣпляла красныхъ и другихъ лентъ, гдѣ только можно было ихъ прицѣпить, и все вертѣлась и бѣгала по комнатѣ въ виду Балабухи. Она знала, что Балабуха не свободно объясняется, особливо въ присутствіи другихъ, и потому пригласила его въ садъ, гдѣ надѣялась услышать отъ него, въ поэтической при томъ обстановкѣ, предложеніе, такъ интересовавшее ее теперь, когда ей минуло уже двадцать три съ половиною года.

— Чи бачили мои квитки? спросила она у Балабухи.

— Ни, не бачивъ, отвѣтилъ Балабуха.

— Ходимъ, я вамъ покажу, яки въ мене квитки! сказала съ живостью Олеся и чуть не потянула его за руку.

Балабуха съ великою натугою поднялся со стула и потянулся въ слѣдъ за Олесею въ садъ.

Цвѣтникъ въ саду былъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ для неприхотливаго вкуса. Клумбы его съ избыткомъ заполнены были левкоями, астрами, резедою, кой-гдѣ торчали кусты георгинъ, но отъ недосмотра заросли отчасти бурьяномъ.

— Дивиться, яки чудови левкои, сказала Олеся, нагнувшись надъ грядками и срывая левкои.

— А справдї гарни, та пахучи, сказалъ Балабуха, въ свою очередь наклоняясь къ грядкѣ.

Олеся сорвала нѣсколько цвѣтковъ и не разгибаясь нюхала ихъ. Балабуха также запустилъ руку въ густо поростіе цвѣты, но заглядѣвшись на полную талію Олеси, вмѣсто цвѣтовъ сорвалъ бурьяну и не замѣтивъ этого, сталъ усердно нюхать.

— Вы нюхаете щирицю! крикнула Олеся, вырывая изъ его рукъ бурьянъ и хохоча на весь садъ.

— Ось потривайте, я вамъ нарву букетъ.

Она нарвала самыхъ лучшихъ астровъ и подала Балабухѣ. Балабуха, не раглядѣвъ, нюхалъ и астры, хотя они совсѣмъ не имѣли запаху.

Олеся вновь захохотала.

— Ходимъ, побачите нашъ садъ, сквозь смѣхъ прозвенѣла Олеся и побѣжала по дорожкамъ сада къ Роси.

Балабуха принялся было и самъ бѣжать, но скоро почувствовалъ, что его ноги способны только ходить, а не бѣгать, и шагая изо всѣхъ силъ, едва успѣлъ догнать Олесю.

— А вы куштовали, яки на смакъ левкои? спросила, смѣясь, Олеся: а нате покуштуйте!

Балабуха глядѣлъ на раскраснѣвшуюся, полногрудую Олесю, какъ-бы опьянѣлый и ничего не соображая; онъ машинально взялъ левкой, положилъ въ ротъ и сталъ жевать, но почувствовалъ горечь, скривился и не зналъ, выбросить-ли изо рта цвѣтокъ или, ничто-же сумняся, скушать на доброе здоровье.

Олеся всѣмъ тѣломъ дрожала отъ смѣха.

— А що смачни?—спросила она.

— Де тамъ, гиркій, якъ полынь,—отвѣчалъ Балабуха и тутъ только рѣшился избавиться отъ непригоднаго кушанья, не чувствуя впрочемъ всей глупости своего положенія.

Олеся продолжала хохотать и, граціозно изгибаясь во всѣ стороны, продолжала быстро идти по дорожкѣ. Балабуха едва поспѣвалъ. Они пришли къ самому берегу Роси и остановились здѣсь на пригоркѣ. Внизу шумѣла вода, переливаясь по камнямъ. По ту сторону Роси, прямо предъ ихъ глазами, гордо высилась отвѣсная, какъ стѣна, скала, вся облитая солнцемъ; за нею по горамъ зеленѣлъ дивный лѣсъ, а вверхъ по теченію Роси виднѣлся Богуславъ, раскинутый по высокимъ ея берегамъ, залитый яркимъ свѣтомъ.

— Теперъ далій намъ немае куда йти, хиба въ воду, або на скели, сказала Олеся, наводя Балабуху на отвѣчавшую ихъ положенію мысль.

— А справди нема куды, хиба въ воду, або на скелы, проговорилъ задумчиво Балабуха.

— А вы полизли-бъ на скели? кокетливо спросила Олеся.

— Ни, не выдерусь, бо дуже круто, искренно отвѣчалъ онъ.

— А якъ-бы я васъ попросила, то полизли-бъ?—какъ-бы поддразнивая, вновь спросила Олеся.

— Полизъ-бы, рѣшительно и твердо сказалъ Балабуха, глянувъ прямо въ очи Олеси.

Глаза Олеси блестѣли, какъ яркая заря; ихъ блеска не ослаблялъ даже яркій свѣтъ солнца. Ея горящее лице пылало, какъ огонь.

А Балабуха все таки молчалъ.

— Правда, у насъ у Хохитви гарно? Краще, якъ у вашій Вилшаници?

— Краще, якъ у Вильшаници, але.... але, якъ бы вы були зо мною въ Вильшаници, то вона-бъ мени здалась кращою отъ Хохитвы,—едва вымолвилъ Балабуха и покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Насилу! слава тоби Господи! Отъ-отъ скаже,—подумала Олеся.

— Якъ же-бъ я була? Чи поїхала-бъ зъ вами, чи що? спросила Олеся.

— Ни, якъ бы вы за мене пишли замижъ, бо я...я.... бо той... Купидонъ пронизавъ наскризь мое сердце стрилою. Амуръ не любивъ такъ Психеи, якъ я люблю васъ, съ большою натугою сказалъ Балабуха.

Олеся читала альманахи, стихи, кой-какіе романы, понимала, что значитъ Купидонъ и что Амуръ, и сказанное Балабухою, помимо содержанія, ей очень понравилось. Романтизмъ носился тогда въ воздухѣ, проникалъ даже въ сельскія захолустья; имъ заражена была и Олеся, начитавшаяся отчасти старинныхъ въ русскомъ переводѣ нѣмецкихъ романтичныхъ повѣстей. Но все таки ей хотѣлось Амура нѣсколько лучше Балабухи: не такимъ она рисовала себѣ своего Амура, да гдѣ его лучшаго взять. Олеся, церемонно опустивъ глаза внизъ, тихо промолвила: якъ батько, та мати скажуть; я згожуюсь.

Балабуха какъ то нерѣшительно поцѣловалъ руку Олеси и ничего больше не могъ уже сказать. Олеся въ свою очередь замолкла. Молча повернули они назадъ, медленными шагами направляясь къ дому.

Въ то время, какъ молодые гуляли по саду, отецъ Мелхиседекъ и его жена, недолго думая, принялись за Терлецкаго и его *панію* и начали трактовать о приданомъ.

— А що, отче Петре, сказати правду, прыихали сватати вашу дочку Олесю, сказалъ отецъ Мелхиседекъ: чи оддасте, чи нехай, якъ кажуть, пидросте?

— Мы зъ жинкою согласни. Не знаю, що дочка скаже, коротко отвѣчалъ Терлецкій.

— Коли вже, дякувати вамъ, така ваша воля, то треба й дарити дитей. Выбачайте, спитаю, що вы думаёте дати за дочкою? съ подходцемъ спросила матушка сваха, Мелхиседекова жена, Мароа Тарасьевна.

Терлецкій взглянулъ на жену и сказалъ: а щожъ? дамо сто карбованцивъ.

— Сто карбованцивъ гроши, то правда, зачастилъ отецъ Мелхиседекъ; але, сказати правду, не велики.

— А вже-жъ не велики, подхватила Мелхиседекова жена: гроши гришьми, але треба й до грошей: треба й воливъ, треба й коривъ, треба й возивъ, треба коней, треба и до коней; треба й мыски й ложки, треба чогось и до ложки. Вже, Господи, що й казати! Вы сами здоровеньки, знаете, чого треба на господарстви, та ще й новому.

Терлецкая сердито взглянула на простую въ *намиткѣ* сваху, которая затараторила, какъ старая цыганка.

— Та вже, свахо, Олеся наша дочка; то таки мабуть не випхнемо іи босу зъ хаты, не безъ ироніи замѣтила Терлецкая.

— Борони Боже! Я й сама мати и маю дочокъ: хвалити Бога, я вже надбала повни скрыни всякого добра для своихъ дочокъ. Въ мене готова имъ и одежа, й плахта, й запаски, й намитки, й скатерти. Я вже презначила имъ коровы й телыци, и кабаны й ліохи, й гусы и индыки.... Де вже! що й казати! Певне и вы придбали для Олеси всякого добра. Чи багато коривъ та воливъ думаете дати? спросила сваха.

— Дви пары воливъ и корову, сказалъ Терлецкій.

— Мало, сказалъ Мелхиседекъ.

— Ей Богу, сердце, мало! подхватила сваха. Двома парами не потягнешь плуга въ поле. Третя пара не зашкодить. Та зъ однои коровы не наберешь ни сыру, ни масла. Треба, свахо, дви коровы, доконче дви, бо вы сами, здоровеньки, знаете, що зъ однеи коровы не наистись масла та сыра. Воно-бъ добре було масла та сыру найстись, ще й на ярмарокъ выслати на продажъ. Що й казати. А скатертивъ багато думаете дати? смѣло спросила сваха.

— И прынись нечистый оцю цыганку! Вона забере въ мене вси коровы, гусы и индыки, подумала Терлецкая.

— Та що тамъ, жинко, скатертû! За гроши можна всього накупити. Я все, бачите, за гроши. Отче Петре! Ей Богу мало сотни карбованцивъ. Що теперъ сто карбованцивъ? То колись було можна за сотню трохи не село купити. Треба дви або й три сотни, та й ще трохи, сказалъ Мелхиседекъ.

— Подумаемо, подумаемо. Въ насъ не одна дочка; сами знаете, сказалъ Терлецкій.

— Та й панщанныхъ вашихъ дайте, сказала сваха. У васъ таки багатенько людей. Дайте хочъ одну симью!

— Де ти люде въ мене! Геть уси порозбигались, неначе ихъ якій нечистый кыемъ порозганявъ! Тильки й зосталась сама калѣчъ: одна баба та горбата Килина, сказалъ Терлецкій.

— Съ тêи горбатои роботы, якъ зъ малои дитины, сказала сваха: вона тильки хлибъ дурно йстиме. Дайте таки здоровенькихъ та мицненькихъ, щобъ догодили були до роботы.

— Але все таки Килина глядитиме дитей, буде за няньку, сказала Терлецкая: Килину дамо, а бильше не дамо.

— И за Килину спасыби! Але прикиньте ще хочъ бабу. Баба не багато заважить, а все таки буде помичъ въ господарстви: хочъ гусей пастиме. Добра баба въ хати, якъ добра квочка: вона й дитей догляне, и курчата добре высидить и ихъ добре выводить,— тараторила сваха.

Мелхиседекъ сердито посмотрѣлъ на жену; она догадалась, что наговорила много лишняго и прикусила языкъ.

— Якъ же воно буде, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, чи на словахъ умовимось, чи напишемо на папери?

— На папери, серденько, на папери лучше буде, забарабанила опять сваха; бо сказано, якъ напишешъ перомъ, то не вывезешъ и воломъ. На папери, на папери! Такъ и Богъ казавъ.

— Сваты гвоздили, пока не выгвоздили еще сотню рублей, еще одну корову и третью пару воловъ, да еще и Килину, хотя Килины не спрашивали, захочетъ ли она разстаться съ отцемъ и матерью и ѣхать въ чужое село. Сваха все поглядывала искоса въ окна, много-ли на дворѣ куръ, гусей, индюковъ и прочей птицы. Она очень любила гусей, любила мягкія пуховыя подушки и все приставала къ Терлецкимъ, чтобы дали Олесѣ побольше гусей.

— Гуска, моя свашко, въ господарстви, то свята птиця, все одно, що вивця, або свиня, выбачайте въ цѝмъ слові: зъ неи мясце, зъ неи смалець, зъ неи пирья, зъ неи й пухъ, зъ неи яйця, зъ неи сыръ, зъ неи й масло, зъ неи вовна, зъ неи молоко, зъ неи ковбас...

Тутъ запнулась сваха и замолкла; она сама почувствовала, что завралась до невозможнаго.

Терлецкая улыбнулась, но отъ смѣха удержалась. Отецъ Мелхиседекъ опять грозно взглянулъ на жену.

Пока старики уговаривались, въ свѣтлицу вошли молодые. Балабуха былъ красный, точно у огня долго постоялъ. Олеся смотрѣла такъ спокойно, какъ-бы ничего съ нею не случилось, точно она прошлась по саду и посмотрѣла свои любимые цвѣты.

— Чи скинчили вы свое дило? спросила сваха, обращаясь къ молодымъ.

Олеся засмѣялась, повернулась сюда-туда по свѣтлицѣ и съ размаху опустилась на стулъ.

— Скинчили слава Богу! отвѣтилъ за себя и за нее Балабуха.

— Поздоровляю васъ! Даруй жо вамъ, Боже, щастя та здоровья, крикнула сваха.

— Роди вамъ, Боже, жито й пшеницю, а въ запичку дитей копицю, сказалъ нецеремонно отецъ Мелхиседекъ, цѣлуясь съ Балабухою.

Всѣ стали поздравлять и цѣловать свѣже помолвленныхъ.

— Коли вы скинчили, то й мы скинчили, закончила сваха: теперъ, свате, можно й на папери нашу розмову написать, прибавила она, лукаво поглядывая на ново-пріобрѣтеннаго свата.

Терлецкій потоптался, повертѣлся и добылъ гдѣ-то бумаги. Хватился пера, пера не оказалось; досталъ чернильницу, а тамъ чернило высохло, осталась лишь черная масса, на подобіе ваксы. Принесли воды, развели чернило. Килина побѣжала на дворъ, поймала гуся, выдернула изъ его крыла два пера и принесла въ комнаты. Батюшки долго очинивали перья, обсасывали и слюнили ихъ, писали: »проба пера и чернила, какъ оно пишетъ« и наконецъ невысокимъ слогомъ положили на бумагу свою »розмову«. Первымъ подписался Терлецкій, а за нимъ сватъ не твердою рукою начерталъ: »іерей Мелхиседекъ, рабъ Божій, за себе и за свою нетямущу письма жинку рабу Божу Марту руку приложивъ«.

— А що, отче Петре! теперъ можна и до заручинъ приступити, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— А вже-жъ треба, якъ слидъ, по закону зробитя, отвѣчалъ Терлецкій и мигнулъ женѣ, чтобы приготовила, что слѣдуетъ по закону. Терлецкая вышла изъ свѣтлицы и скоро вернулась, неся въ рукѣ восковыя свѣчи. Свѣчи зажгли и погрѣвъ ихъ концами дружка о дружку, прилѣпили къ угольному столику, зажгли и лампадку передъ образомъ. Килина съ бабой принесли домашней работы коверъ и разостлали въ углу передъ столикомъ. Обручаемые вступили на коверъ, положили по три поклона, поцѣловали образъ, обмѣнялись кольцами, кланялись до земли сперва отцу, потомъ матери невѣсты, прося благословенія.—Балабуха былъ серьёзенъ, задумчивъ, легкая грусть будто пробѣгала по его лицу; Олеся раскраснѣлась отъ поклоновъ; казалось, вся кровь ея полнаго тѣла прилила къ головѣ. Терлецкій съ важностію своего сана и положенія сталъ благословлять, вспомнилъ долго жившій въ традиціи

фактъ, какъ знаменитый кіевскій проповѣдникъ, протопопъ Леванда говорилъ рѣчь на собственной свадьбѣ, и счелъ умѣстнымъ привѣтствовать рѣчью Балабуху и Олесю; но, не обладая даромъ импровизаціи, запутался на первыхъ-же словахъ и замолкъ. Терлецкаго выручила болѣе его счастливая въ дарѣ импровизаціи сваха Марта. »Щасти вамъ, Боже,—засыпала она, какъ горохомъ, обращаясь къ обрученнымъ,—на все добре, на весь викъ, на весь ридъ, на вашихъ дитей, на вашихъ внукивъ и правнукивъ! Даруй, Боже, щобъ жили вы зъ собою, якъ рыба зъ водою, щобъ любились, якъ голубки, а плодились, пробачайте, якъ свинки́«...

— Та годи тоби, стара, прервалъ свою ораторшу Мелхиседекъ, замѣтивъ, что при послѣднемъ ея словѣ молодые сильно сконфузились, а сваты даже нахмурились.

Сваха замолкла. Благословляла мать. Поздравляли другъ друга сваты, не скупясь на благожеланія. Наконецъ, перецѣловавшись по нѣскольку разъ, всѣ усѣлись, точно устали отъ трудной работы.

Отецъ Мелхиседекъ поглядывалъ, не вынесутъ-ли хоть теперь выпить да закусить, но Терлецкая и не думала, кажется, о томъ, что на взглядъ свата и даже жениха было теперь едино на потребу. Отецъ Мелхиседекъ не вытерпѣлъ наконецъ и по просту сказалъ:

— А що, паниматко свашко! годилось бы може й брызнути на молодихъ.

»Паниматка« догадалась и вскорѣ на столѣ явился знакомый уже Балабухѣ маленькій графинчикъ и столь-же маленькая рюмочка. Отецъ Мелхиседекъ и его жена сердито взглянули на такіе »злыдни« и переглянулись между собою.

Выпили по рюмкѣ, при чемъ о. Мелхиседека даже передернуло отъ досады на скаредность сватовъ. Подали за тѣмъ самоваръ и Терлецкая стала поить гостей чаемъ. Какъ вдругъ двери отворились и въ свѣтлицу влетѣлъ мѣстный кавалеръ, хохотянскій экономъ Сигизмундъ Баньковскій. То былъ молодой, выхоленный блондинъ, съ здоровенными усами, съ роскошными русыми кудрями на головѣ, съ свѣтло-сѣрыми глазами и полными розовыми губами. Его здоровыя круглыя щеки загорѣли, но лобъ обозначалъ бѣлизну кожи, а отъ всей его фигуры такъ и отдавало здоровьемъ. Возвращаясь съ поля и увидавъ въ дворѣ Терлецкаго двѣ брички, онъ догадался, что у него гости. Зналъ онъ, что у Терлецкихъ священ-

ники не бываютъ, но только сосѣди—панки, и предполагая, что тутъ гостятъ знакомыя и ему »панієнки«, завернулъ на часочекъ, разсчитывая весело поболтать да потанцовать. Баньковскій, вертлявый и необычайно живой, буквально вбѣжалъ въ комнату, на лету поздоровался съ хозяиномъ, поцѣловалъ хозяйку въ руку, повернулся на одной ногѣ, стукнулъ каблукомъ, подлетѣлъ къ Олесѣ, цмокнулъ ее въ руку и съ легкостію падающаго мячика опустился рядомъ съ ней на стулъ. Ему и въ голову не приходило, что тутъ только что кончилась помолвка Олеси съ Балабухою, и онъ началъ весело болтать да сыпать обрученной комплименты. Говорили они все по польски.

— Якъ же здровіе панны? Якъ сіе панна ма? Якъ сіе спало? Яки сіе снили квяты? защебеталъ развеселый панъ.

— Спалось добре и ничого не снилось, отвѣтила Олеся, кокетливо вскидывая глаза на Баньковскаго.

— И до правды не снили сіе квяты? игриво допрашивалъ Баньковскій.

— Мени квитки не сняться, а такъ хиба часомъ *кручени панычи*... сказала Олеся.

— А я завше видзе квятки, а часами паненятки зъ карыми очками, лепеталъ Баньковскій.

— Баньковскій и Олеся вели игривую бесѣду, шутили, смѣялись, подзадоривали другъ друга, какъ будто въ комнатѣ не было никого. Мелхиседекъ только посматривалъ на свою Марту, Марта на Мелхиседека.

— Цо то за »намитка« коло самовару? тихонько спросилъ Олесю Баньковскій.

— То сваха; прыихала мене сватати, шопотомъ отвѣтила Олеся.

— И то панна пуйде за те »намитке?« прошепталъ Баньковскій и расхохотался на всю комнату.

Олеся съ трудомъ удержалась отъ смѣха, прикусивши губы. Гости переглянулись, разговаривая за чаемъ. Балабуха сидѣлъ, надувшись.

Хочете подивитьця на мои квитки? спросила Баньковскаго Олеся, поднявшись со стула.

— Овшемъ! Квятки гарни, панны гарни—то мое крулевство, вполголоса сказалъ Баньковскій, выходя вслѣдъ за Олесей въ сѣни.

Балабуха вспомнилъ, что Олеся такъ недавно и тѣми-же словами вызывала его на роковое объясненіе и пришелъ къ мысли, не думаетъ-ли Олеся повести такое-же объясненіе съ ненавистнымъ ему ляшкомъ. Онъ всталъ, взялъ картузъ и вышелъ вслѣдъ за Олесею и Баньковскимъ.

Олеся проворно бѣжала, направляясь къ цвѣтамъ и на бѣгу, какъ птичка, щебетала. Баньковскій не отставалъ, весело подпрыгивая и постукивая каблуками. Мѣшковатый, на галушкахъ вскормленный, Балабуха настигъ ихъ лишь у грядокъ съ фіалками и астрами.

— Гляньте, пане Баньковській, яки чудови мои квиточки, сказала Олеся, нагибаясь надъ грядкой. Баньковскій также нагнулся рядомъ съ Олесей: ихъ руки и плечи соприкасались. Балабуху это передернуло. Олеся сорвала фіалку и подала Баньковскому: тотъ жадно нюхалъ.

— Дае нюхати, якъ и мени давала. А ну, чи загадае вона и ёму ўсти квитки, якъ мени загадувала? подумалъ Балабуха.

Но Олеся не повторила прежней шутки; она лишь ловко подразнила Баньковскаго, который хотѣлъ у ней взять цвѣтокъ, и кокетливо поигравъ имъ предъ носомъ панка, быстро повернулась и побѣжала по дорожкѣ сада, напѣвая веселую пѣсенку. Баньковскій въ припрыжку устремился за Олесей, а Балабуха угрюмо поплелся, не спуская ихъ съ глазъ.

— Ей Богу веде панка туды, куды й мене водила, думалъ про себя Балабуха. А ну, чи загадае вона ёму лўзти на скели? Якъ що тильки загадае, то мабуть вона вдруге стане на заручины зъ цимъ панкомъ.

Олеся добѣжала до конца сада, взглянула на Рось, на скалы, вертѣлась, топала ножкой, точно танцовать хотѣла, но не предложила Баньковскому лѣзть ни въ воду, ни на скалу. Балабухѣ стало легче на душѣ. Онъ любовался тѣмъ, какъ Олеся бѣгала, кружилась, притопывала и тихо напѣвала то польскія, то свои родныя пѣсеньки. Баньковскій безъ умолку болталъ и не далъ Балабухѣ промолвить слова къ Олесѣ.

— Це мій женихъ, шепнула Олеся Баньковскому: я йду за ёго замижъ.

— О, Матка Бозска! тихо промолвилъ Баньковскій, трагически приложивъ руку къ сердцу и поднявъ глаза къ небу.

— Чого вы такъ пиднимаете очи до неба? прошептала Олеся.

— Чого, чого.... Ой вы, панны! Ой вы кваты! вы не знаціе tego..., нашептывалъ Баньковскій, отнимая руку отъ груди и указывая пальцемъ на сердце.—На правде я скоче зъ тей скáлы въ воде.

— А ну скакайте, я подивлюсь! Я зроду не бачила, якъ панычи скачуть зъ скель у воду, сказала Олеся, усмѣхаясь.

— Ой вы, панна! охъ! со вздохомъ произнесъ Баньковскій и мгновенно замолкъ, увидѣвъ приближающагося къ нимъ Балабуху.

Балабухѣ хотѣлось пихнуть панка съ скалы въ воду. Ему рѣшительно думалось, что панокъ хочетъ отбить у него Олесю. Олеся замѣтила, что Балабуха надулся, и сообразила, что пора перестать заигрывать съ Баньковскимъ. Она умолкла, силилась быть серьезной, но въ томъ не успѣла.

Баньковскій сыпалъ комплиментами, заигрывалъ, подшучивалъ; Олеся не выдержала и стала заливаться громкимъ смѣхомъ, перекидываясь съ Баньковскимъ бойкими, подъ часъ ничего не значущими словами. Это была ея сфера; въ ней она выросла, съ ней сроднилась; она такъ подходила къ ея живому, пылкому темпераменту. Чтобы сдержать себя въ эту минуту, она подала Балабухѣ руку, и они тихо пошли по направленію къ дому.

Тамъ между тѣмъ шла иная бесѣда — серьёзная, дѣловая: толковали о днѣ свадьбы.

— Весилля одкладати на довгій часъ зовсимъ не годиться,—говола сваха Марта. Черезъ тиждень, або черезъ два роспочинайте весилля. Въ субботу коровай та шишки, а въ недилю й до винчанья, а то ще Харитинъ одниме парафію.

— Яки шишки? Мы й не думаемо пекти шишки, сказала Терлецкая съ видомъ пренебреженія; це дуже простый звычай.

— А якъ же воно буде, мое серденько? почти вскрикнула Марта: це-жъ буде не по людському и не по Божому. Дежъ таки справляти весилля безъ шишокъ! Въ субботу мы надъидемо пидъ часъ короваю та шишокъ, поможемо замисити и спекти, та й заспиваемо и потанцюемо по старому звычаю, абы музыки були,—допоминалась сваха.

Терлецкая только рукой махнула. Марта стиснула зубы и надулась.

— А Баньковскій, не обращая вниманія на сватовъ, точилъ по прежнему »балясы«, выдѣлывалъ »выкрутасы«, то подсаживаясь къ Олесѣ, то вертясь передъ нею, то подпрыгивая и кружась, какъ въ »обертасѣ [1])«. Сваты искоса поглядывали то на Баньковскаго, то на Олесю и переглядывались между собою. Марта не на шутку разобидѣлась по поводу коровая и шишекъ и стала прощаться. Балабуха не хотя вставалъ со стула, но лишь видъ давалъ, что собирается уѣзжать: ему крайне не хотѣлось оставлять Олесю съ Баньковскимъ. Тѣмъ не менѣе гости поговорили, потолковали, стоя на ногахъ, опредѣлили день свадьбы и распрощались.

— Алежъ ты, Марто, велика брехуха! вже дуже роспускаешъ свого языка, сказалъ Мелхиседекъ своей женѣ на выѣздѣ изъ села: дежъ таки плести таке, що зъ гуски сыръ, и молоко, й вовна, ще й ковбасы.

— Хочъ я й брехуха, а все таки выбрехала небожеви двисти карбованцивъ, три пары воливъ, дви коровы, два десятки гусей, ще й Килину зъ бабою на придачу.

Когда наконецъ женихъ и сваты пріѣхали въ Хильки, сваха на ухо разсказала матери жениха, что продѣлывала съ Баньковскимъ ея нареченная невѣстка. Мать покачала только головой и передала все сыну.

Между тѣмъ отецъ Павелъ саморучно наточилъ изъ баклажки свѣже принесенной изъ подвала водки, а его госпожинька, зная уже отъ сына, каково угощеніе у Терлецкихъ, припасла къ ужину всякой всячины: поставила лапшу, потомъ бараньи *шулики* въ листахъ свѣжей капусты, жаренаго гуся съ сливами и большую »салитерку« вареников. Мелхиседекъ съ Мартою да и самъ женихъ такъ накинулись на ѣду, точно изъ Почаева сейчасъ пришли.

— Чудни ваши сваты, говорилъ о. Мелхиседекъ, выпивая »на потуху«. Горилки не пьють, хлиба жалують: чимъ вони живуть?

— Скупи таки; Господи, яки скупи! вторила ему Марта.

— Та вже коли заручили нашого Марка зъ ихъ Олесею, то мусимо мати ихъ за сватывъ, сказалъ о. Павелъ.

— То правда, не безъ горечи замѣтила Балабуха-мать и обращаясь къ сыну, прибавила: уже-жъ, якъ Богъ тоби поможе одру-

---

[1]) Польскій простонародный танецъ.

житися зъ Олесею, то нехай вона забуде свое панство, та щобъ навчилась гостей витати, якъ Господь приказавъ, а не пускати ихъ противъ ночи голодными.

Вѣсть о предстоящей свадьбѣ Балабухи и Олеси скоро разнеслась въ околоткѣ, но никого особенно не поинтересовала и не порадовала, ибо всѣ понимали, что не придется никому изъ нихъ на этой свадьбѣ гулять. Когда Балабуха, по старому обычаю, поѣхалъ приглашать родныхъ, тѣ благодарили, но отговаривались, кто какъ могъ и умѣлъ. Даже Мелхиседекъ и Марта,—не *дядина*, но тетка родная, и тѣ не вдругъ согласились присутствовать на свадьбѣ.

— Чого я туды пойду, що я тамъ побачу? отвѣчала тетка на приглашеніе племянника. Бо хто тамъ буде?—Мабуть тильки ты, небоже, та твій батько, а решта все Баньковськи та Горшковськи, Копыцинськи та Стожиньски. Свашокъ, свитилокъ, дружокъ тамъ не буде; короваю не забгають, шишокъ не спечуть, писень ніякихъ не почуешь, не буде до кого й слова промовить... Чого я пойду? Такъ хиба на вытришки...

— Та що-жъ, коли вони живуть по панськи, сказалъ Балабуха.

Про мене нехай соби живуть и по свинськи, але сватамъ повинни честь отдать, та по людськи ихъ приймать. Вже-жъ я, слава Богу, не перший разъ за сваху.

И тѣмъ не менѣе быть на свадьбѣ сваха согласилась. Невозможность отказа она и сама вполнѣ понимала; но ей хотѣлось излить всю свою досаду на скупыхъ и »запанѣлыхъ« сватовъ.

Спустя недѣлю Терлецкіе праздновали свадьбу своей дочери съ Балабухою. На свадьбѣ со стороны родныхъ и сосѣдей жениха только и было, что его родители и дядя съ женою, да еще одинъ сосѣдъ священникъ, остальная свадебная компанія состояла изъ мелкой польской шляхты, да такихъ-же чиновниковъ изъ сосѣдняго Богуслава.

Олеся была въ бѣломъ сатентюровомъ платьѣ, съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ на головѣ; весь вечеръ танцовала она съ мѣстными и пріѣзжими панками да богуславскими чиновниками. Смуглый, загорѣлый Балабуха въ бѣломъ жилетѣ, съ повязаннымъ на шеѣ бѣлымъ шолковымъ платкомъ, рѣзко выдѣлялся и своею наружностію и своими манерами въ этой все таки полированной средѣ. Участія въ танцахъ онъ и не могъ принять; танцовали трамблямъ

краковяка, позже мазурку, а онъ могъ-бы пройтись развѣ *козака* да *метелицы*. Балабуха занимался созерцаніемъ сновавшихъ предъ его глазами нимфъ и сиренъ; лишь изрѣдка приходилъ ему на память иной стихъ изъ древнихъ поэтовъ. Матушки сидѣли молча и отъ времени до времени потрогивали одна другую локтями. Положеніе батюшекъ было все таки сноснѣе: съ пріѣзжими экономами они вели кое-какой разговоръ; напримѣръ о томъ, какъ родится рѣпакъ, когда и въ какую землю его сѣять и какую выгоду онъ даетъ, а равно о только начинавшемся тогда сахарномъ производствѣ. Долго Богуславскіе жидки играли, долго паничи и панны танцовали. Батюшки и матушки не только соскучились, но и порядкомъ проголодались, а имъ вмѣсто привычной и ничѣмъ для нихъ незамѣнимой горилочки подавали чай, потомъ разныя сладкія печенья, богуславскую *бакалію*—фиги, рожки и родзынки и изъ собственнаго сада разную овощь. Такое угощеніе мало ихъ занимало и развлекало; они до него совсѣмъ почти и не дотрогивались. Чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ болѣе одолѣвали ихъ скука и голодъ.

Сваха Марта стала даже дремать и чуть совсѣмъ не заснула. Сестра ея, мать жениха, замѣтивъ это, слегка тронула ее за руку и онѣ вмѣстѣ принялись выражать свою досаду на Терлецкихъ.

— Це не весилля, а якась дитяча забавка, сказала мать Балабухи.

— Ни короваю, поддержала ее сестра, ни шишокъ, ни весильнихъ писень. А колибъ ты знала, якъ я йсти хочу.

— Та хоть-бы по чарци дали, еще тише высказалась сестра: мене ажъ за печинки тягне.

Въ это время лихо несся на нихъ Баньковскій въ мазуркѣ съ Олесею, гулко выбивая каблуками.

— Дивись, сестро, замѣтила Марта, якъ стрибае, ажъ усы трусяться. Бый ёго сила Божа, неначе скаженый.

За полночь поданный ужинъ столь-же мало удовлетворилъ ихъ, какъ и предъидущее угощеніе. На столахъ было больше посуды, чѣмъ кушаньевъ. Никакой тутъ настойки, ни наливки не было, понаставили много тарелокъ, много стакановъ, стояло нѣсколько бутылокъ сантуринскаго, тенерифу и мушкателю да хорошаго, правда, меду—*липцу*, что сосѣдъ поссесоръ къ свадьбѣ подарилъ; но и то все безцеремонно панки потребили. А что всего хуже,—не было ни припросу, ни докуки.

— Чомъ ты, сестро, не йси? спрашивала Марта Балабуху-мать.

— А якъ же ёго йсти, отвѣчала она, коли нихто не припрошуе.

Тэкъ и встали изъ-за стола наши сваты и свахи голодными и ужъ нимало не пьяными, какъ слѣдовало по старому обычаю.

— Буду довго памятати сынове весилля! говорила послѣ ужина мать Балабухи, обращаясь къ своему мужу. Нехай же вони до насъ прыидуть, то я имъ покажу, якъ-то свативъ витати: вже-жъ я ихъ не выпущу голодными та тверезыми.

— Цуръ ёму, цёму весиллю! вторилъ ей мужъ; йдьмо до дому.

— Колибъ лишень Терлецкій не обдаривъ и сына такимъ приданымъ, якъ насъ оцією вечерею.

Ни о какихъ дальнѣйшихъ, привычныхъ въ старомъ быту церемоніяхъ и сопровождающемъ ихъ бражничаньи не могло быть и рѣчи. Сваты и свашки ясно это видѣли и потому единогласно рѣшили отправляться ко дворамъ. Терлецкіе не очень упрашивали ихъ остаться; но за то эти съ полнымъ радушіемъ и искренностію просили Терлецкихъ о томъ, что такъ сказать слѣдовало само собой, т. е. привезти къ нимъ »молодыхъ« и закончить у нихъ свадебное празднество.

Скоро послѣ свадьбы Марко Павловичъ отправился въ Кіевъ и получилъ посвященіе. Съ граматою и указомъ онъ явился къ благочинному и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Ольшаницу, чтобы войти въ свой приходъ. Благочинный позвалъ старосту и велѣлъ отперетъ домъ священника, который, за отъѣздомъ Харитона къ одному изъ братьевъ, оказался запертымъ, равно оповѣстить громаду, что на слѣдующій-же день (а это приходилось воскресенье) молодой батюшка будетъ совершать первое служеніе.

— Ключи въ мене, скромно началъ староста, але я не маю права одмыкати, бо то хата не громадська, а покійного батюшки, а теперь Харитона.

— А дежъ буде жити вашъ новый священникъ? спросилъ благочинный.

— Де схотять, тамъ и житимуть, отвѣчалъ, понуро глядя, староста.

— То нехай громада дасть ему кватиру, сказалъ благочинный.

— Не мы выбирали соби священника, не мы будемо й кватиру ему давати, спокойно, но твердо говорилъ староста. Громада вы-

брала за священника сына покійного панотця, Харитина, и хоче, щобъ винъ бувъ у Вильшаныци священникомъ.

— Та це-жъ самъ владыка прыславъ вамъ сёго священника, возразилъ благочинный.

— А коли владыка ёго прыславъ, то нехай владыка и кватиру ёму дае, также спокойно отвѣчалъ староста.

Балабуха испытывалъ большую неловкость и смущеніе. Онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ отпорѣ со стороны громады, который ясно обозначился въ отвѣтахъ старосты.

— Вже, старосто, якъ громада схоче, а нового священика нехай прыймае, продолжалъ благочинный.

— Ба не прыймемо. Не мы его выбирали, не намъ его й прыймати, сказалъ наотрѣзъ староста.

— А все-жъ таки новый священикъ буде въ вашій церкви службу Божу правити, прибавилъ на другой ладъ благочинный.

— Нехай правлять: то Боже дило, а громада кватыри не дасть, замѣтилъ на это староста.

Благочинный не желалъ болѣе тратить по напрасну словъ: ввелъ Балабуху въ церковь, передалъ ему предъявленное старостою имущество и ключи, а за тѣмъ, отслуживъ вечерню въ пустой церкви, оба отправились на ночлегъ къ дьячку. На утро Балабуха, въ присутствіи благочиннаго, служилъ обѣдню и чтобы расположить къ себѣ прихожанъ, прочелъ два-три акаѳиста предъ обѣдней, самую обѣдню тянулъ долго, а въ концѣ сказалъ длинную-предлинную проповѣдь, нарочито имъ на этотъ случай написанную. Голосомъ, фигурою, манерою служенія Балабуха приходился по вкусу громадѣ; но медленность службы и проповѣдь, пропитанная насквозь схоластикою и пересыпанная текстами славянскими и словами польскими и даже латинскими, рѣшительно не располагали прихожанъ къ новому батюшкѣ.

— Тай довго-жъ держить цей пинъ у церкви. Вже, мабуть, и обидъ простоявъ,—жужжали хозяйки, выходя изъ церкви.

— Що то винъ читавъ? чи яки указы, чи що? спрашивали другъ у друга хозяева.

— Атъ! верзе щось таке, що й купы не держиться, отвѣчалъ одинъ представительный старикъ. Богъ зъ нимъ, зъ цимъ непроханымъ попомъ!

По данному отъ старосты наказу, громада собралась около церкви. Вышелъ благочинный и сталъ убѣждать ее принять новаго батюшку и дать ему квартиру, или-же купить для него домъ прежняго священника.

— Не хочемо, отче! И кватыри не дамо, и не сплатимо грунту покійнаго батюшки, загудѣла громада: мы таки будемо домагатись у владыки, щобъ Харитинъ бувъ у насъ священникомъ.

— Якъ хочете, а я не маю права зминыти, що постановивъ владыка, сказалъ благочинный: новый священикъ зостанеця у васъ на парафіи.

— Воля ваша! Нехай зостанетця, але мы не будемо давати ему помочи.

Благочинный долго на всѣ лады уговаривалъ громаду, но ничего не могъ сдѣлать. Балабуха остался на нѣкоторое время въ хатѣ дьячка, но скоро увидѣлъ, что ему приходится дорого расплачиваться за свое недавнее торжество надъ Онисею. Онъ служилъ, но въ церкви мало видѣлъ прихожанъ, а нѣтъ людей, нѣтъ и приносу. Онъ крестилъ, погребалъ и вѣнчалъ, а люди или вовсе не платили ему, или платили очень мало, а за акаѳистами, молебнами и другими подобными требами обращались къ сосѣднимъ священникамъ; громада еще разъ нарядила посланцевъ къ владыкѣ просить о Харитонѣ Моссаковскомъ.

Балабуха попробовалъ показать своимъ парафіянамъ молодую ихъ матушку, но этимъ еще болѣе повредилъ себѣ. Олеся нарядилась и пошла въ церковь, но имѣла неосторожность стать впереди всѣхъ предъ иконостасомъ, а не въ »бабинцѣ«, гдѣ обыкновенно становились прежнія матушки и ихъ дочери. Громада загудѣла:

— Що воно таке за пани! Пришла простоволоса (не покрытая платкомъ), роспустила свои спидныци, тай выперлась на самый передъ, мабуть, щобъ на неи пипъ дивився, а попа на его. Господа зневажае, громады не шануе.

Какъ ни изворачивался Балабуха, но ничего не могъ подѣлать. Старался онъ задобрить старосту и стариковъ, увѣщевалъ въ церкви и по домамъ,—ничто не помогло. Громада стала противъ него, какъ одинъ человѣкъ; перестали подходить къ нему подъ благословеніе, обходили на улицѣ, отказывали въ какой-бы ни было услугѣ, а самое главное не давали ему ни доходу, ни приносу. Олеся пожила

съ недѣлю въ дьяковой хатѣ и уѣхала къ отцу. Балабуха не могъ не видѣть всей безвыходности своего положенія: въ его рукахъ была церковь, и ризы, и кропило, и кадило, а дохода никакого и жить совсѣмъ стало нечѣмъ. Оставалось или голодать, или просить другаго прихода.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА.[1]

(Южно-русская религіозная драма конца XVII ст.).

Рукопись, по которой мы воспроизводимъ текстъ этой драмы, сообщена редакціи изъ купянскаго уѣзда, харьковской губерніи, куда она попала, конечно, совершенно случайно. Подлинное заглавіе драмы слѣд.: *Розмова во кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшой отъ судіи справедливого Христа Спасителя.* Ни самая драма, ни имя ея автора въ нашей исторической литературѣ совсѣмъ не извѣстны. По формѣ и пріемамъ построенія она подходитъ къ драмамъ св. Димитрія Ростовскаго, по языку едвали-не предшествуетъ имъ. Во всякомъ случаѣ это одинъ изъ первыхъ памятниковъ этого рода, доселѣ совершенно неизвѣстный.

По внѣшнему виду, рукопись представляетъ восемь листковъ in 4° бѣлой, совсѣмъ потемнѣвшей бумаги, которые, какъ замѣтно, были когда-то сшиты, но не имѣютъ никакой нумераціи и отъ начала до конца заполнены текстомъ драмы. Рукопись сохранилась довольно хорошо, хотя и представляетъ въ послѣднихъ четырехъ листкахъ небольшой дефектъ: въ нѣсколькихъ стихахъ оторваны крайнія буквы, которыя впрочемъ восполняются легко.

Изъ помарокъ и поправокъ, имѣющихся въ рукописи, можно догадываться, что это черновая авторская рукопись, окончательно имъ выправленная.

Судя по письму и бумагѣ, памятникъ этотъ надо отнести къ концу XVII ст. и самое позднее къ первымъ годамъ XVIII ст. Вся

[1]) За сообщеніе этого цѣннаго памятника приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Петру Васильевичу Иванову.—Ред.

рукопись писана однимъ почеркомъ съ массой сокращеній и надстрочныхъ приписныхъ буквъ, безъ всякихъ слѣдовъ вліянія русскаго петровскаго письма.

О начертаніи буквъ можно замѣтить слѣдующее. Буква *в* имѣетъ два начертанія, встрѣчающіяся въ актахъ XVII в.; позднѣйшая форма, состоящая изъ двухъ вертикальныхъ линій, соединенныхъ чертами вверху и внизу, въ рукописи отсутствуетъ. Твердый и мягкій знаки употребляются въ двухъ разныхъ начертаніяхъ: обыкновенномъ и въ видѣ надстрочныхъ знаковъ, особливо въ предлогахъ, а при сокращеніяхъ сливаются съ начертаніями надписанныхъ вверху рядомъ съ ними буквъ. Звукъ *g* выражается или латинскою буквою этой формы, или-же двумя буквами *кг*, напримѣръ *кгди*, *gродое* и т. п. Буква *Ф* только разъ употребляется въ теперешнемъ ея видѣ, какъ прописная въ словѣ »Филипъ«, въ остальныхъ-же случаяхъ употребляется знакъ латинскій, напр. *обfите*. Буква *о* только въ предлогѣ *отъ* имѣетъ видъ омеги, причемъ *т* всегда бываетъ приписнымъ. Буква *я* имѣетъ всегда видъ іотированнаго съ переди *а* и въ позднѣйшемъ своемъ начертаніи ни разу не встрѣчается. Іотированное долгое *и* (суди*и*) имѣетъ надъ собой точку и сверхъ нея горизонтальную черту. Наше полугласное *й* изображается или двумя вертикальными надстрочными черточками, или съ помощью краткаго знака, напр. *своĕ* своей, *нăдражăшая* найдражайшая.

Относительно языка »Розмовы«, оставляя научную его оцѣнку спеціалистамъ, можемъ только замѣтить, что въ основаніи какъ формъ, такъ и лексическаго матеріала лежитъ языкъ малорусскій съ небольшою примѣсью церковно-славянскихъ словъ и формъ и съ солиднымъ наслоеніемъ полонизмовъ.

Форма »Розмовы« стихотворная, хотя и опредѣленная, почти вездѣ однообразная, но невыдержанная и неправильная. Основной стихосложной схемой служитъ силлабическое двустишіе съ рифмой; каждый стихъ имѣетъ 13 слоговъ съ цезурою послѣ седмого слога, напр.:

Все еси то, неизная, || погами здоптала,
Gди роскоши свѣтовой ||назбитъ голдовала.

Весьма часто встрѣчаются сокращенія до 12 и 11 слоговъ. Случайно, повидимому, между эти стихи попало въ реплику »Души« шесть двустишій девятисложнаго силлаба, какъ напр.:

О годино ахъ страшливая!
Где я дѣмся нещчасливая?

Такія двустишія писаны въ рукописи въ одну строку, но стихи отдѣлены одинъ отъ другого чертой. Обѣ эти формы стиха преобладаютъ въ произведеніяхъ польскихъ классиковъ XVI и XVII ст., особенно въ драматическихъ, и затѣмъ въ XVIII вѣкѣ очень часто употребляются и малорусскими писателями.

Въ основѣ »Розмовы« лежитъ религіозно-нравственная сентенція о нелицепріятіи суда Божія. »Розмова« очевидно направлена противъ людей, излишне надѣющихся на милосердіе Божіе. Конечная ея цѣль—дать высшій идеалъ справедливаго суда человѣческаго. Основная идея развита въ этомъ случаѣ въ одноактную драму, изображающую судъ Божій надъ душою грѣшника. Драмѣ предшествуетъ краткій прологъ, сущность котораго въ слѣд. словахъ: не такъ происходитъ судъ Божій, какъ мы обыкновенно представляемъ. Картина суда представлена въ шести явленіяхъ (видокахъ). Въ первомъ явленіи Архангелъ Михаилъ вызываетъ умершихъ изъ гробовъ, дабы въ качествѣ публики присутствовали на судѣ и были свидѣтелями, что правосудіе Божіе не творится подъ вліяніемъ »ярости и гнѣва«, а руководствуется лишь »справедливостью«. Во второмъ явленіи Судія приказываетъ Архангелу Михаилу ввести судимую душу, которая, не видя возможности защищаться, готова безъ суда пойти въ адъ; на нее набрасывается діяволъ, но ангелъ хранитель, играющій роль защитника, требуетъ свободы подсудимой до произнесенія вердикта. Судія изрекаетъ обвиненіе, согласно предъявленному діволомъ »списку« злыхъ ея дѣлъ; душа старается оправдать чѣмъ нибудь свои проступки и проситъ о помилованіи. Ангелъ хранитель въ свою очередь предъявляетъ списокъ добрыхъ ея дѣлъ и проситъ принять ихъ во вниманіе; Судія назначаетъ провѣрку силы доказательствъ обвиненія и защиты, которая производится въ третьемъ явленіи на вѣсахъ; оказывается, что злыя дѣла перевѣсили добрыя и ангелъ хранитель отступаетъ отъ души. Въ четвертомъ явленіи душа желаетъ оправдаться въ послѣднемъ словѣ, но совѣсть и діяволъ побѣждаютъ ее. На этомъ оканчивается слѣдствіе и состязательный процессъ, и въ 5-мъ явленіи Судія, поставивъ вопросъ о виновности, требуетъ отъ 12 апостоловъ ихъ мнѣнія (сентенцій). Одинадцать апостоловъ высказываются за обвине-

ніе, одинъ только Іоаннъ повергаетъ участь души на усмотрѣніе Судіи, прося о милосердіи. Въ шестомъ явленіи Судія, убѣдившись, что всѣ признаютъ душу достойной наказанія, »видаетъ декретъ, абы по дѣломъ отпесла заплату«.

Таковъ сюжетъ »Розмовы«. Насъ невольно останавливаетъ высокое для того времени представленіе о безпристрастномъ судѣ. Такіе гуманные принципы, какъ гласность, защита, оцѣнка доказательствъ, отбираніе мнѣнія двѣнадцати судей—вѣдь они только недавно проникли въ наши судебные органы. Высказанный въ »Розмовѣ« ангеломъ хранителемъ дезидератъ: »нехъ едно идетъ ко суду свободне« и до сихъ поръ, во многихъ случаяхъ, остается только дезидератомъ; во все время нашего предварительнаго слѣдствія обвиняемый не можетъ »свободне« распоряжаться средствами защиты.

Составляетъ-ли »Розмова« переводъ или заимствованіе изъ западнаго образца, выросла-ли она на мѣстной почвѣ,—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ она служитъ цѣнной иллюстраціей тогдашняго умственнаго и нравственнаго развитія. Авторъ »Розмовы« (лице, по всей вѣроятности, духовное) не могъ отрѣшиться отъ теоріи устрашенія наказаніемъ, но онъ-же представляетъ здѣсь апостоловъ разрѣшающими вопросъ о виновности, а Судію только примѣняющимъ наказаніе и объясняетъ это тѣмъ, что Судія не желаетъ показаться въ своемъ судѣ суровымъ.

Въ транскрипціи нашей мы старались быть буквально вѣрны съ подлинникомъ и ограничились только раскрытіемъ сокращеній и надстрочныхъ знаковъ, а также установкою пунктуаціи, для удобства чтенія. Не имѣя для передачи іотированнаго *и* соотвѣтствующаго типографскаго знака, мы отмѣчаемъ оное курсивомъ.

Ц. Г. Нейманъ.

Розмова во кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшой отъ Судии справедливаго Христа Спасителя.

Не такъ судъ той, якъ звикли описовать люде,
въ остатний день предъ Сыномъ Бога Отца буде.
Но зъ сей розмови о томъ хтѣмо памятати,
якъ барзѣй предъ страшнѣйшимъ судомъ мѣемъ стати.
Кгди Сынъ Божий зъ дѣлъ нашихъ будетъ насъ судити,
о горе зло творящчимъ, кой страхъ будутъ мѣти!

ВИДОКЪ 1.

Архангелъ Михаилъ.

Слишѣте, лежащии во гробной яскинѣ [1]),
котріе презъ смерть въ темной зостаете сѣни!
Абисте ся правому суду присмотрѣли,
повстанте, любся есте южъ въ прахъ премѣнили,
А признайте изъ мертвихъ воскресшему Богу,
же хочъ мѣстъ образу [2]) отъ грѣшника многу,
Лечъ [3]) не въ ярости своей, ни въ гнѣвѣ караетъ,
но справедливимъ судомъ зъ ними поступаетъ.
Шчедръ и милостивъ Господь долготерпеливий;
встаньтежъ отъ гробъ, а зрѣте, якъ естъ справедливий.

Еденъ мертвий востаетъ.

Давцо всѣмъ смерти, давцо и живота!
ото я естем рукъ твоихъ робота.
На гласъ Аггелский зъ мертвихъ ўставаю,
а поклонъ тебѣ низкий отъдаваю.

Вторий мертвий востаетъ.

На твой единый палецъ, Боже мой, скиненя [4])
все тебѣ послушное стается створеня.

---

[1]) Яскиня (jaskinia)—пещера.

[2]) Образа (obraza)—оскорбленіе.

[3]) Лечъ (lecz)—но.

[4]) Скиненя (skinienie)—мановеніе.

Якъ смерти-сь былъ росказалъ животъ нашъ забрати,
так на вказъ твой мусѣла намъ его вертати.

Третий востаетъ отъ гроба.

Тебѣ весь сонмъ Аггеловъ, Творче мой и Пане,
отдаетъ честь и поклонъ вездѣ безпрестанне;
И ми, ставши отъ гроба зъ тварію гнилою,
впадаемъ до стопъ твоихъ трупи предъ тобою.

4. востаетъ отъ гроба.

Кгдя на судѣ нинѣ Судіе сѣдаешъ,
чи и повторежъ насъ судити маешъ?
Єди въ остатний день всѣхъ отъ гроба возбудишъ
и кождаго зъ дѣлъ истинно осудишъ,
Въ тотъ часъ и днесь будь милосерднимъ, Пане,
хтожъ предъ тебе правъ а безъгрѣшенъ стане.

ВИДОКЪ 2.

Судія до зъ мертвихъ восталихъ мовитъ.

Не бойтеся, не на судъ то казано вамъ встати,
но угодно мнѣ есть за свѣдковъ васъ мати.
Грѣшникъ сконалъ, тожъ душу нехай на судъ ставитъ,
нехай за его дѣла вразъ [1] ся исправитъ.
Зле жилъ, здопталъ ногами мое приказа(н)я,
нехай же южъ срогое [2]) одержитъ караня.
Михаиле, всѣхъ полковъ небеснихъ гетмане!
заволай, нехъ грѣшнича душа на судъ стане.

Михаилъ.

Душо неґзная [3]), душо чловека грѣшнаго,
на справу пред Судію предстани страшнаго!

---

[1]) Вразъ (wraz)=тотчасъ.
[2]) Срогое (srogie)=грозное, жестокое.
[3]) Неґзная (nędzna)=негодная.

Д у ш а.

О нешчасливая новина,
О нешчасливая година!
Нешчасливая моя доля!
Въ що мя випровадила своеволя?
Якъ я на тотъ судъ могу стати,
Якожъ ся буду справдовати?

М и х а и л ъ.

Иди, бридкая душе, иди по неволѣ,
а дай справу предъ судомъ зъ своей своеволѣ.

Д у ш а.

О годино ахъ страшливая!
Где я дѣмся нешчасливая?
Заразъ мя въ пекло воверзѣте,
А пред Судію не ведѣте.
О горе мнѣ на судѣ стати!
Штож я тамъ буду отвѣшчати?

Д и я в о л ъ.

Ай бо не такто тебе на судъ, душе, треба,
поневажъ [1]) не мѣла есь стараня до неба.
То ти змовишъ, же чортъ то справивъ тобѣ тое,
жесте зъ тѣломъ у свѣтѣ справовали злое.
Нехай же судъ уважитъ, если моя вина,
жесь здоптала своего приказаня пана.
Пойди, пойди ко суду и я изъ тобою;
тожъ изъ суду озму тя до пекла зъ собою.

Агелъ охранитель.

Пречь, враже! прежде время чемъ душу турбуешъ?
можешъ ся омилити, што ей обецуешъ.
Жила зле, а часомъ тежъ жила и побожне,
узримъ: нехъ едно идеть ко суду свободне.

[1]) Поневажъ (poniewaž) — такъ какъ.

Судія.

А тисъ то естъ нензная, штосъ жила сваволне,
тисъ то въ свѣтѣ згордѣла мною доброволне,
Творцась свого ногами стерла приказаня;
самажъ узнай, если есь негодна караня.
Точилась войну зъ Творцемъ своимъ въ свѣтѣ смѣло,
догаждающе тѣлу, чого едно хтѣло,
А о вѣчное добро бынамнѣй [1]) не дбала,
но грѣхи, аки воду, безпечнесь пивала;
Въ тебе писмо святое ґрашками [2]) бывало,
пянство, обжирство толко тебѣ смаковало:
Овожъ [3]), душе нензная, отвѣшчай же нинѣ,
кгдысь заслужила быти въ пекелной яскинѣ.
Дайте книги, где дѣла той души вписанни,
нехай сама уважитъ, якъ годна нагани:
Отъ пса бридкаго горѣй житя справовала,
доброволне о пекло сама ся старала.

Дияволъ (показуетъ списку).

Ото, Судіе страшный, Судіе правдивий,
я исписавъ весь животъ тутъ еи строптивий.

Судія.

О, нешчасливое рукъ моихъ створеня,
достойно есь вѣчного стало потопленя!
А на тоежъ я тебе во свѣтѣ зъ нѣчого
на образъ свой чловека сотворилъ живого,
На тоежъ я тебѣ давъ розумъ совершений
и волю: абы еси вѣкъ свой замѣрений,
Въ свѣтѣ жиюшче, стратилъ безъ жадной боязни,
отъ Творца свого ждушче страшливой казни.

---

[1]) Бынамнѣй (bynajmniej)=совсемъ не.
[2]) Ґрашка (fraszka)=пустякъ.
[3]) Овожъ (owoż)=слѣдовательно.

А на тоежъ я въ свѣтѣ поносивемъ[1]) рани,
 на том же я нещчадно бувъ и скатований,
Далъ тѣло и животъ за житіе твое,
 абымъ тя въ небо воведъ, сотвореня мое.
Въ чтожъ святыхъ сакраментовъ[2]) отъ мене подания,
 въ щожъ крови моей сталось обѓите[3]) проляня?
Все еси то, неизная, ногами здоптала,
 ꙋди роскоши свѣтовой назбитъ[4]) голдовала[5]).
А въ штожъ ся южъ днесь ласки мои премѣнили,
 которіе для тебе во свѣтѣ служили,
Аби есь небесныхъ добръ могла доступити,
 а во вѣчной роскоши со святыми жити?
А ти тимъ всѣмъ, неизная, въ цѣлѣ погордѣла,
 а ко дияволю ся сердцемъ обратила,
Волѣла еси врагу въ свѣтѣ голдовати,
 нѣжъ зъ Творцемъ своимъ въ небѣ вѣчне царствовати.
Комужъ еси служила, тотъ ти и заплатитъ,
 тотъ тя въ свое жилишче запровадитъ.
Милший тебѣ дияволъ билъ надъ Творца твого,
 зъ нимъ же теперъ заживай и роскошей его.
А поки естъ вѣчности, тамъ будеши жити,
 веспол[6]) въ пекелномъ огнѣ изъ тѣломъ горѣти.

Душа.

Тамже мене, Творче мой, южъ то отсилаешъ;
 ахъ, чи вжежъ то отъ себе мене отдѣляешъ?

Судія.

Ти сама ся, неизная душе, отдѣлила,
 ти сама доброволне мною погордѣла.

---

[1]) Поносивемъ (ponosiłem)=претерпѣвалъ.
[2]) Сакраментовъ (sakramentów)=таинствъ.
[3]) обѓите (obfite)=обильное.
[4]) Назбитъ (nazbyt)=слишкомъ.
[5]) Голдовала (hołdowała)=поклонялась.
[6]) Веспол (wespół)=вмѣстѣ.

Душа.

Ти еси сердовидецъ, Творче мой и Пане,
зрижъ якъ жалѣетъ сердце мое безъпрестане,
Жемъ заповѣдей твоихъ въ свѣтѣ не сполнила,
жемъ тя свого Творца зѣло образила.

Судія.

Не въ часъ еси взбудила сердце до жалости,
бо южъ моей наступилъ часъ справедливости.

Душа.

Со слезами молю тя, змѣни запалчивость,
якъ Творецъ надъ створенямъ, сотвори мнѣ ми(лость)[1]);
Вшакъ[2]) же не токмо естесь, Пане, справедливий,
лечъ биваешъ и къ грѣшнимъ часто милостивий.

Судія.

Такъ есть; чемжесь, ґди въ свѣтѣ зъ тѣломъ зоставала,
о милосердіе ся мое не старала?
А теперъ южъ часъ минулъ мого злѣтованя[3]),
южъ справедливаго часъ наступилъ караня.
Ѳди тя южъ обвинену зрю на судѣ нинѣ,
идижъ отъ лица моего къ пекелной яскинѣ!
По дѣломъ твоимъ декретъ такий видаваю,
во огонь тя пекелний вѣчне посилаю;
Зъ дияволи мешканя тамъ будешъ имѣти,
вѣчне зъ ними во огнѣ пекелномъ горѣти.

Душа.

Вшакъ кровію твоею естемъ оздоблена[4]),
чи зо мноюжъ твоя кровъ будетъ потоплена?
Яжъ святіе приймала, Пане, сакраменти,
мѣламъ вѣру, же могли грѣхи моя стерти.

---

[1]) Оторванныя мѣста въ рукописи возстановлены въ скобкахъ.
[2]) Вшакъ (wszak)=вѣдь.
[3]) Злѣтованя (zlitowanie)=сожаленіе.
[4]) Оздоблена (ozdobiona)=украшена.

Судія.

Незбожне есь, нензная, въ свѣтѣ зоставала,
негодне сакраменти святіесь приймала;
Чулась, же безъ дѣлъ вѣра всегда поглашченна:
чемужъ есь въ злихъ учинкахъ била занурена [1])?
Овожъ и крови моей обѓите струменя [2])
на болшое кехъ тебѣ будетъ потопленя.
Берѣте сію душу, дияволи, въ руки,
а провадте, якъ свое на вѣчніе муки.

Душа.

Погибламъ, ахъ погибла во вѣчніе вѣки,
жемъ зле жила во свѣтѣ межи человѣки.
Ахъ мнѣ южемъ зъ опеки Бозкой виверженa,
отъ роскошей небеснихъ естемъ отсуждена.
О страшная заплато моей своеволѣ,
ахъ мешканя горкое в пекелной неволѣ!
О множество рознихъ мукъ, и несказаное,
а такъ на мя нензиую много собраное!
Проклята, проклята есмъ, ахъ нинѣмъ познала,
кгдимъ ся южъ дияволамъ до пекла достала.

Спѣвання.

Тутъ смертелніе зписавъ всѣ еи закал(и)
и што колвекъ [3]) изъ тѣломъ у свѣтѣ дѣя(ли),
Не слухаючи, пане, твого приказаня,
я тежъ кождое писавъ той души скаля(ня).

Aггелъ Хранитель.

Пане милосердний и судіе правдивий,
вибачъ, а не зри на ей животъ кецнотливий!
Вшакъ же предъ ся што колвекъ и добре чинила,
а подъ часъ, якъ уломний чловекъ, поблудила.

---

[1]) Занурена (zanurzona)=окунутая.
[2]) Струменя (strumienie)=потоки, ручьи.
[3]) Штоколвекъ (cokolwiek)=чтобы-то ни было.

Правда, же грѣхъ усегда долженъ естъ караня,
а цнотѣ всегда въ тебе естъ пошанованя;
Многожъ и добрихъ было ей дѣлъ въ свѣтѣ, Пане,
котріе ото маю въ себе исписание.

Судія.

Азъ по дѣломъ заплату усѣмъ отдаваю,
добрихъ милую, а злихъ жестоко караю:
Зважтежъ добріе дѣла и злие на шалѣ [1]),
же бысте позору [2]) на судъ мой не мали,
Ту тутъ ся покаже, чого душа тая годна:
чили будетъ карана, чили тежъ свободна.

ВИДОКЪ 3.

(Аггелъ охранитель присмотривается вазѣ, але злие дѣла добрихъ преважаютъ, и по спѣваню иниxъ персонъ)

Аггелъ мовитъ.

(Не м)огу тя болей, душо, вимовляти,
(но) прийдется и минѣ за тебе встидати.
(Ша)ля легка естъ изъ доброми дѣли;
якъ злие дѣла збитъ добрихъ превишили!
(Чу)лась, єдимъ мовилъ о добромъ до тебе,
(нинѣ)жъ душо, отвѣшчай южъ сама за себе.

ВИДОКЪ 4.

(Душа хочетъ ся оправдити, але сумленя и дияволъ оную звитяжаетъ).

Згрѣшиламъ, ахъ згрѣшила! вижду сама явне,
же шаля добрихъ дѣлъ злимъ подается снадне [3]).
Ахъ сумленя! чемъ жесь мнѣ не оповѣдало,
чемъ жесь мя отъ сей казни не остерѣгало?
Чемъ мнѣ жиючой зъ тѣломъ не чинилось смутку,
абимъ била въ покутѣ доказала скутку.

---

[1]) Шаля (szala)=вѣсы.

[2]) Позору (pozoru)=подозрѣнія.

[3]) Снадне (snadnie)=легко.

Згрѣшиламъ, але и чортъ зводивъ мя на тое,
абимъ всегда во свѣтѣ починала злое.
Его то сѣти, его справи мя вловили,
а такъ въ сроґіе муки мене утопили.

Дияволъ.

Неправду мовишъ, вшакемъ не чинивъ ти сили;
штося стало, Бозкие очи тое зрѣли.
Не тягнувемъ тя къ грѣху за лобъ усиловне: [1])
штось хтѣла, тось творила въ свѣтѣ доброволне.
Малимъ нѣчимъ отъ Аггелъ былась умаленна,
чемъ же въ зліе учинки билась зануренна?
Отъ телесности мѣлась злое накушченя,
а теперъ мене клеплешъ и свое сумленя.

Сумленя мовитъ.

Ахъ душо, чемже мене такъ, свое сумленя,
во вѣчное тягнути смѣешъ потопленя?
Чи разъ же я на тебе сердечне волало
предъ тимъ, нѣжъ што еще злое ся ставало:
Ей, для Бога, грѣхъ то естъ! Богъ будетъ карати;
ей, бойся, душе, вѣчнихъ добръ въ небѣ втеряти;
А любо то ся ти здастъ зъ твоимъ утѣшенямъ,
але певне заплатишъ вѣчнимъ потопленямъ!
А тись на мои слова нѣчого не дбала,
мовлячи: ей, грѣхъ той естъ, рѣчъ то барзе мала!
Штожъ зъ того, любъ ся я днесь допущу до злого?
вшакъ исповѣдь святую мѣю я для того.
Яжъ и по исповѣди въ сердце-мъ тя торкало:
ей, не мовъ же то Богу! проступаешъ мало,
Же на святую сповѣдь безпечне дуфаешъ [2]),
а безъ жадного встиду въ грѣхъ всегда впадаешъ.

---

[1]) Усиловне (usiłownie)=насильно.

[2]) Дуфаешъ (dufasz)—надѣешься.

Ахъ, не разъ мое сердце зъ жалю омлѣвало,
видячиче, што ти за то потомъ бытн мало!
Зналамъ, же тя судъ Божий скараетъ за тое,
же есь, псу встидъ продавши, починала злое.
А теперъ мя, сумленя свое, оскаржаешъ,
невинне злости свои на мене складаешъ.
Тись мене не слухала,— твоя естъ причина,
же днесь на тебе пришла сродая руина.

Душа мовитъ.

Згрѣшиламъ, ахъ згрѣшила! знаю то до себе,
лечъ не престану, враже, жаловать на тебе;
Бо тись то, діяволе, добръ людзкихъ зазорца,
тись мя звювъ на тое, же я свого Творца
Такъ назбитъ великими грѣхми образила,
презъ тебе я караня того заслужила.
Тись мнѣ роскошъ марнаго засладилъ былъ свѣта,
тись мя звювъ, жемъ твоего слухала совѣта.

Диявол ъ.

Южъ себѣ не поможешъ, любъ тя я изводилъ,
бо-мъ тебе ко грѣху ґвалтомъ не приводилъ.
Мѣла еси отъ Бога свободную волю,
чемжесь такъ збитъ кохала въ свѣтѣ своеволю?
Чи разъ же казнодѣе [1]) на тебе волали,
чи разъ ти духовніе до уха шептали:
Ей, душе! не дай тѣлу спросной [2]) своеволѣ,
бо обое будете въ пекелной неволѣ?
А тись на тіе слова нѣчого не дбала,
казаня и исповѣдь за жартъ себѣ мала.
Отожъ я днесь конечне говорити мушу
на запамяталую добръ небесныхъ душу.
Прошу тебе покорне, Судіе справедливий,
видай на сію душу декретъ справедливий!

---

[1]) Казнодѣе (kaznodzieje)— проповѣдники.

[2]) Спросной (sprośnéj)— негодной, безнравственной.

Душа.

Уви мнѣ, окаяной! о горе мнѣ стало!
жемъ не памятала, же жити въ свѣтѣ мало!
За житіе сладкое а краткое въ свѣтѣ
ахъ пришовъ часъ безъ конца болѣзни терпѣти!
Ахъ мнѣ, жемъ зле творила, жиюще по волѣ!
отож избитной моей плата своеволѣ!

ВИДОКЪ 5.

(Судія питаетъ Апостоловъ о сентенцію и мовитъ тіе слова).

Якъ ся вамъ здаетъ о той душѣ своеволной,
всѣхъ мерзостей грѣховнихъ изобилне полной?
Жебимъ ся въ суду моемъ не издавъ суровий,
вашихъ словъ до слуханя я естемъ готовий.

Апостолъ Петръ.

Тая неизная душа не хтѣла до неба,
то южъ предъ нею небо замкнути потреба.
Зѣло на своеволю была роспущена,
тожъ годна, аби была неба отсуждена.

Павелъ.

Я учитель народу, тое мѣю зданя,
же годна душа тая вѣчнаго караня,
Бо она казанями усегда гордѣла:
слушнаяжъ рѣчъ, бы въ неклѣ во вѣки горѣла:

Андрей.

Крестъ у тоеи души бивавъ въ посмѣваню,
а жити незбожне то въ ей било коханю.
Овожъ, же ся святого креста отрѣкала,
годна, аби въ пекелнихъ мукахъ зоставала.

Іяковъ Братъ Божій.

Я Іяковъ, а братъ твой, Судіе и Папе,
прошу, нехай зъ декретовъ такъ ся нашихъ стане:

Же твоею дшчерею не хотѣла быти,
нехъ же не будетъ годна лица твого зрѣти.

Иоанъ.

Ти створитель, ти Богъ нашъ и судия правий,
лечъ знаемъ, же и къ грѣшнимъ биваешъ ласкавий:
Одъпустижъ грѣхъ души сей, хочъ била своволна,
если милосердія твоего естъ год(на).

Маѳей.

Не годна, бо святіе скарби зле вмѣняла,
сакраменти Божіе за нѣзащо мала,
Въ ней найдражайшая кровъ и Христово тѣло
простимъ виномъ и хлѣбомъ въ мисли часто (было).

Марко.

На исповѣдехъ всегда она обецала,
же ся отъ злихъ учинковъ повстягнути [1]) мала;
А потомъ ся вертала, якъ песъ къ бліоватинню,
доброволне сама йшла въ пекелну яскиню.

Лука.

Заслужила вѣчное та душа проклятство [2]),
бо ҙдижъ служби Божіе и все набоженство
За простіе вимисли въ сердцу своемъ мѣла,
нѣбы не хрестіянка спросне въ свѣтѣ жила.

Варѳоломей.

Годна есть вѣчной смерти, бо не памятала,
же зъ тѣломъ разлучившись, на судъ стати мала.
Не хотѣла о смерти згола [3]) памятати,
не хтѣла приказаній церковнихъ слишати.

---

[1]) Повстягнутися (powsciągnąć się) = воздержаться.

[2]) Проклятство (przeklęstwo) = проклятіе; слово это рифмовано съ »набоженство, а потому надо полагать, что гласная »я« произносилась въ немъ какъ польское »ę«.

[3]) Згола (zgoła) = совсѣмъ.

Филипъ.

(Н)е годна въ небѣ жити, бо святіе пости
въ тоей души бивали нѣби вимислъ простий;
(Хочъ) для людзкой обмови любо и постила,
еднакъ же всѣми злостми назбитъ ся кормила.

Симонъ.

(Г)одна естъ тая душа пропасти безденной,
бо въ злой запалчивости мешкала штоденной.
Якъ песъ стеклий на всѣхъ ся злостю поривала,
а бинамнѣй пекелнихъ мукъ ся не бояла.

Ѳома.

Гнѣвъ, ненависти, обжирство и всѣ ей обмови,
пянство, не встидливіе всѣ ей розмови,
Всѣ справи вшетечніе, [1]) котріе чинила,
годна, би зъ ними вѣчне во огнѣ горѣла.

Судія.

Чи такое усѣхъ васъ о той души зданя?

Всѣ мовлятъ.

Такъ, бо годна естъ, Пане, вѣчного караня.

ВИДОКЪ 6.

(Судія на душу грѣшную видаетъ декретъ, аби по дѣломъ отнесла заплату).

---

[1]) Вшетечніе (wszeteczne)=безнравственныя.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ.

Низложеніе гетмана Самойловича, сосланнаго потомъ въ Сибирь, и выборы новаго гетмана, Ивана Мазепы, въ 1687 году, вызвали, какъ извѣстно, весьма сильное и значительное движеніе въ народной массѣ, движеніе, имѣвшее повидимому чисто соціальный характеръ. Рядъ измѣненій, внесенныхъ въ земельный и общественный строй жизни гетманами и старшиною, управлявшими Малороссіей послѣ возстанія при Богданѣ Хмельницкомъ: захваты земель и цѣлыхъ селъ, о которыхъ разсказываетъ Самовидецъ (Лѣт., стр. 169), образованіе крупныхъ владѣльческихъ хуторовъ, привлащенія посполъства и козаковъ, перемѣны въ системѣ выборовъ сотенной и полковой старшины, все большее и большее вторженіе оной въ народныя права и стремленіе возстановить, что было недавно »скасовано козацкою шаблею«,—все это не могло не вызвать броженія въ массѣ, еще недавно побѣдившей поляковъ и свергнувшей съ себя иго польскаго владѣльчества. Броженіе это и разразилось въ бунтѣ 1687 года.

Объ этомъ бунтѣ мы имѣемъ лишь самыя общія свѣдѣнія; даютъ ихъ намъ лишь одни лѣтописи и хроники: Величко, Самовидецъ и нѣкоторые другіе. Полнѣе всего исторія бунта разсказана у Велички (т. III, стр. 53—4). »По низложеніи гетмана Самойловича съ гетманства, разсказываетъ онъ въ своей лѣтописи, »заразъ зо всѣхъ полковъ городовихъ войска козацкого многіе своеволцы, не дожидаючися нового гетмана, отъехали самоволно зъ

обозу въ дома свои, и якъ въ дорогѣ, такъ и въ домахъ и полкахъ своихъ, учинивши крамолу и бунтъ и другихъ, въ домахъ зоставшихъ, легкомысленныхъ людей зъ собою до тоей же своеволи заохотивши, *не только арендаровъ, але и иншихъ можнихъ людей и крамаревъ* невинныхъ безумнѣ брали *и имѣне ихъ между себе розшарповали*, а нѣкоторихъ и самихъ въ смерть забивали и разние убитки и мордерства надъ ними виполняли«. Самовидецъ кратко говоритъ, что »почалися бунти у войску *на старшихъ*«, что затѣмъ »*многіе двори пограбовали*«, »*арендаровъ и инихъ людей знатнихъ* и пріятелей гетмана бувшого« (Лѣтопись, стр. 169). Еще короче говоритъ другая краткая лѣтопись [1]). Составитель ея разсказываетъ, что »*черни (козаки и мужики) пановъ своихъ, а паче арендаровъ грабили*«. Изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ можно было заключать лишь о характерѣ и направленіи движенія; но гдѣ и въ какихъ мѣстностяхъ проявилось народное движеніе, — оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Ни Величко, ни другіе хроникеры ничего не сообщили намъ на этотъ счетъ. Не знаемъ мы также ничего опредѣленнаго и о дѣйствительныхъ размѣрахъ движенія и о степени энергіи, съ какою проявилось оно. Извѣстно лишь, да и то въ самихъ общихъ чертахъ, какъ закончился народный бунтъ. Вступленіе къ управленію дѣлами Мазепы, энергическія мѣры, принятыя до него и имъ самимъ, положили вскорѣ конецъ возстанію. »Заразъ, говоритъ Самовидецъ о возстаніи, тое Москва ускромила«, а краткая лѣтопись сообщаетъ, что бунтъ продолжался, »поколь бунтовщиковъ смирено« (ib.). Лишь одинъ Величко нѣсколько болѣе распространяется на счетъ исхода бунта. Вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ и подававшихся »обидимыми«, тотчасъ-же были назначены специальныя судныя коммиссіи и »своевольники« были живо смирены. »Заразъ, разсказываетъ Величко, всѣхъ тѣхъ своеволниковъ по городахъ и селахъ велѣно старшинамъ зискать, ловити и до крѣпкого вязеня отдавати; потомъ розыски чинити, по которыхъ розискахъ однимъ,

---

[1]) Краткое лѣтоизобразителное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствій и случаевъ описаніе«, изд. г. Бѣлозерскимъ, въ его Сборникѣ южно-русскихъ лѣтописей. Кіевъ. 1856 г., стр. 85.

важнѣйшимъ, руки и ноги поломано, другимъ головы неистовые оттинано, третихъ на шибеницахъ вѣшано, четвертыхъ на худобахъ карано, зъ пятихъ глупство кіями вигоняно«. Всѣ эти энергическія мѣры привели къ тому, что, какъ говоритъ тотъ-же Величко, »стапула въ мірѣ тишина и безбоязненное людямъ тамошнимъ мешкане«.

Таковы извѣстныя доселѣ данныя о бунтѣ 1687 г. Всѣ они характеризуютъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не давая вовсе свѣдѣній о ходѣ его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія этого послѣдняго рода даютъ намъ три документа, найденные нами въ числѣ разнаго рода актовъ, приложенныхъ въ копіяхъ къ Румянцовской описи Малороссіи 1766—68 г.[1]), въ подтвержденіе правъ на владѣніе землями въ селѣ Скопцахъ Ивана Сулимы, сотника воронковскаго, и мѣстечкѣ Домонтовѣ, Стефана Томары, полковника переяславскаго. Это, во первыхъ, выпись изъ судебнаго разбирательства, учиненнаго переяславскимъ судомъ въ 1688 году по дѣлу о бунтѣ, во вторыхъ, двѣ купчихъ крѣпости: одна, 1689 года, выданная Сулимѣ козакомъ с. Скопцевъ (переяславскаго уѣзда) Петромъ Романенкомъ, и другая, данная жителемъ мѣстечка Домонтова (золотоношскаго уѣзда) Савою Паливайченко, въ 1689 г. 22 іюля, Стефану Томарѣ, въ то время сотнику домонтовскому.

Два первые документа касаются возстанія въ сотенномъ городкѣ переяславскаго полка, Воронковѣ. По свидѣтельству ихъ, старшина воронковская и крамари (торговцы) очутились, благодаря бунту, въ крайнемъ »небезпечеиствѣ«. Лица, зависимыя отъ нихъ, ихъ слуги, бросали ихъ беззащитными и бѣжали, и всѣ власти въ м. Воронковѣ, вся старшина и можные и богатые люди были предоставлены собственной участи. А опасность была для нихъ тѣмъ большею, что не однѣ только отдѣльныя лица, а вся воронковская громада приняла участіе въ погромѣ, направленномъ противъ »старшихъ«. Главнымъ руководителемъ движенія былъ, повидимому, козакъ изъ с. Скопцевъ, Петръ Романенко, »клавшій«

[1]) Документы эти находятся въ связкахъ описи переяславскаго полка, и именно сотенъ: перво-полковой и домонтовской, связкахъ, хранящихся въ библіотекѣ университета св. Владиміра.

вездѣ, какъ выражалась на судѣ громада, »початокъ дѣлу«, не упускавшій случая разграбить старшинское добро. Масса не отставала отъ своего руководителя. По выписи изъ судебнаго дѣла [1]) нападеніямъ подверглись: сотникъ Иванъ Сулима (все движимое имущество его забралъ къ себѣ въ с. Скопцы козакъ Романенко, остатки разграбила громада), Максимовичъ, у котораго разорена винокурня, вмѣстѣ съ откармливавшимися при ней свиньями, и крамаръ Константиновичъ, лавка котораго была разбита и разнесена. Мѣстная старшина успѣла однако скоро оправиться и сама принялась за усмиреніе бунта, лишь только увидѣла, что новый гетманъ—свой человѣкъ и человѣкъ энергическій. Въ усмиреніи взбунтовавшейся воронковской громады дѣятельную и характерную для того времени роль игралъ нѣкто Думитрашко (быть можетъ, сынъ или родственникъ полковника переяславскаго Думитрашка-Раича). Вся воронковская громада была обложена крупнымъ по тому времени штрафомъ въ 500 талярей въ пользу потерпѣвшихъ. Случилось однако такъ, что деньги были взяты, а потерпѣвшіе ничего не получили,—деньги оказались если не цѣликомъ, то въ большей части въ карманѣ возстановителя порядка Думитрашка. Когда въ слѣдующемъ 1688 году, по указу царей Петра и Іоанна и царевны Софьи, и распоряженію гетмана Мазепы, начался и въ Воронковѣ судъ надъ грабителями, то на судѣ явилась продѣлка Думитрашка: громада жаловалась, что съ нея взыскано болѣе 500 талерей »въ нагараду того грабовку«, а потерпѣвшіе отъ погрома, извѣстныя уже три лица заявили, что изъ этой награды они ничего не получили. Дѣло было ясное и очевидное. Судъ призналъ за тремя потерпѣвшими право на вознагражденіе и присудилъ Ивану Сулимѣ слѣдуемую ему сумму взыскать съ Романенка и Думитрашка, а Константиновичу и Максимовичу съ одного послѣдняго; жалоба громады м. Воронкова оставлена безъ удовлетворенія. Выполнилъ-ли Думитрашко по рѣшенію суда, остается неизвѣстнымъ. На судъ онъ лично не явился; не прислалъ даже уполномоченнаго отъ себя, не смотря на »килкокротніе самого

---

[1]) Выпись, къ сожалѣнію очень краткая, касается лишь нѣсколькихъ лицъ; полнаго дѣла и описи нѣтъ; оно хранится, по всей вѣроятности, въ дѣлахъ малороссійской коллегіи.

гетмана, ясне велможного, его милости, пана, листовіе указы«, и былъ осужденъ заочно. Другой подсудимый, козакъ Романенко, понесъ тяжелую кару въ своей »худобѣ«. Долго ему удавалось уклоняться отъ выполненія судебнаго приговора и только около десяти лѣтъ спустя, послѣ новаго иска Сулимы, Романенко повинился и »безъ жадного примусу и насилія, доброволне« отдалъ Сулимѣ, взамѣнъ денегъ, которыхъ онъ не имѣлъ, свои земли въ с. Скопцахъ: островъ, лѣсъ, два сѣнокоса—луговой и степной, оцѣненные въ суммѣ 230 золотыхъ. Мимоходомъ отмѣтимъ, что Сулима около этого времени пріобрѣлъ осѣдлость въ Скопцахъ, и это, въ связи съ купчей, выданной Романенкомъ, дало Сулимѣ возможность въ въ 1721 году добиться отъ гетмана Скоропадскаго универсала, по которому *все* село Скопцы (кромѣ козаковъ и ихъ грунтовъ) было отдано ему въ собственность.

Послѣдній изъ найденныхъ нами трехъ документовъ,—запись козакомъ Наливайченкомъ части своего лѣса сотнику Томарѣ даетъ прямое указаніе на то, что бунтъ 1687 г. имѣлъ мѣсто и въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, ибо сынъ козака Наливайки отдаетъ свою землю (часть лѣса) за проступокъ отца, который, какъ говорится въ документѣ, »невиповѣдимо, подчасъ *того злого рабунку*, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ вещахъ викрочилъ его милости пану Стефану Томарѣ«.

Приводимъ самые документы, имѣющіе, кромѣ историческаго, и историко-юридискій характеръ и значеніе.

И. Лучицкій.

I.

Выпись зъ книгъ енералного суду войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого. Року тисеча шесть сотъ осѣмъ десятъ осмого, мѣсяца декеврія осмого на десятъ дня.

По повеленію присвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей, Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государинѣ, благовѣрной царевны и велыкой княгини Софіи Алексѣевны, всея великія, и малія, и бѣлія Росіи самодержцевъ, ихъ царского пресвѣтлого величества.

Предъ нами отъ боку самого ясне велможного, его милосты, пана Іоанна Мазепи, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого, до Переяславля на разсужденіе вшелякихъ справъ въ прошломъ року подъ розрухъ сталихъ, зосланими Михайломъ Вуяхевичемъ, судею енералнимъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого Иваномъ Ломѣковскимъ, Андреемъ Василевичомъ, писаремъ судовымъ, и при битности пана Іакима Головченка, полковника переяслонского, Івана Гулака, обозного полкового, і Максима Хоменка, атамана городового, на справки ниже описаніе засѣлими, ставши у суду нашому Іванъ Сулима, бывшій сотникъ воронкувскій, при жалосной суплѣце своей, прикладалъ на реестрѣ шкоди свои отъ Романенка Петра ему сталние: же того часу онъ, приихавшы до Воронкова, *всѣ добра его* (яко реестру роборуетъ) *рухомые забралъ*, до которыхъ добръ Петро Романенко и самъ знался, же побралъ, толко не згожался зъ реестромъ, лечъ доводилъ тую своего шкодованя челядникомъ Петра Максимовича [1]), меновите Матвѣемъ, которой подъ сумленемъ своимъ свѣдчилъ, ижъ тогди утѣкаючи отъ пана своего, *въ небезпеченствѣ будучого*, въ селѣ Скопцяхъ [2]), где мешкалъ Петро Романенко, видѣлъ, яко зъ возовъ складали много добръ Ивана Сулими, привезенихъ зъ Воронкова [3]).

По записаню сей справки, ставши обоего чину *люде воронкувскіе* подали суплѣку отъ всей своей *громади*, жалѣючися на Дмитрашка, же за тотъ *проступокъ, которій учинилисмо Ивану Сулимѣ за початкомъ Петра Романенка и остатокъ* после него добра его разграбовали, взялъ у насъ вини болше пяти сотъ талярей, обѣцуючися тую суму въ нагороду того грабовку ему, Ивану Сулимѣ, дати, и не далъ. Судъ прихилнимъ будучи до такого свѣдоцтва, и такъ Романенка, яко и Дмитрашка обвинивши, жебы укривжоному за шкоди его обадва нагородили и заплатили, наказуемъ.

До тоей-жъ суми пяти сотъ талярей Юско Константиновичъ з Воронкова подалъ суплѣку на того-жъ Дмитрашка, ускаржаючися, же за шкоди сталіе отъ Петра Романенка, то есть за порабованя комори зъ крамкомъ, зъ тоей-жъ суми мѣлъ заплатити и не заплатилъ. Которому то укривжоному жалобнику повиненъ будетъ заплатити, судомъ наказуемъ.

---

[1]) Сотника бубновскаго.

[2]) Переяславскаго уѣзда полтавской сотни. Въ то время село перво-полковой сотни переяславскаго полка.

[3]) Мѣстечко того-же уѣзда. Въ то время сотенный городъ воронковской сотни, переяславскаго полка.

Того-же термину и до тоей-жъ суми вибраное презъ Думитрашка болше пяти сотъ талярей, Дмитро Максимовичѣ подалъ на реестрѣ и свои шкоди, *ускаржаючися на вороонковцовъ*, которие, мовитъ, *въ мѣскомъ воронкувскомъ дворѣ три куфи горѣлки розграбили и попили, и четвертую куфу у дворѣ передъ мѣскомъ, борошна виничного молотого сорокъ осмачокъ мѣри воронкувской, и увесь посудокъ виничний, и шестьдесятъ свиней.*

Аже Дмитрашко, за килкокротнимъ самого ясне велможного его милости пана гетмана листовимъ указомъ и нашимъ судовимъ извѣщеніемъ, на скаргу вишъ менованихъ обжалованя на термену не сталъ и умоцованого своего для отповѣди (подобно зъ умислу всѣ справи и скарги на него занесеніе зволѣкаючи) не прислалъ, теди и въ небитности его зъ заводовъ и документовъ правнихъ уваживши, жебы всякіе шкоди Дмитровѣ Максимовичови, Івану Сулимѣ и Юску Константиновичю Дмитрашко зъ тоежъ вибраное на воронкувцахъ суми безъ жадной изволоки нагородилъ, наказуемъ.

Которие справи, якося точили и декретомъ судовимъ скончили, такъ, за потребованіемъ сторонъ, до книгъ актовихъ переясловскихъ про память записани, зъ которихъ и сей виписъ подъ судовою печатю и за подписомъ руки писарской естъ виданъ. Писанъ въ Переясловлѣ.

(на подлѣнномъ):

Андрей Василевский, писаръ судовій
войсковій енералній.

(Румянцевская опись, переяславскій полкъ, документы перво-полковой сотни, т. I, подъ 1688 г.).

II.

Виписъ зъ книгъ мѣскихъ переяславскихъ права майдибурского его милости пану Ивану Сулимѣ, товаришу значному войсковому, на грунта отъ Петра Романевка за худобу въ бунти пограбованную, въ суммѣ золотихъ двѣстѣ и тридцяти пущение. Року 169 февраля 15.

За вѣдомостю его милости пана Іоана Мировича, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского переяславского передъ обополнимъ урядомъ полковимъ и майстратовимъ въ ратушѣ переясловской, передъ нами, Леонтьемъ Потаповичомъ, обознимъ полковимъ, Іоаномъ Гулакомъ, сотникомъ полковимъ, Михайломъ Ивановн-

чемъ, атаманомъ городовимъ, Іваномъ Соколскимъ, войтомъ переясловскимъ, Корнѣемъ Еремѣевичемъ, буймистромъ, Стефаномъ Ивановичемъ, райцею старшимъ, Миколаемъ Лукяновичомъ, Яковомъ Федоровичомъ, райцами и иними райцами и лавниками, становши очевисте его милость, панъ Иванъ Сулима, товарищъ знатный войсковій, покладалъ жалобу на Петра Романенка, козака и жителя скопецкого, которій подчасъ бунтовъ грабовалъ у Воронковѣ худобу его, за що судомъ енералнимъ суженій и декретъ видано, наказуючи сурово ему, Петру Романенку, починенние шкоди его милости пану Ивану Сулимѣ нагородити и во всемъ, яко належитъ, погодити. А онъ презъ килканадесять лѣтъ декрету суду енералного задосить чинити замедлѣвъ, вимогаючися Петро Романенко, ижъ для того до тихъ часъ починенныхъ шкодъ не исполнилъ, же его милость панъ Іанъ Сулима не впоминался. До которого декрету суду енералного стосуючися, ми обополній урядъ наказалисмо Петру Романенку, безъ жадной отмови и продолженя часу, нагородити починенние шкоди. Аже не мѣвъ готовой суми, просивъ его милости пана Яна Сулиму, жеби грунта на Скопцяхъ или где уподобаетъ собѣ шацункомъ принявъ. обѣцуючи всѣ грунта свои ему отказати. На якое прилѣжное прошеніе призволився его милость панъ Янъ Сулима и грунтами приимати, и на томъ угода стала. По колку дняхъ становши очевисте Петро Романенко предъ нами, вишъ менованнимъ обополнимъ урядомъ, въ ратуши переясловской, визналъ явне, ясне, доброволне, безъ жадного примусу и насилля до записаня въ книги тие слова: маючи я *сеножать* отъ Скопцовъ къ Илтицѣ, почавши отъ дѣдовой могили по Исапшинъ грунтъ до ющенкового окопу, по юсченкову ниву, котора до Илтицѣ притягла, отческую и дѣдизную, *островъ* ющенковскій зъ *садкомъ* и *березами* и *лозами* по сеножать Хомину Посенкову; *сеножать и березу* по окунъ, граница по могилу Бѣлоусову, и *въ степу сеножать*, тожъ отческая и дѣдизная, нѣкому нѣвчомъ не пенная и не заведенная, пустилемъ его милости пану Яну Сулимѣ и панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ вѣчними часи въ поссесію за шкоду и бунти починени, въ сумѣ золотихъ двѣстѣ тридцять; мѣетъ тижъ его милость панъ Янъ Сулима, панѣ малжонка его и потомкове ихъ власть зуполную вѣчними часи тими грунтами, сѣножатми, садомъ, березами, лозами, островомъ, яко хотѣти, владѣти и пожитковати, волно имъ, кому хотѣти, дати, продати, даровати, замѣняти, яко ко найлѣпшому пожиткови своему примножити и приспособляти, а я, Петро Романенко, анѣ жона моя, анѣ дѣти мои, анѣ кревніе, близкіе и далекіе, не мѣемъ власти вѣчними часи до тихъ грунтовъ озиватися и своити, и овшемъ, ежели-би хто колвекъ зъ кревнихъ моихъ, близкихъ и далекихъ, мѣлъ до тихъ грунтовъ озватися и важился его милость пана

Яна Сулиму, або пототкомъ его турбовати, теди я винне достою у каждого суду и права, становши своимъ коштомъ, ихъ заступати и боронити, а на того турбатора покладаемъ вини до шкатули войсковой тисячу золотихъ. Которое доброволное зезнане ми, обополній урядъ, вислухавши, позволилисмо до книгъ мѣскихъ переясловскихъ вписати, а зъ книгъ вписавши и печатми судовою и майстратовою ствердивши, роскazалисмо видати его милости пану Яну, товарищу знатному войсковому, панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ на защиту и оборону въ потомніи часы, за подписомъ рукъ нашихъ.

(На подлинномъ):

Леонтій Потаповичъ, обозній полковій переясловскій, рукою. Іванъ Сокалскій, войтъ переясловскій зъ майстратомъ. (Тамъ-же).

III.

1689 року, іюня 22 дня.

Я, Сава Наливайченко, житель домонтовскій, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому того будетъ потреба, ижъ за власній проступокъ небозчика отца моего, которій невиновѣдимо, подчасъ того *злого рабунку*, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ вещахъ, викрочилъ его милости, пану Стефану Томарѣ, сотниковѣ домонтовскому, аже *правне обвиноватившu* мене за отцевскій проступокъ, не мѣлимъ чимъ-би моглъ погодити пана сотника нашего, теди во вечность два гайки, подъ Матвѣевкою[1]) стоячие, которие мѣлемъ сполне изъ Иваскомъ Горлачемъ, свои половины власние и никому не ценние, его милости пану Стефану Томарѣ, сотнику нашему домантовскому, вручаю. До которихъ отнюдъ нѣхто не повиненъ такъ изъ далекихъ, яко и близкихъ нашихъ приятелей втручатися. Для чего даю сее мое доброволное писание при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ, жителяхъ домонтовскихъ, тута подписаннихъ, напродъ:

Дмитро Володко, атаманъ городовій, Василь Брахно, Матвѣй Симоненко, братъ старшини (?), Васко Похожай, ктиторъ храму Рождества пресвятия Богородици домонтовского, Васко Горлачъ, Романъ Демба, Иванъ Чорномазенко, Гаврило Дриваль, Касянъ Шулженко, Иляшъ Дорошко, Іляшъ Ісаенко, войтъ домонтовскій. Дѣялося у Домонтови року и дня вишписанного.

(Рум. Опись, документы, относящіеся до селеній домонтовской сотни, т. I, № 8).

---

[1]) Деревня домотовской сотни, нынѣ золотоношскаго уѣзда.

Библіографія.

Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.

Среди многочисленныхъ трудовъ извѣстнаго своею ученостью, трудолюбіемъ и высокимъ художественнымъ талантомъ нашего историка, несомнѣнно монографія о Богданѣ Хмельницкомъ занимаетъ первое мѣсто. Монографія эта появилась первый разъ въ печати 25 лѣтъ тому назадъ и съ того времени авторъ не переставалъ изучать избраннаго имъ предмета, внимательно слѣдилъ за всѣми, вновь появлявшимися въ печати, матеріалами и трудами, относящимися къ сюжету его изслѣдованія, многіе новые матеріалы открывалъ самъ въ архивахъ и отъ времени до времени, пользуясь новыми научными пріобрѣтеніями, исправлялъ и дополнялъ первоначальную работу и выпускалъ новыя изданія. Каждое изъ этихъ изданій встрѣчалось просвѣщенною публикою съ глубокимъ интересомъ и сочувствіемъ и расходилось весьма быстро, чѣмъ до нѣкоторой степени и облегчалась возможность новаго изданія.

Послѣднее, четвертое изданіе, сохраняя всѣ научныя и художественныя качества предъидущихъ, представляетъ значительныя усовершенствованія и поправки, вслѣдствіе которыхъ трудъ маститаго историка пріобрѣтаетъ еще большую научную цѣну. Мы постараемся указать важнѣйшія мѣста, въ которыхъ мы замѣтили измѣненія сравнительно съ послѣднимъ, третьимъ изданіемъ.

Въ новомъ изданіи Богдана Хмельницкаго авторъ, по обыкновенію, предпосылаетъ перечень источниковъ и монографій, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда; сличая этотъ перечень съ тѣмъ, который былъ помѣщенъ въ началѣ 3-го изданія, мы находимъ 19 но-

выхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ важнѣйшіе какъ по указаніямъ самаго автора, такъ и по количеству приведенныхъ ссылокъ, слѣд.: Записки Николая Іемеловскаго, Дневникъ Станислава Освѣцима, Историческіе очерки Кубали, X томъ актовъ южной и западной Россіи и т. д.

Затѣмъ исторіи Богдана Хмельницкаго предшествуетъ обширное введеніе, занимающее первую половину перваго тома. Введеніе это представляетъ полный очеркъ исторіи днѣпровскаго козачества отъ его возникновенія до 1648 года, т. е. до появленія во главѣ козацкаго движенія Богдана Хмельницкаго. Это несомнѣнно понынѣ лучшій систематическій очеркъ исторіи козачества въ указанный періодъ его существованія. Н. И. Костомаровъ пополнилъ въ настоящемъ изданіи эту часть своего труда разсказами о возстаніяхъ Косинскаго и Наливайка, которые въ предшествующемъ изданіи были выдѣлены и составили отдѣльныя статьи, вошедшія, какъ особыя монографіи, въ полное изданіе его сочиненій. Нѣкоторыя второстепенныя положенія въ вступительномъ очеркѣ измѣнены или исправлены и дополнены. Такъ Н. И. устранилъ предположеніе о томъ, что народныя преданія о Саввѣ Чаломъ могутъ быть пріурочены ко времени Павлюка, убѣдившись, что личность эта относится къ половинѣ XVIII ст.; такъ онъ прибавилъ интересныя подробности, заимствованныя изъ исторіи Турціи Гаммера фонъ Пургшталя, о козацкихъ морскихъ походахъ 1638—1639 г. и т. п. Признавая вполнѣ достоинства этой вступительной главы, мы особенно благодарны почтенному автору за то, что онъ очистилъ первоначальную исторію козачества отъ тѣхъ фантастическихъ наростовъ, которыми она была испещрена, благодаря вымысламъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и особенно анонимнаго составителя исторіи Руссовъ, повторявшимся потомъ въ сочиненіяхъ первыхъ историковъ Малороссіи и затемнявшимъ въ видѣ непрогляднаго тумана первоначальную исторію козачества. Намъ кажется только, что самый вопросъ о происхожденіи и первоначальномъ бытѣ козачества авторомъ оставленъ нѣсколько незаконченнымъ; указавъ на появленіе козачества подъ управленіемъ литовскихъ старостъ, авторъ переходитъ къ очерку отношеній южно-русскихъ мѣщанъ къ правительству, затѣмъ приводитъ свѣдѣнія о первоначальномъ возникновеніи Запорожья, упоминаетъ только о реформѣ короля Стефана и прямо переходитъ къ возстанію Косинскаго; такимъ образомъ съ одной стороны историческій бытъ козачества XVI в. является какъ-бы не законченнымъ, съ другой для читателя невольно первоначальное козачество сливается и съ давно существовавшимъ мѣщанствомъ приднѣпровскихъ городовъ и съ позже возникшимъ Запорожьемъ. Отбросивъ всѣ вымыслы и навязанныя коза-

честву, но не имѣвшія съ нимъ органической связи случайныя событія, Н. И. дѣлаетъ исключеніе въ пользу небольшой серіи предполагаемыхъ гетмановъ; онъ признаетъ въ этомъ достоинствѣ Федора Богдана, »его преемника Яна Подкову« и Шаха (Томъ I, стр. 20—21). Исключеніе это заставляетъ насъ предполагать, что многоуважаемый авторъ нашелъ вѣскія основанія для того, чтобы выдѣлить названныя личности изъ ряда миѳическихъ гетмановъ XVI столѣтія и признать ихъ дѣйствительными козацкими гетманами; но такъ какъ ссылки на источники указываютъ въ данномъ случаѣ только на свидѣтельство позднѣйшихъ козацкихъ лѣтописцевъ, то мы находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи и не вполнѣ можемъ избавиться отъ скептицизма, въ силу котораго склонны признать Ѳедора Богдана лицемъ врядъ-ли существовавшимъ (вѣдь Ѳедоръ и Богданъ это переводъ одного и того-же имени), а въ Подковѣ привыкли видѣть не настоящаго гетмана всего поднѣпровскаго козачества, а политическаго иноземнаго авантюриста, пытавшагося залучить въ пользу своего предпріятія часть козаковъ, жившихъ въ Брацлавщинѣ.

Въ изложеніи событій случившихся при Хмельницкомъ мы встрѣчаемъ въ новомъ изданіи нѣсколько поправокъ и по временамъ значительныя дополненія. Къ числу болѣе существенныхъ поправокъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, устраненіе во второй главѣ названія гайдамаковъ, которымъ въ прежнихъ изданіяхъ авторъ характеризовалъ возставшихъ крестьянъ; конечно имя это онъ примѣнилъ только по аналогіи данныхъ событій съ историческими явленіями болѣе поздняго времени; въ настоящемъ-же изданіи, желая избѣжать недоразумѣній отказался отъ термина, характеристическаго, но могущаго подать поводъ къ анахронистическому представленію.

Болѣе всего разширены и дополнены въ новомъ изданіи тѣ главы, которыя относятся къ исторіи 1651 года, памятнаго злосчастною Берестецкою битвою и еще болѣе печальнымъ Бѣлоцерковскимъ договоромъ; большинство новыхъ источниковъ, которыми авторъ пользовался, сосредоточены на исторіи этого года (Дневникъ Освѣцима, Кубаля) и потому доставило ему обильный новый матеріалъ для характеристики того времени. Центральнымъ фактомъ, около котораго группируются событія 1651 года, естественно является Берестецкое сраженіе и потому Н. И. посвящаетъ описанію его цѣлую главу; впрочемъ въ разсказѣ какъ о самой битвѣ, та и о приготовленіи къ ней и объ ея послѣдствіяхъ, авторъ сохраняетъ собственный пріемъ въ изложеніи фактовъ: онъ рисуетъ рядъ блестящихъ картинъ и останавливаетъ вниманіе по преимуществу на отдѣльныхъ эфектныхъ эпизодахъ, оставляя въ сторонѣ описаніе плана стратегическихъ движеній обѣихъ армій какъ до битвы,

тавъ и во время самаго сраженія и послѣ него. Подробности эти разработаны весьма тщательно въ очеркахъ Кубали и Освѣцимъ даетъ въ этомъ отношеніи весьма основательныя данныя, но Н. И. не захотѣлъ вѣроятно портить общаго художественнаго впечатлѣнія картины сраженія и потому отказался отъ ихъ воспроизведенія.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ особенно интересныя прибавленія мы встрѣтили въ описаніи осады Буши, равно и весьма характеристическія подробности о попыткахъ возстаній польскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова и Познани; свѣдѣнія эти заимствованы изъ записокъ Іемеловскаго, дневника Освѣцима и изъ труда Кубали.

Въ заключеніи труда мы встрѣчаемъ четыре приложенія: 1) отчетъ о запискахъ еврейскаго раввина современника—Ганновера, 2) замѣтку о статьѣ г. Дитятина: »Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII столѣтія«, 3) сборникъ народныхъ думъ, пѣсней и современныхъ виршей, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго и 4) алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи.

Свѣдѣнія изъ записокъ Ганновера не вошли въ самый текстъ сочиненія, потому что авторъ не могъ своевременно получить русскаго изданія этихъ записокъ, вышедшаго въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, т. е. въ то время, когда новое изданіе уже находилось въ печати; впрочемъ есть другой русскій переводъ этого сочиненія: оно было издано въ переводѣ изъ французскаго изданія Даніила Леви (Tlemcen 1855) редакціею кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей въ 1858 году, подъ заглавіемъ: »Четыре года войны поляковъ съ русскими и татарами (1648—1652) или преслѣдованіе польскихъ израильтянъ«. Конечно не удивительно, что Н. И.-чу не могло прійти въ голову искать источника для исторіи XVII столѣтія въ столь скромномъ и мало распространенномъ изданіи.

Сборникъ пѣсень, относящихся ко времени Хмельницкаго, былъ помѣщенъ уже въ третьемъ изданіи (40 пѣсень), въ настоящемъ онъ значительно расширенъ (52) и пополненъ присоединеніемъ пѣсень и ихъ варіантовъ, напечатанныхъ въ промежуткѣ между выходомъ двухъ изданій. Указатель собственныхъ именъ составляетъ приложеніе совершенно новое, и конечно весьма полезное и необходимое при каждомъ обширномъ и капитальномъ историческомъ трудѣ, къ которому приходится всякому занимающемуся данною эпохою, прибѣгать не однократно для справокъ и удостовѣренія отдѣльныхъ фактовъ.

Относительно именъ собственныхъ мы впрочемъ позволимъ себѣ выразить нѣкоторое сожалѣніе; въ трудѣ столь капитальномъ и занимающемъ несомнѣнно положеніе весьма авторитетное въ исторіографіи южно-русскаго края, не вездѣ обращено было тщательное вниманіе на

географію края и географическія названія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подверглись болѣе или менѣе значительному искаженію. Иногда-же авторъ, довѣрившись излишне источнику, не провѣрилъ его данныхъ по картѣ или воспроизвелъ картину мѣстности, гдѣ происходило описываемое имъ событіе, не вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Нѣкоторыя искаженія географическихъ именъ произошли очевидно вслѣдствіе нечеткости почерка рукописей, которыми пользовался какъ самъ авторъ, такъ и издатели матеріаловъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ; такъ мы встрѣчаемъ мѣстности: *Ильменцы* (III, 188) и *Берладь* (III 188, 196), которыя потомъ занесены и въ указатель, какъ отдѣльныя мѣстечка; между тѣмъ эти населенныя мѣстности возникли только вслѣдствіе искаженія именъ: Илинцы (иначе Линцы—мѣстечко липовецкаго у.) и Бершада (м. ольгопольскаго у.), въ чемъ весьма легко убѣдиться, провѣривъ по картѣ тѣ эпизоды разсказа, въ которыхъ онѣ упоминаются. Нѣсколько чаще встрѣчаются искаженія мѣстныхъ названій, происшедшія отъ того, что авторъ, пользуясь иноземнымъ источникомъ, оставлялъ эти имена, не измѣняя транскрипціи источника, согласно мѣстному народному произношенію, какъ это принято дѣлать въ русской литературѣ для собственныхъ именъ всѣхъ народовъ и странъ. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ текстѣ и указателѣ названія: Пятокъ (I, 25), Смѣлое (I, 290), Базилія (III, 303), Билгорія, Горія (III, 301) и т. д., вмѣсто варіантовъ, извѣстныхъ по народному произношенію: Пятка, Смила, Базалія, Билгорай, Горай и т. д. Наконецъ иногда, слѣдуя тексту источника, авторъ даетъ описаніе мѣстности не точное и иногда не вполнѣ понятное; такъ въ разсказѣ о жванецкой осадѣ (III, 102) мѣстоположеніе королевскаго лагеря описано такъ: »съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера большая болотистая долина рѣки Жванца, съ фронта (т. е. съ востока?) укрѣпленный замокъ, а съ запада овраги и лѣса«. Не говоря уже о томъ, что рѣка Жванецъ, подобно всѣмъ притокамъ Днѣстра, течетъ среди обрывистыхъ скалъ и не имѣетъ болотистой долины и что съ востока къ Жванцу прилегаетъ открытая возвышенная равнина, которая тянется къ селу Брагѣ, довольно трудно представить себѣ оріентировку описанной мѣстности, зная, что Жванецъ впадаетъ въ Днѣстръ у мѣстечка того-же имени и что замокъ лежитъ на самомъ обрывистомъ берегу рѣки Жванца.

Вотъ еще одинъ примѣръ: послѣ охматовскаго сраженія »поляки продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Кристьянополь, Устье, Берлады, Каменица, Киріевка, Лещыновка, Кѣсинцы, Берсстки, Дмитрашевка (III, 196)«. Довольно трудно

дать себѣ отчетъ, въ какой мѣстности въ то время свирѣпствовали поляки: большинства перечисленныхъ мѣстностей мы напрасно стали-бы искать на картѣ; имена нѣкоторыхъ, правда, можно возстановить, но онѣ являются разбросанными на слишкомъ большомъ пространствѣ для того, чтобы можно ихъ пріурочить къ одной компаніи. Такъ Бершада (Берлады) и Каменка (Каменица) лежатъ въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи, Кристинополь въ жолковскомъ округѣ Галиціи въ 300 верстахъ отъ нихъ къ сѣверо западу, а Лещинъ (Лещиновка?) въ житомірскомъ уѣздѣ, волынской губ., въ 240 верстахъ къ сѣверу.

Если мы позволяемъ себѣ указывать на эти, конечно ничтожныя, погрѣшности, то дѣлаемъ это не изъ желанія во что-бы то ни стало отыскать, такъ сказать, пятна и на солнцѣ, а потому только, что, дорожа въ высшей степени трудами многоуважаемаго ученаго, желаемъ указаніемъ на мелочи, ускользнувшія отъ его вниманія, доставить посильный, хотя крошечный матеріалъ для будущаго новаго изданія Богдана Хмельницкаго, потребность въ которомъ, какъ мы искренно увѣрены, будетъ еще очень долго чувствоваться въ широкомъ кругу нынѣшнихъ и будущихъ почитателей маститаго историка.

В. А.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г. 294 стр. Ц. 3 р.

Одесское общество исторіи и древностей—одно изъ старѣйшихъ историческихъ и другихъ ученыхъ нашихъ обществъ. Сорокъ четыре уже года оно ведетъ свою серьезную научную дѣятельность, обогащая нашу юную историческую науку цѣнными матеріалами и учеными трудами. Теперь предъ нами XIII т. его »Записокъ«. Записки эти имѣютъ вполнѣ мѣстный характеръ: частію они относятся ко временамъ весьма отдаленнымъ, частію касаются позднѣйшей исторіи края, преимущественно XVIII вѣка. Вошедшіе въ этотъ томъ матеріалы и статьи распредѣлены по обычнымъ отдѣламъ: *археологіи, исторіи* и *географіи* Новороссійскаго края. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщено собственно три историческіе памятника, изъ которыхъ первые два представляютъ древне-греческія *надписи*, найденныя въ Херсонисѣ и сел. Чобручи; послѣдняя принадлежитъ древнему городу Тирѣ. Обѣ надписи имѣютъ значеніе для исторіи политическаго быта означенныхъ городовъ во II вѣкѣ по Р. Х. Объясненія къ нимъ сдѣ-

ланы проф. В. Н. Юргевичемъ. Матеріалы эти послужили также предметомъ реферата въ обществѣ Нестора лѣтописца [1]). Третій документъ — бѣлорусская грамота княжны Наст. Мих. Мстиславской о размѣнѣ селъ съ ея родственниками 1561, напечатана по подлиннику, хранящемуся въ Музеѣ того-же общества, и имѣетъ значеніе для генеалогіи князей Мстиславскихъ, а имѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ Бѣлоруссіи.

Въ отдѣлѣ *исторіи* помѣщено »житіе преподобнаго Іоанна, епископа Готѳіи (VIII вѣка). Текстъ его заимствованъ изъ Bollandi, Acta Sanctorum, а примѣчанія къ нему изъ статьи В. Василевскаго: »Русско-византійскіе отрывки« (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 1). При этомъ помѣщенъ и русскій переводъ житія.

Въ отдѣлъ географіи вошли окончаніе перевода путешествія Палласа въ Крымъ и на островъ Тамань въ 1793 и 1794 гг., а также его записка къ князю Потемкину объ изслѣдованіи береговъ Каспійскаго моря (1781 г.). Отдѣлъ »матеріаловъ« весь заключаетъ въ себѣ документы и статьи, относящіяся къ исторіи Новороссіи въ царствованіе Екатерины II, а именно: письма господаря Гики къ фельдмаршалу Румянцеву и Потемкину (1777—83); выѣздъ послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея изъ Россіи въ Турцію въ 1787 г., письма барона Антуана къ гр. Сегюру о пользѣ учрежденія морской торговли Марсели съ Херсономъ; историко статистическій очеркъ торговли города Херсона (1784—1803 г.); свѣдѣнія о постройкахъ въ г. Николаевѣ и заведеніи флота на Черномъ морѣ, 1791 г.; выписка о службѣ Потемкина по синоду. Въ отдѣлѣ *смѣси* напечатаны: лѣтопись общества за 1881—83 гг.; столѣтіе церковной жизни Крыма (1783—1783); некрологи нѣкоторыхъ членовъ общества (гр. С. Р. Строганова, митр. Макарія, И. И. Фундуклея и пр.) и письма архіеп. Иннокентія къ проф. Бодянскому (рѣчь идетъ объ изданіяхъ Бодянскаго). Въ концѣ тома помѣщенъ указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества за все время его существованія 1844—84 г. и отдѣльныхъ изданій общества.

Наиболѣе интересенъ отдѣлъ послѣдній. Не можемъ не отмѣтить въ немъ прекраснаго, живого очерка исторіи послѣдняго столѣтія въ церковно-религіозномъ отношеніи, составленнаго по архивнымъ источникамъ членомъ общества, одесскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ А. Г. Лебединцевымъ. Большую услугу для общества и исторіи могъ-бы

[1]) Въ этотъ-же отдѣлъ слѣдовало-бы отнести и отрывокъ греческой надписи, найденной въ Ольвіи, такого-же характера, но помѣщенный въ особомъ отдѣлѣ — »матеріаловъ«.

оказать этотъ въ своемъ родѣ севастопольскій ветеранъ, еслибы представилъ въ Запискахъ Общества свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя, которую онъ выдержалъ отъ перваго до послѣдняго дня, при громѣ орудій, среди потоковъ крови, принося безкровную жертву въ пронизанной пулями и ядрами церкви, посѣщая ежедневно самыя опасныя мѣста на бастіонахъ, проживая въ блиндажахъ и оставивъ Севастополь лишь наканунѣ роковаго дня, съ потерею всего своего имущества, взорваннаго непріятельскимъ ядромъ. Изъ числа некрологовъ особый интересъ представляетъ краткій некрологъ И. И. Фундуклея, бывшаго когда-то кіевскимъ губернаторомъ и оставившаго Кіеву, кромѣ женской гимназіи его имени, три цѣнныя изданія: 1) Обозрѣніе Кіева и кіевской губерніи въ отношеніи къ древностямъ, 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи и 3) Статистическое описаніе кіевской губерніи.

Запоздалый некрологъ Фундуклея, какъ и многое другое въ этомъ отдѣлѣ, принадлежитъ перу покойнаго предсѣдателя общества Н. Мурзакевича. Извѣстно колоссальное состояніе обрусѣлаго сына мелкаго константинопольскаго торговца, равно и его относительная щедрость. Составитель его некролога, говоря о послѣднихъ годахъ службы Фундуклея, проведенныхъ имъ въ Варшавѣ, въ разгаръ послѣдняго возстанія, въ похвалу его замѣчаетъ, что въ то время, какъ другіе изъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ подвергались опасности жизни или падали отъ рукъ убійцъ, Фундуклей жилъ вполнѣ спокойно и его не коснулась рука вражія. На это можемъ замѣтить, что, по ходившимъ тогда въ Варшавѣ разсказамъ, рука вражья коснулась однажды только не его, а его толстаго кармана. Фундуклей не былъ женатъ; громадныя его богатства, земельныя и иныя, стоимостію приблизительно около 30 милліоновъ, перешли къ боковымъ наслѣдникамъ.

Характеренъ, какъ матеріалъ, коротенькій запросъ генерала М. Я Коховскаго къ секретарю Потемкина В. С. Попову. Суть его въ томъ, что путешествовавшій въ Крымъ съ Екатериною подъ именемъ графа Фалькенштейна Іосифъ II далъ поручику Широли 300 червонныхъ на покупку для него одной черкесской красавицы. Коховскій такъ озабоченъ былъ исполненіемъ этой коммиссіи, что отправилъ курьера для доклада Потемкину и испрошенія его ордера о прибавкѣ суммы, о томъ, куда и какъ отправить оную красавицу и не купить ли, вмѣсто одной, двѣ или три.

И. Л.

Каменецъ-Подольская гимназія.

Историческая записка о 50-лѣтнемъ ея существованіи (1883—83). Составилъ И. Михалевичъ. К. Подольскъ, 1883. 180+105+134, съ планами.

Въ то время, какъ университетъ св. Владиміра собирается праздновать свое 50-лѣтіе, появленіе историческихъ записокъ о гимназіяхъ кіевскаго округа, подлежавшихъ нѣкогда его вѣдѣнію, какъ нельзя болѣе кстати. Есть слухъ, что составляется подобная же записка и о кіевской 2-й гимназіи. Созданныя почти одновременно съ кіевскимъ университетомъ, онѣ призваны были служить одной и той-же цѣли.

Въ исторической запискѣ о каменецъ-подольской гимназіи авторъ дѣлаетъ сначала общій обзоръ образованія въ юго-западномъ краѣ до 30-хъ годовъ и говоритъ сперва о школахъ въ Каменцѣ и Винницѣ; а затѣмъ излагаетъ исторію Каменецъ-Подольской гимназіи по періодамъ: до 1849 г., до 1864 г., и съ 1865 до послѣдняго времени. Въ этихъ очеркахъ представлена дѣятельность попечителей, директоровъ и преподавателей въ отношеніи къ гимназіи, матеріальное положеніе гимназіи, нравственное состояніе и жизнь учащихся. Во второй части описаны учебно-вспомогательныя средста и пособія гимназіи, равно сдѣланъ обзоръ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ дирекціи училищъ подольской губерніи (дворянскія, приходскія училища, казенныя еврейскія училища, землемѣро-таксаторскіе классы, частныя учебныя заведенія, состояніе народнаго образованія, воскресныя школы). Наконецъ въ приложеніяхъ помѣщены: свѣдѣнія о пожертвованныхъ суммахъ (фундуши), списокъ служащихъ въ гимназіи съ 1833—83 г.; списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіи съ 1833 г.; статистическія свѣдѣнія о количествѣ учащихся, поступившихъ и выбывшихъ и распредѣленіе ихъ по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ за все время существованіе гимназіи.

В. И.

О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.

Года два уже назадъ тому мы слышали, что г. Беретти намѣревается обнародовать имѣющійся у него »богатый« матеріалъ относительно постройки въ Кіевѣ собора св. Владиміра, которая тянется около 25 лѣтъ, безъ надежды скораго окончанія, и приводитъ въ недоумѣніе

не только жителей г. Кіева, но и прибывающихъ сюда ежегодно посѣтителей со всѣхъ концевъ Россіи. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы встрѣтили вышедшую теперь брошюру г. Беретти, надѣясь найти въ ней нетолько разрѣшеніе вызываемыхъ этою постройкою недоумѣній, но и полную правдивую исторію оной. Авторъ брошюры—отставной профессоръ архитектуры въ университетѣ св. Владиміра, нѣсколько лѣтъ руководилъ работами по постройкѣ владимірскаго собора и теперь состоитъ членомъ Комитета, доканчивающаго постройку, слѣд. ему доступны самыя подробныя и точныя о ней свѣдѣнія. Съ другой стороны строющійся соборъ имѣетъ значеніе не для одного Кіева; по мысли митрополита кіевскаго Филарета, положившаго начало его постройкѣ, это памятникъ, который должна была воздвигнуть вся православная Россія своему великому просвѣтителю. Поэтому, принимаясь за брошюру, мы полагали, что она можетъ имѣть историческій и для нашихъ читателей интересъ. Вышло нѣсколько иначе, и вотъ почему.

Въ строющемся соборѣ, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ оказались серьезныя поврежденія; онъ едва не развалился, какъ только выведены были стѣны и купола, и это затянуло окончаніе онаго на безконечное время. Но именно въ ту пору работами руководилъ г. Беретти. Итакъ, это его исповѣдь, самооправданіе, подумали мы. И дѣйствительно онъ такъ начинаетъ свою брошюру; »такъ какъ о постройкѣ собора во имя св. Владиміра въ г. Кіевѣ ходятъ разные слухи, вредящія моей репутаціи, какъ строителя, то я считаю нужнымъ объяснить какъ исторію самой постройки этого собора, такъ равно причины оказавшихся въ немъ поврежденій«. Можно было-бы, конечно, и оправдывая себя, изложить полную исторію этой любопытной постройки и въ своемъ мѣстѣ объяснить причины поврежденій; но г. Беретти облюбовалъ одни только поврежденія. Это, очевидно, его больное мѣсто, въ поврежденіяхъ онъ видитъ всю суть исторіи постройки. Весь первый ея періодъ 1853—1862 г., т. е. до начатія работъ и оказавшихся немедленно поврежденій, авторъ брошюры проходитъ молчаніемъ, хотя этотъ преіодъ не менѣе любопытенъ, какъ и послѣдующіе и объясненіе онаго было-бы въ интересахъ самозащиты г. Беретти. Періодъ съ 1869 г. по 1876 г., когда г. Беретти былъ устраненъ отъ главнаго завѣдыванія работами и самыя работы были пріостановлены, оставленъ имъ также безъ вниманія, хотя и тутъ не мало интереснаго, и только послѣдущія, не безъ его участія производившіяся работы по отдѣлкѣ собора онъ описываетъ

балѣе или менѣе подробно, сѣтуя на то, что его преемникъ вознагражденъ больше его, что въ работахъ иное сдѣлано не такъ, что слѣдовало бы сдѣлать иначе, и т. под.

Такимъ оразомъ это не исторія постройки собора, которую обѣщалъ намъ разсказать одинъ изъ строителей его, но исторія поврежденій за время завѣдыванія имъ работами, поясняющая и самое устраненіе его отъ работъ. Всего дѣла постройки г. Беретти не разъясняетъ, а какъ-бы еще болѣе запутываетъ,—даже и самую исторію поврежденій и ихъ поправокъ. Оправдывая себя, онъ валитъ все на другихъ, а дѣло все таки не объясняетъ и даже самъ себя опровергаетъ. На страницахъ напр. 3—4 главную причину всѣхъ поврежденій г. Беретти видитъ въ произведенномъ имъ-же уменьшеніи (точнѣе утоньшеніи) главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнъ и винитъ Главное (техническое) Управленіе въ томъ, что оно »просмотрѣло такой явный и бросающійся въ глаза промахъ«, а на стр. 9, 11, 23 и другихъ, говоря о дальнѣйшихъ и самыхъ существенныхъ поврежденіяхъ, всю вину ихъ сваливаетъ на подрядчика и усматриваетъ ее въ томъ, что подрядчикъ, *по своему невѣжеству*, когда рѣшено было понизить и потому разобрать купола, вмѣсто того, чтобы разобрать прежде большой куполъ, разобралъ малые и разобранный кирпичъ положилъ не на коренныхъ лѣсахъ, а на стелажахъ въ пролетахъ большаго купола, отъ чего будто и осѣли главныя арки и произошли отклоненія столбовъ и стѣнъ и трещины, дѣйствительно поражающія приводимыми авторомъ размѣрами.

Не желая утомлять читателей, мы не будемъ слѣдить за подробностями самооправданія и полемики автора съ его оппонентами и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ брошюры общими замѣчаніями о ея содержаніи, тонѣ и характерѣ. Полемическая сторона преобладаетъ въ ней надъ фактическою; есть данныя для исторіи постройки, но далеко не полныя; относятся они исключительно почти къ одному среднему, не большому ея періоду, поставлены подъ извѣстнымъ освѣщеніемъ и раскрываются лишь настолько, насколько это нужно для цѣлей автора. Къ тому же полемика автора довольно страстная и скучная: онъ вдается въ мелочи, входитъ въ рѣзкую откровенность относительно своихъ противниковъ, часто повторяется и даже самъ себѣ противорѣчитъ, рѣдко ясенъ въ техническихъ подробностяхъ, которыя, при добромъ желаніи, не трудно было-бы изложить гораздо проще и понятнѣе, а ни-

шетъ такимъ неправильнымъ языкомъ, что совѣстно становится за почтеннаго профессора.

Тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ самой попыткѣ почтеннаго автора объяснить это темное, такъ долго, въ укоръ Кіеву, длящееся дѣло, и мы съ благодарностію воспользуемся данными его брошюры для того, что-бы, дополнивъ ихъ нѣкоторыми доступными намъ свѣдѣніями, ознакомить особо нашихъ читателей съ любопытною и поучительною исторіею одного изъ кіевскихъ сооруженій послѣдняго времени.

А. К.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ БІОГРАФІИ ХУДОЖНИКА В. Л. БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ »Кіевской Старины«, за настоящій годъ, помѣщена статья г. Горленка, сообщающая нѣкоторыя данныя къ біографіи Боровиковскаго, къ которымъ мы съ своей стороны въ настоящей замѣткѣ сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній и исправленій, причемъ считаемъ долгомъ выразить почтенной редакціи глубокую благодарность за добрый починъ собранія матеріала для жизнеописанія высокоталантливаго живописца, принадлежащаго по своему происхожденію южной Россіи, и смѣемъ думать, что родной, такъ сказать, органъ сослужитъ добрую службу для сородича, имя котораго занимаетъ во всякомъ случаѣ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской школы живописи.

Прежде всего мы начнемъ съ указанія на разсказъ Гр. Данилевскаго: »Екатерина Великая на Днѣпрѣ (Библіотека для Чтенія за 1858 г. Т. 151, Смѣсь, стр. 45), гдѣ говорится о Боровиковскомъ, что онъ былъ наемщикомъ въ рекруты, отчего избавилъ его казакъ Грицько, бывшій въ полтавскомъ боѣ и передававшій свои воспоминанія о немъ Екатеринѣ. Послѣдняя спросила старика:

— Ну, дѣдушка, скажи-же ты мнѣ, чего ты желаешь? Все, что скажешь, исполню! Говори! Не робѣй...

Провожая императрицу, старикъ остановился на порогѣ, сложилъ и опустилъ руки, взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились, и задумался.

— Ваше Царское Величество! сказалъ онъ: коли просить, вотъ что я попрошу! Дайте мнѣ грошей, денегъ: двадцать рублей мнѣ нужно! Есть у меня внучатый племянникъ—полюбилъ дѣвку и посватался; а батько ея не отдалъ. За тѣмъ, что бѣдный онъ! ну, онъ и продался въ рекруты, нанялся, выходитъ, за мѣщанина одного за 20 рублей—ну, и гуляетъ теперь! такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была.... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ: еще и въ Переяславѣ въ ученьи, въ бурсѣ былъ! Совсѣмъ грамотный!

— Гдѣ-же твой племянникъ? спросила Екатерина; я думаю, ему уже лобъ забрили теперь.

— Ни, мамо! Срокъ еще до завтра; онъ въ Мирномъ, тутъ не по далеку, на ярмаркѣ, съ своимъ наемщикомъ гуляетъ.

Императрица обратилась къ графу Безбородку, поручила ему судьбу старика и его племянника, назначила сумму на выкупъ изъ рекрутъ и на сватьбу послѣдняго, а первому постоянное содержаніе по смерть и уѣхала снова на Днѣпръ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ.

Далѣе Данилевскій говоритъ, что »полтавское дворянство въ самомъ городѣ выстроило домъ для встрѣчи императрицы. Маршалу его кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Койдакъ и о любопытной судьбѣ племянника старика, руководившаго приготовленіемъ царскихъ маневровъ. Призванный Боровиковскій написалъ картины, сюжеты которыхъ названы тѣ-же самые, что и у г. Горленка, ранѣе того, замѣтимъ кстати, описанные въ біографіи В. Л. въ »Энциклопедическомъ Словарѣ«, изданія Плюшара.

Приводя эту выписку, мы конечно не думаемъ придавать фактамъ сообщеннымъ въ ней какое либо значеніе, но нельзя не предположить, что нѣчто послужившее фабулѣ разсказа заимствовано изъ народнаго преданія и будущій біографъ—изслѣдователь Боровиковскаго долженъ имѣть его въ виду.

Достовѣрныя-же свѣдѣнія о Боровиковскомъ имѣются въ »Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ« (изданнаго въ 3 т., въ 1864, 65 и 66 гг.) слѣдующія: »Декабря 4-го (1794) академическимъ совѣтомъ на письмо г. почетнаго вольнаго общника Лампія, которымъ представляетъ онъ о удостоеніи господина порутчика Владиміра Боровиковскаго званіемъ академика, положено отвѣствовать, что въ сіе достоинство въ силу устава производятся въ академики по заданнымъ программамъ по большинству балловъ, въ публичномъ собраніи, почему оный г. Боровиковскій нынѣ избранъ назначеннымъ, въ чемъ и дать ему надлежащее свидѣтельство« (Т. I., стр. 336). Отсюда очевидно, что въ судьбѣ Боровиковскаго принималъ прямое и непосредственное участіе Лампи, который самъ въ почетные общники академіи былъ избранъ въ томъ-же 1794 г., а сынъ его сдѣланъ назначеннымъ въ академики 28 сентября 1795 г., единовременно съ удостоеніемъ Боровиковскаго академикомъ »по двумъ портретамъ писаннымъ съ натуры« (стр. 341). Что-же касается того обстоятельства, былъ-ли Боровиковскій ученикомъ Лампи или Левицкаго, то намъ кажется вѣрнѣе считать его воспитанникомъ и того и другого, такъ какъ Левицкій какъ разъ въ 1788 г. былъ уволенъ отъ должности профессора изъ академіи съ пенсіономъ въ 200 р. (стр. 227), поэтому очень вѣроятно, что, оставшись безъ занятій, Левицкій охотно принялъ къ себѣ привезеннаго въ Петербургъ Боровиковскаго, а съ пріѣздомъ профессора вѣнской академіи Лампи, Боровиковскій перешелъ къ нему.

Въ 1797 г., въ собраніи академіи, бывшемъ 28 февраля, значится, что изъ содержанія президента академіи художествъ, графа Мусина-Пушкина, оставленнаго имъ въ пользу художниковъ, по его предложенію, въ числѣ другихъ лицъ, Боровиковскій получилъ 200 р. за портретъ графа и графини Бутурлиныхъ (стр. 358).

Въ томъ-же году, октября 26, въ собраніи совѣта разсматривались представленные художниками эскизы портретовъ лицъ императорской фамиліи, заказанные для Департамента Удѣловъ; большинству художниковъ велѣно было дѣлать другіе эскизы, за исключеніемъ Угрюмова, Жданова и Боровиковскаго, которыхъ эскизы, именно портрета княжны Елены Павловны, были оставлены. Но въ 1798

ровиковскому снова приказано было сдѣлать другой эскизъ, какого однако портрета—не сказано (стр. 364 и 371).

Въ 1802 г., декабря 11, Боровиковскій по большинству балловъ, вмѣстѣ съ Алексѣевыми и Щукинымъ, удостоенъ былъ званія совѣтника портретной живописи (стр. 434). Какъ говоритъ Андреевъ (»Живопись и живописцы«), Боровиковскій императоромъ Павломъ Петровичемъ былъ употребленъ для украшенія строившагося дворца, нынѣ Михайловскаго замка, и ему было поручено написать портреты со всѣхъ членовъ императорской фамиліи; за нихъ, можно думать, онъ и былъ пожалованъ званіемъ совѣтника.

Въ 1811 году за работы для Казанскаго собора Боровиковскій пожалованъ былъ брилліантовымъ перстнемъ отъ Государя Императора (Т. II, стр. 15).

Наконецъ въ собраніи академіи, 16 сентября 1825 г., упомянуто, что академія въ числѣ умершихъ членовъ лишилась В. Л. Боровиковскаго (стр. 203, Т. II); но такъ какъ академическій годъ считается съ сентября мѣсяца, то необходимо опредѣлить день смерти Боровиковскаго, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ имѣются даже различныя показанія года. Такъ а) въ эрмитажномъ каталогѣ (Т. III, стр. 84, изданія 1871 г.) годъ смерти означенъ 1826, 4 апр.; въ »Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ« Березина (Т. IV, стр. 177) также 1826; но б) въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара, равно какъ въ Мѣсяцословѣ на 1840 г., гдѣ въ алфавитномъ спискѣ русскихъ художниковъ приведены біографическія свѣдѣнія о Боровиковскомъ, показанъ 1825 годъ. Послѣднюю дату съ числомъ 4 апрѣля и надо считать вѣрною; она подтверждается и современнымъ »Журналомъ Изящныхъ Искуствъ«, издававшимся Вас. Ив. Григоровичемъ, секретаремъ общества поощренія художниковъ, бывшимъ впослѣдствіи конференцъ-секретаремъ академіи. Въ № 2 своего изданія, вышедшемъ въ апрѣлѣ 1825 г., на стр. 75, онъ сообщалъ: »въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ скончался извѣстный художникъ по части портретной и исторической, г. совѣтникъ И. А. Х. В. Л. Боровиковскій. Собравъ свѣденія о его жизни и произведеніяхъ, я не оставлю сообщить оныя читателямъ«. Однако этому благому намѣренію не суждено было исполниться, такъ какъ вскорѣ Журналъ Изящныхъ Искуствъ прекратился своимъ изданіемъ.

Затѣмъ, обращаясь къ списку работъ Боровиковскаго, скажемъ, что въ »Указателѣ выставки рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, бывшей въ залахъ Имп. Академіи Художествъ, въ пользу кассы общества посѣщенія бѣдныхъ« 1851 года, показаны: изъ собранія Л. Л. Львова—двѣ головки писанныя на желѣзѣ, изъ собр. художника Бугаевскаго-Благодарнаго—портретъ г. Демидова и изъ собранія Ѳ. И. Прянишникова тѣ произведенія, которыя г. Горленко перечислилъ въ спискѣ картинъ, принадлежащихъ Московскому Румянцевскому музею, подъ №№ 1, 2, 5 и 6, а въ перечнѣ картинъ галлереи Прянишникова, напечатанномъ въ изданіи Вольфа »Картины Европы« (Т. I, стр. 184) названъ портретъ еще неизвѣстнаго священника.

Кромѣ того въ »Указателѣ Русскаго музея«, учрежденнаго собраніемъ СПБ. художниковъ на всероссійской мануфактурной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году, были: изъ собранія г. Петровскаго—четыре евангелиста, изъ собр. И. Д. Быкова—портретъ экзарха грузіи Антонія, сына царя Георгія и портретъ неизвѣстнаго священника.

Въ настоящее время, за смертію И. Д. Быкова, собраніе его картинъ распродается и въ немъ имѣются слѣдующія произведенія кисти Боровиковскаго:

1) Портретъ в. кн. Константина Павловича.

2) Портретъ Суворова (?)

3) Императрицы Екатерины II.

4) Портретъ дѣвушки въ бѣломъ платьѣ.

Относительно портретовъ »исторической портретной выставки« замѣтимъ, что изображеніе Екатерины II въ царскосельскомъ саду, показанное въ каталогѣ г. Петрова, подъ № 351, принадлежащимъ г. П. И. Кузнецову, по словамъ Д. А. Ровинскаго, въ изданномъ только что изслѣдованіи о жизни и произведеніяхъ Н. И. Уткина, есть копія съ оригинала Боровиковскаго, находящагося у князя Воронцова (Wasiltschikoff. Catalogue, I, 188), а мы предложимъ еще вопросъ касательно происхожденія этого портрета, т. е. какимъ образомъ попалъ онъ къ Воронцову, ибо Ник. Рамазановъ въ книгѣ своей »Матеріалы къ исторіи художествъ въ Россіи« (стр. 235) говоритъ, что портретъ Екатерины II, награвированный Уткинымъ, находится въ Москвѣ у А. М. Муромцева.

Въ спискѣ г. Горленка (№ 8) названъ портретъ в. к. Александра Павловича, что невѣрно, такъ какъ подъ указаннымъ имъ № 644 каталога Петрова значится портретъ княжны Александры Павловны, равно какъ и предъидущій подъ № 643 ея-же, но только поясной. У г. Горленка онъ пропущенъ, а № 699—Торсуковой—принадлежитъ не Академіи Художествъ, а князю Волконскому.

Изъ гравюръ, произведеній Боровиковскаго, кромѣ названныхъ г. Горленкомъ, укажемъ еще »Благовѣщеніе«; находится на царскихъ вратахъ въ Казанскомъ соборѣ, работы на стали англійскаго гравера Робинзона, приложено къ книгѣ Н. Д. Кукольника »Картины Русской живописи«, изданія 1846 года. Кромѣ того въ »Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ« Д. Ровинскаго (СПБ. 1872 г.) перечислены слѣдующіе портреты:

а) Великой кн. Александры Павловны работы Селиванова и съ него-же Березникова.

б) Графа Алексѣя Ив. Васильева—Ухтомскій.

г) Голубовой—онъ-же.

д) Державина—4 листа гравированныхъ Гейзеромъ, Уткинымъ, Пожалостинымъ и Тейхель.

е) Великаго кн. Костантина Павловича—Березниковъ.

ж) Кн. П. В. Лопухина—Валкеръ.

з) Кн. А. Б. Куракина—три листа Вендрамини, Клаубера, Тассартъ и Уткина.

и) В. К. Маріи Павловны—Селивановъ.

И. Н. Божеряновъ.

О МИТРОПОЛИТѢ ІОСИФѢ СИМАШКѢ.

(Изъ письма писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).

Въ нынѣшнемъ только году появились »Записки Іосифа, митрополита литовскаго«, изданныя, по завѣщанію автора, Академіею наукъ въ 3-хъ большихъ томахъ и оконченныя печатаніемъ еще въ концѣ прошлаго года. Мы не успѣли еще дать отчета объ этомъ капитальномъ изданіи, изъ котораго такъ много интересныхъ и поучительныхъ выдержекъ сдѣлано разными газетами. Пока бу-

детъ готовъ нашъ отчетъ, дасмъ мѣсто письму, которое содержитъ въ себѣ любопытныя біографическія свѣдѣнія о почившемъ знаменитомъ архипастырѣ, какихъ нѣтъ въ самой его автобіографіи. Письмо писано б. протоіереемъ липовецкаго уѣзда, кіевской губерніи, Александромъ Мацкевичемъ, въ вѣдѣніи коего находился приходъ Павловка, родина Симашки, спустя 7 мѣсяцевъ послѣ смерти сего послѣдняго,—писано въ отвѣтъ на запросъ кіевскаго каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева, который, редактируя еще въ то время Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, интересовался собрать, по свѣжей памяти, уцѣлѣвшія на родинѣ почившаго іерарха письменныя и устныя свѣдѣнія о немъ и его родѣ; оно осталось осталось ненапечатаннымъ и теперь передано намъ. Опускаемъ начало и конецъ письма, излагающія поводъ и результатъ поисковъ, и приводимъ существенную и самую большую его часть. Собранныя о. Мацкевичемъ свѣдѣнія изложены въ порядкѣ обращенныхъ къ нему вопросовъ, а потому его сообщеніе не имѣетъ связнаго изложенія и отдѣлки.

»Дѣдъ митрополита Іосифа, во время бывшей въ здѣшнемъ краѣ уніи, поступилъ уніатскимъ священникомъ въ село Павловку; по православнымъ не былъ. Какъ расказываетъ того села житель, крестьянинъ Алексій Сидорукъ, имѣющій 72 года отъ роду и помнящій его, онъ долженъ былъ оставить свой приходъ вслѣдствіе того, что не хотѣлъ принять православія (благочестія) и на его мѣсто тогда-же былъ назначенъ православный священникъ Михаилъ Чарпинскій. Было это во время присоединенія югозападнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ и возвращенія къ православію отпавшаго въ унію его населенія. По справкѣ въ клировой вѣдомости прихода Павловки за 1834 годъ значится: »Священникъ Михаилъ Андреевъ Чарпинскій рукоположенъ во священника преосвященнымъ архіепископомъ Викторомъ 1795 года, марта 6; отъ роду ему 81 годъ«. Сколько мнѣ извѣстно по расказамъ моего родителя, оставшимся тогда въ уніи священникамъ, за устраненіемъ ихъ отъ приходовъ, назначаемо было отъ казны на содержаніе по 100 рубл. асс. въ годъ. Полагать можно, что и дѣдъ Симашки пользовался тѣмъ же содержаніемъ. По разсказамъ того-же крестьянина-старика, Тимоѳей Сѣмашко продолжалъ и въ это время жить въ своемъ домѣ въ с. Павловкѣ, но для совершенія богослуженія ѣздилъ въ мѣстечко

Илинцы, гдѣ была уніятская каплица, построенная въ видѣ обыкновеннаго дома, противъ нынѣшней становой квартиры, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ иностранца Уха. При немъ жили и внукъ его Іосифъ, впослѣдствіи митрополитъ, и отецъ послѣдняго, не бывшій еще тогда священникомъ; но внукъ не слѣдовалъ примѣру своего дѣда и отца и вмѣстѣ съ матерью своею ходилъ къ богослуженіямъ въ православную церковь села Павловки, обращенную изъ уніатской, въ которой служилъ упомянутый выше православный священникъ Михаилъ Чарнинскій.

Въ № 15 Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостейза 1868 г. въ замѣткѣ о митр. Іосифѣ, между прочимъ, сказано, что онъ, на восьмомъ году отъ рожденія, вмѣстѣ съ братьями Іоанномъ и Николаемъ, отданъ былъ для домашняго обученія нѣкоему Бучковскому. Кто этотъ Бучковскій? Въ метрической книгѣ церкви села Павловки значится, что съ 1803 года Трофимъ Бочковскій былъ дьячкомъ этой церкви; а, извѣстно, что какъ въ то время, такъ и въ позднѣйшіе годы дьячки, носившіе почетное названіе »бакаляровъ«, были спеціальными педагогами и обучали не только крестьянскихъ, но и священническихъ дѣтей. Выходитъ, что первоначальное обученіе митрополитъ Іосифъ получилъ у православнаго дьячка и конечно это обстоятельство имѣло весьма важное на него вліяніе, парализируя дѣйствіе не православнаго элемента его семьи. Какъ ученикъ православнаго дьячка, вмѣстѣ съ нимъ онъ ходилъ въ православную церковь, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, особенно читалъ: *Благословлю Господа.* Вѣнцемъ тогдашняго ученія, мечтою родителей учащагося дитяти было именно умѣнье громко и протяжно прочесть этотъ псаломъ, во время раздачи антидора. Въ особенности занимало это дѣтей. Бывало, погонитъ будущій митрополитъ въ поле воловъ на пастьбу, около него соберется гурьба такихъ же крестьянскихъ подростковъ и просятъ его прочесть: *Благословлю Господа,* какъ въ церкви онъ читалъ, »голосно, съ протягомъ, съ роздохомъ«, а въ замѣнъ того онъ просилъ ихъ пѣть пѣсни и выучить его какой либо новой, неизвѣстной. Пѣсни, конечно, были малороссійскія и будущій святитель страстно ихъ любилъ. Лѣтъ за семь предъ симъ (1869 г.) умеръ въ Павловкѣ нѣкто Базько (Василій) Цинскій, бывшій до самой смерти сторожемъ церковнымъ, за времени уніи

и потомъ въ православіи. Церковный сторожъ служилъ обыкновенно священнику вмѣсто кучера въ поѣздкахъ болѣе далекихъ и Базько возилъ »Іосипка—панича«, впослѣдствіи митрополита, въ »школы«, сперва въ Немировъ, а потомъ въ Вильну. По сохранившимся въ свѣжей памяти его разсказамъ, *паничъ* ничего такъ не любилъ, какъ останавливаться въ дорогѣ на почлегъ въ полѣ, подъ открытымъ небомъ. Любуясь прелестями лѣтнихъ ночей, онъ долго, не смыкая глазъ, пѣлъ малороссійскія пѣсни, преимущественно »чумацкія«, прося Базька, чтобы и онъ подпѣвалъ ему, и за это давалъ ему въ дорогѣ особую порцію водки. Наиболѣе любимою его пѣснью была: »Ой, мати, мати, та не гай мене; въ далеку дорогу выряжай мене«... Невольно при этихъ словахъ намъ представляется тотъ далекій жизненный путь, которымъ впослѣдствіи прошелъ знаменитый іерархъ церкви.—Будучи въ санѣ архіерейскомъ, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ относился къ »Базьку«, какъ къ своему пріятелю, когда тотъ пріѣзжалъ къ нему въ Вильну, и радушно его угощалъ и дарилъ. Кромѣ »Базька«, уже умершаго, въ Павловкѣ остается въ живыхъ однодворецъ Янъ Душинскій, бывшій по найму въ службѣ у отца митр. Іосифа: случалось и ему возить »панича« въ школы въ Немировъ, и его разсказы совпадаютъ съ разсказами Базька. Такимъ образомъ душа великаго іерарха воспиталась на звукахъ родной пѣсни и думы. Могъ-ли онъ забыть когда либо эти глубокіе, нѣжные звуки, въ которыхъ вылилась многострадательная жизнь народная, и не опи-ли были важнѣйшимъ, не поддающимся анализу сознанія стимуломъ въ томъ поворотѣ, какой совершился потомъ въ душѣ Симашки и доставилъ ему славное имя въ исторіи народной?

Съ какого времени дѣдъ митр. Симашки сталъ священствовать въ с. Павловкѣ, объ этомъ письменныхъ данныхъ не нашлось. Доискиваться послужнаго его списка у илинецкаго ксендза я не нашелъ возможнымъ, зная его направленіе, а уніатскія дѣла липовецкаго духовнаго правленія, въ числѣ коихъ могъ онъ находиться, въ сороковыхъ годахъ вытребованы въ кіевскую консисторію. Но памятникомъ, указывающимъ время священствованія въ Павловкѣ Тимоѳея Сѣмашки, служитъ надпись на потирѣ, пожертвованномъ имъ въ здѣшнюю церковь. Надпись эта, которую и я видѣлъ, случайно открыта теперешнимъ священникомъ о. Порфиріемъ Молча-

новскимъ, при развинчиваніи потира для чистки, и заключается въ слѣд. знакахъ: 1768. T. S. P. P. Разгадка не трудная: цифры показываютъ годъ, а начальныя буквы скрываютъ подъ собою слѣд. слова: *Thimotheusz Siemaszko, Puroch Pawłowski.* По словамъ старика Сидорука и другихъ, потиръ этотъ сдѣланъ Тимофеемъ Симашкомъ на третьемъ году его священствованія изъ серебра, которое удалось ему спасти во время *Колiивщины* отъ гайдамакъ, и сдѣланъ, какъ жертва благодаренія Богу за сохраненіе жизни и имущества. Итакъ начало священствованія Тимоѳея Сѣмашки въ селѣ Павловкѣ приблизительно можно относить къ 1765 году. Тотъ-же старикъ помнитъ время смерти Тимоѳея Симашки (ему самому было тогда 10 лѣтъ) и какъ его погребали въ селѣ Павловкѣ, возлѣ церкви, на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи устроенъ придѣлъ.

Отецъ митрополита Іосифа былъ женатъ на дочери уніатскаго священника Сѣроцинскаго; сынъ его Іосифъ родился въ то время, когда отецъ его еще не былъ священникомъ. Въ метрической книгѣ прихода Павловки, годъ 1808, мѣсяцъ октябрь, записана статья о рожденіи и крещеніи сына того села стихарнаго дьяка Павла Барановскаго, а въ ней значится, что воспріемникомъ при крещеніи былъ »тамошъній унытивъ Иосифъ Сомашко« (sic); священникомъ онъ здѣсь не названъ, значитъ и не былъ таковымъ въ то время. Проживая при отцѣ, родитель великаго іерарха занимался вообще хозяйствомъ, а преимущественно покупкою и продажею воловъ и свинныхъ салъ, самолично »чумаковалъ«—ѣздилъ въ Крымъ за солью; оставаясь дома, исполнялъ всѣ полевыя работы; собственными руками косилъ, оралъ и ралилъ, только не жалъ; вмѣстѣ съ нимъ работали и его сыновья, въ томъ числѣ и будущій митрополитъ. Когда крестьяне говорили отцу: зачѣмъ онъ къ такимъ труднымъ работамъ употребляетъ »панычивъ«, онъ отвѣчалъ: пусть прежде научатся работать, а »пановать« будутъ послѣ. Одному изъ своихъ сыновей, именно Іосифу, отецъ преимущественно предъ другими, поручалъ пасти воловъ и стеречь ихъ въ ночное время, и вотъ въ этой-то пастьбѣ и ночной стражѣ участвовалъ съ нимъ и старикъ Сидорукъ, разсказами котораго мы пользуемся, и получалъ отъ него по куску сала за хорошую пѣсню, или если стерегъ за него воловъ, когда ему хотѣлось заснуть. Старику этому я показывалъ портретъ митрополита Іосифа, приложенный къ апрѣльской

книжкѣ »Странника« за настоящій 1869 годъ, и онъ узналъ его, найдя въ немъ черты, знакомыя ему съ дѣтства.

Въ 1813 году Іосифъ Сѣмашко (отецъ) рукоположенъ былъ уніатскимъ епископомъ въ санъ священника въ м. Илинцы, но служилъ онъ не въ уніатской илинецкой церкви, которая имѣла особаго священника, а въ тамошнемъ костелѣ. Тамъ, говорятъ, устроены были два боковые олтари для уніатскихъ священниковъ, и на одномъ изъ нихъ во имя святителя Николая, священнодѣйствовалъ Сѣмашко, а на другомъ тоже уніатскій священникъ Духовскій. Въ некрологѣ митр. Іосифа, помѣщенномъ въ »Иркут. Еп. Вѣдомостяхъ«, архимандритъ Модестъ говоритъ даже, будто въ первомъ изъ этихъ придѣловъ Симашкомъ (отцемъ) устроенъ иконостасъ. Намъ кажется и то и другое невѣрнымъ: въ католическихъ костелахъ всегда есть боковые олтари, а священники уніатскіе также служили въ костелахъ, какъ ксендзы въ церквахъ уніатскихъ, устройство-же иконостаса въ костелѣ не мыслимо уже потому, что этого не допустили-бы ксендзъ и прихожане. Обветшалыя иконы, писанныя на холстѣ, въ томъ числѣ икона святителя Николая и другихъ патроновъ фамиліи Сѣмашковъ, есть и теперь въ колокольнѣ, при церкви с. Павловки, и по разсказамъ, они принадлежали уніатскому священнику Іосифу Сѣмашкѣ; но были-ли онѣ когда либо въ илинецкомъ костелѣ, того никто не знаетъ; вѣрнѣе они составляли обычное украшеніе въ домѣ тогдашняго священника, хотя-бы и уніатскаго. Раньше того было въ обычаѣ у православныхъ и уніатовъ рукополагаться »на ваканс«, въ надеждѣ пріисканія прихода; очень можетъ быть, что и отецъ Сѣмашки рукоположился въ такомъ-же разсчетѣ, но приходъ уніатскій найти тогда было уже трудно и, за неимѣніемъ его, онъ служилъ въ костелѣ. Принимая къ себѣ уніатскихъ священниковъ, польскіе ксендзы разсчитывали, конечно, воспользоваться остатками погибавшей уніи; но потому ли, что обманулись въ своихъ разсчетахъ, или потому, что послѣдовало какое либо на этотъ счетъ запрещеніе, скоро стали згонять ихъ изъ своихъ костеловъ,—изгнанъ былъ при этомъ и Симашко изъ илинецкаго костела. Тогда, подаривъ выстроенный имъ вблизи костела домъ сыну своему Николаю, бывшему въ Илинцахъ вольнопрактикующимъ врачемъ, онъ купилъ для себя другой vis-à-vis, и здѣсь изъ кухни, которая составляла

помѣщеніе отдѣльное отъ дома, устроилъ молельню; тутъ-то и были иконы, о которыхъ мы предъ симъ упоминали. Въ этой молельнѣ въ январѣ 1840 года старики Симашки устроили по уніатскому обряду бракъ ихъ дочери Елены, любимой сестры православнаго уже тогда преосвященнаго Іосифа. Женихомъ былъ Викторъ Гомолицкій, нынѣшній виленскій каѳедральный протоіерей, а бракъ совершенъ уніатскимъ священникомъ Ѳедоромъ Кудрицкимъ, проживавшимъ въ то время въ предмѣстьѣ города Липовца Гайсинѣ, и нарочито для этого сюда вызваннымъ. При совершеніи этого брака вѣнчавшіеся, какъ передаютъ очевидцы, по уніатскому обычаю, стояли на колѣнахъ.

Принявъ православіе, преосвященный Іосифъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ писалъ не разъ отцу своему въ Илинцы, убѣждая и съ сыновнею покорностію упрашивая послѣдовать его примѣру. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ приходилось и мнѣ читать; писаны они были всегда по русски, оборотная-же сторона листа всегда оставляема была не писанною. По окончаніи письма слѣдовала приписка къ брату Николаю (лѣкарю) и его женѣ на польскомъ языкѣ, начинавшаяся словами: »państwu Mikołaiowstwu«... При одномъ изъ писемъ прислана была для отца богатая ряса и подрясникъ; но никакія убѣжденія почтительнаго и нѣжнаго сына не дѣйствовали на престарѣлыхъ родителей. Наконецъ осенью 1846 года высокопреосвященный Іосифъ прибылъ лично въ Илинцы къ своимъ родителямъ, имѣя отрощенныя на головѣ волосы и бороду, но и это не повліяло на отца относительно перемѣны вѣры; онъ только сказалъ, что ему лѣнь брить бороду, но волосы стригъ и не оставлялъ надѣвать свой »габитъ«, совершенно чуждаясь рясы и подрясника. Во время пребыванія архіепископа Іосифа у родителей, его просили посѣтить православныя церкви въ Илинцахъ и Павловкѣ, но онъ отъ этого отказался, избѣгая архіерейскихъ встрѣчъ, и сказалъ, что пріѣхалъ секретно. Въ слѣдующемъ затѣмъ году отецъ и мать высокопр. Іосифа уѣхали къ нему въ Вильну, продавъ домъ свой, который перешелъ во владѣніе помѣщика гр. Плятера и занятъ потомъ подъ становую квартиру, причемъ молельня получила прежнее свое назначеніе, будучи снова обращена въ кухню. Домъ этотъ впослѣдствіи подаренъ Плятеромъ иностранцу Вуху и въ настоящее время совершенно перестроенъ.

О. архимандритъ Модестъ въ упомянутомъ некрологѣ митрополита Іосифа говоритъ между прочимъ, будто родитель его вполнѣ сочувствовалъ мыслямъ его о возсоединеніи уніатовъ и когда послѣдовалъ актъ возсоединенія, охотно принялъ православіе. Знавъ его лично, и притомъ близко, могу утверждать лишь противное; лишь переѣхавъ въ Литву, гдѣ дано было ему священническое мѣсто въ селѣ Дзѣкушкахъ, онъ сталъ православнымъ, но и то болѣе по имени. Фанатизмъ и ненависть къ православію особенно сильно выразились въ сынѣ его священникѣ Іоаннѣ Симашкѣ, который и умеръ внѣ православной вѣры, и о родномъ братѣ своемъ митрополитѣ Іосифѣ всегда отзывался такъ: *przeklęty! i sam siebie potępił i naród zgubił.* Въ бытность его у меня въ Липовцѣ, я показалъ ему портретъ его знаменитаго брата; онъ съ бѣшенствомъ бросилъ портретъ на полъ и, при звукахъ разбитаго стекла, тотъ часъ-же убѣжалъ. Умирая, онъ завѣщалъ похоронить его при илинецкомъ костелѣ, и ксендзы уже принялись было за исполненіе его воли; но православные священники отобрали его у ксендзовъ и погребли при православной илинецкой воскресенской церкви, чѣмъ остался доволенъ братъ умершаго, митрополитъ Іосифъ и священникамъ погребавшимъ прислалъ денежное вознагражденіе. Жена Іоанна Симашки, дочь уніатскаго священника Гречины, совсѣмъ перешла въ латинство, о чемъ велась безплодная переписка въ липовецкомъ духовномъ правленіи; по смерти она погребена на римско-папастическомъ кладбищѣ ксендзомъ. На евангеліи, присланномъ митрополитомъ Іосифомъ въ церковь села Павловки, слѣдующая надпись: »Азъ смиренный Іосифъ митрополитъ литовскій и виленскій сію книгу святаго евангелія положилъ навсегда въ церковь приходскую въ селѣ Павловкѣ, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, гдѣ дѣдъ мой Тимофей Сѣмашко добрѣ пастырствовалъ, гдѣ у самой паперти покоится прахъ моей бабы Маріи, а также трехъ братьевъ и сестры, усопшихъ во младенчествѣ, гдѣ и я молился изъ дѣтства до юношескаго возраста. Приношеніе сіе (sic) въ январѣ мѣсяцѣ 1853 года, на пятдесятъ пятомъ году моей жизни. Помяни Господи меня недостойнаго и всѣхъ присныхъ моихъ«! Удивительно, что митрополитъ Іосифъ въ приведенной надписи, говоря о погребенныхъ при церкви села Павловки ближайшихъ его родныхъ: бабѣ, братьяхъ и сестрѣ, не упомянулъ о своемъ дѣдѣ, который, по сви-

дѣтельству очевидца, погребенъ при этой-же церкви, да и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и не могъ быть погребенъ, находясь до самой смерти своей въ томъ селѣ«.

Протоіерей **Александръ Мацкевичъ.**

ПИСЬМО КЪ ТРЕМЪ ДІАВОЛАМЪ [1]).

Дѣло было въ маѣ мѣсяцѣ 1751 года, въ »маетностяхъ« гетмана Разумовскаго, въ быковской волости. Приходскій священникъ села Петровецъ Іоаннъ Григоріевъ и житель того-же села Иванъ Мирочникъ пришли въ »экономическую его ясневельможности канцелярію« и предъявили въ ней »саморучное писаніе« старобыковскаго жителя Михайла Гладкого, 21 года, которымъ этотъ послѣдній отдавалъ себя діяволамъ »вѣчне зъ душею и тѣломъ«. О Михайлѣ Гладкомъ производилось въ это время дознаніе по подозрѣнію въ кражѣ имъ у капитана Флицеля 316 рублей, но самъ онъ находился на свободѣ. Мѣстный сотникъ Петръ Карповичъ арестовалъ Гладкого и, допросивъ его »безъ пристрастія«, допросныя рѣчи его, вмѣстѣ съ письмомъ, а также донесшаго о семъ Ивана Мирочника отправилъ къ бунчуковому товарищу, »всѣхъ малороссійскихъ его ясневелможности маетностей главному эконому, Павлу Ломѣковскому«, который съ своей стороны препроводилъ все дѣло въ войск. генер. канцелярію. Въ производившемся по этому случаю дѣлѣ сохранилась засвидѣтельствованная копія съ письма Гладкого къ діаволамъ; она заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

»Приятелѣ мои добрии Гуцмерю, полуденъ и вырокъ.

Цураюсь я Бога и матери его, и всѣхъ святыхъ, и отца свого и матеры, и отдаюсь вамъ зъ душею и тѣломъ во вечное ваше владѣние, а вы минѣ издѣлайте, чтобъ я бувъ у Быковѣ паномъ, и принесли бъ вы минѣ грошей, сколько я захочу, такожъ капитану, моему неприятелю, и сотнику и Сандулу издѣлайте, чтобъ воны побѣсились и щобъ воны мене боялись; только васъ прошу— дайте мнѣ вѣкъ свой изжить, а по смерти моей возмете мене во вѣчность зъ душею и тѣломъ.

Вашъ моихъ добрихъ приятелей вѣчный слуга

Михайло Гладкий«.

---

[1]) Изъ »дѣла« войск. генер. канцеляріи 1751 г.

Въ основѣ всего дѣла лежитъ глубокая вѣра въ дѣйствительность непосредственныхъ сношеній человѣка съ нечистою силою и возможность съ помощію оной выйти изъ стѣсненнаго положенія, сдѣлаться паномъ и даже отмстить своимъ врагамъ. Гладкій предварительно распрашивалъ у разныхъ лицъ о томъ, какъ бы ему повидаться съ дьяволами: просилъ онъ жителя веприцкаго Павла Шепеля указать ему человѣка, который знался-бы съ дьяволами, а тотъ направилъ его къ двумъ жителямъ вороньковскимъ. Поѣхалъ Гладкій къ нѣкоему Савкѣ Мирочнику и просилъ показать ему діавола »персонално«; тотъ посовѣтовалъ ему пойти въ какіе нибудь пустые »хоромы« и выкликать діаволовъ: »они и явятся, увѣренно говорилъ Савка, если не будешь »лякаться«. Но Михайло этого не сдѣлалъ, а, по совѣту Василія Котляра, обратился къ жителю Петровецъ, зятю рыбака, Ивану Мирочнику, который взялся показать ему діавола »персонально«. Три раза пріѣзжалъ Махайло къ Ивану Мирочнику и наконецъ, по совѣту его, »напившись пьяный въ ночь глупую на роспутье выходилъ и діавола Гуцмера кликалъ трижды, токмо діаволъ не явился«. Тогда Иванъ Мирочникъ сказалъ, что можно и безъ »персональнаго« свиданія записаться діаволамъ и тогда де Михайло будетъ »паномъ, но только душу свою погубитъ«.

И вотъ 1-го мая на ярмаркѣ быковской Михайло, встрѣтившись съ Иваномъ Мирочникомъ, по его совѣту, и написалъ это письмо »до діяволовъ трохъ—Гуцмера, полудена и выпака« и передалъ Мирочнику. Мирочникъ, вмѣсто отправки письма по адресу, показалъ оное прежде всего священнику, а съ нимъ уже отправился къ сотнику и управителю волости быковской—Петру Карповичу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся, по повелѣнію гетмана, войсковой генеральной канцеляріи указъ Павлу Ломѣковскому объ отсылкѣ какъ самого Михайла Гладкого, такъ и произведеннаго о немъ слѣдствія въ переясловскую духовную консисторію »къ надлежащому тамо объ немъ разсмотренію и опредѣленію«.

Рѣшенія консисторіи въ дѣлѣ нѣтъ, но сущность его отгадать не трудно: въ такихъ случаяхъ виновные отсылались обыкно-

венно года на два или на три въ какой-либо монастырь до совершеннаго раскаянія и заглажденія вины молитвою и постомъ.

Дикія и странныя на современный взглядъ дѣла этого рода являлись нерѣдко въ производствѣ судебныхъ и административныхъ мѣстъ прошлаго вѣка и въ архивахъ того времени встрѣчаются довольно часто; но записи души діаволу писались обыкновенно подъ общимъ этого послѣдняго именемъ. Здѣсь-же ясно различаются три опредѣленныя какъ-бы лица съ особымъ для каждаго именемъ. Одно изъ нихъ—*полуденъ* заимствовано, очевидно, изъ книгъ церковныхъ и означаетъ бѣса »полуденнаго«, который дѣйствуетъ преимущественно въ полдень, что же означаютъ два другія, объяснить затрудняемся. Не будутъ-ли эти названія новостью въ нашей народной демонологіи?

Сообщ. **А. Андріевскій.**

МАЛОИЗВѢСТНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ РОДЪ.

На лѣвомъ берегу р. Ворсклы, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Полтавы, раскинуто живописное село Крутые Берега. Существуетъ предположеніе, что оно подало мысль украинскому поэту И. П. Котляревскому написать извѣстную его оперу »Наталку-Полтавку«[1]). Мы имѣли случай, въ 1875 г., побывать у владѣльца этого села, маіора А. Ѳ. Дублянскаго, умершаго въ 1876 году. Помѣщаемъ краткую замѣтку объ этомъ дворянскомъ родѣ и его »маетности« на основаніи переданныхъ намъ Дублянскимъ свѣдѣній.

С. Крутые Берега было пожаловано Петромъ I предку А. Ѳ. Дублянскаго по матери, гадячскому полковнику И. Чарныму, а до того принадлежало полтавскому полковнику П. Герцику, приверженцу Мазепы. Прадѣдъ Андрея Ѳедоровича, Александръ Дублянскій, служилъ въ малороссійскомъ полтавскомъ полку бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Апостолѣ; въ 1731 г. находился въ составѣ отряда козаковъ подъ командою кіевскаго полковника А. Танскаго, при устрой-

[1]) См. »И. П. Котляревскаго, изд. С. П. Катрановымъ. Кіевъ 1875 года, стр. II.

ствѣ украинской линіи на р. Орели, т. е. земляного вала съ башнями отъ р. Днѣпра до Донца.

Сынъ Александра, дѣйствит. стат. совѣтникъ Павелъ Дублянскій, служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Въ 1787 г., при проѣздѣ императрицы Екатерины II въ Крымъ, онъ занималъ, въ г. Екатеринославѣ, должность прокурора и получилъ рѣдкую въ то время награду, орденъ св. Владиміра 4 ст. У Андрея Өедоровича сохранялась и жалованная на этотъ орденъ грамота, а также письмо по этому случаю къ Павлу Дублянскому отъ князя Потемкина—таврическаго. Отецъ Андрея, Өедоръ Дублянскій, служилъ въ малороссійскихъ козакахъ и въ 1814 г., въ чинѣ полковника, съ козаками участвовалъ при взятіи русскими войсками Парижа. Маіоръ А. Дублянскій служилъ въ гусарахъ, участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г., по выходѣ въ отставку, былъ избранъ депутатомъ отъ дворянъ полтавскаго уѣзда, при губернскомъ предводителѣ А. Поповѣ, а въ послѣднее время жилъ въ с. Крутихъ Берегахъ. Онъ передавалъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ И. Чарнышѣ, испытавшемъ всѣ превратности судьбы. Еще въ званіи значковаго товарища Ив. Чарнышъ былъ посланъ Петромъ I въ 1709 году къ крымскому хану и къ запорожцамъ, съ извѣстіемъ о выборѣ гетманомъ страодубовскаго полковника Ив. Скоропадскаго. Чарнышъ изъ Крыма заѣхалъ въ Кошъ, атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и передалъ шведамъ. Потомъ Чарнышъ выданъ, вмѣстѣ съ прочими плѣнными, князю Меншикову, когда ему сдались шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, подъ м. Переволочной, близъ Днѣпра. Въ послѣдствіи И. Чарнышъ былъ назначенъ генеральнымъ судьею и, вмѣстѣ съ П. Полуботкомъ и прочими старшинами, заключенъ 10 ноября 1723 г. въ Петропавловскую крѣпость; затѣмъ водворенъ на жительствѣ въ Москвѣ, откуда отпущенъ на родину въ ноябрѣ 1727 года.

Андрей Өедоровичъ показывалъ мнѣ слѣдующія рѣдкости: 1) набалдашникъ мѣдный, вызолоченный отъ гетманской булавы; 2) кубокъ, или братину мѣдную, 1712 года, шестигранную, украшенную рѣзьбою; въ ней ставили вино на радахъ, при выборѣ старшинъ; 3) винтовку нарѣзную, шестигранную, украшенную серебромъ, привезенную предкомъ его изъ Запорожья; 4) шведскій карабинъ, мѣдный, гладкоствольный, съ расширеннымъ на концѣ стволомъ; 5) шведскую пушку, отбитую въ полтавской битвѣ;

6) турецкую саблю и 7) особый приборъ, въ формѣ ножа, который запорожцы втыкали въ землю, когда приходилось стрѣлять въ лежачемъ положеніи, причемъ на верхній, раздвоенный конецъ ножа клали дуло ружья. Кромѣ того у А. Дублянскаго было много рѣдкихъ книгъ, географическихъ атласовъ XVIII вѣка и портретовъ.

П. Китицынъ.

СУДЬБА ОДНОГО КІЕВСКАГО СООРУЖЕНІЯ.

Исторія разнаго рода сооруженій въ г. Кіевѣ въ высшей степени любопытна и поучительна. Самымъ древнимъ, конечно, доселѣ неоконченнымъ сооруженіемъ матери градовъ русскихъ надо считать кіевскую крѣпость. Основаніе ей положено, какъ извѣстно, въ 1703 г. еще Петромъ В. Разбита первоначально крѣпость на земляхъ, принадлежавшихъ лаврѣ и частнымъ лицамъ, преимущественно бѣдному люду, всегда селящемуся на окраинахъ города. По тогдашнему суровому времени, какъ читаемъ въ одной неизданной лѣтописи, »хаты поуруйновано, виноградния сады и огороды поплюндровано, людямъ земли не дано, а сказано: идѣте собѣ, где хочте... И бысть тогда плачъ многъ и рыданіе великое«. Спустя около 40 лѣтъ Минихъ кругъ города (Стараго) сыпалъ валы высокіе и много также »поплюндровалъ и попустошилъ« частныхъ строеній и усадьбъ. Гораздо позже, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, для расширенія эспланадной линіи крѣпости снесены четыре прихода: вознесенскій, спасскій, ѳеодосіевскій и владимірскій, жители откочевали на далекое разстояніе, церкви трехъ первыхъ приходовъ заключены въ крѣпостныхъ валахъ, а четвертая съ приходомъ отнесена на пески къ Лыбеди, гдѣ и теперь сваливаютъ около нея навозъ. Въ 40-хъ годахъ придумана новая линія оборонительныхъ верковъ, для которой уничтожена лучшая часть Печерска, отъ никольскихъ воротъ до царскаго сада, снесены Кловъ и Кресты, разобрано зданіе присутственныхъ мѣстъ, служившее первоначально помѣщеніемъ для университета, когда-же окончены были эти милліонныя сооруженія, то нашъ русскій Мольтке, умудренный севастопольскими уроками, изрекъ надъ ними суровый приговоръ: осмотрѣвъ ихъ въ 1869 г., онъ призналъ, что ихъ совсѣмъ не стоило возводить, такъ какъ нѣсколько дальнобойныхъ орудій, поставлен-

ныхъ на Байковыхъ высотахъ, въ теченіи не многихъ часовъ не оставятъ въ нихъ камня на камнѣ. И опять начерчена новая эспланадная линія, отъ которой не свободны и самыя отдаленныя части Кіева, гдѣ въ недавнее время паслись стада.

Подобна отчасти исторія знаменитаго цѣпнаго моста и вызванныхъ его постройкою двухъ другихъ сооруженій: подъема въ крѣпость и запруды Чарторыя. Прежде чѣмъ оконченъ былъ мостъ, ему грозила опасность остаться на мели съ лѣвой стороны Днѣпра, вслѣдствіе напора воды къ правой. Придумали дѣлать запруду на Днѣпрѣ выше Кіева, гдѣ рѣка стала дѣлать крутой поворотъ вправо, отклоняясь отъ стараго своего русла, которое потому лишь мелкимъ желобкомъ доходило до лѣвой стороны моста. Мостъ стоилъ 3 милліона, позже, говорятъ, прибавленъ еще одинъ, а подъемъ около полутора милліона. Съ проведеніемъ желѣзной дороги и постройкой новаго моста ниже лавры и крѣпости, мостъ цѣпной остался едва не для пѣшеходовъ, а подъемъ въ крѣпость оказался и совсѣмъ не нужнымъ, что-же до запруды, то она изъ году въ годъ продолжается и доселѣ: что положатъ инженеры въ рѣку лѣтомъ и осенью, то весной она вынесетъ, гдѣ она вынесетъ, тамъ они опять наложатъ камней и фашинъ, а она опять ихъ вынесетъ, и т. д., и т. д. На манеръ запруды шло долгіе годы сооруженіе набережной у Подола, а несравненно долѣе, съ милліонными затратами, производились устройство александровскаго спуска и обдѣлка михайловской горы. Начатыя еще при Александрѣ I, они длились чрезъ все почти царствованіе Николая I и хотя подъ конецъ онаго былъ поставленъ на верху горы гранитный столбъ съ надписью: *Обдѣлка горы окончена въ 1849 г.*, но время сокрушило и самый этотъ столбъ, какъ бы въ доказательство того, что строители поторопились съ своимъ заявленіемъ.

Около 15 лѣтъ тянется дѣло сооруженія памятника Богдану Хмельницкому, и никакъ не можетъ прійти къ концу.

Но изъ всѣхъ кіевскихъ сооруженій давняго и позднѣйшаго времени едва-ли не наиболѣе любопытна постройка въ Кіевѣ владимірскаго собора. Въ отдѣлѣ Библіографіи мы дали отчетъ о брошюрѣ, посвященной этой постройкѣ, и обѣщали сказать объ этой послѣдней особо, что и исполняемъ здѣсь, пользуясь нѣкоторыми данными брошюры г. Беретти.

Мысль о постройкѣ въ Кіевѣ храма въ честь святаго равноапостольнаго князя Владиміра,—храма достойнаго имени великаго просвѣтителя Россіи, явилась такъ сказать случайно. Обдѣлывали, какъ мы выше упоминали, михайловскую гору и обдѣлавши, задумали, не извѣстно по чьей мысли, украсить ее литымъ изваяніемъ св. Влдиміра. Освятить это изваяніе выпадало на долю извѣстнаго своимъ благочестіемъ и строгостію религіозныхъ воззрѣній тогдашняго митрополита кіевскаго Филарета Амфитеатрова. Благочестивый старецъ, строго различавшій тончайшіе изгибы нѣжнаго христіанскаго чувства, на отрѣзъ отказался. »Какъ? говорилъ онъ; святый благовѣрный равно-апостольный и великій князь Владиміръ съ этихъ высотъ низвергалъ истукановъ, а теперь его истуканъ тамъ-же ставятъ. Въ честь святыхъ угодниковъ Господнихъ св. матерь наша церковь обыкла воздвигать только священные храмы ихъ имени, а не свойственныя однимъ язычникамъ изваянія«... Ему возразили, что вѣдь нѣтъ въ Кіевѣ храма Владиміра, достойнаго его имени. »Ему вся православная Россія должна воздвигнуть здѣсь такой храмъ«, отвѣчалъ святитель Филаретъ и вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи подписки по всей Россіи на сооруженіе такого храма. Пока шла подписка, неизвѣстному еще тогда петербургскому архитектору Штрому заказанъ былъ планъ. Подписка дала 100 т. р., планъ оказался замѣчательно художественнымъ и доставилъ его автору званіе академика. Храмъ по плану имѣлъ форму продолговатаго креста, а стоимость всей постройки опредѣлена г. Штромомъ приблизительно до полумилліона рублей. Это послѣднее обстоятельство крайне смутило и огорчило митр. Филарета. »Я старъ, повторялъ онъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ; гдѣ намъ собрать столько денегъ?« и обратился къ епархіальному своему архитектору г. Спарро съ вопросомъ, нельзя-ли удешевить постройку. »Можно«, отвѣчалъ извѣстный уже и тогда неудачными своими постройками г. Спарро, и не думая много надъ проэктомъ Штрома, обрѣзалъ бока на его планѣ и укоротилъ отчасти длину; будетъ-де не крестъ, а корабль, хотя и не такъ длинный.

Въ такомъ видѣ проэктъ постройки храма св. Владиміра, за послѣдовавшею въ концѣ 1857 г. смертію митрополита Филарета, попалъ, какъ говорится, въ длинный ящикъ. Вновь назначенный

изъ экзарховъ Грузіи митрополитъ Исидоръ (нынѣ петербургскій) прибылъ въ Кіевъ весьма не скоро. Въ недолгое его управленіе поднятъ былъ вопросъ лишь о мѣстѣ для постройки и уже самый выборъ мѣста показывалъ, какъ ослабѣлъ тогда интересъ къ этому дѣлу. Вмѣсто монументальнаго памятника св. Владиміру отъ лица просвѣщенной имъ Россіи на собранныя деньги рѣшались построить теплую церковь его имени на погостѣ софійскаго собора, рядомъ съ храмомъ Ярослава. Планъ г. Спарро Высочайше утвержденъ лишь 5 апр. 1859. г.

Въ концѣ 1860 г. митр. Исидоръ перемѣщенъ былъ въ Петербургъ, а на его мѣсто назначенъ митр. Арсеній. Перемѣна митрополита не подвинула-бы, кажется, дѣла постройки собора, если-бы не явился совершенно неожиданный, но рѣшительный толчекъ. Дѣло въ томъ, что около этого времени возникла мысль о постройкѣ храма во имя равно-апостольнаго Владиміра на мѣстѣ его собственнаго крещенія въ древнемъ Херсонесѣ. Энергическій настоятель херсонесскаго монастыря, извѣстный архимандритъ Евгеній, изыскивая средства на постройку этого храма и заручившись весьма высокою поддержкою, выступилъ съ ходатайствомъ объ обращеніи на это дѣло денегъ, собранныхъ по мысли митр. Филарета. Митрополиту Арсенію данъ былъ соотвѣтственный запросъ, а это побудило его рѣшительно взяться за дѣло, прежде посылки какого либо отвѣта. Добыли проэктъ Спарро, избрали мѣсто на пустыряхъ, рядомъ съ зданіемъ 2-й гимназіи и противъ ботаническаго сада, объявили торги. Положеніе дѣла оказалось критическимъ. Одна черновая постройка исчислена была въ 158 т., притомъ выходилъ не соборъ, а только модель собора, какъ выразился тогда намѣстникъ лавры, архимандритъ Іоаннъ, нынѣ полтавскій архіепископъ. Торги дали ничтожную уступку; приходилось отказаться отъ постройки. Но тутъ лавра печерская дала безмездно милліонъ кирпича, а купецъ Ховалкинъ, желая, какъ говорилъ онъ, послужить Богу, скинулъ 33,6 процента со смѣтной суммы и обязался выстроить соборъ вчернѣ за наличную сумму 100,000 р. Наскоро разбили мѣсто, и 15 іюля 1862 г. митрополитъ Арсеній, совершивъ давно забытый и имъ вновь возстановленный крестный ходъ къ источнику Владиміра на мѣстѣ крещенія его сыновей, равно впервые окропивъ освященною водою поставленное на михайловской горѣ изваяніе

Равноапостольнаго, съ тѣмъ-же крестнымъ ходомъ произвелъ закладку собора и тогда донесъ, что закладка уже сдѣлана, а слѣд. и деньги, по подпискѣ собранныя, не могутъ быть переданы въ Херсонесъ.

Приступая рѣшительно къ работамъ, въ талантахъ исправителя штромовскаго проэкта г. Спарро усумнились. Вмѣсто него, по указанію тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова, къ руководству работами приглашенъ былъ г. Беретти, докончившій, послѣ отца своего, зданіе университета св. Владиміра, извѣстный постройкою и другихъ кіевскихъ зданій: 1-й гимназіи, что прежде былъ кадетскій корпусъ, анатомическаго театра, училища гр. Левашовой и пр. »Разсматривая смѣту«, пишетъ онъ въ своей брошюрѣ *о вновь строющемся соборѣ*, »я, признаться, не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было составить, а тѣмъ болѣе утвердить ее съ такими очевидными и огромными излишествами и явными несообразностями«. Къ сожалѣнію, ни этихъ излишествъ, ни несообразностей онъ не объясняетъ, говоритъ только, что »на утвержденномъ уже масштабѣ сдѣлалъ красными линіями новый масштабъ, взявъ за сжень съ прежняго масштаба 2½ аршина« (?), проэктировалъ какія-то пристройки, хоры, три престола вмѣсто одного, подвальный этажъ, съ помѣщеніемъ для калориферовъ и причетниковъ, а главное—достигъ увеличенія помѣщенія для молящихся въ 2½ раза, именно съ 51 кв. сажени до 127½, не считая хоръ, при томъ увеличилъ купола, и не только не возвысилъ суммы первоначальной смѣты, но понизилъ ее съ 158 т. на 141 т. безъ нѣсколькихъ десятковъ рублей. Но, говоритъ самъ-же г. Беретти, »желая увеличить помѣщеніе для боковыхъ олтарей, я уменьшилъ главные столбы и соотвѣтственно этому пришлось уменьшить и наружныя стѣны, отъ чего главныя поперечныя арки и не имѣли надлежащаго противораспора въ наружныхъ стѣнахъ, *что и было главною причиною всѣмъ поврежденіямъ*«. На этомъ оканчивается первый періодъ постройки собора св. Владиміра въ Кіевѣ.

Второй періодъ обнимаетъ собою черновую постройку собора, т. е. возведеніе фундаментовъ, стѣнъ и куполовъ, постепенно открывавшіяся поврежденія, ихъ свидѣтельствованіе и мѣры, предпринимавшіяся для ихъ исправленія. »Въ октябрѣ 1864 г., говоритъ г. Беретти, »когда большой и малый купола были доведены до окон-

ныхъ пролетовъ и были уже окончены верхніе своды, кромѣ трехъ сводовъ въ средней западной части собора, обнаружились вертикальныя трещинки на нижнихъ частяхъ облицовки западныхъ столбовъ, со стороны малыхъ арокъ, и надъ этими столбами, по линіи главныхъ поперечныхъ арокъ, и на малыхъ аркахъ, и на соприкасающихся къ нимъ парусахъ малыхъ куполовъ; къ тому-же лопнули обѣ верхнія связи въ главныхъ поперечныхъ аркахъ«. Произошло это, по спеціальному на сей разъ объясненію г. Беретти, отъ вращательнаго движенія арокъ, а по прежнему его-же объясненію отъ утоньшенія »главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнъ и недостатка въ послѣднихъ противораспора для арокъ«. Поврежденія эти, по признанію г. Беретти, были ничтожны и такими-же, по его словамъ, они признаны командированными изъ Петербурга архитекторами Кузьминымъ и Маевскимъ, исправленіе-же ихъ обошлось всего въ 265 р. Тѣмъ не менѣе въ главномъ техническомъ Комитетѣ найдено необходимымъ понизить купола, хотя ихъ было не 13, какъ проэктировалъ первоначально Штромъ, а только 5. 20 августа 1865 г. эти и другія измѣненія (въ наружныхъ украшеніяхъ) были Высочайше утверждены. Г. Беретти продолжалъ работы и къ зимѣ того-же года окончилъ всѣ верхніе своды, а 25 января 1866 г., въ его отсутствіе, работы свидѣтельствовали два генерала, фамилій которыхъ онъ не называетъ, и нашли, что прежнія незначительныя поврежденія нисколько не увеличились и что вообще трещинъ нигдѣ нѣтъ. Г. Беретти уѣзжалъ тогда въ Петербургъ, гдѣ на его работы смотрѣли иначе, и пробылъ тамъ довольно долго, а въ его отсутствіе, по его-же словамъ, »техническіе члены Комитета« разрѣшили подрядчику сломку куполовъ, не давъ себѣ труда присмотрѣть за тѣмъ, какъ подрядчикъ будетъ производить эту сломку. Подрядчикъ прежде большаго разобралъ малые купола и сложилъ кирпичъ на стелажахъ въ оконныхъ пролетахъ большаго купола; отъ этого, говоритъ г. Беретти, осѣли главныя арки, произошли и всѣ дальнѣйшія поврежденія. А поврежденія оказались очень и очень серьезныя: »въ главныхъ поперечныхъ аркахъ вновь лопнули связи и разошлись гораздо болѣе, чѣмъ прежде, самыя эти арки такъ осѣли, что между ими и сдѣланнымъ сверху кольцомъ образовались промежутки, оба западные столбы отклонились на 3½ вершка, восточные на 2½, стѣны противъ западныхъ столбовъ на

$4^{1}/_{8}$, а противъ восточныхъ на $2^{1}/_{2}$ вершка отошли наружу; отъ осѣвшихъ арокъ образовались трещины и на лежащихъ на нихъ парусныхъ сводахъ, на смежныхъ съ главными арками малыхъ аркахъ, вмѣсто едва замѣтныхъ сѣдинъ, образовались видимыя трещины, а простѣнки, выведенные подъ верхними малыми арками, отдѣлились отъ наружныхъ отклонившихся стѣнъ, причемъ противъ этихъ мѣстъ и на парусахъ малыхъ куполовъ образовались поврежденія«.

Когда свѣдѣнія о такихъ поврежденіяхъ дошли до Петербурга, оттуда командированъ былъ для осмотра постройки самъ составитель первоначальнаго ея проэкта г. Штромъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствовавшимъ ее прежде г. Маевскимъ. Составленный ими актъ константировалъ указанныя выше поврежденія, а причинами оныхъ, насколько можно судить по сдѣланнымъ изъ акта въ брошюрѣ г. Беретти выпискамъ, призналъ: »не равномѣрность осадки стѣнъ и столбовъ, при чемъ основаніе столбовъ заложено выше, чѣмъ основаніе стѣнъ, гдѣ устроены подвальные этажи, отсутствіе распорныхъ арокъ между стѣнами и столбами и то, что основанія столбовъ сдѣланы безъ уширенія«. Найдено также, что »пяты всѣхъ сводовъ, какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ подняты очень высоко относительно пятъ арокъ между столбами и положено по одной связи между столбами сваренныхъ не падлежащимъ образомъ, а уцѣлѣвшія сильно натянулись«. »Своды, въ поясненіе къ этому говоритъ г. Беретти, мною сдѣланы парусные и дѣйствительно весьма плоски; но за то резонансъ въ церкви оказался отличнѣйшимъ, и своды эти служатъ украшеніемъ собора, на которыхъ я положилъ на синемъ полѣ разкинуть золоченныя звѣзды«. Резонанса этого никто, конечно, не слыхалъ и звѣздъ никто не видѣлъ, а собору грозило полное разрушеніе. Укрѣпили его кой-какъ и пошли писать. Въ перепискѣ прошли, кажется, 1867, 1868 и начало 1869 г. Переписка вызвала командировку архитектора Бернгардта. »Изслѣдованіе грунта, пишетъ г. Беретти, способа кладки фундамента, пилоновъ и другихъ частей зданія, а также употребленнаго матеріала привели г. Бернгарта къ заключенію, что причину происшедшихъ поврежденій слѣдуетъ искать не въ качествахъ мѣстнаго грунта и строительнаго матеріала, не въ исполненіи работъ, такъ какъ всѣ они удовлетворяютъ требованіямъ техники, а въ большомъ мѣстѣ всѣхъ строющихся на Руси

храмовъ—въ несоотвѣтствіи между собою конструктивныхъ частей зданія«. Собору отъ этого не стало легче, архитекторамъ также, а г. Беретти съ 1869 г. былъ устраненъ отъ завѣдыванія работами и самыя работы прекратились на весьма долгое время, на цѣлыхъ почти семь лѣтъ.

Подпертый, съ трещинами, обставленный лѣсами стоялъ всероссійскій памятникъ равноапостольному просвѣтителю Россіи и никто не чаялъ видѣть его когда либо оконченнымъ. Собранныя по подпискѣ деньги давно было израсходованы, новыхъ ресурсовъ не было никакихъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло принимать продолженія и окончанія работъ на счетъ казны.

Но какъ г-ну Беретти, по его объясненію, повредило не допущеніе имъ, наравнѣ съ другими техниками разныхъ промаховъ въ конструктаціи собора, а то мелочное обстоятельство, что, будучи съ г. Бернгардтомъ на концертѣ Рубинштейна, онъ отъ духоты впалъ въ обморокъ; такъ собору помогло, хотя нестоль мелкое, но также связи съ нимъ не имѣвшее проведеніе отъ Кіева двухъ желѣзныхъ дорогъ, сперва кіево-балтской, а потомъ курско-кіевской. Съ устройствомъ вокзала близъ кадетскаго корпуса путь отъ него въ Кіевъ направился по бибиковскому бульвару, мимо самаго собора. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ покойный императоръ Александръ II, проѣзжая мимо, обратилъ вниманіе на эту видную постройку и, освѣдомившись отъ ѣхавшаго съ нимъ генералъ-губернатора кн. Дундукова-Корсакова о положеніи и обстоятельствахъ постройки, выразилъ желаніе, чтобы соборъ былъ докончепъ. Но послѣ тѣхъ перипетій, чрезъ которыя проходило это дѣло, интересъ къ нему у кіевскихъ властей ослабѣлъ въ такой степени, что понадобилось новое напоминаніе государя въ слѣдующій пріѣздъ и категорическое приказаніе возобновить дѣло объ окончаніи постройки, съ принятіемъ расходовъ на суммы государственнаго казначейства. Пошла вновь переписка на цѣлые годы; работы по отстройкѣ собора возобновлены лишь съ 1876 г. Завѣдываніе ими, по указанію Бернгардта, поручено мѣстному молодому архитектору Николаеву, подъ наблюденіемъ, какъ и прежде, особаго многочленнаго Комитета. Устроили контрфорсы, дали собору боковыя пристройки, которыхъ онъ лишился отъ руки Спарра, а за тѣмъ принялись за наружную и внутреннюю отдѣлку. Работы велись и продолжаются

съ такою медленностію, какая только и возможна въ казенныхъ постройкахъ, потому быть можетъ, что у казны *капшукъ* самый длинный... Въ этомъ году сдѣлаютъ напримѣръ верхніе, въ слѣдующемъ нижніе карнизы, чрезъ годъ отдѣлаютъ щиты, потомъ раздѣлаютъ купола, и т. д., и т. д. Но какъ всему бываетъ конецъ, то и этой постройкѣ приходилъ, повидимому, конецъ и освященія собора можно было ожидать если не въ прошломъ, то въ нынѣшнемъ году.

Случилась однако новая неожиданность. Одному ученому профессору, живущему по сосѣдству съ соборомъ, по поводу выхода въ свѣтъ исторіи русской церкви Голубинскаго, гдѣ такъ обстоятельно раскрыто, что у насъ, какъ и теперь на востокѣ, были иконостасы въ формѣ невысокой преграды, отдѣляющей, но не закрывающей олтарь, пришла весьма почтенная мысль, что въ соборѣ во имя Владиміра надлежало-бы устроить иконостасъ и всю олтарную обстановку такъ, чтобы они переносили собою молящихся ко временамъ Владиміра. Мысль эта проведена была сперва въ одной мѣстной газетѣ, а потомъ заявлена официально. Пошла новая переписка. Проэктъ профессора былъ переданъ на обсужденіе церковно-археологическаго общества при кіевской академіи; оно согласилось съ нимъ и поручило одному изъ членовъ своихъ, профессору А. В. Прахову, занимающемуся возобновленіемъ фресокъ въ кіево-кирилловской церкви, составить соотвѣтственные чертежи. Общество между тѣмъ не удовлетворилось чертежами г. Прахова и поручило архитектору Николаеву составить новые. Тѣ и другіе были посланы въ Петербургъ въ концѣ прошлаго года, разсматривались во многихъ инстанціяхъ и наконецъ лишь въ послѣднее время утверждены рисунки проф. Прахова съ тѣми измѣненіями, какія указаны для нихъ императорскимъ археологическимъ обществомъ. Предстоятъ заказы иконъ, стѣнной алтарной живописи, преграды и многаго другаго. Пройдетъ не одинъ еще годъ, утечетъ не мало въ Днѣпрѣ воды, пока будетъ совершенно оконченъ и освященъ этотъ давно ожидаемый молитвенный памятникъ, который, по мысли святителя Филарета, должна была создать вся православная Россія своему равноапостольному просвѣтителю.

Штукатурная и лѣпная работы, по видимому, совершенно окончены; на куполахъ съ прошлой осени водружены кресты; го-

товится позолота куполовъ на средства мѣстнаго капиталиста Н. Терещенка; зданіе, особливо издали, кажется весьма виднымъ и красивымъ, хотя лишеннымъ цѣльности и полнаго изящества. Г. Беретти, указывая въ выполненіи слѣдовавшихъ послѣ него работъ разныя мелкія несовершенства, въ новомъ строителѣ усматриваетъ одинъ тотъ недостатокъ, что онъ »не отецъ собора, а только его отчимъ«. Отца, скажемъ мы въ заключеніе, и трудно тутъ доискаться; случайно и на время прикасавшіеся къ этому дѣтищу строители являются какъ-бы въ видѣ нянекъ и, по странной игрѣ случая, въ числѣ семи, а извѣстно, что при семи нянькахъ съ дитятей и не то еще бываетъ. Мы же, блюдущіе за всѣмъ и затрачивающіе деньги, держимся стариннаго правила, что географію обязанъ знать лишь извощикъ...

А. К.

СТАРИННЫЕ СПОСОБЫ ВОЗВРАТИТЬ ЯЗЫКЪ НѢМОМУ И РАЗСѢЯТЬ ЛОЖНЫЕ СЛУХИ.

Старое время поражаетъ насъ суровостію пріемовъ въ обращеніи съ виновными или только подозрѣваемыми въ какой либо винѣ. Платили дань времени и такіе мудрые и гуманные правители, какимъ считается для Малороссіи графъ Румянцевъ-Задунайскій. Въ той части архива Малороссійской коллегіи, которая нынѣ находится при харьковскомъ университетѣ, мы нашли два его предложенія этой коллегіи, которыя приводятъ къ такому заключенію.

Гдѣ-то, въ Малороссіи, взятъ былъ подъ стражу неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій при себѣ какіе-то травы и нѣкоторые инструменты; свидѣтельствовавшій его докторъ высказалъ предположеніе, что пойманный притворяется нѣмымъ. Румянцевъ указываетъ коллегіи средства заставить этого нѣмого заговорить. Другой случай— распространеніе въ 1769 году въ Малороссіи слуховъ на счетъ плохаго состоянія россійской арміи, которою командовалъ Румянцевъ, приводитъ его къ тому средству, которое, вѣроятно, по традиціи, практиковалъ впослѣдствіи кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ[1]) Знакомятъ съ тѣми и другимъ средствами предложенія графа Румянцева, которыя приводимъ здѣсь въ подлинникахъ.

[1]) См. »Кіевск. Старин.« на 1882 г., кн. VII, стр. 71 и 72.

1.

Содержащійся въ оной коллегіи колодникъ нѣмой, который по освидѣтельствованію докторскому признанъ притворяющимся въ своей нѣмотѣ, а найденные у него травы и инструменты, употребляемые къ земляной и деревянной работѣ, наводятъ на него подозрѣніе, для чегобы онъ сіи вещи при себѣ носилъ; поелику и за увѣщаніемъ священническимъ ничего о себѣ не проговорилъ, сложеніе-же его тѣла во всемъ здоровое, какъ и вышесказанные причины дѣлаютъ сомнительство, не ханжитъ-ли онъ? и какъ не отвѣтствуетъ на вопросы ему предложенные, заслуживаетъ наказаніе; то Малороссійская коллегія имѣетъ, соблюдая послѣдное средство помилованія, посадить его подъ крѣпкой караулъ на два дни и не дать ни питья, ни пищи, но оставить все сіе время провождать ему съ священникомъ, который-бы усугубилъ свои увѣщанія, представляя, что упорство подвергаетъ его дальнему жестокому истязанію. На остатокъ, ежели и по прошествіи сихъ дней онъ однакожъ казать непременно себя будетъ безъ рѣчи, то по сомнительству изъ его обстоятельствъ останется распросить его батожьемъ въ присутствіи членовъ, извѣдывая собственнаго признанія отъ него, какой онъ человѣкъ? чтобъ иногда снисходительствомъ къ его притворному и ложному виду не дать въ немъ примѣру подражанія другимъ преступникамъ, во избѣжаніе наказаній ими заслуженныхъ. Іюля 18, 1768 года.

2.

Къ сожалѣнію доходятъ мнѣ извѣстія, что нѣкоторые невоздержные раскащики къ смятенію народному въ Малой Россіи и въ самомъ Глуховѣ оглашаютъ пустые враки о состояніи арміи мнѣ ввѣренной. Какъ не должно попускать сей вредной лжѣ распространиться до общихъ мнѣній и съ тѣмъ сопряженныхъ послѣдованій, то я и рекомендую Малороссійской коллегіи взять пристойное примѣчаніе, чтобъ всякого, кто къ смущенію общему покусится что либо разглашать про обстоятельства арміи, присылать ко мнѣ, дабы здѣсь удостовѣрить его о противномъ и по испытаніи знать, какъ говорить о военныхъ дѣлахъ. Іюня 18, 1769 года. Изъ главной квартеры Самбура.

Сообщ. П. Е—ко.

НѢКОТОРЫЯ МЕЛОЧИ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Въ январской книжкѣ »Кіевской Старины« за нынѣшній годъ были помѣщены нѣкоторые изъ разсказовъ, записанныхъ нами на Волыни отъ старика Добротвора, съ которымъ мы бесѣдовали не разъ о минувшихъ временахъ. Изъ его характерныхъ разсказовъ намъ припомнились и еще нѣкоторыя подробности, и мы сообщаемъ ихъ для печати, дабы не затерялась ни одна изъ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ потомъ историкъ создаетъ цѣльную картину народной жизни въ данную эпоху.

О Добротворѣ мы замѣтили прежде, что любимою темою его разсказовъ была *панщина*, особливо въ первое время по присоединеніи края къ Россіи. Извѣстно, что тогда былъ полный просторъ власти пановъ въ отношеніи къ ихъ »подданнымъ«, не только никѣмъ не стѣсняемый, но напротивъ какъ-бы поддерживаемый всею силою русскаго управленія. Это была самая тяжкая пора для православнаго населенія присоединеннаго края и она глубоко напечатлѣлась въ памяти народной. Народъ сознавалъ тягость, бывшую послѣдствіемъ перемѣны режима, помнитъ это и теперь.

— Якъ були мы пидъ Польщею, разсказывалъ Добротворъ, то паны насъ боялись, бо кожный зъ насъ мавъ ножа зъ боку; а якъ пидвернулись пидъ Россію, то паны зробили такъ, щобъ на три дворы бувъ еденъ нижъ, а на десять дворивъ одна сокира.

— Вже-жъ и муки мы набрались за ихъ панування, говорилъ старикъ, обращаясь къ частностямъ; а найгирше ти жинки. Де по якихъ дворахъ, тамъ, де людей били, були покопани не велички ямки; то, бачте, для того, що якъ треба часомъ простягти женщину временну (беременную), та въ такую ямку клали іи животомъ, щобъ не зашкодити іи. Бьють було, духу послухаючи. А коли забъе було панъ якого чоловика, то заразъ пише до ассесора, це-бъ то станового; а якъ пріиде ассессоръ, то панъ и не крыеться, а просто каже: *забилемъ чловька.* Ассесоръ заразъ пише до попа, що вмеръ той чоловикъ своею наглою смертью и що треба ёго поховати. Тоди вже на возы кладуть годованихъ кабанивъ, гусей, индыковъ, килька гарцивъ пшеныци, вивса и везуть до пана ассесора. А найгирше було, що ще й згнущаюця надъ нами: быдло,

каже, пся кревь; такъ невирно лаялись. Надивились на наши муки оти коробейники—кацапы, що въ коробкахъ крамъ усякій носять, та й питають було насъ: кака, каже, въ тебе, хохолъ, душа? Коли каменна, то перебъется; коли ременна, то перервется; коли мочальна, то перетрется. Должно быть, каже, въ тебе, хохолъ, душа кремённа!

Извѣстно, что преданія о событіяхъ временъ Хмельницкаго совсѣмъ затерялись. Въ разсказахъ Добротвора намъ удалось подмѣтить нѣкоторые ихъ обрывки. Передаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они записаны, безъ сличенія съ фактами историческими.

— Въ Шумському замку, що надъ ставомъ, сыдивъ давно колись князь Радывилъ. Отъ якъ воювали козаки зъ ляхами, то козаки добули зъ того замку Радывила, вывели его за Шумскъ и тамъ пидъ Брыковомъ замордували.

Въ основѣ этого краткаго преданія лежитъ дѣйствительный историческій фактъ, изъ времени войнъ Хмельницкаго.

— А якъ гнали козакивъ ляхи зъ-пидъ Берестечка, говорилъ еще старикъ Добротворъ, то козаки, втикаючи, кидали гроши въ криныци, въ ставы, въ безодни; де яки отдавали мужикамъ повни саквы червинцивъ та дукативъ.

— А якъ зибрались зновъ козаки, то зустрилы ляхивъ пидъ Старымъ Костянтиновымъ, на гори Ганчарыси и моцно бились... бились тамъ три дни й три ночи, а потимъ розійшлись: ляхи въ свою сторону, а козаки въ свою.

— Кажуть, заключилъ Добротворъ, при кинци свита зновъ буде велике страженя на тій гори Ганчарыси—будуть биться ляхи зъ москалями..., а потимъ уже и кинець свита.

И. Орловъ.

ЕЩЕ ПѢСНЯ О ПОПАДЬѢ, НЕ ВЗЛЮБИВШЕЙ БОРОДЫ.

Въ январской книжкѣ »Кіевской Старины« за настоящій годъ была помѣщена пѣсня, подъ заглавіемъ: »Отголосокъ давно минувшей уніи«.

Въ бытность мою въ Кутаисѣ, въ одномъ имеретинскомъ семействѣ я видѣлъ толстую, пожелтѣвшую тетрадь, въ которой, среди различныхъ старинныхъ романсовъ, помѣщено много малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ ряду послѣднихъ есть близкій, но краткій варіантъ той-же пѣсни.

На тетради значится 1850 г. и слѣдующее посвященіе съ подписью:

»Сію вамъ книжку я теперь дарю
Съ любовію въ знакъ памяти своей;
Я ей за пѣсню васъ благодарю
Пропѣтую въ усладъ души моей.
Давайте всѣмъ ее святымъ монашкамъ,
Когда пойдутъ онѣ въ свой монастырь,
И тѣмъ, кто о любви страдаетъ тяжко,
Во благо служитъ пусть сія псалтирь«.

»Не просвѣтившій исповѣдью гордыхъ монашекъ печальный іерей Алексѣй Архангельскій«.

Оставляя въ сторонѣ названный уже мною варіантъ, сообщаю другую пѣсню, которая, кажется, составляетъ въ свою очередь варіантъ напечатанной пѣсни о попадьѣ, но совсѣмъ далеко отъ нея отступившій.

Ой попадя молоденька,
Чорнобрива и гарненька,
И товстенька, и кругленька,
И роточокъ, и носочокъ,
И зубоньки, и губоньки,
И очыци, и бровыци:
Кругомъ, кругомъ, кругомъ гарна,
И ще й зовуть іи Ганна.
Попа вона не злюбила,
Трохи ёго не згубила;
Зъ москалями обизналась,
На колина имъ сажалась.
Вони-жъ іи обнимали,
Обнимавши цилували
И въ губоньки, и въ зубоньки,
И въ очыци, и въ бровыци.
Якъ пипъ заставъ, то й посвиставъ,
И такъ іи казати ставъ:
»Ой, попаде, що хочъ, роби,
Тильки мене попа люби,
Мене попа зъ бородою,
Та й не будешь изъ бидою.

Бо якъ не будешь любити,
То не будешь довго й жити.
Якъ почну я шанувати.
Тоди будешь мене знати
И бороду почитати.

Г. С. Лебединецъ.

НЕКРОЛОГЪ.

23 мая, около 8 часовъ вечера, смерть нежданно сразила одного изъ лучшихъ людей и ученыхъ г. Кіева, *Филиппа Алексѣевича Тарновскаго*. Неразрѣзанный во время нарывъ во рту произвелъ отравленіе крови; болѣзнь длилась всего три дня.

Покойный Филиппъ Алексѣевичъ много лѣтъ состоялъ преподавателемъ кіевскаго университета и академіи и пользовался всегда глубокимъ уваженіемъ и расположеніемъ своихъ слушателей. Воспитанникъ московской академіи, онъ, по окончаніи, въ ней курса въ 1862 г., поступилъ баккалавромъ кіевской академіи и оставилъ оную послѣ 20 лѣтъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, по обстоятельствамъ извѣстнымъ изъ газетныхъ сообщеній. Въ академіи читалъ русскую исторію, въ университетѣ общую церковную. Въ теченіи долгой службы этотъ рѣдкій труженикъ не устанно работалъ въ широкой области избранныхъ имъ предметовъ и обогатилъ науку многими весьма цѣнными и оригинальными изслѣдованіями, изъ которыхъ изслѣдованіе по исторіи византійской церкви, стало для него роковымъ. Сотрудничая въ »Трудахъ кіевской духовной академіи«, »Кіевской Старинѣ, »Новомъ Времени« и другихъ изданіяхъ, онъ написалъ не мало прекрасныхъ статей по разнымъ отраслямъ знанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ глубоко набожный человѣкъ, истинный христіанинъ. Трудно также было встрѣтить человѣка болѣе его прямого, искренняго, сердечнаго, кроткаго, незлобиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ. Веселое настроеніе духа не оставляло его въ самыя трудныя минуты. Годъ тому назадъ онъ похоронилъ жену, а теперь оставляя 4-хъ малолѣтнихъ, круглыхъ сиротъ безъ всякихъ средствъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ минутъ тотъ-же свѣтлый и спокойный взглядъ на жизнь и смерть. Ему готовилась иная, строго научная сфера дѣятельности, но смерть увлекла его въ обитель невечерняго свѣта и вѣчнаго мира. И будетъ о немъ долгая и самая свѣтлая память.—Ред.

Поправка. На стр. 320 напечатано: *сорокъ четыре уже года;* надо читать: *сорокъ уже лѣтъ.*

насъ своею баркою даже до квартери отослалъ. Сего числа писано отъ мене писмо до ясневелможного подъ вчорашнею датою съ объявленіемъ о пріездѣ моемъ въ С. П. Бурхъ, чрез рейтара кіевского. За мите платя и на мило дано 13 к.

21. Рано былъ у князя Алексія Михайловича Черкаского и подалъ писмо гетманское. Службы слушалъ въ церквѣ Ісаакія. Розышлось на розныю 12 к. Въ 1-мъ часу по полдни изволила ея і. величество восприять маршъ водою до Ладожского каналу, и въ 3-мъ часу изволила прибыть въ Невскій монастырь, гдѣ налено на салве зъ пушекъ, и когда изволила ея і. величество всесть въ судно Торшмкогъ, на которомъ и імператорскій штандартъ былъ, при дворцѣ въ С.-П Бурхѣ, то дважди зъ суденъ, такожъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости випалено по однокажди зъ пушокъ, въ адмиралтействѣ зъ 77, а въ крѣпости зъ 77, а зъ суденъ дважди по 17 пушокъ, и того за двома разами випалено въ обохъ крѣпостяхъ и зъ суденъ зъ 188 пушокъ. По полдни былъ въ нашой квартерѣ панъ Андрей Полуботокъ, которому и карти новіе подарилесмь. Розышлось сегодня 11 бутилокъ вина и полапкера, за который дано 2 р. 25 к.

22. Ездили на Василіевскій островъ къ Петру Василіевичу, такмо оного не застали въ домѣ. Сегожъ числа по полдни былъ у насъ на квартерѣ камеръ люкай ея і. высочества Іванъ Федоровичъ Котляревскій и позабавилься годинъ зъ 4.

23. Никуда зъ квартери не бывали ради великой чрезъ весь день непогоди. За направу туфлювъ дано 6 к.

24. Ея і. величество изволила возвратитися зъ походу, не доехавъ Ладожского каналу за великою противною погодою верховою, которая перейти пороговъ не допустила на Невѣ, а во время пришествія въ С. П. Бурхъ такожде палено зъ пушекъ 188. Были у Петра Василіевича на Василевскомъ острову. Fungi ibidem relicti [135]). На перевозъ 5 к. себѣ, за двѣ бутелки 4 к., на перевозъ Алексію 2 к. Алексію на его нужди 10 к. Вечеромъ були у отцевъ архимандритовъ іпатского и донского.

25. Писма писанные въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до господина Пасека и до пана Юркевича подъ

---

[135]) Тамъ оставлены грибы.

вчерашнею датою, и до пана тестя, до жены, до полковника нашого, до пана Андрея Миклашевского и до пана Скорупы и до Стефана въ Перегонъ подъ ниженнимъ числомъ, вручены въ коллегіи іностранной для отправы до Глухова на почтѣ. Сегожъ числа и выписку въ коллегіи читалъ, учиненную по челобитю Корсаковому [139]) и по нашихъ спорнихъ челобитныхъ. Яхта імператорская пришла зъ походу и палено на приходъ зъ пушекъ. Сегожъ числа князю Шаховскому подалъ писма въ моемъ дѣлѣ, писанные отъ гетмана, генерала де-Вейзбаха и пана Скоропадского, такожъ и мое прошеніе зъ копіею челобитной спорной противъ Корсака. На перевозъ пошло 10 к.

26. Былъ въ коллегіи и подалъ писмо, за мною отъ гетмана къ Василію Василіевичу Степанову [140]) тайному совѣтнику писанное. На перевозъ пошло 4 к. Купилъ двѣ бутылки фронтиніаку, дано 60 к., сира аглинского 18 фунтовъ, фунть по 8 копѣекъ, дано 1 р. 44 к. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ, и палено зъ пушекъ.

27. Былъ въ квартерѣ нашой Василь Федоровичъ Яворскій, камеръ юнкеръ ея высочества государыни царевни, с. і. зъ ездовымъ сержантомъ, и обѣдали тутъ, а послѣ были мы у графа Сави Владиславича, который насъ своею верейкою отослалъ ажъ до квартеры, дано гребцямъ 25 к. Сего числа начали ходить по мосту, на Невѣ сдѣланномъ.

28. Обѣдню слушали у церквѣ Троицкой, а по полдни ездили графскою шлюпкою на Василевскій островъ и были у Петра Василіевича Курбатова, у Василія Василіевича Степанова и у переводчика Бялошицкого. Розшилось 10 к.

29. Были въ дворцѣ и тутъ въ придворной церквѣ было молебствіе о состоявшемся трактатѣ зъ Персіею, да для тоей же оказіи поставлены были полки 3 гвардіи и нѣсколко пѣхотныхъ кругомъ дворца и другихъ палатъ, и перве палено зъ пушекъ на трехъ суднахъ, на Невѣ стоячихъ, потомъ зъ крѣпости и зъ адмиралтейства,

---

[139]) Максима Михайловича Корсака.

[140]) Василій Степановъ — членъ иностранной коллегіи и дѣлецъ своего времени. См. Архивъ Сената, Баранова, №№ 1630, 2728 и друг.

да знову зъ пушокъ передъ дворцомъ поставленныхъ, и всѣ полки палили бѣглымъ огнемъ трижды. Tandem былъ банкетъ въ дворцѣ. Панъ Горленко [**]) былъ у ручки государыни и у принцессы. Розышлось 5 к. Тамъ же въ дворцѣ подалъ я листъ отъ ясневелможного графу Левенволду, оберъ гофъ-маршалу, и поручику Ерголскому отъ Богдана Івановича Пасека. Подъ симъ числомъ помѣченъ листъ гетманскій рукою Петра Василіевича Курбатова, въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ поданный передъ симъ, зъ удостоеніемъ мнѣ на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ подписанный.

30. Были въ домѣ государыни царевны Екатерины Іоанновны, только не получили времени поклону отдать. Послѣ былъ въ коллегіи, и зъ рейстратуры війнялъ листъ гетманскій по записцѣ. На перевозъ и проч. пошло 13 к. По обѣдѣ были у капитана поручика семеновского полку Івана Івановича Косогова на Василевскомъ острову, а одтоль былъ я у князя Алексія Івановича въ домѣ и о своемъ дѣлѣ просилъ. Потомъ были зъ паномъ Андреемъ Горленкомъ въ домѣ ея і. высочества государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, у духовника отца Костантія, и тутъ довго позабавилисъ зъ компаніею, въ которой была и фрелина ея высочества Марія Михайловна Нарышкина, господина генерала Семена Григоріевича Нарышкина родная племянница, да гофъ-юнкеръ Алексій Григоріевичъ Жеребцовъ, такожъ сынъ оного отца духовника Алексій, которій на Украину отправляетъся; и тамъ позабавилисъ ажъ до полуночи.

31. Дано Алексію на желѣзо и проч. потребное до споряженя коляски 50 к.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Ея імператорское величество изволила переехать въ лѣтній новопостроенный дворецъ, и когда ея величество водою воспріяла путь въ баржѣ, то зъ суденъ и въ крѣпости въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано были у графа Андрея Івановича

[**]) Андрей Андреевичъ Горленко, внукъ гетмана Апостола и братъ Іоасафа, епископа Бѣлгородскаго, впослѣдствіи полковникъ полтавскій съ 1744 года до 1774. См. о немъ Русск. Арх. 1875, II, 257.

Остермана, потому и писма въ моемъ дѣлѣ отъ ясневелможного и отъ господина генерала графа фонъ-Вейзбаха вручилъ. Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обѣслалъ мене виномъ краснымъ и водкою. Послѣ полдня былъ въ квартерѣ нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ, зъ которымъ и зъ другими доволно пишли, и былъ я гораздо пянъ.

2. Весь день пробивши въ домѣ, а въ вечеру былъ Новоторжцовъ и привезъ панничу кормовые денги 45 р. на іюнь мѣсяцъ.

3. Розышлось на розниць 15 к., въ томъ числѣ на лекарство поскаку 10 к., камѳорику 2 к.

4. Были въ дворцѣ лѣтнемъ, где церкви во имя святыя Тройцы было посвященіе; послѣ въ огородѣ гуляли и по службѣ были въ салѣ приходной съ новопостроенныхъ будинкахъ, въ которой преизрядные видѣли шпалери и прочее зѣло велелѣпное уборство. Обѣдали въ домѣ и рано передъ службою были и у графа Головкина, которому я и писма, за мною отъ гетмана и отъ генерала де-Вейзбаха писанные въ моемъ дѣлѣ, вручилъ. Розышлось на разный росходъ 48 к.

5. За ключикъ до зигарка 18 к., за книжечку латинского и нѣмецкого букваря 35 к., на гвоздики до чоботъ нѣмецкихъ 2 к. Одправлены писма на почтѣ до Глухова, и именно къ ясневелможному, зъ включеніемъ и писма отъ государини цесаревны и отъ енерала Ушакова, подъ датою 31 мая; до пана Скоропадского, подъ датою іюня 1; до жены подъ датою іюня 3, зъ включеніемъ и одъ полковничого сына писма; до пана тестя подъ нинешнимъ числомъ, да объ отправленіи оныхъ писемъ писалъ въ Москву къ подканцеляристу иностранныхъ дѣлъ коллегіи Урілу Ларіоновичу Іванову. Былъ сегожъ числа у Новоторжцова и Леонтіева, послѣ и у господина Базилицкого—переводчика, а оттоль идучи на перевозъ, повредилъ себѣ ногу, отчего занемогъ на ногу не помалу. На перевозъ издано 11 к.

6. За болѣзнію немалою ногу за съ избы не виходилъ. Подячему Федору Афанасіевичу Іинхову далъ 1 р. и барилко водки. Розышлось на розницю 23 к. Hac die abductus in fortalitium Petrus Mirovitz sub aresto in secretam cancellariam [162]) Писано писмо до его

[162]) «Сегодня отвезенъ въ крѣпость Петръ Мировичъ подъ арестомъ въ тайную канцелярію». Ср. Зап. Марковича I, 391. Мы не знаемъ, въ какомъ родствѣ

м. пана Скоропадского о Алексіѣ Константинову Яблонскомъ, мунштенку.

7. Послалъ канцеляристу Леонтеву циду (кубарь, волчокъ) и бутель вина красного, и сей день пробавилъ въ домѣ. На перевозъ челяди дано 4 к.

8. Былъ въ коллегіи и писалъ писмо къ Уріилу въ Москву, чтобъ отправленный передъ симъ пакетъ въ Глуховъ вручилъ салдатамъ, отселя одправленнымъ, которіе зъ Петромъ Мировичемъ пріездили, одинъ преображенского полку Никита Шиповъ, другій гварнѣзону глуховского. Обѣдалъ и въ лазнѣ (банѣ) мылъся у отца Малиновского, которій и отправилъ мене на квартеру каретою. Пѣвчому малому государини цесаревны Іванкѣ Павлову далъ 1 р. и хустка едвабная (шелковая). Былъ у насъ же и бандористъ слѣпій Григорій Михайловъ [112]. За 3 бутылки меду 12 к., на перевозъ 9 к., на хлѣбъ 4 к.

9. За перевезеніе коляски 30 к., за перешравку червоныхъ чоботъ и за направу Николаевыхъ 20 к. Николаю козаку на цитваровое насѣне 5. к. Вчера написанное писмо до Уріила вручилъ солдатамъ помянутымъ. Сегожъ числа писалъ писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского и до секретаря сенатского Івана Івановича Топілского, такожъ до Стародуба къ пану тестю, къ пану Федору Ширяю и до жены—тамъ же поклонъ выразилъ п. п. Миклашевскимъ, Гамаліямъ и Корецкимъ шваграмъ и пану Скорупѣ, и отослалъ оные къ тимъ же салдатамъ чрезъ Кирила Семенова, служителя пана Павла Апостола. На перевозъ 5 к.

10. Посолъ китайскій, которій зъ свитою своею ездилъ до Пітергофа и до Кронштату, возвратилъся оттуду на яхтѣ дворцовой, на которой трубачи зъ лѣтаврами играли, и для проходу оной яхты

былъ Петръ Мировичъ съ переяславскимъ полковникомъ Иваномъ Мировичемъ (1696—1706), но вѣроятно это одинъ изъ его потомковъ. Вина Петра Мировича, за которую онъ сосланъ былъ въ Сибирь (см. ниже 16 іюля), остается неизвѣстною. Преосвященный Филаретъ Гумилевскій догадывается, что онъ былъ одною изъ «жертвъ» Бирона.

[112]) Григорій Михайловичъ Любистокъ бандуристъ-слѣпецъ императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1742 г. онъ женился, въ слѣдующемъ году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники (Марк. II. 182, 191). Въ 1749 г.

мость на Невѣ розвоженъ. За лимонъ дано 3 к., гребцамъ 3 к. Николаю козаку даны 5 к. По полдня ездили шлюбкою графскою на островъ его жъ графскій и тамъ также въ дворцѣ загородномъ графа Савы Владиславича гуляли годинъ зъ 5. Цилюрику 4 к.

11. Получилъ писмо отъ ясневелможного первое по отъездѣ зъ Глухова. Пришла вѣдомость отъ пана Юркевича зъ Глухова, что жена пана Федора Ширая преставилась въ Стародубѣ маія 27. По полдни были въ домѣ преосвященного новгородского на Карповцѣ и тутъ изъ самымъ преосвященнымъ ходили по огороду и сами забавлялись годинъ зъ 6, а потомъ его-жъ преосвященство приказалъ всѣхъ насъ отвезать своею баржою.

12. Писалъ писма до ясневелможного и до п. Скоропадского да до п. Юркевича подъ вчорашнею, а до п. тестя и жены и до судового писаря Стефана Косача подъ нинешнею датою, зъ выраженіемъ поклону п. п. Гамаліямъ и п. п. Корецкимъ, которіе одправлены на почтѣ. За хлѣбъ французкій 8 к., на перевозъ и за пиво 20 к., за мите платя 10 к., за поланкерка бѣлаго вина 2 р. 50 к., за бутелку мушкателю 30 к., за фунтъ чаю 1 р. 50 к.

13. Принеслъ салдатъ глуховскаго гварнезону писма въ пакетахъ одъ п. Юркевича, въ которихъ изъ дому были писма; тому салдату дано 10 к. Сего-жъ числа ездили въ невскій монастырь, где по вислуханю службы Божой позваны въ келію архимандричую и тутъ по полднѣ въ 3-мъ часу перве кушали, потомъ ажъ до исходу 7 часу позабавили, таже въ началѣ 8-го отехали, и такъ туда, яко и назадъ ехали шлюбкою графскою. Были-же въ той компаніи преосвященные архіепископи крутицкій и нижегородскій, архимандриты чудовскій Колетій, іпатскій Платонъ Малиновскій и горицкій Іларіонъ, да Петръ александроневскій и другіе зъ мирскихъ и духовнихъ знатные, которыхъ всѣхъ трактовалъ ради отъезду своего въ свою-жъ епархію до Казани преосвященный архіепископъ казанскій Іларіонъ Рогалевскій.

14. Былъ у его сіятелства князя Алексія Ивановича Шаховскаго и докладовалъ о писмахъ присланныхъ зъ Стародуба сторони

Любистовъ купилъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича († 1714) дѣдовскія ихъ имѣнія, село Хорошки и д. Пулинцы и отцовскія—село Ходятѣевку и степь Стрюкачи (теперь село хорольскаго уѣзда).

Волуйца [144]), потомъ былъ въ коллегіи да у отца Іосифа Федоровича, священника воскресенского, что на Василевскомъ острову, болного, которій просилъ послать писмо къ брату его пану Ходорацкому въ Погаръ. На перевозъ и проч. пошло 9 к., за ленточки нитчаные 4 к., извощику за отвезене до кузнеца коляски 4 к., на питки 1 к.

15. Писалъ писма до п. тестя въ Ригу и вручилъ для отсылки графу Мойсею Івановичу, да до жены и до Стефана Косача, писара суду полков. старод. и посланы оные до п. Юркевича въ Глуховъ. На перевозъ и проч. розышлось 9 к. По полдни были у Петра Василіевича, а послѣ у архимандрита іпацкого отца Малиновского зъ Напичемъ, а ездили графскою шлюпкою.

16. Писалъ до ясневелможного стороны дѣлъ, что не могутъ быть рѣшены вскорѣ за немощію графскою, и о газетахъ французскихъ, да до судіи и писара енералныхъ [145]) стороны дворовъ ихъ, и отданы тіе писма отъ коллегіи іностранныхъ дѣлъ для отсылки. По полдни въ 4-мъ часу спущенъ въ адмиралтействѣ корабль или фрегатъ, названный Вагенмейстеръ, въ 46 пушокъ, и при спуску оного изволила и ея імператорское величество быть въ адмиралтействѣ на шлюпкѣ, и когда мимо судна на Невѣ и мимо крѣпость и къ адмиралтейству приехать изволила, то во всѣхъ тыхъ мѣстахъ изъ пушекъ палено. За окуване коляски кузнецу дано 70 к., да за привозъ тоей-же коляски 6 к. На перевозъ и на проч. розышлось 23 к. Гуляли въ огородѣ князя Менщикова, а послѣ были у Петра Василіевича.

17. За подроблене до коляски дронговъ плотнику дано 50 к., на перевозъ и проч. 22½ к. Въ вечеру былъ у сына полковника нашего корабелного подмастеря Івана Александровича Дурова, котораго жена Катерина Андріевна зъ Копеліовыхъ была болна и причащалась; а рано и въ 9-мъ часу по полудни былъ у князя Шаховского, который сего-жъ дня ездилъ въ невскій монастырь и уже позно возвратилъся.

18. По вислуханю обѣднѣ въ церкви Троецкой, где служилъ архіерей вологодскій, преосвященный Афанасій, былъ въ крѣпости

---

[144]) Село Волуецъ стародубскаго уѣзда.

[145]) Судья—Михаилъ Забѣла, а писарь—Турковскій.

въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а возвратясь оттоль засталъ въ своей квартерѣ Василія Маркелова Леонтева канцеляриста, которій у насъ и обѣдалъ и за полдень до 4-го часа позабавилея. За редку, бѣлій хлѣбъ и на медъ 20 к.

19. Писаны писма въ Москву къ шваргу Івану Гамалѣи подъ вчерашнимъ, и до Уріила Ларіоновича Іванова подканцеляриста Іностр. коллегіи подъ нинешнимъ числомъ и одправлены на почтѣ. Сего-жъ дня зрана былъ въ квартерѣ нашей отецъ Адамъ зъ лекаремъ домовымъ преосвященного новгородского, а по обѣдѣ былъ камеръ лiокай Іванъ Федоровичъ Котляревскій, которій посланъ въ Москву. Розышлось на перевозъ, хлѣбъ бѣлій и пр. 16½ к. Рано былъ я у преосвященного новгородского за своимъ дѣломъ, тожме ничего не получилъ.

20. Былъ въ коллегіи рано, а послѣ обѣда ездилъ къ Новоторжцову и Леонтеву, да не получилъ Новоторжцова, а отъ нихъ заехалъ къ Іинхову и отдолъ привновин, ночю захоровалъ жестоко на горячку. Розышлось на розницю 24 к.

21. Весь день былъ боленъ и послѣ обѣда принималъ прошокъ лубенскій contra lumbricos (противъ глистовъ). За хлѣбъ француз-кій 7 к.

22. Принималъ прошокъ одинъ, данный отъ лекаря дому преосвященного новгородского, послѣ которого пишло глисти болше двохъ аршинъ; потомъ обѣдалъ зъ сняткою и спинковою бордщъ, отъ чего мнѣ повредилю горше. Розышлось на розницю 26 к.

23. По полдни жестокій былъ пароксизмъ, зперва зимно, а послѣ горячой фебри, и тривалъ (продолжался) болше десяти часовъ неотпустно, бо окончалъся ажъ въ 7-мъ часу по полночи на завтрее.

24. Лекаръ дому преосвященного новгородского давалъ прескрипцію, по которой посилалъ въ аптеку за лѣкарствомъ, якое и куплено за 50 к., и употреблялъ отъ жару. Розышлось на розницю 16 к.

25. Зъ полночи въ 11-мъ часу пущалъ мнѣ кровь зъ правой руки тотъ-же лекарь и выпустилъ на двѣ талѣрки, якая жестоко была худая. Посѣщалъ мене Іинховъ зъ женою. Армашенку послана флянка водки. На хлѣбъ бѣлій 8 к.

26. Присланъ листъ отъ преосвященного новгородского до графа Головкина, за мною въ моемъ-же дѣлѣ писанный. По обѣдѣ бывшему у мене помянутому лекарю архіерейскому далемъ за труды 1 червонный золотій. Розишлось 4 к.

27. Посѣщали мене перве Новоторжцовъ и Леонтіевъ, которому вчора дочь Евфимія родилась, послѣ переводчикъ иностранной коллегіи Петръ Михайловичъ Софоновъ. За хлѣбъ бѣлій и за дви лимони и проч. 8½ к.

28. Vacat.

29. Слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, и въ дворцѣ были всѣ кавалери святого апостола Андрея Первозванного въ своемъ церемоніалномъ одѣяніи, которіи шли до церкви и зъ церкви по пари, а именно графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ зъ графомъ оберъ гофъ-маршаломъ Левенволдомъ, графъ фонъ-Биронъ оберъ-камергеръ зъ генераломъ фелдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, князь Черкаской зъ посломъ цесарскимъ графомъ Вратиславомъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ зъ вице-канцлеромъ графомъ Остермановъ, за ними одинъ шолъ государственный великій канцлеръ графъ Гаврило Івановичъ Головкинъ, а потомъ ея імператорское величество, всѣ въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ, подбитыхъ бѣлыми серебреними и несребреними матеріями. Колнѣры (воротники) у плащовъ парчовые золотые, а чрезъ колнѣры на цѣпяхъ (то есть ланцугахъ) золотыхъ у всякого висѣла на шіи кавалерія; шляпи зъ плюмажами бѣлими. Бачмаки бархатные чорные. Плате: кафтанъ золотій, камзолъ срѣбрный, штаны золотіе парчевые. По обѣдни кушать изволила государыня публично въ салѣ за однимъ столомъ зъ тими-жъ кавалерами, которіе у столу сидѣли въ шляпахъ и развѣ тогда толко поднимали шляпы, когда государиня пить изволила. До столу играла музика зъ пѣніемъ дамъ и кастратовъ, у другого стола кушала государиня принцесса зъ дамами и кавалерами, у третего генералы и прочіихъ чиновъ знатные мужескіе персоны. Послѣ обѣда приведенъ въ дворецъ посолъ китайскій съ съ своею свитою, а передъ обѣдомъ и между обѣдомъ палено зъ пушекъ доволно въ крѣпости и на суднахъ, передъ дворцомъ на Невѣ стоящихъ.

30. Далъ п. Косачу для переписки челобитную и универсалы. Вчора имениннику Петру дано 25 к. На хлѣбъ бѣлій и на перевозъ 7 к.

Іюль.

1. Были у его сіятелства господина вице-канцлера графа Остермана, потомъ я былъ въ коллегіи и видѣлъ выписку на бѣло переписуючуюся. На перевозъ 3 к.

2. На бутилку меду 4 к. Былъ у мене Федоръ Іевховъ зъ тестемъ своимъ Іваномъ Івановымъ.

3. Рано былъ я въ домѣ у Петра Василіевича Курбатова и о своемъ дѣлѣ просилъ, которій велѣлъ пореждать сей тиждень, для того что пословъ имѣютъ отправляти. Сего-жъ числа подалъ челобитную въ коллегіи о мелницахъ до Перегона надлежавшихъ, что на рѣчцѣ Борѣ, которыми нынѣ Корсакъ владѣетъ. За 5 книгъ, 4 латинскихъ и 1 граматку руско-нѣмецкую, дано 2 р. 27 к. зъ переплiотомъ. На перевозъ пошло 12 к. На хлѣбъ бѣлій 2 к. Вручилъ писмо Алексію Требенскому для одеслки въ Ригу на почтѣ до пана тестя въ писмахъ одъ графа Савы Владиславича, а оное писмо написано подъ датою сего іюля 1 д.

4. Обѣдалъ у насъ ученикъ и переводчикъ академическій Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, очень изрядный молодецъ. На перевозъ пошло 6 к.

5. Былъ въ коллегіи; на перевозъ пошло 13 к., на бѣлій хлѣбъ 8 к. По обѣдѣ былъ у Іевхова и у Егора Тимофіевича подьячихъ ін. коллегіи и женѣ Іевховой, ради именинъ ея, давъ 1 р.

6. На яхтѣ, одъ его сіятелства графа Головкина данной, поехали до Кронъштату въ 12-мъ часу, а прибыли въ Кронъштатъ въ 7-мъ часу но полудни. Передъ віездомъ дано Николаю козаку 10 к.

7. Капитанъ коммандоръ Ісаакъ Андріевичъ Брантъ прислалъ своего адютанта Ілина зъ поздравленіемъ и зъ 2 шлюбками, на которыхъ поехали перве въ военную гавань, и тутъ были у капитана караулного Бориса Козмича Лебедникова, а оттоль попровадилъ насъ, и третую взявши шлюпку, капитанъ-лейтенантъ Александръ Артеміевичъ Возницынъ, которій былъ прежде кавалергардомъ, на корабль Аигутъ въ 96 пушокъ, потомъ въ Кронштатъ, и на корабль Петръ Первый и Вторый въ 110 пушокъ, которій

стоялъ на якорахъ между Кронштатомъ и купеческою гаванію, на морѣ совсѣмъ вооруженный, на якомъ въ то время было всякихъ людей зъ 500; и тутъ на кораблѣ все, что видѣть было и знать надобно, показивано. По полдни въ 7-мъ часу были въ обоихъ дворцахъ государевыхъ—въ старомъ квадратномъ и въ новомъ, что за церквою въ линіи зъ другими палатами, и все во всѣхъ покояхъ показивано.

8. Были рано въ мелницѣ, которою зъ канала, якій каменемъ викладивается, вѣтромъ витягаютъ воду. Дано за 3 кришталныхъ стаканы 21 к. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ віехали зъ Кронштату и что въ гаванѣ до вийстя (выхода) способной погоды не было, теды вышепомянутый капитанъ-коммандоръ господинъ Брантъ прислалъ свою десяти-веселную шлюпку, которая и яхту нашу зъ гаванѣ и далеко на море буксировала. Послѣ, опустя шлюпку, пошли на паросахъ и прибыли въ Араниборъ въ 12-мъ часу, где во всѣхъ палатахъ и въ церквѣ были и по огороду ходили; тутъ огородникъ поднесъ панычу полумисокъ огурцовъ и цвѣтовъ розныхъ. Въ 4-мъ часу по полудни поехали зъ Аранибома и прибыли до Питергофа въ 6-мъ часу и тутъ ходили въ каменныхъ палатахъ болшихъ по всѣхъ покояхъ, тако-жъ въ гротахъ, и по правую сторону въ палатахъ, названныхъ Марли и Еремѣтажъ, где столъ на гирахъ и талѣрки подіймаются, и въ той-же сторонѣ по рощамъ и перспективамъ ажъ до позна гуляли.

9. Зрана пошли въ палаты, названные Момплезиръ, где во всѣхъ покояхъ и спалняхъ государевыхъ были и все преславное уборство видѣли, тако-жъ по городѣ и коло фонтанъ везде ходили; тутъ огородникъ поднесъ намъ по букету розныхъ цвѣтовъ, которому даны 10 к. Послѣ пришли опять къ гроту болшому и тутъ показивано намъ фонтаны и где на дзвонкахъ водою куранти играютъ и на тихъ-же дзвонкахъ играли, толко на болшіе фонтаны воды не пущано за оскудѣніемъ оной. Сего числа одехалъ князь Шаховскій въ Ригу. По полдни въ 3 часу віехали зъ Питергофа и не доехавши до Невы, за противною погодою, стали въ морѣ на якорѣ и тутъ ночовали.

10. Хотя зрана начали были лавѣровать, однако-жъ въ Неву ввойти за противною погодою не могли, и погодою-жъ взнесло яхту на мѣль, которую за ледво (едва) могли зъ мѣли сопхнуть на глу-

бокое мѣсто, чего ради поехалъ графскій человѣкъ Іванъ Семеновичъ, которій зъ нами и въ Кронштатѣ и въ другихъ былъ вышепомянутихъ мѣстахъ, до Питербурха и за обявленіемъ о томъ его графскому сіятелству, приироводилъ къ намъ до яхти шлюбку графскую и на другомъ шерботѣ люде для провожения яхти, но понеже за противною погодою яхти вести было ни завозомъ, ни другимъ способомъ невозможно, того ради мы, оставивши оную въ томъ-же мѣстѣ, на узморю, сами поехали на шлюбцѣ до С.-Питербурха и прибыли въ квартеру въ 8 часу по полудни. Тутъ въ квартерѣ засталъ я писмо отъ пана тестя зъ Риги на почтѣ присланное зъ дому графа Савы Владиславича, одъ которого (сказивано) дважди зовучи на обѣдъ присилано въ суботу и въ недѣлю, тако-жъ картку засталъ одъ Василія Леонтіева, въ которой просилъ кушать къ себѣ на прошлую недѣлю.

11. Писаны и посланы писма чрезъ райтара кієвского Андрея Мейковского до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича и до жены. За рѣкою былъ у п. Полуботка. На перевозъ пошло 8 к., на мыло до платя 2 к.

12. Челобитная Федора Максимовича, сержанта семеновского полку гренадерской роти, при писмѣ генерала и кавалера и генерала адютанта г. Ушакова по указу ея и. величества отправлена въ сенатъ для слѣдствія и рѣшенія о добрахъ отца ихъ разобранныхъ и владѣемыхъ разными персонами [146]. — Розышлось на перевозъ 15 к., на бѣлій хлѣбъ 9 к. Данъ парикъ чорный п. Іосифу Грифскому и емужъ два галстухи и чоботи новіе нѣмецкіе, и отъ него взялъ платокъ пестрій едвабный.

13. Писаны писма въ Глуховъ до пана Скоропадского, въ Стародубъ до жены, до пана Андрея Миклашевского, до пана обозно-

---

[146] Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ—сынъ генеральнаго есаула, который за измѣну (1708 г.) сосланъ былъ въ Архангельскъ. Старшіе его два сына Федоръ и Иванъ оставлены были въ Москвѣ и впослѣдствіи зачислены были въ гвардейскіе полки, Федоръ—въ семеновскій, а Иванъ—въ измайловскій. Послѣдній былъ убитъ въ турецкую войну при Аннѣ Ивановнѣ, а Федоръ въ 1741 г. назначенъ яза ранѣе стародубскимъ полковникомъ; въ этомъ рангѣ онъ и умеръ въ 1756 году.

го полкового Кенмонтовского [143]), до п. Григорія Гамалія, до писара судового Косача и до служителя Стефана въ Перегонъ, которые одправлены на почтѣ зъ іностранной коллегіи.—Въ 11-мъ часу по полудни посолъ китайскій зъ свитою своею былъ у его сіятельства графа Головкина государственного канцлера и при одобраню грамоты къ богдихану своему пожегналъ (простился) его сіателства.—По полдни въ 2-мъ часу купали у насъ транслятори іностранной коллегіи господа Яковъ Стефановичъ Сенявинъ и Александръ Михайловичъ Болоницкій, и у мене на горѣ были. Коло вечерень былъ я у пѣвчихъ государини цесаревны и у духовника отца Констанція, одъ которого возвратился въ 8 часу по полудни. Пошло на перевозъ 10 к.

14. Пришли писма зъ Глухова въ пакетѣ, который приславъ чрезъ своего денщика его сіятелство графъ Сава Владиславичъ, а другое писмо привезъ солдатъ гварнизону глуховского, сего числа пріехавшый оттолъ. На перевозъ пошло 7 к., на хлѣбъ бѣлій 2 к., за полфунта тебу 65 к.

15. Рано ходилъ до его сіятелства графа Савы Владиславича и отдалъ писмо вчора писанное до пана тестя, для пересилки въ Ригу на почтѣ.—Въ 5-мъ часу пополудни изволила ея і. величество смотрѣть ботика, зъ которого причины покойный государь Петръ I началъ заводить флотъ россійскій, и когда оный ботикъ зъ крѣпости припровадженъ былъ къ дворцу, то на судахъ, противъ дворца стоячихъ, спущены флаги и палено зъ пушекъ, отдаючи ему честь, яко автору флота россійского. Послѣ знову оный ботикъ отпровадилъ до крѣпости господинъ Мурзинъ. Посолъ китайскій віехалъ изъ С. П. Бурха. За поланкера меду дано 37 к., на перевозъ пошло 6 к.

16. Рано были у графа Головкина, послѣ въ дворцѣ. Обѣдали у насъ профессоръ математическихъ наукъ и календариста и секретарь академіи господинъ Георгій Крафтъ да Василій Евдокимовичъ Адодуровъ ученикъ академическій и забавились до 7-го часа пополудни.—Пополудни въ 2-мъ часу изволила ея і. величество отехать

---

[143]) Афанасій Ивановичъ Кенмонтовскій синъ млиновскаго сотника и самъ занозинскій сотникъ, потомъ обозный полковой. Былъ женатъ на дочери стародубскаго полковника Федора [illegible], убитаго подъ Чигириномъ при Самойловичѣ.

изъ С. П. Бурха до Питергофа и при віездѣ ея величества такъ зъ суденъ, противъ дворца стоячихъ, яко и въ крѣпости и въ адмиралитействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано присылалъ салдата зъ крѣпости Петро Міровичъ, обявляючи, что назначено ему путь до Сибѣри, которому послалъ 1 р. На перевозъ и хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

17. Писаны писма до п. Юркевича, до сотника воронежского п. Холодовича и до жены въ пакетѣ на імя писара судового Косача подписаппомъ. Розышлось на перевозъ 17 к.

18. Сего числа помѣчены рукою Петра Василіевича Курбатова челобитная моя о мелницахъ, что на Ворѣ Корсакъ владѣетъ, и по запискѣ въ реестръ подъ № 537 отдана въ повите канцеляристу Леонтіеву. На перевозъ и за направу чоботъ 8 к.

19. Былъ рано въ коллегіи, по обѣдѣ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки вишнѣовки, 1 водки, послѣ—у Егора Темофіева, рейстратуру держанного. Розышлось 8 к.

20. Вручилъ рано писмо отъ преосвященнаго новгородского его сіателству графу Головкину інстанціалное за мною и о своемъ дѣлѣ его жъ сіателства просилъ.—Панъ Андрей Полуботокъ былъ у насъ.—Были зъ панычемъ у графа Савы Владиславича, текмо оного не застали; также были и у постъ-діректора Аша за газетами французкими.

21. Писаны писма подъ датою 17 сегожъ мѣсяца, до ясневелможного противъ полученного писма и до п. Скоропадского и купно зъ протчими одправлены чрезъ рейтара кіевского Семена Лисицына, зъ комиссіи іностранной въ Цареградъ отправленного. Пошло на перевозъ 11½ к. Одъ полковниченка нашого принесено писмо къ отцу писанное. Даны пану Никитѣ Косачу жолтые чоботы.

22. Ихъ высочества государини цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна отехали въ Петеръ-Гофъ. Рано были у графа Савы Владиславича, по обѣдѣ въ дворцѣ лѣтнемъ, где стоявшій на караулѣ семеновского полку гвардіи капитанъ лейтенантъ Іванъ Івановичъ Косоговъ принималъ у себе и по огородахъ зъ нимъ же ходили. Выписку моего дѣла взялъ къ себѣ Петръ Василіевичъ Курбатовъ. Въ квартерѣ нашей безъ насъ былъ Василій В. Степановъ, тайный совѣтникъ.

23. Рано были у графа Головкина и въ егожъ домовой церквѣ службы Божой слушали. Послѣ обѣдня былъ у мене пѣвчихъ государини цесаревны. реентъ Іоанъ Петровичъ зъ другами двума, потомъ былъ у мене копіистъ Іпеховъ, которому за виписку еще данъ 1 р.

24. Рано былъ у Петра Василевича. tandem въ коллегіи и въ академіи у госп. Адодурова. По обѣдѣ посѣщалъ насъ на квартерѣ его преподобіе отецъ Платонъ Малиновскій, архимандритъ іпатскій, зъ отцемъ Евпикіаномъ. На заплату за мите копулъ (рубахъ) и прочого 11 к., на бѣлий хлѣбъ 2 к.—Никита Косачъ началъ сего числа учитись въ академіи наукъ, котораго учить декларовано математики, логики и французкого языка.

25. За вѣдомости дано 4 к. По обѣдѣ былъ въ квартерѣ нашей тотъ же архимандритъ іпатскій троецкій, что при Костромѣ, и зъ нимъ поехали мы въ его домъ, где былъ въ лазнѣ (банѣ), потомъ пріехавши до квартеры на егожъ архимандрита колясѣ, застали тутъ принесенные писма зъ Глухова, которые принеслъ отъ Петра Вас. Курбатова человѣкъ его. Розышлось на розницю 6 к.

26. Рано были у Петра Василіевича, но не заставили его въ домѣ, ходили до графа Остермана и одтелъ зъ нимъ пришли въ коллегію, где вручилъ я емужъ подлежащіе въ коллегію гетманскіе листы: 1) о обидахъ отъ поляковъ, 2) о кандидатахъ на бунчучество енералное, 3) о мирномъ трактатѣ, 4) о нѣкоторомъ колоднику. Позычилъ отцу архимандриту Платону Малиновскому книжки de officiis hominis, а у его вчора взялъ для прочитаня Sulpitii Severi hystoriam sacram. Пану Полуботку отдано писмо отъ пана Турковского, писара енералного. Николаю Евдокименкову козаку даны 50 к. на его нужды.—По полдни ездилъ паничъ къ графу Головкину на Каменный островъ зъ обявленіемъ, что присланъ до ся і. величества листъ отвѣтный отъ ясневелможного о великоросиыхъ людяхъ противъ указу о томъ, за собственною рукою чрезъ капитана пруского посланного.

27. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича, подъ вчорашнимъ числомъ, да до Стародуба подъ нынешнимъ до полковника нашего, до п. матки, до жены, до п. Скорупи, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегонѣ. Были рано у графа Остермана, толко оного не

застали въ дому, отехалъ на свой островъ для отпочивку.—Куплена книжка латинская Cornelius Nepos, за которую дано 30 к.

28. Рано были у графа Остермана и оддалъ листь писанный до ея і. величества отъ ясневелможного стороны великорослыхъ людей, за которыми пруській капитанъ посланъ, тогожъ графа Остермана я и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Купилъ книжку названную de poenis haereticorum cum Stephano Javorskio disputatio, дано 24 к. Салдату глуховского гварнизону Герасиму Лотвинову вручены вышеназначенные писма и емужъ на дорогу даны 10 к.—Пополдни въ 5-мъ часу были у профессора Краса и у него до пол. 8-го часа забавилисъ разными дискурсами о математическихъ и прочіихъ сціенціяхъ.

29. Дано Николаю козаку на его потребы 12., на перевозъ понпло 3 к. Зновy былъ въ домѣ графа Остермана и тутъ просилъ господина Курбатова о своемъ дѣлѣ.

30. Рано были у графа Головкина и тутъ обѣдню слушали. По обѣдни былъ въ квартери нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ на водкѣ.

31. Принималъ порошокъ ad expellendos lumbricos, данный отъ лекаря преосвященного новгородского. Писма, которые были отданы салдату глуховского гварнізону, отобравши у оного, отправили въ Москву на одинарной почтѣ коллегіи іностранной для пересылки оттолъ до Глухова.

Августъ.

1. Отъ троецкой церкви на Неву до пристани, по отправленной службѣ Божой, была процессія и водосвятіе на зделанномъ тутъ при пристанѣ на суднѣ для священія воды мѣстѣ, а служилъ и освящалъ воду преосвященный архіепископъ сарской и подонскій Леонидъ, при ассистенціи архимандритовъ чудовского Колеты [153]), іпатского Малиновского и другихъ.

2. Получилъ писмо изъ Риги отъ пана тестя. Розышлось на перевозъ и пр. 24 к.

[153]) Лаврій Колетій, греческій священникъ, былъ воспитателемъ дѣтей князя Кантемира. О немъ см. примѣчаніе преосв. Филарета Гумилевскаго въ напечатанномъ отрывкѣ Дневника, Черниг. Епарх. Изв. 1865 года; также въ книгѣ г. Чистовича *Ѳеофанъ Прокоповичъ*.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Іюль
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го іюня 1884 года.

PIANGO LA SUA MORTE E LA MIA VITA
АННА ЯРОСЛАВНА
Королева французская родилась въ Кіевѣ
скончалась близъ парижа

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе[1]).

IV.

Жванецъ.—Дорога изъ Каменца.—Должокъ.—Гавриловцы.—Въѣздъ въ Жванецъ.—Армянскій костелъ и кладбище. Ограда и валы.—Рынокъ положеніе мѣстечка.—Пристань.—Видъ съ пристани.—Окопы и галицкая граница.—Атаки.—Хотинъ и Брага.—Исторія Жванца и его замка.

Самой живописной частью Поднѣстровья, по крайней мѣрѣ въ русскихъ предѣлахъ, считаются берега Днѣстра отъ Жванца до Ямполя; мѣстность эту называютъ Подольскою Швейцаріею. Отсюда Днѣстръ теряетъ уже характеръ горной рѣки, берега его значительно понижаются и онъ принимаетъ характеръ степныхъ рѣкъ, отъ которыхъ отличается только быстротою теченія.

Мы рѣшились осмотрѣть берега Днѣстра отъ Жванца до пороговъ и наняли въ Каменцѣ еврейскаго балагулу съ бричкой, который доставилъ насъ въ Жванецъ часа черезъ три. Ничего не можетъ быть ужаснѣе и утомительнѣе ѣзды на еврейской подводѣ: бричка, разумѣется, всегда разъѣзженная, тряская, неподмазанная, но хуже всего то, что балагула, вѣроятно изъ хозяйственныхъ соображеній, пріучаетъ лошадей къ особому аллюру, какимъ отличаются только еврейскіе извощики. Лошади идутъ мелкой рысью, которая еще болѣе усиливаетъ тряску стараго экипажа и совершенно разстраиваетъ непривычнаго къ такой ѣздѣ. Мнѣ кажется, что цѣлыя сутки ѣзды даже бессарабскою почтою, гдѣ ямщикъ несется какъ бѣшенный, не обращая вниманія на горы, овраги и другія препятствія, гдѣ путникъ поминутно рискуетъ вылетѣть изъ повозки и сломать себѣ шею, меньше растрясутъ человѣка, чѣмъ два часа ѣзды на еврейской подводѣ. Поэтому оба мы чрезвычайно обрадо-

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., майск. кн., стр. 1—32.

вались, когда показалось вдали мѣстечко, бывшее цѣлью нашей поѣздки.

Мѣстечко Жванецъ расположено въ 18 верстахъ на югозападъ отъ Каменца; къ нему ведетъ почтовая дорога, проходящая изъ Каменца въ Хотинъ. Отправляясь сюда изъ Каменца, всякій живущій въ центрѣ города проѣзжаетъ черезъ турецкій мостъ, минуетъ старинную польскую крѣпость, въ которой уцѣлѣли три башни и колодецъ, построенные турками, обращенную теперь въ казармы для арестантскихъ ротъ и примыкающіе къ ней земляные валы и бастіоны николаевскаго времени, выложенные камнемъ и сверху покрытые дерномъ. Далѣе дорога проходитъ черезъ Подзамче,—западное предмѣстье Каменца, расположенное на возвышенной равнинѣ. Это русское предмѣстье, состоящее изъ широкой улицы, не вымощенной, не смотря на чрезвычайное обиліе камня, такъ какъ весь городъ построенъ на скалѣ; по обѣимъ сторонамъ улицы рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ весьма однообразной архитектуры, окруженныхъ цвѣтниками и огромными фруктовыми садами; изъ нихъ нѣкоторые обнесены каменными или деревянными заборами, другіе плетнями и живою изгородью, иные просто окопаны канавкой, вообще предмѣстье имѣетъ очень патріархальный видъ. Къ концу Подзамча равнина, на которой оно расположено, а вмѣстѣ съ ней и дорога спускается въ довольно глубокую балку, наполняющуюся иногда водою, на что указываетъ небольшой мостикъ, расположенный по срединѣ. За мостомъ, на другомъ склонѣ балки начинается село Должокъ, утопающее въ садахъ, особенно изобилующихъ сливами и черешнями. Крестьянскія хаты, очень чистенькія и нарядныя, скорѣе напоминающія мѣщанскія жилища, производятъ весьма пріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя своимъ внѣшнимъ видомъ объ извѣстной степени зажиточности населенія. Во время польско-турецкихъ войнъ XVII вѣка въ Должкѣ находилась таможня и здѣсь должны были проживать какъ польскіе, такъ и турецкіе послы, являвшіеся съ порученіями къ каменецкимъ властямъ. Въ то время иностраннымъ посламъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Каменецъ, чтобы лишить ихъ возможности осматривать укрѣпленія этого города. Въ люстраціи г. Каменца 1665 г. значится: »с. Должокъ обязывается нынѣ, какъ и прежде, пословъ, идущихъ къ намъ изъ Орды и нашихъ въ Орду содержать на

своемъ продовольствіи и давать имъ подводы. Въ этомъ селѣ имѣется три дворянскихъ дома для пословъ и два козака для разсылки бумагъ«. Если не ошибаюсь, въ Должкѣ существуетъ волостное двукласное училище; помнится, что мы видѣли такую вывѣску, проѣзжая черезъ село.

Непосредственно за Должкомъ тянется вдоль почтовой дороги другое село Жабинцы, составляющее какъ-бы продолженіе перваго. По внѣшнему виду Жабинцы ничѣмъ не отличаются отъ Должка; тѣже чистенькія хаты »на двѣ половины«, съ большими, прямыми окнами[1]), окруженныя хорошими и довольно обширными хозяйственными постройками, и все это окаймляется большими фруктовыми садами и огородами. Только село это меньше предъидущаго и не имѣетъ церкви. Оба села расположены на взгорьѣ и дорога, начиная отъ Должка, постепенно подымается вверхъ на весьма значительную плоскую возвышенность, поросшую лѣсомъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на окрестности. Оборачиваетесь назадъ и передъ вами, на скалистомъ островѣ, окруженномъ вѣнцомъ высокихъ горъ, обрисовывается весь Каменецъ съ его мостами, старинными башнями и остатками старинной стѣны, идущей въ нѣсколько рядовъ по уступамъ острова, со множествомъ церквей, которыхъ кресты и куполы горятъ на солнцѣ. На вершинѣ главнаго католическаго собора, обращеннаго въ мечеть, во время турецкаго господства въ Каменцѣ, очень рельефно обрисовывается бронзовая статуя Богородицы, съ сіяніемъ изъ звѣздъ, стоящая на полумѣсяцѣ; эту статую поставили католики послѣ возвращенія Подолья польскому правительству. Вокругъ города блестящей змѣей вьется Смотричъ между высокими, скалистыми берегами, представляющими самыя причудливыя очертанія: въ иныхъ мѣстахъ скалы отвѣсны, какъ стѣна, въ другихъ они нависли надъ берегомъ и подъ этими навѣсами, прилѣпившись къ скалѣ прямо надъ рѣчкой, гнѣздятся

[1]) Въ подольскихъ селахъ очень рѣдко попадаются хаты »на одну половину«, такъ часто встрѣчающіяся въ полтавскихъ селахъ и хуторахъ, гдѣ подобная хата едва освѣщается однимъ-двумя маленькими подслѣповатыми окошечками изъ одного куска стекла, за частую криво вмазаннаго. Какъ наружность хатъ, такъ и большое количество всякихъ хлѣвовъ, повитокъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ указываютъ на значительную зажиточность подольскаго населенія, сравнительно съ нашимъ.

маленькіе, легкіе домики каменецкихъ мѣщанъ. Влѣво отъ дороги, на краю горизонта вы видите высокую гряду бѣловатыхъ известковыхъ скалъ, очень живописно перемѣшанныхъ съ группами зелени, у подножія которыхъ извивается таже рѣчка. Ближе къ дорогѣ, по обѣимъ ея сторонамъ тянутся обширные пустые лѣса, окруженные рвомъ и валомъ. Въ лѣсу и вдоль дороги встрѣчаются довольно часто курганы, понынѣ еще не изслѣдованные археологами. Дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена старыми дуплистыми деревьями, между которыми очень часто попадаются огромной величины черешни. Въ одномъ мѣстѣ почтовая дорога перерѣзываетъ длинную аллею изъ тополей, которая идетъ въ право и въ лѣво, на сколько глазъ захватитъ; это путь въ усадьбу мѣстнаго помѣщика, пролегающій по его владѣніямъ. Затѣмъ дорога начинаетъ спускаться въ долину, которая постепенно понижается въ направленіи къ Днѣстру; здѣсь уже лѣсъ перемежается съ хлѣбными полями и нивами, придающими большее разнообразіе пейзажу. Въ старину эта мѣстность называлась »жванецкими гаями«.

Трудно передать то нетерпѣніе, какое овладѣваетъ путникомъ, никогда не видѣвшимъ Днѣстра и много слышавшимъ о красотахъ этой рѣки, когда наконецъ вдали показывается темною полосою наддпѣстрянскія горы, слегка покрытыя туманомъ. Вправо отъ дороги показывается большое село Гавриловцы съ прекрасной каменной церковью. При въѣздѣ въ село стоитъ красивый каменный памятникъ съ крестомъ и длинною надписью. Зная, что мѣстность эта, бывшая театромъ многочисленныхъ войнъ, изобилуетъ историческими воспоминаніями, мы тотчасъ останавливаемся и читаемъ надпись, изъ которой узнаемъ, что этотъ крестъ поставленъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ мѣстнымъ крестьяниномъ и его женою изъ благочестивыхъ цѣлей. Отсюда путникъ уже различаетъ расположенный на высокомъ луговомъ берегу Днѣстра городъ Хотинъ. Мало по малу на склонѣ горы ниже города замѣчается какая-то огромная сѣрая масса, которая съ каждой минутой увеличивается и становится яснѣе; наконецъ передъ вами во всемъ своемъ грозномъ величіи встаетъ старая хотинская крѣпость, производящая на зрителя подавляющее впечатлѣніе своей громадностью. Почти въ тоже время замѣчаются вправо отъ дороги остатки жванецкаго замка, но они совершенно стушевываются передъ хотинскою крѣ-

ностью по своей ничтожности. Видъ этой крѣпости поглощаетъ все вниманіе и, стараясь разсмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ, мы незамѣтно приближались къ м. Жванцу, расположенному всего въ разстояніи 2—3 верстъ отъ Гавриловецъ.

Недалеко отъ въѣзда въ мѣстечко, въ небольшой балкѣ, вправо отъ дороги, виднѣется старое кладбище съ каменными крестами и плитами, теперь оставленное; кладбище обнесено высокой каменной стѣной, но ворота настежь открыты и на могилахъ безпрепятственно пасутся коровы. Между кладбищемъ и дорогою стоитъ большой каменный памятникъ, сложенный изъ мѣстнаго известняка въ видѣ четырехгранной колонны. По разсказамъ мѣстныхъ жителей этотъ памятникъ остался отъ времени турецкаго господства въ краѣ. Минуя кладбище, мы въѣзжаемъ наконецъ въ предмѣстье Жванца, состоящее изъ прямой улицы, которую образуютъ ряды прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, выходящихъ на улицу рядами и окруженныхъ густыми садами. Но вотъ кончаются хаты и начинаются еврейскія жилища, представляющія весьма рѣзкій контрастъ съ крестьянскими. Грязные, ободранные дома стоятъ безъ всякаго порядка просто на улицѣ, безъ всякой огорожи; при домѣ совсѣмъ нѣтъ двора и ни малѣйшаго слѣда какихъ нибудь сараевъ, коморъ, или помѣщеній для домашнихъ животныхъ,—вообще никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Все это помѣщается въ самомъ домѣ. Въ этомъ мѣстѣ, на выѣзжей улицѣ находится старый турецкій колодецъ, дѣйствующій и до настоящаго времени. Колодецъ имѣетъ видъ небольшого круглаго холма меньше аршина въ вышину и около сажени въ діаметрѣ, сложеннаго изъ большихъ каменныхъ плитъ, повышающихся къ срединѣ колодца въ видѣ ступенекъ. Внутри онъ выложенъ камнемъ; сверху круглое отверстіе, въ которое опускаютъ ведро. (Впрочемъ нужно замѣтить, что ведра встрѣчаются сравнительно рѣдко даже въ мѣстечкахъ и городахъ; въ Подольи воду носятъ въ особой деревянной посудѣ »коновка«, сдѣланной изъ клёпокъ въ видѣ кувшина или кружки, съуживающейся кверху, съ 2—3 обручами и ручкой, которую надѣваютъ на коромысло). Такіе колодцы встрѣчаются въ южной Подоліи весьма часто; иногда возлѣ нихъ находится крестъ или выдолбленное изъ камня корыто, но это уже позднѣйшія прибавки, а самые колодцы представляютъ одинъ изъ немногихъ остатковъ турецкаго господства въ краѣ. Къ числу та-

кихъ остатковъ принадлежатъ кое-какія постройки въ нѣкоторыхъ городахъ и прекрасные старые сады. Извѣстна и понынѣ любовь турокъ къ садоводству и къ усовершенствованію ирригаціи; слѣды ихъ работъ и понынѣ встрѣчаются въ мѣстностяхъ, когда-либо подчинявшихся турецкому господству. Слѣдуя дальше по въѣзжей улицѣ, встрѣчаемъ по лѣвую сторону старинный каменный костелъ, окруженный высокой стѣной, къ которой пристроены нѣсколько еврейскихъ домовъ. Минуя ихъ, мы въѣзжаемъ на рынокъ, т. е. въ самый центръ мѣстечка. Тутъ нужно сказать нѣсколько словъ о наружности подольскаго мѣстечка и объ архитектурѣ еврейскихъ домовъ, такъ какъ это совсѣмъ неизвѣстныя вещи для жителя напримѣръ лѣвобережной Украйны.

Всякое мѣстечко или бывшій владѣльческій городъ начинается съ предмѣстья, состоящаго изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ хатъ съ садами, огородами и другими признаками осѣдлости; смотря по величинѣ мѣстечка они идутъ одной или нѣсколькими улицами. Затѣмъ слѣдуютъ еврейскіе дома, построенные на довольно близкомъ разстояніи. Самый центръ мѣстечка составляетъ такъ называемый рынокъ—большая четырехъугольная площадь, застроенная по краямъ однимъ или двумя рядами еврейскихъ домовъ или *заѣздовъ*. На площади находится нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, въ которыхъ производится торговля всевозможными продуктами, необходимыми для обывателей; тутъ-же передъ столиками сидитъ нѣсколько торговокъ—евреекъ, продающихъ хлѣбъ, яйца, фрукты и другіе съѣстные припасы. Но главная торговля происходитъ въ домахъ, окружающихъ площадь.

Всѣ эти дома выстроены по одному и тому-же архитектурному типу и различаются между собою только величиной и большей или меньшей опрятностью, смотря по зажиточности хозяина. Еврейскій домъ, въ большинствѣ случаевъ каменный, представляетъ продолговатый четырехугольникъ; одна изъ узкихъ сторонъ, обращенная на рынокъ, служитъ фасадомъ. По срединѣ дома находятся ворота и крытый въѣздъ, раздѣляющій жилище на двѣ половины: въ одной находится рядъ комнатъ, иногда сообщающихся между собою, иногда представляющихъ отдѣльные номера, изъ которыхъ одинъ выходитъ на улицу, въ остальные ходъ черезъ внутренній корридоръ, а ихъ окна выходятъ на стѣну сосѣдняго дома, отстоя-

щаго всего на $1^{1}/_{2}$—2 аршина. Въ худшихъ комнатахъ живутъ сами хозяева,—лучшія предназначаются для проѣзжающихъ. По другую сторону корридора, подъ тою-же крышею, помѣщается шинокъ, винарня, или лавка со всевозможными товарами; на улицу продѣлано широкое квадратное отверстіе въ родѣ окна безъ рамы, запирающееся ставней, которая, опускаясь горизонтально, служитъ прилавкомъ. Подобная лавка находится безъ исключенія при каждомъ еврейскомъ домѣ—вездѣ чѣмъ нибудь торгуютъ. Все это занимаетъ половину дома, иногда меньшую; остальную занимаетъ такъ называемая стодола, нѣчто въ родѣ сарая, примыкающаго къ дому, съ воротами на концѣ, какъ разъ противъ въѣздныхъ воротъ. Здѣсь лежатъ дрова, стоятъ повозки и экипажи проѣзжающихъ; вдоль стѣнъ устроены ясли для скота, возлѣ которыхъ проводятъ время и лошади принадлежащія постояльцамъ, и хозяйскій скотъ, и домашняя птица. Сюда-же выбрасываются всевозможные помои и кухонные остатки, потому что на улицу дальше выносить. Среди толстаго мягкаго слоя навозу и разнаго рода нечистотъ, составляющихъ почву стодолы, копошится нѣсколько штукъ свиней, которыя хотя принадлежатъ христіанскому населенію мѣстечка, но промышляютъ себѣ кормъ главнымъ образомъ на улицахъ и въ еврейскихъ домахъ. Разведеніе свиней составляетъ одинъ изъ весьма доходныхъ промысловъ для жителей подольскихъ мѣстечекъ. Эти животныя дошли до такого нахальства, что зачастую являются даже въ комнаты, и если въ такихъ случаяхъ хозяйка заѣзда спѣшитъ водворить порядокъ, то никогда не препятствуетъ имъ проводить дни и ночи въ стодолѣ, которой не нужно даже выметать послѣ такого посѣщенія. Такимъ образомъ свиньи являются здѣсь единственными исполнителями санитарныхъ требованій, и нужно отдать имъ справедливость, они гораздо лучше соблюдаютъ интересы жителей, нежели многіе представители нашей санитарной коммиссіи.

Таковъ характеръ еврейскаго заѣзда. Для дополненія картины можно прибавить, что съ улицы вдоль всего дома тянется »призьба«, на которой цѣлый день сидятъ хозяева и постояльцы, ожидая новыхъ проѣзжающихъ и созерцая все, что дѣлается на площади и прилегающихъ къ ней улицахъ. Надъ »призьбою« выступаетъ широкій навѣсъ, дозволяющій продолжать это мирное занятіе и въ дурную погоду. Старые каменные дома, изъ которыхъ многіе отно-

сятся еще къ прошлому столѣтію, какъ напримѣръ въ Могилевѣ, Каменцѣ и др., имѣютъ еще мезонинъ съ балкономъ и высокой острой крышей, но въ настоящее время въ нихъ вѣроятно не чувствуется надобности, поэтому что этихъ прибавокъ нѣтъ уже въ новѣйшихъ постройкахъ.—При въѣздѣ на рынокъ васъ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа евреевъ,—каждый приглашаетъ остановиться въ его заѣздѣ, обѣщая всевозможныя удобства. Нашъ балагула молча проѣхалъ сквозь кричащую толпу и остановился передъ заѣздомъ своего знакомаго, гдѣ мы и расположились—нельзя сказать, чтобы очень удобно. До вечера оставалось еще нѣсколько часовъ и мы, воспользовавшись этимъ временемъ, отправились осматривать достопримѣчательности мѣстечка.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры, по лѣвой сторонѣ въѣзжей улицы, привлекаетъ вниманіе старый армянскій костелъ,—каменное зданіе старинной архитектуры, окруженное высокой, массивной каменной стѣной, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились слѣды фортификацій, въ видѣ бойницъ и контрфорсовъ. Мѣстами верхъ стѣны начинаетъ осыпаться и, конечно, остается безъ починки. Внутренность костела не представляетъ ничего замѣчательнаго и ничѣмъ не разнится отъ обыкновенныхъ католическихъ костеловъ средней руки. Зданіе довольно обширно и достигаетъ значительной вышины, особенно колокольня съ бойницами, утратившими свое значеніе, такъ что въ настоящее время въ одной изъ нихъ помѣщаются часы, составляющіе гордость мѣстечка. Въ оградѣ костела расположено старое армянское кладбище, отъ котораго сохранилось нѣсколько памятниковъ, большею частью обвалившихся и разрушенныхъ, и много надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями, почти совсѣмъ вросшихъ въ землю и покрытыхъ мхомъ.—Въ настоящее время, за неимѣніемъ армянъ въ Жванцѣ, костелъ обращенъ въ католическій; не смотря на довольно значительную древность костела, въ немъ, кажется, не сохранилось никакихъ документовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ польскихъ метрическихъ книгъ. По крайней мѣрѣ такой отвѣтъ далъ при насъ ксёндзъ туристу, пожелавшему осмотрѣть архивъ.

Костелъ окруженъ еврейскими домами, при чемъ нѣкоторые прямо пристроены къ оградѣ. Непосредственно за оградой, къ югу, по направленію къ Днѣстру тянутся остатки стариннаго земляного

вала, частью застроеннаго домами, частью заросшаго дерномъ и сорными травами, гдѣ пасутся различныя животныя. Валъ этотъ обрывается въ самомъ мѣстечкѣ, не доходя до берега, и мы нигдѣ не могли найти его продолженія; вѣроятно онъ срытъ былъ при постройкахъ.

Больше въ ту сторону уже нечего было смотрѣть и мы возвратились въ рынокъ. Какъ уже сказано было выше, это большая продолговатая площадь, окруженная еврейскими домами; между ними, по правую сторону площади, находится рядъ каменныхъ лавокъ, въ томъ числѣ одна кондитерская съ громкой вывѣской, объявляющей, что здѣсь приготовляются мороженое, шоколадъ и другія заманчивыя вещи, а между тѣмъ на окнахъ выставлены засушенныя старыя пирожныя самаго отталкивающаго вида; вѣроятно спросъ на эти произведенія не особенно великъ. По другую сторону цѣлый рядъ домовъ занимаютъ »винарни« (винные погреба, гдѣ производится торговля распивочно и на выносъ), идущія и дальше въ улицу, которая ведетъ къ рѣкѣ и составляетъ продолженіе въѣзжей. Эти заведенія имѣютъ несравненно болѣе веселый видъ, чѣмъ несчастная кондитерская; между ними одно обращаетъ вниманіе своей новой вывѣской и особенно опрятной наружностью. Для посѣтителей, сверхъ обыкновенія, отведены двѣ комнаты, убранныя на подобіе ресторана, съ диванами и креслами, и увѣшанныя, вмѣсто символическихъ еврейскихъ картинъ, портретами и картинами воинственнаго содержанія. Очевидно это мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются жванецкіе нотабли. Здѣсь мы нашли прекрасное бессарабское вино разныхъ сортовъ, далеко превосходящее тѣ фабрикованныя вина, какія у насъ продаются подъ именемъ крымскихъ и французскихъ.

На рынокъ выходятъ нѣсколько улицъ, которыя прямыми или ломанными линіями продолжаются до окраинъ мѣстечка. Прямо отъ нашей квартиры шла улица, составлявшая продолженіе въѣзжей; это неширокая грязная улица,—по обѣимъ сторонамъ тянутся еврейскіе дома, не огороженные, безъ дворовъ, расположенные на разстояніи 2—3 аршинъ другъ отъ друга; здѣсь живутъ различные промышленники; надъ дверью каждаго дома № и надпись, означающая, что домъ принадлежитъ купцу такому-то. Вдругъ, совершенно неожиданно между такими домами показывается очень красивый двухъэтажный домъ, съ легкими балконами, весь украшенный рѣзь-

бой, не то въ русскомъ, не то въ швейцарскомъ вкусѣ, окруженный рѣшеткой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Домъ этотъ принадлежитъ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; наружность улицы нисколько не выигрываетъ отъ этого изящнаго жилища, такъ какъ оно представляетъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ окружающими постройками, которыя показываются еще неряшливѣе отъ такого сосѣдства.

Послѣ двухъ-трёхъ поворотовъ улица обрывается на высокомъ, скалистомъ берегу Днѣстра; отсюда ведетъ внизъ небольшая извилистая тропинка, пролегающая по уступамъ скалъ, напоминающимъ крутую лѣстницу. У подножія скалъ тянется узкая низменная береговая полоса, покрытая пескомъ и небольшими, закругленными камешками, выброшенными водой. По склону горы лѣпятся нѣсколько маленькихъ домиковъ, а на вершинѣ, на самомъ удобномъ мѣстѣ для наблюденія, откуда открывается прекрасный видъ далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ, находится квартира становаго, которому отсюда очень удобно наблюдать движеніе по рѣкѣ. Самое мѣстечко расположено при впаденіи р. Жванчика въ Днѣстръ, на высокомъ полуостровѣ, образованномъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ. Обѣ онѣ прорыли себѣ очень глубокія, узкія долины съ почти отвѣсными скалистыми берегами, на которыхъ обнажаются мѣстныя каменныя породы.

Въ юго-западной сторонѣ мѣстечка, при устьѣ Жванчика, находится единственный сколько нибудь пологій спускъ къ рѣкѣ, годный для проѣзда экипажей. Здѣсь проложена улица, по которой происходитъ главное торговое движеніе между рынкомъ и берегомъ. Отъ устья Жванчика Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и въ этомъ мѣстѣ находится обширная, весьма удобная пристань; здѣсь сортируется и распиливается получаемый по рѣкѣ изъ Галичины лѣсъ, связывается въ плоты, которые сплавляются внизъ по Днѣстру большею частью нагруженные какими нибудь товарами. Не смотря на большую разговорчивость мѣстныхъ жителей, которая подчасъ сильно надоѣдаетъ, намъ почти ничего не удалось узнать о торговлѣ мѣстечка; на всѣ распросы вамъ отвѣчаютъ, что каждый изъ обывателей ведетъ торговлю лѣсомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, что на плотахъ или галерахъ иногда сплавляются разные товары, между прочимъ съ недавняго времени отправляются

въ Австрію большіе транспорты фосфоритовъ, которые скупаются въ разныхъ мѣстахъ Подолья австрійскими агентами.

Тотчасъ за лѣсной пристанью, внизъ по теченію находится перевозъ изъ нѣсколькихъ плохихъ паромовъ; еврей за переправу беретъ съ разныхъ лицъ различно, смотря по пассажиру, хотя, разумѣется, »свого не подарує«; прислуга на паромахъ вся состоитъ изъ мѣстныхъ крестьянъ—украинцевъ и молдованъ. На берегу у перевоза—маленькая лавочка и вмѣстѣ шинокъ, въ которомъ торгуетъ еврей. Осмотрѣвши пристань, подымаетесь тропинкой на гору, откуда открывается прекрасный видъ на окрестности: на право, вверхъ по рѣкѣ, берега Днѣстра сначала нѣсколько понижаются, дальше на горизонтѣ обрисовываются нѣсколько вершинъ; между ними замѣчается группа деревьевъ—это галицкая граница; здѣсь расположено пограничное галицкое село Околы св. Тройцы. Прямо противъ Жванца на бессарабскомъ берегу, который въ этомъ мѣстѣ значительно ниже подольскаго и весьма полого спускается къ рѣкѣ, расположено большое село Атаки, съ красивыми бѣлыми хатами, утопающими въ зелени, и церковью по срединѣ села. На лѣво, внизъ по Днѣстру, на подольскомъ берегу среди садовъ виднѣется село Брага, а противъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ повышается бессарабскій берегъ и его возвышенность ближе подходитъ къ водѣ,—городъ Хотинъ со своей грандіозной крѣпостью, которая привлекаетъ все вниманіе зрителя. Глядя на эту громаду, созданную человѣческими руками и производящую и теперь еще подавляющее впечатлѣніе, вспоминается историческая судьба крѣпости и вмѣстѣ съ ней исторія цѣлаго края, для котораго та служила оплотомъ. Только тяжелое чувство могутъ вызвать историческія воспоминанія, соединенныя съ хотинской крѣпостью, и какимъ ничтожнымъ кажется жванецкій замокъ передъ этимъ великаномъ, который пережилъ свою славу и теперь стоитъ, всѣми оставленный и забытый, и долго еще, даже въ развалинахъ, будетъ разсказывать позднѣйшимъ поколѣніямъ о той борьбѣ различныхъ культуръ, которой онъ былъ центромъ, и на долго еще останется весьма замѣчательнымъ памятникомъ строительнаго искуства.—Наступившія сумерки, освѣтившія на минуту яркими красками громадную стѣну и рядъ красивыхъ скалъ съ широкой извилистой рѣкой у ихъ подножья, вскорѣ скрыли отъ насъ прелестную картину. Надъ рѣкой поднялся

туманъ, кое гдѣ на плотахъ показались огоньки, отражаясь въ водѣ, и напомнили намъ, что пора уже подумать объ отдыхѣ и приготовленіяхъ къ предстоявшей на завтра экскурсіи.

Слѣдующій день мы хотѣли начать съ осмотра жванецкаго замка и пещеры и затѣмъ сдѣлать прогулку въ Хотинъ и Брагу.

Замокъ находится въ западной части мѣстечка и путь къ нему лежитъ чрезъ рынокъ, день случился базарный и вся площадь, буквально запруженная народомъ такъ, что протолпиться было трудно, представляла очень оживленное и оригинальное зрѣлище. Выбравшись наконецъ изъ толпы, мы направились къ р. Жванчику и, пройдя 2—3 кривыхъ узкихъ переулка, вышли на пустырь, гдѣ и возвышаются развалины замка. Укрѣпленіе это расположено на высокомъ, скалистомъ, почти отвѣсномъ берегу р. Жванчика; оно имѣетъ видъ пятиугольника, обведеннаго со стороны мѣстечка довольно глубокимъ рвомъ, который заросъ крапивою и другими сорными травами, такъ-же какъ и внутренность крѣпости, представляющая довольно жалкій видъ. Стѣны изнутри укрѣплены валами, подъ которыми находятся обширные погреба и склады, частью уже обрушившіеся; одинъ изъ такихъ обваловъ, случившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, образовалъ весьма значительное котловидное углубленіе внутри крѣпостнаго двора. Круговая стѣна, построенная на вершинѣ насыпного вала, сложена изъ тесаннаго камня, скрѣпленнаго цементомъ; верхняя ея часть постоянно осыпается,—вообще постройка не носитъ того характера прочности и внушительности, какой мы привыкли видѣть въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ. На каждомъ углу стояла башня и только въ этихъ мѣстахъ стѣна достигаетъ двухъ аршинъ въ толщину. Въ замокъ съ разныхъ сторонъ ведутъ нѣсколько воротъ. Въ передней части замка, въ стѣнѣ надъ главными воротами, сохранились слѣды какой-то пристройки, вѣроятно двухъ-этажнаго жилого помѣщенія. Въ настоящее время уцѣлѣли три башни съ бойницами и зубчатымъ верхомъ, двое въѣзжихъ воротъ и почти вся круговая стѣна, хотя верхушка ея во многихъ мѣстахъ разрушена и только мѣстами сохранились остатки бойницъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Больше всего пострадала восточная сторона: тутъ стѣна почти совершенно разрушена, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно пройти въ замокъ сквозь образовавшееся отверстіе. Вообще нужно замѣтить, что жванецкій замокъ

не поражаетъ зрителя ни размѣрами, ни прочностью укрѣпленій и, при сравненіи съ хотинской крѣпостью, производитъ чрезвычайно ничтожное впечатлѣніе—совершенно какъ будто игрушечный домикъ, поставленный рядомъ съ настоящимъ. Можно только удивляться чрезмѣрному патріотизму польскихъ писателей, которые посѣщали Жванецъ, при чемъ разумѣется не могли не видѣть Хотина, и которые съ большимъ апломбомъ изображаютъ неприступнымъ жванецкій замокъ, приводя въ доказательство своего мнѣнія тотъ фактъ, что даже турки, въ періодъ найбольшаго своего могущества, не пытались никогда овладѣть этимъ замкомъ, а вмѣсто того старались укрѣпиться въ болѣе отдаленныхъ центрахъ, какъ Паневцы, Каменецъ и др. Мнѣ кажется, что безпристрастный наблюдатель не можетъ признать это мнѣніе справедливымъ: при одномъ взглядѣ на обѣ крѣпости, расположенныя почти другъ противъ друга, всего на разстояніи 3—4 верстъ, становится очевиднымъ, что, находясь съ большими силами въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, хотинскій паша, если не по праву, то на дѣлѣ, могъ распоряжаться въ Жванцѣ по своему усмотрѣнію и если турки не пытались овладѣть этимъ замкомъ, то вовсе не потому, чтобы это представляло большія затрудненія, а вѣрнѣе потому, что въ томъ не было никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что при приближеніи турокъ гарнизонъ обыкновенно, не ожидая враговъ, самъ очищалъ замокъ. При томъ-же самая удобная переправа черезъ рѣку находится не у Жванца, а у Браги противъ Хотина. Въ случаѣ необходимости, турки могли просто перейти на подольскій берегъ и безъ всякаго опасенія оставить въ сторонѣ замокъ, никогда не обладавшій большими гарнизонами. Наконецъ извѣстно, что во время 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи Жванецъ принадлежалъ имъ на равнѣ съ прочими крѣпостями и замками. Нѣсколько ниже замковой стѣны, подъ одной изъ башенъ, въ отвѣсномъ высокомъ берегу р. Жванчика, виднѣется четырехъугольное отверстіе, вырубленное въ скалѣ. Это и есть извѣстная жванецкая пещера, весьма древняя; въ настоящее время входъ въ нее со стороны рѣки оказывается совсѣмъ невозможнымъ вслѣдствіе вертикальныхъ обваловъ скалы. На сколько можно разсмотрѣть издали, стѣны и потолокъ пещеры имѣютъ видъ корридора, вытесаннаго въ скалѣ; повидимому она подновлена поляками и сообщалась съ внутренностью замка посредствомъ подзем-

ныхъ ходовъ. У подножія скалы, въ которой находится пещера, при впаденіи въ Жванчикъ маленькой рѣчки Вильшанки, устроена большая каменная мельница, возлѣ нея на горѣ—огромные склады; мельница принадлежитъ евреямъ, а работаютъ на ней крестьяне. Возлѣ мельницы чрезъ Жванчикъ перекинутъ легкій деревянный мостикъ, вѣрнѣе *»кладка«*, отъ котораго идетъ дорога къ пограничному селу Исаковцы на Днѣстрѣ. По ту сторону Жванчика идетъ цѣлая улица изъ прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ садами, составляющая какъ-бы продолженіе мѣстечка. За нею тянется низменный песчаный мысъ, вдающійся клиномъ между двухъ рѣчекъ, поросшій лозою и болотными растеніями; дно здѣсь чрезвычайно мелко, черезъ рѣчку переложено нѣсколько камней, по которымъ можно перейти на другой берегъ, не замочивши ногъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ мѣстечкомъ, остается сказать нѣсколько словъ о его исторіи, представляющей много весьма интересныхъ и подчасъ трагическихъ эпизодовъ.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени первоначальнаго заселенія Жванца,—имя это встрѣчается первый разъ въ документахъ, относящихся къ первой половинѣ XV в. Король Ягайло, занявшійся съ большимъ усердіемъ раздачей русскихъ земель польскому дворянству на ленномъ правѣ, грамотой 1431 г. отдалъ въ собственность рыцарю Свычкѣ изъ Ленчины пространство земли по берегу Днѣстра, приблизительно отъ Збруча до р. Жванчика. Въ документѣ не указано, была-ли эта мѣстность заселенная или пустопорожняя, но уже упоминается она подъ именемъ Жванца. Къ концу XV в. закончилась колонизація этого уголка и вокругъ Жванца групировалось еще 6—7 селъ, такъ что цѣлое помѣстье, такъ называемыя »добра жванецкія«, заняло нѣсколько десятковъ кв. верстъ. Въ теченіи четырехъ столѣтій, 1431—1830 гг., оно составляло нераздѣльную собственность одного владѣльца и только съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія раздробилось между нѣсколькими владѣльцами. За это время добра жванецкія нѣсколько разъ переходили въ собственность того или другаго знатнаго рода, при чемъ нѣкоторые изъ владѣльцевъ особенно заботились объ устройствѣ имѣнія. Благодаря ихъ стараніямъ, Жванецъ уже въ половинѣ XVI в. считается весьма значительнымъ населеннымъ пунктомъ. Около этого времени онъ переходитъ въ собственность рода Калиновскихъ, одного изъ

богатѣйшихъ дворянскихъ родовъ юго-западнаго края, котораго представители очень быстро успѣли обогатиться путемъ выпрашиванія у короля жалованныхъ грамотъ на огромные участки малозаселенныхъ земель въ русскихъ областяхъ.

Въ царствованіе Сигизмунда III въ началѣ XVII в. Валентій Калиновскій, генералъ подольскій, въ силу общепринятаго тогда обычая, укрѣпилъ Жванецъ замкомъ, развалины котораго сохранились и понынѣ на высокомъ берегу Жванчика. Трудно сказать, что имѣлось въ виду при постройкѣ укрѣпленія: было-ли оно воздвигнуто съ цѣлью обороны пограничнаго мѣстечка, или-же просто потому, что знатному дворянину нельзя было жить иначе, какъ въ замкѣ. Кажется послѣднее вѣрнѣе, потому что расположенный вблизи грозной хотинской крѣпости, обладавшей весьма сильнымъ турецкимъ гарнизономъ, скромный жванецкій замокъ не могъ служить серьёзнымъ оплотомъ противъ турокъ, какъ-то пытаются доказать мѣстные польскіе ученые. Какъ-бы тамъ ни было, но благодаря укрѣпленію, гарантировавшему жителей отъ внутреннихъ неурядицъ и тревогъ въ краѣ, населеніе Жванца съ этого времени начинаетъ быстро увеличиваться и возвышается торговое значеніе мѣстечка, благодаря его выгодному положенію вблизи границы и при одной изъ лучшихъ пристаней на Днѣстрѣ.

Вскорѣ Жванецъ, въ силу семейныхъ счетовъ, перешелъ въ родъ Ланцкоронскихъ и тогда постигло его первое общественное бѣдствіе—онъ подвергся полному разоренію со стороны польскихъ войскъ, никогда не отличавшихся порядкомъ и дисциплиной. Въ августѣ 1621 г., во время извѣстной хотинской войны, въ которой козацкое войско принимало участіе въ качествѣ союзниковъ польскаго правительства, союзныя войска остановились у Жванца, разсчитывая здѣсь переправиться черезъ Днѣстръ. Предводительствовалъ козаками гетманъ Сагайдачный; польское войско, по обычаю, шло подъ начальствомъ обоихъ гетмановъ, великаго и польнаго. Въ то время, какъ Сагайдачный съ козаками занятъ былъ устройствомъ переправы у с. Браги, гдѣ строился временный мостъ подъ руководствомъ русскаго крестьянина, польское войско, состоявшее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, скучало бездѣйствіемъ, съ завистью поглядывая на богатое мѣстечко, недавно лишившееся своего законнаго защитника за смертью Калиновскаго. По окончаніи

моста, едва только успѣли перейти на тотъ берегъ козаки, а за ними передовые польскіе отряды и все начальство, какъ какой-то охотникъ до чужого имущества, пользуясь удобнымъ случаемъ, распустилъ въ остальномъ войскѣ слухъ, будто гетманы приказали снести мѣстечко. Недленно всѣ обозные слуги, пѣхота и всевозможный сбродъ, наполнявшій ряды польскаго войска, всѣ эти элементы, жадные на легкую добычу, съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью бросились исполнять мнимый приказъ, что въ самое короткое время Жванецъ былъ дочиста разграбленъ и нѣсколько окрестныхъ селъ снесены до основанія. Для усмиренія разбоя и грабежа явился польный гетманъ Любомирскій съ прочими начальниками и хотя, послѣ разслѣдованія дѣла, нѣсколько зачинщиковъ были казнены, чѣмъ возстановленъ порядокъ въ войскѣ, но для облегченія участи мѣстечка ничего не было сдѣлано. Вскорѣ послѣ погрома Жванецъ перешолъ во владѣніе Ланцкоронскихъ, и новый владѣлецъ начинаетъ заботиться о благосостояніи мѣстечка, возстановляетъ замокъ и исправляетъ поврежденія, причиненныя грабежомъ. Король Владиславъ IV, видѣвшій лично бѣдственное положеніе мѣстечка и понимавшій его пограничное значеніе, возстановилъ грамоту, въ силу которой Жванецъ получаетъ магдебургское право, право торговъ и ярмарокъ въ установленные дни и сверхъ того гербъ и магистратскую печать.

Не успѣлъ Жванецъ оправиться отъ перваго погрома, какъ черезъ семь лѣтъ онъ снова становится центромъ вооруженнаго столкновенія. Послѣ извѣстной битвы подъ Батогомъ, въ которой польская армія съ гетманомъ Калиновскимъ была совершенно разбита и уничтожена козаками, король Янъ Казиміръ съ 30,000 войскомъ, состоявшимъ большею частью изъ наемныхъ венгерскихъ и волошскихъ полковъ, остановился у Жванца, желая отрѣзать Хмельницкому возможность сношеній съ Молдавіей. Самъ король съ старшинами и частью войска, составляющей стражу, поселился въ замкѣ; остальное войско расположилось на высокой равнинѣ надъ с. Брагой, противъ Хотина, и здѣсь укрѣпило свой лагерь земляными валами. Въ настоящее время это мѣсто занято пахатнымъ полемъ, валы почти совершенно распаханы и отъ прежняго укрѣпленія едва сохранились самые ничтожные слѣды. Польское войско бездѣйствовало подъ Жванцемъ въ то время, какъ союзники Хмельницкаго

Татары протянулись линіей по всей Подоліи, Польшѣ и Галичинѣ до Львова, чтобы отрѣзать королю обратный путь, и грабили занятыя ими области. Между тѣмъ подошелъ ноябрь, наступили холода, а вмѣстѣ съ ними и недостатокъ жизненныхъ припасовъ. Войско роптало на недостатокъ въ пищѣ и неуплату жалованья и хотя король рѣшился расплачиваться собственной казной, но продовольствія и за деньги нельзя было достать; люди и лошади начали умирать отъ голода и холода. Въ тоже время начались въ польскомъ лагерѣ повальныя болѣзни, которыя послужили сигналомъ къ бѣгству: не смотря ни на какія увѣщанія и строгія мѣры противъ дезертировъ, польскіе солдаты цѣлыми массами оставляютъ лагерь; ихъ примѣру слѣдуютъ венгры и волохи, такъ что еще до первой встрѣчи съ непріятелемъ, король съ остатками войска очутился въ самомъ грустномъ положеніи. Приходилось жить чуть не подаяніемъ, довольствуясь тѣми припасами, какіе по временамъ присылались молдавскимъ логофетомъ и хотинскимъ пашею изъ любезности. Узнавши о приближеніи крымскаго хана съ ордой, король совсѣмъ потерялъ голову,—начинаются безпрерывные военные совѣты, однѣ рѣшенія быстро смѣнялись другими: о сопротивленіи никто и не думалъ и почти всѣ проэкты сводились къ одному, что нужно подкупить татаръ и заручившись поддержкой съ ихъ стороны, кончить дѣло договоромъ съ козаками. Самъ король до того растерялся, что пытался тайкомъ бѣжать изъ лагеря съ немногими приближенными, но остальные узнали объ этомъ и не пустили его.

Наконецъ подошелъ Хмельницкій съ татарами, разсчитывая путемъ продолжительной осады принудить короля къ сдачѣ. При вѣсти о его приближеніи страшная паника произошла въ лагерѣ; бѣгство польскихъ солдатъ достигло ужасающихъ размѣровъ, такъ что у короля едва осталось около 11,000 человѣкъ. Большая часть бѣглецовъ была захвачена татарами на пути въ Каменецъ. Наконецъ Жванецъ былъ осажденъ, голодъ и смертность въ немъ достигли крайнихъ предѣловъ. Король вошелъ въ переговоры съ ханомъ, заплатилъ татарамъ огромную контрибуцію 100,000 червонныхъ и сверхъ того обязался платить имъ ежегодную дань и позволялъ имъ брать ясыръ въ польскихъ областяхъ, но исключительно изъ русскихъ жителей. Послѣ того, 15 декабря 1653 г.,

заключенъ съ козаками жванецкій договоръ, подтверждавшій всѣ зборовскія статьи.

На другой-же день король уѣхалъ во Львовъ, не думая объ исполненіи договора; остатки его арміи составили нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые должны были преградить татарамъ путь въ Польшу и въ Каменецъ, но не смотря на это, татары разсыпались по всему Подолью и совершенно разграбили нѣсколько селъ и мѣстечекъ, жители которыхъ были уведены въ Крымъ.

Послѣ того наступилъ для Жванца новый промежутокъ спокойствія, хотя и продолжительнѣе перваго, но недостаточно длинный для того, чтобы дать возможность мѣстечку оправиться и возвратить прежнее благосостояніе. Въ 1672 г. султанъ Магометъ IV съ огромнымъ войскомъ предпринялъ походъ съ цѣлью овладѣть Каменцемъ, а за нимъ и цѣлымъ Подольемъ. Отправляясь подъ Каменецъ, султанъ у Жванца переправился на подольскій берегъ и едва только окружилъ мѣстечко, какъ польскій гарнизонъ безъ одного выстрѣла сдалъ замокъ, въ которомъ султанъ поставилъ сильный турецкій гарнизонъ. Не смотря однако на этотъ фактъ, занесенный даже въ польскіе источники, историки польскіе настойчиво утверждаютъ, что турки никогда не осмѣливались завладѣть сильнымъ жванецкимъ замкомъ. У Жванца турецкая армія соединилась съ поджидавшимъ ее здѣсь козацкимъ войскомъ Дорошенка, помогавшимъ ей въ занятіи Каменца, и затѣмъ разсыпалась по всей Подоліи, овладѣвая всѣми укрѣпленными мѣстами и оставляя въ нихъ свои гарнизоны. Съ этого времени Жванецъ остается въ рукахъ турокъ во все время, пока продолжалось ихъ владычество въ Подоліи, не смотря на многочисленныя попытки поляковъ овладѣть этимъ пограничнымъ пунктомъ, въ которомъ находилась одна изъ наиболѣе удобныхъ переправъ черезъ Днѣстръ.

Въ слѣдующемъ году, во время хотинской битвы Яна Собѣскаго, жванецкій замокъ служитъ мѣстомъ заключенія каменецкихъ мѣщанъ, арестованныхъ турецкимъ пашею.

Съ этого времени до начала XVIII ст. Жванецъ принадлежалъ туркамъ, но большинство жителей разбѣжалось и все его населеніе состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейскихъ семействъ, производившихъ торговлю лѣсомъ, и небольшаго количества крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ. Послѣ стольнихъ военныхъ погромовъ

и замокъ, и мѣстечко лежали въ развалинахъ и представляли чрезвычайно жалкій видъ.

Въ 1690 г., въ силу карловицкаго трактата, турки очистили Подолье. Съ этого времени прекращается ихъ господство и въ Жванцѣ, который начинаетъ заново населяться; кромѣ прежнихъ жителей, мѣщанъ и крестьянъ, возвратившихся въ мѣстечко, является масса новыхъ колонистовъ изъ Червоной Руси. Благодаря выгодному положенію на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, здѣсь поселяются въ большомъ количествѣ греки и армяне, занявшіеся торговлей подъ гарантіей магдебургскаго права; они быстро подняли торговлю и промышленность до весьма значительнаго уровня. Явились и прежніе владѣльцы Лапцкоронскіе, занявшіеся обновленіемъ замка, лежавшаго въ развалинахъ.

Періодъ благосостоянія Жванца продолжается приблизительно до 1768 г. Армяне и греки ведутъ обширную торговлю венгерскими винами, красными товарами, солью, сушеной рыбой, хлѣбомъ и строевымъ лѣсомъ. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Жванцѣ, въ 1699 г., армяне выстроили большой каменный костелъ, существующій и нынѣ; теперь онъ перешелъ въ руки поляковъ. Около половины XVIII в. съ большими усиліями удалось и полякамъ построить себѣ деревянный костелъ, но онъ просуществовалъ не долго.

Въ 1768 г. Жванецъ снова становится театромъ военныхъ столкновеній и подвергается новому разоренію. Зимою этого года нѣкоторые изъ предводителей барской конфедераціи, успѣвшіе спастись послѣ взятія Бара русскими войсками, разсѣялись со своими отрядами по границамъ Подолья и Молдавіи, всюду захватывая въ свои руки укрѣпленные замки. Основавши главную квартиру въ Хотинѣ, подъ защитой хотинскаго паши, два отряда подъ начальствомъ братьевъ Пулавскихъ заняли Окопы св. Троицы и Жванецъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ селами, съ цѣлью организовать здѣсь серьёзную защиту.

Однако, при первомъ столкновеніи съ русскими войсками, конфедераты, вытѣсненные изъ жванецкихъ окоповъ, заперлись въ замкѣ, при чемъ для своей безопасности нашли нужнымъ сжечь ближайшіе къ замку дома, въ томъ числѣ и польскій костелъ. Такимъ образомъ уничтожена значительная часть мѣстечка, но эта мѣра нисколько не облегчила защиты: послѣ нѣсколькихъ дней осады,

храбрые конфедераты, въ количествѣ 400 человѣкъ кавалеріи и около 40 янычаръ, явившихся съ разрѣшенія хотинскаго паши, ночью вышли изъ замка со стороны р. Жванчика, спустились съ крутого, почти отвѣснаго берега, считавшагося неприступнымъ и потому не занятаго русской стражей, перешли по льду на правый берегъ Днѣстра и разсѣялись въ Бессарабіи.

Въ маѣ слѣдующаго года, Жванецъ испыталъ новое бѣдствіе: на него напали турки съ татарами, разграбили и опустошили какъ беззащитное мѣстечко, такъ и окрестныя села; множество жителей погибло, въ томъ числѣ и настоятель польскаго костёла, остальные спаслись бѣгствомъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

Ко всѣмъ этимъ несчастьямъ прибавилось еще одно, общее для всего подольскаго края: чума, занесенная изъ Турціи и памятная цѣлому Подолью, истребила огромное большинство жителей Жванца, такъ что послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій мѣстечко представляло чрезвычайно жалкій видъ. Кладбище, на которомъ похоронены зачумленные, лежитъ на берегу Днѣстра, при устьи Жванчика, откуда начинается дорога въ Исаковцы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лѣсная пристань. До недавняго времени православные жители мѣстечка въ Тройцынъ день являлись сюда съ процессіей молиться объ умершихъ, но теперь этотъ обычай оставленъ.

О крайнемъ разореніи мѣстечка свидѣтельствуетъ сеймовое постановленіе 1775 г., въ силу котораго дается жителямъ на 12 лѣтъ льгота отъ всевозможныхъ повинностей и уплатъ въ пользу казны, для того чтобы поднять изъ развалинъ мѣстечко, оживить торговлю и возвратить прежнее благосостояніе. Но эта мѣра оказалась безсильною: большая часть грековъ и армянъ переселились въ другія мѣста, остальные смѣшались съ мѣстнымъ шляхетскимъ элементомъ и, усвоивши его бытъ, оставили свои прежнія занятія.

Въ военно-административномъ отношеніи, какъ укрѣпленный пунктъ, Жванецъ обыкновенно, т. е. въ то время когда имъ владѣли поляки, находился въ вѣдѣніи региментаря подольскаго. Въ концѣ 1777 г. онъ поступаетъ подъ непосредственное начальство коменданта каменецкаго и получаетъ значеніе пограничнаго форпоста съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи въ качествѣ гарнизона, подъ начальствомъ хорунжаго. Этотъ послѣдній игралъ скорѣе наблюдательную роль: его главной обязанностью было извѣщать высшія

власти о движеніяхъ турецкихъ войскъ въ Хотинѣ, о появленіи повальныхъ болѣзней на берегахъ Днѣстра и т. д. Сверхъ того въ обязанности хорунжаго входило: 1) поддерживать мирныя сосѣдскія отношенія съ хотинскимъ пашею и 2) наблюдать за другими польскими отрядами, расквартированными вдоль по теченію Днѣстра и охранять всѣ броды и перевозы черезъ рѣчку отъ Жванца до Могилева.

Какъ пограничный пунктъ, Жванецъ былъ мѣстомъ, гдѣ публиковались съ большой торжественностью всѣ важнѣйшія перемѣны, происшедшія въ краѣ и доводившіяся до свѣдѣнія сосѣдней державы. Такъ напримѣръ здѣсь объявляли объ избраніи новаго короля, при чемъ хотинскій паша приносилъ поздравленія коменданту; въ свою очередь и поляки платили такою-же любезностью при восшествіи на престолъ новаго султана и т. д. Такъ какъ существованіе жванецкаго замка всецѣло зависѣло отъ поддержанія мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, то польскія власти старались устранить всѣ малѣйшіе поводы къ столкновенію; такъ напримѣръ, если хорунжій не могъ поладить съ хотинскимъ пашею, или почему нибудь не нравился ему, то немедленно замѣнялся другимъ. Главной обязанностью хорунжаго было именно поддержаніе сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ губернаторомъ. Въ документахъ сохранилось много примѣровъ взаимной любезности между сосѣдями. Такъ напримѣръ, поляки, желая доказать свою справедливость передъ невѣрными, всѣ приговоры надъ подолянами за преступленія, совершенныя ими на молдавской территоріи, приводили въ исполненіе на высокомъ берегу Днѣстра въ виду Хотина. D-r Antoni J. приводитъ весьма характерный примѣръ подобной любезности—казнь одного шляхтича за убійство турка, сопровождавшуюся цѣлымъ ритуаломъ, за исполненіемъ котораго турки слѣдили съ другого берега. Вѣроятно и паша, съ своей стороны платилъ такою-же учтивостью.—Вообще исторія Жванца, исполненная трагизма, представляетъ въ тоже время много весьма оригинальныхъ эпизодовъ, которые очень живо переносятъ насъ въ эпоху польскаго владычества, отличавшагося характеромъ крайняго своеволія и самодурства, не лишеннаго по временамъ и комическихъ выходокъ.—Такъ напримѣръ, въ то время, какъ въ Жванцѣ уже существовала православная церковь и армянскій

костелъ, не было польскаго костела, не было и средствъ для его сооруженія. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ епископъ каменецкій, Сигизмундъ Чижевскій, возъимѣлъ блестящую мысль—обязать къ постройкѣ костёла еврейскую общину въ Жванцѣ. Предлогомъ къ тому послужила торжественная процессія, устроенная будто мѣстными евреями съ большимъ парадомъ; шествіе открывалъ старый еврей, несшій подъ балдахиномъ какое-то священное изображеніе; за нимъ слѣдовала огромная масса народа съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Въ такомъ видѣ процессія прошла черезъ рынокъ, украшенный свѣжими деревьями и усѣянный цвѣтами и душистыми травами.—Религіозное чувство благочестиваго епископа было возмущено подобнымъ фактомъ и, въ наказаніе за дерзость, епископскій судъ (22 апрѣля 1663 г.) приговорилъ старѣйшихъ изъ евреевъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль, всѣхъ-же остальныхъ—къ штрафу въ 16,100 злотыхъ, которые должны быть употреблены на постройку костела. Къ счастью для евреевъ, набожный епископъ вскорѣ умеръ, не дождавшись исполненія приговора. Изъ того-же приговора узнаемъ еще одну интересную подробность, а именно: въ данное время Жванецъ, составлявшій собственность Ланцкоронскаго, находился въ арендѣ у еврея Емануэля.

Съ теченіемъ времени Жванецъ все больше и больше теряетъ свое прежнее значеніе торговаго пограничнаго пункта и пріобрѣтаетъ общій характеръ подольскаго мѣстечка—характеръ промышленнаго, культурнаго и административнаго центра для весьма небольшого района. Хотя послѣ присоединенія Подолья къ Россіи въ Жванцѣ были устроены таможня и карантинъ, но эти учрежденія ни мало не способствовали процвѣтанію промышленности и, послѣ присоединенія Бессарабіи, были упразднены въ 1812 г., просуществовавши всего 17 лѣтъ. Мѣстечко все больше и больше приходитъ въ упадокъ; въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія оно составляетъ собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ; въ 1842 оно было пріобрѣтено казной для проэктируемой постройки цѣлой системы пограничныхъ укрѣпленій, но проэктъ не былъ приведенъ въ исполненіе и Жванецъ остался въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ. До начала работъ многіе изъ жителей были разселены въ

сосѣднія села, преимущественно въ Гавриловцы, что еще больше способствовало уменьшенію населенія.

Въ настоящее время въ Жванцѣ считается до 3,000 жителей; большинство составляютъ евреи, меньшинство—православные малороссы и незначительную часть—католики. Евреи торгуютъ хлѣбомъ, лѣсомъ и т. д., держатъ перевозъ на Днѣстрѣ и занимаются самыми доходными промыслами. Остальное населеніе живетъ земледѣліемъ и ремеслами.

Найбольше выгодъ доставляетъ лѣсная торговля, которою занято почти все еврейское населеніе Жванца. Евреи закупаютъ лѣсъ, сплавляемый сюда изъ Галичины,—большею частью дубъ, сосну и букъ, сортируютъ его, вяжутъ въ плоты или тутъ-же на пристани распиливаютъ въ доски, изъ которыхъ строятъ лодки и »галяры«— особыя плоскодонныя суда въ видѣ четырехъ угольныхъ ящиковъ, на подобіе парома съ высокими бортами, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи Днѣстра до моря; суда эти отличаются большой ёмкостью. Плоты и галяры представляютъ единственное средство передвиженія на Днѣстрѣ, вслѣдствіе мелководія этой рѣки; они нагружаются хлѣбомъ, лѣсомъ и другими товарами, которые доставляются такимъ путемъ во всѣ днѣстровскія пристани до самыхъ Маякъ. Торговля находится въ рукахъ евреевъ, но рабочими на пристани и на судахъ служатъ мѣстные крестьяне.

Въ лѣтнее время населеніе увеличивается еще купальщиками, которые стекаются сюда въ значительномъ количествѣ по совѣту врачей, такъ какъ воды Днѣстра, проложившаго себѣ русло въ породахъ известковыхъ скалъ, считаются цѣлебными. Съ наступленіемъ лѣтняго сезона оживляется какъ торговая, такъ и общественная жизнь мѣстечка; является усиленный спросъ на продукты, сдѣлавшіеся предметами первой необходимости въ жизни культурныхъ классовъ. Сверхъ того является потребность и въ развлеченіяхъ. Во время нашего пребыванія въ Жванцѣ давались спектакли заѣзжей еврейской труппой; афишъ разумѣется не было; за отсутствіемъ театра, представленія давались въ одномъ изъ заѣздовъ. Намъ не удалось посѣтить этотъ импровизированный театръ, но, судя по разсказамъ, представленія шли на русскомъ языкѣ и зала была переполнена публикой, состоявшей какъ изъ представителей еврейскаго населенія, такъ и изъ скучающихъ купальщиковъ.

V.

Окопы св. Тройцы, исторія села.—Дорога въ Брагу.—Берегъ Днѣстра.—Брага.—Историческія свѣдѣнія.—Перевозъ.—Промыслы жителей.—Хотинъ.—Видъ города; крѣпость, базаръ, русскій городъ.

Изъ окрестностей Жванца больше всего привлекаетъ вниманіе зрителя съ южной стороны старая хотинская крѣпость и расположенное противъ нея на подольскомъ берегу Днѣстра с. Брага; затѣмъ прямо противъ Жванца, на низкомъ песчаномъ мысѣ, лежитъ село Атаки [1]) и наконецъ въ разстояніи 3—4 верстъ вверхъ по Днѣстру, на юго-западъ отъ Жванца, среди горъ бѣлѣютъ нѣсколько хатъ, окруженныхъ уступами деревьевъ; это—небольшое село Окопы св. Тройцы, лежащее уже на территоріи нынѣшней Галиціи. Село расположено на склонѣ высокаго длиннаго мыса, который образуется теченіемъ рѣкъ Днѣстра и Збруча, впадающаго въ этомъ мѣстѣ въ Днѣстръ.

Окопы св. Тройцы, входившіе прежде въ составъ Подолья, возникли позже другихъ подольскихъ поселеній. Мѣстность, на берегу судоходнаго Днѣстра, на самой границѣ польскихъ владѣній съ турецкими и румынскими, привлекла вниманіе Станислава Яблоновскаго, великаго короннаго гетмана, какъ удобный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Во время турецкаго господства, король Янъ Казиміръ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ очистить край отъ турокъ, размѣстилъ въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ небольшіе гарнизоны, которые должны были прекратить подвозъ припасовъ въ Каменецъ и прервать возможность сношеній непріятеля съ заграницей. Въ это время было построено нѣсколько новыхъ замковъ въ мѣстахъ, за которыми признавалось извѣстное стратегическое значеніе, въ томъ числѣ и въ углу при впаденіи р. Збруча, въ самомъ крайнемъ пограничномъ пунктѣ Рѣчи Посполитой. Въ теченіи шести недѣль отрядъ польскаго войска высыпалъ здѣсь валы и шанцы, укрѣпленные каменной стѣной, при чемъ распоряжался работами самъ коронный гетманъ.

---

[1]) Поселенія съ такимъ именемъ довольно часто встрѣчаются на бессарабскомъ берегу; онѣ всегда расположены какъ разъ напротивъ подольскаго города или мѣстечка.

Небольшое укрѣпленіе, наскоро сооруженное, получило громкое названіе: *»Окопы горы св. Троицы—блокада Каменца Подольскаго«*; въ настоящее время оно называется въ народѣ просто Окопами. Станиславъ Яблоновскій былъ прилично вознагражденъ правительствомъ Рѣчи Посполитой за оказанную имъ услугу; но замокъ не выполнилъ, кажется, своего назначенія—служить для блокады Каменца.—Мы не знаемъ, когда именно возникло здѣсь поселеніе: были-ли Окопы св. Троицы заселеннымъ пунктомъ раньше постройки замка, или жители начали селиться подъ защитой укрѣпленій, но въ концѣ XVII столѣтія мы уже встрѣчаемъ извѣстія о существовавшемъ здѣсь поселенія. Въ 1700 г. укрѣпленіе превращено въ мѣстечко привилегіей короля Августа II, надѣлившаго его магдебургскимъ правомъ, съ извѣстнымъ числомъ торговъ и ярмарокъ и т. д.; сверхъ того мѣщане освобождались въ теченіи десяти лѣтъ отъ всевозможныхъ податей и повинностей, какъ земскихъ, такъ и военныхъ. Военная служба, т. е. охрана границы, отбывалась особымъ гарнизономъ, принадлежавшимъ правительству. Но всѣ эти мѣры немного повліяли на развитіе благосостоянія мѣстечка. Вообще Окопы св. Троицы не имѣли большаго значенія ни въ смыслѣ промышленнаго, или торговаго центра, ни въ смыслѣ укрѣпленнаго замка, не смотря на выгодное, повидимому, положеніе при самой границѣ, на берегу судоходной рѣки; гарнизонъ вскорѣ былъ выведенъ изъ замка, мѣстечко оставалось безжизненнымъ; укрѣпленія мало по малу приходили въ упадокъ и правительство нисколько не старалось вызвать поселеніе къ жизни. Разъ только, въ 1764 г., сеймъ ассигновалъ небольшую сумму на возстановленіе замка и валовъ и съ того времени совершенно оставилъ всякую заботу объ Окопахъ. Вѣроятно и послѣ ассигновки укрѣпленіе не было возстановлено, потому что въ 1770 г., когда Жванецъ, Пановцы и другіе пограничные замки заняты были барскими конфедератами, въ Окопахъ св. Троицы на короткое время расположился небольшой отрядъ Казиміра Пулавскаго, заставшій здѣсь однѣ развалины и запустѣніе. Пулавскій нѣсколько реставрировалъ замокъ, въ которомъ пробылъ около 12 недѣль, и наконецъ былъ вытѣсненъ при первомъ штурмѣ русскимъ отрядомъ, одновременно съ конфедератами, занявшими жванецкій замокъ.

Послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой, въ 1773 г. Окопы св. Троицы вошли въ составъ нынѣшней Галиціи, послѣ чего большая часть укрѣпленій была срыта австрійскими властями, устроившими въ мѣстечкѣ таможню и карантинъ. Въ настоящее время уцѣлѣла часть валовъ и стѣнъ, которые мало по малу разрушаются и временемъ, и жителями.

Въ двухъ верстахъ къ югу отъ Жванца, на берегу Днѣстра виднѣется небольшое село Брага, расположенное прямо противъ Хотина на подольской сторонѣ. Дорога въ Брагу идетъ по самому берегу Днѣстра, занимающему вдоль рѣки очень низкую и узкую полосу, всего нѣсколько сажень ширины; берегъ покрытъ толстымъ пластомъ разноцвѣтныхъ закругленныхъ камешковъ, выброшенныхъ рѣкою во время разливовъ; большинство этихъ галекъ состоитъ изъ кремней всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, снесенныхъ сюда водой изъ разныхъ мѣстъ, такъ какъ горы Подолья, состоящія большею частью изъ различныхъ известковыхъ и глинистыхъ породъ, чрезвычайно богаты кремнемъ. Низменная береговая полоса окаймлена съ правой стороны Днѣстромъ, съ лѣвой— возвышается сплошной стѣной каменная гора, около 40 сажень вышиною, служащая подпочвой для плоскогорной приднѣстровской равнины. Верхняя половина горы представляетъ рядъ отвѣсныхъ скалъ, изрѣдка поросшихъ тощей растительностью и напоминающихъ стѣны крѣпости или замка; ближе къ подножію, обрывъ становится болѣе пологимъ, благодаря осыпямъ камней и земли сверху. Во многихъ мѣстахъ высокій берегъ изрѣзанъ глубокими поперечными оврагами, вырытыми дождевой водой. По нимъ только и можно взбираться на гору, при чемъ подъ ногами осыпается постоянно земля и камни, такъ что приходится по два и три раза взбираться на одну и ту-же скалу. Дно овраговъ, также какъ и самый берегъ, усѣяно огромнымъ количествомъ кремневыхъ осколковъ, изъ которыхъ многіе напоминаютъ первобытныя орудія простѣйшей формы; между ними попадаются изрѣдка полированные каменные топорики, хотя намъ не посчастливилось найти ни одного.

Весь берегъ Днѣстра изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими заливами, отчего дорога вдоль берега чрезвычайно извилиста. При самомъ началѣ села Браги, дорога идетъ по цѣльной скалѣ, которая въ этомъ мѣстѣ образуетъ почву и, постепенно понижаясь,

переходитъ на дно рѣки и представляетъ очень удобное мѣсто для купанья.

Село, расположенное на южномъ склонѣ высокаго берега, состоитъ всего изъ двухъ рядовъ хатъ, которыя какъ-бы сбѣгаютъ съ горы къ Днѣстру. Посреди села небольшая церковь; садовъ мало, также какъ и въ Жванцѣ; причиной тому отчасти, можетъ быть каменистый грунтъ, въ которомъ трудно укорениться дереву, или, можетъ быть, и нелюбовь жителей къ занятію садоводствомъ, потому что на противуположномъ бессарабскомъ берегу такая-же каменистая почва и однако на ней растутъ и садовыя, и лѣсныя деревья; вся зелень въ селѣ состоитъ изъ однихъ огородныхъ растеній. На возвышенной равнинѣ, господствующей надъ селомъ, видны слѣды земляныхъ укрѣпленій, насыпанныхъ поляками во время войнъ XVI и XVII в., когда Брага на равнѣ съ Жванцемъ, Окопами и др. имѣла значеніе пограничнаго сторожевого пункта. Теперь городище почти совсѣмъ распахано, отъ него сохранились едва замѣтные остатки валовъ, окруженные ровнымъ полемъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ почтовой дорогѣ, синѣетъ темная полоса лѣса — остатокъ бывшихъ *„жванецкихъ гаевъ“*.

Въ первый разъ съ своимъ настоящимъ именемъ Брага упоминается въ документахъ подъ 1595 г., какъ село, въ которомъ останавливался лагеремъ Замойскій, провожая господаря Іеремію Могилу на валашскій престолъ, и въ которомъ нѣсколько лѣтъ спустя собирались польскіе и валашскіе послы для заключенія договора, послѣ того, какъ сынъ Іереміи, не съумѣвшій удержаться на тронѣ, обратился къ покровительству Польши. Гетманъ Жолкевскій съ отрядомъ занялъ окопы на высотахъ надъ селомъ, а комиссары обоихъ державъ собирались на совѣщаніе вблизи укрѣпленій подъ его прикрытіемъ. Въ теченіи восьми дней, пока продолжались переговоры, въ Брагу ежедневно переправлялся изъ Хотина турецкій отрядъ, становившійся въ виду комиссаровъ, при чемъ поляки съ своей стороны выставляли такой-же отрядъ, а начальники ихъ щедро угощали турокъ водками и винами вопреки закону Магомета. Наконецъ договоръ былъ заключенъ; одна изъ его статей, относившихся къ Брагѣ, состояла въ томъ, что перевозъ у села, по давнимъ обычаямъ, остается въ общемъ пользованіи;

отсюда видно, что до того времени право перевоза одинаково принадлежало всѣмъ пограничнымъ народамъ, т. е. полякамъ, туркамъ и румынамъ.

Въ теченіи всего XVII в. Брага сохраняетъ значеніе такого пограничнаго пункта, куда съѣзжаются для переговоровъ послы изъ Подоліи и Румынскихъ господарствъ.

Во время хотинской кампаніи 1621 г., Брага получаетъ важное стратегическое значеніе, какъ ближайшій къ Хотину пунктъ на подольской территоріи. Воспользовавшись весьма удобной переправой черезъ Днѣстръ, гетманъ Сагайдачный устроилъ здѣсь мостъ и перевозъ черезъ рѣку для польско-козацкой арміи, которая пользовалась имъ во все время войны.

Въ продолженіи 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи, село совершенно опустѣло, даже переправа почти перестала существовать, но послѣ удаленія турокъ, Брага, подобно другимъ оставленнымъ селамъ, весьма быстро колонизуется малорусскими поселенцами; жителей привлекала сюда близость Молдавіи, гдѣ не было крѣпостнаго права и куда легко было спасаться въ случаѣ притѣсненія отъ жванецкаго старосты, которому принадлежала Брага вмѣстѣ со многими другими селами.—Мы уже говорили выше, что здѣсь, на самомъ видномъ мѣстѣ противъ Хотина, происходилъ со стороны поляковъ обмѣнъ сосѣдскихъ любезностей съ турками въ видѣ казней преступниковъ, нанесшихъ вредъ туркамъ.

Съ 1769 по1792 г. Брага получаетъ значеніе русскаго почтоваго пункта; здѣсь стоялъ небольшой козацкій гарнизонъ, на обязанности котораго лежало пересылать корреспонденціи между Петербургомъ и Константинополемъ; тутъ-же останавливались русскіе послы, отправлявшіеся въ Турцію.

Въ настоящее время, также какъ и въ старину, въ Брагѣ существуетъ переправа черезъ Днѣстръ, состоящая изъ двухъ плохихъ паромовъ, которые здѣсь, какъ и въ Жванцѣ, да и повсемѣстно въ Подоліи, содержатся евреями, между тѣмъ какъ рабочими на нихъ являются крестьяне. Переправляясь изъ Браги въ Хотинъ, мы каждый разъ находили на берегу групны крестьянъ съ возами, въ ожиданіи парома, который не спѣшили подавать на ихъ зовъ. Изъ разговоровъ съ ними мы узнали, что жители Браги большею частью получили надѣлы на бессарабскомъ берегу, куда

отправляются на полевыя работы и откуда по нѣсколько разъ въ день возятъ снопы домой, при чемъ каждый разъ принуждены платить за переправу. Такой налогъ долженъ тяжело ложиться на крестьянское хозяйство. Здѣсь кстати отмѣтимъ одну особенность въ сельскихъ промыслахъ. По всему Подолью до береговъ Днѣстра крестьяне сѣютъ главнымъ образомъ различные сорта зерноваго хлѣба, горохъ и чечевицу, при чемъ пшеница идетъ въ продажу, а жито, гречка и др. потребляются на мѣстѣ. Но начиная отъ Жванца, по всему Днѣстровскому побережью сѣется преимуобразомъ кукуруза, которая составляетъ главную пищу мѣстныхъ крестьянъ. Исключеніе представляютъ большія помѣщичьи имѣнія, гдѣ разводятся различные сорта хлѣба; но все это закупается евреями и сплавляется на плотахъ и галерахъ въ Одессу, или потребляется на мѣстныхъ винокурняхъ.—Изъ кукурузной муки больше всего приготовляютъ мамалыгу—особое молдованское кушанье, которое служитъ главной и постоянной пищей какъ бессарабскаго, такъ и подольскаго крестьянина. Кромѣ мамалыги, изъ кукурузы приготовляется особый сортъ хлѣба, такъ называемый »молай«, различныя лепешки и т. п. При каждой хатѣ находится одно или нѣсколько помѣщеній для склада кукурузы, сплетенныхъ изъ хвороста въ формѣ высокихъ цилиндрическихъ корзинъ (3—4 аршина вышиною), нѣсколько расширяющихся къ верху и закрывающихся остроконечной крышкой. Корзины эти очень удобно переносятся съ мѣста на мѣсто; въ каждой помѣщается около 10 возовъ кукурузы. По словамъ крестьянъ, 10—15 возовъ достаточно на прокормленіе небольшой семьи въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ эта пища чрезвычайно сытная. Излишекъ зерна закупается евреями.

Хотя цѣлью нашей поѣздки было знакомство собственно съ Подольемъ, но разъ очутившись въ виду Хотина, нельзя было упустить случай осмотрѣть этотъ интересный бессарабскій городъ, первый, какой встрѣтился намъ на пути. Нужно замѣтить, что начиная отъ с. Атакъ (противъ Жванца), бессарабскій берегъ довольно быстро повышается, такъ что Хотинъ, отстоящій всего на разстояніи двухъ верстъ, расположенъ уже на довольно высокой горѣ, которая возвышается сплошною стѣной вдоль низменной и узкой береговой полосы.

Переправившись изъ Браги на другой берегъ, мы очутились у подножія старинной хотинской крѣпости, расположенной въ глубинѣ довольно значительнаго залива, какіе встрѣчаются постоянно по причинѣ частыхъ извилинъ рѣки. Въ крѣпость ведетъ узкая извилистая тропинка, круто подымающаяся по скаламъ и вся покрытая густымъ слоемъ щебня, который осыпается изъ развалинъ. Цитадель стоитъ на крутой возвышенности, которая со всѣхъ почти сторонъ отрѣзана отъ города чрезвычайно глубокимъ оврагомъ, едвали не достигающимъ уровня Днѣстра и, повидимому, прорытымъ искусственно. Крѣпость, выстроенная генуэзцами, которые имѣли здѣсь факторію, и впослѣдствіи захваченная и значительно увеличенная турками, поражаетъ своею грандіозностью и необыкновенной прочностью постройки; до настоящаго времени сохранились почти цѣликомъ всѣ наружныя стѣны и башни, только внутреннія жилыя постройки большею частью разрушены. Цитадель имѣетъ видъ четырехъугольника съ круглыми башнями по угламъ, со множествомъ бойницъ и амбразуръ въ стѣнахъ; внутри двора—старый турецкій колодецъ, доходящій до уровня воды въ Днѣстрѣ, сохранившійся въ цѣлости и до настоящаго времени, хотя теперь имъ никто не пользуется,—множество погребовъ, подземныхъ ходовъ и другихъ построекъ, которыя лежатъ впустѣ. Съ сѣверовосточной стороны, т. е. со стороны рѣки, крѣпость имѣетъ весьма внушительный видъ,—кажется, что стѣны и башни въ этомъ мѣстѣ были въ свое время реставрированы турками; но трудно представить себѣ что нибудь грандіознѣе противуположной части, которая выходитъ на оврагъ: громадная, выстроенная полукругомъ, стѣна спускается совершенно отвѣсно до самаго дна оврага, и на нѣсколько сажень превосходитъ своею высотою вышину сосѣдней горы. Стѣны сложены изъ желтаго кирпича необыкновенной прочности, съ украшеніями изъ краснаго кирпича въ видѣ полосъ вдоль всей стѣны до самаго верху; надъ главными въѣздными воротами на стѣнѣ выложенъ рельефный орнаментъ въ видѣ двухъ розетокъ, между которыми фигура пѣтуха, кажется, обращенная на востокъ. Толщина стѣнъ хотинской крѣпости превосходитъ всякое вѣроятіе: онѣ достигаютъ въ своей нижней части отъ двухъ до трехъ сажень въ толщину, во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ устроены небольшія камеры и потайные ходы, углубляющіеся въ землю и совершенно

темные, куда путешественникъ не рѣшается проникнуть. Въ настоящее время крѣпость совершенно заброшена и мало по малу разрушается временемъ и непогодой. Только изрѣдка посѣщаетъ ее заѣзжій туристъ и, преклоняясь передъ ея подавляющимъ величіемъ, удивляется той высокой культурѣ, которая могла создать и поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій такую неприступную твердыню.—Цитадель укрѣплена съ единственной доступной стороны, т. е. съ юга, рядомъ земляныхъ фортификацій, сквозь которыя ведетъ въ городъ прекрасное шоссе, вымощенное еще турками. Среди валовъ уцѣлѣла часть мечети съ минаретомъ, служившая до недавняго еще времени казармою; тутъ-же находится нѣсколько казармъ, складовъ и другихъ военныхъ построекъ николаевскаго времени, которыя теперь тоже оставлены и уже приходятъ въ полное разрушеніе, не смотря на свой недолгій вѣкъ, между тѣмъ какъ старая хотинская крѣпость простоитъ еще долгое время и будетъ поражать еще много поколѣній необыкновенной прочностью постройки.

Объ исторіи Хотина существуетъ цѣлая литература, такъ что о ней нужно сказать или слишкомъ много или ничего; поэтому я ограничусь только внѣшнимъ очеркомъ крѣпости и города.

Въ разстояніи около версты отъ крѣпости, на склонѣ горы начинается городъ, который тянется къ западу отъ Днѣстра по высокой равнинѣ. Сперва идетъ старый городъ, представляющій настоящій лабиринтъ кривыхъ, узкихъ и непроходимо грязныхъ улицъ, застроенныхъ большею частью еврейскими домами; въ каждомъ производится какая нибудь торговля или промыселъ. На главной улицѣ уцѣлѣли еще нѣкоторые слѣды мостовой—остатки турецкаго шоссе, облегчавшаго сообщеніе между городомъ и крѣпостью или берегомъ Днѣстра. Вдоль улицы тянутся въ два ряда лавки, шинки, табачныя фабрики и т. п. Вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, при чемъ по внѣшнему виду лавки нельзя опредѣлить, какой здѣсь главный продуктъ,—спеціализаціи въ торговлѣ совсѣмъ нѣтъ. Въ небольшихъ лавкахъ или рундучкахъ, гдѣ развѣшаны и нагромождены всевозможные товары болѣе низкаго достоинства (все лучшее и болѣе цѣнное прячется подъ прилавкомъ или въ жилыхъ помѣщеніяхъ и подвалахъ при лавкѣ), торгуютъ однѣ еврейки и наперерывъ другъ передъ другомъ зазываютъ всякаго, проходящаго по улицѣ. Евреи собираются группами на улицѣ и

возлѣ лавокъ, съ большимъ оживленіемъ толкуютъ о своихъ гешефтахъ, но не занимаются мелкой продажей.

Въ разныя стороны отъ главной улицы расходятся переулки, болѣе или менѣе правильные, также застроенные еврейскими домами, подъ часъ старинной архитектуры, со множествомъ пристроекъ, кладовыхъ, погребовъ и т. д.; повидимому, это жилища болѣе зажиточныхъ купцевъ. Дальше, на склонахъ горъ, лѣпятся бѣлыя чистенькія хаты хотинскихъ мѣщанъ, окруженныя садами и огородами, въ которыхъ преобладающимъ растеніемъ является кукуруза. На одной изъ горъ, пониже крѣпости, выглядываетъ среди зелени красивая каменная церковь, но, повидимому, безъ всякихъ остатковъ старины.

Миновавъ старый городъ, начинается новый, все-таки еврейскій городъ, который тянется подъ гору и дальше на высокой песчаной равнинѣ. Широкая главная улица, вымощенная еще во время турецкаго господства и служащая теперь главнымъ торговымъ центромъ, окаймлена съ двухъ сторонъ длинными корпусами каменныхъ лавокъ. Между ними весьма часто попадаются вывѣски, на которыхъ изображено крупнымъ шрифтомъ: *Кондиторская* и внизу мелкимъ шрифтомъ добавлено: *съ продажей питей распивочно и на выносъ.* Незнакомый съ мѣстной стилистикой пріѣзжій напрасно сталъ-бы искать внутри этихъ заведеній чего нибудь напоминающаго кондитерскую; онъ найдетъ только бочку водки и другія принадлежности обыкновеннаго шинка.

Съ концемъ базара оканчивается еврейская часть города и начинается новый русскій городъ, отдѣляющійся отъ перваго довольно обширной площадью. Посреди площади, вправо отъ главной улицы, возвышается очень красивое зданіе турецкой архитектуры, сложенное изъ разноцвѣтнаго узорчатаго кирпича. Одноэтажное квадратное зданіе, очень высокое, окружаетъ со всѣхъ сторонъ широкая, крытая галерея, состоящая изъ ряда арокъ; посреди дома возвышается изящная, ажурная башенка съ полумѣсяцемъ на верху. Въ настоящее время это зданіе передѣлывается подъ лавки; намъ ничего не удалось узнать объ немъ отъ мѣстныхъ жителей, но кажется, судя по внѣшнему виду, что и въ турецкое время здѣсь долженъ былъ помѣщаться караванъ—сарай или какое нибудь общественное учрежденіе.

Въ концѣ площади начинается рядъ чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ шаблонной архитектуры, въ пять или семь оконъ, съ подъѣздами, палисадниками и т. д., однимъ словомъ тоже самое, что мы привыкли видѣть на главной улицѣ зауряднаго уѣзднаго городка. Здѣсь живутъ представители мѣстной администраціи и интеллигенціи, здѣсь же помѣщаются всѣ правительственныя учрежденія: полиція, острогъ, камера мирового судьи, уѣздное училище и т. п., нѣсколько магазиновъ, два-три ресторана и настоящая кондитерская.

По другую сторону улицы тянется довольно обширный скверъ, очевидно недавно еще разведенный, но уже довольно тѣнистый, съ традиціонными аллеями изъ акацій, съ усыпанными желтымъ пескомъ дорожками, съ зелеными скамейками и эстрадой для музыки посреди сада. Возлѣ сквера находится другая православная церковь, новенькая, чистенькая; на дверяхъ красуется длинное печатное поученіе противъ пьянства; вѣроятно православные жители Хотина особенно отличаются этимъ качествомъ.

Дальнѣйшій осмотръ города не представлялъ ничего интереснаго; время шло къ вечеру и пора было думать о возвращеніи въ Жванецъ.

К. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Окончаніе) [1].

Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра въ предѣлахъ Запорожья болѣе значительные и извѣстные были слѣдующіе: *съ правой стороны*: Цыбульникъ, Сухой Омельникъ, Большой Омельникъ, Самоткань, Домоткань, Сура, Верхняя, Средняя и Нижняя Хортицы, Бѣлая, Червонная, Ребелинка, Тармань, Ненажора, Олещина, Тарасовка, Грушевка, Томаковка [2], Каменка, Лапинка, Подпольная (Пидпильня), Рѣчище, Чортомлыкъ [3], Шарай, Осетровка, Скарбная, Павлюкъ, Днѣприще, Сельчинъ, Шебалина, Днѣприще Чортомлыцкое, Базавлукъ, Березовка, Грушевка, Большая Тереневка, Сухая Тереневка [4], Осокоровка, Золотая, Переставка, Дурная [5], Сухая Наносоковка [6], Мокрая Наносоковка [7], Веревчина, Мѣловая, Гирлы, Коловоротъ, Вятлинскій-Перевалъ, Хресна, Каменка, Дримайловка [8], Косматій, Идеромля, Бурганка, Тягинка, Малый Ингулъ, Бѣлозерка и наконецъ Бугъ; *съ лѣвой стороны*: Орель [9], Протовчанка,

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

[2]) Турецко-татарское слово »тумакъ«, по русски значитъ шапка.

[3]) Vox hybrida, славянское слово съ турецкимъ окончаніемъ.

[4]) Теперь сухой оврагъ.

[5]) Теперь сухой оврагъ.

[6]) Теперь Яреминская.

[7]) Теперь Дудчанская.

[8]) Теперь сухой оврагъ.

[9]) Вытекая изъ харьковской губерніи, онъ составляетъ границу между нею, полтавскою и екатеринославскою губерніями. Думаютъ, что названіе этой рѣкѣ

Самара, Осокоровка, Татарка, Мокрая и Сухая Каменка, Старуха, Вороная, Волшянка, Московка Сухая, Московка Мокрая (Великая), Рѣчище, Конка, Святая, Маячка, Бристана, Бабина, Аталыкова, Татарка, Басанка, Царева, Бѣло-зерка, Мамай-Сурка, Рогачикъ, Чаплыва, Лопатиха, Русинова-балка, Сухая-Широкая Каирь, Мечетная Каирь, Западная Каирь, Крутая Каирь, Турецкая Каирь и Веливела [1]).

Изъ всѣхъ названныхъ притоковъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: Базавлукъ, Подпольная, Малый Ингулецъ, Бугъ съ правой стороны, Самара и Конка съ лѣвой.

Базавлукъ, Базулукъ, Бузовлукъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Безовлукъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ Герроса еще отцу исторіи Геродоту. На турецкомъ языкѣ Базавлукъ звучитъ »базар-лукъ«, что значитъ »торговля« [2]). Онъ начинается въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи и, протекши 120 верстъ съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ рѣчку Скарбную изъ Подпольной, около Краснаго Кута, выселка Грушевки, херсонскаго уѣзда, въ ста сорока верстахъ выше самаго Херсона, служа границей между херсонской и екатеринославской губерніей. Сама »рѣчка Скарбная, принявши Базавлукъ, раздѣляется на два притока, изъ которыхъ одинъ называется р. Омельнихою, другой —р. Колотовскою. Колотовская вскорѣ пускаетъ отъ себя новый рукавъ, называемый Быстрымъ Переваломъ, который перехватываетъ Омельниху и потомъ дѣлится опять на три притока, именуемые жолобами и изливающіеся въ такъ называемыя Великія Воды, гдѣ также поглощается и Колотовская. Великія Воды, родъ болота или озера, весьма обширнаго, соединяются наконецъ съ Днѣпромъ посредствомъ многихъ гирлъ при деревнѣ Фирсовкѣ« [3]).

Рѣчка *Подпольная* начиналась въ старину противъ Микитина, теперешняго м. Никополя, екатеринославскаго уѣзда, на Орловомъ

дано узами или торками и произошло отъ одного корня со словомъ »Уралъ«. Никифоровъ. Очерки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, ч. I, стр. 23.

[1]) Мышецкій. Ист. о каз. зап. Одесса, 1852, 59—73.—Русовъ. Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 г., стр. 23.

[2]) Знаніемъ этого и другихъ словъ мы обязаны профессору харьковскаго университета В. И. Шерцлю.

[3]) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 54.

лугу, съ правой стороны, и получила свое названіе, по однимъ,— потому что проходила *подъ полями*, а по другимъ,—потому что своимъ теченіемъ подрѣзывала или *подпиливала* свои берега. Она замѣчательна тѣмъ, что нѣсколько разъ то соединяется съ Днѣпромъ, то отдѣляется отъ него, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ носитъ и разныя названія. »Подпольная у г. Берислава принимаетъ названіе р. Касмахи, и отъ деревни Казацкой—рѣки Казацкой, гдѣ уже течетъ значительнымъ рукавомъ болѣе 100 саженъ шириною, и вливается въ Днѣпръ у д. Ольговки (Дядьковки) подъ названіемъ рѣки Конки. Съ приближеніемъ къ рѣкѣ Ингульцу, снова отдѣляется рукавъ вдоль праваго берега, подъ названіемъ Ингульца, и снова вливается въ Днѣпръ, а отъ Херсона, опять отдѣлившись, называется р. Кошевою. Къ сѣверу отъ Днѣпра, возлѣ самыхъ устьевъ, течетъ Прогной, называющійся опять р. Подпольной« [1]). Кромѣ этого рѣка Подпольная замѣчательна еще тѣмъ, что на ней была послѣдняя по счету, въ предѣлахъ русскаго государства, Запорожская Сѣчь, называемая Новою Сѣчью, основанная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ и существовавшая съ 1734 по 1775 годъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Покровское, екатеринославскаго уѣзда. Сѣчь находилась на большомъ полуостровѣ, заключенномъ между лѣвымъ берегомъ р. Базавлука и правымъ р. Днѣпра вмѣстѣ съ отдѣлившеюся отъ него рѣчкою Подпольною, что подало поводъ Э. Ляссотѣ сказать о Новой Сѣчи, что она расположена на островѣ Базавлукѣ [2]). Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ остались укрѣпленія; нѣсколько намогильныхъ крестовъ, между прочимъ крестъ надъ могилою кошеваго атамана Стефана Гладкаго, умершаго въ 1747 г., какъ гласитъ надпись; иконостасъ послѣдней сѣчевой церкви, хранящійся на хорахъ теперешней церкви, болѣе двадцати церковныхъ книгъ, нѣсколько иконъ съ интересными подписями, тамъ-же, четыре сволока, оставшихся отъ запорожскихъ хатъ съ характерными надписями и даже цѣлая хата, построенная въ 1747 году, августа 13-го и находящаяся во дворѣ крестьянина Митрофана Чернаго или, по уличному, Папуши.

Рѣка *Ингулецъ*, или по Книгѣ Большаго Чертежа Ангулецъ, также извѣстна была уже Геродоту, подъ именемъ р. Гипакириса; на ту-

[1]) Шмидтъ. Матеріалы для исторіи и статистики. Спб., ч. I, стр. 177.

[2]) Путевыя Записки Э. Ляссоты. Одесса, 1873 г., стр. 30.

рецкомъ языкѣ Ингулъ или Ингулецъ звучитъ »іен-кул«, что значитъ »обширное озеро«. Она беретъ свое начало въ такъ называемой Висунской степи, херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, въ 7½ верстахъ отъ с. Елисаветградки, и впадаетъ въ двадцати верстахъ выше г. Херсона, при селеніи Даріевкѣ; всего теченія Ингульца, по прямому направленію, 217½ верстъ, а слѣдуя по извилинамъ—523 версты.

Рѣка *Бугъ*, извѣстная Геродоту подъ именемъ Гипаниса. Впрочемъ, есть мнѣніе, что у Геродота Днѣпръ и Бугъ считались за одну рѣку и именовались однимъ общимъ именемъ Борисѳена: »нынѣшній Бугъ для Геродота былъ ни что иное, какъ самый Борисѳенъ... Днѣпръ и Бугъ считались имъ (Геродотомъ) за одинъ бассейнъ, означавшійся общимъ именемъ Борисѳенеса. Впрочемъ главнымъ, настоящимъ Борисѳенесомъ, въ смыслѣ рѣки, былъ для него (Геродота) нынѣшній Днѣпръ, въ своемъ теперешнемъ руслѣ. Почему-же Геродотъ, исчисляя Ингулъ, Ингулецъ и Бузулукъ, не упомянулъ ни слова о нынѣшнемъ Бугѣ, по крайней мѣрѣ съ той точки, гдѣ онъ и въ его время былъ уже отдѣльною, самобытною рѣкою, то есть съ соединенія его съ Чичиклеей? Причина тому безъ сомнѣнія заключается въ томъ, что Бугъ, именно почти отъ Чичиклеи запертый порогами, въ то время былъ также неизвѣстенъ совершенно въ своемъ верховьѣ, какъ и самый Днѣпръ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть, по причинѣ пороговъ, доступенъ судоходству съ моря (προς πλωτός ἀπό θαλάσσης), а только такія рѣки Геродотъ предположилъ себѣ вычислить и поименовать«[1]) Бугъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Бокгъ, по козацки и польски Богъ или Бохъ, по турецки Ак-су—»бѣлая вода«, выходитъ изъ болотъ южной части волынской губерніи, на Авратынской возвышенности, отрасли Карпатскихъ горъ, у деревни Холодецъ, старо-константиновскаго уѣзда; протекаетъ черезъ волынскую, подольскую и херсонскую губерніи, съ сѣвера на юго-востокъ, на протяженіи 716 верстъ, заключая во всей своей рѣчной области 1,034 кв. миль и впадая въ Днѣпръ бугскимъ лиманомъ. Запорожцамъ принадлежалъ Бугъ только нижнимъ своимъ теченіемъ, отъ впаденія въ него р. Синюхи, съ лѣвой стороны, при теперешнемъ г. Ольвіополѣ, и до самаго

[1]) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Зап. одес. общ. ист. и древ., I. стр. 41, 44, 55.

устья, что составляетъ 180 верстъ, по прямому направленію. Отличительное свойство этой части Буга то, что дно его уже въ началѣ, отъ Ольвіополя до сл. Александровки, бобринецкаго уѣзда, херсонской губерніи, на 15 верстъ выше г. Вознесенска, загромождено каменными глыбами, на пространствѣ 70—80 верстъ, называемыми здѣсь, какъ и на Днѣпрѣ, порогами и одинаковаго съ днѣпровскими-же происхожденія. Они начинаются еще у Брацлава, подольской губерніи, но тамъ они не такъ скучены да и самое число ихъ не велико; здѣсь-же отъ Ольвіополя до Александровска они составляютъ большую помѣху для судоходства по Бугу: число этихъ пороговъ насчитываютъ до восемнадцати; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: мигійскіе, числомъ два, при с. Мигіѣ, одинъ въ 350 с. длины, а другой въ 500; богдановскій, противъ дер. Богдановки, въ 600 с. длины; константиновскій, противъ с. Константиновки, въ 400 саж. длины; проточинскій, 80 с. длины, и александровскій, противъ с. Александровки. »Русло Буга, прорѣзавшись въ каменистой гранитной грядѣ, отрогѣ Карпатскихъ горъ, сквозь скалистые обрывы, сжимающіе его берега, пересѣкается въ самомъ руслѣ своемъ множествомъ отдѣльныхъ гранитныхъ массъ и булыгъ, мѣстами высовывающихся надъ поверхностью воды на двѣ сажени, въ видѣ цѣлыхъ островковъ, покрытыхъ иногда деревьями и живописно разбросанными садами, что, вмѣстѣ съ окружающею мѣстностью, также довольно живописною, составляетъ превосходную и рѣдкую въ херсонской губерніи картину. Эти гранитные острова и подводные камни составляютъ только верхнюю надводную часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою и которыя образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ« [1]). Ниже села Александровки гранитные берега Буга смѣняются известковыми утесами, а потомъ мало-по-малу превращаются въ широкіе луга, такъ до г. Вознесенска; отсюда до впаденія р. Чичиклеи въ Бугъ, неподалеку отъ гор. Ананьева, переходятъ въ низменныя топи; еще ниже отъ впаденія р. Ингула, выше гор. Николаева, въ песчано-глиноватую низменность, по которой Бугъ и изливается въ Днѣпръ своимъ лима-

---

[1]) Шмидтъ. Матеріалы для географіи и статистики. Спб. 1863 г., ч. I, стр. 190.

номъ, имѣющимъ 46 верстъ длины и отъ 800 саженъ до 7 верстъ ширины.

Самара, или въ географіи южной Россіи 1698 года Малая Самара, у казанскихъ татаръ Сакмаръ, въ книгѣ Большаго Чертежа Самаръ, у запорожскихъ казаковъ Самарь. Имя »Самаръ, Самара, Самарчукъ« распространено у разныхъ народовъ древняго и новаго міра, начиная отъ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ именемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области: Галилею, *Самарію*, Іудею и Перею. По сказанію житій »Сорока двухъ мучениковъ, Павла Аоонскаго« и другихъ, былъ г. Самара, на рѣкѣ Ефратѣ, принадлежавшій сарацинамъ: въ Сибири былъ остяцкій князь по имени Самара, извѣстный своимъ неудачнымъ сраженіемъ съ русскимъ покорителемъ Сибири, Ермакомъ Тимоѳеевымъ; на горѣ Аѳонъ есть и теперь утесъ Самары; за Волгой есть гор. Самара, на рѣкѣ Самарѣ-же; въ Крыму была рѣчка Самарчукъ [1]); наконецъ слово »Самара« встрѣчается и у киргизовъ, въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово [2]), но ближе всего, кажется, подходитъ переводъ съ киргизскаго языка, на которомъ »самара« значитъ »круглое озеро«. »У роксоланъ, антовъ и запорожскихъ козаковъ Самара, кромѣ собственнаго названія именовалась еще »священною или святою рѣкой«. Самара вытекаетъ изъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, близъ села Самарскіе Пруды; длина ея въ запорожскихъ предѣлахъ простиралась до 200 верстъ, при ширинѣ отъ 20 до 100 саженъ и болѣе. Самара замѣчательна въ исторіи запорожскаго козачества тѣмъ, что на ней у запорожцовъ былъ монастырь, въ томъ именно мѣстѣ рѣки, гдѣ она раздѣляется на два рукава, собственно Самару и Самарчукъ, въ двухъ верстахъ выше теперешняго г. Ново-Московска, запорожской Новоселицы.

---

[1]) Надхинъ. Память о Запорожьѣ. Москва, 1877, стр. 46 и 47.

[2]) Авторъ »Историч. обозр. церквей екатеринославской епархіи« производитъ »Самару« отъ сарматовъ или савроматовъ: »Сарматы построили себѣ горСавромару, въ просторѣчіи называвшуюся Самарою, при рѣкѣ того-же имени« (arx Sauromaris, vulgo vocatur Samaris cum ejus modem nominis flumine). Стр. 12.

Рѣка *Конка*, Конскія воды или по татарски Эльки-су, беретъ начало въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ десяти верстахъ отъ с. Конскихъ-Раздоръ и течетъ на протяженіи 180 верстъ. Она замѣчательна тѣмъ, что семь разъ соединяется съ Днѣпромъ и столько-же разъ отдѣляется отъ него. Такъ, взявшись изъ-подъ Конскихъ-Раздоръ, Конка имѣетъ сначала сѣверозападное, прямо встрѣчное Днѣпру направленіе. »Но по мѣрѣ приближенія къ г. Александровску, гдѣ Днѣпръ, освободясь отъ пороговъ, самъ поворачиваетъ круто на юго-западъ, и она вслѣдъ за нимъ поворачиваетъ туда-же, пока наконецъ, догнавши его у острова Хортицы, сливается съ нимъ совершенно. Но это сліяніе не есть окончательное. Вскорѣ Конка снова отдѣляется отъ Днѣпра; потомъ еще четыре раза съ нимъ сходится, и опять расходится; именно близь селеній Малой-Знаменки, Нижняго-Рогачика, Каховки и подъ г. Алешками. Невозвратно исчезаетъ она уже въ Днѣпрѣ возлѣ Лимана, при такъ называемой Голой-Пристани, 35 верстъ ниже Алешекъ. Самобытность Конки, какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго, или лучше, перепутаннаго теченія доказывается не столько тожествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которыя, при всѣхъ сліяніяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, но отличаются отъ него особою синевою и прозрачностью цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно-днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ днѣпровской найбольшую часть острововъ и плавней, которые чѣмъ ближе къ Лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплошнаго лѣса« [1]).

Кромѣ Днѣпра и его притоковъ, можно указать еще многія другія рѣки въ запорожскихъ предѣлахъ. Такъ на сѣверозападномъ его склонѣ находятся *Кильчень* [2]), впадающая въ Протовчанку, *Солоная*, впадающая въ Базавлукъ, подъ селомъ Шо-

---

[1]) Андреевскій. Путев. зап. при объѣздѣ днѣпров. и мелит. у. Л. О. С. Х. Ю. Р. 1838 г., № 5, 294.

[2]) Кильчень по турецки »Кылыджъ« — сабля, мечъ.

лоховымъ екатеринославскаго уѣзда, *Саксагань* [1]) и *Висунь*, впадающія въ Ингулецъ[2]), *Добрая*, впадающая въ Висунь, *Ингулъ*, у Геродота Пантикапесъ [3]), впадающій въ Бугъ, *Гнилой Еланецъ* [4]), *Мертвые Воды* и *Корабельная*, впадающія въ Бугъ, *Синюха*, впадающая въ Бугъ и отдѣлявшая на западъ запорожскія границы отъ границъ брацлавскаго воеводства, и наконецъ *Черный Ташлыкъ* изливающійся въ Синюху и *Каменка*—въ Ингулъ; на юго-восточномъ склонѣ: *Верхняя Терса*, впадающая въ Волчью, выше сл. Николаевки, александровскаго уѣзда [5]), *Нижняя Терса* впадающая въ Волчью, *Средняя* или *Степная Терса*, впадающая въ Нижнюю Терсу, подъ с. Берберовкой, александровскаго уѣзда, *Ганчулъ*, впадающій въ Волчью подъ деревней Богодаромъ [6]), *Янчулъ*, впадающій въ Ганчулъ [7]), *Волчья*, впадающая въ Самару [8]), *Торецъ*, впадающій въ сѣверный Донецъ, *Березняговатая*—въ Калміусъ, *Калміусъ* [9]), впадающій въ Азовское море и служившій у запорожцевъ пограничной рѣкою съ востока, отъ Славяно-Сербіи и Земли войска донскаго, *Кальчикъ* [10]), впадающій въ Калміусъ, *Берда*, впадающая въ Азовское море [11]), *Янчикракъ* и *Карачикракъ*, впадающія въ Конку [12]), Жеребецъ, впадающій въ Конку и отдѣлявшій

[1]) Саксагань, по турецки »сыксык«, легкій, быстрый.

[2]) Всего теченія Висуни 97 верстъ.

[3]) По турецки »іен-кулъ«—обширное озеро; находится между Бугомъ и Днѣстромъ; беретъ начало въ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, вблизи любомірскаго лѣса, возлѣ деревни Бровковскаго; длина рѣки—190 верстъ, ширина отъ 5 до 90 саженей; впадаетъ въ Бугъ возлѣ г. Николаева

[4]) По турецки »аланъ«—лужайка, поляна

[5]) По турецки »тересъ«—соръ, навозъ.

[6]) Въ имѣніи землевладѣльца О. И. Михеева.

[7]) По турецки Ганчулъ и Янчулъ звучатъ одинаково: »іен-чол«, обширное пространство, степь.

[8]) Волчья беретъ начало въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, не вдалекѣ отъ села Покровскаго; длина 220 верстъ, ширина отъ 15 до 25 сажень, глубина отъ 1 до 6 футовъ.

[9]) Беретъ начало изъ высотъ бахмутскаго уѣзда, впадаетъ въ Азовское море, близъ г. Маріуполя; длина 150 верстъ, ширина до 30 сажень, глубина отъ 6 футовъ до 3½ сажень.

[10]) Кальчикъ, Калка, по турецки »калкан«—щитъ, навѣсъ.

[11]) Длина 100 верстъ, ширина отъ 6 до 20 саженей.

[12]) Карачикракъ названіе турецкое: кара—черный, чикранъ названіе птицы; Янчикракъ значитъ Новый Чикракъ.

земли запорожскія отъ земель джедишкульской и джамбуйлуцкой ордъ.

Такова гидрографія запорожскаго края. Къ этому нужно прибавить нѣсколько словъ объ озерахъ и болотахъ.

Озеръ въ запорожскихъ владѣніяхъ, болѣе значительныхъ, считалось до пятисотъ, изъ нихъ до двухъ сотъ находилось въ теперешней екатеринославской губерніи и до трехъ сотъ въ теперешней херсонской губерніи Болѣе замѣчательныя изъ озеръ слѣдующія: Соломчино, Осокорово, Прогной, Головковское, Лахново, Ровное, Священное, Сотниково, Жаданово, Домаха, Тарасово, Васюрчино, Темерницкое, Федьковское, Федорово, Золотянское, Шатное, Царевское и др.

Изъ болотъ въ предѣлахъ запорожскихъ болѣе замѣчательныя слѣдующія: болота днѣпровскія, по нѣкоторымъ долинамъ и балкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, особенно съ правой стороны; орельскія болота, въ разныхъ мѣстахъ праваго берега р. Орели; самарскія болота, по обоимъ берегамъ р. Самары, особенно на среднемъ и нижнемъ теченіи ея; донскія на низменной мѣстности р. Дона, прилегавшей къ запорожскимъ владѣніямъ; калміусскія, при устьѣ р. Калміуса; наконецъ можно указать еще на болота по долинамъ рр. Базавлука, Ингульца, Ингула, Буга, по верховьямъ Ингула, Ингульца и другихъ рѣчекъ, въ нихъ или въ Днѣпръ вливающихся.

Послѣ всего сказаннаго о Днѣпрѣ, легко повѣрить тѣмъ историкамъ и путешественникамъ, которые говорятъ объ удивительномъ плодородіи долины Днѣпра и смежныхъ съ ней окрестностей. Уже Геродотъ на этотъ счетъ замѣчаетъ: »Земля (скиѳовъ) вся изъ плоскихъ равнинъ; она изобилуетъ травою и водами; рѣкъ, протекающихъ по ней не меньше числомъ, какъ въ Египтѣ каналовъ... Рѣка Борисѳенъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, найбольшая и найобильнѣйшая. Онъ доставляетъ скоту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пастбища. Вокругъ него родится превосходный хлѣбъ, а тамъ, гдѣ земля не засѣвается, преглубокая трава. При устьѣ его, соль въ чрезвычайномъ изобиліи садится сама собой« [1]) »Рѣка эта (Борисѳенъ), замѣчаетъ другой писатель древняго міра, полезнѣе всѣхъ прочихъ по изобилію и величинѣ рыбъ, по количеству зем-

[1]) Геродота Галикарнасскаго бытосказаній книга четв., стихъ 53.

ныхъ плодовъ, которые она доставляетъ, и по пастбищамъ для скотскаго корма« [1]). »Въ 1581 году... мы осмотрѣли значительную часть этой земли (при-днѣпровскихъ степей) и нашли тамъ огромныя пустыни. Въ этой странѣ трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ [2])«. »Въ городѣ Екатеринославѣ и во всемъ уѣздѣ онаго воздухъ благорастворенный, вода въ рѣкахъ и устроенныхъ колодцахъ сладка и здорова; земля плодоносна, но не совсѣмъ еще обработана. Сельскіе жители упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ; въ рѣкахъ и озерахъ рыбы довольно, а особливо весной на Днѣпрѣ, въ порогахъ ловятся осетры, стерляди и сазаны, въ немаломъ количествѣ. Лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ и другихъ мѣстахъ небольшими буераками и кустарниками имѣется, но нынѣ разсадкою и посѣвомъ въ разведеніи по селеніямъ довольно успѣхи видны [3]). »Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оныя прилѣжно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ, рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее; изъ огородныхъ овощей: арбузы отмѣнно сладкіе и великіе, красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Ското-

---

[1]) Скимна Хіосскаго отрывки. Зап. одесск. общ. истор. и древн., т. III, стр. 137.

[2]) Записки Мяллера, издан. въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одесск. общества истор. и древ., I, 604.

[3]) Описаніе городовъ и уѣзд. азовской губерніи. Зап. одесск. общ. ист. и древн. III, 290—291.

водство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу... въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся. »Дикія птицы« въ большомъ количествѣ [1]).

»По нашій сторони скризь були таки тра́вы та бурьяны, шо зъ нихъ було й не вилизешъ. Стари люди розсказують, шо тутъ було якъ пидешъ по степу ранкомъ або вечеромъ, то заразъ же скидай съ себе штаны, а то якъ хлющи будуть; а скинувъ штаны, пидбирай ще й сорочку, а то й ця зопріе. Отъ що було! А шо цёго́ звиру, птыци, такъ звисно, видимо й невидимо: такъ по степу й ходять. Отъ тутъ у Наковальни—слобидка така́—бувъ одинъ дидъ, призвищемъ Зализнякъ; ёму було, якъ винъ умеръ, годъ сто двадцять,—не брешу. Такъ той Залізнякъ було розсказуе про те, шо воно тутъ у старовину робилось. Прыихали, каже, мы съ своею панею у ци мисця, де теперь Наковальня—вони, бачъ, одійшли ій по наслидству—ну й прыихали; дивимось, ажъ тутъ ни хатины, ни куреня нема. Шо тутъ казати? А шо? рубай очеретъ та копай дернину, каже мени паня. Нарубавъ я очерету, накопавъ дернины; поставивъ той очеретъ, обсыпавъ землею,—оце, бачъ, хижка й е; шо жъ теперь ѝсти? Та ѝсти, що хочъ: е й птиця, е й звиръ степовый. Шо птиця? шо тамъ звиръ? Ти пойдь та піймай мени дике порося, каже мени паня. Ну, шо жъ порося й порося! Сидаю я на коня, беру малахай (длинный кнутъ) та й ѝду до рички, де бували бирла (логовища) дикихъ свиней. Та то прыиду та й жду, ажъ поки свини пидуть пастись у степъ, а поросята зостапутця сами; выдивлюсь було, та заразъ туды; ухоплю порося та навтикача; та все бижу, та все бижу, шо есть духу, а воно кричить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаете? Якъ почують гаспидови свини, такъ бижать за мною ажъ до куриня, та якъ бы не малахай, то й розирвали бъ: такъ и лизуть, такъ и лизуть пидъ ноги коневи. Отъ що було, кажуть, у старовину. Совсимъ не такъ якъ теперь. Отъ хочъ бы и

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 302.

урожай: хиба такий винъ бувъ, каже Зализнякъ, якъ теперь? У нашои пани, каже, було симейства симъ чоловика, а вона бильшъ двадцяти сажень николи було не сіяла пшеныци; оце було заволоче прямо проти куриня, посіе та й жде. Якъ уроде було, такъ стебла того й невидко: одинъ колосъ наче, та товстый такій якъ веретено. Отъ таки-то були хлиба, а травы такъ ще лучче. За травою и земли не видко було: якъ рядно, або кожухъ лежитъ поверхъ земли. Тоди, бачъ, мало хто косивъ іи, такъ вона пидниметця, та вньять и пада,— видъ того и лежить якъ рядно. А вышиня! хиба така була якъ теперь?! Чоловика верхи на кони не видко було! Отъ яки травы були«[1]). »Тоди травы теи було, що й не пролизешъ. Тирса, комышъ, буруичукъ, орошокъ, ковыль—якъ дерева стоять. Якъ загонишъ було у траву овець, такъ ихъ и не видко; уже хиба у вечери уздрйишъ, якъ понайдятця та сами повыходють изъ травы, тоди тилько и вздришъ; та якъ понабьетця було вивцямъ теєи тирсы, такъ днивъ два або три оббираешъ. Тра́вы дуже високи були; теперъ такихъ и не вбачишъ, скилько не йздь и не ходи. И дерева́ велики були; була тутъ груша, берестъ, вишня, дуля, а тернина така товста, що изъ неи робили оси на брички; туполи були: стоять було стина стиною та ривненьки якъ стрилочки; плавни таки, що й не продерешься по-мижъ ними; тамъ велика лоза росла; заблудишъ було, якъ припизныся, або задивишься. Тоди урожаи на все були: сіяли трошки, а родило багато«[2]). »Трава така була якъ лисъ; та все пиріи, а не то що щириця, або лобода. Теперь такихъ травъ и близько нема, а тоди, Боже правый, скилько ихъ було! Бачъ, зи́мы тоди теплн були,—це вже теперь до насъ кацапы понаносили холода, а тоди зимы теєи не дуже чутно було, такъ того вона и трава велика росла. Вона оце пиднимется, выросте та вньять и пада на землю,—такъ и лежить якъ той войлокъ; нихто іи, бачъ, тоди не косивъ: сама соби росте сама й пада, видъ то́го и звалась вона не́жиръ-трава; якъ весна, то іи заразъ палють було, щобъ да-

---

[1]) Разсказъ, записанный мной отъ крестьянина александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи, Евдокима Косяка.

[2]) Записано мной отъ крестьянина-старика Ѳ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

вала съ-пидъ себе молоду траву; та якъ запалють, такъ вона горить недиль дви, або й три. Дуже багато було іи« [1]).

Всего вдоволь было у запорожцевъ:

Вдоволь было у нихъ и лѣсу дремучаго,
И звѣря прыскучаго,
И птицы летучія,
И рыбы пловучія;
Вдоволь у нихъ и травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку.

»Обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною. Многія озера столь обильны рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Сіи мѣста называются Замоканъ (т. е. Самотканъ)... Выше Замокана протекаетъ рѣчка Домотканъ, въ которой видится множество большихъ раковъ, въ 9 дюймовъ длиною... Самара весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Койдакѣ. Казаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть, за счастливое богатство ея [2]). Пользуясь всѣми выгодами прекраснаго климата, напоенная животворною влагою, защищенная густымъ дубовымъ лѣсомъ, самарская область носила названіе у запорожцевъ святой Палестины, рая Божьяго на землѣ. Городокъ Самарь, со всѣмъ его округомъ, по естественнымъ своимъ произведеніямъ, всегда былъ всѣмъ богатъ, плодороденъ и обиленъ; рыбы и дичи, меду и воску, всякаго рода хлѣба и строеваго лѣса, всего было въ немъ много и изобильно: »се була земля добре гарная, кветнучая и изобилуючая«,— такъ всегда и вездѣ до 1770 годовъ выражались казаки-запорожцы о Самарѣ и о Самарской паланкѣ [3])«. Не меньшимъ богатствомъ,

---

[1]) Разсказъ, записанный мной отъ столѣтняго старика села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда, И. И. Россолоды.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16—19.

[3]) Феодосій. Сам. пуст.-никол. мон., екатер. губ., 1873 г., 4 и 5.

въ отношеніи рыбы отличался и самый Днѣпръ. »Рыбныя ловли у запорожцевъ были чрезвычайныя въ Днѣпрѣ, по озерамъ, особливо въ Тилигулѣ, на Кинбурнской косѣ и на Тендерѣ; здѣсь такое множество было у нихъ лова, что не только вся Украина запорожская ею обогащалась, но и вся Польша, гетманщина и прочіе околичные жители ею пользовались [1])«. Количество рыбы, ловимой въ Днѣпрѣ, было такъ велико, что запорожцы и потребляли ее сами, и продавали другимъ, употребляя полученныя деньги на покупку оружія и платья:

Днипровый, Днистровый, обидва лиманы,
Изъ нихъ добувались, справлялись жупаны.

Изъ рыбъ, которыхъ запорожцы ловили въ Днѣпрѣ, его притокахъ и озерахъ, были: осетры, сомы, севрюги, сазаны, лини, стерлядь, щука, тарань, подлещики, лещи (чабаки), семга, окуни, плотва, судаки (сула), язи, сельди, чилики, ерши, мареӕа, сабля, бѣлуга, длиною иногда до трехъ саженъ, шириною до сажня [2]).

Еще больше того было звѣрей и птицъ: »Въ великомъ лугѣ были страшныя гущи, озера, лиманы, охваченные камышами, ситнягомъ; тамъ, по нетрямъ и дряговинамъ, звѣри кишѣли [3])«. »Ну й звиру жъ тутъ плодилось: дики козы, кабаны, вовки, лисици—такъ по плавнямъ и шныряють, гладки таки та дики! Свиню було якъ побачишъ дику, такъ скорійшъ лизь на дерево, а то заразъ хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре.... За тежъ и гадюччя тутъ було; зъ гадюкою такъ и пьешъ, и ïси и спишъ: пидлизе було пидъ чоловика, звернетця въ клубокъ та й спить зъ нимъ: бачъ, холодно ій проклятій самій. Чорни гадюки, ци не страшни, а жовтобрюхи, такъ видъ тихъ Боже храни! Страшни скажени: сажень по два, по три довжины; такъ и кишать, та свистять якъ чабанъ на вивци. Ця дуже страшна гадюка: якъ укусе, то ото вже й смерть,—ей же Богу. Оце було якъ косити

---

[1]) Устн. повѣствов. Никиты Коржа, стр. 39.

[2]) Мышецкій. Ист. о каз. запор. Одесса, 1852 г., стр. 77. Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 17 и 19. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. III, стр. 302.

[3]) Устн. повѣств. Ник. Коржа, изд. Стороженка, стр. 151.

траву на острови (Томаковкѣ), то перше всёго косари беруть коляки та выбиваютъ жовтобрюхивъ, а тоди вже берутця за косы. Отъ що було! А птыци? іи було, такъ у-ю-ю! Тоди стрильцивъ цихъ, сказать вамъ, мало було,—це вже теперь стало такъ, що кинешъ палицю на собаку, а въ стрильця попадешъ, а тоди ихъ не густо було; видъ того и птыци плодилось багато. У сорокъ пьятому годи (въ 1845) була тутъ велика вода, скризь позатопляло, тилько що остривъ и бувъ сухий, такъ сюды птыци всякои якъ поналитало,—такъ сказати вамъ,—и гилля не видко було на деревахъ: самый компяхъ висе [1])«. »По озерамъ та по степамъ—рыбы, звиру, птыци видимо й невидимо. Плодились вовки, лисици, зайци, свини—и по плавнямъ и по скелямъ; рыба та сердешна такъ ажъ затхнетця, а ракивъ штанами ловили. А шо птыци? Стрепеты, огари [2]), лебеди, такъ и ходють. Травы таки, що ажъ по груди хватають, а то ще й бильшъ; а роса по трави, якъ вода; якъ хочешъ ити по степу, то першъ усего скинь штаны, а то й не дотягнешъ, якъ намокнуть. Грушья, калины, виноградў дикого—не пролизешъ. Ничью страшно було й ходити [3])«. »Тутъ були всяки дерева: окація, вильха, калина, бруслина, береза, дубъ, а звирно такъ, шо й скотыни не можно було пройти; зъ вивцями такъ не опизняйсь. Дики козы, кабаны, барсуки, видних такъ и бигають по степу, особливо виднихи. Це дорогій звирь; винъ скидаетця на лисицю, тилько що живе въ води; шерсть на нему така, що ажъ лощитця, а якъ погладишь, такъ наче-бъ то искры сыплютця. По нашому це виднихи, а по руському выдра. Птыци страсть Божа: гусей дикихъ выдирали изъ гниздъ сотнями, а качокъ, такъ, Господи спаси, скилько: волокомъ ловили. Теперь того нема: людно стало. Всёго було вдовиль: и звира, и рыбы, и травы. Комыши таки були, що й не проберешься за ними, а калданивъ, буркунивъ, такъ, Боже мій, скилько! [4])«. »У запорожцивъ велике було привилля, теперь такого

[1]) Разсказъ, записанный мною отъ старика Ѳ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся; научное названіе ея: anas rutila.

[3]) Записано мною отъ старика С. Герасименка, деревни Блажковки, херсонскаго уѣзда.

[4]) Разсказъ, записанный мною отъ старика Ѳ. А. Горбатенка, г. Алешекъ, таврической губерніи.

нема. Бжолы тіи, такъ батечки мои! Тоди усяки цвиты цвили, травы велыки були, бо ціеи погани—ховрашкивъ та гусеныци, що теперь плодитця, тоди не чути було; такъ древа, травы, звирья и не пройдешь. Медъ и по пасикамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ: скилько хочешь, стилько й бери; а звиру ще бильша сила: вовкивъ, лисиць, чокалкивъ (той же вовкъ, тилько злійшый надъ вовка), такъ цила бида; дики кони цилыми табунами ходили... Було й птыци вдовиль: качокъ, лебедивъ, охитви [1]), дрохвивъ,—такъ хо-хо-хо! Стрепетивъ сильцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битьця, та якъ пиднимуть крикъ, такъ батько вископчуть изъ землянки та давай стриляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить... За тежъ и кони водились тутъ, вивцы, такъ на диво; та все воно по воли й паслось, хиба тилько коло отаръ и були чабаньци... [2])».

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ видѣть, на сколько плодородна и богата была земля запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, уже на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ, можно было найти и дикій чай, и шалфей, и ковыль, и цикорій, и куколь, и незабудку, и бузину, и сурѣпку, и спаржу, и чеснокъ, и лукъ, и хрѣнъ, и ромашку и множество другихъ видовъ растительности. Все это, при первомъ же блескѣ весенняго солнца, скоро поднимается изъ земли, быстро возрастаетъ и въ короткое время достигаетъ почти полнаго развитія, а при обильныхъ дождяхъ и подъ вліяніемъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ, земля запорожскихъ козаковъ съ успѣхомъ производила и всякаго рода хлѣбъ, свойственный вообще всей южно-русской полосѣ. Вмѣстѣ съ появленіемъ растительности, появлялись и животныя, прилетали и птицы; изъ животныхъ тутъ были: олени, дикія козы, кабаны, барсуки, выдры [3]), сугаки, волки, лисицы, зайцы, медвѣди, лани, байбаки, лоси, дикія кошки, буйволы; были также

---

[1]) Охитва, хохитва, стрепетъ, свистокрилъ, трясучка, степная кура—разныя названія для одной и той-же птицы изъ породы дрохвы (otis tetrax). См. Даль. Толков. словарь, Москва, 1866 г., ч IV, стр. 514 и 309.

[2]) Разсказъ, записанный мною отъ столѣтняго старика Россолоды, жителя села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

[3]) Иначе видниха, кабарга; изъ кожи кабарги запорожцы видѣлывали себѣ шапки.

дикія лошади. »Онѣ ходили, говоритъ очевидецъ Бопланъ, отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе, потому что издали мы принимали ихъ за татарскую конницу [1])«. »Тутъ водились дики кони. Ще й я та й то зазнаю ихъ: вони на масть мишасти, невелички, та гладки, та крипки таки. Мій батько таки ловивъ ихъ, такъ що-жъ? Вони або повтикають, або подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи; по степу имъ бигати, такъ це такъ. Оце було ïде чоловикъ кобылою по шляху, а дики кони пасутця у бальци. Отъ жеребець заразъ выскоче на могилу та й нюха, чи кобылою, чи конемъ ïде той чоловикъ. Якъ почуе, що кобыла, заразъ-же й бижить до неи. Тоди вже, що тамъ чоловикъ той не роби и якъ не одбороняйся, а жеребець одибье кобылу. Видъ того по шляху багацько було валнетця колисъ, обиддя, оглобель та драбинъ зъ возивъ: то все дики жеребци ламають у произжаючихъ людей возы, якъ одбивають кобылъ [2])«. Такъ богато было Запорожье разными животными. Не меньше того оно богато было и птицами. Изъ птицъ, водившихся въ запорожскихъ предѣлахъ, были: дикіе гуси, лебеди, дрохвы, бакланы, бабы—птицы, цапли, журавли, аисты, ястреба, орлы, соколы, куропатки, скворцы, коростели, дупеля, голуби, копчицы, тетерева, стрепеты, огари и др.

Вотъ привлекательная сторона запорожскихъ владѣній: днѣпровской долины, ближайшихъ къ ней окрестностей, самарскаго побережья, смежныхъ съ нимъ земель, вообще большей части правой и лѣвой стороны днѣпровскихъ степей. Здѣсь были прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетры для птицъ и необозримыя пространства для звѣрей; здѣсь, именно въ этой части запорожскихъ владѣній, нужно искать ту »Палестину«, тотъ »обѣтованный рай«, который текъ молокомъ и медомъ и который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ всякаго козака; это Самарь и по-Самарье съ ея священнымъ пустынно-николаевскимъ монастыремъ:

Славно жить на кошу:
Я земли не пашу,

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 1832, Спб., стр. 93. Также Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ Южн. Россію, т. I, стр. 379.

[2]) Разсказъ, записанный мною отъ крестьянина Евсевія Головурнаго, деревни Богодара, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи.

Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть колочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
Въ свою голову!„.

Но тоже Запорожье, по мѣстамъ и въ иное время, носило и противоположный этому характеръ. »Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось козачество. Становится понятнымъ, почему, она оставалась »дикими полями«, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчею, удаленныя отъ поселеній на столько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удаляться за пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Что-бы войско могло стоять въ этой пустыни кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли... *Козакъ сиромаха*—было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда — эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Козакъ, душа правдива,
Сорочки не мае, и т. д. [1])«.

Характеромъ безплодія отличалось по преимуществу такъ называемое »Дикое поле«, теперь »Чисто-поле, Пусто-поле«. Хотя у

[1]) Кулишъ. Подольск. колон. юго-западной Руси, Вѣст. Евр., 1874 года, т. IV, стр. 530.

поляковъ именемъ Дикаго поля называлось вообще все Запорожье, но есть основаніе думать, что это была только часть запорожскихъ владѣній, по преимуществу съ правой стороны Днѣпра. Дикое поле начиналось на западѣ отъ р. Синюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берегу Днѣпра, по верховьямъ р.р. Ингульца, Саксагани, Базавлука и Мокрой Суры; на сѣверѣ оно граничило съ гетманщиной, а на югѣ со степями ногайскихъ татаръ, въ паланкахъ Кайдацкой, Буго-гардовской и Ингульской[1]). Это была дикая, мало-плодная пустыня; въ ней не было ни деревушки, ни хаты, кромѣ рѣдко разбросанныхъ козацкихъ жилищъ—бурдюговъ. Здѣсь путешественники не только не находили необходимаго для себя пропитанія, но даже лишались зачастую и самой жизни, какъ объ этомъ поется въ превосходной думѣ »О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова«.

.... Отъ меньшій братъ на Савуръ-могилу лягае,
Головку склоняе,
Тамъ соби безпечно девятого дня спочинокъ мае,
Девятого дня изъ неба воды-погоды выжидае;
Мало-не много спочивавъ,
Къ ёму вовки сиромапьци набигали
И орлы сизоперп налитали,
Въ головкахъ сидали,
Вони смерти дожидали.
.... Тоди меньший братъ на Савуръ-могилу захожае,
Головку свою козацьку склоняе,
Батькову-матчину молитву споминае,
И Богу душу отдавае.
Отъ руками не визьме,
Ногами не пійде
И ясно очима на небо не зглянe....
На небо взирае,
Тяжко воздыхае:
Голово моя козацькая!
Бували ми у земляхъ турецькихъ,

[1]) См. планъ Россіи съ 1770 г. »Планы и карты« Устрялова; также Путевыя записки. Э. Лясоты, стр. 53 и 54.

У вирахъ бусурменськихъ;
А теперъ припало на безвидди, на безхлибьи погибати.
Девятый день хлиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлибьи погибаю!
Тутъ тее промовлявъ... Не чорна хмара налитала,
Не буйни витри винули,
Якъ душа козацька молодецька зъ тиломъ розлучалась.
Тоди сиви зозули налитали,
У головкахъ сидали, жалибно кували
И такъ якъ ридни сестры оплакали,
Тоди вовки—сиромальци набигали,
И орлы-чорнокрыльци налитали,
Въ головкахъ сидали,
Зъ лоба чёрни очи выдирали,
Биле тило одъ жовтои кости одрывали,
Жовту кисть по-пидъ зелеными яворами разношали
И комышами укрывали,
И жалибненько квилили—проквиляли:
То-жъ вони козацькіи похороны одправляли [1])«.

Но не одно Дикое поле отличалось такими ужасами; безхлѣбье и безводье были частыми явленіями и во всей країнѣ запорожской, а голодные и оттого дико-свирѣпые волки рыскали цѣлыми стаями повсемѣстно; они нападали на путешественниковъ, разрывали ихъ, пожирали скотъ и въ ночное время поднимали въ степи такой адскій вой и дикое пѣніе, отъ котораго всякое живое существо приходило въ ужасъ и содроганіе. Еще больше того было здѣсь гадовъ, слѣпней, комаровъ и мошекъ, »крылатыхъ шпилекъ запорожскихъ омутовъ«. »Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не за-

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малорусск. нар. Кіевъ, 1874 года, т. I, стр. 106—133.

хочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогонять ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь« [1]). Но что все это въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигали запорожскій край отъ множества водившейся здѣсь саранчи? Это былъ страшный бичъ Запорожья; она истребляла не только травы степныя, произрастенія земныя, не только всѣ посѣвы хлѣбные и листья древесныя, но даже пожирала самую одежду, особенно зеленыхъ и красныхъ цвѣтовъ, и на далекое разстояніе заражала воздухъ зловоннымъ и отвратительнымъ смрадомъ. Въ Украйнѣ и въ Запорожьѣ саранча появлялась періодически, по два, по четыре и даже по шесть лѣтъ подъ рядъ. Въ 1690, въ 1745 и 1746 годахъ саранчи на Украйнѣ особенно много было. »Тогда многіе принялись было за набожевство и церковныя заклинанія и выходили многія парафіи съ процессіей церковною на встрѣчу летящей сараны; когда увидѣли, что сарана садилась на хоругви церковныя и на ризы священническія и грызла крашеную ихъ матерію, то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея погубленію« [2]). Въ 1748 и въ 1749 годахъ для истребленія саранчи были введены такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. »Бывшіе малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось«. Такъ говоритъ неизвѣстный авторъ »Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ«, предлагающій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи и Запорожья [3]). »Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украйнѣ припоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Еги-

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832 г., стр. 84.

[2]) Конисскій. Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 187.

[3]) Замѣчан. до Малой Россіи, Москва, 1848, стр. 44 и 45.

петъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, рассыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ онѣ кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту-же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы

судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною-же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того-же времени отходитъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ сѣверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украйнѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украйнѣ о семъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ«[1]). Почти въ такихъ-же краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе земель ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и запорожскихъ, подвергаемыхъ опустошенію со стороны той-же саранчи, и баронъ де-Тоттъ, авторъ »Записокъ о туркахъ и татарахъ«. »Сіи насѣкомыя налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается зем-

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 85—89.

ледѣльцамъ — ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издаетъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія. Бичъ сей вѣроятно не пощадилъ-бы плодоносныхъ полей Греціи и Малой Азіи, если-бы Черное море не поглощало саранчи, когда она усиливается перелетѣть чрезъ сію естественную преграду. Не рѣдко я находилъ берега Эвксинскаго понта близъ Босфора Ѳракійскаго покрытыми изсохшею саранчей, такъ что нельзя было пройти по берегу безъ того, чтобы не увязнуть въ ея кучахъ. Любопытствуя знать причину истребленія ея, я выжидалъ случая и былъ свидѣтелемъ, какъ буря, заставъ саранчу близъ береговъ, истребила ее совершенно: принесенная волнами къ берегамъ, она издавала такой несносный запахъ, что долго невозможно было къ нимъ приблизиться« [1]).

Но и саранчею не оканчивались бѣдствія, постигавшія запорожскій край. Много приходилось козакамъ терпѣть еще отъ заразительныхъ лихорадокъ и особенно отъ страшной болѣзни, извѣстной подъ именемъ чумы, моровой язвы или наглой смерти. И это бѣдствіе не было рѣдкимъ явленіемъ на Запорожьѣ. Въ 1680 году »въ Кизикерменѣ, въ турецкомъ городѣ надъ Днепромъ, повѣтре моровое значне грасовало, и бея кизикерменскаго со всѣмъ домомъ его вигубило. Потомъ и въ Сѣчи запорожской, подъ осѣнъ (осень), тое-жъ повѣтре значную въ войску запорожскомъ учинило шкоду« [2]). Въ 1738 году »свирѣпствовавшая моровая язва въ Яссахъ и Букарестѣ распространилась не только въ Каменцѣ-Подольскомъ, Барѣ, Могилевѣ и въ другихъ польскихъ городахъ, но даже перешла въ Украйну« [3]). Тогда страшная смерть поглотила многихъ изъ запорожскихъ козаковъ, полегшихъ благородными костями на кладбищѣ Новой Сѣчи и своими могилами увеличившихъ эту мерт-

[1]) Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.

[2]) Лѣтопись Сам. Величка. Кіевъ, 1851 г., стр. 500.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Истор. Мал. Рос., Москва, 1842 г., стр. 171.

вую обитель. Въ 1760 году »появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи сердца и въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычныя занятія свои и всецѣло предались молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (застава) іеромонахъ-начальникъ внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умилительное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каяться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія по школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, *возвысилъ къ дѣтямъ-запорожцамъ голосъ свой яко трубу*, письменно и устно внушалъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго и всевластнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же... Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новые-Кайдаки на поклоненіе иконѣ Божіей Матери и въ Самарскій монастырь на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ *напрасной смерти*, святителя Христова Николая«.

Вотъ непривлекательная сторона того удѣла, который достался на долю запорожскихъ козаковъ. Страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютая стужа зимой довершали общую картину и всего вообще Запорожья и Дикаго поля въ особенности, гдѣ холодъ, вслѣдствіе открытой, почти голой поверхности, вслѣдствіе своего положенія на сѣверъ, особенно давалъ о себѣ знать. »Основываясь на градусной широтѣ, можно полагать, что наши степи наслаждаются благорастворенным климатомъ южной Европы, но какъ много изотермическая линія разнствуетъ отъ широты! Средняя годовая температура Одессы выражается только +8°, а температура лѣта отъ зимы разнится весьма много: лѣтній жаръ доходитъ иногда въ тѣни до +30°; зимою термометръ понижается, хотя и весьма

рѣдко, до 23°. Годовое количество выпадающаго дождя доходитъ среднимъ числомъ лишь до 13 фр. дюймовъ. Съ сею разностію между жаркимъ лѣтомъ и суровою, нерѣдко безснѣжною зимою, и съ этимъ ограниченнымъ количествомъ дождя, сопряжены непрестанные вѣтры, лѣтомъ палящіе почву, зимою усиливающіе холодъ, продолжительныя лѣтнія засухи при безоблачномъ, раскаленномъ небѣ и совершенномъ отсутствіи ночныхъ росъ, слабость электричества въ атмосферѣ, быстрое испареніе воды и наконецъ перемѣнчивость погоды. Таково состояніе атмосферы въ большей части херсонской губерніи« [1]), а, стало быть, скажемъ отъ себя, и запорожскаго края.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, изъ всѣхъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ былъ въ зимнее время холодъ. Бопланъ въ этомъ отношеніи даетъ прекрасное описаніе. »Хотя Украйна, говоритъ онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, заraждается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь-же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе огня. Вереды сначала бываютъ въ горошину, но чрезъ нѣсколько дней, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается«...

»Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или

[1]) Кирьяковъ. Взглядъ на лѣсов. и садов. въ херсонской губерніи; Лѣсной журналъ, 1836 г., ч. II, кн. I, стр. 103—105.

въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если-же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ,—жизнь ваша спасена... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и обхватываетъ поясницу: всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отъ чего болѣзнь сія столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ будто-бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни неизцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно, по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Что касается до меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьей шубой; лице же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ... Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки или горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода [1]).

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, стр. 95—99.

Такова характеристика запорожскихъ владѣній. Много здѣсь удобствъ и привлекательности, но много-же здѣсь неудобствъ и непривлекательности. Уже одинъ Днѣпръ мало казался гостепріимнымъ для всякаго путешественника. Грозенъ и дикъ онъ въ настоящее время, но еще грознѣе, еще болѣе дикимъ онъ казался въ прошлую пору, въ тѣ молодыя для Руси времена. Такимъ грознымъ, дикимъ, недоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ обиліе его заливовъ, гирлъ, болотъ и рукавовъ, такъ и множество его островов, корчей, заборъ и пороговъ. »Днѣпръ, говоритъ Діонъ Хризостомъ, подъ конецъ своего теченія (τό δε λοιπόν) бросается многими устьями въ лиманъ и образуетъ многочисленные острова, покрытые зеленью и камышомъ (δασεῖα καλάμω καί δένδροις)« [1]). По сказанію Боплана, съ южной стороны Днѣпра острововъ было болѣе десяти тысячъ и всѣ они были покрыты такою густою травою, такимъ непрогляднымъ камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины островъ. »Однажды, говоритъ Бопланъ, преслѣдуя козаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья« [2]). Но что это въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видѣлъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать чрезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величія, какимъ обдаетъ Днѣпръ всякаго путешественника. Кровь леденѣетъ въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться. Уже издали можно узнать приближеніе пороговъ,—узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымается

---

[1]) Dio Chrysost., cap. II, oratio XXXVI, стр. 75.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, стр. 26.

вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, желая какъ-бы все пожрать своимъ теченіемъ, за все какъ-бы судорожно хватаясь и все мгновенно увлекая. Картина еще страшнѣе выходитъ, когда на Днѣпрѣ схватится вѣтеръ или буря, такъ называемая »*полоса*«. »Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ (сѣверо-восточный) самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его«, сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ и это-же можно примѣнить къ днѣпровскимъ. Изъ періодическихъ вѣтровъ, съ большимъ постоянствомъ дуетъ здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, достигая наибольшей силы около двухъ часовъ дня. »Имъ (лоцманамъ) опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы и если такая полоса застигаетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь [1])«. Полосы эти схватываются во всякое время дня и совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво, оно непродолжительно. Не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ вдругъ Днѣпръ почернѣлъ, надъ нимъ разражается страшная буря, дико завоетъ свирѣпый вѣтеръ и въ мигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны. Еще хуже того бываетъ въ осеннее время. Тогда среди яснаго, тихаго и теплаго дня воздухъ вдругъ холодѣетъ и начинаетъ мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сначала сѣрымъ, а потомъ совершенно темнымъ; оно какъ-бы наливается тяжелымъ свинцомъ. Днѣпръ кажется тогда черной, ужасающихъ размѣровъ гадиной, готовой всякаго пожрать въ своей невмѣстимой пасти; тогда всѣ предметы естественной величины выходятъ до чудовищной; былинка представляется деревомъ, небольшой камень огромной скалой, маленькій стрижъ (птица) большущимъ орломъ.

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южн. Рос. ч. I, стр. 87.

По всему этому среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и очень опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ островОвъ, топкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину: въ противномъ случаѣ, одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ человѣка вели къ завѣдомой гибели его, непремѣнной смерти. Но вотъ эта-то дикость, вотъ эта-то неприступность Днѣпра и привлекала »низовыхъ молодцевъ«, запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ островОвъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ »поляхъ«, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ,—здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище, прочную колыбель, всеобъемлющее лоно. »Сичь—мати, а великій лугъ—батько«!.. Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть коронпаго гетмана, ни даже распоряженія самаго короля Рѣчи-Посполитой. Здѣсь-же »молодцы« не боялись ни набѣговъ татаръ, ни наѣздовъ турокъ. Такъ было уже въ началѣ существованія запорожской общины и до самаго 1638 года, когда поляки впервые, и то лишь отчасти, проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами, придавая этому знакомству чрезвычайно важное значеніе [1]).

Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
    Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
    И качаетъ,
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
    Будемъ отдыхать,

[1]) Кулишъ. Польско-козацкая война. Отеч. Зап., 1864 г., стр. 54, примѣчаніе 2.

Дружно въ весла! чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте.
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
Вольныя поютъ.

Д. И. Эварницкій.

Харьковъ. 1883 г., декабря 6 дня.

Хроника кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона[1].

(1804—1824 г.)

Человѣкъ, по своему положенію поставленный въ необходимость принимать участіе въ найболѣе крупныхъ событіяхъ общественной жизни, не можетъ, при всемъ желаніи, отдѣлить свою частную, личную жизнь отъ жизни общества. Какъ-бы ни былъ ограниченъ его кругозоръ, въ какихъ-бы узкихъ рамкахъ онъ ни велъ свои поденныя записи, какъ-бы эгоистично ни было его самонаблюденіе,—волей-неволей въ его дневникѣ найдетъ себѣ мѣсто и нѣчто годное для исторіи и характеристики общественной жизни. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ дневныя записки м. Серапіона. Среди скучнаго, утомительно-однообразнаго и вялаго перечня градусовъ тепла, просителей и посѣтителей, богослуженій и обѣденныхъ кувертовъ,—нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнутъ въ нихъ нѣсколько строкъ, характерныхъ для исторіи кіевской общественной жизни.

Общественная жизнь Кіева важнѣе и любопытнѣе, чѣмъ личное житіе владыки, разнообразившееся почти исключительно почестями и болѣзнями, а тотъ періодъ, который обнимаютъ записки Серапіона, не смотря на свою близость къ намъ, все-таки довольно малоизвѣстенъ.

О древней кіевской жизни мы знаемъ изъ лѣтописей, о новѣйшей изъ газетъ. Но между эпохою лѣтописей и эпохою газетъ есть длинный, глухой и темный промежутокъ, слегка и прерывисто освѣ-

---

[1]) Изъ посмертныхъ бумагъ проф. Ф. А. Терновскаго.

щаемый для насъ случайными извѣстіями мемуаристовъ и кіевскихъ поклонниковъ. Поэтому-то для насъ легче представить непрерывный ходъ кіевской жизни въ XI и XII столѣтіи, чѣмъ въ XVIII и началѣ XIX. Для подтвержденія этого нужно заглянуть хоть въ хронику кіевскую при *Описаніи Кіева* Закревскаго. Благодаря запискамъ м. Серапіона, открывается возможность отчасти пополнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ годамъ 1804—1824. Почтенный архипастырь отмѣчалъ иногда, *не мудрствуя лукаво*, или лучше сказать—безъ всякихъ размышленій, факты общественной жизни, отмѣчалъ сухо, кратко и вяло, и тѣмъ не менѣе оставилъ намъ далеко не безъинтересныя, хотя отрывочныя и одностороннія свѣдѣнія о кіевской жизни того времени. Постараемся по возможности сгруппировать ихъ подъ общими нѣкоторыми заглавіями, а гдѣ можно и связать между собою, по единству содержанія, отдѣльныя выдержки изъ дневника Серапіона, опуская замѣтки совсѣмъ не значущія, а подъ часъ сокращая и измѣняя многословную и слишкомъ однообразную ихъ форму.

Посѣщеніе Кіева митр. моск. Платономъ.

Митр. московскій Платонъ *Левшинъ* провелъ въ Кіевѣ недѣлю (отъ 2 по 8 іюня). Посѣщеніе это было для м. Серапіона и почетно, и пріятно, ибо на первыхъ порахъ поднимало его авторитетъ, но конечно требовались и нѣкоторыя хлопоты, чтобы принимать знаменитаго гостя.

1 іюня м. Серапіонъ получилъ увѣдомленіе о выѣздѣ м. Платона изъ Чернигова въ Кіевъ и отправилъ за Днѣпръ въ *трактиръ*, стоящій на восточномъ берегу Днѣпра, архимандрита никольскаго монастыря Иринея Фальковскаго, владимірскаго протопопа Кринитскаго (брата царскаго духовника) и лаврскихъ казначея, эконома и типографа, для встрѣчи московскаго митрополита. Московскій владыка подъѣхалъ къ *трактиру* около 2-хъ часовъ ночи, гдѣ и встрѣченъ у кареты прибывшими, и благословивъ ихъ, отпустилъ ѣхать шлюпкою, для него приготовленною, а самъ поѣхалъ паромомъ. Въ Лавру прибылъ въ 4 часа утра *въ Вознесенье 2 іюня*, и встрѣченъ въ сѣняхъ (архимандричьихъ покоевъ) митрополитомъ Серапіономъ и соборными старцами. Въ 6 часу, яко до-

рожный, трактованъ чаемъ. Въ 9 часовъ ходилъ въ великую церковь и слушалъ тутъ обѣдню, стоя у стѣны противъ праваго клироса. Послѣ проповѣди взошелъ въ олтарь и любопытно осматривалъ все, и вышедъ изъ олтаря, осматривалъ внутренность церкви. Возвратившись въ архимандричьи покои, митрополитъ Платонъ принималъ поздравленіе съ пріѣздомъ отъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ, отъ коменданта и отъ другихъ чиновниковъ. По отбытіи свѣтскихъ, поздравляли московскаго владыку братія лаврская и соборяне софійскіе, при чемъ протоіерей Леванда произнесъ рѣчь.

3 іюня митрополитъ Платонъ въ сопровожденіи митрополита хозяина осматривалъ Печерскъ, былъ въ Никольскомъ монастырѣ, въ церкви на Оскольдовой могилѣ и въ арсеналѣ. Ходилъ большею частью пѣшкомъ.

4 іюня гость служилъ раннюю обѣдню въ ближнихъ пещерахъ; потомъ ѣздилъ съ хозяиномъ въ Софійскій соборъ, гдѣ особливо и двоекратно входилъ въ придѣлъ видѣть гробъ Ярослава, основателя собора сего; также обратилъ большое вниманіе на одинъ, въ верхнемъ (срѣтенскомъ) придѣлѣ, иконостасъ рѣзной, »представляющій отъ корени Авраамова происхожденіе«. Потомъ смотрѣлъ соборную, а послѣ и архіерейскую ризницу; сію послѣднюю призналъ нескудною панагіями и саккосами. Предъ обѣдомъ принимали у митрополита Платона благословеніе священство подольское и консистористы. Обѣдалъ у митрополита-хозяина съ викаріемъ, архимандритами и присутствующими (въ дикастеріи) на 13 кувертовъ. Послѣ обѣда гость посѣщалъ старокіевскія церкви и осматривалъ съ крыльца Андреевскаго собора Подолъ. Съ Андреевской горы оба митрополита пѣшкомъ шли до низу ея; заѣзжали сперва въ монастырь Фроловскій, потомъ въ греческій; оттолѣ были въ Академіи [1]). Наконецъ заѣзжали въ Михайловскій монастырь; гость былъ въ церкви и въ покояхъ у викарія Ѳеофана (Шіянова).

5 іюня воскресенье. Гость служилъ въ великой церкви съ своимъ архимандритомъ (андроньевскимъ) и протопопомъ и пр. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 26 кувертовъ: гость, хозяинъ, викарій, военный губернаторъ и гражданскій вице-губернаторъ, артиллеріи генералъ Миллеръ, генералъ-маіоръ Свѣчинъ и Толь,

[1]) См. объ этомъ *Труды кіевск. дух. ак.*, 1882 г. № 9, стр. 230.

генералъ-поручикъ Шардонъ, войтъ и Балабуха. Послѣ обѣда въ 7 часу митрополиты ѣздили въ Выдубецкій монастырь, гдѣ ходили по церквамъ; и во время сіе дождь шелъ.

6 іюня понедѣльникъ. Утромъ м. Платонъ былъ въ Шулявщинѣ и въ Китаевской пустыни, ходилъ въ лаврскую типографію, потомъ въ Преображенскую приходскую церковь, что́ близь вратъ экономскихъ (т. е. Спаса на Берестовѣ); оттолѣ заходилъ въ намѣстничьи кельи и въ другихъ братскихъ кельяхъ былъ. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 12 кувертовъ. Послѣ обѣда отдыхалъ гость, а предъ вечеромъ сталъ сбираться въ путь. Предъ вечеромъ были ему поднесены отъ братіи книги, числомъ до 20, и два погребца, одинъ съ водкою старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бутылокъ венгерскаго и бархату малиноваго 16 арш. Братію отпустивъ, два митрополита ходили вечеръ по саду, потомъ взошедши въ покои до 11 часа разговаривали и простились.

8 іюня въ среду въ 5 часу утра митрополитъ Платонъ отпустилъ карету о 8 лошадяхъ и коляску о 5 лошадяхъ и кибитку о 5 лошадяхъ (ибо только и было экипажу), а самъ, искушавъ чаю и потомъ рюмку водки съ закускою, въ 20 минутъ 7 часа въ простомъ одѣяніи отправился изъ лавры въ путь. На дорогу ему поднесены были образа въ окладахъ сребряныхъ позлащенныхъ,—отъ Софійскаго собора Софіи премудрости Божіей, а отъ лавры Успенія Божія Матере и Антонія и Ѳеодосія. Старцы соборные провожали митрополита Платона до вратъ экономскихъ, а митрополитъ и викарій кіевскіе въ каретѣ до пристани. Здѣсь ожидалъ митрополита Платона полицмейстеръ, вмѣстѣ съ которымъ владыка московскій сѣлъ въ большую лодку, называемую по здѣшнему *дубъ*, и перевезенъ на другой берегъ Днѣпра, а въ 9 часовъ совсѣмъ отправился гость нашъ отъ днѣпровскихъ береговъ въ путь свой.

Отъѣздъ изъ Кіева архимандрита Констанція, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго.

7 іюля былъ у меня (записано въ дневникѣ Серапіона) предъ вечеромъ бывшій архимандритъ здѣшняго греческаго монастыря *Константій* для истребованія благословенія отправиться въ путь въ Синайскую гору, котораго благословилъ на путь книгою подъ

заглавіемъ: *Каноны съ акаѳистами*, первой по моему благословенію въ кіево-лаврской типографіи печатанною, и сулкомъ (?) по бѣлому глазету шитымъ и поручами такими-же.

Принцъ Карлъ въ Кіевѣ.

22 и 23 августа былъ въ Кіевѣ 22-лѣтній принцъ мекленбургскій Карлъ, братъ родной супруга покойной в. кн. Елены Павловны. Остановился въ магистратскомъ трактирѣ. Митрополитъ былъ у принца съ визитомъ и поднесъ ему икону, планъ лавры на тафтѣ и книгу. Принцъ былъ въ лаврѣ, въ ризницѣ и на пещерахъ, отдалъ визитъ митрополиту и былъ лично водимъ имъ по Софійскому собору, гдѣ съ любопытствомъ смотрѣлъ старинное украшеніе, *миссіею* (мусіею, мозаикою) называемое, и гробъ Ярослава.

Бриліанты графини Потоцкой.

30 августа въ числѣ другихъ лицъ, посѣщавшихъ митрополита, была графиня Потоцкая, *которая бриліанты на себѣ имѣла, какъ сказывалъ ювелиръ ея, на милліонъ рублей. О суета!...* Тотъ-же ювелиръ цѣнилъ пэнагіи здѣшніе казенные, и лучшую и первую оцѣнилъ въ 4,800 р. с.—Это суета, уже значительно меньшаго размѣра!

Нищій эмигрантъ.

1 сентября былъ у митрополита эмигрантъ французскій, полковникъ, баронъ, акибы ограбленный между Житоміромъ и Кіевомъ на сумму до 17,000 руб.; просилъ милостыни, и дано ему 25 руб.

Цезаревичъ близь Кіева.

Въ семъ году въ началѣ октября былъ вблизи Кіева цезаревичъ Константинъ Павловичъ; осматривалъ полки въ Махновкѣ. И ѣздили туда изъ Кіева генералъ-губернаторъ Тормасовъ и протопопъ Снигиревичъ, а митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить оду de adventu M. Ducis Const P.

Пожаръ на Кудрявцѣ.

9 декабря былъ пожаръ на Кудрявцѣ, который у митрополита описывается такъ: »въ исходѣ 9 часа вечера усмотрѣлъ я нечаянно близь одной главы собора Софійскаго малый свѣтъ на подобіе луны

красной, и потомъ вскорѣ освѣтился весь соборъ и домъ. И это былъ пожаръ на Кудрявцахъ; и горѣлъ домъ нашъ митрополитанскій бывшій, отданный года за два предъ симъ для гродской госпитали. И часа въ два весь сгорѣлъ большой его корпусъ съ церковію; но больные всѣ спасены. Пожаръ учинился аки бы отъ разсѣлины трубы подъ крышею. Богъ вѣсть, правда-ли?«—Дней чрезъ пять владыка ѣздилъ на пожарище. Огонь еще тлѣлся. Вѣрно въ землѣ горѣли перекладины. Мѣсто прекрасное, но пусто стало. Посидѣлъ владыка на горѣ, съ которой Подолъ видѣнъ, какъ на ладони, и поѣхалъ во свояси.—И теперь тамъ никакого жилья, одинъ огородъ, а мѣсто все также прекрасно, и видѣнъ Подолъ.

1805 годъ.

Слухъ о выходцѣ съ того свѣта.

28 февраля былъ у меня,—пишетъ митрополитъ, андреевскій протопопъ Лозановскій съ донесеніемъ о сборищѣ, бывшемъ въ недѣлю православія на кладбищѣ, по случаю или по слуху таковому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходитъ къ ней и акибы хотѣли духовные въ недѣлю православія открыть его въ моемъ присутствіи. Оле суевѣрія и невѣжества!

Звонъ по душѣ.

16 апрѣля умерла мать ректора академіи Іоакима Логановскаго 77 лѣтъ; и по здѣшнему обыкновенію былъ звонъ наемный по преставившейся во всѣхъ церквахъ подольскихъ около $^1/_2$ часа. По просьбѣ сына митрополитъ разрѣшилъ похоронить почившую въ Китаевской пустынѣ.

Какъ отразилась въ Кіевѣ война 1805 г.?

Въ 1805 г. Россія въ коалиціи съ Австріею воевала противъ Наполеона. Въ Кіевѣ это событіе внѣшней политики, если судить по дневнику митрополита Серапіона, отразилось едва замѣтно. То иные знакомые брали у митрополита благословеніе на опасный путь за границу, то владыка случайно замѣчалъ движеніе войскъ; 30 іюня напримѣръ »владыка увидѣлъ проходящій мимо вратъ дому митрополитанскаго московскій полкъ солдатъ во Львовскіе врата, человѣкъ тысячъ, кажется, до 2-хъ. И шли около $^1/_4$ часа. И вышедъ изъ города, играли въ трубы и били въ барабаны«.—Куда и за чѣмъ

шли эти веселые люди,—размышленій на эту тему у владыки не записано.

Въ началѣ августа кіевскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командовать 13 полками или, по счету митрополита, 26,000; вмѣсто Тормасова правленіе кіевскою губерніею временно поручено было предсѣдателю гражданской палаты д. с. с. Моршковскому. Впрочемъ Тормасовъ скоро отпросился назадъ за болѣзнію, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ отъ кавалеріи баронъ Казимиръ Мейендорфъ, который 31 октября проѣздомъ былъ въ Кіевѣ и у владыки.

Въ связи съ войною стала дороговизна. Казначей лавры докладываетъ владыкѣ о покупкѣ ржи тысячи четвертей для братіи; »по 4 р. 50 к. просятъ, отмѣчаетъ владыка, и то у одного только; по *причинѣ проходу мимо здѣшнихъ мѣстъ полковъ,* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около нашихъ губерній была саранча, а потому и неурожай«.

Кампанія 1805 г., какъ извѣстно, была неудачна. Русскіе и австрійцы жестоко были разбиты подъ Аустерлицемъ. Но въ Кіевѣ ходили слухи совершенно противуположнаго свойства: »докторъ Бунге (отецъ нынѣшняго министра финансовъ) 15 декабря сказывалъ владыкѣ, акибы наши русскіе войска разбили французовъ и взяли ихъ въ полонъ до 20,000 и Мурье фельдмаршала ихъ убили и проч.«—Все это, конечно, скоро оказалось патріотическою иллюзіею.

Закладка присутственныхъ мѣстъ.

13 іюня, около 10 часовъ утра, митрополитъ прибылъ къ мѣсту закладки и совершилъ водоосвященіе съ тремя архимандритами никольскимъ, братскимъ и греческимъ, прот. Левандою и соборянами. Во время водосвятія прибылъ военный генералъ-губернаторъ Тормасовъ. Митрополитъ прочелъ молитву освященія дома, и затѣмъ положена была оловянная доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа закладки, титла государя императора и кіевскихъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ. Три камня положилъ митрополитъ, одинъ—генералъ-губернаторъ и одинъ—архитекторъ. На остальныхъ трехъ углахъ зданія вышепоименованныя лица клали также по камню. Потомъ митрополитъ окропилъ всѣ рвы, приготовленные для фундамента. Отпускъ, многолѣтіе и закуска въ шатрѣ близъ

мѣста закладки.—Конечно закладывались не нынѣшія присутственныя мѣста, существующія на софійской площади, но зданіе, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго дворцоваго сквера и сломанное въ 1855 г.

Проэктъ сліянія академіи съ будущимъ университетомъ.

15 іюля въ 9 часу вечера » явился предъ митрополитомъ нечаянный гость: г. министръ просвѣщенія графъ Петръ Василіевичъ Завадовскій и просидѣлъ часа два, разговаривая о разныхъ матеріяхъ. Между прочимъ предложилъ объ академіи, чтобы ее соединить съ университетомъ, который предполагается открыть въ Кіевѣ, и говорилъ это *акибы по волѣ Государя Императора*«. Митрополитъ, какъ консерваторъ, по лѣтамъ, по характеру и по званію, отвѣчалъ, что »многія неудобности и затрудненія изъ сего всегда могутъ быть; а лучше-бы особо учредить университетъ, а академію нашу оставить по прежнему духовною«. Если-бы министръ былъ суевѣренъ, то еще ѣдучи къ митрополиту, онъ убѣдился-бы, что изъ его предложенія пути не будетъ, ибо когда онъ ѣхалъ къ владыкѣ, замѣчаетъ послѣдній, то лошади по причинѣ испортившейся отъ дождя дороги не вывезли его на гору. Министръ пробылъ въ Кіевѣ съ небольшимъ сутки, (15—16 іюля), останавливался въ контрактовомъ домѣ, посѣтилъ лавру, гдѣ отслужилъ панихиду по гр. П. А. Румянцевѣ и далъ братіи 100 р. с.; былъ въ академіи, гдѣ выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи, и выѣхалъ въ Харьковъ (кажется для открытія университета).

И. В. Лопухинъ въ Кіевѣ.

Извѣстный мистикъ и филантропъ, сенаторъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, немного пострадавшій вмѣстѣ съ Новиковымъ во время екатерининскаго гоненія на масоновъ, является въ Кіевѣ отъ 23 по 27 августа. Митрополитъ принялъ гостя любезно: вмѣстѣ они ходили въ склепъ подъ Софійскимъ соборомъ и смотрѣли нетлѣнное тогда тѣло митрополита Рафаила Заборовскаго. Mira res! замѣтилъ владыка,—ибо 58 лѣтъ, какъ скончался.

Дворянскіе выборы.

Въ первыхъ числахъ сентября происходили въ Кіевѣ дворянскіе выборы. Православныхъ приводилъ къ присягѣ митрополитъ

3 сентября; а католики тогда-же принимали присягу въ своемъ костелѣ. Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но въ знатности и богатствѣ. Православныхъ владыка называетъ мелкочиновными, а изъ католиковъ отмѣчаетъ губернскаго маршала, тайнаго совѣтника Козловскаго, и человѣкъ пять съ кавалеріями польскими св. Станислава.

1806 годъ.

Дороговизна въ Кіевѣ.

Прошлогодняя дороговизна, бывшая слѣдствіемъ военныхъ обстоятельствъ, продолжалась и въ 1806 г. 30 апрѣля митрополитъ записалъ: »Цѣна овсу съ сего дня уменьшилась. Былъ покупаемъ по 7 р. 50 к. четверть; а въ сей день по 5 р. покупали. А мука ржаная все еще по 90 к. пудъ у привозныхъ, а въ лавкѣ по рублю пудъ. Неслыханная здѣсь цѣна!« И причина дороговизны повидимому была на лицо. 6 мая былъ у владыки присланный изъ Кесаріи (Австріи) комисаръ для полученія въ трехъ губерніяхъ подольской, кіевской и черниговской: 1) муки ржаной 29,000 четв., 2) разныхъ крупъ 35,000 ч., 3) жита 15,000 ч., 4) овса 8,000 ч., 5) воловъ 10,000, аки бы вмѣсто издержанныхъ сихъ вещей отъ цесарцовъ для нашихъ войскъ въ Германіи бывшихъ«. Отмѣтивъ дороговизну, опять лишь по поводу покупки хлѣба для лавры, митрополитъ записываетъ сообщенный ему полицмейстеромъ слухъ о томъ, будто въ Кіевѣ будутъ два короля, французскій Людовикъ XVIII и неапольскій, а затѣмъ отмѣчаетъ разновременно два пожара отъ грому: одинъ близъ лавры, другой въ церкви Николая Набережнаго, и постановку въ великой лаврской церкви мраморнаго монумента графу Румянцеву-Задунайскому.

Освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній.

21 октября въ 12 часу дня, въ воскресенье происходило освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній. Владыка отмѣчаетъ встрѣчу его »губернаторомъ и магистратскими« и порядокъ освященія. »Примѣчанія, говоритъ онъ далѣе, достоинъ домъ для сумасшедшихъ, гдѣ многія комнаты съ кольцами на стѣнахъ желѣзными. Завтракъ былъ приготовленъ въ столовомъ богадѣленномъ покоѣ, но на обѣдъ богатый похоже было кушанье и потчиванье

винами. Потомъ ходили всѣ въ монастырь Кирилловскій и были въ церкви, гдѣ назначилъ я, по просьбѣ губернатора, быть теплой церкви въ углу за правымъ клиросомъ. Потомъ ходили въ покои, гдѣ тутъ живутъ инвалиды: въ первыхъ двухъ покояхъ далъ по 10 руб. на покой, и послѣ въ другихъ трехъ по 5 р. ассигн. на покой«. Тѣмъ кончился осмотръ древнѣйшаго кіевскаго монастыря, въ богадѣльню обращеннаго, по мысли Потемкина.

Съ 10 по 17 ноября отмѣчаются: визитъ митрополита новому военному губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову, рожденіе у государя дщери Елизаветы, молебствіе, пальба изъ поставленныхъ на валу софійскомъ пушекъ, обѣдъ у военнаго губернатора съ такою-же въ теченіе онаго пальбою, вечерняя иллюминація, пушечная пальба на Подолѣ и балъ отъ магистрата для всего дворянства по тому-же случаю. А въ это время академія трудилась надъ сочиненіемъ одъ на сей-же случай и митрополитъ особо отмѣчаетъ отдачу ихъ для печати лаврскому типографу.

Великія кавалеріи Кутузова.

Ноябрь по дневнику заканчивается двумя кавалерскими праздниками съ митрополичьимъ служеніемъ: 26 числа въ Софійской церкви для кавалеровъ георгіевскихъ, и 30 въ Андреевской цевкви, при чемъ одинъ Кутузовъ только и былъ кавалеръ андреевскій. Мимоходомъ здѣсь митрополитъ отмѣчаетъ посѣщеніе имъ Десятинной церкви, т. е. части оной, обновленной митр. Петромъ Могилою, и то, что за два дни предъ симъ она была »чрезъ влезаніе въ окошко, обворована».

Нѣсколько чиселъ декабря заполнены отмѣтками объ объявленіи войны съ французами, чтеніи манифеста, служеніи литургій и молебновъ, учрежденіи временной милиціи и призывѣ къ пожертвованіямъ.

1807 годъ.

5 генваря. Архимандритъ никольскій (Ириней) пожертвовалъ отъ себя и братіи 500 р. на милицію.

14 генваря. Молебенъ въ соборѣ о побѣдѣ надъ французами.

11 февраля. Благодарный молебенъ о побѣдѣ, надъ самимъ Бонапартіемъ одержанной 26 и 27 генваря. Говорили, что фран-

цузовъ до 1200 побито и 1000 взято въ плѣнъ и 12 знаменъ, а нашихъ до 7000 побито. На молебнѣ народу великое множество и простаго. При многолѣтіи пушечная пальба и цѣлодневный звонъ.

Новый викарій—Ириней Фальковскій.

15 февраля. Указъ св. синода отъ 25 генваря о назначеніи викарія кіевскаго Θеофана Шіянова на епархію полтавскую, а на его мѣсто викаріемъ николаевскаго архимандрита Иринея (Фальковскаго).

23 февраля. Нареченіе въ крестовой церкви о. Иринея во епископы чигиринскіе, викаріи кіевской митрополіи.

24 февраля. Въ сей день, приходившійся въ прощальное воскресенье, совершено было посвященіе о. Иринея во епископы. Благовѣстъ въ Софійскомъ соборѣ начался въ половинѣ 9 часа, но новонареченный епископъ пріѣхалъ не скоро, такъ что митрополитъ долженъ былъ идти въ соборъ уже въ 10 часовъ. По окончаніи часовъ, когда митрополитъ въ облаченіи сосѣдалъ съ епископомъ Θеофаномъ, новонареченный епископъ прочелъ присягу по обычаю; за тѣмъ въ свое время совершено было въ олтарѣ посвященіе по чиноположенію. По окончаніи литургіи, митрополитъ вручилъ новопроизведенному епископу на облачательномъ амвонѣ посохъ, и оный епископъ, съ протопопомъ каѳедральнымъ Левандою и митрополичьимъ протодіакономъ, прямо изъ собору препровождался въ свой каѳедральный михайловскій монастырь. Въ 3 часа у новаго епископа въ михайловскомъ монастырѣ была трапеза, на которой присутствовалъ и Кутузовъ. Чрезъ три дня новый епископъ былъ у митрополита съ благодарностію за посвященіе, говорилъ рѣчь русскую и поднесъ ему 6 бутылокъ шампанскаго и 14 аршинъ разноцвѣтной матеріи на рясу.

6 марта. Для Благовѣщенской, что въ дальнихъ пещерахъ церкви, устроенъ былъ новый мѣдный позлащенный иконостасъ 16 п. 22 ф. вѣсомъ, съ уплатою мастеру по 10 р. съ фунта.

9 Апрѣля. Полученъ указъ изъ синода о произвожденіи на духовные училища вдвое противъ прежняго жалованья.

Воздушный шаръ.

21 апрѣля. Митрополитъ съ бывшими у него гостями на переходахъ ожидалъ, по предварительному обѣщанію, спуску

шару изъ саду дворцоваго; но однако шаръ пущенъ не былъ, якобы за розрывомъ его во многихъ мѣстяхъ. Впрочемъ ровно черезъ мѣсяцъ (21 мая) опытъ повторенъ былъ удачнѣе въ Шулявщинской, принадлежавшей митрополичьему дому рощѣ. Шаръ пущалъ цесарецъ. Кромѣ митрополита съ духовными властями присутствовалъ ген. Кутузовъ и множество дамъ и другихъ людей. При посѣтителяхъ шаръ былъ наполняемъ горячею матеріею, а болѣе дымомъ. И наполненъ будучи, поднялся довольно скоро и поднялся выше березъ и пролетѣлъ влѣво къ дорогѣ и близь рощи опустился. Вышиною возлетѣлъ, какъ другимъ показалось, саженей на сто, и летѣлъ не болѣе, какъ минутъ 10.

Андреевскій колодезь.

8 мая. Крестный ходъ по случаю праздника Преполовенія къ колодцу андреевскому, что близь самой андреевской церкви.—Колодезь этотъ на уступѣ андреевской горы, существовалъ до 60-хъ годовъ, а съ тѣхъ поръ закрытъ.

Миръ и дешевизна.

7 іюля. Послѣ литургіи читанъ былъ соборнымъ діакономъ высочайшій рескриптъ къ г.-губернатору Кутузову о заключеніи мира между Россіею и Франціею; потомъ тотчасъ сказано было сочиненное на сей случай краткое слово лаврскимъ іером. Ѳеодосіемъ. Потомъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ. Наконецъ обѣдъ у генер.-губернатора Кутузова и пушечная пальба.—Миръ, должно быть, повліялъ на дешевизну. Подъ 19 авг. владыка отмѣтилъ извѣстіе, что »мука ржаная уже по 35 коп. пудъ продается, вмѣсто того, что предъ тѣмъ за мѣсяцъ продавалась по 70 к. Чрезъ день и муку ржаную продавали уже 32 к. пудъ, а грѣшневую 20 к. пудъ. Благодать Господня!«.

Гроза, комета и жидовскій гвалтъ.

Подъ *15 сентября* отмѣтивъ бывшую въ тотъ день грозу съ молніею и громомъ, а подъ *7 ноября* появленіе »звѣзды съ сіяніемъ на подобіе метлы хвостомъ кверху«, митрополитъ 13 числа отмѣчаетъ особое произшествіе, оставшееся, къ сожалѣнію, не разгаданнымъ. Освящалась въ этотъ день церковь Николая Добраго, на По-

долѣ; было митрополичье служеніе, а потомъ трапеза у церковнаго ктитора, именитаго купца Назаря Сухоты. »Примѣчательно!«—ставитъ авторъ дневника. Въ обѣднѣ при самомъ окончаніи чтенія Апостола вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви у западныхъ дверей. И крикъ сей учинили жиды человѣкъ 30, якобы для послѣдняго дня празднованія кущей ходятъ они по улицамъ и поютъ. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жиды являлись къ митрополиту съ просьбою о прощеніи ихъ неумышленнаго проступка.

Молдавскій господарь на житьѣ въ Кіевѣ.

17 ноября. Дѣлалъ митрополиту визитъ господарь молдавскій Ипсилантій, прибывшій въ Кіевъ на житье съ своимъ семействомъ и сановниками (со свитою не менѣе 30 человѣкъ). Ипсилантій говорилъ по французски, а переводчикомъ между нимъ и владыкою былъ на этотъ разъ зять Кутузова, Толстой. При послѣдующихъ визитахъ митрополитъ и господарь объяснялись по латыни.

1808 годъ.

Отъѣздъ Кутузова.

12 марта. »Кутузовъ сказывалъ митрополиту, что повелѣніе получено двумъ его дивизіямъ идти въ Молдавію и ему туда же отправляться. И, какъ можно было примѣчать, симъ препорученіемъ Кутузовъ былъ доволенъ, и былъ веселъ противъ прежняго гораздо«.

Дороговизна тогдашняя сахара.

20 марта. »Казначей купилъ для митрополита сахару по 40 р. за пудъ. И говорятъ, будетъ-де еще дороже.«

Даръ Императрицы.

1 апрѣля. Присланъ былъ отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны въ кіевопечерскую лавру неожиданный даръ,—ризница богатая, особенно архіерейская, а саккосъ матеріи превосходнѣйшей. Въ день пасхи 5 апр. митрополитъ освящалъ въ лаврѣ по требнику Петра Могилы всю царскую утварь, разосланную на разныхъ столахъ и налояхъ и кропилъ св. водою каждую вещь, коихъ было до 50. Потомъ въ новомъ облаченіи соборне былъ отправленъ мо-

лебенъ о здравіи высочайшей вкладчицы и всей августѣйшей фамиліи. 15 апр. митрополитъ отправилъ императрицѣ, а равно и оберъ-прокурору, благодарственныя письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иконы.

Наводненіе.

1 мая. Вода въ Днѣпрѣ была на зарѣ 7½ вершк. выше обыкновеннаго уровня и покрыла всѣ острова и потопила на Подолѣ 180 домовъ.

Фокусъ-Покусъ.

6 мая вечеромъ въ прихожей митрополита совершалось оригинальное представленіе, которое конечно повторялось и въ другихъ знатнѣйшихъ домахъ Кіева, а можетъ быть и публично. Въ присутствіи владыки, ректора и префекта академіи, знатнѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ прибылъ иностранецъ съ ученою лошадкою и со штуками фокусъ-покуса и представлялъ штуки въ прихожемъ покоѣ. Лошадка взошла на лѣстницу скоро и свободно, на вопросы отвѣчала качаніемъ головы и топаньемъ ногою; не безъ курьезности всему научена! Изъ фокусовъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе предъ глазами зрителей, фокусникъ вкладывалъ карточки, не касаясь часовъ. Въ заключеніе живыя птички акибы крѣпость осаждали и палили взъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажжена порохомъ и былъ видъ акибы фейерверка. Фокусникъ получилъ отъ митрополита 50 рублей.

Отмѣтивъ подъ *11 мая* градъ и грозу, подъ *18*—прибытіе въ лавру на жительство преосв. Ѳеофилакта, бывшаго вологодскаго, митрополитъ, послѣ другихъ еще менѣе значущихъ происшествій, отмѣчаетъ:

Основаніе рождественской церкви на Подолѣ.

27 іюня. Начали рвы рыть для фундамента рождественской церкви, на мѣстѣ, которое назначилъ и благословилъ владыка. А самая закладка торжественно была совершена 18 августа, причемъ были: митрополитъ, три архимандрита, два лаврскихъ старца, трое софійскихъ соборянъ, подольскихъ 5 протопоповъ и 10 священниковъ. При рытіи фундамента головъ и костей человѣческихъ вырыто премногое число и наложено кучею великою. Митрополитъ приказалъ закопать кости и отпѣть панихиду.

Гости къ лаврскому празднику.

9 августа. Пріѣхала графиня Анна Радіоновна Чернышева и остановилась въ маломъ домикѣ близь пещеръ у госпожи богомольной Олениной. Лаврскій намѣстникъ и казначей являлись къ графинѣ отъ имени митрополита и хлѣбъ поднесли. Посѣтивъ владыку, графиня дала людямъ и монахамъ, провожавшимъ ее до кареты 75 р.—14 августа прибылъ министръ юстиціи, свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Были также на праздникѣ графъ Самойловъ и графъ И. Я. Безбородко. 16 августа графиня Чернышева угощала лаврскую братію, при чемъ дала на трапезу 135 р. 29 августа таже графиня устроила при митрополичьемъ служеніи панихиду по графѣ Захаріи, за что и прислала митрополиту 500 р., которые онъ тогда-же росписалъ служащимъ и домовымъ чинамъ.

Дворянскіе выборы.

11 сентября. Приведеніе дворянъ къ присягѣ на 3-лѣтній выборъ чиновниковъ. Дворянъ со всей губерніи съѣхалось очень не мало; и въ кавалеріяхъ польскихъ было до 10. А 19 сентября были приводимы къ присягѣ новоизбранные чиновники. Изъ собора всѣ и избиратели и избранные пришли въ покои митрополита человѣкъ до ста съ новымъ губернскимъ маршаломъ графомъ Ржеуцкимъ. И были потчиваны въ залѣ водкою и закускою на большой столовой штукѣ. Но закуски не стало: *яко огнь всю ее полизалъ.* Впредь при такихъ случаяхъ готовить надобно на двухъ столахъ. Потомъ все сіе собраніе, какъ состоящее все изъ католиковъ, отправилось въ костелъ для учиненія тойже присяги.

Пожаръ на Подолѣ.

21 ноября. Въ началѣ 9 часа учинился пожаръ на Подолѣ въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, который и продолжался до 3 часа за полдень. Церковь Успенская кровлею и окошками,—также и колокольня,—сгорѣла, такъ что жалостно смотрѣть на оголѣлость, но иконостасъ остался цѣлъ, а образа и ризница вынесены. И до 300 лавочекъ разныхъ сгорѣло.

Запись 1808 г. оканчивается замѣткою объ обиліи снѣга въ томъ году.

Подъ *31 декабря* м. Серапіонъ записалъ: »Смотрѣлъ привезенную изъ Засны ловитву велію рыбъ, въ двухъ возахъ состоящую. И въ двѣ только тони вытащили окуней крупныхъ до ста, линей большихъ до 60, щукъ большихъ самыхъ до 10, а малыхъ до ста. И сія велія ловитва отъ того, что веліе количество снѣгу было вездѣ, и рыба дохлась отъ того«.

1809 годъ.

Начинается не оправдавшимися слухами о пріѣздѣ двора и великой распутицѣ—послѣдствіи велико-снѣжной зимы, а за тѣмъ хроникеръ отмѣчаетъ обвалъ купола въ кіево-подольской успенской церкви, послѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ пожара,—устройство новой дороги къ Днѣпру отъ никольскаго монастыря, отъ которой теперь и слѣда не осталось, покупку икры для лаврской братіи по 16 р. за пудъ, какъ признакъ удешевленія цѣнъ, и проч. Послѣ того начинаются отмѣтки сравнительно болѣе крупныя и болѣе подробныя.

8 апрѣля. Освященіе домовой митрополитанской въ лаврѣ церкви во имя Серапіона, арх. новгородскаго. На другой день обѣдъ въ лаврѣ, при чемъ митрополитъ пилъ за здоровье: 1) намѣстника, церковь оную 1805 г. сент. 15 закладывавшаго, 2) казначея, планъ первый церкви сочинявшаго, 3) эконома, доставлявшаго матеріалы и съ казначеемъ все распоряжавшаго, 4) экклесіарха, приготовлявшаго все къ церковной утвари принадлежащее, и за всѣхъ другихъ, послуживших устроенію церкви. За первыхъ четверыхъ тосты были провозглашены особо, а за прочихъ вообще.

Печальныя вѣсти съ театра войны.

1 мая. Губернаторъ Панкратьевъ читалъ митрополиту письмо, присланное изъ арміи отъ сына, что нашихъ турки подъ крѣпостію Браиловымъ разбили, троихъ генераловъ ранили, офицеровъ болѣе ста ранили и убили. А всего потеряли мы тутъ до 5,000 убитыми. Веліе несчастіе и Божіе наказаніе!

Перестройка Зачатейской церкви, засуха и мѣры противъ нея.

17 мая. Разобрана Зачатейская церковь, старая, каменная, на дальнихъ пещерахъ, а крыша и съ главою оставлена на подпорахъ.

А закладка обновляемой зачатейской церкви произведена 30 мая.

30 мая. Въ день закладки обновляемой зачатейской церкви, совершенъ крестный ходъ на кладезь св. Антонія, и было зѣло знойно. Митрополитъ освятилъ воду въ колодцѣ съ прочтеніемъ на послѣдокъ молитвы о ниспосланіи дождя съ колѣнопреклоненіемъ. Кушанье въ этотъ день въ лаврѣ было все постное, а рыбнаго не было для моленія о дождѣ. Въ 9 часу вечера дѣйствительно шелъ дождь. *Чудо новое!* записалъ м. Серапіонъ; *видно молитва какого-либо праведника услышана.* Несмотря на то, 6 іюня снова было митрополичье молебствіе, по причинѣ бездождія и засухи, на Подолѣ, подъ кладеземъ Фелиціаномъ. И послѣ полночи былъ дождь не малый и смочилъ землю. Тѣмъ не менѣе, 20 іюня снова было молебствіе о дождѣ. Ходили къ андреевскому колодезю со всѣмъ старокіевскимъ духовенствомъ, гдѣ митрополитъ освящалъ воду съ моленіемъ о ниспосланіи дождя. Засуха бо продолжается отъ 15 мая до сего дня.

Устроеніе новой церкви на Оскольдовой могилѣ.

15 іюня. Митрополитъ ѣздилъ на Оскольдову могилу и, осмотрѣвъ старую деревянную церковь, согласился дать дозволеніе воронежскому купцу Самуилу Никитину Мещерякову, по его прозьбѣ и на его коштъ, построить тутъ, вмѣсто деревянной, каменную церковь. На другой день Мещеряковъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гавріиломъ Лоскуткинымъ былъ у митрополита для принятія благословенія отправиться и далъ на устроеніе церкви на Оскольдовой могилѣ 6,000 р., въ дополненіе къ прежде даннымъ на сей же предметъ 2,000 р., да въ лавру вкладу 500 р. Закладка была 1 сентября. 27 сентября митрополитъ осматривалъ уже строющуюся на Оскольдовой могилѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь съ 24 склепами внизу въ стѣнѣ, съ 28 склепами въ срединѣ и съ 24 склепами на верху между колоннами,—величиною для поставки одного гроба.

Закладка новаго гостиннаго двора на Подолѣ.

5 октября. Служеніе въ Успенскомъ подольскомъ соборѣ, по случаю обновленія храма послѣ пожара и закладки гостиннаго двора. Послѣ литургіи, митрополитъ съ крестнымъ ходомъ и съ

образами ходилъ на мѣсто, приготовленное для закладки гостиннаго дома, т. е. къ четыремъ рвамъ, изъ коихъ два были по 57 сажень и два по 30½ сажень. Въ углу положена была доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа и именъ бывшихъ при томъ митрополита, губернатора (П. П. Панкратьева) и войта (Юрія Ивановича Рыбальскаго). Предъ положеніемъ доски, была прочитана митрополитомъ молитва и совершена закладка, по обычаю, на 4 углахъ наружныхъ и 4 углахъ срединныхъ. Во время закладки шелъ дождь, а послѣ закладки была въ магистратѣ трапеза.

Освященіе дома для присутственныхъ мѣстъ.

14 октября. Было освященіе вновь построеннаго трехъ-этажнаго дома для присутственныхъ мѣстъ. Средній этажъ окроплялъ св. водою митрополитъ, а нижній—ректоръ академіи Іоакимъ. По окропленіи дома было собраніе въ залѣ. Судьи и всѣ чиновники заняли мѣсто предъ портретомъ императорскимъ и митрополитъ говорилъ имъ рѣчь краткую, за тѣмъ губернаторъ читалъ имъ по бумажкѣ привѣтствіе, пѣвчіе воспѣли: *Тебе Бога хвалимъ*. Отпустъ и многолѣтіе. Обѣдъ былъ у губернатора человѣкъ на 40; за столомъ пѣли митрополичьи пѣвчіе, что было еще впервые. Вечеромъ митрополитъ проѣхалъ мимо новоосвященнаго дома, который былъ иллюминованъ очень хорошо. И такъ какъ въ каждомъ окнѣ стояло по двѣ свѣчи, то отчетливо обозначался этимъ планъ всего дома.

Панкратьевская табакерка.

4 ноября. Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратьевъ, отправляясь въ уѣзды для набору рекрутъ, и между прочимъ показывалъ табакерку, отъ дворянства кіевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языкѣ брилліантовыми словами: *за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской*! А 9 ноября скончалась супруга сего губернатора, и была препровождаема чрезъ Подолъ въ кирку лютеранскую для погребенія.

Напрасная смерть студента.

Въ тотъ же день префектъ репортовалъ митрополиту, что студентъ Савченко, изъ крестьянъ, упалъ съ лаврской колокольни и убился до смерти.

Кавалерія игуменьи.

27 ноября. Митрополитъ возложилъ на флоровскую игуменью Пульхерію, бывшую княжну Шаховскую, орденъ св. Екатерины, присланный ей вмѣстѣ съ рескриптомъ отъ вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны.

1810 годъ.

Денежный курсъ въ Кіевѣ.

Генваря 12 лаврскій казначей и екклесіархъ промѣняли 2,000 р. серебряныхъ на 5,000 р. ассигнаціями (т. е. за рубль серебряный взяли по 2 р. 50 к. асс.); а 13 февраля экономъ академіи мѣнялъ деньги нѣсколько выгоднѣе, именно за рубль сер. бралъ 2 р. 55 к. асс. 27 окт. полковница Костогорова просила митрополита о дачѣ ей мѣдныхъ денегъ на промѣнъ ассигнацій, сказывая, что промѣнять нигдѣ не могла, ибо-де за ассигнаціи 5 рублей надо заплатить $2^1/_2$ рубля промѣну. Очевидно, полковница хотѣла вопреки курсу уровнять для себя рубль ассигнаціонный съ металлическимъ. Въ 1816 г. курсъ уже былъ иной; промѣнивали 4 р. 30 к. ассигн. за рубль серебр.

Черногорскій архимандритъ въ Кіевѣ.

14 февраля явился къ митрополиту архимандритъ черногорскій съ крестомъ и кавалеріею св. Анны 2 класса бриліантовою. Это извѣстный Дометіанъ Влодевичъ, ведшій жестокую борьбу съ митр. Іерофеемъ, съ позоромъ изгнанный изъ лавры и впослѣдствіи съ торжествомъ въ нее возвратившійся (Исторія Дометіана по документамъ синод. архива разсказана въ 1 томѣ *Чтеній въ обществѣ Нестора.* См. также ниже подъ 30 генв. 1813 г.).

Похороны губернатора Панкратьева.

13 марта въ 8 часу вечера скончался гр. губ. Петръ Прокофіевичъ Панкратьевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ поѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла, и по входѣ въ домъ вскорѣ облачился. Затѣмъ читана была у самаго гроба на польскомъ языкѣ рѣчь предсѣдателемъ гражданскаго суда Проскурою. Послѣ литіи, тѣло было поднято чиновниками и совершались проводы до самаго монастыря кирилловъ-

скаго отъ мѣста верстъ 5 и болѣе. Шествіе продолжалось 2½ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ былъ. И были несены отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ, накрытыхъ покровами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату. Обѣдню служилъ митрополитъ. Онъ-же и отпѣвалъ тѣло со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь краткую говорилъ прот. Леванда. Тѣло предано землѣ на горѣ въ одномъ склепѣ съ женою губернатора, мѣсяца за 4 предъ симъ скончавшейся. Послѣ похоронъ было небольшое угощеніе въ сиротскомъ кирил. домѣ.

Болѣзнь и кончина протоіерея Сулимы.

6 апрѣля. Прот. Сулима, вдовецъ, членъ дикастеріи (отецъ Димитрія Сулимы, впослѣдствіи архіепископа кишиневскаго) ходилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ въ 7 часу вечера въ покои, гдѣ пѣвчіе живутъ. И возвращаясь оттолѣ, при сходѣ съ верхнихъ покоевъ, съ лѣстницы, съ рундука оступившись, упалъ чрезъ три ступени на полъ лицомъ и раздробилъ лѣвую ногу. И насилу пять человѣкъ внесли его въ его келью. Митрополитъ послалъ больному камфоры, но повидимому безъ пользы. Болѣзнь тянулась мѣсяца 2½ до роковаго исхода. 20 іюня были у больнаго докторъ Бунге и штабъ-лекарь, братъ преосв. Ѳеофилакта. Первый сказалъ, что можно еще отлѣчить, а послѣдній объявилъ, что опасность близка и скоро будетъ антоновъ огонь, ибо опухоль пошла вверхъ по ногѣ къ колѣну. Въ тотъ-же день митрополитъ посѣтилъ больнаго. 21 іюня Бунге вмѣстѣ съ Гординскимъ былъ у больнаго, и донесъ владыкѣ, что примѣтно-де, что уже сдѣлалась гангрена и дня-де три больной можетъ прожить еще, если не уврачуется болѣзнь. Митрополитъ опять посѣтилъ прот. Сулиму и смотрѣлъ ногу его больную, распухлую, якъ бревно, съ разными то синими, то красными, то блѣдными пятнами. 24 іюня, въ исходѣ 6 часа вечера митрополитъ въ послѣдній разъ посѣтилъ прот. Сулиму. »И засталъ его (пишетъ м. Серапіонъ) издыхающаго. Благословилъ и простился съ симъ честнымъ, трудолюбивымъ и вѣрнымъ мнѣ по дикастеріи помощникомъ. А чрезъ ½ часа донесено мнѣ, что онъ и скончался. Да будетъ ему вѣчная память!« 25 іюня вечеромъ соборяне и члены дикастеріи вынесли изъ кельи тѣло покойнаго Сулимы въ трапезную церковь, отпѣли его и похоронили на Кудрявцѣ близъ олтаря.

29 мая. Прибылъ новый военный губернаторъ кіевскій, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Пожаръ въ Межигорьѣ.

14 іюня. Въ 3-мъ часу за полночь въ бывомъ межигорскомъ монастырѣ фіансовая фабрика сгорѣла вся; а церкви тамошней каменной сгорѣли только куполы и крыша, а иконостасъ и утварь всѣ цѣлы. Жалко, что чрезъ сіе и Кіевъ лишился великихъ доходовъ, ибо посуда съ сей фабрики во многіе города въ великомъ количествѣ была покупаема и безъ всякаго при томъ брака. 6 октября того-же года митрополитъ былъ въ Межигорьѣ и нашелъ, что церковь отъ пожара повредилась только снаружи, а внутри все неповрежденно и благолѣпно; нашелъ также, что послѣ пожара вновь заведены станки фіансовой фабрики, на коихъ уже работаютъ. Въ ту-же поѣздку митрополитъ ходилъ на имѣющійся предъ Вышгородомъ холмъ, на подобіе великой могилы, гдѣ на самой срединѣ водруженъ дикаго мрамора камень, вышиною болѣе аршина, плоскій, толщиною въ $^1/_4$ арш. Замѣтка, быть можетъ, не лишняя для археологовъ.

24 іюня. Закладка крѣпости на Звѣринцѣ и митрополичье служеніе въ Предтеченской на Подолѣ церкви, нынѣ не существующей.

5 іюля. Закладка больницы Прозоровской.

Военныя экзерциціи Ермолова.

12 іюля. Вечеромъ была воинская экзерциція въ рощѣ митрополичьяго загороднаго подворья, называемаго Шулявщина, и внѣ рощи къ протоку рѣчки Лыбеди; и было примѣрное сраженіе, продолжавшееся около двухъ часовъ. Послѣ (часовъ въ 10) былъ фейерверкъ въ лагерѣ близь Панковщины. И народу была тьма. Объ этомъ примѣрномъ сраженіи, въ которомъ участвовало до 8,000 человѣкъ, предупредилъ митрополита начальникъ отряда генералъ-маіоръ Ермоловъ. »Ничего сего«, записалъ митрополитъ, »очи мои не видѣли, но уши весь шумъ и громъ слышали, сѣдящу мнѣ въ верхнихъ моихъ покояхъ«.

18 іюля. Опять была около большой гребли экзерциція военная, тысячь изъ осми состоящая; при пушечной пальбѣ, аки бы атаку дѣлали. И народу всякаго была тьма.

3 августа. Старокіевскія крѣпостныя ворота (?) были разбираемы; посему митрополитъ ѣхалъ въ лавру чрезъ нѣмецкое кладбище (?).

9 августа. Прибылъ новый гражд. губернаторъ Ланской.

30 августа. По случаю царскихъ имянинъ, былъ у военнаго губернатора М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ, продолжавшійся болѣе ½ часа, съ пушечною пальбою. И народу была тьма до полночи. И былъ у губернатора балъ и угощеніе веліе всѣмъ.

Освященіе церкви на Оскольдовой могилѣ.

1 сентября. Было освященіе новой на Оскольдовой могилѣ церкви, заложенной ровно за годъ предъ симъ (см. выше подъ 15 іюня 1809 г.). Освященіе совершено митрополитомъ съ двумя архимандритами, никольскимъ Кипріаномъ и братскимъ Іоакимомъ, и съ четырьмя старцами, при собраніи вельможъ и всѣхъ первыхъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни, всѣ приглашенные накакунѣ отправились къ настоятелю никольскаго монастыря на обѣдъ, человѣкъ до 40; въ томъ числѣ М. А. Милорадовичъ и Д. П. Трощинскій.

15 октября. Генералъ-губернаторъ Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу кіевскаго вице-губернатора Четверикова, о которомъ представилъ государю касательно взятокъ и казалъ всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя.

18 октября. Являлся къ митрополиту кіево-владимірскій протопопъ Арсеній Кринитскій, возвратившійся изъ Петербурга и получившій тамъ орденъ св. Анны 2 класса ходатайствомъ братца своего, духовника императорскаго. (Впослѣдствіи о. Криницкій постригся въ монахи съ именемъ Варлаама и былъ архимандритомъ никольскаго монастыря).

1811 годъ.

Румянцевская панихида.

16 генваря. Митрополичья панихида въ лаврѣ по графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ. При панихидѣ были генералъ-маіоры Полетаевъ и Бернадосъ и два полковника, получающіе отъ графа по 1000 р. пенсіи, чтобы имъ только быть при отправленіи панихиды сей.—Мы знаемъ, что эта панихида съ тысячными пансіонерами совершалась и въ другіе годы, и должно

быть митрополитъ имѣлъ какое либудь вліяніе на назначеніе пенсіи, потому что генералъ Полетаевъ просилъ у владыки его по этому предмету содѣйствія. Но не знаемъ, когда эта пенсія прекратилась;— вѣроятно по смерти раздаятеля ея графа Н. П. Румянцева. (См. ниже подъ 27 сент. 1814 г. и 8 генв. 1818 г.).

Кіевскіе откупщики.

6 февраля. Возвратились изъ С.-Петербурга кіевскіе купцы: Кисслевскій, Лакерда и Барскій. А ѣздили они за откупомъ виннымъ и взяли на себя *лично* за 379,000 руб., да за пиво и медъ 23,000 руб. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая!

Пожаръ въ Выдубецкомъ.

18 марта. Во 2 часу ночи загорѣлись братскіе покои въ Выдубецкомъ монастырѣ и сгорѣли всѣ кельи,—деревянный корпусъ на каменномъ фундаментѣ на 25 сажень длины и на 5 ширины.

Ссыльный митрополитъ Паисій.

23 марта проѣзжалъ чрезъ Кіевъ высланный изъ Яссъ въ Суздаль митрополитъ греческій Паисій съ провожатымъ надворнымъ совѣтникомъ и просилъ у Серапіона на бѣдность, и дано ему, яко посланному нечаянно, ut in exilium, вспомоществованія 50 рублей.

Отказъ Иринея Фальковскаго отъ кавалеріи.

29 апрѣля. Митрополитъ чрезъ секретаря консисторіи послалъ при своемъ письмѣ къ викарію епископу Иринею высочайшій рескриптъ и знаки ордена св. Анны I класса, полученные наканунѣ. Возвратясь, секретарь донесъ, что Ириней отрекается принять орденъ и не принялъ конверта и не распечаталъ его. Вечеромъ митрополитъ самъ поѣхалъ къ викарію Иринею, отрекающемуся принять орденъ, съ увѣщаніемъ оставить упорство свое. Но Ириней остался при своемъ мнѣніи. И митрополитъ, искушавъ у него чашку чаю, отъѣхалъ во свояси. Чрезъ день митрополитъ опять ѣздилъ къ викарію для посѣщенія его, яко больнаго, и говорилъ ему о принятіи кавалеріи. 10 мая въ царскій день рожденія великой княгини Екатерины Павловны молебствіе отправилъ епископъ Ириней безъ возложенія недавно пожалованной ему кавалеріи.

Пожары на Подолѣ.

Въ ночь на *10 мая* на Подолѣ, въ приходѣ притиско-никольскомъ сгорѣлъ одинъ домъ отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица 45-лѣтняя сгорѣла.

28 мая былъ пожаръ на Подолѣ у Введенія, и дворовъ до 15 сгорѣло небольшихъ.

Хлѣбный жукъ.

2 іюня, осматривая сельское хозяйство въ Теремкахъ, митрополитъ нашелъ, что рожь низка и рѣдка вышла; и на каждомъ почти стеблѣ жучки сидѣли и объѣдали цвѣтъ въ колосьяхъ.—Похоже на то, что знаменитый впослѣдствіи *кузька существовалъ и въ 1811 году.*

Великіе пожары и смущеніе кіевлянъ.

Іюнь ознаменованъ многими пожарами въ Кіевѣ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ великій пожаръ на Подолѣ 9 іюня, когда сгорѣло 1,240 домовъ, монастыри братскій и фроловскій и болѣе десяти церквей. Къ сожалѣнію листокъ съ записью отъ 9 по 15 іюня утраченъ изъ дневника м. Серапіона, и по дальнѣйшимъ записямъ мы можемъ составить себѣ понятіе только о впечатлѣніи ужаса, какимъ были поражены кіевляне.

14 іюня, въ 11 часу вечера »паки былъ пожаръ на Печерскѣ, противъ самой почти владимірской церкви. Сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ, и вывозили въ поле«.—Какъ будто читаешь выдержку изъ новгородской лѣтописи: »по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живящу«. И мы, прибавляетъ митрополитъ, всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ-же вынесли.

25 іюня была пальба изъ всѣхъ пушекъ, на крѣпости лаврской стоящихъ, для пробы-де ихъ; что весь городъ весьма встревожило, ибо не знали, для чего была пальба.

28 іюля, въ исходѣ 1 часа за полночь былъ пожаръ во дворцѣ у военнаго губернатора, аки-бы отъ зажогу, и сгорѣлъ правый со въѣзду корпусъ.

30 іюля митрополитъ ѣздилъ въ Выдубецкій монастырь осматривать покои для помѣщенія погорѣлыхъ фроловскихъ монахинь.

4 августа протопопъ Кривитскій сказывалъ митрополиту о письмѣ, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ.

7 августа митрополитъ прогуливался по обгорѣлому саду на Кудрявцѣ и замѣтилъ, что между прочимъ двѣ груши сгорѣли отмѣнной величины и высоты.

16 августа, вечеромъ горѣлъ домъ зятя комендалта Масси Корда близь дому генерала Бухгольца. На другой день въ томъ-же домѣ паки горѣлъ другой флигель, и муки сгорѣло до 900 кулей.

17 августа, въ началѣ 2-го часа за полдня открылся пожаръ противъ дворца у графа Самойлова, и у аптеки сгорѣли флигеля и сараи у брата Бунге, лекаря. И пожаръ былъ сильный въ виду дому нашего софійскаго, яко на горѣ, но тихо было, Богу благодареніе! И часа чрезъ два все потушили. А всѣмъ страху много причинено; и у митрополита кареты на конюшнѣ вытаскивали.

19 августа. Весь городъ наполненъ былъ чрезъ весь день горячимъ дымомъ, такъ что и дышать было трудно, и вдали мало что было видно. Не знали, чему приписать. И въ смущеніи многіе бѣгали на Подолъ посмотрѣть, не горитъ-ли гдѣ?

22 августа. Митрополитъ слышалъ отъ прот. Сигиревича, акибы отселѣ прислано въ С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а шесть содержатся здѣсь.

Посвященіе епископа Аѳанасія въ Кіевѣ.

2 сентября въ крестовой церкви было нареченіе, а *5 сентября* въ лаврѣ посвященіе черниговскаго елецкаго архимандрита Аѳанасія Корчанова въ епископы пензенскіе. Посвященіе совершали м. Серапіонъ съ викаріемъ Иринеемъ и съ жившимъ въ лаврѣ на покоѣ епископомъ Ѳеофилактомъ (Слонѣцкимъ), бывымъ вологодскимъ.

Комета.

10 сентября. Въ 10 часу очень ясно видна была звѣзда комета, отъ лѣтняго запада къ сѣверу идущая, и лучи или сіяніе—казалось на сажень—перпендикулярно простирались къ созвѣздію ursae majoris. И до полночи видно было сіе явленіе очень необыкно-

венное. *15 сентября* сіяніе отъ кометы было косвеннѣе или наклоннѣе къ востоку и было слабое и короткое, такъ какъ на аршинъ уже только.

Городокъ Китай.

25 сентября митрополитъ съ гостями духовными и свѣтскими обѣдали въ Китаевской пустыни, а послѣ обѣда ходили на виноградникъ, а оттолѣ на гору зѣло высокую, гдѣ былъ городокъ Китай, гдѣ видны и до днесь окопы и валы.

26 сентября прибылъ въ Кіевъ сенаторъ Илья Петровичъ Аршеневскій для обозрѣнія фабрики фіансовой.

Перемѣщеніе монашествующихъ послѣ пожара.

4 октября. Никольскій архим. Кипріанъ донесъ владыкѣ, что онъ съ своею братіею уже перебрался въ лавру, а фроловская игуменья просила благословенія совсѣмъ перебраться въ монастырь никольскій и показывала рескриптъ, ей присланный отъ импер. Маріи Ѳеодоровны и 1,000 руб. при письмѣ об. прок. кн. Голицына.

8 октября. Въ лаврѣ было приведеніе дворянства къ присягѣ на 3-хъ лѣтніе выборы.

16 октября. Пріѣхалъ изъ С.-Петербурга сербскій архим. Мелетій, коему, по имянному указу, велѣно выдать изъ лавры два круга церковныхъ книгъ.

Надгробіе Долгорукимъ въ Лаврѣ.

21 октября. Былъ у митрополита титулярный совѣтникъ, отъ владимірскаго губернатора князя Долгорукого присланный, съ доскою мѣдною вызолоченною для постановленія ея при входѣ въ великую печерскую церковь въ стѣнѣ противъ чугунныхъ плитъ, положенныхъ надъ гробами его родственниковъ, славныхъ по обстоятельствамъ того времени.

15 ноября. Митрополитъ сдалъ эконому академіи, пр. Россовскому, 1,000 р., присланныхъ отъ гр. А. Р. Чернышевой для раздачи погорѣлымъ священникамъ кіевскимъ.

9 декабря. Освященіе вновь сооруженной церкви Зачатія св. Анны на дальнихъ пещерахъ.

12 декабря. Въ 7 часовъ утра военный губернаторъ прислалъ митрополиту письмо, увѣдомляя о полученіи имъ изъ молдавской

арміи отъ главнокомандующаго Кутузова извѣстія, что турокъ у Рущука взято въ плѣнъ 12,000 и 56 пушекъ съ трехбунчужнымъ пашею и 3 другими начальниками.

25 декабря. Былъ у владыки совѣтникъ правленія Катериничъ, человѣкъ благочестивый и нѣчто жертвовалъ для благоукрашенія лавры и объявилъ, что онъ сдѣланъ кіевскимъ вице-губернаторомъ.

1812 годъ.

Кончина епископа Θеофана Шіянова.

24 генваря. Скончался послѣ паралича полтавско-переяславскій епископъ Θеофанъ Шіяновъ, бывшій викарій кіевскій и родной дядя извѣстнаго кіевскаго домовладѣльца Н. С. Шіянова. Параличъ поразилъ преосвященнаго 15 генваря, и электрическая машина, выписанная изъ Кіева отъ протопопа Манковскаго, какъ видно, не спасла умирающаго. Переяславская консисторія репортовала митрополиту о кончинѣ Θеофана, требуя распоряженія о его погребеніи на основаніи синодальнаго указа отъ 30 ноября 1783 года. Посему митрополитъ и поручилъ ѣхать въ Переяславль для погребенія пр. Θеофана викарію Ириною.

Торжество открытія кіевской гимназіи.

30 генваря. По просьбѣ визитатора тайнаго совѣтника Чапскаго (т. е. Чацкаго), митрополитъ совершалъ литургію въ лаврѣ. Императорскій уставъ, данный гимназіи, былъ внесенъ въ великую лаврскую церковь съ торжественною процессіею. Проповѣдь говорилъ катихизаторъ гимназіи, успенскаго собора священникъ Иванишевъ. Послѣ молебствія и многолѣтія, уставъ тотъ въ бархатномъ футлярѣ и на бархатной подушкѣ понесенъ былъ въ гимназію. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытіе. Предъ гимназіею стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры. У лѣстницы встрѣтилъ митрополита т. с. Чапскій съ директоромъ гимназіи Мышковскимъ и учителями, и провелъ въ залу, гдѣ послѣ водоосвященія и многолѣтія, митрополитъ благословилъ новое учебное заведеніе иконою и библіею. Затѣмъ говорены были рѣчи польскія. Первую рѣчь говорилъ болѣе получаса г. Чапскій, дѣлая обращенія къ г. губернатору Милорадовичу, графу Ржевутскому, губернскому маршалу Потоцкому и къ митрополиту. Вторую рѣчь

также съ комплиментами и еще длиннѣе говорилъ графъ Ржевутскій; третью—покороче говорилъ, вмѣсто маршала губернскаго, маршалъ повѣтовый. Наконецъ въ заключеніе говорилъ благодарную рѣчь директоръ Мышковскій, уже на россійскомъ языкѣ. Потомъ военный губернаторъ взялъ уставъ, лежавшій на бархатной подушкѣ, и вручилъ директору. Въ 7 часу, уже зажженнымъ свѣчамъ, сѣли за столъ богатый; и было обѣдающихъ болѣе ста. Когда пили за здоровье государя, былъ 101 пушечный выстрѣлъ.—Вѣроятно въ теченіе своей многовѣковой жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскіе графа.—Послѣ обѣда митрополитъ былъ провожденъ до кареты г. Чапскимъ, директоромъ и учителями; даже г. Чапскимъ въ карету посажденъ, по учтивости крайней польской.

Возобновленіе фроловскаго монастыря.

21 февраля. Почтмейстеръ принесъ къ митрополиту письмо отъ государя императора, присланное по естафетѣ, о скорѣйшемъ возобновленіи фроловскаго монастыря. Это порученіе митрополитъ спѣшилъ возложить на никольскаго архимандрита Кипріана и самъ часто сталъ ѣздить въ погорѣлый фроловскій монастырь. 23 марта заключенъ былъ контрактъ съ подрядчикомъ Сѣриковымъ, который взялся за 45,000 р. построить четыре корпуса келій на 56 саженяхъ. А 5 мая митрополитъ послѣ литургіи во фроловскомъ уже отправлялъ благодарный молебенъ, что Богъ помогъ въ погорѣломъ монастырѣ устроить четыре корпуса келій и въ нихъ поселить монахинь, а монахини со слезами благодарили митрополита за трудъ его въ устроеніи семъ многій положенный.

Отъѣздъ викарія Иринея.

12 марта. ВикарійИриней, пожалованный епископомъ смоленскимъ, въ первый разъ воздѣлъ на себя аннинскую кавалерію по просьбѣ митрополита.

1 апрѣля вечеромъ Ириней выѣхалъ въ Смоленскъ и былъ провожаемъ братіею до р. Днѣпра съ колокольнымъ звономъ, продолжавшимся болѣе часу.

2 апрѣля митрополитъ въ михайловскомъ монастырѣ отпѣвалъ госпожу Ханенкову.

Безполезныя саперныя работы надъ пещерами.

8 апрѣля. На Печерскѣ военные люди начали размѣрять мѣстность и назначили рвы для баттарей надъ самыми пещерами. Это митрополиту, какъ видно, очень не нравилось, и подъ 29 мая онъ записалъ отзывъ какого-то офицера, пріѣхавшаго изъ Брянска съ артиллерійскими лошадьми, что инженерная работа на пещерахъ предосужденію подвержена особливо потому, что пещеры оставлены безъ защиты. Часъ отъ часу было не легче. 31 мая начальникъ дальнихъ пещеръ доносилъ митрополиту, что инженерный генералъ Глуховъ хочетъ приступать къ тому, чтобы на пещерахъ ломать переходы. Но митрополитъ не имѣлъ никакой власти надъ инженерами, и ему оставалось только похаживать надъ пещерами, да посматривать, чтó дѣлаютъ инженеры. Пробовалъ жаловаться военному губернатору Милорадовичу, но тотъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, что инженерами завѣдуетъ какой-то генералъ Опперманъ. Митрополитъ жаловался, должно быть, кому нибудь и повыше. Какъ-бы то ни было, 17 іюня митрополитъ получилъ письмо отъ графа Аракчеева, и въ немъ именной указъ инженерному генералу Глухову, предписывающій ему имѣть всякое попеченіе о невредимости пещеръ. Въ тотъ-же вечеръ владыка поѣхалъ къ пещерамъ, гдѣ Глуховъ подѣлалъ рвы и валы, осмотрѣлъ инженерныя работы и съ торжествомъ вручилъ Глухову высочайшій указъ.

14 апрѣля. Благодарственное молебствіе по случаю пожалованія государемъ императоромъ 34,200 р. погорѣвшему кіевскому духовенству.

Какъ отражались въ Кіевѣ событія 1812 года?

24 апрѣля. Была у митрополита философка Турчанинова и разсказывала исторію объ измѣнничествѣ Сперанскаго и Магницкаго.

24 іюня митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ.

27 іюня философка Турчанинова первая прислала копію съ приказа арміямъ о нападеніи французовъ на наши войска при Ковнѣ.

30 іюня митрополитъ, возвращаясь изъ лавры въ 10 часу вечера, нашелъ, что крѣпость была уже заперта, и ходили на главную гофъ-вахту докладываться о пропускѣ.

3 іюля принесено къ митрополиту письмо отъ Турчаниновой, коимъ увѣдомляетъ, что сей-де часъ прибылъ изъ арміи курьеръ; сказываютъ-де, что было три сраженія, всѣ выгодныя для россіянъ. А *5 іюля* вице-губернаторъ показывалъ митрополиту и самое письмо Багратіона о трехъ побѣдахъ небольшихъ, 27 и 28 іюня и 2 іюля бывшихъ.

11 іюля военный губернаторъ Милорадовичъ объяснилъ митрополиту, что государь назначилъ его, Милорадовича, главнокомандующимъ надъ арміею, изготовляемою между Калугою, Волоколамскомъ и Москвою, и давалъ читать только что полученный имъ Высочайшій о семъ рескриптъ. Пока митрополитъ былъ у Милорадовича, пріѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что миръ съ турками ратификованъ султаномъ.

13 іюля. Явился къ митрополиту архимандритъ Лазарь, который имѣлъ монастырь свой въ Пинскѣ, и мѣсто-де сіе, такъ какъ и Минскъ, занято французами; и архіепископъ-де минскій Серафимъ выѣхалъ въ Смоленскъ.

14 іюля философка Турчанинова доставила владыкѣ копію съ письма о побѣдѣ 1-ю арміею непріятельской арміи, состоявшей изъ 100,000, изъ коихъ 60,000 убито и взято въ плѣнъ, а 40,000 разсѣяно безъ вѣсти; въ числѣ плѣнныхъ маршалъ Макдональдъ, а Понятовскій или раненъ, или убитъ.

Съ половины іюля въ Кіевъ стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 іюля комендантъ просилъ у митрополита позволеніе въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 человѣкъ, да вслѣдъ за симъ будутъ до 400.

20 іюля. Предъ литургіею былъ прочитанъ манифестъ о всеобщемъ вооруженіи и отправленъ соборомъ молебенъ о побѣдѣ на супостатовъ. Послѣ литургіи прочитано письмо генерала Тормасова о побѣдѣ надъ саксонцами при Кобринѣ и отправлено благодарственное молебствіе.

22 іюля. Предъ обѣднею молебенъ о побѣдѣ, одержанной надъ французами генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ.

30 іюля. Была сильная пальба въ лагерѣ, что у Златыхъ вратъ, для ученія.

2 августа. Митрополитъ повѣрялъ въ соф. соборѣ доску, выгравированную со гроба князя Ярослава.

3 августа. Извѣстіе о двухъ побѣдахъ подъ Полоцкомъ.

6 августа. Были у митрополита вице-губернаторъ Катериничъ, С. С. Шіяновъ и почтмейстеръ Ассонъ Савичъ и сказывали, что казну, состоящую въ золотѣ и серебрѣ, изъ Кіева велено вывезти въ Москву (?!), и вывезена-де. Да и депо провіантское и коммиссаріатское вывозятъ-де отселѣ въ Москву,—и что то-де послѣдуетъ чрезъ 4 дня, ожидать надобно.

7 августа. Были у митрополита лаврскіе намѣстникъ и казначей по дѣлу о сохраненіи сокровищъ лаврскихъ. Митрополитъ ѣздилъ къ губернатору и говорилъ съ нимъ объ угрожающихъ обстоятельствахъ, но, какъ видно, ни къ какому рѣшенію не пришли. Впрочемъ *16 августа* митрополитъ послалъ въ Черниговъ къ генералъ-губернатору Лобанову письмо относительно сохраненія сокровищъ церковныхъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.—Кажется, все ограничилось тѣмъ, что лаврскія драгоцѣнности были положены въ сундуки для случая.

15 августа. Былъ крестный ходъ съ иконою Богоматери кругомъ всей лавры.

16 августа. Митрополитъ ходилъ съ братіею въ верхній скарбецъ, гдѣ отбирали серебро, безъ употребленія лежащее, для пожертвованія отечеству. Въ тотъ-же день митрополитъ получилъ отъ Шіянова непріятное извѣщеніе, что Смоленскъ занятъ французами 7 августа. Но за то *2 сентября* Шіяновъ пришелъ къ владыкѣ съ извѣстіемъ, аки-бы одержана нашимъ войскомъ побѣда подъ Можайскомъ, и взято будто-бы отъ 70 до 100 пушекъ, и до 70,000 побито и ранено, и взятъ акибы въ полонъ король неапольскій, зять Наполеоновъ Іоакимъ Муратъ. *15 сентября* дошелъ до кіевскаго владыки слухъ о московскомъ пожарѣ. Inter rumores varios hoc a multis audivi, quasi Mosquam adivit Napoleon et multa ibi igne consumsit. O avertat Deus hoc summum malum!

20 сентября вице-губернаторъ сообщилъ митрополиту, что Москва точно французами занята 2 сентября и много-де предмѣстій выжжено; а наканунѣ комендантъ сказывалъ митрополиту, со словъ проѣзжавшаго курьера, акибы съ Австріею у насъ миръ объявленъ и посланникъ-де нашъ поѣхалъ въ Вѣну,—также и съ саксонцами. *29 сентября*, лекарь Бунге сказывалъ митрополиту, акибы Москва была сдана французамъ на капитуляцію. Наконецъ *3 октября* ми-

трополиту удалось получить прямое извѣстіе о Москвѣ. Кіевскій воздвиженскій священникъ, ѣздившій въ С.-Петербургъ, не могъ уже возвратиться чрезъ Москву, а проѣхалъ чрезъ родину митрополита, Александровъ и привезъ письмо отъ митрополичьяго племянника Симона Ив., священника александровскаго дѣвичьяго монастыря. Племянникъ писалъ, что они находятся въ великомъ страхѣ, ожидая ежечасно нашествія непріятельскаго, что московскій митрополитъ въ махрищскомъ монастырѣ, а викарій его во Владимірѣ, а синодальная-де и лаврская ризницы вывезены въ Вологду, а мощи-де преп. Сергія сокрыты подъ спудъ. »О великій гнѣвъ Божій!« замѣтилъ митрополитъ, и при первой возможности послалъ въ Александровъ 500 р. 23-мъ бѣднымъ родственникамъ, бѣжавшимъ изъ Москвы.

20 сентября въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, изъ чего разныя дѣлали заключенія.

1 октября прибылъ въ Кіевъ генералъ отъ кавалеріи А. М. Тормасовъ проѣздомъ изъ арміи западной въ армію подмосковную, а выѣхалъ изъ Кіева *4 октября.*

20 октября. Молебенъ о побѣдѣ надъ королемъ неаполитанскимъ, одержанной 6 октября генераломъ Бенигсеномъ подъ Вороновымъ.

26 октября. Митрополитъ читалъ письмо генерала Милорадовича къ кіевскому гражд. губернатору, коимъ увѣдомляетъ, что »Москва нами занята сего октября 11 числа, и взошелъ генералъ Еловайскій первый въ городъ, а непріятель ретируется по разнымъ дорогамъ«. И затѣмъ послѣдовали все уже пріятныя извѣстія.

3 ноября митрополиту сообщено о побѣдѣ, 27 и 28 октября въ 40 верстахъ отъ Смоленска одержанной, гдѣ взято нашими 63 пушки и 3,500 плѣнныхъ, а болѣе того побито.

18 ноября митрополитъ узналъ, что гдѣ-то русскіе взяли въ плѣнъ 17,000, 8 генераловъ, 200 пушекъ и страшный обозъ.

22 ноября получено было письмо отъ фельдмаршала князя Кутузова о совершенной безопасности кіевской крѣпости, объ открытіи всѣхъ мѣстъ присутственныхъ и о возвращеніи госпиталя изъ Переяславля.

24 ноября. Подписка въ пользу разоренныхъ отъ французовъ. Митрополитъ подписалъ отъ лавры 5,000 р., да отъ себя лично

1,500 р. с., губернаторъ 500 р., вице-губернаторъ 300 р. и т. д. Всего-же отправлено было лаврскимъ казначеемъ оберъ-прокурору св. синода на разоренныхъ отъ французовъ 13,575 р.

Панихида по м. Платонѣ.

19 декабря. Торжественная панихида по московскомъ митр. Платонѣ въ софійскомъ соборѣ, а *21 декабря* въ лаврѣ. Митрополитъ Серапіонъ при семъ роздалъ на свой счетъ 390 пятикопѣечныхъ булокъ лаврской братіи и оставилъ на сорокоустіе 50 р.

1813 годъ.

Крестный ходъ въ лаврѣ.

1 генваря былъ крестный ходъ кругомъ лавры съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Предварительно митрополитъ говорилъ съ амвона рѣчь, въ коей изъяснилъ причины хода. Впослѣдствіи г-жа философка Турчанинова составила описаніе сего хода, въ коемъ участвовало все кіевское духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое. А *26 генваря* былъ благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ врага, при чемъ читаны были, по силѣ указа св. синода, два высочайшіе манифеста.

Погребеніе войта Рыбальскаго.

24 генваря умеръ войтъ Рыбальскій, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и любимый, и умный. Отпѣвалъ митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычная: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, предъ гробомъ ѣхало до ста гражданъ въ найлучшемъ уборѣ, на найлучшихъ лошадяхъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ. Похоронили войта Рыбальскаго *29 генваря* на Щекавицѣ, гдѣ его стараніемъ сооружена каменная церковь.

30 генваря явился къ митрополиту черногорскій архимандритъ Дометіанъ Влодевичъ, коему дозволено пребываніе въ лаврѣ, съ письмомъ отъ министра полиціи и отъ посланника изъ Вѣны князя Куракина.

1 марта. Московскій купецъ Ждановъ поднесъ м. Серапіону книжку, имъ сочиненную, о его бѣгствѣ изъ Москвы отъ французовъ.

23—25 марта, пребываніе въ Кіевѣ в. кн. Екатерины Павловны, которая пожертвовала къ чудотворной лаврской иконѣ звѣзду бриллiантовую съ превеликимъ аметистомъ по срединѣ, а сама получила изъ лавры до 10 частицъ мощей здѣшнихъ преподобныхъ.

11 апрѣля. Привезенъ въ Кіевъ и погребенъ въ Выдубецкомъ монастырѣ трупъ полковника Василицкаго, убитаго подъ Бородинымъ.

Покража въ лаврѣ.

10 августа украдены въ лаврѣ кружечныя деньги до 14,000 р.; а 17 ноября обокрали въ лаврѣ уставщика Гавріила: взято 4 мѣшка мѣдныхъ денегъ и до 600 р. ассигнаціями и шуба; впрочемъ въ тотъ-же день и воръ, и украденное найдены.

30—31 августа былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ свою епархію могилевскій епископъ Даніилъ (Мирданскій) и подарилъ митрополиту 12 бут. венгерскаго и 32 арш. матеріи.—Это приношеніе повидимому нѣсколько удивило митрополита.

Посвященіе въ Кіевѣ двухъ епископовъ.

13 сентября было нареченіе, а *14 сентября* посвященіе каменецъ-подольскаго архимандрита Стефана во епископы житомірскіе; что было учинено митрополитомъ съ коадъюторомъ Иринеемъ и Θеофилактомъ, бывымъ вологодскимъ.

13 октября было нареченіе, а *14 октября* посвященіе курскаго архимандрита Аполлоса во епископы харьковскіе. Дѣйствующіе въ обрядѣ архіереи были тѣже. На мѣсто новопосвященнаго епископа опредѣленъ въ Курскъ архимандритомъ ректоръ академіи Іоакинѳъ.

1814 годъ.

15 генваря. Былъ благодарный молебенъ по высочайшему манифесту, что наши побѣдоносныя знамена развѣваются уже на берегахъ р. Рейна.

25 генваря. Снѣгъ съ пургою, и великое множество его выпало.

12 априля. Торжественное молебствіе по случаю вступленія Государя Императора въ Парижъ. Народу и господъ было очень много, а особливо господъ никогда почти столько не бывало. Послѣ молебна господа всѣ съ чиновниками заходили къ митрополиту, человѣкъ почти до ста. И тутъ предложено ознаменовать сіе чрезмѣрно радостное происшествіе подпискою на инвалидовъ денежною. Митрополитъ первый подписалъ 200 р., остальные тутъ же въ залѣ сотъ до семи.

27 іюня. Отпѣваніе протоіерея Леванды, скончавшагося *25 іюня*[1]).

28 іюня. Торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ, по случаю высочайшаго манифеста о заключеніи мира съ Франціею. 101 пушечный выстрѣлъ. Вечеромъ иллюминація. »И были для торжества иллюминованы софійская и лаврская колокольни. На первой было сто плошекъ, а на второй 200, къ великому удовольствію гражданъ«.

Приношенія въ лавру гр. Н. П. Румянцева.

27 сентября. Былъ въ Кіевѣ государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, а на другой день прислалъ въ лавру, гдѣ погребенъ его родитель, панагію бриллiантовую всебогатую для митрополита, вѣтвь масличную и жезлъ фельдмаршалской золотые, бриллiантами украшенные.—Послѣднія двѣ вещи и теперь хранятся въ лаврской ризницѣ.

1 октября. Прибылъ въ Кіевъ графъ М. А. Милорадовичъ, герой, орденами обвѣшанный, и будучи *4 октября* у митрополита на обѣдѣ, казалъ златую шпагу, бриллiантами украшенную и лаврами обвитую, за храбрость пожалованную ему Государемъ Императоромъ.

1815 годъ.

23 генваря. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита графъ Витгенштейнъ, герой видный, росту высокаго, орденами обвѣшанъ.

26 генваря. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита лейбъ-кучеръ Государя Императора, изъ Вѣны пріѣхавшій на богомолье въ Кіевъ,

[1]) Обстоятельство это подробно описано въ книгѣ Ф. А. Терновскаго: *Протоіерей Іоаннъ Леванда.* Кіевъ. 1879 года.—Ред.

съ бородою черною и съ усами раскольническими(!), въ кафтанѣ купеческомъ, кушакомъ подпоясанномъ. Митрополитъ благословилъ кучера книгами и просфорою, что онъ принялъ, павъ на колѣни, съ душевнымъ восторгомъ.

26 апрѣля. Скончалась старушка Анна Александровна Турчанинова, супруга полковника и перваго камердинера императора Петра III, и погребена торжественно *28 апрѣля* въ Выдубецкомъ монастырѣ.

20 іюня. Манифестъ по случаю начатія войны съ Франціею.

14 іюля. Выпускной экзаменъ въ кіевской гимназіи. Новопроизведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ роздалъ имъ и шпаги.

27 іюля. Получено было высочайшее повелѣніе срыть на пещерахъ валы и привесть все въ первобытное состояніе и все сдѣлать на государственный счетъ. Митрополитъ и лаврскіе старцы возрадовались и благодарили Божію Матерь, и прочитано было оное высочайшее повелѣніе намѣстникомъ въ присутствіи митрополита въ средѣ старцевъ.

26 декабря. Молебенъ по случаю полученія радостнаго извѣстія, что всеобщій миръ уполномоченными подписанъ 8 ноября въ Парижѣ.

1816 годъ.

29 мая. Присланы отъ государя императора золотые сосуды для Софійскаго собора при рескриптѣ къ митрополиту.

30 мая—3 іюня. Пребываніе въ Кіевѣ в. кн. Николая Павловича.

27 іюня. Господарь молдавскій Ипсилантій, жившій въ Кіевѣ, скоропостижно скончался въ 8 часу утра, на 56 году отъ роду. Мѣсто для погребенія было назначено въ Георгіевской церкви, въ углу за правымъ клиросомъ, гдѣ и въ настоящее время возвышается мраморный монументъ. Могила была вырыта съ трудностію по причинѣ оказавшихся подъ поломъ каменныхъ стѣнъ и большаго дикаго камня. Погребеніе было совершено 30 іюня. Тѣло вынесли изъ дому господарскаго противъ столбовой никольской церкви (т. е. никольскаго монастыря, именовавшагося *Слупъ*), при величайшемъ стеченіи господъ и народа: 15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами. Литургія и

отпѣваніе были въ Софійскомъ соборѣ. Вдовица-княгиня была въ сильнѣйшей скорби.

8 августа. Былъ у митрополита князь Голицынъ, зять покойнаго князя Прозоровскаго, съ просьбою о переносѣ тѣла покойнаго изъ лавры въ церковь, отъ нихъ при больницѣ устроенную (въ Прозоровскую башню).

Пребываніе Императора въ Кіевѣ.

30 августа. Получено формальное увѣдомленіе, что Государь Императоръ въ Кіевъ прибудетъ къ 7 сентября и пробудетъ до 12.

7 сентября. Четвергъ. Въ половинѣ 7 часа вечера Государь Императоръ изволилъ прибыть въ лавру, гдѣ во св. вратахъ встрѣченъ былъ митрополитомъ съ братіею въ полномъ облаченіи и привѣтствованъ рѣчью. Потомъ провожденъ, при пѣтіи братіею и пѣвчими стиха: *Днесь благодать св. Духа*, до церкви. По вшествіи въ оную, запѣли пѣвчіе: *Достойно есть*, въ которое время изволилъ прикладываться къ мощамъ при препровожденіи митрополита. Потомъ эктенія и многолѣтіе. И отбылъ изъ лавры; и зажжена была иллюминація на колокольнѣ. И иллюминована была и колокольня софійская.

8Сентября. Пятница. Праздникъ Рождества Богоматери. Въ 11 часу изволилъ прибыть къ собору Го..дарь Императоръ и встрѣченъ у св. воротъ митрополитомъ съ духовенствомъ, причемъ митрополитъ говорилъ краткое привѣтствіе. По вшествіи въ соборъ, Государь изволилъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ. Потомъ началась обѣдня, которую совершалъ митрополитъ съ тремя архимандритами и четырьмя соборными. Проповѣди не было. Послѣ литургіи, Государь изволилъ входить въ новую ризницу, осмотрѣлъ мозаику и гробъ Ярославовъ. Послѣ посѣтилъ митрополичьи покои, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ хозяиномъ, сидя съ нимъ рядомъ на канапе, предстоящимъ генераламъ, и графинѣ Браницкой, и княгинѣ Прозоровской. И былъ потчиванъ сперва кофеемъ съ чаемъ, но не изволилъ кушать; потомъ шампанскимъ, коего полъ-рюмки искушалъ за здоровье митрополита, и немного откушалъ вырезуба и пирожка частицу. И отбыть изволилъ благополучно и радостно для всѣхъ съ шумомъ *ура* у собора.

9 сентября. Суббота. Во 2-мъ часу дня митрополитъ ѣздилъ къ Государю съ духовенствомъ, и подносимы были иконы: отъ лавры образъ Успенія въ окладѣ, и хлѣбъ, и книги; отъ собора образъ Софіи, премудрости Божіей, отъ фроловскаго монастыря образъ Вознесенія и хлѣбъ, а отъ академіи ода. И принято было благоволительно. Пригласивъ митрополита во внутренніе покои, Государь бесѣдовалъ съ нимъ милостиво и обѣщался завтра слушать въ лаврѣ обѣдню, поемую лаврскими старцами.

10 сентября. Воскресенье. Прибытіе государя въ лавру послѣдовало въ исходѣ 11 часа; и былъ встрѣченъ у вратъ святыхъ экономомъ съ 10 старцами, а у церковныхъ дверей митрополитомъ съ крестомъ. И по вшествіи, изволилъ приложиться къ образу Божіей Матери и слушалъ литургію, совершаемую митрополитомъ, спѣваемую братіею и продолжавшуюся два часа. Послѣ литургіи, Государю поднесена была митрополитомъ просфора, и подходили всѣ служащіе къ рукѣ. Затѣмъ Государь прошенъ былъ въ архимандричьи кельи и провожденъ намѣстникомъ, а митрополитъ, разоблачившись, взошелъ въ кельи и благодарилъ Государя за посѣщеніе и подчивалъ его шампанскимъ, наливъ бокальчикъ, и Государь половину выпилъ за здоровье митрополита; потомъ потчиванъ рыбою вырезубомъ и пирогомъ. Въ тотъ-же день митрополитъ былъ на обѣдѣ у Государя. За столъ сѣли въ три часа. По правую руку его величества сидѣли митрополитъ, графъ Сакенъ и графъ Ржевутскій, а по лѣвую графъ Милорадовичъ, Раевскій и Капцевичъ; всѣхъ было за столомъ болѣе 30 человѣкъ, и всѣ почти генералы. Въ 5 часу встали изъ за стола и Государь, поговоривъ немного, откланялся. Кушанье для митрополита все было рыбное и изготовлено наивкуснѣйше.

11 сентября. Понедѣльникъ. Полученіе митрополитомъ бриліантовыхъ знаковъ ордена Андрея Первозваннаго, а лаврскимъ намѣстникомъ брилліантоваго креста. Посѣщеніе Государемъ академіи.

12 сентября. Вторникъ. Государь изволилъ слушать обѣдню, отправляемую однимъ намѣстникомъ въ церкви преп. Антонія. Послѣ обѣдни митрополитъ представилъ Государю схимника во всемъ схимническомъ одѣяніи, который и благодарилъ за пожалованный ему брилліантовый крестъ. Изъ церкви Государь прошенъ былъ въ кельи начальничьи, гдѣ, мало наливъ вина, выпилъ за

здоровье митрополита, и много разглагольствовалъ о бывшемъ предъ Парижемъ моленіи среди 15,000-ной арміи въ 7 церквахъ. Потомъ Государь зашелъ въ лаврскую великую церковь, гдѣ приложился къ образу Божіей матери. При выходѣ митрополитъ поднесъ Государю образъ преподобныхъ и сказалъ краткую благодарную рѣчь. »И тако«, заключаетъ митрополитъ свое сказаніе о пребываніи Государя въ Кіевѣ,- »въ исходѣ 10 часа за полночь отбылъ Государь, сѣвъ въ коляску у вратъ святыхъ, въ дальнѣйшій путь. И симъ все совершилось благополучно. Проводивъ, взошли въ церковь и отпѣли благодарный молебенъ за вся благая, намъ ниспосланная чрезъ царя благочестивѣйшаго«.

Освященіе церкви въ инвалидномъ домѣ кн. Прозоровскаго.

21 сентября. Литургію совершалъ митрополитъ. Послѣ тутъ и обѣдали. За столомъ было до 30 человѣкъ, все почти генералы, да дамъ до 5: кн. Прозоровская, генеральша Раевская, кн. Голицына хозяйка, да генеральша Давыдова. Обѣдъ былъ богатый.

27 октября. Митрополиту была доставлена чрезъ г. Шіанова ода, сочиненная полковникомъ Морозовымъ на прибытіе въ Кіевъ Государя Императора.

31 октября. Былъ у митрополита сенаторъ Болотниковъ съ объявленіемъ о назначаемомъ имъ мѣстѣ для католицкой церкви, гдѣ аптека, близъ дворца.

1817 годъ.

9—12 генваря. Пребываніе въ Кіевѣ преосв. Михаила черниговскаго, впослѣдствіи м. петербургскаго.

13 апрѣля. Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому Государю, аки бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена.

24 апрѣля. Присланъ отъ Государя Императора въ Михайловскій монастырь образъ архангела Михаила, въ златой ризѣ, бриліантами и другими драгими каменьями украшенный.

23 мая. Митрополитъ осматривалъ въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 г. хранились деньги серебромъ 10,000 и золотомъ червонцевъ тысяча.

О лаврскомъ скарбцѣ упоминается въ дневникѣ владыки еще разъ, именно подъ 15 февраля 1805 г., именно, что митрополитъ и старцы ходили въ скарбецъ, что въ великой церкви, и положили остатковъ отъ прошлаго 1804 года, за расходами разною монетою 20,000 р. къ имѣемымъ отъ прежнихъ годовъ 55,000 р. Кромѣ 12,000 злотыхъ, qui sub pavimento absconditae тутже. О похищеніи изъ лаврскаго скарбца см. подъ 4 марта 1821 года. Существуетъ-ли въ настоящее время лаврскій скарбецъ, не знаемъ.

Открытіе кіевскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества.

11 августа. Въ лаврской церкви былъ отслуженъ молебенъ съ прошеніемъ Божія благословенія на начатіе благаго дѣла сего, при чемъ были генералы Раевскій, Канцевичъ, комендантъ Масси, губернаторъ Назимовъ и прочее дворянство и купечество. Изъ церкви всѣ пошли въ митрополичьи покои и заняли мѣста въ большой залѣ. Митрополитъ произнесъ рѣчь (которую случайно бывшій при семъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ запискахъ не похвалилъ и назвалъ рутинною). Затѣмъ читаны были правила библейскаго общества, была подписка приношеній (при чемъ митрополитъ подписалъ 1,000 руб. единовременно и 300 р. ежегодно) и выборъ членовъ комитета. Собраніе началось пѣніемъ духовныхъ стиховъ: *Днесь благодать св. Духа насъ собра*, и *Благословенъ еси Христе Боже нашъ*, и закончилось пѣніемъ: *Тебе Бога хвалимъ. 25 августа* было новое собраніе, на коемъ въ добавку къ прежнимъ выбраны новые директора, въ томъ числѣ пасторъ лютеранскій.—Изъ этого видно, что библейское общество имѣло не вѣроисповѣдный, а общехристіанскій характеръ.—Въ слѣд. 1818 г., апрѣля 4, у митрополита были англійскій пасторъ и раздаватель библіи и нового завѣта евреямъ и другой миссіонеръ англичанинъ (Гендерсонъ и Патерсонъ) и много разговаривали объ обращеніи евреевъ въ вѣру христіанскую.

30 августа. Закладка костела католицкаго близъ театра на горѣ.

Священникъ—авторъ.

14 сентября. Митрополитъ произвелъ въ протоіереи чернобыльскаго священника Іоанна Рубановича, 70-лѣтняго, автора исто-

рической книги на польскомъ языкѣ: »О началѣ церкви христіанской до послѣднихъ временъ съ возраженіями о заблужденіяхъ римской церкви«.

5 декабря. Увѣдомленіе оберъ-прокурора св. синода кн. Голицина о томъ, что государь приказалъ отдать кіево-печерской лаврѣ рыбныя ловли въ черниговской губерніи.

18 декабря. Княгиня Ипсиланти просила митрополита о дозволеніи совершать для ней богослуженіе греч. іеромонаху съ острова Патмоса.

1818 годъ.

8 генваря. Панихида въ лаврѣ по графѣ Румянцевѣ, на которой былъ сынъ его, графъ Семенъ Петровичъ, и ассистентами были шесть кавалеровъ, получающихъ тысячную пенсію, и солдатъ два батальона подъ командою генералъ-майора Орлова. За панихиду графъ далъ братіи 500 р., а воинамъ 4000 рублей.

12 марта. Раздача кіевскимъ іереямъ бронзовыхъ крестовъ на владимірской лентѣ въ память войны 1812 года.

22 октября. Подполковница Марья Степановна Высоцкая лично просила митрополита объ устроеніи въ Выдубецкомъ женскаго монастыря (вѣроятно на ея счетъ). О томъ же просила она и св. синодъ. Просьба, какъ видно, осталась безъ послѣдствій.

19 ноября. Устроенъ вновь въ церкви преп. Варлаама, на ближнихъ пещерахъ, *иконостасъ мѣдный, позлащенный* очень блистательно чрезъ огонь, на что 239 червонцевъ пошло.

20 ноября. Лаврскій намѣстникъ со встревоженнымъ духомъ заявилъ митрополиту затрудненіе намѣстнической должности, болѣе жалуясь на типографа о постановленіи ангела близъ нужнаго мѣста.

30 декабря. Погребеніе на Оскольдовой могилѣ *полковника Будьянскаго,* скончавшагося отъ прорванія пупка. Послѣ похоронъ полицмейстеръ, провожая митрополита, положилъ ему въ карету 800 р., чѣмъ владыка былъ удивленъ.

1819 годъ.

8 февраля. Панихида по королевѣ виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ, скончавшейся на 32 году.

23 мая—3 іюня. Двѣнадцать дней гостилъ въ Кіевѣ Антоній, архіепископъ подольскій.

20 августа. Молебенъ о рожденіи в. кн. Марьи Николаевны, а *31 августа* о крещеніи ея.

13—14 сентября. Былъ въ Кіевѣ военный министръ Петръ Петровичъ Коновницынъ.

28 сентября. Открытіе кіевской академіи по новому уставу (См. *Труды к. д. ак.* 1883 № 2).

1820 годъ.

11 апрѣля. Генеральное собраніе библейскаго общества въ лаврѣ.

1821 годъ.

Похищеніе изъ лаврскаго скарбца.

4 марта. Похищено неизвѣстно кѣмъ изъ лаврскаго скарбца церковнаго казенныхъ денегъ 18.897 р. Подозрѣвался какой-то іером. Өеодоръ. Найдено какое-то орудіе, подкинутое за иконостасомъ. Наконецъ воръ былъ отысканъ въ Бердичевѣ совѣтникомъ Саксомъ, слѣдователемъ дѣла, и представленъ митрополиту. По описанію владыки, въ его залѣ, 7 мая въ 12 часовъ дня, разыгралась слѣдующая сцена. Полицмейстеромъ и совѣтникомъ Саксомъ воръ былъ привезенъ и введенъ въ залу. Воръ просилъ, чтобы чиновники оные тутъ не были, а были бы духовные, архимандритъ, или протопопъ, или іеромонахъ. Митрополитъ приказалъ взойти въ залу своему эконому игумену Никандру и духовнику, при коихъ воръ былъ спрашиваемъ и признавался въ похищеніи въ лаврѣ въ соборѣ денегъ и много говорилъ о своихъ беззаконіяхъ и преступленіяхъ великихъ, коимъ онъ не надѣется здѣсь получить отпущенія и разрѣшенія, но понесетъ на тотъ свѣтъ великое бремя своихъ грѣховъ и будетъ съ Богомъ говорить. Митрополитъ всячески утѣшалъ грѣшника, но тщетно. За тѣмъ воръ много жаловался на духовныхъ, которые ему ни хлѣба куска, ни кваса просящему не давали. А отходя совсѣмъ, сказалъ: *я васъ въ другой разъ не увижу.*—Воръ по имени не называется, но очевидно это былъ кто-то изъ лаврской братіи. Въ тотъ же день вечеромъ, намѣстникъ доложилъ владыкѣ, что преступникъ былъ въ лаврѣ у схимника, и отъѣхавъ

отъ него съ полицмейстеромъ, преступникъ велѣлъ, проѣхавъ домъ Ахордовъ, остановиться и у конюшни въ навозѣ порыть. Найденъ былъ боченочекъ такой, въ какихъ сельди продаются, закупоренный. Въ боченочкѣ оказалось 345 полуимперіаловъ и 1600 руб. ассигн.

14 мая. Опущеніе въ склепъ (въ придѣлѣ архидіакона Стефана) привезеннаго въ лавру *тѣла* генералъ-фельдмаршала Ив. Вас. *Гудовича.* Митрополитъ совершалъ надъ гробомъ панихиду со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ, за что сынъ Гудовича доставилъ владыкѣ 2,000 р.

15 мая. Бракосочетаніе генералъ-маіора Мих. Өеод. Орлова (впослѣдствіи декабриста) съ дочерью генерала Н. М. Раевскаго, Екатериною въ церкви Спаса на Берестовѣ. Пѣли митрополичьи пѣвчіе, и дано имъ отъ жениха сто руб. ассигн.

7—10 августа. Былъ въ Кіевѣ *Досиөей, еп. бывый орловскій.*

16 августа. Пожаръ въ фроловскомъ монастырѣ небольшой.

25 августа. Пожаръ іорданской церкви на Подолѣ.

Отголоски греческаго возстанія.

3 сентября. Былъ у митрополита архимандритъ (Паисій, грекъ), который тѣло убіеннаго Григорія, патріарха константинопольскаго, привезъ въ Одессу. Около того же времени сказывалъ митрополиту генералъ Раевскій, что въ Одессѣ такая бѣдность у грековъ изгнанниковъ, что продаютъ собственныхъ дѣтей. А г-жа Турчанинова разсказывала владыкѣ, что Ипсиланти, сынъ господаря, умершаго въ Кіевѣ, собираетъ въ Молдавіи добровольцевъ.

7—10 октября былъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ, епископъ бывый владимірскій, пожалованный архіепископомъ каменецъ-подольскимъ, проѣздомъ на свою епархію.

27 октября. Скончался архим. Гавріилъ на 87 году, жившій въ лаврѣ на обѣщаніи почти 20 лѣтъ.

За 1822 годъ дневника не сохранилось.

1823 годъ.

Кончина епископа Иринея.

29 апрѣля. Въ 10 часу утра Ириней епископъ, викарій кіевскій, не болѣвъ, скончался скоропостижно.

9—12 іюля. Былъ въ Кіевѣ М. М. Сперанскій. 11—16. Былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ Петербургъ Димитрій Сулима, архіепископъ кишиневскій. 21—24. Былъ въ Кіевѣ и у м. Серапіона графъ А. А. Аракчеевъ.

1824 годъ.

Кончина протоіерея Снигиревича.

11 генваря. Утромъ скончался протоіерей софійскаго собора Димитрій Снигиревичъ. »Вѣчная ему память!« записалъ м. Серапіонъ, »а о дѣлахъ его Богу судить, и въ причиненныхъ имъ мнѣ оскорбленіяхъ Богъ его да проститъ!«

17 февраля. Пожаръ на Печерскѣ, гдѣ всѣ близъ владимірской церкви деревянныя лавки въ два часа сгорѣли.

Археологическая находка.

24 іюля. Учитель гимназіи г. Берлинскій приносилъ м. Серапіону вещи, найденныя мѣщаниномъ кіевскимъ подъ горою противъ церкви трехъ-святительской, какъ то: панагія золотая, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, и двѣ серебрянныя большія серьги, съ изображеніемъ на нихъ животныхъ во вкусѣ того времени, и двѣ штучки золотыхъ съ жемчугомъ (надобно думать, были онѣ у евангелія на корнѣ).

Вотъ все, чтó мы могли выбрать сколько-нибудь цѣннаго для характеристики кіевской общественной жизни изъ дневника митр. Серапіона! Не велика наша находка! И на это двѣ причины: тихо бился пульсъ кіевской общественной жизни, и близорукъ былъ старческій взглядъ м. Серапіона, только скользившій по поверхности явленій. Но что-нибудь все-таки лучше, чѣмъ ничего.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ
НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ [1].

Въ концѣ 1775 года назначенъ былъ намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ, азовскимъ и астраханскимъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Такъ какъ въ составъ астраханской губерніи входилъ еще сѣверный Кавказъ,—насколько онъ принадлежалъ намъ,—то къ обязанности Потемкина относилось также веденіе дѣлъ кавказскихъ. Положеніе этихъ дѣлъ было такого рода, что побудило Потемкина, между прочими мѣрами, приступить къ колонизаціи громаднаго раіона незаселенныхъ земель, тянувшихся отъ Моздока до Азова, на протяженіи пятисотъ верстъ [2]). Впрочемъ, еще до Потемкина правительство сознавало необходимость распространенія какъ можно болѣе »россійскихъ селеній« у Кавказа, вверхъ по Тереку. Въ сенатскомъ указѣ 20 сентября, 1762 г. было высказано мнѣніе, что съ помощью лишь такихъ селеній возможно будетъ скорое и дѣйствительно прочное покореніе »варваровъ« (кавказскихъ горцевъ). Поэтому Потемкину предстояло только осуществить указанную сенатомъ мѣру, и надо отдать ему справедливость: онъ первый положилъ основаніе широкой колонизаціи дотолѣ пустыннаго края. Такъ, послѣ устройства по моздокско-азовской линіи ряда военныхъ укрѣпленій, объявлено было о раз-

[1]) Существенный матеріалъ для этой статьи взятъ изъ »Сентенціи отъ 5 мая 1855 года военно-судной коммисіи, учрежденной при ставропольскомъ уѣздномъ судѣ надъ зачинщиками, руководителями и главными виновниками возмущенія маслокутскихъ крестьянъ въ 1853 году (современная копія).

[2]) Полное Собр. Зак., т. XX, №№ 14,464 и 14,607.

дачѣ подъ поселеніе на этой линіи земель однодворцамъ и всѣмъ другимъ, безъ различія рода и званія [1]), т. е. открытъ былъ свободный притокъ гражданскому населенію. Затѣмъ, со дня образованія кавказской области, указомъ 9 мая 1785 г. на имя генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина (двоюроднаго брата князя Потемкина), предоставлялось кавказскому генералъ-губернатору право раздавать земли, остающіяся отъ надѣла переселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ *населить ихъ и завести хозяйства* [2]). Этотъ указъ открылъ путь частному землевладѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостной колонизаціи. Но насколько легко было помѣщикамъ получить землю, настолько трудно и убыточно показалось имъ заселять ее собственными крѣпостными людьми. Переводить ихъ изъ Россіи—значило обезсиливать уже устроенныя хозяйства; помимо того, заводить хозяйства на одинъ свой страхъ здѣсь, на новомъ мѣстѣ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, представлялось дѣломъ рискованнымъ: сплошь и рядомъ бывали примѣры, что однимъ набѣгомъ горцевъ въ какой нибудь часъ истреблялось то, что стоило долгаго труда и не малыхъ денежныхъ затратъ [3]). Въ виду этого, собственно крѣпостная колонизація достигла на сѣверномъ Кавказѣ самыхъ незначительныхъ результатовъ [4]), и земли многихъ частныхъ владѣльцевъ могли-бы остаться вовсе ненаселенными, если-бы на подмогу не явились колонисты—бѣглые.

Извѣстно, что въ послѣдней четверти XVIII в. положеніе нашего крестьянства значительно ухудшилось. Если указами 70-хъ годовъ помѣщикамъ дано было право ссылать крѣпостныхъ за дерзости въ каторжную работу и въ Сибирь на поселеніе, а у крестьянъ отнято право заносить на господъ челобитье за всякія беззаконія и притѣсненія [5]), то жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. предоставила помѣщикамъ такія права, больше которыхъ

---

[1]) Ibid., т. XXI, № 15,619; т. XXII, № 16,401.

[2]) Ibid., т. XXII, № 16,194.

[3]) Примѣры см. у Буткова: »Матеріалы для новой истор. Кавказа«, издан. 1869 года, или у Дубровина: »Братья Потемкины на Кавказѣ«—Русскій Вѣстникъ«, 1878 г., кн. 12, стр. 545.

[4]) »Хозяйствен. описаніе астрах. и кавказской губерніи«, изданіе 1809,—»Статистическіе труды П. Штукенберга«, т. 1, изданіе 1857 года.

[5]) П. С. З., т. XVII и XVIII, № 12,511, 12.556, 12,557 и 12,966.

уже и давать было нечего: крестьянинъ сдѣлался полною частною собственностью помѣщика, собственностью, на которую онъ имѣлъ такое-же вещное право, какъ на прочее недвижимое имѣніе[1]). Хорошо, если помѣщикъ былъ »добрымъ экономомъ« и по совѣту неизвѣстнаго автора записки, поданной въ 1791 г. въ »Вольное Экон. Общество« заботился о крестьянахъ, какъ о домашней скотинѣ, имѣя въ виду размноженіе рабочаго племени,—тогда по крайней мѣрѣ возможно было жить; но такіе »экономы« случались въ рѣдкость; на оборотъ: »многіе помѣщики, по свидѣтельству современника, были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ«[2]). Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, юридическое право протеста противъ рабовладѣльческаго гнета у крестьянъ было отнято, послѣдствія-же протеста открытаго, фактическаго еще свѣжи были въ памяти; оставался, слѣдовательно, одинъ способъ облегчить свою судьбу,—бѣгство.—На Кавказѣ не употреблялось пока стѣснительныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ, поэтому цѣлыя массы ихъ дѣйствительно направлялись сюда[3]). Здѣсь они или смѣшивались съ легальными переселенцами, или селились отдѣльно отъ нихъ, не на тѣхъ даже мѣстахъ, заселеніе которыхъ входило въ планы правительства, или-же привлекались на земли частыхъ владѣльцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ переселенцамъ представлялось не мало выгодъ, хотя въ то-же время они поступали въ обязательныя отношенія къ помѣщику, со временемъ переходившія въ крѣпостную зависимость. Землевладѣльцы оказывали поселявшимся на ихъ земляхъ колонистамъ матеріальныя пособія, что для людей, ничего неимущихъ, какими, безъ сомнѣнія, были бѣглые насельники, имѣло громадное значеніе; владѣльцы-же болѣе вліятельные обезпечивали свои имѣнія отъ безпрестанныхъ набѣговъ горцевъ при помощи размѣщенія или вблизи имѣній, или даже въ самыхъ имѣніяхъ той или другой воинской части. Такимъ образомъ и для помѣщиковъ и для

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16,187; т. XXIII, № 17,076.

[2]) »Вѣстн. Евр.«, 1866 года, т. I, стр. 371.

[3]) П. С. З., т. XXII, №№ 16,471 и 16,715.

бѣглыхъ выходила обоюдная выгода. Помѣщики выигрывали въ томъ отношеніи, что избавлялись отъ необходимости переселять крѣпостныхъ своихъ изъ Россіи и, хотя расходовались, но надѣялись расходы свои возмѣстить, что и бывало конечно. Бѣглые-же сразу могли осѣсться и заняться хозяйствомъ, а это былъ единственный исходъ, чтобы не голодать, такъ какъ въ краѣ, гдѣ экономическая и гражданская жизнь только зарождалась, другихъ источниковъ прокормленія не было. Но изъ этихъ обоюдныхъ выгодъ могло выйти въ концѣ концовъ нѣчто несообразное. Дѣло въ томъ, что обязательныя экономическія отношенія, въ которыя становились къ помѣщикамъ бѣглые, съ теченіемъ времени и, быть можетъ, незамѣтно для самихъ крестьянъ переходили въ крѣпостную зависимость—это съ одной стороны; съ другой, мѣстное начальство не считало своею обязанностію входить въ разборъ правъ колонистовъ частныхъ земель, и они оставались никуда не приписанными и не зачисленными. Поэтому выходило, что такіе колонисты будто подлежали вѣдѣнію одного землевладѣльца. Понятно, что подобный порядокъ въ свою очередь велъ къ закрѣпощенію. По прошествіи десятка-другого лѣтъ, когда многіе изъ первыхъ насельниковъ умерли-бы, а оставшіеся въ живыхъ, за давностью, свыклись-бы съ своимъ положеніемъ, новое поколѣніе очутилось-бы въ полномъ владѣніи помѣщика. Результатъ этотъ ничего невѣроятнаго не представляетъ: въ данномъ случаѣ Кавказъ только повторилъ-бы то, съ чѣмъ знакомитъ насъ исторія »крестьянъ на Руси«.

Вотъ такъ именно поставлено было дѣло въ имѣніи князя П. С. Потемкина. Урочище Масловъ-Кутъ, на р. Кумѣ (нынѣ ставропольской губ.), отведено Потемкину въ 1785 году. Въ имѣніи этомъ считалось до 30,000 десят. богатой, хлѣбородной земли [1]). При отводѣ никакого поселенія здѣсь не было; но управляющій, капитанъ Ковалевскій, энергично принявшись за дѣло, съумѣлъ скоро привлечь цѣлыя сотни поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы и пособія. По свѣдѣніямъ кавказскаго губернатора Жукова, уже въ 1786 г. въ Масловомъ-Кутѣ считалось 426 душъ одного муже-

[1]) »Ставропольскія Губернскія Вѣдомости«, 1876 года, № 34-й, стр. 5; № 41-й.

скаго пола[1]). Въ »Сентенціи« же военно-судной коммисіи прямо сказано, что Ковалевскій заселялъ имѣніе »людьми, показывающими себя выходцами изъ заграницы, а въ сущности бѣглыми крестьянами разныхъ губерній и частью польскими выходцами«). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ въ той-же »сентенціи«, оказывается, что главный контингентъ колонистовъ составляли выходцы изъ малороссійскихъ губерній[2]), и всѣ они были бѣглые; между тѣмъ сенатскимъ указомъ 27 января 1789 года разрѣшалось бѣглыхъ разнаго званія людей, въ кавказскую губернію зашедшихъ, зачислить въ казенное вѣдомство, не различая, кто они и откуда бѣжали; »впредь-же подъ жестокимъ наказаніемъ« запрещалось, »чтобы нигдѣ на порозжихъ земляхъ ничьи... и никакіе бѣглые не селились, и того строго наблюдать[3])... По полученіи этого указа, начальству пришлось сдѣлать разборку населенію, такъ какъ сразу объявилось много бѣглыхъ, требовавшихъ зачисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло дошло и до частныхъ имѣній, и крестьяне Маслова-Кута, всѣ безъ исключенія, поступили въ вѣдѣніе казенной палаты и занесены были въ окладныя книги.

Такимъ образомъ, указъ 1789 г. спасъ маслокутцевъ отъ крѣпостной зависимости, но не надолго. Въ 1793 г., послѣ смерти князя Потемкина, имѣніе по наслѣдству перешло во владѣніе генералъ-маіора Высоцкаго, который черезъ годъ продалъ его камердинеру Екатерины II, камеръ-фурьеру Зотову, по купчей крѣпости, совершенной 20 марта 1794 года. въ с.-петербургскомъ верхнемъ надворномъ судѣ, во 2-мъ департаментѣ. Въ этомъ же году Зотовъ подалъ государынѣ прошеніе, гдѣ жаловался, что купленную имъ землю *съ населенными на ней людьми* отъ него будто бы отбираютъ. Хотя произведеннымъ дознаніемъ констатировано было, что Зотову продана одна только земля безъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе Екатерина подарила своему камердинеру маслокутцевъ въ полное владѣніе и бѣглые колонисты были закрѣпощены за помѣ-

[1]) Вѣдомость Жукова составлена была 20 апрѣля 1786 г. Ibid. № 34-й.

[2]) Бѣгство малороссіянъ на Кавказъ и въ смѣжную ему астраханску губ. (»Списки населен. мѣстъ Россійской Имперіи«, т. II, стр. IX дал.) составляетъ вообще очень замѣтный фактъ въ исторіи Малороссіи XVIII в.

[3]) П. С. З., т. XXIII, № 15743.

щикомъ окончательно, навсегда. Не смотря на то, крестьяне не считали объявленный имъ объ этомъ указъ дѣйствительнымъ и полагали, что закрѣпощеніе ихъ сдѣлано помимо высочайшей воли, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ указомъ, на основаніи котораго они зачислены въ крестьяне государственные. Какъ ни пытались они примирить въ своемъ умѣ такое противорѣчіе, но не могли свыкнуться съ мыслію о »крѣпости«. Отъ словъ и разговоровъ вопросъ свелся къ дѣлу: крестьяне отказались повиноваться помѣщику и въ концѣ 1798 г. отправили прошеніе на имя государя, въ которомъ доказывали незаконность отдачи ихъ помѣщику, и въ тоже время жаловались на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ, Колпакова. Однако, просьба эта не принесла пользы маслокутцамъ, наоборотъ мѣстныя власти открыли въ Масловомъ-Кутѣ бунтъ и призвали на помощь войска. Военною силою заставили крестьянъ покориться помѣщику, а подстрекателей и главныхъ виновниковъ (въ числѣ 38 человѣкъ), кромѣ того, подвергли наказанію: семь человѣкъ были прогнаны »сквозь строй«, а объ остальныхъ георгіевскій уѣздный судъ постановилъ: первыхъ зачинщиковъ и неодобренныхъ на »повальномъ обыскѣ«, наказавъ на мѣстѣ преступленія кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, а также поставивъ указные знаки, сослать на вѣчныя времена въ Нерчинскъ, для употребленія на крѣпостныя работы; одобренныхъ-же наказать нещадно плетьми и отдать крестьянамъ Маслова же Кута на поруки. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 22 сентября 1799 года. »Съ этого времени до 1825 года въ семъ имѣніи никакого замѣчательнаго событія не получилось«. А событіе 1825 года заключалось вотъ въ чемъ. Крестьяне развѣдали, что Зотовъ (сынъ) намѣренъ продать имѣніе Ивану и Степану Калантаровымъ, армянскимъ дворянамъ, почему немедленно-же отправили государю съ особыми ходоками прошеніе о взятіи ихъ въ казну, а Зотову обѣщали выплатить въ теченіи 8 лѣтъ 40,000 р. ассигн. выкупа.

Между тѣмъ, пока крестьяне хлопотали въ Петербургѣ, Зотовъ успѣлъ продать имѣніе. Но при вводѣ во владѣніе Калантаровыхъ 8 августа 1825 г. крестьяне заявили, что продажа эта совершена неправильно, такъ какъ владѣлецъ не дождался рѣшенія по ихъ прошенію; вмѣстѣ съ тѣмъ они не дали подписки въ выслушаніи указа о переходѣ къ новымъ помѣщикамъ, отказались вы-

полнять повинности и наконецъ произвели явное возмущеніе. Тогда же крестьяне вновь отправили государю жалобу на неправильность продажи ихъ, людей не крѣпостныхъ, а государственныхъ, жаловались также на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ и т. п. 3-го января 1826 г. крестьяне были усмирены съ помощью войска, зачинщика-же и главнаго виновника возмущенія Илью Остапенка сослали въ Сибирь, предварительно наказавъ его »нещадно«.

Какъ первая, такъ и вторая просьбы крестьянъ разсматривались въ комитетѣ министровъ. Вопросъ объ ихъ поселеніи и случайномъ закрѣпощеніи оставленъ безъ всякаго вниманія; собирались свѣдѣнія о томъ лишь, имѣютъ-ли право Калантаровы владѣть крѣпостными. Оказалось, что Калантаровы признаны герольдіею и сенатомъ дворянами, слѣдовательно были вполнѣ, такъ сказать, правоспособными къ рабовладѣльчеству, а потому комитетъ положилъ: прошенія крестьянъ с. Маслова-Кута оставить безъ разсмотрѣнія.

Но мысль объ освобожденіи тѣми или иными средствами изъ крѣпостной зависимости и послѣ того не оставляла маслокутцевъ. Заручившись удостовѣреніями общества ближайшихъ государственныхъ селеній о своей принадлежности къ этимъ селеніямъ, маслокутцы продолжали свой искъ противъ незаконной ихъ продажи и порабощенія. Въ свою очередь Калантаровы настаивали у властей разслѣдовать выдачу такихъ удостовѣреній, подтвердить маслокутцамъ о состоявшемся рѣшеніи комитета министровъ и внушить имъ, чтобы »изъ повиновенія помѣщикамъ ни подъ какимъ предлогомъ не выходили«. Дворянскій засѣдатель, которому поручено было это дѣло, донесъ, что крестьяне въ выслушаніи распоряженія »о бытности ихъ въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ подписи дать не согласились«.

Съ этого времени возникало еще нѣсколько дѣлъ по жалобамъ крестьянъ Маслова-Кута на ихъ помѣщиковъ-армянъ и обратно. Однѣ изъ такихъ жалобъ рѣшены на мѣстѣ; другія-же были на разсмотрѣніи сената, при чемъ крестьяне почти всегда жестоко платились: такъ по нѣкоторымъ жалобамъ главные подстрекатели были наказаны и сосланы въ Сибирь, по другимъ только наказаны и оставлены на мѣстѣ; были и такіе виновные, которымъ вина прощена по высочайшей волѣ.

Но всѣ жалобы имѣли за собою основаніе и вызывались прежде всего варварскимъ управленіемъ помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ на это обстоятельство обратили вниманіе и мѣстныя власти. Въ 1830 г. графъ Паскевичъ-Эриванскій приказалъ прекратить преслѣдованія крестьянъ за подачу жалобъ, а имѣніе велѣлъ взять въ опеку. Мѣра эта употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, и будь Калантаровы дѣйствительно »добрыми экономами«, она не была-бы примѣнена къ нимъ. Надо однако сказать, что намѣреніе Паскевича облегчить участь крестьянъ не достигло своей цѣли, ибо фактическими управителями Маслова-Кута остались тѣже владѣльцы-армяне. Пошли вновь просьбы и жалобы, и все съ тѣми же, безплодными и печальными послѣдствіями. Маслокутцы, потерявъ всякую надежду на свободу, обратились наконецъ къ послѣднему средству—къ побѣгамъ; но и здѣсь не было имъ удачи: бѣглецовъ перехватывали и водворяли на мѣстѣ; въ имѣніи поставлена была даже воинская команда, наблюдавшая за бѣглецами. Съ своей стороны и помѣщики не остались въ долгу и еще больше тѣснили крѣпостныхъ, еще шире пользовались своею властью въ отношеніи не повинующихся.

Въ 1837 г., во время проѣзда имп. Николая I чрезъ кавказскую область въ Тифлисъ, маслокутцы подали государю жалобу на помѣщиковъ. Какъ и прежде, она разсмотрѣна была въ комитетѣ министровъ. Справки въ дѣлахъ и доставленныя мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣнія показали, что какъ жалоба крестьянъ, такъ и обвиненіе ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ были уже на разсмотрѣніи комитета и по нимъ объявлено уже его рѣшеніе, а потому комитетъ положилъ на сей разъ »считать ихъ оконченными«. Не добившись этимъ путемъ удовлетворенія, маслокутцы, спустя пять лѣтъ, именно въ 1842 г., обратились съ жалобою къ начальству области на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и доказывали свои права на свободу. Не помогло и это; объ ихъ домогательствахъ у мѣстныхъ властей установилось опредѣленное мнѣніе, и генералъ Граббе приказалъ лишь подтвердить жалобщикамъ, чтобы они »не вовлекались въ такое домогательство, котораго неосновательность и вредныя послѣдствія имъ вполнѣ извѣстны«. Жалобщики измѣнили лишь путь для заявленія своихъ домогательствъ; но отъ самой мысли о нихъ и не думали отказываться: въ 1844 г.

они отправляютъ въ Петербургъ съ прошеніемъ двухъ ходаковъ: Васильченка и Шульева; прошеніе оставлено безъ разсмотрѣнія, а ходаки поплатились..... Казалось, всякая надежда оставитъ маслокутцевъ, упорству и терпѣнію ихъ настанетъ конецъ; но они ловили каждый случай для подачи жалобъ и въ 1845 г., въ проѣздъ намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, прибѣгли къ нему съ своею всегдашнею жалобою на помѣщиковъ и просьбою о зачисленіи ихъ въ государственные крестьяне. Воронцовъ лично разъяснилъ имъ, что сдѣлать послѣдняго нельзя. Годъ спустя, до него стороной дошли свѣдѣнія о крайне жестокомъ обращеніи Калантаровыхъ съ крестьянами. Пошли запросы, справки; помѣщики спохватились и постарались замять дѣло: они заявили, что, напротивъ, крестьяне ими теперь довольны, »особенныхъ признаковъ отыскиванія свободы въ настоящее время не обнаруживаютъ и остаются въ должномъ повиновеніи«. А между тѣмъ, при помощи мѣстнаго земскаго засѣдателя, лично продолжали расправляться съ подстрекателями и ослушниками, то и дѣло устраивая въ имѣніи экзекуціи розгами и палками. Такимъ образомъ дѣло шло до 1853 года. Въ это время первыхъ владѣльцевъ уже не было въ живыхъ, имѣніе-же перешло къ дѣтямъ Степана Калантарова: Акиму, Гаврилу и Герасиму и находилось въ управленіи Герасима Калантарова, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра.

Такимъ образомъ мысль о свободѣ не покидала случайно закабаленныхъ жителей Маслова-Кута въ теченіи цѣлаго полстолѣтія. За это время успѣли уже народиться новыя поколѣнія; но онѣ, очевидно, воспитались на этой мысли и продолжали дѣло дѣдовъ и отцевъ. Въ свою очередь преемственность обратнаго характера видна и въ семьѣ помѣщиковъ: то, что дѣлали отецъ и дядя, продолжали дѣлать дѣти и племянники, нисколько не измѣняя фамильнаго гнета, безпредѣльно царившаго надъ крѣпостными. Мало того, Герасимъ Калантаровъ довелъ этотъ гнетъ до послѣдней степени, ибо при немъ только крестьянское »искательство свободы« завершилось наконецъ поголовнымъ возстаніемъ маслокутцевъ. Случилось это въ началѣ 1853 года.

Утромъ 2 января, на берегу р. Кумы, близь кузницъ собралась толпа крестьянъ изъ малороссійскаго кута и подъ руководствомъ Василія Кикоти вела о чемъ-то оживленный разговоръ. По

распоряженію старосты, крестьянина Заиченко, на рѣкѣ производилась въ это время ломка льда и перевозка его въ помѣщичьи ледники. Но дѣло какъ-то не спорилось. По многимъ мужицкимъ спинамъ прошлась палка старосты, который выбивался изъ силъ, подгоняя рабочихъ; крестьяне въ концѣ концовъ, одинъ за однимъ, побросали работу, воловъ и проч. и ушли въ толпу; понемногу прибывали сюда-же крестьяне изъ села. Часа черезъ два сходбище возросло человѣкъ до ста. Затѣмъ толпа двинулась къ селу. Проходя по улицамъ, она призывала присоединиться къ ней всѣхъ, кто желаетъ »искать свободу«. Изъ конторы выслали отрядъ съ цѣлью разогнать сходбище; но посланные были избиты. Тогда къ возмутившимся вышелъ староста и просилъ ихъ объяснить, чего они хотятъ; но тѣ отказались вести разговоръ съ конторскимъ начальствомъ и продолжали свой путь по селу, захватывая все большую и большую массу людей. На дорогѣ толпа встрѣтила мѣстнаго священника о. Никанора Руденка. »Благословить, отче, на общественное дѣло«, почтительно просила она его. О. Руденко, не зная, въ чемъ дѣло, сталъ благословлять; но замѣтивъ въ толпѣ палки, на лицахъ изступленіе, въ словахъ ожесточеніе, поспѣшилъ въ свой домъ и тутъ уже, чувствуя себя въ безопасности, произнесъ: »на не доброе дѣло нѣтъ моего благословенія«.

У священническаго двора толпа стояла въ недоумѣніи. Противъ нея вторично выслали отрядъ въ 50 человѣкъ изъ той части села, которая населена была великороссіянами. Произошла свалка; хохлы смяли кацаповъ; послѣдніе частью бѣжали, частью присоединились къ бунтовщикамъ. Къ вечеру сходбище перевалило въ малороссійскій кутъ и тамъ размѣстилось на ночлегъ въ трехъ дворахъ. На слѣдующій день утромъ возмутившіеся выступили на площадь, къ церковной оградѣ и здѣсь приступили, такъ сказать, къ организаціи возстанія. Преобладающимъ элементомъ въ средѣ ихъ были исключительно почти малороссіяне, по этому главными заправилами были избраны малороссы-же: атаманомъ упомянутый уже Кикотя, его помощникомъ Рудаменко, а для представительства велико-русской половины избранъ крестьянинъ Кокинъ. Избрали кромѣ того особый совѣтъ изъ 20 стариковъ; для письменной части учредили канцелярію. Четыре писаря, подъ руководствомъ главнаго изъ нихъ—Григорія Бабенкова, »отбирали отъ крестьянъ руки«

въ томъ, что никто не измѣнитъ общему дѣлу и скорѣе всѣ, какъ одинъ, погибнутъ, но помѣщику, проклятому армянину, который такъ угнетаетъ ихъ, повиноваться не станутъ«. Давшій клятву не долженъ былъ нарушать ее подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и даже смерти.

Между тѣмъ о волненіи крестьянъ контора дала знать полиціи и помѣщику, котораго въ имѣніи въ то время не было. 4-го января прибыли въ Масловъ-Кутъ исправникъ, засѣдатель и уѣздный стряпчій, составивъ такимъ образомъ на мѣстѣ временное отдѣленіе земскаго суда. На распросы отдѣленія, крестьяне объяснили, что они не могутъ выносить чрезвычайно обременительныхъ работъ и безчисленныхъ сборовъ въ пользу помѣщика, что помѣщикъ и управляющіе его подвергаютъ ихъ тяжкимъ побоямъ и взысканіямъ, не рѣдко безъ вины, по одному капризу, и что желая освободиться изъ крѣпостной зависимости, они просятъ передать о томъ высшему начальству, сами же не уйдутъ съ площади до тѣхъ поръ, пока не получатъ воли. Не долго думая, отдѣленіе рѣшило снестись съ ближайшими воинскими начальниками о высылкѣ командъ для усмиренія неповинующихся крестьянъ. Изготовивъ нужныя для этого бумаги, отдѣленіе приказало нарядить подводу для отправки ихъ съ нарочнымъ; но атаманъ Кикотя потребовалъ отъ исправника объясненія, куда именно и кого нужно везти, при чемъ заявилъ, что если отдѣленію нужно отправить куда либо бумаги, то этимъ будетъ завѣдывать онъ, Кикотя. При такихъ условіяхъ отдѣленіе не нашло возможнымъ оставаться въ Масловомъ-Кутѣ и на слѣдующій день выѣхало въ ближайшее село. Въ это время, т. е. 5-го января, всѣ маслокутцы (до 4-хъ тысячъ об. пола) примкнули уже къ первоначальной группѣ возставшихъ. Въ ожиданіи воинскихъ командъ, они дѣятельно укрѣпляли занятую ими на площади позицію. Въ работѣ помогали жены, дѣти, старики и старухи. Огородились возами и бочками съ водою, точь въ точь, какъ въ былое время таборъ козацкій на войнѣ; изъ замкнутаго круга никто уже не выходилъ. Когда все было готово для сопротивленія на случай боя, крестьяне попросили священника освятить ихъ дѣло—отслужить молебенъ; но о. Руденко, конечно, не уважилъ ихъ просьбы, за исполненіе которой ему самому пришлось-бы поплатиться.

7-го января отдѣленіе земскаго суда вновь появилось въ Масловомъ-Кутѣ, но теперь подъ прикрытіемъ вооруженной команды до 700 человѣкъ. Однако прежде, чѣмъ приступить къ серьезнымъ дѣйствіямъ, оно послало на площадь двухъ священниковъ, для вразумленія бунтующихъ.

Въ полномъ облаченіи, со крестами и евангеліями въ рукахъ, приблизились священники къ табору крестьянскому. Первымъ говорилъ къ взбунтовавшимся благочинный Замятинъ. *»Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется«*, началъ онъ, и этимъ опредѣлялись характеръ и содержаніе его рѣчи. Нѣсколько времени на площади царила тишина; крестьяне со вниманіемъ слушали батюшку; но вдругъ кто-то изъ толпы крикнулъ: »вы, отцы, не христіанъ увѣщевать, а проклятаго вышли защищать«! Громада заколыхалась, зашумѣло, стала напирать на передніе ряды. Тогда атаманъ попросилъ священниковъ уйти. Тѣмъ и кончилось дѣло. На слѣдующій день увѣщанія, однако, возобновились. Теперь рѣчь началъ отецъ Руденко; но крестьяне не дали ему говорить, а вынеся »слѣдованную псалтырь«, попросили его прочитать вслухъ начальную статью о перстосложеніи. Когда батюшка дошелъ до словъ: »проклятіи-же аріане«,—крестьяне просили его объяснить имъ, какимъ образомъ армянинъ можетъ владѣть православными, если въ священной книгѣ онъ названъ проклятымъ. Объясненіемъ о. Руденка крестьяне остались недовольны.

Утромъ 9-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ пятигорскій уѣздный воинскій начальникъ, генералъ-маіоръ Принцъ и съ нимъ команды: рота кавказскаго линейнаго № 5-й баталіона въ 230 человѣкъ при двухъ офицерахъ, подвижнаго запаснаго парка 19-й артиллерійской бригады 122 человѣка при двухъ офицерахъ, казаковъ 250 челов., четыре артиллерійскія орудія и проч., всего свыше 800 человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Генералъ-маіоръ Принцъ приказалъ войскамъ оцѣпить лагерь бунтовщиковъ и не пускать къ нимъ дѣтей и женщинъ, носившихъ горячую пищу; но задержанныя казаками бабы подняли крикъ, и бунтовщики бросились на казаковъ. Въ одинъ мигъ могла возгорѣться кровопролитная, но преждевременная стычка. Принцъ поспѣшилъ отмѣнить свое распоряженіе и попробовалъ подѣйствовать на крестьянъ другими средствами: онъ выслалъ къ ихъ становищу

привезеннаго имъ изъ г. Георгіевска священника о. Попова, поручивъ ему произнести предъ непокорными слово вразумленія. Крестьяне приняли о. Попова ласково, объявивъ, что охотно выслушаютъ все, что имѣетъ онъ сказать.

— »Маслокутцы!« возвысивъ голосъ, заговорилъ о. Поповъ. »Все время, какъ я знаю васъ, я убѣжденъ былъ, что вы православные христіане, усердно чтите Бога, почитаете святый законъ Его, слушаетесь пастырей церкви, любите царя и повинуетесь властямъ. Въ настоящее время я не могу думать, чтобы въ добрыхъ сердцахъ вашихъ произошла какая-либо перемѣна. Не можетъ быть, чтобы такое многолюдное собраніе имѣло въ предметѣ то, что противно Богу, царю и его законамъ. Вы, думаю я, собрались для того, чтобы прилично принять начальниковъ вашихъ и высказать имъ свое горе. Господинъ-ли васъ утѣсняетъ, нужду-ли какую имѣете, все вы можете высказать начальникамъ, и я ручаюсь вамъ пастырскою моею совѣстью, что все будетъ выслушано ими, разобрано и сдѣлано по истинѣ. Правда, передъ вами стоятъ вооруженные воины, но это не должно приводить васъ въ сомнѣніе, будто-бы начальники ваши предпринимаютъ противъ васъ что-либо непріятное; воины присланы сюда потому, что начальству было донесено, будто вы, отъ стараго до малаго, не исключая и женъ вашихъ, вооружены кольями и дубинами и не хотите, какъ дѣти отцамъ, высказать нужды свои начальникамъ, а скрываете въ мысляхъ дурное предпріятіе. Не видя васъ вооруженными, я думаю противное«.

— »Благодаримъ васъ, батюшка, что вы не потеряли о насъ добраго мнѣнія,—отвѣчали крестьяне. Дѣйствительно, всѣ мы для того собрались сюда, чтобы здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, начальство выслушало насъ и рѣшило дѣло между нами и помѣщикомъ. Мы вѣдь давно страдаемъ подъ гнетомъ его; терпѣнье наше истощилось. Да и кто нами владычествуетъ: армянинъ, проклятый еретикъ«!

— »Но, возражалъ о. Поповъ, жаловаться вы иначе могли-бы: написали-бы просьбу«.

— »Просьбу!... закричали крестьяне: да кто-же рѣшиться подать ее? Тюрьмы Ставрополя и Пятигорска намъ давно знакомы. Просьбы мы подавали,—счету имъ не знаемъ, да податели никогда не возвращались съ пріятными отвѣтами; самихъ-же либо въ тюрьму сажали, либо въ Сибирь ссылали. У помѣщика золота много—за-

кроетъ имъ, кому надо, глаза, да такъ, что и жалобы то нашей не станетъ видно«.

Пока велись мирныя бесѣды въ этомъ родѣ, надъ головами маслокутцевъ собиралась страшная гроза.

12-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ ставропольскій гражданскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Волоцкой. Крестьяне встрѣтили его съ хлѣбомъ - солью и на распросы Волоцкаго повторили тоже, что въ началѣ говорили отдѣленію земскаго суда. Губернаторъ пробовалъ было подѣйствовать на крестьянъ угрозами, но угрозы встрѣчались крикомъ: »хотимъ воли«! Видя неудачу, Волоцкой предложилъ самому Калантарову вступить въ переговоры съ возмутившимися его-же крестьянами, успокоить и уговорить ихъ разойтись. Калантаровъ завертѣлся на мѣстѣ: сначала онъ не рѣшался идти, опасаясь нападенія; потомъ выступилъ впередъ на нѣсколько шаговъ, но сказать что-нибудь все-таки побоялся и поспѣшилъ удалиться со словами: »пусть стоятъ, негодяи, я свое возьму«! И онъ дѣйствительно взялъ свое. Прошло еще нѣсколько времени въ переговорахъ, все также безплодныхъ и ни къ чему не приводившихъ; наконецъ, генералъ Волоцкой, потерявъ всякую надежду образумить неповинующихся мѣрами кротости и отъѣхавъ къ орудіямъ, приказалъ стрѣлять. Первыми двумя выстрѣлами повалило двухъ главныхъ бунтовщиковъ, ранило смертельно атамана. Толпа даже не шевельнулась. Махая вверхъ палками, атакуемые кричали: »ура, воля, ура«! Послѣдующіе два выстрѣла также не имѣли никакого вліянія. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генералъ подъѣзжалъ къ толпѣ и требовалъ разойтись. Отвѣтомъ были крики: »хотимъ воли«! Послѣ четырнадцатаго картечнаго выстрѣла, на баррикаду направили кавалерію. Толпа была смята, скомкана и обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ: убитыхъ м. п. 92 человѣка, ж. п. 35, раненыхъ м. п. 107, изъ коихъ впослѣдствіи умерло 27 человѣкъ, ж. п. 34, изъ нихъ умерло 6; всего убитыхъ и раненыхъ 268 человѣкъ. Въ тотъ-же день были схвачены оставшіеся въ живыхъ главные зачинщики возстанія.

Началось слѣдствіе. По обычаю того времени тянулось оно долго, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ. Добытыя имъ данныя относятся главнымъ образомъ ко времени управленія имѣніемъ Герасима Калантарова и группируются около той неподлежащей

сомнѣнію истины, что помѣщикъ этотъ, далекій отъ мысли неизвѣстнаго автора 1791 года, нещадно сдиралъ съ крѣпостныхъ по нѣскольку шкуръ, угнеталъ ихъ и матеріально, и нравственно, распоряжался имуществомъ крестьянъ и даже самою жизнію ихъ, по своему господскому усмотрѣнію.

Вотъ что̀ показали крестьяне:

1) Тѣ изъ нихъ, которые платили оброкъ помѣщику, самъ по себѣ непомѣрно великій, отъ господскихъ работъ все-таки освобождаемы не были.

2) Находившіеся на безсмѣнной господской работѣ хотя имѣли право на льготы въ домѣ, но льготами не пользовались, отчего такія семьи не успѣвали припасать себѣ хлѣба и должны были голодать. Иванъ Москаленко попытался было просить о льготѣ, но помѣщикъ приказалъ наказать его немилосердно.

3) Имѣвшіе избытокъ хлѣба не могли продавать его безъ вѣдома помѣщика; если-же онъ узнавалъ о такой продажѣ, то деньги отбиралъ въ экономію, а ослушника наказывалъ розгами нещадно. Кто-же желалъ продать хлѣбъ, тотъ обязанъ былъ ссыпать его въ магазины помѣщика и получалъ плату по назначенію послѣдняго. Молоть зерно не на помѣщичьихъ мельницахъ строго воспрещалось.

4) Помѣщикъ производилъ выдѣлку вина на собственныхъ виноградныхъ плантаціяхъ, для продажи. Если не все вино распродавалось, то остающіяся бочки сваливались крестьянамъ и ихъ заставляли платить цѣну, какую назначалъ помѣщикъ. Но если случалась надобность въ винѣ, по случаю хорошихъ рыночныхъ цѣнъ, то онъ приказывалъ отбирать его у крестьянъ, денегъ-же не платилъ.

5) За освобожденіе отъ рекрутчины платилось отъ 300 до 2000 руб.; но освободившіеся не пользовались льготами въ отбываніи тягловой повинности. Выкупъ брался не съ общества, а съ семьи и даже съ тѣхъ крестьянъ, которые желали идти въ солдаты. Выбиваясь изъ силъ, чтобы уплатить помѣщику выкупъ, такія семьи окончательно и на много лѣтъ разорялись.

6) Занимаясь поставкою въ интендантство провіанта и проч., помѣщикъ употреблялъ крестьянъ съ ихъ волами для перевозки по назначенію муки, сухарей и т. п. По цѣлымъ годамъ приходилось

быть на господскомъ извозѣ и если на этой работѣ падала скотина, помѣщикъ не вознаграждалъ за нее хозяевъ. Григорій Шевченко показалъ, что ему возвратили одно только ярмо и колесо, а Сивокоза, что ему отдали съ павшихъ воловъ шкуры, когда-же онъ заявилъ просьбу объ уплатѣ денегъ за воловъ, приказано было наказать его розгами.

7) Помѣщичья земля не давалась крестьянамъ подъ посѣвы хлѣба, а для этого отводились участки на казенной землѣ, которую содержалъ помѣщикъ въ оброкѣ, въ 70 или 80 верстахъ отъ села. За всякую распаханную десятину съ крестьянъ взималось *два р. с.*, а въ описываемое время цѣна не могла быть выше *15-ти коп.*

8) За впускъ скота въ луговыя помѣщичьи мѣста виновныхъ подвергали несоразмѣрному штрафу: ихъ или заставляли возить помѣщичій хлѣбъ съ полей, или наряжали на перевозку въ отдаленныя мѣста по подрядамъ господскимъ.

9) Подати взыскивались всегда въ Петровъ день; а такъ какъ въ это время была самая горячая работа и крестьяне денегъ не имѣли, то должны были занимать ихъ у помѣщика подъ хлѣбъ и доставлять его по указанію Калантарова и при томъ по цѣнамъ, имъ-же назначеннымъ.

10) Всю экономическую контору крестьяне содержали на свой счетъ, платя барину въ годъ свыше 3000 руб. Помимо такихъ крупныхъ сборовъ, собирались и мелкія дани, въ видѣ мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей: брались полсти, холстъ, веревки, доски, колеса и т. п.

Злой по характеру, помѣщикъ какъ-бы нарочито подбиралъ такихъ-же приказчиковъ и старостъ и требовалъ отъ нихъ самаго суроваго личнаго отношенія къ крестьянамъ. Въ размѣрахъ и орудіяхъ наказанія самъ помѣщикъ не стѣснялся: наказывалъ розгами, плетьми, палками и кнутомъ; тоже дѣлали и конторскія власти. Невыносимо тяжело читать всѣ показанія объ этомъ. Такой-то былъ битъ нещадно плетьми, проболѣлъ затѣмъ годъ, не вставая съ кровати, и умеръ; такая-то, послѣ немилосерднаго наказанія воловьимъ кнутомъ, болѣла мѣсяцъ и теперь чувствуетъ нестерпимую боль въ боку; наказана-же за то, что не пошла на ночь къ конторщику Сукачеву; такую-то помѣщикъ своеручно наказалъ кнутомъ такъ, что она »залилась кровью« и съ нею сдѣлался обморокъ, а

послѣ того была въ безпамятствѣ трое сутокъ. А вина ея: не успѣла выдоить коровъ, когда на скотный дворъ изволилъ зайти баринъ. Приказчикъ Заика перещеголялъ даже самого барина: Лукерью Васильченкову онъ наказалъ такъ жестоко, что на другой день она Богу душу отдала. Также наказалъ Степанъ Лемешко, по приказу барина, крестьянку Робченко за то, что безъ спросу мочила въ рѣкѣ Кумѣ коноплю. Вообще били старыхъ и малыхъ, больныхъ и здоровыхъ, беременныхъ и рожениць; отъ побоевъ никто не былъ застрахованъ. Особеннымъ рвеніемъ по этой части отличался Заика, пьяница, грязный развратникъ, но »хорошій хозяйскій глазъ«. Помѣщикъ дорожилъ имъ, какъ субъектомъ, который вполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ, и потому Заика чувствовалъ себя вторымъ послѣ барина. Большой любитель женской стыдливости, онъ не пропускалъ ни одной крестьянки, имѣвшей несчастье приглянуться ему; если же какая противилась и давала отпоръ негодяю, онъ связывалъ ее, мазалъ дегтемъ половое мѣсто и билъ по немъ кнутомъ. На слѣдствіи Калантаровъ оригинально защищалъ Заику. »Я, говорилъ помѣщикъ, убѣжденъ въ невозможности Заикѣ гоняться быстро за дѣвками по тучности его и потому еще, что онъ всегда бывалъ съ женою; жалобы-же подобныя (т. е. о прелюбодѣяніи Заики) могутъ доказывать только безнравственность моихъ крестьянъ«.

Всѣ болѣе или менѣе тяжкія показанія, падавшія на помѣщика и конторскихъ властей, слѣдователями были признаны малодоказательными; къ открытію-же истины они не нашли средствъ (!), ибо давшіе эти показанія прежде никому не жаловались въ отдѣльности, а при слѣдствіи представили такихъ свидѣтелей, которые прикосновенны къ бунту. Тѣмъ не менѣе о дѣйствіяхъ помѣщика Калантарова нашли нужнымъ произвести особое дознаніе, которое и было представлено, согласно существовавшему порядку, на высочайшее усмотрѣніе. Мы однако не слышали, чтобы Калантарова подвергали какой-либо отвѣтственности. Что-же касается крестьянъ, то осудили изъ нихъ только лицъ, наиболѣе виновныхъ, именно: зачинщиковъ и руководителей бунта, собравшихъ сходбище 2 января 1853 г. и организовавшихъ возстаніе на площади. За смертію убитыхъ и раненыхъ, такихъ обвиненныхъ все таки оказалось 60 человѣкъ. Изъ женщинъ ни одна не была осуждена. »Хотя изъ

дѣла видно, говорится въ »сентенціи«, что женщины принимали участіе въ бунтѣ, но какъ не обнаружено, какія именно, такъ какъ никто не показываетъ, а тѣ, которыя были за ранами въ госпиталѣ, объявили, что зашли въ толпу съ пищею къ мужьямъ и отцамъ, то...... онѣ не подлежатъ никакому взысканію«.

Всѣ обвиненные крестьяне приговорены частью къ ссылкѣ въ рудники, частью въ Сибирь или въ тюрьму съ предварительнымъ наказаніемъ сквозь строй шпицрутенами и т. п., но вслѣдствіе манифеста 27 марта 1855 года были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и благодаря этому манифесту, а также 26 августа 1856 г., судьба ихъ вообще значительно была облегчена.

Дознаніемъ, между прочимъ, открыто участіе въ дѣлѣ маслокутцевъ мѣстнаго сельскаго дьячка Суходольскаго. Оказалось, что онъ сочинялъ въ послѣднее время прошенія отъ имени маслокутцевъ и первый указалъ крестьянамъ на мѣсто въ слѣдованной псалтыри о »проклятыхъ аріанахъ«... Конечно, крестьяне сами не могли напасть на такую мысль, а познанія Суходольскаго въ сравнительномъ богословіи не помогли ему отличить аріанъ отъ армянъ. Въ виду всего этого, была признана наличность вины дьячка, и дѣло о немъ поступило къ епархіальному начальству. Чѣмъ оно кончилось,—не знаемъ.

Прошло восемь лѣтъ послѣ описаннаго здѣсь событія, и

Порвалась цѣпь велика,
Порвалась, раскачалася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!....

Сильно пришибла она и Калантаровыхъ. Послѣдующіе наслѣдники и владѣльцы Маслова-Кута »оскудѣли«.... Два или три года тому назадъ мы встрѣтили въ газетахъ объявленіе о продажѣ имѣнія Калантаровыхъ за долги, кажется, ставропольскому городскому банку....

И. С—р—ъ.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)[1].

XV. Испанія.

Мы причалили къ Малагѣ предъ закатомъ солнца. Красновато-золотистые лучи погасавшаго свѣтила окрашивали бѣлые дома Малаги въ какой-то странный не бывалый цвѣтъ и отражались огненнымъ отблескомъ на оконныхъ стеклахъ, за городомъ возвышались горы, покрытыя изумрудною зеленью. Бархатистая зелень горъ отъ красноватаго отлива заходящаго солнца, образовала темный фонъ, изъ котораго рельефно выступала Малага, освѣщаемая послѣдними лучами солнца, словно какою-то фантастическою иллюминаціей. Картина была поразительно хороша, но грустна; не знаю, отъ чего Малага издали представилась мнѣ громадной потребальной часовней (chapelle ardente) съ стѣнами, обитыми чернымъ бархатомъ, и съ множествомъ зажженныхъ свѣчей подъ красновато синимъ сводомъ неба.

Высадившись на берегъ, мы отправились въ домъ Леи. Дорогой я былъ пораженъ многочисленностью пестрой и оживленной толпы, повсюду звуки гитары, пѣсни, шумные разговоры, танцы и веселье. Я думалъ, что попалъ на народный праздникъ, но Наима сказала мнѣ, что ежедневно вечеромъ жители Малаги собираются на улицахъ и про-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

водятъ время до глубокой ночи въ беззаботномъ весельи, а днемъ не выходятъ изъ домовъ, укрываясь отъ нестерпимаго зноя.

На огромной площади, обстроенной большими домами, на которой расположена Alameda, мы остановились у дома Леи. Лея проводила обыкновенно лѣто въ окрестностяхъ Гренады, и переѣзжала въ Малагу въ началѣ сентября; хотя и былъ уже сентябрь въ началѣ, но жаръ стоялъ еще очень сильный и мы не застали Леи въ Малагѣ. Оправивши не много нашъ туалетъ, мы отправились на Аламеду. Это городское гулянье привело меня въ совершенный восторгъ. Представьте себѣ длинный, широкій бульваръ, густо обсаженный экзотическими деревьями и растеніями южной Америки, между ними бюсты временъ римскаго владычества, несмѣтная толпа гуляющихъ, національные андалузскіе костюмы мужчинъ, черныя платья, кружевныя мантиліи и неразлучные вѣеры женщинъ, замѣчательныхъ своей красотой, развязностью и граціей, оживленіе, не поддѣльная веселость, неумолкаемый говоръ и при всемъ этомъ безукоризненная порядочность и приличіе, врожденныя испанцамъ, —и будете имѣть понятіе объ обаятельномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ вечеромъ въ Испаніи.

Погулявъ часа полтора, усталые отъ морскаго путешествія, мы ушли рано домой. Въ домѣ Леи не было роскоши, онъ былъ меблированъ очень просто, но съ большимъ вкусомъ и содержался превосходно.

На другой день очень рано я уже былъ одѣтъ и отправился осматривать городъ. Послѣ вчерашняго вечерняго впечатлѣнія Малага мнѣ показалась днемъ очень некрасивой, но довольно живописной, въ особенности въ мѣстностяхъ сохранившихъ мавританскій характеръ; изъ нихъ замѣчательна Alcazaba, старинная часть города съ развалинами мавританской крѣпости на горѣ, съ которой открывается видъ на море. Горы, окружающія Малагу, по большей части обнажены и лишены растительности, берегъ совершенно голый, безъ деревьевъ и жилищъ. Гавань считается одною изъ лучшихъ въ Испаніи, постоянно наполнена иностранными судами и оживлена торговою дѣятельностью. Вино, оливковое масло, апельсины, лимоны, свѣжій и сушеный виноградъ—вотъ продукты мѣстнаго производства, привлекающіе въ Малагу купцовъ всѣхъ націй, и не смотря на кажущуюся ничтожность предметовъ от-

пускной торговли, здѣсь дѣлаются большіе обороты и наживаются безъ особеннаго труда и рисковъ значительные капиталы.

Мужъ Леи былъ одним изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ негоціантовъ Малаги; онъ велъ постоянно оптовую торговлю виномъ, которое выдѣлывается въ окрестностяхъ Малаги и расходится по всей Европѣ. Производство винъ не ограничивается однимъ дессертнымъ; здѣшняя почва даетъ превосходныя столовыя крѣпкія вина, которыя мало чѣмъ уступаютъ мадерѣ, хересу и портвейну, въ особенности въ натуральномъ видѣ, безъ примѣси алкоголя; но такое вино можно пить только на мѣстѣ: безъ добавленія извѣстнаго количества спирта, оно не выноситъ перевоза, какъ и всѣ вина южной Испаніи.

Днемъ улицы Малаги почти совершенно пусты; рѣдко встрѣтишь какого нибудь caballero; женщинъ совсѣмъ не видать.

День провели и мы чисто по испански; не выходили изъ дому, представлявшаго всѣ удобства жилищъ южныхъ странъ. Зноя мы не чувствовали, солнца не видали; вездѣ царствовалъ полумракъ.

Нужно было ожидать слѣдующаго утра, чтобы ѣхать въ дилижансѣ въ Гренаду; предъ закатомъ солнца мы вышли погулять. Наима хорошо знала Малагу; для меня этотъ городъ представлялъ интересъ новизны. Тоже оживленіе, веселье и многолюдство, что и вчера. Тутъ я присмотрѣлся къ малагскимъ женщинамъ, и красота ихъ поразила меня.

Въ дилижансѣ, запряженномъ мулами, чрезъ Лоху, небольшой городъ, отправились мы въ Гренаду. Въ окрестностяхъ Малаги южная растительность обратила на себя мое вниманіе. Живыя изгороди изъ кактусовъ, алоэ огромныхъ размѣровъ, бананы, пальмы, большія лимонныя и апельсинныя деревья, виноградники, плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги украшали живописныя мѣстности нашей дороги, проложенной между горъ. Кое-гдѣ встрѣчались селенія довольно значительныя и мелькали одинокія венты. Задолго до пріѣзда въ Гренаду представилась взорамъ нашимъ величественная Сіерра Невада съ своей бѣло-снѣжной вершиной. Наконецъ мы въ предмѣстьяхъ Гренады, утопающихъ въ роскошныхъ садахъ. Послѣ несноснаго жара въ ущелі-

яхъ горъ, мы вздохнули свободнѣе и съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ Гренады. У подножія горы живописно раскинута древняя столица мавровъ; за нею, на возвышенномъ, зеленомъ холмѣ, рисуется Альамбра. Я былъ въ совершенномъ упоеніи отъ чудной, разстилавшейся предо мною картины, и нѣтъ словъ передать ея чарующую прелесть: все, что ни напишешь, будетъ ниже дѣйствительности. Мы остановили дилижансъ, вышли и долго, долго въ нѣмомъ восторгѣ любовались Гренадой.

Въ живописной долинѣ, изрѣзанной водопроводами, орошающими посѣвы хлопка, конопли, сахарнаго тростника, винограда, рису и тутовыхъ деревьевъ, недалеко отъ Vega de Grenada, находилась вилла Леи. Насъ не ждали; пріемъ былъ самый дружескій. Мужа Леи, Натана, не было дома: онъ отправился осматривать закупленные имъ виноградники и долженъ былъ воротиться дней чрезъ десять. Мы сговорились ждать его въ Гренадѣ и, по возвращеніи, всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Малагу.

Дни, проведенные мною у Леи, были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Искреннее, чисто родственное ко мнѣ расположеніе этой превосходной женщины, удобства привольной загородной жизни, чудный испанскій воздухъ, высокая температура котораго умѣряется въ Гренадѣ обиліемъ воды, проведенной всюду еще маврами, роскошная растительность всѣхъ странъ и климатовъ искусно сгруппировались въ небольшомъ, но отлично расположенномъ и содержимомъ садѣ. Ежедневныя прогулки въ Гренаду, глубокая привязанность къ Наимѣ, скрѣпленная ея интереснымъ положеніемъ и надеждою на возможность назвать Наиму рано или поздно моею супругой, чему обѣщала содѣйствовать Лея,—все это такъ хорошо расположило меня, что я былъ постоянно веселъ и въ высшей степени разговорчивъ и любезенъ. Сидя дома, мы разсказывали Леѣ наши путевыя впечатлѣнія; много говорилъ я ей о Россіи. Время летѣло незамѣтно.

Какъ ни поразилъ меня своею красотою видъ Гренады, первые два дня были вполнѣ посвящены семейной жизни на дачѣ Леи; потомъ мы отправились осматривать городъ. Не ищите въ немъ красоты

европейскаго города: узкія, извилистыя улицы, полуразрушенныя мавританскія постройки, новые дома, не представляющіе ничего особеннаго, церкви ничѣмъ не замѣчательныя, исключая большаго собора съ гробницей Фердинанда и Изабеллы. Но въ самой неправильности улицъ, вымощенныхъ небольшими цвѣтными камнями въ узоръ арабесковъ, въ почтенной древности и оригинальности мавританскихъ зданій чисто восточнаго характера, въ богатой растительности садовъ, оживленной обиліемъ фонтановъ, ручьевъ и канавокъ самой чистой воды, столько прелести, столько поэзіи, что Гренада непремѣнно произведетъ на васъ впечатлѣніе обаятельное; она васъ очаруетъ. Ея большая площадь Виварамбла, за нею на холмѣ разрушающіяся стѣны и башни Альамбры, еще выше, Хенералифе съ стройными кипарисами, возвышающимися надъ обрушившимися стѣнами крѣпости, великолѣпная Alameda, состоящая изъ аллей роскошныхъ и величественныхъ буковъ и вязовъ, съ ея чудными фонтанами, громадными олеандрами, шумнымъ, пѣнистымъ Хенилемъ и притокомъ его, золотоноснымъ Дарро; всюду прохлада, чистый, влажный, ароматическій воздухъ, и чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ болѣе таетъ снѣгъ на вершинѣ Сіерры Невады, тѣмъ обильнѣе льются потоки съ окружающихъ горъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, бьютъ фонтаны; враждующія стихіи: огонь и вода мирятся, дружатся въ Гренадѣ, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ древней столицѣ мавровъ такой климатъ, такую растительность, какихъ нельзя встрѣтить въ другихъ странахъ Европы. По истинѣ, это рай земной.

Прибавьте къ этому памятники мавританской архитектуры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу; историческія воспоминанія о господствѣ мавровъ, живущія въ памяти настоящаго населенія; ихъ цивилизацію и культуру, стоявшую выше, чѣмъ у другихъ средневѣковыхъ народовъ, ихъ рыцарскую честность и отвагу, ихъ романическія, почти сказочныя похожденія, ихъ нравы и обычаи, вошедшіе въ жизнь, въ природу андалузянъ, и наконецъ мавританскую кровь, которая течетъ въ большей части жителей южной Испаніи, и вы не удивитесь, когда скажу, что Гренада до того меня очаровала, что, когда, по возвращеніи Натана, нужно было думать объ отъѣздѣ, мнѣ крайне не хотѣлось раз-

статься съ Гренадой; каждый день просилъ я отсрочки и тогда только согласился ѣхать въ Малагу, когда Натанъ объявилъ, что его присутствіе тамъ необходимо по коммерческимъ дѣламъ.

Понятны мнѣ стали слезы мавровъ при прощаніи ихъ съ Гренадой, памятно мѣсто на одной изъ окружающихъ горъ: cuesta de las lagrymas, съ котораго, рыдая, Боабдиль, послѣдній владыка Мавровъ, въ послѣдній разъ взглянулъ на Гренаду. Скала эта называется: el ultimo sospiro del moro, послѣдній вздохъ мавра.

Описывать достопримѣчательности Гренады не стану: о дворцахъ Альамбры и Хенералифе такъ много писали, что эти памятники мавританскаго зодчества болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Но не могу не прибавить, что всѣ описанія, рисунки и гравюры Альамбры могутъ дать только слабое понятіе о тонкомъ изяществѣ, рѣдкой красотѣ и чисто восточномъ богатствѣ отдѣлки мавританскаго дворца. Нужно его видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить и навсегда запечатлѣть въ своей памяти это образцовое, геніальное произведеніе арабскаго искусства. Оно васъ поражаетъ не громадностью размѣровъ; напротивъ, величина построекъ очень ограничена; но необыкновенною легкостью, кружевными узорами лѣпной работы, утонченностью вкуса, и поражаетъ, несмотря на довольно неудовлетворительное состояніе этого дворца, требующаго тщательнаго исправленія и болѣе заботливаго содержанія. Нѣкоторыя части зданія разрушаются, а другія давно уже обратились въ груду развалинъ.

Я очень полюбилъ Натана; мы вскорѣ подружились; это былъ честный и умный негоціантъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Нрава онъ былъ кроткаго, веселаго и любезнаго.

Возвратясь въ Малагу, мы постоянно проводили время въ троемъ; Натанъ былъ занятъ дѣлами и только по вечерамъ удѣлялъ намъ нѣсколько часовъ. Мы много читали, занимались музыкой и съ захожденіемъ солнца всегда отправлялись на Аламеду.

Однажды мы усѣлись на скамейкѣ; къ Наимѣ подошелъ незнакомый мнѣ высокій, статный молодой человѣкъ и заговорилъ съ нею. Разговоръ продолжали довольно долго. Это мнѣ не понравилось. Возвращаясь домой, я спросилъ Наиму, кто былъ ея собесѣдникомъ? Она

отвѣтила, что молодой человѣкъ маркизъ Б., сынъ испанскаго гранда, знакомый ей со времени послѣдняго пребыванія у Леи. Маркизъ каждый вечеръ подходилъ къ Наимѣ, познакомился со мной, но встрѣтилъ самый холодный пріемъ. Маркизъ былъ очень красивъ и любезенъ; возбудилъ во мнѣ большую антипатію; всюду преслѣдовалъ Наиму, бросалъ на нее пламенные взгляды и раздражалъ меня. Ревность или простая антипатія дѣлали присутствіе маркиза для меня невыносимымъ. Когда онъ появлялся, я подавалъ руку Наимѣ и мы уходили. Наконецъ маркизъ замѣтилъ мое къ нему нерасположеніе; мы обмѣнялись выразительными взглядами, въ которыхъ просвѣчивалась непримиримая вражда, и болѣе не встрѣчались. Тѣмъ не менѣе я такъ ненавидѣлъ маркиза, что не могъ равнодушно о немъ вспомнить и мысленно сопровождалъ его недобрыми пожеланіями.

Насталъ октябрь, стало прохладнѣе, но все еще днемъ мало выходили изъ домовъ, закрывали двери и окна. По возвращеніи съ гулянья, мы остальную часть вечера, до глубокой ночи, проводили обыкновенно въ patio, внутреннемъ дворикѣ, устраиваемомъ при каждомъ испанскомъ домѣ. Дворикъ этотъ обсаженъ обыкновенно лучшими растеніями и цвѣтами; по срединѣ, или въ сторонѣ фонтанъ, колонны обвиты вьющимися растеніями, образующими вмѣсто потолка, непроницаемый для лучей солнца сводъ изъ зелени. Садовая мебель, зеркало, мраморные столы, иногда статуи служатъ украшеніемъ patio, на который выходятъ двери и окна внутреннихъ покоевъ. Съ patio на улицу ведетъ большая желѣзная, сквозная дверь; днемъ ее завѣшиваютъ, въ сумерки открываютъ; вечеромъ patio всегда освѣщается. Дворикъ этотъ служитъ гостинной и составляетъ роскошную, относительно богато убранную часть домовъ, отличающихся вообще необыкновенной простотой отдѣлки и меблировки.

Лея ухаживала за Наимой, какъ нѣжная мать. Наима чувствовала себя хорошо и безъ страданій переносила беременность. Оставалось два мѣсяца до разрѣшенія.

Въ одну изъ субботъ, Наима, по обыкновенію, въ сопровожденіи Леи и Натана отправилась въ свой молитвенный домъ.

Я остался дома и былъ занятъ сочиненіемъ фантазіи для оркестра на мотивъ, записанный мною въ Римѣ съ голоса старой еврейки.

Внезапно былъ я выведенъ изъ музыкальнаго самозабвенія необыкновеннымъ движеніемъ въ домѣ; вбѣгаетъ ко мнѣ Натанъ блѣдный, разстроенный, и объявляетъ, что Наимѣ очень дурно. Опрометью я бросился къ ней. Наима безъ чувствъ лежала на кровати. Вотъ, что случилось. Въ синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, какъ извѣстно, мужчины помѣщаются внизу, женщины на хорахъ. Спускаясь съ крутой, темной лѣстницы, Наима оступилась и упала; выходившія за нею женщины попадали на нее и ушибли Наиму. Она лишилась чувствъ; ее принесли домой. Послали за лучшимъ докторомъ; онъ привелъ Наиму въ чувство кровопусканьемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались мучительныя боли и къ вечеру Наима скончалась, разрѣшившись преждевременно ребенкомъ, который остался живъ. Я его возненавидѣлъ...

Катастрофа эта случилась такъ неожиданно, такъ быстро, что потрясающія подробности не успѣли напечатлѣться въ моей памяти. Помню только, что всю ночь я провелъ у бездыханнаго трупа Наимы, и когда на другой день меня оторвали отъ ея смертнаго ложа, и Лея поднесла мнѣ новорожденнаго, я оттолкнулъ его и сказалъ, что не хочу видѣть ребенка, жизнь котораго стоила жизни Наимѣ. Лея отвѣтила, что усыновляетъ моего сына.

Что было потомъ со мною, вспомнить не могу: я находился въ сильно возбужденномъ, горячечномъ состояніи. Припоминаю впрочемъ, что, не простясь, бѣжалъ изъ Малаги и ускакалъ верхомъ въ Гренаду, куда влекло меня воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ; но не остался въ Гренадѣ долго: становилось слишкомъ грустно, и безъ цѣли, безъ всякаго побужденія отправился въ Севилью.

Севилья не замѣчательна ни постройками, ни мѣстоположеніемъ, ни растительностью. Заслуживаетъ вниманія громадный соборъ, уступающій размѣрами одному храму св. Петра въ Римѣ; внутренность собора очень богато убрана, великолѣпна, чисто готическаго стиля, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній кисти Мурильо и другихъ испанскихъ живописцевъ. Въ часовнѣ для крещенія находится лучшее

произведеніе Мурильо: св. Антоній Падуанскій. Наружность собора болѣе чѣмъ проста; арабскій минаретъ, замѣчательная башня Хиральда служитъ колокольней. Алькасаръ, мавританскій дворецъ, отличающійся необыкновенно тонкою, кружевною рѣзьбою изъ камня въ подковообразныхъ аркахъ и украшеніяхъ колоннъ и деревянными арабесками потолковъ, находился въ самомъ плачевномъ видѣ. Alameda del duque, обсаженная акаціями; по срединѣ большой фонтанъ, кофейни, лавочки,—вотъ и все. Гвадалквивиръ течетъ за городомъ; вокругъ пустыня, на которой возвышаются полуразрушенныя стѣны Севильи.

Но кто разъ побывалъ въ Севильѣ, тотъ никогда не забудетъ чарующей прелести ея обычаевъ и нравовъ. Здѣсь вы переноситесь въ ту Испанію, о которой мечтали въ годы молодости, читая Фигаро, слушая Севильскаго цирюльника; предъ вами разыгрываются сцены и эпизоды испанскаго романа; вы чувствуете себя въ средѣ волшебной, въ осуществленной фантазіи восторженнаго воображенія, вращаетесь въ мірѣ поэзіи.

Бываютъ страшныя, необъяснимыя перемѣны въ состояніи нашего духа. Никого не любилъ я такъ сильно, какъ Наиму; никогда ни одна женщина не останавливала на себѣ моего вниманія, покуда жила Наима. Въ Гренадѣ, во время вторичнаго ея посѣщенія, грустный убитый горемъ, бродилъ я по пустыннымъ улицамъ. Въ Севильѣ вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ: откуда взялась необыкновенная энергія, лихорадочная дѣятельность, бодрость духа, неудержимая сила воли—объяснить не могу. Уступчивый, благодушный, мягкосердый, я мгновенно превратился въ сталь. Бывало, не могъ безъ сожалѣнія, участвуя въ охотѣ, смотрѣть на травлю звѣрей; въ Севильѣ, постоянно присутствовалъ на боѣ, или какъ выражаются испанцы, на бѣгѣ быковъ и не только безъ отвращенія и жалости смотрѣлъ на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, но находилъ въ этомъ варварскомъ развлеченіи особенное удовольствіе. Хотя сердце и не влекло меня ни къ кому въ особенности, хотя я чувствовалъ, что нѣтъ болѣе во мнѣ привязанности и любви, тѣмъ не менѣе съ неудержимымъ стремленіемъ бросился въ водоворотъ вѣчнаго севильскаго карнавала; это было какое-то неесте-

ственное возбужденіе, своего рода опьяненіе, послѣдняя вспышка потухавшаго вулкана.

Днемъ Севилья отдыхаетъ, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни, словно мертвый городъ. Настаетъ вечеръ, зажигаютъ фонари, отворяютъ двери, окна и балконы, улицы наполняются народомъ; на Calle de las Sierpes рядъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ мужчинами, и огромныхъ магазиновъ, совершенно открытыхъ, гдѣ во множествѣ сидятъ на стульяхъ прелестныя севильянки высшихъ слоевъ общества и разсматриваютъ товары, предлагаемые услужливыми приказчиками; на Alameda del Duque появляется несмѣтная толпа, идутъ tomar fresco. Севилья оживаетъ, оживляется, веселится. Слышится бряцанье гитаръ, танцовальный напѣвъ, стукъ кастаньетъ, шумный говоръ; разныя группы танцуютъ: фанданго, олу, хаясо; крики одобренія привѣтствуютъ ловкихъ танцовщицъ. Въ танцовщицѣ цѣнится въ особенности гибкость тѣла и пластичность ногъ; верхъ искусства составляетъ нервическое дрожаніе бедръ. И чѣмъ дольше продолжается это ночное гулянье, тѣмъ большаго оживленія достигаетъ оно. Наступила ночь, на балконахъ появляются севильянки, у каждаго балкона кавалеръ съ гитарой. Это novio; онъ пришелъ ухаживать за своей возлюбленной, pelar la pava, какъ выражаются испанцы. Почти нигдѣ не видно европейскаго платья; вездѣ богатые андалузскіе костюмы majo, темный плащъ, андалузская шляпа. И что за симпатичный, ловкій и красивый народъ!

Но вотъ мелькаютъ черныя тѣни андалузскихъ красавицъ; вы ихъ не видите во тьмѣ ночной, но чувствуете неотразимую ихъ прелесть, жадно вдыхаете въ себя упоительный запахъ цвѣтка въ ихъ волосахъ, ищете свѣта и при тускло горящемъ фонарѣ васъ обдаетъ, какъ молніей, жгучій андалузскій взглядъ. Электрическій токъ пробѣгаетъ по жиламъ, васъ влечетъ какая-то неодолимая сила, вы вступаете въ разговоръ съ красавицей. Заговорить съ незнакомой женщиной—здѣсь вещь общепринятая; отвѣчаютъ всегда вѣжливо, развязно, свободно и любезно; когда узнаютъ, что вы estranjero, съ вами обращаются еще любезнѣе: непремѣнно получите приглашеніе пожаловать въ домъ, продолжать знакомство.

Севильянка—чудный самородокъ; въ ней все природа, нѣтъ изысканной сдержанности, образованія, начитанности женщинъ другихъ націй; но умъ, неподдѣльная веселость, ласковость, любезность, разговорчивость составляютъ главныя ея достоинства. Что касается наружности, то неуловимой и непередаваемой прелести нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ.

Андалузянки вообще, севильянки въ особенности, представляютъ типъ, совершенно не похожій на принятыя условія европейской красоты. Женщины Севильи не велики, не массивны, роста ниже средняго, худощавы; маленькая ножка, обутая въ башмачекъ, едва прикрывающій пальцы; крохотная ручка въ черной ажурной митени; руки, обнаженныя до плечъ; тонкій, стройный, гибкій станъ; чудныя формы шеи и груди, просвѣчивающіяся сквозь кружево черной мантиліи, накинутой сверхъ чернаго платья. Это миніатюрное созданіе скрѣплено твердыми, упругими, какъ сталь, мускулами, изгибается съ неподражаемой, врожденной граціею, не имѣющею ничего общаго съ выдержкою и выправкой европейскихъ женщинъ другихъ странъ. Севильянки необыкновенно живы, ловки, развязны и скорѣе порхаютъ, чѣмъ ходятъ; искусство владѣть вѣеромъ, блескъ глазъ, увѣренная походка и гибкость таліи придаютъ имъ совершенно особенную физіономію. У испанцевъ существуетъ особенное выраженіе для передачи ловкости, граціи, непринужденности движеній и остроумія женщины: dona Salada (соленая женщина). Здѣсь говорятъ женщинѣ: »какъ вы *солоны*«, и нѣтъ выше этого комплимента. Что касается лица севильянки, то не ищите въ немъ классической правильности, характеризующей европейскую красоту. Попадаются иногда головки классическія, но по большей части черты лица неправильныя. Неправильность эта проходитъ совершенно незамѣтною и нисколько не уменьшаетъ красоты андалузской женщины. Въ ней болѣе всего поражаютъ большіе, продолговатые, черные, бархатистые глаза, осѣненные длинными рѣсницами, пурпуровый, какъ гранатовый цвѣтокъ, маленькій, свѣжій ротикъ, зубы алебастровой бѣлизны и черные съ синимъ отливомъ, роскошнѣйшіе волосы, подъ тяжестью которыхъ гнется очаровательная головка. Цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, прозрачный; не смотря на блѣдность, здѣшнія женщины дышатъ здоровьемъ.

Самыя красивыя принадлежатъ къ числу Morenas, отличающихся темнымъ, оливковымъ цвѣтомъ, который увеличиваетъ прелесть пурпуроваго ротика и блескъ глазъ. Прибавьте къ этому необыкновенную живость, подвижность физіономіи, взглядъ, какъ выражаются испанцы, дня и ночи, блеска и мрака, взглядъ, выразительностью своею приводящій въ волненіе, электризирующій, сверкающій молніей, взглядъ, которому испанскій языкъ посвятилъ особенный глаголъ: ojear (бросать взглядъ), и будете имѣть слабое понятіе о чарующей, обаятельной красотѣ андалузской женщины. Бросанье взгляда заключается въ томъ, что при встрѣчѣ съ мужчиной севильская испанка опускаетъ вѣки, затѣмъ быстро открываетъ глаза, обливаетъ васъ своимъ взглядомъ и опускаетъ рѣсницы; выдержать равнодушно подобный взглядъ—не возможно. На югѣ Испаніи мавры оставили по себѣ неизгладимые слѣды въ типичности жителей. Сколько ни изгоняли мавровъ изъ Испаніи, сколько ни убивали и ни жгли ихъ на auto da fé, мавританская кровь течетъ въ жилахъ жителей Андалузіи, и ей андалузянки обязаны тою особенностью своей породы, тою прелестью формъ и необычайною красотою, которыя дѣлаютъ ихъ самыми очаровательными женщинами въ мірѣ.

Болѣе мѣсяца прожилъ я въ Севильѣ; остался-бы и долѣе, еслибы совершенно неожиданное происшествіе не заставило меня выѣхать изъ Испаніи.

Однажды, въ поздній часъ ночи, пробирался я по одной изъ извилистыхъ, въ то время совершенно пустынныхъ улицъ въ Севильи. У низенькаго балкона стоялъ кавалеръ, завернутый въ плащъ; на балконѣ дама. Я прошелъ мимо тихими шагами; кавалеръ забренчалъ на гитарѣ; разговоръ прервался. Въ темнотѣ я не могъ разглядѣть лица кавалера. Необъяснимое, инстинктивное чувство овладѣло мною; не знаю почему и для чего мнѣ непремѣнно захотѣлось увидѣть лице кавалера. Пройдя нѣсколько шаговъ, я повернулъ назадъ; кавалеръ не успѣлъ закрыться плащемъ, въ немъ я узналъ маркиза Б.

Пройдти раза два-три мимо балкона, занятаго дамой и кавалеромъ, преднамѣренно или случайно помѣшать ихъ ночному свиданію,

въ Испаніи вещь очень опасная; такія столкновенія обыкновенно оканчиваются добрымъ ударомъ ножа или стилета.

Ненависть къ маркизу громко, неудержимо заговорила во мнѣ; я въ третій разъ прошелъ мимо балкона. Дама исчезла, маркизъ бросился ко мнѣ, въ рукѣ его сверкнулъ кинжалъ. Я схватилъ маркиза за руку съ занесеннымъ оружіемъ и сказалъ ему: погодите, маркизъ! я безоруженъ и нападать на меня съ кинжаломъ было-бы неблагородно; считаю для себя счастливою встрѣчу съ вами и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи принять вызовъ, согласно правиламъ чести образованныхъ и порядочныхъ людей. Вотъ моя карточка; когда и гдѣ угодно—я къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ и моя; я васъ не узналъ, извините, отвѣтилъ маркизъ, освобождая свою руку; между нами старые счеты, и оскорбленіе, которое вы нанесли мнѣ теперь, не можетъ остаться безъ удовлетворенія; завтра буду имѣть честь прислать къ вамъ моего секунданта.

Затѣмъ мы вѣжливо раскланялись и разошлись.

Прійдя домой, я заснулъ богатырскимъ сномъ; на другой день стукъ въ мою дверь разбудилъ меня. Я просилъ подождать немного, накинулъ на себя альмавиву и отворилъ, въ полной увѣренности увидѣть секунданта маркиза. Вообразите мое удивленіе и радость, когда предо мною очутился Натанъ. Я бросился въ его объятія, распрашивалъ о Леѣ. Натанъ такъ былъ счастливъ меня видѣть, что слегка упрекнулъ меня за внезапный побѣгъ изъ Малаги; долго не могъ онъ объяснить моего загадочнаго исчезновенія и молчанія, но предполагая, что въ разстроенномъ моемъ состояніи со мною могло случиться несчастье, онъ поѣхалъ отыскивать меня въ Гренадѣ; послѣ долгихъ поисковъ, не найдя меня тамъ, случайно узналъ, что я отправился въ Севилью. Въ Севильѣ, послѣ двудневныхъ поисковъ, узналъ, гдѣ я квартирую.

Теплое участіе Натана вызвало во мнѣ глубокую благодарность; съ чувствомъ пожимая его руку, я разсказалъ Натану о вчерашней встрѣчѣ и присовокупилъ, что сама судьба посылаетъ его мнѣ въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. И дѣйствительно, я не былъ ни

съ кѣмъ хорошо знакомъ въ Севильѣ и не могъ-бы прінскать секунданта.

Натанъ старался убѣдить меня, что я не правъ въ дѣлѣ съ маркизомъ, и склонялъ къ извиненію, которое по всей вѣроятности удовлетворило-бы маркиза въ виду ничтожнаго предлога ссоры. Я просилъ не говорить болѣе объ этомъ, считая невозможнымъ и несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ предлагать извиненія.

На просьбу мою принять участіе въ дуэли, Натанъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что не смотря на всю его привязанность ко мнѣ, онъ не можетъ исполнить моего желанія.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тебя это удивляетъ, говорилъ Натанъ, ты не знаешь нравовъ и обычаевъ Испаніи: въ дуэли дворянина съ сыномъ гранда и маркизомъ секундантъ твой долженъ быть hidalgo по меньшей мѣрѣ. Маркизъ знаетъ, что я негоціантъ; купцы не пользуются въ Испаніи почетомъ, и меня никогда не допустятъ быть твоимъ секундантомъ. Нужно найти другого; не достаточно, чтобы онъ былъ hidalgo; въ дѣлѣ чести требуется, чтобы онъ былъ caballero: испанцы говорятъ, что король дѣлаетъ благородными, но одинъ Богъ создаетъ кавалеровъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду драться безъ секунданта.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— А если-бы я предложилъ посланному отъ маркиза быть нашимъ общимъ секундантомъ?

— Быть можетъ, онъ и приметъ твое предложеніе, но въ такомъ случаѣ ты совершенно предашь себя въ ихъ руки.

— Знаешь что, Натанъ? Я мало знакомъ съ испанцами, но на сколько ихъ знаю, кажется, вполнѣ можно положиться на ихъ честный, рыцарскій характеръ. Novio, по принятому обычаю, въ гнѣвѣ готовъ нанести ударъ ножемъ или стилетомъ; hidalgo, вызванный на дуэль иностранцемъ не уклонится отъ правилъ чести.

— Съ этимъ я согласенъ, но бываютъ исключенія.

— Что-жъ они могутъ сдѣлать? Не убьютъ измѣннически?

— Это конечно трудно предполагать. Но я во всякомъ случаѣ про-

силъ-бы тебя дозволить мнѣ издали слѣдить за вами. Не откажи въ этомъ; какъ знать, что случится? За исходъ поединка никогда нельзя ручаться.

— Вѣришь-ли въ предопредѣленіе? Чему быть, тому не миновать, говоритъ русская пословица. Я твердо убѣжденъ въ счастливомъ для меня исходѣ этого дѣла.

— Такъ или иначе, я не оставлю тебя и если не пріищу секунданта, на котораго вполнѣ можно было-бы положиться, буду слѣдить за вами.

— Дѣлай, какъ знаешь; позволь обнять тебя за твою дружбу, за твою братскую привязанность.

— Натанъ ушелъ. Я занялся туалетомъ. Часовъ въ одинадцать опять стукъ въ двери. Отворяю. Предо мною не большаго роста, красивый, въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

— Съ сеньоромъ-ли С. имѣю честь говорить?

— Точно такъ. Неугодно-ли сѣсть. Вы пожаловали вѣроятно по порученію маркиза Б.?

— Графъ П., секундантъ маркиза Б., къ услугамъ вашей милости.

Большіе сѣрые глаза молодого человѣка смотрѣли съ такимъ выраженіемъ благодушія и благородства, особа графа была такъ привлекательна, что онъ внушилъ мнѣ невольное къ нему сочувствіе и полное довѣріе.

Когда мы согласились на счетъ времени, мѣста и условій поединка, я ему сказалъ о моемъ затруднительномъ положеніи въ отношеніи секунданта и просилъ графа быть нашимъ общимъ секундантомъ.

Графъ отвѣтилъ, что предложеніе мое противорѣчитъ принятымъ правиламъ о дуэляхъ; благодарилъ за оказываемую честь и довѣріе и сказалъ, что если маркизъ согласится, онъ отдастъ себя въ наше полное распоряженіе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Натанъ возвратился съ длиннымъ, блѣднымъ лицемъ. Я успокоилъ его, передалъ разговоръ съ графомъ П.

и упомянулъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ молодымъ человѣкомъ. Натану хотѣлось узнать подробности условій дуэли. Я сообщилъ ему, что завтра въ семь часовъ утра, за городомъ, мы должны драться на шпагахъ. Натану это крѣпко не понравилось; онъ упрекалъ меня въ томъ, что я согласился драться на шпагахъ, стрѣляя отлично изъ пистолета. Какъ ни старался я объяснить ему, что выборъ оружія зависѣлъ отъ маркиза и что деликатность не позволяла предложить бой на оружіи, которымъ я владѣлъ слишкомъ хорошо, Натанъ не могъ понять излишняго, какъ онъ выражался, великодушія. Онъ впрочемъ пересталъ безпокоиться, когда я сказалъ, что и шпагою владѣю не дурно, хотя очень давно не фехтовалъ.

Весь день былъ посвященъ воспоминанію о Наимѣ. Натанъ много говорилъ о ея дѣтствѣ, превосходныхъ ея качествахъ. Я навелъ разговоръ на знакомство Наимы съ маркизомъ. Натанъ объяснилъ мнѣ, что дѣвицы въ Испаніи пользуются большою свободою, часто вступаютъ въ довольно интимныя отношенія къ молодымъ людямъ, которымъ нравятся, что иностранцу можетъ казаться страннымъ и неприличнымъ. Наима-же, не смотря на свою красоту и любезный характеръ, никогда и никѣмъ не была занята, всегда была безупречна; первая и единственная ея привязанность вполнѣ принадлежала мнѣ. Маркизъ дѣйствительно желалъ за нею ухаживать; но не нравился Наимѣ, и знакомство ограничилось встрѣчами на гуляньи до отъѣзда Наимы въ Берлинъ. По мнѣнію Натана, маркизъ былъ пустой, но честный и добрый молодой человѣкъ и пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ у андалузскихъ красавицъ.

Передъ вечеромъ я получилъ съ нарочнымъ слѣдующую записку: Иностранецъ, довѣряющій чести испанца, достоинъ полнаго уваженія. Предложеніе ваше принято. До завтрего. Графъ П.

Меня взяло раздумье, мнѣ стало совѣстно драться съ человѣкомъ, который въ сущности ничѣмъ меня не обидѣлъ и котораго я вывелъ изъ терпѣнія неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, поступкомъ. Вызовъ мой былъ слѣдствіемъ ненормальнаго, возбужденнаго состоянія духа; но размышленіе

пришло поздно: ложный стыдъ удерживалъ меня отъ извиненія; жребій былъ брошенъ.

Я написалъ два письма: одно дорогой моей матери, другое Леѣ и просилъ Натана, въ случаѣ несчастнаго для меня исхода дуэли, отправить первое по почтѣ, а второе передать доброй Леѣ. Вечеръ мы провели въ дружеской, братской бесѣдѣ.

На другой день, въ шесть часовъ утра Натанъ пришелъ ко мнѣ и возобновилъ просьбу дозволить ему издали слѣдить за нами. Я не согласился.

Въ семь часовъ я былъ за городомъ, на берегу Гвадалквивира и засталъ тамъ маркиза Б. и графа П. Мы молча обмѣнялись поклонами, я пожалъ руку графа. Онъ поднесъ мнѣ двѣ толедскія шпаги, прося выбрать одну изъ нихъ. Сбросивъ верхнюю одежду, мы съ маркизомъ стали въ позицію.

— Одно слово, господа, сказалъ графъ; позвольте сдѣлать предложеніе лично отъ меня: я полагалъ-бы возможнымъ ограничить бой первой раной, полученной каждымъ изъ сражающихся, или двумя, нанесенными одному и тому-же изъ почтенныхъ противниковъ.

Маркизъ и я изъявили на это согласіе. Маркизъ владѣлъ хорошо шпагой и нападалъ очень бойко; я защищался и отпарировалъ нѣсколько ударовъ. При одномъ изъ приступовъ, моя шпага, вмѣсто того, чтобы отбить въ сторону, скользнула по шпагѣ маркиза снизу вверхъ, и остріе его шпаги вонзилось въ верхнюю мою губу; ударъ былъ не очень силенъ, но боль невыносимая. Мы вновь стали въ позицію, я перешелъ въ наступательное положеніе; мои первые удары были отпарированы; на четвертомъ шпага моя проколола маркиза въ грудь съ правой стороны и проколола такъ сильно, что я съ трудомъ могъ ее вытащить. Маркизъ упалъ на руки графа, кровь заструилась изъ раны маркиза.

Я былъ крѣпко взволнованъ; мысль, что нанесъ смертельную рану маркизу, приводила меня въ отчаяніе; я бросился къ нему и съ сожалѣ-

ніемъ, съ глубокимъ раскаяніемъ взоръ мой остановился на покрытомъ мертвенною блѣдностью лицѣ маркиза.

Графъ свистнулъ; явились служители. Графъ П. положилъ на рану компрессъ холодной воды, далъ раненому проглотить нѣсколько капель рому, и маркизъ очнулся. Я протянулъ ему руку, и просилъ простить меня.

Легкое пожатіе руки маркиза и взглядъ, полный примиренія, были его отвѣтомъ.

Наскоро устроили носилки, положили на нихъ маркиза, и печальное шествіе направилось къ его квартирѣ; я просилъ позволенія сопровождать его. Графъ охотно согласился. Послали за докторомъ; онъ объявилъ, что рана очень опасна. Окончивъ перевязку раны маркиза, докторъ обратился ко мнѣ, изслѣдовалъ мою рану на губѣ; губа оказалась проколотою насквозь, шпага разрѣзала и десну. Обмывъ запекшуюся кровь, докторъ сшилъ рану булавками, далъ какую-то примочку, и спросивъ мой адресъ, сказалъ, что завтра посѣтитъ меня. Съ графомъ мы разстались совершенными друзьями.

По возвращеніи домой, я засталъ Натана въ большомъ безпокойствѣ; долгое мое отсутствіе тревожило его и наводило на мысль, что со мною случилось несчастіе. Когда я ему разсказалъ, какъ было дѣло, онъ успокоился.

Въ душевномъ моемъ состояніи произошелъ сильный переломъ: возбужденіе духа исчезло совершенно и дало мѣсто такому упадку нравственныхъ и физическихъ силъ, что нѣтъ словъ описать мое тогдашнее положеніе.

Неожиданная, почти внезапная смерть Наимы, глубокая привязанность моя къ этой прелестной женщинѣ, жертвы, принесенныя ею, благородный, возвышенный ея характеръ, чистая ангельская душа и горячая ко мнѣ любовь, бѣгство изъ дома Леи, отвращеніе къ сыну, безумная, непрерывная оргія Севильи, ничѣмъ неоправдываемая ссора съ маркизомъ, убійство,—все это, взятое вмѣстѣ, грызло, мучило, терзало меня. Словно завѣса спала съ глазъ моихъ; словно взглядъ просвѣтлѣлъ, и я прозрѣлъ и сталъ ненавистенъ самъ себѣ.

Когда Натанъ, замѣтивъ перемѣну во мнѣ, съ участіемъ спросилъ, что со мною, и не страдаю ли отъ ранъ, я отвѣтилъ, что физическая боль ничто въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ, и произнесъ строфу Метастиза, которая вѣрно передавала мое тогдашнее настроеніе:

Ogni oggetto ch' altrui piace
Per me licto più non è:
Ho perduta la mia pace,
Son io stesso in odio a me.

Ночь провелъ я безъ сна. Утромъ пришелъ докторъ и остался доволенъ положеніемъ моей раны; опухоли не было, но сильная боль не унималась. Я спросилъ о маркизѣ, докторъ отвѣтилъ, что за выздоровленіе ручаться нельзя, но лихорадочное состояніе уменьшилось.

На третій день послѣ дуэли, я навѣстилъ маркиза; ему не было ни лучше, ни хуже, онъ все время находился въ безпамятствѣ, лихорадка впрочемъ ослабѣвала. Я долженъ былъ уѣхать изъ Севильи: дѣло о дуэли огласилось; законы строго преслѣдовали дуэлистовъ. Графъ и Натанъ совѣтовали мнѣ выѣхать изъ Испаніи. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Простился съ графомъ П. и убѣдительно просилъ его писать мнѣ о маркизѣ въ Марсель, гдѣ располагалъ провести нѣсколько времени.

Прощаніе съ Натаномъ было трогательно; я крѣпко къ нему привязался, полюбилъ какъ брата. Онъ возвратилъ мнѣ письмо, назначенное матушкѣ, и оставилъ у себя писанное къ Леѣ. Въ немъ я просилъ прощенія въ бѣгствѣ изъ Малаги, благодарилъ за дружеское, родственное ко мнѣ расположеніе и изъявлялъ глубокое сожалѣніе о необходимости проститься съ Леею навсегда, если меня убьютъ, или на долго, если останусь живъ. О сынѣ ни слова. Заѣхать въ Малагу я не могъ: это было выше силъ моихъ. Обѣщалъ писать изъ Марселя, куда Натанъ долженъ былъ отправить мои вещи. Болѣе всего я дорожилъ портретомъ Наимы и просилъ не забыть прислать его.

На пароходѣ отправился я изъ Севильи въ Кадиксъ, и въ день моего туда пріѣзда отплылъ въ Марсель. Во время переѣзда полная апатія и болѣзненная сонливость овладѣли мною.

Очнулся, пришелъ въ себя только въ Марсели. Нужно было отдохнуть отъ нравственныхъ потрясеній, собраться съ мыслями, окрѣпнуть духомъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.

Книга г. Голубовскаго по самому сюжету своего изслѣдованія представляетъ высокій интересъ для средневѣковой русской исторіи; выбранный имъ предметъ несомнѣнно одинъ изъ болѣе трудныхъ и автору приходилось бороться съ весьма существенными препятствіями при выполненіи своей задачи: съ одной стороны, онъ могъ пользоваться только разрозненнымъ и весьма неполнымъ историческимъ матеріаломъ, который онъ собралъ весьма тщательно въ историческихъ памятникахъ: русскихъ, византійскихъ, венгерскихъ, польскихъ и арабскихъ (поскольку послѣдніе могли быть доступны автору въ переводѣ на русскій или другіе европейскіе языки); съ другой стороны, при невозможности пользоваться подлиннымъ текстомъ восточныхъ писателей и сличеніемъ между собою тюркскихъ языковъ, авторъ невольно долженъ былъ ограничить въ этомъ отношеніи свои выводы и отказаться отъ цѣлаго ряда историческихъ указаній.

Не смотря однако на указанныя трудности, г. Голубовскому удалось свести довольно полную картину исторіи южно-русскихъ степей до XIII ст. Собравъ все, что возможно было собрать въ извѣстныхъ понынѣ источникахъ, авторъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія съ большою осторожностью и съ большимъ критическимъ тактомъ; не смотря на то, что ежеминутно онъ встрѣчалъ широкое поле для догадокъ, онъ пользовался этою возможностью очень умѣренно и въ рѣдкихъ только случаяхъ поставилъ весьма правдоподобныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма осторожныя гипотезы. Къ числу почтенныхъ качествъ, которыми отличается сочиненіе г. Голубовскаго, принадлежитъ высказанное имъ въ

предисловіи и строго выдержанное въ самой книгѣ положеніе, вслѣдствіе котораго авторъ отказывается отъ полемическаго пріема въ изложеніи избраннаго имъ вопроса. »Мы не излагаемъ, говоритъ г. Голубовскій, всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу, и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ балластомъ: разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этимъ самимъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣній, съ которыми мы не согласны. Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ«. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что избранный имъ пріемъ проще, скромнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣе для самостоятельной разработки предмета, чѣмъ пріемъ полемическій, при которомъ авторъ можетъ высказать и свое остроуміе, и свою эрудицію, но который невольно отвлекаетъ его на каждомъ шагу отъ прямой цѣли его излѣдованія и очень часто замѣняетъ эту цѣль второстепенными вопросами, дающими поводъ къ спору, и отодвигаетъ ее невольно на задній планъ сочиненія. Другой критическій пріемъ, несомнѣнно весьма цѣнный въ историческомъ изслѣдованіи, высказанъ авторомъ также въ его предисловіи: »Въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе на источники первой руки... Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки на основаніи источниковъ первой руки. Ими-же и только ими одними мы будемъ защищать свои положенія«. Послѣдній пріемъ авторъ старался дѣйствительно примѣнить, по мѣрѣ возможности, въ своей книгѣ, но, къ несчастію, скудный матеріалъ источниковъ первой руки не всегда дозволилъ ему строго слѣдовать по указанному пути; по временамъ онъ былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ наведеніямъ изъ болѣе позднихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыя соображенія долженъ былъ заимствовать изъ источниковъ далеко не первой руки. Впрочемъ нельзя не признать, что подобнаго рода примѣры встрѣчаются въ книгѣ г. Голубовскаго относительно рѣдко и весьма добросовѣстно имъ-же отмѣчены.

Сочиненіе г. Голубовскаго раздѣлено по содержанію на 6 главъ. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной: »Степи до появленія печенѣговъ (т. е. до IX ст.), авторъ старается представить картину южно-русскихъ степей въ ту отдаленную эпоху; онъ пришелъ къ заключенію, по собраннымъ имъ свидѣтельствамъ, что степи въ то время были далеко не такъ пустынны, какъ въ послѣдствіи; значительная часть ихъ была покрыта лѣсомъ, другая пересѣкалась лѣсными грядами; лѣса давали возможность селиться осѣдлому населенію и составляли естественное препятствіе для вторженій первыхъ кочевниковъ. Славянское населеніе занимало всю степную полосу до моря; авторъ особенно тщательно со-

бралъ доказательства въ пользу того положенія, что славянское населеніе существовало въ то время въ бассейнѣ Дона и простиралось сплошными поселеніями къ юго-востоку до Тмутаракани.—Вторая глава посвящена исторіи печенѣговъ, торковъ и половцевъ до пришествія татаръ; авторъ передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о кочевьяхъ этихъ народовъ въ средней Азіи и въ юго-восточной Европѣ, устанавливаетъ ихъ общее происхожденіе и, указавъ на принадлежность ихъ къ тюркскому племени, наравнѣ съ турками сельджуками и османами, ставитъ гипотезу, что всѣ названные народы правдоподобно выдѣлились изъ одного племени »гузовъ«, кочевавщаго въ IX—X столѣтіяхъ въ аралокаспійскихъ степяхъ.

Самая подробная и обстоятельная глава труда »Русь и кочевники« разсматриваетъ отношенія поочередно смѣнявшихся степныхъ ордъ къ славянскому населенію степей и порубежныхъ съ степью мѣстностей. Авторъ въ этой главѣ, не ограничиваясь изложеніемъ собранныхъ имъ фактическихъ данныхъ, характеризируетъ весьма типично политику разныхъ вѣтвей русскаго княжескаго рода по отношенію къ кочевникамъ и весьма подробно устанавливаетъ границы и боевыя линіи со стороны степи, выдвинутыя князьями рязанскими, сѣверскими, переяславскими и кіевскими.

Указавъ на постепенныя смѣны одной орды другою, онъ обращаетъ вниманіе на поселеніе остатковъ вытѣсненныхъ ордъ въ предѣлахъ Руси и даетъ весьма конкретный и живой очеркъ Черныхъ Клобуковъ и того положенія, какое они занимали на югѣ Россіи.

Четвертая глава озаглавлена: »Судьбы окраиннаго славянскаго населенія«; г. Голубовскій собралъ въ ней свѣдѣнія, сохранившіяся о томъ славянскомъ населеніи, которое заселяло южно-русскія степи до прихода печенѣговъ и которое, по его мнѣнію, въ значительной мѣрѣ уцѣлѣло въ южныхъ степяхъ отъ Дона до Прута, не смотря на завоеваніе этихъ степей кочевниками. Это изслѣдованіе г. Голубовскаго отличается совершенною самостоятельностью и возбуждаетъ весьма живой интересъ. Онъ указываетъ, какъ на остатки славянскаго поселенія, на Тмутаракань, затѣмъ въ степяхъ у Дона онъ видитъ его остатки въ упоминаемыхъ лѣтописью городахъ: Тарукани, Сугровѣ, Балинѣ, Чешлюевѣ; онъ указываетъ на то, что славянское населеніе придонскихъ степей и береговъ Азовскаго моря извѣстно было нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ *бродниковъ*, затѣмъ онъ переходитъ къ очерку такихъ-же славянскихъ поселеній въ степяхъ, занятыхъ кочевниками, на западной степной территоріи, указываетъ на существованіе въ этой территоріи въ удѣльно-вѣчевое время города: Олешье, Бѣлгородъ, Черный городъ (Очаковъ),

Малый Галичъ, Берладь, Текучій и устанавливаетъ названіе »берладники«, какъ имя, подъ которымъ современникамъ извѣстно было славянское населеніе юго-западныхъ степей. Главу эту г. Голубовскій заключаетъ гипотезою, поставленною впрочемъ весьма осторожно, о томъ, что въ берладникахъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть первоначальное козачество. Гипотеза эта несомнѣнно очень остроумна, но, какъ намъ кажется, не можетъ быть обставлена сколько нибудь удовлетворительно научными данными, вслѣдствіе совершеннаго ихъ отсутствія. Желая подкрѣпить ее сколько нибудь вѣскими соображеніями, г. Голубовскій поставленъ былъ въ необходимость отступить отъ своего обычнаго пріема —основывать свои выводы исключительно на источникахъ первой руки и потому вовлеченъ былъ въ ошибку: съ одной стороны онъ долженъ былъ допустить, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ, что Запорожье дало начало осѣдлому козачеству, а не на оборотъ, какъ это явствуетъ изъ древнѣйшихъ современныхъ свѣдѣній о началѣ козачества; съ другой стороны, въ подкрѣпленіе своей гипотезы авторъ принялъ въ основаніе грамоту, данную будтобы запорожцамъ королемъ Стефаномъ въ 1576 г., заимствовавъ ее не изъ источника первой руки, а изъ позднѣйшаго, несомнѣнно апокрифическаго пересказа.

Въ пятой главѣ: »Кочевники у себя« авторъ собралъ всѣ дошедшія до насъ данныя о внутреннемъ бытѣ кочевниковъ. Онъ указываетъ на дѣленіе ихъ на колѣна и роды, на значеніе власти князей, на состояніе у нихъ военнаго дѣла, ихъ бытъ, вооруженіе, привычки, одежду и наружный видъ; указываетъ также и на постепенно развивавшееся среди кочевниковъ культурное вліяніе Руси и на попытки мисіонерской среди ихъ дѣятельности.

Наконецъ шестая глава разсказываетъ исторію изгнанія изъ степей половцевъ татарами; авторъ прослѣдилъ судьбу половецкаго народа до его исчезновенія въ исторіи и указалъ выселеніе ихъ частью въ предѣлы Руси, частью на Балканскій полуостровъ, въ Венгрію и даже въ Египетъ.

Вообще книга г. Голубовскаго представляетъ весьма серіозное изслѣдованіе по предмету, мало донынѣ разработанному, изъ древнерусской исторіи и содержитъ очень обстоятельный очеркъ отношеній южо-русскаго населенія къ сосѣдямъ, составлявшимъ въ теченіи трехъ столѣтій постоянную грозу, висѣвшую надъ этимъ населеніемъ и въ значительной мѣрѣ задержавшую развитіе его культуры и гражданственности.

В. А.

Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. Составилъ И. П. Новицкій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кіевская Археографическая Коммиссія предприняла составленіе отдѣльныхъ указателей къ своимъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ теченіе 34-хъ-лѣтняго существованія ея (съ 1845 по 1877 г.) и составившимъ 27 отдѣльныхъ томовъ. По плану Коммиссіи, это изданіе должно составить три отдѣла: 1) указатель личныхъ именъ, 2) географическихъ названій и 3) предметовъ. Въ 1878 г. вышелъ въ свѣтъ I томъ этого изданія, составленный также г. Новицкимъ; теперь-же предъ нами находится II томъ того-же изданія, представляющій, подобно I-му, очень увѣсистую книгу, въ объемѣ болѣе 60-ти печатныхъ листовъ.

По своему характеру, Указатель г. Новицкаго значительно отступаетъ отъ общепринятаго типа указателей: это не есть только простой *сводъ* упоминаемыхъ въ источникахъ географическихъ именъ со ссылками на страницы; въ немъ составитель старается пріурочить каждое *имя* къ *предмету*, къ той или иной по возможности точно опредѣленной мѣстности, съ точнымъ обозначеніемъ ея географическаго положенія, современнаго названія и административной принадлежности—въ прошломъ и въ настоящемъ. Мало того, при весьма многихъ географическихъ именахъ приведены указанія на такіе предметы, которые собственно выходятъ за предѣлы географическаго указателя, или относятся къ другимъ его отдѣламъ. Напримѣръ, подъ названіемъ г. *Кіева* мы встрѣчаемъ не однѣ только ссылки на источники, въ которыхъ упоминается этотъ городъ, но сверхъ того имѣемъ слѣдующія частныя указанія, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ: *Академія* кіевская, при чемъ перечислены всѣ упоминаемые въ источникахъ ректоры ея, префекты и профессоры; всѣ *урочища* г. Кіева, о какихъ только упоминается въ источникахъ, *улицы, дворы*, даже *дома*; всѣ *церкви, монастыри, костелы*, съ перечнемъ священниковъ, игуменовъ, церковныхъ имѣній; *замокъ* съ именами городничихъ; всѣ кіевскія учрежденія: *митрополія* съ именами митрополитовъ, *губернія* съ именами губернаторовъ, *козацкій полкъ* съ именами полковниковъ и пр. и пр., наконецъ—случившіяся въ г. Кіевѣ историческія и другія *событія*—войны, сеймики, пожары и т. под. Такимъ образомъ можно сказать, что каждое почти географическое имя представляетъ въ Указателѣ г. Новицкаго готовый сводъ данныхъ, на основаніи которыхъ легко можетъ быть составлена полная (на сколько позволяютъ источники) исторія данной мѣстности, и въ этомъ смыслѣ г. Новицкій вполнѣ основа-

тельно назвалъ свой трудъ »*Матеріалами для исторической географіи Южной и Западной Россіи*«.

Кто пользовался изданными историческими матеріалами въ ихъ, такъ сказать, сыромъ, необработанномъ видѣ, тотъ легко пойметъ тѣ громадныя трудности, какія, безъ сомнѣнія, пришлось преодолѣвать составителю подобнаго систематическаго Указателя при опредѣленіи, напр., мѣстностей съ одинаковыми названіями, или мѣстностей, подвергавшихся неоднократнымъ переименованіямъ и даже исчезнувшимъ безслѣдно съ лица земли, или, наконецъ, мѣстностей, названія которыхъ въ источникахъ иногда бываютъ испорчены до неузнаваемости и т. под. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователю приходится подвергать тщательному многократному анализу всѣ мѣста въ источникахъ, въ коихъ упоминается данная мѣстность, и прибѣгать къ цѣлому ряду различныхъ сопоставленій, соображеній и домысловъ. Безъ сомнѣнія, такую-же чисто критическую работу приходилось г. Новицкому совершать почти на каждомъ шагу при составленіи его настоящаго труда. Къ сожалѣнію, онъ скрылъ отъ насъ тѣ критическіе пріемы, какими онъ пользовался при этомъ, и потому намъ не всегда ясны основанія его выводовъ. Напримѣръ ему пришлось встрѣтить въ источникахъ цѣлый рядъ мѣстностей съ именемъ *Каменки* въ значеніи поселеній, рѣкъ и урочищъ. Для пользующагося Указателемъ г. Новицкаго остается неизвѣстнымъ, почему въ такихъ-то мѣстахъ источниковъ Каменка означаетъ *деревню* херсонскаго уѣзда, а въ такихъ-то *слободу* того-же херсонскаго уѣзда, или въ такихъ-то мѣстахъ Каменка есть лѣвый притокъ р. Роси, впадающій въ *васильковскомъ уѣздѣ*, а въ такихъ-то тоже лѣвый притокъ Роси, но впадающій въ *каневскомъ уѣздѣ*, или еще: почему упоминаемое въ актахъ XVI в. поселеніе *Новогородчичи* есть именно теперешняя деревня острожскаго уѣзда *Новорочинцы*. Вѣроятно, составитель имѣлъ достаточныя основанія для подобныхъ утвержденій; но онъ, повторяемъ, не посвятилъ лицъ, имѣющихъ пользоваться его Указателемъ, въ тайну своихъ соображеній и тѣмъ поставилъ ихъ въ необходимость или слѣпо вѣрить его опредѣленіямъ, или-же по поводу каждаго, подобнаго вышеуказаннымъ имени самимъ производить ту критическую работу, какую пришлось произвести ему самому при составленіи настоящаго труда. Очевидно, что книга г. Новицкаго весьма нуждается въ особомъ предисловіи, въ которомъ былибы предложены читателю тѣ необходимыя объясненія, о которыхъ мы намекаемъ. Если такое предисловіе почему-то не было приложено къ самой книгѣ, то, намъ кажется, оно могло-бы быть и отдѣльно напечатано.

Еще одно замѣчаніе. Всѣ поселенія, лежащія въ нынѣшней Галиціи, опредѣляются въ Указателѣ г. Новицкаго не по административной

ихъ принадлежности къ округамъ или повѣтамъ, а по *деканатамъ*. Это опредѣленіе настолько-же удобно при пользованіи его Указателемъ, какъ еслибы кто вздумалъ опредѣлять поселенія, лежащія въ Россіи, не по губерніямъ и уѣздамъ, а по духовнымъ *благочиніямъ*...

Ограничиваемся этими замѣчаніями, минуя мелочные недосмотры, неизбѣжные при столь капитальномъ и объемистомъ изданіи, и скажемъ въ заключеніе, что Указатель г. Новицкаго во всякомъ случаѣ составляетъ настолько драгоцѣнную справочную книгу, что навѣрное всякій, кто будетъ ею пользоваться, не разъ скажетъ составителю ея большое »спасибо«.

О. Л

Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. in q—to. Спб. 1883 г. Ц. 12 р.

23 ноября 1868 г. скончался величайшій изъ іерарховъ нашей церкви, литовскій митрополитъ Іосифъ Симашко. На всемъ протяженіи ея исторіи трудно найти имя, равное ему по исключительности его положенія, великости совершеннаго имъ дѣла, по уму, энергіи и глубокому пониманію судебъ русскаго народа, нуждъ церкви и государства. На ряду съ нимъ можетъ быть поставлено имя дѣйствовавшаго при другихъ обстоятельствахъ знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы. Съ именемъ митр. Іосифа Симашки неразрывно связано одно изъ самыхъ крупныхъ событій нынѣшняго и другихъ столѣтій—возвращеніе къ православію полутора милліона русскихъ обитателей Бѣлоруссіи и Литвы, пріобщеніе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ русской народности, возстановленіе тамъ вѣками попраннаго православія, пробужденіе угасавшаго народнаго сознанія, подъемъ русской власти и силы и закрѣпленіе за Россіею всего сѣверо-западнаго края. Дѣло возсоединенія уніатовъ во всемъ сѣверо-западномъ и даже юго-западномъ краѣ принадлежитъ м. Іосифу Симашкѣ всецѣло и безраздѣльно, и исторія этого дѣла, равно утвержденія возсоединенныхъ въ православіи, тянувшаяся десятки лѣтъ, есть только исторія тяжелой борьбы этого великаго дѣятеля съ колебаніями самаго правительства нашего и тѣми препятствіями, какія ставились ему не только противною партіею, но не рѣдко русскими властями.

Изданныя теперь Записки митр. Іосифа Симашки представляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ какъ для исторіи возсоединенія уніатовъ въ 1839 г., такъ и въ частности для біографіи глав-

наго виновника онаго. Собственно Записки, писанныя собственноручно митр. Іосифомъ, занимаютъ немного меньше половины I-го тома, около 300 стр., остальныя свыше 450 стр. этого тома, равно весь II и III томы наполнены официальными и частными разнаго рода документами, касающимися веденнаго авторомъ Записокъ дѣла возсоединенія. Записки представляютъ собою связное и послѣдовательное изложеніе того, что дается массою предложенныхъ документовъ, на которые авторъ въ соотвѣтственныхъ мѣсахъ дѣлаетъ ссылки и указанія. Онѣ писаны разновременно, обнимаютъ собою различные періоды описываемаго событія и подраздѣляются на *пять* частей, къ каждой изъ которыхъ пріурочена особая группа документовъ, въ ней объясняемыхъ. Часть *первая,* писанная въ октябрѣ 1850 г., обнимаетъ собою дѣтство и воспитаніе автора Записокъ, переходъ его изъ Вильны Петербургъ, въ первые годы его службы и выступленіе съ первымъ проэктомъ мѣръ къ возвращенію уніатовъ къ православію. Часть *вторая* писана въ мартѣ 1861 г.; она очерчиваетъ положеніе уніатовъ до 1828 г., выдѣленіе ихъ изъ общей съ римско-католиками юрисдикціи и цѣлый рядъ принятыхъ по проэкту Іосифа Симашки мѣръ къ радикальному измѣненію управленія и состоянія уніатской церкви съ цѣлью приближенія ея къ православной греко-россійской церкви, вообще событія 1828 - 1836 г. Часть *третья,* написанная въ апрѣлѣ того-же года, излагаетъ рѣшительный поворотъ въ ходѣ уніатскаго вопроса, начавшійся съ назначеніемъ оберъ-прокурорамъ св. синода гр. Протасова, подписаніе уніатскою іерархіею акта возсоединенія и постепенное осуществленіе этого дѣла съ надлежащею постановкою дѣла православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ періодъ времени 1837—1844 г. Часть *четвертая,* написанная въ октябрѣ 1861 г., обнимая время 1844--1851 г., рисуетъ тягостный застой въ дѣлѣ возсоединенныхъ и не менѣе тягостное положеніе самаго виновника этого дѣла, приводившее его къ мысли удалиться на покой. *Пятая* часть, написанная въ ноябрѣ того-же 1861 г. и касающаяся событій въ судьбѣ возсоединенныхъ 1852—1860 г., даетъ общій очеркъ всего дѣла обращенія уніатовъ, съ характеристикою главныхъ гражданскихъ дѣятелей и самаго митрополита Іосифа.

Понимая, какъ никто можетъ быть другой, громадное значеніе совершеннаго имъ дѣла для церкви и государства, митр. Іосифъ не желалъ, чтобы память объ этомъ дѣлѣ и о немъ лично, перешла въ потомство съ тѣми превратными сужденіями и толками, какіе разсѣевались о нихъ всюду враждебною латино-польскою партіею, и зная всю цѣну принадлежавшихъ ему лично документовъ, не рѣшался отдать на долю случая ихъ цѣлость и обнародованіе, но подобравъ ихъ за жизни въ

извѣстномъ порядкѣ, связавъ и пополнивъ во многомъ ему одному доступными объясненіями, подъ общимъ заглавіемъ своихъ бумагъ, хранилъ эти драгоцѣнныя рукописи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ особомъ сундукѣ, завѣщавъ передать ихъ послѣ его смерти въ академію наукъ, избравшую его своимъ почетнымъ членомъ, съ просьбою вскрыть и издать эти бумаги, по ея усмотрѣнію, на особую, имъ-же назначенную, сумму пять тысячъ рублей, въ видѣ непрерывнаго доходнаго билета его имени.

Академія наукъ издала Записки м. Іосифа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ авторъ, безъ всякихъ опущеній и перемѣнъ, снабд..въ ихъ указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Запискахъ, что само собою вызывалось обширностію изданія и научнымъ его назначеніемъ; къ изданію приложены три портрета автора Записокъ: къ первому тому портретъ его въ санѣ уніатскаго епископа, ко второму—въ санѣ православнаго архіерея и къ третьему—въ санѣ митрополита, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Трудно, совсѣмъ почти не возможно въ короткой журнальной замѣткѣ объ этомъ изданіи ознакомить читателей съ богатѣйшимъ его содержаніемъ. И самыя Записки м. Іосифа, и приложенія полны такого высокаго интереса, что положительно не знаешь, чему отдать въ нихъ преимущество. Если все это обширное изданіе посвящено безраздѣльно дѣлу возсоединенія уніатовъ 1839 г. и даетъ неоцѣнимый матеріалъ для ознакомленія съ этимъ дѣломъ и творцемъ онаго м. Іосифомъ, то въ обстоятельствахъ, подготовлявшихъ это дѣло, сопровождавшихъ осуществленіе онаго и послѣдовавшихъ за нимъ, какъ нельзя болѣе отражаются съ одной стороны могущество и сила латино-польской партіи на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи и Литвы, крайнее обнищаніе и приниженіе уніатской церкви, съ другой—безсиліе русской власти и русскаго элемента въ русскихъ областяхъ и колебательная политика нашихъ высшихъ сферъ въ правленіе даже такого твердаго государя, какимъ былъ императоръ Николай I-й. Газеты наши, какъ только появилось это изданіе въ нынѣшнемъ году, отдавъ ему заслуженную цѣну, извлекли изъ него то, что такъ сказать бьетъ въ глаза,—отдѣльные нѣкоторые эпизоды, въ особенности прямодушные и не всегда лестные отзывы м. Іосифа о тогдашнихъ гражданскихъ дѣятеляхъ, прикасавшихся къ уніатскому вопросу, каковы Д. Н. Блудовъ, гр. Н. А. Протасовъ и виленскіе генералъ-губернаторы: кн. Долгоруковъ, О. Я. Мирковичъ, И. Г. Бибиковъ и Вл. И. Назимовъ. Насъ интересуетъ сущность самаго дѣла возсоединенія, его ходъ и система, а также характеристическія черты м. Іосифа и его положеніе между двумя противными сторонами: православно-рус-

скою и латино-польскою. Представимъ ихъ хотя въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ.

Возсоединеніе уніатовъ Бѣлоруссіи и Литвы съ православною церковью привлекло въ свое время вниманіе православнаго и католическаго міра и въ послѣднемъ вызвало ожесточенные нападки на наше правительство и личность Симашки; стоустая молва, съ помощію заграничной печати, распространяла самые невѣроятные толки и извѣстія, сводившіеся къ тому, что возсоединеніе было актомъ варварскаго насилія съ одной, честолюбія и продажности съ другой стороны. Такіе толки и извѣстія долго бродили въ нашемъ не только польско-католическомъ, но отчасти и православномъ обществѣ; отголоски ихъ остались кой-гдѣ и теперь. Между тѣмъ, прочитавъ записки митр. Іосифа, самый предъубѣжденный человѣкъ не можетъ не признать, что тутъ по самому существу дѣла и личнымъ качествамъ Симашки не могло быть ничего подобнаго тому, что съ такою увѣренностію въ свое время утверждали враги православія. Въ изданныхъ теперь Запискахъ дѣло возсоединенія раскрывается во всей его сокровенности и полнотѣ, со всѣмъ его ходомъ и системой, отъ первой мысли о возсоединеніи до послѣднихъ дѣйствій относительно утвержденія возстановленнаго православія. Записки даютъ намъ слѣдующія несомнѣнныя, документально подтверждаемыя данныя. Во 1-хъ мысль о возсоединеніи уніатовъ зародилась самостоятельно и совершенно независимо отъ какихъ либо постороннихъ вліяній въ душѣ Іосифа Симашки, зародилась подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и при исключительныхъ условіяхъ его домашняго воспитанія, развивалась при дальнѣйшемъ образованіи и ознакомленіи съ исторіею римской и уніатской церкви и укрѣпилась при ближайшемъ знакомствѣ Симашки съ печальнымъ положеніемъ уніатской церкви, когда онъ сталъ сначала членомъ луцкой уніатской консисторіи, а потомъ членомъ римско-католической коллегіи по департаменту уніатскихъ дѣлъ, окончательно-же выражена имъ въ формѣ стройнаго проэкта въ запискѣ совершенно частнаго характера, написанной имъ въ ноябрѣ 1827 г. по поводу случайнаго разговора съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскимъ, который, безъ вѣдома и согласія автора, передалъ ее министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишкову, а этотъ представилъ государю Николаю Павловичу; во 2-хъ мысль эта, по тогдашнимъ нашимъ взглядамъ на присоединенныя отъ Польши провинціи и совершенному незнакомству съ ихъ исторіею и современнымъ составомъ и положеніемъ, не могла возникнуть въ правительственныхъ сферахъ и совершенно чужда была нашей недавней относительно ихъ политикѣ, по которой мы великодушно рѣшались возвратить ихъ нами-же возста-

новляемой Польшѣ, а потому въ своемъ развитіи и осуществленіи встрѣчала массу недоумѣній, колебаній и препятствій и если доведена до окончанія, то, какъ свидѣтельствуетъ авторъ Записокъ, единственно твердою волею имп. Николая, принявшаго ее съ сердечнымъ удовольствіемъ и, прибавимъ отъ себя, видѣвшаго вообще гораздо далѣе своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политиковъ; въ 3-хъ, къ тому времени унія совершила свой недолгій историческій путь и уже подъ русскимъ владычествомъ приблизилась къ окончательному сліянію съ польско-католическою церковію, потому самою жизнію выдвигался теперь вопросъ о томъ, отдать-ли уніатовъ на жертву латинству и полонизму, или-же возвратить ихъ къ тому, чѣмъ они были прежде, а о выборѣ между тѣмъ и другимъ и вопроса быть не могло; въ 4-хъ подготовительныя дѣйствія къ возвращенію уніатовъ въ нѣдра прав. церкви (о сохраненіи самой уніи, обнаружившей полную свою историческую несостоятельность, не могло быть и рѣчи), по проэкту Симашки, были столь-же естественны, какъ и справедливы, и состояли въ отдѣленіи уніатовъ отъ общей римско-католической юрисдикціи, установленіи отдѣльнаго управленія уніатскою церковью, обновленіи состава высшей уніатской іерархіи свѣжими и надежными силами, въ очищеніи уніатскаго богослуженія отъ болѣе важныхъ латинскихъ примѣсей, а уніатскаго клира отъ ярыхъ папистовъ, возстановленіи въ уніатскомъ духовенствѣ сильно упавшей дисциплины, освобожденіи уніатскихъ школъ отъ надзора и гнета монаховъ-базиліанъ, постепенномъ перевоспитаніи въ духѣ намѣченной реформы и конечной ея цѣли какъ наличнаго священства, такъ и будущихъ пастырей церкви и наконецъ въ негласномъ, личномъ соглашеніи на дѣло возсоединенія выдающихся въ уніатскомъ клирѣ лицъ, съ отобраніемъ отъ нихъ письменныхъ въ этомъ росписокъ; въ 5-хъ самое возсоединеніе подраздѣлилось на два отдѣльные акта: возсоединеніе *de jure* и возсоединеніе *de facto*, изъ которыхъ первое состояло въ подписаніи представителями уніатской церкви соборнаго о семъ постановленія, утвержденіи онаго св. синодомъ и государемъ, но безъ оглашенія его и тѣмъ болѣе какихъ либо церемоній и обрядовъ, а второе совершалось постепенно, въ теченіи долгаго времени, и состояло въ подчиненіи возсоединившихся епископовъ и ихъ епархій вѣдѣнію и управленію св. синода, въ устроеніи уніатскихъ церквей и всей обрядности уніатской по чину православной церкви и постепенной замѣнѣ уніатскими епископами и священниками ихъ костюма и внѣшняго вида общимъ всему православному русскому духовенству. Собственно народъ, въ видѣ массы крестьянскаго уніатскаго населенія Бѣлоруссіи и Литвы, ничего не зналъ о задуманной и совершенной перемѣнѣ, пока не уви-

дѣлъ ее въ очію въ формѣ измѣненной обрядности, богослуженія и наружнаго вида своихъ пастырей и лишь самымъ дѣломъ вошелъ въ общеніе съ прав. церковью. Это вполнѣ совпадало и съ тогдашнимъ совершенно безправнымъ положеніемъ нашего крестьянства, и съ особымъ воззрѣніемъ уніатско-католической церкви и самаго Симашки, что въ дѣлѣ вѣры паства должна слѣдовать за своими пастырями.

Таковы существенныя данныя относительно памятнаго возсоединенія 1839 г., представляемыя разсматриваемымъ нами изданіемъ.—Почти половина Записокъ и приложеній къ нимъ заключаютъ не менѣе драгоцѣнный матеріалъ для исторіи утвержденія православія въ сѣверо-западномъ краѣ и возведенія его по внутреннему и наружному положенію на ту высоту, которая отвѣчала бы ему, какъ исповѣданію господствующему. Къ сожалѣнію, славная дѣятельность въ семъ отношеніи митр. Іосифа и его долгая неутомимая борьба съ препятствіями, лежавшими на этомъ пути, не обнимаются Записками во всей полнотѣ, такъ какъ самыя Записки доведены лишь до 1861 г., а смерть митр. Іосифа послѣдовала въ концѣ 1868 г. Перо автора Записокъ не коснулось послѣдняго 8-ми лѣтняго періода въ его жизни, когда ему пришлось переживать примирительную политику нашу предъ возстаніемъ 1863 г., быть свидѣтелемъ пламени возстанія, грозившаго истребить все дѣло рукъ его, порадоваться на короткое время пробужденію духа народнаго, торжеству надъ усиліями противниковъ, возстановленію въ самой резиденціи митрополита—Вильнѣ многихъ памятниковъ православія и закрыть глаза на вѣки при видѣ начинавшейся шутовской игры въ дружбу въ управленіе Потапова.

Впрочемъ и того, что даютъ намъ о жизни и дѣятельности митр. Іосифа изданныя теперь его Записки и приложенія, слишкомъ достаточно, чтобы получить ясное представленіе объ этомъ великомъ дѣятелѣ недавняго времени и опредѣлить его характеристическія черты. Сынъ »уніатина«, жителя с. Павловки, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, ставшаго впослѣдствіи уніатскимъ священникомъ въ м. Илинцахъ, Іосифъ Симашко происходилъ изъ древней бѣлорусской дворянской фамиліи. Неизвѣстно, когда предки его перешли въ Украйну;. но уже дѣдъ его былъ священникомъ въ Павловкѣ,—въ такой степени уніатскимъ, что носилъ бороду и длинные волосы, а за приверженность къ русскимъ едва случайно избавился отъ польской висѣлицы. Мать Симашки и въ старости не знала польскаго языка, а отецъ его, занимавшійся до принятія священства въ 1811 г. чумачествомъ, не польскою, конечно, рѣчью пробавлялся, когда ходилъ въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой; въ домѣ ихъ не слышалась польская рѣчь и языкомъ семьи былъ при-

родный малорусскій языкъ. »Родина моя, пишетъ митр. Іосифъ, была поприщемъ двухъ-вѣковой борьбы между малороссіянами, защищавшими свою вѣру и народность, и ихъ притѣснителями—поляками. Я слушалъ разсказы этого народа, прикрашенные ѣдкими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималъ съ дѣтскимъ сочувствіемъ его стонамъ, и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе«. О страстной его любви къ народнымъ пѣснямъ мы знаемъ изъ разсказовъ свидѣтелей его дѣтства [1]) и самъ онъ говоритъ: »насъ дѣтей отецъ заставлялъ въ праздничное послѣобѣднее время пѣть малороссійскія пѣсни, подъ игру не безъискусную его скрипки«. »Но самое пламенное удовольствіе моего дѣтства, замѣчаетъ онъ далѣе, было слушать сказки. Я просиживалъ до полуночи, вставалъ съ первымъ пѣтухомъ, если кто изъ служителей потѣшитъ бывало меня сказкой. Самъ отецъ былъ мастеръ разсказывать и часто въ длинные зимніе вечера дѣлалъ намъ дѣтямъ это удовольствіе. Но удивительный разсказщикъ былъ безногій Өедько, который часто портняжилъ въ домѣ моихъ родителей. Этого я готовъ былъ слушать день и ночь, и когда впослѣдствіи читалъ о восточныхъ разсказщикахъ, то всегда представлялъ себѣ старого Өедька—его сказки хоть-бы вписать въ тысячу и одну ночь«. Съ другой стороны унія, въ которую по крещенію былъ записанъ будущій ея искоренитель, совсѣмъ не коснулась его въ дѣтствѣ. Симашко родился въ 1798 г., т. е. спустя четыре года послѣ того, какъ съ присоединеніемъ края къ Россіи народъ самъ оставилъ ненавистную унію. Мать Симашки водила его въ православную церковь, отецъ самъ посѣщалъ эту церковь, пока не сталъ уніатскимъ священникомъ. Учителемъ Іосифа былъ православный дьячекъ Бочковскій и если обучилъ его польскому чтенію, то лишь потому, что безъ этого нельзя было въ школы поступить. Въ домѣ отца были кое-какія книги. »Я перечитывалъ ихъ съ жадностію, пишетъ авторъ Записокъ; библію прочелъ три раза, римскую и англійскую исторію зналъ почти наизустъ«. Къ гимназіи 12-лѣтній Іосифъ Симашко оказался настолько подготовленнымъ, что хотя поступилъ въ первый классъ, но нерѣдко былъ призываемъ во второй отвѣчать за лучшихъ учениковъ. Прилежаніе и память его были необыкновенны; во всѣхъ классахъ онъ шелъ первымъ. Но въ гимназіи царилъ непотизмъ, взяточничество; большинство учащихся были дѣти зажиточной польской шляхты, богатыхъ пановъ, квартировали у учителей; платившіе больше занимали первыя въ классѣ скамьи, уніаты-поповичи мѣстились на *Запорожьѣ*. Вдругъ распоря-

---

[1]) См. іюньск. кн. »Кіевск. Стар.« на 1884 г., стр. 334 и 335.

женіе изъ виленскаго университета, которому подчинены были гимназіи,—разсадить учениковъ по успѣхамъ, и уніаты-поповичи, числомъ семь, заняли первую скамью, а первымъ въ ряду ихъ сѣлъ Симашко. Съ годами и развитіемъ ослабѣла въ немъ память, но развилась способность и страсть въ математикѣ. Первымъ онъ оканчиваетъ курсъ гимназіи въ 1816 г. и переходитъ въ виленскій университетъ на богословскій факультетъ. Для воспитанниковъ этого факультета, католиковъ и уніатовъ, было особое помѣщеніе и учрежденіе, подъ названіемъ *Главной Семинаріи*. Здѣсь читались имъ уроки профессорами университета, здѣсь, въ этомъ общежитіи, на казенный счетъ, по особой системѣ велось ихъ воспитаніе и вся подготовка къ спеціальному служенію. Весь строй и духъ заведенія былъ ультра польско-католическій; но » думаю,—замѣчаетъ авторъ Записокъ,—ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ тамъ; противъ православной церкви намъ ничего не говорили, вѣроятно боялись... и безъ предъубѣжденія противъ сей послѣдней выѣхалъ я изъ Вильны, напротивъ съ важными предъубѣжденіями противъ римской «. Духъ воспитателей и совоспитанниковъ былъ явно враждебный Россіи; русскихъ книгъ нигдѣ нельзя было достать, и когда товарищъ Симашки Антоній Зубко добылъ гдѣ-то № стариннаго журнала *Улей* и оба они накинулись на него въ классѣ въ виду товарищей, послѣдніе подняли шумъ: » развѣ такіе намъ нужны священники, которые забываютъ мать Польшу... сочувствуютъ Россіи?! «... Но былъ старикъ Чернявскій, профессоръ русской словесности. » Это, говоритъ авторъ Записокъ, была настоящая ходячая библіотека разнообразнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи; анекдотически, безъ всякаго порядка, но занимательно, съ чувствомъ и душею разсказывалъ онъ вмѣсто урока все, что приходило ему на мысль о Россіи, ея исторіи, герояхъ, ея бытѣ народномъ. Много-бы нужно сочиненій, чтобы узнать то, что узналъ я тогда отъ него... Онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи «.

Таковы были сѣмена, посѣянныя въ душѣ Симашки семьею и школою! Могли-ли они заглохнуть, могли-ли иной плодъ принести, чѣмъ какой принесли?

Окончивъ курсъ университета со степенью магистра богословія, Симашко, убѣжденный настоятельными совѣтами луцкаго епископа Іакова Мартусевича, рѣшился безженнымъ вступить въ уніатскій клиръ и принять службу въ луцкой уніатской консисторіи. » Я былъ дикъ для свѣта, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ, чуждъ всякихъ свѣтскихъ связей и равнодушенъ къ женитьбѣ... Если женюсь, если займусь хозяйствомъ, приходомъ, если придутъ семейныя заботы, что станется съ моими кни-

гами, куда обратится моя любовь къ чтенію и познаніямъ?« Быстро прошелъ онъ первыя священныя и служебныя степени, далеко раньше всякихъ сроковъ сталъ священникомъ и членомъ консисторіи; но тутъ же онъ увидѣлъ бездну, на краю которой стояла унія: требовалось не много времени, чтобы она поглощена была латинствомъ. Заговорили природные инстинкты, послышались вліянія дѣтства, поднялись соображенія яснаго, положительнаго ума. › Пусть ненавидятъ насъ православные русскіе,—они враги; за что-же обижаютъ *друзья?«* Зародившаяся душевная борьба усилилась въ Симашкѣ, по поводу переѣзда его въ Петербургъ на должность члена коллегіи, вѣдавшей католиковъ и уніатовъ. Повсюду въ Бѣлоруссіи и Литвѣ видѣлъ онъ до невѣроятія бѣдные, на сараи и амбары походившіе уніатскіе храмы, а за Великими Луками, въ долинѣ Ловати, насчиталъ 13-ть каменныхъ, чисто обѣленныхъ, подъ желѣзными крышами православныхъ церквей. Пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ храмы великолѣпные, богослуженіе прекрасное, пѣніе отличное..., тутъ же богатый латинскій костелъ, а для богослуженія уніатскаго, митрополичьяго › скудная бесѣдка ‹... А въ коллегіи, въ обоихъ департаментахъ, было полное господство латинства и полонизма, ловко опутывавшихъ своими сѣтями самое правительство русское; въ дѣлахъ царили полная несправедливость, пристрастіе, взяточничество. Самъ митр. Булгакъ былъ на сторонѣ римлянъ; въ коллегіи то и дѣло возникали проэкты, гибельные для уніатовъ. Совращенія уніатовъ шли десятками тысячъ. Твердость и смѣлость помогали Симашкѣ иное остановить, иное измѣнить, но удержать потокъ всепожирающей лавы было выше его силъ. Между тѣмъ, еще съ перваго пріѣзда своего въ Петербургъ онъ принялся изучать его; перебывалъ всюду, все пересмотрѣлъ, проникъ въ публичную библіотеку, у одного Глазунова въ одинъ первый годъ перечиталъ болѣе 400 книгъ, а ежегодно тратилъ на покупку ихъ по 100 р. Такъ прошло семь лѣтъ. Съ 1822 г. Симашко былъ протоіереемъ, съ 1823 каноникомъ, съ 1825 прелатомъ; предъ нимъ былъ архіерейскій санъ. Но въ душѣ его происходила невыносимая борьба. »Я давно уже, пишетъ онъ, убѣдился въ православіи восточной церкви, а между тѣмъ принадлежалъ къ западной. Я былъ членомъ, и не маловажнымъ, церкви русской, хотя и уніатской, а между тѣмъ долженъ былъ служить орудіемъ окончательнаго измѣненія оной въ латинскую. Я преданъ былъ Россіи сердцемъ и душой, а между тѣмъ считался для нея чуждымъ и принадлежавшимъ непріязненной для нея Польшѣ ‹... Борьба разрѣшилась рѣшительнымъ намѣреніемъ его принять православіе и монашество въ александро-невской лаврѣ. Симашко сталъ писать сочиненіе о православіи восточной церкви, довелъ до половины, какъ вдругъ случайная бесѣда съ Карташевскимъ и данная ему записка о

положенія уніи, о которыхъ мы выше упоминали,—и дальнѣйшая судьба Симашки измѣняется неожиданно и безповоротно.

Такъ совершился въ душѣ Симашки внутренній переворотъ, повлекшій за собою переворотъ всего уніатства, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и первымъ годамъ жизни и службы.

Нуженъ былъ необычайно тонкій и проницательный, обширный и глубокій умъ, чтобы обнять судьбы уніи на всемъ историческомъ ея теченіи, сообразить силы противниковъ, изъ-за нея боровшихся, взвѣсить данныя прежняго и того времени и безъ предубѣжденія и пристрастія рѣшить, при какомъ исходѣ борьбы положеніе исповѣдниковъ уніи можетъ быть естественнѣе и счастливѣе; нужна была быстрая сообразительность, находчивость и практичность, что-бы въ одну ночь написать такой проэктъ возвращенія уніатовъ къ православію, отъ котораго правительство не отступило ни на шагъ до самой развязки всего дѣла. Требовались съ другой стороны необычайная сила воли, крѣпость убѣжденій, увѣренность въ своихъ силахъ и правотѣ дѣла, полное наконецъ самоотреченіе, чтобы бросить вѣрное, почетное и обѣщающее положеніе и пуститься на неизвѣстный, скользкій и опасный путь, способный привести къ полной неудачѣ и разочарованію. И таковы именно были умъ и характеръ Симашки. Чѣмъ далѣе шло, усложнялось и запутывалось дѣло возсоединенія, тѣмъ болѣе раскрывались его зоркость и проницательность, энергія, смѣлость и настойчивость и та особая гибкость, которая отличаетъ людей, стоящихъ между двухъ партій. Ему одновременно приходилось бороться съ коварствомъ и интригами уніатовъ и поляковъ, равнодушіемъ и недовѣріемъ православныхъ, иногда-жъ и съ ихъ не умѣлостію и незнаніемъ дѣла Въ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ крайнимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Смѣлость и прямота его были такъ велики, что одна записка его вызвала замѣчаніе имп. Николая Блудову: »это обвинительный актъ противъ тебя и меня.» Въ 1833 году, уже въ санѣ епископа и когда дѣло о возсоединеніи было въ ходу, но затормозилось отъ нерѣшительности Блудова, Симашко явился въ синодъ съ прошеніемъ о присоединеніи его лично къ православію, что равносильно было отреченію отъ дѣла, и хотя не подалъ прошенія, потому что не могъ дождаться оберъ-прокурора, который ввелъ-бы его въ присутствіе, но этимъ шагомъ рѣшительно подвинулъ дѣло впередъ. Тотъ же пріемъ и съ такимъ-же успѣхомъ онъ повторилъ въ 1836 г. и подвинулъ дѣло къ рѣшительной развязкѣ. Отказъ въ средствахъ для устройства возсоединенныхъ епархій и поднятія православія съ внѣшней стороны на подобающую ему въ центрѣ католицизма высоту, а также въ удовлетвореніи другихъ пред-

ставленій Симашки заставлялъ его выступать съ прошеніемъ объ отставкѣ, какъ было въ 1842, 46 и 51 г., и каждый разъ онъ выходилъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Лично для себя онъ ничего не просилъ и ничего, кромѣ обычныхъ наградъ и пенсіи въ 6,000 р., не получалъ, отказавшись на отрѣзъ отъ возвышенія ея до 10,000 р. Но онъ былъ ревнивъ къ судьбѣ созданнаго имъ дѣла и отстаивалъ и поддерживалъ его цѣлость и зоркимъ наблюденіемъ за дѣйствіями противной партіи, и искусною политикою съ мѣстными и высшими властями, письмами, записками и изрѣдка печатными статьями. Положеніе его въ завоеванной имъ Вильнѣ и краѣ было всегда въ высшей степени напряженное и трудное и требовало особаго такта, умѣнья, хладнокровія и терпѣнія. Побѣжденные имъ противники не могли простить ему своего посрамленія и громаднаго урона, распускали о немъ небылицы, подкапывались подъ него со всѣхъ сторонъ. Въ то-же время русскіе администраторы играли не рѣдко въ руку польской партіи, по недомыслію и другимъ причинамъ, а ихъ чиновники, закупленные панами, и прямо дѣйствовали во вредъ ему. Съ другой стороны въ средѣ чиновныхъ русскихъ, особливо военныхъ, было не мало такихъ, которые и къ православію архіепископа и митрополита относились съ недовѣріемъ. Нашелся генералъ, который въ глаза ему назвалъ его служеніе неправославнымъ. Оказалось, что генералъ не зналъ архіерейскаго служенія и считалъ уніатствомъ все, что не сходствовало съ литургіею его полковаго священника. Высшее православное духовенство относилось къ Симашкѣ по временамъ неискренно, церемонно, почти недоброжелательно, опасаясь его новаго возвышенія и преобладанія. Особой мудрости и проницательности Симашки надо приписать то, что онъ предупредительно отклонилъ дважды готовившееся ему возвышеніе въ званіе первоприсутствующаго синода, въ видахъ преобразованія церковнаго управленія. Хотя онъ несомнѣнно могъ бы ввести новую струю въ эту сферу, всегда требовавшую нѣкотораго освѣженія; но въ складѣ его мыслей и церковно-практическихъ воззрѣній, въ самомъ образѣ его жизни было нѣчто такое, что могло возбудить противъ него и соархипастырей и самую паству его. Въ 1851 г. просясь въ отставку и опасаясь перемѣщенія, Симашко писалъ государю Николаю Павловичу: »Я не привыкъ къ обычаямъ, правамъ и самымъ постамъ; не привыкъ къ заученымъ фразамъ и движеніямъ, которыя пріобрѣтаются только изъ дѣтства, и по необходимости покажусь страннымъ среди древне-православнаго населенія, а тѣмъ болѣе среди иноковъ«. Въ нашемъ церковномъ управленіи онъ всегда видѣлъ больше формы, нежели дѣла; сложившійся подъ многоразличными вліяніями образъ его жизни вовсе не походилъ на традиціонную жизнь нашихъ

іерарховъ. Митр. Іосифъ въ своихъ Запискахъ съ подробностію очерчиваетъ привычки и особенности своей жизни. Въ молодые годы, въ санѣ каноника и прелата онъ бывалъ въ театрѣ и отдѣлялъ на это 100 р. въ годъ, читалъ самыя разнообразныя книги, не пропускалъ и Вольтера, игралъ въ карты, хотя рѣдко на деньги; уже въ санѣ архіерея уніатскаго и православнаго, живя въ Жировицахъ, собиралъ у себя по вечерамъ служащихъ съ семействами, допускалъ при томъ музыку и танцы, »развлекался землевѣдѣніемъ, статистическими и политическими соображеніями, а также путями сообщеній« и астрономическими наблюденіями и вычисленіями, любилъ произведенія свѣтской живописи и украшалъ ими свои комнаты въ Вильнѣ и Тринопольской дачѣ, до конца жизни дважды въ недѣлю дѣлился часами досуга съ семьею сестры своей Елены, жены каѳедральнаго протоіерея Гомолицкаго, допуская невинное развлеченіе музыкою и пѣніемъ, а на дачѣ игрою и прогулками съ дѣтьми и стряпаньемъ общими силами ужина въ оврагѣ, надъ прудомъ. Привычку къ польскому языку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней, но употреблялъ оный лишь съ самыми близкими людьми. Съ переходомъ Симашко въ Вильну, отношеніе его къ посторонним было, по его словамъ, »нѣсколько офиціальное, этикетальное, а въ такомъ положеніи, прибавляетъ онъ, освѣжительнаго развлеченія не найдешь«. »На артистическія произведенія издержалъ я по крайней мѣрѣ 10,000 р. с. Меня, кажется, обвиняли за это, а я не могъ понять, какъ другіе могутъ довольствоваться образами, и то еще безобразными. Вы, господа, обращаетесь съ живымъ міромъ, говорилъ я инымъ; не удивляйтесь, что я любуюсь имъ хотя въ картинахъ«. Достойно замѣчанія, что достигши высшихъ почестей и удобствъ жизни, митр. Іосифъ, какъ истый украинецъ, идеаломъ счастья поставлялъ для себя уединенный домикъ, садикъ, прудъ и комнату съ книгами.

Говоря объ авторѣ разсматриваемыхъ Записокъ, не можемъ не сдѣлать въ заключеніе одного историческаго сопоставленія, которое напрашивается, такъ сказать, само собою. За три четверти вѣка предъ возсоединеніемъ бѣло-русско-литовскихъ уніатовъ бѣлорусецъ Георгій Конисскій, архіепископъ могилевскій, своимъ ораторскимъ талантомъ и энергическимъ ходатайствомъ въ Варшавѣ и Петербургѣ поддержалъ Украйну въ борьбѣ ея съ уніею и католичествомъ; теперь Украйна дала Бѣлоруссіи и Литвѣ дѣятеля, который помогъ имъ снять съ себя тѣже вѣковыя оковы и возвратиться къ единой вѣрѣ отцевъ.

Собственно объ изданіи говорить нечего; оно безъукоризненно: но цѣна его, 12 р. за 3, хотя и большіе, тома, непомѣрно высокая. Матеріальная стоимость изданія, безъ сомнѣнія, не вынуждала къ назначе-

нію такой цѣны академію наукъ, получившую на это изданіе, по завѣщанію автора, пятитысячный непрерывно доходный билетъ съ процентами—вѣроятно съ 1862 г., т. е. составленія завѣщанія и опредѣленія этой суммы.

А. Н.

Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года. 225 стр. Цѣна 50 коп.

Изданіе г. Андріевскаго, шестой выпускъ котораго теперь передъ нами, принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ, но кропотливыхъ работъ, которыя, не производя въ обществѣ шума и не дѣлая громкой славы издателю, тѣмъ не менѣе приносятъ несомнѣнную и весьма важную пользу для науки. Отряхнуть отъ тлѣющихъ архивныхъ хартій пыль и грязь, извлечь и спасти изъ груды канцелярскихъ переписокъ все, что можетъ намъ освѣтить общественную и бытовую обстановку нашего прошлаго и тѣмъ восполнить пробѣлъ въ нашей исторіографіи,—это трудъ не легкій, не видный, мало благодарный, но тѣмъ не менѣе полезный и важный. Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ каждый выпускъ изданія г. Андріевскаго и отъ души желаетъ ему успѣха на этой почвѣ.

Читатели »Кіевской Старины« знакомы съ характеромъ изданія по рецензіямъ на прежніе выпуски, а потому я ограничусь только указаніемъ на содержаніе шестого выпуска. Онъ посвященъ главнымъ образомъ г. Кіеву и отчасти его окрестностямъ.

Изъ двѣнадцати отдѣловъ разнообразныхъ матеріаловъ большую половину выпуска занимаютъ послѣдніе два, относящіеся къ питейному вопросу. Въ первомъ изъ нихъ: »Казенные кабаки и корчемство« изложены *in extenso* нѣсколько дѣлъ, возбужденныхъ въ 1738—1754 г.г. о кражѣ денегъ въ казенныхъ кабакахъ и о корчемствѣ отставныхъ солдатъ. Во второмъ (12-омъ) отдѣлѣ: »борьба кіевскаго магистрата съ »неуказнымъ на подступъ мѣсту шинкованіемъ« изложены девятнадцать дѣлъ 1743—1757 годовъ, возникшихъ по поводу нарушеній козаками, проживавшими въ Кіевѣ, и кіевскими монастырями привиллегіи, по которой предоставлялось кіевскому магистрату исключительное право продажи хлѣбнаго вина распивочно и на выносъ въ особыхъ шинковыхъ домахъ въ »нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ«. Дѣла эти возникали или вслѣдствіе ходатайствъ магистрата о закрытіи постороннихъ шинковъ, или же по жалобамъ монастырей и козаковъ на магистратскихъ »потыжниковъ« и др. урядниковъ за учиненные ими »гвалты, бои и пр.«.

Въ остальныхъ десяти отдѣлахъ матеріалъ довольно разнообразный. Для исторіи землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи и для топографіи немалый интересъ представляютъ дѣла по взаимнымъ спорамъ изъ за раз-

ныхъ грунтовъ между монастырями и между этими послѣдними и магистратомъ. Мирныя обители, по общему унаслѣдованному отъ прежнихъ временъ обычаю, прибѣгали иногда къ »гвалтовному« занятію спорныхъ участковъ, какъ это напр. случилось въ 1725 г. въ спорѣ о правѣ на островъ Муромецъ между Днѣпромъ Черторыемъ, когда игуменъ троицкаго монастыря, прогнавъ чиновника, посланнаго отъ ген. губ. канцеляріи, »самовольно и насильно сѣна до щенту восемь скиртъ заграбилъ и перевозилъ на свой берегъ подъ село Троетчину«.

Далѣе не лишены интереса для исторіи промышленности свѣдѣнія о кожевенномъ промыслѣ въ г. Кіевѣ и раскольничьихъ слободахъ въ 1766 г. По именному указу его императорскаго величества были потребованы отъ кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова справки о выдѣлываемыхъ кожахъ, ихъ цѣнности и сбытѣ. Изъ репортовъ оказалось, что »какъ въ самомъ здѣшнемъ городѣ Подолѣ, такъ и въ присутственномъ къ оному подгородьѣ Преоркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ кожевныхъ фабрикъ никогда не было и нынѣ не состоитъ«, но нашлись »партикулярные мѣщанскіе 22 дома, въ которыхъ сырыя кожи выдѣлываются«. Кромѣ кожъ мѣстнаго убоя, кожемяки скупали еще въ Малороссіи, но выдѣланныя кожи въ отпускную торговлю не шли, а потреблялись на мѣстѣ.

Весьма любопытенъ представленный въ 1747 г. въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію кіевскимъ полицмейстеромъ Акимомъ Литвиновымъ проэктъ организація въ Кіевѣ полицейскаго надзора. Надзоръ этотъ касался только »великороссійскаго народа людей«, такъ какъ по указу отъ 9 апрѣля 1734 г. »до нижняго города Кіева, прозываемаго Подола, гдѣ только малороссійскаго народа люди особливое жительство имѣютъ, дѣйствительно подъ гетманскимъ региментомъ, и вѣдомы они въ кіевскомъ магистратѣ, кіев. полицмейстерской конторѣ интересоваться не велѣно«. Въ проэктѣ играетъ главную роль вопросъ о безпаспортныхъ людяхъ. Въ утѣшеніе нынѣшнихъ кіевскихъ домовладѣльцевъ, платящихся часто за несвоевременную прописку видовъ, можемъ привести слѣдующую выдержку изъ проэкта: »когда-жъ кто къ себѣ жить пуститъ, оныхъ объявлять подъ опасеніемъ за необъявленія съ обывателей взятія штрафа 50 рублевъ въ годъ«.

Въ 1738 г. по указамъ изъ кабинета его императорскаго величества о сысканіи въ кіево-межигорскомъ монастырѣ янтаря, дѣлались сначала подъ наблюденіемъ капитана Веревкина, а затѣмъ присланнаго изъ генералъ-бергъ директоріи саксонца Питера Пикарта въ продолженіи цѣлаго лѣта раскопки »янтарной руды«. Янтарь дѣйствительно былъ найденъ, но въ весьма маломъ количествѣ и въ мелкихъ кускахъ, а потому »штенгеръ« Пикартъ былъ отозванъ, причемъ велѣно ему привезти найденный янтарь и »такожъ, въ которыхъ мѣстахъ оной янтарь лежалъ, изъ нихъ взять по нѣкоторой части для признаку каждаго слоя земли съ яснымъ описаніемъ«.

Ц. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖИЦА КОНЦА XVIII СТ.

Разнообразный и обширный составъ южно-русской библіографіи прежнихъ временъ далеко еще не опредѣленъ даже простымъ перечневымъ порядкомъ и едвали скоро будетъ исчерпанъ. Интересующемуся южно-русскими изданіями прежняго времени приходится нерѣдко встрѣчаться съ новинками, о которыхъ онъ не мечталъ. Въ частныхъ библіотекахъ и архивахъ, на чердакахъ деревенской глуши попадаются остатки разнообразныхъ изданій, потерявшихъ нынѣ всякое практическое значеніе для своихъ владѣльцевъ, но бросающіе все новые лучи свѣта на наше прошлое въ его культурныхъ и бытовыхъ проявленіяхъ.

Къ числу такихъ остатковъ относится и книжица, съ которою желаю познакомить читателя. Это сборникъ разныхъ секретовъ и лечебныхъ средствъ, необходимыхъ въ »господарствѣ«. Принадлежитъ онъ теперь проф. В. Б. Антоновичу; печатанъ въ 16-ю долю листа; переплетъ недавній, но истрепанный, свидѣтельствуетъ о долгомъ употребленіи книги; заглавнаго листа нѣтъ и потому ни мѣсто, ни годъ изданія, ни имя автора неизвѣстны. По шрифту, бумагѣ и предисловію можно заключить, что книжка напечатана во второй половинѣ XVIII ст., въ одной изъ типографій правобережной Украины; въ предисловіи неизвѣстный авторъ прямо говоритъ, что она напечатана для »посполитства Волынскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Брацлавскаго воеводствъ«. Кромѣ заглавнаго листа

въ книжкѣ не достаетъ еще нѣсколькихъ страницъ: послѣ 96-ой слѣдуютъ стр. 103—108, но и изъ нихъ видно, что книга безъ конца.

Предисловіе на польскомъ языкѣ и занимаетъ 6 страницъ, а затѣмъ слѣдующее малорусское заглавіе, печатанное славянскимъ шрифтомъ:

»*Книжиця для господарства, указующая, якъ ратовати въ хоробахъ всякую скотину, то есть, конѣ, воли, овѣцѣ, козы, свинѣ, якъ бѣлити полотно, якъ боронити пашнѣ отъ саранчи, якъ ратоватися отъ джумы, якъ губыти гуселницю отъ капусты, якъ ловиты рыбу, якъ губыти мыши и щуръ, якъ ратовати скаженіи собаки, якъ ратовати людей, которыхъ собаки скаженіи покусали, якъ ратовати человѣка, который не въ давномъ времени зъ ума зыйдетъ.*

Все содержаніе книги состоитъ изъ наставленій на всѣ показанные случаи. Наставленія изложены по малорусски; напечатаны славянскимъ шрифтомъ; на послѣднихъ шести страничкахъ помѣщены нѣкоторыя изъ тѣхъ же наставленій шрифтомъ польскимъ.

Приведемъ въ русскомъ переводѣ польское предисловіе; оно ознакомитъ насъ съ цѣлью изданія книжки, ея значеніемъ и назначеніемъ.

»До сихъ поръ издаваемы были книги разныхъ лекарствъ языкомъ и шрифтомъ польскимъ. Можно безошибочно утверждать, что чтеніе и разноска такихъ книгъ въ нашемъ русскомъ краѣ не приносили никакой или весьма малую пользу: книги попадали всегда въ руки землевладѣльцевъ поляковъ, въ руки пановъ, а они прочитавъ однажды ради любопытства или желанія развлечься отъ праздности, болѣе не имѣли побужденія въ нихъ заглядывать, будучи заняты свойственными ихъ состоянію забавами, которыя не оставляли времени для испытанія на дѣлѣ совѣтовъ, какъ подавать помощь больнымъ животнымъ.—Вслѣдствіе этого печатаемъ Книжечку лекарствъ для скота, лошадей, овецъ и пр., переведенную изъ польскихъ и другихъ авторовъ на языкъ русскій, обыкновенно употребляемый и понимаемый польскимъ простонародіемъ въ воеводствахъ волынскомъ, кіевскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ. Мы употребили даже шрифтъ славянскій, т. е. русскій, какъ знакомый большей части простого народа и такой, которому народъ легче можетъ обучиться«. — »По этому,

мы можемъ разсчитывать, что польскіе подданные, занятые преимущественно земледѣліемъ, зная, что ихъ рабочій скотъ: волы и лошади и часть ихъ имущества, состоящая изъ коровъ, овецъ и свиней, необходимы для ихъ работъ и жизненныхъ потребностей, будутъ со вниманіемъ читать такую книжечку и тѣмъ охотнѣе будутъ ей слѣдовать, что она обѣщаетъ имъ пользу и отвѣчаетъ ихъ требованіямъ«.

»Каждое село въ нашемъ краѣ нуждается въ достаточномъ количествѣ лошадей и воловъ, однако въ сотомъ развѣ селеніи можно розыскать человѣка, который, въ случаѣ заболѣванія лошади или вола, съумѣлъ-бы подать помощь.—Поэтому кстати будетъ предложить всѣмъ владѣльцамъ городовъ и селъ, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственные совѣты, какъ напр. настоящая о поданіи помощи больнымъ животнымъ. При этомъ условіи, можно надѣяться, мы имѣли-бы въ скоромъ времени отличныхъ хозяевъ, опытныхъ въ уходѣ за разнымъ скотомъ, отличныхъ коноваловъ, полезныхъ слугъ и конюховъ при стадахъ и конюшняхъ, а отъ сего быстро развилась-бы торговля и благосостояніе края«.

»Но чтобы молодежь простонародія дошла до того, что съумѣла-бы читать и исполнять предписанія и совѣты, вы священники обряда греческаго (Ritus Graeci) и всѣ настоятели изъ любви къ ближнему и къ ввѣренной вашему управленію паствѣ, предпишите своимъ церковнымъ дедаскаламъ, чтобы въ приходскихъ школахъ дѣтямъ, набраннымъ для обученія чтенію книгъ, печатанныхъ на славянскомъ языкѣ, и эту также книжечку для упражненія давали.— Вѣдь и вы почтенные (zacni) настоятели греческаго обряда должны стараться о преуспѣяніи блага отечества.—Хотя эта книжечка и не содержитъ въ себѣ ничего возвышеннаго, однако проникнута она надеждой на общественную пользу, преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы бѣдные люди, которыхъ судьба не надѣлила состояніемъ, достаточнымъ для содержанія ихъ и ихъ дѣтей, будучи опытными въ леченіи домашнихъ животныхъ, могли найти средства къ жизни«.

»Въ этой книжкѣ приложены и нѣкоторые хозяйственные секреты, полезные какъ для народнаго здравія, такъ и для удобства; они полезны не менѣе первыхъ, а именно: о ловлѣ рѣчныхъ

рыбъ, о выбѣлкѣ полотна, о предосторожности отъ змѣй, заразы, саранчи; о посадкѣ и прищепкѣ плодовыхъ деревьевъ, о посѣвѣ лѣсныхъ деревъ и о поданіи помощи на случай пожара въ городахъ и селахъ. Все, заключающееся въ этомъ маломъ сборникѣ, можетъ показаться кому либо недостаточнымъ; но желающимъ открывается поле для просвѣщенія простого и бѣднаго люда въ ихъ нуждахъ съ помощію подобнаго изданія правилъ на разные случаи; къ этому по всей вѣроятности можетъ побуждать не одного изъ польскихъ соотечественниковъ стремленіе быть полезнымъ въ этой или другой мѣрѣ своему народу«.

Какъ видимъ, авторъ предназначалъ свою книжицу для простого народа во имя просвѣщенія во имя блага народа и отечества. Предлагаемые имъ совѣты и наставленія извлечены изъ польскихъ и другихъ авторовъ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала указываются лекарства противъ болѣзней лошадей, потомъ воловъ, далѣе овецъ и свиней; за тѣмъ слѣдуютъ разные хозяйственные секреты и домашнія средства противъ болѣзней людей, а въ концѣ помѣщено нѣсколько статеекъ, посвященныхъ садоводству.

Въ ряду совѣтовъ и средствъ, изложенныхъ въ книжкѣ, много такихъ, которые теперь уже покажутся несостоятельными и даже наивными, но въ большей части они основаны на разумныхъ соображеніяхъ или же на опытѣ и чужды суевѣрія и предразсудковъ, которыми руководствуется знахорство, нѣкоторые же совѣты, особенно въ отдѣлѣ о лошадяхъ, о прививкѣ деревьевъ и пр., до сихъ поръ съ успѣхомъ могли-бы быть примѣняемы.

Изъ числа рецептовъ наивныхъ и курьезныхъ, приведемъ слѣдущіе четыре:

1) *На слиногуръ.* Слиногуръ значится болячка въ горлѣ конскомъ, отчого и языкъ пухне, на тое треба лѣтнои воды и положивши коня, треба лляти на языкъ и въ губу, щобъ загрѣвся языкъ и губа, а заразъ воловою жовчею натерти языкъ и губу, а при томъ не давати нѣчого иншого ѣсти, тилко ячмѣнь перевѣяній и отовчаній з салѣтрою пѣвтора лута (ст. 44).

2) *Якъ тіи робаки губити, которіи на древъ въ садахъ листъ и цвѣтъ объѣдаютъ?* Рибу якуколвякъ росплатай въ штуки, покрай

и помочи въ водѣ, нехай мокне чрезъ день *е*динъ, накривши, и тою водою кропи всѣ древа що дня, зробивши кропило зъ соломы (ст. 88).

3) *Коли зуби болятъ, якъ ратоватися.* Лучину смолную вари з оцтомъ, и тимъ губу часто полощи, а хрѣну утерши на тертцѣ, приложи на руку до локтя с противной сторони, з которой зубы не болятъ (ст. 86).

4) *Якъ ратовати человѣка, которій недавно з ума зыйде?* Тому человѣкови треба пустити з ноги *е*дной кровъ рано, з другой ноги въ вечеръ, а заразъ хустку въ зимную воду умочивши, на каркъ *е*му прикладати уставичне чрезъ день и ночь, а на ночь давати *е*му салѣтри в водѣ наперстокъ, тожъ и на рано (ст. 84).

Въ языкѣ книжки обращаетъ на себя вниманіе совершенное отсутствіе вліянія языка церковно-славянскаго; это простая малорусская рѣчь, испещренная по мѣстамъ полонизмами и то главнымъ образомъ въ техническихъ словахъ. Употребленіе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени всегда съ твердымъ окончаніемъ, напр. робля*тъ*, боля*тъ*, даетъ поводъ думать, что авторъ былъ подъ вліяніемъ подольскаго говора.

Интересно было бы разрѣшить вопросъ о національности автора. Польскій языкъ въ предисловіи самъ по себѣ не даетъ еще основанія считать автора непремѣнно полякомъ; по польски говорили и писали тогда и малороссіяне; но на польское происхожденіе автора указываютъ: тонъ предисловія, названіе: *pospólstwo polskie* и эти заботы его о благѣ народа польскаго, отечества польскаго, очевь напоминающія настроеніе лучшей части польскаго общества во времена упадка Рѣчи Посполитой, настроеніе, выразившееся въ Коллонтаевскомъ движеніи и конституціи 3-го мая, проникнутыхъ надеждой на спасеніе съ помощію поднятія уровня нравственнаго и матеріальнаго положенія народа.

Ц. Г. Нейманъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОТКРЫТІЮ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА И ПРАВИЛА ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ОНЫЙ.

Жизнь отодвинула насъ отъ этого сравнительно недавняго событія. Много-ли въ живыхъ осталось свидѣтелей этого торжества, которые могли-бы разсказать намъ, какъ оно происходило, какія

думы, чувства, надежды будило,—не въ тѣхъ, что устрояли празднество и распоряжались имъ,—они исполняли лишь свой служебный долгъ, и не въ тѣхъ, что призывались къ участію въ немъ,—едвали оно было имъ по сердцу, но въ томъ коренномъ населеніи и Кіева и края, которое удалено было цѣлымъ ходомъ исторіи отъ участія въ этомъ торжествѣ, которому не было на немъ мѣста и предъ которымъ долго еще закрыты были двери открывавшагося тогда святилища наукъ?

Существовали, и уже давно, университеты въ Москвѣ и Петербургѣ; былъ университетъ въ Харьковѣ, даже въ Вильнѣ; еще въ прошломъ столѣтіи проэктировалось не разъ учрежденіе университета въ Глуховѣ и Батуринѣ, а въ началѣ нынѣшняго даже въ Новгородъ-Сѣверскѣ. О Кіевѣ, какъ мѣстѣ для университета, упоминалось подъ конецъ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Александра I, но самаго университета дождался онъ въ тотъ годъ, когда отмѣнены были для его чиновниковъ польскіе мундиры, прекращено дѣйствіе магдебургскаго права и замазаны въ великой церкви кіево-печерской лавры портреты великихъ кіевскихъ князей и гетмановъ малороссійскихъ. Но такова была историческая судьба столицы равно-апостольнаго Владиміра, колыбели просвѣщенія, матери градовъ русскихъ, что даже на открытіи здѣсь первой гимназіи, въ памятный 1812 годъ, митрополитъ, генералъ-губернаторъ и прочія русскія власти угощены были подъ рядъ тремя польскими рѣчами и только четвертую, послѣднюю, сказалъ директоръ Мышковскій на россійскомъ уже діалектѣ [1]).

Скоро университетъ св. Владиміра празднуетъ 50-лѣтній юбилей своей жизни. Открытіе университета происходило 15 іюля 1834 г., начало ученія 15 августа того-же года, въ промежуткѣ шелъ пріемъ студентовъ, юбилейное-же торжество совершится 8 сентября сего года. Но если воображеніе способно будетъ перенести участниковъ сего послѣдняго торжества за 50 лѣтъ, то не встрѣтитъ оно затрудненія перенести ихъ и еще за нѣсколько дней назадъ, ибо на то у него есть крылья.

Въ газетахъ появляются уже воспоминанія о прежней жизни университета св. Владиміра, печатаются приглашенія ко дню юбилей-

---

[1]) См. въ этой же книжкѣ стр. 449.

наго торжества. Умѣстно будетъ ознакомить читающую публику съ приглашеніемъ къ открытію самаго университета и правилами поступленія въ оный, какъ они опубликованы были въ печатныхъ экземплярахъ 50 лѣтъ назадъ, въ 1834 г. Эти два письменные памятника того времени, въ такой степени мало значительные, что получавшіе ихъ тогда же употребляли ихъ на обертку сальныхъ свѣчей и на другія надобности, говорятъ кое-что объ этомъ-же времени, отъ нихъ вѣетъ также исторіею. Приглашается къ торжеству открытія университета св. Владиміра, въ день посвященный его памяти, *почтеннѣйшее Сословіе Дворянства* нынѣшнихъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, а поступающіе въ университетъ обязываются представлять свидѣтельство о *свободномъ* состояніи. Изъ кого-же состояло, какой національности принадлежало это »почтеннѣйшее сословіе«, въ качествѣ любителя отечественнаго просвѣщенія, приглашавшееся »быть *свидѣтелями* столь важнаго для края событія«, и кто эти *свободные* состояніемъ, для которыхъ однихъ открытъ былъ доступъ въ храмъ наукъ? Пояснять это едва-ли есть надобность;—слишкомъ извѣстны тогдашній составъ дворянства юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній (мы не понимаемъ только, какъ въ число ихъ попала губернія черниговская) и нашъ тогдашній государственно-общественный строй. Скажемъ развѣ, что мѣстное русское купечество въ то время почти не существовало, а и существовавшее сторонилось даже отъ гимназіи, держась правила, что не книга кормитъ брюхо; что-же касается дѣтей священно и церковно-служителей, то для поступленія какъ въ гимназію, такъ и въ университетъ они должны были увольняться изъ духовнаго званія, приписываться въ мѣщане или крестьяне и за тѣмъ брать удостовѣренія отъ ихъ обществъ, что они будутъ платить за нихъ подать и пр. и не препятствуютъ учиться. Если въ университетъ св. Владиміра допускались тогда, въ качествѣ студентовъ, чиновники, служащіе и отставные, то опять сказать надо, что чиновниковъ русскихъ въ обоихъ краяхъ въ то время можно было по пальцамъ счесть. Какъ особенность программы вступительныхъ экзаменовъ можно отмѣтить требованіе, чтобы поступающій въ университетъ »излагалъ свои мысли на латинскомъ языкѣ, безъ грамматическихъ ошибокъ«.

Приводимъ текстъ и приглашенія и правилъ по печатному экземпляру 1834 г.

Объявленіе о торжественномъ открытіи императорскаго университета св. Владиміра.

Его императорское величество, всемилостивѣйшій государь нашъ въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народовъ, провидѣніемъ Ему ввѣренныхъ, желаетъ насадить и распространить между ними просвѣщеніе истинное, утвержденное на основаніяхъ святой вѣры, которое одно упрочиваетъ благоденствіе человѣческихъ обществъ. Равно благотворящій всѣмъ своимъ подданнымъ, соизволилъ онъ повелѣть учредить въ западныхъ губерніяхъ Россіи учебное заведеніе, имѣющее цѣлію развитіе высшаго образованія, основаннаго на благихъ началахъ, правительствомъ предписанныхъ.

Основанія сего учрежденія подробно изложены въ обнародованныхъ высочайшихъ указахъ и постановленіяхъ: здѣсь излагается вкратцѣ ихъ содержаніе.

Учреждаемый въ семъ краю университетъ, преобразованный изъ Волынскаго лицея, предназначенъ преимущественно для образованія губерній: кіевской, волынской и подольской; наслѣдственное усердіе жителей оныхъ къ пользѣ просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній сего края.

Мѣстомъ учрежденія сего заведенія избранъ г. Кіевъ, столица святаго равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ впервые возсіялъ и откуда разлился въ предѣлы древней Россіи свѣтъ истинной вѣры. Да предзнаменуетъ сіе избраніе успѣхи новаго разсадника просвѣщенія, въ духѣ благочестія и нравственности!

Открываемый университетъ наименованъ: императорскимъ университетомъ св. Владиміра, въ память великаго просвѣтителя Россіи, и удостоенъ принятія подъ особое покровительство его императорскаго величества.

Университету св. Владиміра дарованы всѣ права и преимущества, какія предоставлены прочимъ университетамъ въ государствѣ. Ему присвоены всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ и другими сословіями кіевской, волынской и подольской губерній для волынскаго лицея и кіевской гимназіи; по недостатку же сихъ средствъ, всемилостивѣйше повелѣно увеличить оныя значитель-

ными пособіями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ на содержаніе университета.

Вмѣстѣ съ отмѣненіемъ предположенія объ учрежденіи лицея въ г. Оршѣ, по неимѣнію въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ высшаго учебнаго заведенія, высочайшимъ указомъ предоставлено юношеству губерній, въ составъ сего округа входящихъ, получать окончательное образованіе въ университетѣ св. Владиміра; на каковой конецъ суммы, на построеніе лицея въ г. Оршѣ назначенныя, обращены на возведеніе зданій университета св. Владиміра.

Таковы благодѣтельныя мѣры правительства! Благотворныя намѣренія его клонятся къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ семъ краю. Да увѣнчаются попеченія Николая I-го о благѣ тысячи народовъ, промысломъ ему ввѣренныхъ, полнымъ успѣхомъ!

Основаніе университета въ семъ краю сопряжено было съ толикими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ. Попеченія господина министра народнаго просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, при просвѣщенномъ участіи г. кіевскаго военнаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, много содѣйствовали къ преодолѣнію сихъ препятствій,—и предначертанія правительства готовы быть приведены въ исполненіе. Проектъ университета св. Владиміра уже составленъ и удостоился высочайшаго утвержденія; возникающему заведенію доставлены всѣ пособія, отъ высшаго училищнаго начальства зависящія; важнѣйшія каѳедры его замѣщены; совѣтъ и правленіе университета вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и университетскіе курсы будутъ начаты 15 августа сего года.

Такимъ образомъ совѣтъ императорскаго университета св. Владиміра, съ разрѣшенія г. попечителя онаго, симъ честь имѣетъ извѣстить почтеннѣйшее сословіе дворянства губерній: кіевской, волынской, подольской, черниговской, какъ равно и губерній, принадлежащихъ къ бѣлорусскому учебному округу: витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской и бѣлостокской области, что торжественное открытіе университета св. Владиміра послѣдуетъ 15 іюля сего года, въ день, посвященный памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Объявляя о семъ, совѣтъ университета позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ всѣ любители отечественнаго просвѣщенія вообще, такъ и особенно тѣ, кои своими пожертвованіями доказали на опытѣ свое усердіе къ пользамъ онаго,—пожелаютъ быть свидѣтелями сего важнаго для здѣшняго края событія.

При семъ прилагаются: высочайше утвержденное постановленіе о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ и правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1834 года. Г. Кіевъ.

Высочайше утвержденное постановленіе о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ.

Университетъ св. Владиміра составленъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Философскій раздѣляется на два отдѣленія.

Въ составъ философскаго факультета входятъ слѣдующія каѳедры:

I-е отдѣленіе.

1) Философія.
2) Греческая словесность и древности.
3) Римская словесность и древности.
4) Россійская словесность.
5) Всеобщая и россійская исторія и статистика.

II-е отдѣленіе.

1) Чистая и прикладная математика.
2) Астрономія.
3) Физика и физическая географія.
4) Химія.
5) Минералогія и геогнозія.
6) Ботаника.
7) Зоологія.
8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетѣ юридическомъ преподаются:

1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣдѣнія, или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учрежденія россійской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ.

3) Россійскіе гражданскіе законы какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ мѣстныхъ законовъ, кои дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ токмо губерніяхъ.

4) Россійскіе уголовные законы.

5) Законы благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

7) Римское законодательство въ соединеніи съ исторіею его какъ внутреннею, такъ и внѣшнею.

Сверхъ того, для догматической и нравоучительной богословіи, церковной исторіи и церковнаго права, опредѣляются двѣ особыя не-принадлежащія къ факультетамъ каѳедры: одна для студентовъ греко-россійскаго, а другая для студентовъ римско-католическаго исповѣданія.

Въ университетѣ будутъ преподаваться языки:

1) Французскій.
2) Нѣмецкій.
3) Италіянскій.
4) Польскій.

Свободныя искусства:

1) Рисованіе.
2) Фехтованіе и волтижированіе.
3) Музыка.
4) Танцованіе и
5) Верховая ѣзда.

Правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1. Всѣ желающіе поступить въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе, при чемъ одобрительныя свидѣтельства гимназій принимаются въ особое уваженіе и даютъ право предстать на экзаменъ немедленно и прежде прочихъ.

2. Предметами испытанія будутъ науки, входящія въ составъ гимназическаго курса, а именно:

а) Законъ Божій, священная и церковная исторія.

б) Русская грамматика, словесность и логика.

в) Языкъ латинскій. Отъ испытуемаго требуемо будетъ, чтобы онъ могъ переводить и объяснять изъ прозаиковъ Саллустія, Ливія и Цицерона, изъ поэтовъ Виргилія и лучшія оды Горація, равно излагалъ-бы мысли свои на латинскомъ языкѣ безъ грамматическихъ ошибокъ.

г) Языкъ нѣмецкій. Желающій поступить въ университетъ долженъ понимать и разбирать лучшихъ писателей на семъ языкѣ, какъ прозаиковъ, такъ и стихотворцевъ, и излагать мысли свои на нѣмецкомъ языкѣ, подобно какъ и на латинскомъ, безъ грамматическихъ ошибокъ.

д) Въ такой-же степени требуется отъ испытуемаго знаніе языка французскаго.

е) Ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени включительно, геометрія и плоская тригонометрія.

ж) Исторія всеобщая и россійская.

з) Географія и въ краткомъ обозрѣніи статистика.

и) Физика общая и частная.

3. Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, перемѣнивъ мѣсто жительства, можетъ окончить оныя въ университетѣ св. Владиміра, и обратно, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ изъ сихъ заведеній въ число лѣтъ, опредѣленныхъ для окончанія полнаго курса, если причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены попечителемъ, и если, по предварительномъ испытаніи, представитъ вполнѣ одобрительный отъ того университета аттестатъ. Впрочемъ такой зачетъ времени въ университетѣ св. Владиміра можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда откроются всѣ четыре курса, въ наступающемъ же академическомъ году открытъ будетъ одинъ первый; слѣдующіе будутъ вводимы постепенно, всякій годъ по одному.

4. Дабы предоставить способы къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ наукахъ и полученію права на ученыя степени или чины, къ слушанію университетскихъ курсовъ допускаются, съ дозволенія

попечителя, кромѣ студентовъ, также и чиновники служащіе и отставные; они должны для сего выдержать испытаніе, подобно желающимъ вступить въ число студентовъ университета, а служащіе имѣютъ представить сверхъ того позволеніе на то отъ своего начальства.

5. Государю императору благоугодно было при семъ университетѣ опредѣлить комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ изъ 50 человѣкъ; въ томъ числѣ 26 предназначаются въ учительское званіе, и 24 въ гражданскіе чиновники.

6. Для каждаго изъ сихъ званій ежегодно будетъ принимаемо только по 6 человѣкъ, всего 12; они избираемы будутъ изъ учениковъ гимназій, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхами.

7. Казенные студенты, по окончаніи 4-хъ годичнаго въ университетѣ курса, поступаютъ по распредѣленію начальства въ учители заведеній кіевскаго учебнаго округа, или въ гражданскіе чиновники въ губерніяхъ: кіевской, волынской и подольской, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которое опредѣлены будутъ.

8. Сверхъ предполагаемаго комплекта казеннокоштныхъ студентовъ, будутъ принимаемы въ университетъ и пансіонеры, съ платою за полное свое содержаніе 800 рублей ассигнаціями въ годъ, на правилахъ, для благороднаго пансіона при кіевской гимназіи постановленныхъ.

9. Время пріема въ университетъ назначается отъ 1 іюля до 15 августа. Вступающіе должны имѣть слѣдующіе документы:

а) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи.

б) Свидѣтельство о происхожденіи и свободномъ состояніи.

в) Аттестатъ или одобрительное свидѣтельство о своихъ познаніяхъ изъ гимназій, ежели въ оныхъ обучались.

г) Тѣ, кои желаютъ поступить въ число казенныхъ студентовъ или пансіонеровъ, должны представить также докторское свидѣтельство о бывшей на нихъ натуральной или прививной оспѣ.

Графъ **Милорадовичъ.**

ЕЩЕ О БОРОВИКОВСКОМЪ.

Дополненія и поправки г. Божерянова къ замѣткѣ моей о Боровиковскомъ, помѣщенныя въ предыдущей книгѣ »Кіевской Старины«, нуждаются въ оговоркахъ. Эти оговорки пригодятся, быть можетъ, будущему біографу Боровиковскаго, если наши замѣтки,—моя и г. Божерянова,—попадутся ему на глаза.

Прежде всего о случаѣ изъ юности художника, сохраненномъ въ разсказѣ г. Данилевскаго »Екатерина II на Днѣпрѣ«. По этому разсказу, Боровиковскій освобожденъ былъ отъ солдатчины по просьбѣ дѣда своего, козака Грицька, участника полтавскаго боя, и впослѣдствіи обратилъ на себя талантомъ вниманіе царицы, расписавъ стѣны одного изъ домовъ, выстроенныхъ для ея остановокъ.

Какихъ лѣтъ могъ быть козакъ Грицько, просившій Екатерину за своего внука? Полтавская битва была въ 1709 году. Екатерина ѣздила въ Крымъ въ 1787. Козаку, слѣдовательно, было лѣтъ сто и болѣе. Былая долговѣчность допускаетъ конечно такой возрастъ, но противъ розсказываемаго случая есть другія данныя. Въ преданіи говорится о свадьбѣ Боровиковскаго. Онъ жилъ въ Петербургѣ одинокимъ и умеръ бездѣтнымъ. Надо предположить изъ двухъ одно: или онъ овдовѣлъ сейчасъ послѣ женитьбы и до отъѣзда въ Петербургъ или, что вѣрнѣе, что онъ женатъ совсѣмъ не былъ. Домъ, расписанный Боровиковскимъ, по разсказу, находился въ Полтавѣ. Тамъ дѣйствительно до сихъ поръ сохранился домъ, гдѣ останавливалась Екатерина, путешествуя въ Крымъ. Онъ стоитъ въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, надъ долиной Ворсклы. Въ пріемномъ залѣ его до сихъ поръ уцѣлѣла стѣнная живопись. Но живопись эта груба, не носитъ ни малѣйшаго слѣда таланта и не можетъ быть приписана Боровиковскому уже потому, что сюжеты фресокъ совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, о которыхъ сохранилось преданіе. Гдѣ былъ тотъ домъ—въ подлинности неизвѣстно, и самъ г. Данилевскій конечно не считаетъ живописи полтавскаго монастырскаго дома живописью Боровиковскаго, такъ какъ въ изданномъ имъ впослѣдствіи описаніи »достопримѣчательностей« Полтавы, описывая монастырскій домъ, онъ ничего не говоритъ о Боровиковскомъ. Наконецъ послѣднее. Въ официальныхъ бумагахъ

первыхъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Боровиковскій называется поручикомъ. Съ этимъ чиномъ онъ пріѣхалъ въ столицу и его не не могли дать ему ни академія, ни Левицкій, ни Лампи. Когда-же могъ онъ его достичь? Не въ короткій-ли промежутокъ между освобожденіемъ отъ рекрутчины и отъѣздомъ въ Петербургъ? Хотя въ эту эпоху бывали примѣры особенно быстраго движенія по чиновной лѣстницѣ, но на такое движеніе давали права таланты иного свойства, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Боровиковскій.

Къ офиціальнымъ даннымъ о Боровиковскомъ, заимствованнымъ г. Божеряновымъ изъ »Сборника матеріаловъ для исторіи императорской академіи художествъ«, могутъ быть прибавлены свѣдѣнія, сообщенныя П. Н. Петровымъ въ »Художественномъ Сборникѣ«. Мы оставили ихъ въ сторонѣ, считая служебныя подробности дѣломъ наименѣе важнымъ въ характеристикѣ художника. Но въ біографіи онѣ будутъ необходимы. Упорство, съ какимъ академія долгое время отказывала Боровиковскому въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью устава академіи, дѣйствовавшаго до 1830 года. По этому уставу портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званія профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое, но на конкурсѣ, о которомъ упоминаетъ и г. Божеряновъ, за портреты Бутурлиныхъ, онъ получилъ все таки только вторую награду, на ряду съ забытымъ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, не оставившему слѣда въ искуствѣ. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только послѣ исполненія портретовъ лицъ царской фамиліи, въ которыхъ онъ превзошелъ не только Вуаля и г-жу Виже-Лебрёнъ, гостившую тогда въ Россіи, но подчасъ и самого Лампи.

Къ одному изъ этихъ портретовъ относится указанная г. Божеряновымъ погрѣшность въ составленномъ мною спискѣ работъ Боровиковскаго, гдѣ портретъ великой княгини Александры Павловны названъ портретомъ великаго князя Александра Павловича. Ошибка произошла отъ сокращенія въ рукописи, въ чемъ ссылаюсь на уважаемаго редактора »Кіевской Старины« [1]. Свидѣтельство

[1]) Дѣйствительно, такъ.—Ред.

его привожу въ тѣхъ видахъ, что мало почтеннымъ пріемомъ сваливанья своихъ грѣховъ на плечи часто неповиннаго наборщика злоупотребляли слишкомъ часто и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Что касается »Портрета неизвѣстнаго священника«, бывшаго прежде въ галлереѣ Прянишникова, а нынѣ находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, то относительно него я правъ. Какъ доказано нынѣ, этотъ портретъ писанъ Левицкимъ и изображаетъ отца художника. Писаннаго-же Боровиковскимъ священника, извѣстнаго или неизвѣстнаго, въ Румянцевскомъ музеѣ нѣтъ.

Сводя разнорѣчивыя цифры печатныхъ замѣтокъ о Боровиковскомъ, г. Божеряновъ хочетъ установить нѣчто въ родѣ *средняго числа* для опредѣленія въ точности дня его смерти. На этотъ счетъ есть свѣдѣніе вполнѣ достовѣрное. Это надпись на могилѣ Боровиковскаго, гдѣ ошибки быть не можетъ. Надпись эта, теперь полуистертая, гласитъ слѣдующее: »На семъ мѣстѣ предано землѣ тѣло совѣтника академіи Владиміра Лукича Боровиковскаго, скончавшагося на 68 году отъ рожденія, *въ 6-й день апрѣля 1825 г.*

Смоленское кладбище, гдѣ покоится прахъ художника, лежитъ на одной изъ дальнихъ окраинъ Васильевскаго острова въ Петербургѣ. Близость моря даетъ себя чувствовать неустойчивостью и влажностью почвы. Вновь вырытыя могилы,—а ихъ ежечасно требуетъ сѣверная столица,—тотчасъ наполняются водою. Печальныя и тощія березки осѣняютъ это жилище смерти.

Въ сторонѣ отъ средней дороги стоитъ церковь святой Троицы. Здѣсь, близь самой церкви на право, маленькій, почернѣлый, гранитный саркофагъ украшенъ надписью, приведенною выше.

Въ этой церкви два престола. Иконостасъ верхняго, во имя Михаила Архангела,—работы Боровиковскаго. Есть слухъ, что онъ писанъ во время предсмертной болѣзни художнина. Фигуры иконъ далеко не закончены, а мѣстами только едва начерчены. Къ счастью ничья чужая рука не коснулась этихъ, полныхъ скорбнаго чувства, набросковъ. Царскія врата изображаютъ все ту-же отрадную минуту Благой Вѣсти. На мѣстныхъ иконахъ Христосъ и Богоматерь, окруженные ангелами, во всей своей славѣ. Но въ выборѣ остальныхъ сюжетовъ отразилось страдающее настроеніе художника. Вотъ исцѣленіе Товіи, вотъ Архангелъ Михаилъ, поражающій Змія, и наконецъ вотъ шестой образъ,—странный и таинствен-

ный: полуденный пейзажъ, съ карованомъ вдали, а прямо, противъ зрителя, ангелъ уноситъ на небо пожилого человѣка. Лицо очень обыкновеннаго типа, но на немъ печать такого просвѣтленія и блаженства, какія грезились вѣрно художнику во время предсмертныхъ молитвъ. Не смотря на свою незаконченность, это лучшая изъ религіозныхъ картинъ Боровиковскаго. Здѣсь всего ярче передалъ онъ свой внутренній міръ, свою вѣру, здѣсь остался лучшій слѣдъ этой, глянувшей въ вѣчность, нѣжной души, стремившейся къ высшей правдѣ и красотѣ.

В. Горленко.

КІЕВСКІЙ ПЕЩЕРНИКЪ XVIII СТ.

Традиціонная форма отшельничества,—пещерное житіе, ведущая свое происхожденіе отъ начальника русскаго иноческаго житія, пр. Антонія печерскаго, удерживаясь въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не смотря на множество перемѣнъ во внѣшней и внутренней жизни русскаго народа, доходитъ до нынѣшняго даже столѣтія. Пещерничество, отъ котораго, по внѣшней обстановкѣ и условіямъ жизни, мало чѣмъ разнится суровая жизнь нашего крестьянства, въ болѣе близкое къ намъ время находило своихъ приверженцевъ преимущественно въ этой послѣдней средѣ. Строгіе указы Петра В. и его преемниковъ о непринятіи въ монастыри людей бѣглыхъ и не свободныхъ могли только поддерживать именно этотъ видъ иночества, который освобождалъ отшельника отъ узъ общественнаго рабства и навсегда укрывалъ его отъ взоровъ міра и полицейскихъ. Только десятки годовъ суроваго анахоретства привлекали снова къ спасающемуся такимъ образомъ вниманіе міра, но уже полное благоговѣйнаго уваженія.

Извѣстіе объ одномъ такомъ кіевскомъ пещерникѣ нашлось въ массѣ разнородныхъ фамильныхъ бумагъ малорусскаго рода Лашкевичей. Записано оно неизвѣстно кѣмъ на полулистѣ синей бумаги, почеркомъ конца прошлаго столѣтія. Приводимъ его здѣсь отъ слова до слова.

„Кіево-печерскія Лавры рясофорный монахъ, старецъ Досиѳей родомъ былъ великороссіянинъ, крестьянинъ нѣкоего изъ великихъ россій-

скихъ боляръ: имѣя непремѣнное желаніе быть монахомъ, когда не могъ исполненія своему желанію получить въ великой Россіи, яко не уволненный рабъ, то удалился въ малую Россію, во градъ Кіевъ, какже и въ кіевскихъ обителяхъ не могъ получить желанію исполненія, рѣшился жить при пустыни китаевской, въ горѣ называемой Китай, при вершинѣ ея, вирывши въ ней небольшую пещерку, гдѣ и пожилъ немалое время въ великомъ воздержаніи. 1744 года, посѣщая Кіевъ, блаженныя памяти благочестивѣйшая императрица Елисаветъ Петровна, услышавши о живущихъ богоугоднѣ въ пустыни китаевской монашествующихъ и о семъ пещерникѣ Досиѳеи, благоизволила не оставить убогаго мѣста сего августѣйшимъ своимъ посѣщеніемъ, куда съ многими духовными и свѣтскими чиновними персонами прибывши, изволила пѣшо шествовать на гору Китай по здѣланнымъ на тотъ случай невеликолѣпнымъ, прибытимъ къ земли изъ деревяшекъ степенькамъ. Пришедши къ пещеркѣ Досиѳеевой, повелѣть изволила вызвать его и за вопрошеніемъ увѣдомившись, что за рабство онъ не постриженъ, изволила повелѣть на другой день постричь, и постриженъ въ рясофоръ и долгое время послѣ постриженія въ тойже пещерѣ прожилъ. Когда указъ послѣдовалъ, чтобъ отшелникамъ не быть нигдѣ, по причинѣ послѣдовавшихъ нѣкоторыхъ злоупотребленій; то и Досиѳею отъ лаврскихъ властей велено преселится въ лавру, и жилъ на дальней пещерѣ и невозбраненно служилъ уединенно затворникомъ, получая по желанію пищу отъ лавры, которую ему послушникъ опредѣленній приносилъ тогда, когда подвижникъ сей щиталъ нужною къ употребленію. На пещерѣ прожилъ онъ по 74 й годъ, а сего года, по совѣту митрополита кіевского, Гавріила Кременецкаго, архимандритомъ Зосимою Валкевичемъ удаленъ въ пустынь китаевскую и жилъ въ келлійкѣ уединенной, при прудкѣ, всегда съ обичнимъ воздержаніемъ; но годъ отъ сего скончался, имѣя отъ рожденія близъ ста лѣтъ, съ коихъ три части проживъ въ великомъ воздержаніи. Изъ сего можно заключить о его дивной жизни, что во все въ горизонтахъ кіевскихъ время пребыванія его никогда не согрѣвалъ себя вещественнымъ огнемъ и никогда не возжѣщалъ огня въ келліи до кончины жизни своея".

Имѣетъ ли Лавра печерская свѣдѣнія объ этомъ подвижникѣ своемъ? Имѣетъ ли она другія подобныя свѣдѣнія за время позд-

нѣйшее? Тамъ писались нѣкогда лѣтописи, патерики, житія, сказанія. Пишется ли и хранится ли теперь что-либо, кромѣ бумагъ официіальныхъ, о подвижникахъ этой древнѣйшей обители въ ближайшее къ намъ время?—Извѣстія, въ родѣ сообщаемаго теперь, съ какой-бы кто стороны ни разсматривалъ ихъ, имѣютъ значеніе не для одной монастырской, но и вообще бытовой нашей жизни.

Сообщ. **Ал. Лашкевичъ.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА РОССІЮ.

Установилось мнѣніе, подтверждаемое массою несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что измѣна Мазепы не встрѣтила никакого сочувствія въ малорусскомъ народѣ и что на сторону Мазепы, кромѣ запорожцевъ, стали лишь весьма немногіе изъ козачей старшины дорого потомъ поплатившіеся за свое сочувствіе къ измѣннику.

Намъ довелось услышать преданіе, совершенно противуположное такому мнѣнію и свидѣтельствующее о сочувствіи къ Мазепѣ и его союзникамъ шведамъ не отдѣльныхъ, при томъ служилыхъ лицъ, но цѣлой и притомъ довольно численной общины.

Какъ преданію, въ которомъ не выяснены ни мотивы, ни ближайшія обстоятельства передаваемаго имъ факта, мы отнюдь не думаемъ придавать значенія историческаго свидѣтельства, подрывающаго установившееся въ исторической наукѣ мнѣніе. Сохраненный имъ случай все-таки единичный и могъ быть плодомъ частнаго внушенія или недоразумѣнія. Народъ, чуткій къ общимъ перемѣнамъ въ своей судьбѣ, плохо понимаетъ тонкости политики случайной, каковъ былъ союзъ Мазепы съ Карломъ, составлявшій секретъ для самаго Петра; обыкновенно онъ становится на сторону того, кто заступается или видъ показываетъ, что заступается за него; по части же забиранія фуража и провіанта въ то военное время русскія войска конечно не уступали шведамъ. Однако, какъ преданіе весьма опредѣленное, пріуроченное къ извѣстной мѣстности, мы считаемъ совсѣмъ не лишнимъ привести въ извѣстность: въ крайнемъ случаѣ передаваемый имъ фактъ можетъ служить образчикомъ великодушія побѣдителя Карла XII, на которое онъ былъ способенъ и въ минуты самаго сильнаго гнѣва.—Вотъ въ чемъ дѣло.

На границѣ харьковской губерніи существуетъ уѣздный городъ курской губерніи Грайворонъ или по мѣстному Гайворонъ. Грайворонъ въ степень уѣзднаго города возведенъ только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, до этого-же времени былъ селомъ хотмыжскаго уѣзда. Основаніе села Гайворонки относятъ къ очень далекимъ временамъ и основателемъ называютъ нѣкоего козака *Жеребила*, потомки котораго, а также и потомки другаго, дѣйствующаго въ преданіи лица, *Гетепана*, живутъ и по настоящее время въ Грайворонѣ; первые теперь носятъ фамилію *Жеребиловыхъ*, а вторые не измѣнили таковой и остались Гетепанами.

Преданіе говоритъ, что во время движенія Карла XII подъ Полтаву, а за нимъ по пятамъ Петра I, Грайворонъ или въ то время село Гайворонка находилась на пути. Жители села, по совѣту своего старшины Жеребила, а можетъ быть и по собственному соображенію, охотно дѣлились всѣми возможными съѣстными припасами съ шведскими войсками. Узнавъ-же о приближеніи русскихъ войскъ, весь провіантъ попрятали и по прибытіи Петра I не переставали тайкомъ доставлять въ шведскія войска, отказывая по неимѣнію русскимъ. Петръ I, узнавъ о такомъ отношеніи своихъ подданныхъ къ врагу, страшно разсердился и порѣшилъ наказать все село полнымъ уничтоженіемъ,—такъ сказать, стереть его съ лица земли. Для исполненія этой казни было приказано обложить село кругомъ соломой и никого не выпускать оттуда, а дабы предупредить всякое поползновеніе къ бѣгству, обставить село пушками и въ бѣглецовъ стрѣлять. При исполненіи-же казни зажечь одновременно со всѣхъ концовъ солому и палить въ село изъ пушекъ. Казнь должна была быть совершена въ присутствіи самого Императора. Гайворонцы, видя свою неминуемую гибель и не ожидая пощады, собрали раду и обратились къ тому-же Жеребилу, который, посовѣтовавъ подчиниться своей горькой участи, предложилъ однако испробовать послѣднее средство, заключавшееся въ томъ, чтобы въ день казни собрать всѣхъ могущихъ только ходить дѣтей и выслать ихъ за село на дорогу, по которой будетъ ѣхать Государь. Совѣтъ радою былъ принятъ и дѣти, какъ говоритъ преданіе, въ числѣ болѣе ста душъ, были высланы по назначенію. Государь, увидя столькихъ плачущихъ дѣтей, былъ крайне озадаченъ и остановившись, спросилъ разъясненія. Въ это время подъѣхалъ случив-

шійся здѣсь уроженецъ Гайворонки, козачій старшина Гетепанъ, находившійся въ войскахъ русскихъ и обратился съ слѣдующими словами къ Императору: »Ваше Императорское Величество, это невинныя дѣти тѣхъ виновныхъ отцовъ и матерей, которые сегодня должны погибнуть. Дѣти эти могли-бы быть вѣрными и полезными слугами Вашего Величества, но со смертью своихъ родителей и ихъ ожидаетъ гибель. Пощадите ихъ!«.. Государь, ничего не сказавши, махнулъ рукой и возвратился, приказавъ оставить въ покоѣ Гайворонку.

А. Катрухинъ.

Александрія.
Херсонской губерніи.

МНОГОЛѢТІЕ, ВОЗГЛАШЕННОЕ ВЪ КІЕВѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII В.

Помѣщаемое здѣсь многолѣтіе сохранилось въ современной записи, на особомъ листѣ сдѣланной, по всей вѣроятности, для возглашавшаго его діакона. Оно знакомитъ насъ съ составомъ высшаго духовенства въ г. Кіевѣ и съ цѣлой корпораціей служившихъ въ кіевской академіи въ началѣ XVIII вѣка. Не трудно догадаться, что это особое многолѣтствованіе составлено по случаю какого-либо академическаго праздника. Странно одно: въ немъ нѣтъ имени кіевскаго архипастыря, между тѣмъ какъ не забытъ кіевскій войтъ. Отсюда можно заключить, что многолѣтіе относится къ 1718—1722 г., когда по смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, 4 года митрополичья каѳедра въ Кіевѣ оставалась вакантною.

Всечестнымъ игуменомъ кіевскимъ *Христофору* [1]), обители пустынно-никольскія, *Іоанникію* [2]) обители святаго архистратига Михаила златоверхія, *Ѳеофану* [3]) обители Богоявленскія, братскія, ректору и богословіи учителю, *Евстратію* [4]) обители свято-троицкія

---

[1]) Чарнуцкому—(1706—1709 ректоръ кіевск. академіи).

[2]) Сенютовичу—1715 года; съ 1715 по 1729 года архимандритъ печерской лавры.

[3]) Прокоповичу—1711 года, съ 1718 года епископъ псковскій, архіепископъ новгородскій.

[4]) Самборовичу—1713 года.

кирилскія, *Лаврентію* [1]) архангелова чудова выдубицкаго, *Іосифу* свято-петропавловскому и всѣмъ всечестнымъ игуменомъ и строителемъ многая лѣта.

Мысленнаго винограда дѣлателемъ трудолюбивымъ (*Сильвестру* [2]), учителеви философіи и префекту училищъ кіевскихъ, *Θеодосію* [3]) реторицкому, *Симону* [4]) поэтицкому, *Аθанасію* [5]) синтаксискому, *Іосифу* [6]) грамматицкому, *Епифанію* [7]) инфимисскому, *Геннадію* [8]) аналогитскому въ православномъ собраніи кіевскомъ учителемъ и всѣмъ во словѣ ученія и наставленія труждающимся, честнымъ православнымъ протопресвитеромъ и пресвитеромъ и всему церковному причту многая лѣта.

Его царскаго пресвѣтлаго величества державной отчизны Богоспасаемаго града Кіева упревѣлеіованному войту, благочестивому *Димитрію* [9]) со всѣмъ майстратомъ и со всѣми гражданами и всѣмъ повсюду во благовѣріи и благочестіи сіяющимъ православнымъ христіаномъ благодать, милость, миръ, тишина, здравіе и изобиліе плодовъ земныхъ и многая лѣта.

Сообщ. **П. Л—въ.**

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ КОНОКРАДСТВА.

Конокрадство—величайшій бичъ нашего времени, преимущественно южныхъ мѣстностей Россіи. Изъ всего, что придумано было противъ этого зла на нашихъ глазахъ, въ нашей памяти наиболѣе врѣзалось то, что когда были учреждены спеціальные чиновники для пресѣченія конокрадства, народъ безъ всякаго умысла, а просто для удобства произношенія назвалъ ихъ конокрадами. У нашихъ предковъ было, какъ кажется, средство подѣйствительнѣе нашихъ.

---

[1]) Горкѣ—1713—1719 г.

[2]) Пиновскому—1716 г.—1721 г.

[3]) Глѣнскому.

[4]) Кохановскому.

[5]) Хмарному.

[6]) Волчавѣцкому.

[7]) Тихарскому, съ 1722 г. епископъ бѣлгородскій.

[8]) Шпаковскому.

[9]) Полацкому—1700—1729 г.

Это запродажныя записи, совершаемыя по точной формѣ тогдашнихъ купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества. Запись краткая, свидѣтельствовалась мѣстною, хотя-бы самою низшею инстанціею и служила до нѣкоторой степени гарантіею для покупщика, что продана ему лошадь не завѣдомо краденая. Одну изъ такихъ записей мы нашли въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ и предлагаемъ ее для любопытства читателей.

Погарскій мѣщанинъ Яковъ Петровъ продаетъ лошадь калужскому посадскому человѣку Семену Дехтереву 1701 г., 11-го декабря, и вотъ какъ обезпечиваетъ ему принадлежность этой лошади на все послѣдующее время:

Се азъ Іаковъ Петровъ, мѣщанѣнъ и абыватель Погарский, ведомо чиню сеею моею купьчою, же я продалъ своево коня власнаго, шерстѣ гнедого, лѣтъ пяти, грива на право, на правомъ стегни зостаетъ шнуровъ зъ чотыри. А продалемъ посадскому человеку Семену Дегтяреву калуженину за копъ девятнадцать, которого то коня во веемъ чыстого, а не краденого, и волно ему Семену онымъ конемъ, якъ хотячи продать, даровать и заминять и якъ хотячи владеть. А ежели въ оного коня хто могъ бы увозънати (опознати), то его Семена маю у кажьдого суду и права его Семена заступовать и очыщать и на томъ ему Семену подаю сею купьчую предъ урядомъ, предъ паномъ Гаврилою Еремиевѣчемъ, сотникомъ Погарскимъ и предъ Григоремъ Притыкою, атаманомъ городовымъ, съ подписомъ рукъ и зъ притисненіемъ печати урядовоя. Въ Погарѣ, року ахa, декабря аі. Гаврило Еремиевѣчъ, сотникъ войска Его Царского Пресвѣтлого Величества запорожеского Погарскій. Сообщ. **А. Маркевичъ.**

ОРЕСТЪ МАРКОВИЧЪ НОВИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Другую уже книжку намъ приходится заканчивать некрологомъ, и также кіевскаго профессора и ученаго. 4-го іюня скончался въ Кіевѣ на 79-мъ году жизни, въ чинѣ дѣйст. стат. совѣтника, б. профессоръ кіевской академіи и кіевскаго университета Орестъ Марковичъ Новицкій. Съ его именемъ соединяются воспоминанія о самой лучшей, цвѣту-

щей порѣ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Кіева; это птенецъ изъ гнѣзда знаменитмго Иннокентія, это старѣйшій профессоръ кіевскаго университета, бывшій свидѣтелемъ и участникомъ его открытія и всей его полувѣковой жизни, не доживщій лишь около полутора мѣсяца до 50-ти лѣтняго его юбилея. Орестъ Марковичъ пережилъ своихъ братьевъ, массу знакомыхъ, родныхъ, сослуживцевъ и многихъ, весьма многихъ изъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Грустную картину представзялъ собою гробъ его, вокругъ котораго стояли лишь не многіе его ученики и одинъ товарищъ по первымъ годамъ университетской службы. Это зрѣлище смерти среди потухающей жизни, точно листья пожелтѣвшіе, чуть-чуть держащіяся на изсохшихъ стебелькахъ, а предъ ними упавшій съ дерева, совсѣмъ засохшій листъ...

Покойный Орестъ Марковичъ былъ уроженецъ Волыни и происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, но уже отецъ и дѣдъ его были священниками, что въ ту пору было дѣломъ обыкновеннымъ. Волынско-шляхетское его происхожденіе сказалось въ немъ отсутствіемъ той простоты и угловатости, которыя нерѣдко выдаютъ духовнаго воспитанниках въ самыхъ высшихъ чинахъ и должностяхъ. Чувство порядочности, нѣкотораго даже изящества и лоска было присуще ему, какъ и двумъ старшимъ его братьямъ, изъ которыхъ Наркисъ Марковичъ скончался въ званіи житомирскаго каѳедральнаго протоіерея, а Ѳеофилъ Марковичъ, б. варшавскій каѳедральный протоіерей, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ князя Паскевича и близостью къ нему, извѣстенъ своею трагическою судьбою: въ первое польское возстаніе онъ былъ объявленъ народовымъ жондомъ внѣ законовъ и всякій поймавшій его, какъ гласили афиши на фонарныхъ столбахъ, могъ убить его, какъ собаку, а предъ началомъ втораго возстанія, по странному недоразумѣнію, былъ выслапъ изъ Варшавы въ 24 часа, съ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ должностей, и умеръ въ Кіевѣ въ 1864 г.

Первоначальное образованіе Орестъ Марковичъ получилъ въ домѣ отца, который для своего времени и круга былъ довольно образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ. За тѣмъ онъ учился въ острожскомъ духовномъ училищѣ, волынской духовной семинаріи, помѣщавшейся тогда въ м. Аннополѣ, и наконецъ въ кіевской духовной академіи, въ со-

ставѣ воспитанниковъ V ея курса, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ со степенью магистра. Полагать надо, что только не имѣніе свободныхъ наставническихъ вакансій въ академіи помѣшало академическому начальству оставить этого даровитѣйшаго воспитанника при академіи; но, какъ предназначенный къ ней, онъ получаетъ мѣсто въ ближайшей къ Кіеву переяславской семинаріи, а спустя менѣе двухъ лѣтъ мы видимъ его въ должности баккалавра кіевской академіи—сперва на каѳедрѣ польскаго языка, а потомъ философіи. Первое мѣсто службы Ореста Марковича было совсѣмъ не по его натурѣ. Переяславская семинарія и въ болѣе позднее время отличалась отъ всѣхъ другихъ такою крайнею патріархальностію нравовъ и такими наклонностями и привычками ея профессоровъ и учениковъ, которыя много напоминаютъ собою послѣдніе годы Сѣчи Запорожской. Въ самостоятельной, иначе направленной натурѣ Ореста Марковича переяславская атмосфера не оставила никакихъ слѣдовъ, но и въ послѣднее время своей жизни онъ не могъ безъ особой улыбки вспоминать о своей службѣ въ Переяславѣ.

Перемѣщеніе въ академію подѣйствовало на него освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ. Во главѣ ея стоялъ *Иннокентій*, извѣстный и тогда уже своими талантами и обширными познаніями; онъ не давалъ никому заснуть, часто посѣщалъ лекціи профессоровъ, указывалъ каждому новѣйшія и лучшія изслѣдованія по его предмету въ иностранной литературѣ, всѣхъ и каждаго располагалъ и возбуждалъ къ дружной научной работѣ. Много ученый тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній собственнымъ примѣромъ и вліяніемъ могъ только располагать къ научному труду. Вліяніе обоихъ сказалось на молодомъ баккалаврѣ; первые шаги его на академическомъ поприщѣ вполнѣ оправдали возлагаемыя на него надежды. Скоро пришлось ему раздѣлить свой трудъ между двумя заведеніями. Въ іюлѣ 1834 г. открывался въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра; по рекомендаціи Иннокентія, Новицкій приглашенъ былъ, въ званіи адъюнкта, къ чтенію лекцій по философіи студентамъ перваго университетскаго курса. Съ открытіемъ втораго курса въ слѣдующемъ году и увеличеніемъ занятій, онъ оставилъ академію съ званіемъ экстраординарнаго профессора и остался

на каѳедрѣ университетской, гдѣ спустя два года получилъ званіе ординарнаго профессора. Можно безъ преувеличенія сказать, что это былъ лучшій и даровитѣйшій профессоръ того и послѣдующаго времени; равнаго ему по совокупности всѣхъ качествъ блестящаго профессора мы не можемъ указать за все 50-лѣтнее существованіе университета. Широкое, разностороннее образованіе, основательное знаніе своего предмета, подновляемое неустанною работою философствующаго ума и чтеніемъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области философіи, стройное сочетаніе и развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, систематическое развитіе мысли и тонкій анализъ, ясное представленіе излагаемаго въ цѣломъ и частяхъ и необычайно ясное и простое изложеніе—таковы преподавательскіе таланты, отличавшіе О. М. Новицкаго. Прибавьте къ этому свободную, плавную и изящную рѣчь, чистую, явственную дикцію, мягкій, дышащій спокойствіемъ и добродушіемъ голосъ, при самой счастливой и представительной наружности, и вы будете имѣть наглядное представленіе о томъ блестящемъ лекторѣ, который очаровывалъ, увлекалъ не только своихъ постоянныхъ слушателей, но всѣхъ, кому приходилось быть на его лекціяхъ. Высокій, стройный, красавецъ и въ возрастѣ болѣе, чѣмъ зрѣломъ, съ высокимъ открытымъ челомъ, съ благородной, исполненной достоинства осанкой и умнымъ, то сосредоточеннымъ, то улыбающимся выраженіемъ лица, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ, кто видѣлъ его хоть на короткое время. Не даромъ студенты боготворили его, не даромъ начальство университетское съ увѣренностію препровождало на его лекціи высокихъ посѣтителей въ понятномъ желаніи выставить университетъ съ лучшей стороны. Вѣримъ вполнѣ восторженнымъ отзывамъ слушавшихъ его лекціи, вѣримъ и тому, что онъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе въ нихъ не просто идеальнаго философствованія,—оно было тогда въ ходу у насъ и за границей, но строгаго, отчетливаго мышленія, а это имѣло неоцѣнимое значеніе и въ научныхъ занятіяхъ студентовъ и въ самой ихъ жизни. Въ этихъ отзывахъ вся карьера умершаго профессора, весь его формуляръ и мы не много прибавили-бы къ нимъ, если-бы сказали о служебныхъ его отличіяхъ и неоднократномъ прохожденіи имъ съ полнымъ достоинствомъ должности декана, въ которую онъ былъ избираемъ своими сослужив-

цами. Карьера стоющая многихъ отличій, почестей и самыхъ громкихъ дѣлъ!

Къ сожалѣнію, Оресту Марковичу пришлось оставить ее едва не на половинѣ обычнаго ея срока, въ полномъ разцвѣтѣ ума и знанія Въ 1850 г. по политическимъ соображеніямъ закрыты въ Россія философскія каѳедры при всѣхъ университетахъ. Университетъ св. Владиміра понесъ двойную утрату: кромѣ первостепенной важности предмета, онъ лишился въ лицѣ Новицкаго даровитѣйшаго и самаго вліятельнаго своего дѣятеля. Съ полнымъ стоицизмомъ, руководясь соображеніями, которыя вызывала необезпеченность довольно численной семьи, онъ принялъ должность цензора, отнюдь не требовавшую ни его таланта, ни знанія, и на ней окончилъ такъ блестяще начатую и продолженную службу.

Печатные труды Ореста Марковича дополняютъ его репутацію, какъ человѣка разносторонне образованнаго и замѣчательнаго мыслителя, самостоятельно относившагося къ разнымъ философскимъ системамъ и направленіямъ и въ самой доступной формѣ знакомившаго своихъ слушателей съ результатами научныхъ работъ въ области философія. Первымъ печатнымъ его трудомъ было историко-критическое изслѣдованіе о сектѣ Духоборцевъ, написанное покойнымъ еще на студенческой скамьѣ и доставившее ему степень магистра богословія. Напечатанное въ 1832 г. на счетъ академіи, оно привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ и въ особенности самихъ духоборцевъ. Въ немъ впервые явились въ печати новыя, недоступныя дотолѣ свѣдѣнія о зарожденіи и распространеніи у насъ этой секты, и ея ученіе приведено въ связь съ раціоналитическими сектами западной и древней восточной церкви. Систематическій умъ молодаго автора сказался тутъ какъ нельзя ярче; разнообразныя, не ясныя вѣрованія сектантовъ, какъ они представлены въ слѣдственныхъ ихъ показаніяхъ, приведены здѣсь въ стройную систему и изложены въ опредѣленной научно-богословской формѣ. Духоборцы увидѣли въ первой части сочиненія Новицкаго какъ бы нарочито для нихъ составленный катихизисъ и дорого, десятками, сотнями рублей, скупали эту небольшую книжечку въ 146 страницъ. Изданіе разошлось быстро и ставъ не доступною библіографическою рѣдкостію, возбудило

неосновательные толки о томъ, будто оно подверглось запрещенію. Къ академическимъ трудамъ Ореста Марковича относится и его изслѣдованіе »О первоначальномъ переводѣ св. писанія на славянскій языкъ«, написанное по предложенію митр. Евгенія и вошедшее въ составъ трудовъ воспитанниковъ кіевской академіи 1839 г. Слѣдующія за тѣмъ три неравныя по объему сочиненія: 1) *Объ упрекахъ дѣлаемыхъ философіи*, въ формѣ рѣчи для университетскаго акта 1837 г., 2) *Руководство къ опытной психологіи* 1840 г. и 3) *Постепенное развитіе философскихъ ученій въ связи съ религіозными вѣрованіями*, въ 4-хъ томахъ, 1860 г., составляютъ плодъ спеціальныхъ его занятій философіею. Главное отличительное достоинство этихъ сочиненій состояло также въ необычайной ясности изложенія, а чтобы опредѣлить значеніе этого качества, припомнимъ, что говорилъ о философіи другой, столь-же ясный и положительный русскій умъ. »До сихъ поръ думаю«, писалъ въ своихъ Запискахъ въ 1850 г. (т. I, стр. 20) митрополитъ Іосифъ Симашко, что главный недостатокъ философіи состоитъ въ томъ, что для нея нѣмцы выдумали особый языкъ, котораго многіе изъ нихъ самихъ не понимаютъ, и что они любятъ болтать на цѣлые томы о томъ, что на обыкновенномъ языкѣ можно изложить на нѣсколькихъ страницахъ«.

Столь малое число философскихъ работъ не отвѣчаетъ дарованіямъ и трудолюбію покойнаго профессора, но это не должно удивлять насъ. Въ составъ философіи входили тогда слѣд. науки; логика, психологія, умозрительная философія или метафизика, философія нравственная или этика и наконецъ исторія философіи. Въ то время, какъ въ академіи для преподаванія философіи въ этомъ-же составѣ назначались четыре профессора, въ университетѣ оно лежало на одномъ—Новицкомъ, а читать ему приходилось не однимъ студентамъ философскаго отдѣленія, но также математикамъ и юристамъ. При такомъ громадномъ, не посильномъ для другого трудѣ, ему некогда было думать объ обработкѣ всѣхъ своихъ изустныхъ чтеній для печатанія, которое, правду сказать, было тогда и не въ модѣ, когда-жъ Орестъ Марковичъ послѣ многолѣтнихъ напряженныхъ трудовъ овладѣлъ вполнѣ столь сложнымъ предметомъ, изученіе философіи надолго было прервано и печатать было не

для кого. Пока прошло время запрета, радикально измѣнилось направленіе философіи, ея пріемы и самая основа; въ самомъ обществѣ нашемъ зародились новыя стремленія, отнюдь не гармонировавшія съ прежнимъ идеальнымъ философствованіемъ. Философствовать печатно приходилось въ убытокъ, что отчасти показалось на послѣднемъ изъ упомянутыхъ выше философскомъ трудѣ Ореста Марковича Новицкаго. Лучше другихъ это видно было ему самому и потому, продолжая до послѣднихъ дней жить въ области науки, онъ не возвратился къ изданію какого либо новаго философскаго труда, а принялся за свой первый историко-критическій этюдъ, переработалъ его на ново, пополнилъ данными за цѣлыя 50 лѣтъ и издалъ въ 1882 г. Послѣднею литературною его работой была обширная его автобіографія, написанная, по приглашенію университета для предстоящаго юбилейнаго торжества и готовящагося къ тому времени историческаго сборника. Съ этими интересными мемуарами мы надѣемся въ свое время ознакомить нашихъ читателей, а пока закончимъ нашу характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля высшей науки указаніемъ на выдающіяся нравственныя его черты.

Спокойствіе и твердость, глубокая честность и благородство, прямота и искренность, привѣтливость и добродушіе—таковы отличительныя свойства характера и жизни Ореста Марковича. Ни предъ кѣмъ онъ не преклонялся, ни въ комъ не заискивалъ, ничего не искалъ, ни къ какой партіи никогда не примыкалъ; свое мнѣніе и положеніе охранялъ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, но сторонился отъ всякихъ ухищреній, шумной полемики, ссоры и разлада. Въ кружкахъ академическомъ и университетскомъ, въ кругу знакомыхъ и родныхъ это былъ любимѣйшій собесѣдникъ, остроумный и веселый; для дѣтей это былъ нѣжнѣйшій отецъ, для внучатъ любящій, попечительный дѣдушка. Съ стоическимъ спокойствіемъ и покорностію судьбѣ онъ переносилъ нерѣдкіе ея удары, какъ нежданный свой выходъ изъ университета, смерть старшаго сына, блестяще окончившаго курсъ училища Правовѣдѣнія, катастрофу съ братомъ, равносильную смерти болѣзнь старшей дочери, нежданную смерть второй и смерть жены, скончавшейся за мѣсяцъ предъ нимъ. Съ такимъ же настроеніемъ онъ оставилъ жизнь, спокойно отдавшись въ объятія смерти.

Университетъ св. Владиміра, готовясь къ юбилейному своему торжеству, избралъ Ореста Марковича почетнымъ своимъ членомъ, и это была высшая награда его честной и славной дѣятельности на поприщѣ науки и просвѣщенія. Смерть не дала ему дождаться ни торжественнаго провозглашенія этой награды, ни той высшей послѣдней радости, какую доставило бы ему участіе въ самомъ торжествѣ и которую онъ могъ-бы воспринять всѣми нервами своей старческой души.

Да будетъ ему вѣчная память!

ЗАГАДОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Свите, свите, ясенъ мисяць,
Ще й вечирняя зоря;
Пише, пише кроль французькій
Ажъ до билого царя:
Та оддай намъ нашу Польщу
Билый, руській Царь,
Бо не втерплю я вже больше,
Буду битись, якъ лыцарь.
Якъ не вернешь нашой Польщи,
То мы тебе розобьёмъ;
По твоихъ деревняхъ, по новихъ заводахъ
Конюшеньки становлёмъ«.
Зажурився Олександеръ царь,
У сенати сидючи;
Схиливъ, склонивъ головоньку,
Перо въ пальцяхъ держучи.
Обизвався славный ґрапъ Пашкевичъ:
»Не журися, билый царь,
Наберемо війско—крэпкого запасу,
То й мы ёго розобьёмъ,
По ёго свитлицяхъ, по єго скамницяхъ
Конюшеньки становлёмъ«.
Дурна, дурна французьска голова,
Що стала биться—воеваться
Та противъ билого царя! Сообщ. **А. Маркевичъ**.

Записано въ Кіевѣ въ 1864 г. 13 декабря, отъ 12-лѣтняго деревенскаго хлопца Павла Стременецкаго, родомъ изъ Волыни.

КЪ ПОРТРЕТУ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ.

Лице, изображеніе котораго мы предлагаемъ, даже занимающимся русскою исторіею едва извѣстно по имени. Оно принадлежитъ такому отдаленному времени что самое появленіе его изображенія способно возбудить во многихъ недоумѣніе, не есть-ли оно плодъ фантазіи художника позднѣйщаго времени. Настоитъ поэтому необходимость говорить объ исторической дѣйствительности лица и подлинности его изображенія и отъ перваго идти къ послѣднему.

Анна Ярославна, одна изъ дочерей великаго кіевскаго князя Ярослава Мудраго, состояла въ замужествѣ съ Генрихомъ I, королемъ французскимъ и по признанію многихъ французскихъ хроникеровъ и историковъ была одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какія когда либо появлялись на тронѣ Франціи. Кіеву и Россіи она принадлежитъ лишь по рожденію и первымъ годамъ юности; съ выходомъ отъ насъ она становится для насъ иностранкой и напрасно мы стали-бы искать какихъ либо свѣдѣній о ней въ нашихъ лѣтописяхъ. Иностранкой тѣмъ болѣе была она для Франціи и нѣтъ ничего удивительнаго, что и тамъ занимались ею менѣе, чѣмъ заслужила она по своимъ прекраснымъ качествамъ, что тамъ нѣтъ доселѣ посвященной ей монографіи, что являлись писатели, которые, подъ вліяніемъ духа династическихъ партій, отвергали ея русское происхожденіе и производили ее изъ французскаго дома *Roucy*, отрасли дома Гуго Капета.

Намъ русскимъ пріятно было-бы, хотя и по французскимъ источникамъ, узнать, какова была судьба и жизнь нашей кіевской княжны по переселеніи ея отъ насъ, что принесла и дала она отъ себя новому своему отечеству, оставила ли тамъ слѣды своего пребыванія, сохранила ли свои національныя вѣроисповѣдныя черты, какъ долго жила, когда и гдѣ умерла и гдѣ погребена. Чтобы отвѣчать на эти вопросы, что-бы представить болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославнѣ, по разнорѣчію позднѣйшихъ французскихъ сказаній объ ней, необходимо обратиться къ источникамъ первоначальнымъ, къ актамъ и документамъ того далекаго времени, которыхъ, по справкамъ, не оказывается въ лучшихъ нашихъ библіотекахъ и даже въ библіотекѣ императорской публичной. Работа длинная, уто-

мительная: отлагая ее на дальнѣйшее время, ограничимся на сей разъ указаніемъ лишь главнѣйшихъ, болѣе достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ о жизни Анны Ярославны, опуская критику доступныхъ теперь намъ источниковъ, а также представимъ тѣ данныя о ея портретѣ, какими располагаемъ въ настоящее время,

Время рожденія Анны Ярославны, не отмѣченное въ нашихъ лѣтописяхъ, по сопоставленію французскихъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Генриха I и возрастѣ, въ какомъ она осталась вдовою, можно приблизительно относить къ 1034 году. Первое предложеніе о помолвкѣ Анны Ярославны съ Генрихомъ I, французскимъ королемъ, принятіе и объявленіе этой помолвки, по свидѣтельству болѣе достовѣрныхъ французскихъ источниковъ, падаетъ на 1044 годъ. Съ тѣхъ поръ Анна считалась невѣстою Генриха и хотя ей могло быть въ ту пору 10—11 лѣтъ, но по тогдашнимъ обычаямъ и законамъ это не можетъ казаться страннымъ. Сватовство Генриха произведено заочно, посредствомъ особаго посольства, пріѣзжавшаго изъ Франціи въ Кіевъ ко двору Ярослава, и хотя брачная сдѣлка могла считаться и тогда уже дѣйствительною, тѣмъ не менѣе переговоры по поводу оной продолжались и въ послѣдующіе годы, а въ 1049 г. прибыло въ Кіевъ новое посольство. Въ составѣ его были, кромѣ свѣтскихъ сановниковъ, епископы мельденскій Вальтерій и епископъ каталонскій Рогерій; отъ послѣдняго сохранилось извѣстіе о томъ, что великій князь Ярославъ показывалъ ему главу Климента, папы римскаго, привезенную прежде въ Кіевъ. Посольство прибыло осенью 1049 г. и пробыло въ Кіевѣ до лѣта 1050 г., задержанное, какъ думать можно, не затрудненіями въ окончательномъ соглашеніи, а трудностію переѣзда въ зимнюю пору. Но въ апрѣлѣ 1050 г. случилась смерть княгини Ирины, жены Ярослава, матери Анны и бракъ состоялся въ Парижѣ лишь въ 1051 г., съ чѣмъ согласуется и опредѣленно извѣстный (1052) годъ рожденія у Генриха и Анны перваго сына Филиппа.

---

[1]) Собирая свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославлѣ и ея портретѣ, мы совершенно неожиданно получили изъ Переяслава отъ Степана Даниловича Карпенка извѣстіе о томъ, что, обучаясь въ 30-хъ годахъ въ кіевской гимназіи, онъ у товарища своего Кириченка, сына кіево-подольскаго гражданина, видѣлъ

Кромѣ Филиппа были у нихъ еще два сына: Робертъ и Гуго, а также дочь, имя которой остается неизвѣстнымъ.

Бракъ Анны съ Генрихомъ былъ счастливый, но продолжался всего около десяти лѣтъ. Въ 1060 г. Генрихъ умеръ; Аннѣ было тогда едва 25 лѣтъ, старшему сыну Филиппу исполнилось лишь 8 лѣтъ. Еще при жизни отца, въ 1059 г. онъ былъ коронованъ и помазанъ на царство; опекуномъ его Генрихъ самъ назначилъ мужа сестры своей Аделаиды, графа фландрскаго Балдуина. Такое назначеніе произвело разладъ въ королевской семьѣ; образовались партіи, произошло смятеніе, грозившее государству переворотомъ: являлись попытки освободить отрока-короля отъ опеки Балдуина, котораго подозрѣвали въ честолюбивыхъ и коварныхъ замыслахъ, и возстановить права королевы-матери. Положеніе Анны было не только не удобно, но крайне затруднительно. Чтобы обезопасить себя отъ случайностей въ борьбѣ партій, Анна, дождавшись чрезъ годъ окончанія траура, вышла за мужъ за могущественнѣйшаго изъ вельможъ графа Рудольфа Крепи. Онъ удалилъ для этого отъ себя вторую свою жену Элеонору, но кромѣ того между имъ и умершимъ королемъ по тогдашнимъ понятіямъ находили родство, такъ какъ оба они были Капеты. Бракъ Анны съ Рудольфомъ хотя объявленъ платоническимъ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное волненіе при дворѣ и въ народѣ. Негодовалъ Римъ и успокоился, лишь когда узналъ объ истинной цѣли брака. Рудольфъ скончался въ 1074 г., Анна имѣла на него самое благотворное вліяніе. Не смотря на этотъ бракъ, между матерію и сыномъ-королемъ существовали самыя добрыя отношенія, которыя сохранялись какъ при жизни, такъ и по смерти втораго мужа и остались такими до смерти самаго Филиппа въ 1108 г. По отсутствію положительныхъ свидѣтельствъ, мы не можемъ установить, какъ, когда и въ силу какого государственнаго акта Анна

и читалъ пергаменную рукопись, написанную по церковно-славянски и заключавшую въ себѣ подробное описаніе пріѣзжавшаго въ Кіевъ для сватанья дочери Ярослава Анны посольства отъ французскаго короля Генриха I, съ поименованіемъ бывшихъ въ посольствѣ лицъ и разсказомъ о ихъ одеждахъ, привычкахъ, времяпрепровожденіи, угощеніяхъ и пр. Если-бы это было такъ и если-бы нашлась самая рукопись или списокъ съ нея, на что мы не теряемъ надежды, то въ нашей исторіи явился-бы новый интересный листокъ изъ ея древняго періода.—Ред.

стала соправительницею своего сына; но на это указываютъ уцѣлѣвшія грамоты и другіе акты того времени, на которыхъ послѣ подписи короля слѣдуетъ подпись королевы-матери въ такихъ словахъ: *Agna Dei gratia francorum Regina* (Анна Божіею милостію королева французская). Первый изъ такихъ актовъ относится, если не ошибаемся, къ 1060 году, но подобныя же подписи находимъ въ актахъ послѣдующихъ годовъ, до 1075 г. и далѣе.

По смерти Генриха, Анна Ярославна избрала своимъ мѣстопребываніемъ старый замокъ въ Санли, недалекѣ отъ Парижа. Здѣсь она еще при жизни мужа выстроила великолѣпную церковь во имя св. Викентія, а потомъ учредила при ней аббатство. Въ этой церкви на стѣнѣ былъ написанъ ея портретъ, съ котораго точный снимокъ изданъ въ концѣ XVII в. ученымъ Мезерэ въ его жизнеописаніяхъ французскихъ королевъ.

Годъ смерти Анны Ярославны не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно, но мѣсто погребенія ея въ точности извѣстно. Въ 1682 г. ученый іезуитъ Менестріе нашелъ въ Вилье, въ тамошнемъ систерціанскомъ аббатствѣ, надгробную плиту, на которой было изображеніе этой королевы съ короной на головѣ, въ родѣ вѣнца, даваемаго курфирстамъ, и начинавшуюся такими словами надгробную надпись: *Hic jacet Domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis*... Раньше этого времени другой ученый—Парадэнъ открылъ ея гербъ съ лиліями, древнею эмблеммой Франціи, на одной половинѣ,—крѣпостными открытыми воротами на другой и короной на верху, сходной съ короной на прилагаемомъ портретѣ. Не включила-ли Анна Ярославна въ свой гербъ дорогія ея сердцу кіевскія *Златыя врата*, родныя, отчія?...

Древніе французскіе писатели, у которыхъ находимъ извѣстія объ Аннѣ Ярославнѣ, отзываются о ней съ благоговѣніемъ, какъ о женщинѣ, которая *plus de futuris, quam de praesentibus cogitavit*. По ихъ свѣдѣніямъ, съ высокимъ уваженіемъ и похвалою ея добродѣтелямъ отзывались папы Николай I и Григорій VII, первый въ письмѣ къ ней 1059 г., а второй въ письмѣ 1083 г. Въ духѣ благочестія воспитывала ее мать ея Ирина, за что похвалялъ эту послѣднюю митрополитъ кіевскій Иларіонъ. Независимо отъ того можно думать, что Анна Ярославна получила въ домѣ своихъ родителей об-

разованіе, соотвѣтственное готовившейся ей высокой роли. Достаточно времени давало для этого долго длившееся сватанье и достаточно средствъ образованность семьи Ярослава; самъ онъ, по свидѣтельству пріѣзжавшаго въ посольствѣ епископа Рогерія, велъ съ нимъ разговоры на латинскомъ языкѣ, а одинъ изъ сыновей его, Всеволодъ, какъ извѣстно, объяснялся на пяти языкахъ. Такимъ образомъ Анна Ярославна, прибывъ въ Парижъ для бракосочетанія, не могла показаться тамъ дикаркой и простушкой, но съ разу пріобрѣла то уваженіе, которымъ, какъ видно, пользовалась до самой смерти.

Удержала-ли она во Франціи свои вѣроисповѣдныя и національныя особенности, судить объ этомъ трудно. Вопросъ о переходѣ ея въ латинство въ смыслѣ нынѣшнемъ не могъ тогда имѣть мѣста, такъ какъ Анна прибыла во Францію двумя годами раньше раздѣленія церквей; но безъ сомнѣнія она свыклась впослѣдствіи съ особенностями тамошняго богослуженія и его языкомъ, который она знала, какъ показываютъ ея подписи, а равно усвоила языкъ, обычаи и нравы новаго своего отечества. Есть впрочемъ данныя, заставляющія полагать, что на первыхъ порахъ она имѣла своего священника, вывезеннаго изъ Кіева, свои иконы, богослужебныя и молитвенныя книги. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и знаменитое реймское евангеліе, на которомъ присягали французскіе короли, и другія книги и рукописи, которыя ученые Сорбоны показывали Петру I-му, остались отъ временъ Анны Ярославны. По ея, конечно, желанію, ея первенцу, будущему королю въ первый разъ дается имя христіанскаго святаго, а духъ ея благочестія отразился въ послѣдующихъ поколѣніяхъ королевскаго дома Франціи.

Что касается прилагаемаго здѣсь портрета Анны Ярославны, то гравюра его обязательно сообщена намъ полковникомъ Д. М. Резвымъ, а имъ получена отъ академика Бассена, къ которому перешла въ составѣ богатой и рѣдкой коллекціи отъ отца его, б. профессора живописи въ императорской академіи художествъ. Отъ кого и когда получена этимъ послѣднимъ, свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ. Гравюра, какъ показываетъ подпись подъ ней, сдѣлана въ Венеціи, а русская надпись на ней: *Анна Ярославна, королева французская, родилась въ Кіевѣ, скончалась близъ Парижа* указываетъ на то, что она сдѣлана по заказу кого

либо изъ русскихъ, жившихъ за границей. Почеркъ русской надписи начала нынѣшняго, если не конца прошлаго столѣтія. Имѣемъ свѣдѣнія, что въ 1825 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ была издана въ Парижѣ, въ числѣ 100 экземпляровъ, на французскомъ языкѣ біографія Анны Ярославны съ относящимися къ ней документами. Былъ-ли при ней портретъ, не знаемъ, да и самаго изданія этого нигдѣ розыскать не могли. Что настоящая гравюра сдѣлана съ какого либо древняго портрета, на это указываетъ корона — несомнѣнная принадлежность XI в. Не есть-ли это снимокъ съ изданія Мезерэ, которое, какъ снятое съ современнаго оригинала, имѣетъ всѣ условія автентичности? Прическа указываетъ по видимому на вѣкъ Людовика XIII и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что она подновлена на портретахъ того времени. Девизъ на дусѣ герба королевы Анны свидѣтельствуетъ также о древности изображенія, послужившаго основою для гравюры. Смыслъ его: *оплакиваю мою жизнь и его смерть* эмблемматически выраженъ въ видѣ горлицы, уныло сидящей на землѣ: предъ ней безплодное, увядающее дерево, назади кустъ лиліи, символъ чистоты. Горлица—это древнѣйшій, излюбленный въ нашихъ думахъ и пѣсняхъ символъ скорби и грусти; какъ нельзя болѣе онъ идетъ къ положенію вдовы-королевы, отвѣчаетъ ея думамъ и чувствамъ. Вдали отъ родины, забытая своими, чуждая всѣмъ и всему окружающему, лишившись друга жизни, ради котораго пожертвовала всѣмъ дорогимъ, Анна Ярославна хотя и соединяетъ свое имя съ именемъ новаго друга, покоряясь политической необходимости, но не принадлежитъ ему ни тѣломъ, ни душой, всѣмъ существомъ своимъ живетъ въ прошедшемъ, оплакиваетъ свою надломленную жизнь, когда-то широко распустившуюся, льетъ слезы о безвременной смерти своего подружія, какъ горлица-голубка воркуетъ и въ этомъ воркованьи вся ея жизнь, приближающая и ее къ неизмѣнному предѣлу. При взглядѣ на этотъ образъ нашей кіевской княжны, невольно приходятъ на память слова кіевской-же пѣсни, правда школьной, но симпатично и полно досказывающей смыслъ неяснаго въ подробностяхъ образа.

Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки зъ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Вѣтьми украшено,
Не сядетъ...

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

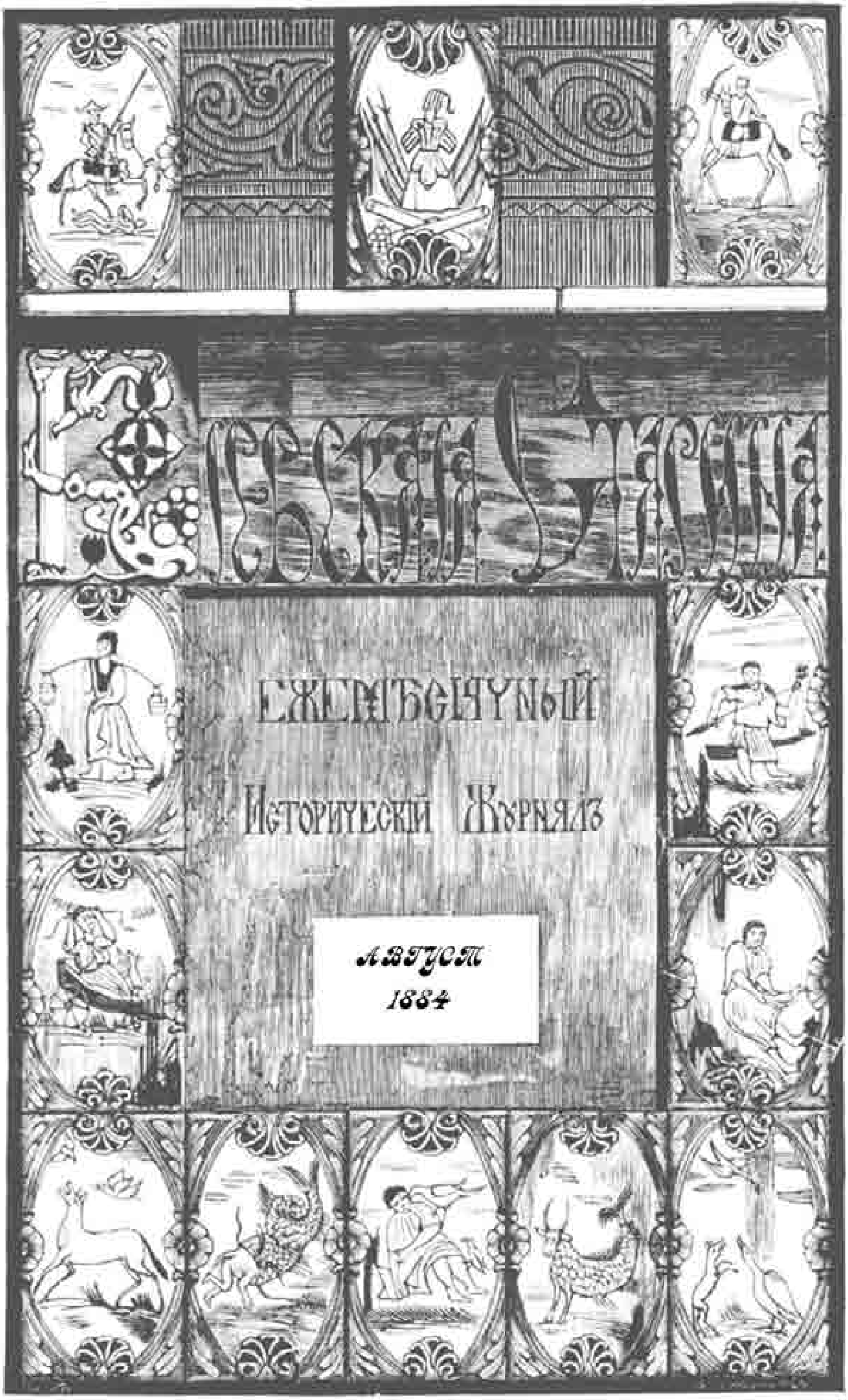
Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Август
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

АВГУСТЪ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

1884 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. у., соб. домъ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА 3-я.

Татарская эпоха лѣтописнаго періода [2]).

Въ XIII ст. произошли историческія событія, рельефно отразившіяся на этнографической судьбѣ южнаго славяно-русскаго населенія; это были: *вторженіе* въ предѣлы южно-русской страны *монголовъ*, поселившихся потомъ въ южно-русскихъ степяхъ, и *занятіе нѣмцами польско-русскаго побережья Балтійскаго моря*. Послѣднее имѣло то значеніе, что нѣмцы, оттѣснивъ поляковъ и литовцевъ отъ моря и въ силу борьбы поднявъ послѣднихъ до государственной жизни, бросили эти двѣ народности на ослабленную всѣми предыдущими обстоятельствами южно-русскую страну. Нѣсколько иной смыслъ имѣло монгольское вторженіе.

Такъ называемое »монгольское нашествіе« не представляетъ въ своихъ общихъ типическихъ чертахъ чего нибудь особеннаго: это, какъ мы уже и говорили выше, было послѣднее звено въ той

---

[1]) См. »Кіевск. Стар.«, 1883 года, Т. VI, майск. кн., стр. 1—30, іюльск. кн., стр. 399—453.

[2]) Татарская эпоха обнимаетъ около вѣка (съ конца первой четверти XIII столѣтія до начала второй четверти XIV в.) и относится къ лѣтописному періоду южно-русской исторіи, такъ какъ для воспроизведенія этнографической картины страны служитъ, между незначительными другими источниками, главнымъ образомъ по прежнему лѣтопись.

цѣпи движенія азіатскихъ кочевниковъ, крайними звеньями котораго представляются намъ съ одной стороны скиѳы, а съ другой монголы, и слѣдовательно оно однородно съ движеніемъ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ. Сравнительно съ послѣдними, монголы имѣютъ двѣ особенности, именно: они явились въ южную Русь, какъ представители довольно стройно организованной центральной власти и потомъ не остановились въ степныхъ пространствахъ съ момента появленія, а проникли сразу *въ глубь страны* и сдѣлались полными властителями надъ ея обитателями по всему пространству. Но чтобы достигнуть болѣе правдоподобной оцѣнки значенія въ жизни южно-русскихъ обитателей бурнаго натиска монголовъ, безусловно необходимо обратить вниманіе на три обстоятельства: 1) *на топографическія особенности южно-русской страны*, 2) *на систему разселенія въ ней обитателей въ XIII ст.* и 3) *на обычный ходъ движенія кочевыхъ монгольскихъ ордъ.*

Изъ 12,359,53 кв. м. (или 597,459 кв. в.) общаго пространства теперешней южной Россіи въ началѣ XIII в. осѣдлыя поселенія разбросаны были приблизительно на 6,738 кв. м. [1]) (322,045 кв. в.), что составляетъ около 55% всей территоріи. Область южной Россіи въ указанныхъ предѣлахъ, разрѣзываемая въ ширину (съ сѣвера на югъ) приблизительно параллельными теченіями главныхъ рѣкъ (Днѣпра и Днѣстра) и передѣляемая по всей длинѣ отпрысками Карпатъ (съ запада на востокъ), подраздѣляется на двѣ полосы: на южную и сѣверную. Южная—это возвышенная равнина съ поднятіемъ поверхности надъ уровнемъ моря на 1,000 ф. на волыно-подольскомъ и на 900 на галиційскомъ плато; здѣсь значительныя рѣки, параллельно почти текущія съ сѣвера на югъ, имѣютъ рѣзкія береговыя очертанія, а общія условія почвы благопріятствуютъ проживанію земледѣльческаго населенія. Напротивъ, сѣверная полоса представляетъ собою плоскую болотистую низменную равнину, съ высотою

---

[1]) Мы считаемъ не занятыми осѣдлыми поселеніями въ XIII в. приблизительно слѣдующія пространства: новороссійскій край, включая сюда и аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, губернію воронежскую, Землю Войска Донскаго, харьковскую губернію и прилегающія части курской, а также константиноградскій уѣздъ полтавской губерніи, именно около 5,621 кв. м. (или 275, 414 кв. верстъ).

надъ уровнемъ моря въ 435,85 ф. (уровень Пины у г. Пинска)[1])— это по преимуществу *область лѣсовъ.* Въ наше время на пространствѣ разсматриваемыхъ нами 322,045 кв. в. южной Россіи лѣсомъ занято приблизительно около 82,000[2]) кв. в. или 25%. Изъ этого числа незначительная часть лѣсовъ, именно около 8,562 кв. в. представляетъ отдѣльныя лѣсныя заросли по рѣчнымъ прибрежьямъ южной полосы; остальные лѣса связаны въ двѣ неровныя группы: 60,975 кв. в. лѣса занимаютъ почти безъ промежутковъ сѣверную границу южной Россіи, отъ восточной до западной ея оконечности, представляя т. наз. *Полѣсье,* а 13,463 кв. в. лѣса покрываютъ срединныя Карпатскія горы, входящія въ южную Россію на ея зап. границѣ. Бескиды или лѣсистые Карпаты, занятые южно-русскими поселеніями, въ рѣдкихъ мѣстахъ достигаютъ высоты за 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, и въ значительной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, спускающимися до самой почти подошвы; среди сплошной массы густаго краснолѣсья изрѣдка торчатъ одинокія скалистыя вершины (Племскій Горгань, Гропа, Яловая и др.), или же свѣтятся, какъ плѣши среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища (»полонины«); для хлѣбопашества удобны лишь скаты горъ, и только по надрѣчнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ[3]). Переходъ черезъ Карпаты удобенъ

---

[1]) *Докучаевъ.* »По вопросу объ осушеніи болотъ вообще и въ частности объ осушеніи Полѣсья«.—Отеч. Зап. 1875 г. № 9, стр. 81.

[2]) Въ волынской губерніи 26,499 кв. в., кіевской 10,750, подольской 5,544, полтавской 2,697, черниговской 8,061, въ малорусскихъ частяхъ люблинской и сѣдлецкой 3,690, восточной Галиціи 11,522, Буковинѣ 1,941, гродненской 2,976, минской 8,082, въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи 321 кв. в. Свѣдѣнія взяты для Буковины у Головацкаго »Карпатская Русь. Географич.-стат. и историко-этногр. очерки Галичины, сѣверо-восточной Угріи и Буковины« (Славянскій Сборникъ 1877 г. т. II, стр. 56—57), для восточной Галиціи изъ Wiadomości statystyczne« Pr. Pilata, 1881 г., стр. 135—137, а относительно остальныхъ приблизительныя вычисленія сдѣланы по Де-Ливрану (стр. 76—77 и стат. табл., стр. 27—28). Въ количествѣ лѣса точности быть не можетъ; на наши выводы нужно смотрѣть, какъ на приблизительное отношеніе лѣсныхъ пространствъ къ остальной области.

[3]) *Головацкій,* »Карпатская Русь«. Слав. Сборникъ, т. I, стр. 3—4.

лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ, текущихъ въ противоположныя стороны, близки другъ къ другу и гдѣ потому и долины противоположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой [1]). Аналогичными свойствами, хотя и совершенно другого типа, обладаетъ южно-русское Полѣсье. Центральнымъ мѣстомъ этой области лѣсовъ является такъ называемое минско-кіевское или бѣлорусское Полѣсье,—это пространство въ 8 милліоновъ десятинъ, приближающееся по формѣ къ треугольнику, представляетъ собою плоскую, болотистую, поросшую дремучими лѣсами страну по обѣ стороны рѣки Припети [2]). На востокѣ за границу Полѣсья принимаютъ Днѣпръ, а на западѣ верхнее теченіе р. Буга [3]). Но отъ этого центральнаго Полѣсья болотисто-лѣсистыя мѣстности продолжаются какъ на западъ, вдоль Буга, Нарева, Вислы, Вепржа и т. д. (Полѣсье волыно-подлясское), такъ и на востокъ отъ Днѣпра до г. Брянска (Полѣсье черниговo-сѣверское) [4]), такъ что опушка непроходимыхъ лѣсовъ, составляющихъ главный характеръ мѣстности, простирается на сѣверѣ до черты, проведенной отъ Бреста-Литовскаго до Могилева, а на югѣ отъ Влодавы до Кіева [5]) и далѣе черезъ Днѣпръ на востокъ мимо г. Чернигова. На югѣ границею Полѣсья, имѣющею реальное значеніе, представляется волыно-подольское и галиційское плато. Внутри Полѣсье представляетъ болотистую мѣстность, покрытую лѣсомъ и изборожденную по всѣмъ направленіямъ безчисленнымъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и протоковъ то соединяющихся, то снова раздѣляющихся, то пересѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ: словомъ, это лабиринтъ водъ, гдѣ даже трудно услѣдить одну и ту-же рѣку, опредѣлить ея направленіе. Въ половодье рѣки выступаютъ во многихъ мѣстахъ изъ своихъ береговъ, затопляютъ окрестныя мѣста, сливаются, представляя такимъ образомъ водныя пространства на 10—15 верстъ ширины, а зимою многія воды Полѣсья, благодаря бью-

---

[1]) Головацкій, »Карпатская Русь«. Слав. Сборн., т. I, стр. 19.

[2]) *Макшеевъ*, »Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи«, 1867 года, стр. 61.

[3]) *Докучаевъ*, »Отеч. Зап.« 1875 г. № 9, стр. 79.

[4]) *Макшеевъ*, стр. 61.

[5]) Ibid.

щимъ изъ грунта ключамъ, совершенно не замерзаютъ [1]), такъ что полѣсскія пространства и въ наше время во многихъ мѣстахъ являются непроходимыми [2]). Обитаемыя пространства составляютъ высокія сухія мѣста по берегамъ рѣкъ и отдѣльные песчаные бугры, или »острова« по мѣстному. Аналогичными свойствами обладаютъ какъ западныя, такъ и восточныя окраины Полѣсья, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ, типичныхъ формахъ.

Наблюденія, сдѣланныя надъ Полѣсьемъ въ наше время, приводятъ къ выводу, что оно находится въ регрессивномъ состояніи: Полѣсье постепенно высыхаетъ (Эйхвальдъ), открытыя болота, хотя и медленно, но въ огромныхъ размѣрахъ постоянно превращаются въ торфяники, а эти послѣдніе въ черноземныя пахатныя земли (Зеленскій), а г. Кантреме на основаніи документовъ и инвентарей приходитъ къ выводу, что съ давняго времени въ Полѣсьѣ пространства земли, покрытыя водою, съ каждымъ годомъ уменьшаются [3]). Наблюденія о регрессивномъ ходѣ Полѣсья въ связи съ изслѣдованіями орографическими и геологическими, а также нѣкоторыми историческими указаніями (Геродотъ) послужили къ созданію весьма вѣроятной гипотезы (Н. П. Барботъ де Морни, Эйхвальдъ, Мурчисонъ), что въ Полѣсьѣ уже въ историческія времена (при Геродотѣ) существовало огромное озеро (внутреннее море); въ послѣдствіи оно могло обмелѣть, раздѣлиться на отдѣльныя озера и открытыя болота и явиться намъ въ той формѣ, въ какой мы видимъ Полѣсье теперь [4]). Можетъ быть въ непосредственной связи съ регрессомъ Полѣсья, какъ главнаго, внутренняго воднаго резервуара, находится наблюдаемое уменьшеніе дождевой влаги и воды въ рѣкахъ, упадокъ вообще флоры и въ частности лѣсной растительности. Вѣкъ назадъ страдающія отъ засухъ южно-

---

[1]) *Докучаевъ.*

[2]) »По случаю низменной почвы Полѣсья, говоритъ г. Эремичъ, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва-ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волахъ, столько-же на лодкѣ и около того же пройти пѣшкомъ« (Вѣстн. Зап. Россія, 1877 г., № 11, стр. 101. Очерки бѣлорусск. Полѣсья).

[3]) *Докучаевъ*, стр. 20.

[4]) *Докучаевъ*, стр. 84.

русскія степи покрыты были еще обильною и роскошною травянистою растительностью, напоминающею тропическую, и нѣсколько десятковъ лѣтъ не больше назадъ громадные лѣса тянулись по побережью рр. Ворсклы (отъ ея устья до г. Полтавы), Орели, Псла, Сулы и пр. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время текутъ мелководныя рѣки южной Руси, напр. Альта, Трубежъ, Пселъ, Ворскла и пр., нѣсколько столѣтій назадъ были судоходныя рѣки; даже въ херсонскихъ степяхъ напр. въ болѣе или менѣе отдаленное время были рѣки тамъ, гдѣ теперь находятся однѣ огромныя сухія балки. Подобныя указанія, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ далеко въ сторону, послѣдовательно приводятъ къ выводу, что семь-восемь вѣковъ тому назадъ южную Русь необходимо представлять и болѣе лѣсистою страною и болѣе обильною водою вообще, и въ частности, что Полѣсье и въ XIII ст. не только сохраняло свои лѣсисто-болотистыя оригинальности, но что граница Полѣсья спускалась гораздо южнѣе тогда, чѣмъ въ наше время. Судя по прогрессивно увеличивающимся болотамъ можно думать, что ранѣе въ Полѣсьѣ было болѣе текучихъ водъ и такъ какъ спускъ водъ былъ свободнѣе, то и больше было сухихъ пространствъ, пригодныхъ для обитанія.

Намъ приходилось уже касаться вопроса о разселеніи южнорусскихъ обитателей въ предшествовавшіе періоды (см. »Кіевск. Стар.« 1883 г., іюль, стр. 407—411), и мы тогда признали, что южные славяно-руссы, занимаясь не только земледѣліемъ, но и скотоводствомъ, и особенно охотою за рыбой, птицами, звѣрями, *обитали по побережьямъ рѣкъ, ручьевъ и водныхъ болотъ, въ мѣстахъ близкихъ для промысла среди болотъ и лѣсовъ*, почему у нихъ преобладалъ, можно думать, видъ отдѣльныхъ хуторскихъ поселеній. Такъ продолжали разселяться южно-руссы въ XIII в. и позже. Управляли здѣсь разселеніемъ не столько соціально-политическія условія, — большая безопасность отъ нападенія людей, сколько промышленно-экономическія. Въ ту эпоху, какъ и до конца разсматриваемаго періода, земледѣліе давало только необходимый продуктъ внутренняго потребленія, предметами-же торговли внѣшней служили исключительно продукты промысловъ: шкуры, медъ, воскъ и т. д. Отсюда мѣстности съ обиліемъ водъ, болотъ и лѣсовъ были гораздо цѣннѣе, чѣмъ области тучнаго чернозема, дававшія исклю-

чительно хлѣбъ, и потому населеніе, въ силу уже хозяйственно-экономическихъ побужденій, стремилось удержаться ближе къ лѣсамъ и болотамъ, чѣмъ къ открытымъ степнымъ пространствамъ. Въ XIV—XVI вв., отъ которыхъ до насъ дошли документальные матеріалы, продолжаетъ преобладать въ южно-русскомъ населеніи тотъ-же взглядъ при оцѣнкѣ угодій: мѣстности лѣсисто-болотныя »съ бортями«, »бобровыми гонами«, со звѣрями и дичью и съ лѣсными матеріалами предпочитаются всякимъ другимъ. Отсюда произошло то явленіе, что напр. въ повѣтахъ мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ и въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго, вообще въ лѣсной полосѣ—земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано [1]), тогда какъ въ южныхъ черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго »земяне или вовсе не берутъ »службъ« и »выслугъ«, или берутъ ихъ весьма неохотно [2])«. На тоже указываютъ и тѣ подраздѣленія населенія по занятіямъ, какое мы находимъ въ литовскій періодъ; напр. между крестьянами преобладали »колесники«, »бондари«, »плотники«, рыболовы«, »осочники« и »бортники«, »подлазники« или »полозники«, »бобровники« [3]). Аналогія съ разселеніемъ южныхъ славяно-руссовъ въ лѣтописный періодъ и потомъ въ XIV—XVI в. в. даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ XIII в. лѣсистыя области древлянъ, дреговичей, сѣверныхъ волынянъ, верхнихъ сѣверянъ, вятичей и радимичей были гуще заселены, чѣмъ прочія области южной Россіи, а такія заселенныя области были: Подлясье, сѣв. Волынь, минско-кіевское и чернигово-сѣверское Полѣсье. Отсутствіе большихъ городовъ въ этой полосѣ въ то время можетъ быть объяснено тѣмъ, что защитою для населенія въ случаѣ нападенія непріятелей, вмѣсто городовъ, служили лѣса и болота (»paludes silvaque« Іорнанда), а сбытъ продуктовъ промысла удовлетворялъ города южной полосы, расположенные на лѣсныхъ опушкахъ при рѣкахъ, какъ Черниговъ, Кіевъ, Луцкъ и пр. Въ южной, болѣе

---

[1]) *Антоновичъ.* »Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV в. по XVI ст.« (»Кіевск. Стар.«, 1883 г. янв., стр. 30).

[2]) *Антоновичъ*, ibid.

[3]) Писцовая книга бывшаго пинскаго староства, Вильно. Ч. I, стр. III.

степной полосѣ Руси та славяно-русская масса, которая не находила себѣ мѣста и удобствъ жизни въ городахъ, не отличавшихся тогда современными размѣрами и занятыхъ княжескими и боярскими дворами, духовенствомъ и иноземцами, была разбросана мелкими поселками, сообразно съ удобствами какъ земледѣлія, такъ и ловли рыбы, охоты за звѣрями и пр.

Въ южную Русь, въ страну на половину почти покрытую лѣсами и обильную водами, явились въ 1237 г. монголы. Какъ кочевой народъ, они двигаются въ предѣлахъ степей всею массою: съ семьями, со стадами, съ кибитками, встрѣчая же на пути области, не приспособленныя природою для кочевой жизни, они посылаютъ въ нихъ временно болѣе или менѣе большіе конные отряды. Эта черта общая у монголовъ съ половцами, печенѣгами и проч. Но есть у нихъ и свои важныя особенности: монголы прикочевали къ предѣламъ южной Руси въ такой періодъ своего бытоваго устройства, когда у нихъ организовалась уже своя центральная регулирующая власть, представители которой были довольно многочисленны, пользовались силою и имѣли опредѣленное постоянное мѣстопребываніе въ средней Азіи[1]). Движеніе монголовъ не отличается исключительно стихійнымъ характеромъ: въ задачу его входитъ не только расширеніе предѣловъ своихъ кочевьевъ, но и увеличеніе вообще подвластной территоріи, умноженіе подвластнаго населенія въ видахъ какъ увеличенія жизненныхъ средствъ, такъ и обогащенія правящихъ классовъ. Такимъ образомъ монголамъ не чужда была идея завоевателей—сохранять населеніе для извлеченія болѣе продолжительныхъ выгодъ, въ видѣ разнаго типа даней. Проходя по странѣ уже заселенной, они итребляютъ лишь населеніе сопротивляющееся; тутъ у кочевниковъ разгораются дикія свойства и они являются безпощадными; населеніе-же мирно-поддавшееся они не только не истребляютъ, но даже оберегаютъ: такъ Батый »приде къ Володимерю, и взя и копьемъ и изби и не щадя, такожъ и градъ Галичъ«[2]), тогда какъ мирно поддавшуюся землю болоховскую

[1]) Плано-Карпини. » Любопытнѣйшее путешествіе монаха францисканскаго ордена Жана дю Планъ-Карпина«. Москва, 1800 г., стр. 19—21.

[2]) Ипатск. лѣт. 1245 г., стр. 528, 1250 г., стр. 536.

[3]) Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 523.

»оставили.... татарове, да имъ орють пшеницю и просо« [1]). На сколько можно возстановить по лѣтописи, завоеванiе монголовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1237 г. кочевыя орды монголовъ достигли области половцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и отсюда стали посылать конные отряды въ лѣвобережныя земли южноруссовъ [2]); сопротивляющiеся города Переяславль, Черниговъ были взяты и разрушены, такая же участь постигла, можно думать, г. Глуховъ [3]) и др. сѣверскiе города. Въ теченiи 3-хъ лѣтъ монголы оставались на лѣвомъ берегу, не переставая, вѣроятно, опустошать сѣверную область до предѣловъ лѣсовъ, куда проникнуть мѣшала сама природа. Въ 1240 г. перешедши очевидно въ пунктѣ постояннаго перехода всѣхъ предшествовавшихъ кочевниковъ, ниже впаденiя Десны въ Днѣпръ [4]), монголы подошли къ Кiеву со всѣми своими кочевыми обозами [5]), взяли и разрушили сопротивлявшiйся городъ, закочевали въ степяхъ на правой сторонѣ Днѣпра, а конныя военныя силы пошли во внутрь страны [6]) и проникли даже за карпатскiй хребетъ въ Венгрiю: при этомъ одни города со всѣмъ населенiемъ были взяты и истреблены, какъ Колодяжный, Каменецъ, Володимерь, Галичъ [7]), другiе устояли подъ напоромъ монголовъ, напр. Кременецъ, Холмъ, нѣкоторые были сохранены, какъ болоховскiе города: Деревичь, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскiй, Дядьковъ [8]), наконецъ нѣкоторыхъ и не коснулось нашествiе, напр. Бакоты, Дрогичина, Пинска, и пр. [9]). Черезъ два года

---

[1]) Ibid., 1241 г., стр. 526.

[2]) »Батыеви-же вземши Козлескъ, и поиде въ землю Половецькую. Оттудаже поча посылать на грады Руськые«. Ипатск. лѣт., 1237 г., стр. 520.

[3]) Ibid.

[4]) См. глава 2-я »Смѣна народностей«, »Кiевская Старина« 1883 года, № 6-ой, стр. 415—416.

[5]) »И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяку градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипання телѣгъ его, множества ревення вельблудъ его и ржання отъ гласа стадъ конь его. Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 522.

[6]) У насъ нѣтъ фактическихъ основанiй соглашаться съ мнѣнiемъ, что монголы вездѣ двигались цѣлою массою, всею ордою со стадами и имуществомъ. *Дашкевичъ*, »Кн. Дан. Галицк.«, стр. 84, *Антоновичъ*, »Кiевск. Стар.«, стр. 511.

[7]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[8]) Ипатск. лѣт., 1241 г., стр. 526.

[9]) Ibid., 1240 г., стр. 524, 525.

(въ 1243 г.) на возвратномъ пути »изъ Угровъ татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше«[1]), и вслѣдъ за этимъ они en masse очевидно исчезаютъ въ степи въ своихъ кочевьяхъ, а Батый, завоевавшій южную Русь, удаляется въ свою ставку на Ахтубу, чѣмъ и заканчивается собственно завоеваніе южной Руси монголами, такъ какъ дальнѣйшіе набѣги татаръ (1255, 1259, 1260 и т. д.) имѣютъ, какъ увидимъ, совершенно другое значеніе. Города Руси, изъ которыхъ правили страною до этого времени князья, подчинились монголамъ, а черезъ это подчинилась имъ и вся страна. Умолчаніе лѣтописи, въ связи съ послѣдующими историческими событіями, и указанныя нами выше топографическія условія Карпатскихъ горъ и Полѣсья, гдѣ природа ставитъ на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія не только для движенія кочевыхъ массъ, но даже и кочевыхъ отрядовъ, — заставляютъ думать, что такъ называемое »нашествіе монголовъ« не коснулось непосредственнаго населенія этихъ областей[2]), нѣтъ также данныхъ, показывающихъ, что монголы проникали за Днѣстръ, въ такъ называемое Подгорье (округи коломыйскій, станиславовскій, стрыйскій и отчасти самборскій); потому, какъ уже и говорили мы, сохранилось населеніе волыно-подольскихъ областей, принадлежавшихъ болоховскимъ городамъ. Въ остальныхъ областяхъ южной Россіи пострадали прежде всего и болѣе всего города и ихъ обитатели, а также то вблизи живущее населеніе, которое искало спасенія въ стѣнахъ города. Расположеніе городовъ обусловливало главнымъ образомъ направленіе пути для движенія кочевниковъ; остальныя поселенія едва-ли служили цѣлью нападеній, а захватывались развѣ по пути. Къ городамъ болѣе всего и относится извѣстіе Плано-Карпини, что большая часть руссовъ была побита и уведена въ плѣнъ татарами[3]). Истребленіе сопротивлявшагося городскаго населенія и ихъ имущества, а равно и встрѣчен-

---

[1]) Ibid., 1243 г., стр. 528.

[2]) Мнѣніе, что Шейбанъ, братъ Батыя, и Кайданъ, полководецъ его, раззорили въ 1240 г. Пинскъ, Новогрудокъ и др. города и села Полѣсья... но были разбиты около Мозыря литовскимъ княземъ Эрдивиломъ (Николай архимандритъ, »Историко-Статистическое описаніе минской епархіи«. Спб. 1864 г., стр. 12) мало вѣроятно, особенно въ опредѣленіи времени.

[3]) *Максимовичъ*, »Собраніе сочиненій«, т. I, стр. 133.

наго внѣ городскаго поселенія, было страшное [1]), а много жителей было захвачено въ плѣнъ и частію увлечено въ качествѣ войска завоевателей [2]), частію выведено въ степи [3]), за предѣлы южной Россіи. Однако нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ, хотя и неясныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, которыя говорятъ намъ, что часть населенія бѣжала, по выраженію Воскресенской лѣтописи, »въ дальнія страны« [4]), какими были прежде всего Венгрія, Польша, а также Литва и сѣверо-восточная Русь. Удалялись изъ страны, конечно, особенно князья, бояре и высшее духовенство—классы, обладавшіе средствами для быстраго и далекаго передвиженія [5]). Можно думать, что выселилось изъ южной Руси все иноземное населеніе: какъ торгово-промышленники, иноземцы обладали средствами для передвиженія, не связаны были органически со страной на столько, чтобы жертвовать собой въ защиту ея, а если часть иностранцевъ не успѣла удалиться, то, проживая главнымъ образомъ въ большихъ

---

[1]) Вотъ какую картину рисуетъ лѣтописецъ: »Данилови-же со братомъ пришедшу къ Берестью, и не возмогоша ити въ поле страдя ради множества избіенныхъ, не бѣ бо на Володимерѣ остался живой, церкви святой Богородицы исполнена быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ«.—Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 526.— О томъ-же говоритъ и замѣтка Плано-Карпини, что, проѣзжая скоро послѣ нашествія монголовъ, онъ видѣлъ въ степи множество череповъ и костей человѣческихъ. Дашкевичъ, стр. 84.

[2]) Въ войскѣ, осаждавшемъ замки въ Венгріи и Польшѣ, находились плѣнные руссы, половцы и угры.—Илов. т. II, стр. 392.

[3]) Посолъ французскаго короля Людовика IX (въ 1253 г.) и его товарищи слыхали, что русскіе пасли стада въ кочевьяхъ монголовъ (Илов., 402). То же посольство, на пути отъ Дона до Сарая, было въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ, ибо многіе бѣдняки переселенные татарами въ степи изъ Руси, Венгріи и Алавіи, соединялись по 20—30 человѣкъ и по ночамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчнаго (Ibid., стр. 403).

[4]) *Житецкій.* »Очеркъ звуковой исторіи«, стр. 283; *Дашкевичъ*, стр. 84—85.

[5]) Михаилъ, князь черниговскій, при появленіи татаръ на лѣвомъ берегу Днѣпра, бѣжалъ въ Угрію, а »потомъ до ляховъ (Ипатск. лѣт. 1238 г., стр. 521) со своей семьей, людьми и товаромъ« (522). Въ 1241 г. князь Даніилъ на пути изъ Венгріи въ Польшу на р. Полцѣ встрѣтилъ свою »родину« (брата, дѣтей, княгиню), »яко вышли суть изъ русское землѣ въ ляхы предъ безбожными татары« (Ипатск. лѣт. 1240 г., 524). Около того-же времени переселились, вѣроятно, черниговскіе бояре (ibid., 525 и пр.).

городахъ, которые подверглись раззоренію, она была истреблена. Однако и рядовое славяно-русское населеніе, какъ городское, такъ и внѣ живущее, не только въ сѣверной, но и въ южной полосѣ, сохранилось въ значительномъ количествѣ: оно если не могло удалиться, за нѣкоторыми исключеніями, за предѣлы страны, то спѣшило укрыться въ горахъ, лѣсахъ, болотахъ, пещерахъ[1]) и т. п. недоступныхъ для кочевниковъ мѣстахъ. Даніилъ въ синеводскомъ монастырѣ, въ Карпатскихъ горахъ, »видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ«[2]); часть удалившихся изъ Кіева монаховъ укрылась въ волынскихъ лѣсахъ и основала тамъ почаевскую лавру[3]); много населенія сберегли лѣса и болота Полѣсья (Черниговo-Сѣверскъ, Кіево-Минскъ и пр.), а равно и недоступныя для кочевниковъ мѣста въ самой южной полосѣ. Дѣло въ томъ, что южноруссы привыкли уже укрываться отъ набѣговъ кочевниковъ: хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и т. д.; самое появленіе монголовъ не было внезапное: предварительно были истреблены военныя силы южно-руссовъ на Калкѣ, раззорена и опустошена сѣверовосточная Русь; наконецъ переходъ за Днѣпръ совершился лишь на третьемъ году послѣ появленія монголовъ въ области южной Руси; за это время сдѣлалась извѣстна какъ сила монголовъ, такъ и ихъ умѣнье брать города, и потому, если скоплялось населеніе въ такъ хорошо защищаемыхъ городахъ, какъ Кіевъ, Кременчугъ и др., то несчастный опытъ Сѣверщины, города которой были разрушены, долженъ былъ послужить урокомъ, чтобы предпочитать городу болота и лѣса; наконецъ въ города и не могло сбѣжаться все населеніе страны. Такъ по крайней мѣрѣ поступало сельское населеніе въ болѣе доступное по свѣдѣніямъ время: въ случаѣ нападенія часть населенія бѣжала въ городъ, другая часть, по выраженію г. Шараневича, »утѣкала въ лѣсы, яскинѣ и въ подземніи диры«, въ недоступныя мѣста »межи багна и мочары« и скрывалась тамъ съ родиною и остаткомъ добытку[4]), какъ передъ та-

---

[1]) *Иловайскій*, 387, *Костомаровъ*, »Монографіи«, т. I, стр. 218.

[2]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[3]) Дашкевичъ, стр. 88.

[4]) *Шараневичъ*, »Исторія Галицко-Владимірской Руси, стр. 356, 399.

тарами, такъ и передъ поляками и литовцами [1]), а по отходѣ враговъ возвращалась изъ убѣжищъ на старыя жилища [2]). Но лучшимъ основаніемъ для вывода, что значительная часть населенія осталась и во время погрома монгольскаго внутри [3]) страны, служитъ сравнительная быстрота появленія населенія въ раззоренномъ краѣ. Въ областяхъ Галиціи, сѣверной половины Волыни, на Подлясьѣ, въ предѣлахъ пинскаго и туровскаго княжества, непосредственно за удаленіемъ монголовъ жизнь политическая забила полнымъ ключемъ [4]) (княженіе Даніила Галицкаго); но не остались пустыней Кіевщина, Черниговщина и Подолія—области наиболѣе пострадавшія. Явились въ Кіевъ, а также и въ Черниговъ [5]) князья, а также и »людіе, еже бѣху разбѣглися на чужей землѣ, пріидоша на свою землю« [6]). Около 1245 г. Плано-Карпини нашелъ Кіевъ бѣднымъ городомъ, но въ немъ былъ и тысяцкій, и бояре кіевскіе, и около 200 дворовъ жителей [7]); съ 1243 г. и почти до конца XIII ст. въ немъ проживаютъ безъ перерыва князья [8]); продолжаютъ существовать главные кіевскіе монастыри и церкви: кіево-печерская лавра, выдубецкій монастырь, софійскій соборъ и пр. [9]); населеніе было и

---

[1]) Ibid., стр. 356, 399, 400, 420, 425 и пр.

[2]) Г. Самоквасовъ говоритъ: »какъ *до татаръ* народъ искалъ спасенія въ совмѣстной общинной жизни, въ стѣнахъ городовъ, такъ *послѣ татаръ* сталъ искать его въ разрозненности—въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ *до татаръ* въ случаѣ опасности народъ бѣжалъ въ стѣны города, такъ *послѣ татаръ* въ подобныхъ случаяхъ онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсахъ и болотахъ (162). Но есть и другое мнѣніе, что уже въ первое нашествіе татаръ 1241 г.« жители оставляли хаты, бѣжали въ лѣсы и горы, або хоронились за багнами и мочарами«. Шараневичъ, стр. 88.

[3]) Не слѣдуетъ забывать словъ, которыя говорилъ Дмитрій, тысяцкій кіевскій Батыю, раззорившему Сѣверщину, Кіевщину, Волынь и пр. »Не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже поити, аще ли умешкаешь, земля ти есть сильна; соберутся на тя и не пустять тебѣ въ землю свою«.—Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[4]) *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 4; *Дашкевичъ*, стр. 87.

[5]) *Житецкій*, стр. 283.

[6]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

[7]) *Максимовичъ*, т. I, стр. 133; *Иловайскій*, стр. 394.

[8]) *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 4—5.

[9]) *Ипатск. лѣт.*, 1250 г., стр. 535; *Максимовичъ*, стр. 133, *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 5.

внѣ Кіева, въ селахъ [1]). На значительную населенность кіевской области въ XIII ст. указываетъ фактъ перехода въ XIV ст. 1700 княжатъ и дѣтей боярскихъ къ московскимъ князьямъ [2]). Присутствіе южно-русскаго населенія непосредственно послѣ перваго нашествія татаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра видно изъ факта возвращенія Ростислава въ Черниговъ въ 1240 г. [3]), а также изъ извѣстной поѣздки Михаила въ Сарай за полученіемъ ярлыка на черниговское княженіе [4]). Хотя скоро черниговo-сѣверская земля теряетъ политическую самостоятельность, но сѣверныя ея части, очевидно заселенныя тогда, примкнули къ возвысившемуся въ то время Брянску [5]); видно, сѣверское населеніе, оставшееся послѣ нашествія монголовъ, подвинулось на сѣверъ, въ лѣсистую область и продолжало держаться тамъ, такъ какъ на югѣ, въ нижнемъ Подесеньѣ и Посемьѣ заселенію мѣшали близость кочевыхъ ордъ и отсутствіе въ краѣ естественныхъ средствъ защиты [6]). Что касается Подоліи (или Понизья), то хотя этотъ край дѣйствительно пострадалъ и здѣсь не осталось »ни одного города ни деревомъ рубленаго, ни каменными стѣнами укрѣпленнаго« [7]), но есть основаніе предполагать и здѣсь остатки славяно-русскаго населенія: непосредственно за первымъ нашествіемъ въ Подолію является оригинальное татарское устройство съ атаманами [8]) и пр., и потомъ поселившіеся здѣсь

---

[1]) Въ 1246 г. Плано-Карпини отъ первой татарской заставы на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куремса, ѣхалъ до Кіева шесть дней. На этомъ разстояніи и ниже селенія Канавы (Канева) были подобныя-же селенія (vilae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественниковъ до татарской заставы. Это очевидно было на пространствѣ между рѣками Росью и Тясьминомъ, на которомъ были уже города и селенія русскіе, въ томъ числѣ и Боровой, впосл. Боровица.—Максимовичъ, стр. 135.

[2]) Ibid., 136.

[3]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

[4]) Ibid., 1245, стр. 528.

[5]) Багалѣй, 307—309.

[6]) Ibid.

[7]) Шараневичъ, стр. 88.

[8]) У Daniłowicz'a по поводу пораженія княземъ Ольгердомъ татаръ при Синихъ Водахъ говорится: сія три брата татарскіе князья отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватаманя, а баскаки, приездячи отъ нихъ, у атамановъ имывали изъ Подольской земли дань.—Daniłowicz, Latopisiec Litwy

татары оказываются обрусѣвшими [1]). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, южная Русь при первомъ нашествіи монголовъ не обезлюдѣла, а сохранила въ значительной степени коренное славяно-русское населеніе, хотя и не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ. Густота населенія понижалась по направленію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ: южная черноземная полоса потеряла больше, чѣмъ сѣверная лѣсная, и далѣе восточная половина южной полосы болѣе, чѣмъ западная. Изъ всѣхъ областей южной Россіи черниговская область особенно обѣднѣла осѣдлымъ населеніемъ: менѣе приготовившись, чѣмъ другія области, она выдержала первый и самый сильный ударъ монголовъ и при этомъ оказывала самое энергичное сопротивленіе. Къ этой восточной окраинѣ можетъ быть примѣнено мнѣніе г. Костомарова, что »въ Руси едва-ли осталась десятая часть прежняго населенія«. Затѣмъ чувствительныя потери населенія понесены были южною половиною кіевской области и подольской. Послѣднія области продолжали терять свое осѣдлое населеніе и послѣ перваго нашествія монголовъ, благодаря тому обстоятельству, что онѣ примыкали непосредственно къ кочевьямъ татарскихъ ордъ, расположившихся въ степяхъ на всей южной и восточной границѣ Руси отъ Днѣстра и далѣе на востокъ за Волгу. Близость кочевыхъ ордъ, отсутствіе въ странѣ естественныхъ средствъ защиты, конечно, все это нѣ способствовало развитію благосостоянія въ такихъ странахъ, какъ Подолье, южная часть Кіевщины (Поросье), Посемье и нижнее Подесенье, гдѣ населеніе должно было постоянно бѣгать въ лѣса, а потому послѣднее постепенно выселяется изъ этихъ мѣстъ: колонизація южно-русская во второй половинѣ XIII ст. направляется *на западъ*—въ области галицко-волынскія и далѣе за Карпаты, *на сѣверъ*—въ Полѣсье и Литву, а на сѣверо-востокъ—въ предѣлы зарождающейся московской Руси. Галицко-волынскія области, какъ самыя безопасныя среди прочихъ южно-русскихъ областей, несомнѣнно привлекали славяно-русское

---

i kronika Ruska, стр. 50, по Новицкому »Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ«. Кіевъ. 1876 г., стр. 31.

[1]) *Антоновичъ*, »Исторія Великаго Княжества Литовскаго«, стр. 147 и 149.

населеніе изъ другихъ районовъ, какъ въ видѣ князей[1]), бояръ[2]), такъ и изъ среды рядового населенія. Извѣстенъ фактъ, что къ Даніилу бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе щадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ[3]). Были въ галицко-волынской землѣ и насильно переселенные южноруссы изъ другихъ областей: по взятіи и разрушеніи Двзягля, Даніилъ »*люде изведе* и вдастъ я на надѣлъ ово брату, ово же Львови, другия Шварнови«[4]). Благодаря переселенію славяно-русскаго населенія въ предѣлы галицко-володимірской территоріи, эта область со временъ монгольскаго нашествія удерживаетъ за собою преимущественное названіе »Руси«, »Русской земли«.

Другимъ пунктомъ, куда направилась тогда же колонизація южныхъ славяно-руссовъ, были области литовскихъ поселеній[5]). Славяно-руссы »утиснени, по выраженію г. Шараневича, подъ ярмомъ татарскимъ въ областяхъ заднѣпровскихъ, покидали свои отцѣвства и переходили въ великомъ множествѣ въ сосѣдственную Литву, строили себѣ жилища и православныя церкви и распространяли свои поселенія далеко за правый берегъ Виліи въ самую глубь Жмуди«[6]).

Чѣмъ далѣе къ XIV в., тѣмъ наплывъ русскаго населенія возросталъ, особенно въ ятвяго-русской области[8]), нынѣшней малорусской части Гродненской губерніи.

---

[1]) »Князѣ зъ роду Ольговичей, черниговскіи, Василій и Мстиславъ Глѣбовичи бѣжали передъ татарами въ Галицко-Володимірскую Русь и вступили въ службу Данила. Мы срѣтили ихъ яко вождей и хоробрыхъ борцей въ ополченіи Данила передъ Ярославлемъ«. Шараневичъ, стр. 92.

[2]) Галицкіе бояре »войшли съ черниговскими боярами въ порозумѣнье, призвали ихъ въ Галичъ и пороздавали *боярамъ* и *хлопамъ* княжескіе городы и области«. Шараневичъ, стр. 84.

[3]) Дашкевичъ, стр. 93.

[4]) Ипатск. лѣт. 1258 г., стр. 556.

[5]) Ibid., 1259 г., стр. 558.

[6]) »Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края«, XXVI.

[7]) Акты, изданные коммисіей въ Вильнѣ, т. I, стр. 2—Шараневичъ, стр. 118.—Кукольникъ, »Историческія замѣтки о Литвѣ«. Вильна. 1864 года, стр. 10.

[8]) Кукольникъ, стр. 37. »Историческія замѣтки о Литвѣ«.

Менѣе интенсивно переходило южно-русское населеніе въ сѣверо-восточную Русь, которая тогда еще сама страдала отъ татарскихъ и другихъ бѣдъ и не могла представить прочной гарантіи въ безопасности населенія. Главнымъ образомъ въ сѣверо-восточную Русь перешло то южно-русское населеніе чернигово-сѣверской области, которое не успѣло укрыться за Днѣпръ[1]); изъ другихъ частей южной Россіи переселялось туда главнымъ образомъ высшее духовенство, князья и бояре. Въ 1299 г. »татаре творили великое насиліе въ Кіевѣ. Митрополитъ Максимъ не могъ того стерпѣти, оставилъ Кіевъ и съ *клиросомъ* своимъ и *со всею службою* своею отойшолъ черезъ Брянскъ и Суздаль во Владимеръ Клязменскій«[2]). Въ началѣ XIV в. вызванъ былъ московскимъ княземъ на службу кіевскій вельможа Родіонъ Несторовичъ, вышедшій съ 1700 *княжатъ и дѣтей боярскихъ*«[3]). Къ концу XIII в. прилегающія непосредственно къ степямъ южно-русскія окраины запустѣли и нѣтъ признака славяно-русскаго населенія въ малорусскихъ частяхъ курской губерніи[4]), въ степномъ районѣ черниговской и полтавской по Сулѣ, Сейму и нижней Деснѣ[5]); почти въ такомъ-же состояніи оказались и степныя области кіевской, волынской и подольской губерній. Въ выше лежащихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ населеніе пополнялось притокомъ новой колонизаціи, но оно постоянно и систематически въ свою очередь разрѣжалось[6]) спорадическими набѣгами татарскихъ ордъ[7]), »которыя похищали, рѣзали, палили, раззоряли«[8]).

Кромѣ измѣненія направленія южно-русской колонизаціи, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, а чрезъ это насильственнаго задержанія славяно-руссовъ въ томъ районѣ ихъ

---

[1]) Шараневичъ, стр. 120 и 124.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 136.

[3]) Багалѣй, стр. 308.

[4]) Германовъ, стр. 2; Багалѣй, Ibid.

[5]) Въ 1283 г. »по отшествію Телебузинѣ и Ногаевѣ Левъ князь сочте, колко погибло во его землѣ людей, што поимано, избито и што ихъ Бюжию волею измерло полътретьинадесять тысячѣ«. Ипатск. лѣт., стр. 589.

[6]) Въ 1253, 1258, 1259, 1260, 1261, 1277, 1281, 1283 годахъ и т. д.

[7]) Шараневичъ, стр. 88.

территоріи, изъ котораго они постоянно стремились разселиться внизъ по теченію пересѣкающихъ ихъ страну рѣкъ,—монгольская эпоха оказала и другія вліянія на этнографическія судьбы кореннаго населенія. Прежде всего въ это время докончилось то этнографическое объединеніе южно-руссовъ, процессъ котораго отмѣтили уже мы въ періодъ княжескихъ междоусобій. Политическіе областные центры или исчезли совершенно, или же ослабѣли до неузнаваемости (Черниговъ, Кіевъ, Каменецъ и пр.), княжескіе роды, поддерживавшіе традицію удѣловъ и областей, стушевались передъ могуществомъ сарайскаго правителя Руси и силою волыно-галицкаго рода, наконецъ перемѣщеніе населенія, обитаніе его на сравнительно меньшей территоріи, слѣдовательно подъ менѣе разнообразнымъ вліяніемъ разъединяющихъ географическихъ условій, и единеніе въ виду общаго врага—монголовъ—все это неизбѣжно служило въ теченіи почти столѣтія монгольской эпохи къ стиранію областныхъ особенностей въ южныхъ славяно-руссахъ. Тогда-же заложено было и основаніе той оригинальности въ сословномъ организмѣ южно-руссовъ, съ какою они существуютъ и въ наше время—это отсутствіе національнаго городскаго сословія. Какъ мы уже и говорили, при нашествіи монголовъ главнымъ образомъ пострадали города и городское населеніе, такъ что XIII в. можетъ быть обозначенъ, какъ періодъ упадка южно-русскихъ городовъ по преимуществу, ибо возникавшіе въ волыно-галицкой землѣ и достигшіе цвѣтущаго состоянія города не имѣли, какъ увидимъ, этнографическихъ чертъ коренного населенія. Въ разрушенныхъ и обезсиленныхъ городахъ погибло нарождавшееся ремесленно-торговое населеніе, исчезли дружины княжескія и ослабѣло мѣстное духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены или устремились на другія цѣли [1]); задержано было матеріальное и умственное процвѣтаніе въ южной Руси и само собою пріостановилось »широкое развитіе русскаго слова« [2]). Наконецъ занявшіе своими кочевьями нижнее теченіе главныхъ рѣкъ южной Россіи: Днѣпра, Буга и Днѣстра монголы прекратили живыя и разнообразныя сношенія южно-русскаго населенія

---

[1]) *Житецкій*, стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 276.

съ греческимъ византійскимъ міромъ, а черезъ это увеличилось сношеніе и взаимодѣйствіе славяно-руссовъ между германо-романскимъ міромъ, нивеллируемымъ тогда особенно римскимъ католичествомъ. Древняя Русь (что мы уже видѣли) вообще не чуждалась запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія, но особенно часты были сношенія, конечно, въ пограничныхъ съ нимъ Галиціи и Волыни. Съ сосредоточеніемъ политической жизни южной Руси въ этихъ областяхъ и съ прекращеніемъ уравновѣшивающаго значенія въ торговлѣ и въ политическихъ связяхъ и сношеніяхъ Византіи, западъ пріобрѣтаетъ особенную силу. Къ тому же западная Европа въ это время для населенія южно-русскаго не только стала просвѣтительнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ, но представляла изъ себя и ту политическую силу, на которую только и можно было разсчитывать, какъ на опору противъ нападенія монголовъ: на послѣднее особенно указываетъ извѣстная исторія сношеній Даніила Галицкаго съ папою [1]). Если въ XIII в. и не видно еще особенныхъ результатовъ этого западно-европейскаго вліянія на южную Русь, то во всякомъ случаѣ въ это время создались тѣ условія, которыми впослѣдствіи воспользовались западно-европейскіе элементы для своего воздѣйствія на южно-русское населеніе: культура края начала съ этого момента развиваться подъ западнымъ вліяніемъ [2]) и въ ростѣ ея культурномъ и сословномъ нельзя не замѣтить параллелизма съ западной Европой.

Таковы общіе результаты вліянія монгольскаго нашествія на этнографическія судьбы южной Руси; что-же касается до этнологическаго взаимодѣйствія татаръ и южно-руссовъ, то объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) *Дашкевичъ*, стр. 95, 99, 102.

[2]) Ibid., стр. 94.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

Не возможно излагать исторію запорожскаго козачества, не касаясь исторіи южно-русскаго козачества вообще. Запорожское козачество составляетъ только частный фактъ въ явленіи южно-русской козаччины; обособилось оно въ отдѣльный типъ только послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ этой послѣдней.

Поэтому, прежде чѣмъ станемъ изслѣдовать причины и условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилось запорожское козачество, намѣтимъ въ общемъ главнѣйшія черты, характеризующія все южно-русское козачество.

Козачество—явленіе общерусское. Съ XV вѣка встрѣчается оно на территоріи какъ московской, такъ и литовской Руси. Слово »козакъ«, перешедшее отъ татаръ и обозначавшее у нихъ нижній классъ свободнаго военнаго сословія, не вездѣ въ русско-славянскомъ мірѣ выражало одно и тоже понятіе. Можно установить два различныхъ значенія этого слова. Оно обозначало человѣка свободнаго, исполняющаго обязанности военной пограничной службы: таковы были козаки, упоминаемые въ лѣтописи въ началѣ XV вѣка въ рязанской землѣ [1]); такое-же значеніе имѣли извѣстные съ послѣдней четверти XVI столѣтія донскіе козаки [2]). Но было и другое значеніе слова »козакъ«: оно обозначало еще свободнаго мелкаго земельнаго собственника. Такъ, изъ доку-

[1]) Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 192, годъ 1444.

[2]) Kronika Bielskiego, Kraków, 1597 г. 719 стр.

ментовъ, относящихся къ 1530-мъ годамъ, видно, что въ смоленской области были козаки—свободные хлѣбопашцы, бѣжавшіе изъ московскаго государства, изъ подъ Торопца, въ Литву [1]). Число козаковъ въ смоленской области было значительно. Во время войны Польши съ московскимъ государствомъ въ 1580 году Филонъ Кмита, бывшій въ то время воеводой смоленскимъ, дѣйствовалъ противъ московскихъ войскъ, имѣя у себя до 2,000 козаковъ, набранныхъ въ смоленской области [2]). Такіе свободные мелкіе землевладѣльцы, по недостаточности земельныхъ участковъ, нерѣдко занимались различными торговыми промыслами, а главнымъ образомъ извозомъ соли. Иногда они брались и за другія занятія. Такъ, въ XVI вѣкѣ козаками назывались свободные рабочіе на волжскихъ судахъ [3]). Упоминаются также въ XVI вѣкѣ полоцкіе козаки: эти, какъ и тѣ, что находились въ смоленской области, были правдоподобно мелкими земельными собственниками, отправлявшими въ случаѣ надобности военную службу. Козаки полоцкіе въ 1579 г. овладѣли небольшимъ московскимъ укрѣпленіемъ Нещердою [4]). Такимъ образомъ, какъ въ московской, такъ и въ литовской Руси, въ областяхъ порубежныхъ, принадлежавшихъ съ XV вѣка то тому, то другому изъ этихъ центровъ русскихъ земель, были козаки не несшіе постоянной военной службы и представлявшіе собою малоземельное свободное сословіе.

Съ достовѣрностію можно полагать, что въ названныхъ русскихъ областяхъ козачество не имѣло исконнаго, въ татарскомъ смыслѣ наѣздническаго характера въ силу условій мѣста. Здѣсь русско-литовскія области примыкали къ русскимъ-же московскимъ областямъ; народъ осѣдлый былъ въ сосѣдствѣ съ народомъ осѣдлымъ-же; вооруженныя столкновенія между великими княжествами московскимъ и литовскимъ происходили не часто. Такимъ образомъ козаки здѣсь были обставлены совершенно другими условіями, чѣмъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были въ сосѣдствѣ съ кочующими татарами. Въ этихъ послѣднихъ земляхъ татары могли явиться для грабежа и опусто-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I-й, № 105.

[2]) Kronika Bielskiego, 775.

[3]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. IX, изд. 1870 г.

[4]) Kronika Bielskiego, 768 стр.

шеній во всякое время; поэтому тамъ необходимы были козаки— воины. И козачество въ такихъ земляхъ дѣйствительно являлось козачествомъ въ подлинномъ, татарскомъ смыслѣ этого слова. Козаки здѣсь всегда должны были быть на готовѣ отражать татарскія вторженія; при томъ же они, отплачивая татарамъ тѣмъ же, естественно могли предпринимать наѣзды и на татарскія земли [1]).

Такимъ образомъ татарское слово »козакъ«, перенесенное на русскую почву для обозначенія факта, по всей вѣроятности аналогичнаго съ тѣмъ, какой обозначался этимъ словомъ у татаръ, съ теченіемъ времени въ русскихъ земляхъ двоится въ своемъ значеніи. Козаки въ земляхъ, открытыхъ для нападенія татаръ, составляютъ особое военное сословіе; въ другихъ-же земляхъ пограничныхъ, гдѣ наличныя условія не требовали ни защиты, ни нападеній, козаками назывались просто свободные мелкіе собственники, случайно принимавшіе участіе въ войнѣ. Слово »козакъ« теряетъ здѣсь свой первоначальный смыслъ; подлинное козачество, если и было когда-нибудь въ этихъ земляхъ, къ концу XVI вѣка отошло въ область преданія; реальныя условія жизни обратили козаковъ въ обыкновенныхъ свободныхъ поселянъ, которые помимо указанныхъ уже занятій являлись иногда въ литовской Руси въ качествѣ иррегулярныхъ отрядовъ при войскѣ. Такъ, въ 1581 году, при движеніи войска Рѣчи-Посполитой подъ Ржевъ, козаки вмѣстѣ съ татарами, расположившись по обѣ стороны главной арміи, одни по одной сторонѣ, другіе по другой, опустошали непріятельскую землю [2]). Кромѣ того, козаки въ литовской Руси состояли иногда на службѣ у частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми выступали и въ походы. Такъ Бѣльскій, перечисляя военныя силы Рѣчи-Посполитой, участвовавшія въ походѣ подъ Данцигъ, упоминаетъ о козакахъ Струсевыхъ, Темрюковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ [3]).

Что-же касается характера южно-русскаго козачества, уже существующаго въ концѣ XV в. въ южныхъ порубежныхъ земляхъ литовской Руси, то козачество это принадлежало къ первому типу

[1]) Kronika Bielskiego, 719 стр.

[2]) Тамъ-же, стр. 783.

[3]) Тамъ-же, стр. 746.

козаччины въ русско-славянскихъ земляхъ. Южныя украинныя земли литовской Руси, граничившія съ татарами, подвергались постояннымъ вторженіямъ этихъ послѣднихъ, и потому здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ русско-славянскаго міра, гдѣ нужно было вести борьбу съ татарами, должно было возникнуть козачество. Но помимо вліянія этой главной причины, южно-русское козачество складывалось и развивалось еще подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ факторовъ, сообщившихъ ему особую физіономію. Особенности мѣста его распространенія, особенности внутреннихъ распорядковъ великаго княжества литовскаго, въ предѣлахъ котораго оно возникло, и наконецъ этнографическія особенности югозападныхъ русскихъ славянъ обусловили собою особый бытъ и особый внутренній строй южно-русскаго козачества. Благодаря именно этимъ частнымъ условіямъ, оно со ступени незначительнаго сословія, жившаго промыслами и войной съ татарами, поднялось на высокую ступень цѣлаго народа, ознаменовавшаго себя многими знаменитыми дѣяніями и имѣвшаго свою славную исторію.

Плодородныя южныя окраины литовской Руси, обезлюженныя татарскими нашествіями, въ XV вѣкѣ представляли степную полосу и лежали почти пустопорожними. Въ это время очень немногія мѣста степной полосы были заселены. Значеніе прежнихъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь городовъ пало; населеніе внѣ городовъ не существовало вовсе. Все населеніе края въ эту пору сосредоточивалось только въ немногихъ городахъ—острогахъ. Такими городскими укрѣпленіями въ концѣ XV в. были Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Хмельникъ, Баръ, Винница и Брацлавъ; только въ половинѣ XVI в. возстановлены еще два: Звенигородъ и Переяславъ. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были довольно оригинальнаго происхожденія. Такъ городъ Черкасы построенъ при Витовтѣ[1]), который осадилъ здѣсь пятигорскихъ черкасъ, выведенныхъ съ крайняго юговостока Европы[2]). Каневъ же около этого времени заняли выходцы изъ нынѣшней Полтавщины, совершенно беззащитной въ

---

[1]) Въ описаніи каневскаго замка неточно сказано при Гедиминѣ.

[2]) Описаніе каневскаго замка; рукопись литовской метрики; Антоновичъ, Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго, стр. 62—63.

то время противъ татарскихъ вторженій [1]). Къ каждому изъ городовъ, находящихся въ степной полосѣ, были приписаны громадныя пространства земли, которыя въ началѣ XVI в. оставались совершенно пусты. Немногочисленное населеніе этихъ городовъ, большею частію мѣщане, занималось промыслами и торговлею; только въ лѣтнее время расходилось оно по этимъ землямъ на промыслы звѣриные, рыбные и бобровые. Между тѣмъ плодородная степная полоса литовской Руси не могла остаться безъ насельниковъ: населеніе, оставившее прежде этотъ край вслѣдствіе грозныхъ татарскихъ нашествій, въ лицѣ своихъ потомковъ такъ или иначе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ ближайшихъ причинъ, должно было снова занять его. Въ дѣлѣ вліянія мѣста распространенія южно-русскаго козачества на его отличительныя черты важное значеніе имѣло то обстоятельство, что за такъ называемой Украйной, т. е. за староствами черкасскимъ, каневскимъ, бѣлоцерковскимъ, хмельникскимъ, барскимъ, винницкимъ, брацлавскимъ, звенигородскимъ и переяславскимъ, въ сторону юга, лежали обширныя степи, совершенно дикія, безъ малѣйшихъ признаковъ осѣдлаго существованія обитателей. Этотъ обширный край, протянувшійся отъ Орели, Тясмина и Синюхи до самаго Чернаго моря, былъ обладаемъ татарами, если только обладателями можно считать полудикія татарскія орды, безпрерывно мѣняющія свои кочевья и главнымъ образомъ занимавшія южный, примыкающій къ Черному морю край этого степного пространства. Природныя богатства степей и то обстоятельство, что онѣ неустойчиво были занимаемы татарами, издавна привлекали сюда энергичныхъ насельниковъ Украйны. Какъ можно заключать изъ документальныхъ данныхъ, движеніе украиннаго населенія направилось сюда задолго до 30-хъ годовъ XVI-го столѣтія [2]). Обширность этого края, близость татаръ и относительная немногочисленность являющихся сюда поселенцевъ обусловили собою своеобразный полукочевой характеръ колонизаціи, нашедшей здѣсь примѣненіе. Южныя украинныя земли литовской Руси начали вновь заселяться съ XV вѣка. Главнѣйшей причиной, вызывавшей это заселеніе, было то, что въ русскихъ

---

[1]) Описаніе каневскаго замка. Рукопись литовской метрики.

[2]) Акты западной Россіи, т. II, № 195.

областяхъ великаго княжества литовскаго, еще со времени правленія Витовта постепенно происходитъ переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Тотъ принципъ земельнаго владѣнія, который въ продолженіе вѣковъ существовалъ въ западно-русскихъ земляхъ, началъ колебаться подъ вліяніемъ литовскаго государственнаго принципа. Центральная власть великаго княжества литовскаго не считаетъ земли собственностію общины, какъ это было въ русскихъ земляхъ прежде, а смотритъ на землю, какъ на достояніе государства и раздаетъ ее тѣмъ, которые несутъ военную службу. Естественно, что при феодальномъ распорядкѣ, правоспособными нести военную службу скоро оказались только высшій и средній классы и поземельныя отношенія, регулируемыя литовскимъ феодальнымъ государственнымъ принципомъ, должны были вызвать стѣсненіе крестьянскаго сословія въ правѣ пользованія землею, повлекшее за собою постепенное обезземеленіе онаго. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ развитію козачества на южномъ рубежѣ этого княжества. Крестьяне, теряя земельныя права внутри государства, могли свободно пользоваться ими на южныхъ окраинахъ этого-же государства. Дѣло въ томъ, что западно-русскія земли мирнымъ путемъ соединились съ собственною Литвой подъ властію князей литовскаго корня и вытекавшій изъ литовскихъ юридическихъ понятій феодализмъ реформировалъ только поземельныя отношенія, вовсе не касаясь сословныхъ; вслѣдствіе этого крестьяне въ западно-русскихъ областяхъ, теряя прежнее право на землю, не теряли личной свободы и безпрепятственно на первыхъ порахъ могли переходить съ мѣста на мѣсто. Если крестьяне оставляли мѣста прежняго жительства, то въ этомъ случаѣ съ государственной точки зрѣнія не страдали ничьи интересы, и у правительства великаго княжества литовскаго не было побудительныхъ причинъ препятствовать крестьянскимъ передвиженіямъ. Напротивъ, для государства могло казаться выгоднымъ, чтобы безлюдная степная полоса, граничившая съ татарами, заселялась. Государство нуждалось въ защитникахъ страны отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ. Военныя силы великаго княжества литовскаго, по тогдашнимъ условіямъ военной организаціи, не были вполнѣ пригодны для этого дѣла. Въ

великомъ княжествѣ литовскомъ въ XV вѣкѣ постоянныхъ войскъ не было, а вооруженные контингенты поставлялись лицами, несущими обязанности военной службы, всякій разъ по особому распоряженію центральной власти. Если взять въ соображеніе, что такіе военные контингенты не могли быть выставлены вдругъ, а татарскіе набѣги совершались внезапно, то ясно, что для обороны страны отъ татарскихъ вторженій нужны были иные защитники.

Еще одинъ фактъ внутреннихъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ способствовалъ тому, чтобы крестьяне, уходившіе изъ центральныхъ западно-русскихъ областей въ степную Украйну, взяли на себя дѣло защиты страны отъ татарскихъ вторженій. Мы имѣемъ въ виду особенность экономическаго строя въ этомъ княжествѣ, продолжавшуюся до люблинской уніи (1569 г.). Особенность эта заключалась въ томъ, что земледѣліе здѣсь составляло второстепенную вѣтвь хозяйства, державшагося главнымъ образомъ на лѣсномъ промыслѣ. Поэтому украинныя черноземныя, пригодныя наиболѣе для пахоти земли въ данное время цѣнились весьма низко, и лица привилегированныхъ сословій, имѣющія права на владѣніе землей, старались получать себѣ земельные участки преимущественно въ центральныхъ областяхъ великаго княжества литовскаго, гдѣ характеръ мѣстности былъ лѣсной или болотистый [1]). Такъ какъ лица привилегированныхъ сословій избѣгали брать земельные участки въ Украйнѣ, а между тѣмъ военныя силы здѣсь вслѣдствіе близости татаръ были необходимы, то правительство великаго княжества литовскаго на украинныхъ поселенцевъ возлагаетъ всѣ виды военной службы. Всѣ насельники украинныхъ городовъ отбываютъ то нѣкоторыя, то всѣ существующія въ краѣ повинности воинскія. Они поставляютъ сторожу »замковую«, »городовую«, »польную«, они обязаны преслѣдовать уходящихъ съ добычею татаръ и предпринимать вмѣстѣ съ старостами или ихъ помощниками походы въ татарскія земли [2]).

Чтоже касается особенностей этнографическихъ элементовъ, оказавшихъ вліяніе на складъ южно-русскаго козачества, то нужно

---

[1]) Антоновичъ, Историческіе дѣятели юго-западной Россіи, стр. 2.

[2]) Описанія украинныхъ замковъ; рукопись литовской метрики.

сказать, что элементы эти коренились глубоко въ жизни юго-западныхъ русскихъ славянъ, восходили къ отдаленнымъ преданіямъ кіевской Руси съ ея общиннымъ началомъ, вѣчемъ и другими основами прежняго общественнаго устройства. Западно-русскія и южно-русскія земли, примкнувшія при Гедиминѣ и Витовтѣ къ литовскому центру, не могли, какъ мы уже отчасти видѣли на фактѣ переустройства земельныхъ отношеній, не подвергнуться чуждому вліянію господствующаго государственнаго племени. Козачество южно-русское и въ лицѣ тѣхъ выходцевъ изъ центральныхъ западно-русскихъ земель въ степную Украйну, которые имѣли къ козачеству лишь косвенное отношеніе, въ смыслѣ подготовительнаго матеріала, и въ лицѣ уже прямо относящихся къ нему козаковъ украинныхъ, которые козаковали »на полѣ« за промыслами и на »низу« въ татарскихъ поселеніяхъ, было протестомъ противъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Какъ протестующій элементъ, козачество естественно стремилось найти новые устои для общественной жизни и очутившись на пустопорожнихъ земляхъ, внѣ сильнаго давленія государственнаго строя и основанныхъ на немъ распорядковъ, могло оживить померкшіе идеалы существовавшаго нѣкогда, основаннаго на принципѣ самоуправленія, общественнаго устройства.

Полки въ Украйнѣ, курени въ Запорожьи, рады войсковыя— это такія формы общественныхъ отношеній, которыя могли возникнуть въ южно-русскомъ козачествѣ именно путемъ возвращенія къ преданіямъ вѣчевой и общинной древней Руси,—путемъ обнаруженія и осуществленія таившихся въ душѣ народа его завѣтныхъ идеаловъ.

Такимъ образомъ съ XV вѣка часть степной полосы великаго княжества литовскаго, воеводство брацлавское и южная часть воеводства кіевскаго, заселяется поселенцами—воинами, послужившими основой для имѣющаго здѣсь развиться и разцвѣсти козачества южно-русскаго. Земли, прежде опустошенныя грозой татарскихъ нашествій, вновь принимаютъ насельниковъ. Западно-русская и южнорусская народности, реагируя на татарскія вторженія, примѣняясь къ условіямъ своего быта, выдѣляютъ каждая свои элементы для козачества.

Козаки украинные, какъ видно изъ документовъ, относящихся къ самому началу второй половины XVI в. [1]), составляютъ въ украинныхъ староствахъ особое сословіе, отличное отъ сословія такъ называемыхъ бояръ и мѣщанъ. Первоначальные украинные козаки представляли въ степной полосѣ бродячій элементъ, не имѣющій постоянной осѣдлости. Время отъ времени они появлялись въ украинныхъ городахъ въ качествѣ временныхъ посѣтителей. Въ описаніи черкасскаго замка, 1552 года, читаемъ: »окромъ осилыхъ бояръ и мещанъ бываютъ у нихъ (т. е. у черкасцевъ) прихожые козаки; сее зимы было ихъ разомъ о полъ-третяста«. Точно также въ описаніи каневскаго замка, относящемся къ тому же времени, значится: »а кромъ того бываетъ тамъ людей прихожихъ, козаковъ неоселыхъ, а бываетъ ихъ не равно завжды, але яко которыхъ часовъ«. Въ описаніяхъ украинныхъ замковъ мы встрѣчаемъ указанія и на родъ занятій козаковъ. Тамъ говорится, что если черкасцы, или каневцы, или козаки добудутъ въ землѣ непріятельской такъ называемые »бутынки«, т. е. добычу, то обязаны давать старостѣ по его выбору одно что-нибудь лучшее изъ плѣнниковъ (»языковъ«), коней или другихъ какихъ-нибудь предметовъ. Есть и другое указаніе на занятія козаковъ. Въ описаніи каневскаго замка въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о городскихъ уходахъ (владѣніяхъ) на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ теперешней Полтавщинѣ, прибавляется еще слѣдующее: »переказа уходомъ онымъ сѣверскимъ тыхъ часовъ не только отъ татаръ, а большъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичне тамъ живутъ на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свепетовъ (?) и сытять тамъ собе медъ, яко дома«. Сверхъ того не будетъ, кажется, натяжкой относить къ козакамъ и слѣдующее мѣсто изъ указаннаго уже описанія черкасскаго замка: »указалъ (составлявшимъ описаніе) тежъ староста служебниковъ своихъ ездно зъ броней 50 молодцевъ пріеждьчихъ, а тутошнихъ черкасцевъ и каневцевъ, которые ему съ дѣтку служатъ—11«... Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о »почетѣ служебниковъ старостиныхъ«, т. е. о числѣ лицъ, которые состоятъ на службѣ у старосты въ качествѣ добровольцевъ. Мы видѣли уже, что были козаки Струсевы, Темрюковы и т. д. По довольно точной анало-

[1]) Тамже.

гіи можно считать и этихъ служебниковъ старостиныхъ козаками. Въ пользу такого пониманія черкасскихъ »служебниковъ старостиныхъ« можно указать еще на то, что эти служебники выдѣлены въ описаніи отъ городскихъ служебниковъ вообще, имѣющихъ названіе драбовъ, которыхъ въ Черкасахъ было 100, и съ которыми ротмистръ Петръ Розбискій »ново тамъ присягнулъ«. Выдѣлены старостины служебники изъ »почета служебниковъ« въ особый »почетъ«, правдоподобно не потому только, что тѣ были пѣшіе, а эти конные, но и потому, что тѣ были обычнымъ войскомъ, дисциплина котораго была точно опредѣлена, а эти были охочимъ, »пріѣзжимъ« войскомъ, которое—хотѣло—служило, хотѣло—нѣтъ, т. е. было именно такимъ, какимъ козачество являлось всюду и всегда.

Первоначальное козачество, какъ особое сословіе въ украинныхъ староствахъ, характеризуется въ »Описаніи украинныхъ замковъ« еще слѣдующими важными указаніями. Въ описаніи черкасскаго замка говорится, что городу принадлежатъ нѣкоторыя озера, и затѣмъ прибавляется: »А ходятъ озеръ тыхъ волочити козаки съ Черкасъ«. Въ томъ-же описаніи говорится: »козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не маютъ, и тые даютъ старосте колядки (подать, взимаемая передъ Рождествомъ) по 6 грошей и сена косятъ ему по два дни толоками за его стравою и за медомъ. А которые козаки, не уходячи у козацтво на поле, а ни рекою у низъ, служатъ въ местахъ бояромъ або мещаномъ, тыи колядки давати, або сена косити не повинни«. Изъ описанія-же каневскаго замка видно, что городскими уходами козаки пользовались на правахъ половинниковъ, т. е. имъ доставалась только половина того (рыбъ, бобровъ, меду), что они пріобрѣтали въ этихъ уходахъ; остальная-же половина отдавалась старостѣ.

Такимъ образомъ первоначальные украинные козаки характеризуются слѣдующими чертами: они, не имѣя осѣдлости, передвигаются съ мѣста на мѣсто и ютятся главнымъ образомъ или въ степи, гдѣ они ловятъ рыбу, охотятся на звѣрей, занимаются пчеловодствомъ, или на низовьяхъ Днѣпра, гдѣ они сверхъ этого еще грабятъ татаръ; кромѣ того козаки — самый маломощный въ имущественномъ отношеніи классъ свободныхъ людей: они обязаны отбывать городскія повинности (колядка и толока), подъ-

часъ являются въ услуженіи у городскихъ бояръ и мѣщанъ, иногда ловятъ рыбу на старосту въ принадлежащихъ городу озерахъ или въ качествѣ половинниковъ пользуются городскими уходами.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ козачество становится фактомъ все болѣе и болѣе крупнымъ, явленіемъ все больше и больше замѣтнымъ. На пути къ козачеству, въ силу условій мѣста, находилось не мало лицъ и изъ украинныхъ бояръ и мѣщанъ. Неся повинности сторожевой службы, выдерживая частыя нападенія татаръ, постоянно воюя съ ними и подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ войны, какъ-то: плѣну, потерѣ семьи и имущества, украинное боярство и мѣщанство въ свою очередь изъ среды себя выдѣляло людей, для которыхъ война являлась привычкою и какъ-бы потребностію жизни и которые становились козаками, т. е. людьми не имѣющими опредѣленной осѣдлости, а, какъ уже сказано, промышляющими то »въ полѣ«, то на низовьяхъ Днѣпра.

Украинное козачество въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ сторонъ значительно видоизмѣнилось. Имѣя недостаточно ясную начальную исторію, которую мы посильно прослѣдили, козачество украинное обособилось потомъ въ два опредѣленные типа: козачество собственно украинное, такъ называемое городовое, и козачество низовое, въ собственномъ смыслѣ запорожское.

Что касается времени возникновенія запорожскаго козачества, какъ особаго типа, то оно явилось въ концѣ XVI столѣтія. До этого времени запорожскаго козачества въ собственномъ смыслѣ не было, было только украинное козачество вообще. Отдѣльныя лица или группы изъ этого козачества, то каневскіе, то черкасскіе, то бѣлоцерковскіе и т. д. козаки, а иногда и мѣщане съ боярами украинныхъ городовъ, время отъ времени для промысловъ и для вторженій въ татарскія и турецкія земли отправлялись на низовья Днѣпра, за пороги. Но эти козаки только временно козаковали на Запорожьи, устойчивая-же запорожская община возникла послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ украиннаго козачества,—она явилась только тогда, когда нѣкоторые эле-

менты силою обстоятельствъ должны были оторваться отъ остального козачества.

Какъ и вслѣдстіе чего проявились въ украинномъ козачествѣ элементы, послужившіе впослѣдствіи основаніемъ для возникновенія особаго запорожскаго товариства, можно видѣть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ начальной поры украиннаго козачества. Такъ, съ конца XV в. можно прослѣдить, хотя на первыхъ порахъ и нѣсколько не ясно, двоякое движеніе украиннаго козачества въ сторону Запорожья,—военное и промысловое. Въ 1489 году Янъ Ольбрахтъ, сынъ Казиміра IV, впослѣдствіи король польскій, преслѣдовалъ ворвавшихся въ Подолію татаръ; его войску передъ вели козаки, какъ хорошо знающіе мѣстность, по которой приходилось преслѣдовать татаръ. Преслѣдованіе совершалось до Савраны, притока Буга [1]).

О промысловомъ движеніи въ сторону Запорожья украиннаго козачества можно заключать уже изъ грамоты великаго князя литовскаго Александра, выданной въ 1499 году Кіеву съ дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Въ этой грамотѣ говорится между прочимъ, что если козаки привезутъ рыбу съ низу, то брать съ нихъ пошлину [2]).

Затѣмъ съ 1508 г. начинается цѣлый рядъ походовъ, предпринимаемыхъ съ участіемъ козаковъ противъ татаръ, иногда во главѣ украинныхъ старостъ и ихъ помощниковъ, а иногда и подъ предводительствомъ просто отважныхъ лицъ, выступавшихъ въ походъ по личной инициативѣ. Такъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, староста брацлавскій и виленскій, замѣчательный полководецъ своего времени, почти всю жизнь отражалъ съ козаками набѣги татаръ. Въ 1508 году [3]) этотъ Острожскій разбилъ на голову загонъ татаръ, громившихъ пограничныя области литовской Руси, а другой загонъ разбилъ Полюсъ Русакъ, славный козакъ, какъ говоритъ о немъ Бѣльскій. Затѣмъ 1512 г. Прецлавъ Ланцкоронскій, каменецкій староста, »собравши людей служебныхъ и иныхъ«, уничтожилъ загонъ татаръ, ворвавшихся въ южные пре-

---

[1]) Kronika Polska Bielskiego, стр. 476.

[2]) Акты западной Россіи, т. II, № 1.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 512.

дѣлы великаго княжества литовскаго. Эта орда была разбита совокупными усиліями козаковъ съ украинными насельниками, надъ которыми начальствовалъ все тотъ-же Острожскій, и отрядомъ польскаго войска. Первыми ударили на враговъ козаки, при чемъ Острожскому не малаго труда стоило убѣдить поляковъ, что сраженіе должны начинать козаки, хотя и »менѣе збройные«, но умѣющіе сражаться съ татарами, что въ сраженіи съ послѣдними должно стоять на первомъ планѣ[1]). Съ 1516 г., когда, по замѣчанію Бѣльскаго, при украинныхъ замкахъ служебныхъ людей стало больше[2]), что онъ считаетъ за начало козаковъ, начинаются козацкіе походы въ татарскія и турецкія земли. Къ этому-же 1516 году относится походъ во главѣ Лапцкоронскаго, каменецкаго старосты, подъ Бѣлгородъ, откуда было принесено много татарской и турецкой добычи[3]).

Затѣмъ въ 1528 году былъ предпринятъ подъ Очаковъ генеральный походъ во главѣ большинства украинныхъ старостъ: Ланцокоронскаго, въ это время старосты хмельникскаго, Остафія Дашковича, старосты черкасскаго, а также старостъ винницкаго и брацлавскаго. Въ этотъ походъ татары были трижды разбиты; 30,000 головъ скота и 500 коней досталось козакамъ въ добычу[4]).

Съ 1541 г. героемъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли становится Бернатъ Претфицъ, староста барскій, по замѣчанію Бѣльскаго, достойный памяти всѣхъ поляковъ. Въ этомъ году онъ съ козаками и черемисами (?) преслѣдовалъ татаръ до самаго Очакова, и такъ-какъ захваченные въ русскихъ предѣлахъ въ оковахъ уже были отправлены моремъ изъ Очакова въ Кафу, то онъ отомстилъ »знаменито« татарамъ и съ полономъ возвратился назадъ. Такой походъ предпринималъ онъ и на слѣдующій годъ[5]).

---

[1]) Kronika Polska Bielskiego стр. 519.
[2]) Тамъ-же, стр. 534.
[3]) Тамъ-же, стр. 534.
[4]) Тамъ-же, стр. 560.
[5]) Тамъ-же, 582 стр.

Къ 50-мъ годамъ XVI столѣтія относится козакованье князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. Дѣятельность его открывается съ 1556 года. Въ это время Вишневецкій, будучи предводителемъ козаковъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и чрезъ козачьяго атамана Михаила Есковича билъ челомъ царю Ивану Грозному, чтобы тотъ принялъ его подъ свою защиту. Царь прислалъ Вишневецкому »опасную« грамоту и жалованье[1]). Вишневецкій скоро послѣ этого, чрезъ того-же Михаила Есковича, названнаго на этотъ разъ Миской, искалъ протекціи у Сигизмунда Августа, короля польскаго и великаго князя литовскаго. Король, какъ видно изъ его грамоты, отправленной Вишневецкому въ 1557 году[2]), хвалилъ его за военные подвиги, мужественную оборону вновь устроеннаго хортицкаго замка отъ хана перекопскаго, приказывалъ не нападать на владѣнія турокъ и татаръ, такъ какъ съ ними заключены мирные договоры, и особенно на пословъ крымскихъ, посылалъ Вишневецкому и жалованье, желая привлечь его на свою сторону; но этотъ послѣдній предпочелъ на сей разъ служить Ивану Грозному. Въ 1558 г. Вишневецкій оставилъ хортицкое укрѣпленіе, такъ какъ крымскій ханъ съ турками и волохами собирался вторично штурмовать оное, у негожъ, какъ писалъ онъ царю московскому, корму не стало и козаки его разошлись. Вишневецкій выступилъ изъ-за пороговъ и занялъ Черкасы и Каневъ; но Иванъ Грозный, вслѣдствіе мира съ великимъ княжествомъ литовскимъ, велѣлъ ему отступиться отъ этихъ городовъ и далъ ему въ отчину городъ Бѣлевъ[3]). Недолго однако пробылъ Вишневецкій и въ Бѣлевѣ. Въ 1561 г., по ходатайству брата его, Михаила Вишневецкаго, старосты черкасскаго и каневскаго, Сигизмундъ Августъ посылалъ Дмитрію Вишневецкому два »глейтовныхъ листа«, дающихъ амнистію за самовольную отлучку изъ государства; при этомъ милость королевская мотивируется тѣмъ, что Дмитрій Вишневецкій поддавался московскому царю не для чего иного, какъ только для того, чтобы, узнавши »справы непріятеля«, онъ могъ съ возможно большей пользой служить Рѣчи Посполитой[4]). Король

[1]) Максимовичъ, 1-й т., 284 стр.

[2]) Акты южной и западной Россіи. т. II, № 130.

[3]) Максимовичъ, т. I, стр. 289.

[4]) Акты южной и западной Россія, т. II, №№ 142, 143.

обѣщаетъ Вишневецкому свою милость и всѣ вольности и свободы, которыми пользуются »иные княжата и пана«[1]). Въ 1562 г. Вишневецкій, поддавшійся сперва татарамъ, а потомъ московскому царю, прибылъ въ отечество и былъ торжественно встрѣчаемъ громадными толпами людей[2]). Печальный конецъ постигъ Вишневецкаго въ 1563 г. Въ этомъ году онъ съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ пошелъ добывать обѣщанной ему короны молдавской, тамъ предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томжѣ и переданный отъ него туркамъ, былъ замученъ въ Константинополѣ[3]). Важнѣйшимъ дѣяніемъ козачества подъ властію Вишневецкаго было взятіе городаИслямъ Керменя (1556 г.), изъ котораго были вывезены пушки во вновь устроенное хортицкое укрѣпленіе[4]).

Къ 1556 году относится также походъ днѣпровскихъ козаковъ подъ Очаковъ, предпринятый ими вмѣстѣ съ московскимъ дьякомъ Ржевскимъ; атаманами днѣпровскихъ козаковъ въ этотъ походъ были нѣкто Млинскій и Михайло Есковичъ, тотъ самый, который, приставъ потомъ къ Вишневецкому, былъ самымъ довѣреннымъ его лицомъ и отправлялся, какъ уже сказано, отъ его имени съ челобитьемъ къ Ивану Грозному и листами къ Сигизмунду Августу[5]).

Въ ряду наиболѣе крупныхъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли оданоко стоитъ козацкій походъ въ Крымъ, за Перекопъ, 1575 года. Въ этомъ году воевода кіевскій, узнавъ, что татары переправляются черезъ Днѣпръ съ цѣлью вторгнуться въ ближайшія южно-русскія земли, послалъ противъ нихъ кіевскихъ, черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Козаки, спустившись внизъ по Днѣпру на чайкахъ, близъ Чорнаго лѣса (при впаденіи Тясменя въ Днѣпръ), неожиданно напали на татарскую стражу въ нѣсколько сотъ человѣкъ и всю ее перебили. Татары показали видъ, что возвращаются назадъ въ свои земли, между тѣмъ громадной ордой переправившись чрезъ Днѣпръ, начали страшно опустошать всю прилегающую къ Синявѣ мѣстность и, по словамъ Бѣльскаго, захватили въ полонъ около 50 тысячъ человѣкъ; тогда козаки съ вож-

[1]) Тамъ-же, № 144.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 612.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 614.

[4]) Максимовичъ, I т., 289 стр.

[5]) Тамъ-же.

демъ своимъ Богданкомъ ворвались въ Крымъ, проникли за Перекопъ и въ свою очередь безпощадно опустошили многіе татарскіе улусы [1]).

Эти самые крупные козачьи походы въ татарскіе и турецкіе предѣлы, занесенные въ хронику Бѣльскаго, не исчерпываютъ, конечно, всѣхъ походовъ, которые предпринимались козаками въ земли татаръ и турокъ. Были, безъ сомнѣнія, и другія, не извѣстныя для исторіи попытки проникнуть въ татарскіе и турецкіе предѣлы, предпринимаемыя по иниціативѣ не должностныхъ лицъ, каковыми были украинные старосты, а лицъ частныхъ, увлекаемыхъ желаніемъ добычи, жаждой найти удовлетвореніе личной удали, или наконецъ местью. Эти походы не только разширяли ряды козаковъ, но и служили для нихъ настоящей школой, гдѣ они входили во вкусъ своебразнаго, чисто козацкого, способа вести войну,—военнаго ремесла и выработывались »въ желѣзныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ« [2]).

Но сколько ни предпринималось подобныхъ походовъ противъ татаръ, эти послѣдніе все-таки были грозой для значительной части пограничныхъ польско-русскихъ земель. Правительство Польши и Великаго Княжества Литовскаго постоянно было озабочено пріисканіемъ радикальнаго средства противъ татарскихъ вторженій, такъ какъ практиковавшіяся для этого средства не защищали страны. Въ городахъ и замкахъ иные вовсе уклонялись, другіе, по особо уважительнымъ причинамъ, самимъ королемъ освобождались отъ обязанности ходить въ погоню за татарами [3]). Самая эта повинность, лежавшая на южныхъ порубежныхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго, помимо ея обремененительности, не приводила къ желаемой цѣли.

Въ 1533 году староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашковичъ, весьма опытный воинъ, побывавшій въ плѣну у татаръ и бѣжавшій изъ этого плѣна (1523 г.) [4]), мужественно обо-

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 721 и 722.

[2]) Надхенъ. Памятники о Запорожьѣ, стр. 9.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 111.

[4]) Миллеръ. Историческія сочиненія о Малой Россіи, стр. 3—4.

ронявшій черкасскій замокъ отъ осады крымскаго хана Сайдета (1531) [1]), на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ проэктъ защиты противъ татарскихъ вторженій, состоявшій въ томъ, чтобы на низовьяхъ Днѣпра находилась постоянная стража, тысячи въ двѣ человѣкъ, которые бы, разъѣзжая на чайкахъ, препятствовали татарамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ двумъ тысячамъ Дакшевичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человѣкъ, которые-бы добывали въ окрестностяхъ (»obmyslali«) необходимые припасы, на мало доступныхъ днѣпровскихъ островахъ (вѣроятно за порогами: до пороговъ островов на Днѣпрѣ очень мало) построить замки и завести поселенія. Предложеніе всѣмъ понравилось, но, какъ замѣчаетъ Бѣльскій, ничто изъ предложеннаго не было сдѣлано [2]).

Въ 1534 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи, Кіевщины и Браславщины, куда татаре найчаще предпринимали набѣги, оправлялись замки и окружались валами городскія поселенія. Работы производились подъ руководствомъ великаго гетмана Яна Тарновскаго. который находился съ частью своего войска въ Хмельникѣ; замокъ и городъ этого имени онъ особенно укрѣпилъ [3]). Конечно, и это была мѣра въ ряду другихъ мѣръ; но какъ мало Польша и Великое Княжество Литовское были защищены противъ татарскихъ вторженій, видно изъ королевскаго листа 1546 г. къ литовскимъ раднымъ панамъ. Король пишетъ въ очень минорномъ тонѣ, печалуется на чрезмѣрную требовательность, высокомѣріе и гордость крымскаго хана; предлагаетъ раднымъ панамъ рѣшить, давать-ли требуемые »упоминки« крымскому хану, или »Бога на помочь взяв-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 563.

[3]) Тамъ-же, стр. 571.

[4]) Не есть ли этотъ Янъ Тарновскій, гетманъ короны польской, двойникъ того мнимаго гетмана козаковъ, а по другимъ (Миллеръ) предводителя низовцевъ, имя котораго нѣкоторыя польскія лѣтописи, а за ними и козацкія ставятъ подъ 1534 годомъ, именно Венжика Хмельницкаго? Вопросъ напрашивается, такъ сказать, самъ собою: первая часть имени этого загадочнаго лица, *Венжикъ*, не есть собственно имя, а прозваніе: *Венжикъ* уменьшительное отъ *wąż*—ужъ и относится къ внутренней характеристикѣ лица, которое такъ прозвано. Вторая часть имени, *Хмельницкій*, до нѣкоторой степени основательно можетъ сближаема съ названіемъ замка *Хмельникъ*. Яна Тарновскаго съ Хмельникомъ сближаетъ не то

ши, воевать«; проситъ радныхъ пановъ отнестись серьезно къ рѣшенію этого вопроса и результатъ своей рады сообщить ему [1]).

Между тѣмъ само собою, народною жизнью, выдвигалось болѣе вѣрное средство для защиты края отъ татарскихъ вторженій въ увеличивавшемся все больше и больше числѣ мѣщанъ и бояръ въ украинныхъ поселеніяхъ на южномъ рубежѣ государства. Заселеніе Украйны было въ интересахъ государства, поэтому украинные насельники естественно должны были найти поддержку центральной власти государства. Обязанные постоянно быть на готовѣ, чтобы встрѣчать вторженія татаръ, прежде всѣхъ и больше всѣхъ терявшіе въ имущественномъ отношеніи отъ этихъ вторженій, они должны были стать въ особое отношеніе къ государству; въ свою очередь правительство Рѣчи Посполитой своими мѣропріятіями становилось пособникомъ выроставшаго въ Украйнѣ козачьяго сословія. Съ начала второй половины XVI вѣка можно прослѣдить цѣлый рядъ королевскихъ грамотъ, фактически выдѣлявшихъ низшій классъ населенія въ Украйнѣ отъ этого-же класса въ остальномъ государствѣ. Такъ въ 1558 году окружною грамотою польскій король Сигизмундъ-Августъ освобождаетъ мѣщанъ города Канева, какъ людей украинныхъ, отъ платежа за живность по всему великому княжеству литовскому. Льгота [2]), данная каневцамъ, не была единственною; одновременно съ нею и послѣ нея подобныя и еще болѣе важныя льготы получаютъ мѣщане и другихъ украинныхъ городовъ. Къ тому-же 1558 году относится окружная грамота того-же короля, освобождающая мѣщанъ города Винницы отъ платежа »мыта« по великому княжеству литовскому, по случаю перенесенія ихъ поселенія подъ новый винницкій замокъ, и такая-

---

только, что онъ строилъ Хмельникъ и нѣкоторое время проживалъ въ немъ, а сие слѣдующее совпаденіе лѣтописныхъ сказаній: Бѣльскій, говоря о столкновеніи съ татарами подъ Заславлемъ, называетъ предводителемъ польскаго войска Яна Тарновскаго; авторъ-же лѣтописи Самовидца, говоря объ этомъ-же самомъ столкновеніи, называетъ предводителемъ на польской сторонѣ Венжика Хмельницкаго. Правдоподобно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ. Kronika Bielskiego, стр. 571; Лѣтопись Самовидца, стр. 2.

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I, № 108.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 131.

же грамота въ пользу бояръ и мѣщанъ города Черкасъ, предоставлявшая имъ, »какъ людямъ украиннымъ«, право безпошлиннаго провоза тѣхъ товаровъ, которые они имѣли при себѣ въ поѣздкахъ для покупки живности[1]). Въ 1559 году изданъ королевскій универсалъ[2]) въ пользу брацлавскихъ мѣщанъ, а въ 1571 г. жалованная грамота[3]) жителямъ Бѣлой-Церкви. Мѣщанамъ этихъ послѣднихъ городовъ давались еще болѣе крупныя льготы, въ виду того, что татары »въ маетностяхъ ихъ великія шкоды чинятъ и не мало братьи ихъ въ полонъ ведутъ«. Изъ жалованной грамоты жителямъ Бѣлой-Церкви видно, чѣмъ вызывались эти льготы и какія обязанности бѣлоцерковцы должны были исполнять за дарованныя имъ права: они должны были при постройкѣ бѣлоцерковскаго замка взять на себя надзоръ надъ рабочими и рабочимъ скотомъ, сверхъ того содержать караулы на поляхъ и шляхахъ и наконецъ, въ случаѣ приближенія непріятеля, давать знать и въ бѣлоцерковскій замокъ, и королю. Такими актами обозначались заботы польскаго правительства о заселеніи степной украинной полосы. Въ 1571 г. вопросъ объ этомъ заселеніи подготовлялся для обсужденія его »вальнымъ« сеймомъ варшавскимъ[4]), а давая новымъ насельникамъ Украйны различныя льготы, простирая оныя и на тѣхъ, которые »придутъ и осядутъ« около того или инаго замка, заботясь о томъ, дабы люди »осѣдали и множились«, правительство польское прежде и болѣе всего имѣло въ виду отпоръ татарскимъ вторженіямъ.

Но не одними льготами украиннымъ насельникамъ правительство помогало образованію украинскаго козачества; къ тому-же проводили отрицательныя его мѣры. Такъ, поддерживая сначала украинныхъ мѣщанъ и бояръ, а впослѣдствіи насильственно подчинивъ ихъ юрисдикціи пановъ, оно вытолкнуло этихъ бояръ и мѣщанъ на путь вольныхъ, по собственному признанію, людей, козаковъ. Тоже можно видѣть и въ отношеніи правительства къ тѣмъ козакамъ, которые самовольно удалялись за пороги и нападая на татаръ и турокъ, навлекали гнѣвъ ихъ на Рѣчь Посполитую. Въ

---

[1]) Тамъ-же, № 133.

[2]) Тамъ-же, № 136.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 160.

[4]) Акты южной и западной Россіи, т. II, стр. 174.

1540 г. такимъ ослушникамъ изъ каневскихъ и черкасскихъ козаковъ Сигизмундъ-Августъ посылалъ »глейтовный листъ«, которымъ гарантировалъ имъ безнаказанное возвращеніе къ оставленнымъ замкамъ.

Козачество росло, усиливалось и давало чувствовать свою силу и значеніе какъ сосѣдямъ врагамъ, такъ и собственному правительству. Запретительныя мѣры противъ козацкихъ поисковъ надъ непріятелемъ показываютъ только, какъ трудно было положеніе въ этомъ дѣлѣ правительства польскаго. Въ грамотѣ 1541-го года на имя маршалка князя Андрея Каширскаго король Сигизмундъ I, строго воспрещая козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы [1]), немепѣе строго выговариваетъ украиннымъ властямъ за то, что они, не смотря на многократныя королевскія приказанія, не удерживаютъ украинныхъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія земли, а напротивъ того дозволяютъ такіе набѣги »для пожитковъ своихъ, добытки козаковъ дѣля на полы съ ними«. Извѣщая украинныхъ урядниковъ, что ханъ крымскій строжайше требуетъ прекращенія вторженій въ татарскія земли и всякихъ другихъ »шкодъ« татарамъ отъ козаковъ, въ противномъ-же случаѣ угрожаетъ »своею головою« идти въ предѣлы Рѣчи Посполитой и надъ украинными замками выместить татарскія потери,—король исчисляетъ вины козаковъ,—какъ около этого времени они произвели нападеніе на татаръ, идущихъ за добычею въ московскую землю, 20 человѣкъ изъ нихъ убили и захватили при этомъ 250 коней, какъ погромили крымскихъ гонцевъ въ Польшу при переправѣ черезъ Днѣпръ и »статки« ихъ побрали, какъ ограбили гонцевъ казанскаго хана и какъ нападая много разъ на кочевья сосѣднихъ татарскихъ ордъ, людей убивали, скотъ захватывали въ добычу и пр. Тщетно впрочемъ Сигизмундъ въ той-же своей грамотѣ грозитъ украиннымъ урядникамъ, что онъ не будетъ впредь принимать ихъ оправданій, будто козаки тайно отъ нихъ предпринимаютъ вторженія въ татарскія земли, напрасно велитъ этимъ урядникамъ внимательно смотрѣть за тѣмъ, какіе козаки идутъ на низъ для рыбнаго и другаго промысла, а при возвращеніи козаковъ съ низовьевъ Днѣпра осматривать »добытки« ихъ, что-бы такимъ образомъ знать, кто изъ нихъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 105.

ходилъ только для промысла, а кто и для грабежа въ татарскихъ земляхъ, тщетно наконецъ приказываетъ маршалку Каширскому уговаривать козаковъ записаться въ реестръ и исполнять королевскую волю, а ослушниковъ »за горло имать и карать«. Велѣнія центральной власти безсильны были задержать козацкое теченіе между насельниками Украйны, обусловленное сложными причинами внутреннихъ отношеній въ государствѣ и постоянно поддерживаемое стремленіемъ къ отпору одной народности противъ напора другой. Безсиліе власти сказалось уже въ 1545 году. Въ этомъ году подъ Очаковомъ козаки ограбили турецкихъ купцовъ; для разслѣдованія дѣла, по жалобѣ турецкаго правительства, королю пришлось посылать коммисаровъ и изъ »своего скарбу« заплатить убытки [1]).

Движеніе населенія украинныхъ земель на »низъ«, противъ татаръ, продолжается изъ года въ годъ; нападенія козаковъ вызываютъ набѣги татаръ, и наоборотъ. Въ 1560 г. Андчакъ, предводитель татаръ бѣлгородскихъ, опустошившій предъ тѣмъ поселенія возлѣ бѣлоцерковскаго замка, писалъ Сигизмунду II, что онъ это сдѣлалъ въ отместку за то, что козаки кіевскіе, бѣлоцерковскіе, брацлавскіе, винницкіе, каневскіе и черкасскіе подданнымъ турецкаго султана »великіе шкоды дѣютъ«. При взаимныхъ столкновеніяхъ крымскаго ханства и Рѣчи Посполитой, эта послѣдняя должна была уступать первому, покровительствуемому въ то время могущественнымъ турецкимъ султаномъ. По этому Сигизмундъ тогда-же писалъ воеводѣ кіевскому кн. Острожскому и всѣмъ украиннымъ старостамъ, приказывая не посылать въ поле козаковъ даже для сторожи, чтобы они тамъ на своей волѣ не причиняли турецкимъ и крымскимъ подданнымъ обидъ [2]); но въ тоже самое время, зная, что набѣги татаръ не прекратятся, онъ велитъ держать козаковъ наготовѣ, чтобы въ случаѣ татарскаго нападенія было кому преслѣдовать уходящихъ татаръ и отбивать полонъ. Столкновенія козаковъ съ татарами происходили нерѣдко между самими небольшими группами мирныхъ людей съ той и другой стороны и были такъ сказáть будничнымъ явленіемъ. Кочующіе татары въ обшир-

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 586.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 137.

номъ размѣрѣ занимались скотоводствомъ; при приближеніи ихъ стадъ козацкіе пастухи нерѣдко отбивали и угоняли скотъ въ украинныя поселенія. »Не для чого большая шкода (отъ татаръ) въ панствахъ нашыхъ дѣется, пишетъ король Сигизмундъ кн. К. Острожскому, »одно за таковыми чабанники, которые за убезпеченьемъ Украйны быдло беруть, а непрыятель прыходячы и надъ поддаными нашыми помсту чынить« [1]).

Не въ силахъ будучи справиться съ зародившимся и постоянно усиливавшимся козачествомъ, правительство Рѣчи Посполитой относительно его долго не могло придумать опредѣленнаго плана, но, сознавая одинаково и пользу и вредъ его для государства, поступало въ отношеніи къ нему по усмотрѣнію и теченію обстоятельствъ, то воспрещая козачьи наѣзды на татарскія и турецкія земли, то поощряя оные, какъ необходимые и цѣлесообразные, то отвлекая козачьи силы въ другую сторону, то предоставляя своимъ агентамъ вѣдаться съ ними согласно видамъ внѣшней политики. Около 1561 года козаки опустошали очаковскія окрестности. Въ 1561 году Сигизмундъ Августъ писалъ старостѣ черкасскому и каневскому Михаилу Вишневецкому, что если въ его районъ возвратятся тѣ козаки, которые »Очаковъ збурыли«, то чтобы онъ уговаривалъ ихъ не оставаться долго въ украинныхъ замкахъ, а идти черезъ Могилевъ и Полоцкъ въ Эстляндію, при чемъ имъ будетъ даваться датокъ (жалованье) и живность. Одновременно почти тотъ-же Сигизмундъ Августъ, отправляя охранный листъ для находящихся »на низу« козаковъ воеводѣ кіевскому, велитъ переслать этотъ листъ козакамъ только въ томъ случаѣ, если это, по его (воеводы) зрѣлому обсужденію, не повлечетъ опасности со стороны Турціи и Крыма [2]). Гораздо позже, именно въ 1568 г., онъ же, примѣтивъ, что украинное козачество продолжаетъ стремиться на низовья Днѣпра, особымъ универсаломъ приказываетъ козакамъ, оставившимъ украинные города и замки и собравшимся въ разныхъ мѣстахъ »на низу«,—разойтись, причемъ предлагаетъ желающимъ службу при (украинныхъ) замкахъ и обѣщаетъ давать имъ жалованье, если они перестанутъ грабить татаръ [3]).

[1]) Ibidem.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 143.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, № 3.

Увеличившееся въ числѣ, окрѣпшее въ силахъ, освоившееся съ своею профессіею, украинное козачество не имѣло какой либо опредѣленной организаціи. Выступая за пороги, пробираясь къ татарскимъ и турецкимъ землямъ, оно избирало своихъ старшихъ подъ названіемъ атамановъ и гетмановъ, но, возвращаясь на свои жилища, поступало въ завѣдываніе украинскихъ старостъ и воеводъ. Козаковъ привлекали къ отбыванію замковыхъ и другихъ повинностей, что не могло быть по вкусу имъ, вкусившимъ свободы. Отсюда взаимныя неудовольствія и жалобы: воеводы и старосты обвиняли козаковъ въ своевольствѣ и непослушаніи, козаки жаловались на притѣсненія старостъ и воеводъ. Около 1572 года коронному гетману Юрію Язловецкому удалось привлечь подъ свою юрисдикцію козаковъ ходившихъ на низовья Днѣпра. Предлогомъ избрана защита ихъ отъ притѣсненій со стороны украинныхъ воеводъ и старостъ, а приманкой послужила выдача жалованья изъ королевскаго скарбу. Расположивъ къ себѣ козаковъ, Язловецкій ходатайствовалъ предъ королемъ о назначеніи для нихъ ближайшаго начальника и такимъ назначенъ былъ королевскою грамотою 1572 г. шляхтичъ Бадовскій. Этотъ старшій долженъ былъ давать судъ и управу по дѣламъ, касающимся низовыхъ козаковъ (»окромъ гвалту и рѣчей крвавыхъ«) въ то время, когда эти послѣдніе возвращались съ низу въ украинныя поселенія. Резиденція Бадовскаго была въ Бѣлой-Церкви [1]).—Такимъ образомъ часть населенія украинныхъ старостествъ, которую привиллегированная грамота Бадовскому называетъ низовыми козаками, не только получила право свободно ходить въ низовья Днѣпра, на промыслы, но была изъята изъ-подъ юрисдикціи украинныхъ воеводъ и старостъ. Низовые козаки поставлены были въ непосредственную зависимость отъ короннаго гетмана; намѣстникомъ этого послѣдняго при козакахъ былъ особый старшій, на этотъ разъ Бадовскій.

Принятая теперь правительственная мѣра, продолженіемъ которой была реформа Баторія, еще не выдѣляла украинныхъ козаковъ въ особое сословіе съ строго опредѣленными правами и обязанностями: то была уступка центральной власти развившемуся, главнымъ образомъ, внѣ ея вѣдѣнія, помимо ея воли и желанія

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 149.

явленію въ народной жизни,—уступка вызванная извѣстною силою этого явленія, но уступка первая и потому неполная.

Событія 1572 года были таковы, что могли побудить Сигизмунда-Августа искать службы козаковъ: онъ протежировалъ Богдану, сыну прежде бывшаго господаря молдавскаго Александра, получить молдавскую корону и съ этою цѣлію сперва посылалъ спеціальное посольство къ турецкому султану, а потомъ, съ появленіемъ новаго претендента на молдавское господарство, въ лицѣ Ивони, поддерживаемаго 20 т. турецкаго войска, долженъ былъ оказать своему кандидату вооруженную помощь. Эта-то поддержка кандидатуры Богдана на молдавскій престолъ и могла побудить короля дать или давать нѣкоторое время жалованье козакамъ: козаки были нужны Сигизмунду-Августу, чтобы съ помощію ихъ утвердить на молдавскомъ престолѣ Богдана; они могли быть необходимы для правительства Рѣчи Посполитой и въ томъ случаѣ, еслибы Турція за молдавскія дѣла объявила ему войну. Давая жалованье козакамъ, Сигизмундъ-Августъ разсчитывалъ по своей волѣ распоряжаться ими въ случаѣ надобности; съ другой стороны жалованье это могло обязывать козаковъ не производить опустошеній въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ и не нарушать такимъ образомъ мира съ этими неугомонными и опасными сосѣдями.

Признанное въ своемъ существованіи и нѣкоторыхъ правахъ, украинное козачество, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается и, встрѣчая благопріятныя условія, начинаетъ играть видную роль и внѣ своей страны. Въ 1574 г. украинныхъ насельниковъ, въ числѣ которыхъ были и козаки, призвалъ на помощь упомянутый выше Ивоня, молдавскій господарь, одолѣвшій своего соперника Богдана. Турецкій султанъ потребовалъ съ него за право управлять Молдавіей такую плату, какую предложилъ ему вновь явившійся искатель молдавской короны, нѣкто Петрило, братъ мультанскаго воеводы; въ противномъ случаѣ Ивоня долженъ былъ оставить молдавскій престолъ. Получивъ такое требованіе, Ивоня послѣ предварительнаго совѣта съ представителями своего государства объявилъ Турціи войну. Тщетно обращаясь за помощью къ польскому королю, Ивоня въ концѣ концовъ обратился къ нѣкоторымъ изъ украинныхъ жителей, которыхъ зналъ, какъ »мужей вольныхъ и храбрыхъ«. На зовъ Ивони явилось въ Молдавію изъ Украйны 1200

человѣкъ. Они были подъ начальствомъ семи предводителей, изъ которыхъ главнѣйшихъ было два: Свирчовскій и Бастанъ[1]). Въ командѣ каждаго предводителя было по двѣсти и по сто человѣкъ; 200 человѣкъ брацлавянъ, правдоподобно въ собственномъ смыслѣ козаковъ, составляли особую команду. Съ почетомъ встрѣтилъ Ивоня военные отряды изъ Украйны. При пушечной пальбѣ угощались они въ палаткахъ господаря,—шляхетныя лица особо, простыя особо. Снабдивши эти отряды виномъ и золотомъ, Ивоня выступилъ противъ непріятеля. Три раза были разбиты турки, три раза обогащались украинскіе выходцы и добычею непріятеля, и наградами благодарнаго Ивони. Въ концѣ концовъ Ивоня вслѣдствіе измѣны одного изъ своихъ приближенныхъ, былъ разбитъ турками; но и разбитый, онъ мужественно защищался, окопавшись съ украинными выходцами на пожарищѣ одной деревни. Турки предложили Ивонѣ сдаться; онъ соглашался, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ онъ живымъ былъ отданъ въ руки султана и чтобы выходцы изъ Украйны были отпущены здравыми и невредимыми. Условія Ивони были приняты; но когда онъ, простившись съ своими украинскими друзьями и въ послѣдній разъ щедро наградивши ихъ, подъѣхалъ къ турецкому войску, турки вѣроломно убили его. Украинскіе выходцы хотѣли было занять свой прежній окопъ, но его уже заняли турки. Окруженная со всѣхъ сторонъ непріятелями, украинская дружина мужественно отбивалась, многіе изъ украинскихъ выходцевъ пали въ этой неравной борьбѣ и только 12 человѣкъ изъ ихъ ополченія было взято турками въ плѣнъ[2]).

Къ этому именно времени относится первое обстоятельное извѣстіе современнаго польскаго писателя[3]) о козакахъ украинныхъ. Вотъ по возможности близкій переводъ избранныхъ мѣстъ этого классическаго для исторіи начальнаго украиннаго козачества свидѣтельства.

»Козаки — посполитые люди на низу, т. е. на низовьяхъ Днѣпра; занимаются они тамъ ловлею рыбы, которую тамъ-же и

---

[1]) Имена остальныхъ предводителей, какъ передаетъ ихъ Бѣльскій, слѣдующія: Козловскій, Стуженскій, Янчя и Соколовскій.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 791—717.

[3]) Бѣльскаго-отца (Мартына) или, можетъ быть, и сына (Якима).

сушатъ на солнцѣ; живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму-же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши предварительно на какомъ нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ секретномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ »на куренѣ«, какъ они говорятъ, на стражѣ (przy strzelbie). Есть у нихъ также и свои пушки, которыя они частію захватили въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частію отняли у татаръ. Прежде козаковъ не было такъ много, но теперь ихъ сбирается по нѣсколько тысячъ; особенно число ихъ увеличилось въ послѣднее время. Козаки часто большую бѣду причиняютъ татарамъ и туркамъ и уже много разъ нападали на Очаковъ, Тегиню (Бендеры), Бѣлгородъ и другія укрѣпленія; въ поляхъ также они захватываютъ не мало добычи, такъ что теперь ни турки, ни татары не отваживаются пасти овецъ или скота такъ далеко отъ своихъ укрѣпленій, какъ прежде они пасли; также не пасутъ скота нигдѣ (и) по той сторонѣ Днѣпра на протяженіи 10 миль (отъ днѣпровскаго берега). Козаки насъ наибольше и ссорятъ съ турками да и татары говорятъ, что если-бы не козаки, то у насъ съ ними (татарами) никогда не было бы вражды. Но татарамъ не нужно вѣрить; хорошо, чтобы были козаки; но нужно, чтобы они подчинены были уряду и получали жалованье; пусть-бы они тамъ постоянно находились, на днѣпровскихъ островахъ, изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если-бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то и самое большое войско ничего-бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ острововъ есть островъ, который козаки называютъ Кохання; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, длиною въ нѣсколько миль (?). Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не съ такимъ удобствомъ переправляются на нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ кременчуцкій и кучманскій броды, которыми оно обыкновенно переправлялось. Недалеко отъ этого острова есть другой, Хортица,—тотъ самый, на которомъ нѣсколько прежде пребывалъ Вишневецкій. Пока Вишневецкій былъ тамъ, то татары не осмѣливались такъ часто вторгаться къ намъ, потому что присутствіе его служило имъ большой помѣхой. Есть и третій островъ—Томаковка, на которомъ больше всего проживаетъ низовыхъ козаковъ, такъ что онъ служитъ имъ главною твердынею (zamek).

Есть много и другихъ меньшихъ острововъ, и еслибы на нихъ построить замки и осадить поселенія, то не отваживались-бы татары такъ часто врываться къ намъ. Но мы въ Самборѣ (?) предпочитаемъ отъ нихъ защищаться. Со стороны рѣки также никто не могъ-бы никакого вреда причинить въ тѣхъ мѣстахъ, потому что со стороны моря никакія галеры, ни баты не могутъ подниматься по Днѣпру по причинѣ пороговъ, которымъ самъ Богъ опредѣлилъ быть тамъ, и еслибы не они, то тѣ края давно-бы навѣстили турки. Козаки-же такъ изловчились, что тѣ пороги переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ, называемыхъ у нихъ чайками,—переплываютъ, при помощи веревокъ спускаясь внизъ и такъ-же по веревкамъ поднимаясь въ гору. Въ такихъ-же самыхъ лодкахъ прежде Русь воевала съ греческими императорами, нападая иногда на самый Константинополь. И теперь козаки едва-ли не сдѣлали-бы тогоже, если-бы ихъ было такъ много. Потому-то турки и хотятъ, чтобъ этотъ край былъ пустъ и людей тамъ не умножалось, чтобы имъ безопаснѣе было въ Константинополѣ. Былъ тоже тамъ въ прежніе годы большой портъ, именно въ Бѣлгородѣ, изъ котораго въ Кипръ пшеницу изъ Подоліи возили. Теперь только черезъ тотъ городъ и черезъ Очаковъ караваны въ Москву ходятъ. Изъ Бѣлгорода въ Очаковъ идетъ широкая дорога, на которой козаки разбиваютъ часто турецкихъ купцовъ, и если желаютъ добыть языка, то достаютъ его тамъ всего скорѣе«...

Въ заключеніе Бѣльскій высказываетъ свой планъ, по которому можно бы привести въ порядокъ козаковъ; говоритъ онъ въ этомъ случаѣ со словъ своего дяди Орнишевскаго, который бывалъ гетманомъ у козаковъ, т. е. предводителемъ козачьихъ отрядовъ. Планъ состоитъ въ томъ, чтобы не только по Днѣпру, но и по его притокамъ были построены замки и осажены поселенія [1]),

Въ этой до нѣкоторой степени обстоятельной характеристикѣ начальнаго козачьяго быта существенно важно свѣдѣніе о томъ, что козаки, возвращаясь на зиму въ свои украинныя поселенія, оставляли »на зиму« стражу изъ нѣсколька сотъ человѣкъ.

Является вопросъ, не есть-ли эта стража признакъ уже организовавшагося козачества запорожскаго, обособившагося отъ ос-

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 718—719.

тальнаго украиннаго?—Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Отсутствіе запорожскаго козачества въ собственномъ, позднѣйшемъ смыслѣ этого слова можно прослѣдить, начиная съ 30-хъ годовъ XVI ст. и кончая 1574 годомъ, къ которому относится замѣтка Бѣльскаго о сторожѣ на низу. Въ 1533 году Остафій Дашковичъ на піотрковскомъ сеймѣ вносилъ извѣстное уже намъ предложеніе о защитѣ противъ татаръ на низовьяхъ Днѣпра,—ясно, что этой защиты тогда не было, а слѣд. не было и козачества запорожскаго. Не существовало это козачество и въ 50-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Хотя въ эту пору на низовьяхъ Днѣпра и появляется хортицкое укрѣпленіе, но укрѣпленіе это, построенное по иниціативѣ Дмитрія Вишневецкаго, не было постояннымъ жилищемъ козаковъ, а только временнымъ лагеремъ для козачьихъ милицій, куда вводился гарнизонъ лишь въ случаѣ надобности, большею частію на время лѣта, на зиму же такой гарнизонъ удалялся домой [1]). Вишневецкій оставилъ это укрѣпленіе въ 1558 году въ виду предстоящаго приступа татаръ, и нужно полагать, что оно было вскорѣ разрушено татарами, такъ какъ въ слѣдующемъ году на польской сторонѣ Днѣпра, »между Хортицею и Черкасами«, московскій царь хотѣлъ строить другое укрѣпленіе, которое могло-бы замѣнить прежде существовавшее хортицкое [2]).

Припомнимъ указанныя раньше королевскія грамоты, изъ которыхъ видно, что козаки, побывавъ на Запорожьи, вновь ищутъ возвращенія въ Украйну и что главными утѣснителями татаръ являются »чабанники«, угоняющіе татарскій скотъ въ украинныя поселенія; сопоставимъ съ ними два королевскіе листа 1561 г.: одинъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому о пропускѣ татарскаго посла, другой къ жителямъ городовъ Черкасъ и Канева съ приказомъ не нападать на имѣющія пройти мимо Черкасъ и Канева татарскія войска. Какъ грамоты, такъ и листы равно указываютъ, что въ то время было только одно украинное козачество, въ противномъ случаѣ король послалъ-бы и на Запорожье такого же содержанія листы, и это значилось-бы въ листахъ къ Ви-

---

[1]) Костомаровъ, »Богданъ Хмельницкій«, изд. 1870 г., т. I, стр. XXIII.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 134.

шневецкому и жителямъ Черкасъ и Канева, чего въ данномъ случаѣ не видимъ.

Тоже утверждаетъ призваніе Ивонею на помощь себѣ ополченій изъ Украйны. Будь въ 1574 г. отдѣльное запорожское козачество, Ивоня обратился бы къ нему, какъ къ своему ближайшему сосѣду, и въ такомъ случаѣ не пришло-бы въ Молдавію ополченіе изъ Украйны во главѣ семи предводителей, изъ которыхъ главныхъ было два, не выдѣлялись бы въ этомъ случаѣ и тѣ 200 брацлавянъ, которые составляли особый отрядъ съ отдѣльнымъ (не названнымъ) предводителемъ. Запорожскіе козаки явились бы къ Ивонѣ, подчиненные одному лицу, кошевому атаману. Свирчовскій, раздѣлявшій, по словамъ Бѣльскаго, съ Барсаномъ главное предводительство надъ украинными ополченіями, былъ въ этомъ случаѣ такой же гетманъ, какимъ былъ въ свое время дьякъ Ржевскій, когда къ нему пристали для похода въ Крымъ низовые козаки съ атаманомъ Млинскимъ и Михаиломъ Есковичемъ[1]), какимъ былъ въ пору своего козакованья Дмитрій Вишневецкій, какимъ бывалъ, по Бѣльскому, и дядя его Орнишевскій.

Принявъ все это въ разсчетъ, можно сказать, что стража, которая оставалась на низовьяхъ Днѣпра, при козачьихъ лодкахъ и оружіи, не служитъ признакомъ существованія организованнаго запорожскаго козачества, не представляетъ еще собою запорожской общины; она все таки состояла изъ украинныхъ козаковъ и пополнялась ими. Если и возможно установить какое либо отношеніе этой стражи къ имѣвшей сложиться запорожской общинѣ, то это была одна изъ ступеней въ процессѣ развитія украиннаго козачества, за которой слѣдовало выдѣленіе изъ него въ собственномъ смыслѣ запорожскаго козачества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Максимовичъ т. I-й, 289.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

XVI. Обратное путешествіе на родину.

Заграничный мой паспортъ былъ безсрочный, я имѣлъ право путешествовать въ чужихъ краяхъ въ теченіи пяти лѣтъ; оставалось еще болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои не ограничивали никакимъ срокомъ пребыванія моего за границей; матушка впрочемъ писала, чтобы я не заживался тамъ долго, и чѣмъ скорѣе возвращусь, тѣмъ болѣе удовольствія доставитъ ей мой пріѣздъ.

Первымъ движеніемъ моего сердца было согласоваться съ желаніями матушки, но показаться ей въ тогдашнемъ плачевномъ моемъ состояніи я не рѣшался.

Узналъ, что изъ Марсели недѣли чрезъ двѣ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе хорошо устроенный компаніей морскихъ путешествій пароходъ. Путешествіе должно было продолжаться два съ половиной года; плата за каюту перваго класса съ продовольствіемъ десять тысячъ франковъ. Плаваніе вокругъ свѣта заинтересовало меня, оно мнѣ представлялось необходимымъ развлеченіемъ; я спросилъ программу путешествія, въ которой обозначены были мѣста стоянки и вре-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

мя посѣщенія новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ странъ. Программа мнѣ понравилась, и я рѣшился на кругосвѣтное плаваніе, не смотря на отвращеніе къ долгимъ переѣздамъ моремъ.

Съ вещами присланными Натаномъ, между которыми находился и драгоцѣнный для меня портретъ Наимы, получилъ я письмо Леи. Оно дышало дружеской привязанностью, родственной любовью. Лея поняла, что пріѣхать въ Малагу я не могъ, просила не забывать ее, любить по прежнему, писать почаще.

Отъ графа П. имѣлъ извѣстія довольно благопріятныя: маркизу стало лучше, и докторъ не сомнѣвался въ скоромъ и совершенномъ его выздоровленіи. Тяжелый камень свалился съ моей совѣсти; я вздохнулъ свободнѣе, вознесъ теплую благодарственную молитву Богу: я не былъ убійцей. Въ воспоминаніе этого радостнаго событія, я далъ обѣтъ: никогда не употреблять оружія безъ особенной надобности самосохраненія, воздерживаться и воздерживать другихъ отъ дуэлей.

Въ день назначенный для взятія билета и подписанія условія на кругосвѣтное плаваніе я получилъ письмо отъ матушки. Оно было отвѣтомъ на увѣдомленіе о кончинѣ Наимы, посланное мною изъ Севильи. Матушка требовала немедленнаго моего возвращенія. Воля обожаемой мною матери была для меня священна; въ сердцѣ моемъ не было другой привязанности; при мысли о скоромъ свиданьи съ матушкой я ожилъ, окрѣпъ и, нигдѣ не останавливаясь, прибылъ въ Дрезденъ, взявъ самый краткій путь на Ліонъ, Мецъ, Мангеймъ, Франкфуртъ и Веймаръ.

Предъ отъѣздомъ изъ Марсели поблагодарилъ я письменно графа П. за добрую вѣсть о маркизѣ и написалъ длинное посланіе Леѣ, извѣстивъ ее, что возвращаюсь на родину, куда просилъ адресовать ея письма.

Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ Малаги, была и віолончель. Однажды въ Марсели вздумалось мнѣ поиграть на ней; звуки моего гварнерія сильно разстроили меня, голосъ віолончели такъ живо напомнилъ мнѣ пѣніе Наимы, что я продолжать не могъ, разбилъ драгоцѣнный инструментъ въ дребезги и затопилъ ими каминъ. Съ тѣхъ поръ никогда уже не игралъ я на віолончели.

При переѣздѣ изъ Веймара въ Дрезденъ мнѣ досталось внутреннее, среднее мѣсто въ большомъ шестимѣстномъ дилижансѣ; ѣхали тихо, какъ ѣздятъ въ Германіи. Не смотря на ноябрь, погода стояла теплая; въ дилижансѣ съ поднятыми стеклами было душно, я едва могъ дышать, не совсѣмъ зажившая рана на губѣ начинала меня безпокоить. Въ угловыхъ мѣстахъ, на лѣво, сидѣла почтенная дама, напротивъ какой-то старикъ нѣмецъ. Я попросилъ у нихъ позволенія открыть окно, они вѣжливо отвѣтили, что просятъ не отворять: у дамы болѣли зубы, старикъ кашлялъ. Я обратился къ счастливымъ обладателямъ угловыхъ мѣстъ правой стороны; рядомъ со мною сидѣлъ какой-то толстый краснощекій бюргеръ, противъ него рыжій англичанинъ. Я заявилъ о моемъ желаніи англичанину; представитель Альбіона отвѣтилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ и самъ желалъ опускать стекло, но нѣмецъ не дозволилъ; я обратился къ бюргеру и получилъ отвѣтъ, что какъ онъ сидитъ у окна, то можетъ имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и открыть не дозволитъ. Какъ ни старался я его убѣдить, что право открывать окна принадлежитъ всѣмъ путешественникамъ, а не ему одному, онъ стоялъ на своемъ и оставался непреклоненъ. Я выбилъ стекло, и свѣжій осенній воздухъ оживилъ меня. Бюргеръ былъ внѣ себя отъ негодованія, началъ кричать, остановилъ дилижансъ. Съ меня взяли за разбитое стекло, но до Дрездена оно не было вставлено. Англичанину очень понравилась моя выдумка, и онъ благодарилъ меня.

Въ Дрезденѣ я остановился въ hôtel de Saxe, въ томъ самомъ номерѣ, изъ котораго уѣхалъ съ Наимой. Хотѣлъ остаться день, другой, но заболѣлъ и прожилъ тамъ три недѣли.

Сильная боль въ груди съ кровохарканьемъ свалила меня съ ногъ; нравственное мое состояніе было еще хуже. Послалъ за Вальтеромъ; онъ мнѣ помогъ, но не хотѣлъ отпустить скоро изъ Дрездена. Ганфстенгель постоянно сидѣлъ у меня, бралъ съ собою свою работу, прилежно ею занимался, развлекая меня своими разсказами и ухаживая за мною, какъ родной. Я просилъ снять копію съ портрета Наимы, онъ исполнилъ это охотно и очень удачно. Я ее послалъ Леѣ.

Въ самомъ грустномъ, плачевномъ расположеніи духа находился я: и болѣзнь, и душевныя страданія, и нетерпѣніе возвратиться на ро-

дину терзали меня. Когда оставался одинъ, цѣлые часы проводилъ я въ самозабвеніи, не отрывая взоровъ отъ портрета Наимы, и не разъ горячія слезы струились изъ глазъ моихъ....

Однажды я легъ спать позже обыкновеннаго и долго не могъ заснуть; во снѣ или на яву вижу Наиму; съ грустной улыбкой на блѣдныхъ устахъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: благодарю, не забылъ ты меня, мой другъ; не печалься, не тужи, мы увидимся, хотя не скоро. Наима поцѣловала меня въ лобъ, то было прикосновеніе мрамора. Видѣніе исчезло.

Безсонница продолжалась, я забылся только къ свѣту. И грезится мнѣ старикъ К.; покрытый бѣлымъ саваномъ, съ сверкающими глазами; гробовымъ голосомъ спрашиваетъ меня: что сдѣлалъ ты съ Наимой? Я ему отвѣтилъ: Наима умерла.

— Ты убилъ мою Наиму, ты преждевременно свелъ въ могилу ея отца. Будь.....

— Не проклинай меня, никто не могъ любить Наиму такъ сильно, какъ я любилъ, и вѣрь мнѣ: я бы отдалъ мою жизнь, что-бы возвратить жизнь Наимы.

— Прошедшаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, но безъ кары не останешься: кого-бъ ты не полюбилъ, къ кому бы искренно, глубоко ни привязался, всѣ будутъ умирать, какъ умерла дочь моя, моя Наима. Ты отвергъ ея сына, и не будетъ у тебя сыновей.

Кровь въ жилахъ оледѣнѣла, мнѣ стало страшно; въ мгновенье, когда я хотѣлъ броситься къ К. и просить его измѣнить суровый, не справедливый приговоръ, старикъ исчезъ, бросивъ на меня взглядъ, полный ненависти.

Съ разсвѣтомъ я вновь уснулъ, и вижу третій сонъ, скорѣе третье видѣнье. То былъ сѣдой, какъ лунь старикъ, черты его лица были мнѣ знакомы, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ его я видѣлъ.

— Тебя грызетъ тоска, тебя мучитъ сомнѣнье на счетъ твоего здоровья, сказалъ онъ мнѣ. Не унывай: тяжкая потеря надолго оставитъ глубокіе слѣды въ душѣ твоей; но тѣлесныя силы вскорѣ окрѣпнутъ, ты будешь жить.

— Для чего жить, когда нѣтъ жизни въ сердцѣ? Существовать, прозябать, какая въ этомъ польза?

— Живи и надѣйся. Время врачуетъ. А жить тебѣ еще долго.

— Долго, говоришь ты?

— Ты любопытенъ, значитъ, хочешь жить; хочешь знать, долго-ли проживешь? Могу исполнить твое тайное желаніе: на твоемъ письменномъ столѣ купленный въ Амстердамѣ ящикъ съ сигарами, не такъ давно начатый; сочти сигары, и сколько ихъ будетъ, столько лѣтъ тебѣ еще жить съ завтрешняго дня.

— Благодарю за предсказанье, сигары будутъ сочтены. Скажи лишь, кто ты? Твой голосъ, твое лице мнѣ издавна знакомы.

— Если-бы ты чаще вспоминалъ обо мнѣ, еслибы слова мои, сказанныя тебѣ въ Кіевѣ, рѣзче напечатлѣлись въ твоей памяти, быть можетъ плачевное состояніе, въ которомъ ты находишься теперь, и не было-бы твоимъ удѣломъ. Прощай, не заживайся здѣсь, тебя ждетъ любящее сердце матери.

Я очнулся и вспомнилъ, что послѣднимъ видѣніемъ былъ старикъ, котораго я встрѣтилъ въ Кіевѣ, послѣ ссоры съ Каровскимъ, у развалинъ масонской ложи.

Не придавая особеннаго значенія его предсказанью, я впрочемъ пересчиталъ сигары, запечаталъ ящикъ и предположилъ выкуривать по одной сигарѣ каждый годъ въ день моего рожденія. Въ ящикѣ оставалось пятдесятъ сигаръ, мой двадцать третій годъ былъ на исходѣ.

Второе видѣнье тревожило меня. Я просилъ Ганфстенгеля справиться въ конторѣ дрезденскаго К. о его берлинскомъ родственникѣ. Вообразите мое смущеніе, мой ужасъ, когда Ганфстенгель возвратился съ отвѣтомъ, что отецъ Наимы скончался скоропостижно въ Берлинѣ, получивъ извѣстіе изъ Испаніи о смерти его младшей дочери. Страшно отозвались въ душѣ моей слова привидѣнья.

Невольно мысли мои обратились къ Наимѣ, взглядъ остановился на ея портретѣ, и первое видѣнье предстало воображенію моему; возобновились въ памяти, въ сердцѣ моемъ, дни счастья и любви, вселилась въ душу твердая надежда на свиданіе за гробомъ.

Молодость вскорѣ осилила болѣзнь. Оправившись, я остался еще нѣсколько дней въ Дрезденѣ, совершалъ отдаленныя прогулки по совѣту доктора Вальтера и познакомился со многими русскими путешественниками, въ числѣ которыхъ находился художникъ Рамазановъ, пріѣхавшій въ Дрезденъ изъ Петербурга съ Бальзакомъ. Чрезъ Позенъ я отправился въ Варшаву. Въ Познани разсказывали о выстрѣлахъ сдѣланныхъ въ экипажъ государя Николая Павловича при обратномъ его путешествіи изъ Берлина. Темная исторія; злоумышленники никогда не были открыты.

Въ Варшавѣ я остался три дня, остановился въ Европейской гостинницѣ. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, слышу въ сосѣднемъ номерѣ звуки гитары и мотивъ испанскаго танца: *ола.* Заинтересованный въ высшей степени, призываю служителя, чтобы узнать, кто квартируетъ рядомъ со мною. Сосѣдкой оказывается Лола Монтесъ. Я немедленно отправился къ ней. Лола была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: утромъ на репетиціи она дала пощечину оберъ-полицмейстеру Абрамовичу, завѣдывавшему варшавскими театрами, и князь намѣстникъ, какъ звали Паскевича, приказалъ ей выѣхать въ 24 часа изъ Варшавы за границу. Лола Монтесъ тотчасъ меня узнала, очень мнѣ обрадовалась, повеселѣла, и мы въ двоемъ провели весь вечеръ; вспоминали о Листѣ, о Берлинѣ; Лола разсказала нѣсколько новыхъ эпизодовъ изъ своей обильной приключеніями жизни, много говорили объ Испаніи... Утромъ Лола отправилась въ Берлинъ, я въ Кіевъ. Хороша была она; но дикая, необузданная, страстная натура, излишняя свобода въ обращеніи, нахальство, доходившее до невѣроятія, дѣлали ее сиреной опасной для неопытныхъ молодыхъ людей и въ особенности для старцевъ ловеласовъ.

Варшава не произвела на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія; городъ грязный, но довольно оживленный. Варшавянки не дурны собою, развязны, кокетливы и, говорятъ, не очень строгихъ нравовъ.

Утомленный ѣздой на почтовыхъ, отъ Кременца до Кіева я нанялъ еврея, у котораго былъ рессорный крытый экипажъ, по мѣстному названію: кочь-карета. Полякъ, помѣщикъ волынской губерніи Д., былъ моимъ попутчикомъ. Я съ нимъ много говорилъ и въ качествѣ больного дремалъ постоянно, начиналъ жить воспоминаніями.

За Кременцомъ, верстахъ въ тридцати, еврей заѣхалъ въ корчму, чтобы напоить лошадей; попутчикъ мой отправился въ корчму, я оставался въ экипажѣ. Подъѣхала тройка съ колокольчикомъ, изъ повозки выскочилъ чиновникъ съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. Онъ вошелъ въ корчму, потомъ подошелъ ко мнѣ и на польскомъ языкѣ спросилъ мой паспортъ. Окончаніе моей фамиліи на-*цкій* дало ему поводъ принять меня за поляка. Чиновникъ начинаетъ говорить, что паспортъ у меня *кепскій* и что дальше я ѣхать не могу. Это меня крайне удивило; я отвѣтилъ по польски, что паспортъ мой въ порядкѣ, вездѣ визированъ и даже прописанъ въ Варшавѣ; чиновникъ ушелъ. Является еврей и объявляетъ, что становой приставъ приказалъ отпречь лошадей и требуетъ меня для объясненій. Внѣ себя отъ негодованія, я объяснился съ нимъ на такомъ чисто русскомъ языкѣ и такими энергическими выраженіями, которыя не представляли никакого сомнѣнія въ моей національности; упомянулъ и о Бибиковѣ. Объясненія мои такъ подѣйствовали на станового, что онъ началъ извиняться, тотчасъ отдалъ мнѣ паспортъ и велѣлъ запрягать нашихъ лошадей. Могущественное вліяніе полиціи въ юго-западномъ краѣ было такъ велико, что ни отъ извощика, ни отъ еврея, содержавшаго корчму, я не могъ узнать фамилію становаго. Попутчикъ мой сталъ обращаться со мною съ большимъ подобострастіемъ, услыхавъ, что я знакомъ съ Бибиковымъ, и увидавъ, что могу, не откупаясь, отдѣлываться грозными фразами отъ несправедливыхъ требованій полиціи.

Безъ всякихъ приключеній, благополучно прибылъ я въ Кіевъ. Помѣщикъ Д. поручалъ себя моей памяти и просилъ протекціи. Я имѣлъ возможность оказать ему позже нѣкоторыя услуги.

Въ Кіевѣ я пробылъ недолго. Посѣтилъ дядю Лукашевича на его дачѣ. Тетушка скончалась во время моего путешествія. Извѣстіе о ея кончинѣ я получилъ, уѣзжая изъ Дрездена съ Наимою; дядя, извѣщая о смерти тетушки, въ письмѣ своемъ просилъ меня возвратиться немедленно въ Кіевъ, имѣя намѣреніе передать мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ недвижимое свое имѣніе въ полтавской губерніи. Но изъ за сдѣлки этой я не могъ разстаться съ Наимою въ первое время моего съ нею сближенія; отвѣтилъ дядѣ благодарностью и просьбою подо-

ждать моего возвращенія или обратиться къ моему отцу по этому дѣлу. Дальнѣйшей переписки не послѣдовало. Дядя Платонъ Яковлевичъ былъ очень радъ моему возвращенію, принялъ меня со слезами на глазахъ и выразилъ большое сожалѣніе, что я опоздалъ. Оказалось, что за двѣ недѣли до моего прибытія въ Кинь-грусть, дядя, удрученный годами и болѣзнію и обремененный долгами, передалъ свое имѣніе другому племяннику Ивану Яковлевичу Лукашевичу, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя уплату всѣхъ долговъ и давалъ дядѣ пожизненное содержаніе въ четыре тысячи рублей въ годъ.

Этого племянника тетушка терпѣть не могла, да и дядя не очень любилъ. Обезображенный до нельзя оспой, дурно воспитанный, грубый и скупой до невѣроятія, Иванъ Яковлевичъ былъ въ высшей степени антипатиченъ, но имѣлъ громадное состояніе и живя постоянно въ деревнѣ, пользовался въ своемъ околоткѣ извѣстнымъ почетомъ. Домъ въ Кіевѣ и дачу Кинь-грусть тетушка оставила въ пожизненное владѣніе дяди, а по смерти его завѣщала своимъ племянницамъ Гинцъ.

Хотя имѣніе дяди и было довольно значительное, но уплата долговъ и выплата содержанія могли-бы поставить меня въ затруднительное положеніе: хозяйственными дѣлами я никогда не занимался и не имѣлъ къ нимъ наклонности. Признаюсь, я былъ отчасти радъ, что сдѣлка эта не состоялась въ мою пользу; стяжательность и разсчетливость никогда не были моимъ удѣломъ. Притомъ надъ совѣстью моею тяготѣлъ долгъ довольно значительный по тогдашнему моему положенію. Я считалъ себя обязаннымъ возвратить Леѣ десять тысячъ талеровъ, подаренныхъ ею Наимѣ и издержанныхъ нами, упоминалъ объ этомъ Леѣ въ одномъ изъ писемъ; она отвѣтила, что никогда не приметъ отъ меня денегъ, данныхъ на путешествіе и гардеробъ сестры; тѣмъ не менѣе требованіе совѣсти возлагало на меня обязанность разсчитаться съ Леей рано или поздно. Поэтому принять на себя еще долги дяди, хотя и обезпеченные имѣніемъ, казалось мнѣ дѣломъ очень рискованнымъ.

Въ Кіевѣ я поѣхалъ къ Димитрію Гавриловичу Бибикову. Былъ принятъ очень благосклонно. Просидѣлъ у него болѣе часу. Расспрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о моихъ путешествіяхъ и о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой Кюстина la Kupie et les Kupes;

остался очень доволенъ моими разсказами. При прощаньи спросилъ, что располагаю дѣлать и не желаю-ли поступить на службу. Я ему отвѣтилъ, что ѣду въ деревню и переговоривъ съ отцемъ и матушкой, приму рѣшеніе, согласное ихъ желаніямъ.

Служить слѣдуетъ, возразилъ Бибиковъ, пожимая мнѣ руку: захотите служить въ Кіевѣ —милости просимъ. Кланяйтесь батюшкѣ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣтила меня матушка послѣ долгой разлуки. Отца не было дома, онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ по своимъ предводительскимъ дѣламъ.

Сестры Софія и Марія, окончивъ воспитаніе въ полтавскомъ институтѣ, были съ матушкой. Я ихъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ нихъ большую перемѣну къ лучшему. Болѣе другихъ любилъ я сестру Софію Димитріевну Бразоль, за ея доброе сердце, притомъ она была похожа на матушку.

Помолившись въ образной, въ спальнѣ моей матери, я разсказалъ матушкѣ мои отношенія къ Наимѣ. Все утро мы провели вмѣстѣ; счастливыя и печальныя воспоминанія давали пищу откровенному разговору. Къ обѣду возвратился отецъ и обошелся со мною очень ласково.

Отецъ мой былъ занятъ хозяйствомъ и дѣлами по должности; всѣ собирались, какъ водится въ деревнѣ, къ утрешнему и вечернему чаю и къ обѣду. Утро я всегда проводилъ въ бесѣдѣ съ матушкой, и чѣмъ дальше говорили мы другъ съ другомъ, тѣмъ больше убѣждался я въ высокихъ нравственныхъ качествахъ и замѣчательномъ ея умѣ, тѣмъ сильнѣе становилась привязанность моя къ ней. Смотрѣть ей въ глаза, угадывать каждое желаніе, предупреждать всякую просьбу было для меня истиннымъ наслажденіемъ; казалось, всѣ силы моего осиротѣвшаго сердца сосредоточились на ней, и матушка была единственнымъ предметомъ нѣжности моихъ чувствъ. Съ нею одной дѣлилъ я время очень пріятно и былъ вполнѣ откровененъ.

Матушка и Софія разучили мою симфонію, играли и часто на фортепьяно въ четыре руки; я дирижировалъ, потомъ матушка исполняла одну изъ любимыхъ моихъ сонатъ Бетховена и каждый день заставляла меня импровизировать.

Усадьба наша лежитъ на большой почтовой дорогѣ на Кіевъ, не проходило дня, что-бы кто нибудь не посѣтилъ насъ; посѣщенія эти мнѣ крѣпко надоѣдали. Скучные сосѣди забрасывали меня разспросами о путешествіи; разсказывать каждому мои впечатлѣнія было утомительно, невеселое расположеніе духа и пустота деревенской болтовни заставляли меня удаляться къ себѣ во флигель, гдѣ я занимался чтеніемъ и приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Настали рождественскія святки, сосѣди стали учащать, нелюбезность моя увеличивалась. Матушка могла удѣлять мнѣ не много времени и просила быть привѣтливѣе съ посѣтителями. Какъ ни старался я исполнить ея желаніе, удавалось не всегда. Наконецъ и мы въ свою очередь должны были сдѣлать нѣсколько визитовъ. Всѣ были для меня невыносимо скучны, къ счастію посѣщенія ограничивались поѣздками на одинъ день къ ближайшимъ сосѣдямъ. На праздникахъ мы всѣ поѣхали въ Яготинъ къ князю Николаю Григорьевичу Репнину. Мои воротились въ тотъ же день, я провелъ тамъ нѣсколько дней.

Послѣ долговременнаго пребыванія за границей, Репнины: князь съ княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной поселились въ Яготинѣ. Тамъ-же жилъ тогда и сынъ князя, Василій Николаевичъ, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна. Князь Николай Григорьевичъ (Волконскій), внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявшій въ родѣ по женскому колѣну фамилію Репниныхъ, былъ еще очень бодръ и обладалъ необыкновенною памятью. Отлично образованный, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный, онъ занималъ важный постъ вице-короля Саксоніи послѣ отечественной войны и потомъ долгое время былъ генералъ-губернаторомъ малороссійскимъ.

Управляя Саксоніей, получалъ очень ограниченное содержаніе и издержалъ на представительство болѣе милліона ассигнаціонныхъ рублей изъ своихъ средствъ, вслѣдствіе чего вошелъ въ значительные долги. Обѣщано было уплатить изъ казны издержанные Репнинымъ деньги, но по необъяснимому великодушію мы не брали контрибуцій, не взыскивали военныхъ издержекъ, и суммы, издержанныя Репнинымъ, не были

возвращены. Въ царствованіе государя Николая Павловича, въ тридцатыхъ годахъ, по доносу сдѣланному Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, Репнинъ былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, на имѣніе его наложено запрещеніе, назначено слѣдствіе, обвиняли князя въ незаконномъ расходованіи казенныхъ денегъ.—Долги росли, одно изъ значительныхъ имѣній князя продано съ публичнаго торга (Почепъ, купленный Клейнмихелемъ), въ концѣ концевъ оказалось, что князь былъ виновенъ въ неправильномъ позаимствованіи изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія девятнадцати тысячъ рублей для окончанія постройки полтавскаго института. Между тѣмъ дѣло длившееся около десяти лѣтъ совершенно его разорило, и еслибы не состояніе, довольно значительное, княгини, князь былъ-бы лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію.

Князь Николай Григорьевичъ, знавашій меня еще ребенкомъ, посѣщая часто нашъ домъ по пути изъ Повисовъ въ Яготинъ, принялъ меня въ высшей степени любезно и я провелъ у него два дня въ постоянныхъ разговорахъ, по большей части, съ старикомъ княземъ въ кабинетѣ. Не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ-бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ. Любилъ вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостяхъ, которыхъ былъ жертвой; единственнымъ проявленіемъ его неудовольствія въ этомъ отношеніи была раздача добрымъ знакомымъ портретовъ императоровъ изъ его обширной и замѣчательной картинной галлереи. Между прочимъ, портретъ Александра I-го во весь ростъ. превосходная копія Доу, достался моему отцу, особенно предавному памяти Благословеннаго.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами, не могла скрывать своего негодованія на неблагодарность къ заслугамъ ея отца. Вспыхивала, какъ порохъ, при малѣйшемъ намекѣ на дѣла минувшихъ лѣтъ, но добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибѣгавшихъ къ ея помощи и совѣту.

Изъ посторонних въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванію. Средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, рябой, съ мутными карыми, неглупыми глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная. Какъ живописецъ, онъ мало извѣстенъ: рисовалъ довольно посредственно; какъ поэтъ былъ замѣчателенъ чистотою малороссійскаго языка, плавнымъ, мѣрнымъ стихомъ, звучными строфами, задушевнымъ чувствомъ, мягкою сердечностью; его Кобзарь, въ особенности его Катерина можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Но въ Гайдамакахъ Шевченкѣ недоставало священного огня, проявленія страсти, широкой кисти, увлекательнаго дѣйствія, характеризующихъ историческую драму.

Какъ человѣкъ..., но de mortuis aut bene, aut nihil, въ особенности принимая во вниманіе тяжкую судьбу, постигшую несчастнаго поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чая въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репниными, съ княжной, заставляли Шевченку читать Катерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано. Ко мнѣ обыкновенно приходилъ Фишеръ и Шевченко, болтали до поздней ночи. Разсказы Фишера были очень интересны; онъ ѣздилъ въ Египетъ, на мысъ Доброй Надежды и знакомилъ насъ съ этими отдаленными странами.

Шевченко говорилъ о своемъ прошедшемъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ настоящимъ.

Уроженецъ кіевской губерніи, Шевченко принадлежалъ къ семейству крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщика Э. Въ былое время помѣщики отправляли крѣпостныхъ мальчиковъ въ Петербургъ для изученія какого нибудь ремесла. На долю Шевченка выпало малярное искусство; мальчикъ вскорѣ оказалъ такіе успѣхи, что его опредѣлили въ ака-

демію художествъ, и живопись сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Онъ рисовалъ портреты. Какой-то генералъ заказалъ ему свой портретъ за сто рублей ассигнаціями. Портретъ, нарисованный Шевченкомъ, не понравился заказчику; генералъ предлагалъ впрочемъ взять портретъ за половину цѣны. Шевченко обидѣлся и не согласился; замѣнивъ мундиръ и эполеты бѣлой рубахой, онъ сдѣлалъ изъ портрета генерала вывѣску цирульника. Генералъ, проѣзжая однажды мимо цирульни, увидѣлъ себѣ на вывѣскѣ и пришелъ въ сильное негодованіе. Помѣщикъ Э. случился въ то время въ Петербургѣ; генералъ просилъ его продать ему Шевченку, предлагая двѣ тысячи рублей. Э. согласился. Шевченко писалъ уже стихи и былъ нѣсколько извѣстенъ Жуковскому. Видя неминуемую бѣду, Шевченко обратился къ знаменитому поэту. Жуковскій доложилъ императрицѣ о горькой участи Шевченки. Э—ду заплатили требуемый выкупъ и, по милости государыни, Шевченко былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Выкупъ былъ сдѣланъ посредствомъ розыгрыша въ лотерею портрета Жуковскаго, написаннаго по этому случаю Брюловымъ; нѣтъ надобности упоминать, что императрица взяла всѣ билеты. Какъ ни была черства душа челоаѣка, она должна была проникнуться священной благодарностью, и чѣмъ болѣе безобразія представляло крѣпостное право, тѣмъ глубже, *тѣмъ сильнѣе* должна была быть благодарность за освобожденіе; увидимъ далѣе, какъ поступилъ Шевченко въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько разъ игралъ я на фортепьяно въ Яготинѣ, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мнѣ написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетомъ избрали Мазепу. Сюжетъ для оперы дѣйствительно богатый. Много драматизма, дѣйствія, разнородные элементы: велико и малорусскій, шведскій, польскій. Но въ разработкѣ драмы и въ языкѣ либретто мы расходились. Всѣ стояли за личность Мазепы и хотѣли представить его поборникомъ свободы въ борьбѣ съ деспотизмомъ Петра. Хотя Петръ никогда не былъ моимъ героемъ, но въ дѣйствіяхъ Мазепы я не находилъ также ничего героическаго и желалъ представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ пылу спора у меня сорвалось слово: измѣнникъ, и мы чуть-чуть изъ за этого не разсорились. Варвара Ни-

колаевна и Шевченко хотѣли, чтобы либретто было написано на малорусскомъ язытѣ, я былъ противоположнаго мнѣнія и увѣрялъ, что Шевченко владѣетъ на столько русскимъ языкомъ, что хорошо напишетъ либретто; если писать оперу, говорилъ я, такъ писать оперу серьозную и на языкѣ обще-доступномъ, а не какую нибудь Наталку-Полтавку. Каждый остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ дѣло и кончилось въ Яготинѣ.

Огромный деревянный яготинскій домъ, окруженный паркомъ въ полтораста десятинъ, съ закругленною рѣкой, представлялъ удобное и вполнѣ барское помѣщеніе. Исторія этого дома очень занимательна. Онъ былъ построенъ въ Кіевѣ гетманомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, на Печерскѣ, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ бывшему гетману кіевскій комендантъ и докладываетъ ему, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя чрезъ Кіевъ въ Турцію, и проситъ позволенія назначить въ домѣ Разумовскаго временный постой, наравнѣ съ другими обывателями. Кирилло Григорьевичъ изъявляетъ согласіе, но потомъ раздумался; пишетъ приказъ въ Яготинъ, чтобы немедленно выслали въ Кіевъ три тысячи подводъ и столько же крестьянъ съ топорами. Въ нѣсколько дней домъ былъ разобранъ и перевезенъ въ Яготинъ. Неправда-ли, оригинальный способъ избавиться отъ постоя? Домъ, какъ былъ, такъ и поставленъ въ Яготинѣ, а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля Разумовскій подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству.

Ѣздилъ я потомъ въ Дехтяри, помѣстье Петра Григорьевича Галагана. Онъ былъ женатъ на Софіи Александровнѣ К., сестрѣ мужа моей кузины, о которой упоминалъ выше. Петръ Григорьевичъ былъ еще не старый, но болѣзненный человѣкъ, типъ богатаго малороссійскаго помѣщика, получившаго порядочное образованіе въ прежнее время. Софія Александровна была премилая и въ высшей степени любезная женщина. Громадный барскій домъ, великолѣпный садъ съ огромными оранжереями, безчисленною прислугою, большой и превосходный оркестръ дѣлали Дехтяри однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Малороссіи. Капельмейстеромъ былъ нѣмецъ Краузе, отличный музыкантъ; первая

скрипка: крѣпостной Артемъ, проживвшій три года въ Дрезденѣ; онъ бралъ уроки на счетъ барина у Липинскаго; другіе солисты были также очень недурны. Очень отчетливо исполнили двѣ Бетховенскія симфоніи, сыграли хорошо и мою, а также нѣсколько увертюръ. Краузе хвалилъ мои произведенія, но какъ опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ измѣнить оркестровку въ двухъ мѣстахъ моей симфоніи, что я тутъ-же и сдѣлалъ; эффектъ дѣйствительно былъ лучше прежняго. Разговорились мы какъ то съ Петромъ Григорьевичемъ о музыкѣ и объ окрестныхъ оркестрахъ. Я назвалъ Тарновскаго, Григорія Степановича.

Его оркестръ, сказалъ мнѣ Петръ Григорьевичъ, гораздо хуже моего, инструменты плохіе, капельмейстеромъ свой крѣпостной, да и самъ Григорій Степановичъ ни чего не смыслитъ въ музыкѣ, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, ничему не учился. Ѣздилъ именно Тарновскій за границу лѣчиться, ни съ кѣмъ не могъ объясняться, и вообразите, претендуетъ, что его вездѣ принимали за турка; гдѣ ему дураку быть туркомъ. Насмѣшилъ меня Петръ Григорьевичъ своею антипатіей къ Тарновскому. Оказалось, что они соперничали во всемъ, но Галаганъ стоялъ несравненно выше своего сосѣда, съ которымъ мнѣ суждено было вскорѣ познакомиться.

У родственницы нашей Татьяны Густавовны Волховской въ день ея именинъ 12-го января бывалъ всегда пиръ горой. Старушка не имѣла дѣтей и прямыхъ наслѣдниковъ, жила открыто и издерживала всѣ свои доходы, довольно значительные—на пріемы, содержаніе огромнаго сада и большого дома. Доморощенный, многочисленный, но плохой оркестръ, отличный хоръ пѣвчихъ, пополняемый мужской и женской прислугой, дворня, состоявшая изъ полутораста человѣкъ, старая нѣмка Каролина Антоновна, разливавшая чай, вотъ обстановка Татьяны Густавовны.

Въ большіе праздники всегда бывало много гостей въ Мосевкѣ, помѣстьѣ Волховской, но къ 12 января съѣзжались не только ближайшіе сосѣди, но изъ дальныхъ мѣстностей всѣ ея знакомые. Собирались обыкновенно наканунѣ и проводили дня три, четыре у гостепріимной хозяйки.

На перепутьи къ намъ заѣзжали также многіе, въ томъ числѣ и Григорій Степановичъ Тарновскій съ супругой Анной Дмитріевной, рожденной Алексѣевой, внучатой сестрой моего отца, и съ племянницей Анны Дмитріевны, дѣвицей Троциной.

Григорій Степановичъ человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, но бодрый, сухой, высокій, съ огромнымъ ястребинымъ носомъ и маленькими глазами, былъ типомъ мѣщанина. Толстая золотая цѣпочка для часовъ, спускавшаяся съ шеи по жилету, брилліантовыя запонки, кольца съ драгоцѣнными камнями были принадлежностями его повседневнаго туалета. Высокопарная рѣчь, по большей части безсмысленная, сознаніе своего достоинства, въ существѣ заключавшагося только въ богатствѣ и званіи камеръ-юнкера, пріобрѣтенномъ въ 60 лѣтъ не большими пожертвованіями, но сытными обѣдами въ Петербургѣ, посягательство на остроуміе, состоявшее въ предложеніи къ разрѣшенію общеизвѣстныхъ и избитыхъ загадокъ и шарадъ, претензіи на меценатство, ограничивавшееся приглашеніемъ двухъ, трехъ артистовъ на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ имъ бывало не всегда удобно и пріятно, скупость, доходившая до скряжничества, при желаніи блеснуть и поразить роскошью, вотъ характеристическія черты Григорія Степановича.

Анна Дмитріевна была толстая, неуклюжая, молчаливая, но добрая и въ высшей степени благородная женщина. Особеннымъ умомъ она также не отличалась, недостатокъ этотъ впрочемъ пополнялся обходительностью, благодушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Старики Тарновскіе жили постоянно какъ голубки, дѣтей у нихъ не было. Они приняли въ домъ, какъ дочь, родную племянницу и крестницу Анны Дмитріевны, Анну Елисѣевну Троцину. Григорій Степановичъ давно передалъ Аннѣ Дмитріевнѣ по купчей крѣпости четыре тысячи душъ лучшаго своего состоянія, у Анны Дмитріевны было также порядочное имѣніе и множество брилліантовъ; все это предназначалось Аннѣ Елисѣевнѣ. Анна Елисѣевна была не хороша собою, но слыла не глупой, скромной и доброй дѣвушкою, получила порядочное домашнее образованіе, такое, какое могутъ дать богатые люди за деньги, не приложивъ къ тому ни надлежащаго личнаго надзора, ни необходимаго руководства и направленія.

Достаточно было легкаго намека моего отца, что Анна Елисѣевна превосходная партія и что не мѣшало-бы мнѣ заслужить ея вниманіе, дабы оттолкнуть меня отъ этой дѣвицы и ея родныхъ.

Съ Анной Дмитріевной я былъ еще довольно любезенъ по родству и по неисчерпаемому ея добродушію; съ Анной Елисѣевной говорилъ очень мало, а Григорій Степановичъ до того дѣйствовалъ на мои нервы, что я съ трудомъ могъ его переносить. У себя я былъ очень вѣжливъ и ни въ чемъ ему не противорѣчилъ; но что было отложено изъ уваженія къ гостю, то съ избыткомъ вознаграждено въ Мосевкѣ, куда отправились мы всѣ вмѣстѣ 11 января.

Началось съ литературы. Тарновскій, какъ попугай, заучилъ нѣсколько фразъ, когда-то и отъ кого-то слышанныхъ, но совершенно превратно толковалъ ихъ смыслъ; я конечно не оставилъ его безъ возраженій. Перешли къ музыкѣ: Григорій Степановичъ сожалѣлъ, что я, посѣтивъ Галагана, не пріѣхалъ къ нему послушать его оркестръ; я извинился недостаткомъ времени. Зашла рѣчь объ италіянской музыкѣ, потомъ о нѣмецкой: тутъ Тарновскій понесъ такую дичь, что я помиралъ со смѣху и разсмѣшилъ моими замѣчаніями многочисленный кружокъ собравшійся около насъ. Наконецъ Тарновскій перешелъ къ русской музыкѣ, считая себя на твердой почвѣ, по близкому знакомству съ Глинкой, гостившимъ у него въ деревнѣ въ теченіи цѣлаго лѣта. И говорить нечего, что Тарновскій считалъ Глинку непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлѣ музыки и геніальнымъ композиторомъ. Отдавая полную справедливость таланту Глинки, я находилъ много недостатковъ въ его „Жизни за Царя“ и имѣлъ неосторожность сказать, что произведеніе это, изобилуя многими превосходными мѣстами, глубокой ученостью и нѣсколькими пѣвучими мелодіями, въ общемъ представляетъ что-то непослѣдовательное, несвязное, неоконченное, что опера лишена драматизма, монотонна и скучна.

Негодованію Григорія Степановича не было конца, но оно дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на объясненіе его, какъ сочинялъ Глинка при немъ нѣкоторые номера и потомъ отправлялъ къ Розену для написанія къ нимъ стиховъ, я возразилъ, что въ томъ и состоитъ отчасти ошибка Глинки, такъ какъ никто не пишетъ оперъ, подбирая стихи

подъ музыку, а обыкновенно пишутъ музыку къ либретто и способъ композиціи избранный Глинкою подтверждаетъ сказанное мною о недостаткахъ „Жизни за Царя“.

Кончилось тѣмъ, что мы разстались не совсѣмъ дружелюбно: Григорій Степановичъ не вступалъ болѣе въ разговоръ со мною, но счелъ своею обязанностью пожаловаться на меня моей матушкѣ. Матушка желавшая, чтобы всѣ любили меня, была этимъ огорчена и просила не раздражать Григорія Степановича и обходиться какъ съ нимъ, такъ и со всѣми какъ можно любезнѣе. Достаточно было одного слова моей матушки, чтобы я исполнилъ ея желаніе; старался казаться веселымъ, болталъ съ дамами, пригласилъ даже на кадриль Анну Елисѣевну, не смотря на сильную къ ней антипатію.

Послѣ бала, продолжавшагося три дня въ Мосевкѣ, и пріема гостей у насъ, при обратномъ ихъ путешествіи, пробывъ еще нѣсколько дней дома, я отправился въ Кіевъ вслѣдствіе настоятельной просьбы матушки, желавшей, чтобы я не уѣзжалъ далеко отъ нея и поступилъ-бы на службу, не теряя времени. Меня влекло въ Одессу, къ Воронцову, но я долженъ былъ уступить желанію матушки и рѣшился избрать новое поприще для службы въ Кіевѣ. Судьба вновь привела меня въ этотъ городъ: какъ ни казался мнѣ Кіевъ скучнымъ и безлюднымъ, съ нимъ мирила меня мысль, что я часто буду имѣть возможность видѣться съ матушкой.

(Окончаніе главы и части слѣдуетъ).

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ.[1])

Религіозная жизнь извѣстнаго народа не можетъ развиваться иными путями, отличными отъ тѣхъ, какими совершается развитіе остальныхъ сторонъ его исторической жизни. Поэтому идеи и направленія, руководящія въ данное время жизнью общественною и политическою, непремѣнно отражаются въ событіяхъ жизни церковной. Это положеніе, примѣнимое къ исторіи каждаго народа, находитъ особенно яркое подтвержденіе въ примѣненіи къ прошлой жизни южно-русскаго племени, для котораго вѣра долгое время служила знаменемъ народности. Судьба южно-русской церкви была всегда неразрывно связана съ судьбою его народныхъ началъ, и потому эпохи торжества послѣднихъ были въ тоже время эпохами торжества первой, и наоборотъ. Аналогія эта не ограничивается лишь единствомъ ихъ внѣшней судьбы: она можетъ быть распространена и на внутренній строй жизни церковной и общественной. Какъ извѣстно, основными чертами народнаго южно-русскаго общественнаго строя были всегда стремленіе къ равноправности и къ самоуправленію и выборное начало. Я хочу показать, что тѣ-же черты были основными и для внутренняго церковнаго строя въ южной или, точнѣе, юго-западной Руси и что борьба за сохраненіе ихъ составляетъ главное содержаніе исторіи западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. Само собою разумѣется, что, во вниманіе къ условіямъ мѣста и вре-

[1]) Читано въ годичномъ собраніи Общества преподобнаго Нестора Лѣтописца, 11-го марта 1884 г.

жени, я буду избѣгать подробностей въ раскрытіи моей мысли и постараюсь ограничиться лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ избраннаго для настоящей бесѣды предмета.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ о юго-западной Руси изъ временъ XIII и первой половины XIV в.в., трудно сказать что-нибудь опредѣленное о внутреннемъ строѣ тогдашней западно-русской церкви; но группируя отрывочныя свѣдѣнія слѣдующей за тѣмъ эпохи, находимъ, что послѣдовательное развитіе организаціи церковныхъ отношеній не было здѣсь прервано татарскимъ и затѣмъ литовскимъ завоеваніемъ, но продолжалось въ духѣ тѣхъ-же началъ, какія положены были еще въ древне-русскій періодъ. Уже въ XII—XIII в.в. замѣчаемъ, что избраніе епископовъ, совершавшееся первоначально соборомъ однихъ лишь іерарховъ, подъ руководствомъ митрополита и по соизволенію великаго князя, постепенно становится дѣломъ мірянъ, представителей мѣстныхъ паствъ. Не говоримъ уже о Новгородѣ, гдѣ избраніе епископовъ принадлежало народному вѣчу, но и въ другихъ древне-русскихъ княжествахъ вошло въ обычай, что, по смерти или удаленіи епископа, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ ему преемника и посылалъ къ кіевскому митрополиту для посвященія. Впослѣдствіи въ московской Руси обычай этотъ былъ измѣненъ въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ участія въ выборѣ іерарховъ; но въ юго-западной Руси, еще до отдѣленія ея отъ московской митрополіи, находимъ, что избраніе епископовъ совершалось по прежнему обычаю, т. е. не соборомъ однихъ іерарховъ, но при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего »людства« той епархіи, для которой избирался архипастырь. Когда здѣсь была учреждена впослѣдствіи отдѣльная митрополія, то тѣмъ-же порядкомъ совершалось обыкновенно избраніе и кіевскихъ митрополитовъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ составъ избирателей входили князья, бояре и »людство« не одной какой-либо епархіи, а всей митрополіи. Таже система избранія примѣнялась къ замѣщенію и другихъ степеней церковныхъ до низшихъ клириковъ включительно. Имѣются документальныя свидѣтельства, что еще въ половинѣ XVI в. архимандритовъ кіево-печерской и другихъ обителей избирали не одни старцы монастырскіе, но также князья, земяне и

бояре кіевской земли; а виленскіе мѣщане до временъ уніи сами избирали и уставляли къ своимъ городскимъ церквамъ не только священниковъ, но и діаконовъ, уставщиковъ и пономарей. То же встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западной Руси.

Избирательная система обыкновенно сближаетъ избирателей съ избираемыми и порождаетъ между ними тѣсную нравственную связь; такъ было и въ данномъ случаѣ. Не составляя изъ себя особаго, замкнутаго сословія и постоянно пополняясь членами, избранными изъ среды міранъ, западно-русское духовенство XV—XVI в.в. жило одною жизнью съ своими пасомыми, принимало видное участіе въ ихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ и въ свою очередь не устраняло міранъ отъ такого-же участія въ дѣлахъ, касавшихся предметовъ церковнаго вѣдѣнія. Пока въ литовской Руси существовали удѣльныя княжества, православные іерархи занимали почетныя мѣста въ составѣ княжескихъ »радъ« или совѣтовъ; впослѣдствіи, въ XVI в. мы видимъ ихъ членами сеймовъ различныхъ западно-русскихъ земель и воеводствъ, а по смыслу одной грамоты короля Сигизмунда I отъ 1511 г. можно заключать, что православные іерархи засѣдали даже въ генеральныхъ сеймахъ великаго княжества литовскаго. Съ другой стороны и міряне въ то время смотрѣли на церковныя дѣла какъ на нѣчто такое, что должно подлежать вѣдѣнію всѣхъ и каждаго изъ членовъ церкви, а не одной лишь іерархіи. Оказывая церкви покровительство и щедрыя благодѣянія, свѣтскіе люди того вѣка считали своимъ правомъ блюсти за церковнымъ порядкомъ и благоустройствомъ, контролировать жизнь и дѣятельность ими же избираемаго духовенства и вообще принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. И не было случая, что-бы представители церкви когда-либо протестовали противъ законности подобныхъ взглядовъ и отношеній: напротивъ, они сами допускали иногда вмѣшательство міранъ въ такія дѣла, которыя и по правиламъ церковнымъ должны принадлежать одной лишь духовной власти. Сохранились документальныя свидѣтельства о томъ, что міряне входили въ составъ *духовныхъ судовъ* не только епископскихъ, но даже митрополичьихъ, и принимали участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся собственно церковнаго управленія. Наконецъ міряне участвовали въ *церков-*

ныхъ соборахъ, которые обыкновенно были созываемы для рѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ, касавшихся всей литовско-русской митрополіи. Когда въ началѣ XV в. въ литовской Руси созрѣла мысль о необходимости имѣть здѣсь особаго, независимаго отъ Москвы митрополита, то великій литовскій князь Витовтъ не ограничился предварительнымъ совѣтомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ съ одними епископами, но, слѣдуя очевидно мѣстному обычаю, »събра вси князи литовскыхъ и русскыхъ земель, и бояръ, и вельможъ, архимандриты-же и игумени, и благоговѣйныа инокы и попы, и сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею и избраніемъ и хотѣніемъ« былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ отдѣленіи кіевской митрополіи и объ избраніи въ митрополиты Григорія Симвлака. Въ этомъ документальномъ свидѣтельствѣ поименованъ обычный составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, не измѣнившійся и во все послѣдующее время, за исключеніемъ лишь того, что съ конца XVI в. на нихъ появляются, кромѣ князей, земянъ и другихъ »зацныхъ свѣтскихъ становъ«, еще представители церковныхъ братствъ и городскихъ обществъ.

Такимъ образомъ основными чертами внутренняго строя западно-русской церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI в. нужно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Черты эти одинаково были согласны какъ съ духомъ древнихъ соборныхъ преданій православной церкви, такъ и съ характеромъ понятій и общественныхъ воззрѣній южно-русскаго народа, и при условіи дальнѣйшаго ихъ сохраненія и развитія должны были сопровождаться самыми благотворными послѣдствіями и для самой церкви, и для общества. Избирательная система по самой природѣ своей не могла не служить найболѣе вѣрнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ западно-русскую іерархію отъ вторженія въ ея среду людей недостойныхъ, такъ какъ избранію обыкновенно предшествовало »взысканіе многое« достойнаго кандидата; а постоянное и близкое участіе представителей общества въ дѣлахъ церковнаго управленія и благоустройства естественно приводило къ тѣсному единенію пастырей съ пасомыми и порождало въ послѣднихъ живое и дѣятельное участіе къ интересамъ церкви. При этихъ

условіяхъ церковь оставалась живымъ національнымъ организмомъ, дѣйствительною хранительницею духовныхъ силъ своего народа и его руководительницею въ общественномъ и политическомъ развитіи.

Къ сожалѣнію, въ самомъ государственномъ устройствѣ княжества литовскаго коренились условія, мало благопріятствовавшія дальнѣйшему развитію внутренняго строя западно-русской церкви въ указанномъ направленіи и впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, прямо содѣйствовавшія его разрушенію. Опасность заключалась не въ томъ лишь одномъ, что со времени Ягайла литовскіе государи стали послѣдователями католической вѣры. Сознавая, какую громадную силу имѣло въ ихъ государствѣ русское народное начало, князья литовскіе, за исключеніемъ развѣ грубаго фанатика Ягайла, не только постоянно относились къ православной церкви съ полною вѣротерпимостью, но часто оказывали ей покровительство и неоднократно прилагали стараніе и заботливость объ ея интересахъ. Но въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, злоупотребленіе которымъ впослѣдствіи принесло страшное зло для западно-русской церкви и привело ее къ крайнему разстройству; то было знаменитое ихъ право »*подаванья* столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. право жалованья архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. Право это, во многомъ сходное съ инвеститурой нѣмецкихъ императоровъ, всецѣло вытекало изъ феодальнаго литовско-государственнаго строя, по которому великій князь признавался верховнымъ господаремъ всѣхъ земель на территоріи княжества, а слѣдовательно и всѣхъ находившихся въ немъ имѣній и земель церковныхъ, которыя принадлежали епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и церквамъ. Такъ какъ почти всѣ церковныя должности въ литовской Руси были сопряжены съ правомъ распоряженія церковными имѣніями, часто весьма значительными, то на этомъ основаніи при замѣщеніи митрополичьей и архіерейскихъ каѳедръ, а равно настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквахъ требовалось, сверхъ избранія, еще и согласіе или утвержденіе великаго князя, каковое утвержденіе и называлось »*подаваньемъ*«. Такимъ образомъ »подаванье« не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными

имѣніями, съ которыхъ отбывалась въ пользу государства военная служба и другія повинности; и въ этомъ смыслѣ литовскіе государи именовались »подавцами хлѣбовъ духовныхъ«. Такъ понимали на Руси право подаванья даже въ эпоху уніи, когда польскіе короли многократнымъ злоупотребленіемъ этого права извратили его первоначальный смыслъ и почти отождествили его съ правомъ назначенія [1]). По мѣрѣ безпрестаннаго жалованья литовскими государями служилымъ людямъ — князьямъ, земянамъ и боярамъ — земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность, къ новымъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходило и право »подаванья« по отношенію къ находившимся на ихъ земляхъ церквамъ и монастырямъ; точно такое же право пріобрѣтали они и тогда, когда сами основывали въ своихъ имѣніяхъ новые монастыри или церкви и обезпечивали ихъ земельными надѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣльцы могли переуступать это право другимъ лицамъ посредствомъ дара, продажи, залога, аренды и проч. Этимъ путемъ право »подаванья«, первоначально принадлежавшее одному лишь верховному господарю, раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Теперь великому князю это право принадлежало лишь по отношенію къ епископскимъ каѳедрамъ и тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились или въ собственныхъ королевскихъ имѣніяхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ, еще не розданныхъ въ частныя руки. Нерѣдко король жаловалъ право »подаванья« церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ распоряженіи, не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и проч., но и цѣлымъ обществамъ того или другаго города и церковнымъ братствамъ.

Нечего и говорить о томъ, что право »подаванья« рѣшительно противорѣчило выработанному общимъ теченіемъ исторической жизни юго-западной Руси выборному началу; но въ первое

---

[1]) Авторъ знаменитаго *Апокрисиса* (изд. въ 1597—1599 г.), нисколько не отрицая королевскаго права подаванья, такъ опредѣляетъ его значеніе: »Иншая есть речъ урядъ (духовный), а иншая — добра до уряду для доброго его отправованья прилучоные. Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященью, добра зась не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даваны бываютъ« (Русская Историч. Библіотека, т. VII, ст. 1292 и далѣе).

время и сами литовскіе князья, и частныя лица, умѣренно пользовались этимъ правомъ и потому его вліяніе на церковнообщественныя отношенія было почти не замѣтно. Долѣе всего сохранилъ свою силу прежній порядокъ относительно замѣщенія высшихъ іерархическихъ степеней въ западно-русской церкви: митрополиты и епископы до начала XVI в. были избираемы по прежнимъ обычаямъ [1]), господарское-же право »подаванья« при этомъ выражалось лишь тѣмъ, что во-первыхъ безъ княжескаго разрѣшенія нельзя было приступить къ выборамъ, а во-вторыхъ князю предоставлялось утверждать новоизбраннаго. Скорѣе и легче привилось право »подаванья« въ примѣненіи къ низшимъ церковнымъ должностямъ, но и здѣсь оно не сразу вытѣснило прежній порядокъ, а само вошло въ извѣстное съ нимъ соглашеніе. Въ то время западно-русское дворянство, не только простые земяне и бояре, но и высшая знать, потомки древнихъ удѣльныхъ и литовскихъ князей, удерживали еще въ своемъ быту множество понятій и чертъ, сближавшихъ ихъ съ низшими, городскими и сельскими сословіями, имѣли одни съ ними религіозныя вѣрованія и свято чтили »стародавніе звычаи« своей народности. Они обыкновенно бывали строителями и основателями церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ, надѣляли ихъ землей и другими источниками постоянныхъ доходовъ, содержали при нихъ »шпитали« для бѣдныхъ и больныхъ, давали содержаніе церковнымъ причтамъ, защищали церкви и духовенство отъ обидъ и т. п., и въ этой заботливости о церковныхъ нуждахъ и интересахъ было фактическое оправданіе ихъ права »подаванья«. Часто случалось, что они выпрашивали у короля ту или другую церковь или монастырь, находившіеся въ его подаваньи, руководствуясь лишь благочестивымъ желаніемъ имѣть эти церкви въ своей »опекѣ и оборонѣ« и привести ихъ въ лучшее благоустройство; и король въ своихъ жалованныхъ грамотахъ иногда самъ напоминалъ подобнымъ патронамъ, что они »не маютъ отъ своихъ церквей пожит-

---

[1]) Авторъ *Апокрисиса* свидѣтельствуетъ, что еще въ его время, т. е. въ самомъ исходѣ XVI в., православные дворяне нѣкоторыхъ воеводствъ имѣли особыя королевскія грамоты, подтверждавшія ихъ право избирать себѣ духовныхъ властей. (Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1294).

ковъ никоторыхъ собѣ мети, но сами маютъ церкви Божіи всякими речьми надавати и направляти и ихъ въ опекѣ своей и оборонѣ мети« [1]). Въ такой формѣ право подаванья не противорѣчило и стариннымъ, древне-русскимъ обычаямъ, по которымъ избраніе, напримѣръ, игумена первоначально предоставлялось строителю или основателю монастыря, а позже игумена избирала братія, но утверждалъ основатель или князь [2]). Многіе общежительные монастыри, находившіеся въ королевскомъ подаваньи, какъ наприм. кіево-печерскій, кіево-михайловскій, межигорскій, еще въ XVI в. сохраняли въ своей жизни именно этотъ порядокъ: ихъ настоятели были избираемы братіей и мѣстными обывателями, а королю принадлежало лишь право утвержденія избраннаго [3]); другіе хотя и жаловались королемъ въ подаванье частнымъ лицамъ, но съ обязательствомъ подавать въ игумены человѣка »годного, хто будетъ любъ братьи, старцомъ того монастыря« [4]). Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда частные владѣльцы основывали въ своихъ имѣніяхъ общежительные монастыри, они сами предоставляли братіи избирать себѣ игуменовъ [5]). Можно думать, что и право подаванья приходскихъ церквей въ первое время не было столь абсолютнымъ, какимъ оно является впослѣдствіи. Во времена, предшествовавшія люблинской уніи, когда не существовало еще вполнѣ обязательныхъ отношеній между крупными владѣльцами и жившимъ на ихъ земляхъ населеніемъ, когда въ чертѣ ихъ владѣній существовало много мелкихъ свободныхъ собственниковъ — земянъ и бояръ, владѣльцамъ не представлялось никакой нужды, ни интереса вмѣшиваться въ приходскія дѣла всѣхъ церквей, разсѣянныхъ на ихъ территоріи. Они могли конечно брать подъ свое особое попеченіе нѣкоторые, болѣе важные монастыри или церкви, построенные и матеріально обезпеченные ими самими или ихъ предками, и интересоваться выборомъ къ нимъ священнослужите-

---

[1]) Акты западной Россіи, т. II, № 124.

[2]) Исторія р. церкви, митроп. Макарія, т. 2, стр. 100.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 14. Акты зап. Россіи, т. II, № 121 и 122.

[4]) Акты запад. Россіи, т. II, № 117.

[5]) Виленскій Археогр. Сборникъ, т. VI, № 142.

лей. Но было вѣдь много и другихъ церквей, построенныхъ самими прихожанами, священники которыхъ, въ отличіе отъ владѣльческихъ, носили въ XVI в. названіе »поповъ посполитыхъ«. Сельскія общины, тогда еще вполнѣ свободныя и пользовавшіяся даже правомъ самосуда (копные суды), также имѣли свои церкви и сами свои причты. Безъ сомнѣнія, выборъ священно-служитетелей для такихъ церквей вполнѣ принадлежалъ прихожанамъ, и если владѣлецъ принималъ въ немъ какое-либо участіе, то не болѣе, какъ только почетное, т. е. у него испрашивалось согласіе на избраніе и утвержденіе новоизбраннаго, подобно тому, какъ это практиковалось въ юго-западной Руси въ прошломъ и даже въ началѣ текущаго столѣтія.

Наиболѣе раннее указаніе о злоупотребленіи правомъ подаванья встрѣчаемъ въ актахъ извѣстнаго виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году. »Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, жаловались отцы собора, презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірской славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каѳедры и принимаютъ эти каѳедры *безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣнія и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона*«. Такъ же пріобрѣтались иногда, по словамъ соборнаго акта, и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ. Съ другой стороны соборъ жаловался, что нѣкоторые православные князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванья священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами потомъ и отнимали эти церкви у священниковъ, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея; другіе по небрежности долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ; иные приказывали священникамъ священнодѣйствовать въ ихъ церквахъ безъ благословенія архіерейскаго; еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другіе предметы церковнаго достоянія. Но изъ всего видно, что въ то время подобныя злоупотребленія частныхъ лицъ правомъ подаванья составляли покуда еще рѣдкіе случаи и противозаконность ихъ была сознаваема всѣми; вотъ почему соборъ могъ энергично вооружиться противъ нихъ, угрожая даже отлученіемъ за нарушеніе старинныхъ порядковъ и правилъ церковныхъ. Гораздо труднѣе было бороться противъ покупки

святительскихъ каѳедръ и другихъ духовныхъ степеней, такъ какъ продавцемъ ихъ являлся не кто иной, какъ самъ »верховный подавца хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. король. Все, что могъ предпринять соборъ противъ этого страшнаго злоупотребленія, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: »никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ-ли, или игуменъ, или священникъ, или міряникъ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, и на епископство и на всякій священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять, а ставить на эти степени только достойныхъ; а за недостойнаго если и господарь будетъ ходатайствовать, въ такомъ случаѣ всѣмъ намъ епископамъ съ митрополитомъ пойти къ господарю и объявить недостоинство того недостойнаго, не дерзая отнюдь давать таковому посвященіе«. А если кто-либо изъ насъ, или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или скупости, захотятъ преступить эту заповѣдь и за нее не пострадать, тѣ да будутъ лишены своего сана« [1]).

Господарь, вмѣшательства котораго въ церковныя дѣла отцы собора такъ опасались, былъ Сигизмундъ I, великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій. Онъ вовсе не былъ фанатикомъ и гонителемъ православія, напротивъ это былъ умный и вполнѣ вѣротерпимый государь, оказавшій много услугъ самой западно-русской церкви. Но въ немъ были уже слабы литовско-русскія традиціи его предшественниковъ, а живя почти постоянно въ Польшѣ и обращая преимущественное вниманіе на ходъ польскихъ дѣлъ, онъ вполнѣ усвоилъ тамошніе порядки и понятія и невольно переносилъ ихъ и на дѣла литовско-русскія. Какъ извѣстно, избиратэльное начало было всегда чуждо римскокатолической церкви, основанной на противоположномъ принципѣ—строгаго единовластія. Извѣстно также и то, какъ многочисленны были разные виды симоніи, подкуповъ и искательствъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе отъ римскаго двора духовныхъ сановъ и бенефицій. Польскіе короли, подобно другимъ католическимъ государямъ Европы, вели упорную борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что

[1]) Дѣянія Виленскаго Собора.—Русск. Истор. Библіот., т. IV.

взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній и бенефицій; вмѣстѣ съ тѣмъ они обратили въ доходы государственной казны и всѣ тѣ денежные взносы, какіе прежде шли римскому двору отъ лицъ, искавшихъ церковныхъ должностей. Пользуясь столь неограниченно правомъ раздачи духовныхъ должностей въ римско-католической церкви, Сигизмундъ склоненъ былъ такъ-же широко понимать и принадлежавшее ему право подаванья по отношенію къ православной западно-русской церкви; отсюда и проистекали справедливыя опасенія отцевъ виленскаго собора. Тѣ »подкупательства подъ живыми епископами, архимандритами и священниками «, о которыхъ соборъ упоминаетъ, въ Польшѣ составляли обычное явленіе: тамъ можно было легко выхлопотать у короля грамоту на любую церковную должность еще при жизни занимающаго ее лица, съ правомъ занятія ея, когда она сдѣлается свободною; такіе преждевременные кандидаты назывались *номинатами*. Очевидно, что, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, подобныя искательства стали проникать и въ западно-русскую церковь, и какъ не энергично вооружалась противъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, православная іерархія, случаи покупки церковныхъ должностей не только не исчезли, но стали быстро увеличиваться, благодаря покровительственному отношенію къ нимъ правительства. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ извѣстно нѣсколько случаевъ подобныхъ подкупательствъ, бывшихъ именно при Сигизмундѣ I. Былъ, напр., у него писарь Михайло Васильевичъ Копти, котораго онъ посылалъ однажды въ Крымъ, чтобы расположить въ свою пользу татаръ. Исполнивъ порученіе, Копти издержалъ на это не мало собственныхъ денегъ, и воротившись къ королю, просилъ вознаградить его — и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы отцу его, пану Василію Евлашкевичу, король пожаловалъ епископскую каѳедру — луцкую или владимірскую (обѣ самыя богатыя по имѣніямъ), какая прежде станетъ праздною. И Сигизмундъ охотно исполнилъ желаніе просителя и выдалъ въ 1520 г. грамоту, въ которой объявилъ, что за вѣрную службу писаря Копти и за понесенныя имъ на службѣ издержки даетъ отцу его одну изъ названныхъ епископскихъ каѳедръ, какая прежде сдѣлается свободною, и обѣщается »тое епископьи никому иншому не

отдавати», кромѣ отца его [1]). А въ 1524 г. нѣкто Андрей Дягилевичъ изъ Кіева повѣдалъ королю, что имѣетъ намѣреніе сдѣлаться священникомъ; а такъ какъ за взятый у него товаръ ему должна быть уплачена изъ королевской казны значительная денежная сумма, то онъ просилъ, взамѣнъ этой платы, дать ему въ Кіевѣ три церкви королевскаго подаванья: межигорскую, іорданскую и рождественскую. И король охотно согласился на такую сдѣлку и отдалъ Дягилевичу три названныя церкви со всѣми имѣніями, тѣмъ болѣе что за него же ходатайствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій [2]). Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, король отнюдь не руководствовался желаніемъ намѣренно вредить православію, да едва-ли онъ и сознавалъ, что его дѣйствія подтачивали въ самомъ корнѣ главную силу церковной іерархіи и вели ее къ разстройству и деморализаціи. Такъ же точно онъ распоряжался духовными должностями и въ католичекой церкви и какъ тамъ, такъ и здѣсь прежде всего ревниво оберегалъ, какъ ему казалось, прерогативы своей верховной и заботился объ умноженіи королевскихъ доходовъ. Онъ впрочемъ допускалъ и существованіе прежнихъ выборныхъ порядковъ въ православной церкви, но ввелъ новый обычай, клонившійся къ той-же финансовой цѣли, именно: бралъ отъ православныхъ епархій и монастырей денежныя приношенія, такъ называемыя »*чолобитья*«, каждый разъ, когда утверждалъ избранныхъ ими кандидатовъ на епископскія и архимандричьи мѣста [3]); значитъ, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ церковную должность, и отъ тѣхъ, кому »подавалъ« іерарховъ. При новомъ королѣ, Сигизмундѣ-Августѣ, превосходившемъ вѣротерпимостью своего отца, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ западно-русской церкви почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія и замѣняется искательствомъ и подкупами у короля и его приближенныхъ, или же король самъ раздаетъ эти должности въ награду выслужившимся предъ нимъ лицамъ, не обращая никакого вни-

---

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 105.

[2]) Ibidem, № 110.

[3]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, №№ 105 и 112. Исторія Русск. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 193—4 и 229.

манія на нравственныя ихъ качества и вообще на степень годности ихъ къ занятію сановъ духовныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ XVI в. прежній внутренній строй западно-русской церкви если не совсѣмъ еще былъ разрушенъ, то уже сильно дезорганизованъ. Для нашей цѣли весьма важно замѣтить, что начало этой дезорганизаціи было положено въ самое по видимому благопріятное для православной церкви время, когда она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, не нарушаемымъ никакими попытками къ введенію унія, когда объ іезуитахъ въ Польшѣ и Литвѣ не было еще и помину, и наконецъ въ правленіе лучшихъ и наиболѣе вѣротерпимыхъ польско-литовскихъ государей, двухъ первыхъ Сигизмундовъ. Безспорно, оба эти государи своимъ образомъ дѣйствій не мало способствовали означенной дезорганизаціи; но видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ какую-то преднамѣренность, якобы въ видахъ систематической подготовки къ будущей уніи, какъ то обыкновенно утверждаютъ наши историки уніи, по меньшей мѣрѣ не основательно, ибо, повторяемъ, оба эти короля совершенно такъ-же поступали и по отношенію къ собственной, католической церкви.

Но что же дѣлало въ это время само западно-русское православное общество? Отчего оно не выступило на защиту старинныхъ обычаевъ и порядковъ своей народной церкви и не вооружилось противъ нововведеній, явно грозившихъ ей конечнымъ безчиніемъ и упадкомъ?— Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести вопроса, что западно-русское общество само переживало тогда переходное время и быстро приближалось къ развязкѣ давно уже зрѣвшаго въ немъ процесса, имѣвшаго составить поворотную эпоху въ его политической, общественной и бытовой жизни. Съ одной стороны оно чутко прислушивалось къ ходу событій въ сосѣдней Германіи, волновавшихъ тогда всю Европу и заставившихъ дрогнуть самую столицу католическаго міра. Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ посылали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любили ѣздить въ нѣмецкія земли и въ Швейцарію. По всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и

свободно распространялись ихъ ученія. Когда въ 1548 г. вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ, онъ приблизилъ къ себѣ виленскаго воеводу Николая Радзивилла, потомка нѣкогда православныхъ предковъ, который выступилъ горячимъ поборникомъ кальвинизма и открытымъ его покровителемъ. Примѣръ Радзивилла увлекъ за собою цѣлый рядъ знатныхъ литовско-русскихъ фамилій, за которыми потянулись и болѣе мелкіе дворянскіе роды. Въ короткое время увлеченіе протестантскими идеями сдѣлалось въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ, что рѣдкій сколько-нибудь образованный человѣкъ былъ вполнѣ отъ него свободенъ [1]). Съ другой стороны, одновременно съ этимъ умственно-религіознымъ броженіемъ, исподоволь совершался еще болѣе рѣзкій переломъ въ общественно-бытовой жизни Литвы и юго-западной Руси. Приближалась знаменитая люблинская унія (1569 г.), окончательно объединившая литовское княжество съ Польшей и открывшая эпоху полнаго господства въ немъ польскаго вліянія. Люблинская унія справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и юго-западной Руси, знаменующимъ начало кореннаго измѣненія прежде существовавшихъ здѣсь политическихъ, сословно-общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она положила конецъ существованію древне-русскихъ сельскихъ общинъ съ ихъ правомъ самосуда и свободнаго землевладѣнія, уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, до того времени чуждыхъ строгаго разграниченія и взаимно другъ съ другомъ сливавшихся, и разбила все населеніе на двѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословно-общественныя категоріи: шляхтичей и людей посполитыхъ. Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ, и усвоеніе привычекъ и формъ шляхетскаго общежитія. Подъ вліяніемъ этого въ русско-шляхетскомъ обществѣ становятся господствующими такіе пороки, какъ стремленіе къ роскоши и тщеславію и отсюда всеобщая погоня за наживой и неразборчивость въ средствахъ къ ея достиженію, сословное высокомѣріе и чрезмѣрная ревность къ охранѣ своего приви-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helwekiego w Litwie.

легированнаго положенія; отсюда презрительное отношеніе къ людямъ низшихъ сословій и нетерпимость къ малѣйшимъ проявленіямъ ихъ независимости, напр. преслѣдованіе копныхъ судовъ и другихъ освященныхъ преданіемъ древности остатковъ былыхъ крестьянскихъ правъ и свободы. Новыя сословно-шляхетскія идеи столь интенсивно дѣйствовали на умы западно-русскихъ дворянъ, что даже какъ-бы затмѣвали въ нихъ сознаніе національной ихъ индивидуальности: въ юридическихъ актахъ и другихъ памятникахъ тогдашней письменности все рѣже встрѣчается прежнее противопоставленіе »*Руси*« и »*ляховъ*«: ихъ племенное различіе какъ-бы игнорируется и они обыкновенно сливаются въ одномъ сословномъ терминѣ: »шляхта и рыцерство закону греческого и римского«. Но на дѣлѣ и это послѣднее, вѣроисповѣдное различіе постепенно теряетъ прежнюю силу: съ одной стороны тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности-же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой »русской« вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую, а съ другой то широкое распространеніе протестантскихъ идей, о которомъ выше мы упоминали, если и не могло увлечь поголовно все западно-русское дворянство, то все же значительно расшатывало прежнія его вѣрованія и порождало въ его средѣ религіозный индеферентизмъ.

Сообразивъ все вышесказанное, не трудно представить, какъ всѣ эти послѣдствія общественнаго перелома, связаннаго въ исторіи юго-западной Руси съ эпохою люблинской уніи, должны были отразиться на положеніи и судьбѣ западно-русской церкви. Прежде всего сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единеніе клира и міряпъ—представителей всѣхъ слоевъ западно-русскаго общества и парализовала ихъ совмѣстное служеніе интересамъ церкви. Самый клиръ, подъ вліяніемъ сословной идеи, распался теперь на двѣ рѣзко разграниченныя группы: высшая іерархія вмѣстѣ съ немногими представителями бѣлаго духовенства образовала изъ себя *шляхту духовного стану* и скоро совершенно слилась во всемъ съ »панами *шляхтою становъ свѣтскихъ*«, а низшее духовенство зачислено было въ ряды »*посполитого стану*« и вмѣстѣ съ нимъ обречено на жертву само-

властію со стороны »становъ шляхетскихъ«. Получая изъ рукъ помѣщиковъ приходскія мѣста, священники привыкли подчиняться имъ даже и въ такихъ дѣлахъ, которыя выходили изъ сферы собственно подданническихъ отношеній и касались прямо ихъ пастырскихъ обязанностей. И въ обществѣ, и въ средѣ самого духовенства скоро выработался принципъ: чье подаванье, тому и послушаніе поповъ. На этомъ основаніи помѣщики или даже ихъ урядники и арендаторы третировали священниковъ, какъ своихъ подданныхъ, сами и судили ихъ, сажали въ свои тюрьмы, приказывали имъ по произволу вѣнчать или расторгать браки и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ быта сельскаго духовенства, самое званіе православнаго священника пало такъ низко, что, по свидѣтельству современниковъ, порядочный человѣкъ стыдился вступать въ него, и только одно »сметье людское, голодные и неуки тиснулись« въ его ряды, понижая и безъ того невысокій нравственный его уровень до такой степени, что, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, »южъ трудно было розознати, где былъ частшій пресвитеръ: въ корчмѣ, чи въ церквѣ«. Совершенно обратно измѣнилось теперь положеніе высшаго духовенства, въ ряды котораго стали стремиться одни шляхтичи, часто представители именитыхъ фамилій. Такъ было въ то время и въ Польшѣ, гдѣ высшія духовныя должности нерѣдко служили предметомъ искательства для знатныхъ вельможъ и государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ юго-западной Руси, высшія сословія которой переживали тогда экономическій кризисъ. Вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и старались отыскать новые. Такъ какъ православныя епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, то отсюда становится понятной охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за »духовнымъ хлѣбомъ«, т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе, для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ непосредственно къ королю и на-

перерывъ другъ предъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на духовныя должности—кто за военную службу, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство прямо за деньги. Принявъ посвященіе, шляхтичи, нимало не измѣняли прежняго образа жизни и прежнихъ привычекъ и нравовъ и на каждомъ шагу попирали самымъ дерзкимъ образомъ церковныя правила и предписанія. Многіе вступали въ управленіе епархіями или монастырями, имѣя живыхъ женъ и, посвятившись, продолжали вести прежнюю семейную жизнь. Эти непризванные владыки менѣе всего склонны были заботиться о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ: все вниманіе и всѣ ихъ помыслы были поглощены одной заботой—о возможно быстромъ обогащеніи. Они устранили »крылошанъ«, т. е. соборныхъ священниковъ отъ права участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари и т. п. Не довольствуясь этимъ, владыки произвольно налагали поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не могли удовлетворять ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви. Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквями, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они просто сдавали такія церкви въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями. Въ своей частной жизни владыки ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ шляхтичей и съ излишествомъ предавались всѣмъ порокамъ, какіе распространены были среди тогдашняго русско-шляхетскаго общества.

Таковы были послѣдствія новой системы отношеній въ западнорусской церкви. Съ той поры, когда были нарушены основныя черты ея древняго, соборнаго строя, когда старинный обычай всенароднаго избранія духовныхъ пастырей мало-по-малу уступилъ мѣсто королевскому и частному »подаванью«, когда паства была устранена отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, духъ жизни сталъ угасать въ живомъ до того времени и дѣятельномъ организмѣ церковномъ и не

прошло полувѣка, какъ въ немъ обнаружились печальные признаки внутренняго разложенія: всѣ духовныя должности стали считаться не болѣе, какъ доходными мѣстами, которыя можно было купить за деньги; на архіерейскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся всякимъ порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническія правила и церковные обычаи; исчезла самая тѣнь церковной дисциплины: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица опозоренныя тягчайшими преступленіями спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; священники не хотѣли слушаться своихъ порочныхъ пастырей, предавались пьянству и больше заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помѣщикамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ; наконецъ сами пасомые, лишенные духовнаго руководительства и потерявшіе всякое довѣріе и уваженіе къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, измѣняли отцевской вѣрѣ и толпами уходили въ чужія вѣры и секты, другіе-же стали склоняться къ мысли объ уніи. При созерцаніи всего этого становится совершенно понятнымъ отчаяніе современниковъ, о которомъ въ 1591 г. львовскіе братчики увѣдомляли константинопольскаго патріарха, что многіе изъ православныхъ смущаются недоумѣніемъ: не настоитъ-ли время погибели православной церкви?

Западно-русская церковь однакожъ не погибла и была обязана своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ея соборныя преданія не были окончательно забыты западно-русскимъ обществомъ и сохранились въ чистотѣ среди низшихъ классовъ населенія. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, мысль о реформѣ церковной находила все большее число сторонниковъ; не доставало лишь соглашенія относительно того, какими средствами и во имя какихъ началъ должна быть предпринята эта реформа. Православные патроны, даже столь могущественные, какъ князь К. Острожскій, оказались безсильными не только предпринять такую реформу, но и указать путь и средства къ ней. Несравненно способнѣе и пригоднѣе къ этому дѣлу оказались западно-русскіе мѣщане, преимущественно тѣ, которые жили въ большихъ городахъ и пользовались само-

управленіемъ по магдебургскому праву. Мы уже раньше упоминали, что мѣщанскія общества многихъ городовъ и мѣстечекъ до временъ самой уніи удержали право завѣдыванія своими церквями и выбора къ нимъ священниковъ, очень дорожили этимъ правомъ и энергично отстаивали его отъ посягательствъ со стороны своихъ же архипастырей. Къ этому нужно прибавить, что мѣщане, по условіямъ быта и по самому роду торгово-промышленныхъ занятій своихъ, представляли собою достаточно развитое сословіе: многіе изъ нихъ вели торговлю съ заграничными городаим и сами часто бывали въ чужихъ земляхъ; между ними была широко распространена грамотность и кое-какое книжное образованіе, а въ средѣ мѣщанъ болѣе крупныхъ городовъ, напр. Львова, Вильны и другихъ нерѣдко встрѣчались лица, обладавшія настоящею европейскою образованностью. При всемъ этомъ западнорусское мѣщанство отличалось строгимъ консерватизмомъ во всемъ, что касалось его народности и вѣры, и не смотря на то, что мѣщане, въ силу указанныхъ условій ихъ быта, ничуть не менѣе шляхтичей подвергались дѣйствію протестантской пропаганды, между ними были довольно рѣдки случаи оставленія отцевской вѣры. Мы готовы даже допустить, что проповѣдь реформаціи нѣкоторыми ея сторонами, напр. отрицаніемъ безусловности авторитета іерархической власти, обличеніемъ злоупотребленій духовенства, а также ученіемъ о правѣ вѣрующихъ самостоятельно завѣдывать дѣлами церковныхъ общинъ и т. под., скорѣе могла оказывать полезное вліяніе на западнорусскихъ мѣщанъ, развивая и укрѣпляя въ ихъ сознаніи соотвѣтственныя начала православнаго ученія, столь же противоположныя началамъ католическимъ, и пріучая ихъ критически относиться къ дѣйствіямъ собственныхъ своихъ іерарховъ. Какъ-бы то ни было, но нельзя не признать, что западнорусское мѣщанство обладало достаточными средствами къ тому, чтобы взять на себя починъ въ дѣлѣ реформы церковной, тѣмъ болѣе, что оно имѣло у себя готовыя учрежденія, которыя могли стать первыми очагами церковнаго возрожденія: разумѣемъ церковныя братства.

Извѣстно, что братскіе мѣщанскіе союзы существовали въ нѣкоторыхъ западно-и южно-русскихъ городахъ еще съ половины XV в., но число ихъ было не велико и они носили смѣшанный характеръ:

отчасти религіозныхъ и отчасти цеховыхъ корпорацій. Но съ наступленіемъ послѣдней четверти XVI в. церковныя братства одно за другимъ появляются въ большихъ и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какія нибудь 10—15 лѣтъ образуютъ довольно густую сѣть на пространствѣ отъ Львова до Вильны и Мстиславля. Въ это же время обнаружилась недостаточность одного попеченія о матеріальныхъ нуждахъ отдѣльныхъ приходскихъ церквей, что составляло доселѣ задачу братствъ, и мѣщане стали убѣждаться въ необходимости такихъ учрежденій, которыя имѣли-бы задачей служить не своимъ только приходскимъ церквямъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Этимъ путемъ возникла мысль о непригодности прежней организаціи церковныхъ братствъ и о необходимости реформировать ихъ внутренній строй съ цѣлью приспособить ихъ къ служенію болѣе широкимъ задачамъ. Такая реформа и была осуществлена въ 1586 г. по почину, предпринятому старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, именно львовскимъ. Воспользовавшись пріѣздомъ во Львовъ антіохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ для южно-русскихъ братствъ. По смыслу новаго устава, братство не есть болѣе сословный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныя религіозно-благотворительныя цѣли, но является общецерковнымъ учрежденіемъ, задача котораго во всестороннемъ служеніи пользѣ и интересамъ всей западно-русской церкви. Поэтому братства, вопервыхъ, теряютъ прежній, полуцеховой характеръ и становятся всесословнымъ союзомъ, въ составъ котораго могли вступать и мѣщане, и знатные шляхтичи, и посполитые, и вообще люди »всякого стану«, и притомъ не одни мужчины, но и женщины; во вторыхъ, не отказываясь отъ преслѣдованія прежнихъ благотворительныхъ цѣлей, т. е. помощи церквямъ, »шпиталямъ« и вообще бѣднымъ и несчастнымъ, братства считаютъ теперь главнѣйшимъ своимъ дѣломъ: открытіе училищъ, содержаніе при нихъ ученыхъ людей, заведеніе типографій и воспитаніе въ своихъ школахъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ; и въ третьихъ, въ видахъ достиженія единства и солидарности

своихъ дѣйствій, братства организуются въ одинъ общій союзъ, въ которомъ львовскому братству дается первенство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право нѣкотораго контроля надъ ихъ дѣятельностью. Патріархъ видѣлъ, что въ лицѣ братствъ возникала на Руси новая церковно-общественная сила, могущая реформировать западно-русскую церковь, и потому не только утвердилъ новый братскій уставъ, но и съ своей стороны даровалъ имъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, братства являлись законными органами высшей церковной власти. Такъ имъ предоставлялось право: обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе, наблюдать за жизнью и нравственностью не только своихъ членовъ, но и лицъ стороннихъ, какъ міряиъ, такъ и духовныхъ, и не исправляющихся предавать церковному суду и даже подвергать отлученію; наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право надзора за дѣйствіями и поступками самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ управлялъ своей паствой не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть »противиться ему, какъ врагу истины«. Пользуясь этими полномочіями и опираясь на сочувствіе и поддержку православныхъ дворянъ, которые стали охотно вписывать свои имена въ братскіе реестры, братства настойчиво стараются простирать свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами западно-русской церкви и обуздать своевольное и безнравственное духовенство: они ставятъ архіереямъ на видъ всѣ безобразія, творившіяся тогда въ іерархической средѣ, побуждаютъ ихъ созывать ежегодно соборы, сами посылаютъ на эти соборы своихъ уполномоченныхъ и вносятъ предложенія, направленныя къ коренной церковной реформѣ и къ возстановленію древняго ея благоустройства. Такъ, напр., въ 1594 г. на брестскомъ соборѣ братскіе »послы« или депутаты внесли между прочимъ слѣдующія важныя предложенія: объ измѣненіи существовавшихъ порядковъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей и о возстановленіи древняго обычая замѣщать эти должности путемъ избранія, а равно объ учрежденіи въ юго-западной Руси постояннаго мѣстопребыванія патріаршаго экзарха или намѣстника въ видахъ усиленія надзора за жизнью и дѣятельностью высшей іерархіи.

Наконецъ, потерявъ надежду на добровольное исправленіе своихъ владыкъ, братства стали побуждать константинопольскаго патріарха къ созыву чрезвычайнаго собора для суда надъ ними.

Извѣстно, въ какія враждебныя отношенія къ церковнымъ братствамъ стали тогда многіе изъ архіересвъ, уже достаточно усвоившіе шляхетско-католическую теорію о непререкаемости авторитета власти епископской и невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла. Едва только братства обнаружили намѣреніе пользоваться предоставленными имъ отъ патріарховъ полномочіями, какъ немедленно въ средѣ архіереевъ поднялся вопль о томъ, что патріархи отняли у нихъ всю церковную власть и вручили ее простымъ хлопамъ: шевцамъ, сѣдельникамъ и кожемякамъ, что эти хлопы-братчики не только не хотятъ повиноваться епископамъ, но даже осмѣливаются вмѣшиваться въ церковное управленіе и обсуждать ихъ образъ дѣйствій, и что въ виду этого они, епископы, вынуждены что-нибудь »о собѣ промышляти«. Это »промышленіе« о себѣ западно-русскихъ архіереевъ выразилось въ томъ, что они отправились договариваться съ польскимъ правительствомъ относительно уніи и въ число главныхъ условій этого договора внесли требованіе, чтобы выданныя братствамъ патріаршія грамоты были уничтожены и чтобы братства впредь находились въ совершенномъ подчиненіи у епископовъ. Такъ самъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объяснялъ причины, побудившія его и другихъ архіереевъ приступить къ уніи, а о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ одинъ изъ современниковъ выразился, что онъ, томимый со стороны львовскаго братства, былъ-бы радъ взять въ помощь себѣ самаго дьявола, а не то что римлянъ. Архіерейское вѣроотступничество нимало не остановило начавшагося на Руси своего рода реформаціоннаго движенія: опасность, грозившая вѣрѣ и церкви со стороны владыкъ-отступниковъ, заставила мірянъ взять исключительно на себя защиту православія, и такимъ образомъ архіереи сами подали поводъ къ еще болѣе рѣшительному вмѣшательству свѣтскихъ людей въ церковныя дѣла. Заволновались церковныя братства, къ нимъ присоединились мѣщане и большинство православныхъ дворянъ, и всѣ въ одинъ голосъ протестовали противъ уніи и заявляли именемъ всего русскаго народа, что не признаютъ бо-

лѣе измѣнниковъ-архіереевъ своими пастырями. Напрасно король старался успокоить эти волненія, угрожая мѣщанамъ и убѣждая дворянъ, что они, люди свѣтскіе, не имѣютъ права даже обсуждать, а тѣмъ болѣе отвергать то, что учинено ихъ архипастырями, но должны безпрекословно слѣдовать за ними, не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ св. далъ имъ въ вожди до конца жизни. Этому, чисто католическому принципу православные противопоставляли свой, соборный принципъ и утверждали, что безъ совѣщаній соборныхъ и безъ воли и согласія свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ религіи. Вскорѣ былъ открытъ знаменитый брестскій соборъ, представляющій небывалое ни предъ тѣмъ, ни послѣ того явленіе въ церкви русской. Онъ состоялъ изъ двухъ »колъ« или отдѣленій: духовнаго и свѣтскаго, собиравшихся однако вмѣстѣ и разсуждавшихъ сообща. Коло свѣтское было несравненно многочисленнѣе духовнаго; въ его составъ входили депутаты отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также отъ церковныхъ братствъ и городскихъ общинъ, прибывшіе на соборъ съ инструкціями отъ своихъ избирателей, сходными въ двухъ главныхъ требованіяхъ: а) чтобы митрополитъ и владыки, самовольно подчинившіеся папѣ, были низложены и лишены духовнаго сана, и б) чтобы затѣянная ими унія была отвергнута. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся и самый актъ соборный, который и былъ изданъ отъ имени лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ членовъ собора.

Брестскій соборъ былъ актомъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначившимися внутри западно-русской церкви: клерикально-іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ не согласное съ духомъ православія, теперь выдѣлилось изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику— латинству; разсчитывая при его помощи достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ, оно въ свою очередь старается, въ видахъ самосохраненія, оживить и яснѣе формировать свое основное начало. Таковъ, по нашему мнѣнію, внутренній смыслъ борьбы между уніей и православіемъ, открывшейся тотчасъ послѣ брестскаго собора.

Унія стала теперь внѣшнимъ символомъ, знаменующимъ собою систему строгаго іерархическаго полновластія въ церковныхъ отношеніяхъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на самоопредѣленіе въ дѣлахъ вѣры и самоуправленіе въ дѣлахъ церкви, какъ религіозно-общественной организаціи. Эта система была не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ сферѣ церковныхъ отношеній общаго олигархически-шляхетскаго принципа, издавна господствовавшаго въ польскомъ общественномъ быту и съ успѣхомъ прививаемаго тогда на литовско-русской почвѣ; вотъ почему унія, не смотря на первоначальную малочисленность открытыхъ ея приверженцевъ и вообще негодованіе, съ какимъ встрѣчено было въ западно-русскомъ мірѣ ея появленіе, не погибла преждевременною смертью, но съ теченіемъ времени стала пріобрѣтать сочувствіе и поддержку въ средѣ той самой русской шляхты, которая такъ недавно еще клялась на брестскомъ соборѣ оказывать ей всевозможное противодѣйствіе. Наоборотъ, православіе осталось знаменемъ церковно-соборнаго строя, основаннаго на евангельской идеѣ всеобщаго равенства вѣрующихъ, какъ членовъ церкви, безъ различія ихъ званій и положеній въ ней, и по духу весьма близкаго къ тому безсословно-общинному порядку, который нѣкогда составлялъ основу общественныхъ отношеній въ южной Руси и въ то время подвергался окончательному вытѣсненію со стороны чуждаго, польско-шляхетскаго порядка; вотъ почему истинные поборники православія, полагавшіе за него свое достояніе, свободу и самую жизнь, выходили не столько изъ среды западно-русскихъ пановъ, любившихъ болѣе хвалиться титуломъ защитниковъ православной церкви, нежли въ дѣйствительности ее защищавшихъ, сколько изъ среды низшихъ сословій: мѣщанъ, низшаго духовенства и простаго народа, въ лицѣ его представителей—козаковъ.

Чтобы иллюстрировать наши положенія, обратимъ вниманіе на полемическую литературу того вѣка, уніатскую и православную, такъ какъ въ ней яснѣе формулированы тѣже основные принципы, какими обѣ стороны руководились и въ своихъ дѣйствіяхъ. Какіе-же то были принципы? Если исключить изъ полемической литературы богословскіе трактаты о догматическихъ разногласіяхъ между православіемъ и уніей, то окажется, что остальная часть полемики сводится главнымъ обра-

зомъ къ спорамъ о предѣлахъ церковно-іерархической власти и о правѣ участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такъ въ первомъ полемическомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту уніи, проводятся слѣдующія воззрѣнія: соборъ есть трибуналъ только однихъ епископовъ и кромѣ нихъ никто другой не долженъ имѣть на немъ голоса; право разсуждать объ ученіи вѣры принадлежитъ единственно высшей духовной власти, а отнюдь не мірянамъ, которые обязаны слѣпо вѣровать всему, чему учатъ ихъ пастыри; міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями своихъ пастырей, даже и тогда, когда-бы они заблуждались, ибо и въ этомъ случаѣ пасомые не освобождаются отъ обязанности безусловнаго повиновенія имъ. Въ отвѣтномъ сочиненіи православныхъ, знаменитомъ »Апокрисисѣ«, искусно опровергаются эти папистическія воззрѣнія и энергично защищаются противоположныя имъ, соборныя понятія православной церкви. Съ особенною смѣлостью авторъ »Апокрисиса« развиваетъ и защищаетъ тезисъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ усвояетъ мірянамъ въ самыхъ широкихъ границахъ право участія не только въ избраніи и судѣ надъ всѣми духовными лицами, но и въ сужденіи о догматахъ вѣры, съ правомъ голоса на соборахъ, производящихъ церковный судъ и постановляющихъ церковныя вѣроопредѣленія. Ученіе противниковъ объ обязанностяхъ пасомыхъ безъ разсужденія вѣровать всему, чему учатъ пастыри, авторъ Апокрисиса называетъ *жидовскимъ* ученіемъ, говоря, что »такое приказаніе могло выйти не отъ христіанскихъ учителей, а развѣ отъ жидовскихъ рабиновъ, которые, написавъ въ талмудѣ множество нелѣпыхъ выдумокъ, приказали жидамъ вѣрить всему этому подъ угрозою проклятія«; напротивъ, по его взгляду, пасомые имѣютъ несомнѣнное право испытывать, согласно-ли съ словомъ Божіимъ то, чему учатъ пастыри, предостерегать и вразумлять послѣднихъ, когда они заблуждаются или поступаютъ беззаконно, а въ случаѣ нужды подвергать преступныхъ іерарховъ соборному суду и приговаривать къ низложенію; »ибо, говоритъ онъ, кто имѣетъ право избирать духовныхъ, тотъ можетъ и низвергать ихъ«. Уніатскіе писатели объявили автора »Апокрисиса« еретикомъ, а его взгляды протестантскими; но тѣже воззрѣнія были повторяемы и другими, несомнѣнно православными по-

лемистами. Наконецъ, мы имѣемъ сочиненія простого южно-русскаго монаха, Іоанна Вишенскаго, подвизавшагося въ то время въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и оттуда приславшаго въ Малую Русь свои поистинѣ »соборныя« посланія. Вишенскій не былъ ученымъ богословомъ, писалъ свои посланія въ простонародномъ духѣ и безъ сомнѣнія вѣрнѣе другихъ писателей выражалъ мнѣнія и настроеніе среднихъ круговъ тогдашняго общества. Въ своихъ посланіяхъ онъ проводитъ тѣже воззрѣнія, что и авторъ »Апокрисиса«, но формулируетъ ихъ съ большею еще смѣлостью и рѣзкостью. »Да будутъ прокляты, восклицаетъ онъ, владыки, архимандриты и игумены, которіе на мѣстахъ святыхъ лежучи, гроши збираютъ, жены украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты зиждутъ, роскошь свою поганскую исполняютъ«. Онъ прямо провозглашаетъ, что »хлопы, кожемяки, сѣдельники, шевцы«, вообще міряне и простолюдины—это и есть самое тѣло церкви, имѣющее, по гласу Христову, власть »скверно-начальника (архіерея) извергнуть, осудить и даже подвергнуть отлученію«. Въ другомъ мѣстѣ онъ убѣждаетъ православныхъ: »всякого такого, который на священническій санъ не по правиламъ восходитъ, але похоти плотскія ради, имѣнія и панства самъ наскакуетъ, не пріймайте, и отъ короля даного, безъ вашого избранія, изжденѣте и прокленѣте. Лѣпше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкве ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, у церкви быти и съ тои ся ругати. Не попы бо насъ спасутъ, или владыки, или митрополиты, но вѣры нашея таинство съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ—тое насъ спасти маетъ«.

Вотъ какія понятія проповѣдывались тогда въ западно-русскомъ обществѣ ревнителями православія въ противовѣсъ клерикальнымъ тенденціямъ латино-уніатской партіи. Правду сказать, никогда еще соборный принципъ православной церкви не формировался съ такою опредѣлительностью, широтою и смѣлостью, какъ то мы видимъ у цитированныхъ нами полемистовъ, особенно же у православнаго инока Вишенскаго, доходившаго почти до отрицанія церковной іерархіи. Мы упомянули, что латино-уніатскіе писатели признавали ихъ мнѣнія еретическими, т. е. протестантскими; къ этому прибавимъ, что такими-же

отчасти признаются нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній и нынѣшними православными богословами. Не намъ, конечно, защищать ихъ ортодоксальность. Скажемъ лишь, что голосомъ всей западно-русской церкви подобныя мнѣнія признавались тогда вполнѣ православными, а если кто изъ православныхъ начиналъ смущаться ихъ церковно-республиканскимъ характеромъ, тотъ неминуемо оканчивалъ тѣмъ, что измѣнялъ православію и оказывался въ рядахъ уніи. Это именно и случилось съ однимъ изъ талантливѣйшихъ слугъ и защитникомъ православія, извѣстнымъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ и другихъ трудовъ, совершенныхъ на пользу православной церкви, будучи уже въ санѣ архіепископа полоцкаго, неожиданно сталъ соблазняться тѣмъ, что въ южно-русской церкви »не духовные въ справахъ духовныхъ радятъ, але свѣтскіе, а духовные (какъ онъ выражался) только pro forma«, и это сознаніе произвело столь рѣзкій переломъ въ его убѣжденіяхъ, что онъ осудилъ свою прежнюю дѣятельность, признавъ ее насажденіемъ на Руси »лютерской и кальвинской ересей«, и перешелъ въ унію. Но не такъ думали объ этомъ предметѣ другіе православные іерархи, видѣвшіе въ широкомъ участіи міряпъ въ дѣлахъ церкви единственный прочный залогъ ея спасенія среди обуревавшихъ ее со всѣхъ сторонъ бѣдствій и потому заботливо поощрявшіе такое участіе. И когда въ 1620 г., въ южной Руси была снова возстановлена высшая православная іерархія и вступила во всѣ каноническія права свои, она и не подумала ограничивать участіе міряпъ въ церковныхъ дѣлахъ, а на первомъ-же соборѣ своемъ, происходившемъ въ Кіевѣ въ 1621 г., приняла себѣ въ руководство слѣдующее постановленіе: »Не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не смѣетъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Поэтому не гнѣваться на младшихъ или низшихъ степенью, если-бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ позволять имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться. Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были немалыя головы, не смотря на то предки наши, и многіе изъ нихъ совсѣмъ простые люди, дерзали обличать ихъ безбоязненно. Тоже подобаетъ творить и всѣмъ православнымъ«.

Съ тѣхъ поръ до самаго конца существованія самостоятельной кіевской митрополіи, всѣ церковныя должности въ Малороссіи отъ митрополита до приходскаго священника были избирательныя и общеніе между духовнымъ и мірскими сословіями было такъ тѣсно, что нерѣдко на высшія духовныя достоинства были избираемы заслуженные козаки, и наоборотъ—лица духовныя при случаѣ выбирались въ войсковыя должности. Такъ еще въ 1692 г. въ архимандриты кіево-печерской лавры былъ выбранъ единогласно значный войска запорожскаго товаришъ, войсковый генеральный судья Михаилъ Вуяховичъ, а подъ 1715 г. малороссійскія лѣтописи передаютъ, что какой-то протопопъ Лисовскій »того року сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ учиненъ«. Что-же касается сельскаго малороссійскаго духовенства, то и въ настоящую пору живо еще поколѣніе, которое хорошо помнитъ тѣ времена, когда сельскія »громады« на Украинѣ вольными голосами выбирали къ своимъ »парахвіямъ« священниковъ и заключали предварительный договоръ относительно ихъ обезпеченія и вообще взаимныхъ отношеній. И кто знаетъ, не въ этой-ли свободѣ отношеній между пастырями и пасомыми кроется объясненіе того, почему у насъ въ старину и духовенство было дѣятельнѣе, и школы и шпитали существовали почти при каждой церкви, и общество иначе относилось къ церкви и къ духовенству, и не было слышно тѣхъ нареканій на него, какими столь богато наше время.

О. И. Левицкій.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

IV.

Вѣсть о томъ, что Балабуха отбилъ ольшаницкую парафію у Моссаковскаго, пришла скоро въ Чайки. Какой-то дьячекъ, бывъ въ Ольшаницѣ, заѣхалъ въ Чайки и передалъ эту вѣсть матушкѣ Прокоповичкѣ. Отецъ Степанъ па ту пору отдыхалъ въ пасѣкѣ. Лишь только гость за порогъ, матушка опрометью бросилась въ пасѣку и чуть не опрокинувъ улья на пути, влетѣла въ »катрагу«. О. Степанъ сладко почивалъ, лежа на спинѣ и вольно раскидавъ руки и ноги. Матушка дернула его изо всей силы и крикнула на всю пасѣку.

— Чи ты знаешъ, що сталося? Чи ты знаешъ, що діється?

— Га, що, де? Пожежа! крикнулъ въ свою очередь панъ-отецъ; схватившись съ своего ложа и усѣвшись на лавкѣ.

— Чи ты знаешъ, що сталося? крикнула еще громче пани-матка и толкнула своего »господинка« въ бокъ.

— Що? церква горить? Дзвони на гвалтъ! лизь на дзвиныцю! кричалъ въ просонкахъ Прокоповичъ.

— Лизь уже ты на дзвиныцю, та дзвони. Пропала Вильшаниця, та вже й не вернется.

— А, злодіи! Хтось укравъ Вильшаницю? Запрягай кони та доґаняй,—мололъ совсѣмъ еще сонный панъ-отецъ.

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., іюньск. кн., стр. 267—288.

— Та перехрестись, та прочумайся! вразумляла его пани-матка. Яки тамъ злодіи! Ось Балабуха одбивъ Вильшаницю у нашого Харитона. Тильки що бувъ дякъ, забула вже звидкиль, вступивъ до господы, та й росказавъ оце.

— Та чортъ ёго бери, коли одбивъ. Про мене, нехай соби поса одибъе. Тильки мене перелякала. Я думавъ, що може де нибудь пожежа, сказалъ Прокоповичъ, занятый только сномъ и опасеніемъ пожара.

— Отъ тоби й на! Це гарный батько! А що жъ теперъ робитеме наша Онися? спросила Прокоповичка.

— Про мене, нехай соби й за Балабуху йде! пробормоталъ Прокоповичь, ничего уже не соображавшій;—на него налегъ сонъ и онъ, какъ снопъ, свалился на лавку.

— Та вставай, та давай намъ пораду! крикнула матушка и дернула мужа такъ, что тотъ чуть не полѣтѣлъ подъ лавку и со страха уцѣпился обѣими руками за жену.

— Одчепись, бо якъ дамъ, то й перекинешься! закричалъ онъ сердито, снова сѣвъ на лавку: дай мени доспати, а потимъ...

И о. Степанъ сидя дремалъ, свѣсивъ голову и упершись руками въ колѣни.

— Вставай. Онъ архіерей прыихавъ! крикнула ему жена, замѣтивъ, что онъ дремлетъ.

— А вже-жъ! Пиддуришъ, якъ разъ, не открывая глазъ, проговорилъ о. Степанъ и опрокинувшись на лавку лицемъ къ стѣнѣ, мгновенно захрапѣлъ. Жена плюнула съ досады и пошла въ комнаты на совѣтъ къ Онисѣ.

Онися ходила по свѣтлицѣ и спокойно забавлялась сѣмячками, точно ничего непріятнаго не произошло. Мать замѣтила ея равнодушный видъ, и ее разбирала невольная досада на равнодушіе къ случившемуся со стороны мужа и дочери и что ей одной приходилось мучиться за всѣхъ.

— Похожай доню, та насинячко лузай! проговорила она язвительнымъ тономъ, обращаясь къ дочери.

— А що-жъ маю робити! отвѣчала дочь. Хиба сяду, та буду слёзы лити?

— Ато-жъ нема чого плакати? съ сердцемъ вскрикнула мать.

— Я, мамо, не зъ тихъ, що плачуть, спокойно сказала Онися и по прежнему ходила и грызла сѣмячки.

— Якъ не зъ тихъ, то про мене, йди замижъ за карапишанського дяка, бо вже попадею не будешъ.

— То й пиду! Оце велике лихо! Хиба дякъ не чоловикъ.

— Якій винъ чоловикъ! будешъ лито й зиму боса ходити та горщикомъ воду носити.

— Абы не дирявый горщикъ, та й носитиму, сказала Онися, глядя въ окно и не переставая грызть сѣмячки.

— Хиба-жъ ты думаешъ за ёго йти замижъ? крикнула мать.

— А бо що?

— А те, що винъ попомъ у Вильшаници не буде. А якажъ друга громада выбере такого дурня за попа?

— Харитонъ не дурень. Я ёго люблю и за ёго замижъ пиду, хочъ-бы я на вики зосталась дячихою, сказала Онися, снова заглядывая въ окно.

Если-бы Онися не глядѣла въ окно, а взглянула на мать, послѣдняя, быть можетъ, стала бы мягче и покойнѣе: равнодушіе дочери раздражало ее.

— То ты пидешъ за того дяка, за ту чехоню? Ба не пидешъ! крикнула мать.

— Ба пиду й за чехоню, тихо сказала Онися, сдерживая гнѣвъ.

— Ба не пидешъ, бо мы тебе не оддамо!

— Я й сама пиду. Хиба я маленька, щобъ вы мене оддавали.

— Та мы тоби ничого не дамо! Пидешъ до ёго хиба пишки въ Карапиши.

— То й пишки пиду. Це мени не завадить.

— Цфу на того дурного дяка. Та винъ-же отъ хлибъ святый обминявъ, а до тебе й слова не промовивъ. Ото знайшла розумъ.

— Тимъ винъ мени й сподобався. Вмію я й сама говорити. Якъ бы въ ёго бувъ языкъ довгій, ябъ ёму наклала повенъ визъ гарбузивъ, якъ вашому академистови.

— Якъ ты ёму не накладешъ гарбузивъ, то я ёму накладу не то въ визъ, а въ ёго голову, бо въ ёго голова така розумна, якъ гарбузъ.

— И, вже ваше минуло. Не часъ вамъ гарбузувати. А я Харитона люблю и бильшъ ни за кого замижъ не пиду, окримъ ёго, хочъ-бы тутъ двадцять академиститивъ було.

Тяжело вздохнула мать, хлопнула дверью и пошла къ мужу. Отецъ Степанъ хропѣлъ такъ, что лавка подъ нимъ дрожала. Матушка поглядѣла, потопталась и не рѣшилась прерывать крѣпкій сонъ своего мужа, между тѣмъ пройдясь по саду, немного остыла, успокоилась и побрела въ комнаты. Онися ходила по свѣтлицѣ и грызла сѣмячки.

— Хто ёго зна, що це за люди, заговорила какъ-бы про себя мать, переступая порогъ: той хропе въ катрази, а ця насинннячко луза. Немае имъ дила ни до чого. Сама за всихъ клопочись, та й годи.

— За мене, мамо, не клопочиться. Я сама за себе поклопочусь, сказала Онися.

Только что Онися произнесла эти слова, какъ на дворѣ залаяли собаки и раздался глухой трескъ въѣзжавшаго воза. Онися, не взглянувъ даже въ окно, догадалась о томъ, кто въѣзжалъ во дворъ. Догадывалась и мать и тѣмъ не менѣе спросила:

— А хто то прыихавъ?

— Вгадайте! отозвалась Онися, не обращаясь къ матери.

— Певне карапишанська чехоня, сказала со злостью мать, удаляясь въ комнату, и прибавила: крутись-же зъ нимъ, бо я не буду коло ёго панькатись.

Спустя нѣсколько минутъ отворилась дверь въ свѣтлицу и на порогѣ показался Моссаковскій въ черномъ длинномъ жупанѣ, въ сапогахъ на подборахъ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ рубахи, застегнутой на этотъ разъ голубой лентой. Лице его сіяло, синія очи блестѣли тихимъ радостнымъ свѣтомъ. Русыя кудри свѣтлымъ пламенемъ охватывали кругомъ его голову. Подъ мышкой у него бѣлѣла паляница. Прокоповичка вскинула на Моссаковскаго черезъ порогъ не ласковыми очами, притворила дверь и стала за ней. Моссаковскій взглянулъ на Онисю и на его матово-блѣдномъ лицѣ появился легкій румянецъ. Онися почуяла въ себѣ непонятный страхъ при видѣ этого совсѣмъ смирнаго человѣка. Она чувствовала, какъ забилось въ груди ея сердце, какъ стыли ея руки и ноги.

— Добры-день вамъ! зъ недилею будьте здорови! тихо сказалъ Моссаковскій и поцѣловалъ Онисю въ руку.

Онися поцѣловала его въ щеку и мгновенно почувствовала, что кровь хлынула ей въ лице, а руки и ноги совсѣмъ онѣмѣли.

— Доброго здоровьячка! спасыби вамъ! едва слышно отвѣтила Онися. Моссаковскій положилъ паляницу на столъ, остановился и опустилъ руки. Онися попросила его сѣсть, Моссаковскій робко опустился на стулъ.

Настало молчаніе, Моссаковскій и Онися не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза. Мать стояла за дверью и все прислушивалась.

— Правдива чехоня! подумала она послѣ нѣкотораго ожиданія, не вміе навить зъ дивкою поговорити й пожартувати. Мій отець Степанъ не такъ поводився зо мною, якъ бувъ моимъ женихомъ.

Долго молодые сидѣли и молчали. Онися знала, что Моссаковскій готовъ до вечера молчать да смотрѣть на нее; но ей самой становилось неловко, и она наконецъ прямо заговорила о томъ, что у нихъ обоихъ было на мысли.

— Вы, Харитоне Петровичу, може думаете, що я одкинусь одъ васъ черезъ те, що вы втеряли вильшаницьку парафію? Не думайте сёго...

— Ни, я... ничого не думаю... на силу отозвался Моссаковскій и сказалъ правду: въ ту минуту онъ дѣйствительно ни объ чемъ не думалъ, но только глядѣлъ на Онисю и любовался ею.

— Я не одкинусь одъ васъ, я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы вы зостались дякомъ въ Карапишахъ, смѣло сказала Онися.

— Спасыби вамъ, Онисіе Степановно! Яки вы добри.

Мать за дверью такъ мотнула головой, что намитка на ея плечахъ приподнялась чуть не выше головы.

Моссаковскаго лице горѣло, глаза блестѣли отъ радости; онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Ониси, но даже глазами не шевельнулъ.

— Я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы мій батько та мати не пристали на те, опять сказала Онися и съ этими словами схватилась съ мѣста и сѣла рядомъ съ Моссаковскимъ. Моссаковскій не выдержалъ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Онися цмокнула его въ щеку.

Мать, заслышавъ цѣлованье, дернула дверью и вскочила въ свѣтлицу. Молодые сидѣли, потупивъ глаза. Лице Прокоповички было блѣдно, глаза горѣли, какъ угли.

— Оце гарно,—начала она, ей Богу гарно! Де весилля, а вони вже цмокаються.

— Ей Богу я ни въ чому не виненъ, тихо промолвилъ Моссаковскій, схватившись со стула и цѣлуя Прокоповичку въ руку.

Прокоповичка не знала, что дѣлать, что больше сказать; метнулась сюда-туда по свѣтлицѣ, такъ что намитка на ней заколыхалась, и молча вышла въ садъ.

— Ваша паниматка на мене чогось сердяться, сказалъ Моссаковскій; вони не оддадуть васъ за мене.

— Якъ не оддадуть, то я сама пиду, сказала Онися, сердито глянувъ въ слѣдъ удалившейся матери.

А мать межъ тѣмъ бѣгомъ устремилась въ пасѣку и, найдя мужа уже проснувшимся, накрыла его, какъ говорится, мокрымъ рядномъ:

— Иди вже до хаты, та говори зъ тимъ дякомъ. Вже прыхавъ мабуть по мою душу!

— Отъ и добре, що прыхавъ: буде зъ кимъ по чарци выпити.

— Тоби тильки по чарци. Готовый свою дитину пропити. Сплять соби, а я одна клопочусь та бигаю.

— Вже правда, що розбигалась, якъ курка зъ яйцемъ; не дала й выспатись. И чого пакъ ты прибігала въ пасику гвалтувати? Що тамъ трапилось: чи пожежа, чи?...

— Пожежа! Добра пожежа! Балабуха одбивъ Вильшаницю одъ Моссаковського. Виддавай теперъ дочку за дяка.

— А дочка що каже?

— А дочка здурила. Иди ще ты поговори зъ нею: цилуется зъ тымъ дурнымъ дякомъ, нема стыда й сорома.

— Гм... Гм... Це вже не до ладу... Треба щось робити... закончилъ Прокоповичъ, направляясь съ женой къ дому.

Тѣмъ временемъ Моссаковскій сообщилъ Онисѣ, что ольшаницкая громада выжила Балабуху и что владыка тамъ предоставилъ ему этотъ приходъ, какъ того желала громада. Онися сообразила, что въ такомъ разѣ ей и думать не объ чемъ и что родителямъ ея никакой нѣтъ нужды мѣнять свое слово. Одно то ея ждало, что, благодаря робости и молчаливости ея жениха, дѣло не вдругъ объяснится; но и это болѣе забавляло, чѣмъ безпокоило ее.

Скоро появились пан-отець и пани-матка. Моссаковскій привѣтствовалъ ихъ низкимъ поклономъ. Онися съ любопытствомъ поглядывала то на отца, то на мать. Мать сѣла на канапкѣ, надулась, глядѣла на стѣну и молчала. Отецъ смотрѣлъ покойнѣе и ласковѣе; не желая раздражать жены, онъ обратился къ Онисѣ и велѣлъ ей принести водки и закуски. Онися поспѣшно выходила; мать въ догонку говорила:

— Та нарижъ, Онисю, теси паляныци, що лежить тамъ зъ самого верху!

Онися усмѣхнулась: съ самаго верху лежала черствая паляница. Онися нарѣзала самой свѣжей и вынесла вмѣстѣ съ водкой въ свѣтлицу.

Выпили по рюмкѣ. Моссаковскій молчалъ, не имѣя привычки много говорить. Прокоповичка молчала съ досады и все глядѣла на стѣну. Прокоповичъ пробовалъ завести разговоръ, но, не вполнѣ очнувшись еще отъ сна, только зѣвалъ во весь ротъ. Молчаніе и надутый видъ жены ему не нравились и онъ, желая развеселить ее, обратился къ ней съ шутливымъ вопросомъ:

— Чого це ты, паниматко, такъ пильно дивишся на стину? Чи мухъ личишъ, чи що?

Прокоповичка бросила на мужа гнѣвный взглядъ и стала смотрѣть на печку такъ пристально, будто тамъ была очень искусно написанная картина.

Въ свѣтлицѣ опять стало тихо. Прокоповичъ еще разъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Всѣ молчали, Прокоповичъ вновь началъ поддразнивать жену.

— Отъ же ты, паниматко, закохалась въ груби. Дивися тай дивися на неи и очей не зводишъ, сказалъ онъ.

— Говори вже ты; мени нема чого говорити, сердито отвѣтила Прокоповичка, не сводя глазъ съ печки.

Онися внутренно смѣялась. Моссаковскій глядѣлъ въ землю.

— Выпиймо ще по чарци! Може зъ чарки добудемо розмовы, сказалъ Прокоповичъ, наливая по второй.

Выпили по второй; языки въ самомъ дѣлѣ развязались. Прокоповичъ сталъ распрашивать Моссаковскаго про Ольшаницу, по издалека.

— Якъ же вы, Харитоне, думаете теперъ распорядитись собою? спросилъ онъ Моссаковскаго.

— Мени треба скорише женитись, щобъ часомъ зновъ хтось не отбивъ у мене Вильшаныци, отвѣтилъ Моссаковскій. Прокоповичка перевела глаза съ печи на дверь.

— Якъ же такъ! А Балабуха де дився? спросилъ Прокоповичъ.

— Балабуха мусивъ выихати зъ Вильшаныци, бо ёго громада не схотила держати на парафіи. Владыка оддавъ мени Вильшаныцю, сказалъ Моссаковскій.

Прокоповичка перевела глаза съ дверей на Моссаковскаго и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Така оддавъ вамъ парафію? вскрикнула она, схватившись съ мѣста.

— Оддавъ, совершенно спокойно отвѣчалъ Моссаковскій. Громада настояла на своему. Теперъ мени треба поспишати, щобъ парафія зновъ не втикла зъ рукъ.

— Голубчику, Харитоне! Поздоровляю васъ одъ щирого сердця! воскликнулъ Прокоповичъ и бросился обнимать Моссаковскаго. Прокоповичка въ свою очередь начала обнимать и цѣловать его. Всѣ развеселились, всѣ говорили, нихто никого не слушалъ. Прокоповичка засуетилась, завертѣлась, выскочила въ спалню и снова въ свѣтлицу вбѣжала. Онися хохотала, закрывшись рукавомъ.

— А що, паниматко, коли поличила вси мухи, то ставъ могоричъ. Вынось наливки, настойки, запикапки! Давай на стилъ пироги, калачи, всяки ласощи, яки маешъ! Давай разомъ полудень и вечерю, выкрикивалъ Прокоповичъ.

Прокоповичка бросилась въ кладовую, въ кухню, подняла на ноги всю прислугу. Въ кухнѣ затопили въ печи. Закричали куры подъ ножемъ, завизжалъ поросенокъ, котораго влекли на закланіе. Въ свѣтлицу какъ будто на крыльяхъ влетѣли фляшки съ наливками и настойками. Откуда взялись пироги въ сметанѣ, бублики на яйцахъ, маковники, всякіе »пундики«. Пошла чарка за чаркой, полилась веселая бесѣда. На всѣхъ сіяла радость. Моссаковскій разговорился, раскраснѣлся, повеселѣлъ. Прокоповичка любовно глядѣла на его нѣжное съ румянцемъ лице и только теперь убѣдилась, что онъ похожъ отнюдь не на чехоню, а на какого нибудь павка.

— Теперъ хочъ и пидъ винець! не выдержала и поспѣшила высказаться Прокоповичка, выпивъ чарку запеканки: нема намъ чого

гаятись. Въ поли, хвалити Господа, зовсимъ обробились, дома роботы не гуртъ,—можно й погуляти.

— Про мене, хочь и заразъ, сказалъ Моссаковскій; бо справди нема чого гаяти часъ.

— Шкода, що вы не прыихали зъ братомъ: мы-бъ оце поговорили зъ нимъ, якъ зъ сватомъ, говорила Прокоповичка, ласково глядя Моссаковскому въ глаза. Про те мы своеи дочки не обидимо: е въ насъ, хвалити Бога, и худоба, й кони, й возы, й плуги.

— И спасыби вамъ, паниматко! Хто-жъ не знае про вашу добристь? Про це нема чого й говорити, съ довѣріемъ произнесъ Моссаковскій.

— Одна дочка, одна дитина: для кого-жъ мы дбали? прибавилъ Прокоповичъ, и тѣмъ кончились переговоры о приданомъ.

Пошла чарка опять изъ рукъ въ руки. И гость и хозяева, перекидываясь веселыми шуткам и иприбаутками, принялись за полдникъ и не переставали выпивать и закусывать, пока не настало время »вечери«. Прокоповичка, снимая со стола закуски и очищая мѣсто для ужина, со вздохомъ произнесла:

— Оце-жъ я наварила й напекла, та не буде кому вечеряти: колибъ Господь принисъ якихъ гостей, або що.

— Правду кажешъ, пани-матко, отозвался Прокоповичъ: якбы Господь пославъ гостей, то все-бъ таки бильше ззилось и выпилось въ кумпаніи.

Какъ-бы въ исполненіе ихъ желанія, неожиданно для всѣхъ въ свѣтлицу вошелъ старшій братъ Харитона, завернувшій мимоѣздомъ.

— Десь Господь послухавъ моеи молитвы и принисъ васъ, неначе на крылахъ! радостно вскричалъ Прокоповичъ и бросился обнимать и цѣловать гостя.

Прокоповичка отъ радости и съ хмѣлю чуть не поцѣпилась гостю на шею. Онися цѣловала его руки, а Харитонъ въ увлеченіи общимъ восторгомъ такъ прижималъ и цѣловалъ брата, будто не видѣлся съ нимъ много лѣтъ. Настало новое оживленіе, пошла опять круговая, разошлись въ бесѣдѣ, зашумѣли.

— Теперъ моя вечеря не пропаде! сказала Прокоповичка и побѣжала въ кухню.

Въ непродолжительномъ времени столъ былъ готовъ къ ужину: по срединѣ его, какъ на громадскомъ обѣдѣ, возвышалась цѣлая гора свѣже-нарѣзанной паляницы, по краямъ протянуты были полотенца, въ замѣнъ салфетокъ. Добавлено было разныхъ настоекъ и наливокъ, долито было и широкое *пуздро* (родъ графина) съ водкой. Усѣлись за столъ, выпили со всѣми причитаньями по первой и принялись за лапшу съ курицей такъ усердно, какъ бы дотолѣ во рту съ утра ничего не держали. Выпили по второй, и отъ большущаго поросенка скоро остались однѣ только кости. Справились съ большимъ полумискомъ жареныхъ куръ и закончили варениками, выпивая *до* и *по*, и наконецъ на потуху.

Прокоповичъ давно уже чувствовалъ, что у него шумитъ въ головѣ и потому спѣшилъ закончить дѣломъ.

— Ну, господине, началъ онъ, обращаясь къ нареченному своему зятю, поки ще наши языки повертаються въ роти, поговоримо по Божому, коли то намъ те весилля справляти.

— Воля ваша, отець Степанъ, сказалъ Моссаковскій; мени здаеця, що нема чого одкладати.

— А вже-жъ нема чого одкладати, подхватила Прокоповичка, пуще всего боявшаяся, чтобы кто нибудь опять не отнялъ прихода у Харитона. По предложенію о. Степана, согласились всѣ праздновать свадьбу чрезъ недѣлю.

— Въ субботу спечемо коравай та шишки, а въ неділю й до винця, заключила Прокоповичка, поправляя на головѣ »очипокъ и намитку«.

Встали изъ за стола, помолились и вновь присѣли. Въ свѣтлицѣ стояла духота. О. Степанъ раскрылъ окна; въ комнату полилась свѣжая прохлада сухой, теплой осени. Надъ садомъ по темному небу блестѣли звѣзды; но пресыщеннымъ гостямъ и хозяевамъ не приходило въ голову любоваться звѣздной ночью; они сидѣли и пыхтѣли, обтирая потъ. Бесѣда не клеилась, всѣхъ клонило ко сну. Немилосердно зѣвнулъ о. Степанъ, за нимъ пани-матка, потомъ старшій гость. Только Онися, забившись въ уголъ съ Харитономъ, тихо щебетала, какъ пріѣзжалъ свататься Балабуха и какъ подавала она ему »гарбузовъ«, а Харитонъ съ дѣтскимъ смѣхомъ слушалъ ея разсказъ, жадно слѣдя за движеніемъ ея кро-

шечныхъ губъ, изъ подъ которыхъ блестѣли, какъ жемчугъ, ровные красивые зубки.

— Теперъ хочъ и до дому, сказалъ наконецъ братъ Харитона, назѣвавшись до слезъ.

— Та зоставайтесь ночувати, просилъ Прокоповичъ, не твердо державшійся на стулѣ: ничъ темна: треба переправлятись черезъ Рось. Борони Боже якои напасти!

— И хто таки въ глупу ничъ ïде? приговаривала Прокоповичка. Зоставайтесь! Постелемо отутъ покотомъ; выспитесь добре, та тоди й поидете.

Но и сама она чувствовала, и гости понимали, что это такъ ради »звычаю« говорится.

Когда гости стали прощаться, хозяева стали выполнять другой »звычай«.

— Выпиймо-жъ на дорогу, щобъ колеса не торохтили, произнесъ Прокоповичъ, наливая по чаркѣ.

Выпили, »щобъ колеса не торохтили«, и вышли на крыльцо.

— Выпъемо по другій, щобъ конямъ веселише було бигти, сказалъ опять Прокоповичъ.

Выпили, »щобъ конямъ веселише було бигти«. Гости совсѣмъ стали прощаться.

— А ще-жъ, щобъ дорога стлалась скатертю, примолвила Прокоповичка, и изъ своихъ рукъ поднесла.

Казалось, все уже исполнено, всѣ обычаи соблюдены, оставалось уѣзжать гостямъ; но о. Степанъ вспомнилъ о погоничахъ и сталъ потчивать ихъ, а какъ на нихъ закончить казалось не ловкимъ, то пришлось хозяевамъ и гостямъ еще разъ выпить на прощанье.

Была полночь, когда гости тронулись со двора. По затихшему, будто мертвому селу громко застучали ихъ повозки и дребезжащій ихъ стукъ скоро замеръ гдѣ-то глубоко внизу надъ Росью.

— А що, мамо, чи буду я соломою топити, та горшкомъ воду носити? подшучивала надъ матерью Онися.

— Теперъ-же, пани-матко, вже не бигай, якъ курка зъ яйцемъ, та не буди мене, якъ буду спочивати въ катрази, поддалъ о. Степанъ. Прокоповичка не нашлась возразить дочери и мужу и лишь указывала на предстоящія ей хлопоты:

— Смійтесь, смійтесь зъ матери; набигаеться мати, поки ще й весилля настане.

Чрезъ недѣлю, въ субботу, въ пекарнѣ о. Степана, послѣ ранняго обѣда, собравшіяся изъ села »молодыци« и пріѣхавшія родственницы невѣсты начали готовить коровай и шишки. Онѣ поставили среди пекарни два стола, помыли руки, засучили рукава и выкинули изъ большой дежи тѣсто въ ночвы, а потомъ на столъ. Старостиха завела тоненькимъ голоскомъ:

Свйти, Боже, зъ раю
До нашого короваю,
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько!

Дружно подхватили молодицы и матушки. Закипѣла работа подъ звуки грустно-веселыхъ, нескончаемыхъ пѣсень: завертѣлись десятки рукъ вокругъ стола, зашевелились голые локти, дрожа, вертясь и цѣпляя другъ друга. Громадная глыба тѣста раздроблена на большіе и меньшіе куски; привычныя, быстро вертѣвшіяся руки давали имъ то ту, то другую форму: однѣ выдѣлывали сердцевину коровая, другія поясокъ къ нему, третія поперечники, четвертыя вѣнецъ; тѣ вылѣпливали шишки, эти голубковъ, и т. д., и т. д. Изъ частей слагалось цѣлое; соорудили коровай, вокругъ его расположили массу шишекъ, голубковъ и пр., и все это двинули съ причитаньями да съ припѣвами въ большущую широкую печь. Молодицы помыли опять руки и застлали столы скатертями. Въ пекарню вошли Прокоповичка и Онися, неся водку и закуски. Началось полдничанье. Онися благодарила мѣсившихъ, кланялась каждой въ поясъ, потчивала изъ своихъ рукъ. Вотъ молодицы поставили дѣжу на столъ, закрыли ее вѣкомъ, зажгли и прилѣпили вокругъ восковыя свѣчки, стали въ кружокъ, подняли дѣжу въ верхъ и держа ее на рукахъ, съ притопываньемъ, съ припѣвомъ трижды обошли вокругъ стола и трижды стукнули ею въ потолокъ, каждый разъ, какъ оканчивали кругъ. Запѣло все, что было въ кухнѣ, запѣли старыя бабы, вспомня свои молодые годы, когда и для нихъ готовили коровай... Море звуковъ залило пекарню, отдалось въ свѣтлицѣ и комнатѣ и сквозь растворенныя окна разливалось далеко по селу.

Пока выпекался коровай въ печи, молодицы и матушки выпивали и закусывали, перекидывались шутками и прибаутками, на этотъ случай издавна придуманными, и отъ времени до времени затягивали пѣсни, одна другой лучше. Уже подъ вечеръ вынули изъ печи коровай и шишки; коровай удался какъ нельзя лучше. Еще разъ запѣли молодицы и разошлись по домамъ, неся въ рукахъ свадебныя шишки на гостинецъ дѣтямъ.

Въ то время, когда съ такими церемоніями готовился коровай, о. Степанъ хлопоталъ приготовить помѣщеніе для гостей, которыхъ ждали много въ лицѣ званыхъ и незваныхъ, близкихъ и отдаленныхъ, нарочитыхъ и проѣзжихъ. Такимъ помѣщеніемъ избиралась обыкновенно клуня, гдѣ молотятъ хлѣбъ, а по сторонамъ складываютъ снопы, припасаемые для молотьбы. Еще накануне было утрамбовано долбешками гумно, слито водой и смазано глиной, а боковыя части, »засторонки«, освобождены отъ сноповъ, тщательно вычищены и выметены. Теперь заняты были убранствомъ свадебнаго помѣщенія: въ почетныхъ углахъ стѣны завѣшены были коврами, въ другихъ мѣстахъ простынями, рядками, кусками небѣленаго полотна. Въ одномъ изъ »засторонковъ« поставили столы и ослоны для музыкантовъ, въ другомъ для гостей. На двухъ стол-бахъ, подпиравшихъ крышу, повѣшены были фонари для освѣщенія сцены, т. е. мѣста танцевъ; столы предположено освѣщать свѣчками и каганцами.

На дворѣ рѣзали и потрошили птицу и поросятъ, на огородѣ смалили кабана. Къ вечеру Прокоповичъ самолично привезъ изъ Богуслава большую бочку водки; Прокоповичка вытачивала и разливала наливки и настойки, варила варенуху. Вездѣ кипѣла работа, шевелились и бѣгали люди. Въ кухнѣ то и дѣло мѣсили тѣсто, пекли кныши, паляницы, пироги, варили ноги воловьи, свиныя и поросячьи на холодецъ, жарили куръ, утокъ, гусей, индюковъ, мыли посуду, прибирали, выметали. Далеко за полночь, утомленные работой хозяева и помогавшіе имъ улеглись спать, гдѣ кого сонъ свалилъ.

На утро Онися схватилась раньше всѣхъ; ей не спалось уже, хотя на дворѣ только занималась заря. Онися накинула кацавейку и вышла въ садъ. Въ домѣ всѣ спали; вездѣ было тихо. На селѣ гдѣ-то далеко пѣли пѣтухи, слышался ревъ коровы. Синее небо

широкимъ шатромъ покрывало спящую землю. Внизу дремала Рось и чуть замѣтно лоснилась ея поверхность, отражая слабый свѣтъ утренней зари. Раскинувшійся по горѣ садъ, высокіе берега Роси, покрытые лѣсами, будто думу думали, глядя за Рось, на густой спящій лѣсъ, на небо, зардѣвшееся надъ лѣсомъ. Густая осенняя роса гнула къ низу еще совсѣмъ здоровый листъ на деревѣ. Въ воздухѣ стояло какъ-бы лѣто и только пожелтѣвшіе кой гдѣ листья напоминали о наступившей осени.

Онися окинула глазами садъ, оба берега Роси, густые лѣса, взглянула на засыхавшія гряды чернобривцевъ да гвоздиковъ, вспомнила, что она сегодня вѣнчается, что это послѣдній для нея здѣсь день и почуяла въ сердцѣ тихую боль. Ей стало жаль и садка, и густыхъ лѣсовъ, и Роси, и роднаго гнѣзда. Онися кинула глазами на широкія поля и луки за Росью, гдѣ чуть замѣтно темными чертами обозначались ольшаницкія хаты, вербы и груши, и почувствовала, что ея сердце облилось неиспытанною радостію.

— Тамъ я буду господинею, матиму свое господарство, свою худобу... Тамъ мое царство й панство! подумала Онися и душа ея, какъ выпорхающая впервые изъ гнѣзда птичка, заиграла и задрожала. Она гордо подняла голову, еще разъ окинула взоромъ широкую роскошную картину за Росью и не примѣтила совсѣмъ, какъ изъ-за густаго лѣса выкатилось пышное солнце, облитое короткимъ огненнымъ пламенемъ и пронизало золотистыми стрѣлами курчавые верхи дубовъ.

— Тамъ мое царство й панство! Тамъ я буду господинею! подумала Онися и спокойная, гордая вернулась домой.

— А що дочко! Часъ тоби убиратись до винця. Швидко задзвонять до церкви, сказала мать, встрѣтивъ Онисю на крылечкѣ.

Не успѣла Онися умыться, какъ къ ней влетѣли разрядившіяся по свадебному, разукрашенныя цвѣтами и лентами *дружки*, дочери лучшихъ хозяевъ въ селѣ. Дивчата живо расчесали и заплели Онисѣ косу, увили ее густыми рядами лентъ, убрали голову цвѣтами. Онися надѣла дорогую плахту, затканную желтымъ и бѣлымъ шелкомъ, одѣлась въ ясно-синюю юбку съ серебряными цвѣтками, обулась въ красные сафьянные башмаки и взяла въ руку вышитый »рушникъ«. Ударили въ колоколъ и Онися пошла съ дружками въ церковь.

Немного спустя пріѣхалъ Моссаковскій съ *боярами*, а за нимъ стали съѣзжаться его близкіе родичи. Молодые причастились за обѣдней и, по давнему обычаю, не выходя изъ церкви, тутъ-же обвѣнчались. Когда они направились домой, за ними повалило слѣдомъ все, что было въ церкви, а для такого случая собралось чуть не все село: въ тѣ поры праздникъ священника былъ праздникомъ всего прихода. Около каждаго двора на воротахъ стояли покрытые скатертями столы, а на столѣ лежали хлѣбъ и соль. Каждый хозяинъ съ приближеніемъ молодыхъ привѣтствовалъ ихъ хлѣбомъ-солью. Прокоповичка встрѣтила молодыхъ на крыльцѣ; она благословила ихъ хлѣбомъ-солью, а одна близкая родственница обсыпала новобрачныхъ овсомъ и пшеницею пополамъ съ мѣдными и серебряными деньгами. Налетѣвшія со всего села дѣти бросились подбирать деньги и немилосердно толкали, пихали, опрокидывали другъ друга, чуть не дрались. Поднялся шумъ и гвалтъ. Масса народа облегала крыльцо, наполняла весь дворъ; яркое солнце сіяло на живописныхъ уборахъ дѣвчатъ и молодицъ, переливаясь въ тысячахъ цвѣтовъ; черныя свиты и головы мужчинъ мелькали, шевелились всюду по двору и у крыльца. Молодые вошли въ домъ и усѣлись обѣдать въ небольшомъ кружкѣ родныхъ. Обѣдъ былъ непродолжительный; это была какъ-бы прелюдія къ свадебному пиру.

Скоро послѣ обѣда начали съѣзжаться гости: собралось много родныхъ и сосѣдей, не мало и совсѣмъ непрошеныхъ; пріѣхали и Мелхиседекъ съ Мартою. По срединѣ свѣтлицы стоялъ длинный столъ; на столѣ красовалось сосновое *гилце*, подъ сѣнью его *коровай*, убранный листовымъ золотомъ, вокругъ большія и малыя *шишки*. Дружки разцвѣтили *гилце* калиною и мелкими букетиками изъ колосьевъ ржи и овса. Онисю усадили на *посади*, а за столомъ усѣлись дружки,—дочери священниковъ и подруги-крестьянки изъ села. Дружки запѣли; водворилась тишина, все замерло, все обратилось въ слухъ. Онися сидѣла задумчивая, сосредоточенная; подруги пѣли, понимая всю важность и торжественность минуты. Чувствовалось, будто совершается священнодѣйствіе, идетъ новое вѣнчанье, не по чину церкви, а по обряду міра съ его широкою жизнью. Пѣсни смѣнялись пѣснями: радостныя, веселыя —грустными, заунывными. Въ нихъ выливалось все, что могло волновать душу въ эти торжественныя минуты, и сильнымъ ключемъ била жизнь

съ ея думами, мечтами, надеждами, тайнымъ предчувствіемъ Матушки вздыхали, Прокоповичка стояла подперши голову рукой, Онися не разъ подносила хусточку къ глазамъ...

Перепѣли наконецъ все, что положено на этотъ разъ; Онисю подняли »зъ посаду«, и она, поблагодаривъ подругъ, въ сопровожденіи ихъ отправилась въ клуню, чтобы тамъ начать танцы. Тамъ ждали »музыки въ засторонкѣ«, а противъ нихъ длинными рядами вокругъ столовъ расположилась вся компанія гостей; столы уставлены были всякими закусками и напитками. Съ появленіемъ Ониси, богуславскіе жидки заиграли на своихъ органахъ; открылись танцы на »току«. Для начала Онися »перекрутилась« по разу съ каждой изъ подругъ, и затѣмъ пошелъ нескончаемый *козакъ* въ одиночку, по парамъ и гуртомъ, мѣняемый на десятки ладовъ. У обѣихъ широкихъ дверей толпились большія массы народу, собравшагося со всего села. Батюшки и господари изъ села съ своими женами угощались за столами. Матушки смѣшались съ простыми парафіянками и только лучше выбѣленныя и болѣе тонкія намитки, да болѣе толстыя намиста съ золотыми дукачами да парчевыми жупанами отличали однихъ отъ другихъ.

Солнце зашло. Въ клунѣ зажгли фонари и свѣчи; »музыки« все играли; а дѣвчата съ паничами и парубками продолжали танцовать. Стали наконецъ подавать »вечерю«, точнѣе мѣнять и подбавлять кушанья и напитки, которыя на минуту не сходили со столовъ. Это послужило поводомъ къ новой усиленной выпивкѣ. Нѣкоторые изъ гостей, нагрузившіеся раньше, не выдержали и подъ общій шумъ и гоготанье побрели спать, заваливаясь, гдѣ только можно было найти какое либо прикрытіе. Вообще всѣ держались чинно и даже записные гуляки не очень напивались: ихъ день былъ въ понедѣльникъ. Лишь въ полночь все затихло. Батюшки, вообще мужчины расположились спать кто тутъ-же въ клунѣ, кто въ другихъ постройкахъ, на бричкахъ и возахъ, не заботясь о постели. Матушекъ разобрали прихожанки по своимъ хатамъ.

Въ понедѣльникъ рано проснулись гости, оставшіеся на ночь въ клунѣ, и калякали, лежа на сѣнѣ.

— А що, отецъ Мелхиседекъ, чи шумить въ голови писля вчорашнёго? спросилъ Прокоповичъ, толкая локтемъ своего сосѣда.

— Въ мене така голова, що зъ одного дня не зашумить, отвѣчалъ Мелхиседекъ, потягиваясь подъ кожухомъ: може зашумить ажъ сегодня ввечери. А въ тебе, отець Степанъ, шумить?

— Шумить, але мабуть одъ музыкъ. Сказати правду, нема писля чого й похмелятись. Але часъ уже молодыхъ скрывати! А чого це вы й доси лежите? Вставайте, та пидемо до коморы выводить молодихъ, бо вже по чарци хочеться, крикнулъ Прокоповичъ на спавшихъ »покотомъ« гостей.

Гости зашевелились, зѣвали, потягивались, но никто не спѣшилъ вставать. День былъ тихій, но холодный: каждому хотѣлось еще полежать на мягкомъ сѣнѣ, подъ теплой покрышкой.

— Тай ледачи зъ васъ люди! крикнулъ отецъ Мелхиседекъ; нема на васъ моеи жинки. Вона-бъ дала вамъ доброи прочуханки. А доки вы будете отутъ вывертаться на вси боки! Онъ вскочилъ на ноги и пошелъ стаскивать съ гостей одежу. Охваченные холодомъ собраты поневолѣ вскакивали и принимались за свой не хитрый туалетъ: разыскивали свои кафтаны, облачались и шли умываться къ колодцу, который былъ тутъ-же на дворѣ, а освѣжившись холодною водою, расплетались и заплетались, а равно причесывались съ помощью лишь собственныхъ пальцевъ и потомъ расходились въ одиночку, чтобы »переговорить *Отче нашъ* и *Помилуй мя Боже*«.

Скоро потянулись къ дому батюшки и другіе гости со всѣмъ концевъ двора, гдѣ кого ночь застигла.

Собрались у крыльца, а на искосокъ отъ него была *комора*, гдѣ почивали молодые. У коморы расположились »музыки« въ ожиданіи выхода молодыхъ. Раньше проникнули туда свашки: они подняли Онисю, помогли ей одѣться, повязали голову платкомъ и вывели молодыхъ изъ опочивальни. Лишь только растворились двери, жидки заиграли какой-то маршъ, подъ звуки котораго молодые съ конфузливымъ видомъ прослѣдовали въ домъ. Спустя нѣсколько минутъ ихъ повели въ церковь. »Музыки« шли за ними и играли, пока они не вступили въ колокольню. Въ церкви имъ прочли молитву на снятіе вѣнцевъ и затѣмъ вся компанія возвратилась домой: »музыки« на пути играли, а свашки подплясывали. Онисѣ надѣли *очипокъ*, потомъ *намитку* и повели въ клуню. Тамъ уже накрыты были столы и поставлены яства и питья. Подъ звуки музыки на-

чалось всеобщее снѣданье. Къ тому времени со всего села ко двору батюшки шли на поклонъ молодымъ хозяева и хозяйки, и шли не съ пустыми руками: кто несъ курицу, утыканную калиною, кто гуся, кто утку или поросенка, кто тащилъ овцу, кто бычка либо телку. Иныя изъ хозяекъ несли сувои полотна, пряжу, ленъ, пеньку. Когда окончился завтракъ, молодые стали потчивать каждаго изъ гостей поочередно. Харитонъ держалъ подносъ. Онися наливала и припрашивала. Выпившіе вручали или объявляли свои подарки. Молодые кланялись и обязательно съ каждымъ цѣловались. Раскошеливались батюшки и матушки: кто выкладывалъ деньги, кто заявлялъ, что даритъ коня или лошенка, корову или теленка, улей или два пчелъ, кругъ колесъ и пр. и пр. Посыпались подарки отъ прихожанъ: дарили, что принесли и вновь обѣщали, кто мѣшокъ или мѣрку пшеницы, кто жита, проса, ячменя или овса. Всѣ прибавляли: »на нове хазяйство«, и выражали свои пожеланія, кто какъ могъ. Молодые въ короткое время завелись чуть не цѣлымъ хозяйствомъ. Счастливые, довольные и въ тоже время крѣпко уставшіе, они усѣлись на свое почетное мѣсто »князя и княгини«.

Заиграли »музыки«; *приданки*, сдавъ съ рукъ подарки, пустились въ плясъ. Число танцующихъ росло съ каждой минутой; танцовали всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ силу шевелить ногами. Скоро вся *клуня* превратилась въ всенародное гульбище: перемѣшались мужчины съ женщинами, старые съ молодыми, міряне съ духовными. Танцовали на *току* и въ *засторонкахъ*, въ клунѣ и за клуней. Забыли крепаки свое горе и нужду, нескончаемую работу и панскіе нагаи и отдирали не хуже, чѣмъ ихъ предки на Хортицѣ. Уставшіе отъ танцевъ присаживались къ пировавшимъ за столами, выпивали и закусывали и вели шумную бесѣду, въ которой исчезало различіе между пастырями и пасомыми. Вдругъ среди общаго шума, стука, гоготанья, въ клуню вошли двѣ жидовки и одинъ жидъ. Одна жидовка тащила полную корзину куръ, другая на одной рукѣ несла кошелку съ яйцами, а другой держала пару утокъ за ноги. У жида въ обѣихъ рукахъ висѣли внизъ головами по два пѣтуха, а еще два пѣтуха, связанные ногами, были перекинуты черезъ плечо. Жиды направились къ тому столу, гдѣ сидѣли молодые, сами хозяева и о. Мелхиседекъ. У жидовокъ были парчевые наушники, обшитые бисеромъ и стеклярусомъ. Изъ подъ нихъ ви-

днѣлись черные налосы изъ шелковой матеріи, закрывавшіе ихъ обритыя головы. Одѣты они были въ старые капоты; лица имѣли грязныя, выпачканныя. Жидовки приступили къ Мелхиседеку.

— Добрыдень, панотченьку! поздоровляю васъ зъ весиллячкомъ вашои дочки. Дай Боже вамъ и вашій дочци счастя й здоровья!

— Що це за мара? Звидкиля вы взялись? спросилъ Мелхиседекъ.

— Мы йдемо на ярмарокъ въ Богуславъ, та почули, що въ васъ весилля, ну й зашли до васъ. Чи не треба вамъ курей? Въ мене кури гладки, якъ печи. Ожъ нате покоштуйте, яки добри! говорила старшая жидовка и съ этими словами она вытащила изъ корзины одну курицу, перевернула ее вверхъ ногами и приблизясь къ Мелхиседеку, ткнула ему чуть не въ бороду.

— Чи не сказилась жидивка! Тыче мени живу курку въ зубы! Понеси своему Лейби, нехай покоштуе.

— Якъ не хочете цееи, ну, то визьмить оцю; це ще гладша. Я оцю курку цилый мисяць сама годувала кукурузою, продолжала жидовка и опять ткнула курицею Мелхиседеку чуть не подъ самый носъ.

— Одчепись къ нечистому! Мени не треба курей.

— Якъ-же не треба? Я знаю, що треба. Выдаете таку доню, таку гарну, якъ сонце, а курей не треба. Де вже не треба. Я выдала недавно свою дочку въ Билу-Церкву, то знаю, що треба. А може визьмете пивнивъ?

Туть жидъ съ пейсами, въ панчохахъ и патынкахъ подступилъ къ Мелхиседеку и хвостомъ пѣтуха ткнулъ ему въ руки.

— Иди къ нечистому! Не знаешъ, котрымъ бокомъ показувати курей.

— Може визьмете яечокъ! приговаривала другая жидовка: я знаю, що вамъ треба гугеля на весилля, бо я сама недавно оженила свого Мошка...

— Якого це чорта вы напали на мене зъ курми! Я не господарь! отмахивался Мелхиседекъ.

Жидъ подступилъ къ Прокоповичу и сталъ переворачивать предъ нимъ пѣтуховъ на всѣ бока. Жидовка показывала куръ Онисѣ, ея матери, мужу. Одна, что постарше, вновь пристала къ Мелхи-

седеку, совала ему въ лице курицей, а дальше начала нецеремонно дергать его за рясу. Мелхиседекъ разсердился.

— А ты проклятуща! Якъ ты смієшъ смыкати мене за рясу? Геть пишла къ нечистому! Иди соби зъ курми до свого Лейбы.

— На що мени ити до Лейбы, коли я васъ, Господи, якъ люблю; хай вамъ Богъ дасть здоровья. На що мени ити до Лейбы, коли я й теперъ коло свого Лейбы, сказала жидовка и кинулась обнимать Мелхиседека.

Мелхиседекъ схватился съ мѣста и прыснулъ, точно понюхалъ крѣпкаго табаку. Вокругъ раздался хохотъ. Жидовки не вытерпѣли и также расхохотались.

— Чи це ты мене не пизнавъ? а хиба-жъ я тебе не люблю?

Мелхиседекъ вытаращилъ глаза. Онъ только теперь по голосу узналъ жену свою Марту. Предъ нимъ стояла истая жидовка въ наушникахъ, съ шелковыми начосами, въ старенькомъ капотѣ со спущеннымъ однимъ рукавомъ, въ старыхъ патинкахъ.

Марта однако такъ измѣнила голосъ, такъ искусно въ разговорѣ поддѣлалась подъ говоръ и всѣ пріемы жидовокъ, что ее никакъ нельзя было узнать. Наушники, начосы, капотъ, патинки—все это взято было у жидовъ въ корчмѣ; въ добавокъ къ этому Марта выпачкала сажею лице, разрисовала брови, понатерла калиной и яичнымъ желткомъ щеки такъ, что сдавалась пожилою и длиннолицею. Жидомъ нарядился одинъ академистъ, роль второй жидовки исполняла одна пріѣзжая дьячиха.

Въ клунѣ поднялся смѣхъ и говоръ. Жидовъ узнали, но роль ихъ еще не была окончена. Жидъ крикнулъ »музыкамъ«, чтобъ играли жидовскій танецъ. Переодѣтые комедіанты пошли танцовать по жидовски, держа въ рукахъ куръ и утокъ. Жидовки выступали одна противъ другой тихо, плавно, поводя граціозно станомъ и руками. Жидъ мѣрно переходилъ отъ одной къ другой, выдѣлывая граціозные пируэты, страстно глядя въ очи, осматривая сзади. Музыканты заиграли быстро, жидки подхватили полы и пошли стольже быстро выкидывать ногами; пейсы, полы тряслись, куры, корзины болтались; всѣ помирали со смѣху. Въ концѣ всего танцовали, повернувшись спинами другъ къ другу: стали подскакивать на обѣихъ ногахъ, но не разомъ, а одинъ за другимъ, какъ ступы въ мельницѣ, толкая другъ друга спинами. Картина была такъ за-

бавна и смѣшна, что въ клунѣ поднялся не смѣхъ, а просто гвалтъ. На шумъ со всего двора и кухни сбѣжались парубки и дѣвчата, погоничи, наймиты и наймички смотрѣть »кумедію«. Натѣшивши компанію, жидъ бережно взялъ своихъ дамъ одну по другой подъ мышки и снесъ ихъ на стулья. Жидовки взяли въ руки по курицѣ и будто вѣерами обмахивали свои разгорѣвшіяся лица. Пошли шутки, приставанья; но актеръ и актерки, исполнивъ свою роль, шибко убѣжали.

Завтракъ все тянулся: подбавлялись закуски и питья, гости выпивали, ѣли и весело шумѣли. Въ полдень Прокоповичка велѣла подавать обѣдъ. За обѣдомъ шло непрерывное потчиванье; выпита была масса водки и наливокъ, но пьяныхъ не было. Потчивали попеременно хозяева, молодые, кто либо изъ родныхъ. Шли нескончаемыя причитанья, пожеланья, припрашиванья и отнѣкиванья: пока рюмка переходила отъ одного конца до другого и возвращалась на старое мѣсто, у выпившаго хмѣль вылеталъ изъ головы. Съ такими-же передышками, облегченіями шло потребленіе обѣда; съѣдена была неимовѣрная масса вареного и печеного: порѣшили кабана, съѣли полъ быка, несчетное число куръ, гусей, утокъ, индюковъ, а гости не уставали ѣсть. Подали сладкое, мучное: хрустъ, маковники, разные коржики. Хозяинъ обратился къ женѣ:

— А що, паниматко! чи не ма въ тебе чого мицнищого одъ цеей гирькои. Щось наша горилка не дуже бъе въ голову. Тягнемъ, тягнемъ, а въ голови не шумить. Тыбъ зварила намъ варенухи, або що.

— Я вже й зварила, безъ твого приказу, сказала Прокоповичка и послала въ пекарню молодицъ за варенухой.

Молодицы принесли два горшка варенухи. По клунѣ разносился запахъ вареной водки, меду, гвоздики, перцу и всякаго коренья. Охотники до варенухи даже облизывались. Прокоповичка наливала варенуху въ разнокалиберныя чашки, стаканы и большія рюмки. Сильный запахъ перцу съ медомъ дошелъ до другого конца клуни, гдѣ сидѣли жидки музыканты. Жидки загерготали и зацмокали языками. Батюшки дразнили ихъ черезъ »токъ«, показывая имъ чашки зъ варенухой.

— Ну, отець Мелхиседекъ! теперъ начувайся. Писля цеей варенухи пидешъ и ты въ танець, смѣялся о. Степанъ.

— А ну попробую, чи пиду въ танець, чи зостанусь на мисти и нигъ не пидведу, сказалъ Мелхиседекъ.

Пока гости смаковали и хвалили варенуху, въ дворъ вошли цыгане и направлялись къ клунѣ. За ними гналась цѣлая стая собакъ. Впереди шли двѣ »плащуватыя« цыганки, закутанныя съ головы до ногъ въ разноцвѣтное тряпье. У одной за спиной торчало въ мѣшкѣ дитя, грязное, закоптѣлое, почти голое. Цыганки обвѣшаны были щетками и пучками веретенъ. Рослый, черный, косматый цыганъ едва выглядывалъ изъ кучи решетъ, ситъ и подситковъ, которыми былъ обвѣшанъ спереди и сзади. Цыганки вошли въ клуню и направились къ гостямъ, показывая имъ щетки и веретена, цыганъ совалъ матушкамъ решета и сита, выхваляя свой товаръ. Одна изъ цыганокъ подошла къ Онисѣ, взяла ее за руку и стала ворожить.

— И поздоровъ тебе, Боже! Дай тоби викъ довгій! Отъ дай свою билу рученьку, я тоби всю правду скажу. Ты щаслива и вродлива, довго будешъ жить; будешъ мати двадцятеро дитей, кучерявихъ, гарнихъ та чорнявихъ, якъ свята земля. Поклади-жъ мени на руку золотого, я тоби ще иншу правдоньку скажу.

Онися положила на руку цыганкѣ злотый.

— Спасиби тоби, молодая пани! Богъ тебе благословить. Будешь мати тридцятеро сандушкивъ, будешь жити зо сто рокивъ та ще не помрешъ. Ты будешъ головою въ доми, будешъ верховодити надъ панами, надъ жидами. Твои сандушки будуть кучеряви та чорняви, якъ въ комини сажа. А будешъ богата, якъ свята земля и николи не вмрешъ...

Гости разсмѣялись. Послѣ разыгранной жидами »кумедіи« трудно уже было кого-либо ввести въ заблужденіе. Въ новыхъ комедіантахъ всѣ узнали двухъ дьячихъ и чорнаго пучеглазаго богуславскаго дьяка. »Музыки« заиграли. Цыганъ повелъ цыганокъ въ танецъ, и онѣ начали настоящій дикій цыганскій танецъ: поднявъ свои лохмотья, они изумительно быстро въ тактъ музыки неслись по току, щелкая языками, всплескивая приподнятыми руками, откидывая головы назадъ, кружась на одномъ мѣстѣ, страстно вздрагивая бедрами, икрами, всѣмъ станомъ. Цыганъ выдѣлывалъ »халяндру«, немилосердо колотя себя пятами, при чемъ сита и решета, колотясь другъ о друга, вторили музыкѣ. Послѣ

танцевъ цыгане безъ церемоніи попросили себѣ варенухи, сѣли за столами между гостьми и долго еще плели всякую небылицу и ворожили батюшкамъ и матушкамъ.

Перевалило за полдень, обѣдъ все еще тянулся. Приданки запѣли:

А все тута не по нашому,
А все тута не по вашому.
А снидання до обидання,
А обидання ажъ до полудня,
А полудень ажъ до вечери,
А вечеря ажъ о пивъ почи!

Варенуха развеселила гостей, но не споила ихъ. Матушки и молодицы разъохотились пѣть, а потомъ пустились танцовать. Танцовали и пѣли до вечера, пока не настала пора для ужина. Опять молодицы потащили на столы всякую живность: ставились опять холодныя ноги, жареныя куры, гуси, поросята, вареники въ сметанѣ, мнишики, всякіе пундики. Неустанная чарка обходила столы.

Гости собирались уже вставать, какъ вдругъ подъ однимъ столомъ что-то сильно заворчало и заревло. Гости подумали, что подъ столъ залѣзла собака и не обратили вниманія; но спустя минуту послышалось новое, еще болѣе сильное рычаніе, и что-то схватило Мелхиседека за ногу. Мелхиседекъ почувствовалъ, что въ его ногу вцѣпились зубы, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ. Всѣ умолкли. Въ эту минуту изъ подъ стола вынырнула какая-то страшная, чорная и съ рогами голова и легла мордой на столъ. Рога, какъ у вола, морда черная, какъ сажа, зубы бѣлые, какъ снѣгъ, глаза налиты кровью. Голова зарычала. Всѣ вскрикнули. Въ одно мгновенье изъ подъ стола выпрыгнулъ огромный звѣрь и вскочивъ на столъ, сталъ на четырехъ лапахъ. Фигура звѣря походила на медвѣдя, вокругъ висѣла длинная шерсть. На головѣ однако торчали воловьи рога; вокругъ шеи повисли длинныя черныя космы, точно грива у льва. Звѣрь сердито водилъ глазами вокругъ, оскаливалъ зубы и издавалъ ревъ на подобіе медвѣжьяго. Всѣ шарахнулись отъ него и разбѣжались; поднялся крикъ и визгъ. Жиды перестали играть. Звѣрь повернулся два раза на столѣ, заревѣлъ, прыгнулъ со стола и бросился черезъ токъ къ жидамъ. Жи-

ды побросали инструменты, подняли гвалтъ и пустились удирать на другой конецъ клуни, гдѣ столпились гости. Медвѣдь погнался за жидами, поймалъ одного изъ нихъ, повалилъ на земь лапой и сталъ рвать зубами. Ой вей! Гвултъ! Ратуйте! кричалъ безъ памяти жидокъ. Медвѣдь поднялся на заднія лапы въ сторону жидовъ. Раздалось неистовое: гвултъ! Медвѣдь повернулся къ обмершему жидку и поднялъ его передними лапами вверхъ. Жидокъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Настала мертвая тишина: изрѣдка слышалось: ой вей миръ! Гости сбились въ одну кучу и глядѣли въ недоумѣніи; у болѣе трусливыхъ мигомъ вышелъ хмѣль изъ головы...

Мгновенно звѣрь принялъ позу человѣка, сорвалъ рога и покрышку съ головы, сбросилъ вывернутый шерстью тулубъ: предъ глазами зрителей очутился исполинскій дьякъ. Хохоту, удивленію не было конца. Дьячекъ пошелъ обмывать лице, а жидки еще не скоро пришли въ себя, чтобы быть въ состояніи опять играть.

Удовлетворенные искуснымъ представленіемъ гости принялись доканчивать варенуху.

Запѣли вновь молодицы, къ нимъ примкнули матушки, а потомъ на долго загудѣло все священство и почтенное дяковство. Пѣли сперва церковныя и просто набожныя пѣсни: *Съ небесныхъ круговъ, Преукрашенная, Дивное имя Твое, Стань Давиде зъ гуслями* и пр. и пр., при чемъ матушки и бабки то вздыхали, то набожно крестились; но потомъ пошли свѣтовыя пѣсни, козацкія, чумацкія и просто народныя: *А вже козакъ та й докозакувався, Козакъ душа правдива, А я чумакъ несчастливый, Ой на гори та женци жнуть, Ой за гаемъ, гаемъ* и пр. под. Пѣли хоровыя, пѣли въ одиночку: *Ходить гоминъ по диброви, Ой оре Семенъ* и пр. Не смотря на то, что поющіе были подпивши, въ общемъ выходило удивительно мелодичное пѣніе, глубоко дѣйствовавшее на всѣхъ; то пѣла простая, безхитростная жизнь, веселящаяся во всю свою широту. При хоровомъ пѣніи жидки подлаживались своими инструментами и вторили поющимъ. Выходило восхитительно. До полночи вся клуня пѣла и играла. Пѣли, казалось, ворота, пѣли сохи и присошки, кроквы и латы, даже самые снопки на покрышкѣ. Только въ полночь изнуренные цѣлодневнымъ весельемъ гости разбрелись по угламъ и уснули, гдѣ кому пришлось.

Во вторникъ утромъ, проснувшаяся свадебная компанія чувствовала уже потребность опохмелиться. Опять снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери, а вечеряли до полночи, и уже въ среду предъ вечеромъ *перезва*, состоявшая изъ болѣе близкихъ лицъ, поѣхала въ Ольшаницу къ молодому.

Ольшаницкія молодицы еще предъ свадьбою привели въ порядокъ домъ и дворъ Моссаковскаго: выбѣлили внутри, тщательно обмазали и побѣлили снаружи, помыли окна, вычистили дворъ, почистили и подмели дорожки въ саду. Родички Моссаковскаго, уѣхавъ раньше со свадьбы, наготовили всего и ждали гостей. Пока перезва доѣхала до Ольшаницы, на дворѣ совсѣмъ смерклось. Люди со всего села сбѣгались посмотрѣть на молодыхъ, на перезву и якъ »смалитимуть молоду«. На всей широкой улицѣ, которая вела чрезъ плотину ко двору Моссаковскаго, господари порастворяли ворота и на воротахъ поставили столы съ хлѣбомъ и солью. По всей улицѣ у каждаго двора лежали кучи соломы и обмолоченныхъ сноповъ. Перезва въѣхала въ село. Соломенные костры загорались одинъ за другимъ и скоро вся улица была залита огнемъ. Огонь освѣтилъ бѣлыя хаты, застланные столы, освѣтилъ группы людей около каждаго двора. Моссаковскій и Онися останавливались у воротъ и слѣзали съ повозки. Господари кланялись и поздравляли, молодые цѣловались съ поздравителями, оставляя по нѣскольку грошей на столѣ. Перезва медленно двигалась по улицѣ и уже поздненько доѣхала до плотины. Тутъ по всей плотинѣ надъ водою стояли горящіе кули соломы. Хлопцы разложили костры вездѣ: понадъ прудомъ, въ саду у берега, вокругъ церкви и по обѣ стороны воротъ у Моссаковскаго двора. Пламя освѣтило прудъ; вода блестѣла огнемъ. Церковь, домъ, садъ были видны, какъ среди дня. У двора и на дворѣ стояла масса народа и ждала молодыхъ. Еще разъ остановили лошадей подлѣ церкви, гдѣ за столомъ стояли староста съ старостихой, привѣтствуя молодыхъ хлѣбомъ-солью. Между двухъ горящихъ костровъ перезва въѣхала во дворъ. У крыльца выстроились молодицы »приданки«. Они встрѣтили молодыхъ свадебною пѣснью и съ пѣснью провели ихъ въ покои. »Приданки«, тутъ-же при себѣ держали дары, которыхъ молодые такъ много уже набрали въ Чайкахъ. »Музыки« заиграли на крыльцѣ и веселыя »приданки«, едва успѣвъ отдать дары, живо пустились

танцовать. Половина двора разомъ заплясала. Дѣвчата и молодицы стали въ большой кругъ и парами пустились въ метелицу. Костры пылали и обливали дворъ яркимъ свѣтомъ. Звонкіе голоса поющихъ перемѣшивались съ звуками музыки. Парубки и хлопцы то и дѣло подбрасывали солому въ костры. Огненный свѣтъ среди темной ночи, ярко освѣщенная кроваваго цвѣту вода, изступленные танцы, массы молодицъ, музыка и пѣсни давали картинѣ видъ чего-то дивнаго, миѳическаго, вакханальнаго.

Весь свадебный поѣздъ вышелъ на крыльце и долго любовался необычайной картиной, пока не потухли костры, пока не истомились молодицы въ непрерывныхъ танцахъ. Музыки и гости вошли въ комнаты, а за ними и »приданки«. Въ просторной свѣтлицѣ вновь начались танцы, но танцовали уже молодыя матушки, дьяконицы и дьячихи.

На накрытыхъ нѣсколькихъ столахъ поставлены были закуски и напитки. Онися потчивала »приданокъ«, а Моссаковскій господарей. До поздней ночи выпивали и танцовали, пока совсѣмъ не изморились и хозяева и гости.

Еще два дня тѣже и новые гости здѣсь, какъ и въ Чайкахъ, снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери. Только въ субботу разъѣхались по домамъ и то потому, что священникамъ надо было служить вечерню.

Въ воскресенье послѣ обѣдни собрались почетнѣйшіе хозяева, сдѣлали складку на постригъ Моссаковскому и проводили его въ Кіевъ. Староста припрегъ свою лошадь и отправился съ Моссаковскимъ въ путь. И родня Моссаковскаго и будущіе его духовныя и словесныя чада проводили Харитона за село; тамъ за цариною, подъ грушею усѣлись на травѣ, выпили, закусили и распрощались. Харитонъ поѣхалъ въ Кіевъ, а Онися съ отцемъ и матерью вернулись въ Чайки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

(Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. [1]) *(Литва и Бѣлоруссія— соч. Киркора).*

Въ типографскомъ отношеніи эта книга представляетъ собой едва-ли не единственное популярное историческое изданіе въ Россіи: разнообразіе иллюстрацій, чистота бумаги и отчетливость шрифта заставляютъ желать весьма не многаго. Точно также и со стороны содержанія она представляетъ громадный трудъ по части собранія и разработки историко-статистическаго и этнографическаго матеріала. Но къ сожалѣнію въ ней помѣщено нѣсколько очерковъ, составленныхъ и иллюстрированныхъ крайне тенденціозно. Таковы очерки: *народности литовскаго полѣсья, историческія судьбы, просвѣщеніе, народный трудъ и наконецъ названіе г. Вильны.*

Откровенно говоря, мы до сихъ поръ не можемъ дать себѣ яснаго отчета, для кого собственно и съ какою цѣлью они составлены и внесены въ эту книгу. Судя по языку, они очевидно предназначаются для русскихъ; но судя по направленію и тенденціямъ—для поляковъ. Можетъ быть еще третье предположеніе, но неблаговидное: они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ.

---

[1]) Заимствуемъ эту весьма любопытную библіографическую замѣтку съ нѣкоторыми сокращеніями изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ недавно полученномъ нами № 13 газеты »Русь« помѣщена какъ самая эта замѣтка, такъ еще болѣе любопытная статья проф. Кояловича, разъясняющая происхожденіе и характеръ изданія: ***Живописная Россія.*** Оказывается, что еще въ 50-хъ годахъ

Общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ чтенія этихъ очерковъ таково, что авторъ ихъ по чему-то ограничился только польскими источниками; на русскіе-же, особенно позднѣйшіе обратилъ весьма мало вниманія. Мы нигдѣ не встрѣтили даже намековъ на изданія виленской археографической коммисіи, Археографическій сборникъ виленскаго учеб. округа, Акты кіевской коммисіи, Акты витебскіе, спеціальныя сочиненія по исторіи церкви митрополита Макарія, по исторіи уніи профессора Кояловича, Памятники з.-русской старины П. Н. Батюшкова, Историческій очеркъ Вильны профессора Васильевскаго и многія другія. Исключеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было только для Туровскаго Евангелія, Бѣлорусскихъ пѣсенъ гг. Гильдебрандта, Безсонова, Шейна и одного акта с. п. археографической коммисіи, въ которомъ городъ Вильна называется В-и-л-н-о, и нѣкоторыхъ другихъ изданій, не касающихся политической стороны западно-русской жизни. Такое игнорированіе массы трудовъ и изслѣдованій русскихъ людей не можетъ быть не поставлено въ укоръ историческому изслѣдованію, появляющемуся на свѣтъ въ наши дни. Съ такимъ-же пристрастіемъ составлена и иллюстрація этихъ очерковъ, или вѣрнѣе этой части изданія. Вильна изображена съ той стороны, откуда видны только костелы и не видно православныхъ храмовъ; представлены выдающіеся дѣятели стороны польской и вовсе не представлены соотвѣтственные имъ дѣятели стороны русской.

М. О. Вольфомъ, о которомъ извѣстно, что это былъ выкрещенный польскій еврей, задумано было съобща съ польскими писателями издать *Живописную Польшу* въ старыхъ ея предѣлахъ, со включеніемъ Бѣлоруссіи, Литвы, Украйны, Волыни, Подоліи и Галиціи съ цѣлію удержать въ памяти поляковъ образъ ихъ ойчизны. Предпріятіе это тогда не состоялось, а послѣ возстанія 1863 г. стало совсѣмъ неудобнымъ. Въ 1878 г. тотъ-же Вольфъ придумалъ достигнуть той-же цѣли изданіемъ ***Живописной Россіи***, которое начато съ описанія указанныхъ, нѣкогда польскихъ провинцій, причемъ рѣшено было поручить эту работу польскимъ патріотамъ, а по выходѣ оной въ русскомъ текстѣ перевести и издать въ текстѣ польскомъ, чтобы за одно просвѣтить и русскихъ и поляковъ относительно польскаго характера тѣхъ провинцій. Для отвода глазъ къ описанію коренныхъ частей Россіи приглашены русскіе писатели и художники, а главная редакція поручена выдающемуся дѣятелю русской науки, предсѣдателю русскаго географическаго общества П. П. Семенову. Не дурной планъ и поистинѣ великая русская простота! Начало этой удивительной польской затѣѣ положено именно этимъ III томомъ ***Живописной Россіи***, но за смертію Вольфа въ 1883 г. дальнѣйшая работа пріостановилась.—Ред.

Мы съ большимъ интересомъ разсматривали изображеніе бракосочетанія Ягеллы съ польской королевой Ядвигой; но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній бракосочетанія литовскихъ князей съ княжнами русскими; разсматривали католическія процессіи на Жмуди, но не нашли соотвѣтственныхъ процессій другихъ вѣроисповѣданій; разсматривали высокомѣрную фигуру знаменитаго іезуитскаго проповѣдника Скарги, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній ни борцовъ сильныхъ (кн. Острожскаго, Льва Сапѣги, Воловичей, Огинскихъ и др.), ни борцовъ скромныхъ (Смотрицкаго, братьевъ Зизаніевъ, Симеона Полоцкаго и др.), которые съ одинаковой энергіей и самоотверженіемъ защищали интересы родные, православно-русскіе; мы нигдѣ не нашли даже такихъ личностей, какъ первые издатели литовско-русскаго законодательства, первые основатели западно-русскихъ типографій, первые дѣятели западно-русскихъ братствъ... На страницѣ 117 мы нашли цѣлую плеяду польскихъ писателей и ученыхъ и нигдѣ не нашли изображеній ни Георгія Конисскаго, ни митрополита Макарія, ни проф. Кояловича, ни П. Н. Батюшкова, ни Носовича, ни многихъ другихъ, не мало поработавшихъ на поприщѣ западно-русской исторіи. Словомъ сказать: мы нашли въ иллюстраціяхъ тоже самое освѣщеніе западно-русской жизни, которое слишкомъ ярко блистало въ 60-хъ годахъ въ Виленскомъ Музеѣ древностей, снимокъ съ котораго авторъ не забылъ однакоже помѣстить на стр. 108. Уже-ли авторъ, вносящій въ свой трудъ такое направленіе, думаетъ, что западно-русскій край и до сихъ поръ находится еще въ положеніи нравственно и политически закрѣпощеннаго хлопа, котораго можно гнуть въ какую угодно сторону и насиловать его политическія убѣжденія въ пользу какой угодно политической партіи? Est modus in rebus...

I.

Но перейдемъ къ частностямъ. Къ литовскому Полѣсью авторъ очерковъ относитъ цѣлыхъ три губерніи: ковенскую, виленскую и гродненскую; но тутъ-же оговаривается, что литва живетъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ виленской губерніи и одномъ уѣздѣ гродненской. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же литвѣ отдавать цѣлыхъ три губерніи? Гораздо проще и раціональнѣе провести настоящую этнографическую границу между тѣмъ и другимъ племенемъ и каждому отдать свое. Нельзя не упрекнуть по этому поводу Географическаго Общества, которое часто посылаетъ ученыя экспедиціи на дальній востокъ и мало обращаетъ вни-

манія на близкій западъ, въ которомъ до сихъ поръ еще ведется племенной споръ о границѣ. Передъ нами лежитъ этнографическая карта г. Мирковича, изданная славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Мы провѣрили ее по очерку »Живописной Россіи« и нашли довольно сходной, но только съ очеркомъ, а не съ дѣйствительностію. Мы позволяемъ себѣ остановиться на этомъ важномъ вопросѣ и высказать нѣсколько предположеній, основанныхъ на изученіи мѣстнаго народонаселенія.

По картѣ Мирковича отъ крайняго пункта литовскихъ населеній въ вилейскомъ уѣздѣ, съ востока на западъ до станціи Евье (троцкаго уѣзда), по масштабу нужно полагать до 70 верстъ; на этомъ значительномъ пространствѣ отмѣчены сплошныя литовскія поселенія; въ дѣйствительности-же это далеко не вѣрно. Отъ станціи Евье на сѣверъ и югъ встрѣчается еще смѣшанное народонаселеніе: есть деревни, говорящія на томъ и другомъ языкѣ безразлично. Намъ кажется, что эти послѣднія деревни слѣдуетъ считать настоящей этнографической границей между Литвой и Бѣлоруссіей, потому что въ нихъ до сихъ поръ представляется скрещеніе двухъ племенъ. Другія-же объясненія намъ кажутся очень гадательными. Если существуетъ ученое предположеніе, что западно-руссы врѣзались въ средину литовцевъ подъ ударами татаръ, то ему можно противопоставить другое, совершенно равносильное предположеніе, что литовцы еще раньше врѣзались въ середину бѣлоруссовъ подъ ударами меченосцевъ. Съ другой же стороны русскія лѣтописи говорятъ, что еще при Ярославѣ литва платила ему дань лыками и вѣниками. Положимъ, что дань была не важная, но важно было подчиненіе дикаго и воинственнаго народа русской власти. На чемъ же, спрашивается, опиралась эта власть? Очевидно на русскихъ поселеніяхъ. Отсюда понятно, почему Русь была первою, по сказанію одного изъ болѣе безпристрастныхъ польскихъ историковъ, Ярошевича, которая внесла въ это дикое племя свѣтъ христіанской вѣры и гражданственности безъ насилій и кровопролитій. Мы не можемъ отвергать, что литовцы и бѣлоруссы могли въ пограничныхъ осѣдлостяхъ передвигаться на ту, или другую сторону: мы даже скажемъ болѣе—въ такихъ случаяхъ они могли удерживать и свой преимущественный племенной обликъ; но мы утверждаемъ, что пограничныя поселенія, *на крайнемъ западѣ*, усвоившія себѣ тотъ и другой языкъ должны считаться дѣйствительными граничными поселеніями двухъ племенъ. Намъ помнится, что еще въ 1877 или 78 году мы говорили объ этомъ съ г. Кузнецовымъ, предпринимавшимъ этнографическую поѣздку на Жмудь; но что имъ сдѣлано въ эту поѣздку, мы до сихъ поръ не знаемъ, потому что въ Вильнѣ нѣтъ

даже въ публичной библіотекѣ тѣхъ номеровъ извѣстій географическаго общества, въ которыхъ должны были опубликоваться его труды. Допустивши такое предположеніе, мы должны будемъ совершено измѣнить этнографическую границу и въ составъ Литовскаго Полѣсья включить только губернію ковенскую и извѣстную часть уѣздовъ свенцянскаго, троцкаго и виленскаго. Тѣже литовскія поселенія, которыя встрѣчаются въ уѣздахъ: лидскомъ, ошмянскомъ, вилейскомъ и гродненскомъ, считать или позднѣйшими, или случайными. Вѣдь находились же литовскія поселенія еще въ XVI ст. въ староствѣ пинскомъ, экономіяхъ гродненской, кобринской: но эти поселенія отмѣчались въ актахъ, какъ *литва кн. Чарторыйскаго*, или другаго вельможи, т. е. какъ поселенія недобровольныя, и онѣ не могутъ приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи этнографической границы. Во всякомъ случаѣ этотъ пограничный вопросъ слѣдуетъ считать спорнымъ: этого требуетъ существованіе 12 православныхъ приходовъ въ троцкомъ и виленскомъ уѣздахъ, о насажденіи и поддержаніи которыхъ не заботились ни прежнее польское правительство, ни католическое, духовенство, ни крещеная въ католичество литва, а только исконое бѣлорусское племя этихъ уѣздовъ: а пока этотъ вопросъ не разрѣшится, не слѣдуетъ отдавать литвѣ трехъ губерній, а то, что слѣдуетъ.

II.

Къ *кореннымъ жителямъ* Литовскаго Полѣсья авторъ очерка причисляетъ и *поляковъ*. На стр. 11 онъ говоритъ: „польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши здѣсь не много; но коль скоро многіе бѣлоруссы и литовцы усвоили себѣ польскую національность, польскій языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польскіе нравы и обычаи, наконецъ коль скоро сами себя называютъ поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе“.

Эту новую теорію происхожденія коренныхъ національностей мы относимъ къ числу счастливыхъ историческихъ афоризмовъ.

До сихъ поръ право натурализаціи принадлежало или правительству, или народнымъ представителямъ, или же племеннымъ массамъ; но мы никогда не слыхали, чтобы это право принадлежало доброй волѣ отдѣльныхъ лицъ. Никто, конечно, не можетъ запретить извѣстнымъ людямъ, усвоившимъ себѣ чуждую ихъ племени національность, языкъ, нравы, обѣчаи, порвавшимъ съ своими предками всякую нравственную связь, считать себя тѣмъ, кѣмъ они хотятъ быть; но никто также не можетъ отнять права у правительства, или извѣстнаго племени считать

такихъ людей тѣмъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. А дѣйствительность ясно показываетъ, что такіе люди, съ точки зрѣнія остальной племенной массы, если хотятъ считать себя чужеземцами, то должны переселиться въ чужую землю, если же хотятъ оставаться среди ея, то должны считаться *„тубыльцами“*, отступившими отъ національности своихъ предковъ; но считаться *коренными чужеземцами* никакъ не могутъ, потому что такое соединеніе несоединимыхъ понятій противорѣчило бы законамъ человѣческой логики. Допустивши такую теорію происхожденія коренныхъ національностей, мы должны будемъ допустить, что могутъ на свѣтѣ возродиться коренные негры изъ парижанъ въ Парижѣ, коренные англичане изъ москвичей въ Москвѣ же и т. д.; словомъ мы должны будемъ допустить смѣшной абсурдъ и ничего больше..

Мы не говоримъ уже о томъ, что вопросъ: всѣ ли бѣлоруссы и литовцы, усвоившіе себѣ польскій языкъ и польскую цивилизацію, дѣйствительно считаютъ себя коренными литовско-русскими *поляками*, слѣдуетъ считать гадательнымъ и нерѣшеннымъ уже потому самому, что не можетъ же не поражать многихъ изъ нихъ своею очевидностію тотъ фактъ, что имъ гораздо выгоднѣе и легче войти въ соглашеніе со своими одноземцами *родичами*, хотя-бы и различными по вѣрѣ, и устроить съ ними извѣстный modus vivendi, нежели съ чуждыми имъ по происхожденію поляками, хотябы и одновѣрцами.

Но дѣло еще не въ томъ. Эти *коренные чужеземцы* позволяютъ себѣ насиловать политическія убѣжденія остальной массы народонаселенія и тащить ее за собой по волнамъ политическихъ приключеній. И по какому праву? Мы знаемъ, что во времена существованія Рѣчи-Посполитой мѣстная интеллигенція, духовенство и горожане (о простомъ народѣ мы не можемъ говорить, потому что онъ былъ тогда безгласенъ) никогда не считали себя поляками, хотя многіе изъ нихъ были фанатическими католиками и усердными подражателями польской цивилизаціи. Изъ многочисленныхъ депутатскихъ инструкцій мы знаемъ, что западно-русское и литовское дворянство очень ревниво охраняло свою политическую автономію и также настойчиво протестовало при малѣйшемъ ея нарушеніи со стороны короны: засидится-ли коронное войско въ какой-либо литовско-русской крѣпости—протестъ; заберетъ ли корона изъ литовскаго скарба деньги—протестъ; получилъ-ли какой-либо »короняжъ« на Литвѣ должность или имѣніе, хотя-бы на основаніи королевской привилегіи—протестъ, а привилегія объявляется подложной »*ad male narrata*«; нарушится ли очередное собраніе сейма—протестъ и т. д. Даже въ позднѣйшіе годы существованія Рѣчи-Посполитой, почти наканунѣ раздѣла Польши, дворяне пограничнаго съ Короной брестскаго воеводства чрезъ

своихъ пословъ требовали, 1) чтобы составлена была особая коммиссія для собранія древнѣйшихъ лит.-русскихъ законоположеній, которыя были или уничтожены позднѣйшими, или замѣнены въ пользу Рѣчи-Посполитой; 2) чтобы на сеймѣ не было постановлено ничего такого, что нарушало-бы права в. княжества литовско-русскаго, полученныя имъ на основаніи уніи и 3) чтобы исполненіе даже такой мелочи, какъ содержаніе двухъ татарскихъ пословъ въ предѣлахъ княжества, было поровну распредѣлено между Короной и Литвой [1]). Эти факты занесены въ актовыя книги бывшаго в. кн. литовскаго, хранящіяся частію въ Вильнѣ, частію въ Кіевѣ и частію въ Витебскѣ. Они ясно говорятъ, что не смотря на всѣ стремленія латино-польскаго правительства—подчинить себѣ литовско-русское княжество, не смотря на всѣ тайныя и явныя преслѣдованія православной вѣры и русской народности, этотъ край не утратилъ сознанія ни своей политической автономіи, ни національной самобытности, хотя эти послѣднія и были уже расшатаны и надломаны. Съ какого времени нѣкоторые мѣстные уроженцы стали титуловать себя *поляками*, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

III.

Между народностями Литовскаго Полѣсья авторъ очерка находитъ и *черноруссовъ*; онъ помѣщаетъ ихъ въ 3-хъ приходахъ лидскаго уѣзда. Считаемъ долгомъ замѣтить, что такого названія мы нигдѣ не встрѣчали въ западно-русскихъ виленскихъ актахъ; оно существуетъ только въ польской исторической литературѣ. Насъ удивляетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ сократилъ это племя до самаго ограниченнаго minimum'а въ то время, когда въ 1766 г. составитель географическаго словаря *Карпинскій* находилъ это племя въ губерніяхъ виленской, гродненской и во всей губерніи минской; учебникъ географіи 1770 г., изданный въ Варшавѣ для школъ, указываетъ на Черную Русь въ новогородскомъ воеводствѣ (ostatnie to woiewodstwo (новгородское) nazywa się pospolicie Rusią Czarną, стр. 257, Geographia powszechna, Warszawa, 1770 г.); а Encyklopedya Powszechna 1866 г. находитъ эту Русь и въ московскомъ княжествѣ Ивана III, и царствѣ польскомъ, козачизнѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ (Ст. Бартошевича). Ужели все это племя такъ быстро вымерло, что осталось только въ трехъ приходахъ?

О евреяхъ авторъ очерка отзывается съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Онъ выводитъ ихъ не изъ Польши, какъ объ этомъ говорятъ еврейскія же привилегіи и акты, а изъ Кіева. Должно быть, это были дѣти еврей-

---

[1]) Акты Вил. Арх. ком., т. IV и др.

скихъ миссіонеровъ, дурно принятыхъ св. Владиміромъ? О серьезной сторонѣ исторической и бытовой жизни этого племени авторъ умалчиваетъ, хотя касательно этого вопроса имѣются уже довольно значительные историческіе матерьялы и спеціальныя изслѣдованія. Таковы, напр., V т. Актовъ виленской археографической коммиссіи, акты, изданные проф. Бершадскимъ, его же спеціальное изслѣдованіе о древнѣйшихъ судьбахъ евреевъ и другіе, кромѣ изслѣдованій польскихъ.

Намеки на сеймъ 1788 года, когда Рѣчь-Посполитая проэктировала даровать евреямъ полныя права гражданства, слишкомъ неумѣстны. Мало-ли что могло обѣщать капиталистамъ евреямъ польское государство, стоявшее на краю гибели? Но мы лучше раскроемъ Volumina Legum и посмотримъ, чѣмъ владѣли евреи въ цвѣтущую пору этого государства? Въ это время евреямъ воспрещено было взимать пошлины, выдавать подъ росписки и векселя деньги, держать христіанскую прислугу, заниматься торговлей безъ опредѣленныхъ договоровъ съ христіанами, выходить на улицы во время христіанскихъ процессій, заниматься перекупничествомъ, запрещено было даже носить обыкновенныя шапки, кромѣ жолтыхъ. Кажется, въ настоящее время не существуетъ такихъ ограниченій!? Единственное, что разрѣшила и узаконила для евреевъ Рѣчь Посполитая - это *кагалъ*; онъ складывался подъ ея легкомысленнымъ владычествомъ, не смотря на продолжительные протесты со стороны самихъ же евреевъ, легъ тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь края и стоитъ теперь предъ христіанскимъ міромъ во всеоружіи *еврейскаго всемірнаго союза*. Съ этой точки зрѣнія Рѣчь-Посполитая оказала евреямъ величайшую услугу; но поработивши имъ всѣ остальныя племена края, положившія неизмѣримое количество своего труда и своихъ костей на культурное его развитіе, она совершила одну изъ величайшихъ несправедливостей.

Никто не можетъ отнять у автора очерковъ права высказывать къ еврейскому племени свои задушевныя симпатіи; но чтобы доказать его гуманность и безкорыстіе по отношенію къ другимъ племенамъ края, намъ кажется нужно представить болѣе вѣскія доказательства, нежели разсказъ объ отношеніяхъ одного фактора къ одному хорошему знакомому автора помѣщику, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Вѣдь оба они были полновластные распорядители крестьянскаго труда и капитала? Въ серьозномъ историческомъ очеркѣ такіе разсказы отзываются балагурствомъ добраго прошлаго.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ авторъ находитъ шляхетскія околицы и приводитъ подробности ихъ прежнихъ политическихъ правъ и отношеній къ магнатамъ, ихъ современные нравы и обычаи; но при этомъ

забываетъ пояснить, что эти околицы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой обломки древняго путнаго и панцырнаго боярства, частію превращеннаго въ хлоповъ, а частію облеченнаго въ шляхетство. Между такой шляхтой на Полѣсьи есть цѣлыя селенія, ни слова не говорящія по-польски. Авторъ вспоминаетъ о центральной ревизіонной коммисіи 1843 года, превратившей многія тысячи шляхтичей въ однодворцевъ и гражданъ, но забываетъ сказать, что на мѣста ихъ были созданы такія-же другія тысячи путемъ подкуповъ и фальсификаціи документовъ.

IV.

Въ VII очеркѣ, озаглавленномъ, »Просвѣщеніе и народное творчество«, на 101 стр. читаемъ: »мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ (православныхъ или католическихъ?). При виленскомъ р.-католическомъ соборѣ, а также при костелѣ св. Іоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ (несомнѣнно школы римско-католическія). *По всей вѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV ст. при православномъ соборѣ и другихъ церквахъ* (а въ дѣйствительности могли, пожалуй, и несуществовать?).

Можно-ли выразиться по поводу этого важнаго предмета злѣе и насмѣшливѣе? Вѣдь самъ-же авторъ въ началѣ 100 стр. говоритъ, что польская типографія была открыта спустя 22 года послѣ появленія русской письменности (т. е. печати?), »что эта письменность указываетъ на извѣстную степень нравственнаго развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ«. Только духовнаго содержанія!? Но я обращаюсь къ вамъ, величавыя тѣни гедиминовичей, ольгердовичей, какъ владѣтельныхъ князей; къ вамъ, первые издатели письменнаго литовско-русскаго законодательства, какъ современникамъ этой эпохи! разрѣшите намъ, своимъ потомкамъ это оскорбительное подозрѣніе: въ какихъ школахъ воспитывались ваши секретари, ваши юридическіе дѣльцы, творившіе судъ и расправу на языкѣ русскомъ во всѣхъ предѣлахъ л. р. княжества,—въ школахъ православныхъ или католическихъ? И вы, достойные представители и поборники западно русскаго просвѣщенія, скажите намъ, для кого вы открывали въ своихъ городахъ и помѣстьяхъ типографіи,—для своихъ одноземцевъ, или »*коренныхъ чужеземцевъ*«? Мы обезпокоили могильныя тѣни этихъ первыхъ проводниковъ и защитниковъ западно-русской гражданственности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность

ихъ чисто-русская, патріотическая, подвергается не только сомнѣнію, но и умышленному извращенію.

Какъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ страшна была русская школа и письменность для католическо-польской пропаганды, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы и Volumina Legum, указывающіе на неуклонное стремленіе ея не только подавить ихъ, но и совершенно уничтожить. Прочное, серьезное начало этимъ преслѣдованіямъ было положено тѣмъ самымъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который говорилъ о себѣ, что *онъ властвуетъ надъ людьми, а Господь надъ ихъ совѣстію.* Вотъ, напримѣръ, мандатъ этого толерантнаго короля виленскому старостѣ, въ которомъ онъ, *по жалобѣ р.-католическаго епископа,* строго предписываетъ запретить диссидентамъ скупать дома и плацы для постройки храмовъ, устройства школъ и братствъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и уплаты 10,000 копъ литовскихъ грошей пени. Все это староста долженъ былъ исполнять подъ маской доброжелательства: »*сохраняя миръ между диссидентами по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе* nullam novam scholam, vel delubrum, vel domum ad supra memorata exercitia et conventicula vel constitui permittat, pro gratia nostra regia aliter non facturus [1]).

Вотъ напримѣръ привилегія короля Яна Казиміра виленскимъ переплетчикамъ, выданная по ходатайству *виленскаго р.-католическаго епископа.* Въ этой привилегіи король предоставляетъ имъ право слѣдить, »чтобы никто изъ *диссидентовъ или еретиковъ не ввозилъ и не продавалъ въ Вильнѣ никакихъ книгъ, а также не открывалъ библіотекъ*«, въ противномъ случаѣ книги должны были подвергаться конфискаціи и поступать въ собственность переплетчикамъ по выморочному отъ короля праву [2]).

Въ 1794 году на основаніи конституціи гродненскаго сейма была составлена особая цензурная коммисія, состоявшая изъ *35 ксендзовъ* (для литовскаго полѣсья), на которую возложена была полицейская обязанность уничтожать всѣ книги, какія только находились въ библіотекахъ-книжныхъ складахъ, если онѣ заключали въ себѣ *ядъ противъ обычаевъ и римско-католической вѣры* [3]).

Сколько было уничтожено въ это время памятниковъ западно-русской письменности и печати, въ которыхъ находился диссидентскій ядъ противъ католицизма? Но ихъ было такъ много, что осталось еще

---

[1]) Акты Вил. Арх. ком., т. VIII.

[2]) Акты Вил. Арх. ком., т. X.

[3]) Акты Вил. Арх. ком., т. X.

значительное количество для истребленія и въ позднѣйшее время. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы вздумали покороче познакомить читателя съ правительственною дѣятельностію въ этомъ родѣ бывшей Рѣчи Посполитой; но передъ нами стоитъ XIX столѣтіе и мы торопимся приблизиться къ весьма важной эпохѣ западно-русскаго просвѣщенія.

Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи былъ князь Адамъ Чарторыйскій—сначала русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ попечитель виленскаго учеб. округа, наконецъ основатель Ламберова отеля и родоначальникъ королей несуществующаго королевства. Свою фамильную программу онъ развивалъ въ своемъ же помѣстьи Пулавахъ. По выраженію одного современнаго польскаго писателя Козмяна, »Пулавы сдѣлались польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разрушеніи большой Трои, основалъ Трою малую«. Отсюда стали развиваться новыя національно-польскія стремленія по всѣмъ предѣламъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Въ 1802 г. кн. Чарторыйскому было поручено проэктировать уставъ для виленскаго университета и учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощники къ нему прикомандированъ былъ, въ качествѣ визитатора училищъ, Ѳаддей Чацкій. Первый пригласилъ къ себѣ въ сотрудники ректора виленской академіи Стройковскаго, второй—Гуго Колонтая. Образовалось два центра просвѣтительной польской дѣятельности: одинъ въ Вильнѣ, другой въ Кременцѣ. Работа закипѣла. На нее обращены были невольные взоры польскихъ патріотовъ. »Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ по этому поводу Фр. Дмоховскій Колонтаю, намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ тѣмъ *организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на мѣсто учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ*. Но если учительскія мѣста заняты будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ, но безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли Императора таковы [1]), что позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было »правительство«. Но каково было ихъ разочарованіе, когда

---

[1]) Изъ записки гр. Огинскаго, поданной въ 1811 году Императору Александру I, видно, что Государь соглашался образовать изъ литовско-русскаго княжества—литовское герцогство съ мѣстной администраціей на польскомъ языкѣ. Русск. Архивъ, 1874 г.

Стройковскій долженъ былъ допустить въ своемъ уставѣ (составленномъ на основаніи общаго устава Россійскихъ университетовъ) §, по которому университетскій совѣтъ могъ приглашать на ученую службу и иностранцевъ. Противъ этого поднялась буря. »Виленскій университетъ, писалъ по этому-же дѣлу Дмоховскій Колонтаю, наполняется чужеземцами; тамъ будутъ нѣмцы, французы, итальянцы, англичане—словомъ вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать себѣ преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ большими затрудненіями. Объ этомъ можно только сожалѣть, но исправить трудно. *Гдѣ мы закладывали гнѣзда польскаго языка и польской литературы, тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансцедентalистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ*«. Колонтай по этомуже поводу писалъ Снядецкому: »въ своемъ проэктѣ онъ (Стройновскій) призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалилъ отъ себя достойныхъ поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти поляковъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ найдетъ ихъ, поставивши на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся виленскихъ ученыхъ?«. Но крутыя мѣры были несогласны съ политикой кн. Чарторыйскаго и дѣло обошлось въ пользу преобладанія польскаго направленія гораздо успѣшнѣе, нежели какъ опасались рьяные патріоты.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что намѣренія М. Н. Просвѣщенія были иныя. Графъ Завадовскій былъ противъ учрежденія округа въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, хотѣлъ отдѣлить юго-западныя губерніи и образовать особый округъ подъ главенствомъ университета кіевскаго. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ туда въ 1805 году; но Чарторыйскій не дремалъ и выслалъ къ нему на встрѣчу Чацкаго съ слѣдующимъ представленіемъ: »открывать новый университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно во 1-хъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ отъ с. з. края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; во 2-хъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія таковы, чтобы преподаваніе шло на языкѣ польскомъ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго—*не здѣшняго*, а право цер-

ковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли бы большого значенія, еслибы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе въ Кіевѣ университета останется дѣломъ очень спорнымъ, тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета«. Истинныя же причины нежеланія кн. Чарторыйскаго открывать университетъ и учебный округъ въ Кіевѣ были совершенно другія. »Какъ полякъ, писалъ по этому поводу Колонтай Снядецкому, князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія въ мѣстной суперстиціи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа оттого, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія«. По-русски это значитъ: князь Чарторыйскій не желаетъ открытія кіевскаго университета и округа оттого, чтобы не выпустить изъ-подъ своего полонизаторскаго вліянія нѣсколькихъ губерній и не нарушать традиціонной цѣлости границъ в. княжества литовскаго, въ которыхъ оно подчинялось Рѣчи Посполитой.

Опасность миновала, желанія Чарторыйскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ и бывшее великое княжество литовско-русское сдѣлалось поприщемъ для развитія въ немъ политики національно-польской. Протеста со стороны мѣстной интеллигенціи, не раздѣлявшей этого направленія, не только не послѣдовало, какъ это постоянно бывало во времена Рѣчи Посполитой, но и не могло послѣдовать, частію вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, измѣнившихъ отношенія новыхъ подданныхъ къ новому правительству. Съ этой поры с.-западной и юго-западной Руси суждено было безропотно и надолго подчиниться политическимъ проискамъ незначительной части людей, объявившихъ себя чужеземцами, и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія продолжительныхъ революціонныхъ движеній. Съ этой точки зрѣнія заслуги покойнаго митрополита Сѣмашки и архіеп. Антонія, примирившихъ уніятовъ съ православными, въ глазахъ потомства неоцѣненны. И ихъ то мы не нашли въ иллюстраціи живописной Россіи!

Какъ успѣшно велись дѣла ополяченія молодежи въ школахъ виленскаго учебнаго окуга, видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ коммисіи Новосильцова, проливающихъ яркій свѣтъ на это темное пятно западно-русской исторической жизни.

Изъ этихъ дѣлъ видно, что въ 1805 году еще *нужно* было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже *добровольно*

обрекали себя на жертву отечеству, а въ 1824 году во имя Польши *совершали уже уголовно-политическія преступленія.*

Самымъ довѣреннымъ лицемъ кн. Чарторыйскаго въ распространеніи его идей былъ Контримъ. »Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, писалъ объ немъ Новосильцовъ цесаревичу Константину Павловичу, »котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ очень долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части публики. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія, были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ Вильну«.

При содѣйствіи этого человѣка и многихъ другихъ, были основаны въ Вильнѣ многочисленныя тайныя общества, а по примѣру Вильны и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края. Таковы были общества: Шубравцевъ, Лучезарныхъ, Филоматовъ, Филаретовъ—въ Вильнѣ, Науковое и Моральное, Черныхъ братьевъ и Зорянъ—въ другихъ мѣстностяхъ края. Устраивались эти общества чуть ли не съ вѣдома самого университета. Такъ, по поводу визитацій Ходзько, Новосильцевъ доносилъ цесаревичу, что »этотъ дворянинъ былъ посылаемъ отъ университета въ качествѣ визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Заномъ (основателемъ общества Филаретовъ), состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но и между учителями«.

Въ своихъ засѣданіяхъ мальчики—политиканы произносили патріотическія—польскія рѣчи и стихотворенія, боготворили Наполеона и угрожали смертію сѣверной тиранніи; даже въ загородныхъ играхъ изображали изъ себя разныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой: воеводъ, старостъ, чашихъ, хоружихъ и т. д.

Вотъ откуда пошло къ западной Руси новое племя »коренныхъ поляковъ«. Впрочемъ это политическое броженіе, сдѣлавшее такой переворотъ въ жизни и національномъ сознаніи нѣкоторой части ея интеллигентнаго общества, авторъ очерка называетъ скромнымъ именемъ *романтизма.* Хорошъ былъ романтизмъ, когда выдающихся представителей его пришлось присудить къ смертной казни; мы разумѣемъ кн. Чарторыйскаго и профессора Лелевеля.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство не предпринимало никакихъ мѣръ къ искорененію такого крупнаго зла; съ этою цѣлью составленъ былъ даже спеціальный верховный комитетъ—изъ графа

Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцова; но мѣры указанныя ими, были чисто внѣшнія, палліативныя, и не выходили изъ предѣловъ строгаго надзора по средствамъ удвоеннаго количества инспекціи. Болѣе серьезныя мѣры были рекомендованы бѣлорусскимъ губернаторомъ кн. Хованскимъ, часть которыхъ и была осуществлена. Но мы не имѣемъ надобности входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого предмета, потому что это внѣ нашей задачи[1]). А изъ приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно ясно, что потеря сознанія національной самобытности нѣкоторой частью западно-русской интеллигенціи обязана преимущественно школамъ кн. Чарторыйскаго. Слѣдовавшіе за тѣмъ мятежи и общія карательныя мѣры наравнѣ съ политическими преступниками поляками, допущеніе польскаго языка въ школы, нѣкоторыя періодическія изданія и мѣстную литературу—не только закрѣпили эту связь съ польскими стремленіями, но, что всего печальнѣе, на долгое время сбили съ толку народныя массы на счетъ яснаго пониманія истиннаго положенія въ здѣшнемъ краѣ полонизма. Эта сбивчивость будетъ имѣть подъ собой твердую почву до тѣхъ поръ, пока польскій языкъ не будетъ замѣненъ другимъ языкомъ въ католическомъ богослуженіи.

V.

Основанія, по которымъ авторъ очерковъ старается сохранить орфографію названія города Вильны чрезъ о (Вильн-о), мы считаемъ слишкомъ недостаточными. Разберемъ это дѣло.

По литовски Вильна называется *Вильнюя* и происходитъ отъ древняго русскаго названія рѣки *Виліи* или *Веліи*; ибо литовское названіе этой рѣки есть *Нерисъ*. Вотъ почему Вигандъ весьма основательно Вильну считаетъ городомъ русскимъ: »*civitas Ruthenica*«.

За тѣмъ во всѣхъ древнихъ актахъ, которые намъ приходилось читать, городъ этотъ называется Вильн-а или Вильня. Такихъ названій мы видѣли по мѣньшей мѣрѣ тысячъ 60. Свою же орѳографію авторъ очерковъ основываетъ главнымъ образомъ на одномъ актѣ изданія с.-петербургской археографической коммисіи. Этотъ актъ есть списокъ ордынщины съ западно-русскихъ городовъ, которые имѣютъ слѣдующую орѳографію: Вильна называется Вилн-о; Ковно—*Ковенъ;* Гродно—*Городенъ;* Новогрудокъ—*Новогородокъ;* Брестъ—*Берестье;* Минскъ—*Менескъ* и др.; эти послѣднія названія, кромѣ Вильны, встрѣчаются и въ актахъ

[1]) Лицъ, желающихъ ознакомиться съ подробностями этого дѣла, мы просимъ заглянуть въ Русскій архивъ 1874 г., гдѣ была напечатана нами статья объ этомъ-же предметѣ.

позднѣйшаго времени. Въ этомъ же самомъ томѣ названіе Вильны съ окончаніемъ *а* и *я* встрѣчается разъ 15; такъ Иванъ III отправляетъ свою грамоту въ *Вильну*, а князь литовскій Александръ пишетъ свои грамоты у *Вильни* и т. д. Принимая во вниманіе, что единичные случаи правописанія какого либо слова должны считаться не правиломъ, а исключеніемъ, мы утверждаемъ, что Вильна должна писаться съ окончаніемъ *а*, или *я*, но отнюдь не съ окончаніемъ *о*, хотя это послѣднее и принято употреблять въ польской литературѣ, вѣроятно по аналогіи съ названіями городовъ Гнѣзн*о*, Лѣшн*о*, Сѣнн*о*, не имѣющими впрочемъ никакого значенія актовъ. Съ другой же стороны, если авторъ во что бы то ни стало желаетъ сохранить для Вильны названіе по вышеприведенному документу, то почему онъ не возстановляетъ актовыхъ названій и для другихъ городовъ, встрѣчающихся въ ордынскомъ спискѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь очевидное пристрастіе.

Вообще говоря, давно бы уже слѣдовало возстановить настоящія древнія названія западно-русскихъ городовъ, измѣненныя польской ореографіей, чуждой для языка русскаго и вовсе не обязательной. Если поляки стремятся всего имѣть въ этомъ краѣ больше, нежели сколько могутъ *получить*, то почему же русскимъ не отдать того, что имъ *должно слѣдовать*.

Въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ желанія автора набросить тѣнь подозрѣнія на виленскихъ мучениковъ, происхожденіе которыхъ онъ очень прозрачно приписываетъ тенденціознымъ дѣйствіямъ духовенства и св. синода.

Намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что жизнеописаніе виленскихъ мучениковъ помѣщено въ *Четьихъ Минеяхъ* московскаго митрополита Макарія, когда на Руси не существовало еще и патріаршества. Обстоятельство это ясно опровергаетъ мнѣніе автора, что съ 1347 года по 1826-й никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о мученикахъ не имѣется. Интересно знать, какое авторъ можетъ представить болѣе достовѣрное извѣстіе, нежели то, что память ихъ ежегодно чествовалась всей православной русской церковью? Согласіе св. синода съ заключеніемъ іерарховъ, осматривавшихъ святыя мощи, указываетъ только на формальную сторону дѣла, т. е. признаніе въ открытыхъ мощахъ тѣхъ именно мучениковъ, которые пострадали во времена Ольгерда; но происхожденіе мучениковъ не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, потому что оно относится ко временамъ старины глубокой, освятившей бытіе и память ихъ, наравнѣ съ другими поборниками христіанства на Руси, въ своей церковной лѣтописи.

Вообще въ сужденіяхъ автора часто встрѣчаются явныя натяжки, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что признавая за безспорный фактъ избіеніе въ Вильнѣ францишкановъ, во времена Ольгерда, относительно избіенія православныхъ мучениковъ онъ выражается болѣе, нежели двусмысленно, говоря: »въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностію«. Но почему-же для автора совершенно ясно избіеніе францишкановъ во времена этого-же Ольгерда? Такъ привыкла относиться къ событіямъ западно-русской жизни не *историческая критика*, а *тенденціозно-польская*, для которой только то истинно, что соотвѣтствуетъ ея интересамъ. Масштабъ этотъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи польскихъ историческихъ сочиненій, касающихся по-преимуществу здѣшняго края. Одно думать, другое говорить, третье дѣлать никогда не было чуждо критикамъ этой школы. Мы не злоупотребимъ терпѣніемъ читателя, если припомнимъ здѣсь, что говорилось этими людьми въ 1856 году при открытіи въ Вильнѣ музея древностей. »Не всѣмъ еще доступно, говорено было однимъ изъ выдающихся членовъ археологическаго общества, что археологія чуждается мелкихъ побужденій, современныхъ страстей, не обязана льстить народному самолюбію, и скопляя въ музеумъ памятники всего, что было живо и интересно въ минувшемъ, предоставляетъ исторіи изъ нагроможденныхъ данныхъ произносить приговоры, хвалить или осуждать. Она ищетъ не красоты въ лицахъ предковъ, но сходства... Да будутъ же девизомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій слова апостола Павла: Павелъ ли, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь или смерть, или настоящее или будущее, все наше: мы же Христовы, а Христосъ Божій«[1]) (I Кор. III, 22—23.

Но не прошло 5—6 лѣтъ, Виленскій Музей представилъ собой самое блистательное освѣщеніе жизни польской; спрятанъ былъ гдѣ-то въ витринѣ даже Литовскій Статутъ, принесенный въ даръ митрополитомъ Сѣмашкой, а сапѣжинскія старинныя русскія рукописи—въ нишѣ за шкафами были обречены на гніеніе.

VI.

Очень серьезнаго вниманія заслуживаютъ еще нѣкоторыя мѣста X очерка, носящаго названіе »*Народный трудъ*«.

На страницахъ этого очерка авторъ устанавливаетъ свои взгляды на отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцовъ и отчасти ремесленниковъ

---

[1]) Записки Вил. Арх. ком., ч. I. 1856 г., стр. 38—39.

изъ среды народа; высказываетъ сожалѣніе по поводу закрытія обществъ трезвости, хотя слѣды ея находитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по настоящее время; указываетъ на злоупотребленія волостныхъ чиновъ, безнравственность молодаго поколѣнія, занимающагося грабительствомъ и конокрадствомъ и, наконецъ, указываетъ на недовѣріе народа къ своему духовенству. Эти послѣднія строки такъ поучительны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ въ подлинникѣ:

›Трудно, говоритъ авторъ, съ увѣренностію сказать, улучшается-ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства (?). Въ ковенской губерніи, гдѣ почти сплошное населеніе римско-католическаго исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычаи. Въ виленской-же и гродненской губерніяхъ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прежнихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, *большею частію по выбору административныхъ свѣтскихъ властей, люди недостойные, не сознающіе своего долга и высокаго призванія. Народъ не довѣряетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника*. Понятно, что мы не имѣемъ въ виду всего духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкія‹ (стр. 215).

Мы не имѣемъ подъ рукой необходимыхъ данныхъ, чтобы поставить автора на документальную почву и показать крайнюю его односторонность; но двадцатилѣтняя наша жизнь въ краѣ все таки даетъ намъ возможность высказать нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ знанія условій мѣстной жизни, которыя въ случаѣ надобности могутъ быть подтверждены и фактами.

Отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцевъ и отчасти ремесленниковъ изъ мѣстной народной среды нельзя объяснять *преимущественною ролью земли* въ экономическомъ развитіи края, какъ это думаетъ авторъ. Разсмотрите акты, изданные въ Петербургѣ, въ Вильнѣ, Кіевѣ, Витебскѣ, и вы увидите, что лѣтъ 200 тому назадъ промышленность и торговля были очень сильнымъ ключемъ въ средѣ кореннаго литовскаго и бѣлорусскаго племени: здѣсь были купцы—христіане, торговцы—христіане, ремесленники—христіане, непришлые, а туземные; они имѣли свои братскіе уставы; многіе изъ нихъ отличались глубокимъ образованіемъ, богатствомъ и широкою благотворительностію, распространявшеюся на многія мѣста великаго княжества литовско-русскаго; многіе изъ нихъ вели обширную заграничную торговлю на собственныхъ ›витинахъ‹; но противъ

нихъ велась упорная, продолжительная и двойная борьба. Сверху вело эту борьбу дворянство, которое на каждомъ почти сеймѣ »*острило*« противъ нихъ ограничительный законъ, извѣстный въ Volumina'хъ Legum подъ названіемъ »lex sumptuaria«, снизу—кагальное еврейство, захватившее въ свои руки, при содѣйствіи этогоже дворянства, всѣ почти промыслы и торговлю края. Поговорите съ болѣе развитыми крестьянами и вы увидите, что они и теперь рады бы заняться торговлей и промыслами, но не могутъ вступить въ конкурренцію съ капиталистами евреями, дѣйствующими *одинъ за всѣхъ и всѣ за одного*. Что-же имъ остается, кромѣ *земли*? Ничего! Но это вовсе не значитъ, что земля тутъ виновата.

Общества трезвости дѣйствительно имѣли политическую подкладку и преслѣдовали не столько нравственныя цѣли, сколько исключительныя, направленныя къ упроченію вліянія надъ народомъ римско-католическаго духовенства, часто увлекавшаго его своими проповѣдями о трезвости въ ту сторону, куда народу идти не слѣдовало. Замѣнить *водку пивомъ*, какъ это и теперь еще практикуется нѣкоторыми старыми членами обществъ трезвости,—это не значило еще выучить народъ бережливости; а заставить членовъ пѣть разныя кантычки, отличавшіяся иногда духомъ нетерпимости и вражды къ Россіи,—это не значило учить народъ нравственности. Мы не желаемъ входить въ подробности этого предмета, потому что по нѣкоторымъ причинамъ признаемъ это неудобнымъ. Также точно находимъ неудобнымъ и со стороны автора упрекать правительство въ томъ, будто оно могло ставить преграды своимъ подданнымъ въ развитіи ихъ нравственнаго и экономическаго благосостоянія.

Злоупотребленія волостныхъ чиновъ по существу своему весьма прискорбны, какъ и всякія злоупотребленія; но должно быть они не повсемѣстны и не производятъ особенно дурнаго вліянія на благосостояніе народныхъ массъ, потому что въ XI очеркѣ »Живописной Россіи«, принадлежащемъ П. П. Семенову, представлены поразительные результаты увеличенія въ этомъ краѣ народонаселенія, которое за послѣднее 20-лѣтіе возрасло до 32%. Кто знакомъ съ законами статистики, тотъ пойметъ, что значитъ 32% увеличенія народонаселенія въ странѣ отъ природы не богатой и подверженной давленію еврейской эксплоатаціи.

Обвиненіе авторомъ молодаго поколѣнія въ безнравственности, не подтверждено никакими данными и можетъ имѣть значеніе чистаго предположенія. Можно думать, что онъ приписываетъ это печальное явленіе непосредственному вліянію правительственной школы, или-же отсутствію обществъ трезвости, или же ослабленію вліянія римско-католическаго духовенства... Во всякомъ случаѣ авторъ заявляетъ только личное свое мнѣніе, и не подтверждаетъ его ни фактами, ни ссылками, ни докумен-

тами, такъ что читатель по неволѣ долженъ теряться въ предположеніяхъ и догадкахъ, въ то время, когда дѣло это, по нашему разумѣнію, объясняется хоть съ одной стороны очень просто. Въ нашемъ краѣ до чрезвычайности развиты корчемные и кабачные притоны. Эти темныя гнѣзда всевозможныхъ преступленій всегда представляли и представляютъ собой легкую возможность сбыта награбленнаго добра и такое-же легкое укрывательство и подстрекательство къ занятіямъ подобнаго рода. Объ нихъ нельзя умалчивать, когда дѣло идетъ о грабительствѣ и конокрадствѣ, какого-бы то ни было поколѣнія—стараго или молодаго. Съ другой-же стороны гласный судъ обнаруживаетъ теперь самыя незначительныя преступленія, которыя въ доброе старое время отпечатлѣвались на спинѣ преступниковъ сельскими старостами, или экономами и покрывались мракомъ неизвѣстности. При такихъ условіяхъ и количество преступленій должно казаться значительно больше. Закройте корчемные притоны—и преступленія уменьшатся; закройте гласные суды—и вы ничего о преступленіяхъ не услышите.

Строки, выписанныя нами изъ очерка въ подлинникѣ, касательно народной нравственности и положенія въ краѣ римско-католическаго духовенства, отличаются крайней двусмысленностію, хотя и обставлены нѣкоторыми громоотводами, въ родѣ »мѣстности« и »православнаго духовенства«.

Смыслъ этихъ строкъ слѣдующій: народная нравственность уцѣлѣла только въ губерніи ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ-же виленской и гродненской, гдѣ вѣроисповѣданіе или смѣшанное, или-же по преимуществу православное, нравственныя добродѣтели народа изсякли. Изъ этого основанія можно вывести только одно слѣдствіе, что народныя добродѣтели существуютъ только тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ вѣра римско-католическая. Чтобы не ослаблять въ читателяхъ всей силы впечатлѣнія такого вывода, мы только слегка замѣтимъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жмудиновъ, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ, о конокрадствѣ-же и другихъ преступленіяхъ должны умолчать...

Но по причинамъ политическимъ, толкуетъ дальше авторъ, въ дѣла этой вѣры вмѣшались административныя свѣтскія власти, прежнихъ достойныхъ пастырей удалили, а на ихъ мѣста назначили людей недостойныхъ, въ которыхъ народъ видитъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.

Изъ этого основанія слѣдуетъ вывести уже два заключенія: *первое*, что правительство своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла римско-католической вѣры виленской и гродненской губерніи роковымъ образомъ повліяло не только на народную нравственность, но и на личныя добродѣтели самаго духовенства, которое вслѣдствіе этого упало до низкаго нравственнаго уровня правительственныхъ чиновниковъ; *второе*, что нравственность правительственныхъ чиновниковъ ниже всякой критики. Что касается православнаго духовенства, то авторъ хотя и упомянулъ о немъ вскользь, но не высказываетъ о немъ ничего опредѣленнаго, такъ что читатель опять остается въ недоумѣніи—лучше-ли оно правительственныхъ чиновниковъ, или хуже?

Мы не беремъ на себя труда судить о нравственности римско-католическаго духовенства, хотя и знаемъ, что она не подчиняется вліянію свѣтскихъ властей; не беремъ также труда судить и о нравственности правительственныхъ чиновниковъ, хотя и знаемъ, что они не ангелы, а люди, не избавленные отъ слабостей, заблужденій и увлеченій: для этого нужны факты, которыхъ мы не имѣемъ, а авторъ, къ сожалѣнію, ихъ не представляетъ; но не можемъ не отмѣтить здѣсь страннаго совпаденія взглядовъ автора на этотъ предметъ съ отзывами иностранныхъ польскихъ газетъ о нѣкоторыхъ римско-католическихъ пастыряхъ, принужденныхъ оставить нашъ край вслѣдствіе особенныхъ давленій нѣкоторыхъ властей не свѣтскихъ. Такіе, напримѣръ, отзывы были помѣщены о бывшемъ законоучителѣ одной классической гимназіи, достопочтенномъ о. С..... Въ этихъ органахъ онъ провозглашенъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія ксендзовъ-грабителей, ксендзовъ-развратителей... Но, скажетъ читатель, вѣдь этотъ законоучитель служилъ въ гимназіи, а не римско-католической семинаріи, и не могъ имѣть на нее вліянія, потому что она находилась въ Вильнѣ, имѣла своихъ спеціальныхъ наставниковъ и была внѣ сферы его деморализующей дѣятельности? Да, все это совершенно вѣрно; но тутъ »нужно знать, какъ вещи есть«, а онѣ очень незамысловаты: этотъ человѣкъ совершалъ по-русски римско-католическое дополнительное богослуженіе!... »Баснь эту можно-бы и болѣе пояснить«, но она не касается прямо »Живописной Россіи« и потому мы оканчиваемъ свои замѣчанія, предоставляя самому читателю судить о томъ, съ какою цѣлью составлены разобранные нами очерки и какую пользу они могутъ принести русской читающей публикѣ.

Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Составилъ В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.

Передъ нами объемистая книга въ 700 слишкомъ страницъ, посвященная старозаимочному землевладѣнію б. Слободской Украйны. Въ прошломъ году въ Харьковѣ-же вышла другая книга, принадлежащая г. Чижевскому и посвященная тому же вопросу. Тогда же на страницахъ »Кіевской Старины« появилась объемистая монографія г. Шиманова и моя статья, посвященная все тому же старозаимочному землевладѣнію въ предѣлахъ Слободской и лѣвобережной Украйны. Такое обиліе трудовъ объясняется прежде всего практическою важностью даннаго вопроса. Въ своей рецензіи на книгу г. Чижевскаго и брошюру гг. Гурова и Бродскаго мы постарались опредѣлить практическую важность старозаимочныхъ процессовъ, въ которыхъ заинтересованы десятки тысячъ потомковъ слободскихъ козаковъ, нынѣшнихъ крестьянъ харьковской губерніи. Неудивительно, что во всѣхъ названныхъ изслѣдованіяхъ (исключая одного) главное вниманіе обращено на *старозаимочные процессы*. Но ни одному изъ изслѣдователей не удалось ограничиться юридическими вопросами матеріальнаго права и судопроизводства. Въ рецензіи на книгу г. Чижевскаго мы указали, что затронутый вопросъ не ограничивается одною сферою юриспруденціи, а имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи и даже народной экономіи. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ высказаннымъ авторомъ разбираемаго нами Сборника, когда онъ говоритъ: ». . . . эти спорныя положенія представляютъ собою тѣмъ большій интересъ, что онѣ выдвигаютъ на сцену не одни только чисто спеціальные юридическіе вопросы изъ области права и судопроизводства, но въ равной, если не въ большей степени затрогиваютъ собою цѣлый рядъ вопросовъ изъ области исторіи, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основаніи старозаимочныхъ процессовъ легли права, которыя первоначально пріобрѣтены были, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, предками настоящихъ истцовъ — крестьянъ, малороссійскими выходцами, на земли, занятыя ими при первоначальномъ заселеніи мѣстности бывшей слободской Украйны (нынѣшней харьковской и части курской и воронежской губ.), путемъ заимки дикихъ, никому не принадлежащихъ земель«... вслѣдствіе этого »волею не волею пришлось поближе ознакомиться какъ съ общею исторіей той мѣстности, которая извѣстна была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ

подъ названіемъ слободской Украйны, такъ въ особенности съ исторіей возникновенія и образованія поземельной собственности въ этомъ краѣ...; все это, при отсутствіи вполнѣ обстоятельныхъ изслѣдованій по указаннымъ вопросамъ, побудило тяжущихся обратиться къ разсмотрѣнію и изученію значительнаго количества историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, относящихся къ періоду съ половины XVII в. до настоящаго времени«. И дѣйствительно въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Гуровъ очень часто обращается къ исторіи слободской Украйны вообще и ея землевладѣнію въ частности.

Обратимся теперь къ самому содержанію »Сборника« г. Гурова и посмотримъ, что онъ даетъ для уясненія вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи«. Сборникъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебныя состязательныя бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочныя земли, 2-й—рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованныя грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи.

Въ 1-й отдѣлъ входятъ: 1) прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжнымъ повѣреннымъ г. Гуровымъ, 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго харьк. казенной палаты, 3) апелляціонная жалоба того-же уполномоченнаго, поданная въ харьковскую судебную палату, 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу; послѣднее представляетъ блестящую критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ извѣстно, признаетъ старозаимочныя земли казенною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ положительныхъ указаній на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ этого цѣннаго изслѣдованія, потому что сдѣлали это раньше; а теперь перейдемъ къ другимъ отдѣламъ сборника.

Въ 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводитъ 5 положительныхъ рѣшеній окружнаго суда и палаты, дополняя такимъ образомъ пробѣлы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія; какъ видно изъ этихъ рѣшеній, судъ призналъ, что черкасы, колонизовавшіе слободскую Украйну, занимали пустопорожнія земли на правѣ полной собственности, которое не было ограничено и въ послѣдующее время разнаго рода административными распоряженіями, слѣдовательно, нынѣшніе крестьяне харьковской губерніи владѣютъ своими старозаимками точно также на правѣ полной собственности. Но не огра-

ничиваясь одними положительными рѣшеніями, г. Гуровъ приводитъ въ приложеніи и одно отрицательное (харьк. окруж. суда).

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ козакамъ слободскихъ полковъ; всѣ онѣ, (кромѣ одной, какъ видно изъ примѣчаній г. Гурова, разысканы имъ въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и харьковскомъ архивѣ губернскаго правленія).

Нужно впрочемъ замѣтить, что не всѣ онѣ являются въ печати въ первый разъ. Такъ грамота отъ 31 марта 7196 (1688) года козакамъ ахтырскаго слободскаго полка раньше была напечатана г. Чижевскимъ; для читателя, конечно, не имѣетъ никакого значенія тотъ фактъ, что грамота г. Гурова найдена въ архивѣ главнаго штаба, а грамота г. Чижевскаго—въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія. Грамота, данная слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г., раньше была приведена у г. Чижевскаго, Квитки и Филарета. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанію своему вполнѣ подходятъ къ тѣмъ, которыя напечатаны были раньше. Такова напр. грамота, выданная харьковскимъ черкасамъ 23 сентября 1659 г.; она вполнѣ идентична съ грамотой, выданной острогожскому полку и приведенной у Головинскаго. Тоже самое нужно сказать и о грамотѣ, данной 28 февраля 1700 г. козакамъ сумскаго слободскаго полка; она вполнѣ соотвѣтствуетъ грамотамъ, даннымъ другимъ полкамъ и приведеннымъ у Квитки, Филарета и Чижевскаго. Грамота 1669 г., данная сумскому полку, сходна съ жалованной грамотой, выданной острогожскому полку въ 1670 году и приведенной у Филарета и Головинскаго; грамота 19 февраля 1684 г. козакамъ изюмскаго слободскаго полка представляетъ, собственно говоря, подтвержденіе и дополненіе грамоты 17 февраля 1682 года. Изъ остальныхъ 9 грамотъ наиболѣе интересны слѣдующія: 4 ноября 1636 г. козакамъ слободскихъ полковъ, представляющая полную санкцію козацкихъ заимокъ; 25 февраля 1695 г. сумскому полку, подтверждающая освобожденіе отъ оброковъ; 20 декабря 1717 г. изюмскому полку, утверждающая высылку изъ предѣловъ полка пришлыхъ великороссійскихъ людей, поселившихся здѣсь безъ указа, и въ особенности 14 октября 1704 г. изюмскому полку, заключающая въ себѣ богатыя данныя для характеристики колонизаціи слободской Украйны. Остальныя пять гораздо менѣе интересны: одна изъ нихъ (10 іюня 1686 г.) говоритъ о мирѣ съ Польшей и не заключаетъ въ себѣ ровно никакихъ данныхъ не только для исторіи землевладѣнія, но даже для исторіи слободской Украйны вообще; вторая, третья и четвертая (28 февр. 1688, 7 мар. 1705, 1 сент. 1705 г.) освобождаютъ отъ оброчныхъ денегъ за мельницы,

борты и др. статьи; 5-я (12 декабря 1708 г.) похваляетъ за вѣрность во время измѣны Мазепы.

Замѣтимъ еще одну мелочь по поводу приведенныхъ грамотъ. Текстъ первой грамоты (1659 г.) напечатанъ неисправно или по винѣ корректора, или лица, переписывавшаго грамоту съ подлинника. Въ 5-й строчкѣ сверху 459 страницы напечатано: »и по святой Господней евангельской заповѣди«, а нужно читать: »и Его святыя Господня евангельскія заповѣди«, такъ по крайней мѣрѣ напечатано у Головинскаго и того-же требуетъ смыслъ рѣчи; въ 4-й строчкѣ снизу на той-же страницѣ вмѣсто »оное лично« нужно читать »одно лично«; въ 1-й строчкѣ снизу на той страницѣ вмѣсто »сыску« нужно читать »ссылки«.

Всѣ грамоты занимаютъ 63 страницы.

За тѣмъ слѣдуетъ 4-й отдѣлъ, гдѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; въ числѣ ихъ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ граней полковыхъ и сотенныхъ земель (харьковскаго и изюмскаго полковъ, липецкой и лебединской сотни), а также одного частнаго владѣльца—полковника Квитки. Почти всѣ онѣ извлечены изъ архива московской межевой канцеляріи.

Относительно этихъ документовъ нужно вообще замѣтить слѣдующее: они заключаютъ въ себѣ массу скучныхъ и безполезныхъ подробностей о граняхъ по урочищамъ и только въ промежуткѣ между ними попадаются цѣнныя указанія на характеръ владѣнія. Къ числу ихъ нужно отнести нѣкоторыя данныя объ общевладѣемыхъ полковыхъ и сотенныхъ земляхъ, общественныхъ лѣсахъ и т. д. Всѣ эти выписи занимаютъ 54 страницы.

Наконецъ 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разные документы, относящіеся къ старозаимочному землевладѣнію. Содержаніе ихъ самое разнообразное; здѣсь мы найдемъ и указы, и доношенія, и рапорты, и ордера, и приказы, и вѣдомости, и купчія. Большинство ихъ имѣетъ немаловажное значеніе для историка, а въ особенности для юриста. Таково, напримѣръ, доношеніе полковника Евстафія Данилевскаго въ правительствующій сенатъ 1742 года, заключающее тяжбу о землѣ изюмскаго полка съ ландмилицкимъ, или указъ государственной военной коллегіи гр. Салтыкову 18 марта 1754 г., рѣшающій споръ того-же изюмскаго полка съ бахмутской конторой за земли, или ордеръ харьковской полковой канцеляріи 17 февраля 1762 года, заключающій данныя о купленныхъ въ предѣлахъ полка старшиною и козаками земляхъ, или наконецъ выдержки изъ коммисарскихъ вѣдомостей о земляхъ слободы Хухры, города Лебедина съ слободами и селами. Въ особенности любопытны коммисарскія вѣдомости, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія по

всѣмъ селамъ харьковской губерніи и хранящіеся въ архивѣ харьковскаго управленія государственными имуществами; въ нихъ находятся самыя обстоятельныя вѣдомости о количествѣ населенія въ разныхъ слободахъ и принадлежащей каждому обывателю поземельной собственности; это нѣчто въ родѣ Румянцевской описи Малороссіи. Желательно было-бы, чтобы эти вѣдомости могли быть переданы въ архивъ, состоящій при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета: архивъ можетъ сдѣлаться центральнымъ для харьковской губерніи хранилищемъ всѣхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи слободской и лѣвобережной Украины. Не даромъ въ послѣднее время рѣшено ходатайствомъ о присоединеніи къ архиву малороссійской коллегіи старыхъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія.

Изъ документовъ нынѣшняго столѣтія весьма поучителенъ приказъ слободско-украинской казенной палаты хорошевскому волостному правленію отъ 24 января 1830 г., показывающій, какъ въ харьковской губерніи путемъ административнаго воздѣйствія насаждалась община. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого документа. Сенаторъ Горголій, ревизовавшій харьковскую губернію, замѣтилъ одинъ *важнѣйшій непорядокъ*, состоящій въ томъ, что »казенные обыватели владѣютъ общественными землями *не уравнительно* по числу душъ, въ семействѣ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати«, и поручилъ губернскому прокурору обратить на это дѣло серьезное вниманіе въ виду того, что отъ этого, кромѣ общественной пользы казенныхъ обывателей, *зависитъ сохраненіе самаго казеннаго интереса*«. »Вслѣдствіе чего нынѣ-же дано отъ него г. прокурора здѣшнему губернскому правленію предложеніе, дабы не оставило сдѣлать со стороны своей *строжайшія предписанія* всѣмъ здѣшней губерніи, какъ градскимъ и земскимъ полиціямъ обще съ г.г. городничими и земскими исправниками, такъ равно уѣзднымъ судамъ и стряпчимъ, дабы изъ нихъ градскія и земскія полиціи и уѣздные стряпчіе удостовѣрились, во всѣхъ ли трехъ поляхъ и сѣнокосныхъ мѣстахъ раздѣлены земли по числу душъ уравнительно, а буде въ которой волости еще таковаго уравнительнаго раздѣла не сдѣлано, то *строжайше понудивъ къ тому волостныхъ начальниковъ*, имѣть неослабное попеченіе, чтобы такое уравненіе было сдѣлано непремѣнно въ самой скорости,—и что въ каждой волости откроется, т. е. раздѣлены-ли гдѣ земли или нѣтъ, донесли губернскому правленію и казенной палатѣ безъ замедленія«... »Независимо отъ всего выше изъясненнаго, предлагаетъ казенной палатѣ, не благоугодно-ли будетъ сколь возможно поспѣшнѣе *строжайше предписать* отъ себя всѣмъ волостнымъ правлені-

ямъ о непремѣнномъ уравненія волостныхъ жителей землями по числу ревизскихъ душъ«.

Въ данномъ случаѣ радѣтели казеннаго интереса прикрывались еще идеей общественнаго блага опекуемыхъ ими казенныхъ крестьянъ; но эти-же казенные интересы вскорѣ потребовали того, чтобы земли б. войсковыхъ обывателей были признаны казенной, а не ихъ собственностью...

Подведемъ теперь итоги.

Рѣшаетъ-ли »Сборникъ« г. Гурова окончательно старозаимочный вопросъ? Во всей широтѣ его нѣтъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть расчлененъ на три другіе: 1) происхожденіе старозаимочныхъ земель, 2) сущность и внутренняя организація землевладѣнія и земледѣлія въ старозаимочныхъ земляхъ и 3) судьба старозаимочныхъ земель въ харьковской губерніи до послѣдняго времени.

Матеріалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣты на 1-й и 3-й вопросы, а 2-го вовсе не затрогиваютъ; впрочемъ и относительно перваго вопроса многое остается еще не выясненнымъ. Интересно было-бы знать, въ какомъ отношеніи была мелкая заимка простыхъ козаковъ къ крупной заимкѣ туземной старшины и прошлаго дворянства,—считалась ли эта послѣдняя дѣломъ законнымъ, или подвергалась какимъ нибудь ограниченіямъ; желательно было-бы знать, чѣмъ отличалась заимка слободскихъ козаковъ отъ заимки, имѣвшей мѣсто въ сосѣднихъ однодворческихъ селеніяхъ, а также другихъ мѣстахъ Россіи и т. д.

Что касается 3-го вопроса, то здѣсь желательно было-бы имѣть свѣдѣнія о количествѣ старозаимочныхъ дачъ въ концѣ прошлаго столѣтія (по коммисарскихъ вѣдомостямъ) и въ настоящее время и т. д.

Такимъ образомъ главнѣйшая и весьма цѣнная услуга »Сборника« г. Гурова заключается въ томъ, что онъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ и серьезныхъ соображеній доказываетъ принадлежность старозаимочныхъ земель крестьянамъ на правѣ полной собственности и опровергаетъ принадлежность ихъ казнѣ. Въ этомъ отношеніи »Сборникъ« г. Гурова даетъ несравненно болѣе, чѣмъ монографія г. Шиманова, который обратилъ главное вниманіе на *судьбу* старозаимочныхъ земель и въ особенности на тѣ административные эксперименты, которымъ онѣ подвергались, а вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ *оставилъ совершенно открытымъ*. Г. Шимановъ отождествляетъ старозаимочное землевладѣніе съ наслѣдственно участковымъ; но если и признать, что большая часть нынѣ существующихъ общинъ харьковской губерніи возникла путемъ административнаго воздѣйствія, то этимъ все-таки не рѣшается вопросъ *о первоначальной* формѣ земле-

владѣнія у слободскихъ козаковъ; положительныя доказательства г. Шиманова въ пользу существованія подворно-участковаго землевладѣнія въ XVII и XVIII в. не вполнѣ убѣдительны.

Такимъ образомъ старозаимочный вопросъ требуетъ еще новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій.

На этомъ мы и закончимъ разборъ интереснаго »Сборника« г. Гурова и отложимъ дальнѣйшія подробности для изслѣдованія о старозаимочномъ землевладѣніи, которое нами приготовлено къ предстоящему археологическому съѣзду въ Одессѣ.

Д. Багалѣй.

Александеръ Барвѣньскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884. 16°. 96 стр.

Львовское Общество »Просвѣта«, продолжая свою полезную издательскую дѣятельность серьезныхъ популярныхъ книгъ для народнаго чтенія, издало новую книжку »Исторіи Руси«. О предъидущихъ изданіяхъ этой серіи мы въ свое время дали отчетъ въ библіографическомъ отдѣлѣ »Кіевской Старины«. Новый выпускъ, составленный г. Александромъ Барвѣнскимъ, не только не уступаетъ прежнимъ по достоинствамъ содержанія и изложенія, но еще болѣе доказываетъ неоспоримый талантъ автора къ популяризаціи серьезнаго знанія въ средѣ своего народа.

Пятый выпускъ »Исторіи Руси« посвященъ исключительно очерку внутренняго быта западной Руси отъ времени династическаго соединенія Литвы съ Польшею (въ концѣ XIV столѣтія) до слiянія обоихъ государствъ въ одно политическое тѣло, т. е. до люблинскаго сейма 1569 года. Несомнѣнно, что очеркъ такой труднѣе всего составить для публики мало привыкшей къ серьезному чтенію. Не смотря на живой интересъ фактовъ внутренняго быта, на ихъ рѣшательное значеніе для судьбы всякаго народа, уразумѣніе ихъ требуетъ нѣкоторой привычки къ отвлеченному мышленію, къ обобщеніямъ и историко-философскимъ выводамъ; авторъ рѣдко только можетъ илюстрировать всѣ положенія рѣдкими примѣрами и драмматическими эпизодами и потому лишенъ возможности пользоваться возбужденіемъ чувства и воображенія у своего читателя, т. е. лишенъ самаго цѣннаго орудія для всякой популяризаціи знанія. Не смотря на эти трудности, г. Барвѣнскій исполнилъ прекрасно свою задачу, благодаря своему методу: онъ строго логически обдумалъ сюжетъ, развилъ каждую его часть ясно, логично и просто, особенно-же умѣлъ устранить все второстепенное, не важное и сосредоточилъ вниманіе читателя исключительно на существенныхъ чертахъ изо-

браженной имъ картины; онъ не затемнилъ ни разу главныхъ чертъ исторической картины и передалъ ихъ на столько рельефно и наглядно, на сколько ясно и отчетливо понялъ ихъ самъ, извлекши положенія свои изъ весьма численной и разнообразной исторической литературы, которою пользовался при составленіи своей книги.

Общій планъ сочиненія г. Барвѣнскаго построенъ слѣдующимъ образомъ: онъ разсматриваетъ вначалѣ вліяніе польскаго государства на тѣ области Руси, которыя раньше были покорены Польшею, т. е. на Русь Галицкую, Белзскую, Холмскую и Подольскую, и затѣмъ переходитъ къ очерку внутренняго быта Руси литовской. Въ каждой изъ этихъ двухъ областей западной Руси онъ разсматриваетъ бытъ отдѣльныхъ сословій: рыцарскаго, городскаго и сельскаго и затѣмъ состояніе православной церкви. Онъ съ полнымъ безпристрастіемъ констатируетъ на всѣхъ пунктахъ стремленіе со стороны польскаго правительства и общества къ подавленію русской народности, то удаленіемъ русиновъ отъ пользованія гражданскими правами, то льготами, которыя расточались исключительно только для католиковъ, то просто мѣрами весьма рѣзкаго и ничѣмъ не вызваннаго насилія.

Въ рельефномъ очеркѣ г. Барвѣнскаго мы наглядно можемъ наблюдать патологическій фактъ государства, которое упускаетъ совершенно изъ виду существенныя цѣли и обязанности всякаго государственнаго организма: удовлетвореніе законнымъ стремленіямъ своихъ жителей къ возможному матеріальному и моральному благоденствію и къ лучшему и всестороннему развитію своихъ силъ и вмѣсто того поставляетъ своею цѣлью неосуществимую въ антропологическомъ и культурномъ отношеніяхъ задачу—передѣлать національное начало части своихъ гражданъ или по меньшей мѣрѣ сдѣлать ихъ вѣчно пассивными слугами другой половины обывателей того-же государства. Помимо нелѣпости и безнравственности такой задачи, весьма рельефно, хотя вполнѣ безстрастно и объективно, представленной г. Барвѣнскимъ, всякій читатель, знакомый съ общими историческими законами чувствуетъ, что многовѣковая историческая неправда неминуемо должна вызвать историческую Немезиду, которая покараетъ тотъ политическій организмъ, который вмѣсто цѣлей благосостоянія и прогресса преслѣдовалъ въ теченіи трехъ столѣтій лишь несбыточныя затѣи самодурства и фанатизма. Въ минуту предшествовавшую первому появленію этой исторической Немезиды, послѣднимъ актомъ польской политической нетерпимости, т. е. люблинскимъ сеймомъ 1569 года и его ближайшими результатами заканчивается 5-й выпускъ »Исторіи Руси«.—Не трудно отгадать, что слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ козацкимъ возстаніямъ, и содержанія этого мы

ждемъ не только вслѣдствіе хронологической послѣдовательности, но и потому, что авторъ въ 5-мъ выпускѣ возбудилъ въ насъ сильное желаніе увидѣть картину возстановленія права и правды, попиравшихся столь долго и настойчиво и взывавшихъ столь долго и напрасно о справедливости.

Искренно желаемъ продолженія полезнаго труда г. Барвѣнскаго и глубоко убѣждены, что подобныя его сочиненію популярныя книги не только сообщаютъ своимъ читателямъ фактическія свѣдѣнія, но имѣютъ для нихъ серьезное нравственно-воспитательное культурное значеніе.

В. А.

Темнû мѣстця въ »Словѣ о Плъку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.

Достаточно просмотрѣть »Критическій очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ«, г. Барсова, или »Литературу Слова« со времени открытія его до 1876 г.«, чтобы убѣдиться, на сколько сильно интересовало и до сихъ поръ интересуетъ русскихъ ученыхъ это замѣчательное произведеніе русской письменности до-татарской эпохи. Да и какъ не интересоваться имъ? Изъ того отдаленнаго времени дошло до насъ весьма мало литературныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ лѣтописи, но онѣ искажены въ своемъ языкѣ позднѣйшими переписчиками; притомъ всякій, занимавшійся ихъ изученіемъ, согласится, что онѣ рисуютъ намъ одну внѣшнюю жизнь и что въ нихъ выражаются взгляды, стремленія, умственное богатство людей, которыхъ было немного на Руси въ то время, людей книжныхъ, большею частью монаховъ. Даже въ тѣхъ, иногда довольно большихъ отрывкахъ лѣтописей, которые видимо писаны рукою мірянина, излагаются факты внѣшней жизни: усобицы князей, ихъ счеты за столы, борьба съ сосѣдями и пр. Бытовыя извѣстія приходится собирать, какъ крупинки. Сохранившіеся въ весьма незначительномъ количествѣ юридическіе памятники не даютъ намъ также никакого матерьяла для характеристики современнаго имъ русскаго человѣка. Слова и поученія рисуютъ современное общество со стороны религіозной и нравственной, рѣдко общественно-бытовой. Въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«, независимо красотъ поэзіи, рисуется жизнь тогдашняго общества, даются меткія характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей, выступаютъ ясно временныя отношенія ихъ, выражаются взгляды на ходъ политическихъ событій того времени и политическіе идеалы княжескихъ дружинниковъ. Кромѣ указаннаго, въ авторѣ этого

художественнаго произведенія ясно сказывается человѣкъ по тогдашнему образованный: типъ дружинника съ его воззрѣніями на проходящую передъ нимъ жизнь, съ его вѣрованіями и предразсудками, съ его удалью и вѣрою, съ любовью къ родной землѣ и народной старинѣ, къ ея вѣрованьямъ и поэзіи.

»Слово о Полку Игоревѣ« имѣетъ обще-русскій интересъ, какъ единственный памятникъ поэзіи до-татарскаго періода; въ частности на немъ лежатъ слѣды южно-русской жизни. Этимъ памятникомъ одинако интересуются и историки, и изслѣдователи литературы, и лингвисты.

Но не смотря на общія усилія, въ этомъ памятникѣ остается еще много темныхъ, трудно объяснимыхъ мѣстъ. Являются постоянно новыя коньектуры. Трудъ, заглавіе котораго мы выставили, также посвященъ всецѣло разбору темныхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Нѣкоторыя догадки автора весьма остроумны, но нельзя сказать, чтобы онѣ не были всегда натянутыми. Ограниченные размѣромъ краткой замѣтки, мы приведемъ только два мѣста, отличающіяся, по нашему разумѣнію, особой натяжкой. »Се бо Готскія красныя дѣвы, говоритъ Слово о Полку Игоревѣ, въспѣша на брезѣ синему морю; звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Гусово«.... Готскія красныя дѣвы, говоритъ авторъ, что имѣютъ лебединыя крылья и тѣшатся »златомъ« непріятельской земли,—то извѣстныя въ миѳологіи германскихъ народовъ Валькиріи, также дѣвицы-воиницы (Schlachtjungfrauen), или дѣвицы-лебедки (Schwanenjungfrauen) и т. д. (28—29). Дива авторъ считаетъ нужнымъ искать также въ скандинавской миѳологіи (стр. 36). Авторъ не допускаетъ возможности, чтобы готы сохранили свою народность до XII в.; онъ даже сомнѣвается, осталась-ли хоть часть ихъ въ южной Руси послѣ общаго выселенія въ V в. подъ напоромъ гунновъ. Между тѣмъ готы сохранили свой языкъ и позже. Буздекъ, посланный въ 1565 г. римскимъ императоромъ въ Константинополь, передалъ исторіи списки готскихъ словъ. Въ IX в. богослуженіе совершалось у готовъ на родномъ языкѣ, и только въ XVIII ст. оно стало совершаться на татарскомъ. Русскіе поселенцы въ Крыму разсказываютъ о кладбищѣ при селеніи Біа-Салы: »нѣтъ, это не греческое кладбище. Старики наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это готвейское кладбище; сказываютъ, готва какая то еще прежде грека тутъ находилась«. Такъ долго держалось воспоминаніе о готахъ на Крымскомъ полуостровѣ. Оставшаяся часть готовъ занимала также Таманскій полуостровъ, и, по остроумной догадкѣ г. Васильевскаго, имя города Тмуторакани имѣетъ связь съ названіемъ тетрокситовъ, какъ именовались здѣшніе готы. Все, что получали половцы путемъ грабежа въ Руси, вымѣнивалось ими на пред-

меты роскоши въ черноморскихъ торговыхъ городахъ. Туда шло и русское награбленное золото, переходило въ руки торговцевъ, въ числѣ которыхъ были несомнѣнно и готы. И вотъ готскія дѣвы радуются русскому золоту, полученному ими отъ ихъ отцовъ и братьевъ. Чѣмъ больше была добыча, тѣмъ оживленнѣе торговля, тѣмъ больше прибыли черноморскимъ торговцамъ, тѣмъ больше радости готскимъ дѣвамъ. — Вотъ, по нашему мнѣнію, простой смыслъ этого мѣста Слова.

»Въ Словѣ о полку Игоревѣ«, говоритъ авторъ, »замѣтны три религіозныя стихіи: боги готовъ (Дѣвы, Готскія дѣвы, Стрибогъ, Бусъ) стоятъ на сторонѣ половцевъ; боги славянскіе (Дажбогъ, Хорсъ) выступаютъ больше нейтрально, пассивно...« и т. д. Почему именно готскіе боги стоятъ на сторонѣ половцевъ? Пѣвецъ Игоря хотѣлъ искуственнымъ образомъ увеличить поэтичность своего произведенія? Онъ уже не могъ помнить скандинавской миѳологіи, ибо никакихъ слѣдовъ скандинавизма не осталось на Руси въ XII в., какъ исчезъ онъ уже и въ X ст. Достаточно толковали о норманскомъ происхожденіи Велеса, Перуна, и пора-бы перестать отнимать природныхъ боговъ у славянъ.

Но г. Партыцкій идетъ еще далѣе. Онъ видитъ норманов—бояръ даже въ XII в. Князь Святославъ Всеволодовичъ разсказываетъ свой извѣстный сонъ боярамъ. Г. Партыцкій, объясняя это мѣсто »Слова«, говоритъ слѣдующее: »Князь говоритъ и думаетъ по русски, у него »моутенъ« значитъ неясный; а бояре въ этомъ »моутенъ« слышатъ скандинавское выраженіе: »muot-енъ—отъ muot-a—походячій, Божій. Въ сѣверной миѳологіи Muot означало тоже, что Воданъ (61). Князь говоритъ: »въ Кыевѣ«, а боярамъ чудится въ Skialf'ѣ, т. е. Wala-skialf'ѣ, палатѣ Водана«. Словомъ выходитъ, будто кіевскіе и черниговскіе бояре XII в. плохо понимали русскій языкъ и были пропитаны скандинавскими вѣрованіями и преданіями. Съ такими объясненіями никто, конечно, не согласится.

Впрочемъ нѣкоторыя толкованія автора, на нашъ взглядъ, кажутся очень интересными. Напр. слово »папорзи« г. Партыцкій объясняетъ словомъ »папоротникъ«, какъ талисманъ противъ непріятельскихъ ударовъ (13—15). »Длъго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла«. »Запалà«, по автору, есть аористъ отъ глагола »запалати«, а »заря« есть родительный падежъ единственнаго числа. Все это мѣсто передается такъ: долго ночь меркнетъ: свѣтъ зари заблисталъ, мгла степи покрыла. Нельзя не согласиться съ г. Партыцкимъ, что пѣвецъ мастерски выясняетъ понятіе »меркнетъ« двумя послѣдующими предложеніями. Прекрасно, по нашему мнѣнію, у г. Партыцкаго и объясненіе другого мѣста въ Словѣ: »прысноу море полоунощи: идоуть съморчи мъглами«. Авторъ соединяетъ его

съ молитвой Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и Солнцу. Такая же образность выраженія есть у Шевченка въ его »Гамаліи«. Днѣпръ неустрашимо пронесъ слезы Ярославны къ морю. Море, замѣтивши слезы княгини, сейчасъ зашевелилось; изъ него поднялись безчисленные туманы, которыхъ оно посылаетъ въ помощь Игорю. Вѣтеръ понесъ ихъ на поля половецкія и покрылъ ими землю. Солнце уже не свѣтитъ такъ ярко: его лучи скрываются за туманами.

Въ концѣ своего труда г. Партыцкій проводитъ мысль, что пѣвецъ былъ родомъ галичанинъ, перешедшій въ число бояръ князя Новгорода-Сѣверскаго вмѣстѣ съ женой послѣдняго, дочерью галицкаго князя Ярослава. Мы не можемъ сказать, какъ сильны филологическія доказательства автора, но историческія не имѣютъ никакого значенія. Если пѣвецъ знаетъ Плѣсенскъ и Исканскую дуброву, находящіяся, по словамъ автора, въ Галиціи, то онъ также хорошо знакомъ и съ другими мѣстностями земли русской. Попытки, сдѣланныя г. Партыцкимъ (хотя мы и не можемъ согласиться съ многими изъ нихъ) для разъясненія темныхъ мѣстъ этого замѣчательнаго памятника литературы древней Руси во всякомъ случаѣ весьма интересны и явились плодомъ долгаго обдумыванія и тщательной работы. Трудъ г. Партыцкаго стоитъ того, чтобы на него было обращено вниманіе нашихъ филологовъ и историковъ.

По общности предмета не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу статьи г. Гонсіоровскаго, напечатанной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: *Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ*. Главный интересъ этой статьи въ попыткѣ разрѣшить вопросъ о языкѣ этого памятника. По мнѣнію г. Гонсіоровскаго, языкъ Слова о полку Игоревѣ представляетъ смѣсь древняго великорусскаго съ языкомъ вятиче-польскимъ. Чтобы дойти до этого положенія, авторъ долженъ былъ представить много изысканій и соображеній относительно развѣтвленія древне-русскаго языка и выдѣленія изъ него нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, при чемъ первое изъ нихъ онъ считаетъ прямымъ потомкомъ того языка, а въ вятичахъ и радимичахъ видитъ слѣды польскаго типа и происхожденія. Изъ всѣхъ общихъ и частныхъ соображеній г. Гонсіоровскаго основательнымъ и правдоподобнымъ можно считать лишь то, что образованія малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій нельзя объяснять позднѣйшимъ вліяніемъ на языкъ южно-русскихъ славянъ языка польскаго и что начало образованія этихъ нарѣчій надо искать въ эпохѣ до-татарской. Затѣмъ польское происхожденіе вятичей и радимичей есть не болѣе, какъ лѣтописная легенда, и фактъ переселенія этихъ племенъ изъ Польши къ берегамъ Днѣпра ничѣмъ не можетъ быть подтвержденъ;

съ другой стороны, считать великорусскій языкъ *прямымъ* потомкомъ древне-русскаго значило бы противорѣчить всей исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Руси славянскими племенами, претворенія ими аборигеновъ финскаго племени и образованія изъ этой смѣси особаго типа населенія и его языка. Поэтому и самая попытка г. Гонсіоровскаго разрѣшить вопросъ о языкѣ Слова о полку Игоревѣ, какъ построенная на столь шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ, не выдерживаетъ критики и лишена серьезнаго научнаго значенія.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РАЗСКАЗЫ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ О СТАРЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

Въ теченіи долгой моей службы, нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви кіевской губерніи.

Не смотря на свое скромное названіе и положеніе, Бѣлая-Церковь имѣетъ свою исторію, при томъ очень древнюю. Существуетъ мнѣніе, хотя и мало доказанное, что на этомъ мѣстѣ былъ древній Юрьевъ на Руси и каѳедра поросскихъ или юрьевскихъ епископовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи пр. Нестора. Какъ населенное мѣсто, освобожденное въ концѣ XIV в., при великомъ князѣ литовскомъ Олгердѣ отъ власти татаръ, Бѣлая-Церковь упоминается въ хроникѣ Стрыйковскаго. Болѣе опредѣленная ея исторія начинается съ половины XVI в., со времени постройки здѣсь замка воеводою кіевскимъ, княземъ Семеномъ Глѣбовичемъ Проискимъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь, съ именемъ города, играетъ видную роль въ исторіи Польши и козачества, какъ важный стратегическій укрѣпленный пунктъ и какъ административный пунктъ одного изъ богатѣйшихъ старостествъ, или такихъ имѣній, доходы съ которыхъ, по усмотрѣнію польскихъ королей, давались знатнѣйшимъ сановникамъ въ государствѣ—русскимъ и польскимъ. Бѣлоцерковскіе мѣщане владѣли обширными земельными пространствами и угодьями, пользовались магдебургскимъ правомъ, т. е. имѣли

свой собственный судъ и управленіе. Какъ укрѣпленный замокъ съ гарнизономъ, Бѣлая-Церковь составляла предметъ постоянныхъ споровъ и захватовъ со стороны польскаго правительства и козаковъ и переходила изъ рукъ въ руки, въ особенности при Хмельницкомъ и Паліѣ, пока прутскимъ договоромъ не былъ положенъ конецъ правобережному козачеству и сегобочная Украйна не стала достояніемъ Польши до возвращенія ея снова къ Россіи въ 1794 г. Когда вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши, именно въ 1774 г. Станиславъ Понятовскій раздаривалъ польскимъ магнатамъ предоставленныя сеймомъ въ личную его собственность украинскія староства, Бѣлая-Церковь съ ея обширнѣйшимъ округомъ, при населеніи свыше 100,000 душъ, досталась участнику дебошей короля, толерантному во времена расправы съ гайдамаками региментарю польскихъ войскъ, нынѣ коронному гетману, Ксаверію Браницкому, а Екатерина, чтобы еще болѣе склонить этого послѣдняго на сторону Россіи, женила его на одной изъ пяти племянницъ князя Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, по смерти дяди своего увеличившей бѣлоцерковское староство полученными по наслѣдству обширными имѣніями въ черкасскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ. Польскіе магнаты, вторя какъ-бы объявленному Екатериною въ 1783 г. закрѣпощенію лѣвобережной Украйны, закрѣпостили въ правобережной Украйнѣ всѣхъ вольныхъ людей, отбросивъ въ сторону грамоты королей и великихъ князей литовскихъ раньше, чѣмъ наступило окончательное распаденіе Польши и Украйна возвращена Россіи. Такъ и Бѣлая-Церковь пришла подъ скипетръ россійскій не свободною, а рабскою и новый скипетръ только закрѣпилъ и усилилъ ея рабство. Съ тѣхъ поръ Бѣлая-Церковь стала извѣстна какъ резиденція богатѣйшихъ польскихъ пановъ въ Россіи, владѣвшихъ болѣе нежели 300,000 душъ и не рѣдко осчастливливаемыхъ высочайшими посѣщеніями. Устроенный здѣсь Браницкими, съ громадными затратами, великолѣпный садъ, подъ именемъ Александріи, придалъ Бѣлой-Церкви новую извѣстность въ глазахъ туристовъ.

Въ такомъ видѣ нашелъ я Бѣлую-Церковь въ 50-хъ годахъ, и странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжему человѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ,

какъ польско-жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданію, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви красовался панскій палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва виднѣлись остатки валовъ и рвовъ. Графини А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменныя церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и пр. и пр., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой-Церкви простиралось тогда до 20,000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство.

Но въ средѣ закабаленнаго люда были старики, помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большаго простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялись надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ съ вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногдажъ и на мѣстѣ записывалъ ихъ разсказы слово въ слово. Тому минуло 30 лѣтъ; разсказчики давно въ могилѣ, отъ ихъ словъ вѣетъ замогильной давностью. Тутъ своя исторія, не связная, не полная, не точная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи.

Подаю эти разсказы въ печать, раздѣливъ ихъ по именамъ повѣствователей, отчасти самому содержанію. Начну съ разсказа Бучинскаго, которому въ 1854 г. было уже 70 лѣтъ. Онъ служилъ въ русской арміи при Александрѣ Благословенномъ и Нико-

лаѣ I и дослужился чина прапорщика, а выйдя въ отставку, возвратился на родину и доживалъ свой вѣкъ на отцовскомъ пепелищѣ. У него хранился реестръ правъ и привилегій, данныхъ мѣщанамъ Бѣлой-Церкви польскими королями; у него-же была какая-то тетрадка съ записью объ основаніи Бѣлой-Церкви и замка. Тетрадку эту, по его словамъ, онъ получилъ отъ стараго польскаго жолнѣра, который, не имѣя нигдѣ пристанища, жилъ въ развалинахъ Паліевой церкви и питался подаяніемъ. Изъ этой-то тетрадки и почерпнуты имъ переданныя мнѣ свѣдѣнія.

---

1) Разсказъ прапорщика Бучинскаго.

Основаніе Бѣлой Церкви. Прибѣгъ воинъ, изъ *бояръ*, и сталъ на скалѣ, гдѣ теперь костелъ, а мѣсто вокругъ было пусто, не заселено. Со скалы увидалъ онъ дымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Шкаровка, а тамъ въ яру жила вдова *Била*, жена Матвія Бѣлаго, атамана разбойничьяго; она держала сотъ до семи разбойниковъ, б. товарищей своего мужа и хранила у себя ихъ добычу. Воинъ съ своей дружиной своевалъ бабу *Билу*, захватилъ въ полонъ всю ватагу и все добро ея и заставилъ плѣнныхъ разбойниковъ строить крѣпость, а на счетъ добытой казны соорудить здѣсь церковь, которую назвали *церковью билою, Бѣлою Церквою.*

Основаніе бѣлоцерковскаго замка. Когда начинали строить бѣлоцерковскій замокъ, изъ ольхъ, росшихъ на берегу р. Роси, выбѣжала, неизвѣстно чья, лошадь; лошадь поймали и живую закопали на сѣверо-западномъ углу крѣпости. На сѣверо-восточномъ углу закопали живаго пѣтуха. На юго-восточномъ углу закопали живою дѣвку; она несла воду ведрами, ее схватили и закопали. На юго-западномъ углу закопали какое-то животное—кошку или собаку. Ровъ крѣпостной шелъ отъ р. Роси, начинаясь между усадьбою доктора Познанскаго и Барановой, огибалъ графскія конюшни и церковную площадь и спускался къ рѣкѣ Роси за мясными лавками. По рву стоялъ палисадъ изъ огромнаго дубоваго частокола. Изъ палисада вели двое воротъ, однѣ были къ востоку отъ Паліевой-Церкви, гдѣ смолу продаютъ на поворотѣ дороги, у горба, на которомъ стояла Андреевская церковь, а другими воротами, стоявшими близъ двора Осмоловскаго, выѣзжали на бердичевскую улицу.

На берегу, у нынѣшней мельницы была хатка, въ которой помѣщалась стража для надзора за проѣзжающими. Лавки дрянныя находились на мѣстѣ нынѣшней становой квартиры. Въ самую крѣпость или замокъ въѣзжали подземными воротами, устроенными въ валу, на дворѣ нынѣшняго мельника—нѣмца, а подлѣ нихъ была маленькая церковь. Къ берегу рѣки изъ замка былъ подземный ходъ, а въ замокъ изъ города вела крутая лѣстница, которая сначала шла прямо, а потомъ поворачивала на право. На сѣверо-западномъ углу крѣпости стояла большая пушка, которая упала въ воду и тамъ осталась; ее было видятъ мальчики, ныряя въ воду при купаньѣ. Изъ замка чрезъ рѣку шла каменная плотина, которая въ засуху выступала наружу.

---

2) Разсказъ Андрея Мосципана.

Була колись *Коліивщина*, десь воно взялось зъ Чигиринщины; въ Жаботинѣ, въ манастыри якійсь то прійшовъ ажъ зъ Запорожья, а другій зъ Басарабіи. Були вони и коло Билои-Церкви, тутъ ихъ горозигнали. Вони стали якъ разъ, де теперъ коминотрусы, на горбочку; але якъ выпалили зъ пушки зъ замку, то такъ и убили самого старшого межъ ними предводителя, що бувъ таки зъ Билои-Церкви. Тоди вони утикать, геть туды къ Сквири потянулись, а въ руди покинули цилу бочку серебра на побережини, у Троцька, де и теперь Троцьки сидять. Такъ росказуе було батько, а ёму въ очаковську зиму було 18 литъ. Дидъ звався Сербинъ Иванъ, а батько Мусій Масципанъ.

Я ще памятаю, якъ Суворовъ сей край забиравъ. Прійшли москали—цилый полкъ, та и стали на выгони. Тутъ де Навроцькій сидить, була полкова церква. Насъ послали на ничъ за синомъ; вернулись зъ синомъ, ажъ нема ни москаливъ, ни церкви. Ажъ на другій день якъ показалась уже вся сила на Шкаровски гори, та стали зъ пушокъ стрилять холостыми, то за тимъ ввишли въ мисто, та польске тутешне висько и роспустили—такъ козаки (надворни) и розійшлись по домамъ господароватъ. Отже Степура, Шитковскій и Навроцкій, батьки нынишнихъ, служили въ тимъ виську.

Старый Браницкій заихавъ до Билои-Церкви въ саму очакивську зиму. Поля тоди були не миряни; уже въ три годы по

смерти Браницького помирали—за комисара Липомана; отъ ще за Бурковського не миряни були: де хто хотивъ, тамъ и оравъ.

Церковь стару (каменну), кажуть, збудувавъ Семенъ Палій; винъ бувъ лыцарь, алежъ чиномъ меньшій одъ Мазепы; Мазепа зиславъ ёго кудысь.

Въ очаковську зиму (1788 г.) на Ивана Купала обвалилась гора, що одъ Шкаровки (сосѣдняго села). Тоди саме й я родився. Троицькои церкви пипъ, отець Петро не схотивъ хрестить мене дома; сказавъ—пидемо съ процессіею на криныцю, що явилась на гори, то тамъ и охрещу ёго; тамъ мене и хрестили коло криныци. Обвалилась гора такъ: хлопци пасли скотъ на Шкаровській гори, бо тамъ бувъ чагаръ. Отъ прыйшовъ до ихъ якійсь старичокъ, тай каже: хлопци, втикайте! Тильки що одійшли, а вона и обвалилась, а тамъ въ провальи проявилась криныця. Вода іи була така помична, тяжко помична, якъ хто на очи слабіе; але-жъ прокляти нечысти (черти) и вбрались туды купатьця, тай спаскудили воду.

---

3) Разсказъ Авксентія Голяка.

О татарскихъ набѣгахъ. Худе время було колись; гирко було народови. Було, кажуть, стережись въ господи, стережись и на поли. Татаринъ було наниже на дрючокъ народу, сырицею позавязуе, та и жене. Отъ за магазиномъ [1]), въ Александріи [2]) есть могила Стрижовка (сторожевая); на тій могили було чоловикъ стоить зъ вихою, та и выгляда татаръ. То отъ куды виха похилилась, туды и народъ втикае. Або ось влизе було чоловикъ въ купину по шыю, голову накладе грязью, та и выгляда звидтиль на татаръ. На колинцяхъ було и дитей годують. А добро де хто мае, то було ховають то въ лиси, то въ яру, що и теперь зовеця »Добролеживкою«. Закопае було добро въ ямы, та хащемъ прикидае, та и втика въ лисъ, а въ ту пору коло Тараци [3]) лиса були таки не проходымы. А колись, росказували то ще стари люди, що чули отъ батькивъ, 40 литъ пусто було въ Билій-Церкви, народъ порозбигався. Ще про

---

1) Хлѣбный складъ гр. Браницкихъ.

2) Садъ гр. Браницкихъ.

3) Уѣздный городъ кіевской губерніи въ 40 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви.

дида сихъ Ярмоливъ було росказують. Прыйшлы два татарины, та и застали ёго, що топивъ пичъ. Отъ же одинъ каже: побижу ще до другои хаты, та и побигъ, а ты, каже, бери цёго. Ось заразъ, каже Ярмола татаринови,—загорну тилки пичъ; та нибы загортать, сунувся до печи, та якъ ухвативъ зъ печи горшокъ зъ окропомъ, та въ татарина, татаринъ такъ и впавъ, якъ порося опарене, ажъ очи ёму вылизли. Тоди Ярема ухвативъ татарина, одволикъ ёго зъ синей въ комору, въ засикъ и вкинувъ, тай давай утикать. Прибигъ зъ другои хаты татарюга, ажъ нема татарина, нема и Ярмолы. То уже не швыдко до господы довидавсь, ажъ той татаринъ засмердився, що и до коморы не навернутьця, ледви выкидали зъ коморы те татарьске падло.

---

4) Разсказъ Романа Валентого.

О гайдамакахъ. Було колись розбійство—гайдамащина така, нибъ то зъ Чигиринщины вона взялась. Прыйшли гайдамаки пидъ Билу Церкву, та и стали тутъ за броваромъ, за цегельнею, коло могилы. Тамъ бувъ пидварокъ (фольваркъ),—вони ёго спалили. Та отъ спаливши пидварокъ, взяли човенъ, насыпали сребромъ, та и закопали тамъ коло могилы. Отъ же и доси никто не потрапить, де те сребро лежить; це вже шукали де яки, та не пайдуть. Найстарпіій межъ гайдамаками бувъ Швачка, чибъ то ни—Бондаренко, отакъ здаеця. Та кажуть, що бувъ межъ гайдамаками якійсь и генералъ, тильки убравсь чумакомъ. Вони тильки постояли за мистомъ, ихъ одигнали. Звидтиль пишли вони въ Фастовъ, та тамъ ихъ и заарештовали. Людямъ вони ничого не робили, тилько ризали панивъ, та жидивъ, та грабили. Ось росказують було саливонци:[1]) ихавъ разъ ляшокъ зъ Кіева, по мужицьки убраный; зострили ёго гайдамаки и стали роспитувать, чи не ляхъ. Довго говоривъ, не пизнають, таки не пизнають; зусимъ уже бувъ выкрутився, тильки сказавъ якось: »допиро« (теперь), по цёму одному слову гайдамаки и пизнали, що ляхъ, заразъ и вбили ёго на тимъ мисти.

О возвращеніи Украины отъ Польши къ Россіи. Суворовъ прыйшовъ пидъ Билу Церкву въ саму Петривку. Москали такъ

---

[1]) Саливонки—предмѣстье Бѣлой-Церкви.

скрытно пидійшли Добролеживкою; ничого не було, а то заразъ на Заричьи стало війска, такъ якъ хмары. А самъ Суворовъ выйшовъ зъ козаками. Пидійшли до замку, до брамы; отступи, кричить польске військо, та и штыки понаставляли. »Штыки кидай«, закричавъ Суворовъ; тоди наше військо покидало все, та и пропустили Суворова съ козаками. А не було въ Билій Церкви польского війська бильшъ якъ одинъ шкадронъ, бо була змина. Тоди якъ стали москали пидходить, та бьють въ таки велики барабаны, та музыки грають; оттаке, що весь свитъ гуде, такъ весь выгонъ и заняли. Суворовъ чоловикъ соби не величкій бувъ, сухенькій, та жвавый; було ходить до Успенія въ церковь на службу, та и самъ на крыласи спивавъ, якъ росказуе було покійный Владиміръ, що дякувавъ. Владиміръ хотивъ и попомъ буть, та спизнывся, уже не можна було. А першъ, за уніи то и зъ мужыкивъ були попы, дасть 100 рублей, та и пипъ.

О Бѣлой-Церкви. Людей въ Билій Церкви було дуже мало, якъ зазнаю. И не знаю, на щожъ було 7 церковъ на таке мале мисто; мабуть давнише ще було бильшъ народу въ Билій Церкви. Тильки и мисця було, що коло старои церкви мурованои. А де Жулчинскій сидить, була церковь Петра и Павла, а де смолу теперъ продають жиды, тамъ була сама столична брама, въ неи було и грапъ (Браницкій) ѝде. А за брамою була церква съ трёма верхами, здаеця, звана Андрея Первозваннаго. Де крамныци теперь, то тамъ мы волы пасли. Бувъ ще старый будинокъ тамъ, де теперь скарбець, а цей уже за графини (А. В. Браницкой) построили; кухни то ще за Мнишка, стародавни.

По Суворови було ще симъ пятакивъ подушного, а изъ трёхъ хатъ одинъ ходивъ на панщину на шисть днивъ, та ще и 6 грывень дають ему на смолу, по грывни за день, а пишому за два дни плата—золотый.—Потимъ заѝхавъ до насъ грапъ, ѝхавъ отъ зъ Гребинокъ; старый уже бувъ чоловикъ, а вона молоденька. Та ще и за грапа не робили панщины. Першъ грапъ завивъ контрагенты заводами, та ставками. Потимъ якъ стали принужать людей до роботы, тоди найшлись три чоловики: Бучинській, Самко и Августиновичъ; поѝхали вони до Варшавы, та тамъ сидили пивтора роки, а звидсиль громадою все гроши имъ высылали, щобъ старались. Отъ и выходили вони тамъ право таке, що мы вольни.

Колижъ якъ дочувся графъ, запригъ кони, та за ными. Колижъ розминувся, а винъ бы ихъ тамъ и на смерть позабивавъ. Поки винъ ихъ шукавъ по сторонахъ, а вони въ Житомири те право и облятували (занесли въ книги апелляціоннаго суда). Тоди вернувся графъ, зъихали и судови, приказують: давайте права, а вони бояця подавать. Та вже Бучиньскій на вколишкахъ лизъ, та на шапци подавъ [1]). Тоди графъ, ничого робить, сказавъ: »Нехай уже тилки селяне роблять панщину«, и давъ таку бумагу, що написавъ золотыми литерами: »Оддаю мисце подобровольне«. Отже якъ потимъ взяли молодого Бучиньского въ рекруты, баба—жинка старого Бучиньского—за папиры, та до Кіева, думала, що по тымъ папирамъ вызволять сына. Де тамъ? Бумагу ту, що золотыми литерами, взявъ губернаторъ, та и заславъ до графа: тамъ вона и счезла. Баба и сына не вызволила и право запропастила. А то те само право, ще и теперь есть у Бучинського прапорщика.

Ще до Липпомана (управляющаго) не робили панщины въ Билій Церкви. Хоть робили було що, то ото въ субботу по реестрамъ и выплачують всимъ. А то уже стало за Липпомана: робили мы тыждень, не ма платы,—другій, третій, четвертый и пятый, не ма платы. Въ недилю по пятимъ тыжни приходимо до комисара, писарь каже: »заждить, пишовъ панъ до косціола«. Коли ось прыйшовъ зъ косціола; тоди писарь закликавъ насъ въ хату, та и каже: »ото добри люди, на паньскій земли вы сидите, робить же панщину, а платы бильшъ уже не мае«. Тоди взявъ, та и порвавъ передъ нами ти реестры, що пять недиль робили на плату. Отоди вже началась панщина.

Алексáндріи ще не було, якъ графъ зайхавъ. Мали садъ заводить за старымъ блихомъ и ямы уже покопали; ото тилки липа одна въ дворку за чугуннымъ заводомъ осталась съ того саду.

---

[1]) Отецъ упомянутаго прапорщика Бучинскаго, исхлопотавшій въ Варшавѣ урядовую выпись правъ и привиллегій, бѣлоцерковскихъ мѣщанъ. Опираясь на эти привиллегіи, онъ съ двумя другими уполномоченными добивался свободы отъ барщины, подобно жителямъ Черкасъ, Таращи и Звенигородки; но трудно было имъ отстоять это право, хотя Бѣлая-Церковь была дана Браницкому не на крѣпостномъ, а на старостинскомъ правѣ—*salvis juribus*, которыми пользовались мѣщане.

Бувъ у насъ колись то давно, кажуть, священникъ чи протопопъ Ковтунъ, Ковтуновскій: то то, де Александрія, бувъ ёго хуторъ колись.

Унія и благочестіе. Якъ графъ зайхавъ, то була ще унія. Графиня блогочестива була, и не ходила въ Успенську церкву до уніата. Скоро потимъ настало благочестіе, Успенська церква на самый передъ стала благочестивою.

Памятаю, якъ прыихали до насъ базиляне, чоловикъ шисть, а въ Успеньскій церкви зробили три престолы, такъ якъ въ косціоли; то кожный день було три службы мають и казань кажуть— народъ научають и держять въ церкви до двападцятого часу. Ото, зайхавши, базиляне взяли бумагу таку, якъ рядно, та й пишли съ процессіею по мисту, та й приказують: »посылайте дитей до церкви учиться!« То оце було сходимось вечеромъ до церкви, то три учать дитей виры, а три учать спивать писни. Якъ скоро котора дитина выучить, то було дають образки тому чи Варвары, чи Спасителя. То оце приходить до дому, та и хвалиться: ›ось мыни стилки и стилки образкивъ дали‹. Окроме учили хлопчикивъ, окроме дивчатокъ. Оце було пытаеця: »хлопци, скилько у васъ богивъ?« то хто скаже *одинъ*, а хто *три*, та зновъ за Тройцю пытае, та научае. Ото такъ чотыри недили учили насъ и службу отправовали. Ти сами писни и теперь знаю; я бувъ хлопець спрытный, було и образкивъ съ пять принесу отъ базилянъ. Народъ зъ силъ до церкви зганяли, та говорили, та приказували: ›кайтесь люди, бо земля трясеця одъ вашихъ грихивъ‹! Богу молиться учили насъ поповичи и дяки. Було дякъ не дасть квитка передъ сповидью, поки Богу не помолишься.

Петро Вошкунъ бувъ старый священникъ у Покровы. Высвятившись десь, не приставъ на унію; отъ же не правивъ, на бурку сидивъ у Покровы, ажъ поки зновъ не настало благочестіе. Було говорить: слава Тоби, Господи! що я виры своеи, якъ други, не поломавъ и дождавъ сёго часу, що зновъ благочестіе настало. Але жъ недовго и правивъ потимъ, скоро вмеръ, бо дуже старый бувъ. И попадя ёго старенька, низького росту, була. Вона було говорить до насъ: ›жиночки, голубоньки мои, ходить до мене, выкачайте мою памитоньку! такъ мыни Богъ прививъ, а я колись

шостирикомъ ѣздила. То мы було и покои повымазуемо и намитку выкачаемъ. А намитка у неи була гарна, заднипрянська, била, та тонка и очипокъ золотый; бо тоди вси попади въ намиткахъ ходили и Духнѣвичка въ намитци ходила. Сообщ. **П. Л—въ.**

ДВИЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Жизнь творитъ исторію, каждый прошедшій ея моментъ—достояніе исторіи. Выдающіеся моменты недавней жизни не мѣшаетъ отмѣчать изданію историческому; въ массѣ текущихъ газетныхъ извѣстій они быстро забываются и не скоро потомъ извлекаются изъ пыли архивной.

Эти нѣсколько словъ мы сочли нужнымъ предпослать сообщаемой замѣткѣ въ предъупрежденіе недоумѣнія читателя, привыкшаго видѣть на страницахъ историческаго журнала »дѣла давно минувшихъ дней, преданія старины глубокой«.

Въ послѣднее время вниманіе печати и общества привлекло къ себѣ школьное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, благодаря обнаруженнымъ тамъ политическимъ тенденціямъ польской партіи. Раскрыто до очевидности, что оно не отвѣчаетъ нашему политическому положенію и задачамъ, равно какъ и потребностямъ населенія: обнаруженъ застой, скудное приращеніе въ числѣ училищъ, уменьшеніе числа учащихся и другіе недостатки. Личные счеты корреспондентовъ, писавшихъ объ этомъ дѣлѣ, съ мѣстною учебною администраціею долгое время держали положеніе этого дѣла въ запутанномъ видѣ, пока даровитый и опытный корреспондентъ »Нов. Времени« г. Молчановъ не снялъ не заслуженныхъ упрековъ съ представителя тамошней учебной власти и не выставилъ съ полною рельефностію, что предъ нашею школою въ сѣверо-западномъ краѣ стоитъ во всеоружіи недоступныхъ намъ средствъ грозная сила противной партіи, съ которою мы тщетно боремся цѣлые вѣка, благодаря нашему-же непостоянству.

Но когда такая случайная и скорбная извѣстность выпала на долю школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, школа юго-западнаго края остается въ неизвѣстности и лишь изрѣдка обращаетъ на себя вниманіе мѣстной только печати и мѣстнаго общества. Въ

этомъ отношеніи мы остановились на прежде сложившемся мнѣніи, что и тутъ дѣло затормозилось, застыло и не имѣетъ движенія, соотвѣтственно пространству и населенію края. Но оно не застыло, оно движется,—вотъ что мы хотимъ сказать и подтвердить настоящею замѣткою.

Предъ нами официальная вѣдомость объ открытіи народныхъ училищъ за послѣдніе три года въ юго-западномъ краѣ, т. е. губерніяхъ кіевской, подольской и волынской. По этой вѣдомости вновь открытыхъ за это время училищъ значится 125. По губерніямъ это число распредѣляется не равно: на долю кіевской приходится лишь 24, волынской 31 и подольской 70. Общая сумма по содержанію этихъ училищъ составляетъ 72,751 р. 75 к., или 582 р. на каждое изъ нихъ. Самую большую часть этой суммы, именно 45,059 р. 75 к. даютъ крестьянскія общества, 27,322 р. отпускается изъ казны, 150 р. идетъ изъ фундушевыхъ записей и 250 р. отъ частныхъ лицъ. Жалованье учителя колеблется между 300 и 400 руб., въ рѣдкихъ случаяхъ опускаясь ниже 300; жалованье законоучителя между 50 и 150 р., средняя-жъ норма его 100 р. Если принять въ расчетъ, что ученіе въ сельской школѣ идетъ 4—5 мѣсяцевъ, а уроковъ Закона Божія бываетъ обыкновенно въ недѣлю два и не свыше 8 въ мѣсяцъ, то плата за каждый такой урокъ можетъ простираться отъ полутора до трехъ и нѣсколько болѣе рублей. Такимъ образомъ и содержаніе учителей можно считать обезпеченнымъ и вознагражденіе законоучителей достаточнымъ даже и для большаго числа уроковъ, гдѣ таковое могло бы случиться.

Но не объ устройствѣ и положеніи школъ наша главная рѣчь; мы хотимъ сказать, что дѣло школьное въ юго-западномъ краѣ движется и число новыхъ школъ увеличивается съ значительнымъ успѣхомъ. Кому цифра 125 для трехъ губерній съ свыше 5-ти милліоннымъ населеніемъ, покажется недостаточною, тому мы вспомнимъ, что тѣже препятствія, которыя служатъ главнымъ тормазомъ школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, имѣютъ отчасти мѣсто и здѣсь, и что сверхъ того здѣсь сохраняютъ всю свою силу другія причины, которыя не имѣютъ мѣста тамъ. Школы у насъ были, начиная съ временъ Владиміра и Ярослава, существовали при всѣхъ превратностяхъ въ политической судьбѣ края, существовали въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ большемъ, чѣмъ

теперь числѣ и закрылись на нашихъ глазахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Съ наступленіемъ освобожденія крестьянъ, духовенство первое принялось за учрежденіе вновь школъ и мы можемъ указать здѣсь мѣста и лица, гдѣ первыя школы были открыты, именно священниками по собственному ихъ почину. Но что доступно было однимъ, оказывалось не по силамъ многимъ другимъ, а между тѣмъ епархіальная власть, увлекшись первымъ легкимъ успѣхомъ и общею мыслью, что главная обязанность священника *учить*, сдѣлала учрежденіе школъ въ приходахъ обязательнымъ для всѣхъ священниковъ и поддерживала свое требованіе весьма энергично и настойчиво. Такъ было въ кіевской епархіи, ей старались подражать епархіальныя власти Подоліи и Волыни. Почти въ каждомъ приходѣ явились школы: явились энергическіе и умные пастыри, которые обставили школу хорошо и повели дѣло ученья умѣло и съ жаромъ, но большинство не имѣло ни того, ни другаго, дѣйствовало по подражанію и что еще хуже по приказу. Самое-же главное—никто почти не подумалъ о прочномъ матеріальномъ обезпеченіи школы: священники и прихожане, дѣйствуя съ горяча, вели дѣло на вѣру, на словахъ, кто сколько дастъ; потомъ охладѣвали либо одна, либо другая сторона, подъ часъ и давать стало нечего. Громадное зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ; возвѣяли вѣтры и оно стало разрушаться. Таже школьная горячка охватила въ слѣдъ за духовенствомъ учебные кружки и долгое время дремавшее наше общество. Отъ школъ воскресныхъ, блеснувшихъ метеоромъ, перешли въ Кіевѣ къ школамъ постояннымъ, смастерили на скоро временные педагогическіе курсы, съ горяча, между людьми дѣльными, напустили туда всякаго хламу, кромѣ самаго дѣла, напичкали новыхъ педагоговъ разнымъ вздоромъ и пустили ихъ учить и благовѣстить... Но свободныхъ мѣстъ для новыхъ школъ почти уже не было. Свѣже испеченнымъ педагогамъ приходилось входить въ готовыя уже, духовенствомъ заведенныя школы; но тутъ обнаружилась разность взглядовъ, направленій и пріемовъ учредителей и новыхъ руководителей школъ. Шли состязанія, словопренія, выступалъ вопросъ о правѣ, преимуществѣ и пр. Отъ учрежденія не многихъ, не приходскихъ школъ перешли къ мысли обезпечить и перестроить кой-гдѣ плохія приходскія школы. Завязалось соперничество, препирательство двухъ

вѣдомствъ—епархіальнаго и учебнаго, изъ которыхъ на сторонѣ одного были *jus primi*, на сторонѣ другаго денежныя средства. Соглашенія не послѣдовало; загорѣлась борьба. Въ науськиваніяхъ, подстрекательствахъ недостатка не оказалось. Педагоги корили духовенство незнаніемъ »новѣйшихъ методовъ«, духовенство упрекало ихъ въ пустозвонствѣ, верхоглядствѣ. Тамъ и здѣсь была своя доля правды, которой не признавали однако стороны враждующія. Споръ перешелъ въ новый фазисъ, когда на сторону учебнаго вѣдомства стала гражданская администрація. Борьба кипѣла: разъѣзжали чиновники, допрашивавшіе крестьянъ, желаютъ-ли они имѣть школу *министерскую,* или *церковно-приходскую.* Обѣ стороны въ запальчивости и раздраженіи не рѣдко скандализировали себя и профанировали школу въ глазахъ ничего не вѣдавшаго народа. Дѣло само собою затормозилось; споръ перешелъ въ высшія сферы и Высочайшею властію разрѣшенъ былъ въ смыслѣ *statu quo*, иначе говоря: школы, учрежденныя духовенствомъ, должны были остаться въ его завѣдываніи, а школы, устроенныя учебнымъ вѣдомствомъ, подлежать вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, какъ *modus vivendi*, установлено было, что вѣдомство учебное съ одной стороны даетъ изъ собственныхъ суммъ пособія церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣніи ихъ успѣховъ и нуждъ, а для сего послѣдняго получаетъ право осмотра ихъ, съ другой, при учрежденіи вновь школы его вѣдѣнія, въ такомъ пунктѣ, гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, испрашиваетъ согласія епархіальной власти.

Хотя такимъ образомъ положеніе двухъ стоящихъ другъ противъ друга вѣдомствъ и выяснилось, но нельзя сказать, что-бы оно точно опредѣлилось и не оставляло мѣста недоразумѣніямъ и соблазну для низшихъ ихъ органовъ при случаѣ подставить другъ другу ножку. Послѣ всего происходившаго оба вѣдомства не могутъ не считать себя двумя противными, по меньшей-же мѣрѣ отдѣльными лагерями. Горячая когда-то схватка ихъ, ожесточенная полемика, продолжавшаяся свыше десяти лѣтъ, не могла не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Примиреніе не уничтожило охлажденія ихъ какъ между собою, такъ отчасти и въ самому дѣлу; охладѣло къ дѣлу и само населеніе, извѣрившись въ тѣхъ и другихъ руководителяхъ своего образованія. А время шло; пора об-

щаго увлеченія школою давно миновала. Каждое общественное дѣло имѣетъ такую пору: когда оно ново, когда оно предметъ впервые сознанной потребности, вопросъ дня, просто моды,—на него набрасываются разомъ всѣ, другъ друга возбуждаютъ, другъ другу помогаютъ; тогда многое можно сдѣлать. Кто пропустилъ эту пору, тому наверстывать послѣ бываетъ очень трудно. Такъ случилось и съ школьнымъ здѣсь дѣломъ: послѣ длинной пертурбаціи и общей реакціи оно совсѣмъ припало было въ застой. Не помогло и учрежденіе инспекціи. Прибавилась одна лишняя ко многимъ другимъ инстанція въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ учрежденіе сельской школы. Между тѣмъ народъ не терпитъ волокиты и иногда совсѣмъ отказывается отъ дѣла, когда увидитъ, что оно затянулось, а тутъ оно невольно затягивается вслѣдствіе самой процедуры, установленной закономъ.

Если строго и безпристрастно взвѣсить всѣ условія, въ какихъ стояло и стоитъ школьное дѣло въ юго-западномъ краѣ, то приведенную выше цифру 125 школъ, учрежденныхъ за послѣднее трехлѣтіе, нельзя не признать весьма почтенною. Когда въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ ничего возбуждающаго и воспособляющаго, напротивъ есть много препятствующаго, объясненія успѣха дѣла надо искать въ личныхъ качествахъ руководителей онаго. Что и здѣсь, какъ говорится, дѣло мастера боится, на это прямо указываетъ число школъ, открытыхъ въ послѣдніе три года въ подольской губерніи, болѣе чѣмъ вдвое превышающее число школъ, открытыхъ за тотъ-же срокъ въ губерніяхъ кіевской и волынской. Сельскія общества, какъ извѣстно, не обладаютъ собственною иниціативою: въ дѣлѣ учрежденія школы, какъ и во всемъ другомъ, онѣ требуютъ внѣшняго толчка, напоминанія, возбужденія и еще болѣе соглашенія. Недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ: у сельскихъ обществъ много, даже слишкомъ много пестуновъ, руководителей и охранителей въ лицѣ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, священниковъ, помѣщиковъ, волостныхъ старшинъ и писарей; но что начинаетъ одинъ, тому рѣдко помогаетъ, но чаще препятствуетъ другой. Положеніе инспектора народныхъ школъ, не имѣющаго и тѣни какой-либо власти и значенія въ средѣ названныхъ дѣятелей и въ виду ничѣмъ не связанныхъ съ нимъ сельскихъ обществъ, по истинѣ трудное. Требуется много ума,

также, энергіи, терпѣнія, миролюбія, иногда очень осторожнаго и искуснаго обращенія, чтобы согласить всѣхъ и все, не задѣть ни чьего самолюбія, расположить, заохотить и въ концѣ концовъ создать, хорошо обставить и поставить на ноги такое простое и миньятюрное учрежденіе, какъ сельская школа. Но тотъ же трудъ, тѣ-же качества, въ той-же, если не въ большей степени должны быть присущи центральному управленію народнымъ образованіемъ въ краѣ, ибо своими верхушками достигаютъ его тѣ-же разнородные элементы, среди которыхъ находятся его посредствующіе органы, и ему приходится дѣйствовать и сверху и снизу, чтобы поддерживать ихъ самихъ и создаваемое ими по частямъ дѣло, поддерживать то соглашеніе, котораго тѣ успѣваютъ достигнуть, охранять устроенное ими отъ весьма частыхъ попытокъ пошатнуть и повернуть въ ту или другую сторону, направлять и руководить дѣло начальнаго образованія, которое въ массѣ дѣлъ средняго и высшаго образованія, составляетъ слишкомъ тяжелый и ощутительный придатокъ. Говоримъ такъ потому, что напр. въ привислинскомъ краѣ съ средины, а въ сѣверо-западномъ съ конца 70-хъ годовъ существуютъ дирекціи училищъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи которыхъ находятся начальныя училища, и что въ послѣднемъ существуетъ кромѣ того изрядное число инспекторовъ народныхъ школъ, а въ первомъ учреждается, какъ сообщено не давно въ газетахъ, должность помощниковъ начальниковъ учебныхъ дирекцій; въ юго-западномъ-же краѣ дѣло управленія народными школами, при незначительномъ числѣ однихъ лишь инспекторовъ, лежитъ всею почти тяжестію на учебномъ округѣ. Если за всѣмъ тѣмъ число начальныхъ школъ, какъ мы уже видѣли, растетъ здѣсь съ несомнѣннымъ успѣхомъ, то нельзя не считать этого особою заслугою администраціи учебнаго округа и не приписать ея опытности, энергіи и особому умѣнью соглашать самые разнородные элементы и теченія и обходить тысячи препятствій. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не радоваться такому успѣху школьнаго дѣла: если гдѣ, то именно здѣсь, по сравненію съ окраинами, въ слѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, мы сильно поотстали, и благо, что хотя теперь наверстываемъ. Надѣяться можно, что съ учрежденіемъ для юго-западнаго края дирекцій народныхъ училищъ, которое можетъ наступить къ концу нынѣшняго даже года, дѣло народнаго здѣсь образованія

относительно рабочихъ силъ придетъ въ равновѣсіе съ другими мѣстностями и не только число школъ будетъ возрастать, но и самое обученіе въ нихъ развиваться, совершенствоваться и давать желаемый плодъ. Ожидать значительнаго увеличенія церковно-приходскихъ школъ едва-ли возможно, такъ какъ, не смотря на обнародованныя не давно новыя объ нихъ правила, ихъ учрежденіе и содержаніе, организація и завѣдываніе остались въ прежнемъ положеніи. Разсуждавшая болѣе года объ устройствѣ ихъ коммисія, не придумала ничего болѣе, кромѣ предоставленія духовенству права открывать эти школы, т. е. того права, котораго никто у него не оспаривалъ и которымъ оно пользовалось болѣе 20 лѣтъ. Облыгаемое въ этомъ отношеніи духовенство наше сдѣлало уже, что могло, въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ школьное дѣло доступно по дарованіямъ и призванію, личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ и по многому другому; но никому не доказать, что это сословіе исключительно педагогическое, а тѣмъ болѣе сдѣлать его такимъ. Что въ правѣ и обязанностяхъ, когда для осуществленія ихъ не изыскано никакихъ средствъ? *Ex nihilo nihil fit.* Что до духовенства юго-западнаго и мѣстнаго учебнаго округа, они лишились теперь и тѣхъ средствъ, какими доселѣ располагали: расходовавшіяся доселѣ *тридцать* тысячъ рублей на пособія лучшимъ церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣнію учебнаго начальства, перечислены теперь въ общій фондъ для церковно-приходскихъ школъ всей Россіи.

К. Ц.

ОЧАКОВСКАЯ ЗИМА ПО СОВРЕМЕННОМУ ОПИСАНІЮ.

Очаковская зима, т. е. та, въ которую взятъ Очаковъ (1788), памятна народу до сихъ поръ своей необыкновенной жестокостью. Намъ удалось получить въ копіи описаніе этой зимы, принадлежащее современнику ея, Семену Кущинскому, жителю Новоархангельска— нынѣ елисаветградскаго, а тогда новомиргородскаго уѣзда херсонской губерніи. Описаніе сдѣлано на первомъ листѣ библіи, теперь составляющей собственность крестьянина с. Тишковки елисаветград-

скаго уѣзда Мурашкина, и доставлено намъ сыномъ его, обучающимся въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Елисаветграда. Оно интересно, какъ показаніе современника.

Жительствовавшему мнѣ новомиргородскаго уѣзда селенія архангельскаго (т. е. Новоархангельска), ҂аѱпи (1788) года бысть допущеніемъ Божіимъ грѣхъ нашихъ ради на насъ зима. Октября гі (13) дня, ѣхавъ я въ Елисаветъ (Елисаветградъ), випавъ снѣгъ такій великъ, что въ силу возомъ до дому вернувся, а ноября з (7) впавъ снѣгъ и лягла настоящая зима. Сего-же года Очаковъ бралъ декабря ѕ (6) Потемкинъ о зимномъ Николаи: и начали вѣтры превеличайшія замети крѣпкіе и нарочито замитало, когда дней в (2) или г (3), а зачальне была метель недѣль в или и болѣе. Продолжалась лютость до самаго свѣтлаго воскресенія и тако помалу роставало, что по балкамъ былъ снѣгъ, которій випавъ прежде фелиповаго поста. Можно было безъ нужды взискать снѣгъ по балкамъ мая ѕі (16) дня; еще-жъ и се помяну, что замѣтами снѣгъ лѣси обыкновенно поломавъ, сади, дерево родючое, тоже и лѣсъ немилостиво повимерзавъ и посохъ, вижнѣ (вишни) и сливи въ пень порубили, а заземки отростати стали въ петровъ постъ. Предъ Онуфріемъ [1]) морозъ былъ великъ, что мѣстами хвасоля, огурци, дыни, пшеничка вовсе померзла, жито солома весма хороша, а зерна ничего нема, ярина весма хороша.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

ЗАГАДОЧНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ черниговской губерніи, стародубскомъ уѣздѣ, близъ села Сытыя-Буды и мѣстечка Ропска, на берегу рѣки Сновы находится каменскій, нѣкогда мужескій, теперь женскій монастырь съ церковью во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Этотъ монастырь, окруженный и до нынѣ лѣсомъ, расположенъ на горѣ и получилъ названіе каменскаго отъ того, что вся площадь, имъ занимаемая, представляетъ сплошный камень, красный песчаникъ, а за оградою

[1]) Празднуется 12 іюня.

обители торчатъ тамъ и здѣсь дикія скалы, разорванныя провалами. Каменскій монастырь основанъ »старцемъ Іоною Болховскимъ« (или Полховскимъ), который и былъ потомъ игуменомъ этой обители, бывшей первоначально общежитною. На столбахъ западнаго входа въ начальный храмъ обители была подпись: »Бога Отца изволеніемъ, Бога Сына благословеніемъ, Бога Духа Святаго поспѣшествомъ Пресвятой Богородицы Успенія храмъ сооруженъ 1687 г. [1])« Въ этомъ-же году памятный Малороссіи Иванъ Степановичъ Мазепа, въ благодарность Богу за свое избраніе въ гетманы, »для устроенія и содержанія каменской обители, утвердилъ универсаломъ за нею земли на рѣкѣ Сновѣ отъ рѣки Рясни по рѣчку Трубежъ съ сушаковскою отчиною« [2]), »а въ 1694 г. дозволилъ этому монастырю »въ кутку бучковскомъ«, подлѣ рѣчки Трубежа и подлѣ урочища Городища, осадить слободку тридцатью хатами. Преемникъ его Скоропадскій, въ 1713 г., »не только утвердилъ права каменскаго монастыря на село Шумиловку, слободку и половину села Бровничъ, но еще придалъ ей и мельницу на рѣкѣ Ревнѣ«. Кромѣ этихъ лицъ, въ числѣ благодѣтелей каменскаго монастыря былъ и Павелъ Полуботокъ, черниговскій полковникъ, нѣкоторое время наказный гетманъ, извѣстный своею неудачною попыткою отстоять прежнія права Малороссіи. Свѣдѣнія о фундаторахъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря имѣютъ непосредственную связь съ тѣмъ произшествіемъ, о которомъ хотимъ разсказать.

Спустя полстолѣтія отъ основанія каменской обители, мирная ея жизнь нарушена была такимъ казуснымъ дѣломъ, котораго никто не могъ предполагать, которое привело въ трепетъ всѣхъ живущихъ въ ней и оставило по себѣ скорбныя воспоминанія.

Въ 1737 г., въ началѣ іюля, изъ черниговской каѳедры каѳедральнымъ писаремъ, іеромонахомъ Иракліемъ Комаровскимъ былъ посланъ для сбору штрафныхъ денегъ съ тѣхъ, кто на исповѣди не бывалъ, священникъ села Сытыхъ-Будъ Иванъ Романкевичъ; вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ и дьячекъ того-же села Ефимъ Ѳедоряченко. Порученіе, данное Романкевичу, было не изъ лестныхъ; это былъ

---

[1]) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи (Архіепископъ черниговскій Филаретъ), кн. 4 стр. 55.

[2]) Тамъ-же, стр. 56—66.

родъ подводной, или постойной повинности. Ѣздить на свой счетъ, подвергаться всѣмъ трудностямъ пути, развозить указы о правежѣ денегъ, добиваться денегъ, когда ихъ нѣтъ, или дать не хотятъ, провѣрять наличность по вѣдомостямъ каѳедры, вести счетъ получкамъ и недоплатамъ, беречь деньги и отчитываться предъ каѳедрою было и хлопотно, и убыточно, тяжело и досадно. Ромацкевичъ прежде сего судился за какое-то дѣло въ консисторіи и едва-ли не въ наказаніе дано было ему столь тягостное порученіе, отрывавшее его отъ хозяйства въ самую горячую пору уборки хлѣба. Ромацкевичъ былъ кромѣ того человѣкъ неспокойный и, по обычаю всѣхъ людей того времени, любилъ выпить. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ каѳедральному писарю,—неизвѣстно.

Среднихъ чиселъ іюля, Ромацкевичъ и Ѳедоряченко прибыли въ каменскій монастырь и остановились въ немъ. Игумена въ ту пору въ монастырѣ не было: игуменомъ считался самъ катедральный писарь Ираклій Комаровскій, но жилъ въ Черниговѣ при консисторіи. Пока Ромацкевичъ трактовалъ съ монастырскими властями и съ дороги подкрѣплялся, дьячекъ Ефимъ, въ сопровожденіи монастырскаго пономаря монаха Тита, пошелъ посмотрѣть монастырскую церковь, которой никогда прежде не видалъ. Титъ показывалъ Ефиму достопримѣчательности церкви, а первое мѣсто между ними имѣла икона Успенія Пресвятыя Богородицы,—не столько самое »существо« иконы, сколько »намулеванныя на ней персоны«. Монахъ Титъ говорилъ дьячку Ефиму:

— Гляди! вотъ свыше того образа намулеваны четыре персоны: первая царь Петръ I, вторая Петръ II, третья гетмана Мазепы, а четвертая полковника Полуботка.

Дьячекъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, а придя въ комнату, гдѣ помѣщался Ромацкевичъ, сообщилъ ему о видѣнномъ. Подстрекаемый любопытствомъ, Ромацкевичъ отправился и самъ посмотрѣть необычную икону. Тотъ-же монахъ Титъ пояснилъ и ему, что за персоны нарисованы на томъ образѣ, когда-же Ромацкевичъ спросилъ его, зачѣмъ тѣ персоны на образѣ и выразилъ не одобреніе образу, старый чернецъ безцеремонно отвѣтилъ ему:

— Жаль, что тебя не было въ ту пору, когда писался образъ и ты не указалъ, какъ малевать здѣсь иконы; а впрочемъ нѣтъ тебѣ до того и дѣла.

Сконфуженный Ромацкевичъ не нашелся, что отвѣтить пономарю, вышелъ изъ церкви и отправился домой. Оставаясь въ монастырѣ, Ромацкевичъ успѣлъ повздорить съ монахами и одного изъ нихъ, іеромонаха Самуила Грудницкаго, монастырскаго писаря, жестоко избилъ. Полагать надо, что досталось при этомъ отъ братіи и самому Ромацкевичу, а іеромонахъ Самуилъ подалъ на него жалобу архіерею.

Продолжая исполнять свою не легкую коммисію, Ромацкевичъ перекочевалъ въ Стародубъ, гдѣ была полковая канцелярія. Тутъ пришло ему на мысль воспользоваться видѣннымъ имъ образомъ съ намулеванными на немъ персонами, чтобы разомъ насолить и монахамъ, намявшимъ ему бока, и самому катедральному писарю, давшему столь тягостное и убыточное порученіе. Не долго думая, Ромацкевичъ, подаетъ донесеніе въ стародубовскую полковую канцелярію, что въ каменскомъ монастырѣ на храмовомъ образѣ Успенія Божіей Матери написаны, въ числѣ другихъ, портретъ измѣнника Мазепы и Полуботка. И Ромацкевичъ и его спутникъ дьячекъ Ефимъ тутъ-же были допрошены и отпущены домой.

Началось страшное политическое дѣло: кто, съ какимъ злымъ умысломъ, для каковыхъ причинъ и пр.? Это было время бироновщины, полное политическихъ доносовъ, конфискацій, ссылокъ, казней и пр. Ромацкевичъ продолжалъ свою экспедицію, злобно радуясь, что затѣялъ такое дѣло, которое приведетъ въ трепетъ и всѣхъ чернцовъ каменскихъ и самую катедру. Вдругъ, когда онъ возвратился уже домой и не спѣша съ отчетомъ, отдыхалъ отъ трудовъ, схватываютъ его самого, отбираютъ у него пожитки, заковываютъ въ кандалы, отправляютъ въ Черниговъ и сажаютъ въ тюрьму при катедрѣ. До катедры дошло уже извѣстіе о сдѣланномъ Ромацкевичемъ въ полковую канцелярію донесеніи и какъ онъ косвенно хотѣлъ упечь каменскую братію и катедру, такъ теперь катедра косвенно допимала его. На вопросъ Ромацкевича, почему берутъ его подъ караулъ и заключаютъ въ тюрьму, ему отвѣчаютъ: за то, что изъ катедры указы не скоро розвозилъ. Но этимъ не ограничилось дониманье Ромацкевича: въ тюрьмѣ даютъ ему пятьсотъ розогъ, а когда онъ спросилъ: за что? отвѣчаютъ уже съ большею откровенностью: »а чтобы, будучи въ чужихъ церквахъ,

всего не разсматривалъ«. Ромацкевича продержали въ архіерейской тюрьмѣ съ 9 августа до 24 сентября.

Изъ найденнаго нами въ архивѣ министерства юстиціи краткаго »экстракта« этого дѣла, по которому воспроизводится настоящій разсказъ, мы не видимъ, какой первоначальный ходъ возъимѣло извѣстное уже донесеніе Ромацкевича. Полагать надо, что оно на первыхъ порахъ было замято, такъ какъ на взглядъ мѣстныхъ властей содержаніе въ церкви каменскаго монастыря иконы Успенія Божіей Матери съ портретами на ней царей и правителей не представляло не только ничего преступнаго, но даже выходящаго изъ круга обыкновеннаго. Въ Малороссіи всегда было въ обычаѣ не только имѣть въ церкви на стѣнахъ отдѣльные портреты основателей и благодѣтелей монастырей и церквей, ноиписать ихъ изображенія на иконахъ. Въ Переяславѣ въ успенской церкви и теперь хранится икона Успенія Божіей Матери, на которой изображены Петръ I, его жена и двѣ дочери, а также нѣсколько придворныхъ, въ томъ числѣ и гетманъ, всего вѣроятнѣе Скоропадскій. Но Ромацкевичъ, высидѣвъ въ тюрьмѣ и получивъ нѣсколько сотъ розогъ, не унимался и если въ экстрактѣ сего дѣла мы находимъ указаніе на сдѣланный имъ въ св. синодъ доносъ, то нельзя не предположить, что онъ слалъ доносы и другимъ свѣтскимъ командамъ. Объ иконѣ съ намулеванными персонами узнали въ синодѣ, въ сенатѣ и въ канцеляріи министерскаго правленія. Въ Петербургѣ иначе, конечно, смотрѣли на дѣло столь обыкновенное въ Малороссіи; достаточно было тамъ одного имени Мазепы, чтобы придать дѣлу характеръ чрезвычайнаго, политическаго. Для разслѣдованія на мѣстѣ командированъ былъ по сенатскому указу лейбъ-гвардіи маіоръ Шиповъ; слѣдствіе сосредоточено было въ »канцеляріи министерскаго правленія«. Къ дѣлу привлечены, кромѣ доносчика попа Ромацкевича, дьячка Ефима Ѳедоряченка и пономаря Тита, всѣ безъ исключенія монахи каменскаго монастыря, въ томъ числѣ и бывшій короткое время игуменомъ этого монастыря, каѳедральный писарь, теперь уже архимандритъ троицко-ильинскаго черниговскаго монастыря Ираклій Комаровскій и жена давно умершаго Полуботка, а въ качествѣ экспертовъ и свидѣтелей генеральная старшина. Суть всего разслѣдованія сосредоточивалась на томъ, были-ль на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, которые въ вопро-

сахъ и отвѣтахъ не разъ обзываются измѣнниками. Ясно, что слѣдствіе доискивалось въ написаніи ихъ портретовъ политическаго замысла и намѣренія, а для разъясненія этого ставились добавочные вопросы о томъ, кѣмъ, когда, по чьему желанію и заказу и на чей счетъ написана икона и на ней портреты четырехъ персонъ. Большинство привлеченныхъ къ допросу давали уклончивыя показанія, или отговаривались невѣдѣніемъ, въ слѣдствіе-ли дѣйствительнаго незнанія обстоятельствъ дѣла, или подъ вліяніемъ весьма понятнаго страха и не желанія навлечь на монастырь или на кого нибудь бѣду. Лишь не многіе выяснили въ своихъ показаніяхъ происхожденіе иконы, заказчиковъ оной, писавшаго ее и время написанія; но вопросъ о »намулеванныхъ персонахъ« и была-ли въ числѣ ихъ картина измѣнника Мазепы остался затертымъ; никто не отважился сказать, что таковъ былъ обычай въ странѣ, что въ особенности портреты фундаторовъ монастырей и церквей можно было найти почти повсюду (въ гамалѣевскомъ гетмана Скоропадскаго, въ максаковскомъ воеводы Киселя и т. д. и т. д.) и что гетманъ Мазепа былъ фундаторомъ именно этого каменскаго монастыря, а Скоропадскій и Полуботокъ его благодѣтелями. Передадимъ сущность показаній каждаго изъ допрошенныхъ.

Попъ Романкевичъ и дьячекъ Ефимъ Ѳедоряченко ничего къ своимъ первымъ показаніямъ не прибавили и ничего въ нихъ не измѣнили. Бывшій въ началѣ дѣла игуменомъ каменскаго монастыря Ираклій Комаровскій заявилъ, что онъ хотя и числился игуменомъ, но оставался въ Черниговѣ при дѣлахъ, посѣтилъ лишь однажды свой монастырь и будучи въ церкви, того образа и написанныхъ на немъ персонъ совсѣмъ не замѣтилъ и ни отъ кого объ нихъ дотолѣ не слыхалъ, что-же касается попа Романкевича, то плетьми его за то, что-бы онъ, будучи въ чужихъ церквахъ, ничего не смотрѣлъ, не наказывалъ и пожитковъ его не бралъ, а все это дѣлалось по волѣ архіепископа, за *непостоянство* Романкевича, за *побой*, учиненный имъ каменского монастыря іеромонаху Грудницкому, и многое другое.

Пономарь Титъ призналъ, что сперва дьячку Ѳедоряченку, а потомъ попу Романкевичу показывалъ »намулеванныя на иконѣ Успенія Божіей Матери четыре персоны«, поясняя, что первыя двѣ означаютъ царей Петра Великаго и Петра Алексѣевича, что относи-

тельно третьей, »представляетъ-ли она гетмана Мазепу или Скоропадскаго, подлинно сказать не можетъ, ибо *писать* не умѣетъ, а подъ картинами подписей нѣтъ, что на четвертой несомнѣнно изображенъ полковникъ Полуботокъ и что какъ самая икона, такъ и всѣ эти четыре персоны мулеваны въ городѣ Черниговѣ, черниговскимъ мѣщаниномъ, тогда уже умершимъ, Якимомъ, а въ какомъ году, не припомнитъ«.

Назначенный въ генварѣ 1738 г. игуменомъ каменскаго монастыря, іеромонахъ Патрикій Лисянскій передалъ лишь то, что успѣлъ узнать при пріемѣ монастыря, а именно, что на обратной сторонѣ образа Успенія Богородицы значится 1716 г., т. е. годъ написанія иконы, что, по показаніямъ монаховъ того монастыря, образъ писанъ черниговскимъ мѣщаниномъ, маляромъ Якимомъ, а чьимъ тщаніемъ, неизвѣстно, и что нарисованныя на томъ образѣ двѣ персоны означаютъ покойнаго гетмана Скоропадскаго да полковника Полуботка, а другіе чьи, безъ подписи знать не можетъ.

Намѣстникъ іеромонахъ Савва Любичъ показалъ, что самъ онъ находится при каменскомъ монастырѣ съ 1728 года, что образъ Успенія Богородицы писанъ въ 1716 году, что »писалъ тотъ образъ черниговскій маляръ Якимъ, по заказу монастыря и деньги ему за то плочены монастырскіе и что намулеваны тамъ кругомъ Успенія, по признанію старыхъ людей,—Петръ Великій, покойникъ гетманъ Скоропадскій и полковникъ Полуботокъ, а четвертая персона кого именно выражаетъ, того онъ, Савва, не знаетъ, но измѣнника Мазепы персоны на томъ образѣ не написано«.

Іеромонахъ Іоакимъ Хоминскій говорилъ, что монахомъ онъ въ каменскомъ монастырѣ живетъ съ 1712 года и что образъ Успенія Богородицы рисовалъ черниговскій маляръ Якимъ при бытности его, по заказу игумена Гедеона, который умеръ въ 1724 году, по »чьи именно персоны на томъ образѣ написаны, не знаетъ, а подлинно знаетъ, что измѣнника Мазепы на томъ образѣ не писано и игуменъ Гедеонъ, подряжая маляра Якима писать тотъ образъ, приказывалъ ему изобразить лишь одно *существо* Успенія Богородицы, писать-же притомъ какія персоны не повелѣвалъ, и написалъ ихъ тотъ маляръ самъ собою, безъ всякаго повелѣнія, ради украшенія, а съ прежняго-ли какого образа, или отъ себя издалъ, того онъ Хоминскій не знаетъ«.

Допрошенные порознь іеромонахи: казначей Тихонъ Козелецкій, уставщикъ Инокентій Червинскій, писарь Самуилъ Грудницкій, іеродіаконы: Дмитрій Глизовый, Трифилій Козельскій и монахи: Матѳей Березовскій, Ѳеофилъ Бѣляевъ, Тихонъ Могилевецъ и Аѳанасій Мелецкій, поступившіе въ каменскій монастырь разновременно между 1720 и 1732 г., въ одинъ голосъ отозвались въ большей части невѣдѣніемъ относительно происхожденія образа и написанныхъ на немъ персонъ, передавая лишь какъ слухъ, полученный ими отъ другихъ, что образъ написанъ при игуменѣ Гедеонѣ черниговскимъ маляромъ Якимомъ. Существенно въ ихъ, какъ и во всѣхъ другихъ показаніяхъ то, что говоря объ изображенныхъ персонахъ, они особо утверждаютъ свое невѣдѣніе въ томъ, находятся-ли на иконѣ изображенія Мазепы и Полуботка. Лишь монахи Трифилій Стародубецъ и Титъ Шкурчевскій, проживавшіе въ каменскомъ монастырѣ съ 1713 года, прибавили нѣчто новое къ прежнимъ показаніямъ: первый слышалъ отъ самаго игумена Гедеона, а второй отъ другихъ, что »къ написанію того образа тщаніе имѣла и деньги за работу Якиму маляру платила жена умершаго полковника Полуботка«, но какъ первый, такъ и второй отозвались невѣдѣніемъ ни имени ея, ни того, были-ли на иконѣ изображенія »Полуботка измѣнника и измѣнника Мазепы«.

Прошло много свидѣтелей, потрудились не мало слѣдователи; но то, чего доискивались послѣдніе, именно—есть-ли на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, никакъ не давалось. А иконы и портреты были на лицѣ. Оставалось допросить людей, которые лично и притомъ близко знали и Мазепу и Скоропадскаго и Полуботка, не признаютъ-ли они ихъ въ »намулеванныхъ персонахъ«. Призваны были: генералый подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный войсковой судья Забѣла и генеральный эсаулъ Ѳеодоръ Лысенко съ тѣмъ, чтобы дали вѣрныя показанія, дѣйствительно-ли при томъ образѣ Успенія Богородицы нарисованы Мазепа, Скоропадскій и Полуботокъ; но и они объявили, »что при этомъ образѣ никто изъ написанныхъ персонъ на гетмановъ Скоропадскаго и измѣнника Мазепу и полковника Полуботка нимало не похожи, ибо де гетманъ Скоропадскій былъ сухъ, а измѣнникъ Мазепа волосомъ рудявъ, долголикъ и съ бородою, а полковникъ Полуботокъ былъ дороденъ и волосомъ русявъ«. Вѣрность своихъ показаній генеральная стар-

шина подтверждала своими подписями, заявляя, что показываетъ по чистой совѣсти.

Была послѣдняя надежда у слѣдователей—допросить жену Полуботка, на которую столь прямую ссылку сдѣлали послѣдніе два свидѣтеля. Она находилась въ живыхъ; но, будучи привлечена къ допросу, заявила, что никакого отношенія къ рисованію образа Успенія Богородицы не имѣла. Провѣряя ея показанія, навели справку въ генеральной канцеляріи и узнали, что Полуботокъ былъ женатъ два раза, что первую его жену звали »Ефимьей, а какой она фамиліи и въ какомъ году умерла, неизвѣстно«, и что оставшаяся въ живыхъ вторая его жена Анна Романовна, вышла за него замужъ лишь въ 1719 году, между тѣмъ образъ съ четырьмя персонами, какъ доселѣ несомнѣнно выяснилось, былъ писанъ въ 1716 году.

Принялись въ третій разъ допрашивать пономаря монаха Тита: надо было узнать, откуда онъ получилъ тѣ свѣдѣнія о названіяхъ »намулеванныхъ персонъ,« изъ-за которыхъ возникло все дѣло, но которыя не подтверждались теперь никѣмъ почти изъ свидѣтелей. Монахъ Титъ, чтобы окончательно выгородить себя изъ столь опаснаго дѣла и отстранить отъ себя всякія ссылки на него другихъ свидѣтелей, рѣшительно заявилъ, что »съ игуменомъ Патрикіемъ и ни съ кѣмъ изъ монаховъ о томъ образѣ и написанныхъ на немъ персонахъ никогда ничего не говорилъ и по чьему приказу онъ писанъ, ни съ кѣмъ въ розговорѣ о томъ не упоминалъ«, священнику-жъ Романкевичу передалъ то, что слышалъ отъ другихъ, ибо, находясь издавна при той церкви, много разъ видѣлъ, какъ »при томъ образѣ Успенія Б. Матери всякіе проѣзжающіе малороссіяне останавливались, а нѣкоторые изъ тѣхъ, смотря на тотъ образъ, между собою разговаривали: на семъ-де образѣ имѣются персоны ихъ императорскихъ величествъ Петра I и Петра II, гетмана Мазепы или Скоропадскаго (а котораго именно, онъ Титъ прислушать не могъ), да полковника Полуботка; но кто именно изъ проѣзжающихъ и когда такъ разговаривали, онъ Титъ за давностью не помнитъ«.

Тѣмъ кончилось слѣдствіе на мѣстѣ; какія затѣмъ инстанціи проходило это дѣло, было-ли переслѣдованіе, новые допросы, дополнительныя показанія и свѣдѣнія, изъ имѣющагося у насъ экстракта не видно. Слѣдствіе кончено въ іюлѣ 1738 г. и болѣе, нежели чрезъ годъ, именно 12 сентября 1739 г., на имя слѣдователя по сему

дѣлу лейбъ-гвардіи маіора Шипова данъ изъ правительствующаго сената указъ, которымъ давалось ему знать, что его слѣдственное доносеніе и приложенный къ нему экстрактъ изъ дѣла »по доносу попа Ивана Романкевича на чернеца Тита и архимандрита каменскаго монастыря объ усмотренномъ имъ въ томъ монастырѣ образѣ Успенія Богородицы, вмѣстѣ съ *копіею* съ того образа, на которомъ написаны персоны государей Петра Великаго, Петра Втораго, да измѣнника Мазепы и полковника Полуботка, постановлено отослать для разсмотрѣнія и подлежащаго рѣшенія въ святѣйшій правительствующій синодъ, понеже оно подлежитъ до разсмотрѣнія того святѣйшаго синода [1])«.

Изъ приведеннаго указа и рѣшенія сената очевидно, что, во 1-хъ, по совокупности всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, а быть можетъ и съ помощію новыхъ какихъ-либо данныхъ, сенатъ призналъ, что на иконѣ между другими изображеніями былъ портретъ Мазепы, во 2-хъ, что за смертію сооружавшихъ икону съ портретами, именно: маляра Якима, игумена Гедеона и первой жены Полуботка, политическая сторона дѣла оставлялась безъ вниманія и въ 3-хъ, что сенатъ ставилъ вопросъ лишь объ умѣстности храненія въ монастырской церкви иконы съ портретомъ между прочимъ измѣнника Мазепы, но самый вопросъ считалъ подлежащимъ рѣшенію святѣйшаго синода, куда и передалъ все дѣло. Какъ разрѣшилъ это дѣло святѣйшій Синодъ и изъялъ-ли онъ изъ употребленія икону, бывшую причиною столькихъ тревогъ,—неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ лицъ близкихъ къ синодальному архиву наведетъ въ немъ справку и откроетъ любопытный конецъ этого дѣла.

Возвращаясь къ самому дѣлу, не можемъ не замѣтить, что въ добытыхъ нами изъ его экстракта свѣдѣніяхъ многаго еще не достаетъ для разрѣшенія вопроса о бывшихъ на иконѣ Успенія Божіей Матери въ каменскомъ монастырѣ портретахъ, что многое въ этомъ дѣлѣ кажется намъ то не полнымъ, то не точнымъ, то просто загадочнымъ. Такъ въ выпискѣ изъ сенатскаго указа значится, что при дѣлѣ находилась и въ синодъ препровождена *копія* образа, а не самый образъ. Трудно согласить это съ обычаями того, да и

---

1) Моск. арх. министерства юстиціи. Дѣла сената по синоду, кн. 28—790, стр. 1001.

нашего времени; но если-бы и такъ, то подлинная икона должна была остаться въ монастырѣ, и не находится-ли она тамъ и теперь, или копія его въ синодальныхъ складахъ? Въ той-же выпискѣ въ числѣ портретовъ на иконѣ значится портретъ императора Петра II, а между тѣмъ въ 1716 г., когда писалась икона, ему могло быть лишь нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія. Генеральная старшина: Марковичъ, Забѣла и Лысенко даютъ показанія о внѣшнемъ видѣ Скоропадскаго, Мазепы и Полуботка не сходныя во многомъ съ извѣстными доселѣ ихъ портретами. Одно изъ двухъ: или показанія ихъ не вѣрны, или мы не имѣемъ вѣрныхъ портретовъ названныхъ лицъ, особливо Мазепы. Наконецъ игумена Гедеона не находимъ ни въ какихъ общихъ и частныхъ спискахъ настоятелей монастырей.

Тѣмъ не менѣе, сводя всѣ свѣдѣнія, даваемыя экстрактомъ сего дѣла, мы готовы признать, что жена ли Полуботка, или игуменъ Гедеонъ, или та и другой вмѣстѣ могли для увѣковѣченія памяти объ основателяхъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря, по обычаю того времени, изобразить на храмовой иконѣ портреты гетмана Мазепы, Скоропадскаго и полковника Полуботка, а къ нимъ прибавить и портретъ царствовавшаго тогда государя Петра I.

Д. Сапожниковъ.

ПАНСКАЯ БЛАЖЬ, ХЛОПСКАЯ НАПАСТЬ, А ЧИНОВНИЧЬЯ ПОЖИВА.

Что паны чудили, это всякому извѣстно; но такъ чудить, какъ нашъ панъ Винцентій, едва-ли и въ голову кому либо приходило, да и повѣрить тому было-бы трудно, если-бы происшествіе, о которомъ хотимъ тутъ разсказать, не совершилось на нашей памяти и такъ сказать на нашихъ глазахъ.

Когда панъ начнетъ было чудить, хлопу неминуемая напасть,—отъ пана-ли самого или отъ кого другаго, все равно. Паны-магнаты расплачивались щедро и совершенно добровольно за свои причуды; съ пановъ средней руки взимали приличную дань блюстители порядка, даже и въ то время, когда они вовсе того не желали и не предполагали. Между этими послѣдними выдавались люди съ удивительно тонкимъ чутьемъ на счетъ того,

гдѣ и чѣмъ можно было поживиться. Любимымъ конькомъ ихъ въ послѣдніе годы крѣпостнаго права было тоже, что и у самихъ пановъ — неповиновеніе и бунты крестьянъ, и они открывали это зло даже тамъ, гдѣ его не могли заподозрѣть самые паны. Выигрывали въ такихъ случаяхъ или паны, или полицейскія власти и суды, проигрывали одни лишь крестьяне, расплачиваясь имуществомъ и спинами, или-же отдѣлываясь страхомъ, какъ въ данномъ случаѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Нашъ панъ Винцентій былъ помѣщикъ хотя средней руки, но все-же очень богатый и жилъ не вдалекѣ отъ славнаго города Бердичева. Любилъ онъ поддерживать свой древній шляхетскій родъ, жилъ въ пышной и богатой обстановкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ необычайно набоженъ и велъ строго-цѣломудренную жизнь. Въ 50-хъ годахъ, къ которымъ относится нашъ разсказъ, пану Винцентію было около тридцати лѣтъ, и не смотря на всю роскошь панскую, на богатство, на частые соблазны, онъ былъ строгій дѣвственникъ, избѣгалъ и даже боялся женскаго общества; каждое воскресенье посѣщалъ бѣлопольскій костелъ, почти ежемѣсячно говѣлъ и исповѣдывался у бѣлопольскаго пробоща, ежедневно часа по три, по четыре выстаивалъ въ своей домашней каплицѣ на молитвѣ, часто ударяя себя въ грудь и преклоняя колѣна. Когда наступала жатва, онъ ежедневно отправлялся съ любимымъ лакеемъ на свои поля, собственноручно нажиналъ по двадцати сноповъ пшеницы и нажатое дарилъ бѣднымъ; съ крестьянами своими обращался ласково, человѣколюбиво и милостиво; будучи добрымъ католикомъ и полякомъ, онъ помогалъ православному священнику и даже подарилъ ему нѣсколько морговъ земли. Любилъ нашъ панъ Винцентій посѣщать по временамъ бердичевскій кляшторъ, гдѣ ксендзы-монахи съ особеннымъ торжествомъ совершали богослуженіе и произносили весьма трогающія польскую душу казанья; въ кляшторѣ притомъ былъ отличный органъ, превосходные музыканты и хорошіе пѣвцы и пѣвицы. Въ Бердичевъ привлекала по временамъ пана Винцентія и славная во всемъ краѣ онуфріевская ярмаркарка, на которой совершались всевозможныя хозяйственныя и коммерческія сдѣлки и на которую еще въ пятидесятыхъ годахъ съѣзжалось все окружное польское панство, какъ на нѣкоторое торжество, стараясь превзойти другъ друга блескомъ,

и роскошью поѣзда и нарядовъ. Вотъ на одну изъ этихъ ярмарокъ отправился однажды и нашъ панъ Винцентій: ѣдетъ онъ цугомъ въ каретѣ, на четверкѣ прекрасныхъ лошадей, за нимъ слѣдуетъ также на четверкѣ, но уже не въ каретѣ, а въ рессорной бричкѣ управляющій, а тамъ парой на бричкѣ экономъ, а далѣе на простой подводѣ, но четверкой ѣдутъ гуменный и поваръ съ запасами для кухни и овсомъ для лошадей, да еще сверхъ этого идутъ двѣ подводы съ сѣномъ, а за ними гонятъ батраки лошадей, быковъ, коровъ и воловъ для продажи или въ обмѣнъ на другихъ. Заѣзжій жидовскій дворъ напередъ договоренъ на время ярмарки, и огромный поѣздъ съ гикомъ и шумомъ вваливается туда и располагается на двухнедѣльное житье. Панъ Винцентій тщательно окуриваетъ комнаты, чтобъ истребить жидовскій духъ, вынимаетъ изъ шкатулки Распятіе и ставитъ его въ углу, падаетъ предъ нимъ на колѣни и возноситъ благодарственную молитву Богу за благополучное прибытіе въ г. Бердичевъ.

На утро онъ устремляется въ кляшторъ и старается пробраться въ одинъ изъ угловъ вблизи престола, чтобы, ничѣмъ не развлекаясь, предаться молитвѣ; но костелъ уже полонъ, протиснуться впередъ нельзя, да и назадъ податься трудно, и онъ волей-неволей остановился. Спереди и сзади его стояла масса молящихся; онъ машинально повелъ глазами вокругъ, чтобы опредѣлить свою позицію, и видитъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ паненка необычайной красоты. Взглянулъ панъ Винцентій еще разъ и пришелъ въ неописанное смущеніе, но уже не могъ глазъ оторвать отъ прекрасной паненки. Кровь жгла ему лице, бушевала во всемъ тѣлѣ; онъ пробовалъ молиться, но глаза его не поднимались къ алтарю. Наконецъ сила воли взяла свое и панъ Винцентій пустился опрометью изъ костела. Пріѣзжаетъ домой, распростирается крестомъ предъ Распятіемъ, исповѣдуетъ свой грѣхъ; но угрызенія совѣсти растутъ съ каждымъ часомъ: ничто ему не мило, ничто не интересуетъ и онъ, предоставивъ своему жонцдѣ вести всѣ дѣла на ярмаркѣ, самъ отдается молитвѣ. Но еще съ большей силой преслѣдуютъ его тѣже угрызенія совѣсти; онъ молится, но видитъ, что никакой молитвой не искупить ему своего грѣха. Вспомнилъ панъ Винцентій, какъ бичевали себя многіе святые и грѣшные монахи, изнуряя плоть свою, и рѣшился самъ подвергнуть себя

такому же истязанію: зоветъ лакеевъ и велитъ дать себѣ 50 розогъ. »Змилуйся, панъ, надъ самимъ собою!« говорили лакеи; но онъ слушать не хотѣлъ и грозилъ каждому отпустить по 50 нагаекъ. »Отъ же здуривъ панъ!« перешептывались между собою слуги, но наконецъ рѣшились произвести надъ нимъ требуемую экзекуцію. Не пожалѣли, правда, рукъ, и панъ Винцентій остался вполнѣ доволенъ, благодарилъ всѣхъ, далъ каждому по червонцу и совершенно успокоился. Объ одномъ онъ просилъ своихъ слугъ и строго имъ наказывалъ—не болтать и никому о случившемся не разсказывать. Но какъ умолчать о такомъ необычайномъ дѣлѣ? Пана Винцентія его простые хлопы и прежде считали »придурковатымъ«, а теперь и просто признали »божевильнымъ« и не считали нужнымъ молчать о томъ. Пошло отъ одного къ другому; къ вечеру о панской секуціи знали чуть не всѣ на ярмаркѣ. Отъ лакеевъ пана Винцентія узнали лакеи сосѣдей-пановъ, отъ нихъ самые паны. Пошли толки по всему Бердичеву и дошли до помощника исправника П. Тотъ сначала посмѣялся, но потомъ задумался...

Въ то время онъ приторговалъ для себя домъ въ Бердичевѣ, очень выгодный и довольно дешево, но ему не хватало тысячи рублей серебромъ для покупки. П. занятъ былъ думою, гдѣ и какъ раздобыть эту недостающую тысячу, а тутъ какъ разъ вѣсть о секуціи, произведенной надъ паномъ Винцентіемъ его собственной прислугой... Дѣльце подходящее, подумалъ про себя П. и мгновенно летитъ къ своему пріятелю уѣздному врачу, сообщаетъ ему свой планъ, увлекаетъ его съ собой, беретъ пристава, разсыльныхъ, понятыхъ и катитъ въ резиденцію пана Винцентія учинить дознаніе о бунтѣ и насиліи, произведенномъ его дворовыми людьми.

— У васъ, я слышалъ, бунтъ, заговорилъ П., явившись съ цѣлой коммисіей предъ очами изумленнаго пана. Ваши дворовые вышли изъ повиновенія вамъ, учинили надъ вами...

— Никакого бунта, отвѣчалъ смѣшавшись панъ; то добрые, спокойные люди.

— Да; но дошло до моего свѣдѣнія, получено секретное донесеніе... Необходимо дознать, начальству донести.

— Мой пане! началъ было панъ Винцентій; но П. не далъ ему говорить и мгновенно потребовалъ всю дворню.

— Какъ! накинулся онъ съ яростію на входящихъ лакеевъ и другихъ дворовыхъ. Такъ вы бунтъ затѣяли? Пана своего убить, замучить хотѣли! Неблагодарные, изверги. Законной власти не покоряетесь? Я васъ...

И дворовые и панъ рѣшительно растерялись. П. шумѣлъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Сознавайтесь, подлецы, сѣкли пана? закричалъ онъ вновь, глядя въ упоръ стоявшимъ впереди дворовымъ.

— Та вжежъ выбили, коли... заикнулся было одинъ; но П. тотъ часъ перебилъ его:

— Коли?! Такъ вы еще колоть думаете? Вы это все свою Колінвщину вспоминаете... Бунтовщики, разбойники! Вязать ихъ, забрать всѣхъ въ тюрьму! Тамъ допросимъ всѣхъ и каждаго по косточкамъ переберемъ.

— Змилуйтесь, пане! кричали дворовые; но караульные и понятые бросились забирать и выводить ихъ.

— Змилуй-сіе, паніе! вопилъ въ свою очередь панъ Винцентій; но П. вновь огорошилъ его:

— Какъ! и вы за бунтовщиковъ? Укрывательство... потакательство! Хотите общій бунтъ въ краѣ произвести? Мало этихъ бунтовъ? Нѣтъ; я этого не допущу. Протоколъ, актъ! въ тюрьму ихъ, на кобылу ихъ! А васъ, ясневельможный, попрошу раздѣться, показать знаки насилія. Вотъ докторъ; надо освидѣтельствованіе произвести, протоколъ дополнить, чтобы все въ порядкѣ было.

— Змилуй-сіе, паніе! только и можетъ говорить растерявшійся панъ. Не хочется ему раздѣваться; но П. не отстаетъ, требуетъ, грозитъ, а письмоводитель скрипитъ перомъ, протоколъ доканчиваетъ.

— Да надо, я думаю, говоритъ П., обращаясь къ доктору, упомянуть, сколько ударовъ дано, какимъ орудіемъ, по какой части тѣла и какіе слѣды отъ ударовъ остались.

— Непремѣнно, непремѣнно! произнесъ докторъ. — Но надо все видѣть. Панъ позволитъ? обратился онъ къ пану Винцентію.

Тотъ не выдержалъ и метнулся на минуту въ спальню. Врачъ и П. многозначительно переглянулись. Выбѣгаетъ панъ Винцентій и съ словами: мой паніе! суетъ П. въ руку свертокъ бумажекъ. Тотъ взялъ, измѣрилъ пачку своимъ опытнымъ глазомъ и безъ обиня-

ковъ сказалъ: мало, панъ! Панъ Винцентій полѣзъ опять въ шкатулку и когда вынулъ и вручилъ П. другой подобный первому свертокъ, то перестали и актъ писать, и спину пана свидѣтельствовать, и дворовыхъ въ тюрьму вести.

Наскоро и безъ особой неловкости распрощался П. съ паномъ Винцентіемъ, сдѣлалъ на выходѣ должное внушеніе его дворовымъ и укатилъ съ своею импровизированною коммисіею. Въ карманѣ у него оказалось ровно столько, сколько не доставало для покупки дома. Дворовые только перекрестились и въ недоумѣніи вздохнули; а панъ Винцентій съ этой поры сталъ считать себя совершенно очищеннымъ отъ своего грѣха и на другой день очень рано поѣхалъ въ кляшторъ благодарить Бога за избавленіе отъ искупленія.

К. Ц.

ГРАМОТА ПЕТРА I ЧЕРНИГОВСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ІОАННУ МАКСИМОВИЧУ [1]).

(Объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).

Поспѣшествующею милостію мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, наше царское величество, объявляемъ богомольцу нашему, преосвященному Іоанну Максимовичу, архіепископу черниговскому и новгородскому: извѣстно намъ великому государю учинилося, что гетманъ Мазепа забылъ страхъ Божій и свое крестное и намъ великому государю цѣлованіе, и измѣнилъ, и переѣхалъ къ непріятелю нашему королю

[1]) Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы застигло Петра въ расплохъ въ лагерѣ надъ Десной въ виду приближающагося непріятеля. Петръ былъ въ большой тревогѣ и при первой вѣсти отправилъ въ Кіевъ князя Б. Ѳ. Куракина доставить къ нему въ лагерь кіевскаго митрополита и знатнѣйшее духовенство. Очевидно, въ туже пору писана настоящая грамота и вѣроятно такая-же грамота послана была съ Куракинымъ кіевскому митрополиту. Помѣщаемую грамоту мы нашли въ ризницѣ архіерейскаго дома при черниговскомъ ильинскомъ монастырѣ и приводимъ здѣсь отъ слова до слова.—Гр. М.

шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ шведа выбраннымъ на королевство польское, дабы съ общаго согласія съ ними Малороссійскую землю поработить по прежнему во владѣніе польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать во унію, и понеже намъ, яко государю и оборонителю малороссійскаго края, належитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то порабощеніе и разореніе Малой Россіи, такожъ и церквей Божіихъ во оскверненіе не отдать, того ради повелѣваемъ: вамъ богомольцу нашему, и всей генеральной старшинѣ, и полковникамъ, и прочимъ чинамъ войска запорожскаго, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякого зла и возмущенія въ малороссійскомъ народѣ отъ него бывшаго гетмана, вы богомолецъ нашъ и вся старшина генеральная и полковая сбѣжались немедленно въ обозъ нашъ къ Деснѣ, для *обрания* по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. Данъ сей нашъ царского величества указъ въ обозѣ при Деснѣ, за приписаніемъ власныя нашея руки и припечатаніемъ печати. Октября въ 28 день 1708 году. *Петръ.*

Сообщ. графъ **Милорадовичъ.**

3. Послѣ обѣда были въ банѣ у отца архимандрита іпаского Платона Малиновского, где зъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукою Кононевичемъ проповѣдникомъ, зъ коллегіума московскаго прибывшими, видѣлися, зъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначенъ епископомъ въ иркутскую епархію, а отецъ Кононевичъ въ кадетскій корпусъ учителемъ.

4. Получилъ писмо отъ п. тестя зъ Риги, чрезъ нѣкоторого маіора иноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошелъ въ монастырь невскій и тамъ, передъ вечернями прибедши, ночовалъ у отца Василія, священника тамошнего.

5. Послѣ утренѣ исповѣдалъся у духовника отца Герасима и причащалъся на службѣ Божой въ деревянной церквѣ; потомъ былъ у отца архимандрита и обѣдалъ у отца намѣстника Симона; по обѣдѣ былъ у отца економа и у господина Василія Кирилловича Тредіаковского. Tandem побувавши у отца Василія священника, отехалъ на полясках, отъ отца намѣстника и економа даныхъ. Отцу духовнику далъ 1 р. Розишлось на розпоцю 26 к. Ея Імператорское величество изволила прибыть изъ Петергофа въ С. П. Бурхъ коло вечеренъ, и на пріездъ изъ многихъ пушокъ палено.

6. Были рано у графа Головкина, а панычъ былъ и во дворцѣ, где послѣ службы Божой пожалованъ господинъ Потоцкій кавалеріею Андрея Первозванного и офицери всѣ преображенского полку звани къ столу, ради праздника ихъ полку. На медъ пошло $37^{1}/_{2}$ к.

7. Будучи рано у господина Курбатова, засталъ тутъ и графа Сапу Владиславовича, который за мною причинялся, толкожъ ни чего не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдалъ у пана Полуботка, и потомъ заходилъ и до отца Малиновского, тилко оного въ домѣ не получилъ. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 8 к.

9. Просилъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который сказалъ просить совѣтниковъ, чтобъ зъ нимъ обще пріехали слушать моего дѣла. Рано былъ у насъ панъ Полуботокъ, по обѣдѣ господинъ Новоторжцовъ, денги кормовіи панычу привозилъ. Книгу Телемака прислалъ устанцевъ песаревичъ Іванъ Петровичъ.

10. Vacat. 11. Рано былъ у Петра Василіевича, который казалъ мнѣ у себе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными розговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказалъ мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ въ коллегіи иностранной, что братъ его двоюродный Іванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтался въ Москвѣ, преставился тамъ въ недавнихъ числахъ: и именно сего августа 1-го числа[149].

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского и до канцеляриста пана Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевского Александра Бершова. За чолки и воски полотняние 14 к.

13. Получены листы отъ ясневелможного 5 въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ: 1) о невзиманіи лишнихъ рацій и порцій сверхъ определенного, 2) о мекленбурцахъ[150], 3) о селѣтраныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о селѣ п. Холодовичу опредѣленномъ, 5) о видахъ Богу (?), да до мене писма отъ ясневелможного, отъ сотника воронежского п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подалъ листы гетманскіе въ колэгію и вручилъ оные Петру Василіевичу. За мите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Рано были у графа Головкина, службы Божои слушали въ Тройци. По обѣдѣ были у Петра Василіевича, одтоль былъ я у Івана Александровича Дурова, сына полковника нашого, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясневелможного, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ писмо отъ сотника голтвянского пана Федора Остроградского[151]. Былъ у Павла Івановича Апостола лiокай дворцовый Артемъ Івановичъ надъ вечери.

---

[149]) Ив. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. пошелъ за Мазепою (вмѣстѣ съ дядею Дмитріемъ) и по смерти Мазепы назначенъ былъ Орликомъ—генеральнымъ писаремъ; возвратился въ Малороссію въ 1715 году, поселенъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

[150]) О стоявшихъ въ Малороссіи полкахъ, называвшихся мекленбургскими.

[151]) Федоръ Матвѣевичъ Остроградскій былъ впослѣдствіи, съ 1752 г., полковникомъ миргородскимъ. Онъ былъ прадѣдомъ извѣстнаго математика Михаила Васильевича Остроградскаго.

17. Были у графа Гаврила Головкина и отдано писмо отъ ясневелможного благодарственное за прибавку паничевѣ жалованя. По обѣдѣ были у насъ господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузыровскій, смолянинъ, а рано панъ Андрей Полуботокъ. Розышлось на огурцы, хлѣбъ и проч. 14 к.

18. Пану Армашенку даны 30 к. Пополудни были зъ учителемъ Балтазаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновского полку сержанта, въ квартерѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошло 5 к.

19. Рано былъ паничъ у Андрея Ів. Ушакова, поздравляючи его тезоименитствомъ. Ея імператорское величество изволила быть у тогожъ господина Ушакова на обѣдѣ, где палено на пріездъ ея величества перве з 31, потомъ зъ 25, таже зъ 17. Послѣ муштровалать рота семеновского полку гренадерская, которая партіями палила зъ оружя и гранати бросала на воду болше годины дзигаровой, а между тѣмъ изъ пушокъ палено. Въ исходѣ-же 5-го часа по полудни изволила ея імператорское величество отехать зъ дому помянутого господина генерала Ушакова водою на шлюбкѣ въ дворецъ свой лѣтный, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 45 пушокъ и музика камерная играла. Хлопцу Андрійцу імениннику даны 25 к. Купленъ ключикъ до дзигарка, даны за оный 35 к., за фронціеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отехалъ зъ своей мызы, называемой Ропша.

20. Рано былъ паничъ у графа Остермана. Послѣ полдня прислана отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему я его книжку отпустилъ: Iosephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis.

21. Писалъ писмо въ отвѣтъ до сотника голтвянского пана Остроградского въ Москву и послано оное писмо къ подканцеляристу Урилу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которіе надобно за моремъ покупить, а именно: 1., Cluverii introductio in universam geographiam—12, 2., Cellarii Geographia antiqua et nova—12, 3., Matthiae theatrum Histor.—4, 4., Cluverii epitome historiae totius mundi—4, 5., Puffendorphi introductio ad histor. Europ.—8, 6., Buddei Historia eccles. V. T.—4., 7., Veysmani Histor. eccles. N. T.—4, 8., Pistorii Florus Polonicus 12, 9., Iosephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccles. 4, 10., Sulpitii Severi hist. sacra 8, 11., Nic. Bergius de statu eccles.

religionis Moschoviticae, 12., Ortodoxa confessio Catholicae atque Apostolicae Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695.—8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitae Rezanensis et Muromiensis ex ejus opere posthumo Theosophico »Petra fidei« dicto in epistola familiari revelatus 1730—4. 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отослалъ писмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писанное, которое намѣренъ былъ послать чрезъ маіора, зъ Риги пріездившого, господина Кезерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ея і. величество восприять маршъ до каналу Ладожского сухимъ путемъ и при віездѣ ея величества изъ С.-Пітербурха выпалено зъ крѣпости зъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Былъ въ коллегіи, а оттоль возвратившись, засталъ у себе Івана Ісаева Іскуса, пѣвчого государини імператрицы, да Іакова Воробевского, пасинка Словинского, стародубскихъ. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на медъ 19 к.

24. Обѣдалъ я у Івана Іскуса, у которого и другій пѣвчій Іванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карти даны 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Василіевичъ имѣлъ разговоръ о ігумену пустинно-николскомъ кіевскомъ отцу Іосифу Волчанскомъ, которій назначенъ на епископію могилевскую. Розышлось на перевозъ и хлѣбъ французкій 11 к.

26. Vacat. Князь Шаховскій возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о учиненномъ на писарей, асауловъ и протчіихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленіи. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожского каналу въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полудни и ради прибытія ея і. величества зъ многихъ палено пушекъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Паничъ рано былъ у государини цесаревны и отдалъ листъ ясневелможного о обидахъ подданныхъ панскихъ отъ вороничанъ [182]) дѣючихся. Послѣ обѣда

[182]) Мѣстечко Воронежъ, кролевецкаго уѣзда, принадлежало въ вѣчную собственность Елисаветѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились имѣнія гетмана Апостола—Шабалтаевка, Хлопеники и Дубовичи.

были въ квартерѣ нашей ея-жъ высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокименкову далъ еще 1 р. 50 к., а прежде подробницею видалось ему-жъ 2 р. 50 к., итого всего видано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой данъ 1 р. Алексію данъ 1 р. на его нужды. Розышлось на медъ, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣляне ковша и кандѣйки мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновского полку Федора Максимовича, и весь день на той сторонѣ пробавилъ, а рано подалъ пакетъ въ коллегію отъ ясневелможного вчора принесенный о служителяхъ. Видѣлься зъ Гудовичемъ [153]) коло адмиралтейства.

29. Рано былъ у князя Шаховского, но за многолюдствомъ тамъ бывшимъ не получилъ времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Зрана были обще зъ паничемъ у князя Шаховского и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерскимъ святого Александра Невского праздникомъ. Вручилъ я и писмо отъ Богаевского зъ Опошнаго до его сіятелства писанное, на которое злецилъ мнѣ одписать. Потомъ былъ въ домѣ графа Савы Владиславича и вручилъ Алексію Николаевичу Требинскому, Славуя брату [154]), меморіалъ о нуждахъ моихъ для обявленія графу Савѣ Владиславичу. На перевозъ 4 к. Въ исходѣ 11 часа предъ полуднемъ палено зъ пушекъ въ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

---

[153]) Вѣроятно говорится объ Андреѣ Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ баклансскомъ, который потомъ сдѣлался почетнымъ «комендантомъ» Меншикова и однимъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостолъ вызывалъ его въ Глуховъ, то онъ, отказываясь ѣхать, говорилъ: «лучше кланятися мнѣ въ самого, нежели въ посполитыхъ». Черниг. Листокъ 1863 г., № 8.

[154]) Три брата Славуй, Алексѣй и Максимъ вышли изъ Сербіи въ Малороссію при Петрѣ В. и получили здѣсь прозваніе Требинскихъ. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ «былъ воеводою у венеціанъ у Которскихъ» и что «во время съ турки войны, служилъ онъ царскому величеству вѣрно въ Монтенегринахъ и Герцеговинѣ съ потеряніемъ воеводства, отчизны и имѣнія своего». За эту службу Славуй сдѣланъ былъ прилуцкимъ сотникомъ. Около 1720 г. Славуй женился на вдовѣ лубенскаго сотника Василія Ипковича (Еленѣ Лизогубъ), и думалъ было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть маетностями ихъ отца (Пащовка, Мазолѣевка и Матвѣевка), которыя и утверждены были за нимъ Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Ико-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ сее-жъ время пожалованъ кавалеріею ордина святого Александра Невского генералъ полицемейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Івановичъ Пузиревскій, смоленскій шляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михайло І. Новоторжцовъ, которій привезъ паничу за двѣ трети года на квартеру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и стряпчій графа Г. І. Головкина Евфимъ Василіевичъ. За направу чоботъ дано 8 к.

31. Писанные писма подъ датою сего августа 29 дня одправлены сего числа до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, на лугу, подлѣ дворца лѣтного, одправовали екзерцицію, при которой и ея імператорское величество изволила присутствовать, а оними полками комендировали генералъ-фелдъмаршалъ графъ фонъ-Миніхъ, генералъ-лейтенантъ и преображенского полку маіоръ лантъграфъ гессенъ-гамбургскій Людовикъ и генералъ-маіоръ и подполковникъ конной гвардіи князь Алексій І. Шаховскій. На перевозъ пошло 4 к. За вино 20 к. Сего-жъ числа былъ у Василія Федоровича Іворского, камеръ-юнкера, где имѣлъ честь видѣть и сожителницу его княжну Марію Семеновну. До дому пришедши, имѣлъ розговоръ зъ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Зрана и за полдень былъ день весма свѣтлый и погодный. Былъ сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника на Василевскомъ острову Воскресенского. Потомъ у отца префекта московского коллегіума, заиконоспасского, Іпокентія Нероновича, таже у

вичъ (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) успѣлъ въ 1731 г. выпросить у Апостола отцовскія имѣнія обратно. По этому случаю Алексѣй Требинскій и отправился въ Спб. хлопотать о надѣленіи его съ братьями другими имѣніями, указывая на сс. Круподеринцы и Савинки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскимъ въ лубенскомъ полку 70 дворовъ. Вслѣдствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. м. Оржицу и с. Плеховъ (лубенскаго уѣзда).

госп. Вишневского, полковника лантъ-милицкихъ полковъ, у которого и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французкій бѣлій пошло 11 к.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже совсѣмъ окончена и другая вписка зъ Корсаковымъ челобитьемъ сочиненная. Таже былъ у п. Полуботка, по которого требованію и копій двѣ зъ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣлъ присланныхъ, о требованіи лишныхъ порцій и рацій и о мекленбурцахъ послалъ къ нему-жъ чрезъ Бяловского. На перевозъ пошло 4 к. Графъ Головкинъ пріехалъ зъ мизи (Ропши).

3. Обѣдали у панича гг. Курбатовъ совѣтникъ, переводчики Сенявинъ и Бялошицкій, да Новоторжцевъ и Леонтевъ канцеляристы, тако-жъ протопопъ петропавловскій Петръ Григоріевичъ и трактованы ради имениңъ паничевыхъ, бывшихъ августа 30, а на водиѣ толко былъ оберсекретаръ Іванъ Юрьевичъ. Рано были у графа и въ его домовой церкви слушали службы Божой. Subebrii fuimus cum hospitibus per totam diem potati.

4. Послѣ полдня былъ на Василевскомъ острову у господина Бялошицкаго, а потомъ былъ у бандориста дворцового Ермолая Санкевича, у котораго и вечеряли зъ паномъ Грифскимъ. На перевозъ пошло 16½ к.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуднемъ ездили къ государини цесаревиѣ Елисаветъ Петровиѣ поздравлять ея высочество тезоименитствомъ и тотъ часъ были допущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу послѣ молебствія, въ Тройци архіереемъ вологодскимъ Афанасіемъ Кондоиди отправленного, палено зъ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ пушекъ, а именно зъ 49 выпалено. Подалъ письмо его превосходителству, господину генералу Андрею Івановичу Ушакову отъ сотника голтвянского п. Федора Остроградского и объ отвѣтѣ сказанномъ къ томужъ сотнику писалъ, включивъ писмо до Урінла. Розышлюсь на разницы 4½ к.

6. За мите рубашокъ прачцѣ 10 к., на перевозъ 3 к. Пріехалъ Козма Якимовичъ Кричевець и Павелъ Войничъ, бурмистры кіевскіе, въ С. П. Бурхъ.

7. Видѣлъся рано на Василіевскомъ острову зъ оными прибывшими и писма чрезъ нихъ получилъ. На перевозъ пошло 2 к. Тіе жъ бурмистри и у насъ были. За книжку латинскую, называемую Hugo Grotius de veritate religionis Christianae, дано 64 к.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Былъ у мене рано Григорій Кременецкій и принесъ писмо отъ п. Михайла Забѣлы, судіи войск. енер., былъ же и п. Полуботокъ на водкѣ. За хлѣбъ французкій бѣлый 4 к. Сегожъ числа видѣлся зъ стрянчимъ графскимъ Ефимомъ Василіевымъ и розговоръ имѣлъ стороны порученого ему отъ Корсака челобитя о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскомъ видѣлъ мене графъ Сава Владиславичъ —. Корабль с. Александръ на Неву канатами стягнули, который, когда спущано въ адмиралтействѣ сего септевр. 3-го числа, остановился на берегу и не пошелъ на воду. Послано писмо графское на почтѣ о поездѣ ясневелможного въ Сорочинци.

10. Слушалъ обѣдни на Василіевскомъ, гдѣ имѣлъ и первую проповѣдь отецъ Лука Конашевичъ: потомъ былъ въ квартерѣ бурмистровъ кіевскихъ Войнича и Кричевця и у нихъ обѣдалъ. Послѣ былъ въ домѣ преосвященного новгородского. Розышлось на перевози 9½ к.

11. Ночю разломалъ мостъ на Василіевскомъ острову корабль, недавно спущенный. Я рано былъ въ коллегіи, потомъ до пѣвчихъ цесаревниныхъ зашедъ, тутъ и обѣдалъ. Розышлось на перевозъ 9 к., за хлѣбъ бѣлій французкій 4 к.

12. Обѣдали зъ нами бурмистры кіевскіе, по обѣдѣ былъ у преосвященного новгородского, подалъ чрезъ келейника Илю Борисова писма отъ ігумена глуховского, да отъ п. Лисаневича. Ночовалъ на Василевскомъ Острову у тихъ же бурмистровъ. Розышлось на перевозъ и проч. 23 к.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову писмо отъ себе стороны дѣлъ моихъ. въ вечеру емужъ поданы писма чрезъ Григорія Кременецкого гетманское и отъ п. Забѣлы судіи енер. и листъ гетманскій же въ коллегію надлежащый, стороны (относително) того жъ пана судіи дѣла о Райгородку и Царовцѣ [155].

14. Кременецкій подалъ графу Головкину писмо гетманское о томъ же дѣлѣ.

[155]) Село Райгородокъ и деревня Царевка, кролевецкаго уѣзда, принадлежали на войсковую артиллерію. Забѣла должно быть хлопоталъ получить ихъ на урядъ.

15. Сездилисъ къ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайныя канцеляріи совѣтники господа Степановъ и Курбатовъ, куда являлись и п. п. Полуботокъ да Алексій, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что дѣла ихъ слушаны. Зъ ночи до полдня была жестокая верховая погода, а по полднѣ обратилась изъ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристани всѣ потопилисъ, много отъ всюду бревенъ рознесло и иныхъ шкодъ отъ оной же погоды здѣлалось не мало. На перевозъ Алексію 2 к., котораго посылалъ къ Якимовичу и къ Іліи Борисову на В. островъ. Наводненіе было великое и прибувала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло на полтретя аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что к переѣсадить было весма невозможно, чего ради и ночовали у насъ п. п. Полуботокъ и Алексій, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому обявлены всѣ мои дѣла, въ коллегіи іностранной имѣючіеся.

17. Графъ Мойсей Івановичъ, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ водки анкерокъ. Сегожъ числа Гротъ, лікаръ, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣдѣ. Служителямъ, что принесли водку, даны 20 к.

18. Писаны писма до ясневелможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юркевича, до сотника воронежского П. Холодовича, да подъ 13-мъ числомъ до жены и до Стефана, также до Косача писара судового и въ одинъ пакетъ включенные: подписаный на имя канцеляриста старшого войскового пана Юркевича, а въ небытность его, кто зъ канцеляристъ при одправленіи дѣлъ оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ включенъ въ писмѣ до подканцеляриста Урила Ларіоновича въ Москву и одправленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а ночовалъ у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червонные у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дано за каламаръ и песочницю 25 к. На перевозъ розошлось 11 ½ к. Рано былъ у Петра Василіевича и слышалъ отъ него, что на дѣло мое есть резолюція: потомъ былъ у князя Шаховского, который команды своей, полку конной гвардіи, два шквадроны, преизрядно въ новое плате убранной и на изрядныхъ нѣмецкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подлѣ лѣтного дворця, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паничемъ былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Іехову дано водки. Графу Мойсею Івановичу вчора благодарилъ въ коллегіи за обсилку водки. Помѣнялъся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на пуздерка (флашки для водки).

20. Получилъ писма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горленка подписанномъ, который привезъ на нашу квартеру графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ. Подячому Михаилу Родостамову дано водки. Писалъ писма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, и посланы тіе писма чрезъ курієра, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленого. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтвянского, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говорилъ панъ Федоръ Максимовичъ и чтобъ отобралъ два данкгарии у Анны Івановны, съ росписокою пана полковника миргородского [156]), заплатя 6 р. даныхъ за направу, послалъ на почтѣ въ писмѣ до Уріила Ларіонова въ Москву. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлюсь на перевозъ 11 к. Арманенку послана бутелка водки.

22. Козма Якимовичъ о моемъ дѣлѣ говорилъ мнѣ въ коллегіи; тутъ же видѣлъ князя Щербатого, который былъ посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича, который de legibus nostris discurrebat, quasi въ нихъ написано о видачи людей переходячихъ зъ мѣста на другое и о взиманіи хоча малого пожилого. Розышлось на перевозъ и проч. 3 к.

24. Послѣ обѣда былъ у насъ старый Гудовичъ [157]), потомъ Ісаусъ и Плешкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащій при архимандриту троецкомъ. Въ 10-мъ часу по полднѣ были разные знаки на небѣ, бѣліе и черные, и многообразно перемѣнялись въ великой

---

[156]) Анна Ивановна Апостолъ, сестра »панича« Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневникѣ Ханенка. — См. примѣч. 136. — Полковникъ миргородскій, Павелъ Даниловичъ Апостолъ, ея дядя.

[157]) См. примѣч. 153. — Старымъ онъ называется потому, что въ это время старшій его сынъ Василій былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василій впослѣдствіи былъ генеральнымъ подскарбіемъ и тайнымъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгали отъ одной стороны на другую. На медъ пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховского, который сказовалъ, что говорилъ о моемъ дѣлѣ Петру Василіевичу и еще говорить обѣщалъся. Обѣдалъ я у отца префекта Іннокентія Нероповича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. Послѣ обѣда былъ въ лазнѣ у Г. и тамъ почовалъ. На перевозъ пошло 4 к. Обѣдалъ у насъ панъ Іванъ Івановичъ Косаговъ, капитанъ семеновского полку гвардіи [158]).

27. Былъ рано въ коллегіи, а одтоль чрезъ крѣпость пошолъ и бывъ въ церквѣ Петропавловской, видѣлъ тамъ костяное бѣлое паникадило, которое сдѣлано отъ самого блаженныя памяти Петра I. Імператора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Послѣ полдня въ 7-мъ часу званные отъ Николая Івановича Пузыровского были первей у него на квартерѣ, а послѣ у нѣкоторого дворцового келлеймейстера Михайла Дмитріевича Колошина великого дворця и тамъ въ обоихъ мѣстахъ очинь много трактованы разными винами, и жестоко былъ пянъ, чего для и почовать принужденъ былъ у пѣвчихъ цесаревниныхъ; тутъ же зъ нами былъ и нѣкоторий Іванъ Федоровичъ Маменсъ мунписенкъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову подячему кол. іное. за переписку трехъ листовъ далъ 25 к. За полтора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Послѣ обѣда былъ и вечерялъ у насъ Іванъ Петровичъ уставщикъ, чрезъ которого и книжку разговоровъ Паткуля зъ Герцомъ отослалъ.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошло 9 к., за голову цукру 53 к., пивцю 2 к. Алексію за чолки вовняніе 11 к. Кирилу імениннику 30 к. Вчорашнего числа пополудни въ 11-мъ часу преставился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

---

[158]) Этотъ Косаговъ приходился племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Максима Михайловича Бороховича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ея часть мужниннаго имѣнія, мѣстечка Лютеньки (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Косаговъ владѣлъ Лютенькою и въ 1760 г., будучи тогда генераломъ-лейтенантомъ.

30. Писалъ писма до жены и до служителя Степана и оные отправлены чрезъ Гудовича. Сегожъ числа писано писмо къ ясневелможному и въ ономъ включенъ пакетъ отъ капитана поручика гвардіи семеновского полку Івана Івановича Косогова. Къ томужъ господину Косогову поехавши, званный ради тезоименитства сына его Григорія, обѣдали у него: где послѣ обѣда напавши на мене адютантъ семеновского полку Іванъ, съ братами своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, кунтушъ сѣбѣрковый разодрали, и табакерка срѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ іменнинику молитовникъ печерскій въ паргаминѣ бѣломъ подъ марнесами позолочеными. Розышлось на перевозъ 10 к.

Октоврый.

1. Рано принесенъ пакетъ зъ коллегіи, который туда пришолъ на почтѣ зъ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію іностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому писма. Весь же день сей пролежалъ въ дому болевъ. На вино ренское 10 к.

2. Посѣщалъ мене Алексій Славуцевъ братъ и вышеупомянутый до гетмана пакетъ подъ датою 30-го сентеврія отправленъ на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посиланному до Кричевця, на перевозъ 2 к. Зъ сочиненною челобитною ездилъ панъ Горленко до Петра Василіевича, просячи совѣту, токмо оного въ домѣ не получилъ.

3. Отослалъ номянутые 6 листовъ гетманскихъ чрезъ Григорія Кременецкого до рукъ Козмы Іакимовича, чтобъ подалъ въ коллегіи іностранной. И сего числа оный же Горленко ездилъ зъ челобитною моею до Петра Василіевича, которую совѣтовалъ обявить князю Шаховскому. За переписане оной челобитной далъ 10 к. Государиня изволила переехать въ зимній дворецъ.

4. Рано пани и панъ Горленко зъ челобитною моею ездили первей до князя Шаховского, который велѣлъ подать генералу Ушакову, а послѣ онижъ были и у Стефана Федоровича Апраксина, который просилъ зъ челобитемъ удержатися до утра. По обѣдѣ пріездили ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Іванъ и Василій Андріевы сыни Воейковы просить прощенія, а потомъ былъ у менежъ и капитанъ поручикъ господинъ Косоговъ зъ женою о томъ же просячи. За мите платя портомои 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано были собралисъ отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуєвъ братъ да бурмистры кіевскіе Кричевецъ и Войничъ, но толко одинъ приходилъ адютантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелми не собралисъ ради куртака. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. И сегодня были бурмистры для тогожъ миротворенія, толкожъ отъ изобидивней стороны никто не бывалъ. Дано Грифскому 5 к.

7. Отвезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ челобитную и подалъ генералу Ушакову, а скоро оттолъ пріехали, то господинъ Косоговъ присилалъ сержанта семеновского полку зъ прошеніемъ, чтобъ челобитня не производили. Господинъ Новоторжцовъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдъ, ради крестинъ дочери его предъ симъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Послѣ полдня пріездили господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ панъ Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому назначили день прійдучій понеделковый, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ я паничу компасъ мосенжный (мѣдный).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжцова и поздно уже одтолъ прибыли.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибылъ господинъ Косоговъ зъ Воейковыми и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, помирилъся я зъ оними на томъ уговорѣ, чтобъ табакерку и кунтушъ нагородили, а въ прочемъ всемъ зъ ними простилъся, на которомъ примиреніи были Іванъ Івановичъ Косоговъ, капитанъ поручикъ семеновского полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Івановичъ Пузыровскій, бурмистры два кіевскіе, да наши домовіе. Пошло на вино и проч. 62 к. На мило до вимитя кунтуша 2 к.

10. Былъ панъ Горленко у Стефана Федоровича Апраксина, капитана гвардіи семеновского полку, зъ объявленіемъ, что помирилисъ.

11. Писаны писма въ Глуховъ къ ясневелможному, до пана Скоропадского и до пана Юркевича, до пана Іакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жены, до старшого Галецкого подъ числомъ 4, до Стефана Максимовича, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегоръ, зъ цедулами до атамана город. погарского Белая и до Леонтія Галецкого, также писалъ до пана Скорупы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горленка. На нитки до дитинного платя 2 к.

12. Оные писма одправлены на почтѣ. Сего числа въ лазнѣ мылься и кровъ банками пущалъ зашкурную. На перевозъ и проч. розышлюсь 24 к.

13. Посылалъ Каленика до господина Косогова, упоминаючись о награжденіе школы, Воейковыми учиненной, которій обнадежилъ, что то исполнено будетъ. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василю, который кровь пущалъ, 25 к. На перевозъ и проч. 5 к.

14. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича и подалъ писмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велѣлъ Петръ Василіевичъ подать себѣ меморіалъ. На перевозъ пошло 4 к. Бабѣ за мите кунтуша 4 к.

15. Подячіе і. коллегіи Інеховъ, Сысоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавили. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 к.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продаютъ. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подалъ меморіалъ о дѣлахъ, на которые надобна къ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 к. Послѣ обѣда былъ у мене Василій Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновского полку подпоруччикъ и привезъ срѣбную табакерку за мою, которая чрезъ нихъ въ домѣ господина Косогова пропала, а о сукнѣ братамъ имѣлъ говорить.

18. Писалъ писма въ Глуховъ до пана Забѣлы судіи енер., до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посылкою писемъ отъ Никиты Косача до матки и дяди его, а въ Москву до Уріила подканцеляриста, прося о пересылку оныхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву жъ до сотника голтвянского пана Федора Остроградского и тудажъ послано писмо отъ преосвященнаго Іннокентія Нероновича, епископа іркутского, до отца Феофилакта Журовского. За гаплики (крючки) до юпки 2 к.

19. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропадского и оные, также жъ вчора писанные, одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За полтора ведра меду 37 ½ к. На тафту до шлафрочка дитячого 28 к., за пуговки и на шовкъ 22 к.

20. Куплены 3 книги латинскія: Virgilii omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За мите платя прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегіи іностранной о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣлъ Петръ Василіевичъ подать графу о опредѣленіи на кормъ и квартеру. Писано письмо до пана Скоропадского чрезъ райтара кіевского Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталъ-мейстера ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Івановича Шувалова и забавилисъ въ ночъ до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8 ½ к.

23. Подалъ доношеніе его сіятелству графу Головкину о определеніи мнѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартеру жалованя; за переписку оного доношенія и протчего писцу дали 10 к., на перевозъ 2 к. Ночовалъ у бурмистровъ кіевскихъ на Василевскомъ острову и виградъ въ карти 39 ½ к.

24. Рано былъ у Петра Василіевича и просилъ такъ стороны мелницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Перегона подлежащыхъ, яко и о ранговомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу объявлялъ. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французкій 5 к.

25. Послѣ полдня былъ у князя Шаховского и подалъ писмо отъ ясневелможного стороны дѣлъ, въ коллегіи іностранной имѣючихъся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., на шовкъ до шлафрока дитячого 9 к. Въ ночѣ посланъ въ ссилку Петръ Мировичъ.[159]).

26. Весь день пробавилъ въ квартерѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унѣверсалу на урядъ мнѣ данного, такожъ и унѣверсалу Семіона гетманича на Найпутовичи, данного судіи полковому Самойлу Іванову, справлены копіи къ дѣлу [160]). На перевозъ пошло 7 к.

---

[159]) См. примѣч. 142.

[160]) Ханенко, какъ видно, старался выхлопотать себѣ какую нибудь маетность »на рангъ« своего судейства и, дознавъ, что одинъ изъ его предмѣстниковъ по судейству Самойло Ивановъ, владѣлъ селомъ Найпотовичами »на рангъ«, т. е. лишь на время занятія должности, сталъ хлопотать объ этомъ селѣ и, какъ видно, успѣлъ. См. 20 дек. 732 г.

28. За шате у шлафрочка Василкового петель даны 5 к., за футро до тогожъ шлафрочка 45 к., за хлѣбъ французкій бѣлый и ржаный 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховского, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ писмо въ Москву до сотника голтвянского, по словамъ пана Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государыни цесаревны Екатерины Івановны палено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ея императорское величество изволила обѣдать у ея жъ высочества государыни царевны. У насъ обѣдали бурмистры кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Выпровшия зъ коллегіи іностранной, былъ у преосвященного іркутского и у полковника Вишневского. На перевозъ пошло 9 к. Писмо до сотника голтвянского въ писмѣ до подканцеляриста Урівла одправлено на почтѣ. Шевцю даны для подшита сапоги и смужъ задатку дано 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За поланкерка меду 38 к. Подячому Іинхову даны чорные шолковые чолки; отдалъ должныхъ Кирилу 70 к., занявши у пана Андрея Горленка 2 р.

Ноеврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостми у Кузми Іакимовича Кричевца, бурмистра кіевского, ради тезоименитства его и у нихъ же ночовалъ, factus ebriatus.

2. Зъ Василевского острова мимоходомъ вступилъ къ вотчинной коллегіи секретарю Епифану Мартиновичу и у него зъ часъ и болигъ просидѣвъ, пришолъ до квартери прямо. На перевозъ пошло 7 к.

3. Никуда зъ квартери не ходилъ. Салдату, что принесъ писма изъ Москви отъ Урівла, даны 3 к.

4. Былъ въ коллегіи и выписку досмотрѣлъ о жалованѣ на кормъ и на квартеру. На мясо пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашовалъ Петръ Василіевичъ о сину Стефана Корсуна, который въ Гданску учится [162]).

5. Были рано у графа и тутъ обѣднѣ слушали. За хлѣбъ бѣлый французкій 4 к. Отослано писмо къ сержанту Максимовичу

[162]) Степанъ Корсунъ—сначала сотникъ сенскій (мѣстечко Сенча, лохвицкаго уѣзда), а потомъ—лубенскій полковой хоружій (1720 г.) и есаулъ (1732 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ IX томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Б.

---

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

В.

Г.

Д.

Н.

О.

П.

Р.

Э.

Я.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА IX. 1883 г.

Май, 1884 г.

Іюнь, 1884 г.

Іюль, 1884 г.

стр.

Августъ, 1884 г.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб**. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

Русская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

Сентябрь

1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ X.

СЕНТЯБРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11-го августа 1884 года.

Hypacyusz Pociey
Kasztelan Brzeski Litewskiego Biskup Włodzimierski i Brzeski pożniey
Metropolita Kijowski i Halicki Delegowany w R. 1595. do Rzymu za Klemensa
VIII Papieża dla odnowienia zerwaney iedności S. z Kościołem Rzymsko
Katolickim. spoczął w Panu Roku 1613. dnia 8 Lipca

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 4-я.

Литовско-польскій періодъ въ исторіи южной Россіи.

Со второй четверти XIV ст. начался поворотъ въ жизни южно-русскаго населенія подъ вліяніемъ завладѣнія страной литовцами. Окрѣпшіе въ политической борьбѣ съ прибалтійскими нѣмцами и оттѣсняемые послѣдними все болѣе и болѣе отъ морскаго прибрежья, литовцы обратились на востокъ—въ области древнихъ кривичей, и на югъ—въ предѣлы южной Руси, и скоро сравнительно завладѣли ея территоріей: къ концу XIV в. вся обитаемая южно-руссами территорія была уже въ политической зависимости отъ нихъ. Первое слѣдствіе подчиненія южно-русской территоріи литовцамъ выразилось въ изолированіи ея: съ XIV ст. *южная Русь окончательно отдѣлилась отъ сѣверной* и начала существовать, какъ провинція »Великаго Княжества Литовскаго«. Благодаря измѣнившейся политической судьбѣ страны, создается опять иная обстановка для этнологическаго роста кореннаго населенія. Вліянію ея должно приписать: 1) феодализацію землевладѣнія въ южной Руси въ литовскій періодъ, 2) преобладаніе милитарныхъ мотивовъ въ политической ея жизни это время, 3) направленіе колонизаціи южнорусской въ этотъ-же періодъ и 4) *сословное распредѣленіе кореннаго населенія.*

Въ разсматриваемый нами періодъ территорія южной Руси дѣлается достояніемъ »великаго литовскаго князя«, какъ представителя завоевателей, и въ идеѣ это право на всѣ земли сохраняется даже до второй половины XVI ст. Часть земель непосредственно отъ князей передавалась въ распоряженіе эксплуатирующаго ихъ населенія, главнымъ образомъ *сельскихъ жителей*, которые, проживая на княжескихъ земляхъ, назывались »люди господарскіе«: »волостные« или »тяглые«, а также »служилые люди«, »замковые«, и за владѣніе поземельною собственностью обязаны были натуральною службою: поставляли для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, производили издѣльную повинность »на потребу князя«), кромѣ того вносили условный чиншъ княжескимъ намѣстникамъ: »воеводамъ, старостамъ, державцамъ, ключникамъ или тивунамъ«, въ видѣ »серебщизны«, »поволовщины«, »дякла«, »подымщины« и пр. Другая часть земель попадала въ распоряженіе эксплуатирующаго личнымъ трудомъ сельскаго или городскаго населенія, переходя предварительно черезъ цѣлые разряды посредниковъ, начиная владѣтельнымъ княземъ и кончая живущимъ на чужой землѣ сельскимъ обывателемъ, при чемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны съ тѣми, въ какихъ стояли »люди господарскіе« къ князьямъ: каждый низшій разрядъ за пользованіе частью земельной собственности высшаго обязывался, какъ-бы въ замѣнъ послѣдняго, нести по отношенію къ государству условную долю повинностей. Въ концѣ концовъ сельскіе обыватели на владѣльческихъ земляхъ, »люди панскіе« или »земянскіе« по своему соціальному положенію уравнивались съ »людьми господарскими«, съ тѣмъ различіемъ, что, получая фактически земельный участокъ отъ частнаго лица, они, кромѣ отбыванія натурою, вмѣсто хозяина участка, по отношенію къ князю, извѣстныхъ повинностей на равнѣ съ »господарскими людьми«, вносили денежный чиншъ непосредственно владѣльцу участка [1]). Въ свою очередь тѣ разряды населенія, черезъ посредство которыхъ земля доходила къ крестьянамъ и въ пользу которыхъ

---

1) Новицкій, »Очерки исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII ст., стр. 7—15; Бершадскій, »Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи, стр., 268, 279 и 294.

отъ послѣднихъ поступалъ чинюъ, несли тоже часть повинностей, прежде всего и главнѣе всего *военную*, самую тяжелую въ то безпокойное время. Такимъ образомъ въ литовскій періодъ уже въ XIV ст. устроилась феодальная лѣстница отношеній разныхъ разрядовъ населенія, на верху которой стоялъ князь, а внизу помѣщались сельскіе обыватели двухъ разрядовъ: одни на княжескихъ земляхъ, а другіе на владѣльческихъ. Землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи [1]); не было сначала привилегій и въ другихъ областяхъ: въ политической [2]), судебной, въ отбываніи повинностей [3]), по роду занятій [4]) и пр. Сельскіе обыватели или крестьяне, какъ господарскіе, такъ и владѣльческіе, на равнѣ съ князьями, боярами и горожанами, имѣли право отчужденія своего земельнаго участка въ пользу другого лица съ перенесеніемъ на это лице и отбыванія условныхъ повинностей и даже права имѣть экономически зависимыхъ отъ себя людей, или »закладней« [5]). Различіе между разными разрядами населенія, за исключеніемъ немногочисленнаго сословія вполнѣ безправныхъ рабовъ [6]), сводилось преимущественно къ различію *экономической состоятельности*. Такихъ разрядовъ въ XIV ст., кромѣ удѣльныхъ князей, обыкновенно признаютъ пять: 1) *земяне* — это крупный землевладѣльческій классъ, который получалъ участокъ какъ отъ князей, такъ и отъ частныхъ владѣльцевъ и былъ въ непосредственной зависимости отъ князей; 2) *бояре* — землевладѣльческій классъ, составлявшій по незначительности своихъ земельныхъ участковъ переходъ къ мѣщанскому и крестьянскому разрядамъ; они приписывались по отбыванію повинностей къ господарскимъ замкамъ; 3) *мѣщане*—жители городовъ, въ разрядѣ которыхъ числились и бояре, и дворяне, и собственно мѣщане и поспольство; 4) кре-

[1]) Новицкій, стр. 15.

[2]) Бернадскій, стр. 289.

[3]) Такъ, для всѣхъ разрядовъ были напр. такія общія повинности: постройка замковъ, исправленіе мостовъ, подводная повинность, »поволовщина« и пр.—Бернадскій. стр. 289.

[4]) Землевладѣніе, земледѣліе, торговля, ремесла, ссуда денегъ и пр. отправляются каждымъ свободнымъ человѣкомъ по усмотрѣнію. Ibid., стр. 289—291.

[5]) Новицкій, стр. 13—15.

[6]) Ibid., стр. 3.

стьяне или »люди господарскіе« и »земянскіе«[1]) и 5) безправные или рабы—весьма малочисленный классъ населенія[2]). Но тѣ, сравнительно небольшіе зачатки сословной раздѣльности, которые въ XIV в. видны лишь въ неравенствѣ экономическомъ, въ неоднородности государственныхъ службъ, въ феодальномъ экономическомъ подчиненіи одного разряда населенія другому, а отчасти въ мѣстѣ жительства и въ происхожденіи, постепенно въ теченіи XV в., подъ вліяніемъ политическихъ событій, особенно безпрестанныхъ войнъ, торгово-промышленной жизни, а также благодаря инороднымъ элементамъ, выросли до привилегіи и до сословнаго расчлененія южно-русской народности. Прежде другихъ выдѣлились въ особую сословную группу *горожане*, которые, въ силу распространившагося на всѣ главные города южной Россіи магдебургскаго права, объединились изъ прежнихъ отдѣльныхъ разрядовъ городскихъ жителей—мѣщанъ, городскихъ дворянъ и посольства—въ одно »мѣщанское сословіе«[3]) съ особою административною и судебною юрисдикціей. Затѣмъ повсюду стали выдѣляться земяне въ привилегированный классъ, въ *высшее служилое сословіе*. Начало такому выдѣленію можно усмотрѣть въ пожалованіи князьями за особыя заслуги земель отдѣльнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе, черезъ что образовались *вотчинныя имѣнія* (»дѣдина«, »дѣдичина«). Хотя сначала и владѣніе вотчиною ограничивалось правомъ князя запрещать переходъ ея въ другія руки, но со временемъ это ограниченіе исчезло; постепенно число вотчинныхъ имѣній возрастало съ одной стороны на счетъ уменьшенія земель, пожалованныхъ во временное пользованіе, а съ другой и на счетъ земель, находившихся въ распоряженіи князя. При той широкой раздачѣ земель, какая практиковалась въ XIV и XV в., значительное число послѣднихъ отъ князя переходило во владѣніе крупныхъ собственниковъ; явилась необходимость въ ограниченіи права на земельную собственность[4]), и землевладѣніе такимъ образомъ сдѣлалось сос-

[1]) Проф. Антоновичъ признаетъ еще третій классъ крестьянъ—»данниковъ«, жившихъ на собственной землѣ.—»Кіев. Старина« 1882 г., янв., стр. 29—35.

[2]) Новицкій, стр. 3.

[3]) Ibid., стр. 18.

[4]) Въ концѣ XV в. послѣдовало ограниченіе правъ мѣщанъ на землевладѣніе.—Ibid., стр. 10—11.

ловной привилегіей. Понятно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной собственности, стремился обѣлить свою землю отъ всякихъ платежей, и это достигнуто было къ началу XVI в., когда была уничтожена »воловщина«, »подымщина« и государственное право на подать перешло къ частнымъ владѣльцамъ [1]), что, понятно, поставило »панскихъ« или »земянскихъ« людей въ большую зависимость отъ послѣднихъ. Къ тому же времени жители на земляхъ частныхъ владѣльцевъ выключены отъ суда княжескихъ урядниковъ переходомъ права суда къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель [2]).

Такимъ образомъ къ началу XVI в. южно-русское населеніе раскололось на три довольно рѣзко очерченныхъ сословія: 1) привилегированное землевладѣльческое и вмѣстѣ служилое сословіе, которое заключало въ себѣ двѣ группы: князей и пановъ рады и бояръ или шляхту [3]), 2) мѣщане и 3) крестьяне двухъ категорій: на княжескихъ земляхъ и на частныхъ. Послѣдніе представляли уже полусвободное населеніе, зависѣвшее въ экономическомъ и въ судебно-административномъ отношеніи отъ землевладѣльческаго класса; сословное повышеніе ихъ было ограничено [4]) и свобода перехода отъ одного участка на другой затруднена [5]). Наконецъ былъ еще классъ духовенства, который пополнялся изъ всѣхъ другихъ сословій.

Отмѣчая тѣ особенности этнографическаго характера, какими окрасилась жизнь южно-руссовъ въ періодъ съ XIII по XVI ст., нельзя оставить безъ вниманія *милитаризма населенія*. Южно-русская страна за указанное время представляла арену безпрерывной войны: татары рѣдкій годъ не посѣщали южной Россіи своими грабительскими набѣгами, при которыхъ сжигались поселенія, захватывался скотъ, уводились въ плѣнъ жители; борьба поляковъ и литовцевъ

---

[1]) Новицкій, стр. 19—22.

[2]) Ibid., стр. 19—22.

[3]) Бершадскій, стр. 294.

[4]) Въ земской привилегіи в. кн. Александра отъ 1492 г. установлено было уже, что »*плебеи* не будутъ повышаемы надъ шляхтой«.—Ibid., стр. 279).

[5]) По земской привилегіи Казиміра Ягеллоновича въ 1457 г. »за выводъ людей у помѣщиковъ всякаго ожидала висѣлица«.—Бершадскій, стр. 273.

изъ-за обладанія тѣмъ или другимъ клочкомъ южно-русской территоріи съ малыми перерывами велась около двухъ столѣтій; далѣе молдаво-валахи, какъ только объединились въ одно политическое государство, не упускали случая выпускать свои войска на территорію южно-русскую; наконецъ не безопаснѣе было и съ восточными сосѣдями—московскимъ государствомъ и пр. Рѣдкій годъ обходился, чтобы южно-русская страна то въ томъ, то въ другомъ концѣ не должна была или отражать врага, или защищаться; не только развитіе промышленное, торговое и культурное, но и самое существованіе населенія находилось въ постоянной опасности. Въ виду этого значительная часть населенія: »земяне«, бояре и даже горожане принимаютъ военную организацію и даже обязываются въ той или другой формѣ нести военную службу. Такъ »земяне«, получая участокъ земли или службу, »обязаны были по каждому призыву князя или его намѣстника доставлять съ каждой »службы« одного вооруженнаго воина[1]); »бояре«, будучи приписаны къ господарскому замку, за свои участки должны были прежде всего нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости[2]); мѣщане или несли также всякую полевую и гарнизонную службу (»отправляли оборону и сторожу«), или должны были кромѣ того спеціально, по призыву воеводы, ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ[3]) (послѣднее, конечно, относилось къ пограничнымъ городамъ, какъ Кіевъ), такъ что три слоя населенія, уже въ силу требованій власти, принимали характеръ иррегулярнаго войска. Но жизнь шла дальше и дѣлала воинами и значительную часть крестьянства, особенно обитавшаго въ степной полосѣ и въ сосѣдствѣ съ татарами—это были козаки.

Съ козачествомъ, самымъ важнымъ этнографическимъ явленіемъ временъ литовцевъ, связанъ вопросъ о колонизаціи. Въ началѣ XIV ст., въ періодъ подчиненія южной Руси литовцамъ, область поселенія южно-руссовъ значительно съуживается, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра

---

[1]) Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 29.

[2]) Ibid., стр. 32.

[3]) Ibid., стр. 31.

южно-русская страна отъ самаго Днѣпра и нижняго теченія Сулы и Сейма, приняла степной характеръ[1]) и такою оставалась и въ XV еще вѣкѣ[2]). Кромѣ части харьковской и полтавской губ.—бассейновъ Пела, Ворсклы и Сейма, все остальное пространство до XV и даже до XVI ст. служило мѣстомъ временныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ кочевниковъ[3]); весь курскій край, за выключеніемъ Курска и Рыльска, уцѣлѣвшихъ въ татарщину и позже потомъ явившихся колонизаторами края, оставался въ запустѣніи въ теченіе трехъ столѣтій[4]). На правой сторонѣ Днѣпра южно-русское населеніе не шло дальше Роси[5]): пустыя мѣста граничили съ Каневомъ, Черкасами и Бѣлою-Церковью, даже въ послѣднее время періода[6]). Херсонская губернія и прилегающія части кіевской и подольской губерніи были въ полномъ запустѣніи до конца XIV в.; никакихъ поселеній не было и на побережьѣ моря. Венеціанскіе и генуэзскіе купцы, плававшіе вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ Константинополя въ Крымъ и къ устью Дона, не встрѣчали никакихъ поселеній на побережьѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и далѣе до Дона[7]). Далѣе за Днѣ-

---

[1]) Въ 1389 г. въ путешествіи Пимена Воронежскаго край этотъ рисуется такъ: »бяше бо пустыня зѣло; не бяше бо видѣти тамъ ни града, ни села,... не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество.—Германовъ, стр. 2.

[2]) Въ XV в. послы венеціанской республики и великаго князя московскаго Іоанна III, ѣздившіе въ Персію, проѣзжая донскія и воронежскія степи, »не видѣли ничего, кромѣ неба и земли, часто имѣли недостатокъ въ водѣ, не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ«.—Ibid.

[3]) »Списки населенныхъ мѣстъ «харьковской и полтавской губерніи.

[4]) »Списки населенныхъ мѣстъ« курской губерніи.

[5]) Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 6.

[6]) Житецкій, стр. 287.

[7]) Этимъ и объясняется, почему они даютъ названія нѣкоторымъ пунктамъ по оригинальности флоры.—Брунъ, »Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи«. Ч. 1, стр. 78, 80—81 и др.—Въ 1425 г. бургундскій рыцарь Гильберъ де Лануа проѣхалъ сухимъ путемъ отъ Бѣлгорода (Аккермана) до низовьевъ Днѣпра и въ теченіи этого переѣзда встрѣтилъ только одно татарское поселеніе, неоднократно подвергаясь въ тоже время нападеніямъ то отъ кочующихъ шаекъ, то отъ дикихъ животныхъ, блуждавшихъ въ степи« (»Списки населенныхъ мѣстъ« харьковской губерніи). Тоже самое представляла и лѣвобережная Новороссія (Риттихъ, 176 стр.).

стромъ, въ теперешней Бессарабіи и Буковинѣ, южно-руссы вытѣсняются въ XIV ст. молдаво-валахами[1]). Даже на сѣверо-западѣ около XIV в. южно-руссы потеряли часть территоріи, которую заняло польское населеніе, именно »ляшское племя подвинулось немного на востокъ, въ ущербъ русскому«[2]). Съ водвореніемъ литовцевъ въ предѣлахъ южно-руссовъ политическія границы южной Руси быстро расширяются, именно на югъ: въ XV в. политическія границы литовскаго княжества достигли Чернаго моря, именно граница шла отъ впаденія Мурахвы въ Днѣстръ, мимо Тегиня къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣева, до самаго Донца, и отъ Донца по Тихую Сосну[3]). Конечно, южная Русь въ указанныхъ предѣлахъ не пополнилась населеніемъ въ татаро-литовскій періодъ, и до конца XVI в. значительная часть новороссійскихъ степей, юридически входившая въ составъ литовской Руси, представляла »дикія поля«, оставалась безплодной и предоставлена была фактически татарскимъ кочевникамъ; но увеличеніе территоріи имѣло вліяніе на интенсивность южно-русской колонизаціи и на измѣненіе ея направленія. Въ это время можно различить три типа колонизаціи: 1) *дворянско-крестьянскую*, 2) *правительственную (или замковую)* и 3) *свободно-крестьянскую*. Первая имѣла мѣсто главнымъ образомъ съ начала періода (въ XIV в.), хотя и потомъ продолжалась; послѣдняя усиливается къ концу. Общее направленіе колонизаціи въ литовскій періодъ было съ сѣвера на югъ, въ степное пространство, хотя такое направленіе рельефно выразилось лишь въ послѣднемъ типѣ. Дворянская колонизація преобладала въ сѣверной лѣсной полосѣ: въ Черниговщинѣ, Волыни и въ лѣсной части Кіевщины; свободная крестьянская—вообще въ степной полосѣ; то же можно сказать и относительно второй. Первая колонизація шла путемъ раздачи земельныхъ участковъ земянамъ и боярамъ. Обыкновенно ленники, получая отъ удѣльныхъ князей, а позже отъ великихъ князей ли-

[1]) Шараневичъ, стр. 185

[2]) Перволъфъ, стр. 205.

[3]) Такое обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV в., при кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454—1471 г.). —Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, 1540 г., № 199, стр. 362.

товскихъ земельный участокъ »въ службу« или »вотчину«, вмѣстѣ съ тѣмъ получали дозволеніе »устроить новое село«[1]), а иногда прямо съ обязательствомъ, »посадить людъ волный, прихожій«[2]). Границы земельныхъ участковъ, при тогдашнемъ отсутствіи оффиціальныхъ свѣдѣній, обыкновенно обозначались общими мѣстами—рѣками, лѣсомъ, урочищами и т. п., напр. Василію Корочевскому князь жалуетъ »Княжую Луку у Подольской земли, у каменецкомъ повѣтѣ, межи рѣками Морошками до берега Морошки Сенковской, зъ лѣсомъ, что зовутъ Стрыковъ Рогъ, и съ Куликовыми лѣски, аже потоля, гдѣ упадаетъ Морошка Сенковская у Мороxву Великую[3])«. Получившій земли ставилъ большіе столбы (или кресты) на своемъ участкѣ съ приглашеніемъ поселиться на указанномъ мѣстѣ подъ извѣстнымъ условіемъ, что называлось тогда »зазывать на слободу«[4]). При свободѣ передвиженія въ ту эпоху крестьянъ, при ихъ беззсмельи новыя поселенія быстро наполнялись пришлымъ населеніемъ съ разныхъ краевъ, разростались и нѣкоторыя потомъ переименовывались въ города, хотя нерѣдко были случаи и запустѣнія такихъ поселеній, или въ силу раззоренія набѣгами татаръ или же благодаря возникшимъ, по минованіи льготныхъ лѣтъ, платежнымъ тягостямъ отъ владѣльцевъ. Прежде всего были розданы земельные участки въ болѣе спокойной по отношенію внѣшнихъ враговъ и болѣе цѣнной сѣверной лѣсной полосѣ. Земли на Волыни, въ кіево-пинскомъ Полѣсьѣ и Сѣверщинѣ были розданы уже въ началѣ литовскаго владычества и эти области отмѣчены многочисленнымъ бояро-земянскимъ классомъ[5]); чѣмъ область южнѣе, тѣмъ въ ней позже начинаютъ раз-

---

[1]) Въ 1383 г. великій князь Александръ Витовтъ Кейстутіевичъ далъ »жалованную грамоту« Василію Корочевскому о дозволеніи ему въ подольской землѣ устроить *новое село* Княжую Луку.—Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I., стр. 21.

[2]) Въ 1496 г. пожалованы были отчины въ стародубскомъ и черниговскомъ повѣтахъ Ивану Глинскому съ условіемъ »посадилъ былъ людъ волный прихожій«.—Ibid., стр. 153—154.

[3]) Ibid., стр. 22.

[4]) Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 22.

[5]) Напримѣръ, болѣе выдающіеся земянскіе роды, въ *мозырскомъ повѣтѣ:* Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Леньковичи, Служки; въ чер-

даваться земли, но тѣмъ землевладѣльческое населеніе малочисленнѣе [1]); но все таки земяне проникли до самыхъ крайнихъ предѣловъ литовскихъ владѣній [2]).

Колонизація государственная сопровождала по пятамъ расширеніе владѣній литовскаго государства и выражалась въ постройкѣ замковъ, гдѣ поселялся староста или воевода княжескій и гарнизонъ; къ нему-же, какъ уже мы видѣли, приписывались окольные бояре, и въ зависимости отъ замка господарскаго былъ цѣлый повѣтъ; около замка иногда постепенно образовывался городъ. Каждый шагъ завоеванія литовскаго правительства отмѣчался постройкою замковъ. Такъ въ Подоліи, которая въ 1351 г. была отнята у татаръ литовцами и въ которой »въ тотъ часъ не бѣ ни одинъ городъ ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованый« [3]), послѣдніе построили три замка: Смотричъ, Бакоту и Каменецъ, заселили ихъ и стали управлять [4]). Замки литовскіе были во всей литовской Руси. До половины XV в. замки или староства были слѣдующіе: Лоевъ, Любечъ, Остеръ, Кіевъ, Чернобыль, Овручъ, Житоміръ, Хмѣльникъ, Брацлавъ, Баръ и Каменецъ. Со второй половины XV в. новою тесьмою расширяются на югъ литовскія владѣнія и являются замки: Переяславль, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкассы, Кременчугъ, Мишуринъ-Рогъ и Винница. Во второй половинѣ пытаются устроить третью линію: Чигиринъ, Звенигородъ и Лысянка. При Витовтѣ литовскіе замки появились и на черноморскомъ прибрежьѣ: построена была

нобыльскомъ и кіевскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Воловичи, Лемеши, въ овручскомъ и житомірскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбели, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д.—Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 30.

[1]) Напримѣръ, въ черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомірскаго земянъ было мало, всего два-три рода, а въ повѣтахъ звенигородскомъ, переяславскомъ земянъ вовсе не было (ibid.).

[2]) Язловецкіе, напримѣръ, были владѣльцами гавани Хаджибей, гдѣ Одесса (Новицкій, стр. 30); Бучацкимъ принадлежали поселенія по берегамъ р. Синюхи (»Сп. нас. м. херс. губ.).

[3]) Смирновъ, »Споръ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолію«, стр. 40.

[4]) Ibid.

крѣпость Дашевъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджибей; при устьѣ Днѣстра противъ генуэзской крѣпости Монкастро (Аккерманъ) воздвигнутъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру замокъ Тягинь (Бендеры). Сверхъ того упоминаются въ степи замки и крѣпости: Караулъ, Гербедевъ, Упскъ, слѣды которыхъ и мѣсто не опредѣлены еще[1]). Но послѣ крымцы почти все это уничтожили: литовскія замковыя поселенія были отобраны назадъ до Хмѣльника и Винницы[2]). Въ нѣкоторомъ отношеніи литовскіе замки имѣли значеніе древне-русскихъ городовъ: окольное населеніе въ нихъ укрывалось въ случаѣ набѣговъ татаръ и они служили своими военными средствами для этого населенія и опорными пунктами въ борьбѣ съ кочевниками. Отчасти подъ защитою замковъ происходитъ и крестьянская колонизація въ степяхъ. Въ литовскомъ государствѣ, гдѣ особенно съ XV в., въ силу военной организаціи администраціи и отчасти населенія и въ виду выдѣленія высшаго землевладѣльческаго класса, выступилъ уже на сцену принципъ правительственнаго урегулированія поселеній, ярко выразившійся въ перенесеніи съ правительства на землевладѣльческій классъ правъ по отношенію къ сельскому населенію и въ первыхъ попыткахъ уничтоженія свободы передвиженія,—крестьянская колонизація представлялась своевольной, незаконной, такъ какъ во 1-хъ крестьяне занимали земли, de jure принадлежащія правительству, и во 2-хъ ускользали отъ обязательныхъ отношеній къ правительству, или его леннику—землевладѣльцу. Но кромѣ послѣдняго обстоятельства, неблагопріятствовавшаго разселенію крестьянъ, колонизація имѣла еще болѣе невыгодныя условія, это сосѣдство съ кочевниками-татарами. Какъ уже мы говорили, сѣверныя части литовской Руси были фактически во владѣніи дворянско-земледѣльческаго населенія, и крестьяне здѣсь, даже при свободѣ передвиженія, въ концѣ концовъ должны были поселиться на частныхъ земляхъ и стать въ обязательныя отношенія, которыя, чѣмъ болѣе уплотнялось населеніе, тѣмъ болѣе становились тягостными; избѣжать этого было можно переселеніемъ въ степную полосу, гдѣ землевладѣльческое населеніе было

---

[1]) Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 26.

[2]) Житецкій, стр. 257.

еще незначительно. Но здѣсь оно должно было выдерживать постоянную борьбу съ кочевниками, защищая свое имущество, свой скотъ, жизнь своей семьи и свою собственную. Однако соціально-политическія условія внутри южной Россіи на столько измѣнились въ невыгодную сторону для сельскаго населенія, особенно для жившаго на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, что и степи предпочитаются. Въ движеніи на югъ играютъ значеніе, конечно, и рѣки, а также и традиція. Свободная крестьянская колонизація идетъ внизъ по Днѣпру до пороговъ, также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясмину, обоимъ Ингуламъ и далѣе на западъ до Днѣстра. Кромѣ прежде всего занятыхъ староствъ каневскаго и черкасскаго, заселяется приднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества, пустыри между Тясминомъ, Синюхою и Росью, обширныя пространства, такъ называемые »грунты уманскій и звенигородскій«, области, позже названныя »Брацлавщиной«[1]). Сюда стекалось населеніе не только съ прилегающихъ и гуще заселенныхъ мѣстностей, но и со всѣхъ концовъ южно-русской страны: изъ Подлясья, съ береговъ Стыри, Горыня, Зап. Буга, Десны, верховьевъ Днѣпра[2]), съ польской Руси[3]). Населеніе разселялось хуторами по прибрежьямъ рѣкъ и рѣчекъ и ютилось въ степныхъ балкахъ; занятіями его были земледѣліе, пчеловодство (пасѣки), охота, рыболовство; въ число промысловъ входили »угонъ лошадей и захватъ добычи у татаръ«; велась также торговля продуктами этихъ промысловъ[4]). Южнорусское крестьянство, начавшее жизнь въ степной полосѣ самостоятельно, безъ культурнаго, государственнаго и соціальнаго давленія правящихъ классовъ, возродило въ своей организаціи старыя общинновѣчевыя привычки, еще не атрофировавшіяся до конца, даже въ бытѣ сельскаго населенія внутри страны[5]), и теперь здѣсь, въ степяхъ, въ виду грознаго врага закладывалась основа новой жизни на старыхъ

[1]) Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 34.

[2]) Житецкій П., стр. 287; »Сп. нас. м.« екатеринославской губерніи.

[3]) Szaraniewicz, »Rys wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniéj w drugiéj połowie XV wieku«, Lwów, 1869 г., стр. 75.

[4]) Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 34.

[5]) Иванишевъ, »О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи«, »Сочиненія Иванишева«. Кіевъ 1876 г., стр. 231—299.

началахъ вѣчевой свободы »въ формѣ товарищества«[1]). Но специальныя условія народной колонизаціи, т. е. жизнь въ виду постоянной опасности отъ татаръ, наложили на нее своеобразный отпечатокъ, образовавъ изъ крестьянскаго населенія, сбѣжавшагося сюда съ разныхъ концовъ южно-русской земли, *родъ военнаго сословія*, инициативу въ боевой организаціи котораго принимали на себя сосѣдніе литовскіе замки. Крестьянская колонизація, которая сначала была терпима[2]), въ силу безсилія прекратить ее, потомъ уже признавалась, какъ совершившійся фактъ, и населеніемъ данной мѣстности правительство спѣшило воспользоваться въ борьбѣ съ татарами и въ огражденіи границъ отъ послѣднихъ[3]). Организаторская роль по отношенію поселенцевъ принадлежала старостамъ хмельникскимъ, брацлавскимъ, винницкимъ, каневскимъ и черкасскимъ[4]). Такимъ образомъ въ литовскій періодъ въ мѣстностяхъ, гдѣ были литовско-русскіе дворяне и мѣщане, они пріобрѣли характеръ военно-служилыхъ людей, хотя и съ значительнымъ личнымъ имущественнымъ правомъ[5]), въ степной-же полосѣ такую военную окраску получило само русское крестьянство, въ видѣ южнорусскаго »*козачества*«. Вольное козацкое населеніе сдѣлалось передовой стѣной отъ набѣговъ татаръ. Подъ его охраною отчасти и дворянскіе роды переселялись изъ внутреннихъ провинцій, основывали здѣсь свои слободы и наполняли ихъ »подданными людьми«[6]).

Трудно, по бѣдности источниковъ, сказать что нибудь опредѣленное объ этнографическомъ составѣ и этнологическихъ измѣненіяхъ въ южно-русскомъ населеніи за время съ XIII по XVI в. Несомнѣнно только, что высшее сословіе страны болѣе другихъ

[1]) Житецкій П., стр. 284.

[2]) Объ этомъ говоритъ, напримѣръ, жалоба каневцевъ, что переселенцы »машутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ«, или что они »въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытятъ себѣ, яко дома«. Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 33.

[3]) Ibid., стр. 33—34.

[4]) Idid.

[5]) Ефименко, »Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками«, »Слово« 1879 г. № 9, стр. 31.

[6]) »Паденіе шляхетскаго господства въ Украйнѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII ст.«. Вѣстникъ юго-зап. и запад. Россіи, 1862, іюль, стр. 31.

измѣнилось: приняло въ себя значительное количество инородныхъ элементовъ, получило постепенно узко-сословный характеръ и измѣнило свои типическія особенности.

Литовцы въ завоеванной территоріи южной Руси застали, кромѣ рядоваго сельско-городскаго населенія, еще довольно численное потомство русскихъ удѣльныхъ князей и бояръ,—послѣднихъ какъ въ видѣ остатковъ дружиннаго войска, съ которымъ русскіе князья ходили по распоряженію монгольскихъ владыкъ [1]), такъ и въ видѣ земскихъ бояръ [2]), т. е. осѣвшихъ на опредѣленныхъ, пожалованныхъ князьями земляхъ, напр. въ Болоховской землѣ. И та и другая група были представители экономически-состоятельнаго разряда южно-русскаго населенія, къ тому же отличены были отъ прочей массы своими военными занятіями и, понятное дѣло, сдѣлались землевладѣльцами при литовскихъ князьяхъ на правахъ ленниковъ, получая то подтвержденіе на свои прежнія вотчины, то новые земельные участки [3]). Нерѣдко было, что южно-руссы переселялись въ предѣлы Литвы и сѣверо-западнаго края и тамъ получали службы [4]). Обратно въ южной Руси, рядомъ съ мѣстными земянами, поселялись (вѣроятнѣе всего, въ преобладающемъ количествѣ) и новые завоеватели изъ литовцевъ — это

---

[1]) Въ 1274 г. *Менгутимерь* (же) далъ ему (Льву) рать, и Ягурчина съ ними воеводу и залнѣпрескыи князиви да ему въ помочь, Романа *Дьбряньского* (т. е. »Брянскаго«) и сынимь Олгимъ, и Глѣба князя смоленьскаго, иныхъ князей много, тогда бо бяху вси князи въ воли въ татарьский«... идоша-же съ ними князи пиньскии и туровскии«, и »съ ними князи мнози«, и всѣ съ »ратью«. Ипатск. лѣт., стр. 568, 575—577; такъ же было въ 1282 года, стр. 585; 1287 г., стр. 591 и др.

[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 56—57; Сергѣевъ, »Вѣче и князь«. Руское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, стр. 411—412.

[3]) Такъ князья Острожскіе, потомки велико-княжескаго дома Владиміра св., владѣли съ 1386 г. княжествами Острожскимъ, Заславскимъ и Корецкимъ.—Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 46.

[4]) Въ 1438 г. перешелъ въ Литву Язловецкій и пожалованъ тамъ рыцарскимъ достоинствомъ (Акты, относящіеся къ исторіи западно-руссаго края, т. I. № 57, стр. 80): »Соболевскіе, родомъ изъ кіевскаго воеводства, во время смутъ здѣсь перешли въ городенскій повѣтъ, гдѣ они пріобрѣли себѣ имѣнія, а въ 1480 г. ихъ потомки получили дворъ близъ Пущи Супральской на Подлясьѣ отъ

князья Гедиминова рода[1]), администраторы княжескихъ земель (воеводы, »державцы«, »старосты«, »тивуны« и пр.) и разнаго рода ленники, которые получали удѣлы, округи, повѣты или земельныя феоды, какъ временныя, такъ и вотчинныя въ разныхъ концахъ южно-русской территоріи[2]): въ Сѣверщинѣ, въ Кіевщинѣ, на Волыни, въ Подоліи и въ Галицкой Руси[3]), до присоединенія ихъ къ Польшѣ. Совмѣстное проживаніе подъ одинаковыми политическими, соціальными и географическими условіями повело ко взаимному сближенію литовскаго и русскаго элементовъ, что выразилось въ принятіи литовцами христіанства, въ установленія родственныхъ связей черезъ браки и пр. Преимущества южно-руссовъ, проживившихъ уже нѣсколько вѣковъ культурною жизнью, создавшихъ свою литературу, выдѣлившихъ изъ себя образованное духовенство и княжеско-боярскій классъ, сказались въ постепенномъ утрачиваніи своихъ національныхъ оригинальностей[4]) литовцами, народомъ, едва выбившимся изъ формъ первобытнаго проживанія: литовцевъ-завоевателей постигла судьба, аналогичная съ лѣтописными варяжскими

Ходкевича (Археографическій сборникъ, т. VII, стр. 57). »При Гедиминѣ, говорить Шараневичъ, »многіе русскіе духовніи, учителѣ, художники переселялись до Литвы и ширили греческую вѣру, языкъ русскій, просвѣщеніе и искусство«. — Шараневичъ, стр. 134.

[1]) »Такъ родъ Любартовичей, имѣвшій удѣлы въ Сѣверщинѣ и въ галицкой Руси — Теодоръ, Деметрій, Агриппина и Анастасія — далъ отъ себя численное потомство, изъ котораго, между прочимъ, произошли роды князей Сангушко, Ковельскихъ и Каширскихъ; родъ Олигмунтовича (Олельковичей?) оставилъ также поколѣніе; въ Черниговщинѣ князья Чарторыйскіе представляются потомками отъ Константина Ольгердовича, получившіе земельную собственность »на Черниговѣ и Черториску«. На Волыни князья Корецкіе—потомки Деметрія (иначе Бориса) Ольгердовича, надѣленнаго Корцемъ; въ Подоліи князья Хованскіе — поколѣніе »Теодора, сына Патрицого Наримунтовича; такого-же литовско-княжескаго происхожденія князья Смоленскіе, владѣтели Смоленска, князья Збаражскіе и Вишневецкіе, владѣтели Збаража и Вишневецъ и пр. (Шараневичъ, стр. 305—306);—родъ Олельковичей, считавшій своею вотчиною кіевскія земли, копыльскій удѣлъ на Волыни и слуцкій. — Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 12—18.

[2]) Шараневичъ, стр. 306—307.

[3]) Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 48, 67, 151, 196 т.; II стр. 28, 154 и др.

[4]) Максимовичъ, т. 1, стр. 125.

князьями и дружиною [1]). Рельефно, шагъ за шагомъ, ассимилированіе литовцевъ со славяно-руссами видно на княжеской семьѣ, но это лишь потому, что о князьяхъ литовскихъ сохранилось болѣе историческихъ документовъ, чѣмъ объ остальномъ литовскомъ населеніи, ибо несомнѣнно, что то-же происходило и во всѣхъ литовскихъ слояхъ [2]), которые, поселившись въ странѣ, пришли въ соприкосновеніе съ южно-руссами. Въ результатѣ получился *высшій классъ населенія* (князья, земяне, бояре) въ южной Россіи, въ который прежде всего вошли элементы двухъ народностей: литовской и славяно-русской, и для котораго сдѣлались общими православная религія, русскій языкъ и русское право [3]). Но если славяно-руссы дали этому этнографически сплавному высшему классу населенія указанные признаки, то несомнѣнно, что туда же внесли долю своихъ этнологическихъ свойствъ и литовцы хотя-бы путемъ физіологическаго воздѣйствія на перемѣну физическихъ и нравственныхъ чертъ въ типѣ. Кромѣ этого не нужно забывать еще и другихъ этнографическихъ элементовъ, всосавшихся въ организмъ высшаго южно-русскаго сословія, именно: западно-русскихъ, сѣверно-русскихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ, еврейскихъ и пр. Литовцы были завоевателями не одной южной Руси, но вмѣстѣ, и даже прежде западной—кривичско-дреговичской страны; западно-русскія области первыми подчинились литовцамъ и стояли въ ближайшемъ соприкосновеніи съ центральными литовскими областями. Не слѣдуетъ также забывать и того обстоятельства, что западно-русскія области, особенно-же псковскія и новгородскія, менѣе всѣхъ пострадали отъ монгольскаго владычества и болѣе сохранили свое населеніе на старыхъ мѣстахъ, и, можно думать, съ менѣе измѣненными своими бытовыми формами [4]). Въ стираніи особенностей

[1]) Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ«. Спб. 1865 г., стр. XXXIV.

[2]) Первольфъ, стр. 17.

[3]) Антоновичъ, »Исторія велик. литов. княжества«, *стр. 156*; Житецкій П., стр. 279—280; »Документы« и пр., стр. XXVIII—XXIX.

[4]) Извѣстно, напр., что черты новгороскаго говора и до нашего времени сохранили болѣе сходства съ южно-русскимъ языкомъ и съ древне-русскимъ, чѣмъ какой-нибудь другой говоръ или языкъ въ Россіи.—Лавровскій, »Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго«.

литовскаго народа, въ видѣ-ли проведенія въ среду его христіянства, или въ видѣ пріученія его къ славяно-русскому языку, принимало участіе и западно-русское населеніе, и такимъ образомъ на вновь формировавшійся литовско-русскій типъ накладывало и свои западно-русскія особенности. Вліяніе западно-русскаго населенія, какъ и обратно южной Россіи на литовцевъ, не могло ограничиваться своею территоріей: какъ князья, такъ и разнаго національнаго типа ленники получали удѣлы земельные, »службы« и »вотчины« на разныхъ концахъ великаго княжества литовскаго и постоянно такимъ путемъ перемѣщались изъ южной Россіи въ сѣверо-западную и обратно [1]). Такимъ образомъ время нахожденія южной Руси подъ властью литовцевъ было періодомъ этнографическаго сближенія южно-русскаго населенія съ западно-русскимъ, по крайней мѣрѣ въ княжеско-землевладѣльческомъ классѣ; это отразилось рельефно на государственномъ и литературномъ языкѣ литовскаго княжества, который, по мнѣнію г. П. Житецкаго, »не есть цѣлый языкъ съ основными чертами одного какого-либо нарѣчія, а діалектическая смѣсь особенностей южно-русскихъ и бѣлорусскихъ [2]). Но и *сѣверно-русская народность*, хотя въ это время и оформилась уже въ отдѣльное московское государство, не осталась безъ вліянія на высшій литовско-русскій классъ. Вліяніе этнологическое сѣверно-руссовъ проникало между прочимъ путемъ взаимныхъ браковъ: такъ извѣстно, что »16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за кня-

---

[1]) Напримѣръ Свидригайло имѣлъ группу преданныхъ себѣ и интересамъ Руси лицъ въ сѣверской и волынской земляхъ и въ своихъ вотчинныхъ удѣлахъ— Витебскѣ и Полоцкѣ (Антоновичъ, »Кіевская Старина,« 1882 г., янв. стр. 15). Князь Михаилъ Олельковичъ находился въ Великомъ Новгородѣ въ качествѣ намѣстника Казиміра, куда вызванъ былъ партіей Борецкихъ для противодѣйствія политикѣ Іоанна III; въ 1482 г. онъ является оттуда претендентомъ на Кіевъ, какъ вотчину фамиліи Олельковичей, и, не успѣвши здѣсь, поселяется въ своемъ копыльскомъ удѣлѣ (ibid. стр. 20). Такое-же перемѣщеніе несомнѣнно происходило въ средѣ земянъ и бояръ.

[2]) П. Житецкій, стр. 279—280. По наблюденіямъ того же автора, »бѣлорусскіе элементы рѣзче выступаютъ въ XV в., малорусскихъ больше въ XIV в., не смотря на сравнительно меньшее количество дошедшихъ до насъ актовъ XIV. в.«.

зей русскихъ [1]) «, а въ числѣ браковъ между семействами литовскаго князя съ одной стороны и съ другой стороны князей южно-русскихъ, западно-русскихъ и сѣверно-русскихъ, преобладаютъ браки съ послѣдними, т. е. съ сѣверно-русскими. Извѣстій о сближеніи литовско-русскихъ земянъ и бояръ съ сѣверно-русскими черезъ браки у насъ нѣтъ, но существуютъ косвенныя указанія, что этнографическое взаимодѣйствіе и близость между высшими сословіями сѣверно-руссовъ и литово-руссовъ несомнѣнно существовали: мы разумѣемъ здѣсь обратившіяся въ обычай, въ силу политическихъ обстоятельствъ, переселенія литово-русскихъ дворянъ въ предѣлы московскаго государства и обратно. Не говоримъ уже о Сѣверщинѣ, гдѣ по нѣскольку разъ перебывали князья Можайскіе, Воротынскіе, Шемяки и пр., то подчиняясь власти великаго княжества литовскаго, то удаляясь въ предѣлы московскаго государства; но подобное явленіе замѣчается и въ центральныхъ мѣстахъ южно-русскихъ: кіевскій вотчинникъ князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, по предкамъ обрусѣвшій въ южной Руси татаринъ, послѣ неудавшейся попытки въ союзѣ съ московскимъ княземъ отторгнуть отъ Литвы нѣкоторыя русскія области, переселился въ предѣлы великаго княжества московскаго вмѣстѣ съ братьями и нѣкоторыми своими сторонниками [2]); аналогична и исторія переселенія въ московское государство фамиліи Бѣльскихъ. Обратно, изъ сѣверно русскихъ предѣловъ мы имѣемъ рѣзкіе примѣры переселеній въ южную Русь фамиліи кн. Курб-

[1]) Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи 1862 г., № 8, стр. 26. Между прочимъ у Ольгерда Гедиминовича первая супруга была Марья Ярославовна, княжна витебская, а вторая Юліанія Александровна, княжна тверская (стр. 19); Любартъ Гедиминовичъ имѣлъ въ первомъ супружествѣ дочь князя владимірскаго на Волыни, во второмъ-же дочь Константина Острожскаго (стр. 20); Корибутъ Ольгердовичъ -- дочь князя рязанскаго Александра (стр. 21); Лингвеній Ольгердовичъ женатъ былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Дмитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго; Свидригайло Ольгердовичъ на дочери князя тверскаго, Александръ Коріатовичъ на дочери Семіона Іоановича Гордаго, великаго князя московскаго (21); Олелько (Александръ) Владиміровичъ, князь копыльскій и вотчинникъ кіевскій былъ женатъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго Василія Дмитріевича (Антоновичъ, »Кіевская Старина«, стр. 17). И обратно: литовскія княжны были за князьями: тверскимъ Дмитріемъ Михайловичемъ Грозныя Очи, звенигородскимъ — Андріаномъ Титовичемъ, за московскимъ — Симеономъ Ивановичемъ, суздальскими — Борисомъ и Константиномъ и т. д. (ibid., стр. 23—25).

[2]) Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 22—25.

скихъ и др. Еще болѣе до насъ дошло случаевъ ассимилированія съ литовско-русскимъ высшимъ классомъ татарскихъ элементовъ. Кромѣ уже упомянутой фамиліи Глинскихъ, потомки которой переселились въ литовскую Русь и приняли православное крещеніе еще при Витовтѣ [1]), можно указать и другіе аналогичные факты: такъ, »въ началѣ XVI в. среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызъ находился въ числѣ татарскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестностяхъ Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, пріобрѣтя незначительную боярскую землю [2]). Такова-же исторія происхожденія фамиліи Шабловскихъ и др. Извѣстны факты и болѣе массового включенія татаръ въ составъ литово-русскаго военно-землевладѣльческаго класса, но мы ограничимся здѣсь ссылкою на Литовскіе Статуты 1566 и 1588 г., въ которыхъ постановляется, что тѣ татарскіе князья, мурзы (уланы), которые владѣютъ земскими владѣніями по пожалованію великихъ князей литовскихъ, уравнены въ правахъ со шляхтичами [3]), а такого рода татарскихъ земянъ мы встрѣчаемъ какъ въ западной Россіи, такъ и въ южной, напр. въ повѣтѣ острожскомъ. Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія, что въ среду литовско-русскаго землевладѣльческаго класса входили и евреи, какъ землевладѣльцы, и сливались съ нимъ: Авраамъ Іозефовичъ былъ старостою ковенскимъ и солецкимъ, и подскарбіемъ великаго княжества литовскаго, а его братъ, Михаилъ Іозефовичъ возведенъ былъ »со всѣмъ его законнымъ потомствомъ« въ шляхетское достоинство [4]). Съ момента федеральнаго соединенія

---

[1]) Ibid., стр. 21.

[2]) Антоновичъ, »Паны Ходыки«, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 236.

[3]) Бершадскій, стр. 292—293.

[4]) Возводя, по случаю ленной присяги маркграфа Бранденбургскаго, нѣкоторыхъ лицъ въ дворянское достоинство, король литовско-польскій говоритъ въ актѣ, изданномъ по этому поводу: »припомнили мы достохвальную и давно признанную доблесть и разнообразныя услуги, многократно оказанныя намъ преславнымъ нѣкогда Авраамомъ Іозефовичемъ, старостою ковенскимъ и солецкимъ, подскарбіемъ великаго князя литовскаго; припоминая сіе, а также не менѣе важныя и цѣнныя услуги

Литвы съ Польшей въ среду земянъ и бояръ литовско-русскихъ началъ проникать польскій элементъ, сначала черезъ брачное родство, а позже и путемъ прямаго полученія земельныхъ участковъ. Съ XVI в. польскіе дворяне уже преобладаютъ въ южно-русской странѣ и литовско-русскій высшій классъ стоитъ на пути къ рѣшительной ассимиляціи съ поляками. Сословность въ XIV—XV вв. въ южной Руси хотя уже и пріобрѣла довольно рѣзкія формы, но былъ еще возможенъ и даже сравнительно легокъ переходъ какъ снизу вверхъ, такъ и обратно. Напр., по словамъ проф. Антоновича, земяне кіевской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, роднятся съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и »службы« и становятся въ ряды земянъ; встрѣчаются такіе роды: Крикуновичи, Криницкіе, Шувалы, Мелешковичи, которые появляются поочередно, то въ качествѣ земянъ, то въ рядахъ кіевскаго мѣщанства. Аналогичное сословное смѣшеніе было и въ другихъ областяхъ литовской Руси: такъ напр., въ 1438 г., выходя изъ Сѣверской земли, Тимоѳей Богунъ причисленъ къ »хоруговой шляхтѣ«[1]), и обратно, нѣкоторые изъ фамилій Кобозычей, бояръ мозырскихъ, спустились въ ряды мѣщанъ подъ фамиліей Фецъ и Ходыковъ[2]). Такимъ путемъ взаимной, между-сословной диффузіи литовскіе элементы попадали и въ среду южно-русскаго мѣщанства; были и прямыя поселенія литовцевъ въ городахъ среди мѣщанъ, даже въ селахъ среди южно-русскаго крестьянства; поселившіеся слились потомъ съ туземцами[3]); также слились и другіе инородческіе элементы.

Слѣдовательно, мы чужды мысли, что литовско-русскій высшій классъ, по своей этнографической организаціи, окончательно выдѣ-

достойнаго мужа Михаила Іозефовича, еврея, нашего брестскаго мытника, роднаго брата оного Авраама Іозефовича, властью нашею возводимъ въ шляхетское достоинство со всѣмъ его законнымъ потомствомъ. Бершадскій, стр. 368.

[1]) Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 38.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи западной Руси, т. I, № 37, стр. 50.

[3]) Антоновичъ »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 236 и пр.

[4]) Шараневичъ, стр. 253.

лился изъ остальнаго населенія: мы признаемъ только за несомнѣнный фактъ, что этотъ разрядъ южно-русскаго населенія въ разсматриваемое время заключалъ въ себѣ разнородные этнографическіе элементы, что эти послѣдніе не стояли изолированно, а объединялись религіей, языкомъ, правомъ и бытовымъ устройствомъ, что наконецъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ было въ процентномъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ въ прочемъ населеніи того времени. Нужно также принять во вниманіе и то, что неодинаковые элементы преобладали въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ и въ прочемъ южно-русскомъ населеніи. Такъ въ первомъ, кромѣ западно-руссовъ, преобладали литовцы, а съ XVI в. поляки, именно тѣ этнографическіе элементы, какихъ менѣе всего ассимилировалось съ сельскимъ и городскимъ населеніемъ южно-руссовъ обѣихъ половинъ. Въ подобныхъ свойствахъ этнографической розни, вмѣстѣ съ политико-экономическою ролью литовско-русскаго (земяно-боярскаго) высшаго сословія, нельзя не видѣть уже начала этнографическаго отпаденія его отъ рядовой южно-русской массы.

Указанная группировка южно-русскихъ обитателей не относится ко всей заселенной территоріи южной Руси, потому что часть ея со второй половины XV в. уже не входила въ составъ великаго княжества литовскаго, именно: Галиція, южная Подолія и Подлясье составляли провинцію польскаго королевства [1]) и сословная группировка въ нихъ утвердилась на иныхъ началахъ. Непродолжительное господство литовцевъ надъ Подольей и частью Галиціи не оставило слѣдовъ своего вліянія на сословную организацію славяно-русскаго населенія этихъ областей, и такимъ образомъ переходъ къ польскимъ порядкамъ былъ непосредственно отъ удѣльнаго періода. Особенность галицкой области, сравнительно съ другими частями южной Руси въ XIII ст., заключается въ развитіи боярскаго разряда населенія, т. е. своего рода аристократіи. Въ силу малочисленности княжеской фамиліи въ Галиціи бояре усиливаются до того, что принимаютъ участіе въ верховномъ правленіи страною: ихъ подписи, печати находятся на грамотахъ вмѣстѣ съ княжескими; въ повѣшеніи двухъ Игоревичей бояре простираютъ

---

[1]) Смирновъ, стр. 181, 182.

свою силу до суда надъ князьями и т. д. Въ рукахъ галицкихъ бояръ сосредоточивается власть военная, административная и финансовая. Но галицкая боярская аристократія имѣла то существенное отличіе, что она не владѣла земельною собственностью на правѣ захвата, какъ это было у западно-европейской аристократіи. Остальное населеніе галицко-подольскихъ областей имѣло общіе признаки съ населеніемъ всей южно-русской территоріи: люди различались »по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ[1]), а также по занятіямъ: были, кромѣ бояръ, купцы, духовенство и крестьяне, которые составляли »весь нижній классъ народонаселенія, т. е. всѣ не бояре, не духовенство и не купцы« [2]).

Съ появленія польской власти и польскаго населенія въ предѣлахъ Галиціи начались измѣненія въ соціально-бытовомъ устройствѣ южно-русскаго населенія и быстрыми шагами пошло сословное расчлененіе населенія: въ отношеніи склонности къ нивелированію инороднаго населенія по своему уровню поляки представляютъ рѣзкій образецъ, какъ по настойчивости, такъ и по цѣлесообразности выбираемыхъ средствъ и по послѣдовательности ихъ примѣненія. Прежде всего вся территорія была распредѣлена между польскими дворянами и русскими боярами съ одной стороны и городами, получившими магдебургскія права съ другой.

Короли обыкновенно раздавали отдѣльныя села и цѣлые повѣты; землевладѣльцы, вмѣстѣ съ правомъ основать новыя села и города, строить замки, получали въ свое владѣніе и всѣ угодья: лѣса цѣлыхъ повѣтовъ, пущи, поля, рѣки, птицъ, рыбу, звѣрей [3]). Населеніе, не получившее земельныхъ угодій, понятно, стало въ экономическую зависимость отъ землевладѣльческаго класса, который удержалъ на южно-русской территоріи тѣ привилегіи и черты сословной обособленности, какими онъ характеризуется въ Польшѣ уже въ XIV ст., т. е. въ періодъ завладѣнія поляками южной Русью, когда въ Польшѣ были строго отграниченные классы населенія:

---

[1]) Костомаровъ, »Моногр.«, т. II, стр. 55.

[2]) Бѣляевъ, »Крестьяне на Руси«, второе изданіе, стр. 32; Шараневичъ, стр. 143—145.

[3]) Szaraniewicz, »Rys« et caet., стр. 57.

дворяне, мѣщане и крестьяне [1]). Кромѣ того, съ присоединеніемъ южно-русскихъ областей, польская территорія значительно расширилась, потребовалось больше рабочей силы, а между тѣмъ явилась сильная эмиграція польскихъ крестьянъ въ южно-русскіе предѣлы [2]); для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ для землевладѣльческаго класса явились мѣры прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, чего и достигло дворянство, вырвавшее послѣдовательно изъ власти короля законодательство, администрацію, судъ и войско: уже по кошуцкому договору изъ 12 грошей королевской подати 10 брали себѣ дворяне, а со времени статута Альбрехта (1497 г.) въ теченіи 80 лѣтъ крестьян-

---

[1]) *Дворяне* подраздѣлялись на знатныхъ дворянъ или рыцарей, мелкое дворянство и простолюдиновъ, возведенныхъ въ дворянское достоинство королемъ или какимъ-нибудь знатнымъ рыцаремъ, были свободны отъ всякихъ государственныхъ повинностей, кромѣ военной службы, которая со времени кошуцкаго договора (1374 г.) сдѣлалась исключительной привилегіей дворянъ; *мѣщане*, въ числѣ которыхъ преобладали численно и составляли богатый классъ инородцы, обязаны были только защищать свои города; *крестьяне* раздѣлялись на 4 разряда: *кметы, солтысы, вольные люди и крѣпостные или рабы. Солтысы*—это по преимуществу инородные колонисты, жившіе внѣ городовъ, но пользовавшіеся особымъ »нѣмецкимъ правомъ«, въ силу котораго каждое солтыское поселеніе имѣло изъ среды своей непосредственнаго начальника »солтыса« съ властью административною, судебною и полицейскою; солтысы черезъ своего представителя платили десятину на церковь и оброкъ или чиншъ землевладѣльцу, а также участвовали въ военной службѣ, съ освобожденіемъ отъ другихъ государственныхъ повинностей; но постепенно, особенно со времени кошуцкаго договора, сливаются съ кметами. *Кметы* жили на чужихъ земляхъ (королевскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и владѣльческихъ) съ обязательствомъ, по праву вѣчной аренды, платить чиншъ въ пользу владѣльца земли или деньгами, или чаще натурою, а иногда и барщиной. На кметахъ кромѣ того лежали всѣ государственныя тягости; переходъ ихъ съ участка былъ чрезмѣрно ограниченъ. *Свободные или вольные люди* жили тоже на чужихъ земляхъ съ платою оброка, но только по временнымъ договорамъ, и занимались преимущественно промыслами по деревнямъ и городамъ—это огородники, мельники, корчмари, пчеловоды (бортники) и пр. Наконецъ г) *невольники или рабы* были въ полномъ распоряженіи своихъ владѣльцевъ.—Ражневскій, »Крестьянское сословіе въ Польшѣ«, »Русскій Вѣстникъ«, 1858 г., № 57.

[2]) Въ XV в. королевскіе сборщики, пріѣзжая за сборомъ податей, находили только не обработанными оставленныя жителями земли.—Ibidem.

ское сословіе приводится постепенно къ подданству, такъ что уже напр. въ 1520 г. для всѣхъ крестьянъ и колонистовъ сдѣланъ обязательнымъ одинъ день барщины. Сословныя прерогативы и рамки, созданныя для Польши, цѣликомъ потомъ перенесены были въ польскую Русь, гдѣ завоеватели поляки не только были экономическими владыками, но и стремились насадить свою культуру въ видѣ сословныхъ порядковъ, католической религіи, польскаго языка и пр. При посредствѣ привилегій и собственно-культурнаго вліянія въ теченіи какихъ нибудь 100 лѣтъ южно-русская галицкая аристократія (бояре) слилась съ польскою, и такимъ образомъ въ русскихъ провинціяхъ Польше еще до XVI в. образуется изъ древне-русскихъ князей и бояръ, съ одной стороны, и изъ польскихъ дворянъ съ другой, особое сословіе—»шляхта«, которая захватываетъ въ свои руки всю политическую власть и собирается, по словамъ г. Первольфа, на вѣче не вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходитъ одна только на сеймики и на сеймы, постановляетъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ вмѣстѣ съ польской шляхтой и короля польскаго [1]).

Одновременно южно-русскіе города польскихъ провинцій наполняются иностранцами, которые устраиваются, какъ и въ Польшѣ, по магдебургскому праву, *славяно-русское-же населеніе вытѣсняется въ предмѣстья городовъ и въ большинствѣ исключается отъ пользованія городскими привилегіями* [2]). Кромѣ послѣдней части населенія, южно-руссы образовали изъ себя *крестьянское сословіе*, которое приписывается къ помѣщикамъ, несетъ тяжелыя повинности и становится почти въ крѣпостныя отношенія [3]); не приписанной

---

[1]) Первольфъ, »Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.«. Спб. 1874 г., стр. 207.

[2]) Въ однихъ городахъ выключеніе произошло на томъ основаніи, что магдебургское право дается живущимъ внутри городскихъ стѣнъ (intra parietas), а южно-руссы жили въ предмѣстьяхъ (Шараневичъ, стр. 197); въ другихъ же городахъ магдебургское право давалось прямо съ оговоркою: »за выключеніемъ схизматиковъ«.—Ibid., стр. 383 и 384; »Rys stosunk.« et caet., стр 110 и 111.

[3]) Scharaniewicz, »Rys« et caet., стр. 117. По Вислицкому статуту крестьянамъ дозволялось выходить изъ земель ихъ помѣщика только въ четырехъ случаяхъ: 1) если помѣщикъ ихъ подвергалъ церковному проклятію; 2) если помѣщикъ выгонялъ ихъ во время голода, 3) если онъ насильно бралъ ихъ женщинъ и 4) если бы за вину помѣщика крестьяне подверглись юридическимъ взысканіямъ и грабежамъ.

къ землѣ помѣщиковъ осталась незначительная часть крестьянъ-солтысовъ, хотя и здѣсь большинство составляли иноземцы колонисты и сверхъ того дѣлалось различіе между католиками и схизматиками. Такимъ образомъ въ XVI ст. съ этнографическими особенностями славяно-руссовъ въ польскихъ частяхъ южной Россіи находились только *крестьяне* и *мѣщане* въ незначительныхъ городахъ и въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, а также *духовенство* (paraves ruthinicalles)[1]). Все это коренное населеніе занимало въ краѣ зависимое, подчиненное положеніе[2]), хотя количественно и преобладало.

Политико-географическія обстоятельства поставили польское королевство и великое княжество литовское, два смежныя государства съ разными правящими народностями, польскою и литовскою, и съ одинаковымъ славяно-русскимъ подданнымъ населеніемъ въ южныхъ своихъ частяхъ, въ непосредственныя близкія соотношенія, то въ формѣ соединенной борьбы противъ ихъ общаго врага—нѣмецкихъ рыцарей[3]), тѣснившихъ ихъ съ сѣвера и тѣмъ направлявшихъ ихъ силы на югъ, то въ видѣ взаимной борьбы[4]) за преобладаніе на территоріи южной Руси. Въ результатѣ получилось прежде всего расчлененіе однородной въ этнографическомъ отношеніи южно-русской территоріи на двѣ части; это было *первое раздѣленіе южно-русскаго населенія,* потомъ съ 1386 г. *политическая федерація Литвы и Польши,* какъ первый ясный шагъ сближенія двухъ народностей. Внѣшнія обстоятельства: Москва, татары, а затѣмъ и турки, угрожавшіе независимости Литвы, играли здѣсь не бо̀льшую роль, чѣмъ соціально-экономическія и религіозно-культурныя причины: обладаніе великимъ культурно-торговымъ днѣпровскимъ путемъ, особенно въ то время, когда днѣстровскій путь, благодаря завоеваніямъ турокъ, терялъ свое торговое значеніе, хозяйничанье въ странѣ, обладающей такими первостепенными тогда

---

[1]) Szaraniew., »Rys« et caet., стр. 33.

[2]) Русскіе духовные стояли въ зависимости отъ старостъ, когда они жили на королевскихъ земляхъ, или отъ *дѣдичей*, когда жили на частныхъ земляхъ: они наравнѣ съ кметами платили повинности (ibid.. стр. 69) и иногда подлежали суду дѣдичей и изгонялись послѣдними (ibid., 16).

[3]) Первольфъ, стр. 13.

[4]) Смирновъ, стр. 155 и др.

предметами торговли и промышленности, какъ лѣсъ, дающій кромѣ дерева, звѣрей, кожи, медъ, воскъ и т. д., и наконецъ расширеніе области католичества, что составляло какъ-бы миссію для Польши на востокѣ. Литва отстаивала свою и русскую самостоятельность политическую и этнографическую: противилась соединенію и через то потерѣ политической власти, боролась противъ польскаго землевладѣнія въ краѣ [1]), крѣпко стояла за православіе противъ католичества [2]) и т. д.; но при тогдашнихъ преимуществахъ поляковъ въ стройности политической системы, въ большемъ развитіи торгово-промышленномъ, въ превосходствѣ культурномъ, какъ носителей западно-европейскаго образованія, подчиненіе Литвы, какъ политическое, культурное, такъ и этнографическое было вопросомъ лишь времени. И прежде чѣмъ люблинская унія (1569 г.) положила конецъ политическому господству литовцевъ въ южной Руси и погубила литовскую національность, слѣды польскаго вліянія въ литовской половинѣ южной Руси были уже несомнѣнны въ видѣ присутствія въ краѣ польскихъ землевладѣльцевъ (о чемъ будемъ еще говорить), въ проведеніи сословнаго принципа въ среду литовско-русскаго дворянства и *въ нѣкоторой долѣ ополяченія его.*

Ир. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Изъ права имѣть поземельную собственность въ Литвѣ и юго-западной Россіи изъяты были наравнѣ съ другими иноземцами и поляки.—Смирновъ, стр. 64.

[2]) Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 10 и слѣд.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

(Окончаніе) [1].

Еще въ начальномъ развитіи украиннаго козачества можно прослѣдить особое теченіе, которое привело впослѣдствіи къ образованію запорожскаго товариства.—Въ 1536 году въ украинныхъ городахъ Черкассахъ и Каневѣ произошелъ бунтъ мѣстняго населенія противъ старосты тамошняго Василія Тишкевича, назначеннаго въ томъ же году на мѣсто Остафія Дашковича [2]). Причиной бунта было угнетеніе черкасцевъ и каневцевъ старостой Тишкевичемъ. Свѣдѣній о подробностяхъ этого бунта не сохранилось. Изъ подробностей такихъ можно указать лишь на одинъ фактъ, не лишенный нѣкотораго значенія. Отъ 1546 года сохранилась грамота Сигизмунда-Августа, »освобождающая нѣкоторыхъ бояръ черкасскихъ отъ признаннаго судомъ безчестья« [3]). Изъ этой грамоты видно, что шестеро изъ жителей города Черкасъ, не участвовавшихъ въ бунтѣ 1536 года, просили и получили оффиціальное признаніе ихъ невинности. Если обратимъ вниманіе на имена этихъ шести черкасцевъ, то увидимъ, что только двое изъ нихъ могли быть русскими, остальные четверо—явно инонаціональный элементъ: Берендѣй, Янъ Меликъ-баша, »жидокъ« [4]) Семашко-

---

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., август. кн., стр. 580—613.

[2]) Максимовичъ, т. І-й, 286 стр.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 127.

[4]) Подлинное выраженіе грамоты.

вичъ съ братомъ Позпякомъ, Васька Ремень и Иванъ Зубринъ [1]). Чѣмъ окончился этотъ первый бунтъ украпнпаго населенія, неизвѣстно. Есть только указаніе мелькомъ, что черкасцевъ и каневцевъ »его королевская милость знашолъ виновныхъ и велѣлъ ихъ за то скарати« [2]). Тѣмъ не менѣе Тишкевичъ былъ устраненъ, а на его мѣсто назначенъ нѣкій Янъ Пенько. Но и на нового старосту черкасцы и каневцы жаловались, что онъ »кривды великіе и утиски чинитъ и новины вводитъ«. По этому случаю пріѣзжалъ въ Черкасы въ 1539 году кіевскій воевода Немировичъ и пытался уладить дѣло уставною грамотою; она даетъ возможность опредѣлить размѣры угнетенія черкасцевъ и каневцевъ. Эти послѣдніе жаловались, что Пенько обязывалъ ихъ поставлять городовую стражу, каковую повинность, по ихъ заявленію, исполняли прежде »башники«. Жаловались на то, что Пенько принуждалъ ихъ сѣно косить и дрова возить въ его пользу, чего прежде »они не робливали«. Жаловались также на то, что запрещалъ Пенько медъ возить въ Кіевъ на продажу и бобровъ ловить »заборонялъ«, обязывая ихъ половину улова давать ему, тогда какъ прежде каждая партія бобровыхъ промышленниковъ изъ всего улова только одного бобра »давала на городъ«. Отнялъ Пенько, по жалобѣ, тѣ ловы (рыбные), которые имъ »панъ кіевскій« далъ, запрещалъ безъ его вѣдома и безъ предварительно-условленной съ нимъ »выти« рыбу ловить и продавать. Жаловались черкасцы еще на то, что староста, если кто нибудь изъ нихъ умиралъ или попадалъ въ полонъ къ татарамъ, половину имущества выбывшаго бралъ »на себя и порогъ

---

[1]) Безотносительно неважный фактъ изолированнаго положенія этихъ шестерыхъ бояръ черкасскихъ, изъ которыхъ четверо несомнѣнно были пришлецами, оттѣняется и получаетъ особый смыслъ, если обратить вниманіе на рознь, проявлявшуюся впослѣдствіи между украиннымъ населеніемъ, и во время козачьихъ войнъ съ Польшею, и въ пору гетманщины. Эта рознь своихъ между своими, красною нитью прошедшая черезъ всю исторію Украйны, началась очень давно; присутствіе инонаціональныхъ элементовъ, не переработанныхъ еще народною жизнью и такъ замѣтно выдѣляющихся въ указанномъ фактѣ, по всей вѣроятности и было органическимъ основаніемъ этой розни и въ ряду другихъ причинъ обусловливало отсутствіе системы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ воззрѣніяхъ былой Украйны.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II-й, № 127.

ихъ звѣчный мещанскій, на имя Звонецъ, на Днѣпрѣ, отнялъ». Тяготились черкасцы тѣмъ, что староста коляды бралъ съ нихъ по 12 грошей, вмѣсто прежнихъ 6-ти, что подводы забиралъ у нихъ »подъ слуги и подъ речи свои«; стѣснены они были наконецъ тѣмъ, что нѣкоторые мѣщане за старосту »позакладывались« и никакихъ повинностей »стародавныхъ« не хотѣли нести съ ними[1]).

Весьма любопытно рѣшеніе Немировича, постановленное имъ по поводу жалобы черкасцевъ. Оно характеризуетъ нѣкоторыя стороны экономическаго быта украиннаго населенія въ ту пору, когда среди него начало развиваться козачество; а между тѣмъ извѣстно, что экономическій въ Украйнѣ гнетъ, содѣйствуя развитію козачества, послужилъ однимъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ къ грянувшимъ черезъ полъ столѣтія съ небольшимъ кровавымъ козацкимъ войнамъ. Приведемъ послѣдовательно одинъ за другимъ пункты рѣшенія Немировича.

1) Стража города должна была быть наемная. »Мѣщане и все поспольство, и вдовы мѣста черкасскаго, и люди князскіе и панскіе, и духовенство должны были дѣлать взносъ на содержаніе городской стражи хлѣбомъ, количество котораго зависѣло отъ числа людей во дворѣ; сверхъ этого всякій, который »ѣлъ свой хлѣбъ«, долженъ былъ давать по два гроша.

2) Мѣщане должны были поставлять денную сторожу »на свирню« (?), а ночную къ городскимъ воротамъ во всѣ времена года, за исключеніемъ зимы, когда они были свободны отъ этой повинности.

3) »Сѣна косить, дровъ возить (мѣщане) не маютъ; одно маютъ—по возу старшинѣ сѣна давати«.

4) »Меду возить (для продажи) не маютъ«. Весь медъ они должны были продавать старостѣ по 75 грошей за кадь, безъ отношенія къ существующимъ цѣнамъ. За то пасѣки были изъяты отъ всякаго налога.

5) »Кануновъ маютъ въ каждый годъ осмъ сытити«, по двѣ кади каждый. Это питье черкаскіе горожане могли приготовлять въ восемь сроковъ, совпадающихъ съ особенно чтимыми праздниками, какъ Рождество, Пасха, день Николая Ильи и т. д.

---

[1]) Акты западной Россіи, т. II, № 195.

6) За черкасскими горожанами было признано право ходить и ѣздить на ловы по Днѣпру рыбные и бобровые »водлугъ стародавняго обычая«. Но въ »уходы«, принадлежащіе городу, черкасцы могли отправляться, во первыхъ, съ разрѣшенія старосты, и, во вторыхъ, предварительно условившись выдѣлять въ его пользу извѣстную часть улова (вытъ). Осенью, когда на бобровъ колодки ставились, каждая партія бобровыхъ промышленниковъ кромѣ этого должна была давать по бобру »на городъ«.

7) »А который козакъ умретъ, або татарове возьмутъ, а жоны и дѣтей не будетъ, ино половину статковъ его маетъ староста на городъ взяти, и половину по души дати тому, кому ся онъ поручитъ«.

8) До звонецкаго порога старостѣ не касатыся.

9) Колядка (податной взносъ передъ Рождествомъ) опредѣлялась въ 6 грошей; деньги могли быть замѣнены лисьимъ или куньимъ мѣхомъ.

10) »Подводу до Канева пану старостѣ мѣщане по два человѣка давати маютъ«.

11) Татарскимъ гонцамъ обязаны были давать квартиру (стацію поднимати).

12) Повинности сторожи польной, водяной и переѣзживанья шляховъ татарскихъ мѣщане, »водлугъ стародавняго обычая«, должны были отбывать на ряду съ служебниками старостиными.

Затѣмъ въ уставной грамотѣ по многимъ вѣдимостямъ говорится о части тогдашняго (1539 году) сословія козаковъ, о черкасскихъ служебникахъ, т. е. лицахъ, несущихъ военную службу, изъ которыхъ одни имѣли »вызволенные листы« отъ короля, а другіе отъ кіевскаго воеводы. И тѣ и другіе »не повинны зъ мѣстомъ (т. е. жителями города) тягнути, а ни платовъ мѣстскихъ платити«. Обязанностію ихъ было только »служить конную службу« при старостѣ да ремонтировать городскія укрѣпленія. На содержаніе городской стражи они обязаны были давать только по грошу и по четверти ржи. Если же кто изъ этихъ служебниковъ держалъ пасѣки и пользовался городскими землями (»уходы местскіе), тотъ долженъ былъ участвовать въ городскихъ повинностяхъ.—Въ соціальномъ положеніи этихъ служебниковъ и козаковъ, о которыхъ говорено раньше, на основаніи данныхъ и

»описаній украинныхъ замковъ«, сходно то, что какъ эти служебники, такъ и козаки состоятъ при старостѣ. Эти конно служатъ при немъ, а тѣ даже рыбу ловятъ въ его пользу въ городскихъ озерахъ. Еще болѣе сближаетъ служебниковъ »Уставной грамоты« и козаковъ »Описанія украинныхъ замковъ« то обстоятельство, что какъ служебники отбываютъ всякія городскія повинности только въ томъ случаѣ, если они пользуются городскими уходами, такъ и козаки не были свободны отъ этихъ повинностей только тогда, когда отправлялись »въ козацтво на поле« или внизъ по Днѣпру, т. е. другими словами, если пользовались тѣми-же уходами. Если и есть пункты различія между служебниками 1539 года и козаками 1552, то нужно принимать въ разсчетъ промежутокъ времени въ 13 лѣтъ,—промежутокъ, правда, не большой, но тѣмъ не менѣе достаточнымъ оказавшійся, что бы за это время положеніе мѣщанъ, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени измѣнилось. Такое измѣненіе можно допускать и въ положеніи служебниковъ »Уставной грамоты«. Эти служебники, въ числѣ которыхъ есть пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ, конно служатъ при старостѣ, ремонтируютъ городскія укрѣпленія, даютъ налогъ для городской стражи. Козаки »Описанія украинныхъ замковъ«, также не осѣдлый элементъ, состоятъ и при старостѣ (они для старосты ловили рыбу въ городскихъ озерахъ), но служатъ также мѣщанамъ и боярамъ; объ обязанности козаковъ ремонтировать городскія укрѣпленія и платить налогъ для содержанія городской стражи въ »Описаніи украинныхъ замковъ« уже не говорится, но говорится, что козаки платятъ »колядку« и косятъ сѣно въ пользу старосты. Это такіе пункты, которые какъ будто различаютъ служебниковъ и козаковъ, но различіе это касается только статей повинности и потому не существенно. Служебники »Уставной грамоты«, очень можетъ быть, и есть тотъ »почетъ служебниковъ старостинныхъ« изъ 50 пріѣзжихъ молодцевъ и 11 служащихъ старостѣ »съ дѣтку«, о которыхъ говорится въ »Описаніи черкасскаго замка и которыхъ, на основаніи указанныхъ выше соображеній, мы склонны также относить къ числу козаковъ.

Хотя въ концѣ концевъ уставная грамота и давала ручательство, что служебники старостины ни сѣна у нихъ не будутъ брать, ни другихъ какихъ нибудь »кривдъ и шкодъ чинить«, и хотя самые

пункты уставной грамоты» яко панъ староста черкасскій, такъ тежъ мѣщане черкасскіе и ихъ потомки зволили на вѣчные часы промежду себя держати«, однако около 1552 г. отношеніе мѣщанъ къ старостѣ регулировалось совсѣмъ не этими пунктами. Изъ описанія черкасскаго замка видно, что тамошніе мѣщане вмѣстѣ съ боярами »повинни служить конно, збройно и ѣздить съ старостою или съ его служебниками противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними«. Даже, еслибы и слуху не было о татарахъ, то для осторожности »повинни ѣздить съ старостою, або съ слугами (его) разъ, два и три на лѣто«. Тѣ мѣщане, которые дѣлали взносы на замокъ и »на подыймованье« (т. е. для снаряженія отрядовъ, отправляющихся въ степь), обязаны были выступать въ походъ только съ самимъ старостою. Кромѣ отбыванія воинской повинности въ такомъ видѣ, мѣщане черкасскіе обязаны были давать »подводы и стацью посламъ государевымъ и татарскимъ«; сверхъ этого они платили »колядки« по 6 грошей и »стороженщины« по 2 гроша и давали по возу сѣна »съ дыму« [1]). Въ числѣ повинностей черкасскихъ мѣщанъ были еще слѣдующія: »присудъ«, »куница« и повежное«. При всякомъ судебномъ разбирательствѣ въ пользу старосты »присуду« шло 4 гроша, отъ всякой суммы безразлично. Отъ каждой выходящей замужъ дѣвицы »куница« взималась въ размѣрѣ 12 грошей; отъ вдовы, выходящей замужъ, куница требовалась въ 30 грошей. Повежная плата, взимаемая при лишеніи свободы, возрасла съ одного гроша до 12 грошей. Бралось у черкасскихъ мѣщанъ »одно што лешное« и изъ бутынковъ, т. е. добычи, захваченной въ татарскихъ земляхъ. Платили наконецъ черкасскіе мѣщане такъ называемыя »мыто и обестку«, если торговали какимъ-нибудь продуктомъ, главнымъ образомъ солью. Мыто—торговая пошлина въ пользу замка была опредѣлена въ 3 гроша, а обестка, плата взимаемая съ торговцевъ, когда они объявляли о своемъ прибытии въ городъ, шла въ пользу старосты въ размѣрѣ 1-го гроша. Въ наибольшей степени подверглись измѣненію вольности черкасскихъ

---

[1]) Сторожа польная черкасская содержалась при Тясмени, на урочищѣ Чигиринъ, въ 8 миляхъ отъ замка, на Головъ Тясмени въ 5 миляхъ, у Сугарева кургана, также въ 5 миляхъ, на Мостищахъ и у Великаго кургана, въ трехъ миляхъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оказывалась надобность.

мѣщанъ. Изъ 32 уходовъ, принадлежавшихъ черкасцамъ по Ворсклѣ, Орели, Тясмени, Самарѣ, Ингулахъ, Базавлукѣ и инымъ рѣкамъ, въ прежнее время (до 1552 г.) только 5 были въ непосредственномъ обладаніи черкаскаго старосты; остальными уходами совершенно свободно пользовались черкаскіе мѣщане и бояре, давая только незначительную часть лова (рыбой и бобрами) старостѣ отъ каждой ватаги. Но потомъ черкаскіе старосты стали отдавать «уходы» въ пользованіе насельникамъ, тянувшимъ къ замкамъ кіевскому, чернобыльскому, мозырскому, петриковскому, быховскому, могилевскому «и инымъ чужегородцамъ», надѣясь получать съ нихъ большіе сравнительно съ прежнимъ датки, «бо уходники одны передъ другими, опережаючи, повышають, укупаючися». Въ прежнее время каждая ватага уходниковъ, «большая или малая, давала по 30 рыбъ да по осетру, а изъ бобровaго улова одного бобра *поклону*, а другого *городового*, но потомъ старосты начали брать датки за уходы овсомъ, крупою, колесами, медомъ, «або якоея умозить, то пенязьми», а изъ бобровыхъ улововъ уходники, кромѣ двухъ бобровъ отъ ватаги: поклону и городового «водлугъ обычая», должны были давать каждаго седьмого бобра, причемъ староста дѣлилъ самъ, выбиралъ, что хотѣлъ, а остатокъ покупалъ у нихъ по цѣнѣ имъ-же назначаемой, «зъ замку ихъ не выпускаючи». Чтобы стѣснить черкасцевъ и привлечь чужегородцевъ, онъ изъ пойманныхъ на Поднѣпровьи осетровъ бралъ отъ чужегородцевъ восьмаго осетра, а отъ черкасцевъ третьяго. Ограничены были также и права послѣднихъ относительно охоты: прежде «когда по первое пороши староста три дни половить, тогда вже вольно тамъ черкасцамъ, боярамъ и мѣщанамъ, зверь бити ажъ до Дмитріева-жъ дня, а вытн жадное съ нихъ не бирано, нижли теперешный староста беретъ тамъ отъ нихъ третее звера».

Эти повинности черкасцевъ, съ ихъ сословнымъ распредѣленіемъ, можно принять за основу при опредѣленіи отношеній насельниковъ Украйны къ старостамъ и въ остальныхъ украинныхъ городахъ. Существовали, правда, въ этомъ отношеніи нѣкоторыя отличія, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій, но они были незначительны. Норма отношеній насельниковъ при украинныхъ замкахъ къ старостамъ, какъ представителямъ центральной власти въ своихъ районахъ, была одна и таже: вездѣ въ основѣ ся лежала воинская

повинность и постепенно все больше и больше возраставшіе датки въ пользу мѣстной администраціи [1]).

Дополняющимъ основной типъ общественныхъ отношеній въ Украйнѣ начала второй половины XVI вѣка можетъ служить подстаростово каневское; оно подвѣдомственно было также черкаскому старостѣ, но лежало нѣсколько дальше отъ татарской границы и потому не такъ часто подвергалось татарскимъ нападеніямъ. Единственно благодаря этому обстоятельству, въ каневскомъ подстаростѣ встрѣчаются села и сельца; но, имѣя населеніе въ 15, 9, 7, 6 и даже 5 семей, они были жилыми только въ лѣтнее время, на зиму-же обитатели ихъ переходили въ каневское укрѣпленіе [2]). Жители этихъ селъ отбывали всякія городскія повинности на равнѣ съ мѣщанами и »за часовъ потребы противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними ходили«, если только па этотъ предметъ не давали« податковъ панамъ своимъ«. Будучи въ большей части выселенцами изъ нынѣшней полтавщины, они пользовались на правахъ »уходниковъ« землями, которыя составляли нѣкогда собственность ихъ предковъ. Наравнѣ съ ними землями каневскаго подстароства въ лѣтнюю пору пользовались каневскіе мѣщане, бояре и козаки, а также выходцы кіевскіе, могилевскіе и др., смотря по тому, кому отдавалъ староста «уходы съ выти».

Всѣ вообще уходники въ каневскихъ земляхъ исключительно занимались пчеловодствомъ, промысломъ бобровымъ и рыбнымъ, звѣриною охотою и ловлею дикихъ коней, а землевладѣніе было лишь въ зачаткѣ и причиною сего было, между прочимъ, установленіе десятины съ урожая, ибо раньше этого времени запашки мѣщанамъ каневскимъ можно было, по старинному обычаю, производить, гдѣ кто хотѣлъ [3]).

Въ положеніи украиннаго населенія вообще и украиннаго козачества въ частности со времени соединенія Литвы съ Польшею или такъ называемой люблинской уніи (1569 г.) произошла значительная перемѣна. По мѣрѣ примѣненія къ степной полосѣ въ быв-

[1]) Рукопись литовской метрики. Описаніе замка мозырскаго.

[2]) Такія временныя поселенія были на земляхъ земянъ (село, напримѣръ, Мщя) и на земляхъ монастырскихъ (селищье напримѣръ Телектимирово, »данина государева« Остафію Дашковичу, переданное отъ него печерскому монастырю.

[3]) Рукопись литовской метрики. Описаніе каневскаго замка.

немъ великомъ княжествѣ литовскомъ польскаго государственнаго и общественнаго строя и слѣдовавшаго за нимъ ограниченія земельныхъ правъ и свободы украиннаго населенія, оно съ удвоенною силою устремляется въ ряды козачества; въ свою очередь козачество, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе накопленія собственной энергіи, вступаетъ въ новую фазу своего развитія и проявляетъ себя съ большею силою внутри и внѣ государства.

Указанная перемѣна произошла довольно скоро и была прямымъ послѣдствіемъ сліянія двухъ государствъ въ одинъ политическій и общественный организмъ. Плодородныя украинскія земли привлекли къ себѣ новыхъ насельниковъ изъ-внутри Польши. Въ ряду другихъ отраслей мѣстнаго хозяйства земледѣліе вскорѣ пріобрѣло преобладающее значеніе, и ближайшей причиной сего было то, что въ польскихъ гаваняхъ при Балтійскомъ морѣ открытъ былъ сбытъ для продуктовъ земледѣлія. Черноземныя украинныя земли быстро поднялись въ цѣнѣ, и шляхтичи Рѣчи Посполитой одинъ передъ другимъ выкрашиваютъ для себя у короля обширныя земельныя пространства въ Украйнѣ, тѣмъ болѣе привлекательныя, что они уже были до нѣкоторой степени населены и защищены какъ городскимъ украиннымъ населеніемъ, такъ и козаками. Но эти новые колонизаторы привносили съ собою такіе соціальные и экономическіе распорядки, которыхъ не знало дотолѣ мѣстное населеніе. Жившіе доселѣ на волѣ украинные мѣщане, бояре и козаки за право пользованія землями новыхъ владѣльцевъ должны были нести чрезмѣрныя натуральныя повинности и становиться въ положеніе крѣпостныхъ. Украинное населеніе естественно не хочетъ помириться съ новымъ порядкомъ вещей и избѣгая закрѣпощенія, интенсивнѣе прежняго стремится на низовья Днѣпра для промысловъ въ луговыхъ пространствахъ и поисковъ, съ цѣлію добычи, въ татарскихъ и турецкихъ владѣніяхъ.

Эту все съ большимъ и большимъ напоромъ прибивающую волну украинныхъ насельниковъ на низовья Днѣпра легко прослѣдить по частымъ указаніямъ на козачьи вторженія въ сосѣднія турецкія и татарскія земли и по жалобамъ, предъявляемымъ правительству Рѣчи Посполитой по поводу этихъ вторженій.

Рядъ такихъ вторженій начинается смѣлою попыткою козаковъ посадить претендента изъ своей среды на молдавскій престолъ, судьбою котораго распоряжался могущественный турецкій султанъ. Попытка эта начата въ 1577 году, а искателемъ молдавскаго престола оказался козаковавшій около этого времени на низовьяхъ Днѣпра Иванъ Подкова, по отзыву однихъ [1]) родственникъ одного изъ молдавскихъ господарей, а по другимъ [2]) простой хлопъ.

Поводъ къ такому отважному предпріятію данъ былъ постоянною тогда внутри Молдавіи борьбою партій. Нѣсколько молдавскихъ вельможъ, недовольныхъ своимъ господаремъ Петромъ, по прозванію Хромымъ, предложили молдавскій престолъ Подковѣ, а за содѣйствіемъ ему обратились къ кн. Константину Острожскому, воеводѣ кіевскому и старостѣ барскому. Но прежде, чѣмъ этотъ послѣдній, могъ снестись по этому дѣлу съ королемъ, немедленную помощь оказалъ Подковѣ нѣкто Коницкій, популярный между козаками, съ которыми, какъ говоритъ Бѣльскій, онъ обращался около 20 лѣтъ. Сформированный имъ отрядъ козаковъ подъ начальствомъ Шаха вмѣстѣ съ Подковою вторгнулся въ Молдавію; но въ виду несоразмѣрности своихъ силъ съ войскомъ господаря Петра козаки отступили. Когда-же число приверженцевъ Подковы въ Молдавіи увеличилось, тотъ-же Шахъ, усиливъ свой отрядъ до 1000 человѣкъ, проникъ снова въ Молдавію и разбилъ войско Петра; народъ привѣтствовалъ Подкову, какъ своего господаря, а преданные ему вельможи объявили его правителемъ Молдавіи. Утвердившись на престолѣ, Подкова роздалъ важныя должности Шаху, Чапѣ и Коницкому; захваченные татарами и проданные туркамъ подданные Рѣчи Посполитой безъ выкупа были отпущены на волю. Петръ опять было собралъ значительное войско, но былъ снова разбитъ козаками. Между тѣмъ поступокъ Подковы не могъ не поселить неудовольствія между Турціею и Польшею. На своевольство козаковъ еще прежде втораго ихъ похода въ Молдавію жаловался польскому королю Стефану Баторію турецкій чаушъ и Баторій тогда-

---

[1]) Bielskiego kronika, стр. 753.

[2]) Heidenstein. Dzieje Polski od 1572 do 1597. Переводъ Глищинскаго, С.-Петербургъ. 1857 г., т. I, стр. 285.

же отдалъ приказъ схватить Подкову, какъ бунтовщика, теперь-же рѣшился помочь его сопернику Петру. Узнавъ объ этомъ, Подкова счелъ за лучшее оставить такъ легко доставшійся ему престолъ и возвратился вновь на днѣпровскіе пороги. Но коронный гетманъ и воевода брацлавскій имѣли новое приказаніе отъ Баторія, во что бы то ни стало, захватить Подкову. Гетманъ готовился сдѣлать нападеніе на Подкову; но у послѣдняго было много людей и достаточно оружія: изъ одной Молдавіи Подкова вывезъ 14 пушекъ; предстояла кровопролитная схватка, за успѣхъ которой поручиться было трудно. По брацлавскому воеводѣ, при посредствѣ сподвижниковъ Подковы въ Молдавіи, прибывшихъ въ Немировъ вмѣстѣ съ Шахомъ, удалось убѣдить Подкову ѣхать къ королю для объясненій по своему дѣлу; его обнадежили, что съ нимъ, какъ человѣкомъ рыцарскимъ, король не долженъ обойтись сурово. Подкова раздарилъ свои свои пушки и безоружный, съ провожатыми отъ гетмана, отправился въ Варшаву; но тутъ былъ заключенъ въ оковы и посаженъ подъ крѣпкую стражу [1]), а въ слѣдующемъ 1578 году казненъ въ Львовѣ, по настоянію турецкаго султана. Баторій не могъ противиться султану, такъ какъ по поводу похода въ Молдавію Польшѣ угрожали серьезныя недоразумѣнія съ Турціей, а въ это время онъ готовился къ войнѣ съ Москвою. Между тѣмъ, пока Подкова томился въ заключеніи, козаки съ братомъ его Александромъ снова вторглись въ Молдавію и выгнали Петра изъ господарства. Султанъ послалъ въ Молдавію новаго господаря и сильный отрядъ войска; козаки были разбиты, и тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ, были отправлены въ Константинополь [2]).

Такая рѣшительная неудача не могла остановить козацкихъ походовъ въ турецкія и татарскія земли: набѣги ихъ повторяются изъ года въ годъ и вызываютъ настоятельныя жалобы на нихъ татарскаго и турецкаго правительствъ. Король Стефанъ Баторій переиспытываетъ всѣ мѣры къ обузданію козаковъ, но съ теченіемъ времени убѣждается въ полной несостоятельности этихъ мѣръ и не желая навлекать на свое государство жестокую месть со стороны

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 753—756.

[2]) Тамъ-же, стр. 758.

турокъ и татаръ, подобно своему предшественнику, въ отношеніи этихъ послѣднихъ дѣйствуетъ примѣнительно къ общему теченію политическихъ дѣлъ, то давая имъ возможное удовлетвореніе, то вовсе отказываясь отъ отвѣтственности за дѣйствія своевольныхъ козаковъ и откровенно заявляя, что ничего съ ними подѣлать не можетъ. И дѣйствительно козацкое движеніе усиливалось съ каждымъ годомъ; къ нему примыкало все украинное населеніе, къ нему тянулись люди всѣхъ сосѣднихъ націй, не рѣдко изъ среды татаръ, ему покровительствовали, а иногда и прямое въ немъ участіе принимали украинныя правительственныя власти и лица привилегированныхъ классовъ, русской и польской національности.

Въ 1578 году чаушъ турецкій, жалуясь на козаковъ, жаловался также на брацлавскаго воеводу Яна Збаражскаго и дворянина Филона Кмиту, что они въ своихъ владѣніяхъ даютъ пріютъ козакамъ, опустошающимъ турецкія и татарскія земли. Король велѣлъ произвести обыскъ въ поселеніяхъ, подвѣдомственныхъ Збаражскому и Кмитѣ; но королевскіе коммисары ни того, ни другого не признали виновнымъ и ограничились донесеніемъ, что нашли тамъ лишь нѣсколькихъ бѣдняковъ («nędze»), которыхъ сразу и отпустили, «такъ какъ не надъ чѣмъ было и меститься» [1]). Около этого времени, по сообщенію Бѣльскаго, съ цѣлію подобнаго изслѣдованія, была отправлена Баторіемъ цѣлая судная коммисія и на низовья Днѣпра; но о результатахъ ея трудовъ ничего неизвѣстно. Вѣроятно подъ вліяніемъ этой неудачи, Баторій въ слѣдующемъ 1578 году, требуя черезъ посла своего, чтобы крымскій ханъ Махметъ Гирей обязался удерживать отъ вторженій въ предѣлы Рѣчи Посполитой «татаръ перекопскихъ, бѣлгородскихъ, царскихъ, ногайскихъ, очаковскихъ и всѣхъ другихъ», хотя заявлялъ хану, что кіевскому воеводѣ поручено отъ него разогнать вольныхъ людей («łotry»), собравшихся на низу, но не выражалъ увѣренности, чтобы по удаленіи воеводы съ низовьевъ Днѣпра низовцы снова не собрались тамъ, прибавляя, что нѣтъ возможности устеречь ихъ въ тѣхъ «дикихъ мѣстахъ» и что освободить низовья Днѣпра отъ козаковъ тѣмъ менѣе возможно, что козаки въ случаѣ надобности находятъ

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 758.

пріютъ въ московскихъ владѣніяхъ, гдѣ покровительствуютъ имъ.

И дѣйствительно, козаки продолжали дѣйствовать за порогами. Татарскій посолъ жаловался на нихъ въ 1579 году и требовалъ обуздать ихъ; Баторій заявлялъ, что низовцы—люди своевольные и наказывать ихъ трудно[1]), и ограничился приказомъ урядникамъ и шляхтѣ воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго, подольскаго и волынскаго предотвращать вторженія козаковъ въ татарскіе и турецкіе предѣлы, а украиннымъ старостамъ—не давать козакамъ провизіи и военныхъ снарядовъ; но уже изъ самаго универсала къ шляхтѣ видно, что въ этихъ вторженіяхъ участвовали, кромѣ козаковъ, «не осѣдлые дворяне» и мѣщане и что Баторій, не довѣряя шляхтѣ, не предоставляетъ ей наказывать виновныхъ въ набѣгахъ, а велитъ держать ихъ подъ стражей и ожидать его распоряженій[2]).

Въ 1582 г. татарскій посолъ снова жаловался на козаковъ и въ виду похода турецкаго войска въ Персію, добивался удаленія ихъ съ низовьевъ Днѣпра. Баторій опять отвѣчалъ, что козаки—люди своевольные и что онъ уже давно обуздалъ-бы ихъ, если-бы могъ. Посолъ грозилъ войною; Баторій отправилъ въ Подолію 22 роты коннаго войсоа[3]) въ предупрежденіе вторженія татаръ. Въ томъ-же году низовые козаки ограбили татарскихъ пословъ, возвращавшихся изъ Москвы. Ханъ жаловался и требовалъ удовлетворенія; его посолъ говорилъ, что «ханъ уже сидитъ на конѣ», чтобы, въ случаѣ отказа, вторгнуться въ Польшу и что на помощь ему готовы 40 тысячъ турокъ. Баторій отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ обуздывать козаковъ, людей разныхъ націй, въ числѣ которыхъ есть и татары, а угрозъ не боится. И дѣйствительно онъ поручилъ коронному гетману Замойскому собирать войско; къ Замойскому присоединился князь Константинъ Острожскій во главѣ собственныхъ значительныхъ полковъ. Татары пришли было уже къ Днѣпру и частью своихъ ополченій переправились на другую его сторону; но, узнавъ, что ихъ готово встрѣтить сильное войско,

---

[1]) Kronika Bielskego, стр. 760

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 5; Albertrandy. Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 410.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 790.

возвратились назадъ [1]) и лишь немного спустя ворвались въ Подолію и сильно опустошили ее [2]).

Расплатившись на этотъ разъ за своевольство козаковъ опустошеніемъ одной области, правительство удвоило надъ ними свою бдительность: король разослалъ письма къ старостамъ и пограничнымъ дворянамъ, королевскіе посланцы прибыли въ Украйну, чтобы не допустить новаго похода козаковъ; но удержать ихъ никто не могъ. Въ 1583 г., сговорившись съ пограничною шляхтою, козаки опустошили молдавское пограничье и вторглись въ турецкія владѣнія. Сперва они разрушили Ягорлыкъ, недавно выстроенную близъ польской границы турецкую крѣпость, а потомъ направились подъ давній и богатый турецкій городъ Тегинъ (Бендеры), разграбили и сожгли его и вывезли оттуда много добычи и оружія. Встревоженное польское правительство приказало пограничнымъ своимъ войскамъ ловить возвращающихся изъ похода козаковъ; но козаки, бросая пушки, уходили кіевскимъ краемъ за московскую границу и лишь нѣкоторые изъ нихъ были схвачены и закованы въ кайданы. Турецкому правительству между тѣмъ дано было знать, что «своволынцы» люди будутъ строго судимы и что сразу могутъ быть возвращены по принадлежности отбитыя у козаковъ пушки и отнятая у нихъ турецкая добыча. Султанъ удовольствовался такою предъупредительностію польскаго правительства, потребовалъ лишь жестокаго наказанія «бендерскимъ злочинцамъ», но при этомъ прибавилъ, что если подобныя нападенія повторятся, то пусть польское правительство прямо готовится къ войнѣ. [3]).

Походъ подъ Бендеры обнаружилъ вскорѣ, что косвеннымъ его участникомъ былъ одинъ изъ родовитыхъ и вліятельныхъ польскихъ дворянъ, Самуилъ Зборовскій. Открыта его переписка, не оставлявшая сомнѣнія въ соотношеніи его къ бендерскому походу. Королю готовились новыя затрудненія, самой Рѣчи Посполитой грозилъ большой скандалъ: одинъ изъ видныхъ магнатовъ, родственники котораго занимали важныя должности въ государствѣ, имѣлъ быть казненъ по требованію турецкаго правительства. Бато-

[1]) Albertrandy. Panowanie, стр. 222; Kronika Bielskiego, стр. 793.

[2]) Belskij, тамъ-же.

[3]) Albertrandy. Panowanie, стр. 237—239; Bielsk. kr., стр. 795.

рій поспѣшилъ замять это дѣло, а Зборовскій, чтобы избѣжать смертной казни, самъ отправился въ добровольное изгнаніе [1]).

Выяснялось годъ за годомъ, что въ лицѣ козачества правительство польское имѣетъ дѣло съ такимъ сложнымъ и сильнымъ жизненнымъ теченіемъ, котораго не могли остановить никакія запретительныя и карательныя мѣры. Вызванное къ жизни внѣшними условіями страны, опредѣлившимися на безконечное время и постоянно его поддерживавшими, козачество въ самомъ себѣ нашло жизненные соки и сильнѣйшіе стимулы для своего дальнѣйшаго развитія. Его свободный строй, его завѣтное стремленіе стоять на стражѣ родной страны и мстить врагамъ, его жизнь полная приключеній и тревогъ и занимаемыя имъ обширныя, ни для кого недоступныя пространства влекутъ къ нему людей со всѣхъ сторонъ, и тѣ-же интересы защиты страны и родныхъ пепелищъ склоняютъ на сторону его и привилегированные классы государства, и новыхъ колонизаторовъ Украйны, и ея воеводъ и старостъ, и само правительство польское, не разъ поддерживавшее его и сквозь пальцы смотрѣвшее на его «своевольства», когда отъ нихъ не грозила серьезная опасность странѣ. Но эта опасность, какъ мы видѣли, росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы и отваги козаковъ. Обуздать ихъ правительство было столь-же безсильно, какъ и остановить постепенный ростъ козачества. Въ послѣднемъ отношеніи оно само связало себѣ навсегда руки вводимыми въ Украйнѣ новыми экономическими и соціальными порядками и затянуло такой жизненный узелъ, который могла впослѣдствіи разсѣчь только козачья сабля. Теперь ряды козачества должны были увеличиваться по мѣрѣ того, какъ увеличивалась тягость жизни украинного населенія, наступившая съ новыми земельными и общественными порядками. Усиленное стремленіе этого населенія въ ряды козачества и увеличеніе численности этого послѣдняго примѣчается въ особенности въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст., когда, по окончаніи войнъ Рѣчи Посполитой съ московскимъ государствомъ (1582 г.), въ Украйнѣ оказалась масса лицъ, которымъ некуда было пристроиться. Это были организованныя подъ московскую войну роты изъ украинныхъ насельниковъ, по окончаніи войны возвратившіяся въ Украйну: съ возвра-

---

[1]) Albertrandy. Panowanie, стр. 249.

щеніемъ изъ похода имъ предстояло обратиться къ мирнымъ занятіямъ, т. е. стать въ зависимое положеніе отъ украинной шляхты, и они прежде другихъ устремлялись на низовья Днѣпра [1]). Положеніе правительства становилось безвыходнымъ. Съ одной стороны уходившее населеніе разстраивало правильное теченіе экономической жизни страны и мѣшало ея развитію, съ другой всѣ убѣгавшіе на промыслы ставили все государство въ непрерывное тревожное состояніе и могли вовлечь Рѣчь Посполитую въ войну съ сильной тогда Турціей. Такое положеніе дѣлъ на Украйнѣ вызвало Баторіеву реформу украиннаго козачества.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію свѣдѣній относительно этой реформы, отмѣтимъ тѣ неточности, какія касательно ея допущены въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи запорожскаго козачества. Неточности эти касаются самой сущности и времени реформы. Подлинной грамоты Баторія козакамъ, опредѣляющей реформу, не сохранилось, но сохранился въ трехъ копіяхъ универсалъ Богдана Хмельницкаго, въ которомъ между прочимъ цитируется содержаніе жалованной грамоты Баторія, данной будтобы въ 1576 году на имя козачьяго гетмана Якова Богдана и низоваго кошеваго атамана Павлюка [2]).

---

[1]) Heidenstein, т. II, стр. 361.

[2]) Вотъ содержаніе этой грамоты, какъ оно приводится по одному изъ списковъ универсала Хмельницкаго въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго, 1841 г. ч. III, № 1-й. «Его королевская мосць, видячи козаковъ запорожскихъ до его королевского маестату зичливую прихильность и рыцарскіе одважные службы, которыми завжды великіе бусурманскіе погромляючы силы, гордое ихъ прагнене (жажду) на кровь христіанскую до конца затлумили и нащоку ихъ, на корону польскую и на народъ благочестивый украинскій рыкающую, замкнули и входъ въ Польщу и Украину заступили, всѣ ихъ непщетніе силы и нагліе на народъ христіанскій набѣги грудмы своими сперли; — якіе ихъ службы нагорожаючы и дабы имъ войска запорожского козакамъ для зѣмовыхъ станцій гдѣ было прихильность мѣти, также отъ непріятеля раненыхъ своихъ заховуваты и лѣчиты, въ другихъ долѣгаючихъ нуждахъ отпочинокъ маты и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочени были зичливо въ войску служиты и противъ непріятелей отчизны своей охоче и неомилно отпоръ чиниты, — надаетъ его королевская мосць козакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкунсте городъ Терехтемировъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочъ складового стариннего ихъ запорожского города Чигрина и запорожскихъ степовъ, ку землямъ чигринскимъ подой-

Прежде всего замѣтимъ, что эту грамоту нужно относить не къ козакамъ низовымъ, запорожскимъ, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а къ козакамъ называвшимся запорожскими при Баторіи, т. е. къ козакамъ украиннымъ вообще, ибо извѣстно, что городъ Трехтемировъ былъ опредѣленъ Баторіемъ, какъ центръ для организованнаго на Украйнѣ козачьяго войска изъ 6,000 человѣкъ. Помимо этого въ текстѣ грамоты есть позднѣйшія добавленія: такъ въ ней значится Чигиринъ, какъ давній складочный запорожскій городъ, а между тѣмъ городъ этотъ вовсе не существовалъ при Баторіи [1]). Грамота упоминаетъ еще и о другомъ не существовавшемъ при Баторіи запорожскомъ городкѣ Самарѣ [2]). Грамота говоритъ о зимовникахъ, но зимовники на Запорожьи въ пору Предцлава Ланц-

---

милихъ, всѣ земли со всѣма на тыхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи; а вширъ отъ Днѣпра на степъ, якъ тыхъ мѣстечокъ, селъ и футоровъ земли здавна находилысь, и теперь такъ ся тое въ ихъ завѣданьи маетъ заховаты. Городокъ старинный-же запорожскій Самаръ съ перевозомъ и землямы въ гору Днѣпра по рѣчку Орель, а внизъ до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало по Очаковскіе улусы, и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху; отъ самарскихъ-же земель черезъ степъ до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкого Преслава Ланцкорунского козаки запорожскіе свои зѣмовныки мѣвалы. И же бы тое все непорушно во вѣкы при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць тоею грамотою своею козакамъ запорожскимъ укрѣпилъ и утвердилъ«.

[1]) Архивъ юго западной Россіи, V ч., I т., № 24. Сохранилась подлинная грамота Сигизмунда III, разрѣшающая «черкасскому старостѣ, князю Александру Вишневецкому, основать городъ на пустомъ урочищѣ, называемомъ Чигринъ». Эта послѣдняя грамота помѣчена 1589 годомъ, значитъ, выдана была уже три года спустя послѣ смерти Баторія.

[2]) Эрихъ Ляссота, ѣздившій въ 1594 г., по порученію Рудольфа, австрійскаго императора на Запорожье, описывая подробно поселенія не только по Днѣпру, но и по его притокамъ, ни слова не говоритъ о Самарѣ и тѣмъ прямо исключаетъ всякую возможность существованія городка Самаръ не только около 1576 года, которымъ помѣчается жалованная козакамъ Баторіева грамота, но и въ 1594 году. Былъ впослѣдствіи запорожскій паланочный городъ подъ этимъ названіемъ при впаденіи рѣки Самары въ Днѣпръ; въ данное же время всѣмъ краемъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра до самой рѣки Самары обладали татары, и потому запорожскій городокъ не могъ имѣть тутъ мѣста. Самъ Ляссота, на пути къ запорожцамъ высаживающійся и проводящій ночь не далеко отъ устья Самары, не упоминаетъ ни о какомъ поселеніи здѣсь (Tagebuch des Erich von Steblau, стр. 208).

коронскаго, какъ видно изъ всего хода развитія украинаго козачества, также не могли существовать, и въ этомъ случаѣ то, что имѣло мѣсто на Запорожьи въ позднѣйшее время, перенесено на время гораздо болѣе раннее. Наконецъ въ грамотѣ есть прямое противорѣчіе: сначала говорится въ ней, что Баторій жалуетъ козакамъ тѣ земли по Днѣпру, на которыхъ ихъ поселенія издавна находились, а затѣмъ сразу земли эти опредѣляются позднѣйшими границами, въ которыхъ во время Баторія кочевали еще татары [1]).

Что означенная грамота не могла быть выдана Баторіемъ козакамъ въ 1576 году, объ этомъ говоритъ еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1577 году Баторій разослалъ 11-ть писемъ брацлавскому воеводѣ и нѣкоторымъ изъ украинныхъ старостъ и пановъ, съ предложеніемъ организовать стоконные отряды изъ мѣстныхъ жителей для защиты края отъ татарскихъ вторженій. Король обѣщалъ плату этимъ милиціямъ и отдавалъ на волю организаторовъ устраивать свои отряды или какъ легкую кавалерію, или какъ гусаровъ [2]). Само собою разумѣется, что если Баторій въ 1577 году принимался за такія средства для защиты отъ татаръ, то козачество въ Украйнѣ, какъ особое сословіе съ своимъ гетманомъ, или старшимъ, еще не существовало и по этому жалованной грамоты отъ Баторія въ 1576 году имѣть не могло.

Когда собственно произведена Баторіемъ реформа украиннаго козачества, трудно сказать, за неимѣніемъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ указаній. Даже въ 1581 году украинные козаки не имѣли, кажется, собственной организаціи: поймавъ въ этомъ году на низовьяхъ Днѣпра двухъ крымскихъ царевичей, бѣжавшихъ изъ Крыма отъ преслѣдованія хана Махметъ Гирея, они препроводили ихъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому [3]). Если-бы въ это время у козаковъ былъ свой урядъ, то плѣнные царевичи были-бы препровождены ими къ своему начальству, а не къ одному изъ украинныхъ старостъ.

Есть нѣкоторыя данныя заключать, что Баторій не въ одинъ разъ реформировалъ украинное козачество, а постепенно. Бѣльскій

---

[1]) Миллеръ, историческія сочиненія о Малороссіи. Разсужденіе о запорожцахъ, стр. 43—44.

[2]) Albertrandy. H. W. Stephana Batorego, стр. 402.

[3]) Kronika Bielskego, стр. 780.

въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что въ 1578 году Баторій нѣсколько подтянулъ козаковъ (troche powciągnąwszy...) и назначилъ надъ ними гетманомъ Орнишевскаго [1]), подъ предводительствомъ котораго они въ 1580 г., во время московской войны, опустошали Стародубъ [2]). Самъ Баторій былъ вполнѣ доволенъ ихъ службою въ эту войну и въ инструкціяхъ посламъ на сеймики 1583 г. рекомендовалъ раднымъ панамъ козаковъ, какъ людей показавшихъ такія доблести, которымъ и грядущія поколѣнія должны удивляться. Нужно, заключалъ король, чтобы на нихъ было обращено вниманіе [3]). Кажется, что къ 1583 году и нужно отнести окончательное устройство украиннаго козачества.

Данная Баторіемъ козачеству организація находилась въ связи съ тогдашнимъ строемъ управленія Украйны и послужила къ радикальному измѣненію онаго. До люблинской уніи Украйна раздѣлялась на 8 старостствъ; каждый староста въ своемъ районѣ былъ представителемъ власти судебной, административной и военной. Со времени-же люблинской уніи значеніе украинныхъ старостъ начало падать,—власть военная перешла отъ нихъ къ гетманамъ, административная къ воеводамъ, у старостъ осталась только судебная власть. Такой распорядокъ въ управленіи Украйной далъ возможность поставить организуемое козачество внѣ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и подчинить его одному гетману.

По реформѣ Баторія, принадлежащими къ свободному козачьему сословію были признаны изъ всего украиннаго населенія только 6 тысячъ семействъ. Семейства эти, записанныя въ особый реестръ, были раздѣлены на 6 равныхъ частей по численности полковъ. На правомъ берегу Днѣпра было 5 полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій и чигиринскій, на лѣвомъ берегу Днѣпра одинъ переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на сотни, а эти послѣднія на курени, или околицы. Каждая околица, занимая опредѣленную часть земли, должна была поставлять военный отрядъ подъ названіемъ роты. Рота—старинная форма въ украинномъ

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 759.

[2]) Тамъ-же, стр. 777.

[3]) Albertrandy, Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 387.

козачьемъ быту: еще въ 1503 году значится Щурова козачья рота въ Черкасахъ [1]).

Цѣль Баторіевой реформы была двоякая. Во первыхъ, съ точки зрѣнія польскаго правительства необходимо было установить прочный порядокъ въ общественныхъ отношеніяхъ на Украйнѣ. Порядокъ этотъ, естественно, предполагался такимъ, какой былъ и въ другихъ частяхъ Рѣчи Посполитой, т. е. прежде свободное украинное населеніе, состоявшее изъ мѣщанъ, бояръ и козаковъ, должно было стать въ зависимое, крѣпостное отношеніе къ шляхетству, которое становилось единственнымъ собственникомъ земли. Но осуществить цѣликомъ такую мѣру въ Украйнѣ было очень затруднительно вслѣдствіе энергическаго стремленія украиннаго населенія къ козачеству. Правительство польское, не разсчитывая закрѣпостить все украинное населеніе, пыталось сдѣлать это съ значительною его частью; признавъ свободнымъ часть украиннаго населенія, оно тѣмъ легче разсчитывало справиться съ остальными, считая возможнымъ всѣхъ не вошедшихъ въ 6-ти тысячный реестръ низвести на степень крѣпостныхъ.

Но была и другая цѣль Баторіевой реформы. Татары продолжали быть сосѣдями Польши и въ будущемъ предвидѣлись ихъ опустошительныя вторженія въ предѣлы государства. Мы видѣли, что польское правительство измышляло всякія мѣры, чтобы защитить страну отъ этихъ вторженій. Организуемое Баторіемъ козачество и предполагалось служить такою защитою.

Въ силу важности козачества для обѣихъ указанныхъ цѣлей, ему предоставляются значительныя права и вольности. Козацкіе полки, кромѣ земельной собственности, получили право выбирать своихъ военныхъ начальниковъ,—старшинъ, полковниковъ и другихъ; собраніе всего козацкаго войска выбирало одного общаго начальника, утверждаемаго только центральною властью, котораго козаки называли гетманомъ, а правительство признавало только старшимъ [2]). Этотъ старшій получилъ верховную власть надъ козаками. Мѣстомъ жительства старшаго и центромъ его управленія былъ городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ, или стар-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россія, ч. III, т. 1, № 1-й.

[2]) Пясецкій, Kronika. Краковъ. Изд. 1870 г., стр. 52.

шемъ были чины генеральные: эсаулъ (помощникъ гетмана), судья и писарь. Послѣ Баторій къ прежнимъ привиллегіямъ прибавилъ еще одну: онъ освободилъ козаковъ отъ апелляціи по судебнымъ дѣламъ въ высшіе польскіе трибуналы и разрѣшилъ имъ учредить въ Батуринѣ свой козацкій трибуналъ [1]). Въ Трехтемировѣ долженъ былъ находиться значительный гарнизонъ изъ козаковъ. Двѣ тысячи козаковъ должны были содержать караулы за порогами; остальные-же козаки жили въ своихъ домахъ, обязанные, по первому требованію, безъ проволочки и въ полномъ вооруженіи собираться въ назначенное мѣсто [2]).

Реформа Баторія, имѣвшая одною изъ главныхъ цѣлей установить въ Украйнѣ прочный порядокъ, не привела однако къ желанной для польскаго правительства цѣли. Уже въ 1585 году на варшавскомъ сеймѣ разсуждалось о внутреннихъ безпокойствахъ, происходящихъ отъ своевольныхъ козаковъ [3]). Не вошедшіе въ 6-ти тысячный реестръ украинные насельники, не желая подчиниться помѣщичьей власти, вступили теперь на путь открытаго непризнанія надъ собою власти Польши. Энергичнѣйшіе изъ нихъ, устремляясь за днѣпровскіе пороги, продолжали жить здѣсь вольно, по прежнему занимаясь промыслами и вторженіями въ турецкія и татарскія владѣнія, а когда Баторій около 1585 года отправилъ на низовья Днѣпра нѣкоего Глубоцкаго съ рѣшительнымъ запрещеніемъ находящимся здѣсь козакамъ нападать на турецкія и татарскія владѣнія, то казаки убили Глубоцкаго и бросили его въ Днѣпръ [4]).

Со времени Баторіевой реформы для тѣхъ изъ украинныхъ насельниковъ, которые избѣгали закрѣпощенія, пребываніе «въ пустыхъ мѣстахъ» за порогами сдѣлалось необходимымъ. Теперь имъ уже нельзя было, какъ прежде, возвращаться въ Украйну, потому что тутъ на нихъ естественно должны были смотрѣть, какъ на ослушниковъ правительственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ,

[1]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Изд. 1830 г., т. I, стр. 139—140.

[2]) Пясецкій. Kronika (изд. краковское 1870), стр. 52.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 798.

[4]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 4; Heidenstein, т. II, стр. 362.

Баторіева реформа, разбившая украинныхъ козаковъ на признанныхъ, реестровыхъ, и непризнанныхъ, не вошедшихъ въ реестръ, послужила рѣшительнымъ толкомъ для дальнѣйшаго развитія и развѣтвленія козачества.

Всѣ непризнанные, какъ протестанты противъ существующаго порядка, были поставлены внѣ государства, внѣ закона,—естественно, они должны были организоваться самостоятельно и удалившись туда, куда не достигала государственная власть, создать собственную, ни отъ кого независимую общину. Уходившіе прежде на низовья Днѣпра украинные насельники, соединяясь лишь временно въ извѣстныхъ случаяхъ въ отдѣльныя группы, не связывали себя на долго или на всегда единствомъ цѣли и плана дѣйствій, а также мѣста постояннаго жительства; для нихъ не былъ отрѣзанъ путь въ населенную Украйну, гдѣ нерѣдко оставались ихъ жилища и семьи, и гдѣ общественныя отношенія были урегулированы извѣстнымъ образомъ. Теперь не попавшіе въ реестры и уходившіе изъ закрѣпощаемой Украйны козаковать на Запорожье оставались тамъ на всегда, а потому должны были объединиться въ одну постоянную группу, устроить извѣстнымъ образомъ свой бытъ, установить свои нормы для общественныхъ отношеній, составить правильно организованное общество. Такимъ путемъ и при такихъ условіяхъ возникло военное запорожское товариство, не признавшая надъ собой власти Польши, вольная запорожская община.

Замѣчательно, что запорожскіе курени, отдѣльныя козачьи группы въ запорожской общинѣ, носили названіе различныхъ поселеній въ западно-русскомъ и южно-русскомъ краѣ. Это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, какъ сложилась запорожская община. Группы земляковъ черкасскихъ, каневскихъ, стеблевскихъ и другихъ, уходившихъ за пороги для промысловъ, а иногда и для вторженій въ турецкія и татарскія земли, вслѣдствіе новыхъ распорядковъ на Украйнѣ, соединялись, какъ отдѣльные курени, въ необходимую по новымъ условіямъ быта форму одного коша запорожскаго.

Появленіе постоянной козачьей общины за порогами—новая эпоха въ развитіи украиннаго козачества. Съ этого времени оно представляетъ два типа: козачество собственно украинное, городовое, реестровое и козачество низовое, запорожское, состоящее изъ

непризнанныхъ козаковъ. Послѣднее, возникшее въ видѣ постоянной общины, отдѣльной со времени Баторіевой реформы, пополняется выходцами не только изъ Украйны, но и изъ другихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ земель, гдѣ русское населеніе не уживалось съ распорядками польскаго государства. Протестъ противъ этихъ распорядковъ, обнаруживавшійся то въ формѣ движенія населенія изъ русскихъ областей польскаго государства на Запорожье, то въ формѣ бунтовъ противъ помѣщиковъ, разразился потомъ цѣлымъ рядомъ козачьихъ возстаній, начавшихся съ возстанія Косинскаго въ 1592 г. Уже въ этомъ первомъ козачьемъ возстаніи козачество въ южныхъ предѣлахъ польскаго государства является дѣломъ общенароднымъ и такимъ оно выступаетъ во все послѣдующее время козацкихъ возстаній.

Хотя реформа Баторія окрестила именемъ запорожскаго все вообще козачество, но отдѣльной запорожской общины до нея не было; реформа Баторія признаетъ лишь 6 тысячъ козаковъ, полки ихъ распредѣлены по территоріи Украйны и 2000 изъ нихъ предназначались содержать сторожу отъ татаръ. Не было запорожской общины и вскорѣ послѣ реформы Баторія: самъ гетманъ козачій Михаилъ Ружинскій, трактовавшій въ 1585 году съ однимъ венеціанцемъ, пріѣзжавшимъ отъ своего правительства въ Польшу по дѣламъ католической церкви, о войнѣ съ турками, перечисляя всѣхъ, кого онъ разсчитывалъ поднять противъ турокъ: донцевъ, волоховъ, болгаръ и сербовъ, ни слова не говорилъ о запорожцахъ, а объ нихъ онъ упомянулъ бы непремѣнно, если бы къ этому времени существовала организованная, обособившаяся отъ остальнаго козачества, запорожская община.

Баторіева реформа, послужившая ближайшимъ стимуломъ къ образованію запорожской общины, послѣдствіями своими опредѣлила и тотъ типъ, по которому должна была сложиться запорожская община. Въ источникахъ, относящихся къ начальной порѣ украиннаго козачества, замѣчается, что на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, козаковали люди изъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Извѣстенъ фактъ козакованья Подковы между низовцами. Пясецкій въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что козаки низовые были люди изъ разныхъ націй [1]). Баторій въ переговорахъ съ крымскимъ ханомъ

[1]) Albertrandy, Panow. H. W. Steph. Bat., стр. 342.

упоминалъ также, что въ числѣ козаковавшихъ за порогами были татары [1]). Особенно обстоятельныя свѣдѣнія относительно племеннаго состава козаковавшихъ за порогами даетъ Гейденштейнъ. Онъ говоритъ, что «такъ какъ къ низовьямъ Днѣпра прилегали владѣнія разныхъ народовъ: татаръ, турокъ, волоховъ и «земли русско-польскія», то здѣсь вслѣдствіе столкновенія стольких враждебныхъ другъ другу народовъ издавна не могло быть спокойно. Неизмѣримая степь по нижнему теченію Днѣпра лежала незанятою вслѣдствіе непрерывныхъ грабительствъ и тревоги. Слетались сюда для добычи непріятельской всѣ, которымъ плохо жилось въ отечествѣ или вслѣдствіе бѣдности, или вслѣдствіе несогласій; бѣжали туда и преслѣдуемые закономъ. Прежде, скучая безъ войны, и шляхетная молодежь проникала сюда, ища случая испробовать свое мужество. Собравшіеся на низу жили главнымъ образомъ рыбною ловлею и грабежемъ. Нападали на того, съ кого надѣялись побольше взять. А такъ какъ значительное большинство ихъ были христіане, то они наибольше живились съ татаръ и турецкихъ купцовъ [2]); Польшѣ же неоднократно были сподручны. Вслѣдствіе того, что они занимали низовья Днѣпра, ихъ называли низовцами. Назывались они также и козаками, потому что такъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ и пѣшихъ, и конныхъ, которые собираются на границѣ для грабежа и вторженій въ сосѣднія земли» [3]).

Но разноплеменность живших на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, преобладала лишь до люблинской уніи; съ этого же времени русскій элементъ здѣсь значительно усилился притокомъ южнорусскаго населенія, преимущественно простаго народа,—какъ говоритъ Бѣльскій, «посполитыхъ людей изъ Черкасъ, Канева, Кіева и др. мѣстъ». Баторіева реформа еще болѣе усилила этотъ притокъ на Запорожье и какъ теперь дѣло шло не только о томъ, чтобы временно пользоваться здѣсь промыслами и военною добычей, но и о томъ, чтобы установить опредѣленныя устойчивыя нормы для жизни, то теперь всѣ козаковавшіе за порогами должны были подчиниться извѣстному порядку, при чемъ не русскіе элементы, со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 222.

[2]) Heidenstein, т. II, стр. 361.

[3]) Тамъ-же, т. I, стр. 285.

ставлявшіе незначительное меньшинство, не могли оказать существеннаго вліянія на возникавшій въ Запорожьи общественный строй. Запорожская община должна была сложиться по типу, какой вытекалъ изъ убѣжденій, стремленій и привычекъ русскаго поселенія на Запорожьи. Украинскіе выходцы составляли здѣсь значительное большинство и, естественно, въ устанавливающемся строѣ примѣняли свои взгляды, руководились своими народными идеалами.

Такимъ образомъ, запорожское козачество возникло подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ самихъ факторовъ, которые создавали и украинное козачество и хотя вторичность формаціи, сопровождавшаяся нѣкоторыми частными условіями, о которыхъ мы говорили выше, сообщила запорожской общинѣ особый характеръ, но въ общемъ запорожское козачество было продуктомъ тѣхъ-же самыхъ первичныхъ причинъ, что и козачество украинное.

Принесенный люблинской уніею въ южно-русскія области новый общественный строй, возвышеніе однихъ классовъ населенія надъ другими, приниженіе и порабощеніе свободнаго населенія степной полосы, заставили это послѣднее искать выхода въ бѣгствѣ; пустыя мѣста за порогами дали пріютъ этимъ бѣглецамъ, а близость татаръ сдѣлала возможнымъ ихъ независимое существованіе здѣсь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ брать земельные участки, вслѣдствіе опасности отъ татаръ, лицамъ шляхетнаго сословія не было разсчета.—Условія мѣста распространенія и сосѣдства татаръ еще частнѣе опредѣлили бытъ запорожскаго козачества. Покидавшихъ населенныя мѣста, главнымъ образомъ, въ степной полосѣ и являющихся въ степи за Синюхой и Орелью въ качествѣ колонизаторовъ приходило сравнительно съ обширностью края не много, а татары были непосредственными сосѣдями. Въ силу приспособленія къ условіямъ мѣста, за порогами должно было найти примѣненіе своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами-полукочевниками мы и видимъ запорожскихъ козаковъ въ первое время существованія запорожской общины. Но самымъ первичнымъ факторомъ въ образованіи запорожскаго козачества было сосѣдство татаръ. Запорожское козачество является преимущественнымъ результатомъ столкновенія двухъ различныхъ племенъ, двухъ несходныхъ культуръ: съ одной стороны племени и культуры славянъ и въ частности южно-руссовъ, съ другой пле-

мени и культуры тюркской и въ частности кочевыхъ татарскихъ ордъ. Эти племена, пройдя каждое вдали другъ отъ друга свою историческую судьбу и очутившись теперь сосѣдями, но будучи различны по расѣ, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное другъ къ другу отношеніе. Крымскія орды систематически годъ за годомъ производятъ набѣги на южно-русскія земли. Грабежи и опустошенія въ этихъ земляхъ, естественно, вызываютъ раздраженіе, побуждавшее отплачивать своимъ утѣснителямъ тѣмъ-же. Встрѣтились двѣ враждебныя другъ другу силы: народъ славянскаго корня, осѣдлый и прошедшій уже нѣсколько ступеней культуры, и народъ тюрскаго корня, полукочевой, находящійся на ступени примитивной культуры. Каждая изъ силъ, сильная на свой ладъ, въ борьбѣ другъ съ другомъ пускала въ ходъ тѣ средства, какія были въ ея распоряженіи. Татары ордами набѣгаютъ на южную Русь,—осѣдлая Русь выдвигаетъ для борьбы воиновъ-козаковъ; набѣги татаръ продолжаются и отпоръ, приспособленный къ культурѣ, быту и внутреннимъ распорядкамъ, существующимъ въ данное время въ государствѣ, усложняется: въ южно-русской козачинѣ, въ процессѣ дальнѣйшаго ея развитія, выдѣляется и складывается въ особый типъ козачество запорожское.

Сосѣдство татаръ и необходимость вести съ ними постоянную борьбу и отражать ихъ нападенія окончательно формировали бытъ и строй запорожскаго козачества. Въ основѣ ихъ конечно должны были лечь тѣ идеалы и привычки, съ какими приходили украинные насельники на низовья Днѣпра,—отсюда у запорожцевъ свобода и равноправность въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Но не всѣ сложившіеся идеалы могли найти здѣсь примѣненіе, не всѣ склонности и привычки ихъ получать удовлетвореніе при новыхъ условіяхъ мѣста, при непосредственномъ сосѣдствѣ татаръ. Идеалъ семейной жизни, самый дорогой и завѣтный для украинца, безъусловно не могъ быть удержанъ запорожцами и они долго и всегда почти представляли собою общество или совсѣмъ безбрачныхъ или оставившихъ женъ и дѣтей удальцовъ. Другая, вытекающая изъ предшествующаго осѣдлаго быта, склонность къ земледѣлію, также и по той-же самой причинѣ не находила себѣ мѣста. Запорожскій козакъ, какъ и татаринъ, долженъ былъ жить добычей и промысломъ, охотой и войной, а эти занятія опредѣляли весь складъ и всю обстановку ихъ жизни.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе) [1].

VI.

Внизъ по Днѣстру.—Плотъ и его устройство.—Извилины рѣки.—Характеръ береговъ.—Побережныя села.—Студеница.—Пристань; положеніе и наружность мѣстечка.—Рынокъ; народное гулянье, ярмарокъ.—Историческія свѣдѣнія о Студеницѣ. Занятія жителей.—Пещеры и древности.

Кто хочетъ увидѣть самую живописную часть русскаго поднѣстровья, тому слѣдуетъ спуститься внизъ по рѣкѣ отъ Жванца до мѣстечка Студеницы. За отсутствіемъ пароходства, или какого бы то ни было правильнаго судоходства, остается одно средство сообщенія—»идти на сплавъ«, по мѣстному выраженію, т. е. спускаться на плотахъ или галярахъ, на которыхъ сплавляется лѣсъ и другіе товары. При посредствѣ хозяина заѣзда намъ скоро удалось найти купца еврея, согласившагося за нѣсколько рублей доставить насъ въ Студеницу на плоту, который онъ отправлялъ въ Могилевъ.

Въ условленный часъ мы явились на пристань съ пожитками, прихвативши достаточное количество соломы для ночлега. Плотъ еще не былъ готовъ къ отъѣзду; впрочемъ мы не были этимъ удивлены, привыкши уже къ обычной подольской медлительности: здѣсь каждый откладываетъ до послѣдней возможности всякое дѣло, но ужe разъ принявшись за работу, дѣлаетъ ее хорошо, хотя и не торопясь. Даже евреи повидимому утратили здѣсь свою обычную

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., іюльск. кн., стр. 359—391.

торопливость, составляющую одну изъ характерныхъ особенностей ихъ племени; такъ напримѣръ иногда приходится ждать по часу и больше, пока хозяинъ или мишуресъ явится за разсчетомъ. Здѣсь уже каждый привыкъ къ тому, что если срокъ назначенъ положимъ въ 12 часовъ, то часа въ три или четыре какъ разъ будетъ пора.

Пока пришелъ хозяинъ, пока оканчивали нагрузку плота, можно было разсмотрѣть его устройство до малѣйшихъ подробностей. Нашъ плотъ былъ меньше всѣхъ другихъ, стоявшихъ на пристани, но совершенно одинаковой конструкціи. Онъ состоялъ изъ тонкихъ сосновыхъ стволовъ, связанныхъ лыкомъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ; посерединѣ положены въ нѣсколько рядовъ тонкія доски, предназначенныя для помѣщенія пассажировъ. На двухъ противуположныхъ сторонахъ плота находится *стерно*-длинное весло, укрѣпленное на столбикѣ такъ, что можетъ поворачиваться вправо и влѣво, какъ на днѣпровскихъ баркахъ; такое приспособленіе значительно облегчаетъ трудъ для тѣхъ, кто правитъ плотомъ, избавляя отъ необходимости поворачивать его при постоянныхъ извилинахъ рѣки. Не смотря на такое первобытное устройство, плоты изъ легкаго сосноваго или буковаго дерева не слишкомъ глубоко сидятъ въ водѣ, даже съ полнымъ грузомъ, и сплавляются съ неимовѣрною скоростью сравнительно съ нашими днѣпровскими плотами.

Наконецъ явился хозяинъ судна съ другимъ евреемъ приказщикомъ, который занялъ должность капитана, и молодымъ парубкомъ—подоляниномъ, замѣнявшимъ собою весь экипажъ. Мы расплатились съ хозяиномъ, кормчій поднялъ якорь, т. е. отвязалъ плотъ отъ столбика, вбитаго въ землю, и плотъ, тихо покачиваясь, вышелъ изъ пристани по направленію къ Хотину. Онъ очень быстро двигался по теченію и вскорѣ прошелъ у подножія хотинской крѣпости; солнце приближалось къ закату и мы нѣсколько залюбовались прекраснымъ бессарабскимъ берегомъ.

Позади, на фонѣ ярко-голубаго неба, обрисовывалась грандіозная крѣпость, вся залитая солнечными лучами; за нею виднѣлся весь старый городъ съ предмѣстьями, раскинувшимися на двухъ горахъ; русскаго города не видно съ Днѣстра. Высокій правый берегъ представляетъ рядъ обнаженныхъ скалъ, выдѣляющихся среди темной зелени кустарниковъ и болѣе свѣтлой зелени травы, покры-

вающихъ крутой склонъ рѣчной долины. Подольскій берегъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ очень пологій спускъ къ рѣкѣ, но уже начиная отъ Хотина, оба берега замѣтно повышаются и становятся обрывистѣе.

Въ силу особыхъ геологическихъ причинъ, Днѣстръ въ своемъ теченіи прорвалъ громадныя каменныя массы и вырылъ для своего русла узкія, но очень глубокія долины съ крутыми, иногда совсѣмъ отвѣсными берегами. Только изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка случайно встрѣтила на пути мягкую почву, берега весьма пологи и горы дальше отходятъ отъ берега. Вслѣдствіе этихъ причинъ теченіе Днѣстра чрезвычайно извилисто; не говоря уже о томъ, что оба берега представляютъ сплошной рядъ мысовъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе глубокими заливами, рѣка часто дѣлаетъ такіе крутые повороты, что приходится плыть водою верстъ 30 и больше, тогда какъ скалистый перешеекъ, раздѣляющій двѣ луки, имѣетъ не больше трехъ-четырехъ верстъ въ поперечникѣ. Такъ напримѣръ отъ Жванца до Студеницы сухимъ путемъ отъ 40 до 50 верстъ; между тѣмъ Днѣстръ дѣлаетъ пять такихъ извилинъ, которыя увеличиваютъ это разстояніе почти втрое.—Чтобы не повторяться и избѣжать скучныхъ, растянутыхъ описаній природы, зачастую сходной въ различныхъ мѣстностяхъ поднѣстровья, постараюсь по возможности короче очертить характеръ береговъ.

Чѣмъ дальше внизъ отъ Жванца, тѣмъ долина Днѣстра становится глубже, такъ что во многихъ мѣстахъ берега достигаютъ болѣе 120 и 150 саженъ въ вышину; это продолжается до Могилева; отсюда они нѣсколько понижаются; начиная отъ Ямполя, горы все дальше удаляются отъ рѣки и берега мало по малу принимаютъ степной характеръ.—Иногда одинъ изъ береговъ образуетъ пологій склонъ къ рѣкѣ; здѣсь большею частью среди зелени садовъ и огородовъ живописно выглядываетъ небольшая сельская церковь, окруженная группою привѣтливыхъ, бѣлыхъ хатъ; обыкновенно село расположено у впаденія въ Днѣстръ какой нибудь рѣчки или просто крупнаго ручья. Но такія мѣста встрѣчаются сравнительно рѣдко: берега по большей части скалисты и представляютъ обнаженіе различныхъ каменныхъ породъ: то разныхъ видовъ третичнаго известняка, то разноцвѣтныхъ породъ глинистыхъ известковыхъ сланцевъ, переходящихъ отъ бѣлаго и желтоватаго цвѣта до

темно-зеленаго или фіолетоваго. Вдоль берега тянется низменная полоса, по которой идетъ проѣзжая дорога; за нею возвышается огромная каменная стѣна, иногда совсѣмъ отвѣсная, представляющая въ верхней своей части ряды отвѣсныхъ скалъ съ поперечными бороздами, которыя придаютъ имъ видъ колоннъ съ карнизами; по временамъ на вершинахъ горъ виднѣются скалы, чрезвычайно напоминающія своими очертаніями развалины огромныхъ крѣпостей или замковъ съ башнями, бойницами и т. д. Иногда совершенно отвѣсная стѣна, увѣнчанная такими замками и колоннами, подходитъ прямо къ рѣкѣ и тогда дорога, идущая вдоль берега, обрывается, затѣмъ рѣка дѣлаетъ поворотъ и такія-же точно скалы появляются на противоположномъ берегу. Очень часто горы прорѣзываются глубокими оврагами, увѣнчанными такими-же нависшими каменными карнизами; подъ ними внизу оврага нагромождены пологія осыпи мелкаго камня изъ вывѣтривающихся скалъ, а на днѣ протекаетъ чистый, кристальный источникъ. Иногда группы скалъ представляютъ подобіе гротовъ, воротъ или входа въ пещеру, жертвенника и т. п.; разумѣется по мѣрѣ приближенія къ нимъ прежнее очарованіе исчезаетъ и остается только чувство подавленности передъ этими громадами.

Наконецъ картина постоянно разнообразится огромнымъ количествомъ источниковъ, которыми такъ богаты горы Подолья; иные вырыли себѣ очень глубокую долину среди каменной почвы и впадаютъ въ Днѣстръ, образуя при устьи небольшіе заливы; другіе прорываются изъ отвѣсной скалы и прямо спадаютъ въ рѣку. Часто случается видѣть по два и по три такихъ водопада, одинъ надъ другимъ, въ различныхъ пластахъ горы отъ основанія до вершины.— Вообще берега Днѣстра въ высокой степени живописны, но она ждутъ еще своего художника или по крайней мѣрѣ фотографа, который-бы перевесъ ихъ красоты на бумагу. Съ теченіемъ времени горы подольскія мало по малу измѣняютъ свой видъ, какъ вслѣдствіе чрезвычайно быстраго вывѣтриванія мѣстныхъ каменныхъ породъ, такъ и вслѣдствіе еще болѣе быстраго повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ, составляющаго одну изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ ошибокъ нашего времени и нашего края. Побережье Днѣстра весьма замѣтно страдаетъ отсутствіемъ лѣса, отчего много теряетъ и въ эстетическомъ отношеніи, такъ какъ обнаженныя

скалы, едва перемѣшанныя тощею растительностью, представляютъ хотя живописный и разнообразный, но мало оживленный пейзажъ.

По словамъ мѣстныхъ жителей лѣса существовали по всюду, еще очень недавно и подверглись истребленію только въ послѣднее время, при чемъ нужно замѣтить, что больше пострадалъ подольскій берегъ,—на бессарабскомъ уцѣлѣли еще мѣстами довольно значительные лѣса, но ихъ вскорѣ ожидаетъ таже участь.

Выше я говорилъ уже объ устройствѣ плота, остается сказать нѣсколько словъ о способѣ его хода. Благодаря чрезвычайно быстрому теченію Днѣстра, вполнѣ сохраняющаго въ Подольи характеръ горной рѣки, плоты сплавляются очень скоро, такъ что въ тихую погоду или при попутномъ вѣтрѣ отъ Жванца до Студеницы, т. е. около 150 верстъ, можно проѣхать въ одни сутки. Такъ мы и разсчитывали, выѣзжая изъ Жванца въ прекрасную погоду; но случилось иначе. При постоянныхъ извилинахъ рѣки, вѣтеръ на каждомъ поворотѣ мѣняетъ направленіе и прибиваетъ плотъ то къ одному, то къ другому берегу; требуется много вниманія и усилій со стороны двухъ кормчихъ, чтобы удержать его на серединѣ рѣки. Ни хозяинъ, ни капитанъ нашего судна повидимому не отличались предусмотрительностью—качествомъ, столь необходимымъ при судоходствѣ. Здѣсь все дѣлается по пословицѣ: «якось-то воно буде»,поэтому не были осмотрѣны снасти и исправлены бывшія на плоту неисправности раньше его выхода изъ жванецкаго порта. За то на каждомъ изгибѣ рѣки, когда теченіе становилось сильнѣе и требовалось нѣкоторое усиліе при поворотѣ, то одно, то другое *стерно*, замѣнявшее руль, ломалось въ мѣстѣ своего прикрѣпленія. Нужно было останавливать плотъ или кое-какъ управляться однимъ весломъ, пока другое наскоро прибивалось деревяннымъ гвоздемъ; конечно, такой способъ подчинки очень не проченъ и при новомъ поворотѣ повторяется таже исторія. Разумѣется, все это отымаетъ много времени и сильно замедляетъ ходъ плота.

Довольно часто на пути встрѣчаются села, расположенныя большею частью при устьи какой нибудь рѣчки или ручья, то на зеленѣющемъ склонѣ горы, окруженныя густыми садами, огородами и нивами, то въ глухомъ ущельи, лишенномъ всякой растительности, отчего село, не смотря на свои чистенькія, бѣлыя хаты, имѣетъ грустный, угрюмый видъ. Въ большинствѣ случаевъ въ виду

каждаго подольскаго села на противоположномъ берегу расположено молдованское съ другимъ названіемъ; въ каждомъ своя церковь, у берега стоятъ двѣ-три душегубки, а иногда даже паромъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что подольскій берегъ повидимому гуще населенъ, по крайней мѣрѣ на своемъ пути мы насчитали на немъ 16 селеній на одинадцать бессарабскихъ; сверхъ того подольскія села отличаются болѣе опрятной и привлекательной наружностью, чѣмъ молдованскіе. Не знаю, чѣмъ это объяснить: большею-ли степенью зажиточности или племеннымъ характеромъ жителей, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Къ вечеру вѣтеръ началъ усиливаться и перемѣнилъ направленіе,—изъ попутнаго сдѣлался боковымъ, поднялись большія волны съ бѣлыми гребнями и плотъ стало заливать водою; оставалась сухою только небольшая площадка изъ досокъ посреди плота, предназначенная для помѣщенія пассажировъ съ ихъ багажемъ. Пришлось сидѣть почти неподвижно, такъ какъ ходить на площадкѣ было тѣсно, да и страшно, чтобы не залило единственнаго сухого пространства, оставшагося для ночлега. Съ заходомъ солнца вся рѣка, на сколько можно глазомъ окинуть, покрылась густымъ облакомъ бѣлыхъ эфемеридъ, представлявшихъ весьма оживленное зрѣлище. Чрезвычайно интересно было наблюдать, какъ эти полупрозрачныя, граціозныя насѣкомыя, легкія и блестящія, какъ снѣжинки, кружились въ воздухѣ, гонялись другъ за другомъ и чрезъ какія нибудь четверть часа падали мертвыми, а на ихъ мѣсто, неизвѣстно откуда, появлялись новыя и продолжали ту-же пляску, прекратившуюся только ночью. Пока совсѣмъ стемнѣло, плотъ нашъ покрылся сплошнымъ слоемъ мертвыхъ тѣлъ, а какое огромное количество ихъ потонуло въ рѣкѣ. По словамъ нашего кормчаго, мертвыя эфемериды составляютъ прекрасный кормъ для днѣстровской рыбы, которая отъ него быстро жирѣетъ. Къ сожалѣнію поднявшіяся волны помѣшали намъ увидѣть это интересное зрѣлище, такъ какъ съ наступленіемъ сумерекъ рыба цѣлыми стаями выплываетъ на поверхность воды и, подпрыгивая на воздухъ, на лету ловитъ падающіе трупы.

Наконецъ наступила ночь, вѣтеръ не утихалъ, но капитанъ нашъ рѣшился продолжать путь, не останавливаясь. Становилось холодно, никакихъ видовъ, кромѣ темной ночи, не было и пассажирамъ оставалось только расположиться на ночлегъ. Между тѣмъ

кормчій началъ пѣть прекрасныя украинскія пѣсни, одна другой лучше, которыхъ грустные, хотя и чрезвычайно гармоничные мотивы нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, какіе мы привыкли слышать на Украйнѣ. Не могу сказать, чтобы мотивы подольскихъ пѣсенъ были лучше остальныхъ украинскихъ напѣвовъ, но въ нихъ есть что-то своеобразное и оригинальное, какой-то особенный оттѣнокъ, составляющій одну изъ этнографическихъ особенностей потомковъ древнихъ Тиверцевъ и Уличей. По своему содержанію пѣсни почти не отличаются отъ тѣхъ, какія сохранились еще у насъ вдали отъ городовъ, въ глухихъ селахъ, куда не проникла еще солдатско-мѣщанская цивилизація. Особенно обратилъ наше вниманіе прекрасный варіантъ извѣстной пѣсни про Петруся, который сохранился безъ всякихъ искаженій въ текстѣ и кончается иначе, нежели всѣ извѣстные въ печати варіанты.

Наконецъ парубокъ усталъ пѣть. »Теперъ роскажи мени яку небудь байку, або казку, попросилъ еврей; я дуже люблю ваши казки«, и кормчій началъ разсказывать малорусскія сказки и басни, очень занимательныя и оригинальныя, исполненные того юмора и тонкой наблюдательности, какими по преимуществу отличается малорусское племя среди другихъ родственныхъ племенъ. Разсказъ затянулся далеко за полночь; наконецъ, не задолго передъ разсвѣтомъ плотъ остановили у берега подъ вѣтромъ и экипажъ расположился на отдыхъ.

На утро оказалось, что идти дальше нѣтъ возможности по причинѣ сильнаго вѣтра снизу; раза два капитанъ пробовалъ отчалить, но плотъ отказывался повиноваться рулю и шелъ противъ теченія, или кружился на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы плыть внизъ. Среди безплодныхъ усилій снова были сломаны оба *стерна* и пришлось остановиться на неопредѣленный срокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли ночью; это было въ глубинѣ небольшаго залива при впаденіи рѣчки Мукши, противъ незначительнаго села Мукаровки, расположеннаго на бессарабскомъ берегу. Въ полу-верстѣ ниже насъ остановился другой плотъ съ нѣсколькими, ѣхавшими на немъ евреями, а нѣсколько выше противъ Мукаровки двѣ галяры, нагруженныя бочками со спиртомъ, употребляли большія усилія, чтобы удержаться на срединѣ рѣки.

Въ этомъ мѣстѣ, при устьи р. Мукши, съ правой ея стороны, упирается въ Днѣстръ высокій горный кряжъ, самый значительный въ юго-западномъ углу Подолья, извѣстный въ польской литературѣ подъ именемъ Медоборскихъ горъ; отсюда онъ направляется къ сѣверо-западу и у города Сатанова, надъ р. Збручемъ, входитъ въ предѣлы русинской Галиціи. Высокія горы, увѣнчанныя въ верхней своей части грандіозными, закругленными скалами, напоминающими огромныя колонны съ выступающими впередъ карнизами, очень близко подходятъ къ рѣкѣ и спускаются почти отвѣсно къ узкой береговой полосѣ. Во многихъ мѣстахъ гора изрѣзана болѣе или менѣе глубокими оврагами, на днѣ которыхъ протекаетъ чистый источникъ, или-же возвышаются огромныя скалы, еще не успѣвшія скатиться внизъ; по этимъ оврагамъ только и можно взобраться до половины горы, цѣпляясь за камни и тощіе кустарники; выше тянется сплошная, отвѣсная стѣна.

«Одна бида иде и другу за собою веде», говоритъ пословица, такъ случилось и съ нами на этотъ разъ: началось съ того, что снасти были изломаны, вѣтеръ мѣшалъ плыть и предстояла невольная и, что самое непріятное, неопредѣленная остановка. Затѣмъ оказалось, что нашихъ дорожныхъ припасовъ, разсчитанныхъ на однѣ сутки, не хватитъ до Студеницы; нужно было позаботиться о будущемъ и мы отправились за покупками въ ближайшее село Тарасовку, расположенное въ глухомъ ущельи на правомъ берегу р. Мукши, верстахъ въ пяти отъ ея устья. Понадѣявшись на свои компасы, мы не захватили съ собою карты, скоро сбились съ пути и послѣ трехчасоваго странствованія попали въ какое-то другое село, очень бѣдной и непривѣтливой наружности. По счастью въ немъ нашелся шинокъ, куда мы тотчасъ-же направили свои усталыя стопы; здѣсь разыгралась любопытная сцена, какія намъ не разъ приходилось видѣть въ наиболѣе глухихъ подольскихъ селахъ. Если есть въ селѣ шинокъ, его всегда содержитъ еврей, но иногда, въ силу особыхъ условій онъ не хочетъ показаться хозяиномъ заведенія передъ проѣзжими посѣтителями. Вы входите въ шинокъ и требуете водки; еврейка, занимающаяся тутъ-же какой нибудь домашней работой, отвѣчаетъ, что она здѣсь не хозяйка, а квартирантка, и посылаетъ мальчика позвать хозяина; вскорѣ является крестьянинъ, наливаетъ водку, получаетъ деньги и тутъ-же вру-

часть еврейкѣ, которая даетъ сдачу въ случаѣ надобности. Если нужны какіе нибудь припасы, еврейка охотно удовлетворитъ всѣ ваши требованія въ предѣлахъ возможнаго и даже за довольно умѣренную цѣну. Пока вы остаетесь въ шинкѣ, хозяева и всѣ присутствующіе заводятъ разговоръ и весьма деликатно косвенными вопросами стараются узнать цѣль вашего прибытія въ село. Если въ отвѣтахъ и въ поведеніи посѣтителя не усматривается ничего подозрительнаго, что заставило-бы предполагать переодѣтаго чиновника или ревизора, къ нему скоро привыкаютъ и послѣ двухъ-трехъ визитовъ хозяйка уже, не стѣсняясь, вступаетъ во всѣ свои права и обязанности.

Нѣчто подобное случилось и съ нами на этотъ разъ. Небольшое, пустынное село, затерянное въ глухомъ ущельи между скалъ, очевидно не привыкло къ посѣщеніямъ сюртучныхъ людей; въ корчмѣ встрѣтили насъ очень недовѣрчиво и только послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ удалось купить небольшое количество самыхъ скромныхъ припасовъ. Правду сказавши, не стоило за ними ходить въ такую даль и въ такую жару и вѣтеръ по ужасной горной тропинкѣ вдоль ущелья, но à la guerre comme à la guerre.

Передъ заходомъ солнца вѣтеръ нѣсколько утихъ и перемѣнилъ направленіе, плотъ кое-какъ исправили и можно было пуститься въ путь. Вечеромъ повторилось тоже, что и накапунѣ: тѣже эфемериды цѣлыми миріадами кружились въ воздухѣ и падали мертвыми. тѣже самыя пѣсни пѣлъ кормчій, но сказокъ уже не разсказывалъ. Наступилъ шабасъ,—дѣло было въ пятницу,—нашъ капитанъ, помолясь Богу, передалъ свою должность кормчему, поручая ему зорко слѣдить за теченіемъ и держаться средины рѣки, а самъ вскорѣ уснулъ и мы не замедлили послѣдовать его примѣру. Одинъ только бѣдный парубокъ долженъ былъ бодрствовать и работать за двоихъ; къ счастью ночь наступила очень тихая, такъ что ему не слишкомъ тяжело было управляться самому, плотъ быстро несло по теченію и на разсвѣтѣ, миновавъ небольшой островъ, кажется, изъ наносной земли, поросшій лозою и кустарникомъ,—первый островъ, какой намъ встрѣтился на Днѣстрѣ, мы пристали къ Студеницѣ.

Пристань, въ которой стояло нѣсколько лодокъ, плотовъ и галяръ, находилась въ разстояніи около двухъ верстъ ниже мѣстечка, противъ молдаванскаго села Отакъ (испорченное Атаки). Здѣсь мы

и остановились. Плотъ долженъ былъ сплавляться дальше и въ назначенный срокъ прибыть въ Калюсъ или въ Могилевъ, но прикащикъ, предчувствуя вознагражденіе, согласился обождать, пока намъ удастся найти подводу, чтобы перевезти нашъ багажъ въ мѣстечко. Маринчукъ оставилъ меня спящаго на плоту, а самъ пошелъ въ мѣстечко отыскивать подводу и квартиру, гдѣ-бы можно было остановиться, такъ какъ мы разсчитывали пробыть въ Студеницѣ нѣсколько дней. На бѣду въ этотъ день случился двойной праздникъ: Преображеніе и суббота; православные жители спѣшили въ церковь, еврейское населеніе собиралось въ синагогу,—никакого толку добиться нельзя: «хочъ сидай та плачъ». Послѣ долгихъ поисковъ удалось наконецъ найти еврея, который согласился указать квартиру въ домѣ одного изъ своихъ знакомыхъ; оставалось отыскать подводу, но это оказалось еще труднѣе, такъ какъ по еврейскому закону всѣ домашнія животныя должны отдыхать въ субботу, а крестьянскія лошади еще съ вечера угнаны были въ поле, сами крестьяне спѣшили въ церковь и это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ свойственной подолянамъ благодушной медлительностью, почти совсѣмъ лишало возможности вести переговоры о подводѣ. Наконецъ удалось кое какъ преодолѣть и это послѣднее препятствіе и условиться съ однимъ изъ крестьянъ, который обѣщалъ въ непродолжительномъ времени выслать на пристань подводу, какъ только лошади воротятся съ поля.

Успокоенный обѣщаніемъ, Маринчукъ далъ задатокъ, воротился на пристань и разбудилъ меня; послѣ чаю, распрощавшись съ плотовиками, мы остались съ багажемъ на берегу, а плотъ снялся съ якоря или вѣрнѣе съ небольшаго колка, вбитаго въ землю, и, тихо покачиваясь, вышелъ изъ гавани и скоро скрылся изъ вида.

Наученные горькимъ опытомъ въ продолженіи нашего пребыванія въ Подольи, мы уже привыкли къ тому, что значитъ ожиданіе въ этой благословенной странѣ, и ждали терпѣливо, расположившись на пристани среди чемодановъ и представляя зрѣлище для прохожихъ. Мимо насъ безпрестанно шли люди: то группы крестьянъ подольскихъ и бессарабскихъ, одѣтыхъ въ свои лучшіе костюмы, поспѣшали съ узелками въ рукахъ на храмовой праздникъ въ Студеницу; то евреи въ своихъ бѣлыхъ мантіяхъ переправлялись на лодкахъ изъ Отакъ и тоже спѣшили въ синагогу.

Каждый смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и въ полголоса дѣлалъ свои замѣчанія. Уже пастушки, верхомъ на лошадяхъ, пригнали весь скотъ въ мѣстечко, уже евреи стали возвращаться изъ синагоги, а подводы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ около полудня Маринчукъ соскучился ожиданіемъ и пошелъ узнать о причинѣ такого замедленія. Дѣло объяснилось просто: хозяинъ ушелъ въ церковь, работнику невѣрно передали распоряженіе на нашъ счетъ и онъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ долженъ ѣхать. Въ скоромъ времени появился мой другъ на огромномъ возу, на какихъ здѣсь возятъ снопы, запряженномъ парой очень малыхъ, но крѣпкихъ лошадокъ; мы живо сложили свои вещи, сами усѣлись сверху и минутъ черезъ двадцать торжественно въѣзжали въ Студеницу.

Мѣстечко расположено въ глубокой долинѣ, имѣющей видъ продолговатаго четырехъ-угольника, окаймленнаго съ юга р. Днѣстромъ и замкнутаго со всѣхъ остальныхъ сторонъ тремя высокими горами. Съ востока возвышается крутая, совершенно лишенная растительности *Бѣлая гора*, самая высокая и обрывистая изъ трехъ горъ. На сѣверъ отъ мѣстечка зеленѣетъ болѣе пологая гора *Монастырисько* или *Ганусисько*, отдѣленная отъ *Бѣлой* глубокимъ оврагомъ. На западѣ тянется гора *Горошковатая*, отрѣзанная отъ *Монастыриська* глубокой долиной, на днѣ которой протекаетъ горная рѣчка Студеница, впадающая въ Днѣстръ въ самомъ мѣстечкѣ.

Внѣшнимъ своимъ видомъ м. Студеница ничѣмъ не отличается отъ другихъ подольскихъ мѣстечекъ. Въѣзжая улица проходитъ сперва чрезъ предмѣстье, состоящее изъ большихъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ густыми, тѣнистыми садами. Предмѣстье отдѣляется отъ самаго мѣстечка рѣчкой Студеницей, настоящей горной рѣчкой, которая въ сухую погоду скорѣе похожа на широкій и быстрый, но не глубокій ручей; только въ случаѣ дождя наполняется водою и тогда течетъ съ невѣроятною быстротою, но чрезъ день-два вода спадаетъ и рѣчка становится опять, какъ говорится, курамъ по колѣни. Черезъ рѣчку перекинутъ деревянный мостикъ, за которымъ начинается самое мѣстечко.

На лѣво по главной улицѣ—домъ священника и рядомъ съ нимъ училище, на право приходская церковь, откуда выходили группами крестьяне въ живописныхъ праздничныхъ нарядахъ и расходились въ разныя стороны съ узелками въ рукахъ. Наконецъ

мы въѣхали на рынокъ, застроенный въ два ряда еврейскими домами; въ одномъ изъ нихъ мы остановились *на станцію*, какъ здѣсь говорятъ, т. е. на квартиру и, отдохнувши немного, пошли осматривать мѣстечко.

На срединѣ обширной, продолговатой площади вмѣсто ратуши возвышается каменная корчма, въ противоположность другимъ домамъ, снабженная обширнымъ дворомъ, съ каменной оградой; рядомъ съ корчмой расположены нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ. На наше счастье день выпалъ праздничный и площадь, переполненная народомъ, представляла весьма оригинальное зрѣлище: по одну сторону, подальше отъ корчмы важно расхаживали нарядные пожилые евреи съ женами и дочерьми, между тѣмъ какъ молодые собрались въ домъ, гдѣ помѣщалось еврейское училище, и пѣли сначала свои національныя пѣсни, а затѣмъ солдатскія. Вокругъ корчмы размѣстились группами крестьяне, пришедшіе на храмъ изъ сосѣднихъ селъ, каждый со своими припасами; тутъ поминутно слышались веселыя шутки и остроты, каждый угощалъ пріятеля своимъ обѣдомъ и только водку брали въ корчмѣ. Тутъ мы замѣтили неизвѣстный намъ прежде обычай: у насъ на Украйнѣ существуетъ обыкновеніе освящать на Спаса первыя яблоки и медъ, между тѣмъ въ Студеницѣ крестьяне приносятъ для посвященія хлѣбъ и жареную рыбу, не смотря на чрезвычайное обиліе фруктовъ въ этой мѣстности. Не знаю, мѣстный-ли это обычай, или распространенный во всемъ Подольи.

Подъ вечеръ публика у корчмы порядочно выпила и совсѣмъ развеселилась, даже торжественное настроеніе стариковъ исчезло; тутъ и тамъ на площади стали раздаваться рѣзкіе, крикливые женскіе голоса, возлѣ корчмы начались пѣсни и драки. Между тѣмъ какъ евреи послѣ вечерней молитвы сняли праздничныя платья и принялись за домашнія работы, вся площадь была еще покрыта небольшими кучками крестьянъ, переходившихъ отъ корчмы къ винному погребу и обратно; тотъ шелъ съ пріятелемъ выпить литру вина, другой велъ жену *почастувать* и заботливо держалъ на рукахъ ребенка. Въ толпѣ съ трудомъ можно было отличить подолянъ отъ молдаванъ, до такой степени оба типа смѣшались между собою. Въ ближайшихъ къ Днѣстру селахъ, гдѣ населеніе находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, подоляне по наружности не

многимъ разнятся отъ румыновъ: тѣ же длинные волосы по плечамъ, только у послѣднихъ преобладаетъ черный цвѣтъ, а у подолянъ болѣе свѣтлый; тотъ-же костюмъ—длинная сорочка на выпускъ, часто доходящая до колѣнъ, красный шерстяной поясъ очень широкій, иногда до полуаршина въ ширину, поверхъ котораго надѣвается другой кожаный поясъ вершка въ два-три шириною, украшенный рядомъ большихъ мѣдныхъ пуговицъ по срединѣ; въ этомъ поясѣ крестьянинъ носитъ деньги, охотничьи заряды и другія мелкія вещи, которыми особенно дорожитъ; на ремешкахъ у пояса привѣшены: трубка, ножъ, *кресало*, мѣшочекъ для кремней и трута и т. п. Подобный поясъ составляетъ, кажется, самый драгоцѣнный предметъ роскоши для подольскаго мальчика пастуха, и товарищи съ завистью смотрятъ на счастливца, обладающаго такимъ сокровищемъ. Вообще въ наружности и одеждѣ подольскихъ и бессарабскихъ поднѣстрянскихъ крестьянъ очень много общаго; къ довершенію сходства нужно замѣтить, что многіе жители лѣваго берега Днѣстра хорошо говорятъ по румынски, а молдаване по украински. На сколько я могъ замѣтить, подоляне отличаются только болѣе оживленнымъ и осмысленнымъ видомъ, болѣе высокимъ ростомъ и стройной осанкой и вообще показываются развитѣе молдаванъ.

Что касается женщинъ, то онѣ сохранили во всей чистотѣ особенности типа и одежды. Подолянки также гораздо красивѣе, выше и стройнѣе молдаванокъ; одежду ихъ составляетъ длинная рубаха съ *поликами* и рукавами, расшитыми въ поперечныя полосы чернымъ, желтымъ, краснымъ и др. гарусомъ, *«заполочью»* и шелкомъ; поверхъ узора нашиты рядками блестки и рыбья чешуя. Отличительную черту поднѣстровскаго орнамента представляетъ чрезвычайно густой и сложный узоръ изъ ломанныхъ линій[1]), вполнѣ тожественный въ своихъ основныхъ элементахъ съ орнаментикою придунайскихъ славянъ, отъ которой онъ отличается большимъ развитіемъ формъ и однообразіемъ окраски; каждая полоса шьется *занизуваннямъ*[1]) и однимъ только цвѣтомъ, иногда съ примѣсью

[1]) Особый родъ шитья, при которомъ цвѣтная нитка пронизываетъ полотно параллельно нитямъ ткани, отъ чего узоръ выходитъ какъ-бы вытканымъ.

золота или серебра; кромѣ рукавовъ и *комира* въ женскихъ сорочкахъ вышиваютъ еще двѣ продольныя полоски на пазухѣ и на спинѣ, за то внизу совсѣмъ нѣтъ вышивокъ. Мѣстные этнографы говорятъ, что различныя комбинаціи цвѣтовъ и узоровъ присвоены различнымъ семейнымъ состояніямъ женщины, такъ что опытный этнографъ, не зависимо отъ головного убора, только по вышивкѣ сорочки можетъ отличить дѣвушку отъ «*молодыци*», вдовы и т. д. Подобно нашимъ селянкамъ здѣсь носятъ черную «*запаску*» только изъ одного куска и съ красной каймой вокругъ, подвязанную узорчатой гарусной «*крайкой*», вмѣсто передника шерстяной платокъ, сложенный въ косынку, на шеѣ множество коралловъ, а у дѣвушекъ шнурки, вынизанные изъ разноцвѣтнаго мелкаго бисера,—«*сѣлянки*» по мѣстному названію (отъ слова *селяти*—низать). Головной уборъ у дѣвушекъ состоитъ изъ цвѣтовъ и лентъ, у «*молодыцъ*» изъ «*хустки*», которую повязываютъ очень просто и изящно; пожилыя женщины надѣваютъ «*намитку*», вышитую золотомъ или серебромъ. Между тѣмъ одежда молдаванокъ отличается отсутствіемъ изящества и въ особенности національнаго оттѣнка: онѣ одѣваются въ темную ситцевую юбку и кофту, на головѣ ситцевый московскаго издѣлія платокъ и только; впрочемъ нѣкоторыя по примѣру подолянокъ носятъ рубаху, вышитую черным шелкомъ. Не знаю, чѣмъ объяснить такой упадокъ національнаго вкуса у здѣшнихъ молдаванокъ. Такъ какъ у насъ къ сожалѣнію нѣтъ еще ни одного полнаго собранія народныхъ орнаментовъ и существуетъ понынѣ только двѣ-три болѣе или менѣе удачныя попытки къ изученію народной орнаментики, и то большею частью ограниченныя весьма узкимъ райономъ, то я не имѣю возможности обставить научными доказательствами свои заключенія. На основаніи личнаго наблюденія народныхъ орнаментовъ среди малороссовъ и румынскихъ колонистовъ новороссійскаго края и затѣмъ среди подолянъ, я увѣренъ, что названный мною подольскимъ орнаментъ, т. е. какъ самый способъ шитья, такъ и рисунки, цѣликомъ перешелъ къ намъ отъ молдаванъ, а къ этимъ послѣднимъ, кажется, отъ придунайскихъ славянъ. Мы знаемъ, что въ самой Бессарабіи коренные жители вполнѣ удержали свои этнографическія особенности, между тѣмъ какъ молдаване въ Поднѣстровьи почти совсѣмъ оставили свою орнаментику. Неужели и въ такой глуши сказывается уже вліяніе

городскихъ модъ? Впрочемъ я уже слишкомъ увлекся этнографическими подробностями и злоупотребляю терпѣніемъ читателя; но будь что будетъ, «мы же на предняя возвратимся», какъ говоритъ почтенный южно-русскій лѣтописецъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ гуляющіе мало по малу разошлись по домамъ, на площади остались только еврейскія дѣти, игравшія на пескѣ, и долго еще раздавался ихъ веселый смѣхъ и своеобразный гортанный говоръ.

Вечеромъ квартира наша наполнилась посѣтителями—сюда явилось почти все еврейское населеніе Студеницы съ женами и дѣтьми; болѣе почетные, или тѣ, кто посмѣлѣе, пробрались въ комнаты и безъ церемоніи принялись перебирать и разсматривать всѣ наши вещи до послѣдней мелочи, но не съ любопытствомъ дикарей, а напротивъ съ видомъ знатоковъ. Другіе вылѣзли на завалинку передъ окнами и засыпали насъ вопросами: каждый интересовался узнать, зачѣмъ прибыли двое неизвѣстныхъ людей, расхаживавшихъ по мѣстечку безъ опредѣленной цѣли. Какъ ни старались мы объяснить, что путешествуемъ для собственнаго удовольствія, съ цѣлью познакомиться съ краемъ, посѣтители не могли повѣрить такому простому отвѣту, и мнѣнія раздѣлились: одни думали, что мы собираемъ свѣдѣнія относительно судоходства, и разсказывали о томъ, какъ прошедшею весною въ половодье проѣзжалъ по Днѣстру на пароходѣ адмиралъ Чихачевъ, измѣрявшій глубину рѣки; другіе принимали насъ за купцовъ, которые нарочно скрываются, желая выгоднѣе купить, что нужно; иные подозрѣвали въ насъ агентовъ какой нибудь фирмы, явившихся для закупки фосфоритовъ по примѣру австрійскихъ агентовъ, которые два года назадъ проѣхали съ этою цѣлью по всему Днѣстру. Наконецъ одинъ молодой, красивый еврей, выдѣлявшійся между всѣми остальными особенно умнымъ и выразительнымъ лицемъ и интелигентными вопросами, учитель мѣстной еврейской школы, рѣшилъ, что мы—люди науки, пріѣхавшіе сюда для собиранія какихъ-то научныхъ матеріаловъ, *«для практики»*, какъ онъ выразился, и большинство согласилось съ его мнѣніемъ.

Подъ конецъ намъ уже сильно надоѣли всѣ распросы и безцеремонное поведеніе посѣтителей, изъ которыхъ каждый считалъ

своимъ долгомъ пересмотрѣть всѣ лежавшія на столѣ вещи: компасы, карты, книги и др. и взять хоть по одной папироскѣ, такъ что оба мы сильно обрадовались, когда разошлись незванные гости и можно было отдохнуть. Въ слѣдующіе дни такія посѣщенія почти прекратились, только учитель да еще три-четыре еврея приходили каждый вечеръ побесѣдовать на часокъ.

На слѣдующее утро мы предполагали идти въ горы осматривать находящіяся въ нихъ пещеры, но оказалось, что на площади передъ нашими окнами собирается ярмарокъ. Хотя для студеницкихъ жителей это самый обыкновенный ярмарокъ, повторяющійся черезъ двѣ недѣли въ воскресенье, но для насъ онъ представлялъ возможность увидѣть мѣстные продукты, узнать цѣны, а главное—наблюдать нравы и составить себѣ представленіе о производительности округа, для котораго мѣстечко служитъ центромъ.

Площадь, залитая массой народа, двигающагося во всѣхъ направленіяхъ, представляла очень оригинальное зрѣлище. Вокругъ рынка размѣстились въ нѣсколько рядовъ крестьянки, въ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ, съ мѣшками яицъ, фруктовъ, чесноку, съ вѣнками цыбули и другими овощами, иныя продавали живую птицу,—вообще главными продуктами сельскаго производства были разнаго рода съѣстные припасы; только двѣ-три крестьянки между прочимъ вынесли на продажу нѣсколько запасокъ и поясовъ. Особенно бросается въ глаза огромное количество фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ и арбузовъ, занявшихъ почти половину площади, и необыкновенная ихъ дешевизна: я покупалъ прекрасныя, большія груши и яблоки самыхъ лучшихъ сортовъ по копѣйкѣ десятокъ, не торгуясь, и еще давали одну штуку въ придачу, а мѣстные евреи все покупаютъ въ половину дешевле. Не даромъ Студеница, по количеству производимыхъ въ ней фруктовъ, считается садомъ цѣлаго Подолья; все мѣстечко, исключая еврейской квартиры, утопаетъ въ садахъ, изъ которыхъ сухіе плоды расходятся чуть не по всѣмъ городамъ южной Руси.

Посреди площади расположились евреи со своими товарами: дешевыми платками, ситцами, лентами, сережками, грошевыми пряниками и т. д.; продавали молоденькія еврейки, между тѣмъ какъ отцы и матери разсѣялись по площади и ближайшимъ улицамъ между во-

зами, гдѣ стоялъ приведенный для продажи скотъ, и покупали рѣшительно все, что только можно купить. Мущины метались какъ угорѣлые между группами расположившихся съ товарами крестьянъ, торгуясь самымъ безбожнымъ образомъ, между тѣмъ какъ старыя *балабусты* съ важнымъ видомъ подходили къ продающимъ, спокойно прицѣнивались къ товарамъ, предлагали невозможную цѣну, уходили, встрѣтивши отказъ, снова возвращались, набавляя полъ гроша, и такъ до безконечности, пока не успѣвали купить желаемаго за безцѣнокъ.

Среди оживленной толпы, разумѣется, не было недостатка въ меткихъ, остроумныхъ выраженіяхъ и самыхъ отборныхъ ругательствахъ—безконечно разнообразныхъ варіантахъ на одну и ту-же тему, которыми поминутно пересыпался разговоръ на языкахъ: украинскомъ, румынскомъ и даже еврейскомъ, такъ какъ евреи всегда примѣшиваютъ въ свою рѣчь слова и даже цѣлыя фразы изъ мѣстныхъ нарѣчій. Въ густой толпѣ, покрывавшей площадь, сразу замѣчается одна особенность, отсутствіе одного изъ необходимыхъ элементовъ всѣхъ базаровъ и ярмарокъ на Украинѣ—полнѣйшее отсутствіе кобзарей, лирниковъ и даже обыкновенныхъ нищихъ. По словамъ Аѳанасьева-Чужбинскаго и въ его время, т. е. двадцать лѣтъ назадъ, въ Поднѣстровьи не замѣтно было ни лирниковъ, ни кобзарей, но все таки существовали правильно организованныя артели нищихъ, переходившія съ мѣста на мѣсто, теперь-же намъ пришлось видѣть ярмарки въ разныхъ мѣстахъ: въ Ярмолинцахъ, Жванцѣ, Студеницѣ, Старой-Ушицѣ и др., и нигдѣ не встрѣтилось ни одного нищаго. Не знаю, чѣмъ это объяснить; можетъ быть въ лѣтній сезонъ они уходятъ на заработки въ другія мѣста, какъ Почаевъ, Кіевъ и т. п.—Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ всѣ видѣнныя нами въ Подольи ярмарки совершенно сходны между собою; поэтому я останавливаюсь на одномъ изъ нихъ, чтобы впредь не повторяться.

Около трехъ часовъ по полудни ярмарокъ перемѣнилъ характеръ: крестьяне распродали все привезенное и удалились въ корчму запивать *могорычи*, а женщины съ дѣтьми расхаживали между лотками, возлѣ которыхъ сидѣли евреи, успѣвшіе уже расположить только что купленные припасы вмѣстѣ съ своими товарами и про-

дававшіе ихъ вдвое дороже. Матери покупали дѣтямъ лакомства, дивчатамъ украшенія, торговля шла такъ бойко, что до вечера евреи, вѣроятно, успѣли возвратить съ процентами большую часть денегъ, истраченныхъ ими въ этотъ день.

Часовъ въ пять ярмарокъ началъ разъѣзжаться, возлѣ корчмы и винярни остались только студеницкіе граждане, которые гуляли до ночи, при чемъ произошло нѣсколько ссоръ, окончившихся дракою. Прибывшій на этотъ день урядникъ, которому подвѣдомственно мѣстечко, объяснилъ намъ, что молдаване въ пьяномъ видѣ большіе охотники до дракъ, иногда оканчивающихся смертью одного изъ спорящихъ. Потомки храбрыхъ Даковъ повидимому еще не совсѣмъ утратили воинственный характеръ своихъ предковъ. Я не имѣю достаточно матеріаловъ для того, чтобы представить полную исторію Студеницы, поэтому ограничусь нѣсколькими отрывочными свѣдѣніями, встрѣтившимися мнѣ въ историческихъ источникахъ относительно минувшей судьбы мѣстечка. О времени возникновенія мѣстечка Студеницы мнѣ не удалось найти точныхъ свѣдѣній ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ; правдоподобно, возникло оно одновременно съ другими селами и мѣстечками во время колонизаціи XVI вѣка, а можетъ быть и того раньше. Во всякомъ случаѣ ни въ удѣльный, ни въ литовскій періодъ мы не встрѣчаемъ этого названія. Расположенное въ очень выгодной мѣстности, въ глубокой долинѣ, съ трехъ сторонъ защищенной высокими горами, на берегу судоходной рѣки, образующей здѣсь очень удобную пристань, по срединѣ между главнѣйшими промышленными и торговыми центрами западнаго Подолья, мѣстечко должно было заселиться очень быстро и сдѣлаться торговымъ центромъ для цѣлаго округа. Это значеніе оно удерживаетъ и до настоящаго времени.

Въ первый разъ Студеница упоминается въ источникахъ подъ 1633 г., какъ многолюдное и хорошо укрѣпленное мѣстечко, принадлежавшее брацлавскому воеводѣ, Станиславу Потоцкому. Въ 1633 г. Абассъ-паша съ сильною турецкою арміею вторгнулся въ предѣлы Подолья, но потерпѣлъ пораженіе отъ Конецпольскаго между Каменцемъ и Паневцами (въ концѣ октября), послѣ чего отступилъ обратно въ Молдавію, но на пути осадилъ Студеницу. Городъ защищали сами жители безъ помощи войска; при совер-

шенномъ почти отсутствіи боевыхъ припасовъ они въ теченіи трехъ дней отражали натискъ всей турецкой арміи. Наконецъ, потерявъ въ штурмахъ болѣе 1000 человѣкъ, турки сожгли и разграбили городъ и замокъ и удалились за Днѣстръ [1]). Въ награду за стойкое сопротивленіе непріятелю сеймъ, конституціею 1635 г., освободилъ жителей отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи восьми лѣтъ, чтобы облегчить имъ возможность поправиться послѣ погрома и возстановить разрушенные дома. Съ своей стороны владѣлецъ также надѣлилъ жителей важными льготами. Въ силу полученныхъ привиллегій городъ быстро оправился, въ немъ поселились богатые купцы: армяне, греки и валахи, сильно поднявшіе его торговое значеніе. Они застроили рынокъ двухъ-этажными каменными домами въ восточномъ стилѣ, съ балконами, лавками и подвалами, какіе еще сохранились въ Каменцѣ, Могилевѣ и другихъ подольскихъ городахъ, въ которыхъ существовали колоніи восточныхъ купцевъ. Представители всѣхъ этихъ національностей имѣли здѣсь свои церкви, двое хорошо укрѣпленныхъ каменныхъ воротъ охраняли въѣздъ въ мѣстечко; сверхъ того здѣсь существовала переправа черезъ Днѣстръ, состоявшая изъ двухъ паромовъ и облегчавшая сообщеніе съ Молдавіей. Однимъ словомъ жизнь торговая и промышленная процвѣтала въ мѣстечкѣ, и Студеница славилась своими ярмарками, на которыя издалека пріѣзжали купцы съ товарами и собиралось дворянство изъ цѣлаго края [2]). Далѣе всѣ свѣдѣнія о Студеницѣ обрываются въ продолженіи болѣе 40 лѣтъ. Въ перечнѣ подымной подати подольскаго воеводства за 1678 г. здѣсь значится 20 дымовъ; въ это время мѣстечко принадлежало кіевскому воеводѣ Андрею Потоцкому.

Въ 1684 г. въ Могилевѣ приговоренъ козацкою радою и казненъ за бѣгство изъ табора, находившагося въ опасномъ положеніи въ буджацкой степи, гетманъ правобережной Украины, Куницкій. На мѣсто его выбранъ Могиленко, признанный и польскимъ правительствомъ и устроившій свою резиденцію въ Немировѣ. Гетманъ этотъ принималъ участіе въ борьбѣ поляковъ съ турками за обла-

---

[1]) Львовская лѣтопись, стр. 275. Kwiatkowski, Dzieje Władisława III, стр. 96.

[2]) Baliński i Lipiński—Starożytna Polska, т. II, стр. 953, 954.

даніе Подольемъ. Въ 1684 г. онъ во главѣ подвластныхъ ему козаковъ занялъ Студеницу, которая была снабжена укрѣпленіями; но Могиленко извѣстенъ былъ своею нерасторопностью и потому потерпѣлъ неудачу, которую описываетъ такими словами современникъ его гетманъ Самойловичъ въ письмѣ къ полковнику Новицкому: «волочаи оные, которые позабѣгали были на затяги ляцкіе, натрафили на честь подъ Студеницею зъ дурнымъ Могиленкомъ, гдѣ ихъ всѣхъ зъ мѣстечка въ поле турки каменецкіе зъ татарами и черемисами выманивши, до килька тысячей вытяли; тылько Могиленко зъ трыдцатьма или большей человѣками въ лѣсъ нѣкоторый удризавши, пришелъ живо до Немирова». Раздраженные этой неудачей, козаки чуть было не убили Могиленка, а затѣмъ четыре тысячи изъ нихъ оставили польскую службу и ушли на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Не смотря на разноплеменный составъ своего населенія, Студеница всегда живетъ одними интересами съ народонаселеніемъ цѣлаго края. Такъ, во время возстанія крестьянъ, вспыхнувшаго въ Подоліи въ 1702 г. по призыву Самуся и Палія, жители Студеницы приняли въ немъ дѣятельное участіе; узнавъ, что козаки заняли Баръ, студеничане отправили къ нимъ депутацію съ изъявленіемъ готовности примкнуть къ движенію. Депутацію составляли: студеницкій православный священникъ Азва (вѣроятно молдованъ по происхожденію) и представители мѣщанъ: Шафранникъ и Михайло Лысый. По призыву этихъ нотаблей отрядъ козаковъ отправился изъ Бара въ Студеницу; къ нему примкнули многіе жители какъ самой Студеницы, такъ и сосѣдняго мѣстечка Китайгорода, а равно и окрестныхъ селъ; мѣстные шляхтичи и евреи были перебиты или изгнаны, имущество ихъ разграблено. Одинъ изъ евреевъ, Шлёма Ирхимовичъ, жаловался впослѣдствіи, что возставшіе студеничане разорили его винокуренный заводъ, ограбили имущество и убили сына, трупъ котораго бросили на съѣденіе собакамъ [3]).

Въ то время Студеница съ прилегавшимъ къ ней округомъ принадлежала кіевскому воеводѣ Іосифу Потоцкому, который пріоб-

---

[1]) Книга гродская Каменецкая (рукопись кіевскаго центральнаго архива) № 3637, листъ 42.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 177.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 535, 536.

рѣлъ громкую извѣстность среди современниковъ необыкновенною жестокостью въ усмиреніи помянутаго крестьянскаго возстанія; зная нравъ своего владѣльца и справедливо опасаясь съ его стороны кровавыхъ репрессалій, принимавшіе участіе въ возстаніи жители Студеницы спаслись бѣгствомъ въ Бессарабію. Сеймикъ подольскій требовалъ неоднократно отъ молдавскаго господаря выдачи этихъ бѣглецовъ, а также возвращенія скота, угнаннаго ими въ Молдавію изъ экономіи Потоцкаго, но всѣ его представленія остались безъ успѣха [1]).

Вскорѣ послѣ усмиренія возстанія Студеницѣ пришлось испытать новое общественное бѣдствіе, поразившее цѣлый край. Послѣ перехода въ унію каменецкаго епископа Іосифа Шумлянскаго, когда началось насильственное обращеніе въ унію всѣхъ православныхъ жителей Подолья, студеницкая церковь, подобно всѣмъ другимъ, была обращена въ уніатскую; священникъ Азва ушелъ въ Молдавію, а на его мѣсто назначенъ уніатъ Ѳедоръ Буцко. Но религіозное отступничество не гарантировало отъ шляхетскаго насилія ни церкви, ни священника. 17 мая 1704 г. священникъ Ѳедоръ Буцко заявилъ передъ урядомъ жалобу на то, что управляющій имѣніемъ Потоцкаго, шляхтичъ Валентинъ Залескій, по неизвѣстной причинѣ опечаталъ церковь, разогналъ собравшихся для молитвы прихожанъ, а самаго священника осыпалъ бранными словами и угрозами лишить его жизни [2]).

Отношеніе польскаго дворянства къ уніи не измѣнилось въ теченіи всего XVIII ст.; считая эту вѣру только переходною ступенью для перевода жителей въ католичество, шляхтичи не переставали при каждой возможности оскорблять и унижать эту вѣру и насмѣхаться надъ русско-уніятскимъ духовенствомъ. Перечисляя многочисленные факты такого рода, случившіеся между 1758 и 1765 гг., уніятскій каменецкій епископъ между прочимъ говоритъ: «Господинъ Окульскій, управляющій студеницкимъ имѣніемъ, безпрестанно ругается надъ русскими священниками; онъ позоритъ ихъ, заявляя публично, что они схизматики и что вѣра ихъ хуже еврейской. Онъ, между прочимъ, приказалъ слугамъ своимъ отнять

---

[1]) Ibid., стр., 560.

[2]) Ibid., ч. I, т. IV, стр. 237.

лошадь у приходскаго священника села Теремецъ [1]); находки его, вскакивая на эту лошадь, гоняли ее то туда, то сюда мимо священника, насмѣхаясь надъ нимъ, пока не искалечили коня» [2]). Правдоподобно, такое положеніе продолжалось до возстановленія православія въ своихъ правахъ во всемъ юго-западномъ краѣ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Студеницѣ пришлось испытать послѣднее общественное бѣдствіе, постигшее край. Моровая язва, опустошавшая все Подоліе въ 1770 г., и политическія волненія въ краѣ, случившіяся въ тоже время, посѣтили и Студеницу и уничтожили значительную часть ея населенія. Мѣстечко пришло въ упадокъ; этимъ воспользовались евреи и въ большомъ количествѣ начали селиться здѣсь на мѣсто восточныхъ купцевъ, частью погибшихъ отъ чумы, частью оставившихъ мѣстечко, отъ чего крупная торговля все больше исчезала и замѣнялась мелкими оборотами. Новый владѣлецъ, ушицкій староста Станиславъ Садовскій, которому досталась Студеница, сдѣлалъ попытку оживить мѣстную торговлю, исхлопотавши у сейма въ 1774 г. привиллегію на три ярмарки въ году [3]). О дальнѣйшей судьбѣ мѣстечка мы не имѣемъ свѣдѣній,—относящіеся къ нему документы должны храниться въ общественныхъ и частныхъ архивахъ. Кажется, оно никогда не пользовалось самоуправленіемъ, по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы когда нибудь сеймъ выдалъ ему привиллегію на магдебургское право.

Вотъ и все, что удалось мнѣ собрать о бытѣ студеничанъ въ старое, но не совсѣмъ доброе время.

Студеница и въ настоящее время считается самымъ значительнымъ торговымъ центромъ между Жванцемъ и Могилевомъ, но уже отъ армянъ, грековъ и валаховъ не осталось и слѣда: они или выселились отсюда послѣ 1770 года въ другія мѣста, или, можетъ быть, ассимилировались съ мѣстными жителями—украинцами, утративши свой языкъ, обычаи и весь свой этнографическій типъ, подобно тому, какъ это случилось въ Каменцѣ, Могилевѣ и т. д. Отъ старины уцѣлѣли только два-три дома съ балконами и мезо-

---

[1]) Село на рѣкѣ того-же имени, верстахъ въ пяти къ сѣверо-востоку отъ Студеницы.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. IV, стр. 543.

[3]) Baliński i Lipiński—loc. cit.

нинами, которые уже не поддерживаются жителями и мало по малу разрушаются.

Въ настоящее время населеніе Студеницы состоитъ изъ евреевъ, которые составляютъ меньшинство и всѣ безъ исключенія занимаются какою нибудь торговлею (сколько мнѣ удалось замѣтить, большой специализаціи въ этомъ случаѣ нѣтъ: каждый покупаетъ все, что попадется подъ руку и продаетъ, кодда представится выгодный случай), и крестьянъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и отчасти другими сельскими промыслами. Изъ нихъ найболѣе доходнымъ является садоводство, такъ какъ при каждой хатѣ находится обширный садъ, съ котораго выручаются порядочныя деньги, не смотря на чрезвычайную дешевизну фруктовъ; сверхъ того многіе изъ крестьянъ имѣютъ еще сады въ горахъ. Другое занятіе, также довольно выгодное, представляетъ разведеніе аниса; почти при каждой хатѣ значительную часть огорода засѣваютъ этимъ растеніемъ, отъ котораго по всей улицѣ разносится сильный, одуряющій запахъ. Зерна аниса закупаются австрійскими винокурами, при посредствѣ мѣстныхъ евреевъ, отъ шести до десяти рублей за корецъ. Впрочемъ крестьяне находятъ, что въ прежнее время промыселъ этотъ приносилъ больше дохода: теперь всѣ занялись разведеніемъ аниса, а между тѣмъ спросъ на него за послѣдніе годы уменьшился, и приходится продавать зерно по болѣе низкой цѣнѣ, такъ что едва окупаются расходы и трудъ. Анисъ, по мѣстному произношенію *гáнысъ*, требуетъ большаго ухода: его нужно часто поливать въ первое время послѣ всходовъ и выпалывать раза три-четыре за лѣто. Намъ приходилось еще видѣть на огородахъ небольшія плантаціи табаку, простаго и турецкаго, но здѣсь повидимому его разводятъ больше для собственнаго употребленія, чѣмъ для продажи. Чѣмъ ниже по Днѣстру, тѣмъ чаще попадаются табачныя плантаціи, иногда занимающія довольно значительныя пространства, но вообще эта отрасль промышленности болѣе развита на бессарабскомъ берегу; тутъ сѣются лучшіе сорта турецкаго табаку, который потомъ расходится по всей Россіи и въ продажѣ выдается за турецкій.

Наконецъ изъ мѣстныхъ промысловъ можно еще отмѣтить рыболовство. Впрочемъ въ Студеницѣ, какъ и по всему теченію Днѣстра до самаго лимана, занятіе это не представляетъ правильно

организованнаго промысла и носитъ больше случайный характеръ. Въ Днѣстрѣ водятся хорошіе сорта рыбъ: щука, марена, судакъ, сомъ, даже стерлядь и др.; при многочисленности евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ спросъ на рыбу весьма значительный и главное постоянный, а между тѣмъ рыбная ловля производится самымъ первобытнымъ образомъ. Нѣтъ настоящихъ рыбаковъ, которые бы ловили рыбу въ надлежащее время и заготовляли на зиму; каждый желающій изъ крестьянъ, запасшись лодкою, можетъ отправиться на рѣку и ловить сколько угодно, въ пятницу вся рыба раскупается евреями и на слѣдующую недѣлю снова нужно отправляться на ловлю. При такихъ порядкахъ рыбная ловля производится во всѣ времена года; рыба не имѣетъ возможности спокойно расти и размножаться, поэтому количество ея изъ года въ годъ уменьшается. Намъ вездѣ приходилось выслушивать жалобы жителей на то, что рыбы становится все меньше, что она уходитъ въ море; одни объясняютъ это тѣмъ, что въ прошедшемъ году по Днѣстру прошелъ пароходъ и напугалъ рыбу, хотя пароходъ прошелъ всего одинъ разъ во время самаго сильнаго разлива, а между тѣмъ галяры и плоты ходятъ цѣлое лѣто, и никто не думаетъ, что они могутъ тревожить водяное населеніе; по мнѣнію другихъ причиною тому являются попытки къ уничтоженію пороговъ, которые будто-бы задерживали огромную массу воды, а съ нею вмѣстѣ и рыбу.—Разумѣется, такія мнѣнія слишкомъ наивны: дѣло не въ пароходахъ или порогахъ, которые такъ незначительны, что совсѣмъ не могутъ задерживать воду, а въ слишкомъ примитивномъ способѣ рыболовства, которое и двадцать лѣтъ назадъ было въ такомъ-же точно состояніи, судя по описанію Аѳанасьева-Чужбинскаго. Почти въ такомъ-же состояніи находится этотъ промыселъ и въ нашихъ рѣкахъ, и уже не далеко то время, когда нужно будетъ искусственно разводить рыбу въ садкахъ, какъ это дѣлается уже за границей.— Впрочемъ, часть жалобъ на уменьшеніе количества рыбы можно отнести на счетъ повсемѣстно господствующаго убѣжденія, будто въ старину все было лучше и обильнѣе, чѣмъ теперь.

Просматривая различные источники, относящіеся къ Студеницѣ, мы узнали, что въ *Бѣлой горѣ* существуетъ огромная пещера, въ которой могли помѣститься 15,000 человѣкъ. Разумѣется нужно было осмотрѣть ее; хотя авторъ «Очерковъ Днѣстра» не

нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго и рѣшилъ, что пещерк не заслуживаетъ вниманія; но вѣдь въ такихъ случаяхъ все зависитъ отъ субъективнаго впечатлѣнія, поэтому мы взяли проводника и отправились.

Тотчасъ по выходѣ изъ мѣстечка начинается подъемъ на гору, по которому проходитъ дорога въ с. Бакоту; на право отъ дороги возвышается *Бѣлая* гора, поросшая съ этой стороны дерномъ и усѣянная известковыми скалами, выходящими прямо изъ земли; мало по малу земля сползаетъ въ долину и обнажаетъ залегающія подъ нею каменныя породы. Гора съ этой стороны на столько крута, что подыматься прямо слишкомъ тяжело, нужно идти по тропинкѣ, проложенной пастухами, которая вьется зигзагами по склону горы. Южная сторона *Бѣлой* горы, обращенная къ рѣкѣ, представляетъ въ верхней своей части почти отвѣсный обрывъ са двумя карнизами, сажень около тридцати въ вышину; нижняя часть имѣетъ болѣе пологій склонъ, образовавшійся изъ осыпи земли и камней съ вершины горы, но стоя на вершинѣ, кажется, будто подъ вами совершенно отвѣсная стѣна, опускающаяся прямо въ Днѣстръ. Со стороны рѣки гора достигаетъ болѣе 70 сажень въ вышину; на всемъ ея протяженіи вдоль берега обнажаются пласты бѣловатаго известняка, залегающаго до самаго основанія горы, отъ котораго она и получила свое названіе.

Въ верхней части горы находится не одна, а цѣлыхъ пять или шесть пещеръ, расположенныхъ въ два ряда другъ подъ другомъ, съ обращенными на югъ выходами. Поднявшись на самую вершину, надо снова спускаться съ обрыва, цѣпляясь за скалы, рискуя при первомъ неосторожномъ шагѣ скатиться въ пропасть и сломать шею; съ каждымъ шагомъ подъ ногами осыпаются мелкіе камни и случается, что скала, за которую хочешь удержаться, начинаетъ очень подозрительно пошатываться, надо скорѣе искать другой опоры; стараешься ступать какъ можно легче и выходитъ еще хуже. Отъ непривычки ходить по такимъ крутизнамъ, дѣйствующимъ на нервы самымъ непріятнымъ образомъ, у обоихъ насъ закружилась голова и безъ помощи проводника мы легко могли очутиться внизу раньше и не въ такомъ видѣ, какъ-бы хотѣлось; проводникъ нашъ, мѣстный крестьянинъ, шелъ спокойно, какъ по ровному, по самымъ невѣроятнымъ стремнинамъ, уступая намъ луч-

шія мѣста, и разсказывалъ въ видахъ успокоенія, какъ онъ зимою гоняется за лисицами по этимъ горамъ.

Наконецъ, обогнувъ послѣдній и самый опасный утесъ, мы у входа въ пещеру. Это обширный гротъ, или вѣрнѣе рядъ гротовъ, надъ которыми расположенъ другой рядъ пещеръ. Ихъ входъ, обращенный къ югу, большею частью такъ низокъ, что войти въ пещеру можно только ползкомъ; спустя три-четыре аршина своды постепенно повышаются, такъ что можно уже выпрямиться во весь ростъ, затѣмъ идутъ болѣе или менѣе обширныя камеры и развѣтвляющіеся, извилистые корридоры; средняя высота ихъ отъ 1,30 до 2,50 метровъ; величина пещеръ отъ 6,35 до 15 метровъ въ длину на 2,50—6,50 метровъ въ ширину, корридоры еще длиннѣе, но гораздо уже. Вообще размѣры гротовъ и пещеръ незначительны; если даже допустить, что часть ихъ могла обрушиться, то все таки нельзя повѣрить, чтобы въ нихъ могли помѣститься 15,000 человѣкъ.

Въ настоящее время они служатъ убѣжищемъ для пастуховъ и овецъ, застигнутыхъ непогодою, чѣмъ и объясняется присутствіе въ нихъ угля, золы, остатковъ кукурузы, костей и т. д.,—это пастухи готовили себѣ пищу. Въ зимнее время пещеры служатъ пріютомъ для лисицъ, зайцевъ и другихъ звѣрей, за которыми охотятся мѣстные жители.

Дно пещеръ покрываетъ толстый слой мусора и камней, иногда весьма крупныхъ, обрушившихся изъ сводовъ, и по мѣстамъ мягкая почва и щебень, происшедшіе отъ вывѣтриванія той же скальной породы. Раскапывая этотъ наносной слой, намъ удалось отыскать на днѣ десятка два кремневыхъ орудій, довольно грубой отдѣлки; между ними заслуживаютъ вниманія: ножи, скребки и острія, которыя могли служить наконечниками для стрѣлъ. Находка эта чрезвычайно заинтересовала насъ—становилось ясно, что мы попали въ жилище людей каменнаго вѣка; оставалось только продолжать изслѣдованіе. Принявшись со вниманіемъ осматривать всѣ склоны горы, мы собрали въ короткое время до двухсотъ кремневыхъ отбивныхъ орудій палеолитической эпохи, въ числѣ ихъ наибольшее количество экземпляровъ представляли ножи и скребки—орудіе мирныхъ жителей; боевыхъ орудій--копій, стрѣлъ и т. п. почти не оказалось, но украшеніемъ коллекціи было прекрасно

отполированное кремневое долото, несомнѣнно относящееся къ послѣднему періоду каменнаго вѣка.

Итакъ мы изъ туристовъ случайно сдѣлались археологами и моя завѣтная мечта дѣлать открытія могла наконецъ до нѣкоторой степени осуществиться: можно заняться открытіями въ области археологіи, благо Подолье почти совсѣмъ не обслѣдовано въ этомъ отношеніи. Это занятіе, вносившее новый интересъ въ нашу богатую впечатлѣніями жизнь, такъ понравилось, что мы рѣшились раскопать группу кургановъ, расположенныхъ у самаго обрыва на вершинѣ той-же горы, прямо надъ пещерами. По словамъ старожиловъ, лѣтъ сорокъ назадъ вся гора была покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находился огромный могильникъ; въ настоящее время отъ лѣса и слѣда не осталось, а большая часть могилъ раскопана; уцѣлѣла только небольшая группа надъ обрывомъ по причинѣ каменистаго грунта.

Препятствій для раскопки не встрѣтилось и можно было приняться за работу. Впрочемъ на этотъ разъ открытіе было незначительное: всѣ курганы обложены въ нѣсколько рядовъ неотесанными кусками того камня, изъ котораго состоитъ гора; въ каждомъ найдено по два скелета, обращенные головою на западъ, въ склепахъ изъ дубовыхъ брусьевъ, на рукахъ у каждаго бронзовыя кольца, на ногахъ сафьянные башмаки съ острыми носками, совершенно аналогичные съ тѣми, какіе теперь носятъ татары; другихъ предметовъ не оказалось. Одинъ изъ скелетовъ каждой могилы былъ мужескій, другой принадлежалъ повидимому молодой женщинѣ. Если не считать положенія скелетовъ, то мы не имѣемъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу языческаго или христіанскаго погребенія въ курганахъ. Правдоподобно мы имѣли дѣло съ могилами не слишкомъ древними, относящимися, вѣроятно, ко времени турецкаго господства въ Подоліи (въ концѣ XVII ст.), или можетъ быть къ тому времени, когда послѣ Батыева нашествія въ южномъ Подоліи кочевала татарская орда, которой поручено было наблюденіе надъ галицкимъ княжествомъ и съ которою прекрасно уладились мѣстные жители. Разъ заинтересовавшись древностями, мы осмотрѣли глубокій оврагъ, который отрѣзываетъ *Бѣлую* гору отъ *Монастыриська* и въ которомъ, какъ сообщили крестьяне, находятъ кости *велетня* (великана); дѣйствительно въ одной изъ стѣнъ

оврага мы замѣтили инкрустированныя въ желтой глинѣ кости мамонта: клыкъ и нѣсколько реберъ, но вынуть ихъ не было возможности, такъ какъ глина сдѣлалась отъ засухи крѣпкою, какъ камень и даже съ трудомъ поддавалась лому. Во время сильныхъ дождей эти кости въ большомъ количествѣ вымываетъ водою изъ оврага. Вокругъ мамонтовыхъ реберъ разбросано множество кремневыхъ осколковъ, изъ нихъ нѣкоторыя также напоминали отбивныя орудія.

При малочисленности историческихъ извѣстій о Студеницѣ, археологія какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь, чтобы пополнить собою пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ относительно минувшей жизни мѣстечка: теперь, на основаніи случайныхъ находокъ, мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что на территоріи нынѣшней Студеницы жили люди еще въ самое отдаленное время, т. е. въ оба періода каменнаго вѣка, и затѣмъ въ удѣльно-вѣчевой или ближайшій послѣ него періодъ. Можетъ быть съ той поры поселеніе существовало непрерывно до того времени, когда начинаются о немъ документальныя свѣдѣнія; но лучше воздержимся отъ легкихъ гипотезъ, которыми и безъ того страдаетъ наша литература, и воротимся къ нашему мамонту.

По другую сторону оврага тянется полукруглая гора *Монастырисько*, получившая свое названіе отъ бывшаго здѣсь нѣкогда монастыря, въ которомъ хранился чудотворный образъ Богородицы, пользовавшійся большимъ почетомъ не только въ Подоліи, но и въ румынскихъ господарствахъ. Теперь не осталось и слѣда какихъ нибудь развалинъ на мѣстѣ древняго монастыря, разрушеннаго, правдоподобно, во время турецкаго погрома въ концѣ XVII вѣка. У вершины горы беретъ начало источникъ, не замерзающій въ самые сильные морозы; чистая, прозрачная, какъ самый воздухъ, *криниця*, пробѣгая по скальному грунту, весьма живописно спадаетъ съ уступа на уступъ, тихо журча и напоминая небольшой водопадъ, вырывшій въ одномъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ резервуара въ скалѣ. Вода этого источника, свѣжая и чрезвычайно пріятная на вкусъ, проведена въ еврейскую *горальню* (винокурню), гдѣ она приводитъ въ движеніе механизмъ.

Разставаясь съ м. Студеницею, оставившею въ насъ самое пріятное воспоминаніе, можно еще упомянуть о томъ, съ какимъ живымъ интересомъ относилось населеніе къ нашимъ археологи-

ческимъ изысканіямъ. Особенно занимали они евреевъ; едва только мы воротимся изъ экскурсіи, какъ въ ту-же минуту комната наполняется евреями, всѣ съ любопытствомъ разсматриваютъ каждую принесенную древность и, пока мы съ товарищемъ дѣлаемъ необходимые комментаріи одной группѣ, нашъ хозяинъ и его хорошенькая сестра, уже успѣвшіе выспросить все, что нужно, объясняютъ по своему другимъ тоже самое и почти всегда вѣрно. Особенно приводили въ недоумѣніе нашихъ посѣтителей каменныя орудія; многіе не хотѣли видѣть въ нихъ ничего, кромѣ простыхъ осколковъ кремня, и для доказательства рѣзали стекло и высѣкали огонь; другіе думали, что мы будемъ добывать изъ нихъ золото. Наконецъ большинство согласилось признать истину только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что подобныя орудія упоминаются въ библіи, и учитель подтвердилъ мои слова. Тогда одинъ изъ евреевъ пресерьезно началъ распрашивать, по чемъ можно продать тотъ или другой осколокъ, и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что отдѣльные экземпляры не имѣютъ цѣны. «Аже вы збираете креминчики и за провозъ заплатите, то вже-жъ воно на щось потрибне».—Понимая, что мы интересуемся древностями, учитель сообщилъ, что вблизи мѣстечка существуетъ древнее кладбище, на которомъ сохранились каменные памятники съ еврейскими надписями X ст. Къ сожалѣнію мы не могли провѣрить это интересное сообщеніе по незнанію еврейскаго языка и могли только указать адресы гг. Гаркави и Хвольсова, занимающихся изслѣдованіемъ подобныхъ памятниковъ.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(*Конецъ XVI главы и 1-й части*)[1].

Въ Кіевъ я пріѣхалъ въ самый разгаръ контрактовъ и по затрудненію найти постоянное удобное помѣщеніе остановился у дяди въ Кинь-грусти. Мнѣ тамъ было очень хорошо, каждый день утромъ ѣздилъ я въ городъ, къ обѣду возвращался къ дядѣ, разсказывалъ ему мои путешествія, новости, читалъ газеты.

Бибиковъ принялъ меня весьма любезно и остался очень доволенъ моей просьбой принять на службу подъ его начальствомъ по административному вѣдомству; на прошеніи написалъ: опредѣлить немедленно, и сказалъ, чтобы я съѣздилъ къ правителю канцеляріи Писареву и съ нимъ переговорилъ бы о занятіяхъ на первое время въ канцеляріи до открытія вакансіи на штатную должность.

Писаревъ былъ тогда всемогущимъ человѣкомъ въ администраціи генералъ-губернатора; хотя и ходили довольно неблагопріятные слухи о причинахъ его вліянія и на счетъ нравственныхъ его качествъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Бибикова, Писаревъ пользовался въ Кіевѣ большимъ почетомъ и игралъ не послѣднюю роль. Писаревъ былъ очень радъ меня видѣть, наговорилъ мнѣ много любезностей, съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ о матушкѣ, съ которой познакомился въ деревнѣ, посѣщая родичей своей супруги, и въ за-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., августовск. кн., стр. 609—626.

ключеніе сказалъ: «не вамъ къ намъ проситься, а намъ васъ просить на службу. Потрудитесь заѣхать завтра, опредѣленіе ваше будетъ подписано, а для знакомства съ дѣлами я бы вамъ совѣтовалъ поступить въ секретное отдѣленіе канцеляріи, гдѣ сосредоточены всѣ важныя дѣла подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ».

Въ тотъ же день я былъ у Софіи Гавриловны Писаревой съ визитомъ; она приняла меня, какъ стараго знакомаго и близкаго роднаго: братъ ея былъ женатъ на моей старшей сестрѣ. Добрая, превосходная Софія Гавриловна сдѣлала на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и съ перваго свиданія мы стали друзьями. Она не отличалась особеннымъ умомъ, воспитаніе ея было также довольно посредственное — институтское прежнихъ лѣтъ, но добродушіе, привѣтливость, чисто женская сердечность и замѣчательно красивая наружность дѣлали ее въ высшей степени симпатичною.

Писаревъ, получившій воспитаніе въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, былъ мнѣ не по сердцу; въ его маленькой фигурѣ, въ его свѣтло голубыхъ, стеклянныхъ глазахъ, свѣтившихъ умомъ и фальшью, было что-то отталкивающее, антипатичное, но первое впечатлѣніе бываетъ иногда обманчиво, думалъ я.

31 января 1844 года я былъ зачисленъ на службу въ секретное отдѣленіе канцеляріи генералъ-губернатора и для ознакомленія со служебными порядками поступилъ въ распоряженіе М. А. Андреевскаго, завѣдывавшаго политическими дѣлами.

Славный человѣкъ былъ этотъ Андреевскій. Не получившій высшаго образованія, онъ служилъ еще при Левашовѣ и Гурьевѣ, отлично зналъ канцелярскій порядокъ, писалъ дѣловыя бумаги кратко, ясно, отчетливо, быстро изучалъ дѣло и давалъ ему вполнѣ законное и справедливое направленіе. Это былъ настоящій труженикъ и главный дѣятель секретнаго отдѣленія. Писаревъ читалъ черновые доклады, исправлялъ редакцію, а иногда и совершенно измѣнялъ проэктированныя Андреевскимъ распоряженія и всегда самъ отправлялся съ докладами къ Бибикову.

Какъ я уже сказалъ, въ секретномъ отдѣленіи Писаревъ сосредоточилъ всѣ важныя и интересныя дѣла; для многочисленныхъ текущихъ

дѣлъ, не представлявшихъ особенной важности, существовала общая канцелярія генералъ-губернатора; управляющимъ былъ номинально дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Стоговъ, производили дѣла и докладывали Бибикову секретари отдѣленій: хозяйственнаго, суднаго и полицейскаго.

Общая канцелярія помѣщалась въ городскомъ домѣ, противъ дома генералъ-губернатора, секретная въ верхнемъ этажѣ занимаемой Писаревымъ квартиры, въ институтскомъ домѣ, такъ какъ Писаревъ состоялъ и правителемъ дѣлъ совѣта института благородныхъ дѣвицъ и потому пользовался обширнымъ казеннымъ помѣщеніемъ.

Послѣ контрактовъ я нанялъ флигель въ три комнаты съ передней, при домѣ г-жи Марковичевой, въ Липкахъ. Моя прислуга состояла изъ лакея, повара и кучера; я держалъ дрожки и пару лошадей. Сдѣлалъ нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ, но съ обществомъ не знакомился. Ходилъ каждый день въ канцелярію, просиживалъ въ ней до трехъ часовъ и возвращался домой, захвативъ для просмотра и изученія нѣсколько дѣлъ. Вечера всегда проводилъ дома и, окончивъ служебныя занятія, посвящалъ остальное время музыкѣ. У меня былъ хорошій вѣнскій рояль и много музыкальныхъ идей; я занялся окончаніемъ начатой мною въ Малагѣ фантазіи на еврейскій мотивъ. Изъ нея вышла небольшая, но оригинальная и трогательная по своему грустному колориту увертюра, которую я назвалъ Noëmi; она была посвящена памяти моей незабвенной Наимы.

Насталъ вскорѣ великій постъ, я говѣлъ въ лаврѣ, въ церкви на покояхъ. Митрополитъ Филаретъ обласкалъ меня; я заходилъ къ нему часто послѣ обѣдни. Простой, на видъ нѣсколько суровый, Филаретъ былъ человѣкомъ правды и добра, іерархомъ благодушнымъ и мягкосердымъ, христіаниномъ въ лучшемъ, самомъ высокомъ значеніи этого слова. Его безъискуственная, задушевная рѣчь, его теплая вѣра, твердое упованіе на благость Провидѣнія и устроеніе Господомъ всего ко благу неотъемлемому, къ жизни вѣчной, были такъ убѣдительны, такъ глубоко проникали въ разбитое мое сердце, что я съ истиннымъ наслажденіемъ проводилъ часъ, другой въ бесѣдѣ съ добродѣтельнымъ представителемъ нашей церкви. Въ немъ видѣлъ я не митрополита, а по истинѣ пастыря добраго.

Въ частной жизни своей Филаретъ отличался первобытной христіанской простотой: получая весьма значительное содержаніе, раздавалъ все нищимъ.

Исповѣдывался я у схимника Парѳенія; онъ былъ схимонахомъ, жилъ въ лаврѣ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ митрополита, такъ и всѣхъ кіевлянъ. Самой строгой жизни, чисто затворнической, Парѳеній принималъ иногда приношенія, но въ тотъ-же день отдавалъ всѣ полученныя деньги и вещи бѣднымъ.

Доброе сѣмя, посѣянное въ сердцѣ человѣка, приноситъ всегда свой плодъ. Такъ было и со мною. Религіозное чувство, взлелѣянное съ дѣтства во мнѣ несравненной моей матушкой, не уступило критическому взгляду на дѣло вѣры и чтенію антирелигіозныхъ книгъ, не поддалось наплыву идеи невѣрія.

Въ молитвѣ—утоленіе печали, въ вѣрѣ—надежда и утѣшеніе.

Настала весна, природа оживилась, а съ нею и я какъ-бы ожилъ. Въ дни свободные отъ служебныхъ занятій, я ѣздилъ въ Кинь-грусть или отправлялся пѣшкомъ въ отдаленныя окрестности города. Любимымъ моимъ мѣстомъ сдѣлался выдубицкій монастырь, расположенный на высокой горѣ надъ Днѣпромъ; кругомъ густой, тѣнистый лѣсъ, въ оградѣ монастырской кельи настоятеля и монаховъ, двѣ церкви, третья въ трапезѣ, и кладбище. Изъ бесѣдки, построенной надъ обрывомъ, чудный видъ на Днѣпръ и на теряющіеся въ отдаленномъ горизонтѣ сосновые лѣса черниговской губерніи, между ними кое-гдѣ мелькаютъ деревушки и хутора съ бѣлыми домиками и колокольнями сельскихъ церквей.

Бывало, придешь въ Выдубицкій и нѣсколько часовъ просидишь въ бесѣдкѣ, или на одной изъ окрестныхъ горъ; съ послѣдней видъ еще лучше, въ чертѣ Днѣпра и синей дали, въ другую сторону разстилается предъ вами Кіевъ, съ его золочеными куполами церквей и высокой лаврской колокольней.

Ѣзжалъ я также въ Голосѣевъ, лѣтнее мѣстопребываніе митрополита. Тамъ Филаретъ велъ жизнь отшельническую и не принималъ почти никого. Я имѣлъ дозволеніе бывать въ его церкви и заходить къ нему послѣ обѣдни. Нерѣдко митрополитъ водилъ меня по саду и въ лѣсу,

изъ котораго въ одномъ мѣстѣ открывался чудный видъ на Кіевъ. Посѣщалъ я иногда и китаевскую пустынь, замѣчательную своимъ мѣстоположеніемъ, необыкновенно роскошной растительностью вѣковыхъ деревьевъ въ обширномъ и дремучемъ лѣсу и прудами изъ ключевой воды. Здѣсь пробѣливаютъ воскъ для церковныхъ свѣчей, а внѣ монастырской ограды около церкви хоронятъ лаврскихъ монаховъ.

На охоту я не ходилъ, исполняя обѣтъ, данный мною не употреблять оружія безъ настоятельной въ немъ надобности.

Личныя мои отношенія съ Писаревыми были очень хороши. Софія Гавриловна въ особенности благоволила ко мнѣ, часто приглашала обѣдать. У Писарева проводилъ изрѣдка вечера; въ его кабинетѣ собиралось пять, шесть человѣкъ, говорили о разныхъ предметахъ часовъ до 10-ти, а въ 10-ть, когда садились за карточный столъ, я уходилъ домой. На путешественника, изъѣздившаго всю Европу, въ то время смотрѣли съ уваженіемъ и нѣкотораго рода завистью. Разсказъ мой слушали охотно и съ вниманіемъ, болѣе всего интересовались Парижемъ; объ Испаніи никто не имѣлъ никакого понятія, и заставляли меня часто возвращаться къ этой странѣ.

По службѣ сначала все шло хорошо, я быстро постигъ канцелярскую премудрость и былъ въ состояніи вести и отписывать дѣла вполнѣ удовлетворительно. Мой способъ изложенія очень нравился Писареву, но въ сущности дѣлъ, въ ихъ направленіи и разрѣшеніи мы отчасти расходились, и вскорѣ я убѣдился, что на этомъ пути мы никогда не сойдемся. И неудивительно, въ каждомъ дѣлѣ Писаревъ искалъ личной пользы и находилъ ее. Коль скоро дѣло представляло извѣстный интересъ, можно было быть увѣреннымъ, что оно получитъ направленіе, согласное съ большей или меньшей степенью ходатайства у всемогущаго правителя канцеляріи. Андреевскій смотрѣлъ на это равнодушно и привыкъ исполнять всѣ приказанія Писарева, я же не могъ не возражать, не приходить въ негодованіе въ виду несправедливыхъ послабленій съ одной и ничѣмъ необъяснимой строгости съ другой стороны.

И говорить нечего, что главную роль въ то время играла политика; обращено было особое вниманіе на ослабленіе и подавленіе польскаго элемента въ краѣ. Общія мѣры въ этомъ отношеніи вездѣ

строго исполнялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывали исключенія въ пользу нѣкоторыхъ личностей, которыя трудно было объяснить. Полиція получила значеніе, какого никогда она не имѣла. Всѣ ея члены, начиная отъ исправника и кончая помощникомъ становаго или засѣдателемъ полицейскаго управленія, были назначаемы властью генералъ-губернатора, мимо губернаторовъ; опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ составляло главное занятіе полицейскаго отдѣленія канцеляріи, но высшія должности давались не иначе, какъ съ соизволенія Писарева. Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей былъ предоставленъ обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго характера совершенный произволъ. Все было на откупу, полицейскіе чиновники составляли значительныя состоянія, и ежели находились личности, которыя, чувствуя себя ни въ чемъ не виновными, не платили полиціи извѣстной дани, то рано или поздно должны были раскаиваться въ этомъ. Посылался доносъ въ Кіевъ, помѣщика вызывали, сажали подъ арестъ, иногда въ крѣпость, допрашивали по нѣскольку мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и въ концѣ концовъ все-же приходилось платить, но платили гораздо больше, чѣмъ платили обыкновенно мѣстной полиціи.

При поверхностномъ взглядѣ на администрацію, въ сторонѣ отъ подробностей и тайныхъ причинъ, приводившихъ въ дѣйствіе тѣ или другія мѣры, меня брало крѣпкое раздумье, и я готовъ былъ неоднократно оставить службу въ Кіевѣ, но увѣщанія и просьбы моей матери заставляли меня оставаться.

Бибикова я видѣлъ очень рѣдко, но онъ зналъ, что я занимаюсь, и, встрѣчая меня всегда очень любезно, говорилъ, что мною доволенъ, совѣтовалъ продолжать мои занятія. Иногда мнѣ казалось, что непріятный миражъ разсѣется и получивъ болѣе или менѣе самостоятельное назначеніе, я буду имѣть возможность принести извѣстную пользу. Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника края; но съ другой стороны, зная твердый характеръ, непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ возможности дать себя опутать до такой степени. Разсказывали, что однажды Бибиковъ сказалъ П—ву: «носятся слухи, что вы берете взятки.»

«Не всякому слуху слѣдуетъ вѣрить,» отвѣтилъ П—въ, «говорятъ также, будто ваше вы—ство въ связи съ моей женою. Я этому не вѣрю.» Повѣрялъ и я слухи, носившіеся въ городѣ объ отношеніяхъ Дмитрія Гавриловича къ Софіи Гавриловнѣ, но въ этомъ отношеніи факты совершенно противорѣчили слухамъ: Бибиковъ ухаживалъ тогда за дѣвицей Ш., дочерью начальника арсенала, которая вскорѣ вышла замужъ за какого-то пріѣзжаго чиновника и получивъ въ приданное тридцать тысячъ, уѣхала изъ Кіева. На счетъ приданаго дѣлали разныя предположенія, иные говорили, что арсеналъ давалъ большія средства, другіе увѣряли, что приданное шло изъ иного источника.

Передъ выходомъ дѣвицы Ш. замужъ, въ Кіевѣ поселилась графиня П., рожденная О—ва, съ двумя незамужними дочерьми. Младшая Елена, брюнетка, была очень хороша собою, и Дмитрій Гавриловичъ сталъ за нею ухаживать, каждый вечеръ отправлялся къ графинѣ на карты виста и любезничалъ съ Еленой Павловной. Старшая сестра Екатерина, блондинка, по подстриженнымъ волосамъ и развязнымъ манерамъ прозывалась козачкомъ, была очень не глупа, ловка и симпатична.

Чѣмъ больше знакомился я съ дѣлами, тѣмъ безвыходнѣе становилось мое положеніе, проэкты моихъ докладовъ были передѣлываемы. Оставалось или подчиниться вполнѣ требованіямъ Писарева, что по правиламъ моимъ было не мыслимо, или оставить занятія въ секретномъ отдѣленіи. Я рѣшился на послѣднее, когда случай доставилъ мнѣ возможность выйдти изъ затруднительнаго положенія. Открылась вакансія переводчика при управленіи генералъ-губернатора. Мнѣ ее предложили, я съ охотой принялъ.

Начавъ съ обратной стороны медали, такъ какъ она близко меня касалась, я ничего не сказалъ еще о лицевой. Въ короткое время Бибиковъ внушилъ къ себѣ такой страхъ въ польскомъ населеніи края, что тишина и спокойствіе вполнѣ были обезпечены, всѣ распоряженія правительства исполнялись безпрекословно, о враждебныхъ политическихъ проявленіяхъ не могло быть и рѣчи, польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить заграницу, произволъ крѣпостнаго права былъ факти-

чески ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія власти и нѣсколькими благодѣтельными для крестьянъ распоряженіями.

Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, какимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ. Старшій полиційместеръ пользовался властью почти неограниченною въ сферѣ своей дѣятельности. Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ съ нагайками, онъ чинилъ судъ и расправу непосредственно и имѣлъ сильную поддержку въ генералъ-губернаторѣ. По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули. Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью. Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно.

Предъ полученіемъ новой должности я ѣздилъ въ деревню и провелъ тамъ двѣ недѣли въ искренной задушевной бесѣдѣ съ матушкой. Она вставала рано и обыкновенно отправлялась съ кускомъ хлѣба завтракать въ садъ фруктами. Я всегда сопровождалъ ее въ этихъ утреннихъ прогулкахъ, затѣмъ пили всѣ вмѣстѣ чай на балконѣ, обѣдали въ липовой вѣковой аллеѣ, дѣлали прогулки пѣшкомъ по хозяйству, въ старый садъ, расположенный у села, заходили въ церковную ограду поклониться гробу дѣдушки и бабушки, вечернія молитвы читали также въ саду; цѣлый почти день проводили на воздухѣ. Говорилъ я матушкѣ о моемъ желаніи перемѣнить службу, она упросила меня остаться въ Кіевѣ, въ полной увѣренности, что трудъ и добросовѣстность рано или поздно будутъ оцѣнены и приведутъ къ хорошимъ результатамъ. Мною и моимъ положеніемъ въ Кіевѣ она была довольна.

Должность переводчика, на которую я былъ назначенъ въ іюнѣ 1844 года, въ то время давала много занятій. Постоянная переписка съ президентомъ Галиціи по политическимъ дѣламъ и объ обоюдной выдачѣ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, занимала много времени. По принятому обычаю президентъ писалъ генералъ-губернатору по нѣмецки, нужно было дѣлать переводъ и передать въ канцелярію для дальнѣйшихъ распоряженій. Отвѣты писались по французски, къ нимъ

присоединялись допросы, показанія и свѣдѣнія также на французскомъ языкѣ. Сверхъ этого на переводчикѣ лежала обязанность вести всю частную корреспонденцію генералъ-губернатора, какъ по русски, такъ и на другихъ языкахъ. Это поставило меня въ непосредственныя отношенія къ Бибикову. Каждый день я долженъ былъ являться къ нему за полученными бумагами и письмами и къ двумъ часамъ изготовлять отвѣты; изъ всѣхъ чиновниковъ я одинъ имѣлъ доступъ въ кабинетъ генералъ-губернатора во всякое время, безъ доклада.

Бибиковъ хорошо говорилъ и читалъ по французски и по нѣмецки, но правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. »Не удивляйтесь этому«, сказалъ онъ мнѣ однажды, »меня вѣдь учили на мѣдный грошъ«. Въ отпискѣ не было большого затрудненія: спросишь бывало, что отвѣтить, и получивъ опредѣлительное указаніе, дѣло сдѣлаешь скоро и удовлетворительно. — Но въ большомъ затрудненіи бывалъ я на первыхъ порахъ, когда Дмитрій Гавриловичъ желалъ писать собственноручный отвѣтъ.—Какъ извѣстно, онъ лишился подъ Бородинымъ лѣвой руки и писалъ правой крайне неразборчиво; неправильность орѳографіи еще болѣе усложняла трудность разбирать его почеркъ. Напишетъ бывало черновую, прикажетъ исправить и переписать и потомъ уже пишетъ на бѣло. Мѣсяца три долженъ былъ я употребить на то, чтобы разбирать черновыя его письма. Затѣмъ все пошло хорошо, и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею редакціею и скромностью, довѣрялъ часто самыя важныя корреспонденціи, которыхъ нельзя было вести путемъ оффиціальнымъ.

По прежнему я нигдѣ почти не бывалъ, съ обществомъ не знакомился и слылъ загадочною личностью. Иные считали меня разочарованнымъ, разыгрывающимъ роль Чайлдъ-Гарольда, другіе просто ипохондрикомъ, нелюдимымъ, знавшіе меня прежде думали, что я напускалъ на себя особенную серьозность и важность, чтобы слыть человѣкомъ дѣловымъ и заставить позабыть увлеченія молодости.

Въ Кіевѣ жила тогда графиня Меллина, вдова лѣтъ пятидесяти; у ней была падчерица, очень умная, любезная и развязная дѣвица не первой молодости и не красивой наружности, и сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, готовившійся къ поступленію въ университетъ, полуидіотъ.

Побывавъ въ Одессѣ, графиня привезла нѣкоторыя свѣдѣнія обо мнѣ. Откуда она уже почерпнула, не знаю, но дѣло въ томъ, что въ ея салонѣ меня возвели въ герои какого-то романа. Въ немъ, если хотите, была доля правды, но все было такъ увеличено и разукрашено въ мою пользу, что я не мало дивился изобрѣтательному воображенію графини. Чрезъ одного изъ молодыхъ людей она изъявила желаніе со мною познакомиться. Трудно было отказаться отъ любезнаго приглашенія, я ей сдѣлалъ визитъ, познакомился у ней съ нѣкоторыми дамами, къ нимъ долженъ былъ также поѣхать изъ приличія. Наконецъ Бибиковъ спросилъ меня, отъ чего я нигдѣ не бываю, и совѣтовалъ познакомиться съ графиней П., у которой собирались по вечерамъ. Въ короткое время я былъ уже знакомъ со всѣмъ кіевскимъ обществомъ, не многочисленнымъ, но довольно пріятнымъ. По вечерамъ выходилъ впрочемъ рѣдко изъ дому, предпочитая чтеніе и музыку вечерамъ, на которыхъ болтали о вещахъ мало интересныхъ или играли въ карты. Къ картамъ я никогда не имѣлъ особеннаго расположенія, но провинціальная жизнь у насъ такъ сложилась, что трудно было обойтись безъ этого скучнаго занятія; чтобы составлять партію въ исключительныхъ случаяхъ, когда не доставало партнеровъ, нужно было выучиться преферансу и возобновить мои свѣдѣнія въ вистѣ, и въ этомъ дѣлѣ учителемъ моимъ былъ Андреевскій: послѣ вечернихъ занятій въ канцеляріи онъ обыкновенно заходилъ къ брату П., жившему рядомъ съ канцеляріею, и въ короткое время я постигъ всю премудрость игры въ преферансъ. Сдержанный и хладнокровный я никогда не увлекался, не рисковалъ и былъ всегда почти въ выигрышѣ. Игрывали по маленькой, и проигрышъ или выигрышъ не составлялъ большой разницы въ кошелькѣ.

Въ это время поселился въ Кіевѣ богатый помѣщикъ черниговской губерніи М. О. Судіенко, сынъ Судіенка, бывшаго главноуправляющаго дѣлами и имѣніями князя Безбородко. Умный, хорошо образованный, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная Миклашевская, слыла когда-то красавицей и теперь была еще очень недурна собою, высокая, стройная, добрая и симпатичная женщина. У нихъ было многочисленное се-

мейство; для воспитанія дѣтей они переѣхали въ Кіевъ, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ. Но по вечерамъ и здѣсь нельзя было обойтись безъ картъ. Тотъ-же преферансъ, но уже по большой, по четверти рубля. Мнѣ очень везло, и игра значительно увеличила мои средства; когда узнали, что я играю, не было возможности отказываться отъ партіи, и почти каждый день отъ 10 до 12 часовъ вечера я игралъ. То у П., то у Судіенка, а наконецъ чаще всего у Фундуклея, назначеннаго гражданскимъ губернаторомъ въ Кіевъ. Вице-губернаторомъ былъ Николай Петровичъ Бибиковъ, тоже любитель зеленаго стола. Губернскимъ предводителемъ издавна состоялъ графъ Тышкевичъ, весьма ловкій и уживчивый человѣкъ. Домъ его содержался на барскую ногу, и онъ жилъ весьма прилично. Открытый домъ составляло семейство Маршицкихъ. Старикъ Маршицкій былъ глупъ, но искателенъ и пользовался расположеніемъ Бибикова, жена его имѣла страсть говорить по французски, но такимъ языкомъ, что слушая ее, всѣ помирали со смѣху. Дмитрій Гавриловичъ часто любилъ забавляться ея слабостью въ этомъ отношеніи и заставлялъ произносить такія фразы, которыя изъ приличія не могутъ быть повторены здѣсь. Дочь ихъ Наталія была довольно простенькая, но видная и любезная дѣвица. Довольно пріятное семейство Проскуры, состоявшее изъ отца и очень умной матери, и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ, развелась и вышла впослѣдствіи за Мартынова Николая Соломоновича, сосланнаго въ Кіевъ за убійство на дуэли Лермонтова. Меньшая, очень красивая брюнетка, вышла замужъ за Грабянку, тоже не надолго. Комендантомъ былъ назначенъ А. Л. Пенхержевскій, отличный человѣкъ; старшая дочь его была замужемъ за И. В. Синельниковымъ, дальнимъ моимъ родственникомъ. Вотъ и все кіевское общество тогдашняго времени, исключая военныхъ, ученыхъ и чиновниковъ.

Вскорѣ отдѣленіе иностранной переписки значительно увеличилось молодыми людьми, поступавшими на службу къ генералъ-губернатору. Всѣхъ порядочныхъ и образованныхъ отдавали въ мое распоряженіе, и изъ нихъ составилась маленькая канцелярія, къ обязанностямъ которой отнесли, сверхъ обыкновенныхъ занятій, чтеніе иностранныхъ

газетъ, запрещенныхъ цензурой, и выписки изъ наиболѣе интересныхъ статей для генералъ-губернатора. Между этими молодыми людьми особеннымъ расположеніемъ моимъ пользовался графъ Эмиль Олизаръ. Сынъ бывшаго богатаго польскаго сенатора, приговореннаго къ смертной казни и конфискаціи имущества за мятежъ 1830 года, но ушедшаго переодѣтымъ изъ тюрьмы и эмигрировавшаго во Францію, молодой Олизаръ былъ очень недуренъ собою, хорошо образованъ и очень остроуменъ. Воспитанный съ братомъ Адольфомъ роднымъ дядею, Густавомъ Олизаромъ, бывшимъ кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Эмиль, кромѣ самого ограниченнаго содержанія отъ дяди, едва достаточнаго для пополненія туалета, не имѣлъ никакихъ средствъ. Желая быть ему повозможности полезнымъ, я пригласилъ его нанять комнату во флигелѣ, мною занимаемомъ и пользоваться моей прислугой и столомъ. Между нами установились самыя дружескія отношенія, онъ развлекалъ меня своею болтовнею, я заставлялъ его работать серьезно.

Съ января 1845 года я перемѣнилъ квартиру и перешелъ въ домъ Бѣлоградскаго въ Липкахъ около дворцоваго сада. У меня былъ въ бель-этажѣ большой залъ, спальня, передняя и буфетъ, Олизаръ помѣстился въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Онъ мнѣ рекомендовалъ въ камердинеры долго служившаго у его родственника, князя Четвертинскаго, негра Франца. Францу было лѣтъ подъ сорокъ; вывезенный въ Турцію изъ Дарфура, онъ попалъ въ Одессу, гдѣ Четвертинскій взялъ его къ себѣ, окрестилъ въ католическую религію и женилъ на дочери одного изъ своихъ экономовъ, православнаго вероисповѣданія. Францъ мнѣ очень понравился, былъ особенно внимателенъ, услужливъ и честенъ. Я его искренно полюбилъ, а онъ привязался ко мнѣ тою привязанностью, которая характеризуетъ негровъ. Пришлось только учить его русскому языку, такъ какъ Францъ плохо объяснялся по русски, живя постоянно въ домѣ польскаго магната.

Я отправился въ началѣ января на нѣсколько дней въ деревню къ матушкѣ съ тѣмъ, чтобы 12 января быть у Волховской. Дмитрій Гавриловичъ отпустилъ меня съ условіемъ, чтобы 13-го я непремѣнно возвратился къ его балу.

Свиданье съ матушкой было для меня въ высшей степени пріятно. Она была вполнѣ довольна мною, зная, что я занимаюсь прилежно службой и что Бибиковъ хорошо расположенъ ко мнѣ. Отъ П. я привезъ ей письмо. Вообразите мое удивленіе, когда матушка прочла мнѣ это письмо. Въ немъ отдавалась полная справедливость моимъ способностямъ и познаніямъ, но направленіе настоящей молодежи и мое въ особенности крайне не нравились П.; онъ называлъ насъ утопистами, мечтателями, проводителями новыхъ началъ, не свойственныхъ русской природѣ и нашему общественному строю. Въ заключеніе давалъ совѣтъ женить меня поскорѣе и предлагалъ въ невѣсты дѣвицу К., недавно поселившуюся въ Кіевѣ съ матерью, вдовой генерала отъ инфантеріи.

Не менѣе моего матушка была удивлена этимъ письмомъ; считая П. человѣкомъ очень умнымъ и хорошо къ намъ расположеннымъ, она не знала, что думать о его предложеніи. Я объяснилъ матушкѣ, что П. утопіей называлъ абсолютную честность новаго поколѣнія служащихъ и желаніе искоренить вошедшій въ кровь обычай брать взятки, и что въ этомъ вопросѣ мы никогда не сойдемся съ П. Что касается дѣвицы К., то я очень мало былъ знакомъ съ нею и всего раза три былъ у ея матери. Дѣвицѣ К. едва минуло шестнадцать лѣтъ, воспитывалась она въ лучшемъ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ, была мала ростомъ, имѣла великолѣпные темно-сѣрые глаза, роскошные темно-каштановые волосы и прехорошенькій ротикъ; вообще была недурна собой, очень неглупа, разговорчива и любезна. За старшей ея сестрой Екатериной начиналъ ухаживать Бибиковъ послѣ отъѣзда изъ Кіева графини П. Вотъ и всѣ мои отношенія къ дѣвицѣ К., но предложеніе П. имѣло причину, которая объяснилась позже. Къ этому господину я относился недовѣрчиво, и не смотря на его заискиванія, старался держать себя подальше; какое то инстинктивное чувство отталкивало меня отъ него; не могъ дружить я съ отъявленнымъ взяточникомъ; послѣ письма къ матушкѣ, онъ сталъ мнѣ еще болѣе ненавистенъ. Матушка любезно, но уклончиво отвѣчала на письмо П.

Я возвратился въ Кіевъ къ балу Дмитрія Гавриловича. и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею аккуратностью.

Графиня П., уѣзжая, купила мѣстечко Чернобыль, значительное

вершеніи акта пятьдесятъ тысячъ, а остальныя должна была уплачивать чрезъ каждые два года въ извѣстные сроки, до полной выплаты всего капитала. О сдѣлкѣ этой много говорили въ Кіевѣ: увѣряли, что дѣла графини П. въ такомъ положеніи, что она никогда не могла располагать наличною суммою въ пятьдесятъ тысячъ и что деньги эти пріобрѣтены какимъ-то темнымъ путемъ; разсказывали, что П. изъ угожденія своему начальнику устроилъ это дѣло.

Catherine К. вскорѣ вышла замужъ за генерала Л., Бибиковъ сталъ ухаживать за ея сестрой.

Ближайшіе мои сотрудники по дѣламъ служебнымъ и другіе молодые люди собирались часто въ моей залѣ и проводили время довольно весело; иногда я угощалъ ихъ обѣдомъ, приготовленнымъ весьма недурно моимъ поваромъ, воспитанникомъ главнаго повара моего отца, изучившаго поваренное искусство на лучшихъ кухняхъ Петербурга, въ томъ числѣ и на Нессельродовской. Въ большой залѣ, которую я занималъ, было много тепличныхъ растеній, до которыхъ я былъ большой охотникъ: между растеніями, на колоннахъ подъ мраморъ, стояли гипсовые бюсты государя и императрицы. 1-го мая, предъ поѣздкой въ Шулявскую рощу на гулянье, у меня былъ большой обѣдъ; когда онъ кончился, подали шампанское, я всталъ, чтобы предложить тостъ за отсутствовавшихъ дамъ—и мысленно обратился къ матушкѣ. Раздался трескъ, и къ удивленію нашему бюстъ императрицы, расколотый въ длину, свалился на полъ, колонна осталась неповрежденною. Меня словно кольнуло въ сердце, едва устоялъ я на ногахъ. Бросились къ колоннѣ, старались объяснить причину паденія бюста, но она осталась необъяснимою, тѣмъ болѣе, что никто къ нему не подходилъ, и лакеи, разливавшіе вино, находились у противоположнаго конца стола; перешли потомъ къ шуткамъ: болѣе всѣхъ шутилъ Олизаръ, но я былъ не въ духѣ и отказался отъ поѣздки за городъ, предоставивъ мой экипажъ въ распоряженіе Олизара. Когда всѣ разъѣхались, подходитъ ко мнѣ мой негръ, котораго я очень полюбилъ, и говоритъ: нехорошо, господинъ, можетъ быть несчастіе. Эти слова врѣзались въ мою память, но прошло нѣсколько дней, занятія, развлеченіе, прогулки за городомъ разсѣяли грустное настроеніе духа, поговорили о разбившемся бюстѣ,

какъ о вещи очень обыкновенной, предполагая, что онъ былъ надломленъ, и забыли. 3-го мая получилъ я письмо отъ матушки и совершенно успокоился.

8-го мая передъ вечеромъ приносятъ письмо изъ деревни, адресъ былъ написанъ рукою моего отца. Вскрывши, читаю извѣщеніе о серьезной болѣзни матушки. Опрометью побѣжалъ я къ Бибикову, получилъ разрѣшеніе уѣхать, и ночью въ дорожной коляскѣ, не смотря на бурю и сильный дождь, мчался на почтовыхъ въ деревню. Взялъ съ собою Франца и неразлучнаго моего Мезора, великолѣпнаго кингчальса, подареннаго мнѣ дядей Олизара.

Въ 7 часовъ утра я подъѣзжалъ уже къ нашей усадьбѣ Отрадѣ; у аллеи, усаженной гигантскими итальянскими тополями, я всталъ и отправился пѣшкомъ въ домъ, отправивъ экипажъ на черный дворъ, чтобы утреннимъ пріѣздомъ не обезпокоить матушку.

Была ранняя весна, въ большемъ подъѣздномъ дворѣ цвѣли сирени, левкои, розы и воздушные жасмины. Солнце свѣтило ярко; послѣ дождя воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ, благоуханіе распустившихся кустарниковъ заставляло съ наслажденіемъ вдыхать въ себя ароматическую атмосферу майскаго утра. Никогда дворъ этотъ не казался мнѣ такимъ красивымъ, никогда чудный бархатистый деревенскій воздухъ не представлялся мнѣ такимъ пріятнымъ: дышалось легко, но на сердцѣ было тяжело: недоброе предчувствіе овладѣло мною. У крыльца меня встрѣтилъ старый слуга, бывшій моимъ дядькой еще въ пансіонѣ, шестидесятилѣтній Марко. На вопросъ о здоровьи матушки, онъ покачалъ своей сѣдой головой и отвѣтилъ: нехорошо.

Въ домѣ всѣ еще спали, одна сестра Софія встрѣтила меня въ залѣ. Блѣдное ея лице, заплаканные глаза служили дурнымъ предзнаменованіемъ. Она мнѣ разсказала, что матушка лечила на селѣ, что случалось постоянно, больную тифомъ крестьянку, и посѣщала ее ежедневно. Тифозная начала выздоравливать, но матушка заразилась этою опасною болѣзнію; съ первыхъ чиселъ мая чувствовала себя нехорошо, но перемогалась и разсчитывая на свое здоровье (матушка никогда не была больна), употребляла домашнія средства и не хотѣла прибѣгать къ помощи доктора. Когда сдѣлалось

хуже, послали за Фишеромъ въ Яготинъ и за уѣзднымъ врачемъ въ П., но надежды мало. Фишеръ живетъ постоянно въ Отрадѣ, и не скрываетъ опаснаго положенія матушки: болѣзнь приняла дурной оборотъ, показались пятна.

Нѣтъ словъ выразить то грустное, потрясающее впечатлѣніе, которое испыталъ я при первомъ взглядѣ на тяжко больную мать мою. Въ нѣсколько дней болѣзнь до того измѣнила ея черты, что она была почти неузнаваема: не было и тѣни дышавшей здоровьемъ, жизненной силой и душевной энергіей женщины. Я осыпалъ поцѣлуями ея исхудалыя, горѣвшія лихорадочнымъ жаромъ руки; какъ ни крѣпился, не могъ выдержать и тихо зарыдалъ. Матушка поцѣловала меня въ лобъ. То было прикосновеніе раскаленнаго желѣза. Сухія, горячечныя губы, тяжелое дыханіе, мутный, неподвижный взглядъ, невнятное произношеніе, не позволяли сомнѣваться въ печальной дѣйствительности. Болѣе часу однако мы разговаривали съ матушкой о моемъ житьѣ-бытьѣ; все ее интересовало до малѣйшихъ подробностей [1]).

Въ 9 часовъ насъ позвали къ утреннему чаю въ столовую. Отецъ былъ очень радъ моему пріѣзду; въ немъ я не нашелъ никакой перемѣны. Фишеръ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и на вопросъ о положеніи матушки съ грустью покачалъ головой. Сестра Marie разливала чай и казалась совершенно спокойною. Sophie не отходила отъ матушки, проводила всѣ ночи у ея постели, и съ трудомъ можно было увести ее изъ спальни на нѣсколько мгновеній.

Мы разговаривали довольно долго, я упросилъ Sophie пойдти отдохнуть немного послѣ ночи безъ сна, проведенной у матушки; ее замѣнила сестра Marie. Къ двумъ часамъ матушка забылась, я вышелъ; доложили о пріѣздѣ старшей моей сестры Аделаиды съ мужемъ В. Сѣли обѣдать. Обѣдъ прошелъ скучный, грустный. Къ вечеру матушкѣ стало хуже, жаръ усилился, она была въ полномъ безпамятствѣ, но утромъ слѣдующаго дня матушка пришла въ память, горячечное состояніе исчезло и взглядъ ея просвѣтлѣлъ.

---

[1]) Опускаемъ подробности описанія смерти матери автора «Записокъ» и изліянія его скорбныхъ чувствъ.—Ред.

Послѣ полудня матушка значительно ослабѣла, а предъ вечеромъ ей стало еще хуже, упадокъ силъ былъ такъ великъ, что она съ трудомъ могла произнести нѣсколько невнятныхъ словъ. Часовъ въ восемь, матушка шопотомъ, обращаясь ко мнѣ взорами, сказала: подойди ближе Pierre. Я сталъ на колѣни у ея изголовья, она съ трудомъ положила руку свою на мою голову, уста ея шевелились; произносили-ли они молитву или благословеніе, не знаю; нельзя было разслышать. Но когда я приподнялся, она взглянула на меня такъ жалостно, такъ грустно, что невольно слезы капнули изъ глазъ моихъ. Послѣ меня подходили по очереди мои сестры и цѣловали руку матушки, приблизился и отецъ. Видно было, что матушка желала что-то сказать, но слова замирали на ея устахъ, она продолжала смотрѣть съ сожалѣніемъ на всѣхъ; потомъ взглядъ ея упалъ на сестру Sophie, едва слышнымъ голосомъ проговорила она: бѣдныя дѣти! Эти слова были послѣдними словами матушки. Она впала въ безпамятство; началась агонія. Раннимъ утромъ 11-го мая матушка тихо скончалась.

Выносъ въ церковь послѣдовалъ на второй день, похороны на третій.

13-го мая заупокойная обѣдня началась въ 10 часовъ утра; и церковь, и паперть, и окружающая мѣстность какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ея полны были народу. Къ печальной церемоніи съѣхались всѣ родные, всѣ знакомые, всѣ близкіе и дальніе сосѣди, сошлись крестьяне нашей деревни и окрестныхъ сёлъ; я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ; не могъ оторвать взоровъ отъ драгоцѣннаго праха обожаемой матери и молился, просилъ у Бога чуда воскрешенія усопшей. Тщетно. По временамъ когда одинъ изъ священниковъ возглашалъ: объ упокоеніи рабы Божіей боярыни Маріи, я выходилъ изъ моего забытья и словно подверженный гальваническому удару, опускался на колѣни. Какъ происходило отпѣваніе, какъ понесли гробъ на семейное кладбище и опустили въ могилу, не помню. Припоминаю, что бросивъ горсть земли на гробъ стоявшій въ могилѣ, я долго еще молился и возвратился къ себѣ во флигель пѣшкомъ.

Къ обѣду я не пошелъ, это было выше силъ моихъ. Послѣ обѣда явились ко мнѣ непрошенные гости; я сидѣлъ на балконѣ и не могъ

отъ нихъ скрыться. Слышались слова участія, утѣшенія, слова доброй памяти о покойницѣ и все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; но вообразите мое негодованіе, когда сосѣдъ З., мой дрезденскій товарищъ по квартирѣ подошелъ ко мнѣ съ слѣдующей фразой: «ну, что горевать? все проходитъ; вспомните, что теперь Отрада ваша»! Во взглядѣ брошенномъ мною З. было столько презрѣнія, что онъ видимо сконфузился и растерялся. Я раскланялся съ посѣтителями и удалился въ свои комнаты, приказавъ Францу никого комнѣ не впускать. Съ тѣхъ поръ З. сталъ мнѣ противенъ, я его возненавидѣлъ.

Вскорѣ всѣ разъѣхались, къ вечеру мы остались одни и по обыкновенію къ чаю собрались въ столовую.

Воспоминанія, проникнутыя глубокою привязанностью къ матушкѣ, оживили нашу бесѣду, и сквозь слезы проговорили мы въ троемъ до поздней ночи. И дѣйствительно было о чемъ вспоминать.

Начиная съ крестьянъ, не было помѣщицы болѣе благодѣтельной и доброй, какъ матушка. Огромные надѣлы землею, издавна розданные крестьянамъ дѣдушкой, оставались неприкосновенными, единственно по настоянію покойницы; разныя угодья, левадки, предоставленныя въ ихъ пользованіе, никогда не отбирались въ пользу экономіи; строго наблюдалась равномѣрность барщины: никогда не работали болѣе трехъ дней въ недѣлю, когда-же требовалась усиленная работа во время сѣнокоса или жатвы, переработанные дни засчитывались въ льготные, или оплачивались; подати платила за крестьянъ матушка, ничего съ нихъ не взыскивая, частью процентами съ капитала, оставленнаго на этотъ предметъ дѣдушкой, частью изъ доходовъ имѣнія; лѣсной матеріалъ, кирпичъ и другія принадлежности отпускались безвозмездно для крестьянскихъ построекъ; въ неурожайные годы раздавался хлѣбъ крестьянамъ безвозвратно изъ значительныхъ всегда запасовъ экономіи; были разведены особенные разсадники фруктовыхъ деревьевъ для насажденія садовъ въ крестьянскихъ усадьбахъ и привитые хорошіе сорта отдавались безплатно; заведены улучшенныя породы рабочихъ лошадей и скота, производителей крестьянамъ дарили и лишнимъ приплодомъ въ имѣніи они пользовались за самые ничтожные отработки или услуги. Постигнетъ кого семейное горе или болѣзнь, бывало идутъ къ матушкѣ за

совѣтомъ и помощью, въ полной увѣренности, что ни въ томъ, ни въ другомъ отказа не будетъ; провинится-ли кто, прибѣгаютъ къ ея защитѣ, къ ея милосердію, и не было примѣра, чтобы благодѣтельная помѣщица не отмѣнила, или не смягчила значительно взысканія.

Прислуга, или такъ называемые въ то время дворовые люди, пользовались такими удобствами и довольствомъ, что, безъ преувеличенія можно сказать, составляли какъ бы часть семьи помѣщицы. Превосходныя отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ, общія для холостыхъ, обильный, сытный столъ, пробу котораго ежедневно приносили матушкѣ, болѣе чѣмъ приличная, барская одежда и ежемѣсячное денежное вознагражденіе были неотъемлемыми принадлежностями каждаго дворовагo. Всѣхъ дѣтей многочисленной дворни учили грамотѣ, молитвамъ и матушка каждую недѣлю повѣряла успѣхи учащихся, поощряя лучшихъ ласками и подарками.

И говорить нечего, что крестьяне и дворовые боготворили матушку; какъ не упрекали нашъ народъ въ неблагодарности, малютенскіе крестьяне и отрадская прислуга служили живымъ протестомъ этому обвиненію, въ то время, когда господство крѣпостного права всею тяжестью лежало еще на народѣ; и то правда, что не много находилось такихъ помѣщицъ, какъ моя мать.

Что касается семейныхъ отношеній, то матушка всею душей была привязана къ моему отцу и глубоко его любила, но все не была счастлива въ этомъ отношеніи. Подчиняясь вполнѣ волѣ и желаніямъ моего отца по мѣрѣ возможности, въ нѣкоторой степени доходившей до самопожертвованія, она часто сдерживала вспыльчивость его характера и строгость чисто-военнаго закона. Уступая во всемъ, что не составляло особенной важности, она имѣла твердость проводить свои убѣжденія и правила, не оскорбляя самолюбія главы семейства.—Дѣтьми матушка распоряжалась самостоятельно, наше домашнее воспитаніе и направленіе принадлежали ей вполнѣ, она была главною, можно сказать, единственною руководительницею нашею. Матушка была очень образованною по своему времени женщиной, очень много читала, превосходно писала на двухъ языкахъ. Независимо отъ наукъ, особенно ея вниманіе было обращено на религіозное и нравственное наше развитіе;

кромѣ постоянныхъ занятій и наставленій, живой примѣръ истинной христіанки и добродѣтельной женщины, какою была матушка, имѣлъ самое благотворное на насъ вліяніе. Правила религіи, нравственности и высокой добродѣтели примѣнялись къ дѣлу постоянно, входили въ обычаи, въ жизнь семейную.

Содержаніемъ дома, передѣланнаго и значительно увеличеннаго моимъ отцемъ дворовыми принадлежностями и постройками, главнымъ хозяйствомъ во всемъ его объемѣ и декоративной частью сада завѣдывалъ батюшка. Но во всемъ видно было благодѣтельное участіе матушки, ея заботливости, ея ума. Усадьба и домъ содержались въ порядкѣ и чистотѣ, почти нигдѣ небывалой въ то время въ Малороссіи. Домъ былъ какъ полная чаша, ни въ чемъ не было недостатка, но благоразумная разсчетливость матушки не допускала ничего лишняго; женское хозяйство и малютенская часть садовъ были предметами ея особыхъ заботъ. Малютенское имѣніе, доставшееся ей отъ отца, было образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о значительныхъ и красивыхъ постройкахъ и насажденіяхъ усадьбы, хозяйство имѣнія доведено было до той степени совершенства и разнообразія, на которой врядъ-ли стояли другія помѣстья полтавской губерніи. Заводы: селитряный, винокуренный, маслобойный, конный, рогатаго скота превосходной породы, тонкорунное овцеводство въ довольно большихъ размѣрахъ, улучшенное хлѣбопашество составляли главныя статьи. Пчеловодство по системѣ Прокоповича, огородничество, тканіе ковровъ и холста и другія мелкія отрасли хозяйства также не были упущены изъ виду. Однимъ словомъ все, что могло приносить пользу, постепенно вводилось въ систему хозяйства и достигало надлежащаго развитія и совершенства.

Ближайшихъ родственниковъ у матушки не было, къ дальнимъ она относилась всегда съ сердечнымъ участіемъ и помогала имъ, чѣмъ могла.

Съ посторонними, съ сосѣдями, съ добрыми знакомыми, матушка находилась всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Всѣ обращались къ ней за совѣтомъ, за покровительствомъ. Никому, никогда и ни въ чемъ не было отказа. Матушка была общею ходатайницею и пользуясь глубокимъ уваженіемъ лицъ власть имѣвшихъ, всегда почти достигала

исполненія своихъ просьбъ о другихъ. При этомъ необыкновенная снисходительность къ чужимъ недостаткамъ, желаніе и въ дурномъ найдти хорошую сторону, объяснить все добрымъ намѣреніемъ, всегдашняя готовность помочь въ случаѣ надобности ставили матушку въ исключительное положеніе. Въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу матушка не допускала насмѣшекъ надъ другими, никогда, ни о комъ не отзывалась дурно. При жизни ея, любви къ ней всѣхъ знавшихъ ее не было границъ; по кончинѣ чувства эти высказались единодушно: неожиданная, преждевременная утрата этой добродѣтельной женщины считалась невознаградимою, носила характеръ общественнаго бѣдствія.

Послѣ девятого дня, со времени кончины матушки, мы разъѣхались. Отецъ съ Sophie и Marie отправился въ П. за сестрою Надею, я въ Кіевъ.

Бибиковъ принялъ большое участіе въ постигшемъ меня несчастіи, разспрашивалъ о батюшкѣ, о семействѣ и предложилъ мнѣ съѣздить лѣтомъ къ сестрамъ на нѣсколько недѣль. Это вниманіе глубоко тронуло меня.

Съ особеннымъ прилежаніемъ принялся я за служебныя дѣла, много читалъ, много занимался музыкой, и часто, по вечерамъ, отправлялся за городъ.

Митрополитъ Филаретъ жилъ въ Голосѣевѣ, я посѣтилъ его нѣсколько разъ, и простыя, но проникнутыя высокимъ чувствомъ вѣры рѣчи его, если не утѣшали, то значительно успокаивали меня.

Кончина матушки имѣла большое вліяніе на меня: я крѣпко упалъ духомъ и сильно измѣнился физически. Не забуду, какъ однажды, гуляя въ отдаленной аллеѣ городскаго сада, я встрѣтилъ добраго моего знакомаго Б., у котораго часто обѣдывалъ.

Что съ вами, сказалъ онъ мнѣ, на васъ лица нѣтъ, вы постарѣли нѣсколькими годами, здоровы ли?

Я ему отвѣтилъ, что имѣлъ несчастіе лишиться матери. Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, казалось, не понималъ, что горестное событіе это могло имѣть на меня такое сильное вліяніе. Несмотря на ежедневное усиленное движеніе при посѣщеніи загородныхъ мѣстностей пѣшкомъ, всѣ ночи я проводилъ почти безъ сна. Съ вечера

бывало клонитъ ко сну, ляжешь, и чрезъ полчаса просыпаешься. Въ одну изъ безсонныхъ ночей вадумался я написать симфонію на кончину матушки.

Въ первой части: Allegro furioso я предположилъ въ видѣ интродукціи изобразить ходъ болѣзни; во второй Adagio агонію и кончину; въ третьей Marche funebre похороны, въ четвертой Lamentose Allabreve сѣтованіе, переходящеее въ молитву: Andante religioso.

Въ теченіи шести недѣль усидчиво трудился я по ночамъ надъ симфоніей. Всѣ части были вполнѣ разработаны, для главныхъ инструментовъ оставалось пополнить оркестровку въ партитурѣ. Композиціей моей я остался совершенно доволенъ, но мотивы были такъ печальны, въ нихъ сказывалась такая глубокая грусть и душевная невзгода, что исполняя на фортепьяно отрывокъ изъ симфоніи, я растравлялъ незажившія еще раны моего сердца. Съ другой стороны, музыка эта возносила меня въ міръ духовный, ставила въ общеніе съ матушкой и подъ часъ, какъ молитва безъ словъ, какъ изліяніе религіознаго чувства въ формѣ музыкальныхъ идей, успокоивала, умиротворяла меня.

Вскорѣ я окончилъ партитуру симфоніи для оркестра, сдѣлалъ извлеченіе для фортепьяно въ четыре руки и послалъ въ Лейпцигъ для напечатанія. На заглавномъ листѣ, въ вѣнкѣ изъ безсмертниковъ стояло посвященіе: A toi, âme cherie. Симфонія озаглавлена: La mort d'une Sainte, кончина праведницы.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ происходилъ изъ знатной и родословной фамиліи, производившей свое начало отъ литовскихъ князей Гедиминовичей. Начатки этой фамиліи роднятся съ Гедиминомъ такимъ образомъ:

○ Гедиминъ

○ Наримонтъ.

○ Патрикій, дѣти коего, братья Патрикѣевы, Θеодоръ и Юрій, выѣхали изъ Литвы въ Москву, при Василіѣ Темномъ.

○ Θеодоръ Хованскій, родоначальникъ князей Хованскихъ.

○ Юрій, женатъ на Маріи, сестрѣ Темнаго.

○ Василій.

○ Иванъ.

○ Иванъ Булгакъ.

○ Данило Щеня, отъ коего князья Щенятевы.

○ Василій Косой Патрикѣевъ, въ монаш. Кассіанъ.

○ Михайло Голица, родоначальникъ князей Голицыныхъ.

○ Андрей Курака, родоначальникъ князей Куракиныхъ.

Занявъ въ лицѣ своихъ предковъ, съ самаго начала ихъ поселенія въ Москвѣ, видное положеніе при дворѣ, князья Куракины крѣпко поддерживали свою фамильную честь. Особенными подвигами ни военными, ни гражданскими, князья Куракины не отличались, но не принадлежали и къ числу фамилій захудалыхъ; если не шли впередъ, но не уступали ни шагу на поприщѣ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя

были захвачены ихъ предками. Поэтому въ мѣстническихъ счетахъ имя Куракиныхъ встрѣчается очень часто, и отличаются они замѣчательнымъ упорствомъ. Такъ въ 1640 г. князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ мѣстничался съ княземъ Ал. И. Трубецкимъ, не желая быть младшимъ воеводою на южной границѣ московскаго государства для обереганія ея отъ крымскихъ татаръ. Узнавъ о претензіяхъ Куракина, Трубецкой билъ челомъ государю о безчестьи, приводя основанія и случаи, почему ему можно быть больше князя Куракина. Трубецкой аргументировалъ такъ: «Куракины уступаютъ Голицынымъ, а Голицыны уступаютъ Трубецкимъ, тѣмъ паче Куракины должны уступить Трубецкимъ. *«Да и большіе ваши родители Голицыны съ ихъ родителями съ Трубецкими бывали безсловно: и вы-де Куракины съ Голицыными всегда безсловны»*. Аргументамъ Трубецкаго Ѳедоръ Куракинъ противопоставлялъ свои аргументы, заявляя, что Трубецкіе потеряли свое старшинство измѣною, и ссылаясь на недошедшій до насъ указъ царя Ивана Грознаго, состоявшійся послѣ отъѣзда князя Андрея Курбскаго и понижавшій на 12 мѣстъ цѣлую фамилію за измѣну одного члена. *«А князья Трубецкіе*, заявлялъ Ѳ. Куракинъ, *государямъ измѣняли, именно при дѣдѣ дѣда государева великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ отъѣхали въ Литву, а князья Куракины какъ пріѣхали къ великому князю Василію Васильевичу, съ тѣхъ поръ работали и служили государямъ честно и въ измѣнѣ никогда не бывали»*.

Заявленіе князя Ѳ. Куракина не осталось безъ отвѣта, который на этотъ разъ былъ данъ уже отъ имени государя. Въ царской грамотѣ выставлялись на видъ два обстоятельства: первое, что въ тяжелое смутное время не остались совсѣмъ чистыми и князья Куракины, второе, что по воцареніи дома Романовыхъ, дана полная амнистія за всѣ прошлыя вины. *«Дядя твой И. Куракинъ,*—гласила царская грамота, *съ польскими и литовскими людьми на разореніе московскому государству совѣтникъ былъ, и съ польскими и литовскими людьми по его совѣту многія святыя Божьи церкви обругали и московское государство жгли, и многихъ православныхъ христіанъ побили, и многую христіанскую кровь пролили, а иныхъ православныхъ христіанъ и съ сосущими младенцы въ литовскую сторону отвели... А какъ Божіею милостію московское государство отъ литовскихъ людей очистилось, и по волѣ Божіей на московскомъ государствѣ учинились мы, великій государь,... и мы для обновленія нашего государства и для нашего царскаго вѣнца всѣхъ пожаловали, прежнія ихъ вины велѣли имъ вдать и впредь тѣ ихъ вины никому не вспомянуть. А что пишешь къ намъ въ своей отпискѣ про измѣну князя Андрея Курбскаго и про приговоръ, что которые измѣняютъ, что тѣ измѣною своею многіе мѣсты теряютъ, и тебѣ было о*

томъ къ намъ, великому государю, писать непригоже: прежнихъ великихъ государей указы и приговоры вѣдомы больше твоихъ вычетовъ, и знаемъ мы, кого съ кѣмъ ровнять и кому съ кѣмъ быть». Далѣе слѣдуютъ угрозы выдать князя Куракина головою; въ случаѣ же порухи военному дѣлу, царь грозитъ Куракину смертною казнію. Чѣмъ кончилось это длинное мѣстническое дѣло, неизвѣстно; мы привели его только для того, чтобы показать, какъ князья Куракины блюли свою родовую честь [1]).

Родословіе князей Куракиныхъ въ прямой нисходящей линіи отъ родоначальника князя Андрея Кураки до нашего автора представляется намъ въ такомъ видѣ:

1) Князь Андрей Ивановичъ Куракинъ, сынъ Ивана Булгака, жившій въ первой половинѣ XVI в.

2) Князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, современникъ Ивана Грознаго.

3) Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, многолѣтній старецъ, бывшій бояриномъ 25 лѣтъ при пяти царяхъ, отъ 1590 по 1615 годъ (*Карамз*. X, пр. 61).

4) Князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ, бывшій нѣсколько лѣтъ бояриномъ одновременно съ отцомъ.

5) Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, дѣдъ нашего автора, скончавшійся великимъ постомъ 1682 г.

6) Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, отецъ нашего автора, скончавшійся еще не въ старыхъ годахъ, въ смоленскомъ воеводствѣ, въ концѣ того-же 1682 года.

7) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, авторъ предлагаемыхъ записокъ, впослѣдствіи русскій посланникъ въ Голландіи, Франціи и Англіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и ордена св. Андрея Первозваннаго кавалеръ, родился въ Москвѣ 20 іюля 1676 г., скончался въ Парижѣ 17 октября 1727 г., на 52 году отъ рожденія.

Такимъ образомъ 6 поколѣній отдѣляютъ нашего князя Бориса отъ родоначальника Андрея Кураки и 12 поколѣній отъ Гедимина (1338 г.) до рожденія князя Бориса, что даетъ въ среднемъ выводѣ по 30 лѣтъ на каждое поколѣніе.

Обращая вниманіе на отличительныя свойства фамиліи Куракиныхъ, кромѣ родовой гордости, трудно указать на что нибудь выдающееся. Быть можетъ это въ нѣкоторой степени зависитъ отъ недостатка источниковъ. Но если у каждаго рода, считающаго вѣками свою генеало-

---

[1]) Маркевича. О мѣстничествѣ 470—477. Помнится, князь Куракинъ, какъ герой мѣстничества, выводится въ романѣ Загоскина: *Брынскій лѣсъ*.

гію, есть фамильный типъ, есть свои политическія преданія, то конечно были таковые и въ родѣ Куракиныхъ. Принимая во вниманіе фамильную гордость, по которой князья Куракины никогда не забывали своего происхожденія отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, припоминая, что изъ этого-же литовскаго княжескаго рода происходилъ знаменитый врагъ «іосифлянъ», князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, мы склонны думать, что князья Куракины принадлежали къ числу такихъ московскихъ политиковъ, которые желали, чтобы государь совѣщался о всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ съ боярами и любилъ *встрѣчу*, то есть противорѣчіе, — чтобы проявленіе онаго со стороны боярскихъ родовъ было ограничено не закономъ, а неписаннымъ обычаемъ. Политическіе идеалы Куракиныхъ восходили къ тому давнему періоду, когда при дворѣ господствовало еще дружинное начало, когда государь былъ если не primus inter pares, то по крайней мѣрѣ не обижался, если бояре, въ качествѣ участниковъ въ управленіи, ему противорѣчили. Конечно этимъ гордымъ преданіямъ не было мѣста среди суроваго абсолютнаго московскаго двора, но они сохранялись и при случаѣ давали себѣ знать даже у такого вѣрноподданнаго человѣка, какимъ былъ нашъ авторъ. Особенною какою либо правительственною спеціальностію Куракины себя не заявляли: впрочемъ въ московской Руси всякій служилый человѣкъ, по требованію обстоятельствъ, бывалъ и воиномъ, и администраторомъ, и дипломатомъ и т. д. Изъ боярскихъ родовъ Куракины питали постоянное сочувствіе къ Голицынымъ и вражду къ Трубецкимъ, и отчасти къ Долгорукимъ.

Происходя по отцу изъ роду Куракиныхъ (Гедиминовичей), князь Борисъ по матери происходилъ изъ другаго не менѣе славнаго дома князей Одоевскихъ (Рюриковичей). Мать его Ѳеодосья Алексѣевна, урожденная Одоевская, была дочь князя Алексѣя и внука князя Никиты Одоевскаго, людей родословныхъ и близкихъ къ царскому семейству. Самъ князь Борисъ въ своемъ двукратномъ бракѣ, равно его братья, сестры и дѣти роднились съ самыми знатными русскими фамиліями: Лопухиными, Урусовыми, Стрѣшневыми, Салтыковыми, Апраксиными, Голицыными, Бутурлиными, и т. д.

Составъ семьи нашего автора былъ таковъ:

Отецъ князь Иванъ † 1682 году.

Дѣти его отъ перваго брака съ Ѳеодосіею Алексѣевною, урожд. Одоевскою († 1676 г.):			Отъ 2-го брака съ Марьею Петровною †1687г.
Михаилъ, б. женатъ на Марьѣ Дмитріевнѣ, †1693г., оставилъ трехъ дѣтей: Василія, †1605, Марью, съ 1707 г. въ замужествѣ за Ал. Апраксинымъ, Прасковью.	Марья, въ супружествѣ съ 1592 г. за Иваномъ Степановичемъ Салтыковымъ (уб. въ 1700 г. подъ Нарвой).	Борисъ (р. 1676 г. † 1927 г.)	Иванъ р. 1682 г., женатъ 1699 г. на Еленѣ Тихоновнѣ Стрѣшневой, ум. съ женою и сыномъ въ одномъ 1703 году.

Авторъ Записокъ князь Борисъ въ первомъ бракѣ съ 6 іюля 1690 г. имѣлъ Ксенію Θеодоровну Лопухину, родную сестру царицы Евдокіи Θеодоровны, умершую въ февралѣ 1698 г.; во второмъ бракѣ съ ноября 1689 г. имѣлъ кн. Марью Θеодоровну Урусову, съ которою жилъ не очень ладно.

Дѣти князя Бориса отъ 1-го брака:

Александръ, род. 1691 г. іюля 31, впослѣдствіи былъ посланникъ во Франціи † 1749 г.

Татьяна, род. 1794. генваря 1, была впослѣдствіи въ замужествѣ за фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ.

Дѣти князя Бориса отъ 2-го брака:

Сергѣй, род. въ 1760, умеръ 1½ году.

Екатерина, род. 25 окт. 1701 г., была впослѣдствіи въ замужествѣ за фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ.

Изъ этого перечня видно съ одной стороны, съ какими знатными фамиліями роднилась семья Куракиныхъ, а съ другой стороны видно и то, что братья князя Бориса были очень не долговѣчны и умирали безъ потомковъ мужескаго пола; почему родовое имѣніе, раздѣленное сначала между тремья братьями, скоро опять сосредоточилось въ рукахъ одного князя Бориса.

Авторъ записокъ князь Борисъ былъ человѣкъ, одаренный отъ природы хорошими способностями, но болѣзненный, часто страдавшій золотухою и меланхоліею. Быть можетъ, эта самая болѣзненность развила въ немъ наблюдательность и вдумчивость, качества довольно рѣдкія въ то время, сдѣлала его мало-способнымъ къ поприщу военному, но за то предрасположила къ дѣятельности дипломатической. Плодомъ этой наблюдательности и вдумчивости и служатъ печатаемыя нынѣ Записки, веденныя кн. Куракинымъ безъ всякой практической цѣли, исключительно въ интересахъ самопознанія. Въ этомъ отношеніи князь Куракинъ, быть можетъ, единственный человѣкъ петровскаго времени, который жилъ не день за день, а старался давать себѣ отчетъ въ текущей жизни, какъ своей личной, такъ и общественной.

Записки князя Куракина можно обозначить заглавіемъ: *Семейная хроника и воспоминанія*, хотя конечно онѣ далеко не имѣютъ той полноты и художественности, какими отличается сочиненіе С. Т. Аксакова, извѣстное подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Тѣмъ не менѣе это заглавіе очень идетъ къ содержанію записокъ князя Б. Куракина. Много свѣдѣній,

особенно на первыхъ страницахъ Записокъ, посвящено семейнымъ отношеніямъ. Князь Борисъ, какъ видно, былъ вовсе не чуждъ родовой куракинской гордости. Описывая подъ 1707 – 8 г., какъ его хорошо принимали въ Римѣ и въ Венеціи, Куракинъ заключаетъ: «Истинно похвалюсь, что націи московской никто чести и славы прежде бытія моего не принесъ; правда, что себѣ раззореніе въ иждивеніи томъ понесъ, однако въ честь и славу государства россійскаго, *и патри имени своего дому* Caributoff Kurakinigh *князей наслѣдственныхъ литовскихъ»*. Таже фамильная гордость князя Бориса слышится въ его сѣтованіи по поводу того, что его родная племянница Марья Михайловна вышла замужъ въ 1707 г. за Александра Апраксина и этимъ, по выраженію князя Бориса, *фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдана.* Между тѣмъ Апраксины происходили изъ знатнаго, хотя и изъ татарскаго роду, и Александръ Апраксинъ былъ племянникъ царицы Мароы Матвѣевны, второй супруги царя Θеодора Алексѣевича.

По *семейной хроникѣ* отведено сравнительно небольшое мѣсто въ запискахъ князя Бориса; болѣе мѣста занимаютъ *воспоминанія.* Воспоминанія эти двухъ родовъ: они касаются частію общественной жизни Россіи, частію личной жизни князя Бориса.

На общественную жизнь Россіи князь Борисъ смотрѣлъ съ той-же точки зрѣнія, съ какой испоконъ вѣка смотрѣлъ и доселѣ смотритъ простой подначальный русскій человѣкъ, и которая довольно характерно высказывается въ народномъ сказаніи *о Юрикѣ Новоселѣ* [1]).

Вся многовѣковая жизнь русскаго народа представляется съ этой точки зрѣнія исторіею умноженія податей, налоговъ, оброковъ, сборовъ, пошлинъ и повинностей, начиная съ бѣличьяго хвоста при Юрикѣ Новоселѣ до даней съ живаго и съ мертваго при Петрѣ Великомъ. Время Петра Великаго особенно обильно было измышленіемъ разныхъ способовъ къ собиранію доходовъ въ казну, которая крайне нуждалась въ деньгахъ для шведской войны и для другихъ предпріятій государя. Поэтому и князь Куракинъ, хотя лично былъ очень богатымъ человѣкомъ, особенно получивъ наслѣдство послѣ двухъ умершихъ братьевъ, тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ слѣдитъ за финансовою политикою государя, которая тяжело ложилась не на немъ самомъ, а развѣ на его крестьянахъ. Развитіе финансовой политики Петра Великаго представлялось Куракину очень просто: появились *прибыльщики,* люди дворовые изъ крѣпостной интеллигенціи, бывалые, смышленные и догадливые, и стали

---

[1]) Сказаніе *о Юрикѣ-Новоселѣ* сообщено Е. В. Барсовымъ *въ Древней и Новой Россіи* 1879 г., № 9.

выдумывать разныя *прибыли*, т. е. способы, откуда-бы получить доходы; иной изобрѣтаетъ источники доходовъ въ орленой бумагѣ, иной въ сборѣ съ инородцевъ, иной въ подати съ бань, ульевъ, квартиръ, постоялыхъ дворовъ и т. д. Прибыльщики, люди извѣстные по своимъ господамъ: Алексѣй Курбатовъ, человѣкъ Бориса Шереметева, Парамонъ Скворцовъ, человѣкъ Ивана Головина, Степанъ Варакспнъ, человѣкъ князя Бориса А. Голицына, Алексѣй Нестеровъ, человѣкъ Хрущова и др., иной не разъ, быть можетъ, стоялъ во время обѣда за стуломъ князя Куракина, или помогалъ ему садиться въ экипажъ; поэтому къ ихъ изобрѣтеніямъ князь Куракинъ не могъ относиться съ особымъ благоговѣніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень тщательно отмѣчаетъ, какая въ томъ или другомъ году выдумана новая статья доходовъ, сколько собирается по этой статьѣ, и иногда при маломъ доходѣ какъ будто между строкъ высказывается сомнѣніе, стоитъ-ли доходъ издержекъ взиманія. Какъ видно, реформы Петра Великаго были настолько проникнуты экономическимъ характеромъ и настолько обусловливались состояніемъ русскихъ финансовъ, что друзья реформы, сознательно смотрѣвшіе на современную жизнь и оставившіе свои записки, каковы были князь Куракинъ и Посошковъ, на вопросѣ о казенныхъ прибыляхъ сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе.

Но для всякаго человѣка наиболѣе дорога и интересна своя личная жизнь. Князь Куракинъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Онъ сообщаетъ и объ умноженіи государственныхъ доходовъ, и о другихъ распоряженіяхъ и приключеніяхъ, которыя были въ свое время предметомъ толковъ (напр. о дѣлѣ Талицкаго), но все-таки главнымъ центромъ записокъ князя Куракина остается его собственная личность. Сообщая довольно кратко о своихъ семейныхъ дѣлахъ, князь Куракинъ наиболѣе распространяется о своемъ здоровьѣ и о лѣченьи своихъ недуговъ, а еще болѣе о своей служебной карьерѣ. Такой составъ Записокъ совершенно сообразенъ съ жизнію князя Бориса. Ему некогда было быть хорошимъ семьяниномъ; всю жизнь онъ проводилъ на царской службѣ въ Россіи, или за границею, а домой пріѣзжалъ только на побывку. Но отъ себя самого никуда нельзя уйти: князь Борисъ всюду возилъ съ собою недуги,—золотуху и меланхолію, которые и лѣчилъ при всякой возможности. Лѣчился онъ и въ Москвѣ у дохтура Симона, и дохтура Лаврентія Блументита, и у Евдокима Помка, и у Карбонарія, и у Бидло, и у царского лейбъ-медика Арескина, и въ Венеціи у Александра грека, и въ Падуѣ у Калафатія, и въ Римѣ у Грецельта, и въ Карлсбадѣ у Бехера, и въ Амстердамѣ у доктора Хана, и у цирюльника Бовавента жида, и въ Ахенѣ у Олива и многихъ другихъ врачей, и,

какъ человѣкъ болѣзненный, любилъ толковать и писать о своихъ недугахъ [1]).

Не менѣе, если не болѣе князь Борисъ былъ занятъ своею служебною карьерою. Это и естественно. Если царская служба отрывала его отъ семьи, отъ дому, отъ удобствъ жизни, заставляла его при слабомъ здоровьѣ мыкаться по свѣту, то естественно было желать, чтобы всѣ эти труды и лишенія не пропадали даромъ, а чѣмъ-нибудь вознаграждались.

Карьера князя Бориса шла не ровно. При самомъ рожденіи счастье улыбнулось князю Борису. Онъ былъ крестникомъ царя Θеодора Алексѣевича и всѣ надѣялись, что изъ него выйдетъ впослѣдствіи царскій фаворитъ. Но царь Θеодоръ скоро умеръ, а князь Борисъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ, котораго всѣ считали глупымъ или по крайней мѣрѣ думали, что изъ него пути не будетъ. Съ дѣтства князь Борисъ поступилъ на царскую службу, былъ сначала стольникомъ при царѣ Петрѣ, участвовалъ въ его потѣхахъ и экзерциціяхъ, былъ въ азовскомъ походѣ и наконецъ на 20 году жизни отправленъ былъ въ Италію, для обученія математикѣ и кораблестроенію, гдѣ и пробылъ болѣе года. При хорошихъ способностяхъ князь Борисъ выучился хорошо итальянскому языку и математикѣ съ ея прикладными науками, и удачно выдержалъ экзаменъ предъ царемъ *въ наукахъ навтичныхъ*, въ Воронежѣ, 1697 г. Съ тѣхъ поръ карьера князя Бориса стала выправляться, *и стало происходить слово о немъ доброе.* Впрочемъ не вдругъ еще онъ напалъ на настоящую дорогу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ военная служба была неизбѣжною для знатнаго и молодаго россіянина. И князь Куракинъ волею-неволею состоялъ въ военной службѣ. Онъ былъ и подъ Нарвою, и при взятіи Нотебурга и Ніеншанца, и при штурмѣ Нарвы, и при полтавской баталіи, бывалъ и въ опасныхъ случаяхъ, командирилъ и надъ ротами и надъ цѣлыми полками. Но военная служба не была профессіею князя Бориса. Онъ былъ слишкомъ болѣзненъ и слишкомъ много заботился о своемъ здоровьѣ для того, чтобы быть хорошимъ воиномъ. Проницательный Петръ замѣтилъ это и предъ полтавской баталіей жестоко бранилъ князя Бориса за то, что онъ не хочетъ служить въ военной службѣ, а старается попасть въ министерство (т. е. въ посланники) и грозилъ ему висѣлицею, если онъ не исполнитъ своего долга при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Царскій гнѣвъ

[1]) Въ концѣ издаваемой рукописи приложено *«а парте для ведѣнія»* поденное описаніе карлсбадскаго леченія, а также отзывъ о болѣзни князя — падуанскаго доктора Калафатія, исторія болѣзни, составленная самимъ княземъ Борисомъ для консиліума московскихъ докторовъ въ 1706 г., описаніе амстердамскаго и ахенскаго лѣченья и проч.

до такой степени огорчилъ князя Бориса, что онъ заболѣлъ и впалъ почти въ отчаяніе. «Уже теперь напишу», писалъ князь Борисъ впослѣдствіи, «что истинно радощенъ былъ смерти, такъ десператъ былъ, и хотя видѣвъ себя всегда болѣзненно, былъ воздерженъ во всемъ, но тѣхъ часовъ уже нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храня и не жалѣя своего здоровья». За полтавскую баталію, когда всѣ получали чины, деревни, кавалеріи, князь Борисъ не получилъ никакой награды [1]). Вообще средину 1709 г. князь Борисъ считалъ самымъ несчастнымъ временемъ своей службы и въ день своихъ имянинъ 24 іюля 1709 г., стоя у ранней обѣдни въ кіевскомъ братскомъ монастырѣ, горько плакалъ, «вспоминая злости дней своихъ житіе».

Свое злоключеніе князь Борисъ приписывалъ навѣтамъ своего врага, князя Василія Владиміровича Долгорукова, но кажется справедливѣе думать, что самъ государь замѣтилъ, что князь Борисъ вовсе не военный человѣкъ, и на нѣкоторое время опалился на него, полагая, что его невоинственность происходитъ отъ лѣности и нерадѣнія. Но не надолго. Проницательный и разсудительный государь убѣдился, что нельзя требовать отъ человѣка того, чего онъ не можетъ дать, и что лучше отправить его на поприще, сообразное съ его природою. Пріурочивая князя Бориса къ дипломатическому поприщу, Петръ великій высказалъ не только свое обычное умѣнье распознавать людей, но также и свою разсчетливость. Государь соображалъ, что богатый князь Куракинъ въ состояніи будетъ поддержать при иностранныхъ дворахъ блескъ и достоинство русскаго двора, приплачивая къ царскому жалованью не малый процентъ изъ своихъ личныхъ доходовъ. «Послѣ знаменитой полтавской битвы», говоритъ Бергманъ въ исторіи Петра В. (VI, 183 и слѣд.), «жизнь князя Куракина была посвящена дѣламъ дипломатическимъ. Въ томъ-же году Петръ Великій послалъ Куракина въ Ганноверъ къ курфирсту Георгу Людвигу для склоненія его вступить въ союзъ съ Россіею, и потомъ въ Брауншвейгъ къ герцогу Антону Ульриху для окончательныхъ переговоровъ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлоттою Христиною Софіею».

На ганноверскомъ посольствѣ, т. е. на половинѣ 1710 г. обрываются мемуары князя Куракина.

Для насъ мемуары эти имѣютъ двойной интересъ: общій и такъ сказать спеціальный. Общій интересъ заключается въ томъ, что онѣ

---

[1]) Поэтому совершенно несправедливо сообщается въ исторіи Петра В. Бергмана (т. VI, стр. 182), «что въ 1709 г. за оказанное въ полтавской битвѣ мужество князь Борисъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-маіоры».

показываютъ, какъ вырабатывался въ петровское время типъ русскаго западника и абсентеиста, любившаго болѣе жить въ западной Европѣ, нежели пребывать въ нѣдрахъ любезнаго отечества. Не обошлось при этомъ и безъ знаменитаго: Cherchez la femme!

Какъ самъ Петръ, такъ и его сподвижники церемонной монотонности московскихъ красавицъ предпочитали свободное обхожденіе западныхъ женщинъ *со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ.* «Въ ту свою бытность (въ Венеціи), пишетъ князь Куракинъ подъ 1707—8 г., былъ наморатъ (влюбленъ) въ славную хорошествомъ оную читиденку,— называлась Signora Francesca Rotta, которую имѣлъ за метресу, во всю ту свою бытность такъ былъ inamorato, что не могъ ни часу безъ нее быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ [1]). И разстался съ великою плачью и печалью, ажь до сѣхъ поръ съ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти, и чаю не выдетъ. И взялъ на меморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться. «Между тѣмъ съ своею второю женою Марьею Ѳеодоровною Урусовою князь Борисъ жилъ неладно и даже сбирался отправить ее въ монастырь.

Далѣе: вообще заграничные люди, какъ болѣе проникнутые цивилизаціею, казались Борису Куракину гораздо симпатичнѣе, чѣмъ свои земляки и соотечественники. «Къ сему объявлю», писалъ князь Борисъ, «особливую любовь и пріемность въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ». О своихъ-же русскихъ сослуживцахъ князь Борисъ, обойденный наградою послѣ полтавской баталіи, отзывался такъ: «хотя и гордо о семъ напишу, однако натура моя силуетъ объявить, что нѣкоторые взысканы именъ рангу генералъ-маіора, но о тѣхъ объявлю предъ собою глупыхъ, худыхъ, безъ показанія всякаго добра и заслуги, и незнаемыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донынѣ обрѣтаются, токмо наполненныхъ злости ко всѣмъ, пьянства и завидости, и губленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ. Охъ моего плача, охъ моего воздыханія!» и проч.

Наконецъ, какъ человѣкъ очень богатый, князь Борисъ за границею могъ пользоваться всѣми удобствами для леченія и житейскаго комфорта, какихъ не находилъ внутри Россіи.—Иностранными-же языками, особенно итальянскимъ и французскимъ, князь Борисъ владѣлъ совершенно свободно.

[1]) Слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ сколько за этотъ-же періодъ собиралось квартирной подати со всего московскаго государства. Квартирной подати, по счету Бориса Куракина, собиралось въ годъ 4,000 р. с., слѣдовало въ два мѣсяца 666 р. с., по тогдашнему курсу 444 червонца.

Болѣе 20 лѣтъ своей жизни князь Борисъ прожилъ за границею и притомъ не по неволѣ, а по своей охотѣ. Печатаемые мемуары, объемлющіе едва 4 года разновременной заграничной жизни князя Бориса, показываютъ, какъ зародилась въ немъ эта охота.

Спеціальный для *Кіевской Старины* интересъ записокъ князя Бориса опредѣляется тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Кіевѣ около времени полтавской баталіи и между прочимъ въ ноябрѣ 1708 г. послѣ измѣны Мазепы нарочито былъ посланъ въ Кіевъ, чтобы привезти изъ Кіева въ Глуховъ митрополита Іосифа Кроковскаго, печерскаго архимандрита и другихъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, для участія въ избраніи новаго гетмана,—обстоятельство доселѣ неизвѣстное въ мѣстной исторіи. Въ Кіевѣ-же послѣ полтавской баталіи князь Борисъ оплакивалъ «злости дней своихъ житіе».

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о литературномъ характерѣ записокъ князя Бориса. Они ведены по годамъ жизни автора; отъ 20 іюля (дня рожденія автора) извѣстнаго года до 20 іюля слѣдующаго года. Въ каждомъ году сначала идутъ личныя приключенія автора, затѣмъ замѣтки объ общественной жизни, замѣтки большія частію краткія и отрывочныя; но въ архитектурномъ, такъ сказать, отношеніи построеніе записокъ стройное, однообразное и правильное. Часто дѣлаются ссылки на особыя записи автора (о вояжахъ, о дипломатическихъ дѣлахъ, о болѣзняхъ) [1]).

Упоминая о стрѣлецкихъ бунтахъ, авторъ замѣчаетъ, что для полнаго описанія ихъ потребна была-бы особая книга. Языкъ мемуаровъ—неправильный, испещренный множествомъ иностранныхъ словъ, иногда исковерканныхъ; напримѣръ *ребелліоны, акордъ, афронтъ, персона, конфузія, аліансъ* и т. д. Грамматическое построеніе рѣчи также часто невѣрное и неправильное, да и въ самомъ изложеніи часто недостаетъ ясности, связности и толковитости. Вотъ образчикъ:

Того года сдѣлана ближняя канцелярія подъ судомъ думнаго дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально. О всякихъ дѣлъ, что со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что́, гдѣ чего въ приходѣ денегъ и прочаго, такожде и въ расходѣ, и кому что должно на что расходъ держать, и всего государства весь расходъ въ оклады и приходы и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ. Что хотѣлъ сказать авторъ этою тирадою?—Не смотря на несвязность изложенія,

---

[1]) Послѣднія приложены *a parte* при издаваемой рукописи, вторые хранятся вѣроятно при архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ рѣчи автора все-таки кое-гдѣ прорывается бойкое и животрепещущее русское слово. Что касается орѳографіи подлинника, то въ немъ, кромѣ особенностей правописанія того времени, есть не мало прямыхъ ошибокъ: удерживаемъ при печатаніи существенное, постоянное, опускаемъ колеблющееся, случайное, примѣняясь въ послѣднемъ случаѣ къ современному русскому правописанію.

Такъ какъ первые источники имѣютъ то свойство, что открываютъ для каждаго изслѣдователя новыя и различныя стороны предмета, то, оставляя дальнѣйшій анализъ записокъ князя Куракина, приглашаемъ любителей русской исторіи непосредственно ознакомиться съ этимъ совершенно новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ, литературнымъ памятникомъ петровскаго времени. **Ф. А. Терновскій.**

Записки князя Бориса Ивановича Куракина съ собственноручными приписками и поправками автора, обнимающія періодъ времени съ 1676 г. по 1710 г. Источникъ для исторіи петровскаго времени, совершенно новый, въ нашей литературѣ неизвѣстный. Рукопись покойнаго А. Е. Викторова, завѣдывавшаго отдѣломъ рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ.

Отъ сотворенія 7184, отъ воплощенія 1676 г. іюля 20, въ началѣ 7 часу дня, а по астрономически 11-го рожденіе.

P. B. I. K. K. (Prince Boris Iwanowicz Koribut-Kourakin?)

(Далѣе слѣдуетъ кругообразный рисунокъ, должно полагать гороскопъ, обозначающій положеніе планетъ при рожденіи князя Бориса).

Въ царство царя Ѳеодора Алексѣевича, которой былъ мнѣ воспріемникомъ [2]), также и сестра его царевна Екатерина Алексѣевна [3]). И по рожденіи мать моя [4]) скончалась въ пяти недѣлѣхъ, которую болѣзнь получила отъ самого моего рожденія. При томъ случьѣ по крещенію вмѣлъ щастье немалое: какъ бы сподѣвалися быть фаворитомъ, только не допустила его смерть, поneже царя Ѳеодора Алексѣе-

---

¹) Царю было тогда 15 лѣтъ и 2 мѣсяца, а отъ воцаренія его (1676 года января 30) прошло только около ½ года. Причиною царевой милости къ роду Куракиныхъ было конечно то, что дядькою молодаго царя былъ ближній бояринъ князь Ѳеодоръ Куракинъ.

²) Дочь царя Алексѣя Михайловича отъ 1-го брака, по счету 4-я, тогда 19-лѣтняя.

³) Княгиня Ѳеодосія Алексѣевна Куракина, урожденная Одоевская.

вича 90 годъ не стало[1]). И отъ того времени въ возрастѣ младенчества всегда имѣлъ щастье отъ всѣхъ людей, всегда сподѣваючись во снѣ нѣкотораго впредь состоянія добраго. Токмо всегда зоставалъ въ болѣзнехъ; первая имѣлъ великую грыжю, и оттого трехъ лѣтъ отъ Симона дохтура рѣзанъ былъ; и потомъ на четвертомъ году на плюзнѣ лѣвой ноги также рѣзанъ былъ, гдѣ наростало мясо дикое, отъ того-жъ дохтура.

Житія моего годъ 1-й.

Отъ 1677 года іюля 20 по 1678 годъ іюля 20.

Годъ 2-й.

Отъ 1678 года іюля 20 по 1679 годъ іюля 20.

Годъ 3-й.

Отъ 1679 года іюля 20 по 1680 годъ іюля 20.

Годъ 4-й.

Отъ 1680 года іюля 20 по 1681 годъ іюля 20.

Годъ 5-й.

Отъ 1681 года іюля 20 по 1682 годъ іюля 20.

Годъ 6-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 года іюля 20[2]).

Того года не стало царя Өеодора Алексѣевича послѣ святой недѣли[3]), и былъ бунтъ отъ стрѣльцовъ. А прежде того бунту въ великой постъ не стало дѣда князь Григорья Семеновича. Тогожь году въ бунтъ были въ великомъ страхованіи, и нѣкоторые дни были въ нохоронкахъ, для того что отца князь Ивана Григорьевича тѣ бунтовщики хотѣли убить. Тогожь году отцу князь Ивану Григорьевичу сказано на воеводство въ Смоленскъ. И на выѣздѣ въ тотъ походъ изъ

[1]) Царь Өеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля 1682 г., слѣдовательно тогда нашему автору было 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

[2]) Во всѣхъ предъидущихъ цифрахъ есть ошибка на одинъ годъ; авторъ поправляетъ ее, начиная съ слѣдующаго 7-го года своего житія, но именно вслѣдствіе этой поправки одинъ 1682—83 годъ выходитъ въ дублетѣ, т. е. считается и 6-мъ и 7-мъ годомъ житія князя Бориса Куракина.

[3]) Государь скончался 27 апрѣля 1682 г., въ четвергъ на Өоминой недѣлѣ, а стрѣлецкіе бунты были 15—17 мая.

Москвы у креста по Троицкой дорогѣ мнѣ припало великое несчастье: упалъ на скоку съ иноходца, который мнѣ данъ съ конюшни государевой. Съ которого спадчи, а одна нога въ стремени завязла. И скакала, ажь пока сама стала, и такъ всю спину ободрала; ажь тотъ убой мнѣ не пришелъ къ самой смерти. И того году на царство выбрали царя Петра Алексѣевича [1]), и потомъ нѣкоторое малое время спустя тогожь году выбрали на царство брата Іоанна Алексѣевича [2]). И съ того за малолѣтствомъ ихъ начела въ управленіи государства царевна Софья Алексѣевна [3]).—Во всѣ тѣ годы великую тягость имѣлъ отъ каменной болѣзни (т. е. отецъ автора записокъ).

Годъ 7-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 годъ іюля 20.

Того году отца князь Ивана Григорьевича не стало въ Смоленску каменною болѣзнью. Имѣлъ я у отца бо́льшую любовь предъ другими дѣтьми. И на память той милости при концѣ живота благословилъ образъ Спасителевъ нерукотвореннго, которымъ его благословилъ также отецъ, а мой дѣдъ. Тогожь году, по возвращеніи изъ Смоленска съ тѣломъ ево, и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ. И мачиха княгиня Марья Петровна съ полгода спустя родила сына, брата князь Ивана Ивановича, которому день тезоименитства его ноября 13 дня, Іоанна Златоустого. А по смерти отца нашего зосталися братъ князь Михайло Ивановичь, и сестра княгиня Марья Ивановна, и я князь Борисъ. И съ того году въ нашемъ томъ сиротствѣ не оставила насъ и домъ нашъ бабка наша княгиня Ульяна Ивановна Одоевска, супруга князь Алексѣя Никитича, сына князь Никиты Ивановича Одоевскаго, а мать нашей матери княгини Ѳедосьи Алексѣевны. Могу объ ней описать, что оная жена была великого разума и въ почтеніи отъ всѣхъ.

Тогожь году пожалованъ я въ спальники къ царю Петру Алексѣевичу, и начелъ того году учиться грамотѣ по словенскій.

Годъ 8-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

---

[1]) 27 апрѣля 1682 года.

[2]) 23 мая 1682 года.

[3]) 29 мая 1682 года.

Годъ 9-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

Того году не стало мачихи нашей, а погребена въ Чудовѣ-жъ монастырѣ. А братъ князь Иванъ Ивановичъ въ сиротствѣ томъ остался въ той же опекѣ бабки княгини Ульяны Ивановны. И того года окончалъ грамотѣ учитца. По смерти своей мачиха наша княгиня Марья Петровна оставила духовную, въ которой написала, что деревни ее приданые всѣ сыну еѣ-жъ, а нашему брату князь Ивану, а ежели сына еѣ не станетъ, а нашего брата, тѣ всѣ деревни намъ брату князю Михайлу Ивановичу, и мнѣ, и сестрѣ княжнѣ Марьѣ. И та духовная засвидѣтельствована.

Годъ 10-й.

Отъ 1685 года іюля 20 по 1686 годъ іюля 20.

Того году ходилъ у полатъ своихъ по подвезямъ и съ тѣхъ подвезей упалъ съ самого верху, такъ расшибся, что съ два часа замертво лежалъ, и отъ тѣхъ побой знакъ имѣлъ, на исподней губѣ шишку.

Годъ 11-й.

Отъ 1687 года іюля 20 по 1688 годъ іюля 20 [1]).

Того году первой крымской походъ [2]); и гетмана перемѣнили Ивана Самойловича [3]).

Годъ 12-й.

Отъ 1688 года іюля 20 по 1689 годъ іюля 20.

Того году другой крымской походъ [4]).

Годъ 13-й [5]).

Того году царь Петръ Алексѣевичъ женился на царицѣ Авдотьѣ Ѳедоровнѣ, фамиліи Лопухиныхъ.

---

[1]) Ошибка. Пропущенъ 1686—87 г., соотвѣтствующій 11 году жизни автора. Слѣдовательно 1687—88 годъ соотвѣтствуетъ 13-му году жизни автора. Эта ошибка исправится нижеслѣдующимъ выставленіемъ 12 года жизни, безъ соотвѣтственной хронологической даты.

[2]) Отъ мая по августъ 1687 г.

[3]) 22 іюля 1687 года.

[4]) Отъ 18 сентября 1688 г. по іюль 1689 г.

[5]) См. примѣчаніе къ 11 году жизни.

Того году весь нашъ домъ погорѣлъ, той ночи, что было на новоселье и просили всѣхъ кушать. И въ томъ пожарѣ великій убытокъ былъ. И такъ великъ пожаръ былъ, что нашихъ три двора сгорѣло: тотъ дворъ, гдѣ мы жили, другой—Сицкой, третей—загородной Сицкой.

Въ томъ году царь Петръ Алексѣевичь тайно изъ Преображенскаго со всѣмъ дворомъ пошелъ къ Тройцѣ отъ ребелліоновъ стрельцовъ, и былъ тамъ до осени, для того покамѣсть Щегловитова привезли и голову отсѣкли. А царевна Софья Алексѣевна пошла жить въ дѣвичей монастырь. И того времени имѣли страхъ великій отъ бунтовъ; ся требуетъ большого вѣденія особую книгу.

Годъ 14 й.

Отъ 1689 года іюля 20 по 1690 годъ іюля 20.

Того году родился царевичъ Алексѣй Петровичь передъ маслянницею или въ великій постъ[2]); тезоименитство его Алексѣя человѣка Божія.

Годъ 15 й.

Отъ 1690 года іюля 20 по 1691 годъ іюля 20.

Того года царевичъ Александро Петровичь родился, и жилъ съ полгода или съ годъ, и не стало.

Того году была потѣха подъ Семеновскимъ. И всѣ тѣ годы отъ 9 или 10 году и по сей годъ, имѣлъ великое несчастіе: по вся годы лежалъ огневою лихорадкою многое время такъ, же уже и въ людяхъ зоставалъ въ такомъ словѣ: come quasi matto (какъ дурака). И непріеменъ былъ отъ всѣхъ, а найпаче всего a unto gran satisfazione di bere, отъ чего получилъ великие болѣзни, кровь свою испортилъ и былъ гораздо толстъ. Тогожь году пришла ко мнѣ болѣзнь въ осень самую—месеца ноября или октября—чечуйная, которую лѣчилъ Евдокимъ полякъ, сажалъ на кадку варовъ, которая болѣзнь мнѣ была вельми трудна.—И того года передъ маслиницею зговорилъ я женитца на дочери Ѳеодора Абрамовича Лопухина. Уже мнѣ была супругою кня-

[1]) Дворы, такъ называемые Сицкіе, вѣроятно достались фамиліи Куракиныхъ послѣ вымершаго дому князей Сицкихъ.

[2]) 18 февраля 1686 года, во вторникъ въ недѣлю, предшествующую маслянницѣ.

гиня Ксенія Өедоровна. И передъ маслиницею былъ зговоръ публичный, на которомъ зговорѣ всѣ бояре были, и другія персоны, и дарили. И въѣздъ былъ осмью саньми: первые—братъ князь Михайло Ивановичь, да изъ Одоевскихъ князь Юрья; другіе—князь Петръ Голицынъ, да князь Дмитрей Голицынъ; третьи—князь Петръ Долгорукой, да Матвѣй Пушкинъ; пятые—князь Борисъ Голицынъ, да Петръ Салтыковъ; шестые—князь Петръ Прозоровской, да Василей Салтыковъ; седьмые—князь Михайло Яковлевичъ Черкасской, да Одоевской князь Михайло; осьмые—князь Яковъ Никитичъ Одоевской со мною; на которой церемоніи многіе дары были отъ всѣхъ.

И тогожъ году сестра моя Марья Ивановна зговорена за Ивана Степановича Салтыкова.

И тогожъ году я женился лѣтомъ послѣ Петрова дни, и помнится мнѣ—6 іюля, а вѣнчался въ Преображенскомъ.

И того лѣта послѣ Петрова дни его величество пошелъ въ Переславль со всѣмъ дворомъ. И сентября съ Переславля возвратился, и была потѣха подъ Семеновскимъ. И я былъ въ ту пору въ рейтарахъ въ ротѣ генерала Гордона.

Того году (Іоакима) патріарха не стало, а на его мѣсто поставили Адріана патріарха.

Годъ 16-й.

Отъ 1691 года іюля 20 по 1692 годъ іюля 20.

Того году сестра Марья Ивановна выдана замужъ въ осень за Ивана Степанова сына Салтыкова; а за нею въ приданое дано деревень: Васкино въ кашинскомъ уѣздѣ, Уварова на Коломнѣ, да вологоцкая—Богородское, въ Суздалѣ Носково, въ Володимерѣ Подмосковная, Афонасково, Жирятино въ Кромахъ, всего будетъ 500 дворовъ, да приданаго на 10 тысячъ. И рядная подписана.

Тогожъ году въ осень до самого Рождества Христова бабка княгиня Ульяна Ивановна насъ изволила подѣлить всѣхъ трехъ братей, и треть Курская съ вотчинами другими досталась брату князь Михайло Ивановичу, а треть Примнова съ вотчинами другими досталася брату князь Ивану Ивановичу, а треть Порзная съ вотчинами другими досталася мнѣ, которая была всѣхъ хуже и бѣднѣе. И такъ было

бѣдно, ажъ хлѣбъ два годы и ветчину покупалъ, и иное многое; также и во всемъ домовныхъ вещей все мнѣ худое съ жеребья доставалося. А дворы московскіе, что́ большой на Месницкой съ каменными палаты и что́ на Срѣтенкѣ называется Сицкой, всѣ тѣ оба по третямъ имѣлъ; обоихъ дворовъ свои трети я продалъ брату князь Михайлу Ивановичу за 3110 рублевъ, и половину двора спознаго загородного, для того что загородной дворъ тотъ намъ обѣимъ достался зъ братомъ князь Михайломъ Ивановичемъ, а брату князь Ивану загородной дворъ достался, что́ называется Сицкой.

И того году послѣ Рождества Христова бабки княгини Ульяны Ивановны не стало, генваря 4 дня въ ночи, и погребена въ Чудовѣ монастырѣ. И потомъ жили вмѣстѣ только до великого поста. И я переѣхалъ въ Китай жить на дворъ свой, который мнѣ пожаловала бабка княгиня Ульяна Ивановна; а переѣхалъ на 1-й недѣлѣ и жилъ на Вологоцкомъ подворьѣ, для того что полаты были не здѣланы. И въ то время жена моя была болна, княгиня Ксенья Ѳедоровна, и лечилъ въ тотъ великой постъ думный дьякъ Митрофанъ Тугариновъ, и сажалъ въ пары, и никакой получила себѣ свободу. И на свѣтлое воскресенье на новоселье въ полаты свое жить, и съ того времени началъ своимъ домомъ жить, а братъ князь Михайло Ивановичъ и братъ князь Иванъ остались жить въ домехъ своихъ, на старомъ дворѣ. и въ управленіи братня дому князь Ивана почалъ управлять князь Петръ Ивановичъ Прозоровской.

Годъ 17-й.

Отъ 1692 года іюля 20 по 1693 годъ іюля 20.

Того году потѣха была подъ Семеновскимъ послѣдняя.

И тогожъ году царицы Наталіи Кириловны не стало въ генварѣ мѣсяцѣ.

И на весну того года его величество былъ у города Архангелского вдругоретъ; а прежде того при матери одинъ разъ былъ. А я въ ту пору былъ въ градусѣ со спальниками, а не съ начальными людьми.

Годъ 18-й.

Отъ 1693 годъ іюля 20 по 1694 годъ іюля 20.

Того году 202 подъ Кожуховымъ была, пришедъ отъ города. потѣха, гдѣ были взяты и спальники въ ту потѣху комнаты царя Ивана Алексѣевича первой разъ.

И той зимы объявлена публично война съ туркомъ; и здѣлались итить водою на весну. И апрѣля послѣ святой недѣли пошли водою, Москвою рѣкою, и Окою, и Волгою, ажъ до самого Царицына. И въ тотъ походъ я пошелъ въ Семеновскомъ полку въ первой ротѣ прапорщикомъ, а написанъ прежде того толко за два мѣсяца.

И того году, бывъ подъ Азовымъ, въ командѣ трехъ генераловъ Лефорта, Гордона, Артамона Головина, да князь Борисъ Алексѣевичъ съ низовою конницею, да съ атаманы Фролъ Минаевъ съ козаками, и всего было до 30 тысячъ, и стояли по октябрь первое число, и съ того числа отставили, и не взели.

Въ которомъ походѣ великое было несчастье на всѣхъ людей отъ турковъ вылазками на шанцы, и всѣхъ побивали, а также болѣзнми, а по отходѣ, какъ степью шли, отъ великой стужи многіе помирали. А мнѣ особливо было несчастье: мѣсяца іюля, или иного, не упомню, турки вышли на вылазку въ самые полдни на генеральство Гордонова стрѣльцевъ, гдѣ работа, было всѣхъ ихъ 4,000, и всѣ шанцы генерала Гордона вырубили и ажъ до самово обозу, и артиллерію тяготную заклепали, а 9 пушекъ полковыхъ повезли въ городъ. И на выручку того посланы были полки отъ генерала Головина стрѣлецкіе, въ томъ же числѣ и нашего Семеновского половина полку; въ которыхъ ротахъ и я знаменемъ бѣлымъ былъ отъ 1-й роты своего региненту, на которой вылазкѣ въ бою, ажъ до самого вечера, то у мене въ рукахъ знамя пробили зъ города два разы изъ пушки, и мнѣ кафтанъ подъ лѣвую пазуху прострѣлили и рубашку, только что мало тѣла не захватило. И на той вылазкѣ Семеновской полкъ первое слово зажили, что добрые салдаты.

А въ томъ-же походѣ тогожь полку братъ князь Михайло Ивановичъ былъ въ 5 ротѣ поручикомъ. И какъ поѣхалъ къ Москвѣ, и на дорогѣ на Сѣверскомъ Донцу брата князь Михайла Ивановича не стало, октября 23 въ ночи съ вечера. И съ тѣломъ его оставленъ былъ Антонъ Болотовъ до зимнего пути; и въ ноябрѣ привезли къ Москвѣ; и погребенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ. А послѣ его осталась супруга княгиня Мавра Дмитріевна, да сынъ князь Василій, да двѣ дочери—княжна Марья, да княжна Прасковья.

И какъ пріѣхали, перешедъ степь, на Валуйки, и отъѣхалъ отъ Валуекъ верстъ съ 15, припала мнѣ горячка вельми зла; и до Старого Оскола довезли больново, и тутъ лежалъ. И по трехъ дняхъ метали кровь исъ правой руки, ничимъ же получилъ способу и отчаенъ былъ къ смерти. Токмо въ 7-й день въ самомъ безпамятствѣ людямъ своимъ велѣлъ принесть воды самой холодной со льдомъ ушатъ, а самъ легъ на постелю и велѣлъ себя поливать въ такомъ самомъ жару, ажъ покамѣстъ пришолъ въ безпамятство и заснулъ; и заснувъ пробудился отъ великого холоду, и озябъ; и потомъ велѣлъ себя положить къ печи и окутать, и пришелъ въ великой потъ, и спалъ чуть не цѣлые сутки. И по томъ сну пробудясь, пришелъ въ великую тощету и слабость; а жару и ознобу или какъ лихорадки и огневой больше не послышалъ въ себѣ, только въ великой слабости былъ, такъ что не могъ ходить дни съ четыре; и потомъ имѣлъ великій опетитъ до яденья. И по осени къ Николину дни пріѣхалъ въ домъ свой.

И въ прошедшемъ 203 году то все было, возвращеніе изъ подъ Азова съ 1 числа.

Того году почали брать подводы со всего государства для поврзокъ съ Москвы полковъ и артиллеріи и другихъ рѣчей.

Годъ 19-й.

Отъ 1694 года іюля 20 по 1695 года іюля 20.

Того года въ зимѣ генваря царя Іоанна Алексѣевича не стало.

Той же зимы родилась дочь княжна Татьяна Борисовна, генваря перього часа, а тезоименитство генваря 12.

И ту зиму жили до самого марта, а въ мартѣ пошли на Воронежъ съ полками подъ командою всѣ генерала Алексѣя Шеина. И съ Воронежа послѣ святой недѣли пошли водою подъ Азовъ рѣкою Дономъ стругами. И въ тотъ походъ другой Азовской былъ въ поручикахъ у 1-й роты въ командѣ полковника Чамберса. И потомъ стояли и взяли Азовъ іюля мѣсяца на окортъ, а турокъ всѣхъ выпустили. И потомъ взявъ наши полки, отпустили вверхъ Дономъ до Донецкого; и шли лодками и стругами 6 недѣль.

И того лѣта домъ мой весь погорѣлъ въ мѣсяцѣ маѣ или іюнѣ.

И племянника моего князь Василья не стало апрѣля мѣсяца.

Годъ 20-й.

Отъ 1695 года іюля 20 по 1696 годъ іюля 20.

Того года взявъ Азовъ, пришедъ изъ подъ Азова, октября первыхъ чиселъ, шли строемъ въ тріумфальные ворота на Каменной мостъ. И въ томъ строю въ Семеновскомъ полку везли измѣнника Яшку на телегѣ роскована, и кругомъ его стояли палачи, который измѣнилъ подъ Азовомъ въ первой походъ и учинилъ вылазку большую, о которой выше описалъ, противъ Гордона. А былъ народу галандского, а служилъ въ бомбардирахъ. А передъ тою телѣгою шли за поручиковъ мы, князь Михайло Голицынъ да я; а позади насъ приставомъ у того измѣнника Василій Соковнинъ, у котораго отъ всѣхъ тѣхъ замковъ ключи были. А господинъ Шеинъ ѣхалъ, убравшись со всѣмъ дворомъ верхомъ, и знамена волокли предъ нимъ всѣ швецкіе (турецкія?).

И той осени въ приходѣ изъ подъ Азова получилъ я себѣ великую болѣзнь, мѣсяца ноября имѣлъ гипохондрію и меленхолію. Такъ былъ въ домѣ своемъ, что николи радощенъ зоставалъ и всегда плакалъ, а причины той ни мало не зналъ, для чего такъ. Также и въ затылкѣ самомъ мозгъ мнѣ тѣснило, и великую мнѣ во всемъ слабость и тощету придавало; такъ было, что чуть живъ ходилъ и до ѣды опетиту ни мало не имѣлъ. И того ноября дохтуръ Канбонарій началъ лѣчить и ни мало ползы учинилъ, которой металъ руду изъ лѣвой руки отъ мизинца самаго изъ жилы. И послѣ Рождества Христова найпаче припала мнѣ болѣзнь и тѣснила голову и такъ мозгъ слышно было, какъ бы всего сжато было. И отъ Лаврентія я свободы не получилъ.

И генваря мѣсяца обѣ комнаты спальники выбраны на двѣ партіи; одна въ Голландію, а другая въ Италію, сказано ѣхать для наукъ навигатичныхъ; въ тѣхъ же и мнѣ. И ту зиму збиралисъ. И такъ я зоставалъ въ болѣзни своей той ажъ по самый февраль. И февраля начелъ лечить Спиридонъ грекъ, отъ котораго въ квасу принялъ кислые капли трижды, и отъ той меленхоліи получилъ свободу, такъ что къ тому уже не помянулося. А отъ чахотной болѣзни ниже что́ получилъ, и съ тѣмъ поѣхалъ въ Италію, о которомъ пользованіи тамъ покажу ниже.

Того года въ ребеліи Соковнина, Циклера, Пушкина казнили, которые умышляли бунтъ.

И марта мѣсяца въ первыхъ чиселъ поѣхали въ Италію, а путь свой имѣли на Смоленскъ и Литвою, на Могилевъ, на Минскъ, на Варшаву, на Ченстоховъ, на Слезію и на Муравію, на Ульмницъ, на Вѣну, столицу цесарскую и чрезъ горы въ Венецію. А подъемъ того мнѣ сталъ 1500 червонныхъ, а червонной купилъ по 40 алт. и съ алтыномъ и съ полугривною; и такъ кладу на деньги 1900 рублевъ. А проѣзду нашего до Венеціи было мартъ, апрѣль, май и въ іюнѣ пріѣхали.

Годъ 21-й.

Отъ 1696 года іюля 20 по 1697 годъ іюля 20.

И того мѣсяца та мнѣ припала лихорадка, которуя тримала больше шести недѣль, и потомъ свободился отъ дохтора Александра грека, который живетъ въ Венеціи.

И въ ту бытность мою въ Венеціи по отъѣздѣ моемъ родился сынъ князь Александръ мѣсяца іюля 31 день, а тезоименитство его августа 30 день.

И сентября въ послѣднихъ числахъ поѣхали на кораблѣ по морю, и были въ Далмаціи и доѣхали до Рагужи. Изъ Рагужи въ филегѣ поѣхали чрезъ голфу Венецкую въ Баръ градъ, гдѣ мощи чудотворца Николая, и имѣли въ томъ проѣздѣ великой страхъ, и такъ были въ страхѣ, ажъ не потонули. И за противностію вѣтровъ, отъѣхавъ отъ Рагужи съ 30 верстъ, стояли 12 дней и такъ пришли до такой трудности, что чуть было что стало ѣсть. И бывъ въ Барѣ у чудотворцовыхъ мощей, потомъ были въ Неаполю и въ Римѣ и возвратились въ Венецію, жили до другова лѣта. И на лѣто опять были на морѣ. И возвратясь во осень мѣсяца октября изъ Венеціи, поѣхали къ Москвѣ чрезъ Вѣну и на Краковъ, а съ Кракова на Киевъ, и въ Киевѣ сподобились видѣть мощи чудотворцевъ печерскихъ.

И въ бытность свою тамъ учился наукъ математическихъ, и выучился ареѳметики, гиометры, теорики 5 книгъ Евклидеса, гиометры практики, тригонометры пляны, острономіи часть да навтики, навтики механики, фортификаціи оффенсивы и дефенсивы. И въ свидѣтельство всѣхъ тѣхъ моихъ наукъ отъ мастера и за Венецкого князя рукою сви-

дѣтельствованной листъ (получилъ). И также нѣкоторую часть въ разговорѣ и читать и писать итальянского языку научась доволенъ.

И то все прешедшее было, и возвратились сихъ годовъ [1]).

Того году табакъ велено публично продавать и отдать на откупъ Мартину Орлонку, отставному стрѣльцу, который уже былъ въ посадцкихъ, и потомъ нѣкоторое время былъ и сосланъ въ ссылку въ Азовъ. А тотъ табакъ былъ отданъ аглинской компаніи на годъ за 80,000 рублевъ.

Того году на Воронежѣ зачели строить корабли и флотъ морской завелся, которая команда была вручена окольничему Александру Протасьеву, а послѣ Ѳедору Алексѣевичу, которые назывались адмиралтейцы; и сначала вдругъ завели съ 40 кораблей, и сдѣлали нѣсколько галеръ, также и нѣсколько судовъ малыхъ, которые потребны для провіанту.

Тогожъ году начались отъ людей боярскихъ и отъ другихъ многіе доводы, и многіе стали сказывать за собою государево слово, которые дѣла были вѣдомы подъ судомъ его милости князь Ѳеодора Юрьевича Ромодановского.

Годъ 22-й.

Отъ 1697 года іюля 20 по 1698 годъ іюля 20.

И потомъ 206 г. февраля мѣсяца возвратились, рожденія моего 22 г.

И по пріѣздѣ моемъ къ Москвѣ на 3-й день жены моей княгини Ксеніи Ѳедоровны не стало. А болѣзнь ея скорбудина и примала салеваціонъ и не поднела натура, и такъ мокротою пришла въ горло и задавила. И погребена въ Чудовѣ монастырѣ. И потомъ жилъ на Москвѣ только четыре недѣли и поѣхалъ на Воронежъ для свидѣтельства своихъ наукъ.

И того году его величество поворотился изъ Вѣны за бунтовщиками стрѣльцами, которые хотѣли, пришедъ къ Москвѣ, всѣхъ вырубить. И той осени кругомъ Москвы перевѣшали болѣе 2000 человѣкъ.

---

[1]) Вѣроятно ко времени пребыванія князя Бориса въ Италіи относится письмо доктора медицины падуанской академіи Калафатія грека о комплексіи князя Бориса и о потребной для него діэтѣ. Письмо это приложено особо въ русскомъ переводѣ и начинается такъ: *Пречестнѣйшему мужу, бывшу 22-хъ лѣтъ и содержащу сложеніе до всего жаркое и мокрое, обаче съ преизобиліемъ жару и проч.*

И пріѣхавъ на Воронежъ свидѣтельствовался въ наукахъ навтичныхъ, и при томъ свидѣтельствѣ нѣкоторое счастье себѣ видѣлъ отъ его величества и отъ всѣхъ, и не такъ сталъ быть пріеменъ, какъ прежде того, о чемъ выше явилъ. И отъ нѣкоторыхъ стало происходить слово о мнѣ доброе и не причитаючи cwiakonom или невоздержнымъ, но ко всѣмъ благимъ. И съ Воронежа всѣхъ по свидѣтельству отпустили, а мнѣ и Василью Толочанову велѣно ѣхать подъ Азовъ, въ керченской походъ.

Того-жъ году сдѣлана ближняя канцелярія подъ судомъ думного дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально; отъ всякихъ дѣлъ, что́ со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что́, гдѣ, чево въ приходѣ денегъ и протчего, также и въ росходѣ, и кому что́ должно на что росходъ держать; и всего государства весь росходъ съ оклады и приходы, и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ.

Того году началась въ нашемъ государствѣ кавалерія св. Андрея; и первая дана Өедору Головину, другому гетману Мазепѣ.

Тогожь году состоялся указъ носить платье венгерское, и потомъ спустя съ полгода состоялся указъ носить всѣмъ платье мужеское и женское немецкое. И для того были выбраны по воротамъ цѣловальники, чтобъ смотрѣть того, и съ противниковъ указу брали пошлину деньгами, также рѣзали и драли. Однакожь чрезъ три года насилу уставились.

Годъ 23-й.

Отъ 1698 годо іюля 20 по 1699 годъ іюля 20.

Изъ подъ Азова ходили со всѣми судами на Таганрогъ, и съ Таганарога ходили моремъ въ Керчь, для провожанія нашего посла Украинцова, которой былъ въ Царѣградѣ. А то мѣсто Керчь въ самомъ въ Крыму. И потомъ возвратясь подъ осень, пришли къ Москвѣ октября мѣсяца. А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валентера на галерѣ Шаутбейнагта (Штаубеназа?).

И того лѣта безъ меня домъ мой погорѣлъ; а дѣти были больны оспою и корью чуть не къ самой смерти. И въ октябрѣ возвратясь, и того года зимою предъ маслиницею брата князь Ивана князь Петръ

Прозоровской безъ меня сговорилъ его на дочеря у Тихона Никитича Стрѣшнева. И того лѣта послѣ святой недѣли женился.

Тогожъ году [1]) былъ пожаръ на Москвѣ великой, какъ шли послы шведцкіе, такъ что весь Китай выгорѣлъ и другіе мѣста въ Бѣломъ городѣ по Неглинну, и въ Кремлѣ весь домъ государевъ погорѣлъ; и на другой день и колокольня большая, и большой колоколъ подгорѣлъ и упалъ, и роскололся, также и Успенской розбился, и другіе колокола попадали, такъ что николи таковаго пожара слышать. И всю святость изъ собору принципальные вынесли вонъ. И такъ было, что земля горѣла. А изъ собору несли все то пѣшкомъ архіерей, и архимандриты, и священники, а посохъ Петра митрополита несъ Тихонъ Стрѣшневъ въ Никитской монастырь. И казенный дворецъ весь погорѣлъ, и письма всѣ сгорѣли старинные; только тѣ остались, которые были въ ящикахъ у подьячихъ. А другіе приказы всѣ цѣлы.

Того году флотъ морской выступилъ на море Азовское, и ходили подъ Керчь, откуду однемъ кораблемъ посолъ Украинцовъ въ Царьгородъ. И тотъ корабль на другое лѣто возвратился въ Азовъ, а посолъ сухимъ путемъ пришелъ. А на томъ кораблѣ былъ капитаномъ Петръ Бамбурхъ, голандецъ.

Того году начались прибыли. Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Бориса Шереметева Алексѣемъ Курбатовымъ, которой нынѣ въ дьякахъ и регентомъ въ бурмизской полатѣ или въ ратушѣ, а прежде того сидѣлъ въ Оружейной полатѣ, которой вымыслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за розными величествомъ гербами, и всякія приказныя письма между челобитчиковъ и крѣпости писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того збору збиралося во всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почели умножатца прибыли.

И того году въ Москвѣ ночью ворота стали запиратца въ часъ ночи, а отпиратца за часъ до звѣту, также и въ набатъ бить всегда непремѣнно за часъ до свѣту, а съ вечера въ часъ ночи, а не такъ, какъ прежде обычай былъ въ малыя ночи въ часъ ночи, а въ большія въ два часа ночи. А будетъ кто въ ночи похочетъ пройти, съ человѣка, съ лошади — по попѣйкѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) 19 іюня.

ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІЯ О ПОБѢДѢ НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ [1].

Въ Кошъ.

Репортъ отъ войскового старшины Стегайла, которой на низу Днепра съ командою.

Сего теченія 7 д., по посланному къ велможности вашей отъ мене съ Камянки репорту, начали по учрежденнымъ, какъ въ ономъ репортѣ значится, станамъ распредѣлятся, и оставивъ съ командою господина полковника уманского Малягу въ Камлнке, я-жъ зъ Давыдомъ Логвиновымъ и Тымошемъ Сукуремъ полковникомъ при нашихъ командахъ вмѣстѣ внизъ Днепра отпустились, гдѣ было надлежало намъ расположится, и не доездя Коныырской плавлѣ, противу широкой плавлѣ, заночевали. Рано-жъ, по утру, 8 числа, попался намъ встрѣчь непріятель на двадцяты кораблихъ, пришедшихъ зъ Цариграда до Очакова,

[1]) Помѣщаемая реляція относится къ началу первой войны нашей съ Турціею въ царствованіе Екатерины II и, кромѣ неизвѣстнаго отдѣльнаго факта, представляетъ любопытный образчикъ запорожскаго военнаго слога. Запорожье всего менѣе страдало канцеляризмомъ; тамъ не любили бумаго-маранья, а только дѣло. Въ періодъ самостоятельныхъ своихъ дѣйствій запорожцы не отчитывались письменно предъ своимъ начальствомъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ давали вѣсть чрезъ нарочитыхъ гонцевъ, но теперь они дѣйствовали въ составѣ и по общему плану русской арміи и должны были подчиняться ея порядкамъ. Настоящее донесеніе просто, кратко и вмѣстѣ обстоятельно, а самый фактъ донесенія ясно говоритъ, что духъ военной отваги не оставлялъ запорожцевъ и въ послѣдніе годы ихъ существованія.—Реляція заимствуется изъ собранія бумагъ А. М. Лазаревскаго. Копія списана кѣмъ-либо изъ слѣдившихъ тогда за ходомъ войны и носитъ на себѣ всѣ признаки документа того времени.

а оттуда слѣдовавшихъ прямо къ Сѣчи, якобы для взятія языка, гдѣ имъ не вступно учиня въ слѣдованію препятствіе, крепкою пушечною баталіею и зъ дробного ружя съ нами сразилися; и въ оной баталіи, очень дивною всемогущаго Творца провыденціею, укрѣпивщаго насъ Божественнимъ своимъ милосердіемъ въ отважной воинской храбросты и счастіемъ нашей всеавгустѣйшей монархинѣ и вашей велможносты, турецкихъ три кораблѣ и очаковской тамбаръ въ негодность розбили: турковъ же имѣвшихся въ оныхъ до двухъ-сотъ смерты предали, а протчихъ водою вытопылы и четыре знамя и нерначь турецкіе, съ протчою корыстю, взяли; въ оныхъ же судахъ турецкихъ пушекъ меднихъ до нѣсколько въ водѣ и со всѣмъ запасомъ при баталіи затопили, и хотя было надлежало оные пушки по возможносты при всемъ забрать, однако за частою и великою непріятелскою пушечною, зъ состоящихъ по близу насъ и протчихъ турецкихъ кораблей, палбою, намъ же оскудѣвшимъ въ запасѣ пороховомъ и пуляхъ, такъ что уже пришло было нечимъ и себя защищать во водѣ, затопленіе оставили, самяжъ, взявъ десять турчиновъ въ полонъ, яко болше грозило намъ имѣющоеся близь Очакова непріятелское вскорѣ нападеніе землею и водою, по показанію взятого нами турецкого языка (которое имѣетъ следовать) для разоренія Сѣчи, за неименіемъ для обороны и пораженія врага разного запасу, отъ широкой баталіи ближе къ своимъ мѣстамъ одержать побѣду надъ врагомъ возвратилися, и находимся со всѣмъ войскомъ въ Косеницкой плавлѣ, откудова велможносты вашей турецкого языка десять человѣкъ, съ турецкими привилегіями, отсылаю; насъ же порохомъ и пуліовымъ запасомъ, такожъ и гарматы чаунные зъ станками, безъ которыхъ крайне обойтыся не можемъ, ктому жъ еще и прибавленіемъ войска снабдѣть прошу. При сраженіи жъ непріятелскомъ козаковъ нашихъ убыто не болше, какъ 11 человѣкъ, раненыхъ же сколько имѣется, при семъ представляется.

1769 году іюня 12 д. съ плѣненныхъ командою запорожского войска на низу реки Днепра на судахъ турковъ, единъ турчинъ Утайцелго-Усейлъ показалъ: онъ Усейлъ прибылъ съ протчимъ турецкимъ войскомъ подъ командою сераскера-султана на сту малыхъ и великихъ судахъ да два галіота, на коихъ по 60 пушекъ, въ Очаковъ, и се

будетъ назадъ третой мѣсяцъ, какъ на судахъ, четирѣ затопили-жъ такіе, коихъ всехъ было двадцять, войскажъ турецкіе командированни сераскеръ-султаномъ Исмайломъ отъ Очакова въ Днѣпровіе ґирла подъ командою капитана Кизиха для поимки отъ стороны войска запорожского языка, съ темъ, чтобы если они могли того языка подхватить, то прямо-жъ съ приготовленнымъ при Очаковѣ на такихъ же сту суднахъ войскомъ итить Днѣпромъ прамо къ Сѣчи и учинить нападеніе на запорожскую Сѣчь; и уже для того пришедшіе до Днѣпра татаре тысячь до двухъ конніе на сю сторону хотѣли перевезтись, но перевезлися ли, или нѣтъ, не знаетъ, а между тѣмъ до самихъ Днепровыхъ ґирлъ чрезъ лиманъ онъ Сераскеръ самъ ихъ перепроваживалъ и знайдовался при нихъ до тѣхъ поръ, покудова сошлися съ запорожскою командою, а какъ у прошедшій понедѣльникъ запорожская команда на идущіе впереди Днѣпромъ суда напала и произвела на ихъ съ ружя и пушечную палбу и затопила ихъ четири суда, то онъ Сераскеръ, увидя свой невозмогъ, тотъ-часъ приказалъ всѣмъ судамъ, которыхъ еще запорожская команда не захватила, возвратится въ Очаковъ, а самъ скоропостижно, страшася упереди произшедшей надъ ними победи, побежалъ въ Очаковъ одною санджалкою, и такъ оніе при четирехъ судахъ на мѣстѣ томъ запорожскою командою разбити и у полонъ взяти, а протчіе вытоплени и вырѣзанни, гдѣ и капитана, что называется Кизихъ, зарезанно; на коихъ судахъ было по 50 и по 60 человѣкъ войска и по две пушки съ запасомъ. У въ Очаковѣ, кромѣ сихъ ста судовъ, да двухъ галіотовъ, которые пристать до Очакова по болшинѣ своей не могутъ и стоять на морѣ. войска еще пѣхоти до десяти тысячей, да на караулѣ у башѣ толко 300 человѣкъ арнаутъ-конницѣ. Войско анадолское ниже Очакова на Жабинскую пристань перевозится многочисленное, которое маршировать будетъ къ Хотину въ состоящемъ против Очакова городѣ; отъ крымской стороны на морѣ пехоти турецкой 6 полковъ.

Предложеніе гетмана Мазепы кіевскому войту и магистрату 1703 года.

(О не утѣсненіи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева).

Настоящее предложеніе малороссійскаго гетмана Ивана Степановича Мазепы кіевскому магистрату принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ прежняго времени, которые показываютъ отношенія главнаго правителя Малороссіи къ такому общественному учрежденію, которое грамотами польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, подтвержденными потомъ грамотами царскими, въ силу такъ называемаго магдебургскаго права, поставлено было внѣ всякаго контроля какой-бы то ни было власти и въ эпоху польскаго господства изъято было изъ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и даже королевскихъ комиссаровъ. Но главный интересъ предложенія не въ этомъ: оно рисуетъ намъ немногими, но весьма крупными чертами положеніе одной церкви и прихода въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. и отношеніе къ нимъ городскаго самоуправленія, точнѣе злоупотребленія и самоуправство кіевскаго того времени войта, имени котораго къ сожалѣнію назвать не можемъ. Картина крайне непригладная, особливо для того набожнаго времени!

Церковь Успенія пр. Богородицы на Подолѣ, въ рынкѣ, это та самая, которую сто лѣтъ предъ тѣмъ кіевскіе мѣщане, угнетаемые также войтомъ, тянувшимъ въ сторону Польши, съ такимъ тщаніемъ и поспѣшностію возстановили изъ развалинъ, отдѣлали съ подобающимъ благолѣпіемъ и превратили въ соборъ градской въ замѣнъ отнятаго тогда уніатами собора св. Софіи[1]). Теперь не преслѣдуютъ православія католики и уніаты, но соборная церковь безъ оконъ, двери ея повреждены, птицы влетаютъ въ отверстія и нарушаютъ благоговѣйный покой молящихся, мѣшаютъ священнодѣйствію. Погостъ церковный, гдѣ кладбище, стиснутъ со всѣхъ сторонъ лавками, и негдѣ уже хоронить мертвыхъ; по три и четыре гроба одинъ надъ другимъ ставятъ въ одной ямѣ, а иныхъ умершихъ тѣла псы выгребаютъ и кости ихъ разносятъ.

[1]) См. «Кіевская Старина», 1882 г., январь, стр. 413—417.

Старосты церковные не блюдутъ интересовъ церкви, не заботятся о ней, не даютъ ничего на ея починки, украшенiя, но удерживаютъ ея доходы, распоряжаются ими самопроизвольно, безъ вѣдома и согласiя причта, церковныя деньги хранятъ не въ церкви, а у себя на дому и употребляютъ ихъ на собственныя нужды и торговые обороты. А поступаютъ такъ старосты потому, что они не выборные отъ прихода, а поставлены отъ магистрата и злоупотребляютъ, находя въ немъ защиту и поддержку. Церковь, какъ мы знаемъ, соборъ городской и кромѣ прихода пользуется по давнимъ постановленiямъ содержанiемъ изъ городской кассы: при ней настоятель, два викарiя и дiаконъ, и имъ слѣдуетъ отъ города по сту талярей въ годъ и сукно на одежду, а прислужникамъ церковнымъ особое вознагражденiе для поддержанiя между прочимъ хорошаго пѣнiя; но войтъ и магистратъ ничего священникамъ и дiакону не даютъ, а старосты обсчитываютъ причетниковъ и пѣвцовъ, и церковь остается «въ спѣванiи скудна». Много набожныхъ прихожанъ, видя такое запустѣнiе церкви, желали для поддержанiя въ ней порядка и благолѣпiя учредить при ней по повсюдному въ то время обычаю *братство* и испросили на это благословенiе митрополита, но войтъ и магистратъ такому доброму намѣренiю ихъ воспрепятствовали и учрежденiя братства не допустили, грозя начинателямъ этого дѣла заключенiемъ въ тюрьму и утратою имущества. Настоятель собора протоiерей Григорiй Софоновичъ тщетно домогался слѣдуемаго церкви и причту; у него самого отняты грунтъ на предмѣстьи Преваркѣ, который онъ получилъ за свою службу при магистратѣ, и мѣсто для лавки въ рынкѣ; въ замѣнъ ихъ онъ домогался отвода ему близъ церкви мѣста для постройки дома, за арендную плату, но и въ этомъ ему отказано. Видно, что войтъ и магистратъ не уважили требованiй самаго митрополита, если этотъ послѣднiй не только согласился на принесенiе Софоновичемъ жалобы гетману, но при отправкѣ Софоновича въ Батуринъ снабдилъ его ходатайственнымъ къ гетману письмомъ. Гетманъ не приказываетъ «строго», какъ въ другихъ случаяхъ, а только предлагаетъ войту и магистрату удовлетворить Софоновича по всѣмъ пунктамъ его жалобы, и не только не грозитъ имъ какими либо карами за неисполненiе его гетманской воли, но желаетъ имъ «доброго здоровья и щасливого поведенiя». Таковы на этотъ случай отношенiя гетмана къ полновластному и независимому кiевскому магистрату! Но злоупотребленiя этого послѣдняго слишкомъ очевидны и мягкiй тонъ гетманскаго распоряженiя, помимо установленныхъ между ними закономъ и обычаемъ отношенiй, можно объяснять частью свойственною Мазепѣ искусною политикою, частью, быть можетъ, недостаточнымъ довѣрiемъ къ жалобѣ Софоновича: послѣднiй

самъ до принятія священства служилъ въ магистратѣ и, быть можетъ, многія изъ выставленныхъ имъ «долегливостей и обидъ» были послѣдствіемъ личныхъ его столкновеній и счетовъ съ членами магистрата.

Въ приводимомъ документѣ, кромѣ мелкихъ бытовыхъ чертъ, особое вниманіе обращаютъ еще стройность изложенія, правильность и относительная чистота рѣчи и орѳографіи.

Мой ласкавый пане войте кіевскій зо всѣмъ майстратомъ тамошнимъ!

Прибывши тутъ до насъ зъ инстанціональнымъ отъ ясне въ Богу преосвященного его милости отца архіепископа митрополиты кіевского, пана и пастыра нашого, листомъ за собою писанымъ, пречестный отецъ Григорий Сафоновичъ, протопопа Острицкій, подалъ намъ суплику въ разныхъ церковныхъ и своихъ долегливостяхъ и обидахъ, а именно въ тымъ: ижъ ктитори не такъ, якъ по инныхъ парохіяхъ, за вѣдомомъ и согласіемъ священническимъ, лечъ безъ согласія и вѣдома его отца Софоновича до церкви свято-успенской ринковой кіевской, въ ратушу по власной вашей милости волѣ и хотенію избираются и настановляются, которыи скринку зъ приходами розными церковными не въ церкви и не за ключемъ священническимъ, лечъ приватне въ дому, любъ на крамницѣ держатъ и оными якъ хотятъ по своей воли, безъ соизволенія настоящого священника диспонують, жадного не справляючи до церкви божественной украшенія; ижъ цминтаръ церковный такъ далеце коморами стиснули, же згола за великою тѣснотою цминтарною не машъ где и мертвыхъ погрѣбати, поневажъ въ одну яму по три и по чотыри трунны вмѣщають, а инные мертвые тѣла псы выгребають, ижъ глыбоко копати за трунами отнюдь не возможно, и любо просилъ онъ у вашихъ милостей килкокротне о отведене мѣстца на страннопогребательницу, еднакъ прошенію своему не получилъ отъ вашихъ милостей скутечного совершенства; ижъ юркгелтъ дорочный по сто талярей и сукно на одежду, по давныхъ установахъ для повседневного литургисанія, а ни зъ ратуша отъ вашихъ милостей, а ни зъ приходовъ церковныхъ не доходить ему отцу Сафоновичу зъ двома викаріами и третимъ діакономъ со служащими. Ижъ за нерадѣніемъ и оспалымъ недозоромъ непослушныхъ и несогласныхъ ктиторовъ, зъ ратуша установленыхъ, такъ далеце отъ церкви птаство докучаетъ, же зъ великою трудностю

божественная литургія отправуется, а то за ненаправою оконъ и дверей церковныхъ дѣется. Ижъ многіи побожныи люде желали себѣ за благословеніемъ ясне въ Богу преосвященного его милости отца архіепископа митрополиты кіевского, ку болшому хвалы Божой умноженію, при той святоуспенской церквѣ братство уфундувать, а ваша милость зъ майстратовыми особами тому доброму намѣренію перешкодилесь и исполнить оного не допустилесь, страшачи тыхъ людей вязенемъ и утратою худобы. Ижъ ктитори въ юргелтѣ слугъ церковныхъ кривдять, для чого завше церковь божественная въ спѣвави вскудна. Ижъ за салѣтру на церковь туюжъ святоуспенскую отъ его отца Софоновича, еще въ свѣцкомъ ставѣ зостаючого, офѣрованую, не хочетъ ваша милость ани грошей, а ни самой салѣтри выдавати, любо онъ за соизволеніемъ самого вашей милости и всего майстрату, будучи рочнымъ господаремъ, тую салѣтру церкви Божой обѣцалъ. Ижъ любо ваша милость за значные его отца Софоновича свѣцкіе услуги отвели были ему кгрунтъ до паханя и мѣстце для комори въ ринку, еднакъ кгды онъ званіемъ Божіимъ зосталъ священникомъ, теды ваша милость оного отъ того заслуженого и отъ вашихъ милостей наданого кгрунту на Преварцѣ и мѣстца на комору отдалили, на которые кгрунта ложилъ онъ своихъ грошей на килкодесятъ золотыхъ. Въ якихъ то своихъ и церковныхъ кривдахъ просилъ себѣ тотъ же отецъ Софоновичъ гетманского заступленія. За чимъ мы, поважаючи высоце поважную ясне въ Богу преосвященного архипастыра нашою инстанцію, а до того видячи явные ему отцу Софоновичу и церквѣ его дѣлаючіеся долегливости, рейментарско по вашихъ милостехъ жадаемъ и пилно приказуемъ, абысте ваша милость въ обираню и постановленю ктиторовъ не чинили ему насилія, якожъ абы не въ ратушу, лечъ на мѣстцу обыкломъ, такъ якъ по иныхъ парохіахъ, за согласіемъ его отца Софоновича избирано, которіи бы скринку зъ приходами церковными не по домахъ, а ни по коморахъ своихъ, лечъ въ церквѣ за единымъ ключемъ своимъ, а другимъ священическимъ держали и грошми церковными безъ вѣдома его отца Софоновича не диспоновали, абысте ваша милость на страннопогрѣбателницу для спасенія своей-жъ души и для порядку мѣского мѣстце где способное отвели, жебы за таковымъ вашмостинымъ нераденіемъ мертвыхъ тѣлъ псы не пожирали зъ значною Божою образою; абысте вашмость належитыхъ юргелтовыхъ доходъ сто талярей и сукно на одежду ему отцу Софоновичу и сослужащимъ ему викаріямъ и діякону, по давныхъ

установахъ, на рокъ зъ ратуша, любъ зъ доходовъ церковныхъ давали; абысте вашмость приказали и пригрозили ктиторамъ, отъ вашихъ милостей установленымъ, двери и окна церковныи понаправляти, жебы чрезъ тое входу птаство до церкви не имѣло и перешкоды до церковного набоженства не было; абысте вашмость, Богу и архипастыреви своему противными не будучи, не претили въ заложеню при той церквѣ святоуспенской братства, поневажъ тое дѣло не до вашмостиной, лечъ до архипастырской власти належитъ; абысте вашмость любъ салѣтру самую, любъ гроши за оную отложивши, отдали на церковь святоуспенскую ринковую, кгды не безгрѣшно то будетъ Богови по согласномъ и вашихъ милостей сонзволенію обѣщанное удержовати; абысте вашмость отведеныхъ собою ему отцу Софоновичу за заслуги его свѣцкіе въ майстратѣ вашмостиномъ на урядѣ радецкомъ роненые кгрунтъ на Преварцѣ и мѣстце на комору, якъ не слушне отдалили, такъ знову въ поссессію ему привернули, поневажъ онъ тое себѣ у вашмостей заслужилъ, а до того и кошту на килкодесятъ золотыхъ выложилъ въ тотъ помянутый кгрунтъ. При таковомъ теды своихъ и церковныхъ обидъ и долегливостей предложеню, просилъ насъ тотъ же отецъ Софоновичъ о рейментарское до вашихъ милостей вложенеся, за которымъ бы могъ у вашихъ милостей таковый получити респектъ, абысте вашмость по близу церкви отвели ему який колвекъ церковный пляцъ, на якомъ бы моглъ домъ себѣ построити и въ оному близко церкви живучи, належитую церковную куницу за тотъ пляцъ давати до рукъ ктиторскихъ, которому его прошенію, иле слушности не противному, благоисполнителной нашой не одмовляючи учинности, пилно по вашмостехъ жадаемъ, абысте вашмость ему отцу Софоновичу приказали где не подалеку церкви для построенія дому удобный пляцъ одвести, а онъ долженъ будетъ, якъ и самъ обѣщается, належитую въ годъ на церковъ Божую отдавати куницу.

Що все рейментарско вашмостемъ предложивши, зычимъ самимъ же вашмостемъ доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого поведенія.—Зъ Батурина. Року ҂аѱг҃. Юня л҃ дня.

Вашмостемъ всего добра зычливый Иванъ Мазепа, гетманъ и кавалеръ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского.

Сообщ. **М. А. Андреевскій.**

Библіографія.

Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.

Въ обширной серіи трудовъ знаменитаго ученаго эта недавно вышедшая пьеса далеко не первый драматическій опытъ. Еще въ началѣ своей дѣятельности Н. И. Костомаровъ написалъ трагедію изъ украинской исторіи—«Переяславска Ничъ». Въ этомъ юношескомъ опытѣ онъ рисовалъ страданія и героическіе подвиги своего народа и торжество всепрощающей христіанской любви. Въ «Саввѣ Чаломъ» онъ изобразилъ прославленнаго народной пѣсней честолюбца, горько наказаннаго за измѣну родинѣ. Третья малорусская пьеса его «Загадка»—остроумный эскизъ на основѣ народной бытовой поэзіи, гдѣ типы, намѣченные творческимъ инстинктомъ народа, получили полноту, какая дается пріемами культурной поэзіи и единичнымъ творчествомъ. Но ближе всего къ драмѣ, вышедшей теперь, подходятъ его сцены изъ римской исторіи «Кремуцій Кордъ». Справедливо находя, что бываютъ обильныя борьбою страстей историческія эпохи, представленія о коихъ лучше всего укладываются въ формы драмы, онъ въ такихъ именно очеркахъ рисовалъ время Тиверія и положеніе честнаго гражданина и мыслителя среди общества павшаго и развращеннаго. Въ такой-же формѣ изображаетъ онъ теперь одинъ изъ уголковъ исторической жизни далекаго эллинскаго міра.

О жизни крымскихъ эллиновъ исторія знаетъ немного. Отрывки древнихъ писателей и случайныя археологическія находки—одни говорятъ о былой жизни, кипѣвшей на крымскихъ побережьяхъ. Взаимныя отношенія двухъ важнѣйшихъ изъ греческихъ колоній въ Крыму—Пантикапея, впослѣдствіи Воспора, колоніи іонійцевъ, и Херсонеса гераклейскаго, колоніи дорійцевъ, послужили матеріаломъ для драмы. Въ этомъ

историческомъ эпизодѣ, разсказъ о которомъ сохранился въ сочиненіи императора Константина Порфиророднаго «объ управленіи государствомъ», какъ въ фокусѣ отразились слабыя стороны древне-эллинской политической жизни: эгоизмъ общинъ, бывшихъ независимыми политическими единицами, и отсутствіе между ними прочной связи, слѣдовательно и силы. Идея федераціи на національныхъ основахъ была чужда эллинскому міру. Борьбу вели между собой не только государства двухъ различныхъ вѣтвей эллинской націи, какъ Аѳины и Спарта, но и единокровные лакедемоняне и мессенцы, изъ которыхъ первые обратили послѣднихъ въ рабство.

Многочисленные историческіе факты подтверждаютъ эти общія замѣчанія историка. Греческія общины на протяженіи всей своей жизни враждуютъ другъ съ другомъ и подкапываются другъ подъ друга. Даже когда Дарій и Ксерксъ наводняютъ страну своими полчищами, греки соединяются съ трудомъ. Сиракузы отказываютъ въ помощи, потому что не имъ предоставлено главенство въ союзѣ. Ѳивы становятся на сторону мидянъ. Когда Александръ соединяетъ силою грековъ для покоренія Азіи, лакедемоняне не идутъ на призывъ. Ни одной общинѣ не удается сгруппировать вокругъ себя федераціи другихъ. Спарта, Аѳины, Ѳивы терпятъ по очереди неудачи въ такихъ попыткахъ. Раздѣленную такимъ образомъ Грецію покоряютъ полу-варварскіе народы и независимость отдѣльныхъ общинъ приводитъ къ порабощенію цѣлой страны. Эллинскія колоніи были политическими тѣлами вполнѣ самостоятельными. Обычаи, вѣрованія, культура,—все это у нихъ общее съ метрополіей, но общи были также и пороки. Эгоистическая борьба общинъ, приведшая къ слабости и порабощенію,—такова сущность исторіи крымскихъ грековъ. На этихъ данныхъ построена и драма «Эллины Тавриды».

Между Воспоромъ и Херсонесомъ—старинная, постоянная вражда. Херсонесскій сенатъ въ награду за доблести протевона Ламаха объявляетъ дочь его Гиккію наслѣдницей отцовскаго сана и послѣ смерти Ламаха назначаетъ протевономъ будущаго супруга Гиккіи. Воспориты, узнавъ объ этомъ, рѣшаются воспользоваться случаемъ для порабощенія Херсонеса и дать Гиккіи въ супруги своего царевича. Для рѣшенія давнишняго спора они предлагаютъ сначала поединокъ между выбранными съ той и съ другой стороны. Такой способъ рѣшенія распри кажется невозможнымъ херсонитамъ, и они посылаютъ спросить совѣта дельфійскаго оракула. Получается отвѣтъ: «бракъ лучше дракъ». Херсонесскій сенатъ обсуждаетъ дѣло. Предъявляются возраженія противъ опасности вступать въ союзъ съ стариннымъ врагомъ и предоставить воспориту власть въ Херсонесѣ. Но большинство склоняется къ прекращенію вра-

жды и рѣшаетъ спросить мнѣніе самой Гиккіи. Она высказываетъ готовность принести свои интересы въ жертву интересамъ страны и предлагаетъ предъявить воспоритамъ условія, ограничивающія и парализующія вліяніе ихъ и ихъ царевича въ Херсонесѣ. Съ этими предложеніями послы ѣдутъ въ Воспоръ, гдѣ въ сенатѣ ихъ предложенія принимаютъ сначала недружелюбно. Но претендентъ на руку Гиккіи, воспорскій царевичъ Николай, смотритъ на дѣло иначе. Онъ готовъ принять всѣ условія, какія ему предложатъ, увѣренный, что при помощи хитрости и ума устроитъ въ Херсонесѣ все по своему желанію, лишь-бы только добраться до власти. Намѣренія его—уничтожить въ Херсонесѣ народоправство и независимость, стать полноправнымъ правителемъ и сдѣлать изъ Херсонеса пригородъ Пантикапеи. Тутъ-же у одного изъ херсонесскихъ пословъ онъ выпытываетъ хитростью нужныя ему свѣдѣнія о Херсонесѣ. Прибывши въ Херсонесъ онъ слѣдуетъ той-же тактикѣ: соглашается съ тѣми, которые противятся наслѣдственности званія протевона и проситъ позволенія принять херсонесское гражданство, съ тѣмъ, чтобы быть выбраннымъ въ протевоны только тогда, когда заслужитъ того своими дѣлами. Вмѣстѣ съ нимъ принимаютъ херсонеское гражданство два его пособника: Эристоклей и Стираксъ. Чтобы овладѣть Херсономъ, Николай придумываетъ слѣдующій планъ: онъ отправляетъ обратно воспоритовъ, привезшихъ свадебные дары, но велитъ имъ, выѣхавши за городъ, отправить дары съ однимъ, а остальнымъ вернуться тайно въ городъ. Этихъ воиновъ онъ прячетъ въ подземелье, находящееся подъ домомъ протевона, куда покорившій нѣкогда Херсонесъ тавро-скиѳъ сажалъ непокорныхъ гражданъ. Стираксъ предлагаетъ ввести воспорское войско въ Херсонесъ подъ видомъ торговаго обоза, а Эристоклей приставляется къ Ламаху въ качествѣ опытнаго врача, чтобы скорѣе съ нимъ покончить. Ламахъ умираетъ въ тотъ день, когда къ Херсонесу приближается второй караванъ съ дарами. Новыхъ пословъ Николай убѣждаетъ также остаться въ подземельи, а пособникъ его Стираксъ, прикинувшись врагомъ Николая, входитъ въ дружбу съ протестующими херсонитами, во главѣ которыхъ стоитъ Зеѳонъ, племянникъ Ламаха, и убѣждаетъ ихъ идти къ Николаю и, какъ тайнаго врага, изгнать его изъ Херсонеса. Спрятанные воспориты нападутъ на пришедшихъ херсонесскихъ сенаторовъ и перебьютъ ихъ, а покореніе города и борьбу съ народомъ возьметъ на себя войско, пришедшее въ качествѣ торговаго обоза. Этотъ хитрый планъ разстраиваетъ однако случайность. Николай, вѣроломный во всемъ, преслѣдуетъ случайно служанку Гиккіи, Эригонію, увѣряя ее въ своей любви. Гиккія нечаянно становится свидѣтельницей этой сцены и, пылая местью, засаживаетъ Эригонію въ подземную комнату дворца. Эта

комната сообщается съ подземельемъ, въ которомъ сидятъ воспорскіе воины. Эригонія подслушиваетъ тайну заговора и, воспользовавшись минутой, умоляетъ Гиккію выпустить ее на волю, такъ какъ она имѣетъ сообщить ей нѣчто важное. Она открываетъ все Гиккіи, а Гиккія, уже имѣющая доказательства предательства Николая, сообщаетъ все Зеѳону и сенаторамъ. Когда Стираксъ приходитъ къ Зеѳону, чтобъ вести херсонесцевъ во дворецъ,—они убиваютъ его. Дворецъ, гдѣ находится Николай и воины, со всѣхъ сторонъ окружаетъ народъ. Зданіе поджигаютъ, Николай защищается, но выданъ своими, сама Гиккія закалываетъ его кинжаломъ. Всѣ бывшіе въ дворцѣ воспориты погибаютъ, также какъ и большая часть воиновъ, спрятанныхъ въ обозѣ. Эригонія, за услугу оказанную отечеству, изъ рабыни дѣлается гражданкой. Гиккія отдаетъ свою руку Зеѳону, котораго народъ избираетъ протевономъ и, предвидя месть Воспора, убѣждаетъ херсонесцевъ отдаться подъ покровительсво уже всемогущаго Рима.

По психологической обрисовкѣ выдѣляются въ драмѣ три лица: Николай, Стираксъ и Гиккія.

Характеръ Николая задуманъ и выдержанъ превосходно. Это вѣчный умный человѣкъ и интриганъ исторіи, имя которому то Николай, то Августъ, то Наполеонъ III. Это обманщикъ тѣмъ болѣе опасный, что очень умный. Онъ все понимаетъ—значеніе такихъ или иныхъ правъ, возможныя послѣдствія такого или иного ихъ измѣненія, но у него въ душѣ одинъ кумиръ—собственная выгода. Онъ будетъ говорить убѣдительно и разумно, даже съ тѣмъ жаромъ, который можетъ увлечь и очаровать толпу и ложь котораго разгадаетъ только очень чуткое ухо. Онъ готовъ на всѣ уступки, такъ какъ умъ его ихъ предвидитъ. Ему нужна только извѣстная позиція, ставши на которую онъ все измѣнитъ по своему. Энергія, проявляемая имъ въ послѣднихъ сценахъ, не нарушаетъ цѣлостности типа. Люди подобнаго сорта лицемѣрятъ до послѣдней минуты, пока разсчитываютъ хоть на малѣйшую возможность успѣха. Таковъ Стираксъ, который, будучи взятъ врасплохъ, все-таки силится провести херсонесцевъ и Гиккію. Но когда гибель неизбѣжна, когда никакая хитрость, никакая клятва не разубѣдятъ въ очевидности предательства, тогда эти люди дѣйствуютъ сообразно своему темпераменту. Ихъ охватываетъ или отвага отчаянія, какъ Николая, или припадки панической трусости. Это черты, психологическую вѣрность которыхъ можно прослѣдить, какъ въ лицахъ, замѣченныхъ исторіей, такъ и въ поэтическихъ фикціяхъ. Стираксъ—приспѣшникъ, какіе всегда встрѣчаются при людяхъ типа Николая. Они добровольно берутъ на себя починъ въ преступленіи, досказываютъ и приводятъ въ дѣйствіе то, о

чемъ думаютъ ихъ патроны и что суфлируютъ имъ, но чего они сами не сдѣлаютъ или по разсчету, или по недостатку отваги. «Ты дополняешь меня, ты поправляешь меня», говоритъ ему Николай. Образъ Гиккіи носитъ отблескъ античной красоты. Она слишкомъ благородна и не допускаетъ сначала возможности измѣны, но она честная женщина и гражданка и, когда измѣна обнаруживается, она жертвуетъ всѣмъ и своею любовью прежде всего. Какъ въ обманутой женщинѣ, эта любовь переходитъ у нея въ месть и ненависть тѣмъ съ большею силой, что она вѣрила и любила искренно.

Глубокое знаніе эллинской поэзіи и проникновеніе духомъ древности даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Этотъ духъ,—лучшее наслѣдіе античнаго міра,—скажемъ между прочимъ, чуждъ нашей образованности, несмотря на господствующую классическую систему. Гдѣ драматическое дѣйствіе подымается до лиризма, проза въ драмѣ смѣняется стихами. Сцена въ храмѣ Діаны, съ ея гимнами съ строфахъ и антистрофахъ, полныхъ, сложныхъ, живописныхъ прилагательныхъ, какъ у древнихъ поэтовъ, свѣжа и поэтична.

Въ стихотвореніяхъ Іеремія Галки (малорусскій псевдонимъ нашего историка) есть набросокъ молодыхъ лѣтъ, озаглавленный «Пантикапея»; тамъ тѣнь какого-то воспорскаго царя жалуется на то, что тревожатъ ея могильный сонъ, разрывая могилу, и умоляетъ пытливаго путника удалиться подальше и не заглядывать во внутренность могильнаго холма. Мы скажемъ совсѣмъ иное. Мы благословимъ эту историческую пытливость и пожелаемъ долгой дѣятельности славному путнику исторіи, вся жизнь котораго полна такого разносторонняго, благодѣтельнаго и плодотворнаго труда.

В. Г—го.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (полтавской губерніи). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г.

Судьбы Малороссіи очень давно стали интересовать какъ присяжныхъ ученыхъ, такъ и публику. Двѣ исторіи Малороссіи—Бантышъ-Каменскаго и Маркевича появились раньше, чѣмъ было собрано потребное количество матеріаловъ. Неудивительно, что теперь онѣ имѣютъ почти исключительно библіографическій интересъ, и только приложенные къ нимъ документы не утратили своего значенія и въ настоящее время. Тогда-же извѣстный Бодянскій въ редактированныхъ имъ «Чтеніяхъ

моск. общ. исторіи и древн. рос.» издалъ массу цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи. Еще болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлали правительственныя учрежденія—археографическая коммиссія въ Петербургѣ и временная коммиссія въ Кіевѣ, которыя предприняли рядъ спеціальныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ множество новыхъ матеріаловъ. Таковы были «Акты западной Россіи», «Памятники» и «Архивъ юго-западной Россіи». Больше всѣхъ потрудились надъ изданіемъ памятниковъ Н. И. Костомаровъ въ Петербургѣ и В. Б. Антоновичъ въ Кіевѣ. Изданные ими матеріалы, можно сказать, впервые показали намъ въ истинномъ свѣтѣ судьбы южной Руси. Н. И. Костомаровъ обратилъ особенное вниманіе на судьбы малороссійскаго козачества, а В. Б. Антоновичъ по плану, принятому кіевской временной коммиссіей, выбиралъ и издавалъ однородные документы, относившіеся къ тому или иному вопросу внутренней жизни малороссійскаго общества (быту духовенства, городовъ, крестьянства и т. д.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что акты южной и западной Россіи не восходятъ никогда къ XVIII вѣку, а архивъ юго-западной Россіи хотя и доставляетъ намъ матеріалы XVIII вѣка, но они относятся исключительно къ юго-западной Руси, т. е. правобережной Украйнѣ. Такимъ образомъ судьбы лѣвобережной Украйны въ XVIII вѣкѣ оставались для насъ по прежнему темными. Такой пробѣлъ въ южно-русской исторіографіи нужно поставить въ связь съ судьбами русской исторической науки вообще, которая въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ силу независящихъ отъ нея обстоятельствъ почти вовсе не касалась событій недавняго прошлаго. Но вотъ въ 60-хъ и особенно 70-хъ годахъ спала завѣса и съ XVIII вѣка; немедленно появилась масса новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся къ царствованію первыхъ преемниковъ Петра,—Екатерины, Павла, Александра. Теперь были изданы и нѣкоторые документы для исторіи Малороссіи за это время Судіенкомъ и Лазаревскимъ; этому послѣднему принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ въ связи съ исторіей происхожденія крупной поземельной собственности въ Малороссіи. Онъ же открылъ знаменитую Румянцевскую опись Малороссіи, изъ которой потомъ были изданы незначительные отрывки; къ несчастью такой драгоцѣнный памятникъ, какъ Румянцевская опись, имѣлъ очень печальную судьбу: добрая половина его, лежавшая въ полтавской казенной палатѣ и обнимавшая почти всю нынѣшнюю полтавскую губернію, сгорѣла во время бывшаго тамъ пожара. Черниговскій статистическій комитетъ, въ вѣдѣніе котораго поступила сохранившаяся Румянцевская опись, очевидно не располагалъ въ достаточной степени ни матеріалами, ни

научными для ея изданія средствами. Такъ дѣло продолжалось до 1882 г., когда этотъ памятникъ снова привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ библіотекѣ кіевскаго университета отыскалась часть Румянцевской описи, обнимающая нѣкоторые уѣзды полтавской и черниговской губерніи. На нее то и обратилъ вниманіе проф. И. В. Лучицкій. Золотоношское земское собраніе поручило ему составить статистическія таблицы по золотоношскому уѣзду на основаніи данныхъ Румянцевской описи, для сравненія ихъ съ современными статистическими цифрами. Таблицы эти, какъ кажется, еще не вышли въ свѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Лучицкій натолкнулся на документы, которыя свидѣтельствовали о существованіи въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII вѣка общинныхъ земель и угодій. Это было интересное открытіе. Конечно, нельзя сказать, чтобы раньше до изслѣдованій Лучицкаго никто ничего не зналъ о малорусскихъ общинахъ; всѣмъ было извѣстно, что большая половина нынѣшнихъ селеній харьковской губерніи владѣетъ теперь землей на общинномъ правѣ; описаніе одной изъ такихъ общинъ попало даже въ извѣстный «Сборникъ свѣдѣній о сельской общинѣ», но во всякомъ случаѣ И. В. Лучицкій первый заговорилъ о малорусской общинѣ въ XVII и XVIII вв. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Отеч. Зап.», (1882 г., ноябрь) онъ доказывалъ, что во время заселенія южной части лѣвобережной Украйны въ XVII в., въ ней утверждались на первыхъ порахъ общинные распорядки, остатки которыхъ сохранились и въ XVII в. Это была община первобытнаго типа, безъ передѣловъ и безъ опредѣленнаго срока владѣнія землями; данными для такого вывода послужили И. В. Лучицкому матеріалы Румянцевской описи Малороссіи, хранившіеся въ библіотекѣ кіевскаго университета. Послѣ этого И. В. Лучицкій продолжалъ дѣлать извлеченія изъ Румянцевской описи, и въ результатѣ явился тотъ сборникъ матеріаловъ, заглавіе котораго мы привели въ началѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ, а также массы другихъ данныхъ, неизвѣстныхъ публикѣ, И. В. Лучицкій составилъ изслѣдованіе объ общинѣ, общественныхъ земляхъ и тѣхъ способахъ пользованія ими, какіе существовали въ лѣвобережной Украйнѣ, начиная съ XVIII вѣка. Это изслѣдованіе появится въ печати послѣ сообщенія его на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ.

Въ ожиданіи этого реферата мы въ свою очередь не будемъ разбирать изданныхъ документовъ по существу, а ограничимся только нѣкоторыми общими указаніями.

Почти всѣ документы извлечены изъ связокъ Румянцевской описи Малороссіи, относящихся къ разнымъ сотнямъ переяславскаго пол-

ка [1]), и только одинъ документъ взятъ изъ бумагъ пустынно-николаевскаго монастыря, хранящихся въ полтавской казенной палатѣ. Все это—земельные акты, купчія крѣпости, уступочныя и дарственныя записи, межевые акты, мировыя сдѣлки, обмѣнные листы, судебныя дѣла, жалобы; кромѣ нихъ видное мѣсто еще занимаетъ особая серія документовъ—донесенія смотрителей и сотенныхъ правленій объ общественныхъ земляхъ, принадлежащихъ разнымъ селеніямъ. Всѣхъ документовъ 87; изъ нихъ только два относятся къ XVII в., всѣ остальные къ XVIII вѣку.

Изъ 15 уѣздовъ полтавской губерніи изданные документы обнимаютъ только три: переяславскій, пирятинскій и золотоношскій. Это объясняется тѣмъ, что опись лубенскаго, полтавскаго, миргородскаго, гадяцкаго и прилуцкаго полковъ погибла, а вмѣстѣ съ нею и данныя объ остальныхъ уѣздахъ.

По содержанію своему напечатанные документы крайне любопытны, ибо захватываютъ малоизвѣстную и совершенно почти не изслѣдованную сторону прошлой жизни малорусскаго народа—общинную земельную организацію въ XVIII вѣкѣ. Каждый изъ приведенныхъ документовъ свидѣтельствуетъ о существованіи въ лѣвобережной Украйнѣ общественныхъ земель [2]).

Правда уже въ «Обозрѣніи румянцевской описи Малороссіи» Лазаревскаго и Константиновича можно было найти нѣкоторые документы, свидѣтельствовавшіе о существованіи общественныхъ земель и угодій въ той-же лѣвобережной Украйнѣ (именно въ сѣверной ея части—черниговской губ.); правда, никто не сомнѣвался въ существованіи и значительномъ распространеніи такъ называемыхъ «малороссійскихъ вольницъ», т. е. свободныхъ, никому лично не принадлежавшихъ земель и угодій, или такъ называемыхъ въѣзжихъ лѣсовъ, куда всякій имѣлъ право безпрепятственнаго въѣзда. Но въ сборникѣ И. В. Лучицкаго эти матеріалы собраны въ такомъ значительномъ количествѣ, что даютъ полную возможность опредѣлить значеніе ихъ въ прошлой жизни малорусскаго села. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ виды общественныхъ земель и

---

[1]) Кромѣ связокъ переяславскаго полка тамъ-же помѣщается значительная часть связокъ кіевскаго полка, обнимающая часть уѣздовъ черниговской губерніи.

[2]) Намъ только кажется, что въ документѣ подъ № 8 (стр. 7) идетъ дѣло не объ *общественной* землѣ, а о владѣніи нѣсколькихъ сосѣдей, которые выдали *совмѣстную* купчую на свои *личные* участки; образцы такихъ купчихъ намъ попадались въ рукописныхъ актахъ на земли въ слободской Украйнѣ; да и по формѣ этотъ документъ отличается отъ всѣхъ другихъ.

угодій—степь, пахатное поле, выгонъ и толоку, лугъ, дворовыя мѣста, дубровы, озера, чагарники, лозы и болота; мало того, приведены даже вѣдомости [1]) о количествѣ земель и угодій, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ; но вѣдомости эти требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, которое, конечно, будетъ сдѣлано въ изслѣдованіи И. В. Лучицкаго.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ о *происхожденіи* всѣхъ этихъ общинныхъ земель. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ самыхъ документахъ. Всѣ онѣ почти такого-же *заимочнаго* или старозаимочнаго происхожденія, какъ и большинство козачьихъ земель Слободской Украйны. При многихъ вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ такого рода приписки: «та сѣнокосная земля (каневской сотни) принадлежитъ онимъ козакамъ ***по давней займѣ волностей козачихъ*** и по стародавнему безспорному владѣнію; пользуются оною сѣнокосною землею, службу козачую отправуютъ и повинность къ пользе государевой несли и нынѣ несутъ». Въ своей статьѣ (Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.), помѣщенной въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы привели нѣкоторыя указанія на подобный способъ происхожденія поземельной собственности въ гетманщинѣ; теперь «Сборникъ» И. В. Лучицкаго еще болѣе рельефно подтверждаетъ эту мысль и дѣлаетъ ее еще болѣе убѣдительной. Такого же замѣчательнаго происхожденія была въ большинствѣ случаевъ и личная поземельная собственность, какъ это видно изъ цѣлаго ряда документовъ, приведенныхъ въ «Сборникѣ».

Роль *громады* по отношенію къ общиннымъ землямъ и угодьямъ была очень велика. Сюда принадлежитъ цѣлая серія едва ли не самыхъ интересныхъ документовъ. Мы ихъ считаемъ таковыми потому, что они открываютъ дѣйствительно *новую* сторону народной самодѣятельности. Громада дозволяетъ строить гребли, устраивать хутора на общественной землѣ, отводитъ въ частное владѣніе общественныя земли, отводитъ участки земли своимъ членамъ, покупаетъ и продаетъ общественныя

[1]) Происхожденіе этихъ вѣдомостей довольно любопытно. Въ первоначальныхъ инструкціяхъ Румянцева не дано было вопроса о количествѣ общевладѣемыхъ земель; очевидно Румянцевъ, знавшій вообще довольно хорошо ввѣренный ему край, считалъ Малороссію страною личнаго участковаго землевладѣнія; да оно во второй половинѣ XVIII в., какъ видно изъ связокъ Румянцевской описи, почти такъ и было. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ, кромѣ государевыхъ свободныхъ земель, отыскались еще и мірскія, которыми владѣли всѣ члены селенія съобща, и пришлось поставить вопросъ объ этихъ земляхъ; полученные отвѣты и приведены въ «Сборникѣ» И. В. Лучицкаго.

земли, снимаетъ и сдаетъ ихъ въ аренду, уступаетъ и даритъ ихъ и наконецъ разрѣшаетъ ихъ заимку. Все это такія функціи, которыя могутъ принадлежать только настоящему владѣльцу, а таковымъ владѣльцемъ является въ данномъ случаѣ *юридическая* единица, т. е. *община*.

Нѣсколько менѣе интересны приведенныя въ «Сборникѣ» данныя о способахъ пользованія общественными землями и угодьями. Онѣ, собственно говоря, даютъ намъ очень мало новаго сравнительно съ тѣми фактами, которые были приведены раньше хотя бы въ статьѣ самаго И. В. Лучицкаго, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Способъ владѣнія какъ пахатью, такъ и сѣнокосомъ, лѣсами, рыбными ловлями, былъ въ существѣ дѣла одинъ, къ которому болѣе всего, кажется, подходитъ опредѣленіе «захватный». Приведемъ наиболѣе характерныя указанія. Горшинское сотенное правленіе доноситъ: «Въ сотнѣ же горишинской, при селѣ Буромцѣ, поле пахатное, тамъ же вмѣстѣ зъ онимъ и сѣнокосное, по древнему тамо установленію, обще всѣми жителми, козаками и посполитыми ранговыми господина полковника лубенскаго Ивана Петровича Кулябки, употребляются, *сколко кому якого лѣта къ паханію и сѣнокосу надобность укажетъ, и гдѣ кто себѣ застигнетъ*, тамо оретъ либо коситъ, а собственного нѣякого не имѣется». Въ слѣдственномъ дѣлѣ о захватѣ общественныхъ земель березанской сотни говорится: «въ сотнѣ березанской никакихъ ограниченій въ свободномъ степу не бывало, но свободно было, якъ козакамъ, такъ мужикамъ, тотъ волній войсковой степъ, *где хотя, кому косить*»; въ жалобѣ козаковъ Памфиленковъ на сотника Гулака читаемъ: «... поле пооралъ и гай порубалъ насъ истцовъ Памфиленковъ, поволное, *где всякому обивателю* поля пахать и *лѣсъ рубить не возбранно*.

Особенное мѣсто занимаютъ среди общественныхъ земель церковныя; ими также распоряжается громада, вмѣстѣ съ братствомъ и титаремъ. Всѣ относящіеся сюда документы довольно однообразны по своему содержанію: громада для церковныхъ нуждъ продаетъ кому нибудь часть церковной земли. Земли эти были пожертвованы на церковь или отдѣльными доброхотами, или цѣлымъ обществомъ. Для уясненія вопроса о происхожденіи церковныхъ земель мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи одинъ любопытный документъ, который охотно сообщаемъ при этомъ случаѣ; это «дѣло о прилеглыхъ къ селамъ Ольшаной и Волинки свободныхъ ланахъ и сѣнокосахъ, которіе називаются и мирскими», хранящееся въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, подъ № 3316 (по новому каталогу).

«Къ селамъ Волинки и Ольшаной никакихъ прилеглихъ лановъ и сѣнокосовъ, коя називаются мирскими, издревле не бывало и нинѣ

не находится, а хотя имѣются при тѣхъ селахъ Волинки и Ольшаной пахатніе лани и сѣнокоси, но оніи, какъ совершенно сами, сколко память наша засягаетъ, вѣдаемъ, что едни такіе лани, когда, по давнимъ старинниимъ у Малой Россіи бывшимъ волностямъ, села Волинка и Олшаное поселялись, тогда и козаки *какъ и во всей Малой Россіи займи въ земляхъ для себе чинили*, по той же волности тогдашніе волинскіе и олшанскіе старшини и козаки *заняли для снабдѣнія церквей въ Волинки лани, а въ Волшаной сѣнокоси, при своихъ парахвіяхъ*, отъ тѣхъ поръ даже досель во владѣніи церквей ни отъ кого безъпрепятственно находятся; чтожъ на тѣ занятіе землѣ никакихъ писменнихъ документовъ не имѣютъ, потому—что займа къ церквамъ; ибо въ то время еще дачъ, по отшествіи отъ Полщи, гетманскихъ и полковничьихъ не бывало, и козаки по грамотамъ многимъ государевимъ своими волностями козачіими владѣли и владѣютъ, потому что во всѣхъ грамотахъ, которіе даются на маетности въ Малой Россіи владѣлцомъ, точно сіе докладается—владѣлцу владѣть маетностми съ людми и угодіями, кроми займъ и волностей козачихъ; означенніе-жъ землѣ церковніе пзстарѣ на церковъ заняты и во время владѣнія тѣхъ селъ ратушами до ратушъ тогдашнихъ владѣлцовъ не подлежали и нѣкимъ не владѣлись и свободними тѣ земле, лани и сѣнокоси не находились, другіе-жъ поля и сѣнокоси, при тѣхъ-же церквахъ находячіесь, въ давнихъ годахъ на церкви волинскіе, михайловскую и николскую, отъ доброхотнихъ дателей legованіе, точію каковы были на тѣ поля и сѣнокоси legаціи, оніе во время сгорѣнія въ 738 году николской олшанской церкви погорѣли, а сколко села Олшанного, какъ зъ насъ мы нижайшіе олшанскіе козаки знать совершенно можемъ, что тѣ поля и сѣнокоси въ недавнихъ временахъ села Олшаного козаками и жителми Олшанки на церковъ олшанскую живоначалнія Тройци legованнія, а откого оніе legованніе и въ какихъ годахъ, имѣются при церкви олшанской въ зашнурной книги записи, о коихъ всѣхъ занятихъ ланахъ и сѣнокосахъ, яко и отъ доброхотныхъ подателей наданнихъ поляхъ и сѣнокосахъ при томъ доношеніи подъ великое вашей ясновельможности усмотрѣніе сообщенъ обстоятельный реестръ... А сверхъ того и по правамъ малороссійскимъ, кто за прежнихъ королей какова добра владѣлъ, таковихъ, *хотя бы крѣпостей никакихъ не имѣлъ, силенъ вѣчно владѣть*, такъ и по тому резону навсегда во вѣчномъ церковномъ владѣніи оніе добра должни оставаться, ибо не толко при тѣхъ волинской и олшанской, но и *по Малороссіи въ разнихъ владѣніяхъ при многихъ церквахъ, по*

прежнимъ займамъ и по разнимъ доброхотнихъ дателей подачамъ, грунта имъются и по нинъ въ спокойномъ владъніи безборонно находятся...

Изъ предложенной краткой характеристики Сборника г. Лучицкаго читатель можетъ убѣдиться, на сколько интересенъ и важенъ матеріалъ, имъ опубликованный. Остается желать, чтобы скорѣе явилось продолженіе матеріаловъ изъ Румянцевской описи хотя-бы, напримѣръ, для исторіи происхожденія крупной поземельной собственности, безъ чего самая роль общины останется неясною. Козацкая община въ Малороссіи, едва только народившись, стала уже разрушаться.

Въ заключеніе остается замѣтить, что матеріалы изданы сообразно научнымъ требованіямъ и снабжены тремя указателями—личнымъ, географическимъ и предметнымъ. **Дм. Багалѣй.**

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Спб. 1884 года.

Ни одно, кажется, изъ нашихъ ученыхъ обществъ не расширило такъ своей дѣятельности и не ведетъ ее съ такою быстротою, какъ названное историческое общество. Въ громадной массѣ изданныхъ имъ историческихъ матеріаловъ видное мѣсто принадлежитъ дипломатическимъ документамъ, а въ числѣ ихъ нерѣдко попадаются такіе, въ которыхъ содержатся любопытныя свѣдѣнія по исторіи Малороссіи. Только что вышедшій 40-й томъ изданій этого общества даетъ намъ такія свѣдѣнія въ донесеніяхъ французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1719 по 1722 годъ.

Не касаясь всего богатаго содержанія вышедшаго тома изданій императорскаго русскаго историческаго общества, мы ограничимся ознакомленіемъ читателей съ тѣми немногими данными по исторіи Малороссіи, которыя заключаются въ донесеніяхъ упомянутаго дипломата. Сообщаемыя имъ о Малороссіи свѣдѣнія тѣмъ большую должны имѣть для насъ цѣну, что Кампредонъ могъ совершенно безпристрастно относиться къ наблюдаемымъ фактамъ, такъ какъ послѣдніе совершенно не касались политическихъ комбинацій и дипломатическихъ интригъ. Правда, его свѣдѣнія довольно сбивчивы, неточны и обнаруживаютъ малое знакомство съ страною, о которой онъ писалъ,—послу французскому ничего напр. не стоитъ смѣшать Хмельницкаго съ Дорошенкомъ и поставить одного на мѣсто другаго; но такія погрѣшности легко отличить всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ общимъ ходомъ событій въ исторіи Малороссіи, а между тѣмъ то, что сообщается Кампредономъ о Малороссіи

находится нерѣдко въ полномъ соотвѣтствіи съ другими данными нашей исторіи и съ общей политикой Петра В. относительно подчиненія Малороссіи общему государственному строю.

Сущность передаваемыхъ Кампредономъ о Малороссіи свѣдѣній сводится къ тѣмъ денежнымъ и натуральнымъ налогамъ и повинностямъ, которыми обремененъ былъ новоприсоединенный край, той эксплуатаціи, какой онъ подвергался со стороны жадныхъ бояръ, и тѣмъ ограничительнымъ мѣрамъ, какія принимались Петромъ въ видахъ ослабленія автономіи Малороссіи и прикрѣпленія ея къ Россіи. Прежде всего въ его «Запискѣ о доходахъ царской казны» находимъ слѣдующія цифровыя данныя о тѣхъ постоянныхъ налогахъ, какіе уплачивало крестьянское населеніе Великой и Малой Россіи за свои жилища и землю:

На военный совѣтъ	25 к.
» адмиралтейство	10 »
» рекрутъ	6 »
» коневодство во всѣхъ губерніяхъ	11 »
» черепичныя фабрики	3 »
» известковыя печи	3 »
» строительные матеріалы	4 »
» почтовыхъ лошадей	5 »
» содержаніе канцелярій	1 »
» экстраординарные расходы	$^1/_2$ »
	$68^1/_2$ к. [1])

Сказавъ, что царь приказалъ въ 1715 г. сдѣлать новую ревизію для правильнаго взиманія этихъ податей, посолъ замѣчаетъ, что налогъ на избы въ Великороссіи взимается по переписи 1679 г., между тѣмъ какъ въ кіевской губерніи (такъ онъ называетъ Малороссію или гетманщину) за основу сборовъ принята перепись 1710 г. Изъ приложенной къ «Запискѣ» росписи доходовъ, сдѣланной, по словамъ Кампредона, въ счетной палатѣ (въ камеръ-коллегіи) въ концѣ 1722 г., узнаемъ, что въ Малороссіи (по Кампредону въ кіевской губерніи) числилось 56 городовъ, 1864 мѣщанскихъ дома, 25,815 крестьянскихъ домовъ, и сумма, платимая въ казну, равнялась 114,857 р. въ годъ [2]).

Пропорція крестьянскихъ избъ, замѣчаетъ посолъ, здѣсь слишкомъ мала сравнительно съ количествомъ городовъ. Причина сего заключается въ томъ, что кіевская губернія (т. е. Малороссія) населена боль-

---

[1]) Сборникъ, стр. 429.

[2]) Сборникъ, стр. 430—141.

шимъ количествомъ козаковъ, а этотъ народъ, какъ я изложу это ниже, свободенъ отъ постоянныхъ повинностей, такъ что въ приведенной росписи означены лишь тѣ избы, которыя въ настоящее время обложены податями [1]).

Продолжая говорить о доходахъ казны отъ монопольной продажи питей и табаку, привиллегіяхъ, какими пользовалась въ этомъ отношеніи Малороссія и о томъ, «какъ жадные къ наживѣ бояре и другія частныя лица совершали безконечное множество мошенничествъ, тайно торгуя черкасскимъ и украинскимъ табакомъ, разводимымъ въ большомъ количествѣ», [2]) а равно о подушной подати, посолъ переходитъ къ натуральнымъ доходамъ и тутъ съ особою подробностью распространяется о Малороссіи, касаясь, хотя и не совсѣмъ удачно, ея исторіи и современнаго состоянія. «Царь, говоритъ онъ, извлекаетъ изъ своихъ подданныхъ еще другія выгоды, не менѣе значительныя и вполнѣ замѣняющія ему наличные капиталы, такъ какъ въ Россіи изъ нихъ дѣлается тоже употребленіе, на которое въ другихъ странахъ требуются денежные капиталы. Сюда относится прежде всего такъ называемая здѣсь контрибуція, т. е. поставка подданными его царскаго величества людей, въ особенности казаками и черкесами. Они прежде состояли подъ владычествомъ Польши, но потомъ, будучи недовольны ею, перешли подъ власть турокъ и наконецъ отдались, впрочемъ на извѣстныхъ условіяхъ, въ подданство царя Алексѣя, отца нынѣ царствующаго государя Петра I. Эти народы, живущіе между Дономъ и Днѣпромъ, называются запорожцами отъ двухъ русскихъ словъ: *за*, обозначающаго «по ту сторону» и *пороги*, т. е. катаракты. Дорошенко, ихъ гетманъ или генералъ, фамилія котораго еще весьма значительна, но родъ угасъ недавно со смертью послѣдняго гетмана, отдался подъ покровительство Россіи на слѣдующихъ условіяхъ: Украйна будетъ свободна отъ всякаго рода налоговъ, согласно дѣйствующему въ ней магдебургскому праву (какъ видно, смутное понятіе имѣлъ французъ о нѣмецкомъ правѣ), казаки будутъ по прежнему пользоваться всѣми своими старинными привиллегіями и полной свободой торговли, въ особенности водкой, пивомъ и медомъ, оптовой и розничной; наконецъ управлять ими будутъ всегда ихъ собственные генералы, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не русскіе. На этихъ условіяхъ они съ своей стороны обязывались доставлять царю 60-тысячный корпусъ конницы каждый разъ, какъ онъ потребуетъ таковой».

. . . .

[1]) Сборникъ, стр. 435—5.

[2]) Сборникъ, стр. 436.

«Это условіе представляло значительную выгоду въ то время, когда въ Россіи не было еще своихъ регулярныхъ войскъ, козаковъ-же и русскіе и поляки считали за лучшую конницу въ мірѣ. Но теперь, когда царь организовалъ свои собственныя войска и, слѣдовательно, козаки приносятъ ему мало выгоды, у нихъ стараются незамѣтно отнять всѣ привиллегіи. И этого достигнутъ непремѣнно, какъ только перестанутъ бояться, что народъ переселится за Днѣпръ и соединится съ своими сосѣдями татарами. Такое переселеніе не только могло-бы имѣть опасныя послѣдствія для владѣній царя, но и обезлюдить, обратить въ дикую пустыню одну изъ плодороднѣйшихъ странъ Европы. Пастбища тамъ превосходны, и на нихъ содержится болѣе половины воловъ и барановъ, потребляемыхъ Москвою и Петербургомъ. Тамъ производится изумительное количество пшеницы и ржи, а земля такъ хороша, что ее никогда не удобряютъ, пашутъ же и засѣваютъ только разъ въ три года, ибо для обсѣмененія бываетъ достаточно того зерна, что падаетъ на землю при жатвѣ. Спаржа растетъ во множествѣ несаженная и безъ всякой культуры. Вообще удивительно, что царь прилагаетъ такъ мало заботъ о населеніи страны, такъ счастливо надѣленной природою, какъ превосходнымъ климатомъ, такъ и плодородіемъ почвы; она могла-бы, при хорошей обработкѣ, производить болѣе хлѣба, чѣмъ нужно для всего остальнаго его государства. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью, не истребляя козаковъ, ослабить ихъ. Теперь они уже не въ состояніи выставить болѣе тридцати тысячъ конницы, да и въ ту назначили русскихъ полковниковъ, имѣющихъ подъ своей командой по четыре, по шести и до десяти тысячъ человѣкъ. Назначеніе на этотъ постъ представляетъ довѣріе и милость, такъ какъ каждый полковникъ можетъ нажиться съ козаковъ въ годъ до десяти тысячъ рублей, и тѣ не смѣютъ жаловаться, потому что въ ихъ странѣ выстроено теперь двѣ крѣпости и размѣщена въ гарнизонахъ почти вся русская кавалерія. Козаки обязаны также безвозмездно доставлять почтовыхъ лошадей всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ съ паспортами, а скоро у нихъ собираются ввести существующіе уже во всемъ остальномъ государствѣ казенные кабаки. Это значительно увеличитъ доходы казны, но разоритъ Украйну, первоначальное населеніе которой и безъ того уже уменьшилось на половину вслѣдствіе того, что его принудили, вмѣсто солдатъ, поставлять людей на работы въ Петербургѣ и на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ ихъ погибло великое множество» [1]).

П. Голубовскій.

---

[1]) Сборникъ, стр. 449—452.

Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Юницкій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна. 1884 г.

Названная книга является въ нашей исторіографіи совершенною новинкою и по основной мысли своей и задачѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія.

Въ предисловіи къ своей довольно объемистой книгѣ г. Юницкій объясняетъ побудительныя причины къ составленію оной и опредѣляетъ двоякое—историческое и практическое значеніе своего труда. «Количество, говоритъ онъ, всѣхъ фундушевыхъ и стипендіальныхъ капиталовъ въ виленскомъ учебномъ округѣ простирается до 900 тысячъ руб. сереб. Судьба нѣкоторыхъ изъ пожертвованій и содержаніе духовныхъ записей фундаторовъ небезъинтересны; они имѣютъ свое историческое значеніе, характеризуя духъ времени, направленіе общества и его потребности, рисуютъ намъ задачи воспитателей, требованія ихъ отъ учащихся и самый способъ обученія и содержанія послѣднихъ... Нѣкоторыя изъ пожертвованій сдѣланы еще въ прошедшемъ или въ началѣ настоящаго столѣтія, а переписка о нихъ или подлинные документы такихъ фундушевыхъ записей (и при томъ до 1832 г. преимущественно на польскомъ языкѣ) находятся въ разныхъ учрежденіяхъ; вслѣдствіе этого справки по дѣламъ о пожертвованіяхъ для всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нимъ то или другое отношеніе, т. е. для служащихъ въ управленіи округа и въ учебныхъ заведеніяхъ, для родителей, опредѣляющихъ своихъ дѣтей въ конвикты или ищущихъ стипендій для учащихся, весьма затруднительны, особенно въ виду того, что нѣкоторыя учрежденія и заведенія, для которыхъ предназначены первоначально фундуши, нынѣ упразднены или переведены въ другія мѣстности, и наконецъ самыя положенія о пожертвованіяхъ съ теченіемъ времени въ силу разныхъ требованій подвергались преобразованіямъ».

Г. Юницкому пришла счастливая мысль «собрать данныя по каждому фундушу, разбросанныя по разнымъ дѣламъ управленія округа и учебныхъ заведеній, въ одно цѣлое, т. е. составить краткія историческія свѣдѣнія о всѣхъ пожертвованіяхъ на воспитаніе юношества, состоящихъ въ распоряженіи виленскаго учебнаго округа, съ указаніемъ въ нихъ главныхъ положеній о каждомъ фундушевомъ капиталѣ», при чемъ, какъ само собою разумѣется, недостатка въ источникахъ для такихъ свѣдѣній быть не могло: они находились и въ дѣлахъ округа, и въ архивахъ учебныхъ заведеній, получались изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и изъ печатныхъ сборниковъ того же министерства и учебнаго округа.

Книга г. Юницкаго подраздѣляется на два главные отдѣла. 1) Стипендіи, правительственные и частные капиталы, состоящіе въ распоряженіи управленія учебнаго округа, и 2) фундуши гимназій, начинающіеся съ разнообразныхъ и многочисленныхъ фундушей гимназіи виленской, съ подраздѣленіемъ ихъ на предметы ихъ предназначенія по источникамъ и именамъ жертвователей, преимущественно польскихъ пановъ недавняго и весьма отдаленнаго времени.

Къ чести г. Юницкаго сказать должно, что онъ справился съ своею задачею и огромнымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи, какъ нельзя лучше: каждый изъ фундушей имѣетъ у него свою обстоятельную исторію; свѣдѣнія о немъ сгруппированы самымъ тщательнымъ образомъ, изложены сжато и ясно, а положенія о нихъ—языкомъ официальныхъ актовъ, устраняющимъ всякую неточность и проистекающія отсюда недоразумѣнія. Г. Юницкій преслѣдуетъ въ своемъ сборникѣ пока одну лишь практическую цѣль—дать необходимыя справки тѣмъ, кто въ нихъ можетъ имѣть нужду. «Историческія данныя, говоритъ онъ, не могутъ быть тутъ поставлены на первомъ планѣ и должны быть отложены до послѣдней заключительной главы и сгруппированы, какъ конечный результатъ разсмотрѣнной судьбы всѣхъ фундушей». Мы имѣемъ предъ глазами лишь первый выпускъ труда Юницкаго; плана дальнѣйшихъ работъ тутъ нѣтъ; сколько можетъ быть дальнѣйшихъ выпусковъ, когда они выйдутъ, чего будутъ касаться и когда появится упомянутая сейчасъ заключительная глава, остается неизвѣстнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать именно этой главы, такъ какъ въ ней главный историческій интересъ и она, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «въ извѣстной степени можетъ способствовать поясненію исторіи сѣверо-западнаго края, особенно первой половины текущаго столѣтія», точнѣе исторіи образованія въ немъ, которое въ рукахъ анти-правительственной партіи служило самымъ могучимъ факторомъ въ направленіи общей жизни края.

Настоящая попытка привести въ ясность и общую извѣстность многозначительныя средства общественнаго образованія въ краѣ и положенія о нихъ, предпринятая, какъ можно догадываться, по мысли и при поддержкѣ администраціи виленскаго учебнаго округа, по самой практической своей цѣли, должна-бы вызвать подражаніе въ другихъ учебныхъ округахъ, особливо кіевскомъ и варшавскомъ, по многочисленности въ нихъ фундушевыхъ и иныхъ записей и запутанности нѣкоторыхъ изъ

нихъ. Историческій интересъ положительныхъ о нихъ свѣдѣній понятенъ самъ собой; но кто знаетъ, съ какими трудностями сопряжено бываетъ разысканіе иного капитала и пользованіе имъ, особливо при необходимости видоизмѣнить его употребленіе сообразно обстоятельствамъ времени, тотъ пойметъ всю важность сборника, въ родѣ настоящаго, и отдастъ справедливую дань уваженія труду г. Юницкаго и тѣмъ, по чьей мысли онъ задуманъ и при чьей поддержкѣ выполненъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ КЪ БІОГРАФІИ ВЛАДИМІРА ЛУКИЧА БОРОВИКОВСКАГО.

«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка».
Гнѣдичъ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ была помѣщена весьма любопытная статья г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій*—«самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи». Въ концѣ статьи выражено желаніе, чтобы собранный однимъ изъ потомковъ художника по линіи его брата біографическій о немъ матеріалъ былъ сообщенъ печати. На такой, обращенный ко мнѣ, нижеподписавшемуся, вызовъ почтеннаго автора статьи скажу прежде всего, что еще въ 1868 году представлены мною академіи художествъ, по сообщенному мнѣ на то ея желанію, собранныя мною *Краткія свѣдѣнія къ біографіи академіи художествъ совѣтника Влад. Лук. Боровиковскаго*,—какъ матеріалъ къ предположенному изданію біографій знаменитыхъ ея художниковъ. За симъ, такъ какъ мнѣ доселѣ неизвѣстно, какое сдѣлано употребленіе изъ этого матеріала, то, пополнивъ теперь мои *Свѣдѣнія*, дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

В. Л. Боровиковскій родился въ Миргородѣ, въ 1757 году. Отецъ его, значковый товарищъ *Лука Боровикъ* († 1775), былъ между прочимъ въ числѣ членовъ коммиссіи для составленія новаго уложенія, неудовлетворившей ожиданіямъ императрицы. Князь Эри-

стовъ, въ статьѣ «Боровиковскій, В. Л.» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, говоритъ, что неизвѣстно, кто былъ его учителемъ въ живописи. Мнѣ положительно извѣстно, что дѣдъ мой, Лука Боровикъ, былъ самъ хорошимъ живописцемъ: я сохраняю икону его работы «св. Димитрій, митрополитъ ростовскій», замѣчательную и по живописи, и по тому обстоятельству, какъ передавалъ мнѣ покойный мой отецъ, что она составляетъ вмѣстѣ икону и портретъ святителя (любопытно-бы было сравнить ее съ дѣйствительнымъ портретомъ). Слѣдовательно, Владиміръ Лукичъ могъ получить основательныя начала въ живописи еще отъ отца своего, у котораго онъ выучился также играть на гусляхъ. Живописное искуство было какъ-бы наслѣдственнымъ въ фамиліи Боровиковскихъ, занесенной въ дворянскую родословную книгу бывшаго екатеринославскаго намѣстничества. Братъ Луки, Иванъ, и двоюродный, Демьянъ, были также живописцы. Четыре сына Луки всѣ были живописцы. Владиміръ былъ старшимъ изъ нихъ, а мой отецъ, Иванъ, младшимъ. Владиміръ, по обыкновенію тогдашняго времени, поступилъ въ военную службу, но вскорѣ выйдя въ отставку въ чинѣ поручика и поселясь въ отцовскомъ домѣ, предался любимому своему искусству. Онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Многія церкви въ Малороссіи имѣютъ или имѣли иконы и цѣлые иконостасы его работы. Весь иконостасъ троицкой миргородской церкви его кисти. Есть его подпись на иконахъ: «писалъ 1784 г. Владиміръ Боровиковскій». Не смотря на протекшія уже сто лѣтъ, иконы отличаются прочностью и свѣжестью красокъ, не говоря уже объ искусной живописи: тѣло ангеловъ какъ будто просвѣчиваетъ, воздушное, безплотное; особенно возбуждаютъ удивленіе, на боковыхъ вратахъ алтаря, первосвященники Мелхиседекъ и Ааронъ. Въ приходскую воскресенскую церковь своей родины прислалъ онъ изъ Петербурга превосходную, до сихъ поръ хранимую, плащаницу съ херувимскою пѣснію великой субботы: *Да молчитъ всяка плоть человѣча...*; а въ соборную миргородскую церковь прислалъ двѣ намѣстныя иконы: къ сожалѣнію, слѣпая *ревность не по разуму* въ послѣднее время испортила ихъ *подновкою* лицъ! Жаль, если таже участь ожидаетъ и прекрасныя иконы троицкой церкви! *Habent sua fata libelli* и иконы! Во многихъ семействахъ здѣшнихъ помѣщиковъ иконы или портреты работы Боровиковского передаются по наслѣд-

ству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Живопись считалъ онъ своимъ призваніемъ, а повиноваться ему—своимъ долгомъ, пока, наконецъ, дѣйствительное Божіе призваніе въ лицѣ великой императрицы не указало ему мѣста въ академіи художествъ. Во время путешествія Екатерины въ Крымъ (1787 года) миргородскій предводитель дворянства, извѣстный *Капнистъ*, поручилъ ему написать нѣсколько картинъ, чтобы украсить ими домъ, назначенный для пріема государыни. Двѣ изъ нихъ были особенно примѣчательны: на одной изобразилъ онъ семь мудрецовъ Греціи предъ книгою «Наказа» и Екатерину, въ видѣ Минервы, объясняющую имъ свое твореніе; на другой картинѣ представленъ былъ Петръ I, вспахивающій землю, а вслѣдъ за нимъ Екатерина II, сѣющая сѣмена; два генія, изображавшіе Александра и Константина, боронили эту вспаханную и засѣянную землю. Мысль этихъ картинъ понравилась императрицѣ. Она желала узнать художника и предложила ему ѣхать въ Петербургъ, къ Ламнію (слѣдовательно, ему было тогда не болѣе 30 лѣтъ). Въ столицѣ въ скорое время ученикъ сдѣлался соперникомъ своего учителя Ламнія въ живописи; подружась съ Левицкимъ, заимствовалъ у этого художника все, что казалось ему согласнымъ съ собственнымъ его вкусомъ [1]).

Уѣзжая въ Петербургъ, онъ взялъ съ собою малолѣтняго племянника своего, сына единственной сестры своей, бывшей въ замужествѣ за священникомъ, *Антона Горковскаго*, и воспиталъ его въ кадетскомъ корпусѣ: впослѣдствіи Горковскій былъ артиллерійскимъ полковникомъ, начальникомъ крѣпостной артиллеріи въ Эривани и умеръ въ Петербургѣ. Благодарный племянникъ сохранилъ письма его къ нему, мнѣ потомъ доставшіяся: они рисуютъ Владиміра Лукича человѣкомъ души доброй и христіанскихъ убѣжденій. Похваляя племянника, что умѣетъ цѣнить благодѣянія, онъ проситъ благодарить за нихъ не его, но Виновника *всякаго даянія блага*. Икона, нерукотворенный образъ Спасителя, которою благословилъ онъ любимаго своего «Антошу», отпуская его на службу, и которая сопутствовала ему во всѣхъ его походахъ, въ Россіи, въ Турціи, на Черномъ и Средиземномъ моряхъ, на Корфу и у береговъ Далмаціи, на Кавказѣ и за Кавказомъ, хранится теперь у меня, и я

[1]) Энциклопедич. Лексиконъ Плюшара, т. VI.

дорожу ею не менѣе Горковскаго. Владиміръ Лукичъ вызвалъ было къ себѣ въ Петербургъ и меньшаго своего брата, отца моего, который и продолжалъ у него занятія свои въ живописи; но черезъ годъ, по домашнимъ обстоятельствамъ остальныхъ братьевъ, долженъ былъ возвратить его на родину. Онъ разсказывалъ, что въ мастерской брата нерѣдко видѣлъ Капниста и Державина, который, «замѣтивъ мою близорукость, подарилъ мнѣ свои очки», ими отецъ дорожилъ во всю свою жизнь. Приступая къ какой нибудь важной или серьезной работѣ, Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ полотно или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе святаго, котораго изобразить предположилъ, и остановясь на какомъ-либо текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждую субботу по утру раздавать посильную милостыню нищимъ, которые обыкновенно и ожидали такой раздачи на лѣстницѣ его квартиры, и если онъ не видѣлъ кого-либо изъ такихъ обычныхъ своихъ гостей, то поручалъ другому передать подаяніе, предваряя, что онъ-же спроситъ того— получилъ-ли?

По свидѣтельству знавшихъ Владиміра Лукича и посѣщавшихъ его мастерскую онъ былъ «трудолюбивъ до невѣроятности», «Я посидѣлъ у него съ часъ, писалъ о немъ одинъ знакомый, посѣтившій его въ Петербургѣ, и между разговорами онъ не переставалъ заниматься работою». «Мнѣ потерять часъ», писалъ Владиміръ Лукичъ къ роднымъ, извиняясь, что не пишетъ къ нимъ особо, «ей, составляетъ великое въ занятіяхъ моихъ разстройство!» Посылая племяннику своему билетъ на полученіе «Сына Отечества», онъ пишетъ: «а я не имѣю времени читать его». Любимымъ его чтеніемъ въ немногіе часы досуга были книги духовнаго содержанія, таковы: *О подражаніи Іисусу Христу, Путь ко спасенію, Беседы Макарія Египетскаго, сочиненія Димитрія Ростовскаго* и *объ истинномъ христіанствѣ Тихона Воронежскаго;* этими книгами снабдилъ онъ и отца моего, отъ котораго перешли они ко мнѣ. Владиміръ Лукичъ писалъ много для церквей, но извѣстенъ особенно портретами. Онъ писалъ всю императорскую фамилію. Лучшія его иконы находятся въ казанскомъ

соборѣ, *Благовѣщеніе* и *Евангелисты*, на царскихъ вратахъ. Извѣстны прекрасные стихи *Бенедиктова* къ его Благовѣщенію:

Кто сей юный?.....
Кто сія?.....
Этотъ юноша крылатый,
Искупленія глашатай.
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ, полна смущенья,
Дѣва—матерь Божества!

Въ лицѣ ангела видятъ неземнаго вѣстника неземнаго благовѣстія, а въ лицѣ Маріи читаютъ и ея смущенье, и глубочайшее ея смиреніе и совершенную покорность волѣ Божіей... Простоявъ долго предъ его Благовѣщеніемъ, передавалъ мнѣ почтенный отецъ архимандритъ, и отойдя отъ него, вновь возвращаешься, чтобъ *дочитать* остальное...: такъ многозначительно его выраженіе!

Скончался Владиміръ Лукичъ въ 1825 году, въ Петербургѣ, на 68 году своей жизни, не бывъ никогда женатъ. Онъ «очень боялся, какъ самъ писалъ, оставить свои вещи, картины и иконы, изъ коихъ есть и очень полезныя, на распутіи». Въ завѣщаніи все движимое имущество свое указалъ продать и деньги употребить на бѣдныхъ и на поминовеніе по церквамъ. Погребенъ на смоленскомъ кладбищѣ, въ троицкой церкви котораго весь иконостасъ верхней церкви—его работы. На скромномъ памятникѣ его высѣчены стихи:

Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
Изъ мертвыхъ воскресенья,
Творецъ! се тварь твоя
Ждетъ отъ Тебя спасенья!

Послѣдній стихъ очень гармонировалъ благочестивому настроенію души художника, какимъ отличался онъ въ жизни. Въ послѣдніе его годы былъ слухъ, что Боровиковскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, поступаетъ въ монахи въ Кіево-печерскую лавру; но, какъ друга его почему-то принять туда не согласились, то и онъ не привелъ въ исполненіе своего предположенія. Выдаю это только, какъ слухъ. Вообще, и какъ художникъ несравненный, и какъ человѣкъ хри-

стіанскихъ убѣжденій и самихъ скромныхъ желаній, Владиміръ Лукичъ представляетъ собою замѣчательную личность.

Таковы краткія, добытыя мною, свѣдѣнія о дядѣ моемъ, художникѣ В. Л. Боровиковскомъ. Свѣдѣнія эти, какъ я сказалъ въ началѣ, еще 16 лѣтъ тому назадъ представлены были мною академіи художествъ; къ нимъ я присоединилъ тогда, какъ миніатюрный портретъ художника, имъ самимъ карандашомъ рисованный и на камнѣ отпечатанный, такъ, въ видѣ особаго приложенія, и *Выписки изъ сохранившихся писемъ его къ роднымъ:* изъ нихъ можно было видѣть, какихъ онъ былъ мыслей, чувствованій и убѣжденій, а слѣдовательно и какого образа жизни, на основаніи того, что talis hominibus fuit oratio, qualis vita, по выраженію Сенеки.

Въ письмахъ своихъ къ роднымъ Владиміръ Лукичъ повторяетъ, что занятія свои живописью считаетъ Божіимъ призваніемъ, а повиноваться оному «съ вѣрностію», какъ выражался онъ, т. е. рачительно и неуклонно, святою своею обязанностію. Такимъ образомъ самыя счастливыя условія: природное дарованіе и основательныя начала, прекрасное убѣжденіе и неустанный трудъ, соединились въ немъ, чтобы произвести изъ него замѣчательнаго художника, неподражаемаго портретиста и вдохновеннаго иконописца, что и выражено мною, полагаю не преувеличенно, на прилагаемой при семъ, снятой мною копіи съ упомянутаго его портрета [1]), стихомъ Горація:

> ... liquidis ille coloribus
> Solers nunc hominem ponere, nunc deum.
>
> *Hor. od. IV, 7.*

Ив. Боровиковскій.

Въ концѣ любопытной статьи г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій* («Кіевской Старины», апрѣль текущаго года) помѣщенъ *Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго.* Его можно пополнить еще слѣдующими, какія встрѣчались мнѣ въ газетныхъ извѣстіяхъ:

1. Соборъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ во имя праведнаго Іосифа, Обручника Божіей Матери, построенный въ память свиданія Ека-

[1]) Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь приложить этого портрета, но надѣемся воспользоваться имъ впослѣдствіи.—Ред.

терины въ семъ городѣ съ Іосифомъ II, «украшенъ превосходными иконами работы знаменитаго Боровиковскаго». *Современный Листокъ, 1867 г., № 22.*

2. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Торжокъ, тверской губерніи) «замѣчательна живопись на иконостасѣ: всѣ иконы его, въ количествѣ 37, написаны въ 1795 году на казенный счетъ съ высочайшаго разрѣшенія академикомъ Боровиковскимъ за 1,600 руб.». *Сынъ Отечества, 1874 г.*

3. «Бабушка съ котикомъ», гдѣ и чей портретъ, мнѣ не извѣстно. «Вѣдь это Боровиковскаго! Chef d'oeuvre, можно сказать». Изъ статьи *Кохановской*: «Провинціальная галлерея портретовъ» въ *Хрестоматіи Галахова, Т. II.*

4. Замѣчательная икона Божіей Матери съ Младенцемъ и ангелами, которую нѣкогда (подписано: «1786 г. писалъ Влад. Боровиковскій») художникъ принесъ одному «высокопросвѣщенному и именитому лицу (вѣроятно, Трощинскому) въ даръ любви, — для вдохновеннаго поклоненія». Икону эту недавно г. Лѣсковъ нашелъ гдѣ-то уже въ сараѣ расколотою и буравомъ въ верхней части просверленною, чтобъ надѣвать на гвоздь! Онъ повезъ ее въ Петербургъ для реставраціи *(Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1881 г. № 203).*

Къ сожалѣнію я немногимъ чѣмъ могу похвалиться изъ произведеній кисти моего дяди, а именно:

1. Упомянутый уже Нерукотворенный образъ Спасителя.

2. Пять небольшихъ иконъ на желѣзныхъ листахъ: Деисусъ и 12 апостоловъ,—прекрасные образцы для иконостасныхъ иконъ.

3. Портретъ императрицы Маріи Θеодоровны въ молодыхъ лѣтахъ.

4. Портретъ цесаревича Константина въ молодыхъ лѣтахъ.

Вмѣстѣ съ этими иконами и портретами отецъ мой привезъ отъ брата изъ Петербурга и прекрасную икону работы *Ламнія старшаго*, Богоматерь съ Младенцемъ у столика, на холстѣ.

Гравюры:

1. *Благовѣщеніе*, съ иконъ Казанскаго собора, *Робенсона*, въ книгѣ Кукольника: «Картины Русской Живописи».

2. *А. Б. Куракинъ*, съ портрета, *Клаубера*.

Рисунки:

1. *Евангелисты*, карандашемъ, отпечатанные на камнѣ. образцы, съ которыхъ и писаны Евангелисты для Казанскаго собора, въ 1808 году.

2. *Равноапостольный Владиміръ*, бѣглый рисунокъ перомъ и тушью, но съ нагляднымъ выраженіемъ величія и твердой власти.

Ст. Сов. **Ив. Боровиковскій.**

7 іюля 1884 г.
Хоролъ, с. Милюшки.

ОТКРЫТІЕ ДРЕВНИХЪ МОЗАИКЪ ВЪ ГЛАВНОМЪ КУПОЛѢ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, при м. Евгеніѣ, какъ значится въ составленномъ имъ описаніи кіево-софійскаго собора, главный куполъ этого собора былъ росписанъ новою живописью. Она представляла слѣдующія изображенія: въ самомъ днѣ купола Спаситель, благословляющій обѣими руками, и въ облакѣ отъ него исходящій Св. Духъ; ниже этого образа, по стѣнкамъ купола, 7 архангеловъ: Михаилъ съ мечемъ въ одной рукѣ и знаменемъ въ другой, Гавріилъ съ вѣтвію лиліи, Рафаилъ съ алавастромъ, Уріилъ съ зажженною свѣчей, Салаѳіилъ съ четками и Іегудіилъ съ вѣнцемъ; между архангелами огненные языки, ниже архангеловъ—соборъ девяти чиновъ ангельскихъ, окружающихъ и поддерживающихъ престолъ Вседержителя, еще ниже между 12 окнами на простѣнкахъ 12 апостоловъ, стоящіе на 12 ветхозавѣтныхъ и апокалипсическихъ камняхъ (Исх. XXVIII, Апокал. гл. 21). Надъ каждымъ изъ апостоловъ были золотыя звѣзды, въ срединѣ ихъ огненные языки, а надъ ними надпись: *на главѣ ея вѣнецъ отъ двѣнадесяти звѣздъ* (Апокал. гл. 12).

При возобновленіи кіево-софійскаго собора въ 1843—1853 г., каменный куполъ вновь росписанъ іеромонахомъ Иринархомъ по рисунку академика Ѳ. Г. Солнцева, которому Высочайше ввѣрено было руководство работами по возобновленію собора. Въ это время изображены: въ днѣ купола, вмѣсто Вседержителя, Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми, подъ нимъ 4 шестокрылатыхъ серафима, 2 ангела, держащихъ нерукотворенный образъ Спасителя, и 2 ангела,

держащихъ земной шаръ; ниже ихъ архангелы: Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Салаѳіилъ, Іегудіилъ, Варахіилъ и Іереміилъ; изображенія 12 апостоловъ между окнами фонаря переписаны на-ново.

Между тѣмъ изъ описанія путешествія антіохійскаго патріарха Іоакима, посѣщавшаго Кіевъ въ 1653 году, извѣстнымъ стало, что весь куполъ кіево-софійскаго собора былъ мозаическій, и что въ половинѣ XVII вѣка въ немъ были изображены: Господь Вседержитель съ ангелами и 12 апостолами и по угламъ (на парусахъ) 4 евангелиста. «Все это, пишетъ спутникъ патріарха діаконъ Павелъ, украшено царственною мозаикой, золотистой, съ удивительными узорами, съ греческими надписями, точно также, какъ и 4 арки, на которыхъ лежитъ куполъ» [1]).

Когда и кѣмъ въ первый разъ замалеваны эти мозаики, нѣтъ извѣстій; князь Голицынъ въ своемъ путешествіи по южной Россіи въ 1807-мъ году пишетъ, что онъ ихъ видѣлъ и ими восхищался. Къ сожалѣнію онъ не поименовалъ изображеній, видѣнныхъ имъ въ куполѣ, такъ что остается сомнѣніе, не относятся-ли его слова только къ мозаическимъ изображеніямъ евангелистовъ на парусахъ и мучениковъ на алтарныхъ аркахъ, между тѣмъ какъ въ куполѣ могли быть уже живописныя изображенія, сдѣланныя раньше, быть можетъ, еще въ 1718 г., при росписаніи стѣнъ собора масляными изображеніями на мѣстахъ бывшихъ здѣсь, но забѣленныхъ фресокъ.

При высотѣ соборнаго купола до 12 саженей, отъ церковнаго пола трудно было разсмотрѣть, что скрывается подъ масляной живописью купола; видна была только шероховатая поверхность этой живописи и шляпки гвоздей, которыми прикрѣплена древняя штукатурка; но изъ этого можно было заключать только о томъ, что древній куполъ уцѣлѣлъ, а не устроенъ вновь м. Петромъ Могилою, какъ полагали нѣкоторые. Случайное обстоятельство не только утвердило съ несомнѣнностію это предположеніе, но удостовѣрило, что подъ нѣсколькими слоями позднѣйшей живописи сохранились первоначальныя мозаическія изображенія временъ Ярослава. Въ на-

[1]) Это мѣсто въ описаніи путешествія патріарха Макарія, оставленное англійскимъ издателемъ въ арабскомъ подлинникѣ, безъ перевода на англійскій языкъ, переведено для насъ съ арабскаго, при посредствѣ А. Н. Муравьева, первымъ драгоманомъ русскаго посольства въ Константинополѣ г. Ону, въ бытность его въ Кіевѣ.

стоящее лѣто, въ первый разъ со времени обновленія собора въ 1843—45 г., приступлено было къ промывкѣ стѣнной живописи. Устроенные для этой цѣли подмостки дали возможность осмотрѣть ближе внутренность главнаго соборнаго купола. Первымъ проникъ туда завѣдывающій въ настоящее время обновленіемъ фресковой живописи въ главной церкви б. кіево-кириловскаго монастыря, профессоръ изящныхъ искусствъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ А. В. Праховъ, и его сколько просвѣщенный, столько и опытный глазъ привелъ къ предположенію, что подъ малярской живописью этого купола и его позолотой должны скрываться остатки древней мозаики. Дальнѣйшее тщательное изслѣдованіе купола и осторожная прочистка позднѣйшихъ наслоеній въ разныхъ частяхъ нынѣшнихъ изображеній вполнѣ подтвердили первоначальную догадку г. Прахова. Древнія мозаическія изображенія оказались во всемъ почти куполѣ, а именно: въ центрѣ купола, въ кругѣ, Господь Вседержитель, поясное изображеніе съ сохранившимися по сторонамъ буквами *C* и *X*; ниже его одинъ цѣльный ангелъ, правѣе его часть другаго ангела; ниже ихъ въ двухъ пролетахъ между окнами два апостола, сохранившіеся приблизительно отъ пояса вверхъ, и надъ однимъ изъ нихъ явственная надпись. Замѣчено притомъ, что новѣйшая живопись не слѣдуетъ древней мозаической. Въ виду столь богатаго неожиданнаго открытія, произведенъ вновь осмотръ купола членами церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, совмѣстно съ г. Праховымъ и архитекторами—губернскимъ и епархіальнымъ. Церковно-археологическое общество не нашло никакихъ препятствій къ очисткѣ древнихъ мозаическихъ изображеній отъ слоевъ масляной живописи и къ расписанію прочихъ частей согласно съ сохранившимися мозаическими. Постановленіе о семъ общества утверждено высокопреосв. митрополитомъ кіевскимъ Платономъ 20 іюля, и тогда приступлено къ полной очисткѣ древней мозаики подъ руководствомъ проф. Прахова. Открыто уже вполнѣ изображеніе Господа Вседержителя и ангела, съ величественными, идущими до самыхъ ногъ крыльями; оказалось, что оно сохранилось какъ нельзя лучше, во всей цѣльности и свѣжести цвѣтовъ. Сверхъ того, когда очищено отъ слоевъ масляной живописи цѣльное изображеніе пророка Софоніи выше линіи иконостаса, на лѣвой отъ зрителя стѣнѣ алтарной дуги, поддерживающей куполъ, то подъ

нимъ оказалось мозаическое изображеніе ветхозавѣтнаго Аарона въ первосвященнической одеждѣ, убранной камнями, съ мозаическою надписью: ὁ ἅγιος Ἀαρών. Такимъ образомъ вскорѣ можно будетъ видѣть главный куполъ древнѣйшаго нашего собора въ томъ видѣ, какъ оставилъ его приснопамятный храмоздатель Ярославъ.

П. Л—въ.

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ О ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНѢ.

Встрѣчая въ «Кіевской Старинѣ» время отъ времени снимки старыхъ рисунковъ нашихъ маляровъ прошлаго столѣтія, не можемъ не выразить желанія, чтобы на ея страницы какъ нибудь попали дорогія изображенія, находящіяся въ запорожской покровской церкви, что въ Никополѣ (Микитиномъ перевозѣ).

Церковь эта стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани и конторы агентства россійскаго общества пароходства и торговли. Когда пароходъ дѣлаетъ здѣсь стоянку, путешественнику нельзя отказать себѣ въ удовольствіи любопытства увидѣть своими глазами то, что сохранила церковь изъ запорожской древности. О евангеліи, въ одной серебряной оправѣ котораго 28 фунтовъ и внѣшность котораго вмѣстѣ съ другими вещами была описана священникомъ церкви въ «Запискахъ общества исторіи и древностей» 1865 г., всѣ знаютъ и говорятъ, какъ о восьмомъ чудѣ; громадныя буквы печати этого евангелія также извѣстны всѣмъ никопольскимъ жителямъ. Меньше или совсѣмъ ничего не говорятъ они о другихъ рѣдкостяхъ, о которыхъ (увидѣвши ихъ благодаря любезности священника) спѣшу сообщить читателямъ «Кіевской старины». Интересна тутъ и плащаница съ надписью: «Сія плащаница раба Божія Іоанна Гаркуши, куреня Тимошевскагѡ»; интересна и кружка, обклеенная монетами 1592, 1593, 1594, 1595, 1596, 1598 и 1600 годовъ; интересна и большая золотая медаль, пожалованная императрицею Екатериною II «войска запорожскаго полковнику Коленкѣ за отлично храбрые противу непріятеля поступки», какъ отчеканено на ней; интересна, наконецъ, и «таблица» изъ серебра съ крестомъ по срединѣ и съ надписями: «у семъ крестѣ животворящее древо», а также: «сия таблица до храму Покрова

Пресвятыя Богородицы сооружена коштомъ всего войска запорожского, а стараніемъ ктитора Павла за атамана кошового Павла Козлицкого 1747 (?) году, мця октоврія 2 дня. Вѣсу во всей 8 фу: 70 зо: 57».

Но наше вниманіе больше всего привлекала икона Покрова Божіей Матери, въ верхней части которой налѣво отъ Божіей Матери изображенъ святитель Христовъ Николай, а направо архангелъ Михаилъ. Подъ послѣдними двумя фигурами внизу изображены двѣ группы запорожцевъ въ полной ихъ парадной одеждѣ. Глаза ихъ по правиламъ средневѣковой иконописи обращены къ Божіей Матери; отъ устъ одного изъ нихъ тянется лента вверхъ къ изображенію Богородицы, и на этой лентѣ написано: «молимъ, покрій насъ честнимъ твоимъ покровомъ и избави насъ отъ всякого зла». Если не вся эта икона во всемъ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ группы запорожцевъ могли бы быть сфотографированы для ознакомленія любителей старины или съ одеждою запорожцевъ, или со способомъ иконописи на Запорожьи.

Также стоило бы распространить между любителями мѣстныхъ древностей портреты двухъ братьевъ ктиторовъ никольской покровской церкви, оригиналы которыхъ, кажется, находятся въ одесскомъ музеѣ древностей, и на которыхъ двѣ одинаковыя надписи (съ перемѣною только именъ) гласятъ: «сей патретъ снято съ ктитора Ивана Шыяна и поставленъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему сообществу на иконостасѣ видни. 1784 года, января 9 числа».

Ничто лучше не переноситъ насъ въ эпоху минувшую, какъ вѣрное изображеніе рисунка тогдашняго времени, и намъ кажется, желаніе наше о воспроизведеніи нѣкоторыхъ изъ никопольскихъ древностей заслуживаетъ вниманія нашихъ мѣстныхъ художниковъ.

Запорожскія церкви по большей части воздвигнуты во имя Покрова Пресвятыя Богородицы; въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ есть много мѣстечекъ и селъ, носящихъ имя покровскихъ: во всѣхъ ихъ найдете церковь Покрова Божіей Матери, по главной иконѣ которой смѣло можно опредѣлить, кто былъ строителемъ церкви, а слѣдовательно и основателемъ поселенія. Интересно то, что нѣкоторыя церкви замаскировали свое происхожденіе, измѣнивъ свой храмовой праздникъ и названіе. Такъ

единственная[1]) до сихъ поръ церковь въ г. Ольвіополѣ (по народному—Орликѣ, а по старымъ документамъ—Орловскомъ шанцѣ) носитъ названіе варваринской. Перебирая старыя книги архива этой церкви, намъ случилось замѣтить на метрической книгѣ 1772 года надпись о томъ, что эта церковь—покровская. Метрики же 90-хъ годовъ уже называютъ ее варваринскою; священникъ, недавно поступившій на приходъ въ эту церковь, не могъ объяснить, когда она была переименована изъ покровской въ честь св. великомученицы Варвары. Такъ называемая «церковная лѣтопись», по обыкновенію, состояла изъ книги съ чистыми листами, на первой страницѣ которой написано лишь оглавленіе того содержанія, какое должно бы было попасть въ эту книгу. Но вѣрность записи въ метрической книгѣ подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что самая верхняя икона надъ царскими вратами, и, кажется, самая ветхая, есть икона Покрова Пресвятыя Богородицы съ типическими зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ одѣянія.

Такую же икону намъ пришлось видѣть въ старой (предназначенной къ закрытію) церкви, построенной Аѳанасіемъ Колпакомъ въ с. Аѳанасьевкѣ, новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Эта церковь, замѣчательная по своей архитектурѣ, напоминающей новомосковскій соборъ того-же строителя, позже уже называлась церковью Успенія. Что она давно была переименована, показываетъ надпись на одной изъ старыхъ, сохранившихся въ ризѣ чашъ: «1780 году мѣсяця октявря к҃ дня сия чаша сооружена рабомъ Божиімъ Василиемъ Бѣлимъ в слободу Аѳанасьевку до храму Успѣнія».

Намъ кажется, что еслибы кто нибудь занялся разборомъ названій церквей по описаніямъ епархій екатеринославской и херсонской, то уже изъ самыхъ названій могъ бы извлечь довольно указаній относительно того, гдѣ живали какіе запорожцы; труды гг. Скальковскаго и Эварницкаго по исторіи Запорожья могли бы служить путеводною нитью при такомъ сводѣ пунктовъ, населенныхъ запорожцами. Если мало осталось письменныхъ документовъ отъ жизни и быта запорожцевъ, то и другіе памятники, указывающіе на ихъ присутствіе, также слѣдовало бы привести въ извѣст-

[1]) Другая церковь въ этомъ городѣ теперь лишь строится.

ность. Ниже Вознесенска напр., неподалеку отъ м. Покровскаго, Ананьевскаго уѣзда, на кладбищѣ с. Михайловки надъ Бугомъ находится каменный крестъ съ надписью: «Здѣ опочиваетъ рабъ Божій козакъ війска бывшого запорожского нызового, курыня уманьского, Антонъ Кременецкій: преставися 1723 года, апрѣля дня 2. Сей крестъ соорудилъ сынъ его, подполковникъ Кременецкій».

Такихъ памятниковъ тоже слѣдовало бы поискать и составить и имъ списокъ по мѣстности, гдѣ они находятся.

А—въ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О ЖИЗНИ И СЛУЖБѢ ВЪ ВОЕННОМЪ ПОСЕЛЕНІИ.

Мудреное измышленіе приснопамятнаго Аракчеева, въ предѣлахъ великаго Нова-города извѣстное подъ названіемъ поселенія пахатныхъ солдатъ, а у насъ—на югѣ процвѣтавшее, подъ водительствомъ графа отъ поселеній Никитина, подъ наименованіемъ военнаго поселенія, мрачнымъ пятномъ легло на страницахъ бытовой исторіи нашего народа, и исчезло, какъ и появилось, мало для кого примѣтно, какъ явленіе исключительное, оставивъ въ близко знавшихъ оное одни тяжкія думы да грустныя воспоминанія.

Мнѣ Господь судилъ близко познакомиться съ поселеніемъ еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. Отецъ мой священствовалъ въ поселеніи. Поселеніе и заѣло его,—тихаго, безотвѣтнаго; умеръ онъ, когда ему исполнилось едва 54 года отъ роду, осиротивъ семью безпомощную, безпріютную.

Относиться ко всѣмъ и ко всему безсердечно и безучастно, жить въ свое удовольствіе, да власть свою являть, не стѣсняясь, было неотъемлемою доблестію большей части дѣятелей поселенія. Впрочемъ чего и ждать отъ такихъ лицъ, какими въ большинствѣ запружалось это, воистину несчастное, поселеніе, и гдѣ разумные и добрые дѣятели являлись какъ-то нечаянно, точно по ошибкѣ, и изрѣдка, какъ счастливые дни въ жизни человѣка. Кто-то сказалъ, и не думаемъ, чтобы правду сказалъ: «негодится человѣкъ никуда,—въ попы его». Вотъ о множествѣ служившихъ въ поселеніи со всею справедливостію можно было сказать: непригоденъ человѣкъ ни къ чему въ военной службѣ,—въ поселеніе его.

И кого только не видѣло въ своемъ начальствѣ покойное поселеніе! Тутъ были и генералы отъ тевтоновъ, которымъ-бы въ пору поварами быть въ родномъ фатерландѣ; тутъ и маіоры и ротмистры или изъ той-же, всюду проказящей, нѣмецкой фракціи, или же отъ бурбоновъ, выросшихъ и воспитавшихся на палкахъ, и жившихъ и дышавшихъ только палками и палками; тутъ и вахмистры и ефрейторы часто отъ *насихъ*, успѣвавшіе и командирамъ угождать и себя не забывать. Точно въ калейдоскопѣ проходятъ въ воспоминаніяхъ эти лица, часто и совсѣмъ неумѣвшія различать православія отъ кривославія, а то и прямые ненавистники православія, гордые своимъ свободомысліемъ лютеране, съ презрѣніемъ относившіеся къ православной церкви и духовенству, и однакоже не только имѣвшіе вліяніе на ту и другое, но и бывшіе прямыми, непосредственными отцами-командирами церквей и духовенства военно-поселенскаго. Архипастыри православнаго, господствующимъ называемаго, исповѣданія въ отношеніи поселенія были въ роли только страдательной. Они должны были лишь рукополагать сюда тѣхъ, кого имъ укажутъ, назначать на мѣсто, кого представятъ, удалять, не разсуждая, кого скажутъ удалить. Не только вся отчетность церковная въ поселеніи шла исключительно въ округа и штабы поселеній, но даже клировыхъ вѣдомостей о служащихъ въ поселеніи причтахъ нельзя было найти у преосвященныхъ архипастырей. Говорю это по личному опыту. Священно и церковно служители, по взгляду и порядкамъ военно-поселенскаго начальства, были тѣже пахатные солдаты, также на смотры являлись, также, какъ и солдаты, солдатскій паекъ и жалованье въ солдатскомъ размѣрѣ отъ окружныхъ казначеевъ получали. Случалось иной разъ годоваго оклада священнику поселенія 9 рублей! Выше и ниже сего дать зависѣло вполнѣ отъ отцевъ-командировъ, не только снабжавшихъ церкви свѣчами по счету, а не по вѣсу, но и забиравшихъ въ свои руки всѣ рѣшительно церковные доходы. Церковь могла удержать у себя всего три-шесть рублей, да и тѣ на уплату за выдаваемыя счетомъ свѣчи для продажи. Въ предотвращеніе закупки старостами свѣчъ на сторонѣ, каждая церковь снабжена была образцами свѣчъ разной величины, изъ коихъ каждая была прошнурована, и ярлыкъ на шнуркѣ скрѣпленъ казенной печатью и подписью отца-командира. Безъ его воли нельзя было ничего ни

сдѣлать, ни предпринять по церкви и приходу. Мнѣ однажды сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ за то, что я осмѣлился безъ воли начальства употребить 9 руб. церковныхъ денегъ на устройство жестяной купели для крещенія младенцевъ, и о моей необычайной дерзости публиковалось по всему мѣстному военному поселенію.

Самою главною тяжестію для насъ священниковъ, источникомъ всѣхъ нашихъ болѣзней и трудовъ была обширность приходовъ. Проэктъ соединенія приходовъ, проведенный въ позднѣйшее время повсемѣстно, какъ нѣчто новое, благодѣтельное, давно уже зрѣлъ въ мозгахъ учредителей приходовъ, на военномъ положеніи состоявшихъ, и пока созрѣлъ въ головахъ позднѣйшихъ благодѣтелей русской церкви и православнаго народа, уже успѣлъ здѣсь и плоды горькіе принести, плоды, истребить которые такъ трудно нынѣ бѣднымъ и безпомощнымъ дѣлателямъ на духовной нивѣ бывшихъ военныхъ поселеній.

Чего только не приходилось перевспытать, чтобы удовлетворить всѣмъ нуждамъ многочисленныхъ прихожанъ въ самостоятельномъ и приписномъ приходѣ и не подавать повода къ какимъ либо замѣчаніямъ и выговорамъ со стороны взыскательнаго и придирчиваго начальства!

Случалось, отправляясь въ приписной приходъ, не разъ вываливаться изъ саней на окаменѣвшія отъ сильнаго мороза громадныя кочки, разбивать грудь и бока и потомъ приступать къ совершенію литургіи; случалось цѣлый день ѣхать туда и обратно только ради напутствованія больной женщины и въ вознагражденіе за это получать три копѣйки, половину изъ которыхъ слѣдовало выдѣлить сиротамъ; случалось до поздняго вечера тянуться медленнымъ шагомъ, съ постоянными остановками, по невылазной грязи для отпѣванія умершаго, родные котораго, отчаявшись въ моемъ пріѣздѣ, рѣшились покойника сами погребсти. Помню, однажды въ воскресный день, совершивъ литургію, я, не отдыхая и не подкрѣпляя себя пищею, цѣлый день до сумерекъ переходилъ изъ дома въ домъ, тамъ напутствуя умирающаго, тамъ елеосвященіе совершая, тамъ воду освящая и под. Крестьяне привыкли жить по командѣ и всѣ свои нужды духовныя пріурочивать къ праздникамъ, а въ приходахъ, куда священникъ только наѣзжаетъ, поневолѣ все собирается къ его пріѣзду. Но силѣ-ли священника все одновременно понести

и всѣхъ удовлетворить, о томъ и разсужденій не бывало; отцы командиры задолбили себѣ, что приходы должны быть по возможности равномѣрны и непремѣнно не меньше 1000 душъ мужскаго пола. Нужно къ тому-же въ шеренгу, по военной выправкѣ, дома перестроить, чтобы, какъ солдаты, нога въ ногу стояли, а тутъ иное древнее село растянулось по какимъ то невозможнымъ крутоярамъ. И вотъ, частію по этой причинѣ, а частію ради уравненія приходовъ, пошла приписка, а то и ломка селъ. И согнаны бѣдные крестьяне съ роднаго пепелища, бросили дорогія могилы, оставили среди пустыря родной храмъ, при которомъ родились и крестились, въ которомъ изливали скорбь свою въ молитвѣ къ Господу. Еще есть, надѣюсь, многіе, живо помнящіе, какими горькими слезами орошалось тогда родное пепелище. Найдутся и такіе, которымъ проѣздомъ случалось встрѣчать одинокую почернѣвшую церковь, странно какъ то и сиротливо стоявшую среди кругомъ распаханнаго поля. Точно ураганъ пролетѣлъ тутъ и снесъ все село, или орда татаръ пронеслась вокругъ пустыря: церковь ободрана, окна выбиты, иконостасъ испачканъ пріютившеюся въ бывшемъ святилищѣ птицей. Я живо помню одну такую церковь и съ натуры пишу. Вчужѣ болью сжимается сердце, а каково-же было тѣмъ, кому церковь такая родною и близкою была?

Чтобы не быть голословнымъ въ томъ, что я говорилъ выше о крайней зависимости священниковъ въ военныхъ поселеніяхъ отъ ихъ командировъ, и показать, до какой мелочности доходили притязанія этихъ послѣднихъ къ церкви и духовенству, приведу въ заключеніе не нарочно выисканный, но случайно попавшій подъ руку документъ позднѣйшаго времени. Вотъ онъ отъ слова до слова.

Волостная Расправа 5-й волости 1-го округа кіево-подольскаго военнаго поселенія.

Приходскому священнику м. Соколовки Виктору Мервинскому.

Въ послѣдствіе отзывовъ сей расправы отъ 16-го марта и 10-го апрѣля за № 214 и 302, оная вновь проситъ ваше преподобіе сообщить ей слѣдующія свѣдѣнія о церковныхъ деньгахъ, поступившихъ въ семъ году въ пользу соколовской церкви, именно: въ январѣ о приходѣ 2 руб.—списокъ пожертвователямъ; о расходѣ этихъ денегъ на покупку одного пуда крупичестой муки 1-го сорта, для

просфиръ—приговоръ общества; въ февралѣ о приходѣ 1 руб. и о расходѣ его на покупку 20 фунтовъ 1-го сорта муки для просфиръ—приговоръ общества; въ мартѣ о приходѣ 36 руб.—списокъ пожертвователямъ и о расходѣ изъ нихъ 1 руб. на муку 20 фунтовъ 1-го сорта—приговоръ общества; въ апрѣлѣ о приходѣ 2 руб. списокъ и о расходѣ ихъ на покупку муки одного пуда приговоръ общества; въ маѣ о приходѣ 1 руб. списокъ и о расходѣ его на 20 фунтовъ муки 1-го сорта приговоръ общества.—Свѣдѣнія эти, т. е. списки и приговоры препроводить въ двухъ экземплярахъ; списки за вашимъ подписомъ, а приговоры—вашимъ, сельскаго и церковнаго старость; свѣдѣнія выше поясненныя крайне необходимы: одинъ экземпляръ для представленія начальнику округа, а одинъ расправѣ для приложенія документами къ книгамъ окружнаго управленія и расправы, на этотъ предметъ заведеннымъ.

8 іюня 1861 г., № 565.

С. Маньковка.

Начальникъ волости маіоръ Шевченко.
Волостный голова Иванъ Хованъ.
Волостный писарь Яненко.

И это было послѣ 1858 г., когда военныя поселенія считались въ принципѣ упраздненными и доживали свой вѣкъ въ состояніи переходномъ, когда прежніе порядки измѣнялись и дисциплина военная совсѣмъ ослабѣла. Что же могло быть во время самаго такъ сказать террора военно-поселенской власти?

Св. Пр. Павловичъ.

ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ.

(Сказка).

Іерархическая лѣстница угнетателей народныхъ въ періодъ крѣпостнаго права имѣла много степеней. Вершину ея занималъ ясневельможный и просто вельможный панъ—помѣщикъ, или дѣдичъ, средину—масса пановъ и подпанковъ въ разныхъ чинахъ и должностяхъ, начиная отъ жондцы и кончая подписаремъ, на самыхъ низшихъ ступеняхъ стояли: *отаманы*, *осаулы* и *сипаки*. Это были полицейскіе слуги помѣщиковъ и довѣренныхъ отъ нихъ лицъ; они

объявляли распоряженія пана, дѣлали наряды на ту или другую работу, наблюдали надъ выполненіемъ ихъ и исправностью рабочихъ, производили секуцію, по распоряженію пана, а иногда и личную расправу надъ провинившимся. Спеціальность «сипакъ» состояла въ томъ, что они каждый день съ вечера, а повторительно и раннимъ утромъ обходили все село и подъ окнами каждой крестьянской хаты объявляли заказъ на работу слѣдующаго дня, выкликая громко имя рабочаго, названіе и мѣсто работы. Въ глухую полночь, когда все село объято было мертвымъ сномъ, и съ ранней утренней зарей до восхода солнца раздавались то въ томъ, то въ другомъ концѣ села ихъ свирѣпые голоса: «Грицько, Иване, Степане, Палажко, Оксано, или: молодыци, парубки, хлопьята, выходьте завтра на панщину» туда-то, то-то и то-то дѣлать, съ такими-то инструментами и принадлежностями. «Та рано выходьте, прибавлялъ иной, бо будете быти». Сипаки-же, вмѣстѣ съ сотскими, были исполнителями всевозможныхъ истязаній и наказаній, какимъ подвергали паны и подпанки неустанно работавшихъ людей за всякія неисправности, промедленія, упущенія и другіе проступки и вины. Отаманы, осаулы и сипаки набирались всегда изъ крестьянъ: освобождаемые за свою службу отъ всякихъ другихъ работъ, получая провизію, иногда и жалованье и отвѣчая собственною спиною за всякое послабленіе и недосмотръ, они волей или неволей становились сторонниками пановъ и ближайшими непосредственными гонителями и мучителями народными. Такъ и смотрѣлъ на нихъ народъ, осыпая ихъ проклятіями; въ глазахъ народа они являлись измѣнниками общимъ интерессамъ, людьми отверженными. Онъ выразилъ это въ многочисленныхъ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ и присказкахъ. Нѣкоторыя пѣсни цѣликомъ посвящены тому или другому изъ этихъ мучителей народныхъ, какъ извѣстная пѣсня: *Ништо-жъ мени не докучивъ, якъ той осаула*. Въ помѣщаемой сказкѣ воспроизведенъ *сипака*. Въ народномъ языкѣ не было и нѣтъ презрѣннѣе этого имени, какъ и самой профессіи; это извергъ, кровопійца, палачъ. Производимыя имъ ежедневно истязанія въ народномъ представленіи кажутся преступленіемъ болѣе тяжкимъ, нежели разбойничество по профессіи, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ убійствъ. Такой именно разбойникъ въ сказкѣ осуждается духовникомъ носить на себѣ двѣнадцать тяжелыхъ камней, которыхъ онъ ника-

кими силами не можетъ снять съ себя, доколѣ какимъ либо особымъ подвигомъ не загладитъ своихъ грѣховъ. Переходя съ мѣста на мѣсто въ теченіи лѣтъ пяти, онъ попадаетъ ночью на кладбище. Туда-же съ пьяныхъ глазъ, по окончаніи дневныхъ истязаній и жестоко напившись, забрелъ «сипака» и сталъ нарушать покой мертвыхъ, воображая, что выгоняетъ спящихъ крестьянъ на панщину. Разбойникъ, который и въ самомъ злодѣйствѣ своемъ не отдѣляется отъ народа и является мстителемъ за его страданія, возмущается такимъ наругательствомъ сипаки надъ мертвыми и убиваетъ его; мгновенно спадаютъ съ него камни, и духовникъ объявляетъ ему, что грѣхи его отпущены, тяжкія вины его заглажены предъ Богомъ убійствомъ народнаго палача. Палачъ неповиннаго народа по народному представленію и есть тотъ великій, точнѣе величайшій грѣшникъ, котораго именемъ озаглавлена предлагаемая сказка; ибо призывая мертвыхъ изъ гробовъ на панскую работу, онъ переноситъ земныя его страданія въ загробную жизнь, лишаетъ его послѣдняго утѣшенія, подаваемаго религіею, надежды вѣчнаго упокоенія за временныя скорби и мученія.

Великій грѣшникъ.

Бувъ соби розбийникъ—розбивавъ все людей. Бивъ, бивъ вже, може, годивъ дванадцать. Отто иде разъ полемъ; дивиться, блищить огонь. «Мабуть чумаки, дума; пиду, повбиваю ихъ, заберу рыбу, силь». Приходить, ажъ дивиться, мала дитина скака черезъ огонь и говоре: «Це тоби Боже, а це мени Боже, це тоби Боже, а це мени Боже». Винъ и пита: «Хто ты такій»? Мовчить. «Отзывайся, каже, бо вбью». Воно за третимъ разомъ и каже: «Не бий мене, я великий гришникъ». «Що-жъ ты тутъ робишь?» «Богу молюсь». «Який же ты великий гришникъ? Я зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали». «Чимъ же ты гришный, якъ ты зъ вечера уродився, въ пивночи хрестився, а до свиту вмеръ и поховали»? пита розбийникъ, а воно ему каже: «Мати, каже, родила и кровь проливала, черезъ то я великий гришникъ». «Ну, якъ же ты такий великий гришникъ, то, значить, я тысячу на тысячъ разъ гришнийший отъ тебе; скачи-жъ ты тутъ и молись соби Богу, а я пиду до батюшки, нехай покуту накине, щобъ я спокутовавъ грихи».

Прыйшовъ до батюшки, поздрастувався. «Хочу, говоритъ, открыть вамъ, батюшко, грихи: такъ и такъ—я двянадцать годивъ убивавъ людей, розбивавъ, а теперъ прыйшовъ, щобъ вы спасли мою душу отъ грихивъ». Отъ батюшка взявъ и поначеплювавъ ему двянадцять каминивъ. «Носи-жъ, каже, ци камни, поки не отпадуть, а якъ отпадуть, то тоди и грихи твои отпадуть». Носе тай носе, носе тай носе винъ ти камни—годивъ вже може съ пьять; вже отто мотузки повризувались въ тило, бо скризь поначеплявъ впоперекъ и скризь. Вже не здужае розбийникъ ходить. «Мабуть, каже, умру зъ цыми каминнями». Ходе винъ день и нichь, все ходе; каже: «або вмру, або спокутую грихъ, пиду въ ночи, куды очи; може ще ноччу отпадуть». Иде, ажъ чуе, десь гамъ и крикъ: «пиду туды, дума, подивлюсь; все одно вмирать, разъ мати народила, разъ и вмирать». Приходить на кладовище, ажъ тамъ синака пьяный: напився, ганявъ, ганявъ людей на сели на панщину, прыйшовъ ще и мертвихъ калашматить. «А вставайте, кричить, таки-сяки души, доки лежать будете, идить на роботу!» та палицею стукъ, стукъ. «А ты чого? заганявъ жывихъ, та ще и мертвихъ прыйшовъ!» Та давай биться; завелись—той того бье, той того, той того, а той того. Цей того якъ жарне каминнямъ, тай убивъ, а каминня й поотпадало. «Що мени теперъ робить?» дума соби розбийникъ; чипляе камни, отпадають. «Що его робить? пиду, дума, до батюшки; винъ мени скаже, що робить». Приходе. Такъ и такъ каже: «що мени робить?» «Ну, оттожъ», каже батюшка, «отпали отъ тебе твои грихи, та перешли на его; винъ ще грішнійший отъ тебе».

Чигиринскій уѣздъ,
с. Лебединъ.

Мих. Васильевъ.

ПОПРАВКА КЪ НАДПИСИ НА ИКОНѢ ВЪ СЕЛѢ ЖУКАХЪ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года, за мартъ мѣсяцъ, была помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: «*Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну*» (стр. 688—689). Не имѣя никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что стихи эти дѣйствительно сняты покойнымъ профессоромъ Ставровскимъ, какъ свидѣтельствуетъ его сынъ, замѣчу однако, что они воспроизведены не съ

палеографическою точностью; нѣкоторые даже совсѣмъ выпущены, а другіе хотя и существуютъ, но во многомъ не сходны съ подлинными. Имѣвъ случай побывать недавно въ с. Жукахъ (въ разстояніи 10 верстъ отъ Полтавы), я снялъ точную копію этихъ стиховъ (разставивъ лишь знаки препинанія), которую и прошу помѣстить на страницахъ «Кіевской Старины».

Въ пепелѣ забвенія все часъ погребаетъ,
О чесомъ намъ писаніе не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,
Кто и когда сей образъ дерзнулъ обругати?
Недостоинъ имени добраго Мазепа,
Иванко пришедъ отъ адскаго заклепа.
Той, оставивъ Господня христа всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
Приведе съ оружіемъ въ Россію малую,
Имѣя въ сердцѣ своемъ, коварный, мысль злую.
О кто исповѣсть тогда пролитія крови,
Бѣды. страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
Лютры церкви святыя въ турмы превращаху,
Подножіе и дамы съ иконъ сочиняху;
Съ иконъ подъгнѣти котламъ и до грубъ иконы,
Съ иконъ, увы, помости дѣлали подъ кони.
Тогда и та икона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо, стадо красно Христово,
Имѣя другихъ святыхъ начертанныхъ ново,
Патріарха съ пророкомъ: тіи своя раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани
Благочестиво царство, а императору
Всероссійскому Петру, на земли и морю,
Способствовать будутъ во всяческомъ дѣлѣ,
Соблюдая здравіе его всегда въ цѣлѣ.
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ главу,
Лѣствицею Іаковъ возведетъ и въ славу.

На дерзость проклятую еретическую эпиграмма.

Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Даніила,
Ісавля патріарху ярость уступила.
Надъ звѣрей лютѣйши и паче Ісава
На образѣ семъ зрится еретиковъ справа.

На другой сторонѣ этой иконы есть надпись тѣмъ же почеркомъ, которымъ писаны и стихи: «сія икона святая пострада начертаніе отъ лютровъ и еретиковъ свѣйскихъ року 1709».

Икона эта деревянная, овальной формы, длинною 12, шириною 9 вершковъ, въ настоящее время прибита въ стѣнѣ подлѣ праваго клироса жуковской покровской церкви, а подъ нею на холстѣ въ рамкѣ находятся вышеприведенная надпись и эпиграмма.

Сообщ. **В. Е. Бучневичъ.**

МѢРЫ ПРОТИВЪ ВЕЧЕРНИЦЪ И КУЛАЧНЫХЪ БОЕВЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей полтавской губерніи найденъ нами указъ кіевской духовной консисторіи (1719 г.) подвѣдомственному ей духовенству, показывающій, какія мѣры принимались тогда къ исправленію народной нравственности въ Малороссіи, а придуманы онѣ главнымъ образомъ въ видахъ отвращенія приближавшейся и потомъ дѣйствительно появившейся моровой язвы, какъ показываетъ другой найденный нами тамъ-же и подъ тою-же почти датою указъ, спеціально направленный противъ мороваго повѣтрія. Набожные люди того времени ставили въ непосредственную зависимость общественныя бѣдствія отъ общественныхъ пороковъ и первыя считали прямымъ наказаніемъ за послѣднія. Въ настоящемъ указѣ достойно особаго вниманія то, что къ числу общественныхъ и самыхъ тяжкихъ пороковъ отнесены извѣстныя всякому малороссіянину *вечерницы*, т. е. устраиваемые испоконъ вѣка по селамъ собранія молодыхъ людей обоего пола, на которыхъ проводятъ они время въ веселыхъ разговорахъ, преимущественно-же въ пѣніи пѣсенъ. Тогдашніе правители духовные и свѣтскіе были плохіе этнографы и видѣли въ вечерницахъ величайшее зло, гнѣздилище и источникъ нравственной заразы и преступленій. Позднѣйшія изслѣдованія удостовѣрили до очевидности, что *вечерницы* самыя невинныя собранія, замѣняющія для сельской молодежи все, что придумано для лицъ другихъ классовъ подъ названіемъ всякаго рода собраній, баловъ и вечеровъ, что даже оставаясь ночевать вдвоемъ, малорусскій парубокъ и дивчина не нарушаютъ границъ невиннаго и дозволеннаго и что всякіе «блудніе грѣхи», упо-

минаемые въ указѣ, происходятъ здѣсь, какъ и въ другихъ классахъ, независимо и помимо собраній. Указъ любопытенъ и по многимъ другимъ бытовымъ особенностямъ и мы приводимъ его цѣликомъ.

Въ року 1719. Всѣмъ обще духовного и мирского чина людемъ, началствующимъ и подначалнимъ, а особливе пречестнимъ отцемъ протопопамъ миргородскому, гадяцкому, опошанскому, полтавскому, кобеляцкому, честнимъ отцемъ намѣсникамъ, иереамъ и всему причту освященому, где кому о томъ вѣдати надлежитъ, Божія благословенія отъ превысочайшого архипастыря, прошедшаго небеса Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа узичивши, извѣстно творимъ, ижъ зашолъ къ намъ въ сей консисторіумъ митрополитанской власти духовной премощной ясне велможного его млти пана гетмана, по указу его священнѣйшаго царского величества унѣверсалъ, новелѣваючій, даби везде по городахъ, мѣстечкахъ, и селахъ малороссійскихъ поперестали богомерзскихъ молодыхъ людей зборища на вкулачки, Богу и человѣкомъ ненавистние гулянія, прозиваемия вечурницы, на которые многие люде молодие и неповстягливие отъ родителей своихъ, мужеска и женска полу, дѣти по ночамъ купами собираючися, неисповѣдимия безчинія и мерзския безаконія творять, справуючи себѣ игри, танци и всякие пиятики скверная и воздухъ оскверняючая пѣсней восклицанія и козлогласованія, откуду походятъ галаси, зачепки до сваровъ и заводовъ, почему найбарзѣй послѣдуютъ и забойства, а найпаче подъ часъ такихъ нечестивыхъ зборовъ разние дѣлаются ексцесса, яко то блудніе грѣхи, дѣвства растлѣнія, беззаконное дѣтей прижитіе, отчого презъ тихъ-же беззаконниковъ, уставуючихъ свое беззаконіе и мерзкія дѣла, частие стаются дѣтогубства, за каковыя умножившаяся нечестивия беззаконія явственно праведнаго гнѣва Божія чаша на всѣхъ насъ изливаеться, якоже и теперь, количолѣтніи неурожаи хлѣбние, бездождевная суша, многие падежи скотовъ, въ людехъ тяжкие болѣзни, еще больше моровие губительния язви и страшное повѣтряное время понесла Малая Россия и прочая поноситъ многая злоключенія; сего ради ми таковому богомерзскому чинячемуся беззаконію ввесь освященний соборъ духовний заповѣдаючи и по должности нашей премощному ясневелможного добро-

дѣя нашего рейментарскому согласуючи унѣверсалу, якоже по всѣхъ малоросийскихъ полкахъ уже суть розислани, пилно упоминаемъ всѣхъ васъ пречестнихъ отцевъ протопоповъ, со всѣмъ духовенствомъ, и властию консисториумъ митрополитанского кіевского приказуемъ, абисте пречестности ваши всему духовному чину, власти своей протопопской подсуствующему, поприказовали и накрѣпко пригрозили вишь спецѣфѣкованимъ богомерзскимъ зборомъ вечорничимъ отъ сего часу не собиратися и непотребнихъ, шкодячихъ здоровю человѣческому, кулачнихъ боевъ не заводити и нѣгдѣ на онне не сходитися, зъ чого не толко множайшіи здравия своего повреждаютъ, лечь и души своя часто на той безчинной бойцѣ извергаютъ злѣ, чого ради и християнского таковии лишаются належитого погребенія; аще же бы кто учинился противнимъ заповѣдемъ Божіимъ, премощному указу монаршому, рейментарскому ясневелможного добродѣя унѣверсалу и сему отъ всего духовенства нашего консисторскому виданому патенту, таковаго, за первимъ и вторымъ духовнымъ наказаниемъ, повелѣваемъ пречесностямъ вашимъ властию духовною отлучати отъ церкви и отъ сообщения вѣрнихъ, грядетъ бо гнѣвъ Господень на сыны противния и не коснитъ пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православнихъ христианъ, церквѣ святой православной восточной покарнющихся и хранящихъ заповѣди Божія, да сохранитъ Господь, усердствуемъ. При семъ-же еще упоминаемъ пречестности вашой, даби прежде зъ катедри митрополитанской разославие патенти по премногомощнѣйшому монаршому указу о хожденіи людемъ до церкви и о належитой християнской исповѣди въ церквахъ прочитовани били, а не покаряючихся укарать, яко преступниковъ монаршого повелѣния, по написанной винѣ, дается власть пречестности вашой.

Тутъ-же докладаемъ еще и подъ неблагословениемъ консисторіискимъ приказуемъ и грозимъ, аби въ понеделокъ, въ среду, въ пятокъ дотоль горѣлки и жадного напитку не давали, доколь набоженство въ церквахъ Божіихъ не отправиться, и жебы кождий парохіанинъ мужеского и женского полу до церкви божественной безъ всякого отказу и домовихъ забавъ ишолъ на набоженство и всѣ соборне молилися Господу Богу, жебы Господь Богъ отвратилъ праведный свой гнѣвъ отъ насъ. А сие засъ повинни урядовие перестерегати, жебы въ

пятокъ на торгахъ молокъ не тягли и туремнимъ наказаніемъ карати, а для совершенного достовѣрия приказуемъ пречестностямъ вашимъ сей нашъ патентъ въ церквахъ прочитать, а списки по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до дверей церковнихъ прибивать вездѣ. Данъ съ катедри свято софѣйской митрополитанской киевской 1719-го року, іануария 30 дня. Сообщ. **А. Марневичъ.**

КЪ ПОРТРЕТУ ИПАТІЯ ПОТѢЯ, КІЕВСКАГО УНІАТСКАГО МИТРОПОЛИТА.

Ипатій (въ мірѣ Адамъ) Потѣй родился въ 1541 году отъ православныхъ родителей. Отецъ его, Левъ, былъ подскарбіемъ и писаремъ при королѣ Сигизмундѣ I. Въ молодости Адамъ учился въ кальвинской школѣ извѣстнаго въ Литвѣ покровителя протестантовъ, князя Николая Радзивила, а послѣ въ краковской академіи. Окончивъ свое образованіе, Адамъ Потѣй поступилъ на службу къ тому же князю Радзивилу и въ это время измѣнилъ отеческой вѣрѣ, сдѣлавшись прозелитомъ, каковымъ и оставался приблизительно до 35-лѣтняго возраста своего; но затѣмъ снова возвратился въ православіе, оставивъ службу протестантскому пану. Далѣе онъ былъ писаремъ у короля Сигизмунда-Августа, затѣмъ судьею въ Брестѣ и наконецъ достигъ высокаго достоинства—каштелянства (брестскаго), съ которымъ обыкновенно соединялось званіе сенатора. Женатъ былъ Потѣй на дочери князя Θеодора Острожецкаго, жившаго на Волыни, и имѣлъ отъ нея дѣтей. Благодаря своей учености и знатному положенію, Адамъ Потѣй находился въ дружественномъ отношеніи съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, и вотъ, когда въ генварѣ 1593 г. умеръ владимірскій и брестскій епископъ Мелетій Хребтовичъ-Богуринскій, князь Острожскій убѣдилъ Потѣя, тогда уже вдоваго, принять духовное званіе и выхлопоталъ для него королевскую грамоту на вакантную епископскую каθедру. Въ томъ же 1593 г. въ соборной успенской церкви г. Владиміра луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, въ присутствіи князя Острожскаго и другихъ знатныхъ волынскихъ дворянъ, торжественно посвятилъ Адама Потѣя въ монашество и далъ ему новое имя *Ипатія*, а вслѣдъ затѣмъ король писалъ къ тогдашнему кіев-

скому митрополиту Михаилу Рогозѣ, чтобы онъ немедленно посвятилъ брестскаго каштеляна, »человѣка фамиліи старожитной, способнаго, искуснаго въ греческомъ законѣ и благочестиваго«, въ санъ епископа владимірскаго.

Сдѣлавшись епископомъ, Ипатій Потѣй сразу сталъ душею существовавшей уже тогда среди высшаго западно-русскаго духовенства партіи, которая стремилась путемъ подчиненія православной церкви римскому престолу достигнуть такого же почетнаго и вліятельнаго положенія, въ какомъ находились тогда въ Польшѣ католическіе бискупы и прелаты. Когда дѣло замышляемой ими уніи было готово къ практическому осуществленію, Потѣй, совмѣстно съ Терлецкимъ, былъ отправленъ въ 1595 г. въ Римъ и здѣсь, предъ лицемъ самаго папы, оба южно-русскіе владыки отъ себя и отъ имени остальныхъ западно-русскихъ епископовъ торжественно приняли унію или соединеніе западно-русской православной церкви съ римскимъ костеломъ, а по возвращеніи ихъ въ отечество, въ октябрѣ 1596 г., былъ созванъ въ Брестѣ соборъ, на которомъ огромнымъ большинствомъ присутствующихъ унія эта была отвергнута, а ея виновники—архіереи были осуждены на низложеніе.

Не смотря на это, владыки-уніаты, опираясь на дѣятельную поддержку католическаго духовенства и общества, преимущественно же правительства польскаго, стали насильственно водворять унію и преслѣдовать своихъ противниковъ, православныхъ. Наибольшею жестокостью въ этихъ преслѣдованіяхъ отличался именно Ипатій Потѣй, занявшій по смерти Михаила Рогозы каѳедру кіевской митрополіи, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальнымъ владимірскимъ и брестскимъ архіереемъ: онъ схватывалъ непокорявшихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ ихъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ бороды и головы, третьихъ выгонялъ изъ приходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ. Съ особенною яростью Потѣй преслѣдовалъ членовъ православныхъ братствъ виленскаго и брестскаго и ихъ священниковъ и учителей.

Кромѣ преслѣдованій, Ипатій Потѣй дѣятельно пользовался и другими средствами для водворенія въ юго-западной Руси уніи. Въ 1597 г. онъ отнялъ заведенную незадолго предъ тѣмъ въ г. Брестѣ братскую православную школу и преобразовалъ ее въ уніатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ привезеннаго имъ изъ

Рима извѣстнаго ученаго уніата, доктора богословія Петра Аркудія, родомъ грека, воспитывавшагося въ римской коллегіи. Это было первое уніатское училище въ западно-русскомъ краѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по отнятіи имъ у виленскаго православнаго братства троицкаго монастыря, Потѣй основалъ при немъ въ 1601 г. уніатскій коллегіумъ или семинарію, первымъ ректоромъ которой былъ нѣкто Петръ Ѳедоровичъ Суреметниковичъ, издавшій въ 1604 г., по порученію Потѣя, книгу подъ заглавіемъ: »Оборона собору осьмаго, флорентійскаго«, направленную противъ изданнаго въ 1598 г. въ г. Острогѣ православнаго сочиненія о томъ-же соборѣ. Наконецъ въ 1609 г. Потѣй основалъ въ г. Владимірѣ при сборной Успенской церкви небольшую уніатскую школу, записавъ на ея содержаніе по 250 злотыхъ ежегодно.

Портретъ Ипатія Потѣя интересенъ, какъ типъ западно-русскаго владыки, магната или пана, отъѣвшагося на мірскихъ »лакомствахъ« и вкусившаго обильныхъ тогда »хлѣбовъ духовныхъ«. Мы не видимъ здѣсь ни одной изъ тѣхъ чертъ смиренія, кротости, пощенія и подвиговъ, которыя привыкли соединять съ образомъ святителя русской церкви; видимъ напротивъ слѣды пресыщенія, напыщенности, нѣкоторой даже свирѣпости. Во внѣшнемъ видѣ и одеждѣ перваго уніатскаго владыки, не смотря на нѣсколько лѣтъ отступничества, не видно еще тѣхъ перемѣнъ, на которыя посягнули его преемники: тотъ-же древне-русскій, низенькій, нѣсколько закругленный клобукъ, таже архіерейская съ скрыжалями мантія, отрощенные волосы на головѣ, усы и борода, и лишь густой рядъ мелкихъ пуговицъ на нижнемъ платьѣ, котораго покрой опредѣлить трудно, даетъ поводъ заключать, что какая-то перемѣна въ костюмѣ уже начиналась; по крайней мѣрѣ такого платья, похожаго на тогдашній куптушъ, не замѣтно на современномъ портретѣ епископа Кирилла Терлецкаго, который будетъ приложенъ къ слѣдующей книжкѣ. Оба портрета воспроизводятся по оригиналамъ, писаннымъ масляными красками и хранящимся въ портретной залѣ архіерейскаго дома въ г. Холмѣ люблинской губерніи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

отъ сотника голтвянского зъ Москвы полученное. По обѣдѣ были у Василія Федоровича Яворского камеръ юнкера, и уже одтоль пріехали въ 7-мъ часу пополдни.

6. За оправу двохъ книжокъ: Hugonis Grotii de veritate Religionis Christianae 36 к., Arithmeticae Lambergii 20 к. На перевозъ пошло 11 к. Подалъ сего числа въ вечеру князю Шаховскому меморіалъ о дѣлахъ гетманскихъ, въ коллегіи іностранной имѣючихся, и о своемъ дѣлѣ прошеніе.

7. Былъ у насъ изъ дворца ея высочества государини царевны Екатерины Іоанновны камеръ юнкеръ Василій Федоровичъ Яворскій, гофъ юнкеръ Василій Івановичъ Толстой, камеръ пажъ князь Петръ Івановичъ Гагаринъ, мундшенкъ Федоръ Кириловичъ Белецкій, да Іванъ Алексіевичъ, бандуристъ бывшій Петра II імператора, зъ которыми доволно гуляли и подпили были. На мило до платя даны 2 к.

8. Ради тезоименитства Михаила Івановича Новоторжцова у него обѣдали многіе, въ томъ числѣ и я, да уже позно одтоль повернулся до квартери, пріехалъ зъ Василевского острова на графскомъ буярѣ зъ графскимъ же стряпчимъ Ефимомъ Василевимъ, у которого также по пріездѣ немного посидѣлъ. На перевозъ пошло 8 к. Писма получены сегожъ числа зъ Глухова отъ ясневелможного и отъ прочихъ.

9. Отосланы писма до пана Полуботка и до пана Якимовича, зъ Глухова жъ принесенные. На перевозъ Алексію даны 3 к.

10. Отдалъ писмо въ коллегіи Василію Василіевичу Степанову, тайному совѣтнику, отъ господина полковника Афанасія Прокофіевича Родищева зъ Глухова присланное. Розышлось на перевозъ и проч. 16 к. Послѣ полдня былъ у сина полковника въ домѣ его въ морской пушкарской, зъ Егоромъ Тимофіевичомъ Борисовымъ, поддячимъ коллегіи іностранной, который содержитъ рейстратуру, и оній синъ полковничій обѣщалъ мнѣ сдѣлать лѣнію, да въ 2 аршина квадратную мѣру.

11. Устиму, графскому квартермейстеру, даны 15 к. на подошвы до чоботъ моихъ красныхъ, подъ которіе имѣетъ онъ дѣлать подошвы и подборъ.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного подъ числомъ 9-мъ и до п. Юркевича о пересылкѣ писемъ въ Стародубъ

до п. тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, да другіе писма подъ числомъ 12-мъ до ясневелможного о обидѣ мнѣ, одъ Соболевского дѣючойся, до п. Скоропадского и до п. Юркевича о одсилцѣ еще писемъ въ Стародубъ и о исправленіи унѣверсалу,—въ Стародубъ до полковника, до обозного полкового п. Есимонтовского, до п. Андрея Миклашевского, до п. Валкевича, до п. Скоруппиной, до п. тещи, до жены, до п. Григорія Гамаліи, до Стефана въ Перегонъ и до писара судового Стефана Косача, включа всѣ оные писма къ нему въ подписанный пакетъ.

13. За зробленe чоботъ прйшовъ осталные денги заплачены 25 к.; на подбой до тихъ-же чоботъ, на сѣрку, на хлѣбъ бѣлій французкій и проч. 8 к., за поланкирка меду питного 37 к. Вышеобявленные писма одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Въ вечеру были у духовника государыни цесаревны и у пѣвчихъ; потомъ у Григорія Михайлова, слѣпого бандуриста, где доволно пѣто и пито, и позно уже одтоль пяніе пріехали въ квартеру.

14. Послѣ полдня были у насъ камеръ-юнкеръ государыни цесаревны Петръ Івановичъ Шуваловъ, да Нименъ Василіевичъ и человѣка чотіры пѣвчыхъ. Послѣ прибылъ и мундшенкъ царевни государини Федоръ Кириловичъ Бѣлецкой, зъ которыми доволно пили и были жестоко пяны.

15. За хлѣбъ французкій бѣлій 4 к. Снѣгъ випалъ и морозить стало гораздъ.

16. Зъ поранку превеликій былъ туманъ отъ морозу и на водѣ и на землѣ. Въ коллегіи видѣлъся зъ п. Полуботкомъ. Розышлось на розницю 12 к.

17. Крига (ледъ) по Невѣ велми ишла и весь день и прошлую ночь снѣгъ ишолъ; зъ квартери никуда не ходилъ я сегодня.

18. Въ ночѣ малая Невка, що отъ митного двора, а другая, що отъ выборгской сторони, въ день по полдни въ 2-мъ часу стали. Алексію на его нужды 10 к., да у Козми Якимъ взялъ 20 к.

19. Сего числа чрезъ оные малые Невки люди переходили, а мы за негодою никуда зъ квартери не ходили, кромѣ что службы въ графской церквѣ слушали. За подшите подошовъ подъ червоные чоботы даны 16 к.

20. По полуночи въ 2-мъ часу Болшая Нева стала, чрезъ которую и начали коло обѣдень люде ходити. Я чрезъ Малую Неву

переходилъ отъ митного двора и бывъ въ коллегіи, писалъ до Уріила и до сотника голтвянского въ Москву. Розышлось на розницю 9 к. За бутилку меду 4 к.

21. Послѣ службы Божой его сіятелство, графъ Головкинъ изволилъ мнѣ говорить, что дѣло мое о деревнѣ подписано и жалоеане велено дать. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича и у него просидѣлъ до 10-го часа по полдни зъ Козмою Якимовичемъ, у которого на Василевскомъ острову и ночовалъ. Виигралъ въ карти у бурмистровъ 17 к. За полапкирка меду дано 37 к.

22. Весь день пробавилъ въ коллегіи, дожидаючись Полуботка, которій вчора говорилъ мнѣ, что князь Шаховскій требуетъ, чтобъ я былъ у него. Кремезницкому далъ 10 к. Обѣдалъ у тихъ-же бурмистровъ кіевскихъ. Извощику даны 3 к.

23. Писанъ лиcтъ до ясневелможного и одправленъ на ординарной почтѣ. Извощику даны 3 к.

24. Ради тезоименитства государини царевны Екатерины Іоанновны палено зъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ и всего выпалено зъ 69. Въ вечеру была везде по домамъ въ окошкахъ чрезъ выставлене свѣчъ иллюминація. Я былъ за болшою Невою, а послѣ въ коллегіи; одтоль-же пришедши, засталъ въ квартерѣ нашей Новоторжцова.

25. Грицку, п. Горленка служителю, за поднесенный хлѣбъ отъ него, 30 к., на извощика 4 к., на оселедцѣ 3 к.

26. Слушали обѣднѣ въ церкви троецкой, где пѣвчіе архирея новгородского спѣвали и посвященъ архимандритомъ невского монастыря намѣстникъ отецъ Симонъ. За хлѣбъ французкій и за кавяръ 8 к.

27. Рано былъ въ коллегіи. Послѣ обѣда заездилъ до князя Шаховского, но не засталъ, потомъ былъ у графа Мойсея Івановича Владиславича. На извощика пошло 4 к. Въ вечеру были у папича ездовые саржанты государыни царевны да Николай Івановичъ Пузыровскій. Писано письмо до п. Скоропадского зъ посилкою письма К. Б. За пять яблокъ 3 к.

28. За хвостики колошеи 4 к., на извощика 8 к. Посѣщалъ Алексія, Славуевого брата, который передъ симъ недомогалъ. Полковника нашего Дурова синъ прислалъ лѣнію и въ два аршина

29. За поланкирка меду 37 к., на извощика 5 к., на каваръ 4 к. Петръ Василіевичъ мимоездомъ отъ графа былъ въ квартерѣ нашей. Посилалъ Григорія Кремезницкого къ Косогову и велѣлъ ему обявить прошеніе, написанное на Воейковыхъ, ежели за сукно награжденія не учинятъ.

30. Въ сей день торжествовали праздникъ кавалеріи россійской Андрея Первозванного и для того всѣ присутствующіе въ С. П. Бурхѣ того ордина кавалеры сездилисъ въ дворецъ імператорскій, где послѣ обѣдни пили въ болшую салу парами, а за ними и сама государыня въ церемоніалномъ кавалерскомъ платѣ, и у одного стола зъ оними изволила кушать. Кавалеры-же именно были сіи: графъ Головкинъ—государственный канцлеръ, графъ Остерманъ—вице-канцлеръ, князь Черкаской, графъ Біронъ—оберъ-камеръгеръ, генералъ-фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ-Миниxъ и графъ Левенволдъ—оберъ гофъ-маршалъ, а у другого стола кушали цесаревна и принцесса зъ разныхъ чиновъ дамами, у третого-же генерали и другихъ чиновъ мужескъ полъ. До столу играла камеръ музика, и дамы спѣвали, и 5 разъ палили зъ пушокъ, кромѣ того что заразъ послѣ обѣдни зъ многихъ пушокъ на поздоровленіе кавалерамъ палено. Въ вечеру везде въ окошкахъ свѣчи горѣли. Я обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ и одъ нихъ вечеромъ уже пріехалъ. За хлѣбъ французкій 4 к., извощикамъ 8 к., прачцѣ 10 к.

Декабрь.

1. Былъ въ коллегіи, послѣ у князя Шаховского, токмо оного въ домѣ не получилъ. Розышлось на розницю 6 к.

2. Послѣ полдня въ 3-мъ часу былъ у князя Шаховского и писма отдалъ, передъ симъ отъ Косача писара судового присланныя, где изволилъ сказать, что и стороны дѣла моего графу Головкину и Петру Василіевичу говорилъ.

3. Рано были у графа Головкина и тамъ обѣдни слушали, одтоль пришедши обѣдали у насъ бурмистры и весь день мы въ домѣ пробавили. Былъ у панича Адодуровъ, а у мене Іскусъ зъ женою своею, да и Федоръ Максимовичъ въ вечеру былъ же.

4. Ввечерѣ были у бурмистровъ и доволно подпили, а одъ нихъ заехали до господина Сенявина и у него позабавились до позна. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоро-

падского, до Юркевича, въ Стародубъ до жены, до Стефана и до Косача.

5. Положилъ у Новоторжцова въ закладъ три червонихъ и взялъ мѣлкими 6 р. Были зъ Козмою Якимовичемъ у Сенявина, у Яна воскового майстера и у почтъ-мейстера Аша, где взялъ я и боченокъ мѣноговъ, токмо еще за оные не платилъ. На розницю розышлось 11 к.

6. Гостей принималъ у себе ради именинъ, на которое принятіе розышлось за вино, за рибу и прочое, до столу купованное, 8 р., и зъ тими жъ гостми весь день прогуляли и до пяна попили. На извожчика 8 к.

7. Ради рожденія государини принцессы Анны молебствовано и палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушокъ. Сей день никуда зъ квартери не ходилъ. Чрезъ Григорія Кремезницкого, который сего числа изъ С. П. Бурха одправился до Глухова, писалъ я до Уріила въ Москву, чтобъ ему исправилъ подорожную на одну почтовую подводу; ему жъ Григорію даны 10 к.

8. Алексій на свою потребу взялъ 27 к., на извощика пошло 3 к. Читалъ въ коллегіи сочиненіе грамоты на Перегонъ зъ Дешковичами.

9. Тезоименитство государини принцессы Анны праздновано и по молебствіи палено зъ пушокъ. Сегожъ числа припли писма зъ Глухова отъ ясневелможного при двохъ листахъ въ коллегію іностранную и при писмахъ до канцлера и вице-канцлера и до князя Шаховского. Вечеромъ были зъ паномъ Горленкомъ у профессора его математического Крафта.

10. Рано вручилъ я два писма графу Головкину отъ гетмана о сербскомъ капитану Колатайчу и о резолюціи на присланные въ коллегію іностранную зъ прошеніемъ. Алексію для покупки потребностей къ поезду даны 22 к. По полднѣ вручилъ писма отъ ясневелможного и одъ пана Скоропадского князю Шаховскому, который обѣщалъся еще къ графу Головкину и господину Курбатову за мною инстанціовать (предстательствовать) въ дѣлахъ моихъ; потомъ былъ у бурмистровъ кіевскихъ. Подапы доношенія гетманскіе въ коллегію.

11. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до пана Юркевича и до пана Забѣлы, судіи енер.,

подъ числомъ 7-мъ; въ Москву до Кремезніцкого и до Урінла, чтобъ оному Кремезницкому всѣ помянутые писма, такожъ и пакетъ, отъ пана судіи зъ Глухова къ нему принесенный, тамъ въ Москвѣ вручилъ, и оные писма одправлены въ Москву на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на извощика и проч. 14 к.

12. Рано былъ у князя Шаховского, въ дворцѣ, въ дежурной, где и Петра Василіевича Курбатова засталъ и говорилъ мнѣ князь, что половина дѣла моего сдѣлана. Да князь же посилалъ офицера въ Сенатъ, чтобъ одправлено изъ Сената указъ въ коллегію іностранную о рудокопныхъ и салѣтранныхъ въ Малой Россіи заводахъ, чтобъ 10-й долѣ не взымала. Сего числа было погребеніе генералу лейтенанту князю Семену Федоровичу Мещерскому въ монастырѣ невскомъ, куда шли и 4 полки салдацкихъ пѣхотныхъ, и за тѣломъ шли генералъ фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ Минихъ и другіе генерали и штаны, и при томъ ходѣ руже несли всѣ солдаты обыкновенною погребалною церемоніею, а музыка жалобно играла и въ барабаны чрезъ сукно бито. За бутилку меду 4 к.

13. Былъ рано въ домѣ графа Остермана, но не получилъ отдать писма гетманского. На извощика пошло 4 к. Подарилъ Василію М. Леонтіеву каламарь (чернильницу) и пѣсочницю стеклянные, за которые дано 23 к. Послѣ полдня былъ у графа Мойсея Івановича, который мене своими сапями и отослалъ на квартеру.

14. Рано подалъ писмо гетмана графу Остерману и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Раножъ отвезъ книжку Полуставецъ Новоторжцову, обѣщанный передъ симъ. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось 6 к.

15. Никуда зъ квартери не віездилъ. Былъ у насъ Алексій, Славуевъ братъ, и обѣдалъ.

16. Былъ въ коллегіи и читалъ сочиненіе грамоты на купленные грунта.

17. Праздновалисмо тезоименитство ясневелможного, а между тѣмъ пришелъ къ намъ господинъ поручикъ Федоръ Івановичъ Наковалнинъ, на почтѣ одправившійся въ Кіевъ, чрезъ которого писалъ я къ ясневелможному и до пана Скоропадского.

18. Рано были у ея высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны зъ поздравленіемъ рожденіемъ ея высочества и къ ручкѣ пожалованы. Послѣ полдня изволила ея імператорское

величество визитовать высокою своею особою ея высочество государиню цесаревну, а послѣ и у государинѣ царевни ея жъ величество быть изволила. Я у бурмистровъ снѣдалъ (завтракалъ). Розышлось 6 к.

19. На рогожи до обиваня оконъ, на гвоздки и проч. пошло 23 к. Былъ у князя Шаховского, где послѣ полдня былъ и Петр. Вас. Курбатовъ.

20. Пріймовалъ панъ Горленко слѣпого зъ пѣвчими меншими цесаревни. Рано былъ я въ коллегіи, где обявилъ мнѣ Петръ Вас., что грамоту о маетности на рангъ и приговоръ о жаловапю закрѣпилъ графъ Головкинъ. Былъ я у полковниченка нашого Дурова въ домѣ, а одтоль ездилъ въ домъ полковничій на Василевскомъ острову, будучій въ 21 линіи.

21. Куплено гарусу на лиштвы до опанчи лѣтной за 25 к., да на нитки и мыло 2 к. При писмѣ до Урізла одправленъ пакетъ до пана Юркевича зъ листомъ отъ Полуботка. Сего числа званніи обѣдалисмо у Петра Василіевича Курбатова, ради тезоименитства его, и тамъ доволно удоволствованы.

22. Сей день весь въ квартерѣ пробавилъ, толко передъ вечеромъ ездили для осмотреня квартери, надъ Мойкою, князя Федора Григоріевича Волконского, да на Василевскомъ острову князя Мещерского умерлого.

23. Обявленъ мнѣ приговоръ, подписанный о Перегонѣ руками графа Головкина, дѣйствительного тайного совѣтника Х. В. Миниха, тайного совѣтника Василія Василіевича Степанова и канцеляріи совѣтника П. В. Курбатова, который приговоръ и записанъ въ рейстратуру подъ симъ числомъ. Сегожъ числа панъ Андрей Полуботокъ отобралъ грамоты до гетмана и до генерала Нарышкина о возвращеніи себѣ селъ Орловки, Казиловки и Коровинецъ [161]) и зъ нами пожегнался. Розышлось 4 к.

---

[161]) Села Орловка (новгородъ-сѣверскаго уѣзда) и Казиловка (сосницкаго уѣзда) отданы были Мазепою генеральному обозному Дунину-Борковскому, по смерти котораго Мазепа эти села отнялъ у его вдовы для себя. Послѣ измѣны Мазепы, Павелъ Полуботокъ успѣлъ эти села выпросить себѣ, назвавъ ихъ »измѣничьими«. Черезъ 15—16 лѣтъ дѣти Борковскаго пожаловались Вельяминову, который и возвратилъ имъ эти села. Здѣсь, какъ видимъ, иностранная коллегія вновь отбираетъ ихъ у Борковскихъ для Полуботковъ. Село Коровинцы (роменскаго уѣзда) отдано было Мазепою въ 1689 г. лубенскому полковнику Илляшенку, по смерти

24 Розышлось на штофъ водки гданской 1 р. 50 к., за боченокъ міноговъ передъ симъ взятыхъ 1 р. 50 к., за хлѣбъ французкій и на извощика 13 к., за мите рубашокъ 10 к. Сего числа панъ Полуботокъ отехалъ къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова всенощное и утреню правили въ квартерѣ, а службы Божой слушали въ церквѣ домовой графа Головкина, и послѣ его и другихъ тутъ случившихъся поздравляли; потомъ графъ отехалъ въ дворецъ къ государынѣ, куда такожде и паничъ зъ паномъ Горленкомъ ездили. Послѣ обѣда были у господина Курбатова и у господина Стефанова. Писанные писма подъ завтрашнимъ числомъ до ясневелможного зъ привѣтствіемъ и зъ 2 цедулами о поздравителныхъ писмахъ и объ отвѣтѣ противъ посланной грамоты, взглядомъ требованія на генералъ фелдмаршала и проч., да до пана Скоропадского и Юркевича одправлены на почтѣ въ Москву къ Уріилу въ писмѣ до него подписанномъ. На извощика розышлось 7 к.

26. Рано ездили до князя Черкаского, до господина генерала Ушакова и до Стефана Федоровича Апраксина, а послѣ были зранажъ у вице канцлера графа Остермана. Розышлось зрана 9 к.

27. Были рано у князя Шаховского, а потомъ я былъ у графа Савы Владиславича и у Мойсея Івановича, одтоль заездилъ къ Алексѣю, Славуевому брату, и въ коллегію. На извощика пошло 4 к. Въ коллегіи видѣлъ подписанный приговоръ о видачи мнѣ жалованя подъ числомъ сего мѣсяца 22-мъ.

28. Ради рожденія жены моей были у мене гостѣ, для которыхъ принятія обѣдъ былъ готованъ. Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. Писалъ писмо въ Глуховъ до пана Скоропадского зъ цедулою о пол. и оное одправлено зъ писмами пана

котораго Мазепа отобралъ у дѣтей его Коровинцы для племянника Обидовскаго. Послѣ измѣны Мазепы село это выпросилъ себѣ Павелъ Полуботокъ, съ дѣтьми котораго одинъ изъ потомковъ Илляшенка, роменскій сотникъ Семенъ Остаповъ (родоначальникъ Ласкевичей) началъ за Коровинцы тяжбу, которую, какъ мы видимъ здѣсь, проигралъ. Это не помѣшало мужу внуки Остапова, Андрею Политикѣ предъявить къ Полуботкамъ, въ 1742 г., новый искъ за Коровинцы и въ 1749 году искъ этотъ выигранъ. Наслѣдники Полуботокъ—Милорадовичи пытались было возобновить тяжбу за Коровинцы, но по совѣту опытныхъ людей отказались отъ этого, и Коровинцы остались у потомковъ Иляшенка.

Андрея Горленка на почтѣ, чрезъ которую и до ясневелможного зъ коллегіи іностранной одправлена грамота о определеніи на мѣсто Львова, въ судъ енералный, Івана Сепявина.

29. Рано ездили къ Архіерею новгородскому, но не получили его видѣть; потомъ заехали до бурмистровъ и у оныхъ снѣдали. Послѣ былъ я въ коллегіи и въ квартерѣ у Егора Тимофеева Борисова, который рейстратуру содержитъ. Купилъ пару запонокъ за 80 к. На извощика 5 к. Зъ сего числа въ ночѣ віехалъ зъ Санктъ Пітербурха князь А. І. Шаховскій въ указную себѣ до слободскихъ полковъ дорогу.

30. Получены писма зъ Глухова отъ ясневелможного, одъ пана Скоропадского и протчихъ, а при оныхъ и доношенія въ коллегію іностранную надлежащые.

31. Дано мнѣ жаловане зъ коллегіи іностранныхъ дѣлъ 30 р. денегъ и косякъ лудану [162]) блакитного въ 14 р. Розышлось на извощиковъ 14 к. Въ вечеру былъ у Петра Василіевича и подалъ доношенія гетманскіе въ коллегію надлежащые.

Конецъ 1732 году.

Съ Богомъ годъ 1733.

Генварь.

1. Рано поздравляли графа Головкина и потомъ паничъ зъ п. Горленкомъ отехали во дворецъ, а я слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, где архіерей новгородскій зъ прочіими служилъ молебствіе, по которого окончаніи палено зъ многихъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Столъ былъ для господъ первѣйшихъ и дамъ во дворцѣ государини, при которого одправленіи палено многажды зъ 15 пушокъ; а въ 8-мъ часу по полудни былъ передъ дворцемъ на Невѣ фейерверкъ и везде по домамъ, а особливо все адмиралтейство убрано было фонарями преизрядно для иллюминаціи. Я послѣ того былъ у Петра Василіевича зъ бурмистрами кіевскими до 12 часа. Сегодня посѣщалъ мене нашего полковника сынъ Іванъ Александровичъ Дуровъ, зъ которымъ я и во дворцѣ былъ въ салѣ.

---

[162]) Шерстяная ткань.

Сего-жъ числа розышлось—дано Алексію и козаку Николаю по 50 к., итого 1 р., Петру хлопцю, слугамъ и проч. 50 к., людямъ Петра Василіевича 30 к., Алексію Войничовому 20 к. На хлѣбъ французкій 6 к. Паничу подарилъ купленные передъ симъ запонки.

2. За два календаря петербургскіе 24 к., за два трактаты зъ персидскимъ государствомъ россійской імперіи 24 к. На извощика 4 к.

3. Былъ въ коллегіи и видѣлъ сочиненіе грамоты на Перегонъ и протоколы въ моихъ дѣлахъ, тако-жъ грамоту сочиненную до гетмана о присягахъ. На извощика пошло 10 к., на мясо 12 к. Въ вечеру былъ у преосвященного іркуцкого Нероновича, а послѣ у уставщика государини цесаревны Івана Петровича.

4. Писано писмо къ Урінлу подканцеляристу въ Москву, зъ одправою писма-жъ одъ мене до п. Полуботка, зъ листами къ нему-же одъ енерала графа фонъ-Вейзбаха и одъ п. Турковского, писара енералного. Взялъ позыкою для переписаня книгу, зовемую »Літописецъ Келейній« покойного преосвященного Димитрія, ростовского митрополита,—у Івана Петровича, уставщика надъ пѣвчими государыни цесаревны, и къ нему о визыченю тоей книги писалъ карту, что по переписаню овую отдать я долженъ. Розышлось на извощика 7 к., на хлѣбъ бѣлій французкій и свѣчи 9 к.

5. Возили грамоту до подписи къ графу Головкину на Перегонъ написанную, но оная сего числа не подписана. Отецъ Адамъ въ 3-мъ часу по полудни въ домѣ архіерея новгородского на Василевскомъ острову умре. Куплено мяса за 20 к., на извощика 3 к. Былъ въ квартерѣ нашей Александръ Гудовичъ, до которого отъ отца чрезъ прапорщика Арсеніева присланы писма, но со мною не видѣлъся.

6. Въ 12-мъ часу по полуночи одправлено водосвятіе на Невѣ, противъ зимняго дворца, у мѣста нарочно для того устроенного, где и полки квадратами были устроены, и когда водосвятіе окончалось, то по учиненню ракетою сигналу випалено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ 41 пушки, а послѣ на люду зъ 21 пушки поставленыхъ палено-жъ, а потомъ полки бѣглымъ огнемъ и знову зъ тихъ-же пушокъ, а послѣ полки, тако-жъ и третій разъ зъ оныхъ же пушокъ и полки випалили; и тако оная церемонія благополучно окончалась. Паничъ (П. Апостолъ) обѣдалъ у графа Савы Влади-

славича, а у мене обѣдалъ Іниховъ и принесъ мнѣ копію протоколу о Перегонѣ зъ Демковичами. Извощику даны 3.

7. Обѣдни слушали въ церквѣ св. апостола Андрея Первозванного на Василевскомъ острову и обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, купно зъ Новоторжцовымъ и Леонтьевымъ и ихъ женами. Потомъ былъ у сина полковника нашего старод. Івана Александровича Дурова и отъ него вышедъ, заходилъ къ Алексѣ, Славуевому брату. Послѣ пришелъ на квартеру уже поздно. На извощика розышлось 10 к. Отца Адама, що у преосвященного новгородского былъ (Зерникава?), поховано въ невскомъ монастырѣ.

8. Писаны писма одъ мене до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича въ Глуховъ и одправлены на ординарной почтѣ. На хлѣбъ французкій 8 к., на извощика 3 к.

9. Былъ рано у Петра Василевича, а послѣ въ коллегіи и зъ Кричевцемъ ходилъ по гостинному двору. Розышлось на розницю 11 к.

10. Грамоту открытую на Перегонъ закрѣпилъ государственный канцлеръ графъ Головкинъ. Сего числа пожегнались зъ преосвященнымъ епископомъ іркуцкимъ отцемъ Іннокентіемъ Нероновичемъ, у котораго до поздна гуляли, и уже въ 9-мъ часу по полдни пріехали въ домъ. Розышлось 12 к.

11. Отобралъ въ коллегіи грамоты 4, отворчатую на Перегонъ, да запечатанные до гетмана о опредѣленіи села на рангъ, о присягахъ и о селѣтрѣ, тако-жъ о томъ всемъ и до генерала Нарышкина три грамоты. Былъ рано у Александра Гудовича и у него обѣдалъ. Розышлось на розницю 17 к. Сторожу коллежскому 10 к. Сего числа посланы къ гетману и къ генералу Нарышкину на почтѣ грамоты о вистатченю 800 людей для рубки лѣсу и отведеню лѣсу въ полку чернѣговскомъ, албо о найму таковаго-жъ лѣсу у поляковъ.

12. Обѣдалъ у капитана гвардіи Івана Івановича Косогова и зъ нимъ простившись, былъ у другихъ зъ пожегнаніемъ (для прощанья). Былъ также и въ домѣ преосвященного новгородского за интересомъ пана Лисаневича, но ничего не получилъ. Вечеромъ былъ зъ п. Андр. Горленкомъ у духовника государини цесаревны, зъ нимъ и зъ другими того дому для пожегнаня, где въ квартерѣ слѣпого бандористы (Любистка) жестоко, при жегнаню, попили; тутъ-же былъ и Александръ Івановичъ Шуваловъ камеръ-юнкеръ.

13. Отобралъ въ коллегіи на пять ямскихъ подводъ прогоновъ до самого Глухова 18 руб. 15 коп., а о дачи зъ ямской канцеляріи подорожной на тые подводы послана въ ту канцелярію изъ коллегіи іностранной промеморія, токмо-жъ написано въ подорожной двойные прогоны и для того я нанялъ къ Москвѣ подводы двѣ пары за 7 р. 50 к. Далъ за труды Інихову 4 р., Стражеву 1 р., Борисову 1 р., Новоторжцову 2 р., салдатамъ коллежскимъ 1 р., сторожу коллежскому старому 20 к., салдату посиланному за подорожною 10 к., копіистамъ коллежскимъ на общину ихъ 1 р. Розышлось 5 к. Обѣдалъ сего числа у его сіят. графа Савы Владиславича, который приказалъ отослать мнѣ на дорогу 6 бутелокъ вина красного, да поланкерка водки, а самъ изъ своихъ рукъ пожаловалъ чаю фунтъ. Графъ Мойсей Івановичъ далъ мнѣ вексель въ Москву на 50 р., и потомъ я у оныхъ отобравши писма, пожегнался и отойшовши былъ въ разныхъ мѣстахъ для отобранія писемъ и пожегнаня, въ томъ числѣ и у Івана Юркевича оберсекретаря, долго въ ночь просидѣлъ. Хлопцю его 10 к.

14. Обѣдни слушалъ въ графской церквѣ, а послѣ обѣда одклонился Василію Вас. Степанову, въ которого домъ московскій пріобѣщалъ прислать куфу горѣлки, потомъ сидѣлъ не мало у Петра Василіевича.

15. Рано взялъ другую подорожную зъ коллегіи іностранной на проездъ, которую и послалъ чрезъ салдата коллежского въ полицію, которому дано 22 к. для запечатованя. Покуплено—голову цукру 75 к., чолки валеніи 1 р. 10 к., на золото и кистѣ до грамоты маліованя 75 к., за кусокъ арапа табаку для пана Івана Марковича 1 р., для егожъ картузногожъ табаку 1 р., папѣръ 70 к., да два папіры подлѣйшого 42 к., за мелничку для пана Скоропадского 1 р. 32 к., за два платки блакитные 90 к., за 500 оселедцовъ копченыхъ 50 к. Для покупки потребностей для дороги 2 р. Въ коллегіи со всѣми пожегнане учинивши, обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, а израна отклонился графу Головкину, въ вечеру же Петру Василіевичу, которому и поднесъ за труды 4 кубки срѣбные, а онъ мнѣ подарилъ кошулю (рубаху) колмицкую баранковъ бѣлыхъ. Радіону 50 к.

16. За поланкирка канарсенту 6 р., за два штофа гданской водки 3 р. Зоставилъ при писмѣ меморіалъ пану Горленку о дѣ-

лахъ, оставшихся въ коллегіи іностранной. Козмѣ Якимовичу вручилъ челобите пана Чернолуского и свой интересъ. Обѣдалъ у панича въ квартерѣ, а прежде обѣдания подписалисмо контрактъ. Послѣ, пожекгнавшись со всѣми, віехалъ въ 3-мъ часу по полудни и заездилъ къ Гудовичу, которому и писмо отъ себе вручилъ о доправцѣ 10 р. денегъ или 5 аршинъ сукна тонкого на адютанту семеновского полку Воейкову; потомъ заездили до отца Василія Щербацкого священника, что въ невскомъ монастырѣ, а отъ него прямо прибыли въ ямскую, гдѣ зъ паномъ А. Горленкомъ по доволныхъ розговорахъ пожекгналисъ и розехались въ полъ 8-го часа по полудни. Пану Грифскому позичилъ 2 р. При віездѣ зъ С. П. Бурской квартери Василю маляру, которій робилъ коло грамоты, да и обѣщалъ портретъ государыни, за роботу 1 р. Капралу коллежскому Пет. В. Соболеву 10 к., Дмитру хлопцю 20 к., Петру 10 к., молодикамъ Павла Івановича Апостола 40 к., на пиво въ ямской 3 к. Віехавши зъ ямской, прибыли до Іжоры въ началѣ 12-го часу, одтоль поехали въ полъ 4-го часа по полуночи о 30 верстъ.

17. Прибыли въ деревню Болотное, где спочивали, а одтуду въ деревню Чудово помѣщика Путилова въ 110 верстъ одъ Пітера, и тутъ ночовали; одтоль віехали по полуночи въ 3-мъ часу и прибыли

18. Въ исходѣ 7-го часа въ деревню Пудицу и тутъ обѣдали, о 25 верстъ отъ Соснинской пристаны и отъ ночлегу въ 34 версты; одтоль віехавши, прибыли въ 12 часу до Новгорода, о 45 верстъ, въ началѣ 5-го пополуднѣ, где на квартерѣ посѣщали мене Василій Федоровичъ Кудримонтовскій да отецъ Ефремъ. На пиво 3 к.

19. Былъ въ церквѣ соборной и видѣлъ тутъ лежащихъ нетленныхъ матку и сына князей фундаторовъ с. Софіи, той соборной церкви. Розышлось на розные покупки 98 к. Тамъ-же въ Новгородѣ пообѣдавши купно зъ Василемъ Федоровичемъ на моей квартерѣ, взялъ росписку у ямщиковъ и одехалъ одтоль по полдни во 2-мъ часу, а прибылъ въ Бронницы въ 4-мъ и тутъ стали на ночъ о 25 верстъ; тутъ-же на пиво и проч. 5 к. Одтоль въ 11-мъ часу передъ полуночю поехали и прибыли.

20. Въ концѣ 8 часа до яму Крестцовъ, о 63 версти, где и обѣдали; тутъ на хлѣбъ, пиво и проч. розышлось 30 к.; тутъ-же зехалися зъ княгинею Хованскою, которой служитель Іванъ Івановъ

Сафдюковъ далъ намъ карты, да тутъ перелили карнасентъ въ другое барилце не безъ убытку. Одтоль віехали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли на ночъ въ деревню Родвино помѣщика Лва Семіоновича Зіновіева, о 23 версты одъ Крестцовъ; тутъ въ Родвинѣ у крестятина Ефима Василіева куплено блюдцо и талѣрка цѣновые за 40 к. На хлѣбъ розыплось 3 к.

21. Въ 12 часу одтоль віехавши, прибыли въ 6-мъ по полуночи до Волдаи, о 36 верстъ, и тутъ обѣдали. На хлѣбъ и мясо пошло 13 к.; одтоль віехали въ 1-мъ часу по полдни и прибыли въ село Іодрово, о 24 версты, и тутъ ночовали; за постоялее дано 2 к.

22. Зъ Едрова віехавши въ 4 часу по полуночи, прибыли въ деревню Куженкину, о 27 верстъ, и тутъ обѣдали. Розыплось на пиво и проч. 6½ к. Одтоль віехали въ 11 часу и прибыли въ Вышный Волочокъ 5-го часа по полудни; тутъ ночовали, о 47 верстъ одъ попасу. Розыплось 6½ к.

23. Зъ Волочка въ 1-мъ часу по полуночи віехавши, прибыли на обѣдъ въ 8-мъ часу въ деревню Каменку князя Якова Василіевича Сибѣрского, о 47 верстъ; тутъ розыплось на мясо, квасъ и проч. 14 к. Одтоль віехавши въ исходѣ 12 часа, прибыли по полдни въ 5 часу до деревни Марвена князя Івана Алексіевича Долгорукова, о 41 версту отъ попасу обѣдного; тутъ розыплось на пиво и проч. 4 к.

24. Во 2-мъ часу віехавши зъ ночлегу, прибыли въ Тверь, о 38 верстъ, и тутъ обѣдали; тутъ-же розыплось на хлѣбъ и проч. 24½ к. Одтоль віехали въ 2 часу и прибыли до Городнѣ въ 5-мъ часу, о 31 версту, и тутъ ночовали. Розыплось 3 к.

25. Въ 12 часу ночи віехавши зъ Городнѣ, прибыли до Клину въ полъ 8 часа по полуночи, о 55 верстъ; тутъ на мясо 14 к., тутъ-же обѣдалъ я у воеводы здешного Глѣба Прокофіевича Родищева, одъ которого и писмо къ брату его Афанасію Прокофіевичу въ Глуховъ отобралъ, такожъ и чолки валеные; жена оного воеводы именемъ Назаріевна. На пиво 2½ к. Зъ Клину віехавши въ 2 часу по полудни, прибыли до Пешокъ въ полъ 6-го часа, за 31 версту.

26. Въ исходѣ 1-го часа по полуночи віехавъ зъ Пешокъ, прибыли до Чорной въ полпята часа, о 25 верстъ. Тутъ розыплось 4 к. Одтоль віехавши въ 8-мъ часу, прибыли въ Москву въ исходѣ 11 часа, и тутъ сталъ я квартерою на Мясницкой, [illegible]

логодского и каширского архіерея, преосвященного Веніамина Сахновского; тутъ-же засталъ отца Іова, который былъ діакономъ при покойномъ Кролику. Ездилъ въ домъ графа Савы Владиславича, отдалъ писмо и ключѣ зъ С. И. Бурха присланные до Линда, потомъ былъ въ монастырѣ Богоявленскомъ у грека Савы Петровича и отобралъ у него по векселю графа Мойсея Івановича Владиславича 50 руб. денегъ. Отъ него ездилъ до купчина Дементія Прохоровича и до невѣстки полковничей Катерины Андреевны въ домъ полковничій-же, за Пречистенскіми вороты, у Іліи Обыденного будущій. На извощика пошло 4 к., Алексію дано 4 к., цилюрику 4 к. Зъ извощиками, нанятыми изъ С. И. Бурха, росплатка учинена, на которыхъ пошло всѣхъ денегъ 7 р. 85 к.

27. Рано ездилъ до Уріила подканцеляриста и зъ нимъ пріехавъ въ коллегію; тутъ кланявся ассесору Семену Івановичу и писмо подалъ секретарю Івану Тимофіевичу Аврамову отъ Новоторжцова. Писана въ Ямскую промеморія о видачи мнѣ на двѣ почтовыя, а подъ люде на 3 ямскія подводы. На извощика пошло 6½ к. Подячему Емской канцеляріи 8 к., Миколаю Евдокимову 1 р. Куплены три футра, завойковое и шлямовое, лисіи да попеличое, дано за оные 36 р. Куплены 12 талѣрокъ, 8 полумисковъ (а до нихъ придано двѣ талѣрки старыхъ и полумисочокъ въ замѣнъ, и въ нихъ вѣсу пудъ, а въ придаточныхъ было 4⅞ фунта), дано за то 7 р. 48 к. За двѣ штучки івановского полотна 2 р. 6 к., за полотна сѣтчаного 30 аршинъ 90 к., за штуку полотна ровного 98½ коп. За осятра въ полтора пуда 1 р. 35 к. За двое дверецъ желѣзныхъ до печей 90 к., за заслонку желѣзную 45 к., за 17 фунтовъ каваряу 1 р. 36 к.

28. Обѣдалъ у полковника Василія Степановича Батурина, где и зъ сыномъ его Сергіемъ, салдатомъ ізмайловского полку, розговаривали по латинѣ; тутъ же обѣдалъ съ нимъ и сѣвчанинъ Іванъ Івановъ Драній. На извощиковъ пошло 15 к. Вечерялъ у графа Ефима Івановича Владиславича, купно зъ Николаемъ Павловичемъ Кристичемъ, и позабавилися разными розговорами до 12-го часа.

29. Куплены сани зъ козиркомъ, дугою и оглоблями за 5 р., за дровни подъ коляску дано 30 к., извощикамъ 26 к. Взялъ писмо у Николая Павловича заимное Трусевичево о доправкѣ на немъ десяти рублевъ. Вчера занялъ денегъ 30 р. у Савы Петровича

Діахра грека. За стонжки и тясму до шабли 2 р. 71 к., за цвѣтную тріодь 90 к., на росходъ харчевый и дрова и проч. розыпилось 1 р. 50 к. Алексію до росчоту за службу его дано 4 р., за кошелки $2^1/_2$ к. Павелъ Якимовичъ Якумопло далъ мнѣ на дорогу сыра, закусокъ и чотиры рубли денегъ. За канчукъ $5^1/_2$ к. Писалъ писма до пана Горленка и до Козми Якимовича въ Санктъ-Пітербурхъ и отправилъ оные на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За пудъ мила 1 р. 40 к., за 3 золотники кокцинелли 20 к., за 25 аршинъ цвѣлиху пасистого 2 р. 50 к. Ввечеру былъ у ассесора Семена Івановича и отобралъ у него писмо къ ясневелможному.

30. Салдатамъ, що привели почту, дано 15 к., за двѣ жестянки табаку 80 к., извощикамъ 12 к. Бувъ у генералши Фаминциной Софіи Казимировны и видѣлъся зъ дѣтми ея Андреемъ Юревичемъ и Евдокіею Юревною въ домѣ ихъ за Пречистенскими вороты; бувъ же и у отца Мины Григоріевича, ключара успенского, который мнѣ и полсіомти подарилъ; у него же видѣлъся зъ секретаремъ Семеномъ Перфиліевымъ и бывшимъ генерала Кортчина адютантомъ Іваномъ Даниловымъ Докторовымъ. За пиво на дорогѣ 20 к., за тюмъ китаю 7 р., за двѣ куницы 3 р. Сего числа віехалъ изъ Москви на почтѣ и переехалъ до свѣта три станы почтовые.

31. Свѣтомъ зъ Ликова, где станъ почтовый, выехавъ, прибылъ до Добрыхъ, а одтоль до Калуги; зъ Калуги около вечерень віехавъ и обехавъ обозъ пана Полуботка, пріехалъ ночю Лихвинъ и прибылъ свѣтомъ до Беліова.

Февраль.

1. Зъ Беліова рано віехавъ, прибылъ около полдня до Болхова; одтоль, ради того, что пяный случился почтарь и что стала быть метель, принужденъ, заехавши въ сторону до села Локны помѣщиковъ графа Платона Мусина Пушкина и князя Григорія Волконского, тутъ ночовать, и уже одтоль

2. Свѣтомъ віехавъ, прибылъ до Глотова, а одтоль до Карачева въ 12-мъ часу пополдни; тутъ розышлось 4 к. Зъ Карачева въ началѣ 3-го часа выехавъ, прибылъ до Сомова смеркомъ, а одтоль до Часпки, и тутъ ради метелици принужденъ ночовать.

3. Зъ Часпки въ 6-мъ часу пополуночи прибылъ на почту Любошскую въ 2-мъ часу по полдни, а одтоль до Сѣвска въ 8-мъ

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Октябрь

1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1884 г.

ПОДПИСКА
на ежемѣсячный историческій
журналъ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1884-й годъ.
(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія, наши постоянные читатели могли удостовѣряться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безъуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстраго мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10** руб., на мѣстѣ **8** р. **50** к. На заграничную пересылку прибавляется **1** р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ОКТЯБРЬ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го сентября 1884 года.

Кириллъ Терлецкій,

епископъ луцкій и острожскій † 1607 г.

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ Малороссіи въ XVII столѣтіи весьма немногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патріархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Высшія духовныя лица, кіевскій митрополитъ и черниговскій архіепископъ, дорожили его расположеніемъ. Ученые иностранцы являлись къ нему съ поклономъ или вступали съ нимъ въ дѣловую переписку. Безъ преувеличенія, Гизель долгое время былъ въ Малороссіи духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Историкъ южно-русской церкви и историкъ южно-русской литературы съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на Гизелѣ, первый, потому что Гизель участвовалъ во многихъ важныхъ церковныхъ событіяхъ XVII столѣтія, второй потому, что «Синопсисъ» Гизеля имѣлъ вліяніе на развитіе русской исторіографіи, потому еще, что въ «Мирѣ» Гизеля до нѣкоторой степени обнаруживаются умонастроеніе и нравственный характеръ эпохи.

Гизель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ нашей исторіи иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, отдали ей весь свой умственный трудъ, всю свою энергію посвятили на пользу своего новаго отечества. Въ Малороссіи въ XVII ст. было два такихъ иностранца, Иннокентій Гизель и Адамъ Зерникавъ; оба нѣмцы, оба приняли православіе, и тотъ и другой писали въ защиту православія.

Иннокентій Гизель родился въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ-же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онъ пришелъ въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гизеля въ Украйну, что побудило его принять православіе, когда произошла перемѣна вѣроисповѣданія,—все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Молодость Гизеля покрыта такимъ-же густымъ мракомъ неизвѣстности, какъ молодость знаменитыхъ его современниковъ, Барановича и Галятовскаго. Гизеля могла привести въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямыхъ его послѣдователей и исповѣдниковъ, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Россіи, исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантскими оттѣнками. Могъ Гизель явиться въ Украйну, какъ простой, мирный поселенецъ. Что нѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII ст., доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго нѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія-бы однако обстоятельства ни привели Гизеля въ Малороссію, для Малороссіи человѣкъ этотъ оказался дорогимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ слился душей съ пріютившимъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить своему новому отечеству честно и усердно.

Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Неизвѣстныя намъ обстоятельства, а можетъ быть личныя наклонности и душевныя свойства Гизеля привели его на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впослѣдствіи столь славную извѣстность: онъ принялъ монашество, получивъ, вѣроятно, при этомъ имя Иннокентія, вмѣсто имени, полученнаго при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ, и пошелъ въ науку.

Особеннымъ счастьемъ для Гизеля было то, что онъ пришелъ въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-умственнаго ея возбужденія и когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Петръ Могила, сперва печерскій архиман-

хритъ, потомъ кіевскій митрополитъ. Имѣя въ виду учредить въ Кіевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, Петръ Могила избралъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей и послалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Иннокентій Гизель, на что имѣется цѣнное документальное указаніе. Гавріилъ Домецкій, который самъ учился въ кіево-братскомъ училищѣ, въ концѣ семнадцатаго вѣка писалъ къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разные государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель». Неизвѣстно, кто были товарищи Гизеля по заграничному путешествію; митрополитъ Макарій полагаетъ, довольно гадательно, что, кромѣ Гизеля, за границу были отправлены Софроній Почаскій, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ и Іосифъ Кононовичъ Горбацкій [1]). Это были «люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искусные въ знаніи свободныхъ наукъ и благочестивые», какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ Исаія Копинскій, со всѣмъ духовенствомъ, въ своемъ письменномъ удостовѣреніи отъ 5 января 1632 г. Неизвѣстно, въ какихъ заграничныхъ университетахъ учился Гизель, сколько времени онъ провелъ на западѣ и какія познанія вынесъ отсюда [2]). По его «Синопсису», въ которомъ онъ обнаружилъ наклонность къ дѣятельности исторіографа, и «Миру», въ которомъ онъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ христіанина, можно заключать, что Гизель, кромѣ богословія, слушалъ за границей исторію и юриспруденцію. Понятно, что пройденная имъ въ молодости школа по тому времени не могла быть иною, какъ только схоластическою, и Гизель во всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ нея доктринерства, формализма, неумѣренной наклонности къ мелочнымъ де-

[1]) Макарій, Ист. рус. ц., т. XI, стр. 409.

[2]) Св. Димитрій Ростовскій замѣтилъ въ своей «Пирамидѣ», что Гизель учился «въ разныхъ школахъ, до которыхъ и черезъ моря путешествовалъ». (Сочин. III. 626). Можно думать, что Гизель былъ въ Англіи.

финиціямъ. Весьма возможно, что схоластическая западно-европейская школа, гдѣ преобладало полемическое богословіе, содѣйствовала развитію въ Гизелѣ наклонности къ бранной и рѣзкой полемикѣ. Если однимъ южно-русскимъ ученымъ, напримѣръ, скромному Барановичу, не нравилась рѣзкость полемическаго тона и діалектическій задоръ Гизеля, то другимъ, напр., Петру Могилѣ, эти свойства Гизеля пришлись по вкусу. Самъ Петръ Могила любилъ сильное и крѣпкое слово въ спорѣ съ латино-уніатами, любилъ выбранить своего противника по вѣрѣ «дурнемъ» или «толстобрюхимъ», какъ видно изъ его «Лиѳоса». Петръ Могила оцѣнилъ въ Иннокентіѣ Гизелѣ его богословскія познанія, его литературную бойкость, его ревность о православіи и предоставилъ ему мѣсто сначала учителя, потомъ профессора, наконецъ ректора коллегіи. Въ званіи ректора кіевской коллегіи Гизель долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ ученой борьбѣ съ католиками и уніатами. Еще при жизни Петра Могилы іезуитъ Николай Циховичъ вызвалъ Гизеля на публичныя религіозныя пренія, которыя продолжались три дня [1]). Во время кончины Петра Могилы и избранія Сильвестра Коссова въ кіевскіе митрополиты, т. е. въ началѣ 1647 г., Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ братскаго монастыря и ректоромъ кіевской коллегіи, какъ видно изъ его подписи подъ актомъ избранія митрополита Сильвестра Коссова [2]). Петръ Могила передъ кончиной своей смотрѣлъ на Гизеля, какъ на главнаго покровителя коллегіи и не задолго до смерти поручилъ ему употребить всѣ старанія на улучшеніе этого дорогаго учрежденія. Гизель свято исполнялъ завѣтъ своего знаменитаго покровителя. Онъ пользовался всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы поднять значеніе коллегіи въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Такъ, онъ привлекъ въ число ея преподавателей талантливаго Барановича; при немъ здѣсь учились Галятовскій, Славинецкій, Сатановскій, вѣроятно, Симеонъ Полоцкій. Въ 1649 г. царь вызвалъ на службу въ Москву ученыхъ кіевскихъ иноковъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. По этому поводу Гизель писалъ царю 8 іюня 1649 г.: «По желанію нашему приличное время

---

[1]) Страдомскій, «Лазарь Барановичъ» въ Ж. М. Н. Пр., т. LXXV, стр. 55.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, II. 346.

обрѣтаемъ, егда царское ваше величество отъ нашего собора учителей себѣ на богоугодную службу призываетъ». Онъ писалъ царю, что на содержаніе коллегіи средства давалъ сначала ея учредитель Петръ Могила, а послѣ его смерти нѣкоторые благородные и благочестивые люди; такъ какъ во время начавшихся войнъ Хмельницкаго одни благотворители были убиты, другіе обѣднѣли, то братія братскаго монастыря обращается къ общему благодѣтелю царю съ просьбой о помощи [1]). Такъ началъ свои сношенія съ Москвой Гизель; впослѣдствіи эти сношенія были очень часты, по разнымъ поводамъ, монастырско-хозяйственнымъ и политическимъ. Близкое знакомство Гизеля съ царемъ произошло въ іюлѣ 1654 г. Въ этомъ году Гизель состоялъ игуменомъ никольскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утвержденіи правъ привилегій, данныхъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отъ польскихъ королей. Онъ представилъ царю грамоты митрополита Сильвестра Коссова, печерскаго архимандрита Іосифа Тризны, черниговскаго епископа Зосимы Прокоповича, игумена кіево-архангельскаго златоверхаго монастыря Ѳеодосія Василевича, намѣстника кіевскаго братскаго монастыря Ѳеодосія Софоновича, съ рекомендательными и одобрительными письмами Богдана Хмельницкаго и Ив. Выговскаго. Въ грамотахъ заключались большею частью просьбы объ утвержденіи правъ на маетности, о выдачѣ жалованья, иконъ, ризъ, книгъ. Эта высокая миссія Гизеля показываетъ, какимъ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ онъ пользовался среди малорусскаго духовенства. Что гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральный писарь Выговскій также съ большимъ уваженіемъ относились къ никольскому игумену, видно изъ данныхъ ими Гизелю одобрительныхъ грамотъ: «Пречестный господинъ отецъ Иннокентій Кгизель, писалъ Богданъ Хмельницкій царю, игуменъ никольскій, бывши учителемъ монастыря братскаго училищъ кіевскихъ, послужилъ много церкви Божіей ученіемъ и за вѣру много пострадалъ, и много имѣнія монастырскаго ляхи и литва разграбили» [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III., № 323.

[2]) Акты южной и западной Россіи, X., 717, 755, 736.

Въ чемъ состояли главныя желанія малорусскаго духовенства и его уполномоченнаго Гизеля, видно изъ статей, которыя представилъ Гизель царю отъ имени митрополита Сильвестра. Въ статьяхъ излагались просьбы: 1) чтобы государь изволилъ утвердить вольности и привиллегіи малорусскаго духовенства, дарованныя великими князьями кіевскими и польскими королями; 2) чтобы малорусское духовенство не было отдалено отъ послушанія константинопольскому патріарху; 3) чтобы кіевскій митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и міряпъ, и чтобы московскихъ духовныхъ на ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не присылалъ; 4) чтобы признано было за кіевскимъ митрополитомъ право безапелляціоннаго суда надъ духовными лицами и виноватое духовенство не отсылалось въ Великороссію; 5) чтобы православные въ Литвѣ и на Волыни свободно могли сноситься съ кіевскимъ митрополитомъ, какъ своимъ пастыремъ; 6) чтобы церквамъ и монастырямъ были возвращены неправильно отнятыя у нихъ имѣнія и въ замѣнъ имѣній, оставшихся въ Литвѣ и на Волыни, даны были другія имѣнія вблизи Кіева; 7) чтобы никого изъ малорусскихъ духовныхъ лицъ насильно не тягали въ Москву, а если кому изъ нихъ случится по дѣламъ быть въ Великороссіи, то чтобы они не были тамъ задерживаемы.

Представляя государю всѣ эти статьи въ русскомъ станѣ подъ Смоленскомъ, Гизель говорилъ: «кіевскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ вашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, но найболѣе о первой вольности, которая служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи нашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, до котораго насъ и право Божіе чрезъ св. ап. Андрея и каноны св. отецъ прилучили и совокупили»...

Московскому правительству именно эта «первая» вольность малорусскаго духовенства особенно не нравилась. Вполнѣ забрать въ руки малорусское духовенство, устранить малорусскія особенности религіознаго быта можно было не иначе, какъ перешагнувъ или ниспровергнувъ эту «первую» вольность. Малорусское посольство предстало передъ царемъ въ іюлѣ 1654 г.; но уже въ

мартѣ этого года царемъ было объявлено роковое для малорусскаго духовенства рѣшеніе: «а митрополиту кіевскому, так же и инымъ духовнымъ Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго» [1]. Практическое осуществленіе этого рѣшенія было лишь вопросомъ времени; московское правительство могло его отложить до поры до времени, но не могло и не хотѣло отмѣнить: этого требовалъ самый ходъ церковно-историческихъ событій, это истекало изъ всего политическаго строя московскаго государства. Для московскихъ людей XVII ст. просьба малороссіянъ о сохраненіи вольностей должна была звучать очень странно, и самое слово «вольность» должно было представляться чѣмъ то еретическимъ.

Посольство малорусское къ царю не имѣло успѣха. Главныя статьи были отклонены. Царь обѣщалъ Гизелю обсудить ихъ, по возвращеніи въ Москву. Кіевскому воеводѣ была послана царская грамота, чтобы онъ не вступалъ въ духовныя дѣла. Государь пожаловалъ Гизеля и вмѣстѣ съ нимъ прибывшаго подъ Смоленскъ Климентія Старушича (игумена выдубицкаго монастыря) соболями и деньгами. Кромѣ того, съ Гизелемъ отправлены были въ Кіевъ митрополиту Сильвестру сорокъ соболей во сто рублей, епископу Зосимѣ и печерскому архимандриту Іосифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхо-михайловскій и выдубицкій на церковное строеніе по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый [2]).

Въ 1656 году Иннокентій Гизель получилъ высокій санъ архимандрита кіево-печерской лавры,[3]) въ которомъ пробылъ двадцать семь лѣтъ, до самой своей кончины. Печерская лавра, какъ ставропигія константинопольскаго патріарха, не зависѣла отъ кіевскаго митрополита; ея настоятель былъ властнымъ, вліятельнымъ, ни отъ кого въ Малороссіи независимымъ лицомъ; въ его рукахъ находились громадныя монастырскія маетности; печерскій архимандритъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ церковныхъ событіяхъ въ Малороссіи. Московское и польское правительства одинаково соз-

---

[1]) Макарій. Ист. рус. ц., т. XII, стр. 83.

[2]) Тамъ-же., т. XII, стр. 82.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи. II. 346.

навали его нравственную силу въ краѣ и въ смутныя эпохи склоняли его на свою сторону посылкой тайныхъ агентовъ или подарками, причемъ успѣхъ имѣло лишь правительство московское. На высокій постъ печерскаго архимандрита возводились люди всегда достойные, соединявшіе благочестіе съ образованностью. Необходимость серіознаго научнаго и литературнаго развитія печерскаго архимандрита обусловливалась тѣмъ, что ему часто приходилось вести литературную борьбу съ католиками и уніатами, давать одобреніе и разрѣшеніе на печатаніе въ лаврской типографіи книгъ, послѣ предварительнаго просмотра рукописи, удовлетворять любознательности пріѣзжавшихъ въ Кіевъ ученыхъ иностранцевъ. При избраніи архимандрита печерскаго имѣли также въ виду, чтобы кандидатъ на это высокое званіе былъ человѣкъ дѣятельный, хозяйственный, расчетливый, съ яснымъ практическимъ умомъ, такъ какъ только такой человѣкъ могъ достаточно хорошо завѣдывать обширнымъ лаврскимъ имуществомъ и отстаивать его неприкосновенность отъ многочисленныхъ сосѣдей. Всѣми этими качествами Гизель обладалъ вполнѣ. Это былъ человѣкъ умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный». Онъ могъ выдержать ученый диспутъ съ католиками, могъ составить богословское полемическое сочиненіе. Кромѣ того, это былъ человѣкъ яснаго практическаго ума. Свободный отъ унизительнаго корыстолюбія, ни разу не обнаруживъ желанія захватить чужую собственность, какъ-бы плохо она ни лежала на лаврскихъ земельныхъ границахъ, Гизель твердо и энергично отстаивалъ неприкосновенность и цѣлость лаврскихъ мастностей и отстаивалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сносился непосредственно съ царемъ и съумѣлъ обратить его вниманіе и благотворительность на лавру.

Въ XVII и отчасти въ XVIII ст. печерская архимандрія считалась ближайшей ступенью къ кіевской митрополичьей каѳедрѣ. Многіе печерскіе архимандриты удостоены были званія митрополита кіевскаго; напримѣръ, Петръ Могила, Варлаамъ Ясинскій, Іосифъ Кроковскій, Тимоѳей Щербацкій. Черезъ годъ послѣ избранія Гизеля архимандритомъ печерской лавры, онъ выставленъ былъ кіевскимъ духовенствомъ, какъ самый достойный кандидатъ на мѣсто кіевскаго митрополита, послѣ смерти Сильвестра Коссова. Заявляя объ этомъ царскому послу Кикину, кіевское духовенство высказа-

лось въ томъ смыслѣ, чтобы Гизель, по избраніи, былъ рукоположенъ московскимъ патріархомъ и состоялъ подъ властью послѣдняго. Трудно судить, насколько искренно было послѣднее заявленіе. Подъ Смоленскомъ въ 1654 г., въ Кіевѣ въ 1666 г., вообще неоднократно Гизель выражалъ свое и всего духовенства желаніе остаться въ зависимости исключительно отъ константинопольскаго патріарха. Какъ-бы ни было, 18 ноября 1657 г. состоялся предварительный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для избранія митрополита. На съѣздъ прибылъ только-что избранный въ гетманы Выговскій, затѣмъ черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, виленскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, черниговскій архимандритъ Іосифъ Мещериновъ и намѣстники львовскаго и перемышльскаго епископовъ. На съѣздѣ не было многихъ духовныхъ лицъ, не было епископовъ,—Арсенія Желиборскаго, Діонисія Балабана, ни самаго Гизеля, не было ни одного кіевскаго архимандрита, ни одного кіевскаго игумена. Не явились на съѣздъ и царскіе воеводы. По мнѣнію митрополита Макарія, кіевское духовенство потому уклонилось отъ участія въ съѣздѣ, что не разсчитывало на избраніе въ митрополиты Гизеля [1]). На съѣздѣ выбирали на кіевскую митрополію Діонисія Балабана, Іосифа Тукальскаго и Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до 6 декабря. Весьма возможно, что Гизель самъ не пожелалъ конкуррировать съ малорусскими іерархами въ достиженіе митрополичьяго сана и добровольно уклонился отъ избранія на постъ митрополита, чтобы сохранить расположеніе духовенства и правительства. Ему нельзя было не видѣть, какъ съ одной стороны все южно-русское духовенство усиливалось остаться подъ духовнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха и какъ съ другой правительство московское неуклонно стремилось къ подчиненію малорусскаго духовенства московскому патріарху, и ничего нѣтъ удивительнаго, если Гизель не пожелалъ попасть между наковальней и молотомъ и благоразумно предпочелъ ограничиться печерской архимандріей, которая въ матеріальномъ отношеніи была лучше обставлена, чѣмъ самая митрополія. На съѣздѣ 6 декабря въ кіевскіе митрополиты избранъ былъ луцкій епископъ Діонисій Балабанъ.

---

[1]) Макарій, Ист. рус. ц., т. XII, стр. 541.

Что Гизель добровольно могъ уклониться отъ кандидатуры въ митрополиты, на это указываетъ еще и то, что онъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ Барановичемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ созваніи съѣздовъ, а при избраніи митрополитомъ Діонисія не сталъ въ враждебныя или холодныя отношенія и къ этому послѣднему, чего не могло-бы случиться, если-бы Гизель имѣлъ серьезныя домогательства занять митрополичій столъ и былъ кѣмъ либо отстраненъ отъ того, на что онъ имѣлъ весьма солидное право по своему іерархическому положенію и образовательному цензу.

Новоизбранный митрополитъ Діонисій скоро оставилъ Кіевъ, передавшись вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ Польшѣ, по гадяцкому договору. Какъ извѣстно, договоръ этотъ сулилъ Малороссіи великія и богатыя милости: свободу вѣроисповѣданія, свободу печати, административную и политическую автономію. Осторожный и благоразумный Гизель не повѣрилъ широкимъ польскимъ обѣщаніямъ. «Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, писалъ кіевскій воевода къ царю, тебѣ, великому государю, служитъ вѣрно, и гетману и полковникамъ говоритъ, не боясь отъ нихъ ничего». Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ въ письмѣ своемъ отъ 25 мая 1659 г. къ боярину князю А. Н. Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщалъ его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ (игуменъ слуцкій) и протопопы нѣкоторые до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на нечестивое сборище. Только отецъ Гизель, игуменъ межигорскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старушичъ, игуменъ выдубицкій, непоколебимо стоятъ; а отецъ Барановичъ тако-жъ въ печерскомъ монастырѣ немощенъ» [1].

Не смотря на очевидную готовность Гизеля служить московскому государству, его обитель и принадлежавшія ей обширныя маетности много страдали отъ великорусскихъ ратныхъ людей. Стоявшее въ г. Кіевѣ и Малороссіи московское войско поступало здѣсь какъ-бы въ непріятельской странѣ: недостатокъ дисциплины и крайняя бѣдность влекли его къ грабежу и кражамъ, а отъ нихъ доставалось нерѣдко и управляемой Гизелемъ обители печерской.

---

[1]) Макарій. Ист. рус. ц., т. XII. стр. 553.

«Обидъ и насилій нашихъ, писалъ Гизель 16 іюня 1661 г. къ царю, яже ратные люди кіевскіе разными времяны обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе прежде вотчины и хуторы пресвятой Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены, тайны святыя съ сосудовъ пометаны, священники обнажены, иноки за вию связаны, біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и пожитковъ своихъ разорены, а иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены, прочіи-же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ больницѣ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2400 рублевъ рещи смѣемъ, сильно потравлены, кромѣ запасовъ съ нашего мѣстечка поиманы. Отселѣ намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинятъ, и по нашему челобитью ихъ не наказуютъ и управы святой не чинятъ»[1].

И тѣмъ не менѣе Гизель искренно и усердно служилъ интересамъ московскаго государства и былъ вѣренъ царю. Своимъ авторитетнымъ словомъ онъ склонялъ малороссіянъ на сторону Москвы, упрашивалъ и убѣждалъ самаго Дорошенка «не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ, и уговаривалъ его покориться православному монарху московскому»[2]. Когда московскія войска терпѣли недостатокъ въ провіантѣ или долгое время не получали жалованья, что случалось нерѣдко и доводило ратныхъ людей до нищенскаго состоянія, Гизель оказывалъ имъ пособіе или давалъ взаймы деньги царскимъ воеводамъ, которыя потомъ уплачивались царской казной[3]. При благопріятномъ случаѣ, Гизель оберегалъ честь и доброе имя Москвы. Такъ въ 1669 г. онъ, по просьбѣ царя, выслалъ въ Москву пасквиль, составленный въ Польшѣ на московское государство. Вручая пасквиль подъячему Максиму Алексѣеву для доставки въ Москву, онъ не сказалъ ему, что это за книга, чтобы, какъ онъ писалъ въ Москву, «о той книгѣ не было явно». Когда по этому дѣлу пріѣхалъ въ Кіевъ подъячій Михаилъ Савинъ.

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, № 69.

[2]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 15.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, № 119.

то Гизель сказалъ ему, что онъ давно хотѣлъ отослать пасквиль къ царю, но не посмѣлъ отправить, чтобы въ Москвѣ его, Гизеля, не сочли авторомъ пасквиля [1]). Гизель увѣдомлялъ московское правительство объ интригахъ поляковъ, отсылалъ въ Москву польскіе «прелестные» листы, знакомилъ царя и воеводъ съ внутреннимъ состояніемъ Малороссіи.

Расположеніе къ Москвѣ вліятельнаго и популярнаго Иннокентія Гизеля имѣло большое значеніе, и наиболѣе опытные московскіе политики понимали это значеніе и старались закрѣпить московскія симпатіи печерскаго архимандрита царскимъ жалованьемъ. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину въ 1667 г., что печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было-бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ; также-бы отписать и къ прочимъ игуменамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что черезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласное и развратное» [2]).

Но услужливость Гизеля Москвѣ имѣла строго опредѣленныя границы. Она кончалась тамъ, гдѣ начинались крупные малорусскіе національные интересы. Въ сохраненіи вольностей малорусскаго духовенства Гизель былъ твердъ. Въ 1666 г. онъ рѣшительно заявилъ московскому послу Іонѣ Леонтьевичу, что, въ случаѣ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ великоросса, о чемъ просилъ въ Москвѣ гетманъ Брюховецкій, онъ, собравъ старцевъ, запрется въ монастырѣ [3]). Въ томъ-же году, 3 мая, въ печерской лаврѣ былъ обѣдъ; обѣдали московскій посолъ Фроловъ, епископъ Меѳодій, Иннокентій Гизель, много другихъ духовныхъ лицъ, кіевскій полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда пошли въ архимандричью келью и здѣсь пили здоровье бояръ и окольничьихъ. На предложеніе Фролова выпить за здоровье гетмана, духовенство крикнуло: «онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ; бывши въ Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ быть москов-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 39.

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XII, стр. 17.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, № 147.

скому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ-бы невѣрными» [1]).

Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю опредѣлялось степенью услужливости послѣдняго. Въ Москвѣ знали, что Гизель вовсе не расположенъ подчиняться московскому патріарху, знали, что онъ не продастъ малорусскія вольности ни за какія сорокя соболей, и потому не совсѣмъ ему довѣряли и не выдвигали его на первое іерархическое мѣсто въ Малороссіи, кіевскую митрополію. Московское правительство не могло однако не цѣнить въ лицѣ Гизеля своего полезнаго и вліятельнаго сторонника. Гизель получалъ большія награды и подарки отъ царя. Такъ въ 1669 г. царь присылалъ печерской лаврѣ черезъ боярина Козловскаго пять сороковъ соболей и пятьсотъ червонныхъ золотыхъ [2]). Московское правительство обѣщало Гизелю безопасное убѣжище, въ случаѣ турецкаго нашествія. Такъ въ августѣ 1674 г. Гизель просилъ царя позволить ему, въ случаѣ турецкаго нападенія на Кіевъ, перевезти лаврскія драгоцѣнности въ Путивль или въ другое безопасное мѣсто, по указанію царя. Въ отвѣтной грамотѣ царь разрѣшилъ перевезти лаврское золото и серебро, въ случаѣ турецкаго нашествія, изъ печерскаго монастыря въ г. Кіевъ. Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому былъ посланъ при этомъ приказъ «печерскаго архимандрита принять съ учтивостью» [3]). Повидимому, печерскій архимандритъ разсчитывалъ, что царь дастъ лаврѣ одинъ изъ близкихъ къ малорусской границѣ великорусскихъ монастырей. 8 марта 1680 г. Гизель отправилъ въ Москву посольство изъ старцевъ Пансія, Варлаама Ясинскаго и писаря Ивана Армашенка съ просьбой къ царю пожаловать лаврѣ какой-либо монастырь въ Брянскѣ или въ Трубчевскѣ, гдѣ-бы печерскій архимандритъ могъ-бы поселиться, въ случаѣ непріятельскаго нашествія [4]). Въ 1681 г. царь Өеодоръ Алексѣевичъ почтилъ Гизеля тѣмъ, что выслалъ ему въ подарокъ «Обѣдъ душевный», книгу Симеона Полоцкаго, которая одновременно была послана гетману

---

[1]) Соловьевъ, т. XI, стр. 216; Акты южн. и запад. Россіи, т. VI, № 103.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 71.

[3]) Тамъ-же, т. XI, № 169.

[4]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малор. дѣла, связка 52.

Самойловичу, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому [1]. Послѣ смерти царя Өеодора, молодые цари Іоаннъ и Петръ (вѣрнѣе, правительница царевна Софья) были благосклонны къ Гизелю. Такъ, въ 1683 г. они выслали въ кіево-печерскую лавру священныя одежды, чтобы здѣсь поминали царя Өеодора, и Гизель въ письмѣ отъ 20 августа 1683 г. благодарилъ царей за ихъ подарокъ лаврѣ [2].

Былъ открытымъ сторонникомъ Москвы, хотя въ извѣстныхъ границахъ, и пользуясь ея расположеніемъ, Гизель тѣмъ самымъ затруднялъ и усложнялъ свои мѣстныя отношенія къ выдающимся лицамъ малорусской старшины и духовенства, но поддерживалъ оныя, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ достоинствомъ и искусствомъ.

Къ несчастному митрополиту Іосифу Тукальскому Гизель питалъ дружеское расположеніе и во мѣрѣ своихъ силъ поддерживалъ его. «Изъ давнихъ лѣтъ мнѣ и всѣмъ есть се достовѣрно, писалъ Гизель къ царю 20 марта 1669 г., что преосвященный Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, иже отъ православныхъ прежде лѣтъ пяти въ архіепископа и митрополита кіевскаго избранъ, а сего году святѣйшимъ Меөодіемъ, патріархомъ константинопольскимъ присланною сакрою и экзаршествомъ благословенъ, мужъ мудрый, благочестивый, во всемъ искусный, православія преславный ревнитель, вѣры святыя восточныя столбъ непоколебимый, вашему же ц.-п. величеству отъ всего сердца временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель и работати вѣчно доброхотенъ... А преосвященнаго митрополита Іосифа за его ревность ко православію и весь чинъ здѣшній благоволитъ... Никому онъ ни въ чемъ не виноватъ, развѣ что твердый охраненія православія тщатель; во всемъ-бо своемъ вѣку за сіе до-нынѣ гонимъ бывалъ много отъ иновѣрныхъ и враждою Тетериною страдалъ, отъ престола своего епископіи бѣлорусской и отъ прочихъ монастырей православныхъ, аще и привилія на нь отъ королевскаго величества имѣлъ, отторженъ безъ вины, и его монастыри и церкви на унію и римскую вѣру насиліемъ взяты и на самого тяжкія грозы были и для чего здѣ на Украйнѣ, идѣ-же еще православіе не искоренилось, отъѣхати понужденъ, и

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малорос. д., связка 56 и 57.

[2]) Тамъ-же, связка 60.

не согласуя инымъ на унію соизволяющимъ за тѣсноту... Достовѣрно-бо есть намъ его по Бозѣ житіе и надѣемся, что и тѣмъ козаки шатости и съ турки соединятися не похотятъ, егда сей митрополитъ въ Кіевѣ по своему сану сидѣть будетъ, который и вашему царскому величеству не безпотребенъ обрящется: зѣло-бо мужъ сей въ ученіяхъ и подвигахъ изъ древнихъ лѣтъ честенъ и знаемъ, во всякихъ гоненіяхъ и иновѣрныхъ нравахъ искусенъ и разсудителенъ» [1]. О любви Гизеля къ Тукальскому писали и воеводы кіевскіе въ Москву. Въ томъ-же 1669 г., въ апрѣлѣ Гизель снова просилъ царя признать Тукальскаго кіевскимъ митрополитомъ [2]. Но ходатайства Гизеля не имѣли успѣха. Въ Москвѣ не знали ни прощенія, ни снисхожденія. Здѣсь признавали только наличную услугу и расплачивались за нее соболями.

При гетманѣ Брюховецкомъ блюстителемъ митрополичьей каѳедры былъ свѣже-посвященный въ Москвѣ изъ протопопа нѣжинскаго въ епископы мстиславскіе Меѳодій Филимоновичъ, человѣкъ умный, но крайне пронырливый, насквозь пропитанный ложью, честолюбецъ и интриганъ первой руки. Между Гизелемъ съ одной стороны и Меѳодіемъ и Брюховецкимъ съ другой существовали враждебныя отношенія. Гизель сильно недолюбливалъ выскочку Меѳодія и старался посадить на его блюстительское мѣсто своего талантливаго друга Лазаря Барановича; но направленныя къ тому попытки кіевскаго духовенства не имѣли успѣха. Епископъ Меѳодій, по своему обыкновенію, постарался повредить Гизелю путемъ доноса и обвиненія его въ сношеніи съ Дорошенкомъ. На допросъ боярина Шереметева, Гизель съ достоинствомъ отвѣтилъ, что дѣйствительно писалъ чигиринскому гетману, но лишь о томъ, чтобы онъ воспретилъ козакамъ грабить имѣнія печерскаго монастыря. Брюховецкій притѣснялъ Гизеля грубымъ образомъ. Съ его вѣдома и соизволенія козаки грабили лаврскія села, били монастырскихъ крестьянъ, уводили коней и воловъ, безчестили монаховъ. Архимандритъ просилъ у него защиты; но просьбы его были пренебрежены, и потому онъ пересталъ молиться за гетмана. Но когда Брюховецкому понадобилось помириться съ епископомъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 30.

[2]) Тамъ-же, т. IX, № 41.

Меѳодіемъ, онъ съ просьбой о посредничествѣ обратился къ Иннокентію Гизелю [1]). Съ паденіемъ Брюховецкаго и Меѳодія, въ характерѣ которыхъ было много сходныхъ чертъ холопства и жестокости, съ устраненіемъ съ историческаго поприща этихъ худородныхъ дѣятелей, Гизель вздохнулъ свободно. Новый мѣстоблюститель кіевской митрополіи Лазарь Барановичъ былъ искренній другъ Гизеля; замѣнившій въ гетманствѣ Брюховецкаго Демьянъ Многогрѣшный нравственно зависѣлъ отъ архіепископа Лазаря и въ значительной степени слѣдовалъ его указаніямъ, а слѣдующій затѣмъ гетманъ Самойловичъ самъ происходилъ изъ духовнаго званія, уважалъ духовенство и покровительствовалъ монастырямъ.

Многолѣтняя дружба Гизеля и Барановича ни разу не была нарушена. Былъ одинъ моментъ, когда Барановичъ, подбиваемый совѣтами новгородъ-сѣверскаго архимандрита Михаила Лежайскаго, хотѣлъ отнять у лавры нѣкоторыя села. Это было въ концѣ 1670 г. Гизель въ письмѣ отъ 10 января 1671 г. жаловался по этому поводу А. С. Матвѣеву на Лежайскаго [2]). Но это недоразумѣніе кончилось благополучно и нисколько не повредило дружбѣ Гизеля и Барановича. Гизель, отстаивая права лавры на разныя маетности, очень осторожно обходилъ тѣ пункты, гдѣ можно было столкнуться съ Барановичемъ. Такъ, въ 1669 г. 15 апрѣля Гизель просилъ царя признать за печерской лаврой ея древнее право владѣнія черниговской успенской церковью и новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ съ относящимися къ нимъ угодьями. «Тѣ предѣлы, писалъ Гизель въ своей челобитной, отъ печерскаго монастыря отняли ляхи, а нынѣ владѣетъ ими отецъ архіепископъ Лазарь Барановичъ и отъ него архимандритъ (т. е. онъ Гизель) не хочетъ тѣхъ предѣловъ отнимать до смерти его, для его любви, а по его смерти, чтобы никому не отдавано, только монастырю печерскому и чтобы ц. в. величество грамотою подтвердилъ» [3]). Между Гизелемъ и Барановичемъ шла частая переписка. Барановичъ сообщалъ ему всѣ свои задушевныя желанія и мысли. Въ печати извѣстно 25 его писемъ къ печерскому архимандриту, и это лишь незначи-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 22. 41.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 85.

[3]) Тамъ-же. т. VIII, № 48. стр. 148.

тельная часть того, что было написано архіепископомъ Лазаремъ Гизелю. Есть основаніе думать, что Иннокентій Гизель благотворилъ Барановичу еще въ то время, когда завѣдывалъ коллегіей, а Барановичъ былъ здѣсь преподавателемъ. Барановичъ смотрѣлъ на печерскаго архимандрита, какъ на своего благодѣтеля. «Къ вамъ особенно, писалъ онъ Гизелю въ іюлѣ 1669 г., какъ къ давнейшему и единственному моему благодѣтелю, съ покорнѣйшею моею просьбою и со слезами обращаюсь»[1]... «Въ знакъ благодарности моей его милости отцу архимандриту, писалъ Барановичъ Варлааму Ясинскому, а паче во славу св. мученика Иннокентія, я написалъ житіе его, изобразивъ въ общихъ чертахъ обстоятельства его мученичества»[2]... Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ столкновеніи Гизеля съ игуменомъ выдубицкимъ Ѳеодосіемъ Углицкимъ изъ-за маетностей, архіепископъ Лазарь рѣшительно сталъ на сторону печерскаго архимандрита. «Сильно жалуется на васъ и жалобу выливаетъ на бумагу, писалъ Барановичъ Углицкому, преподобный отецъ нашъ архимандритъ печерскій, будто вы на лаврскихъ поляхъ приказываете бить до крови, обирать и истязать поселянъ, не довольствуясь тѣмъ, чѣмъ довольствовались ваши предшественники... Не нужно говорить вамъ, вы и сами знаете хорошо, какая особа въ церкви Божіей отецъ архимандритъ и сколько оказалъ онъ ей услугъ. Не прибавляйте къ скорбямъ его новыхъ скорбей, но, имѣя, по Апостолу, *миръ со всѣми*, имѣйте его особенно съ лицемъ, заслуженнымъ въ церкви Божіей. Отецъ архимандритъ пишетъ, что онъ не желаетъ чужаго. Давно сказано: уступи старшему». Въ другомъ письмѣ отъ 2 октября 1674 г. Барановичъ писалъ Углицкому: «Склонилъ я васъ на святой миръ съ отцомъ архимандритомъ печерскимъ, думая, что вы смиритесь предъ нимъ, какъ предъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ въ церкви Божіей; и хотя вы отчасти смирились было, но теперь изъ этого пива такой вышелъ крѣпкій уксусъ, что если вы и нацѣдите его вдоволь для отца архимандрита[3], то онъ, не хотя пить его, раз-

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 85.

[2]) Тамъ-же, стр. 94.

[3]) Намекъ на малорусскій обычай, состоящій въ томъ, что хозяинъ, угощая своего пріятеля или гостя, сперва самъ пилъ за его здоровье.

судилъ писать ко мнѣ, омочивши перо въ слезы, что славу его, достойно имъ снисканную своею ученостью, благочестіемъ и заслугами въ святой церкви, вы предъ знатными лицами рубите въ клочки. Безъ сожалѣнія я не могъ читать столь жалостнаго письма; да кто-бы изъ насъ православныхъ не почтилъ такую знаменитую и высокую въ церкви Божіей особу?»... Корыстолюбивыя замашки Углицкаго вывели наконецъ изъ терпѣнія архіепископа Лазаря, который въ званіи блюстителя митрополичьей каѳедры былъ духовнымъ начальникомъ выдубицкаго игумена и отъ совѣтовъ и наставленія могъ перейти къ приказанію и даже наказанію. Лазарь послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: «принадлежащее (по завѣщанію) печерской обители вы забираете себѣ. Не знаю, угоденъ-ли будетъ при этомъ постъ вашъ?... Защищать собственность вашего монастыря вы можете невозбранно, но не обижая никого», и въ добавокъ къ письму наложилъ на Углицкаго запрещеніе. Углицкій смирился [1]).

Барановичъ цѣнилъ въ Гизелѣ главнымъ образомъ его ученость. «Безъ лести скажу, милостивый благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю, что кромѣ пречестности твоей нѣтъ у насъ другаго для этого дѣла (т. е. борьбы съ католиками) Аристотеля»... Архіепископъ Лазарь охотно отдавалъ свои литературныя произведенія Иннокентію Гизелю на разсмотрѣніе и исправленіе. Такъ, посылая «Трубы», а потомъ «Лютню» въ лаврскую типографію, Барановичъ просилъ печерскаго архимандрита на досугѣ пересмотрѣть тетрадки. «Если, по усмотрѣнію вашему, писалъ онъ, угодно будетъ что выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень благодаренъ буду за ваше предостереженіе». Съ подобнаго рода просьбой Барановичъ обращался и къ другимъ кіевскимъ игуменамъ. Что Иннокентій Гизель, печатая въ лаврской типографіи «Трубы» Барановича, предварительно ихъ просматривалъ и исправлялъ, свидѣтельствуетъ самъ Барановичъ. «За орошеніе евангельскаго сѣмени, писалъ онъ Гизелю, и истребленіе куколя премного благодаренъ вамъ; покорнѣйше прошу и впредь не оставлять, потому что трудъ мой долженъ подлежать суду церкви, и за то я буду вамъ весьма признателенъ» [2]).

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 178, 193, 194, 197.

[2]) Тамъ-же, стр. 74—75.

Пользуясь благоразумными совѣтами печерскаго архимандрита, архіепископъ Лазарь давалъ въ свою очередь ему весьма полезные совѣты, побуждалъ его къ литературной дѣятельности и отчасти даже дѣйствовалъ на ея направленіе. Барановичъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и энергическій. Въ его слабомъ тѣлѣ скрывалась большая сила воли. Работая перомъ и живымъ словомъ, онъ призывалъ къ научной и литературной дѣятельности Гизеля, Галятовскаго, Софоновича, Зерникава. Такъ, Барановичъ убѣдилъ Гизеля составить возраженіе на сочиненіе Боймы «Stara wiara», направленное противъ православія. «Дерзайте, благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю 31 августа 1668 г., совѣтую вамъ выдрюковать [1]) Бойму, хотя-бы изъ Кіева, безъ кія; побьютъ его порядочно и кій порфиріанскаго дерева [2]); вдоволь испортится у него крови; пусть только благополучно дѣло кончится». Гизель составилъ свое возраженіе Боймѣ при неустанномъ побужденіи со стороны архіепископа Лазаря. Тотъ-же Барановичъ побудилъ Гизеля издать въ свѣтъ главное его сочиненіе «Миръ съ Богомъ» и затѣмъ расположилъ въ пользу этого сочиненія московскаго царя и патріарха. Узнавъ о томъ, что Гизель готовитъ къ печати «Миръ», Барановичъ писалъ ему: «Будемъ раскаеваться, если книга о покаяніи не будетъ издана. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезное... Теперь, когда открывается случай, пречестность ваша по предусмотрительности своей не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ завистники терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею» [3]). Когда «Миръ» былъ напечатанъ и отправленъ въ Мо-

---

[1]) Выдрюковать—побить палками, отъ слова дрюкъ; выдруковать—напечатать, отъ слова друкарня; у Барановича выходитъ каламбуръ, въ смыслѣ побить Бойму сочиненіемъ, какъ палкой.

[2]) Въ діалектикѣ порфиріанскимъ деревомъ назывался рядъ доказательствъ.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49.

скву черезъ печерскаго старца Кирилла, Барановичъ писалъ къ царю 31 марта 1669 г.: «Ю-же книгу душеполезную отъ писма и святыхъ учителей собранную отъ миротворецъ съ милостію пріяти изволь». 4-го іюня были посланы Барановичу и Гизелю царскія грамоты съ извѣщеніемъ, что «Миръ» государемъ принятъ милостиво. «И мы, великій государь, наше царское величество, писалъ царь къ Барановичу, тому блюстителю (Антоніевыхъ пещеръ) Кириллу велѣли видѣть нашего ц. в. величества пресвѣтлыя очи и книгу у него приняли и, пожаловавъ его нашего царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить въ кіево-печерскій монастырь къ Иннокентію Гизелю, не задерживая». Гизелю даны 200 руб., 200 четвертей ржи и утвердительная грамота на нѣсколько вновь пріобрѣтенныхъ монастырскихъ мастностей. Гизель благодарилъ царя за его милостивое принятіе «Мира» и за жалованье. 28 октября 1669 г. послана въ Кіевъ къ Гизелю царская грамота, съ обѣщаніемъ царскаго покровительства относительно лавры, посланы были при этомъ и деньги на сооруженіе монастырской колокольни [1]).

Свѣтлымъ и отраднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напр., Лазаря Барановича, Иннокентія Гизеля и Іоанникія Галятовскаго, Лазаря Барановича и Ѳеодосія Сафоновича, Димитрія Туптала и Стефана Яворскаго. Литературная сообщительность отчасти обусловливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и бѣлоруса Симеона Полоцкаго, были питомцами одного и того-же высшаго учебнаго заведенія, кіевской коллегіи, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же,— воинствующій католицизмъ. Что въ особенности должно было вызывать духовное единеніе между южно-русскими писателями второй половины XVII ст.,—это неясная еще искра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, №№ 33 и 82; т. IX, № 26.

чертой самобытности отъ великорусскихъ того времени людей. Въ духовномъ отношеніи они ничего не заимствовали отъ нихъ, напротивъ, по причинѣ крайняго культурнаго ихъ убожества, сами удѣляли имъ часть своихъ познаній и служили для нихъ учителями. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда главнымъ образомъ проистекала нравственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мысли и взаимная поддержка. Какъ ни слабо было національное ихъ самосознаніе, все таки оно въ нихъ теплилось, согрѣвало ихъ, укрѣпляло ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удвояло ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обезпечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и приводило къ литературному побратимству.

Обращаясь за симъ къ общественной дѣятельности Иннокентія Гизеля въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ и опредѣленію ея относительно пріютившаго его народа, мы должны сказать, что можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно вѣрно. Ни одинъ соціологъ не открылъ еще точныхъ способовъ измѣрять историческое значеніе общественнаго дѣятеля. Историку приходится старательно собирать разнообразные обрывки и обломки минувшаго, тщательно ихъ сопоставлять, сравнивать, углубляться въ минувшее мыслью, согрѣвать мертвую старину своимъ чувствомъ, искать поддержки въ своемъ собственномъ, дисциплинированномъ въ научномъ смыслѣ воображеніи и отгадывать то, что скрыто документальными памятниками, и такимъ путемъ, на основаніи старинныхъ актовъ, продуманныхъ и прочувствованныхъ, создавать вѣрную дѣйствительности картину прошлой жизни, по крайней мѣрѣ, установить рядъ бытовыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной органической связи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя и этимъ труднымъ и не всегда вѣрнымъ путемъ въ уясненіи мало извѣстной доселѣ личности Иннокентія Гизеля, нельзя не видѣть, какія великія и существенныя услуги оказалъ онъ Малороссіи своею дѣятельностью политическою, просвѣтительною, литературною и филантропическою.

Услуги Гизеля, какъ политическаго дѣятеля, весьма разнообразны: въ этомъ отношеніи онъ широко пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и близостію къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Барановичемъ и недругомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ, Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ по андрусовскому договору и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ селъ и монастырей [1]. Ходатайствовалъ онъ и о томъ, чтобы на «съѣздахъ и договорахъ (москвичей съ поляками) Украйна не была забыта». Такому ходатайству Гизеля въ Москвѣ былъ приданъ частный характеръ, и царь отвѣтилъ ему, что боярину Аѳанасію Нащокину предписано «съ прилежаніемъ о всемъ говорити (съ королевскими послами) и вся требованія св. лавры исполнити» [2]; но Гизелю совсѣмъ не того хотѣлось. Какъ Барановичъ и Многогрѣшный, и онъ, прибѣгая къ такой просьбѣ, имѣлъ въ виду, чтобы на московско-польскіе съѣзды о заключеніи мирнаго договора были допущены малорусскіе послы; но такое допущеніе не нравилось москвичамъ и въ особенности было нежелательно гонористымъ полякамъ; поляки рѣшительно отклоняли вопросъ объ участіи малорусскихъ пословъ. Въ 1669 г. Гизель просилъ царя, чтобы малорусскихъ «духовныхъ людей воеводы не судили, въ чѣпь и въ тюрьму не сажали» [3]. 30 ноября 1679 г. онъ обращается къ царю Ѳеодору Алексѣевичу по поводу универсала польскаго короля, приглашавшаго православныхъ въ Люблинъ для «нѣкотораго съ уніатами разговора» [4]. Какъ извѣстно, православные очень недовѣрчиво отнеслись къ устроенному уніатами люблинскому собору и уклонились отъ участія въ немъ.

Не менѣе почтенна просвѣтительная дѣятельность Гизеля, хотя объ ней мы имѣемъ болѣе общія, нежели фактическія свѣдѣнія.

Димитрій Туптало въ рѣчи своей, сказанной въ память и похвалу Иннокентія Гизеля, годъ спустя послѣ его смерти, замѣ-

[1] Соловьевъ, т. XII, 141; моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. д., св. 50.

[2] Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 26.

[3] Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 43, стр. 148.

[4] Моск. Архивъ М. Ин. Дѣлъ. Малорос. дѣла, связка 53.

тилъ, что «его учительныхъ словесъ послушающи немощные, яко лекарствомъ подкрѣплялись». Гизель, какъ всѣ современные ему выдающіяся духовныя лица, говорилъ проповѣди. Проповѣдываніе слова Божія одно время даже было для него служебной обязанностью, какъ профессора, потомъ ректора коллегіи. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Гизель «съ каѳедры простиралъ цѣлый неводъ проповѣди слова Божія о царствіи Божія и тѣмъ ловилъ людей въ смиреніе и набожность» [1]). Кажется впрочемъ, что Гизель не чувствовалъ въ себѣ расположенія къ дѣятельности проповѣдника и, съ переходомъ на высокую степень печерскаго архимандрита, совсѣмъ бросилъ проповѣдь. «Пусть кто речетъ, говоритъ Димитрій Туптало, что въ Бозѣ усопшій пастырь, взойдя на властительствы, а особливо въ сей святой высокой обители (т. е. лаврѣ), честя, не восходилъ уже на каѳедру, не сказывалъ проповѣдей; таковому отвѣтствую: больше тотъ ловецъ премудрый Христовъ уловилъ самымъ своимъ добрымъ дѣломъ, нежели кто словомъ; больше тотъ научилъ набожнымъ своимъ житіемъ, нежели кто мудрою проповѣдью» [2])... Что Гизель не дорожилъ своими проповѣдями, видно изъ того, что онъ не напечаталъ ни одной проповѣди. Такъ какъ и въ рукописи не сохранилось ни одной его проповѣди, то нѣтъ возможности опредѣлить характера его проповѣдей, ихъ составъ, къ кому онѣ были обращены, сколько ихъ было, по какимъ образцамъ были составлены и насколько были понятны народу,—были-ли это схоластическія казанья, сухія и безцвѣтныя, какъ казанья Лазаря Барановича, или въ нихъ пробивалась живая струя современности, и онѣ по содержанію и изложенію подходили къ тѣмъ сильнымъ проповѣдямъ, драгоцѣннымъ остаткомъ которыхъ представляется превосходное «Слово во время бездождія и глада» [3]). Если принять во вниманіе, что Гизель получилъ образованіе въ схоластическихъ академіяхъ, то вѣроятнѣе будетъ предположить, что его проповѣди болѣе походили на проповѣди Барановича, чѣмъ на единственное въ своемъ родѣ «Слово о бездождіи».

---

[1]) Св. Димитрій, м. ростовскій, сочиненія. Изд. 5, т. III, стр. 627.

[2]) Тамъ же, стр. 628.

[3]) Бѣлозерскій, южно-русскія лѣтописи, стр. 141.

Завѣдывая лучшей въ Малороссіи типографіей и лаврской библіотекой, архимандритъ Иннокентій содѣйствовалъ современнымъ ему малорусскимъ писателямъ, Радивиловскому, Барановичу, Зерникаву въ ихъ литературныхъ и научныхъ работахъ; онъ снабжалъ ихъ нужными книгами и облегчалъ наборъ и печатаніе ихъ сочиненій. Нужно сказать, что типографія лаврская работала весьма медленно, и безъ содѣйствія Гизеля печатаніе сочиненія, особенно объемистаго, въ родѣ «Огородка» Радивиловскаго, «Меча» и «Трубъ» Барановича, могло затянуться на многіе годы. Медленность въ наборѣ и печатаніи происходила отъ малаго числа типографскихъ станковъ и отъ того, что въ смутное время козацкихъ войнъ наборщики часто разбѣгались *). Что Гизель снабжалъ людей науки книгами, видно изъ автобіографіи Адама Зерникава.

Адамъ Зерникавъ, родомъ нѣмецъ, по вѣроисповѣданію лютеранинъ, въ молодыхъ лѣтахъ объѣхалъ Германію, Англію, Голландію, Францію, Италію, Австрію, повсемѣстно занимался въ библіотекахъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія по богословію, исторіи и формальнаціи. Натура крайне подвижная, благородный идеалистъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ, съ стремленіемъ принести пользу своими познаніями, въ добавокъ человѣкъ довольно честолюбивый, Зерникавъ пробрался въ Польшу, потомъ въ Литву, наконецъ въ Малороссію. Здѣсь онъ былъ обласканъ черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, принялъ, по его совѣту, православіе и поступилъ на службу къ гетману. Принявъ православіе въ Черниговѣ въ 1680 г., Зерникавъ отправился въ Кіевъ съ цѣлью познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ, «объ учености и добротѣ котораго онъ много слышалъ», какъ отмѣчено въ его автобіографіи. Что по ознакомленіи съ Гизелемъ Зерникавъ убѣдился въ его учености и добротѣ, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Черниговъ, онъ началъ писать для Гизеля сочиненіе объ исхожденіи св. Духа, «De processione Spiritus S.» **). Когда Зерникавъ чувствовалъ недостатокъ въ книжныхъ пособіяхъ, не могъ отыскать необходимыхъ книгъ въ Батуринѣ или Черниговѣ, онъ находилъ

*) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 38.

**) Труды кіев. дух. акад. 1860 г., т. III, стр. 187.

ихъ въ Кіевъ, куда ѣздилъ за книгами, прочитывалъ здѣсь то, что ему было нужно, и даже забиралъ съ собою книги въ Батуринъ [1], гдѣ постоянно жилъ при гетманскомъ дворѣ. Можно думать, что Зерникава снабжалъ книгами не кто другой, какъ просвѣщенный архимандритъ печерскій.

Въ исторіи южно-русской литературы Гизелю нельзя отвести много мѣста. Онъ немного писалъ, и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступленіи его на печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословенія и подъ его наблюденіемъ изданъ былъ Печерскій Патерикъ. По замѣчанію архіепископа Филарета, въ этомъ изданіи патерика сильно испорченъ текстъ древнихъ повѣствователей [2]. Вторично Патерикъ Печерскій изданъ былъ при Гизелѣ въ 1678 г. [3]. Главнымъ произведеніемъ Гизеля, по объему книги и степени самостоятельности въ ея обработкѣ, представляется «Миръ съ Богомъ человѣку», изданный въ Кіевѣ въ 1669 г., вторично тамъ-же въ 1671 г. «Сочиненіе не сильное», говоритъ о «Мирѣ» архіепископъ Филаретъ [4], вѣроятно, съ догматической точки зрѣнія. Нельзя однако не признать за нимъ значительнаго интереса въ историко-литературномъ и историко-бытовомъ отношеніяхъ.

«Миръ съ Богомъ человѣку» (въ л., 666 стран.) [5] посвященъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ началѣ книги находятся вирша въ честь царя, царскій гербъ и прозаическое посвященіе книги царю. Любопытная особенность въ изображеніи царскаго герба состоитъ въ томъ, что подъ двуглавымъ орломъ изображенъ царь въ рыцарскомъ костюмѣ, за царемъ войско; передъ царемъ бѣгущіе поляки и татары въ ихъ національномъ вооруженіи. Замѣтивъ въ посвященіи о томъ, что царь защищаетъ печерскую лавру, Гизель въ особенности хвалитъ его за благотворительность. «Твоего царскаго

[1] Труды кіев. дух. акад. 1860. III. 195.

[2] Филаретъ. Обзоръ р. дух. литер. I. 285.

[3] Wiszniewski, Hist. liter. polski., т. VIII, стр. 273.

[4] Филаретъ, Обзоръ рус. дух. литер. I, стр. 285.

[5] Мы пользовались экземпляромъ «Мира», находящимся въ библіотекѣ херсонской духовной семинаріи. Экземпляръ этотъ принадлежалъ нѣкогда Стефану Яворскому и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукой митрополита.

пресвѣтлаго величества всещедрыхъ даяній безчисленные суть свидѣтели, всякаго чина утѣсненные люди, иже изобильную милостыню отъ твоея десницы пріемше, веселымъ лицемъ возвращаются».

Въ предисловіи къ читателю Иннокентій Гизель говоритъ: «Извѣстно есть то всѣмъ, яко сія лютая многолѣтняя въ Малой Россіи брань праведнымъ судомъ Божіимъ за наши грѣхи на насъ наведена есть... Егда Господу Богу примиримся, абіе и брани сице отъ иноплеменныхъ на насъ нанесенныя, яко-же и междособныя престанутъ, и вся тварь, яже за обиду Божію мстящися на насъ воевала, ко примиренію съ нами преклонится. Во вся мимошедшая лютая времена воевало на насъ небо, еже вредящими своими планетами многіи болѣзни и пагубы на насъ ниспущало; воевала и земля обычныхъ намъ плодовъ возбраненіемъ и сѣмени умаленіемъ; воевала и вода преизлишнимъ своимъ изліяніемъ и всякихъ плодовъ рыбныхъ недаяніемъ; воевалъ и воздухъ овогда сушами, овогда градами, бурями и безмѣрными мокротами; воевалъ и огнь частымъ градовъ и странъ пожженіемъ. Нынѣ-же егда къ Господу Богу обратимся, вся стихія въ пользу намъ и въ успѣхъ пособствовати будутъ, и будетъ во всей твари тишина велія и миръ многъ любящимъ законъ Божій возсіяетъ... Сихъ блаженствъ дабы удобнѣе всякъ человѣкъ достигнути моглъ, се мы... предлагаемъ сію книгу, яже поучаетъ всякого чину человѣка къ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти»... Иннокентій Гизель, составлявшій свой трудъ, между прочимъ, и по латинскимъ источникамъ, предусмотрѣлъ то обстоятельство, что его произведеніе можетъ быть принято православными не совсѣмъ благосклонно. Чтобы не смущать читателя, авторъ не дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи указаній и ссылокъ на латинскихъ авторовъ и въ предисловіи къ читателю прибѣгаетъ къ слѣдующей оговоркѣ: «А зде остаетъ намъ съ таковымъ читателемъ слово имѣти, иже-бы восхотѣлъ, отъ коего либо подвиженія, въ чесомъ-ли буди, сему ученію прекословити. Сицеваго читателя молимъ, дабы аще что ново и странно въ сей книзѣ мнѣтися ему будетъ, не абіе ся того ради отвращалъ и противленіемъ церкви святой то напрасно именовалъ...; ибо аще что и новое здѣ обрѣталося, съ вѣрою православною соглашается... Аще-же что и отъ внѣшнихъ учителей взято быти обрящется, молимъ, да того ради никто-же сего ученія возгнушается; ибо не токмо въ

иновѣрныхъ, но и въ еллинскихъ ученіяхъ иногда истинныя и здравому разуму служащія повѣсти, яко злато посредѣ блата, обрѣтаются». Оговорка эта, можно думать, сдѣлана не столько относительно малороссіянъ, которые давно уже привыкли пользоваться «внѣшними учителями» для своихъ ученыхъ и литературныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ, если не исключительно, сдѣлана авторомъ изъ вниманія къ великорусскимъ читателямъ, для которыхъ все «внѣшнее», все католическое и протестанское, тѣмъ болѣе языческое греко-римское, было полно ереси и потому считалось ни къ чему не пригоднымъ. Оговорку эту въ Москвѣ не долго признавали правильной, и въ 1690 г. патріархъ Іоакимъ отнесъ «Миръ съ Богомъ человѣку» въ число зловредныхъ кіевскихъ «новотворныхъ» книгъ.

Нельзя сказать, чтобы московская точка зрѣнія на «Миръ» Гизеля была ошибочной. Нужно было имѣть свѣтлый философскій умъ и глубокія богословскія свѣдѣнія, нужно было имѣть опору, такъ сказать, въ мѣстной строго-ортодоксальной богословской литературѣ, каковой, какъ извѣстно, не было ни въ сѣверной, ни въ южной Россіи, чтобы не подчиниться «внѣшнимъ учителямъ» въ толкованіи религіозныхъ предметовъ и въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ, и Гизель значительно имъ подчинился, въ ущербъ даже чистотѣ православнаго греко-восточнаго вѣроученія. Подчиненіе Гизеля латинскимъ писателямъ обнаруживается уже на первыхъ страницахъ его объемистаго труда, въ разсужденіи о покаяніи.

Восточная церковь всегда учила, что благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ непостижимо для ума человѣческаго и независимо отъ воли священнослужителя, отъ какого-либо обряда или изреченія. Она не замыкала благодатную силу таинства въ томъ или другомъ обрядовомъ явленіи, давая остальнымъ, съ нимъ соприкасающимся явленіямъ значеніе только украшеній и распространеній его. Далѣе, по ученію восточной церкви, священнослужитель не отдѣляется отъ тѣхъ, надъ которыми таинство совершается; онъ не «распорядитель и не хозяинъ въ домѣ благодати, но слуга ея» [1]. Римская церковь и въ ученіе о совершеніи та-

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., стр. 245.

ништвъ внесла начало единой абсолютной силы и власти. По мудрованіямъ латинскихъ схоластиковъ, каждый обрядъ, какъ опредѣленное дѣло, долженъ вытекать и логически развиваться изъ одной мысли, изъ одного положенія. Въ каждой строгой системѣ существенное—это положеніе, опредѣленіе; все остальное только поясненіе, доводы, доказательства или украшеніе главнаго положенія; то же самое и въ обрядѣ; вся сущность его и вся сила благодати должна заключаться въ одномъ главномъ дѣйствіи его. Такимъ образомъ свобода и непостижимость благодати уничтожены схоластикой; божественная сила прикована, по произволу ея, къ одному только дѣйствію въ обрядѣ; цѣлый обрядъ пересталъ быть таинственнымъ божественнымъ учрежденіемъ и сталъ въ подчиненіе разуму. Что-же именно служитъ сущностью въ обрядахъ таинствъ? Въ каждый обрядъ, говорили схоластики, входитъ непремѣнно опредѣленное, ему только принадлежащее вещество, *матерія*, и слова, равно и дѣйствія, которыя даютъ матеріи опредѣленное употребленіе, *форму*. Напр., въ таинствѣ крещенія матерія—вода, а форма—обливаніе съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; въ таинствѣ евхаристіи матерія—хлѣбъ и вино, а форма—произносимыя священникомъ слова Спасителя: *«пріимите, ядите..., пійте отъ нея»*... Въ стремленіи найти въ каждомъ таинствѣ матерію и форму схоластики доходили до смѣшнаго; такъ въ таинствѣ брака одни схоластики матеріей считали взаимное расположеніе жениха и невѣсты, другіе—тѣла ихъ.

Южно-русская церковь приняла схоластическое толкованіе религіозныхъ обрядовъ и таинствъ, преимущественно въ то время, когда исполненіе православныхъ церковныхъ обрядовъ поступило въ руки питомцевъ западной схоластики, Петра Могилы и его помощниковъ и сотрудниковъ. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ впервые въ южно-русской церковной литературѣ появляются въ сочиненіи С. Коссова «О мистеріяхъ албо тайнахъ» 1635 года; но вполнѣ они развиты въ приложеніи къ чинамъ южно-русской церкви Петромъ Могилою въ «Лиѳосѣ» 1644 г. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ вошли въ «Требникъ» Петра Могилы и получили общее признаніе. Положенія эти принималъ Барановичъ и Галятовскій. Галятовскій изложилъ ихъ въ «Ключѣ Разумѣнія», въ казаньѣ на Богоявленіе Господне.

Иннокентій Гизель начинаетъ свое сочиненіе тѣмъ, что различаетъ въ таинствѣ покаянія матерію и форму. На страницѣ 104 читаемъ: «вѣдати подобаетъ, яко до коейждо тайны святой церковной потребны суть сія четыри: *матерія*, или вещь, предложенная къ святынѣ, *форма*, или образъ совершенія тоя святыни, *служитель*, или дѣйствующій св. тайну и *пріемлющій*». Вообще Гизель крайне дробитъ церковныя установленія на части, напримѣръ, усматриваетъ въ исповѣданіи грѣховъ 12 свойствъ: таинственность, смиреніе, простоту, вѣрность, послушаніе и проч.

«Миръ» раздѣляется на три большія части: 1) о покаяніи вообще, 2) о кающемся и 3) о духовникѣ.

Въ первой части Гизель говоритъ о грѣхѣ вообще, о раздѣленіи грѣха на смертный и простительный, о согрѣшеніи вслѣдствіе ненадлежащаго соизволенія, похваленія, незаявленія о грѣхѣ другаго лица и т. п., о такъ называемыхъ «окрестностяхъ» грѣха: кто? что? гдѣ? когда? какимъ образомъ? Въ этомъ отдѣлѣ есть небольшая глава: «како грѣхъ иногда можетъ и грѣхомъ не быти». «Шесть винъ есть, ихъ-же ради грѣхъ не почитается за грѣхъ: неможеніе, невѣдѣніе, скудость разсужденія, вина благословная, разрѣшеніе и нужда. Неможеніе освобождаетъ отъ грѣха: не возвращающихъ вещи чуждая, егда нѣтъ доволства; не чтущихъ обычнаго правила во время веліяго недуга; не постящихъ во время слабости; не слушающихъ въ праздникъ божественной литургіи, егда нѣтъ священника, и проч. Невѣдѣніе разумѣется здѣсь неодолѣмое,... яко аще-бы кто у варваръ сый дѣлати хотѣлъ въ праздникъ, не могій вѣдати о празницѣ. Скудость разсужденія освобождаетъ отъ грѣха дѣло злое отрочатъ, изумленныхъ, спящихъ, иногда же и зѣло пьяныхъ малое нѣкое нестроеніе. Вина благословная освобождаетъ отъ грѣха тогда, егда кто въ коемъ случаѣ творитъ противу заповѣди или уставленія человѣческаго, толкуючи той уставъ по разуму, яко въ таковъ случаѣ не обовязуетъ; яко-же егда бы кто противу уставу церковнаго ялъ рыбу въ постъ великій, ради недуга къ тому принуждающаго. Разрѣшеніе-же знаменуетъ здѣ благословеніе архіерейское, данное въ коемъ случаѣ на твореніе безъ грѣха, противу уставу человѣческаго церковнаго, таковаго, яковый уставъ толкованіе-бы имѣлъ по недоумѣнію, аще обовязуетъ или не обовязуетъ въ таковомъ случаи. Послѣди нужда

свобождаетъ отъ грѣха въ дѣлехъ смертныхъ сихъ: въ неправедномъ взятіи и удержаніи вещей чуждыхъ, еже бываетъ въ послѣдней нищетѣ, ея-же ради не моглъ-бы кто отнюдь живота соблюсти, аще-бы чуждаго у себѣ не имѣлъ и тѣмъ себя не живилъ. Понеже въ послѣдней нуждѣ вся суть обща, по разумѣнію учителей. И въ убійствѣ, еже бываетъ въ праведномъ защищеніи живота или своего ближняго; но и въ защищеніи имѣній; любо сихъ самихъ лучше есть отщетитися, неже убити». Иннокентій Гизель смотрѣлъ на человѣка глазами истиннаго христіанина, проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. При всей строгости требованій относительно исполненія нравственныхъ правилъ, обнаруживаемой въ «Мирѣ», живой человѣкъ не принесенъ въ жертву отвлеченной идеѣ религіозно-нравственнаго долга и приняты во вниманіе экономическія и въ тѣсномъ смыслѣ слова физическія условія его существованія, которыя, разумѣется, могутъ быть подчасъ такъ тяжки, что человѣкъ невольно впадаетъ въ проступокъ или въ прегрѣшеніе. Весьма характерны слова Гизеля, что «въ послѣдней нуждѣ вся суть обща». Изъ какихъ-бы «учителей» онъ не почерпнулъ свой христіанско-юридическій взглядъ на значеніе и происхожденіе преступленія, взглядъ этотъ дѣлаетъ честь южно-русскому ученому. Нужно замѣтить, что мягкое, гуманное отношеніе къ человѣку вообще, къ бѣдняку въ частности проявляется во многихъ мѣстахъ «Мира»,—доказательство, что человѣколюбіе Иннокентія Гизеля не было явленіемъ случайнымъ, напускнымъ, вызваннымъ только-что прочитанной хорошей книгой.

При перечисленіи грѣховъ противъ богословскихъ добродѣтелей (вѣры, надежды и любви), противъ десяти заповѣдей Божіихъ и противъ церковныхъ заповѣдей, Гизель преимущественно говоритъ о послѣдней категоріи грѣховъ. Противъ церковныхъ правилъ погрѣшаютъ тѣ, которые не слушаютъ литургіи въ дни святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, не почитаютъ духовныхъ, не даютъ священникамъ «парохіальныхъ рочныхъ доходовъ», уклоняются отъ исповѣди и причастія, не молятся за властей, бракосочетаются въ запрещенные дни, отнимаютъ у церквей и монастырей ихъ имущество. Не всегда, однако, нарушеніе церковныхъ правилъ является грѣхомъ. Такъ по словамъ Гизеля, «вѣдати подобаетъ, яко отъ обовязку сея первыя заповѣди церковныя (посѣщеніе цер-

ковной службы) свободны суть... слуги, стрегущіе общія цѣлости (т. е. казенное и общественное имущество), служащіи больнымъ и питающіи отрочатъ, ихъ-же безбѣднѣ въ дому оставити не могутъ; такожде, иже сами слабости ради здравія своего къ церкви пріити не могутъ, или не идутъ ради убѣжанія отъ смертоноснаго воздуха; любъ ради далекаго разстоянія мѣста, вкупѣ-же и ради великаго и долгаго неугодія воздушнаго, яко-же ради дождя долгаго и зѣлнаго, снѣга, вихра и проч.; не повинны-же суть и тыи рабы, иже повелѣніемъ господій своихъ принуждени бываютъ во время божественной литургіи работати что веліе, или аще и малое, но въ чесомъ повинуются, да избудутъ сваровъ и наказаній жестокихъ; тогда-же согрѣшаютъ господіе, яко о спасеніи рабъ своихъ не брегутъ; свободни суть послѣди и таковыи убогіи, иже не имутъ одѣянія, въ немъ-же бы изъ дому возмогли ити къ церкви»... Въ особенности характеризуютъ гуманную и просвѣщенную личность Гизеля слѣдующія его слова: «Вѣдати подобаетъ, яко изряднѣйшія вины, яже непостящихъ освобождаютъ отъ грѣха, суть сія: лѣта, немощь, должность или трудъ, скудость, любовь и благословеніе. Лѣта освобождаютъ отъ поста дѣтей, ибо дѣтямъ, по отлученіи отъ сосецъ, предъ седмымъ лѣтомъ (т. е. до семи лѣтъ) ослаба въ постѣ бываетъ; по седьмомъ-же лѣтѣ не тако; обаче къ ядѣнію единою на день не зѣло обовязуются даже до коликонадесять лѣтъ, занеже требуютъ часто, а немного ясти, ради стяжанія подобающаго возраста... Лѣта такожде свобождаютъ отъ поста и старыхъ, занеже старыи прислушающаго ко посту брашна не возмогаютъ единою пріятаго, слабости ради стомаха своего, во утробѣ истнити и претерпѣти, но требуютъ часто и мало ясти (старость начинается съ 70 лѣтняго возраста). Немощь, сіе есть недугъ, и слабое здравіе свобождаютъ отъ поста: и того ради, иже болѣзнь главы или стомаха терпятъ, свободными суть... Здѣ-же ослаба въ постѣ бываетъ женамъ непраздннымъ и доящимъ сосцы своими отрочатъ, яже требуютъ пищи не токмо ради себе, но и ради отрочатъ. Должность належащая свобождаетъ такожде отъ поста; яковыя должности суть учителей труждающихся въ словѣ и ученіи, крылошанъ усердствующихъ и проч.; о нихъ-же, егда-бы извѣстно было, яко не возмогли-бы своея должности по достоянію исполняти, хранящe постъ, тогда дѣла ради настоящаго могутъ мало пости-

тися и дважды на день». Нарядне-же трудъ зѣлѣ тяжекъ отъ поста свобождаетъ, а таковый есть художниковъ, сице въ дѣлѣ древа, якоже желѣза и камене, труждающихся; такожде земледѣльцевъ, скудельниковъ, златарей, ткателей, сапожниковъ, усмарей и тѣмъ подобныхъ; но убо не пиителей, ни иконописцевъ, ни книжныхъ писателей и инныхъ таковыхъ, легкій трудъ имущихъ... Скудость свобождаетъ отъ поста тогда, егда во время постное инаго брашна, кромѣ непостнаго, не мощно-бы обрѣсти; безъ брашна-же стерпѣти того часа отнюдь не удобно-бы было, развѣ съ нечаяніемъ живота или здравія; такожде аще-бы кто у еретиковъ или невѣрныхъ нужду имѣлъ черезъ храненіе поста изъявитися, яко есть православный или христіанинъ, и было-бы то съ бѣдою узъ, мученій, смерти или пагубы имѣній; тогда яко-же церковь не обовязуетъ до таковая бѣды, сице не обовязуетъ и до поста... Здѣ-же разумѣется и скудость убогихъ таковыхъ, иже, по дворахъ брашна просяще, единымъ малымъ пріятіемъ насытитися не могутъ: сицевымъ не возбраняется удвоити свое укрѣпленіе, дондеже насытятся... Любовь... аще-бы пришлецъ былъ издалече, утружденный и укрѣпленія тѣлеснаго зѣло требующъ, но не смѣлъ-бы подкрѣпитися въ постъ, да же бы самъ дому господинъ съ нимъ ялъ, тогда-бо господинъ и дважды на день моглъ-бы пищу пріяти; до любве-же прислушаетъ поста иногда не хранити и ради убѣжанія домашнія крамолы и распри, якова бываетъ между мужемъ и женой, аще-бы единъ отъ нихъ постилъ, другому не соизволяющу. Наконецъ благословеніе, испрошенное у старѣйшины духовнаго (архіерея или священника) можетъ кого ради вины свободити отъ поста совершеннаго... аще вина есть сомнительная и неизвѣстная»... Въ разсужденіи о постѣ Гизель требуетъ, чтобы лица, имѣющія слугъ и рабовъ, давали имъ во время поста «брашно угодное и прислушающее, дабы ся укрѣпили и постъ понести могли» и чтобы насильно не принуждали ихъ поститься, но склоняли ихъ къ тому добрымъ и ласковымъ словомъ. Въ объясненіи священникамъ, чего должны они требовать отъ кающагося грѣшника, также проводится, такъ сказать, практически гуманный взглядъ на человѣка. Такъ въ случаѣ членовредительства виновный долженъ лѣчить на своей счетъ пострадавшаго и затѣмъ вознаградить его деньгами или землями или обезпечить его на всю жизнь, если нанесенный ему

средь лишилъ его возможности трудомъ добывать средства къ жизни; въ случаѣ насилія дѣвушки виновный или долженъ взять ее себѣ въ жены или дать ей приданое, съ которымъ она могла-бы выйти за другаго мужчину.

Въ разнообразныхъ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ, наполняющихъ «Миръ», открываются нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ южно-русскаго народа въ XVII ст. Въ историко-бытовомъ отношеніи интересъ представляютъ заключающіяся во второй части «Мира» перечисленія грѣховъ духовныхъ лицъ, пановъ, крестьянъ, судей, купцовъ, ремесленниковъ, врачей, учителей и проч. т. п. Архіереи согрѣшаютъ, когда смотрятъ на епископское званіе, какъ на средство для достиженія корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, когда «не суть учительны ни сами черезъ себе, ниже черезъ иныхъ умныхъ и богобоязливыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія», если не созываютъ мѣстныхъ епархіальныхъ соборовъ для обсужденія церковныхъ дѣлъ, «егоже ради потреба имъ-бы на всяко лѣто соборъ помѣстный имѣти», если не объѣзжаютъ епархіи, рукополагаютъ недостойныхъ лицъ въ священники, ищутъ «безмолвнаго себе гдѣ на единѣ житія,... еже есть противу естественнаго закона, иже обовязуетъ предпочитати добро общее надъ уединенное». Главными грѣхами священниковъ поставлены рѣдкое и небрежное исполненіе церковныхъ службъ и церковныхъ требъ. Проповѣдники согрѣшаютъ, когда не обличаютъ въ грѣхахъ (безъ именованія лицъ) тѣхъ, преступки которыхъ ясно обнаружились, когда въ угоду мірскимъ людямъ сурово обличаютъ духовенство, когда говорятъ о ложныхъ чудесахъ. Вообще, духовныя лица согрѣшаютъ, когда церковное имущество расточаютъ, употребляя его «на сласти или презбытокъ въ пищѣ и одеждѣ», когда вмѣшиваются въ мірскія дѣла, предаются пьянству и власти. Родители согрѣшаютъ, когда для лѣченія больныхъ дѣтей приглашаютъ бабъ чарующихъ или шепчущихъ, не обуздываютъ въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, не обучаютъ дѣтей грамотѣ или ремеслу, насильно заставляютъ вступать въ бракъ, принуждаютъ къ пострiженію въ иночество, отказываются содержать и воспитывать дѣтей, прижитыхъ внѣ законнаго брака («отъ любодѣянія рожденныхъ»). Грѣхи государственныхъ правителей: обложеніе народа большими налогами и податями съ

своекорыстной цѣлью, отягощеніе народа подводной и постойными повинностями, стѣсненіе свободы въ куплѣ и продажѣ, присвоеніе имущества церковнаго, вдовъ, сиротъ, больницъ, небрежность относительно безопасности путешественниковъ отъ разбойниковъ и неправности мостовъ, насиліе въ заключеніи браковъ, присужденіе смертной казни безъ суда и проч. т. п. Грѣхи царскихъ совѣтниковъ: небрежность въ защитѣ отечества отъ враговъ, растрата общественныхъ денегъ, нарушеніе народныхъ вольностей и старинныхъ крѣпостныхъ актовъ безъ изволенія высшей власти, неправильное установленіе цѣнъ на съѣстные продукты, постановленіе въ чиновники людей льстивыхъ и корыстолюбивыхъ и проч. т. п. Въ пространномъ перечисленіи грѣховъ судей, писарей, воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ, учителей и проч. можно остановиться на слѣдующемъ: плѣнникамъ запрещается проклинать день своего рожденія и своихъ родителей; запрещается, въ случаѣ женитьбы на чужбинѣ, бросать жену и дѣтей въ невѣрной странѣ; воины согрѣшаютъ, причиняя народу насиліе, когда «бьютъ, мучатъ, взимаютъ нуждою коновозниковъ и труждаютъ ихъ долго; когда военачальники изъ корыстныхъ цѣлей удерживаютъ солдатское жалованье, уменьшаютъ продовольствіе». Купцы согрѣшаютъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, когда продаютъ еретическія книги, иконы «блудническія, натиранія къ украшенію лицъ женамъ» и проч. т. п. и когда снабжаютъ чужеземцевъ оружіемъ. Плотники и каменьщики согрѣшаютъ, когда берутся строить еврейскій или языческій храмъ. Врачи согрѣшаютъ, когда прибѣгаютъ къ волхвованіямъ или заговорамъ во время болѣзни зубовъ и кровотеченія, когда вытравляютъ плодъ или даютъ средства къ возбужденію половой дѣятельности; аптекаря согрѣшаютъ, когда ошибаются въ приготовленіи лѣкарства, держатъ испорченный товаръ, продаютъ его выше надлежащей стоимости, по предварительному соглашенію съ врачами. На 426 страницѣ Гизель говоритъ, что «простые», т. е. неграмотные должны знать символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей. «Мнози-же обрѣтаются, замѣчаетъ онъ, иже и состарѣшася уже, а не умѣютъ положити на себѣ креста святаго». Это—слишкомъ рѣзкое и не основательное замѣчаніе. По свидѣтельству Павла алеппскаго, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVII ст., въ Малороссіи большинство народа, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, знало на

память не только молитвы, но даже церковный порядокъ службы и пѣнія, и не только мужчины, но даже женщины и дѣвочки. Священники брали на себя обученіе сиротъ и не позволяли имъ оставаться въ невѣжествѣ [1]).

Изъ отдѣльныхъ церковно-бытовыхъ мелочей, отмѣченныхъ въ «Мирѣ», не лишено интереса высказанное на 154 страницѣ требованіе, чтобы женихъ при бракосочетаніи имѣлъ не менѣе 14 лѣтъ, а невѣста 12 лѣтъ. Этотъ возрастъ признанъ достаточнымъ и по половой зрѣлости.

Направленное противъ іезуита Боймы сочиненіе Гизеля «О истинной вѣрѣ» написано по настоянію Лазаря Барановича. Въ ряду сочиненій противъ католиковъ трудъ Гизеля принадлежитъ къ позднимъ по времени и повидимому къ слабымъ по внутреннему достоинству. Древнѣйшимъ юго и западно-русскимъ сочиненіемъ противъ католиковъ считается «На обличеніе и на посрамленіе ляхамъ и латынамъ» XV вѣка [2]), если не считать противо-латинскихъ сочиненій русскихъ митрополитовъ до-монгольскаго періода. Къ 1578—1580 годамъ относится сборникъ полемическихъ сочиненій противъ жидовъ, протестантовъ и магометанъ, составленный въ супрасльскомъ монастырѣ, а нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, въ древлехранилищѣ Погодина [3]). Съ возникновеніемъ въ южной Россіи уніи, т. е. съ конца шестнадцатаго столѣтія, южно-русская противо-латинская литература сильно разростается. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія противъ католичества писали священникъ острожскій Василій, наставникъ львовской братской школы, потомъ энергическій виленскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, затѣмъ Христофоръ Бронскій,—человѣкъ глубокаго ума, типичный малороссіянинъ по языку Іоаннъ Вишенскій, талантливый Мелетій Смотрицкій, труженикъ науки Захарія Копыстенскій. Въ половинѣ XVII в. главнымъ литературнымъ противникомъ латино-уніатовъ выступилъ Петръ Могила. Для позднѣйшихъ писателей, Барановича, Галятов-

---

[1]) Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ, стр. 177.

[2]) А. Поповъ, «Обзоръ древне-русскаго полемическаго сочиненія противъ латинянъ XI—XV в.», 1875 г., стр. 155—175.

[3]) А. Поповъ, въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древ. рос.» 1879, I, стр. 41.

скаго и Гизеля поле обличительнаго богословія было достаточно расчищено, и они съ успѣхомъ трудились на немъ. Главнымъ дѣятелемъ въ области религіозной полемики во второй половинѣ XVII ст. былъ Барановичъ, который и самъ работалъ въ этой области, и привлекъ къ полемикѣ Галятовскаго и Гизеля. Сочиненіе «О истинной вѣрѣ» было готово въ 1671 г. Барановичъ ознакомился съ нимъ въ рукописи, и оно ему не совсѣмъ понравилось. Не нравилась ему именно рѣзкость полемическаго тона. «Сочиненіе предостойное! писалъ Барановичъ Гизелю 13 мая 1671 г. Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подъ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогъ смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этого требуетъ; пусть себѣ они сердятся на авторовъ, откуда это заимствовано, а колкостей не примѣшиваютъ; самый предметъ доведетъ до безсилія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ». Въ письмѣ отъ 13 августа 1671 г. Барановичъ замѣтилъ Гизелю: «хорошо заключеніе (т. е. сочиненіе), но оскорбительно; лучше подражать Христу: научитесь отъ Меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ (Матѳ. II, 29)». Гизель хотѣлъ присоединить свое сочиненіе къ «Новой Мѣрѣ» Барановича и издать ихъ вмѣстѣ; но Барановичъ этому воспротивился. «Мнѣ никакъ невозможно трудъ пречестности твоей соединить съ моимъ трудомъ, писалъ онъ Гизелю. Если-бы это была часть, то можно-бы было и присоединить; но такое превосходное полное сочиненіе, по всей справедливости, достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ» [1]. Изъ того обстоятельства, что Гизель свое сочиненіе желалъ присоединить къ «Новой Мѣрѣ» Барановича, видно, что оно также было написано на польскомъ языкѣ. О сочиненіи Гизеля упоминаетъ архіепископъ Филаретъ и Вишневскій, причемъ первый называетъ его сочиненіемъ слабымъ [2]. Не видно однако, чтобы кто либо въ дѣйствительности прочиталъ это сочиненіе. Такъ Филаретъ не приводитъ ни полнаго заглавія, ни года изданія, не указываетъ на величину книги, не касается ея

[1] Письма Лазаря Барановича, стр. 144, 158.

[2] Филаретъ, обзоръ р. дух. лит. т. I, стр. 285.

содержанія. Сколько намъ извѣстно по каталогамъ и по личнымъ и письменнымъ справкамъ, сочиненіе Гизеля «Объ истинной вѣрѣ» не оказывается ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ. То обстоятельство, что изъ современниковъ Гизеля никто не упоминаетъ «Объ истинной вѣрѣ», какъ о сочиненіи вышедшемъ уже въ свѣтъ, что неизвѣстно ни одного латинскаго возраженія на это сочиненіе, ни одной ссылки на него православнаго автора, въ связи съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи польской и малорусской литературъ упоминаютъ лишь названіе этой книги, и самой книги не находится въ такихъ богатыхъ южно-русскими старопечатными книгами библіотеках, какъ библіотеки Румянцевскаго музея, кіевской духовной академіи и харьковской духовной семинаріи, все это въ совокупности можетъ привести къ той мысли, что Гизель призналъ слабость своего сочиненія или излишнюю рѣзкость полемическаго тона и не далъ ему хода. Разумѣется, предположеніе это остается только предположеніемъ, вѣроятнымъ до нѣкоторой степени, по изложеннымъ выше соображеніямъ. Нельзя, напримѣръ, отрицать возможности того, что сочиненіе Гизеля благополучно появилось на свѣтъ, быть можетъ, въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, и, какъ сочиненіе ничѣмъ особеннымъ не выдающееся въ ряду религіозно-полемическихъ сочиненій, не было читаемо, было забыто, и потому могло сохраниться въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ, покоящихся въ какихъ нибудь старинныхъ польскихъ библіотекахъ. Разнообразный и обширный составъ южно-русской библіографіи прежнихъ временъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не опредѣленъ даже простымъ перечнемъ названій.

Въ исторіи русской исторической литературы имя Иннокентія Гизеля не можетъ быть пройдено молчаніемъ. Трудъ его «Синопсисъ» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе «Синопсиса» легла хроника Ѳеодосія Софоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ; къ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго [1]. Послѣднее

[1] Филаретъ, Обзоръ р. д. литер., т. I, стр. 234.

добавленіе сохранилось въ рукописи въ библіотекѣ московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Въ рукописи этой находится 1) «кроника о земли польской» (отъ Леха до 1673 г.), составленная большею частью по Бѣльскому и 2) «кроника о початку и названку Литвы», составленная главнымъ образомъ по Стрыйковскому; событія здѣсь доведены до 1529 г. «Синопсисъ» Гизеля есть передѣлка хроники Софоновича, съ дополненіями. До исторіи Ломоносова «Синопсисъ» Гизеля, за неимѣніемъ другихъ, былъ классическимъ сочиненіемъ. Было много изданій «Синопсиса», въ 1674, 1676, 1680, 1718, 1810 годахъ. Послѣднее изданіе (1810) сдѣлано академіей наукъ [1]). Св. Димитрій ростовскій приложилъ «Синопсисъ» Гизеля къ своей лѣтописи, въ концѣ ея, безъ измѣненій [2]).

Въ началѣ «Синопсиса» говорится о Ноѣ и трехъ его сыновьяхъ, Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, о происхожденіи славянъ отъ Іафета, а самаго названія ихъ отъ славы, потому что съ древнихъ временъ прославились своими военными подвигами; затѣмъ слѣдуетъ глава о вольности славянской, гдѣ говорится, что славяне помогали Филиппу Македонскому и сыну его Александру Великому и отъ послѣдняго получили «привиллегія или грамату, на пергаминѣ златомъ написанную, въ Александріи, вольности и земли имъ утверждающу, въ 310 г. до Рождества Христова». Затѣмъ говорится, что Октавіанъ Августъ уважалъ славянъ за ихъ храбрость и впослѣдствіи «князь нѣкій славеноросскійскій Одонацеръ войною достав Рима, держаше его подъ властью своею 30 лѣтъ»... Въ слѣдъ затѣмъ идетъ краткое сообщеніе объ Азіи, Африкѣ и Европѣ. «Еще есть, говорится здѣсь, и четвертая часть вселенныя Америка, яже нарицается новый свѣтъ; но яко сія послѣди прочихъ новоизобрѣтена, сего ради безъ описанія оставляется». Послѣ этой небольшой вставки слѣдуетъ краткая глава о происхожденіи названія Россія: русскіе, по мнѣнію однихъ, отъ г. Русы, что близъ Новгорода, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Роси, отъ русыхъ волосъ, по мнѣнію Стрыйковскаго, принятому авторомъ Синопсиса, отъ слова «разсѣяніе», потому что они поселились на обширномъ пространствѣ, далѣе глава о народѣ сарматскомъ (поляки, русскіе, литовцы), глава

---

[1]) Wisznewski, Hist. liter. polsk., т. VIII, стр. 401.

[2]) Св. Димитрій Ростовскій, Сочиненія, т. III, въ концѣ, стр. 1—149.

о народѣ роксоланскомъ (то же русскіе), съ производствомъ козаковъ отъ полководца Козака, побѣдившаго татаръ, татаръ отъ Тартара, Литвы отъ царскаго сына Литвоса, Москвы отъ сына Іафетова Мосоха, глава о мѣстоположеніи и величіи Москвы, краткія главы о хазарахъ и кимврахъ. Замѣтивъ далѣе о преславномъ, верховномъ и всего народа россійскаго главномъ градѣ Кіевѣ, Гизель говоритъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, призваніи варяжскихъ князей въ Новгородъ, покореніи ими южной Россіи, о княженіи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владиміра, о крещеніи послѣдняго. Въ исторію княженія Владиміра вставлены двѣ любопытныя главы, составленныя по Кромеру и Стрыйковскому, глава объ идолахъ (Перунъ, Волосъ, Позвиздъ, Ладо, Лель, Полель, Купало, Коляда, Слядъ или Осладъ, Корша или Хорсъ, Дашубъ или Дажбъ, Стрибогъ, Семарглъ, Макошь), и глава объ обливаніи водою въ Великъ-день. Главы эти интересны для миѳолога. Основываясь на Кромерѣ, Гизель прибавляетъ кое-что и отъ себя. Любопытно, напрNew., подробное описаніе купальскихъ огней и обливанія водой въ Свѣтлое Воскресеніе. Любопытно указаніе, что колядки начинали пѣть наканунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря, и при этомъ переряживались. Отдѣлъ Синопсиса о Владимірѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, насчитывается пять крещеній русскихъ; пятое совершено Владиміромъ. Здѣсь-же говорится о Десятинной церкви въ Кіевѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы о княженіи Святополка, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святополка II, Владиміра Мономаха, Мстислава и др., до нашествія Батыя. Замѣтивъ о нашествіи татаръ и разореніи печерской лавры, Гизель вскорѣ переходитъ къ Димитрію Донскому и подробно говоритъ о Куликовской битвѣ. Повѣствованіе о княженіи Димитрія составляетъ почти треть книги. Сказавъ о гибели Мамая, Гизель переходитъ къ исторіи кіевскаго княжества, сначала подъ турецкимъ игомъ, потомъ подъ властью Литвы. Гизель говоритъ, что «грѣхъ ради человѣческихъ», по попущенію Божію, кіевское княженіе было обращено въ воеводства, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ воеводъ кіевскихъ, поставленныхъ польскими королями, витіевато и мимоходомъ замѣчаетъ о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 г., о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и затѣмъ сразу переходитъ къ турецкимъ походамъ подъ Чи-

гарины, которые излагаетъ самостоятельно, какъ современникъ. «Синопсисъ» заканчивается подробнымъ сообщеніемъ о силѣ московскихъ и козацкихъ войскъ, прибывшихъ къ Кіеву въ 1679 г., на оборону святыхъ мѣстъ кіевскихъ отъ грозившаго турецкаго нашествія.

Разсмотрѣніе «Синопсиса» приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ Великороссіи, причемъ въ исторіи московскаго государства пройдены молчаніемъ цѣлыя великія княженія и царствованія, напр., правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV, умолчано о такихъ событіяхъ, какъ покореніе Новгорода, исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ. 2) Историческія событія въ московскомъ государствѣ поставлены въ «Синопсисѣ» такъ, что должны дополнять собой или разъяснять событія малорусской исторіи. 3) Авторъ «Синопсиса» любитъ малороссіянъ и уважаетъ великороссіянъ; онъ гордится силой Москвы и съ большимъ почтеніемъ отзывается о московскихъ царяхъ; въ то же время онъ питаетъ вражду къ бусурманамъ татарамъ. 4) Авторъ «Синопсиса» очень рѣдко говоритъ о Польшѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношенія. 5) Съ внѣшней стороны «Синопсисъ», за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гизель говоритъ о царѣ, отличается обиліемъ фактовъ и изложеніемъ спокойнымъ, простымъ и яснымъ.

Общій выводъ о «Синопсисѣ» тотъ, что въ Малороссіи въ XVII и XVIII ст. это была полезная книга. Относительно развитія и укрѣпленія національнаго чувства, «Синопсисъ», разумѣется, не могъ спорить съ козацкой кроничкой, въ родѣ «Черниговской лѣтописи»; но такія кронички были рѣдкостью, составляли фамильное достояніе и очень немногіе могли читать ихъ. Синопсисъ-же былъ общедоступной книгой. Его можно было найти въ монастырской библіотекѣ, можно было купить у странствующаго книжнаго торговца. Въ Великороссіи «Синопсисъ» долженъ былъ представляться книгой менѣе интересной и менѣе полезной, чѣмъ въ Малороссіи, и нужно только удивляться его продолжительной популярности въ Москвѣ. Въ немъ было мало московскаго содержанія. «Синопсисъ», какъ учебникъ, въ Великороссіи представляется явленіемъ настолько-же неудовлетворительнымъ, какъ, напримѣръ, учебникъ Иловайскаго по русской исторіи нынѣ въ Малороссіи. Въ этомъ учебникѣ, какъ

извѣстно, о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Конашевичѣ Сагайдачномъ, о великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ. Какъ великороссіяне въ началѣ XVIII ст. не усматривали въ «Синопсисѣ» ни единаго слова о патріархѣ Никонѣ, такъ современное южно-русское учащееся юношество, одолѣвъ объемистую русскую исторію Иловайскаго, остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII ст. былъ, напр., такой энергическій и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишенскій, такой филологъ, какъ Памво Берында, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Галятовскій, Гизель, была такая героическая личность, какъ запорожскій кошевой Иванъ Сѣрко, остаются въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная. Не будемъ-же строго осуждать «Синопсисъ» за односторонность, тѣмъ болѣе, что не знаемъ, для кого собственно предназначалась эта книга, какъ великъ долженъ былъ быть районъ ея распространенія, по первоначальной мысли автора. Можетъ быть, Синопсисъ предназначался авторомъ только для Малороссіи: въ такомъ случаѣ вопросъ о неполнотѣ и односторонности устраняется самъ собой.

О добротѣ сердца и благотворительности Гизеля сохранились весьма похвальные отзывы его современниковъ, Зерникава, Радивиловскаго и Туптала. Зерникавъ свидѣтельствуетъ, что о добротѣ Гизеля много говорили въ обществѣ *). Антоній Радивиловскій сборникъ своихъ проповѣдей «Огородокъ Маріи Богородицы» (1676 г.) посвятилъ Гизелю. Въ предисловіи къ Гизелю онъ говоритъ: «Мыслячому мнѣ, кому бы-мъ сей начатокъ працы моей по преблагословенной Маріи Богородици, патроници нашей, мѣлъ приписати и офѣровати, высоце въ Богу превелебный отче архимандрита печерскій, отче, пастыру, патроне и добродѣю мой великій, пришла на память една сентенція римского красомовцы, который такъ мовитъ: невдячный есть, который, взявши добродѣйство, не признавается до онаго, же взялъ... А такъ во первыхъ, абымъ ся не показалъ невдячнымъ зъ непризнаваня взятыхъ добродѣйствъ, признаваю, жемъ досыть великихъ въ сей святой печерской обители дозналъ отъ пре-

*) Труды кіевской духовной академіи 1860, т. III, стр. 187.

велебности твоей благодѣяній. Если уважаю мешканя моего въ обители сей святой печерской початокъ, той ни на чомъ иншомъ не былъ заложенъ, тылко на щегульной по преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородици ласцѣ и добродѣйствѣ превелебности твоей, который мене непотребного раба въ злыи военныи небезпечныи часы, якъ ласкавый отецъ сына своего, до себе пригорнувши, завшесь мнѣ гойные при любвѣ своей отеческой высвѣдчати рачилъ доброчинности... Если припомню себѣ, презъ лѣтъ уже то подъ двадцать, въ обители св. печерской мешкане мое, признаваю, же не было того дня, которого бымъ твоей отеческой не дозналъ ку себѣ любови и ласки. Что справовало, жесь мене недостойнаго раба своего межи честную св. великой обители печерской полчивши братію, наперéдъ учинилъ проповѣдникомъ слова Божого и братомъ соборнымъ, а потомъ намѣстникомъ?—Особливая любовь и ласка превелебности твоей. Что справовало притомъ, жесь не хотѣлъ, абы и сія моя подлая праца была въ пѣску невѣдомости людской загребена, але которые-мъ словеса, якъ тутъ при бытности твоей въ святой великой чудотворной обители печерской, такъ и въ иншихъ кіевскихъ обителехъ святыхъ съ катедры до людей проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказало бкло? Справовала то особливая ку мнѣ любовь и ласка превелебности твоей; бо гдѣ-бы въ томъ любви и ласки отеческои твоей ко мнѣ не было, я бымъ ся самъ, будучи подлои науки, нѣколи того не важилъ, чого и высокои науки люде заледво ея важатъ... Правдать хотячому мнѣ сей Огородокъ маріанскій превелебности твоей, добродѣеви моему, приписати, стануло въ очи великое превелебности твоей смиреніе, которое съ великими твоими добродѣйствы ку мнѣ оказанными валчачи, чинило мнѣ встрепть, приводячи на память тое, же отъ людей на семъ свѣтѣ жадной не потребуешь славы, памятуючи на слова Господни: «славы отъ человѣкъ не пріемлю»; але по долгой спорцѣ смиренія твоего съ добродѣйствами, тріумфуютъ великія твои ку мнѣ освѣдченыи добродѣйства... Пишетъ Арістотелесъ, же есть въ Сициліи жродло *накименииль виру*, въ которомъ гды будетъ погружено птаство умерлое оживетъ, и кто-жъ не признаетъ, же естесь такимъ жродломъ превелебность твоя? бо якъ въ ономъ жродлѣ вода птаство умерлое оживляетъ, такъ милосердіе твое неводзныхъ и утрапленыхъ людей, яко то вдовъ, сиротъ, пришельцовъ, невольп-

никовъ, недостаткомъ и гладомъ зморенныхъ власне ожиляетъ... Не единъ бо зъ людей утрапленныхъ, отъ непріятеля зъ добръ власныхъ вигнаный и зъ всего обнаженный, не маючи гдѣ прихилити главы, въ кіевской области отъ зимна, наготы и гладу умерти мусѣлъ, іды бы его превелебность твоя добродѣйствомъ своимъ не притулилъ, не препиталъ, не пріодѣлъ и не надарилъ» [1]. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентій Гизель «крины имѣнія насаждалъ обильно въ полѣ, въ рукахъ убогихъ, плодовитый былъ милостыни раздаватель...; такъ былъ милостивъ къ убогимъ, что его другимъ Іоанномъ Милостивымъ называли. То его было украшеніе—нищаго утѣшити; то его была утѣха—алчущаго напоити; то его крины—нагаго одѣти... Сей то былъ отецъ сиротамъ, что и найменьшаго не презрѣлъ, но ласковымъ своимъ нань окомъ призрѣлъ; сей то былъ пастырь овцамъ, что и найподлѣйшей овечкѣ промышлялъ довольное прокормленіе; сей то былъ благодѣтель, отъ котораго никто тщима не отошелъ рукама» [2].

18 ноября 1683 года скончался Гизель [3]. Самуилъ Величко въ своей Лѣтописи замѣтилъ: «нарочитый и знаменитый Иннокентій Гизель, архимандритъ кіево-печерскій, мужъ премудрый, столпъ благочестія святаго непоколебимъ, свѣтило церковное, чрезъ наитіе смертное сгаснуло» [4]. 28 ноября 1683 г. гетманъ Самойловичъ увѣдомилъ московское правительство о кончинѣ Иннокентія Гизеля и просилъ разрѣшить избрать для лавры новаго архимандрита [5]. Въ концѣ того-же 1683 г. патріархъ Іоакимъ писалъ

---

[1]) Антоній Радивиловскій, «Огородокъ Маріи Богородицы». Второе посвященіе (первое обращеніе къ Богородицѣ). Одинъ экземпляръ «Огородка» находится въ фундаментальной библіотекѣ харьковскаго университета; одинъ экземпляръ въ харьковской духовной семинаріи.

[2]) Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, Сочиненія. изд. 5, т. III. стр. 651.

[3]) Похвальное слово Димитрія Туптала Гизелю, произнесенное годъ спустя послѣ его кончины, помѣчено 24 февраля 1685 г. Вѣроятно по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ исторіяхъ литературы, напр. въ «Обзорѣ» Филарета, годомъ смерти Гизеля поставленъ 1684. Но цифра эта невѣрна. По многочисленнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, Гизель скончался въ ноябрѣ 1683 г.; свидѣтельства эти: «Лѣтопись» С. Величка, «Черниговская лѣтопись» Бѣлозерскаго, грамоты гетмана и патріарха.

[4]) С. Величко, Лѣтопись, т. II, стр. 530.

[5]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д. Малорос. дѣла, связки 60—61.

гетману: «Егда наша мѣрность писаніе любве твоея пріятъ, кое намъ извѣстное вѣдѣніе сотворило о отшествіи ко Богу жизни сея Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита, иже добродѣтельный мужъ и нашей мѣрности любезенъ бѣ, абіе жалѣніемъ по немъ содержахомся» [1]). Патріархъ послалъ свое благословеніе на избраніе новаго архимандрита. Избранія удостоился игуменъ кіево-никольскаго монастыря, Варлаамъ Ясинскій.

Годъ спустя послѣ кончины Иннокентія Гизеля, Димитрій Туптало въ кіево-печерской лаврѣ сказалъ въ память его похвальное слово, или «Пирамиду», весьма пространное, обильное текстами изъ св. писанія и разными схоластическими сравненіями и уподобленіями. «Такому человѣку, говорилъ проповѣдникъ, въ Бозѣ усопшему господину отцу Иннокентію Гизелю..., отцу и пастырю нашему годовую нынѣ отправляемъ память, котораго память не отъидетъ, а имя его и въ послѣдующіе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и посторонним извѣстна, а за добрыя свои дѣла въ устахъ всѣхъ имѣетъ хвалу. Тутъ и ты, смерть, не береши, ибо «упованіе его безсмертія исполнено». И ты, время, своими забвенія зубами такого человѣка не изгрызешь памяти, ибо «въ память вѣчную будетъ праведникъ»...

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I, т. V. стр. 211.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ.

1. О началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской духовной академіи.

Исторіографъ Миллеръ и В. Рубанъ въ «Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года заявили, что константинопольскій патріархъ Іеремія II во время путешествія своего изъ Москвы чрезъ Кіевъ благословилъ кіевскую школу, существовавшую при кіево-подольской богоявленской церкви и возвысилъ ее, что школа эта въ 1614 году сгорѣла, а въ 1615 году перешла во дворъ, подаренный ей Анной Лозкиной-Гулѣвичной, женой маршала мозырскаго. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, митрополитъ Евгеній начало кіевской духовной академіи положилъ въ 1589 году. Ему послѣдовали іеромонахъ (въ послѣдствіи московскій митрополитъ) Макарій и В. Аскоченскій, каждый въ своей исторіи кіевской академіи. Но Михаилъ А. Максимовичъ въ «Запискахъ о первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства», изданныхъ въ 1865 году, не призналъ достовѣрнымъ существованіе ни кіевскаго братства съ его церковью, ни кіевской школы до 1615 г., т. е. до записи Лозкиной-Гулевичевой, которою она свой собственный дворъ и землю въ Кіевѣ записала и на вѣкъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской*, подъ школу дѣтей какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ и сверхъ того подъ гостинницу. Свое заключеніе М. А. Максимовичъ основывалъ на томъ, что въ того-временной письменности не видно богоявленской въ Кіевѣ церкви, при которой находилась-бы братская школа, и что купчая крѣпость 1594 г. на проданный братскому монастырю кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обуховымъ Сверщовскій дворъ на

Подолѣ и сѣножать на Оболони не сохранились въ подлинникѣ, а только упоминаются въ царской грамотѣ 1694 года. Вслѣдъ за тѣмъ преосвященный м. Макарій въ X томѣ «Исторіи Русской Церкви» отказался отъ прежняго мнѣнія о началѣ кіевской академіи, высказаннаго имъ въ юношескомъ его трудѣ—исторіи этой академіи, согласившись съ мнѣніемъ Максимовича. Мнѣніе Максимовича принялъ и С. Т. Голубевъ въ своемъ изслѣдованіи о Петрѣ Могилѣ. Пріурочивая основаніе кіевской школы къ 1615 году, Максимовичъ и м. Макарій относятъ къ тому-же году и заложеніе первой богоявленской церкви братскаго монастыря, а строителемъ ея признаютъ гетмана Петра Сагайдачнаго, основываясь на Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 г., заимствовавшемъ это свѣдѣніе изъ не сохранившагося стараго братскаго синодика. Но при всемъ уваженіи къ памяти такого точнаго изслѣдователя старины, какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, мы позволяемъ себѣ усомниться въ вѣрности его выводовъ по сему предмету, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ указаній, бывшихъ неизвѣстными ему.

Начнемъ съ вопроса о началѣ богоявленской церкви. Съ мнѣніемъ Максимовича о построеніи первой богоявленской церкви Сагайдачнымъ надлежало бы согласиться тѣмъ болѣе, что создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской, призналъ того-же Сагайдачнаго и антіохійскій патріархъ Паисій въ своей грамотѣ, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 году [1]. Но «письмо духовныхъ и мірскихъ братій» къ царю Михаилу Федоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., сохраняющееся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приводитъ къ нѣсколько иному рѣшенію. Въ этомъ письмѣ кіевскіе братчики просятъ царя «о милостыни на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, Благовѣщенія и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, возведенной уже до верха съ *помощію его царскихъ даровъ*, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Изъ этого документа прежде всего слѣдуетъ, что сооруженная при Сагайдачномъ богоявленская церковь окончена не задолго до его кончины, послѣдовавшей въ 1632 году, и что Сагайдачный былъ не единственнымъ, а только однимъ изъ главныхъ жертвователей на со-

---

[1] Памят. кіевской коммисіи, Т. II, стр. 189.

оруженіе этой церкви. Если-же кіево-братская богоявленская церковь въ 1625 году была еще безъ покрова и верха, то во вторыхъ слѣдуетъ, что ее нужно отличать отъ той богоявленской церкви, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Наконецъ естественно возникаетъ вопросъ, когда же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ? Безъ сомнѣнія не въ 1615 году, ибо не могла же она обветшать такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковью. По всей вѣроятности это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія. А что патріархъ Іеремія II дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторіографъ Миллеръ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленнаго спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 году, бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха *Іереміи* во весь ростъ, съ красивымъ лицемъ и бородою, между портретами александрійскаго патріарха Мелетія и іерусалимскаго Ѳеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена. Да и трудно представить, чтобы патріархъ Іеремія II, путешествовавшій въ Россію преимущественно для сбора милостыни въ пользу своей патріархіи, не посѣтилъ Кіева, главнаго города богатой козацкой страны, между тѣмъ какъ останавливался въ Вильнѣ и Брестѣ и 4 мѣсяца прожилъ въ Замостьѣ. Нельзя также отвергать и свидѣтельства выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ о существованіи кіево-братскаго монастыря въ 1594 году, приведенной на справку въ царской грамотѣ 1694 года, потому только, что выпись эта не дошла до насъ въ подлинникѣ. Доста-

точно и того, что до насъ дошла въ подлинникѣ царская грамота, въ которой приведена эта выпись, такъ какъ безъ подлежащей провѣрки выпись не могла быть помѣщена въ царской грамотѣ. Во всякомъ случаѣ грамота эта болѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ свидѣтельство утраченнаго братскаго синодика о создателѣ богоявленской церкви, переданное въ Кіевскомъ Мѣсяцословѣ 1799 года, которому всѣ вѣрили, не исключая и М. А. Максимовича. Наконецъ въ самой записи Гальшки Лозкиной-Гулевичевой 1615 года находятся довольно ясные намеки на существованіе и братской школы и патріаршеской при ней ставропигіи раньше этого времени. Въ записи этой сама жертвовательница пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Купинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршеской ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Купинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, *ввела* въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся, которые только переводятся изъ одного помѣщенія въ другое. Итакъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школой, существовала раньше 1615 года, что зданіе этой школы дѣйствительно сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-

Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія уничтоженныя пожаромъ. Самое умолчаніе о церкви въ этой записи уже предполагаетъ ея существованіе; иначе надлежало-бы сказать, что церковь строится или будетъ построена вслѣдъ за открытіемъ школы и переселеніемъ монашествующихъ, которые не могли существовать безъ церкви. Относя затѣмъ первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, слѣдуетъ въ этомъ-же 1589 году положить и начало кіевской академіи, возникшей изъ этой школы. Слѣдовательно въ 1889 г., въ сентябрѣ или въ октябрѣ, кіевская духовная академія можетъ праздновать 300-лѣтіе своего существованія.

Не совсѣмъ ясна исторія и нынѣ существующей каменной богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря. По общепринятому мнѣнію она сооружена въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка бывшимъ малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою; но это мнѣніе основывается болѣе на преданіи. Единственное письменное свѣдѣніе, на которое ссылались описатели Кіева, заключается въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 года, гдѣ сказано, что огромная, каменная, богоявленская церковь братскаго монастыря построена въ 1693 году. Имя создателя этого храма не упомянуто ни здѣсь, ни въ другихъ сочиненіяхъ, касавшихся Кіева. Похилѣвичъ первый печатно назвалъ Мазепу строителемъ братской богоявленской церкви въ «Описаніи церквей и монастырей г. Кіева», означивъ временемъ построенія ея 1693 годъ, показанный въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ, но сдѣлалъ это голословно. Костомаровъ въ своей монографіи о «Мазепѣ», сославшись на Кіевскій Мѣсяцесловъ 1799 года и на Похилѣвича, сказалъ, что братская богоявленская церковь и большая церковь кіево-николаевскаго монастыря построены Иваномъ Мазепою въ 1690 году. Такимъ образомъ строеніе братской богоявленской церкви приписывается Мазепѣ лишь по преданію, а годъ означается приблизительно. Также по преданію, безъ современныхъ письменныхъ указаній, приписывалось ему и построеніе нижняго этажа стараго академическаго корпуса, въ которомъ нынѣ помѣ-

щается музей академіи. Но что приписывалось Мазепѣ однимъ преданіемъ, то можно теперь подтвердить и письменными, современными документами. Въ моск. архивѣ министерства иностр. дѣлъ (Малор. д. 1693 г. № $\frac{901}{686}$) хранится письмо Мазепы къ царямъ Іоанну и Петру отъ 21 мая 1693 года, относящееся къ построенію церквей братской и кіево-николаевской, въ которомъ указаны и строитель и мастеръ этихъ церквей. Въ письмѣ этомъ Мазепа пишетъ, что «москвичъ, каменнаго дѣла мастеръ, Іосифъ Дмитріевъ обязался выставить ему двѣ каменныя церкви—одну въ монастырѣ братскомъ, а другую въ пустынскомъ св. Николая и получилъ по условію всѣ деньги 5000 рублей, боровицо и солонину, а дѣло церквей еще не окончено и много не приведено до своего совершенства, и потому просилъ выслать сего мастера въ Кіевъ, такъ какъ по слухамъ онъ хочетъ ѣхать на работу въ Смоленскъ». Изъ этого письма видно, что каменная богоявленская церковь кіево-братскаго монастыря строителемъ своимъ имѣла несомнѣнно Ивана Мазепу и что она окончена около 1693 года. Единственное свидѣтельство изъ прошлаго столѣтія о построеніи Мазепой нижняго этажа стараго академическаго корпуса находится въ старой описи кіево-михайловскаго монастыря, гдѣ сказано, что «митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій истощи имѣніе свое на созданіе кіевскихъ училищъ, яже на *древнемъ Мазепы гетмана основаніи* красно архитекторомъ иноземцемъ соверши». Изъ сличенія-же стараго академическаго корпуса въ нынѣшнемъ его состояніи съ первоначальнымъ его видомъ, сохранившимся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, на гравюрѣ 1700—1703 г., изданной при ректорѣ Колачинскомъ, можно усмотрѣть, что Мазепой устроенъ для академіи не одноэтажный, а двухъ-этажный корпусъ, и что митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преобразована только средняя часть верхняго этажа, въ которой устроенъ залъ, съ хорами на двухъ сторонахъ, и пристроена конгрегаціонная церковь съ куполомъ, а двѣ комнаты между церковью и заломъ и двѣ комнаты съ западной стороны, изъ коихъ въ одной въ 1837 году помѣщена лѣстница, служившія до 1869 года классными аудиторіями, остались въ первобытномъ своемъ состояніи, кромѣ задѣлки окошекъ въ южной стѣнѣ, сдѣланой въ 1868 году, при ректорѣ, архимандритѣ Филаретѣ.

2. О преобразованіи бывшаго въ Кіевѣ на Подолѣ доминиканскаго костела св. Николая въ православную церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла.

Изъ «Описанія кіево-софійскаго собора» митрополита Евгенія и изъ «Историческаго извѣстія о мѣстности, занимаемой нынѣ кіевскою духовною семинаріей» Е. М. Крыжановскаго извѣстно, что зданіе нынѣшней петро-павловской церкви кіевской духовной семинаріи, бывшій доминиканскій костелъ св. Николая, отдано въ 1691 году, со всѣми принадлежавшими къ нему угодіями, митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому, по его просьбѣ; съ пособіемъ отъ казны запустѣлое костельное зданіе преобразовано въ церковь св. апостоловъ Петра и Павла, съ придѣломъ во имя Алексія, человѣка Божія, но въ окончательно совершенный видъ оно приведено только въ половинѣ XVIII вѣка, когда въ 1744 году императрица Елисавета Петровна пожаловала 2,500 рублей для устройства въ этой церкви новаго придѣла во имя св. Захаріи и Елизаветы и для построенія двухэтажной каменной колокольни. Свѣдѣнія эти можно еще пополнить сохранившимся въ моск. архивѣ министерства иностран. дѣлъ (Книга дѣлъ, до кіев. митрополіи относящихся 1681—1690 г.) письмомъ митрополита Варлаама Ясинскаго къ царю Петру Алексѣевичу по сему предмету. Въ этомъ письмѣ митрополитъ проситъ царя отдать ему находящійся въ нижнемъ Кіевѣ, посредѣ града, доминиканскій костелъ каменный, запустѣлый и по многу разоренный, который у ляховъ былъ заложенъ во имя св. Николая». «А понеже, пишетъ онъ, въ Кіевѣ есть много церквей св. Николая, а нѣтъ церкви ангела монаршаго, первоверховнаго апостола Петра, тоже нѣтъ церкви Алексѣя, Божія человѣка, ангела благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, того ради бью челомъ, да по изволенью монаршему будетъ съ того костела церковь Петра и Павла съ придѣломъ Алексѣя человѣка Божія». Къ сему митрополитъ Варлаамъ добавилъ, что «ниже безчестно и ниже неправедно есть, дабы съ того костела построена церковь, понеже тотъ костелъ созданъ весь изъ церковнаго каменія и кирпича отъ ляховъ, разбирающихъ въ Вышгородѣ церковь каменную св. Бориса и Глѣба». Въ 1695 г. іюля 3 дня, указомъ на имя гетмана Ма-

зены, велѣно къ прежней дачѣ 500 рублей прибавить изъ казны 200 рублей «на совершеніе церкви каменной св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и придѣла Алексѣя человѣка Божія и на иконостасъ въ туже церковь». Такимъ образомъ превращеніе зданія доминиканскаго костела въ православную церковь не было присвоеніемъ чужой собственности, а дѣломъ справедливости, возвращеніемъ зданія тѣмъ, кому принадлежалъ древній его матеріалъ. Нынѣ придѣлъ св. Захаріи и Елисаветы не существуетъ уже въ семинарской петро-павловской церкви: въ 1860 году онъ переосвященъ во имя св. Алексѣя человѣка Божія, а придѣлъ алексѣевскій, составлявшій отдѣльную, малую и теплую церковь въ сѣверовосточномъ углу, упраздненъ по устройствѣ печей въ большой петропавловской церкви.

---

3. Возобновленіе кіево-софійскаго собора въ концѣ XVII в. и судьба кіевскихъ церквей св. Василія и Екатерины.

Приведеніе кіево-софійскаго собора въ настоящій внѣшній видъ, съ постройкою 2-го этажа на низкихъ папертяхъ съ сѣверной и южной стороны и 6-ти новыхъ куполовъ въ дополненіе къ 5-ти древнимъ, долгое время приписывалось митрополиту Петру Могилѣ. Не давно открытый видъ софійскаго собора въ гравюрѣ 1657 года наглядно убѣдилъ, что переформировка наружной его части совершилась уже послѣ митрополита Петра Могилы, умершаго въ 1647 г. Въ свое время, именно на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ нашемъ рефератѣ о кіево-софійскомъ соборѣ разъяснено и доказано, что преобразованіе это состоялось въ концѣ XVII вѣка, на средства царей Іоанна и Петра и при участіи гетмана И. Мазепы. Еще болѣе уясняется это дѣло документами, находящимися въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій первый началъ хлопотать о приведеніи своего каѳедральнаго храма въ лучшій видъ послѣ его запустѣнія въ небытность въ Кіевѣ митрополитовъ съ 1651 по 1685 годъ. Воспользовавшись значительными царскими милостями лично для себя при поставленіи своемъ въ санъ митрополита, совершившемся въ Москвѣ, онъ не мало получилъ ихъ и для кіево-софійскаго собора по при-

бытія изъ Москвы въ Кіевъ. Такъ въ 1686 г., по его просьбѣ, чрезъ намѣстника софійскаго Страховскаго, царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами пожалованы: 1) священные сосуды къ жертвеннику—потиръ, дискосъ, два блюда, звѣзда и лжица серебряные, рѣзные, вызолоченые, вѣсомъ 4 фунта, съ изображеніями евангелистовъ на днѣ дискоса; къ нимъ даны воздухъ и покровы бархатные алые съ четвероконечными крестами, нанизанными на нихъ жемчугомъ, обитые по краямъ золотнистымъ кружевомъ и подшитые атласомъ; 2) бархатный покровъ на гробъ великаго князя Ярослава Владиміровича, длиною 3 аршина и шириной 1½ аршина, съ нашитымъ по срединѣ крестомъ изъ серебрянаго кружева; 3) два серебряные вызолоченые дикирій и трикирій, вѣсомъ 2 фунта 5 золотниковъ; 4) мѣдное паникадило вѣсомъ 23 пуда и 5) одежда изъ черчатаго атласу, съ крестомъ изъ серебрянаго кружева, на престолъ великаго олтаря. Въ 1688 году по царскому указу отправленъ былъ изъ Москвы въ Кіевъ колокольнаго дѣла дорекій мастеръ Федоръ Леонтьевъ для перелитія разбитаго софійскаго колокола съ добавленіемъ къ нему 55 пудовъ мѣди къ 172 пудамъ, оказавшимся въ разбитомъ колоколѣ. Когда отлитый колоколъ оказался тонкимъ и вновь разбился, то посланный вновь изъ Москвы мастеръ вылилъ колоколъ уже въ 406 пудовъ съ употребленіемъ на это добавочной казенной мѣди изъ разорванныхъ пушекъ и пищалей. Въ тоже время митрополитъ Гедеонъ просилъ у царей пособія на возобновленіе самаго храма св. Софіи и разрѣшенія разобрать и употребить на починку его «двѣ церкви каменныя, гораздо худыя, что стоятъ пусты въ городѣ, св. Екатерины и св. Василія», а по царскому указу отъ 12 октября 1688 года повелѣно было «боярину Бутурлину съ товарищи осмотрѣть церковь св. Софіи, измѣрить длиною и шириною, и поперекъ и въ вышину, и двери и окна и въ немъ всякое строенье и худые и опалые мѣста въ немъ описать именно и учинить той церкви и всему строенью и худымъ мѣстамъ чертежъ и на чертежѣ подписать, да той прислать къ нимъ великимъ государямъ въ приказъ Малыя Россіи безъ мотчанья» (М. арх. м. ин. д., Дѣла кіев. митр., л. 40, 56, 84, 179 и 214).

Спустя три года послѣ сего игуменья кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря просила (ibid., л. 215—219) объ отдачѣ подъ свой монастырь каменной трехсвятительской церкви. По этому поводу но-

вымъ царскимъ указомъ подтверждено было о доставленіи описи и чертежей св. Софіи; но были-ли онѣ доставлены тогда, остается неизвѣстнымъ. Преемникъ м. Гедеона, митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ 1691 г. испрашивая себѣ *поммірную* дань, шедшую прежде на бискупскій костелъ св. Николая, называетъ себя еще «долженствующимъ строити свято-софійскую церковь». Но въ 1699 г. грамотою государевою попеченіе о строеніи церкви св. Софіи поручено кіевской ратушѣ. Бывшій въ 1701 г. въ Кіевѣ, проѣздомъ въ Іерусалимъ, московскій священникъ Лукьяновъ не упоминаетъ о какихъ либо работахъ въ софійскомъ соборѣ, а говоритъ, что «церковь св. Софіи зѣло хороша и образцовата, да въ ней строенья ничего нѣтъ, пусто, иконъ нѣтъ, а старое въ ней письмо митрополитъ известью замазалъ». Въ 1706 году митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ грамотѣ своей, данной выдубицкому монастырю, свидѣтельствовалъ уже, что «благодатію Божіею, по милости его царскаго величества и призрѣніемъ патронскимъ рейментарскимъ ясневельможного, его милости, пана гетмана и кавалера обитель свято-софійская есть значно обновлена въ своемъ украшеніи сими часы, такъ церковномъ, яко и господарскомъ». Итакъ можно полагать, что наружное обновленіе софійскаго нашего храма началось въ 1690 году и окончено въ 1701 году, а внутреннее его украшеніе продолжалось за тѣмъ до 1706 года [1]).

Что касается церквей трехсвятительской и екатерининской, разобрать которыя, съ употребленіемъ ихъ матеріала на подѣлки въ софійскомъ соборѣ, просилъ разрѣшенія митрополитъ Гедеонъ, то ихъ миновала эта участь, такъ какъ митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, вскорѣ по вступленіи своемъ на кіевскую каѳедру, хлопоталъ уже не о разобраніи, а о возстановленіи этихъ церквей. Въ 3-мъ пунктѣ своей просьбы онъ просилъ у царей дать ему «къ досмот-

[1]) Производителемъ работъ по преобразованію софійскаго собора въ настоящій его наружный видъ былъ вѣроятно тотъ-же московскій каменнаго дѣла мастеръ, который строилъ на счетъ Мазепы церкви въ братскомъ и николъскомъ монастыряхъ, что подтверждается и самымъ характеромъ ихъ архитектуры. Онъ то заложилъ арки въ нижнихъ папертяхъ собора, наставилъ верхній этажъ на сѣверной и южной папертяхъ, поставилъ щиты на западной и восточной стѣнахъ, соорудилъ контрфорсы и возвелъ 6 новыхъ куполовъ, по 3 на сѣверной и южной сторонахъ.

рѣніе и въ строенье въ верхнемъ Кіевѣ церковь каменную запустѣлую и по много разоренную, идѣже св. Владиміръ три начальныхъ идолы сокруши, созданную во имя ангела его св. Василія и равноапостольныхъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, заступниковъ всѣмъ россомъ; и чтобы таможде въ верхнемъ градѣ Кіевѣ развалешную церковь каменную св. великомученицы Екатерины благоволила тщаніемъ и иждивеніемъ царскимъ *возстановити* и *обновити* въ тезоименитство той святой царевны, дѣвицы Екатерины, благовѣрной царевны и великой княжны Екатерины Алексѣевны». При этомъ прописано, что «церковь трехъ святителей стоитъ пуста, обнищала и утѣснена житными анбарами: анбары эти съ западной стороны церкви, да анбаръ въ 11 саженъ отъ олтаря 3 сажени съ аршиномъ; съ лѣвой стороны анбаръ подлѣ самой церкви, а отъ полуденныхъ дверей до анбара 17 саженъ» (ibid. л. 4). Въ прошеніи игуменіи кіево-михайловскаго монастыря Агаѳіи— 1688 г. значится, что «трехсвятительская церковь стоитъ безъ главъ, которыя порушились». Просьба митрополита Варлаама относительно трехсвятительской церкви [1]) была удовлетворена и церковь ему отдана съ очищеніемъ ея отъ житныхъ анбаровъ по грамотѣ отъ 28 сентября 1691 года, а Варлаамъ, возобновивши ее, устроилъ при ней мужской монастырь, который въ 1787 году упраздненъ съ обращеніемъ церкви въ приходскую, каковою она считается и нынѣ. Что касается церкви св. великомученицы Екатерины, то дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна, но по всей вѣроятности остатки ея стѣнъ и фундаментовъ скрывались подъ валомъ до 1832 года, а въ этомъ году они открыты Лохвицкимъ и стали извѣстны подъ именемъ остатковъ церкви св. *Ирины*. Впрочемъ слѣды древней каменной церкви можно было примѣтить въ недавнее время еще ближе къ софійскому собору, при самомъ выходѣ

---

[1]) На мѣстѣ этой церкви, гдѣ стоялъ Перунъ, при св. Владимірѣ была срублена деревянная церковь во имя св. Василія: въ 1184 г. эта церковь замѣнена новою каменною въ тоже имя, сооруженною Святополкомъ II Всеволодовичемъ. По челобитью игумена кіево-богоявленскаго монастыря, церковь васильевская въ 1638 г. приписана къ сему монастырю съ дворами, купчиными людьми и землями, пожалованными ей еще отъ великихъ князей около нынѣшней Братской Борщаговки. Въ 1651 году она обгорѣла и въ 1682 г. обращена въ дворъ воеводы съ 9-ю житными анбарами.

изъ южныхъ воротъ его ограды, что подъ баіпней; теперь они накрыты мостовою. Могла быть и здѣсь обгалнапаяся церковь св. Екатерины. Лясcота въ 1594 г. видѣлъ церковь св. Екатерины въ развалинахъ, близъ св. Софіи; а діаконъ Павелъ, сопутствовавшій антіохійскому патріарху Іоакиму, въ 1655 г. видѣлъ вокругъ софійскаго собора развалины многихъ церквей. Вѣроятно это были еще развалины церквей Богородицы Пирогощей, Симеона въ Копыревѣ концѣ, Андреевской или Янчина монастыря, Ботчей-Θеодоровской, св. Іоанна, св. Спаса и св. Никиты.

4. О дѣвичьемъ монастырѣ при кіево-михайловскомъ мужскомъ монастырѣ.

Что женскій или дѣвичій монастырь былъ въ XVII вѣкѣ при кіево-михайловскомъ монастырѣ и что въ 1712 году онъ по указу Петра I-го перемѣщенъ на Подолъ—въ іорданскій богословскій монастырь, это не подлежитъ сомнѣнію. Описатели Кіева къ сему добавляютъ, что онъ находился по лѣвую сторону соборной михайловской церкви, гдѣ теперь братскій корпусъ, и назывался Богословскимъ, имѣя особую деревянную церковь, вмѣсто которой, по упраздненіи женскаго здѣсь монастыря, построена каменная церковь во имя св. Іоанна Богослова по правую сторону михайловской соборной. О женскомъ или инокскомъ монастырѣ при михайловскомъ монастырѣ, въ которомъ жили дочь и племянница митрополита Іова Борецкаго, упоминается въ его завѣщаніи 1631 года, но монастырь этотъ здѣсь называется женскимъ михайловскимъ, а не *Богословскимъ*. Изъ хранящейся-же въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ просьбы игуменіи Агаѳіи становится извѣстнымъ, что до 1688 г. въ злато-верхо-михайловскомъ монастырѣ не было даже особой церкви для монахинь, а ходили онѣ для слушанія богослуженія въ общую михайловскую церковь, что конечно было не удобно во многихъ отношеніяхъ. Посему игуменія кіевомихайловскаго дѣвичьяго монастыря Агаѳія, прибывши въ Москву

---

[1]) Въ завѣщаніи митрополита Гедеона Четвертинскаго 1689 г. михайловскому дѣвичьему монастырю, въ числѣ прочихъ 4-мъ, назначено 100 золотыхъ.

съ 3 старицами и 20-ю служками, просила царей о переселеніи своего монастыря на иное мѣсто. Прописывая, что онѣ терпятъ большое угнѣтенье отъ игумена Сильвестра и братіи 15 человѣкъ, ходя въ михайловскую церковь и работая въ огородахъ и на поляхъ монастырскихъ, монахини просили дать имъ опустѣлую церковь трехъ-святителей (Малор. дѣла 1683 г. № 584). Въ отвѣтъ на эту просьбу было затребовано отъ кіевскаго воеводы свѣдѣніе о состояніи этой церкви, но была-ли окончательна просьба удовлетворена, изъ дѣла не видно. Между тѣмъ изъ уцѣлѣвшихъ въ архивѣ кіев. консисторіи нѣкоторыхъ бумагъ видно, что спустя еще около 20-ти лѣтъ шло дѣло лишь о перенесеніи михайловскаго дѣвичьяго монастыря на иное мѣсто. Въ 1706 году Петръ I-й, будучи въ Кіевѣ по пути въ Польшу, и въ день Рождества Христова слѣдуя изъ Печерска въ Старый Городъ, усмотрѣлъ значительное количество лѣснаго матеріала, приготовленнаго на горѣ, между Печерскомъ и городомъ, для устройства михайловскаго дѣвичьяго монастыря, имѣвшаго переселиться на ту гору. На какой именно горѣ предположено было устроить этотъ монастырь, изъ бумагъ не видно, но по всей вѣроятности это была мѣстность нынѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, ибо другой горы между Печерскомъ и Старымъ Городомъ нѣтъ, а въ государевомъ саду монахинямъ безъ указу конечно невозможно было селиться. Государь, пріѣхавши къ генералу Андрею Гульцу, б. губернатору, призвалъ вечеромъ къ себѣ переяславскаго епископа (вѣроятно Захарію Корниловича, викарія кіевскаго митрополита), софійскаго намѣстника Іоанникія Сенютовича и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и бѣлорусскаго епископа Сильвестра, при всѣхъ великороссійскихъ полковникахъ приказалъ не строить тамъ монастыря, а монахинь размѣстить по прочимъ монастырямъ, повелѣвъ тогда-же не постригать молодыхъ женщинъ въ монахини. Когда послѣ полтавской баталіи государь прибылъ во второй разъ въ Кіевъ, Іоанникій Сенютовичъ, въ то время уже игуменъ михайловскаго златоверхаго монастыря, съ вѣдома и благословенія митрополита, подалъ государю по дѣлу о женскомъ монастырѣ челобитную, на обѣдѣ въ архіерейскомъ домѣ; государь, принявъ челобитную, удивился, что доселѣ не приведенъ въ исполненіе его указъ объ упраздненіи михайловскаго дѣвичьяго монастыря и приказалъ князю Дмитрію (Голицыну), согласясь съ пре-

освященнымъ, исполнить Высочайшее о семъ повелѣніе. За тѣмъ предъ праздникомъ Рождества Христова полученъ изъ Курска отъ того-же князя приказъ кіевскому коменданту, чтобы онъ немедленно, до праздника, всѣхъ черницъ михайловскихъ вывелъ въ іорданскій монастырь. Приказъ былъ исполненъ, монахини переведены, при чемъ имъ даны келіи въ замѣнъ ихъ прежнихъ келій съ тѣмъ, чтобы жили онѣ здѣсь подъ вѣдѣніемъ одной начальницы. Переселяясь, монахини вывезли съ собою всю церковную утварь и взяли сундучекъ съ немалою суммою монастырской казны, а монастырь, по словамъ игумена, оставили впустѣ въ разореніе, не заявивши даже архипастырю о своемъ переселеніи. Чрезъ нѣсколько дней, игуменъ Іоанникій, освѣдомясь какъ о семъ, такъ и о расхищеніи разными лицами оставшагося въ монастырѣ строенія, просилъ коменданта приставить къ монастырскимъ зданіямъ караулъ; за тѣмъ въ теченіи всего дальнѣйшаго времени зимы «черницы безпрепятственно вывозили изъ своихъ келій все свое, разбирая даже бывшія свои келіи, а иніи продавали то солдатамъ, то въ михайловскій мужской монастырь, а отъ келій, отказанныхъ монастырю по умершихъ монахиняхъ отрывали окна, двери и замки». По наступленіи весны игуменъ Іоанникій, съ дозволенія князя, присоединилъ мѣстность дѣвичьяго монастыря къ своему мужскому михайловскому монастырю, снявши ограду, раздѣлявшую оба эти монастыри. Оказалась теперь и церковь въ дѣвичьемъ монастырѣ, которая съ благословенія митрополита взята въ полкъ печерскаго коменданта Николая Кринка; за это обѣщано доставить въ монастырь полтретя-ста осмакъ ванны, но обѣщаніе не исполнено подъ предлогомъ, что это была церковь не монашеская, а государева [1]). «Звоничка, бывшая на брамѣ, разобрана и звонцы перевезены на михайловскую монастырскую звоницу. Гетманскіе деньги отецъ епископъ (Захарія Корниловичъ) упросилъ отдать въ михайловскій мужской монастырь на томъ основаніи, что бывшій гетманъ (Мазепа) имѣлъ дать для этого монастыря на *деисусъ* (иконостасъ) тысячъ десять». Такъ объяснялъ игуменъ михайловскаго монастыря Іоаннникій Сенютовичъ въ 1714 году въ отвѣтѣ своемъ на

---

[1]) Вѣроятно это была домовая церковь, устроенная при келіяхъ игуменіи изъ какой-либо военно-походной церкви.

челобитье, поданное митрополиту Іоасафу Кроковскому монахинями бывшаго михайловскаго монастыря. Послѣднія, какъ видно изъ ихъ челобитья, переселились въ іорданскій монастырь въ числѣ 20-ти старицъ, а ихъ начальницы (намѣстница Өеодосія и госпожа Анастасія) [1]), забравши книги, серебро и всю церковную утварь, перешли на жительство въ кіево-флоровскій монастырь и кромѣ того взяли съ собою 200 золотыхъ, оставшихся отъ надѣлу. Коренныя монахини іорданскаго монастыря попрекали переселенныхъ тѣмъ, что они заняли у нихъ 15 келій и не принесли съ собою ничего изъ имущества бывшаго михайловскаго монастыря; почему эти послѣднія просили или отдать утварь бывшей ихъ обители іорданскому монастырю или всѣхъ ихъ перемѣстить въ кіево-флоровскій монастырь, а кромѣ того, чтобы михайловскій намѣстникъ уплатилъ имъ 500 золотыхъ за келіи умершихъ инокинь. Просительницамъ дано 300 золотыхъ, 9 червонцевъ, богослужебныя книги и священнослужительскія обличенія; но они вновь просили объ отдачѣ имъ и 5-ти бывшихъ въ ихъ монастырѣ колоколовъ, заявляя, что всѣ эти колокола, кромѣ одного государскаго, пріобрѣтены ихъ собственнымъ стараніемъ. Результатъ послѣдней просьбы неизвѣстенъ; но самая просьба о колоколахъ, въ числѣ которыхъ упоминается одинъ государскій, и то, что богослужебныя книги были московскаго изданія, показываетъ, что у монахинь михайловскихъ была послѣ 1688 г. своя особая церковь, устроенная игуменьею Агаѳіею съ помощію жертвъ изъ Москвы отъ царскихъ щедротъ. Церковь была устроена въ честь царевны Софіи и посвящена имени св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви.

Іорданскій богословскій монастырь, въ который переселены монахини михайловскаго дѣвичьяго монастыря, нѣкоторые смѣшиваютъ съ іорданскимъ николаевскимъ женскимъ монастыремъ, признавая два эти монастыря за одинъ то богословскій, то николаевскій. Но въ Плоской части Кіево-Подола, подъ горою, не доѣзжая

---

[1]) По реестру значится, что въ флоровскомъ монастырѣ поселились съ намѣстницей Өеодосіей 2 послушницы, а за монастыремъ 5-ть. Въ флоровскій монастырь изъ утвари поступило, кромѣ богослужебныхъ книгъ, 3 серебренные кресты, серебренное кадило, 3 Евангелія, 3 серебренныя чаши съ принадлежностями, 16 ризъ священническихъ, 13 стихарей, хоругви, подризники, воздухи и проч.

кирилловскаго монастыря, въ прошломъ столѣтіи существовалъ не одинъ, а два монастыря женскіе—николаевскій и богословскій. Николаевскій дѣлается извѣстнымъ гораздо раньше богословскаго. Первое упоминаніе о церкви св. Николая іорданскаго встрѣчается въ грамотѣ Сигизмунда III, по которой въ 1605 г. церковь св. Николая іорданскаго съ угодіями приписана къ кирилловскому монастырю по просьбѣ игумена Василія Красовскаго; затѣмъ о ней-же говорится въ выписи изъ трибунальскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1618 г. и въ выписи изъ земскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1626 г., по случаю разграниченія земель печерскаго монастыря и притиско-николаевской церкви отъ угодій кирилловскаго монастыря, гдѣ сказано, что добро и земли св. Николая іорданскаго во время запустѣнія захвачены безправно. Іорданскому женскому монастырю, въ числѣ прочихъ четырехъ кіевскихъ монастырей, митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій въ 1689 г. завѣщалъ 100 золотыхъ. Въ іорданскомъ николаевскомъ женскомъ монастырѣ жили сестры святителя Димитрія ростовскаго, бывшаго прежде игуменомъ кіево-кирилловскаго монастыря: *Пафнилія*, *Февронія* и *Параскева*, преемствуя одна другой въ санѣ игуменіи; послѣдняя изъ нихъ скончалась здѣсь въ 1710 году. Въ первой четверти XVIII вѣка дѣлается извѣстнымъ, кромѣ іорданскаго николаевскаго, и богословскій, также женскій монастырь[1]). Онъ значится и въ вѣдомости о монастыряхъ кіевской епархіи за 1756 годъ.

По всей вѣроятности онъ основанъ монахинями кіево-михайловскаго женскаго монастыря, когда онѣ, по его упраздненіи, испросили себѣ возвращеніе церковной утвари и капитала; а въ такомъ случаѣ начало его нужно полагать около 1710 года. По свидѣтельству Новгородцева бывшая въ немъ деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова устроена казеннымъ коштомъ. Монастыри іорданскій и богословскій показаны на планѣ Кіева 1745 г. съ 2-мя церквами въ каждомъ изъ нихъ: іорданскій въ сторону Подола, а богоявленскій въ сторону кирилловскаго монастыря, рядомъ одинъ подлѣ другаго; по преданію ихъ раздѣлялъ только

[1]) Въ первый разъ упомянутъ онъ въ циркулярѣ архіепископа кіевскаго Варлаама Ванатовича въ 1724 году, которымъ настоятельницы монастырей и пресолоніи кіевской епархіи извѣщались о совершившемся коронованіи императрицы Екатерины I-й.

ручей, текущій изъ горы. Іорданскій богословскій монастырь по указу св. синода отъ 10 декабря 1789 года переведенъ въ золотоношскій монастырь нынѣшней полтавской епархіи, а иконостасъ церкви этого монастыря поступилъ въ кіево-софійскій соборъ въ особый на его хорахъ богословскій придѣлъ. Николаевскій женскій монастырь просуществовалъ до 1808 года и въ этомъ году упраздненъ. Въ немъ была деревянная церковь во имя св. Николая о 3-хъ куполахъ, на каменномъ фундаментѣ, достаточно украшенная внутри и снаружи. Она обращена въ приходскую, но въ 1821 г. сгорѣла отъ сосѣдняго кирпичнаго завода, а вмѣсто ея сдѣлана приходскою Дмитріевская церковь, служившая трапезною монастырскою, существующая и нынѣ въ ветхомъ видѣ. На мѣстности николаевскаго монастыря уцѣлѣли доселѣ фундаменты древней кирпичной кладки, сходной съ кладкой XI и XII вѣка; они большею частію завалены глиной обвалившейся горы. Вѣроятно, это остатки церкви св. Николая, существовавшей до XVII вѣка. Можетъ-быть, при ней-то существовалъ и тотъ женскій монастырь св. Николая, въ которомъ постриглась мать преподобнаго Θеодосія печерскаго. Наименованіе іорданскаго усвоено бывшему здѣсь женскому монастырю по всей вѣроятности отъ того, что, по свидѣтельству умершаго недавно на 97 году протоіерея о. Іоакима Игнатовича, въ день Богоявленія изъ этого монастыря совершался, при участіи монашествующихъ кирилловскаго монастыря, крестный ходъ, для освященія воды, на лежавшее противъ сего монастыря на Оболони озеро, которое и теперь называется также іорданскимъ.

---

5. О церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Въ XII вѣкѣ существовала въ Кіевѣ церковь св. Симеона въ *Копыревѣ концѣ*, при которой былъ и мужескій монастырь. Созданіе этого монастыря и его церкви въ лѣтописи приписывается *Олегу Святославичу* и *Святославу Ярославичу* — черниговскимъ князьямъ. Стараясь указать его мѣстность, одни изъ описателей кіевскихъ древностей ставятъ прямо вопросъ о мѣстѣ церкви св. Симеона и разрѣшаютъ его на основаніи историческихъ свидѣтельствъ объ этой церкви; другіе рѣшаютъ прежде вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева и уже мѣстностью Копырева конца

опредѣляютъ мѣсто церкви св. Симеона, бывшей въ Копыревѣ концѣ. Къ послѣднимъ принадлежатъ покойный Закревскій, издавшій описаніе Кіева въ 2-хъ большихъ томахъ, и Н. А. Лашкаревъ, помѣстившій въ Трудахъ кіев. дух. академіи за 1879 годъ статью: *Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева*. Закревскій, полагая, что Копыревъ конецъ былъ тамъ, гдѣ Глубочица соединяется съ Кожемяками, ставилъ Подольскія ворота на житнемъ базарѣ, въ промежуткѣ между горами Киселевской и Скавикой, а церковь св. Симеона на мѣстѣ нынѣшней кресто-воздвиженнской, что на Кожемякахъ церкви, хотя чрезъ нѣсколько страницъ сказалъ, что монастырь св. Симеона могъ быть ниже андреевской церкви, гдѣ Берлинскій въ началѣ нынѣшняго вѣка видѣлъ остатки древняго щебня. Такимъ образомъ у него вышло два Копыревыхъ конца—одинъ на Кожемякахъ, а другой на андреевской горѣ. Н. А. Лашкаревъ утверждаетъ, что Копыревъ конецъ былъ не на Подолѣ, а на Кудрявской горѣ, которая составляетъ сѣверо-западную часть старокіевской возвышенности, и отсюда заключаетъ, будто здѣсь, на этой-же горѣ, не вдалекѣ отъ жидовскихъ или львовскихъ воротъ, находилась церковь св. Симеона.

Не смотря на разность выводовъ, основанія у Закревскаго и Лашкарева одни и тѣже. Сказанія ипатской лѣтописи о томъ, что Всеволодъ Ольговичъ, прибывши изъ Вышгорода къ Кіеву въ 1140 г., сталъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ; что при наступленіи Юрія Долгорукаго на Кіевъ въ 1151 году, участвовавшіе въ защитѣ Кіева берендѣи стояли съ своими вежами и стадами «межи дебрьми отъ Олеговой могилы въ огородъ св. Іоанна», котораго церковь была въ Копыревѣ концѣ; что въ 1162 году раненнаго въ борку у Кіева Изяслава Давидовича отвезли въ монастырь св. Симеона, иже есть въ Копыревѣ концѣ; что тѣло убитаго кіевлянами въ 1147 году Игоря Ольговича отвезено изъ церкви св. Михаила на конецъ града, въ монастырь св. Симеона, и наконецъ что подольскія ворота, которыми Романъ Галицкій въ 1202 году въѣхалъ въ Кіевъ, были въ Копыреви конци. Но Всеволодъ Ольговичъ, слѣдуя изъ Вышгорода, могъ подойти къ Кіеву и чрезъ Подолъ у горы Вздыхальницы и Крещатикомъ у бывшихъ лядскихъ воротъ, какъ подошелъ Батый, и всего меньше «дебрьми у Кудрявской горы», куда почти не было путей и гдѣ ихъ не указы-

ваетъ лѣтопись. Церковь св. Іоанна была въ Копыревѣ концѣ, но огородъ св. Іоанна могъ быть и въ другомъ мѣстѣ, какъ и теперь огороды церквей и монастырей не всегда бываютъ при самихъ церквахъ и монастыряхъ: огородъ не погостъ церковный, который всегда въ одной мѣстности съ церковью. Игоря Ольговича отвезли въ монастырь св. Симеона—въ Копыревъ конецъ потому, что это былъ монастырь *отній* черниговскихъ князей, къ роду коихъ принадлежалъ Игорь Ольговичъ; по той-же самой причинѣ отвезли туда и раненнаго на р. Лыбеди Изяслава Давидовича, происходившаго изъ того-же рода, а не потому, будто этотъ монастырь былъ ближе прочихъ къ р. Лыбеди. Наконецъ, чтобы правильно понимать смыслъ словъ лѣтописи о вступленіи Романа Галицкаго въ Кіевъ подольскими воротами, бывшими въ Копыревѣ концѣ, не нужно забывать, что въ древности городомъ назывался не весь нынѣшній Кіевъ, а только Старый Кіевъ, который находился на срединной, старокіевской возвышенности и былъ укрѣпленъ валами, что въ валахъ этихъ было нѣсколько воротъ и что подольскими воротами назывались не тѣ ворота, которыя будто вели въ Подолье изъ Глубочицы, Оболонья или Крещатика, а тѣ, которыми съѣзжали въ Подолье изъ Стараго города или выѣзжали изъ Подола на Старый Городъ. Потому разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какой части Стараго Кіева Романъ Галицкій въѣхалъ въ Кіевъ въ 1202 г., зависитъ въ свою очередь отъ разрѣшенія того, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева, а это-то пока остается неизвѣстнымъ. И такъ всѣ приведенныя у Закревскаго и повторенныя г. Лашкаревымъ свидѣтельства лѣтописи не рѣшаютъ вопроса о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева. Изъ нихъ нисколько не слѣдуетъ, чтобы Копыревымъ концемъ называлась сѣверо-западная часть старокіевской возвышенности, извѣстная теперь подъ именемъ Кудрявской горы; изъ нихъ видно только, что Копыревъ конецъ былъ на одной изъ оконечностей Стараго Кіева и что въ Копыревѣ концѣ были подольскія воротъ и церковь св. Симеона.

Гораздо яснѣе историческія указанія на то, гдѣ стояла церковь св. Симеона и гдѣ были подольскія ворота. Изъ нихъ важнѣе всего свидѣтельство Кальнофойскаго въ его «Тератургимѣ». Упомянувъ о древнихъ старокіевскихъ церквахъ св. Михаила златоверхого, св. Θеодора, св. Василія и Десятинной, онъ говоритъ: *Cerkiew s.*

Symeona nad samym Kijowem (т. е. надъ Подоломъ, который въ XVII вѣкѣ носилъ названіе города, когда Старый Кіевъ былъ почти безлюденъ), a drugie mogiłami leżą podobnie na wieki przywalone. *Z tych bramą*, mimo zamek na wysokiey górze erigowany, *spuścić się do opłakanego Kijowa*, ponieważ starego teraznieyszy zaledwie imienia godzien (т. е. церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ, а прочія церкви лежать могилами прикрытыя, какъ-бы, на вѣки. Отсюду чрезъ ворота, мимо замка, устроеннаго на высокой горѣ, спуститься къ Кіеву, достойному плача, ибо настоящій едва-ли достоинъ имени прежняго). Соотвѣтственно сему указанію мѣстности церкви св. Симеона, она такъ означена и на приложенномъ къ Тератургимѣ чертежѣ Кіева—подлѣ Десятинной церкви, правѣй отъ нея, т. е. на сѣверной окраинѣ нынѣшней андреевской церкви. Съ неменьшею точностью здѣсь-же, а не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, указана церковь св. Симеона въ выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ 1633 года и въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ «Пчелѣ» по списку, сдѣланному въ Крупичъ-Полѣ 1679 года. Въ выписи сказано: «дня 17 іюля его милость отецъ Могила церковь св. Софіи въ слободаны, а также въ местечку церквей три—першую св. Николы, названную Десятинною, другую *св. Симеона водле брамы менжкое, на горе лежачую*, а третю св. Василія, названного нагорнаго, подъ себе загорнулъ». Въ житіи Владиміра говорится: «св. Андрей первозванный, пришедши на горы кіевскія, благословилъ ихъ и крестъ святый на нихъ, идѣже теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ». А самое мѣсто, гдѣ по преданію св. Андрей поставилъ крестъ, опредѣляется въ густынской лѣтописи 1670 года, въ которой сказано: «св. Андрей, пришедъ идѣже нынѣ горы кіевскія, ихъ же благословивъ и крестъ на нихъ водрузи, *недалече нынѣшней брамы, отъ полудня*».—Кажется, что и положеніе подольскихъ воротъ или брамы, которою проѣзжали изъ Стараго Кіева на Подолъ, достаточно опредѣлено въ вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ Кальнофойскаго, кіевскихъ гродскихъ книгъ и густынской лѣтописи: ворота эти стояли подлѣ Десятинной церкви и того мѣста, гдѣ по преданію св. Андрей водрузилъ крестъ, а дорога отъ нихъ шла на Подолъ мимо литовскаго замка, стоявшаго на нынѣшней фроловской горѣ. Но желающихъ еще точнѣе, нагляднѣе знать ихъ мѣсто отсылаемъ къ хранящемуся въ главномъ

московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ плану Кіева, составленному въ 1693 году въ обширномъ размѣрѣ. На этомъ планѣ ворота кіевскія не только означены, но даже нарисованы съ восточной стороны Десятинной церкви. Онѣ значатся тамъ-же и на планѣ Кіева 1744 года, находящемся въ С.-Петербургѣ, въ главномъ инженерномъ управленіи. Оба эти плана составлены военными инженерами по всѣмъ правиламъ съемки и не даютъ никакого повода смѣшивать Вздыхальницу съ Кудрявской горой и Андреевскій спускъ на Подолъ выдавать за Кудрявскій взвозъ, что можно было дѣлать, толкуя такъ и иначе чертежъ монаха Кальнофойскаго. Впрочемъ такія толкованія плана Кальнофойскаго можно было дѣлать только повѣривъ Закревскому, будто по расказамъ старыхъ кіевлянъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, Андреевскаго спуска на Подолъ не было до построенія андреевской церкви въ 1744 году и будто до того времени ѣздили съ Стараго Кіева на Подолъ только по одному Кудрявскому взвозу. Мало-ли чего не написалъ Закревскій въ своемъ описаніи Кіева? Онъ и горы преставлялъ, соединивши Киселевку и Вздыхальницу въ одну гору, тогда какъ онѣ стояли отдѣльно одна отъ другой уже въ половинѣ XVI вѣка, во время составленія описи кіевскаго замка королевскими комиссарами.

Итакъ изъ историческихъ свидѣтельствъ и плановъ г. Кіева ясно до очевидности, что церковь св. Симеона стояла не надъ Кожемяками, а надъ Подоломъ, на югъ отъ Десятинной церкви, подлѣ такъ называемыхъ кіевскихъ воротъ, которыми съѣзжали на Подолъ изъ Стараго Кіева и въѣзжали въ оный изъ Подола. Здѣсь еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, ниже андреевской церкви, по свидѣтельству Берлинскаго, видны были остатки древняго кирпичнаго щебня; здѣсь-же, при пониженіи горы Вздыхальницы съемкой земли на $5^1/_2$ саженъ въ 1616 году, открыта пещера въ 3 сажени длины и 1 сажень ширины съ надписью на стѣнѣ «Павелъ», какъ значится о семъ въ современной записи въ рукописной книгѣ: *Хроника Кромера* въ русскомъ переводѣ. Эта пещера подвижника не сомнѣнно свидѣтельствуетъ, что близъ нея существовалъ монастырь, который и дѣйствительно былъ при церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Съ разрѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ церкви св. Симеона самъ собою разрѣшается и вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ и что имъ называлось въ древности. Копыревъ конецъ, въ которомъ находилась церковь св. Симеона съ монастыремъ при ней, былъ не на сѣверо-западной, а на сѣверо-восточной сторонѣ Стараго Города; имъ называлась не Кудрявская покатая гора, а высокая и крутая сѣверо-восточная оконечность старо-кіевской возвышенности, которая въ XVI еще вѣкѣ носила названіе горы «Вздыхальницы». Это гора, выдающаяся въ видѣ мыса между Подоломъ и Гончарами какъ разъ противъ Киселевки; отъ послѣдней она отдѣляется такъ называемымъ теперь Андреевскимъ спускомъ. Заканчивавшій ее бугоръ, какъ замѣтили въ 1555-мъ году королевскіе комиссары, высотой своей превосходилъ гору Киселевку, на которой стоялъ литовскій замокъ, а такая высота бугра вполнѣ соотвѣтствовала названію «Копыревъ конецъ», т. е. конецъ копырчащійся, поднявшійся, вздувшійся. Въ этомъ смыслѣ и теперь понимается слово «копырчиться» въ малороссійскомъ нарѣчіи, напр. въ пословицѣ: «копырчиця, якъ шкурлатъ на огни», т. е. вздувается, какъ баранья кожа на огнѣ.

Если-же церковь св. Симеона находилась на горѣ Вздыхальницѣ, а не на Кудрявской горѣ; то въ чье имя на этой послѣдней создана была церковь, древніе фундаменты которой открыты въ 1878 году искателями кладовъ? На Старомъ Кіевѣ, кромѣ церквей, которыхъ мѣста болѣе или менѣе извѣстны, были еще церкви св. Спаса, Никиты, св. Іоанна, Екатерины, св. Ѳеодора и Воздвиженія честнаго Креста, коихъ мѣстности еще не опредѣлены. Послѣдняя изъ нихъ, церковь Воздвиженія Креста Господня, построена, какъ извѣстно изъ лѣтописей, около 1215 года княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который и погребенъ въ ней въ 1228 году. Свидѣтельства о мѣстѣ, гдѣ она находилась, различны и не сходятся между собою. Церковь съ этимъ именемъ упоминается въ южно-русскомъ лѣтописцѣ, принадлежавшемъ М. А. Максимовичу; тамъ сказано, что она «стоитъ отъ полудня, всходяи (съ Подола) на гору, подлѣ которой брама кіевская». Съ этимъ согласно свидѣтельство Синопсиса, что св. Андрей водрузилъ крестъ на мѣстѣ, «идѣже нынѣ (1674 г.) церковь Воздвиженія Креста Господня». Въ грамотѣ Владислава IV, данной игумену кіево-братскаго монастыря

Оксеновичу въ 1638 году, церковь Воздвиженія честнаго Креста называется стоящею «на горной фундаціи». На основаніи этихъ свидѣтельствъ слѣдовало-бы признать, что Мстиславова воздвиженская церковь стояла близъ Десятинной церкви, гдѣ назначалъ ей мѣсто и Берлинскій, выше колодця, бывшаго еще въ недавнее время предъ андреевскою церковью. Но изъ «протестаціи» 1616 г. (Кіев. Еп. Вѣд. 1873 г., стр. 357) видимъ, что церковь Воздвиженія честнаго Креста была въ софійской *слободѣ*, что когда она обвалилась, то священникъ перешелъ на гору и послѣ него жилъ также на горѣ, при церкви св. Василія, другой священникъ—Филиппъ, а въ 1616 г. уже не было и слѣда церкви Воздвиженія. Изъ сопоставленія этого свидѣтельства съ приведенными выше необходимо заключить, что 1) упоминаемая въ нихъ и существовавшая въ XVII вѣкѣ подлѣ Десятинной церкви церковь Воздвиженія была не первоначальная воздвиженская церковь, а какая-то вновь сооруженная и по всей вѣроятности деревяная, какъ можно видѣть изъ путешествія священника Лукьянова въ 1700 году; 2) что каменная, отъ времени обвалившаяся, воздвиженская церковь находилась не на горѣ, а вдали отъ церкви св. Василія (нынѣ трехсвятительской), именно въ софійской слободѣ, хотя на нѣсколько возвышенной мѣстности. Въ какой-же части Стараго Кіева могла быть эта мѣстность? Земельныя угодія кресто-воздвиженской церкви, присоединенныя къ церкви св. Василія, въ 1638 году переданы братскому монастырю по грамотѣ Владислава IV, а въ этой грамотѣ приводится выпись изъ гродскихъ книгъ кіевскаго воеводства за 1593 г., изъ которой видно, что эти угодія находились съ западной стороны Кіева — отъ р. Бобрицы къ Кіеву, простираясь «къ валу, гдѣ стояла *старая* церковь Воздвиженія честнаго Креста», и шли по обѣ стороны дороги, «по *Яцкову* межу», т. е. граничили съ землями Яцкова доминиканскаго монастыря, основаннаго въ Кіевѣ Яцкомъ Одровонжомъ (Памятники Кіев. Ком. Т. II, стр. 292). Изъ грамоты Сигизмунда I-го, данной кіево-михайловскому монастырю, видно, что за львовскими воротами, между ними и Кудрявцемъ, шелъ такъ называемый *пробитый* валъ. Остатки вала на Кудрявской горѣ видны и теперь вблизи той мѣстности, на которой въ 1878 году открыты остатки фундаментовъ древней церкви. По соображенію этихъ историческихъ указаній и того, что Кудрявская гора отдалена отъ трехсвятитель-

ской церкви, что она не составляетъ особой какой-либо горы, а есть только склонъ старокіевской возвышенности, что уровень ея значительно ниже той мѣстности, на которой стоитъ трехсвятительская церковь и въ XVII вѣкѣ эта мѣстность дѣйствительно входила въ составъ софійской слободы, нужно признать, что открытые въ 1878 году на кудрявской митрополичьей усадьбѣ фундаменты принадлежатъ церкви Воздвиженія честнаго Креста, созданной въ началѣ XIII вѣка галицкимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславовичемъ Удалымъ, убитымъ на р. Калкѣ въ 1228 году.

---

6. О мѣстности р. Почайны.

Почайной называется нынѣ небольшой ручей, протекающій по кіевскому Оболонью въ направленіи отъ запада къ востоку; въ половинѣ своего теченія онъ образуетъ, въ видѣ озера, бассейнъ воды около 20 саженъ длины и ширины и по выходѣ изъ него впадаетъ въ заливъ Днѣпра, между его косой и набережной улицей Кіево-Подола. Каково было направленіе Почайны въ древности и какова была ея длина, мнѣнія о семъ не одинаковы. Одни полагаютъ, что Почайна нѣкогда протекала по самому Подолу и впадала въ Днѣпръ близъ рождественской церкви; другіе думаютъ, что Днѣпръ нынѣ течетъ у Кіева по древнему руслу Почайны, оставивши свое старое русло, которое находилось ближе къ черниговскому берегу; иные наконецъ того мнѣнія, что Почайна не простиралась дальше нынѣшняго своего впаденія въ Днѣпръ выше Турца. Которое-же мнѣніе ближе къ истинѣ?

Изъ древней нашей лѣтописи видно, что во времена княгини Ольги Почайна служила пристанью для судовъ, приходящихъ по Днѣпру къ Кіеву, чѣмъ то въ родѣ константинопольскаго Золотаго Рога, съ которымъ сравнила его сама Ольга, сказавши посламъ греческаго императора, что она пошлетъ ему дары только тогда, если онъ постоитъ у нея въ Почайнѣ столько времени, сколько она простояла у него въ Судѣ (Золотомъ Рогѣ). По свидѣтельству тойже лѣтописи у Подола—на ручаѣ стояла церковь св. Иліи, въ которой присягали крещеные кіевляне при Игорѣ, заключая договоръ съ греками, и ручай, по которому влекли

въ Днѣпръ низверженнаго при Владимірѣ Перуна, протекалъ противъ Боричева взвоза, т. е. противъ рождественской и трехсвятительской церквей, изъ коихъ одна была началомъ, а другая концемъ Боричева взвоза. Безъ сомнѣнія въ обоихъ случаяхъ въ лѣтописи идетъ рѣчь о Почайнѣ, такъ какъ никакой другой ручей здѣсь не извѣстенъ ни въ древнее, ни въ новое время. Крещеніе кіевлянъ по древней лѣтописи совершилось въ Днѣпрѣ, по хроникамъ XIV и XVII вѣка въ Почайнѣ, близъ того мѣста, гдѣ въ XIV вѣкѣ стояла на Старомъ Кіевѣ церковь св. Петра, а въ XV церковь св. мучениковъ (Бориса и Глѣба) у Турова. Берлинскій, умершій въ 1840 году и прожившій въ Кіевѣ 60 лѣтъ, въ своемъ описаніи Кіева говоритъ, что Почайна еще въ началѣ XVIII вѣка составляла довольно глубокую рѣчку, которая, отдѣляясь отъ Днѣпра узкою косой, соединялась съ Днѣпромъ ниже Крещатика. Закревскій, позднѣйшій описатель Кіева, родившійся въ 1805 г. и прожившій въ Кіевѣ 30 лѣтъ, слышалъ тоже отъ старожиловъ Кіева и самъ, какъ очевидецъ, удостовѣряетъ, что коса, отдѣлявшая Почайну отъ Днѣпра, въ 1814 году начиналась противъ кузницъ, стоявшихъ по днѣпровскому берегу, ниже рождественской церкви, что коса эта имѣла въ длину до 60, а въ ширину около 7 саженей, отъ Подола-же отстояла на 40 саженей и что остатокъ этой косы совершенно снесенъ во время разлива Днѣпра въ 1829 году. Такія, довольно сходныя между собою, свидѣтельства двухъ кіевскихъ старожиловъ вполнѣ подтверждаются планомъ г. Кіева 1693 г., хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

На этомъ планѣ, на который нанесенъ Днѣпръ со всѣми его рукавами и протоками у Кіева, Почайна представлена протекающею по восточной окраинѣ Подола, отдѣляясь отъ Днѣпра песчаною косой, которая начиналась противъ нынѣшней борисоглѣбской улицы и оканчивалась нѣсколько ниже крещатицкаго источника. Въ концѣ борисоглѣбской улицы, противъ стоявшей здѣсь Духовской церкви, былъ перекинутъ мостъ съ набережной черезъ Почайну на косу, а путь по косѣ противъ рождественской церкви сворачивалъ на другой мостъ, устроенный съ косы чрезъ Днѣпръ къ противоположному черниговскому берегу.

Причины исчезновенія Почайны можно видѣть изъ «Описанія Кіева» Берлинскаго. Основываясь на бывшемъ въ его рукахъ предписаніи кіевской губернской канцеляріи кіевскому магистрату около 1710—1718 года, онъ говоритъ, что во время турецкой войны этого времени барки съ грузами, приходившія изъ Брянска рѣкою Десной, для предохраненія отъ льдинъ заводились на зимовье въ вершину Почайны и тамъ причаливались къ деревяннымъ клѣтямъ, сдѣланнымъ для укрѣпленія береговъ, почему мѣсто ихъ стоянки названо «*Притыкой*». Для сокращенія прохода изъ Десны чрезъ Днѣпръ въ Почайну, прокопанъ былъ тогда-же противъ Оболони каналъ въ материкѣ, отдѣлявшемъ Почайну отъ Днѣпра; между тѣмъ въ этотъ каналъ устремилось главное теченіе Днѣпра, такъ что срѣзало большую часть косы, находившейся между двумя рѣками, оставивъ отъ нея лишь верхнюю часть, прилегающую къ сѣверной сторонѣ Оболонья, и нижнюю у устья Почайны, отъ Духовской церкви до крещатицкаго источника. Смывши постепенно и нижнюю часть косы, Днѣпръ совершенно поглотилъ Почайну, и за тѣмъ сталъ напоромъ своимъ отмывать материкъ самаго Подола: уничтожено такимъ образомъ до 300 домовъ постепеннымъ отмываньемъ берега Подола, пока не положенъ этому предѣлъ по всему его протяженію отъ канавы до крещатицкаго источника устройствомъ около 1840 г. набережной изъ туровъ и фашинника.

Представленное Берлинскимъ объясненіе убавленія и наконецъ совершеннаго поглощенія Почайны Днѣпромъ подтверждается сохраняющимся въ С.-Петербургѣ въ главномъ инженерномъ управленіи планомъ г. Кіева 1745 г., составленнымъ въ огромномъ размѣрѣ при кіевской инженерной командѣ. На этомъ планѣ означены подъ № 64 Духовскія ворота противъ борисоглѣбской улицы, съ поясненіемъ, что здѣсь переправляются въ Подолъ чрезъ Днѣпръ, а на особой наклейкѣ подъ № 100 означено мѣсто въ верховьѣ Почайны, гдѣ затоплены байдаки для отвода стремленія Днѣпра отъ кіевскаго берега на противоположную (черниговскую) луговую сторону. При этомъ отмѣчено, что гдѣ нѣтъ мельницъ, тамъ вода пробѣгаетъ 40 саженей въ 3 минуты, а вблизи мельницъ отъ 80 до 90 саженей въ тотъ-же промежутокъ и что рѣка у этого берега годъ отъ году становится глубже.

Но не помогли и затопленные байдаки. Тогда инженеры придумали для отвода Днѣпра отъ кіевскаго берега прорыть материкъ, отдѣлявшій отъ Днѣпра рѣчку Чарторыю: но вышла отъ сего новая бѣда: Днѣпръ устремился съ такою силою по каналу въ Чарторыю, что явилось опасеніе, какъ-бы Днѣпръ совсѣмъ не ушелъ отъ Кіева къ черниговскому берегу. Вотъ съ этого-то времени и началось пруженіе прохода въ Черторыю, которое продолжается до нынѣ съ слабымъ успѣхомъ для дѣла и съ большими затратами для казны, хотя не безъ выгоды для производителей работъ, съ поводу которыхъ образовалась въ Кіевѣ поговорка, будто самая лучшая рыбка ловится въ Чарторыѣ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ становится довольно яснымъ и опредѣленнымъ положеніе р. Почайны въ древности: она, выходя изъ Оболонья, протекала не посреди Подола, а по восточной его окраинѣ и впадала въ Днѣпръ ниже Крещатика; у рождественской церкви устье ея представляло собою какъ-бы заливъ Днѣпра, весьма удобный для судоходной пристани. Хотя Почайна была ближе къ городу, чѣмъ Днѣпръ; но какъ она была всегда наполнена большими и малыми судами, приходившими по Днѣпру; то естественно, что крещеніе кіевлянъ съ большимъ удобствомъ могло совершиться въ Днѣпрѣ, гдѣ оно и дѣйствительно происходило по сказанію нашей лѣтописи.

П. Л—въ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(*Продолженіе*) [1].

VII.

Дорога въ г. Бакоту.—Расположеніе села.—Монастырскія пещеры.—Вѣдьмы и знахари.—Преданіе о панѣ Фармазонѣ.—Мѣстные промыслы.—Историческія свѣдѣнія о Бакотѣ.—Вѣдьмы и знахари.

Подвигаясь дальше внизъ по Днѣстру, верстахъ въ 5—6 къ сѣверо-востоку отъ Студеницы встрѣчаемъ древнюю столицу галицкаго Понизья, теперь село Бакоту.

Ближайшая дорога изъ Студеницы въ Бакоту идетъ сухимъ путемъ, поэтому мы вошли въ согласіе съ однимъ изъ крестьянъ, съ которымъ успѣли познакомиться и который подрядился доставить насъ вмѣстѣ съ пожитками въ Бакоту, а затѣмъ въ Старую Ушицу. Въ назначенное время, часовъ около шести утра, хозяинъ подводы зашелъ освѣдомиться, собираемся-ли мы въ путь и, увидѣвъ, что мы уже совсѣмъ готовы, отправился домой запрягать лошадей. Такая акуратность, разумѣется, удивила насъ несказанно, давая поводъ надѣяться, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ намъ не придется имѣть дѣло съ традиціонной подольской медлительностію. Не тутъ-то было! Проходитъ часъ, другой, а подводы все нѣтъ какъ нѣтъ; мы ждемъ съ минуты на минуту, стараясь какъ-нибудь убить время. Наконецъ часовъ въ одиннадцать, потерявъ терпѣніе, рѣшаемся идти пѣшкомъ въ Бакоту, оставивъ вещи на квартирѣ. На улицѣ встрѣтила насъ мать нашего возницы, весьма благодушно

---

[1] См. «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 53—81.

объяснившая промедленіе своего сына тѣмъ, что онъ «доварюе мамалыгу и черезъ те вибы трохи й спизнився»; сверхъ того онъ долженъ у всѣхъ мѣстныхъ евреевъ забрать письма и порученія къ бакотскимъ и ушицкимъ купцамъ. При этомъ съ особенной ясностью припомнилась намъ трагическая судьба Подольской земли въ удѣльное до-литовское время, когда здѣшній народъ пропустилъ собственное историческое развитіе, доваривая мамалыгу. Уже за мѣстечкомъ догнала насъ подвода, запряженная парой неимовѣрно малыхъ лошадокъ, съ ясной примѣсью турецкой породы (слѣды турецкой культуры XVIII в.), по наружному виду чрезвычайно похожихъ на крысь, и мы уже спокойно могли пуститься въ путь.

Тотъ-часъ по выходѣ изъ мѣстечка, миновавъ *«горальню»*, дорога сначала довольно круто подымается въ гору вдоль оврага, въ которомъ найдены мамонтовыя кости, затѣмъ извивается по сѣвернымъ, болѣе пологимъ склонамъ *Бѣлой горы* и наконецъ выходитъ на довольно возвышенную, слегка волнистую равнину. Вправо отъ дороги тянется высокій днѣстровскій берегъ, влѣво все дальше и дальше отходятъ зеленѣющія горы и дорога вьется среди свѣже вспаханныхъ полей, на которыхъ при солнечномъ свѣтѣ блестятъ тысячи кремневыхъ осколковъ; послѣ особенно удачнаго сбора кремневыхъ орудій на вспаханныхъ поляхъ *Бѣлой горы*, любопытство наше, какъ археологовъ, было сильно возбуждено; въ каждомъ кремнѣ намъ чудилось орудіе и мы ежеминутно жалѣли, что время не дозволяетъ намъ встать съ воза и обойти всѣ нивы, хотя для осмотра ихъ потребовалось-бы нѣсколько дней. По мѣрѣ приближенія къ Бакотѣ мѣстность постепенно понижается и по обѣ стороны дороги, на сколько глазъ захватитъ, тянутся сплошныя, необозримыя плантаціи кукурузы почти въ человѣческій ростъ, при чемъ отдѣльныя нивы едва раздѣляются между собою самыми узкими тропинками.

Наконецъ дорогу пересѣкаетъ маленькая горная рѣчка, или скорѣе ручей, Теремка, которую свободно переѣзжаютъ и переходятъ въ бродъ; по другую сторону ея начинается самое село Бакота. Кажется, ручей получилъ свое названіе отъ села Теремецъ, расположеннаго по его теченію нѣсколько выше Бакоты; здѣсь, правдоподобно, находился загородный княжескій теремъ въ то время, какъ Бакота была стольнымъ городомъ; по крайней мѣрѣ существуетъ

въ южной Руси нѣсколько селъ съ такимъ именемъ, расположенныхъ вблизи древнихъ княжескихъ столицъ.

Нынѣшняя Бакота расположена, подобно Студеницѣ, при впаденіи р. Теремки въ Днѣстръ въ глубинѣ весьма значительнаго днѣстровскаго залива; глубокая долина, по которой раскинулось село, окаймлена съ запада пологими склонами и ручьемъ Теремкой; на сѣверѣ тянется амфитеатромъ довольно крутая, поросшая тощимъ дерномъ гора, на вершинѣ которой, вѣроятно, находилась древняя Бакота. У подножія этой горы, среди густыхъ садовъ и огородовъ раскинулось небольшое село, состоящее изъ двухъ-трехъ рядовъ хатъ, вытянутыхъ вдоль днѣстровскаго берега; посреди села выглядываютъ изъ зелени три купола маленькой деревянной церкви настоящей украинской архитектуры; противъ церкви усадьба мѣстнаго помѣщика съ огромнымъ фруктовымъ садомъ. Глубокій оврагъ отдѣляетъ село и окаймляющую его гору отъ третей горы, защищающей Бакоту съ востока, и подходитъ къ самому берегу Днѣстра. Послѣдняя гора представляетъ большое сходство съ *Бѣлою горою* въ Студеницѣ, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по другимъ особенностямъ; это самая высокая изъ окрестныхъ горъ (по недавно сдѣланнымъ измѣреніямъ она достигаетъ 72 саженъ надъ уровнемъ Днѣстра); она состоитъ изъ той-же самой известковой породы, что и студеницкія горы, и такъ-же называется *Бѣлою горою*. Югозападный склонъ, обращенный къ Днѣстру, чрезвычайно обрывистый; верхняя его половина представляетъ почти отвѣсную стѣну, съ нависшими по мѣстамъ скалами, которыя вскорѣ должны обрушиться; ближе къ основанію горы спускъ становится болѣе отлогимъ, благодаря осыпямъ вывѣтривающагося камня сверху. Вершина и остальные склоны *Бѣлой горы*, такъ-же какъ и въ Студеницѣ, покрыты неглубокимъ слоемъ наносной земли, поросшимъ травою или воздѣлываемымъ подъ пахать, при чемъ каменная подпочва зачастую обнажается на поверхности земли. Чтобы взойти на *Бѣлую гору*, приходится сначала подыматься по оврагу, вырытому въ скальномъ грунтѣ дождевою водою; его русло, представляющее рядъ уступовъ, даетъ въ общемъ естественныя ступеньки, значительно облегчающія довольно крутой подъемъ; дальше въ гору зигзагами вьются тропинки, проложенныя пастухами. На вершинѣ горы виднѣется курганъ, еще издали привлекшій наше вниманіе; тотчасъ

явилось желаніе его раскопать и вмѣстѣ съ тѣмъ невольная надежда, что это могила какого-нибудь князя, похороненнаго примѣрно въ такомъ костюмѣ, въ какомъ лѣтопись рисуетъ Даніила Галицкаго, въ гостяхъ у венгерскаго короля или, можетъ быть, здѣсь погребенъ самъ Милѣй, народный предводитель, которому признательные галичане насыпали высокую могилу на самомъ видномъ и неприступномъ мѣстѣ Бакоты... Какъ-бы то ни было, курганъ надо было раскопать.

Зная изъ русскихъ и польскихъ источниковъ кое-что о минувшей жизни Бакоты, мы знали также, что въ Бѣлой горѣ находится довольно извѣстная пещера; были сверхъ того указанія на существованіе похороннаго поля близь села. Въ виду высокаго историко-археологическаго интереса, заключающагося въ этихъ свѣдѣніяхъ, рѣшено было обратиться къ мѣстному помѣщику, г. Шимanскому съ просьбой о содѣйствіи и указаніяхъ при осмотрѣ названныхъ памятниковъ древности.

Г. Шиманскій, не смотря на свои занятія хозяйствомъ, съ величайшей любезностью дозволилъ намъ произвести на его землѣ какія угодно раскопки, самъ помогъ отыскать проводника и рабочихъ и весьма обязательно сообщилъ все, что зналъ о мѣстныхъ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ, о бытѣ, характерѣ и занятіяхъ населенія и т. д. Оказалось, что въ селѣ и на поляхъ довольно часто встрѣчаются старинныя, большею частью польскія монеты; почти при каждой постройкѣ находятся человѣческія кости и черепа, но о похоронномъ полѣ въ собственномъ его смыслѣ ничего неизвѣстно. Вмѣсто него г. Ш. указалъ намъ на окраинѣ села камень, повидимому искусственно здѣсь положенный и пользующійся у жителей суевѣрнымъ уваженіемъ. Подъ этимъ камнемъ, по разсказамъ селянъ, долженъ находиться кладъ, заклятый своимъ владѣльцемъ; съ своей стороны, пріученные къ преданіямъ о кладахъ, мы разсчитывали найти здѣсь слѣды древняго, быть можетъ языческаго погребенія.

Проводникъ и рабочіе весьма неохотно указывали дорогу, нѣсколько разъ останавливались, увѣряя, что ничего особеннаго мы не увидимъ, камень самый обыкновенный и т. д. Тоже самое повторяли встрѣчные селяне, узнавъ отъ нашихъ людей, куда мы идемъ; наконецъ, видя наше упрямство, публика рѣшилась подѣй-

ствовать на насъ страхомъ: принялись разсказывать, какъ нѣсколько времени назадъ одинъ изъ крестьянъ, живущій вблизи отъ таинственнаго камня, задумалъ открыть спрятанный подъ нимъ кладъ. Какъ принято въ такихъ случаяхъ, темною ночью принялся онъ за работу, но едва только поднялъ камень и скатилъ съ мѣста, какъ его поразила невидимая сила: судорога свела всѣ его члены, такъ что онъ едва ползкомъ добрался до хаты и тотчасъ заболѣлъ: около года оставался онъ безъ движенія и почти безъ пищи и сталъ уже готовиться къ смерти. Наконецъ одинъ знахарь посовѣтовалъ больному положить обратно заклятый камень, бывшій причиною несчастья. Будучи слишкомъ слабъ, чтобы самому выполнить приказаніе, крестьянинъ пригласилъ на помощь нѣсколькихъ пріятелей, которые привели его къ роковому мѣсту и принялись поднимать камень. Тутъ-же присутствовалъ упомянутый знахарь и распоряжался церемоніею; когда камень былъ поднятъ и оставалось только поставить его на старомъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи, знахарь приказалъ больному помогать по мѣрѣ силъ, или хоть держаться за камень рукою. Едва окончилось водруженіе святыни, какъ силы возвратились къ больному—онъ могъ расправиться и уже безъ посторонней помощи воротился въ хату, а вскорѣ и совсѣмъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ камень пользуется религіознымъ уваженіемъ и никто не рѣшается его тронуть съ мѣста.

Разсказъ этотъ, съ незначительными варіантами, повторялся всѣми встрѣчными крестьянами; мало по малу общественное мнѣніе стало враждебно настраиваться противъ невѣдомыхъ пришельцевъ, рѣшившихся нарушить неприкосновенность святыни; въ публикѣ громко начали раздаваться замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «отъ-таке и вамъ буде, що ноги до головы притягне». Мы пробовали отшучиваться въ отвѣтъ на подобныя замѣчанія и кое какъ, черезъ чужіе дворы и перелазы, вышли на край села близь устья Теремки; здѣсь на открытомъ мѣстѣ, на склонѣ небольшаго холма, среди поля или выгона увидѣли мы наконецъ чудесный камень. Видъ его дѣйствительно не представлялъ ничего замѣчательнаго—просто глыба мѣстнаго известняка, весьма неправильной формы и безъ малѣйшихъ слѣдовъ отдѣлки; положеніе его мало подавало надежды на какую нибудь находку, но желаніе открыть похоронное поле было слишкомъ велико и мы рѣшились приступить къ раскопкѣ.

Между тѣмъ вышелъ хозяинъ сосѣдней хаты—тотъ самый крестьянинъ, который поплатился за покушеніе на неприкосновенность камня, и самъ началъ разсказывать извѣстную уже намъ исторію. Подъ вліяніемъ-ли суевѣрнаго страха, или неодобрительнаго шопота окружающей публики, рабочіе на отрѣзъ отказались копать. Въ первый разъ еще намъ пришлось столкнуться съ такимъ глубокимъ суевѣріемъ и нужно было-бы оставить свое намѣреніе, если-бы Маринчукъ, съ свойственной ему находчивостью, не побѣдилъ сопротивленія, побожившись, что мы принимаемъ на себя весь грѣхъ и отвѣтственность за него. Только тогда рабочіе, хотя и неохотно, принялись за дѣло, вѣроятно съ тайной надеждой, что невидимая сила покараетъ дерзкихъ пришельцевъ. Впрочемъ раскопка не увѣнчалась успѣхомъ. Подняли ломами грозный камень, оказавшійся довольно значительнаго объема, такъ что нужно было удивляться, какъ, не смотря на большую легкость известняка, одинъ человѣкъ могъ сдвинуть его съ мѣста; вѣроятно нашъ кладоискатель просто подорвался и это и была поразившая его невидимая сила. Подъ означеннымъ камнемъ оказалось нѣсколько другихъ поменьше и затѣмъ, на глубинѣ около аршина, во всѣ стороны пошла скальная подпочва,—дальше вести раскопку не было нужды. Такимъ образомъ похоронное поле оказалось фикціею; видя, что мы остались невредимы, публика нѣсколько ободрилась, но все таки насмѣшливо посматривала, радуясь нашей неудачѣ и вѣроятно соображая, что кладъ, не для насъ положенный, по мѣрѣ приближенія къ нему, глубже уходилъ въ землю.

Какъ-бы то ни было, не отчаяваясь послѣ первой неудачи, мы рѣшились попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и отправились раскапывать курганъ, виднѣвшійся на вершинѣ *Бѣлой горы*.

Нужно было снова пройти село во всю его длину и затѣмъ подниматься по стѣнкамъ оврага. Взобравшись на гору, намъ удалось найти вблизи кургана два-три кремневые ножа и такое-же отбивное долото, ясно палеолитической эпохи. Эта, по видимому, незначительная находка сразу подняла упавшій духъ бѣдныхъ археологовъ и они съ новой энергіей приступили къ предварительному осмотру и промѣркѣ кургана. Хотя величина его незначительна—всего около аршина въ вышину, но виденъ онъ издали, благодаря своему положенію на самой вершинѣ горы, почти на краю обрыва;

курганъ выложенъ въ два яруса довольно большими камнями неправильной формы.

Въ самой насыпи кургана, за исключеніемъ скелета въ сидячемъ положеніи и разбитаго глинянаго сосуда, по величинѣ и формѣ чрезвычайно похожаго на нашу «покрышку», ничего больше не найдено. Ниже скелета начинался скальной грунтъ; такимъ образомъ и на этотъ разъ надежды наши не оправдались: могила не могла принадлежать лицу богатому или съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и, за исключеніемъ черепа и нѣкоторыхъ костей, не давала матеріала для сколько нибудь точнаго опредѣленія эпохи.

Одновременно съ этимъ насъ ожидало еще одно разочарованіе. Пока Маринчукъ слѣдилъ за раскопкой, его вѣрный спутникъ, мучимый страстью къ колекціонерству, отправился на поиски каменныхъ орудій, но и въ этомъ отношеніи жатва была не велика— мнѣ попались всего три-четыре обломка кремневыхъ ножей и скребковъ, и только. Блуждая по горѣ, я замѣтилъ невдалекѣ отъ кургана многочисленную группу маленькихъ, продолговатыхъ холмиковъ, сложенныхъ изъ камня и поросшихъ сверху травою; раскинутые на большое пространство, холмики чрезвычайно напоминали могилы, сходство довершала покрывавшая ихъ растительность— трава и полевые цвѣты, встрѣчающіеся по преимуществу на кладбищахъ.—Вотъ это и есть настоящее похоронное поле, подумалъ я и съ восторгомъ принялся раскапывать одинъ изъ курганчиковъ, не смотря на убѣжденія рабочихъ, что никакихъ могилъ здѣсь нѣтъ. Однако и на этотъ разъ рабочіе были правы: дѣйствительно, раскопавши въ разныхъ мѣстахъ три-четыре насыпи, мы не нашли ничего похожаго на могилы, просто кучи камней, набросанныя на поверхности земли, и ничего больше; правда, въ землѣ, наполнявшей промежутки между камнями, попадались изрѣдка обломки костей и кремневыхъ осколковъ, но было ясно, что они попали сюда случайно или вмѣстѣ съ землей.

Происхожденіе этихъ насыпей объясняется весьма просто: въ прежнее время вершина горы распахивалась для посѣвовъ, при чемъ крестьяне сбрасывали въ сторону всѣ попадавшіеся подъ плугъ камни, какъ это дѣлается повсюду въ горныхъ мѣстностяхъ; теперь эти поля оставлены подъ пастбища и курганчики начинають по-

крываться землей, что придаетъ имъ еще больше сходства съ могилами.

Я позволяю себѣ остановиться на этихъ неинтересныхъ подробностяхъ единственно изъ желанія предостеречь отъ ошибки археолога, который захотѣлъ-бы искать похоронныхъ полей въ окрестности Бакоты: если такія поля существуютъ здѣсь, то ихъ надо искать въ другомъ направленіи, дальше отъ днѣстровскаго берега. Мы-же, послѣ всѣхъ понесенныхъ неудачъ, рѣшили покончить съ этими поисками, тѣмъ болѣе, что оставшееся время едва дозволяло осмотрѣть пещеру и прилегающее къ ней древнее урочище Монастырисько.

Пещера находится шагахъ въ пятидесяти къ югу отъ кургана, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы. Ея корридоры, очевидно искусственно вырубленные въ скалѣ, или по крайней мѣрѣ поддѣланные, винтообразно спускаются внизъ въ видѣ громадной спирали въ два оборота, расширяющейся къ низу на подобіе улитки, при чемъ и самый ходъ становится шире. Входъ въ пещеру открывается въ видѣ колодца въ нагорной площадкѣ, на которой въ этомъ мѣстѣ незначительный слой чернозема покрываетъ скалу. Вышина всей пещеры достигаетъ до десяти саженъ въ обоихъ оборотахъ; значительная часть пола въ верхнемъ оборотѣ провалилась, поэтому крестьянскіе мальчики, которые часто лазятъ въ пещеру, набросали здѣсь противъ входа кучу камней, на которую прыгаютъ сверху; взрослый человѣкъ можетъ достать до нея, ухватившись обѣими руками за края входнаго отверстія, или-же долженъ спуститься сюда по канату и дальше продолжать путь по крутому спуску, держась руками за противоположныя стѣны корридора. Вообще спускаться по канату удобнѣе и безопаснѣе для человѣка непривычнаго или не обладающаго особенно крѣпкими нервами, такъ какъ широкій нижній конецъ выходитъ прямо въ отвѣсной скалѣ на Днѣстръ, надъ урочищемъ Монастырисськомъ, и сверхъ того боковая стѣнка въ началѣ второго оборота выпала и представляетъ открытое отверстіе надъ пропастью. Здѣсь уже канатъ необходимъ для человѣка непривычнаго, потому что можно держаться только за одну стѣнку, а между тѣмъ достаточно только слегка оступиться, чтобы потерять равновѣсіе и очутиться внизу. Глядя сверху въ отверстіе, прямо подъ вами на страшной глубинѣ виднѣется Днѣстръ—

земли не видно, такъ какъ береговая полоса и осыпи у подножія горы слишкомъ незначительны,—подобный видъ, разумѣется, не можетъ придать храбрости зрителю. Несомнѣнно, что въ древности пещера была обширнѣе и представляла больше удобствъ для жилья, но съ теченіемъ времени она мало по малу обрушивается, по причинѣ вывѣтриванія известковой скальной породы и, подобно всѣмъ подольскимъ пещерамъ, становится все меньше и неприступнѣе.

Мы можемъ только догадываться съ большей или меньшей вѣроятностью о происхожденіи и первоначальномъ назначеніи бакотской пещеры въ древнѣйшую пору, но извѣстно, что въ послѣдствіи, уже въ историческія времена, она составляла часть христіанскаго монастыря, лежавшаго вѣроятно у подошвы горы и соединявшагося нѣкогда съ пещерою ступеньками, вырубленными въ скалѣ; этимъ объясняется ея внутреннее расположеніе. Въ нижнемъ оборотѣ спирали замѣчаются двѣ небольшія келіи съ нѣсколько выпуклыми сводами, высѣченныя въ скалѣ одна надъ другою съ правой и съ лѣвой стороны; размѣры келій весьма незначительны: около девяти футовъ длины, четыре фута ширины и около шести вышины; сверхъ того онѣ наполнены до половины занесенной сверху рыхлой наносной землею. При самомъ концѣ послѣдняго оборота, нѣсколько ниже означенныхъ келій, замѣчаются съ каждой стороны пещеры по двѣ глубокія зарубки въ стѣнѣ, расположенныя другъ противъ друга, которыя очевидно закладывались досками, представляя возможность постройки третей келіи на половину деревянной, на половину каменной; въ серединѣ ея, въ лѣвой стѣнѣ вырубленная небольшая ниша, которая могла служить изголовьемъ, правда не очень мягкимъ, но для отшельника другаго и не полагается.

Отверстіе пещеры выходитъ прямо на урочище «Монастырисько», съ которымъ она, очевидно, находилась въ связи въ прежнее время, теперь-же по причинѣ сильныхъ обваловъ прекратилась возможность сообщенія между двумя частями древняго монастыря. Прямо спуститься съ горы нѣтъ никакой возможности; чтобы попасть на «Монастырисько», нужно возвращаться прежнею дорогою въ село, отъ котораго урочище отдѣляется топкимъ, болотистымъ лугомъ.

Спускаясь вдоль оврага, крестьяне разсказали намъ связанное съ нимъ преданіе о прежнемъ панѣ, которому принадлежала Ба-

коты, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія; къ сожалѣнію, я забылъ его имя. Панъ этотъ былъ медикъ, большой оригиналъ, одаренный какою-то сверхъестественной силой, по мнѣнію современниковъ, которыхъ онъ поражалъ своими оригинальными выходками. Такъ напримѣръ, не желая жить въ селѣ среди людей, панъ поселился въ оврагѣ, при началѣ *Бѣлой горы*; въ одной изъ стѣнъ оврага онъ пристроилъ домъ, такъ что навиcшій утесъ образовалъ плоскую крышу, на которой онъ насадилъ виноградникъ. Вокругъ дома, къ удивленію всѣхъ окрестныхъ жителей, панъ развелъ огромный фруктовый садъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ на обнаженномъ почти известковомъ грунтѣ; это предпріятіе потребовало, конечно, много знанія, терпѣнія и самаго упорнаго труда; неудивительно поэтому, что суевѣрное населеніе Бакоты приписывало успѣхъ сверхъестественнымъ силамъ. Изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжали къ доктору больные, прогуливались въ его висячихъ садахъ и часто жили здѣсь во все время лѣченія.

Память народная сохранила много разсказовъ, въ которыхъ бывшій панъ является лицемъ полумиѳическимъ. Такъ напримѣръ разсказываютъ, что панъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не стѣсняясь разстояніемъ, и ходилъ съ неимовѣрной быстротой; напримѣръ, если ему нужно было отправиться въ Каменецъ, онъ посылалъ кучера съ лошадьми и экипажемъ почтовой дорогой, а самъ шелъ напрямикъ, черезъ горы и рѣки, и пѣшкомъ поспѣвалъ всегда раньше кучера, и т. п. Въ одну изъ такихъ экскурсій зимою, его захватила вьюга и онъ замерзъ на пути. Какъ-бы то ни было, это повидимому была на столько выдающаяся личность для своего времени и окружающей среды, что какъ современники, такъ и потомки не могли считать его обыкновеннымъ человѣкомъ и видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ волшебника или «характерника», какъ у насъ называетъ народъ, — «фармазонъ бувъ покійний панъ», прибавилъ разсказчикъ.

По смерти *пана фармазона* его оригинальное жилище было оставлено наслѣдниками и мало по малу приходило въ разрушеніе; садъ и виноградникъ, разведенные съ такимъ трудомъ, тоже не многимъ пережили своего владѣльца—вскорѣ они были вырублены бакотскими жителями на разныя хозяйственныя нужды. Показываютъ еще мѣсто, гдѣ стоялъ домъ и садъ, но отъ нихъ уже не со-

хранилось и слѣда: чего не успѣли разрушить люди, то докончила дождевая вода, унесшая даже наносную почву изъ оврага, такъ что теперь остался только чистый скальной грунтъ.

Минуя оврагъ и болото, подходимъ къ самому берегу Днѣстра; у подножія *Бѣлой горы* берегъ на столько возвышенъ, что не заливается даже весною,—это и есть «Монастырисько». Урочище занимаетъ пространство до двухъ десятинъ, поросшее густымъ бурьяномъ почти въ человѣческій ростъ и заваленное глыбами камней, которыя въ продолженіи столѣтій обрушивались съ горы. Противъ пещеры сохранились слѣды стѣны, явно циклопической постройки: стѣна тянется по прямой линіи отъ огромнаго утеса, лежащаго уже въ водѣ, почти до самаго подножія горы. Невдалекѣ отъ стѣны расположены горизонтально въ разныхъ мѣстахъ три плоскія продолговатыя плиты изъ того-же известняка, похожія на надгробныя плиты, но безъ всякихъ слѣдовъ надписей, очень толстыя и плохо отесанныя. Вмѣстѣ съ пещерой и остатками стѣны это все, что осталось отъ древняго монастыря.

Но осматривая со вниманіемъ разсѣянные на полянѣ камни, мы встрѣтили нѣчто несравненно болѣе интересное и неожиданное,—цѣлое открытіе въ археологическомъ отношеніи. Среди множества скалъ разной величины и самой неправильной формы, скатившихся съ горы, вниманіе мое привлекли попадавшіяся мѣстами группы камней, какъ будто бы искусственно расположенныя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ монастырской стѣны. Расположенныя на самомъ берегу рѣки, противъ пещеры, обращенной выходомъ на юго-западъ (характерный признакъ жилищъ каменнаго вѣка), вблизи которой вдобавокъ попадаются каменныя орудія, подобныя группы невольно наводили на мысль о мегалитахъ.

Правда, этого рода сооруженій еще мало извѣстно въ Россіи; но если существуютъ ясные мегалитическіе памятники въ Херсонщинѣ, то еще вѣроятнѣе встрѣтить ихъ въ Подоліи. Вѣдь открытія и толковаго описанія двухъ-трехъ подобныхъ памятниковъ достаточно, чтобы пролить яркій свѣтъ на состояніе этого вопроса въ наукѣ, а при этомъ удобномъ случаѣ и самому прославиться и получить извѣстность въ археологическомъ мірѣ—перспектива, конечно слишкомъ заманчивая для нашего брата, но въ тоже время требующая большой осторожности при оцѣнкѣ и опредѣленіи па-

мятниковъ. Такъ думалъ я, сидя въ нерѣшительности на одномъ изъ камней и соображая, слѣдуетъ-ли его промѣрить и опредѣлить его отношеніе къ другимъ, или не стоитъ.

Восклицаніе моего друга вызвало меня изъ задумчивости. Не смотря на свой скептицизмъ по вопросу о мегалитахъ, Маринчукъ въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе меня. Я нашелъ его въ почтительномъ созерцаніи передъ скалой около сажени въ вышину, очень явственно описанной въ видѣ не совсѣмъ правильной пирамиды, стоящей на основаніи; на ея фасѣ, обращенномъ къ рѣкѣ, глубокими и весьма грубыми чертами вырѣзанъ рисунокъ, изображающій двѣ человѣческія фигуры. Одна, около аршина вышины, представляетъ человѣка, идущаго на лѣво,—ступни обѣихъ ногъ обращены въ эту сторону, но голова и туловище представлены *en face*, руки разставлены въ обѣ стороны, грудь и животъ очерчены одной линіей,—очевидно первобытный художникъ не совладалъ съ трудной задачей представить цѣлую человѣческую фигуру въ профиль. Впрочемъ нужно отдать ему справедливость, фигура эта отдѣлана съ нѣкоторыми подробностями; на рукахъ сдѣланы пальцы, шеи нѣтъ, за-то на головѣ волосы на подобіе лучей или сіянія. Рядомъ съ этой стоитъ другая фигура болѣе грубой отдѣлки и значительно меньше первой; головы ихъ на одномъ уровнѣ, а ноги второй какъ-бы стоятъ на протянутой лѣвой рукѣ первой; второй человѣкъ весь представленъ *en face*, руки безъ пальцевъ, ноги загнуты врозь на подобіе полозьевъ; онъ какъ будто издали слѣдуетъ за первымъ. Между головами вырѣзанъ маленькій крестъ, сдѣланный, повидимому, другой рукой и въ позднѣйшее время, вѣроятно жившими здѣсь монахами.

Какъ по положенію фигуръ, такъ и по характеру выполненія эта картинка должна быть отнесена къ древнѣйшей порѣ человѣческой культуры, къ разряду рисунковъ на скалахъ, причисляемыхъ нѣкоторыми археологами къ числу украшеній мегалитическихъ памятниковъ. Итакъ, не оставалось больше сомнѣнія, сдѣлано наконецъ открытіе, вознаграждавшее насъ за неудачи цѣлаго дня; оставалось только продолжать изслѣдованіе терена. На той-же полянѣ замѣтны еще три пирамиды, подобныя первой, но опрокинутыя и безъ рисунковъ, по крайней мѣрѣ на трехъ открытыхъ сторонахъ не замѣтно никакихъ изображеній; а поднять камень, чтобы осмо-

трѣть обращенную къ землѣ грань, мы не могли по причинѣ ихъ огромности. Наконецъ къ тому-же разряду памятниковъ можно отнести громадный утесъ, упирающійся острымъ концемъ въ дно рѣки, а другимъ краемъ прилегающій къ берегу; его окружаетъ и поддерживаетъ группа камней меньшихъ размѣровъ, такъ что можно на него вылѣзть, не замочивши ногъ. Положеніе этой скалы ясно указываетъ на то, что она не могла, оборвавшись съ горы, сама докатиться сюда и стать такъ безъ посторонней помощи; очевидно, здѣсь дѣло искусственной постановки. Поверхность утеса покрыта множествомъ круглыхъ углубленій, на подобіе чашекъ разной величины; одно изъ нихъ продолговатое имѣетъ видъ какъ-бы человѣческой стопы. Эти чашки, выдолбленныя повидимому человѣческими руками, еще болѣе подтверждаютъ догадку объ отдѣлкѣ и постановкѣ утеса еще въ доисторическія времена. Позже, во время существованія здѣсь монастыря, онъ могъ исполнять другое назначеніе, чѣмъ служить алтаремъ для принесенія жертвъ душамъ умершихъ; можетъ быть онъ составлялъ передовой выступъ монастырской ограды, такъ какъ къ нему прямо примыкаетъ конецъ фундамента древней стѣны.

Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ остатками двухъ различныхъ эпохъ. Правдоподобно, естественная скальная пещера могла служить жилищемъ для людей каменнаго вѣка, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ орудій, разсѣянныхъ на поверхности *Бѣлой горы*[1]; чашечный камень, пирамиду съ рисункомъ и другіе искусственно отдѣланные и поставленные камни можно, кажется, съ достовѣрностью признать памятниками искусства и религіи этихъ людей. Много вѣковъ протекло съ того времени, пока христіанскіе монахи воспользовались готовой пещерой, поддѣлали ее и приспособили сообразно своимъ потребностямъ, такимъ образомъ она вошла въ составъ православнаго монастыря; что же касается памятниковъ язычества, то они частью уцѣлѣли, частью, вѣроятно, употреблены на хозяйственныя

[1]) Кромѣ отбивныхъ кремневыхъ орудій здѣсь попадаются иногда и полированныя,—г. Шимановскій показывалъ намъ найденный на поляхъ Бакоты фрагментъ прекрасно отполированной булавы изъ зеленоватаго плеावистаго сланца, залегающаго въ горахъ вблизи села.

нужды монаховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что началомъ для огромнаго большинства нашихъ скальныхъ монастырей и монастырскихъ пещеръ послужили уже готовыя пещеры, служившія пріютомъ первобытному человѣку въ доисторическую пору.

Наслоенія позднѣйшаго времени представляютъ основаніе циклопической[1]) стѣны и келіи—это несомнѣнно остатки христіанскаго монастыря, существовавшаго здѣсь въ средніе вѣка, но мы не можемъ опредѣлить время его основанія по недостатку точныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

Что касается кургана, то судя по характеру погребенія и по отдѣлкѣ найденнаго при скелетѣ сосуда, его нужно отнести къ концу языческаго курганнаго періода, прямо предшествовавшаго введенію христіанства въ юго-западной Руси.

Вотъ и все, что удалось намъ собрать о древнѣйшей, до-исторической Баботѣ,—немногимъ полнѣе будутъ наши свѣдѣнія о ней и въ позднѣйшую пору по малочисленности историческихъ данныхъ. До насъ дошло такъ мало документальныхъ свидѣтельствъ о Бакотѣ и между ними встрѣчаются такіе огромные пробѣлы, иногда въ цѣлое столѣтіе и больше, что нѣтъ возможности составить сколько нибудь цѣльную картину жизни этого города. Поэтому ограничусь только нѣсколькими характерными эпизодами, которые сохранили намъ лѣтописи.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о времени возникновенія и первоначальной судьбѣ Бакоты. Первое лѣтописное извѣстіе о ней встрѣчается довольно поздно, въ 1240 году, когда Бакота является уже однимъ изъ важныхъ центровъ Галицкаго княжества, едва-ли не самымъ значительнымъ городомъ Галицкаго Понизья, нынѣшняго Подолія. Поэтому можно предполагать, что городъ этотъ возникъ гораздо раньше, если въ половинѣ

---

[1]) Считаю необходимымъ оговориться относительно термина циклопической, который я принимаю въ смыслѣ архитектурномъ, безъ хронологическаго оттѣнка. Дѣло въ томъ, что въ южной и западной Европѣ циклопическія постройки относятся къ весьма глубокой древности, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, сравнительно недавнимъ. И въ настоящее время крестьяне въ подольскихъ селахъ обносятъ свои усадьбы циклопическими стѣнами (т. е. сложенными изъ крупныхъ и мелкихъ камней безъ цемента).

XIII в. успѣлъ достигнуть выдающагося значенія. Впрочемъ столицы часто мѣнялись въ Галицкомъ княжествѣ.

Первая половина XIII вѣка и совпадающая съ нею первая половина княженія Даніила Романовича была едва-ли не самымъ тяжелымъ и смутнымъ временемъ въ исторіи Галицкой земли за весь удѣльный періодъ. Между тѣмъ какъ другія южно-русскія области успѣли ко времени татарскаго нашествія болѣе или менѣе уложиться въ тѣ или другія рамки, выработать извѣстныя формы внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, въ Галицкой землѣ все еще шла упорная борьба между различными общественными элементами,—то глухая и скрытая, то ясно прорывавшаяся наружу въ формѣ борьбы княжеской власти съ различными партіями: народной, боярской, иноземной и т. д. То могущественнымъ князьямъ, какъ Владиміръ Володаревичъ и Романъ Мстиславичъ, удавалось, устранивши всѣхъ соперниковъ, подавить всѣ протестующіе элементы, или, выражаясь словами лѣтописца, «погнетши пчелъ, вкусити меду», то при малѣйшемъ ослабленіи центральной власти партіи эти снова оживали. Болѣе сильная брала перевѣсъ надъ остальными, изгоняла несимпатичныхъ ей князей и правителей, а иногда даже казнила ихъ и призывала другихъ по своему выбору; бояре захватывали власть въ свои руки и распоряжались краемъ по своему усмотрѣнію. Во время одной изъ такихъ смутъ, самой продолжительной, случившейся по смерти Романа, въ малолѣтство его сыновей, главнѣйшими заправилами были представители боярской партіи: Володиславъ, Судиславъ, Жирославъ и другіе—всѣ, кому удавалось на время создать себѣ сильную партію. Молодые Романовичи принуждены были воспитываться за предѣлами своего княжества и затѣмъ, съ помощью иноземныхъ покровителей, завоевывать обратно отцевское наслѣдство.

Василько Романовичъ скоро сжился съ мирнымъ волынскимъ населеніемъ, но Даніилу пришлось очень тяжело со своими галичанами. Съ неутомимой энергіей и настойчивостью этотъ предпріимчивый князь долженъ былъ по мелочамъ,—городъ за городомъ, округъ за округомъ, приводить подъ свою власть наслѣдственныя отцевскія владѣнія. Большая половина его жизни ушла на то, чтобы округлить свой удѣлъ, но такъ какъ Даніилъ дѣйствовалъ репрессивными мѣрами и не дѣлалъ уступокъ ни одной изъ партій,

то при малѣйшемъ удобномъ случаѣ все шло врозь и приходилось снова обращаться къ иноземной помощи и наемной дружинѣ. По-видимому спокойствіе уже начинало водворяться въ Галицкой землѣ, какъ вдругъ татарское нашествіе 1240 года сразу разрушило плоды многолѣтнихъ усилій и ясно доказало всю непрочность вынужденнаго наружнаго спокойствія среди подавленныхъ элементовъ. Нужно было начинать все дѣло сначала.

Съ приближеніемъ Батыя, какъ извѣстно, страшная паника распространялась въ русскихъ земляхъ: всѣ, кто только могъ, бѣжали, куда глаза глядятъ, отъ грознаго завоевателя; это было общее sauve qui peux. Ничего еще не зная о погромѣ сѣверо-западной Руси, Даніилъ отправился по дѣламъ въ Венгрію. Здѣсь уже онъ услышалъ отъ бѣглецовъ вѣсть о приближеніи татаръ, но не возвратился въ свою землю, чтобы приготовить средства къ ея защитѣ, а напротивъ удалился въ Польшу, гдѣ и оставался со всѣмъ своимъ семействомъ, пока татары не вышли изъ русскихъ предѣловъ. Галицкая земля была спасена отъ конечнаго разоренія только благодаря находчивости тысяцкаго Димитрія. Общественное мнѣніе не могло простить этого галицкому князю и при его возвращеніи нѣкоторыя вѣча отказывались открыть передъ нимъ ворота своихъ городовъ. Но несомнѣнно всѣми этими обстоятельствами лучше всего съумѣла воспользоваться боярская партія.

Пользуясь отсутствіемъ князя, бояре по удаленіи татаръ захватили власть въ свои руки и попытались овладѣть въ свою пользу разными областями Галицкой земли: «Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху». При этомъ львиную часть захватили по взаимному соглашенію двое самыхъ сильныхъ въ то время бояръ: Григорій Васильевичъ вокняжился въ горной Перемышльской области, а другой, Доброславъ «вънидъ въ Бакоту, все Понизье прия, безъ княжа повеленія». Всѣмъ остальнымъ на братію досталось только Подгорье. Изъ лѣтописнаго текста можно, кажется, заключить, что въ данное время Бакота была центромъ Понизья, если Доброславъ избралъ ее своею резиденціей и отсюда «все Понизье прия». Завявши край, названные бояре съ группою своихъ приверженцевъ начинаютъ въ немъ хозяйничать по своему усмотрѣнію: «и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Такъ Доброславъ раздаетъ цѣлые округи

людямъ незнатнаго происхожденія и черниговскимъ боярамъ, очевидно разсчитывая найти въ нихъ поддержку противъ мѣстнаго боярства, и смѣется надъ приказаніями возвратившагося князя. Простой народъ повидимому больше симпатизировалъ новымъ правителямъ, нежели своимъ князьямъ и устраивалъ имъ торжественныя встрѣчи.

Вскорѣ однако между ними произошло столкновеніе, такъ какъ Доброславъ, не довольствуясь Подольемъ, пожелалъ овладѣть и Горами. Даніилъ Романовичъ воспользовался раздоромъ своихъ правителей—оба они въ одиночку были схвачены и заточены.

Послѣ того въ 1241 г., Даніилъ послалъ въ Бакоту своего печатника Курила для разслѣдованія боярской интриги—«исписати грабительства нечестивыхъ бояръ»; посланный успѣлъ «утишити землю», неизвѣстно впрочемъ какими мѣрами. Въ это самое время къ Бакотѣ подступилъ одинъ изъ претендентовъ на Галицкій столъ, Ростиславъ Михайловичъ черниговскій, со своими союзниками Болоховскими князьями и съ горстью принявшихъ его сторону галичанъ. Ростиславъ пытался склонить на свою сторону и Курила, но послѣдній сперва отвѣчалъ ему укорами, а затѣмъ выступилъ съ пѣхотою изъ города и, обративъ въ бѣгство черниговскаго претендента, удержалъ Бакоту за своимъ княземъ. Даніилъ въ томъ же году опустошилъ Болоховскую землю, въ наказаніе за оказанную Ростиславу поддержку, послѣ чего поѣхалъ въ Бакоту и Коломыю, «хотя уставити землю»; очевидно эти города были главными центрами внутренняго броженія, охватившаго все Понизье.

Вѣроятно ему удалось административными мѣрами на нѣкоторое время водворить порядокъ въ краѣ; но спокойствіе было непрочно, потому что уже въ 1255 г., когда татары, пользуясь отсутствіемъ великаго князя, вторглись въ Подолье и подошли къ Бакотѣ, Милѣй (вѣроятно, представитель городскаго вѣча) тотчасъ «приложися къ нимъ», за что татары назначили его своимъ баскакомъ въ той-же Бакотѣ. Узнавъ о случившемся, Даніилъ, занятый походомъ на Литву, послалъ въ Бакоту своего сына Льва съ отрядомъ войска. Левъ занялъ Бакоту гарнизономъ, самаго Милѣя, захвативъ въ расплохъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ отцу; но очевидно онъ имѣлъ дѣло съ ловкимъ противникомъ. Милѣй въ самое непродол-

жительное время успѣлъ войти въ довѣренность молодаго, энергичнаго князя и такъ расположилъ его въ свою пользу, что, не смотря на компрометирующія его обстоятельства, Левъ Даниловичъ поручился передъ отцемъ въ его вѣрности. Самъ Даніилъ, не привыкшій стѣсняться съ боярами, пошелъ на уступку: онъ не только далъ свободу Милѣю, но и возвратилъ ему его прежнее положеніе, разсчитывая вѣроятно милостью расположить его къ себѣ и пріобрѣсть въ его лицѣ вѣрнаго слугу и проводника своихъ интересовъ. Милѣй возвратился въ Бакоту, но не оправдалъ довѣрія великаго князя, а напротивъ, при новомъ приближеніи татаръ, измѣнилъ своей клятвѣ и сдалъ имъ Бакоту.

Правдоподобно бакотскихъ жителей и ихъ представителя прельщала участь болоховцевъ, которые платили татарамъ дань хлѣбомъ, но за то пользовались полнѣйшей свободой и покоемъ и не имѣли надъ собою никакихъ бояръ и князей, кромѣ выборныхъ атамановъ.

На этомъ обрываются наши свѣдѣнія о Бакотѣ и наступаетъ продолжительный пробѣлъ почти въ цѣлое столѣтіе.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIV вѣка, завоевавши юго-западную Русь у татаръ, (послѣ 1362 года) великій князь литовскій Ольгердъ, по своему обыкновенію, началъ раздавать на ленныхъ правахъ удѣлы своимъ родственникамъ, въ томъ числѣ подольская земля отдана во владѣніе четыремъ его племянникамъ, братьямъ Коріятовичамъ. При занятіи края новыми владѣльцами оказалось, что въ цѣломъ Подоліи не осталось ни одного укрѣпленнаго города: «а въ тотъ часъ въ подольской землѣ не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленый, ани каменемъ будованый», такъ какъ всѣ укрѣпленія еще раньше были срыты и уничтожены татарскими темниками. Поэтому Коріятовичи прежде всего занялись постройкой новыхъ укрѣпленій для обороны края. Первыми были укрѣплены наиболѣе важные центры Подолія: Смотричъ и Каменецъ на рѣкѣ Смотричѣ и Бакота на Днѣстрѣ. «И на первое (Коріятовичи) нашли собѣ твержу на рѣцѣ Смотричи и тутъ собі нарадили городъ Смотричъ. Въ другомъ мѣстѣ были черцы въ горѣ и въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту», т. е. оградили фортификаціями существовавшіе еще раньше города. Такимъ образомъ Бакота является однимъ изъ трехъ главнѣйшихъ центровъ Подолія при Коріятовичахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ князья, по соглашенію съ народонаселеніемъ, перестали платить татарамъ собираемую съ жителей дань и стали взымать ее въ свою пользу, за что обязывались охранять ихъ отъ нападенія непріятеля. Осѣвшись въ краѣ, новые князья по литовскому обычаю начинаютъ раздавать земли разнымъ лицамъ на условіяхъ ленной зависимости; при этомъ Бакота въ 1388 г. отдана во владѣніе нѣкоему Немирѣ.

При послѣднемъ изъ четырехъ братьевъ, князѣ Θеодорѣ Коріатовичѣ, подольская земля перестала было повиноваться великому князю Витовту и пыталась даже совсѣмъ отдѣлиться отъ Литвы, чего конечно Витовтъ не могъ спокойно допустить. Узнавъ о приближеніи великаго князя съ литовскими силами, Коріатовичъ поставилъ въ городахъ гарнизоны изъ волоховъ, а самъ отправился за помощью въ Венгрію; между тѣмъ Витовтъ успѣлъ захватить воеводу Нестака, которому князь Θедоръ поручилъ защиту края, овладѣлъ всѣми укрѣпленными городами и посадилъ въ нихъ своихъ старостъ. Вскорѣ всѣ эти города, въ томъ числѣ и Бакоту, Витовтъ уступилъ королю Ягайлу за двадцать тысячъ, а король въ свою очередь, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ ихъ за ту-же сумму пану Спытку изъ Мельштына, съ обязательствомъ отбывать военную службу въ пользу Витовта, а не короля.

Вскорѣ Спытко погибъ въ одномъ изъ походовъ великаго князя противъ татаръ. Такъ какъ его вдова и малолѣтніе наслѣдники не могли надлежащимъ образомъ защищать край отъ татарскихъ вторженій, то великій князь литовскій, по предложенію короля, выкупилъ обратно проданную имъ юго-западную половину подольской земли и образовалъ изъ нея особое староство, которое отдалъ въ управленіе дворянину Грановскому. Вскорѣ однако Грановскій былъ смѣщенъ и послѣ него въ непродолжительное время смѣнилось одинъ за другимъ четыре старосты литовскаго происхожденія. Послѣдній изъ нихъ, панъ Долгердъ, до смерти Витовта управлялъ подольскими городами, имѣя резиденцію въ Каменцѣ; но по смерти великаго князя, когда польскій элементъ получилъ перевѣсъ во внутренней политикѣ, польскіе паны, давно уже съ завистью смотрѣвшіе на богатыя подольскія земли, хитростью схватили Долгерда, разграбили его имущество и забрали въ свои руки всѣ города, составлявшіе подольское староство.

Послѣ того Бакота вмѣстѣ съ другими городами, кажется, вошла въ составъ королевскихъ имѣній; это можно заключить изъ различныхъ люстрацій, которыя впрочемъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ о замкѣ или какихъ-бы то ни было укрѣпленіяхъ въ Бакотѣ. Вѣроятно укрѣпленіе, воздвигнутое здѣсь при Коріатовичахъ, просуществовало недолго.

Во второй половинѣ XVIII ст. Бакота, уже какъ село, входила въ составъ Ушицкаго староства и нѣкоторое время находилась во владѣніи каменецкихъ базиліанъ, но около 1774 года она обращена въ отдѣльное староство, приносившее чистаго дохода 1900 золотыхъ польскихъ.

Вотъ и все, что удалось собрать по мелочамъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ важныхъ центровъ Подолья въ былыя времена.

Въ настоящее время это—небольшое и повидимому не слишкомъ богатое село съ маленькой, старинной церковью, мало отличающееся своею наружностью отъ прочихъ подольскихъ селъ; только недостатокъ лѣса въ окрестностяхъ Бакоты, не смотря на присутствіе садовъ при каждой хатѣ, сообщаетъ селу грустный, какъ-бы сосредоточенный видъ—точно оно склонилось надъ рѣкою у подножія горъ и задумалось надъ превратностями судьбы, припоминая, сколько важныхъ историческихъ событій видѣли эти горы, сколько поколѣній самыхъ различныхъ племенъ и эпохъ прошли по нимъ; каждая эпоха приносила поочередно свои интересы и свою культуру, но отъ иныхъ не сохранилось и слѣда ни на поляхъ бакотскихъ, ни въ народной памяти, ни въ историческихъ матеріалахъ.

Впрочемъ все пережитое не могло не оставить слѣда въ характерѣ и физіономіи мѣстнаго населенія. Дѣйствительно постороннему человѣку сразу бросается въ глаза чрезвычайная сдержанность и осторожность, даже недовѣрчивость въ отношеніи ко всему чужому. Подобное настроеніе является, вѣроятно, отголоскомъ вѣковыхъ традицій; выражается оно чрезвычайнымъ развитіемъ въ народѣ суевѣрія, находящаго поддержку въ многочисленномъ классѣ всевозможныхъ знахарей и знахаровъ, вѣдьмъ, ворожекъ и т. п., которые на всѣ лады эксплуатируютъ довѣріе и благосостояніе населенія не только на мѣстѣ, но и далеко за предѣлами своего уѣзда. По словамъ г. Шиманскаго, едва-ли не половина бакотскихъ жителей, кромѣ обычныхъ крестьянскихъ промысловъ, занимаются въ

большей или меньшей степени некромавціей; особенно крупный процентъ въ этомъ отношеніи падаетъ на женскую половину населенія, при чемъ занятія, кажется, строго дѣлятся по спеціальностямъ: однѣ гадаютъ на картахъ, другія иными способами; есть спеціалистки, которыя лѣчатъ и заговариваютъ болѣзни, открываютъ воровъ, насылаютъ и отгоняютъ всевозможныя несчастья, разлучаютъ супруговъ и влюбленныхъ и наоборотъ возвращаютъ любовь посредствомъ приворотнаго зелья; иныя промышляютъ и ядами, въ особенности чрезвычайно сильными наркотиками изъ мѣстной флоры, тщательно скрывая свой секретъ. Особенно многочисленную практику имѣютъ двѣ послѣднія категоріи,—очевидно родъ человѣческій страдаетъ сильною потребностью жить лирической жизнью и въ тоже время наносить вредъ своимъ подругамъ; наиболѣе обширной и, какъ говорятъ, заслуженной извѣстностью пользуется за свои приворотныя средства одна изъ самыхъ старыхъ знахарокъ, которую всѣ считаютъ вѣдьмой; она даетъ какой-то цвѣтокъ, который сразу возвращаетъ своему обладателю утраченную любовь или поселяетъ новое чувство въ симпатичной ему особѣ, и другой цвѣтокъ, уничтожающій немедленно всякую симпатію. Къ этой женщинѣ пріѣзжаютъ въ большомъ количествѣ даже изъ другихъ уѣздовъ не только люди изъ необразованныхъ классовъ, но зачастую даже представители интеллигенціи въ краѣ; вѣра въ могущество бакотской «вѣдьмы» такъ сильна, что напримѣръ жена, оставившая мужа для кого нибудь другаго, узнавъ, что мужъ ея побывалъ въ Бакотѣ, спѣшитъ возвратиться къ нему сама, не дожидаясь неизбѣжнаго дѣйствія зачарованнаго цвѣтка. Но случаются также весьма трагическіе эпизоды, происходящіе изъ личной вражды. Такъ напримѣръ одна крестьянка, желая отомстить за что-то своему знакомому, запаслась у знахарки зельемъ и поднесла его въ чаркѣ горѣлки, отъ которой несчастный крестьянинъ упалъ замертво и затѣмъ на всю жизнь остался помѣшаннымъ. Не удивительно, что такія ловкія особы успѣваютъ собрать себѣ порядочное состояніе на счетъ чужаго легковѣрія; однако суевѣрный страхъ обезпечиваетъ ихъ имущество отъ всякихъ покушеній среди мѣстнаго населенія. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ назадъ случилось происшествіе, сильно взволновавшее всю Бакоту. Вблизи села проживали нѣсколько человѣкъ великороссовъ, кажется, артель рабочихъ или огородниковъ, что-то въ этомъ

родѣ. Не успѣвъ еще проникнуться мѣстными суевѣріями и провѣдавъ о богатствѣ знахарокъ, русскіе неоднократно похвалялись передъ ними и однажды ночью явились къ одной изъ самыхъ состоятельныхъ, и связавши ее, ограбили на весьма крупную сумму. Участники преступленія вскорѣ были открыты и задержаны, правда при содѣйствіи полицейской власти, а не сверхъ-естественныхъ силъ, и хотя ихъ не постигло никакое сверхъ-естественное наказаніе, однако послѣднее обстоятельство ни мало не поколебало въ крестьянахъ увѣренности въ могуществѣ ихъ вѣдьмъ.

Подобная возведенная въ систему эксплуатація народнаго невѣжества съ одной стороны и такое глубокое суевѣріе съ другой, разумѣется, не могутъ быть дѣломъ одного дня, они создаются весьма продолжительнымъ временемъ, можетъ быть цѣлыми вѣками. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ существующее въ польской исторической литературѣ мнѣніе, будто для отравленія Варвары Радзивилловны, жены короля Сигизмунда Августа, была вызвана знахарка изъ подольской земли; нѣкоторыя лица изъ мѣстной польской интеллигенціи увѣряютъ даже, что такая отравительница не могла быть вызвана изъ иного мѣста, кромѣ Бакоты. Конечно, фактъ этотъ не доказанъ и его можно оспаривать въ частностяхъ, но во всякомъ случаѣ онъ можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что и въ старину въ подольской землѣ было чрезвычайно развито «видемство» и знахарство во всѣхъ его видахъ и что главнымъ ихъ центромъ считается Бакота.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ.

Мы намѣрены сообщить свѣдѣнія объ этой личности и въ связи съ тѣмъ о судьбѣ новосербскаго преображенскаго монастыря на основаніи просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ документовъ въ архивѣ святѣйшаго синода.

Новою Сербіею, какъ извѣстно, названо въ указѣ императрицы Елисаветы Петровны отъ декабря 1751 года пространство мало до того населенной земли, такъ называемаго «Дикаго Поля»; оно предназначено было для поселенія сербскихъ выходцевъ изъ Венгріи, жившихъ тамъ на турецкомъ пограничьи, съ обязательствомъ военной службы, но уже съ 1740 годовъ постепенно преобразуемыхъ въ мирныхъ поселянъ. Новая Сербія простиралась на востокѣ отъ праваго берега Днѣпра до Синюхи, на сѣверѣ граничила съ Польшею, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Запорожской Сѣчи. Хотя по смыслу указа бывшіе тамъ до сего жители должны были выселиться въ другія мѣста (не указано, какія), но они остались [1]) и включены были въ составъ военныхъ сербскихъ поселеній. И самыя эти поселенія были *сербскими* только по преобладающему въ нихъ начальственному элементу изъ сер-

---

[1]) Изъ справки синодальной канцеляріи, съ отвѣтомъ инженеръ-подполковника де-Боскета на запросъ синода въ февралѣ 1752 г., видно, что въ 1745 г. тамъ были церкви — одна въ Каменкѣ Потоцкой, одна въ Мошуриной Рогѣ, въ Крыловѣ двѣ, въ Стецовкѣ одна, въ Нестеровкѣ одна, въ мѣстечкѣ Цыбулевѣ одна, въ селѣ Уховкѣ одна, въ селѣ Глинскомъ одна, въ селѣ Табурищѣ одна и Крюковѣ одна. Всѣ эти и другія поселенія зависѣли тогда отъ малороссійскаго

бовъ; на самомъ-же дѣлѣ, какъ и въ указѣ обозначалось, этотъ округъ данъ «приходящимъ народамъ—сербскому, македонскому, болгарскому и волосскому».

Австрійской службы полковникъ, теперь русскій генералъ маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ въ 1752 году съ своими единоземцами занялъ отведенныя мѣста, какъ главный начальникъ всего новозаводимаго поселенія, и при рѣкѣ Большой Выси, близъ польской границы, устроилъ шанецъ, родъ крѣпости, съ поселеніемъ, кои и составили Новомиргородъ, названный такъ потому, что мѣстность причислялась прежде къ малороссійскому миргородскому полку. Новомиргородъ сдѣлался резиденціею Хорвата и центромъ управленія всего поселенія. Сербовъ и «другихъ единовѣрныхъ народовъ», то есть болгаръ и волоховъ, недостаточно оказалось для заселенія; но права и льготы, какъ и «вольности», восполняли этотъ недостатокъ привлеченіемъ жителей изъ малороссіянъ русскаго и польскаго государствъ, польскихъ шляхтичей, раскольниковъ, евреевъ и проч.

23 марта 1753 года правительствующій сенатъ сообщилъ въ синодъ вѣдѣніемъ слѣдующее.

«Правительствующему сенату генералъ маіоръ Хорватъ поданнымъ доношеніемъ представлялъ: понеже де намѣреніе єво предпринято въ Новой Сербіи при поселеніи первой роты, гдѣ и овъ свое жилище съ фамиліею взялъ, по обѣщанію своему изъ собственного єво кошту построить монастырь каменный во имя Николая Чудотворца, къ чему еще прошедшей осени архитекторъ подряженъ, и матеріалами потребными чрезъ проходящую зиму, дабы въ работу зъ ближающеюсь весною вступить, заготовляется, въ которомъ монастырѣ къ ревности православного извѣстного, подъ высочайшее ея императорскаго величества милосердіе и вѣчное подданство изъ другихъ державъ прибѣгающаго народа, кой

гетманскаго управленія... «Выше показанныя де церкви уповательно состоять въ епархіи кіевскаго митрополита. А понеже де отъ 1745 году понынѣ уповательно въ тѣхъ заднѣпровскихъ мѣстахъ церквей еще нѣсколько построено, но коликое число, о томъ у него подполковника де-Баскета извѣстія не имѣется». О мѣстности и распредѣленіи ротъ Новой Сербіи см. статью священника *Василія Никифорова* «Очерки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи» (въ Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ, за 1876 годъ).— А.

чрезъ то со всѣмъ своимъ усердіемъ поощренъ въ православное отечество къ выѣзду еще лучше будетъ, не инымъ-бы, какъ токмо изъ того православного націона, монахомъ, іеромонахомъ и духовнымъ начальнымъ властямъ и управителямъ быть: на что потребно отъ святѣйшаго правительствующаго синода благословеніе и указъ получить, чтобъ быть во ономъ архимандріи. И нынѣ на первый случай изъ того-жъ народа предъ недавнимъ временемъ выѣхавшаго изъ святой афонской горы Іоанна Предотечева монастыря, называемаго Діонисицкого, греческой націи, архимандрита Іоакима Ралова учредить, который къ тому желаніе свое имѣетъ и притомъ еще пользу высокому интересу учинить въ приглашеніи и подзовѣ на поселеніе въ Новую Сербію скрытымъ и искуснымъ въ томъ образомъ изъ потребныхъ мѣстъ надобного православного народа (отбывши подъ секретомъ въ прежній свой монастырь) дѣйствительно обѣщаетъ. А пока онъ съ святыхъ горъ прибудетъ, чтобъ смотрѣніе кому около вновь того заводимого монастыря имѣть, и то на кого положить можно, сербославенской націи находящагось здѣсь, въ Москвѣ, предъ нѣсколькимъ времянемъ выѣхавшаго въ Россію игумена Афонасія Милутиновича опредѣлить-бы. Того ради правительствующаго сената онъ генералъ маіоръ Хорватъ просилъ въ начатіи того дѣла и реченнаго архимандрита въ оной монастырь о благословеніи, и что дѣйствительно онъ уже увѣреннымъ остался, въ томъ безъ разглашенія о немъ подъ секретомъ къ присягѣ привесть; о опредѣленіи-жъ въ тотъ монастырь и реченнаго игумена, который-бы въ строеніи того смотрѣніе свое и прилѣжность имѣлъ, и выѣзжающихъ изъ тѣхъ націй для пребыванія въ тотъ монастырь монаховъ содержать до прибытія архимандрита (о которомъ-бы ему игумену знать не дано было) могъ, святѣйшему правительствующему синоду сообщить. А какъ-бы оной монастырь при новости и началѣ еще въ тѣхъ мѣстахъ поселенія и въ недостаточествѣ чтобъ милостынею содержать отъ вновь выѣзжающаго народа, и чтобъ въ неимущемъ себе пропитаніи и нуждѣ при собраніи въ оной братіи въ первомъ случаѣ не признавали, и хочай малое къ содержанію себе удовольствіемъ помилованіе имѣли, милостивое разсужденіе и разсмотрѣніе учинить, и какъ вновь начинающійся къ прибѣжищу иностранного православного

народа духовнымъ чинамъ монастырь всѣми потребными церковными книгами опредѣлить снабдѣть.

Правительствующій сенатъ приказали сообщить вѣдѣніемъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, что предписанное генерала-маіора Хорвата представленіе признаваеть за весьма полезное и угодное дѣло. Для того святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ по тому ево генерала-маіора Хорвата представленію какъ о построеніи того монастыря и о бытіи въ ономъ архимандріи и о учрежденіи на первой случай выѣхавшаго изъ афонской горы архимандрита Іоакима Ралова, такъ и о порученіи нынѣ въ смотрѣніе того монастыря игумену Афонасію Милутиновичу, на объявленномъ отъ него Хорвата основаніи, надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить, и ево генерала-маіора, и еще кого по духовной командѣ слѣдовать будетъ, указами снабдѣть непродолжительно. Притомъ же тотъ монастырь и церковными книгами, сколько какихъ потребно, отъ святѣйшаго правительствующаго синода снабдить, и означеннаго игумена указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода безъ умедленія туда отправить. А что касается содержанія того монастыря хотя малымъ чѣмъ, дабы по новости тамошняго мѣста въ неимущемъ пропитаніи и нуждѣ при собраніи во ономъ братіи въ первомъ случаѣ не признавалъ: того ради какъ оному игумену, такъ и по начатіи прибытія во оной монастырь монаховъ на содержаніе ихъ надлежащею ругою за высочайшее ея императорскаго величества здравіе отпускать денежной казны изъ опредѣленной къ генералу-маіору Глебову на сербовъ суммы до тысячи рублевъ въ годъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ о томъ вѣдать учинить; а Хорвату посланы указы. Марта 23 дня 1753 года».

Игуменъ Аѳанасій Милутиновичъ былъ уже извѣстенъ синоду и по сообщеніямъ военной коллегіи, и по собственнымъ касательно его распоряженіямъ. Еще 7-го генваря 1752 года коллегія сообщила, на основаніи прошенія Милутиновичева, что «онъ по усердію своему ко всероссійской имперіи, будучи въ введенскомъ славеносербскомъ монастырѣ въ афонскихъ горахъ, въ 1741 году вышедшихъ изъ турецкого плѣну россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ въ Константинополь къ бывшему тогда посломъ графу Румянцеву отвезъ, но за то себѣ никакого награж-

денія не получалъ; да и сверхъ того еще онъ между сербскимъ народомъ своими ревностными внушеніями къ пользѣ и славѣ Российскія имперіи услуги показывалъ. И хотя де онъ потомъ сербскими офицерами на имѣющее между сербскимъ и валахейскимъ народомъ въ Арадѣ порозжее архіерейское мѣсто и выбранъ былъ, однакожъ со стороны римскаго императорскаго двора въ томъ подъ разными претекстами отказано. И тако де онъ, видя православной христіанской вѣры развращеніе, принялъ свое желаніе прибѣгнуть въ здѣшнюю имперію, дабы вѣчно іеромонашескую жизнь свою въ покойномъ благочестіи окончить. И коллегія рекомендуетъ его прилежно святѣйшему синоду».

Въ канцеляріи синода Милутиновичъ показалъ о себѣ, что «онъ—сербянинъ, родился въ цесарской области, въ губерніи темяшварской, гдѣ по желанію своему преосвященнымъ Викентіемъ митрополитомъ и пострижень въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона, и жительствовалъ при немъ по 725 годъ, а въ томъ году по смерти его преосвященства пришелъ во аѳонскую гору, гдѣ и принятъ въ братство во введенскій хиландарскій монастырь, и тамъ 732 года преосвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ іерійскимъ, посвященъ въ іеромонаха, а въ 741 году пришедшихъ въ тотъ монастырь изъ турецкого полону россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ вывезъ въ Константинополь къ бывшему послу, графу Румянцеву. И послѣ того и самъ онъ въ 742 году былъ въ Россіи для собранія милостыни на тотъ монастырь, и собрано было 600 рублевъ и отослано съ оказіею въ тотъ монастырь. Самъ же за несносными безпокойствы отъ турокъ въ монастырь не возвратился, а остался въ Сербіи при патріархѣ Арсеніи, и между тѣмъ сербскими господами избранъ былъ на архіерейство, но со стороны римскаго императорскаго двора отказано, а вступилъ въ то достоинство уніатъ»... По распоряженію синода былъ онъ 22 генваря 1753 года отправленъ въ московскую епархію къ митрополиту Платону, который помѣстилъ его сперва въ Чудовѣ монастырѣ, потомъ въ троицкой лаврѣ «съ нѣкоторымъ респектомъ» въ пищѣ и содержаніи. Когда же 8 марта Иванъ Шевичъ съ штабъ и оберъ-офицерами своими, бывши въ Москвѣ, подалъ синоду доносъ, что Милутиновичъ «чинитъ непристойныя разглашенія и пришедшимъ

съ Шевичемъ въ Россію офицерамъ развращенія», то синодъ перевелъ его въ Петербургъ на троицкое подворье (отъ 18 марта).

5 апрѣля 1753 года синодъ сообщилъ сенату, что онъ «представленіе генерала-маіора Хорвата о построеніи въ Новой Сербіи по обѣщанію ево собственнымъ коштомъ, для пребыванія выѣзжающихъ изъ повелѣнныхъ нацей монаховъ и ради лучшаго выѣзду тамошняго народа, каменнаго монастыря признаваетъ за весьма полезное и угодное дѣло, а посему опредѣлилъ поднесть ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ». Самый докладъ есть повтореніе прошенія Хорвата и справки съ отношенія коллегіи.

Тогда же, должно быть, и Милутиновичъ отправленъ былъ въ Новую Сербію въ распоряженіе Хорвата; но послѣдній, какъ видно, изъ случайнаго въ 1759 году упоминанія «за непостоянное житіе и подозрительное обращеніе съ гайдамаками» выслалъ его очень скоро (не позже 1755 года). Затѣмъ имѣется сообщеніе сената синоду: «отъ 6 мая 1756 года Хорватъ донесъ, что «пока не получая дозволенія о монастырѣ, онъ началъ каменную соборную церковь въ Новомиргородѣ, но что если выйдетъ дозволеніе, то немедленно приступитъ къ постройкѣ монастыря, а между тѣмъ настоятелемъ будущаго монастыря желаетъ имѣть архимандрита Софронія, который и отправленъ имъ въ Петербургъ. А генералъ-лейтенантъ Глебовъ присланнымъ же отъ 27 марта репортомъ объявилъ, что оной архимандритъ Софроній сербской націи выѣхалъ въ 755 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ турецкой области митрополіи валевской [1]) свято-николаевскаго монастыря, желая въ вѣчномъ ея императорскаго величества подданствѣ въ Новой Сербіи остаться и поэтому генералъ-лейтенантъ Хорватъ требовалъ привесть его къ присягѣ и поручить ему устройство въ новомиргородскомъ шанцѣ монастыря»... Но какъ уже предположено было имѣть архимандрита Іоакима Ралова, да и о монастырѣ рѣшенія не было, то рѣшили отправить его въ Петербургъ. Сенатъ проситъ привести его къ присягѣ и впредь до рѣшенія дѣла о монастырѣ, позволивъ ему, по возвращеніи въ Новую Сербію, служить въ приходскихъ

---

[1]) Валіево — городъ въ нынѣшнемъ королевствѣ Сербскомъ, на сѣверъ отъ Ужицы, на рѣкѣ Верхнемъ Колубарѣ.

церквахъ, считаясь архимандритомъ монастыря, который Хорватъ вознамѣрился устроить.

Въ журналѣ синода отъ 1 іюля 1756 года записано опредѣленіе: 1) привесть означеннаго архимандрита Софронія къ присягѣ на вѣрность; 2) взять съ него сказку, сколько есть монаховъ въ Новой Сербіи; 3) отпустить его въ Новую Сербію и дозволить служить въ приходскихъ церквахъ; 4) въ желаемомъ монастырѣ на первый случай довольно судится быть архимандритъ одинъ, іеромонаховъ четыре, іеродіакона три, монашествующихъ и другихъ чиновъ до пятнадцати человѣкъ; а на содержаніе тысячу рублевъ.

Требуемая сказка подана Софроніемъ 3 іюля 1756 г. и въ ней показано слѣдующее: «Во оной новонаселенной въ Россіи Сербіи, коя поселеніе имѣетъ близъ Миргорода, состоящаго въ кіевской губерніи, прибывшихъ изъ сербянъ монашествующихъ нынѣ находится іеромонаховъ: изъ монастырей крушедольскаго Прохоръ, изъ Ораховицы Исаія, Леонтій, Захарія, Арсеній, Димитрій, да изъ сербской деревни Даля[1]) бѣлый діаконъ Павелъ. И изъ оныхъ нынѣ обываютъ іеромонахъ Прохоръ да діаконъ Павелъ въ Миргородѣ для ученія дѣтей въ школахъ магистрами, іеромонахи-жъ Исаія въ кіево-братскомъ, Леонтій въ кіево-межигорскомъ, Захарія въ кіево-греческомъ, Димитрій въ заднѣпровскомъ городищномъ монастыряхъ для пропитанія по позволенію преосвященнаго Тимоѳея, митрополита кіевскаго, Арсеній въ Миргородѣ при пандурскомъ полку, и Іезекіилъ въ Миргородѣ-жъ при полковомъ священникѣ Петрѣ, который имѣется у Хорвата».

Послѣ сего синодъ положилъ привесть въ исполненіе свое опредѣленіе отъ 1 іюля и вмѣстѣ отчислить Новую Сербію отъ кіевской епархіи въ переяславскую. Указомъ 5 іюля 1756 года дано знать Іоанну, епископу переяславскому и бориспольскому, что ему подчинена Новая Сербія, то есть крѣпость св. Елисаветы съ двадцатью тремя слободами Новой Сербіи.

Того-же числа опредѣлено «выдать Софронію изъ синодальной ризницы въ Москвѣ архимандричью шапку изъ находящихся въ пожиткахъ послѣ духовныхъ персонъ, коя бы не превосходила цѣною свыше ста рублей», а 25 іюля: «въ разсужденіи его иностран-

[1]) Даля—мѣстечко при Дунаѣ, въ Славоніи.

ства дать наперстный крестъ серебряный съ цѣпочкою, и на покупку онаго употребить до тридцати рублевъ», равно выдать для предполагаемаго монастыря десять паръ облаченій священническихъ и діаконскихъ и тридцать четыре богослужебныя книги, кои и поименованы.

Предъ выѣздомъ Софроній просилъ синодъ подтвердительной себѣ грамоты на архимандрію и согласно требованію подалъ о себѣ 2 августа 1756 года сказку, въ которой изъяснялъ: «природою де онъ Софроній обрѣтающагося въ Цесаріи города Осека [1]), въ монашество постриженъ въ Цесаріи жъ, въ монастырѣ называемомъ Крушедолѣ, въ 1740 году; въ бытность въ томъ монастырѣ произведенъ во іеродіакона Георгіемъ Поповичемъ, митрополитомъ темешварскимъ, въ томъ-же году, и во іеромонаха Павломъ Ненадовичемъ, епископомъ плашскимъ [2]), а въ коемъ году, о томъ де онъ архимандритъ Софроній отъ того епископа, да и о постриженіи де въ монашество отъ духовника своего, означеннаго монастыря Крушедола архимандрита Аѳанасія Величкова письменныя аттестаціи имѣетъ, на іеродіаконскій-же чинъ аттестаціи тамо не дается. И въ томъ де монастырѣ Крушедолѣ обывалъ онъ Софроній до 747 г., а во ономъ взятъ онъ ко Іоанну Георгіевичу, епископу осекскому, у коего де бывши въ священнослуженіи чрезъ четыре года по своему желанію, а по увольненію онаго епископа Іоанна, отлучася отъ него, пріѣхалъ въ турецкую область, въ вышеупомяненной валевской епархіи свято-николаевскій монастырь, гдѣ де также въ священнослуженіи іеромонахомъ пребывалъ до 753 года, а въ томъ де году декабря 25 числа произведенъ онъ Софроній въ тотъ свято-николаевскій монастырь архимандритомъ преосвященнымъ Паисіемъ, митрополитомъ валевскимъ, о чемъ де отъ того митрополита за рукою его и свидѣтельствующая о томъ его Софронія во архимандрита произведеніи грамота дана, кою де также и вышеупомянутыя аттестаціи оригинальныя имѣетъ при себѣ, и ежели де повелѣно будетъ, то де онъ архимандритъ Софроній святѣйшему правительствующему синоду объявить имѣетъ неотмѣнно».

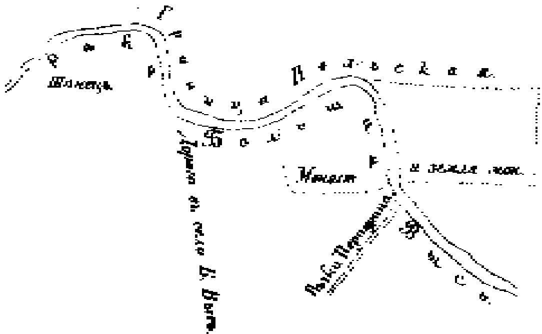
[1]) Осекъ, это городъ Ессекъ, древняя Mursia. Осекъ передѣланъ нѣмцами.
[2]) Плашка, по нѣмецки Карльштадтъ, въ Кроаціи.

18 августа св. синодъ выдалъ ему грамоту, сущность которой въ слѣдующихъ начальныхъ строкахъ:

«Благословили мы свят. прав. всероссійскій синодъ выѣхавшему въ Россію изъ турецкой области, митрополіи валевской свято-николаевскаго монастыря архимандриту Софронію въ Новой Сербіи, состоящей въ кіевской губерніи, до воспослѣдованія о построеніи тамо монастыря высочайшаго ея императорскаго величества указа въ приходскихъ находящихся во оной церквахъ священнослуженіе по чиноположенію святыя восточныя грекороссійскія церкви отправлять, наружный на перѣхъ крестъ носить, архимандричью шапку и палицу въ служеніи, также и мантію и жезлъ, по обычаю малороссійскихъ архимандритовъ, употреблять, нижеслѣдующаго ради о немъ Софроніѣ обстоятельства. Сего 1756 года іюня 21 дня сообщено, что онъ присланъ отъ Хорвата»... и проч. Въ заключеніи грамоты внушается Софронію покорность епархіальному архіерею. Подписали грамоту: «смиренный Сильвестръ, архіепископъ санктпетербургскій и шлютенбургскій и архимандритъ александро-невскаго троицкаго монастыря. Смиренный Димитрій, епископъ рязанскій и муромскій. Смиренный Веніаминъ, епископъ тверскій и кашинскій. Аѳанасій, архимандритъ свято-троицкія лавры. Варлаамъ, архимандритъ донской».

По предположенію епископа Іоанна изъ тысячи рублей ежегодной милостыни на монастырь архимандритъ имѣлъ получать 350 р., 4 іеромонаха по 35 р., 3 діакона по 26 р., 15 человѣкамъ «служальскимъ» довольно было по 14 р., «предая прочее на разсужденіе его архимандрита». Донося объ этомъ синоду, преосвященный увѣдомилъ, что Хорватъ выдалъ Софронію причитающуюся сумму, какъ на сентябрскую треть 1756, такъ и на весь 1757 г.

При семъ сообщенъ былъ и планъ новомиргородскаго поселенія и отводимой монастырю земли съ поясненіемъ, что монастырь отъ шанца будетъ въ трехъ верстахъ; земли пахатной и сѣнокосной 370 десятинъ, да къ тому изъ лѣсныхъ угодьевъ для пасѣки монастырю изъ полковаго лѣсу изъ Чуты 200 десятинъ. Планъ:

Отъ 27 генваря 1759 года епископъ Гервасій, преемникъ Іоанна, донесъ синоду, что 11 генваря настоящаго года архимандритъ Софроній Добрашевичъ доложилъ ему о намѣреніи своемъ «для проживающихъ въ Новой Сербіи и приходящихъ монаховъ къ приличнѣйшему имъ житію въ избранномъ нимъ архимандритомъ Софроніемъ въ лѣсѣ прозываемомъ Чутою до состроенія предбудущаго въ Новой Сербіи монастыря подворье, въ которомъ и церковь во имя Преображенія Господня, построить, о чемъ имѣетъ благословеніе и покойнаго антецессора моего, преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, и дозволеніе состоящаго при гусарскихъ полкахъ главнаго командира генералъ-лейтенанта Ивана Самойловича Хорвата». Гервасій говоритъ, что далъ свое благословеніе особенно въ виду непристойности жить монахамъ въ Миргородѣ среди свѣтскихъ персонъ.

Дозволеніе Хорвата выражено было въ двухъ письменныхъ *салвогвардіяхъ*: одною, выданною 20 генваря 1757 года на имя іеромонаха Исаака съ тремя другими монахами, дозволялось построить «скитокъ» въ Черномъ лѣсѣ, при рѣчкѣ Рудой, въ дачахъ гусарскаго хорватова полка седмойнадесятъ роты, въ шанцѣ дмитровскомъ, и ради служенія церковь; другою, отъ 8 марта того-же 1757 года, выданною монаху Іакинѳу съ другими, позволялось пользоваться лѣсомъ и землею по отводу командировъ роты и строиться въ Чутѣ, если найдутъ способное къ тому мѣсто.

И вотъ монахи, предположивъ сначала строиться въ Черномъ лѣсѣ, перешли въ Чуту и задумали основаться на мѣстѣ бывшей пасѣки николаевскаго пустынно-медвѣдовскаго монастыря (въ 20

верстахъ отъ Чигирина), неизвѣстно когда заведенной, но теперь (можетъ быть изъ боязни гайдамакъ или по приказу начальства при основаніи Новой Сербіи) брошенной и запустѣлой. Найдя тутъ препятствіе, о которомъ будетъ рѣчь далѣе, они воротились къ Черному лѣсу.

Строить долго впрочемъ не пришлось; уже въ іюлѣ 1759 г. Софроній донесъ преосвященному Гервасію о воспослѣдовавшемъ отъ Хорвата запрещеніи строиться и разореніи построекъ. Гервасій написалъ сгоряча нѣсколько рѣзкое письмо къ Хорвату, на которое получилъ (отъ 5 октября) отвѣтъ. Въ послѣднемъ Хорватъ жалѣетъ, что «такъ безразсмотрительно, не чиня напередъ сношенія», преосвященный нанесъ ему огорченіе. Далѣе онъ пишетъ: «строеніе какъ было, такъ и остается; да и можно-ли думать такъ, когда самъ я о построеніи монастыря того испросилъ благословеніе отъ антецессора вашего и въ отведенной по высочайшему соизволенію и узаконенію изъ капитанской сына моего дачи землю опредѣлилъ, и къ зачатію того деньгами, къ продовольствію монашества мельницею [1], а къ тому и данными сальвогардіями и къ помощи оного вызванными съ Польши нѣсколькими семьями снабдилъ, гдѣ то подворье въ обзаведенѣ своемъ и начало взяло; но за препорученіемъ оного помянутому архимандриту Софронію, по неспокойному ево жительству, какъ монахи за крайнимъ отъ него притѣсненіемъ и побоями неоднократно разогнаны, такъ и сколько пчелы и прочаго, что до ихъ пропитанія и отъ доброхотныхъ дателей присовокуплено, истреблено и распродано. Не можете-ль ваше преосвященство изъ той ево безпутной жалобы постигнуть наносимыхъ и лживыхъ клеветъ? Какая-жъ ему причина быть могла изъ опредѣленнаго столь выгоднаго мѣста то подворье переносить на другое, гдѣ для многихъ причинъ и опасностей, чего до откровенности духовенству и не слѣдуетъ [2]), тѣмъ монахамъ и людямъ быть отнюдь невозможно, и въ то мое въ Санктпетербургъ отбытіе воспользоваться у вашего преосвященства? И ваше преосвященство въ то мое отбытіе, чиня

[1]) Мельница, данная монастырю, находилась на р. Ингульцѣ, при нынѣшней деревнѣ Христофоровкѣ.

[2]) Т. е. чего, откровенно говоря, духовенству и не подобаетъ; разумѣетъ дружбу съ гайдамаками, коихъ еще не мало находилось въ Чутѣ.

будьто не зная оного, только за извѣстіе ко мнѣ письмо въ Новую Сербію отправили, а онъ съ того учинился было здѣсь самовластнымъ, а потому и удержанъ офицерами [1]) отъ самоуправства въ выборѣ земель и дачъ, кои точно разграничены между полками и ротами до послѣдняго человѣка. Ссылаюсь на совѣсть самого архимандрита Софронія, не чрезъ меня ли онъ высочайшею милостію пользуется, и могъ ли бы онъ по своему въ прежнихъ мѣстахъ обдержанію здѣсь то получить?... Елико жъ принадлежитъ до єво жалованья, оное ему на первый годъ 400 рублевъ, а на другой 500 рублевъ выдано, а на нынѣшній годъ не произведено по причинѣ неимѣнія въ новосербской суммѣ денегъ, почему и воинскіе въ корпусѣ чины за два и за три года жалованья не получили». Въ этомъ же письмѣ Хорватъ тонко намекнулъ, что забота о гражданскомъ благосостояніи края лежитъ на немъ, Хорватѣ, а не на его преосвященствѣ.

При обоюдномъ раздраженіи оба правителя, свѣтскій и духовный, не пришли къ соглашенію. Хорватъ еще разъ (9 декабря) писалъ преосв. Гервасію, съ поясненіемъ, что первая салвогардія дана малороссійскимъ монахамъ, коихъ архимандритъ разогналъ, что «въ Чутѣ никакъ удержаться не можно отъ гайдамакъ», что и въ Черномъ лѣсѣ монахи укрывали гайдамакъ и оружіе, что Софроній такой же ненадежный и непостоянный человѣкъ, какъ и бывшій тутъ прежде игуменъ Милутиновичъ, и просилъ отправить его куда нибудь въ глубь Россіи. Не получивъ отвѣта, Хорватъ послалъ жалобу въ сенатъ, а послѣдній въ началѣ февраля 1760 г., сообщилъ синоду вѣдѣніемъ о донесеніи Хорвата, что «преосвященный Гервасій, епископъ переяславскій, письмомъ своимъ, по напраснымъ и ложнымъ извѣтамъ архимандрита Софронія, безъ всякого перво сношенія и усмотрѣнія справедливости, почитаетъ єво генерала-лейтенанта противникомъ противу Бога и огорчителемъ Его, и другіе ко обезславленію имени єво Хорвата термины включилъ, и разорителемъ храма Божія почелъ и подвелъ правило [2]), служащее

[1]) Именно, подполковникъ Алексѣй Константиновъ далъ Софронію знать чрезъ письмо, отъ 6 апрѣля 1759 г., что до пріѣзда Хорвата изъ С.-Петербурга онъ не долженъ предпринимать построекъ.

[2]) Преосвященный въ длинномъ своемъ письмѣ привелъ 24 правило IV вселенскаго собора и 13 пр. VII всел., по которымъ разорители церквей, если они духовные, подлежатъ изверженію, а если міряне, то отлученію.

ко отлученію за то отъ церкви: съ котораго ево преосвященного и съ отвѣтного на то отъ него генерала писемъ на разсмотрѣніе приложилъ при томъ доношеніи копіи и просилъ по онымъ рѣшенія. Приказали: о томъ въ святѣйшій правительствующій синодъ сообщить вѣдѣніе, показавъ во ономъ, что, по данной реченному генералу-лейтенанту Хорвату, за подписаніемъ собственныя ея имп. величества руки, привилегіи, подъ Новую Сербію отведенная земля, съ поселяемымъ на оной повелѣнныхъ нацей народомъ, въ вѣдомствѣ ево генерала-лейтенанта состоитъ, кой о умноженіи тамъ народа стараніе свое прилагать долженъ, и прилагаетъ; для котораго поселяемаго народа онъ о построеніи тамъ и монастыря представлялъ и выбралъ удобное мѣсто, а между тѣмъ монастырь теперь начать строиться на новомъ мѣстѣ въ Черномъ лѣсѣ, и потому, предупреждая непорядки, воспретилъ то дѣлать».

Въ этомъ донесеніи Хорватъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторую неточность, сказавши, что архимандритъ вмѣсто избраннаго мѣста, то есть близъ Новомиргорода, началъ самовольно строиться въ Черномъ лѣсѣ, и вовсе умолчавши о своихъ салвогардіяхъ.

Отъ 14 февраля 1760 года синодъ потребовалъ отъ Гервасія разслѣдовать, точно-ли на новомъ мѣстѣ строится монастырь. Но еще 6-го февраля отпущенъ Софроній въ Петербургъ «для лучшаго изъясненія о своихъ обидахъ отъ генерала Хорвата и доставленія обстоятельнѣйшихъ резоновъ по тому своему дѣлу»; и отъ того-же числа епископомъ Гервасіемъ послано донесеніе синоду такого содержанія.

«Епархіи моей переяславской, Новой Сербіи архимандритъ Софроній Добрашевичъ, минувшаго 1759 года генваря 14 дня, поданнымъ мнѣ доношеніемъ представилъ: минувшаго 1757 года находившіися въ Новой Сербіи при лѣсѣ Чорномъ монахи даннымъ генералу лейтенанту Хорватову доношеніемъ просили для приличнѣйшаго приходящихъ и проживающихъ при лѣсѣ, называемомъ Чутѣ, монаховъ прожитія подворье, до будущаго въ Новой Сербіи монастыря, и въ томъ подворьи церковь во имя Преображенія Спасова состроить; по которому де доношенію отъ него генерала Хорватова въ Чутѣ либо въ Чорномъ лѣсахъ подворье и церковь состроить и дозволено, якожде о дозволеніи и двѣ салвогардіи за его-жъ генерала рукою даны. А въ дополненіи де къ состроенію

того подворья и церкви въ лѣсѣ Чорномъ о выдачѣ граммати на испрошеніе милостыни къ моему антецессору, преосвященному Іоанну; отъ него-жъ писано, съ прошеніемъ выдачи книги; да и самъ де онъ генералъ пятдесятъ рублевъ на заложеніе церкви зъ казначейства и мелницу поблизу того подворья, имѣвшагося быть, находившуюся далъ. И понеже де ему архимандритѣ съ монахами при немъ имѣющимися въ Новомъ Миргородѣ жить между мірскими незапристойно, указомъ-же де ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода ко мнѣ прошлаго 757 г. отъ ноября 17 состоявшимся, между прочимъ велѣно, что касается до имѣемаго быть въ Новой Сербіи ему архимандритѣ зъ братіею жительства, о томъ надлежащее разсмотрѣніе и приличное къ монашескому обращенію распоряженіе мнѣ учинить: того ради, представивъ онъ салвогардіи генерала Хорвата, дозволяющіи на состроеніе подворья и въ немъ церкви, просилъ моего на то благословенія. На основаніи таковыхъ обстоятельствъ благословеніе на заложеніе воспоминаемой церкви отъ мене дано ему архимандритѣ того-жъ 759 года генваря, и о томъ тогда-жъ какъ и вашему святѣйшеству отрепортовано, такъ и къ воспоминаемому генералу лейтенанту Хорватову о вспоможеніи въ состроеніи оной церкви писано. Истекшаго-же 1758 года іюля 20 онъ-же архимандритъ Софроній чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявилъ: въ томъ де 759 г. доношеніемъ, поданнымъ мнѣ, онъ архимандритъ просилъ благословенія на заложеніе церкви подъ Чорнымъ лѣсомъ при рѣчкѣ Рудой [1]), и хотя де, по тому доношенію получивъ онъ отъ мене благословеніе, церковь Спасова Преображенія заложилъ было, къ состроенію оной уконтрактовавъ обыкновенно майстеровъ [*]) и по надлежащему ихъ деньгами и харчью снабдивъ; но предпомянутый де генералъ Хорватъ, возвратяся того-жъ года изъ Санктпетербурга, не только заложеніе оное разорилъ чрезъ капитана Христа

---

[1]) Мѣстность не при самой рѣчкѣ, а верстахъ въ семи отъ нея, и въ верстѣ отъ р. Ингульца. Руда упомянута для опредѣленности, какъ имѣющая всего теченія не больше десяти верстъ, тогда какъ Ингулецъ — больше 250. Руда впадаетъ въ Ингулецъ.

[*]) Это «бывый житель Цыбулева Ярёма съ помощниками». На подворьѣ еще имѣли хаты Іосифъ и Романъ Солозичи и Трохимъ Ганчаръ.

Герича [1]), майстеровъ его архимандрита съ монахами и живших при томъ подворьи до шести и болѣе хатъ людей разогналъ, луку [2]), принадлежавшую къ тому подворью, отнявъ, священнику шанца Дмитровскаго на хуторъ опредѣлилъ [3]), но уничтожая уже свои салвогардіи и свое въ высоко правительствующій сенатъ представленіе, коимъ просилъ о бытіи въ Новой Сербіи монастырю и въ немъ архимандритѣ зъ братіею опредѣленія, чтобъ ни единаго въ томъ подворьи монаха не было, приказалъ, чѣмъ де въ такое онъ архимандритъ приведенъ зъ монахами своими разореніе, что и насѣянный тамо хлѣбъ до двадцати дней въ пустошъ и спашъ оставить принуждены. Наконецъ-же де, не довольствуясь и толикими приключеніями обидъ, за собственные его архимандрита деньги наемнаго человѣка для присмотрѣнія и пастьбы скота къ пропитанію его архимандриты и братіи имѣющагося, въ услуженіе свое онъ генералъ насильно взялъ, и что безъ надлежащаго смотрѣнія скотъ оставленъ, сомнительно, чтобъ въ цѣлости доселѣ быть моглъ. И понеже де, чтобъ по благословенію моему заложенной нимъ архимандритомъ церкви строеніе привесть въ совершеніе, при коей до пребудущаго монастыря состроенія можно-бъ съ монахами въ согласія монашескія регулы прожить, препятствуется отъ генерала Хорвата: того ради онъ архимандритъ просилъ моего ему зъ братіею въ приключаемыхъ отъ него генерала Хорвата обидахъ защищенія, а о прекращеніи тѣхъ обидъ и о состроеніи къ прожитію ему зъ братіею церкви, которая зъ благословенія моего уже и заложена, къ вашему святѣйшеству отъ мене представленія. По которому архимандриты доношенію за должность мою въ томъ-же

---

[1]) Христо (Хрестофоръ) Геричъ есть основатель деревни Христофоровки, нынѣ существующей. Софроній послѣ (въ синодѣ) показалъ, что Геричъ позволилъ Солошичамъ и Ганчару оставаться въ своихъ хатахъ «за корову и обязательство робыть пашню ему капитану».

[2]) Лука—малороссійское названіе луга, весною заливаемаго водою; эта лука находилась близъ самаго подворья.

[3]) Въ послѣдствіи въ своихъ неоднократныхъ показаніяхъ на запросы изъ канцеляріи синода, Софроній сознавался, что «стороннестію о томъ заувѣдомлено его». Можетъ быть священникъ Даніилъ и простиралъ свои виды на монастырскую дачу и по примѣру Герича, отнявшаго мельницу, думалъ овладѣть тѣмъ мѣстомъ для своего хутора, но не видно, чтобы Хорватъ дарилъ ему или обѣщалъ подарить монастырскую землю и постройки.

759 годѣ іюля дня хотя къ предвоспомянненому генералу Хорвату съ прописаніемъ предвописанныхъ приключаемыхъ отъ его генерала архимандритѣ обидъ и съ объявленіемъ недобраго за то преслѣдованія и писалъ, зъ совѣтованіемъ и о имени нашего Спасителя прошеніемъ какъ о томъ, чтобъ онъ генералъ отъ приключенія обидъ попресталъ, такъ и заложенной церкви къ прожитію архимандриты зъ братіею строенію не препятствовалъ; но что тогожъ года октября 12 присланнымъ онъ генералъ Хорватъ ко мнѣ письмомъ объявилъ, яаобы архимандритъ на его представилъ мнѣ неправедно. Съ опредѣленія моего въ моей консисторіи архимандритъ противъ того письма отвѣты далъ, и яко отъ его архимандриты Софронія отвѣтовъ виновенъ онъ Софроній не оказался, напротивужъ того, каковы ему обиды приключены отъ генерала Хорвата, совершенно изъяснилъ: то по такимъ обстоятельствамъ, хотя объ той жалобѣ архимандриты Софронія вашему святѣйшеству и надлежало отъ мене представить, но и еще я предприялъ въ разсужденіе себѣ, не прійметъ-ли онъ генералъ въ раскаяніе себѣ того, сколь онъ безвинно архимандрита и братію изобиждаетъ, и не оставитъ-ли ихъ въ покоѣ? И въ такомъ будучи я разсужденіи, вторично къ нему генералу писалъ съ приличнымъ его чести совѣтованіемъ и о имени Спасителя нашего прошеніемъ объ томъже чрезъ него архимандрита Софронія. А понеже онъ архимандритъ Софроній, за возвращеніемъ своимъ въ катедру, настоящаго 1760 г. января 9 дня чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявилъ: 1) Когда де онъ минувшаго 759 года декабря 1 въ Новую Сербію отъ моей катедры къ дому [1]) своему прибылъ и приказалъ бывшему при немъ монаху Исаіи ворота въ уйзду отворить, то въ томъ дворѣ его учрежденные караульные три гарнизонные гранодеры Лазарь Марковичъ, Илія Николичъ и Сладое Стефановичъ, выскочивъ съ избы его съ ружьемъ, къ тому уйзду въ дворъ его архимандриту не допустили, а сказали, что предписанный генералъ пущать его въ дворъ не велѣлъ. Потомъ де выйшовъ съ тойже избы къ нему на улицу капитанъ Алексій Звика, потому-жъ сказалъ, и пошолъ о пріѣздѣ его къ дому своему генералу доложить. А онъ де архи-

---

[1]) То есть въ Новомиргородъ, гдѣ архимандритъ изъ своего жалованья пріобрѣлъ мѣсто за 100 р. и готовую избу за 120 рублей.

мандритъ, дожидаяся извѣстія, чрезъ немалое время на улицѣ холодъ претерпѣвалъ; а потомъ де чрезъ посланнаго отъ него архимандриты въ главную тамошнюю канцелярію іеромонаха Захарію полковой канцеляріи премеръ маіоръ Николай Цветиновичъ сказалъ, чтобъ онъ архимандритъ на какой ни есть квартерѣ, пока отрепортовано будетъ генералу, сталъ, для чего принужденъ онъ архимандритъ стоять съ прошенія своего въ дворѣ тамо жительствующаго гусарина Михаила Кишляды, дожидаясь резолюціи чрезъ дней девять. 2) Понеже де чрезъ показанное время никакой резолюціи не было ему, то того-жъ декабря 9 онъ самъ къ генералу за полученіемъ извѣстія, съ какой причины ему въ домъ свой уѣздъ караульными возбраненъ, явиться принужденъ; и когда де явился, то генералъ съ строгостію точно ему сказалъ, что въ Новой Сербіи монастырю быть вовсе отказано, и заложенной нимъ архимандритомъ въ подворьѣ церкви быть крайне нельзя, понеже де тамо лежащая земля вся отведена на роты; пущай де архіерей въ Малой Россіи отведетъ землю и состроитъ ему монастырь; онъ-же генералъ въ Новой Сербіи ничего дать не имѣетъ. 3) Когда онъ архимандритъ іеродіакона Геннадія спросилъ о данной ему по указу ея императорского величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода архимандричой ризницѣ, которая нимъ въ домѣ его оставлена, гдѣ она находится, то онъ Геннадій сказалъ, что въ дому его архимандриты, а съ приказу генерала, въ церковь *) шанца новомиргородскаго еще до пріѣзду его въ Новую Сербію отсюда забрата. 4) Въ оной-же де архимандричей ризницѣ, изъ святѣйшаго правительствующаго синода данной, каковы и его собственныя *) книги находились, и тѣ тогдажъ съ тою ризницею забраны въ вспомянутую шанца миргородскаго церковь». Выясняя, что Хорватъ «безвинно вытѣснилъ» архимандрита изъ Новой Сербіи, преосвященный проситъ защиты.

Въ журналѣ св. Синода отъ 7 апрѣля 1760 года записано предположенное имъ опредѣленіе: «какъ Софроній высланъ Хорва-

*) Эта церковь Рождества Пресвятой Богородицы, заложенная въ 1752 г., деревянная; упразднена въ 1825 году по распоряженію военнаго начальства.

*) Изъ собственныхъ книгъ его впоследствіи эти строки доводилось видѣть «Розыскъ о Брынской Вѣрѣ» Димитрія ростовскаго, съ записью, что «сія книга принадлежитъ Софронію Доброшевичу, архимандриту Новой Сербіи».

томъ, то дабы ему по иностранству своему не претерпѣвать нужды здѣсь, впредь до разсмотрѣнія имѣетъ пребываніе въ ставропигіальномъ новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ приличнымъ по его иностранству респектомъ». А по сказкѣ 11 апрѣля Софроній показалъ: «изъ Санктпетербурга по отправленіи своемъ въ Новую Сербію выѣхалъ онъ архимандритъ 1756 году въ августѣ мѣсяцѣ, а пріѣхалъ туда въ октабрѣ мѣсяцѣ того-жъ 1756 года, и явясь находящемусь тамо генералу-лейтенанту Хорвату, жительство сталъ имѣть въ Миргородѣ, и потомъ по силѣ данныхъ отъ помянутого генерала-лейтенанта Хорвата о построеніи церкви и для жительства ему архимандриту съ монашествующими скитковъ двух салвогардій, по первой въ седмойнадесять ротѣ въ шанцѣ дмитровскомъ, по второй въ лѣсѣ Чутѣ, гдѣ способное мѣсто изберутъ, ѣздилъ онъ архимандритъ въ Переяславль для полученія отъ бывшаго преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, на то благословенія, но, за послѣдовавшею его преосвященства тогда кончиною, того благословенія отъ него не получилъ, а просилъ де о томъ уже нынѣшняго преосвященнаго Гервасія епископа, который де и благословилъ ему архимандриту то церковное строеніе начинать по второй салвогардіи въ лѣсѣ Чутѣ, для того, что де онъ архимандритъ увѣдомился, что то, по первой салвогардіи подъ церковное строеніе назначенное, мѣсто означенный Хорватъ, при отъѣздѣ своемъ въ Санктпетербургъ въ 1758 году, отдалъ той седмойнадесять роты шанца дмитровскаго попу Данилѣ на хуторъ, почему де онъ архимандритъ по пріѣздѣ своемъ изъ Переяславля въ Новую Сербію по означенной второй салвогардіи въ тотъ лѣсъ Чуту ѣздилъ и къ строенію церковному способное мѣсто смотрѣлъ. А какъ потомъ де для закладыванія церкви съ подвалинами пріѣхалъ, то нестеровской роты капитанъ Мержанъ, объявя ему, что въ той Чутѣ послѣ уже данной отъ Хорвата салвогардіи поселена ихъ рота, съ стоявшею тамо командою той церкви заложить не допустилъ. Чего де ради онъ архимандритъ по первой салвогардіи, не объявя помяненному Хорвату, за отбытіемъ его въ Санктпетербургъ, а поминаемой дмитровской роты отъ командировъ, по силѣ данной салвогардіи, вспоможенія не требуя, за небывшею въ томъ тогда нуждою, заложилъ церковь въ дачѣ дмитровской подъ Чорнымъ лѣсомъ, на Уховкѣ, за рѣчкою Рудою, въ разстояніи отъ дмитровской роты въ пяти верстахъ, которое де

мѣсто самъ онъ Хорватъ на подворье имъ опредѣлилъ. И хотя де помяненный попъ Данила въ томъ ему препятствовалъ и его архимандрита бранилъ, однако онъ архимандритъ нанялъ работныхъ людей оное строеніе производить; точію за разогнаніемъ, по приказанію Хорватову, работныхъ людей то строеніе нынѣ оставлено. Итакъ по первой салвогардіи зачатая подъ Чорнымъ лѣсомъ церковь строеніемъ оставлена, а по второй въ Чутѣ за означеннымъ недопущеніемъ и не зачата».

Изъ выставленныхъ документовъ все-таки не уясняется надлежащимъ образомъ причина разлада Хорвата въ новосербскимъ архимандритомъ, имъ-же Хорватомъ, можно сказать, созданнымъ; въ связи съ этимъ разладомъ стоитъ стремленіе Хорвата основать въ Новой Сербіи отдѣльную епископскую каѳедру и имѣть «своего единонаціональнаго епископа». Самая поѣздка его въ Санктпетербургъ въ 1758 году предпринята была, между прочимъ, съ цѣлію достигнуть учрежденія новосербской епархіи и предоставленія каѳедры вызванному имъ для того бывшему далматскому епископу Симеону Концаревичу [1]), и онъ имѣлъ въ томъ успѣхъ по крайней мѣрѣ въ сенатѣ. Ибо правительствующій сенатъ вѣдѣніемъ отъ 30 марта 1759 года сообщилъ синоду, что «по доношенію генералъ-лейтенанта Хорвата, коимъ представлялъ о прибывшемъ сюда изъ Венгріи, княженія Славоніи, епархіи пакрачьно славонской, экзархѣ Геннадіѣ Васичѣ, который объявилъ письменное прошеніе, что онъ желаетъ остаться въ вѣчномъ ея имп. величества подданствѣ въ Новой Сербіи при выѣхавшемъ сюда изъ Далмаціи епископѣ Симеонѣ Концаревичѣ... При чемъ Хорватъ, по нѣкоторымъ въ пользу ея имп. величества интереса причинамъ, представлялъ за нужное означеннаго экзарха въ Новой Сербіи удержать, и для того его при означенномъ епископѣ Концаревичѣ оставить, дабы онъ иногда во время отлучки онаго епископа изъ Новой Сербіи, а притомъ, и по старости лѣтъ его, въ правленіи духовенства и надсмотрѣніи церквей быть могъ. Приказали: означеннаго экзарха Геннадія, по представленію Хорвата и по собственному его желанію, отправить въ Новую Сербію и до будущаго объ немъ опредѣленія быть ему тамо при вышне-

---

[1]) О немъ см. статью Попова въ «Православномъ Обозрѣніи» 1872 года, за мартъ мѣсяцъ. Ср. о немъ-же въ «Странникѣ» 1872 года, за сентябрь.

помянутомъ епископѣ Кондаревичѣ, а для его содержанія за выѣздъ сюда въ награжденіе выдать ему сто рублей изъ штатсъ-конторы [1]). А чтобъ онъ Геннадій въ бытность въ Новой Сербіи, за отлучкою иногда епископа Кондаревича или и по старости его, исправлять могъ по званію своему должность, о томъ на разсмотрѣніе сообщить въ святѣйшій правительствующій синодъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ учинить о томъ по ея имп. величества указу».

Итакъ въ сенатѣ не усматривалось препятствій къ исполненію предположенія Хорвата; но синодъ вѣдѣніемъ отъ 3 мая 1759 г. сообщилъ сенату, что «въ показанной Новой Сербіи епархіи не учреждено, и оной безъ имяннаго ея имп. величества указу учредить не возможно, а поселенныя въ той Новой Сербіи слободы и священно-церковно-служители святѣйшимъ синодомъ въ 1756 году, по близости мѣсторазстоянія, по духовнымъ дѣламъ въ вѣдомство и управленіе переяславскаго преосвященнаго архіерея поручены. Чего для, также и что помянутый епископъ Кондаревичъ самъ отъ бытія тамо отрекся и другихъ ради винословій, ему Кондаревичу не во оной Новой Сербіи, но до имѣемаго разсмотрѣнія... въ кіево-печерской лаврѣ [2]) быть опредѣлено, и слѣдственно и тому экзарху быть въ той Новой Сербіи несходственно».

Хорватъ съ своей стороны не ослабѣвалъ, и вотъ состоялся формальный приговоръ офицеровъ новосербскаго корпуса въ такой силѣ.

«1760 года февраля 28 дня новосербскаго корпуса гусарскаго Хорватова и учрежденнаго отъ того новомиргородскаго гарнизона и пандурскаго пѣхотнаго полковъ штабъ и оберъ-офицеры, будучи въ собраніи въ главномъ отъ новосербского корпуса мѣстѣ, въ шанцѣ новомиргородскомъ, и имѣя всякъ въ ротахъ учиненныи, въ силу всевысочайшей ея имп. величества имянной привилегіи и указовъ, командующимъ новосербскимъ корпусомъ, господиномъ генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Самойловичемъ Хорватомъ о офундованіи

[1]) Выражаясь по нынѣшнему—изъ государственнаго казначейства.

[2]) Но жилъ въ петропавловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ 26 августа 1769 года; похороненъ въ монастырской церкви (нынѣ семинарской, гдѣ и понынѣ видѣется надгробіе ему).

въ здѣшнихъ заднѣпрскихъ мѣстахъ сего, по вызову съ иностранныхъ государствъ, въ Новую Сербію въ службу и вѣчное ея имп. величества подданство вышедшаго вольнаго народа и духовенства и въ строенія Божіихъ церквей довольныи наставленія и распоряженія, разсуждая силу оныхъ и нужность поселившемусь народу и духовенству, согласно приговорили:

1) Понеже съ какою силою и основаніемъ сей православной иностранной вольной народъ издавна, по вызову римскихъ императоровъ и по снабдѣнію привилегіею подданнымъ и фазаламъ [1]), въ первой службѣ съ отца, дѣда и прадѣда находился и своихъ единонаціональныхъ епископовъ имѣлъ, а наконецъ, за притѣсненіемъ народа и епископовъ къ уніи и другими въ отмѣну привилегіи приключеніи, какъ въ 1749 году, по окончаніи тогда всѣхъ воинскихъ дѣйствъ, отъ римскаго двора реинкорпорація [2]) объявлена и народъ вольнымъ остался [3]), то въ началѣ означенной господинъ генералъ-лейтенантъ, а съ нимъ, его-же предводительствомъ и стараніемъ, и протчей народъ, по единовѣрію, во всеславную ея имп. величества россійскую имперію, при немъ-же господинѣ генералъ-лейтенантѣ, оставляя свои иждивеніи и съ какою крайнею нуждою и разореніемъ выѣхали, а другія, подражая тому, опослѣ прибыли и прибываютъ, и въ вѣчное ея имп. величества подданство подверглись, и въ сыны отечества приняты, и въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ, по той всевысочайшей ея имп. величества именной привилегіи, поселены, и какъ тоею-же привилегіею и особыми ея имп. величества указами о содержаніи въ корпусѣ новосербскихъ церквей и духовенства по произволу народа подтверждено, о томъ и на какомъ оному основаніи оставаться конфирмовано, вышнимъ правительствамъ извѣстно.

---

[1]) Вѣроятно вассаламъ, то есть дворянству.

[2]) То есть расформированіе военнаго корпуса и приведеніе устройства страны въ общій видъ гражданскаго управленія; въ австрійскомъ оффиціальномъ говорѣ это называлось «Provinzialisirung, Incorporations—Geschaft». Ясно и безпристрастно изложено все это дѣло, какъ и обстоятельства выселенія сербовъ Маришско-тисскихъ въ Россію, въ сочиненіи *Schwicker's*: Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880.

[3]) То есть народу позволено было вѣнскимъ правительствомъ выселяться, если не хотятъ подчиняться новому устройству своего быта.

2) За помощію-жъ Всевышняго, въ какомъ въ новосербскомъ корпусѣ, къ славѣ и пользѣ отечества, видимомъ вѣчномъ плодѣ процвѣтаемъ и во обширности по-ротно поселеніемъ, зачавъ отъ Днѣпра болѣе дву сотъ верстъ по-надъ польскою границею и отъ турецкой стороны не въ дальнемъ разстояніи, во всегдашней службѣ въ защищеніи и обдержаніи границы остаемся; изъ коего[1]) хоть по новости, однакъ и при арміи немалое число предъ неприятелемъ въ службѣ находится. А къ тому господиномъ генералъ-лейтенантомъ Хорватомъ съ корпуса и вновь два полевые гусарскіе, македонской и болгарской, полки формируются. И во всемъ новосербскомъ корпусѣ всѣ сорокъ шанцовъ офундованы и во оныхъ Божіихъ церквей, въ коихъ и служеніе есть, двадцать девять имѣется, а къ тому и прочіе строеніемъ начаты, а и къ другимъ принадлежащіе матеріалы заготовлены. А сверхъ тѣхъ означеннымъ господиномъ генералъ-лейтенантомъ къ строенію въ шанцѣ новомиргородскомъ изъ собственного кошта каменной соборной церкви всѣ принадлежащіе матеріалы заготовлены и мастеровые люди подряжены, и въ наступающее лѣто конечно строеніемъ начнется.

3) Намъ-же всѣмъ и до послѣдняго служащаго съ фамиліями и поселенцами чувствительно остается, сколько тѣмъ командующимъ господиномъ генералъ-лейтенантомъ Хорватомъ о выгодахъ и полезныхъ ко умноженію сего вѣчного плода произходствахъ, и въ вызовѣ и умноженіи народа и духовенства, есть трудовъ и прилежанія, а напротиву того и въ просимомъ отъ народа, съ представленія ево къ той выгодности и обдержанію, съ высочайшаго ея императорскаго величества матерняго милосердія, и полезными отъ высокаго правительства резолюціями снабдѣвались: такъ и нынѣ весь сей иностранный народъ имѣетъ такую горячность и истинное желаніе, чтобъ въ Новой Сербіи, въ началѣ, къ прославленію величества Божія и къ распространенію всемилостивѣйшей монархини славы, быть особой епархіи и при ней единонаціональному, по всевысочайшей привиллегіи, епископу (какіе и въ прежнихъ мѣстахъ всегда изъ такихъ единонаціональныхъ имѣлъ), какъ для лучшаго поощренія къ выходу народа, такъ и къ одержанію въ корпусѣ

---

[1]) Разумѣется новосербскій корпусъ. «Хоть по новости» — хотя съ недавняго времени.

духовенства и наблюденія церквей и догматовъ, тѣмъ паче, что выходящее духовенство, лишаясь въ прежнихъ мѣстахъ, за несвободнымъ опять[1]) отпускомъ, всего своего имущества, только для единовѣрія, сколько при проходѣ чрезъ два и три государства претерпѣваютъ разоренія и въ крайней нищетѣ и бѣдности сюда прибываютъ, то и отсель принужденными остаются ѣздить, по неблизкому отъ Новой Сербіи разстоянію, къ епархіальнымъ епископамъ къ полученію къ священнодѣйствію благословенія и другихъ усыновительныхъ наставленій... И за нескорымъ, по тому дальному растоянію, надобного полученіемъ всегдашнія священникамъ, кои только отъ народа и содержатся, въ епархіальныя консисторіи бываютъ отлучки, излишніе въ проѣздахъ убытки и волокиты, а за отлучками и что рота отъ роты въ неблизкихъ разстояніяхъ, часто случается народу и въ преподаяніи по христіанской должности требъ и во исправленіи надобного упущеніе.

4) По вызову-жъ означеннаго господина генералъ-лейтенанта Хорвата и въ бытность его въ прошломъ 1759 году въ Санктпетербургѣ прибылъ въ Новую Сербію отъ Цесаріи, съ княженія Славоніи, бывшій тамо при покойномъ преосвященномъ Софроніи[2]), епископѣ епархіи пакрачко-славонійской, первымъ по немъ къ произведенію въ чинъ епископства, экзархъ Геннадій Васильевичъ (которой въ равномъ чинѣ противъ здѣшнихъ архимандритовъ состоитъ), и отсель отправленъ былъ въ Санктпетербургъ ко оному господину генералъ-лейтенанту Хорвату, а по возвращеніи оттоль для извѣстнаго дѣла[3]) посыланъ былъ въ Цесарію, гдѣ хоть ему

---

[1]) Уже въ августѣ 1752 года императрица Марія Терезія издала указъ (Pönal-Patent) противъ тайныхъ вербовщиковъ и эмигрантовъ, при коемъ приложенъ былъ списокъ лицъ, коимъ дано дозволеніе перейти въ русскую службу... Въ 1754 году, на просьбу русскаго посла о непрепятствованіи желающимъ выселиться, отвѣчено, что позволяется выйти только женамъ и неженатымъ сыновьямъ уже переселившихся, а необходимые для нихъ услугъ крѣпостные люди (Knechten) могутъ сопровождать ихъ до польской границы, откуда будутъ возвращены. *Schwicker*, стр. 134—143.

[2]) Софроній умеръ въ 1757 г., какъ видно изъ данной Геннадіемъ сказки о себѣ въ Синодѣ.

[3]) Именно — добыть документы и засвидѣтельствованія о своемъ званіи, каковые послѣ и представлены при сказкѣ, а въ копіяхъ имѣются при дѣлѣ (ab-

епископскій чинъ даванъ былъ, но онъ, не хотя своего бытія въ Новосербіи, въ вѣчномъ ея императорскаго величества подданствѣ, желанія оставить, сюда возвратился и нынѣ здѣсь находится, и собственное желаніе имѣетъ оставаться въ Новой Сербіи при церквахъ и духовенствѣ въ епископскомъ чинѣ.

5) Посему для описанныхъ тяжестныхъ народу, а наче духовенству обстоятельствъ... какъ всѣ военнослужащіе чины, такъ и поселеанцы и ихъ фамиліи искренно просятъ о бытіи тому, остающемусь нынѣ въ чинѣ архимандрычьемъ экзарху, всечестному отцу Геннадію (какъ онъ единонаціональный), при новосербскихъ церквахъ и духовенствѣ епископомъ, и по немъ другимъ...

6) До предбудущого-жъ монастыря построенія (къ чему и онъ экзархъ Геннадій, за полученіемъ по всевысочайшему ея императорскаго величества матернему милосердію того епископского чина, прилежные труды, старательство и попеченіе прилагать обязуется) можетъ онъ епископскимъ чиномъ и въ показанной, въ шанцѣ новомиргородскомъ, каменной соборной церкви или и въ другихъ при корпусѣ церквахъ все потребное исполнять, понеже и монастырь въ самой близости того шанца фортитата построенъ будетъ... подъ которой, тожъ и на подворье и хуторъ къ содержанію для монастыря и братіи надлежащей экономіи, изъ опредѣленныхъ народу общественныхъ земель дать... (а подворье уже начато и фундуется), а ктому дозволить имъ при подворьи и хуторѣ, на опредѣленныхъ отъ народа земляхъ, вызываемыхъ изъ Польши, позашедшихъ [1] туда въ прошлыхъ годѣхъ, бѣглыхъ россійскихъ подданныхъ, малороссіянъ, кои тамъ въ услугахъ у поляковъ напрасно пропадаютъ, для всякихъ монастырьскихъ нуждъ, хотя до пятидесяти дворовъ населить.

7) На содержаніе-жъ онаго монастыря епископа, братіи церковнослужителей и другихъ служителей, также его епархіальной консисторіи всѣмъ къ исправности оной потребнымъ, ко опредѣленной,

которыя—въ переводѣ съ нѣмецкихъ подлинниковъ). Это—грамота Софронія Геннадію и свидѣтельства свѣтскихъ чиновъ о Геннадіѣ.

[1] Господамъ офицерамъ новосербскаго корпуса простительно было не знать, что тѣ малороссіяне не зашли въ кіевскую, волынскую и подольскую земли изъ русскаго государства «въ прошлыхъ годѣхъ», а были тамъ коренными жителями.

по ея императорскому величеству указамъ, въ ежегодную дачу на содержаніе монашествующаго здѣсь духовенства, къ тысячѣ рублямъ, по резону, что при епископѣ его сану многіе духовные чины прибавятся и что сей монастырь противъ другихъ въ Россіи монастырей ни съ какихъ деревень и маетностей, кромѣ доброхотныхъ дателей, доходовъ имѣть не будетъ, съ высочайшей ея императорскаго величества милости и за многолѣтнее ея императорскаго величества здравіе, по крайней необходимости, къ той тысячѣ еще тысячу рублевъ опредѣлить и ту дачу по двѣ тысячи рублевъ ежегодно имъ производить изъ новосербской суммы.

8) Приговоръ къ представленію, куда надлежитъ, и ко испрошенію по оному высочайшей конфирмаціи подать вышереченному господину генералъ лейтенанту Хорвату; а какъ и самъ Геннадій слѣдуетъ въ Санктпетербургъ, то депутатомъ при немъ опредѣлить быть находящемусь нынѣ въ Санктпетербургѣ по другимъ по корпусу дѣламъ поручика Константина Вайду.

Прапорщики:

Андреянъ Никоричъ
Василій Тотовичъ
Андронатей Доце
Лазарь Іовичъ
Степанъ Вуичъ
Николай Константиновъ
Василій Ристичъ
Михаилъ Барпатичъ
Иванъ Стоянъ
Петръ Германъ
Георгій Юрьевъ
Николай Тика
Константинъ Турубижанъ
Сидоръ Якшичъ
Дмитрій Софроніевичъ
Гаврилъ Богдановичъ
Михайла Цветиновичъ.

Поручики:

Павелъ Ердели
Михаилъ Бабикъ
Иванъ Карачунъ
Іосифъ Адлешовской
Константинъ Пахаловичъ
Марко Николичъ
Максимъ Чорба
Самоилъ Хорватъ
Сава Барьяновичъ
Константинъ Георгіевъ
Еремей Горвасій
Сава Становичъ
Иванъ Пивaровичъ
Капитанъ лейтенантъ Арсеній Чарноевичъ.

Капитаны:

Стефанъ Пишчевичъ
Георгие Пишчевичъ
Георгій Поповичъ
Дмитрей Мержанъ
Павелъ Здрохлей

Петръ Божичъ
Алекса Сфика
Григорій Булацелъ
Симонъ Вуковичъ
Иванъ Радковичъ.

Примеръ Маіоры:
Лазарь Сербулъ
Николай Шветиновичъ
Федоръ Чорба
Подполковникъ Алексій Константиновъ.

Приговоръ этотъ сообщенъ былъ изъ сената синоду, которому представилъ и Геннадій свои документы. Изъ синода отъ 6 іюня 1760 последовалъ преосвященному Гервасію запросъ: «подлинно-ли съ двадцать девять церквей въ Новой Сербіи имѣется, и оныя съ надлежащаго-ль архіерейскаго благословенія строены?» — Епископъ Гервасій отъ 8 ноября тогожъ года донесъ, что «въ Новой Сербіи, въ двухъ протопопіяхъ пандурского и гусарского полковъ церквей, съ надлежащаго архіерейскаго благословенія строенныхъ и въ коихъ священнослуженіе производится, двадцать шесть имѣется; кромѣ того въ протопопіи гусарского полку три съ моего благословенія заложены, а на заложеніе двоихъ благословеніе дано. Кромѣ того въ протопопіи гусарского полку въ шанцѣ Федварь безъ надлежащаго архіерейскаго благословенія въ 1757 году якобы тамо бывымъ ротнымъ командиромъ, кой въ Пруссіи при арміи умре (а какъ ему имя и рангъ и прозваніе—неизвѣстно), будьто по незнанію и иностранству, церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла заложена и уже теперь въ окончаніе приходитъ».

Святѣйшій синодъ, не считая нужнымъ учреждать особой епархіи для столь малаго числа церквей, опредѣлилъ: «когда ко учрежденію тамо новой епархіи совершенная потреба будетъ настоять, тогда св. синодъ безъ дальнаго разсмотрѣнія не оставитъ поступить, какъ святыми правилами и духовнымъ регламентомъ узаконено». Въ связи съ этимъ постановлено именующагося экзархомъ Геннадія Васича «по важнымъ резонамъ» изъ Россіи удалить, архимандрита Софронія вновь отправить въ Новую Сербію и поручить ему достроить заложенную имъ церковь на ежегодный остатокъ въ 232 рубля изъ отпускаемой на монастырь съ братіею суммы въ тысячу рублей, а генералъ-лейтенанту Хорвату дать знать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ духовныя дѣла и не отрѣшалъ духовенства своею властію.

Софроній въ августѣ 1760 поѣхалъ на прежнее мѣсто, но что дѣло у него съ Хорватомъ не ладилось, видно изъ донесенія преосвященнаго Гервасія отъ 8 февраля 1761 года. Гервасій писалъ въ синодъ: «извѣты Хорвата о Софроніѣ о неуживчивости неосновательны, а о переведеніи его на другое, по требованію господина генералъ-лейтенанта, внутрь Россіи мѣсто не нахожу резоннымъ и предаю то почтеннѣйше на высокое вашего святѣйшества благоусмотрѣніе и волю».

Хорватъ удержалъ при себѣ Геннадія Васича и, по личному донесенію новомиргородскаго протопопа Петра Булича Гервасію, военное начальство отговаривалось разными резонами отъ высылки его. Преосвященный Гервасій представилъ объ этомъ въ синодъ, который въ іюлѣ 1762 года повелѣлъ преосвященному «не допускать Геннадія до священнослуженія».

У Софронія продолжались распри съ военнымъ начальствомъ, особенно на счетъ получки опредѣленныхъ на постройку денегъ, которыя и послѣ удаленія Хорвата въ 1763 году и преобразованія Новой Сербіи не выдавались исправно или и вовсе не выдавались отъ коменданта крѣпости св. Елисаветы, отзывавшагося неполученіемъ указовъ. Софроній строилъ не только келліи, но и церковь на свое жалованье, и въ февралѣ 1766 года преосвященный Гервасій донесъ Синоду, что та церковь, не смотря на притѣсненія архимандриту и задержки въ полученіи денегъ, сверхъ ожиданія вышла «велика и коштовна, строеніемъ докончена, кромѣ только, что гонтою глава не побита».—Вѣроятно въ этомъ-же году и освящена церковь самимъ преосвященнымъ Гервасіемъ; но письменныхъ документовъ объ этомъ не имѣется. Церковь, кромѣ главнаго престола во имя Преображенія Господня, имѣла и придѣльный—въ честь св. Николая.

Но вотъ къ осени того-же года получается оффиціальное увѣдомленіе, что коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, вслѣдствіе сношенія съ комендантомъ крѣпости св. Елисаветы, рѣшила «монастырю въ Новой Сербіи быть надобности не предвидится»... Послѣ обычной переписки епархіальнаго архіерея съ синодомъ, въ мартѣ 1767 года состоялось опредѣленіе: «архимандрита Софронія, по его иностранству, сравнить съ грузинскими архимандритами и выдавать ему ежегодно по семидесяти рублей изъ доходовъ коллегіи экономіи,

а застроенной церкви быть приходскою; если-же ей быть не для кого, то упразднить; монаховъ распредѣлить по монастырямъ кіевской епархіи, а архимандритъ можетъ избрать жительство въ какомъ либо монастырѣ въ Кіевѣ или Москвѣ, по желанію».

Между тѣмъ надъ архимандритомъ стряслась новая бѣда. Преосвященный Гервасій получилъ отъ него (отъ 12 мая 1767) донесеніе о постигшемъ его несчастіи и самъ представилъ синоду, что «марта 31 дня противъ 1 апрѣля, нападши на дворъ его, ночью какъ-бы въ третьемъ часу, пять человѣкъ неизвѣстные разбойники съ ружьемъ и набѣжавъ въ избу, его архимандриту подхватили и обнажа до нага, завернувши назадъ руки, завязали, а потомъ, взявъ стоявшій въ избѣ его архимандриты собственный обухъ, начали бить немилосердно по головѣ, по плечамъ и по рукамъ, и тѣмъ попробивали ему до крови во многихъ мѣстахъ голову, и лѣвую руку перебили такъ, что оною и дѣйствовать вовся не можетъ; а на ноги надѣвъ сапоги мужицкіе, жаръ за голенища сыпали и по келіи его въ тѣхъ сапогахъ водили, и тѣмъ ноги жгли, спрашиваясь денегъ. Но какъ де въ его не было болѣе трехъ рублей, то и тѣ послѣдніе и все въ него имѣвшееся бѣдное имущество до рубашки забравъ и не увѣряясь, еще и горше мучили, сѣрку на плечи сыпали и палили. Отъ котораго де бою и мученія онъ изнемогая, принужденъ былъ въ нечувственности сказать невинно на другую вдову старуху, не поодаль его подворья жительствующую, якобы въ нее его деньги, въ разсужденіи, не оставятъ-ли его мучить. Но оные безчеловѣчные мучители и тутъ его не оставя, нага водили къ той женщинѣ и тамо какъ его, такъ и оную женщину мучили. И ежели-бы не очувствовавсь человѣкъ, тамо случившійся, и не устрашилъ гвалтовнымъ на нихъ нападеніемъ, то бы и въ смерть его архимандрита и оную старуху умучили».

А отъ 30 іюня того-же года, увѣдомясь изъ указа о рѣшеніи синода касательно его, архимандрита, Софроній прислалъ преосвященному Гервасію такое прошеніе: «молю представить въ синодъ... учинить со мною милосердіе, чтобъ по прежнему повелѣно было мнѣ оставаться при состроенной здѣсь въ новороссійской губерніи моимъ трудомъ, за полученное на себе жалованье, церкви и подворьи по смерть мою, и вмѣстѣ продолжить то трех-

сотрублевое прежнее жалованье». Въ представленіи отъ себя Гервасій слезно ходатайствовалъ за добраго старца, страдальца и калѣку. Просьба и ходатайство уважены: указомъ отъ 25 ноября 1768 года дано знать преосвященному Гервасію, что архимандритъ Софроній имѣетъ получать свое жалованье изъ кіевской губернской канцеляріи, о чемъ и посланы туда указы изъ коллегіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Софронія можетъ быть и есть какія письменныя указанія, но мы ихъ не знаемъ; слышали только, что помонастырская церковь сдѣлалась приходскою с. Уховки, ставшей 1770 года станицею бугскаго козачьяго войска, что придѣлъ св. Николая въ 1781 году проданъ обществомъ уховскимъ въ Дмитровку за 200 рублей и тамъ передѣланъ въ кладбищенскую церковь, во имя тогоже святителя, что стекавшіеся «въ монастырь» окрестные жители на праздникъ Преображенія видали архимандрита, котораго на носилкахъ провожали въ церковь, и что по смерти архимандрита домъ его, построенный изъ крѣпкаго и толстаго дубового и липового лѣсу, проданъ въ деревню Константиновку помѣщику Константину Харитонову. Самая церковь стояла на мѣстѣ до 1831 года, хотя Уховка еще въ 1825 году, по случаю устройства военныхъ поселеній, переведена въ алешковскій уѣздъ; при церкви оставался священникъ (Несторъ Назаревскій), къ которому, какъ-бы нѣкоему пустыннику, стекались окрестные жители на исповѣдь и для духовныхъ наставленій. Въ 1831 году онъ переведенъ въ село Знаменку, а церковь разобрана по распоряженію военнаго начальства.

Архимандритъ **Арсеній.**

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

Въ весьма недавнее время, благодаря счастливой случайности, намъ пришлось ознакомиться съ оффиціальною перепискою, производившеюся между низшими и высшими, духовными и свѣтскими властями по дѣлу возникновенія и распространенія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ на югѣ Россіи, сперва между нѣмецкими колонистами, а потомъ и въ православномъ малорусскомъ населеніи, религіознаго ученія, ставшаго извѣстнымъ подъ именемъ штунды.

Переписка эта довольно ясно и послѣдовательно представляетъ намъ обстоятельства первоначальнаго появленія и распространенія штундистскаго ученія и притомъ далеко не въ томъ видѣ, какъ излагались они доселѣ въ нашей печати. Возникновеніе штунды считалось у насъ доселѣ явленіемъ мѣстнымъ, самороднымъ и приписывалось обыкновенно то пробужденію религіознаго сознанія въ нашемъ народѣ послѣ освобожденія его изъ крѣпостной зависимости и при соприкосновеніи его съ протестантизмомъ, то нерадѣнію или невѣжеству нашихъ священниковъ и ихъ вымогательствамъ за исправленіе требъ, то другимъ менѣе важнымъ и также домашнимъ, такъ сказать, причинамъ. Но никто не догадывался, что причинъ отступленія нѣкоторыхъ изъ среды малорусскаго народа отъ вѣры ихъ отцевъ нужно искать внѣ этого народа, вѣковою кровавою борьбою доказавшаго свою непоколебимую преданность ей, и внѣ ея пастырей

съ которыми никогда не было у него разрыва, доводящаго до отступленія отъ церкви. Между тѣмъ бывшая у насъ въ рукахъ переписка до очевидности удостовѣряетъ, что штунда занесена къ намъ извнѣ, что первоначально она появилась въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ херсонской губерніи, что и тамъ она была явленіемъ новымъ, притомъ заносимымъ и что послѣдователи этой секты изъ нѣмцевъ не менѣе чуждаются своихъ кирхъ и пасторовъ, какъ и принявшіе ея ученіе православные чуждаются своей церкви и духовенства. Переписка уясняетъ также, что штунда есть собственно баптизмъ, что въ духѣ этой секты—прозелитизмъ, что послѣдователи этой секты имѣли въ Гамбургѣ особую школу для приготовленія проповѣдниковъ баптизма и что первые миссіонеры этого ученія, принесшіе оное на югъ Россіи, вышли отсюда. Они явились въ херсонскія нѣмецкія колоніи, бывъ посланы туда съ спеціальною цѣлію распространенія своей ереси. Переписка указываетъ имена первыхъ проповѣдниковъ штунды. Это были: Онкенъ, берлинскій книгопродавецъ, и его сотрудники: Ондра, Принкау, фонъ-Шульцъ, Либигъ и совращенные ими изъ херсонскихъ колонистовъ: Вилеръ, Гибнеръ, Эйдингеръ, Майеръ и другіе. Изъ этихъ послѣднихъ Гибнеръ и Эйдингеръ, съ помощію Принкау, увлекли въ свою секту изъ среды бывшихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ малороссіянъ первыхъ послѣдователей и ярыхъ проповѣдниковъ новаго ученія: Ратушнаго, Болобана и Рябошапку, отъ которыхъ штунда стала распространиться въ губерніяхъ херсонской, таврической и кіевской.

Въ виду совершенной новости свѣдѣній, даваемыхъ просмотрѣнною нами перепиской, и несомнѣнной важности ихъ для правильнаго пониманія штунды, мы предлагаемъ эти свѣдѣнія здѣсь—въ сжатомъ, но точномъ извлеченіи, не подвергая ихъ обработкѣ, но расположивъ по времени появленія тѣхъ бумагъ, изъ которыхъ они извлечены, и лишь немногими словами устанавливая внѣшнюю между ними связь.

П. Л—въ.

По свѣдѣніямъ, которыя излагаетъ благочинный херсонской епархіи, священникъ Киріаковъ, въ своемъ донесеніи преосвященному Димитрію, архіепископу херсонскому отъ 22 октября 1867 г., штунда открылась первоначально между колонистами лютеранскаго исповѣданія. «Во всѣхъ лютеранскихъ колоніяхъ, пишетъ о. Киріаковъ, существуетъ обычай въ послѣобѣденное время воскресныхъ дней собираться для чтенія св. писанія и для разсужденія о дѣлахъ благочестія. Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ эти частныя собранія, называемыя штунде— stunden, вкралось заблужденіе. Стали утверждать, что Богу можно угодить духомъ, а духъ свободенъ и потому молитва должна быть свободна. Молитва-же (богослуженіе) лютеранской церкви заключается въ извѣстныхъ границахъ, совершается по извѣстному чиноположенію и притомъ только пасторомъ, которому одному предоставлено и право проповѣдывать, чѣмъ стѣснена самая молитва, не имѣетъ свободы. Напротивъ, въ нашихъ собраніяхъ, говорятъ они, существуетъ полная свобода. Здѣсь молитва, чтеніе, пѣніе и проповѣдь не заключаются въ извѣстныхъ границахъ, не совершаются по одному и тому-же чиноположенію, а дѣйствующимъ лицемъ можетъ быть каждый членъ общества и даже женщины, за исключеніемъ проповѣди, которая не дозволяется женщинамъ. На основаніи такого умствованія сектанты придаютъ болѣе важности и святости своимъ собраніямъ въ домахъ, нежели собраніямъ для молитвы и богослуженія въ кирхахъ. Члены этого общества могутъ бывать и не бывать въ киркѣ, но если кто изъ нихъ пропуститъ собраніе нѣсколько разъ сряду, безъ уважительныхъ причинъ, то таковый исключается изъ общества».

«Нѣсколько позже стали прибавлять, что члены ихъ общества получаютъ просвѣщеніе свыше и сопричастны св. Духу. Всѣхъ же находящихся внѣ сего общества, какъ лютеранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, эти сектанты считаютъ непросвѣщенными свыше и непричастными св. Духа, а потому смотрятъ на нихъ свысока и съ презрѣніемъ. Между сектантами сего рода нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ, а всѣ другъ другу равны и именуются братьями, и самое общество называется братствомъ. На каждомъ изъ членовъ братства лежитъ обязанность привлекать въ свое общество какъ люте-

ранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, чего вовсе нѣтъ ни въ характерѣ, ни въ правилахъ мѣстнаго лютеранства. Однимъ изъ главныхъ требованій отъ сектанта—воздержаніе отъ употребленія горячихъ напитковъ внѣ своего дома».

«Это ученіе въ 40 годахъ существовало уже въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бессарабіи, а въ херсонской губерніи первоначально появилось въ колоніи Рорбахъ, сосѣдней съ деревнями Основой и близкой къ мѣстностямъ с. Игнатовки и с. Ряснополя; оттуда оно стало быстро распространяться между лютеранскими колоніями такъ, что въ настоящее время (въ 1867 г.) почти нѣтъ ни одной колоніи въ губерніи, гдѣ не было-бы послѣдователей этой секты. Лютеранскіе пасторы принимаютъ мѣры къ прекращенію раскола, но старанія ихъ остаются безуспѣшными».

Свѣдѣнія эти, какъ прописываетъ въ своемъ рапортѣ о. Кирьяковъ, сообщены ему однимъ лютеранскимъ пасторомъ, котораго онъ не называетъ (но не Бонекемпферомъ, пасторомъ колоніи Рорбахъ, которому обыкновенно приписываютъ участіе въ распространеніи штунды).

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о мѣстѣ, въ которомъ впервые обнаружена штунда и изъ котораго была занесена, а также о первыхъ ея проповѣдникахъ, находимъ въ протоколѣ, составленномъ приставомъ 5-го стана херсонскаго уѣзда Тарасѣвичемъ, 22 іюля 1872 г. По свѣдѣніямъ этого протокола, копія котораго въ свое время была представлена новороссійскому генералъ-губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, новая секта лютеранская появилась въ 1864 году—въ колоніи Новый-Данцигъ, а сюда занесена изъ менонитскихъ колоній молочанскаго округа, екатеринославской губерніи. Въ томъ-же году для склоненія совратившихся къ возвращенію въ лютеранскую и въ римско-католическую вѣру и для производства о нихъ дознанія были командированы въ колоніи дѣйств. стат. сов. Брунъ и адъютантъ новороссійскаго генералъ-губернатора, подполковникъ баронъ фонъ-деръ-остенъ-Сакенъ. Въ сентябрѣ того-же года главные распространители и тайные руководители штунды, въ числѣ 5-ти человѣкъ колонистовъ Новаго-Данцига, и между ними Карлъ Эдингеръ и Францъ Липовскій, были высланы за границу безвозвратно, но послѣдніе два 1-го декабря того-же года прибыли

опять въ Новый-Данцигъ съ турецкими паспортами. По полученіи объ этомъ свѣдѣній Эдингеръ и Липовскій, по распоряженію гражданскаго начальства, были представлены въ херсонское губернское правленіе для ссылки въ Сибирь. Въ тоже время вновь обнаруженные въ колоніи Новый-Данцигъ распространители новой секты—8 человѣкъ мѣстныхъ колонистовъ, и въ числѣ ихъ Георгій Клундъ, по Высочайшему повелѣнію 4-го января 1865 года, были высланы за границу, но предъ отправленіемъ туда они, а также Михель Филкъ, дали подписку въ томъ, что чистосердечно сознаютъ свое заблужденіе, съ полнымъ раскаяніемъ возвращаются къ настоящей своей религіи, обязываясь не только не переходить вновь въ расколъ, но еще способствовать искорененію таковаго и потому просятъ о помилованіи ихъ и объ оставленіи на жительствѣ въ Новомъ-Данцигѣ. Такую-же подписку дали Эдингеръ и Липовскій при слѣдованіи чрезъ Новый-Данцигъ въ Сибирь. Почему общество колонистовъ Новаго-Данцига, составивъ приговоръ объ этомъ, вошло съ ходатайствомъ о помилованіи совратившихся и, въ слѣдствіе ходатайства высшаго начальства, Государь Императоръ въ 19 день мая 1865 года Всемилостивѣйше соизволилъ на прощеніе и оставленіе на прежнемъ жительствѣ всѣхъ отрекшихся отъ анабаптизма. Такимъ образомъ всѣ названные колонисты были возвращены съ пути своего слѣдованія за границу и въ Сибирь. Изъ нихъ Эдингеръ и другіе потомъ выселились за границу добровольно, а Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгій Клундъ остались на жительствѣ въ Новомъ-Данцигѣ. Нѣсколько лѣтъ въ образѣ ихъ жизни не замѣчалось ничего подозрительнаго; но въ послѣдніе два года (1871 и 1872 г.) ихъ стали вновь подозрѣвать въ принадлежности къ анабаптизму и въ тотъ-же періодъ времени анабаптистское ученіе стало распространяться между православными крестьянами въ д. Константиновкѣ гуріевской волости, въ с. Пескахъ балацковской волости и въ с. Полтавкѣ. Наконецъ Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгъ Клундъ торжественно заявили себя самыми рьяными послѣдователями анабаптизма. Такъ, напримѣръ, Липовскій открыто ходитъ по домамъ въ Новомъ-Данцигѣ и совращаетъ въ расколъ, а Филкъ также открыто принимаетъ у себя на дому раскольниковъ изъ

нѣмцевъ и православныхъ. 8 мая 1872 года староста колоніи Новый-Данцигъ, Филиппъ Дикгаутъ, освѣдомясь, что на хуторъ Штейнгутъ прибылъ къ Михелю Филку какой-то неизвѣстный иностранецъ, намѣревающійся совершить въ р. Ингулѣ перекрещиваніе присоединившихся къ расколу,—совмѣстно съ сотскимъ Андреемъ Метомъ и понятыми изъ поселянъ нѣмцевъ, съ приглашеннымъ старостою сосѣдней деревни Потапомъ Самолюкомъ и съ православными крестьянами отправились на хуторъ къ дому Филка, гдѣ оказалось много сектантовъ и среди нихъ прусскій подданный Вильгельмъ Шульцъ что-то проповѣдывалъ. Отправивъ Шульца, какъ неизвѣстную личность, въ богдановскую сельскую расправу, Дикгаутъ и Самолюкъ пошли къ дому Липовскаго, чтобы узнать, не скрывается-ли у него какой-либо иностранецъ, но дочь Липовскаго Доротея, 21 года, заперши дверь на замокъ, въ домъ не пустила. Послѣ того хотя отперли дверь, но въ домѣ никого не оказалось, кромѣ самаго Липовскаго. Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ къ Липовскому какой-то неизвѣстный нѣмецъ, который вмѣстѣ съ Шульцемъ совершилъ 11 и 13 іюня перекрещеніе 16 душъ колонистовъ Новаго-Данцига, а затѣмъ этотъ неизвѣстный нѣмецъ, вмѣстѣ съ Шульцемъ, отвезенъ въ г. Николаевъ. Францъ Липовскій объявилъ, что совершавшій перекрещиваніе нѣмецъ былъ анабаптистъ Карлъ Ундра, жительствующій въ одной изъ западныхъ губерній, что онъ давно уже въ с. Раштадтъ ананьевскаго уѣзда избранъ сектантами въ званіе проповѣдника и еще за два года предъ симъ былъ въ Новомъ-Данцигѣ. Въ началѣ іюня Липовскій, вмѣстѣ съ односельцами Христіаномъ Клюкъ и Іоанномъ Пудвилемъ, бывъ въ с. Старомъ-Данцигѣ одесскаго уѣзда и встрѣтивъ тамъ у анабаптистовъ Карла Ундру, пригласили его въ хуторъ Штейнгутъ и привезли его туда. При этомъ Липовскій заявилъ становому приставу, что въ с. Старомъ-Данцигѣ имѣется распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора, чтобы послѣдователей этой секты не трогать и предоставить имъ свободу дѣйствій.

Въ февралѣ 1868 г. проживавшій близъ Николаева въ колоніи Ландау, березанской волости, колонистъ Христофоръ Фишеръ принесъ новороссійскому генералъ-губернатору жалобу, что его односельцы, об-

виновъ его въ отступленіи отъ вѣры, въ генварѣ того года, въ числѣ около 20 человѣкъ напали на него въ дорогѣ, потащили къ сельскому старостѣ Шульцу на допросъ, отняли Новый Завѣтъ, осмѣяли, обругали и повели къ мѣстному священнику (Pfarrer), который сказалъ, что міранамъ воспрещается читать св. писаніе. Когда-же онъ Фишеръ объявилъ, что обѣдню и крестъ не считаетъ заповѣдію, то Шульцъ отвѣтилъ, что прикажетъ сѣчь его дотолѣ, пока онъ не оставитъ своихъ глупостей. Потомъ посадили его на телѣгу и повезли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ крестъ; тамъ стали бить его палками по головѣ, затѣмъ понесли въ отцовскій домъ и требовали, чтобы отецъ билъ его. Когда-же отецъ отказался бить, то, поставивъ сына подъ крестомъ, сказали, что будутъ выгонять изъ него діавола, облили съ головы до ногъ водою и поднимая вверхъ, ударяли нѣсколько разъ о земь и били кулаками, при чемъ осыпали насмѣшками и ругательствами въ теченіи 3-хъ часовъ. Затѣмъ отнесли въ холодную комнату, гдѣ мокрая одежда обмерзла на немъ, хотѣли потомъ привязать къ столбу и снова колотили, пока онъ не опустился на землю. Когда-же онъ, Фишеръ попросилъ пить, то насильно влили водки въ ротъ и били веревками такъ, что онъ въ теченіи 10 часовъ оставался безъ чувствъ. Затѣмъ повели къ священнику и заставили насильно принять причастіе. По дознанію, произведенному смотрителемъ колоній, оказалось, что колонистами дѣйствительно нанесены Фишеру побои за чтеніе Новаго Завѣта, но не въ такой степени, какъ значилось въ его жалобѣ. Окружной и сельской власти колоніи сдѣлано по сему случаю внушеніе.

Въ 1869 г. херсонскій губернаторъ доносилъ новороссійскому генералъ-губернатору, что иностранецъ изъ Гамбурга Онкенъ проѣзжалъ по херсонскому уѣзду съ цѣлію поддержать баптизмъ въ колоніяхъ и отправился въ таврическую губернію, но отъ таврическаго губернатора свѣдѣній о проѣздѣ Онкена не доставлено. Вслѣдствіи 3-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получено свѣдѣніе, что Карлъ Онкенъ распространяетъ ученіе баптистовъ между православными жителями южной Россіи, а главный настоятель секты баптистовъ въ Гамбургѣ Онкенъ издаетъ миссіонерскую газету, въ которой напечатано извлеченіе изъ отчета баптиста,

дѣйствующаго въ южной Россіи, гдѣ подтверждаются успѣхи пропаганды въ средѣ южно-русскаго православнаго населенія и говорится, что совращенные устраиваютъ свою каплицу и что крещеніе и богослуженіе по обряду баптистовъ совершается открыто.

13 іюня 1870 г. либентальскій окружный приказъ представилъ въ комитетъ колоній иностранца Ондру, анабаптистскаго проповѣдника, съ заявленіемъ, что онъ проповѣдывалъ въ колоніи Гофнунгсбургъ, основанной колонистами на собственной землѣ, и что вслѣдствіе его проповѣди нѣсколько душъ колонистовъ 10-го іюня присоединились къ этой сектѣ и пожелали креститься. Комитетъ препроводилъ Ондру въ одесское полицейское управленіе для поступленія съ нимъ по законамъ; но полицейское управленіе, ссылаясь на то, что предварительное слѣдствіе по дѣламъ о совращеніи изъ христіанской вѣры начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства (ст. 1006 устав. уголов. судопр.), возвратило Ондру комитету, а комитетъ отдалъ его на поручительство двумъ жителямъ г. Одессы—хортицкому меннониту Вилеру и австрійскому подданному Клюеру и сообщилъ пробсту евангелическо-лютеранскихъ церквей южной Россіи Беннигу о пропагандѣ Ондры, какъ составляющей отступленіе отъ лютеранской вѣры. Но какъ въ предложеніи г. исправляющаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора Бутурлина отъ 10 іюня 1870 г. было сказано, что иностранцу Ондрѣ, если-бы онъ пожелалъ выѣхать за границу, можетъ быть это дозволено, буде не предвидится препятствій»: то комитетъ не препятствовалъ Ондрѣ удалиться изъ г. Одессы на мѣсто его жительства въ с. Роговку, волынской губерніи [1])...

Александрійскій исправникъ донесъ Коцебу, что въ селахъ бывшихъ колонистовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, грунадской волости, появился прусско-подданный Отто-Вильгельмъ Шульцъ съ цѣлію распространять ученіе баптистовъ между колонистами, для чего принималъ въ своей квартирѣ всѣхъ желающихъ слушать его проповѣдь, объявляя, что онъ намѣренъ распространять это ученіе со всею энергіею и сожалѣетъ только о томъ, что по незнанію русскаго языка не можетъ

[1]) Донес. попечит. комитета иностр. колоній южн. Россіи генералъ-губернатора Коцебу отъ 30 апрѣля 1871 г., № 2,913.

начать пропаганду и между русскими. А въ письмѣ пастора евангелическо-лютеранскаго прихода Штрауса къ екатеринославскому губернатору отъ 22 февраля 1873 года прописано, что «около 3-хъ недѣль назадъ тому старшина с. Вицкера доставилъ къ нему, пастору Штраусу, странствующаго проповѣдника, который, собравъ всѣхъ жителей этой деревни, проповѣдывалъ имъ евангеліе. Проповѣдникъ этотъ показалъ паспортъ, въ которомъ значилось, что онъ прусско-подданный пасторъ Шульцъ, самъ-же онъ говорилъ, что онъ не пасторъ, а эмиссаръ секты баптистовъ и прибылъ въ Россію именно за тѣмъ, чтобы упражнять прозелитизмъ въ пользу своей секты, утверждая, что каждому дано право проповѣдывать. На вопросъ Штрауса: относится-ли его миссія и къ православной церкви, Шульцъ отвѣтилъ, что въ окрестностяхъ г. Одессы онъ проповѣдывалъ и въ собраніи православныхъ. Въ билетѣ Шульца значилось, что онъ выданъ 8 февраля 1869 г. волынскимъ губернаторомъ на свободное проживаніе въ россійской имперіи въ теченіи одного года, на основаніи оставленнаго при немъ правительственнаго вида, выданнаго прусскимъ консуломъ въ Аккерманѣ 5-го сентября 1868 г., мѣсто рожденія его Кенигсбергъ, женатъ, 38 лѣтъ, средняго роста, волосы темные, глаза голубые, носъ обыкновенный. Хотя пасторъ Штраусъ чрезъ волостного старшину предложилъ всѣмъ деревенскимъ старостамъ наблюдать, чтобы проповѣди Шульца не повторялись въ районѣ его прихода, но Шульцъ все таки проповѣдывалъ въ селѣ Бѣлорошъ — въ молитвенномъ домѣ и успѣлъ причастить нѣсколько лицъ въ частномъ домѣ. Потомъ онъ перешелъ въ землю донскихъ козаковъ, гдѣ проповѣдывалъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Своимъ ученіемъ онъ нарушилъ согласіе многихъ семействъ въ разныхъ мѣстахъ и снова появился въ прусскомъ приходѣ, гдѣ былъ наконецъ арестованъ. Отвѣты его были дерзки, по его словамъ и «Его Величество принадлежитъ къ сектѣ баптистовъ» и «надо въ семъ дѣлѣ слушаться только Бога, не обращая вниманія на порядки, установленные людьми». Въ ученіи своемъ онъ допускалъ пренебрежительное отношеніе къ существующимъ порядкамъ и насмѣшки надъ церковнымъ ученіемъ и таинствами. — Министръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ дѣятельность Шульца вредною, нашелъ необходимымъ выслать его изъ Россіи, о чемъ далъ

знать новороссійскому генералъ-губернатору отъ 5-го іюля 1873 года. Въ слѣдствіе чего Шульцъ препровожденъ херсонскимъ губернаторомъ къ одесскому градоначальнику на дальнѣйшее распоряженіе.

Въ 1871 г. въ мартѣ с.-петербургская евангелическо-лютеранская консисторія донесла министру внутреннихъ дѣлъ, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты завладѣли домомъ, выстроеннымъ для лютеранской школы и слушаютъ здѣсь проповѣди баптистскаго проповѣдника Прицкау, обучавшагося въ Гамбургѣ, а въ ноябрѣ того-же года евангелическо-лютеранская консисторія сообщила новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты увлекли въ свою секту жену колониста Якова Ворнебахера и окрестили ее, для чего призванъ былъ изъ Одессы нѣкто Шульцъ, которому главнымъ образомъ содѣйствовалъ учитель Прицкау.—22 октября 1872 г. поселянинъ с. Альтъ-Данцигъ елисаветградскаго уѣзда Іоганъ Прицкау совершилъ крещеніе надъ мѣстными колонистами Людвикомъ Вагнеромъ, Іосифомъ Энгелемъ и его женой Агатой, а становому приставу Прицкау объявилъ, что ему положительно извѣстно, что въ старо-данцигскомъ сельскомъ управленіи имѣется распоряженіе генералъ-губернатора о томъ, чтобы баптистовъ не преслѣдовать. Поводъ такъ думать возымѣлъ Прицкау изъ того, что когда нѣсколько поселянъ колоніи Ландау одесскаго уѣзда, совратившихся изъ католичества въ баптизмъ, обратились къ ген. Коцебу съ жалобой на преслѣдованія, коимъ они подвергаются со стороны духовенства и поселянъ римско-католическаго исповѣданія, то Коцебу отъ 6-го мая 1872 г. далъ знать херсонскому губернатору, что секта баптистовъ можетъ быть терпима и не должна быть преслѣдуема, доколѣ послѣдователи ея будутъ исполнять гражданскія обязанности, а жалобщикамъ въ тоже время была дана отмѣтка о семъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора [1]. Въ 1873 г. Іоганъ Прицкау подалъ прошеніе херсонскому губернатору, въ которомъ утверждалъ, что братство баптистовъ не есть какая нибудь вредная секта, и представлялъ письменное изложеніе вѣроисповѣданія баптистовъ,

[1] Херсонскій губернаторъ разъяснилъ *Прицкау* и *Лиговскому*, что все таки они не имѣютъ права проповѣдывать.

просилъ исходатайствовать свободу ихъ религіи и предохранить ихъ отъ притѣсненій.

По донесенію русскаго вице-консула въ г. Тульчѣ министерству иностранныхъ исповѣданій въ 1870 году, баптисты, изгнанные изъ Россіи за прозелитизмъ, поселились въ Добруджѣ. Устроивъ здѣсь колонію Каталуй, они не перестаютъ вести дѣятельныя сношенія съ своими единомышленниками въ Россіи. Въ колоніяхъ южнаго края они въ особенности хлопочутъ о пропагандѣ между русскимъ населеніемъ, толкуя имъ евангеліе. Изъ колоній они перешли въ Одессу, гдѣ образовали общину. Главные баптистскіе дѣятели: Вилеръ, Ондра и другіе. Характеръ ихъ дѣятельности довольно виденъ изъ нижеслѣдующей переписки ихъ между собою, сообщенной г. вице-консуломъ Юзефовичемъ новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу въ 1870 году.

Письмо № 1 [1]. *Вилера къ Клундту.*

Одесса, 20 мая 1870 г.

Дорогой братъ во І. Христѣ Клундтъ!

Нынѣ былъ у меня братъ *Ляме* изъ Плоцка, посланный братомъ *Леромъ* частью для передачи мнѣ одного сообщенія, а частью для того, чтобы получить отъ меня совѣтъ въ весьма важномъ обстоятельствѣ, а именно, когда вы съ *Израилемъ* *) вновь перешли изъ заграницы въ Россію, то послѣдній безъ всякаго повода чистосердечно открылъ одному врагу нашего общества, притворившемуся собратомъ, кто онъ, что съ нимъ случилось и какимъ способомъ онъ перешелъ за границу. Я не постигаю, что побудило этого молодого человѣка расказать свою исторію этому человѣку, чужому для меня и для тебя. Послѣдствіемъ сего было то, что этотъ человѣкъ вездѣ говоритъ о семъ и всѣ колоніи это знаютъ, такъ что неминуемо будетъ слѣдствіе. Тогда братьямъ придется давать ложныя показанія, и каковъ будетъ конецъ?—Сибирь.—Сколько я не уговаривалъ молодого человѣка держать языкъ за зубами и никому не сообщать ни о чемъ, но онъ вездѣ проболтался, и мы теперь подвергнемся чрезъ него не только стыду, но и изгнанію.

---

*) Рѣчь идетъ о молодомъ еврeѣ, совращенномъ Рябошапкою въ баптизмъ и увезенномъ нѣмцами-баптистами въ Добруджу.

Въ случаѣ производства дознанія мы полагали-бы устроить дѣло такъ: тотчасъ по полученіи сего письма вашей колоніи слѣдуетъ постановить общественный приговоръ, будто мальчуганъ, бывшій въ Плоцкѣ и т. д., есть турецко-подданный и колонистъ вашей колоніи (желательно, чтобы на всякій случай онъ перемѣнилъ свою фамилію). Этотъ общественный приговоръ долженъ быть засвидѣтельствованъ вашей — россійскимъ консуломъ. Когда-же здѣшній инспекторъ потребуетъ отъ турецкихъ властей, то этотъ документъ можетъ быть высланъ въ оправданіе собратій, иначе дѣло можетъ выйти плохо. Сообщите мнѣ по полученіи сего, снабженъ-ли Израиль турецкимъ паспортомъ и принялъ-ли другую фамилію. Въ *Любоміркѣ*, гдѣ Израиль находился сначала у *Рябошапки*, уже былъ произведенъ строгій допросъ и будетъ слѣдствіе. Всѣмъ намъ придется плохо; но кто могъ предполагать, что имѣемъ дѣло съ такимъ легкомысленнымъ болтуномъ? Пожалуй, его потребуютъ обратно и съ нимъ поступлено будетъ строжайше по закону, что конечно ему не понравится. Онъ вообще любитъ говорить много, отъ чего нужно его отучить.

Я просилъ васъ писать также и *Лейеру*, чтобы успокоить людей, которые слишкомъ уже тревожатся. Такъ какъ братъ *Августъ-Либихъ* не находится тамъ, то я прошу васъ о слѣдующемъ: сестра *Шлисъ* мнѣ сказала, что тамъ есть еще много нѣмецкихъ трактатовъ, которые не были прочтены или, лучше сказать, не были распространены. Если таковыхъ есть довольно, то не можете-ли мнѣ ихъ доставить? Еще одно: *Флоккенъ* проситъ меня распространить его русскія пѣсни. Но здѣсь вотъ препятствіе — цензура не пропускаетъ; однако не можете-ли доставить мнѣ около 400 экзем.? Увѣдомьте меня относительно этихъ пунктовъ. Адресуйте нѣмецкіе трактаты купцу *Карлу Шурицу* въ Одессѣ для передачи *I. W.* Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ о Господѣ, которые меня знаютъ. Съ самой Пасхи я нездоровъ и вѣроятно отправлюсь въ госпиталь. Съ вами во I. Христѣ соединенный

И. Вилеръ (Wieler).

Письмо № 2. Либера къ Либиху.

Одесса, 13 іюля 1870 г.

Миръ вамъ дорогой братъ о I. Христѣ!

Только что получилъ для васъ письмо отъ брата *Прицкау*, доставить которое онъ проситъ. Я намѣренъ былъ самъ пріѣхать въ *Касаклуй*, но дѣла все еще не позволяютъ мнѣ этого, и потому, не имѣя воз-

можности лично вручить вамъ письмо, я принужденъ доставить его вамъ обыкновеннымъ путемъ. Братъ *Циммерманъ* опять у насъ и я еще не знаю, что выйдетъ изъ всего этого дѣла. *Плоцкіе* въ недоумѣніи, такъ какъ пасторы будто угрожаютъ доносомъ, направленнымъ въ особенности на брата *Лейера*, который своей оппозиціей для нихъ бѣльмо на глазу и теперь они думаютъ, что настало время разъ навсегда ему отомстить. Пасторъ *Велькеръ* объявилъ его во всѣхъ колоніяхъ дурнымъ человѣкомъ и не будь Оберъ-Шульцъ собратомъ и не поддержи его инспекторъ, вышло-бы дурно. Я тоже долженъ осторожно держаться въ этомъ дѣлѣ, но я ввѣряю себя Богу.

Отъ гомеопатической аптеки мнѣ придется потерять 25 рублей, потому что она была назначена другому, отъ котораго я получилъ деньги, чтобы заплатить за нее. Теперь я имѣю возвратить эти деньги, а таможня не выдаетъ ему этой аптеки и не высылаетъ ее.

Здѣсь въ Одессѣ дѣло идетъ печально. *Лейеръ* состоитъ старшиною у братьевъ и меня преслѣдуетъ. Писать вамъ обстоятельнѣе о ходѣ спора не хочу пачкать бумагу. Очень желательно, чтобы вы прибыли сюда, разсмотрѣли дѣло и ввели, гдѣ нужно, измѣненія. Неприязнь *Шлика* я навлекъ на себя тѣмъ, что не хотѣлъ съ нимъ принять причастія прежде, чѣмъ его дѣло будетъ рѣшено общественнымъ приговоромъ, хотя я не подавалъ голоса за его исключеніе. Словомъ здѣсь *баптистское* движеніе принимаетъ очень неудовлетворительный видъ и очень пора-бы что нибудь сдѣлать. Если только имѣете возможность прибыть сюда, то поставьте это себѣ непремѣннымъ долгомъ. Какъ-бы желательно, чтобы оттуда я получилъ русскія книги пѣсней отъ *Флокена*. Онъ полагалъ, что я могъ-бы получить ихъ отъ васъ. Прислать-ли вамъ прежде деньги? Сколько стоитъ тамъ 100 экземпляровъ, считая по 10 коп. за экземпляръ? Сколько прислать денегъ? Отправлены-ли для меня нѣмецкіе трактаты. Кланяйтесь всѣмъ сестрамъ, меня знающимъ и незнающимъ. Съ вами въ Богѣ соединенный

І. Вилеръ.

Адресъ: Г-ну Вилеру, на углу Прохоровской и Степной улицъ, домъ Ткаченковой, № 46. Одесса.

P. S. Поклонъ брату *Клундту*. Русскія книги пѣсней не должны быть отправлены пароходомъ потому, что здѣсь цензура не пропускаетъ русскихъ книгъ религіознаго содержанія, отпечатанныхъ заграницей.

Письмо № 3. Прицкау къ Либигу.

Альтъ-Данцигъ. 2 іюля 1870 г.

Добрый братъ Либигъ!

По пріѣздѣ въ Одессу я получилъ твое и брата *Фрица* письма. Я полагалъ, что письмо мое къ Фрицу было потеряно, такъ какъ столько времени я тщетно ждалъ отвѣта. Тебѣ-же съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у тебя, я нѣсколько разъ писалъ. но. какъ видно изъ твоего письма, этихъ писемъ ты не получилъ. Что касается семейства *Шликъ*, то я напомнилъ имъ отдать свои билеты на званіе членовъ; но они говорятъ, что таковыхъ не получали. О случившемся съ нимъ было совѣщаніе въ засѣданіи общины и рѣшено его не исключать, я-же одинъ былъ противъ этого рѣшенія. Что ты думаешь, дорогой братъ, о подобномъ случаѣ? Насколько мнѣ извѣстно, въ Германіи такой грѣхъ строго наказывается. Впрочемъ здѣсь это былъ особенный случай. Братъ *Шликъ* объявилъ, что онъ имѣлъ уже раскаяніе и такъ какъ въ Одессѣ не было общины, то онъ открылъ это своей женѣ, и они вмѣстѣ молились о прощеніи грѣха. Это поощрило его и другихъ, имѣющихъ съ нимъ связи. Если-бы его не исключили, то спрашивается, на сколько времени? Такъ какъ мы исключаемъ до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ раскаяніе, а всѣ ему вѣрили, что онъ имѣлъ уже раскаяніе, потому исключить его было-бы напрасно. При всемъ томъ я нахожу, что слишкомъ легко такъ дѣлать, и сознаюсь, что это во 1-хъ произведетъ дурное вліяніе, а во 2-хъ что многіе на будущее время будутъ на это ссылаться. Я право не зналъ, что дѣлать и предложилъ отсрочить дѣло, пока у кого нибудь найдемъ совѣтъ, но собратія желали кончить это дѣло и такъ сдѣлали.

Тебѣ конечно неизвѣстно, что теперь въ Одессѣ есть самостоятельная община. Во время моего проѣзда здѣсь (въ Одессѣ) были крещены 4 брата, а въ *Анненталь* близь Одессы еще нѣсколько. Затѣмъ братъ *Ондра*, который былъ у насъ о Троицѣ, при проѣздѣ еще нѣсколькихъ крестилъ, такъ что тамъ есть уже порядочное число и они избрали пресвитеромъ (Vorsteher) своимъ брата *Майера* (Mayer), который также живетъ въ Одессѣ и двухъ діаконовъ—брата *Вунша* и нѣкоего *Бельбрунъ*. Мы здѣсь имѣли пышное празднество въ праздникъ Троицы, подробности коего ты узнаешь изъ «Миссіоннаго Листка». Много братій изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ прибыли сюда и между прочими и

братъ *Ондра*. Собраніе имѣло мѣсто въ церкви, такъ какъ это всегда бываетъ теперь; поющіе стояли у олтаря и подъ конецъ пропѣли еще нѣсколько пѣсней. На второй день Тройцы я праздновалъ свой бракъ въ школѣ и въ молитвенномъ домѣ. Обрядъ былъ совершенъ братомъ *Ондрой* въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Слѣдовательно съ Тройцы я женатый человѣкъ и имѣю сожительство съ моею женою *Доротеею Гидсъ*, дочерью здѣшняго брата Гидса, въ домѣ школы.

Наша *русская община* уже порядочно увеличилась и мы насчитываемъ до 70 членовъ.

Получилъ-ли братъ *Клундтъ* мое письмо? Кланяюсь тебѣ, твоей женѣ и всей общинѣ. Присовокупляю, что ты обрадуешь отвѣтнымъ письмомъ твоего собрата.

I. Прицкау (Pritzkau).

Письмо № 4. Клундта къ Вилеру.

Катали, 4 августа 1870 г.

Дорогой во Христѣ братъ Вилеръ!

Только что получилъ ваше письмо съ мнѣніемъ, чтобы братъ *Израиль* остался здѣсь, но получилъ очень поздно: уже три недѣли назадъ тому онъ взятъ отсюда. *Плоцкіе* братья отправили сюда человѣка, снабженнаго нужными деньгами, который взялъ его, чтобы доставить въ ваши руки въ Одессу. Я полагалъ, что выслать его въ Россію по общественному приговору не идетъ, потому что здѣсь не существуетъ общественныхъ приговоровъ, здѣсь сельская община не имѣетъ никакихъ правъ. А принять *Израиля* было бы очень легко потому, что здѣсь въ Турціи для этого не нужно никакого общественнаго приговора. Надѣюсь скоро выѣхать въ *Молдавію* и оттуда вышлю вамъ въ *Плоцкъ* русскія книги пѣсней, которыя вы доставите въ Одессу. Такимъ способомъ я уже ввезъ въ Россію книги. Затѣмъ я вамъ сообщу, какъ вы должны высылать деньги.

О братѣ Б. А. *Либигъ* я не могу писать вамъ многаго, такъ какъ отъ него уже 6 недѣль не имѣемъ свѣдѣній.

При семъ посылаю вамъ маленькій ящикъ съ трактатами. Въ случаѣ понадобятся вамъ еще таковые, пишите сюда; мы можемъ выслать сколько угодно. Сообщите намъ поскорѣе, какъ вышло дѣло съ *Израилемъ*. Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ Господнимъ и особенно брату *Мейеру*. Затѣмъ желаемъ вамъ Божіей помощи. Вамъ преданный братъ

І. Клундтъ.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ*).

Библіографія.

Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Нила Попова. Москва. 1884 г. II+561.

Важность вопроса о колонизаціи въ русской исторіи достаточно опредѣлена появленіемъ въ свѣтъ ряда серьезныхъ изслѣдованій, касающихся разныхъ областей нашего отечества, и лишь по отношенію къ новороссійскому краю онъ не дождался еще разносторонняго разсмотрѣнія. Только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на народную колонизацію Новороссіи и только теперь эта сторона дѣла стала на очереди; болѣе разработана колонизація иностранная, но и тутъ найдется не мало пробѣловъ, на столько существенно-важныхъ, что самая оцѣнка колонизаціоннаго движенія можетъ довольно круто измѣниться, когда явятся дополненія фактическія. Прежніе изслѣдователи не охотно выходили изъ круга матеріаловъ оффиціальныхъ, не всегда и ими даже пользуясь въ ихъ настоящей полнотѣ и съ желательной тщательностью, матеріалы же частнаго характера совсѣмъ почти не затронуты. Тѣмъ цѣннѣе книга, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи, и тѣмъ важнѣе для юга Россіи заслуга московскаго общества исторіи и древностей, издавшаго ее. «Извѣстіе о похожденіи С. С. Пишчевича» заключаетъ въ себѣ автобіографію одного изъ участниковъ сербской колонизаціи прошлаго столѣтія и по своимъ достоинствамъ представляетъ матеріалъ большой новизны. Напрасно было бы требовать достоинствъ литературныхъ отъ автора, въ зрѣломъ уже возрастѣ научившагося русскому языку и совсѣмъ не подготовленнаго къ литературнымъ занятіямъ: разсказъ многорѣчивъ и останавливается слишкомъ долго на личныхъ

обстоятельствахъ жизни повѣствователя, но тамъ, гдѣ рѣчь касается Новой Сербіи, Хорвата и его отношеній и дѣлъ, словомъ фактовъ и личностей историческихъ, именно эта словоохотливость обращается въ достоинство: съ полной откровенностью раскрываетъ авторъ нашъ домашнюю сторону выселенія и быта колонистовъ и показываетъ руководителей дѣла во всей ихъ природной наготѣ, а при случаѣ и про свои «похожденія» повѣствуетъ съ такою святою простотой, которой хотя и нельзя завидовать, но за которую надо быть благодарнымъ ему. Честность и добросовѣстность—качества, несомнѣнно отличающія трудъ Пишчевича, и даже въ неблагопріятныхъ отзывахъ его о Хорватѣ, съ которымъ водились у него личныя неудовольствія, трудно заподозрить правдивость его: онъ не умѣетъ сойти съ фактической почвы и никогда не покидаетъ того наивнаго отношенія къ своему труду, которымъ запечатлѣна вся его книга.

Допросимъ же нашего автора—колонизатора о томъ, какія побужденія заставили его оставить австрійскую службу и перебраться въ Россію? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически—ясно: «болѣе ничто не побудило во мнѣ желанность просить абшита, какъ что только хочу еще светъ видеть и свое счастие далѣ пробовать» (91 стр.). О побужденіяхъ другаго порядка и рѣчи быть не можетъ. Впрочемъ, Пишчевичъ говоритъ о своей любви къ новому отечеству, Россіи, но какъ своеобразно понималъ онъ эту любовь, показываетъ передаваемая имъ исторія «черногорской коммиссіи». Дѣло было вотъ въ чемъ. Черногорскій владыка Василій Петровичъ, прибывшій за милостыней въ Москву, соблазнялся выгодностью славянской колонизаціи въ Россіи и, не думая долго, подалъ въ сенатъ проэктъ о переселеніи въ Россію черногорцевъ, увѣряя, что своимъ призывомъ къ выходу въ Россію можетъ поднять весь народъ черногорскій, подъ однимъ лишь условіемъ—казенной ассигновки. По этому заявленію и составлена была черногорская коммиссія, въ составъ которой вошелъ также Пишчевичъ. Какъ же выполнилъ свое обѣщаніе черногорскій владыка и какъ дѣйствовала его коммиссія? Вызовъ владыки на мѣстѣ встрѣченъ былъ чрезвычайно недоброжелательно. «Владыка, разсказываетъ Пишчевичъ, ...видя, что его никто не послушалъ, а дѣло такое безъ согласия народа самъ собою началъ, каторое исполнить должно, то и началъ приглашать своихъ свойственниковъ и некоторыхъ поповъ, что вдовцами были, далъ имъ благословение обрить бороды, наградя денгами и назначивъ ихъ чинами офицерскими и тѣмъ приклонилъ на свою сторону». И членовъ оппозиціи старался онъ привлечь разными средствами: одному обѣщалъ небывалый чинъ и огромную власть, другому сосваталъ сестру; однако,

успѣхъ оказался плохой. Между тѣмъ члены коммиссіи поджидали черногорцевъ на австрійскихъ карантинахъ. Глава ея, маіоръ Степанъ Петровичъ, убѣдившись въ безуспѣшности дѣла, завелъ сношенія съ синдикомъ города Карловицъ, Иваномъ Балевичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ соорудилъ такой проэктъ: въ Карловицѣ и окрестностяхъ его проживало довольное число такъ называемыхъ бетяровъ, т. е. людей, пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ на заработки и остановившихся здѣсь подолгу, иногда по цѣлому году; рѣшено было тайно уговорить ихъ выселиться въ Россію подъ именемъ черногорцевъ, а Балевичъ, какъ синдикъ, обѣщалъ выдать имъ свидѣтельства, что они—выходцы изъ Черногоріи. Сказано—сдѣлано. Набралось человѣкъ пятьдесятъ. Петровичъ тотчасъ объ этихъ черногорцахъ представилъ русскому послу въ Вѣнѣ и выхлопоталъ для нихъ паспорты; но на бѣду двое бетяровъ съ дороги бѣжали, явились въ Петроварденъ и объявили, какъ дѣло было; тогда пришла очередь Балевича выселиться и колонизовать наши степи; спасая голову, явился онъ къ Пишчевичу и со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ помочь ему; тотъ сначала отказалъ, не желая вмѣшиваться въ дѣло столь деликатнаго свойства, но потомъ, сдавшись на ходатайство какого-то важнаго лица, которое по имени не называетъ, послалъ Балевича въ Вѣну, откуда тотъ, переодѣвшись купцомъ—грекомъ, успѣлъ бѣжать въ Россію. Но и самъ Пишчевичъ дѣйствовалъ въ Митровицѣ въ томъ же направленіи и съ подобнымъ успѣхомъ. «Мнѣ, говоритъ онъ, вся та пограничность довольно была еще прежде извѣстна, а при томъ были на некоторыхъ местахъ по границе цесарской люде такие, кои доводилысь мнѣ несколко въ свойстве, а ктому и другие знакомые добрые приятелы, и своихъ я зналъ на ково положитця можно, то и напослѣ и таковыхъ, что по приятелски мнѣ въ моемъ предприятіи учинилы помочь. Я чрезъ оныхъ (продолжаетъ онъ) секретно на ту сторону (р. Савы) въ турецкую сторону, въ лежащие по границе на реке Саве места далъ о себѣ знать, что нахожусь я въ городѣ Митровице, дожидаясь для прiему приходящихъ черногорцевъ, и что въ томъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ черногорцевъ принятъ и другихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой областы къ себе въ команду, для чего ежелы кто желаетъ, то чтобы выходили и явились бы на учрежденомъ по границе цесарскомъ карауле, где кому способно, откуда приведены будутъ въ карантинъ и тамъ все содержание будетъ отъ меня имъ давано. Меня, замѣчаетъ Пишчевичъ, къ сему предприятию ничто болше не побудыло, какъ толко одна ревность и усердие къ моей присяге, и тѣмъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ своихъ въ ономъ въ пользу оставить намеренъ), то

для того приложилъ я свой трудъ и старанье, чтобы сей случай учинить полезнымъ и вывесть людей въ Россію» (стр. 257—258). Такимъ способомъ набралось у Пишчевича 62 человѣка, кромѣ того ему прислано изъ Тріеста 27 лже-черногорцевъ, а что это были за люди, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «...ясно воръ наголо и пьяницы прегорькіе; наволочь то такая была, что хуже сыскать нигдѣ не можно: между ними жъ были оружейные лѣсовые настоящіе разбойники» и т. д. (стр. 261).

Познакомившись со способами переселенія славянъ въ Россію, посмотримъ теперь на ихъ житье-бытье на новыхъ мѣстахъ. Появившись въ Россіи, руководители движенія первымъ дѣломъ перессорились: ни Шевичъ, ни Райко-Прерадовичъ не соглашались поступить подъ начальство Хорвата, ссылаясь на то, что въ австрійской службѣ были выше его по службѣ, и въ этомъ смыслѣ сдѣлали представленіе начальству. Хорватъ, желая удержать первенство за собою, самъ указываетъ на свои заслуги, какъ зачинщика переселенія, и порочитъ соотечественниковъ, утверждая, напр., что Райко вывелъ въ Россію только одну свою семью... Судили—рядили о сербахъ въ сенатѣ, и рѣшили разселить ихъ особо. Тогда Хорватъ подсылаетъ въ Кіевъ своихъ офицеровъ, подъ предлогомъ закупки сукна на полкъ, а на дѣлѣ для того, чтобы стороною подговаривать людей Шевича и Прерадовича переходить къ нему, Хорвату; опытъ удался отчасти, но Хорвату помѣшало то, что имъ была недовольна военная коллегія, въ подчиненіи у которой не пожелалъ онъ быть.

Сочиненіе Пишчевича знакомитъ съ Хорватомъ ближе, чѣмъ съ другими руководителями сербскаго движенія, такъ какъ съ нимъ авторъ нашъ входилъ въ разнообразныя отношенія—служебныя и частныя. Послѣ поѣздки въ Венгрію для закупки лошадей русскому двору, Пишчевичъ, исполнивъ порученіе, проживалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ ожиданіи наградъ, мысль о коихъ занимала его вообще болѣе всего другаго, и велъ праздную, хотя и веселую для него жизнь: посѣщалъ придворные балы, навѣдывался къ сильнымъ міра, разъѣзжалъ въ придворной каретѣ. Хорватъ, бывшій также въ Петербургѣ, узналъ о Пишчевичѣ и постарался привлечь его на службу къ себѣ, и тотъ, послѣ продолжительнаго упорства, соблазнившись обѣщаннымъ ему подполковничьимъ чиномъ, сдался наконецъ на капитуляцію. Выпросивъ у Пишчевича 400 р. на дорогу, Хорватъ выѣхалъ въ Новую Сербію, оставивъ Пишчевича хлопотать по своимъ дѣламъ. Проживъ въ Петербургѣ еще два мѣсяца, Пишчевичъ также отправился въ путь, въ сопровожденіи одного вахмистра Хорвата. И вотъ что разсказывалъ ему вахмистръ дорогою о своемъ начальникѣ: «мы де сударь отъ Хорвата обмануты,

ибо онъ, какъ приехалъ въ Новую Сербыю, смѣялся, и я слышилъ часто, гдѣ онъ за столомъ объ васъ говоритъ, какъ онъ васъ умѣлъ словомы привесть на свою руку, и какъ еще завидовалъ тому, что вы на придворной каретѣ съ людмы къ нему приежали и что вскоре вы того екипажа лышилысь и принуждены были на свои денги карету волную себѣ нанымать, и денги издерживать, да и о денгахъ упомывалъ и говорилъ часто съ капитаномъ Буланеломъ и порутчикомъ Вайдою, какъ хитро оны умѣлы выманить взаймы у васъ денги на дорогу, какие имъ ни мало не надобни были, а толко де для того здѣлалы, чтобъ васъ лышитъ оныхъ» (стр. 397). Узналъ Пишчевичъ и о судьбѣ «черногорцевъ»: Хорвату удалось добыть указъ о поступленіи подъ свою команду «черногорцевъ» и вмѣстѣ съ ними Пишчевича, а такъ какъ многіе изъ нихъ не рѣшались отправиться въ Новую Сербію безъ Пишчевича, то Хорватъ «штрафовалъ ихъ палками, и въ колодки забивъ привезъ въ Новую Сербыю» (ibid.); другіе не захотѣли совсѣмъ оставаться въ Россіи и оставили ее. Приведенныхъ же съ собою Хорватъ опредѣлилъ частію въ македонскій гусарскій полкъ, частію въ такъ называемый миргородскій гарнизонъ, представивъ въ сенатъ, что послѣдній сформированъ изъ людей, выведенныхъ изъ Венгріи «дворининомъ Иваномъ Хорватомъ», которому, въ награду за то, выпрашивалъ подполковничій чинъ; этотъ «дворянинъ» былъ никто иной, какъ шестилѣтній сынъ самаго Хорвата; тотъ же чинъ за такой же выводъ нѣсколькихъ сотъ сербовъ получили и два другихъ сына его, старшему изъ коихъ считалось всего 12 лѣтъ. По пріѣздѣ въ резиденцію Хорвата, Новомиргородъ, Пишчевичу никакими средствами не удалось получить своего долга. Подъ рукой, отъ одного служащаго онъ узнаетъ, что Хорватъ вообще имѣетъ обыкновеніе вытягивать деньги у тѣхъ изъ подчиненныхъ, у кого они водятся, и дѣлаетъ это за тѣмъ, что безденежные люди покорнѣе и уступчивѣе; выходя изъ той же мысли, онъ завелъ агентовъ для доставки вещей на обмундировку: всѣ принадлежности аммуниціи доставлялись изъ Австріи въ три дорога, и самъ начальникъ Новой Сербіи не оставался въ убыткѣ. Все это разсказывалъ Пишчевичу нѣкто маіоръ Шмитъ, начальникъ «разсчетной коммиссіи», въ которую поступали всѣ суммы—какъ на выводъ новыхъ переселенцевъ, такъ и на содержаніе поселенія: «она де то есть самая преисподняя глубина Хорвата воровства», объяснилъ Шмитъ.

Пишчевичу очень хотѣлось назначенія въ дѣйствующую армію, но Хорватъ поручилъ ему формированіе новаго болгарскаго полка и за этимъ отправилъ за Кременчугъ, въ мѣстечко Манжелею. Полкъ формировался никѣмъ инымъ, какъ австрійскими и прусскими дезертирами

на польской Украйнѣ. «Я съ этими людми съ перваго зачала превеликое мученіе и трудъ имѣлъ», разсказываетъ Пишчевичъ; «весьма то было строптиво, развращено, пьяно и всякой день происходилы между имы и съ обывателямы драки и ссоры, и такое то сборище людей было, каторые по несколько разъ изъ одного государства въ другое преходилы и служилы и потомъ уходилы, а на послѣдокъ дошлы въ Россию и ко мнѣ въ команду» (стр. 416). Не лучше былъ и недавно сформированный македонскій полкъ: «а въ македонскомъ полку слышу я», повѣствуетъ Пишчевичъ, «что происходитъ оченъ дурно и зделалысь той зимы чрезвычайно великие побеги, къ чему оны способъ имѣлы, какъ Днѣпръ замерзъ, и уводилы лошадей, а другие пѣшкомъ уносилы мундиры и амуницию съ собою въ Полшу за границу» (стр. 428). Такимъ образомъ бѣжало въ Польшу изъ одного македонскаго полка болѣе 200 человѣкъ, съ аммуниціей и съ ружьями (стр. 424).

Вотъ картинка, представляющая обращеніе Хорвата съ подвластными. Миргородскій гарнизонъ, сформированный, какъ мы видѣли, шестилѣтнимъ Иваномъ Хорватомъ, не получалъ ни жалованья, ни провіанта. Истощивъ терпѣніе, голодные и полунагіе, «черногорцы» рѣшились обратиться лично къ Хорвату съ просьбою облегчить существованіе ихъ, и съ этою цѣлью собрались всѣ передъ городомъ. Хорватъ узналъ объ этомъ и велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушки картечью: нѣсколько человѣкъ остались убитыми, остальные бѣжали; одинъ изъ труповъ, по приказу Хорвата, выставленъ былъ возлѣ большой дороги, на колесѣ; «другихъ-же изъ тѣхъ людей содержалъ иныхъ въ железахъ, а иныхъ публично безъ милосердія сѣкъ батожьѣмъ, а одного, бивъ кнутомъ, сослалъ въ ссылку въ Сибирь, и тѣмъ ихъ застрашилъ, что они ужъ осталысь, яко рабы, подъ его властию, и довелъ до того и въ такой страхъ, что никто ни вчемъ и ни о какой своей нужде говорить не смѣлы и повиновалися всякъ его власти въ великомъ раболѣпствіемъ» (стр. 425). Другая сцена: Хорватъ послалъ подъ караулъ одного прапорщика, Чаки; спустя нѣкоторое время послѣ арестованія его, Хорватъ проходилъ мимо караульни по улицѣ, Чаки вышелъ къ нему и просилъ освободить его; въ отвѣтъ на просьбу, Хорватъ нанесъ ему нѣсколько пощечинъ, потомъ схватилъ за волосы, таскалъ по землѣ, топталъ ногами и наконецъ недовольный и всѣмъ этимъ, приказалъ барабанщикамъ принести палокъ и, раздѣвъ офицера, немилосердно наказалъ его палками (ibid.). Передадимъ еще исторію съ дипломатическимъ оттѣнкомъ: быть можетъ она напомнитъ читателю упреки, дѣлаемые запорожцамъ, въ непониманіи и неуваженіи международнаго права. Услыхавъ, что вдоль границы, какъ не разъ это бывало и прежде, небольшой польскій отрядъ дѣлаетъ

объѣздъ, Хорватъ снаряжаетъ сотню гусаръ въ пограничный шанецъ и приказываетъ, при первомъ его распоряженіи, напасть на поляковъ; отправляется туда и самъ онъ, велитъ готовить обѣдъ, на который приглашаетъ и польскаго полковника, начальствовавшаго этимъ отрядомъ; когда тотъ явился, люди его пустили лошадей на траву, а сами—кто легъ спать, кто дожидался начальника; вдругъ, по приказанію Хорвата, нападаютъ на нихъ гусары и открываютъ пальбу. Разумѣется, сраженіе кончилось побѣдоносно для Хорвата: многіе изъ поляковъ убиты, другіе, кто успѣлъ, бѣжали, гость-полковникъ арестованъ и отвезенъ въ Новомиргородъ. Хорватъ донесъ сенату (онъ подчинялся непосредственно сенату), что поляки напали на гусаръ, что тѣ вынуждены были обороняться и—одолѣли.

Изложеннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы поставить на очередь вопросъ о значеніи иностранной колонизаціи въ Новороссіи или, вѣрнѣе, военныхъ поселеній Хорвата, Шевича и Прерадовича. Мы видѣли, что сербскіе колонизаторы, (въ томъ числѣ и самъ Пишчевичъ), были ничѣмъ инымъ, какъ авантюристами въ самомъ грубомъ смыслѣ слова. Для того чтобы показать, какъ они ловили фортуну, разскажемъ въ заключеніе еще слѣдующую исторію, передаваемую нашимъ авторомъ. Когда пришелъ въ Новую Сербію манифестъ о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны, Хорватъ не медля отправляется въ Петербургъ и тамъ, разузнавъ, кто у новаго государя въ силѣ, начинаетъ дѣлать визиты; кончается тѣмъ, что онъ вручаетъ по мѣшечку золота камердинеру государя и адъютанту его Гудовичу; къ душевному его прискорбію, оба они въ тотъ-же день передали все золото самому государю: государь приказалъ сдѣлать Хорвату публичный выговоръ, возвратить ему деньги и выслать изъ Петербурга. Три года спустя наряжено было надъ нимъ слѣдствіе и Хорватъ, какъ извѣстно, сосланъ. Но думаемъ, что въ данномъ случаѣ исторія могла-бы не ограничивать своего суда только личностями, руководившими дѣломъ. Дѣйствительно, что сдѣлано военными поселеніями для обереженія границъ—главной цѣли, ради которой учреждались они? Что добраго внесли сербы, черногорцы и пр. въ соціальный бытъ Новороссіи? Какіе слѣды ихъ уцѣлѣли до насъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ разорившихся и разоряющихся потомковъ ихъ? Наконецъ, гдѣ слѣды этнографическихъ особенностей сербовъ въ населеніи юга Россіи? Все потонуло въ русскомъ населеніи, все забыто имъ. Поселеніе Хорвата и его товарищей просуществовало какой-нибудь десятокъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ переформировано и скоро потомъ

сьвто вполнѣ съ общими порядками имперіи. Спрашивается, не была-ли простымъ недоразумѣніемъ славянская и вообще иностранная колонизація въ Новороссіи? Пора-бы отвѣчать уже на эти вопросы.

В. Я.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею, томъ осьмый. С.-Петербургъ, 1884 г.

Новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ памятники самаго разнообразнаго содержанія. На первомъ планѣ помѣщены весьма интересные документы, извлеченные профессоромъ новороссійскаго университета Ѳ. И. Успенскимъ изъ разныхъ архивовъ и библіотекъ италіанскихъ: римскихъ, флорентійскихъ, венеціанскихъ и др. Изъ нихъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія письма и донесенія о первомъ самозванцѣ и вообще о событіяхъ смутной эпохи въ московскомъ государствѣ. Далѣе слѣдуютъ матеріалы, добытые въ русскихъ государственныхъ архивахъ: акты о выѣздахъ въ Россію иноземцевъ купцевъ, врачей, аптекарей, мастеровъ и т. под. (1600—1640 гг.); акты относящіеся къ исторіи Сибири съ 1625 по 1630 г., а также вѣдомость о ясачныхъ, десятинныхъ, денежныхъ, хлѣбныхъ и соляныхъ доходахъ и расходахъ въ сибирскихъ городахъ за 1698 и 1699 гг.; акты о возобновленіи г. Олонца, истребленнаго пожаромъ 1668 г.; челобитныя разныхъ московскихъ дворянъ (конца XVII в.) о дозволеніи имъ писаться двойными прозвищами. Кромѣ того новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ нѣсколько драгоцѣнныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, о которыхъ скажемъ подробнѣе. Подъ № 13 помѣщено производившееся въ Малороссійскомъ Приказѣ въ 1676—1677 гг. дѣло объ убіеніи одного новгородсѣверскаго мѣщанина Ивана Москаленка стрѣльцемъ Останкой Кузьминымъ, ѣхавшимъ въ Москву гонцомъ изъ Кіева. Убійство произошло вслѣдствіе ссоры изъ-за подводъ, которыхъ Кузьминъ требовалъ въ большемъ противъ положеннаго количества. Этотъ случай подалъ новгородсѣверскому сотнику и таможнимъ мѣщанамъ и козакамъ поводъ жаловаться царю Ѳедору Алексѣевичу о безчинствахъ, производимыхъ въ малороссійскихъ городахъ московскими гонцами. «Отъ многихъ гонцовъ (жаловались они) и отъ всякихъ проѣзжихъ породы московской людей милости намъ нѣтъ. Они высокоуміемъ своимъ насъ, холопей и сиротъ твоихъ, ни во что ставя, дворишки наши разоряютъ и насъ въ городѣ и на дорогѣ, въ провожатыхъ взявъ, до смерти убиваютъ». За новгородсѣверскихъ козаковъ и мѣщанъ

вступился также гетманъ Самойловичъ и, препроводивъ въ Москву стрѣльца Кузьмина, просилъ, чтобы послѣдній не былъ оставленъ безъ «достойнаго наказанія за свое безчинное дѣло». Московское правительство и само не мирволило своевольцамъ: по приговору бояръ и по указу великаго государя, стрѣлецъ Останка Кузминъ, за убійство въ пьяномъ видѣ «черкашенина», битъ кнутомъ на козлѣ и данъ на поруки. А къ гетману извѣстительной о семъ грамоты посылать не приказано: «велѣно пообождать, что гетманъ учинитъ у себя убойцѣ-жъ Глухова города черкашенину Давыдку Навроцкому, что онъ убилъ московскаго ямщика, и что о томъ отпишетъ». Вообще дѣло это представляетъ любопытный образецъ тѣхъ столкновеній, какія часто происходили въ Малороссіи въ XVII в. между мѣстнымъ населеніемъ и людьми «породы московской».

№ 15-й заключаетъ въ себѣ полную опись движимаго имущества, принадлежавшаго гетману Ивану Самойловичу и его сыновьямъ Григорію и Якову и конфискованнаго послѣ низложенія гетмана по случаю обвиненія его съ сыновьями якобы въ государственной измѣнѣ. Чтобы судить о томъ, какъ велико было это имущество достаточно сказать, что настоящая его опись занимаетъ цѣлыхъ *восемь* печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Размѣрамъ этого имущества соотвѣтствовала его громадная цѣнность. Это тѣ знаменитые «*скарбы*» Самойловича, которые, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, онъ «збиралъ вшелякими способами», которыми онъ никакъ «не могъ насытитися» и «маючи надѣю» на нихъ, «о жадной южъ перемѣнѣ панства своего не помышлялъ» [1]. И точно, нѣтъ числа и мѣры различнымъ драгоцѣнностямъ, какими владѣли когда-то пышный гетманъ—поповичъ и его сыновья: золотые и серебряные кубки, кружки, четвертины, братины, чарки, достоканы, чаши, блюда, поясы, цѣпи, жемчугъ, клейноты и перстни со множествомъ драгоцѣнныхъ камней—все это въ описи исчисляется сотнями отдѣльныхъ предметовъ, а общій вѣсъ опредѣляется десятками пудовъ. Въ числѣ этихъ драгоцѣнностей было не мало образцовыхъ произведеній тогдашняго художества: таковъ напр. кубокъ—«корабль, зъ лица и въ серединѣ, и подлонокъ, и щогла золоченые сплошь, парусъ окрашенъ красною да зеленою красками, въ серединѣ семь персунъ человѣчьихъ зъ ружьемъ, а въ кормѣ 2 пушечки на колесахъ» и много, много другихъ металлическихъ издѣлій «зъ личинами» человѣческими. Укажемъ и на другіе предметы, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ, чисто европейскомъ комфортѣ гетмана-роскошника и его дѣтей. Въ числѣ

[1] Лѣтопись Самов., издапіе 1878 г., стр. 169—170.

ихъ имущества часто упоминаются часы серебряные (карманные), часы мѣдные стѣнные, часы серебряные столовые и часы желѣзные боевые; зеркала разной величины и отдѣлки, мыла турецкія и греческія; гребни черепаховые; шахматы костяные; ящики «съ оптековъ» и коробки «съ розными лѣкарствами»; кружева нѣмецкія и какое-то «перо заморское зъ зеркаломъ, что по нѣмецки называютъ восоръ»; не есть-ли это der Facher, вѣеръ?) картины нѣмецкія и другія, портреты самихъ Самойловичей; многочисленныя кареты, коляски, сани писанныя золотомъ (Сравн. отзывъ лѣтописца: «зъ великою помпою (гетманъ) ѣздилъ: безъ кареты и за мѣсто не поѣхалъ, а ни самъ, а ни сынове его, и у войску усе въ каретѣ») и пр. Къ чести павшаго гетмана и его сыновей полковниковъ нужно сказать, что имъ не чужды были интересы науки и книжнаго знанія: въ числѣ ихъ имущества находимъ болѣе 200 томовъ книгъ, изъ коихъ было 89 книгъ славянской и русской печати и письма, а остальное число (132) составляли книги польскія, латинскія. Не чужды имъ были и высшія эстетическія развлеченія, напр. музыка. И лѣтописецъ упоминаетъ, что гетманъ съ сыновьями любили забавляться «музыкою—позитивами» [1]). И подлинно, въ числѣ ихъ имущества мы находимъ нѣсколько различныхъ музыкальныхъ инструментовъ: 6 *клавикордовъ*, 2 *органи*, *цымбалы нѣмецкіе* и наконецъ національный малороссійскій инструментъ — «*бандуру* зъ розныхъ деревъ, полосами составную, съ кости, о семи струнахъ». Вообще замѣтимъ, что опись имущества Самойловичей представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія домашняго быта и всего житейскаго обихода богатой малороссійской семьи XVII столѣтія.

Наконецъ, послѣдній (179) № новаго тома «Исторической Библіотеки» составляютъ акты о посольствѣ царскаго дворянина Ив. Желябужскаго, отправленнаго въ 1657 г. къ седмиградскому князю Георгію Ракочію и кіевскому козацкому полковнику Антону Ждановичу. Они содержатъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о дѣятельности Богдана Хмельницкаго въ послѣдній годъ его жизни и въ особенности выясняютъ характеръ его отношеній къ седмиградскому князю и общіе ихъ замыслы уничтожить польское государство и раздѣлить между собою его земли. Этотъ-же документъ подтверждаетъ извѣстіе письма Выговскаго къ воеводѣ Зюзину о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго 27 іюля, а не въ половинѣ августа, какъ о томъ сообщаютъ позднѣйшіе козацкіе лѣтописи.

О. Л.

---

[1]) *Позитивы*, польск. pozytywy — малые переносные органы.

О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1871 г., 8° 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1884 г., 8° 131 стр.

Обѣ книжки изданы гр. Гр. А. Милорадовичемъ, владѣльцемъ одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи. Въ этихъ книжкахъ на ряду съ біографическими очерками дѣятельныхъ лицъ, принадлежащихъ къ роду Милорадовичей, напечатано не мало и фамильныхъ бумагъ, въ полномъ ихъ видѣ.—Милорадовичи вышли изъ Сербіи при Петрѣ В. и тогда-же два брата изъ нихъ, Михаилъ и Гавріилъ, были назначены, послѣдовательно одинъ за другимъ, гадяцкими полковниками. Въ названныхъ книжкахъ напечатаны біографическіе очерки и бумаги Михаила Милорадовича и его потомковъ. Матеріаловъ для бытовой исторіи Малороссіи по настоящее время издано такъ мало, что всякое изданіе фамильныхъ бумагъ, представляющихъ собою наиболѣе цѣнный матеріалъ для изданія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ, заслуживаетъ полной благодарности. Напечатанныя въ книжкахъ графа Милорадовича бумаги относятся впрочемъ преимущественно къ концу XVIII в. и поэтому мѣстный интересъ ихъ не особенно великъ; бумагъ, относящихся къ первой половинѣ того-же вѣка, не много; но за то нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ драгоцѣнныя черты изъ тогдашняго быта. Въ этомъ отношеніи особенно интересна записка бунчуковаго товарища Степана Милорадовича о томъ, какое онъ далъ приданное за своею дочерью Софьей, при выдачѣ ея замужъ за Якима Каневскаго. Записка эта относится къ 1739 г., когда Малороссіей правилъ А. И. Румянцевъ, а его фактическимъ соправителемъ былъ генеральный писарь Безбородко. Значеніе послѣдняго такъ велико было въ это время, что всѣ искавшіе милостей у Румянцева, должны были въ то-же время кланяться и Безбородкѣ.—Перечисляя движимость, данную Каневскому, Степанъ Милорадовичъ замѣчаетъ, что «промышляя» зятю какое-нибудь мѣстечко, онъ далъ Румянцеву «пару верховыхъ коней, одинъ сивояблоковатый, а другой—гнѣдой, цѣною въ 70 рублей; а пану А. Безбородку далъ соболій мѣхъ, купленный у Федора Гамалѣи за 75 руб.». Выходитъ, что Безбородкѣ за ходатайство о мѣстѣ нужно было поднести подарокъ такой-же цѣнности, какъ и самому Румянцеву.

Кромѣ бумагъ, напечатанныхъ въ названныхъ двухъ книжкахъ, въ архивѣ гр. Милорадовича сохраняется еще значительное количество юридическихъ актовъ, преимущественно относящихся къ тѣмъ мѣст-

ностямъ Малороссіи, гдѣ находились имѣнія извѣстнаго Павла Полуботка, значительная часть которыхъ перешла потомъ, по брѣку, къ Милорадовичамъ. Особенно много актовъ сохраняется въ архивѣ графа Милорадовича, относящихся къ м. Любечу и тѣмъ поселеніямъ, которыя при польскомъ владычествѣ принадлежали къ любецкому староству, а потомъ входили въ составъ любецкой сотни, самой обширной въ черниговскомъ полку. Многіе изъ этихъ актовъ относятся къ XVI в. и уже поэтому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, такъ какъ бумагъ, относящихся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмѣльницкаго, сохранилось очень мало. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ уже напечатаны въ монографіи гр. Милорадовича о Любечѣ (Чтенія въ Моск Общ. Ист. и др. 1871 г., кн. 2), но гораздо большая ихъ часть хранится еще въ рукописяхъ. Нельзя не пожелать, чтобы владѣлецъ ихъ, извѣстный своею любовью къ мѣстной старинѣ, продолжалъ-бы изданіе хранящихся у него историческихъ и юридическихъ актовъ и при томъ не въ отрывочномъ видѣ, а систематическими сборниками, матеріаловъ для которыхъ у него найдется не на одинъ томъ.

А. Лазаревскій.

Сулимовскій Архивъ—фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ, 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.

Въ составъ этаго изданія вошли фамильные документы трехъ названныхъ въ заглавіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ. Самая многочисленная группа (109 номеровъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ самая интересная какъ по времени (она восходитъ до первой половины XVII столѣтія), такъ и по полнотѣ—это документы рода Сулимъ, члены котораго занимали важныя должности въ козацкомъ войскѣ и находились въ семейныхъ и личныхъ связяхъ съ многочисленными знатными, современными имъ родами малороссійскихъ старшинъ. Документы Скорупъ (63 номера) и Войцеховичей (11 номеровъ) хотя обнимаютъ нѣсколько менѣе значительный промежутокъ времени и относятся къ менѣе выдававшимся родамъ, представляютъ однако матеріалъ исполненный весьма цѣнныхъ данныхъ для внутренней бытовой исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіи.

Выборъ документовъ для изданія произведенъ весьма умѣло—нѣтъ номера, который-бы не представлялъ той или другой существенной черты для обрисовки бытовой исторіи страны; иначе конечно и не могло случиться, такъ какъ издатель А. М. Лазаревскій, извѣстный многочисленными трудами по исторіи Малороссіи, по всей справедливости долженъ быть признанъ лучшимъ знатокомъ малороссійской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій.

Не ограничиваясь матеріаломъ сулиминскаго архива, издатель пополнилъ коллекцію нѣкоторыми документами, заимствованными частью изъ собственной богатой коллекціи актовъ, частью изъ малоизвѣстныхъ археографическихъ изданій (напримѣръ «Ukrainne sprawy» Пржыленскаго. Львовъ. 1842). Затѣмъ въ началѣ изданія приложена весьма цѣнная монографія, въ которой разсказана генеалогія и сведены біографіи лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ тремъ названнымъ родамъ. Изданіе иллюстрировано пятью фамильными портретами, сохранившимися вмѣстѣ съ архивомъ въ домѣ Войцеховичей, наслѣдниковъ Сулимъ.

Документы къ генеалогіи Сулимъ начинаются съ перваго извѣстнаго ихъ предка, запорожскаго гетмана, Ивана Сулимы (1628—1635); сыновья его и дальнѣйшіе потомки умѣютъ среди всѣхъ смутъ и превратностей, которымъ подвергалась судьба страны въ XVII столѣтіи, не только сохранить выдающееся положеніе въ козачествѣ, но и значительно упрочить его какъ пріобрѣтеніемъ многочисленныхъ земель и помѣстій, такъ и родственными связями съ большинствомъ мѣстныхъ знатныхъ родовъ. Когда въ XVIII столѣтіи Малороссія достигла наконецъ умиротворенія и общество стало слагаться въ болѣе правильныя нормальныя формы, Сулимы заняли выдающееся положеніе среди дворянской знати и въ концѣ столѣтія весьма отзывчиво вступили на новый путь служебной карьеры, къ которому умѣли во время подготовиться должнымъ образомъ. Въ числѣ послѣднихъ представителей рода, упоминаемыхъ въ документахъ, мы встрѣчаемъ: генералъ-маіора Акима Семеновича, его сыновей: Павла Акимовича, доктора философіи геттингенскаго университета и Акима Акимовича, получившаго образованіе въ московскомъ университетѣ, наконецъ харьковскаго епископа Христофора Сулиму.

Данныя, относящіяся къ роду Скорупъ, обнимаютъ собственно только 2 поколѣнія, жившія въ XVIII столѣтіи—документы относятся къ родоначальнику Григорію Скорупѣ, выходцу изъ Бѣлоруссіи, составившему огромное состояніе удачными торговыми оборотами въ Стародубѣ и по-

томъ скупкою земель, и къ его сыну Павлу, занимавшему уже почетное мѣсто среди козацкой старшины.

Кромѣ данныхъ генеалогическихъ въ сулимовскомъ архивѣ мы находимъ многочисленныя данныя для возстановленія внутренняго быта въ Малороссіи и для обрисовки общественныхъ отношеній, особенно того сословія, которое, пробившись въ началѣ въ ряды козацкой старшины, составило потомъ малороссійское дворянство. Мы встрѣчаемъ многочисленные документы, указывающіе на постепенное скопленіе поземельной собственности въ рукахъ знатныхъ фамилій.—Это жалованные и подтвердительные гетманскіе универсалы, купчія крѣпости, вѣновыя записи, акты раздѣльные и т. д. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ и усиленныхъ заботахъ старшинъ о томъ, чтобы добыть для своего рода признаніе въ дворянствѣ: объ этомъ хлопочутъ не только Сулимы, происходившіе правдоподобно отъ бояръ любечскаго замка, но и Скорупы, дворянское происхожденіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно; тѣ и другіе прибѣгаютъ ко всевозможнымъ связямъ и сношеніямъ для того, чтобы добыть себѣ дворянство. Сулимы пытаются связать свой родъ съ гербовною легендою польскаго герба «Сулима» и такимъ путемъ вывести свой родъ отъ предполагаемыхъ предковъ—германскихъ рыцарей, затѣмъ они ссылаются на нобилитацію польскимъ сеймомъ 1659 года и даже совершаютъ попытку переименовать своего предка запорожскаго гетмана—въ канцлеры польскаго королевства. Въ свою очередь Павелъ Скорупа предпринимаетъ продолжительные, хотя и безплодные поиски въ книгахъ люблинскаго трибунала съ цѣлью отыскать дворянскіе документы своего рода, подаетъ челобитную русскому правительству объ утвержденіи его въ дворянствѣ и наконецъ добивается завѣтной цѣли путемъ долговременной службы.

Весьма интересны документы, свидѣтельствующіе о семейныхъ отношеніяхъ въ средѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII столѣтія; онѣ болѣе всего явствуютъ изъ многочисленной переписки между родственниками и указываютъ тѣ отношенія, которыя слагались между супругами, старшимъ и младшимъ поколѣніями, а также между родственниками во всѣхъ степеняхъ родства. Вообще семейныя узы являются довольно крѣпкими, хотя нѣсколько формальными; проблески болѣе глубокаго, задушевнаго чувства весьма рѣдко встрѣчаются въ перепискѣ, но большей

части она носитъ характеръ исключительно дѣловой и ограничивается взаимнымъ сообщеніемъ новостей, порученіями и т. п. Браки заключаются, какъ кажется, главнымъ образомъ изъ побужденій экономическихъ и не всегда бываютъ удачны; какъ примѣръ распри между супругами мы встрѣчаемъ скандалёзную тяжбу бунчуковаго товарища Заборовскаго съ женою (№ 177).—Распри братьевъ между собою составляютъ довольно частое явленіе; образцомъ такого семейнаго раздора можетъ служить жалоба вдовы Ивана Сулимы на сына ея Ивана за притѣсненія, испытываемыя отъ него какъ матерью, такъ и другими членами семейства (№ 41).

Весьма интересную группу данныхъ представляютъ документы, относящіеся къ исторіи просвѣщенія: мы видимъ постоянныя заботы родителей о томъ, чтобы дать дѣтямъ возможно хорошее по своему времени воспитаніе. Не щадя средствъ, зажиточные люди пріискиваютъ домашнихъ воспитателей и учителей, отдаютъ дочерей въ пансіоны, основанные въ Малороссіи иностранцами, отсылаютъ сыновей учиться въ столицы и за границу, зорко слѣдятъ за ходомъ ихъ воспитанія и гордятся ихъ успѣхами. Слѣдуя духу времени, подъ конецъ XVIII столѣтія они стараются заявить превосходство своего образованія пристрастіемъ къ французскому языку, который употребляютъ для переписки, даже въ интимныхъ сношеніяхъ между ближайшими родственниками и въ дневникахъ, которые ведутъ по видимому исключительно для себя. Такое пристрастіе является тѣмъ болѣе страннымъ, что вообще авторы писемъ и записокъ не владѣютъ свободно французскимъ языкомъ, дѣлаютъ грубыя ошибки какъ въ оборотахъ рѣчи, такъ и въ правописаніи, иногда, за недостаткомъ словъ и выраженій, испещряютъ свой текстъ самыми странными комбинаціями словъ французскихъ, русскихъ, малороссійскихъ и латинскихъ или подаютъ поводъ къ самымъ комическимъ невольнымъ каламбурамъ. Лучшій примѣръ такого рода галломаніи представляетъ дневникъ Акима Семеновича Сулимы, напечатанный подъ 109 номеромъ.

Вообще затруднительно было-бы перечислить многочисленныя бытовыя черты, разсѣянныя въ документахъ «Сулимовскаго архива»; документы эти читаются съ большимъ интересомъ и въ значительной мѣрѣ дополняютъ скудный запасъ свѣдѣній, изданный донынѣ относительно внутренней бытовой исторіи Малороссіи XVII—XIII столѣтій; они воз-

становляютъ живо и съ полною историческою правдою картину жизни столь еще недавней и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ исчезнувшей и мало извѣстной.—Въ этомъ отношеніи «Сулимовскій Архивъ» стоитъ на равнѣ съ лучшими, доселѣ извѣстными намъ источниками, каковы «Записки Якова Марковича» и «Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка».

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Съ 15 по 30 августа настоящаго года, какъ извѣстно, происходили въ Одессѣ занятія VI археологическаго съѣзда. Каждый изъ такихъ съѣздовъ безспорно имѣетъ большое значеніе для русской науки и слѣдовательно въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе всего просвѣщеннаго общества. Но одесскій съѣздъ для насъ, жителей южной Россіи, имѣетъ преимущественное значеніе, такъ какъ большинство работъ этого, какъ и другихъ съѣздовъ, въ силу установившагося обычая, посвящается мѣстной археологіи и исторіи. Этой частью своихъ занятій закончившійся съѣздъ въ то-же время совпадаетъ съ программою нашего журнала, а потому мы считаемъ умѣстнымъ хотя въ общихъ чертахъ ознакомить читателей съ его занятіями.

Прежде всего мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько критическихъ замѣчаній, побуждаемые къ тому единственно желаніемъ всевозможнаго успѣха будущимъ съѣздамъ. Не касаясь формальной и декоративной, такъ сказать, стороны съѣзда,—церемоніи открытія и закрытія съѣзда, числа и званія съѣхавшихся, взаимныхъ привѣтствій, чествованій, развлеченій и т. д., скажемъ сначала нѣсколько словъ о программѣ съѣзда. Еще на третьемъ съѣздѣ въ Кіевѣ, ровно десять лѣтъ тому назадъ, нѣсколько первыхъ засѣданій было посвящено обсужденію вопросовъ: что такое археологія, каковы ея задачи, какова должна быть программа преподаванія этой науки

въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. Г. Забѣлинъ и гр. Уваровъ читали объ этомъ отдѣльные рефераты, нѣсколько другихъ лицъ принимали участіе въ преніяхъ. Мнѣнія оказались самыя различныя, ни къ какимъ выводамъ не пришли, а съѣзды и по сіе время блуждаютъ въ безграничномъ морѣ «древностей» и «памятниковъ». Между тѣмъ такой хаосъ въ пониманіи объема археологіи весьма невыгодно отражается, какъ на успѣхахъ самой науки, такъ и съ практической стороны—на занятіяхъ съѣздовъ. На одесскомъ напр. съѣздѣ читалось, какъ увидимъ ниже, нѣсколько такихъ рефератовъ, которые не имѣютъ ровно никакого отношенія ни къ археологіи, ни къ съѣзду. Если гг. члены ученаго комитета съѣзда допустили эти рефераты къ чтенію, то сдѣлали это, вѣроятно, изъ нежеланія показаться узкими въ пониманіи объема археологической науки. Приведемъ дѣленіе VI съѣзда по секціямъ. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) обще-археологическіе вопросы, 2) памятники первобытные, 3) памятники языческіе, 4) памятники классическіе, 5) памятники общественнаго и домашняго быта, 6) памятники юридическіе, 7) памятники искусства и художествъ, 8) памятники письменности и языка, 9) памятники исторической географіи и этнографіи, 10) памятники византійскіе, 11) памятники восточные. Посмотримъ теперь, какіе рефераты иногда слѣдовали надъ именами разныхъ «памятниковъ». Выпишемъ нѣсколько заглавій: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.»; «Матеріалы къ исторіи землевладѣнія въ прилукскомъ уѣздѣ», «О каллипидахъ по Геродоту», «О неизданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи», «О ереси мнимо-жидовствующихъ», «Къ хронологіи войнъ Святослава», «О происхожденіи современнаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи», «О заселеніи оренбургскаго края» и т. д. и т. д. Если все это археологія, то что-же останется на долю исторіи?...

Намъ кажется, что необходимо прежде всего заняться выработкой яснаго представленія объ объемѣ и задачахъ археологіи,—по крайней мѣрѣ отнюдь не игнорировать какой-бы то ни было работы по этому предмету [1],—затѣмъ одно изъ двухъ: или съузить

[1]) На VI съѣздѣ почему-то не состоялось чтеніе реф. г. Грота: «о положеніи археологіи въ ряду другихъ наукъ (заглавіе приблизительное). Поговаривали,

занятія съѣздовъ до предѣловъ этого объема, или измѣнить названіе, а вслѣдствіе этого вѣроятно и организацію съѣздовъ.

Помимо неопредѣленности въ пониманіи объема археологіи весьма неблагопріятно отзывается на серьезности занятій съѣзда и то особое отношеніе къ нему нѣкоторыхъ его членовъ, которое стало проглядывать въ послѣднее время. Не приготовивъ для съѣзда чего либо новаго и цѣннаго въ научномъ отношеніи и пускаясь на съѣздъ, быть можетъ, въ виду пріятныхъ встрѣчъ, свиданій, свободнаго и вмѣстѣ полезнаго время-провожденія, пріѣхавшіе какъ-бы для прогулки депутаты и недепутаты почему-то считаютъ для себя дѣломъ неподходящимъ быть только слушателями и судьями читаемыхъ докладовъ, а стараются во что-бы то ни стало сами что нибудь сообщить. И вотъ одинъ напр. *докладываетъ со словъ знакомаго доктора, родомъ эста*, о нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ эстовъ, при чемъ на всѣ вопросы, клонившіеся къ выясненію значенія обычаевъ, отвѣчаетъ крайне спутанно; другой читаетъ *по корректурнымъ листамъ главу изъ имѣющаго выйти въ свѣтъ третьяго тома своей исторіи*, — какъ знаменитый романистъ читаетъ гдѣ либо въ салонѣ главу изъ приготовляемой повѣсти, позволяя избранной публикѣ предвкусить, такъ сказать, наслажденіе, но вызываетъ лишь выраженіе недоумѣнія и справедливое замѣчаніе, что не только ничего новаго и самостоятельнаго въ прочитанномъ не находится, но упущены и добытыя другими историческія данныя по избранному сюжету; третій *повторяетъ напечатанную раньше статью*, точнѣе лекцію о славянскихъ переводахъ евангелія; четвертый *около часу изчитаетъ «краткую біографію Готфрида Велькера», нѣмца филолога*, и вызываетъ замѣчаніе одного изъ оппонентовъ, что Велькеръ—филологъ и что самое имя археологіи было ему ненавистно. Если все это позволительно гг. депутатамъ, то разумѣется необходимо допустить и г. Троицкаго читать «о символикѣ на епископской палицѣ», г-ну Будде доказывать, что церковно-славянскій языкъ есть кабинетное измышленіе «великаго филолога» св. Кирилла, г-ну Селиванову дѣлать веселыя «дополненія», г. Добров-

---

что ученый намѣтетъ именно убоялся отрицательнаго взгляда г. Грота на археологію; отклоненъ-же онъ по причинѣ отвлеченности его воззрѣній.

скому предлагать такія туманныя замѣчанія о славянскомъ языкѣ въ которыхъ и самъ онъ едва-ли что видѣлъ, г-ну А. Иванову опять распинаться за извѣстныя «ѳеоріи» правописанія «грѣческихъ» словъ, г-ну Пренделю впродолженіе получаса разсказывать о томъ, что по изслѣдованіи острова Березани тамъ ничего не найдено и пр. и пр. Вообще можно сказать, что если-бы профильтровать все прочитанное, то не менѣе половины рефератовъ отошло-бы къ осадкамъ.

А между тѣмъ масса подобнаго рода чтеній (не допущено свыше 30) беретъ непроизводительно весьма много времени; съѣзды наши тянутся чрезвычайно долго, чего нигдѣ, кромѣ Россіи, не дѣлается. Многіе члены одесскаго съѣзда, не будучи въ состояніи бросать своихъ обычныхъ занятій на столь продолжительное время, принуждены были уѣхать, не дождавшись конца.

Все сказанное, понятно, не исключаетъ и большихъ заслугъ бывшаго съѣзда для отечественной археологіи и исторіи. Размѣры настоящей замѣтки не позволяють намъ разсмотрѣть подробнѣе работъ съѣзда, поэтому мы ограничимся только перечнемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ югу Россіи.

Всѣхъ рефератовъ этого рода было прочитано около тридцати. Изъ нихъ около третьей части относилось къ «памятникамъ классическимъ», т. е. къ исторіи греческихъ колоній на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей. Работы эти касались большею частію того или другаго частнаго вопроса изъ жизни эллино-скифскаго міра. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: проф. *Юргевича* «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія», *Люперсольскаго* «О каллипидахъ по Геродоту», *Латышева* «Государственное устройство Херсонеса» и «О календаряхъ Ольвіи, Тираса и Херсониса», *Подшивалова* «Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ», *Мищенка* «Легенды о царскихъ скиѳахъ у Геродота» и *Андріевскаго М.* «О припонтійской Скиѳіи».

Несравненно болѣе интересны тѣ рефераты, которые относятся къ доисторической эпохѣ нашего края. Первое мѣсто между ними можно отвести докладамъ В. Б. Антоновича. Одинъ изъ докладовъ касался изслѣдованныхъ авторомъ скальныхъ пещеръ въ бассейнѣ р. Днѣстра. Пещеры оказались двухъ родовъ—естественныя

и искусственныя; первыя, судя по открытымъ внутри ихъ костямъ и отбивнымъ каменнымъ орудіямъ, найденнымъ близъ нихъ, служили, по мнѣнію референта, жилищемъ человѣку еще въ палеолитическій періодъ; такія пещеры состоятъ или изъ извилистыхъ коридоровъ, идущихъ то горизонтально, то вверхъ и внизъ, какъ въ пещерѣ между селами Нѣгинымъ и Заруднымъ, или изъ ряда камеръ, соединенныхъ короткими переходами, какова напр. пещера у м. Студеницы [1]); близъ послѣдней, въ промоинѣ, вмѣстѣ съ кремневыми отбивными орудіями найдены и кости мамонта, что еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе референта. Втораго типа пещеры представляли изъ себя цѣлые монастыри и свидѣтельствуютъ о развитіи въ этой мѣстности пустынножительства уже въ первые вѣка по принятіи христіанства. На стѣнахъ камеръ попадаются рисунки, барельефы и надписи разныхъ временъ. Второй рефератъ проф. Антоновича относился къ раскопкамъ кургановъ, произведеннымъ имъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула. Ни одинъ изъ типовъ могилъ не былъ древнѣе желѣзнаго вѣка. По даннымъ, добытымъ изъ этихъ раскопокъ, есть возможность прибавить къ извѣстнымъ доселѣ нѣкоторые новые виды погребенныхъ типовъ.

Въ связи съ рефератами профессора Антоновича стоятъ доклады члена краковской академіи наукъ, польскаго археолога г. Оссовскаго. Г. Оссовскій извѣстенъ своими изслѣдованіями въ разныхъ мѣстахъ; онъ дѣлалъ раскопки въ верхнемъ бассейнѣ Днѣстра и въ окрестностяхъ Кракова, въ Галиціи, а также у насъ на Волыни и въ кѣлецкой губерніи. На основаніи раскопокъ по верхнему Днѣстру онъ оспаривалъ мнѣніе профессора Антоновича о слѣдахъ жизни человѣческой, въ изслѣдованныхъ послѣднимъ пещерахъ, въ палеолитическій періодъ; изслѣдованныя-же имъ пещеры около с. Ойцова и г. Кракова дали ему возможность представить вниманію археологовъ весьма остроумный «опытъ хронологической классификаціи каменнаго вѣка». Изслѣдованныя г. Оссовскимъ пещеры имѣли въ себѣ на днѣ напластованія въ три слоя; каждый изъ слоевъ былъ особаго состава и заключаетъ соотвѣтственныя издѣлія рукъ человѣческихъ, при чемъ по всѣмъ признакамъ нижній слой былъ самый древній, затѣмъ слѣдовалъ средній

[1]) Объ этомъ см. между прочимъ «Путевые очерки Подолія», «Кіевская Старина», 1884 г., сентябр. кн., стр.

и наконецъ верхній. Г. Оссовскій предложилъ первый слой назвать *мацниками* (по имени пещеры), второй *сѣверно-праковскимъ* и третій *михоровскимъ*, и найденныя въ каждомъ слоѣ вещи принять за типы для трехъ различныхъ по древности эпохъ каменнаго вѣка въ восточной Европѣ. Прочитанный г. Оссовскимъ рефератъ по основной мысли своей, научнымъ пріемамъ и ясности изложенія представлялъ высокій интересъ, а работы его по изслѣдованію верхняго Днѣстра, дополняя развѣдки В. Б. Антоновича, помогутъ составить полную картину доисторическаго быта искони нераздѣльнаго русскаго края.

Непосредственно за изслѣдованіями профессора Антоновича, по важности затронутаго вопроса, слѣдуетъ поставить рефератъ г-жи Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ построекъ на сѣверѣ херсонской губерніи». До сихъ поръ существованіе этихъ построекъ констатировано въ западной Европѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и въ Малой Азіи. Если поэтому г-жѣ Мельникъ удастся доказать, что ею были наблюдаемы дѣйствительно остатки мегалитическихъ сооруженій, то область нахожденія ихъ расширится, присоединивъ къ себѣ югъ Россіи; а такое расширеніе дастъ новыя данныя для теоріи разселенія племенъ. Референтка представила сначала географическій обзоръ наблюдаемой мѣстности. Карпатская каменная гряда, простираясь на востокъ, то залегаетъ подъ поверхностью земли, то высовывается изъ подъ нея, образуя пороги на рр. Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Въ бассейнѣ р. Ингульца, между гранитными обнаженіями, г-жа Мельникъ замѣтила нѣсколько группъ громадныхъ камней, которые повидимому носятъ въ своемъ расположеніи слѣды рукъ человѣческихъ; такія группы ей попались на сѣверѣ херсонской губерніи возлѣ селеній: Спасова, Канцуровки, Пироговки, Дубовой, Лещенки, Чечелѣевки, Лядова и Нагорянъ. Референтка не настаиваетъ на своемъ открытіи, предоставляя будущимъ изслѣдованіямъ подтвердить или отвергнуть ея мнѣніе; тѣмъ не менѣе вопросъ, затронутый ею, весьма важенъ въ наукѣ русской археологіи. Вотъ почему къ реферату г-жи Мельникъ весьма сочувственно относились столь уважаемые ученые, какъ г. Анучинъ и графъ Уваровъ.

Кромѣ приведенныхъ работъ, по тому-же отдѣлу было представлено на съѣздъ и еще нѣсколько докладовъ. Изъ нихъ достойны

упоминанія рефераты: г. *Замьсскаго* «о древностяхъ кубанской области (авторъ нашелъ слѣды дольменовъ и на Кубани), гр. Бобринскаго «о курганахъ близь м. Смѣлы» и нѣсколько докладовъ г. Самоквасова о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ. Почтенный Д. Я. Самоквасовъ прочелъ и еще рефератъ, подъ заглавіемъ: «Простѣйшія формы общественныхъ отношеній», которому однако лучше было-бы остаться въ его портфелѣ.

Къ городу Одессѣ относилось два реферата: г. Орлова, депутата отъ московскаго архива министерства юстиціи, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.г.» и г. Маркевича—«Одесса въ народной поэзіи». Первый рефератъ представлялъ сухой экстрактъ весьма обстоятельнаго и вмѣстѣ весьма сыраго труда, ближе подходящаго къ лѣтописи, чѣмъ къ исторіи. Авторъ шагъ за шагомъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, слѣдитъ за смѣною разныхъ должностныхъ лицъ, за застройкой отдѣльныхъ частей города, отмѣчаетъ появленіе церквей, молитвенныхъ домовъ и проч., словомъ, много матеріала и никакой обработки.

Болѣе живой характеръ носилъ рефератъ г. Маркевича. Изъ него оказывается, что Одесса только по мимолетному впечатлѣнію международный городъ, что предмѣстья ея, которыя несравненно болѣе самаго города, населены сплошь русскимъ народомъ, и именно въ значительномъ большинствѣ малороссами, какъ и вся Новороссія. Извѣстно, что область нынѣшней Новороссіи весьма знакома малорусскому племени, которое и въ XVIII вѣкѣ составляло преобладающій элементъ въ колонизаціи края. Естественно, что народная поэзія Новороссіи имѣетъ основный характеръ южно-русскій, потому что всегда была въ тѣснѣйшей связи съ остальнымъ народно-поэтическимъ міромъ остальной части малорусскаго племени; вотъ почему пѣсни, сложенныя въ Новороссіи, разошлись по всей Украинѣ и даже Галиціи. Авторъ пользовался какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ пѣсеннымъ матеріаломъ и извлекъ изъ него все, что только заключало въ себѣ указанія или хоть намеки на Одессу.

Собственно взглядъ народа на Одессу не представляетъ ничего неожиданнаго. Это, по пѣснямъ, городъ бойкій, разгульный, гдѣ такъ-же легко прокутиться, какъ и обогатиться. Отмѣтимъ любопытную мелочь, свидѣтельствующую о мѣрахъ, какія принимались властями для усвоенія народомъ имени Одессы, вмѣсто мѣстечка Хаджи-

бея, изъ котораго она возникла; при въѣздѣ мужика въ городъ его спрашивали у заставы: куда ѣдетъ? и если ѣхавшій отвѣчалъ: въ Хаджибей, то его сѣкли, приговаривая: въ Одессу, въ Одессу.

Остаются наконецъ рефераты, относящіеся къ болѣе поздней исторіи южной Россіи. Непосредственно къ этому предмету относились чтенія г.г. Лучицкаго, Багалѣя, Эварницкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Г. Лучицкимъ было прочитано два реферата. Одинъ имѣлъ цѣлью ознакомить публику съ современными формами общиннаго землевладѣнія въ районѣ непосредственнаго наблюденія автора, именно въ уѣздахъ: золотоношскомъ, части кременчугскаго, части лубенскаго и переяславскаго; другой былъ направленъ къ доказательству существованія общины въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Вѣроятно оба эти реферата появятся въ печати раньше выхода въ свѣтъ «Трудовъ» VI съѣзда, а потому мы не будемъ передавать ихъ содержанія; скажемъ только, что ими видимо интересовались многіе изъ членовъ съѣзда.

Не меньше интереса возбудилъ собою и рефератъ г. Багалѣя о колонизаціи слободской Украины въ XVII и XVIII вѣкахъ. Авторъ давно занимается этимъ вопросомъ и, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», не упускаетъ изъ виду ни одного труда, имѣющаго съ нимъ какую-бы то ни было связь. Въ настоящемъ случаѣ чтеніе г. Багалѣя представляло итоги его занятій. Очертивъ кратко состояніе края въ періодъ до и послѣ татарскій, вплоть до XVIII-го вѣка, къ каковому времени изъ этого края исчезло почти все населеніе, референтъ затѣмъ показалъ, какимъ способомъ край былъ населенъ. Черкасы приходили по приглашенію правительства партіями и строили соединенными силами городъ, который и служилъ потомъ центромъ извѣстной мѣстности. Вокругъ города росли маленькія поселенія подъ именемъ слободъ, откуда и названіе Слободской Украины. Слободы окружались хуторами. Свободная заимка земель была главнымъ стимуломъ колонизаціи. Заимка имѣла или общинный, или личный характеръ. Часто попадается заимка полковая, сотенная и т. д.; сотня, полкъ, какъ юридическая единица, получаетъ жалованныя грамоты на занятыя земли и потомъ дѣлитъ ихъ между слободами, деревнями, хуторами и проч. На ряду съ общинной очень рано появляется личная поземельная собственность, ро-

дившаяся изъ частной заимки, изъ раздѣла общественной земли, по покупкѣ, захвату; послѣднимъ путемъ образовалась крупная собственность дворянъ и монастырей.

Г. Эварницкій явился на съѣздъ, вооруженный громадной коллекціей, составленной имъ впродолженіе трехъ-лѣтняго изученія Запорожья. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ туда долгія поѣздки, разными способами переправлялся черезъ пороги и превосходно изучилъ топографію края. Въ нѣсколькихъ книжкахъ «Кіевской Старины» за текущій годъ печатались его статьи объ этомъ предметѣ. На съѣздѣ г. Эварницкій демонстрировалъ свою коллекцію и въ видѣ комментарій къ ней или разсказывалъ разные эпизоды изъ своихъ путешествій, или «напоминалъ» нѣкоторые моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Публика съ живѣйшимъ интересомъ слушала сообщенія г. Эварницкаго и осматривала его коллекціи.

Если прибавить наконецъ рефератъ г. Перетятковича о переселеніи малорусскихъ громадъ въ оренбургскій край и рефератъ г. Крылова «о старинѣ Донской Области», то будутъ исчерпаны всѣ важнѣйшіе труды, такъ или иначе относившіеся къ южной Россіи. Что касается многихъ другихъ рефератовъ, то, оставаясь въ предѣлахъ намѣченнаго для этой замѣтки плана, мы можемъ сказать только, что съ особеннымъ нтересомъ съѣздъ относился къ рефератамъ гр. Уварова, гг. Анучина, Ковалевскаго, Леонтовича, Головацкаго, Кондакова, Прахова и весьма немногихъ другихъ.

Въ заключеніе не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ археологической выставкѣ, бывшей при съѣздѣ: цѣлыхъ двѣ залы были заняты снимками съ фресокъ кіевскихъ,—св. Софіи, кирилловскаго и михайловскаго монастырей, доставленныхъ г. Праховымъ. Умѣлое расположеніе копій, безукоризненное ихъ исполненіе, важность предмета и занимательность объясненій почтеннаго экспонента дѣлали эту часть выставки весьма любопытной. Третья, самая большая зала, вмѣщала въ себѣ множество въ высшей степени интересныхъ вещей. Особенное вниманіе публики обращали на себя коллекція Эварницкаго, Поля и ученой коммисіи, ѣздившей въ Константинополь. Коллекціи г. Эварницкаго, какъ и г. Поля страдали нѣкоторой безсистемностью, что затрудняло знакомство съ ними; тотъже недостатокъ имѣла и богатая коллекція князя Путятина. Коллекція константинопольской коммисіи, состоявшая въ большинствѣ

изъ разнаго рода снимковъ, фотографій и проч. отличалась особеннымъ обиліемъ и интересомъ. Остальное содержаніе выставки состояло изъ мелкихъ коллекцій разныхъ лицъ, представившихъ ихъ въ подкрѣпленіе къ своимъ рефератамъ.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗЪ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ЕВРЕЯМИ ЗА АРЕНДУ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ евреи все болѣе и болѣе стали наводнять южно-русскую деревню и, конечно, жить на ея счетъ. Здѣсь они захватили въ свои руки торговлю и присосались къ самому корню крестьянскаго благосостоянія—къ землѣ. Послѣднюю еврей особенно полюбилъ и потому всемѣрно старается какъ можно цѣпче, прочнѣе прикрѣпиться къ крестьянской «кормилицѣ». Способъ-же для этого—аренда некрестьянскихъ земель, лежащихъ вблизи того села, гдѣ еврей ведетъ свою торговлю, гдѣ онъ отлично уже знаетъ каждаго обывателя, его семью, его нужду, его слабости, словомъ гдѣ онъ видитъ все насквозь. Чтобы заарендовать такую землю, еврей не стоитъ за цѣной, увѣренный заранѣе въ томъ, что всякая надбавка въ цѣнѣ будетъ вдвое и втрое оплачена нуждающимися въ землѣ крестьянами. Конкурренція съ евреемъ въ такихъ дѣлахъ не только для каждаго въ частности крестьянина, но и для цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ была физически невозможна и всегда почти и вездѣ оканчивалась въ пользу еврея. На сторонѣ его были наличный капиталъ, всегда готовый кредитъ, ловкость, изворотливость, знаніе законовъ и всякихъ формальностей, невѣдомыхъ обыкновенно крестьянамъ. Если въ аренду сдавались земли частныя, владѣльцы ихъ предпочитали еврея крестьянину, какъ болѣе состоятельнаго плательщика, могущаго притомъ быть полезнымъ имъ во многихъ другихъ хозяйственныхъ операціяхъ; при отдачѣ-же казенныхъ земель распорядители ихъ вовсе не имѣли побужденій и даже возможности поддерживать крестьянъ и, исполнивъ разныя формальности, считали свое дѣло законченнымъ.

Ни тѣмъ, ни другимъ дѣла не было до того, а инымъ въ голову не приходило, что еврей-съемщикъ чужой земли въ сущности не арендаторъ-земледѣлецъ, что система его аренды основана не на землѣ и земледѣльческихъ выгодахъ, а на эксплуатаціи че-

ловѣка и человѣческихъ отношеній, что еврей по двойной и тройной цѣнѣ отдаетъ по частямъ заарендованную землю тѣмъ-же крестьянамъ, у которыхъ отбилъ аренду, опутывая ихъ разнаго рода обязательствами въ свою пользу, и что практикуемыя имъ при этомъ средства съ одной стороны усиливаютъ мѣру разоренія деревни, сокращаютъ процессъ обѣднѣнія ея, а съ другой—разжигаютъ ненависть къ нему-же, еврею, среди населенія, неспособнаго тѣмъ-же оружіемъ бороться съ нимъ.

Что оставалось дѣлать крестьянамъ, для которыхъ земля была единственнымъ источникомъ и содержанія и оплаты казенныхъ налоговъ и повинностей? Не будучи въ состояніи конкурировать съ евреями на торгахъ, при отдачѣ въ аренду казенныхъ земель, крестьяне хотя и знали, что казенныя земли безъ торговъ арендовать нельзя,—тѣмъ не менѣе были убѣждены, что начальство можетъ и должно оградить ихъ отъ еврейской эксплуатаціи въ этомъ дѣлѣ, измѣнивъ для этого законъ. Много жалобъ и просьбъ въ этомъ родѣ подавалось крестьянами, куда слѣдовало, пока онѣ достигли своей цѣли; о двухъ изъ нихъ мы хотимъ привести здѣсь архивную справку, рисующую недавнее положеніе нашего крестьянства на югѣ Россіи въ борьбѣ съ еврейскою эксплуатаціею.

2-го октября 1872 года повѣренные крестьянъ с. Калиновки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, подали новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ объясняли, что арендаторъ лежащей близь ихъ села казенной земли, еврей Янкель Бромбергъ, «привелъ крестьянъ въ крайнее стѣсненіе». Крестьянская земля, писали они, постояннымъ употребленіемъ въ пахоть «пришла уже въ совершенное истощеніе», и крестьяне вынуждены снимать подъ посѣвы землю у Бромберга, а онъ назначаетъ плату весьма возвышенную и несоразмѣрную противъ арендной. Чтобы избавиться отъ этого, «наше общество, заключали просители, за лучшее почло обратиться къ правительственнымъ властямъ съ просьбою объ оставленіи той земли за нами, съ уплатою казнѣ суммы вдвое большей противъ платимой Бромбергомъ аренды, но съ тѣмъ, дабы помянутая земля оставлена была за обществомъ безъ торговъ»; если-же сдѣлать этого нельзя, то «покорнѣйше и усиленнѣйше» просимъ по крайней мѣрѣ назначить новые торги.

Нужно замѣтить, что въ участкѣ оброчной статьи, о которой хлопотали крестьяне, заключалось 1580 десятинъ земли, и Бромбергъ арендовалъ ее по 1 р. 17 к. за десятину, крестьяне-же предлагали по 2 р. 50 коп.

Получивъ упомянутое прошеніе, генералъ-губернаторъ (Коцебу) тотъ-часъ препроводилъ его къ министру государственныхъ имуществъ (Валуеву), замолвивъ и съ своей стороны слово въ пользу крестьянъ. Но въ министерствѣ взглянули на дѣло иначе и въ просьбѣ крестьянамъ отказали. Казенныя земли, отвѣчало министерство, по закону отдаются не иначе, какъ съ торговъ; кромѣ того оно подвело справку, что калиновцамъ отведенъ надѣлъ по 5,26 десятинъ на душу, тогда какъ норма надѣла въ александрійскомъ уѣздѣ въ 3½—4½ десятинъ на душу, и пришло къ заключенію, что калиновскіе крестьяне не могутъ нуждаться въ землѣ. Хотя срокъ аренды Бромберга, писало въ заключеніе министерство, кончается въ 1874 г., и можно-бы назначить тогда торги; но статья должна быть оставлена за Бромбергомъ вновь на 12 лѣтъ, такъ какъ онъ устроилъ на землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, что по контракту даетъ ему право оставить статью за собою.

Отвѣтъ этотъ, для объявленія крестьянамъ, генералъ-губернаторъ Коцебу препроводилъ херсонскому губернатору Абазѣ. Между тѣмъ послѣдній не нашелъ возможнымъ покончить на томъ дѣло и 19 іюня 1873 г. за № 2899 писалъ генералъ-губернатору, что не смотря на отказъ министерства, онъ считаетъ своею обязанностью въ данномъ случаѣ помочь крестьянамъ избавиться отъ тяжелой зависимости Бромберга. Вотъ какъ мотивировалъ Абаза свое заступничество за крестьянъ. Душевые надѣлы въ 5,26 десятинъ не такъ значительны, чтобы, за обезпеченіемъ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянина и уплатою лежащихъ на немъ повинностей, могли предоставить ему средство распространить свое хозяйство и улучшить свой бытъ. Поэтому крестьяне вездѣ, гдѣ только представляется возможность, снимаютъ земли у частныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ казенныхъ земель, платя за это высокія цѣны. Предоставленіе казенныхъ земель прежнимъ оброкосодержателямъ на дальнѣйшіе и притомъ продолжительные сроки обусловливается случаемъ, если оброкосодержатель устроитъ на арендуемой землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, и если предложенныя

имъ условія будутъ признаны выгодными. Правда, купецъ Бромбергъ, за которымъ предполагается оставить статью на 12 лѣтъ, съ платою по 3 р. 60 к. за десятину, оставляетъ въ пользу казны небольшой домъ съ загономъ, сараемъ, амбаромъ, клунею и молотилкою, оцѣненными въ 2500 р., въ томъ числѣ молотилка 600 р.; но если принять въ соображеніе, что постройки эти въ теченіи 12-ти лѣтъ прійдутъ въ ветхость, что молотилка вещь совершенно для казны ненужная и что стоимость всѣхъ построекъ (1900 руб., за исключеніемъ молотилки) почти покроется въ теченіи 12 лѣтъ разностью между платою, объявленною Бромбергомъ и предлагаемою крестьянами (послѣдніе уже давали по 3 р. 70 коп. за десятину), то предложенныя Бромбергомъ условія не могутъ быть признаны для казны выгодными, и съ большею вѣроятностью можно допустить, что при торгахъ была-бы достигнута цѣна гораздо выше объявленной Бромбергомъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне селенія Калиновки, для которыхъ земля крайне необходима, не допустили-бы искуственнаго установленія цѣнъ, что, какъ извѣстно, на торгахъ бываетъ.

Назначеніе при такихъ обстоятельствахъ торговъ не нарушило-бы, даже по буквѣ, обязательства казны предъ арендаторомъ, обусловленнаго признаніемъ со стороны министерства предложенія его выгоднымъ.

Имѣя въ виду все это и необходимость дать калиновскимъ крестьянамъ возможность выйти изъ разорительной для нихъ зависимости отъ оброкосодержателя Бромберга, я, заключалъ губернаторъ, позволяю себѣ возобновить ходатайство мое въ пользу сихъ крестьянъ, покорнѣйше прося ваше превосходительство поддержать и съ своей стороны ходатайство это предъ министерствомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Абаза представилъ просьбу крестьянъ другаго села—Покровскаго, одинаковаго характера съ просьбою калиновцевъ, и просилъ дать и ей законный ходъ.

По обѣимъ просьбамъ г.-г. Коцебу не замедлилъ снестись съ министромъ государственныхъ имуществъ.

Послѣ отказа въ просьбѣ калиновцевъ, писалъ Коцебу министру, «я не считалъ-бы себя вправѣ вновь возвращаться къ этому вопросу, если-бы не былъ къ тому побуждаемъ необходимостью ограждать поселянъ по мѣрѣ имѣющихся во власти правительства спосо-

бовъ отъ безпощадной эксплуатаціи, которой они нынѣ подвергаются со стороны евреевъ—арендаторовъ.

Не только калиновскіе, но и многіе другіе крестьяне неоднократно обращались къ генералъ-губернатору съ жалобами на евреевъ арендаторовъ земель, требующихъ съ нихъ плату за пахатную землю почти вдвое противъ платимой ими въ казну. Калиновскіе и другіе крестьяне хотя и надѣлены по 5 и болѣе десятинъ на душу, но, съ возрастаніемъ населенія и съ развитіемъ ихъ хозяйства, этотъ надѣлъ оказывается недостаточнымъ, и потому большая часть ихъ по необходимости арендуетъ сосѣднія казенныя или частныя земли. Видя подобное положеніе крестьянъ, евреи перехватываютъ въ аренду съ торговъ казенные участки и отдаютъ ихъ потомъ поселянамъ по возвышенной цѣнѣ, крайне для нихъ обременительной. Сами-же поселяне, за весьма рѣдкими исключеніями, не могутъ конкурировать съ евреями на торгахъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что евреи возвышаютъ цѣны до чрезвычайной степени—въ расчетѣ, что такъ или иначе они выручатъ ихъ потомъ съ поселянъ, которымъ земли эти необходимы».

Въ виду изложеннаго генералъ-губернаторъ вновь просилъ или отдать оброчную калиновскую статью безъ торговъ крестьянамъ, или-же въ крайнемъ случаѣ назначить на нее торги, но не отдавать безъ оныхъ Брюмбергу.

Другая представленная въ министерство ген. губ. Коцебу просьба представляла слѣдующее дѣло. Близъ села Покровскаго находилось казенной земли 756 десятинъ, которую арендовалъ купецъ Хаимъ Слободской съ платою по 84 коп. за десятину въ годъ. Въ контрактѣ, заключенномъ имъ съ казною, было также оговорено, что если онъ устроитъ на означенной землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, то земля эта можетъ быть предоставлена ему на дальнѣйшій 12-ти лѣтній срокъ.

Слободской дѣйствительно сдѣлалъ нѣкоторыя постройки и, опираясь на букву контракта, желалъ оставить статью за собою безъ торговъ на новый срокъ, съ платою по 2 р. 48 к. за десятину. На это уже согласилось мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ; но крестьяне села Покровскаго просили оставить ту статью за ними, съ платою по 2 р. 60 коп. отъ десятины.

По собраннымъ губернаторомъ Абазою справкамъ оказалось, что покровскіе крестьяне арендовали землю у Слободскаго на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были вспахать, посѣять, снять, сложить и свезти третью часть урожая Слободскому и, кромѣ того, за каждую десятину вспахать для него по 3 сажени. По цѣнѣ всей работы крестьянъ и по стоимости затрачиваемаго зерна выходило, что они платили Слободскому за десятину *minimum* 7 р. 50 коп.!

Конечно, Коцебу имѣлъ полное право назвать такой способъ аренды безпощаднымъ, жидовскимъ. И вотъ, чтобы пособить крестьянамъ, онъ проситъ назначить торги и отрицаетъ право Слободскаго оставить статью за собою безъ торговъ, такъ какъ постройки его, какъ малоцѣнныя (на 226 р. 80 к.), не могли быть приняты въ расчетъ, да къ тому-же они и не соотвѣтствовали тѣмъ хозяйственнымъ и промышленнымъ заведеніямъ, возведеніе которыхъ давало-бы ему право, по смыслу контракта, оставлять статью за собою безъ торговъ.

Въ концѣ 1873 года отъ министерства получено было распоряженіе о назначеніи торговъ на калиновскую и покровскую статьи, и обѣ онѣ остались за крестьянскими обществами. Но мы видѣли, что крестьяне могли добиться этого результата только благодаря дружному и энергичному заступничеству за интересы ихъ такихъ сильныхъ лицъ, какъ губернаторъ и генералъ-губернаторъ, видѣли также, что даже само министерство тормозило это дѣло... Къ счастью подобные случаи не мыслимы теперь, когда, наоборотъ, то-же министерство заявило, что казенныя земли, служа однимъ изъ источниковъ государственнаго дохода, должны составлять вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ средствъ къ увеличенію земледѣльческой производительности страны и доставлять возможность устройства или расширенія своего хозяйства лицамъ, имѣющимъ недостаточное количество земли [1]).

С—ъ.

---

[1]) Циркуляръ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря Островскаго, отъ 20 іюля 1881 г., о порядкѣ отдачи въ аренду оброчныхъ статей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДОМИКѢ КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ Г. ПОЛТАВѢ.

Въ статьѣ: «Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за май мѣсяцъ 1883 года (стр. 146—154), авторъ ея, В. Горленко, въ заключеніи своей статьи, по поводу разсказа С. П. Катранова о томъ, что «домикъ Котляревскаго, далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки, и теперь еще существуетъ»,—говоритъ о немъ слѣдующее: «этотъ восхитительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, а на мѣстѣ его стоитъ полпивная уродливой новой постройки».

Сообщеніе г. Горленка въ свою очередь невѣрно; очевидно, онъ довѣрился кому-либо изъ мѣстныхъ разсказчиковъ и передаетъ чужое, столько-же невѣрное, сколько и голословное извѣстіе. Смѣемъ увѣрить г. Горленка, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находился прежде и находится въ настоящее время домикъ Котляревскаго, никогда пивной не было и быть не могло, что видно изъ нижеслѣдующей краткой исторіи этого домика.

Домикъ этотъ, какъ извѣстно, находится за соборомъ, надъ самымъ обрывомъ, идущимъ на Подолъ, противъ такъ называемаго *раската* и существовавшей во время полтавской битвы крѣпости. Во времена Петра I онъ принадлежалъ купцу Панченку, потомъ г-жѣ Куровой, отъ которой достался дѣду Котляревскаго. Въ этомъ домѣ Котляревскій родился (29 августа 1769 года) и тамъ-же умеръ (29 октября 1838 года [1]). Такъ какъ Котляревскій не имѣлъ особенно близкихъ родственниковъ, то, по духовному завѣщанію, самый домъ перешелъ въ руки его экономки, вдовы унтеръ-офицера Веклевичевой. Послѣ ея смерти, онъ отдавался подъ постой, и въ немъ помѣщалась часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Въ настоящее время домикъ Котляревскаго, нѣсколько разъ уже перепроданный, принадлежитъ отставному подполковнику Алексѣю Кузнецову, купленъ имъ въ августѣ 1880 года у жены губер. секретаря Авдотьи Михайловны Салимовской и совершенно передѣланъ въ 1881 году. Домикъ, гдѣ жилъ Котляревскій, заключалъ въ себѣ

[1]) «Воскресный Досугъ» 1869 года, № 313, стр. 796.

пять комнатъ съ кухней. На *сволокѣ* этого дома и доселѣ сохранилась надпись, вырѣзанная церковными буквами: «Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, 1705 року, 30 августа».

Сообщ. **В. Е. Бучневичъ.**

ЛЯМЕНТАЦІЯ КІЕВО-БРАТСКИХЪ МОНАХОВЪ КОНЦА XVII В.

Въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ прежняго времени нерѣдко можно встрѣтить то краткія замѣтки, то болѣе или менѣе пространныя изложенія мыслей и чувствъ по поводу какого либо общественнаго или частнаго бѣдствія или порока. Замѣтки такого рода писались въ прозѣ и въ стихахъ и не всегда въ видѣ сатиры для общаго употребленія; иногда онѣ писались какъ-бы для памяти, являлись, какъ потребность философствующаго ума или-же лирическаго изліянія. Замѣтки краткія можно находить на поляхъ и обложкахъ книгъ, не только домашнихъ, но и церковныхъ, на оборотѣ иконъ и на отдѣльныхъ листахъ, закладываемыхъ въ книгу. Въ нихъ сквозитъ всегда наблюдательная мысль, возбужденное такъ или иначе чувство и не рѣдко отмѣчаются то крупныя общественныя, то мелкіе факты частной жизни, характеризующіе нравы и обычаи извѣстнаго времени и извѣстной среды. Случайно оброненныя на поляхъ и обложкахъ книгъ замѣтки бываютъ подъ часъ цѣннѣе самыхъ книгъ. Много интересныхъ замѣтокъ, иногда въ двѣ-три строки, находили мы на книгахъ библіотеки кіево-печерской лавры.

Къ числу такихъ замѣтокъ относится и та, произвольное заглавіе которой мы привели въ началѣ. Это не жалоба, не памфлетъ или сатира, предназначенная для обращенія въ публикѣ; это такъ сказать замѣтка про себя, или скорбное изліяніе наболѣвшей души. На языкѣ современномъ трудно даже прибрать для нея подходящее названіе, и мы по необходимости прибѣгли къ тому термину, который часто употреблялся въ южно-русскомъ книжномъ языкѣ прежняго времени именно въ смыслѣ изліянія душевной скорби.

Цѣнная въ историческомъ отношеніи, эта замѣтка, какъ видно изъ ея содержанія, писана кѣмъ-то изъ монаховъ кіево-братскаго монастыря, а тогдашніе монахи были по большей части учителями кіево-могилянской коллегіи. Она найдена нами въ обрывкахъ бумагъ архива кіевской консисторіи, на отдѣльномъ листѣ, въ видѣ черновика. Замѣтка имѣетъ очень опредѣленное содержаніе, по которому легко угадать приблизительно время ея составленія. Въ ней упоминается о разореніи полковникомъ польской службы Пивомъ имѣнія кіевской коллегіи Новоселокъ, а это имѣло мѣсто въ 1671 г. (Памятники кіевской коммиссіи, т. II, стр. 268) и падаетъ на послѣдніе годы ректорства въ коллегіи и настоятельства въ кіево-братскомъ монастырѣ архимандрита Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи кіевскаго

митрополита. Замѣтка рисуетъ неприглядное состояніе, преимущественно въ матеріальномъ отношеніи, и коллегіи, и монастыря и составляетъ какъ-бы обвинительный актъ противъ ректора и вмѣстѣ архимандрита. Обвиненіе изложено по пунктамъ, а ему предшествуетъ общее патетическое выраженіе скорби и плача, хоть тѣмъ-же духомъ проникнуты и нѣкоторые отдѣльные пункты. Къ сожалѣнію, замѣтка не уцѣлѣла вполнѣ и обрывается на 18-мъ пунктѣ. Конечно, замѣтка была читана въ тѣсномъ кружкѣ братіи. Быть можетъ, она была потомъ оформлена и получила дѣловое назначеніе и, если это случилось спустя годъ или болѣе послѣ упоминаемаго въ ней разоренія Новоселокъ, то не въ этомъ-ли лежитъ разгадка того, что Варлаамъ Ясинскій въ 1673 г. отказался отъ ректорства и настоятельства и избралъ скромное положеніе проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ [1]? Насколько Варлаамъ Ясинскій былъ виновенъ въ тѣхъ непорядкахъ, какіе изложены въ замѣткѣ, судить объ этомъ трудно. Извѣстны труды его по возстановленію коллегіи, разрушенной въ 1665 г., извѣстно его окружное посланіе, которымъ онъ призывалъ всю страну поддержать матеріальное существованіе дорогаго училища послѣ того, какъ главный источникъ его содержанія—м. Новоселки было разорено полковникомъ Пивомъ [2]. Но самое это разореніе, вѣрно или не вѣрно, пунктомъ 7-мъ предлагаемой замѣтки ставится въ вину непредъусмотрительности ректора-архимандрита. Въ то страшное время, окрещенное именемъ Великой Руины, трудно было разобрать, кто правъ, кто виноватъ; страна была возмущена и поколеблена въ самыхъ основахъ своихъ, возставалъ братъ на брата, отецъ на сына, сосѣди разжигали страсти, ловили рыбу въ мутной водѣ. Шла ожесточенная борьба изъ-за митрополіи, было два и три митрополита, и Кіевъ все таки въ это время и долго спустя не имѣлъ главы въ дѣлахъ церковныхъ. Не въ силахъ Ясинскаго было управить утлую ладью кіево-могилянской коллегіи среди бушевавшихъ вокругъ волнъ политической и церковной бури. Приводимая ламентація, давая фактическія данныя о бѣдственномъ состояніи коллегіи и братства того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ намъ тогдашняго ректора Варлаама Ясинскаго совсѣмъ не такимъ, какимъ представляютъ намъ его историки кіевской академіи.

Ламентація написана на польскомъ языкѣ съ примѣсью фразъ латинскихъ; мы приводимъ ее въ русскомъ переводѣ. Извѣстно преобладаніе въ то время польскаго языка въ школѣ и жизни на всемъ пространствѣ южно-русскихъ областей; польщизна и латынь мало оставляли мѣста рѣчи родной.

«Кажется что сама земля наша, камни нашего монастыря готовы возсвать съ однимъ польскимъ поэтомъ: говорить или молчать? Но пусть молчатъ камни и земля, чтобы не явились они предъ Богомъ

---

[1]) См. Описаніе кіево-софійскаго собора митр. Евгенія, стр. 268.

[2]) Кіевъ съ его древ. уч., Аскоченскаго, ч. I, стр. 202.

человѣчнѣе насъ. Заговоримъ мы кровавыми слезами, чтобы небо не сказало намъ: псы безгласные, что-же вы молчите? Говоримъ по этому, или лучше наша скорбь тяжкая говоритъ за насъ».

ПУНКТЫ:

1) Даютъ отцу ректору деньги на молебны и сорокоусты, но ни молебновъ, ни сорокоустовъ не бываетъ. Будетъ-ли Богъ благословлять за то монастырь нашъ?

2) Подначальная братія не имѣетъ добраго примѣра.

3) Вымышляетъ (ректоръ-настоятель) крайнее убожество и говоритъ: потому я умалчиваю о деньгахъ, чтобы люди давали жертвы на монастырь. А деньги, какъ во всякомъ общежитномъ монастырѣ, должны-бы быть въ *палатѣ*; но ихъ тамъ нѣтъ и братія не имѣетъ необходимыхъ на время зимы шубъ или кожуховъ, а есть такіе, что и сапогъ не имѣютъ.

4) Въ школахъ порядка, да и науки мало, а это потому, что зябнетъ Паллада безъ вина (friget sine cerere Pallas), какъ читаемъ въ письмѣ его милости отца Архипастыря [1]). Порціи [2]) учителямъ для ихъ подкрѣпленія нѣтъ, столъ часто бываетъ плохой (trapeza blaha), учителя не имѣютъ самаго необходимаго, а это возбуждаетъ въ нихъ болѣе скорбь, нежели рвеніе къ наукѣ.

5) Нѣкоторые изъ братіи, глядя на старшаго, не часто обиваютъ церковные пороги, а все это дѣлается за отсутствіемъ порядка, который есть душа всего.

6) Въ общинахъ соборы бываютъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Но и короли имѣютъ своихъ совѣтниковъ.

7) Что Новоселки погибли, не удивляйся: ибо отецъ ректоръ, разгнѣвавшись и удаливши хорошаго намѣстника, который хорошо обходился съ паномъ Пивомъ, послалъ въ Новоселки на городничество какого-то забіяку съ другими, которые, въ пьяномъ видѣ гоняясь по полю съ ружьями, вызывали на войну людей Пива, а по ихъ примѣру и ихъ «подданные» однажды тѣхъ побили.

---

[1]) Вѣроятно Лазаря Барановича, управлявшаго тогда кіевскою митрополіею.

[2]) Конечно водочной, давать которую въ трапезѣ было общимъ обычаемъ въ монастыряхъ.

8) Братія на общей радѣ совѣтовала оставить разоренные Новоселки до наступленія покоя, но онъ (т. е. ректоръ), какъ всегда, отвергая совѣты другихъ, возстановлялъ ихъ точно въ огнѣ (въ самый разгаръ войны), и не удивительно, что во время этой реставраціи погибли и подданные и волы.

9) Тамъ въ Новоселкахъ устроилъ онъ какое-то *заточеніе* и разсердившись на монаховъ, туда ихъ посылалъ. Такъ, въ гнѣвѣ послалъ онъ туда діакона, а намѣстника и другаго священника посылалъ по какимъ-то потребамъ, и они тамъ убиты [1].

10) Родственники его продажею питей и скупщинами владѣютъ.

11) Студенты и родственники что либо утратятъ,—ничего; пусть же чернецъ утратитъ, готовъ камнями его побить.

12) Студентовъ монастырскимъ коштомъ въ Польшу отправляетъ (для высшаго образованія?), а о тѣхъ, что трудятся (учителяхъ), забываетъ; между тѣмъ философы говорятъ, что прежде о себѣ надо заботиться, чѣмъ о чужомъ (prius est ad se, quam ad aliud) и, конечно, иной и здѣсь научился-бы, если-бы учителя были поощрены.

13) Богослуженіе, а за тѣмъ и обѣдъ бываютъ иногда подъ вечеръ, а это никакъ не можетъ согласоваться съ порядками школы.

14) Митра Могилы заложена еще въ то время, когда Новоселки не были разорены; но братскій монастырь не покупалъ въ то время хлѣба, какъ прочіе монастыри.

15) Медомъ шинкуютъ въ самомъ монастырѣ и сюда приходятъ пить мірскіе люди обоего пола.

16) Колодезь среди монастыря, и къ нему по воду также ходитъ разный полъ.

17) Міряне радятъ всѣмъ въ монастырѣ, а хорошо-бы то дѣлать, не мѣшая праведнаго съ грѣшнымъ.

18) Которые учились, тѣхъ хочетъ искоренить въ братствѣ, а хочетъ двѣ szkott (?).

---

[1] Не это-ли были намѣстникъ Мелетій Николаевичъ, іером. Иннокентій Мужиловскій и іерод. Лазарь, которые убиты за Бѣлгородкой и надъ которыми Ясинскій говорилъ проповѣдь?—Кіевъ съ его др. уч., ч. I, стр. 262.

Записей для прихода и расхода, которыя ведутся въ другихъ монастыряхъ, мы никогда не видали. За прошлый годъ считалось двѣ тысячи (?), но никакого регистрика на тѣ деньги не было. *Права* (грамоты, универсалы, купчія и пр.), которые тщательно сберегали многіе ректора, въ его управленіе...

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВѢДѢНІЕ О БЫВШИХЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ КОЗАКАХЪ *).

Спецификація полку гадяцкаго сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пирятинского сотника, коликое число, по указу его императорского величества, посылано въ первый каналный ладозкій походъ на роботу козаковъ самихъ господарей, сколко наемныхъ и въ этомъ походѣ сколко и хто и въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божею померло, а сколько по отпуску въ доми своя пришло, о томъ ниже сего значитъ.

Року 1721 въ мѣсяцѣ февралѣ 3 дня въ походъ ладозкый выходило всѣхъ козаковъ сотнѣ полковой годяцкой Ивана Пѣрятинского господарей и наемныхъ 122

Туда идучи, всѣ въ цѣлюсти дойшли на каналъ, ни единъ зъ нихъ не умеръ, а дошедши на означонное мѣстце, на самой работѣ въ сей сотнѣ полковой гадяцкой померло самыхъ господарей на мѣстцу . .	25
Той-же сотнѣ, повернувшися ку домамъ, померло на путы самыхъ господарей	10
Повернувшихся къ домамъ той-же сотнѣ козаковъ самыхъ наемныхъ на пути померло	11
Той-же сотнѣ полковой гадяцкой господарѣ саміе за мертвыхъ	
Оставшіеся на пути болніе.	6
и того	52

---

*) См. «Кіевская Старина», 1884 г., майск. кн., стр. 117—124. «Объясненіе полковника Черняка о работахъ козаковъ на ладожскомъ каналѣ».

Сотникъ полковой гадяцкій Иванъ Пѣрятинскій.

Спецыфикація полку гадяцкого сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинского сотника, коликое число по указу его императорскаго высочества послано было другого походу въ Ладогу до каналной работы козаковъ самыхъ господарей, а сколко наемныхъ козаковъ и въ томъ походѣ сколко и хто въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божіею померло, а сколко по отпуску въ домы своя прийшло, въ томъ нижей значить.

Въ року 1722 вийшло было козаковъ въ походъ ладозскій зо всей сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинского господарей зъ наемными 129

На работѣ умерло господарей	10
— — — наемныхъ	4
На пути умерло господарей	4
— — — наемныхъ	7
За болѣзнью на пути осталось господарей	3
— — — — наемныхъ	2
	30

1-й походъ 1721 февраля 3 дня, послано было козаковъ господарей и наемныхъ 82

Умерло при канальной работѣ господарей	6
— — — — наемныхъ.	1
На обратномъ пути умерло господарей	11
— — — — наемныхъ	11
На пути безвѣстно где дѣлись господари	3
	32

2-й походъ 1722 г. февраля 15 дня. Всего господарей и наемныхъ отправилосеь 148

На пути до канала умерло господарей	2
— — — — наемныхъ	1
При работѣ умерло господарей	19
— — — наемныхъ	9
На обратномъ пути умерло господарей	2

— — — — наемныхъ	3
Безвѣстно пропавшихъ господарей.	2
	38

Сотня опошанская.

Въ 1-й походъ всѣхъ вышло 232

На пути умерло господарей	2
На работѣ умерло господарей	26
— — — наемныхъ	5
На обратномъ пути господарей.	14
— — — наемныхъ	7
За болѣзнію осталось на пути господарей.	6
— — — — — наемныхъ	6
	62

2-я сотня сотника Василія Селецкаго.

2-й походъ всѣхъ вышло 266.

На пути безвѣстно пропавшихъ наемныхъ.	1
На работѣ умерло господарей	16
— — — наемныхъ	12
На обратномъ пути умерло господарей	2
— — — — наемныхъ.	8
За болѣзнію осталось въ дорогѣ господарей	11
— — — — — наемныхъ	9
	59

1-я сотня зенковская.

Въ 1-й походъ ладожскій вышло 90.

На пути умерло наемныхъ	1
На работѣ умерло господарей	20
На пути умерло господарей.	12
— — — наемныхъ	2
	35

Во 2-й походъ всѣхъ вышло 79.

На работѣ умерло господарей	9
— — — наемныхъ	15

На возвратномъ пути умерло господарей	2
— — — — наемныхъ	2
За болѣзнію на пути осталось наемныхъ	1
	29

2-я сотня зенковская.

Въ 1-й ладожскій походъ вышло 137.

Умерло на работѣ господарей	24
— — — наемныхъ	10
На пути умершихъ господарей	13
— — — наемныхъ	8
Безвѣстно пропавшихъ на пути господарей	2
	57

Во 2-й походъ вышло 172.

Умершихъ на работѣ господарей	18
— — — наемныхъ	8
На пути умерло господарей	20
— — — наемныхъ	1
Больныхъ на пути осталось господарей	3
	50

Сотня рашавская.

Въ 1-й походъ вышло 20, а возвратилось 13.
Во 1-й — — 35 — — 30.

Сотня груньская.

Въ 1-й походъ вышло 105, а возвратилось 79.
Во 2-й — — 111 — — 91.

Веприцкая сотня.

Въ 1-й походъ вышло 32, а возвратилось 25.
Во 2-й — — 39 — — 31.

Сотня куземинская.

Въ 1-й походъ вышло 98, а возвратилось 54.
Во 2-й — — 68 — — 52.

Сотня лютенская.

Въ 1-й походъ вышло	70,	а возвратилось	42.
Во 2-й —	—	107 —	—	86.

Сотня ковалювская.

Въ 1-й походъ вышло	100,	а возвратилось	67.
Во 2-й — —	100 —	—	85.

Сотня комишанская.

Въ 1-й походъ вышло	96,	а возвратилось	72.
Во 2-2 — —	146 —	—	99.

Сообщ. **Дм. Багалѣй.**

РАСПРОДАЖА ВЪ ВИШНЕВЕЦКОМЪ ЗАМКѢ.

(Кореспонденція «Кіевской Старины»).

Назначенная на 11 сентября распродажа древностей Вишневецкаго замка была остановлена неисполненіемъ какихъ-то формальностей и началась только 13-го. Пріѣхавши въ Вишневецъ на другой день, я засталъ ее еще въ самомъ началѣ.

Мѣстечко Вишневецъ находится въ 20 верстахъ отъ Кременца и въ 40 отъ послѣдней къ Радзивилову станціи юго-западной желѣзной дороги Рудни. Дорога къ нему чрезъ живописный Кременецъ. Почаевъ лежитъ отсюда верстъ на 20 въ сторонѣ.

Вишневецкій замокъ стоитъ на возвышенности. Одною стороною онъ потонулъ въ зелени парка, а съ другой закрытъ развалинами католическаго монастыря, стоящими близъ него. Мѣстечко расположено внизу и по склонамъ возвышенности.

Зданіе замка носитъ чисто царственный характеръ. Выстроенное въ 2½ этажа покоемъ, оно занимаетъ сплошь одну сторону двора и часть двухъ другихъ. Противъ фасада замка, по другую сторону, дворъ окаймленъ одноэтажнымъ хозяйственнымъ корпусомъ. Вкопанныя въ земли мортиры и пушки окружаютъ дворъ. Фронтонъ сѣрой громады замка украшенъ гербомъ. Шумъ деревьевъ парка одинъ нарушаетъ тишину и покой обширнаго зеленаго двора.

Дворецъ построенъ во вкусѣ новаго Лувра и Версаля. Его изящныя, строгія линіи напоминаютъ планы законодателя архитектурнаго вкуса начала XVIII вѣка Мансара; онъ выстроенъ последнимъ изъ князей Вишневецкихъ Михаиломъ Серваціемъ въ 1720 г. на мѣсто стараго замка, сожженнаго татарами въ концѣ XVII столѣтія. Этотъ князь былъ самъ хорошій архитекторъ и по собственному плану строилъ свой замокъ, также какъ и нѣсколько другихъ, воздвигнутыхъ имъ на Волыни.

По другую сторону замка, выходящую въ садъ, лежитъ терраса, кончающаяся обрывомъ и укрѣпленная контрфорсами. Внизу ея—массы зелени нижняго сада, среди котораго пріютилась маленькая деревянная церковь. Въ просвѣты видны дома обширнаго мѣстечка, длинная усаженная деревьями плотина, рѣка Горынь, извивающаяся узкой лентой, и холмы противуположной стороны, покрытые уходящими за горизонтъ лѣсами. Въ паркѣ—вѣковые липы и дубы, каштановыя чащи, купы елей, стройныя аллеи тополей, все заглохшее и заросшее и сливающееся съ безконечнымъ лѣсомъ. Зелень деревьевъ поникла подъ мелкимъ, «какъ сквозь сито», дождемъ. На всемъ умирающія краски осени. Только высокія чайныя розы на террасѣ храбро борятся съ наступающимъ холодомъ и бодро повернули къ свѣту головки своихъ очаровательныхъ, крупныхъ цвѣтковъ.

Первая комната при входѣ въ замокъ—сѣни колоссальной вышины. Стѣны ихъ покрыты сплошь маленькими изразцами съ синими рисунками по бѣлому фону. Анфилады залъ и комнатъ нижняго и верхняго этажа тянутся по обѣимъ сторонамъ.

Внутри дворецъ носитъ нежилой видъ. Послѣдніе годы онъ былъ необитаемъ, а нѣкоторое опустѣніе его объясняется его исторіей. Въ прежнемъ видѣ можно было видѣть замокъ въ концѣ 50-хъ годовъ, когда онъ принадлежалъ Мнишкамъ. Въ это время два брата Мнишки раздѣлились имѣніями, и одинъ изъ нихъ, живущій и теперь въ Парижѣ, вывезъ изъ Вишневца массу произведеній искусствъ. Тамъ были мраморы и бронзы, старинный, драгоцѣнный фарфоръ, серебряные и золотые сервизы и, что безконечно цѣннѣе, произведенія высокаго искусства: картины кисти Гольбейна, Ванъ-Дика, Рембрандта и 2000 томовъ библіотеки.

Мнишекъ былъ тонкій знатокъ и самъ рисовалъ прекрасно, судя по копіямъ его съ Верне—старшаго, сохранившимся въ замкѣ. Онъ выбралъ вещи умѣло. Слѣдующая владѣлица Вишневца, княгиня Абамелекъ вывезла также не мало, продавая имѣніе графу Плятеру. Отъ него, лѣтъ семь назадъ, Вишневецъ перешелъ къ нынѣшнему владѣльцу г. Толли.

Несмотря на разсказанную исторію, замокъ былъ на столько переполненъ предметами искусства, что не мало ихъ осталось и до сихъ поръ. Много старинной, художественной мебели, представляющей такой контрастъ съ современнымъ безвкусіемъ и шаблонностью, не мало интересной «утвари», и главное—обширныя собранія фамильныхъ портретовъ, къ которымъ остались равнодушны всѣ смѣнявшіеся владѣльцы Вишневца.

Важнѣйшую часть ихъ, кромѣ уродливаго собранія портретовъ польскихъ королей и еще болѣе безобразной галлереи изображеній монаховъ какого-то монастыря, составляютъ портреты князей Вишневецкихъ и Мнишковъ. Галлерея Мнишковъ составилась разновременно и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ представляетъ копіи, часто очень плохія. Многія лица этой фамиліи были рисованы великими художниками, какъ Гольбейнъ и Ванъ-Дикъ, но эти портреты вывезены изъ Вишневца. Упоминаніе о нихъ сохранилось въ спискѣ предметовъ, вывезенныхъ Мнишкомъ. Къ этой-же коллекціи примыкаютъ портреты лицъ, трагическая судьба которыхъ сообщила такую громкую извѣстность фамиліи Мнишковъ: Марины, ея отца и матери и Самозванца, проживавшаго когда-то въ Вишневцѣ. Оригиналы этихъ портретовъ отданы г. Толли въ московскій музей Наслѣдника Цесаревича. Изображенія, находящіяся теперь въ Вишневцѣ, суть копіи, но копіи современныя портретамъ. Въ «зеркальной залѣ Мнишковъ» сохранилась еще любопытная картина, изображающая вѣнчанье Марины и Самозванца.

На второмъ этажѣ замка, за королевскими комнатами, есть зала, лежащая въ самой срединѣ зданія. Изъ оконъ ея открывается далекій видъ на лѣса и паркъ, а одною изъ дверей она примыкаетъ къ библіотекѣ. Это зала князей Вишневецкихъ.

Стѣны залы увѣшаны портретами лицъ этой фамиліи. Всѣ портреты одинаковыхъ размѣра и формы (удлиненный овалъ) боль-

шая часть изображенныхъ лицъ писана въ ростъ. Всѣхъ портретовъ около 20.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, которые изъ нихъ писаны съ натуры. Многіе носятъ отпечатокъ какъ-бы одной и той-же кисти и можетъ быть сдѣланы по заказу одного изъ князей Вишневецкихъ, по какимъ-нибудь исчезнувшимъ оригиналамъ. Но если-бы это было и такъ,—они не теряютъ своей исторической цѣнности, такъ какъ это единственныя сохранившіяся изображенія лицъ этого рода.

Здѣсь люди, носившіе всѣ титулы и почести: воеводы волынскіе, кіевскіе, послы въ Турцію, воины и полководцы, до короля включительно. Вотъ православный князь Дмитрій Вишневецкій, черкасскій и каневскій староста, строитель Сѣчи и «повелитель островомъ запорожскихъ». Онъ изображенъ такимъ-же юнымъ, какъ вѣчно юною будетъ въ народной пѣснѣ его память, память полумиоическаго Байды, героя и мученика... Михаилъ, отецъ Іереміи, Константинъ, воевода русскій, совращенный проповѣдью іезуита Нагаюса и,—на ряду съ другими, но кого ищешь прежде всѣхъ,—«пышный» Іеремія. Знаменитый противникъ Хмельницкаго, талантливый и храбрый защитникъ неправаго дѣла, сынъ, проклятый матерью, неистовый мучитель возставшихъ хлоповъ, онъ смотритъ спокойно и гордо. Лицо его не носитъ слѣдовъ отличавшей его жестокости. Это человѣкъ принципа, безобразнаго шляхетскаго принципа, а не страсти. Рядомъ съ нимъ энергическая фигура нѣжно любимой имъ жены Гризельды, дочери Ѳомы Замойскаго. Изъ женскихъ портретовъ обращаетъ на себя еще вниманіе портретъ дочери австрійскаго императора Генріетты, бывшей въ замужествѣ за Вишневецкимъ. Наружность короля Михаила безцвѣтна, какъ и его царствованіе. Послѣдній изъ Вишневецкихъ, тоже Михаилъ, изображенъ въ нѣсколькихъ видахъ. Въ залѣ Вишневецкихъ два большихъ его портрета, но самый лучшій, носящій всѣ признаки письма съ натуры, виситъ въ другой залѣ.

Нѣсколько портретовъ и картинъ, имѣющихъ интересъ для южно-русской исторіи, встрѣтилось еще въ Вишневцѣ. Таковы портреты крымскаго хана Керимъ-Гирея и молдаванскаго господаря Іереміи Могилы (1593—1607), дяди Петра Могилы и отца матери Іереміи Вишневецкаго, Регины или Раины. Изъ картинъ отмѣтимъ

картину—планъ битвы подъ Хотиномъ и двѣ сцены изъ поѣздки Екатерины II по Днѣпру: встрѣча съ Францомъ австрійскимъ и Станиславомъ-Августомъ и иллюминація Канева. Обѣ—оригиналы Першля.

Изъ предметовъ чисто художественнаго значенія въ Вишневцѣ осталась картина Пальмы—старшаго «Три граціи», сильно вытертая, и гдѣ живопись затмѣвается великолѣпной рѣзной рамой, и портретъ Станислава-Августа, работы венеціанской художницы Розальды, переселившейся въ Парижъ и соперничавшей съ «Латуромъ. Что касается до «Рубенса» (портретъ старика, писанный, якобы, съ Іоанна Скарги, во время пріѣзда художника въ Краковъ), то это то, что на техническомъ языкѣ любителей, называется чистѣйшей *croûte*.

Но истиннымъ перломъ вишневецкихъ коллекцій слѣдуетъ признать четыре фрески, названныя въ каталогѣ и объявленіи «китайскими картинами». Это,—скажемъ на ухо составителю каталога,—фрески въ китайской манерѣ Франсуа Буше, его Chinoiseries, сводившія съ ума XVIII вѣкъ. Двѣ изъ нихъ изображаютъ бытовыя сцены: семья китайцевъ у костра, китайскій концертъ, двѣ другія—птицъ домашнихъ, лѣсныхъ и тропическихъ. Необыкновенная изящность рисунка, ажурные переплеты блѣдной зелени, деревья и цвѣты, не встрѣчающіеся въ природѣ, но правдоподобные въ изысканныхъ краскахъ «живописца грацій», китайскія бесѣдки, сообщающія глубину картинамъ и все непередаваемое кокетство манеры—выдаютъ Буше. «Китай, фантастическая область, о которой грезилъ XVIII вѣкъ, былъ страною химеръ, въ которую Буше любилъ переноситься воображеніемъ. Онъ наслаждался своей мечтой, забывался въ ней и подъ кистью придворнаго живописца г-жи Помпадуръ, Китай превращался въ одинъ изъ уголковъ страны Рококо» [*]).

Изъ предметовъ, имѣющихъ спеціально польскій интересъ, есть въ замкѣ портретъ диктатора 1831 г. Хлопицкаго, работы Радаковскаго. Нѣсколько акварельныхъ видовъ Варшавы, пользующагося большой извѣстностью польскаго акварелиста Фогеля, обманули наши ожиданія.

---

[*]) Edm. de Goncourt. L'Art du XVIII siecle.

Библіотека и архивъ замка еще запечатаны и недоступны къ осмотру. Одна изъ залъ въ замкѣ называется залою Форгача. Въ ней умеръ венгерскій графъ Форгачъ, пользовавшійся гостепріимствомъ князей Вишневецкихъ. По завѣщанію его сюда перенесенъ изъ его венгерскаго замка его портретъ, каминъ съ стоявшимъ на немъ фарфоромъ и большая изразцовая печь.

Пробывъ въ Вишневцѣ всего два дня, я былъ свидѣтелемъ только начала распродажи. Вслѣдствіе выраженной г. Толли готовности уступить предметы, имѣющіе историческое значеніе, какому нибудь общественному кіевскому хранилищу, я предпринялъ поѣздку, чтобъ отмѣтить эти предметы. Указаны мною портреты и картины историческаго значенія, о которыхъ говорено выше.

Въ Вишневцѣ я засталъ нѣсколько антикваріевъ варшавскихъ и вѣнскихъ. Въ еврейской корчмѣ «у Хаима Чернаго», гдѣ мы всѣ ютились, по вечерамъ происходили бесѣды о стиляхъ и школахъ, не совсѣмъ обычныя для обиталища Хаима. При мнѣ куплена была какимъ-то польскимъ помѣщикомъ королевская мебель,—бронзы и часы антикваріями и шли переговоры о драгоцѣнныхъ стѣнныхъ вышивкахъ и картинахъ. Какой-то «знатокъ» изъ Кіева бережно упаковывалъ купленные предметы. Заглянувъ въ ящикъ, я увидѣлъ «портфель неизвѣстнаго гетмана» въ андреевской лентѣ (!) и «закалывающуюся Лукрецію», смотря на которую невольно приходило на умъ—отчего это закалывается она, а не написавшій ее художникъ?

В. Горленко.

КЪ ПОРТРЕТУ КИРИЛЛА ТЕРЛЕЦКАГО.

Въ генварской книгѣ нашего журнала за 1882 г. была помѣщена подробная статья о Терлецкомъ; здѣсь-же напомнимъ читателямъ лишь главнѣйшія біографическія его черты.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ въ Галиціи (с. Терло, Любоховъ и др.). Правдоподобно, родиной Терлецкаго можно считать пинскую область въ Полѣсьи, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ первоначально

былъ священникомъ замковой церкви св. Димитрія, при чемъ, по свидѣтельству Іоанна Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги «только дьячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ». О предшествовавшемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи не имѣется никакихъ свѣдѣній; то лишь достовѣрно извѣстно, что онъ не былъ обученъ латинскому языку, на которомъ исключительно преподавались науки въ тогдашнихъ школахъ. Въ всякомъ случаѣ онъ видимо былъ человѣкъ весьма способный и обладалъ кое-какими богословскими и юридическими познаніями, пріобрѣтенными путемъ начитанности. Что-же касается нравственной характеристики личности Терлецкаго, то наиболѣе выдающимися чертами его характера нужно признать: хитрость, изворотливость и склонность къ интригамъ и происками; не даромъ тогдашній кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза въ одномъ письмѣ даетъ ему мѣткое прозвище *«райскаго змія»* и *«коварной лисицы»*; кромѣ того, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, злопамятный и мстительный до жестокости.

Въ 1572—73 гг. Терлецкій изъ протопопа прямо возводится въ санъ епископа пинскаго и туровскаго, при чемъ онъ получаетъ эту каѳедру не по избранію пасомыхъ, какъ то бывало до того времени въ юго-западной Руси, а по назначенію со стороны «пановъ радъ», правившихъ тогда польскимъ государствомъ въ междуцарствіе послѣ смерти Сигизмунда-Августа и бѣгства изъ Польши короля Генриха. Но пинская архіерейская каѳедра была довольно бѣдна, и потому Терлецкій, при первой-же открывшейся возможности, выпросилъ себѣ (въ 1585 г.) у короля Стефана Баторія одну изъ самыхъ богатыхъ южно-русскихъ епархій, именно луцкую и острожскую. И въ Пинскѣ, и въ Луцкѣ Терлецкій ознаменовалъ свое управленіе преимущественно заботами о своихъ архіерейскихъ правахъ и неприкосновенности епископскихъ имѣній, разоренныхъ и даже нерѣдко отчужденныхъ его предшественниками. Для возстановленія своихъ владѣльческихъ правъ, Кириллъ Терлецкій велъ безпрестанныя судебныя тяжбы и кромѣ того весьма часто предпринималъ вооруженные наѣзды на имѣнія противниковъ, осаждалъ ихъ замки, разорялъ села, при чемъ нерѣдко лично предводительствовалъ своими гайдуками и дозволялъ имъ совершать разныя жестокости и насилія. Пользуясь богатыми доходами своей

епархіи, Кириллъ Терлецкій жилъ не какъ духовное лице, а какъ жили магнаты того времени, въ полномъ довольствѣ и роскоши, держалъ въ епископскомъ замкѣ многочисленную толпу слугъ, имѣлъ собственныя пушки и отрядъ вооруженныхъ гайдуковъ, всегда готовыхъ на войну съ врагами своего владыки. Въ короткое время онъ скопилъ большія богатства, занималъ деньги знатнѣйшимъ сановникамъ, въ родѣ, напр., князя Константина Острожскаго, имѣлъ сильную протекцію при королевскомъ дворѣ и пользовался особеннымъ покровительствомъ самого короля Стефана Баторія. Всецѣло преданный мірскимъ благамъ, Терлецкій былъ совершенно равнодушенъ къ своему архипастырскому долгу, предавался излишествамъ богатаго пана и не считалъ нужнымъ сдерживать прихоти и увлеченія своей широкой натуры: современники обвиняли его въ цѣломъ рядѣ позорныхъ преступленій—невоздержаніи, чужеложствѣ, тайныхъ убійствахъ и отравахъ, а въ 1594 г. владыка публично, на судѣ, былъ обвиняемъ въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки, хотя обвиненіе это признано было недоказаннымъ.

Когда въ польскихъ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ высшаго западно-русскаго духовенства созрѣла мысль о церковной уніи, Терлецкій немедленно примкнулъ къ уніятской партіи и по-видимому былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ ея сторонниковъ. Онъ велъ тайные переговоры съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовенствомъ объ условіяхъ введенія на Руси уніи и вмѣстѣ съ владимірскимъ владыкою Ипатіемъ Потѣемъ ѣздилъ въ 1595 г. въ Римъ къ папѣ (откуда вывезъ, между прочимъ, коллекцію картинъ соблазнительнаго содержанія). Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Терлецкаго не видно и тѣни искренняго убѣжденія въ истинности уніи и пользѣ ея для западно-русской церкви, а проглядываютъ одни лишь своекорыстные расчеты о личныхъ выгодахъ, сопряженныхъ съ церковнымъ переворотомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что когда унія была наконецъ провозглашена на Брестскомъ соборѣ и оффиціально признана со стороны правительства, Терлецкій, равно какъ и другіе архіереи, принявшіе унію вмѣстѣ съ Рагозой и Потѣемъ и въ началѣ по-видимому ревновавшіе о ней, скоро какъ-бы забыли о ея существованіи, не проявляли никакой заботливости объ ея упроченіи и спо-

койно проживали въ своихъ епархіяхъ, пользуясь церковными имѣніями, какія на всю ихъ жизнь обезпечилъ за ними король.

Всю остальную часть своей жизни Кириллъ Терлецкій провелъ, предаваясь прежнимъ излюбленнымъ занятіямъ: тяжбамъ, наѣздамъ на сосѣдскія имѣнія и заботамъ о личномъ обогащеніи. Онъ умеръ въ маѣ 1607 г. и былъ похороненъ въ луцкой соборной церкви св. Іоанна Богослова.

ПОПРАВКА И ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ въ «Запискахъ князя Б. И. Куракина», на стр. 127, въ строкѣ 5-й снизу напечатано: «А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валантера на галерѣ Шаутбейнагта», при чемъ редактировавшимъ эти «Записки» покойнымъ профессоромъ Ф. А. Терновскимъ, рядомъ съ этимъ послѣднимъ словомъ въ скобкахъ поставлены съ вопросительнымъ знакомъ слова: *фамилія Шаубенагта?*

Считаемъ нужнымъ поэтому поводу сдѣлать необходимую поправку и объясненіе. Слово: *шаубенахтъ* означало чинъ младшаго морскаго генерала, соотвѣтствующій нынѣшнему чину контръ-адмирала. Чинъ шаубенахта взятъ былъ съ голландскаго флота, принятаго Петромъ В. въ образецъ. По голландски *Shaut bis nact* значитъ: *смотри ночью*; названіе это присвоено шаубенахту потому, что онъ всегда почти находился на передовомъ кораблѣ флота и долженъ былъ бдительно смотрѣть впередъ, особенно ночью. Петръ В. самъ имѣлъ этотъ чинъ, бывшій въ нашемъ флотѣ до начала царствованія Елисаветы Петровны.

часу. Зъ Сѣвска віехавъ въ 9 часу, прибылъ до Товстодубовской почты въ часу 5-мъ пополуночи, а одтоль въ 8-мъ до Есмани.

4. Въ Есмани службы Божой выслушавъ и пообѣдавъ (где розышлось на розницю 12 к.), прибылъ до Глухова въ 1-мъ часу по полдни и тутъ заразъ пошолъ до двора ясневелможного, где засталъ еще при концу обѣда; тутъ же засталъ ихъ милостей: пана Павла Апостола, полковника миргородского (который недавно оженившись въ Смоленску на дочерѣ тамошнего шляхтича Никола Юрьевича Анделярта (Энгельгардта) именемъ Федорѣ, сюда въ сихъ дняхъ прибылъ), пана Петра Апостола, полковника лубенского зъ панею, пана Скоропадского, Богдана Івановича Пасека и прочіихъ многихъ; вручилъ ясневелможному 2 грамоты о присягахъ и о селѣтрѣ и партикулярныя писма, такожъ и другимъ, до которыхъ писма поотдавалъ. Вечеряли въ домѣ ясневелможного многіе, въ томъ числѣ и я. Тутъ же получилъ я вѣдомость, что синъ мой Петръ преставилъся въ Стародубѣ прошлого генваря 18, болѣзнію на болячку подъ горломъ.

5. Рано былъ у господина генерала Нарышкина и вручилъ его превосходительству грамоты 2, о томъ же, что и гетману. Сегожъ числа писаны писма до архидіакона катедры кіевской и до отцабрата въ Козелецъ и посланъ чай одъ преосвященного іркутского; одправлены писма и до Славуя.

6. Былъ у господина Пасека, потомъ у полковника лубенского на Бѣлополовцѣ [153]) и у пана обозного генералного; вечеромъ— у пана Борозды, судіи генералного. Сегожъ числа вручилъ писма господину Мякинину и господину полковнику Радищеву отдалъ чолки, отъ брата его Глѣба Прокофіевича, воеводы клинского, присланные.

7. При суплѣцѣ моей ясневелможному презентовалъ грамоту, данную мнѣ на Перегонъ для записаня оной въ войск. енер. канцеляріи и для видачи мнѣ подлугъ оной унѣверсалу. Обѣдалъ у пана полковника лубенского. Розышлось 7 к.

8. Подалъ суплѣку на опредѣленіе мнѣ деревень удостоеныхъ о унѣверсалѣ, чтобъ владѣть оними до полученія указу и подтверженія противъ посланного въ коллегію іностранную удостоенія.

---

[153]) Предмѣстье г. Глухова.

Въ Москвѣ за притупей лосиній 40 к., за перчатки 60 к., за тертушку мушкатовой галки 4 к.

9. Писалъ писмо до пана дядка въ Козелецъ за жителемъ кіевского полку села Борокъ Юскомъ Слѣпченкомъ. Отъ Москви до Глухова на двѣ почтовые лошадѣ розишлось 5 р. 46 к. Сего числа прибылъ панъ Ігнатъ Данченко зъ возками моими зъ Москви до Глухова. Панеи полковниковой лубенской дана жестанка табаку.

10. Зоставлена у ясневелможного книжка рукописная моя разговоровъ генерала Паткуля зъ министромъ Герцомъ въ царствіи мертвыхъ, а поручена въ диспозицію пана Скоропадского, чтобъ не завалялась. Отобралъ у пана Скоропадского дукатъ и облѣкгъ, а ему надлежить переслать реверсъ его. Былъ въ банѣ пана Федора Савича [164]). Розишлось 8 к.

11. Вручилъ господину генералу Нарышкину грамоту въ дѣлѣ моемъ о ранговой маетности и у господина генерала обѣдалъ. Писалъ писма до жены и до Стефана и одправилъ передомъ чрезъ Алексія при двоихъ саняхъ. Емужъ Алексію даны на дорогу 20 к. Асауленку, що когдась ратовалъ мене, 10 к. Розишлось еще 9 к.

12. Отобралъ унѣверсалъ на маетности зъ канцеляріи, виданный на Перегонъ зъ Дешковичами. Обѣдалъ у пана Якова Марковича зъ панею его и дѣтми [165]). На припряжи до саней и проч. пошло 8 к. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ братскій, былъ рано у мене въ квартерѣ. Писано писмо до господина Курбатова въ С. П. Бурхъ зъ обявленіемъ о женитбѣ пана полковника миргородского и зъ благодарствіемъ за показованную мнѣ тамъ милость и благодѣяніе. Левасоду даны 10 к. и платокъ.

13. Писаны писма въ С. П. Бурхъ до пана Павла Апостола, до пана Андрея Горленка, до Козми Якимовича Кричевця, зъ включеніемъ ему и писма до Петра Василіевича Курбатова; пимножъ до Каленика локая, зъ включеніемъ писма отъ Андрея Гудовича до сина его Александра, а всѣ подъ датою 6 числа сего мѣсяца. Писано въ Москву до Уріила, до Николая Павловича о доправленныхъ на Трусевичу 10 р. и до Якумопла, а тые писма одправлены на почтѣ чрезъ Ігната Данченка, въ Москву послан-

[164]) Сынъ генеральнаго писаря Семена Савича.

[165]) Авторъ »Дневныхъ Записокъ«.

ного. Емужъ писмо до графа Гаврила Владиславича належное вручено. Обѣдалъ я у ясневелможного и по обѣдѣ пожекгнавшись его ясневелможности и прочіимъ отклонившись, віехалъ зъ Глухова въ началѣ 5-го часа пополудни и прибылъ въ Новгородокъ

14, въ шестомъ часу пополуночи; тутъ засталъ я одного пана сотника толко. Тутъ же отданы 20 р. вдовѣ Новгородского, одъ сына еи отца Іова, съ С. П. Бурха присланные. Зъ Новгородка віехавъ въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, прибылъ до Гримячого въ полъ 5 часа, а одтоль до Перегону въ 8 часу пополдни и тутъ засталъ жену зъ синомъ Василкомъ.

15. Весь день прожилъ въ Перегонѣ и передъ обѣдомъ ездилъ для осмотреня построенного на Бѣлявицѣ млина, а по обѣдѣ былъ на футорѣ Василювцѣ. На пиво и медъ 9 к.

16. Одъ шинкаря чаусовского Ноздри отобралъ денегъ рублей 19 и ему въ оныхъ до парахунку далъ росписку.

17. Віехалъ зъ Перегону и обѣдалъ у пана Григорія Гамалии въ Борщовѣ, где изъ поруччикомъ інгермоландского полку Яковомъ Любимичомъ Полянскимъ познался. По обѣдѣ былъ въ банѣ и позно уже одтоль віехавши, прибылъ о полночи до Стародуба.

18. Подъ часъ обѣденъ былъ у полковника и по службѣ у негожъ былъ, а обѣдалъ у пана тестя; у мене зась въ домѣ вечеряли панъ тесть и Романъ Яненко глуховскій [166]).

19. У мене были многіе, чего для весь день пробавилъ въ домѣ, толко вечеромъ былъ у полковника и подалъ листъ ясневелможного въ моемъ інтересѣ о ранговой маетности и о Куровѣ и Чубаровѣ.

20. Первый разъ заездилъ въ канцелярію новопостроенную и тутъ засталъ полковника зъ всею старшиною; одтоль былъ у капи-

---

[166]) Романъ Яненко — глуховской мѣщанинъ, который женившись на дочери Петра Демьяновича Уманца (сынъ глуховскаго протопопа и внукъ нѣжинскаго полковника Филиппа Уманца) и получивъ часть тестевскихъ земель около села Есмани, поселилъ здѣсь слободу (теперешнее село Яновка), и разбогатѣвъ, при Апостолѣ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. У Яненка было двѣ дочери, изъ которыхъ одну, Прасковью, онъ выдалъ за Осипа Григоровича Туманскаго, а другую, Евфимію, за польскаго шляхтича Василія Романовскаго, который въ 1756 г. былъ »келейместеромъ гетманскаго двора«. Сынъ этого Романовскаго — Николай имѣлъ чинъ уже ротмистра; отъ отца онъ получилъ глуховское село Студенокъ (часть имѣній Петра Уманца), да женившись на дочери Кирилла Осиповича Закревскаго

тана надъ салдатами городъ содержащими команду имѣющого, потомъ у пана Стефана Ширая [167]). Матцѣ Аннушкиной даны 20 к.

21. Былъ въ канцеляріи, а первей у полковника; потомъ въ домѣ былъ у мене присланный отъ пана Андрея Миклашевского панъ Колленскій и отобралъ у мене денги 300 р., а 100 р. себѣ позыкою удержалъ, а на оные далъ облѣкгъ во отдачи тихъ денегъ въ априлѣ мѣсяцѣ остатныхъ чиселъ; о томъ же писалъ и писмо до пана Андрея Миклашевского, на что соизволеніе отъ него получилъ.

22. Музиканту отданы осталные за дворъ купленный денги 18 р. 32 к., а прежде дано ему 20 р. и осмачку жита въ 1 р. 68 к. Итакъ уже ему все уплачено. Посланы при писмѣ до его мил. п. Скоропадского купчая на грунта глуховскіе, отъ дочерей пана Андрея Миклашевского данная, и двѣ раздѣлочные писма чрезъ козака значкового Афанаса Десятовского; чрезъ тогожъ писалъ и до пана Юркевича и послалъ пашпортъ. Розышлось на розницю 4 к.

23. Отправлены плотники, присланные отъ пана Скоропадского для осмотреня будинковъ пана Федора Ширая, и чрезъ нихъ же дано отвѣтное писмо. Алексію кухару данъ 1 р. 50 к. на его нужды, да двѣ штучки китаю блакитного въ ценѣ 1 р. 40 к.

24. Получилъ писма двѣ отъ пана Скоропадского чрезъ служителя госпожи Толстой, да до пана Скоропадского жъ писалъ інстанціалное писмо за асауломъ. Писалъ чрезъ него жъ и до пана сотника глуховского. Розышлось сими днями на розницю 18 к. Господинъ полковникъ далъ мнѣ два стоги сѣна, которые на степу показаны чрезъ армаша.

25. Были въ обѣдни у Вознесенія Господня; тамъ же и молебень правили, где полковникъ обявилъ мнѣ о поездѣ своемъ до Глухова, куда и отехалъ онъ послѣ обѣда. Розышлось на розницю 75 к.

26. Параскевія Александровна полковниковна дала денги для заплаты за табакерку 1 р. 95 к., которую дѣлалъ чеканщикъ въ Глуховѣ.

Еленѣ, купилъ на деньги послѣдней, въ м. Салтыковой Дѣвицѣ и въ д. Крачковкѣ—1311 крестьянъ обоего пола. Всего у него было крестьянъ 1644 обоего пола.

[167]) Степанъ Спиридоновичъ Ширай—отецъ Федора. См. примѣч. 133.

27. Писалъ писмо до п. Горленка въ С.П.Бурхъ о попу перелюбскомъ, который содержится въ канцеляріи полковой стародубовской. Данъ 1 р. на галіонокъ панеи. За 4 безмены лою 80 к. Віехалъ по полдни зъ Стародуба до Перегону, куда прибылъ въ 9-мъ часу. Даны въ дворѣ на потребы 10 к., Василевѣ 10 к.

28. Вчора надъ отцемъ Стефаномъ Филиповичемъ, священникомъ городискимъ (села Городища) было маслосвятіе. Къ нему сего числа послалъ чаю и сахару. Десять свѣчъ прислалъ Іванъ, погарскій шафаръ (сборщикъ податей) гребелный. Были у мене войты куровскій и чубаровскій зъ громадами.

Мартъ.

1. Присылалъ п. Григорій Гамалія, просячи на именины жены своей до Борщова, куда отпустилъ жену, а самъ остался въ Перегонѣ.

2. Ездилъ до монастыря чолнского и тамъ ночовалъ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма до п. сотника ічанского (Стороженка) и до Лисаневича, въ Ічню.

3. Зъ монастыря чолнского пріехалъ на обѣдъ въ Перегонъ, где засталъ Круковскую. У Івана Цілогузенка отобралъ за пенку денегъ 5 р. Сего числа по полдни преставился священникъ церкви Воздвиженія Честного Креста городиской отецъ Стефанъ Ігнатіевъ Филимоновичъ осмдесятолѣтный, который былъ родомъ зъ Уманѣ и священствовалъ при помянутой церкви болѣе сорока лѣтъ. Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ горѣлки и денегъ 1 р.

4. Погребали тогожъ отца Стефана въ церкви городиской, на которомъ погребеніи былъ протопопъ погарскій отецъ Петръ Кибалчичъ зъ другими священниками. У мене обѣдали п. Григорій Гамалія, п. Дзевулскій съ сожителницею, п. Григорій Антоновъ Гамалія и п. Косачъ, сотникъ бакланскій. За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. Въ Перегонѣ-жъ у мене былъ и поручикъ інгермоланского полку г. Полянскій.

5. Данъ 1 р. матерѣ Наума Евдокименка до рощоту, за взятые у тихъ казанъ и трубы мѣдные. Подрядилъ на цѣлый годъ жителей села Любца за десять возъ для воженя зъ ихъ лѣсу дровъ на футоръ мой, а одъ всякаго воза давать по 30 к.; и того въ

годъ винесетъ 3 р., которымъ любецкимъ жителямъ и даны 1 р. 50 к., а другіе такіе-жъ денги должны имъ отдатися въ полгода, и сей контрактъ здѣланъ зъ цѣлою околицею и отъ нихъ взято писмо. Да сего-жъ числа даны 3 р. того-жъ села Любца жителямъ Кондрату Степанову, Андрею Іванову Протченку и Данилѣ Подорожному на сто дубовъ на шулы, которіе должни оны выстачить, на что дали отъ сего и карту. Покроенъ мнѣ кунтишъ зъ сукна французскаго кравцами погарскими, до которого дано на шовкъ 5 к. За 20 локотъ полотна дано 26 к. для подбойки слугамъ.

6. Віехалъ зъ Перегону и прибывъ въ Борщевъ, первей былъ у поруччика Полянского, потомъ зъ нимъ вмѣстѣ обѣдали у п. Григорія Гамаліи, куда прибылъ и п. Дзевулскій, и по обѣдѣ гуляли тамъ-же, а послѣ въ ночь до позна у поруччика при стрелбѣ, и жестоко были пяны.

7. Мойсею Оршавѣ шевцю даны сафянъ и козелъ для шитя чоботъ мнѣ, а панеи черевиковъ, да и старые сапоги червоные даны ему-жъ для переробленя. Въ Борщовѣ у п. Григорія-жъ, пообѣданю, послѣ знову были у поруччика и у него помирили драгуна зъ атаманомъ чаусовскимъ Сосновскимъ, за которого въ доплатку положилъ я своихъ 1 р. 33⅓ к., а онъ заплатилъ своихъ 3 р., потомъ одтоль отехалъ, жестоко подпившый и прибыли въ Случокъ, гдѣ и ночовали у Антона Хоменка.

8. Прибылъ коло обѣдень въ Стародубъ и сегодня вечеромъ, послѣ лазнѣ, посѣщали мы обое невѣстку полковничую Катерину Андріевну, прибывшую изъ Москвы позавчора. Целюрику 3 к., на потребы до жупановъ челядних и дѣвкамъ 10 к.

9. За офарбоване сукна челяди на черкески, да за 29 аршинъ крашенины дано фарбейнику 1 р. 40 к., шкляру за направу де чого 5 к. Жорову Мойсею случковскому въ задатокъ на грунтъ 2 р. да Рубану 1 р. Писана челобитная и писма до отца архимандрита Романа, до отца Іларіона Негребецкого, типографіи началника, и до отца Іоиля Савицкого, писаря кіево-печерской лавры, подъ датою сего мѣсяца 5 числа о обидѣ мнѣ показанной отъ Гавріила, намѣстника монастыря челнского; также писалъ и до Козми Іакимовича Кричевця.

10. Заплачены цехмистру ткацкому за полотно передъ симъ панеи тканное ровно 2 р. Бондарямъ, що направляли бочки до пива,

меду и до лазнѣ дано 60 к. Сего числа зъ челобитною и писмомъ отправленъ Семенъ Діоминъ до Кіева, чрезъ которого и до сотника козелецкого Алексія о дачи ему козака до Кіева писано; да ему-жъ Семену данъ и пашпортъ. Полковникъ пріѣхалъ въ Стародубъ зъ Глухова ввечерѣ.

11. Былъ рано у маіора інгермоландского драгунского полку Михаила Петровича Пущина, а потомъ у полковника нашего; послѣ-же обѣднѣ обѣдали у полковника обще зъ маіоромъ. У мене-жъ въ вечеру были п.п. Іванъ Миклашевскій, Скорупа, Ширай, Марко Марковичъ, Горленко и проч.

12. Посланы до Перегона къ Стефану на росходъ дворовый 2 р. Кравцямъ за роботу дано 10 к., слѣсарю 4 к., за 2 штуки крашенины 42 к. На розницю пошло 15 к.

13. За 18 локотъ шнурка штучкового дано 72 к., Алексію на его потребы 22 к., Крашениннику 10 к. На розницю пошло 12 к. Куплено сукна зеленого 11 локотъ по 18 шаговъ, и того дано 3 р. 96 к. За крашенину и за фарбоване двохъ матерій крашениннику еще 82 к.

14. За пудъ соли бѣлой 40 к. За медъ и пиво у Ляшихи набранное 42 к.

15. Івану Данченку за вино, братое у него прошлого году 1731 на крестины Петрусевы, заплатилъ 6 р.

16. За 18 локотъ полотна лляного дано 36 к. За возъ лучины 12 к. Писано писмо до сотника варвинского п. Себастіановича [168]) о стадинѣ.

17. За 20 штучокъ вялой рыбы Лавріну дано 30 к. Ему-жъ за набранные безъ мене панею розные вещи 2 р. 49 к. Золотаревѣ Антону въ позыку даны 30 к.

18. Обѣдали мы у панеи матки, а послѣ обѣда у мене былъ

---

[168]) Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ, внукъ прилуцкаго обозного Василія Севастьяновича (1674 г.) родоначальника Себастіановичей, въ настоящее время уже вымершихъ. Себастіановичамъ принадлежали слѣдующія имѣнія въ прилуцкомъ уѣздѣ: село Гурбинцы и деревня Игнатовка (съ 1674 г.), село Грицовка (съ 1709 г.) и село Брагинцы, поселенное въ началѣ XVIII в. отцомъ Матвѣя Себастіановича—Андреемъ, бывшимъ полковымъ писаремъ. Имѣнія Себастіановичей перешли въ большей части къ Брежинскимъ, по женитьбѣ одного изъ нихъ на дочери Ивана Андреевича Себастіановича.

первей отецъ Патермуфій, городничій лищицкій [169]) и подарилъ мнѣ книжечку Полуставецъ, а послѣ были маіоръ Пущинъ зъ женою и поруччикъ Полянскій и вечеряли у мене-жъ. За судацкого вина 2 гарцы 80 к.

19. За двѣ шапки молодецкіе Василю и Іванцю 70 к. За простій шнурокъ да на нитки и на шовкъ 20 к. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к.

20. Писано въ одвѣтъ до п. Пасека [170]) о его дѣлахъ въ судѣ полковомъ имѣючихся, о Гойскомъ и мелнику печеницкомъ. Розышлось на розницю 19 к. Панюй даны 1 р. 40 к.

21. Макринѣ на серпанки и на чоботы 30 к. За зроблене свѣчъ и ставниковъ до Городища до двора нашого 62 к. На нитки, свѣчки и проч. 18 к. На медъ и пиво 6 к. За оправу книжки Тестаменту 20 к. За пудъ лою 90 к.

22. За полсть до ризъ 7 к. За бантайровій пузиментъ до ризъ-же за 26 локоть 1 р. 4 к. За три штучки крашенины 47½ к. Сего числа исповѣдались и причащались обое. Розышлось на розницю 1 р. 20 к. Зъ Ляшихою росплата учинена за дуклю, бранную на погребеніе Петрусевѣ, и за хустку, да за шнурокъ до куптуша молодецкого 2 р. 98 к. На корку и шовкъ 4 к.

23. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к. Росплата учинена зъ кравцемъ Евтушкомъ; за розную прежнюю роботу дано ему 43 к. да за Алексія ему-жъ заплачено 40 к. За зроблене мнѣ двохъ шапокъ и третей паняи дано Максиму шапошнику 1 р. 5 к. На шовкъ, шнурокъ и свѣчки 11 к.

24. Свѣчарцѣ, що лоіовіи свѣчи дѣлала, 12 к. Отецъ Патермуфій, городничій лищицкій прислалъ куфу пива чрезъ своего служителя, которому и подводчикамъ дано 36 к. Сотники волоскіи, гарцовскій и пятовскій [171]) принесли 3 гусей, 4 курей и полтори копи

---

[169]) Лыщицкая волость (села Лыщичи—суражскаго уѣзда) принадлежала кіевской лаврѣ и управлялась, какъ и другія, монахами-городничими.

[170]) Богданъ Ивановичъ Пассекъ—одинъ изъ членовъ генеральнаго суда, отецъ извѣстнаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора Петра Б. Пассека.

[171]) Села Гарцовъ и Пятовскъ—стародубскаго уѣзда. Какъ видно, въ это время еще существовали особые сотники »волоскіе«, вѣдавшіе тѣхъ »волоховъ«, которые, заходя въ Малороссію съ конца XVI в. съ военными отрядами, оставались здѣсь и селились частью между мѣстнымъ народомъ, а частью отдѣльными селами.

нець. Панъ сотникъ топальскій 5 паръ оробковъ. Писалъ до п. обозного, полковника стародубовскаго и послалъ указъ ясневелможного, присланный по челобитю п. Валкевича на полковника Дурова Розышлось на розницю 20 к.

25. Въ сей день Свѣтлого Воскресенія и Благовѣщенія на всенощномъ были въ церквѣ нашей приходской; службы Божой слушалъ въ соборѣ и былъ у полковника, обѣдали у панеи матки. Послѣ обѣда были у полковника-жъ, да у маіора Пущина, а послѣ знову у панеи матки.

26. Кравцямъ погарскимъ за роботу двохъ кунтушовъ панеи да мнѣ кунтуша и кафтана и за пошите кунтуша-жъ, да за ризы 2 р. 10 к. Сего числа весь день гуляли у полковника, а послѣ вечеромъ были у п. Федора Ширая, где капитанъ гварнѣзонный зъ офѣцерами інгермоландского полку поссорился. Сего-жъ числа привезенъ мнѣ одъ п. Борковского, при писмѣ, казанъ мѣдный зъ трубами, въ которомъ со всѣмъ вѣсу 53 фунта. Майстратовые и цехы приходили зъ хлѣбомъ святочнимъ, въ томъ числѣ одъ двохъ цеховъ положено 45 к.

27. Весь день были въ домѣ и обѣдали у мене поручикъ и прапорщикъ гварнѣзонные. Ввечеру былъ у п. Стефана Ширая зъ хлѣбомъ.

28. Обѣдали и весь день гуляли у п. Григорія Скорупы. Чрезъ прошедшіе святочные дни розышлось священникамъ, дякамъ и прочіимъ поздравителямъ 3 р. 50 к. Сего-жъ числа присланы чрезъ козака Козла отъ шинкара чаусовского Ноздри шинковыхъ денегъ 5 р.

29. Стефанъ зъ войтами перегоновскимъ и чубаровскимъ пріездилъ зъ поклономъ святочнымъ и положили мнѣ 1 р. 20 к. Да Стефанъ привезъ осѣнныхъ денегъ 3 р. 50 к. и зъ шинку перегонского 1 р. Тимохъ ковалъ за побой сина его положилъ 50 к. Заплочено за два гарци вина кримского, що передъ симъ на вѣру брали, 80 к. Сего-жъ числа отехалъ до Лищичъ и конѣ здѣлали причину подъ Кустичами, а потомъ прибылъ въ Лищичи и тамъ

———

›Волохами‹ поселено въ первой половинѣ XVII село Волосковичи въ Сосницкомъ уѣздѣ; ими-же должно быть поселено и стародубское село Кустичи Волокитины, т. е. Кустичи волошскіе, названное такъ въ отличіе отъ другаго стародубскаго села—Кустичъ Бряновыхъ, поселеннаго должно быть выходцами изъ Брянска.

ночовалъ, да туда-жъ прибыли п.п. Якимовичъ, асаулъ полковый и Михайло Голембіовскій зъ женами.

30. Тамъ-же въ Лищичахъ обѣдали, а по обѣдѣ возвратилъся въ Стародубъ.

31. Рано былъ у полковника и видѣлъся въ первый разъ зъ полковницею, прибывшею зъ Москвы сего мѣсяца 29 дня позно.

Априль.

1. Были на крестинахъ въ домѣ панеи Березовской, у пана Марка Марковича, сина подскарбіевого, которому синъ родилъся Іванъ, 28 числа прошедшого мѣсяца, а оному воспріемниками были панъ Федоръ Ширай и панѣ Скорупшина; тамъ дано бабѣ 10 к. Сегожъ числа возвратившійся зъ Кіева Семенъ привезъ ко мнѣ писма отъ отца Негребецкого и писаря печерского отвѣтніе въ дѣлѣ о намѣстнику чолнскомъ, также отъ архидіакона софѣйского.

2. Писаны писма въ Глуховъ за п. Лисаневичемъ до п. Скоропадского и до п. Юркевича зъ комплементомъ. Емужъ данъ 1 р. За возъ уголя дано 14 к. Да взято у Федора Янченка железа 3 каменѣ и 5 фунтовъ.

3. Писаны писма до Уріила подканцеляриста въ Москву, да до Николая Павловича Кристича; при писмѣ посланы 10 р. денегъ, у Трусевича доправленныхъ и одправлены для пересылки до п. Юркевича; такожъ и до п. Скоропадского писалъ зъ посылкою листа одъ п. Валкевича. Сегожъ числа дано срѣбро Антону золотарю на роблене килѣха (чаши) вѣсомъ 21 лотъ и 3 золотника. Да емужъ до прежде данныхъ въ позику 30-ти копѣекъ дано 20 к. въ заработокъ.

4. Писано до графини въ Топаль о видачи циганки и зъ тимъ писмомъ посланъ Антонъ Донъ. Вчора вечеромъ былъ я на квартерѣ у поручника інгерманландского полку Ігната Михайловича, зъ которымъ доволно посидѣлъ и розговоровалъ, а сего числа былъ у п. Андрея Миклашевского. За медъ, у Ляшихи передъ симъ братый, 17 к.

5. Віехалъ зъ Стародуба къ Архиповцѣ [172]) для розыску въ дѣлѣ о млинѣ козаковъ Рубаленковъ и прибылъ въ 9 часу до Буды, маетности п. Корецкого тестя моего. Въ домѣ при отездѣ дано

---

[172]) Село новгородъ-сѣверскаго уѣзда.

25 к. Одтоль віехавъ въ 2 часу по полдни, прибылъ въ Архиповку въ 7-мъ часу и тутъ первей заехалъ до п. Пекаліцкого, потомъ сталъ квартерою у священника архиповского отца Григорія Холинского.

6. Начали производить слѣдствіе и ездили для осмотру греблѣ Рубайленковъ и подтопленныхъ грунтовъ архиповскихъ. Обѣдалъ въ квартерѣ.

7. Обѣдали у п. Пекаліцкого, да сегожъ числа и Мовчанъ допрашиванъ по дѣлу Рубайленковъ о унѣверсалахъ и о протчемъ.

8. По службѣ окончили и подписали слѣдствіе и обѣдали у п. Косовича, где подарено мене и хусткою, потомъ отехали до п. Славуцкого въ Леоновку [173]), у которого и ночовалъ.

9. Рано одтоль віехавши, немного позабавился въ Курковичахъ, а оттуду поехавши, заездилъ въ дворъ п. Миклашевского понуровский, да и въ Буду, и пріехалъ надъ вечери въ Стародубъ; въ той поездцѣ розышлось 36 к.

10. До Стефана писано о Петроку и о протчемъ и до егожъ послалъ денегъ 1 р. на росходъ дворовый. Получилъ писма зъ С. П. Бурха одъ п. Горленка, при которыхъ и одъ графа Гаврила Владиславича до жены его присланное вручилъ п. Кровніцкому, при своемъ особливомъ писмѣ.

11. Розышлось на розницю 23 к.

12. Куплено свитъ двѣ для Параски и для баби, и запаску, дано 94 к.

13. Розышлось на розницю 50 к.

14. За зроблене ключика до клевікорда, которій подарилъ мнѣ п. Іскрицкій, дано 6 к. Далъ до оковки ящикъ на каламаръ, за которого роботу заплачено слѣсарю 8 к., на желѣзо 2 к.

15. Принималъ у себе гварнізонныхъ капитана, поручика и прапорщика зъ женами. Розышлось на мясо 26 к., на вино 86 к., за медъ 38 к., на мило до платя и на проч. 5 к. Ввечерѣ были зъ поручикомъ Полянскимъ у кума Никифора на крестинахъ и дано одъ панеи 30 к., одъ мене 50 к.

16. Писано до п. Юркевича подъ вчерашнимъ числомъ, о томъ, чтобъ далъ вѣдомость, кто зъ Печерского былъ зъ святочнымъ при-

[173]) Деревня стародубскаго уѣзда.

вѣтствіемъ въ Глуховѣ, и включенъ пакетикъ для отсылки къ Москвѣ одъ маіора Пущина. Дано снѣцарю въ заработокъ 20 к. Умовленъ слюсаръ дѣлать карабиновъ пару за 6 р., а особливо на мосіонзъ давать же коштъ; которому взадатокъ и данъ 1 р.

17. За 9 мѣховъ сѣчки 13 к., за курицю 3 к., на медъ 2 к., Макринѣ на полотно 24 к.

18. Были у мене на обѣдѣ невѣстка полковничая и дочка, такожъ князь Яковъ Александровичъ Щетинъ, капралъ ризского драгунского полку. Розышлось на розницю 5 к. Привезено зъ Перегону денегъ шинковыхъ 6 р., одъ шинкарки перегонской Марьи Олейницы рублей 3, а прежде о святкахъ отъ еижъ привезенъ 1 р. отъ куровского шинкаря Харитона паламаря 2 р. отъ чубаровского шинкаря Степана Клесунового 1 р.

19. Шевчисѣ, що у пана тестя въ дворѣ живетъ, дано 24 к., на мясо 10 к., на медъ 4 к.

20. Даны въ направу Евдашки, слюсара погарского, сыну, шабля, крущички, замковъ 2 нѣмецкихъ отъ дверей, замковъ одъ скринь; и емужъ дано до заработку 50 к., кромѣ зайшлихъ прежде за него 1 р. 30 к. За пошите свиты Парасцѣ 6 к. Даны ткатись цехмистру ткацкому обруси, за которые одъ локтя по 8 к., полотна—одно по 2 осмаки въ 20 пасомъ, другое въ 18 пасомъ, по 1-й к. одъ локтя. Дана отцу Алексію цукру голова и чаю. Маляру за обмаліоване доски до карети 4 к.

21. На мясо и проч. 19 к. Ковалямъ, що оковали коляску откритую, 50 к. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый Галецкій, а послѣ я мился въ лазнѣ у отца Алексія Халкидонского, потомъ у панеи тещи былъ. На медъ 9 к.

22. Обѣдали у полковника нашого зъ маіоромъ Пущинымъ и другими офицерами інгермонландского полку. На мясо дано 10 к. Одправленъ въ Перегонъ мелникъ печениковскій Іванъ, чрезъ которого писалъ я до Стефана.

23. Обѣдали у мене панея матка, да три поруччика інгермоландского полку Полянскій, Толбузинъ и Порошинъ и весь день у мене пробавили, а вечеромъ былъ я на Березовщинѣ [174]) и тамъ видѣлъся зъ п. Андреемъ Миклашевскимъ и панею его, зъ Корса-

[174]) Хуторъ около г. Стародуба, принадлежавшій Миклашевскимъ.

комъ и сестрою его, и велми пяный оттуду пріехалъ. Розышлось на мясо и проч. 29 к. На пиво и медъ 25 к. На вино 20 к.

24. Весь день пролежалъ зъ похмеля и никуда не виходилъ зъ дому, толко заездилъ ко мнѣ пожегнатся поруччикъ Полянскій.

25. Былъ въ канцеляріи и на майстратѣ, а обѣдалъ въ домѣ купно зъ панею маткою.

26. Панѣ Іванова Борознипа была у мене въ домѣ и Пузириха за своими дѣлами. Дано за три барки (вальки) до колясокъ 6 к. Антону Дону данъ 1 р. за псалтиръ и на дорогу.

27. Данъ рубль 1 Василю на покупку его нуждъ, да куплено 4 колеса и двѣ оглоблѣ, дано 14 к.

28. По одправленію въ соборѣ молебствія благодарственного о коронаціи ея імператорскаго величества, обѣдали приватно у полковника, а послѣ былъ я зъ женою у маіора господина Пущина и у п. Федора Ширая. На мясо дано 12 к., на пиво 4 к.

29. Панъ Федоръ Ширай, отезжая въ Глуховъ, заездилъ ко мнѣ и простилъся. Послѣ обѣда былъ у мене маіоръ Пущинъ зъ маіоршею, поруччики Бунаковъ и Бурдаковъ да прапорщикъ Скорятинъ и п. Скорупна и долго пробавились. На вино пошло 40 к.

30. Рано былъ у мене Василь Романовичъ, зъ которымъ доволно розговоровали о скупленныхъ въ Случку мужикахъ и о прочемъ; онъ же подалъ мнѣ и писма одъ п. Покорского старого. Прибылъ въ Стародубъ г. генералъ квартермѣйстеръ лейтенантъ фонъ Штофель для заниманія лагеровъ для войскъ въ полку starод. Отъ отца Варсонофія, намѣстника свѣнского, принеслъ мнѣ служитель его, финжалъ фарфуровый и мисочку болшіе, гостинця. Розышлось на розницю 5 к., за виправу лисицѣ 3 к.

Май.

1. Писано писмо подъ вчерашнею датою до г. Пасека въ Глуховъ, зъ благодарствіемъ за неоставленіе корреспонденціею. За обмаліоване клевикорда 12 к.; еще 3 к. Писаны писма въ Глуховъ подъ датою прошлою апр. 27, до п. Скоропадского, до п. Юркевича, и подъ нынѣшнею—до п. Лисаневича.

2. Обѣдали у мене п. тесть и поруччикъ Бунаковъ, а послѣ обѣда былъ я у г. фонъ Штофеля, потомъ у капитана Петровского. Одправлено писмо до отца Варсонофія, намѣсника свѣнского, чрезъ

служителя его зъ благодарствіемъ за неоставленіе въ візитѣ и за присилку чашокъ.

3. Въ обѣднѣ были у праздника въ церквѣ Вознесенія Господня, а потомъ заездили до п. Скорупы, а обѣдалъ у мене капитанъ Петровскій зъ женою, послѣ обѣдажъ былъ у менежъ г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель. На мясо и проч. пошло 19 к., на вино 20, на пиво и медъ 19 к. Сего числа противъ завтрашнего, по полуночи въ 1-мъ часу, учинилъся пожаръ въ городѣ Стародубѣ, одъ которого многіе домы, въ томъ числѣ и войсковый дворъ и ратушъ згорѣли, а иные, отбороняючи одъ пожара, поломали.

4. У насъ обѣдали п. Валкевичъ и панѣ Тимофіева Журавкова, которая изъ своими пожитками одъ пожару въ домъ нашъ ввезлася.

5. На мясо пошло 16 к. Кровь пущалъ зашкурную. Дано цѣлюрику 4 к. Посланы писма и крѣпости до п. Скоропадского також писма до п. Юркевича чрезъ Гриневича, сторожа полкового.

6. Нигдѣ зъ дому не бывалъ, ради случившейся слабости. На мясо 6 к.

7. Хлопцю полотна на кошулю 9, к. на діоготь 5 к.

8. Послѣ раннего обѣда отехалъ къ Каташинскому манастиру и по дорозѣ былъ въ Нижніомъ и видѣлись зъ панею Андріевою, потомъ у графинѣ въ Топалѣ и тамъ одвѣвши, полдень поехали до манастыря и прибыли туда позно, где дали намъ келію у отца Дружины и вечеромъ видѣлся зъ отцомъ архимандритомъ тамошнимъ—Давидомъ.

9. По одслушанной позной службѣ, обѣдали въ трапезѣ, а потомъ гуляли въ келіяхъ архимандричихъ, послѣ же и за монастыремъ надъ ліодовнею, а далѣе пожегнавшись, отехали я зъ женою до п. Василія Велинского въ Манюки [175]), а прочіе на Топаль. Въ переездѣ до манастыря и въ манастырѣ розышлось 1 р. 50 к.

---

[175]) Село Манюки, новозыбковскаго уѣзда, въ 1708 г., отдано было съ разрѣшенія Мазепы, стародубскому хоружему Федору Скоробогатому, по смерти котораго вдова его продала Манюки генеральному писарю Савичу. Племянникъ Скоробогатаго Василій Велинскій, получивъ урядъ стародубскаго хоружества, сталъ оспаривать Манюки у Савича, но послѣдній не обращалъ вниманія на этотъ споръ, пока не попалъ, по Полуботковскому дѣлу, въ петропавловскую крѣпость; воспользо-

10. Въ Манюкахъ обѣдалъ, где хозяинъ подарилъ сину моему лисицю, а тудажъ по обѣдѣ прибыли отецъ архимандритъ Давидъ и панѣ Скорупина зъ п. Іскрицкимъ и сожительницею его. Отецъ же архимандритъ подарилъ мнѣ и сину двѣ книжки латинскіе. Одтоль одехавши, ночовали въ Кривцѣ, въ дворѣ п. Федора Савича.

11. По ранномъ обѣдѣ зъ Кривца віехали и прибыли коло обѣда въ Топаль и тамъ позабавились годинъ нѣсколко, отехали до Медведова, где такожъ забавлявшись нѣсколко часовъ, поехали прямо до Стародуба и прибыли въ домъ о 12-мъ часу по полуношномъ. Умовленъ столъ робить и дано въ задатокъ 20 к.

12. Весь день пробавилъ въ домѣ маляра, уговоренного маліовать тарадайку, и дано ему въ задатокъ 50 к.

13. Въ сей день Пентикостіи (пятидесятницы) набоженства слушали въ церквѣ Святого Духа и обѣдали у панеи-матки, а вечеромъ въ домѣ и прибѣрались для принятія гостей.

14. Послѣ набоженства были въ домѣ моемъ на обѣдѣ полковникъ зъ женою своею, п. Скорупа зъ женою же и протчіе мужеска и женска полу. Пошло на мясо 75 к., кухару 60 к. За пол-оха бѣлого соку 15 к., за сулейку чорного соку 20 к. Капитану Петровскому даны 2 р. За лой Бразкупу давный 40 к.

15, 16, 17—пробавили канцелярскими дѣлами.

18. Вибравшись послѣ полдня, віехалъ зъ Стародуба до Перегону и заехалъ первей до Левенки, а послѣ прибылъ о полночи въ Перегонъ.

19. Весь день пробавилъ въ Перегонѣ и былъ на Белявцѣ и на футорѣ Василювскомъ.

20. Обѣдали и весь день пробавили въ Борщевѣ у п. Григорія Гамаліи, а одтоль отехавши были за Ворою и осматривали групту зъ Лукинцями розеханного, тамъ же и жита посѣяпнаго осматривали; а ввечеру были у мене Леонтій Галецкій зъ женою и вечеряли.

21. Обѣдали мы у Леонтія Галецкого, а послѣ обѣда пріехалъ ко мнѣ атаманъ погарскій и другіе. На нитки фарбованные дано

зовавшись этимъ моментомъ, Велинскій поѣхалъ за Манюками въ Петербургъ и здѣсь по мировой съ Савичемъ, писанной 25 сентября 1725 г., въ крѣпости, добился, что Манюки были отданы ему, какъ наслѣдство его дяди.

6 к. Сего числа отобралъ я у Ноздры, шинкаря чаусовского, шинковыхъ грошей рублей 12, и квитанція ему дана. Да у Стефана старосты перегонского 3 р. за коня Триносенкомъ приведенного, злодѣйского.

22. Пріездилъ ко мнѣ Петко зъ женою въ Перегонъ, и принесъ сома свѣжого, такожъ былъ попъ николаевскій села Любца, волости дворцовой Артемонъ Федосіевъ о пропажи 28 брусовъ его дубовыхъ. П. Леонтій Галецкій далъ на 26 осмачокъ жита облѣкгъ. Сего числа Мойсея Жорова побилъ Романовичъ въ Случку. Віехалъ зъ Перегону послѣ полдня и тамъ при віездѣ дано 20 к. Ночовалъ въ Случку у бурмистра Хоменка.

23. Одтоль рано віехавъ, прибылъ въ Стародубъ рано и былъ у полковника, которій поехалъ на встрѣчу генерала маіора Артемія Григоріевича Загряжского. Дано маляру, малюючому таратайку, еще 60 к., да слюсару, которій штурмаки дѣлаетъ, еще 1 р. Студентамъ 10 к. Отобрано у ткацкого цехмистра полотно, которое ткалось въ 20 пасомъ локотъ 71½. Писано писмо до Константія, брата сотника золотоношского, стороны г. генерала лейтнанта квартермейстра Федора фонъ Штофеля.

24. Петру Триносенку данъ въ заплату службы его годовой, що наняли его до двора Куровци, 1 р., а передъ симъ даны емужъ дворовые чоботы. Сего числа заведенъ караулъ въ дворъ п. Миклашевского, где полковникъ стоялъ, и оттоль полковникъ віехалъ въ Андріенковъ дворъ за городъ, а оный дворъ очищенъ и занятъ въ квартеру г. генералу Загряжскому.

25. Отданы 15 р. п. Федору Шираю, которые онъ давалъ мнѣ въ С. П. Бурхъ на покупки, а панеи Скоруппиной отданыжъ 2 р. У Федора Янченка взялъ 5 р. въ задатокъ на пенку. Нанялъ роботниковъ до направки коморы, которымъ давать на день по 8 к. и харчъ, и уже даны имъ 16 к. По полдни въ 4-мъ часу пріехалъ въ Стародубъ г. генералъ маіоръ и кавалеръ и воинскій інспекторъ Артемій Григоріевичъ Загряжскій и сталъ въ дворѣ п. Андрея Миклашевского. Отдана моя пенка въ важницю, которой заважено 7 берковцевъ и два пуды, и отдана на руки Федору Янченку по 5 р. берковецъ, итого за 36 р.

26. Получилъ вчорайшого числа указъ зъ суда войскового енералного о поездѣ въ села монастыря новгородского. Даны маляру

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Литера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой переписке, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сябрать съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Ноябрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1884 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

НОЯБРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПОДПИСКА
на ежемѣсячный историческій
ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1885-й годъ.
(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія наши постоянные читатели могли удостовѣриться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости специальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безъуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстраго мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за **12 книжекъ,** съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10** руб., на мѣстѣ **8** р. **50** к. На заграничную пересылку прибавляется **1** р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* **«Кіевской Старины»,** *Кіевъ Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе)[1].

ГЛАВА 5-я.

Иностранцы въ южной Россіи XII—XVI в.

Литово-польское завладѣніе южно-русской страной, вліяніе котораго на соціально-бытовыя формы кореннаго населенія мы уже видѣли, имѣло и другое, не менѣе важное значеніе: *при подчиненіи южной Руси иноземной власти усилилась инородческая колонизація на ея территоріи.* Кромѣ представителей политико-административной власти въ краѣ — литовцевъ-поляковъ, въ предѣлы южной Руси началось переселеніе и другихъ инородцевъ: нѣмцевъ, евреевъ, молдаво-валаховъ и пр. Особенно сильна была такая колонизація въ польской половинѣ. Хотя въ эпоху татарщины Галиція, какъ провинція болѣе отдаленная отъ татаръ и болѣе самостоятельная (особенно при Даніилѣ Галицкомъ), потеряла туземнаго населенія менѣе другихъ южно-русскихъ областей и въ то-же время вознаграждала эти потери привлеченіемъ населенія изъ другихъ сосѣднихъ странъ; но много мѣстъ даже и здѣсь обезлюдѣло и оставалось впустѣ[2]), благодаря тому, что татары не переставали

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., сентябрск. кн., стр. 1—26.

[2]) Съ водвореніемъ поляковъ въ краѣ во второй половинѣ XIV, даже въ XV в. «пустыя мѣста находились напр. въ долинѣ Суходаль на Свижѣ, окрестно-

врываться отдѣльными группами въ край и дѣлать опустошенія. Польша, въ интересахъ прежде всего экономическихъ (что формулировалось тогда словами: «ижъ бы люди осѣдали и платы бы наши намъ ся повышали» [1]), стремилась всегда повысить плотность населенія и потому открывала двери въ свою страну для иноземныхъ поселеній, вслѣдствіе чего иноземная колонизація землевладѣльческая, торгово-промышленная и даже земледѣльческая, широкою волною вливалась въ теченіи всего польскаго періода въ западную половину южной Россіи въ видѣ поляковъ, нѣмцевъ, молдованъ и пр. Однако собственно соціально-политическія причины имѣли сравнительно малое значеніе на ростъ иноземной колонизаціи въ литовской половинѣ: этимъ путемъ въ первое время поселились на южнорусской территоріи лишь литовцы и татары, и только во вторую половину періода, когда вліяніе Польши сдѣлалось ощутительно для политической судьбы края, увеличивается инородческая колонизація, какъ въ разнообразіи представляемыхъ народностей, такъ и въ количествѣ самыхъ переселенцевъ.

Но въ дѣлѣ инородческой колонизаціи литовско-польскаго періода рядомъ съ политическими причинами стояли и другія, не менѣе важныя; главныя изъ нихъ: *религіозная пропаганда* и *торговля страны.* Оставляя пока разборъ первой [2]) изъ этихъ двухъ причинъ, мы скажемъ, и то только нѣсколько словъ, о второй.

Какъ извѣстно, южную Русь въ то время пересѣкали два главныхъ торговыхъ пути: одинъ по Березинѣ и Днѣпру, а другой

сти Вербйжа до устья Щирка (въ Днѣстръ) и по этой рѣкѣ цѣлыя мили, окрестности р. Созань, впадающей въ Днѣстръ ок. Самбора, околицы ок. Пестрыня и надъ р. Утеранъ ажъ по Коломыю... Также на Подольѣ вездѣ опустѣвшія села, корчмы и дворы». Szaran., «Rys» et caet., стр. 52—53.

[1]) Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 72.

[2]) Какъ въ «литовско-польскій», такъ и въ предшествовавшій «лѣтописный» періодъ немаловажнымъ условіемъ вообще въ этнологической жизни южноруссовъ было *вліяніе религіозное*, какъ по самому своему ученію, духу, такъ и по многочисленнымъ представителямъ различныхъ религіозныхъ пропагаторовъ; но мы, въ интересахъ цѣльности и единства вопроса, религіозную сторону южнорусской жизни (за все время съ IX и по XVIII в.) разсмотримъ въ той главѣ, когда религія получаетъ въ краѣ политическую роль и представляется не отдѣльными лицами или сословнымъ разрядомъ, а цѣлымъ народомъ, и когда она является однимъ изъ главныхъ мотивовъ борьбы за національную самостоятельность.

по Бугу и Днѣстру [1]). Сѣверныя оконечности обоихъ путей, находясь въ непосредственномъ владѣніи нѣмецкихъ рыцарей, сливались съ Балтійскимъ моремъ, тогда охваченнымъ торговлей ганзейскихъ городовъ, а южныя, проходя черезъ область кочевыхъ татаръ Новороссіи, примыкали къ Черному морю, на которомъ торговыми монополистами были тогда итальянцы—генуэзцы и венеціане. Взаимное перемѣщеніе товаровъ ганзейскихъ городовъ и балтійскихъ нѣмцевъ съ сѣвера на югъ и татарскихъ и итальянскихъ съ юга на сѣверъ—представляетъ преобладающій видъ торговли. Къ березиноднѣпровскому и днѣстровско-бугскому торговымъ путямъ примыкали въ роли подвозныхъ дорогъ болѣе второстепенные рѣчные или сухопутные пути—изъ Венгріи, Седмиградіи, изъ Польши, Великаго Новгорода, Москвы и пр. Кромѣ того проходила еще черезъ страну съ запада на востокъ большая торговая дорога изъ Азіи въ Европу. Такимъ образомъ, указанные пути дѣлали южную Русь торговою страною для всѣхъ окружающихъ ее народностей: на югѣ, кромѣ итальянцевъ и татаръ—греки (позже турки), молдаво-валахи и венгры, а на сѣверѣ, помимо нѣмцевъ, поляки, западно и сѣверноруссы (новгородцы и москвичи). Каждая изъ странъ перечисленныхъ народностей принимала участіе, какъ въ лицѣ своихъ торговыхъ представителей, такъ и пуская въ торговый оборотъ предметы производства своей страны [2]).

Значительная часть товаровъ переходила черезъ страну, но часть оставалась на пути, какъ въ виду существованія въ средѣ обитателей запроса на привозимые предметы, такъ отчасти благодаря искусственнымъ мѣрамъ. Правительство южной Руси, глав-

---

[1]) Шаран., стр 146, 196.

[2]) Изъ Молдавіи шли: рогатый скотъ, лошади, овцы, бѣлки, кожи; изъ Седмиградіи серебро въ оправѣ, воскъ и куньи мѣха; изъ Венгріи вина, изъ Греціи рыба и «грѣцкій квасъ»; изъ Азіи и Татаріи—хлопокъ, ладанъ, лимоны, малвазія (родъ вина), шелковыя матеріи, конская сбруя, ковры и вообще такъ называемые *татарскіе товары* (Szaran., стр. 104—106); оттуда-же, а позже изъ Азіи, черезъ посредство Цареграда—восточныя издѣлія изъ кожи: сафьянъ, «тижмы и тебеньки» и восточныя пряности: перецъ, дзиндзиваръ и шафранъ (Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, 1407); изъ Москвы «кошторвные товары», отъ Балтійскихъ нѣмцевъ сукна и проч. товары (Шаран., стр. 196); изъ Польши—соль.

нымъ образомъ польское, видѣло въ торговлѣ не только средство удовлетворенія потребностей населенія и обогащенія городскихъ классовъ, но и одну изъ прибыльныхъ статей фиска, поэтому не переставало заботиться о ходѣ торговли. Заботы правительства касались удобствъ передвиженія [1]) и безопасности провозимыхъ товаровъ [2]), привлеченія внутрь страны иностранныхъ торговцевъ [3]) и *регулированія торговли.* Послѣдняя мѣра выражалась въ опредѣленіи торговыхъ путей [4]), по которымъ должны были двигаться торговые караваны, и въ обозначеніи торговыхъ пунктовъ, гдѣ перевозимые черезъ страну товары обязательно должны были продаваться въ теченіи опредѣленнаго срока и лишь по истеченіи его передвигаться дальше [5]). Вся торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ [6]): нѣмцевъ, армянъ, евреевъ, молдованъ, татаръ и пр.

Туземное населеніе въ это время часть своихъ силъ, остававшихся болѣе или менѣе свободными отъ производства предметовъ

---

[1]) Такъ, въ видахъ безпрепятственнаго сообщенія по рѣкамъ, большія рѣки на Руси и въ Польшѣ, наприм. Днѣстръ, Бугъ, Санъ, Вислокъ и т. д. исключались изъ частнаго владѣнія; на рѣкахъ, протекающихъ черезъ частныя земли, запрещалось, подъ угрозою потери всего имущества, частнымъ владѣльцамъ устраивать безъ разрѣшенія короля заставы и ставилось необходимымъ условіемъ оставленіе прохода для судовъ.—Szaran. «Rys» et caet., стр. 42.

[2]) Ibid., стр. 147.

[3]) Ibid., стр. 145—146.

[4]) Въ 1345 г. кор. Казиміръ опредѣлилъ, напр., дороги, которыми купцы изъ нѣмецкихъ городовъ могли-бы ѣздить безопасно и безпрепятственно въ Русь и въ Польшу, именно такая дорога шла черезъ Казиміръ и Люблинъ до Владиміра, черезъ Брестъ до Судоміра, также обозначена дорога изъ Торуня въ Венгрію и обратно.—Шаран., стр. 197.

[5]) Со времени русскихъ князей дано было такое исключительное право на склады товаровъ: Львову, Луцку, Володиміру. Польскіе короли подтверждаютъ эти привилегіи. Въ 1365 г. издана была привилегія, чтобы купцы, перевозящіе товары изъ Венгріи, не минѣвали Кросна, города на галицкомъ Подгорьѣ.

[6]) На сколько торговлей въ южной Руси овладѣли иностранцы, видно изъ того, что на Руси ходила монета польская, русская, чешская и даже венгерская, какъ равнозначущія деньги. (Szaran. «Rys», стр. 108—109). Пошлина (мыто) собиралась: отъ нѣмецкаго воза—четыре гроша», отъ «армѣнскаго воза» шесть грошей.—Акты относящіеся къ исторіи южной Руси, т. I, стр. 30—32.

первой необходимости, должно было отдавать съ одной стороны на самоохраненіе отъ внѣшнихъ враговъ (татаръ, поляковъ, нѣмцевъ, молдаво-валаховъ и пр.), которые постоянно врывались во внутрь страны,—съ другой на борьбу (правда, пассивную, въ видѣ безпрестанныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто) съ высшими классами противъ ихъ стремленій къ экономическому, политическому и соціальному порабощенію низшихъ слоевъ. Производительность страны понизилась, даже сравнительно съ до-татарскимъ періодомъ, и внѣшняя *вывозная* торговля, которая преобладала въ лѣтописный періодъ, пришла въ упадокъ. Особенно это можно сказать о времени непосредственно слѣдующемъ за татарскимъ нашествіемъ; но чѣмъ дальше отъ начала періода, тѣмъ ростъ производительности страны увеличивается и предметами вывоза являются уже не только сырые продукты, какъ кожи, мѣха, воскъ, медъ, сало, масло, лѣсъ и т. п., но и предметы ремесленнаго производства: такъ изъ г. Львова вывозились косы, ножи, плуги, пояса, сукна, полотно [1]); изъ Кіева: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла, разныя металлическія издѣлія [2]) и пр. Производящимъ населеніемъ въ странѣ являлись какъ иностранцы, особенно нѣмцы [3]), такъ и южно-руссы; первые преобладали въ западной-польской половинѣ, вторые въ восточной-литовской.

Торговля транзитная, а равно и вывозная и внутренняя привлекала въ южную Русь многочисленныхъ иноземцевъ, которые, само собою разумѣется, скоплялись главнымъ образомъ въ тѣхъ городахъ, которые служили центромъ торговой дѣятельности. Такими городами можно назвать Львовъ, Кросно, Черновицы, Каменецъ-Подольскій, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Кіевъ и др. Въ этихъ городахъ существовали цѣлыя колоніи нѣмцевъ, армянъ, евреевъ и пр.

Такимъ образомъ, путемъ политическаго завладѣнія страной, путемъ торговой предпріимчивости и промышленной дѣятельности въ южной Руси въ литовско-польскій періодъ скопилось множество инородческихъ элементовъ; здѣсь проживали: татары, литовцы, поляки, молдаво-валахи, венгры, нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, турки, греки, цыгане, сарацины, чехи, западно и сѣверно-руссы.

---

[1]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 104.

[2]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., Кіевъ и пр., стр. 35—37.

[3]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 104—105.

Одни изъ этихъ инородцевъ явились въ край преимущественно по политическимъ тенденціямъ—это татары, литовцы и поляки; другихъ привлекла сюда торгово-промышленная дѣятельность, таковы: нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, греки, западно и сѣверно-руссы; въ поселеніи третьихъ можно отмѣтить тѣ и другіе мотивы, напр. у молдаво-валаховъ, венгровъ и турокъ. Распредѣленіе иноземнаго населенія по территоріи южной Руси было далеко неравномѣрно: польская половина болѣе обильна была иностранцами, чѣмъ литовская; города включали въ число своего населенія болѣе значительный % иноземцевъ, чѣмъ села: въ послѣднихъ находились главнымъ образомъ поселенія только нѣмцевъ и поляковъ и лишь въ незначительномъ числѣ другія народности. Наконецъ, отношеніе различныхъ инородцевъ къ туземцамъ было не одинаково: тогда какъ одни поддавались вліянію кореннаго населенія, ассимилировались съ нимъ, какъ сѣверно и западно-руссы, литовцы и отчасти татары,—другіе, напротивъ, подчиняли своему вліянію южно-руссовъ, какъ поляки и нѣмцы; третьи наконецъ нейтрализировались во взаимныхъ этнологическихъ воздѣйствіяхъ,—армяне, евреи. Но помимо такихъ, болѣе или менѣе однородныхъ особенностей, каждая народность имѣла свои индивидуальныя оригинальности—во времени вселенія въ край, въ самыхъ поселеніяхъ, въ этнологическихъ отношеніяхъ къ коренному населенію, что мы и укажемъ при разсмотрѣніи каждой народности отдѣльно.

Съ XIII ст. въ южной Россіи, какъ извѣстно, поселились *татаро-монголы*. Самое близкое къ истинѣ мнѣніе о происхожденіи татаро-монголовъ—мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ нихъ этнографическій конгломератъ, въ основу котораго легли монголы, какъ господствующая родовая орда, а массу составили разные подчиненные народы тюркскаго племени. Сами монголы принадлежатъ къ алтайской группѣ народовъ, представителей которой мы видимъ съ одной стороны въ финскомъ племени, съ другой—въ китайцахъ. Первоначальное мѣсто ихъ жительства было въ центральной монгольской возвышенности отъ южныхъ сибирскихъ горъ до границъ Китая. Въ извѣстномъ отношеніи монголы были народъ цивилизованный, именно съ замѣтнымъ отпечаткомъ китайской культуры. Въ XIII ст. движеніе монгольской орды, захватывавшее на пути изъ Азіи разныя народности, достигло предѣловъ южной Руси, гдѣ смѣнялось и

поглотило половцевъ и остатки печенѣговъ [1]). Кромѣ воинственныхъ отрядовъ, которые (съ 1237 по 1243 г.) опустошали южную Русь, значительная масса татарскихъ кочевниковъ поселилась въ степяхъ по восточной и южной окраинамъ, въ теперешнихъ малорусскихъ губерніяхъ: херсонской екатеринославской, таврической, воронежской, Области войска донскаго, почти во всей харьковской, и отчасти курской, полтавской, черниговской, въ южныхъ частяхъ кіевской, подольской губерній и вѣроятно въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской (въ Буджакѣ).

Послѣ такъ называемаго паденія Золотой Орды образовались между другими двѣ орды: ногайская и крымская. Первая возникла въ 1260 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вторая гораздо позже (между 1407 и 1411 гг.)—на правой [2]). Но ранѣе этого здѣсь существовало съ перваго времени нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые наблюдали за покорностью завоеванныхъ странъ [3]). Такъ въ Понизьѣ образовался обширный улусъ, извѣстный съ XIV ст. подъ именемъ Подольскаго, темники котораго представляли собою верховную власть надъ южно-русской страной [4]). Отсюда-же, изъ степей, выходили конные отряды татаръ и опустошали изъ года въ годъ то ту, то другую часть южно-русской страны до конца разсматриваемаго періода. Власть татаръ, какъ извѣстно, опредѣлилась не одинаково для всей страны: такъ болоховскіе города, извѣстные подъ именемъ городовъ, «сидящихъ за татарами» или «людей татарскихъ» [5]), были въ непосредственномъ управленіи татаръ; прочія-же области управлялись черезъ посредство русскихъ князей, и ихъ зависимость реально выражалась въ посылкѣ военной помощи татарамъ [6]) и въ платѣ дани, называвшейся «татарщина» [7]) или «ордынщина». Всѣ эти внѣшнія условія связи татаръ-кочевниковъ съ южно-руссами сближали ихъ

[1]) Иловайскій, стр. 393.

[2]) Германовъ, см. выше.

[3]) Иловайскій, стр. 393.

[4]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 146—147

[5]) Ипатск. лѣтоп., стр. 555.

[6]) Ипатск. лѣт., стр. 578, 585, 588 и др.

[7]) Акты, относящіеся къ исторіи южной Руси, т. I, 1501 г., стр. 343.

взаимно: частые набѣги татарскихъ шаекъ, при которыхъ неизбѣжно было взятіе туземнаго населенія въ плѣнъ, перемѣщали часть населенія изъ внутреннихъ областей страны въ среду кочевниковъ, особенно послѣдняя участь постигала женщинъ и ремесленниковъ [1]), а собираніе дани обратно вызывало первыя поселенія татаръ внутри страны, среди южно-руссовъ; это были баскаки, которые проживали во всѣхъ областяхъ южной Руси, напр. въ Кіевѣ, въ Давыдъ-Городѣ минской губерніи [2]), въ подольскихъ городахъ и пр. Другой путь для сближенія и потомъ для поселенія татаръ среди южно-руссовъ были совмѣстныя войны: кромѣ указанныхъ уже случаевъ соединенія южно-русскихъ военныхъ силъ съ татарскими, по требованію послѣднихъ, было и обратное явленіе, что татары приглашались на помощь русскими и литовскими князьями [3]). Обычай приглашенія татаръ для временной помощи перешелъ рано въ содержаніе постоянной стражи изъ татаръ въ городахъ; такъ полки татарскіе служили на дворѣ Льва и въ столичномъ городѣ: «того князя яко прибочная стражь поселилася около замку» [4]). Аналогичное положеніе занимали частію и военно-плѣнные татары: такъ часть татаръ, плѣненныхъ Витовтомъ, образовала изъ себя военные отряды, которые исполняли опредѣленныя военныя обязанности [5]), почему начальники ихъ надѣлены были землями наравнѣ съ прочими земянами страны [6]), а въ XVI ст. они были уравнены въ

[1]) *Шараневичъ*, стр. 172, 326.—Рубруквисъ, посолъ франц. короля, и его товарищи (1255 г.) слышали, что татары «тѣхъ жителей, которые не въ состояніи болѣе давать золото и серебро, угоняли въ неволю со всѣми ихъ семействами и заставляли пасти свои стада. Татарскія кочевья наполнялись подобными толпами плѣнниковъ изъ разныхъ народовъ, по видимому болѣе всего русскими людьми».—Илов., стр. 402.

[2]) Арх. Анатолій, «Воспоминаніе о древнемъ православіи западной Руси», 1867 г., стр. 25.

[3]) Ипатск. лѣт., 1280 г., стр. 581. *Шараневичъ*, 1352 г., стр. 100, 119, 172.—*Chodeniecki*, «Historija stołecznego Królewstwa Galicyi i Lodomeryi miasta Lwowa. Lwów, 1865 г., стр. 43. Акты, относ. къ ист. южной Россіи, т. 2, 1533 г., стр. 327.

[4]) *Шараневичъ*, стр. 119.

[5]) Ibid., стр. 326.

[6]) Акты южной Россіи, т. II. № 113, стр. 142. т. V, № 3, стр. 360—363

правахъ со шляхетствомъ [1]); но другая часть изъ тѣхъ-же татаръ по мѣсту поселенія и по своимъ занятіямъ (извозъ, огородничество, красильство) [2]) по отношенію къ администраціи сравнялась съ городскими или сельскими жителями южной Россіи [3]). Поселялись татары внутри страны и по инымъ мотивамъ, напр. какъ непосредственные участники въ тогдашней южно-русской торговлѣ; этого типа татаръ мы находимъ въ Кіевѣ [4]), Львовѣ, Кременцѣ [5]) и другихъ городахъ, лежащихъ на пути транзита товаровъ изъ Азіи въ Европу. Районъ поселеній татаръ на территоріи южной Руси не опредѣлялся какими нибудь областями; ихъ можно было встрѣтить вездѣ: кромѣ указанныхъ уже выше мѣстъ, поселенія татаръ были въ землѣ берестейской [6]), на Волыни (въ Острогѣ), а также въ Подоліи [7]). Число внутри живущихъ татаръ въ литовско-польскій періодъ было довольно значительно: такъ однихъ потомковъ татаръ поселенныхъ Витовтомъ въ XVI в. было болѣе 10,000 семействъ. На значительность контингента татаръ указываютъ и неоднократныя упоминанія въ актовомъ матеріалѣ о проживавшихъ внутри литовскаго княжества татарахъ [8]) и между прочимъ актъ о воспрещеніи женщинамъ вступать въ сожитіе съ жидами, турками и татарами [9]), о томъ-же говоритъ и фактъ возмущенія кіевлянъ въ 1455 г. противъ проживающихъ въ городѣ татаръ [10]). Совмѣстная вѣковая жизнь татаръ съ южно-руссами вела, само собою разумѣется, къ ихъ взаимному вліянію, выразившемуся между прочимъ въ ассимиляціи первыхъ. Свидѣтелями послѣдняго явленія между прочимъ служатъ нѣкоторыя южно-русскія фамиліи, родоначальниками которыхъ были татары. Кромѣ фамилій Шаблов-

[1]) Акты южн. Россіи, т. 1, стр. 178; Бершадскій, стр. 292, 293.

[2]) Бершадскій, стр. 392—3.

[3]) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

[5]) Шараневичъ, стр. 198, 385.

[6]) Ibid., стр. 288, Кукольникъ, стр. 44.

[7]) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.

[8]) Акты южн. Россіи, т. I, стр. 142; т. III, стр. 125.

[9]) Ibid., т. III, стр. 20.

[10]) Шараневичъ, стр. 441.

скихъ [1]), Глинскихъ [2]), Кобизычей, Фыцовъ, о татарскомъ происхожденіи которыхъ мы уже говорили, можно указать еще обрусѣвшихъ татаръ среди городскаго и сельскаго сословій: напр. мѣщане г. Бреста—Щасные-Богушевичи [3]), Иванъ Татарчанинъ въ г. Пинскѣ [4]), Марко Татаринъ въ селѣ Бобровичахъ пинскаго повѣта [5]). Извѣстно также, что часть Витовтовыхъ татаръ приняла христіанство и слилась съ туземцами [6]). Сближеніе между южноруссами и татарами приняло послѣ вѣковаго сосѣдства и болѣе широкое вліяніе: оно коснулось и татарскаго населенія, кочевавшаго по южной границѣ страны, что рельефно замѣтно на такъ называемой «Подольской Ордѣ»: проживавши здѣсь до 1362 г., когда остатки ихъ удалились въ Крымъ, подольскіе татары зажили осѣдлою жизнью, стали заниматься земледѣліемъ, а главное—приняли славяно-русскій языкъ [7]). Нѣтъ основанія предполагать аналогичнаго вліянія на татаръ, кочевавшихъ на границахъ съ Кіевщиной, въ южныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ древней Сѣверской земли, гдѣ кочевыя орды были перемѣнныя, но въ извѣстномъ вліяніи осѣдлаго населенія нельзя отказать и здѣсь, тѣмъ болѣе, что татары ко 2-й половинѣ XV в. начали не только возвращаться къ пастушескому быту, но среди нихъ появились даже задатки гражданскихъ стремленій [8]). Дальнѣйшему сближенію южно-руссовъ съ татарами поставили препятствіе турки, которые, подчинивъ своей верховной власти южно-русскихъ татаръ, сдѣлали ихъ въ тоже время ревностными послѣдователями Магомета.

[1]) Акты, т. V, № 5, стр. 350—363.

[2]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 21—22.

[3]) Акты, изд. въ Вильнѣ, т. VI. стр. 272—3.

[4]) «Писцов. кн.», ч. 1, стр. 69.

[5]) Ibid., ч. 2, стр. 121.

[6]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 111.

[7]) Стрыйковскій, путешествуя спустя 200 лѣтъ послѣ удаленія татаръ изъ Подоліи по берегамъ Дуная, встрѣтилъ въ Добруджѣ и около Силистріи татарское осѣдлое и земледѣльческое населеніе, большинство котораго говорило еще на славянскомъ языкѣ. И вотъ между этими татарами сохранилось преданіе, которое объясняетъ причину своихъ бытовыхъ особенностей тѣмъ, что предки ихъ жили нѣкогда долго въ Подоліи. — Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества, стр. 144—149.

[8]) Житецкій П., стр. 286.

Далеко глубже и шире, чѣмъ у татаръ, произошло сближенie съ южно-руссами *литовцевъ.* По выводамъ сравнительной филологiи изъ всѣхъ неславянскихъ народовъ Европы литовцы ближе всѣхъ стоятъ къ славянскому племени [1]): они принадлежатъ не только къ одной съ славянами индо-европейской семьѣ, но даже и къ одной вѣтви—«славяно-литовской». Первоначальная исторiя жизни литовскаго племени темна еще болѣе, чѣмъ славянъ, и сравнительная филологiя утверждаетъ только, что перiодъ европейской жизни его никакъ не меньше, чѣмъ послѣднихъ, и что, по всей вѣроятности, и самое отдѣленie славянъ отъ литовцевъ произошло уже на европейской территорiи. Съ давняго времени литовцы жили въ той-же приблизительно области [2]), что и въ историческое время, сосѣдя такимъ образомъ постоянно съ славяно-руссами, и хотя по скуднымъ свѣдѣнiямъ византiйцевъ-римлянъ за ними можно прослѣдить до временъ Геродота, но историческимъ народомъ они дѣлаются лишь съ X в., когда съ ними начинаютъ сталкиваться южно-русскie славяне. Сначала литовцы выступаютъ въ страдательной роли, что мы уже и видѣли въ «лѣтописномъ перiодѣ», но XIII—XIV в. роль ихъ измѣняется: ихъ власти подпадаютъ всѣ осѣдлые народы сѣверо-западной и южной Россiи. Около этого времени литовцы подраздѣлялись на 8 этнографическихъ группъ: эстовъ, ливовъ (летголовъ), жемгалу (semigalia), корсь (куроны), жмудь, литву, пруссовъ и ятвяговъ [3]). Для южной

---

[1]) Близость литовцевъ къ славянамъ обыкновенно представляется при пособiи слѣдующей таблицы:

Европ. отдѣлъ арiйск. (индо-европ.) племен.
- А) Первая половина, заселившая с.-в. Европы
  - 1-я вѣтвь — германцы.
  - 2-я в. — славяне.; литовцы.
- Б) Вторая половина, занявшая юго-з. Европы
  - 1-я в. — пелазги.; кельты.
  - 2-я вѣтвь — греки.

[2]) Напр. у Птоломея галинды и судены, эти два колѣна пруссовъ, помѣщены въ сосѣдствѣ съ венедами.

[3]) Антоновичъ, «Исторiя Велико-Литовскаго княжества», стр. 5; Ипатск. лѣт., стр. 492, 503, 526, 531, 540, 544, 537—8, 549, 551—2, 561, 574, 577, 579, 580, 590 и др.

Россіи имѣли значеніе главнымъ образомъ три вѣтви: жмудь, литва и ятвяги. Жмудь и литва обитали въ центрѣ поселеній литовскаго племени, именно первая на нижнемъ теченіи Нѣмана и на его притокахъ: Дубиссѣ и Невяжѣ и на поморіи, у его устья, а вторая на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Виліи [1]); поселенія-же ятвяговъ, примыкая къ южнымъ окраинамъ собственной Литвы, врѣзывались узкимъ клиномъ между славянскими племенами: мазовшанами и дреговичами, достигая до западнаго Буга, вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ волынскаго княжества [2]); именно они занимали пространство между двумя большими рѣками—на сѣверѣ Нѣманомъ, на югѣ Наревомъ, на с.-з. до верховьевъ Ленки и Нетты, на востокъ до верховья Нарева и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки [3]). Всѣ свѣдѣнія о литовцахъ показываютъ, что они находились въ періодѣ первобытнаго проживанія, подчиняясь въ своихъ бытовыхъ особенностяхъ исключительно вліянію природы: у нихъ не оказывается даже и зародыша государственности [4]), отмѣчаемаго, между прочимъ, возникновеніемъ городовъ. Какъ мы уже видѣли раньше, съ самаго начала объединенія русско-славянскихъ племенъ, южныя пограничныя поселенія литовцевъ начинаютъ посѣщаться русскимъ войскомъ; посѣщенія эти постепенно усиливаются, а вслѣдъ за войскомъ сюда стремится и русская колонизація изъ южно-русскихъ предѣловъ. Отъ столкновеній съ южно-руссами терпятъ прежде всего ятвяги: они уступаютъ часть своей территоріи побѣдителямъ, идутъ въ глубь страны въ область лѣсовъ и болотъ и, видимо, количественно уменьшаются. Съ конца XII ст. литовцы начинаютъ терпѣть давленіе и въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ новыхъ сосѣдей—нѣмцевъ, которые устремились сюда съ неудержимой энергіей религіозныхъ неофитовъ [5]) и къ концу XIII ст. успѣли подчинить себѣ съ одной стороны—пруссовъ, съ другой—латышей и жемга-

---

[1]) Антоновичъ, ib.

[2]) Антоновичъ, стр. 6.

[3]) «Этнографическій сборникъ», 1858 г., вып. III; «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

[4]) Антоновичъ, стр. 7—8.

[5]) Ibid., стр. 15.

ловъ [1]). Но центральныя племена—литва и жмудь, находившіяся внѣ района завоевательныхъ опустошеній славяно-руссовъ и нѣмцевъ, успѣли создать за это время вокругъ себя болѣе или менѣе прочный государственный строй [2]), благодаря которому, они не только даютъ отпоръ нѣмцамъ, но и начинаютъ нападать на южноруссовъ. Являясь сюда сначала въ качествѣ союзниковъ при междоусобныхъ войнахъ князей, они со второй половины XII ст. начинаютъ занимать то положеніе относительно южной Руси, какое на юго-востокѣ принадлежало половцамъ [3]). Нашествіе монголовъ послужило на пользу литовцамъ: сосѣди славяно-руссы заслонили собой ихъ отъ опустошенія монголовъ, которымъ препятствіе къ тому-же ставила еще и природа страны—лѣса и болота, а обезсиленные въ это время южно-руссы не могли уже ставить препятствій для движенія литовцевъ на югъ [4]). Такимъ путемъ литовцы выступили изъ понѣманскихъ земель и подчинили себѣ въ теченіи одного вѣка (1250—1350) всю сѣверо и юго-западную Русь, такъ что Литва въ это время простиралась отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Буга до Смоленска [5]). Основнымъ ядромъ литовскаго государства съ первой половины XIII ст. служила Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродномъ, Слонимомъ, Волковыйскомъ, т. е. земли кривичей, и къ нему уже съ XIV в. стали приставать разныя южно-русскія области, и около 1340 или 1341 г. вся южная Русь соединилась подъ властію литовскихъ князей [6]), со второй половины XIV ст. за Литвой укрѣплены: княжества туровское, брянское, чернигово-сѣверское, волынское, кіевское съ частью Подоліи [7]), а около XV в. границы раздвинулись до устьевъ Днѣпра

[1]) Ibid., стр. 17.

[2]) Дашкевичъ, стр. 113.

[3]) Ibid.

[4]) Плано-Карпини утверждаетъ, что на пути изъ Волыни въ Кіевъ (1245 г.) онъ находился въ постоянной опасности отъ литовцевъ, которые часто нападаютъ на русскую землю. Антоновичъ. стр. 25.

[5]) Первольфъ, стр. 17, «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ», Спб. 1865 г., стр. XXVI.

[6]) Смирновъ, «Споръ Литвы съ Польшей», стр. 21.

[7]) Антоновичъ, «Истор. Вел. кн. Лит.», стр. 7; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, стр. 29.

и Днѣстра [1]). Но въ обширномъ районѣ великаго княжества литовскаго собственно литовцы занимали земли только на верхнемъ Нѣманѣ [2]), именно оба берега нижней Виліи и нижняго Нѣмана до Юрбурга, а оттуда правый берегъ послѣдняго, иначе часть нынѣшней виленской, ковенской и сувалкской губерній [3]); въ подчиненной-же южной Руси изъ литовцевъ находились по городамъ литовскіе намѣстники (князья, воеводы, старосты) [4]) и литовскіе гарнизоны [5]), и вообще большая часть должностей въ русскихъ областяхъ была замѣщена природными литовцами [6]). Трудно на основаніи отрывочныхъ данныхъ установить фактъ колонизаціи южно-русской страны литовской народной массой; но по всѣмъ видимостямъ такая колонизація была, хотя и не въ широкихъ размѣрахъ; на это, между прочимъ, указываютъ такія названія поселеній, какъ Jadvigi, Прусье, Литовка, Прусаны, Старый Литвиновъ—въ Галиціи; Пруски, Литовщиновъ кременецкаго уѣзда, Пруски въ острожскомъ, Жмудча въ ковельскомъ, Литва въ луцкомъ, Жмудь въ холмскомъ [7]) и пр.; и очень возможно, что значительная часть изъ нихъ была поселеніями плѣнныхъ литовцевъ, что нерѣдко было въ началѣ періода. Кромѣ плѣна, были и другіе пути переселенія въ южную Русь: такъ напр. Тройденъ во второй половинѣ XIII в., ограждая границы своихъ земель со стороны Волыни, по-

---

[1]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества, стр. 150.

[2]) Перкольфъ, стр. 17, Антоновичъ, 156.

[3]) Кукольникъ, стр. 25.

[4]) Такъ въ Кіевѣ ок. 1470 г. былъ первымъ кіевскимъ воеводою литвинъ католикъ Мартынъ Яневичъ Гаштольдъ (Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 25); Черниговомъ и Трубчевскомъ управлялъ при Ольгердѣ Дмитрій Ольгердовичъ старшій, другой Дмитрій Корибутъ Ольгердъ младшій получилъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ князя Стародуба сѣверскаго, упоминается племянникъ Ольгердъ Патрикій Нарямунтовичъ (Голубьевъ стр. 201). Около этого же времени вся Подоль перешла въ руки братьевъ Коріатовичей.

[5]) Въ XIV ст. Лобартъ, завоевавши часть Галиціи, «засадилъ въ литовскіе городы свои залоги» (Шараневичъ, стр. 425); логично предполагать, что когда Витовтъ послалъ Ивана Ольгимунтовича въ Кіевъ и далъ ему «держати Кіевъ» въ 1396 г., то вѣроятно при немъ была и литовская «залога», на которую онъ и опирался въ своемъ правленіи.

[6]) Документы при книгѣ Шараневича, LXXVI, стр. 283.

[7]) Дашкевичъ, стр. 89.

селилъ въ русскихъ пограничныхъ городахъ колонистовъ прусско-литовскаго племени [1]); въ пинскомъ староствѣ были литовскія поселенія: литва князя Чарторыйскаго [2]) это очевидно, были поселенцы на земянскомъ участкѣ, а г. Мозырь нѣкоторое время служилъ своего рода Сибирью литовскою, куда ссылали всѣхъ преступниковъ [3]). Но главный путь для колонизаціи южной Россіи литовцами было вселеніе въ край литовскаго дворянства. Распредѣляясь по странѣ неравномѣрно, какъ мы уже говорили выше, литовско-дворянская колонизація захватывала не только заселенные пункты, но она быстро подвигалась и въ области, опустошенныя татарами и вновь заселенныя южно-русскимъ населеніемъ [4]). При феодально-аристократическомъ строѣ литовскаго общества въ ту эпоху, пребываніе въ южной Россіи литовскихъ представителей въ видѣ князей, старостъ, а также поземельныхъ владѣльцевъ сопровождались поселеніемъ здѣсь значительнаго контингента литовскаго простонародья, въ видѣ двора, слугъ, земледѣльцевъ и т. п. Такъ съ поселеніемъ въ Подоліи братьевъ Коріатовичей сюда направились толпы колонистовъ изъ сѣверныхъ областей Литвы [5]), и весьма вѣроятно предположеніе, что литовское населеніе размѣстилось въ подольскихъ городахъ, которые были построены Коріатовичами, какъ Смотричъ, Бакота, Каменецъ [6]); аналогичное-же происхожденіе, можно думать, имѣли и тѣ литовцы, которые въ XVI в. оказываются въ кіевской землѣ [7]). Скудость указаній на поселенія литовцевъ среди южно-руссовъ объясняется еще тѣмъ, что они рано теряютъ свои рѣзкія національныя оригинальности и сливаются съ кореннымъ населеніемъ. Ранѣе другихъ исчезаютъ *ятвяги*, какъ ближайшіе сосѣди южно-руссовъ, съ которыми больше всего происходило враждебныхъ и дружескихъ столкновеній; именно ятвяги

---

[1]) Антоновичъ, «Исторія Великаго княжества Литовскаго», стр. 36; Ипатск. лѣт., стр. 577—579.

[2]) «Писцовая книга», т. 1, стр. X.

[3]) Анатолій арх., «Воспоминаніе», стр. 12.

[4]) Житецкій, стр. 285—286.

[5]) Ibid.

[6]) Смирновъ, стр. 41.

[7]) Акты, относящіеся къ западной Россіи т. II, 1507, № 30, стр. 34.

сходятъ со страницъ источниковъ уже въ 1282 г.[1]); они частію переселились въ глубь литовской страны, а частію расплылись въ средѣ новыхъ на Подляеьѣ польскихъ и южно-русскихъ колонистовъ. Та-же судьба постигла, только позже, и всѣ другіе литовскіе элементы, обитавшіе между южно-руссами. Долгія взаимныя военныя отношенія то враждебныя[2]), то союзныя[3]), торговыя сношенія[3]), и главнымъ образомъ вѣковая совмѣстная жизнь, вызвавшая семейныя связи[4]), и принятіе христіанства[5]) отъ русскихъ, сблизило литовцевъ и южно-руссовъ. Сближеніе это состояло въ культурномъ подчиненіи первыхъ послѣднимъ, что выразилось ярко въ принятіи литовцами русскаго языка, который вошелъ во всеобщее употребленіе отъ княжескаго дворца до хижины земледѣльца; русскій языкъ для литовцевъ сдѣлался языкомъ дипломатическимъ, судебнымъ, а главное семейнымъ[6]). Къ концу разсматриваемаго періода литовскій этнологическій элементъ теряетъ свое индивидуальное существованіе въ южной Россіи.

Совершенно иная судьба сложилась для *поляковъ*. Въ началѣ разсматриваемаго періода поляки обитаютъ какъ сосѣди внѣ внутренней жизни южной Россіи, потомъ получаютъ вліяніе въ западной половинѣ края, а къ концу періода расширяютъ свое значеніе до крайнихъ восточныхъ и южныхъ предѣловъ южной Руси. Самымъ сосѣднимъ мѣстомъ къ поселеніямъ поляковъ (ляховъ) было такъ

---

[1]) Исчезновеніе ятвяговъ въ періодъ выступленія на историческую сцену другихъ литовскихъ отраслей было главнымъ поводомъ къ появленію мнѣнія, что они народъ отличный отъ литовцевъ: такъ ихъ считали за отрасль сарматовъ, тождественную съ яисоматами (или яцыгами), которая забрела съ Дона въ Полѣсье до IV в. по Р. Х.— «Этнографическій сборникъ», т. II и «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

[2]) Напр., годы войнъ южно-руссовъ съ литовцами по Ипатск. лѣт., 1227, 1241, 1248, 1251, 1252, 1253, 1276, 12, 77 и др.

[3]) Ипатск. лѣт., 1249, 1252 и т. д.

[4]) «Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ», «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», 1862 г., стр. 181.

[5]) Извѣстно, напр., что 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями Литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за князей русскихъ. Ibid., августъ, стр. 25.

[6]) Ibid., стр. 181.

[7]) Ibid., стр. 128—188.

называемое Подлясье, что теперь сѣдлецкая губернія и часть гродненской, и эта область южно-руссовъ естественно раньше другихъ частей увидѣла польскую власть и польское населеніе, затѣмъ подчиняется польской власти Галиція и позже другихъ (въ 1434 г.) Подолія. Послѣднія двѣ области южной Руси, принадлежа къ польскимъ владѣніямъ, входили въ составъ Малой Польши подъ именемъ трехъ воеводствъ: белзскаго, русскаго и подольскаго. Волынь въ теченіи всего періода переходила нѣсколько разъ отъ литовцевъ къ полякамъ и обратно, то по частямъ, то цѣликомъ, пока наконецъ не произошло въ концѣ періода окончательнаго политическо-административнаго слиянія Литвы съ Польшей, когда политическая власть Польши охватила и всѣ прочія части южной Руси. Политическое завладѣніе у поляковъ шло параллельно съ этнографическимъ воздѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что тогда Польша по интеллектуальному и политическому развитію стояла выше южно-русскихъ провинцій, ослабленныхъ духовно-историческими невзгодами; въ то-же время она была, сравнительно съ южно-русскими и литовскими областями, густо населена, и въ обществѣ польскомъ произошло уже то сословно-экономическое неравенство, которое выражается въ обѣдненіи массы населенія, и потому въ Польшѣ уже назрѣли соціально-экономическія потребности выселенія части своего населенія безъ ослабленія своего политическаго строя и этнографическаго единства. Но съ запада, сѣвера и даже съ сѣверо-востока Польшу окружало крѣпкое кольцо тевтонскихъ поселеній, могущественныхъ нравственною и политическою силою, и потому естественно, что у нея явилась политическая миссія въ подчиненіи себѣ ослабленныхъ предшествовавшими событіями южно-русскихъ, богатыхъ природными дарами областей, куда она могла постоянно и постепенно съ пользою для центральной страны сбывать часть своего населенія. И послѣднее дѣйствительно сразу хлынуло значительною волною въ южно-русскій край въ разнообразныхъ видахъ: сюда стремились польскіе дворяне (шляхта), сюда везли свои товары польскіе торговцы, или мѣщане, переселялись и бѣжали польскіе крестьяне, сюда-же направлялось и польское войско. Польское населеніе наполняло замки, переполняло города и примѣшивалось къ кореннымъ обитателямъ въ сельскихъ поселеніяхъ. Политическая, административная и даже экономическая сила переходила къ польскому населенію. Прежде всѣхъ, конечно,

являлось въ край польское войско: оно окружало польскихъ князей [1]) и позже польскихъ намѣстниковъ [2]) въ странѣ. Вслѣдъ за войскомъ является въ странѣ польское шляхетство: короли польскіе съ цѣлью обезпеченія границъ и увеличенія дохода короны отъ увеличенія населенія раздавали въ награду за военныя заслуги земли, и въ числѣ получавшихъ земельныя награды были, конечно, польскіе шляхтичи [3]). Сначала раздавались и цѣлые повѣты и отдѣльныя села на ленномъ правѣ [4]) (которые, впрочемъ, скоро переходили въ потомственное «дѣдичное» владѣніе), подъ условіемъ, чтобы лица, получившія лены, служили на войнѣ съ условленнымъ числомъ «лучниковъ», «копейниковъ» или «рыцарей конныхъ» [5]). При этомъ нерѣдко земли отбирались отъ прежнихъ русскихъ владѣльцевъ и раздавались полякамъ [6]). Другимъ побужденіемъ при раздачѣ земель была временная нужда королей въ деньгахъ, когда послѣдніе подъ

---

[1]) Въ 1327 г. Болеславъ Тройденовичъ, первый князь польскій въ Галиціи, окружилъ себя иноземнымъ войскомъ, въ составъ котораго входили главнымъ образомъ поляки; въ 1366 г. Казиміръ, «яко знамя своей верховной власти», по словамъ Шараневича, «оставилъ засаду *польскую* въ Владимірѣ, а пôдля где которыхъ жерелъ и въ Луцку» (Шараневичъ, 123); въ 1385 г. въ г. Дрогичинѣ была «залога» Мазовецкая. Ibid., 241.

[2]) Въ 1446 г. Теодоръ Бучацкій, староста подольскій, занялъ замки литовскіе на Подольѣ: Меджибожье и Хмѣльникъ и засадилъ ихъ *коронными полками*. Ibid., стр. 416.

[3]) *Szaran.* «Rys» стр. 45—47. Такъ Казиміръ «какому-то Накославу и его потомкамъ въ мужской и женской линіи отдалъ городъ Решавъ съ цѣлымъ его повѣтомъ, какъ онъ былъ обозначенъ еще при русскихъ князьяхъ, со всѣми селами, «свободами», «ужитками» и пр.

[4]) На такомъ правѣ «rzeszowski obwód» вмѣстѣ съ городомъ отданъ былъ Якову Накославу, дѣдичу изъ Стожискъ; самборскій повѣтъ Спитку изъ Мелштина, щчебрешинскій повѣтъ братьямъ Горайскимъ, жидачевскія земли роду Ходоровскихъ, перемыслькій повѣтъ роду Быбельскихъ и проч.—Szaranewicz, «Rys», стр. 56—57.

[5]) Въ XV в. на Подольѣ осѣло много рыцарей польскаго происхожденія, «надѣлени добрами». Шараневичъ, 132, 347.

[6]) Шараневичъ, 367. Напримѣръ, при Ягеллѣ, по смерти волынскаго намѣстника Ѳедушка, по происхожденію русскаго князя, его русскія «дѣдичныя» области были раздѣлены и достались польскимъ войтамъ и «русская земля пріобрѣла нѣсколько крупныхъ, принадлежащихъ польской народности дѣдичей». Ibid., стр. 368.

залогъ за занятыя деньги отдавали цѣлые города [1]), въ которые и переселялись польскіе владѣльцы [2]).

Третій путь для вселенія въ страну шляхты представлялся въ полученіи разныхъ должностей, съ которыми связывалось также владѣніе землями, селами и разными доходами [3]). Помимо указанныхъ путей польское шляхетство по личнымъ экономическимъ побужденіямъ стремилось въ край южно-русскій, который манилъ ихъ своими природными богатствами [4]), особенно такіе благодатные уголки, какъ Подолье и Поднѣстровье, гдѣ польскіе шляхтичи стремились пріобрѣсть не одни должности, но и недвижимыя имѣнія. Въ числѣ средствъ для реализированія своихъ стремленій были браки поляковъ съ дочерьми коренныхъ владѣльцевъ или владѣтельныхъ шляхтичей [5]).

Въ XV в. въ предѣлахъ польской Руси обитало уже много фамилій польскихъ и частію ополяченныхъ туземцевъ [6]), изъ нихъ болѣе крупные были дворяне мало-польскіе, а мелко-помѣстные мазовецкіе; послѣдніе концентрируются на меньшихъ участкахъ, главнымъ образомъ въ белзскомъ воеводствѣ (въ древнихъ червен-

[1]) Такимъ образомъ, былъ отданъ во владѣніе Петру изъ Шамотулъ г. Яворовъ; замки Львова, Галича и Жидачева находились въ залоговомъ владѣніи до выкупа въ рукахъ Одровонжей, а Каменца-Под. въ рукахъ Бучацкихъ и т. д. Szaran. «Rys.», стр. 48.

[2]) Въ 1393 г. Ягайло за 20,000 грошей города Подоліи передалъ пану Спиткови, воеводѣ краковскому, который и переселился въ Подолье въ числѣ первыхъ польскихъ владѣльцевъ. Шараневичъ, стр. 286.

[3]) Въ 1390 г. Ягайло, взявши города Витольда—Городно, Бресть, Каменецъ полѣсскій и пр., поручилъ управленіе ими польскимъ шляхтичамъ; Брестъ отданъ былъ Гницъ-Роговскому, Каменецъ Зиморату Москаржовскому (Шараневичъ, стр. 277). Тоже повторялось и въ Подоліи. Ibid., стр. 327.

[4]) Симашкевичъ, стр. 12.

[5]) Такъ князья Рациборскіе изъ Силезіи сдѣлались владѣльцами Яворова, получивъ въ приданое за дочерью Винцента изъ Шамотулъ; такое-же происхожденіе владѣній въ краѣ Мышковскихъ и др. Szaran., «Rys», стр. 20, 21 и 22.

[6]) Напримѣръ фамиліи: Chodecz, Тарлы, Сѣнинскіе, Гербурты, Гадуинки, Ходоровскіе, Кердѣевичи, Лопатки, Гольшанскіе (Szaran. «Rys», 10—11), Одровонжи, Струси, Ланцкоронскіе, Гумѣцкіе, Кожуховскіе, Дыяковскіе, Замойскіе, Каменецкіе, Бучацкіе, Бржескіе, Язловецкіе, Ляноцкоронскіе, Ходецкіе, Мелецкіе, Претвичи, Потоцкіе, Шафранцы, Фирлеи, Синявскіе, Олесницкіе и мн. др.—Симашкевичъ, стр. 12, 76, 111, 118.

скихъ городахъ); польское дворянство, особенно знатное, являлось въ край, по обыкновенію со своимъ дворомъ, нерѣдко весьма многочисленнымъ [1]).

Второй слой польскаго населенія, явившійся въ край въ этомъ періодѣ, представляли *польскіе горожане*. Города, какъ торгово-промышленные центры, въ то время представляли главныя доходныя статьи государства и потому они обратили на себя преимущественное вниманіе польскихъ властей: старые города расширялись, населялись новымъ, болѣе активнымъ населеніемъ, многія села обращались въ города, основывались также и новые города, и всѣ они надѣлялись льготами и правами; добиваясь роста городовъ и городскаго населенія, польская власть предоставляла непосредственныя заботы, подъ условіемъ разныхъ льготъ (магдеб. права) и экономическихъ выгодъ, своимъ намѣстникамъ, частнымъ владѣльцамъ, монастырямъ и пр. Естественно, что быстро ростущіе города колонизировались новымъ пришлымъ населеніемъ, среди котораго численное превосходство принадлежало полякамъ. Кромѣ городовъ Львова, Галича, Каменца, въ которомъ польское населеніе было несомнѣнно, его нужно предполагать и во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые въ разсматриваемый періодъ получили магдебургское право или вновь основались [2]).

Польское населеніе жило въ самыхъ городахъ, а также селилось вокругъ городовъ—въ предмѣстьяхъ, потому что вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ города надѣлялись разными угодьями: лѣсами, полями, водами и пр., и войты поселяли на дарованныхъ пустошахъ колонистовъ, по большей части прибывшихъ изъ Польши [3]).

---

[1]) Напримѣръ, *Спитко* сопровождалъ на Подолье великолѣпный дворъ; при немъ состояли дворяне: маршалокъ Бернаръ, Прокопъ писарь (notarius), Преславъ скарбникъ (Thesaurarius), Николай чашникъ (pincerna) и много иныхъ пановъ польскихъ на его дворѣ, помимо многочисленной польской прислуги. Шараневичъ, стр. 287; Сиашкевичъ, стр. 17.

[2]) Это города: Жидачевъ, Новый Самборъ, Дрогобичъ, Красно, Стрый, Снятынъ, Червоногродокъ, Холмъ, Бужескъ, Теребовль, Белзъ, Кузиковъ, Дунаевъ, Гливяны, Краснополье, Радымно, Дубецко, Тирова, Грубѣшовъ, Красноставъ, Соколь (Шараневичъ, стр. 352, 383—384), Смотричъ, Брацлавъ (Сиашкевичъ, стр. 36, 77) и т. д.

[3]) Шараневичъ, стр. 385.

Въ городахъ-же поселялись и польскіе торговцы, хотя они въ числѣ и въ богатствѣ уступали другимъ иноземцамъ, какъ нѣмцы и армяне.

Существовало въ предѣлахъ южной Руси и польское *сельское населеніе*. Дѣло въ томъ, что съ присоединеніемъ къ Польшѣ обширныхъ и богатѣйшихъ земель южно-русскихъ и съ переходомъ большинства этихъ земель въ частное владѣніе, потребовалось и большее количество рабочихъ рукъ для ихъ эксплуатаціи, между тѣмъ этой потребности не могли удовлетворить коренные обитатели—южноруссы, такъ какъ южно-русская страна была менѣе густо населена, чѣмъ Польша, къ тому-же населеніе постоянно рѣдѣло вслѣдствіе войнъ и татарскихъ набѣговъ, и потому естественно, что въ южную Русь явился запросъ на иноземныя рабочія силы и этимъ открылся доступъ для польскихъ крестьянъ: «сюда тянуло польское крестьянство, привлекаемое обѣщаніемъ широкихъ льготъ, свободы и такъ называемой *воли*» [1]).

Не удивительно поэтому, что во второй половинѣ XV в., когда рабочее населеніе съ распростертыми объятіями принималось землевладѣльцами въ южно-русскихъ предѣлахъ, польскіе крестьяне охотно бросали свои старыя мѣста и стремились въ южную Русь искать новыхъ поселеній и свободы. Эмиграція эта принимаетъ такіе широкіе размѣры, что въ «Велико-Польшѣ» пустѣли цѣлыя села: «оставался только помѣщикъ и халупникъ, кмети шли на Подолье и Украину. Даже солтысы, корчмари, млынари, крестьяне-собственники брели искать счастья на южныхъ земляхъ Руси» [2]). Особенно богато было польскимъ сельскимъ населеніемъ Подлясье, которое врѣзывалось въ среду польскихъ поселеній и естественно постоянно и ранѣе другихъ областей (съ первой половины XIV ст.) населялось польскими крестьянами [3]); были также

[1]) Przyborowskiego, «Włościanie u nas i gdzie indziej. Szkice historyczne, 1881 г. Wilno. стр. 94.

[2]) Ibid.

[3]) Жители польскихъ областей, говоритъ г. Шараневичъ, а именно люблинской и судомірской... ужитковали отъ тогды (съ первой половины XIV ст.) глубокимъ супокоемъ. Выкореняючи лѣсы, посѣлялись тутъ, трудилися земледѣліемъ и привели тіи околицы въ цвѣтучее состояніе. Такъ поляки обôчь руссинôвъ

польскіе крестьяне и въ галицкой области и въ Подоліи [1]), и даже внѣ польскихъ владѣній въ Литвѣ, на Волыни и Украинѣ [2]). Въ литовской половинѣ южной Руси находимъ мы значительное количество поляковъ и въ числѣ горожанъ, особенно на Волыни. Какъ въ городахъ польско-русскихъ провинцій поляки имѣли отдѣльно отъ южно-руссовъ и другихъ народностей своего особаго бургомистра и радцевъ, такъ было и въ нѣкоторыхъ городахъ Волыни, напримѣръ въ Брестѣ [3]), въ Луцкѣ [4]); были поляки также въ Кременцѣ [5]), Ровно [6]), въ Кіевѣ, хотя въ послѣднемъ городѣ, кажется, одни польскіе купцы [7]). Поселенію какъ польскихъ крестьянъ, такъ и польскихъ ремесленниковъ и купцовъ въ литовской половинѣ южной Руси едва-ли встрѣчались какія-нибудь формальныя препятствія. Нѣсколько иныя обстоятельства сопровождали здѣсь поселеніе дворянскаго класса—шляхты. Проникать въ предѣлы Литовскаго Княжества польско-шляхетскій элементъ началъ главнымъ образомъ со времени политическаго соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ при Ягайлѣ. Сюда явилось польско-католическое духовенство во вновь учрежденныя «парахвіи», тогда-же поляки начали получать должности и велико-княжескіе уряды [8]), хотя еще и при Витовтѣ въ литовскую Русь переселялись поляки съ разными привиллегіями [9]). Но какъ польское духовенство, такъ и польскіе дворяне являлись въ край со своими политико-религіозными и соціальными

никали чимъ разъ глубше въ стороны Надбужанскь». Шараневичъ, стр. 138; П. Житецкій, стр. 274—275, Антоновичъ «Исторія Великаго Княжества Литовскаго», стр. 110.

[2]) Przyborowski, стр. 94, П. Житецкій, стр. 278, Szaran. «Rys», стр. 55—59.

[3]) Ibid.

[3]) Акты, изданныя виленской коммиссіей, т. VI, стр. 26—27, 47—48.

[4]) Многіе судебные акты изъ этого города начинаются словами: «жаловался намъ войтъ мѣста Луцкаго и вси мѣщане—ляхове и «русь».—Акты, относящіеся къ Западной Россіи, т. I, стр. 110.

[5]) Шараневичъ, стр 395.

[6]) Szaran., стр. 600.

[7]) Антоновичъ, Ист. Вел. кн. Лит., стр. 37.

[8]) Шараневичъ, стр. 271, 348.

[9]) Бобровскій, Часть 1-я. «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края, стр. XLVIII.

традиціями, которыя противорѣчили порядкамъ южной Руси, а потому скоро явился протестъ противъ этого класса поляковъ, слѣды котораго отчетливо видны въ ограниченіи поземельныхъ польскихъ владѣній и административныхъ должностей. При самомъ заключеніи политической уніи въ 1386 г. было, между прочимъ, условлено, чтобы житель Литовскаго Княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, а поляки въ Литовскомъ Княжествѣ [1]); потомъ аналогичныя ограниченія съ литовской стороны постановлялись постоянно въ теченіи всего періода [2]) и даже занесены въ позднѣйшіе статуты послѣ люблинской уніи [3]). Но это нѣсколько только сдерживало поселенія въ южной Руси поляковъ: польское землевладѣніе въ краѣ могло утверждаться путемъ браковъ, а потомъ и въ тѣ промежутки, когда части литовско-русскихъ областей подпадали полякамъ, что случалось нерѣдко въ предѣлахъ Волыни; здѣсь прежде всего и больше всего появился польскій дворянско-землевладѣльческій классъ, отсюда уже польско-дворянская колонизація шла и далѣе на востокъ—въ области Кіевщины, лѣво-бережной Украины и пр. Интенсивность вообще польской колонизаціи въ странѣ въ общихъ чертахъ можетъ быть измѣрена расширеніемъ католицизма, увеличеніемъ католическихъ епархій и монастырей, такъ какъ католицизмъ шелъ въ странѣ рядомъ съ разселеніемъ поляковъ, и въ этомъ отношеніи мы находимъ довольно вѣрныя указанія. Напримѣръ въ Подоліи уже около 1375 г., по мнѣнію г. Симашкевича, была католическая епископія [4]), ибо въ это время достаточно увеличилось число католиковъ пере-

---

[1]) Ibid., стр. XL.

[2]) Въ 1457 г. Казиміръ подтвердилъ, что во всѣхъ земляхъ Литовскаго Княжества ни должностей и достоинствъ, ни имѣній не будутъ получать чужеземцы, а только природные жители здѣшнихъ областей—русинъ да литвинъ. Потомъ это подтверждено въ 1569 г.—Максимовичъ, т. I, стр. 153, въ 1507 г. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 34.

[3]) Въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г., раздѣлъ 3-й, въ артикулѣ 12 постановлено, чтобы не раздавать достоинствъ, имѣній и староствъ чужеземцамъ, заграничникамъ и сосѣдямъ великихъ князей литовскихъ, но все это давать «только Литвѣ, Руси, Жмуди, родичамъ старожитнымъ».—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ города Вильна, Трокъ и пр., стр. XVIII—XIX.

[4]) Симашкевичъ, стр. 20.

селившимися сюда польскими семействами, и было уже тогда въ подольской епископіи «три парахвіи»: въ Каменцѣ, Смотричѣ и Червоногродѣ [1]); въ 1450 г. возникла парахвія въ м. Зиньковѣ летичевскаго повѣта, на самомъ сѣверо-восточномъ концѣ Подоліи [2]); около половины XVI в. въ Подоліи уже было восемь католическихъ парафій [3]) и самый отдаленный брацлавскій повѣтъ имѣлъ католическій костелъ; католицизмъ и его епископіи въ тоже время показываютъ, что польское населеніе было и въ тѣхъ областяхъ, которыя не подчинились еще непосредственно польской коронѣ, именно за предѣлами Галиціи и Подоліи: такъ мы знаемъ, что въ XVI в., кромѣ львовской, галицкой и каменецкой епископіи, были еще луцкая, перемышльская, холмская и кіевская [4]).

Такимъ образомъ, въ литово-польскій періодъ поляки несомнѣнно жили на всей обитаемой тогда южно-руссами территоріи, но только не въ одинаковомъ количествѣ: % поляковъ чувствительно понижался съ запада на востокъ.

Аналогичное, въ смыслѣ сохраненія своей національной оригинальности съ поляками, положеніе заняли въ литовско-польскій періодъ *нѣмцы*. Съ концомъ XII и началомъ XIII ст. на сѣверо-западныхъ окраинахъ земли литовской поселились нѣмцы и немедленно проявили завоевательную тенденцію подъ видомъ религіозной пропаганды католицизма. Но эти религіозные нѣмецкіе рыцари-воины по профессіи, имѣя связь и поддержку себѣ во всемъ католическомъ мірѣ и живя у прибрежьевъ Балтійскаго моря, естественно оказались хозяевами балтійской торговли. И потому понятно, что устремляясь въ страну язычниковъ литовцевъ съ оружіемъ въ рукахъ, они являлись въ христіанскія области сначала поляковъ, а потомъ литовцевъ и южно-руссовъ вмѣстѣ съ товарами и коммерческими счетами. Сношенія южно-русскихъ областей мирнаго торговаго характера съ нѣмецкимъ орденомъ завязываются очень рано, особенно съ городомъ Торунемъ, и эти связи идутъ параллельно съ сношеніями съ ганзейскими городами [5]). Этимъ путемъ

---

[1]) Ibid., стр. 36.

[2]) Ibid., стр. 63.

[3]) Ibid., стр. 93.

[4]) Ibid., стр. 25.

[5]) Шараневичъ, стр. 121, 149

прежде всего нѣмецкое населеніе переходило въ южную Русь, и можно думать, что приливъ нѣмцевъ торговцевъ былъ значителенъ, ибо помимо того, что южная Русь лежала на торговой дорогѣ отъ нѣмцевъ къ Черноморью и въ Татарію и представляла естественный рынокъ, здѣсь еще искусственно создавались условія для увеличенія этого вида населенія: и русскіе князья до татаръ и въ періодъ татарскій, и особенно польскіе короли, а частію и литовскіе великіе князья приглашали нѣмецкихъ торговцевъ въ южно-русскія владѣнія, обезпечивали имъ безопасность личную и имущественную, учреждали для нихъ разныя привилегіи [1]). Нѣмецкіе торговцы появились за этотъ періодъ во всѣхъ болѣе или менѣе участвующихъ въ торговлѣ южно-русскихъ городахъ, а въ нѣкоторыхъ, напр. во Львовѣ, совершенно монополизировали торговлю [2]). Тогда-же въ городахъ усилился и другой типъ нѣмцевъ ремесленниковъ. Началось поселеніе ихъ, какъ мы уже знаемъ, еще въ лѣтописный періодъ, теперь же оно, съ подчиненіемъ Галицкой Руси Польшѣ усилилось [3]), и скоро главная роль въ промышленности края стала принадлежать имъ [4]). Рядомъ съ торгово-промышленнымъ населеніемъ по южно-русскимъ городамъ жили еще нѣмцы въ видѣ войска. Какъ прежде въ войскахъ галицко-русскихъ князей, такъ еще больше въ войскахъ польскихъ королей всегда было много нѣмецкаго элемента [5])—это между прочимъ наемное войско, извѣстное

---

[1]) Ibid., стр. 135, 145—146, 219.

[2]) Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Съ 1496 году въ многихъ привилегіяхъ на магдебургское право южно-русскимъ (литовскимъ) городамъ говорится о новыхъ колонистахъ (advenae), очевидно нѣмцахъ, такъ какъ войтами такихъ городовъ, напр. Бѣльска, назначаются нѣмцы; они-же вмѣстѣ съ шведами оказываются откупщиками таможенныхъ пошлинъ, и въ руки нѣмцевъ поступаютъ нѣкоторые изъ конфискованныхъ домовъ и дворовъ еврейскихъ. Бершадскій стр. 400.

[3]) Вызывали ремесленниковъ нѣмецкихъ въ край какъ южно-русскіе князья, такъ и польскіе короли.—Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Chodeniecki, стр. 45.

[4]) Szaran., «Rys», стр., 104—106.

[5]) Такъ въ войскѣ перваго князя польскаго Болеслава Тройденовича было много нѣмцевъ, которыхъ мы находимъ подъ двумя именами «Нѣмцевъ» и «Спле-занцевъ» (Шараневичъ, стр. 158). Въ 1497 г. въ войскѣ короля Яна, когда онъ ходилъ на молдаванъ, находились пруссаки.—Szaran., стр. 66.

подъ именемъ жолнеровъ. Оставляя въ завоеванныхъ на Руси городахъ свои гарнизоны, короли польскіе часто поселяли тамъ именно *нѣмецкое войско*[1]). Большинство изъ нѣмецкаго гарнизона, по миновании надобности въ немъ, удалялось, но нѣкоторая часть оставалась здѣсь навсегда. Такъ существуетъ мнѣніе, что «нѣмцы во Львовѣ суть потомками королевскихъ жолдаковъ, которымъ будто-бы король по первомъ уже завоеваніи Львова повѣрилъ стражу городскую»[2]). Указаннаго типа нѣмецкое населеніе проживало во всѣхъ городахъ западной половины южной Руси, а также въ значительной части восточной, напр. въ г. Бѣльскѣ[3]), Луцкѣ[4]), Кременцѣ[5]), Ровно[6]) и пр. Не находимъ въ этотъ періодъ нѣмцевъ только въ поднѣпровскихъ городахъ, хотя направленіе торговли заставляетъ предполагать ихъ и въ такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Кіевъ. Нѣмцы-горожане, кромѣ отправленія военныхъ обязанностей и помимо занятій торговлею и ремеслами, занимались еще земледѣліемъ, такъ какъ города, надѣленные правомъ магдебургскимъ, всегда владѣли внѣ городскихъ поселеній «ленами», «пустошами», лѣсами и пр. Сверхъ того нѣмцы, въ качествѣ частныхъ лицъ, рано начали пріобрѣтать земельную собственность, и во второй половинѣ XV в. въ земляхъ русскихъ было уже много внѣ городскихъ поселеній осѣдлыхъ нѣмцевъ, которые покупкою или черезъ закладъ владѣли земельными имуществами[7]); въ восточ-

---

[1]) Въ 1340 г. Казиміръ въ русскихъ городахъ (Перемышлѣ, Любачевѣ, Туставѣ, Галичѣ, Теребовлѣ и Львовѣ) «оставилъ для обезпеченія новаго порядка *нѣмецку зисаду*»; во время Владислава Опольскаго «залога, зложена съ Силезановъ, всажена была по головныхъ городахъ русскихъ» (Szaran., стр. 158, 252). Въ 1342 г. Казиміръ Великій «zaprowadził do Lwowa osadę niemców, którzy woyskowo pod choręgwiami iego służyli» (Chodeniecky, стр. 38); по Зиморовичу нѣмецкое войско, въ это время поселенное, равнялось 1200 лицамъ мужскаго пола. — Шараневичъ, стр. 152.

[2]) Ibid., стр. 199. Казиміръ многихъ нѣмцевъ изъ львовскаго войска... «jako wysłużonych żołnierzy na żyzne pola zaprowadził. — Chodeniecky, стр. 42, 70.

[3]) Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

[4]) Шараневичъ, стр. 340.

[5]) Ibid., стр. 345.

[6]) Szaranewicz, «Rys», стр. 100.

[7]) Ibid., стр. 38. Напримѣръ, въ Ходоровѣ есть ланъ нѣмца Kotha въ «Kąkolnikach», упоминается «słodownia» нѣмца Альберта; также были нѣмцы въ

ной Галиціи въ разныхъ краяхъ поселились нѣмцы, рядомъ съ шляхтою, на мелкихъ грунтахъ (ланахъ) и нѣмцамъ-же тогда отдавали нерѣдко въ аренду опустѣвшіе дворы давнихъ бояръ русскихъ, превративши ихъ въ фольварки [1]). Скоро въ польской Руси нѣмцы появляются и въ числѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ [2]). Но важнѣе всего, что въ литовско-польскій періодъ положено было начало той *сельской* нѣмецкой колонизаціи, которая въ южной Россіи практиковалась особенно въ XVIII в. и которая была главнымъ путемъ для нѣмецкой здѣсь колонизаціи. Желая увеличить народонаселеніе, заселить пустопорожнія и оставленныя (благодаря набѣгамъ татаръ, литвы и молдаво-валаховъ) жителями земли и развить государственное богатство, короли, равно какъ и монастыри и богатая шляхта старались привлечь въ польскія владѣнія иностранцевъ колонистовъ, издавая въ то-же время для нихъ совершенно-отдѣльное льготное положеніе. Нѣмецкіе крестьяне и мѣщане, страдавшіе въ западной Европѣ подъ феодальнымъ гнетомъ, цѣлыми массами устремлялись въ сосѣднія богато-одаренныя природою земли. Главнымъ образомъ переселялись въ южную Русь нѣмцы изъ Силезіи или изъ земель Нѣмецкаго Ордена [3]). Особенно богато было переселенцами время Казиміра Великаго. Заселеніе шло въ двухъ видахъ: или выдавалась частному лицу привилегія на заселеніе села или на устройство замка [4]), или колонисты приглашались непосредственно къ поселенію на томъ или другомъ

селахъ около Галича—Ульрихъ изъ Лядухи, Дитрихъ Кромеровскій, былъ фольваркъ въ Жидачахъ Эрнеста изъ Срокъ и его-же пашня въ Ланахъ. Ibid., стр. 77,

[1]) Ibid., стр. 78.

[2]) Такими были, напр., дѣдичи или тенетаріи—Николай Клайнъ изъ Бабчица, Штекеръ изъ Срокъ, Конрадъ изъ Вратиславины, Гунтеръ изъ Букачевки, Тобіашъ Куната изъ Семенова, Мартинъ Майзель изъ Старой Бобрки, Эрнестъ изъ Лашки, Павелъ Шавраза, Гратъ и т. д. «Rys» Szaran., стр. 38.

[3]) Шараневичъ, стр. 199.

[4]) Напр. Казиміръ выдалъ въ 1336 г. привилегію нѣмцу Бертольду Шенвальдъ на основаніе села Родимо на 40 ланахъ. Аналогичное-же происхожденіе въ самборскомъ округѣ мѣстечка Фельштинъ, заложенное въ 1382 г., при королѣ венгро-польскомъ Людовикѣ фамиліей Гербуртовъ изъ Силезіи. Ibid., стр. 119, 234.

участкѣ [1]). Въ послѣднемъ случаѣ различались поселенцы на обрабатываемыхъ уже земляхъ («przaśnym grundzie»), или на земляхъ, которыя нужно было еще выкорчевывать: различіе заключалось въ числѣ льготныхъ годовъ отъ повинностей, которыя давались вообще на 8—20 лѣтъ [2]). Отдѣльныя нѣмецкія колоніи были разбросаны по всей области польской Руси, но особенное обиліе ихъ было на Подгорьѣ, на склонахъ и равнинахъ прикарпатскихъ. Сельская, нѣмецкая колонизація въ это время существовала въ южной Руси исключительно въ ея польской половинѣ; въ литовской-же части можно предполагать нѣмецкія колоніи развѣ по сѣверной границѣ [3]).

Конечно, въ то смутное время, когда страна страдала отъ нападеній и въ краѣ не хватало средства для обезпеченія мирной дѣятельности, страдало на ряду съ прочимъ населеніемъ и нѣмецкое [4]), почему иногда по частямъ и оставляло южно-русскіе предѣлы,—особенно это можно сказать о торговомъ классѣ; но скоро выгоды соціально-экономическія, а равно и разныя льготы и привилегіи съ избыткомъ пополняли убыль [5]). Кромѣ торговыхъ при-

[1]) Такъ Казиміръ призывалъ нѣмецкихъ колонистовъ нарочито, а тѣхъ, которые добровольно приходили, благосклонно принималъ, надѣлялъ ихъ «ланами» и «общарами» и заохочивалъ разными способами до корчеванья лѣсовъ, высушиванья болотъ и основанія новыхъ селъ или обновленію запустѣлыхъ. Шаран., ibid., стр. 199.

[2]) Szaran., «Rys», стр. 84.

[3]) Антоновичъ, «Исторія великаго княжества литовскаго», стр. 110.

[4]) Такъ въ 1376 г. войска литовскія, жмудскія и русскія соединились съ волынцами и подѣлившись на загоны, перешли Санъ, опустошили цѣлое Подгорье и въ длину и въ ширь, города и села, а прежде всего костелы были сожжены, мирные жители—туземцы и колонисты, которые въ великомъ числѣ поселились на Подгорья... были плѣнены. Шараневичъ, стр. 218.

[5]) Напр., въ 1343 г. Димитрій Детко, намѣстникъ русскихъ краевъ, даетъ знать о томъ купцамъ города Торуня, что страна успокоена и чтобы какъ прежде за русскихъ князей, такъ и теперь приходили въ русскія области и ничего не опасались. Ссылаясь на давнишнія права, данныя имъ нѣмецкимъ купцамъ еще предшественниками его русскими князьями, обезпечиваетъ Димитрій тѣмъ торунскимъ жителямъ, которые-бы захотѣли поселиться во Львовѣ съ обычною годовою платою, «дѣдитство» (hereditatem liberam) давнихъ за русскихъ князей пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтаемыхъ имуществъ, съ изъятіемъ однако тѣхъ потерь, которыя купцы нѣмецкихъ городовъ... во время внутреннихъ неурядицъ понесли. Шараневичъ, стр. 162.

вилегій, нѣмцы, поселяясь въ южно-русскихъ владѣніяхъ, распоряжались на основаніи своего нѣмецкаго права и дѣлались полными хозяевами земли. Такимъ образомъ нѣмецкое населеніе росло и пріобрѣтало силу въ странѣ, особенно-же въ большихъ городахъ, какъ во Львовѣ [1]) и Галичѣ, которые за это время совершенно онѣмечились [2]). Значеніе нѣмцевъ не ограничилось торгово-промышленною областью, гдѣ они были главными хозяевами, но коснулось и сферъ административно-юридической и религіозной. Изъ среды нѣмцевъ очень часто попадаются лица въ средѣ краевой администраціи [3]); юридическіе акты писались также на половину по нѣмецки [4]); даже проповѣди въ костелахъ шли на двухъ языкахъ— польскомъ и нѣмецкомъ [5]). Однако и господствовавшая въ польской Руси нѣмецкая стихія въ теченіи всего литовско-польскаго періода, къ концу періода начала уступать мѣсто польской, и эта уступка зависѣла не отъ одного численнаго возрастанія поляковъ, но и отъ этнографическаго подчиненія послѣдними нѣмцевъ; если въ началѣ періода, пока еще въ западной половинѣ южной Руси, были этнологически, политически и культурно сильны южно-русскіе элемен-

---

[1]) Во Львовѣ, по выраженію г. Шараневича, «нѣмецкія родины множились въ теченіи времени и надавали житію горожанъ львовскихъ черезъ многіи лѣта характеръ нѣмецкой стихіи» (Шараневичъ, стр. 199). Нѣмцамъ Львовъ обязанъ учрежденіемъ «ustanowień gminnych, składów handlowych i cechów rzemieślniczych» (Chodenecki, стр. 40).

[2]) Зиморовичъ, писатель XVIII в., дѣлитъ исторію Галича на 3 періода: русскій до 1340 г., *нѣмецкій* до 1548 и потомъ уже польскій до присоединенія къ Австріи.

[3]) Такъ въ XV в. судьею былъ Петръ Голомбекъ изъ Земноводы или Доброводы; послѣ него и судьи Яна земскимъ судьею былъ тоже нѣмецъ Гунтеръ изъ Сенявы, потомъ видимъ нѣмцевъ въ числѣ должностныхъ лицъ городскихъ во Львовѣ: Конрада Стеныхера, Бартоломея Гакеля, Петра и Матвѣя Голдаста, Мартына Вассердъ-Брода, Николая Чомберга, Станислава Кларрена и т. д. Szaran., «Rys», стр. 38, Chodenecki, стр. 27.

[4]) Chodenecki, стр. 83. Великій князь волынскій Дмитрій Любартовичъ пишетъ грамоту на нѣмецкомъ языкѣ.—Шараневичъ, стр. 152.

[5]) Ibid., стр. 83.

ты, можно замѣтить сближенiе нѣмецкое черезъ брачные союзы съ послѣдними [1]), то позже аналогичное сближенiе произошло съ поляками: совмѣстное жительство, аналогичность привилегированнаго положенiя и идентичность религiозная (католичество) у нѣмцевъ съ поляками сближали эти двѣ народности, а политическiя преимущества поляковъ давали имъ силу надъ нѣмцами и подчиняли ихъ: послѣдовали, какъ всегда, семейныя связи, а вслѣдъ затѣмъ принятiе нѣмцами польскихъ обычаевъ, одежды и пр. и численность нѣмцевъ черезъ это ассимилированiе съ поляками видимо уменьшилась [2]). Впрочемъ такое слiянiе можно отмѣтить лишь въ городахъ, можно его еще предполагать въ земледѣльческомъ классѣ, но въ сельской массѣ нѣмцы стояли изолированно по своимъ бытовымъ оригинальностямъ.

По соцiальному положенiю въ южной Руси къ нѣмцамъ близко стояли *армяне*. Хотя послѣднiе могли являться, какъ отдѣльныя лица въ краѣ рано, уже въ XI в., когда они были между сосѣдними румынами [3]); но собственно переселенiе армянъ въ южную Русь началось въ концѣ XIII в., когда, по завоеванiи Арменiи татарами, значительная часть ихъ перешла въ Старый Крымъ (Эски-Крымъ) и оттуда въ Червонную Русь [4]); сюда-же они проникли черезъ Константинополь и Молдаво-Валахiю. Переселенiе шло постоянно и незамѣтно, но были и переселенiя большими группами: такъ значительныя переселенiя армянъ въ южную Русь можно предполагать около 1342 и 1418 гг., и хотя есть мнѣнiе, что въ первое время они могли поселиться отдѣльными самостоятельными поселенiями, какими напр. въ Подолiи могли быть деревни «Ормяне» и «Ормянки», лежащiя недалеко отъ г. Каменца [5]); но вѣроятнѣе всего, что армяне непосредственно прежде всего появились

---

[1]) Шараневичъ, стр. 39.

[2]) Ibid., стр. 83.

[3]) Палаузовъ, «Румынскiя господарства—Валахiя и Молдавiя». Спб. 1859 г. стр. 20.

[4]) Смирновъ. «Исторiя Галицкаго», стр. III.

[5]) Палаузовъ, Румын. господ., стр. 20.

[6]) Сѣмашкевичъ, «Римское католичество и его iерархiя въ Подолiи». Кам. Под. 1872 г. стр., 227.

въ городахъ, куда тянуло ихъ преобладающее занятіе—торговля. Въ литовско-польскій періодъ армяне находились въ Галиціи въ гг. Львовѣ [1]), въ Галичѣ, Язловцѣ и въ Снятынѣ [2]); на Волыни въ Кременцѣ, Луцкѣ, Ровно и пр. [3]); въ Подоліи въ Каменцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ [4]); въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ [5]). Въ городахъ армянскія поселенія тогда составляли отдѣльныя колоніи или кварталы, напр. во Львовѣ [6]), но часто они жили вмѣстѣ съ южно-руссами. Судя по количеству церквей, число армянъ было значительно; такъ армянскія церкви въ предѣлахъ только Подоліи были въ Каменцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ [7]); съ 1363 г. армяне имѣли своего епископа, который жилъ во Львовѣ [8]). Благодаря особенному характеру того времени, когда постоянная борьба дѣлала почти всѣхъ обитателей воинами, часть и армянъ находилась въ войскахъ русскихъ князей и позже—польскихъ королей [9]); но преобладающее и даже исключительное ихъ занятіе была торговля внутри русскихъ городовъ и съ разными странами: такъ черезъ нихъ происходила связь съ восточными землями [10]); имъ тоже можно приписать торговыя сношенія Россіи съ Крымомъ, а также съ Константинополемъ. Скоро армяне въ городахъ Галиціи и польскихъ провинціяхъ Волыни и Подоліи, а можетъ быть и въ Кіевщинѣ стали представлять большую и вліятельную часть торговаго населенія, скопили въ своихъ рукахъ большія богатства и пріобрѣли значительныя привилегіи, и на ряду съ нѣмцами явились владѣль-

---

[1]) Шараневичъ, стр. 138.

[2]) Ibid., стр. 198.

[3]) Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр 127; Шараневичъ, стр. 100, 340, 395.

[4]) Сипашкевичъ, Римск. католичество и пр., стр. 227.

[5]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

[6]) Szaran. «Rys», стр. 41—32. По словамъ Ходевецкаго Львовъ раздѣлялся на три части, изъ которыхъ восточную занимали русскіе, южную жиды, а сѣверную татары и армяне. Chod., стр. 23.

[7]) Сипашкевичъ, ibid.

[8]) Шараневичъ, стр. 198.

[9]) Chodeniecki, стр. 26, 32.

[10]) Шараневичъ, стр. 145.

цами земельныхъ угодій и селъ [1]); съ тѣмъ вмѣстѣ они достигли довольно высокаго значенія въ краѣ [2]). Нѣтъ у насъ данныхъ, указывающихъ на этнографическое смѣшеніе армянъ съ *краевыми* народностями южной Россіи, но есть факты, наводящіе на мысль объ изолированномъ ихъ положеніи: кромѣ самостоятельной церковной іерархіи и отдѣльности поселеній въ нѣкоторыхъ городахъ, армяне имѣли въ большихъ городахъ свой отдѣльный судъ [3]) и составляли изъ себя отдѣльное высшее городское общество; такъ напр. во Львовѣ армяне самостоятельно принимали французскаго посла де-Лануа, давали для него балъ съ танцами и поднесли ему цѣнные подарки [4]).

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ *еврейское населеніе*, и хотя нѣтъ данныхъ для утвержденія, что еврейское населеніе въ періодъ грозной татарщины исчезло совершенно на территоріи южной Руси, но несомнѣнно, что новое и болѣе обильное заселеніе евреями южной Руси произошло въ періодъ литовско-польскій и сопровождалось переходомъ этого края подъ власть Польши и что какъ густота населенія, такъ и значеніе здѣсь евреевъ было гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Въ составѣ еврейскаго населенія теперь различаются рельефно двѣ этнографическія группы: евреи-караимы и евреи-талмудисты, или раввинисты. Первые переселялись постепенно, отдѣльными единицами въ южную Русь, изъ Крыма въ XIII, XIV в. [5]), а въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостепріимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трокахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ [6]), откуда еще позже разселились на западъ—въ Галицію, и на востокъ—въ Приднѣпровье.

[1]) Szaran., «Rys», стр. 37. Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

[2]) Такъ армянинъ Иванко изъ Львова «dostępuje godności królewskiego powiernika». Szaran. «Rys», стр. 37.

[3]) Смирновъ, стр. III.

[4]) «Путешествіе де Лануа». «Вѣстникъ зап. Россіи» 1861 г., стр. 44.

[5]) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

[6]) Шараневичъ, стр. 230.

Главное занятіе евреевъ-караимовъ была торговля, но ни своею численностью, ни своимъ вліяніемъ караимы не имѣли для страны того значенія, какое пріобрѣли евреи-талмудисты, переселившіеся въ страну изъ западной Европы, главнымъ образомъ изъ Германіи [1]). Съ начала и до конца періода шло переселеніе евреевъ, хотя и не съ равной силой; замѣтно, что оно увеличивается съ XIV в. во время усиленія и расширенія литовскаго государства на востокѣ и польскаго—на западѣ южной Руси. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ литовскомъ—Витовтъ и Ягелло [2]). Общее направленіе колонизаціи съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что напр. во Владимірѣ-Галицкомъ евреи уже были въ 1288 г. [3]), тогда какъ въ Пинскѣ они появляются лишь въ началѣ XVI ст. [4]). Прежде всего евреи поселялись въ городахъ, особенно замѣтныхъ торгово-промышленной дѣятельностью, изъ нихъ потомъ переходили въ менѣе населенныя и богатыя поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Въ XIV в. евреи были во многихъ городахъ галицкой Руси: во Львовѣ [5]), Володимірѣ [6]), Галичѣ и пр.; на Волыни въ Брестѣ, Луцкѣ [7]), Кобринѣ [8]) и пр.; въ XIV в. находимъ уже ихъ въ Подоліи: въ Каменцѣ [9]), Смотричѣ и пр., въ Кіевщинѣ, именно въ г. Кіевѣ [10]), а въ XVI в. и въ Пинскѣ, Клецкѣ и пр,; такъ что къ началу XVI в. можно указать еврейскія поселенія даже по лѣвую сторону Днѣпра, напр. въ Путивлѣ [11]). Что касается общей численности евреевъ, то сравнительноо она была не велика: напр. въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильномъ тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было

---

[1]) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

[2]) Ibid.

[3]) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.

[4]) Бершадскій, стр. 347.

[5]) Шараневичъ, стр. 198.

[6]) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.

[7]) Бершадскій, стр. 200.

[8]) Акты, издаваемые виленской коммисіей, т. V, 1588 г., стр. 153, 157.

[9]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 37.

[10]) Бершадскій, стр. 261, 345, 408.

[11]) Ibid., стр, 254.

всего 30 семействъ, да за рѣкою Муховцомъ еще 4 семьи[1]); въ мѣстечкѣ Дубочинѣ 19 семей[2]), въ м. Городцѣ, въ 20 верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи[3]); около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ было всего 39 человѣкъ[4]). По разсчету г. Бершадскаго въ предѣлахъ литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ всѣхъ половъ и возрастовъ отъ 10 до 12,000 человѣкъ[5]); немногимъ гуще еврейское населеніе было и въ южнорусскихъ провинціяхъ Польши. Какъ горожане, евреи несомнѣнно принимали участіе въ торговлѣ[6]), но видно, что въ то время сильная конкуренція нѣмцевъ, армянъ, венеціанъ и пр. инородцевъ не давала простора еврейству, и оно спеціализировало свою дѣятельность на *арендаторствѣ* или откупахъ и *ростовщичествѣ;* по крайней мѣрѣ актовой матеріалъ особенно оттѣняетъ въ еврействѣ эти занятія. Евреи были арендаторами *мельницъ*[7]), *таможенъ* («мыто») и *кабаковъ* («капщина»[8]), «*соляныхъ пошлинъ*»[9]), перевозовъ[10]) и т. п. доходныхъ статей. Еще многочисленнѣе указанія на ростовщическую дѣятельность евреевъ съ XIV по XVI в.[11]). Однако, одновременно мы видимъ евреевъ въ качествѣ владѣльцевъ поземельной собственности[12]) и даже болѣе—занимающихся земледѣліемъ[13]).

---

[1]) «Ревизія кобринской экономіи», стр. 14.

[2]) Ibid., стр. 136—145.

[3]) Ibid., стр. 261—263.

[4]) «Писцовая книга», стр. III.

[5]) Бершадскій, стр. 331—335.

[6]) Ibid., стр. 283, 408; Chodenecki, стр. 26.

[7]) «Археографическій Сборникъ» 1582 г., стр. 56; Акты, изданные виленской коммис., т. V, стр. 153; т. VI, стр. 33.

[8]) «Ревизія кобринской экономіи, стр. IV, 14, 135—145; Акты, изданные виленской коммис., т. VI, стр. 67; т. V, стр. 12—14, 153; Szaran., стр. 35—36.

) Акты, изданные виленской коммис., т. III, стр. 157, 114, 419.

[10]) Бершадскій, стр. 245—246, 402—404.

[11]) Въ статутѣ польскаго короля Казиміра III, данномъ въ Вислицѣ въ 1347 г., стр. 82, находится спеціальная статья о «Лихвѣ жидовской». Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I. Спб. № 2, стр. 18; тоже самое стр. 20, № 27; Бершадскій, стр. 238, 408—409.

[12]) Бершадскій, стр. 239, 404—406.

) Такъ въ 1563 г. изъ 130 уволокъ пахатной городской земли въ г. Кобринѣ «евреи обрабатываютъ 8 уволокъ». «Ревизія кобринской экономіи,

Землевладѣльцами евреи дѣлались или благодаря пожалованію за личныя услуги королю и князьямъ [1]), или по праву мѣщанъ [2]), или черезъ покупку [3]), но чаще земля дѣлалась ихъ собственностью за долги. Есть указанія, что евреи занимались и ремеслами [4]), хотя по мнѣнію г. Бершадскаго послѣднее занятіе можно найти главнымъ образомъ у литовскихъ евреевъ, такъ какъ польскіе евреи «пашни, ани ремества жадного не робять, только торгують» [5]). Но въ общемъ евреи въ то время представляли *денежную аристократію* въ странѣ, изъ среды которой уже тогда выдѣлялись видные капиталисты; напр. во Львовѣ жидъ Шахно, Волчко, Нотко, жидъ и жидовка Іорданы [6]); въ Луцкѣ—Цѣханъ Левановичъ, Іенько Глухій; въ Брестѣ—братья Янковичи, Рабиновичи; въ Кіевѣ—Насакъ, Шимиличъ, Рижко и т. д. [7]). Скопленія металлическихъ богатствъ въ рукахъ евреевъ вызывали правительство, какъ польское, такъ и литовское, въ періоды финансовыхъ затрудненій облагать евреевъ денежными повинностями въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ прочее населеніе [8]). Съ другой стороны къ евреямъ нерѣдко при-

---

стр. IV. Около того же времени пинскіе жиды—Лейзаръ Марковичъ съ братьями имѣли свою землю въ селѣ Посвиргахъ, полученную ими отъ бояръ... Воловичей *въ заловъ*. При новомъ измѣреніи земли ихъ были отобраны, и жиды получили наравнѣ съ остальными мѣщанами съ чиншевой платой уволоки. «Писцовая книга», т. I, стр. 103. Тоже самое повторилось и въ селѣ Качахъ.—Ibid., стр. 127; Бершадскій, стр. 239, 407.

[1]) Бершадскій, стр. 367, 404, 406.

[2]) «Писцовая книга», т. I, стр, 103.

[3]) Ibid., стр. 103, 127, 406.

[4]) Бершадскій, стр. 238, 409.

[5]) Ibid., стр. 407.

[6]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 351, 361.

[7]) Бершадскій, стр. 398.

[8]) Напр. въ 1456 г. и въ 1472 г. въ польской Руси, въ виду укрѣпленія крѣпостей, былъ сдѣланъ чрезвычайный сборъ по два гроша отъ каждой гривны стоимости объявленныхъ капиталовъ, а съ евреевъ по 4 гроша (Szaran. «Rys», стр. 36); или въ 1568 г. собрана была специальная денежная подать со всѣхъ «жидовъ», въ панствѣ Великаго Княжества Литовскаго мешкаючихъ... съ мужчинъ, женскаго пола и дѣтей». Собраніе грам. и актовъ городовъ Вильны, Трокъ и

бѣгали при денежныхъ затрудненіяхъ, какъ государственные сановники, такъ и князья и короли [1]). Послѣднее обстоятельство въ связи съ развивающеюся замкнутостью еврейской общины [2]) помогало къ созданію среди самого еврейства меньшинства аристократіи и рядовой бѣдноты [3]). Такая организація еврейства препятствуетъ уясненію соціально-политическаго положенія евреевъ въ южно-русскомъ обществѣ въ литовско-польскій періодъ: евреевъ въ этотъ періодъ то призывали и надѣляли особыми привилегіями, сравнительно съ кореннымъ населеніемъ [4]), то ограничивали въ мѣстахъ поселенія [5]), то поголовно изгоняли изъ страны [6]). Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ инородцевъ въ литовско-польскій періодъ евреи болѣе другихъ органически слились съ страной, хотя и не повсюду и не во все время они занимали одинаковое положеніе: многое въ ихъ соціальномъ положеніи зависѣло отъ общихъ сословныхъ распорядковъ, а равно и отъ мѣстныхъ (напр. городскихъ) привилегій. Съ начала періода, когда еще въ южной Руси не организовалось сословное распредѣленіе и когда сами евреи не выставили еще рѣзко своихъ этнографическихъ и соціальныхъ оригинальностей,—они, какъ и прочіе инородцы, являются въ краѣ людьми вольными, свободными подданными великокняжескими и подчиняются непосредственно князьямъ или королю и установленнымъ отъ него властямъ; но потомъ постепенно евреи по мѣсту жительства и по занятіямъ примыкаютъ къ мѣщанамъ, но въ личныхъ правахъ сравниваются со шляхтою [7]) и кромѣ того пользуются нѣкоторыми отдѣль-

---

вр., стр. 171, а въ 1577 г. объявлено о взносѣ евреями податей исключительно золотою монетою». Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. III, стр. 221.

[1]) Бершадскій, стр. 254, 261.

[2]) Бершадскій, стр. 230, 264, 336—337, 343, 345—348, 383.

[3]) Ibid., стр. 396—401.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 2-3, стр. 221. Акты, изданные вил. ком., т. V, стр. 151.

[5]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 3-й, стр. 296.

[6]) Ibid., т. 2, стр. 30; Бершадскій, стр. 250—264.

[7]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 2, стр. 4; т. 1,

ными привилегіями, какъ подсудность евреевъ земскому праву [1]), отдѣльность налагаемыхъ повинностей [2]), автономность еврейскихъ общинъ и пр. Въ польскихъ провинціяхъ южной Руси положеніе евреевъ было менѣе благопріятно: тамъ существовало гордое шляхетство, которое дѣлило власть административно-политическую съ королемъ, а потому евреи, какъ сильные конкурренты по богатству, поддерживая королей, пользовались въ это время ненавистью шляхты, которая на своихъ сеймахъ выражала ее въ видѣ разныхъ, нерѣдко оскорбительныхъ ограниченій еврейскихъ правъ, напр. относительно костюма, украшеній и пр. Къ концу періода враждебность къ евреямъ замѣчается и въ литовской половинѣ [3]) не только въ высшемъ классѣ, но и въ мелкомъ мѣщанствѣ [4]), замѣтны даже слѣды и этнографическаго сближенія съ южно-русскимъ населеніемъ, выражавшагося въ перемѣнѣ іудейства на православіе и на католицизмъ. Случаевъ этого рода указывается значительное количество, но всѣ они относятся не къ рядовому еврейству, а къ богатой группѣ откупщиковъ [5]), которые получали черезъ это преимущества, сравнительно со своими единовѣрцами. Видно, что и здѣсь побуждали ассимилироваться привилегіи и матеріальныя выгоды; особенно это замѣтно въ періодъ изгнанія евреевъ изъ Литвы (1495—1503), когда въ южной Руси появилось множество откупщиковъ изъ «*новокрещеныхъ*» [6]). Такого типа евреи, конечно, сливались съ высшими классами южно-русскаго общества. Что касается еврейской массы, то вліяніе южно-руссовъ коснулось ея со стороны оффиціальнаго языка, который у евреевъ, по крайней мѣрѣ въ Литвѣ, былъ русскій [7]) и фамильныхъ прозвищъ; фамиліи Зубецъ, Рыбчикъ, Глухій, Момотливый, Кравчикъ, Самотыка, Рыжко,

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 221.

[2]) Акты, изд. вил. ком., т. V, стр. 137—138.

[3]) Бершадскій, стр. 415.

[4]) Ibid., стр. 416.

[5]) Ibid., стр. 254, 260; были впрочемъ переходы въ христіанство евреевъ и среди землевладѣльцевъ, но не крупныхъ. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 174.

[6]) Ibid., стр. 261.

[7]) Ibid., стр. 394—395.

Сирота, Козакъ и т. д. были весьма распространены между евреями и носятъ несомнѣнныя черты южно-русской народности.

Къ народамъ, посѣщавшимъ южную Русь и поселявшимся здѣсь по торговымъ мотивамъ, принадлежали *итальянцы*, именно генуэзцы и венеціанцы, до появленія турокъ въ Европѣ овладѣвшіе морскою торговлею на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Монголо-татары не поставили имъ преграды: они прежде другихъ завязали торговыя сношенія съ кочевыми властителями и проникли со своими товарами и съ художниками-мастерами въ глубь европейской Татаріи, въ столицу на Ахтубѣ, г. Сарай, гдѣ въ 40 — 50 годахъ находили, да и теперь еще находятъ монеты и разныя издѣлія итальянцевъ и гдѣ остатки построекъ носятъ несомнѣнные слѣды работы итальянскихъ ремесленниковъ. Но центральною областью торговой дѣятельности итальянцевъ оставалось по прежнему сѣверное побережье Азовскаго и Чернаго морей. Въ XIV ст., по договору (1313 г.) съ ханомъ Узбекомъ, венеціанцы утвердились окончательно въ г. Танѣ (гдѣ теперь Азовъ); но раньше ихъ на сѣверо-восточныя оконечности Азовскаго моря проникли генуэзцы, которые имѣли свои факторіи и поселенія, какъ по восточному берегу Азовскаго моря [1]) (Тамань), такъ и по всему сѣверному побережью Чернаго моря, главнымъ образомъ у устьевъ рѣкъ, а также на Крымскомъ полуостровѣ [2]). Указанные пункты постоянно были заняты колоніями итальянскими, которыя безпрестанно находились въ сообщеніи со своей метрополіею [3]). Торговый обмѣнъ итальянцы, конечно, вели и съ прибрежными татарами, но это не ставило имъ препятствія подниматься вверхъ по рѣкамъ и проникать въ глубь южной Руси. Скудные источники изъ интересующей насъ эпохи указываютъ на пребываніе генуэзцевъ и венеціанцевъ (или просто «Влаховъ») какъ въ восточной, такъ и въ западной половинѣ страны. Такъ въ Кіевѣ,

[1]) *Брунъ*, стр. 205—206. 213, 223.

[2]) «Путешествіе де-Лануа», «Вѣстникъ Западной Россіи», стр. 47.

[3]) На пребываніе итальянцевъ въ значительномъ числѣ на побережьяхъ Азовскаго и Чернаго морей указываетъ между прочимъ обиліе морскихъ картъ объ этихъ мѣстахъ, которыя находятся въ наше время въ итальянскихъ библіоте-

напр., генуэзцы имѣли на Подолѣ свой торговый дворъ [1]); такіе-же дворы находились и по всему Днѣстру—въ гг. Аккерманѣ, Бендерахъ, Сорокахъ, Хотинѣ [2]) и, конечно, въ Подоліи и Галиціи [3]); можно предполагать итальянцевъ и въ городахъ сѣверной Волыни, такъ какъ есть указанія, что они проживали въ центральныхъ областяхъ литовскаго княжества, напр. въ г. Вильнѣ [4]). Какъ видно по судебнымъ актамъ, итальянцы, по крайней мѣрѣ въ Галиціи, являются не только въ видѣ торговцевъ, но и какъ арендаторы соляныхъ копей русскихъ или заставъ, и даже хозяевами земельныхъ участковъ. Такъ Христофоръ Wlach de S-to Romulo арендовалъ заставу львовскую и русскія соляныя копи въ Дрогобичу; Nicolaj de Stradom арендовалъ заставу гродскую, а Wlach Samys пріобрѣлъ «тенутное» село Лубны, которое прежде было отчиною фамиліи Ходечъ [5]) и т. д. Но приливъ населенія изъ Италіи въ южную Россію и самыя сношенія между этими странами прекратились съ завоеваніемъ турками Константинополя, а съ подчиненіемъ крымской орды турецкимъ султанамъ при Менгли-Гиреѣ положенъ былъ конецъ итальянскимъ поселеніямъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ: Менгли-Гирей съ помощью турокъ овладѣлъ всѣми итальянскими колоніями и постройками; укрѣпленія ихъ частію были разрушены, а частію заняты татарами [6]).

Молдаво-валахи съ XIII в. [7]) сосѣдятъ съ южно-руссами; они занимаютъ съ этого времени область отъ Днѣстра и далѣе на западъ до венгерскихъ поселеній и на югѣ отъ южныхъ предѣловъ галицкихъ южно-руссовъ до Чернаго моря. Эта территорія пережила всѣ перипетіи той этнографической сутолоки, какую мы очертили

кахъ: у Бруна такихъ картъ отмѣчено 8 въ промежуткѣ съ 1318—1497 г.; Брунъ, стр. 74—77).

[1]) *Антоновичъ*, «Кіевская Старина», стр. 37—42.

[2]) Ibid., 32.

[3]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 35.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи зап. Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

[5]) *Szaran.* «Rys» et caet., стр. 38—39.

[6]) *Антоновичъ*, «Исторія В. Кн. Лит., стр. 22.

[7]) Существуетъ однако мнѣніе, что «волохи» еще до татаръ обитали внутри страны между южно-руссами, что напримѣръ «Болоховскіе князья»

по отношенію къ южно-руссамъ въ доисторическій и лѣтописный періоды со своими, конечно, особенностями. Въ завоевательный періодъ Рима страна молдаво-валаховъ входила въ составъ римской имперіи подъ именемъ Дакіи, и сюда направлена была римская колонизація; позже здѣсь мы видимъ и готовъ, гунновъ, обровъ, болгаръ, венгровъ, а равно печенѣговъ и половцевъ,—въ лѣтописный періодъ въ Поднѣстровьѣ являются поселенія южныхъ славяно-руссовъ, которыя доходятъ до Чернаго моря; съ нашествія монголовъ и сюда проникаютъ татары, а вслѣдъ за тѣмъ во второй половинѣ XIII ст. поселяются и теперешніе обитатели—валахи и молдаване. Они вышли сюда изъ прикарпатскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ валахи обитали гораздо ранѣе IX в.[1]) Валахи переселились изъ вакарашскаго удѣла Венгріи во время нашествія монголовъ на Венгрію[2]), а молдаване полустолѣтіемъ позже изъ марнароwскаго удѣла[3]) и заняли прилегающія къ южной Россіи пространства, такъ что въ непосредственномъ соприкосновеніи съ южно-руссами находились только поселенія молдаванъ. При отмѣченной нами выше смѣнѣ народностей, изъ которыхъ каждая оставляла послѣ себя несомнѣнно часть своего населенія и слѣды своей этнологической оригинальности, доживншихъ до нашей эпохи обитателей Молдаво-Валахіи нужно представлять не цѣльною въ генеалогическомъ отношеніи народностью, а этнографическимъ конгломератомъ, въ которомъ видное мѣсто занимало романское наслѣдіе, сохранившееся въ названіи румыновъ, общемъ для молдаванъ и валаховъ. Ошибочно было бы предполагать, что переселеніе двухъ народностей совершалось въ одинъ разъ: отмѣченные факты указываютъ вѣроятнѣе всего на переселеніе правящихъ классовъ и утвержденіе политико-административной власти молдаво-валаховъ въ по-днѣстровской области, гдѣ существовали уже румынскія поселенія. Роскошные луга должны всегда быть привлекательны для этого народа, который велъ въ то

были волошскаго происхожденія.— *А. С. Петрушевичъ.* «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ прекарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія», Львовъ, 1882 г., стр. 50 и др.

[1]) Ibid., стр. 45—46.

[2]) Надеждинъ, стр. 22.

[3]) Ibid., стр. 63.

время скотоводо-пастушескую жизнь [1]) въ горахъ Трансильваніи и Мармороша, и совершенно естественно, что они спускались въ богатыя растительностью долины и разселялись здѣсь въ теченіи многихъ лѣтъ. Сначала «валахи» обитали между южно-руссами, пока, размножившись, не вытѣснили давнихъ господъ [2]), отбросивъ ихъ поселенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и не основали самостоятельнаго «государства» Молдавіи, которое въ первое время, имѣя своихъ отдѣльныхъ воеводъ, признавало верховную власть венгерскаго короля. Окрѣпнии на новомъ мѣстѣ, валахо-молдавы, или сами, а не то и въ союзѣ съ татарами, дѣлали частые набѣги на сосѣднія южно-русскія поселенія [3]). Но это не мѣшало однако существованію мирныхъ отношеній между южно-руссами и молдаво-валахами, а съ тѣмъ вмѣстѣ прибыванію поселеній послѣднихъ въ южной Россіи. Между прочимъ молдаво-валаховъ мы находимъ въ войскѣ литово-русскихъ князей: такъ Коріятовичи, переходя въ Венгрію, оборону своихъ городовъ въ Подоліи оставили южно-руссамъ и «валахамъ» [4]), а въ 1432 г. литовское войско противъ поляковъ, предводительствуемое Ѳедоромъ Острожскимъ, состояло изъ южно-руссовъ, *«валаховъ»*, бессарабовъ и татаръ [5]). Въ 1422 г. изъ г. Каменца литовскаго въ числѣ провожатыхъ де-Лануа находились 2 татарина, 16 россіянъ и «валаховъ» [6]). Однако, гораздо большій приливъ волошскаго населенія въ страну происходилъ черезъ торговыя сношенія. Молдаво-Валахія съ XIV ст. была посред-

---

[1]) Шараневичъ, стр. 185.

[2]) Сознаніе о томъ, что «волохи» заняли территорію, прежде заселенную южно-русскими, видно, жило въ населеніи и перешло къ польской власти: такъ въ 1424 г. Ягайло, убѣждая Сигизмунда идти въ Молдавію и Бессарабію, говоритъ: «волохи вдерлися въ край и вытиснувши давнихъ и правовитыхъ жителей руснювъ), поселились въ урожайной и плодоносной землѣ». Шараневичъ, стр. 341.

[3]) Въ 1436 г. Брацлавъ былъ взятъ молдаванами (Шараневичъ, стр. 392); въ 1448 г. молдаване и татары напали на подольскую землю (стр. 420). въ 1475 г. молдаване нападаютъ на южную Русь вмѣстѣ съ татарами и турками. Szaran. «Rys» et caet., стр. 45 и т. д., стр. 109; Смирновичъ, стр. 369; Chodenecki, стр. 68, 78.

[4]) Шараневичъ, стр. 282.

[5]) Ibid., стр. 376.

[6]) Путешествіе де-Лануа, стр. 46.

ницею въ торговлѣ южной Россіи съ Чернымъ моремъ и Венгріей [1]), при чемъ въ передвиженіи товаровъ принимали участіе и валахо-молдаване, которые и проживали въ южной Руси по своимъ торговымъ дѣламъ. Такихъ торговцевъ изъ валаховъ мы находимъ во Львовѣ [2]), Кіевѣ [3]), въ Кременцѣ и въ другихъ городахъ [4]); здѣсь молдаво-валахскіе купцы поселялись надолго и выстраивали на городскихъ земляхъ свои дома [5]). Кромѣ того были поселенія въ южной Руси молдаво-валаховъ не торговцевъ: напримѣръ въ 1388 г., по грамотѣ польскаго короля Владислава-Ягелла Ольгердовича, г. Галичъ съ волостью былъ отданъ молдавскому воеводѣ Петру [6]) въ обезпеченіе денежнаго займа [7]); около 1456 г. молдавскій канцлеръ (logothet) Михаилъ съ братьями Давидомъ и Дюмой «z całą rodziną swą i z dworom» вышелъ изъ Молдавіи, а Казиміръ выдалъ ему привиллегію на поселеніе въ г. Каменцѣ или въ городахъ Коломыѣ и Дрогобичѣ на Покутьи, на пріобрѣтеніе собственности, веденіе торговли и пр. [7]). Вообще въ польскій періодъ молдавскіе дворяне (бояре) получали отъ правительства земельныя владѣнія въ южной Россіи, и поселенія ихъ въ ту пору можно предполагать на территоріи теперешней южной Руси въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи, въ Буковинѣ, Галиціи и отчасти въ юго-западной части подольской губерніи, хотя отдѣльные случаи поселенія ихъ видны и въ восточной части южной Руси, напримѣръ фамилія «Влахи» встрѣчается въ XVI ст. среди горожанъ пинскихъ [8]). Съ XIV ст. выходцы изъ Молдавіи и Валахіи стали селиться значительными

---

[1]) «Купцѣ спровалали выробы нѣмецкихъ по-балтицкихъ городовъ на Русь и черезъ Русь въ Молдавію до Сучавы, а оттолѣ въ землю угорскую и татарскую и наоборотъ гандель съ Татаріей и съ угорскими краями шолъ также черезъ Молдавію до Львова, а оттолѣ до нѣмецкихъ прибалтицкихъ городовъ». — Шараневичъ, стр. 322.

[2]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

[3]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 27—37.

[4]) Шараневичъ, стр. 395.

[5]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

[6]) Акты, относящіеся къ ист. западной Россіи, т. I, стр. 22.

[7]) Szaran. «Rys» et caet, стр. 45. Въ 1396 г. въ с. Ступницѣ около Самбора жилъ воевода молдавскій, ibid., стр. 58.

[8]) «Писцовая кн.», т. I.

поселеніями въ южной части галицкихъ Карпатъ, гдѣ они пользовались особымъ *волошскимъ правомъ*.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ народностей другія націи имѣли незначительное количество своихъ представителей въ южной Россіи, и о нихъ сохранилось немного свѣдѣній. Къ такимъ народностямъ принадлежатъ: сарацины, венгры, турки, греки, сѣверо и западно-руссы, чехи, сербы, цыгане и остатки прежнихъ южно-русскихъ кочевниковъ, какъ половцы, «черкасы» и печенѣги. Поселенія послѣднихъ можно предполагать въ карпатскихъ горахъ, на Покутьѣ и въ Буковинѣ, именно тамъ, гдѣ теперь обитаютъ *гуцулы*. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ мнѣніи, что гуцулы—потомки древнихъ *узовъ* или лѣтописныхъ торковъ [1]) въ смыслѣ этнографическаго сліянія ихъ съ давно обитавшими южными славяно-руссами. Если въ теперешнемъ названіи карпатскихъ горцевъ трудно узнать лѣтописныхъ узовъ (печенѣговъ), то слѣды поселенія другаго сроднаго съ ними народа—«черкасъ» (т. е. одного изъ прикавказскихъ полукочевыхъ народовъ) сохранились прежде всего, какъ въ названіи южно-руссовъ, которыхъ москвичи именовали до конца XVIII в. «черкассами», такъ и въ г. Черкасахъ (кіевск. губ.), гдѣ по преданію при Витовтѣ были поселены плѣненные «пятигорскіе черкасы» [2]). Что касается *половцевъ*, то мы ихъ встрѣчаемъ въ началѣ этого періода въ средѣ войска южно-русскихъ князей [3]). Кромѣ половцевъ, еще прежде, до монголовъ, служившихъ въ войскахъ князей, можно предполагать, что часть ихъ переселилась въ періодъ самаго нашествія въ галицкую область [4]), гдѣ они постепенно какъ

[1]) *Вагилевичъ*, «Гуцулы, обитатели восточной отрасли Карп. горъ», стр. 18—23.

[2]) Въ 1545 г. жители г. Канева объявили чиновникамъ, описывавшимъ украинскіе замки такое преданіе: «отъ початку Черкасъ и Канева, уходы по всимъ тымъ рѣкамъ вольни были каневцамъ, бо яко князь великій литовскій Гедыминъ (слѣдуетъ съ Витовтомъ), завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ, и *Черкасы Пятигорскіе*, и приведши черкасовъ часть съ княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снѣпородѣ (въ бассейнѣ р. Сулы), а иншихъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ».—*Антоновичъ*, «Исторія В. Кн. Лит.», стр. 65.

[3]) «Ипатск. лѣт.», 1243 г., стр. 528, 1249 г., стр. 535, 1251 г., стр. 538, 1252 г., стр. 542, 1253 г., стр. 543.

[4]) Г. Шараневичъ видитъ половцевъ въ болоховскихъ князьяхъ: «Болоховскіе князи, говоритъ онъ, были и всего половецкаго племени, которіи зруинившися зостали въ областяхъ межи Днѣпромъ и Богомъ».—Шараневичъ, стр. 104.

бы растворились въ средѣ окружающаго населенія. Позже, въ эпоху польско-литовскаго владычества мы уже не встрѣчаемъ половцевъ. Наоборотъ, другой народъ кочеваго типа—*цыгане* появились въ предѣлахъ южно-русскихъ именно во второй половинѣ періода. Они прикочевали къ намъ изъ Молдавіи, гдѣ они появились въ началѣ XV в. [1]) изъ Турціи и тогда-же перешли и въ южную Русь.

Кромѣ указанныхъ народностей азіатско-восточнаго происхожденія (печенѣги, черкесы, половцы и цыгане), къ этому циклу нужно отнести еще *сарацинъ* (или суражцевъ). Хотя мы встрѣчаемся съ этимъ народомъ еще въ лѣтописный періодъ, однако трудно опредѣленно сказать, какой изъ восточныхъ народовъ нужно разумѣть подъ этимъ именемъ. Въ одномъ случаѣ сарацинами называются татары [2]), въ другомъ—арабскіе купцы [3]); г. Смирновъ сарацинъ отождествляетъ съ суражцами и считаетъ ихъ жителями торговаго города Судака (Sugdaja) или древне-русскаго Суража близь г. Балаклавы въ Крыму [4]), а Ходенецкій сарацинъ отождествляетъ съ турками [5]). Кажется, названіе «сарацины» по южно-русскимъ источникамъ литовско-польскаго періода носитъ то неопредѣленное содержаніе, какое въ наше время названіе нѣмцы въ устахъ южно-русскаго простонародія; сарацинами назывались тогда едва-ли не разные представители восточныхъ народовъ. Извѣстія о сарацинахъ, а равно и о суражцахъ относятся къ XIII и XIV вв., въ позднѣйшихъ-же источникахъ они или скрываются подъ другими

---

[1]) Палаузовъ, стр. 19—20.

[2]) Курфирстъ бранденбургскій Людовикъ въ письмѣ къ магистру нѣмецкаго ордена 1556 г. говоритъ, что литовцы вмѣстѣ съ сарацинами (т. е. татарами) и русинами напали на землю короля польскаго (Шараневичъ, стр. 179). Де-Лануа въ своемъ путешествіи называлъ сарацинами татаръ. Вѣстникъ юго-западной Россіи, стр. 45.

[3]) «Левъ, обновивши городъ Львовъ, населилъ его купцами изъ востока—сарацинами и изъ ганзейскихъ городовъ прибывшими нѣмцами», и г. Шараневичъ считаетъ этихъ сарацинъ арабами... «Сарацинѣ, т. е. *арабы* купцѣ, прибывшіе зъ востока».—Шараневичъ, стр. 145.

[4]) По Смирнову Судакъ въ то время былъ складомъ товаровъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу, а потому естественно, что суражане проживали тогда во Львовѣ, Владимірѣ, Луцкѣ—городахъ, которые принимали участіе въ азіатской торговлѣ.—Смирновъ. «Исторія галицкаго княжества».

[5]) Chodenecki, стр. 27.

названіями, или-же дѣйствительно болѣе не проникаютъ въ предѣлы южной Руси, благодаря туркамъ и подчиненнымъ имъ крымцамъ, порвавшимъ сношенія Востока съ Европою. Хотя сарацинъ (подъ которыми въ этомъ случаѣ разумѣются татары) мы видимъ и въ южно-русскихъ войскахъ [1]), но исключительное занятіе ихъ была торговая дѣятельность. Съ этою цѣлью они проживали въ Луцкѣ, Владимірѣ, Львовѣ и другихъ торговыхъ городахъ. Въ послѣднемъ городѣ ихъ именемъ называлась долго улица, теперешняя Заравенская; здѣсь они жили вмѣстѣ съ евреями и разомъ съ послѣдними изгнаны были за городъ «за хульныя рѣчи противъ Христа и похищеніе христіанскихъ дѣтей [2]). Численность ихъ была невелика въ южной Руси, да едва-ли сарацины въ большинствѣ случаевъ не были временными обитателями.

Сарацинъ смѣнили нѣкоторымъ образомъ *турки*, которые со второй половины XV в. начинаютъ вліять на судьбы южной Руси. Около 1475 г. они завоевали Кафу, Килію, Бѣлгородъ, почти всю Бессарабію и подчинили себѣ крымскихъ татаръ [3]), и съ того времени съобща съ татарами и молдаванами стали дѣлать набѣги или наѣзды на Галицію и Подолію. Но почти одновременно съ турецкими солдатами въ южной Руси являются турецкіе купцы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ [4]) и въ другихъ литовско-русскихъ городахъ княжества [5]), а равно и въ польско-русскихъ.

Изъ западно-европейскихъ народовъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже выше, продолжали обитать въ южной Россіи прежде всего *венгры*. Знакомые намъ уже по лѣтописному періоду *венгры* или *угры* теперь имѣли вліяніе на судьбы южно-русскаго населенія, и то только на Галицію, въ теченіе весьма непродолжительнаго времени: именно, къ концу XIV в. (1374) они на нѣкоторое время политически соединялись съ Польшей и завладѣли черезъ нее Галиціей [6]). Съ момента политическаго завладѣнія венграми галицкой

---

1) Шараневичъ, стр. 179; Chodenecki, стр. 32.

2) Chodenecki, стр. 27.

3) Szaran. «Rys», стр. 45; Chodenecki, стр. 60.

4) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., кн. 1, стр. 37.

5) Акты, относ. къ з. Р., т. III, стр. 20; Акты вил. ком., т. V, стр. 12—14.

6) Еще ранѣе черезъ династическій бракъ между 5-ти-лѣтнимъ сыномъ венгерскаго короля Андрея и 2-хъ-лѣтней дочерью краковскаго князя Лешко, Гали-

Русью при Людовикѣ венгерскомъ, войска угорскія, состоявшія изъ венгровъ и силезцевъ, смѣнили въ городахъ и замкахъ польскіе гарнизоны, именно въ Кременцѣ, Олескѣ, Лопатынѣ, Снятынѣ, Рогожинѣ, въ Перемышлѣ, Ярославлѣ, Городкѣ, Теребовлѣ, Галичѣ и обоихъ замкахъ г. Львова [1]). Тогда-же много городовъ и областей, а также мѣстечекъ и селъ на Руси роздано было угорскимъ панамъ [2]), и такимъ образомъ явились здѣсь венгерскіе землевладѣльцы; позже, въ 1383 г., Ядвига, въ качествѣ королевы Венгріи, Галиціи и Лодомеріи, выдала грамоту одному изъ венгерскихъ воиновъ на владѣніе селомъ въ саноцкой землѣ [3]), такъ что венгерскіе этнографическіе элементы мы должны предполагать, хотя и въ незначительномъ количествѣ, въ галицкомъ высшемъ землевладѣльческомъ классѣ и, какъ остатки венгерскихъ гарнизоновъ, между горожанами.

Въ литовско-польскій періодъ продолжали посѣщать южную Русь *греки;* они проникали, между прочимъ, въ Кіевъ [4]); были несомнѣнно и во Львовѣ, гдѣ искали себѣ убѣжища многіе жители Константинополя по разрушеніи его турками [5]). Появленіе въ южныхъ степяхъ монголовъ и процвѣтаніе на Черномъ морѣ итальянской торговли ослабили значеніе грековъ въ южно-русской торговлѣ; одновременно съ этимъ ослабѣло вліяніе ихъ на религіозно-культурную жизнь южно-руссовъ: здѣсь ихъ смѣнили католики—нѣмцы и православные—*сербы.* Послѣднихъ мы встрѣчаемъ въ польскій періодъ въ числѣ землевладѣльцевъ южной Руси; но главный контингентъ сербы, какъ раньше болгары, дали въ среду русскаго духо-

---

ція составляла въ теченіи 2—3 лѣтъ часть венгерскаго королевства; въ XIV в. при Людовикѣ Венгерскомъ повторилось политическое господство венгровъ. Указанные историческіе моменты въ жизни Галиціи имѣютъ то значеніе, что на нихъ венгры основывали всегда свои политическія притязанія на эту горно-русскую область и какъ увидимъ, предъявили ихъ и въ концѣ XVIII в., чѣмъ и облегчили легализированіе отпаденія этой части южной Руси отъ ея восточной половины присоединеніемъ Галиціи къ австрійской монархіи.

[1]) Шараневичъ, стр. 233.

[2]) Ibid., стр. 234.

[3]) Смирновъ, II т.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37.

[5]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 95, 105; Chodenecki, стр. 56.

вепства, и потому вліяніе сербовъ въ этотъ періодъ ограничилось областью церкви и богослужебнаго языка [1]). Гораздо шире было вліяніе въ южной Руси другаго славянскаго народа—*чеховъ*. Этотъ славянскій народъ въ разсматриваемое время игралъ въ западной Европѣ роль весьма аналогичную съ тою, какая въ XVIII в. стала принадлежать швейцарцамъ, именно, чехи доставляли своимъ сосѣдямъ, нѣмцамъ, уграмъ, полякамъ и южно-руссамъ наемныя войска. Чешскія «роты» встрѣчаются, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ южной Руси и являются здѣсь, такъ сказать, организаторами регулярнаго войска [2]). Но здѣсь, въ южно-русскомъ войскѣ, чехи, какъ и другіе воины, принимали участіе и въ администраціи страны: такъ въ 1327 г. при Болеславѣ въ г. Львовѣ разныя должности отданы были полякамъ, нѣмцамъ и чехамъ [3]), а также, вѣроятно, получали изъ рукъ королей и земельные участки. Къ концу періода вліяніе чеховъ расширяется: они принимаютъ участіе въ культурно-религіозной жизни страны, и слѣды этого остались какъ въ духовной литературѣ южной Руси, такъ и въ языкѣ юридическо-административномъ.

Гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію ко всѣмъ другимъ народностямъ, указать элементы *сѣверо-западныхъ* и *сѣверо-восточныхъ славянъ* въ средѣ южно-руссовъ, что зависитъ какъ отъ бѣдности письменныхъ памятниковъ у этихъ народовъ, такъ еще болѣе отъ родственной близости ихъ съ туземцами, которая мѣшаетъ ихъ выдѣленію. Еще раньше (см. гл. IV), при разсмотрѣніи этнографическаго состава высшаго землевладѣльческаго сословія литовской Руси, мы уже указали на присутствіе западно и сѣверно-руссовъ между земянами, но они несомнѣнно были и внѣ этой сферы; такъ встрѣчаемъ новгородскихъ купцовъ въ галицкихъ и волынскихъ городахъ [5]), московскихъ купцовъ—въ Кіевѣ [6]) (черезъ который шла

---

[1]) Первольфъ, стр. 277—282.

[2]) «Ипатск. лѣт.», стр. 488; Первольфъ, стр. 163; Шараневичъ, стр. 152, 234

[3]) Chodenecki, стр. 53.

[4]) Первольфъ, стр. 251—252.

[5]) Шараневичъ, стр. 115.

[6]) Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37; *Соловьевъ*, «Исторія Россія, т. V, стр. 223.

дорога изъ Москвы въ Константинополь) и въ другихъ литовскихъ городахъ [1]). Но самое сильное общенie южно-руссовъ съ сѣверно-руссами было на сѣверо-восточныхъ границахъ, гдѣ поселенie тѣхъ и другихъ соприкасалось и гдѣ происходили безпрерывныя взаимныя сношенiя [2]), чего мы и коснемся въ слѣдующей главѣ.

И. Житецкiй.

(*Продолженie слѣдуетъ*).

[1]) Кукольникъ, стр. 65; Соловьевъ, т. V, стр. 219—220.

[2]) Акты относящ. къ ист. западной Россiи, т. I, гг. 1456, 1486, 1492, стр. 71 и слѣд.; т. II, г. 1509, стр. 60, 62, 66, 143; 1534 г., стр. 327.

ЦЕРКОВЬ и ВИЗАНТІЙСТВО [1].

> Одно только невѣжество можетъ смѣшивать церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.
>
> *Хомяковъ.*

(Памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева).

Кто не помнитъ того единодушнаго горестнаго участія, какимъ ознаменовались въ Кіевѣ проводы въ безвременную могилу ученаго, имя котораго до тѣхъ поръ оставалось едва-ли не для большинства нашего общества если и не совсѣмъ незнакомымъ, то мало и смутно извѣстнымъ. На профессоровъ духовныхъ академій привыкли у насъ смотрѣть, какъ на такихъ спеціалистовъ особаго покроя, которые рѣшительно составляютъ для общества отрѣзанный ломоть. Правда, покойный Терновскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоромъ университета, но вѣдь онъ читалъ и въ немъ опять такую «мертвую спеціальность», какъ церковная исторія! Вѣдь и для большинства тѣхъ, которые, казалось-бы, такъ единодушно—осмысленно провожали въ могилу Достоевскаго, остается вовсе неяснымъ, какую

[1]) Извѣстный нашъ мыслитель, Вл. С. Соловьевъ своею эксцентричною, хотя искренно проводимою и поддерживаемою мыслію о необходимости для насъ новой уніи съ Римомъ, въ видахъ оживленія и упорядоченія нашей церкви, давно вызывалъ и насъ на отвѣтъ, такъ какъ этою мыслію онъ рѣшительно подрывалъ значеніе той вѣковой борьбы нашего народа съ папствомъ, которая составляетъ самый жизненный нервъ его исторіи и въ большей части ее наполняетъ. Трудно

громадную силу не только составляла въ прошедшемъ, но и должна будетъ составлять въ будущемъ именно *церковь* во всей чистотѣ ея кореннаго отличія отъ *государства*, хотя авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ» усиленно налегалъ на это въ самыхъ зрѣлыхъ своихъ трудахъ. Большинство читателей видѣло въ этомъ у знаменитаго романиста-психолога только болѣзненную причуду, которая должна быть просто устранена изъ его произведеній. Но если вопросъ *о церкви* непосредственно связанъ съ оффиціальнымъ положеніемъ автора, то ему окончательно трудно дождаться вниманія большинства. Вниманіе это можетъ быть возбуждено только какимъ-нибудь слухомъ о разладѣ автора съ оффиціальнымъ его положеніемъ, о внесеніи имъ въ свой трудъ чего-то будто совсѣмъ посторонняго, тѣмъ только и способнаго возбудить общественный интересъ. Покойный Ф. А. Терновскій, независимо отъ официальнаго своего положенія и обстоятельствъ своей служебной карьеры, заслуживаетъ полнаго вниманія общества какъ ученый, который живѣйшимъ образомъ принималъ къ сердцу вопросъ о церкви во всей его чистотѣ.

Въ некрологѣ Ф. А. Терновскаго въ «Новомъ Времени» оказалась важная опечатка—пропускъ: въ перечнѣ трудовъ покойнаго не приведенъ послѣдній и самый важный его трудъ: «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ», трудъ, появившійся, какъ извѣстно, въ Кіевѣ въ 1883 г., и на обложкѣ коего мы чита-

---

однакожъ было-бы намъ, стоя на строго исторической, притомъ ограниченной почвѣ, возражать г. Соловьеву, витающему въ широкой области отвлеченныхъ умствованій. Тѣмъ охотнѣе даемъ мы мѣсто настоящей статьѣ уважаемаго. О. О. Миллера, какъ попыткѣ принципіальнаго разрѣшенія того вопроса о свободѣ и независимости церкви, ея цѣльности и единствѣ, который ходомъ событій выдвинутъ былъ съ особою силою въ исторіи западно-русской церкви и категорически, вопреки толкованію г. Соловьева, разрѣшенъ въ памятную эпоху введенія уніи (См. въ август. кн. Кіев. Стар. 1884 г. ст. О. И. Левицкаго: Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII ст.). Не смотря на подборъ фактовъ, ограниченный лишь излюбленною идеею автора, не смотря на узкія рамки, въ какихъ представляется истинный союзъ церкви съ государствомъ, и неточность нѣкоторыхъ его выводовъ, напр. объ участіи кіево-могилянской коллегіи въ развитіи идеи цезарео-папизма, статья эта послужитъ, надѣемся, новымъ опроверженіемъ той искусственно созданной мысли объ уніи съ Римомъ, примѣненіе которой въ исторіи нашего народа стоило ему такой тяжкой борьбы, страданій и цѣлыхъ потоковъ крови.

Ред.

емъ: приготовляется къ печати *синхронистическое изложеніе византійской и славяно-русской церковной исторіи отъ 842 по 1453 г.* Неожиданная смерть на 46 году жизни помѣшала автору издать это продолженіе своего труда. Если оно сохранилось, какъ надобно думать, въ его бумагахъ, то рано или поздно оно появится на свѣтъ Божій. А пока лучшею данью покойному будетъ— постараться выяснить существенныя черты той капитальной части его труда, которая появилась еще при его жизни. Это очень кстати и потому, что трудъ покойнаго даетъ основаніе отвѣтить на вопросъ, недавно поднятый В. С. Соловьевымъ въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества», съ такой стороны, которой, кажется, не касался никто изъ его возражателей.

Какъ видно изъ посмертныхъ отзывовъ о Терновскомъ и какъ не трудно заключить изъ его собственнаго труда, покойный былъ *человѣкъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово *человѣкъ* должно быть устранено, какъ опасный соблазнъ, изъ государственной сферы, по мнѣнію другихъ, едва-ли не такимъ-же соблазномъ служитъ оно и въ сферѣ церковной. Прочтите напримѣръ сочиненія—неоспоримо талантливаго г. Леонтьева: «Византизмъ и Славянство» и «Наши новые христіане», и вы убѣдитесь въ послѣднемъ (набросокъ отвѣта г. Леонтьеву можно найти въ записной книжкѣ Достоевскаго) [1]). Терновскій былъ другаго мнѣнія—и, встрѣчая въ строѣ восточной имперіи черты, носившія на себѣ отпечатокъ нечеловѣческій, прямо признавалъ ихъ нехристіанскими, хотя-бы тѣ, въ комъ онѣ проявлялись, оффиціально числились въ свое время «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Какъ поборникъ человѣчества въ его христіанскомъ, *обожествленномъ* смыслѣ, покойный не могъ быть причастенъ тому фарисейству, тому религіозному лицемѣрію, которое каждогодно осуждается въ церкви за заутренею великаго вторника чтеніемъ евангелія отъ Матоея: «горе вамъ книжники и фарисеи лицемѣры» (гл. XXIII). Онъ понимаетъ, что фарисейство ведетъ къ тому, что прямо надо назвать, horribile dictu, религіозной безнравственностью. Въ этомъ отношеніи онъ прямо сходится съ Хомяковымъ въ его

[1]) Въ 1 т. Полнаго Собранія его сочиненій.

такъ мало у насъ оцѣненныхъ «Запискахъ о всемірной исторіи» (т. III и IV полнаго собранія сочиненій Хомякова).

«Язычество признало побѣду христіанства, но не умерло, говорить Терновскій; напротивъ того оно вошло въ христіанское общество со всѣми своими страстями и пороками. При наплывѣ въ христіанское общество людей, которые принимали новую вѣру только потому, что это было выгодно, нравственные идеалы христіанства помутились. Не было мучителей, не было костровъ и лютыхъ звѣрей, къ которымъ можно было-бы броситься, чтобы стяжать вѣнецъ мученическій, но за то не было и вѣнца» (стр. 62—63).

О томъ, какимъ образомъ переходъ въ христіанство могъ стать *выгоднымъ*, и о пагубномъ дѣйствіи обращенія христіанства въ государственную религію такъ убѣдительно говорилъ Хомяковъ, и остается только удивляться, что Терновскій не ссылался на него.

«Признаніе ученія апостольскаго, читаемъ мы въ «Запискахъ» Хомякова, вѣрою государственною имѣло важныя послѣдствія, мало и даже едва-ли замѣченныя историческою критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ богомъ для всѣхъ гражданъ. Такова причина, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами... Императоръ, какъ представитель имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ. Ѳеодосій пользовался тѣмъ-же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ-же нехристіанскомъ смыслѣ. Высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ... Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ; ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью... Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т. е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ... глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властію и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ

сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ» (487—48).

«Уши, закрытыя для проповѣди евангельской, открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане—мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ льстецовъ... Обращеніе Константина продлило на многіе вѣка существованіе византійской имперіи, но имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е. какъ государство) она не приняла христіанства (479). Мертвое тѣло эллиноримлянина давило христіанина» (564).

Сначала церковь усиленно заботилась о томъ, чтобы христіанство принималось вполнѣ свободно, по внутреннему убѣжденію, чтобы переходъ въ него не соединялся ни съ какими житейскими выгодами. Объ этомъ обстоятельно говорится въ недавно напечатанномъ прекрасномъ трудѣ одного изъ питомцевъ московской духовной академіи, г. Киндрисова: «О свободѣ совѣсти въ древней церкви». Авторъ только нѣсколько увлекается, стараясь взвалить всю вину развитія поощрительнаго начала на свѣтскую власть, тогда какъ и сама церковная іерархія мало по малу стала выказывать готовность прибѣгать не только къ поощреніямъ, но и къ преслѣдованіямъ за вѣру. «Христіанскій міръ (говоритъ Терновскій) заботился не столько объ очищеніи себя отъ моральной языческой порчи, сколько о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ языческаго міра и объ окончательномъ, хотя-бы даже насильственномъ, подавленіи сего послѣдняго» (102). Не долго продолжалась та пора, памятникомъ которой остались золотыя слова «христіанскаго Цицерона»—Лактанція: «къ религіи нельзя принуждать. Ничего нѣтъ столь добровольнаго, какъ религія. Религія—дѣло по преимуществу добровольное, и нѣтъ никакой необходимости, которая заставила-бы кого либо чтить то, чего онъ не хочетъ. Можно только притвориться, но нельзя въ самомъ дѣлѣ захотѣть насильно» (103). Въ томъ-же духѣ высказывался и св. Григорій Богословъ: «я признаю законнымъ не принуждать, а убѣждать, и нахожу это болѣе полезнымъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою... при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное всегда твердо, потому что связано неразрѣшимыми узами любви». Но образъ мыс-

лей св. Григорія, по замѣчанію Терновскаго, далеко не всѣми православными былъ раздѣляемъ (125). Такіе, согласные съ нимъ и съ Лактанціемъ, настоящіе церковные дѣятели, какъ Василіи Великіе и Іоанны Златоусты, все болѣе и болѣе становились рѣдкими. Христіанскій призывъ человѣчества къ свободному, внутреннему единству находилъ слишкомъ сильный отпоръ въ томъ началѣ единства внѣшняго, принудительнаго, которое воплотилось въ міродержавномъ Римѣ, этомъ увѣнчаніи зданія, возведеннаго классическою древностью. Какъ богатымъ, по слову Христову, трудно войти въ царство небесное, такъ и истые сыны классической культуры не легко попадали въ тѣ спасительныя сѣти, которыми смиреннымъ галилейскимъ ловцамъ предстояло уловить вселенную. Но не даромъ совершилось чудо Пятидесятницы, не даромъ всяческіе, пренебрегаемые греко-римскимъ міромъ, варвары услышали апостоловъ проповѣдующими на всевозможныхъ, отверженныхъ имъ языкахъ. Эти-то варвары главнымъ образомъ и восприняли то новое вино, которое трудно-бы было вмѣстить мѣхамъ старымъ.

«Если мы припомнимъ, говоритъ Терновскій, изъ какихъ сложныхъ элементовъ слагалась іерархія и церковная литература въ своемъ золотомъ вѣкѣ, если мы припомнимъ, что Оригенъ, Аѳанасій, Кириллъ, Антоній, Пахомій и др. были египтяне, Синезій—уроженецъ Киринеи, Ефремъ, Ѳеодоръ, Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоритъ—сирійцы, Василій Великій, Григорій Кесарійскій—армяне, Григорій Богословъ—армяно-каппадокіецъ, то мы поймемъ, какимъ оскудѣніемъ въ церковной литературѣ и жизни должна была отозваться монополія іерархическаго и богословскаго авторитета, усвоеннаго себѣ греками съ VII ст. Благодаря этой узкой національной исключительности (такъ знакомой намъ изъ исторіи болгарскаго вопроса и такъ несообразной съ универсальнымъ характеромъ христіанства) церковная жизнь византійской имперіи стояла ниже гражданской, которая постоянно освѣжалась отъ притока другихъ національностей, болѣе грубыхъ, но менѣе изжившихся» (406). Ради этой-то узкой національной исключительности покойный митрополитъ Макарій въ своей исторіи русской церкви и назвалъ грековъ «нѣмцами древней Руси». Съ этой національною исключительностью Византіи вовсе не согласовалось великое дѣло славянскихъ первоучителей, потому-то едва-ли и истыхъ грековъ, во всякомъ случаѣ

находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстной славянской стихіи. Если дѣло это и допущено было Византіею въ политическихъ видахъ, какъ средство отвлечь славянъ отъ церковнаго подчиненія западу, то не даромъ уже въ X вѣкѣ Черноризцу Храбру пришлось защищать это дѣло отъ предубѣжденныхъ въ своей исключительности грековъ. Но вѣдь эти византійскіе греки сами себя величали *Ромеями*, вѣдь государственнымъ языкомъ Византіи была латынь: обѣ стихіи классическаго міра сливались въ имперіи, не даромъ называвшейся восточною *римскою*. На это давно уже обращено вниманіе В. И. Ламанскимъ, хотя нашъ многоуважаемый славистъ и не выводитъ отсюда всего того, что, казалось-бы, должно быть выведено. Дѣло въ томъ, что хотя недавно насъ приглашали «призвать къ себѣ Рюрика изъ Рима», но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода «Рюрикъ» давно уже проникъ къ намъ чрезъ Византію, и намъ не только не нужно обзаводиться новыми, а нужно напротивъ того совершенно раздѣлаться съ прежнимъ—съ римскою стихіею византійства. Эта римская стихія сказалась уже, какъ положительно утверждалъ Хомяковъ, въ самомъ провозглашеніи христіанства государственною религіею со всѣми его неудобными для церкви слѣдствіями. Въ этомъ провозглашеніи, какъ и въ дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ дѣла церкви, слышался императоръ—понтифексъ, и не даромъ такой ловкій оппортунистъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, счелъ полезнымъ указать на это Петру, обзаводившемуся съ другой стороны графами римской имперіи [1]). Между тѣмъ считавшіе себя опекунами и покровителями церкви византійскіе императоры плохо вслушивались въ богослужебный стихъ: «елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Можно-ли признать «облекшимся во Христа» Ѳеодосія Великаго, если въ силу его приказанія (можетъ быть слишкомъ усердно выполненнаго) убито было въ ипподромѣ нѣсколько тысячъ солунянъ, и Амвросій Медіоланскій, какъ прямой представитель церкви, долженъ былъ

---

[1]) Крайне тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ газетный отчетъ о диспутѣ въ петербургской духовной академіи, на которомъ будто-бы проводилась мысль о *народности* въ направленіи Ѳеофана. Ужъ *не народенъ-ли* послѣ этого и Ст. Яворскій, котораго «Камень Вѣры» приняли подъ защиту прямые іезуиты?! Или не къ еретическимъ-ли трудамъ должно отнести диссертацію Ю. Ѳ. Самарина?!

воспретить ему входъ во храмъ. Но тотъ-же Өеодосій съ другой стороны, по замѣчанію Терновскаго, обнародовалъ свое исповѣданіе вѣры, какъ обязательное для всѣхъ подданныхъ, въ указѣ, имѣвшемъ тонъ военнаго деспотизма: «мы желаемъ, чтобы всѣ подвластные намъ народы, содержали вѣру, преданную римлянамъ св. апостоломъ Петромъ» (121). Послѣднее-же слово его было: «я на враговъ Іисуса Христа смотрю, какъ на своихъ собственныхъ» (129), другими-же словами, онъ готовъ былъ и ихъ избивать, какъ тѣхъ, которыхъ велѣлъ избить въ циркѣ. За это-то у нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, допускавшихъ такое смѣшеніе Божьяго съ кесаревымъ, Өеодосій величается царемъ всехвальнымъ, оставившимъ по себѣ приснопамятную славу (134).

Можно-ли считать «облекшимся во Христа» Юстиніана, если при усмиреніи бунта въ Константинополѣ воины его избили до 30,000 византійцевъ, виноватыхъ и правыхъ (269), а для отлученія императора отъ церкви только не нашлось втораго Амвросія?

Можно-ли признать «облекшимся во Христа» Льва Өракіянина, возведеннаго на престолъ Аспаромъ и приказавшаго потомъ умертвить этого самаго Аспара вмѣстѣ съ двумя его сыновьями? Между тѣмъ, такъ какъ Аспаръ былъ аріанинъ, а Левъ строго православный и другъ духовенства, то исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благопріятномъ для императора видѣ (237).

Дѣло въ томъ, что духъ Амвросія Медіоланскаго и Василія Великаго, какъ и духъ Лактанція и Григорія Богослова, этихъ прямыхъ дѣятелей *церкви* или настоящаго *православія*, постепенно оскудѣвалъ не только на римскомъ западѣ, но и на греко-римскомъ востокѣ. Между тѣмъ съ кровавою памятью Льва Өракіянина связанъ установленный при немъ въ пятницу Пасхи праздникъ Живоноснаго источника, подобно тому, какъ съ неменѣе кровавою памятью болѣе поздняго и политически знаменитаго государя связанъ праздникъ всемірнаго Воздвиженія Животворящаго Креста съ его умилительнымъ богослуженіемъ. Когда церковь оглашается пѣніемъ тропаря: «спаси Господи люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя», невольно приходитъ на память, что тропарь этотъ пѣлся предъ Иракліемъ, который освободилъ изъ персидскаго плѣна и снова во-

друзилъ на поклоненіе вѣрнымъ крестъ Господень (при немъ и установленъ праздникъ Воздвиженія), но царствованіе котораго началось съ того, что онъ велѣлъ отсѣчь своему предшественнику Фокѣ руки и ноги, а затѣмъ изрѣзать его живымъ на куски! Говорить-ли о томъ, какъ вдова Праклія и его сынъ, по опредѣленію благовѣрнаго синклита, отправлены были въ ссылку—она съ урѣзаньемъ языка, а онъ съ урѣзаньемъ носа? Вспоминать-ли о Константинѣ Погонатѣ, урѣзавшемъ носы своимъ двумъ братьямъ и послѣ этого продолжавшемъ, какъ-бы въ насмѣшку, въ теченіи 12 лѣтъ титуловать ихъ августами, или о послѣднемъ Праклидѣ Юстиніанѣ, по прозвищу Ринотметѣ, снова водворившемся послѣ своего свержепія съ престола и искалѣченія и оставившемъ по себѣ такую память, что каждый разъ, когда онъ снималъ золотой покровъ съ своего изувѣченнаго носа для того, чтобы омыть и провѣтрить его,—это было предвѣстіемъ казни кого-либо изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ царскихъ лиходѣевъ (398). Греческій историкъ Папарригопуло увѣряетъ, будто греки заимствовали обычай членоотсѣченія у сѣверныхъ варваровъ. «Напротивъ, замѣчаетъ Терновскій, мы, сѣверные варвары, учились у грековъ жестокой казни ослѣпленія,—и притомъ если въ русской исторіи и были отдѣльные случаи ослѣпленія, то они ничтожны сравнительно съ тѣми ослѣпленіями въ громадномъ размѣрѣ, какія были совершаемы греческими императорами[1]). Василій Болгаробойца ослѣпилъ 20,000 болгаръ, а Константинъ Мономахъ 800 русскихъ (408).

Какъ-бы ни-было, но всѣ эти отступники духа вѣры и благочестія величались «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Ихъ изображенія торжественно носились по улицамъ для народнаго поклоненія. Когда изображенія императора Фоки и его жены принесены были въ Римъ, то папа Григорій поставилъ ихъ въ церкви св. Кесарія въ латеранскомъ дворцѣ. Сохранились два письма папы къ Фокѣ, въ которыхъ онъ осыпаетъ его льстивыми похвалами, жалуясь на грубое обращеніе императора Маврикія—того самаго, котораго Фока, свергнувъ съ престола, казнилъ, предварительно-же заставилъ быть очевидцемъ казни родныхъ сыновей (356). Тотъ-же Фока особеннымъ образомъ увѣчилъ и выставлялъ на поруганіе отсѣченные

[1]) Это еще ранѣе замѣчено было Н. И. Костомаровымъ.

члены подданныхъ, упрекавшихъ царя въ пьянствѣ, кончилъ-же тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, что самъ разрѣзанъ былъ на куски и преданъ такому-же поруганію Иракліемъ.

Что-же поддерживало обаяніе власти и положенія въ сферѣ церковной этихъ прямыхъ подражателей Тиверія и Нерона, какъ не сохраненіе за ними стараго языческаго апоѳеоза?

Въ одной диссертаціи, недавно защищенной въ петербургской духовной академіи, говорится: «языческій Римъ оставилъ въ наслѣдство Риму христіанскому культъ императоровъ, который былъ обставленъ внѣшними пріемами, заимствованными отъ персовъ» (стало быть пріемами также нехристіанскаго происхожденія). Но авторъ счелъ себя обязаннымъ прибавить, что «культъ былъ смягченъ и видоизмѣненъ подъ вліяніемъ христіанскихъ идей». «Христіанство, продолжаетъ онъ, въ лицѣ Тертулліана и др., возставало противъ такого культа до тѣхъ поръ, пока онъ выражался въ апоѳеозѣ императоровъ. Но какъ скоро рѣшено было, что культъ есть только способъ почтенія верховной власти, отцы церкви не могли противъ него возражать». Почему-же? и какъ будто-бы вовсе не возражали? Какъ-же тогда Василій Великій на угрозы префекта Модеста за то, что онъ *не держится одной вѣры съ царемъ*, возражалъ: «для меня важно быть въ общеніи съ вами правителями (почему и не такъ? и вы—Божія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ, потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою» (см. у Терновскаго стр. 114). «Христіанами, утверждаетъ г. Скабалановичъ, допущенъ былъ взглядъ, что императоръ есть человѣкъ, стоящій непосредственно за Богомъ, который получилъ отъ Бога то, чѣмъ владѣетъ, и который ниже одного Бога». Но какъ-же тогда церковь приглашала и императоровъ на ряду со всѣми вѣрующими обращаться къ предстательству передъ Богомъ угодниковъ, хотя-бы эти угодники были *юродствующіе простолюдины?* Но одно дѣло—церковь, другое—византійствующіе іерархи, имя-же имъ было легіонъ. «На императора, говоритъ далѣе г. Скабалановичъ, перенесена была извѣстная степень божественнаго величія, выразившаяся во внѣшнихъ формахъ и наименованіяхъ, остатки которыхъ замѣчаются и въ XI вѣкѣ. Къ императору прилагаются эпитеты, указывающіе на его святость и божественность... Императору отдава-

лось почитаніе богоравное (ἰσόθεος), выражавшееся въ поклоненіи (προσκύνησις) и въ славословіяхъ (εὐφήμιαι)... Поклоненіе состояло въ наклоненіи головы до самой земли и цѣлованія руки, славословія заключались въ многолѣтіяхъ, къ которымъ присовокуплялись хвалебные эпитеты; въ этихъ славословіяхъ даже въ XI в., по свидѣтельству папы Льва IV, удерживалась отчасти латинская терминологія... Царь при торжественныхъ пріемахъ возсѣдалъ на серебряномъ тронѣ, отдѣленномъ отъ пространства, предназначавшагося для публики, завѣсой, которая, когда нужно было, поднималась и опускалась... Открытіе и закрытіе завѣсы сопровождалось славословіями» [1].

Книга, изъ которой приведены эти выдержки, своею фактическою стороною вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Терновскаго, хотя авторъ и не позволяетъ себѣ отзываться, подобно покойному кіевскому профессору, съ прямымъ осужденіемъ о томъ, съ чѣмъ никакъ не мирится живое христіанское чувство.

Мы слышали угрозы свѣтской власти Василію Великому за то, что онъ «держится не одной вѣры съ царемъ». Св. Василій непобѣдимо устоялъ противъ угрозъ царя—аріанина. Но была пора, когда и самъ Константинъ Великій, считая православныхъ уже достаточно удовлетворенными постановленіями никейскаго собора, ждалъ отъ нихъ нѣкоторыхъ уступокъ аріанамъ (не даромъ же и историкъ его былъ въ душѣ аріанинъ), но встрѣтивъ сопротивленіе православныхъ принятію въ общеніе аріанъ, онъ прибѣгъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлію научить, что опредѣленіямъ самодержца, направленнымъ къ защитѣ истины, противиться не должно (24).

Когда-же императоры пропагандировали своими декретами не ересь, а православіе, и соединяли такую пропаганду съ угрозами, то едва-ли не большинство духовенства уже не считало такого подкрѣпленія вѣры государственнымъ авторитетомъ ни дерзновеннымъ, ни хотя-бы только излишнимъ.

«Къ законамъ противъ еретиковъ, говоритъ безъ всякаго порицанія Созоменъ, Ѳеодосій Великій присовокупилъ и тяжкія наказанія, не приводя ихъ однакоже въ исполненіе, потому что хо-

---

[1]) Скабалановича, Виз. госуд. и церковь въ XI в., стр. 144—147.

тѣлъ не наказывать подданныхъ, а только постращать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мыслили о Богѣ» (129—130).

Самъ патріархъ въ лицѣ впослѣдствіи ставшаго еретикомъ (странная иронія рока!) Несторія такимъ образомъ обратился въ 428 г. къ императору: «Дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я тебѣ дамъ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ» (157).

Это была, говоритъ Терновскій, обратная сторона или, лучше сказать, неудачное примѣненіе той высокой идеи о *единствѣ человѣчества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ» (234).

Но если язычество не знало единства въ смыслѣ всечеловѣческаго братства, то оно вѣдь завершилось единой римской державой. По распаденіи ея на двѣ части и сокрушеніи ея такъ называемыми варварами на западѣ, она вездѣ завѣщала новому Риму въ лицѣ его христіанскихъ первосвященниковъ свои преданія міроваго владычества, какъ будто теперь духовнаго, въ сущности-же снабженнаго всѣми принудительными аттрибутами стараго государственнаго начала, а потому и доходившаго до всевозможныхъ ужасовъ и преступленій. На востокѣ-же уцѣлѣло само государство во всей полнотѣ своего римскаго строя, и въ силу міродержавныхъ преданій Рима византійскіе государи смотрѣли на свою имперію, какъ на единое тѣло для единаго христіанскаго духа, а на себя, какъ на единыхъ царей всего христіанства, съ принятіемъ котораго должна была соединяться зависимость отъ ихъ верховной власти всякихъ другихъ «такъ называемыхъ» царей. Такъ смотрѣлъ на дѣло тотъ цареградскій патріархъ, который упрекалъ великаго князя Василія Дмитріевича, что при немъ перестали у насъ поминать на ектеніяхъ византійскаго императора. «Какъ будто можно признавать церковь и не признавать царя», писалъ онъ въ своемъ любопытномъ посланіи, на которое обратилъ вниманіе В. И. Ламанскій, не сдѣлавшій однако и тутъ, какъ мнѣ кажется, всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдовало-бы сдѣлать. Выводы эти привели-бы опять къ тому, что къ намъ черезъ Византію давно уже проникалъ Римъ, что хотя мы порою старались раздѣлаться съ нимъ, но окончательно раздѣлаться не могли, такъ что въ новомъ усиленномъ признаніи Рима не представляется намъ ни малѣйшей надобности.

«Бога бойтеся, царя чтите», приводилъ патріархъ нашему великому князю слова апостола Петра, приводилъ, толкуя: не сказалъ «*царей*, а *царя*» —въ томъ будто-бы смыслѣ, что всего и можетъ и долженъ быть одинъ царь на весь крещеный міръ. Выходило, значитъ, что какъ Богъ одинъ, такъ и царь одинъ, т. е. исключительное право на царскую власть имѣетъ тотъ византійскій царь, который, по словамъ г. Скабалановича, «стоялъ непосредственно за Богомъ», на котораго «перенесена была извѣстная (и, какъ видно, не малая) степень божественнаго величія». Вѣдь это своего рода противень папы, какъ намѣстника Іисуса Христа! Но *pontifex maximus* не сразу воскресъ въ лицѣ епископовъ римскихъ. Терновскій указывалъ на то, что папа Григорій Великій, по поводу притязаній константинопольскаго патріарха Іоанна Постника величаться вселенскимъ, въ письмахъ къ императору Маврикію старался показать, какая опасность угрожаетъ церкви отъ главенства одного епископа надъ всѣми прочими. «Прочь всѣ титла, питающія тщеславіе и нарушающія любовь», писалъ онъ александрійскому патріарху, когда тотъ обратился къ нему съ тѣмъ-же титуломъ вселенскаго. Долго многіе изъ папъ представляли только смѣлый отпоръ императорамъ въ ихъ стремленіи «наскакивать на церковь Божію». Употребляю позднѣйшее выраженіе западно-русскихъ епископовъ въ ихъ посланіи къ патріарху цареградскому по поводу независимаго отъ него избранія въ митрополиты Григорія Цимвлака. Этимъ «наскакиваніемъ» всегда тяготились лучшіе церковные дѣятели въ самой Византіи. и вотъ, можетъ быть, главная причина того уваженія на востокѣ къ каѳедрѣ римской, на которое указывалъ въ своихъ статьяхъ В. С. Соловьевъ. Но если цареградскіе патріархи, каѳедра которыхъ находилась прямо на глазахъ у престола царскаго, рѣдко отваживались самостоятельнымъ образомъ дѣйствій навлекать на себя гнѣвъ «святыхъ» по своему положенію царей, то и римскіе папы не всегда-же пользовались тѣмъ удобствомъ, какое имъ представляло отсутствіе возлѣ ихъ каѳедры императорскаго престола. Тотъ-же папа Григорій, какъ видѣли мы, счелъ-же возможнымъ и нужнымъ внести въ храмъ изображенія императора Фоки и его супруги. Съ другой стороны они издавна уже стали пользоваться тѣмъ-же удобствомъ своего положенія съ цѣлью мало по малу развить свою собственную власть до такого-же міродержавнаго и принудительнаго значенія, какимъ

запечатлѣна была власть императорская. Выйдя на этотъ путь, папство ознаменовало себя такими дѣйствіями, которыя при идеѣ происхожденія папской власти чрезъ апостола Петра отъ самаго Христа представляются окончательною мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Кончилось-же тѣмъ, что Западъ дошелъ до возведенія въ догматъ папской непогрѣшимости, тогда какъ на христіанскомъ востокѣ постоянно оставалось только непобѣжденнымъ церковью *фактомъ* такъ называемое *цезарепапство*.

«Юстиніанъ, говоритъ Терновскій, былъ самымъ крупнымъ представителемъ того отношенія государства къ церкви, которое извѣстно подъ характернымъ именемъ *цезарепапства*... Если царь есть помазанникъ Божій, избранный и вдохновляемый самимъ Богомъ, то понятно, что царскія полномочія простираются и на область дѣлъ религіозныхъ. 1) Царь можетъ и долженъ покровительствовать церкви въ лицѣ ея служителей. 2) Царю принадлежало право.... замѣщать высшія іерархическія должности.—Духовныя лица иногда возставали противъ такого участія императора въ дѣлахъ церковныхъ, но неудачно и неосновательно, ибо это былъ другой логическій выводъ изъ того-же принципа, въ силу котораго императоръ покровительствовалъ церкви и ущедрялъ ея служителей (т. е. допустивъ одно, логически пришлось допустить и другое). 3) Іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечъ на враговъ и противниковъ церкви и на непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти *во дворъ овчій*... Но такъ какъ царь... *не безъ ума мечь носитъ*, то понятно, что онъ долженъ былъ... опредѣлить законность притязаній іерархіи и установить надлежащую имъ мѣру. Это по необходимости вовлекало царя въ участіе въ догматическихъ спорахъ. Онъ долженъ былъ становиться такъ сказать третейскимъ судьею между іерархіею господствующей церкви и еретиками... За царемъ оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всѣхъ подданныхъ норму православнаго выраженія и заключительное рѣшеніе по догматическому вопросу» (282—284).

Желая сдѣлать уступку монофизитамъ и державшему ихъ сторону папѣ, Юстиніанъ потребовалъ осужденія трехъ умершихъ церковныхъ писателей, устоявшихъ однако-же передъ судомъ халкидонскаго собора.

... «Въ средѣ православныхъ, говоритъ Терновскій, *осужденіе трехъ главъ* было принято съ большимъ неудовольствіемъ, какъ выраженіе личнаго произвола императора». «Къ чему послужитъ осужденіе наше, говорили западные богословы, если умершіе не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Но и къ чему намъ вести войну съ умершими?»... Въ восточной половинѣ имперіи Юстиніанъ нашелъ болѣе сочувствія или по крайней мѣрѣ меньше противоборства своимъ планамъ. Право царской власти вмѣшиваться въ догматическіе споры закрѣплено было тамъ долговременною практикою. Но и папа было сдался, а потомъ опять отказался отъ своего согласія. Оставалось созвать вселенскій соборъ, въ Италіи, какъ желалъ папа; но императоръ настоялъ на болѣе сподручномъ Константинополѣ. «Соборъ состоялся безъ папы и разумѣется велъ свои совѣщанія безъ разногласія и затрудненій по программѣ изложенной въ грамотѣ императора». *Три главы* были осуждены, а равно и знаменитый Оригенъ. Императоръ сталъ ссылать епископовъ, не согласившихся на осужденіе трехъ главъ; онъ издалъ эдиктъ въ монофизитскомъ духѣ, а патріарха Евтихія, возставшаго противъ этого, отправилъ въ ссылку (299—300).

Евтихій поплатился за то, что не хотѣлъ признать «союза государства съ церковью» въ томъ смыслѣ, какъ понималъ императоръ Юстиніанъ. Въ томъ-же смыслѣ понималъ этотъ «союзъ» и императоръ Конста, когда издалъ типъ: «воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ каѳоликамъ спорить впредь какимъ-бы то ни было образомъ объ одной волѣ или одномъ дѣйствіи, двухъ дѣйствіяхъ или двухъ хотѣніяхъ». Горячо возсталъ противъ типа римскій папа Ѳеодоръ. На соборѣ въ Римѣ онъ отлучилъ отъ церкви константинопольскаго патріарха Павла, по совѣту котораго изданъ былъ типъ (393—384). Но папа при этомъ уже выказалъ всю полноту притязаній римскаго престола на непосредственное и исключительное общеніе со Христомъ, дерзнувъ подписать актъ отлученія Кровію Христовою! За папу Ѳеодора поплатился преемникъ его Мартинъ Исповѣдникъ, раздѣлившій участь другаго исповѣдника, св. Максима, принадлежавшаго уже не западу, а востоку. То были возставшіе съ разныхъ концовъ христіанскаго міра дружные исповѣдники истинной церковности, не мирившіеся съ Юстиніановскимъ пониманіемъ союза между церковью и государствомъ.

Но вотъ въ силу того-же союза новый Юстиніанъ, такъ называемый Ринотметъ, потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ совершилъ молитвословіе на разрушеніе храма Богоматери, на мѣстѣ котораго императору захотѣлось соорудить фонтанъ. Патріархъ сперва отказался, но потомъ прочелъ молитву, оканчивающуюся словами: «Слава Богу терпящему всегда нынѣ и присно» и т. д. (393).

Надо думать, что въ «силу юстиніановскаго союза» случилось и то, что хотя бракъ императора Ираклія съ Мартиною былъ незаконенъ по причинѣ близкаго родства, и патріархъ Сергій настойчиво умолялъ царя отказаться отъ этого брака, дѣло кончилось тѣмъ, что, видя непреклонность императора, тотъ-же патріархъ самъ перевѣнчалъ его съ Мартиною (380); позже Константинъ VI возненавидѣлъ жену свою Марію по навѣту своей матери Ирины, желавшей привесть сына во всеобщую ненависть, и принудилъ жену постричься, самъ-же беззаконно женился на Θеодотѣ кубикуларіи (фрейлинѣ Ирины) и вѣнчалъ ее на царство. Придворный іерей Іосифъ совершилъ царское браковѣнчаніе, а патріархъ Тарасій заблагоразсудилъ покрыть снисхожденіемъ и молчаніемъ совершившійся фактъ... Въ концѣ концовъ приверженцы Ирины (монахи) достигли своего желанія: царь по милости матери потерялъ власть и зрѣніе, а Ирина осталась единодержавною...

Проявленіемъ того-же нечестиваго союза церкви служитъ съ государствомъ наконецъ и то, что при руководствѣ евнуха монаха Іоанна престарѣлая Зоя могла вступить въ бракъ съ молодымъ красавцемъ Михаиломъ Пафлагономъ и возвести его на престолъ императорскій, погубивъ съ его вѣдома своего супруга Романа Аргира, а патріархъ Алексій могъ рѣшиться ихъ обвѣнчать «послѣ того какъ пропѣты были страсти Господни», т. е. послѣ утрени великой Пятницы! Разсказавъ объ этомъ, даже осторожный и уклончивый г. Скабалановичъ выразился такимъ образомъ: «вступленіе на престолъ Михаила Пафлагона было большимъ скандаломъ даже для византійцевъ»[1]. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ, объясняя союзничество патріарха съ Зоей въ ея позднѣйшіе черные дни, утверждать, что «и по сану, и по *характеру* онъ былъ защитникомъ справедливости и законности».

---

[1]) Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 31 и 372.

«Союзъ церкви и государства» понимался, еще и въ иномъ смыслѣ, именно томъ, что церковь нуждается въ государевой защитѣ отъ своихъ враговъ и что государи обязаны удовлетворять эту ея нужду. Левъ III (иконоборецъ) началъ съ того, что сталъ принуждать ко крещенію евреевъ и монтанистовъ; первые крестились лицемѣрно, вторые спасались отъ принужденія самосожженіемъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Терновскій, этими дѣйствіями Левъ III хотѣлъ упрочить за собою репутацію государя православнѣйшаго и благочестивѣйшаго, которая нужна была ему для проведенія церковной реформы (439).

При Михаилѣ I (противникѣ иконоборства) иноки возобладали при царскомъ дворѣ... по ихъ внушенію еретикамъ павликіанамъ законоположена смертная казнь, какому-то Николаю Ексоціониту за хуленіе противъ св. иконъ отрѣзанъ языкъ (489). Не менѣе характерно и то, что монахи обвиняли отставленнаго патріарха Іоанна Грамматика, яко-бы онъ выкололъ глаза у нѣкоего иконнаго изображенія, и требовали, чтобы онъ самъ былъ ослѣпленъ. Императрица Ѳеодора смягчила казнь въ томъ смыслѣ, что онъ получилъ 200 ударовъ бича. Затѣмъ при Ѳеодорѣ послѣдовало кровавое гоненіе на павликіанъ, во время котораго истреблено было различными родами смерти до 100,000 сихъ еретиковъ (498).

По замѣчанію Терновскаго, вѣкъ иконоборцевъ былъ сравнительно легче для павликіанъ. Иконоборцы, занятые борьбою съ православными, мало обращали вниманія на еретиковъ, а ревнители православія, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что они сами могутъ попасть въ число преслѣдуемыхъ, припоминали евангельское изреченіе о томъ, что не должно восторгать плевелъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не восторгнуть и пшеницы. Такъ разсуждали по крайней мѣрѣ разумнѣйшіе изъ ревнителей православія, напримѣръ Ѳеодоръ Студитъ, говорившій, что не должно убивать еретиковъ (525). Но онъ-же высказался въ иномъ духѣ по поводу смерти иконоборца Льва V-го, убитаго въ дворцовомъ храмѣ во время утренняго богослуженія въ самый день Рождества Христова 820 г. (Заговорщики вошли подъ видомъ священниковъ и разсѣкли императора по частямъ). «Отступнику надлежало именно такимъ образомъ лишиться жизни, писалъ Ѳеодоръ Студитъ... обнажавшему божественные храмы надлежало въ храмѣ Господнемъ увидѣть обнаженные

противъ него мечи; разрушавшему божественный жертвенникъ слѣдовало не получить пощады у жертвенника» (484).

Были на греко-римскомъ востокѣ и кандидаты въ Равальяки—въ родѣ того монаха, который въ 871 г. бросился съ ножемъ на императора Никифора, какъ на друга еретиковъ (476). Тотъ-же духъ проявлялся по временамъ и въ самой массѣ народной. Такъ при императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе по поводу того, что императоръ будто-бы хотѣлъ, согласно обычаю восточныхъ городовъ, присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ*... Бунтовщики *требовали другаго царя римской имперіи*... сожгли домъ эксъэнарха Марина (предполагаемаго совѣтчика императора), разграбили его казну... въ домѣ Марина нашли какого-то восточнаго монаха и, схвативъ его, убили и носили голову его на копьѣ съ крикомъ: «*вотъ навѣтникъ противъ св. Тройцы*» (253).

Послѣ всего этого, кажется, ясно, что Іосифъ Волоцкій имѣлъ основаніе въ своемъ ратованіи противъ «жидовствующихъ» ссылаться на ту кровавую практику византійскую, которая вовсе однакоже не убѣждала его противниковъ, проникнутыхъ истиннымъ духомъ Христовымъ заволжскихъ старцевъ. Своего рода историческое основаніе Волоцкій игуменъ пожалуй имѣлъ и на то, чтобы въ своемъ «Просвѣтителѣ» признавать «градскій законъ» византійскихъ государей столь-же «боговдохновеннымъ», какъ каноны церковные, хотя при этомъ онъ и перетолковывалъ—искажалъ того, на кого ссылался, Никона Черногорца. Но если Іосифъ имѣлъ основанія въ *византійствѣ*, то вовсе не имѣлъ ихъ въ *церкви*, какъ исповѣдывалась она Василіями Великими, Григоріями Богословами, Іоаннами Златоустами, и продолжала исповѣдываться у насъ на Руси Ниломъ Сорскимъ, его послѣдователями заволжскими старцами и троицкимъ игуменомъ Артеміемъ.

Когда Геннадій новгородскій помогъ Іосифу тѣмъ, что сослался еще и на испанскую инквизицію, то онъ только подпустилъ въ давно намъ знакомый восточно-римскій, т. е. византійскій источникъ еще подкрѣпительную струю изъ источника западно-римскаго или папскаго. Впослѣдствіи-же изъ этого послѣдняго влились къ намъ еще и новыя струи чрезъ нѣкоторыхъ питомцевъ позднѣйшей кіево-могилянской школы, позднѣйшей Академіи. Какъ-бы искупленіемъ

этого ея грѣха и является отчасти трудъ ея современнаго намъ профессора, такъ преждевременно ею утраченнаго, трудъ, находящійся въ связи съ тою здоровою струею церковной жизни юго-западной Руси, которая сказалась тамъ въ дѣятельности церковныхъ братствъ и ея литературной защитѣ Христофоромъ Бронскимъ. Другая струя сказалась въ «Папежскомъ духѣ» Симеона Полоцкаго, даже и пробавлявшагося одною латынью, сказалась и въ написанномъ имъ отъ имени патріарха Іоакима «Жезлѣ Правленія» и въ уставѣ московской славяно-греко-латинской академіи съ ея курсами «de contractibus diabolicis» (т. е. объ истребленіи колдуновъ огнемъ и мечемъ), а равно и съ учрежденнымъ при ней инквизиціоннымъ трибуналомъ, съ его *«да сожжется»* за измѣну православію, и наказаніемъ меньшей степени, но все-же государственнымъ наказаніемъ за измѣну *латинству* (что̀ особенно замѣчательно). Не ясно-ли, что мы уже призывали къ себѣ духовныхъ Варяговъ не только чрезъ Византію, но даже и прямо изъ Ватикана. Этотъ прямой призывъ совершился на самомъ рубежѣ древней и новой Руси и въ силу его, какъ разъ передъ петровской реформой, мы стали наконецъ причастны, хотя и въ сравнительно слабой степени, такимъ мерзостямъ западной жизни, какъ кровавое истребленіе предполагаемыхъ колдуновъ и вѣдьмъ и св. инквизиція. Говорю: западной жизни вообще, такъ какъ процессы колдуновъ процвѣтали и у протестантовъ, да и инквизиціонные костры, какъ недавно напомнилъ въ своемъ отвѣтѣ В. С. Соловьеву почтенный А. А. Кирѣевъ, соблазнили-же самаго Кальвина, вслѣдствіе чего игуменъ Артемій и имѣлъ полнѣйшее основаніе проповѣдывать религіозную терпимость и лютерамъ.

Указывая намъ на необходимость живительнаго общенія съ западной церковью, насъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли, будто-бы наша русская церковь была совершенно безплодна—произвела лишь одинъ расколъ. Это самая легкомысленная напраслина про нашу святую церковь. Въ нашей церкви сохранялось такъ долго, и было заглушено только при усиленномъ приливѣ вліяній римскихъ, древнее церковное начало вѣротерпимости, издавна подавленное въ Византіи римскою-же закваскою ея государственной жизни, то начало вѣротерпимости, которое на западѣ вытекало изъ философскаго индиферентизма. Въ нашей церкви крѣпко держались преданія проповѣди

Кирилло-Меѳодіевской съ ея прямо апостольскими пріемами, которые еще такъ недавно сказались у насъ на глазахъ, въ лицѣ такого преемника цѣлаго рода святыхъ предшественниковъ, какимъ былъ въ Сибири покойный московскій митрополитъ Иннокентій. Въ нашей церкви раздался еще въ XIII в. горячій голосъ противъ избіенія колдуновъ и вѣдьмъ, во имя не какихъ нибудь доводовъ разума, а во имя человѣколюбивой боязни напрасной крови, тогда какъ на Западѣ юридическая систематизація этого дѣла оставалась предметомъ самаго человѣкоубійственнаго соревнованія между католиками и протестантами. Самъ увлекающійся виновникъ напраслины на нашу церковную жизнь и радѣтель ея обновленья при помощи Запада высказался, какъ извѣстно, однажды въ публичной лекціи противъ смертной казни—и высказался не какъ философъ, а какъ вѣрующій человѣкъ. Но вѣдь онъ въ этомъ случаѣ, на зло столь многимъ ученымъ защитникамъ смертной казни, не переводящимся и до сихъ поръ на Западѣ, только вторилъ старо-русскому князю. Этотъ старо-русскій князь, на зло византійскому праву и благодаря св. Кириллу и Меѳодію, давшимъ ему вмѣстѣ съ его народомъ непосредственный доступъ къ евангелію, умудрился серцемъ въ свой варварскій вѣкъ до великихъ словъ: «ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити; аще будетъ и повиненъ смерти, душя-же не погубляете ни на коя-же христіаны».

Вмѣсто того, чтобы указывать нашей церкви на политическіе примѣры Гостомысла и Петра I-го, нужно только оживить въ ней ея-же собственный древній духъ—духъ, противный развившемуся въ ней отъ византійско-римской прививки «презлому осифлянству» (какъ выразился князь Курбскій). Предстоящій въ будущемъ году тысячелѣтній юбилей св. Меѳодія, скорѣе всего другаго, слѣдовало бы ознаменовать оживленіемъ духа кирилло-меѳодіевскаго, онъ-же и духъ настоящаго православія, или просто *церкви*, какъ говорилъ Хомяковъ, т. е. церкви во всей ея чистотѣ и безпримѣсности. Только на почвѣ древней соборной церкви, чуждой и папства, и цезарепапства, можетъ произойти настоящее соединеніе церквей. Всякое стремленіе согласить съ соборнымъ началомъ единоличную верховную власть надъ церковью является только возобновленіемъ тѣхъ противоестественныхъ сдѣлокъ между духовнымъ единствомъ христіанскаго міра и языческимъ началомъ міродержавства, во главѣ

которыхъ надо поставить Юстиніановскій, такъ называемый «союзъ между государствомъ и церковью».

Что такое на самомъ дѣлѣ этотъ пресловутый «союзъ», окончательно выясняется у Терновскаго во главѣ объ иконоборцахъ. Приводя мнѣніе о нихъ современнаго греческаго историка, сочувственное противодѣйствію иконоборныхъ императоровъ клерикаламъ, покойный авторъ замѣчаетъ: «старинные русскіе государи Папарригопуло не читали... тѣмъ не менѣе и они становились иногда на точку зрѣнія иконоборныхъ императоровъ. «Нигдѣ-же обрящеши, еже не раззоритися царству отъ поповъ владому», разсуждаетъ Иванъ Грозный (514). Уже въ наше время самъ Хомяковъ признавалъ императоровъ иконоборцевъ сильными ревностью и духомъ, признавалъ, что на ихъ сторонѣ были не только войско и вещественныя силы, но «едва-ли также и не чистота намѣреній». Только Хомяковъ былъ дальновиднѣе, а потому и справедливѣе современнаго греческаго историка и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ царя Ивана Васильевича, указывая на то, что иконоборцы возставали не только противъ такъ называемыхъ «клерикаловъ», но и противъ самаго народа церковнаго, для котораго издавна «икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія», а въ темной массѣ и предметомъ идолопоклонства, въ чемъ справедливо и усмотрѣно было императорами иконоборцами уклоненіе отъ христіанства. Но ихъ ошибка, по замѣчанію Хомякова, заключалась въ томъ, что «вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властью... Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти, къ которой (безпристрастно оговаривается Хомяковъ) оно само часто беззаконно прибѣгало»... «Во всемъ движеніи иконоборства, продолжаетъ нашъ неумытный въ своемъ судѣ историкъ, выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви» (Соч. Хомякова IV, 605). Въ такомъ-же духѣ, какъ видѣли мы, императоры нерѣдко поступали и прежде не безъ своего рода поощренія со стороны самаго искавшаго въ нихъ духовенства; но въ вопросѣ о почитаніи иконъ, они—и къ тому-же самые энергичные и талантливые изъ нихъ, зашли уже такъ далеко, что вызвали наконецъ отпоръ духовенства, сильнаго

тѣмъ, что оно опиралось на церковный народъ. Въ сущности и Терновскій смотрѣлъ совершенно также, не соглашаясь съ греческимъ историкомъ во мнѣніи, будто-бы окончательная побѣда государственной власти надъ церковною обезпечила-бы Византіи долгое и счастливое будущее. «Мы русскіе, говоритъ онъ, пережившіе реформу Петра, знаемъ, что и превращеніе церкви въ *вѣдомство православнаго исповѣданія* имѣетъ тоже нѣкоторыя неудобства». (507). Взаимныя «наскакиванія» —кто кого перетянетъ—вотъ къ чему всегда сводился и не могъ не сводиться такъ называемый только «*союзъ государства съ церковью*».

Между тѣмъ его, повидимому, принимаетъ за чистую монету и ставитъ это выраженіе безъ кавычекъ, вовсе не ссылаясь на его изобрѣтателя Юстиніана, авторъ той диссертаціи, недавно защищавшейся въ петербургской духовной академіи, о которой уже говорено было выше. Но въ ней-же и оказывается, что «способъ обнаруженія вліянія какъ съ той, такъ и съ другой стороны во многихъ случаяхъ шелъ въ разрѣзъ съ каноническими правилами, неканоничность его признавалась и высказывалась современниками, тѣмъ не менѣе фактъ продолжалъ существовать». Но если такъ, то зачѣмъ же и называть «союзомъ» то, что на самомъ дѣлѣ заключалось во взаимныхъ *наскакиваніяхъ*, въ силу чего этотъ фактъ и являлся не каноничнымъ, тогда какъ настоящій *союзъ* или *миръ*, въ смыслѣ воздаванія *божьяго Богу и кесарева Кесарю*, признанъ и узаконенъ самимъ Христомъ.

До особаго рода *союза*, яко-бы способнаго водворить въ христіанствѣ миръ, договорился В. С. Соловьевъ въ одной изъ своихъ статей въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества» (Іюнь). Это союзъ между императоромъ и самимъ папою, иначе между Византіей и Римомъ. Пріемъ, придуманный для этого г. Соловьевымъ, заключается въ томъ, что какъ папа, такъ и императоръ, производятся имъ непосредственно отъ самаго Христа—папа отъ его первосвященническаго, императоръ отъ его царственнаго значенія. Но вѣдь подобнаго рода мірской дѣлежъ духовныхъ функцій Спасителя міра на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ безсознательное, но тѣмъ не менѣе возмутительное кощунство. Впрочемъ со стороны г. Соловьева это вполнѣ логично: признавая необходимость единоначалія съ точки зрѣнія римской, онъ долженъ его признать и съ точки зрѣнія

византійской—потому что она та-же римская, одинаковымъ образомъ унаслѣдованная отъ *Рима языческаго*. Безсознательно г. Соловьевъ, подъ вліяніемъ, надо думать, ловко напущеннаго на него со стороны тумана, святотатственно совершаетъ подмѣнъ языческаго Рима Христомъ, какъ мнимымъ источникомъ того мірскаго единовластія, безъ котораго будто-бы не можетъ обойтись церковь. Нашъ вѣрующій философъ, къ великому прискорбію своихъ искреннихъ почитателей, обнаруживаетъ жалкое невѣріе въ то единство возрожденнаго во Христѣ человѣчества, котораго, по словамъ Терновскаго, не зналъ языческій міръ—единство духовное, братское, единство свободной вселенской общины, крѣпкою связью которой является непосредственно самъ Христосъ. Бѣдный В. С. Соловьевъ, все болѣе и болѣе увлекается какою-то злою силою по пути Чаадаева [1]). Онъ никакъ не хочетъ понять, что столь справедливо огорчающее его раздѣленіе во вселенской церкви именно тѣмъ-то и причинено, что она издавна уже перестала полагаться на силу самаго духа Христова, а захотѣла матеріализовать эту силу въ унаслѣдованныхъ отъ языческаго міра двухъ видахъ единоначалія—папѣ и императорѣ, которые такъ долго тягались между собою изъ за власти, но нашли наконецъ своего миротворца въ лицѣ г. Соловьева. Не желая понять, что вся бѣда церкви въ неосиленномъ сю до конца *язычествѣ*, г. Соловьевъ при всемъ своемъ ратоборствѣ за христіанство въ средѣ философовъ, *язычествуетъ*. Нѣчто подобное произошло въ свое время съ Іосифомъ Волоцкимъ. Онъ, какъ извѣстно, всю свою дѣятельность направлялъ противъ *жидовствующихъ*, а заволжскіе старцы, видя, что онъ не только ихъ обличаетъ, но и стремится ихъ истребить, какъ Илья истребилъ жрецовъ Вааловыхъ, указывали ему на то, что чуждый духу новозавѣтной любви онъ и самъ *субботствуетъ*. Не худо-бы г. Соловьеву, вмѣсто того, чтобы къ удовольствію многихъ чужанъ принижать нашу церковь,—вспомнить этотъ поучительный примѣръ изъ ея исторіи.

Кое чему могъ-бы онъ научиться и у раскола—этого, по его словамъ, единственнаго плода нашей многовѣковой церковной жизни. Онъ могъ-бы научиться у его послѣдователей цѣнить соборное на-

---

[1]) Наконецъ-то появилось въ «Русскомъ Архивѣ» отвѣтное письмо къ нему Пушкина, объ открытіи котораго въ бумагахъ ходилъ уже слухъ.

чало, «вѣрить въ которое, по словамъ г. Соловьева, никто не обязанъ» Дѣло въ томъ, что соборъ для него—это только епископскій сонмъ или синодъ, и онъ не хочетъ знать о служащемъ окончательною санкціею для соборовъ единодушномъ признаніи ихъ міромъ—народомъ церковнымъ. Въ этомъ-то церковномъ единомысліи—порожденіи братскаго согласія и любви и заключается, какъ училъ Хомяковъ, то «непремѣнное ручательство истины», которое вовсе уже не нуждается въ единоличной санкціи христіанскаго первосвященника или христіанскаго царя.

Въ письмѣ своемъ въ редакцію «Извѣстій славянскаго общества» въ отвѣтъ на возраженія г. Кирѣева (въ іюльскомъ №) г. Соловьевъ уже прямо становится на противоположную точку зрѣнія, находя «страннымъ» то понятіе, по которому «существованіе церкви обусловлено, какъ онъ выражается, правомъ всѣхъ мірянъ подавать свой рѣшающій голосъ въ церковныхъ дѣлахъ». Это нѣсколько напоминаетъ то, что было замѣчено покойнымъ митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи русской церкви» относительно защиты Христофоромъ Бронскимъ широкаго значенія юго-западныхъ братствъ. Только покойный церковный историкъ все-же не рѣшился признать участіе въ дѣлахъ вѣры мірянъ за «прямое отрицаніе церкви», какъ выразился г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ. Употребивъ слово *право*, онъ придалъ всему дѣлу особый юридическій оттѣнокъ, вовсе не существующій у Хомякова. Это смущающее г. Соловьева *право* всѣхъ мірянъ, по дальнѣйшему ложному толкованію имъ того «страннаго» понятія, на которое онъ возстаетъ, заключается въ томъ, что они могли подавать свой рѣшающій голосъ на вселенскихъ соборахъ чрезъ епископовъ, какъ своихъ уполномоченныхъ». Между тѣмъ у Хомякова (которому въ сущности и возражаетъ г. Соловьевъ, только не рѣшается возражать прямо) дѣло представляется далеко не такъ. «Соборъ, говоритъ онъ, былъ не власть, а голосъ... Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства» [1]). То есть такъ оно было *въ принципѣ* на христіанскомъ востокѣ. Чистота принципа на дѣлѣ могла нарушаться принудительнымъ вмѣшательствомъ въ область соборной жизни ви-

---

[1]) Соч. Хомякова, т. IV, стр. 552 и 555.

зантійскихъ императоровъ, но такое вмѣшательство церковью никогда не признавалось за *право*. На западѣ дѣло вообще представлялось въ иномъ видѣ—съ тою примѣсью *юридическихъ* понятій, которая сказалась и въ образѣ выраженія западничествующаго г. Соловьева. «На западѣ, говоритъ Хомяковъ, тѣ-же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на западѣ приговоромъ» (стр. 707). И это-то и имѣло тѣ послѣдствія, которыми соблазняется г. Соловьевъ. «Западъ, договариваетъ тотъ-же Хомяковъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу—владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ»... (957). Вотъ какимъ образомъ выражается по поводу этого г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ: «Католики, признающіе въ папѣ видимаго главу своей церкви, не могутъ отдѣлять его отъ этой церкви, ибо это по ихъ понятіямъ значило-бы обезглавить церковное тѣло». Но онъ въ своемъ качествѣ вселенскаго миротворца держится правила: «suum cuique». Сочувствуя папѣ, онъ готовъ сочувствовать и императору. Въ этомъ послѣднемъ, по словамъ В. С. Соловьева, «восточное христіанство сосредоточило свое единство, его единовластію оно предоставило внѣшнее представительство церкви, признавъ императора «наружнымъ архіереемъ», какъ называлъ себя Константинъ Великій». Г. Соловьевъ считаетъ необходимымъ этотъ принципъ, говоря: «въ области церковно-политической мы стоимъ за самостоятельную власть христіанскаго царя и его особое значеніе въ церкви. Но у него не видно, чтобы этотъ принципъ былъ единодушно признанный церковью догматъ; г. Соловьеву какъ будто-бы хочется обратить его въ догматъ—тогда-бы вышло совсѣмъ ужъ по римски—императоръ окончательно сталъ-бы противнемъ папы. И тутъ опять тому, кто корилъ нашу церковь порожденнымъ ею расколомъ, не худо-бы вслушаться въ отзвукъ древне церковныхъ воззрѣній, уцѣлѣвшій въ тѣхъ словахъ, съ какими обратился протопопъ Аввакумъ къ царю Θеодору Алексѣевичу: «дитятко красное церковное». Настоящія христіанскія отношенія царя къ церкви—отношенія сыновнія: царь въ ея глазахъ тотъ старшій сынъ, на котораго воз-

лагаетъ она усиленныя заботы о благополучіи прочихъ своихъ дѣтей. Въ первоначальной церкви общее благополучіе достигалось тѣмъ, что у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее... Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду»[1]). Такимъ образомъ постоянно творилось, такъ сказать, чудо умноженія хлѣбовъ—въ томъ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ обобщаетъ его гр. Л. Н. Толстой[2]). Количество достоянія въ христіанской общинѣ оставалось тоже, что и до крещенія ея членовъ, но этого достоянія хватало теперь на всѣхъ. Но по мѣрѣ того, какъ христіанская община все болѣе и болѣе обращалась въ цѣлый христіанскій міръ при помощи тѣхъ государственныхъ поощрительныхъ преимуществъ, на пагубность которыхъ указываетъ Терновскій, то тѣмъ самымъ стала поддерживаться въ новокрещенныхъ мѣшающее имъ вполнѣ возлюбить ближняго старое языческое стремленіе къ большому куску для себя—и то нравственное чудо, въ силу котораго наличнаго хлѣба всегда достаетъ на всѣхъ, становилось опять не возможнымъ. Но тутъ-то и открывалось передъ христіанскимъ царемъ, если онъ дѣйствительно былъ сыномъ церкви, задача возможнаго исправленія, при помощи государственной власти, того общественнаго зла, которое вызвано было въ христіанскомъ мірѣ вмѣшательствомъ того-же государственнаго начала. И нѣкоторые изъ византійскихъ царей въ самомъ дѣлѣ являлись «красными дитятками церковными», когда заглаживали грѣхи своихъ предшественниковъ тѣмъ, что умѣряли и ограничивали рабство, развивали и ограждали крестьянскую собственность, благопріятно встрѣчали ту «варвар-

---

[1]) Дѣяній апост. гл. IV, стр. 32, 34 и 35.

[2]) Ссылаясь на неизданное, но столь многимъ уже извѣстное сочиненіе нашего знаменитаго писателя, я далекъ отъ того, чтобы соглашаться съ его чисто произвольными отношеніями къ Евангелію. Мнѣ только кстати припомнилось его глубокомысленное символизированіе чуда умноженія хлѣбовъ. Символизированіе евангельскихъ фактовъ само по себѣ, какъ извѣстно, составляетъ пріемъ далеко не новый и нерѣдко употреблявшійся церковными писателями. Намъ русскимъ достаточно вспомнить при этомъ Кирилла Туровскаго.

скую», съ классической точки зрѣнія, стихію славянскую, отъ притока которой въ восточной имперіи завелось и поддерживалось тѣми-же императорами противодѣйствующее общественному неравенству общинное устройство. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ иконоборцевъ оказали болѣе услугъ церкви, чѣмъ цѣлое множество императоровъ, строго православныхъ въ своемъ догматствованіи. «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ и нашъ Мономахъ, когда внушалъ своимъ дѣтямъ: «вдову и сироту оправдите сами и не вдавайте сильнымъ погубити человѣка». Преимущественно передъ всѣми византійскими государями «дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ тотъ-же старорусскій князь, когда тѣмъ-же своимъ дѣтямъ внушалъ: «ни права, ни крива не убивайте», не смотря на то, что пришлое къ намъ изъ Греціи духовенство старалось убѣдить еще равноапостольнаго Владиміра, что вовсе не грѣхъ казнить смертью разбойниковъ. Въ этомъ случаѣ духовенство руководилось византійскими государственными воззрѣніями, а князья Владиміръ святой и Владиміръ Мономахъ въ своемъ страхѣ пролитія всякой крови руководились тѣмъ чистымъ церковнымъ началомъ, которымъ руководился еще и царь Иванъ Васильевичъ III, такъ долго колеблясь казнить смертью еретиковъ, не смотря на внушенія Волоцкаго игумена съ его мнимой «боговдохновенностью» гражданскаго закона, и новгородскаго архіепископа съ его примѣромъ «испанскаго короля». «Дитятками красными церковными» были московскіе государи и тогда, когда сами выступали истцами за загубленнаго господиномъ крестьянина, если у него не оказывалось близкой родни, вообще допускали право жалобы крестьянъ на своихъ господъ, отмѣненное только при либеральной ученицѣ французскихъ энциклопедистовъ Екатеринѣ II [1]). «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ наконецъ и государь Александръ Николаевичъ, являясь, по многосказавшимъ словамъ своего воспитателя-христіанина, «человѣкомъ на

[1]) Намъ между тѣмъ недавно опять прожужжали уши о томъ, какъ мы имъ обязаны, по поводу юбилея Дидро! Впрочемъ нѣкоторые утверждаютъ, будто право жалобы отнято еще уложеніемъ Алексѣя Михайловича (перетолковывая его), тогда какъ на это право указываетъ самъ враждебный московскимъ порядкамъ Котошихинъ.

тронѣ», потому-то и рѣшившимъ заставить господъ отказаться отъ человѣкоубійственнаго крѣпостнаго права, тогда какъ по философскимъ воззрѣніямъ Вольтера, ихъ можно было только *пригласить* это сдѣлать, но никакъ *не заставить*.

Такіе высокіе образцы воплощенія истиннаго союза церкви съ государствомъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимался онъ вселенскими учителями церкви, даетъ намъ наша собственная исторія. Какъ далеко отступаютъ отъ нихъ всякіе нынѣшніе ученые толки о «союзѣ государства съ церковью» въ юстиніановскомъ смыслѣ и необходимости окончательнаго сочетанія Византіи съ Римомъ! Мы впрочемъ не сомнѣваемся, что если-бы этимъ толкамъ суждено было перейти когда-либо въ дѣло, они могли-бы развѣ обратить насъ въ повальное бѣгство—но не окольнымъ путемъ въ папскій Римъ, со всѣми его мірскими сквернами, а прямымъ возвратнымъ путемъ въ лоно древней апостольской церкви.

Ор. Миллеръ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА.

ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНІЕ КАВАЛЕРІИ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ И ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Помѣщаемый ниже краткій очеркъ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи имѣетъ извѣстную цѣну, какъ историческій матеріалъ, представляя воспоминанія человѣка, десять лѣтъ прослужившаго подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Витта, командира 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса. Первоначально артиллеристъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко въ 1818 г. былъ зачисленъ по кавалеріи съ назначеніемъ въ 3-й резервный корпусъ во фронтъ; въ 1823 году графъ Аракчеевъ, главный начальникъ по военнымъ поселеніямъ, назначилъ Андрея Яковлевича въ штабъ начальника военнаго поселенія въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, на мѣсто маіора Гончарова, удаленнаго отъ должности за злоупотребленія по службѣ и въ особенности казенными суммами. Одновременно съ назначеніемъ Андрей Яковлевичъ получилъ отъ графа Аракчеева инструкцію, указывавшую ему, съ чего онъ долженъ былъ начать исполненіе новой его должности, и характеризующую до нѣкоторой степени самаго Аракчеева и его отношенія къ излюбленному его дѣтищу—военнымъ поселеніямъ. Инструкція начинается слѣдующимъ рядомъ вопросовъ, на которые Аракчеевъ обращаетъ вниманіе вновь назначеннаго штабъ-офицера.

«1) Всѣ-ли дѣла въ сохранности и нѣтъ-ли утерянныхъ бумагъ?

2) Учрежденъ-ли Архивъ, сданы-ли дѣла прежнихъ лѣтъ въ оный и въ должномъ ли порядкѣ?

3) Со времени утвержденія образованія дивизіоннаго штаба, исполняется-ли порядокъ въ ономъ предписанный по всѣмъ частямъ управленія?

4) Чиновники, утвержденнымъ штатомъ назначенные, при тѣхъ-ли должностяхъ, кои имъ опредѣлены?

5) Какія именно дѣла остаются не исполненными, разумѣя, какъ предписанія мои, такъ и представленія къ генералъ-лейтенанту графу Витту сдѣланныя и по какой причинѣ?

6) Въ какомъ положеніи типографія и наблюдается-ли тотъ порядокъ, который для нея въ образованіи предписанъ?

7) Нѣтъ-ли какихъ безпорядковъ вообще по управленію штаба, въ чемъ именно они заключаются и кто онымъ виновенъ?»

«Приведя все въ извѣстность, продолжаетъ Аракчеевъ, извольте мнѣ донести по каждому вопросу здѣсь предложенному, имѣя въ виду, что я требую ясность и прямое изложеніе истины безъ всякихъ лишнихъ оговорокъ. При чемъ приложите реестръ не рѣшеннымъ дѣламъ съ означеніемъ, пріемлете-ли вы на себя окончаніе оныхъ, и къ какому именно времени, и вообще приведеніе въ порядокъ упущеній, ежели бы таковыя существовали».

«Маіору-же Гончарову, заключалъ строгій начальникъ, исправляющему нынѣ должность дежурнаго штабъ-офицера, вы обязаны дать въ пріемѣ штаба письменное свидѣтельство, и въ свидѣтельствѣ семъ означить всѣ неисправности, какія окажутся по дѣламъ штаба, а мнѣ представить съ онаго копію.—Послѣ сего все то, что означено будетъ въ выданномъ вами свидѣтельствѣ, останется уже на вашей отвѣтственности и взыщется съ васъ однихъ по законамъ».

Инструкція дана въ Харьковѣ.

Однимъ изъ первыхъ приказаній графа Витта его новому штабъ офицеру было арестовать маіора Гончарова и отправить его въ Петербургъ на судъ. Гончаровъ обвинялся главнымъ образомъ въ растратѣ или лучше сказать въ присвоеніи 229,695 руб. казенныхъ денегъ. Въ сохранившейся по этому дѣлу перепискѣ между имъ и графомъ Виттомъ оба они взаимно уличаютъ другъ друга въ злоупотребленіяхъ. Въ одномъ изъ писемъ Гончаровъ утверждаетъ, что отчетъ о суммѣ на одинъ милліонъ пятсотъ семьдесятъ три тысячи рублей, находившейся въ распоряженія графа Витта, сдѣланъ неправильно, безъ доказательствъ и «нѣтъ полныхъ на расходъ сей документовъ». «Я оный подписалъ, пишетъ онъ Витту, изъ одного только къ вамъ уваженія, хотя и зналъ всю сего отчета слабую силу къ увѣренію начальства въ истинномъ расходованіи столь значительной суммы; поступокъ таковой должно почитать уже свыше погрѣшности... и я полагаю, что вы не были-бы изъяты отъ отвѣтственности, предписанной воинскимъ уставомъ, если-бы я оффиціально довелъ это до свѣдѣнія начальства».

Въ 1830 г. Андрей Яковлевичъ Стороженко былъ назначенъ членомъ аудиторіата главнаго штаба по военному поселенію и въ концѣ того-же года за «усердіе къ службѣ» получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета составленія штатовъ. Начальникъ главнаго штаба военныхъ поселеній Клейнмихель поручилъ Андрею Яковлевичу разсмотрѣть, исправить и дополнить сочиненіе полковника Бобинскаго: «Искусство верховой

ѣзды». Это порученіе было выполнено съ успѣхомъ и доставило исполнителю похвалу и награду.

Въ «Запискахъ» своихъ Андрей Яковлевичъ нѣсколько рѣзко говоритъ о дѣятельности графа Аракчеева, но, какъ онъ самъ оговаривается въ концѣ Записокъ, это не «желчь человѣка, котораго онъ (Аракчеевъ) гналъ, а безпристрастное отношеніе лица, близко знавшаго дѣятельность Аракчеева по отношенію къ военныхъ поселеніямъ». Къ сожалѣнію, до насъ не дошли собственноручныя письма Аракчеева, о которыхъ упоминаетъ авторъ помѣщаемыхъ за симъ «Запискахъ».

Н. С—ко.

Я не пишу исторіи военныхъ поселеній вообще, ни отдѣльно такъ называвшагося военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній при началѣ его; но излагаю о послѣднемъ то, что врѣзалось въ моей памяти.

Мысль императора Александра о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи имѣла основаніями сбереженіе расходовъ на войско и водвореніе воиновъ въ нѣдрахъ семействъ своихъ.

Примѣры этому мы читаемъ въ исторіи Рима; видимъ въ австрійскихъ провинціяхъ, на границахъ имперіи отъ востока. Были военныя поселенія также и у насъ въ новороссійскомъ краѣ, обращенныя потомъ въ крестьянскій бытъ. Въ послѣдствіи-же, еще предъ 1812 годомъ вновь поселенъ у насъ, въ видѣ опыта, баталіонъ елецкаго пѣхотнаго полка уже въ могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ.

По какой причинѣ избрана для сего Бѣлоруссія, страна бѣдная во всемъ,—мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что при всѣхъ иждивеніяхъ правительства, при всѣхъ усиліяхъ поселеннаго начальства завести тамъ хлѣбопашество, разчистить и удобрить для этого поля, завести скотоводство, не удавалось. Знаю также и то, что военные въ Бѣлоруссіи поселяне всегда нуждались въ пропитаніи и не могли-бы даже существовать безъ казенной помощи, между тѣмъ какъ дома для нихъ и необходимыя для управленій помѣщенія дорого стоили, не говоря уже о напрасныхъ издержкахъ, происходившихъ отъ перемѣнъ въ распоряженіяхъ.

Почти во всей Бѣлоруссіи тощая, песчаная почва земли покрыта камнями. Чтобы очистить отъ нихъ пашни для военныхъ поселянъ,

приказано было собирать и отвозить камни въ довольно отдаленныя мѣста; —дѣлалось это наймомъ. Въ послѣдствіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось развить хлѣбопашество, вздумалось выстроить всѣ штабные строенія. Для фундаментовъ потребовались камни; а какъ они были свезены какъ выше сказано, то опять нанимались и люди и подводы, перевозить ихъ на прежнее мѣсто.

Такія и подобныя симъ перевозки и переноски строеній обходились дорого; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, главный надъ военными поселеніями начальникъ графъ Аракчеевъ, въ годовыхъ отчетахъ, объявляемыхъ печатными приказами, всегда хвалился сбереженіемъ казны и дѣлаемою имъ экономіею противу смѣтъ, имъ-же самимъ утверждаемыхъ.

О такаго рода сбереженіяхъ, или капиталахъ я скажу ниже; теперь-же, чтобы не прерывать предпринятаго мною разсказа о кавалерійскихъ поселеніяхъ въ ново-россійскомъ краѣ, коснусь только о поселеніяхъ вообще.

Нашествіе французовъ разрушило поселеніе елецкаго баталіона.

Послѣ Вѣнскаго конгреса, 1815 года, Государь снова обратился къ рѣшительной дѣятельности по водворенію войскъ на постоянныхъ жилищахъ въ опредѣленныхъ для сего округахъ.

Говорятъ, что бывшій наставникомъ его, извѣстный Лагарпъ, первый подалъ ему идею столь обширнаго и благодѣтельнаго во многихъ видахъ предпріятія. Миръ Европы дозволялъ начать, или лучше продолжать оное.

Выполненіе задуманнаго плана поручено было всесильному довѣріемъ Государя, крутому дикою волею, неутомимому графу Аракчееву, и поселеніе въ новогородской губерніи началось пѣхотнымъ полкомъ его имени.

У меня есть печатная тетрадка, на заглавномъ листѣ коей вытиснено: „Положеніе о поселеніи одного пѣхотнаго баталіона.—*Здѣлано въ селѣ Грузинѣ;—на рѣкѣ Волховѣ*". Тетрадка эта начинается знакомъ параграфа съ № 1-мъ тако:

§ 1-й. »Военный поселянинъ есть хозяинъ дома и земли; а дабы отличить прилежнаго отъ нерадиваго, послѣдній, по удостовѣренію

«главнаго надъ военными поселеніями начальника, лишается всей на-«житой имъ собственности и ссылается въ Сибирь на поселеніе».

Это написано самимъ графомъ Аракчеевымъ; изъ сего можно заключить какъ о степени образованія его, такъ и о мѣрахъ, какія онъ принималъ по данной ему неограниченной власти.

Дѣянія графа Аракчеева описаны мною особо, при чемъ приложены какъ упоминаемая здѣсь тетрадка, такъ и другіе факты, а сверхъ того весьма любопытный литературный журналъ, издававшійся при новогородскомъ военномъ поселеніи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Аракчеева.

Журналъ этотъ по статьямъ своимъ, безграмотности писавшихъ ихъ, есть диво дивное въ современную намъ эпоху, и еслибъ онъ не былъ печатный, подобно тетрадкѣ, сдѣланной въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, то конечно никто-бы не повѣрилъ существованію его.

Приступимъ теперь къ предмету, который я намѣренъ представить въ краткихъ очеркахъ.

Военное поселеніе въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ началось двумя уланскими дивизіями, украинскою и бугскою, состоявшими подъ командою генералъ-лейтенанта графа Вита, и тотчасъ поступило подъ главное начальство графа Аракчеева.

Полки украинской дивизіи были до того козачьими, сформированными по проэкту графа Вита на Украйнѣ въ войну 1812 года.

Въ составъ полковъ бугской дивизіи поступило по три эскадрона изъ этихъ полковъ украинскихъ, другая-же половина пополнена бугскими козаками, издавна обитающими по рѣкѣ Бугу, кои имѣли своего войсковаго атамана и правленіе, подобное установленному въ донскомъ войскѣ.

Въ украинскіе полки также поступили для приведенія ихъ въ комплетное состояніе часть бугскихъ козаковъ, живш ихъ на границѣ кіевской губерніи, въ Чернолѣсѣ, по рѣкамъ Тясминѣ и Синюхѣ, и жители поселенныхъ прежде бывшихъ гусарскихъ полковъ, нерегулярныхъ, обращенныхъ потомъ въ регулярные.

Бугскіе козаки, служившіе въ войны турецкую и французскую и привыкшіе къ вольной козацкой жизни, бунтовались при переименованіи

ихъ въ уланы; не были довольны тѣмъ и свободные поселяне, помнившіе свое гусарство.

Надобно было укротить неповиновеніе доказывающихъ древнія права свои и привилегіи, выслуженныя ими на войнахъ, для чего необходимы были строгія мѣры, коими укрощено наконецъ буйство этой вольницы. Такія мѣры всегда бываютъ неразлучны съ примѣрными наказаніями виновныхъ.

Признаваемыхъ зачинщиками неповиновенія гоняли сквозь строй; многіе, въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеры бывшаго бугскаго войска сосланы въ Сибирь, что хотя прекратило сопротивленіе явное, но не могло расположить умы въ пользу военныхъ поселеній. Смуты, страхъ, недовѣрчивость изображались на физіономіяхъ мрачныхъ, проклинавшихъ въ тайнѣ уланщину.

Новое поселеніе раздѣлялось на округи полковъ, коимъ даны были Высочайшія грамоты, заключающія въ себѣ благодѣтельную мысль Государя: что округу военныхъ поселянъ даются земли имъ занимаемыя со всѣми угодіями; что жители округа не будутъ платить никакихъ государственныхъ податей, а только содержать будутъ водворяемый въономъ полкъ, который укомплектовываться будетъ впредь изъ жителей округа, и со временемъ въ составъ его войдутъ сыны и внуки поселянъ настоящихъ хозяевъ; слѣдовательно, состоящіе на службѣ не будутъ разлучаться съ семействами своими, среди коихъ пріобрѣтутъ успокоеніе и призрѣніе въ старости.

Эти простыя основанія военныхъ поселеній требовали благоразумнаго развитія ихъ; требовали отъ мѣстнаго начальства самоотверженія, постоянныхъ трудовъ, добра нравственнаго, совѣстливой отчетливости въ дѣйствіяхъ и твердой воли на пути ведущемъ къ прямой цѣли; начальникъ долженъ былъ подавать собою примѣръ подчиненнымъ, начинавшимъ новое для каждаго изъ нихъ дѣло.

У насъ едва-ли не всё зависитъ отъ командира; честность и благодушіе его разливаются на помощниковъ и нисходятъ до вахмистра поселеннаго эскадрона.

Въ исполненіи службы военной необходимъ строгій порядокъ, дисциплина и точность; въ исполненіи-же семейныхъ и хозяйственныхъ

обязанностей сверхъ того нужна еще и снисходительность управляющаго поселянами, хотя они и называются военными.—Хозяйство не фрунтъ. Послѣдній имѣетъ на все установленныя правила, а первое можно подчинить имъ только приблизительно.

Хлѣбопашецъ пріобрѣтаетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ преданій, изъ собственныхъ опытовъ, коихъ строевые офицеры, вышедшіе съ полками на поселеніе, имѣть не могли, равно какъ не имѣло ихъ и высшее начальство; слѣдовательно все относящееся къ хозяйству шло на обумъ. Поелику же наружный порядокъ и устройство гораздо легче, нежели внутреннее распоряженіе, то и начали рыть каналы, проводить дороги, дѣлать мостики, красить ворота, устраивать по одному образцу плуги, воловую упряжь, бороны и проч.

Работы эти производились военными поселянами, хозяевами, кои отрывались отъ хлѣбопашества, теряли охоту къ домоводству, ожидали безпрестанныхъ перемѣнъ и не были увѣрены въ своей собственности.

Выгоды военнаго поселенія кавалеріи весьма просты. Положимъ, какъ это и предполагалось, что полковой округъ военнаго поселенія заключалъ въ себѣ 7,000 душъ мужескаго пола. Казенныя подати, по 10 руб. съ души, составляютъ 70,000 руб., продовольствіе людей и лошадей въ полку, по сложнымъ справочнымъ цѣнамъ, стоитъ казнѣ 160,000 р.; а какъ округъ продовольствуетъ полкъ, то, по простому разсчету, казна имѣетъ выгоды 90,000 р. въ годъ отъ округа.

Въ послѣдствіи времени признано нужнымъ имѣть въ округѣ 10,000 мужескаго пола, дабы онъ могъ снабжать полкъ и людьми для укомплектованія его. И тутъ казна имѣетъ выгоды 60,000 р. отъ округа, не говоря о другихъ оброчныхъ статьяхъ, напримѣръ о рыбныхъ ловляхъ, перевозахъ, мельницахъ и проч.—Дѣло кажется ясное; но вышло иначе.

Тотчасъ по вводѣ полковъ въ округи предписано было составить изъ осѣдлыхъ поселянъ три поселенные эскадрона, въ кои поступили хозяева, три резервные эскадрона изъ помощниковъ ихъ, и

устроить кантонистскіе эскадроны изъ мальчиковъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ.

Всѣхъ этихъ людей приказано обмундировать и вооружить, что повело къ издержкамъ. Сверхъ того предписано было строить полковые штабы и комитеты, манежи, цейхаузы и тому подобныя строенія; это усугубило иждивеніе, конечно далеко превышающее сбереженіе отъ продовольствія полковъ. Нужны-ли были такія постройки или нѣтъ, тутъ дѣло условное; но обмундировывать и вооружать цѣлую популяцію,—кажется, нужды не было, въ чемъ черезъ 10 лѣтъ само правительство удостовѣрилось. Между тѣмъ сколько горя, сколько палокъ перенесли бѣдные люди, на коихъ натянули узкіе мундиры и давъ имъ сабли, пики и пистолеты, учили стойкѣ, маршированію и какъ употреблять оружіе, могшее обратиться въ послѣдствіи и для собственной ихъ защиты.

Впрочемъ люди привыкаютъ ко всему; самыя невыгоды усвоиваются до того, что, какъ говорятъ старо-служивые, когда у гусаръ отмѣняли длинные, по большей части прививаемые на вискахъ локоны, они обрѣзывали ихъ со слезами. Такъ было, если вѣрить разсказамъ, и съ пудрою; подобное тому я самъ видѣлъ и въ военномъ поселеніи.

Послѣ отмѣны обмундированія и вооруженія, объѣзжая округи, я перемѣнялъ лошадей въ Ровномъ. Селеніе это имѣетъ болѣе 2,000 душъ; оно состоитъ въ округѣ бывшаго 1-го украинскаго уланскаго полка. Пока закладывали мнѣ лошадей близъ эскадроннаго комитета, собралось туда много поселянъ-хозяевъ; я разспрашивалъ ихъ съ обыкновеннымъ моимъ участіемъ о хозяйствѣ, объ урожаяхъ; спрашивалъ, довольны-ли они своимъ положеніемъ, нѣтъ ли жалобъ, просьбъ, и всѣ они единогласно просили меня объ одной милости: оставить молодымъ парнямъ мундиры, ибо въ мужицкомъ де платьи и потанцовать какъ-то не ловко, да и дѣвки не такъ то любятъ.

Я сказалъ выше, что все зависить отъ начальника. Если-бы графъ Витъ, введя полки въ свои округи и нашедши изобиліе во всемъ, пріобрѣтенное въ привольной ихъ жизни, устремилъ вниманіе на часть хозяйственную, то она пошла-бы самымъ удовлетворитель-

нѣйшимъ образомъ. Но поселеніе казалось ему забавою, наружное устройство — дѣломъ.

Напримѣръ: велѣно было бѣлить не только избы, обмываемыя безпрестанно дождемъ, но даже заборы и хлѣвы; велѣно было по сигнальной трубѣ, чтобы каждый хозяинъ, его помощникъ и кантонисты становились во фрунтъ передъ своими домами при проѣздѣ начальника.

Предписано было устроить полковыя и эскадронныя школы для обученія кантонистовъ, то есть всѣхъ мальчиковъ безъ изъятія: читать, писать, арифметическимъ правиламъ и вытверживать на память такое множество пунктовъ, относящихся къ субординаціи, въ томъ числѣ всѣ Суворовскія поговорки, что дѣти были совершенно отрываемы отъ хозяйства, ни въ чемъ не помогали родителямъ, отвыкали отъ самыхъ необходимыхъ трудовъ хлѣбопашества.

Наконецъ заведены были женскія школы. Дѣвчонокъ одѣли въ круглыя платья полковаго цвѣта, и военныя дамы сдѣлались директрисами этихъ институтовъ.—Матери плакали, посылая дѣвокъ въ школу; и было чего, ибо кончившая ученіе приносила въ домъ не помощь, а развратъ и непослушаніе власти родительской.

Полковые командиры изъ угожденія высшему начальству выдумывали разныя продѣлки съ кантонистами. Учили ихъ карусельной ѣздѣ, на маленькихъ лошадяхъ, для сего именно покупаемыхъ; а бригадный генералъ, управлявшій потомъ округами кирасирскихъ полковъ, Степанъ Семеновичъ Храповицкій простеръ угожденіе себѣ и туманеніе начальства до такой степени, что его кантонистская школа въ Елисаветградѣ знала не только всѣ стихотворенія, а особенно басни, написанныя нашими писателями, но могла состязаться съ любымъ кадетскимъ корпусомъ въ свѣденіяхъ математическихъ, кои самому Храповицкому извѣстны были только какъ номенклатура наукъ, о которыхъ онъ читалъ въ журналахъ.

Графъ Витъ восхищался всѣмъ этимъ. Храповицкій, въ видѣ нечесаннаго сибарита, въ халатѣ и порткахъ, встрѣчалъ его кантонистскою поэзіею, и не вылазя изъ костюма, представлявшаго лѣнь олицетворенную въ немъ, получалъ награды за отличіе по службѣ. Правда, иногда надѣвалъ онъ предъ графомъ Витомъ мундирный сюртукъ,

когда сей послѣднiй прiѣзжалъ къ нему съ Собанскою (?); но предъ фрунтомъ я никогда его не видывалъ.

Графъ Витъ производилъ самъ баталiонныя ученiя кантонистамъ, подкомандным Храповицкому, коими командовали тѣ же кантонисты. Прошу-же заставить послѣ того 14-лѣтняго баталiоннаго командира работать въ полѣ, а математика пасти скотъ!

Въ 1827 году мнѣ случилось ѣхать въ Одессу. Физiономiя везшаго меня на одной станцiи поселянина показалась мнѣ весьма знакомою. Спрашиваю: кто онъ? и получаю въ отвѣтъ, что онъ прозванiемъ Баланъ, учившiй алгебры въ школѣ Храповицкаго, и что теперь, не разумѣя хозяйства, принужденъ наняться на почтовой станцiи за ямщика. Изъ прiемовъ его тотчасъ можно было замѣтить, что онъ взялся не за свое дѣло, ибо на 4-ой верстѣ отъ станцiи, вѣрно укладывая въ умѣ Невтонову формулу, опрокинулъ меня въ буеракъ.

Въ мысли, что полки должны и ремонтироваться лошадьми изъ конскихъ заводовъ, заведенныхъ и содержащихся во всякомъ округѣ, постановлено было искупить для каждаго округа 345 кобылъ матокъ и 27 жеребцовъ. Числомъ этимъ опредѣлялся полковой лошадный заводъ. 115 молодыхъ лошадей изъ ежегоднаго приплода должны были поступать въ полковой ремонтъ; остальной-же затѣмъ приплодъ долженъ былъ обращаться вѣ матки, или въ продажу, за излишекствомъ отъ укомплектованiя полка и завода.

За дѣло это принялись съ жаромъ. Казна денегъ не жалѣла. Болѣе 1,000 кобылъ, называемыхъ матками, куплено было въ одно лѣто, равно болѣе 100 жеребцовъ.

Всякiй вообразитъ себѣ, можно-ли было искупить вдругъ такое число кобылъ годныхъ для приплода. Жеребцовъ купили преимущественно въ заводѣ графини Орловой. Покупали ихъ также въ Англiи и Данiи, и думали, что заводы въ первый годъ покажутъ результатъ самый удовлетворительнѣйшiй, ибо херсонскiя степи, удобныя строенiя для зимовли заводовъ, изобилiе сѣна и овса, представляли всѣ удобства въ исполненiи этого плана. При томъ-же напечатана была инструкцiя дивизiоннымъ и полковымъ комитетамъ, какихъ жеребцовъ и матокъ они принимать должны отъ поставлявшихъ ихъ по формаль-

нымъ контрактамъ. Въ инструкціи этой опредѣлялась и отвѣтственность, какъ за годность заводскихъ лошадей, такъ и за число приплода, установленное въ ономъ.

Коннозаводство вообще трудно и въ маломъ размѣрѣ. Степной помѣщикъ, охотникъ къ лошадямъ, знатокъ и рачительный хозяинъ, не щадя ничего ни на жеребцовъ, ни на пріобрѣтеніе породистыхъ матокъ, едва и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ доводитъ конный заводъ до того, что ремонтъ свой продаетъ ежегодно кавалерійскимъ ремонтерамъ для гвардіи и арміи, цѣною отъ 250 до 500 руб. ассигн. Комплетъ такихъ заводовъ рѣдко бываетъ выше 50 матокъ;—какимъ-же образомъ можно требовать всѣхъ этихъ условій отъ полковаго командира, или отъ комитетовъ, дивизіоннаго, бригадныхъ и полковыхъ, когда между членами ихъ никто не бывалъ заводчикомъ и когда ввѣряемый заводъ полковому командиру состоитъ изъ 345 кобылъ, купленныхъ, какъ случилось? Но, вмѣстѣ съ укомплектованіемъ заводовъ военнаго поселенія, на другой годъ потребовался и сообразный съ видами приплодъ. Въ случаѣ-же неудовлетворительности онаго, полковый командиръ и свидѣтельствовавшіе приведенныхъ кобылъ и жеребцовъ постановленіемъ графа Аракчеева подвергались отвѣтственности.

Хотя въ отвращеніе сего полковые командиры недостающее число жеребятъ и покупали для комплекта мужичьихъ жеребенковъ, рублей по 15, за всѣмъ тѣмъ однакожъ, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, когда пришлось пополнять своими ремонтами строевыхъ лошадей въ полкахъ, число лошадей своихъ заводовъ оказалось недостаточнымъ, не говоря уже о томъ, что купленные мужичіе жеребята не выросли выше одного аршина, 14 вершковъ.

Тутъ пошла разборка, а какъ притомъ полки у насъ сформированы по шерстямъ лошадей, то нужно было, чтобы отъ гнѣдыхъ кобылъ непремѣнно родились гнѣдыя лошади, отъ сѣрыхъ сѣрыя, и такъ далѣе. Этого не случалось. Начали передавать изъ полка въ полкъ ремонты по шерстямъ. Полковые командиры лошадей другъ отъ друга не принимали. Начались изслѣдованія, медіаторства, повѣрки; но все было напрасно. Полки лошадьми своихъ заводовъ не укомплектовыва-

лись; графъ-же Аракчеевъ, предвидѣвшій уже вину въ подобныхъ случаяхъ, предписалъ остановить жалованье у полковыхъ командировъ и у всѣхъ членовъ комитетовъ. Мѣра эта однакожъ не пособила дѣлу, а только научила разнымъ хитростямъ.

Правда, что весьма красивъ полкъ во фрунтѣ, посаженный на одношерстныхъ лошадяхъ; еще красивѣе дивизія въ массѣ, сформированная по положенію изъ полковъ на лошадяхъ гнѣдыхъ, сѣрыхъ, рыжихъ и вороныхъ; но роскошь эта возможна не въ полкахъ поселенныхъ, кои должны ремонтироваться изъ своихъ заводовъ. Тутъ надобно имѣть въ виду одну главнѣйшую выгоду,—сбереженіе казны и чтобы полки имѣли лошадей добрыхъ, не по шерстямъ, ибо нельзя ничѣмъ пособить тому, что въ заводѣ гнѣдой масти будутъ родиться разношерстные жеребята, что будетъ происходить и въ другихъ, хотя тоже одномастныхъ заводахъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ поселены были украинская и бугская дивизіи, были города и мѣстечки. Въ нихъ преимущественно расположили дивизіонные и полковые штабы. Это оживило скудную впрочемъ торговлю въ краю недавно заселенномъ; но графу Аракчееву, видящему вещи съ своей точки зрѣнія, имѣвшему основаніе въ воображаемомъ имъ порядкѣ второй кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ офицеромъ и учителемъ, и Стрѣльную мызу, откуда началось его возвышеніе, вздумалось выгнать купечество и мѣщанство изъ городовъ и мѣстечекъ, дабы выстроить въ нихъ по плану поселянскіе домы и помѣщенія для лицъ и управленій военнаго поселенія.

Не знаю, въ чемъ мѣшали ему люди торгующіе;—изгнаніе-же ихъ сопряжено было съ большими расходами, ибо казна заплатила за всѣ ихъ строенія, кои потомъ сломаны и уничтожены.

Планированіе городовъ также стоило не мало. Положено было въ дивизіонныхъ штабахъ устроить обширныя площади, и напримѣръ: городъ Миргородъ, бывшій нѣкогда губернскимъ, дивизіонный начальникъ Трощинскій до того доплانировалъ, что по пустырямъ и по огромному плацу, среди бѣлаго дня, бѣгали волки. Нивелляція плаца представляла тутъ насыпь, коей одна сторона была выше крыши дома полковаго командира.

Правда, что открылись виды необъятной пустыни, и одинъ только деревянный замокъ славнаго нѣкогда Текели, въ которомъ онъ пировалъ съ старшиною Запорожья, имъ-же въ послѣдствіи уничтоженнаго, являя опальный видъ, напоминалъ старину и тѣ времена, когда земляки Текели, словаки, сербы, болгары, молдаване и русины поселились въ обширномъ новороссійскомъ краю, изъ коихъ составились воинскіе полки гусарскіе, не требовавшіе никакихъ казенныхъ издержекъ (?!), а воевавшіе со славою въ арміяхъ нашихъ противу турокъ и татаръ. Они, какъ выше сказано, обратились потомъ въ полки регулярной кавалеріи, а жители, содержавшіе и укомплектовывавшіе ихъ, въ хлѣбопашцевъ; и теперь осталась только па память мѣстная пѣсня:

«Ой сербине, гусарине, годи сербовати;
«Озьми серпъ, иди въ степъ пшениченку жати.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, извѣстный генералъ Хорватъ вывелъ изъ австрійскихъ владѣній и изъ Сербіи славянскихъ поселенцевъ и водворилъ ихъ на жительство между Кременчугомъ и Елисаветградомъ. Около Миргорода и Елисаветграда понынѣ многія селенія, гдѣ поселилась украинская уланская дивизія, называются ротами; другія-же носятъ тѣ самыя названія, какія даны имъ переселившимися изъ Венгріи и Славоніи по мѣсту жительствъ своихъ оставленной ими родины; напримѣръ вышедшіе изъ селъ Вуковаря, Федоваря, назвали и тутъ тѣми-же именами занятыя ими мѣста подъ жилища свои. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что одинокія названія селъ и городовъ, въ разныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ славянскими племенами, вѣроятно произошли отъ подобнаго рода переселеній.

Не излишнимъ считаю здѣсь также замѣтить, что и во второй еще половинѣ 18-го столѣтія крымская татарская орда жгла и грабила окрестности Елисаветграда.

Стремясь къ своего рода порядку, графъ Аракчеевъ постановилъ: ограничить число корчемъ поселенія, для прекращенія, какъ думалъ онъ, пьянства. По его волѣ винные откупщики при торгахъ въ Петербургѣ ограничивались въ условіяхъ своихъ имѣть по одному только шинку въ каждомъ селеніи военно-поселянскаго вѣдомства. Этимъ уменьшились казенные доходы, но нисколько не уменьшилось воображаемое

нимъ пьянство,—ибо въ херсонской губерніи существуетъ особая привиллегія на продажу питей; откупамъ подлежатъ только города и бывшія казенныя селенія; а какъ послѣднія бываютъ въ самой тѣсной смежности съ помѣщичьими деревнями, то мѣра имѣть одну только корчму или шинокъ въ военно-поселянскихъ деревняхъ не повела ни къ чему. Помѣщики умножили во владѣніяхъ своихъ число шинковъ, и только увеличились слѣдствія и суды за корчемство поселянъ военныхъ, такъ что не было округа, въ которомъ-бы было менѣе 500 человѣкъ подсудимыхъ за тайный переносъ, или перевозъ горячихъ напитковъ.

Этого графу Аракчееву растолковать было невозможно; онъ мѣрялъ все на свой новгородскій аршинъ, не внимая тому, что всѣ великороссійскія губерніи съ незапамятныхъ временъ подчинены монополіи и казенной продажѣ горячаго вина, тогда какъ въ южной Россіи на вольнокуреніе и на продажу водки существуютъ особыя привиллегіи.

По водвореніи полковъ въ округахъ военныхъ поселеній оказалось невозможнымъ, чтобы каждый хозяинъ кормилъ и состоящаго на службѣ улана и лошадь его изъ собственныхъ своихъ запасовъ. Оказались также необходимыми и запасные хлѣбные магазины. Объ этомъ начали думать, начали писать разные проэкты; но какъ ни кружились въ области невѣденія, должны были обратиться къ роду барщины, то есть установили общественные посѣвы, и чтобы каждый округъ военнаго поселенія накапливалъ полную годовую пропорцію сѣна для полка, на удобнѣйшихъ сѣнокосныхъ степяхъ, общимъ нарядомъ косарей и гребцовъ.

Мѣра сія и мнѣ кажется самою лучшею, но она измѣнила основаніе царской грамоты, по которой поселяне хозяева увольнялись отъ всѣхъ податей и казенныхъ работъ.

Въ нѣсколько лѣтъ дознано опытомъ, что осьмая часть хлѣбныхъ запасовъ истребляется мышами; а потому осьмою частью должно было увеличить и ежегодный сборъ ихъ, что увеличило и самыя работы. Все-бы это ничего при урожаѣ, но съ 1823-го года начались неурожаи въ новороссійскомъ краѣ; налетѣла съ Азіи всеистребляющая саранча, и съ 1824 на 1825 годъ поселяне такъ оскудѣли въ продовольствіи

себя и своего скота, что послѣдній погибалъ тысячами. Дѣлать подвозы сѣна или соломы изъ другихъ сосѣднихъ губерній было невозможно, ибо въ степныхъ мѣстахъ въ сухія лѣта степи выгораютъ до того, что на нихъ нельзя пасти скота, какъ невозможно возить сѣна, ибо покамѣсть его довезешь за 200 верстъ, употребленные для перевозки волы съѣдятъ все везомое ими.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи весь оставшійся поселянскій скотъ и овецъ начальство принуждено было перегнать въ кіевскую и подольскую губерніи. Половина скота отошла за кормъ; сверхъ того казна понесла весьма значительныя издержки на продовольствіе людей, и черезъ такое бѣдствіе поселяне обѣднѣли.

Долго графъ Аракчеевъ называлъ саранчу кониками; долго упорствовалъ въ томъ, что она съѣстъ нѣсколько травинокъ, а пишутъ, что все истребила. Наконецъ лично удостовѣрился, что эти коники пожрали даже солдатскія шинели одного егерскаго баталіона, наряженнаго для истребленія ихъ.

Не взирая на столь неблагопріятныя обстоятельства, Государь настаивалъ, чтобы и третью кирасирскую дивизію ввести въ опредѣленныя для нея округи. Здѣсь я однакожъ долженъ сказать, что будучи въ селѣ Грузинѣ съ отчетами у графа Аракчеева, я самъ слышалъ отъ него, что по проэктамъ графа Вита Государь торопиться изволитъ поселять тяжелую кавалерію; что онъ (графъ Аракчеевъ) всегда противился этому и что ему кажется,—надобно-бы прежде осмотрѣться, сдѣлать огромные запасы фуража и тогда уже, пожалуй, пусть себѣ селитъ кирасировъ графъ Витъ. «Я только слѣпой исполнитель монаршей воли, говорилъ графъ Аракчеевъ, но скажу по совѣсти, что всякое дѣло требуетъ опытовъ въ малыхъ размѣрахъ; впрочемъ по мнѣ хоть волкъ траву ешъ, лишь-бы мое новогородское поселеніе шло хорошо». Тутъ оказывается уже явное недоброхотство его къ графу Виту, что подтверждается и самыми дѣйствіями.

Въ началѣ 1824-года графъ Аракчеевъ предварилъ графа Вита, что осенью 1825 года, согласно съ представленіемъ сего послѣдняго, онъ долженъ ввести непремѣнно кирасировъ въ свои округи, не взирая на то, что запасы хлѣба и сѣна были весьма скудны. Другой на мѣстѣ

графа Вита представилъ-бы рѣшительно о совершенной невозможности выполнить проэктъ свой, въ чемъ встрѣтились препятствія, отъ него вовсе не зависящія; но онъ, не углубляясь въ дѣло, не думая о послѣдствіяхъ, надѣясь на авось, ждалъ 1825 года съ обыкновенною своею беззаботливостію, не читалъ вовсе предварительныхъ напоминаній графа Аракчеева о приготовленіи всего къ принятію въ округа кирасирскихъ полковъ; а скакалъ изъ Одесса въ Крымъ, или въ Петербургъ, по подорожной *по высочайшему повелѣнію изъ курьерскихъ*, которую не показывалъ на петербургской заставѣ, замѣняя ее другою, въ коей не было уже высочайшаго повелѣнія, имъ самимъ присвоеннаго, и проѣздомъ черезъ кирасирскіе округи любовался возводимыми въ оныхъ генераломъ Храповицкимъ, не безъ пользы для себя, строеніями. О графѣ Витѣ можно сказать, что онъ проводилъ жизнь въ коляскѣ, со счастіемъ сопутствующимъ вездѣ легкія головы.

Съ 1824 года на 1825 сдѣланы были между тѣмъ въ херсонскомъ военномъ поселеніи вообще огромные посѣвы озимаго хлѣба. Самая благопріятная весна позволила сдѣлать такіе-же посѣвы овса; травы росли, какихъ и старожилы не запомнятъ; лѣто было самое прекрасное, и къ осени 1825 года, ко времени предназначеннаго вступленія кирасирскихъ полковъ въ свои округи, въ послѣднихъ собраны были такіе запасы фуража и хлѣба, для какихъ нужны-бы были въ другихъ мѣстахъ нѣсколько-лѣтніе урожаи.

Въ новороссійскомъ краѣ всегда бываетъ: если неурожай, то по неимѣнію запасовъ голодъ и безкормица для скота вдругъ нагрянутъ на безпечныхъ жителей, изобиліе-же всего въ годы урожайные превосходитъ всякое вѣроятіе. Напримѣръ: въ 1825 году въ нѣкоторыхъ округахъ кирасирскихъ овесъ выдалъ 20-ое зерно, а скирда сѣна въ 1,000 пудовъ накашивалась на 8-ми десятинахъ.

Графъ Аракчеевъ, судя по новогородской губерніи, не вѣрилъ сдѣланнымъ въ одинъ годъ запасамъ для кирасиръ, какъ прежде не вѣрилъ саранчѣ, но далъ между тѣмъ повелѣніе 3-й кирасирской дивизіи идти на свое поселеніе. Этимъ хотѣлъ уничтожить графа Вита; когда-же кирасирскіе полки вступили въ свои округи, предписалъ дивизіонному, бригаднымъ и полковымъ командирамъ принять запасы

фуража и донести прямо себѣ, будетъ-ли ихъ достаточно на два года, подъ строгою отвѣтственностію за всякую неаккуратность въ донесеніи. Сверхъ того прислалъ чиновниковъ и архитекторовъ освидѣтельствовать запасы и постройки и обо всемъ также донести ему лично.

Все это и всѣми было выполнено. Графныя вѣдомости о хлѣбѣ и сѣнѣ, равно свидѣтельство о постройкахъ, поразили ожидавшаго совсѣмъ другихъ донесеній, всесильнаго, злаго временщика.

Графъ Витъ торжествовалъ, не участвовавши во всемъ этомъ ни чѣмъ, кромѣ счастія; и государь императоръ изъявилъ обѣимъ имъ особенную свою признательность.

Нужнымъ считаю вспомнить здѣсь мимоходомъ о катастрофѣ, при объявленіи въ 1821-мъ году высочайшихъ грамотъ въ округахъ, назначенныхъ для поселенія кирасиръ.

Многія селенія этихъ округовъ заключали въ себѣ старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Великороссіи отъ преслѣдованія раскола ихъ. Въ послѣдствіи они несли козачью службу, подъ именемъ новодонцевъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Крыма и распространеніемъ границы нашей въ турецкихъ владѣніяхъ, бывшее прежде пограничнымъ разнаго наименованія войско содѣлалось не нужнымъ и обращено, какъ сказано мною выше, въ поселянъ хлѣбопашцевъ.

Помянутыя старообрядческія селенія, узнавши, что ихъ дѣлаютъ кирасирами, просили оставить имъ прежнее наименованіе новодонцевъ и одѣть пожалуй хоть по кирасирски. Графъ Аракчеевъ, не внимая просьбамъ ихъ, предписалъ объявить поселеніямъ высочайшія грамоты и привести ихъ къ присягѣ. Раскольники возопили противу сего, не принимали грамотъ и противились всему съ дикимъ изступленіемъ. Объ этомъ донесено было графу Аракчееву, равномѣрно какъ и о томъ, что названіе людей этихъ новодонцами отвратитъ бунтъ. Съ мѣсяцъ ожидался отвѣтъ его, какъ между тѣмъ раскольники снеслись съ единовѣрцами своими, поселившимися въ черниговской губерніи, въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и даже въ Пруссіи. Съ разныхъ мѣстъ прибывали къ нимъ на почтовыхъ ихъ апостолы, кои еще болѣе утвердили между ними рѣшительное неповиновеніе. Наконецъ полученъ от-

вѣтъ графа Аракчеева, коимъ предписывалось употребить всѣ мѣры къ понужденію раскольниковъ повиноваться высочайшей волѣ.

Въ исполненіе сего въ главнѣйшемъ селеніи ихъ, *Зыбкой*, собрано было 6 пѣхотныхъ баталіоновъ, дабы устрашить неповинующихся; но это не произвело на нихъ никакого вліянія; они не внимали, ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Бѣглые и укрываемые ими попы ихъ, по большей части розстриги, напрасно были употреблены начальствомъ для вразумленія фанатиковъ.

Надобно было наконецъ приступить къ мѣрамъ дѣйствительнѣйшимъ. Въ половинѣ генваря мѣсяца 1822 года, по длинной улицѣ селенія Зыбкой выстроили въ двѣ шеренги пѣхотные баталіоны, приготовленные къ экзекуціи надъ неповинующимися поселянами. Послѣдніе собраны были за шеренгами солдатъ; ихъ уговаривали повиноваться. Одинъ баталіонный командиръ вошелъ въ толпу ихъ и когда началъ говорить, старикъ съ четками, прибывшій въ Зыбкую въ видѣ апостола съ черниговской губерніи, ударилъ его палкою по головѣ такъ, что штабъ-офицера этого вынесли изъ толпы замертво.

Пробовалъ говорить къ нимъ съ далека и генералъ-маіоръ Храповицкій, начальствовавшій экзекуціею, но слышны были только крики: «не примамъ, не примамъ грамоты».

Послѣ сего объявлено было бунтующимъ, что кто изъ нихъ не хочетъ повиноваться, пусть идетъ сквозь строй. Вдругъ всѣ почти начали раздѣваться и кидались въ шеренги; палочные удары сыпались, многіе не могли уже ходить, нѣкоторые, стиснувъ зубами мѣдный крестъ свой, съ дикимъ самоотверженіемъ переносили удары и отъ изнеможенія падали почти мертвыми. Смотрѣвшія на это бабы кричали смѣло идущимъ сквозь строй: «иди родимой! будешъ святымъ мученикомъ». Когда-же человѣкъ 9 умерло въ шеренгахъ, начало темнѣть, у меня душа замерла отъ ужаса; я бросился въ толпу, сталъ на колѣни въ грязи и умолялъ безумныхъ о повиновеніи. Не помню, что говорилъ я, но меня никто пальцемъ не тронулъ; помню только, что вошедшіе за мною штабъ и оберъ-офицеры ставили насильно колеблющихся на право и такимъ образомъ успѣли спасти готовыхъ уже погибнуть.

Ночь прекратила экзекуцію. Болѣе 200 человѣкамъ избитымъ пустили кровь; зачинщикамъ, кои прежде взяты были подъ арестъ, обрили бороды, что исполнили и надъ другими, болѣе кричащими. Ночью начали приходить нѣкоторые къ генералу Храповицкому съ повинными головами, поутру-же всѣ выполнили присягу, и везшіе насъ въ Кременчугъ пѣли пѣсни, какъ будто ничего не было. Таковъ народъ русскій! Малороссійскія селенія присягали со смиреніемъ и покорностію. Катастрофа эта останется на всегда въ моей памяти.

Съ этихъ поръ округи военнаго поселенія кирасиръ приготовлялись принять свои полки. Запасы, какъ выше сказано, были до избытка, конскіе заводы учредились, какъ и въ уланскихъ округахъ.

Мнѣ кажется, что не стоило гонять людей сквозь строй за то, что они хотѣли имѣть прежнее названіе новодонцевъ, и что носившіе бороды, не поступавшіе ни въ эскадроны хозяевъ, ни въ резервные, просили о сохраненіи имъ бородъ, въ коихъ они видѣли что то религіозное.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что когда въ послѣдствія поручено мнѣ было объѣхать мѣста, лежащія по рѣкѣ Орели, въ полтавской губерніи, гдѣ предполагалось также военное поселніе, и представить мнѣніе мое по сему предмету, я написалъ между прочимъ, подъ вліяніемъ зыбковской катастрофы, что хотя и можно было-бы поселить по Орели пѣхоту, ибо для кавалеріи тамъ нѣтъ никакихъ удобствъ, но, во избѣжаніе бунтовъ и смутъ, нужно-бы дать названіе поселяемымъ тамъ полкамъ: пѣшихъ малороссійскихъ стрѣлковъ, въ воспоминаніе носившихъ такое наименованіе стрѣлковъ, сформированныхъ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-ой въ кіевской губерніи генералъ-поручикомъ Андреемъ Яковлевичемъ Леванидовымъ. Въ полки эти, какъ говорятъ, малороссіяне поступали охотно, и съ плачемъ оставляли службу, когда расформировали ихъ по возшествіи на престолъ императора Павла. Народныя названія, народныя повѣрья въ подобныхъ случаяхъ имѣли магическую силу и вліяніе на людей всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, не испорченныхъ космополитизмомъ.

Въ первые годы поселенія кирасиръ, когда начали укомплектовывать полки людьми изъ своихъ округовъ, оказалось, что ростъ кирасира не производится по заказу; что въ округахъ не было столько молодыхъ людей семи-вершковыхъ, коими можно-бы было укомплектовывать кирасиръ, равномѣрно, какъ произошло это и съ конскими заводами, въ коихъ отъ огромныхъ жеребцовъ и большихъ матокъ родилось болѣе третьей части недомѣрковъ. Одни эти два предмета служили уже очевиднымъ доказательствомъ необдуманности въ предпріятіи селить тяжелую кавалерію, когда и уланскія поселенія, относительно ремонтированія полковъ изъ своихъ заводовъ, при соблюденіи одношерстности въ лошадяхъ, потребовали измѣненій въ порядкѣ таковаго ремонтированія.

Въ прежнее время не только въ иррегулярной кавалеріи, но и въ регулярной не было полковъ одномастныхъ; слѣдовательно и ремонтированіе, изъ своихъ-ли заводовъ или покупкою, не представляло настоящихъ неудобствъ и затрудненій. Притомъ-же поселенные полки были подобны козацкимъ; служили въ нихъ люди всякаго росту, какіе гдѣ родились, лишь-бы только были здороваго тѣлосложенія; поэтому затѣянныя вновь военныя поселенія были идеальными, не прочными въ первоначальныхъ своихъ основаніяхъ, отъ чего по истеченіи 10 лѣтъ все въ нихъ такъ измѣнилось, что не осталось и тѣни первоначальныхъ предположеній.

Они однакожъ въ новороссійскомъ краѣ принесли ту пользу, что открыли почти третью часть народонаселенія не записанную въ ревизскія сказки, слѣдовательно и не платившую никакихъ податей; что бродяжество уничтожилось и что по перемѣреніи земель оказалось во всѣхъ военно-поселянскихъ усадьбахъ едва по десяти десятинъ земли на мужескую ревизскую душу, когда до того считалось земли далеко болѣе нужной пропорціи. Напримѣръ: въ осадѣ Петриковкѣ, нынѣшней Новой Прагѣ съ окрестными деревнями, при объявленіи оной штабомъ малороссійскаго кирасирскаго полка, показано было гражданскимъ вѣдомствомъ только 2,000 душъ мужескаго пола и слишкомъ 20,000 десятинъ земли, а вышло мужескаго пола болѣе 4,000 душъ, земли-же менѣе 20,000 десятинъ.

Какъ-бы то ни было, все-же поселеніе на югѣ въ степныхъ мѣстахъ было похоже на дѣло, ибо изобиліе хлѣба, а тѣмъ болѣе сѣна, коего сбытъ невозможенъ, представляло возможность кормить людей и лошадей въ поселяемыхъ полкахъ; но въ новогородскомъ и могилевскомъ поселеніяхъ даже и прокормить людей было нечѣмъ. При томъ же поселенные тамъ пѣхотные полки заключали въ себѣ людей поступившихъ въ рекруты изъ разныхъ губерній; многіе изъ нихъ обращены потомъ въ хозяева, оставленныя нѣкоторыми жены на мѣстахъ родины были выписаны къ мужьямъ своимъ, и уроженцы полтавской, херсонской и екатеринославской губерній сдѣлались хлѣбопашцами на новогородскихъ тундрахъ и болотахъ.

Есть-ли тутъ какое нибудь соображеніе и можно-ли требовать отъ оравшаго плугомъ въ восемь воловъ жирную, тучную землю, чтобы онъ вдругъ научился или привыкъ орать одноконною сошкою и удабривать землю навозомъ, безъ котораго сѣверная, песчаная почва совсѣмъ не родитъ?

По возшествіи на престолъ нынѣ царствующаго государя императора Николая Павловича сперва отмѣнили обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ; потомъ полки начали укомплектовываться рекрутами изъ разныхъ губерній обширной Россіи; потомъ полковые ремонты начали покупаться, а наконецъ округи военныхъ поселеній совершенно отдѣлились отъ полковъ своихъ. Поселяне сдѣлались по прежнему простыми хлѣбопашцами и кормили только постояльцевъ—приходящіе на квартиры въ округи полки армейской кавалеріи

Съ симъ раздѣлилось также и начальствованіе, то есть полковый командиръ не управляетъ уже вмѣстѣ и округомъ, какъ было сперва; дивизіонный и бригадные начальники не вмѣшиваются въ хозяйственное распоряженіе по поселеніямъ, которое управляется особыми властями, и стало зависѣть только отъ корпуснаго командира.

Такія и въ столь короткое время перемѣны разительны для наблюдающаго ходъ дѣлъ въ эпоху, въ которую намъ жить пришлось.

Въ Австріи въ 250 лѣтъ поселенія все тѣ-же; у насъ они и 10 лѣтъ не удержались.

Напрасно графъ Аракчеевъ издалъ 27 книгъ законоположеній для военнаго посселенія; напрасно даны были Высочайшія грамоты, коими постановлялось водворять войско на постоянныхъ жилищахъ; напрасно гоняли сквозь строй домагавшихся носить бороды; напрасны были иждивенія на обмундированіе и вооруженіе всѣхъ военныхъ поселянъ безъ изъятія; все это уничтожено, и аракчеевскія законоположенія содѣлались едва-ли къ чему нибудь пригодными.

Онъ повторялъ, что первѣйшимъ условіемъ въ каждомъ дѣлѣ должно быть постоянство и сколь возможно твердыя правила. Онъ-же всегда говаривалъ, что Австрія одѣла большую часть войскъ своихъ въ красные штаны, что и неудобно и дорого; но протекли столѣтія и цвѣтъ штановъ остался все тотъ-же, поелику на фабрикахъ выдѣлывается красное сукно и съ отмѣною этого фабриканты понесли-бы убытки.

Послѣ сего, какъ онъ смотрѣлъ на Россію, знало-ли правительство, коего онъ былъ главнѣйшимъ двигателемъ во все почти царствованіе императора Александра? И каково было ему видѣть, сидя въ своемъ Грузинѣ, смежномъ съ ожесточенными имъ противу себя военными поселянами, что 27 томовъ пандектовъ его, кои онъ считалъ также прочными, какъ Юстиніяновы, обречены были на съѣденіе молью въ архивахъ, называемыхъ имъ библіотеками! Каково было потомъ въ 1831 году, то есть спустя 5 лѣтъ послѣ удаленія своего отъ дѣлъ государственныхъ по названію, бѣжать отъ ярости взбунтовавшихся тѣхъ-же военныхъ поселянъ, кои не могши далѣе сносить заведенныхъ имъ порядковъ, или лучше сказать стѣсненій, предавали смерти имъ же установленныхъ начальниковъ! Каково было наконецъ видѣть себя оставленнымъ даже своими приближенными!

Впрочемъ должно сказать здѣсь нѣчто и въ похвалу его страннаго характера, какъ выдержаннаго имъ до конца жизни.—Бывавшіе у него и жившіе съ нимъ въ Грузинѣ никогда не слыхали ни одного слова ни о военныхъ посселеніяхъ, ни о какихъ либо дѣлахъ, ни управленіяхъ, кои отъ него нѣкогда проистекали, ни о правительствѣ, ни о Петербургѣ; такъ, какъ будто-бы онъ вѣчно былъ не болѣе простаго новогородскаго помѣщика.

Не излишнимъ считаю сказать здѣсь и то, что австрійскія поселенія учреждены для сокращенія государственныхъ расходовъ, и правительство смотритъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. У насъ была та-же самая цѣль, но наши военныя поселенія и начались уже расходами. А сколько между тѣмъ писано было о сбереженіяхъ!

Тутъ я долженъ поговорить нѣсколько подробнѣе о выше сказанныхъ мною вскользь сбереженіяхъ и капиталахъ: графъ Аракчеевъ считалъ ввѣренныя ему поселенія какою-то какъ-бы отдѣльною частью въ государствѣ; велъ разсчеты съ правительствомъ и ежегодно требовалъ отъ государственнаго контролера барона Камкенгаузена очистительной квитанціи въ правильности расходовъ и движеніи суммъ. О квитанціяхъ объявляемо было имъ въ печатныхъ приказахъ по военнымъ поселеніямъ. Трудно отгадать, кому онъ не вѣрилъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, а еще труднѣе сказать, кого онъ желалъ обмануть, себя-ли, или правительство, слѣдующаго образа экономіею.

Выше объяснено, что военные поселяне, вмѣсто платежа казенныхъ податей, продовольствовали людей и лошадей поселенныхъ полковъ. Графъ Аракчеевъ требовалъ изъ казны за это продовольствіе ежегодно полной суммы по существовавшимъ справочнымъ цѣнамъ на провіантъ и фуражъ. Изъ этого производились имъ расходы, остаточныя-же суммы зачислялись въ экономическій капиталъ военныхъ поселеній, иначе: суммы перекладывались такъ сказать изъ одного кармана въ другой.

Правительство предполагавшее сдѣлать сбереженіе на продовольствіи, возложивъ оное на военныхъ поселянъ, платившихъ прежде въ годъ отъ души по 10-ти руб. податей, увидѣло не только ущербъ въ общихъ государственныхъ подушныхъ доходахъ, но еще отдѣляло и по военному министерству забираемыя графомъ Аракчеевымъ деньги на выше означенное продовольствіе поселенныхъ войскъ, на которое онъ старался возвысить цѣны, чтобы увеличить поступающіе въ распоряженіе его капиталы.

Можно-ли въ подобной операціи добраться какого нибудь толку? Можно-ли объяснить цѣль въ этихъ, можно сказать, частныхъ видахъ человѣка первѣйшаго въ государствѣ, по силѣ и вѣрѣ въ него монаршей, и можно-ли не расходуемыя имъ деньги назвать экономіею?

Сверхъ того онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, дабы еще и подати съ малороссійскихъ козаковъ, простиравшіяся въ годъ выше 7 руб. асс., обращаемы были также на военныя поселенія, изъ коихъ были также значительные остатки отъ расходовъ, что равномѣрно почиталось имъ экономіею-же. Изъ такихъ и подобныхъ тому суммъ, зависѣвшихъ совершенно отъ его воли, онъ скопилъ 32 милліона, кои отданы имъ въ кредитныя установленія для приращенія процентами. Если-бы онъ совсѣмъ ничего не издерживалъ, что собственно отъ него зависѣло, то означенный капиталъ могъ бы быть и въ двое большимъ. Есть-ли тутъ какая либо заслуга?

Къ сему надобно еще прибавить расходъ по бюджету военнаго министерства: на обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ, на жалованье и другія довольствія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ поселенныхъ войскъ на ремонтированіе полковъ лошадьми, на содержаніе въ округахъ госпиталей и на прочія подобныя симъ иждивенія, изъ чего выйдетъ, что вмѣсто всякихъ сбереженій военныя поселенія поглощали милліоны, коихъ произвольная часть считалась какимъ то не прикосновеннымъ экономическимъ капиталомъ, отданнымъ въ руки графу Аракчееву. Сверхъ того онъ постановилъ, дабы всѣ артельныя деньги изъ полковъ и всякаго рода командъ, равномѣрно какъ всѣ неопредѣленные доходы съ округовъ военныхъ поселеній, присылались въ штабъ его для причисленія къ суммамъ военныхъ поселеній. Какая арбитральность въ дѣйствіяхъ и даже въ распоряженіи бѣдною собственностію солдата, скопляемою лишеніемъ его и безъ того весьма скуднаго жалованья! Прежде солдатъ, прослужившій 25 лѣтъ и скопившій артельныхъ денегъ нѣсколько десятковъ рублей, выходя въ чистую отставку, имѣлъ право взять ихъ какъ свою собственность, на которую онъ или сыскалъ себѣ пріютъ, или принесъ вспомоществованіе въ свою семью сложенными имъ деньгами; въ военномъ-же поселеніи всѣ нижніе чины, выходя изъ округа, лишались артельныхъ своихъ денегъ.

Къ стати упомянуть здѣсь о госпиталяхъ по округамъ и объ издержкахъ коммисаріатскаго департамента на больныхъ въ военныхъ поселеніяхъ, коихъ число, а слѣдовательно и расходъ, ничѣмъ не ограничивались. Итакъ бугской уланской дивизіи полковые командиры нѣ-

сколько лѣтъ сряду показывали множество больныхъ и требовали, согласно постановленію графа Аракчеева, по 50 коп. ас. на каждаго больнаго. Расходы эти сдѣлались наконецъ весьма значительными; объ этомъ поступили доносы, и въ 1827 году дивизіонный, бригадный и всѣ 4 полковыхъ командира преданы военному суду. Счастье ихъ, что бывшій дивизіонный начальникъ, человѣкъ истинно честный, скопивши бережливостію въ теченіи 50-лѣтней своей службы значительный капиталъ, умеръ и что казна забрала оставшееся послѣ его имущество на пополненіе вышесказанныхъ перетребованныхъ денегъ; иначе всѣ эти генералы и полковые командиры за злоупотребленіе, указанное постановленіемъ графа Аракчеева, которое совсѣмъ не почиталось ими противузаконнымъ, были-бы наказаны, какъ виновные въ растратѣ казенныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ чрезвычайною строгостію возникаетъ и поползновеніе ко злу. Когда я вступилъ въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, то нашелъ, что одныхъ денегъ, долженствовавшихъ храниться въ штабѣ, недоставало до 400,000 руб. асс. Ихъ забралъ и издержалъ графъ Витъ и частью разстратилъ управлявшій штабомъ адъютантъ его маіоръ Гончаровъ. Подобныя разстраты оказались и въ нѣкоторыхъ полкахъ, гдѣ порожніе казенные ящики были однакожъ подъ часами, то есть, часовой стоялъ у выкрашенныхъ фургоновъ.

Всѣ эти недостатки однакожъ въ мое управленіе пополнены. Я вовсе не доносилъ объ нихъ; мнѣ казалось ужаснымъ быть причиною несчастія многихъ; но каково было мое положеніе!—Одинъ Богъ знаетъ. Онъ и помогъ мнѣ привести все въ порядокъ. Я сдалъ штабъ и всѣ суммы въ три дни въ совершенной исправности; но не прошло и года, какъ заведенная мною машина по прежнему разстроилась, и послѣдствіемъ того были военные суды, коимъ во время мое, благодаря пекущемуся обо мнѣ Провидѣнію, никто не подвергся. Вотъ самая лучшая для меня награда за труды и самоотверженіе; другой-же я никакой не получалъ, не желалъ и не жалѣю о томъ

Нѣкоторые аракчеевскіе распорядки были однако-же и полезны; напримѣръ: составленіе въ поселенныхъ полкахъ офицерскаго вспомогатель-

наго капитала, отчетливость суммъ, подчиненная правиламъ, въ возведеніяхъ казенныхъ строеній, улучшеніе оброчныхъ статей и тѣмъ подобныя мѣлочи; но за симъ тотчасъ слѣдовала фискальность денежная, простертая имъ до того, что по его смѣнѣ оказалось, что, начиная съ корпуснаго командира графа Вита до поселенныхъ эскадронныхъ командировъ, почти у всѣхъ остановлено было жалованье и столовыя деньги за разныя упущенія, часто совсѣмъ невинныя.

Въ теченіи 5-ти лѣтъ въ военномъ поселеніи херсонской и екатеринославской губерній никто не получалъ никакихъ награжденій, что доказывается печатными приказами по военнымъ поселеніямъ, въ коихъ графъ Аракчеевъ торжественно объявлялъ о наградахъ, полученныхъ служащими подъ его начальствомъ; касательно-же херсонскаго поселенія въ одномъ только такомъ приказѣ 1824 г. значится, что изъ перваго бугскаго уланскаго полка корнетъ Курисъ назначенъ къ главному начальнику надъ военными поселеніями въ должность адъютанта.

Это графъ Аракчеевъ почиталъ наградою, каковой конечно едвали желалъ кто.

Вотъ какъ зазнаются временщики! Между тѣмъ у рѣдкихъ не были замараны кондуитные списки, ибо всякая вина была виновата, и слѣдствіямъ не было конца. Довольно упомянуть для примѣра одинъ, или два случая въ этомъ родѣ.

Одинъ изъ командировъ поселенныхъ и резервныхъ въ полку эскадроновъ помѣстилъ въ двунедѣльномъ донесеніи о происшествіяхъ, что жена дьячка изъ сосѣдняго помѣщичьяго селенія, будучи на сватьбѣ во ввѣренномъ ему округѣ, возвращаясь съ оной домой пьяная, упала съ крутаго берега въ рѣку Синюху и утонула. Графъ Аракчеевъ предписалъ: посадить означеннаго командира на 3 дни подъ арестъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный его списокъ за то, какъ значилось въ печатномъ приказѣ, что въ округѣ опасныя мѣста не были обгорожены.

Прошу обгородить берегъ рѣки, протекающей почти по цѣлому округу!

А это какъ покажется?

Графъ Аракчеевъ, по масштабу новогородскихъ своихъ поселеній, предписалъ производить между деревнями херсонскаго военнаго поселенія конные патрули. На это ему представляли, что деревни, разсѣянныя въ степяхъ, лежатъ одна отъ другой, часто слишкомъ въ дальнемъ разстояніи и что въ зимнее время могутъ случаться съ патрулями весьма несчастныя происшествія, а особенно во время степныхъ вьюгъ и мятелей. Отвѣта отъ него на таковое представленіе не было; между тѣмъ въ одномъ округѣ два патрульные пропали безъ вѣсти; были-ли они съѣдены волками, или занесены снѣгомъ въ какой нибудь глубокой балкѣ (оврагѣ), слѣдствіемъ не открыто; но за это происшествіе онъ предписалъ арестовать полковаго, дивизіоннаго и эскадроннаго командировъ, также со внесеніемъ штрафа въ формуляры ихъ. Такая ни съ чѣмъ несообразная строгость отнимала охоту у всѣхъ служить въ поселенныхъ войскахъ. Графъ Аракчеевъ зналъ это и испросилъ имянный Высочайшій указъ, чтобы штабъ и оберъ-офицеры, вышедшіе въ отставку изъ поселенныхъ полковъ, не иначе были-бы вновь принимаемы на службу, какъ въ тѣ-же самые полки, въ коихъ служили.

Такая мѣра не могла привлечь порядочныхъ людей къ обѣщанному успокоенію. Всѣ лучшіе офицеры, а особенно тѣ, кои имѣли какой нибудь кусокъ насущнаго хлѣба, оставили службу на всегда; остающіеся-же въ оной по необходимости были жалкіе, слѣпые исполнители дикой воли. Истинное честолюбіе и благородство исчезало; не было никакого соревнованія и во всемъ проявлялся обманъ требуемою наружностью мнимаго порядка. Преслѣдованія сближаютъ и безнравственныхъ. Трудно было видѣть истину. Всѣ, начиная съ графа Вита, тщательно старались укрывать и происшествія, и недостатки суммъ въ полкахъ, не рѣдко случавшіеся (какъ видно изъ сказаннаго мною выше объ оказавшихся недостаткахъ при пріемѣ моемъ штаба), и даже злоупотребленія, ибо каждый видѣлъ въ высшемъ начальникѣ одно желаніе карать за самыя неумышленныя ошибки.

Относительно графа Вита я долженъ сказать, что онъ былъ человѣкъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣренъ ни въ

словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ дать образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ; умѣлъ, какъ говорится, продать товаръ лицомъ. Наука въ настоящую эпоху не бездѣльная. Государь всегда имъ былъ доволенъ, а поелику сверхъ того онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ въ войскахъ, и между помѣщиками, особенно въ польскихъ губерніяхъ, то казался весьма быть нужнымъ государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, выказывавшееся въ прицѣпкахъ и придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Витѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее.

Страшно вспомнить аракчеевское время! Кто не служилъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ, кто не испыталъ такихъ безпрерывныхъ опасеній, какія окружали обреченныхъ въ жертву злой несправедливости, тотъ не можетъ себѣ вообразить страха, доводящаго до отчаянія. Помню я, какъ пріѣздъ фельдъегера, а они скакали безпрестанно, приводилъ меня въ трепетъ, ибо каждая аракчеевская бумага заключала въ себѣ штрафы, выговоры и угрозы. Восемь лѣтъ я не зналъ никакихъ радостей, да едва-ли кто зналъ ихъ и во всемъ херсонскомъ военномъ поселеніи; не было никакого отдыха, вѣчное многодѣліе и неувѣренность, какъ будетъ принята и самая правда. Штабъ главнаго надъ военными поселеніями начальника съ начальникомъ его были орудіями нравственной пытки. Мнѣ кажется, что главнѣйшія занятія чиновниковъ этого штаба были—искать упущеній, дабы прислужиться тѣмъ графу Аракчееву. Онъ до того былъ ненавидимъ у насъ, что когда присягали на вѣрность нынѣ царствующему государю императору, то военные поселяне и солдаты въ полкахъ кричали: Господи, избавитъ-ли насъ новый царь отъ лютаго этаго главнаго начальника! Не льзя описать всеобщей радости, когда получено извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за границу. Объ этомъ онъ объявилъ въ печатномъ своемъ приказѣ по военнымъ поселеніямъ въ началѣ 1826 года; и хотя написалъ въономъ съ дерзостію, что го-

сударь императоръ пожаловалъ ему 40,000 руб. асс. на дорогу, но что онъ, заложивши серебро свое, можетъ обойтиться и безъ этой милости, но это не обратило на себя у насъ ничьего вниманія. Такъ было подавлено всякое разсужденіе. Потомъ уже начали говорить о такомъ неслыханномъ дерзновеніи.

Послѣ Аракчеева херсонское военное поселеніе начало отдыхать. Если-бы графъ Витъ въ 1827 году не предложилъ снабдить армію, шедшую противу турокъ, провіантомъ изъ запасовъ военно-поселянскихъ и если-бы отяготительная перевозка хлѣба этого не разорила военныхъ поселянъ,—они пошли-бы быстрымъ шагомъ къ истинному улучшенію своего матеріальнаго быта.

Давно уже не проѣзжалъ я военными поселеніями херсонской губерніи и не знаю, что тамъ дѣлается; но слыша, что тамъ заводятъ казенныхъ испанскихъ овецъ, сѣютъ цѣлыми округами, или барщиной, пшеницу для продажи въ Одессѣ, не могу не удивляться, какъ далека еще у насъ мысль объ общей пользѣ даже въ высшихъ сановникахъ. Во первыхъ: подобнаго рода монополія стѣсняетъ херсонскихъ помѣщиковъ въ продажѣ ими въ одесскомъ портѣ пшеницы и шерсти, а это и составляетъ единственный ихъ доходъ, единственное средство уплачивать казенныя подати, ибо крестьянинъ въ весьма рѣдкихъ имѣніяхъ въ состояніи вносить оныя; во вторыхъ сами военные поселяне могли-бы продавать означенные продукты по мѣрѣ хозяйства каждаго, если-бы вмѣсто казенныхъ засѣвовъ мѣстныя власти заохотили ихъ сѣять пшеницы болѣе обыкновеннаго и убѣдили-бы ихъ въ попечительности своей поданіемъ и облегченіемъ средствъ для удобнѣйшей продажи въ Одессѣ-же.

Самою важнѣйшею задачею есть улучшеніе частныхъ хозяйствъ хлѣбопашцевъ;—тутъ нужно поощреніе, пособіе, направленіе и наблюденіе за ходомъ и развитіемъ сельской промышленности со стороны управляющихъ, чего ни какъ не льзя согласить съ монополіею, ясно выказывающеюся въ сѣяніи огромнаго количества пшеницы и заведеніи казеннаго-же овцеводства.

Но, не говоря уже о военныхъ поселянахъ, представимъ себѣ провинцію, въ которой было-бы 12 богачей помѣщиковъ, имѣющихъ по

10,000 душъ, какъ это существуетъ приблизительно въ 12 округахъ военныхъ поселеній херсонской губерніи. Не были-ли бы они 12-ью монополистами въ отношенія къ 1,000 мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и могли-ли бы сіи послѣдніе состязаться съ ними въ продажѣ своихъ продуктовъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ? А подобный взглядъ на общую пользу не убѣждаетъ-ли въ томъ, что при такомъ неравенствѣ средствъ одной половины производителей хлѣбопашества къ другой общее благосостояніе или улучшеніе въ краю будетъ идти весьма медленно, что доказывается и самою продажею пшеницы въ Одессѣ, которой количество, при настоящемъ требованіи едва-ли не всей Европы, нуждающейся въ хлѣбѣ, не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ четвертей. Правда, что такой привозъ весьма значителенъ, но большая часть его привезена съ подольской и кіевской губерній; судя-же по пространству земель въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской, можно-бы ожидать изъ нихъ только самыхъ больше означенной пропорціи, если-бы частные земледѣльцы удостовѣрились, что богатство ихъ заключается въ сколь можно большихъ пшеничныхъ засѣвахъ зерномъ лучшаго качества, и если-бы это не было въ рукахъ однихъ помѣщиковъ и военно-поселянскаго начальства, понимающаго превратно богатство округовъ военнаго поселенія и заботящагося преимущественно о посѣвахъ общественныхъ. Напрасно мы начали воображать Одессу житницею Европы. Она дѣйствительно могла-бы быть таковою, еслибы годовой вывозъ пшеницы за границу былъ не 3,000,000, а 30 милліоновъ четвертей, ибо въ одной Франціи можно считать до 10 милліоновъ народа не имѣющаго хлѣба, не говоря уже объ Англіи и Ирландіи, гдѣ тысячи умираютъ съ голоду.

Дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній о графѣ Аракчеевѣ не показалось желчью человѣка, котораго онъ гналъ, я долженъ сказать, что напротивъ онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами и собственноручными письмами, хранящимися у меня. Онъ избралъ меня въ управляющіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, съ тѣмъ, какъ написано въ повелѣніи мнѣ

его по сему предмету, чтобы я привелъ въ порядокъ дѣла, денежную отчетность, и далъ-бы соотвѣтственное направленіе по всѣмъ частямъ, доведеннымъ до крайнаго разстройства. Что я оправдывалъ его выборъ, свидѣтельствуютъ въ томъ и письма его и многія формальныя бумаги.

Правда, что кромѣ денежныхъ пособій и опредѣленія дѣтей моихъ на казенное содержаніе: сына въ пажескій корпусъ, а дочери въ патріотическій институтъ, онъ не испрашивалъ мнѣ никакихъ наградъ, но это происходило не отъ того, чтобы онъ не желалъ награждать меня, а изъ упорства его—не давать ничего служащимъ подъ командою графа Вита, дабы выставить въ глазахъ государя, что у насъ не дѣлается ничего добраго.

Повторяю, страшно вспомнить времена Аракчеевскія; но если въ послѣдствіи мнѣ казалось все легкимъ по службѣ, это было по сравненію тяжкихъ трудовъ и испытаній, перенесенныхъ мною подъ его начальствомъ. Какъ непомѣрная строгость, такъ и послабленіе едвали не равно портятъ дѣло; первая однакожъ производитъ дѣловыхъ людей, а послѣдняя трутней, кои бываютъ терпимы однимъ пріучившимъ ихъ къ лѣни начальникомъ, и негодными для другаго. Правила служебнаго воспитанія видны въ человѣкѣ на всякомъ занимаемомъ имъ мѣстѣ, и если свыкшійся съ строгимъ порядкомъ не озлобленъ несправедливостями, или по свойству своего характера, или по великодушію, то онъ всегда останется нужнымъ и полезнымъ во всякомъ положеніи; служившіе-же при невнимательныхъ начальникахъ сами не будутъ знать, къ чему они способны, хотя-бы и много лѣтъ слышали похвалы его своимъ способностямъ. Истинная вѣра въ мнѣніе проистекаетъ только изъ порядка строгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно соблюдаемаго высшимъ начальникомъ, умѣющимъ избирать людей и слѣдить за ихъ занятіями. Такой начальникъ, можно сказать, даритъ правительству полезныхъ чиновниковъ.

Варшава.

$\frac{26\ \text{марта}}{7\ \text{апрѣля}}$ 1842 г.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(*Продолженіе*) [1].

Годъ 24-й.

Отъ 1699 года іюля 20 по 1700 годъ іюля 20.

Октября сговорилъ жениться у княгини Θеклы Семеновны Урусовой на дочери, которая нынѣ мнѣ супругою княгиня Марья Θедоровна, и въ ноябрѣ предъ заговѣньемъ женился.. И той зимы написанъ былъ въ полкъ семеновскій въ поручики въ 5-ю роту. И въ августѣ мѣсяцѣ предъ походомъ Ругодивскимъ написали въ 4-ю роту капитаномъ. И того августа мѣсяца пошли подъ Нарву.

Того году царедворцевъ всѣхъ смотрѣли, и взяли, которые молодые, къ пѣхотнымъ полкамъ въ офицеры, и всѣхъ лучшихъ фамилій тутъ написали.

Того году князь Никита Репнинъ посланъ въ Казань и во весь низъ набирать вольницу въ солдаты, также и даточныхъ, которые начаты брать и на Москвѣ, съ 50 дворовъ человѣкъ. И тамъ бывъ, набралъ 15,000 человѣкъ и привелъ къ Москвѣ; и какъ пріѣхалъ, того времени пожалованъ въ генералы.

---

[1]) См. сентябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 104—129.

Того году въ зимѣ брали даточныхъ съ 50 дворовъ человѣкъ, дворовыхъ людей, а не крестьянъ; и сказана всякому чину воля въ солдаты идти,—коли хочетъ, тогда поди, и многіе изъ домовъ шли.

Того году заведены школы математическіе.

Того году завели школы латинскія, которые мастеры взяты чернецъ изъ Кіева.

Годъ 25-й.

Отъ 1700 года іюля 20 по 1701 годъ іюля 20.

И того году въ сентябрѣ стояли подъ Нарвою. И съ приходу я имѣлъ великое несчастіе; какъ перебрались за рѣку, и въ ту пору за нѣкоторой лѣсъ, взятый на дрова, заповѣдной знакомца моего Мещерского били кнутомъ, да двухъ поваровъ, и себѣ видѣлъ великій афронтъ, и сидѣлъ за арестомъ сутки.

И того года сынъ родился князь Сергѣй. И умре полутора году.

И ноября 20 числа несчастье великое было, гдѣ весь обозъ потеряли, и пришедъ шведскій всѣхъ отбилъ и артиллерію и обозъ и все взялъ. Въ томъ числѣ зятя Ивана Степановича [1]) убили. И пришедъ къ Москвѣ жили до весны, а весною пошли въ Новгородъ.

Того года Адріана патріарха не стало [2]); и на его мѣсто выбранъ архіерей рязанскій, родомъ полякъ, Яворскій, который только вмѣсто патріарха церковь соборную правилъ. И правитъ по се число.

Тогожъ году у всѣхъ монастырей отписаны вотчины и всякіе доходы, кромѣ того, что отъ церкви въ монастырской приказъ, который подъ судомъ Ивана Мусина-Пушкина. А чернцамъ велѣно давать равную часть всѣмъ, какъ архимандриту, такъ и простымъ, денегъ и хлѣба и иной пищи. И той казны всей сбиралось тысячь по сту и по двѣсти государю за расходами монастырскими [3]).

Того года начали брать запросной хлѣбъ; брали по вся годы, какъ службы были.

---

[1]) Салтыкова, мужа сестры князя Бориса, Марьи Ивановны, урожденной Куракиной.

[2]) † 15 октября 1700.

[3]) Указы отъ 31 января и 11 марта 1701 г.

Годъ 26-й.

Отъ 1701 года іюля 20 по 1702 годъ іюля 20.

Того лѣта пошли въ Новгородъ и жили по великій постъ. А я былъ отпущенъ въ осень на время къ Москвѣ, и пріѣхавъ занемогъ, и былъ чирей большой подъ пазухою, который прорѣзали, и тамъ въ болѣзни своей зоставалъ ажъ по самое Рождество. И въ ту зиму въ нѣкоторомъ несчастьи былъ *делл міо корте,* сподѣваюсь—отъ той причины зоставаючи въ меланхоліи и болѣзнь получилъ. И потомъ предъ масляницею поѣхалъ въ Новгородъ. И въ великій постъ наши полки взяли къ Москвѣ къ празднику. И поживъ съ мѣсяцъ пошли пополамъ полки: одной половины полка къ городу Архангельскому съ его величествомъ, а другой половины полки съ майорами въ Новгородъ съ Ильина дня, въ которой половинѣ и я былъ. И потомъ изъ Новгорода мы пошли водою въ Ладогу подъ командою генералъ-майора Брюса. И пришедъ съ артиллеріею, дожидалися его величества съ половиною съ тѣми полками. А онъ шелъ отъ города Архангельскаго прямо на Олонецкое озеро, и Олонецкимъ озеромъ въ Свирь рѣку, и Свирью въ Ладожское озеро, а съ устья Ладожскаго озера сухимъ путемъ въ Ладогу; а нѣкоторые судны и озеромъ прошли. Изъ Ладоги пошли сухимъ путемъ и озеромъ подъ Орѣшекъ или подъ Нотебурхъ по шведски.

Того году былъ одинъ дьячекъ или-бы писецъ, Талицкій звался, который сдѣлалъ пасквиль или книгу поносную его величеству и государству, и хотѣлъ напечатать. И сказывали про него, что человѣкъ гораздо былъ уменъ и читатель книгъ. И въ то время по нѣкоторомъ долгомъ времени держанъ и четвертованъ. А прежде былъ сдѣланъ столпъ на площади, на которомъ онъ сидѣлъ и его курили, и потомъ снявъ четвертовали; также и другихъ товарищевъ. Въ томъ ему согласьи былъ архіерей тамбовскій, и съ того санъ архіерейскій сняли и послали въ заключенье; а снимали всѣмъ соборомъ. И въ то мѣсто иного архіерея не поставляли, а отдали оное епарху воронежскому [1]).

---

[1]) Ошибка: тамбовская епархія причислена къ рязанской и отдана въ управленіе м. Степану Яворскому.

Того году князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ разбиралъ все государство, рейтарскихъ полковъ и недорослей, и набралъ 16 полковъ тысячныхъ драгунъ. И къ нимъ изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ, изъ жильцовъ, изъ дворянъ изъ разряду выбрано въ полковники и во всѣ офицеры начальныхъ людей и отданы въ команду фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву. Того году первое сталъ писаться фельдмаршалъ въ нашемъ государствѣ и первый малтійскій кавалоръ.

Того году были во всю Европу патенты напечатаны за позволеніемъ его величества, объявляя всѣмъ народамъ христіанскимъ коеждой ни есть вѣры, какъ офицерамъ для службы и всякому шляхетству, такъ и всѣмъ чинамъ и даже до купцовъ и ремесленниковъ, кто похочетъ быть въ государство московское въ службу, а другіе для промысловъ жить, —свободно ѣхать и въѣхать волѣстно, и какъ и въ другихъ окрестныхъ и коея нибудь вѣры для себя похотятъ строить школы и кирхи, будетъ позволено; а офицерамъ, которые будутъ въ службу, нѣкоторыми пунктами со удовольствомъ объявлено.

Того году кликали въ матросы малыхъ ребятъ, и набрано съ 3,000 человѣкъ.

Годъ 27-й.

Отъ 1702 года іюля 20 по 1703 годъ іюля 20.

Того году въ нашемъ государствѣ первой чинъ воспріялъ графъ римскій Александръ Даниловичъ Меншиковъ, другой—Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, графъ цезарскій, а не римскаго государства.

И въ семъ году по указу со всего государства велено четвертую часть отъ вѣсу колоколовъ отъ всѣхъ церквей и монастырей, гдѣ собрано было многое число тысячь мѣди, отъ которой учинено чаю съ 300 пушекъ, и со 100 мортировъ всякихъ рукъ, и еще въ остаткѣ не малое число.

И того году заказано большихъ колоколовъ лить и ни малыхъ безъ указу; отъ того времени и колокольный рядъ запустѣлъ.

Того году слюзы почато дѣлать отъ Воронежа, чтобъ въ Оку проходу водяному быть чрезъ Иванъ—озеро; и было въ годъ работниковъ по 10,000 и больше, а дѣлали съ семь лѣтъ, не знаю, ежели совершилося. Было то дѣло подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Того года начато слюзы дѣлать въ торжковскомъ уѣздѣ, чтобъ изъ Волги Тверцою вверхъ, а изъ Тверцы во Мсту, а Мстою въ Новгородъ и въ самое море Балтійское,—отъ моря Каспійскаго въ море Балтійское. Дѣлали съ четыре года работниковъ 20,000. Все то подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Сего года начался орденъ давать за услуги отъ царскаго величества,—крестъ св. Андрея съ черною финифтью на голубой лентѣ; также и на платьѣ на лѣвомъ плечѣ тѣ кавалеріи начали носить шитыя звѣзды,—гдѣ надпись кругомъ того: *за вѣру и вѣрность.*

Того года вольно почали отпущать въ европейскія государства для науки.

И того года въ осень октября мѣсяца взяли на аккордъ [1]). Въ ту пору ѣхалъ озеромъ въ баталіи съ майоромъ Мейромъ, и были въ великомъ страхѣ отъ погоды водяной на озерѣ. И какъ пріѣхали къ Переволокѣ, и въ ту пору команда у Мейра отнята и приказана мнѣ вмѣсто майора; и командирилъ двѣ недѣли. И перетаща лодку, въ ту ночь ходили на другую сторону рѣки съ его величествомъ, стояла гдѣ въ городкѣ шведовъ цѣлая компанія инфантеріи. И въ той партіи я ходилъ за майора, и потомъ какъ былъ приступъ въ вечеру къ генералъ-майору Чамберсу съ лѣстницами приступными, и съ тѣми лѣстницами пробылъ у него ажъ до самаго приступу, и въ переѣздахъ въ день съ берегу на берегъ въ лодкѣ видѣлъ нѣкоторый не малый страхъ. И взявъ на акордъ Шлюссельбургъ, по нашему названный, всѣ полки пошли въ Новгородъ и во Псковъ; и изъ Новгорода тѣ отпущены съ артилеріею, которые были на приступѣ, а которые не были, тѣ всѣ оставлены зимовать; только жъ однако отпущали къ Москвѣ. И я также былъ отпущенъ къ Москвѣ, и жилъ всю зиму на Москвѣ. И былъ въ несчастьѣ отъ болѣзни на лѣвой ногѣ великаго чирья, и также въ секретномъ своемъ несчастьѣ и въ меланхоліи зоставалъ всегда, отъ чего видѣлъ великую болѣзнь. И на шестой недѣлѣ пріѣхалъ въ Новгородъ. И той весны пошли на святой недѣлѣ въ Шлюссельбургъ въ самую водополь; и пришли въ Шлюссельбургъ, а его величество былъ тутъ задолго до праздника. И потомъ изъ

[1]) Нотебургъ, переименованный Шлюссельбургомъ, 14 октября.

Шлюссельбурга пошли подъ Нотебургъ [1]), нынѣ сдѣланъ пониже Санктъ-Петербурга. И апрѣля или мая мѣсяца того-жъ года въ три дня взяли на акордъ. И первые шанцы подъ тотъ городъ былъ я посланъ заводить отъ семеновского полку, и въ томъ случаѣ видѣлъ нѣкоторой великій случай и страшливой: какъ заводили шанцы, стрѣльба была великая и многихъ побивали, инженера того, которой былъ посланъ съ нами для той работы, передъ свѣтомъ убили. И въ томъ-же походѣ еще городъ не сдался, царское величество самъ пошелъ на лодкахъ, и при немъ 4 компанѣи преображенскихъ, 4 — семеновскихъ; и шли на лодкахъ мимо города, а плыли ночью, и отъ города была по насъ стрѣльба. И въ томъ походѣ были первой разъ на морѣ; и на островахъ побрали много скотины. А надъ четырьмя ротами я командирилъ майоромъ наказнымъ. И по взятіи того города на акордъ начали дѣлать Санктъ-Петербургъ [2]), и того-же лѣта къ осени сдѣлали, и сдѣлавъ тутъ, оставя гарнизонъ, а сами всѣ пошли къ Москвѣ.

Того году заведена канцелярія ингермоландская подъ судомъ губернатора Александра Даниловича Меншикова, на дворѣ его въ Семеновскомъ. А къ той канцеляріи подсудны розные канцеляріи, отъ людей боярскихъ вымышлены. Первая канцелярія рыбная,—всѣ воды, которые ни были во дворцѣ, у патріарха, у властей, у монастырей, у помѣщиковъ и всѣхъ, что ни есть, взяты на государя; также и которые рѣчки и малые, и тѣ всѣ взяты и даны на откупъ; а нигдѣ никому во всемъ государствѣ безъ откупу ловить рыбы не велѣно, кромѣ саженыхъ прудовъ. Съ которыхъ сбиралось промысловъ и со откуповъ тысячь по сту.

Того году взяли даточныхъ другихъ со ста дворовъ по человѣку, изъ дворовыхъ-же.

Того году дочь княжна Катерина родилась октября 25 дня послѣ вечеренъ, а тезоименитство ноября 24 Екатерины мученицы.

Того году заведена въ оружейной полатѣ цѣна; и начали дѣлать монету, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники. А

---

[1]) Ошибка. Нужно было сказать: *Ніеншанцъ*.

[2]) 16 мая.

на денежномъ дворѣ почали дѣлать мелкія деньги, серебренныя копѣйки, какъ старинныя денежки и меньше, — такъ вѣсомъ во 100 руб. всего по полъ сема фунта; также нѣкоторую часть и мѣди подмѣшивать. Также былъ сказанъ указъ, чтобъ старыя деньги приносить въ казну, а вмѣсто того давали новыми деньгами на сто рублевъ по 10 рублевъ, а потомъ давали и по 12 рублевъ. И того-же времени денежки завели дѣлать мѣдные красной мѣди, какъ шолди венецкіе. Только-же вскорѣ потомъ въ товарахъ чужестранныхъ начала прибывать цѣна, а въ своихъ по прежнему все стояла. И указъ былъ записанъ: будетъ кто станетъ деньги въ землю хоронить, а кто про то доведетъ,—деньги вынетъ, и тѣхъ денегъ доводчику треть, а достальныя на государя.

Въ семъ году по дѣлу славного противника къ имени царскому величеству Талецкого, который написалъ великія книги противъ его величества, тутъ-же приличенъ былъ бискупъ тамбовскій, который былъ позволенъ взять къ суду въ Преображенское и къ розыску. Однакожъ всѣмъ коллежіемъ духовнымъ учинить того воспретили [1]). Для чего былъ соборъ по прошенію царского величества, чтобъ санъ съ оного снять; токмо оное не учинилося. И его величество и на остатокъ просилъ, чтобъ того епископа подъ запрещеніе послать, и посланъ въ одинъ монастырь.

Того году начали брать работниковъ къ дѣламъ городовымъ со всего государства, которыхъ нанимали рублевъ по 20. А были они на работѣ въ Шлюссельбургѣ, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Нарвѣ. И донынѣ берутъ по вся годы съ 10 дворовъ, и также не ровно, и болше имѣть, которыхъ половина поворачиваются въ домы.

Того году заведены школы розныхъ языковъ учиться и, просто назвать, академія и кавалерскихъ наукъ, на лошадяхъ и на шпагахъ и балдирѣ, и музыкѣ, инженерству.

Годъ 28 й.

Отъ 1703 года іюля 20 по 1704 годъ іюля 20.

И того году въ осень пришли къ Москвѣ и шли строемъ, а я въ ту пору ногами заболѣлъ и остался, ѣхалъ все позади одинъ и до

[1]) Обстоятельство, доселѣ совершенно неизвѣстное въ русской церковной исторіи.

самой Москвы. И той зимы между всѣми видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, а наипаче десусмаезта [1]). И на Срѣтеньевъ день мнѣ сказали въ преображенскомъ въ майоры въ семеновской полкъ. На второй недѣлѣ пошли въ Новгородъ и въ С.-Петербургъ, а въ С.-Петербургъ пришли къ вербному воскресенью.

И пришла ко мнѣ вѣдомость о братѣ князь Иванѣ Ивановичѣ, что марта 25 числа не стало въ пути, не доѣхавъ троицкого монастыря, за сколько верстъ не могу знать; и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, и потомъ апрѣля мѣсяца жены его княгини Алены Тихоновны не стало-жъ; и послѣ-жъ ея спустя съ 10 дней, чаю мая первыхъ чиселъ—сына братня, а моего племянника князь Александра Ивановича не стало, который былъ взятъ жить въ домъ къ Тихону Никитичу, для того что ему былъ дѣдъ.—И въ наслѣдствіяхъ деревень и всего дому остался я во всемъ; и того лѣта все то за мною справлено.

И изъ подъ Петербурга пошли той весны подъ Нарву. И пришелъ подъ Нарву были ажъ до самого августа. И августа мѣсяца 9 числа ходили на приступъ. И я былъ посланъ и ходилъ майоромъ на тотъ приступъ. И въ ту пору былъ приступъ въ самой полдень, и взяли городъ однѣми шпагами въ 3/4 часа. И предъ тѣмъ приступомъ исповѣдывался и причастился св. Таинъ, въ которой заповѣди отъ отца духовного долженствовалъ быть всегда памятовать и исполнять; и нынѣ Господа Бога прошу въ томъ зостать воздержаніи и заповѣди исполнить. И въ ту пору видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, хотя и при смертномъ часу былъ, и отъ его величества нѣкоторую аморъ видѣлъ, также и отъ губернатора. И въ ноябрѣ съ половину полкомъ семеновскимъ былъ я отпущенъ,—и съ артиллеріею въ командѣ моей, что было дано, отпущенъ къ Москвѣ.

Того году весь разрядъ разбиралъ его величество, и молодыхъ, которые годились, въ офицеры, а другихъ всѣхъ молодыхъ въ кадеты, а изъ кадетовъ въ драгуны; а знатныхъ всѣхъ къ дѣламъ для сбора новыхъ прибылей, а другихъ оставили въ службѣ для розсылокъ, которыхъ сподѣвалися остаться съ 2,000 человѣкъ. И потомъ разбиралъ

---

[1]) Со стороны его величества.

его величество недорослей знатныхъ самыхъ персонъ, которыхъ выбрали съ 500 или съ 600 человѣкъ, и написали въ салдаты въ преображенской полкъ и семеновской,—и служатъ, съ которыхъ объявлю фамилій знатныхъ: князь Голицынъ, князь Черкаской, князь Хованской, князь Лобановъ, Шереметевъ, также и иные фамилій знатныхъ, князей Урусовыхъ, изъ которыхъ одного подъ Нарвою убили.

Тогожъ года выдалъ прибыль человѣкъ боярской Ивана Головина, Парамонъ Скворцовъ: объ ульяхъ, мостахъ, о перевозахъ, и о свадьбахъ съ некрещеныхъ, какъ съ мордвы, съ черемисы, съ татаръ, съ уфимцовъ, и съ другихъ такихъ низовыхъ подобныхъ тѣмъ жителей. И по его доношенію та канцелярія учинена и отдана ему, только медовой сборъ: которые были въ дворцѣ, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію, также изъ монастырей, также и которые борты были откупные, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію; а у помѣщиковъ, у вотчинниковъ, и у ихъ крестьянъ, и во всемъ низу, у которыхъ есть бортные ухожи или во дворѣхъ ульи, со всякаго улья или борта пошлинъ государю по 5 копѣекъ, а будетъ кому печѣмъ такъ платить деньгами, дай медомъ по цѣнѣ вмѣсто денегъ. Тѣхъ денегъ сбирается въ годъ тысячь по 10.

Тогожъ году канцелярія уставлена съ постоялыхъ дворовъ, съ угловъ наемныхъ жителей мастеровыхъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городѣхъ со всего пошлины, также-бы и на Москвѣ и по дорогамъ и въ городѣхъ нигдѣ никому не становиться кромѣ постоялыхъ дворовъ или по заморскому, въ корчмѣ; а тѣ-бъ дворы всѣ были подъ именемъ государевымъ, и съ того всѣ пошлины. И тѣхъ сборовъ въ годъ 4,000 рублевъ, а что впредь будетъ, знать не можемъ.

Тогожъ году канцелярія уставлена банная съ московскихъ жителей, и въ государствѣ во всемъ, съ бояръ и съ полатныхъ людей съ бани по 3 рубли; а съ стольниковъ и со всякаго шляхетства съ бани по 1 рублю, и съ поповыхъ, и съ посадскихъ, и со всѣхъ городовыхъ вездѣ жителей, и по деревнямъ, и прикащиковыхъ и съ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ бани по 5 алтынъ. И той казны сбирается въ годъ 40,000 рублевъ.

Канцелярія тогожъ году уставлена мытная: конскія площадки, съ мостовъ, съ перевозовъ, съ позему съ пролубного, съ ледокольного, съ

погребного, съ трубного или съ печи, и съ иныхъ мелочей сбирается въ годъ 50,000 рублевъ.

Тогожъ году начали монеты дѣлать рублевыя, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники, алтынники, также копѣйки мѣдныя и деньги мѣдныя.

Того году начались школы математическія и другихъ наукъ и артеи: какъ шляпы дѣлать, сукна, кожи на лосинную стать, штукартныя фигуры изъ гипсу, архитектурою полаты строить.

Того году матросы посланы въ Голландію учиться, гдѣ оттуда ѣздили въ Индію, въ Турки, въ Ост-Индію и въ другія государства; по всему свѣту разсѣены были.

Тогожъ году въ канцеляріи посольской, какъ въ титлахъ государевыхъ, такъ и въ другихъ, премѣнность учинилась; также гарма съ прибавкою учинена, при которой почали крестъ св. Андрея ставить.

Того года торговые корабли отъ города государства россійского начали ходить, и изъ тѣхъ два были взяты въ полонъ отъ француза, о чемъ прошено отъ Андрея Матвѣева, токмо того не учинилося.

Того году начата играть комедія нѣмецкая, и комедіанты были привезены изъ Гамбурга.

Того году брали въ матросы или въ солдаты каравану морского изъ ямщиковъ; и набрано было всѣхъ 12,000.

Канцелярія низовая, судъ весь казанского дворца взятъ, всѣхъ уѣздовъ мордва, и черемиса, и татары, и всѣ оброчные статьи взяты изъ прибыли, которыя то выдали человѣкъ князя Бориса Алексѣевича Голицына Степанъ Вараксинъ, да Хрущова Алексѣй Нестеровъ; а въ Казани въ правленіи всѣхъ тѣхъ другіе тые ихъ браты, и по другимъ низовымъ мѣстамъ.

И того году лѣтомъ царевны Софьи Алексѣевны не стало въ дѣвичьѣ монастырѣ монахою. А потомъ изъ монастыря всѣхъ взяли; только оставили Екатерину.

Годъ 29-й.

Отъ 1704 года іюля 20 по 1705 года іюля 20.

И въ декабрѣ за пять дней до Рождества пришли къ Москвѣ и шли въ Москву строемъ. А я шелъ и велъ семеновской полкъ. И

жили ту зиму благополучно, только внутренній секретъ и печаль мнѣ умножалася, которая стала быть публична, и ктому во многой меланхоліи зоставалъ и въ болѣзни. И отъ того явно мнѣ показалася отъ печали болѣзнь: прежде масляницы въ февралѣ мѣсяцѣ объявилися по лбу и по всему тѣлу болѣзни скорбутики пятна такія, какъ были на ногахъ.

И того времени по прошенію его величество меня оставилъ на Москвѣ; и жилъ на Москвѣ великій постъ и послѣ св. недѣли по самой постъ Петровъ. И лечился весь великой постъ и по самой свой отъѣздъ отъ Лаврентья дохтура[1]); и больше 30 разъ принималъ проносное лѣкарство и также всѣ 8 недѣль пилъ декоктъ; и кромѣ того мало что пилъ, развѣ мало чаю и чтобъ не съ сахаромъ и горячій. И сидѣлъ въ банькѣ 18 разъ отъ лекаря рыбника. И тѣ 8 недѣль такъ былъ въ заперти, что ни мало слышалъ воздуху. И предъ праздникомъ въ субботу великую пускалъ кровь изъ правой руки такъ много, что дважды меня оморокъ ошибалъ; и въ самой былъ тощатѣ и худобѣ такъ, что николи въ такой худобѣ и безмочствѣ не бывалъ. И іюля первыхъ чиселъ поѣхалъ; и какъ выѣхалъ изъ Москвы верстъ съ пять, и ночевалъ тутъ, также и другой день до обѣда стоялъ, а смотрѣлъ того, чтобъ поворотиться назадъ въ домъ, для того что при томъ выѣздѣ была великая калторація, какъ-бы начала лихорадка, и въ той опасности былъ.

И въ томъ своемъ лѣченьи непрестанно былъ запоръ на низъ; одинъ разъ такъ случилось, что съ пятеры сутки операціи не было, и на 5-й день съ позволенія медика поставили клистиръ, и первый разъ то учинилъ отъ рожденія своего, который такъ сильно дѣйствовалъ, что николи такъ ни отъ какихъ проносныхъ лѣкарствъ видѣлъ и всю такъ матерію выметало, что безъ всякого труда и тощеты, не такъ какъ въ проносномъ лекарствѣ.

---

[1]) Къ этому времени относится письмо на латинскомъ языкѣ, датированное 5 февраля 1705 г. на Москвѣ, каковое «подано было въ консиліѣ докторской на Москвѣ дохтурамъ Лаврентію Блюментросту, Арескяну, Бидлоо». Копія съ этого письма въ русскомъ переводѣ а parte.

И потомъ пріѣхалъ въ Полоцкъ и въ Вилню. И изъ Вильни іюля мѣсяца, въ навечеріи ангела своего, получилъ указъ ѣхать за море для леченья отъ своей болѣзни цынготной. И того мѣсяца поѣхалъ моремъ въ Кенигсбергъ, гдѣ видѣлъ себѣ великое несчастіе, и чуть назадъ не поворотился, и много случаевъ такихъ мнѣ тутъ было, что неутѣшно плакалъ и непрестанно въ великой меланхоліи зоставалъ и не радъ былъ, что самовольно такъ поѣхалъ; а бытности моей на Москвѣ царское величество мнѣ позволилъ хотя-бы годъ жить, только я такъ рано пріѣхалъ для отъѣзда заморского своею волею.

Особливо жь отъ Кенигсберга до Кольберга въ томъ моемъ проѣздѣ была великая причина страшливая, для того что на томъ Балтицкомъ морѣ тутъ на проѣздѣ всегда ходило два военныхъ корабля шведскихъ и осматривали. И для того страхованія отъ непріятеля имѣлъ я надѣяніе ни что иное, токмо отъ реентовъ въ Кенигсбергѣ данъ мнѣ для проѣзду пашпортъ, въ которомъ написанъ италіанцомъ, а не рускимъ; и ѣхалъ будто изъ Венгеръ, а имя Францышка Даміяти. И при Божіей помощи тотъ свой путь отправилъ, хотя и въ страхѣ и въ задержаніи великихъ противныхъ вѣтровъ 12 днями. И пріѣхалъ до Кольберга, а съ Кольберга до Берлина, а отъ Берлина до Дрездена, а отъ Дрездена до Карлсбада, гдѣ пріѣхавъ и лечился въ водахъ горячихъ.

И о той бытности во всемъ моемъ вояжѣ покажетъ особливою книгою, которая названа *Вояжъ и объ леченьѣ въ Карлсбадѣ*, при семъ особливымъ-же описаніемъ. А какъ та моя болѣзнь съ начатку началась и умножилась, обо всемъ здѣсь покажетъ описаніемъ моимъ дискрету моему, которыя были подаваемы господамъ дохтурамъ, придаючи имъ въ консилле, съ которого письма видѣвъ о мнѣ и разсуждали и придали въ разсужденіи, что та болѣзнь моя скорбудика или похондрія и меленхолія и ближится къ лепрѣ, которая называется по словенски проказа. А въ Карсбадѣ докторъ лечилъ, которой назывался Бейхеръ [1]).

---

[1]) Описаніе карлсбадскаго лѣченія у дохтура Бехера приложено особливо *апарте*. Мы не будемъ выписывать всего журнала лѣченья князя Куракина, такъ какъ это было интересно только для самаго больнаго, и то въ свое время. Вы-

Того году начали наши торговые ѣздить въ Голландію, въ Гамбургъ и другіе мѣста отъ городу Архангельского.

Того года отданы на откупъ карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякіе игры денежные, что не явя тѣхъ инструментовъ и заплатя пошлину не играли, а заплатя пошлину, вольно играть. На откупу первой годъ дано 10,000 рублевъ.

Тогожъ году дворецъ взятъ весь въ банную канцелярію; а взялъ на себя Василій Ершовъ, человѣкъ князь Михайло Яковлевича Черкаского, да Яковъ Акиншинъ, человѣкъ князь Петра Голицына, а взяли всѣ дворцовыя волости изъ прибыли въ полтора, что плачивали прежде сего. Также и по всѣмъ волостямъ, гдѣ бывали прикащики, послали людей боярскихъ, побравъ изъ домовъ, для лучшей прибыли и собранія казны. Тутъ-же въ одну канцелярію всѣ взяты и конскіе заводы и конюшенной дворъ.

А на дворецъ по комнатамъ на пищу роздано деньгами и сами на себя закупали и справляли столъ. Также и его величества столъ отданъ за 60,000 ординаріи, кромѣ публичныхъ столовъ.

Того году Паткуль патенты печатные выдалъ во всей Германіи о вольности во въѣздѣ и отъѣздѣ форестеромъ въ государство россійское, также и всѣхъ религій вольною экзерциціею. Только вскорѣ, какъ былъ въ Саксоніи, напротивъ отзывалъ, чтобъ онымъ патентамъ не вѣрили.

Того году со всего государства сдѣлали... салдатъ, съ 25 дворовъ человѣка, которымъ жить въ тѣхъ городахъ, и тамъ отставнымъ начальнымъ людемъ, которые за ранами, за болѣзнями, и съ ними всѣхъ полковъ отставные салдаты, и тѣхъ они учатъ. А будетъ и тѣхъ салдатъ возмутъ на службу, и на то мѣсто повинно тому помѣщику дать другихъ своихъ крестьянъ.

пишемъ только общій итогъ лѣченія. «Всего во всѣ куры пилъ воды 17 дней, воды 514 стакановъ, а понозъ было 182 раза. И на брюхѣ, и на рукахъ, и на спинѣ были пятна, только убыло мало. А въ себѣ видѣлъ легость, и въ персонѣ хорошъ, не сухъ; и также апетитъ до ѣжи». — «Особливе объявляю какъ ту воду пьешь, не должно сидѣть, а все должно ходить, потомѣсть, покамѣстъ операцію сдѣлаетъ».

Тогожъ году отъ прибылей состоялся указъ о соли: а велено соль всю продавать на государя, а промышленникамъ солянымъ давать за пудъ—Строгонову и другимъ, которые варятъ,—въ Нижнемъ по гривнѣ, а изъ Нижняго все станутъ продавать и по разнымъ мѣстамъ раздавать на государя.

И первый годъ въ Москвѣ стали продавать по полуполтинѣ, а въ Новѣгородѣ, на прикладъ, и въ другихъ дальныхъ мѣстахъ по 10 алтынъ и больше. А та соль также была вѣдома канцеляріею особою или столомъ въ помѣстномъ приказѣ подъ судомъ Автамона Иванова думного дьяка.

Того году выдана прибыль: у города Архангельскова велено быть реенту одному, который осматриваетъ всѣ товары на лицо, вынимаючи изъ кораблей по обычаю заморскому, и даетъ свидѣтельствованные листы; а не такъ, какъ прежде до сего бывало, кто что напишетъ по росписи, тому и вѣрили, и пошлины на Москвѣ съ купца и съ продавца цѣльного товару, а то, что врознь продастъ, по 5 копѣекъ, и съ обоихъ будетъ по гривнѣ.

Того году брали въ салдаты изъ крестьянъ съ московского уѣзду не съ дворовъ, всѣхъ поголовно молодыхъ. Также на другой годъ тѣмъ-же обычаемъ изъ другихъ уѣздовъ, которые отъ Москвы въ разстояніи за 120 верстъ.

Того года взяли къ польскому походу двои лошади со всего государства, первые съ 90 дворовъ лошади, въ другорядь съ 85 дворовъ лошадь съ хомутами и съ телѣгами. А цѣна была положена въ 9 рублевъ, а выше что можно. И воеводы со всѣхъ городовъ сами въ полкъ приводили.

Того году указъ состоялся брить бороды. И почали брить всѣ во всемъ государствѣ. А будетъ кто не похочетъ брить, на годъ платитъ по 30 рублевъ въ казну.

И тогожъ году начато камни возить для мостовъ каменныхъ съ дворовъ крестьянскихъ. И арсеналъ большой артиллеріи къ совершенію не приведенъ, только вымурованъ. И большой успенскій колоколъ поставленъ.

Годъ 30-й.

Отъ 1705 года іюля 20 по 1706 годъ іюля 20.

Того году три дня спустя получилъ указъ отъ его величества объ отъѣздѣ моемъ за море для леченія въ Карлсбадъ. И пріѣхавъ лечился, о чемъ всемъ томъ выше описалъ. Только въ пріѣздѣ того времени въ Польшу видѣлъ милость его величества, также и отъ губернатора; а отъ людей всѣхъ и отъ народу не такъ.

Особливе тутъ объявлю въ сей описанной моей книжкѣ явлены вновь прибыли, которыя въ царство его величества учинены съ 900,000, которыхъ николи сборовъ бывало. А особливе вновь по приказамъ судьи многія вновь учинили прибыли, какъ въ печатномъ приказѣ лишнія пошлины положены; также и въ помѣстномъ и въ судномъ приказѣ, коли не бывало того;—также и въ розряду вся Украйна въ окладъ и слободы на оброкъ положены, только нѣкоторыя для службы береговой оставлены; также и въ земскомъ приказѣ мостовые съ загородныхъ дворовъ, также и стрѣлецкихъ земель. Которыхъ всѣхъ новыхъ сборовъ сподѣвалось всѣхъ на все милліонъ, албо съ $1^1/_2$. На что прошу мнѣ въ томъ неподозрѣнія, что не подлинно описалъ: однако каждый можетъ выразумѣть, что се мое описаніе было въ отлученіи отъ своихъ краевъ. И ктому долженствую и то явно положить, каждый доходъ подъ статьями своими. А о сборѣ салдатъ явно о томъ кладу, что всѣхъ съ начала войны шведской съ вольницею и съ даточными 15,000 человѣкъ, кромѣ нынѣшнихъ салдатъ отправнанихъ, которые называются безмѣнные...

Сего лѣта дѣтей своихъ посадилъ учиться грамотѣ нѣмецкого языка, которому мастеру плата была со всѣмъ 100 рублевъ.

А изъ Карлсбада въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣднихъ чиселъ поѣхалъ чрезъ Лейпцигъ въ Амстердамъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ во всей Голландіи ноябрь, декабрь, генварь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь.

И въ апрѣлѣ началъ лечиться еще отъ доктора Хика въ Амстердамѣ и цилюрика Боновента жида, у которого и жилъ въ домѣ 5 недѣль. А за леченье 100 червонныхъ. А лечилъ оный—сажалъ 24 раза въ пары, и пилъ декоктъ, ни что другое, а паче всѣхъ учинилъ

способъ, больше нежели другіе [1]). И вышедъ изъ того леченья, въ іюнѣ мѣсяцѣ поѣхалъ, возвращаючись до Москвы. И въ томъ проѣздѣ былъ въ Дюссельдорфѣ при Рейнѣ, гдѣ резидуетъ пфальцграфъ Палатинскій. И оттоль прямою почтою до Лейпцига, которою ѣхалъ сперва, а потомъ въ Бреславль, и жилъ тутъ недѣль съ 6.

Сего году царевичъ въ бомбардирскую роту взятъ въ салдаты.

Тогожъ году печерскій монастырь въ Кіевѣ фортификованъ, также и Брянскъ.

Того году изъ Польши изъ войскъ въ Гроднѣ Андрей Виніусъ поѣхалъ въ Голландію, и живетъ тамъ безъ позволенія государева, и безъ пашпорта, оставя домъ и дѣтей; а голландцы не выдаютъ.

Того году король французскій далъ царскому величеству маста въ бытность Андрея Матвѣева. И грамота чрезъ того посланника прислана.

Въ томъ году костелъ езувитской построенъ каменной.

Тогожъ году съ Москвы многихъ фамилій знатныхъ перевезли жить въ С.-Петербургъ и въ Нарву.

Годъ 31-й.

Отъ 1706 года іюля 20 по 1707 годъ іюля 20.

А изъ Бреславля въ августѣ чрезъ Франкфуртъ, на Гданскъ и на Кенигсбергъ, и чрезъ Литву на Гродно, на Новогродокъ, на Слуцкъ, на Петроковъ, на Черниговъ, а съ Чернигова на Глуховъ, на Рыльскъ, на орловскую деревню, и прямо къ Москвѣ, гдѣ пріѣхалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и жилъ въ Ильинѣ 10 дней. Поворотясь къ Москвѣ, объявился Петру Шафирову, который сказалъ, что указъ есть о мнѣ, когда явлюсь, чтобы явиться царскому величеству, или въ Польшѣ князю Меншикову. И вскорѣ по трехъ дняхъ на почтѣ поѣхалъ въ С.-Петербургъ до царского величества.

Несчастливой свой пріѣздъ видѣлъ. По пріѣздѣ моемъ тотчасъ мнѣ объявлено comecho molti spropositi sono stati della me [2]), которые

---

[1]) Журналъ лѣченья въ Амстердамѣ также записанъ особо въ концѣ рукописе, апарте.

[2]) Сколь многія глупыя рѣчи говорены были обо мнѣ.

были мнѣ поносны и стыдны; на все государство diceuono: qualche cosa extraordinaria! [1]).

И отъ того произошли съ тещею великія ссоры и на дворъ къ себѣ жить не принялъ и отдалъ къ матери. И чрезъ отца духовного Наума много въ томъ было интригъ всякихъ, весьма былъ въ томъ намѣренія pregar il suo M. dimetter in monasterio [2]).

Однакожъ все то понесъ съ великою противностію себѣ всякій поносъ и стыдъ и управилъ себя въ путь свой, а ее оставилъ della sua madre [3]). И палецъ оставилъ отъ своего владѣнія, и прикащику ни о какихъ дѣлахъ въ домъ мой не писать и отписокъ не примать.

Того году сговорена въ февралѣ мѣсяцѣ племянница моя, братня дочь князь Михайла Ивановича, княжна Марья Михайловна за Петрова сына за Апраксина за Александра, за племянника Ѳедора Апраксина. А приданное ей дано деревень въ саранскомъ уѣздѣ Куря, въ тверскомъ $^1/_3$ Никулина и съ другими, половина Чернышова, Троицкое въ саранскомъ-же уѣздѣ; только всего будетъ съ 1,000 дворовъ (сельцо Гурьево и $^1/_3$ села Никулина Городища, въ московскомъ уѣздѣ и $^1/_2$ сельца Чернышова; въ саранскомъ уѣздѣ село Куря, Алада тожъ, село Ивановское, село Троицкое). И все то отдала вдругъ во владѣніе, а непорядку всему тому учинилась чрезъ царевича сибирского, и то учинила невѣстка княгиня Мавра Дмитревна въ моемъ отлученіи, безъ всякого совѣту всѣхъ своихъ сродниковъ. Первое фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдала; второе — что всѣ такъ деревни вдругъ отдала, то паче всего непорядочно учинено, а конецъ въ томъ противность показала, что прежде того времени ничего о томъ не объявила. А женился въ маѣ мѣсяцѣ.

Того году король шведскій, которыхъ солдатъ и драгунъ московскихъ побралъ въ полонъ, увеселя ихъ много и давъ денегъ, послалъ въ россійское государство съ 200 человѣкъ, и при нихъ своихъ шведовъ для увѣренія нѣсколько человѣкъ, жечь городы многіе. И того году отъ тѣхъ выжженъ Бѣлгородъ, Сумы, и на Москвѣ не малое число,

---

[1]) Говорили: какое дѣло необыкновенное!

[2]) Просилъ свою жену отойти въ монастырь.

[3]) У ея матери.

по многихъ городамъ хватали тѣхъ русскихъ солдатъ и шведовъ; и были казнены. Также въ бытность въ Польшѣ той войны слышалъ, что многіе отъѣхали изъ офицеровъ служить, иные подъ польскіе хоропгвіи, а другіе подъ шведа; а именно кто, знать не могъ о томъ.

Того году князь Меншиковъ учиненъ дукомъ Ингріею, сувраномъ во своемъ владѣтельствѣ.

Головкинъ Гаврило учиненъ отъ цезаря графомъ и дипломату взялъ.

Ѳедоръ Апраксинъ—адмираломъ первымъ надъ всѣмъ флотомъ морскимъ.

Петръ Шафировъ—президентомъ государственной канцеляріи.

Князь Матвѣй Гагаринъ—въ сибирскомъ приказѣ.

Тогожъ года велено министру нашему Урбаху при дворѣ венецкомъ искать того случая, что тогожъ года отъ цезаря учиненъ княземъ имперскимъ и диплomата дана.

Сего году король Августъ отсталъ и учинилъ миръ съ королемъ шведскимъ, а корону польскую отдалъ Лещинскому Станиславу. И потомъ вся Рѣчь Посполита пришла подъ протекцію къ царскому величеству.

Того году часы перемѣнены на Москвѣ ходить по астрономецки, 12 съ половины дня и до полуночи; также и часы игрательные на церкви того году поставлены на Чистомъ Прудѣ.

Того году царское величество самъ учиненъ полковникомъ отъ преображенского полку гвардіи первой въ Кіевѣ.

Того году флотъ морской выступилъ въ море Балтійское.

И по пріѣздѣ порядочную пріемность видѣлъ, токмо уже по томъ пріемѣ и былъ, и въ ту свою бытность подарилъ его ланцетомъ, который купилъ въ Берлинѣ. И пріѣхавъ жилъ только до Рождества, то есть 4 недѣли, а потомъ вскорѣ чрезъ почту поѣхалъ въ Жолкву, гдѣ станъ зимній былъ царского величества. (Осенью царское величество ходилъ изъ подъ С.-Петербурга подъ Выборгъ и раззоря назадъ возвратились, людей немного потеряли, только лошадей перемориле довольно: и того году на Москвѣ царское величество не былъ). И поѣхалъ съ Москвы на вечеръ въ самое Рождество Христово, и

ѣхалъ на почтѣ чрезъ Кіевъ ажъ до самой Жолквы, гдѣ пріѣхавъ получилъ великую милость царского величества и отъ князя Меншикова, и отъ всѣхъ прочихъ министровъ, что николи того не видалъ. И жилъ три недѣли. Вскорѣ былъ отправленъ въ Римъ къ папежскому двору министромъ безъ всякого характеру, только въ грамотѣ крилдеціальной написано: *комнатный господинъ и подполковникъ отъ гвардіи.* И въ ту мою бытность въ Жолквѣ сказанъ въ подполковники къ гвардіи Семеновского полку; а окладъ жалованья учиненъ близко 10,000 рублевъ, выше полковника другихъ полковъ. А въ посылку римскую дано мнѣ 1000 червонныхъ, да на переводчика 100 червонныхъ Веселовскому Абраму, которого взялъ изъ Вѣны отъ Гезина. И поѣхалъ отъ полку своего въ Римъ, взявъ зъ собою только одного человѣка Ѳедора Агаркова. И ѣхалъ на Краковъ, на Вѣну, на Венецію, на Болонью, на Флоренцію, гдѣ былъ въ томъ проѣздѣ у Гранъдука, отдавалъ визиту. Гдѣ былъ принятъ съ великимъ почтеніемъ отъ него самаго, и что имѣлъ съ нимъ разговоръ, то писано въ писаніи дѣлъ римскихъ; а стоялъ и съ нимъ говорилъ въ шляпахъ; и потомъ имѣлъ великіе рыгалы винъ и цукровъ, какъ обыкновенно всѣмъ князьямъ отъ крови такъ чинить. И потомъ пріѣхалъ въ Римъ по ихъ календарю апрѣля первое число; и въ Римѣ былъ апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, а въ октябрѣ 20 числа поѣхалъ, возвращающеся во отечество.

Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріемности такого гонору и порядкомъ не былъ принятъ. Гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести царскому величеству, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европейскихъ и князей осанки принимаютъ. И былъ на аудіенціи, цѣловалъ у папы ногу, также и на всѣхъ аудіенціяхъ ногу цѣловалъ [1]). И потомъ кардина-

---

[1]) Папою былъ тогда Климентъ XI. Въ *Исторіи Петра В.* Бергмана (т. II, стр. 205 русскаго перевода) читаемъ: въ «Римѣ князь Куракинъ возбуждалъ папу Климента XI бросить громы свои на побѣдоноснаго короля еретика. Но что значили всѣ подобныя попытки противъ такого монарха, какимъ былъ Карлъ XII!»

ламъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оные отдали визиты, всѣхъ съ 18 человѣкъ. И потомъ имѣлъ рыгалы цукорами и другими галантеріями (и о всемъ томъ пространно писалъ въ писаніи моей книги вояжу италіанского, также и дѣлъ римскихъ). А по отъѣздѣ самомъ папа послалъ со мною крестъ съ мощми до государя царевича, также въ ту свою бытность получилъ письмо за рукою самою царскому величеству. И всѣ тѣ свои дѣла отправилъ со всякимъ порядкомъ, и, чаю, выгодность своему патрону, на что было........ не призналъ Станислава за короля польского, то все удержалъ, хотя много себѣ и противниковъ видѣлъ. Также великую пріемность и склонность самого папы видѣлъ, гдѣ на остатку экстраординарную честь видѣлъ, что остатній вечеръ прислалъ брата своего родного отдать визиту и дать отъ своей партіи визиту,—которой персону себѣ презентуетъ дукъ или князь... Во всю свою бытность ту римскую и въ проѣздъ италіанскій по самый пріѣздъ въ Гамбургъ прожилъ самыхъ своихъ денегъ съ 4,000 ефимковъ, то будетъ 3,600 рублевъ, —по 30 алтынъ ефимокъ былъ; и для того того году 1707 продалъ деревню въ Суздалѣ село Глинища; взято 2,000 рублевъ.

Въ ту свою бытность въ Римѣ и во всю италіанскую бытность при помощи Божіей не имѣлъ никакой болѣзни. Только имѣлъ всякія пятна по лицу и для того лечился отъ дохтура въ Римѣ, которого имя Грецельтъ (въ книгѣ описанія вояжу моего), который пурговалъ. И потомъ пилъ броды свиперовъ, для чего увидѣлъ не малую пользу, и всѣ тѣ пятна гораздо были умалены; и матерію худую выбило въ голову, гдѣ были великія шишки, чрезъ которые шла матерія, была и кровь. И во всемъ себѣ видѣлъ великую легость и апетитъ до здоровья (sic).

О податяхъ долженъ-бы былъ писать, которого году сколько взято съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ, работниками, извощиками, лошадьми, даточными какъ съ дворовыхъ, такъ и съ крестьянъ. Только о всемъ семъ забылъ писать; чтобъ еще вдвое количествомъ сей книги написаты, то оставляю. Генерально можно сказать: со всякого письменного двора крестьянского сходилося слишкомъ по 16 рублевъ. Кто о томъ хочетъ вѣдать, можетъ увѣдать съ указовъ въ канцеляріяхъ.

Сего лѣта начали Москву фортификовать вокругъ господиномъ инженеромъ московскимъ Васильемъ Корчминымъ. Гдѣ было со всѣхъ уѣздовъ многое число работниковъ собрано. И въ то лѣто все то окончали. И попы, и посадскіе работали. И все будетъ подлиннѣе описано впредь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

(Продолженіе) [1].

Распространеніе штунды между православнымъ населеніемъ новороссійскаго края.

Первое свѣдѣніе о появленіи баптизма подъ именемъ штунды между православнымъ сельскимъ населеніемъ херсонской губерніи относится къ 1865 году. Въ январѣ сего года преосвященному Димитрію было доложено благочиннымъ словесно, что въ деревнѣ Основѣ рясопольскаго прихода нѣкоторые православные подозрѣваются въ принадлежности къ нѣмецкой сектѣ. Въ февралѣ 1865 г. волостное правленіе дознало, что въ домѣ Ратушнаго уже 4 года собираются для чтенія священнаго писанія и пѣнія духовныхъ пѣсней, и что въ последнемъ собраніи было 26 мужчинъ и 6 женщинъ. Въ февралѣ 1866 г. получено преосвященнымъ Димитріемъ уже формальное донесеніе благочиннаго о существованіи нѣмецкой секты между православными. Совратившіеся были до того скрытны, что говѣли прежде другихъ въ великій постъ, имѣли въ домахъ иконы и не нарушали постовъ открыто. Въ 1867 г. сектанты выступили открыто и въ Рясополѣ ихъ, по донесенію благочиннаго, было уже мужчинъ 33, женщинъ 21. По донесенію одесскаго исправника отъ 16 февраля 1867 г. въ мѣстечкѣ Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, въ мѣ-

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., октябрь, стр. 305—321.

стечкѣ Рясноподѣ и въ деревнѣ Основѣ того-же уѣзда начали собираться общества въ первой мѣстности изъ 15 лицъ, кромѣ малолѣтнихъ, во второй изъ 5 семействъ и въ третьей изъ 14 семействъ, читая и толкуя въ своихъ собраніяхъ евангеліе подъ руководствомъ лютеранскихъ раскольниковъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Посѣщающіе эти собранія крестьяне перестали ходить въ православную церковь, не почитаютъ св. иконъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ православной церкви. Виновниками распространенія этого раскола между православными признаны крестьяне деревни Основы Ратушные, которые и арестованы. Мѣстнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Рясноподѣ въ это время былъ грекъ, который, не умѣя выражаться по русски, не рѣшался употребить мѣры увѣщанія для вразумленія совращенныхъ. На его мѣсто въ мѣстечко Ряснополь, по распоряженію преосвященнаго Димитрія, назначенъ священникъ Промысловъ, обучавшійся только въ низшихъ духовныхъ училищахъ, и ему вмѣнено въ обязанность вести воскресныя чтенія и бесѣды. Хотя братья Ратушные были подвергнуты аресту, но собранія совращенныхъ въ такъ называемый штундизмъ тѣмъ не менѣе продолжались и въ 1868 г. въ домѣ Михаила Ратушнаго, куда приходили и нѣмцы-колонисты[1]). Тотъ-же Ратушный, въ сообществѣ съ жителями мѣстечка Игнатовки, крестьянами Герасимомъ Витенкомъ (Болобаномъ) и Александромъ Капустянымъ пропагандировали баптистское ученіе, подражая колонистамъ не только въ способѣ ученія, но также въ походкѣ, жестахъ и въ одеждѣ. Въ томъ-же 1867 г. секта такъ называемыхъ штундистовъ появилась еще въ хуторѣ Николаевскомъ ананьевскаго уѣзда, принадлежащемъ полковнику Казаринову. Насадителемъ этой секты здѣсь былъ мѣщанинъ Адамъ Войсаровскій, къ которому присоединились или правильнѣе сказать имъ совращены: причисляющійся въ ананьевскіе мѣщане Даніилъ Кондрацкій римско-католическаго исповѣданія, причисляющіеся въ одесскіе мѣщане Андрей Войсаровскій и Сильвестръ Войсаровскій, одесскіе мѣщане—Григорій Яворскій, Илія Бондерскій,

[1]) Донесеніе одесскаго исправника херсонскому губернатору отъ 16 февраля 1867 года, № 27. Отношеніе преосвященнаго Димитрія къ новороссійскому генералъ-губернатору отъ 14 марта 1868 г.

Илія Долженко, Михей Зайченко, Яковъ Меншинъ, рядовой, обучавшій дѣтей—Левъ Поповъ, бывшій дворовый человѣкъ Василій Ивановъ, николаевскій мѣщанинъ Иванъ Гавриловъ и крестьяне Яковъ Оситняжскій, Яковъ Ткаченко, Аѳанасій Черепъ. У каждаго изъ нихъ при обыскѣ въ домахъ найдено евангеліе въ русскомъ переводѣ и псалмы, не посвидѣтельствованные къ печати русской цензурой. Сектанты собирались въ домѣ Аѳанасія Войсаровскаго, отвергали обряды церковные, таинства, почитаніе мощей и иконъ. Становой приставъ запретилъ собранія и воспретилъ рядовому Попову обучать дѣтей[1]).

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Ратушный, пропагаторомъ баптизма явился въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи Рябошапка, крестьянинъ д. Любомірки. Даровитый отъ природы, онъ самъ выучился читать и сдѣлался отличнымъ мельникомъ, кузнецомъ и слѣсаремъ. Первоначально и долго служилъ при любомірской экономіи; съ 1865 по 1867 годъ онъ и крестьянинъ Максимъ Кравченко были на заработкахъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ ананьевскаго уѣзда и въ теченіи этого времени не соблюдали никакихъ обрядовъ православной церкви. По возвращеніи въ Любомірку въ 1867 году они застали въ мѣстной экономіи колонистовъ елисаветградскаго уѣзда, Мартина Гюбнера лютеранскаго исповѣданія и Христофора Эндингера реформатскаго исповѣданія, которые посѣщали домъ Рябошапки будто для сличенія русскаго перевода съ нѣмецкимъ, сему-же содѣйствовалъ и Іоганъ Прицкау, пріѣзжавшій изъ колоніи Альтъ-Данцигъ. Съ тѣхъ поръ Рябошапка самъ сталъ проповѣдникомъ баптистскихъ убѣжденій, собирая тайно въ своемъ домѣ православныхъ крестьянъ сначала въ маломъ количествѣ, а въ послѣдствіи въ числѣ 75 душъ обоего пола. Въ 1867 году Рябошапка былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ превратномъ смыслѣ въ своемъ домѣ при народномъ собраніи и отправленъ въ становую квартиру, а оттуда сперва въ Елисаветградъ, а потомъ въ г. Вознесенскъ, гдѣ освобожденъ судебнымъ слѣдователемъ. Въ 1868 году за тоже вновь былъ арестованъ и отправленъ къ священнику для увѣщанія, а

[1]) Донесеніе ананьевскаго исправника херсонскому губернатору 14 іюля 1867 года № 2,289.

потомъ доставленъ въ ольшанское волостное правленіе и здѣсь, по выдержаніи въ теченіи 7-ми недѣль подъ арестомъ, освобожденъ по просьбѣ ольшанскаго священника Лобачевскаго, у котораго предъ своимъ освобожденіемъ исповѣдывался и причащался. На вопросъ, почему онъ не исповѣдывается у своего любомірскаго священника, Рябошапка отвѣчалъ: «Ольшанскій священникъ дуже розумный, а тамъ еще попило на перекоръ, а по слову Божію не нужно исповѣдываться у священника».—Въ декабрѣ 1869 г. Иваномъ Рябошапкой обращенъ въ секту баптистовъ изъ іудейства житель м. Криваго-Рога балтскаго уѣзда Сруль (Израиль) Циммерманъ 16-ти лѣтъ, работавшій вмѣстѣ съ Рябошапкою у бобринецкаго мѣщанина Іося Глинсберга. Проживши у Рябошапки около 2 недѣль, онъ отвезенъ былъ въ д. Глиняную къ нѣмцу, а оттуда неизвѣстно куда. На жалобу отца и брата Циммермана Рябошапка отвѣчалъ незнаніемъ о томъ, гдѣ находится Сруль Циммерманъ. Между тѣмъ этотъ еврей очутился въ Добруджѣ, и тамошніе сектанты хотѣли снабдить его турецкимъ паспортомъ (Донесеніе херсонскаго губернатора генералъ-губернатору отъ 7 іюля 1870 года). Помощникомъ Рябошапкѣ въ пропагандѣ былъ Михаилъ Кравченко, который двукратно,—въ 1867 и 1868 г., былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ собраніяхъ и послѣ увѣщанія, сдѣланнаго священникомъ, былъ посылаемъ лысогорскимъ волостнымъ правленіемъ копать канавы. Пропаганда Рябошапки въ 1869 и 1870 г. развилась уже такъ, что онъ имѣлъ послѣдователей своего ученія не въ одной Любомірке, но и въ другихъ селахъ елисаветградскаго уѣзда, а именно: въ д. Карловкѣ, Обозовкѣ, Игнатовкѣ, Ялековкѣ, Лысой Горѣ, Николаевкѣ, Помошной, Песчаномъ Бродѣ и Глиняной и образовалъ новыхъ себѣ сотрудниковъ въ крестьянинѣ д. Карловки Ефимѣ Цымбалѣ, который принялъ крещеніе отъ Абрама Унгера и разъѣзжалъ по деревнямъ вмѣстѣ съ совратившимъ его Яномъ Прицкау (изъ колоніи Альтъ-Данцигъ), и въ крестьянахъ деревни Обозовки—Вѣтряченкѣ и Марченкѣ [1]). Въ ноябрѣ 1870 года Рябошапка обращался къ г. генералъ-губернатору Коцебу съ просьбой о дозволеніи ему съ 45 душами

[1]) Донесеніе полковника Дембровскаго новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу отъ 17 декабря 1870 г.

своихъ послѣдователей выселиться куда нибудь въ степи и построить тамъ свою школу; но прошеніе это оставлено безъ удовлетворенія. Предположеніе ген. Коцебу выселить малорусскихъ баптистовъ изъ херсонской губерніи на Кавказъ, согласно новому прошенію Рябошапки, не имѣло успѣха, такъ какъ Его Императорское Высочество, бывшій кавказскій намѣстникъ не соизволилъ на сіе, не желая умножать и безъ того большое число сектантовъ на Кавказѣ.—Рябошапка, отвергнувъ крещеніе дѣтей, ввелъ и въ своей общинѣ крещеніе въ совершенномъ возрастѣ и раздаяніе хлѣба и вина въ замѣнъ таинства причащенія. Для успѣха пропаганды было распространено мнѣніе, будто всякій поступающій въ «братство друзей Божіихъ», какъ называли себя новые баптисты, долженъ скоро разбогатѣть, и притомъ увѣряли, что если онъ положитъ въ школѣ или въ молитвенномъ домѣ извѣстную сумму денегъ съ вечера, то къ утру она непремѣнно удвоится. Достиженіемъ этого чрезъ добавленіе къ положеннымъ деньгамъ денегъ жертвуемыхъ отъ общины привлечено въ это братство нѣсколько простодушныхъ крестьянъ [1]).

Въ с. Игнатовкѣ и д. Основѣ одесскаго уѣзда секта баптистовъ или штундистовъ въ теченіе 1870 года возросла съ 48 до 219 душъ. Главными руководителями секты оставались тотъ-же Михаилъ Ратушный, проживающій въ с. Игнатовкѣ Герасимъ Винтанъ, онъ-же Болобанъ, и Александръ Капустянъ. Изъ нихъ Болобанъ оказался крестьяниномъ с. Чаплинки, таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, проживающимъ безъ письменнаго вида. Женившись на вдовѣ мѣстнаго крестьянина, онъ и ея дѣтей совратилъ въ свою секту. Въ рясenопольскомъ волостномъ правленіи оказался отзывъ чаплинскаго волостнаго правленія, въ которомъ значилось, что Болобанъ считается на поручительствѣ до рѣшенія дѣла о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета, и чаплинское волостное правленіе просило не стѣснять Болобана въ проживательствѣ его въ рясенопольской волости. Хотя уже было предположено выслать Болобана въ кіевскую губернію и сообщено было кіевскому губернатору объ учрежденіи надъ нимъ надзора относительно его религіозныхъ мыслей, но онъ, испросивъ себѣ у исправника

[1]) Донесеніе г. Коцебу отъ того-же полковника.

дозволеніе остаться на 4 дня въ с. Игнатовкѣ, тайно ушелъ въ кіевскую губернію для испрошенія себѣ паспорта. Въ то-же время въ д. Основѣ въ числѣ арестованныхъ на молитвенномъ собраніи оказались: одинъ крестьянинъ таврической губерніи, одинъ черниговской губерніи, значительное число крестьянъ изъ херсонскаго уѣзда, изъ с. Николаева, г. Аккермана и другихъ мѣстъ. Штундисты одесскаго уѣзда вынесли иконы изъ своихъ домовъ и отдали въ приходскую церковь, къ православной церкви стали относиться съ пренебреженіемъ и дошли до такой дерзости, что стали свистать при крестныхъ ходахъ и нарушать благоговѣніе [1]). Еще болѣе дерзкое отношеніе къ православной церкви проявилось въ 1872 г. между совращенными, изъ коихъ крестьянинъ с. Гладосъ Петръ, по фамиліи Французъ, изрубилъ топоромъ икону Николая Чудотворца, а крестьяне д. Константиновки херсонскаго уѣзда въ числѣ 6 человѣкъ открыто глумились надъ православною похоронною процессіею и другими обрядами православной церкви, за что впрочемъ были наказаны розгами по рѣшенію сельскаго схода. Въ Константиновкѣ въ этомъ году было уже до 60 штундистовъ; они-же совратили и нѣсколько крестьянъ с. Покровскаго, которые, собираясь въ домѣ крестьянина Лукьяна Гайдамаки, читали между прочимъ книгу: «Приношеніе православнымъ христіанамъ», переведенную съ нѣмецкаго языка и изданную съ дозволенія цензуры.

Пропаганда баптистскихъ эмиссаровъ въ свою очередь не прекращалась какъ между нѣмецкими колонистами, такъ и между православнымъ сельскимъ населеніемъ. Такъ въ январѣ 1872 года въ д. Ландау одесскаго уѣзда были задержаны Христіанъ Фишеръ и саксонскій подданный Карлъ Кенегъ, проживавшій въ колоніи Новый-Данцигъ херсонскаго уѣзда, которые совращали мѣстныхъ колонистовъ въ баптизмъ, а въ февралѣ 1872 г. Христіанъ и Михаилъ Фишеры съ колонистомъ с. Хортицы, екатеринославской губерніи, Вилеромъ, прибыли въ с. Рорбахъ одесскаго уѣзда, гдѣ Вилеръ въ домахъ Якова Губера и Генриха Штоллера толковалъ св. писаніе на русскомъ языкѣ, при чемъ находились и крестьяне православнаго исповѣданія, съ ко-

---

[1]) Донесеніе херсонскаго губернатора г. министру внутреннихъ дѣлъ въ іюнѣ 1870 года.

торыми Вилеръ входилъ въ объясненіе и давалъ имъ причастіе. Это были крестьяне изъ д. Основы и м. Игнатовки, которые въ числѣ 12 человѣкъ пріѣхали сюда съ женами и между которыми находились Михаилъ Ратушный и Александръ Капустянъ, привлеченные еще въ 1871 году къ предварительному слѣдствію судебнымъ слѣдователемъ 2 участка одесскаго уѣзда за распространеніе ереси. При задержаніи Вилера въ колоніи Рорбахъ у него найдены: записная книжка, дневникъ, *брошюра объ ученіи баптистовъ* и прошеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи ему и его единомышленникамъ собираться для чтенія слова Божія и образовать братство. Ратушный и Капустянъ сознались, что они и 48 человѣкъ изъ с. Игнатовки и д. Основы приняли второе крещеніе отъ крестьянина д. Любомірки Ивана Рябошапки 8 іюля 1871 года [1]).

Такимъ образомъ ученіе сектантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «штундистовъ», образовалось не на русской почвѣ и принесено въ Россію изъ Германіи, именно изъ Гамбурга, въ которомъ, по частнымъ свѣдѣніямъ бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу, подтвердившимся теперь вполнѣ наведенными нами въ Берлинѣ справками, берлинскій купецъ Онкенъ устроилъ даже семинарію для образованія миссіонеровъ баптизма. Насадителями этого ученія сперва между нѣмецкими колонистами на Волыни и въ новороссійскомъ краѣ, а потомъ и между православнымъ русскимъ населеніемъ были иностранцы, вышедшіе изъ Гамбурга: Ондра, Прицкау, Отто-Вильгельмъ Шульцъ, Карлъ Эпдингеръ, Францъ Линовскій, Михель Филкъ и наконецъ самъ Онкенъ, который проѣхалъ херсонскую и таврическую губерніи. Ихъ дѣятельными сотрудниками оказались изъ мѣстныхъ колонистовъ Георгій Клундтъ, Майеръ, Либигъ и болѣе всего хортицкій менонитъ Вилеръ.

Противъ заноснаго характера появившейся у насъ штунды возражаетъ авторъ рецензіи на октябрскую книжку «Кіевской Старины» въ № 224 «Кіевлянина», приписывая такой взглядъ нашъ малому знакомству нашему съ литературой настоящаго предмета. Мы бы просили автора сказать, изъ чего-же состоитъ у насъ литература этого пред-

---

[1]) Донесеніе херсонскаго губернатора новороссійскому генералъ-губернатору 15 марта 1842 г. № 69.

мета? Неужели изъ указанныхъ имъ статей въ № 56 и послѣдующихъ «Кіевлянина» за 1884 г., по видимому принадлежащихъ его-же перу и заключающихъ въ себѣ лишь перебалтываніе того, что содержится въ появившейся около того-же времени брошюрѣ г. Ушинскаго «О причинахъ появленія ученій штундистовъ»? Но самъ Ушинскій ученіе т. наз. русскихъ штундистовъ смѣшалъ съ ученіемъ лютеранъ, совращеніе православныхъ въ секту приписываетъ позаимствованію лютеранскихъ мнѣній въ собраніяхъ т. н. *штунде*, какъ будто малороссы могли тутъ что либо понимать, не зная ни слова по нѣмецки. Правда Ушинскій въ своей брошюрѣ упомянулъ о появленіи въ нѣмецкихъ колоніяхъ херсонской губерніи баптистскихъ эмиссаровъ и административной высылкѣ ихъ, но сказалъ это голословно, безъ указанія, откуда они вышли и куда ушли, чему и кого учили и въ какихъ именно колоніяхъ, онъ не назвалъ даже ни одного изъ нихъ по имени. Причиной сего то, что ему было сказано нами не больше этого. Не могъ дальше пойти и черпавшій свои свѣдѣнія изъ Ушинскаго авторъ статей «Кіевлянина» въ № 56 и слѣдующихъ. И тотъ и другой причину распространенія у насъ баптизма хотятъ видѣть въ крайне неудовлетворительныхъ отношеніяхъ между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами. Мы-бы просили ихъ сказать, какой процентъ приходовъ съ такими отношеніями въ общемъ числѣ приходовъ кіевской епархіи и дѣйствительно-ли эти отношенія были неудовлетворительны въ тѣхъ именно приходахъ, въ которыхъ первѣе всего появилась секта, т. е. въ с. Чаплинкѣ, Косяковкѣ и Плосскомъ? Мы съ своей стороны заявляемъ, что ни прежде, ни послѣ ни на одного изъ священниковъ этихъ приходовъ не поступило никакой жалобы ни къ духовному, ни къ гражданскому начальствамъ. Если полагать причину болѣзни лишь въ мѣстности, гдѣ она появляется, то пришлось бы сказать, что холера появилась въ Ліонѣ, въ Марсели, Парижѣ, въ Римѣ потому только, что она нашла тамъ для себя почву, а не потому, что она занесена туда людьми и вещами изъ за моря. Раньше, чѣмъ у насъ, баптизмъ распространился въ другихъ странахъ и въ Соединенныхъ Американскихъ штатахъ баптистовъ нынѣ до 1,009,000, въ Великобританіи и Ирландіи до 280,000, въ Западной Индіи до 36,000, въ Германіи до 31,000; неужели и тамъ причиною этого только болѣе или менѣе не удовлетворительныя отношенія духовенства къ прихожанамъ?

П. Л—въ.

Библіографія.

Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г. Стр. X, 145.

Два вышедшихъ въ свѣтъ выпуска «Исторіи русскаго права» составляютъ собственно введеніе въ «Исторію», такъ какъ они посвящены общимъ вопросамъ славяно-русской исторіи, оцѣнкѣ различныхъ мнѣній и теорій о началахъ славянскихъ народовъ и въ частности русскаго, объоснованію собственныхъ воззрѣній автора. Раскопки и другіе способы изслѣдованія русской и славянской старины привели автора еще въ первомъ выпускѣ его «Исторіи» къ тому убѣжденію, что господствующее въ исторической литературѣ направленіе крайне неблагопріятно для разъясненія началъ русской исторіи вообще и древнѣйшаго политико-юридическаго быта русскихъ въ частности. Точно также и во II выпускѣ авторъ пытается исправить основныя положенія русской исторической науки касательно начальныхъ моментовъ славянской и русской исторіи. Онъ ни за что не соглашается начинать славянскую исторію сказаніями Іорнанда и Прокопія о славянахъ и антахъ, старается отодвинуть возможно глубже въ древность начатки историческаго существованія славянскихъ народовъ. Занимавшіе въ VI в. по Рождествѣ Христовомъ обширныя земли славянскіе народы—венеты, анты, славяне—должны были имѣть здѣсь своихъ предковъ; предками этими были, по его убѣжденію, не кто иные, какъ геродотовы скиѳы и сарматы. Многолюдное скифское населеніе нашего юга не могло-же исчезнуть безслѣдно; оно, по мнѣнію г. Самоквасова, только мѣняло свое имя на протяженіи десятка вѣковъ, пока не появилось на исторической аренѣ подъ именемъ славянъ. Скиѳы-сарматы, геты, даки, роксоланы, аланы, гунны,

болгары, козары, венеты, славяне, анты,—все это представители одного и того-же этнографическаго типа, скиѳскаго, или славянскаго. Многократно геродотовыхъ скиѳовъ авторъ называетъ то предками славянъ, то праславянами. Туранство скиѳовъ авторъ отрицаетъ рѣшительно, равно какъ и смѣшанный этнографическій характеръ скиѳскаго населенія южной Россіи. Понятіе скифовъ онъ сравнительно съ Геродотомъ расширяетъ; къ скиѳскому типу принадлежали, по его словамъ, кромѣ авхатовъ, катіаровъ, траспіесовъ и паралатовъ, «еще слѣдующія племена: тавры, сарматы, будины, скиѳы приуральскіе, невры, агаѳирсы и геты».

Окончательному рѣшенію вопроса о происхожденіи славянъ и русскихъ славянъ авторъ придаетъ большое значеніе. По его мнѣнію, безъ рѣшенія этого вопроса нельзя шагу сдѣлать въ области исторіи русскаго права. «Пока основные вопросы славяно-русской исторіи не рѣшены наукою положительно, до тѣхъ поръ научная разработка древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, по нашему мнѣнію, невозможна. Возможность научной разработки въ положительномъ направленіи славяно-русскаго права, какъ вопроса годнаго въ славяно-русской исторіи, тѣсно связана съ отвѣтомъ на общій, исходный вопросъ науки о происхожденіи славяно-руссовъ, положительнымъ рѣшеніемъ котораго обусловливается начало (sic) русской исторіи, средства ея познанія и направленіе изысканій по частнымъ вопросамъ».

Такимъ образомъ вопросъ о народности геродотовыхъ скиѳовъ, или, что тоже, объ этнографическомъ единствѣ скиѳовъ и славянъ составляетъ для автора исходный пунктъ въ историческихъ изысканіяхъ русскаго права; съ этимъ вопросомъ ему необходимо порѣшить окончательно, прежде чѣмъ вступить собственно на почву русскаго права.

Дѣйствительно, авторъ высказываетъ свои заключенія въ самомъ рѣшительномъ, категорическомъ тонѣ, какъ будто-бы послѣ II выпуска его «Исторіи русскаго права» всѣ подобные вопросы должны быть сданы въ архивъ, и изслѣдователи обязаны отправляться отъ воззрѣній автора, какъ отъ несомнѣнной истины. «Сравнивая этнографическіе признаки славянъ языческой эпохи съ такими-же признаками скиѳовъ эпохи Геродота, мы *нашли* между ними очень много общаго, мы *убѣдились*, что въ этнографическомъ отношеніи славяне языческой эпохи стоятъ *несравненно* ближе къ европейскимъ скиѳамъ эпохи Геродота, нежели къ древнимъ грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ и даже литовцамъ. Мы *встрѣтили* также въ сказаніяхъ древнихъ историковъ и географовъ *прямыя* свидѣтельства о единствѣ происхожденія скиѳовъ и славянъ... Такимъ образомъ сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ

историковъ и географовъ и содержаніе скиѳскихъ и славянскихъ могилъ *доказали* намъ ближайшее, непосредственное родство между скиѳами и славянами. Скиѳы эпохи Геродота по отношенію къ позднѣйшимъ славянскимъ народностямъ являются праславянами». На стр. 51—52 таже мысль выражена еще рѣшительнѣе. На всемъ протяженіи отъ Геродота до перваго русскаго лѣтописца авторъ находитъ «*несомнѣнныя* доказательства ближайшаго родства европейскихъ скиѳовъ эпохи Геродота съ позднѣйшими славянами. Но если такъ, если *дѣйствительно* европейская Скиѳія эпохи Геродота была прародиною славянскихъ народовъ, а скиѳы того времени были *прямыми* предками славянъ, то и пр. и пр.». Первоначально единая скиѳская народность выдѣлила изъ себя, по мнѣнію г. Самоквасова, мало по малу, подъ вліяніемъ окружающихъ условій, отдѣльныя этнографическія группы, или новыя народности; терминъ *скиѳы* теряетъ съ этого времени прежній этнографическій смыслъ, хотя подъ нимъ продолжаютъ подразумѣваться все-же народы родственные, происходящіе отъ одного предка. «Племена каждой новой народности», замѣчаетъ авторъ (стр. 62), «въ отличіе другъ отъ друга и отъ общаго предка называются новыми именами. Эти новыя общія (?) народныя названія: кимвры, тевтоны, германцы, эсты, литовцы, даки, венеты, анты, славяне и пр., замѣняютъ собою древнее имя ихъ общаго предка, скиѳовъ, теряющее опредѣленный этнографическій смыслъ и въ новой исторіи выходящее изъ употребленія».

Къ сожалѣнію, аргументація автора далеко не отвѣчаетъ аподиктическому тону изложенія. Чего либо новаго для доказательства родства славянъ съ Геродотовыми скиѳами мы не находимъ у г. Самоквасова; за то встрѣчаемся здѣсь съ очень старыми ошибками, съ недостаточнымъ усвоеніемъ литературы предмета, съ совершенно бездоказательными увѣреніями.

Прежде всего замѣтимъ, что въ ученомъ изслѣдованіи не совсѣмъ умѣстно обращеніе съ главнѣйшимъ источникомъ, съ Геродотомъ, черезъ устарѣвшій и далеко не безгрѣшный переводъ Мартынова. Не говоря уже объ отдѣльныхъ неточностяхъ стараго перевода, достаточно замѣтить, что со времени Мартынова критика сдѣлала значительные успѣхи въ возстановленіи текста. Разумѣется, еще менѣе удовлетворительны примѣчанія Мартынова, которыми также авторъ не прочь воспользоваться [1]). Вслѣдъ за Мартыновымъ г. Самоквасовъ повторяетъ неправильное чтеніе τοὺς βασιλέας (IV, 6, стр. 29) вмѣсто τοῦ βασιλέος и противоно-

[1]) *Географію* Страбона авторъ цитируетъ всегда въ переводѣ г. Мищенка (М. 1879 г.), хотя нигдѣ на это не указываетъ.

ставляетъ паралатовъ, какъ особый народъ, остальнымъ скиѳамъ; паралаты для него только другое имя царскихъ скиѳовъ; самое это названіе обозначаетъ будто бы *приморское* племя: авторъ неправильно смѣшиваетъ это имя съ греческими формами *paraliotai, paraloi, paralioi.* IV, 60 (а не 55, какъ у г. Самоквасова) «по всѣмъ святынямъ» вмѣсто «для всѣхъ боговъ»; начало 5 главы (стр. 29), главы 99 и 100 (стр. 25, 26) переводится неточно и др.

Вопреки Геродоту авторъ причисляетъ къ одному съ скиѳами этнографическому типу тавровъ, сарматовъ, будиновъ и др. (см. *выше*). Вѣдь меланхлены—не скиѳы, равно какъ и невры (IV, 105—107), хотя и имѣютъ скиѳскіе обычаи; не скиѳы также тавры; человѣческія жертвы у тавровъ (IV, 59) авторъ (стр. 63) невѣрно производитъ отъ грековъ. Вопреки Геродоту помѣщаетъ почему-то переселеніе паралатовъ въ черноморскія степи въ VII в. до Рождества Христова (стр. 18, 28), тогда какъ у историка паралаты нигдѣ отдѣльно отъ катіаровъ и др. не упоминаются. На стр. 14 Геродоту приписывается представленіе о *верхней* Азіи, какого на самомъ дѣлѣ у историка не находится. Равнымъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы раздѣлять увѣренность автора, будто «за пять вѣковъ до Рождества Христова всѣ племена *Царской Скифіи* (?) за исключеніемъ грековъ и греко-скиѳовъ имѣли *одинъ* языкъ, *одну* религію *(а поклоненіе ѳамимасадъ у царскихъ скиѳовъ?!)*, одинаковые нравы и обычаи *(развѣ Геродотъ не отличаетъ ясно въ этомъ отношеніи, наприм., тавровъ или массагетовъ отъ скиѳовъ?)*, одинаковую домашнюю и общественную обстановку» *(какую же?)*.

Географическія, лингвистическія, археологическія и др. доказательства, какими пользуется г. Самоквасовъ, весьма сомнительной убѣдительности. Въ Борисѳенѣ автору слышится русская Березина; скиѳскій *papayos* звучитъ для него въ славянскомъ *papa*. Казалось, съ большимъ-бы основаніемъ Борисѳенесъ можно разложить на греческія слова *boreios* и *sthenos;* въ греческомъ-же языкѣ есть цѣлый рядъ словъ, общихъ по корню съ *papa: pappas, pappos, papparo* и мн. др.

Причемъ-же въ обоихъ случаяхъ непремѣнно славянскій языкъ? Этнографическими данными по способу г. Самоквасова можно доказать родство геродотовыхъ скиѳовъ съ какимъ угодно народомъ. Боннель, трудъ котораго вовсе не упоминается, сближаетъ скиѳовъ съ древними германцами, Нейманъ съ монголами и т. п. Авторитетъ въ области краніологіи, К. Е. Беръ находитъ наиболѣе близкими къ такъ называемымъ скиѳскимъ черепамъ башкирскіе. Г. Самоквасовъ ничего не говоритъ о географическихъ объясненіяхъ Киперта, о сближеніяхъ Вс. Миллера

между скиѳами и осетинами. Относительно народности гунновъ онъ ограничивается упоминаніемъ статей г. Иловайскаго, сторонника славянства гунновъ, обходя молчаніемъ критику профессора В. Г. Васильевскаго, по нашему мнѣнію, окончательно сокрушающаго выводы профессора Иловайскаго. Г. Васильевскій имѣетъ въ этомъ вопросѣ авторитетнаго союзника въ лицѣ Вамбери, извѣстнаго знатока турецко-татарскихъ языковъ; вопросомъ о народности гунновъ онъ занимается въ своемъ новомъ трудѣ: *Der Ursprung d. Magyaren.* (Leipz. 1882).

Надѣемся, читатель согласится съ нами, что подобными пріемами нельзя доказать что либо, хотя доказывать можно все. Выводы автора имѣютъ значеніе гипотезы, обставленной весьма недостаточно. Между тѣмъ вторая глава труда *(Происхожденіе русскихъ славянъ)* исходитъ изъ этихъ положеній, какъ безусловно вѣрныхъ, съ прибавкою впрочемъ новаго предположенія, что лѣтописные волохи не кто иные, какъ римляне, потѣснившіе славянъ на Дунаѣ во II в. по Р. Х. На стр. 121 авторъ замѣчаетъ: «если мы, соотвѣтственно изложеннымъ выше свидѣтельствамъ древней исторіи, географіи и этнографіи, допустимъ происхожденіе славянъ отъ скиѳовъ, искони занимавшихъ припонтійскія и придунайскія области, и признаемъ историческую достовѣрность свидѣтельства русской лѣтописи о колонизаціи славянъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы, вслѣдствіе завоеванія древней Дакіи римлянами, то фактъ присутствія римскихъ монетъ въ славянской землѣ центральной Европы можетъ быть объясненъ не такъ, какъ его объясняютъ сказанные изслѣдователи: римскія монеты могли быть занесены туда не римлянами, а гето-дакійскими племенами, въ эпоху владычества римлянъ въ Дакіи выселившимися за Карпаты въ центральныя области Европы и получившими тамъ имена польскихъ и русскихъ славянъ». Понятно, разъ главная посылка умозаключенія не болѣе, какъ субъективное предположеніе,— а таковымъ она является у автора,—окончательный выводъ не имѣетъ серьезнаго значенія. Поэтому существующее теперь въ наукѣ объясненіе присутствія римскихъ монетъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ торговыми сношеніями римлянъ съ этими пунктами остается не поколебленнымъ увѣреніями автора, что монеты эти занесены самими славянами въ ихъ позднѣйшія мѣста жительства. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что критическая оцѣнка трудовъ Садовскаго и др., предлагаемая авторомъ, содержитъ въ себѣ не мало остроумныхъ замѣчаній.

Слѣдовательно та простая схема образованія славянъ и русскихъ славянъ, какую рисуетъ себѣ г. Самоквасовъ, оказывается на самомъ дѣлѣ весьма проблематической, а состоитъ она въ слѣдующемъ: могуществу

скиѳовъ нанесенъ смертельный ударъ Филиппомъ Македонскимъ (399 г. до Р. Х.). Овладѣніе скиѳовъ повело за собою передвиженіе сарматовъ по сю сторону Дона; послѣ Митридата сарматы подъ именами бастарновъ, роксоланъ, ячиговъ, перешедши черезъ Днѣпръ, соединяются съ скиѳскими племенами, гетами и даками и во II в. до Р. Х. образуютъ сильное скиѳское государство. Но столкновенія съ римскимъ могуществомъ кончаются во II в. по Р. Хр (106 г.) паденіемъ скиѳскаго царства и превращеніемъ его въ провинцію Дакію. Подъ давленіемъ римлянъ скиѳо-сармато-гето-дакійскія племена покинули свою прародину, разселились по рѣкамъ Вислѣ съ притоками, Днѣпру съ притоками, Окѣ, Западной Двинѣ и Волхову. Эти-то племена и являются въ позднѣйшей исторіи подъ именемъ славянъ.

Такова простая по построенію, но вовсе не доказанная гипотеза г. Самоквасова.

М.

Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I. Кіевъ. 1884 г.

Эта объемистая книга, свыше 700 страницъ въ большую осьмуху, плодъ двухлѣтней усидчивой работы даровитѣйшаго профессора, открываетъ собою длинный рядъ тѣхъ изданій, которыя задуманы и приготовлены университетомъ св. Владиміра къ знаменательному дню празднованія 50-лѣтняго его существованія, 8-му сентября сего года. Едва-ли чѣмъ либо другимъ университетъ св. Владиміра могъ такъ осязательно и прочно отмѣтить пятидесятилѣтній періодъ своей просвѣтительной дѣятельности, какъ рядомъ такихъ солидныхъ изданій, въ которыхъ эта дѣятельность разработана всесторонне, выяснена до мельчайшихъ подробностей. Это богатое приращеніе въ исторіи нашего просвѣщенія, драгоцѣнный вкладъ въ науку отъ того учрежденія, которое носитъ названіе святилища наукъ. Сколько можемъ припомнить, ни одно изъ нашихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій не потрудилось столько на пользу науки, праздную юбилей болѣе или менѣе продолжительнаго своего существованія.

Составленная профессоромъ Владимірскимъ-Будановымъ исторія университета св. Владиміра въ ряду юбилейныхъ изданій занимаетъ безспорно самое видное мѣсто какъ по предмету труда, такъ и по научной его обработкѣ. Слѣдующій за нею «Біографическій Словарь» про-

фессоровъ есть трудъ такъ сказать коллективный, прочія изданія даютъ болѣе или менѣе обстоятельную исторію вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ св. Владиміра.

Переходя къ обзору этого труда, начнемъ съ выраженія нашего искренняго сожалѣнія, что такой даровитый профессоръ, обладающій столь свѣтлымъ умомъ и такимъ глубокимъ критическимъ талантомъ, не начерталъ полной исторіи юнаго еще университета за все время 50-лѣтняго его существованія, а лишь одну ея часть, не обнимающую и половины пятидесятилѣтія. Свѣтъ брошенный на весь пройденный университетомъ путь могъ-бы отразиться и на ту, по крайней мѣрѣ ближайшую часть пути, которая лежитъ предъ нимъ впереди, и это помогло-бы ему ходить *во свѣтѣ истины, а не якоже зерцаломъ въ гаданіи. Но творити книги многи нѣсть конца*... могъ-бы сказать почтенный профессоръ и указать на свою внушительную по объему и содержанію книгу.

Это 1-й томъ исторіи университета св. Владиміра, обнимающій собою время его существованія съ 1833 по 1855 г. Авторъ заканчиваетъ этотъ 1-й томъ исторіи университета царствованіемъ императора Николая Павловича, конечно, потому, что новое царствованіе началось новыми вѣяніями, рѣшительнымъ образомъ отразившимися на жизни университета прежде, чѣмъ онъ получилъ новый уставъ. Изданный томъ подраздѣляется на три *эпохи*... Названіе, можетъ быть, нѣсколько громкое хотя-бы и для святилища наукъ, но вѣдь-не въ названіи сила. Эпоха I обнимаетъ время 1833—1842 г. и начиная съ открытія университета трактуетъ о первоначальномъ его устройствѣ по особому спеціальному его уставу и первыхъ годахъ его жизни, включая временный перерывъ 1839 г., возстановленіе университета и постройку его зданій. Эпоха II отъ 1842 до 1849 г., гдѣ авторъ излагаетъ примѣненіе къ университету «германскаго университетскаго строя» на основаніи новаго обще-университетскаго устава 1842 г. и жизнь университета по началамъ этого устава. Эпоха III отъ 1849 до 1855 г., носящая общее заглавіе *реакціи*, представляетъ рѣзкое отклоненіе въ жизни университета отъ его первоначальнаго и послѣдующаго строя, вызванное цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ узаконеній и особенно мѣстныхъ распоряженій, при наличности прежняго устава, и отмѣченное пониженіемъ уровня университетской науки вообще и въ частности научнаго и нравственнаго уровня въ воспитывающемся юношествѣ. Эпохи подраздѣляются на главы, эти въ свою очередь на отдѣльные, часто обширные трактаты, рисующіе формальное внѣшнее построеніе университетской жизни по извѣстному, законодательною властію опредѣленному плану, внутреннее

ея теченіе и развитіе въ извѣстныхъ рамкахъ, съ подробнымъ изображеніемъ ихъ въ общемъ ходѣ управленія, въ строѣ и составѣ факультетовъ, въ служебной и частной научной дѣятельности профессоровъ, въ нормальномъ положеніи студентовъ, ихъ составѣ и числѣ, учебныхъ ихъ занятіяхъ, въ надзорѣ за ними, образѣ ихъ жизни и поведеніи. Обширному тому своей исторіи авторъ предпосылаетъ пространное, на 57 страницахъ, введеніе, въ которомъ излагаетъ состояніе общественнаго образованія въ юго-западной Руси до открытія университета св. Владиміра, начиная свой обзоръ съ той системы образованія, которая установлена была въ этомъ краѣ еще въ періодъ польскаго въ немъ владычества 1773—1793 г., и слѣдя ея развитіе и усиленіе здѣсь подъ русскимъ владычествомъ съ 1793 и до 1831 г. Томъ заканчивается восемью приложеніями, по объему равняющимися введенію и заключающими въ себѣ документальное перечисленіе финансовыхъ средствъ университета и цифровыя данныя о срокахъ службы ректоровъ, проректоровъ и декановъ, о числѣ получившихъ степени доктора и магистра и пр., заканчивающіяся двумя общими таблицами всѣхъ студентовъ 1834—1862 г. и 1862—1884 г.

Надо отдать полную справедливость автору этаго обширнаго и замѣчательнаго по своимъ ученымъ и литературнымъ достоинствамъ труда. Г. Владимірскій-Будановъ выполнилъ данное ему совѣтомъ университета св. Владиміра порученіе, можно сказать, блестящимъ образомъ, и университетъ имѣетъ теперь если далеко не за все время своего существованія, то за половину его полную, проникнутую глубокимъ пониманіемъ цѣлаго и частей, солидную и вмѣстѣ живую, правдивую и безпристрастную свою исторію. Мы не можемъ, конечно, въ предѣлахъ библіографической замѣтки ознакомить нашихъ читателей съ частнѣйшимъ содержаніемъ такой объемистой исторіи, да и нѣтъ, кажется, въ томъ особой надобности. Масса свѣдѣній извлечена изъ нея мѣстными газетами по поводу праздновавшагося пятидесятилѣтія университета; читатели находили въ нихъ множество отрывковъ большихъ и малыхъ, перепечатанныхъ цѣликомъ и этимъ путемъ отчасти ознакомились и со многими добытыми авторомъ свѣдѣніями и съ его взглядами и способомъ изложенія. Намъ остается сказать о достоинствахъ этого труда въ цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать тѣ желанія, вызываемыя существомъ избраннаго авторомъ предмета удовлетворенія которымъ мы, къ сожалѣнію нашему, не нашли въ его трудѣ.

Первымъ выдающимся достоинствомъ составленной г. Владимірскимъ-Будановымъ Исторіи Университета св. Владиміра надо считать то, что, приступая къ объясненію факта возникновенія университета въ

въ данную пору въ здѣшней мѣстности, онъ не началъ такъ сказать съ самаго факта, не остановился на обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, не ограничился и изложеніемъ обстоятельствъ ближайшихъ, вызвавшихъ его появленіе, но углубился въ ту отдаленную эпоху общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, о которой, по справедливому его замѣчанію, мы имѣемъ болѣе смутныя представленія, чѣмъ о временахъ Владиміра Мономаха. Иначе, конечно, нельзя было-бы ни уяснить ту цѣль, какая указывалась университету св. Владиміра правительственнымъ актомъ о его учрежденіи, ни имѣть точный критерій для сужденія о послѣдующей судьбѣ и жизни университета. Изслѣдовать положеніе народнаго образованія въ краѣ въ эпоху предшествовавшую учрежденію университета въ Кіевѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что съ этимъ послѣднимъ фактомъ связана была отмѣна господствовавшей дотолѣ системы общественнаго воспитанія и замѣна оной новою, во главѣ которой ставился учреждаемый университетъ. Г. Владимірскій-Будановъ тщательно собралъ данныя о положеніи образованія въ краѣ, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, пополнилъ ихъ свѣдѣніями изъ архива главнаго дѣятеля той эпохи гр. Ѳ. Чацкаго, архива кременецкаго лицея и визитаторскаго, провѣрилъ все критически, сопоставилъ съ отзывами своего предшественника по исторіи университета В. Я. Шульгина и далъ впервые довольно полную и строго обдуманную картину общественнаго воспитанія въ томъ краѣ, для котораго предназначался ново-учреждаемый университетъ. Открывается нѣчто невѣроятное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное и совершавшееся едва не на нашихъ глазахъ: на всемъ пространствѣ древнѣйшихъ русскихъ областей, съ 1793 г. возвращенныхъ отъ Польши къ Россіи, до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, дѣйствовала безъ малѣйшаго возмущенія, напротивъ открыто признаваемая и поддерживаемая русскимъ правительствомъ того времени система польскаго образованія, установленная правительствомъ Рѣчи Посполитой въ періодъ раздѣловъ Польши,—польская по духу и цѣли, по составу главныхъ и ближайшихъ руководителей, по языку обученія, по всему строю, постановкѣ и обстановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла; русскій языкъ, въ качествѣ необязательнаго, едва былъ терпимъ въ учебныхъ заведеніяхъ того времени, преподаваніе его поручалось учителямъ другихъ предметовъ—полякамъ и уніатамъ и даже отставному прусскому солдату; православные ученики слушали Законъ Божій у ксендзовъ, дѣти русскихъ не могли подать прошенія иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Полонизація края шла быстрыми шагами, унаслѣдованная отъ Польши система общественнаго образованія, руководимая такими замѣчательными дѣятелями александровской эпохи, какъ князь Чарто-

рыжскій и графъ Чацкій, достигла полнаго своего развитія въ завершеніи цѣлаго рядъ польскихъ школъ созданіемъ кременецкаго лицея, привлекшаго къ себѣ громадныя денежныя жертвы и симпатіи всего польскаго шляхетства въ предѣлахъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Конечная цѣль ея была воскрешеніе Польши въ ея прежнихъ конституціонныхъ формахъ и предѣлахъ и эта цѣль была уже такъ близко. Но возстаніе 1831 г. все разрушило. Ученики такъ нѣжно лелѣемыхъ школъ ушли въ повстанье, опустѣвшія школы, по распоряженію правительства, закрыты, вмѣсто ихъ созданъ рядъ другихъ школъ на новыхъ началахъ, а изъ кременецкаго лицея образованъ кіевскій университетъ. Этотъ послѣдній является такимъ образомъ не продуктомъ прежней, но началомъ новой жизни въ краѣ, новой политики прозрѣвшаго правительства, новой системы народнаго образованія, совершенно противоположной прежней польской. Замѣчанію прежняго историка университета, что новое зданіе начали съ крыши, г. Владимірскій-Будановъ противупоставляетъ, что иначе нельзя было-бы приготовить учителей и воспитателей въ духѣ новой системы. Каждый въ своемъ родѣ правъ. Послѣдній прибавляетъ: «открытіемъ университета въ Кіевѣ мы не поспѣшили, а скорѣе опоздали на четверть вѣка». Не гораздо-ли болѣе? Мысль о необходимости университета созрѣла въ населеніи лѣвой стороны Днѣпра еще въ концѣ 1-й половины прошлаго столѣтія и ходатайства объ учрежденія онаго возбуждаемы были много разъ, хотя мѣстомъ для него указывался не одинъ Кіевъ, но иногда Глуховъ, Батуринъ, даже Новгородъ-Сѣверскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будь такое ходатайство во время удовлетворено, кіевскій университетъ имѣлъ-бы другой характеръ, другую роль, пришедшая къ намъ отъ Польши система образованія не нашла бы для себя мѣста, польскіе просвѣтители и польское юношество въ окрѣпшемъ русскомъ университетѣ очутились-бы въ иной роли и самый этотъ университетъ не былъ-бы обреченъ на ту Сизифову въ нѣкоторомъ смыслѣ работу, какая указана ему при учрежденіи его въ 1834 г. Во всякомъ случаѣ можно пожалѣть о томъ, что авторъ не углубилъ свою экскурсію въ область прошлаго, не расширилъ сферы предварительныхъ своихъ изслѣдованій. Безъ этого вступительная часть его труда, едва-ли не найболѣе важная, кажется какъ-бы страничкою, вырванною изъ исторіи нашего просвѣщенія, нашей государственной и общественной жизни, и не понятными представляются въ ней и наша близорукость и равнодушіе къ дѣлу народнаго образованія въ возвращенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ, и это широкое хозяйничанье въ русскомъ краѣ польско-шляхетскаго элемента, равно какъ и наше внезапное просвѣтлѣніе послѣ событій 1831 г. и болѣе инстинктивное, чѣмъ

сознательное стремленіе поставить здѣсь просвѣщеніе на новыхъ началахъ.

Весь дальнѣйшій трудъ г. Владимірскаго-Буданова представляетъ собою стройное, послѣдовательное, разработанное всесторонне и во всѣхъ подробностяхъ изложеніе постепеннаго устройства университета св. Владиміра и развитія его внутренней жизни съ тѣми неизбѣжными колебаніями, какія вызываемы были въ ней то мѣстными условіями, въ какія онъ поставленъ былъ при самомъ учрежденіи, то общимъ ходомъ нашей жизни и распоряженіями высшаго правительства, своеобразно примѣняемыми на мѣстѣ. Спокойный тонъ изложенія, не доходящій до сухости и не возвышающійся до паѳоса, копотливый подборъ данныхъ, строгая ихъ провѣрка и искусная группировка, наконецъ безпристрастная, чуждая преувеличенія и рѣзкости оцѣнка фактовъ—таковы главныя достоинства труда почтеннаго профессора. Въ каждой изъ трехъ очерченныхъ эпохъ, онъ отъ изображенія формальнаго строя и дѣятельности университета переходитъ къ характеристикѣ его дѣятелей, оцѣнкѣ ихъ трудовъ, занятій самихъ студентовъ, опредѣленію научнаго уровня тѣхъ и другихъ, знакомитъ съ ихъ частнымъ, домашнимъ бытомъ. Много прекрасныхъ страницъ посвящено имъ въ особенности первымъ годамъ университетской жизни и такимъ свѣтлымъ ея дѣятелямъ, какъ Брадке, Максимовичъ, Новицкій, Неволинъ, Богородскій и пр., много мѣткихъ словъ удѣлено другимъ второстепеннымъ дѣятелямъ. Послѣдняя эпоха,—періодъ реакціи, очерчена авторомъ съ замѣчательною правдивостью и безпристрастіемъ. Эта глава въ трудѣ историка въ особенности поучительна. Правда, она оставляетъ въ читателѣ тяжелое впечатлѣніе, что чувствовалъ и самъ авторъ, стараясь оговориться въ концѣ; но не слѣдуетъ, конечно, закрывать глазъ предъ печальною ошибкою весьма недавняго времени.

Закончимъ нашъ бѣглый обзоръ вышедшаго I тома Исторіи университета св. Владиміра краткимъ замѣчаніемъ о томъ, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, не достаточно удѣлилъ вниманія связи университета св. Владиміра съ общею и мѣстною жизнію и въ частности той спеціальной задачѣ, какая указана ему при самомъ его возникновеніи, не выяснивъ, въ какой мѣрѣ достигалась эта задача и въ чемъ выразилось вліяніе университета на мѣстную жизнь. Этому помѣшала, конечно, не одна обширность труда, но и то, что самая эта задача скоро затерялась въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ и университетъ св. Владиміра долженъ былъ войти въ общую съ другими своими собратами колею, отличаясь отъ нихъ лишь однимъ названіемъ. **К. Цыбульскій.**

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.

Въ свое время мы привѣтствовали появленіе первой части «Очерка западно-русской церкви», изд. въ 1882 г. Вторая часть, отличаясь тѣми же, какъ и первая, достоинствами ученаго труда, представляетъ еще болѣе интереса по обилію содержанія, по возрастающему жизненному значенію обнимаемыхъ ею явленій и событій, по богатству, разнообразію, отчасти и новости источниковъ. Она обнимаетъ время съ конца XVI в., когда въ западно-русской церкви началось раздѣленіе, произведенное уніею, началась непрерывная, напряженная борьба этой церкви съ уніатскою и латино-польскою пропагандою,—до 60-хъ годовъ XVIII в., на которыхъ кончается торжество пропаганды и съ которыхъ для западно-русской церкви настаетъ лучшее время—время возврата утратъ, понесенныхъ ею въ двухъ-вѣковой почти борьбѣ за свое существованіе.

Первая глава настоящаго труда представляетъ очеркъ главныхъ явленій и событій въ жизни западно-русской церкви, вмѣстѣ съ характеристикою главныхъ историческихъ дѣятелей, постепенно выступавшихъ на борьбу за свое дѣло съ той и другой стороны, а также съ обзоромъ литературной полемики православной и латино-уніатской. За время съ конца XVI до начала XVIII в., въ этой общей части «Очерка» резюмируется почти только то, что уже довольно извѣстно по этому предмету, но резюмируется съ такою полнотою и отчетливостію, какія только и возможны въ трудѣ, основанномъ на самостоятельномъ и глубокомъ изученіи источниковъ, памятниковъ и ученыхъ изслѣдованій другихъ по тому-же предмету. Не останавливаясь на частныхъ фактахъ, мѣстами требовавшихъ, кажется, большаго разъясненія, позволимъ себѣ высказать, что могъ-бы быть полнѣе выясненъ и такой общаго значенія фактъ, что Кіевъ *съ первыхъ-же годовъ* борьбы западно-русской церкви съ латино-уніатскою пропагандою оказывается пунктомъ, наименѣе доступнымъ этой послѣдней, а вслѣдъ затѣмъ и наиболѣе сильнымъ, въ смыслѣ опорнаго пункта для всей западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ пропагандою. Въ одномъ мѣстѣ историкъ замѣчаетъ, что опорою Кіеву въ начальное время уніи служило то, что кіевскимъ воеводой былъ Константинъ Острожскій; это, конечно, справедливо. Но думаемъ, что главнѣйшею опорою Кіеву служило не воеводство Острожскаго, который и не бывалъ тогда въ Кіевѣ, и живя на Волыни, не могъ помѣшать захватамъ и безчиніямъ Поцѣя и Терлецкаго,—въ

его собственныхъ княжескихъ владѣніяхъ. Несравненно болѣе могучія опоры имѣлъ Кіевъ съ одной стороны въ своемъ прошломъ, какого не имѣли ни Вильна, ни другой какой-либо пунктъ во всей западной Россіи, съ другой стороны—въ живой, наличной силѣ народа, уже слагавшейся для Кіева и южной Руси подъ знаменемъ козачества. Вотъ почему Поцѣй и Рутскій, самоуправствовавшіе повсюду, не смѣли показать глазъ въ Кіевъ, хотя и помышляли о томъ. Въ 1610 году оффиціалъ Поцѣя Антоній Грековичъ вышелъ полупобѣдителемъ изъ столкновенія съ кіевскимъ духовенствомъ, не нашедшимъ достаточно сильной защиты отъ дерзкаго оффиціала ни въ кіевскомъ магистратѣ, ни въ дворянахъ кіевской земли, собравшихся тогда на съѣздъ. Не то ждало его по угрозамъ отъ Запорожья, откуда гетманъ Тискиневичъ писалъ отъ имени козаковъ кіевскому подвоеводѣ, что «мы за нашу восточную церковь и за нашу вѣру готовы голову положить», а относительно самаго Грековича предупреждалъ, что уже дано распоряженіе «гдѣ кольвекъ его зрубати,—такъ убити, якъ пса» (Арх. ю.-з. и зап. Россіи, т. II, № 36, 37, 41).

Затѣмъ не нужно идти къ событіямъ 1620 г. и слѣдующихъ эпохъ, выдвигающимъ значеніе народной силы, какъ преобладающей надъ всею совокупностію другихъ силъ западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ латино-уніатскою пропагандою и ея союзницею Рѣчью Посполитой. Признается эта сила и авторомъ «Очерка», но, кажется намъ, не во всей полнотѣ ея значенія. Новымъ и существенно важнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ въ первомъ отдѣлѣ «Очерка» слѣдуетъ признать ту часть отдѣла, гдѣ сообщаются во многомъ новыя данныя о мѣрахъ и дѣйствіяхъ русскаго правительства на защиту православныхъ западной Россіи послѣ-петровскаго времени. Особенно интересны сообщенія объ этихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ за время Елисаветы Петровны, принявшей дѣла о зарубежныхъ православныхъ подъ свое особое покровительство. Въ это время настойчивѣе становится и участіе въ этихъ дѣлахъ св. синода, во главѣ котораго находился Амвросій Юшкевичъ, не только уроженецъ западно-русскій, но и бывшій страдалецъ отъ уніатовъ. Тамъ не менѣе характеръ русской политики въ этихъ дѣлахъ представляетъ довольно печальныя черты, выступающія въ обстоятельномъ обзорѣ ея, сдѣланномъ авторомъ по документальнымъ источникамъ, которые вновь именуются или прилагаются въ извлеченіяхъ [1]). Достаточно упомянуть, что защитникомъ обидимыхъ православныхъ былъ долгое время резидентъ отъ русскаго правительства полякъ и католикъ Голембіовскій, симпатія котораго была почти всегда на сторонѣ обидчиковъ, а не защищаемыхъ.

---

[1]) Изъ архивовъ синодальнаго и бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ.

Не менѣе интересна въ новыхъ сообщеніяхъ г. Чистовича картина внутреннихъ нестроеній въ средѣ самой западно-русской церкви даннаго времени, напоминающихъ тѣ нестроенія, въ какихъ она застигнута была при началѣ уніи и отъ какихъ не успѣла излечиться въ цѣлые вѣка страданій. Тяжесть впечатлѣнія, производимаго этою картиною, уравновѣшивается впрочемъ еще болѣе печальною картиною деморализаціи въ средѣ латино-уніатской, латино-польской, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой служитъ поощреніе фанатиками пропаганды, особенно іезуитами, всякаго безчинія и неистовства учащейся во всѣхъ школахъ молодежи по отношенію къ схизматикамъ. Фанатики пропаганды, болѣе и болѣе проникаясь, по собственному выраженію ихъ, «страхомъ отъ схизматической державы», заступающейся за схизматиковъ, подвластныхъ Польшѣ, спѣшили, не разбирая средствъ, кончать дѣло пропаганды, чтобы окончить его, пока эта держава не проявитъ новой силы, пока держится надъ западною Русью власть Польши, ея сеймовъ, прелатовъ и пановъ. Но они не успѣли окончить своего дѣла. При видимомъ торжествѣ пропаганды, успѣвшей отнять у православія всѣ епископскія каѳедры, кромѣ одной бѣлорусской, отнять сотни церквей и монастырей и т. под., въ представителяхъ пропаганды не разъ сказывается тяжелое сознаніе, что успѣхи ея непрочны и призрачны, что если паны русскіе въ значительной части олатинены и ополячены, то народъ и въ уніи не любитъ латинства, да и самую унію держитъ болѣе наружно, уступая принужденію, но въ тайнѣ хранитъ преданія своего «благочестія» и надежду на возвращеніе къ нему. Оно началось съ 60-хъ годовъ XVIII в., а съ тѣмъ вмѣстѣ начался и новый послѣдній періодъ отдѣльнаго существованія западно-русской церкви.

Во второй главѣ «Очерка» излагается частная исторія епархій западно-русской церкви, начиная съ кіевской митрополіи и ея епархіи, простиравшейся на разныя участки Литвы, Бѣлоруссіи и польской Украйны, далѣе епархій: смоленской и черниговской, бѣлорусской, владиміро-брестской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской. Исторія каѳедръ и епархій повсюду иллюстрируется замѣтками о городахъ и областяхъ, составлявшихъ епархіи; авторъ даетъ краткія біографіи и характеристики лицъ, занимавшихъ каѳедры, свѣдѣнія о монастыряхъ, церквахъ, братствахъ, школахъ, болѣе замѣчательныхъ настоятеляхъ монастырей и инокахъ, также строителяхъ и благотворителяхъ монастырей и цѣлыхъ фамиліяхъ изъ высшей аристократіи и дворянства русскаго, бывшихъ православными и потомъ отпадшихъ въ латинство. Эта глава «Очерка» представляетъ первый опытъ сжатаго, но достаточно полнаго свода данныхъ мѣстной исторіи епархіальныхъ областей западно-

русской церкви, составленнаго съ помощію большаго запаса источниковъ и пособій. Зависимость отъ послѣднихъ отражается мѣстами на повтореніи чужихъ ошибокъ или предположеній, еще недоказанныхъ [1]). Борьба съ уніею и латинствомъ, составляющая наиболѣе общее и характеристическое явленіе въ судьбѣ всей западно-русской церкви въ данный періодъ, составляетъ такое-же явленіе и въ судьбѣ каждой изъ частей ея, представляемыхъ епархіями. Почти вездѣ одни и тѣ-же пріемы атаки со стороны уніи и латинства на достояніе православной церкви и способъ самообороны со стороны послѣдней; почти вездѣ одинъ и тотъ-же исходъ борьбы. Какъ при началѣ описываемаго періода первыми поддавшимися на унію изъ среды православнаго клира были іерархи, а первыми принявшими унію и латинство изъ среды мірянъ были паны и дворяне, такъ было это и потомъ въ большинствѣ епархій. Православіе тверже и долѣе держится тамъ, гдѣ существовали братства, органы церковнаго представительства въ среднемъ сословіи, и гдѣ сильнѣе были союзы народнаго представительства въ формѣ тѣхъ же братствъ, сельскихъ общинъ и военно-союзнаго бытоваго учрежденія, какъ козачество. Этими обстоятельствами, въ связи съ политическою судьбою края, объясняются и различія въ частной судьбѣ той или другой епархіи, при аналогическихъ чертахъ общей судьбы ихъ, какъ судьбы всей западно-русской церкви.

Такъ кіевская митрополія, пользуясь сравнительно независимымъ положеніемъ подъ охраною козачества еще и до присоединенія къ Малороссіи и послѣ того, успѣла сохранить достояніе православія не только въ полосахъ лѣвобережной Украины, принадлежавшихъ къ ея епархіи, но и на всей пограничной полосѣ правобережной или польской Украины, памятниками чего и служатъ монастыри кіевской епархія, сохранившіеся доселѣ только въ этой полосѣ ея. Въ этомъ-то маломъ останкѣ православныхъ въ польской Украинѣ завязался, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «Очерка», въ царствованіе Екатерины II узелъ возсоединенія уніатовъ Малороссіи съ православною церковію». Всецѣло устояли въ православіи епархіи черниговская, какъ вся принадлежавшая восточной Украинѣ, и большая часть смоленской, какъ сперва пограничной, потомъ отошедшей къ Россіи. Пограничностію положенія, большею сплошностію русскаго населенія и живучестію могилевскаго братства

---

[1]) Такъ напр. въ одномъ листѣ къ учителямъ кіево-братской школы домогилянскаго времени причисляется Мелетій Смотрицкій и Исаія Копинскій. Ниже говорится о будто-бы данномъ въ 1588 г. патріархомъ Іеремією Константину Острожскому благословеніи завести типографію въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

обусловливалась сохранность и могилевской православной каѳедры. Иная была судьба остальныхъ семи каѳедръ и епархій западно-русской церкви, представляющая однакоже въ частнѣйшихъ отличіяхъ этой судьбы по каждой изъ епархій вліяніе особенныхъ мѣстныхъ условій, какъ особеннаго отраженія общихъ условій исторической жизни всей западно-русской церкви. Для примѣра напомнимъ судьбу луцкой епархіи, въ которой существованіе православной каѳедры было насильственно прервано, по отсутствію защиты для нея. Такою защитою для нея и вообще для православія въ краѣ имѣло быть волынское дворянство, которое въ первое десятилѣтіе уніи чаще и энергичнѣе дворянствъ другихъ областей возвышаетъ голосъ за право церкви православной, которое обѣщало особенную свою опеку и новооснованному луцкому братству и даже представляло болѣе численную часть въ общемъ составѣ братствъ. И однакоже это братство довольно скоро и безслѣдно исчезло, не найдя въ дворянствѣ такой искренней и твердой опоры, какое имѣло братство львовское и виленское въ среднемъ сословіи и кіевское въ козачествѣ со времени Сагайдачнаго, и не будучи въ состояніи держаться силами средняго сословія, очень слабаго въ Луцкѣ, въ сравненіи съ городскими сословіями Львова, Перемышля и Вильны. Впрочемъ лучшій и всецѣло искренній поборникъ православія изъ волынскихъ дворянъ Лаврентій Древинскій понималъ, что сильнѣйшую опору православія представляютъ именно братства, какъ союзы лицъ средняго и болѣе близкаго къ народу сословія, посему и самъ вписывался въ число членовъ почти всѣхъ важнѣйшихъ братствъ, понималъ онъ и то, что за всѣми другими охранительными силами церкви остается въ запасѣ наиболѣе общая и несокрушимая сила народа, организующаяся въ силу могучую и грозную подъ знаменемъ козачества. Для Луцка и сосѣдней Волыни оскудѣла сила братства, сложившаяся здѣсь не столько изъ средняго сословія, сколько изъ дворянскаго, а общенародная сила, организованная въ козачествѣ, имѣла свои центры далеко отсюда. Поэтому-то пало безвременно и братство, упала за нимъ и православная каѳедра. Въ Львовѣ-же и Перемышлѣ братства, хотя на короткое время, а все таки пережили отпаденіе въ унію іерархіи и іерархическихъ каѳедръ, а главное—и перейдя въ унію, братства эти (особенно львовское) остались хранителями началъ народно церковной самобытности, не смотря на то, что дворянство и тамъ, какъ на Волыни, постепенно поотпадало въ латинство и ополячилось.

Въ очеркѣ исторіи монастырей и монашества по епархіямъ слѣдуетъ отмѣтить одно общее явленіе, отчетливѣе характеризуемое авторомъ въ слѣдующей III-й главѣ подъ рубрикой: «Западно-русскіе монастыри» (стр. 355—359). Въ первыя десятилѣтія борьбы западно-рус-

ской церкви съ нововозникшею уніею и латинскою пропагандою, возстановлявшей общежитіе во многихъ изъ прежнихъ монастырей, основалось немало новыхъ монастырей и общежитій въ нихъ. Эти-же десятилѣтія довольно богаты именами знаменитыхъ иноковъ, учителей иночества, какъ Іовъ княгининскій, Іовъ почаевскій и др. Но такой возбужденный духъ истиннаго монашества держится не особенно долго, и самыя имена примѣрныхъ иноковъ и руководителей иночества становятся все рѣже и рѣже. Это поворотное движеніе къ упадку иноческаго духа, оскудѣнію истиннаго монашества замѣчается уже къ концу XVII вѣка, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ до самаго конца періода, обнимаемаго «Очеркомъ». Чѣмъ объяснить это явленіе? Естественно, что новость опасностей, съ уніею наставшихъ для церкви, способствовала возбужденію и подъему духовныхъ силъ въ церкви, въ лицѣ болѣе воспріимчивыхъ и преданныхъ членовъ ея, облекавшихся въ иночество и глубоко проникшихся общимъ высшимъ интересомъ церкви—интересомъ защиты ея, св. вѣры, преданій, уставовъ. Этотъ интересъ и указывается обыкновенно, какъ высшій интересъ, во имя котораго основываются новые монастыри и получаютъ богатыя «наданья» отъ создателей и патроновъ. Но почему-же этотъ интересъ, продолжавшій существовать во весь описываемый періодъ, не продолжалъ удерживать свое начальное воспитательное вліяніе на западно-русское монашество, а съ тѣмъ вмѣстѣ удерживать послѣднее на прежнемъ подъемѣ духовномъ и даже вліять на дальнѣйшее возвышеніе нравственнаго духа его?.. Не вдаваясь въ болѣе общее сужденіе по этому вопросу, можемъ до нѣкоторой степени объяснить нравственный упадокъ западно-русскаго монашества, примѣтный особенно къ половинѣ XVIII вѣка, такими обстоятельствами временнаго характера, какъ отливъ очень многихъ и часто наилучшихъ силъ его въ сѣверную Русь, усилившійся особенно съ начала XVIII вѣка, разстройство общаго порядка въ западно-русской церкви, причиненное ей бѣдствіями времени, затруднившее надзоръ, дисциплину, поощрявшее распущенность, бродяжничество, при усиленіи, въ ущербъ началамъ монастырскаго общежитія, интересовъ личнаго стяжанія, находившихъ теперь деморализующее поощреніе съ одной стороны въ безнаказанности отъ далекой или совсѣмъ отсутствующей власти іерархической, съ другой стороны въ самой неувѣренности, что принадлежащее монастырю сегодня не будетъ завтра захвачено врагами православія изъ уніатовъ, польскихъ пановъ и т. п.

Въ третьей главѣ «Очерка» изображается *внутреннее состояніе западно-русской церкви.* Начиная общею характеристикою внутренняго состоянія западно-русской церкви въ данный періодъ, авторъ справед-

ливо утверждаетъ, что не смотря на крайнія замѣшательства и стѣсненія, порожденныя для нея уніей, православіе еще прочно держалось въ ней во все продолженіе XVII вѣка, и что болѣе рѣшительный поворотъ къ уніи и усиленіе въ русскихъ областяхъ польскаго элемента произошли въ концѣ XVII вѣка, послѣ такъ называемаго вѣчнаго мира съ Польшею и, прибавимъ мы, послѣ прутскаго договора 1712 года. Ибо если вѣчный миръ 1686 г., крайне непріятный полякамъ, пробудилъ въ нихъ страшный фанатизмъ; то прутскій договоръ оставлялъ просторъ дѣйствіямъ этого фанатизма, встрѣчавшимъ постоянный и сильный отпоръ только въ тѣсно связанной съ Кіевомъ полосѣ польской Украйны по Днѣпру, гдѣ поэтому унія, торжествующая на всемъ пространствѣ западной Россіи, не успѣла пустить глубокихъ корней. Въ связи съ такою судьбою православія въ борьбѣ его съ уніею и латинскою пропагандою опредѣлилось и все внутреннее состояніе западно-русской церкви. Очеркъ этого состоянія, при всей сжатости (на 43 страницахъ) обнимаетъ все наиболѣе великое и существенное, начиная съ высшаго управленія до приходскихъ церквей и бѣлаго духовенства. Особенно назидательное явленіе времени представляютъ соборы, какъ общіе, такъ и мѣстные или епархіальные. Тѣ и другіе прекратились впрочемъ уже съ конца XVII вѣка, потому что вскорѣ затѣмъ уже некому было созывать соборы въ подвластныхъ Польшѣ предѣлахъ западно-русской церкви, а съ учрежденіемъ святѣйшаго синода прекратилась возможность созывать соборы и для кіевской митрополіи. Обстоятельствами времени обусловливалось также широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Міряне участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ: кіевское духовенство и шляхетство вольными голосами избирали митрополита, какой порядокъ прекратился съ 1722 года, когда архіепископъ Кіева избранъ былъ святѣйшимъ синодомъ. Братства выбирали настоятелей братскихъ монастырей; братія кіево-печерскаго монастыря и прочихъ ставропигіальныхъ монастырей выбирали себѣ архимандритовъ. Но послѣ того, какъ дворянство мало по малу перешло въ латинство, участіе мірянъ въ духовныхъ дѣлахъ ограничивалось патронатствомъ пановъ надъ церквями и духовенствомъ, которое стало очень тяжкимъ для послѣднихъ при патронахъ полякахъ или ополячившихся русскихъ. Въ слѣдующей затѣмъ рѣчи о братствахъ выясняются особенно отношенія ихъ къ іерархіи. Полнѣе говорится далѣе о духовномъ просвѣщеніи, братскихъ школахъ, кіевской академіи, кіевскихъ ученыхъ и проч. Обычно повторяемыя свѣдѣнія о школахъ, учителяхъ и ученыхъ западно-русской церкви съ конца XVI вѣка могли-бы быть въ настоящее время пополнены указаніемъ на Венецію, откуда, вслѣдъ за греками, выносили образованіе и русскіе, особенно галицкіе.

Заслуживала бы упоминанія мысль *о духовныхъ семинаріяхъ* при каѳедрахъ и монастыряхъ, не одинъ разъ заявленная волынскими дворянами на съѣздахъ ихъ еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, хотя и оставшаяся безъ осуществленія, если впрочемъ не признать вліянія этой мысли на школьныя учрежденія Елисаветы Гулевичъ и самаго Петра Могилы. Достойна также памяти забытая въ «Очеркѣ» мысль Петра Могилы объ учрежденіи (въ никольскомъ монастырѣ) особаго братства ученыхъ иноковъ, не разъ поднимаемая потомъ и въ сѣверной Руси, но потомъ заглохшая. Въ общей судьбѣ просвѣщенія долженъ быть отмѣченнымъ стоящій въ связи съ общею судьбою западно-русской церкви фактъ оскудѣвія въ ея предѣлахъ ученыхъ иноковъ къ половинѣ XVIII в., вслѣдствіе упадка братскихъ школъ и монастырей, а потомъ сильнаго отлива кіевскихъ ученыхъ иноковъ въ сѣверную Русь. Не останавливаясь на другихъ вообще интересныхъ статьяхъ этой главы, прибавимъ только, что въ рѣчи объ управленіи она могла-бы быть пополнена замѣчаніями о консисторіяхъ и протопопіяхъ, а въ рѣчи о приходскихъ церквахъ и духовенствѣ замѣчаніями объ обычаѣ выбора приходскихъ священниковъ приходскими общинами, мѣстами еще державшемся и въ подвластныхъ Польшѣ областяхъ западно-русской церкви.

Въ послѣдней главѣ, подъ заглавіемъ: *западно-русская церковная унія*, представленъ сперва общій очеркъ внутренняго устройства уніатской церкви и ея отношеній къ латинству въ историческомъ развитіи ихъ, а затѣмъ очеркъ исторіи уніатской митрополіи и уніатскихъ епархій съ каталогами уніатскихъ іерарховъ. Въ русской церковно-исторической литературѣ это есть именно *первый* опытъ цѣльнаго историческаго очерка уніатской церкви, составленнаго весьма основательно, съ вѣрными и выразительными характеристиками возникавшихъ явленій въ быту и судьбѣ уніатской церкви. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ печатныхъ изданій русскихъ и особенно галицко-русскихъ и другихъ, пополнены во многомъ съ помощію архива уніатскихъ митрополитовъ. Особенное вниманіе удѣлено историкомъ освѣщенію отношеній латинства къ уніи, сперва какъ будто только дружескихъ, потомъ пренебрежительныхъ, даже угнетательныхъ, разсчитанныхъ на поглощеніе уніи латинствомъ, что, какъ извѣстно, было сообразно еще съ печальною мыслію о ней іезуита Поссевина, называвшаго проэктируемую имъ унію «мостомъ къ латинству», еще болѣе сообразовалось съ польскими видами на полонизацію Руси и наконецъ просто съ эгоистически-корыстными видами латино-польскихъ прелатовъ и ксендзовъ, лакомившихся на уцѣлѣвшія въ уніатской церкви имѣнія, десятины и проч. За то такое отношеніе

польскаго латинства къ уніи помогло потомъ и дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православною церковію.

Краткими замѣчаніями нашими объ «Очеркѣ исторіи западно-русской церкви» мы хотѣли дать только общее представленіе объ этомъ въ высокой степени почтенномъ и полезномъ трудѣ, обработанномъ съ богатымъ запасомъ знанія и таланта, сказывающагося въ самомъ умѣньи— въ сжатомъ очеркѣ обнять, опредѣлить и выяснить все главное и существенное.

И. Малышевскій.

Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1884 г. 183 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Выписанное заглавіе принадлежитъ книгѣ молодаго харьковскаго ученаго, съ трудами котораго по исторіи южнорусской литературы знакомы читатели «Кіевской Старины». Авторъ задался цѣлью подготовить почву для полной, систематической исторіи южнорусской литературы XVII в., которая въ настоящее время невозможна еще по малоизвѣстности и незначительной обработкѣ матеріала. «Имѣя въ виду упростить ходъ научной работы посредствомъ раздѣленія ея на части, я рѣшился, говоритъ авторъ въ предисловіи, издавать свое сочиненіе по исторіи южно-русской литературы XVII в. выпусками различной величины, отъ 3 до 14 печатныхъ листовъ, смотря по историко-культурной важности писателя и по количеству и качеству научныхъ источниковъ и пособій. Каждый выпускъ долженъ заключать въ себѣ полную и цѣльную характеристику того или другаго южнорусскаго писателя XVII в., съ разъясненіемъ современной ему литературной и бытовой обстановки». Первый выпускъ посвященъ дѣятельности Лазаря Барановича, второй и третій составятъ статьи объ Іоанникіи Галятовскомъ и Иннокентіи Гизелѣ, напечатанныя въ нашемъ журналѣ.

Нельзя не одобрить выбора автора, обратившагося съ своими изслѣдованіями именно къ XVII в., времени въ высшей степени замѣчательному, какъ въ исторіи южнорусской литературы, такъ и вообще въ жизни Малороссіи. Для литературы южнорусской 2-я половина XVII столѣтія была временемъ полнаго разцвѣта, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ такихъ именъ, какъ Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, Гизель, св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и проч. Со стороны внутренняго состоянія Малороссіи это былъ періодъ, когда борьба политическая перестала

быть удѣломъ народныхъ массъ и перешла въ высшіе классы населенія. Вышедши вслѣдствіе разныхъ причинъ изъ состоянія броженія, народъ равнодушно смотрѣлъ на то, кому онъ будетъ принадлежать de jure, лишь-бы не были задѣваемы самыя насущныя его нужды; онъ поэтому какъ-бы не замѣтилъ разлома Украины по Андрусовскому миру и оставался инертнымъ при всѣхъ возбужденіяхъ сверху. Для высшаго класса, старшины и духовенства, напротивъ, это было время разочарованія въ московской опекѣ и напряженной борьбы за основы малорусской жизни въ виду правительственныхъ ограниченій. Въ этой борьбѣ принималъ участіе каждый сознававшій положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе человѣкъ образованный. Вотъ почему разсматривать малорусскаго писателя XVII вѣка только со стороны его литературной дѣятельности значитъ совершенно обезоруживать его и отказываться отъ пониманія его личности и значенія. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно такихъ высокихъ въ тогдашней общественной іерархіи лицъ, какъ черниговскій архіепископъ, печерскій архимандритъ и т. п. Правъ по этому г. Сумцовъ, излагая біографіи избранныхъ имъ писателей «съ разъясненіемъ современной имъ литературной и бытовой обстановки».

Обратимся теперь къ характеристикѣ Лазаря Барановича, какъ она представляется въ книгѣ г. Сумцова. По принятому авторомъ мнѣнію покойнаго протоіерея Страдомскаго, весьма вѣроятному, Барановичъ родился въ 1593 г. (по черниговской лѣтописи въ 1620), т. е. прожилъ ровно сто лѣтъ (умеръ въ сентябрѣ 1693 г.). Невольное благоговѣніе возбуждаетъ эта долгая жизнь, свидѣтельница и участница столькихъ бѣдъ и радостей роднаго края! Барановичъ вполнѣ сознательно пережилъ время пробужденія малорусскаго народа при Сагайдачномъ, его борьбу и торжество при Хмельницкомъ, видѣлъ во очію и испыталъ результаты этой борьбы при рядѣ преемниковъ Хмельницкаго до Мазепы включительно и умеръ съ яснымъ сознаніемъ того, куда направляется дальнѣйшій путь народной жизни. Нельзя не дорожить всѣмъ, что передумалъ и высказалъ такой человѣкъ, а высказалъ онъ много, потому что имѣлъ возможность многое видѣть и знать. Лазарь Барановичъ родился въ Черниговщинѣ, воспитаніе получилъ въ кіевской школѣ богоявленскаго братства, хотя въ «Старомъ костелѣ» Галятовскаго говорится, что Барановичъ развилъ свой умъ въ виленской, кіевской и калишской академіяхъ. Въ сороковыхъ гг. XVII столѣтія онъ состоялъ преподавателемъ въ могилянской академіи, а съ 1650 года ея ректоромъ, хотя не долго. Въ 1652—57 г. Барановичъ былъ по очереди игуменомъ купятицкаго, кіево-кирилловскаго и дятеловскаго монастырей. По одобрительнымъ грамотамъ митрополита Сильвестра Коссова и гетмана Бог-

дапа Хмельницкаго онъ весною 1657 г. былъ хиротонисанъ въ Яссахъ во епископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго и въ этомъ санѣ оставался до смерти, при чемъ два раза былъ блюстителемъ митрополичьей кіевской каѳедры, а въ 1666 году на извѣстномъ никоновскомъ соборѣ въ Москвѣ получилъ отъ трехъ патріарховъ и царя грамоту, именовавшую его архіепископомъ. Вотъ curriculum vitae арх. Лазаря. Занимая важный постъ архіепископа черниговскаго, Барановичъ естественно долженъ былъ имѣть большое вліяніе на дѣла лѣвобережной Малороссіи; особенно выдающуюся роль онъ игралъ при гетманѣ Д. Многогрѣшномъ, который былъ его креатурой. И надо отдать справедливость такту и патріотизму, съ которымъ Барановичъ умѣлъ держаться честно и стойко между двумя противоположными элементами—современнымъ малорусскимъ обществомъ и московскимъ правительствомъ. Покорность московской власти безъ излишняго униженія, стремленіе и умѣнье лаской и заискиваніемъ оградить не только свои личные, но и общественно-народные интересы,—вотъ сущность его отношенія къ Москвѣ. Но не въ этомъ центръ тяжести дѣятельности Барановича, гораздо важнѣе его внутренняя дѣятельность, какъ администратора епархіи и духовнаго писателя. Какъ литераторъ, онъ былъ душою патріотическаго кружка писателей и ученыхъ, иниціаторомъ, энергическимъ дѣятелемъ и практикомъ; кромѣ разнаго рода сочиненій, онъ велъ переписку со многими современными учеными и политическими дѣятелями, основалъ и поддерживалъ собственную типографію сначала въ Новгородъ Сѣверскѣ, потомъ въ Черниговѣ. Г. Сумцовъ приводитъ любопытный перечень книгъ, изданныхъ въ этихъ двухъ типографіяхъ за все время ихъ существованія; оказывается, что при жизни Барановича онѣ выпустили до 50 изданій и болѣе сотни послѣ его смерти. Что касается общераспространеннаго мнѣнія (между прочимъ и Н. И. Костомарова), что писанія Барановича, особенно его проповѣди, представляютъ схоластическій наборъ словъ, безъ внутренняго смысла и содержанія, то съ нимъ соглашается отчасти и авторъ разбираемой книги. Особенная-же заслуга г. Сумцова состоитъ въ томъ, что онъ всесторонне изслѣдовалъ сочиненія Барановича на польскомъ языкѣ, которыя до сего времени незаслуженно игнорировались. «Лютня» Барановича несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ далеко не чуждъ поэтическаго таланта, хотя весьма часто зерна истинной поэзіи пересыпались массою пустаго риемоплетства, что однако оправдывается отчасти духомъ времени. Вообще въ книгѣ г. Сумцова личность Лазаря Барановича выступаетъ рельефно, со всѣми ея достоинствами и недостатками. **Ѳ. Н.**

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАГО ДѢЛА ВЪ КІЕВѢ.

Останавливаясь надъ протекшей культурной жизнью Кіева, не разъ задаешься вопросомъ: отъ чего Кіевъ, въ которомъ такъ много традицій широкой культурной дѣятельности съ самыхъ отдаленныхъ временъ, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи столь долгое время не имѣлъ ни одного печатнаго органа, который служилъ-бы выразителемъ его культурной жизни, умственной и нравственной его физіономіи, когда Харьковъ, этотъ сравнительно очень юный братъ Кіева, имѣлъ такого выразителя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ видѣ журнала «Украинскій Вѣстникъ» (основаннаго въ 1817 г.). Какъ извѣстно, первыми печатными органами въ Кіевѣ были: духовно-нравственный журналъ «Воскресное Чтеніе», основанный при кіевской духовной академіи въ 1837 г., и «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», появившіяся спустя лѣтъ десять; но и спустя еще болѣе десяти лѣтъ къ нимъ не прибавилось ни одного какого бы то ни было періодическаго изданія. Невольно является при этомъ вопросъ: неужели даже такое крупное событіе, какъ основаніе университета, несомнѣнно измѣнившее и конечно къ лучшему условія культурной жизни города и всего края, не вызвало въ обществѣ потребности въ созданіи мѣстнаго учено-литературнаго органа? Вѣдь съ открытіемъ университета въ Кіевѣ, не говоря уже объ общемъ

подъемѣ умственныхъ силъ въ краѣ, долженъ былъ сказаться наплывъ учено-литературныхъ элементовъ, для которыхъ въ такомъ органѣ не могъ не чувствоваться недостатокъ.

На этотъ вопросъ, котораго, на сколько намъ извѣстно, никто не затронулъ ни въ рѣчахъ, ни въ статьяхъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея кіевскаго университета, между тѣмъ какъ для указанія значенія открытія университета въ краѣ былъ, помимо другихъ, еще и этотъ поводъ, нѣкоторый отвѣтъ мы нашли въ доставшейся намъ части бумагъ М. А. Максимовича, перваго ректора кіевскаго университета. Изъ нихъ мы узнаемъ, что попытка основать въ Кіевѣ нѣчто въ родѣ журнала была сдѣлана сейчасъ-же послѣ открытія университета. Принадлежала-ли иниціатива этого дѣла университету, былъ-ли онъ приглашенъ къ участію въ немъ, или только принятъ въ разсчетъ какъ рабочая сила и какъ подписчикъ, отвѣта на это въ нашихъ бумагахъ не находимъ. Тѣмъ не менѣе мы ознакомимъ съ ними читателей «Кіевской Старины», въ надеждѣ вызвать болѣе подробныя разъясненія названной попытки у лицъ, а главное учрежденій, въ которыхъ должны храниться обстоятельныя данныя по этому дѣлу.

2-го мая 1835 года, за № 10,378, М. А. Максимовичъ получилъ отъ исправлявшаго должность гражданскаго губернатора *Пенкина* слѣдующее приглашеніе на печатномъ бланкѣ.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Г. кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, убѣждаясь пользами и потребностями высочайше ввѣренныхъ управленію его сіятельства губерній, предполагаетъ испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала. Журналъ сей, кромѣ сообщенія жителямъ ввѣренныхъ его сіятельству губерній необходимыхъ для быта каждаго мѣстныхъ свѣдѣній, предполагаетъ извѣщать ихъ, сколь возможно поспѣшнѣе, о всѣхъ распоряженіяхъ правительства, въ особенности ко ввѣреннымъ его сіятельству губерніямъ относящихся, о замѣчательныхъ произведеніяхъ отечественной литературы, о новѣйшихъ событіяхъ вѣка, направленіи современнаго просвѣщенія и открытіяхъ, совершающихся въ области наукъ, искуствъ и промышленности».

«Журналъ сей, издаваясь въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ, имѣетъ вмѣстѣ цѣль и благотворенія».

«Но какъ изданіе, при заведеніи для сего типографіи, требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя должны покрываться подписною суммою, то г. военный губернаторъ о таковомъ своемъ предположеніи предложить изволилъ предварительно мнѣ о приглашеніи подписчиковъ на сей предметъ».

«Бывъ увѣренъ, что ваше высокородіе не откажетесь отъ принятія участія въ семъ общеполезномъ предпріятіи, а равно и пригласить подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ къ подпискѣ на сей журналъ, я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня скорѣйшимъ увѣдомленіемъ, съ приложеніемъ и самого листа о числѣ подписчиковъ на сей журналъ, для представленія о томъ его сіятельству».

«Для лучшаго-же усмотрѣнія предметовъ, имѣющихъ помѣщаться въ журналѣ, прилагая при семъ одинъ экземпляръ конспекта сего изданія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ»......

Въ бумагахъ М. А. Максимовича сохранился и самый конспектъ этого журнала въ двухъ экземплярахъ; изъ нихъ одинъ печатный, за подписью правителя канцеляріи А. Покровскаго, а другой рукописный, неизвѣстно, ранѣе или позже печатнаго составленный, но имѣющій нѣкоторыя характерныя отличія въ содержаніи. Изъ этого рукописнаго конспекта мы узнаемъ, что предполагавшійся журналъ долженъ былъ называться «Кіевскія Новости». Приводимъ текстъ печатнаго конспекта съ добавками по рукописному.

КОНСПЕКТЪ ЖУРНАЛА, ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ИЗДАВАТЬ ВЪ КІЕВѢ.

Журналъ сей предполагается издавать въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ.

Содержаніе: 1-е) Краткія извѣстія о высочайшихъ повелѣніяхъ и указахъ, и о распоряженіяхъ правительства въ отношеніи къ 3-мъ губерніямъ: кіевской, волынской и подольской.

2) Извѣстія о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ на мѣста первыхъ 4-хъ классовъ и о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ по 3-мъ означеннымъ губерніямъ чиновниковъ, классныя мѣста занимающихъ.

3) Извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ Россіи и особенно въ означенныхъ губерніяхъ.

4) Извѣстія о контрактахъ, ярмаркахъ и вообще статистическія свѣдѣнія о помянутыхъ губерніяхъ.

5) Историческія, археологическія открытія и современныя статистическія замѣчанія собственно о Кіевѣ.

6) Извѣстія о кіевскомъ учебномъ округѣ и объ университетѣ св. Владиміра съ конспектами читаемыхъ въ ономъ лекцій.

7) Новости политическія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и журналовъ (въ рукописномъ конспектѣ прибавлено еще: «монархическаго направленія)», точно такъ, какъ новости сіи печатаются въ С.-Петербургскихъ газетахъ и журналахъ.

8) Извѣстія о замѣчательнѣйшихъ книгахъ, вновь выходящихъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, въ особенности, если оныя относятся къ губерніямъ кіевской, подольской и волынской.

9) Извѣстія о новыхъ открытіяхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, по части наукъ, искуствъ и промышленности».

(Въ рукописномъ конспектѣ вслѣдъ за симъ прибавлено: «Фельетонъ журнала»).

Журналъ сей будетъ выходить два раза въ недѣлю на большихъ листахъ, въ три колонны такой печати, какъ «Сѣверная Пчела». Цѣна за годовое изданіе 25 рублей ассигнаціями; съ пересылкою въ другія города и разноскою по домамъ въ Кіевѣ—30 руб. ассигнаціями».

Далѣе указывается, что къ журналу будутъ издаваться приложенія со всякими объясненіями и извѣстіями, а въ рукописномъ конспектѣ, сверхъ того, сказано, что «черезъ каждыя двѣ недѣли предполагается издавать къ сему журналу литературныя прибавленія книжками». Содержаніе этихъ послѣднихъ слѣдующее: «Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ во всѣхъ родахъ отечественной литературы, статьи переводныя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ, разныя литературныя извѣстія и пр.».

И такъ, вотъ въ какомъ видѣ и вотъ по какой программѣ предполагалось первое періодически-литературное изданіе въ Кіевѣ. Если даже предположить, что починъ въ этомъ дѣлѣ исключительно принадлежалъ бывшему тогда генералъ-губернатору графу Вас. Вас. Левашову, то и въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что самая мысль у графа появилась подъ вліяніемъ недавно совершившагося факта открытія университета св. Владиміра, учено-литературныя силы котораго могли служить залогомъ успѣха сего предпріятія. Что мысль объ основаніи журнала не была плодомъ мимолетной фантазіи графа, доказывается другимъ документомъ, сохранившимся въ бумагахъ М. А. Максимовича, а именно: мѣсяцъ спустя, 4-го іюня 1835 года за № 13,405, Максимовичъ опять получилъ отъ того-же исправляющаго должность гражданскаго губернатора Пенкина отношеніе слѣдующаго содержанія:

«Отъ 2-го минувшаго мая, № 10,378, я имѣлъ честь извѣстить ваше высокородіе о предположеніи г. кіевскаго военнаго губернатора испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ извѣстить меня о числѣ подписчиковъ на сей журналъ изъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ. Бывъ обязанъ представить въ скоромъ времени его сіятельству, г. военному губернатору свѣдѣніе объ успѣхѣ дѣйствій въ семъ общеполезномъ предпріятіи, я вновь обращаюсь къ вашему высокородію съ покорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ о числѣ подписчиковъ на упомянутый журналъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ»... и проч.

Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобъ опредѣлить, каковъ былъ результатъ подписки вообще, но по университету въ частности его нельзя назвать блистательнымъ: на сохранившемся въ бумагахъ Максимовича подлинномъ подписномъ листѣ красуется всего восемь подписчиковъ: М. Максимовичъ, А. Петровъ, Ф. Лепцъ (3 экземпляра, изъ которыхъ два для благороднаго пансіона и для кіевской гимназіи), С. Выжевскій, Фр. Моховичъ и К. Неволинъ.

Какой былъ дальнѣйшій ходъ этого литературнаго предпріятія, неизвѣстно. Что оно не осуществилось, объ этомъ во всякомъ случаѣ можно пожалѣть. При хорошей и правильной постановкѣ дѣла изъ проэктировавшагося тогда изданія въ теченіи полустолѣтія могъ-бы выработаться такой солидный органъ, до котораго Кіеву и теперь

еще далеко. Но кажется, что именно такой постановки не имѣло это дѣло въ самомъ началѣ; и едвали не въ этомъ была причина постигшей его неудачи. Какъ видѣли уже мы изъ приведенной переписки, журналъ предназначался «въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ», а подписчики привлекались посредствомъ оффиціальныхъ сношеній и подписныхъ листовъ; отсюда не трудно заключить, что и сотрудники вербовались тѣмъ-же путемъ, и что имъ предоставлялась благородная роль быть благотворителями бѣдныхъ. Не мудрено, что такое изданіе не могло осуществиться. Если мысль объ немъ принадлежала тогдашнему генералъ-губернатору графу Левашеву, то съ выходомъ его въ 1836 г. она должна была заглохнуть, ибо послѣ него на короткое время былъ генералъ-губернаторомъ графъ Гурьевъ, не задававшійся такими высокими цѣлями, а за тѣмъ въ управленіе краемъ вступилъ Д. Г. Бибиковъ, предпочитавшій другія средства для регулированія жизни края. Кажется, что единственнымъ слѣдомъ этой литературной попытки было изданіе Максимовичемъ трехъ книжекъ «Кіевлянина» съ промежутками въ два-три года и болѣе. По крайней мѣрѣ въ содержаніи этого Альманаха есть значительное сходство съ тѣми приложеніями, какія проэктировались къ журналу «Кіевскія Новости».

Во всякомъ случаѣ для исторіи просвѣщенія Кіева мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что сейчасъ-же послѣ открытія университета въ Кіевѣ явилась въ немъ попытка основать литературный органъ «*Кіевскія Новости*», и что объ этой неудавшейся попыткѣ теперь, черезъ 50 лѣтъ, приходится сообщить «*Кіевской Старинѣ*».

В. Науменко.

ДАВНО ЗАБЫТАЯ ДРЕВНѢЙШАЯ КІЕВСКАЯ СВЯТЫНЯ.

Это глава св. Климента, епископа римскаго, принесенная Владиміромъ изъ Херсонеса въ Кіевъ. Сохранилась-ли она и гдѣ именно теперь находится? Ставимъ этотъ вопросъ безъ надежды дать на него сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ, ставимъ для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ и вызвать со стороны ихъ попытки если не къ положительному разрѣшенію этого вопроса, то по крайней мѣрѣ къ

открытію какихъ либо слѣдовъ нахожденія гдѣ либо, въ то или другое время, этой древнѣйшей христіанской и въ частности нашей кіевской святыни. Утрачена-ли она навсегда безвозвратно, когда именно утрачена или хранится гдѣ нибудь безъ имени, никѣмъ не признаваемая—вотъ сущность вопроса, который мы ставимъ теперь.

Вопросъ этотъ, какъ намъ положительно извѣстно, предлагалъ въ послѣдніе годы своей жизни святитель Филаретъ, митрополитъ московскій, митрополиту кіевскому Арсенію, но не получилъ желаемаго отвѣта. Вопросомъ этимъ болѣе двухъ лѣтъ занятъ профессоръ оксфордскаго университета *Тозеръ* (H. I. Tozer), тщетно пока напрягая всѣ средства своей учености къ его разрѣшенію. Этотъ вопросъ поставленъ намъ лицами, близко стоящими къ почтенному профессору и желающими помочь разрѣшенію принятой имъ на себя задачи. Гдѣ-же и спрашивать о главѣ св. Климента, какъ не тамъ, куда она была перенесена и гдѣ хранилась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ? Но—увы!—мы, отдаленные потомки хранившихъ и чтившихъ эту первую христіанскую святыню на русской землѣ менѣе, быть можетъ, знаемъ о судьбѣ ея, чѣмъ почтенный изыскатель, живущій отъ насъ за морями.

Сгруппируемъ доступныя намъ скудныя историческія данныя о св. Климентѣ и его главѣ, чтобы яснѣе былъ вопросъ, который мы ставимъ на разрѣшеніе спеціалистовъ.

Св. Климентъ, папа римскій, во время гоненія на христіанъ въ самомъ Римѣ, при императорѣ Троянѣ, въ 94 г. по Р. Хр. былъ сосланъ въ древній Херсонесъ Таврическій, въ находившіяся тамъ римскія каменоломни и, найдя здѣсь до 2000 христіанъ, въ большинствѣ, вѣроятно, сосланныхъ, какъ и онъ, съ такимъ успѣхомъ и ревностію распространялъ здѣсь христіанство, что привлекъ сюда новое гоненіе со стороны языческаго Рима, во время котораго и самъ брошенъ былъ (въ 100 г.) въ море съ навязаннымъ на шею тяжелымъ камнемъ. Тѣло его волнами моря выброшено на берегъ и, бывъ погребено въ Херсонесѣ, въ гробницѣ изъ бѣлаго мрамора, стало предметомъ благоговѣйнаго поклоненія мѣстныхъ и другихъ христіанъ, во множествѣ стекавшихся ко гробу св. Климента 25 ноября, въ день его кончины, а имя его

вскорѣ стало чествоваться во всей христіанской церкви Запада и Востока.

Но протекло семь столѣтій, Херсонесъ переиспыталъ много превратностей, смѣнились его владѣтели и населеніе, самая церковь, въ которой погребены его останки, была подмыта волнами моря, и когда св. Кириллъ, первоучитель славянскій, въ 861 г., по пути къ хозарямъ, прибылъ въ Херсонесъ, никто изъ тамошнихъ жителей не могъ отвѣтить на его вопросъ о мѣстѣ погребенія св. Климента. Только послѣ долгихъ распросовъ, съ помощію архіепископа херсонскаго, удалось ему отыскать мощи священно-мученика. Онъ выпросилъ ихъ для себя, оставивъ на мѣстѣ главу Климентову, долго странствовалъ съ ними для проповѣди Христовой вѣры и только по прибытіи въ Римъ въ концѣ 867 или началѣ слѣдующаго года принесъ ихъ въ даръ папѣ Адріану II.

Когда спустя около 130 лѣтъ Херсонесомъ овладѣлъ князь кіевскій Владиміръ, принявшій здѣсь св. крещеніе, глава св. Климента, сохранявшаяся здѣсь до того времени въ подобающемъ чествованіи, была взята имъ въ числѣ прочей христіанской святыни и по принесеніи ея въ Кіевъ положена въ новосооруженной Владиміромъ Десятинной церкви [1]). Она хранилась здѣсь при Ярославѣ Мудромъ, съ именемъ котораго связаны нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о погребеніи Климента и перенесеніи главы его въ Кіевъ, подтверждающія и дополняющія краткое упоминаніе объ этомъ нашей лѣтописи. Дѣло въ томъ, что на дочери Ярослава Аннѣ въ сороковыхъ годахъ XI ст. сватался король французскій Генрихъ, и для переговоровъ по этому дѣлу ко двору Ярослава было отправлено изъ Франціи посольство, во главѣ котораго находился епископъ шалонскій *Рогерій*, первый суффраганъ реймской митрополіи. При отправленіи этого послѣдняго въ Россію, нѣкто Ольдерикъ, настоятель церкви св. Маріи въ Реймсѣ, просилъ его развѣдать, въ тѣхъ-ли странахъ находится Херсонъ, въ которомъ,

---

[1]) Лѣтописецъ въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ: «Володимеръ-же, взямъ царицю и Настаса, и попы корсунскія, мощи св. Климента и Фива, ученика его, и поима сосуды церковныя и иконы на благословенье себѣ» (Ипатск. лѣтоп., стр. 79). Очевидно слово *мощи* употреблено здѣсь вм. головы, какъ цѣлое вм. своей части.

какъ извѣстно было ему по слуху, почивали мощи св. Климента (Ист. госуд. рос. Карамзина, т. III, гл. 2, примѣч. 42). Любопытство Ольдерика было удовлетворено больше, чѣмъ онъ могъ того ожидать. Возвратившійся Рогерій передалъ ему, что, будучи въ Кіевѣ, онъ самъ видѣлъ тамъ главу св. Климента и ученика его Фива, которыя показывалъ ему великій князь кіевскій Ярославъ. Показывая эту святыню, Ярославъ, по словамъ Рогерія, произнесъ: «Мы сами нѣкогда были тамъ (въ Херсонесѣ) на богомоленіи и принесли ихъ оттуда», изъ чего можно заключать, что Ярославъ былъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Владиміромъ въ Херсонесѣ, во время его крещенія (ему могло быть тогда 12—14 лѣтъ). При этомъ Ярославъ пояснилъ, что во 1-хъ брошенное въ море тѣло св. Климента ежегодно въ день его рожденія чудесно всплывало въ гробницѣ на поверхность моря и привлекало массы молящихся, во 2-хъ что оно было вынуто изъ моря папою *Юліемъ*, бывшимъ въ Херсонесѣ для подавленія проникшей туда аріанской ереси,—вынуто по повелѣнію Божію, для чего и самое море на ту пору разверзлось и открыло чудесную гробницу, въ 3-хъ что похоронивъ въ особо построенной на берегу церкви нетлѣнные останки, папа Юлій часть ихъ принесъ въ Римъ и что въ то время, когда эту часть торжественно встрѣчали въ Римѣ, на морѣ у Херсонеса всплыла самая гробница, а подъ нею открылся островъ, на которомъ жители устроили церковь въ честь св. Климента и подплывали къ ней на лодкѣ [1]).

Въ обширной Десятинной церкви, въ которой хранилась глава св. Климента, самимъ-ли Владиміромъ или сыномъ его Ярославомъ былъ, кажется, устроенъ придѣлъ во имя священно-мученика, ибо Дитмаръ, писатель XI в., говоря о Десятинной церкви, называетъ ее церковью св. Климента; а быть можетъ церковь называлась такъ и по преобладающему значенію хранившейся въ ней святыни и

[1]) Разсказъ этотъ приводится въ жизнеописаніи Кирилла и Меѳодія, въ изданіи Болландистовъ *Acta Sanctorum*, причемъ замѣчается, что онъ изложенъ Ольдерикомъ въ видѣ замѣтки на поляхъ рукописнаго сборника сказаній о страданіяхъ мучениковъ (въ томъ числѣ св. Климента), присланнаго издателямъ изъ *С. Омера*. Быть можетъ, эта рукопись и доселѣ хранится въ музеѣ Болландистовъ въ Бельгіи, и любопытный текстъ приписки, сдѣланной на ней Ольдерикомъ, могъ бы быть возстановленъ во всей точности.

тогда это названіе говоритъ объ особомъ чествованіи этой святыни кіевлянами.

Что мощи св. Климента, въ видѣ его главы, не были забыты здѣсь, какъ нѣкогда въ Херсонесѣ, и что глава эта была въ памяти не однихъ кіевлянъ, видно изъ слѣдующаго памятнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви событія. Въ 1145 г., въ правленіе великаго князя Изяслава, кіевскій митрополитъ Михаилъ II, родомъ грекъ, какъ и всѣ его предшественники, за исключеніемъ одного лишь Иларіона, самовольно оставилъ Кіевъ и удалился въ Грецію, гдѣ и умеръ спустя два года. Великій князь созвалъ 6 русскихъ епископовъ и предложилъ имъ избрать митрополита изъ русскихъ и посвятить его на мѣстѣ, не обращаясь въ Царьградъ, откуда, конечно, прислали бы опять грека. Со стороны Нифонта новгородскаго предъявленъ былъ протестъ, что этимъ нарушается связь съ церковію константинопольскою; прочіе епископы недоумѣвали, достаточенъ-ли ихъ соборъ для посвященія митрополита. Тогда «Онофрій черниговскій рече: Азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть св. Климента, якоже ставять греци рукою святого Ивана». Епископы, конечно, разсуждали, что глава важнѣе руки, «и тако сгадавше, главою св. Климента поставиша митрополитомъ» игумена зарубскаго монастыря Клима (Ипатск. лѣтоп., стр. 241 и 242).

Но посвященный такимъ образомъ митрополитъ, спустя 9 лѣтъ, низложенъ присланнымъ изъ Цареграда грекомъ Константиномъ, и затѣмъ идутъ опять митрополиты исключительно почти греки вплоть до раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи въ началѣ XV ст. Вскорѣ начались тѣ памятныя для Кіева опустошенія и разоренія отъ своихъ и чужихъ, которыя лишили его прежняго величія и значенія. Въ 1169 г. онъ понесъ жесточайшее разореніе отъ полчищъ Андрея Боголюбскаго, котораго сынъ Мстиславъ забралъ при этомъ драгоцѣнныя иконы, ризы, книги и даже колокола. Въ 1204 г. тоже произвелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ черниговскими князьями Ольговичами; они забрали, кромѣ драгоцѣнностей церковныхъ, самыя одежды великихъ князей, висѣвшія въ храмахъ. Въ 1240 г. Кіевъ до тла разоренъ былъ Батыемъ, причемъ Десятинная церковь, въ которой хранилась глава Климента, была разрушена совершенно, за исключеніемъ одного южнаго придѣла. Въ началѣ XIV в. Кіевъ подпалъ подъ власть великихъ князей литовскихъ, а въ концѣ

XV в. вновь разоренъ Эдигеемъ, послѣ чего совершенно уже опустѣлъ. Между тѣмъ еще послѣ нашествія Батыя великіе князья русскіе избрали своею резиденціею сперва Владиміръ на Клязьмѣ, а потомъ Москву. Митрополиты греки потянулись за ними. Продолжая называться кіевскими, они мало жили въ Кіевѣ и если навѣщали оный, то больше для того, чтобы захватить уцѣлѣвшіе тамъ священные и цѣнные предметы и увезти ихъ во Владиміръ или Москву.

Среди такихъ политическихъ потрясеній и церковныхъ нестроеній, постигавшихъ Кіевъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, утратилась древнѣйшая христіанская и первая его святыня—глава св. Климента, и съ половины XII в. мы не встрѣчаемъ уже нигдѣ и никакихъ объ ней упоминаній. Теперь, по прошествіи стольких вѣковъ, трудно даже найти какую либо руководящую нить для новыхъ попытокъ къ ея отысканію. Не могла она затеряться отъ небреженія, ибо это была святыня такъ сказать первостепенной важности. Не могла она подвергнуться уничтоженію при разореніи Кіева русскими князьями, ибо такіе разорители чтили святыню и старались лишь захватить ее съ собою, а если-бы это случилось, оно было-бы отмѣчено въ лѣтописи. Едва-ли также она подверглась уничтоженію при нападеніи татаръ. Ихъ набѣги не были совершенною нечаянностію и давали возможность скрывать все наиболѣе цѣнное и священное; притомъ татаръ и вовсе не интересовали такіе предметы, какъ черепа и кости. Сохранились-же, какъ увидимъ сейчасъ, и послѣ татаръ многіе, еще болѣе древніе и священные предметы. Гораздо вѣроятнѣе поэтому, что глава св. Климента, наравнѣ съ этими предметами, стала жертвою той мирной и тайной экспропріаціи, которую въ широкихъ размѣрахъ практиковали послѣдніе митрополиты—греки, странствовавшіе лишь чрезъ Кіевъ по обширной своей паствѣ до Галича и Львова, но жившіе всегда въ Москвѣ. Въ этой экспропріаціи особенное усердіе показалъ послѣдній митрополитъ изъ грековъ—Фотій, присланный изъ Царьграда для всей Россіи, а не собственно для Кіева, какъ того домогался великій князь литовскій Витовтъ. Рѣшившись положить предѣлъ тому нестроенію въ церковныхъ дѣлахъ княжества, которыя причинялись этими странствованіями митрополитовъ, Витовтъ потребовалъ отъ собора подвластныхъ ему епископовъ низложенія Фотія и по-

ставленія на мѣсто его особаго митрополита для Кіева, помимо цареградскаго патріарха и независимо отъ Москвы, и вотъ что между прочимъ писалъ онъ по этому поводу о Фотіѣ и его предмѣстникахъ: «и въ наше время нѣкоторые митрополиты чужеземцы... разграбляли имущество церковное и въ чужія страны вывозили и отчуждали; они расхитили и въ чужую землю вывезли драгоцѣнности нашей церкви и святыя мощи, какъ то: орудія страданій Христовыхъ, жезлъ пр. Богородицы, ея хламиду и сандаліи, разныя иконы въ золотыхъ ризахъ, яшмовыя чаши, обдѣланныя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями и великое множество другихъ великой цѣны и даже выше всякой цѣны сокровищъ, которыя стяжали и въ даръ Богу и Матери Божіей принесли когда-то великіе князья земли русской»[1]). Какъ извѣстно, Витовтъ настоялъ на своемъ, и новый митрополитъ собственно для Кіева былъ избранъ, но этого можно было опасаться и гораздо раньше, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало политическое раздѣленіе Россіи на двѣ половины. Чужеземные представители русской церкви могли заранѣе предпринимать противъ этого мѣры; для нихъ безразлично, можетъ быть, было, гдѣ-бы ни жить: въ Кіевѣ, или Москвѣ, но вовсе не безразлично было, пользоваться-ли доходами всей русской церкви, или только половины оной. Между тѣмъ въ вопросѣ о поставленіи особаго митрополита для Кіева глава св. Климента, какъ мы уже видѣли, послужила однажды самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кто знаетъ, не въ предупрежденіе-ли именно случая, бывшаго при Изяславѣ, глава св. Климента тайно вывезена кѣмъ либо изъ послѣднихъ митрополитовъ въ Москву? Вывезшій въ такихъ видахъ долженъ былъ и хранить ее въ секретѣ отъ другихъ, а за смертію или выбытіемъ его она могла остаться навсегда безъ имени и названія.

Итакъ, если гдѣ можно еще искать главы св. Климента, то развѣ въ Москвѣ, въ числѣ тѣхъ безъименныхъ главъ, которыя хранятся въ кремлевскихъ соборахъ. Если-бы нашлись хотя слабыя историческія указанія на принадлежность которой нибудь изъ нихъ св. Клименту, они могли-бы быть подкрѣплены другимъ путемъ.

---

[1]) Specimen Ecclesiae Ruthenicae etc. Appendix, pag. 50.

Съ помощію исторіи можетъ быть опредѣлена національность Климента (его считаютъ обыкновенно грекомъ) и возрастъ, въ которомъ онъ умеръ, а съ помощію краніологіи по черепу можно опредѣлить хотя общія расовыя черты и уже съ большею опредѣленностію возрастъ того, кому принадлежалъ изслѣдуемый черепъ. Трудно, конечно, поручиться, что поиски въ указанномъ направленіи приведутъ къ какому либо положительному результату; но должны-же мы наконецъ побѣдить наше вѣковое равнодушіе къ судьбѣ первой нашей святыни,—она заслуживаетъ самыхъ усердныхъ и тщательныхъ поисковъ.

СОСѢДСТВЕННО-ПРІЯТЕЛЬСКОЕ ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ [1]).

Божею милостию великого господаря великого князя Іоанна Казимера, короля полского, великого князя литовского, руского, пруского, мазовецкого, жомоитского, инъфлянтского, сивѣрского, черъниговского, шведского, вандалского и иныхъ многихъ господарствъ господаря, обладателя, его королевского величества, Богданъ Хмелницкий, гетманъ зо всѣмъ войскомъ запорозскимъ.

Божию милостию великому господару цару и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Русъсией самодержъцу, владимирскому, московскому, новогородскому, цару казанскому, цару астраханскому, цару сибирскому, господару псковскому и великому князю твѣрскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, великому князю Новагорода, низовскія земли, резанскому, ростовскому, ярославъскому, белоозерскому, удорскому, обдорскому, конъдийскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господару,

---

[1]) На выставкѣ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, въ одной изъ витринъ, въ коллекціи, если не ошибаемся, г. Курися мы видѣли подлинникъ письма, текстъ котораго воспроизводимъ здѣсь по копіи, сообщенной намъ В. Б. Антоновичемъ. По содержанію своему письмо это не представляетъ иного интереса, кромѣ краткаго упоминанія о какомъ-то движеніи козаковъ, обезпокоившемъ московскаго царя; но любопытна форма письменнаго сношенія будущаго подданнаго съ владѣтелемъ сосѣдней страны, этотъ такъ сказать дипломатическій этикетъ полуneза-

иверския земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинския земли, черкаскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господару и обладателю, вашему царскому величеству чоломъ бемъ.

Маючи потребы свои въ панствахъ вашого царского величества, Іоанъ Тафралий, мужъ значный, до оддания низкого чоломъ битя вашому царскому величеству идетъ, за которимъ причину нашу вносимъ, кгды будетъ поворочать зъ государства вашого царского величества, безпѣчный здоровя своего будучи доброволне всюды пропусчоный. Дано намъ ведомости, яко-бы ваше царское величество мѣлъ разумѣти о неприязни нашой, о которой мы не мыслили и теперъ не мыслимо и ведлугъ давъныхъ часовъ въ приязни зостаемъ, а на тотъ часъ любосмо и войска наши были порушили, теды толко для потребы хапа его милости татарского, а не на иншый який замыслъ. На тотъ часъ съ поклономъ нашимъ въ ласку вашого царского величества пилно се оддаемъ. Данъ въ Чигирине дня а҃ юля ҂ахи.

Вашому царскому величеству приятели зичливы и служити готовы: Богданъ Хмелницкій, гетманъ, зъ войскомъ его королевской милости запорозкимъ.

Божею милостию великому господару, цару и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея России самодержцу, владимирскому, московскому, новогородскому, цару казанскому, цару астраханскому, цару сибирскому, господару псковскому, великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, и великому князю Новагорода, низовские земли, рязанскому, ростовскому, ярославскому, белоозерскому, кодорскому, обдорскому, кундийскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господару иверския земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинския земли, черкаскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господару и обладателю, вашому царскому величеству сия грамота до рукъ налѣжитъ.

висимаго, связаннаго лишь династически и особымъ договоромъ, повелителя Малороссіи съ окрѣпшимъ въ своемъ державствѣ, многотитульнымъ московскимъ царемъ. Хмельницкій выписываетъ полный его титулъ, какъ на томъ настаивали всегда московскіе послы, и не только въ началѣ письма, но и на адресѣ, противупоставляя ему менѣе пространный титулъ своего суверена. — Ред.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ О НѢМЕЦКО-ХОХЛАЦКОЙ ШТУНДѢ.

По прочтеніи напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» сего года статьи «Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи» мнѣ вспомнилось слѣдующее:

Въ 1865 году, проживая въ г. Екатеринославѣ, я былъ знакомъ съ бывшимъ тогда судебнымъ слѣдователемъ, покойнымъ Мих. Вас. Жученкомъ. Онъ мнѣ тогда, помню, показывалъ дѣло о совращеніи какихъ-то двухъ парубковъ малороссовъ какимъ-то нѣмцемъ-колонистомъ въ «евангельскую» вѣру. Мнѣ теперь припоминается, что этотъ совратитель назывался не то Миллéръ, не то Виллеръ.

Я тогда впервые натолкнулся на сектантовъ-малороссовъ, и въ общихъ чертахъ мнѣ памятно читанное мною дознаніе какого-то становаго пристава о семъ «совращеніи», находившееся подъ дѣломъ у судебнаго слѣдователя. Вотъ сущность дознанія объ одномъ изъ совращенныхъ:

Какой-то молодой (18—20 л.) парень малороссъ, служа въ наймахъ у нѣмцевъ колонистовъ, выучился грамотѣ, сталъ читать евангеліе, воздерживаться отъ сквернословія, отъ употребленія вина, куренія табаку, отъ всякихъ игрищъ, пересталъ ходить въ церковь, сталъ отрицать святость иконъ и наконецъ *нѣмцемъ* (Миллеромъ или Виллеромъ—не припомню хорошо) *окрещенъ въ р. Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, около колоніи Нидерхортицкъ, въ евангельскую вѣру.* Эту часть дознанія, или, лучше сказать, сознанія я хорошо помню. Помню еще такія слова допрашиваемаго, записанныя въ дознаніе: «былъ вѣры православной, а теперь евангельской, въ которую вступилъ добровольно, и никакія мученія не заставятъ меня перемѣнить эту вѣру».

Что случилось съ этимъ и еще другимъ совращеннымъ и ихъ совратителемъ, я не знаю.

Настоящая моя замѣтка не будетъ лишнею для исторіи штунды, какъ указаніе неизвѣстнаго матеріала—судебнаго дѣла въ Екатеринославѣ въ 1865 г. Фактъ, разсказанный мною, доказываетъ, что въ 1865 году это новое вѣроученіе—*штунда* прививалось не только

къ нѣмцамъ, херсонскимъ колонистамъ, но имѣло послѣдователей и между потомками запорожцевъ, изъ коихъ одного *«мудрый нимець»*, що *«на Сичи картопельку садыть»*, крестилъ въ р. Днѣпрѣ около той-же Хортицы, первой запорожской Сѣчи, въ новую вѣру.

Съ той поры, когда я впервые натолкнулся въ выше разсказанномъ случаѣ на сектантовъ малороссовъ, это самое сектантство приняло широкіе размѣры: на Днѣпро-днѣстрянскомъ югѣ Россіи распространилась *штунда;* на Дону, куда меня забросила судьба, я нашелъ хохловъ хлыстовъ, шалопутовъ и наконецъ еще какую то секту, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «сухая любовь».

Случайный, а вовсе не спеціальный наблюдатель различныхъ явленій окружающей меня жизни, я тѣмъ не менѣе сочту своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» тѣмъ, что узнаю объ этихъ по-донскихъ сектантахъ хохлахъ.

Борисъ П—скій.

Г. Павловскъ-воронежскій.
9 октября 1884 г.

ЕЩЕ ОБЪ ОДНОМЪ ПОРТРЕТѢ КИСТИ БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины», къ статьѣ объ извѣстномъ малороссійскомъ художникѣ Боровиковскомъ, приложенъ списокъ его картинъ, находящихся у разныхъ лицъ и преимущественно мужскихъ портретовъ. Въ этомъ перечнѣ, какъ и въ свѣдѣніяхъ о картинахъ Боровиковскаго, помѣщенныхъ въ послѣдующихъ книгахъ почтеннаго журнала, мы не встрѣтили извѣстнаго намъ портрета, безспорно принадлежащаго кисти Боровиковскаго. О принадлежности видѣннаго нами портрета кисти Боровиковскаго высказали свое заключеніе и наши мѣстные художники гг. В. П. Андріевскій и въ особенности Н. Л. Скадовскій, произведенія котораго на послѣдней художественной выставкѣ въ С.-Петербургѣ такъ счастливо выдѣлялись; подтверждается это и временемъ его написанія и свидѣтельствомъ собственника его; надпись автора отъ времени испортилась.

Портретъ, о которомъ мы нашли нужнымъ сообщить въ дополненіе къ имѣющимся уже свѣдѣніямъ о произведеніяхъ Боровиковскаго, принадлежитъ къ числу портретовъ женскихъ и есть портретъ матери проживающаго въ г. Херсонѣ отставного генералъ-лейтенанта г. Калагеорги. Портретъ написанъ въ 1797 году, размѣръ его — въ натуральную величину; почти до колѣнъ портретъ представляетъ собою женщину, въ расцвѣтѣ молодости, блондинку, съ пышными, красиво сложенными на головѣ волосами; большіе голубые глаза глядятъ, точно живые: черты лица мягкія, правильныя, замѣчательно тонкія и въ общемъ типъ лица— поразительной красоты. Костюмъ крайне простъ; но съ богатымъ жемчужнымъ уборомъ на рукахъ и шеѣ. Детали рисунка удивительны; колоритъ картины въ общемъ и въ частностяхъ поражаетъ своей жизненностью выраженія и мягкостью кисти, если можно такъ выразиться. Словомъ, чѣмъ больше всматриваешься въ портретъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое картиной. Портретъ г-жи Калагеорги написанъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ она и проживала. Какъ извѣстно, у Боровиковскаго встрѣчается очень мало женскихъ потретовъ, а между тѣмъ они-то болѣе всего подходятъ къ его мягкой кисти, если судить объ этомъ по знакомому намъ женскому его портрету. Въ настоящее время описанный портретъ отправленъ г. Калагеорги въ Москву въ извѣстную картинную галлерею Третьякова, такъ какъ назначается въ продажу. Для почитателей таланта малоросса-художника Боровиковскаго указанный нами портретъ— цѣнная и высоко-художественная вещь.

Херсонъ, **В. Чеважевскій.**
11 октября 1884 г.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О КЛАДѢ [1]).

Въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» г. К. М. разсказываетъ про «заклятый» кладъ, который, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, находится возлѣ с. Бакоты, подольской губерніи. Читая эту статью, мы припомнили два разсказа, касающіеся того-же «заклятія», которые мы слышали въ новоградволынскомъ уѣздѣ, во-

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ сводимъ однородныя сообщенія трехъ различныхъ корреспондентовъ. — Ред.

лынской губерніи. Вообще, малороссы, по непонятной причинѣ, весьма любятъ говорить о кладахъ; они даже точно указываютъ на ихъ мѣсто нахожденія, но при этомъ прибавляютъ, что нечего даже пытаться найти который нибудь изъ нихъ, потому что всѣ они «замовлены». При этомъ непремѣнно, для поясненія, будетъ приведенъ разсказъ, отзывающійся небывальщиною. Вотъ двѣ изъ такихъ небывальщинъ.

«Була тутай недалечко богата удова, а у неи тры сыны; тилько вона жадного зъ нихъ не любила. Отъ якось вона й заслабла, чуе, що вже пора вмирати. Оце вона й думае: «не стане мене на свити, усе мое добро достанется сынамъ; нехай-же никому, лишъ, якъ имъ не достанется». Въ ночи узяла вона котелъ, де були гроши, понесла у лёхъ, да й «замовила» двери, щобъ не можна було никому туда войти. Пишла зновъ у хату, застогнала, да на другій день и вмерла. А сыны заразъ до котла. Бачать на томъ мисти нема ничого. Шукали, шукали—ни, такъ-таки й нема, якъ у води згинуло. Отъ вони й забули про нёго. Тилько щось треба було до лёху; еденъ сынъ и пишовъ. Отчинивъ винъ двери; а щось якъ штовхане ёго, то винъ ажъ впавъ, мало що не вмеръ. Видъ того часу не можна, навить, подступитися до лёху, бо треба натрапити таку «мову», щобъ заразъ двери одчинились. А якъ ты ёго натрапишь?

А то ще такъ було у насъ. Оравъ еденъ чоловяга поле. Йде, да й гукае на коней. Тилько—цвягъ! Що це таке? Глянувъ винъ, ажъ тамъ цила скрыня, мабуть зъ грошима. Отъ винъ нахилився; самъ трясется—хоче вхопити. Тилько що винъ руку до нёго—то заразъ у землю. Мучився винъ, мучився; зновъ пиднявся, скрыня зновъ на верси. А, бисово навожденіе! Постоявъ винъ трохи, а потимъ якъ не грохне на землю, а самъ хапае. Де тамъ!! Скрыня ще лише пишла до низу. Пишовъ винъ до села, росказавъ людямъ, що діется. Уси ходили й бачили тую скрыню, а не еденъ не вхопивъ: бо е така мова».

Аналогичны разсказы о запорожскихъ кладахъ. Вотъ два слышанные нами отъ двухъ женщинъ въ Екатеринославѣ.

— Запорожськи клады скризь закляти: скильки-бъ людей ихъ не копало,—не даються! Мій чоловикъ самъ ходивъ. Отъ выкопали

вони такъ якъ великій погребъ,—увійшли; ну, а взять ничого не можна! Треба одмолиться стильки рокивъ, на скильки винъ заклятый.

Отъ и у Потёмкину саду є, саме тамъ, де каминня велике: и що-празника *вони* й выходять,—саме пидъ Великъ-день!

Зъ нашихъ одинъ разъ одважилось чоловика чотыри; мени тоди ще литъ 12 було (теперь разсказчицѣ лѣтъ 40), я у Ковалихи служила: отъ и пишли вони, одинъ жонатый, трое холостыхъ, зъ ломами, зъ лопатами, саме у Велику Ничъ. Отъ зачали бить ломами; що стукнуть, то *воно* й гуде! Вони дали копають: отъ-отъ чують,—вже близько, добре чують, що зализна скрыня. Ажъ коли *воно* выходить, та й сило на другому каменю недалеко одъ ихъ, та й дивиться, а дали й заговорило:

— Копаете, каже: а чи-жъ вы принесли голову, щобъ туды покласти?» (Значить, щобъ замисть кладу та голову чоловичу ёму покласти, тоди *воно* й дасть; а безъ того зроду не визьмуть!).

Вони й полякались на смерть,—покидали й ломы й лопаты, та й повтикали. Звистно, дурни: треба було-бъ розпитати: яку то *ёму* треба голову,—чи христіянську, чи яку другу?...

— Та вжежъ звычайно имъ христіянську треба! (сурово перебиваетъ другая).

— Може *воно* такъ и думало (продолжаетъ первая), щобъ одинъ зъ ихъ чотырёхъ лигъ туды, а щобъ трёмъ скрыня досталася; а вони й полякалися! Та й позаганяло-жъ ихъ: чи то зъ переляку, чи такъ, а до дому тильки одинъ добрався; другихъ ледве одшукали: хто пидъ тыномъ, а хто й по за тыномъ! Та й тяжко вси переболили,—такъ покаличило ихъ *воно!*

Рядомъ съ такими-же, но со всѣмъ въ иномъ родѣ можно слышать разсказы въ населеніи кіевской губерніи. Въ теперешнихъ уѣздахъ звенигородскомъ, уманскомъ, каневскомъ и другихъ, бывшихъ театромъ кровавыхъ событій «Уманщины», «Колівщины», разсказы о кладахъ пріурочиваются къ могиламъ, во множествѣ разбросаннымъ по полямъ и съ которыми связаны въ народѣ преданія о дѣйствительныхъ лицахъ и происшествіяхъ, въ большей части уже затемнившіяся и совсѣмъ вымирающія. Могилы эти трак-

туются и какъ хранилища кладовъ, которые въ болѣе или менѣе близкое время дѣйствительно были въ нихъ находимы.

Про одну изъ такихъ могилъ, стоящую и теперь на поляхъ м. Рыжановки, звенигородскаго уѣзда, намъ пришлось слышать слѣдующій разсказъ, не заключающій уже въ себѣ ничего невѣроятнаго, отзывающійся напротивъ полною реальностію, съ примѣсью неизбѣжной ироніи надъ польскимъ паномъ. На этой могилѣ, разсказывали намъ, стоялъ когда-то простой, деревяный, совсѣмъ уже старый крестъ, и стоялъ онъ какъ-то необыкновенно: нѣсколько сбоку, на скатѣ могилы.

— Глупые хлопы! воскликнулъ новый панъ рыжановскій Д., увидя этотъ крестъ при объѣздѣ полей; не умѣли даже креста поставить. На такомъ мѣстѣ стоитъ добрую фигуру выставить. И рѣшилъ поставить новый большой крестъ уже на верхушкѣ могилы.

Скоро къ работѣ приступили и уже снесли старый крестъ. А вокругъ той могилы все поле было засѣяно бураками и на «вартѣ» ходилъ ночью сторожъ, на тотъ разъ молодой, здоровый парень изъ м. же Рыжановки. Въ ночь послѣ того, какъ старый крестъ сняли, обходя поля своего пана, натолкнулся онъ на стоявшій на дорогѣ, не вдалекѣ отъ могилы, возъ, запряженый парою большихъ круторогихъ воловъ; возъ-же былъ кованный, крѣпкій, настоящій чумацкій, а на немъ сидѣло трое людей: бѣлый, какъ мѣсяцъ, старикъ, другой человѣкъ среднихъ лѣтъ и молодая женщина.

— Здорови були! А що це вы за люди? спросилъ сторожъ.

— Поздоровъ Боже и тебе! отвѣчали неизвѣстные. Та мы оце ідемо здалека, волы притомились, такъ отъ мы й стали соби трохи попасти скотину...

— Ну, то пасить-же, люди добри, добродушно сказалъ имъ сторожъ, та напасши и ідьте соби зъ Богомъ, бо панъ нашъ лютый, такъ щобъ мени часомъ чого не було, якъ дочуеця, що я позволивъ комусь отутъ попасати межъ бураками.

— Не бійся, чоловиче. Мы тутечки трохи постоимо, та й пойдемъ соби, а буракивъ а ни трошки не зачепимъ.

— Ну, то щасливо зоставатця, сказалъ сторожъ и пошелъ дальше обходить поля.

Ночь была «глупая», еще съ вечера дождикъ «накрапавъ». Пока сторожъ, обойдя поля, вернулся къ мѣсту, гдѣ «попасали»

проѣзжіе люди, воза уже не было; но и въ темнотѣ сторожъ разглядѣлъ двѣ глубокія борозды, шедшія по засѣянному полю отъ дороги къ могилѣ. Что за диво? Взглянулъ сторожъ на могилу, а тамъ чуть-чуть блеститъ огонекъ. Приходитъ туда и что-же видитъ? Мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ, разрыто, а старикъ и другой, что былъ съ нимъ, человѣкъ берутъ шапками изъ ямы что-то блестящее и несутъ на возъ...

— А що це вы, люди добри? Казали, що тилько попасете, тай пойдете, а вы ось що поробили? Та же мене панъ прибье, якъ побачить оци слиды на буракахъ.

— Мовчи, чоловиче, отвѣтилъ ему старикъ, и николи никому не кажи, що ты тутъ бачивъ.

Съ этими словами онъ вытянулъ изъ за голенища длинный ножъ....

— А якъ будешъ мовчати, то отъ тоби: пидставляй жмени, продолжалъ старикъ и далъ парню три добрыхъ пригорщни золота... Парень обѣщалъ молчать и дѣйствительно сдержалъ свое слово.

На другой день, объѣзжая свои поля, рыжановскій панъ замѣтилъ слѣды врѣзавшихся въ мягкую землю колесъ, поѣхалъ по нимъ къ могилѣ, но увидѣлъ лишь яму, пустой казанъ и нѣсколько золотыхъ монетъ, случайно покинутыхъ «добрыми людьми». Панъ понялъ, что тутъ вырытъ кѣмъ-то кладъ.

Кинулись къ сторожу. Тотъ: «ничого не знаю, никого не бачивъ»... Что ни дѣлалъ съ нимъ панъ—и просилъ и грозилъ, и жестоко дралъ, такъ ничего и не узналъ.—Долго послѣ этого панъ, разсказывая кому нибудь про этотъ случай, обыкновенно прибавлялъ: «покусилъ міе дябелъ кшижа поставиць!»

А сторожъ скоро послѣ того тайкомъ удралъ куда-то на Кавказъ, на вольныя мѣста; тамъ на деньги, данныя ему старикомъ (ихъ было тысячъ три) построилъ домъ, завелъ хозяйство, женился и зажилъ припѣваючи. Спустя-же нѣкоторое время онъ снова вернулся въ Рыжановку, явился къ священнику, разсказалъ ему всю эту исторію, далъ 100 руб. на церковь, по 50 р. священникамъ (ихъ въ м. Рыжановкѣ было и есть двое), взялъ съ собою свою старуху мать и снова уѣхалъ на свое новое мѣстожительство.

— Такъ-то, заключилъ разскащикъ, панъ нашъ выставивъ свою фигуру замисть святого хреста! А хрестъ той ще добрый бувъ, тилько що зъ боку поставленый бувъ. Ставивъ, кажуть, козакъ якійсь, запорожець, чи що.

О. Р. К—й.

ОТВѢТЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ УКРАИНСКИМЪ СЛОБОЖАНАМЪ [1]).

(Найденный въ глуховскомъ Архивѣ).

Дѣялось за гетмана Павлюка
1638 года мая дня...

Що тамъ за бисъ гарчить?... курнявкать, гавкать ставъ,
Гуде мовъ рій джмеливъ, мовъ гедзъ теля напавъ...
Крычить, мовъ за жывить завина ухватыла,
Або объ землю бье когось нечиста сыла?...

Эге! сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гулъ!
Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти мулъ...
Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
Знай—квакають: ква, ква!—нема имъ бильшъ роботы.

Що жъ се?... яка тамъ тварь мемекае: мы, мы!...
Ахъ трясця жъ въ ёго ма!—ривняютця зъ людьми!...
Не тилько жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками.
Ахъ, племя гаспидське! та мыжъ васъ пагаями!
Що вы шверготете? по якому сей крикъ?
Нимота бисова! Чи е у васъ языкъ?

«Мы, кажуть, мы, мы, мы,—мы Малороссіяне,
«Украинци зъ степивъ, и славни Слобожане.
«Зъ суплякою идемъ до васъ своихъ батькивъ,
«Козацькои старшины и зацныхъ козакивъ;

[1]) Помѣщаемое стихотвореніе по своему складу и языку принадлежитъ концу XVIII ст. и представляетъ большое сходство съ тѣми виршами на Пасху и Рождество, которыя будто были говорены черноморцами Потемкину. Это памфлетъ, написанный кѣмъ-то изъ гетманцевъ по адресу слобожанъ и характеризуетъ отношенія, какія въ послѣднее время существовали между умиравшею метрополіею и реформированною на иной ладъ ея колоніею, т. е. Гетманщиною и Слободскою

«Щобъ вы таки дали и намъ якую раду;
«Безъ пастуха жъ не буть и намъ таки, якъ стаду.
«Не мало жъ насъ такихъ,—изъ нашихъ хуторивъ,
«Що зъ вамижъ ризали и туркивъ и ляхивъ.
«Чимъ мы не козаки?—Мы носимъ оселедьци,
«И цюкнемъ шаблею, коли де доведетця,
«Ни шабель, ни рушниць не впустимо изъ рукъ;
«Намъ тилько покажить, де тихъ шукать гадюкъ,
«Що хочуть скоштовать козацькои одваги?..
«А вже мы зваримъ имъ густои дуже браги...
«Мы щиро служимъ вамъ, не такъ якъ наймиты;
«Вы жъ зъ насъ глузуете: мы все въ васъ хамуты.
«Що все бачь возимъ вамъ, и гинемъ при обози,
«Въ снигахъ, и въ болотахъ, на сонци й на морози.
«Вы живитесь соби, де на войни грабижъ,
«А намъ же що зъ того?—Все ѣжъ одинъ кулишъ!
«Не докижъ намъ ходить и голимъ всимъ и босымъ:
«Пышить насъ въ козаки,—вельможность вашу просимъ!».

Глянь, погань що верзе!—Плюгавци! вонъ, азась!..
До козакивъ вашъ братъ николи не ривняйсь!
Такъ чванилась, и дулась жабалуха,
Хотила стать воломъ, та й триснула псяюха.
Одъ жабалухи сей соби-бъ вамъ прикладъ взять,
Та й билшъ до козакивъ себе бъ вамъ не ривнять.

Чимъ же вы чванитесь?—«Отъ! мы то слобожаны!»
Вы—такъ соби щось—атъ!... не хрещени цыганы!...
Кортить ихъ въ козаки!... Чи зъ розумомъ ся ричь?...
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичь.

Украйною. Происходившіе между ними съ половины XVIII ст. поземельные споры и могли, какъ кажется, быть поводомъ къ написанію этого памфлета, построенъ-же онъ на канвѣ прошлаго той и другой стороны, сущность котораго въ томъ, что слобожане со времени своего выселенія въ степи отстали отъ предковскаго военнаго ремесла и стали *хлѣборобами* и *гречкосѣями*, между тѣмъ какъ гетманцы продолжали еще *козаковать*. Въ этомъ весь букетъ памфлета, составленіе котораго авторъ переноситъ ко временамъ Павлюка, т. е. выселенія слобожанъ. Рукопись, съ которой печатается стихотвореніе, начала нынѣшняго столѣтія и мы удерживаемъ ея заглавіе, принадлежащее, конечно, переписчику, а не автору.—Ред.

Паскудство, пастухи, бездомни волоцюги!
Якои зъ васъ намъ ждать противъ поганъ услуги?
Васъ заразъ нападе перерва й перелякъ,
Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ.
А якъ де на кони побачите вы ляха,
То прудче всихъ зайцивъ розбижытесь одъ страха.
На що вамъ на себе ждать туркивъ и татаръ?
Жыдивскій наймитъ васъ потре всихъ на сухаръ...
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою;
Батигъ здаетця вамъ громо́вою стрѣлою.

Отъ, бачите сами, вамъ не приставъ сей гамъ.
Не горло треба драть, а вгамоватьця вамъ.
Пасить соби овець, орите, чумакуйте;
А лизты въ козаки и думать не турбуйтесь.
Селите слободы,—але платить намъ чиншъ!
А ни?—дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймитами,
То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
Ременни очкури, ременни й постолы,
И пришвы на зиму,—щобъ боси не були...
. . . . А що тамъ дали пише,
. . . . Конецъ одъили мыши.

САВРАДИМКА [1]).

(*Пѣсня*).

Ой поѝхавъ Саврадимъ
У поле орати
Ёго жинка, Саврадимка,
До корчмы гуляти.
Гуляла, гуляла
Тай нагулялася,
Наварила борщу, каши,
У поле попхалася.

[1]) Записана въ балаклеевскомъ сахарномъ заводѣ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, отъ двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ.

Ходила, блукала,
Милого шукала;
Подивися, Саврадиме
Яка мила стала!
А ни жива, ни здорова,
И зъ личенька спала.
Ой прыихавъ Саврадимъ,
Изъ поля до дому,
Та поставивъ свою милу
На житню солому.
Ила вона, ȋла,
Захотила пити,
Запрягае въ борону
Иде волочити.
Выпрягае зъ бороны,
Запрягае въ рало:
Гей, собъ! моя мила,
Щежъ до дому рано.
Выпрягае зъ рала,
Запрягае въ биду:
Гей, собъ! моя мила,
Я до дому ȋду.
Выпрягае зъ биды,
Запряга въ колясу:
Гей, собъ! моя мила,
Поидемъ до лясу.
Поидемъ до лясу,
Та наберемъ лому;
Та наберемъ лому
Поидемъ до дому.
А прыихавъ до дому,
А въ двори дощова калюжа,
Розсердилася жена
Та на свого мужа.
Полизла на пичъ,
Лягла та й нездужа.
«Ой увставай, мила,
Прывизъ тоби пива».
—«Ой не встану, Саврадиме;
Я не твоя мила!»

—«Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ горилки».
—«Ой не встану, Саврадиме,
Шукай соби жинки»
—«Ой уставай, мила,
Прывизъ тоби меду».
—«Ой не встану, Саврадиме,
Головки не зведу».
—«Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ дубины,
Ни товстои, ни тонкои,
До билои спины».
Ой устала Саврадимка,
Наче не лежала,
Та й обняла Саврадима
Та й поцилувала.
«Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Ой, що ты догадався,
Чого мени треба».
Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Що придбавъ дитину,
Та носити треба.
Ой умеръ Саврадимъ
Та й на лавци лежить,
Ёго жинка, Саврадимка,
По горилку бижить.
И горилку несе,
И музыки веде;
Ой теперъ я, Саврадиме,
Не боюся тебе!
Заграйте музыки,
А я окрутнуся.
Ой теперъ я сама,
Саврадима не боюся.

Сообщ. **Алексѣй Грабина.**

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала **«Колосья»** (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногороднихъ.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ.**

Иллюстрированный журналъ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА."

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны** и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній **Императрицы Маріи,** для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоятъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей програмѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографія замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статья по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для **Семейнаго чтенія**, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**—*рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**ДЕВЯТЬ** рублей. Для Германіи—**ОДИННАДЦАТЬ** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**ДВѢНАДЦАТЬ** рублей.

Подписка принимается **ВЪ МОСКВѢ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, куда обращаются иногородные подписчики; **ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ**—на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и «Новаго Времени» и на Васильевскомъ островѣ, 2 л., д. 2-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Лица подписавшіяся на Русскій Архивъ 1885 года въ главной его конторѣ до 15 ноября 1884 года получаютъ безплатно книжку новаго изданія Стихотвореній О. И. Тютчева. Тѣмъ изъ новыхъ подписчиковъ, которые желаютъ познакомиться съ содержаніемъ Русскаго Архива за прошлые года, выдается особая книжка: *Предметная роспись Русскаго Архива за двадцать лѣтъ 1863—1882.*

Полное собраніе Русскаго Архива за первые двадцать два года изданія можно имѣть не иначе, какъ собирая его отдѣльными книгами. Полнаго экземпляра всѣхъ годовыхъ изданій нѣтъ на продажу и въ конторѣ Русскаго Архива. Въ особенности трудно находимы первые годы.

Контора Русскаго Архива можетъ принять на себя отысканіе и составленіе полной коллекціи всѣхъ годовъ по цѣнѣ

полтораста руб. съ пересылкою.

Въ настоящее время въ запасѣ имѣются только слѣдующія годовыя изданія: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 г., продаются по 6 р. за полный годъ (кромѣ 1881 года, который продается по 8 р.). За пересылку каждаго годоваго изданія прилагается 50 коп.

Главная контора Русскаго Архива находится въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175 мъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива **П. Бартеневъ.**

ПРИЛОЖЕНИЯ

еще 40 к., золотару 4 к., снѣцару 2 к. Розышлось 5 к. Сего числа первый разъ были въ новой за городомъ канцеляріи. Зъ Федоромъ Янченкомъ сошлись на пенку по 5 р. и уже по порахунку отошло къ намъ за медъ покупній и железо 20 р., а на немъ еще осталось 16 р. Писаны писма до сотника новгородского и до сотника воронежского п. Івана Холодовича, подлугъ указу суда енералного присланного. За обшите пасковъ зелених Карноуху 4 к.

27. Обѣдалъ вмѣстѣ зъ п.п. Гамаліями у п. тестя, а по обѣдѣ былъ у полковника нашого. Рано послѣ службы былъ у енерала зъ прочіими. Розышлось на розницю 14 к.

28. До коморы куплено тертиць за 30 к. Пошло дранѣ.... За роботу поденщикамъ еще въ доплату дано 32 к. Обѣдали у отца Патермуфія, городничого лищицкого, и сегожъ числа прибылъ панъ Юркевичъ въ Стародубъ.

29. Енералу отнеслъ рыбы щукъ 20. Куплено діоґтю до Перегону за 20 к. Бабѣ досмотруючой дитины 20 к. На розницю пошло 10 к. Віехалъ зъ Стародуба около вечерень и прибувши до Левенки, тутъ и ночовалъ.

30. Віехалъ зъ Левенки рано и прибылъ предъ полуднемъ до Борщова, где и обѣдалъ, а одтоль о полдни прибылъ въ Перегонъ, а дитину Галю привезли вечеромъ.

31. Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку. Петру, маляру стародубскому, сину Михайла Лисого маляра, на покупку фарбъ до маліованя фурманокъ, колясокъ и протч. даны 2 р. Писано писмо до п. сотника варвинского о видачи стаднины моей моимъ же посланнымъ, которымъ и подорожная дана.

Мѣсяцъ іюнь.

1. Послѣ обѣда віехалъ зъ Перегону и попасовалъ коло Ковпинки, а потомъ прибылъ позно до Новгородка и сталъ квартерою у сотника.

2. Писалъ до полковника и до п. тестя о порушеню зъ Глухова п. обозного енералного. Далъ гончару задатку на поливаніе миски 20 к. Розышлось на розницю 5 к. За 13 фунтовъ желѣза 20 к. Ковалямъ и стелмаху 8 к.

3. За рибу 6 к., на зеля, перець и оливу 6 к. Розышлось на розницю 10½ к. Михайлу Нестеренку, п. тестя родному брату, зъ

Бабы [176]), сотнѣ полку чернѣговского менской козаку, даны 20 к. Писалъ писма до полковника о Мархаленку, до жены, до тестя о роботникахъ, бывшихъ въ Брянску, и до Стефана, такожъ до атамана погарского, чтобъ зраховалъ (посчиталъ) старосту и обехавши грунтъ, здѣлалъ маппу (чертежъ).

4. Куплены въ Новгородку 20 мисокъ за 10 к., талѣрокъ 50 за 20 к., даны Гаевичу зъ Нѣжина 10 к., за 6 ящиковъ 15 к. Писано писмо до п. Чуйкевича о присилцѣ писемъ на футоръ Михайловского, въ Пекаровѣ [177]) мнѣ записанный. Мужикамъ левенскимъ Халимону Жайворонку и Данилу Кистереву зятю, которые были на роботѣ въ Брянску и пошли на плитахъ до Переволочнои, дано въ займы 20 к.

5. Въ Новгородку за рибу карасѣ 3 к. Писано писмо до п. обозного енералного зъ прошеніемъ прощенія, что не моглъ его дождатися въ Новгородку. Тамъ же вручилъ сотнику наказному Демяну Нестеренку облѣкги Литвинковы на Івана Василенка, значкового товарища въ Богдановцѣ. Віехали зъ Новгородка и переѣхавъ Десну, обѣдали въ полѣ о 7 верстъ, а по полдни одтоль віехавши, прибыли завременно въ дворъ Дмитровскій спаского новгородского монастыря и тутъ сыскавши Дмитровского и зъ Вовны [178]) войтовъ допрашовали.

6. Посилали по войтовъ глазовского, пигаревского и жиховского и допрашивали ихъ по силѣ указу суда енералного, и опись въ дворцѣ Дмитровскомъ чинена всѣхъ движимостей.

7. Писаны писма до жены и до Стефана въ домъ, и до сотника наказного новгородского о присилцѣ выписки зъ ревизіялныхъ книгъ о селахъ монастирскихъ, да до Данила Зіневича посланъ отвѣтъ. Поехалъ Егоръ Андріевъ Немчиновъ, графскій прикащикъ, въ Глуховъ.

8. По полдни одправленъ Антонъ Донъ въ Глуховъ зъ писмами, а писма писаны въ С. П. Бурхъ до п. Горленка подъ числомъ іюня 5, до Новоторжцева и Маркелловича Леонтева подъ числомъ іюля 2, до Івана Александровича Дурова подъ числомъ апр. 18, до Киріака Андріевича Кондратовича подъ числомъ мая 30, до графовъ Гаврила и Мойсея Владиславичовъ мая 30, въ Москву до

---

[176]) Село сосницкаго уѣзда.

[177]) С. Пекаревъ, сосницкаго уѣзда. См. слѣд. стран., стр. 4 и 5.

[178]) С. Вовна новгородсѣверскаго уѣзда.

Уріила Іванова мая 30, въ Глуховъ до п. Скоропадского, до п. Пасека и Лукомского подъ числомъ іюня 7, да чрезъ тогожъ Дона посланы писма до подскарбія п. Маркевича и обозного зъ пунктами и до сотника новомлинского о футорѣ Михайловского, записанномъ мнѣ за долгъ въ Пекаровѣ. Дано Антону Дону 25 к.

9. Писано въ Новгородокъ по Маджугу и по Захарченка, да о цѣнѣ, почему теперь продается на торгахъ збоже. Віехали зъ Дмитровки послѣ полдня и не доезжая Жихова, ось зломалась, чего для въ Жиховѣ и заночовали въ дворѣ Петра ткача; тутъ подробили двѣ оси, за которые дано 3 к.

10. Прибыли въ Пироговку и тутъ обѣдни слушали, а пополдни ездили къ мелници Ігната Котляра, а сами стояли въ домѣ сина его Василя Котляренка.

11. Обявленъ указъ пироговцямъ и приказано, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу Головкину. Зъ Пироговки о полдни віехали и заездили въ футоръ, который у монастиря одкуповуетъ путивецъ Борошновъ; послѣ въ слободку Красѣчну Юркевичовъ и въ Гуту [179]) ихъ же, потомъ прибыли въ Жиховъ и тутъ ночовали. Вечеромъ прибылъ зъ Глухова [illegible] Немчиновъ.

12. Обявленъ указъ жиховцямъ, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу его сіятелству Головкину. И сего дня прибыли воспять до Дмитровки.

13. Пантелеймонъ Юркевичъ привезъ мнѣ шила штукъ разныхъ числомъ 23, да кубокъ стекляный, зъ которыхъ три штучки п. Холодовичу сотнику воронежскому даны.

14. Село монастырское Вовну отказали отъ монастыря и отдали во владѣніе графу Головкину.

15. Послано чрезъ новгородціовъ писмо писанное до Стефана Чорновского, старости поповского, о прибытіи его въ Новгородокъ. Сего числа совсѣмъ окончивши порученную намъ коммисію, розехались зъ Дмитровки, а одправа дѣла зъ доношеніемъ въ судъ енералный вручена канцеляристѣ войсковому Григорію Лизаневичу. Прибыли мы зъ п. сотникомъ воронежскимъ въ Новгородокъ.

---

[179]) Красична и Гута деревня новгородсѣверскаго уѣзда. Д. Гута возникла изъ стекляннаго завода (—гута), гдѣ и выдѣлывалось то стекло, о которомъ говорится подъ числомъ 13-мъ.

16. Обѣдали у Стефана Маджуги, а послѣ обѣда были и въ монастырѣ, одкуду и одехалъ сотникъ воронежскій. За рибу 8 к., за миски поливаные въ доплатку прежде данного задатку еще дано 10 к. Цилюрику 3 к.

17. Писано до Стефана и одправлена на подводѣ въ Перегонъ посуда, а именно мисокъ деревяныхъ 20, талѣровъ 50, мисокъ поливаныхъ 14, приставокъ чотыри, горшикъ одинъ зъ кришкою, шила снопковъ 21, ящиковъ 5, рибы язиновъ 3, лящовъ 2, судакъ 1. Писаны писма до п. Скоропадского и до писаря Черняховского въ Глуховъ, а въ Стародубъ до писаря судового и до Семперовича. За шугалію въ Новгородку купленную дано 70 к., за сущики 12 к. Яковъ Литвишко уступилъ мнѣ пудъ мѣди, за которую доплачено 4 р. Віехалъ и зъ Новгородка послѣ вечерень и ночовалъ въ полѣ за Мамикиномъ о милю.

18. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Перегонъ и писалъ въ Новгородокъ и до панеи въ Стародубъ, чтобъ прieздила до Перегону.

19. Былъ на футорѣ и одтоль поворочаючомуся, пришло извѣстіе, что Остапъ Косикъ жену свою убилъ, о которого сиску и о убитой [illegible] посланъ ордеръ до сотника погарского зъ урядомъ. Привезена мѣдь зъ Новгородка, у Литвишка купленная, 40 фунтовъ, такожъ и сущики. Дано маляру еще 10 к.

20. Осматривали тѣло убитой и велѣли описать пожитки, да и церкви осматривали жъ и иконостасу, чтобъ иконостасъ дѣлать, а церкву поправить. Взялъ у Ноздры за станъ горѣлки 2 р. 20 к. Сего числа зъ лукинцями розехали поле за Ворою и онымъ перегонского часть грунта уступлена за Могилою Дѣвкою, при бытности атамана городового погарского.

21. Тіежъ лучинци подали мнѣ прошеніе о томъ грунтѣ, на который обѣщано имъ отъ мене и писмо. Врученъ домъ въ опеку Косиковъ Якову Козлу, козаку городискому, и емужъ вручены облѣги всѣ и давные и сего-годные Косиковые для доправки денегъ.

22. Віехалъ рано зъ Перегону и въ Борщовѣ задержалъ мене п. Григорій (Гамалѣя), ради прибытія къ сему п. Яна Квитки, полковниченка харковского, а одтоль поехавъ послѣ полдня и прибылъ въ Случокъ, видѣлъся зъ Романовичомъ и розговоръ зъ нимъ имѣлъ; послѣ прибылъ еще завременно до Левенки и тутъ ночовалъ.

23. Пообѣдавши, зъ Левенки віехалъ и прибылъ до Стародуба; подано доношеніе въ канцелярію полковую о коняхъ, у Романовича взятыхъ въ спаши пшеници.

24. Прибылъ въ Стародубъ п. Іванъ Квитка и обѣдали вмѣстѣ у панеи тещи купно зъ п. Іваномъ Гамаліею. Обослано насъ узваромъ отъ п. Іскрицкого ради рожденія дочери его Татіаны. Розышлось на розницю 27 к. Спѣцару дано 6 к. Одехалъ п. Григорій Юркевичъ, писарь полковой стародубскій, въ Глуховъ.

25. По полученной вѣдомости о слабости дочери Ганны, отехала жена до Перегону. Дано за вичинку вовка и лисици 13 к. Розышлось 5 к. Лукирцѣ за мите кафтана бѣлого 10 к.

26. Обѣдали у мене п. Іванъ Квитка, обозный полку харковского и п. Іванъ Гамалія юдиновскій, зъ которымъ доволно пили, послѣ были у генерала квартермейстера фонъ Штофеля. Розышлось на покупку травы и проч. 27 к. На вино пошло 1 р. 40 к. За зроблене канчука на тростѣ Пищолцѣ дано 10 к.

27. Было молебствіе зъ пушечною стрѣлбою и при обѣду генерала стрѣляно зъ пушекъ и мѣлкого оружія. Былъ у мене п. Яковъ Полуботокъ и синъ полковника полку олонецкого драгунского, Лесли Юрія Федоровича, Давидъ.

28. Были крестины у п. Іскрицкого дочери новорожденной Татіаны. Воспріемниками были полковникъ Гаврило Івановичъ Давидовъ зъ панею тещею моею, и п. Іванъ Миклашевскій зъ полковницею Дуровою. Розышлось на крестинахъ 30 к.

29. Обѣдни слушали у церкви Петра и Павла, а обѣдали въ домѣ. Розышлось 9 к. Алексію на его потребы даны 10 к.

30. Обѣдали дома, где и п. Федоръ Ширай обѣдалъ же. На мясо и проч. пошло 14 к. Спѣцару 3 к. за направу стула. Отехалъ п. обозный нашъ въ домъ свой.

Мѣсяцъ юль.

1. Слушали обѣдни въ церкви вознесенской. Послѣ былъ я у полковника. На мясо пошло 13 к. Сего числа г. генералъ Загряжской подъ Лищичи для смотренія полковъ отехалъ. Принесъ ткачъ серветъ 80 локоть, локоть отъ роботы по 2 к., да полотна семдесятъ 1 локоть, отъ роботы за локоть по копѣйкѣ; и того 2 р. 31 к. Сего числа отдана мѣдь въ роботу Карпу Савеліеву, котляру, а

именно ломаной разной мѣди 57 ф., да казанокъ зъ желѣзомъ чотиры фунта, и того 61 фунтъ зъ желѣзомъ. Посланы чрезъ Осипа Булахова два рубли до Степана въ Перегонъ на дворовые росходы и пять сотъ цвяшковъ. За вичинку чотырохъ габелковъ 16 к. Отехали обое мы до Левенки и тамъ ночовали.

2). За стіонжку чорную для жены, за шнурокъ до запасокъ, за шовку лотъ и на струяки дано 30½ к. Присланъ столъ и ложко одъ п. Мануила Зиневича, дозорци (смотрителя) ропского. Былъ у мене г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель и позабавилъся чрезъ нѣсколко годинъ. Въ Перегонъ посланы пара шоръ, два столики, ослонъ и старая таратайка зъ двома колесами, 3 хомуты зъ 3-мя дугами.

3. Розышлось на розницю 15 к., за мясную руру зъ печенею...

4. Маляру на золото 8 к., за вичинку 10 овчинокъ бѣлыхъ полковника Веревкина 10 к. Обѣдалъ у полковника. Вчора по полдни отехала полковничая невѣстка Катерина Андріевна зъ Стародуба. Вчорашняго числа обѣдалъ у мене п. Іванъ Булавка бунчуковый и коммисаръ полку чернѣговского.

5. Былъ зъ рана у мене п. Селецкій, сотника полку нѣжинского дѣвицкого братъ, такожъ отецъ Іванъ, священникъ духовскій, которому дано 10 к., паламару 2 к., крашениннику за офарбоване полотна на крашенину 44 аршинъ дано 44 к., за крашенины 7 аршинъ 20 к.

6. Лучанѣ послѣ обѣда одправилися, которымъ дано на 2 кунтушы сукна да двѣ штучки китаю и штучку крашенины; Дацку Никитенку за Степана Кочержинского 80 к. На дорогу имъ 20 к., да ему жъ Дацку коня сивого лубенского дано.

7. Vacat. 8 числа отехалъ въ Семіоновку и едучи чрезъ Янжуловку, былъ тамъ въ дворѣ Шпетенковомъ. Бабѣ даны 10 к. Прибылъ до Семіоновки позно.

9. Былъ въ обозѣ его м. п. обозного войскового енералного и тамъ обѣдалъ, и по обѣдѣ п. обозный отехалъ до Курознова, а я позабавилъ у разныхъ п.п. бунчуковыхъ до смерку и уже позно прибылъ на квартеру до атамана семіоновского.

10. Рано пріехалъ ко мнѣ п. Борковскій, которому и тестаментъ меншій я отдалъ, а онъ мнѣ свой далъ же и провожалъ менежъ онъ и п. Полуботокъ. Отехавши зъ Семіоновки по полдни,

заездилъ до Желѣзного Мосту [180]) и тамъ Григорія Яворского велѣлъ наказать за матку, потомъ прибылъ въ Курковичи.

11. Прибылъ тудажъ п. Пекалицкій и отецъ Григорій Хоминскій, священникъ архиповскій, въ которого дѣлѣ писано писмо до асаулиной Яворской.

12. Тамъ въ Архиповичахъ мешкаючіи расколщики, называючіесь Неклюдовы и Россріи, Фома 1 р., Андрей 50 к., да зъ Лужка мужикъ 32 к., да еще другіе 22 к. Сторговалъ дворъ тамъ же у Архипа Ломаки зъ двома сѣножатми за 20 р.; даны ему тогдажъ 2 р., а послѣ въ Стародубѣ 4 р. Сегожъ числа прибылъ въ Стародубъ.

13. За траву 6 к., за 12 дощокъ липовковыхъ 29 к., крашенинику 20 к. Розышлось на розницю 4 к.

14. Ткачу за роботу 3 р., за канчукъ 12 к., за вино 40 к.

15. Былъ у полковника олонецкого полку Юрія Федоровича Лесли. Дано бандуристамъ 20 к. Даровалъ канчукъ на тростинѣ капитану олонецкогожъ полку Семену Федоровичу Лесли.

16. За мясо 16 к., за траву 10 к. Косику Остапу дробнихъ 1 р.

17. Его м. п. обозный енералный зъ ассистенціею былъ у мене въ домѣ. Сего числа Петрошу даны 20 к., которому родился синъ Іванъ. Взято вина $3\frac{1}{2}$ gарца. Віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Случокъ, тамъ и ночовалъ.

18. Обѣдалъ у п. Григорія въ Борщовѣ; послѣ прибыли въ Перегонъ.

19. Былъ на футорѣ.

20. Одправлена экспедиція въ Глуховъ въ дѣлѣ Рубайленковъ чрезъ ихъ же и писалъ до п. Юркевича. Івану Храпковскому погарскому за Павлика заплочено 1 р. 30 к.

21. Получилъ писмо чрезъ войта бозкого [181]) Ничипора Черняіова одъ п. Федора Марковича и къ немужъ отвѣтовалъ. Обѣдали у мене въ Перегонѣ п. Іванъ Квітка, обозный полку харковского, зъ сотникомъ ізюмского полку города Царя Борисова, да п. Григорій Гамалія зъ панею. На мясо пошло 30 к., на муку 10 к., за калачи 4 к. Бабѣ дитячой даны 50 к.

---

[180]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[181]) Д. Бозская стародубскаго уѣзда.

22. Тіежъ обѣдали, що и вчора. За вино въ Погарѣ купленное 1 р. Прясцѣ господинѣ 25 к. и на запаску, за медъ 60 к., на мясо въ Погарѣ 28 к., за медъ 60 к., на калачи 5 к., на свѣчи 5 к. Сегожъ числа вечеромъ прибылъ на футоръ Василіовку,

23. Обѣдали сегожъ числа на Василіовцѣ у мене Федоръ Марковичъ, Якимъ Троцкій и Лука Марковичъ и розговаровали о разныхъ рѣчахъ и грунтахъ, а по обѣдѣ и я ихъ провожалъ до Бозкои.

24. Обездили грунта и по разныхъ контроверсіяхъ обѣдали у менежъ.

25. Приходили къ помиркованю и не заключа розехались. Прошлой ночѣ побрали сѣно, на моей сѣножати купленное. Обѣдалъ я у Марковичовъ зъ товарищи, отъ нихъ прибылъ въ Перегопъ, где засталъ сотника бакланского п. Косача.

26. Одписовалъ до п. Корсака о сѣножати дарневской Москаленка. При віездѣ зъ Перегону далъ Мойсею Оршавѣ на расплатку за вино и на другие потребы 3 р. Самъ по обѣдѣ прибылъ до Стародуба, а жена отехала до Левенки.

27. На траву и проч. 6 к. Отвѣтное писмо послано до сотника погарского о курѣнчикахъ. Василю Янджулу далъ реестръ о покупкахъ въ Густинѣ [181]), а до Стефана писалъ о висилки чотирохъ куфъ горилки въ Семіоновку.

28. Карпу кухару далъ 1 р. и чвертку жита. Архипу Ломацѣ еще даны чотири рубли за дворъ купленный. На мясо 12 к.

29. У отца Івана духовского была свадба, которого и зятя его обослано зъ дому моего дробиною, хлѣбомъ и водкою. На мясо 18 к., на другую розницю розышлось 14 к. За столъ зъ Кривця привезенный дано 30 к. сверхъ прежнихъ 20 копѣекъ.

30. Данъ квитъ індуктовый одъ Павла Каленикова на пять куфъ. Прибылъ на ночъ въ Левенку. На чаплики и мило 3 к.

31. Обѣдалъ и дніовалъ и ночовалъ въ Левенци.

Мѣсяцъ августъ.

1. Пріехалъ зъ Левенки въ Стародубъ и одправилъ въ Семіоновку куфу горилки при писмѣ до Василя Янджула и къ немужъ квитъ на 5 куфъ індуктовій и подорожную людямъ при горѣлцѣ

[181]) Въ густинскомъ монастырѣ, прилуцкаго уѣзда, гдѣ въ это время была ярмарка.

одправленнимъ. Да посланы писма до п. обозного енералного и Борковского. Дано кравцямъ 15. Розышлось 5 к.

2. Спѣцару дано 10 к. Розышлось 6 к. Въ Случокъ Жорову дано барило горилки въ 66 квартъ цеховыхъ.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. Скоропадского и Юркевича зъ посылкою челобитной о млинахъ на Ворѣ. Послано до Перегона желѣза 18 фунтовъ, у Янченка взятого. Взято 40 фунтовъ лою у Брезкуна. Дано на gноти 3 к. Евдашцѣному сыну на желѣзо до столовъ 5 копѣекъ. Панеи 20 к., за роблене свѣчъ 10 к.

4. Дано до панеи шапки на повсть, на баволну и шовкъ 10 к. Розышлось 12 к. За вино Рибнику 40 к.

5. Степану рымару 1 р.

6. Прислано отъ одного чоловика 2 лящи, отъ Василя Котляревича 10 лящовъ, одъ хоружого Данченка щукъ 9. Розышлось на розницю 64 копѣйки. Сповѣдался и коммунѣковалъ. Обѣдали у полковника и отехали на ночъ въ Левенку. Максиму шапочнику за зроблене шапки панеи и Василковѣ 20 копѣекъ, за лучину и проч. 14 копѣекъ.

7. Обѣдали въ Левенцѣ, а по обѣдѣ віехали наши п. тесть и теща и жена къ Кіеву. Женѣ на дорогу даны 8 р. Я возвратилъся въ Стародубъ. Посланы козаки за нашими вслѣдъ.

8. Обѣдали у мене Данченко хоружій да Хомѣнскій и Багинскій. Куплена да неплачена фляша вина у п. Середи бурмистра. Розышлось на розницю 12 копѣекъ.

9. Розисковали по дѣлу Соколова. Былъ у маіора корпусу меклембурского Лепела. Куріеръ прибѣгъ до п. обозного съ походу отъ генерала Загряжского.

10. За роботу цѣны корпуса меклембурского драгуну 50 копѣекъ. За два фунты корки лимонной 24 копѣйки. За сѣно 5 к.

11. Петру маляру 40 копѣекъ. Розышлось на розницю 21 к. Полученъ указъ о виступленіи въ походъ до Мигновичъ.

12. Позичилъ п. Івану Квитцѣ, обозному полковому харковскому 30 р. За прироблене дишля до коляски 15 копѣекъ.

13. Даны цехмистру ткацкому Минѣ Григоріеву 4 основы на полотна, а платить за роботу отъ локтя по осмаку, да не достало втоку пяти фунтовъ. Пріехалъ енералъ Кейтъ... Дано на потребы до кафтана перешиваючогось 13 к.

14. Писано до п. Івана Гамалѣи въ Юдиновъ и послано цукру голова, да за негожъ перенялся за ѕарнецъ вина платити копу Греку. Пріехалъ п. обозный енералный. Розышлось на медъ и прочее 13 к. Алексію 4 к.

15. П. обозный енералный зъ командою своею переходилъ черезъ городъ. Обѣдалъ одинъ, а вечеряли два Гамаліи лохвицкіи.

16. Обѣдали Гамаліи, а послѣ обѣда Троцкій и Лука Марковичъ были, и другіе гостѣ гуляли зъ музикою. Алексѣй Алексіевичъ Мажаевъ изъ московского полку поручикъ былъ у менежъ и долго въ ночъ трактовали о грунтахъ Доболской (?) зъ Троцкимъ.

17. За брусницѣ 90 к., за соль 14 к. Лукирцѣ 12 к., на мило 2 к.

18. За Ярмолу п. Григорія Гамаліи заплатилъ 8 р. П. Александру (Корецкому) швагру своему позичилъ въ дорогу въ войско 30 р. Розышлось 9 к.

19. За виписѣ подписку (помощнику писаря) ратушному 50 к., за мясо 36 к. Офѣцери обѣдали; маляра Петра сестрѣ дѣвчинѣ 20 к. Цехмистру ткацкому за роботу скатертей 3 р.

20. Самому маляру Петру 40 к. Розышлось на розницю 27 к.

21. Данъ Япченку цукоръ 51³/₄ фунта за долгъ 10 р., и за желѣзо отойшло 35 к. За мясо и кури 12 к.

22. Ничего. Числа 33. За мясо и на другій росходъ 25 к. Сиѣцару дано 10 к., передъ симъ емужъ 10 к.

24. За пару стрименъ 30 к., за роботу отъ направы лихтаровъ мосенжнихъ мекленбурцю 20 к. Договорилъ расколщика оправлять книги до церкви левенскои пять, давать 1 р. 80 к., а дано задатку 50 к. За медъ Ляшисѣ заплачено 30 к., за пудъ соли 40 к.

25. Обѣдалъ у полковника, а послѣ отехалъ въ Левенку и тамъ въ лазнѣ мился, а одтоль прибыли въ Случокъ на ночъ до п. Коменка.

26. Слушали обѣднѣ въ Суходолѣ, а одтоль прибыли на обѣдъ до Борщова, зъ Борщова въ Перегонъ зъ п. Федоромъ (Шираемъ) шваргомъ.

27. Былъ въ Городищѣ и за Ворою и на Бѣлявицѣ. На мясо 24 к.

28. Писаны писма въ Глуховъ чрезъ Коменка до п. Скоропадского, до судіи енералного Борозны и до Юркевича, и въ Почепъ за Кобузикомъ ковалемъ до поруччика Полянского, до Лукина и до сотника наказного Губчица.

29. Ездилъ до Курова и тутъ приходила до мене громада.

30. Былъ въ Василювцѣ.

31. Сими днями розышлось на розницю 45 к. Обослала Галецкая родинами за внука Петра.

Мѣсяцъ септеврій.

1. На вечерню отехалъ до Погари, и тамъ ночовалъ въ домѣ Панюшки.

2. По службѣ заходилъ до п. Григорія Черняка, а послѣ ко мнѣ и онъ и канцеляристъ Ливандовскій, да поруччикъ Козма Савватіевичъ Слотовъ пришли и обѣдали и долго гуляли, потомъ были у войта и ночовалъ въ Погарѣ на той же квартерѣ. На мясо и кури 10 к.

3. Получилъ писма зъ С. П. Бурха. На мясо пошло 17 к. Отехалъ зъ Погарѣ передъ обѣдомъ и пообѣдавши въ Перегонѣ, отехали на ночъ до Василіовки.

4. Въ Василіовцѣ обездили грунтъ между Чубаровомъ и Суворовомъ и въ Ісаевцѣ были.

5. Надъ вечери віехали зъ Василіовки въ Перегонъ. Дано на мясо 10 к.

6. Въ вечерѣ пришла вѣдомость о пріездѣ нашихъ зъ Кіева въ Буду.

7. Рано отехалъ п. Федоръ швагеръ, чрезъ которого и до жены о пріездѣ ея сюда въ Перегонъ писалъ, да писалъ противъ писма полковничого, что развѣ завтра віеду до Стародуба. Сего числа зъ Ровницкимъ да старостою евдоконскимъ да изъ лукинцями о спорнихъ грунтахъ договоръ заключили.

8. Пріехала панѣ въ Перегонъ; ездили въ Суворовъ до церкви, я по обѣдѣ былъ въ Чубаровѣ, послѣ въ Погарѣ и приказовалъ, якъ дворъ купленный у Сороки строити.

9. Надъ вечери віехалъ зъ Перегону и прибылъ коло полночи въ Левенку и тутъ ночовалъ.

10. Рано віехавъ оттуду, прибылъ въ Стародубъ, а послѣ обѣда у полковника своего былъ и отъ него къ генералу ходилъ.

11. Генералъ Кейтъ и два полки пѣхотни, первый московскій и бутирскій, вышли въ походъ до Переясловля. На мясо 21 к.

Слюсару за подѣлане муштука и проч. 16 к. Вечерялъ у маіора чернѣговского полку Петра Івановича Стрешнева зъ п. тестемъ.

12. Тогожъ маіора обослали водкою, вишніовкою и хлѣбомъ и двое картъ ему подарилъ, а послѣ обѣда онъ же былъ въ домѣ моемъ, которому сиръ и два кавуна поднесъ, а онъ мнѣ далъ часть »Розговоровъ въ государствѣ мертвыхъ«. Простясь, отехалъ въ Буду п. тестя, где и ночовалъ. Сего числа два полки пѣхотныхъ, чернѣговскій и суздалскій, пошли зъ Стародуба.

13. Данъ рондзикъ до переправи Пищолцѣ и емужъ дано 20 к. За мясо росплаченось 12 к., за медъ 12 к., за лихтарнѣ 2 к., за рогожи 12 к.

14. Петрошъ отпущенъ на время въ Перегонъ, которому дано на его нужду 20 к.

15. За мясо 6 к.

16. За мясо 7 к.

17. Отобрано у ткацкаго цехмистра двѣ штуки полотна, въ которихъ по 77 локоть. За мясо 12 к. Обѣдали у мене панѣ теща, капитанъ Корнилий Трофимовичъ Шалигинъ зъ женою своею Василисою Андреяновною и асаулъ зъ асаулкою. За медъ 8 к.

18. За мясо 6 к. Золотарю 56 к. за вичищене сребра отъ евангелія.

19. На рибу 10 к. Шевцю 9 к. Кравцю 9 к., за Часловецъ 40 к. Аксамиту до евангеліи левенскои 3 чвертки, за который надлежитъ 1 р. 20 к. У Федора Янченка взято пудъ желѣза и 3 фунти.

20. На мясо 12 к., за медъ 8 к. Золотарю, которому данъ рондзикъ до передѣлованния, дано 10 к. На крашенину до юпки 4 к., молодикамъ на баню 2 к., Алексію на его нужды 15 к.

21. На розницю 4 к. Костантій пріехалъ въ Стародубъ.

22. Розышлось на розницю 16 к.

23. Обѣдали у мене меклембурского корпуса пѣхотный маіоръ Лепелъ и отъ кавалеріи капитанъ Цибетъ. На мясо еще 23 к.

24. Прибылъ капитанъ Максимовичъ. На мясо и кури пошло 17 к. Дано кравцю на шовкъ 10 к. Дано еще інтролѣgатору 1 р.

25. Взято у Федора Янченка 500 грибовъ, которіе отосланы Славую по 7 к., за полтретя локтя штамету 55 к. На нитки до епанчи 3 к. За подшите вовками епанчи 25 к., на нитки 5 к.

26. Бондарю 16 к. Взято у Осипа Булахова 4 р., должные имъ Яружному за нитѣ. Былъ у капитана Цибета и у поруччика Ліоне. Програлъ 50 к. Розышлось на розницю 11 к.

27. Рубайленки лубку меду принесли. Розышлось на розницѣ 18 к. Дано Карноуху за перешиване епанчи 22 к. До сего числа у Серединомъ дворѣ набрали 21 фляшу вина. Отехалъ Максимовичъ и я віехалъ зъ Стародуба до Перегону.

28. По обѣдѣ зъ Левенки віехавши, прибылъ въ Перегонъ на ночъ.

29. Позно віехали къ Мглину, ночовали въ Погарѣ; тутъ писано нисмо до сотника погарского о визиченню деревнѣ. За медъ и пиво 49 к., на свѣчи и діоготь 6 к.

30. Обѣдали у Гетуна. На стенжки пянеи 30 к. Назадъ прибыли въ Перегонъ на ночъ.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Отехалъ въ монастырь чолнскій и видѣлся въ Погарѣ зъ маіоромъ Віттеномъ.

2. Учинено рѣшеніе о намѣстнику чолнскомъ Гавріилу за мою обиду. Помѣнялся я табакерками зъ отцемъ Варсонофіемъ, которій зъ другими черицями былъ у мене въ наметѣ (палаткѣ).

3. Розехалися зъ монастыря чолнского и обѣдалъ въ Романовцѣ. Одтоль заездилъ до Стечни и видѣлся зъ тамошнимъ ігуменомъ Гавріиломъ Великошапкою, куда надехали и отецъ Варсонофій зъ товарищи, а я заразъ отехалъ и прибылъ ночю въ Перегонъ.

4. Былъ на Василіовцѣ и возвратился на ночъ въ Перегонъ.

5. Пришло извѣстіе, что отецъ Варсонофій зъ товарищи прибылъ въ Ісаевку и для того отехалъ на Василіовку и тамъ ночовалъ.

6. Рано прибылъ въ дворецъ ісаевскій и тамъ послѣ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали.

7. Ездили къ обѣднѣ въ Городище, а послѣ того обѣдали у мене-жъ въ Перегонѣ, а по обѣдѣ подарили отца Варсонофія хусткою и кошелкомъ и они коло вечерень отехали.

8. Дніовалъ въ Перегонѣ.

9. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ до Стародуба.

10. Росплатка учинена зъ Федоромъ Янченкомъ за покупки, на ярмарку десятовскомъ [183]) справованные и за проч. 30 р. 48 к.

11. Остапу Качану на покупку дерева для робленя полукаретки дано 30 к.

12. Въ 11 часу по полуднѣ пожаръ былъ, згорѣлъ дворъ Черняковъ. По сее число на розную подробицю розышлось 1 р. 70 к.

13. За два кожухи мужеский и женский даны 80 к. Прислалъ Валкевичъ возовъ 10 сѣна, а ему позычено пять копъ дранѣ. Былъ я у маiора Лепела и долго сидѣлъ въ ночъ.

14. Ездилъ до Левенки, заплатилъ за 20 кафель 40 к., да за мясо прошлыми часы и за лой взиманный у Брезкуна 1 рубль 35 к. За 5 бочокъ солянихъ 10 к., на рогожи 12 к. Розышлось на розницю 7 к.

16. Розышлось на розницю 21 к., за пудъ салакуму 86 к. Пришолъ указъ всѣмъ въ походъ.

17. Писаны писма до отца Варсонофiя, свинского намѣстника и отца городничого лищицкого зъ кгазетами. Алексiю даны 3 к. За подкурене пари соболей 20 к. Максиму. Взялъ у Федора Янченка 50 р. Дано за сто оселедцовъ 35 к.

18. Дано Алексiю 3 р. Розышлось на розницю 7 к.

19. Iвану лучанскому на чоботы 22 к., на рукавицѣ 10 к., на розницю 7 к.

20. Кравцямъ 20 к., на розницю 8 к.

21. Крестили дитя служителя полковничого Микиты, сина Андрея. Данъ кумѣ 1 р. Попу, бабцѣ, дякону и паламару 41 к. Въ доплату покойному Стефану римару за роботу 32 к. Вечеромъ былъ у капитана Цибетъ и лейтинанта Лiоне. Сего числа снѣгъ випавъ.

22. Заплатилъ графу Гаврилу 50 р. и послалъ чрезъ Данила, писара его. За два чопы до винницѣ Качановскому данъ 1 р., у Жорова за горилку взятiй. Привезены книги зъ Санктпитербурха. Послано писмо до Лишня о покупцѣ 20 пудъ меду.

23. Взялъ 100 р. у Михайла Словинского на жито, подрядившись чвертку по 50 к. Панъ Екимовичъ, асаулъ полковый стародубовскiй, пожекгнался, въ походъ отходя. Програлъ въ карты 37 к., да еще пошло 3 к.

---

[183]) Ярмарка въ г. Стародубѣ въ десятую послѣ Пасхи пятницу.

24. Далъ Робаковскому на покупку жита 24 р., служителю, родинный хлѣбъ одъ панѣи Чернолузской привозившему, 10 к., а родилъся у еи синъ Петръ сего 21 числа.

25. Данъ рубль інтролѣgатору (переплетчику) до порахунку. На мясо 4 к. Одехалъ зъ Стародуба Василій Федоровичъ Милниковъ. Вечеряли у насъ Іскрицкій зъ женою.

26. Подметное писмо на полковника сискано и спалено. На рибу дано 10 к. Былъ капитанъ Блюхеръ у мене и панъ тесть, и обѣдали, также капитанъ Ленку.

27. Полковнику черезъ Якова цилюрика позыченъ Военный Уставъ, а п. Іскрицкому мовца полскій. Розышлось на розницю 45 к., на мясо 15 к. Былъ у мене капитанъ Ленку въ вечери.

28. Остапу Кочану дано на деревню для дѣланя коляски 30 к., черню зъ Святыхъ Горъ 1 р. На мясо и на розницю пошло 28 к. Даны Брезкуну двѣ яловицѣ.

29. Далъ інтролѣgатору 50 к. Далъ Балдовскому на жито 20 осмачокъ 32 руб. Максиму шапочнику 20 к. Петрошу данъ 1 р.

30. Взято у Ляшихи полрубля. Панѣи дано на стенжки 40 к. Дано за коня капитану Цибету 15 р.

31. Взято у Ноздри 10 р. Дано за направу парика 50 к. Війшли меклембурци.

Мѣсяцъ ноеврій.

1. Послалъ въ Мглинъ на медъ чрезъ Дениса Лишня 10 р. Дано крашенинику за фарбоване крашенины 45 к., за мясо 8 к.

2. Писару судовому Косачу за дворъ сорокинскій погарскій ad interim 20 р. Взялъ у погарцовъ на коней до порахунку: у куровского Грицка Пахоменка 8 р. 57 к., перегонского Сидора Сѣдкового 10 р., чубаровского Василя Кизенка 4 р. Дано за медъ и пиво 15 к. Кравцямъ на нитки 5 к.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. дядка и до п.п. Пасека и Скоропадского за нихъ же и отправлены чрезъ козака одъ п. дядка присиланного, которому на дорогу дано 5 к.

4. Золотару Івану за позолоту до рондзика и шаблѣ данъ червонецъ и еще часть золота, томужъ золотару на живое срѣбро 30 к. Вчера и сего дня за мясо 20 к. Антону Дону, посланному

въ дѣлѣ п. Іана Миклашевского зъ інструкціею по Сейновича даны 50 к. На розницю розышлось 15 к.

5. vacat. 6. Писалъ писмо зъ газетами до отца Варсонофія, намѣстника свинского, и о одсилцѣ оного писма къ атаману. Дано Чубѣ за чинбу зайцовъ и куницѣ 9 к. На нитки до подшиваня шлямового кунтуша 3 к. Обѣдалъ у полковника, а послѣ былъ у г. совѣтника адмиралтейского, скуповуючого пенку, Андрея Федоровича Хрущова, которого сожителница Анна Александровна зъ Колтовска, а потомъ были у Спасибенка на весѣлѣ.

7. Рано былъ у капитана меклембурского Ланку. Золотару Івану за камушокъ, въ перстень вправленный, дано 10 к. Розышлось на розницю 6 к. Семенко, сынъ п. Івана Гамаліи юдиновского умре. Въ вечерѣ былъ у мене помянутый г. Хрущовъ зъ жоною.

8. На куры 16 к. Дякону почепскому Петровскому позичены 40 к. Пугачевскому даны 10 к. Обѣдалъ у полковника для воспоминанія прінятія имъ полковои команды.

9. Шевскому цехмистру за роботу 4 паръ чоботъ 16 к. Івану Лучанскому на рукавици 10 к. Лаврину за рибу 9 к.

10. Алексію даны 2 р. За падло живодерамъ 5 к. За панчошки мнѣ и Василковѣ 17 к. Евтуху кравцю за роботу 20 к. Золотару Сергию до порахунку за роботу данъ 1 р. Взято у Парфененка 20 пудовъ меду въ 12 локошкахъ, которые и посланы въ Перегопъ.

11. Обѣдали у насъ полковникъ панъ, г. Хрущовъ зъ женою и прочіи, а послѣ обѣда были на весселю у Гомяницы. За пошите кунтуша—шубы дано 23 к.

12. Вечеромъ былъ купно зъ Василевичемъ у капитана Ланка и вигравъ тамъ въ карты 1 р. 60 к.

13. Обѣдали и весь день пробавили у п. Демяновичевой, а вечеряли дома. Прошлими днями розишлось на мясо и проччее.

14. Весь день пролежавъ, до сего-жъ дня былъ у меня Гомяніця зъ женою своею и зъ новобрачными зъ хлѣбомъ и подарками, которимъ дано 1 р., да былъ-же Никита Андріановичъ. Музикамъ 20 к.

15. Весь день пролежалъ дома; обѣдалъ зъ нами Іскритскій и взялъ книгу Пуфендорфъ, а у п. тестя Вадоменумъ медікумъ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа **каждаго** мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* переписсѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ *полями*, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Декабрь

1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1884 г.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ. Открыта подписка на 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ДЕКАБРЬ.

1884

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1884 года.

О ПОДПИСКѢ
на ежемѣсячный историческій журналъ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",
НА 1885 Г. (IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, **ежемѣсячно**, 1-го числа, книжками въ **12 листовъ**, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Для будущаго 1885 г. имѣются, между прочими, слѣдующіе матеріалы и статьи: Комитетъ изысканія кіевскихъ древностей, проф. *В. Б. Антоновича*, Историко-критическій разборъ польскаго романа Сенкевича: «Богданъ Хмельницкій», *его-же*, Прилуцкій асаулъ Мовчанъ и его записная книжка, *его-же*, Записки львовскаго каноника XVII ст. Юзефовича, переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями *проф. Антоновича*, Андрей Яковлевичъ Стороженко (біо-

фическій очеркъ), *И. В. Стороженка,* Очеркъ исторіи юго-западной Руси по соч. о. С. Качалы, *К. М.*, Романовское староство и судьба его жителей (переводъ съ польскаго), *его-же*, Характеристика южнорусской литературы XVII ст., *Н. Ѳ. Сумцова,* Поѣздка на Запорожье, съ 17 снимками запорожскихъ древностей, *Д. И. Эварницкаго,* Этнографическіе очерки, *В. П. Горленка,* Дунайцы, *А. А. Скальковскаго,* Козацкій полковникъ Богунъ, сподвижникъ Хмельницкаго, историческая повѣсть д-ра *А. І.* (переводъ съ польскаго), Малороссія послѣ 1654 г., историческій очеркъ, *Я. И. Ш.*, Матеріалы для исторіи штунды на юго-западѣ Россіи, *И. Л—ва,* и проч. Сверхъ того окончены будутъ: Путевые очерки Подолія, *К. М.*, Старосвѣтскіе батюшки и матушки, пов. *И. С. Левицкаго,* Смѣна народностей въ южной Руси, *И. Житецкаго,* и Дневникъ *И. Ханенка.*

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* «**Кіевской Старины**», *Кіевъ, Трехъсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА X. 1884 г.

Сентябрь, 1884 г.

Октябрь, 1884 г.

Ноябрь, 1884 г.

Декабрь, 1884 г.

СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ
ВЪ ИКОНОГРАФІИ СѢВЕРА И ЮГА РОССІИ.

Икона Софіи-премудрости Божіей, не встрѣчающаяся на православномъ востокѣ и неизвѣстная неправославному западу, существуетъ во многихъ церквахъ Россіи, а преимущественно въ тѣхъ, которыя посвящены имени Софіи-премудрости Божіей. Отличаясь нѣкоторыми частностями въ своемъ составѣ, она имѣетъ два главныхъ вида или типа, въ иконахъ *новгородской* и *кіевской*.

Съ *новгородской* иконой Софіи-премудрости Божіей сходны иконы того же имени, находящіяся въ архангельскомъ и вологодскомъ софійскихъ соборахъ. Съ кіевской иконой сего имени сходна храмовая икона тобольскаго софійскаго собора. Всѣ прочія иконы Софіи-премудрости Божіей, находящіяся въ различныхъ храмахъ Новгорода, Москвы и другихъ великороссійскихъ городовъ, представляютъ собою варіанты храмовой иконы новгородскаго софійскаго собора съ разными добавленіями, иногда довольно неудачными. Находя излишнимъ вдаваться въ исчисленіе оттѣнковъ иконы Софіи-премудрости Божіей, измышленныхъ нашими иконниками XVI и XVII вѣка, остановимъ вниманіе на двухъ главныхъ ея видахъ: на храмовыхъ иконахъ новгородскаго и кіевскаго каѳедральныхъ соборовъ.

Въ новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей на первомъ планѣ представляется человѣкообразная фигура юношескаго возраста, подобная ангелу, съ длинными, раздѣленными на двое волосами, спускающимися до плечъ въ видѣ локоновъ, и съ большими крыльями. Вся фигура и ея крылья краснаго или огненнаго цвѣта. Одѣта

она въ царскій хитонъ или саккосъ, съ омофоромъ и бармами поверхъ саккоса; на головѣ ея вѣнецъ съ городами, въ правой рукѣ длинный жезлъ съ крестомъ вверху, а въ лѣвой—свитокъ. Она возсѣдаетъ на византійской подушкѣ золотаго престола, который поддерживается 7-ю столбиками и 4 ножками, ноги ея покоятся на малой круглой подушкѣ. По сторонамъ огнезрачной фигуры, на отдѣльныхъ квадратныхъ подставкахъ, предстоятъ въ наклонномъ положеніи: справа св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на кругломъ дискѣ, держимомъ у груди обѣими руками; съ лѣвой стороны—св. Іоаннъ Предтеча въ власяницѣ и хламидѣ, съ поднятой для моленія правой и съ опущенной внизъ лѣвой рукой, которою онъ держитъ развернутый свитокъ. Надъ головой огнезрачной фигуры, въ маломъ кругѣ, на лучезарной звѣздѣ, поясной образъ Спасителя, который благословляетъ обѣими руками на обѣ стороны. Выше Спасителя, во всю ширину иконы, радуга украшенная рядомъ звѣздъ, а посреди ея—престолъ, на которомъ лежитъ книга; предъ престоломъ скамейка съ приклоненными къ престолу восьми-конечнымъ крестомъ и копьемъ — орудіями Христовыхъ страданій.

Кіевская икона Софіи-премудрости Божіей изображаетъ св. Дѣву съ воздѣтыми горѣ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ ея лонѣ. Св. Дѣва стоитъ подъ 7-столпною сѣнью или ротондою на серповидной лунѣ, поддерживаемой облакомъ, подъ коимъ большой амвонъ о 7-ступеняхъ. На первой, нижней ступени амвона написано Вѣра, на 2-й Надежда, 3-й Любовь, 4-й Чистота, 5-й Смиреніе, 6-й Благодать, на 7-й Слава. По ступенямъ того-же амвона стоятъ праотцы и пророки: справа—Моvсей, Ааронъ и царь Давидъ; слѣва—Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ, каждый съ символическимъ знакомъ и хартіей въ рукѣ. На 7-столбахъ ротонды, въ кругахъ подъ капителями коринѳскаго ордена, изображены въ вѣнкахъ эмблемы 7 даровъ св. Духа съ соотвѣтствующими надписями изъ Апокалипсиса. По карнизу сѣни строчная надпись: «*Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ седмь*». Надъ сѣнію или ротондою изображены въ лучахъ: Богъ Отецъ благословляющій и подъ нимъ св. Духъ, въ видѣ голубя, въ свѣтозарномъ облакѣ. По сторонамъ отъ Бога Отца 7 крылатыхъ ангеловъ, поддерживаемыхъ облаками, справа: Михаилъ, Уріилъ и Рафаилъ; слѣва—

Гавріилъ, Салафіилъ, Іегудіилъ и Варахіилъ съ символическими знаками въ рукахъ.

О новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей имѣется уже довольно полное изслѣдованіе г. Филимонова, помѣщенное въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства за 1874 годъ. Г. Филимоновъ въ своемъ изслѣдованіи 1) говоритъ, что существованіе иконографическихъ элементовъ этой иконы усматривается еще въ XI вѣкѣ и полагаетъ, что новгородская икона Софіи есть одна изъ древнѣйшихъ по составу иконъ въ Россіи и сама собою древнѣйшая редакція иконъ этого имени; 2) признавая эту икону символическою, онъ утверждаетъ, что въ ней олицетворена премудрость въ видѣ *женоподобной фигуры*, иначе сказать богини, а все прочее въ этой иконѣ составляетъ дополненіе, сдѣланное уже въ смыслѣ христіанской церкви для выраженія того, что Христосъ есть божественная премудрость. Что въ составъ новгородской Софіи вошли элементы иконописи XI вѣка, это очевидно для всякаго сколько нибудь знакомаго съ иконописными формами восточной церкви, но гдѣ именно взяты эти элементы и когда изъ нихъ образовалась икона, получившая въ Новгородѣ названіе Софіи-премудрости Божіей,—на этотъ естественный вопросъ у г. Филимонова нѣтъ хотя сколько нибудь близкаго отвѣта. Если-бы эта икона произошла въ XI вѣкѣ или раньше XI вѣка, то по всей вѣроятности она могла бы сохраниться и въ церквахъ восточныхъ, по крайней мѣрѣ могли бы сохраниться о ней какія-нибудь извѣстія у греческихъ или у нашихъ писателей. Но ни иконъ сего рода, ни извѣстій о нихъ не было и нѣтъ до XVI вѣка. Очевидно, что новгородская икона Софіи-премудрости Божіей не изъ древнѣйшихъ иконъ въ Россіи. Что касается происхожденія центральной фигуры на новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей, то, намъ кажется, трудно представить, чтобы кто нибудь изъ христіанъ XI вѣка дерзнулъ изображеніе какой нибудь музы или языческой богини выдавать за ликъ святой, достойный имѣть мѣсто въ храмѣ христіанскомъ. Всякая попытка въ этомъ смыслѣ была-бы отвергнута на востокѣ, такъ какъ символическія изображенія воспрещены VI вселенскимъ соборомъ, почему воспрещено было даже символическое изображеніе Христа въ видѣ агнца. Несомнѣнно, что икона Софіи-премудрости Божіей впервые стала извѣстной только у насъ въ Россіи,

и первое извѣстіе о ней относится къ 1528 году, когда новгородскій архіепископъ, въ послѣдствіи московскій митрополитъ, Макарій расположилъ въ новомъ порядкѣ иконы иконостаса въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Въ Москвѣ центральная фигура новгородской иконы Софіи, изображающая Спасителя въ видѣ ангела съ крыльями, появляется въ половинѣ XVI вѣка, когда послѣ пожара, опустошившаго московскія церкви, иконники, вызванные митрополитомъ Макаріемъ изъ Новгорода, стали писать въ московскихъ церквахъ иконы въ такъ называемыхъ притчахъ, олицетворяя въ нихъ содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ стиховъ. Таковыми были изображенія: 1) *Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми*, 2) *Троецкое дѣяніе*, 3) *Почи Богъ отъ дѣлъ своихъ*, 4) *Совѣтъ превѣчный*, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ изображенъ возсѣдящимъ на херувимахъ съ крестомъ въ лонѣ Отца; 5) Богъ Саваоѳъ, изливающій изъ сосуда на Христа, стоящаго въ херувимѣхъ на крылѣхъ, 6) *Духъ святый въ видѣ голубя* и 7) о Адамовомъ сотвореніи, гдѣ *Сынъ Божій* представленъ *въ видѣ ангела съ крыльями*. Появленіе такихъ изображеній было новостію для Москвы и произвело даже волненіе въ народѣ подъ вліяніемъ рѣчей дьяка Висковатого. Висковатый «о тѣхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ и возмущалъ народъ православныхъ крестьянъ, въ соблазнъ и понощеніе многимъ», утверждая, что иконники «поставили свои мудрованія, толкующе отъ притчъ». Особенно ему казалось несообразнымъ изображеніе Сына Божія въ видѣ ангела съ крыльями. Онъ думалъ даже, не скрывается-ли въ изображеніи Сына Божія *въ видѣ ангела съ крыльями* еретическая мысль, будто Сынъ Божій принадлежитъ къ числу служебныхъ духовъ. Митрополитъ отвѣчалъ Висковатому, что живописцы изображаютъ Сына Божія въ видѣ ангела по пророчеству о немъ Исаіи, который называетъ Его *Ангеломъ велика совѣта, Богомъ крѣпкимъ* и проч., и что они писали по древнимъ образцамъ Аѳона, Греціи, Новгорода.

Ссылка м. Макарія на новгородскіе образцы показываетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь новгородскую икону Софіи-премудрости Божіей, которой не могъ не знать, бывши предъ тѣмъ новгородскимъ архіепископомъ. Если изображеніе Сына Божія въ видѣ крылатаго ангела, которое составляетъ главную фигуру въ новгородской иконѣ Софіи, не было извѣстно въ московской Руси до половины XVI в.,

если появленіемъ своимъ въ Москвѣ оно возбудило даже толки и недоумѣнія; то нѣтъ сомнѣнія, что икона эта не особенно древняго происхожденія. Откуда-же взяты и какъ перешли къ намъ тѣ византійскіе элементы, изъ которыхъ составлена новгородская икона Софіи-премудрости Божіей?

Въ этой иконѣ можно различать двѣ главныхъ части: 1) центральную фигуру въ видѣ огненнаго ангела съ крыльями и 2) дополненія къ ней, состоящія изъ дуги, престола, книги на немъ и изъ двухъ фигуръ, находящихся вправо и влѣво отъ центральной фигуры—Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. То, что составляетъ въ этой иконѣ дополненіе, мы встрѣтили въ описаніи мозаикъ константинопольской Софіи, сдѣланномъ при послѣдней ея реставраціи Зальценбергомъ. Здѣсь сказано: если идти съ запада къ востоку внутри храма св. Софіи, то на дугѣ 2-й пары главныхъ устоевъ представляется медальонъ въ 6-вершковой рамѣ изъ радужныхъ цвѣтовъ, а въ медальонѣ золотой, на низкихъ ножкахъ, столъ подъ синимъ покровомъ, отороченнымъ бѣлой бахромой; на столѣ—золотая книга въ красноватомъ переплетѣ, а поверхъ книги золотой крестъ изъ трехъ перекладинъ, изъ коихъ средняя длиннѣе прочихъ двухъ. По спускамъ дуги, вправо—цѣльная фигура Іоанна Предтечи съ длинными, спускающимися по плечамъ волосами и съ раздвоенной бородой, въ одеждѣ изъ бурой косматой кожи, прикрытой платомъ свѣтлаго цвѣта, перекинутымъ чрезъ плечо; влѣво, на сѣверномъ устоѣ, противъ Іоанна Предтечи—Дѣва Марія съ простертыми впередъ дланьми. Обѣ фигуры представлены въ движеніи къ центру». И такъ здѣсь, на одной изъ аркъ константинопольской Софіи, почти все, чѣмъ обставленъ ликъ огнезрачной крылатой фигуры на иконѣ новгородской Софіи. Недостаетъ только медальона съ ликомъ благословляющаго Спасителя. Но какъ извѣстно, что Спаситель въ этомъ видѣ всегда, въ древности, помѣщался на плафонѣ свода, между дугой конхи и дугой восточной пары устоевъ, и по всей вѣроятности былъ также изображенъ и на плафонѣ константинопольскаго Софійскаго храма, то для цареградскаго иконника интересно было скопировать и этотъ ликъ, чтобы помѣстить его подъ радужной дугой медальона, измѣнивъ только положеніе фигуры Спасителя изъ горизонтальнаго въ прямое. Перенеся все это на доску или на полотно, оставалось еще чѣмъ-

нибудь наполнить пустое пространство въ срединѣ арки. Естественно, въ престолѣ съ книгой на немъ усматривалось изображеніе премудрости Божіей, но златый престолъ и разноцвѣтная дуга вмѣстѣ могли воспроизвести въ воображеніи иконника символическій ликъ, описанный въ 4-й главѣ Апокалипсиса такъ: «*и видѣхъ иного ангела крѣпка, сходяща съ небесе, и дуга надъ главою его яко солнце, и нозѣ его яко столпы огненны* (гл. 10, ст. 1.); *се престолъ стояше набеси и на престолѣ сѣдящъ. И сидяй бѣ подобенъ видѣніемъ камени іаспису и сардинови, и бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣніемъ смарагдови* (гл. 4, ст. 2). Видѣніе Даніила могло напомнить изографу видѣнный пророкомъ престолъ Ветхаго деньми, *аки пламень огненный* (7, 9), и припомнить ему сродное видѣніе тайновидца Іоанна, которому видѣлся *на облацѣхъ сѣдяй — подобенъ Сыну человѣческому, имѣяй на главѣ своей вѣнецъ златъ* (Апок. 14, 14). Если изографъ знакомъ былъ съ памятниками христіанской древности, то ему могло быть небезъизвѣстнымъ, что на древнихъ христіанскихъ саркофагахъ между фигурами трехъ отроковъ, брошенныхъ въ вавилонскую пещь, помѣщалось четвертое лице, одной рукой благословляющее, а въ другой держащее свитокъ, которое при иллюстраціи красками должно было представляться огненнымъ, какъ отражавшее на себѣ лучи пылавшаго въ пещи пламени. Изографъ стараго времени, безъ сомнѣнія, зналъ церковныя службы, поэтому ему, конечно, также извѣстна была церковная пѣснь праздника Срѣтенія Господня: «На престолѣ *огнезрачнѣмъ сѣдяй* со Отцемъ и божественнымъ Духомъ благоволилъ еси родитися на земли отъ отроковицы, неискусомужныя твоея Матере». Нельзя также думать, чтобы знакомый съ востокомъ и съ иконографіей св. Софіи константинопольской изографъ не зналъ, что Софія, которой посвященъ знаменитый Юстиніановъ храмъ, есть воплощенная премудрость, Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, предвозвѣщенный у пророковъ подъ именемъ *ангела велика совѣта, властелина, Его-же начальство на рамѣхъ Его.* (Иса. 9, 6. 7). Такимъ образомъ у церковнаго изографа могли быть въ виду всѣ элементы, усматриваемые въ деталяхъ центральной огнезрачной фигуры на новгородской иконѣ Софіи—премудрости Божіей, а потому не было ему никакой надобности обращаться къ античнымъ, языческимъ элементамъ для представленія воплощенной премудрости Божіей въ образѣ болѣе выразительномъ, чѣмъ книга на златомъ престолѣ,

находившаяся вверху арки Софійскаго храма. Желая представить эту премудрость въ живомъ, воодушевленномъ образѣ, онъ пользовался не языческими, а библейскими элементами и олицетворилъ ее въ видѣ ангела съ жезломъ въ одной и съ свиткомъ въ другой рукѣ. Такъ какъ чудное отроча, сынъ будущаго вѣка, у пророка называется не только ангеломъ велика совѣта, но и *властелиномъ, княземъ мира, владычество коего на раменахъ Его* (Иса. IX, 6—7) и коего царствованію на престолѣ Давида нѣтъ предѣла; то изографъ, соотвѣтственно сему, облекъ его въ царскую одежду, возложилъ на главу его вѣнецъ, а на плечи царскія бармы и посадилъ на царскомъ, огнезрачномъ престолѣ. Отъ огнезрачнаго престола огненный отблескъ долженъ былъ отразиться не только на фигурѣ возсѣдящаго ангела, но и на близкихъ къ нему ликахъ Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. Шесть ангеловъ, благоговѣйно преклоненныхъ по обѣ стороны стола, на которомъ вверху арки лежитъ книга, обычный символъ премудрости, составляютъ дополненіе картины, которое, вѣроятно, было нѣкогда на той-же аркѣ въ храмѣ Софіи, но не уцѣлѣло до нашего времени. Таково по нашему мнѣнію происхожденіе и таковъ смыслъ новгородской иконы Софіи—премудрости Божіей. Въ центрѣ ея находится не античное, а библейское олицетвореніе премудрости. Это не женское, но и не мужеское лице; это не св. Дѣва, а воплощенная премудрость, Господь Іисусъ Христосъ въ видѣ ангела новаго завѣта, облеченный аттрибутами царской власти, а рамой этой картинѣ служатъ изображенія, скопированныя съ одной изъ аркъ константинопольскаго храма св. Софіи.—Вопросъ о томъ, когда составлена новгородская икона Софіи, разрѣшается отчасти временемъ самыхъ мозаикъ на 2-й парѣ устоевъ цареградской Софіи. Мозаики эти принадлежатъ императору Іоанну Палеологу (1355—1424 г.). Онъ исправлялъ ветхости Юстиніанова храма и добавилъ въ немъ нѣсколько мозаическихъ изображеній, которыя отличаются отъ древнѣйшихъ VI вѣка мозаикъ менѣе строгими позами фигуръ, меньшимъ совершенствомъ въ ихъ выполненіи и характеромъ самаго шрифта подписей на фигурахъ Божіей Матери и Іоанна, переходящихъ въ скоропись. Подъ фигурой Божіей Матери здѣсь—на спускѣ арки изображенъ и самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ. Слѣдовательно новгородская икона Софіи могла быть составлена не раньше 2-й

половины XIV в. и не позже 1-й половины XV вѣка, въ которомъ Константинополь взятъ турками. Этимъ временемъ, довольно позднимъ въ иконографіи византійской, объясняется и *осьмиконечіе* креста, приклоненнаго къ книгѣ, лежащей поверхъ престола на аркѣ. Изображеніе такого креста имѣется въ Аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ на иконѣ св. апостоловъ Петра и Павла, съ подписью, что икона эта есть приношеніе Андроника, благочестиваго царя Палеолога (1282—1341 г.). Тамъ-же находится большой запрестольный осьми-конечный крестъ, бывшій у насъ въ Россіи не малое время при Иванѣ Васильевичѣ IV и слывшій подъ именемъ креста Константинова, но никакъ не принадлежащій его времени, и который по всей вѣроятности послужилъ поводомъ къ особенному чествованію осьми-конечнаго креста въ сѣверо-восточной Руси, дошедшему у раскольниковъ до порицанія древнѣйшаго креста, четвероконечнаго. Изображеніе апостола Петра съ ключами на андрониковой иконѣ показываетъ достаточно, что какъ эта икона, такъ и изображенный на ней 8-конечный крестъ не чисто византійскаго происхожденія, а составлены подъ вліяніемъ западнаго, италіанскаго искусства. Въ Новгородѣ икона Софіи, какъ сказано выше, была уже въ 1528 году, когда новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ сдѣлано переформированіе иконостаса новгородскаго софійскаго собора и новое размѣщеніе въ немъ иконъ. Но замѣчательно, что новгородская лѣтопись, передавая извѣстіе объ этомъ, не причисляетъ икону Софія къ цареградскимъ иконамъ. Установленіе новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ нарочитаго праздненства только въ день Успенія Божія Матери, съ крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ новгородскихъ церквей и отмѣной подобныхъ торжествъ съ крестными ходами, бывшихъ дотолѣ во всѣ двунадесятые праздники, послужило въ XVI вѣкѣ основаніемъ считать день Успенія Божіей Матери храмовымъ праздникомъ новгородскаго софійскаго собора и дало поводъ видѣть уже на иконѣ Софіи-премудрости Божіей не ангела, а женскій идеалъ приснодѣвства Божіей Матери. Затѣмъ являются въ Новгородѣ и толкованія Софіи-премудрости Божіей, въ которыхъ говорится, что образъ премудрости Божіей Софіи «проявляетъ собою Пресвятыя Богородицы не изглаголаннаго дѣвства чистоту; имать же дѣвство лице дѣвиче огненно... и надъ главою имѣетъ Христа

и на высотѣ простерты небеса». Детали огневидной фигуры, сидящей на престолѣ, какъ то: царскій вѣнецъ, огненныя крылья, свитокъ, препоясаніе, семь столповъ престола, подножный камень толкуются также въ примѣненіи къ дѣвству вообще и къ дѣвству Пресвятыя Богородицы въ частности. Но въ службѣ Успенію Божіей Матери, совершаемой въ новгородскомъ софійскомъ храмѣ въ этотъ праздникъ, между пѣснями въ честь Успенію Богородицы помѣщено немало стихиръ, въ которыхъ понятіе о Софіи-премудрости Божіей двоится: подъ нею разумѣется то Іисусъ Христосъ—Упостасное Слово Божіе, то Богоматерь въ отношеніи къ тайнѣ воплощенія и своему приснодѣвству.

Кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей г. Филимоновъ усвояетъ позднѣйшее происхожденіе, относя составъ ея лишь къ XVIII в. Положимъ, что древнихъ иконъ, совершенно сходныхъ съ кіево-софійскою, не сохранилось у насъ въ Россіи, и находящаяся нынѣ въ числѣ намѣстныхъ иконъ храмовая икона кіево-софійскаго собора дѣйствительно принадлежитъ половинѣ XVIII вѣка. Но въ московской Благовѣщенской церкви на Бережкахъ, по сообщенію самаго-же г. Филимонова, до 1849 года была замѣчательная икона Софіи-премудрости Божіей кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго не позже 1707 года, въ которомъ онъ умеръ, сгорѣвшая въ Гуслицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ другими древними иконами, собранными туда изъ московскихъ церквей. Совершенно сходная съ кіевскою, храмовая икона Тобольскаго софійскаго собора принадлежитъ XVII вѣку. Сопровождавшій антіохійскаго патріарха Макарія въ 1654 г. діаконъ Павелъ видѣлъ въ кіево-софійскомъ соборѣ храмовую икону Софіи-премудрости Божіей, которая по его описанію, въ главномъ совершенно сходна съ нынѣ находящеюся на томъ-же мѣстѣ. Извѣстно также, что еще раньше сего митрополитъ кіевскій Петръ Могила посылалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу на благословеніе икону Софіи-премудрости Божіей. Наконецъ, авторъ синодальной рукописи, приводимой г. Филимоновымъ, монахъ Ефимій XVII вѣка, сказавши, что приличнѣе писать св. Софію воплощеннаго Христа Бога, добавилъ: «*якоже и видится пишемый образъ св. Софіи*, по пророчеству мудраго *Соломона*, *храмъ имущь внутрь Христа и столпы седмь и надъ столпами Духъ* [illegible]*ный въ голубинѣ образѣ*». Хотя монахъ Ефимій, конечно, имѣлъ при

этомъ въ виду не кіевскую икону, а новгородскія такъ называемыя крестныя иконы Софіи-премудрости Божіей, изъ коихъ одна находится въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а другая въ крестовоздвиженской церкви Юрьева монастыря, а также новгородскую софійскую икону, извѣстную подъ названіемъ «Отрыгну сердце мое»; но замѣчаніе его въ равной мѣрѣ можно относить и къ кіевской иконѣ Софіи. Кромѣ того, архитектурная часть вышеупомянутыхъ новгородскихъ иконъ, а въ особенности крестной, таже, что и въ кіевской иконѣ Софіи; почему эти иконы можно считать особыми редакціями кіевской. Новгородскія иконы отличаются отъ кіевской иконы Софіи только тѣмъ, что на нихъ Спаситель изображенъ не въ лонѣ Богоматери, а на крестѣ, изображеніе Бога Отца вверху св. Духа замѣняется образомъ благословляющаго обѣими руками Спасителя и святые стоятъ группами не по ступенямъ семи-столпной сѣни, а по ея бокамъ, однѣ надъ другими[1]). На иконѣ «Отрыгну сердце мое» есть почти все, что и въ кіевской: только Спаситель представленъ не въ видѣ младенца, а въ совершенномъ возрастѣ, возсѣдающимъ на тронѣ между двумя архангелами, подобно Богоматери на Влахернской иконѣ, и нѣтъ 7-столпной сѣни. Въ особенности замѣчательно, что на послѣдней иконѣ изъ устъ Спасителя ниспадаютъ внизъ на пораженныхъ людей лучи, которые оканчиваются надписью: «людіе предъ тобою падутъ въ сердце врагъ царевыхъ»; ибо нѣчто подобное сему, по описанію діакона антіохійскаго Павла, въ XVII в. было и на кіевской иконѣ св. Софіи, именно: на ней, подъ семи-столпною сѣнію, былъ изображенъ «драконъ, держащій лукъ и стрѣлы, а вокругъ его персіане съ луками и стрѣлами и группа франковъ съ пушками и мушкетами», т. е. было изображено сатанино воинство, воинствующее на церковь. По его же описанію на одной изъ сѣверныхъ дверей кіево-софійскаго собора были изображены Софія и св. Духъ, отъ котораго падаютъ лучи на церковь, и представлена борьба персіанъ съ франками, которые стрѣляютъ изъ пушекъ и мушкетовъ противъ франковъ, вооруженныхъ луками. При такомъ сходствѣ съ кіевской иконой Софіи новгородскихъ иконъ тогоже имени, которыя г. Филимо-

---

[1]) На иконѣ новгородскаго Юрьева монастыря есть и символы 7-ми даровъ св. Духа, и Вѣра, Надежда, Любовь.

новъ относитъ къ XVI в., надлежало-бы къ тому-же XVI в. причислить и первую изъ нихъ, т. е. кіевскую. Но есть основаніе думать, что кіевская икона Софіи-премудрости Божіей еще древнѣе, потому что входящіе въ составъ ея элементы находятся на иконахъ того-же имени древнѣйшихъ XVI вѣка. Такъ храмъ, украшенный 7 колоннами, съ Богоматерью и Предвѣчнымъ при ней Младенцемъ въ кругѣ, изображенъ на иконѣ Премудрости, принадлежащей графу Уварову [1]) и относящейся къ XV в.; все отличіе ея отъ кіевской иконы состоитъ въ томъ, что храмъ этотъ не въ видѣ сѣни, а въ формѣ древней базилики; въ семи кругахъ, выше главы Богоматери, не 7 даровъ св. Духа, а 7 духовъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ, и Богоматерь не стоитъ, а сидитъ на тронѣ, вправо отъ колоннады. Такъ графу Банти во Франціи принадлежитъ русская икона XV вѣка, содержаніе коей *«Премудрость созда себѣ домъ»*, «зробленная», какъ гласитъ надпись на ней, повелѣніемъ благовѣрнаго князя Ѳеодора Ивановича Ярославича, пинскаго князя, за которымъ была дочь кіевскаго князя Симеона Олельковича († 1471 г.) [2]). Въ константинопольской патріаршей церкви, на 2-й колоннѣ отъ алтаря, находится поступившая сюда съ Аѳона или изъ константинопольской сербской церкви 1521 года, икона Премудрости, на коей Божія Матерь изображена съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, съ предстоящими ей по правую сторону Соломономъ и Даніиломъ, а по лѣвую Давидомъ и Исаіею, изъ коихъ у каждаго въ рукѣ свитокъ и на свиткѣ Соломона слова: *Премудрость созда себѣ домъ* и проч. Изображеніе Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, не держимымъ на рукахъ, а только предъявляемымъ міру въ ея лонѣ, было въ употребленіи и на печатяхъ константинопольскихъ патріарховъ, какъ символъ каѳедральнаго ихъ храма Премудрости Божіей, въ центрѣ котораго, на запрестольной стѣнѣ, находилось такое-же мозаическое изображеніе, уцѣлѣвшее до нынѣшняго времени. Такое-же изображеніе употреблялось и употребляется нынѣ на печатяхъ кіевскихъ митрополитовъ, съ добавленіемъ семи-столпной сѣни.

[1]) Древности, изд. Моск. археол. общ. Москва 1867 г. сент.—окт.

[2]) Melanges d'Archéologie въ статьѣ г. Филимонова о Софіи-премудрости Божіей.—Вѣстн. древне-рус. искусства, 1874 г. 1—3.

Послѣ этихъ историческихъ указаній на древность главныхъ составныхъ частей кіевской иконы Софіи-премудрости Божіей еще остается открытымъ вопросъ, которая икона этого имени древнѣе, кіевская или новгородская.

На кіевской иконѣ, изображающей Іисуса Христа въ лонѣ св. Дѣвы, выражено воплощеніе Сына Божія. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе въ составъ этой иконы въ томъ видѣ, какъ она была въ XVII вѣкѣ, нужно признать, что въ ней вмѣстѣ съ тайной премудрости, явленной въ воплощеніи Сына Божія отъ Дѣвы, представлено и апокалипсическое видѣніе о борьбѣ сѣмени жены съ дракономъ. Въ Апокалипсисѣ тайновидецъ пишетъ, что въ видѣніи ему показалась на небѣ *«жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Предъ этой женой, которой надлежало родить, былъ драконъ съ 7 головами и съ 9 рогами. Жена родила Сына, которому надлежало пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ. Драконъ преслѣдуетъ жену, которая родила Сына, и даны женѣ два крыла, чтобы она летѣла въ пустыню. И вступилъ драконъ въ брань съ прочими отъ сѣмени жены, сохраняющими заповѣди Божія и имѣющими свидѣтельство Христово»* (Апок. XII, 1, 3, 5, 13, 14, 17).

Все сказанное въ этихъ стихахъ 12 главы Апокалипсиса дѣйствительно было на кіево-софійской иконѣ Софіи-премудрости Божіей. Хотя въ нынѣ существующей иконѣ сего имени недостаетъ вѣнца изъ 12 звѣздъ вокругъ главы Богоматери, нѣтъ уже и 7-главаго дракона, но такой вѣнецъ сохранился на древнѣйшей ея копіи—храмовой иконѣ тобольскаго софійскаго собора и въ рельефномъ изображеніи той-же Софіи-премудрости Божіей на окладѣ евангелія, подареннаго кіево-софійскому собору преосвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ рязанскимъ, въ 1703 году. Седмиглавый драконъ, какъ выше упомянуто, былъ на кіево-софійской иконѣ ниже 7-столпной сѣни, при обозрѣніи кіево-софійскаго собора въ 1653 г. діакономъ Павломъ. Тотъ-же 7-главый драконъ находился подъ ногами Божіей Матери, изображенной въ видѣ крылатой жены съ младенцемъ въ лонѣ, на кіевской иконѣ Софіи конца XVII в., бывшей въ московской церкви на Бережкахъ.

Итакъ мы приходимъ къ слѣд. заключеніямъ: 1) Ни въ новгородской, ни въ кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей нѣтъ

никакихъ античныхъ элементовъ, заимствованныхъ изъ греческаго или римскаго языческаго міра, и потому отвергаемъ предположеніе, будто центральная фигура въ иконѣ Софіи-премудрости Божіей первоначально была олицетвореніемъ идеи мудрости вообще, въ видѣ дѣвы или музы. 2) Въ новгородской и въ кіевской иконѣ Софіи главное лице есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, воплощенная премудрость Божія, второе лице св. Троицы; разность лишь въ томъ, что на новгородской иконѣ Онъ представленъ въ видѣ ангела велика совѣта, а на кіевской—въ видѣ младенца, покоющагося въ лонѣ св. Дѣвы. 3) Составъ той и другой иконы XVI вѣка, а ихъ элементы принадлежатъ болѣе древнему времени. 4) Кіевская икона Софіи съ младенцемъ Іисусомъ въ лонѣ Божіей матери, стоящей посреди седмистолпной сѣни, образовалась не подъ западнымъ, а подъ библейскимъ вліяніемъ. 5) Сличеніе новгородской иконы Софіи премудрости Божіей съ кіевскою иконою того-же имени нисколько не даетъ повода согласиться съ г. Филимоновымъ, что во время появленія этихъ иконъ, въ XVI вѣкѣ, преобладало православіе на сѣверѣ болѣе, чѣмъ на югѣ Россіи.

П. Л—въ.

ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ
О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМІРА ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ.

Бывшій одесскій генералъ-губернаторъ и предсѣдатель одесскаго археологическаго общества князь Воронцовъ предложилъ въ 1839 г. евпаторійскимъ караимамъ (через симферопольскаго губернатора Муромцева) нѣсколько вопросовъ, касавшихся ихъ происхожденія, времени переселенія въ Крымъ и пр. Евпаторійскіе караимы обратились къ своему общественному учителю Аврааму Фирковичу, изучавшему караимскія древности и долго путешествовавшему по Востоку, съ просьбой отыскать у древнѣйшихъ караимскихъ общинъ Крыма рукописи, надгробныя надписи и другіе документы, могущіе служить отвѣтомъ на предложенные вопросы.

Согласно съ этой просьбой, Фирковичъ предпринялъ тогда свое первое путешествіе по Крыму и Кавказу, во время котораго онъ собралъ коллекцію изъ 110 различныхъ документовъ. Въ 1856 году Авраамъ Фирковичъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Гавріиломъ Фирковичемъ, совершилъ второе путешествіе по Крыму, а въ 1863 году одинъ старшій Фирковичъ—по Востоку.

Плодомъ всѣхъ этихъ путешествій, неутомимыхъ трудовъ, стараній и расходовъ было огромное собраніе рукописей священныхъ книгъ, разныхъ караимскихъ и раввинскихъ писателей, масса приписокъ и снимковъ съ надгробныхъ памятниковъ — неоцѣнимый матеріалъ для исторіи еврейской литературы, библейской хронологіи, семитической палеографіи и древней этнографіи южной Рос-

сіи [1]). Большая часть этого собранія составляетъ теперь собственность С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки и одно изъ лучшихъ ея сокровищъ, особенно восточнаго отдѣла [2]).

Въ бытность свою на Кавказѣ, въ 1840—41 г., А. Фирковичъ узналъ отъ стараго раввина въ Дербентѣ, что евреи близь-лежащаго села Маржелисъ съ давняго времени скрыли въ южной стѣнѣ своей старой синагоги нѣкоторые историческіе документы; послѣ долгихъ поисковъ, Фирковичу наконецъ удалось открыть въ ноябрѣ 1840 г. пергаменный свитокъ въ 13 вершковъ длины и 3 $^1/_2$ ширины [3]); на этомъ свиткѣ, составляющемъ теперь собственность Императорской Публичной Библіотеки, находится слѣдующая приписка: [4])

«Когда я пришелъ въ село Тагъ-Базаръ, вблизи Дербента, то нашелъ у Маръ-Іосифа [5]), сына Бахши, текстъ путешествій Іегуды, сына Моисея Мизрахи, скопированный Авраамомъ, сыномъ Симхи Гасфарди, съ приписки къ древнему свитку пятикнижія въ Гамаданѣ. Я скопировалъ (это) для себя въ 5273 г. по сотвореніи (1513 по Р. Х.) во вторникъ, 5-го числа мѣсяца Сиванъ» [6])

Затѣмъ слѣдуетъ приписка вышеупомянутаго Авраама, сына Симхи Гасфарди, слѣдующаго содержанія:

«Я—одинъ изъ вѣрно преданныхъ Израилю [7]) Авраамъ, сынъ Маръ-Симхи изъ города Сафарадъ (ספרד; Босфоръ, Керчь; см. ниже) въ царствѣ братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ Хазаръ, былъ въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего, т. е. 4746 г. по сотворе-

---

[1]) 18 еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма проф. Хвольсона (въ I томѣ Сборника статей по еврейской исторіи и литературы), Спб. 1866 г., стр. 1—2; см. также отчетъ д—ра Штерна.—Записки одес. об. ист. и древ. ч. I, стр. 640—49. Одесса. 1844 г.

[2]) Прилож. къ «Гакармелю». 1863 г., № 24; «День». 1870 г., № 8.

[3]) Хвольсонъ, ibid., стр. 68.

[4]) Обычай писцовъ дѣлать приписки къ переписываемымъ ими книгамъ, какъ извѣстно, существовалъ и у насъ; см. напр. Опис. рук. Румян. муз., л. 721, 725 и 727; Описаніе слав. рук. мос. синод. биб., л. 184.; Опис. рук. Рус. муз., л. 465 и друг. Щаповъ, Рус. расколъ старообряд. Казань, 1859 г., стр. 16, прим. 2; архіеп. Макарія, Истор. рус. церкви, IV, 269.

[5]) Титулъ у евреевъ.

[6]) Хвольсонъ, ibid., стр. 69.

[7]) Подражаніе II книгѣ царствъ, стр. 20, 19.

ніи, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши, евреи города Матархи (986 г. по Р. Х.) въ то время, когда послѣ князя Рошъ Мешехъ ([illegible]) изъ города Ціовъ (Кіевъ[1]) пришли къ государю нашему, хазарскому князю Давыду, развѣдывать о дѣлахъ религіи—отправленъ имъ (Давыдомъ) въ Персію и Мидію купить для хазарскихъ общинъ старыя ([illegible]) пятикнижія, книги пророковъ и агіографовъ. Въ Эламѣ, т. е. ([illegible]) Испагани, слыхалъ я, что въ Шушанѣ, т. е. Гамаданѣ, находится старый свитокъ пятикнижія; и когда я туда пришелъ, то братья наши, сыны Израиля, показали мнѣ его среди большаго собранія. Въ концѣ свитка написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты, чтобы облегчить обученіе питомцевъ чтенію писанія (св.). Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ, но они на это не согласились. Я скопировалъ упомянутый разсказъ слово въ слово,—такъ какъ я глубоко цѣнилъ слова корректора... Его благочестивыя заслуги да сохранятъ меня, дабы Богъ привелъ меня живаго и благополучно домой, аминь»[2]).

---

[1]) Нужно замѣтить, что другіе древнѣйшіе писатели иностранцы, упоминающіе Кіевъ, еще болѣе коверкаютъ это имя; такъ напр. Cinamus пишетъ Kiamâ, Дитмаръ—Cuienwa, Kitawa и Kitana; Адамъ Бремен.—Chiva; другіе пишутъ: Chios, Kiawos, Kujawah, Kuah. (Закревскій. Описаніе Кіева. М. 1868 г., стр. 8).

[2]) Хвольсонъ, ibid., текстъ и переводъ, стр. 69—71, нѣмец. изданіе, стр. 54; Orient, 1841 г., № 33 (по неточному списку; еврейскій журналъ Гакармель ч. II, № 40, стр. 329 (не вся переписка).

Какъ извѣстно, Святославъ одержалъ рядъ побѣдъ надъ хозарами (Лѣтопись по Лаврен. списку, изд. 1872 г. стр. 83—4) и, какъ обыкновенно выражаются, уничтожилъ хозарское царство. Но это вѣрно только отчасти. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, особенно въ Крыму, отдѣленномъ отъ Кіева, степями и кочевыми народами, хозаре и долго послѣ Святослава существовали, какъ отдѣльный народъ (Гретцъ. Исторія евреевъ, V, 290, изд. 1883 года); Бестужевъ—Рюминъ, Рус. исторія. I, от. II, 79; Карамзинъ, II, 21, прим. 24); это подтверждается словами Нестора: «Жидове хозарстии пріидоша», а также однимъ еврейскимъ источникомъ, приведеннымъ у Гретца (ibid, V, 455); Гретцъ не безъ основанія говоритъ, что хозарскій царственный домъ съ высшей аристократіей бѣжали въ Испанію только въ 1016 (ibid), а можетъ быть еще позже. Это независимое положеніе хозаръ продолжалось даже и послѣ Мстислава Тмутараканскаго, на что есть ясныя доказательства въ нашей лѣтописи (Соловьевъ, II,

Затѣмъ въ свиткѣ слѣдуетъ приписка самаго Іегуды корректора, которая уже не относится къ предмету нашей статьи, и потому мы ее и не приведемъ; замѣтимъ только, что самый подлинникъ, съ котораго Авраамъ, сынъ Симхи, скопировалъ разсказъ Іегуды, тоже отысканъ (въ Дербентѣ) и съ 1864 года составляетъ собственность императорской публичной библіотеки. Противъ подлинности вышеприведенной приписки Авраама, ясно говорящей, что Владиміръ святой отправилъ пословъ къ хозарамъ для испытанія ихъ вѣры, особенно вооружается д—ръ А. Гаркави [1]). Мы намѣрены въ настоящей статьѣ подвергнуть критической оцѣнкѣ *главныя* возраженія Гаркави противъ подлинности этого документа. Мы не беремся окончательно опровергнуть ихъ: вопросъ на столько сложенъ, доказательства неподлинности документа, благодаря замѣчательной эрудиціи Гаркави, такъ хорошо обставлены, что это врядъ ли и возможно сдѣлать въ одной небольшой статьѣ. Мы только желаемъ такъ сказать пошатнуть безусловную *якобы* вѣрность возраженій Гаркави, его будто-бы неопровержимыя доказательства подложности документа [2]).

Главныя возраженія Гаркавы сводятся къ слѣдующему:

1) Всѣ еврейскіе писатели, какъ раввинскіе, такъ и караимскіе, всегда подразумѣвали подъ именемъ Сафарадъ (ספרד) только Испанію [3]).

29; Костомаровъ, Рус. исторія, I, 42) и имѣли самостоятельныя политическія сношенія съ Византіей (Соловьевъ, ibid; Карам. II, 96, прим. 145). Плано-Карпини упоминаетъ еще нѣсколько разъ о хозарахъ (Карам. IV, 44, прим. 4). Объ упоминаемомъ въ нашемъ документѣ князѣ Давыдѣ говорится еще въ одной изъ приписокъ коллекціи Фирковича, приведенной у Хвольсона (ibid., стр. 75), на основаніи которой мы можемъ заключить, что онъ былъ хазарскимъ княземъ еще во время второго похода Святослава (969г.).

[1]) Въ Извѣстіяхъ императорскаго русскаго археологическаго общества, т. VIII, стр. 499—516 и отдѣльно: по поводу извѣстія Авраама Керченскаго; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», ч. CXCII, іюль 1877 г., стр. 98—121; «Разсвѣтъ», 1880 г., стр. 379—380, 417—420 и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненія его Altjüdische denkmäler aus der Krim. Спб., 1876 г.

[2]) «Если документъ этотъ (Авраама Керченскаго) былъ-бы подлиненъ, то... но мы *неопровержимо* доказали его подложность» (Гаркави, Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ, Восходъ 1882 года, кн. I, стр. 241).

[3]) Гаркави однакожъ допускаетъ, что Сафарадъ пророка Авдія (20) означаетъ Сперь, одну изъ областей Великой Арменіи. Это мнѣніе принадлежитъ Вивь-

2) Слова «[illegible] [illegible] ראש ומשך» Гаркави переводитъ: послы Руси и Москвы, что, по его мнѣнію, уже доказываетъ подложность документа, такъ какъ Аврааму-маръ-Симха въ 986 году не могла быть извѣстна гораздо позже построенная Москва [1]).

3) Въ Кіевѣ и вообще въ южной Руси жили уже тогда евреи и въ отправленіи посольства для ознакомленія съ іудействомъ не было никакой надобности, такъ какъ это было возможно и въ самомъ Кіевѣ [2]).

4) Первоначальный русскій лѣтописецъ, перечисляя народы, къ которымъ были отправлены послы для испытанія вѣръ, не упоминаетъ хозаръ;

5) Такъ, по мнѣнію Гаркави, и должно было быть, такъ какъ евреи получили отъ Владиміра рѣшительный отказъ, когда другіе проповѣдники—только сомнительные отвѣты.

сенъ-де-сенъ-Мартеву, и только какъ существующее предположеніе было приведено въ нашей статьѣ «Родъ Багратуни». Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 135, примѣч. 2.

[1]) Москва въ первый разъ упоминается въ 1147 г. (Лѣтоп. по ипатск. списку 240, 407). Первый князь московскій—Михаилъ Ярославичъ († 1248 г.); хотя еще въ 1213 г. упоминается въ Москвѣ Владиміръ Всеволодовичъ, а подъ 1237 г. Владиміръ Юрьевичъ, но это скорѣе были временные князья-правители; линія-же московскихъ князей начинается съ Даніила Александровича († 1303 г.). Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, отд. II, стр. 392; Карамзинъ, IV, стр. 66.

[2]) Мы собственно не имѣемъ на это прямыхъ указаній источниковъ, исключая развѣ Татищева (II, прим. 176), который говоритъ: «что же написано (у Нестора) пришли (еврейскіе проповѣдники въ 966 г.), то не можно за то почитать, что оні нарочно для этого изъ хозаровъ пришли, но разумѣй тѣхъ, которые были *Святославомъ* плѣнены, въ Кіевѣ... поселены, которыхъ много было». Это извѣстіе, какъ находящееся *только* у Татищева, конечно требуетъ повѣрки, хотя есть вѣскія доказательства въ пользу его достовѣрности. Къ числу сомнительныхъ доказательствъ существованія еврейскаго населенія въ Кіевѣ въ X в. принадлежитъ такъ-же предположеніе, что Лука Жидята, епископъ новгородскій (1035—1059 г.), былъ еврейскаго происхожденія (Малышевскій. «Труды кіевской духовной академіи», 1878 г. III, 427 и слѣд.), хотя это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Несомнѣнныя доказательства существованія евреевъ въ Кіевѣ относятся къ половинѣ XI в. «Слово о благодати», Иларіона, епископа кіевскаго (1051—1054 г.), очевидно направлено противъ іудейства, какъ силы, пріобрѣвшей въ Кіевѣ значительное вліяніе (см. ниже); сюда-же относится извѣстіе о

У евреевъ старые свитки, какъ *посулъ*[1]), не употребляются уже болѣе для ученія, поэтому сомнительно, чтобы хозарскій князь очень интересовался таковыми, тѣмъ болѣе *древними*—какъ Гаркави (и Хвольсонъ) переводитъ слово подлинника: קדמונים—понятіе, свойственное нашему вѣку съ его музеями и археологическими обществами[2]).

Остановимся на каждомъ изъ этихъ возраженій.

Относительно того, что городъ Керчь въ древности[3]) дѣйствительно назывался: *Сафарадъ*, противъ чего главнѣйшимъ образомъ возстаетъ Гаркави, мы имѣемъ свидѣтельство блаженнаго Іеронима, въ его переводѣ пророка Абадія (20): «плѣненіе-же Іерусалимское, что въ Сафарадѣ наслѣдуетъ города юга»; Іеронимъ слово Сафарадъ переводитъ—Босфоръ (Керчь), прибавляя при этомъ, что такъ ему говорилъ его еврейскій учитель (баръ-Хнина)[4]).

еврейскомъ кварталѣ, особенной части города Кіева, и о спорахъ съ евреями Ѳеодосія Печерскаго (см. ниже), а также о жидовскихъ воротахъ, вѣроятно прилегавшихъ къ еврейскому кварталу (Ипатск. списокъ, стр. 24, 60); они теперь называются львовскими (Закревскій, Описаніе Кіева, стр. 436).

Извѣстіе Татищева (II, прим. 213), будто Владиміръ Мономахъ изгналъ въ 1113 г. евреевъ изъ Кіева, не имѣетъ основанія (Закревскій, ibid., стр. 314: Карамзинъ, II, прим. 219; Соловьевъ, II, прим. 157; Бестужевъ-Рюминъ, ibid., стр. 262, Иловайскій, Русская исторія, кіевскій періодъ, стр. 191; см. еще Гаркави въ журналѣ Гакармель, V, стр. 22—24; Гатцукъ, Сіонъ 1861 г., № 5 и Б. Р. Ц. Матеріалы для исторіи водворенія евреевъ въ Кіевѣ, День, 1870 г., № 21). Костомаровъ, хотя и говоритъ подробно о событіяхъ 1113 года, совершенно игнорируетъ это извѣстіе (Русская исторія въ жизн. ея главныхъ дѣятелей, I, стр. 62—64). Хозарскіе-же евреи безъ сомнѣнія жили въ Кіевѣ гораздо раньше, по всей вѣроятности съ того времени, какъ поляне «съдумавше, вдаша (хозарамъ) отъ дыма мечь» (Лавр. списокъ, стр. 7; Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, 1879 г., т. II, стр. 103, 80—81).

[1]) Испортившіеся, со стертыми буквами.

[2]) Остальныя возраженія Гаркави направлены противъ *языка* документа и въ сущности весьма слабы и бездоказательны.

[3]) Я не разсматриваю документа съ его положительной стороны, т. е. кому и для чего нужна была эта подделка и возможна-ли она вообще, а такъ-же, для чего фальсификаторъ, человѣкъ во всякомъ случаѣ хорошо изучившій эпоху, вставилъ столько мѣстъ, могущихъ вызвать сомнѣніе.

[4]) Et transmigratio Hierusalem quae in Bosphoro possidebit civitates austri. «Ubi nos posuimus Bosphorum, in Hebraeo habet: quod nescio,

Кромѣ вышеприведеннаго документа (приписки), Сафарадъ въ смыслѣ Керчь встрѣчается еще во многихъ приписках, найденныхъ и обнародованныхъ Фирковичемъ [1]).

Вообще мнѣніе, что Керчь былъ еще прежде извѣстенъ евреямъ подъ названіемъ Сафарадъ, высказано уже неоднократно (о разныхъ названіяхъ Керчи, академика Бруна. Одесса, 1877 г. ст. II) и съ этимъ мнѣніемъ согласны многіе ученые знатоки еврейской исторіи: Хвольсонъ (Ibid. 70, 75), Финъ (Гакармель, II, 341), а извѣстный еврейскій историкъ, профессоръ Грецъ говоритъ вообще обо всемъ нашемъ документѣ, что «каждое слово его носитъ на себѣ печать неподдѣльности» [2]); наконецъ самъ Гаркави въ своихъ прежнихъ трудахъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и даже защищалъ его [3]).

Все это даетъ намъ полное право заключить, что городъ Керчь дѣйствительно когда-то былъ извѣстенъ евреямъ подъ именемъ Сафарадъ; названіе это могло быть не очень распространено, но безъ сомнѣнія существовало.

Замѣтить надо, что вышеприведенное мнѣніе, будто пророкъ Абадія (20) подразумѣвалъ область Сперъ, очень сомнительно, потому что, хотя она составляла нахарарство еврейскаго рода Багратуни (отъ котораго происходятъ князья Багратіоны), однакожъ не здѣсь, а сѣвернѣе, главнымъ образомъ въ теперешней тифлисской.

cur LXX (отсюда въ славянской библіи «Сарепта») Ephrata transferre voluerint. Nos autem ab Hebraeo, qui nos in scripturis erudivit, didicimus Bosphorum sic vocari, et quasi, Iudaeus ista inquit, est Regio, ad quam Hadrianus captivos transtulerit» (Opera Hieronymi, ed. Francof. ad Moen. et Lipsiae, apud Christ. Genschium, T. VI, p. 96).

[1]) Еврейскій журналъ Гакармель, годъ III, стр. 6, 53, 61; годъ II, стр. 317, 329 (3 раза, въ документахъ №№ 4, 5 и 6); Хвольсонъ, ibid., стр. 77, 70, примѣч. 2, и друг.

[2]) Geschichte der Iuden, V, стр. 499; русское изданіе, 1883 г., стр. 455; такъ-же отдѣльно о Сафарадѣ-Керчи, ibid., 175.

[3]) «Босфоръ — городъ, развалины котораго лежатъ около Керчи (Босфоръ)... У евреевъ этотъ городъ уже изъ давнихъ поръ былъ извѣстенъ подъ именемъ Сафарадъ». — Гаркави. Объ языкѣ евреевъ. Вильна, 1867 г. (на еврейскомъ языкѣ), стр. 109, такъ-же 86, 111—112 (въ приложеніяхъ); см. еще его статью въ Гакармелѣ, годъ V, № 31 (IV, № 43).

губерніи была сосредоточена масса еврейскихъ колоній Кавказа [1]. Такъ-же невѣрна догадка, въ настоящее время, впрочемъ, совершенно оставленная, что пророкъ подразумѣвалъ Испанію, древнѣйшія еврейскія колоніи которой, вообще говоря, болѣе принадлежатъ легендѣ, чѣмъ исторіи. Объ отдаленной-же древности еврейскихъ поселеній сѣвернаго берега Чернаго моря вообще, Крыма въ особенности, мы напротивъ имѣемъ историческія и вполнѣ достовѣрныя извѣстія. Впрочемъ, это только предположеніе.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему аргументу Гаркави, къ аргументу, что одни слова שלוחי נשיא ראש משך будто неопровержимо доказываютъ подложность документа: онъ, какъ мы уже сказали выше, переводитъ это мѣсто: послы князя Руси и *Москвы*.

Прежде, чѣмъ приведемъ наше объясненіе этого мѣста документа, остановимся на переводѣ Гаркави. Извѣстно, что выраженіе: נשיא ראש משך встрѣчается нѣсколько разъ у Іезекіиля (XXXVIII, 2, 3; XXXIX, 1) и всегда ставило въ большое затрудненіе разныхъ комментаторовъ, экзегетовъ и новѣйшихъ ученыхъ гебраистовъ. Затрудненіе главнымъ образомъ состоитъ въ словѣ «рошъ» — ראש означающее по еврейски: глава, но могущее быть также и собственнымъ именемъ; принимая первое значеніе, получимъ плеоназмъ (князь глава Мешеха); а если примемъ второе, то гдѣ-же этотъ Рошъ? [2]) Не меньшее затрудненіе представляетъ такъ-же слово «Мешехъ» — משך хотя въ этомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что это собственное имя, и въ этомъ смыслѣ встрѣчается въ библіи еще нѣсколько разъ: въ книгѣ Бытія (X, 2), у пророка Іезекіиля (XXVII, 13; XXXII, 26) и въ 6 стихѣ 119 псалма (120 еврейскаго текста) [3]); также у Геродота, III, 94; VII, 78.

Многіе изъ старыхъ комментаторовъ библіи перевели слово Мешехъ—Харасанъ [4]); напримѣръ Ибнъ-Барунъ (VIII вѣка) (еврейск.

[1]) См. нашу статью «Родъ Багратуни», Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 128—129, 135.

[2]) Сравни Гаркави, Русь и рус. въ средн. евр. лит., Восходъ, 1881 г., кн. I.

[3]) Мы не остановимся на различныхъ толкованіяхъ слова Рошъ, какъ не относящихся къ предмету нашей статьи, такъ какъ Рошъ нашего документа безъ сомнѣнія означаетъ Русь, съ чѣмъ согласенъ и Гаркави.

[4]) Въ настоящее время провинція Персіи; когда-то составлялъ независимое владѣніе; династія изъ потомковъ Тамерлана. Подъ 1490 г. встрѣчаемъ извѣстіе

журналъ Гамелицъ 1879 г. стр. 500; календарь Гурлянда, годъ 5, стр. 102); Абу-Али-Яфетъ (по арабски Хасанъ, въ X вѣкѣ) (Гамелицъ, Ibid, стр. 22; календарь Гурлянда, Ibid, 104; Восходъ 1882 г. кн. I, 240); Яковъ-бенъ-Реувимъ въ рукописномъ комментаріи къ пророку Іезекіилю, составляющемъ собственность Императорской Публичной Библіотеки (Гаркави Altjudische Denkmäler aus der Crim 280; Гамелицъ, 1879 г., стр. 22) и многіе другіе [1]).

Такимъ образомъ названіе Мешехъ далеко не новость въ научной литературѣ исторіи и въ историческихъ памятникахъ, но никогда, разумѣется, никто и не думалъ объяснить его Москвою. На какомъ-же основаніи г. Гаркави, которому все это было хорошо извѣстно, переводитъ «Мешехъ» нашего документа словомъ Москва, не стараясь даже доказать, что здѣсь не можетъ подразумѣваться что либо другое? [2]) Это, конечно, болѣе чѣмъ странно со стороны такого компетентнаго и осторожнаго ученаго, и должно полагать, что у него были на то свои причины; но тѣмъ не менѣе ничто не даетъ намъ возможности удовольствоваться такимъ переводомъ, напротивъ требуется внимательное его разсмотрѣніе, въ результатѣ котораго получимъ, если не столь рѣшительное, то, по крайнему разумѣнію нашему, болѣе близкое къ истинѣ толкованіе [3]).

Г. Хвольсонъ (Ibid, 70 прим.) и Грецъ (Geschichte der Juden V, 499; рус. изд. 83 г., 455) высказываютъ мнѣніе, что Рошъ

о послахъ хорасанскаго (Чагатайскаго) владѣтеля Гусейна къ Іоанну III (Полн. Соб. русск. лѣт., VI, 38; Соловьевъ, V, стр. 128). Основаніемъ такого перевода должно быть служило то, что главный городъ этой провинціи, когда-то знаменитый, называется *Мешедъ*.

[1]) Они сгруппированы въ вышеуказанномъ сочиненіи Гаркави: Altjudische Denkmäler.

[2]) Говоря объ отправленіи Владиміромъ пословъ въ тѣ страны, откуда являлись къ нему проповѣдники, Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, т. I, стр. 128) прибавляетъ: подтвержденіемъ этого посольства можно считать слѣдующее мѣсто въ свиткѣ, найденномъ г. Фирковичемъ: «я, одинъ изъ вѣрнопреданныхъ Израилю» и т. д. (Ibid., примѣч. 16); но видимо находясь подъ вліяніемъ Гаркави, Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ, что это мѣсто можетъ возбудить *нѣкоторое* сомнѣніе прибавкою слова «Мешехъ», сильно напоминающее Москву.

[3]) Переводъ: Мешехъ—Москва поразительно напоминаетъ нашихъ старыхъ книжниковъ, которые, во славу первопрестольной, всѣ были того мнѣнія, что на

документа нашего означаетъ Русь, Мешехъ-же прибавлено для подражанія извѣстнымъ уже намъ мѣстамъ св. писанія и никакого значенія не имѣетъ [1]).

Гипотеза эта пожалуй и имѣетъ нѣкоторое основаніе, но остается и всегда останется гипотезой, такъ какъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ болѣе или менѣе осязательныхъ доказательствъ ея достовѣрности [2]).

По нашему мнѣнію это мѣсто имѣетъ совершенно другой смыслъ.

I. Всѣ почти грузинскіе географы и хроникеры сохранили намъ извѣстіе о грузинскомъ Мешехѣ (Мосохѣ [3]); сравненіе ихъ привело изслѣдователей къ заключенію, что здѣсь подразумѣвается сѣверная провинція древней Арменіи, Тайкъ или Мцхетъ (Ахалцыхскій уѣздъ) [4]). Какъ эта, такъ и прилежащія области, и вообще вся Грузія были когда-то густо населены евреями, [5]) и сюда-то, какъ

Москву-то пророкъ Іезекіиль намекалъ своимъ Мосохомъ, и что начало ея относится ко временамъ Мосоха, сына Іафеова, противъ чего впослѣдствіи споритъ Татищевъ (Соловьевъ, XII, стр. 260; Карамзинъ II, прим. 301; Забѣлинъ, древности Москвы. Вѣстникъ Европы, 1867 г., I, стр. 385); этотъ способъ толкованія слова Мешехъ встрѣчается и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ еврейскихъ комментаторовъ. Меасефъ Ниддахимъ, №№ 7, 10, 11, 13, 18, 22 и друг.; Объ языкѣ евреевъ, Вильна, 1867 г. Евреи и славянскіе языки, стр. 68—69).

[1]) У старыхъ еврейскихъ писателей (отчасти и у новыхъ) наблюдается вообще манія изукрасить слогъ подражаніями и цѣлыми стихами библіи; мы видѣли, что Маръ Симха начинаетъ приписку подражаніемъ II кн. Царствъ, стр. 20, 21.

[2]) С. Раппортъ предложилъ какую-то поправку въ нашемъ документѣ (Гашахаръ, 1882 г., книга II), но я ничего не могу сказать о ней, такъ какъ у меня теперь нѣтъ этой книжки.

[3]) Картлисъ Цховребъ. Новыя замѣтки на древнія исторія Кавказа и его обит. Шопена, Спб. 1866 г., стр. 197, 225, 250, 237; Страбонъ, XI, стр. 2 и 19; Исторія Агванъ Моисея Каганкатваци, кн. I, глава 29 и 30, переводъ Патканьяна, Спб. 1861 г., стр. 73 и 76 (сравни Паткан. Ibid., стр. 312 и Шопенъ, ibid., стр. 433).

[4]) Положеніе этой провинціи опредѣляется, главнымъ образомъ, по Географіи Моисея Хоренскаго (V столѣтія), см. Исторію Арменіи, Моисея Хоренскаго, переводъ Эмина, Москва, 1853 г., приложеніе, стр. 338.

[5]) Шопенъ, ibid., стр. 160—161, 199, 229, 252, прим. 129; *Хоренскій*, Исторія Арменіи, ibid., стр. 61, 92, 93, 96 (кн. I, гл. 23; кн. II, 14, 16, 19 и 23); ср. также нашу вышеупомян. статью, стр. 128—129, прим.

кажется, относится возгласъ псалмопѣвца (позднѣйшаго, конечно): «горе мнѣ, что живу я въ Мешехѣ» (120, 6).

II. Въ путешествіи рабби Петахіи Регенсбургскаго (во второй половинѣ XII в.) находимъ слѣдующее мѣсто: «цари Мешеха — מלכי משך, по принятіи ими еврейства, обратились къ главѣ еврейскихъ школъ въ Вавилоніи съ просьбой прислать имъ (еврейскихъ) ученыхъ» (Три еврейскихъ путешественника, текстъ и переводъ, Марголина, Спб. 1881 г., стр. 43).

С. Раппортъ, останавливаясь на этомъ извѣстіи Петахія Регенсбургскаго, замѣчаетъ (евр. журналъ Керемъ-Хемедъ, V, 206), что подъ словами «цари Мешеха» подразумѣвается какой нибудь вассальный хозарскій князь [1]). Тоже самое высказываетъ и Хвольсонъ (18 надгроб. памят., 153 и прим. 3), а такъ-же Гаркави (вышеупомянутое изданіе: Евреи и слав. языки, стр. 116) [2]) и англійскій издатель Петахія Регенсбургскго, А Бенишъ.

Если мы теперь допустимъ маленькую поправку въ документѣ, т. е. прибавимъ одну букву — іодъ, которая имѣетъ въ еврейскомъ письмѣ видъ *точки* и слѣдовательно очень легко могла стереться, то вмѣсто единственнаго — נשיא — «князя», получимъ множественное — נשיאי — «князей», что будетъ означать, что послы изъ Руси *и Мешеха* пришли узнать о дѣлахъ вѣры къ хозарскому князю Давыду случайно въ одно время, когда Авраамъ-маръ-Симха былъ отправленъ на востокъ.

Самый фактъ прибытія пословъ изъ Мешеха насъ нисколько не долженъ удивлять, о какомъ-бы Мешехѣ здѣсь ни шла рѣчь — о грузинскомъ-ли, или же о Мешехѣ, о которомъ говоритъ рабби Петахія (если уже допустить, что они не тождественны). Къ хозарамъ, сравнительно недавнимъ прозелитамъ, стекалось много еврейскихъ ученыхъ разныхъ странъ, отчасти по своей охотѣ, для распространенія слова Божія и укрѣпленія вѣры (не всѣ хозары,

---

[1]) Р. Петахія говоритъ объ этомъ не какъ очевидецъ, потому что, какъ извѣстно, хозаре приняли іудейство гораздо раньше (VIII в.) времени его путешествія (XII в.), во время котораго врядъ-ли могли существовать даже остатки независимыхъ хозаръ (см. выше, прим.). Существованіе подвластныхъ хозарскому князю племенъ безспорный фактъ.

[2]) Врядъ-ли, впрочемъ, можно согласиться съ мнѣніемъ Гаркави (ibid.), что Мешехъ грузинскихъ географовъ и хрониверовъ и Мешехъ р. Петахіи тождественны.

какъ извѣстно, были евреями), а отчасти по приглашенію Кагана (князя), на что имѣются несомнѣнныя указанія, какъ еврейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ арабскихъ писателей [1]).

Но въ Кіевѣ тогда (во время крещенія Владиміра) уже жили евреи, такъ что въ отправленіи «мужей добрыхъ» къ хозарскому царю не было никакой надобности: съ еврействомъ можно было познакомиться въ самомъ Кіевѣ—таково одно изъ возраженій Гаркави противъ подлинности нашего документа. Это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора.

Извѣстно, что еще задолго до принятія христіанства Владиміромъ святымъ оно уже было значительно распространено на югѣ Руси вообще и въ Кіевѣ въ особенности. Есть достаточное основаніе—главнымъ образомъ грамота патріарха Фотія отъ 866 г. къ восточнымъ епископамъ—предполагать, что Аскольдъ и Диръ приняли христіанство, что подтверждается преданіемъ о первомъ митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ [2]). Еще во время Олега греки полагали въ Россіи особую епархію (Соловьевъ, I, 290). При Игорѣ въ Кіевѣ уже была православная церковь св. Иліи (Соловьевъ, I, примѣчаніе 109; Закревскій, ibid., 328—332); описывая присягу Игоря исполнить договорную грамоту съ императоромъ Романомъ Лакапиномъ, лѣтописецъ говоритъ: «за утра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ... а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи..., се бо сборная церкви; мнози бо бѣша Варязи хрестеяни» (Лаврент. спис., 22). Святая Ольга, а съ нею еще многіе [3]), принявъ крещеніе, конечно старалась распространить въ Кіевѣ христіанство и строила церкви [4]).

---

[1]) Сгруппированы у Хвольсона (ibid., стр. 147—161).

[2]) Закревскій, Описаніе Кіева, Москва, 1868 г., стр. 9, 193—194; Карамз. I, стр. 119, прим. 286; Соловьевъ, I, стр. 119, прим. 173; архіеп. Макарія, Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра, стр. 261 и слѣд. «Христіанство начало проникать на Русь еще за долго до призванія князей... До призванія князей существовали въ Кіевѣ православныя церкви и приходили христіанскіе проповѣдники (Борисовъ. Нищенство по русскому законодательству. Слово, 1879 г. Апрѣль, стр. 159). Нельзя не замѣтить, что авторъ, какъ говорится, пересолилъ.

[3]) Племян., знатныя женщины, послы, гости и служанки, Соловьевъ, I, стр. 148.

[4]) Масуди (писавшій отъ 20 или 30 годовъ до 50 года X вѣка) говоритъ: «славяне раздѣляются на многіе народы; нѣкоторые изъ нихъ *суть христіане*,

Послѣ всего этого не имѣемъ-ли мы права спросить: для чего Владиміръ отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?

Отвѣтомъ служатъ слова самого первоначальнаго лѣтописца нашего: «и рѣша бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто-же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: *пославъ* и испытай когождо ихъ службу, и како кто служить Богу» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 37). Нѣтъ сомнѣнія, что «мужи добры и смыслены» были посланы ко дворамъ всѣхъ народовъ, предложившихъ свою вѣру Владиміру святому, чтобы на мѣстѣ испытать, «како кто служитъ Богу», чья вѣра лучше.

Что-же касается того, что Несторъ не упоминаетъ въ числѣ прочихъ народовъ, къ которымъ были отправлены послы, и евреевъ, то, не говоря уже о томъ, что это доводъ вообще слабый, что *молчаніе* его не можетъ служить доказательствомъ невѣрности самаго факта, мы можемъ объяснить себѣ иначе самый фактъ молчанія нашего первоначальнаго лѣтописца.

Уже въ первое время послѣ принятія христіанства Владиміромъ святымъ, у насъ рѣзко выдѣлилась изъ всей остальной сѣрой массы группа духовенства, монаховъ. Оставаясь русскими (мы не говоримъ, конечно, о пришельцахъ изъ Греціи), всѣми силами стремясь распространить и укрѣпить христіанство на родной почвѣ, они, однакожъ, во всемъ остальномъ мало заботились о Россіи и были въ сущности привязаны болѣе къ Греціи, къ источнику православія и мудрости книжной; эту теплую привязанность наше духовенство, какъ извѣстно, сохранило въ теченіи вѣковъ; оно прониклось византійскимъ духомъ, переняло все міровоззрѣніе ея духовенства и было у насъ главнымъ, почти единственнымъ проводникомъ такъ называемаго «византійскаго вліянія»; этотъ оттѣнокъ византизма легъ на всю нашу древнюю письменность, на всѣ эти поученія, посланія и проповѣди, лѣтописи и патерики (см. изслѣдованіе профессора Иконникова). Извѣстно, что во время борьбы

между ними находятся также язычники (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Докторская дессертація Гаркави. Спб., 1870 г., стр. 125 и 144).

за иконоборство въ византійскомъ духовенствѣ до крайности развился духъ нетерпимости вообще и вражды къ іудейству въ особенности[1]). Эта-то вражда, вмѣстѣ со всѣмъ византійскимъ міровоззрѣніемъ, перешла и къ нашему первоначальному духовенству. Отсюда—его вражда къ іудейству, о которой мы сейчасъ и будемъ говорить. Но была еще одна причина особеннаго развитія этой вражды; мы говоримъ о соперничествѣ іудейства съ христіанствомъ въ древнемъ Кіевѣ, *о еврейскомъ прозелитизмѣ и іудействующихъ*, что ясно доказывается словомъ «о благодати» епископа кіевскаго Иларіона (Филаретъ, обзоръ русской духовной литературы, 8; Соловьевъ, I, въ концѣ и друг.).

Авторъ нашей первоначальной лѣтописи—ктобы онъ нибылъ: игуменъ-ли выдубицкій (Сильвестръ) или даже совсѣмъ не одно лицо, какъ утверждаетъ новѣйшая критика, или-же преподобный Несторъ, какъ изъ давнихъ поръ укоренилось у насъ мнѣніе, нашъ, говоримъ, первоначальный лѣтописецъ во всякомъ случаѣ былъ монахъ, нравственное чадо духовенства своей эпохи, пользовался для своей лѣтописи произведеніями византійской литературы, и вражда, о которой мы упомянули выше, должна была перейти и къ нему. Если только авторомъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», или по крайней мѣрѣ разсказа о крещеніи Владиміра, былъ Несторъ, ученикъ Θеодосія Печерскаго, то его вражда къ іудейству еще болѣе понятна и такъ сказать естественна. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго старца печерскаго мы находимъ слѣдующее мѣсто: «се бо сиць обычаи имяше блаженыи, якоже многажды въ нощи въстая и отай въсѣхъ исхожаше къ жидомъ (въ еврейскую часть г. Кіева; см. выше, примѣчаніе), и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣпирая, коря и досажая тѣмъ» и т. д. На вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуетъ-ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо, Θеодосій отвѣтилъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло... если будемъ колоть въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это будетъ явное жидовство (см. Закревскій въ вышеупомянутомъ сочиненіи, 312, Соловьевъ, III, 74, 87; ср. также

[1]) На это были свои особенныя причины, о которыхъ считаю лишнимъ говорить здѣсь. См. Грецъ, т. V, стр. 174 и слѣд.; Дреперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, переводъ Пыпина, I, стр. 346.

Соловьевъ VIII, стр. 480, изданіе 1858 г.). Мы впрочемъ находимъ ясныя указанія на эту вражду и въ самой «повѣсти», въ сказаніи о принятіи христіанства Владиміромъ и проповѣди греческаго монаха. Послы отъ хозаръ, напримѣръ, говорятъ: «хрестяне-бо вѣруютъ, его-же мы распяхомъ»; греческій философъ кончаетъ свою проповѣдь разсказомъ о причинахъ сошествія Бога на землю и противупоставляетъ христіанство іудейству; въ картинѣ страшнаго суда языческіе народы и особенно *евреи* идутъ на муку вѣчную. Все это сообщаетъ сказанію характеръ свѣжей вражды къ іудейству, характеръ опроверженія, полемики съ евреями, современными не Владиміру, а самому автору сказанія.

Но если мы должны признать, какъ фактъ, вражду нашего первоначальнаго лѣтописца къ евреямъ, то не удивительно, что, описывая давнымъ давно бывшее событіе, онъ могъ опустить такой незначительный фактъ, какъ отправку пословъ къ евреямъ. Если ему было все подробно извѣстно[1]) о посольствахъ, онъ могъ обойти эту мелочь, не допуская мысли, чтобы іудейство, въ борьбѣ своей съ христіанствомъ, могло имѣть хоть надежду на успѣхъ, что «жидовское несчастіе «заслужило отправленіе людей добрыхъ для испытанія ея[2]); можетъ быть, наконецъ, что отвѣтъ пословъ заключалъ что-нибудь благопріятное для іудейства, чего авторъ, конечно, ужъ никакъ не могъ сообщить. Гаркави говоритъ: Владиміръ, давая другимъ проповѣдникамъ отвѣты полуутвердительные, полуотрицательные, совершенно отказалъ евреямъ и поэтому мы не можемъ допустить, что и къ нимъ были отправлены послы. Намъ не извѣстно, на какихъ новыхъ источникахъ основано это мнѣніе: но оно

[1]) Что врядъ-ли возможно, особенно относительно хозаръ, царство которыхъ давно (см. слѣд. прим.) пало и понемногу изглаживалось изъ памяти русскаго народа; передавшіе сказаніе Нестору легко поэтому могли забыть о посольствѣ къ хозарамъ. См. Гатцукъ. Евреи въ русской исторіи и поэзіи. Сіонъ, № 39.

[2]) Что лѣтописный разсказъ, ктобы его не писалъ, хотя-бы даже и Несторъ, написанъ не ранѣе первой четверти XII в., яснѣе всего доказывается тѣмъ мѣстомъ его, гдѣ евреи отвѣчаютъ Владиміру: «разъгнѣвася Богъ на отци наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ и предана бысть земля наша *хрестеяномъ*»,—слѣдовательно преданіе составлено по крайней мѣрѣ, когда Палестина была уже покорена христіанами. См. Соловьевъ, I, прим. 241; Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 65.

опровергается прямо текстомъ лѣтописи. Евреямъ Владиміръ отвѣтилъ: «како инѣхъ учите, сами отвержени отъ Бога и расточени? Аще-бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти?» Болгарамъ, какъ извѣстно, Владиміръ отвѣтилъ: «Руси есть веселіе пити, *не можетъ* безъ того быти»; нѣмцамъ: «идите опять, яко отци наши сего не пріяли суть»... Достаточно сравненія этихъ мѣстъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности возраженія Гаркави. Нужно впрочемъ замѣтить, что нельзя вообще ссылаться на первоначальную лѣтопись, какъ на документъ, записанный съ стенографической точностью, особенно относительно, напр., нашего сказанія, записаннаго послѣ такого промежутка времени, когда даже не было надлежащихъ хранителей его.

Переходимъ къ послѣднему возраженію Гаркави: для чего нужны были хазарскому царю *древніе* свитки [1]), когда даже старые, только какъ посулъ (см. выше), не употребляются у евреевъ больше въ дѣло, теряютъ свою цѣнность и значеніе?

Отвѣтъ и на этотъ послѣдній вопросъ совсѣмъ не труденъ. Еврейскій древній языкъ есть языкъ мертвый; по еврейски только пишутъ, но не говорятъ, потому языкъ этотъ не можетъ органически развиваться; для выраженія посредствомъ его вновь народившихся понятій необходимо или принять иностранныя слова, что весьма нежелательно съ точки зрѣнія чистоты языка, или-же составить новыя слова изъ сочетаній старыхъ, что рѣдко удается; прибѣгаютъ еще къ 3-му средству: если для одного, или почти одного и того-же понятія существуютъ въ языкѣ два слова, то одно изъ нихъ употребляется для выраженія вновь народившагося понятія, въ извѣстной степени близкаго къ прежнему. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Для выраженія понятія старый (прежде бывшій) въ еврейскомъ языкѣ есть два слова: «[illegible]» и «עתיק»; и вотъ, когда въ новѣйшее время народилось понятіе о *древности* въ историко-научномъ смыслѣ, еврейскіе ученые ввели въ употребленіе для выраженія этого понятія одно изъ этихъ словъ—עתיק. Очевидно, что Авраамъ-марь-Симха, жившій въ Крыму въ X столѣтіи, не имѣлъ понятія о древности и слово עתיקות онъ не

[1]) Библейскія книги на пергаментѣ.

могъ употребить въ смыслѣ, который приданъ ему въ новѣйшее время; такимъ образомъ здѣсь рѣчь не идетъ о древности, и мы поэтому и перевели это слово: *старый*, т. е. въ томъ смыслѣ, въ которомъ Авраамъ и могъ его только употребить. Что-же касается того, что интересъ хозарскаго царя Давыда къ старымъ рукописямъ подлежитъ сомнѣнію по причинѣ, упомянутой выше, то и здѣсь нужно взять во вниманіе особыя обстоятельства, бывшія причиной (и это по нашему внѣ всякаго сомнѣнія) поѣздки Авраама-маръ-Симхи на Востокъ [1]). Къ IX—X вв. относится продолжавшаяся три столѣтія, окончательная выработка еврейской пунктаціонной системы (гласныхъ и другихъ знаковъ), очень важная въ исторіи развитія языка, значительно облегчавшая его изученіе послѣ того, какъ онъ перестал быть языкомъ разговорнымъ, живымъ. Если даже согласиться, что извѣстіе о такъ называемыхъ «іерусалимскихъ миссіонерахъ» подлежитъ сильному сомнѣнію, то во всякомъ случаѣ должно допустить, что пунктаціонная система проникла въ Крымъ долго послѣ ея изобрѣтенія, и что значительные успѣхи пунктаціи въ концѣ IX в. и первой половинѣ X (Бенъ-Ашеръ) должны были сильно интересовать благочестиваго царя хозарскаго; и вотъ онъ посылаетъ на Востокъ, въ тогдашніе центры еврейской учености, куда не разъ обращались хозарскіе цари [2]),—чтобы «собрать свѣдѣнія о пунктированіи и корректурѣ еврейскаго текста» (Хвольсонъ, ibid, 74), а также пріобрѣсти свитки, написанные болѣе компетентными знатоками дѣла и хорошими пунктаторами. На это указываетъ также одно мѣсто нашего документа:... «Я слыхалъ, что въ Гамаданѣ находится старый свитокъ пятикнижія... Въ концѣ

---

[1]) Нужно, впрочемъ замѣтить, что евреи очень высоко цѣнятъ свитки пятокнижія, хотя даже очень старые, но писанные какимъ-нибудь извѣстнымъ, по своему таланту и благочестію, писцомъ, особенно же, если они пересмотрѣны извѣстнымъ корректоромъ и написаны на кожѣ оленя.

[2]) См. Хвольсонъ, ibid., стр. 148—158; Три еврейскихъ путешествен. Спб. 1881 г., стр. 43, а также извѣстное письмо хозарскаго царя Іосифа къ Хасдаю-ибнъ-Шапруту (около 960 года), гдѣ сказано «наши взоры обращены (относительно мессіанскаго освобожденія, о которомъ ни онъ, царь Іосифъ, ни евреи его страны ничего не знаютъ) на Іерусалимъ и на *вавилонскія* академіи». Еврейская библіотека, т. VII, стр. 126; Мехефъ Ниддохимъ, № 8; Гретцъ, Исторія евреевъ, V, русское изданіе, 1883 г., стр. 289.

его написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они (евреи Гамадана) говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты. Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ» и т. д. (см. выше).

Мы глубоко уважаемъ научную дѣятельность Гаркави, особенно его солидные труды по разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ древней исторіи южной Россіи; но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ о припискѣ Авраама-маръ-Симхи [1]). Повторяемъ: мы, пожалуй, не считаемъ его доводы совершенно уничтоженными, но по-крайней мѣрѣ значительно поколебленными, и если намъ удастся вызвать посредствомъ этой статьи безпристрастныя мнѣнія людей компетентныхъ, такъ сказать, вторичную провѣрку документа—наша цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Мы считаемъ необходимымъ приложить всѣ средства критики для опредѣленія подлинности документа. Документъ этотъ очень важенъ съ точки зрѣнія критики нашей первоначальной лѣтописи; какъ извѣстно, было высказано мнѣніе, и кажется даже неоднократно, что все сказаніе о принятіи христіанства Владиміромъ, т. е. проповѣдь представителей разныхъ религій, отвѣты Владиміра и, наконецъ, его посольства,—все это одна легенда; при этомъ выставлялось на видъ, что существуютъ подобныя-же легенды о принятіи новой религіи другими народами, напримѣръ хозарами. Нашъ документъ—лучшее опроверженіе этого мнѣнія. Вотъ почему мы надѣемся, что редакція «Кіевской Старины» откроетъ страницы уважаемаго изданія для компетентнаго и добросовѣстнаго слова по этому интересному вопросу [2]).

Іона Берхинъ.

---

[1]) Обработкой матеріаловъ, относящихся къ этому предмету, мы, какъ читатель могъ замѣтить, много обязаны г. Гаркави.

[2]) Мы тѣмъ охотнѣе готовы это сдѣлать, что, насколько намъ извѣстно, доселѣ ни одинъ спеціалистъ по русской исторіи не высказалъ своего мнѣнія объ изслѣдуемомъ почтеннымъ авторомъ документѣ; мы конечно говоримъ не о голословномъ мнѣніи.—Ред.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

V.

Спустя двѣ недѣли Моссаковскій вернулся изъ Кіева въ Чайки священникомъ. О. Степанъ сталъ снаряжать дочь къ переѣзду на новое хозяйство въ Ольшаницу. Сложили на во́зы всякое добро, запрягли воловъ и лошадей; тяжело нагруженныя подводы тронулись со двора. Въ послѣдній разъ помолилась Онися предъ отцовскими образами и со слезами оставляла родительскій дворъ. Отецъ плакалъ, плакала мать, плакали «наймички», прощаясь съ Онисей. Онися какъ-бы забыла о томъ, что отправляется на собственное хозяйство. Она вся прониклась грустью и скорбью; ей жаль было матери, отца, дома, въ которомъ она родилась и взросла, жаль было садка, чайковскихъ людей, всего-же больше жаль было матери.

— Теперъ, дочко, безъ тебе и хата стане неначе пустка, говорила мать: отъ такъ, выкохай, выростп дитей, а вони, якъ ти пташенята, порозлитаються и покинуть тебе саму на старисть, якъ сироту.

Выѣхали со двора. Отецъ и мать проводили дѣтей за дворъ, стали на горѣ и долго смотрѣли, пока они перевозились на паромѣ черезъ Рось, пока послѣдній возъ не скрылся въ зеленыхъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., августовск. кн., стр. 655—680.

вербахъ и ольхахъ. А Онися долго оглядывалась на гору, на отца, на мать, пока не закрыли ихъ зеленыя вербы.

Скоро показалась Ольшаница. Вотъ и широкая улица, гдѣ когда-то пылали костры, вотъ и плотина, и прудъ, и церковь, и собственный домъ. Онися вошла въ домъ, будто пріѣхала въ гости.

Но это было на одну лишь минуту; именно не больше минуты сидѣла Онися въ раздумьѣ у стола; отерла слезы, встрепенулась какъ птица и принялась хозяйничать: разставила мебель, повѣсила привезенные изъ дому образа, попрятала посуду, заглянула въ кладовую, сбѣгала въ «комору», вездѣ устанавливала порядокъ, указывала помогавшимъ ей молодицамъ, гдѣ что ставить и класть, распоряжалась возчиками, вносившими бочки, дѣжки, сыпанки. Окончивъ все въ домѣ, Онися не вытерпѣла и сбѣгала посмотрѣть, гдѣ и какъ помѣщаются овцы, свиньи, коровы, волы. Не прошло часу, какъ она забыла уже о Чайкахъ и чувствовала себя полною хозяйкою въ своемъ уже домѣ.

Просторная свѣтлица быстро преобразилась: стѣны отъ самаго потолка увѣшаны были образами въ два ряда; черно покрашенные деревянные стулья, оставшіеся послѣ покойнаго о. Моссаковскаго, перемѣшались съ некрашеными деревянными-же, привезенными изъ отцевскаго дому; двѣ дощатыя канапки Онися прикрыла большими домашней работы коврами, за зеркаломъ красовались пучки васильковъ и барвинку, на образахъ бѣлѣли большія съ вышитыми концами полотенца. Въ свѣтлицѣ сразу стало опрятно, привѣтливо, по хозяйски. До позднягo вечера суетилась Онися, прибирая и очищая комнаты, кухню, кладовую, комору, и вечеромъ всюду уже былъ порядокъ и чистота. Моссаковскій смотрѣлъ только, какъ она распоряжалась и бѣгала, и долженъ былъ больше слушаться ея, чѣмъ самъ распоряжаться.

— Отъ теперъ мы и у себе дома! сказала Онися, садясь съ Харитономъ за ужинъ: що то поробляе теперъ мати? що то думае тато? Мабуть и доси плачуть за мною?

— Слава Богу, що вы, Онисю, не плачете, тихо отозвался Харитонъ.

— На що ты на мене кажешъ *вы?* Хиба-жъ я не твоя жинка? Аже-жъ чоловики на жинокъ кажуть *ты!*

— Коли-жъ вы Онисю таки.... розумни, таки проворни, що й сказати не можна, промолвилъ Харитонъ сладкимъ голоскомъ.

— Голово зъ ухами! Хочъ при людяхъ кажи на мене *ты!* сказала Онися, ударивъ слегка Харитона по рукѣ.

— Нехай уже при людяхъ... буду казати *вы*,... чи то правда *ты*.

— Якъ тильки будешъ *выкати*, то я тебе буду за уха скубти! Чуешъ, чоловиче!

— Скубить, Онисю, скубить... Воля ваша, а все таки якось мени ніяково *тыкати*. Може потимъ привыкну.

Но Моссаковскій и во всю жизнь свою не пріучился говорить женѣ *ты* и до самой смерти говорилъ ей вы, а она ему ты.

Поужинавъ и убравъ со стола, Онися открыла большой сундукъ, стоявшій рядомъ съ кроватью, поставила свѣчку на стулѣ и начала разбирать и складывать рубахи, наволки, простыни, сувои полотна, полученныя отъ матери и тѣ, что въ огромномъ числѣ подарены ей во время свадьбы. Моссаковскій глядѣлъ, какъ ея тонкія руки перебирали кучи полотна, любовался ея длинными тонкими бровями и все ждалъ, что жена вотъ-вотъ окончитъ работу, сядетъ возлѣ него и подаритъ его лаской... Но Онися все считала и считала то полотенца, то рубахи, то платки. Моссаковскій соскучился наконецъ и почувствовалъ, что его одолѣваетъ дремота.

— Кидайте, серце, Онисю! заговорилъ онъ къ женѣ; ходить лишь та сядьте зо мною та поговоримо въ двохъ...

— Заразъ, заразъ, мое серденько! Ось тильки поличу твои сорочки: разъ, два, три, чотыри... Ты мабуть спати хочешъ?

Онися бросила рубашки, подбѣжала къ мужу, обвила его шею руками, три раза поцѣловала и опять бросилась къ сундуку.

— Одже мама не розибрала до ладу сорочокъ: все помишала до купы. Оце мои сорочки, а це твои: пять, шисть. симъ...

И тонкіе пальцы Ониси вновь складывали кучи рубахъ. По комнатѣ пошелъ запахъ свѣже вымытаго бѣлья. Среди ночной тишины отчетливо слышался голосъ Ониси: десять, одинадцять, дванадцять.

— Але часъ, серденько, спати! Кидайте, моя доле! Завтра поличите, говорилъ Моссаковскій.

— Лягай, голубчику, спати, коли тебе сонъ змигъ; лягай мое сердце, а я ось заразъ доличу.

Въ Онисѣ боролась привычка къ порядку и труду съ привязанностію къ мужу. Она вновь бросила работу, подлетѣла къ мужу, осыпала его поцѣлуями и опять принялась считать и складывать. Моссаковскій не выдержалъ: легъ въ постель и заснулъ. Но и засыпая, онъ все еще слышалъ, какъ Онися складывала и шептала: разъ, два, три, четыре.

— Чи ты, Харитоне, вже спишъ? спросила между счетомъ Онися.

— Га! вскрикнулъ Моссаковскій сквозь сонъ: вже сплю.

Около полуночи Онися заперла сундукъ, вышла въ сѣни посмотрѣть, заперты-ли двери, и потушила огонь.

Прошло немного часовъ, въ которые весь домъ объятъ былъ мертвымъ сномъ. Моссаковскій не успѣлъ еще, что называется, повернуться на другой бокъ, какъ сквозь сонъ услыхалъ, что въ сѣняхъ что-то ходитъ и стучитъ. Онъ силился проснуться, но никакъ не могъ. Ему снилось, что въ сѣняхъ толкутся воры, что они ломаютъ уже дверь въ комнату; вотъ уже и дверь выломали, разбили сундукъ, вытаскиваютъ полотна и бѣлье, складываютъ и все считаютъ: разъ, два, три, четыре. Ему мерещились во снѣ ихъ свирѣпыя лица, кудлатыя головы и бороды, дикіе глаза, мохнатыя руки съ длинными загнутыми когтями. Онъ хотѣлъ крикнуть, вскочить съ постели, но его самаго будто что-то давило. Съ великимъ усиліемъ онъ наконецъ проснулся и открылъ глаза. Въ комнатѣ было такъ темно, что не видно было даже окна. Въ сѣняхъ дѣйствительно что-то происходило: скрипнула дверь, послышались чьи то шаги, упало полѣно, въ кадкѣ плеснула вода, кто-то наливалъ воду въ горшокъ, изъ кухни доносились голоса. На минуту прислушавшись, Моссаковскій догадался, что наступаетъ утро и что прислуга уже встала.

Ему однако сдавалось, что онъ лишь немного вздремнулъ и вовсе, какъ слѣдуетъ, не заснулъ. Очнувшись, онъ окликнулъ Онисю.

— Онисе! чи вы спите?

Въ комнатѣ была мертвая тишина. Моссаковскій повторилъ вопросъ; но даже дыханія Ониси не слышно было. Онъ провелъ рукой около себя по кровати,—Ониси не было.

— Не вже оце моя жинка встала и пораеться въ пекарни? Ну, та й господиня-жъ буде зъ моеи жинки! Билше, якъ треба. Середъ ночи товчется въ пекарни и не дае выспатись гараздъ.

Моссаковскій повернулся на другой бокъ и заснулъ. Когда онъ проснулся, въ комнатѣ уже сѣрѣли стѣны, а предъ нимъ стояла Онися, умытая, одѣтая и причесанная.

— Чи ты й доси спишъ, ледащо? А я встала, ще якъ други пивни проспивали, побудила наймичокъ и твоихъ наймитивъ, вже й снидання тоби зварила.

— Вы мене, Онисіе Степановно, таки добре налякали. Мени здалось, що въ синяхъ пораються злодіи. Чого вы такъ рано встаете, та себе мордуете? И моя покійна мати такъ рано не вставала.

— Хто рано встае, тому й Богъ дае. Будемо рано вставати, надбаемо добра багато, а якъ будемъ спати до обида, то не буде ладу въ господи, говорила Онися.

— Йди лишъ, хазяине, та подивись на худобу, та на кони, чи добре доглядають наймиты худобы, сказала Онися Степановна, помолившись Богу.

— Заразъ, заразъ Онисіе Степановно! Ось тильки вмыюсь, та трохи причепурюсь.

Пока Моссаковскій обошелъ загороды и кошары и вернулся въ комнаты, Онися уже и снѣданье поставила на столъ.

— Ну та й рання птиця оця молода матушка, говорили наймички и наймиты въ пекарнѣ: будить насъ ще до третихъ пивнивъ. Не дала й выспатись гараздъ.

Онися Степановна и въ самомъ дѣлѣ не давала заспаться слугамъ. Она сама ложилась поздно, вставала рано и слугъ пріучала къ тому-же. Изо дня въ день она поднимала ихъ съ пѣтухами, садилась сама съ наймичками за гребень, напрядала больше каждой изъ нихъ и въ добавокъ заставляла ихъ пѣсни пѣть, такъ какъ и сама любила попѣть.

Не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ служанки говорили межъ собой:

— Ой, трудно служити въ цеей матушки! Колибъ, Господи, добути до року, зъ роду, зъ вику не стану на другій рикъ.

А Онися, входя болѣе и болѣе въ роль предпріимчивой хозяйки, однажды такъ говорила своему Харитону:

— Знаешъ що? Теперъ настае зима. Скажи ты въ церкви, щобъ молодыци напряли мени за Пилипивку хочъ по пивмитку. Ты

тильки подумай: скильки молодиць, стильки буде й пивмиткивъ. Выроблю полотно та продамъ, отъ и гроши будуть.

— Може буде завчасу. Треба трохи пидождати. Я тильки що ставъ на парахвію. Щобъ часомъ люде не гомонили.

— Оце лихо! Якъ не схотять, нихто й не силуватиме. А ты скажи въ церкви писля службы, на царскихъ вратахъ, якъ звычайно священныки говорять: якій зъ тебе пипъ, коли ты до сёго часу й слова не промовивъ до своихъ парафіанъ?

Крохотное самолюбіе Моссаковскаго было задѣто, и онъ рѣшился сказать нѣчто въ родѣ проповѣди, а мимоходомъ и о «пивмиткахъ» предложить.

Въ первое-же воскресенье, раздавъ антидоръ и окончивъ отпустъ, о. Харитонъ обратился къ своимъ прихожанамъ съ такими словами:

— На сій недили въ четвергъ маете, люди добри, пущиння, чи то заговины, на святаго апостола Пилипа. Одъ сёго дня почнеця вже пистъ, святая Пилиповочка. Оть-же треба, люди добри, сей святый пистъ по христіяньски проводить, щобъ Богъ помигъ намъ и св. Риздва диждать.

— Дай-то, Боже! Поможи, Боже, святого праздника диждать! проговорило со вздохомъ нѣсколько голосовъ.—О. Харитонъ продолжалъ:

— Памятайте-жъ, люди добри, щобъ вы до церкви ходили, Богу молились, дитей своихъ на все добре навчали та й сами для всякого добрыми були, бо добримъ людямъ Богъ дае спасеніе, а гришнихъ будуть чорты мучити въ пекли огнемъ та ростопляною смолою.

— Охъ, охъ! послышались глубокіе вздохи въ «бабинцѣ» и вообще на женской половинѣ.—О. Харитонъ развивалъ свою мысль.

— Въ Пилипивку святую до шинку не вдавайтесь и тамъ не впивайтесь; ни зъ кимъ не сварицця, не лайтесь, не бийтесь; старого, слипого, калику доглядайте, бидному, убогому помагайте. А найпаче въ недиленьку святую до храму Божого поспишайте, Господа благайте, тай того, хто молиться за васъ, не забувайте... И вы старики молоднихъ научайте. И вы молодіи старикивъ, а найбильшъ отця и неньку поважайте. И вы дивчата й парубки на музыки не ходить и по вечерницямъ не гуляйте.

О. Харитонъ перевелъ духъ и, возвысивъ голосъ, не безъ смущенія закончилъ свое нехитрое слово:

— А вы, живочки, Божи бджилочки, працюйте для неба, працюйте й для того, що на цимъ свити треба. Напрядить моій молоди матушци по пивмитку, бо вона молода и до роботы не звыкла та й не дуже зугарна. Настане Пилипивочка, то не гуляйте, молитеся та й у скрыню добре дбайте.—Аминь.

— А це вчора приблудилась до моеи левады чіясь чорна корова! Панове громадо! роспитайте та й мени звистку дайте, добавилъ отецъ Харитонъ, затворяя царскія врата.

Молодицы усмѣхнулись и, выходя изъ церкви, говорили: ну цей батюшка, дарма, що въ школахъ не бувавъ, вміє сказати ще й приказати! Напрядимо таки для молодои матушки по пивмитку.

И на другой-же день молодицы явились къ матушкѣ и разобрали у нея все прядево изъ конопли и льну, какъ ни великъ былъ его запасъ.

Первый успѣхъ разъохотилъ Онисю къ дальнѣйшимъ попыткамъ и спустя нѣсколько дней она говорила мужу:

— Знаешъ що, папоче? Чи не прибилшивъ-бы ты свій доходъ одъ парафіянъ?

— Якъ же то прибилшити? спросилъ Харитонъ, недоумѣвая, что собственно хочетъ сказать ему жена.

— Якъ? Не знаешь? Треба правити билше, то билше и даватимуть. А то дають тоби неначе старцеви; все пятаки та гривни, часомъ и шага, коли не коли попадеться злотый. Съ пятакивъ та гривень не забагатіемо.

— Ни, мое серце! Въ чому иншому тебе послухаю, а въ цёму не послухаю. Народъ бидный, панщанный, подушне платить: де ёму тихъ грошей узяти?

— А де-жъ и намъ ихъ узяти?

— А на що вони намъ? Хлѣбъ святый маемо, одежины у насъ доволи, а про обиходку все-таки копійка перепадае.

— Отъ чудный, питае, на що гроши? Та жежъ треба для дитей, якъ Богъ пошле, тай на старисть щось придбать.

— Де ще ты дити, де та старисть!

— Та не тоди-жъ хортивъ годують, якъ на вловы идуть... Якъ зъ молоду не складемо, то на старисть ничого сподиватись.—Накинь ще по гривни хочъ на вингчанни.

— Не можна. Боюся Бога,—люди убоги: якъ платили, такъ нехай и платять, по старому звычаю. Не слидъ дратувати людей, коли вони добри та прихильни до насъ. Вони-жъ мене й на парафію обрали, вони й предъ владыкою за мене заступились, и Балабухи до себе не пустили.

Доводы Харитона, особливо послѣдній, были такъ сильны, что Онися оставила его въ покоѣ, однакожъ не на долго.

Насталъ какой-то маленькій праздникъ, когда въ церкви и службы не бываетъ.

— Паноче! дзвони до церкви, говорила Онися.

— А навищо? Сёгодня мале свято.

— А на те, що все-таки якась копійка перепаде.

— А Богъ нимъ, Онисіе Степановно. Не вже за пятака дзвоны ворушити.

— Але бо дзвони. Хиба пятакъ не гроши? Зъ пятакивъ будуть рубли. Дзвони бо, дзвони, не линуйся! Бачишъ, якъ я бигаю по господарстви.

— Добре вамъ бигати, коли въ васъ ноги проворни.—Однако, сказавъ это, Моссаковскій послалъ къ церкви сторожа съ ключами и велѣлъ звонить къ вечернѣ. На утро отслуживъ обѣдню, онъ принесъ изъ церкви всего доходу одинъ пятакъ. Онися взяла изъ рукъ его пятакъ и бережно спрятала его въ сундукъ.

— Якій ты, паноче, не ласый на гроши! Поживешъ,—побачишъ, якъ станутъ въ пригоди гроши.

Минула осень. Работы въ хозяйствѣ стало меньше, Онися рада была-бы посуетиться, да не было около чего, хозяйство было еще не большое, да и мать, навѣщая часто свою дочь, понавезла для нея всего, что только требовалось по новости. Отецъ Харитонъ любилъ послѣ обѣда полежать и даже книжку почитать. Онися все вертѣлась въ кухнѣ, и его брала тоска, когда онъ оставался одинъ въ комнатахъ.

— Онисіе Степановно! берить панчоху та сідайте коло мене та побалакайте зо мною, а коли не хочете балакати, то я вамъ святу книжку прочитаю, говорилъ однажды Харитонъ, поворачиваясь на горячей лежанкѣ.

— А щожъ ты мени будешъ читати? спросила его Онися.

— Та хочъ про царя Ирода, або про святу Варвару.

— Некъ ёму, тому Иродови! Читайте хиба про святу Варвару.

Онися взяла чулокъ и сѣла на стулѣ подлѣ лежанки. Харитонъ развернулъ большущую книжку и, уставивъ ее на собственномъ животѣ, сталъ читать про святую Варвару. Онися повидимому внимательно слушала, работая вмѣстѣ съ тѣмъ надъ чулкомъ. Но она лишь слухомъ внимала чтенію, а мысль ея летала и въ кухнѣ, и въ кладовой, и въ коморѣ, заглядывала и на печь, и подъ печь, и въ дѣжу, и въ ночвы.

— Потрывай трошки! Треба заглянути въ пичъ, чи вишикея хлибъ, говорила Онися и съ этими словами схватывалась со стула, бѣжала въ кухню и, открывъ заслонку, пристально глядѣла въ печь. Отецъ Харитонъ отмѣчалъ въ книгѣ ногтемъ, до какихъ поръ прочитано, и глядѣлъ чрезъ книжку въ окно. Онися влетала, какъ вихрь.

— Ну, то якъ дали? що звеливъ батько збудувати для святои Варвары? какъ-то торопливо спрашивала она мужа.

И Харитонъ продолжалъ читать тихимъ ровнымъ голосомъ, а мысли Онисины вновь отрывались отъ читаемаго и летали по двору, у конюшъ, хлѣвовъ, повѣтей, у гусей, куръ, индюковъ.

— Ой пожди годиночку! А же мабудь дивчата й доси не выносили кабанови ïсти.

Онися вновь, какъ мотылекъ, схватилась со стула, стрѣлой пронеслась въ кухню, крикнула, что слѣдовало, дѣвчатамъ и опять очутилась на стулѣ подлѣ Харитона.

Харитонъ зѣвнулъ и вновь началъ читать. Онися совсѣмъ уже не слушала, а свою думу думала.

— А що пакъ твои наймиты, чи будуть завтра робити? неожиданно перебила она чтеца.

Отецъ Харитонъ выпучилъ на нее глаза.

— Але вы мени перебиваете читати, сказалъ онъ.

— Та я бачъ тильки спитала. Такъ набигло на думку. Чи наймиты гній вывозитимуть, чи повезуть пашню до млина. Въ насъ уже житнёго борошна мало.

— Якъ вы скажете, такъ и буде. До васъ треба йти разуму позычати, говорилъ отецъ Харитонъ, держа палецъ среди строчки.

— Нехай везуть до млина. Гній можна й посли вывезти.

Отецъ Харитонъ вновь началъ чтеніе, но Онися давно потеряла всякую связь въ читаемомъ и ничего не разбирала.

— Та хто то бувъ Діоскоръ? Варваринъ чоловикъ, чи братъ? спросила она.

— Отець св. Варвары! Вы бо, Онисіе Степановно, не дуже добре слухаете.

— Ну, ну читай! Теперь уже все розумію.

Отецъ Харитонъ читалъ, но въ головѣ Ониси такъ перемѣшались Діоскоръ и игемонъ съ наймитами и Варвара съ наймичками, что она ничего не понимала.

— Знаешъ що, Харитоне, опять перебила его Онися: отъ ты береніть до своеи роботы моихъ наймичокъ тоди, якъ и мени ихъ треба.

Я думавъ, що вы питаете про святу Варвару.

— Въ мене вже все повыпадало зъ головы, що ты читавъ. Отъ и вчора ты забравъ до току наймичокъ, а я хотила на ричку посылать. Якъ тоби треба наймичокъ, то ты зъ вечера мене спитай.

— Але-жъ, Онисіе Степановно, и вы берете до своеи роботы моихъ наймитивъ, якъ мени ихъ треба, робко замѣтилъ Харитонъ.

— Знаешъ що, паноче? Подилимось мы слугами. Ты роспоряжайся своими наймитами, а я моими наймичками. А якъ тоби треба буде наймичокъ, то спитай у мене, а я тебе питатиму, якъ мени треба буде наймитивъ.

— Добре, Онисіе Степановно, добре. Що вы скажете, то все выходить добре. Ось слухайте-жъ, а я буду дали читати. И онъ, сдвинувъ ноготь съ того мѣста въ книгѣ, на которомъ оборвалось чтеніе, началъ вновь читать: но Онися Степановна совсѣмъ уже не слушала. Отецъ Харитонъ примѣтилъ это и спросилъ:

— Чи вы слухаете?

— Та слухаю, слухаю. Не питай мене та читай дали.

— Коли вы щось думаете, сказалъ отецъ Харитонъ, всматриваясь въ задумчивое, умное лице своей жены.

— Читай-бо, читай! Я думаю й слухаю.

— Нуте, а якъ звали отця св. Варвары?

— А хиба-жъ ты про ёго читавъ?

— А вже-жъ читавъ, та тильки вы не слухали.

— А, правда, правда! То якійсь бувъ игуменъ; тильки де-жъ-бы въ ёго дочка взялась...

— Якій тамъ игуменъ! Діоскоръ, такъ звали отця св. Варвары.

— Ну, а хто-жъ той игуменъ бувъ? Чи якій родичъ св. Варвары, чи що?

— Не игуменъ, а игемонъ! Це той, що мучивъ святу Варвару.

— Ото проклятый. Въ якому-жъ винъ манастыри бувъ игемономъ? И якъ-же то ченци та святу Варвару мучили?

— Яки тамъ ченци! Игемонъ-то такъ звався началникъ, якъ отъ у насъ губернаторъ, або становый.

— Ну, ну, читай дали.

Отецъ Харитонъ пробовалъ читать, но Онися опять свое.

— Чи ты знаешъ, паноче, що у насъ картопли мало?

— Але яки-бо вы! Вамъ усе въ голови господарство. Чи вы хочете зразу забагатити, чи що?

— А чомъ-бы й не забагатити? Добре, якъ Богъ благословить намъ въ пари до самои смерти жити; а якъ-бы, борони Боже, ты попереду вмеръ и я зосталась вдовою, та ще може зъ дитьми? Де-бъ я тоди безъ грошей подилась?

— Богъ зъ вами, Онисю! Мы тильки що побралисъ, а вы вже й смерть нагадали.

— О, треба, мій голубе, живучи въ свити, на вси боки оглядатись.

— Сидишь ты соби теперь въ Вильшаници и гадки не маешъ, а борони Боже, зъиде митрополитъ, або благочинный прибижить, а въ тебе церква якъ стояла за батька твого килькадесять литъ, то такъ и теперъ стоить, ажъ почорнила въ середини и зъ-на двору. Мабуть, спасиби тоби не скажуть. Отъ и оглядайся, паноче! Справди, опоряди ты свою церкву, якъ мій батько свою опорядивъ.

— Оце вы правду кажете, Онисіе Степановно! Треба церкву опорядити, треба ще й маляра зъ Богуслава закликати, щобъ намалювавъ таки образы, якъ въ чайкивськи церкви.

— Эге; та ще щобъ Балабуху намалювавъ у пекли на самому дни.

— Про мене, нехай намалюе и Балаауху, тильки щобъ часомъ зъ цёго що не выйшло.

Пока отецъ Харитонъ толковалъ съ громадою о починкѣ церкви и договаривался съ маляромъ о покраскѣ оной внутри и написаніи нѣсколькихъ картинъ, въ томъ числѣ и неопалимой купины и страшнаго суда, Онисѣ пришлось какъ-то побывать въ Богуславѣ на ярмаркѣ. Она вернулась домой съ недоброю вѣстью. Не смотря на свой замѣчательно твердый характеръ, она была очень

смущена и это отражалось на ея блѣдномъ лицѣ и судорожно сжатыхъ губахъ. Не вдругъ она собралась передать мужу тяжелую вѣсть, которая не столько ее пугала, сколько волновала. Дѣло въ томъ, что на мѣсто старшаго священника въ Богуславѣ и вмѣстѣ благочиннаго ближайшихъ церквей, въ томъ числѣ и ольшаницкой, былъ назначенъ не кто иной, какъ естественный врагъ Онисі и Харитона Балабуха, который становился такимъ образомъ непосредственнымъ ихъ начальникомъ и могъ вымещать теперь на нихъ свою злобу, къ которой имѣлъ достаточно причинъ.

Вѣсть эта какъ громомъ поразила о. Харитона. Отъ природы тихій и боязливый, онъ совершенно растерялся и послѣ первыхъ словъ изумленія и страха сталъ говорить женѣ такія колкости, которыхъ онъ никогда-бы сказать не рѣшился и которыя только и можно было объяснять полною его растерянностью.

— А що, Онисіе Степановно, говорилъ онъ, совсѣмъ уже не владѣя собой, чи будемо малювати Балабуху въ пеклі, та ще на самому дни?

— Малюй уже ты, отвѣчала Онися, не глядя на мужа.

— А пригадае вамъ Балабуха, продолжалъ о. Харитонъ, якъ вы давали ёму гарбузы.

— Куды-жъ пакъ велике цабе! Що мени благочинный! На мени не попивська ряса, а плахта. Зъ мене чина не здіймуть. На тобя то все окошиця: пригадае винъ тоби и мене, и вильшаницьку парахвію, и вильшаницьку громаду; винъ конечне думае, що не громада выгнала ёго зъ Вильшаныци, а ты.

— Та же-жъ мужъ и жена, то плоть одна, замѣтилъ отъ писанія о. Харитонъ, въ видѣ какъ-бы возраженія Онисѣ; но та молчала, стиснувъ зубы. Подавляемый страхомъ и отчаяніемъ, онъ, бѣгая по комнатѣ, безсознательно твердилъ:

— Охъ лишечко! Що-жъ теперь мени робити? Та винъ-же мене зъѣсть безъ соли. Ой Боже мій! Ой лишечко! Що-жъ мени робити?

Но даже изобрѣтательная Онися не находила никакого выхода изъ нежданной бѣды. Потолковали, поговорили не одинъ разъ и рѣшили ждать, что Богъ пошлетъ.

Между тѣмъ Балабуха, не скоро дождавшійся указа о своемъ назначеніи, не торопливо перевозился въ Богуславъ и устраивался на новомъ хозяйствѣ. Подошли рождественскіе праздники, насту-

пила годовая отчетность, потомъ какія-то слѣдствія и дѣла,—Балабуха надолго отвлеченъ былъ отъ объѣздовъ по благочинію.

Минула зима, прошла весна, наступало лѣто. Въ Ольшаницѣ совсѣмъ опорядили церковь снаружи и внутри, выкрасили стѣны, повѣсили образа и огромную картину страшнаго суда, но Балабухѣ не суждено было попасть въ «пекло», да еще на самое дно, какъ того хотѣла раньше Онися Степановна. Тѣмъ временемъ заѣхавшій сосѣдъ-священникъ передалъ о. Харитону, что благочинный, какъ слышалъ онъ, получилъ указъ произвести самую строгую ревизію церквей, что новый митрополитъ приказываетъ благочиннымъ испытывать прихожанъ, особенно малыхъ дѣтей въ знаніи молитвъ, дознавать, читаютъ-ли священники проповѣди, служатъ-ли неопустительно, крестятъ-ли дѣтей въ церкви чрезъ погруженіе и имѣютъ-ли крещальни, хранятъ-ли въ надлежащемъ мѣстѣ, порядкѣ и чистотѣ св. антиминсы, запасные дары и св. муро, не держатъ-ли подризниковъ полотняныхъ, чашъ деревянныхъ, вѣнцевъ бумажныхъ, требниковъ уніатскихъ, не упиваются-ли на свадьбахъ, крестинахъ и поминкахъ, не вымогаютъ-ли у прихожанъ за исполненіе требъ, а главное ведутъ-ли своевременно и исправно записи метрикъ, приходо-расходныхъ книгъ и пр. и пр. О. Харитонъ совсѣмъ потерялся; въ его воображеніи воскресли и еще съ большею силою первые страхи. Даже Онися, въ виду нависшей грозы, рѣшила, что надо чѣмъ нибудь задобрить Балабуху.

— Але що ёму послати зъ нашого убогого господарства? недоумѣвала она. Пашни шкода, теличку або бузимка шкода, полотна ще бильше шкода...

— Всёго шкода, тильки мене не шкода, сказалъ, сморщившись, отецъ Харитонъ.

Онися продолжала, какъ-бы вовсе не слышала сказаннаго мужемъ.

— Конопель у насъ мало, бо молодыци попряли; лёну зовсимъ мало. Гуси, индыки та качки ще не повыростали, а решта стари. Меду-бъ послать, такъ ще бджолы мабуть не наносили.

— А може-бъ Онисіе Степановно, одислати того кабанчика, що въ сажи?

— Саме такъ! Це якъ-разъ для благочинного годую. На писля Петра самимъ здастця; зъ молоденькимъ часнычкомъ та свиже салце—самый смакъ.

— Такъ що-жъ одначе пошлете?

— Знаешъ що? Нашъ староста добрый гончаръ. Нехай винъ одвезе хуру своихъ горшкивъ.

— Та й розумни-жъ вы, Онисіе Степановно! Ей Богу, добра ваша ричъ. А же-жъ надъ старостами благочинный такъ само начальникъ, якъ и надъ нами. Треба послати за старостою.

Отецъ Харитонъ послалъ за старостою и безъ особаго труда убѣдилъ его свезти благочинному въ подарокъ нѣсколько десятковъ, а то и цѣлую сотню его гончарныхъ издѣлій на всякія кухонныя потребы.

— Але, Онисіе Степановно, треба все таки одъ себе прикинути щось, добавилъ о. Харитонъ, обращаясь къ женѣ.

— Одъ мене прикинь дулю отцю благочинному, а другу госпожи благочинши, отвѣтила Онися.—Отецъ Харитонъ только носомъ повертѣлъ и не рѣшился больше говорить.

На второй или третій послѣ этого день, староста отобралъ лучшую, какая была въ его гончарнѣ, и самую разнообразную по суду, бережно уложилъ ее на возу и отправился къ благочинному на поклонъ.

Усадьба Балабухи расположена была на возвышенной части Богуслава, почти на краю онаго. Многовѣковый этотъ городъ, въ ту пору еще уѣздный, не отличался ни многолюдствомъ, ни богатствомъ. Главную, верхнюю часть города занимали жиды: тутъ стояла старинная синагога, тѣснились скученныя ихъ лавки и жилища, съ узкими и кривыми улицами. Отсюда городъ неправильными группами бѣдныхъ построекъ, безъ улицъ и и дорогъ, и даже одиночными хатами, разбросанными между скалъ и камней, спускался къ рѣкѣ по скату горъ, прорѣзанныхъ нѣсколькими глубокими взвозами. Внизу шумѣла Рось, по обѣимъ сторонамъ которой нагромождены были груды огромныхъ камней, а кой-гдѣ угрюмо стояли высокія отвѣсныя скалы. Все русло рѣки у самаго города завалено было грудами камней, и вода, прорываясь поверхъ и вокругъ ихъ, пѣнилась, шумѣла, клокотала и лишь на самомъ концѣ города выходила на широкій роздолъ, преграждённый узкой извилистой плотиной.

Вдоль праваго берега Роси тянулось исключительно почти христіанское поселеніе, заканчивавшееся монастыремъ, расположен-

нымъ на совершенно отдѣльной горѣ, окруженной когда-то со всѣхъ сторонъ водою. Вдали за монастыремъ зеленѣли широкія левады и сѣрѣли скалы, выступавшія грозными стѣнами вдоль высокаго берега.

Староста въѣхалъ въ дворъ благочиннаго. Ворота стояли настежь, подвору шныряли жидовскія козы, щипля кой-гдѣ торчавшій бурьянъ или силясь достать выглядывавшую изъ-за плетня кое-какую огородную зелень. По срединѣ двора стоялъ не старый еще, но какой-то ободранный домъ, съ почернѣвшею, мѣстами продранною соломенною крышею. Съ правой отъ въѣзда стороны расположены были въ безпорядкѣ также обветшавшія и неисправленныя хозяйственныя службы; съ лѣва узкой полосой тянулся, огибая домъ, небольшой, скудно засаженный огородъ съ торчавшими кое-гдѣ старыми грушами и черешнями. Нигдѣ не видно было и слѣда заботливой хозяйской руки; отовсюду несло неумѣлостію, небрежностію и запустѣніемъ. Даже невзыскательный ольшаницкій староста, окинувъ постройки и дворъ своимъ опытнымъ хозяйскимъ глазомъ, сплюнулъ на бокъ и подумалъ про себя: «поганый господарь зъ нашого благочинного»! «А про те тутъ моимъ горшкамъ ради будуть», сказалъ онъ уже почти въ слухъ, останавливая среди двора своихъ воловъ. Оглядѣвшись по сторонамъ, нѣтъ-ли гдѣ собакъ, староста отряхнулъ полы своей свиты, взялъ шапку подъ мышку и нетвердыми шагами направился къ дому благочиннаго.

Балабуху дѣйствительно мало интересовало хозяйство, еще менѣе расположена была къ нему его жена Олеся. Онъ отличался нѣсколько философскимъ настроеніемъ на манеръ гоголевскаго Ѳомы Брута, она—поэтическимъ, точнѣе романтическимъ. При такихъ наклонностяхъ хата какъ разъ безъ крыши будетъ. Къ тому-же Балабуха немного обчелся на приданомъ. Не помогли тутъ ему ни сватъ, Мелхиседекъ, ни сваха Марта. Терлецкій далъ своему зятю едва четвертую часть того, что обѣщалъ. Онъ не далъ Балабухѣ даже той бабы, которую обѣщалъ, но въ замѣнъ ея далъ парубка Прокопа, у котораго, какъ говорили, «не вси були дома».

Балабуха только что пообѣдалъ, нѣсколько поздненько по городскому обычаю, и прилегъ въ свѣтлицѣ на канапѣ, чтобы, какъ говорилъ онъ, *сало завязалось*. Олеся одѣтая въ чистенькое ситце-

вое платье, сидѣла около него на полу и наигрывала на гитарѣ какой-то жестокій романсъ. Жилище ихъ представляло смѣсь какого-то убожества и скудости съ претензіями на панство. Въ переднемъ углу висѣли двѣ-три иконы—родительское благословеніе; по стѣнамъ развѣшаны были плохія литографіи, представлявшія разныя сцены изъ войны съ французами и за независимость грековъ, равно портреты Кутузова и Барклая-де-Толли. Среди нихъ рѣзко выдѣлялись купленныя въ Кіевѣ на контрактахъ два раскрашенныя, но также бумажныя изображенія: на одномъ изъ нихъ дѣвица съ голыми плечами держала на рукахъ кота, на другомъ дѣвица съ закрытыми плечами, но съ голыми руками держала на пальцѣ канарейку и кормила ее изъ своихъ коралловыхъ устъ. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, закрытые на половину кисейными занавѣсками, перехваченными розовыми ленточками. Простой некрашенный полъ былъ чисто вымытъ. Цѣльный гарнитуръ незатѣйливой, но свѣже-купленной мебели достаточно заполнялъ пустоту обширной залы.

Староста робко пріотворилъ дверь и нерѣшительно подался назадъ; Балабуха поднялся съ канапы. Олеся перестала играть.

— А що скажешъ, чоловиче? спросилъ Балабуха.

— Прыихавъ до вашои милости зъ гостинцемъ одъ вильшаницького батюшки.

— Зъ якимъ гостинцемъ? спросилъ Балабуха.

— Та тутъ прислали де якои посудины вамъ на господарство. У насъ, вважаете, свои ганчари. Чи звелите куды перенести? спросилъ староста, искоса поглядывая на «простоволосую» благочинную, т. е. не покрывавшую головы ни «намиткою», ни платкомъ, ни чепцемъ.

Балабуха съ Олесею вышли на крыльце. Староста подвернулъ къ крыльцу воловый возъ и бережно сталъ снимать съ него посуду, высвобождая ее изъ соломы и разставляя у крыльца. На помощь ему были призваны Олесею горбатая Килина и Прокопъ— «не вси дома». При видѣ раскладываемаго добра, Олеся не могла скрыть своего удовольствія и съ улыбкою глядя на мужа, шепнула ему въ полголоса:

— Пиддобрюються, бояться тебе.

— Добри горшки у васъ въ Вильшанци, сказалъ Балабуха, окинувъ глазами разставленные горшки съ поливою внутри.

— А це що таке? спросила Олеся, шевеля кончикомъ башмака какую-то особой формы посудину.

— Це, выбачайте, госпоже, поросятники, щобъ смалити цили поросята чи къ Великодню, чи й такъ на свою обыхидку.

Благочинная ласково улыбнулась.

— Це матушка особливе переслали вамъ, добавилъ староста. Олеся совсѣмъ просіяла; ей особенно по сердцу было это вниманіе ея соперницы, съ которою однако ей доселѣ еще не пришлось ни разу встрѣтиться.

За все доставленное отъ имени батюшки и матушки старостѣ не пришлось однако получить и спасибо, а только выпить рюмку водки, и то маленькую, да закусить ломтикомъ черстваго хлѣба.

— Кланяйся батюшци й матушци, говорилъ Балабуха отъѣзжавшему старостѣ, та накажи, щобъ прыихали до насъ въ гости.—Та не забудь подякувати за горшки, крикнулъ онъ въ догонку, когда староста былъ уже у воротъ.

Пока Килина и Прокопъ сносили въ кухню посуду, Балабуха и Олеся, сидя на крыльцѣ, вели разговоръ по поводу нежданнаго подарка.

— Мосаковськи йдуть на миръ, сказалъ Балабуха.

— Добре роблять, що йдуть, замѣтила Олеся: намъ горшкивъ треба, Килина товче ихъ такъ, що не стае одъ ярмарку до ярмарку.

— Щожъ казавъ благочинный? спрашивали Харитонъ и Онися возвратившагося старосту.

— Дякувавъ и прохавъ, щобъ вы прыихали до ихъ въ гости, отвѣчалъ староста.

— А благочинну бачивъ?

— Выходили обое.

— Яка-жъ, привитна?

— Та, выбачайте, простоволосою ходить! Нема іи стыда й сорома, волосомъ свитыть.

— То, старосто, звычай такій, на панивъ дивляця, тай сами такъ роблять.

Между тѣмъ Балабухи, по отъѣздѣ ольшаницкаго старосты возвратясь въ комнаты, не находили, за что приняться и какъ убить

досужее праздничное время. Балабуху тянуло ко сну, Олеся принималась вновь за гитару и романсы, порядочно уже прискучившіе ему. Чтобы отдѣлаться отъ того и другаго, Балабуха досталъ изъ шкафа толстѣйшую въ кожаномъ переплетѣ книгу и принялся читать. Называлась эта книга «Ѳеатронъ или позоръ историческій». Балабуха углубился въ чтеніе, Олеся сидѣла и скучала.

— Господи, яка нудьга! сказала она, зѣвая изо всѣхъ силъ. Хоть бы хто прійшовъ.—Видя однако, что мужъ не обращаетъ вниманія на ея слова, она достала любимую свою книгу: «Волшебница Раги-Мунна и принцъ Ибрагимъ» и принялась въ свою очередь читать.

Прошло добрыхъ полчаса. Балабуха, дойдя до раздѣленія народовъ послѣ потопа и происхожденія Москвы отъ Мосоха, закрылъ книгу и отодвигая ее, сказалъ какъ бы про себя:

— Добра книжка, та якось одъ неи сонъ змагае.

— Що ты тамъ не знать що читаешь. На, лучше читай оцю «Волшебницю», то и я послухаю; одъ сеи не заснешь, а хоть-бы и спавъ, то прокинешься, сказала Олеся, суя Балабухѣ книгу въ руки.

— Дай уже, дай. Я тоби прочитаю и «Волшебницю».

Балабуха сталъ читать: онъ часто останавливался, щурилъ глаза, морщился, насмѣшливо улыбался и наконецъ дойдя до того, какъ волшебница повела Ибрагима въ глубокую пещеру и стала выкликать тамъ какого-то страшнаго духа, неся при этомъ высокимъ стилемъ невообразимую чепуху, расхохотался и бросивъ книгу на столъ, сказалъ:

— Одчепись, Олесю, зъ своими волшебницями! Послухай лучше, я тоби почитаю зъ моеи батькивськои книжки, ще мабуть одъ прадида зосталась.

И онъ досталъ изъ шкафа какую-то старую, крайне невзрачную книжку, не только потертую и засаленную, но даже нѣсколько объѣденную мышами.

— Отъ выдравъ якусь старовину! Це навить жидамъ на тютюнъ не згодится, а не то, щобъ ёго читати.

— Ге, не въ тимъ сила, що кобыла сива, а якъ вона везе.

— Щожъ то за книжка? цикава-бъ я знати.

— Се бачъ зовеця «Краткій Лѣтописецъ», а росказуе винъ, коли якъ и що діялось на Украини и коли хто бувъ гетманомъ.

— А то що таке Украина? Може велика яка посессія? А гетманомъ—то значиться экономомъ, або жондцею...

— Тай чудна-жъ ты, Олесю! Украина—тожъ наша родина, а гетманъ—то батько козацькій бувъ.

Олеся вскинула на мужа глаза полные недоумѣнія. Минуту помолчавъ, она со смѣхомъ сказала:

— Щожъ мени до того, хто тамъ чіимъ батькомъ бувъ?

— Та не объ тимъ бо ричь, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Балабуха; винъ, бачъ, описуе тутъ, якъ козаки бились зъ панами.

Олеся громко захохотала. Балабуха нервно вздрогнулъ и повернулся на канапѣ.

— Бились зъ панами?! Та же-жъ и теперъ козаки у панивъ по дворахъ служать, отъ хоть-бы и въ нашого жондци. А нехай-же который, не то щобъ биться, а хоть-бы въ однимъ слови не послухавъ, то заразъ его на стайню та нагаями.

— Дитино моя! съ болью въ сердцѣ произнесъ Балабуха. Тожъ теперъ такъ сталось, а колись то вси козаками були и зъ панами бились, и навить ихъ били, та ще якъ били. Ось колибъ ты почитала тутъ, якъ Хмельницкій бивъ ихъ на Жовтихъ Водахъ, пидъ Кумейками, отутъ недалечко пидъ Корсуномъ,—геть отъ Корсуна коло Яблунивки ажъ до Стеблева гнали ихъ та били.

Олеся въ недоумѣніи раскрыла ротъ. Ни отъ кого никогда ничего подобнаго она не слыхала и въ книгахъ не читала. Балабуха не разъ прочелъ своего «Лѣтописца» и зналъ его чуть не наизусть. Въ немъ разгорѣлась теперь кровь и воодушевляясь все больше, онъ продолжалъ: Чи-жъ мало ихъ били! А пидъ Пилявцями, пидъ Збаражомъ, пидъ Зборовымъ. Отъ тильки пидъ Берестечкомъ... Але я-бъ того Тугай-бея на шматки розирвавъ.

Все это было и ново и дико для Олеси, и она никакъ не могла понять, что сталось съ ея мужемъ и отъ чего онъ волнуется и кричитъ. А Балабуха входилъ все въ большій азартъ, припоминалъ многіе другіе факты, пускался въ подробности, поднимался съ мѣста, размахивалъ руками, ударялъ по столу кулакомъ.

— А то отъ ще въ одни таки книжци читавъ, якъ Хмельницкій оравъ панами. Запригъ панивъ въ плугъ та й оре... Балабуха громко захохоталъ и обращаясь съ улыбкой къ женѣ, добавилъ:

— Отъ якъ-бы того Баньковского запрягти въ плугъ, мабуть самъ одинъ-бы потягъ.

— Одченись ты съ своими козаками! сказала съ досадой Олеся и вырвавъ у мужа книгу изъ рукъ, швырнула ее на шкафъ.

— Не сердься бо, голубко, Олесю! съ нѣжностію сказалъ Балабуха, обнимая и цѣлуя жену.—Це я не противъ тебе, а такъ згадавъ, якъ колись-то було... Знаешь що, мое сердце? Иди ты до пекарни! та скажи Килини, щобъ зготувала намъ що на вечерю.

— Иди вже самъ, я ненавижу ту пекарню. Колибъ ты добрый бувъ, то кухара нанявъ-бы.

— Э! на кухаря треба багато грошей. Пиди бо, та роспорядись!

Олеся отворила дверь въ сѣни, кликнула Килину, сказала, что приготовить на ужинъ, но сама въ кухню не пошла. Она чувствовала себя не въ духѣ по поводу его остроты надъ Баньковскимъ.

Насталъ длинный и скучный вечеръ. Олеся не хотѣла говорить, она достала свою «Волшебницу» и начала читать въ слухъ. Балабуха не слушалъ и только зѣвалъ. За ужиномъ онъ сказалъ еще нѣсколько ѣдкихъ словъ женѣ по поводу не вкусно изготовленнаго кушанья. Это окончательно разстроило Олесю.

— Господи, яка нудьга!—говорила она, принявшись послѣ ужина ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—И гость тоби ніякій не пріиде. Колибъ хочъ жидъ якій зъ мистечка пришовъ, всебъ таки було съ кимъ поговорити.

Балабуха не обращалъ вниманія на слова жены, брошенныя, очевидно, въ его сторону. Онъ курилъ трубку изъ длиннаго чубука и упорно молчалъ. Олеся продолжала безцѣльно сновать по комнатѣ. Ея думы летали въ родной Хохитвѣ, въ кругу шляхтичей-панковъ, среди которыхъ она выросла, понятія, взгляды и привычки которыхъ усвоила, въ обществѣ которыхъ она столько веселилась и чувствовала себя пріятно и легко. Она припоминала часы и дни, проведенные въ веселой компаніи всегда любезныхъ кавалеровъ. Фантазія ея разыгрывалась; ей тѣсно и душно становилось въ этомъ сумрачномъ, мертвомъ домѣ; ея думы уносились куда-то далеко, рвались, какъ птицы въ облака, кружились въ какомъ-то безконеч-

номъ пространствѣ, не зная, гдѣ остановиться. Утомленная мечтами и ходьбой, Олеся опустилась на канапку, откинула голову назадъ и уперлась глазами въ потолокъ, какъ-бы читая что-то написанное на немъ.

Послѣ долгаго раздумыванія, Олеся не нашла ничего лучшаго, какъ попросить мужа, чтобы онъ сшилъ ей новое шелковое платье. Балабуха охотно обѣщалъ, и это послужило къ заглажденію того непріятнаго впечатлѣнія, какое произведено на ихъ обоихъ всѣмъ предшествовавшимъ разговоромъ.

На другой день послѣ ранняго обѣда Балабуха отправился въ объѣздъ по благочинію, и началъ съ Ольшаницы. Когда онъ подъѣхалъ къ дому Моссаковскаго, тотъ, завидѣвъ его въ окно, вышелъ къ нему на встрѣчу и почтительно его привѣтствовалъ. Балабуха ласково поздоровался съ хозяиномъ и трижды облобызался. Вошли въ комнату, усѣлись и повели рѣчь о семъ, о томъ. Балабуха держалъ себя нѣсколько холодно, распрашивалъ о церкви и приходѣ и избѣгалъ всего, что могло-бы напомнить его прежнія отношенія къ хозяйкѣ дома. Моссаковскій усиливался быть внимательнымъ, радушнымъ, старался даже льстить. Разговоръ не имѣлъ искренняго, непринужденнаго характера. Онися, стоя за дверью въ сосѣдней комнатѣ, притаила духъ и внимательно прислушивалась къ разговору. Она ни за что не рѣшалась выйти къ гостю, но въ тоже время ей очень хотѣлось взглянуть на бывшаго своего жениха, такъ презрительно ею отвергнутаго, и она поднялась на стулъ и пристально глядѣла сквозь широкую щель надъ дверью. Балабуха имѣлъ небольшую окладистую черную бороду, въ мѣру отросшіе на головѣ волосы вились вокругъ лоснящимися кудрями, густые черные усы закрыли его некрасивыя губы. Вообще Балабуха казался теперь Онисѣ гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде, и это мирило ее съ необходимостью сносить присутствіе въ домѣ лица, которое теперь, въ качествѣ начальника, могло вымещать свое прежнее оскорбленіе.

Моссаковскій, разговаривая съ благочиннымъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ: онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ начнется та строгая ревизія, о которой ему столько наговорили, что благочинный потребуетъ записи, книги, до всего станетъ докапываться, закажетъ созвать прихожанъ, ихъ дѣтей, останется служить обѣдню. Ничего

такого не случилось. Балабуха осмотрѣлъ лишь церковь, ризницу, антиминсъ, дарохранительницу и заставилъ старосту показать скудную наличность кошельковыхъ и свѣчныхъ денегъ.

Все похвалилъ, всѣмъ остался доволенъ, особенно покраскою церкви и новыми образами. Моссаковскій благословлялъ судьбу, что успѣлъ во время остановить нетерпѣливое желаніе Ониси изобразить Балабуху въ «пеклѣ», да еще на самомъ днѣ.

Пока производился осмотръ церкви, Онися хотя-не хотя приготовила закуску для гостя и уставила столъ всѣмъ, что можно было схватить на скорую руку. Возвращаясь изъ церкви, Балабуха полюбопытствовалъ взглянуть на хозяйство своего сосѣда и счастливаго соперника.

Усадьба была въ наилучшемъ порядкѣ. Прихожане позаботились обнести новыми плетнями огородъ и дворъ, поправить крышу на хозяйственныхъ службахъ, а иныя и вновь покрыть. Вездѣ виденъ былъ порядокъ, все было исправно и чисто, словомъ: по хозяйски.

— Видно, що громада васъ любить, сказалъ Балабуха, у васъ и церква и господа опоряжени, якъ слидъ. А мои богуславци, що имъ не кажи, и ухомъ не ведуть. У мене не тильки все стоить обидране, роскрыте,—ворить навить не поставлять, такъ поламани й стоять.

Моссаковскій самодовольно осклабился и попросилъ Балабуху «до господы». Усѣвшись за столъ, и хозяинъ и гость закусывали съ такимъ аппетитомъ, какъ-бы много предъ тѣмъ потрудились. Моссаковскій усердно потчивалъ, часто наливалъ, подобострастно припрашивалъ. Балабуха ни отъ чего не отказывался, принималъ все, какъ должное, и очень былъ доволенъ радушіемъ и почтительностію хозяина. Ублажившись довольно, онъ вспомнилъ свою Олесю и его потянуло домой. Онъ какъ будто видѣлъ рядомъ съ собою ея гибкую, подвижную фигуру, ея румяное, свѣжее лицо, будто слышалъ ея нѣжный голосъ, звонкій смѣхъ. Вдругъ въ комнатѣ за стѣной чуть замѣтно послышался сдержанный голосъ Ониси. Балабуха замеръ... То былъ очень знакомый ему голосъ. Балабухѣ крѣпко хотѣлось хотя мелькомъ взглянуть на Онисю, полюбоваться острыми тонкими бровями, ея чудными блестящими глазами, и онъ не безъ внутренняго волненія спросилъ у Моссаковскаго:

— Чи здорова ваша пани-матка?

— Спасиби вамъ! Не здужае трохи. Десь мабуть витромъ прохопило, вже давненько кашляе, отвѣтилъ Моссаковскій.

— Жаль, жаль, тихо промолвилъ Балабуха, и онъ опять перенесся мыслью къ себѣ въ домъ, и опять увидѣлъ предъ собою свѣжее лице Олеси.

Балабуха поспѣшилъ окончить закусываніе и велѣлъ подавать лошадей. Уѣзжая изъ дому, онъ разсчитывалъ проѣздить нѣсколько дней, но теперь передумалъ и уже съ пути въ другое село велѣлъ кучеру повернуть домой.

Была уже совсѣмъ ночь, когда Балабуха подъѣхалъ къ крыльцу своего дома.

Изъ оконъ кухни на темный дворъ лился яркій свѣтъ. Широкимъ пламенемъ горѣли дрова въ печи; сквозь окна можно было видѣть приставленные къ огню горшки, большой поросятникъ и неуклюжую Килину, возившуюся у печи, съ подвязаннымъ напереди полотенцемъ взамѣнъ фартуха. Не трудно было догадаться, что готовится не простой домашній ужинъ. А изъ оконъ свѣтлицы сквозь неплотно притворенныя ставни прорывался длинными полосами свѣтъ и падалъ на плетень. Новый знакъ для Балабухи, что въ домѣ у него гости. Пробираясь осторожно чрезъ темныя сѣни, онъ слышалъ доносившіеся изъ свѣтлицы голоса, а когда отворилъ дверь, то сквозь густые облака табачнаго дыма едва могъ примѣтить свѣжее личико Олеси, какъ розу, прикрытую газомъ, и большую курчавую голову Баньковскаго. Они сидѣли на канапѣ; Олеся держала на колѣняхъ гитару, въ рукахъ Баньковскаго торчалъ длинный чубукъ. Балабуха совсѣмъ не замѣтилъ того, что одна рука Баньковскаго огибала станъ Олеси.

— Хто тамъ? крикнулъ Баньковскій, заслышавъ скрипъ двери.

— Свои, прогудѣлъ густымъ басомъ Балабуха, вступая въ свѣтлицу.

Баньковскій бросился къ нему на встрѣчу, Олеся даже не шевельнулась на мѣстѣ и только положила гитару на канапу.

— Го, якъ ся масте, шановный ойче! восклицалъ Баньковскій, обнимая и цѣлуя Балабуху.

Балабуха холодно, съ явнымъ даже неудовольствіемъ отвѣтилъ на привѣтствіе Баньковскаго и не поздоровавшись съ женою,

прошелъ въ боковую комнату, чтобы снять съ себя верхнее платье.

И Олеся и Баньковскій не могли не чувствовать неловкости своего положенія, хотя оно вышло совсѣмъ просто и случайно. По отъѣздѣ мужа Олеся вышла въ городъ пройтись и встрѣтивъ Баньковскаго, пригласила его зайти къ ней вечеромъ, никакъ не разсчитывая, что мужъ возвратится въ тотъ-же день. Балабуха думалъ, конечно, совсѣмъ иначе. Выйдя въ залу, онъ набилъ трубку, закурилъ и молча усѣлся на стулъ. Лишь искоса взглянулъ онъ на жену, та покраснѣла, какъ маковка. Настало общее молчаніе. Баньковскій подумалъ было встать и распрощаться, но сообразилъ, что выйдетъ еще хуже, къ тому-же и поужинать хотѣлось, и потому рѣшившись остаться, онъ, ни мало не стѣсняясь, началъ разговоръ.

— Якъ же вамъ, отецъ благочинный, ѣздилось? Чи далеко були? смѣло спросилъ Баньковскій.

— Недалеко, въ Вильшаныци, отозвался Балабуха, и снова взялъ въ губы чубукъ и такъ потянулъ изъ него, что весь табакъ вспыхнулъ и поверхъ трубки показалось пламя, которое онъ поспѣшилъ задуть.

— О, я знаю Вильшаныцю и не разъ тамъ бувавъ у покойника старого батюшки. Що за добра, що за мила душа бувъ покійникъ, царство ему небесне! Якій щирый, якій привитный. А господарь якій! Такого трудно де знайти,—распустилъ рѣчь панъ Баньковскій, чтобы занять время, пока поспѣетъ ужинъ.

— Добрый бувъ чоловикъ, неохотно добавилъ Балабуха и вновь со злости такъ потянулъ изъ трубки, что въ ней послышался трескъ какъ-бы поджариваемаго на сковородѣ сала.

— Чи бачивъ-же Онисію Степановну? спросила Олеся слегка дрожавшимъ голосомъ.

— Ни, коротко отрѣзалъ Балабуха.

На минуту всѣ смолкли; слышался только глухой трескъ въ трубкѣ и дымъ густыми клубьями поднимался къ потолку.

— Я знавъ Онисію Степановну ще паппою, поспѣшилъ вставить свое слово панъ Баньковскій. Ото була цяця! Ну, тай цяця! Якъ крашанка! Якъ писанка! Якъ золото!

— Шкода тильки, що въ плахти ходила, замѣтила Олеся. Мабуть теперъ завертилась намиткою, якъ сильска баба. Не люблю я тихъ намитокъ, запасокъ та плахтъ.

— Часомъ ти намитки та плахты бувають лучши одъ суконь, грубо отозвался на это Балабуха, не глядя на жену.

— Вже сердься, не сердься, а вечери таки я диждусь, подумалъ Баньковскій и развелъ длинную исторію объ отцѣ Ониси, о самой Ольшаницѣ, о тамошнихъ лѣсахъ, о бывшихъ тамъ облавахъ на волковъ и полевальяхъ на зайцевъ и лисицъ, перебралъ всѣхъ бывшихъ тамъ помѣщиковъ, экономовъ и другихъ шляхтичей, о каждомъ почти изъ нихъ разсказалъ какой нибудь забавный анекдотъ. Баньковскій незамѣтно для себя увлекся разсказами объ охотѣ, говорилъ съ жаромъ и одушевленіемъ, сыпалъ шутками и остротами. Олеся хохотала отъ души, Балабуха выходилъ изъ себя, пока Килина не застлала столъ и не подала ужинъ.

Баньковскій съ одинаковымъ увлеченіемъ уписывалъ лапшу съ курицею и курицу съ соусомъ, какъ и жаренаго поросенка. Хотя ужинъ приготовленъ былъ неискусною рукою Килины, Баньковскій не скупился на похвалы, чтобы польстить хозяйкѣ.

— Якъ-то смачно, якъ-то чудово зготовано! то и дѣло напѣвалъ онъ Олесѣ. Балабуха только вскидывалъ на него сердитыми глазами и молча ѣлъ.

Поужинавъ, Баньковскій безъ церемоніи схватилъ шапку, попрощался и поѣхалъ домой. Килина убрала со стола. Балабуха сосалъ трубку и молчалъ.

— Ты на мене сердишься? спросила его Олеся, подойдя къ нему и положивъ руку на плечо.

Балабуха молчалъ и глядѣлъ на стѣну.

— Може ты думаешъ, що я умысне запросила до себе Баньковского? Я ёго й не думала просити: бувъ на ярмарку и заихавъ. Балабуха тянулъ изъ трубки и молчалъ.

— Чого це ты мовчишъ? Чи ты справди сердишся на мене? допытывалась Олеся.

Балабуха молчалъ и курилъ.

— Слухай! Ты сердишся на мене? вновь спросила его Олеся и слегка ударила его по плечу; та покинь-бо люльку та говори зо мною.

Балабуха глазомъ не мигнулъ, не шевельнулъ усомъ.

Олеся пробовала вырвать изъ рукъ его трубку; онъ не допустилъ и слегка оттолкнулъ ея руку. на бокъ.

— Ото не люблю, якъ чоловикъ мовчить. Говори що нибудь! чи хвали мене, чи гудь, але говори.

Балабуха молчалъ и молча вновь набилъ трубку и продолжалъ курить.

— Та й запеклый-же ты чоловикъ! Здаеться, зъ креминя легче добути слова, якъ одъ тебе. Кидай люльку та поговори зо мною.

Олеся рванула чубукъ изъ рукъ мужа такъ, что искры посыпались изъ трубки на полъ. Балабуха всталъ и молча вышелъ на дворъ, не надѣвъ даже шапки.

Была темная ночь. По темному, какъ черное сукно, небу, блестѣли звѣзды, какъ изумрудныя капли. Богуславъ будто вымеръ; нигдѣ не видно было огней, нигдѣ не слышно было ни малѣйшаго звука, и лишь снизу отъ рѣки доносился монотонный шумъ воды, переливавшейся по камнямъ. Балабуха вышелъ за дворъ и машинально побрелъ внизъ къ рѣкѣ. Шумъ воды становился слышнѣе; можно было разслышать въ общемъ шумѣ, какъ вода клокочетъ, рвется и бурлитъ, то тихо плещется о камни и переливается по нимъ. Балабуха остановился на обрывистой скалѣ и неподвижно устремилъ глаза въ темную даль. Въ глубинѣ ночнаго мрака, какъ въ облакахъ густаго дыма, предъ его глазами вырисовывались два свѣжія лица, одно около другаго, оба веселыя и румяныя. Въ шумѣ воды онъ какъ-бы слышалъ ихъ веселый говоръ. Вотъ набѣжавшая волна ударилась о камень, раздался плескъ, и ему почуялся въ немъ тихій аккордъ гитары... Балабуха долго стоялъ на скалѣ, кругомъ его царила тьма ночи и лишь огонь въ трубкѣ то вспыхивалъ, то опять погасалъ.

Измученный думами, Балабуха вернулся домой и, не промолвивъ слова къ женѣ, поспѣшно раздѣлся и легъ спать.

Проснувшись рано, Олеся весело заговорила къ мужу. Онъ молчалъ; молча одѣлся и помолившись Богу, сѣлъ за чай.

— Чи ты й доси на мене сердишся? спросила Олеся.

Балабуха пилъ чай и словомъ не отозвался къ женѣ.

— Та ну, не выгадуй ка-зна чого! Чи ты граешь въ якись играшки, чи що? говорила Олеся.

Балабуха даже не взглянулъ на нее.

— Забере соби щось у голову та й дметься. Отъ уже не люблю. Ты може думаешъ, що я люблю того гидкого Баньковського? Я тебе люблю и билшъ никого, сй же Богу! весело говорила Олеся.

А Балабуха молчалъ и смотрѣлъ на самоваръ. Олеся подговорила Килину, чтобы та вошла и спросила у батюшки, что готовить на обѣдъ. Килина вошла и стала спрашивать, но при этомъ глупо ухмылялась. Балабуха, взглянувъ на нее, понялъ, въ чемъ штука и не сказалъ ни слова. Олеся была тутъ-же; она стояла у окна и тихо смѣялась.

Уже и пообѣдали. Уже и день минулъ. Даже слуги замѣтили, что батюшка не говоритъ.

— Пани! може нашому батюшци пороблено, що вони цилый день не говорять, обратилась къ матушкѣ Килина съ своимъ мудрымъ словомъ: нехай Богъ милуе кожного хрещеного, це на людяхъ бувае. Побижу я въ Хохитву до знахарки. Въ насъ е така баба, що одробить.

— Ты казна-що верзешъ, сказала Олеся, а сама едва держится отъ смѣха. Батюшка не зовсимъ здоровый, то й не говорить.

Но прошелъ и второй день, а батюшка молчалъ, будто онѣмѣлъ. Проникся и Прокопъ сожалѣніемъ и подступилъ къ матушкѣ съ такими словами:

— Пани! ось слухайте, що я маю вамъ казати: нашому батюшци й справди пороблено. Треба бигти до Хохитвы. Тамъ у насъ е така дженджеляста баба... Вона якъ пидкурить батюшку зиллямъ, то три дни говоритимуть и не переставатимуть. Мене разъ якъ пидкурила...

— Я тоби дамъ такои дженджелястои, що ты не втрапишъ, куды втикати, сказала Олеся.

Только третьяго дня вечеромъ батюшка заговорилъ.

— Слава тоби, Хрестителю! Ажъ коли вернувся языкъ. Тай наровы-жъ у тебе! говорила сердито Олеся.—Це якъ буде Баньковській разъ у тыждень заходити до мене, то мій панотець по три дни на тыждень буде нимый... Не дуже пріятна ричь! Що тутъ ёго робити? думала Олеся, посматривая на своего батюшку.

— А признайся теперъ, правда ты на мене сердився за того пыкатого Баньковського? спросила Олеся мужа, подсѣвши къ нему.

— Ну, сердився, сказалъ Балабуха.

— А теперъ вже не сердишся?

— Теперъ вже не сержусь.

— Ты дурнисинько на мене сердився. Помиркуй ты своимъ трибомъ: ты отъ поидешъ, або пидешъ куды,—чи е въ мене до кого хочъ слово промовити? Все сама, все сама,—це хочъ кого нудьга визьме. Хотила-бъ и я зъ людьми бути, зъ ними веселитися, бо я молода. Що-жъ? одколи мы въ Богуслави, чи бувъ у насъ хто, чи мы въ кого? Це-жъ и люди судитимуть! Закличъ хочъ разъ гостей,—отъ справника, станового, ёго помичника зъ жинкою та зъ дочками, та доктора, та музыкъ покличъ. Нехай я потанцюю, то мени й веселише буде. Добре я кажу?

— Добре. Що-жъ, треба покликати, але може за однимъ заходомъ кого зъ своихъ сусидивъ запросить?

— Э, ну ихъ—тыхъ сусидивъ... Таки вони прости, та чудни якись, особливе матушки. Посидають та й мовчать, и не знаешъ, чи ихъ слухати, чи питати ихъ. А батюшки—ти тильки пьють, та сопуть. Этъ! тильки пидлогу мини запаскудять своими чоботищами. Не проси ихъ! Не люблю я коло ихъ панькатись.

— Ну, ну, добре. Не буду ихъ просити.

— Отъ за це ти въ мене гарный! Знаешъ що: якъ будешъ въ Кіеви, купи мени зо два перстни. Въ мене мало перстнивъ.

— Добре, добре, куплю и три, хочъ у тебе ихъ здаетця не мало. Олеся подняла два пальца правой руки и приставивъ къ свѣчкѣ, любовалась блескомъ камней въ кольцахъ.

Богуславской уѣздной аристократіи не долго пришлось ждать приглашенія на вечеръ къ о. благочинному. Подготовивъ кое-что къ пріему гостей, Олеся воспользовалась первымъ воскресеньемъ, когда послѣ обѣдни многіе изъ служащихъ зашли къ батюшкѣ, по старому обычаю, на *Отче нашъ*, и не спросивъ прежде мужа, пригласила всѣхъ на вечеръ въ тотъ-же день съ женами и дѣтьми. Ей очень хотѣлось показать шелковое зеленое свое платье, только что сшитое.

Насталъ вечеръ; пришли три жидка—музыканты; стали собираться гости. Раньше другихъ явился становой приставъ,—«марцовый», какъ звали его, кавалеръ, т. е. состарѣвшійся женихъ, пришелъ сосѣдъ-докторъ, пріѣхалъ помощникъ становаго, старый полякъ, съ женою и пятью дочерьми; прибылъ и городничій съ семьею.

Мелкое чиновничество, канцеляристы и писцы разныхъ присутствій, да оффиціалисты богуславской экономіи, заслышавъ музыку, явились и сами безъ приглашенія. Набралась цѣлая куча гостей. Олеся надѣла свое новое платье свѣтло-зеленаго шелку, насажала на пальцы какія только были у ней кольца и вышла къ гостямъ. Чтобы не хлопотать самой объ ужинѣ, она заранѣе позвала славившуюся въ городѣ своимъ кухарствомъ мѣщанку и предоставила ей готовить ужинъ по своему вкусу и усмотрѣнію, сама-же ни разу и не заглянула въ кухню.

Предоставивъ мужу занимать гостей, Олеся расхаживала по залѣ и любезничала съ кавалерами. Дамы сидѣли вокругъ стола и о семъ, о томъ толковали между собою. Олеся присѣла къ нимъ лишь на минуту и за тѣмъ не обращалась больше къ нимъ и не промолвила во весь вечеръ ни одного слова. Она не любила дамскаго общества.—Жидки заиграли. Становой, большой любезникъ и шутникъ, пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся танцовала съ большими, какъ говорили кавалеры, «выкрутасами», стараясь въ особенности выставить на показъ свои дорогія кольца. Не весело однако-жъ ей танцовалось: ея думы неслись къ Баньковскому... Какъ вдругъ нежданно въ дверяхъ залы показалась его роскошная кудрявая голова и широкія богатырскія плечи. Онъ на лету поклонился Олесѣ, поздоровался съ Балабухою и присѣлъ около него. Балабуха нахмурился и молчалъ. Олеся кинула глазами на румяное лице Баньковскаго и мгновенно почувствовала въ себѣ какое-то необъяснимое волненіе: ея молодое лице разгорѣлось, глаза блестѣли, руки и ноги дрожали; скоро она совсѣмъ не владѣла собой и, продолжая начатую кадриль, выдѣлывала такіе «выкрутасы», отъ которыхъ диву дались богуславскіе кавалеры и наблюдавшія за танцами дамы; она то откидывала голову назадъ и закатывала глаза подъ лобъ, будто считала доски на потолкѣ, то шла тихо, выпрямивъ станъ, то мгновенно мѣняла позу, начинала какъ-бы бѣгать и наклонивъ нѣсколько внизъ голову, точно разрѣзывала ею густые облака дыму, то рѣзвилась и шалила, какъ дитя, уходила отъ своего кавалера, кружилась, вертѣлась, сбивалась

тактѣ, перепутывала фигуры, забывала подать во время кавалеру руку, и опять впадала въ солидный тонъ, поднимала глаза вверхъ и плыла, точно лебедь по водѣ... Ея фантазія разгоралась и рисовала ей волшебныя залы съ зеркальными стѣнами, залитыми свѣтомъ, съ массою движущихся паръ въ роскошныхъ и блестящихъ нарядахъ. Ея глаза искали красивыхъ лицъ, пламенныхъ очей, горячихъ огненныхъ устъ. Стучало въ вискахъ, трепетало сердце въ груди; что-то сладкое, теплое приливало къ нему и оно просило счастья, наслажденья безъ мѣры, безъ конца...

Дамы переглядывались, перемигивались и усмѣхались одна къ другой. Кавалеры увивались около Олеси. Балабуха сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ за стаканомъ пуншу и не сводилъ съ Олеси глазъ. Онъ забылъ даже о Баньковскомъ. Олеся чаровала его танцами, своими эксцентричными позами, неуловимымъ кокетствомъ.

— Тисно мени, душно мени! Здается, летила-бъ пидъ саме небо, летила и не переставала, думала Олеся, опьяненная танцами, вилася-бъ птицею въ широкому простори и кохалабъ, кохалабъ усимъ серцемъ, докибъ стало силы и миры.

Перевалило уже заполночь, а танцы не прекращались. Балабуха усѣлся играть въ карты, а Олеся, не вспомнивъ даже объ ужинѣ, забывъ совершенно о гостяхъ, до изнеможенія кружилась въ вальсѣ съ чиновниками и официалистами, летала въ мазуркѣ съ Баньковскимъ. Только уже самъ Балабуха, хорошенько проголодавшись, приказалъ накрывать на столъ.

— Ну, що, Олесю, добре натанцювалась? спрашивалъ Балабуха Олесю, когда совсѣмъ разъѣхались гости.

— Такъ натанцювалась, що й сонъ мене небере. Оце пишлабъ надъ Рось та й гулялабъ до самого свита.

Олеся долго еще ходила по залѣ, а мысли ея летали гдѣ-то далеко. Балабуха спалъ и храпѣлъ на весь домъ, Олеся не спѣшила раздѣваться; стоя предъ зеркаломъ, она любовалась собой, съ дѣтскимъ наслажденіемъ глядѣла, какъ горятъ золотые перстни на ея пальцахъ, какъ сіяетъ свѣтло-зеленое ея платье, какъ бле-

стятъ ея черныя брови на юномъ челѣ. Но сонъ неожиданно налетѣлъ на нее, глаза ея слипались, она едва видѣла себя въ зеркалѣ.

— Чи люблю я свого чоловика щиро, гаряче? спрашивала сама себя Олеся, собираясь раздѣваться: ни, люблю такъ соби, трошки, ледви, ледви люблю. Якъ-бы хотилось полюбити щиро, горяче, безъ кинця, полюбити, хочъ умерти!

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(*Окончаніе*) [1].

Годъ 32-й.

Отъ 1707 года іюля 20 по 1708 годъ іюля 20.

И по возвращеніи изъ Риму пріѣхалъ до Венеціи, гдѣ жилъ по генваря 10 число 1708 году въ великихъ роскошахъ и въ весельѣ, и нашелъ старыхъ друзей, Францишку Морузику и прочихъ, великія отъ нихъ пріязни получилъ и былъ отъ него одаренъ при отъѣздѣ двумя шкатулами флоренскими. Въ тотъ мой пріѣздъ отъ Речи Посполитой венецкой чрезъ оного господина былъ спрашиванъ, какъ хочу жить, публично или приватно,—гдѣ хотѣли приставить двухъ лакеевъ, которые для моего предводительства,—также и болѣтовали, что дарить-ли или нѣтъ отъ Речи Посполитой чѣмъ. И въ ту свою бытность былъ инаморатъ славную хорошествомъ одною читиденку,—называлася Sig-ra Francesia Rotta,—которую имѣлъ за медресу; во всю ту свою бытность такъ былъ inomarato, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1,000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ. И взялъ на

---

[1]) См. ноябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 478—498.

меморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться и въ Помераніи всякими мѣрами искать того случая, чтобъ въ Венецію на нѣсколькое время возвратиться жить.

Въ ту свою бытность двѣ немалыя причины видѣлъ съ маркизомъ Паловучиномъ и съ Пцовелемъ, жентильомомъ венецкимъ; близко было duella со мною.

Въ ту мою бытность Serenessima Respublica di Venezia презъ господина Morozini объявили мнѣ, чтобъ писать до царского величества, что хотятъ послать своего министра публичнаго, или какъ изволитъ, до царского величества для обязанія доброй корресподенціи и коммерціи. И о томъ ко двору писалъ. И напротивъ велѣно объявить Речи Посполитой, что то будетъ пріемно царскому величеству; и объявлено. То все дѣло велѣно дѣлать барону Урбаху въ Вѣнѣ съ посломъ венецкимъ.

И оттуль пріѣхалъ февраля первыхъ чиселъ въ Вѣну и жилъ три недѣли, гдѣ видѣлъ не малую пріемность и почтеніе при всѣхъ министровъ и князей многихъ.

И получилъ указъ и грамоту отъ двора къ министрамъ въ Гамбургъ; и велѣно мнѣ ѣхать въ Гамбургъ для его дѣлъ и жить до указу. А на проѣздъ взялъ только 309 ефимковъ и шпеціи (?) талеръ. И при отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны былъ у Цезаря на аудіенціи, и какимъ порядкомъ, о всемъ томъ явно въ описаніи книги вояжу италіанскому. И потомъ въ февралѣ поѣхалъ изъ Вѣны въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ: ту мою бытность покажетъ тутъ-же въ описаніи книги перегринаціи и дѣлъ гамбургскихъ. Не хочу много трудить читающаго сего моего описанія о бытностяхъ своихъ въ Италіи, какъ въ Римѣ, такъ и въ Венеціи, истинно похвалясь, что націи московской никто чести и славы прежде моего бытія не принесъ. Правда, что себѣ раззореніе въ иждивеніи томъ понесъ, однакожъ въ честь и славу государства россійскаго и патри имени своего дому Caributoff Karakinigh, князей наслѣдственныхъ литовскихъ. Къ семужъ объявлю: особливую пріемность и любовь въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ. А въ Вѣну по пріѣздѣ своемъ возвращаючись изъ Италіи, былъ въ великой меланхоліи, что не имѣлъ ажъ 50 червонныхъ незабытно; однакожъ, счастье, получилъ указомъ его величества на проѣздъ

до Гамбурга велѣно дать барону Урбаху, у котораго взялъ 150 червонныхъ, и тѣмъ доѣхалъ.

Во все мое то отлученіе не былъ оставленъ въ призрѣніи дѣтей моихъ и дому моего пріязнію Абрама Ѳедоровича Лопухина.

Сего года сынъ мой князь Александръ началъ по латынѣ учиться, а дочь по французски танцовать.

Годъ 33-й.

Отъ 1708 года іюля 20 по 1709 годъ іюля 20.

Іюля мѣсяца бывъ въ Брабантѣ, поворотясь изъ Голландіи, поѣхалъ до Шлезіи въ Бреславль, управляя путь свой до Москвы. И ѣхалъ чрезъ провинціи многія обычайнымъ почтовымъ трактомъ ажъ до самаго Лейпцига въ Саксоніи; и тутъ принужденъ былъ забавиться, для болѣзни своего человѣка Фредрика, недѣлю и оставя его у купца Брейшпракта съ награжденіемъ нѣсколько червонныхъ, и поѣхалъ до Бреславля. И въ Дрезденѣ былъ 4 дня и оттуль до Бреславля, и въ Бреславлѣ забавившись три дня у графа Нейтарта, не могъ ѣхать за великимъ повѣтріемъ чрезъ Польшу. Поѣхалъ до Вѣны и, тутъ сыскавъ способъ ѣхать чрезъ Унгарію, поѣхалъ на Лейпцигъ. Однакожъ въ Вѣнѣ забавленъ былъ мѣсяцъ, ожидая изъ Венеціи князя Трубецкого, а въ проѣздѣ изъ Вѣны чрезъ Ольмюцъ былъ удержанъ три дня у примаса польского Шембека, также и подканцлера Шембека и всей его фамиліи.

Въ Вѣнѣ бытность моя была приватная и никто не видалъ. И отъ Пресбурга ѣхалъ чрезъ нѣкоторые городы цезарскіе, всѣ возлѣ рѣки Дуная, ажъ до самаго Раабъ называется, гдѣ при войскахъ нашелъ фельдмаршала генерала Гейстера. И отъ того съ конвоемъ и съ пашпортомъ отъѣхалъ въ сторону городовъ венгерскихъ принца Рагочи, Неугезиль называется, и тутъ былъ только обѣдъ и тотъ свободно отобѣдать не могли для того, что партія цезарская вскорѣ отправлена была ажъ подъ самый городъ, а въ городу, сподѣваючися приходу осады, въ великой были конфузіи. Того времени обѣдалъ я у комисара, который называется Слушко, больше природы горватской, нежели венгерской, и способно говорилъ по словенску. И поѣхалъ съ конвоемъ оттуль до Агріи, гдѣ обрѣтался князь

Рагоціа, и проѣхавъ два дня, доѣхали въ одномъ урочищѣ заподьномъ войска венгерского, подъ командою графа Бречини, которого видѣлъ не сподѣваюся больше быть осми тысячь или девяти. И бывъ у Бречини инкогнитъ за шляхтича московского съ конвоемъ, поѣхалъ до Агріи въ путь свой съ конвоемъ однимъ полковникомъ. Въ пути былъ 3 дня, и пріѣхавъ до Агріи, сталъ на дворѣ, гдѣ стоялъ посолъ нашего двора Украинцевъ. И тутъ былъ 3 дня, и по пріѣздѣ къ себѣ получилъ присланнаго съ поздравленіемъ отъ князя Рагочи одного кавалера его двора; а на другой день былъ его присланъ дворецкій съ каретою его цугомъ къ обѣду звать; и бывъ у него на обѣдѣ, отъѣхалъ въ той-же каретѣ. Потомъ на другой день отъѣхалъ съ его конвоемъ въ путь свой чрезъ Токай и Мульячь до Львова, гдѣ пробавился въ пути чого 10 дней.

И пріѣхавъ до Львова, бавился недѣлю. Весь тотъ свой путь правилъ на почтѣ, которого кошту могу написать какъ въ Италіи, такъ въ Германіи, и въ венгерской землѣ, въ Польшѣ, съ полторы тысячи ефимковъ самой одной заплаты за почту.

И отъ Львова мѣсяца сентября остатнихъ чиселъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ наѣхалъ губернаторомъ князя Голицына, и тутъ забавился недѣлю. И потомъ поѣхалъ въ армію и нашелъ отъ Стародуба не далеко—называется то мѣсто Погары—только одного фельдмаршала и министровъ, Головкина, Долгорукова и Шафирова, а его величество былъ тѣхъ часовъ послѣ баталіи левенгопской [1]) въ Смоленску, а король шведскій былъ того времени подъ Стародубомъ.

И изъ Погаровъ при арміи пришли въ Новгородъ-сѣверскій въ деревню Погребки, и тутъ дожидались приходу царского величества изъ Смоленска. На другой день получили вѣдомость о Мазепиной измѣнѣ [2]), а на третій день князь Меньшиковъ пришелъ въ Погребки съ тѣмъ-же извѣстіемъ. Потомъ на другой день князь Меншиковъ посланъ доставать городъ Батуринъ резиденцію [3]), а меня его величество послалъ почтою въ Кіевъ для митрополита Кроковского и епис-

---

[1]) Сраженіе съ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ было 28 сентября 1708 г.

[2]) Измѣна Мазепы обозначилась 28 октября 1708 г.

[3]) Т. е. гетмана. Батуринъ былъ взятъ Меншиковымъ 2 ноября 1708 г.

копа переяславскаго Захарія и другихъ персонъ духовныхъ першихъ изъ печерского и изъ другихъ монастырей, чтобъ привезть въ Глуховъ для изобранія нового гетмана.

Могу приписать себѣ сіе въ немалой страхъ ѣзды моей, что съ трудомъ и страхомъ потерянія живота могъ проѣхать до Кіева, понеже во всѣхъ мѣстахъ малороссійскихъ и селахъ были бунты и бургомистровъ и другихъ старшихъ побивали. Но при помощи всесильнаго Бога въ четырехъ персонахъ проѣхалъ до Кіева тайнымъ образомъ. И пріѣхавъ того часу объявилъ митрополиту и прочимъ измѣну бывшаго гетмана Мазепы и указъ объ ихъ отъѣздѣ въ Глуховъ. И на утріе прибравшись поѣхали въ путь на Нѣжинъ. И не доѣзжая Нѣжина, получили вѣдомость, что король шведскій перешелъ Десну рѣку, но съ великимъ страхомъ проѣхали отъ Нѣжина до Путивля. И не доѣзжая Нѣжина за двѣ мили сельцо гетманское, въ которомъ поймали его двухъ дворовыхъ конюховъ и съ лошадьми, которыхъ забравъ съ собою съ дороги отпустилъ, а лошадей взялъ къ себѣ. И пріѣхавъ до Путивля, митрополита со всѣми отправилъ до Глухова, а самъ остался въ Путивлѣ за болѣзнью, что припала лихорадка. И потомъ 4 дня спустя пріѣхалъ до Глухова, и отпущенъ былъ до Москвы словомъ не надолгое время. И ноября 19 пріѣхалъ чрезъ почту къ Москвѣ, и былъ на Москвѣ по 19 декабря. И оттоль поѣхалъ въ армію; и пріѣхавъ къ Рождеству Христову въ мѣстечко Лебединъ, гдѣ принялъ полкъ лейбъ-гвардіи семеновскій, и командировалъ тѣмъ регimentомъ и полкомъ астраханскимъ ажь до самого чрезъ всю зиму и весну (?). А князь Голицынъ генералъ-лейтенантъ былъ посланъ въ Польшу съ полками... и подъ Полтаву пріѣхавъ принялъ команду.

Теперь буду писать всѣ обстоятельства своей бытности фортунъ.

Съ пріѣзду своего изъ Италіи въ армію, какъ молвилъ выше, въ Погары, принятъ былъ пріемно отъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и прочихъ; и присовокупляли словомъ, что мнѣ быть..., на что многократно мнѣ свое намѣреніе объявляли, что хотятъ просить его царского величества о мнѣ. Но бывъ я въ томъ надѣяніи, токмо того не постигъ... А какъ его величество пришелъ въ Погребки изъ Смоленска, то изъ происканіемъ злобы или погубленія сіе учинено отъ оного

министра вышеупомянутого, что посланъ былъ въ Кіевъ для привозу архіерея, понеже того времени сіе такъ дѣло было причиною, что къ потерянію живота такъ какъ отъ непріятеля и ребелизантовъ съ Мазеною, такъ и другой стороны, что оной архіерей признанъ былъ какъ бы согласникъ оному Мазенѣ, и опасаючись того, чтобъ и другіе духовные персонально съ народомъ противности какой не показали. Однакожъ оная мнѣ трудность съ Божіею помощію съ вымыслу ихъ злого произошла безтрудно, ктомужъ, правда, безъ всякой вмѣняючи заслуги и заплаты.

Но съ самаго того перваго свиданія con sua maestà non mi ben guardato e non havuto gran discursi meco come ordinariamente parlano con quelli che vengono di paese forestieri [1]). Однако я въ своемъ намѣреніи былъ, которые привезъ подарки презентовалъ, токмо tutta in nulla [2]).

Пріѣздъ до Москвы ставлю себѣ за счастіе, отъ всѣхъ былъ въ пріемности особливой всего моего вѣку. На остаткѣ покажу то, что при отъѣздѣ моемъ самомъ имѣлъ столько въ домѣ своемъ персонъ знаменитыхъ, какъ князя Гагарина, московского коменданта, такъ и другихъ прочихъ.

И того году съ зимы въ здоровьѣ своемъ былъ свободенъ, токмо уже нѣкоторые знаки видѣлъ на вискахъ и мало на лбу.

Въ ту бытность имѣлъ услужить бискупу львовскому и нѣкоторое число далъ ему денегъ, и въ домѣ своемъ чествовалъ, желая себѣ доброго корреспондента имѣть въ Польшѣ; токмо по отъѣздѣ моемъ нѣсколько времени на Москвѣ скончался меланхоліею.

И той-же бытности своей хотя съ противленіемъ, только жену взялъ въ домъ и съ дочерью; и оставя тутъ, поѣхалъ.

А когда, по пріѣздѣ своемъ въ Сумы, пошелъ въ командѣ семеновского и астраханского полковъ съ княземъ Меншиковымъ, тогда пришелъ въ Ахтырку; были тутъ и всю ту зиму, ажъ до случення весною всей арміи подъ Полтавою; былъ въ поведеніи добромъ и въ

---

[1]) Его величество не былъ ко мнѣ благосклоненъ и не имѣлъ длинной бесѣды, какъ обыкновенно это бывало со всѣми возвращавшимися изъ за границы.

[2]) Все ни во что.

мѣрѣ изрядной отъ его свѣтлости княжеской. А особливе то себѣ видѣлъ, что тою пріѣздностію имѣлъ команду по его волѣ въ Котельвѣ, когда былъ оставленъ надъ шестью полками драгунскими, да надъ двумя пѣхотными, и полковниковъ именно почтў Кропотовыхъ двухъ, Шамардинъ; а другихъ полковниковъ также. И пароль присланъ, и отдавалъ многимъ полкамъ.

А въ квартирѣ зимней въ Харьковѣ уже предъ многими имѣлъ любовь и пріемность партикулярную, а особливе когда поднесъ бархатъ и другія вещи римскія. По квартерѣ той въ Богодуховѣ, собравшимся по баталіи въ городъ нашъ, вскорѣ имѣли разобраться по разнымъ городамъ на квартерахъ. Потомъ вскорѣ слабость себѣ послышалъ здоровья своего, а особливе на лицѣ болѣзнь объявилась прежняя, также и по тѣлу почало выкидываться. И мѣсяца марта отъ доктора двора его величества Арескина англійского чрезъ селевацію; и по начинаніи 4 дня только престалъ для того, что вскорѣ получили вѣдомость объ измѣнѣ козаковъ запорожскихъ. И для того престалъ вскорѣ, что намѣреніе было его царского величества,—ежели та измѣна произошла въ добрый имъ порядокъ, чтобъ другіе козаки пристали къ нимъ,—тобъ конечно дать баталію генеральную.

И во весь тотъ зимній походъ имѣли съ шведскимъ королемъ многіе акціи, а особливе знатные въ Городномъ, гдѣ и нашего гвардіи полку семеновского часть была спѣшена, да подъ Сокольниками,—обѣ тѣ акціи подъ командою генерала Рена,—да подъ Опошнею, гдѣ взяли нѣсколько полону и двѣ пушки, подъ командою князя Меншикова.

Потомъ приходъ изъ Троицкого или съ Таганрогу царскаго величества.

La mia fortuna tutta caduta del mio inimico P. Dolgoruky Vasilei Volodimeroff; lo quale cercava sino adesso la mia testa per invidia, perche vedendo favori del P. Menscikoff, come mi amato, e'di piu havuto poura di non haver la grazia di S. M.	Все мое счастье было разрушено недругомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, который искалъ случая подкопаться подъ меня (букв: до сихъ поръ искалъ моей головы), съ завистью смотря на расположеніе и любовь ко мнѣ кн. Меншикова, а болѣе

всего огорченный тѣмъ, что самъ онъ имѣлъ несчастье не пользоваться благоволеніемъ его величества.

Una volte succede doppo che arivato sua maesta trei giorni habbiamo cenato in casa del P. Menscikoff, ed discorendo S. M. meco comincio essere con mi in collera et dicendo come che io non voglio servir nel militare e che cerco l'occasione nel ministerio. Cosi posso dir di quel tempo sfortunato che mi a promesso la forca, si non faro il mio dovere nella occasione di battersi contro l'inimico é doquel tempo sino adesso non le potutto haver la grazia di s. m.

Однажды случилось, что на третій день по пріѣздѣ его величества мы ужинали въ домѣ кн. Меншикова. Здѣсь его величество, бесѣдуя со мною, началъ гнѣвно выговаривать мнѣ, что я де не хочу служить въ военной службѣ, а ищу де случая попасть въ министерію. Могу сказать, что въ этотъ день мнѣ такъ не посчастливилось, что мнѣ была обѣщана висѣлица, если я не исполню своего долга въ случаѣ борьбы съ непріятелями. И съ того времени до сихъ поръ я не могъ возвратить себѣ благоволенія его величества.

Questo succede sotto la citta di Poltava nel mese di gucgno nei primi giorni da quel tempo ho perso la memoria guidizio sanita civilta. Solecitu di ne in tutti li cosi di impurare che solamente stote sempre melencolico é pogno.

А это произошло подъ городомъ Полтавой въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня.

Съ той поры я потерялъ память, разсудокъ, здоровье, обходительность (вѣжливость); сталъ тревожиться по всякимъ пустякамъ, постоянно чувствовалъ себя въ состояніи меланхоліи и душевнаго разстройства.

Теперь опишу: видѣвъ премѣну отъ главнаго человѣка, и другіе премѣняются во всемъ. Когда до сего случая видѣлъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и другихъ прочихъ доброе привѣтствованіе и почита-

ніе, а особливе предъ другими всячески увеселеніе; когда то вышеявленное случилось, то такъ оныхъ ласка или склонность отмѣнилась,— не могу такую примѣнить,—яко погода въ Голландіи; однимъ днемъ многократно премѣняется. Во истину благодарю оную милость—назвавъ, а не пріязнь—князя Меншикова въ оное несчастья моего время; въ ужинѣ такъ имѣлъ за меня стараніе, хотябъ за присного своего. Однакожь вскорѣ отмѣнилась и его предъ прежнимъ склонность, видѣвъ уничтоженіе Вышняго.

И когда перебравшись рѣку Ворсклу, уже ища баталіи съ непріятелемъ генеральной,—и 23, въ ночи на 24 іюня, схватило такъ ажъ не къ самому концу, и принужденъ исповѣдаться и причаститься. Сіе мнѣ припало конечно отъ печали, понеже отъ того случая несчастливого не могъ и забавы отнюдь не имѣлъ; но уже теперь напишу, что уже истинно радощенъ былъ смерти, такъ десператъ былъ. И хотя видѣлъ себя всегда болѣзненна, былъ воздерженъ во всемъ, но тѣхъ часовъ ужъ нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храня и не жалѣя своего здоровья.

И потомъ хотя не твердо, однакожъ въ бодрость малую пришелъ, и былъ на баталіи генеральной съ королемъ шведскимъ подъ Полтавою, командируючи полкъ лейбъ-гвардіи семеновской, и во всемъ томъ случаѣ неотступно былъ ажъ до самого конца баталіи.

По той баталіи всѣ взысканы тріумфомъ подарковъ, чинами, орденами, крестами и кавалеріями; только за несчастіе я одинъ остался.

Такъ пишу: какъ родился, только никогда отъ его лица di S. M. видѣвъ гнѣвъ и не зоставалъ въ несчастьи. Для того-то время себѣ причитаю троякое несчастье. Первое, отъ Вышняго ни за что, только по возмущенію непріятельскому, получилъ гнѣвъ. Второе, подъ такой случай, гдѣ всѣ имѣли за заслуги свои воздаяніе, того отлученъ. Третіе, той зимы и по ту бытность имѣлъ всегда отъ сердца прилѣжаніе и трудился, себя хотя показать; но оное ни во что вмѣнено и загашено. Еще-жъ имѣю наче всѣхъ, хотя и гордо въ семъ напишу, однакожъ натура моя силуетъ объявить,—что нѣкоторые взысканы именъ рангу генералъ-майора, которые были въ моемъ равномъ градусѣ, но о тѣхъ объявлю предъ собою глупыхъ, худыхъ, безъ показанія всякого дара

и заслуги, и не знаемыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донынѣ обрѣтаются,—токмо наполненъ злости ко всѣмъ, пьянства и завидости, и глумленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ.

Охъ моего плача! охъ моего воздыханія! Но все сіе оставихъ и вдахся въ волю Творца моего и его Богоматере, да не оставятъ мя въ сиротствѣ моемъ. Такъ въ несчастливомъ поведеніи оконченъ сей 33 годъ отъ роду моего въ году 1709.

Того году прежде случившагося несчастія имѣлъ къ себѣ слово отъ нѣкоторыхъ приказовъ отъ графа Головкина свататься сыномъ его Александромъ за дочь мою княжну Татьяну.

Годъ 34-й.

Отъ 1709 года іюля 20 по 1710 годъ іюля 20.

Теперь буду описывать, вступаючи въ новый годъ рожденія моего, роду моего 34-й г.

Былъ въ пути, по дорогѣ ѣдучи взялъ день Ильи пророка безъ всякого публикованія праздника, токмо съ почтеніемъ Богу и хвалы того дня святому Иліи. И такъ доѣхалъ до Кіева. Въ Кіевѣ бывши, ничто лишняго видѣлъ, токмо посредственно было, и къ нѣкоторымъ словамъ уже началъ приставать. Особливе себѣ примѣтилъ только, что въ публиченію сего года уже началось отъ него самого di sua maesta въ дѣло производить.

Буду-же смотрѣть ажъ до самого сего году окончанія.

Болѣзни моей умножается; пятенъ отъ дня ко дню больше, а паче всего на спинѣ и на лицѣ, а на головѣ почало малиться. Къ сему-жъ объявляю: замкнулъ въ сердцѣ моемъ, политически приходитъ искать себѣ какихъ добрыхъ способовъ, видя-жъ какъ и другіе. И положихся въ волю Создателя моего и его заступленіе; тѣ мя да управятъ и произведутъ.

Такъ дня тезоименитства моего былъ печаленъ, что, стоя въ церкви братской у ранней обѣдни, не могъ удержаться, чтобъ не плакать, воспоминая злости дней моихъ житія.

Получилъ вѣдомость съ Москвы августа мѣсяца, что Дорожаево сгорѣло,—крестьянскихъ 52 двора.

Въ Кіевѣ его царское величество былъ боленъ лихорадкою, которая продолжалась 4 недѣли; и въ Успеньевъ день пошелъ въ Польшу, гдѣ и я его указомъ послѣдствовалъ до Люблина. Въ Люблинѣ назначено мнѣ было ѣхатьдо Венеціи для учиненія аліансу съ венеціяны, но по моему доношенію оставлено. А послана къ речи посполитой венецкой грамота съ объявленіемъ викторіи полтавской; при отданія-же оной послу венецкому въ Вѣнѣ велѣно барону Урбаху объявить, что его царское величество охотно хочетъ принять министра ихъ публичного, которого они уже объявили прошлого году чрезъ господина князя Куракина.

И въ Люблинѣ его величество былъ нѣкоторое время, гдѣ гетманъ великій коронный и литовскіе сенаторы пріѣхавъ были на аудіенціи. Также принцесса Рагоци была, которая принята какимъ порядкомъ, о томъ покажетъ въ исторіи войны нашей.

И потомъ царское величество путь взялъ внизъ водою рѣкою Вислою до Торуня, гдѣ съѣхались съ королемъ Августомъ, и бывъ тутъ ѣздили до Маріенвердера, гдѣ видѣлись съ королемъ прусскимъ. И первый день король прусскій просилъ обѣдать его величество и другихъ всѣхъ вмѣстѣ. И на завтрѣе того дня былъ я посыланъ поздравить короля и благодарить за добрую компанію отъ лица его величества, который говорилъ на французскомъ языкѣ.

По отъѣздѣ его величества отправленъ я въ Англію полномочнымъ министромъ, и въ проѣздѣ того велѣно быть въ Ганноверѣ и подать приватную грамоту кредитиву, въ которой я написалъ, что посланъ инкогнито. А что при обѣихъ тѣхъ дѣлъ дворѣхъ, о томъ покажетъ въ инструкціяхъ.

И пріѣхавъ въ Ганноверъ, умедлился житьемъ своимъ для той негоціи, въ которомъ житьѣ такъ неблагодаренъ былъ, что истинно едва ума не лишился [1]). Ту свою бытность причитаю за афронтъ не малый, особливе что при томъ дворѣ и не удоволенъ былъ отъ того двора, а эстимованъ, какъ самый простой жентиломъ. Которого случая

---

[1]) Объ аудіенціи Куракина у ганноверскаго курфирста Георга Лудвига см. въ *Исторіи Россіи*, Соловьева, т. XVI, стр. 61—62.

много себѣ вѣку убавилъ. Воистину могу такъ написать, что николи въ такой не былъ меланхоліи, какъ въ сю свою бытность.

И для отправленія той ѣзды дано изъ канцеляріи 2,000 червонныхъ, и тѣ всѣ въ 1/2 года въ Ганноверѣ прожилъ, и потомъ жилъ своими, которыхъ прожилъ больше 3,000 [1]).

И апрѣля мѣсяца былъ въ Агинѣ для леченья болѣзни своей, чего для такъ умножилось пятенъ на лицѣ и по тѣлу, что николи не могу запомнить, а наче-же на лицѣ, что съ великимъ стыдомъ могъ ко двору ѣздить. И пріѣхавъ въ Агинъ [2]), какимъ способомъ лечился отъ дохтура Алива, о томъ на концѣ въ реестрахъ леченья покажетъ [3]). Токмо тотъ дохтуръ горячихъ водъ весьма пить не велѣлъ, а паче всего великихъ пургъ не примать. И всей бытности моей и съ проѣздомъ было 7 недѣль. И 11 мая возвратился до Ганновера, гдѣ сталъ резидовать, ожидая указу отъ двора.

А въ проѣздѣ моемъ случилось мнѣ несчастіе: отъѣхавъ отъ Колоніи 3 часа, былъ ограбленъ отъ французовъ, которые взяли одними червонными 82, да платья и другихъ рѣчей на 4,000 ефимковъ.—Правда-жъ, что въ сего карнавалу свою бытность въ Ганноверѣ обходился всегда съ тѣми принцы имперскими, хотя не такъ какъ другіе, однакожъ давалъ имъ правую руку, токмо не всѣмъ;—о которыхъ явлю теперь.

Дукъ Волфенбютельскій.

Принцъ наслѣдственный, сынъ его.

---

[1]) Тѣмъ не менѣе какой-то русскій доносилъ изъ Голландіи, что русскіе вельможи, въ томъ числѣ и Куракинъ, кладутъ деньги въ чужестранные банки. См. подметное письмо у Соловьева, т. XVI, стр. 406.

[2]) Т. е. Ахенъ.

[3]) Въ особомъ приложеніи къ рукописи подъ 5—10 апрѣля 1710 г. помѣщена какъ запись діэты, предписанная Куракину въ Ахенѣ, такъ и журналъ ахенскаго лѣченья. «Сіе мнѣ лѣченіе», — писалъ Куракинъ, — «стало 500 талеровъ; и что пропало отъ партизановъ, то совсѣмъ будетъ 1000 ефимковъ». И по пріѣздѣ своемъ изъ Ахена въ Ганноверъ еще къ пользѣ своего здоровья началъ пить воду пирмонъ, которой на пробу пилъ только два дня, и видѣвъ себѣ не малую тягость въ головѣ и во всемъ корпусѣ, того дня принужденъ откинуть и пить воду минеральную, называется швалбахъ 2/13 мая—іюня».

Дукъ Луи, меньшой сынъ, отецъ принцессы, которую намѣренъ за царевича сватать принцессу вольфенбютельскую.

Принцъ де-Беверпъ.

Принцъ де-Фризинъ, молодой человѣкъ.

Принцъ Гольштейнскій, горбунчикъ.

Два принца меньшіе Гессенъ-кассельскіе, и собою хороши, и умны, и добрые солдаты.

Царское величество, поворотясь изъ Маріенвердена подъ Ригу, гдѣ почавъ при себѣ бомбардировать, и оставя въ командѣ фельдмаршала Шереметева, которому велѣно блокировать Ригу чрезъ всю зиму до весны, и такъ уже не... (?); но блокадъ оный состоялся въ 30,000 пѣхоты, да кавалеріи 8,000. А его царское величество пошелъ къ Москвѣ и въ Москву входъ учинилъ съ великимъ тріумфомъ и магнифиценціею, гдѣ всѣ шведскіе генералы и министръ графъ Пиперъ и другіе всѣ вышніе и нижніе офицеры и рядовые, всего полону съ 28,000, ведены чрезъ Москву. И учинено 8 воротъ тріумфальныхъ не малымъ иждивеніемъ.

Той-же зимы были всѣ губернаторы и расписаны губерніи, а именно: губернаторство московское, с.-петербургское, тожъ ижерское, кіевское, азовское, казанское и всего низу ажъ по самый Терскъ, сибирское, смоленское, архангельское или тожъ двинское. И губернаторы еще писаться не велѣно, а велѣно имъ вѣдать: московскую Тихону Стрѣшневу, петербургскую князь Меншикову, кіевскую князь Дмитрію Голицыну, смоленскую Петру Салтыкову, азовскую адмиралу Апраксину, казанскую Петру Апраксину, сибирскую князь Матвѣю Гагарину, двинскую князь Петру Голицыну.

И того году въ зимѣ начались балы публичные, гдѣ указомъ начали возить дочерей первыхъ фамилій, въ которой оказіи первой дочь моя княжна Татьяна Борисовна танцовала и была всѣхъ больше эстимована.

Въ ту зиму означена была милость его величества князь Василью Лукину сыну за его службу дать 300 дворовъ деревню, что учинилъ трактатъ съ датскимъ королемъ.

Тогожъ года указъ состоялся изъ Кремля и изъ Китая все что есть деревянное строеніе выломать; и выломано въ маѣ мѣсяцѣ. И

того для дѣти мои и всѣ домовные служители, сломавъ, съ китайского двора принуждены переѣхать на дворъ старый, гдѣ братня треть, и тамъ поставя на полатяхъ деревянные хоромы, начали жить.

Указъ состоялся, чтобъ вина никому ни въ домѣ, ни по деревнямъ не сидѣть, а всѣмъ покупать.

На Москвѣ-жъ того году былъ присланный инкогнито жентильомъ венецкой, который учинилъ поздравленіе со стороны республики, и отправленъ честно, и подаренъ портретъ его царского величества и соболей на 600 рублевъ. Также и посланникъ цесарской, который уже въ С.-Петербургъ пріѣхалъ. И другихъ дворовъ отъ многихъ.

И по приходѣ царского величества въ С.-Петербургъ, осадилъ шведской въ Финляндіи Выборгъ, которую осаду командировалъ адмиралъ Апраксинъ, и 13 іюня 1710 г. оное мѣсто чрезъ акордъ взято. А на веснѣ подъ Ригою хотя и промыслу не чинили, токмо помощію Вышняго губернаторъ рижскій того мѣста генералъ графъ [1]) на акордъ оное мѣсто 12 іюля 1710 году сдалъ со многими артикулы, которыхъ объявляютъ 32, а другіе 62 [2]), изъ которыхъ настоящій самый, что всѣмъ лифляндомъ природнымъ, имѣвшимъ свои добры и не имѣющимъ, возвратиться изъ службы шведской во отечество, а ежели которые въ терминъ постановленный не возвратятся, то оные публикованы будутъ за измѣнниковъ, и добры ихъ и маетности будутъ взяты на его царское величество и розданы другимъ. И помощію Вышняго вся счастливо кампанія окончилась.

Его высокость царевичъ по пріѣздѣ своемъ въ Саксонію былъ въ Карлсбадѣ, и при немъ князь Юрій Трубецкой, графъ Александра Головкинъ и учитель Никифоръ, которому назначено нѣкоторое время быть въ Саксоніи для наученія языку и другихъ экзерцицій.

Съ туркомъ той-же зимы подтвержденіе миру учинилось, и хотя король шведскій трудился, чтобъ Порту Оттоману привести въ войну съ его царскимъ величествомъ, однакожъ ни во что произойти не могло. И ратификація отъ салтана до его царского величества въ апрѣлѣ

---

[1]) Стромбергъ.

[2]) Пункты эти, въ количествѣ 65, напечатаны въ книгѣ *Письма графа П. Шереметьева.* Моска 1778 г., ч. 2, стр. 283—366.

прислана. А король шведскій и по се 20 іюля 1710 года все былъ въ Бендерѣ. И на остатокъ сего мѣсяца получили вѣдомость, что салтанъ, по доказательству короля шведского и министра французского Десилора, визира ссадили, который былъ въ нашъ фаворъ, и выбрали изъ знатной фамиліи одного, однакожъ который весьма противенъ нашимъ интересамъ и всегда охотникъ былъ до войны.

Той-же зимы былъ посолъ экстраординарный господинъ Вистфордъ просить прощенія у его царского величества, и то присланіе принято за сатисфакцію въ афронтѣ посла Андрея Матвѣева.

Князь Александру сыну моему позволено ѣхать ко мнѣ за море съ воли его царского величества.

Я получа указъ въ іюлѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, чтобъ трактатъ союзный при ганноверскомъ дворѣ заключить и ратификаціею размѣняться, и взявъ отвѣтственную на вѣрющую самому ѣхать въ Англію по данной инструкціи и во всемъ все управлять. И тотъ трактатъ союзный его царского величества съ курфирстомъ ганноверскимъ, съ его министры, тайнымъ совѣтникомъ господиномъ Беренсдорфомъ и господиномъ тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ камеры барономъ Герцомъ, оной трактатъ 3 іюля по новому штилю заключили [1]). И особливую милость и гоноръ къ себѣ имѣлъ, что его царское величество прислалъ до меня съ курьеромъ, аки-бы плангитъ, на которомъ съ приписаніемъ многимъ оная ратификація справлена. И написана и размѣнена 13 іюля по новому. И оное пожеланіе его царского величества все счастливо окончилося [2]).

Сей годъ, воздавъ хвалу Вышнему и Его Матери и всѣмъ святымъ, хотя болѣзненно многими припадки и несчастіемъ и счастіемъ, особливе-жъ въ прибытіи моемъ при Ганноверѣ имѣлъ отъ всѣхъ эстиму, окончанъ. И начинается въ Ганноверѣ 1710 г. день рожденія моего 20 іюля святаго славнаго пророка Иліи, патрона моего. Уже въ себѣ не малую слабость во всемъ послышалъ, особливе-жъ въ памяти великую перемѣну вижду.

---

[1]) Этотъ трактатъ, состоящій въ 7 пунктахъ, напечатанъ въ *Исторіи Россіи, Соловьева*, т. XVI, стр. 62--63.

[2]) Договоръ съ курфирстомъ Ганноверскимъ въ сокращенномъ видѣ напечатанъ у Соловьева въ *Исторіи Россіи*, т. XVI, стр. 63.

Годъ 35 й.

Отъ 1710 года іюля 20 по 1711 годъ іюля 20.

По начинаніи сего года начало вижду доброе, что отъ вѣку своего никогда видѣлъ. Не токмо великихъ и малыхъ подарковъ, какъ-то: при отъѣздѣ своемъ въ Ганноверѣ: отъ електора ганноверскаго подарки (на память?) 14 больші́е, да два меньшіе, всего его дому портретовъ, цѣною на 740 червонныхъ, то есть на 3,000 талеровъ, а на нашу монету 1,480 руб.

И оное дѣло въ Ганноверѣ такъ честно оному дающему и въ интересъ его величества, о чемъ пространнѣе покажется въ протоколѣ моей бытности въ Ганноверѣ съ пространнымъ описаніемъ.

На этомъ записки обрываются. И мы не имѣемъ возможности понять, почему князь Борисъ не продолжалъ своихъ мемуаровъ. Быть можетъ дипломатическая переписка поглощала все вниманіе человѣка, начинавшаго склоняться къ старости, и не оставляла досуга и охоты для личныхъ и, такъ сказать, келейныхъ записокъ. Но жизнь князя Куракина не скоро еще закончилась послѣ того, какъ онъ поставилъ послѣднюю точку своихъ мемуаровъ. Онъ жилъ послѣ того еще 17 лѣтъ, и эти годы были самыми блестящими по отношенію къ его карьерѣ. Воспроизведемъ ихъ пользуясь свѣдѣніями, заключающимися въ *исторіи Соловьева и Бермана*.

Князь Куракинъ былъ полномочнымъ посломъ сперва въ Лондонѣ, потомъ въ Гагѣ, на мѣсто отозваннаго оттуда Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ 1713 году князь Борисъ Ивановичъ изъ комнатныхъ стольниковъ (?) произведенъ въ тайные совѣтники и въ слѣдующемъ году былъ посланъ на брауншвейгскій конгрессъ, но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ недѣль, передалъ занятія свои ганноверскому министру барону Шлейницу и возвратился въ Гагу.

Свѣдѣніе о дипломатической дѣятельности князя Куракина за это время, а равно и выдержки изъ его донесеній можно читать у Соловьева, томъ XVII, стр. 4, 9, 23—27, 35—37.

Кончина британской королевы Анны (12 авг. 1714 г.) предоставила англійскій тронъ ганноверской династіи, и Куракинъ, предоставляя Георгу I изъ шведскихъ владѣній въ Германіи Бре-

менъ и Верденъ, заключилъ въ Грейсфальдѣ (28 октября 1715 г.) трактатъ съ Англіею, долженствовавшій обезпечить для Россіи завоеванныя ею у Швеціи провинціи. Георгъ впрочемъ оказался невѣрнымъ союзникомъ русскаго государя.

О дипломатической дѣятельности Куракина за это время можно читать у Соловьева, т. XVII, стр. 48, 52, 57, 61, 62.

Въ 1717 г. во время пребыванія своего въ Амстердамѣ (съ 7 дек. 1717 по 24 мар. 1718 г.) Петръ собственноручно возложилъ на Куракина орденъ св. Андрея первозваннаго. Отправляясь изъ Голландіи во Францію, Петръ взялъ съ собою и Куракина, который и служилъ царю переводчикомъ во время получасоваго свиданія съ регентомъ Франціи 27 апрѣля 1718 г. Гость и хозяинъ сидѣли въ креслахъ, Куракинъ стоялъ на ногахъ.

По возвращеніи Петра изъ Парижа, Куракинъ въ іюнѣ и августѣ 1717 г. велъ переговоры съ Понятовскимъ и Герцомъ о мирѣ съ Швеціею (см. у Соловьева, т. XVII, 77—79).

1718 годъ, годъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, былъ конечно тяжелъ для Куракина, который по первой женѣ своей Ксеніи Ѳедоровнѣ, урожденной Лопухиной, былъ родной дядя царевича. Но мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій о чувствахъ и отношеніяхъ Куракина за это время.

Куракину Петръ I обязанъ возстановленіемъ дипломатическихъ сношеній съ испанскимъ дворомъ, куда въ 1722 г. отправленъ полномочнымъ министромъ князь С. Д. Голицынъ. (См. у Соловьева, т. XVII, 314—323).

Въ 1723 г. Куракинъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ былъ отправленъ въ Парижъ по двумъ дѣламъ, въ коихъ не имѣлъ однако успѣха; въ 19 ему поручено было склонить французскій дворъ ссудить Россію деньгами, а въ 24 стараться о бракосочетаніи короля Людовика XV съ в. кн. Елисаветою Петровною. (См. у Соловьева, т. XVIII, 122—129).

Императрица Екатерина I пожаловала Куракина въ дѣйствительные тайные совѣтники, хотя изъ переписки Куракина видно, что при русскомъ дворѣ какіе-то недоброжелатели вели противъ него интриги, приписывая ему честолюбивые замыслы, имѣвшіе видъ правдоподобія по причинѣ близкаго родства Куракина съ покойнымъ царевичемъ Алексѣемъ (См. у Соловьева, т. XIX, 21—28).

При Петрѣ II Куракинъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ на саксонскій конгрессъ, но въ это время именно 17 окт. 1727 г. Куракинъ скончался въ Парижѣ. Тѣло покойнаго привезено въ Москву и погребено въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ его предковъ. Находясь на смертномъ одрѣ, князь Борисъ завѣщалъ сыну своему Александру построить въ Москвѣ богадѣльню съ церковью для 15 заслуженныхъ офицеровъ. Богадѣльня эта существуетъ и понынѣ.

Берманъ называетъ князя Бориса Куракина мужемъ любезнымъ и богатымъ познаніями, а Соловьевъ старымъ опытнымъ дипломатомъ.

КОБЗАРИ и ЛИРНИКИ.

(*Окончаніе*) [1].

IV.

Сатирическая дума.—Өедоръ Баша.—Легенда и псальма о Евдадіи.—Музыкальные инструменты кобзарей и лирниковъ.—Подробности ремесла.

Собирателю произведеній историческаго народнаго творчества приходится сѣтовать не разъ на скудость жатвы, считать свой трудъ потеряннымъ и поиски безплодными. Но принявъ въ расчетъ всю ломку, которая произошла и происходитъ въ окружающемъ, взвѣсивши значеніе тѣхъ новыхъ явленій, которыя неотразимыми факторами вторгаются въ жизнь, сглаживая память о прошломъ, удивляешься еще, благодаря какому чуду удержалось и дожило до нашего времени то, что еще встрѣчается теперь? Это чудо—необыкновенный консерватизмъ деревенскаго склада жизни, та монументальная устойчивость ея строя, которая сохраняетъ въ себѣ живыми черты эпохъ самыхъ отдаленныхъ, наблюдать и судить о которыхъ нерѣдко безошибочно можно по современности.

Самый упадокъ эпическаго творчества совершился давно. По общимъ для народной поэзіи законамъ, это творчество жило только на протяженіи героическаго періода жизни народа. А по свойству племени, ее создавшаго, малорусская историческая пѣсня жила и слагалась въ народѣ только о тѣхъ событіяхъ, которыхъ народъ былъ непосредственнымъ участникомъ, или которыя сильно возбуж-

---

[1]) См. январск. кн. «Кіевск. Стар.», 1884 г., стр. 20--50.

дали его чувство. Таковъ фактъ, засвидѣтельствованный всѣмъ содержаніемъ этой поэзіи. Эпоха руины, послѣдовавшій рядъ гетманствъ въ народной пѣснѣ не отразились ничѣмъ. Политическая исторія перестала быть народной исторіей, и симпатіи народа отъ дѣятелей той эпохи были далеко. Въ концѣ XVIII вѣка пробуждается еще разъ народная историческая муза и воспѣваетъ событія гайдамачины и конецъ Запорожья. Но пѣсни этой эпохи остались пѣснями «мѣстными». Ихъ услышите теперь надъ Днѣпромъ, въ южной Кіевщинѣ. Причина этому можетъ быть та, что къ тому времени наступилъ конецъ кобзарства, главнаго фактора въ распространеніи такихъ пѣсень. Оно жило еще, но жило по инерціи, какъ явленіе уже отходящее въ вѣчность. Оно повторяло старыя думы иного типа, тѣ думы, которыя создали и вызвали къ жизни самый классъ бродячихъ рапсодовъ. Эти-то отголоски далекой старины, въ клочкахъ и обрывкахъ, оно донесло кое гдѣ и до нашихъ дней, благодаря тому удивительному консерватизму деревни, о которомъ говорено выше.

Странное чувство испытываешь, проникая, при помощи памяти слѣпаго пѣвца, такъ наглядно, въ этотъ исчезнувшій міръ. Кажется, что стоишь на кладбищѣ, надъ вскрытыми могилами. Окружающая жизнь, съ ея новыми нуждами и интересами, новымъ строемъ, такъ далека отъ того своеобразнаго, боеваго міра, что услышавъ опять ея голоса, какъ бы пробуждаешься отъ сна. Но доведется вновь услышать какъ бы доносящіеся изъ вѣчности, эти отклики былаго, и опять нѣсколько часовъ грезишь на яву, подъ заунывные звуки лиры. Вотъ еще одна изъ такихъ малыхъ находокъ. Въ печати она называется «Думою о козацкой жизни». Лирникъ, сообщившій ее мнѣ, называлъ ее просто «Козакъ и козачка».

1. Не единъ соби козакъ шкодить,
Который у війско ходить,
Ни кого не наймае,
Тильки молодую козачку въ господи покидае:
—Покидаю тебе, козачко, дома,
Да прошу покорно, содержи худобу:
У комини клоччя смуга,
А въ запичку кâшка журуга...

Эй, прошу покорно, содержи,
10. Поки мене Богъ износить
Изъ цёго великого походу!...

Козакъ на коня сидае,
Козачка кляне, проклинае:
—Шобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Шобъ ты козакивъ не пагнавъ,
Шобъ тебе козаки не влюбили
И отаманомъ не постановили!

Козакъ на коня сидае,
Жоночу клятьбу канчукомъ одбивае,
20. Козакивъ паганяе.
Ёго козаки влюбили—
Отаманомъ постановили,

А козачка по козаку вельми зажурилась:
Чотыри недили хаты не топила,
Вона зъ шинку не выходила;
На пьяту недилю:—сестрички-козачки! шось на моему серцю гадить,
Мабуть мій козакъ изъ Дону до дому выходить!
Пійду-жъ я хоть пьятои недили хату протоплю,
Кислого и перекислого, третьеголитнёго, мартового борщу зварю,
30. А зъ дороги, здороги здоровои козаку живитъ покреплю!»

Козакъ и къ двору прыизжае,
Козачка проти ёго выбигае...
Коло его двора нема и кола!
Уже жинка горшкомъ воду носить,
Ополоникомъ диты напувае—
Бо кухля шельминъ батько мае...
Уже я по-за лавою
Побралися ложки журавою,
На полыци
Сидять цилый мисяць паляныци...

40. Да козачка ще проти козака выбигае
И чоломъ ему руку подавае,
Козакъ буцимъ-то чоломъ руку прыймае,
Синятыми обухомъ пидъ очи покладае...

Выйшла козачка за ворота,—
Ажъ тамъ стоить жинокъ цила рота.
Одна подумала, друга погадала,
Третя була заричена, не втерпила—словами сказала:
—Козачко-сетричко! Мабуть ты спнило робила
Да по правди й придалося,
50. То по-нидъ очима у тебе одъ речи взялося!
А козачка козака изъ сорому выкупляла:
—Жиночки-матиночки, сему не подивуйте,
То я ходила познёй ночи по лучину
Та пидбила кари очи на кручину!

Дай же Боже, щобъ козаки пили та гуляли
И козацькои славы не теряли!
Хочь козакъ помре-поляже—
Його слава на викъ не пропаде,
На многія лита,
60. До конця вику!

Дума эта принадлежитъ къ мало распространеннымъ. Она извѣстна по тексту, записанному въ харьковской губерніи г. Нѣговскимъ, и по выдержкамъ, записаннымъ въ той же мѣстности Н. И. Костомаровымъ и приведеннымъ имъ въ изслѣдованіи «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества». Помѣщая ее въ «Запискахъ о Южной Руси», П. А. Кулишъ сопроводилъ толкованіемъ, съ которымъ нельзя согласиться. Онъ говоритъ, что эта дума сложена козакомъ, рано покинувшимъ семью и хозяйство для походовъ, какъ печальная оглядка на то, къ чему привела его боевая жизнь. Намъ кажется, что это взглядъ не козака, а человѣка посторонняго. Скорѣе можно видѣть здѣсь возведенное въ шаржъ изображеніе нерѣдкихъ примѣровъ безъурядицы и неустройства семейнаго быта украинскаго воина. Эта сатира могла быть сложена по образцу козацкихъ думъ въ угоду посполитымъ и пѣлась въ ихъ средѣ. Лирникъ, сообщившій мнѣ думу, называлъ ее «шуточною», хотя пѣлъ на голоса другихъ козацкихъ думъ. Обличеніе едва ли было искреннимъ, и изображенную картину несправедливо принимать за типичную и общую. Въ козаки стремились всѣ, и эти насмѣшливыя и рѣзкія строки внушены, можетъ быть, завистливымъ чувствомъ осѣдлаго хлопа къ счастливцу «леестровику». Значительная часть обвиненія тяготѣетъ къ тому-

же на женщинѣ—козачкѣ. По ея винѣ падаетъ хозяйство, она бросаетъ домъ для разгульной жизни. Кромѣ этого, весьма вѣроятнаго источника обличенія, надо брать въ соображеніе и неизбѣжную долю преувеличенія, какое вообще свойственно сатирѣ. Въ статьѣ «О козакахъ по отношенію къ государству и обществу» (Русск. Арх., 1877 г.), представляющей позднѣйшій фазисъ воззрѣній издателя «Записокъ о Южной Руси», онъ взялъ эту думу въ подкрѣпленіе своихъ новыхъ взглядовъ. Здѣсь онъ смотритъ на сатирическое изображеніе козацкой семьи и хаты въ отсутствіи хозяина, какъ на обычную и нормальную обстановку разбойничьей жизни и семьи, какими онъ призналъ козацкую жизнь и семью на всемъ протяженіи историческаго существованія козачества. По этому воззрѣнію разбойничья козацкая жизнь стояла отдѣльно отъ народной жизни, составляя на народномъ тѣлѣ какую то уродливую гангрену. Открытымъ остается вопросъ: кто же былъ дѣятелемъ великихъ общественныхъ движеній, которыя не могли совершаться безъ участія всего народа, и какою хитростью, какимъ заговоромъ съумѣли эти разбойники козаки такъ глубоко врѣзать въ народный умъ память о себѣ, что эта память въ живой пѣснѣ дошла до нашихъ дней? Не наворожили ли тутъ старые чудодѣи, запорожскіе «характерники?» Общность стремленій народа и козачества подкрѣплена фактами исторіи. Изслѣдованы также и факторы, направлявшіе теченіе жизни не по руслу народныхъ стремленій. Нынѣшній обличитель козачества вѣрилъ прежде, что бѣдность и неустройство козацкой домашней жизни того тревожнаго времени не мѣшали развитію добрыхъ семейныхъ чувствъ, благородныхъ движеній сердца. И мы вѣрили вмѣстѣ съ нимъ правдѣ той прекрасной сцены «Черной Рады», сцены такъ схожей по сюжету съ этою думою, гдѣ Кирило Туръ, типичный козацкій воинъ, среди передрягъ своей боевой жизни, заворачиваетъ какъ-то подъ кровъ родной хаты... Въ ироніи этой думы можно только видѣть отраженіе борьбы мнѣній и общественныхъ разногласій, безъ которыхъ не обходится никакая жизнь.

Въ нашемъ спискѣ, очень отличающемся отъ списка г. Нѣговскаго, замѣтно вліяніе времени. Дума утратила свой архаическій колоритъ. Есть наклонность пріурочить сатиру отъ стараго козацкаго класса воиновъ къ позднѣйшему понятію сословія. Въ

обличеніи боеваго быта встрѣчается невыдержанность: козакъ возвращается «изъ Дону до дому», какъ въ бытовыхъ пѣсняхъ. Но этотъ списокъ подтверждаетъ значеніе думы, какъ сатирическаго шаржа. А то обстоятельство, что дума записана на совершенно противуположномъ углу лѣвобережья, говоритъ въ пользу ея распространенности. Нашъ лирникъ заучилъ ее въ молодости отъ своего учителя кобзаря Лантуха, а къ этому, въ свою очередь по преданію, она перешла отъ болѣе старыхъ кобзарей.

Ѳедоръ Баша, старый лирникъ, живущій въ с. Тамаровой, пирятинскаго уѣзда, стоитъ любого кобзаря. Кромѣ этой думы онъ знаетъ четыре еще (Черноморская буря, Азовскіе братья, Коннвченко, Сестра и братъ) и множество псальмъ. Въ этомъ уголкѣ онъ еще находитъ слушателей. Его любятъ въ той мѣстности, зовутъ играть на свадьбы. Условія его жизни разнятся впрочемъ отъ обычной доли слѣпца и нищаго. Онъ «хозяйскій сынъ» и ослѣпъ взрослымъ. Это человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, а не жалкій калѣка. Его знали въ селѣ, какъ сверстника, какъ равнаго, какъ товарища. Здѣсь прошло его «парубоцтво», его «молодый викъ».—Якій хорошій бувъ парубкомъ! говорила про него сверстница его, старуха хозяйка хаты, гдѣ мы съ нимъ сидѣли. И, глядя на «темнаго», но еще статнаго и бодраго старика, этому можно было вѣрить. Хорошій работникъ, знавшій разныя ремесла, онъ, по его словамъ «на Покривнаго Ивана и на Покрову робивъ. Дивлюсь, що руськи роблять, то и я робивъ!» За то его и наказалъ Богъ. По словамъ другихъ, онъ былъ непочтителенъ къ роднымъ и потерпѣлъ за то. Какъ «Невольникъ» Шевченка, ослѣпнувъ, онъ не потерялъ расположенія бывшей своей невѣсты и женился на ней. Такимъ образомъ переходъ къ новому состоянію не былъ такъ рѣзокъ. Взрослымъ онъ пошелъ въ с. Смотрики, «въ науку», не разрывая связь съ своимъ селомъ. Помогали сначала родные, а потомъ дѣти, и теперь, когда онъ поженилъ дѣтей, жизнь и обстановка его ничѣмъ не отличаются отъ жизни хозяевъ средней руки. Всѣ сельскія работы умудряется онъ производить наравнѣ съ зрячими.

Мы въ хатѣ у Радченка, «кравця». Этотъ искусникъ тутъ-же, на столѣ мастеритъ заказанную свиту. За пошитье свиты—двадцать пять копѣекъ, за кожухъ—рубль. Старуха, мать портного, прядетъ, сидя на «полу». Хозяинъ вдовецъ. Парубокъ сынъ во-

зится на дворѣ «биля скоту», дочь—возлѣ жарко натопленной печи. Молодежь мало занята лирникомъ, у нея иныя думки. Дивчина поминутно выскакиваетъ изъ хаты, вгоняя дверью съ надвора волны холоднаго воздуха. Она пересмѣивается съ женщинами, постоянно приходящими за водою къ колодцу, что стоитъ надъ самой улицей. Сидя у окна, я слышу разговоръ обо мнѣ и лирникѣ и смѣхъ надъ моимъ чудачествомъ. На стариковъ давнія пѣсни Бани наводятъ серьезное настроеніе. Ихъ мысли обращаются къ старинѣ.

Все измѣнилось теперь, все не такъ, какъ было: обычаи, порядки... Да что, даже одежа!...

— Прежде у насъ священныкъ бувъ, отецъ Олексій, говоритъ старуха. То оце бувало, якъ жинка прыйде до церкви безъ намитки; то винъ кричить: щобъ не смила такъ приходить, бо то законъ велить. А теперъ завьяжетця платкомъ, та ище зверху покрыетця, то воно чортъ ёго и зна, чи жинка, чи дивка, що воно и є!—У мене свекоръ бувъ такій, що оце якъ бувало яка молодиця прыйде до колодця безъ платка, у самому очипку, то винъ кричить: иди геть, надинь платокъ, бо и видра побью...

— Старовину згадали, отозвался лирникъ. То намъ здается, що лучче було, бо мы були молоди! А якъ-бы теперъ на панщину итти, якъ я колись у Яготинъ ходивъ, шовку учився дилать? Теперъ скупо, такъ скупо на все стало! А що наше братанья—то бильшъ шанували: нагодують було добре, ще й у торбу наложать.

— Старця нагодуешъ, а торбу его николи! вмѣшался хозяинъ, вызвавъ улыбку лирника.

Баша самъ учился два года. За ученье старые кобзари ничего не брали: «то що по миру ходишъ два года,—то звисно ёго». У него самого уже перебывало въ наукѣ человѣкъ пятнадцать.

— О, вони ще якъ въ силахъ були, говорилъ хозяинъ, то якъ заграють було на лири, та заспивають, то ажъ волосья вьяне!—Ану дядьку утнить: «Не журь мене, моя мати».

— О, дакъ це-жъ прости, дрянни, не стоить!.. Спивай теперъ!.. За копійку або дви штиховъ пьятдесять, чи й бильшъ! А якъ скажешъ—три, або пьять, то каже дорого. Та ще, яки загадае спивать, то и наказуе: «гляди-жъ, не выкидай словъ»! Такъ наче воно и зна!

Хозяйская дочка вбѣжала въ хату, хлопнувъ дверью и топчась босыми ногами.

— Ой змерзла, витеръ такій, Господи!

— Ще може и снигъ выпаде, сказала старуха. Шо я того холоду боюсь! Чобитъ немае! Якъ холодъ—не знаешъ, де и дитьця. Ще якъ тепленько, то такъ-сякъ...

— У литку и старець каже: «на ката и хата—и на двори тепло»! замѣтилъ Баша.

Былъ постъ, ранняя весна, это критическое время, котораго особенно боятся старые деревенскіе люди. Въ окно виднѣлось поле, зелень прошлогоднихъ посѣвовъ, какъ-бы уже новая и молодая, за ней отталыя, черныя оранныя поля съ изрѣдка бѣлѣющими пятнами почернѣлаго по краямъ снѣга. Воздухъ былъ прозраченъ и легокъ, блѣдное небо изжелта-ясное румянилось на закатѣ. Еще обнаженныя деревья какъ-то живѣе трепетали вѣтвями при набѣжавшемъ вѣтрѣ. Веселое кудахтанье куръ у окошка, чириканье домосѣдовъ-воробьевъ подъ стрихою, всѣ эти неуловимые голоса природы говорили о пробуждающейся жизни. А старики, понурясь, думали, можетъ быть о томъ, переживутъ-ли они эту весну...

Нашу бесѣду прервали прозвучавшіе въ тишинѣ деревенскаго вечера протяжные, мѣрные удары постоваго колокола.

Записавши отъ Баши и четыре остальныя его думы, я еще болѣе убѣдился въ справедливости наблюденія, сдѣланнаго раньше: что въ послѣднее время,—а это время, можетъ быть, надо считать съ начала этого вѣка, если не ранѣе,—думы удерживались въ памяти кобзарей *по районамъ*. Иначе сказать, были какъ-бы извѣстныя школы кобзарей, которыя удерживали въ памяти и передавали ученикамъ извѣстные циклы думы. Большее накопленіе матеріаловъ поможетъ впослѣдствіи опредѣлить даже границы такихъ районовъ. Варіантъ «Азовскихъ братьевъ», записанный отъ Баши, оказался чрезвычайно близкимъ къ варіанту Крячковскаго кобзаря, записанному также возлѣ Яготина. (См. «Историческія пѣсни малорусскаго народа»). Новыми оказались только два стиха, проклинающіе «турчина-камьяничина», добывающаго серебро и золото,—стихи, являющіеся свидѣтельствомъ того, что украинскіе плѣнники въ турецкой неволѣ употреблялись на работы въ рудникахъ. Варіанты «Конивченка» и «Черноморской бури» явились очень близкимъ подобіемъ

списковъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Лукашевича, записанныхъ также по-близу. Кстати: старѣйшій нынѣ изъ собирателей произведеній украинской народной поэзіи, П. А. Лукашевичъ, здравствуетъ донынѣ и даже, въ своемъ деревенскомъ уединеніи, продолжаетъ собирать думы и пѣсни, какъ собиралъ для своего сборника полвѣка назадъ. Баша хорошо знаетъ «старого Лукаша», какъ онъ назвалъ почтеннаго этнографа. Онъ и самъ диктовалъ ему думы, причемъ уже теперь записываетъ не самъ г. Лукашевичъ, а кто нибудь по его порученію, а онъ только, по выраженію лирника, «у переплеты кладе».

Среди всякой всячины, которую припоминалъ Баша, онъ откопалъ между прочимъ псальму, сильно искаженную. Смыслъ ея можно было возстановить съ помощью легенды, разсказанной имъ-же вслѣдъ за ней. Самый духовный стихъ онъ назвалъ «Псальмою св. Василію».

Одъ злихъ еси благодать, о святителю—отче,
Дивенъ еси пастырь добрый и Василію святый!
Отрезъ сладость Кесарія (?) и вельми просить Василія, шобъ одъ биды одигнавъ:

—«Василію, святителю вельми щедросливый!
Помилуйся надо мною, пастырь милостивый.
Шо записав'я мій мужъ врагу, Инциперу пекельному кровію своею!...»
Замкнувъ святый Василій Евладія въ церковъ,
А самъ пишовъ къ святому Богу молытьця...
—Помилуй мя, Боже-Отче
И отъ свита ты мій Творче
По щедрій души!...
Демонъ рече: «Василію, не твори намъ напостя,
Бо винъ-же намъ записався сладкои сладости,
А теперъ одбираешъ
И руци нози одризаешъ
Слуги нашого.
Недостоинъ буть слугою,
И отверзи себе рукою
Одъ лиця своего хрещеного,
И одъ Господа небесного,
Троицею единою...

Ангелъ писню воспивае,
И кругомъ церкви облитае,
На Кесарію парикае
И Евладія вгрущае:
«Кайся, чоловиче, гриховъ покуты держися,
И своему Спасителю слезами молися,
Шобъ тебе вразя не вловили
И въ огонь вичный не вкинули,
Тамъ будешъ горити...»
Демонъ церкву облитае
И запись въ окно укидае;
Ангелъ запись приймае,
Василій хрестомъ охрещае
Слугу своего...

«Бувъ соби бидный чоловикъ—говорить легенда—и пасъ вивци на степу. А Кесарія царевна произдила мимо. Винъ нагледивъ іи и влюбився, та й каже: «Боже мій, шобъ я зробивъ, щобъ мени сюю царевну Кесарію за себе взяти: я-бъ сатани лукавому свою душу отдавъ!...»

Диждавъ ночи, являєтця якъ ёму сатана.

— Евладій, пробудися сна! Шо ты казавъ у день?

— А шо-жъ я, каже, казавъ? То, шо бачивъ Кесарію и шо я-бъ сатани душу отдавъ, шобъ іи за себе взяти.

Сатана и каже:—ну, постій-же, Евладій, я пійду до свого правительства, роспитаюсь, бо и зъ вашого брата багацько насъ надувають.

Роспитавсь та й обратився назадъ.

— Шо-жъ ты, каже, согласенъ, Евладій?

— Абы вона була за мною, то я согласенъ.

— Ну, пидпишися-жъ. Урижъ мизинного перста правои руки и притули печать. Я тебе запишу.

Записавсь винъ кровію своею.

— Диждавъ ночи, йдуть вони вси, поубирани!... Де тамъ, якъ панычи, якъ царевичи! Изъ ихъ бояре и поиздъ весь. Той ступеньки одкида, той у коляску сажае, и повезли его до царевны, до Кесаріи. Пидвеселили ихъ, пиръ одбули, гуляють... Догулялись до того, шо кончено дило. Живуть...

Воскресного дня вона одъизжае до церкви, а винъ за рушницю, та у садъ. Вона пита его:—чому це други жинки идуть до церкви зъ мужьями, а ты не ходишь николи?

Винъ каже, що я за васъ свою душу продавъ!

Отъ ій параяли пійти до святого Василія. Винъ заперъ Евладія у келію. Сидивъ винъ тамъ три ночи. Перву ничъ Василій питае: якъ тоби? Не втерплю, каже. Другу ничъ—трохи полехше, третю—ще лехше.

Зибравъ Василій миръ, а жона мужа спасла»...

Легенда эта—народный варіантъ разсказа, извѣстнаго какъ печатно, такъ и въ видѣ рукописныхъ мистическихъ сказаній. Это одинъ изъ самыхъ начальныхъ типовъ легендъ изъ безчисленнаго цикла о союзѣ съ чортомъ и запродажи ему души. Развиваясь и видоизмѣняясь въ средніе вѣка, идея этой легенды дойдетъ до сказаній о Фаустѣ и Твардовскомъ. Первообразъ ея находится въ житіи св. Василія, архіепископа Кесаріи Каппадокійской, откуда, съ различными апокрифическими украшеніями, она попадаетъ въ сборникъ чудесныхъ сказаній Vincent de Bové,—одну изъ первопечатныхъ книгъ. Въ рукописной передачѣ она обратила на себя вниманіе изслѣдователей и въ двухъ редакціяхъ включена въ изданные графомъ Кушелевымъ «Памятники старинной русской литературы» (Вып. I.). Въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда такова:

У сенатора Протерія (при императорѣ Юліанѣ) была дочь, которую онъ предназначалъ къ монастырской жизни; одинъ изъ его домашнихъ рабовъ воспылалъ къ ней страстною любовью и отправился къ волшебнику, чтобъ тотъ своимъ искусствомъ доставилъ удовлетвореніе его страсти. Волшебникъ далъ ему рекомендательное письмо къ дьяволу. Это письмо надо было поднять къ верху на могилѣ какого нибудь язычника, чтобы явились слуги сатаны и отвели къ своему господину. Такъ рабъ и сдѣлалъ, вслѣдствіе чего былъ приведенъ въ то мѣсто, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ сатана, окруженный своими духами. Сначала духъ тьмы прикрикнулъ на новичка; но когда тотъ письменно отказался отъ крещенія, добровольно произнесъ хвалу новому господину и вызвался раздѣлить съ нимъ въ вѣчности приготовленную ему участь, то дьяволъ смилостивился и принялъ его благосклонно. Затѣмъ послалъ демоновъ страсти воспламенить въ дѣвушкѣ любовь къ этому погибшему чело-

вѣку, что имъ и удалось. Грѣшникъ раскаивается потомъ и получаетъ прощеніе отъ Бога. Рабъ сенатора Протерія прибѣгаетъ къ помощи св. Василія и, послѣ долгихъ общественныхъ молитвъ, падаетъ рукопись съ высоты въ руки святаго, который разрываетъ ее, затаптываетъ въ грязь, а спасеннаго возвращаетъ женѣ.

Одинъ изъ осколковъ средневѣковыхъ воззрѣній, гдѣ восточныя вѣрованія въ волшебство перепутаны съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, повѣсть эта, какъ уже сказано, входитъ и въ рукописную старинную литературу. Въ кушелевскихъ «Памятникахъ» одинъ изъ варіантовъ ея доставленъ изъ Малороссіи. Въ нашей псальмѣ попадаются цѣлыя фразы, буквально заимствованныя изъ этой «страха и ужаса исполненной и неизреченнаго удивленія достойной» повѣсти. Въ приведенной малорусской передачѣ идея сказанія является въ своемъ первоначальномъ видѣ. Она далека ещё отъ тѣхъ умственныхъ процессовъ, которые отъ этихъ союзовъ съ чортомъ для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій приходятъ къ союзу для удовлетворенія жажды знанія и въ легендѣ о Фаустѣ являются отождествленіемъ философскихъ стремленій цѣлой эпохи,— эпохи возрожденія.

Псальма, приведенная выше, любопытна, какъ одинъ изъ немногихъ образцовъ малорусскихъ духовныхъ стиховъ, имѣющихъ источникомъ мистическія повѣсти или апокрифы. Подобными суевѣрными и темными сказаніями полны великорусскіе сборники Безсонова и Варенцова, съ ихъ огромными отдѣлами раскольничьихъ стиховъ. Въ малорусской духовной пѣсенности это явленіе случайное, какъ можно убѣдиться изъ приводимой ниже возможно полной библіографіи разсѣянныхъ по разнымъ сборникамъ псальмъ и лирницкихъ пѣсень[1]).

---

[1]) *Утренняя Звѣзда*, альманахъ 1835 г. Въ статьѣ Срезневскаго о Сковородѣ приведена пѣсня „Всякому городу нравъ и право“, въ передѣлкѣ бандуристовъ и въ подлинникѣ, стр. 82—88.

Метлинскій, Народныя южно-русскія пѣсни. Кіевъ, 1854 г.—Олексій, стр. 365. Доля, стр. 371. Вдова.—Смерть.—Судъ.—Шуточныя, стр. 467—72.

Записки о Южной Руси, Спб., 1856—1857 гг., томъ II. Баллада изъ временъ уніи, стр. 83. Пѣсня о Правдѣ, стр. 101—102.

Малорусскій литературный сборникъ, Саратовъ, 1859 г.,—1. Иповъ Божокъ дорогою. 2. Веселая свиту новина. 3. Двѣ почаевскихъ псальмы (Въ собраніи пѣсень, записанныхъ на Волыни Н. И. Костомаровымъ).

Пѣсни малорусскихъ лирниковъ можно раздѣлить на: *псалмы* (двухъ родовъ: а) о духовныхъ лицахъ, событіяхъ и святыхъ и б) правоучительно піэтическія), *морализирующіе стихи*, *стихи сатирическіе* и пѣсни *шуточныя*. Псальмы перваго рода—о духовныхъ лицахъ и событіяхъ, псальмы такому или иному святому или навѣянные житіями святыхъ,—самые темные и слабые. Здѣсь чуждый книжный элементъ держитъ въ оковахъ умъ пѣвца и, боясь перепутать мало вѣдомые имена и факты, пѣвецъ механически удерживаетъ ихъ, хоть и въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Слагались онѣ подъ вліяніемъ духовныхъ школъ, иногда заимствовались у монаховъ, странниковъ и, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нищая братія сталкивается часто,—у каликъ. Много такихъ псальмъ идетъ изъ юго-западнаго края, преимущественно изъ Почаева, близъ котораго существовали, говорятъ, даже лирницкія школы. Псальмы Сковороды,—также странствующія въ народѣ, всѣ отличить трудно, такъ какъ не всѣ сочиненія его этого рода напечатаны. Но съ достовѣрностію можно указать съ десятокъ сковородинскихъ псальмъ. Иногда, если сюжетъ псальмы, хотя и книжный, глубоко затроги-

Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, Спб. 1860 г. 1) О началѣ свѣта. 2) О Христовомъ рожденіи. 3) Въ четвергъ съ вечора жиды сотворили... (эти три изъ сочиненія Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи"). 4) А въ недилю по обиди. 5) О свентый Антонію (изъ „Пинскихъ пѣсень, изданныхъ Зенькевичемъ. Ковно, 1851 г.) 6) Святый Михаилъ. 7) Алексѣй Божій человѣкъ. 8) Лазарь (нѣск. варіантовъ).

Основа, 1861 г., № 10. Статья Жемчужникова „Полтавщина". Псальмы Вересая, стр. 92. 1) Ой горе, горе на симъ свити жити. 2) Правда. 3) Пресвятая Диво-Мати, помощнице наша... 1862 г., № 6. „Зъ народнихъ устъ", В. Коховскаго, стр. 44. Вирши. 1. Риздву. 2. Великодню.

Ужинокъ ридного поля, Москва, 1857 г.—Смерть, стр. 233.—Благаніе, стр. 238. По обыкновенію издателя обѣ пьесы искажены передѣлкой.

Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Спб., 1872—1877. Т. I. Вып. I (стр. 147—149; 151, 160, 182—220). 1. Пиcня объ Адамѣ и Евѣ. 2. Пѣсня о душѣ. 3. Пѣснь почаевской Божіей Матери (Пасли пастыри...) 4. Вторая пѣснь почаевской Бого-матери („Выйшла зоря вечировая...") Варіанты: а) Изъ Борисполя. в) Изъ книги Стецкого „Wołyń". 5. Боговозбранній Диви. 6. Пресвятой Богородицѣ бердичевской. 7. Охтирській Божій Матери (Харьковъ)—2-й варіантъ (оттуда-же). 8. Св. Михаилу. 9. Св. Миколаю.—Варіанты a) Изъ Берестечка. b) Изъ Мліева, черкасскаго уѣзда. c) Изъ Сборника Кулиша, безъ отмѣтки мѣста записи. d) Изъ Ростова на Дону. e) Второй изъ Берестечка. 10. Ивану Хрестителю. 11. Олексію Божому чоловику.—Варіанты a) Изъ козелецкаго уѣзда. в) Изъ переяславскаго уѣзда. c) Безъ означенія мѣста. 12. Преподобному Онопрею.—Варіантъ

ваетъ народную жизнь, вдохновеніе оживаетъ, и получается пѣсня, полная украинской тоски. Таковъ популярнѣйшій «Лазуръ», таковъ оригинальный и поэтичный разсказъ объ «Олексіѣ». Когда изъ книжныхъ рамокъ лирницкая пѣсня вырывается на вольный воздухъ народнаго творчества, тогда хоть и все въ ней мрачно, но все просто и ясно, иногда образно, а подчасъ звучитъ высокой энергіей народной поэзіи. Во главѣ морально-философскихъ пьесъ (внѣ церковнаго элемента) стоитъ «Правда»,—одно изъ характернѣйшихъ для опредѣленія народнаго міровоззрѣнія произведеній, пьеса чисто рефлективная и въ тоже время отмѣченная поэзіей. Сатирическія пѣсни касаются общественныхъ анормальностей и уродливыхъ явленій, непріятныхъ сторонъ семейной жизни и т. п. Шуточныя пѣсни бываютъ просто потѣшныя,—одно зубоскальство и балагурство, иногда съ сильной примѣсью гривуазнаго элемента, какой требуется въ пьяномъ веселіи, иногда-же рисующія, хоть и съ пья-

---

изъ черкасскаго уѣзда. 13. Ивану Богослову. 14. Ивану Златоусту. 15. Архидіакону Стефану. 16. Святой Варварѣ. 17. Пѣснь о страшномъ судѣ (изъ книги Стецкаго Volyń). Т. III (стр. 11, 15—21 и 25). 1. Псальма Благовѣщенію. 2. Псальма Великой Субботѣ (онародленные стихи Сковороды; см. Сочиненія Сковороды. Спб. 1860 г., стр. 21). 3. Семь псальмъ о распятіи и погребеніи Христа (изъ Харькова. Сборникъ Кулиша). О воскресеніи Христовомъ (Ibid). Т. V (стр. 1073—1074, 1163). Вдда.—Мищанка.—Дворянка.—Чечотка.

Записки юго-западнаго отдѣленія географическаго общества, Кіевъ, 1874—1875. Т. I. Приложеніе.—Думы и пѣсни Остапа Вересая; стр. 22, пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. 1) Правда. 2) Ой горе, горе на симъ свити жити... 3) Про страшный судъ. 4) Сынъ блудящій. 5) До часнего живого чоловика. 6) Муки Христа. 7) Великій мій жалю. 8) Миколай. 9) Про страшный часъ. 10) Розставанне души съ тиломъ. 11) Пустельникъ и пьятныця. Пѣсни сатирическія: 1. Щиголь. 2. Дворянка. 3. Про Хому и Ярему. 4. Кисиль. 5) Бугай. Причитанія Вересая.—Ноты къ его пѣснямъ, стр. 64. Лирницкая пѣсня про панщину и ея отмѣну.

Т. II (стр. 116. Статья „Кобзари Братица и Дубъ"). 1) Про дванадцать пьятницъ. 2) Теща.

Лысенко, Украински писни. Выпускъ I. Почаевская псальма (Ой зийшла зоря вечирова...) текстъ и ноты.

Кіевская Старина, 1882 г., № 8.—1883 г., № 2. 1884 г., № 1.

Безсоновъ, Калики перехожіе. Москва, 1861—1864 г. Вып. I, стр. 65—67. Пѣсня о Лазарѣ, стр. 151—152, о св. Алексіи, Вып. III, стр. 680—690 о Почаевѣ и почаевской Божіей Матери. Вып. IV, стр. 21—25. Псальмы Р. Хр. Вып. V, стр. 15—18. Стихи на св. Пасху.

Головацкій, Пѣсни угорской и галицкой Руси. М. 1878 г. Ч. II, стр. 732—738; ч. III. Отд. I, стр. 263—288; ч. III. Отд. II, 521—524.

ныхъ глазъ, силуэты этой жизни или шутливыми штрихами обрисовывающія ея типы. Тутъ сквозь пьяный хмѣль нѣтъ нѣтъ да и проскользнетъ трезвая мысль, насмѣшка надъ другими и надъ собой и вездѣ, хоть гдѣ-то на дальнемъ планѣ, сквозитъ тотъ строгій, земледѣльческій идеалъ, какимъ дышетъ вся народная поэзія, идеалъ, выросшій на основѣ трудовой жизни.

Псальмы, духовные стихи и шуточныя пѣсни поются съ лирой, но поются они также и кобзарями, точно также какъ съ лирою поются думы.—Скажемъ нѣсколько словъ объ инструментахъ лирниковъ и кобзарей. Типичная бандура была описана на страницахъ «Кіевской Старины». Кромѣ нея существуетъ типъ *панской* бандуры, представляющей попытку соединить гитару съ кобзой. Въ народѣ она не встрѣчается, а существуетъ, какъ остатокъ старины. Любопытно было-бы рѣшить вопросъ о времени появленія бандуры въ Малороссіи. Изображеніе этого инструмента встрѣчается на картинахъ европейскихъ художниковъ XV и XVI вѣка. Занесенъ ли онъ на Украину изъ Польши или изъ «Волоховъ» и когда? Время его появленія помогло-бы опредѣлить время появленія въ народной поэзіи формы *думы*, которая по всѣмъ старымъ свидѣтельствамъ всегда соединялась съ бандурнымъ сопровожденіемъ. Помѣщая ниже рисунокъ типической лиры и народныя названія составныхъ ея частей, заимствуемъ изъ интереснаго труда г. Пѣтухова «Народные инструменты музея петербургской консерваторіи» описаніе конструкціи этого инструмента: «Инструментъ этотъ одинъ изъ тѣхъ, струны которыхъ приводятся въ колебаніе треніемъ. Это не что иное, какъ одинъ изъ видовъ рыли (vielle) [1]). Онъ состоитъ изъ кузова, почти такого-же объема, какъ кузовъ альта, а по размѣрамъ почти прямо пропорціональнаго кузову контра-баса и по виду съ нимъ схожаго; непосредственно къ кузову въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки придѣланъ грифъ, прикрѣплена небольшая коробка съ крышкою. Въ одной изъ боковыхъ дощечекъ коробки сдѣланы три отверстія для колковъ, на которые намотаны три кишечныя струны, изъ которыхъ средняя направлена сквозь большую удлиненную коробку, помѣщающуюся на верхней декѣ, черезъ колесо и

---

[1]) Въ простонародіи она извѣстна подъ именемъ рели. Лирою зовутъ ее сами лирники.

подставку къ выступу, лежащему у ручки, а двѣ боковыя поверхъ верхней деки къ колесу и къ мѣсту ихъ закрѣпленія; на противоположной сторонѣ мѣста расположенія малой коробки находится рукоятка, имѣющая назначеніемъ приводить въ вращательное движеніе колесо, замѣняющее въ малороссійской лирѣ смычокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ колесомъ соприкасаются струны, на нихъ намотана овечья шерсть для предохраненія ихъ отъ преждевременнаго разрыва. Необходимый запасъ этой шерсти помѣщается обыкновенно въ малой коробкѣ. Колесо закрывается выпуклою крышкою, напоминающую крышку кибитки, на верхней декѣ вырѣзаны на манеръ скрипичныхъ эсовъ два голосника и помѣщается большая коробка съ одинадцатью нажимателями, имѣющими назначеніе укорачивать на желаемую ступень посредствомъ гребешковъ среднюю струну. Коробка эта закрывается плоскою крышкою.

При вращаніи колеса всѣ три струны звучатъ въ униссонъ, послѣдовательнымъ нажатіемъ нажимателей высота тона средней струны измѣняется».

Въ обращеніи появились лиры и послѣдовательно стали вытѣснять бандуры, если вѣрить разсказамъ кобзарей, лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Съ лирою пѣніе гораздо медленнѣе. Это инструментъ крикливый, неповоротливый. Съ бандурою дума, напр. «Азовскіе Братья», поется быстро, какъ речитативный разсказъ, оттѣняемый только переливами голоса и струнными аккордами. Съ лирой она выкрикивается медленно, причемъ, между нѣкоторымъ количествомъ строкъ, играется «пригрышъ». По этимъ музыкальнымъ дѣленіямъ происходитъ и заучиванье думъ, которыя поэтому лирники дѣлятъ на *штихи*. Въ варіантахъ Баши въ «Азовскихъ Братьяхъ» или въ «Коновченкѣ», по его счету, стиховъ по пятьдесятъ. Эти стихи соотвѣтствуютъ законченной мысли, напримѣръ:

Ой не туманы вставали,
Якъ изъ города Озова зъ тяжкои неволи
Три браты утикали.

Это одинъ стихъ.—«Це, бачъ, одводъ; нада робить, якъ скончу», говорилъ Баша. Мнѣніе, которое встрѣчалось въ печати, что на лирѣ не играются танцы, совершенно несправедливо. Козачки, напротивъ, входятъ обязательно въ кругъ лирницкой науки и въ

глухихъ уголкахъ лирники очень часто еще играютъ на досвиткахъ и свадьбахъ.

Что касается распространенности лирницкаго промысла, то можно сказать, что, благодаря условіямъ деревенской жизни, гдѣ къ несчастью немало слѣпыхъ, онъ довольно распространенъ. По крайней мѣрѣ у насъ на лѣвомъ берегу лирниковъ много. Въ кіевской губерніи, по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ («Заря» 1883 г., № 281), ихъ напротивъ очень мало. На все огромное число 4221 слѣпыхъ, бывшихъ въ губерніи въ 1881 году, «занимающихся игрой на лирѣ» было тринадцать. Цифра эта конечно достовѣрна настолько, насколько вообще явленія подобнаго рода поддаются оффиціальной отчетности. Мнѣ всегда казалось ужаснымъ, что эти несчастные, живущіе подаяніемъ, несутъ подати и повинности наравнѣ съ зрячими. Общества освобождаютъ ихъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и отъ всѣхъ лирниковъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать, я слышалъ по этому поводу горькія жалобы.

Какъ во всякомъ ремеслѣ, а особенно такъ близко соприкасающемся съ искусствомъ, тутъ бываютъ свои таланты. Я помню, какъ поразилъ меня своимъ пѣніемъ одинъ лирникъ на ярмаркѣ въ м. Сребномъ прилуцкаго уѣзда. Его молодой и свѣжій голосъ дышалъ такимъ выраженіемъ, что въ его пѣніи избитые стихи «Лазура» показались мнѣ совершенно новыми.

> Ой бувъ соби бидный Лазуръ, по свиту скитавсь,
> А ёго братъ, сильный богачъ зъ міру наживавсь...

Онъ пѣлъ это съ болѣзненнымъ стономъ страданія, и въ постоянно окружавшей его толпѣ не одинъ человѣкъ утиралъ слезы. Самая наружность его носила какой-то трагическій отпечатокъ. Такой типъ мѣтко схваченъ талантливымъ художникомъ—этнографомъ шестидесятыхъ годовъ Л. М. Жемчужниковымъ на картинѣ его «Бандуристъ», находящейся въ с. Сокирницахъ у Г. П. Галагана.

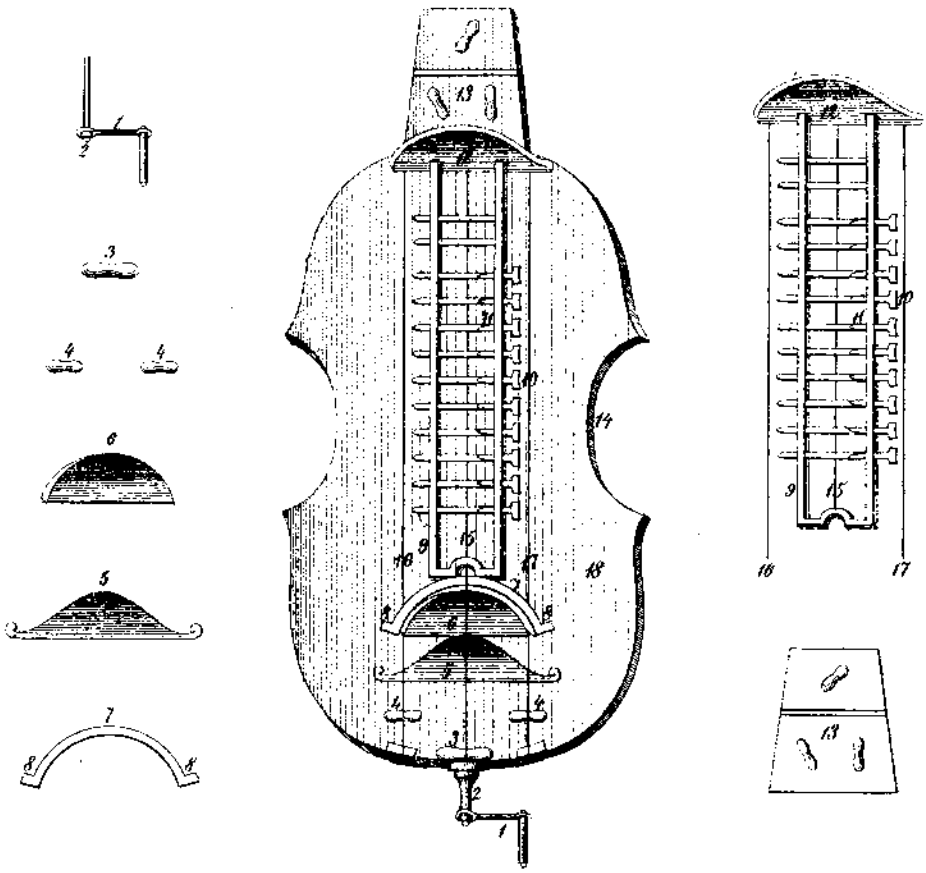
Лирники ходятъ по міру преимущественно осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ, когда у людей есть хлѣбъ. Они какъ-бы избѣгаютъ раздражать просьбою о милостынѣ въ то время, когда на хлѣбъ скупо, ходятъ всю осень, до снѣгу, когда можно, ходятъ и зимой и, по стаяніи снѣга, раннею весною. Поводырями бываютъ

или свои дѣти, если есть, или безпріютные сироты. Если бываютъ взрослые поводыри, то развѣ только калѣки. По домамъ, на свои мѣста, возвращаются къ большимъ праздникамъ, Рождеству, Пасхѣ и обязательно къ храму своей церкви. Лѣто, самое удобное для странствованій время, они проводятъ дома. Тутъ они занимаются преимущественно издѣліями изъ конопли: витьемъ веревокъ и веревочной упряжи. Заработокъ на этомъ бываетъ такой: за работу веревки средней величины изъ матерьяла заказчика—20 копѣекъ, на его харчахъ—15. Работа занимаетъ больше дня. Но и эти заказы были бы очень желанными, если-бъ были постоянны. Что касается «науки», то ее кончаютъ въ отрочествѣ. Въ прежнее время выучивались всѣмъ тѣмъ пѣснямъ, которыя зналъ учитель. Цифра ихъ доходила до шестидесяти. Въ этомъ числѣ было 5—6 думъ. Таковы познанія старыхъ кобзарей и лирниковъ, лѣтъ по 60, которыхъ я знаю. Болѣе молодые,—лѣтъ по сорока, знаютъ только по двѣ-три думы. Молодые лирники думъ уже не знаютъ. Въ послѣдніе два десятка лѣтъ ихъ перестали заучивать совсѣмъ.

В. Горленко.

Приложеніе къ статьѣ „Кобзари и Лирники".

Лира, ея составныя части и ихъ народныя названія.

1. **Корба.**
2. **Воюкъ** або троникъ.
3. **Затвиъ** (на ёму килочки подставци).
4. **Коники.**
5. **Кобылка.**
6. **Колесо.**
7. **Лубникъ** —крышка.
8. **Пордсики.**
9. **Кливитура.**
10. **Кливиши** (зубчики, внизу ихъ ноты).
11. **Ноты.**
12. **Блумирь.**
13. **Накильникъ** (Досточка, возлѣ него застáвка одъ накильника).
14. **Обручи** (боковыя стѣнки лиры).
15. **Ринка** (або нерва).
16. **Басъ** (большая струна).
17. **Пидбасокъ** (тоньшая струна).

(15–17: Всѣ три по тальянски.)

18. **Дейка** (верхн. и нижняя стѣнки лиры)

Вырѣзки въ верхней дейкѣ —голосняки.

ВОПЛЬ МАЗЕПЫ.

Лѣтъ десять—пятнадцать назадъ за литургіей въ 1-ю недѣлю великаго поста въ любомъ каѳедральномъ соборѣ можно было еще слышать протодьякона, громовымъ голосомъ возглашавшаго между прочимъ слѣдующія слова: «Глаголющимъ, яко цари возводятся на престолъ не по особому благоволенію Божію и тако дерзающимъ на бунтъ и измѣну, аки Гришкѣ Отрепьеву и Ивану Мазепѣ и прочимъ подобнымъ—анаѳема!» Обрядъ проклятія Мазепы и другихъ виновныхъ въ измѣнѣ получилъ свое начало при Петрѣ В. и внесенъ, по его повелѣнію, въ церковный «чинъ православія», направленный, какъ извѣстно, противъ иконоборцевъ и другихъ еретиковъ. Нечего и объяснять, что поводомъ къ сему послужила измѣна Мазепы Петру въ войнѣ съ Карломъ XII и переходъ его на сторону этого послѣдняго. Получивъ объ этомъ вѣсть въ лагерѣ надъ Десной, Петръ посредствомъ нарочитыхъ манифестовъ и грамотъ [1]) стянулъ къ себѣ сюда всю козачую старшину и знатнѣйшее духовенство и передвинувшись въ Глуховъ, приказалъ избрать здѣсь гетманомъ Скоропадскаго, а Мазепу предать всенародному проклятію. Сюда былъ привезенъ къ тому времени кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, съ знатнѣйшимъ духовенствомъ кіевскихъ монастырей, и переяславскій епископъ Захарія Корниловичъ, чрезъ нарочно посланнаго въ Кіевъ князя Б. И. Куракина [2]). На

---

[1]) См. грамоту о семъ на имя черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича въ августовск. книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ.

[2]) См. въ этой-же книжкѣ въ «Запискахъ кн. Куракина» на стр. 624.

митрополита успѣли уже набросить подозрѣніе въ соучастіи въ измѣнѣ Мазепы и онъ долженъ былъ доказать свою преданность Государю торжественнымъ анаѳематствованіемъ Мазепы по особо придуманному неизвѣстно кѣмъ обряду. Вотъ какъ описываетъ этотъ мрачный обрядъ неизвѣстный авторъ «Исторіи Руссовъ», писавшій по свѣжему преданію.

«По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія гетманскаго, открылось тамъ-же, въ Глуховѣ, новое явленіе, до того еще въ Малороссіи не бывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ въ адъ. Многочисленное духовенство малороссійское и ближайшее къ границамъ здѣшнимъ великороссійское, нарочито собранное въ Глуховъ и составившее изъ себя такъ названный помѣстный соборъ, въ 9-й день того-же ноября, предало Мазепу вѣчному проклятію или анаѳемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось въ каменной николаевской церкви, въ присутствіи Государя и при многочисленномъ собраніи чиновниковъ и народа. Духовенство и клирики были въ черномъ одѣяніи и всѣ со свѣцами чернаго цвѣту. Портретъ Мазепы, висѣвшій до того среди города на шибеницѣ, влеченъ былъ по городу палачами и втянутъ внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы изъ священнаго писанія, потомъ провозгласивъ и нѣсколько разъ повторивъ: «да будетъ такой-то Мазепа проклятъ!» оборотило на портретъ его возженныя свѣчи, а клирики, повторяя тоже самое пѣніемъ, оборачивали и они свои свѣчи ничкомъ. Начальствующій епископъ ударилъ притомъ концемъ жезла своего въ грудь портрета, съ изрѣченіемъ: «анаѳема!» И тогда поволокли обратно портретъ изъ церкви и пѣли сей стихъ церковный: «Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола», и тѣмъ обрядъ тотъ кончился»[1]).

Въ тотъ-же день, по повелѣнію Петра, грозная анаѳема Мазепѣ возглашена была Стефаномъ Яворскимъ въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ, а затѣмъ и во всѣхъ церквяхъ русскаго государства. Впослѣдствіи проклятіе Мазепы внесено было въ церковный

[1]) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго. Москва. 1846 г. стр. 211 и 212.—Упоминаніе о присутствіи здѣсь Ѳеофана Прокоповича есть анахронизмъ; онъ не былъ тогда не только епископомъ, но даже архимандритомъ и вовсе не былъ извѣстенъ Петру.

«чинъ православія», составлена сверхъ того особая служба церковная на день полтавской викторіи 27 іюня, съ примѣненіемъ къ Мазепѣ и Петру той пѣсни: *Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола*, которая заимствована изъ службы Страстямъ Христовымъ и пѣта была при первоначальномъ анаѳемствованіи Мазепы.

Обрядъ именнаго проклятія Мазепы удерживался до нашихъ дней и лишь въ недавнее время отмѣненъ св. синодомъ, какъ дѣйствіе, утратившее даже историческій свой смыслъ, никому и ни для чего уже не нужное. Въ немъ рѣзко бросалось въ глаза это несогласимое противорѣчіе изрекаемаго устами церкви проклятія и возвѣщаемаго ею мира и любви, ученія ея о загробной жизни, судѣ Божіемъ, воздаяніи въ послѣдній день и это предвосхищеніе суда у Того, кто самъ сказалъ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ.* Являлось кромѣ того новое, еще болѣе поражающее противорѣчіе: ежедневно, въ теченіи всего года, въ многочисленныхъ, Мазепою построенныхъ церквахъ, поминалось имя Мазепы, какъ создателя и благодѣтеля, и однажды въ годъ это-же имя предавалось вѣчному проклятію.

На это послѣднее противорѣчіе натолкнулся случайно императоръ Николай Павловичъ въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ. Посѣтивъ военный соборъ, онъ уже предъ выходомъ изъ церкви, окинувъ взоромъ ея своды и всю внутренность и любуясь ея архитектурой, спросилъ настоятеля собора:

— Кѣмъ построена церковь?

— Мазепою, робко отвѣтилъ настоятель, и—слово замерло на его устахъ.

— Что-же, вы молитесь объ немъ? спросилъ вновь Государь.

— Молимся, когда по уставу церкви возглашаемъ: о создателяхъ и благотворителяхъ святаго храма сего, отвѣтилъ настоятель, ободренный ласковымъ видомъ Государя.

— Молитесь, молитесь! съ легкимъ вздохомъ произнесъ Государь и быстро вышелъ изъ церкви.

Это-то противорѣчіе повторявшееся изъ году въ годъ, людей вѣрующихъ, людей съ живымъ христіанскимъ чувствомъ наводило на мысль о неестественности анаѳемы, съ точки зрѣнія чистой идеи церкви, прежде окончательнаго суда Божія.

Такая именно мысль положена въ основу помѣщаемаго здѣсь рукописнаго произведенія, подъ заглавіемъ: *Вопль Мазепы.* По почерку, бумагѣ, языку и другимъ признакамъ оно принадлежитъ несомнѣнно началу нынѣшняго столѣтія. Неизвѣстный авторъ онаго безспорно малороссъ, но не мѣстный патріотизмъ его одолѣваетъ; его произведеніе чуждо всякой политической тенденціи, но его смущаетъ эта несообразность одной изъ торжественнѣйшихъ службъ церкви съ ея основнымъ духомъ и характеромъ, это противорѣчіе между возвѣщаемымъ ею ученіемъ мира и любви и изрекаемымъ ея-же устами проклятіемъ, подчиненіе высшаго авторитета церкви цѣлямъ земнымъ, предвосхищеніе вѣчнаго суда Божія. Не оправдать Мазепу въ его политической винѣ, но снять съ него тяготѣющее надъ нимъ проклятіе во имя высшей идеи христіанства, показать, что право окончательнаго суда надъ всѣми дѣяніями людей принадлежитъ одному лишь Богу и что судъ этотъ будетъ произнесенъ имъ лишь въ послѣдній день міра—такова цѣль автора и его основная мысль.

Но, выражая эту мысль прямо въ отвлеченной формѣ, нельзя было заинтересовать ею и убѣдить въ ней, а высказывая ее публично, можно было навлечь на себя серьезную опасность. И вотъ авторъ избираетъ для нея оригинальную форму всеподданнѣйшаго отъ лица Мазепы прошенія на высочайшее императора Александра I имя въ 7-ми пунктахъ; но это лишь рамка для другой, распространенной въ то время литературной формы «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ». Соединивъ обѣ эти формы, авторъ изображаетъ различныя состоянія души Мазепы, ищущей освободиться отъ тяготѣющаго надъ ней проклятія,—начиная съ перехода ея въ адъ по смерти и оканчивая воплемъ, обращеннымъ къ императору Александру о прекращеніи ежегоднаго публичнаго анаѳемствованія.

Слѣдя за развитіемъ основной мысли помѣщаемаго произведенія, нельзя не примѣтить въ авторѣ онаго наклонности къ мистицизму и сосредоточенія его вниманія на идеѣ безконечнаго величія, всемогущества и милосердія Божія, а это даетъ намъ поводъ къ предположенію, не принадлежалъ-ли авторъ къ разряду нашихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, группировавшихся въ значительно распространенномъ у насъ тогда обществѣ франкъ-масоновъ. На это указываютъ и мистическія названія для означенія

времени написанія, разгадать которыя мы не беремся. Филантропическимъ идеямъ и тенденціямъ этихъ мистиковъ въ особенности должны были претить не только мрачная обстановка, но и самая идея всенароднаго проклинанія Мазепы. Какъ-бы ни было, помѣщаемое произведеніе представляетъ характерное для того времени явленіе и значительный интересъ какъ по замыслу, такъ по оригинальности формы и художественности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценъ. Къ сожалѣнію, списокъ, въ какомъ оно намъ досталось [1]), въ такой степени неисправенъ и поврежденъ безграмотностію переписчика, что мы съ трудомъ могли возстановить смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а иныя, правда, весьма не многія оставляютъ мѣсто для догадокъ. «Вопль Мазепы» по языку мало обработанъ, но мысль его вполнѣ согласная съ ученіемъ православной церкви, хотя и очень смѣлая для того времени. Читая его, невольно задумываешься надъ тѣмъ, какъ много соблазна и смущенія производилъ отмѣненный такъ недавно страшный обрядъ проклятія Мазепы и какъ много нужно было времени для того, чтобы онъ не омрачалъ болѣе свѣтлаго лика нашей церкви, никогда не посягавшей на то, яже суть Кесарева.

Пресловутый старѣйшина скиѳовъ, вожделѣнный повелитель славянъ, могущественный обладатель сарматъ, знаменитый монархъ варягъ и различныхъ языкъ, веледѣнный царь, въ подсолнечной великой вождь, святѣйшей картины зодчій, щастіе многихъ племенъ и народовъ, владыка россовъ и чадо неба, Александръ Павловичъ, скромнѣйшій вседержавнаго Бога рабъ!

Божіею милостію мы Іоанъ Мазепа, значный козакъ запорожского Коша, малороссійскихъ войскъ и обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, приносимъ наше прискорбнѣйшее слово о проклятіи-анаѳемѣ.

1-е.

Бурный вѣкъ предпріимчиваго монарха Петра I-го, примѣрнаго предка вашего священѣйшаго великодушія,—сей вѣкъ, гремѣвшій ве-

---

[1]) Списокъ этотъ найденъ въ бумагахъ моего дѣда, служившаго безсмѣннымъ ординарцемъ у фельдмаршала гр. Гудовича.—*С. Н. П.*

ликолѣпными трофеями, славный премудростію и коловратами, былъ страшнымъ каменемъ претыканія для тѣхъ сановитыхъ мужей, кои гордый духъ неустрашимаго Скиѳа, надменное невѣжество блаженныхъ предковъ, по грубымъ обычаямъ всечтимой древности, дерзнули побороть своею важною упругостью: зане презрѣніе вводимыхъ обрядовъ, купно и приверженность къ прародительскимъ, тяжки были для того мощнаго Волхва, который все напредки по новому чаровалъ. Да будетъ Сынъ Единородный доводомъ сея истины!

2-е.

Обязанъ остаюсь моимъ достоинствамъ, что на высокую степень гетманства возведенъ. Народъ вольный, избранный, принуждавшій нѣкогда трепетать саму столицу эллинъ, найпаче во времена славныхъ князей Аскольда и Олега, наконецъ самъ своею силою исторгшійся изъ власти полякъ, какъ славный гетманъ Хмельницкій подвизался,—сей народъ избралъ меня своимъ домовладыкою, почтилъ блюстителемъ его вольности и вождемъ. Зри чадо неба, Александръ! яко гетманъ знаменитѣе былъ искони, нежели конечные булавы пріемники. Однакожъ чары готовились для отравы уставовъ націи; уже три грозніе мечи висѣли надъ нещастною Палестиною, угрожая трескомъ и бурею все опрокинуть. Дѣйствительно, невовремень учинился гетманомъ, по крайней мѣрѣ совѣсть меня не угрызаетъ—вознепщевалъ соблюсть мой долгъ къ отечеству! О любезное отечество! ты еще не погибло. Въ это смутное время роковой опалы право сильнѣйшаго доказано лезвіемъ меча, и жизнь моя, всѣхъ бѣдствій наполненная, влачилась, какъ жизнь самого неключимаго смертнаго. Уже въ нѣдрахъ смерти и въ хладномъ гробѣ чая найти свое спасеніе, приближился я къ непостижимому гнѣву. Но какой ужасный призракъ возмутилъ мою душу! Увы; се демонъ геенны, поражаяй гремящею анаѳемою, низвергъ меня мгновенно въ преисподнюю бездну тартара. Обрушиваясь, подобно камню, съ вершины крутой горы въ пропасть низверженному, и какъ-бы непомѣрною силою бросаемый и ударяемый, низринулся я наконецъ въ ту страшную пучину ада, гдѣ чорныхъ тѣней смутный шорохъ, гдѣ рѣзкій свистъ кромѣшныхъ духовъ, гдѣ мракъ густой, гдѣ звукъ глухой раздавался... Дрожащая моя душа оцѣпенѣла, повергаясь изъ трепета въ ужасъ.

3-е.

Но не должно представлять тартара въ такомъ состояніи, какъ преданіе черноризцовъ корануловъ завѣщаетъ. Точно,—путь труденъ; найпаче-же то вѣрно, что быть не можетъ иначе, какъ только такъ, какъ оно есть;—князь тьмы, вельзевулъ, преугрюмое и звѣрообразное чудовище есть; однакожъ самый разсудительнѣйшій духъ, какова только желать можно въ преисподней. Принявши меня съ княжескою гордостію, какъ я къ нему представленъ былъ, тотъ часъ просмотрѣлъ бумаги моего дѣла, проникъ во все дѣйствіе и причины моральнаго и политическаго вкуса, наконецъ-все рѣшилъ безъ всякаго пристрастія, даже безъ волокитъ и убытковъ.—Почтеннѣйшіе государи, мудрѣйшіе философы, знатнѣйшія особы, всѣ проклятіемъ анаѳемы сюда низверженные токмо за несоблюденіе правилъ сухоядѣнія, на коихъ будтобы всѣ грѣхи глупой черни висятъ, въ минуту, по моемъ оправданіи, окружили меня; тѣни самыхъ лучшихъ людей, предлагая мнѣ свою дружбу, свои свѣтлые сѣни и мѣсто на мой собственно выборъ.

«Пребудьте съ нами, говорили они мнѣ, вамъ тутъ не случится ни малѣйшаго неудовольствія,—въ учрежденіи здѣшняго предѣла царствуетъ преудивительный порядокъ и свѣтъ, кои должны-бы служить спасительными средствами для всѣхъ страждущихъ болѣзнію законорожденія; вы съ нами будете веселиться вѣрнѣйшими наблюденіями, восхищаться красотою истины, для препровожденія времени смѣяться надъ худымъ вкусомъ духовныхъ.

Потомъ спросили: что слышно въ большомъ кругѣ? нѣтъ-ли чего новаго? Есть-ли прибыль въ людяхъ? Есть-ли хорошіе вожди, министры, судіи, словомъ: сыны отечества, или только слѣпіе рабы распутныхъ женщинъ, безмѣрнаго корыстолюбія и роскоши?

Нѣтъ, отвѣчалъ я; нынѣ все течетъ по правиламъ самаго новѣйшаго просвѣщенія: министръ, напримѣръ, самую малость дѣлаетъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ и—промахъ дастъ, а кто всего желаетъ и ничего не дѣлаетъ, кто много получаетъ и недоволенъ, тотъ есть всеученнѣйшій мудрецъ и членъ всѣхъ факультетовъ, и тотъ слыветъ преблагополучнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, кто, бывъ отъ кого кругомъ облагодѣтельствованъ, содѣлается первымъ злодѣемъ своему бла-

годѣтелю, какъ и я на своихъ ближнихъ испыталъ.—Вообще должно говорить о порокахъ всѣхъ и каждаго порознь, превозносить свои достоинства, хотя-бы ихъ совсѣмъ и не было, притомъ дойти къ искуству безъ языка продолжать рѣчь, не слушать разумныхъ.

Сей часъ спросили меня къ его темнѣйшей свѣтлости. Князь вельзевулъ, который, препоруча мнѣ дѣло вольности прокладныя (?), понадѣясь на замѣченныя имъ во мнѣ способности, требовалъ представить ему изъ многихъ бумажныхъ книгъ одинъ краткій экстрактъ. Не нужно писать здѣсь причинъ, почему дѣло сіе не досталось другимъ дѣльцамъ; довольно напомянуть и объ одихъ его предметахъ, коя заключали: взялъ откупы, подряды и таможни, гдѣ тьма тѣней замѣшаны. . Мытарь треблаженній не закроетъ ни кучами золота, высосаннаго изъ жилъ народа, и тѣхъ улыбкою сопровождаемыхъ ужимокъ, которые никакъ несносны! Но при семъ случаѣ толикое показалъ я безпристрастіе, что его темнѣйшая свѣтлость князь вельзевулъ не могъ не отдать мнѣ всей справедливости, ко удивленію всего ада и духовъ, смякнувши въ мигъ важности моей услуги. Я тотъ часъ палъ на колѣни предъ князѣмъ тьмы, вопія:

— Всесильный тартара духъ! воззри на мою сердечную горесть и виждь, съ коликимъ поношеніемъ влачать мое имя по стогнамъ градскимъ и божницамъ! Подай мнѣ жезлъ твоей непреоборимой помощи, да моя унылая душа потечетъ къ вседержавному Богу боговъ, дабы пролить предъ нимъ свое теплое моленіе, да никто не поучится во адѣ тщетнымъ!

— Егоже силы трепещутъ! возгласилъ князь тьмы вельзевулъ —Стремись къ нему со страхомъ и любовію, понеже онъ есть общій Богъ и Зиждитель. Се ввѣрено тебѣ носить тайну непостижимыхъ судебъ, могущую тебя на самомъ небѣ спасти. Шествуй ужъ, когда рокъ твой тебя влечетъ.

Рекъ и двинулъ отъ запада къ востоку, гдѣ лазуревая денница златымъ свѣтомъ возблистала.

4-е.

— Разруши крѣпкіе заклепы суемудрія, Богъ боговъ! Къ тебѣ весь душею моею стремлюся, подобно орлу, на высотѣ въ полной свободѣ

парящему. Распростри мысленныя крылья моего смятеннаго разсудка!

Мню зрѣть самую средоточность, однакожъ въ тускломъ свѣтѣ; но предпринимая противъ буйнаго недоумѣнія брань, облекшись въ доспѣхи моего разженнаго воображенія, спѣшу подвизаться на открытое поприще, явиться предъ небомъ, тамъ въ жертву воскурить чувства благочестія, отсель превыше небеснаго круга вознестися, превыше висящаго надъ самымъ небомъ океана, стремлюсь въ тѣ превыспренніе страны міра, паря въ тѣхъ солнечныхъ предѣлахъ немерцаемаго свѣта, гряду въ тѣ самые чертоги лучезарніи, гдѣ свѣта тьма не объемлетъ, гдѣ живетъ всевышній Богъ...

— Стой, дерзновенный духъ! претя, грозно кликнулъ Архистратигъ вышнихъ силъ въ багроперпатомъ шлемѣ, блестящей бронѣ, съ пламенным мечемъ блдящій: здѣсь со страхомъ благоговѣй, или тебя огнь пожретъ!

— Страшусь и трепещу, возгласилъ я предъ нимъ, воззвать къ ветхому деньми Владыкѣ: Отче, разсуди боги въ ихъ суетномъ сонмѣ! се мятутся о твоемъ бытіи, се тварь на тварь посягается, прейдя уставы святыя вѣчности, — ужель въ самой урнѣ смертной тѣнь и прахъ не почіетъ? Суди строго и наказуй, но предѣлы въ вѣрѣ положи...

Вдругъ пламенные врата горняго града разверзлись, куда мнѣ звѣздный путь открылся.

— Богъ есть сей, возлюбленный пришлецъ, вѣщалъ мнѣ единъ отъ старецъ, во свѣтоносную ризу облеченный; почто всуе мятешься? Богъ есть существо непостижимое, невещественное, все объемлетъ, все живитъ, духъ никѣмъ невидимъ, неудобь созерцаемъ свѣтъ, умъ, Онъ былъ и будетъ вѣчно, въ небесахъ ли пребывая, въ дѣяніяхъ ли видимаго міра пресмыкаясь, или паче въ нѣдрахъ ада водворяясь, есть единъ и тожь, зане адскій огнь Его не опалитъ, ни въ единой клѣтѣ не можетъ заключиться, сюже вы умудряетесь, —занеже отъ мнѣнія все зависитъ, — святость не отъ мѣста почерпаетъ, ни мѣсту оную сообщаетъ, вси-же предѣли Его суть, не можетъ Онъ покориться вашимъ желаніямъ и чувствамъ. Не Онъ-ли низложилъ жертвы, навѣтами обуреваемые? Не можетъ убо взирать и на лживія блага; но ни гнѣву непричастенъ, ниже въ тѣхъ завѣтахъ обитаетъ, кои зловоніемъ курятся; о

неотметающихъ Его бытія столь-же много сѣтуоть, сколь много ихъ вѣрами гнушается. Не можетъ онъ изъ Бога боговъ учиниться рабомъ пристрастныхъ душъ, нижайшія должности на Него возлагающихъ? Онъ всемѣрно мужъ, пребываетъ много выше всего, чтобъ мѣлочей не презирать. Почто вы праваго сердца чувства отметаете? Почто умерщвляете совѣсть? Гласъ разумнѣйшей твари—гласъ природы и истины, дарованніе вамъ свыше, виждь въ умѣ.

— Свѣтъ во тьмѣ свѣтящійся, егоже зря не вижу, возвалъ я къ свѣтоносному собесѣднику; но небесный старецъ, златымъ перстомъ помавая, скрылся въ свѣтло-огненныхъ облакахъ, а духъ буренъ промчался, разливая блескъ молненосныхъ лучей. Вдругъ съ ужаснымъ трескомъ громы грянули, то вселенная вышнему Богу, мню, *Осанна* рекла.

5-е.

Гроза престала, молнія утишилась, буря утихла, возсіялъ новый свѣтъ въ возобновившемся естествѣ. Вотъ гдѣ воля сильнаго не могла никакъ доказать своего права! Духъ движетъ, промыслъ распоряжаетъ. О, душа мудраго, чувствительнаго душа! продолжай смятеніемъ и ужасомъ при видѣ сихъ страшныхъ перемѣнъ и явленій. Пускай ихъ возчувствуютъ свою бренность, свое ничтожество!

По семъ простиралъ я взоръ мой по водамъ превыше небесъ разливающимся. Зрю нечаянно новую красоту естества: уже всѣ брежи морскихъ зыбей суть гладкіе, отъ сіянія лучей сребристо блестящіе; весь погружаюсь въ сію прозрачную матерію; повергаюсь въ самую пучину сей жидкой стихіи; протекаю глубину всей бездны волнъ, тщусь предолѣвать невозможности и препоны, чтобъ, сошедъ въ средній небесный ярусъ, устремить на ту область вожделѣнную свое око, съ коей малымъ лишъ клубомъ представляется кичливая земля,—гдѣ святую жизнь въ садахъ имѣть всѣ чаютъ, гдѣ процвѣтаетъ прекрасный рай! Я шествовалъ по пути уже, къ райскимъ святилищамъ ведущему, которой усаженъ былъ ароматными деревьями, уже готовился шагнуть чрезъ прагъ, какъ стражъ сихъ мѣстъ воззвалъ ко мнѣ.

— Печать судебъ, на пересѣхъ твоихъ зримая, являетъ въ тебѣ дивнаго пришельца и странника; но гдѣ едины блаженны водворяются,

кои точію гряды гредятъ въ вертоградахъ, въ чаяніи будущихъ благъ, грядущаго никто не вѣдаетъ. Когда земля огнемъ или вдругъ вся вселенная обрушится для блаженныхъ возмездія, что послѣ и какъ сьбудется, никто того или ничего не знаетъ, ни стихотворцы, ни философы, ни богословы, ниже политики, Ангелъ только велика совѣта съ возлюбленнымъ своимъ напе стникомъ разсуждаетъ о началѣ и концѣ...

— Персть мнитъ быть тѣнію, продолжалъ старецъ, тѣнь чистымъ духомъ, духъ пріятнѣйшимъ ангеломъ, ангелу остается Богомъ быть: никто своею частію не доволенъ, всеобщое зрится посягательство на законъ вещей. Содѣтель міра! самый порядокъ насилуется смятеніемъ: яко хлѣба недородъ, зима и лѣто не во время, весна осенью, а осень весною случается...

Еще по нѣкоторой бесѣдѣ съ симъ древностью лѣтъ согбеннымъ мужемъ о величіи зла и безсиліи добра, наконецъ предпринялъ я въ крайнее небо продолжать путь, ступая уже по хребтамъ вѣтровъ и облакамъ.

6-е.

Ряды длинные шатровъ, украшенныхъ развѣвающимися хоругвями, множество превысокихъ ледяныхъ обелисковъ и колоссовъ мгновенно представилися моему взору на томъ небесномъ сводѣ, который праведнымъ небомъ смертными нарицается, который съ небреженіемъ разбросанными по немъ звѣздами самихъ умнѣйшихъ въ безуміе повергаетъ пышнымъ великолѣпіемъ. Но, прошедъ стражу сего стана, по вопросѣ и отвѣтѣ, какъ уставъ рыцарей гласитъ, спѣшилъ я въ отличный, узорочными цвѣтами и знаменами наметъ, на косогорѣ сѣдыхъ облаковъ гордившійся. Внутри онъ украшенъ былъ дивно составленными изъ дождевыхъ капель колоннами, въ коихъ свѣтились искры, никакому примѣру не подобны. Въ шатрѣ Владиміръ съ Борисомъ-Переяславомъ смѣялся надъ печенѣгами, Мономахъ разсуждалъ съ угрожаемымъ совѣстію Юріемъ, Грозный думалъ, опершись на долбню, Мининъ обличалъ Пожарскаго въ притворной болѣзни, Годуновъ нѣчто разсказывалъ Андрею, пріятно Алексѣй съ Хмельницкимъ разговаривалъ, Федоръ окруженъ былъ многими слушавшими его съ почтеніемъ, Петръ держалъ въ рукѣ чертежъ, бесѣдуя съ Ярославомъ и другими, какъ я

могъ замѣтить, о бывшей власти еллинскихъ патріарховъ надъ Великою Скифою. Во истину въ такомъ состояніи было все собраніе, когда вошелъ я въ сей большой шатеръ, въ коемъ были на многихъ мѣстахъ поставленны софы, изъ самого мягкого инея здѣланніе, на которыхъ Матвѣевъ и протчіе сидѣли и разговаривали каждый въ своемъ кругу! Петръ, увидя меня, удивился и громко захохоталъ.

— Мазепа! какими судьбами? сказалъ и—съ распростертыми руками приближался, охотно желая меня обнять.

Я также спѣшилъ къ нему подойти ближе, однакожъ мое проклятіе соединиться въ семъ препятствовало. Мы тутъ болѣе напрягаемъ свои силы, но тѣмъ только всѣхъ привели во удивленіе. Я горько возрыдалъ; самъ Петръ прослезился.

— О, ты мой сильный побѣдитель и герой! съ плачемъ и слезами молвилъ я; виждь слѣдствія твоего жестокаго мщенія. Ужели тотъ вѣчнымъ врагомъ почитаться долженъ, кто не успѣлъ тебѣ зла произвесть? Не долженъ-ли Карлъ сугубо быть проклинаемъ, когда разсѣялъ твои силы горстію своихъ воевъ? Или одинъ только слабый долженъ всякую гибель влачить? О, Петръ! подлинно буди такъ великодушенъ, какъ ты великъ! Ежели мало хилились вѣсы нещастныхъ обитателей моихъ мѣстъ? Ежели мало проклинали меня сіи злополучныя семейства, которыя долго терпѣли саміе убійственніе издѣвки?

— Какъ? прервалъ Петръ мою рѣчь; неужели и самое просвѣщеніе, въ новую эпоху разлившееся, не расторгло веригъ бывшаго заблужденія?

— Заблужденіе дѣйствуетъ въ умахъ равно, какъ и прежде,—со вздохомъ продолжалъ я.—Увы! куда-бы духъ мой не обратился, вездѣ преслѣдуетъ его проклятіе и адъ: тѣнь-ли моя пренесется въ тѣ мѣста, въ которыхъ я свою злополучную жизнь провождалъ, вездѣ видитъ пустыню, развалины и печаль; душа-ли моя проникаетъ въ храмы, обители и олтари, моимъ собственнымъ попеченіемъ, моимъ иждивеніемъ сооруженніе, по любви къ вѣрѣ и Богу, вездѣ моя имя находитъ въ мрачномъ закоснѣніи,—вездѣ по немъ молитъ іерей *о создателѣ храма* въ приносимыхъ Богу жертвахъ и служеніяхъ, но потомъ ругательствомъ и поношеніемъ уже въ самомъ ничтожествѣ убиваетъ; воспаритъ-ли мой умъ къ своей силѣ бытія въ мірѣ, тутъ

узы меня связующія не позволяютъ предстать и приблизиться... ахъ! къ источнику моего начала приблизиться не позволяютъ. Глухая, мрачная могила трясется, самый хладный гробъ трепещетъ, самая бездушная персть дрожитъ и цѣпенѣетъ при тяжкомъ гласѣ безчеловѣчной анафемы. Уже и время своею желѣзною рукою все изгладило; только сія безбожная месть существуетъ. О, Богъ боговъ..

Весь станъ поколебался при воззваніи сего имени, всѣ вздрогнули и смутились, многіе воздыхали и плакали.

Прокоповичъ, проливающій слезы, Петръ! воззвалъ, зри укоризну отъ дѣйствія, въ первомъ движеніи гнѣва исторгшагося! Какъ политика моя, на правотѣ моей души основаная, и слава великихъ дѣлъ съ совѣстью о гнѣвѣ и мщеніи пойдутъ неразлучно. Боже, твое всевидящее око зрѣло мое сердце, что я никогда не простиралъ моего права на преставльшіяся души! Какой свѣтъ о семъ здѣлаетъ заключеніе! Какая польза для монарха въ раболѣпныхъ восклицаніяхъ безъ разума истины! Такъ единая черта справедливости столь-же разительна, сколь убѣдительна капля слезъ чувствительностію изліянная. О, сколь драгоцѣнна любовь къ ближнему! Но сіе не удивительно, ибо любовь къ недругамъ есть милліонъ разъ величественнѣе. Вотъ что рѣдко!

— О, нещастный Мазепа! продолжалъ Петръ, съ видомъ, свое прискорбіе изъявляющимъ, я хотѣлъ, всею душею желалъ тебѣ нынѣ пособить, однакожъ никакой возможности не имѣю. О, сколь раскаяніе справедливо быть можетъ, яко единъ Богъ есть судія умершихъ! Но, заклинаю тебя святѣйшею истиною, предстань ты къ младому вѣнценосцу въ моемъ градѣ, предайся во всемъ на его волю! Онъ такъ здравымъ разсудкомъ старъ и своимъ благоразуміемъ удивляетъ, что безъ сомнѣнія приметъ и сіе дѣло безъ всякаго предубѣжденія.

По семъ бросился Петръ на софу и погрузился въ глубокое размышленіе, а прочіе объяты были волненіемъ, сокрушеніемъ и печалью. Константинъ мудрый, видя мое изнеможеніе, подошелъ и вспомоществовалъ моему выходу изъ шатра, ибо сила отражательно не дѣйствуетъ между не имѣвшими вражды существами.

— Рыдая, знаменитый потомокъ пресловутого монарха! вѣщалъ я ему: жизнь твоя на земли угасла, какъ свѣча, среди рыданія и слезъ

самыхъ почтеннѣйшихъ мужей и старѣйшихъ всѣхъ градовъ, тобою предъ кончиною для наставленія и увѣщанія созванныхъ; и ты на семъ почитаешъ свое повелѣніе взять изъ дому при своихъ глазахъ все то, что было кому назначено тобою, дабы между ими и послѣ твоей смерти никакихъ споровъ не произойшло.

— О, другъ мой! ты глубокомысліемъ своимъ простерся очень...

. Мгновенно громогласнія трубы возтрубили, кимвалы, тимпаны, литавры, свирѣли, рожки, флейты, барабанный бой—все вдругъ возгремѣло, и славные легіоны съ Сѣвера двигнулись, хоругви радужнія, взводы страшныхъ вой, шагъ разомъ сдѣланный воздухъ колеблетъ, небо въ удивленіи, тристаты, грозно повелѣвающія, цвѣтъ мужества и юности составляютъ; предшествуетъ имъ Павелъ на рьяномъ конѣ, конь гордо выступающій, главою крутить, брождами звучить, бразды бурно опеняя, ржетъ и гарцуетъ. Тотъ часъ предсталъ на рыцарскую площадь Румянцевъ, приглашая Павла въ предъреченный шатеръ на вечерь. Онъ, узря меня, спросилъ: кто и за чѣмъ? Я началъ рѣчь о томъ свѣтѣ и прошелъ къ героямъ въ сонмъ. Тутъ жаднымъ окомъ обозря легіоны, направилъ мой путь къ одному предмету, который горняя небесъ и преисподняя вмѣстѣ соединяетъ, отколь зрится сводъ небесный, важно долу нависящій, гдѣ нерѣдко сѣверное сіяніе блещетъ, гдѣ столпы огненные рдѣлись, разливая на полѣ неба яркій свѣтъ. О, великая дщерь Вышняго, непостижимаго—природа! днесь видя сіе величественное знаменіе, дабы снити на кругъ земный, помоги мнѣ въ твои таинства углубиться, на лоно вселенныя возлегши.

7-е.

Рокъ гетманства нашего болѣе влечетъ къ себѣ соболѣзнованіе, нежели мщеніе, проклятіемъ сопровождаемое; производимое симъ дѣйствіемъ политики впечатлѣніе, оскорбляющее Бога и гетманство, волнующее чувства и предосуждающее просвѣщенія монархіи, равно было не совсѣмъ убѣдительно для буйхъ, какъ-то время показало. Провидѣніе въ свою чреду повергается въ затрудненіе: карать-ли проклинаемыхъ торжественнымъ восклицаніемъ, или миловать ихъ, внимая мольбамъ тѣхъ-же устъ. Единой только слѣпоты потребно, чтобъ не видѣть соблазна и дерзновенія предъ всего святѣйшимъ предметомъ. Блаженъ, кто не-

возгордится въ семъ мірѣ; но тотъ сто кратъ счастливѣе, кто можетъ сдѣлать добро и дѣлаетъ! *(Пропускъ)*... и дабы всечтимаго вашего святѣйшаго великодушія мгновеніемъ, пройдя выше сего слабо изображенные сильные доводы, повелѣно было храмы и олтари изъ вертепа и казни обратить въ домъ молитвы и жертвы. *(Пропускъ)*... Яко тайное повелѣлъ содѣлать явное, яко уже и тоосты (sic) скорописаніе благоволилъ всѣмъ великодушно разрѣшить, дабы безъ ужаса каждый открылъ предъ тобою своихъ талантовъ ковчегъ, яко стыдъ и укоризну наносящую, притворяющую гидру указалъ изгладить изъ памяти человѣческой, яко древніе грѣхи завѣщалъ омыть въ новой купелѣ избраннаго Силоама, дабы всѣ вновь погрузились въ святость непріятную, дабы вновь явились, омывшись, въ твой вѣкъ. О, жрецъ Бога вышняго! О, ты защита мужественная человѣчества! молю тебя всѣми святѣйшими обѣтами, такъ мнѣ вдохни своими свѣтлыми и непомраченными, вдохни своими зрѣлыми мыслями, яко вдохнулъ въ изгнаніи забвенному человѣчеству добрый духъ. Духъ горящей любви тебя великимъ нарицаетъ: воскреси, мню, Лазаря столѣтняго! Охъ, да сей убѣдительный вздохъ, сей вздохъ человѣчества, да проникнетъ въ глубину твоей души, да сія слава сострадательная канетъ на твое нѣжное сердце. Воззри на судъ прозорливымъ окомъ; прорцы глаголъ и гласъ твой будетъ услышанъ въ вѣчности, подобно шуму водъ многихъ.

Велелѣпнѣйшій царь! просимъ вашего святѣйшаго великодушія наше сіе гетманское слово судить, какъ пастырю подобаетъ. Разсуди убо его, какъ монархъ; разсуди, какъ чувствительнѣйшій человѣкъ; разсуди, какъ благословенный сынъ отечества; суди еще, какъ ангелъ благодатный, коего въ изступленіи обожающій міръ, щитомъ твое имя воспріемля, славу, яко рогъ, вознесетъ!

Къ подачѣ надлежитъ въ неприцепріятный синклитъ, соглядающій образъ мыслей давно прошедшаго времени, основанный на святѣйшихъ правилахъ добродѣтели и благоразумія. Вѣка девятаго, въ лѣто третое надесять отъ возстановленія свѣта послѣ потопа, подъ небеснымъ знакомъ Полкана, въ день луны.

Сообщ. **С. Н. И.**

ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНЕВИЧУ.

(1817—1820).

Предлагаемыя вниманію читателей «Кіевской Старины» письма гр. Аракчеева найдены нами въ семейныхъ бумагахъ Н. И. Хорвата, жительствующаго въ селѣ Шамовкѣ александрійскаго уѣзда херсонской губерніи. Григорій Ивановичъ Лисаневичъ, на имя коего адресованы всѣ 23 письма, находился въ какомъ-то родствѣ съ Хорватами, чѣмъ и объясняется настоящая находка. Лисаневичъ, впослѣдствіи одинъ изъ помощниковъ графа Аракчеева въ дѣлѣ заведенія и поддержанія военныхъ поселеній на югѣ Россіи, происходилъ (род. 1758 г.) изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ Польши, принявшаго православіе и поступившаго въ русское подданство. Служебную карьеру свою началъ онъ въ елисаветградскомъ пикинерномъ полку, въ 1808 г. назначенъ шефомъ чугуевскаго уланскаго полка, а въ 1814 г. командиромъ 3-ей (послѣ 2-й) уланской дивизіи, которая въ 1817 году водворена въ районѣ бывшей слободской Украины. За разныя военныя дѣла Лисаневичъ неоднократно жалованъ былъ знаками Высочайшей милости, также арендами и имѣніями. Земельныя владѣнія его находились въ александрійскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ херсонской губерніи; но въ 1820 году въ нихъ считалось всего 38 душъ крестьянъ, хотя одно елисаветградское имѣніе на р. Сугаклеи Камышеватой, при оврагѣ Вербовомъ, было мѣрою въ 760 десятинъ. Въ 1820 году, января 21-го, Лисаневичъ получилъ по прошенію отставку съ мундиромъ, пенсіей въ 2,160 р. въ годъ и наградою въ 10,000 р.

В. Я.

I.

С.-Петербургъ, 18 декабря 1817 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Я долго не отвѣчалъ вашему превосходительству на письмо ваше отъ 25 октября, потому что былъ боленъ и все хотѣлъ послать къ вамъ по дѣламъ службы особаго фельдъ-егеря, коего при семъ къ вамъ и посылаю. Я никогда не лгу никому, слѣдовательно и вашему превосходительству: буду писать истинную правду;—честность ваша, доброе сердце и почтенные лѣта ваши всякаго обязываютъ васъ почитать, а кольми паче меня, который имѣлъ честь служить съ вами, милостивый государь, то будте спокойны, что естли и надобно будетъ вамъ перемена изъ нынешняго вашего места, то конечно всемилостивѣйшій нашъ государь уважитъ вашу службу и вы будетѣ уволены смилостью, которую вы заслуживаетѣ, но теперь я ничего еще вамъ по оному не могу сказать.

Съ истиннымъ почитаніемъ, дружбою и чистосердечною привязанностью пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга.

Гр. Аракчеевъ.

II.

Москва, 4 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Ваше превосходительство согрешитѣ объ насъ съ государемъ, естли вы будетѣ недовольны посылаемымъ особымъ следователемъ отъ государя г. майора Ильина и подполковника Кочубея, ибо государю угодно вывести присланные киему прозьбы формальнымъ образомъ, и послѣ уже положить навсегда преграду пустымъ прозьбамъ. Государь императоръ приказалъ мнѣ написать къ вашему превосходительству, дабы вы изволили и сами, естли вамъ угодно, находится при разборѣ сего дела, и что отъ васъ ничего не можетъ быть скрыто. Но государю хочется уверится въ сихъ делахъ, что точно ли онѣ идутъ надлежащимъ порядкомъ и ему непременно желательно, дабы новые военные поселянѣ не были ни откого телесно наказываемы. Потомъ уведомляю васъ, милостивый государь, что я распологаю послѣ 25 марта выехать изъ Москвы, и

ехать чрезъ Харьковъ прямо къ вамъ; почему и прошу уже ваши дела съ 1 марта остановить присылкою ко мнѣ до моего въ вамъ прiезда. Двухъ-недельные-же государю рапорты извольтѣ послѣ 20 февраля надписывать въ Варшаву и надобно на оныхъ конвертахъ надписывать во первыхъ *въ собственные руки*, а во вторыхъ *по поселенiю войскъ*, что и наблюдать при всякомъ отправленiи къ государю конвертовъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

III.

Москва, 15 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорiй Ивановичъ!

Его императорское величество изволилъ также проговариваться объ отпускѣ вами полкового командира борисоглебскаго уланскаго полка полковника кн. Абамелика, что сiе такъ-же кажется зделано не во время, потому что при новомъ устройствѣ полковъ и по возникшимъ безпорядкамъ полковымъ командирамъ не по отпускамъ и столицамъ следуетъ разьезжать, а занимается более въ своемъ округѣ поселенiя распорядкомъ, а господинъ кн. Абамеликъ, уехавъ въ отпускъ, доказываетъ, что онъ очень мало думаетъ о устройствѣ полка, а таковыхъ командировъ и терпеть вашему превосходительству не следуетъ, да еще онъ госп. кн. Абамеликъ и въ проездъ свой чрезъ Москву не явился ко мнѣ. За отпускомъ-же кн. Абамелика остался въ полку старшимъ полковникомъ Бистромъ [1]), о коемъ вы известны отъ его высочества цесаревича, что онъ такъ-же служить не охотникъ, следовательно все оные соображенiя и даютъ дурной видъ управленiю нашего поселенiя. Я надеюсь, что къ моему прiезду все господа штабъ и оберъ офицеры будутъ уже при полкахъ. Да прошу ваше превосходительство надписывать на всехъ вашихъ пакетахъ какъ къ государю императору, такъ даже и ко мнѣ *по поселенiю войскъ*, ибо ваша канцелярiя сего не наблюдаетъ и государь онымъ недоволенъ. Какъ вы нынѣ будетѣ

---

[1]) Не разборчиво.

полумесячные свои рапорты отправлять къ государю въ Варшаву, то въ оное-же время прошу присылать ко мнѣ копіи, дабы я могъ знать въ одно-же время, что у васъ происходитъ. Я вамъ откровенно скажу, что государь недоволенъ, что у васъ начались такіе беспорядки и вамъ и гг. бригаднымъ командирамъ надобно старатся скорее оные прекратить.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ

IV.

Москва, 25 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письма вашего превосходительства отъ 9, 15 и 20 февраля мною получены, изъ коихъ первые два представлены были въ оригиналѣ государю императору, изъ коихъ его величество усмотревъ ваше опасеніе въ спокойствіи жителей, приказалъ мнѣ отвечать вамъ, милостивый государь, что имея четырѣ вооруженные регулярные полка и двѣ роты артиллеріи, лехко можно удерживать порядокъ между крестьянами не вооруженными, а потому и не находитъ надобности располагать пехоту, а должно старатся не допускать до первоначальныхъ причинъ къ беспокойствамъ и не приступать ни къ какимъ переменамъ и учрежденіямъ, не принявъ прежде предостерегательныхъ меръ, а въ противномъ случае лутчѣ оное предоставлять времени, нежели делать оное на удачу, какъ и самое возмущеніе жителей таганрогскаго полка последовало отъ привода ко вторичной присяги выбранныхъ членовъ ескадронныхъ комитетовъ, что-бы самое могло быть еще отложено впредь до удобнаго времени, чрезъ что самое бы и не последовало сихъ беспорядковъ. Все-же перемены и распорядки должно въ водить не въ другъ во всехъ полкахъ, а исподволь въ одномъ полку или еще въ одномъ эскадронѣ, а потомъ въ другомъ и далее, тогда, при производствѣ онаго, всегда можно иметь въ близи и готовые эскадроны на случай какого либо беспорядка, чемъ самымъ и самой беспорядокъ предупредится. Я надеюсь быть у вашего превосходительства въ первыхъ числахъ апреля и все затрудненія объяснить общимъ нашимъ съ вами разсужденіемъ

на местѣ. До этаго-же времени я надеюсь, что вы изволитѣ принять такіе меры, чтобы было покойно въ округахъ военнаго поселенія и дабы жители занимались своими домашними работами, имея строгой присмотръ за теми людьми, кои-бы вздумали подстрекать жителей къ какимъ либо возмущеніямъ, коихъ следуетъ брать подъ караулъ и содержать въ г. Зміевѣ, или даже и въ г. Харьковѣ. Его императорское величество очень занимается положеніемъ нашихъ делъ, то и прошу покорно 13 числа марта отправить нарочнымъ курьеромъ донесеніе ваше о состояніи военныхъ округовъ на имя государя, а равно и меня подробно обо всемъ уведомить, что будетъ происходить съ дня отъезда г. м. Ильина до отправленія курьера, коего прислать ко мнѣ непременно къ 20 марту въ село мое Грузино (Далѣе гр. Аракчеевъ проситъ выслать на встрѣчу себѣ въ г. Орелъ генералъ-майора Александрова и заготовить квартиры въ Зміевѣ и прочихъ мѣстахъ, въ каждомъ округѣ поселенія. Слѣдуетъ подпись)

V.

Станція Бронницы. 26 марта 1818 г.

Господину генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Донесеніе ваше отъ 14 марта я сего числа на дорогѣ изъ Новагорода въ Москву чрезъ курьера, присланнаго отъ гражданскаго харьковскаго губернатора, получилъ, и рапорты вашъ и его губернатора, на высочайшее имя ко мнѣ присланные, отправилъ къ государю императору въ Варшаву, самъ-же я продолжаю дорогу въ Москву, гдѣ не остановлюсь нисколько, а поеду далее къ вамъ въ Харьковъ. На счотъ случившагося непослушанія въ економической волости савинской, то ето дело обыкновенное и часто случающееся въ другихъ местахъ, но только я прошу покорно вашего превосходительства иметь у себя въ виду округи военнаго поселенія, дабы изъ оныхъ не вывести много действующихъ ескадроновъ и темъ самымъ не дать способа и нашимъ военнымъ поселянамъ присоединится къ симъ савинскимъ бунтовщикамъ, ибо лехко статся можетъ, что нарочно сіе постороннее беспокойство начато, дабы разделить военные силы и потомъ вездѣ произвесть беспорядокъ;—гражданскій-же губернаторъ можетъ требовать войска особые отъ по-

селенныхъ въ сію волость, почему и прошу васъ сію бумагу мою дать прочитать господину гражданскому губернатору, потому что я особо кнему не имею способа писать по нахожденію моему въ дорогѣ. Самую же мою бумагу по протченіи прошу въ канцелярію вашу не оддавать а убрать ее у себя, дабы она никому не была известна.

Г. Аракчеевъ.

VI.

Вознесенскъ, 6 мая 1818 г.

(Послѣ обычныхъ словъ обращенія, благодаритъ Лисаневича за ласковый пріемъ, упоминаетъ о вновь купленной лошади).

Здѣсь у графа Витта государь императоръ отмѣнно былъ доволенъ, что вамъ на словахъ раскажетъ вашъ адъютантъ, надобно и вамъ до онаго доходить непременно, ибо теперь государь, видя здесь, что все идетъ хорошо, будетъ у васъ еще строже требовать; прошу меня чаще уведомлять и старатся держать въ рукахъ вашихъ строже господъ командировъ и взыскивать снихъ, а кому неугодно, то могутъ итти прочь, и здесь несколько полковыхъ командировъ гр. Виттъ переменяетъ, то есть всехъ техъ, которые не любятъ поселенія, а любятъ свою економію.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

VII.

Воронежъ, 27 мая 1818 г.

Пріѣхалъ нарочно ранѣе въ Воронежъ, дабы имѣть время отвѣчать вамъ, милостивый государь, на собственноручное ваше письмо отъ 20 мая, что симъ и исполняю. Письмо ваше я представлялъ государю императору въ оригиналѣ и его императорское величество изволилъ утвердить все представленные вами перемены въ штабъ и оберъ офицерахъ, почему о гг. полковникахъ Пановѣ и Энгельгардѣ и подполковникахъ Изюмовѣ и Траскинѣ будетъ оддано въ высочайшемъ приказѣ, а о протчихъ офицерахъ прилагаю мое утвержденіе. Следовательно, ваше превосходительство, государь изволитъ все утверждать, о чемъ вы

къ нему представляетѣ, то онъ изволитъ надеятся, что и вы употребитѣ все ваше стараніе, дабы полки въ веренной вамъ дивизіи не отстали отъ протчей кавалеріи, о чемъ государь приказалъ мнѣ именно сіе поставить на видъ какъ симъ письмомъ, такъ и особымъ прилагаемымъ предписаніемъ [1]), съ дополненіемъ еще того, что ваши полки не будучи никому подчинены и вы оставаяся такъ сказать единственнымъ начальникомъ и получивъ въ полки лутчихъ людей, должны поетому и представить ихъ государю императору еще отличнее другихъ кавалерійскихъ полковъ. Я васъ прошу по дружбѣ вашей ко мнѣ обратить ваше вниманіе на полковыхъ командировъ, дабы онѣ занимали выездкою людей въ манежахъ, право будетъ стыдно, ибо вездѣ, и теперь въ Вознесенскѣ, въ Павловскѣ, въ Воронежѣ показываютъ государю учебные команды въ самомъ лутчемъ видѣ и совершенномъ знаніи всехъ правилъ выездки въ манеже. Государь повелелъ вамъ еще написать, что отъ г. подполковника Изюмова и Траскина зависетъ будетъ производство ихъ: когда онѣ вверенные имъ нынѣ полки устроютъ, то и чины получатъ. Г. полковникъ Енгельгардъ не можетъ ехать въ отпускъ до техъ поръ, пока здастъ полкъ на законномъ основаніи, а тогда и можетъ ехать, куда ему угодно будетъ. Я знаю чрезъ верное известіе, что господа ваши штабъ-офицеры недовольны мною, для чего я защищаю поселянъ и не даю ихъ грабить, и сіе государю извѣстно, но я на оное не смотрю, онѣ посердятся да такіе-же будутъ, а я уже 30 летъ служу отечеству, то знаю, что делаю, и делаю по правдѣ и совести своей, не боясь ничего того, что обо мнѣ господа сіи скажутъ. Вашему превосходительству два дела теперь: одно учить действующіе эскадроны, а другое устраивать поселеніе исподволь; право, у графа Витта очень много и скоро сдѣлано. На докладную записку вашу я зделалъ мою резолюцію и возвращаю при семъ, но надобно только еще преждѣ здѣлать общее положеніе о дорогахъ и представить оное ко мнѣ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Предписанія этого въ бумагахъ не нашлось.—В. Я.

VIII.

С.-Петербургъ, 7 августа 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Рапортъ вашего превосходительства отъ 16 іюля я получилъ и признаюсь вамъ, что мнѣ очень непріятно еще получать отъ васъ подобные рапорты; пора-бы быть у васъ вездѣ порядку, тишинѣ и охотѣ, а не буянству. А при томъ вы очень глухо и коротко пишетѣ, что въ таганрогскомъ округѣ поселянѣ по прежнему вненовиновеніи, а необъясняетѣ, вчемъ именно. Касательно возвращенія ко мнѣ отправленныхъ двухъ хозяевъ, то вы имеетѣ мое отношеніе, что не только сіи два хозяина, но и вновь мною требуемые останутся здѣсь до техъ поръ, пока въ округѣ будетъ все исполнятся по вашему желанію, что я думаю должно подействовать на нихъ сильно, и очень государь желаетъ иметь отъ васъ сведеніе посему прежде его отъезда за границу, которое положено 26 августа. Почему я и ожидаю непременно присылки людей и донесенія вашего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

IX [1]).

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Милостивый государь мой Григорій Ивановичъ!

Я весьма чувствителенъ къ благодарности, которую ваше превосходительство приноситѣ мнѣ въ письмѣ отъ 10 августа, но признаюсь, что не считаю поступка моего заслуживающимъ оную, а напротивъ скажу откровенно, что непростительно-бы вамъ было, если-бы вы полагали, чтобы столь ничтожный извѣтъ, какой позволилъ себѣ адьютантъ Тирѣевъ, могъ поколебать меня въ моей къ вамъ пріязнѣ и уваженіи. Вы можете быть увѣренными, что всегда и во всякомъ случаѣ найдете меня съ такимъ-же относительно васъ расположеніемъ и готовностью быть вамъ полезнымъ, какія и теперь во мнѣ видитѣ.

[1]) Это письмо писано не извѣстно кому принадлежащимъ почеркомъ; подписано гр. Аракчеевымъ собственноручно.—В. Я.

Я совершенно согласенъ съ вами, что Тирѣеву неприлично оставаться при васъ долѣе, тѣмъ не менѣе однакоже къ переводу его нельзя приступить безъ формальнаго представленія, которое отъ васъ зависитъ прислать и оно получитъ свое дѣйствіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

X.

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Все письма ваши получилъ, за которые и приношу вамъ, милостивому государю, мою благодарность. Я и самъ сожалею, что проклятые печенеги по сю пору не очувствуются, но что делать? надобно взять терпеніе и довести непременно до настоящаго исполненія начатого дѣла. Все ваши и собственноручные письма я представлялъ государю императору, и его величество изволилъ приказать, что непремѣнно должно всехъ ихъ одеть въ мундиры, какъ должно; то я-бы и думалъ во первыхъ въ поселенные ескадроны 2 и 3 усилить постой действующихъ ескадроновъ, поставя даже и чужихъ полковъ ескадроны, освободя техъ хозяевъ, кои уже обмундироватся (sic), что должно кажется на нихъ подействовать; и по мерѣ которые будутъ одеватся, то у техъ и выводить постой, увеличивая оной у протчихъ, изъ перваго-же ескадрона поселеннаго остальныхъ 10 человекъ хозяевъ, еще не обмундированныхъ, потребовать къ себѣ въ Зміевъ и тутъ въ присутствіи своемъ обмундировать и оставить на некоторое время въ учебномъ ескадронѣ. Присланные отъ васъ люди привезены въ округъ поселенія моего полка, но отпускать изъ оныхъ я не нахожу нужнымъ, пока весь полкъ будетъ обмундированъ. Скрывшихся двухъ хозяевъ, коихъ следовало-бы отправить ко мнѣ, но нынѣ взять подъ караулъ и судить военнымъ судомъ, а по окончаніи представить оное (?) ко мнѣ на рѣшеніе. Естли кто изъ необмундированныхъ коренныхъ жителей изобличенъ будетъ въ какихъ грубостяхъ или возмущеніяхъ, таковыхъ присылать снарочнымъ въ округъ моего поселенія, приславъ вместѣ симъ и мундиръ инфалидный, что и следуетъ наблюдать въ точности. Изъ онаго полка много коренныхъ жителей не отпускать по промысламъ

изъ округа своего поселенія, пока все не будутъ обмундированы. Естли кого вы будетѣ ко мнѣ присылать, то уведомлять меня о особо замеченныхъ вами буянахъ, дабы я таковыхъ отъ себя могъ отъ сылать въ Оренбургъ, ибо на все оное я имею высочайшее разрешеніе, окромѣ наказанія телеснаго, и сіе кажется для нихъ важнее. Завтрѣ оддано будетъ въ высочайшемъ приказѣ, что полковникъ князь Абамеликъ производится въ генералъ-маіоры, и онъ назначенъ бригаднымъ вмѣсто генералъ-маіора Аргамакова, а генералъ-маіоръ Аргамаковъ поступаетъ въ бригаду вместо генералъ-маіора Александрова, а генералъ Александровъ по вашему желанію и его собственному назначается состоять при дивизіонномъ начальникѣ. Вотъ государь какъ награждаетъ усердно служащихъ ему; а господину полковнику Изюмову прошу сказать, чтобы онъ менее находилъ затрудненія въ своемъ полку, а более-бы действовалъ къ успешному окончанію проекта поселенія кавалеріи; а безъ онаго не только онъ чина не получитъ, но можетъ полкъ потерять; а охотниковъ въ оной полкъ уже много является; но я когда-то (только?) буду доволенъ, то никакъ не думаю его сменять, а еще скорее выведу въ чины.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XI.

17 сентября 1818 г. Округа поселенія гренадерскаго моего имени полка штабъ квартира.

Господину генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Расматривая присланные ко мнѣ отъ веренной вашему превосходительству 2 уланской дивизіи месячные рапорты за іюль мѣсяцъ, нахожусь въ необходимости просить васъ въ предь наблюсти следующіе: 1-е уравнять во всѣхъ полкахъ оные рапорты, дабы онѣ были писаны одинаково, ибо всякой рапортъ имеетъ въ составѣ и изьясненіяхъ разницу; 2. рапорты такъ дурно и не ясно въ полкахъ пишутъ, что съ трудомъ оные можно разобрать, а какъ рапорты пишутся для усмотренія о состояніи полковъ высшимъ начальствомъ, то и должны быть хорошо и ясно писаны; 3. въ серпуховскомъ полку худо писано квар-

тирное расписаніе и много беглыхъ изъ действующихъ ескадроновъ, о чемъ и слѣдуетъ обратить ваше вниманіе, а мнѣ донести о притчинѣ онаго; 4. какъ полки показываютъ въ своихъ рапортахъ объ отосланныхъ къ вашему превосходительству деньгахъ, собранныхъ за недоимку прежнюю, то и донести мнѣ, сколько оныхъ у васъ состоитъ; 5. въ чугуевскомъ полку по оконченной переписи показывается очень мало поступившихъ людей въ поселенные и резерфные ескадроны, что я нахожу упущеніемъ брегаднаго командира и полковаго, почему и на сіе прошу васъ обратить ваше вниманіе и донести мнѣ о притчинѣ онаго; 6. наконецъ прошу васъ занятся собрать отъ полковъ о неспособныхъ кантонистахъ списки и разсмотреть оные, которые изъ оныхъ могутъ быть одданы въ ученье мастерствамъ безъ разстройства собственнаго хозяйства и отцовъ ихъ, то о таковыхъ доставить ко мнѣ списки послѣ личнаго вашего освидетельствованія, съ показаніемъ летъ отроду, меры и неспособности (sic!), и сіе не теряя время исполнить, дабы я могъ вамъ предписать сихъ кантонистовъ отправить въ разные ученья; 7. я не сумневаюсь что ваше превосходительство послѣ уборки полей прикажитѣ зачать учить вполкахъ резерфные ескадроны, но безъ отягощенія людей, и въ порядкѣ и въ присудствіи самихъ ескадронныхъ командировъ.

Пріездъ мой къ вамъ въ будущемъ октябрѣ месяцѣ конечно мнѣ уже подастъ случай господъ полковыхъ командировъ благодарить, а не выговоры имъ дѣлать, зная вашу заботливость по службѣ.

Гр. Аракчеевъ.

XII.

Штабъ-квартира въ округѣ военнаго поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка, 18 сентября, 1818 года.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Вы конечно уже теперь известны чрезъ вашего адьютанта и ескадронныхъ командировъ о нашихъ здесь занятіяхъ, а господинъ Мачульской, какъ умной человѣкъ, то онъ вамъ и еще более все перескажетъ, какъ мы здѣсь трудимся, не дремлемъ и работаемъ всеми силами. Господину Мачульскому я все препоручилъ вамъ объяснить, то

и прошу васъ, милостиваго государя, ему верить, употреблять его въ делахъ и споспешествовать начальническимъ вашимъ взысканіемъ съ ленивыхъ, нерадивыхъ, или делающихъ исполненіе вяло и беспечно. Я бы просилъ вашего превосходительства строже приказывать господамъ полковымъ командирамъ и не принимать отнихъ отговорокъ; а кто не хочетъ служить, тотъ имеетъ волю нынѣ службу оставить, святое мѣсто не будетъ пусто; трудно государю найти другово Лисаневича, а полковыхъ командировъ найти не мудрено. Убеждаясь несколькими вашими отношеніями о возвращеніи одного улана изъ прежде присланныхъ вами ко мнѣ, я одного изъ нихъ Михайлу Руденка съ господиномъ Мочульскимъ отправляю на степи [1]), чтобы ваше превосходительство немедленно всехъ упрямыхъ одели въ мундиры, обстригли и выбрили въ присудствіи вашемъ, и мне бы донесли чрезъ нарочнаго, естли же заметитѣ изъ стариковъ грубіяновъ, то таковыхъ отправтѣ сюда на жительство и смундирами; я равномѣрно прошу вашего превосходительства старатся всехъ людей одеть въ мундиры, ибо донесесенія полковыхъ командировъ были совершенно пустые, онѣ одели людей въ поселенныхъ и резерфныхъ ескадронахъ не всехъ, а только половину, симъ делаютъ худое они вліяніе на ихъ умы и разсужденіе [2]). Равномерно прошу приказать, дабы я по пріездѣ моемъ не нашелъ уже во всехъ округахъ въ собственномъ старинномъ платье ни одного коренного жителя хозяина и резерфнаго и кантониста, а должно все ихъ платье перешито быть въ куртки и шенели, что я строго взыщу за невыполненіе онаго. Адьютантъ мой Кожинъ пріехалъ ко мнѣ, онъ мнѣ именно докладывалъ, что въ таганрогскомъ полку не одетые коренные жители сами говорили ему лично, что какъ одеватся не приказываютъ, то мы и не одеваемся, а если-бы насъ принудили, то мы бы немедленно оделись, а какъ теперь я объявляю объ ономъ волю нашего государя императора, то я и надеюсь, что ваше превосходительство поедетѣ сами и при собраніи действующихъ ескадроновъ немедленно всехъ

---

[1]) Не разборчиво.

[2]) На полѣ: «не обмундированные же старики должны остаться въ прежнихъ ихъ кафтанахъ».

оденетѣ и обстрижетѣ и объ ономъ мнѣ донесетѣ чрезъ нарочнаго.

Съ истинной дружбою и почтеніемъ непременнымъ пребуду вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIII.

Штабъ-квартира поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка. 18 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Прежде полученія донесенія вашего отъ 28 августа писалъ я уже къ вашему превосходительству отъ 8 сентября о высочайшей и непременной волѣ, дабы упрямые военные поселянѣ таганрогскаго полка второго поселеннаго и резерфнаго баталіоновъ, жительствующіе въ селеніяхъ Великихъ и Малыхъ Крынкахъ, Катречкинѣ и Песочномъ были въ присудствіи вашемъ непременно все одеты въ военные мундиры, то и не остается мнѣ нынѣ более отвѣчать на выщеписанный вашего превосходительства рапортъ, какъ повторить туже высочайшую волю, не находя кажется нужнымъ объяснять вамъ и то, что вы все оное конечно исполнитѣ неиначѣ, какъ въ присудствіи своемъ, изготовя прежде всего по числу людей шитые мундиры, которые распорядитѣ въ означенные селеніи привести въ одинъ день, вто самое время, когда будетѣ находится сами при собранныхъ вами на смотръ дѣйствующихъ ескадроновъ. Для лутчаго же выполненія сей монаршей воли я сходно съ желаніемъ вашимъ отправилъ къ вамъ обратно съ господиномъ Мачульскимъ военнаго поселянина хозяина Михайлу Руденка. О исполненіи сего высочайшаго повеленія я буду ожидать вашего донесенія, присылкою съ онымъ нарочнаго отъ васъ въ округъ поселенія моего имени полка.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIV.

С.-Петербургъ, 27 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

На письмо ваше отъ 17 сентября присланное съ нарочнымъ я имѣю честь ответствовать, что естли вы приметѣ деятельные меры и постоянно будетѣ строго взыскивать съ упрямыхъ, отправляя оныхъ ко мнѣ въ поселеніе, то все пойдетъ своимъ порядкомъ, чему давно пора окончится. Я надеюсь, что отъ васъ послѣ сего получу донесеніе объ окончательномъ обмундированіи таганрогскаго полка поселенныхъ и резерфныхъ ескадроновъ. При семъ случае я не могу утерпеть, чтобъ не обратится опять къ упущеніямъ полковыхъ командировъ: беглой хозяинъ Панченко живетъ въ своемъ домѣ и объ ономъ не знаетъ полковое начальство,—право я долженъ буду сменить господина Степанова, естли онъ не будетъ деятеленъ; напротиву же того я беспрестанно получаю жалобы отъ военнаго министра, что господа полковые командиры делаютъ провіантскому комисаріату [1]) разные притесненія, зделайтѣ одолженіе прикажитѣ перестать оное делать и уверьтѣ господъ полковыхъ командировъ, что я продовольствія, ни овса, ни муки имъ не оддамъ, пора отвыкнуть отъ расчотовъ, или оставить службу, ибо святое место не будетъ пусто. Я не понимаю, почему вы ко мнѣ опять пишетѣ о соединеніи семействъ, я объ ономъ не думалъ, а естли я приказываю истреблять бобылей и помещать ихъ или въ инфалиды, или въ богадельню, или въ семейство къ роднымъ своимъ, то я оное и теперь тоже повторяю, и обо всемъ ономъ подробно истолковалъ господину Мачульскому, и сей распорядокъ я требую зделать только въ борисоглебскомъ полку, въ 1 поселенномъ и резерфномъ ескадронѣ, а более въ другихъ местахъ онаго еще не делать. Но предписываю вамъ ныне же оддать въ приказѣ, дабы послѣ окончанія работъ во всехъ полкахъ начать учить резерфные ескадроны по три дня въ неделю пешему строю, а 50 человекъ въ каждомъ ескадронѣ къ 1 маю будущаго года должны быть обучены и верховой езды непременно.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имею быть вашего превосходительства покорный слуга *Гр. Аракчеевъ.*

---

[1]) Не разборчиво.

XV.

Грузино, 22 октября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Получа ваше письмо отъ 1 октября съ поручикомъ Повалишинымъ 2-мъ, я отправляю находящихся здесь военныхъ поселянъ таганрогскаго уланскаго полка, окромѣ одного грубіана Барабаша, коего еще надобно здесь подержать и выучить; равномерно прошу и техъ двоихъ прислать сюда, которые во время отправленія сихъ возвращаемыхъ сокрылись, дабы показать имъ примеръ, что побегъ и укрывательство ихъ отъ назначеннаго наказанія не избавляетъ, естли онѣ не состоятъ подъ судомъ. Вы, милостивый государь, ясно изволитѣ видеть, что безъ драки и телеснаго наказанія все можно зделать, но надобно только твердость въ намереніяхъ и непеременчивость въ исполненіяхъ, дабы они видели, что командиръ, единожды определивъ какое дѣло, никогда отъ онаго не отступитъ; а посему самому и прошу вашего превосходительства исполнить все предписанное съ господиномъ Мачульскимъ и мнѣ доносить, препроводивъ сюда и техъ двоихъ, кои скрылись во время отправленія сюда протчихъ. Возвращаемыхъ къ вамъ военныхъ поселянъ стариковъ, одетыхъ въ инфалидные мундиры, зачислить въ полку инфалидами, и отнюдь не позволять иначѣ ходить, какъ въ формѣ, инфалидамъ присвоенной, подъ строгою ответственностью полкового командира. Ваше превосходительство равномерно видитѣ, что возвращаемые къ вамъ люди довольно выправлены и похожи на военныхъ поселянъ, почему я и должонъ требовать, чтобы и все люди въ округахъ военныхъ поселеній отъ оныхъ не отставали. Прошу ваше превосходительство предписать во все полки, дабы платье прежнее мужицкое было все перешито и дабы я по пріездѣ моемъ не нашелъ уже онаго, окромѣ необмундированныхъ стариковъ; прогоны выданы на три пары, полагая трехъ человекъ на парѣ, ибо спешить имъ не для чего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVI.

С.-Петербургъ, 17 марта 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Соглашаясь съ распоряженіями вашего превосходительства, здѣланными къ приготовленію въ городѣ Чугуевѣ квартиры для государя императора, я прошу васъ, милостивый государь мой, по приведеніи онаго къ окончанію, доставить ко мнѣ планъ сему дому и вмѣстѣ съ тѣмъ счетъ о суммѣ, какая издержится.

Отвѣтствуя симъ на письмо ко мнѣ ваше превосходительства отъ 30 минувшаго генваря, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVII.

12 мая 1819 г. Военное поселеніе.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Присланный вами ундеръ-офицеръ Набережной оказался совсемъ незнающимъ верховой ездѣ, и онъ совсемъ ленивый и дурной человекъ; видно, васъ господинъ полковой командиръ обманулъ, ибо я не полагаю, чтобы вы захотели мнѣ таково прислать человека изъ целой дивизіи; по его милости я недавно едва не убился до смерти, упавъ съ верховой лошади, что все вамъ раскажетъ господинъ полковникъ Саловъ [1]), который удивился, что вы такого человека ко мнѣ прислали; окончивъ сіе, я хочу еще просить зделать мнѣ ваше одоженіе купить мнѣ выезженную лошадь верховую, естли можно англизированную, а естли не можно, то хотя и съ хвостомъ; но только хорошо выезженную и смирную, собственно для моего собственнаго седла, не дорогую, и доставить ко мнѣ въ военное поселеніе сюда вновгородъ, деньги я съ благодарностью моею вамъ заплачу, и вы мнѣ онымъ зделаетѣ больное одолженіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Не разборчиво.

XVIII.

Округъ поселенія Гр. Аракчеева. 30 мая 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ обратно присланнаго вами ундеръ-офицера Аникіева, я зделалъ вамъ на ваше представленіе все должное разрешеніе, согласно желанію вашему,—въ сентябрѣ месяцѣ я располагаю у васъ быть, и мое пребываніе будетъ въ Чугуевѣ, гдѣ и прошу приказать мой домъ одделать, а равномерно приготовить квартеру хорошую и начальнику штаба, который также со мною будетъ съ вами знакомится. При семъ прилагаю вамъ повеленіе о покупкѣ еще 20 паръ воловъ, способныхъ работать въ плугахъ, по четырѣ вола въ плугу, и оныхъ воловъ немедленно отправить въ мой полкъ къ подполковнику Фрикену [1]), оныхъ воловъ отправить гономъ . . . . . . [2]) ибо мы не умеемъ здесь оныхъ зделать, и сними прислать 4 человекъ, знающихъ пахать плугомъ землю и управлять волами; естли не можно ранее, то прошу оныхъ воловъ доставить къ 1 сентябрю на место.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIX.

Г. Валдай, 10 іюля 1819 г.

Генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Бывъ уволенъ въ отпускъ, на дорогѣ моего следованія получилъ я донесеніе ваше съ адьютантомъ Бакомъ [1]) отъ 3 іюля о непріятномъ сумасбродствѣ и беспорядкѣ въ чугуевскомъ уланскомъ полку. Оно непріятно должно быть государю императору, потому что въ семъ полку менее протчихъ должно было ожидать таковаго происшествія, по давнему въ немъ устройству военнаго поселенія. Не желая ни мало удерживать присланнаго отъ васъ адьютанта, я возвращаю его къ вамъ обратно; надеюсь, что благоразуміе ваше и опытность ваша въ службѣ

[1]) Не разборчиво.

[2]) Слово не разобрано.

[1]) Не разборчиво.

покажутъ вамъ на местѣ способъ, какими лутчими средствами сей беспорядокъ прекратить, наблюдая необходимо въ таковыхъ случаяхъ твердость характера въ вашихъ предпріятіяхъ, дабы неповинующіися могли оное ясно видеть и темъ самымъ бы убедились въ своемъ заблужденіи. Въ заключеніе сего я не излишнимъ считаю поставить вамъ на видъ и мое одно замечаніе, что преждѣ всего должно прекратить безпорядокъ и водворить спокойствіе, а потомъ приступить уже къ открытію зачинщиковъ, ибо отыскивая сихъ послѣднихъ во время сего беспорядка, могутъ быть въ беспрестанномъ опасеніи и боязни все protчіе жители чугуевскаго полка. Естли ваше превосходительство не отправили еще ка мнѣ донесенія вашего о последствіи сего произшествія, то предписываю отправить оное по эштафетѣ, и продолжать оные чрезъ каждые три дни эштафетами же, адресуя пакеты въ собственные руки въ С.-Петербургъ, а съ окончательнымъ донесеніемъ прислать нарочнаго съ офицеромъ чугуевскаго полка.

Гр. Аракчеевъ.

XX.

С.-Петербургъ, 23 іюля 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 13 іюля съ корнетомъ Павскимъ я получилъ и имелъ счастіе продставить оное въ оригиналѣ государю императору. Его величество приказалъ мнѣ отписать къ вашему превосходительству, что онъ ни мало не сумневается въ вашемъ усердіи къ службѣ и что сей беспорядокъ, случившейся въ городѣ Чугуевѣ, ни мало не касается до какого либо неудовольствія на васъ, ваше же дѣло будетъ усмирить, наказать примерно зачинщиковъ и виновныхъ и найтить наконецъ притчину, отчего сіе первоначально последовало и кто были учители въ семъ дѣлѣ, ибо такое глупое упрямство не можетъ быть безъ участія посторонныхъ въ семъ дѣлѣ. Но государь императоръ, читая ваше письмо, очень видитъ ваше беспокойство въ ономъ дѣлѣ, а потому и угодно ему, дабы вы, милостивый государь, не принимали такъ горестно сего дела, ибо въ светѣ семъ могутъ быть всегда разные слухи, коихъ не можно предупредить, но предвидеть сей беспорядокъ

кажется полковому командиру можно бы было, а предвидя оное, можно бы прежде советоватся съ вашимъ превосходительствомъ, чемъ наряжать людей на работу готовыхъ къ непослушанію, отчего и произошло все беспокойство. Государь повелеваетъ зачинщиковъ по всей строгости законовъ наказать для примеру другимъ, и кажется теперь имея ваше превосходительство такой знатной корпусъ пехоты, кавалеріи и артиллеріи, не можете ничего опасатся, а должно пехоту и артиллерію расположить въ одномъ чугуевскомъ округе, дабы оне почувствовали, какъ имъ невыгодно делать глупости. Я отправляюсь 2 августа къ вамъ въ Харьковъ, и по прибытіи моемъ будемъ старатся окончить сіе дело добрымъ порядкомъ, но со строгостью примерною, безъ чего никакъ обойтись нельзя, и что государь императоръ позволяетъ. Но я уверенъ, что вы, съ Божіей помощію, и до моего пріезда сіе дело окончите, ибо кажется самые глупые уже у васъ забраны, изъ коихъ зачинщиковъ и грубіяновъ прикажите судить военнымъ судомъ. Естли что нужно вамъ ка мне написать, то можете прислать на встречу нарочнаго, а дорога моя будетъ обыкновенная, то есть черезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ и Белгородъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXI.

С. Грузино, 11 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ съ симъ фельдъ-егеремъ повеленіе объ отправленіи въ Оренбургъ и къ графу Витту людей; прошу и надеюсь на васъ, что все оное будетъ выполнено хорошо, тихо и смирно, и о всякомъ отправленіи уведомлять меня по почте въ тотъ же день; а съ симъ фельдъ-егеремъ прислать государю рапортъ за первую половину сентября.

Позвольте приономъ случае благодарить васъ, милостивый государь, за ваше дружеское угощеніе и верить, что я съ истиннымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXII.

Грузино, 12 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Наказанныхъ въ Чугуевѣ и бывшихъ при отъездѣ моемъ въ гошпиталѣ, всехъ, по совершенномъ выздоровленіи, отправить на почтовыхъ въ Оренбургъ къ генералу Ессену и донести мнѣ о именахъ ихъ, дабы я вто время могъ объявить генералу Ессену высочайшее объ нихъ повеленіе, съ означеніемъ, кто именно вами будутъ отправлены.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXIII.

С.-Петербургъ, 27 генваря 1820 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Мнѣ весьма больно раставатся съ вашимъ превосходительствомъ, но какъ на увольненіе ваше отъ службы было собственное ваше желаніе, то я оное и долженъ былъ исполнить, и ваше превосходительство сего генваря 24 числа [1]) уволены отъ службы съ полнымъ пансіономъ и сверхъ того государь императоръ жалуетъ вамъ благоволительный рескриптъ и единовременно 10,000 руб., что вы и изволитѣ отъ меня получить, съ одданіемъ должной моей вамъ, милостивый государь, благодарности.

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Въ формулярномъ спискѣ Гр. И. Лисаневича, видѣнномъ нами у П. И. Хорвата, днемъ отставки показано 1 января.— В. Я.

ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА

Императрицѣ Екатеринѣ II 1781 года [1].

(О согласованіи нѣкоторыхъ особенностей внутренняго строя Малороссіи съ порядками новаго намѣстническаго правленія).

Ея Императорскому Величеству

всеподданнѣйшій докладъ.

1-е.

Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какимъ образомъ Малая Россія управляема была, кромѣ, что за польскаго владѣнія присвоенъ ей законъ, называемый Статутомъ, и что, по соединеніи ея съ Россіею, оной ей былъ подтвержденъ. Но въ разсужденіи учрежденія судовъ не слѣдовано точности сего закона, а всякаго рода и состоянія люди, безъ различія степеней, имѣя совмѣстныя грунта и владѣнія, по обращенію военному, судились образомъ военнымъ и смѣшаннымъ, въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ и ратушахъ, войсковомъ генеральномъ судѣ и войсковой генеральной канцеляріи, до высочайшаго отъ вашего императорскаго величества учрежденія въ 1763 годѣ зем-

[1]) Печатается съ копіи, заимствованной изъ архива князя Н. В. Репнина и написанной на синей бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1807 года.—Настоящій документъ во многомъ дополняетъ тѣ свѣдѣнія объ особенностяхъ исторически сложившагося внутренняго строя Малороссіи, которыя въ большемъ числѣ проскользнули въ прошеніи малороссійской шляхты, поданномъ гетманомъ Разумовскимъ императрицѣ Екатеринѣ II въ началѣ ея царствованія и имѣвшемъ

скихъ, подкоморскихъ и гродскихъ судовъ. Съ сего времени, хотя производство и теченіе дѣлъ возъимѣло лучшій порядокъ, но выборъ и опредѣленіе въ земскіе чины не могъ соотвѣтствовать статутовому праву, по содержанію коего должны выбираеми быть въ тѣ чины шляхетство, ни какими должностями необязанные. А въ Малой Россіи, по давнимъ обыкновеніямъ, всѣ безъ изъятія находятся въ воинскихъ чинахъ и должностяхъ; слѣдовательно изъ тѣхъ-же служащихъ по способностамъ всегда выбирались и опредѣлялись въ чины земскіе. Въ семъ выборѣ и опредѣленіи хотя не было въ обыкновеніи участвовать козакамъ, но всегда они употреблялись въ иныя земскія дѣла, особливо при возныхъ, по статуту на нихъ возложенныя, въ мѣсто шляхты. Судились-же они козаки и судятся, по высочайшему вашего императорскаго величества 1768 года декабря 20-го указу, въ малороссійскую коллегію состоявшемусь, во всѣхъ земскихъ дѣлахъ однимъ съ шляхетствомъ правомъ книги Статута и въ однихъ судахъ; поелику, по содержанію онаго, нѣтъ разныхъ судовъ по разности состояній. И ду-

---

своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе гетманскаго достоинства и подчиненіе Малороссіи военному режиму Румянцева (См. Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 316—245). Въ виду скудости свѣдѣній этого рода, Румянцевскій докладъ пріобрѣтаетъ особое значеніе для мѣстной исторіи. Считаемъ излишнимъ касаться частностей его содержанія, но не можемъ не отмѣтить одной его особенности. Всесильный правитель Малороссіи, управлявшій ею около 20 лѣтъ и нивеллировавшій ее по всѣмъ направленіямъ (довольно вспомнить его Опись, составлявшуюся лѣтъ пять), начинаетъ настоящій свой докладъ словами: «Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какимъ образомъ Малая Россія управляема была». Тогда-ли мало было этихъ слѣдовъ? Но екатерининскихъ вельможъ въ ихъ смѣлыхъ и широкихъ затѣяхъ всего менѣе озабочивала исторія ввѣряемыхъ ихъ попеченію областей. Довольно вспомнить грандіозные проэкты Потемкина о заселенія новороссійскаго края, уничтоженіи Запорожья, введенія штатовъ для малороссійскаго духовенства и пр. Переписка того-же Румянцева объ украинскомъ возстаніи 1768 г., помѣщенная въ нашемъ изданіи за первые два года, до очевидности удостовѣрила, что не только онъ, но и все правительство Екатерины II о судьбѣ другой части южно-русскаго народа, стонавшей еще въ польскомъ ярмѣ, знали не болѣе того, что этотъ народъ имѣетъ «простую ревность о своемъ благочестіи» и, «по своему единовѣрію, въ пограничныхъ замѣшательствахъ можетъ быть полезенъ нашей сторонѣ». Неудивительно поэтому, что и настоящій докладъ Румянцева въ главныхъ своихъ пунктахъ направленъ къ отмѣнѣ послѣднихъ особенностей вѣковаго общественнаго строя въ управляемомъ имъ краѣ.—Ред.

ховные, монашествующіе и свѣтскіе, имѣющіе свои владѣнія, имѣли право быть при выборахъ въ земскіе чины. А за учрежденіемъ здѣсь намѣстничествъ выбирать-ли по прежнему обыкновенію изъ дѣйствительно служащихъ и по крайней мѣрѣ изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей въ земскіе чины? — потому, что здѣсь отставныхъ отъ службы или весьма мало, или почти ихъ не бывало и нѣтъ. И имѣть-ли право духовнымъ и козакамъ быть въ собраніяхъ, по случаю выборовъ въ земскіе должности и при иныхъ земскихъ распоряженіяхъ? или предоставить то шляхетству и особливо заслужившимъ офицерскія достоинства?

2-е.

Выше въ 1-мъ пунктѣ донесено, что козаки судились и нынѣ, по высочайшему вашего императорскаго величества указу, судятся въ земскихъ дѣлахъ въ однихъ судахъ и однимъ правомъ съ шляхетствомъ и имѣютъ съ онымъ грунта, большою частію совмѣстныя, и потому, что многіе изъ козачихъ дѣтей, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ; слѣдовательно, въ сходство помянутаго высочайшаго указа и статутоваго права, за учрежденіемъ здѣсь намѣстниковъ, подлежатъ и козаки въ уѣздные суды. Естьли-жъ имъ судиться въ нижнихъ расправахъ: то, кромѣ выше донесеннаго обстоятельства, что грунта казачіе то-же, что и шляхетскіе, мало останется такихъ, коимъ судимымъ быть въ уѣздныхъ судахъ. Что-жъ лежитъ до нижнихъ расправъ: то въ разсужденіи, что монастырскія владѣнія остаются и по нынѣ въ безпосредственномъ своихъ властей управленіи, ранговые-жъ владѣнія тѣхъ чиновъ, коимъ, по ихъ рангамъ, принадлежатъ, а за тѣмъ коронныхъ, называемыхъ здѣсь свободными войсковыми, за выключеніемъ въ уѣздныхъ городахъ мѣщанъ, числившихся между оными, такъ малое количество остается, что по учрежденіямъ, гдѣ установлено нижней расправѣ быть отъ десяти до тритцати тысячъ душъ, и на учрежденіе одной въ каждомъ намѣстничествѣ таковой расправы будетъ ихъ недостаточно.

3-е.

Въ теченіе прошедшихъ лѣтъ, по разнымъ случаямъ, были запрещенія козакамъ, то частями, то вовся продавать и у нихъ покупать

ихъ имѣнія. А выше во 2-мъ пунктѣ объяснено, что они происходятъ изъ чина въ чинъ до вышнихъ здѣсь степеней, да и въ разсужденіи ихъ по хозяйству домоваго и по самой службѣ положенія, запрещеніе въ томъ ни въ какую имъ пользу служить не можетъ, потому что многіе одинокіе козаки, имѣвъ достаточные грунта и не могучи ихъ, по одиночеству, обработывать, принуждены оставлять безполезными; а семянистые, но въ грунтахъ недостаточные, пріобрѣвъ оныя, могутъ ихъ обращать и для службы и для своей пользы. Право собственности козаковъ весьма утверждаетъ послѣдній вашего императорскаго величества вышепомянутый высочайшій указъ, 1768 года декабря 20-го дня состоявшійся, коимъ повелѣно: козакамъ судится во всѣхъ ихъ земскихъ дѣлахъ Статутомъ; а по содержанію онаго свободно имъ распоряжать своимъ имѣніемъ по ихъ волѣ. *Другое* обстоятельство не меньше есть важно, въ разсужденіи своевольнаго здѣшнихъ крестьянъ и въ конецъ ихъ разоряющаго съ мѣста на мѣсто перехода и искательства козачества; къ чему они, по одному малому отъ владѣльца настоянію, или мнимымъ для себя невыгодамъ, легко и безъ всякаго размышленія обращаются и подъ предлогомъ исканія козачества дѣлаютъ себя и отъ владѣльцовъ своихъ и отъ всякихъ по казачьему званію повинностей совершенно независящими бродягами, о чемъ отъ меня въ представленныхъ мнѣніяхъ обстоятельно описано. *Третіе:* что земли здѣсь не межеваны и многія потому владѣнія не только по куплямъ, замѣнамъ и инымъ законнымъ здѣлкамъ, но и по грамотамъ, въ разсужденіи разныхъ, по временамъ и обстоятельствамъ, опредѣленій, подвергаются толкамъ, которые причинствуютъ множайшимъ непріятнымъ произшествіямъ, даже и смертноубійствамъ, обременяющимъ здѣшнія суда паче иныхъ всѣхъ дѣлъ. Всѣ вышеописанныя, соединенныя одно съ другимъ, обстоятельства дѣлаютъ здѣшнія владѣнія и не надежными и безполезными. Ваше императорское величество при настоящихъ благоустроеніяхъ изволите оказать всему здѣшнему краю величайшее благодѣяніе утвержденіемъ козакамъ права ихъ собственности, разрѣшающимъ козачьи скупли, утвержденіемъ здѣшнихъ крестьянъ, на основаніи статутоваго права, и отставленіемъ вовся исковъ козачества, для содѣланія и тѣхъ и другихъ государству и обществу полезнѣйшими, наконецъ утвержденіемъ такъ-же и оставленіемъ всѣхъ и каж-

даго владѣній, по примѣру иныхъ губерній, жалованныхъ, купленныхъ и иными употребительными здѣсь образы пріобрѣтенныхъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, съ тѣмъ подтвержденіемъ, что-бъ до будущаго здѣсь генеральнаго размежеванія никто далѣе своихъ предѣловъ, кромѣ законами позволенныхъ пріобрѣтеній, владѣній не распространяли.

4-е.

Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ магистратовъ имѣютъ польскія королевскія привиллегіи и высочайшіе грамоты, утверждающія имъ право нѣмецкаго города *Магдебурга*, съ надачею на всякія градскія потребности и на украшенія города деревень. Таковымъ магистратамъ, за учрежденіемъ намѣстничествъ, на какомъ быть основаніи? И естьли они обращены будутъ, сходственно высочайшимъ учрежденіямъ: то помянутые деревни и ихъ разныхъ статей доходы кому вѣдать? и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

5-е.

Положеніе здѣшнихъ городовъ таково, что жительствующія въ нихъ обыватели, то по пожалованіямъ, то по куплямъ, одни совсѣмъ, а иные частію вошли въ приватное владѣніе. Должны-ли они пользоваться преимуществами гражданскими и принадлежать къ обществу мѣщанъ?

6-е.

Обитающихъ въ Малой Россіи раскольниковъ, изъ коихъ, по высочайшей вашего императорскаго величества конфирмаціи, записаны въ купечество и мѣщанство, нѣкоторыя слободы, по ихъ положенію, не инако почесться могутъ, какъ городами. Но я не призналъ ихъ назначить уѣздными, по ихъ разно—и суевѣрію и по неимѣнію господствующей вѣры церквей; а мню имъ быть посадами, и для удержанія въ нихъ порядка и ограниченія въ предѣлахъ, въ разсужденіи ихъ разномыслій, учредить въ тѣхъ слободахъ особливыхъ городничихъ и ратуши, на основаніи высочайшихъ учрежденій.

7-е.

Въ городѣ Нѣжинѣ имѣется учрежденный словесный судъ для купечества, въ которой опредѣляются выборные изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ купцовъ погодно. И какъ къ опредѣленію въ

ономъ никого изъ торгующаго здѣсь купечества нѣтъ желающихъ: то большею частію берутся они по городамъ на ярмонкахъ, насильно. А въ разсужденіи, что въ каждомъ городѣ учреждены будутъ магистраты и словесные суды имъ подчинены быть должны, въ семъ одномъ Нѣжинѣ въ особливомъ для великороссійскаго купечества словесномъ судѣ нужды уже не видится.

8-е.

Изъ состоящихъ въ Малой Россіи девяти казачьихъ полковъ, коихъ сотни, по положенію ихъ селеній, теперь, по новому учрежденію, подходятъ подъ розные губерніи и уѣзды, для лучшаго ихъ на первой случай урегулированія и отъ земскаго правленія, по ихъ воинскому званію и самой службѣ, отдѣленія, и поелику нынѣ и количество ихъ, какъ по полкамъ, такъ и по сотнямъ, есть не ровное,—не соблаговолите-ли, ваше императорское величество, указать учредить десять полковъ изъ настоящихъ выборныхъ козаковъ, съ уравненіемъ по эскадронамъ или ротамъ, не взирая, что они не въ одномъ намѣстничествѣ, по ихъ земскому управленію, находиться будутъ, и дать ихъ старшинамъ въ уравненіе съ регулярными войсками чины и степени, дабы симъ предъуготовленіемъ можно постановить сіе войско на такой ногѣ, чтобы оно и для службы вашего императорскаго величества способнѣе быть, и свою пользу отъ оной взаимствовать могло.

9-е.

Настоящее здѣшнее положеніе таково: что какъ при войскѣ малороссійскомъ находящіеся генеральные и полковые старшины и сотники, такъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ опредѣленные чины, въ сходство законовъ, суть непремѣнные, до повышенія или отставки; и одни по опредѣленіямъ имѣютъ на рангъ деревни и жалованье, а другіе такъ, какъ и тѣ, кои по выборамъ у дѣлъ находятся, правные свои доходы. А какъ одни изъ генеральныхъ старшинъ, при опредѣленіи къ присутствію въ малороссійскую коллегію, будучи уравнены чинами, дошли и генералитетскихъ степеней, а другіе остались по нынѣ при своихъ земскихъ, и кромѣ сихъ, у статскихъ дѣлъ находящихся, военные, такъ и нѣкоторые полковники малороссійскіе воинской службы несть уже не въ состояніи: то не соблаговолите-ли, ваше император-

ское величество, при учрежденіи намѣстничествъ, опредѣлить ихъ по подносимому списку къ мѣстамъ, по ихъ чинамъ и степенямъ, съ уравненіемъ и послѣднихъ примѣрно первымъ. А кои изъ земскихъ чиновъ, за распредѣленіемъ въ разныя должности и за выборами, въ недостаткѣ мѣстъ, останутся не у дѣлъ, должности-жъ свои исправляли съ надлежащимъ раченіемъ, и къ симъ, дабы они безъ пропитанія оставаться не могли, явить всемилостивѣйшее призрѣніе.

10-е.

При малороссійской коллегіи находятся: докторъ Паульсонъ, штабъ-лѣкаръ Риттеръ и лекарь Даниловскій, такъ-же аптека въ Глуховѣ на содержаніи малороссійскаго скарба. Первый, при учрежденіи оной коллегіи и опредѣленіи къ ней, по высочайшему имянному вашего императорскаго величества указу, за долговременную его службу и въ бывшемъ прусскомъ походѣ здоровье его изнурившую, пожалованный въ надворные совѣтники, и о награжденіи коего повышеніемъ чина, въ разсужденіи понесенныхъ имъ и за тѣмъ въ службѣ многихъ трудовъ и по моему признанію, неоднократно отъ меня въ правительствующій сенатъ представливано. А другой, такъ какъ и находящійся въ Нѣжинѣ штабъ-лѣкарь Саньковскій, по признанію государственной медицинской коллегіи, за таковые въ походахъ службы и понесенные труды, къ мѣстамъ опредѣленные,—получаютъ жалованье не по городовому окладу, но по введенному за гетмановъ обыкновенію, а Саньковскій, примѣрно служащимъ въ войскѣ, въ мѣсто пансіона; и съ нихъ штабъ-лѣкарь Риттеръ, нахоящійся въ службѣ съ 1726 года, бывшій въ четырехъ походахъ и который, за несостояніемъ его служить болѣе, по семидесятивосьми-лѣтней старости, соединенной съ слабостію и изнеможеніемъ, проситъ о увольненіи его изъ службы въ рижскую губернію, и объ опредѣленіи, въ награжденіе за долговременную и долго-трудную его службу, въ пенсіонъ получаемаго имъ нынѣ пяти сотъ рублей жалованья. Не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству, при настоящихъ въ семъ краѣ благоустроеніяхъ, оказать и симъ высочайшую милость, увольнивъ штабъ-лѣкаря Риттера изъ службы съ просимымъ имъ пансіономъ по смерть его и оставя доктора Паульсона съ повышеніемъ чина, штабъ-лекаря Саньковскаго и лекаря Даниловскаго въ тѣхъ-же городахъ на прежнемъ основаніи такъ-же по конецъ ихъ жизни, съ тѣмъ, что они, по неудобности къ отысканію желающихъ медицинскихъ чиновъ для наполненія здѣшнихъ

всѣхъ городовъ, какъ извѣстно то по инымъ губерніямъ, должны будутъ служить пользованіемъ и для иныхъ городовъ, получая настоящее свое полное жалованье изъ той суммы, которая по учрежденіямъ на медицинскихъ чиновъ опредѣлена и за не наполненіемъ ими городовъ будетъ числиться остаточною. А о глуховской аптекѣ что повелѣно будетъ?

11-е.

Въ Малой Россіи есть генеральная артиллерія съ принадлежащими ей полковыми,—изъ коей въ минувшую турецкую войну, по разборѣ, часть отправлена въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ остается, а сверхъ того снабдѣны оною многіе полевые полки. Оставшуюсь-же на лицо не благоволите-ли, ваше императорское величество, указать распредѣлить по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ? а состоящіе въ вѣдѣніи сей генеральной артиллеріи и полковыхъ деревни, съ ихъ экономіею и разныхъ статей доходами, кому вѣдать и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

12-е.

По высочайше конфирмованному отъ вашего императорскаго величества плану состроенъ въ городѣ Глуховѣ казеннымъ иждивеніемъ пространный каменный домъ для обитанія генералъ-губернатора, такъ для помѣщенія находящихся въ Глуховѣ правительствъ и принадлежащихъ къ тамошней округѣ земскихъ урядовъ. При составленіи-жъ здѣсь трехъ намѣстничествъ сей городъ назначенъ въ число уѣздныхъ. А какъ въ Малой Россіи никакихъ училищъ для наученія юношества въ воинскихъ и гражданскихъ знаніяхъ, кромѣ духовенству приличныхъ, нѣтъ, а потому здѣшнее шляхетство, желающее дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, посылаютъ ихъ въ иностранныя училища, а нѣкоторые принуждены брать пріѣзжихъ иностранныхъ, одно только названіе учителей носящихъ, съ потеряніемъ иждивенія всуе и безъ всякой пользы: то неблагоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству явить для сего края величайшее въ безсмертную память благодѣяніе, указавъ тотъ казенный глуховскій домъ, по его пространству и способности, обратить на училище, подъ титломъ коллегіи? А дабы незабвенно на само-позднѣйшія времена оставалась въ потомствѣ за таковое вашего императорскаго величества промышленіе о пользѣ и благѣ здѣшняго народа благодарность, удостоить почтить оную высочайшимъ вашего императорскаго величества именемъ; и въ которой-бы юношеству всѣхъ трехъ здѣшнихъ намѣстничествъ разныя по способностямъ науки пре-

подаваемы были, и часть точно по чину воинскихъ академій. А для содержанія сей коллегіи, оной учителей и учениковъ, кои отъ своихъ домовъ, по бѣдности, снабдѣны быть не могутъ, кромѣ положенной въ высочайшихъ учрежденіяхъ главы XXV статьи 378-й на подобныя установленія суммы, опредѣлить извѣстную изъ артиллерійскихъ доходовъ по высочайшему благоусмотрѣнію.

13-е.

При малороссійской коллегіи находится фузилерная рота, изъ двухъ таковыхъ, за бывшихъ гетмановъ, опредѣленныхъ послѣ учрежденія оной коллегіи, формированная съ нѣкоторою противъ прежнихъ въ содержаніи и жалованьи убавкою, и компанѣйская конная команда въ числѣ 24-хъ рядовыхъ съ ихъ старшинами, изъ бывшей за гетмановъ надворной хоругвы, за отправленіемъ прочихъ къ пополненію въ легкоконные полки, для случающихся употребленій оставленная. А какъ содержаніе оныхъ нѣсколько превосходитъ опредѣленное по штату, при высочайшихъ учрежденіяхъ приложенному: то не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству оныя роту и команду до отставки, или куда индѣ помѣщенія въ нихъ служащихъ, указать оставить на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы впредь убылыя мѣста въ нихъ наполняемы уже были въ разсужденіи сходственно приложенному при учрежденіяхъ штату.

14-е.

Въ Малой Россіи есть колонія, заведенная изъ иностранцовъ, которые съ начала ея заведенія, по неразумѣнію здѣшняго языка, никогда отъ здѣшнихъ земскихъ правительствъ не зависѣли, а для случающихся у нихъ расправъ выбирались самими ими изъ межъ себя выборные; для лучшаго ихъ управленія и утвержденія у нихъ полиціи опредѣляемы были туда коммиссары, съ жалованьемъ,—гдѣ нынѣ находится отставный маіоръ Грибелингъ. При настоящемъ учрежденіи намѣстничествъ быть-ли симъ колонистамъ вѣдомымъ судомъ и расправою, въ числѣ иныхъ обывателей, нижней расправѣ? или, по взаимному языковъ незнанію, оставаться имъ на прежнемъ основаніи подъ управленіемъ коммиссара въ безпосредственномъ вѣдѣніи экономіи директора.

15-е.

Изъ таможенъ, въ Малой Россіи находящихся, входятъ въ губерніи: *кіевскую* васильковская, съ ея заставами: межигорскою, переяславскою, секиринскою и стайковскою, и сорокошицкая, а вѣдѣнія сей по-

слѣдней застава каменская одна, въ *черниговскую*. А какъ отъ 16-го числа минувшаго февраля, при всенижайшемъ моемъ представленіи вашему императорскому величеству объясненія васильковской таможни о примѣченномъ съ 1770 года въ зборахъ умаленіи донесено, колико смотръ таможнямъ, по предположенію вашего императорскаго величества, необходимо потребный, долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможни и пошлинной сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобности къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ учреждаемы, и въ нихъ служители, не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть, многіе изъ настоящихъ таможень не въ сходственномъ находятся положеніи; то я за тѣмъ и за здѣланнымъ уже отъ статскаго совѣтника Даля таможнимъ осмотромъ, и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества рѣшенія.

16-е.

Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты: одна для пересылки всякаго рода писемъ въ Малороссіи и коммуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 г. мною учрежденная; другая для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ, по введенному за бывшихъ гетмановъ обыкновенію, держится отъ малороссійскаго скарба, по главному московскому тракту, отъ Глухова до Кіева въ 14-ти станціяхъ, на каждой по 12-ти лошадей, на глуховскій-же по 17, а на батуринскій по 15, по контрактамъ съ рядчиками; но издревле при станціяхъ никогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромѣ для почтарей избъ. А какъ въ новоучрежденныхъ губерніяхъ, при иныхъ благоустроеніяхъ, здѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые домы, съ опредѣленнымъ отъ обывателей или инаковымъ образомъ содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ намѣстничествъ по положенію оныхъ, все то устроено быть должно: то и о семъ буду ожидать высочайшаго повелѣнія, тѣмъ паче, что всякіе новые сборы и наряды пресѣчены.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ,

Графъ *Петръ Румянцовъ-Задунайскій.*

23 числа августа 1781 года
Черешеньки.

Сообщ. **А. Ѳ. Кистяковскій.**

Библіографія.

Французскій этюдъ о Мазепѣ.

Графъ Евг. Мельхіоръ де-Вогюе, своей статьей о Л. Толстомъ заставившій недавно говорить о себѣ русскую печать, издалъ книгу очерковъ изъ русской исторіи («Le fils de Pierre le grand.—Mazeppa.—Un Changement de regne».—Paris, 1884). Включенный въ нее этюдъ о Мазепѣ появился раньше въ «Revue des deux mondes». Популярность этого журнала и общая распространенность французскихъ книгъ обращають вниманіе на эту небольшую работу.

Автору знакомы близко труды русскихъ ученыхъ. Во вступленіи къ очерку онъ ссылается на историковъ Малороссіи: Костомарова, Соловьева и Бантышъ-Каменскаго. Имена эти названы не всуе. Въ своей исторической части очеркъ гр. Вогюе является, собственно говоря, миніатюрнымъ осколкомъ монографіи Н. И. Костомарова. Въ этомъ случаѣ авторъ послѣдовалъ примѣру Мериме, давшаго въ книгѣ «Les Cosaques d'autrefois» сокращенное изложеніе «Богдана Хмельницкаго». Мериме въ своей компиляціи не обошелся безъ оригинальныхъ «добавленій». Онъ замѣчалъ, напримѣръ, что Хмельницкому для европейской славы не доставало только «менѣе труднаго къ произношенію имени» (un nom moins difficile a prononcer). Отъ подобныхъ словечекъ французскаго журнализма не свободенъ и очеркъ гр. Вогюе.

Сообразно своей задачѣ—разсмотрѣть «легенду и исторію» Мазепы, авторъ и дѣлитъ разсказъ: онъ говоритъ сперва о Мазепѣ легендарномъ, Мазепѣ поэтовъ, потомъ, переходя къ историческому лицу, въ нѣсколькихъ чертахъ рисуетъ исторію края, гдѣ ему пришлось жить и дѣйствовать, даетъ очеркъ личности гетмана, разсказываетъ его романъ

съ Матреной Кочубей, переходъ на сторону Карла, полтавскую битву и бѣгство.

Еслибъ въ началѣ нашего вѣка, говоритъ гр. Вогюе, спросили объ этомъ имени въ собраніи сорока французскихъ академиковъ, то весьма вѣроятно поставили-бы «безсмертныхъ» въ большое затрудненіе. Популярность дала ему поэма Байрона. Однажды поэту попалась на глаза страница Вольтера. Нѣсколько бѣглыхъ строкъ о Мазепѣ въ стихахъ англійскаго генія облеклись въ образы и краски. Въ поэмѣ не было исторической правды, но была правда душевной жизни и мощь пламеннаго воображенія. Современное поколѣніе французскихъ читателей, замѣчаетъ авторъ, не знаетъ Байрона. Знаютъ-ли его читатели русскіе? Напрасно стали-бы они судить, напримѣръ, о байроновскомъ «Мазепѣ» по виршамъ г. Михаловскаго. Большая часть русскихъ переводовъ европейскихъ классиковъ заставляетъ людей незнакомыхъ съ подлинниками недоумѣвать, отчего этихъ писателей считаютъ великими.

Мазепа Виктора Гюго—не болѣе какъ маріонетка, посаженная на пресловутую дикую лошадь. Вся поэма изображаетъ изъ себя географическій кошмаръ. Неукротимый конь, уносящій въ степь Мазепу, «вскормленъ морскими травами» (nourri d'herbes marines). Онъ несется по «движущимся пескамъ» и, какъ въ хаосѣ, мелькаютъ передъ всадникомъ «города съ башнями и длинныя цѣпи мрачныхъ горъ» (villes et tours, monts noirs, liés en longues chaines).. Излюбленному французскому поэту, какъ вообще его соотечественникамъ, не мѣшаетъ помнить слова Вольтера: «Изъ всѣхъ наукъ географія нуждается всего болѣе въ обработкѣ. А до сихъ поръ въ людяхъ замѣтно болѣе склонности опустошать землю, чѣмъ изслѣдовать» [1]).

Послѣднимъ является Мазепа Пушкина. Гр. Вогюе подробно пересказываетъ содержаніе «Полтавы» и прекрасно передаетъ прозой выдержки изъ нея.

Историческій Мазепа, по мнѣнію автора, интересенъ не менѣе, чѣмъ Мазепа легендарный. Но изображеніе этого сложнаго характера, скажемъ мы, прочитавши очеркъ гр. Вогюе, очевидно труднѣе. Писатель останавливается преимущественно на анекдотической сторонѣ жизни Мазепы и для уразумѣнія его личности даетъ слишкомъ мало. Для этого надо-бы нарисовать картину того времени, переполненнаго въ южномъ краѣ внутренней борьбой. Но авторъ знаетъ своихъ читателей: «они не послѣдовали-бы за мной, еслибъ я на этомъ остановился», говоритъ онъ прямо. Поэтому онъ едва затрогиваетъ политику двадцатилѣтняго

---

[1]) «Histoire de l'empire de Russie». Tome I.

періода гетманства Мазепы, для характеристики которой трудъ Н. И. Костомарова давалъ такой богатый, готовый матеріалъ. Два другіе историческіе очерка гр. Вогюе обработаны въ этомъ отношеніи гораздо больше. Въ «Сынѣ Петра Великаго» онъ группируетъ донесенія резидентовъ и искусно пользуется такимъ источникомъ, какъ «Сборникъ историческаго общества». Въ исторіи воцаренія Павла Петровича онъ черпаетъ изъ современныхъ мемуаровъ и «Архива князя Воронцова». Тамъ меньше легенды, но больше исторіи. Владѣя искусствомъ легкаго и образнаго разсказа, авторъ даетъ увлекательные въ чтеніи очерки.

Въ общихъ чертахъ характеристика дѣятельности и личности Мазепы сходна у гр. Вогюе съ наблюденіями русскихъ историковъ. Подобно имъ, онъ признаетъ эгоизмъ господствующей чертой его натуры, въ его политикѣ видитъ стремленіе къ созданію «Новой Польши», въ его образѣ дѣйствій—постоянное вѣроломство. Онъ не щадитъ словъ для порицанія этого человѣка, но, помня, что онъ изслѣдователь отдаленной старины, а не взволнованный событіями современникъ, не закрываетъ глазъ и на характеръ самой эпохи. «О глухое и ужасное время, восклицаетъ онъ. Слава Петра не должна намъ мѣшать его видѣть! Когда знакомишься съ подробностями той жизни, когда вдыхаешь этотъ отравленный насиліемъ и низостью воздухъ, спрашиваешь себя, былъ-ли человѣкъ когда нибудь болѣе свирѣпымъ и отвратительнымъ, чѣмъ въ этомъ обществѣ инквизиторовъ и шпіоновъ. Венеція въ сравненіи съ Москвой XVII вѣка кажется довѣрчивой. Чтобы встрѣтить подобные нравы, надо вернуться къ Риму временъ Сеяна».

Какъ писанный по русскимъ источникамъ, трудъ гр. Вогюе не имѣетъ конечно для насъ самостоятельнаго значенія. Не можетъ онъ также идти въ сравненіи съ такими попытками ознакомленія съ природой и исторіей юга Россіи, какъ труды Элизе Реклю и Рамбо. Но значителенъ самый фактъ внесенія въ популярную французскую литературу непосредственнаго знакомства съ русскими учеными источниками. Такой пріемъ, утвердившись въ европейскихъ литературахъ, можетъ дать благіе результаты.

Пользуясь случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ западныхъ литературъ, какъ источникахъ южно-русской исторіи. Кажется въ этомъ отношеніи исчерпано не все. Капитальныя сочиненія, какъ Бопланъ, Шереръ, Энгель и т. п., конечно вошли въ источники этой исторіи обязательно. Но многое ускользаетъ еще отъ вниманія изслѣдователей. Просматривая, напримѣръ, французско-голландскіе антикварные

каталоги Мюллера [1]) (такъ назыв. Catalogues raisonés), встрѣчаемъ свѣдѣнія о такихъ вещахъ, о которыхъ ни словомъ не упоминается въ наиболѣе авторитетныхъ трудахъ по исторіи южной Руси.

Прежде всего газеты, обозрѣнія или «Меркуріи» той эпохи. Не забудемъ разницы, какую представляла въ то время восточная и западная Европа. Вспомнимъ, что въ то время, какъ Самойло Кошка, вырвавшись изъ турецкаго плѣна, носился по волнамъ Чернаго моря, въ то время, какъ за густыми днѣпровскими лозами цвѣло Запорожье, въ западной Европѣ уже существовали формы цивилизаціи, свойственныя нашему времени. Газетный отчетъ голландскаго «Меркурія» разсказывалъ о битвѣ Хмельницкаго подъ Збаражемъ.

Сорокъ томовъ «Mercurius Hollantze» обнимаютъ время съ 1650 по 1690 г. Уже въ первые годы встрѣчаются свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Такъ въ 1651 году есть описаніе битвы поляковъ съ козаками и т. д.

Сборникъ Вассенера (Wassenaer, Historich Verlael. 1621—32), говоритъ Мюллеръ, былъ историческимъ обозрѣніемъ, выходившимъ два раза въ годъ. Какъ большая часть газетъ того времени, онъ обращалъ преимущественно вниманіе на страны отдаленныя. Много мѣста удѣлено восточной Европѣ. По южно-русской исторіи встрѣчаются свѣдѣнія въ т. IV, за 1622 г.—«Отступленіе козаковъ отъ польскихъ границъ» подъ 1625 г —«Козаки покидаютъ службу германскаго императора» и т. под. Изъ отдѣльныхъ трудовъ должна представлять интересъ книга нѣкоего Іостена Толька (Iosten Tolck), озаглавленная въ французскомъ указателѣ такъ: «Origines et continuation des la guerre des cosaques, des Polonais, des Russes et des Suedois, depuis 1650 jusqu'en mai 1656, avec des descriptions des villes, des pays, des peuples e ct., par un amateur, temoin oculaire des evenements principaux». Amsterdam. 1657. По отмѣткѣ указателя, авторъ былъ очевидцемъ большинства описываемыхъ событій. Онъ былъ вѣроятно еврей и, въ качествѣ переводчика, сопровождалъ какого нибудь голландскаго дипломата, одного изъ тѣхъ, которые старались водворить вездѣ миръ, выгодный для ихъ торговой страны. Въ «Исторіи Яна Собѣскаго» Ванъ-деръ-Линде (Amsterd. 1685) есть очеркъ исторіи козачества. Слѣдующихъ книгъ указатели Мюллера даютъ только названія:

Lasitzki Ioz. De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificis, nuptiarum et funerarum ritu. Lipsiae. 1572.

---

[1]) *Frideric Muller*. Essai d'une bibliographie neerlando-russe. Amsterdam. 1859.—Catalogue de livres, atlas, portraits et planches sur la Russie. Amsterdam. 1870.

Herbinii Religiosae Kyovienses Cryptae sive Kyovia subteranea et in eo mortua a 600 annis, Divorum atque Heroum Graeco-Ruthenorum et nec dum corrupta corpora. Ienae. 1657.

Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie, depuis la fondation de la monarchie jusqu'a present. Amsterd. 1698.

Neuville Relation curieuse de Moscovie, contenant l'etat present de cet empire, *les expeditions des Moscovites en Crimeé en 1689* cet. La Haye 1699.

Relation exacte de la bataille entre l'armée de Czar et celle de roi de Suede a l'heureuse journée de Poltava le 27 juin 1709.

De la Motraye Voyage en Europ', Asie, Afrique avec des relations fideles des evenements... *Des affaire et de la conduite du feu roi de Suede a Bender.* La Haye. 1727. Противъ этого сочиненія, гдѣ могутъ встрѣтиться свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Мазепы, предостерегаетъ впрочемъ Вольтеръ въ своей «Histoire de l'empire de Russie».

Lesur. Histoire des Cosaques. Paris, 1814.

Kohe I. De Ukraine en Kleine-Russland, Groon. 1844.

Neumann K. F. Die Fölker d. sudl. Russlands in ihrer geschichtlische Entwickelung. Leipzig. 1847.

`*Pissot.* Precis historique sur les Cosaques. Paris. 1812.

Нѣсколько иныхъ названій относятся къ книгамъ меньшаго значенія. Встрѣчаются и курьезы. Такъ существуетъ голландско-козацкій словарь и историческій романъ Чинскаго «Козакъ», вышедшій въ 1837 г. на голландскомъ языкѣ въ Гагѣ. Богатое собраніе старо-голландскихъ картъ и атласовъ возбуждаетъ особенно любопытство въ изданіяхъ Янсоніуса (1639 г.) и Блау (1649—64), гдѣ находятся отдѣльныя карты Украины, Покутья, Подоліи и т. д. У Блау, кромѣ того, есть четыре отдѣльныхъ карты Днѣпра, изъ которыхъ одна снята съ образца древняго. При этихъ картахъ находится описаніе Запорожья, мѣстности, нравовъ и обычаевъ запорожцевъ, которое сопровождается *рѣзанными на деревѣ изображеніями типовъ, одеждъ* и т. п.

Въ испанскомъ изданіи этого атласа, заманчиво прибавляетъ указатель, фигуры эти рѣзаны на мѣди. Атласъ Блау считался классическимъ, и кто знаетъ, до какого совершенства картографія и гравюра доведены были въ Голландіи въ старое время, у того еще болѣе явится желаніе съ нимъ познакомиться. Но для провинціальнаго любителя такія рѣдкости недостижимы! Не обратитъ-ли вниманіе на указанныя изданія и книги тѣ изъ нашихъ ученыхъ, кому доступны книжныя сокровищницы европейскихъ центровъ?

В. Горленко.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть первая. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ, 1883.

Не болѣе мѣсяца назадъ выпущено въ свѣтъ это изданіе кіевской Коммиссіи, помѣченное на обложкѣ 1883 годомъ. Коммиссія не объясняетъ ни этого страннаго на посторонній взглядъ, хотя и не значительнаго обстоятельства, ни того, почему столь долгое время, около пяти лѣтъ, не являлись ея изданія, при наличности рабочихъ силъ и достаткѣ денежныхъ средствъ. Оставляя отвѣтъ на это самой Коммиссіи, мы тѣмъ не менѣе съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ это новое изданіе, какъ новый цѣнный вкладъ въ науку южно-русской исторіи. Редакція вышедшаго теперь тома актовъ принадлежитъ г. Оресту Левицкому, заявившему уже себя нѣсколькими прекрасными изслѣдованіями по наиболѣе важнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Изданный томъ актовъ представляетъ собою весьма объемистую книгу, въ которой 182 страницы составляютъ самостоятельный трудъ почтеннаго редактора подъ скромнымъ заглавіемъ «Предисловія», а 938 страницъ заняты самыми актами, личнымъ и географическимъ указателями и оглавленіемъ.

Настоящій томъ служитъ связующимъ звеномъ между двумя другими томами, изъ которыхъ одинъ вышелъ въ 1859 году подъ редакціей Н. Д. Иванишева и заключаетъ въ себѣ собраніе актовъ, объясняющихъ состояніе западно-русской церкви въ періодъ предшествовавшій уніи 1596 года, а второй изданъ въ 1868 году подъ редакціей В. Б. Антоновича, собравшаго акты относящіеся къ исторіи уніи отъ 1648 по 1798 г. Но, кромѣ этихъ, коммиссіею разновременно изданы еще три тома однородныхъ актовъ и мы имѣемъ такое огромное собраніе матеріаловъ по исторіи уніи въ юго-западномъ краѣ, что для людей знакомыхъ съ общимъ планомъ работъ коммиссіи является самъ собою вопросъ о томъ, отъ чего коммиссія такъ много удѣлила мѣста для матеріаловъ по южнорусской церковной исторіи сравнительно съ исторіей политической и бытовой. Г. Левицкій, говоря отъ имени коммиссіи, начинаетъ свое «Предисловіе» именно отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вотъ сущность его объясненія.

«Исторія юго-западной Россіи въ періодъ съ XVI по XVIII вѣкъ, есть по преимуществу исторія религіозныхъ волненій; борьба религій составляетъ главное содержаніе ея общественной, политической и культурной жизни». «Трудно найти, въ тогдашней жизни такое явленіе, которое не стояло-бы ни въ какой связи съ религіознымъ вопросомъ; напротивъ

можно сказать, что все, что случалось въ данный періодъ великаго и малаго, славнаго и позорнаго, полезнаго и гибельнаго—все это находится въ той или другой зависимости отъ религіозныхъ отношеній времени. Этимъ отношеніямъ южная Русь обязана, съ одной стороны, такими свѣтлыми явленіями, каковы: умственное и просвѣтительное движеніе XVI и XVII вв., дѣятельность церковныхъ братствъ, а съ другой такими крупными потерями, какъ денаціонализація ея высшихъ сословій и, наконецъ, такими тяжкими общественными катастрофами, какъ войны козацкія и гайдамацкое возстаніе. Отсюда понятно, почему вопросъ о религіозныхъ отношеніяхъ въ южной Руси ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ спеціальной области церковной исторіи, но по всей справедливости долженъ составлять одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ общей исторіи края, ибо безъ предварительнаго всесторонняго изученія этого вопроса невозможно, строго говоря, ни общее уразумѣніе характера изучаемой эпохи, ни ясное и цѣлостное пониманіе отдѣльныхъ явленій и событій изъ различныхъ сферъ тогдашней политической и общественной жизни».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку изъ объясненія г. Левицкаго; она можетъ пригодиться и для читателей «Кіевской Старины», встрѣчающихъ въ нашемъ журналѣ не мало страницъ, посвященныхъ церковно-историческимъ изслѣдованіямъ и характеристикѣ дѣятелей «духовного стану».

Обратимся теперь къ самому изслѣдованію г. Левицкаго, которое онъ предносылаетъ обработанному имъ тому актовъ. Оно слагается изъ двухъ частей: первая посвящена разъясненію вопроса о происхожденіи уніи, вторая трактуетъ о появленіи и распространеніи въ юго-западной Руси социніанскаго ученія. По видимому эти части ничѣмъ не соединены между собою; но существенная связь изслѣдуемыхъ авторомъ явленій заключается въ томъ, что социніанство, поражая боровшійся съ православіемъ католицизмъ и нанося ущербъ самому православію, тѣмъ самымъ облегчило введеніе уніи, обезсиливъ ряды защитниковъ православія.

Въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи уніи авторъ выступаетъ изъ той мысли, что перевороты, подобные уніи, не совершаются одною волею правительствъ, въ особенности столь безсильныхъ, какими на дѣлѣ всегда были правительства Польши и Литвы, а являются обыкновенно результатомъ какихъ-нибудь внутреннихъ, органическихъ поврежденій, нарушающихъ нормальный ходъ жизни даннаго общества. Указавъ за симъ на неудачныя попытки польскихъ королей Казимира и Александра ввести унію, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ,

сдѣлавшихъ введеніе ея возможнымъ въ правленіе Сигизмунда III и притомъ въ то время, когда латиняне были заняты борьбой съ протестанствомъ, сильно поколебавшимъ положеніе католицизма въ Польшѣ. Съ этой цѣлью онъ изслѣдуетъ церковно-общественныя отношенія въ предшествующіе уніи вѣка и изъ изслѣдованія этихъ отношеній дѣлаетъ выводъ, что основными чертами внутренняго строя западно-русской православной церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI вѣка должно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви.

Это счастливое единеніе церковно-общественныхъ силъ было источникомъ той внутренней крѣпости, какую обнаружила Русь въ тяжкую годину своей исторіи: благодаря ему, послѣ татарскаго разгрома, она оказалась въ состояніи подчинить даже своему вліянію литовское государство, а затѣмъ въ немъ-же она нашла силы для борьбы въ XV вѣкѣ противъ попытокъ польскихъ королей навязать ей флорентинскую унію. Но единеніе это подъ вліяніемъ польско-литовскаго государства рано или поздно должно было слабѣть, не смотря на полную вѣротерпимость польскихъ королей, оказывавшихъ покровительство даже православію: въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, это — право «подаванья столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ», т. е. право пожалованія архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. «Подаванье» не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными имѣніями, съ которыхъ отбывались въ пользу государства военная служба и другія повинности. По мѣрѣ безпрестанной передачи польско-литовскими государями служилымъ людямъ земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность право «подаванья» (jus patronatus) раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Нечего и говорить, что это право противорѣчило выработанному исторіей выборному началу въ русской церкви и необходимо должно было привести къ злоупотребленію имъ. Какъ извѣстно, избирательное начало было чуждо римско-католической церкви, основанной на строгомъ единовластіи; духовныя лица часто обращались къ римскому двору съ подкупами и искательствами для пріобрѣтенія духовныхъ сановъ, бенефицій и проч. Польскіе короли, подобно другимъ западно-европейскимъ государямъ, вели борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній. Этотъ порядокъ они примѣнили и къ русской церкви и въ результатѣ получилось то, что замѣщеніе высшихъ церковныхъ должностей путемъ избранія почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія; среди православнаго

высшаго духовенства началась погоня за «духовными хлѣбами» и развилась въ сложную систему подкуповъ, происковъ и выпрашиванія епископій и архимандрій. Понятно само собой, что при такомъ способѣ раздачи высшихъ церковныхъ должностей не было вовсе обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, слѣдствіемъ чего явилась нравственная распущенность и паденіе высшаго духовенства. Что касается до сельскаго населенія, то оно находилось въ полной зависимости отъ помѣщика, и потому ряды его пополнялись, по словамъ современника, «сметьемъ людскимъ, голодными и неуками». Въ лучшихъ сравнительно условіяхъ находились города, гдѣ мѣщане, пользуясь самоуправленіемъ удержали за собой право завѣдыванія церквями и выбора къ нимъ священниковъ. Поэтому-то, съ умноженіемъ злоупотребленій въ іерархической средѣ, когда въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе ненормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ, когда мысль о церковной реформѣ сдѣлалась общею, мѣщане, соединяясь въ братства съ лицами другихъ сословій, приняли на себя почипъ въ дѣлѣ обновленія православной церкви. Авторъ не ставитъ своей задачей разрѣшеніе вопроса о происхожденіи южно-русскихъ братствъ и только мимоходомъ касается ихъ первоначальной исторіи; онъ обращаетъ на нихъ вниманіе, главнымъ образомъ, съ того времени, когда они вступаютъ въ борьбу съ іерархіей за цѣлость древнихъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ. При этомъ г. Левицкій, вопреки общепринятому мнѣнію, будто именно борьба противъ католичества была главною причиною, вызвавшею быстрое размноженіе братствъ въ концѣ XVI вѣка, предполагаетъ, что и это явленіе, подобно многимъ другимъ, было вызвано къ жизни не внѣшними, а внутренними условіями тогдашняго состоянія западно-русской церкви. Въ виду требованій времени, напримѣръ, львовскимъ братствомъ былъ выработанъ уставъ, утвержденный антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ 1-го января 1586 года; въ силу этого устава братство получило право суда надъ своими свѣтскими и духовными членами и даже право церковнаго отлученія, братчики могли участвовать въ епископскомъ судѣ и сдерживать произволъ своего владыки; въ случаѣ злоупотребленій послѣдняго они освобождались отъ подчиненія ему. Немного позже, константинопольскій патріархъ совершенно освободилъ львовское и виленское братство отъ власти архіереевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ члены братства могли непосредственно приносить жалобы на епископовъ самому патріарху. Слѣдствіемъ этого было то, что братства постепенно и настойчиво стараются простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами всей западно-русской церкви, входятъ поэтому въ столкновеніе

съ іерархіей, стремившейся къ самовластію, по образцу католической іерархіи, вызываютъ въ русскомъ духовенствѣ вражду къ себѣ и ведутъ съ нимъ борьбу, окончившуюся расколомъ и отпаденіемъ высшей іерархіи отъ православія. Въ борьбѣ своей съ братствами, епископы находили себѣ поддержку въ католическомъ духовенствѣ и іезуитахъ; между тѣми и другими существовали дружескія отношенія, приведшія русскихъ іерарховъ къ подчиненію Риму, которое и было объявлено на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году. На Брестскій соборъ г. Левицкій смотритъ поэтому, какъ на актъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначавшимися внутри западно-русской церкви: клерикально іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ несогласное съ духомъ православія, выдѣлилось теперь изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику—латинству, разсчитывая при его помощи рано или поздно достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ этому разрыву, повторяетъ въ заключеніи авторъ, послужило церковно-преобразовательное движеніе, предпринятое по инициативѣ братствъ и, вообще мірянъ, а далѣе борьба, возникшая вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія такому движенію со стороны высшей іерархіи.

Таково мнѣніе г. Левицкаго по вопросу о происхожденіи уніи. Онъ иллюстрируетъ свои положенія многочисленными историческими примѣрами и такимъ образомъ рисуетъ живую картину церковно-общественныхъ отношеній въ эпоху, предшествовавшую уніи, когда для послѣдней подготовлялась только почва. Это мнѣніе, основанное на всестороннемъ изученіи государственной, общественной и частной жизни того времени, обнаруживаетъ односторонность и несостоятельность господствовавшаго до сихъ поръ взгляда на унію, какъ на политическую мѣру, принятую правительствомъ съ цѣлью ассимиляціи русскаго населенія съ польскимъ. Мы въ свою очередь готовы были-бы назвать мнѣніе г. Левицкаго одностороннимъ, если-бы онъ и за прежнимъ взглядомъ не признавалъ извѣстной доли истины; намъ кажется однако, что авторъ умаляетъ его значеніе, допуская лишь, что польскіе короли впослѣдствіи уже воспользовались уніей, какъ средствомъ для ополяченія края и введенія въ немъ католичества. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ возникновенія уніи существовали два теченія—внѣшнее и внутреннее и оба вели къ одному и тому-же результату. Тѣмъ не менѣе г. Левицкій представленнымъ имъ теперь рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи уніи оказываетъ существенную услугу наукѣ: своимъ изслѣдованіемъ онъ какъ-бы приподнялъ завѣсу, за которой скрывались главныя дѣйствующія пружины, самый механизмъ тогдашней жизни и мы увидѣли, какъ все было просто, естественно и послѣдовательно.

Вторая часть «предисловія» г. Левицкаго касается другаго, не менѣе важнаго для исторіи возникновенія уніи вопроса—судьбы одной изъ протестантскихъ сектъ, именно социніанства, въ южной Россіи, судьбы, ни разу до селѣ не подвергавшейся научной разработкѣ. Изслѣдованіе о социніанахъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что оно основано на документахъ, впервые появляющихся въ свѣтъ, и на такихъ, хотя и печатныхъ, сочиненіяхъ, которыя въ настоящее время составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Однимъ словомъ, мы смотримъ на эту часть работы г. Левицкаго, какъ на цѣльную новую главу въ общей исторіи религіознаго и умственнаго движенія въ юго-западной Россіи; въ этой части авторъ наблюдаетъ сначала зарожденіе социніанства въ Швейцаріи, слѣдитъ за его распространеніемъ въ Западной Европѣ и переходомъ въ Польшу, Литву и Южную Россію, анализируетъ социніанскую доктрину, указываетъ на труды социніанъ по организаціи своихъ общинъ, увеличенію ихъ числа и заведенію академій и школъ, обращаетъ вниманіе на сочувствіе и поддержку секты многими знатными южнорусскими родами, на принятіе послѣдними социніанскаго вѣроученія и на борьбу соединенными силами социніанства и православія противъ гоненій господствующей католической церкви, борьбу, окончившуюся наконецъ гибельно для сектантовъ во время казацкихъ войнъ. Мы не будемъ останавливаться долѣе на содержаніи исторіи южно-русскихъ социніанъ, такъ какъ изслѣдованіе объ этомъ было помѣщено въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. и извѣстно постояннымъ читателямъ нашего журнала; пожелаемъ лишь, чтобы авторъ продолжалъ такъ удачно начатыя имъ розысканія матеріаловъ по исторіи протестанства и чтобы съ его легкой руки было предпринято изданіе такихъ-же матеріаловъ сѣверо-западными археографическими коммисіями, потому что протестантское движеніе шло съ сѣвера на югъ, а не обратно.

Въ разсматриваемомъ нами VI томѣ «Архива юго-западной Руси» заключается 326 актовъ, изъ коихъ $^{9}/_{10}$ заимствованы изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива, этого богатаго древлехранилища нашего края. Изданные акты сообщаютъ данныя о мѣрахъ польскаго правительства къ проведенію въ южной и западной Россіи церковной уніи и о противодѣйствіи этимъ мѣрамъ со стороны православныхъ; о церковной іерархіи, какъ православной, такъ и уніатской, о положеніи южно-русскихъ православныхъ монастырей, ихъ матеріальномъ обезпеченіи и внутреннемъ бытѣ; о православныхъ церковныхъ братствахъ и преимущественно о судьбѣ братства луцкаго; о церковныхъ школахъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ юго-западной Руси въ данное время; объ успѣхахъ уніи и религіозныхъ преслѣдованіяхъ православныхъ

со стороны представителей уніатской партіи; о сношенія южно-русскаго духовенства и въ частности кіевскаго братства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича, о состояніи религіозности въ южно-русскомъ обществѣ въ данное время, о распространеніи въ юго-западной Руси антитринитарской или социніанской секты, возникновеніи социніанскихъ училищъ и вообще объ ея успѣхахъ и тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подверглись послѣдователи этой секты со стороны католическаго духовенства и правительства, и наконецъ — документы, характеризующіе внутренній бытъ, общественныя отношенія и нравы южно-русскаго духовенства, какъ низшаго, такъ и особенно высшаго. Сюда-же относятся акты, заключающіе въ себѣ біографическія черты изъ жизни и дѣятельности выдававшихся южно-русскихъ архіереевъ данной эпохи, преимущественно тѣхъ, которые принимали главное участіе въ проведеніи церковной уніи, какъ Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй. И этотъ разнообразный и важный матеріалъ изслѣдованъ г. редакторомъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ (вопросъ о происхожденіи уніи, исторія социніанства и біографія Кирилла Терлецкаго). Съ интересомъ будемъ ждать и надѣяться, что г. Левицкій не остановится на сдѣланномъ имъ теперь изслѣдованіи и доведетъ разработку изданныхъ актовъ до конца съ такимъ-же успѣхомъ и искусствомъ, какое мы привыкли до сихъ поръ встрѣчать въ его трудахъ.

Что касается до самыхъ актовъ, то мы находимъ, что одно чтеніе ихъ можетъ доставить любителю старины нѣсколько пріятныхъ часовъ, вызывая въ немъ самыя разнообразныя чувства. Акты переносятъ насъ въ то отдаленное время, когда происходили описываемыя событія: въ нихъ мы не только читаемъ полный образности, полурусскій, полупольскій языкъ того времени, но будто слышимъ разговаривающихъ; мы какъ-бы присутствуемъ «на уряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости» и готовы, пожалуй, считать себя намѣстникомъ подстаросты «ad hunc solum actum ужитымъ», передъ которымъ «постановляются очевисто ку записованю до книгъ» князья и земяне, бояре и крестьяне, епископы и бискупы, игумены и пріоры, священники и каноники и проч., и проч., «оскаржаючисе велико обтяжливе и вельми плачливе» и со словъ этихъ «протестуючихъ се» въ нашемъ воображеніи воскресаютъ картины наѣздовъ, разбоевъ и всякаго рода насилій «надъ людьми спокойными, никому ничого невинными и правомъ посполитымъ обвароваными»; въ этой сумятицѣ, въ этой борьбѣ «племенъ, нарѣчій, состояній» передъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходятъ всѣ сословія того времени: духовныя и свѣтскія, высшія, среднія и низшія, даже дѣти и убогіе; мы живо видимъ разоренные монастыри и храмы, раз-

грабленные и сожженные укрѣпленные замки и дома и беззащитныя жалкія халупы; мы слышимъ стоны раненыхъ и плачъ перепуганныхъ женщинъ и дѣтей . . . . . И все это творилось во имя религіи, требующей любви къ ближнему! Да, тяжелое то было время, и, читая изданные г. Левицкимъ акты, мы какъ-бы переживаемъ это самое время.

Многое можно было-бы сказать еще по поводу изданныхъ теперь матеріаловъ для нашей исторіи; но мы и безъ того не въ мѣру удлинили наше сообщеніе. Для обозначенія ихъ интереса въ самыхъ мелочахъ, укажемъ лишь два-три примѣра.—Кому неизвѣстна горькая доля возныхъ (въ родѣ судебныхъ приставовъ нашего времени), которые обязаны были развозить обвиняемымъ позвы къ суду и совершать вводы во владѣніе? Въ тотъ вѣкъ всеобщаго самоуправства и насилія ихъ гнали и били, надъ ними всячески ругались, чтобы только отбить у нихъ охоту исполнять судебныя рѣшенія и приговоры. И вотъ жалостное заявленіе одного изъ нихъ по такому случаю. Люблинскій воевода поручилъ вручить, кому слѣдуетъ, позвы къ суду по дѣлу объ отравленіи луцкимъ архіереемъ Кирилломъ Терлецкимъ жидичинскаго архимандрита Гедеона Балабана; изъ всѣхъ позвовъ остался не врученнымъ одинъ, и возный пишетъ на немъ... не извиненіе, не объясненіе должностнымъ лицемъ причинъ, почему возложенное на него порученіе не могло быть исполнено имъ, а униженную мольбу: «радъ-бы давалъ (неврученный позовъ), да лихо: у Гуляникахъ есть жолнѣрс; боюся, штобъ мя не шарпнено. Прошу, милый пане, не рачъ мѣти за зле на мене, але рачъ, яко панъ мой милостивый, выбачити на мене убогого служебника» (точно вотъ говоритъ Даніилъ Заточникъ).—А то вотъ картина: жидичинскій архимандритъ сидитъ на церковной крышѣ пять дней въ плѣну у своего противника Кирилла Терлецкаго и оттуда намѣревается сдѣлать вооруженное нападеніе на послѣдняго. Или: житомирскіе мѣщане заявляютъ на судѣ, что они видѣли у священника Федора Безежа книги въ сундукѣ и что съ одной изъ нихъ онъ проходилъ по базару. Ну что, кажется, страннаго въ томъ, что православный священникъ имѣетъ книги? А между тѣмъ объ этомъ доносятъ въ судъ. Ужъ не заподозрили-ли мѣщане въ о. Федорѣ социніана, человѣка образованнаго, тогда какъ ихъ священники были, по большей части, «неукове?»

Въ ряду актовъ настоящаго тома стоитъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь изъ остальныхъ, одинъ документъ, попавшій сюда какъ нельзя болѣе кстати, это апокрифическое сказаніе о нарожденіи въ 1634 году въ Вавилонской землѣ антихриста («Исторія, албо новина о антихристѣ»). Не пускаясь въ подробное изслѣдованіе его, скажемъ только,

что наблюденія надъ исторіей христіанскихъ народовъ показываютъ, что всѣ важные переломы въ общественной жизни сопровождаются толками суевѣрныхъ людей о пришествіи антихриста; эти толки записываются потомъ, или же просто сочиняются начетчиками Апокалипсиса и составляютъ довольно обширную литературу. Таково-же, конечно, происхожденіе и настоящей «новины», явившейся вслѣдъ за церковной реформой 1596 года. Она родилась, можно думать, въ протестантской средѣ, въ которой Вавилономъ считался Римъ и антихристомъ—самъ папа; впослѣдствіи уже сказаніе стало обращаться и между православнымъ населеніемъ Руси. Въ сѣверо-русской апокрифической литературѣ существовала около этого-же времени «Книга о правой вѣрѣ», въ которой появленіе антихриста приводилось въ связь съ этими эпохами: раздѣленіемъ церквей и брестской уніей. Отсюда понятно, почему владимірскій епископъ Ипатій Потѣй вооружался противъ отождествленія папы съ антихристомъ и старался доказать, что между папой и апокалипсическимъ антихристомъ нѣтъ ничего общаго.

Въ заключеніе не можемъ не выразить своего удовольствія, вызваннаго въ насъ приличною внѣшностью книги, и не посѣтовать на нѣсколько высокую цѣну послѣдней, въ виду ея интереса и желанія ей большей распространенности и большаго круга читателей.

И. Каманинъ.

А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Акты греческаго нѣжинскаго братства. Кіевъ, 1884 года.

Подъ этимъ заглавіемъ почтенный профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій издалъ сборникъ грамотъ и документовъ, подлинники которыхъ хранились до недавняго времени при греческой церкви въ г. Нѣжинѣ. Въ сборникѣ помѣщено 58 документовъ, которые издатель распредѣлилъ на два отдѣла: 1) грамоты греческихъ іерарховъ и кіевскихъ митрополитовъ и 2) универсалы гетмановъ. Документы перваго отдѣла относятся къ исторіи греческой церкви въ Нѣжинѣ и существовавшаго при ней церковнаго греческаго братства, во второмъ-же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ документы, относящіеся къ самоуправленію и опредѣляющіе льготы и привиллегіи греческой нѣжинской торговой общины.

Древнѣйшій по времени документъ относится къ 1657 году; это универсалъ Богдана Хмельницкаго, изданный 2 мая, въ которомъ гетманъ «прихочуючи грековъ купцовъ, абы въ сторону нашу зъ разными товарами пріѣзжаючи, выгодою людемъ были», освобождаетъ греческихъ

пріѣзжихъ торговцевъ отъ мѣстныхъ полковыхъ и магистратскихъ судовъ и разрѣшаетъ имъ въ дѣлахъ торговыхъ судиться «самимъ межи собою». Мѣсяцъ спустя Хмельницкій издалъ другой универсалъ, которымъ предоставилъ греческимъ пріѣзжимъ купцамъ право безпошлинной торговли во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Украины. Эти двѣ льготы: право самосуда и освобожденіе отъ пошлинъ подтвердили одинадцатью универсалами преемники Хмельницкаго, гетманы: Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Иванъ Брюховецкій, Павелъ Тетеря и Иванъ Самойловичъ. Изъ нихъ только Тетеря попытался наложить пошлину на нѣкоторые товары: мѣха, шелковыя ткани и драгоцѣнные камни и металлы, привозимые купцами греческими, турецкими и армянскими; но попытка эта очевидно не утвердилась, потому что позднѣйшіе универсалы не повторяютъ распоряженія Тетери. Впрочемъ всѣ эти льготы относились только къ грекамъ пріѣзжимъ. Первое свѣдѣніе о поселеніи въ Нѣжинѣ греческой купеческой общины мы встрѣчаемъ въ универсалѣ гетмана Самойловича отъ 28 ноября 1675 года; документъ этотъ обезпечиваетъ право самосуда «купцамъ чужеземскимъ, грекамъ и волохамъ, на сей часъ въ Украинѣ мешкаючимъ» и запрещаетъ мѣстнымъ магистратамъ, «особливе майстратови нѣжинскому», привлекать ихъ къ своему суду. Въ 1687 году гетманъ Мазепа подтвердилъ греческимъ купцамъ, «въ Нѣжинѣ найдуючимся», право самосуда, за исключеніемъ «справъ трудныхъ и криминаловъ», которые должны были разсматриваться въ генеральномъ войсковомъ судѣ. Затѣмъ встрѣчаемъ семь универсаловъ, изданныхъ гетманами: Мазепою и Апостоломъ, генеральною канцеляріею во время между-гетманства, фельдмаршаломъ Минихомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, которые подтверждаютъ старыя льготы нѣжинской греческой общины и прибавляютъ къ нимъ новыя: освобожденіе грековъ отъ военнаго постоя, отъ обязанности доставлять подводы и уплачивать подворную подать.

Поселившись въ Нѣжинѣ, греческая община немедленно озаботилась постройкою своей церкви; уже въ 1680 году существовалъ греческій храмъ во имя св. Михаила и Гавріила и константинопольскій патріархъ Іаковъ утвердилъ при этой церкви приходскаго священника Христофора. Въ томъ-же году Христофоръ былъ утвержденъ въ должности приходскаго священника и Лазаремъ Барановичемъ, изъявившимъ въ своей грамотѣ согласіе на то, чтобы служба церковная въ нѣжинской церкви отправлялась на греческомъ языкѣ. Въ 1696 году нѣжинскіе греки устроили при церкви церковное братство и получили на то благословительную грамоту отъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, въ которой митрополитъ передаетъ братчикамъ попеченіе о церкви,

завѣдываніе церковными доходами, разрѣшаетъ братству выбирать и смѣнять священниковъ съ своего благословенія, подчиняетъ нѣжинское братство исключительно своей духовной власти, устраняя всякую его зависимость отъ мѣстныхъ церковныхъ властей и разрѣшаетъ братчикамъ устроить школу «ради ученія отроковъ письмени греческого» и «шпиталь ради пристанища и пропитанія убогихъ и недужихъ». Изъ грамоты митрополита мы узнаемъ, что въ вѣдѣніи братства въ то время, кромѣ первоначальной церкви деревянной во имя св. Михаила и Гавріила, находилась другая каменная церковь «Всѣхъ Святыхъ».

Нѣжинское церковное братство пользовалось постояннымъ покровительствомъ кіевскихъ митрополитовъ; мы встрѣчаемъ въ сборникѣ г. Ѳедотова-Чеховскаго цѣлый рядъ грамотъ митрополитовъ: Іасафа Кроковскаго, Варлаама Ванатовича, Рафаила Заборовскаго, Тимофея Щербацкаго, Арсенія Могилянскаго, Гавріила Кременецкаго и Самуила Миславскаго. Въ грамотахъ этихъ митрополиты подтверждаютъ первоначальныя льготы и привиллегіи братства, прибавляютъ къ нимъ новыя согласно просьбамъ братчиковъ, охраняютъ самоуправленіе братства отъ вмѣшательства нѣжинскихъ протопоповъ и т. п. Наравнѣ съ митрополитами свѣтскія власти также оказываютъ покровительство нѣжинскому церковному братству; гетманы: Мазепа, Скоропадскій, Апостолъ и Разумовскій издаютъ десять универсаловъ подтверждающихъ существованіе братства, а также освобождаютъ братскіе дома, постройки и вообще всякое братское имущество отъ всѣхъ общественныхъ податей и повинностей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія актовъ, изданныхъ г. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, видно все историческое значеніе его сборника. Документы эти даютъ возможность прослѣдить образованіе и постепенный ростъ греческой нѣжинской колоніи въ теченіи полутораста лѣтъ и могутъ послужить весьма цѣльнымъ и существеннымъ матеріаломъ для составленія монографіи объ исторіи этой колоніи. Конечно, мы считаемъ долгомъ признать, что почтенный издатель оказалъ цѣнную услугу для разработки отечественной исторіи, издавъ весьма тщательно и вполнѣ научно открытые имъ и собранные документы, которые въ противномъ случаѣ вѣроятно-бы разсѣялись и исчезли для исторической науки, такъ какъ послѣ упраздненія самостоятельнаго греческаго магистрата въ Нѣжинѣ, отдѣльный архивъ его перестать также существовать и, пока мы не знаемъ, гдѣ нашла пріютъ его цѣнная коллекція грамотъ, копіи которыхъ изданы г. Ѳедотовымъ Чеховскимъ.

В. А.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й. Сост. редакторъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.

Надо имѣть не просто любовь, но нѣкоторую даже страсть къ архивнымъ изысканіямъ и наукѣ исторической, чтобы вести столь мало привлекательный и матеріально неблагодарный, но весьма полезный для мѣстной исторіи трудъ, какой вотъ уже третій годъ неутомимо ведетъ редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій. Въ три года 7-мъ выпусковъ—трудъ для одного лица не маловажный, а если принять во вниманіе, что въ этихъ выпускахъ не цѣльныя дѣла, способныя увлечь богатствомъ своего содержанія, но обрывки дѣлъ, давно обреченныхъ на гніеніе и совершенное уничтоженіе, то цѣна труда г. Андріевскаго еще болѣе возвышается. Будущій историкъ Кіева и края въ изданіяхъ г. Андріевскаго найдетъ много, правда, мелкаго, раздробленнаго, но тѣмъ не менѣе весьма цѣннаго и пригоднаго для общихъ работъ матеріала.

Такимъ матеріаломъ не скуденъ и настоящій 7-й выпускъ. Передадимъ вкратцѣ его содержаніе.

Всѣ свѣдѣнія его относятся къ половинѣ прошлаго столѣтія. Два отрывка изъ дѣлъ о привилегіяхъ кіевскаго магистрата дополняютъ свѣдѣнія 3-го выпуска о борьбѣ, которую велъ магистратъ въ предшествовавшіе вѣка и въ это время за принадлежавшіе ему издавна пригороды Куреневку и Пріорку. При польскомъ владычествѣ земельныя угодья этихъ пригородовъ и смежнаго съ ними Оболонья захватывали латинскіе бискупы и ксендзы, армяне и жиды, теперь-же магистрату приходилось отстаивать ихъ отъ войсковой генеральной канцеляріи, которая притягивала жителей этихъ пригородовъ къ отбыванію общенародныхъ податей и повинностей. Цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ грамотъ польскихъ королей, гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ магистрату удается отстоять свое давнее право на владѣніе всѣми землями названныхъ предмѣстій и полученіе доходовъ отъ тамошнихъ обывателей.

Тянувшееся 40 лѣтъ дѣло о вознагражденіи кіево-печерской лавры за взятыя отъ нея подъ крѣпость земли, какъ видно изъ помѣщенной здѣсь переписки, закончено въ 1744 г. пожалованіемъ лаврѣ во владѣніе въ лубенскомъ полку села Хоружевки съ слободками Гамалѣевкою и Антоновкою, принадлежавшими нѣкогда канцлеру Головкину. Отъ лавры, какъ оказывается по выведеннымъ теперь справкамъ, взято подъ крѣпость 70 десятинъ земли, но какой земли? На ней находились лаврскіе сады, виноградники и огороды, помѣщалось чиншевыхъ мѣ-

щанъ 500 дворовъ, крестьянъ черной работы 390 и монастырскихъ слугъ 65, всего 955 дворовъ, торговыхъ лавокъ 121, склады для товаровъ, базарная и ярмарочная площадь и наконецъ такъ называемая Неводницкая пристань съ перевозомъ чрезъ Днѣпръ. Словомъ: тутъ было обширное, многолюдное помѣстье, тянувшее къ лаврѣ и платившее ей богатую дань деньгами и натурою, простиравшуюся и по тогдашнему счету до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Тщетно добивалась лавра при Петрѣ и его преемникахъ какого либо вознагражденія за отобранную у нея недвижимость и поступавшіе отъ нея доходы, а когда наконецъ явилась надежда на это вознагражденіе, сама добровольно отказалась отъ возмещенія ея убытковъ за всѣ 40 лѣтъ, что составило-бы громадную по тому времени сумму.

Дѣло о перенесеніи печерскаго рынка съ одной стороны лавры на другую представляетъ образчикъ давняго хозяйничанья инженеровъ и артиллеристовъ въ печерской части Кіева, носившей тогда названіе Печерской слободы. Послѣ сорока лѣтъ отъ заложенія крѣпости инженеры открыли, что печерскій рынокъ находится не въ узаконенномъ разстояніи отъ гласиса оной, и потребовали сломки всѣхъ торговыхъ и жилыхъ помѣщеній и перенесенія ихъ на такое мѣсто, съ котораго рынокъ не закрывалъ-бы вида на крѣпость. Захваченные въ расплохъ торговцы и прочіе поселенцы очутились въ большемъ затрудненіи, такъ какъ, кромѣ расходовъ по переноскѣ домовъ и лавокъ, за новыя избранныя ими на лаврской землѣ мѣста, кіево-печерская лавра потребовала непомѣрно высокую арендную плату. Инженеры напирали, лавра не уступала. Выручилъ изъ бѣды архимандритъ сосѣдняго пустынно-николаевскаго монастыря Назарій Солонина, предложившій на болѣе льготныхъ условіяхъ свободныя мѣста, принадлежавшія его монастырю на главной проѣзжей отъ него улицѣ въ крѣпость и лавру. Перенесеніе рынка состоялось, дома, лавки и лари устроены на новомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Вдругъ артиллерійскому генералу Беренсу пришла мысль на этой самой землѣ строить цейхгаузъ и онъ потребовалъ сломки только что возведенныхъ строеній и перенесенія рынка на другое отдаленное мѣсто. Возникла жаркая переписка. Генералъ-губернаторъ не желалъ допускать «толь народнаго отягощенія», Беренсъ признавалъ указанное ему новое для цейхгауза мѣсто «за весьма не способное» и грозилъ представить по своей командѣ. Подобная же съ пререканіями переписка загорѣлась и изъ-за лавокъ построенныхъ на лаврской землѣ: съ разрѣшенія генералъ-губернатора онѣ отнесены были на 114 саженъ отъ гласиса, инженеры-жъ добивались отнести на 130 саженъ, «по силѣ указу». Чѣмъ кончилась та и другая, за неполностью дѣлъ осталось неизвѣстнымъ.

Пререканія властей и безплодность переписки выступаютъ въ дѣлахъ слѣдующаго 1745 г. о постройкѣ лавокъ въ старокіевской крѣпости и починкѣ моста на Днѣпрѣ на средства кіевскаго полка, самыя же дѣла даютъ нѣкоторыя данныя для топографіи Кіева

Значительный интересъ для бытовой исторіи Кіева и края даетъ рядъ дѣлъ о пожарахъ въ Кіевѣ 1769—1774 г. и мѣрахъ противъ нихъ предпринимавшихся. Тогдашній Кіевъ представляетъ собою массу деревянныхъ лачугъ, скученныхъ въ особенности на Подолѣ, а среди нихъ во множествѣ разбросаны кузницы и винокурни. Не мудрено, что при тогдашнемъ безшабашномъ пьянствѣ и небрежномъ обращеніи съ огнемъ пожары то и дѣло возникали. Но искали поджигателей, устраивали караулы, ловили подозрительныхъ людей... Являлись подметныя письма; атаманъ заграничнаго с. Василевщины Кислицкій письменно извѣщалъ вахмистра въ м. Обуховѣ Сороколѣтова, что «изъ Бѣлой Церкви ляхи дослали 20 палiевъ, чтобы весь Кіевъ спалить, и просилъ о томъ донести кіево-губернской канцеляріи, чтобы не запропастить Кіева». Охранили отъ пожаровъ перестройка кузницъ по новому способу, установка лѣстницъ и бочекъ съ водою на домахъ, а главное—большая осторожность въ обращеніи съ огнемъ, вызванная частыми пожарами. Единственное цѣнное въ этихъ дѣлахъ историческое извѣстіе, это то, что на Печерскѣ сгорѣла *древняя* церковь во имя св. Владиміра, которую, «пріемля во уваженіе древность ея», тогда-же велѣно было сенатскимъ указомъ возобновить.

Изъ дѣла 1754 г. о починкѣ Крещатицкаго взвоза случайно узнаемъ, что, кромѣ монастырскихъ и частныхъ виноградниковъ, на михайловской горѣ существовалъ виноградникъ, принадлежавшій казнѣ. Дѣла о продажѣ кіевскимъ грекомъ Кармалѣемъ въ Вроцлавлѣ ревеня, а также о покупкѣ запорожцемъ Чубомъ у кіевскаго мѣщанина Копубы пороху, показываютъ, какой страхъ и ужасъ производили иногда мелочные случаи нарушенія казенныхъ монополій. Послѣднее дѣло возникло по жалобѣ магистрата на запорожца Мамая, который «днемъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ» въ своей квартирѣ.

Но самый большій бытовой интересъ даютъ помѣщенныя въ концѣ «Выпуска» дѣла о корчемствѣ 1737—1763 г. Въ вопросѣ о куреніи и продажѣ водки заключался едва-ли не самый главный жизненный нервъ тогдашняго Кіева. Прежде всего тутъ царилъ царевъ кабакъ и дѣйствовалъ великороссійскій откупъ; но рядомъ съ нимъ дѣйствовали вольныя винокурни и шинки, закрѣпленные привилегіями польскихъ королей и гетманскими универсалами. Если кабакъ мирно конкуррировалъ съ шинкомъ, то владѣтели шинковъ вели жесточайшую борьбу между собою и съ лицами, не имѣющими права шинковать. Главнымъ монополистомъ по части раздробительной продажи питей былъ кіевскій магистратъ; но ему сильный подрывъ дѣлали кіевскіе монастыри, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку шинковъ, а у лавры между многими была знаменитая Самара. Магистратъ издавна оспаривалъ права монастырей и не рѣдко происходили настоящія битвы между его и монастырскими агентами и служителями. Правомъ куренія для оптовой продажи и домашней потребы пользовались козаки кіевскаго полка, а за

чертою Подола жители с. Плоскаго, поселившіеся на земляхъ Кирилловскаго монастыря. Далѣе за Днѣпромъ, въ гетманщинѣ, всюду вольное куреніе и вольная продажа. Вольное-же куреніе и вольная продажа существовали и въ пограничныхъ польскихъ владѣніяхъ. Дешевую водку проносили и провозили въ Кіевъ отовсюду; въ самомъ Кіевѣ она получалась тайкомъ изъ винокурень и складовъ козачихъ. Шинкованье, какъ и выкурка водки, при тогдашнемъ неимовѣрномъ ея потребленіи, составляло статью дохода въ хозяйствѣ каждаго обывателя. Но всякая частная продажа водки и подвозъ оной со стороны шли въ подрывъ доходовъ города. Магистратъ изыскивалъ всѣ возможныя средства къ пресѣченію корчемства: слѣдилъ за провозомъ и проносомъ, производилъ обыски въ частныхъ домахъ, испрашивалъ разрѣшеніе на осмотръ домовъ и складовъ казачей старшины, ставилъ караулы изъ собственной стражи, подкрѣплялъ ихъ солдатами изъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, писалъ жалобы, велъ процессы съ нарушителями его монополіи,—ничто не помогало. Каждый шагъ его въ этомъ направленіи вызывалъ отчаянное сопротивленіе со стороны преслѣдуемыхъ, каждая попытка накрыть корчемниковъ, заарестовать провозимое, проносимое или хранимое вино сопровождались отчаянными схватками съ обѣихъ сторонъ и оканчивалась жестокими побоями, ранами, увѣчьями, не рѣдко смертоубійствомъ. Тутъ боролись главнымъ образомъ двѣ силы: съ одной стороны магистратъ, опиравшійся на свои древнія привилегіи и располагавшій для подкрѣпленія своихъ правъ множествомъ урядниковъ и городовою стражею, съ другой козаки кіевскаго полка, разсуждавшіе, что «безъ содержанія горѣлки въ домахъ ихъ обойтиться за совѣсть противно». Соблазняясь привилегіею козаковъ имѣть въ домахъ своихъ горѣлку хотябы «барилами и куфами», только-бы не продавать вѣдерками и квартами, многіе изъ кіевскихъ мѣщанъ записывались въ козаки и являлись тогда жесточайшими врагами магистрата и его слугъ. Въ настоящее время трудно даже представить себѣ господствовавшую тогда дикость нравовъ и тѣ ужасы и свирѣпства, какими сопровождались взаимныя столкновенія урядниковъ и слугъ магистратскихъ съ козаками. Помѣщенные г. Андріевскимъ въ его теперешнемъ выпускѣ отрывки дѣлъ этого рода рисуютъ намъ, иногда въ мельчайшихъ чертахъ, будничную жизнь Кіево-Подола и полны сценъ то раздирающаго душу трагизма, то высокаго, не поддѣльнаго комизма. Отсылая любопытныхъ читателей къ самой книгѣ, закончимъ обзоръ оной указаніемъ на заключающіяся въ процессѣ кіевскаго магистрата по питейному вопросу съ Кіево-Кирилловскимъ монастыремъ историческія нѣкоторыя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ этого послѣдняго, привилегіяхъ, которыми онъ пользовался, и основаніи его «благовѣрною княгинею, Маріею, внукою св. равноапостольнаго князя Владиміра, дочерью Казиміра, короля польскаго, супругою благовѣрнаго князя кіевскаго Всеволода». **К. Цыбульскій.**

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ СЛѢДОВАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

Извѣстный въ свое время нашъ писатель, котораго имя мы сейчасъ назвали, отличался, какъ гласитъ свѣжее о немъ преданіе, большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ. Въ этомъ помогали ему, конечно, глубокое знаніе народной жизни, тонкій психическій анализъ и мягкая завлекательная рѣчь, которую мы наблюдаемъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Онъ не былъ слѣдователемъ по профессіи, но къ его таланту обращались въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Вотъ два такихъ случая, разсказанные намъ близкимъ къ покойному Алексѣю Петровичу лицемъ и, такъ сказать, съ его словъ.

I.

Императоръ Николай Павловичъ посѣтивъ Кіевъ въ 1839 г., ѣхалъ однажды въ открытомъ экипажѣ по житомирскому тракту. Осматривая прилегавшую къ тракту мѣстность, государь обратилъ вниманіе на человѣка, лежавшаго у одной хаты, стоявшей особнякомъ, недалеко отъ с. Борщаговки, завернувшагося съ головой въ свитку.

— «Что это, пьяный?» спросилъ государь.—«Пойдите, посмотрите!» обратился онъ къ свитѣ, приказавъ кучеру остановиться.

Нѣсколько человѣкъ изъ свиты подошли къ лежавшему и, приподнявъ свитку, къ ужасу своему увидѣли предъ собой трупъ старика-крестьянина съ пробитой тупымъ орудіемъ головой.

Государь видимо былъ взволнованъ такой находкой и, обратясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, произнесъ: «чтобы мнѣ было открыто это преступленіе. Назначить особаго слѣдователя и докладывать мнѣ о ходѣ слѣдствія».

Посыпались одно за другимъ предписанія полиціи принять немедленно мѣры къ поимкѣ преступниковъ. Исправникъ, становые обнаружили необычайную энергію, но всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему. Прошелъ значительный промежутокъ времени, а слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ, и всѣ думали, что преступники не будутъ найдены.

Въ это время при Бибиковѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій Алексѣй Петровичъ Стороженко. Бибиковъ зналъ его слѣдовательскія способности и приказалъ ему спеціально заняться разслѣдованіемъ этого загадочнаго преступленія.

Алексѣй Петровичъ отправился въ Борщаговку, навелъ справки о личности убитаго и узналъ слѣдующее: убитый старикъ-крестьянинъ жилъ въ той самой хатѣ, около которой лежалъ его трупъ во время проѣзда государя. Онъ былъ вдовъ, дѣти поумирали, осталась одна внучка, дѣвочка лѣтъ десяти, которая и жила при немъ. Старикъ былъ трезваго поведенія, занимался успѣшно хозяйствомъ, такъ что скопилъ нѣсколько денегъ, которыя и хранилъ въ «скрынѣ» подъ холстомъ и разной одёжой.

Изъ разсказа оставшейся въ живыхъ внучки была выяснена обстановка преступленія.

Когда дѣдъ съ внукой, «повечерявши» нѣсколько позже обыкновеннаго, погасили «свитло» и собрались ложиться спать, кто-то постучался въ окно и громко крикнулъ: «одчинить! та швидче». Пока старикъ слѣзъ съ печи, стукъ повторился и стучавшій выразилъ свое нетерпѣніе словами: «чи довго мени тутъ стояти?» Старикъ опросилъ стучавшаго: кто тамъ, чого тоби треба?—«Свій; дуже треба; одчинить мерщій!»—былъ отвѣтъ съ-на-двору. Старикъ прошелъ въ сѣни, дѣвочка закуталась въ радно и со страхомъ прислушивалась. Стукнула задвижка, дверь рипнула, затѣмъ раздался какой-то неопредѣленный шумъ... хрипѣніе и что-то тяжело рухнуло на землю. Дѣвочка въ ужасѣ забилась въ уголокъ и не шелохнется. Изъ сѣней доносилось еще нѣсколько минутъ шурршанье, затѣмъ дверь въ хату отворилась и вошелъ какой-то чело-

вѣкъ, подошелъ къ «скрынѣ», одбилъ замокъ, выложилъ одёжу, холстъ, взялъ «гаманецъ» съ деньгами, положилъ въ карманъ и вышелъ. Дѣвочка въ оцѣпѣненіи просидѣла до утра и только за нѣсколько минутъ до проѣзда государя рѣшилась слѣзть съ печи, чтобы узнать, что случилось и куда дѣвался ея дѣдъ. Увидѣвши въ сѣняхъ лужу крови и лежавшій около хаты трупъ дѣда, она въ ужасѣ бросилась опрометью бѣжать къ селу.

Таковы были первыя добытыя Алексѣемъ Петровичемъ свѣдѣнія о подробностяхъ совершеннаго злодѣйства. Болѣе никто ничего не зналъ, не было ни какихъ слѣдовъ, куда скрылся преступникъ. Только нѣкоторые изъ крестьянъ высказывали подозрѣніе на солдатъ стоявшей въ с. Борщаговкѣ роты пѣхотнаго полка, основанное лишь на томъ, что нѣкоторые изъ солдатъ были замѣчены въ кражѣ сѣна, птицы и т. п.

Алексѣй Петровичъ, рѣшительно не зная, съ чего начать слѣдствіе, ухватился за слова крестьянъ, испросилъ у высшаго начальства разрѣшеніе на допросъ солдатъ и предъявивъ оное ротному командиру, добавилъ, что онъ желаетъ допросить всю роту до послѣдняго человѣка. Въ назначенный для этого день Алексѣй Петровичъ сѣлъ у дверей занимаемой имъ хаты такъ, чтобы самому находиться въ тѣни, а чтобы всякій подошедшій къ нему былъ хорошо освѣщенъ, и приказалъ солдатамъ подходить къ нему поодиночкѣ и смотрѣть ему прямо въ лицо. Алексѣй Петровичъ пристально сталъ смотрѣть на каждаго изъ проходившихъ мимо него солдатъ и ему показалось, что у шести изъ нихъ промелькнула въ глазахъ тѣнь безпокойства и что лица ихъ поблѣднѣли. Къ этимъ шести онъ приказалъ приставить караулъ, объявивъ, что вторично ихъ допроситъ.

На другой день вечеромъ, въ такую именно пору, въ какую совершено было преступленіе, Алексѣй Петровичъ велѣлъ дѣвочкѣ сѣсть въ тотъ самый уголокъ на печи, въ который она забилась въ фатальный вечеръ, самъ расположился въ хатѣ въ роли убитаго старика, арестованныхъ-же солдатъ велѣлъ поочередно подводить къ хатѣ, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ стучать въ окно и повторять своимъ обыкновеннымъ голосомъ слова, которыя по разсказу дѣвочки, произносилъ въ свое время неизвѣстный преступникъ. Солдаты подводимы были шесть разъ и всегда въ рас-

личномъ порядкѣ, но каждый разъ дѣвочка указывала на одинъ и тотъ-же знакомый голосъ. Этого было довольно для проницательнаго слѣдователя, и солдатъ, на голосъ котораго указывала дѣвочка, былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу.

Алексѣй Петровичъ навелъ справки о поведеніи арестанта. Оказалось, что онъ былъ на замѣчаніи у начальства:—часто попадался въ кражахъ, пьянствовалъ, но въ тотъ вечеръ, въ который совершено преступленіе, находился подъ арестомъ за буйство въ пьяномъ видѣ и несвоевременную отлучку изъ казармы. Пойманная нить, казалось, оборвалась; но Алексѣй Петровичъ не смутился этимъ. Онъ спросилъ, кто были тогда часовыми; оказалось, что это были именно тѣ солдаты, которые теперь арестованы по подозрѣнію. Алексѣй Петровичъ потребовалъ ихъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ такими словами: «вы знаете, какая кара грозитъ часовымъ, если они хотя на одну минуту отпустятъ арестанта. Если обнаружится, что вы виновны въ этомъ, вамъ не будетъ пощады. Сознайтесь лучше по чистой совѣсти, я обѣщаю ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о вашемъ помилованіи». Солдаты съ плачемъ упали къ ногамъ Алексѣя Петровича и повинились въ слѣдующемъ: было уже поздно, арестованный истрезвился и все молчалъ, потомъ вдругъ подошелъ къ нимъ и сталъ проситься: «пустите меня на минутку, я перемѣню сорочку, а то на мнѣ ужъ очень грязная». Долго они не соглашались, наконецъ уступили предъ его усиленными просьбами и, дѣйствительно, небольше какъ чрезъ полъ-часа, онъ вернулся обратно въ чистой сорочкѣ и снова погрузился въ молчаніе до самаго окончанія срока, на который былъ посаженъ подъ арестъ. Караульные также не отзывались къ нему и ничто въ немъ не обратило ихъ особеннаго вниманія.

Имѣя въ рукахъ такія явныя улики, Алексѣй Петровичъ приказалъ привести арестанта и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ: «знаю, ты убилъ старика, чтобы воспользоваться его деньгами. Сознавайся, можетъ быть, этимъ смягчишь грозящую тебѣ кару».

Арестантъ вздрогнулъ и тутъ-же повинился во всемъ.

II.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ новгородской губерніи владѣлъ нѣсколькими имѣніями извѣстный богачъ графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Онъ проживалъ большею частью въ Петербургѣ, но часто наѣзжалъ и въ свои деревни. Такъ какъ Мусинъ-Пушкинъ бралъ постоянно казенные подряды, то ему нужно было имѣть всегда въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя суммы. Въ одномъ изъ его имѣній въ боровичскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ наидолѣе проживалъ, хранился большой, окованный желѣзомъ сундукъ, а въ немъ постоянно лежало нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Зимою 1853 г., когда Мусинъ-Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, управляющій его главнаго имѣнія извѣщаетъ его, что, войдя по обыкновенію въ домъ, чтобы осмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, онъ прошелъ и въ ту комнату, въ которой стоялъ сундукъ съ деньгами, и къ ужасу своему увидѣлъ, что сундукъ исчезъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что одно окно отворено и подъ окномъ истоптанъ снѣгъ, но слѣды ступней двухъ человѣкъ можно было различать дотолѣ, пока воры не вышли на дорогу. Управляющій далъ знать полиціи, немедленно наряжено было слѣдствіе и временное слѣдственное отдѣленіе пріѣхало уже въ имѣніе. Но графъ, получивъ извѣщеніе о покражѣ 250 т. и мало надѣясь на мѣстную полицію, поспѣшилъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову съ просьбой принять особыя мѣры къ отысканію преступника и похищенныхъ денегъ.

При Бибиковѣ и въ ту пору состоялъ Алексѣй Петровичъ, котораго дарованія онъ высоко цѣнилъ. Чтобы помочь графу въ случившейся бѣдѣ, Дмитрій Гавриловичъ по обстоятельствамъ дѣла не могъ найти болѣе подходящаго слѣдователя, какъ извѣстнаго ему давно Алексѣя Петровича. Онъ велѣлъ ему немедленно ѣхать въ боровичскій уѣздъ и энергично приняться за слѣдствіе.

Пріѣхавъ на мѣсто, Алексѣй Петровичъ прежде всего обстоятельно распросилъ управляющаго о прежде бывшихъ у графа слугахъ и находившихся тогда на лицо. Оказалось, что недѣли за двѣ до совершенія преступленія былъ разсчитанъ за грубость вольнонаемный слуга Ѳедоръ Ивановъ, исполнявшій должность лакея, и что послѣ того, какъ онъ былъ разсчитанъ, никто не встрѣчалъ его болѣе въ тѣхъ мѣстахъ.

Получивъ это свѣдѣніе, Алексѣй Петровичъ какъ-бы вовсе забылъ о возложенномъ на него важномъ порученіи: равнодушно бродилъ по деревнѣ, толковалъ съ прохожими и проѣзжими, какова

земля, урожаи, чѣмъ люди занимаются и живутъ, какъ сколачиваютъ деньгу, куда ходятъ или ѣздятъ на заработки. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что земля плоха, урожаи скудные, что кормятся люди отъ рѣкъ, что по берегамъ ихъ много рабочаго люду—рыболововъ, бурлаковъ и пр., что въ сосѣднихъ уѣздахъ новгородской губерніи и другихъ, прилежащихъ къ ней, толкалась бездомовная голь изъ мѣстъ отдаленныхъ, большею частью «слѣпенькіе». Оріентировавшись этимъ путемъ въ мѣстности совершенно неизвѣстной, Алексѣй Петровичъ подобралъ десятка два мѣстныхъ крестьянъ, которыхъ успѣлъ узнать, пригласилъ исправника, становыхъ и всѣ вмѣстѣ отправились въ с. Окуловку, очень населенное и въ особенности изобиловавшее всякаго рода подозрительнымъ людомъ.

Нагрянувъ нежданно сюда и подкативъ къ одному изъ кабаковъ, гдѣ наиболѣе толпилось всякаго зброду, Алексѣй Петровичъ велѣлъ быстро окружить галдѣвшую толпу и войдя въ ея средину, повелъ къ незнакомцамъ такую рѣчь:

— Ну, ребята! вынимай паспорты.

— Какіе паспорты! Гдѣ намъ ихъ взять? смущенно загудѣла толпа, видя предъ собой начальство, а вокругъ десятскихъ, понятыхъ.

— Знаю, знаю, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, всѣ вы безъ паспортовъ, съ вами расправа скорая, какъ съ бродягами; но скажите мнѣ, милые люди, не былъ-ли тутъ недавно одинъ человѣкъ, Ѳедоръ Ивановъ, служившій у гр. Мусина-Пушкина, и если былъ, то куда пошелъ? Говорите правду, а то я васъ всѣхъ прикажу перепороть и запроторю въ Сибирь.

Нѣсколько человѣкъ выступили изъ толпы и объявили, что видѣли этого человѣка, что онъ былъ въ Окуловкѣ недѣли три тому назадъ и хотѣлъ итти въ Вышній Волочокъ, гдѣ у него есть любовница, крестьянка Анна Петрова, живущая за городомъ у лѣса.

Три недѣли прошло и со времени совершенія кражи. Очевидно, что Ѳедоръ, обдѣлавши успѣшно свое дѣло, поспѣшилъ уйти куда нибудь подальше, чтобы невольно не выдать себя. Сообразивши все это, Алексѣй Петровичъ распустилъ задержанныхъ бродягъ, послалъ нѣсколькихъ вѣрныхъ людей по дорогамъ къ Вышнему Волочку и телеграфировалъ тверскому губернатору, чтобы немедленно по полученіи его телеграммы были посланы въ Вышній Волочокъ

опытные жандармы—схватить находящагося у крестьянки Анны Петровой преступника.

Люди, посланные Алексѣемъ Петровичемъ, скоро напали на слѣды вора: трактирщики проговорились, что недѣли три тому назадъ шелъ по направленію къ Вышнему Волочку какой-то человѣкъ, который за все, что ни спрашивалъ у нихъ, расплачивался серіями и, когда они выражали по этому поводу свое удивленіе, хвастался, что у него денегъ куры не клюютъ. Очевидно, это былъ Ѳедоръ Ивановъ.

Жандармы, прибывши въ Вышній Волочокъ, разыскали избу Петровой и въ первый-же вечеръ окружили ее. Подойдя къ избѣ, они увидѣли слѣдующую картину: у стола на лавѣ сидѣли молодые мужчина и женщина, на столѣ была разостлана поддевка, съ отпоротой подкладкой, мужчина бралъ съ лавы кипы депозитокъ и серій, женщина раскладывала ихъ подъ подкладку и постепенно зашивала. Двери были тотчасъ-же, конечно, выломаны, обое немедленно арестованы и отправлены подъ стражей въ Окуловку.

Ѳедоръ сознался въ совершеніи кражи, но этого было мало: при немъ денегъ найдено было всего пять тысячъ, нужно было допытаться, гдѣ спрятаны остальныя. Арестантъ упорно молчалъ, Алексѣй Петровичъ придумалъ способъ развязать ему языкъ. Онъ велѣлъ вечеромъ привести его къ себѣ и повелъ съ нимъ длинную задушевную рѣчь: съ участіемъ распрашивалъ о прежней жизни преступника, его семьи и родныхъ, разсказывалъ самъ разные подходящіе къ разговору случаи изъ жизни бѣднаго люда, толковалъ о томъ, какъ трудно пробиться въ жизни бѣдному человѣку и какъ нерѣдко попадаетъ онъ въ бѣду, въ искушеніе, самъ того не желая и не соображая. Свѣдѣній такого рода у Алексѣя Петровича былъ огромный запасъ, говорилъ онъ живо, увлекательно, сердечно. Слѣдователь въ его лицѣ на эту пору совсѣмъ закрылся, предъ Ѳедоромъ Ивановымъ сидѣлъ умный, рѣчистый, бывалый, душевный человѣкъ. Между тѣмъ подали самоваръ. Алексѣй Петровичъ налилъ арестанту чаю, а скоро прибавилъ ему и себѣ рому. Ѳедоръ заслушался, Алексѣй Петровичъ продолжалъ говорить и все больше и больше подливалъ въ стаканъ своего собесѣдника рому. Тотъ разогрѣлся, оживился и самъ заговорилъ. Видя, что онъ разблажился и готовъ идти на откровенность, Алексѣй Петровичъ вос-

пользовался удобнымъ моментомъ и сказалъ ему прямо въ упоръ: «знаешь что, братъ, все равно ужъ попался—наказаніе будетъ одинаковое, что за кражу пяти тысячъ, что за кражу двухсотъ пятидесяти тысячъ—скажи-ка, гдѣ ты спряталъ сундукъ съ деньгами?» — «Эхъ, баринъ, баринъ, никому не сказалъ-бы, отвѣчалъ подпившій Ѳедоръ, но ужъ вы мнѣ больно по сердцу пришлись. Вотъ вамъ—подъ Окуловкой есть лѣсъ, на опушкѣ стоятъ три старыя ели, между ними закопанъ сундукъ, сверху, чтобы не было замѣтно свѣжей земли, прикрыто мхомъ. Тамъ всѣ деньги, кромѣ семи тысячъ, изъ которыхъ пять здѣсь на лицо, а двѣ протратилъ».

Дѣйствительно, все было такъ, какъ говорилъ арестантъ; деньги были найдены и доставлены Мусину-Пушкину. Анна Петрова оказалась соучастницей въ преступленіи.

Мусинъ-Пушкинъ не зналъ, какъ благодарить Алексѣя Петровича, и предложилъ ему въ вознагражденіе за понесенные труды десять тысячъ; но Алексѣй Петровичъ отказался отъ такого крупнаго гонорара, возвративъ себѣ только расходы по слѣдствію. «Раскрыть преступленіе, говорилъ онъ, доставляетъ мнѣ величайшее наслажденіе; этимъ я и бываю вполнѣ вознагражденъ за свои труды».

Н. Стороженко.

ИЗЪ ДѢЛЪ ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ГЕТМАНСКОЙ ЧЕСТИ.

Въ рукахъ моихъ находятся три дѣла, относящіяся къ последнимъ годамъ гетманщины, объ оскорбленіи гетманской чести «дерзновенными словами»[1]). Дѣла эти, несомнѣнно, являются характерными для своего времени. Надо думать, что эти случайно попавшіяся мнѣ три дѣла—лишь капля въ морѣ того кляузничества, которымъ отличалось новонародившееся «благородное мало-

---

[1]) 1754 г. Дѣло генеральной войсковой канцеляріи по доносу асаула полкового переяславскаго Пилипенка на асаула того полку Лукашевича о сказываніи имъ дерзновенныхъ словъ.

1757 г. Дѣло полковой кіевской канцеляріи по письму войсковаго товарища и управителя дому Адамовскаго Семена Пустоты о произнесенныхъ с. Козари жи-

россійское шляхетство». Быть можетъ и описаніе этой капли пригодится для картины нашей старины.

Въ 1754 году въ Переяславѣ судились «за грунта» два полковые асаула: Михаилъ Лукашевичъ и Яковъ Пилипенко. Въ присутствіи полковой канцеляріи первый изъ нихъ «дерзновеннымъ словомъ» задѣлъ честь гетмана, о чемъ второй не замедлилъ донести сначала полковнику, а затѣмъ и въ войсковую генеральную канцелярію. «Дерзновеніе» состояло въ указаніи, сдѣланномъ, собственно говоря, весьма кстати, на происхожденіе гетмана изъ простыхъ и бѣдныхъ козаковъ. Когда Пилипенко, указывая на незнатность происхожденія и бѣдность Лукашевича, сказалъ, что «онъ Пилипенко вѣдалъ отца Лукашевичевого еще въ одѣяніи копвeристомъ», то Лукашевичъ отвѣчалъ на это: *«спитай ясневельможного, чи давно, якъ ходилъ»*... Вотъ это и были «дерзновенныя слова». Два свидѣтеля передали эти слова Лукашевича въ такой редакціи: «не диковинка де то, что изъ убогихъ людей выслужилъ себѣ шляхетство: пойди де, спросись его ясневельможности». Самъ-же Лукашевичъ, когда подвергнутъ былъ формальному допросу, показалъ, что когда Пилипенко укорилъ его, будто онъ «получилъ чинъ асаульства полковаго «валентировавши», то онъ на это «выговорилъ сіи слова: пойди, спитай ясневельможного; и тое сказалъ не въ иномъ какомъ разумѣ, но токмо къ сему, что де пожалованъ онъ не зъ валентировъ, но за службы и по достоинству къ тому чину; сего жъ въ тѣ пори не успѣлъ объяснить за тѣмъ, что вскорѣ Пилипенко учалъ протестовать о своемъ доносѣ».

Войсковая генеральная канцелярія, «не могучи по тому дѣлу учинить рѣшенія», представила оное на усмотрѣніе самаго графа Разумовскаго: «ежели не соизволено будетъ назначить оному Лушевичу присяги, что точно въ томъ, а не въ другомъ разумѣ онъ говорилъ выше выраженныя рѣчи, то какъ инако по сему дѣлу поступитъ». Очевидно, генеральная канцелярія не видѣла въ сви-

---

телемъ Ст. Домонтовичемъ високой ихъ високо графскихъ сіятельствъ господъ Разумовскихъ чести рѣчахъ вредителнихъ.

1764 г. Дѣло войсковой генеральной канцеляріи по репорту полковой кіевской канцеляріи о наказаніи носовскаго козака Буцона за продерзостніи слова противъ умершей графини Н. Д. Разумовской.

дѣтельскихъ показаніяхъ рѣшительнаго обвиненія Лукашевича; гетманъ-же эти показанія считалъ достаточными и, запретивъ давать Лукашевичу присягу, предложилъ генеральной канцеляріи «учинить окончаніе дѣла по указамъ и правамъ и представить съ мнѣніемъ, чему виновный за то подлежать долженъ».

Неизвѣстно, по какимъ «указамъ и правамъ», но генеральная канцелярія рѣшила дѣло такъ: «асаула полкового переяславского Лукашевича за произнесенные дерзновенные слова, толь еще паче, что въ судебномъ мѣстѣ, гдѣ дѣла его императорского величества отправляются, въ произнесеніи як..хъ онъ чрезъ свидѣтельство трехъ персонъ обличился, *лишить чина и чести вовся и особливо денежно оштрафовать, взыскавъ съ него сто фунтовъ чистого золота*».

Между тѣмъ Лукашевичъ, уже шестой мѣсяцъ содержавшійся подъ арестомъ въ Глуховѣ, подалъ графу Разумовскому слезное прошеніе, въ которомъ просилъ освободить его по крайней мѣрѣ «ради нынѣшняго высочайшаго торжества рожденія его императорского высочества великаго князя Павла Петровича».

Графъ Разумовскій на докладѣ войсковой генеральной канцеляріи положилъ такую резолюцію: «хотя оный Лукашевичъ за его продерзость къ наказанію и штрафу присуждается достойно, однако мы склонность больше къ отпущенію вины надлимъ въ погрѣшность и въ повиновеніе приходящимъ имѣя, нежели ко оштрафованію, а притомъ находясь въ разсужденіи, что оный Лукашевичъ держится уже нѣсколько времени подъ карауломъ, найпаче-же, что отъ ноября 1-го дня, въ который въ Глуховѣ при молебственномъ пѣніи публикованъ экземпляръ высочайшаго именного его императорского величества указа о благополучномъ разрѣшеніи ея императорского высочества отъ именного бремени, поднесъ тамо въ Глуховѣ на имя наше прошеніе о прощеніи той его винности, ту его винность и положенный на него штрафъ оставляемъ и предлагаемъ генеральной войсковой канцеляріи оного Лукашевича, освободя изъ-подъ караулу, отпустить въ полкъ и въ домъ его, внушивъ какъ ему, *такъ и асаулу Пилипенку* впредь воздерживаться отъ непристойныхъ словъ, въ чемъ обоихъ обовязать подписками».

Въ 1757 году служившій на мельницѣ графа Разумовскаго «мѣрочникомъ» Максимъ Белмасъ, поссорившись съ односельча-

нивомъ своимъ козакомъ Домонтовичемъ, обвинилъ его въ оскорленіи чести «ихъ высокографскихъ сіятельствъ», о чемъ и подалъ доносъ «приказчику дому ея сіятельства г-жи Разумовской» графу Бѣлопольскому. Въ доносѣ этомъ Белмасъ писалъ, что когда онъ, на вопросъ Домонтовича, назвалъ себя графскимъ мѣрочникомъ, то «онъ Домонтовичъ безъ всякихъ прекословій началъ говорить при людяхъ, тамо будучихъ, тое, что были де господа Везбахъ и фелтмаршалъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сихъ поберетъ Разумовскихъ; въ то время заспорилъ я нижайшій за ихъ сіятельскую честь, сталъ говорить: брани и бій мене, а господской чести такими непотребными речами не понось».

«Управитель дому» Разумовскихъ, войсковой товарищъ Семенъ Пустота, когда представленъ былъ ему этотъ доносъ, собственною своею властію произвелъ слѣдствіе, самъ записалъ показанія свидѣтелей и отправилъ все это къ полковнику кіевскому Дарагану, прося его «поступить съ нимъ лгателемъ въ силѣ указовъ, дабы мнѣ и протчимъ за то подъ отвѣтомъ не быть».

Показанія записаны были въ одной и той-же формѣ: показалъ де такой-то «подъ совѣстію, что Домонтовичъ честь графскую ругалъ и къ черту посылалъ, въ томъ саморучно написалъ святый крестъ». Кресты, дѣйствительно, стоятъ подъ всѣми четырьмя показаніями.

Но полковая старшина не удовлетворилась такимъ «партикулярнымъ» слѣдствіемъ и произвела новое, къ которому доставленъ былъ въ полковую канцелярію обвиняемый Домонтовичъ, давно уже содержайшійся подъ карауломъ. Изъ даннаго имъ здѣсь показанія оказывалось, что ругалъ онъ не графа, а самого Белмаса, который взималъ съ козарскихъ жителей лишніе поборы за помолъ: «ты тотъ мѣрочникъ, говорилъ онъ Белмасу, что отъ всякого четверика берешь по копійки денегъ трикалю, кромѣ надлежащаго въ млинъ ковша; прежде сего тамошними козарскими мелницями владѣли господа Вейзбахъ и Минихъ, которіе нынѣ досталися во владѣніе его сіятельству; были и тогда мѣрочники такіи, какъ и ты, кои обижали, да побралъ ихъ дѣдко, то и тебе озметъ».

Не смотря на заявленный Домонтовичемъ отводъ свидѣтелей, выставленныхъ Белмасомъ, они были приведены къ присягѣ и три человѣка согласно показали, что во время ссоры Домонтовича съ

Белмасомъ, когда они «разными словами бранились за взимаемій онимъ Белмасомъ тринкалъ отъ мѣрочки по копѣйки», то Домонтовичъ дѣйствительно сказалъ такъ: «были Вейзбахъ и Минихъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сѣмъ достанется, поздоровъ Боже моего Евфима, г. полковника кіевского»... Полковая канцелярія порѣшила, «какъ самого его Домонтовича подъ карауломъ, такъ и произведенное объ немъ все подлинное дѣло подъ високое разсмотрѣніе отправить примо въ Глуховъ къ его ясновелможности високоповелительному г. гетману».

Къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно, какой результатъ имѣло это «разсмотрѣніе»; но надо думать, что Домонтовичъ не избѣгъ наказанія.

Весьма чувствительному наказанію подвергся напр. въ 1764 году козакъ Буцолъ за такое-же оскорбленіе чести «покойной матушки» гетмана.

Приказчикъ м. Носовки, маетности графини Разумовской, войсковой товарищъ Самойловскій донесъ сотенному правленію, что козакъ Буцолъ, когда отбирали отъ него, по рѣшенію коммисіи, грунтъ во владѣніе Разумовской, «бранилъ ея сіятельство матерно, говоря: нехай де свои забирають и отдають коморы, а не его Буцола». Это было въ 1760 году, но такъ какъ въ сотенномъ правленіи производилось «судное вожденіе съ крайнимъ медленіемъ», то дѣло это рѣшено было только въ концѣ 1763 года, благодаря присланнымъ изъ полковой канцеляріи особымъ слѣдователямъ. Приходилось въ этомъ дѣлѣ положиться лишь на присягу самого Буцола, но онъ на то время не явился, изъ чего, заключили слѣдователи, ясно доказывается, что Буцолъ, чувствуя свою винность, той присяги выконать не похотѣлъ». Войсковая генеральная канцелярія, получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ въ генварѣ 1764 г., предписала «въ страхъ другимъ учинить наказаніе безпоблажно», каковое «публичное и безпоблажное наказаніе» и было исполнено въ полковой кіевской канцеляріи, куда для присутствія при наказаніи приглашался и войтъ м. Носовки и приказчикъ Самойловскій.

Старшина малороссійская, подобнымъ образомъ оберегавшая честь гетмана отъ «дерзновенныхъ словъ», весьма строго относилась и къ словамъ противъ «пановъ» урядниковъ. Такъ имѣющійся у меня отрывокъ дѣла переяславской полковой канцеляріи

1751 года представляетъ любопытное обвиненіе одной козачки, которая, сопротивляясь исполненію указа полковой канцеляріи, присуждавшаго отобрать отъ нея винокурню, «съ сокирою» въ рукахъ стояла на дверяхъ и кричала, что «то брехня, а не указъ, *чортъ его далъ, а не паны*, и она того указу не слушаетъ, а атаманъ ежели наатаманований, то иновъ-бы въ тую винокурню умазанниxъ тамо казановъ выкидать, ибо она хотя сама душею поляжетъ, а казановъ своихъ съ той спорной винокурни выбросать не допуститъ».

Полковникъ Сулима, предписавши содержать означенную козачку подъ карауломъ, счелъ нужнымъ донести о «непотребныхъ рѣчахъ ея» въ военную генеральную канцелярію, откуда и получилась было такая резолюція: «ежели подлинно отъ оной Стеценковой непристойніе рѣчи говорены, то оную въ страхъ другимъ наказать плетьми». Но *подлинно-ли* говорила она такія именно слова, за которыя собственно и преслѣдовалась, слѣдствіе убѣдить не могло и козачка была отпущена на «добрые поруки»; но чѣмъ дѣло кончилось и миновали-ли ее плети—неизвѣстно.

Ал. Андр.

ЛЮБОПЫТНЫЙ СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ ВЪ ГАДЯЧѢ.

Кому неизвѣстно, что письменные памятники нашей исторіи, наполнявшіе когда-то цѣлые архивы и пригодившіеся-бы теперь для уясненія того или иного вопроса прошлой жизни, въ громадномъ числѣ давно уже исчезли, или продолжаютъ быстро исчезать, благодаря невѣжеству однихъ, равнодушію другихъ. Подобная судьба постигаетъ и частные, фамильные архивы и развѣ случайнымъ образомъ гдѣ либо въ захолустной глуши уцѣлѣла одна-другая связка старыхъ документовъ, или какой нибудь старинный сборникъ.

Въ одномъ изъ нашихъ захолустій, именно въ Гадячѣ (полтавской губерніи), пришлось мнѣ случайно найти любопытный старинный сборникъ, съ которымъ хочу познакомить читателей «Кіевской Старины». Но прежде нѣсколько словъ о прошломъ Гадяча и судьбѣ его архивныхъ памятниковъ.

Въ гетманство Богдана Хмельницкаго, гадячскій повѣтъ былъ причисленъ къ полтавскому полку, и составлялъ собою староство (волость), находившееся при гетманской булавѣ.

Но уже съ 1661 года, въ гетманство Юрія Хмельницкаго, гадячская волость дѣлается особымъ полкомъ, отдѣльнымъ отъ полтавскаго [1]). Въ теченіи всего гетманскаго періода (1648—1764 г.). Гадячъ выступаетъ то пунктомъ частыхъ военныхъ столкновеній, то пунктомъ знаменитаго федеративнаго договора Выговскаго съ Польшей, то мѣстопребываніемъ того или иного гетмана.

Былъ въ Гадячѣ и полковой архивъ, хранившійся, по уничтоженія полка, при городской ратушѣ. О количествѣ находившихся въ немъ дѣлъ можно судить по тому, что когда въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія ратуша переходила на новую квартиру, то для перевозки ея архива, какъ передавала мнѣ бывшая владѣлица новаго помѣщенія ратуши, потребовалось до 15-ти воловыхъ подводъ. Перевезенный тогда архивъ былъ помѣщенъ подъ крышами амбаровъ. Отсюда-то и началось тасканіе разныхъ документовъ: таскали ихъ въ лавки для завертки товаровъ, таскали на растопку печей, таскали къ переплетчикамъ. Мнѣ пришлось видѣть въ мѣстной библіотекѣ переплетъ, сдѣланный несомнѣнно изъ документовъ полковаго архива, заключавшихъ въ себѣ, насколько можно было разобрать, цифры отпускаемыхъ полковой канцеляріей въ сотни разныхъ припасовъ: муки, крупы, пороху и пр.

Такъ и исчезъ безслѣдно огромный гадячскій полковой архивъ.

Побывавъ въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, я нашелъ здѣсь сборникъ рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка [2]). Сборникъ переплетенъ въ кожаный переплетъ, сильно впрочемъ попорченный. Въ началѣ сборника находится

---

[1]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 728.

[2]) Этотъ сборникъ перенесенъ въ мѣстный соборъ, по всей вѣроятности, изъ бывшей въ Гадячѣ Богоявленской церкви, выстроенной гетманомъ Брюховецкимъ и послужившей послѣ мѣстомъ для его погребенія (Соловьевъ, т. 12, стр. 36). По крайней мѣрѣ, при томъ-же соборѣ имѣется образъ Матери Божіей, колоколъ и другія вещи, перенесенныя изъ Богоявленской церкви. Сохранилось мѣстное преданіе, что, при вскрытіи могилы Брюховецкаго, для перевозки остатковъ его въ м. Лютеньку, самый гробъ былъ найденъ висящимъ на толстыхъ же-

опись документовъ, первые два листа которой уничтожены. Всѣхъ документовъ около 400. Нѣкоторые изъ нихъ попорчены (проѣдены), а другіе и совсѣмъ вырваны; такихъ впрочемъ очень не много. Древнѣйшіе по времени документы относятся къ 1708 и 1709. Документы эти слѣдующіе:

1) Указы высокомонаршіе о измѣнѣ Мазепы, съ королемъ шведскимъ согласившагося.

2) Продолженіе журнала, бывшаго подъ Переволочною отъ князя Меншикова: о взятію въ полонъ шведского войска со всѣми ихъ припасами военными.

3) О измѣннику Мазепѣ и запорожскомъ кошевому, Гордѣенкѣ, измѣннику-жъ; и о протчихъ запорожскихъ измѣнникахъ.

Затѣмъ въ сборникѣ слѣдуетъ пропускъ до 1729—30 года. Изъ документовъ этихъ годовъ меня въ особенности заинтересовали тѣ, которые относятся къ характеристикѣ семейной жизни козачества лѣвобережной Украины въ первой половинѣ XVIII вѣка. Это 1) указъ изъ св. синода о прелюбодѣяхъ и прелюбодѣйцахъ (1729 года); 2) о хоружемъ нѣжинскомъ Величковскомъ, который законную жену свою оставилъ, съ другою живетъ (1729 года); 3) указъ пастырскій о Величковскомъ и Дудченкѣ, коимъ они, если не покаются, предаются проклятію (1730 года) и 4) о разрѣшеніи отъ клятвы хоружаго нѣжинскаго Величковскаго.

Названные документы, въ связи съ другими однородными, въ томъ-же сборникѣ заключающимися и мною просмотрѣнными документами, приводятъ къ заключенію, что неудачная семейная жизнь и сопряженные съ нею разрывы браковъ были явленіями заурядными въ ту пору среди козачества лѣвобережной Украины. Св. синодъ въ своемъ указѣ архіепископу кіевскому Варлааму Ванатовичу предлагаетъ ему обратить особенное вниманіе на разрывы браковъ и на незаконное сожительство служивыхъ людей Малороссіи. Въ указѣ по дѣлу Величковскаго прямо говорится: «въ епархіи вашего преосвященства много обрѣтается таковыхъ служивыхъ людей, которые дерзаютъ, оставивши первую или другую законную свою жену, другую беззаконно къ себѣ принимать». И тотъ-же указъ выясняетъ и причину, которая побуждала козаковъ

оставлять законныхъ женъ, когда говоритъ: «такожде и другіе (кромѣ Величковскаго), съ *четверолѣтняго походу* пришедши, просятъ на женъ своихъ, въ прелюбодѣяніе впавшихъ и беззаконно родившихъ, допустить ихъ другихъ понять». А Величковскій въ своемъ доношеніи св. синоду писалъ: что «онъ (Величковскій) де, лѣтъ 16 тому назадъ, понялъ законнымъ бракомъ дѣвицу Ефимію Заруцковну въ жену. И за отсутствіемъ де его отъ дому, въ частые, по указамъ, войсковіе походы, оная его жена пьянствовала и жила непостоянно. И въ такомъ де пьянствѣ безчинствовала и прелюбодѣйствовала, да еще и въ чародѣйство стала уклонятися».

И такъ козаки оставляли законныхъ женъ не вслѣдствіе личнаго распутства или стремленія къ разгульной жизни, но въ виду нарушенія ихъ женами супружеской вѣрности въ продолжительное отсутствіе мужей и невозможности востановить правильное теченіе семейной жизни.

Не смотря на то, высшее духовное начальство, какъ видно изъ перечисленныхъ нами документовъ, строго относилось къ жалобамъ козаковъ, просившихъ развода. Синодъ разсуждалъ, что «ежели мужья то учинятъ (т. е. получатъ право развода), то и жена пущенница востребуетъ благословенія посягнути законнаго мужа. Также другіе, кромѣ словеси прелюбодѣйнаго, вознегодовавши законными женами, начнутъ беззаконовать. А жены, кромѣ всякой вины, возгнушавши мужами своими, тоже начнутъ дѣлать, чтобы беззаконіе ихъ было виною разлученія». А потому, писалъ онъ Варлааму Ванатовичу, «къ разрѣшенію, ваше преосвященство, да не дерзнетъ, чтобы о томъ учинить резолюцію». Въ результатѣ такого строгаго запрещенія, получались браки «по самовольной волѣ», съ участіемъ впрочемъ «совѣта мірской старшины». Но духовная власть расторгала такіе браки, а заключившихъ оные разсылала по монастырямъ, когда-же имъ удавалось ускользнуть изъ заточенія и снова сойтись, отлучала отъ церкви и предавала анафемѣ. Упомянутый уже не разъ хоружій Величковскій въ поданной имъ синоду жалобѣ такъ описываетъ постигшее его за самовольный бракъ отлученіе: «велѣно прибить къ церквамъ письменныя объявленія: дабы мене и домашнихъ моихъ нигдѣ въ церкви Божія не пускать. А уже тому пять лѣтъ, какъ мы церковнаго входа и святыхъ таинствъ со всѣмъ домомъ лишены. И люди

въ домѣ моемъ помираютъ безъ исповѣданія, и въ землю кладутъ ихъ безъ всякаго церковнаго чинопослѣдованія».

Такія данныя семейной жизни козачества XVIII в. въ лѣвобережной Украйнѣ представляютъ документы найденнаго мною сборника. Въ немъ, кромѣ того, есть еще не мало другихъ историческихъ данныхъ, какъ напр. «запрещеніе священникамъ перевязываться рушниками на свадьбахъ и упиваться»; «приказъ объ отсылкѣ дѣтей въ школы»; о бѣгствѣ монаховъ»; о бѣгствѣ солдатъ изъ Великороссіи въ Малороссію и наконецъ указъ Петра къ Малороссійскому народу о содержаніи овецъ въ Малороссіи по шленскому обыкновенію. Въ этомъ указѣ приводится обвиненіе на Полуботка и Савича за то, что они, получивъ правила, какъ слѣдуетъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію, не объявили ихъ народу малороссійскому: «яко, говоритъ Петръ, недоброжелательные своему отечеству и намъ, не хотѣли видѣть въ дѣйствѣ повелѣнія нашего и оное утаили и никому тѣхъ не объявили регулъ». Сборникъ заканчивается на 1742 г. Къ этому году относится списокъ[1]) церквей, священниковъ и діаконовъ, находившихся въ гадячскомъ полку. Въ самомъ Гядячѣ было: 10 священниковъ и 3 діакона при 6-ти церквахъ (теперь 5 священниковъ, 1 діаконъ при 5 церквахъ). Въ селахъ было въ 1742 г. 43 священника при 33 церквахъ.

Изъ этого краткаго описанія сборника можно видѣть, что и въ самой захолустной провинціи уцѣлѣли еще кой-гдѣ нѣкоторыя крупицы историческаго матеріала. Подаю о нихъ во всеобщее свѣдѣніе въ той мысли, что въ дѣлѣ исторіи такъ мало разработанной, какъ наша, и такія незначительныя свѣдѣнія пригодятся кому либо въ общей работѣ и что изъ-за большаго не слѣдуетъ пренебрегать малымъ.

Николай Бакай.

---

[1]) Списокъ составленъ по случаю присяги императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИМУЩЕСТВѢ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО.

Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ помѣщена была мною краткая замѣтка объ оставшемся послѣ смерти коадъютора кіевской митрополіи, преосвященнаго Иринея Фальковскаго имуществѣ, наслѣдникомъ котораго были три племянника его, братья Бодянскіе, въ томъ числѣ священникъ Максимъ Бодянскій, сынъ извѣстнаго московскаго профессора О. М. Бодянскаго. Въ этой замѣткѣ переданы были мною свѣдѣнія о самомъ имуществѣ и о томъ, какъ производилась и во что обошлась опись онаго. Чѣмъ и когда кончилось дѣло объ этомъ наслѣдствѣ и кому оно досталось, оставалось неизвѣстнымъ.

Нынѣшнею осенью мнѣ случайно пришлось купить въ Москвѣ ворохъ разныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ нашлись и такія, изъ коихъ видна дальнѣйшая судьба оставшагося по смерти преосвященнаго Иринея имущества.—Какъ извѣстно, преосвященныйИриней скончался въ 1823 г., дѣло-же объ оставшемся послѣ него имуществѣ закончено лишь въ 1841 г., слѣдовательно тянулось цѣлыхъ 18 лѣтъ. Когда одинъ изъ наслѣдниковъ, всего менѣе интересовавшійся полученіемъ наслѣдства, именно отецъ профессора Бодянскаго, пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи дѣло объ имуществѣ его дяди, то получилъ (вѣроятно въ 40-мъ году) отъ своего повѣреннаго, нѣкоего Павла Кондзеровскаго такой отвѣтъ: «Вмѣсто того, что вы изволили считать оное въ производствѣ по губернскому правленію, едва удалось найти и вытащить изъ съѣзжей 3-й части города. Губернское правленіе передало дѣло сіе въ уѣздный судъ, для рѣшительнаго опредѣленія о вызовѣ родственниковъ и передачѣ имъ всего имущества и денегъ послѣ умершаго чигиринскаго епископа Иринея; но какъ уѣздный судъ встрѣтилъ препятствіе по не назначенію вещамъ и деньгамъ цѣны, то дѣло съ описями отослалъ отъ себя въ кіевскую полицію, съ требованіемъ сдѣлать посредствомъ оцѣнщиковъ оцѣнку тѣмъ вещамъ и книгамъ и потомъ обратить въ уѣздный судъ. Для исполненія сего, полиція отправила все дѣло въ часть, гдѣ оное также около году пролежало, и ничего не дѣлано, кромѣ того, что часть принялась было

нанимать, на счетъ суммы покойнаго-же, описателя книгъ и каталога, составляющихъ самое важное имущество изъ всѣхъ нажитковъ.

По сему предмету епископъ Кириллъ (Куницкій) отозвался, что найдутся у него способные люди безъ всякой заплаты сдѣлать переводы книгамъ заславнымъ. За всѣмъ тѣмъ и къ продажѣ вещей полиція еще не приступала по несдѣланной оцѣнкѣ. Вещи сіи, говорятъ, многіе уже приходятъ отъ ветхости въ порчу, и по описѣ значутся не весьма завидными. Сколько могу припомнить, то оные состоятъ: изъ двухъ образовъ безъ оклада, паначія серебряной матеріи съ образомъ Спасителя на финифтѣ, двое серебряныхъ часовъ, 3-хъ паръ старыхъ ножей, двухъ подсвѣчниковъ, мѣднаго таза, трехъ или четырехъ рясъ старыхъ, старой енотовой рясы, плисомъ покрытой и другихъ весьма мелкихъ вещей,—далѣе: изъ 1000 экземпляровъ книгъ дорогой цѣны, въ числѣ коихъ 411 разныхъ священныхъ и вообще россійскихъ. 389-ть латинскихъ и 200 французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ, наконецъ денегъ:

Ассигнаціями и мѣдью	1094	54½ к.
Серебромъ цѣлковыхъ.	404	80 к.
Голандскихъ червонцовъ	7	
И полуимперіаловъ.	2.	

Вещи и книги хранятся въ Михайловскомъ монастырѣ, а деньги въ приказѣ общественнаго призрѣнія, о сихъ послѣднихъ я найвѣрнѣе справился, что они существуютъ въ цѣлости, что съ 1830-го года полагается еще на нихъ и процентъ по 3% со ста. Мнѣ кажется, естли ожидать, покудова продадутся съ аукціона вещи и книги, то на это много времени понадобится; тогда вещи придутъ въ совершенную негодность, а книги могутъ быть лучшіе обмѣнены, а другіе и вовсе растрачены, когда только не станетъ нынѣшняго епископа Кирилла; слѣдовательно вамъ-бы поступить такъ, какъ здѣсь совѣтуютъ, чтобы собраться всѣмъ тремъ братамъ вмѣстѣ, имѣя при семъ каждому удостовѣреніе о ближайшемъ родствѣ покойнику, выведя происхожденіе по линіи, да и раздѣлить между собою все, что есть на лицо» [1]).

[1]) Заключеніе уѣзднаго суда есть уже одно, что какъ по опубликованіи чрезъ газеты по узаконенному сроку никто не явился, то родственники или наслѣдники, буде явятся, непремѣнно имѣли-бы выше поясненные документы; иначе

Въ іюлѣ 1841 г. дѣло о наслѣдствѣ было наконецъ окончено. Рѣшеніемъ кіевскаго уѣзднаго суда наслѣдниками признаны протоіереи Павелъ и Илья Бодянскіе и священникъ Максимъ Бодянскій. Вызовы для явки въ судъ посланы всѣмъ 3-мъ братьямъ чрезъ мѣстныя полиціи, но до о. Максима, какъ жившаго въ деревнѣ, извѣщеніе дошло весьма не скоро, и когда братъ Илья извѣстилъ его о послѣдовавшемъ рѣшеніи, онъ отказывался отъ поѣздки въ Кіевъ и отъ самаго наслѣдства и писалъ между прочимъ слѣдующее.

‹Скажу вамъ и совѣтую избрать благую часть и запѣчатлѣть твердо душевнымъ усердіемъ таковую; вы и братъ будучи покойнаго Иринея воспитанниками и наставниками въ извѣстное время, а что вы благодаря Всевышняго, нынѣ имѣете полность во всемъ сей жизни и не нуждаетесь въ тѣхъ частяхъ, что по смерти покойнаго осталось, а опредѣливъ всю свою и мою часть, какъ въ деньгахъ, такъ равно и въ вещахъ и книгахъ, оныя въ кіевскую академію, а деньги и вещи въ монастыри кіевскіе, тѣ, гдѣ онъ при жизни находился, кои вамъ не безъизвѣстны; вотъ какое мое мнѣніе и желаніе, и тѣмъ-бы можно для его покойника души и для вашего вѣчнаго блаженства приготовить. Сего я душевно и истинно желаю.

Твердо васъ увѣряю о непоѣздѣ своемъ въ Кіевъ безъ извѣщенія законнымъ порядкомъ отъ суда, чрезъ кого слѣдуетъ, и что буди и сынъ мой старшій не возвратится съ посланныхъ чежеземныхъ мѣстъ сего года въ домъ и Москву, то все я могу иными средствами получить и на богоугодное дѣло опредѣлить, а не такъ, какъ вы съ братомъ первоначально и теперь мыслите. Совѣтую не прилѣпляться таковой временной части и тяжести›.

Къ сему отецъ славнаго нашего профессора добавляетъ слѣдующія строки, рисующія его полное безкорыстіе въ дѣлѣ наслѣдства:

‹Давно мое желаніе есть у васъ побувать, но не на чѣмъ и не съ кѣмъ пріѣхать, лошади 3 отобраны тому уже третій годъ, все пѣшкомъ по приходу ѣзжу, и одѣться не чѣмъ по приличнѣе: сему вы вѣрьте›.

продажа съ публичнаго торгу и въ 5-ть лѣтъ едва-ли состоится. Да и самыя книги если онымъ дѣлать въ переводѣ каталогъ, то потребуется не менѣе полугода времени›.

Это достойное отца нашего историка письмо писано 3 сентября 1841 г., а при немъ находится снятая имъ 24 сентября копія съ рѣшенія кіевскаго уѣзднаго суда о наслѣдствѣ и въ концѣ оной такой общій разсчетъ: «Всѣхъ денегъ 1,661 руб. 52 коп., употреблено въ расходъ 309 руб. 92 коп., остается 1,351 руб. 60 к. На три части—каждая по 450 руб. 53 коп.». Какое употребленіе сдѣлано братьями Бодянскими изъ доставшихся имъ частей, о томъ свѣдѣній не имѣемъ. Не сомнѣваемся впрочемъ, что почтенный батюшка Осипа Максимовича употребилъ свою часть такъ, какъ писалъ брату своему Ильѣ Гавриловичу въ письмѣ отъ 3-го сентября.

А. Титовъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ АВТОРСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Сорокъ лѣтъ назадъ, когда у насъ существовало всего двѣ газеты и два-три журнала, а отдѣльныя книги появлялись лишь изрѣдка и въ маломъ числѣ, увидѣть свое имя въ печати казалось чѣмъ-то необычайнымъ и людямъ наивнымъ доставляло дѣтское наслажденіе. На эту слабость людскую разсчитывали авторы и издатели, помѣщая при своихъ изданіяхъ печатные списки своихъ подписчиковъ и объявляя объ этомъ заранѣе, предъ выходомъ изданія. Выводились титулы подписчиковъ, обозначались мѣста ихъ жительства; сами они выставлялись чрезъ то какъ-бы по преимуществу людьми образованными и любознательными. Само собою разумѣется, что это вліяло на подписку, а числомъ подписавшихся измѣрялись успѣхъ изданія и честь автора.

Существовавшему обычаю подчинился и нашъ поэтъ предъ изданіемъ его перваго произведенія: «Гайдамаки». Гдѣ-то и когда-то онъ пообѣщалъ припечатать такой списокъ; но при самомъ изданіи раздумалъ, потому-ли, что вдумался въ смыслъ обычая, или потому, что подписчиковъ оказалось мало. И вотъ на обложкѣ доставленнаго ему печатнаго экземпляра «Гайдамакъ» онъ пишетъ слѣдующее шуточное объясненіе къ подписчикамъ.

Панове субскрибенты!

«Бачимо, бачимо, що одуривъ, та ще хоче и одбрехацця! Оттакъ вы вслухъ подумаете, якъ прочитаете мои Гайдамаки. Панове громада! далеби не брешу. Ось бачите що. Я думавъ, и дуже хотилось мини надрюковать ваши козацьки имена рядочкомъ гарненько; уже було й найшлось ихъ десятківъ зо два, чи зо три; слухаю—выходить розмова: одинъ каже треба, другій каже не треба, третій ничого не каже. Я думавъ: «що тутъ робить на свити?» взявъ та й процындривъ гарненько ти гроши, що треба було заплатить за аркушъ надрюкованого паперу, а до васъ и ну писать оцю цыдулу. Все-бъ то це ничого: чого не трапляецця на вику? все бувае, якъ на довгій ныви; та ось лыхо мини на безголовья. Есть ще и таки панычи, що соромились свою благородну фамилію (Кырпа—Гнучкошыенко-*въ*) и надрюковать въ мужицькій книзци. Далеби, правда!»

Т. Шевченко.

Не можемъ положительно утверждать, но помнится намъ, будто именно такое объясненіе въ свое время мы читали въ первомъ изданіи «Гайдамакъ». Не разрѣшитъ-ли этого вопроса нашъ извѣстный библіографъ С. И. Пономаревъ?—Теперь это объясненіе сообщено намъ на вырванномъ изъ какой-то записной книжки листочкѣ, писанномъ, очевидно, рукою П. А. Кулиша. Поэтъ не открываетъ прямо причины, почему не исполнено данное имъ обѣщаніе; но добродушно шутитъ съ своими подписчиками, подсмѣивается надъ самимъ собою и не упускаетъ случая посмѣяться надъ тѣми, которые старались закрыть простое свое происхожденіе прибавленіемъ къ выдающимъ ихъ фамиліямъ окончанія *въ*. Выраженіе: «въ мужицькій книзци» характерно для того времени, когда въ диковину были книги съ сюжетами изъ народнаго быта и не употреблялось самое слово «народный».

ПАМЯТНИКЪ ПРЕЖНИХЪ ОТНОШЕНІЙ ПАСОМЫХЪ КЪ СВОЕМУ АРХИПАСТЫРЮ.

(Жалоба, поданная кіевскому митрополиту крестьянами с. Свинофдъ на злоупотребленія державцы Ивана Быковскаго).

Встрѣтившійся намъ документъ, текстъ котораго приводимъ ниже, представляетъ весьма характеристическій образчикъ отношеній народа къ архипастырю въ XVII ст. Жалуясь на претерпѣваемыя обиды, крестьяне глубоко убѣждены въ томъ, что митрополитъ сочувственно отнесется къ ихъ нуждамъ и что ихъ точка зрѣнія совершенно для него понятна. Они высказываются съ полною дѣтскою откровенностью и убѣждены, что откровенность эта будетъ принята съ отеческою снисходительностью; они поручаютъ къ подачѣ свое прошеніе своимъ атаманамъ и просятъ митрополита, чтобы онъ вполнѣ вѣрилъ словеснымъ объясненіямъ посланныхъ, такъ какъ они «мужи старожитные, вѣры годные»;—крестьяне глубоко убѣждены, что такая аттестація вполнѣ достаточна для того, чтобы митрополитъ отнесся съ вниманіемъ къ ихъ уполномоченнымъ. Мы отмѣчаемъ эти бытовыя подробности, какъ черты свидѣтельствующія о той интимной, патріархальной, глубоко коренившейся въ жизни и далеко не формальной связи, которая соединяла представителей высшей церковной іерархіи съ народомъ въ южной Руси.

Документъ списанъ съ подлинника, который представляетъ полулистъ сѣрой бумаги, исписанный весьма четкимъ почеркомъ половины XVII столѣтія. Къ несчастію, въ документѣ не названо имя митрополита, ни помѣченъ годъ составленія прошенія. Можемъ только предполагать, что онъ относится къ 1678 году, на томъ основаніи, что онъ встрѣтился намъ въ связкѣ документовъ, помѣченныхъ этимъ годомъ. Если принять во вниманіе эту догадку, то можетъ быть окажется не слишкомъ рискованнымъ предположеніе, что «державца» свинофѣдскій было тоже лице, которое въ 1687—1699 упоминается въ различныхъ документахъ въ качествѣ кіевскаго войта, подъ именемъ Ивана Демидовича Быкова, Быковича или Быковскаго (смотря по обстоятельствамъ). Войтъ этотъ, очевидно знакомъ былъ съ бытомъ монастырскихъ имѣній, потому что въ 1687 указывалъ гетману Мазепѣ на возможность привлечь монастыр-

скихъ крестьянъ къ «городовой сторожѣ на башняхъ и отправованю онихъ послугъ городови належачихъ» и выхлопоталъ гетманскій универсалъ, согласный съ его заявленіемъ. Въ 1693 онъ, по просьбѣ игумена и ректора братскаго монастыря, описывалъ недвижимое имущество этого монастыря, а въ 1699 скончался въ кіево-печерскомъ монастырѣ, принявъ передъ смертью монашество [1]). Село Свиноѣды, жители котораго составили прилагаемое прошеніе, нынѣ деревня остерскаго уѣзда черниговской губерніи, уже въ началѣ XVII столѣтія принадлежало михайловскому выдубицкому монастырю [2]).

В. А.

Въ Бозе велебный а милостивый пане, отче митрополите, пане а пане нашъ милостивый.

Мы убогие подданные церкви Божое митрополии киевское, монастыра святого Михаила выдубицкого, также села свиноедского, всѣ сполне отъ мала и до велика ускаржаемося Вамъ, нашему милостивому пану, на пана Ивана Быковского, державцю отъ Вашей милости намъ даного, ижъ намъ, милостивый пане, надъ права и волности наши, отъ предковъ святыхъ и славныхъ памети, митрополитовъ бывшихъ и отъ Вашей милости самого даныхъ, великіе и незносные кривды, драпежства въ браню такъ готовыхъ грошей, яко тежъ въ браню невинныхъ куницъ, также насъ самыхъ, мужей вже въ лѣтехъ зошлыхъ, бьетъ, и нехрестянски мордуетъ; ово, милостивый пане, но зышлобы ся то не хрестиянинови, але карациновп чинить, што онъ надъ нами, убогими подданными вашой милости чинитъ. Згола, милостивый пане, волялъ бысь, ваша милость, турчинови насъ въ неволю продати, а нижъ ему насъ врядникови дати, снадней бысьмо отъ Вашей милости то терпѣти мели, а нижъ отъ него терпѣмо. На остатокъ, милостивый пане.. же и въ халупахъ своихъ предъ нимъ зъ жонами, зъ детками не можемъ въ покою пробыти: приходечи до халупъ нашихъ, а звлаща подпивши,

---

[1]) Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. V, стр. 213, Памятники изд. кіевск. археографич. коммисіею, томъ II, отд. I, стр. 300. Лѣтопись Величка, т. Ш, стр. 544.

[2]) Кіевлянинъ на 1841 годъ, стр. 21--22.

якожъ то часто у него есть, же трезвый никогды не живетъ, насъ самыхъ невинне бьетъ, за жонами и детми гонитъ, росказуючи себе циловати, до везеня насъ сажаючи, мордуетъ, детей—сыновъ нашихъ поневоли до послугъ своихъ примушаетъ, на сторожу незвыклую намъ всѣмъ, зъ пулчаками стеречи примушаетъ, сусѣда нашего Максима Панковича въ Свиноѣдахъ, приежчуючи, килка разъ киемъ немилостиве збилъ, змордовалъ при добрыхъ и зацныхъ людехъ: при пану Хмаре и при пану Масловскомъ, который есть и теперъ на смертелной постели и ни отъ чиихъ рукъ не зыдетъ, тылко отъ пана Быковского. Всѣхъ кривдъ: у браню пенезей, даней невинныхъ, куницъ, повышенье даней медовыхъ—реестръ по достатку списавши, всѣхъ кривдъ черезъ атамана нашего выдубицкого, старожитного мужа, а атамана свѣноедского—Окулу и Исаю, старожитнихъ мужей, которымъ рачъ Ваша милость милостивый панъ, вѣру во всемъ, яко мужемъ старожитнимъ, вѣры годнымъ додать, насъ зъ неволи и работы египетское отъ пана Быковского выслободити, а намъ, убогимъ подданнымъ своимъ, съ пана Быковского у невинныхъ грабежахъ, у браню незвыклыхъ даней, въ подвышеню куницъ, ведлугъ реестру, яко панъ хрестиянский, справедливость съ пана Быковского учинить, за что Вашу милость, нашого милостивого пана, Господь Богъ у пребываню живота дочасного и въ будущемъ вѣку благословить будетъ рачилъ.

ЗАГОВОРЫ НА ПРОСО И ПШЕНИЦУ.

Не смотря на совокупныя стремленія въ послѣдніе годы правительства, церкви и общества распространить въ народѣ просвѣщеніе, народъ во многомъ продолжаетъ жить прежнею своею жизнію, полною всякаго рода суевѣрій. Въ ряду ихъ заговоры пользуются полнымъ правомъ гражданства и живутъ, благодаря, кажется, своему практическому назначенію.

Заговоры проса и пшеницы, какъ на корню, такъ и въ зернѣ передъ посѣвомъ, до настоящаго времени общеупотребительны въ южной части переяславскаго уѣзда. Въ самомъ Переяславѣ живетъ мѣщанинъ Пиндюръ, который производитъ ихъ слѣдующимъ образомъ: рано утромъ беретъ онъ изъ колодца «непочату» воду,

сыплетъ туда съ таинственными нашептываньями какой-то порошокъ, напоминающій цвѣтомъ обыкновенную печную золу, и кропитъ на четырехъ углахъ нивки этой чудодѣйственной жидкостью. Насколько бываютъ дѣйствительны заговоры, это другое дѣло; но всѣ, чье просо или пшеница посѣяны около селъ, обращаются къ помощи заговорщика.

Вѣру въ заговоръ поддерживаютъ сами-же воробьи: облюбовавъ какую нибудь одну нивку, они громадными стаями собираются на ней и не слетаютъ съ нея, пока все зерно не будетъ выпито; а въ это время просо на сосѣднихъ нивахъ поспѣваетъ и скашивается.

Слава заговорщика у владѣльцевъ не пострадавшихъ упрочена; пострадавшіе-же нисписылаютъ кары небесныя на голову шарлатана, причемъ иногда не обходится и безъ потасовки. Разсказывали мнѣ слѣдующее: «У одного чоловика було просо посіяне. Посылае винъ по заговорщика, той заговоривъ. Тильки що почало просо наливатись, горобци якъ напали, дакъ тильки цурупье й покинули. Отъ той чоловикъ и проха людей: перекажить, каже, тому бисовому сыну, що у мене сей годъ таке просо уродило, якого я й не зазнаю; дакъ нехай прыйде,—я ему скилькись мирокъ дамъ. Той прыиздить. Пишли на ниву. Чоловикъ той узявъ заговорщика за чуба, дай повивъ по всій ныви показувать, що подіяли просу горобци».—А то вотъ другой разсказъ, показывающій, какую силу, по мнѣнію крестьянъ, имѣетъ заговоренное зерно. «Не стало у мене пшона, пишовъ я позычать. Позычивъ у одного чоловика. Стовкъ. Жинка наварила каши. Посидали обидать, тильки до каши, всн якъ заплачемо,—ймо кашу да плачемо. Диты собацн грудку кинули и у тій слёзы зъ очей такъ и закапотили. Що за бисъ? Пишовъ до того чоловика, той сміется. То я, каже, помилывся, давъ вамъ заговореного». Впрочемъ воробьи не пьютъ зерна и въ томъ случаѣ, когда знать, въ какое время его посѣять: если посѣять въ субботу, когда евреи молятся въ школѣ, то «горобци» пить зерна не будутъ; «бо тоди вони (горобци) тежъ збираются до купы, цвирынчать, ажъ плачуть, такъ имъ йсти хочеться, а не займуть, поки жиды зъ школы не выйдуть,—бо вони, бачите, однеси виры, шанують одни одныхъ. Вже зерна, котре посіяне о ту пору, що имъ йсти не може, не займуть».

Сообщ. **Н. И.**

УРА БЕЗЪ ДВУХЪ БУКВЪ.

(Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго).

Во время послѣдняго польскаго мятежа, польская шляхта, братаясь съ русскими хлопами, старалась всѣми силами внушить имъ ненависть и презрѣніе ко всему русскому. Насмѣшкѣ подвергалось и слышанное крестьянами отъ русскихъ войскъ «ура». Шляхта толковала мужикамъ, что слово это не полное, что въ немъ не достаетъ двухъ литеръ или буквъ: *д* въ началѣ и *к* въ концѣ. Вотъ вамъ москаль! самъ кричитъ о себѣ, что онъ дуракъ.

Извѣстно, что наши мужички по своему понимали всѣ шляхетскія наставленія и когда наконецъ повстанье началось, съумѣли какъ нельзя лучше расплатиться съ своими учителями. При этомъ и урокъ о русскомъ *ура* не остался безъ слѣда. Въ селѣ Соловьевкѣ, радомысльскаго уѣзда, которое, лежитъ на проѣзжей дорогѣ и въ которомъ не мало было грамотныхъ ребятишекъ и подростковъ, понимавшихъ всю соль этой насмѣшки, она направлена была противъ проѣзжавшихъ чрезъ село пановъ, но уже въ измѣненномъ видѣ: не *ура* безъ двухъ буквъ, но *ура* съ двумя буквами. Соберутся близъ дороги подростки и завидя пана, кричатъ ему на встрѣчу и въ слѣдъ: *ура зъ двома буквами!* Особенно этимъ забавлялись въ вокресенье и праздничные дни, когда возлѣ корчемъ гурьбою собирается крестьянская молодежь. Скоро истинный смыслъ такихъ возгласовъ сталъ извѣстемъ во всемъ околоткѣ и кто изъ проѣзжавшихъ чрезъ Соловьевку зналъ объ этомъ, тотъ при видѣ толпы мальчишекъ приказывалъ кучеру ѣхать шибче, чтобы скорѣе миновать насмѣшниковъ; но были и такіе, которые, услыхавъ ура! то проѣзжали въ недоумѣніи, то даже воображали, что такими возгласами оказывается имъ честь и благодарили толпу.

Случилось на ту пору проѣзжать чрезъ Соловьевку недавно умершему графу Владиславу Владиславовичу Браницкому. День былъ воскресный; невдалекѣ церкви, возлѣ каменной корчмы, стояла группа подростковъ. Завидя карету графа, она начала по обыкновенію горланить.

— Ура! зъ двома буквами! ура!...

Поровнявшись съ кричавшею толпою, графъ велѣлъ остановить лошадей и сталъ выходить изъ кареты. При видѣ важнаго пана

толпа притихла и даже испугалась. Слышались возгласы, произносимые въ полголоса.

— Ой, буде бида! Ну, якъ ще мировый.

Но графъ ласково поздоровался. Его интересовало не столько самое привѣтствіе, сколько полная его неожиданность. Онъ любилъ своихъ хлоповъ, любилъ иной разъ съ ними потолковать и даже одарить ихъ. Ничего не подозрѣвая въ возгласахъ молодежи и принимая ихъ за простодушное привѣтствіе себѣ, онъ ласково спросилъ.

— А что это *виватъ* мнѣ кричите?

— А такъ, просимо пана, отозвался кто-то изъ толпы. По своему, по руському, ура! кричимо.

— Дзенькуе, дзенькуе, отвѣчалъ графъ; но я слышалъ еще что-то, не одно *ура*.

— Ато бачите пане: *зъ двома буквами*, бойко отвѣтилъ одинъ подростокъ и показалъ рукой на дверцы графской кареты, на которыхъ красовались подъ короной двѣ золоченныя готическія литеры *H.* и *B.*

— А! такъ ты письменный? сказалъ графъ, ласково потрепавъ мальчика по щекѣ, и самъ объяснилъ, что эти двѣ буквы означаютъ *Hrabia Branicki* и что самъ онъ и есть *графъ Браницкій*. Молодежь смутилась; первый страхъ снова прошелъ на толпѣ, но она скоро успокоилась, завидѣвъ, что графъ достаетъ изъ кармана кошелекъ. Графъ еще разъ поблагодарилъ повеселѣвшую компанію и далъ каждому изъ привѣтствовавшихъ его по червонцу.

Обѣ стороны остались довольны. Но золото взяло свое и молодежь почувствовавъ червонцы въ рукахъ, почтительно подсадила графа въ карету и бѣжа за нею далеко въ поле, кричала графу уже по польски:

— Vivat, Hrabia Branicki! Vivat!...

Долго въ Соловьевкѣ помнили про забавный случай *уры съ двумя буквами*.

— Думали, буде лаять, або бить, звичайно, якъ посредникъ; ажъ то самъ Браницькій... и по червиньцю давъ, говорили очевидцы этого казуса, хвалясь предъ другими подаркомъ Браницкаго.

— Бачишь, якій свитлый? Оцежъ отъ самого свитлишого грапа гостинець... толковалъ одинъ хлопецъ другому, показывая червонецъ, полученный отъ графа Браницкаго...

Очевидецъ **Иванъ П. Савченко.**

БОЛЕСЛАВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МАРКЕВИЧЪ ВЪ РОЛИ СЕЛЬСКАГО ПЕДАГОГА.

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что недавно умершій нашъ романистъ, составившій себѣ извѣстность романами изъ большаго свѣта, служилъ одно время, правда, весьма недолгое, по министерству народнаго просвѣщенія въ званіи чиновника особыхъ порученій по народнымъ школамъ въ Царствѣ Польскомъ. Ни прежде, ни послѣ его должность эта не существовала и учреждена была собственно для него, по одному очень высокому ходатайству, съ жалованьемъ въ 4 тысячи рублей и на разъѣзды, сколько выѣздитъ. Назначенъ онъ былъ на эту должность въ концѣ 1867 или началѣ 1868 года и въ февралѣ этого послѣдняго прибылъ обозрѣвать свою далекую и совсѣмъ неизвѣстную епархію. Хотя въ офиціальномъ извѣщеніи о его прибытіи было сказано, что онъ имѣетъ обозрѣвать одни лишь начальныя училища, но Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ смотрѣлъ заурядъ и всѣ среднія учебныя заведенія. Уже въ мартѣ, по объѣздѣ нѣсколькихъ губерній, Болеславъ Михайловичъ достигъ того пункта въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ пишущему эти строки пришлось служить также по учебному вѣдомству. Въ Маркевичѣ нельзя было подмѣтить ничего ревизорскаго; все въ немъ было изящно просто, или изысканно изящно. Въ учебные часы онъ посѣщалъ уроки, слушалъ, спрашивалъ, иногда пускался въ объясненія по исторіи и литературѣ, говорилъ плавно, изящно, но казался для всѣхъ скорѣе пріятнымъ собесѣдникомъ, нежели ревизоромъ. Въ образцовой школѣ, бывшей при педагогическихъ курсахъ, онъ уже не говорилъ, а только слушалъ и приходилъ въ неописанный восторгъ отъ входившаго тогда въ моду нагляднаго обученія или предметныхъ бесѣдъ, въ существѣ бывшихъ пустою болтовнею или толченіемъ воды въ ступѣ. Учитель дѣйствительно мастерски велъ эту нѣмецкую игру если не съ обезьяной, то съ кошкой, и очарованный ревизоръ то и дѣло носилъ фунтами конфекты ученикамъ-оборвышамъ, которые рады были куску хлѣба. По вечерамъ Болеславъ Михайловичъ въ свою очередь восхищалъ насъ своими мастерскими разсказами, заимствованными не изъ нашихъ сферъ. Разсказчикъ онъ былъ удивительный, передавалъ массу забавныхъ и всякихъ иныхъ случаевъ,

зналъ огромное количество стиховъ и декламировалъ ихъ безподобно. Когда истощался разговоръ и переваливало далеко за полночь, онъ напѣвалъ камаринскую и также весьма успѣшно. По всему видно было, что онъ не тянулъ служебной лямки, не заразился начальственными пріемами, виталъ въ иныхъ сферахъ, словомъ: предъ нами былъ не ревизоръ, а камергеръ, или просто Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ.

Дошла очередь до его спеціальности—сельскихъ школъ, и мы отправились въ ближайшія деревушки.

Первая, лежавшая по пути, школа была открыта не болѣе полутора мѣсяца назадъ. Школы росли тогда, какъ грибы, открывались, какъ только получалось согласіе общества, находилось какое нибудь помѣщеніе и являлся хоть подержанный или совсѣмъ неѣзженный учитель. Устройство, обзаведеніе школъ, подготовка учителей, самое снабженіе учебными принадлежностями и пособіями велись постепенно. Въ мѣстности такъ называемой уніатской, гдѣ все пожиралось ненасытнымъ латинствомъ и польщизной, надо было спѣшить,—ставить русскую школу, какъ вѣху при желѣзнодорожныхъ изысканіяхъ. Препятствія были на каждомъ шагу, русская книжка, русскій языкъ служили пугаломъ. Въ школѣ, лежавшей предъ нами, нечего было ни слушать, ни смотрѣть. Я предупреждалъ объ этомъ своего спутника, но онъ пожелалъ и ее осмотрѣть.

Пріѣзжаемъ въ деревню. Съ трудомъ пробрались къ школѣ по кочкамъ замерзшаго классическаго болота. Вся деревня была разбросана на топкомъ торфяникѣ, пресѣкаемомъ то просачивающеюся лужайками и озерцами, то текущею извилистыми ручейками водою. Школа стояла на маленькомъ пригоркѣ; передъ нею точно днѣпровскія плавни въ миньятюрѣ. Мы вошли въ сѣни; кормившаяся тутъ изъ лохани свинья стремительно шмыгнула между нами и чуть не сшибла съ ногъ столичнаго гостя. Я отворилъ дверь въ классъ; высокій стройный камергеръ долженъ былъ согнуться, чтобы просунуться сквозь узкую и низкую дверь. Классною комнатою и вмѣстѣ квартирою учителя была простая крестьянская халупа съ варистою печью направо отъ входа. Полъ былъ земляной; обмазанныя зимой стѣны не столько просохли, сколько промерзли. По двумъ стѣнамъ тянулись въ два ряда некрашенныя скамьи, сходясь подъ прямымъ угломъ. Въ углу висѣла икона,

между оконъ портретъ Государя, а противъ него на неровномъ земляномъ полу не твердо стояла водруженная на треножникѣ классная доска. Болеславъ Михайловичъ привѣтливо раскланялся съ учителемъ и дѣтьми, которыхъ было на лицѣ не свыше 20. Сидѣть не представлялось удобства, и мы все время стояли предъ дѣтьми. По разспросамъ оказалось, что азбука уже пройдена и дѣти безъ особаго затрудненія читали отдѣльныя слова. Прежній урокъ раньше былъ спрошенъ, ученики читали *надальше*, и учитель не приступалъ еще къ выслушиванію и объясненію читаемаго, будучи занятъ съ младшею группою практическимъ уясненіемъ перваго десятка чиселъ. Прослушавъ нѣсколько утомительное пересчитываніе пальцевъ, картофелинъ и бобовъ и воображаемое съѣденіе яблокъ, грушъ и сливъ, Болеславъ Михайловичъ полюбопытствовалъ послушать чтеніе. Спрошенный ученикъ монотонно читалъ двусложныя слова, отбивая на послѣднемъ слогѣ и подъ часъ спотыкаясь и какъ-бы перегрызая слово.

— А понимаешь-ли ты, что читаешь? спросилъ его ревизоръ.

Хлопецъ въ отцовскомъ кожухѣ вскинулъ на него глазами и произнесъ: *га?*

— Понимаешь-ли, говорю, мой милый, что читаешь? послѣдовалъ опять вопросъ.

— А исти! былъ отвѣтъ.

Маркевичъ глядѣлъ въ недоумѣніи. Я пояснилъ ему, что это польское простонародное слово, вошедшее въ мѣстное малорусское нарѣчіе, и означаетъ утвержденіе, въ родѣ: *а какъ-же.*

— Ну, такъ что-же ты читаешь? обратился опять къ мальчику Маркевичъ.

— Руську ксёнжку, равнодушно произнесъ ученикъ и провелъ пальцемъ у себя подъ носомъ.

— Да, но что ты тутъ въ этой книжкѣ читаешь?

Ученикъ замигалъ глазами. Было очевидно, что онъ не понималъ, чего хочется этому забредшему въ школу пану. Маркевичъ и самъ понялъ это и перемѣнилъ пріемъ. Онъ заставилъ ученика читать тѣже слова, и когда тотъ прочелъ: *островъ*, вдругъ спросилъ его:

— А знаешь-ли, что такое островъ?

Ученикъ молчалъ. Маркевичъ повторилъ тотъ-же вопросъ, обращаясь ко всѣмъ дѣтямъ. Молчали всѣ. Онъ пожалъ плечами и принялся самъ объяснять.

— Какъ? не знаете, что такое островъ?—Островъ...

Но вдругъ изъ угла раздался смѣлый голосъ одного мальчика: «я знаю».

— Ну, ну! скажи, что такое островъ?—спросилъ обрадованный Маркевичъ.

— То щось таке гостре, послѣдовалъ отвѣтъ.

Маркевичъ, повидимому, вовсе не понялъ, какъ мальчикъ додумался до такого отвѣта, и принялся объяснять.

— Островъ, дѣти, это часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою. Когда земля окружена со всѣхъ сторонъ водою, то это называется островомъ. Островомъ называется, когда вокругъ вода, а въ серединѣ земля. Острова можно видѣть на моряхъ, океанахъ и на большихъ рѣкахъ. Часть суши, выдавшаяся изъ воды—это и будетъ островъ.

Ученики слушали внимательно, но хлопали почему-то глазами. Маркевичъ окинулъ ихъ однимъ взглядомъ и спросилъ, поняли-ли они сказанное. Отвѣта не послѣдовало. Онъ принялся чертить на доскѣ и повторять на всѣ лады прежнее объясненіе.

— Ну, вотъ видите, дѣти, говорилъ онъ, окончивъ чертежъ. Вотъ это вода, а это земля. Вода вокругъ, земля въ серединѣ. Теперь поняли, что такое островъ?

— Пинялисьмо, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо. Скажите-же, что такое островъ?

— Сокира, послышался голосъ изъ угла.

Маркевичъ сконфузился, съ досадою пожалъ плечами и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на меня. Я не счелъ удобнымъ объяснять ему причину его неудачи, а учитель въ оправданіе свое сказалъ, что читаемыхъ теперь словъ еще не объяснялъ, будучи занятъ другою работою.

Перешли къ другимъ, немногимъ предметамъ. Дѣти разсказывали страшно ломанымъ языкомъ о сотвореніи міра и перваго человѣка, рѣшили на словахъ нѣсколько простыхъ ариѳметическихъ задачъ, показали свое слабое искусство въ письмѣ. Спрашивать

больше было не о чемъ. Собираясь выходить совсѣмъ изъ школы, Маркевичъ обратился къ ученикамъ съ такимъ еще вопросомъ:

— А знаете-ли, дѣти, кто у насъ Государь Императоръ?

Дѣти хлопали глазами.

— Какъ, дѣти, вы не знаете, кто у насъ Государь Императоръ? спросилъ онъ вновь и принялся уяснять самый вопросъ.

— Государь Императоръ—это нашъ отецъ, это самый большій, самый старшій между нами. Онъ всѣми управляетъ, всѣмъ приказываетъ, его всѣ слушаютъ, словомъ: онъ *первый* между нами человѣкъ. А знаете, какъ звать его?

— Первый человѣкъ, отвѣчалъ одинъ изъ учениковъ.

— Ну, да, первый человѣкъ; но какъ его имя и отчество?

Дѣти не отвѣчали, Маркевичъ вмѣсто отвѣта указалъ на висѣвшій надъ ихъ головами портретъ Государя и предложилъ прочесть подпись надъ нимъ. Ученики прочли не безъ труда подпись, хотя на лицахъ совсѣмъ не видно было, чтобы и послѣ этого они понимали, о комъ и о чемъ рѣчь. Маркевичъ продолжалъ:

— Такъ вотъ видите, дѣти, нашъ Государь Императоръ называется Александръ II Николаевичъ. Замѣтьте, называется и проч.— А скажите, кто знаетъ, какъ называется его жена?

— Я знаю, съ увѣренностію сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Ну, ну, скажи: какъ?

— Ева, послѣдовалъ рѣшительный и твердый отвѣтъ.

Импровизированнаго педагога, восхищавшаго своими разсказами и чтеніями великосвѣтскіе салоны, но совершенно незнакомаго съ мозольною работою сельскаго учителя, съ степенью развитія крестьянскихъ дѣтей, съ процессомъ ихъ мышленія, образомъ пониманія, такой неожиданный отвѣтъ совершенно обезкуражилъ. На минуту онъ умолкъ, потомъ кое-какъ докончилъ объясненіе и видимо огорченный, сухо попрощавшись съ дѣтьми и учителемъ, вышелъ изъ школы.

— Однако удивительно, какъ мало развиты ученики въ этой школѣ, говорилъ онъ мнѣ, когда мы совсѣмъ выѣхали изъ деревни.— Видно учитель мало имъ объясняетъ. А кажется, не глупъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ возможны подобные отвѣты.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, отвѣчалъ я ему. Дѣтская мысль, при всей своей подвижности, очень упруга и строго послѣ-

довательна. Отвѣчавшій вамъ мальчикъ по своему правъ. Вы спрашиваете, что такое островъ; такого предмета онъ не видалъ и не слыхалъ, въ его польско-малорусскомъ нарѣчіи этого слова нѣтъ, онъ припоминаетъ близкое, сходное и отвѣчаетъ вамъ: *это нѣчто остров.* Вы начинаете объясненіе, но мысль мальчика занята даннымъ отвѣтомъ, онъ подыскиваетъ къ своему опредѣленію реальный предметъ, вашего объясненія не слушаетъ, да и не понимаетъ, и когда вы ставите вновь вопросъ: что такое островъ, отвѣчаетъ вамъ: *сокира.* Еще натуральнѣе второй отвѣтъ: дѣти только что отвѣчали о первомъ человѣкѣ, въ вашемъ объясненіи слышатъ также: первый человѣкъ, и на вопросъ объ имени его жены отвѣчаютъ: *Ева.*

— Но вѣдь я говорилъ о Государѣ Императорѣ? Кажется, ясно.

— Ясно для васъ, но не для этихъ дѣтей природы, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ. Такихъ словъ они здѣсь не слыхали, слышали, можетъ быть, и то не всѣ: найяснѣйшій панъ, цесарь, царь, но до уясненія самаго понятія имъ еще очень далеко. Сумма знаній, представленій, наростающая у насъ вмѣстѣ съ мясомъ и жиромъ, добывается здѣсь тяжелымъ, усидчивымъ трудомъ. Надо войти въ эту сферу, изучить до тонкостей степень и способъ ея пониманія, условія ея жизни, ея обстановку, ея рѣчь, чтобъ быть понятнымъ ей, да и то многое до поры до времени будетъ привито лишь искусственно, принято на вѣру. Самыя простыя вещи надо здѣсь разжевывать много-много разъ, пояснять на десять ладовъ, терпѣливо слѣдить за развитіемъ мысли и рѣчи дитяти, самую рѣчь прививать постепенно и ждать результатовъ не часами и днями, а мѣсяцами и годами.

— Правда, правда, замѣтилъ Болеславъ Михайловичъ; по сегодняшнему опыту я вижу, какъ долженъ быть тяжелъ трудъ здѣшняго учителя. На все нужна наука, все требуетъ навыка, опыта, сноровки, приспособленія.

Въ этотъ и слѣдующій день мы осмотрѣли нѣсколько другихъ школъ, видѣли лучшія помѣщенія, слышали гораздо лучшіе отвѣты; но случайнаго педагога-обозрѣвателя мало интересовалъ мозольный трудъ учителя и медленный успѣхъ сельской школы, его тянуло въ среднія учебныя заведенія, въ сферу городскую, сколько-нибудь подходящую къ той, къ которой онъ привыкъ. Другихъ школъ, кромѣ городскихъ, мы не видали; но и такихъ оригинальныхъ и

поучительныхъ отвѣтовъ, какіе дала первая сельская школа, не слыхали.

Скоро мы разстались съ умершимъ нынѣ романистомъ, скоро и онъ оставилъ несродное ему поприще и не появлялся болѣе для обозрѣнія народныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ.

Б. Д—ръ.

ПѢСНЯ О СЕРБѢ.

Въ ряду немногочисленныхъ фактовъ исторіи Новороссіи не прошла незамѣченною въ южно-русской поэзіи сербская колонизація степей въ прошломъ столѣтіи. Предлагаемъ читателямъ пѣсню о сербѣ, записанную для насъ въ с. Алексѣевкѣ елисаветградскаго уѣзда. Она проникнута тѣмъ снисходительно-юмористическимъ духомъ, который очень характеристиченъ для отношеній между малорусскимъ населеніемъ степей и сербами-пришельцами. Сербъ изображается черноусымъ франтомъ, красивымъ кавалеристомъ, предметомъ слабости прекраснаго пола; у него нѣтъ ни хаты, ни собственности, ни любви къ земледѣльческому труду; живетъ онъ весело, сладко ѣстъ, пьяно пьетъ, но остается чуждымъ и землѣ и народу. Такова замѣчательно интересная характеристика серба въ южно-русской народной пѣснѣ.

Ой сербине чорноусый,
Чого въ тебе кафтанъ куцый?
— Суки дивки пидпоили
И кафтанъ пидкроили.
Сербинъ милый, чорнобривый,
Сербинъ не богатый —
За нымъ дивки стадомъ ходять,
Якъ товаръ рогатый.
За сербиномъ добре жити,
Що ничого не робити,
Горилочку та медъ пити,
Хорошенько походити.
У сербина вечеря:
Що-дня курка печена,
Вареннчки въ масли,
Черевички красни.

Ой сербине, сербиночку,
Годи сербувати:
Бери серпъ, та йди въ степъ
Пшениченьку жати!
Сербинъ того не злюбивъ,
Тилько усомъ закрутивъ,
Пишовъ, коня осидлавъ,
«Прощай, дивчино», сказавъ.
У сербина чужа хата,
Бо й самъ сербинъ, якъ гармата,
Худибоньки тильки въ ёго
Серпъ, та плахотка картата,
Чомъ сербина не любить,
Чи не подобонька?
Якъ сивъ на коня,
То й вся худобонька.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

Поправка. Въ статьѣ: Софія-премудрость Божія, стран. 561, строк. 21 и 22 напечатано: Это не женское, *но и не* мужеское лице; надо читать: Это не женское, *а* мужеское лице.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ X томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Б.

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

В.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

№ 10 (1884 г.)

ИЗВѢСТІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Содержаніе: I. *Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.* II. *Славянское Обозрѣніе.* 1) Западники и славянофилы въ ихъ отношеніяхъ къ малорусской народности, профессора *О. Ѳ. Миллера.* 2) Нѣсколько дней во Львовѣ и его окрестностяхъ, *И. П. К—ича.* 3) Забытый уголокъ русской земли— Буковина, *А. Л. Петрова.* 4) Обѣдъ, данный членами Славянскаго Благотворительнаго Общества въ честь галицкихъ гостей, о. I. Г. Наумовича и В. М. Площанскаго. 5) Въ области славянской музыки. Ст. II. *Д. П. Никольскаго.* 6) По поводу посѣщенія Бѣлграда румынскимъ королемъ *(корреспонденція изъ Бѣлграда).* 7) Дмитрій Матичъ, сербскій патріотъ (некрологъ), *И. П.* III. Славянскія библіографическія извѣстія. 1) Къ болгарской этнографической литературѣ, *П. А. Сырку.* 2) О культѣ Яна Непомука въ Чехіи, *Ю. С. Анненкова.* 3) Путешествіе въ страну словаковъ Р. Покорнаго, *рец. П. А. К.* IV. Объявленія.

Подписка на *«Извѣстія»* принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества, площадь Александринскаго театра, 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ *два рубля,* съ доставкой и пересылкой.

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала **«Колосья»** (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ.**

Иллюстрированный журналъ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА."

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны** и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній **Императрицы Маріи**, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу **для Семейнаго чтенія**, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**— *рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

и 3) кромѣ того, въ 1885 году всѣмъ подписчикамъ будетъ дано **шесть безплатныхъ премій:** *Двѣ картины:* а) Большая *олеографія* и *акварель*, старательно и художественно исполненныя; б) *Второй томъ живописной Россіи*; в) и г) *Исторія завоеванія Мехики*, соч. В. Прескотта (2 большихъ тома) и д) *Третій томъ сочиненій* С. С. Окрейца.

Направленіе журнала „ЛУЧЪ" остается тоже самое.

Покорнѣйше просимъ нашихъ подписчиковъ вѣрить, что все возможное для улучшенія изданія будетъ сдѣлано нами. Что обѣщаемъ—непремѣнно выполнимъ.
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Николаевская ул., д. № 41.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

1885 ГОДЪ. „ЭХО", ГОДЪ 1885

большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побываютъ въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта,

на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и разсказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ",

1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

» 4 »	5 » — » 6 » — »	» 10 »	11 » — » 13 » — »
» 5 »	6 » 30 » 7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 » 13 » 50 »
» 6 »	7 » — » 8 » — »	» 12 »	12 » — » 14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюля), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ"

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) 1885

Выходитъ **еженедѣльно**, т. е. 52 нумера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; *(въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).*

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ", въ которыхъ въ теченія года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльныя Литературныя Приложенія»* составятъ *нѣсколько томовъ* самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Міра» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный рукодѣльно-модный журналъ. Въ теченія года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, бальные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя

тости русской литературы. А. И. Кирпичникова. *(Съ портретами).* Воспоминанія о селѣ Спасскомъ и его обитателяхъ. В. Н. Колонтаевой.—С. П. Шешковскій. Біографическій очеркъ. А. Н. Корсакова.—Отрывки изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке.—Суды старые и новые. В. С. Кроткова.—Поѣздка въ Переяславль. Н. И Костомарова.—Одинъ изъ трехъ праведниковъ. Н. С. Лѣскова. *(Съ портретомъ).*—Изъ воспоминаній о прошломъ. А. А. Малышева.—Отрывки изъ воспоминаній А. П. Милюкова.—Разсказы объ архимандритѣ Фотіѣ. И. Г. Мизерецкаго.—Авантюристы. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева.—Семейство Скавронскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. В. О. Михневича.—Средне-Колымскъ и его округъ. А. В. Оксенова. *(Съ иллюстраціями).*—Эпоха каруселей и маскерадовъ въ Россіи. М. И. Пыляева.—Сумасшедшій художникъ. К. К. Случевскаго *(Съ иллюстраціями).*—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. Путевыя записки (профес.) Н. В. Сорокина *(Съ иллюстраціями).*—Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. А. В. Старчевскаго.—Педагогическія задачи Пирогова. В. Я. Стоюнина.—Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. М. И. Сухомлинова.—Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ. З. А. Сытиной. *(Съ портретомъ).*—Проконсулъ Кавказа. Ѳ. М. Уманца. *(Съ портретами).*—Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи Ѳ. Н. Устрялова.—Среди скитницъ.—Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ П. С. Усова. *(Съ иллюстраціями).*—Арматоръ прошлаго вѣка. Его же.—Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. К. Н. Фаврикодорова.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—С. Н. Шубинскаго. *(Съ иллюстраціями).*—Алтай и его инородческое царство Н. М. Ядринцева. *(съ иллюстраціями).*

Для приложеній къ **„Историческому Вѣстнику“** 1885 года редакція пріобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія.

1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; **Уильяма Гильдера,** корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». *(Съ 40 иллюстраціями).* Переводъ съ англійскаго В. Н. Майнова.

2) **Мои темницы;** воспоминанія **Сильвіо Пеллико да-Салуцци.** *(Съ 18 иллюстраціями).* Новый переводъ съ итальянскаго подлинника А. Н. Дьяконова.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Беггрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ изданными въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія **10** руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемѣсячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощн. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Багинскій.* Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Бони. Физіологія* (110 лист). *Генохъ.* Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Зелигмюлеръ.* Нервныя болѣзни (23 листа); *Мальгенъ. Оперативная хирургія* (34 лист.). *Нимейеръ.* Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо.* Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ.* Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фричъ.* Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ.* Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ.* Діагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ.* Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ.* Хирургія (105 лист.). *Ришэ.* Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюрингъ.* Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ.* Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакціею проф.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелигмюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординари. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году,** газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ — по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4 — 5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія.* Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й — драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

Большой еженедѣльный, художественно-литературный журналъ

„РОССІЯ".

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ **увеличенномъ** объемѣ—$2^1/_2$ печатныхъ листа, съ **четырьмя** отдѣльными большими **оригинальными** рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній **въ 1885 году будутъ напечатаны**: 1) Неизданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Саліаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. Н. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Крылова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть. *И. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипицына*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ, Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Л. И. Пальминъ, В С. Баскинъ. В. В. Чуйко, М. М. Ивановъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впослѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти Н. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россія (для собиранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академія фотографъ Тиннеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Быковскаго, В. М. Васнецова, С. Н. Иванова, Н. Н. Каразина, К. В. Лемохъ, К. Е., Н. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, В. Д. Полѣнова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получатъ **роскошную премію акварель** (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, спеціально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Невревымъ: **«СЦЕНА У ФОНТАНА»** (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К°.

Подписная цѣна **7** р. на мѣстѣ и **8** р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даціаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье. Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбецова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. **Разсрочка годовой подписной суммы можетъ быть допущена на слѣдающихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Іюля.**

Редакторъ-издатель **О. М. Уманецъ.**

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный

семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 нумеровъ въ годъ. **50**.

Въ 1885 году **«Радуга»** дастъ своимъ читателямъ рядъ **романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни**, съ участіемъ **выдающихся** современныхъ русскихъ писателей. **ИЛЛЮСТРАЦІИ** извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **СЦЕНА.** Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и **для любительскихъ спектаклей**. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Водe-

лается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногороднимъ .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ**—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ **Варшавѣ**—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ**—въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ**—въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковскаго.

„Церковный Вѣстникъ"

и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ",

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ—достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ официальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть официальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офиціальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ въ случаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городѣ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**